Российское Философское Общество

Восьмой Российский Философский Конгресс

«Философия в полицентричном мире»

Сборник научных статей

Главный редактор - *академик РАН Смирнов Андрей Вадимович*
Научный редактор - *доктор философских науки Антоновский А.Ю.*

Редсовет:
Смирнов А.В. (ИФ РАН); Гусейнов А.А. (ИФ РАН); Лекторский В.А. (ИФ РАН); Миронов В.В. (МГУ)

Антоновский А.Ю. (ИФ РАН); Бельский В.Ю. (Ун-т МВД); Бернюкевич Т.В. (МГСУ); Вархотов А.Ю. (МГУ); Диев В.С. (НГУ); Докучаев И.И. (РГГУ им. А.И. Герцена); Дудник С.И. (СПбГУ); Кирабаев Н.С. (РУДН); Козырев Т.А. (МГУ); Колотуша В.В.; Марков Б.В. (СПбГУ); Покровская Т.П. (МГУ); Пружинин Б.И. (ИФ РАН); Резник Ю.М. (ИФ РАН); Синеокая Ю.В. (ИФ РАН); Чубаров И.М. (ТюмГУ); Шевченко В.Н. (ИФ РАН).

Редколлегия:
Вострикова Е.В. (к.филос.н), Гавриленко С.М., (к.филос.н.) Тухватулина Л.А., (к.филос.н.), Куслий П.С. (с.н.с., к.филос.н.), Соколова Т.Д. (к.филос.н.), Погожина Н.Н. (к.филос.н.), Цуркан Е.Г. (к.филос.н.),
Ответственный секретарь Новожилов М.А.

Оргкомитет Конгресса:
Председатель Оргкомитета:
Садовничий В.А. — Академик РАН, ректор МГУ имени М.В. Ломоносова
Сопредседатели Оргкомитета:
Смирнов А.В. — Академик РАН, директор Института философии РАН, Президент Российского философского общества (далее – РФО)
Миронов В.В. — Член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, вице-президент РФО

Заместители сопредседателей Оргкомитета:
Резник Ю.М. — Главный научный сотрудник ИФ РАН, профессор, вице-президент РФО
Козырев А.П. — Доцент, заместитель декана философского факультета МГУ
Антоновский А.Ю. — Ведущий научный сотрудник ИФ РАН, профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Вархотов Т.А. — Доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова
Ученый секретарь Огкомитета:
Королев А.Д. — Старший научный сотрудник ИФ РАН, главный ученый секретарь РФО

Программный комитет Конгресса:
Председатель Программного комитета:
Гусейнов А.А. — Академик РАН, научный руководитель Института философии РАН
Сопредседатели Программного комитета:
Лекторский В.А. — Академик РАН, главный научный сотрудник ИФ РАН,;
Кирабаев Н.С. — Профессор, проректор по научной работе Российского Университета Дружбы Народов
Заместители сопредседателей Программного комитета:
Диев В.С. — Профессор, директор Институт философии и права Новосибирского государственного университета;
Дудник С.И. — Профессор, директор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;
Рабош В.А. — Профессор, проректор РПГУ имени А.И. Герцена,
Синеокая Ю.В. — член-корреспондент РАН
Щелкунов М.Д. — Профессор, директор Института социально-философских наук и массовых коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета

Российское Философское Общество

Восьмой Российский Философский Конгресс - «Философия в полицентричном мире» -

Круглые столы

(Сборник научных статей)

Российское философское общество - Институт философии РАН - МГУ им. М.В. Ломоносова

Издательство «Логос»
Москва 2021

Восьмой Российский Философский Конгресс - «Философия в полицентричном мире».
Круглые столы. Сборник научных статей
М.: РФО - ИФРАН - МГУ.
Издательство “Логос”,ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2020. – 1250 стр.

Аннотация:

Сборник включает научные статьи, представленные на Восьмой Российский Философский Конгресс, организованный Российским Философским Обществом при участии философского факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова и Института философии Российской академии наук.

Историческая миссия философа связана со способностью к универсальному обобщающему высказыванию. Эта компетенция, придающая философии статус универсального медиатора, способного говорить на одном языке в равной мере с экспертами и с неспециалистами, обязывает философское сообщество к выполнению особой просвещенческой и мировоззренческой миссии.

Со времен эпохи Просвещения, возведшей знание и образование в ранг вечных общечеловеческих ценностей и, одновременно отождествившей их с конкретным цивилизационным проектом, европейской наукой и европейской системой образования, мир сильно изменился. Мы живем в эпоху растущей культурной сложности, выражающейся в утрате Европейским культурным проектом безоговорочного лидерства и фрагментации всех социальных полей, включая и традиционное для философа поле интеллектуальной культуры. Мир становится сложнее, утрачивая простоту и однозначность эпистемических критериев и ценностных ориентиров, но обогащаясь новыми центрами и растущим многообразием дискурсивных практик.

В условиях полицентричного мира возможность универсального обобщающего высказывания, на первый взгляд, оказывается под вопросом. Однако фрагментированное социальное пространство и растущее многообразие дискурсивных практик не снимают вопрос о поиске универсалий, а лишь повышают его значимость. В условиях полицентричного мира философия должна стать универсальным медиатором, способным строить мосты и способствовать трансферу знаний и ценностей между различными центрами и связанными с ними культурами.

Печатается по решению Президиума Российского Философского Общества
Все материалы прошли рецензирование и отбор

УДК 82 ISBN 978-5-6045241-5-2 (серия ‘congressus’.04)
ББК 84

© Оформление, серия ‘congressus’ – издательство “Логос” (Москва), проект letterra.org .

Круглые столы:

- «Кантовский проект трансцендентальной философии» - 7
- «Философия Мартина Хайдеггера как вызов современной академической философии» - 41
- «В поисках формулы античности: *к 100-летию со дня рождения Ф.Х. Кессиди*» - 77
  Круглый стол «Философия в славянских странах»
  Круглый стол «Современное понимание философии истории (памяти А.П. Огурцова)»
- «Деятельностная парадигма в социальной философии (*памяти В.П. Фофанова*)» - 133
- «Философия и власть» - 179
- «Человек в обществе риска» - 185
- «Молодежь: онтология социального времени» - 225
- «Философские проблемы развития города» - 271
- «Глобальные проблемы цивилизации: комплексный подход (*посвящается первому президенту РФО академику И.Т.Фролову*)» - 339
- «Начало евразийства. К столетию работы Н.С. Трубецкого “Европа и человечество”» - 447
- «Крым в российском цивилизационном пространстве» - 459
- «Антропологические дискурсы в XXI веке» - 499
- «Персонализм – традиции и современность (*памяти С.М. Половинкина и А.В. Соболева*)» - 555
  Круглый стол «Философские проблемы современного языкознания»
- «Дискурсы в познании и социальных практиках» - 587
- «Невербальные репрезентации в практиках знания» - 623
- «От аналога к цифре: социальные трансформации в эпоху новых медиа» - 633
- «Религия в XXI в.: модусы традиционности и векторы трансформации» - 661
- «Научный реализм в современной философии науки» - 719
- «Критическое мышление и аргументация» - 759
- «Био- и экофилософия и культура» - 803
- «Философия экономической науки после мирового финансового кризиса» - 897
- «Эстетические проблемы современных перформативных практик»` - 923
- «Философия в отечественном инженерном образовании» - 941
- «Философские проблемы виртуалистики (*памяти С.В. Полатайко*)» - 995
- «Визуальная семиотика VS семиотики визуального» - 1007
- «Философия границы» - 1085
- «Философия любви» - 1105
- «“Живая Этика” в пространстве философии и науки» - 1131
- «Философия и музей: теория и практика» - 1185

[*Содержание* - 1207-1249.]

*РФК-2020_301_*

Круглый стол «Кантовский проект трансцендентальной философии»

Ре-трансцендентализация современной философии: кантовская «идея трансцендентальной философии»

Катречко Сергей Леонидович

Государственный Академический Университет Гуманитарных Наук (ГАУГН), доцент. Кандидат философских наук

skatrechko@gmail.com

В настоящее время существуют несколько интерпретаций кантовской философии. Вместе с тем продолжают развиваться различные пост-кантианские модусы трансцендентальной философии. Какие из этих интерпретаций и модусов выражают «дух» кантовского трансцендентализма? Для экспликации идеи трансцендентальной философии Канта я выделяю два — методологический и метафизический — трансцендентальных сдвига, которые и предопределяют специфику кантовского трансцендентализма. Методологический трансцендентальный сдвиг, который постулируется Кантом в его дефиниции трансцендентальной философии [1, B25] и представляет собой сдвиг от изучения предметов к исследованию априорных условий нашего познания. Этот сдвиг задает достаточно широкий спектр a la кантианских концепций и предопределяет «ре–трансцендентализацию» современной философии. Метафизический трансцендентальный сдвиг, который соотносится с кантовским «коперниканским переворотом», связан с концептуальным расщеплением исходного предмета на вещь–саму–по–себе и предмет опыта (resp. явление), что предполагает переход от изучения вещи–спс к явлению. Более точно, этот сдвиг выражается в трансцендентальной триаде «предмет (вещь–сама–по–себе) — явление — представление», в которой явление опосредует отношение объективного предмета и субъективного представления.

Ключевые слова: трансцендентальная философия, ре-трансцендентализация, трансцендентальный сдвиг/поворот, дескриптивная метафизика.

The Re–Transcendentalising of Modern Philosophy: Kant's "Idea of Transcendental Philosophy".

Katrechko Sergey L.

Faculty of Philosophy, State Academic University of the Humanities (SAUH)

At the present time, there are several interpretations and modes of Kant's transcendental philosophy (TP). Which of these interpretations and modes of transcendentalism most adequately express the spirit of TP, i.e. can claim the title of the transcendental ones? For the explication of the 'idea of transcendental philosophy' [KrV, A1], here I distinguish two transcendental shifts: methodological and metaphysical ones, which in their totality predetermine the essence and set the specificity of Kant's transcendental idealism. The methodological transcendental shift that Kant postulates in his definitions of TP in the Critique of Pure Reason [KrV, A11; B25] represents a shift from studying of objects to the analysis and justification of our mode of cognition of objects. This shift sets a fairly wide range of a la Kantian a priori doctrines and predetermines the transcendental turn (*Re*–Transcendentalising) of modern philosophy. The metaphysical transcendental shift that can be correlated with "the altered method of our way of thinking [in metaphysics]" [KrV, BXVIII], is associated with the splitting of the "thing" into the actual object (or Kantian thing-in-itself) and object of experience (or Kantian appearance), and involves a transition from the study of thing-in-itself to the analysis of the appearance. More precisely, this shift finds its expression in the transcendental triad "object (thing-in-itself; Ding an sich) – appearance (Erscheinung) – representation (Vorstellung)", which determines the 'idea' (essence) of transcendental idealism/ metaphysics.

Keywords: Transcendental philosophy (transcendentalism) of Kant, Re–Transcendentalising, transcendental shift, theory of "two objects" and "two aspects".

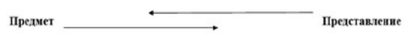
[i] В своей книге «Kant›s Critique of Pure Reason: the Foundation of Modern Philosophy» [2], которая начинается с цитирования максимы А. Шопенгауэра о том, что кантовская Критика является величайшей книгой по философии из когда-либо написанных в Европе, О. Хёффе говорит о ре–трансцендентализации (*Re*–Transcendentalising) современной философии, к которой относится прагматизм Пирса, феноменологию Гуссерля, трактат «Бытие и время» Хайдеггера, «Логико-философский трактат» Витгенштейна, концепцию раннего Рассела и Поппера, аналитические философские концепции Селларса, Стросона, а также Куайна, Дэвидсона, Патнэма и др. Сходным образом Т. Рокмор в своей книге «In Kant's Wake» [3] рассматривает трансцендентализм Канта как предтечу и основание таких философских течений XX в.: американский прагматизм (Рорти), марксизм, «континентальная» философия (прежде всего, феноменология) и англосаксонская аналитическая философия (Рассел, Мур, Куайн, Патнэм, Дэвидсон), а также томизм и неокантианство. Это говорит о том, что Кант не просто развил свою оригинальную философскую концепцию трансцендентального идеализма, но «стоит у истоков нового способа [дискурса] философствования» [4, с.87], а, соответственно, развитый им трансцендентализм выступает парадигмой для широкого класса философских концепций, нацеленных на описание нашего способа познания мира, ее концептуальной сетки, посредством и с помощью которой мы и осуществляем познание мира.

Целью нашего докладе является экспликация «главной идеи трансцендентальной философии» [1, A1[ii]][iii], т.е. выявление основных черт кантовского критического проекта (реформы) метафизики как «измененного метода мышления» [1, BXVIII], задача которого состоит «в попытке изменить прежний способ исследований в метафизике [и] совершить в ней полную революцию» [1, BXXII], которую Кант именует также «коперниканским переворотом» [1, BXXII прим.].

Во-первых, Кант как мыслитель Нового времени разделяет его общую установку, которая характеризуется эпистемологическим поворотом. Если античная метафизика исследует первые принципы («причины») сущего (см. определение «первой философии» в кн.1 «Метафизики» Аристотеля), то Кант, вслед за А.Г. Баумгартеном (1714–1762) и И.Н. Тетенсом (1736–1807), под метафизикой понимает «науку о первых принципах человеческого знания» [1, B871], развивая, тем самым, эпистемологический модус метафизики.

Примечательным здесь выступает знаменитое кантовское письмо к Г. Герцу от 21.02.1771, в котором Кант впервые излагает замысел своей Критики. В нем Кант определяет главную задачу свое метафизики как разрешение следующей семантической проблемы соответствия:

«Продумывая теоретическую часть [своей философии]… я заметил, что мне не хватает еще кое-чего существенного, что… я упустил из виду и что в действительности составляет ключ ко всей тайне метафизики… Я поставил перед собой вопрос: на чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас (*in uns Vorstellung*), *к предмету* (*Gegenstand*)?» [5, с.487; выделение курсивом мое. — К.С.].



Второй важной новацией Канта выступает постулируемый им в дефиниции трансцендентальной философии [1, B25] трансцендентальный сдвиг от изучения данных в опыте предметов к исследованию априорных [трансцендентальных] условий возможности познания предметов [iv]:

«Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся вообще не столько предметами, сколько способом нашего познания предметов, поскольку это познание [этот способ познания] должно быть возможным a priori. Система таких понятий называлась бы трансцендентальной философией» [1,

i Поддержано грантом РФФИ № 19–011–00925

ii Здесь и далее ссылки на Критику [1] будем давать в общепринятой международной пагинации.

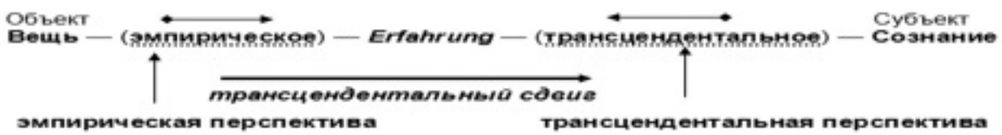
iii Следует обратить внимание на то, что кантовская Критика есть лишь архитектонический план и «полная идея трансцендентальной философии, но еще не сама эта наука» [1, B27–28].

iv 'Методологическое" понятие трансцендентального сдвига для характеристики трансцендентализма Канта [отсутствующие у самого Канта] я ввожу в своей статье [6]. В докладе я также более подробно остановлюсь на еще одном кантовском сдвиге — метафизическом, который соотносится с кантовским «коперниканским переворотом», связан с концептуальным расщеплением исходного предмета на вещь–саму–по–себе и предмет опыта (resp. явление), что предполагает переход от изучения вещи–спс к явлению. Этот сдвиг можно выразить посредством следующей трансцендентальной триаде «предмет (вещь–сама–по–себе) — явление — представление», в которой явление опосредует отношение объективного предмета и субъективного представления.

B25; вставка (редакция перевода) моя. — К.С.][i].

Так понимаемый трансцендентальный сдвиг выражает суть не только кантовской концепции, но общего трансцендентального поворота в [современной] философии[ii] от натурализма как изучения предметов к трансцендентальному исследованию необходимых условий возможности их познания. Этим полагается новая стратегия — трансцендентальная перспектива, которую Кант именует «измененным [трансцендентальным] методом мышления» [B XVIII–XIX прим.] и в соответствии с которой «если мы спрашиваем о возможности познания a priori, то исходим не из предмета, а из [трансцендентальных] условий, которые делают его объектом [возможного] познания» [7, s.4; вставки мои. — К.С.].

Если взять классическую для философии Нового времени (Декарт, Локк, etc.) двухчленную схему познания «С(убъект) — О(бъект)», то Кант вводит в нее третий член — результат взаимодействия субъекта и объекта в ходе познания — опытное знание, или опыт (*Erfahrung*), который будет располагаться в средней части данной эпистемологической шкалы. Тогда трансцендентальный сдвиг, или переход к трансцендентальной перспективе, можно представить так:

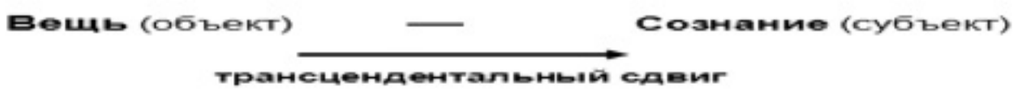


Решающим для понимания кантовского концепта трансцендентального является его сопоставление с эмпирическим. Если эмпирическая перспектива полагает знание результатом аффицирования нашей [пассивной] чувственности эмпирическими предметами, то трансцендентальная перспектива анализирует человеческое (по–)знание, его возможность в свете наличия в нем априорных структур, связанных с активностью нашего ума. При этом трансцендентализм не отменяет эмпирического вектора познания, а «встраивает» его в свой рефлексивный мета–анализ познания. Соответственно, Кант характеризует свою концепцию как синтез эмпирического реализма и трансцендентального идеализма [1, A370; 371].

Причем в ходе своего трансцендентального сдвига Кант изменяет не только интенцию, но и тип вопрошания: от эмпирического что–вопроса «что познается?» (интенция на предмет познания) он переходит к трансцендентальному как–вопросу «как [каким образом] происходит познание и что гарантирует объективность познания?» (интенция на способ познания):

Вместе с тем кантовский трансцендентальный сдвиг остается не–до–определенным **в отношении расположения** трансцендентальной области на введенной эпистемологической шкале и, соответственно, можно выделить три возможных типа прочтения трансцендентализма Канта[iii]:

1. Сдвиг максимально вправо, в область субъективного. Это феноменалистская трактовка, при которой кантовские явления отождествляются с ментальными представления сознания. При этом трансцендентализм Канта сближается с феноменализмом Беркли (ср. с традиционной интерпретацией Канта, которая получила название теории «двух объектов»).



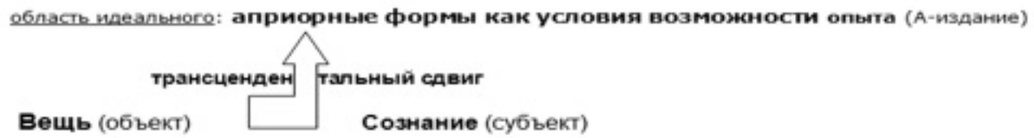
2. Сдвиг вправо и вверх, в область идеального. Это ноуменальная трактовка, постулирующая интеллигибельный мир [«положительных»] ноуменов. Она основана на дефиниции ТФ из 1–го изд.

i Обратим внимание на то, что дефиниция 1-го изд. Критики несколько отлична: см. [1, A11-12].

ii См. серию международных трансцендентальных семинаров со сходным названием: https://gaugn.ru/ru-ru/faculties/philosophy/seminar2020.

iii Первые две из которых: феноменализм и ноуменализм, — являются неправильными (см. Г. Берд [8]).

Критики, которая сближает трансцендентализм Канта с онтологией Вольфа, а получает свое развитие в последующем немецком классическом идеализме (Фихте, Шеллинг, Гегель). Кант связывает подобные концепции с трансцендентальным реализмом.



3. Сдвиг в среднюю между объектом и субъектом интер–субъективную [трансцендентальную] область. Она предопределяет реалистическую трактовку трансцендентализма, постулируя наличие лишь одного мира (ей соответствует современная (или «революционная» (Берд)) интерпретация Канта, получившая название теории «двух аспектов»)[i].

В рамках данной трактовки трансцендентального сдвига можно выделить два возможных модуса [пост–кантианской] трансцендентальной философии. Во-первых, это широкий класс *a la* кантианских априористских концепций, трактующих априорные условия опыта более умеренно, или натуралистически, чем их понимание в качестве платоновских идей (априорное-2) или декартовских «врожденных идей» (априорное-1). Первым и наиболее развитым вариантом подобной трактовки выступает неокантианство, которое понимает априорное культурологически (как набор онтологических допущений о мире (У. Куайн), «символические пространство» Э. Кассирера; концепция «трех миров» К. Поппера), или лингвистически («лингвистическое априори» Ч. Пирса, Л. Витгенштейна, К.–О. Апеля; концепция «языковых каркасов» Р. Карнапа, «идея концептуальной схемы» Д. Дэвидсона др.), или исторически (теория парадигм Т.Куна; теория эпистем («историческое априори») М. Фуко). Априорное–3 относятся к средней, между объективным и субъективным, трансцендентальной области, которую можно соотнести с царством смысла Г. Фреге или третьим миром К. Поппера.

Во-вторых, это так называемые эпистемо-методологические трактовки кантовской Критики. Одной из разработанной трансцендентальных концепций этого типа является неокантианство (прежде всего, Марбургской школы), которая рассматривает кантовский трансцендентализм, прежде всего, как «учение о методе» [BXXII], или методологию [физико-математического] познания. В определенном отношении к этому модусу можно отнести и феноменологию Гуссерля как развитие феноменологического метода (эпохе), предметом которой выступает исследование [интенциональных] структур сознания/познания. В этом случае трансцендентализм Канта понимается, скорее, как трансцендентальный метод, а не метафизическая система). Наиболее последовательными сторонниками подобной «методологической» (эпистемологической) трактовки трансцендентализма Канта в настоящее время выступают Г. Берд [8] и, особенно, Г. Эллисон [10]. При этом статус трансцендентальных условий остается онтологически нейтральным: они понимаются не как идеальные (феноменальные или ноуменальные) сущности, а как методологические принципы, или как инструменты познания.

Здесь хотелось бы обратить внимание также на важную особенность кантовского трансцендентализма, состоящую в том, что Кант не просто выделяет среднюю область априорного–3, но и обосновывает возможность применения априорного в опытном познании. Поэтому следует

i Современные реалистические трактовки трансцендентализма представлены, например, в работах Р.Хорстманна, А.Коллинза, Р.Абелы, К.Вестфаля, Л.Эллайс (см. [9]) и др.

учитывать смысловое различие между трансцендентальным и априорным, **поскольку хотя оба они и противостоят эмпирическому, но в разных отношениях. Весьма примечательным в этом смысле является изменение в определении ТФ: во 2-м изд. Критики ее предметом выступают не априорные понятия** (1-е изд.), а априорный **способ познания**, точнее — возможность априорного [способа] по знания. В этой связи обратим внимание на важное концептуальное различие в понимании трансцендентального и априорного из определяющего ТФ фр. [1, A56/B80–1], где Кант говорит о том, что к трансцендентальному «следует [отнести] не всякое априорное знание», а лишь знание о его (1) возможности и (2) применении в опыте. И хотя под возможностью априорного Кант понимает, в том числе, и способы его образования, или эпигенезиса [1: B91, B118–9, B127–8, B167] ('субъективная дедукция' [A XVII]), однако главный смысл кантовского трансцендентализма связан с обоснованием «объективной значимости» [B122] априорного в опыте: посредством трансцендентального истолкования на уровне чувственности ([B40 и далее]) и трансцендентальной дедукции на уровне рассудка ([B116 и далее]).

При этом кантовский трансцендентализм как изучение априорного способа познания следует понимать (в отличие от непосредственных предшественников Канта) не субъективно–психологически как анализ наших познавательных способностей (И. Ламберт) или решение проблемы (эпи)генезиса априорных представлений (И. Тетенс), а когнитивно–семантически как обоснование объективности априорного, возможности его применения в опыте, т.е. как решение «метафизической» (семантической) проблемы соответствия из письма к Г. Герцу.

Таким образом, кантовский проект трансцендентальной философии представляет собой, прежде всего, *критику* предшествующей догматической метафизики, которая некритически полагала наш *опыт* восприятия мира за действительно существующий *мир* сам по себе. Но наш опыт восприятия (созерцания) мира, который выступает единством объективного (собственно мира) и субъективного (человека), самим миром не является, он лишь ре-презентирует мир, каким он нам является, т.е. представляет собой лишь *явление* (appearance) мира. Поэтому *метафизика опыта*, получившая свое решающее развитие в трансцендентализме Канта, позиционирует себя в качестве *дескриптивной метафизики*, которая «довольствуется описанием [не мира самого по себе, а концептуальной] структуры нашего мышления о мире… [и стремится] раскрыть [ее] наиболее общие черты [подобной] концептуальной структуры» [11, с.10], или, как пишет Кант, в этой метафизике «гордое имя онтологии [заменяется] скромным именем простой аналитики чистого рассудка» [1, B304].

Литература:

1. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках. М.: Наука, 1994 – 2006. Т. 2. Ч. 1 (2-е (B) изд.); Т. 2. Ч. 2 (1-е (A) изд.).
2. Höffe O. Kant's Critique of Pure Reason: the Foundation of Modern Philosophy. Dordrecht: Springer, 2010.
3. Rockmore T. In Kant's Wake: Philosophy in the Twentieth Century. London: Wiley Blackwell, 2006 (см. также: Rockmore T. Kant and Idealism. New Haven: Yale University Press, 2007).
4. Фуко М. Порядок дискурса //Его же. Воля к истине. М.:Касталь, 1996.
5. Кант И. Избранные письма // Кант И. Соч. в 8-ми тт. Т.8. М.: Чоро, 1994. С. 463–590.
6. Катречко С.Л. Трансцендентализм Канта как трансцендентальная парадигма философствования //Кантовский сборник, 2014, №2 (48) с.10 – 25; http://journals.kantiana.ru/kant_collection/1775/5059/).
7. Gideon A. Der Begriff Transscendental in Kant's Kritik der reinen Vernunft, Marburgh, 1903.
8. Bird G. Bird G. *The Revolutionary Kant: A Commentary on the Critique of Pure Reason*, Chicago and La Salle: Open Court, 2006. (см. также более раннюю работу: Bird G. Kant's Theory of Knowledge: An Outline of One Central Argument in the Critique of Pure Reason. London: Routledge & Kegan Paul, 1962).
9. Allais L., Manifest Reality: Kant's Idealism and his Realism, Oxford University Press Uk, 2015.
10. Allison H. Kant's Transcendental Idealism: An Interpretation and Defense. New Haven and London: Yale University Press, Revised and Enlarged Edition, 2004.
11. Стросон П.Ф. Индивиды. Очерк дескриптивной метафизики. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2009.
12. Allison H. Transcendental Idealism: A Defense. New Haven and London: Yale University Press, 1983.

Влияние кантовского трансцендентализма на объектно-ориентированную онтологию Грэма Хармана

Воробьева Александра Андреевна

Государственный Академический Университет Гуманитарных наук

aleksanda.vorobeva@bk.ru

Центральным направлением, изучаемым в данной статье, является объектноориентированная онтология, как выделяющаяся по своим фундаментальным положениям из течения спекулятивного реализма. Рассматриваются особенности подхода Хармана к кантовскому «коперниканскому перевороту» и борьбе с корреляционизмом, как важнейшим принципом философии Канта. Также описывается общая структура объекта Грэма Хармана и важнейшие принципы взаимодействия между его элементами. В связи с проблематикой кантовского трансцендентализма рассматриваются особенности трактовки Хармана кантовской «вещи-самой-по-себе» и роль данного концепта в структуре четвероякого объекта. Анализируются сходства с различными трансцендентальными понятиями, такими как «чувственное многообразие и «трансцендентальный предмет». На основе схемы «предмет (вещь-сама-по-себе) – явление-представление» обнаруживаются сходства в теориях познания и взаимодействия воспринимающего и внешнего мира.

Ключевые слова: вещь в себе, вещь-сама-по-себе, Кант, Грэм Харман, Объектно-ориентированная онтология, спекулятивный реализм, трансцендентализм

The influence of Kant transcendentalism on Graham Harman's object-oriented ontology.

Vorobeva Alexandra A.

State Academic University of Humanities

The Central direction studied in this article is object-oriented ontology, as distinguished by its fundamental provisions from the current of speculative realism. We consider the features of Harman's approach to Kant's "Copernican revolution" and the fight against correlationism as the most important principle of Kant's philosophy. It also describes the General structure of the Graham Harman object and the most important principles of interaction between its elements. In connection with the problems of Kant's transcendentalism, the author considers the features of Harman's interpretation of Kant's "thing-in-itself" and the role of this concept in the structure of a four-sided object. Here we Analyze similarities with various transcendental concepts, such as "sensory diversity and "transcendental object". On the basis of the "object (thing-in-itself) phenomenon - representation" scheme, similarities are found in the theories of cognition and the interaction of the perceiving and external world.

Keywords: thing-in-itself, Kant, Graham Harman, Object-oriented ontology, speculative realism, transcendentalism

Кантовский «коперниканский переворот» оказал огромное влияние на ход философской мысли последующих эпох, не смотря на многообразие и различность трактовок. Сейчас в двадцать первом веке мы так же наблюдаем огромный интерес к поднимаемой Кантом проблематике.

Ключевым аспектом кантовского трансцендентализма является понятие «вещи-самой-посебе» и ее отличие от явлений. Происходит преобразование стандартной схемы «субъектобъект» в «предмет (вещь-сама-по-себе) - явление-представление» [1, с.73] . Теперь предметом исследования становится не вещь-сама-по-себе, а лишь ее явление в опыте, которое играет роль посредника между трансцендентными предметами и имманентными представлениями [1, с.73]. При этом важно помнить, что само явление не есть ментальная сущность, но существует объективно, хотя эта объективность иного характера по сравнению с объективностью «вещи-самой-по-себе». Определение последней проблематично в силу отсутствия четкой характеристики у самого Канта, что порождает множественность трактовок.

Ниже будет рассмотрена одна из них.

Понятие «вещь-сама-по-себе» занимает ключевую роль в объектно-ориентированной онтологии(ООО) Грэма Хармана, он является представителем спекулятивного реализма наравне с Квентином Мейясу, Рэем Брассье и Гамильтоном Грантом. Встреча этих четырех философов, произошедшая в 2006 году, положила начало борьбе с «корреляционизмом», позиции предполагающей разрыв в отношениях человека с миром. Главным врагом была признана идея, «согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [2, с.11]. Сам Мейясу охарактеризовал аргумент корреляционизма таким образом: «не существует X без данности самого X, и не существует теории об X без полагания X» [3, с.136]. То есть спекулятивный реализм поставил целью борьбу с кантовским «коперниканским переворотом».

Однако ООО значительно отличается отношением к этой проблеме. Если Квентин Мейясу, главный идеолог спекулятивного реализма, пытается радикализировать кантовский тезис и тем самым показать его несостоятельность, то Харман вместо того, чтобы бороться с корреляционизмом, распространяет его на отношения между всеми объектами. Для него главный враг не «вещь-сама-по-себе», а привилегированное положение человека, который на самом деле вступает со столом в отношения, ничем не отличные от отношений стола со стулом. [3, с.137]. Ни для Рэя Брассье, ни для Гамильтона Гранта не существует « вещисомой-по-себе», они стремятся показать прямой доступ к реальности, в то время как Харман настаивает на «обходном пути». [3, с.137]. Именно рассмотрение четвероякого объекта объектно-ориентированной онтологии представляет интерес в контексте влияния кантовского трансцендентализма.

Положение объекта в социальной теории как полностью детерминированного социальными факторами совершенно неприемлемо в философии Хармана, в этом он солидарен с

Б.Латуром: далеко не всегда сами вещи соглашаются с их пассивной ролью, они вообще о ней не имеют представления, им не известно, что они обязаны подчиняться неким жестко детерминирующим структурам. Объект, подчеркивает Латур, от слова сопротивляться (to object) [4, с.351]. Поэтому для Хармана важно сохранить объект независимым от его соотнесенности с человеческим восприятием и каким-либо восприятием вообще, объект всегда остается скрытым и являет нам себя лишь отчасти.

В общем структуру четвероякого объекта можно описать как: чувственные качества, чувственный объект, реальный объект и реальные качества. Эти элементы входя во взаимодействия дополняют друг друга и формируют реальность для воспринимающего.

Первая составляющая объекта - чувственные качества. Это то, что мы обнаруживаем непосредственно в опыте: множество черт объекта вроде цвета, формы и любых других и вторичных, и первичных качеств, деление на которые совершенно не принципиально в харматовской системе [5]. Эта первичная ступень восприятия по своей сути сходна с кантовским «чувственным многообразием», которое не представляет еще единство в виде предмета, однако, необходимо как «(пред)данное восприятие» последнего [1,с.77].

Чувственный объект как единство для воспринимающего всегда дан целиком и без остатка в нашем опыте, но в отличие от чувственных качеств он не разрозненный «шумовой фон» , а то, чем для нас объект на самом деле является. Его формирование происходит, с одной стороны, благодаря синтезу первично воспринятых чувственных качеств, о котором говорит Кант [1,с.77], однако, с другой стороны, по словам Хармана, одного синтеза не достаточно. Чувственный объект - это ни в коем случае не «пучок качеств», ведь объект обладает эмерджентными свойствами, а, значит, качества не могут охарактеризовать его в полной мере. «Мы достигаем объекта не путем последовательного сложения его возможных явлений для нас, а путем их вычитания. »[3,с.34] Поэтому чувственный объект, чтобы сохранять свою идентичность при всех ситуативных ракурсах, должен содержать в себе эйдетические качества, что возможно благодаря союзу с полюсом реальных качеств. Здесь уместно сравнение с кантовским концептом «трансцендентального предмета», который представляет схваченный в единстве объект, или же с «вещью вообще» как «субстратом чувственности»; данные два понятия иногда отождествляются Кантом [1,с.78-79]. Но при этом важно помнить подчеркиваемую Харманом связь чувственного объекта с эйдетическими качествами, которые позволяют воспринимать объект как некое единство, обладающее «чтойностью». Поэтому более приемлемым аналогом харматовского чувственного объекта будет трансцендентальный объект как целостность, состоящая из субстрата чувственности и ноумена в смысле понятийной определенности.

Однако, несмотря на разницу между потоком качеств и единым чувственным объектом, последний не представляет никакой потаенности, он полностью и избыточно дан в опыте. В этом его коренное отличие от реального объекта. Постулирование последнего принципиально важно для Хармана как способ манифестации реальности вне человеческого сознания и вне чьего-либо сознания вообще. Вместо попытки доказать познаваемую и доступную сознанию действительность он делает каждую вещь закрытой для любой такой же вещи. Как я не могу знать, чем является стол, исключенный из моего восприятия, так и стол не может столкнуться с моим действительным существованием. Поэтому реальный объект - это всегда недоступная нам, как и любому восприятию, реальность, которая изымается из всякого опыта, не важно чей это опыт: человека, стола или сети магазинов. Реальный объект - это кантовская «вещь-сама-по-себе», однако не в ноуменальном смысле; это трансцендентная для восприятия действительность, которая вводится постулативно и дает вещам право на собственную жизнь вне человеческих смыслообразующих рамок, которые заставляют вещи быть тем, чем воспринимает их сознание.

В данном контексте важно понимание соотношения воспринимающего сознания с чувственным и реальным объектами. Называя каждую целостность объектом, Харман наделяет этим статусом и интенции сознания, в общем виде которую можно выразить как связь чувственного объекта и воспринимающего его объекта реального. Однако этот новый объект-интенция продукт не чувственного и реального объектов, но двух реальных, один из которых входит в отношения только через своего посредника. «Две сущности влияют одна на другую только при встрече внутри чего-то третьего».[5] Только такая «замещающая» связь и возможна между объектами. Каждый раз, воспринимая что-либо, «я» становится частью нового объекта, сформированного в результате взаимодействия реального «я» с реальным объектом. Данное взаимодействие становится возможным благодаря двум факторам. Во-первых, это происходит за счет посредничества чувственного объекта, который оказывается не частью сознания, но «равноправным партнером»[3,с.115]. Вовторых, образуется поле для контакта в виде интенции как реального объекта. Вышесказанное демонстрирует не полную замкнутость харматовской «вещи-самой-посебе», как и у Канта, и возможность ее опосредованного воздействия на восприятие.

Таким образом, трансцендентализм Канта оказал огромное влияние на формирование фундаментальных принципов онтологии Грэма Хармана. Мы не можем говорить о полном сходстве структур объекта, однако такой концепт как «вещь-сама-по-себе» стал ключевым в объектно-ориентированной философии, а понятия «чувственное многообразие» и «трансцендентальный предмет» хоть и не упоминаются Харманом, но имеют концептуальное сходство с элементами его четверичной схемы.

Литература:

1. Катречко С.Л. Специфика кантовского трансцендентализма и концепт «вещь-самапо-себе» //Кантовский сборник.2017. Т.36, №4.С.68-87
2. К.Мейясу После конечности: эссе о необходимости контингентности /пер.Л.Медведевой// Кабинетный ученый Екатеринбург-Москва 2017
3. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера /пер. с англ.А.Морозов и О.Мышкин.-Пермь: Гиле Пресс,2015.»
4. Латур Б. «Когда вещи дают отпор» //Социология вещей. Сборник / Под ред. В. Вахштайна. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С.342-364
5. Харман Г. О замещающей причинности/ перевод с англ. А.Маркова//НЛО. 2012. №2

Кант о методах философии и математики в 1764 и 1781 году: незамеченная эволюция[i]

Евстигнеев Максим Дмитриевич

НИУ ВШЭ, Москва; стажер-исследователь НУЛ Трансцендентальной философии, ФГН НИУ ВШЭ, Москва. Студент

racdonny@gmail.com

Многие кантоведы прослеживают преемственность кантовских взглядов на методы философии и математики от эссе на премию академии наук (“Исследование отчётливости принципов естественной теологии и морали”) к “Критике чистого разума”. Действительно, в эссе, ровно как и в “Критике”, Кант утверждает, что метод математики является синтетическим и что она создает свои понятия, в то время как философия способна лишь истолковывать уже данные и заимствованные из речи. Тем самым, метафизические претензии на расширение познания как в эссе, так и в “Критике” Кантом не удовлетворяются. В своем докладе я планирую показать, что несмотря на эти сходства, кантовская позиция по обозначенному вопросу претерпела некоторые существенные изменения: 1) в “Критике” Кант подводит иное, чем в эссе, обоснование того, почему только математика является дисциплиной, способной давать реальные дефиниции и 2) философии в “Критике” отводится не только “феноменологическая достоверность”, которой Кант наделяет ее в эссе, но и новые объяснительные мощности, которых у нее в эссе не было.

Ключевые слова: Кант, философия математики, математический метод, математические понятия

Kant on the Methods of Philosophy and Mathematics in 1764 and 1781: an unnoticed Evolution.

Evstigneev Maxim D.

HSE, Moscow

Some Kant-scholars argue that there is a continuation between Kant’s views of method of philosophy and mathematics between Prize Essay and Critique of Pure Reason. Kant argues that method of mathematics is the synthetical one and that mathematics creates concepts, while philosophy is capable only of explanation of the given ones (in the former as well as in the later). In this way, Kant does not grant metaphysical pretensions to extend cognition beyond the limits of experience in Prize Essay and in the Critique. In the talk, I will argue that despite all these general similarities, there are some essential differences between accounts of Prize Essay and Critique: 1) Kant provides a new grounds for the claim that mathematics is the only discipline that is capable of real definitions in the Critique; and 2)Kant gives philosophy not only a “phenomenological certainty” (as in the Prize Essay), but a new explanatory force in the Critique.

Keywords: Kant, philosophy of mathematics, mathematical method, mathematical concepts

Один из ключевых вопросов, на которые Кант систематически отвечает на разных этапах своего творчества – это вопрос о методе философии и его отличии от методов естественных наук и математики. Этот вопрос играл и ключевую роль в дискуссиях в немецкой философии XVIII в.: и в 1762 году Берлинская академия наук объявила конкурс, посвященный вопросу об отношении методов философии и математики, на который Кант написал эссе известное как “Исследование отчётливости принципов естественной теологии и морали” или призовое эссе (далее – РЕ)[ii]. Там Кант излагает свои взгляд на отношение метода философии и математики, которые потом, кажется, воспроизводятся в Учении о методе в КЧР. Сходство между этими двумя описаниями метода в 1764 и 1781 году привело некоторых исследователей к тому, чтобы утверждать, что кантовская позиция не изменилась. Так, например, Я. Хинтикка, интерпретируя кантовскую философию математики, указывает, что концепцию математики в РЕ можно рассматривать, как логически предшествующую тому, что Кант пишет о математике в Эстетике и Аналитике . Это позволяет ему показать, что ограниченная по мощности логика, которой пользуется Кант, вынудила последнего апеллировать к трансцендентальной идеальности пространства и времени. Далее, Хинтикка заключает, что трансцендентальный идеализм перестает быть необходимым в том случае, если снабдить Канта более совершенным логическим аппаратом[i] . Я, однако, полагаю, что выводы Хинтикки (как и других интерпретаторов, отождествляющих вопрос о методе в КЧР и РЕ) поспешны[ii], поскольку в двух существенных аспектах кантовская позиция в КЧР отличается от РЕ: 1) в 1781 Кант приводит иное обоснование того, почему математика – это единственная дисциплина, могущая давать реальные дефиниции; и 2) в КЧР философии отводится иная роль, нежели чем в РЕ.

1) В РЕ Кант проводит различие между методами философии и математики на основании того, как эти дисциплины относятся к дефинициям. Понятие, которое математика определяет, посредством дефиниции создается и сама дефиниция является синтетической (II, 276) . Философия же, наоборот, дает определение данным понятиям (II, 277) , она определяет только словоупотребление (Redegebrauch) (II, 283) . Схожим образом Кант рассматривает вышеупомянутое различие и в КЧР. Он пишет, что философия объясняет свои понятия, в то время как математика их создает (A730/B758). Создает же математика понятия посредством конструкции в созерцании, и, тем самым, рассматривает их in concreto, а не in abstracto, как философия (II, 278) . Это приводит к тому, что метод философии и достоверность ее имеет отличную природу от метода и достоверности в математике (II, 290) . Математика начинается с дефиниций и содержит очень мало недоказуемых положений (II, 165) (A731-3/B760-2) и, вместе с тем, не допускает ошибок в своих определениях, в отличие от тех, что дает философия (A731/B760).

Кажется, что позиция Канта не претерпела существенных изменений, однако в КЧР Кант приводит модернизированное обоснование математического метода. В РЕ Кант указывает, что математика просто создает свои понятия, поэтому у нее нет затруднений в том, чтобы объяснить полноту своих дефиниций и их отношения к объекту. Кроме того, как Кант указывает: “объект математики легок и прост, объект философии, напротив, труден и сложен” (II, 168) . Предмет математики – это величины (Größe): поскольку она создает свои определения самостоятельно, а также рассматривает общее in concreto, то для концепции, изложенной в РЕ, не возникает сложностей в том, чтобы объяснить достоверность математических операций. Условием приложения арбитрарных дефиниций к опыту является просто то, что предмет математики – величины – количество, а не качество.

М. Мендельсон в своем эссе на ту же самую тему (опубликованном вместе с кантовским и взявшим первую премию) указывает, что утверждение, согласно которому можно провести границу между качественными и количественными свойствами и определениями, ложно, так как, строго говоря, количество и качество являются обоюдно необходимыми и различаются лишь в абстракции . Такой подход к решению проблемы ставит под вопрос кантовское жесткое разделение предметов философии и математики. В РЕ Кант исходит из того, что предмет философии и математики принципиально различен, без того, что позже – в КЧР – он назовет критикой.

В КЧР Кант указывает, что специфика предмета математики не просто заключается в том, что это величины, а скорее в том, что последние фундируются чистым созерцанием пространства и времени. Кант указывает, что есть некоторые не-концептуальные основание того, что фигура, состоящая из двух прямых линий, невозможна (A211/B268). Не-концептуальное основание и есть чистое созерцание пространства и времени. Кроме того, то, что они являются формами всякого возможного явления, гарантирует объективную значимость математики как дисциплины.

2) Теперь объяснение того, что философия не может использовать метод математики, покоится на том, что у философии нет специфического созерцания, в котором она могла бы осуществлять конструкцию своих понятий. Однако, КЧР добавляет новые возможности к чисто аналитической функции философии в РЕ. Несмотря на то, что Кант также как и в РЕ не допускает возможности реальных дефиниций в КЧР, он, однако, формулирует задачу трансцендентальной дедукции категорий двояким образом: с одной стороны, она должна продемонстрировать объективную значимость категорий, с другой, показать как возможна сама способность мышления (AXVI-XVII). Сама постановка послед-

i Данное исследование поддержано грантом РФФИ (проект № 19-011-00925)

ii Работы Канта цитируются по *Kant’s gesammelte Schriften* с указанием тома и страницы, напр. (I, 15). В случае наличия русских переводов цитаты берутся оттуда. “Критики чистого разума” (далее – КЧР) цитируется по пагинациям с буквенным обозначением A для первого и B для второго издания, перевод берется из

i К схожему выводу, но на других основаниях, приходит и М. Фридман, указывая, что апелляции к созерцанию вызваны ограниченной *монадической* логикой, которой Кант пользуется .

ii Позицию Хинтикки критиковали различными способами, например Э. Карсон показывает, что Хинтикка (ровно как и Фридман) недооценивает значение вопроса об объективной значимости математики , см. также . Мой аргумент выстроен по схожей модели.

ней задачи демонстрирует, что Кант приписывает философии не только дескриптивную и аналитическую функцию, но и объяснительную. В докладе я детально разберу и разовью вышеобозначенные сюжеты.

Парадоксальность трансцендентализма

Мёдова Анастасия Анатольевна

Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва, профессор, доктор философских наук

amedova@list.ru

Трансцендентализм представлен множеством версий – от платонических теорий и схоластической scientia transcendens до феноменологии и трансцендентальной лингвистической философии. При этом ракурсы, в которых может разворачиваться трансцендентальная установка, так же различны: гносеологический, логический, когнитивный, этический, онтологический. Автор ставит целью рефлексию трансцендентализма посредством выделения его атрибутивной черты – парадоксальности. Парадоксальность трансцендентальной установки проявляется в аспектах генезиса трансцендентальных предпосылок опыта, их онтологического статуса и причин их релевантности предметам познания. Парадоксальность трансцендентализма порождается также направленностью на изучение промежуточной между объектом познания и ментальным представлением зоны. Эта пограничная зона, так называемая зона явления или опыта, не является ни объективной, ни субъективной. Тем не менее, в ее рамках обеспечивается корреляция сознания как носителя исходных оснований возможности опыта с одной стороны и объективной данности, внеположной трансцендентальным основаниям своей доступности сознанию, с другой.

Ключевые слова: онтология познания, трансцендентальный сдвиг, условия возможности опыта, явление, время, эмпирический закон эпистемологии.

The Paradoxicality of the Transcendentalism.

Medova Anastasiya A.

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

A large number of philosophical directions from platonic theories and scholastic “scientia transcendens” to phenomenology and the transcendental philosophy of language present its versions of the transcendentalism. Aspects of an explication of the transcendental approach are different as well as its interpretations. It can be epistemological, logical, cognitive, ethical, ontological aspects. The author puts the goal to comprehend the transcendentalism through the revealing of the paradoxicality as its attribute. The paradoxicality of the transcendental strategy is in solutions to the crucial questions concerning the genesis of transcendental preconditions of the experience, the ontological status, and reasons why they coherent to an object of cognition. The paradoxicality of the transcendentalism is produced as well by the studying of the intermediate area between an object of cognition and a mental view of it. This boundary realm so-called the realm of the phenomenon or experience is neither objective nor subjective. Nonetheless, the global correlation is ensured exactly here. It is a correlation of consciousness that understood as a carrier of the primordial basis of the possibility of experience on the one hand and objective givenness which independent of this transcendental basis of its own accessibility for consciousness on the other hand.

Keywords: ontology of cognition, transcendental shift, conditions of possibility of experience, phenomenon, time, empirical law of epistemology

Определение трансцендентальной философии как мышления особого типа требует осмысления специфики трансцендентальной установки. Последняя допускает свою интерпретацию в разных ракурсах: гносеологическом, логическом, когнитивном, этическом, онтологическом и т.д. В зависимости от позиции интерпретатора мы будем получать разные дефиниции трансцендентализма. Наиболее разработан подход, при котором трансцендентализм понимается как дескрипция познавательных

процессов, фокусирующаяся на корреляции сознания с предметностью. Но и здесь он может пониматься диаметрально противоположно. На одном полюсе находится трактовка его как исключительно методологической установки, ничего не утверждающей относительно сущностей или их свойств, в том числе относительно невозможности существования независимых от разума сущностей. С этой точки зрения трансцендентализм предстает как методологическая необходимость заключать в скобки любую озабоченность сущностями и вместо этого сосредотачиваться на содержании исключительно наших представлений [1, p. 60-61].

На наш взгляд, эта позиция не отражает важное свойство трансцендентальной философии – ее парадоксальность. Поэтому более репрезентативна интерпретация, смещающая ракурс в сторону онтологии познания. Согласно ей, трансцендентализм есть нахождение некоего опосредующего звена или «зазора» между объектами как некой данностью с одной стороны и сознанием, имеющим с этой данностью дело, с другой. Трансцендентализм в этом случае следует понимать как убежденность, что между вещью и ментальным представлением о ней вторгается нечто третье – кантовская область явления (Erscheinung).

В этой связи С.Л. Катречко предлагает понимать трансцендентализм не как «философию объекта», целиком ориентированную на предметность, но и не как «философию субъекта», мыслящую сознание как исходную точку, из которой наблюдается реальность. Трансцендентализм есть «философия явления», занятая исследованием такой сферы, которая не является ни объективной, ни субъективной [2, p. 1079].

Эта онтогносеологическая амбивалентность явления прочитывается, к примеру, в кантовском описании аналогий опыта (B 262). Посредством чувственного созерцания предмет дается как явление, однако сами явления имеют принципы определения своего существования. К таковым относится время, а именно троякая соотнесенность: всякий опыт соотнесён с временем как с величиной существования, т.е. продолжительностью, с временной рядоположенностью, т.е. последовательностью, наконец, он предполагает отношения совокупности, т.е. одновременности. Речь идет именно об отношениях на уровне явления, о явленных отношениях. При этом время, согласно Канту, не есть вместилище данных опыта, в котором опыт определял бы место всякому существованию. Это исключается самой природой времени: абсолютное время не есть предмет восприятия, который мог бы объединять все явления. Тем не менее, всякое явление имеет место во времени, поскольку существование явлений предполагает синтетическое единство временных отношений [3, с. 213]. Таким образом, априорность времени не изымает его из порядка явлений. Время не предшествует явлению и не включает его в себя, оно есть сама возможность соотнесенности явлений.

Явление – это область трансцендентального сдвига. В кантовском трансцендентализме анализ явления приводит к обнаружению определённых способов данности предметов сознанию, условий доступности реальности для разума и, в конечном итоге, к условиям возможности самого разума.

Суть трансцендентализма заключена в том, что возможность какого-либо опыта реальности не рассматривается как нечто само собой разумеющееся, как «естественное» положение вещей. Напротив, эта возможность мыслится как парадоксальная, потому что она обусловлена не самой реальностью как таковой, но и не устройством сознания, а чем-то третьим, пограничным. За этой установкой стоит онтологическое допущение, согласно которому реальность объектов не соприродна реальности сознания, поэтому от трансцендентализма неотделима проблематизация релевантности сознания и внеположенной ему реальности.

Иллюстрацией высказанного тезиса может служить не поддающаяся рациональному объяснению эффективность математики в естественных науках, обратившая на себя внимание ряда физиков. Согласно Ю. Вигнеру, физик экстраполирует найденные им связи между двумя величинами на хорошо известные в математике связи, которые представляются ему аналогичным, на том основании, что никакие другие связи того же типа ему неизвестны. Однако при этом математическая формулировка полученных физиком зачастую не слишком точных экспериментальных данных приводит в огромном числе случаев к удивительно точному описанию широкого класса явлений [4]. Очевидно, что математические и физические закономерности – это явления не одного порядка и не одного генезиса. Для понимания сути трансцендентального подхода важно акцентировать парадоксальность их совместимости: трансцендентализм есть различные формы объяснения этой релевантности. Эффективность математической формулировки законов природы с помощью специально отобранных понятий Вигнер объясняет исходным допущением самого научного знания, называя это явление «эмпирическим законом эпистемологии».

В этой связи мы полагаем, что атрибутом трансцендентализма выступает рефлексия любого онтогносеологического феномена, который может интерпретироваться как «третье» звено, как пограничное основание опыта. В таковой роли могут выступать априорные структуры сознания, типы интенциональности, временные синтезы, концептуальные схемы, универсальный культурный или лингвистический код, язык. Принципиально здесь то, что трансцендентальный подход не позволяет интерпретировать условия данности предметов сознанию как целиком субъективные структуры, но и не допускает их эмпирическое происхождение.

Трансцендентальные основания опыта не могут быть получены из самого опыта. Дело не обстоит так, что сначала мы получаем опыт чего-либо, а затем уже анализируем этот опыт с помощью имеющихся у нас способов понимания. Подобное утверждение противоречит сути трансцендентализма, поскольку трансцендентальные исследования нацелены на обнаружение границ опыта и, в конечном счете, разума. Кант говорит о возможности опыта как знания, в котором все предметы должны иметь в конце концов возможность быть данными нам, если представление о них должно иметь объективную реальность (B 264) [3, с.214].

Трансцендентализм призван ответить на вопрос: какой именно перцептивный или когнитивный опыт каких именно объектов мы можем иметь и почему? А так же: может ли этот опыт быть иным? Например, имея возможность сравнить данные восприятия людей, имеющих различные физиологические и психические особенности, мы понимаем, что опыт пространственно-временного, аудиального или колористического восприятия может принципиально отличаться. Вряд ли закономерно при этом утверждать, что люди различным образом общаются с предметами или окружающая их предметность не идентична. Мы должны допустить, что люди имеют различные исходные основания опыта, не зависящие от объективного положения дел.

Однако, как уже отмечалось выше в тезисе о пограничности трансцендентальных предпосылок опыта, они не могут рассматриваться целиком как субъективные уже в силу их всеобщности. Трансцендентальная категория или схема не может иметь только субъективную необходимость, потому что сама объективность становится возможной благодаря пониманию и разумной интуиции. Трансцендентальные условия реальности не следует понимать как психологические задатки, как будто бы опыт только способствует раскрытию того, что уже содержится в разуме или сознании. В таком случае ничего нового, отличного от априорных структур, не добавляется в эмпирический опыт. Напротив, трансцендентализм опирается на возможность добавления чего-либо в опыт, отличного от того, что содержится в его условиях. В этом проявляется суть трансцендентальности как пограничности.

Как отмечает Х.Ф. Гевара-Аристизабаль, главная интрига трансцендентальной философии состоит в том, что в системе умозрительного разума понятия должны ссылаться на свои объекты априори. Это именно то, что делает трансцендентальную философию такой интересной и скользкой: хотя структуры сознания не содержат объектов знания никаким из возможных путей (эмпирическим, генетическим, в силу предустановленной гармонии и т.п.), они должны, тем не менее, отсылать к ним. Возможность трансцендентальной философии зависит от этой связи точно так же, как возможность познания любого объекта эмпирического опыта зависит от устройства и функционирования понимания [5, p.1636].

Литература:

1. Boer K. de. Transformations of Transcendental Philosophy: Wolff, Kant, and Hegel // Bulletin of the Hegel Society of Great Britain. 2011. Vol. 32. No. 1-2. P. 50-79.
2. Katrechko S. Transcendentalism as the Special Type of Philosophizing and the Transcendental Paradigm of Philosophy // Natur und Freiheit: Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses / Ed. by V.L. Waibel, M. Ruffing, D. Wagner (Eds.). Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. P. 1073–1082.
3. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 3. Критика чистого разума. Пер. Н.О. Лосского. М.: Чоро, 1994. 741 с.
4. Wigner E. The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences // Communications in Pure and Applied Mathematics. 1960. Vol. 13. No. I. New York: John Wiley & Sons, Inc. URL: https://www.maths.ed.ac.uk/~v1ranick/papers/wigner.pdf
5. Guevara-Aristizabal J.F. Transcendental Philosophy: A Teleological and Embryological Inquiry // Natur und Freiheit: Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses / Ed. by V.L. Waibel, M. Ruffing, D. Wagner (Eds.). Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. P. 1633-1640.

Феноменология как онтология: пролегомены к трансценденталистскому учению о свободе

Мишагин Павел Андреевич

Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва (г. Красноярск), старший преподаватель

phileophronesis@mail.ru

В работе исследуется онтологическое измерение феноменологии как одной из современных версий трансцендентализма. Показано, что феноменология, отталкиваясь от принципиальной радикализации проблемы бытия, проводит различение между миром вещей и миром человеческого сознания, которое позволяет утверждать, что онтологическим основанием бытия мира выступает бытие человеческого сознания. Человек, обладая преимуществом самопоказывания и самоопределения, составляет ориентирующее-определяющий центр мировых отношений и именно в этом смысле составляет фундаментальный конституирующий фактор бытия мира. Признавая «интенциональную жизнь сознания», то есть свободно-самоопределяющую акцию в качестве первоосновы бытия мира, феноменология тем самым признает примат «бывания» перед «пребыванием» в бытии. Интенциональность человеческого сознания с необходимостью предполагает свободу и демонстрирует фундаментальный характер бытия человека как бытия свободно-самоопределяющегося.

Ключевые слова: свобода, бытие, феноменология, онтология, трансцендентализм, человек.

Phenomenology as an Ontology: Prolegomes to the Transcendentalist Doctrine of Freedom.

Mishagin Pavel A.

Reshetnev University, Krasnoyarsk

The work examines the ontological dimension of phenomenology as one of the modern versions of transcendentalism. It is shown that, starting from the radical radicalization of the problem of being, phenomenology makes a distinction between the world of things and the world of human consciousness, which allows us to argue that the ontological basis of the existence of the world is the being of human consciousness. Human, possessing the advantage of self-demonstration and self-determination, constitutes the orienting-determining center of world relations, and in this sense, constitutes the fundamental constitutive factor of the existence of the world. Recognizing the “intentional life of consciousness”, that is, a freely self-determining action as the primary basis for the existence of the world, phenomenology thereby recognizes the primacy of “being as process” before “staying” in being. The intentionality of human consciousness necessarily implies freedom and demonstrates the fundamental nature of human being as a self-determined being.

Keywords: freedom, being, phenomenology, ontology, transcendentalism, human.

В онтологическом плане феноменология, прежде всего, отличает себя принципиальной радикализацией проблемы бытия. Под принципиальной радикализацией проблемы бытия будем понимать следующее: всяким утверждениям бытия мира должно предшествовать выяснение существенного смысла, признака, показателя бытия. С целью подобного выяснения феноменология предлагает осуществить εποχή, то есть воздержание от всяких утверждений бытия мира [1, s. 233]. В феноменологическом εποχή бытие мира превращается в простую претензию на бытие (Seinsanspruch) и именно в виде этой претензии тематизируется сущность, существенный смысл, показатель бытия. На основе εποχή мы ставим вопрос: что такое бытие по своей претензии, по своей идее, то есть в чем заключается сущность, смысл, существенный признак, показатель бытия, в силу чего нечто заслуживает значение существующего?

Путем анализа выясняется: мир, претендуя на бытие, тем самым претендует быть воспринятым и воспринимаемым, открытым и открываемым, показанным и показываемым. Принципиальная невоспринимаемость и непоказываемость оказывается тождественной небытию. Но быть воспринятым и воспринимаемым, показанным и показываемым означает быть определенным, «выглядеть» определенным образом, иметь определенные значения, определенный образ, то есть быть «образованным», «конституированным» [2, с. 23].

Предметы внешнего мира как просто объекты, как вещи находятся в определенных отношениях друг к другу. Всякая вещь находится в окружении других вещей, определенным образом соотносясь с этими последними. И мы, характеризуя вещь, характеризуем ее через эти отношения. Вещь «есть то, что она и есть в ее отношениях к обстоятельствам» [3, s. 47]. Вещь инертна и безразлична, она в одинаковых обстоятельствах имеет одинаковые значения, в разных – разные. Иначе говоря, вещь получает свои значения, свой образ через обстоятельства, она такова, каковы обстоятельства. Но каковы обстоятельства? Они таковы, каковы некоторые другие обстоятельства и т.д. до бесконечности. Поэтому вещь, показывая и «образовывая» себя исключительно через другие вещи, через обстоятельства, в конечном счете, не показывает и не конституирует себя вовсе.

Если мир вещей все-таки показывает себя и имеет определенный образ, это значит, что он, в конечном итоге, относится к чему-то такому «образовывает» себя через что-то такое, что показывает себя непосредственно через самого себя. Но что же именно можем мы найти в качестве подобной самопоказывающей, «самообразующей», самоконституирующей инстанции?

Это человек, проявленный в собственной жизни сознания, которая характеризуется прежде всего интенциональностью, то есть направленностью на мир, на обстоятельства [4, с. 141]. Однако, интенциональность означает по существу нацеленность, целенаправленность, что со своей стороны предполагает свободу. Человек как именно свободно-целенаправленное существо, нарушая инертность и безразличие, намечает и осуществляет нечто определенное, что не было обусловлено и подсказано всецело извне, со стороны внешних обстоятельств. Человек всегда намечает и осуществляет что-то сам от себя. «Я есмь» онтологически более значительно, чем «есмь» в зависимости от обстоятельств. Человек, как свободное целенаправленное существо, конституирует себя сам через самого себя, и представляет собой нечто определенное, несмотря на обстоятельства и, может быть, вопреки им; человек показывает себя и существует в модусе «я сам».

Имея подобное преимущество «само-себя-показывания» и «само-себя-конституирования», человек, тем самым, составляет начально-конечную инстанцию «себя-показывания», «себя-образования» и «себя-конституирования», то есть бытия всего прочего, бытия вещей, бытия мира. Человек показывает и конституирует себя непосредственно через самого себя и вещи, которые относясь к нему, показывают и конституируют себя, то есть существуют через него. В человеке как «само-конституирующем» существе вещи находят необходимую начально-конечную инстанцию «себя-показывания», «себя-образования», «себя-конституирования». Человек, понимая и конституируя себя через себя, то есть через свою «интенцию», понимает и конституирует вещи в их отношениях, «образовывает» их в зависимости от того, как они отвечают интенции.

Итак, человек, обладая преимуществом самопоказывания и самоопределения, составляет ориентирующее-определяющий центр мировых отношений и именно в этом смысле составляет фундаментальный конституирующий фактор бытия мира. В этой связи становится понятным, что, согласно феноменологии, проблема бытия человеческого я как свободно-самоопределяющегося бытия становится фундаментально-онтологической проблемой. Конечно, другие субъекты, другие «я» также характеризуются названным преимуществом самоопределения и поэтому являются конституирующими факторами бытия мира. Однако, мы не в состоянии обнаружить другое «я» непосредственно взором направленным вперед. Оно открывается путем вчувствования на основе самоанализа. Далее, феноменология, признавая интенциональную жизнь сознания, то есть свободно-самоопределяющую акцию в качестве первоосновы бытия мира, тем самым признает примат «бывания» (Werden) перед «пребыванием» в бытии.

Для того, чтобы субъективное бытие, как бесконечный процесс бывания, становления, изменения могло служить в качестве конституирующего фактора, то есть в качестве ориентирующее-определяющего центра мира, само должно быть не абсолютно изменчиво-разбросанной, а именно сконцентрированной. Иначе говоря, жизнь сознания, не имея никого устойчиво-определенного лица, не сможет придать миру определенный образ, определенное лицо. Жизнь сознания, как бесконечно-непрерывный процесс, не может бывать абсолютно индивидуально-разной и бессвязной. Она должна совместить примат становления, как именно бывания индивидуально-разной, с некоторым сверх-индивидуальным, устойчиво-абсолютным аспектом.

Конечно, субъективное бытие содержит в себе некоторый сверх-индивидуальный аспект. Однако, следует всегда помнить, что сверх-индивидуальный момент интенциональной жизни сознания существенным образом отличается от общей структуры объектов, от «закона» бытия объектов. Объект тем «законнее» в своем бытии, чем однообразнее повторяет он структуры и отношения других объектов. И этого, конечно, нельзя сказать относительно субъекта. Субъект тем менее «законен» в своем бытии, чем однообразнее повторяет он жизнь других. Сверх-индивидуальный аспект субъективного бытия заключается в некоей первичной интенции, как бесконечной цели, и тенденции к ее осуществлению. Бесконечная цель, никогда не осуществляясь полностью, требует осуществления все на более новых и новых уровнях и, тем самым, требует индивидуации осуществляющей деятельности. Реальный субъект, находясь в согласии именно со своим сверх-индивидуальным законом, не может однообразно повторять деятельности и отношения других субъектов и также свои деятельности и отношения в прошлом. Конечно, в жизни людей повторяются и должны повториться некоторые отношения, но однообразно-полное повторение в этой сфере означает именно нарушение «закона», означает «ненормальность». Мы, повторяясь полностью и, стало быть, останавливаясь на осуществленном уровне, прекращаем дальнейшее осуществление бесконечной цели и тем самым противоречим «закону» нашего бытия.

Жизнь сознания, осуществляя некоторый бесконечный τέλος, никогда не бывает завершенной и абсолютной. Всякое осуществленное образование, всякий осуществленный аспект образования релятивны по отношению к бесконечному τέλος. Конституированный, образованный мир релятивен по отношению к конституирующему процессу жизни сознания, но, со своей стороны, всякий осуществленный конституирующий процесс жизни сознания релятивен по отношению к первично-фундаментальной интенции, к бесконечному τέλος. Абсолютное бытие – это бытие бесконечно осуществляемого и частично-релятивно осуществленного τέλος.

Но не теряет ли в этой телеологической концепции Э.Гуссерля бытие моего «я» характер свободно-самоопределяющегося бытия? Не означает ли абсолютное бытие бесконечного τέλος потерю свободы моего «я»? Дело в том, что, во первых, цель, строго говоря, не принуждает, а, скорее, убеждает. Следуя цели, какова бы она не была, мы все-таки могли бы и не следовать ей; и если следуем, то это значит, что мы сами решили следовать. Никакая цель не может осуществиться без наших решений и, с другой стороны, не может иметь абсолютно принудительного характера для наших решений. И, во-вторых, следуя бесконечной цели, именно благодаря ее бесконечности, имеем мы гарантию свободы и самоопределения; ведь бесконечная цель осуществляется бесконечно разными и новыми путями. Поэтому каждый из нас должен сам через себя наметить и осуществить свой собственный путь к цели. Бесконечная цель, как именно бесконечная, не предопределена в своих конкретных путях и аспектах осуществления; человек и человечество, находясь в конкретной ситуации и на конкретно-данном уровне, определяет сообразно с этой ситуацией и с этим уровнем конкретный аспект осуществления бесконечной цели.

Итак, феноменология признает в качестве абсолютного бытия бытие бесконечной цели, которая служит подтверждением гуссерлевской трансцендентально-феноменологической концепции о свободно-самоопределяющем характере бытия человеческого «я». В этом смысле, феноменология действительно демонстрирует фундаментальный характер бытия человека как бытия свободно-самоопределяющегося.

Литература:

1. Husserl E. Phänomenologische Psychologie // Husserliana, Bd. 9. Hrsg. von Walter Biemel. Haag, Martinus Nijhof, 1968. 672 s.
2. Малышева Д.С. Конституирование объективности в феноменологии. Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (25). С. 23-29.
3. Husserl E. Ideen zu Einer Reinen Phänomenologie und Phänomenologischen Philosophie // Husserliana, Bd. 4. Hrsg. von Prof., Dr. S. Strasser. Haag: Martinus Nijhof, 1952. 445 s.
4. Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного: монография. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2017. 632 с.

Карл Леонгард Рейнгольд: На пути от кантовского критицизма к послекантовскому идеализму

Паткуль Андрей Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент. Кандидат философских наук

a.patkul@spbu.ru

Цель доклада состоит в том, чтобы обратить внимание на незаслуженно недооцененную, но при этом важную в контексте истории философского трансцендентализма фигуру – Карла Леонгарда Рейнгольда. Отчасти Рейнгольд, правда, известен как один из первых кантианцев, определивший становление ранней рецепции философии великого кёнигсбержца. Вместе с тем Рейнгольдом был разработан проект вполне оригинальной т.н. «элементарной философии», который оказал влияние на трансформацию кантовского варианта трансцендентальной философии в трансцендентализм классического послекантовского идеализма, прежде всего, в его фихетвском варианте. В связи с этим в докладе производится реконструкция основных черт «элементарной философии» Рейнгольда, ее отношения к кантовской философии. Особое внимание при этом уделено его понятию «философии как строгой науки» в контексте спора о философии как системе. Кроме того, акцент здесь делается на т.н. положении о сознании у Рейнгольда, выделяются особенности его философии, обусловившие возникновение последующих версий трансцендентального идеализма, а также принципиальное отличие философии Рейнгольда от этих версий.

Ключевые слова: трансцендентализм, ранее кантианство, послекантовский идеализм, система, элементарная философия, положение о сознании, философия как строгая наука, К.Л. Рейнгольд.

Karl Leonhard Reinhold: On the Way from Kantian Criticism toward Post-Kantian Idealism.

Patkul Andrey B.

Saint Petersburg State University

The aim of the presentation is to draw attention to an undeservedly under-regarded, but important figure of the history of philosophical transcendentalism, namely to Karl Leonhard Reinhold. However, he is known partly as one of the first representatives of the early Kantianism who determined the early reception of the philosophy of Kant. At the same time, Reinhold developed a project of his own quite original so-called “elementary philosophy”, which influenced the transformation of Kant’s version of transcendental philosophy into the transcendentalism of the classical post-Kantian idealism, primarily in its Fichte’s version. In this regard, the report reconstructs the main features of Reinhold’s “elementary philosophy” and its relation to Kant’s criticism. Special attention is paid to Reinhold’s concept of “philosophy as a rigorous science” in the context of the idealistic dispute about philosophy as a system. In addition, the emphasis here is put on the so-called thesis of consciousness in Reinhold, the features of his thought, which conditioned the later versions of transcendental idealism, as well as the fundamental difference between Reinhold’s philosophy and these versions are highlighted.

Keywords: transcendentalism, previously Kantianism, post-Kantian idealism, system, elementary philosophy, thesis of consciousness, philosophy as a rigorous science, C. L. Reinhold.

Карл Леонгард Рейнгольд (26.X.1758, Вена – 10.IV.1823, Киль) является если и не полностью забытой, то во всяком случае незаслуженно недооцененной фигурой в истории трансцендентальной философии. И хотя он оказал в свое время едва ли не решающее влияние на становление послекантовского немецкого идеализма в плане постановки вопроса о единстве философской системы, а также мотивации спора о первом основоположении этой системы, это его роль не всегда признавалась уже некоторыми представителями этого философского направления. В последующем даже те реверансы в сторону философии Рейнгольда, которые еще можно найти в трудах С. Маймона и И.Г. Фихте, сменяются резкой

ее критикой и отрицанием сколь бы то ни было серьезной значимости ее – как самой по себе, так и в контексте истории становления трансцендентальной философии. В итоге этот мыслитель приобретает репутацию эпигона и эклектика, все достоинство философского начинания которого состоит в том, что оно инициировало раннюю рецепцию кантовских трудов, поспособствовав тем самым популяризации философии Канта.

Для наглядности позволим себе привести несколько высказываний современных Рейнгольду философов о нем. Так, например, Фихте в предисловии к первому изданию «О понятии наукоучения, или так называемой философии» пишет: «Он (т.е. автор этого предисловия, сам Фихте – *прим мое, А.П.*) так же глубоко убежден что, после гениального ума Канта, философии не мог быть сделан высший дар, чем систематическим умом Рейнгольда; и он признает почетное место, которое всегда будет утверждаться за элементарной философией последнего при дальнейших успехах, какие необходимо должна сделать философия в чьем бы то ни было лице» [1, с. 8-9]. Соломон Маймон, хотя контекст его обращения к Рейнгольду значительно более критичный и полемичный, чем у Фихте, высказывается о нем следующим образом: «Я считаю господина Рейнгольда глубокомысленным философом, в качестве какового он уже давно прославил себя своими сочинениями, а его философский стиль я считаю практически недостижимым» [2, с. 439]. При этом, правда, Маймон добавляет: «Но в то же время я считаю господина профессора Рейнгольда, насколько он мне известен по его сочинениям, **всего лишь философом**, т.е. мыслителем понятий, который не слишком озабочен объективной реальностью этих понятий» [2, с. 439].

Но даже фоне этой оговорки Маймона суждение Шеллинга о фигуре Рейнгольда и его философии выглядит уничижительным. В «Изложении моей системы философии» он заявляет: «До чего в конце концов дойдет, если, например, какой-нибудь Рейнгольд, который с наивнейшей откровенностью признается в том, что “он ни в начале, ни посредине, ни даже перед самым концом (так и сказано – “концом”) новейшей философской революции не знал, о чем, собственно, идет речь”, но который все же в начале этой “революции” был слепым приверженцем Канта, затем в своей собственной теории провозгласил непогрешимую, католическую философию, а под конец не без таких же горячих уверений в своем глубочайшем убеждении скрылся в лоне наукоучения – если кто-то такой после всех этих демонстраций своей философской имбецильности все же не теряет отваги и еще один раз, и, как ему, наверное, кажется, в последний, пророчит “нынешний” конец философской революции» [3, с. 30-31]. В примечании к этому пассажу он добавляет также: «Для каждого, кто смыслит в науке, сказанного в тексте будет достаточно, чтобы мотивировать наше суждение о г. Рейнгольде, и мы тем меньше боимся его высказать, так как мы никогда внутренне не имели ни малейшего уважения к нему как к спекулятивному уму, каковым он никогда и не был, и от всяких претензий на что он сам отказывается, по крайней мере косвенно. Он сам накладывает на себя проклятье ученичества и становится учеником даже и у абсурда, и здесь он действительно полностью угадал» [3, с. 31 прим]. В изложении истории философии у Гегеля для Рейнгольда даже находится особого места: он только мимоходом упоминает этого мыслителя во второй книге своих «Лекций по истории философии», а именно он говорит о Рейнгоольде как о том, кто в новейшее время развил точку зрения Карнеада (см.: [4, с. 376]). Казалось бы, после таких оценок оснований для серьезного отношения к личности и мысли К.Л. Рейнгольда у последующих философов быть не может.

И тем не менее, в последние десятилетия мы наблюдаем возрождение исследовательского интереса к наследию этого философа, равно как и тенденцию к пересмотру той роли, которую он сыграл не только в ранней рецепции кантовской философии, но и для развития последующей философии, прежде всего, для формирования специфического послекантовского немецкого идеализма. Для иллюстрации приведем суждение Ф.С. Бизира: «Рейнгольд занимает центральное, хотя и не особо признанное, место в истории современной философии. Он был первым мыслителем, который заново продумал и перестроил эпистемологию над метаэпистемологическим основанием. Он, действительно, является первым мыслителем, намеревающимся развивать универсальную (general) и систематическую мета-эпистемологическую теорию» [5, с. 226].

Действительно, известность Рейнгольду принесли, прежде всего, его «Письма о кантовской философии», которые были вдохновлены начатым им в 1785 г. чтением «Критики чистого разума» Канта и были опубликованы им изначально в журнале «Меркурий» с 1786 по 1789 гг., а потом были изданы в качестве отдельных книг в 1790 (первый том) и 1792 (второй том) годах. Здесь он признает революционный характер начинаний Канта, прежде всего, в контексте «духа нашей эпохи» и «современного состояния наук», которые «требуют всеобщей реформации философии». Особый акцент в своих письмах этот интерпретатор Канта ставит на значимости проведенной основателем трансцендентальной философии критики в сфере философии религии (критика доказательств бытия Бога) и практической философии, прежде всего, в вопросе связи морали и религии.

Однако уже на рубеже 1780-90-х годов у Рейнгольда, видимо, не без влияния Ф.Г. Якоби и других критиков Канта, формируется представление о недостаточности кантовского трансцендентализма. Эту мысль она развивает в ключевых, но оставшихся менее известными, своих работах, к которым можно отнести «Опыт новой теории человеческой способности представления» (1789), «Работы по исправлению прежних недоразумений философов», т. 1 (1790), «О фундаменте философского знания» (1791), «Работы», т. 2 (1794).

В первую очередь, недостаточность эта состоит в том, что кантовская трансцендентальная философия не может быть названа наукой в том смысле, в каком науку понимает и сам Кант. Как известно, согласно Канту, науку от набора обыденных знаний отличает то, что она представляет собой систему, т.е. единство многообразных знаний, объединенных одной идеей. Наука всякий раз должна представлять собой архитектоническое, а не случайное техническое единство. Но как раз этого у Канта и не получается, его философия не выстраивается в систему в собственном смысле этого термина. В первую очередь, по мысли Рейнгольда, кантовской науке не хватает единого и достоверного в себе самом основоположения, из которого могли бы быть выведены все прочие ее положения. Свой труд «О фундаменте философского знания» Рейнгольд начинает словами: «Всякой прежней философии, даже не исключая кантовскую, если ее рассматривать как науку, не достает ни чего иного, как фундамента» [6, с. 3].

Таким образом, Рейнгольд противопоставляет кантовской философии (как, впрочем, и всей прежней философии), которой не доставало абсолютно достоверного основоположения, свой проект т.н. «элементарной философии», или, мы могли бы сказать, философии начал. В этой философии демонстрируется, что философия для того, чтобы быть наукой, должна иметь некоторое предельное обоснование (Letztbegründung), а также выясняется, каким должно быть первое основоположение философии как науки, которое исполняет такое обоснование, и удостоверяется само это основоположение. Причем научность философии требует также и того, чтобы философия не только имела единое, абсолютно достоверное основание, но и во всех своих производных от этого обоснования частях, во всех своих положениях представляла собой слаженную систему, так, чтобы каждое ее положение находилось на предписываемом ему этой системе месте в порядке обоснования. Любопытно, что науку, обладающую именно таким характером научности (наличие предельного обоснования, систематичность) Рейнгольд называет *строгой наукой*. Собственно, считается, что именно он был автором словосочетания «философия как строгая наука», популяризированного позднее Э. Гуссерлем и другими представителями феноменологической философии. Даже риторика Рейнгольда оказывается очень похожей на феноменологическую; в первом томе работ он говорит: «Дело идет на о слове, а о вещи (Sache)» [7, с. 14]. (При этом надо иметь в виду, что содержание этого термина у Рейнгольда и в феноменологической философии) существенно отличается. У первого это – укорененная в предельном основоположении система, во второй это – научная философия, метод которой (феноменология) полностью адекватен ее предмету). Так или иначе, в этом же томе Рейнгольд пишет следующее: «Согласно моему убеждению, есть только единственное понятие (философии как возможной вещи) и только единственная философия является возможной, и уже только наличие многочисленных философий является для меня основанием убеждения в том, что еще никакая философия не существует. Я могу мыслить философию только как строгую науку, как совокупность слаженных, твердо установленных познаний, как единственную, целостную, во всех своих существенных частях неизменяемую систему» [7, с. 13].

Кроме того, Рейнгольда не устраивает и то, что Кант словно бы догматически, без предварительного обоснования и выведения из основоположения принимает познавательные способности (чувственность, рассудок, разум), которые он анализирует в своей критике. Да и сама терминология Канта остается недостаточно проясненной. Рейнгольд поэтому намерен дедуцировать все эти способности из единой способности, которая была бы связана с предельным самоочевидным основоположением. Этой способностью, понятие которой и оказывается центральным понятием всей элементарной философии, выступает у Рейнгольда «*способность представления*» (Vorstellungsvermögen), соответственно, понятие «представления». Автор «Работ» утверждает: «Способность представления охватывает собой чувственность, рассудок и разум; и то, что имеет значение относительно способности представления,

имеет значение для чувственности, рассудка и разума» [7, с. 51]. Поэтому ««Философия охватывает собой все, что наука может называться наукой определенного только в способности представления» [7, с. 62]. Собственно, исходя из такого понимания способности представления Рейнгольд определяет и философию как таковую. Он пишет: «Философия – это наука о том, что определено исключительно способностью представления» [7, с. 46].

Наконец, именно определенное истолкование способности представления позволяет Рейнгольду сформулировать также и предельное основоположение всей «строгой науки». Этим основоположением является положение о сознании (Satz des Bewußtseyns). В качестве такового оно выражает некоторый факт, а именно факт самого сознания. Как считает Рейнгольд, это такой факт, который должен исполняться в нас самих. Он должен сопровождать любой возможный опыт и любое возможное мышление. Про содержание же этого основоположения Рейнгольд говорит следующее: «Это положение гласит: в сознании представление отличается от представленного и от представляющего и соотносится с обоими» [7, с. 99]. Можно в этой связи упомянуть, что некоторые историографы именно благодаря такой формулировке основоположения философии как строгой науки видят в Рейнгольде «протофеноменолога» (Ф. Фабианелли), а в его теории представления – зачаток феноменологической теории интенциональности.

Литература:

1. Фихте И.Г. Сочинения в 2-х т. Т. 1. СПб: МИФРИЛ, 1993. 686 с.
2. Маймон С. Философские трудыт. Т. 1. СПб: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2017. 499 с.
3. Шеллинг Ф.В.Й. Изложение моей системы философии. СПб: Наука, 2014. 261 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб: Наука, 1994. 423 с.
5. Beiser F.C. The Fate of Reason. German Philosophy from Kant to Fichte. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1987. 395 p.
6. Reinhold K.L. Über das Fundament des philosophischen Wissens. Über die Möglichkeit der Philosophie als strenge Wissenschaft. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1978. 179 S.
7. Reinhold K.L. Beiträge zur Berichtigung bisheriger Mißverständnisse der Philosophen. Erster Band das Fundament der Elementarphiloosphie betreffend. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2003 S.

Теоретическое, практическое и эмпирическое в контексте кантовского проекта трансцендентальной философии

Пржиленский Владимир Игоревич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор. Доктор философских наук

vladprnow@mail.ru

Одним из важных, хотя и отдаленных следствий кантовского проекта трансцендентальной философии явилась эпистемология и методология конструктивизма, чье рождение и бурное развитие относится ко второй половине XX века. Занимающая важное место в кантовской системе концепция соотношения чистого и практического разума оказалась востребована благодаря тому, что в реальной науке все острее стало ощущаться несоответствие реальной практики научных исследований классической модели науки. Под вопросом оказалась главенствующая роль теории в организации научных исследований, систематизации и интерпретации их результатов. Эпистемология и методология конструктивизма создала условия для перехода от субординационной модели отношения теоретического и эмпирического знания к координационной. Для организации продуктивного взаимодействия между двумя уровнями познания, то есть между двумя сообществами исследователей – теоретиков и экспериментаторов – понадобилось обращаться к таким понятиям как «культура», «субкультура», «язык». Возникла необходимость описания научного поиска в терминах производственно-конструкторской деятельности, что способствовало актуализации понятий «корреляция», «зона обмена», что позволяет видеть новые перспективы развития трансцендентальной философии.

Ключевые слова: трансцендентализм, конструктивизм, теоретическое, практическое, эмпирическое, знание

Theoretical, practical and empirical in the context of the Kant's project of transcendental philosophy.

Przhilenskiy Vladimir I.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

One of the important, albeit distant, consequences of the Kantian project of transcendental philosophy was the epistemology and methodology of constructivism, whose birth and rapid development dates back to the second half of the twentieth century. The concept of the ratio of pure and practical reason, which occupies an important place in the Kant system, has become in demand due to the fact that in real science the inconsistency of the real practice of scientific research with the classical model of science has become more and more felt. The main role of the theory in the organization of scientific research, the systematization and interpretation of their results turned out to be in doubt. The epistemology and methodology of constructivism created the conditions for the transition from a subordination model of the relationship of theoretical and empirical knowledge to coordination. To organize a productive interaction between two levels of knowledge, that is, between two communities of researchers - theorists and experimenters - it was necessary to turn to such concepts as "culture", "subculture", "language". There was a need to describe the scientific search in terms of production and design activities, which contributed to the actualization of the concepts of "correlation", "exchange zone", which allows us to see new prospects for the development of transcendental philosophy.

Keywords: transcendentalism, constructivism, theoretical, practical, empirical, knowledge

Среди множества рациональных инициатив, предложенных И. Кантом в своем проекте трансцендентальной философии, заметное место занимает мысль из предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума» о том, что «мы a priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами

самими» [1, с. 19]. И хотя немецкий мыслитель оставляет множество возможностей для прихода знания «извне», из опыта, создавая при этом сложные объяснительные конструкции, то дополняющие a priori другим членом концептуальной оппозиции (a posteriori), то противопоставляющие их.

Связывая воедино чистое и основанное на опыте познание, И. Кант провозглашает нетривиальное требование соответствия, выражающее суть его трансценденталистской установки. «До сих пор считали, – писал И. Кант, – что всякие наши знания должны сообразоваться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, — а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны» [1, с. 18].

Выделим в вышеприведенной цитате два момента, грандиозных с точки зрения их влияния на последующее развитие научной мысли. Во-первых, это возможность пересмотра отношения теории и практики. Согласно кантовскому подходу уже не чистый (читай «теоретический») разум определяет направление и характер применения разума практического (целесообразного). Во-вторых, благодаря так понятому трансцендентализму в философии науки постепенно формируется методология конструктивизма, бросающая вызов безраздельно господствовавшей прежде и более или менее успешно опиравшейся на здравый смысл «реалистической» теории научного метода. В то время как философы постановской эпохи затеяли споры о том, можно ли считать мир познаваемым или как относиться к противоречивости (антиномичности) теоретического разума, происходящее параллельно развитие науки постепенно девальвировало сам контекст этих обсуждений.

В итоге, теория перестала считаться высшей формой развития научного знания. Не только одна теория, которая сегодня считается наиболее истинной, предполагает множество возможностей для ее практического применения. Вокруг одной и той же опытно-экспериментальной практики может «виться и кружиться» множество теорий. При этом и теоретики, и экспериментаторы заняты не определением более истинной теории, но скорее поиском наиболее продуктивных корреляций. Множеству практик ставится в соответствие множество теорий: как первые, так и вторые работают с различной эффективностью в разных случаях. Так отношения между теорией и практикой превращаются из субординационных в координационные. Более того, современные познавательные инструменты философии науки позволяют рассматривать отношения между теорией и практикой (как и любой иной вид коммуникации) в качестве многомерных.

Взаимные поиски корреляции между теориями и практиками имеют самые разные измерения: логико-эпистемическое, техническое, технологическое, лингвистическое, социальное, культурное, ценностно-мировоззренческое. Уже в XX веке решение проблемы соотношения теоретического и опытно-экспериментального в развитии науки породило основные альтернативные направления, такие как логический позитивизм, антипозитивизм, постпозитивизм. Так, по мнению историка науки П. Галисона, главное различие между логическими позитивистами и антипозитивистами в том, что первые стремились преодолеть многообразие на базе сведения к опыту, тогда как вторые уповали на унификацию, основанную на редукции к теории. Факты лежат в основе теории – говорили одни. Теория руководит составлением фактов, – утверждали другие. При этом «теоретики и экспериментаторы, – пишет П. Галисон, – зачастую имеют совершенно разные представления о том, какие существуют физические объекты, как их классифицировать и как доказывать их существование... Общая картина физики, поделенной на сообщества с несопоставимыми убеждениями, расслаивается, как старая фанера. Если отдельные сообщества реально так далеки друг от друга, если они употребляют слова “масса” и “энергия” в совершенно разных смыслах, то непрерывное развитие на одном уровне едва ли может привести к скачкам на другом» [2, с.67].

Показателен и сам инструментарий, а также вокабулар анализа деятельности сообщества ученых в аспекте взаимодействия теоретического и практического. П. Галисон говорит о культуре, называя вводный раздел «Культурное многообразие физики». О наличии двух культур: естественнонаучной и гуманитарной, писал еще Сноу, но его рассуждения скорее имели отношение к философии или даже публицистике. П. Галисон анализирует вполне конкретные примеры, различая культурные несоответствия сравнительно небольших научных сообществ, рассмотренных в сравнительно небольших временных интервалах. «Существуют также периоды, когда несколько конкурирующих

экспериментальных субкультур сосуществуют в одной и той же области, например субкультуры пользователей пузырьковых и искровых камер» [2, с. 69]. Все это позволяет автору ввести понятия зоны обмена, места обмена, необходимости координации убеждений и действий между обменивающимися. Социальное и культурное измерения накладываются на отношения людей, добывающих или изготовляющих теоретическое и экспериментальное знание друг для друга, делая вместе одно общее дело, но желающие оптимизировать путь к достижению цели, не забывая при этом об улучшении условий своего труда, максимизации прибыли, минимизации затрат. Их отношения – вид равноправного партнерства. Теоретик имеет право выбирать результаты деятельности экспериментаторов, а экспериментаторы вольны сами решать, какую из предложенных теорий им использовать для организации своего труда. Процессы взаимодействия между теоретиками и экспериментаторами стали рассматриваться как виды межгрупповой и межкультурной коммуникации, сегодня знание, а не идея или теория является главной единицей измерения развития науки.

Является ли сложившаяся в науковедении ситуация прямым результатом кантовского трансцендетализма или о нем лишь вспомнили, когда понадобилось осмыслить по каким-то иным причинам произошедшие изменения в мышлении историков науки – вопрос, требующий дополнительного исследования. Но связь между кантовской критикой «чистого» разума и возможностью воспринимать отношения теории и практики как партнерские представляется очевидной. Да, сразу же после публикации кантовских книг научное сообщество оказалось не готово принять идеи немецкого мыслителя, да и нынешняя их интерпретация на рубеже XVIII и XIX веков просто не могла возникнуть. Однако, сделать отличные от кантовских выводы о противоречивости (антиномичности) чистого разума пытались многие.

Гегель увидел в противоречивой природе разума не проблему и тем более не катастрофу всего философского проекта. Из кантовского открытия он сделал вывод о том, что противоречие лежит в основе наивысшего уровня мышления и должно находиться в центре описывающей его специальной логики, которую он назвал диалектической. Тем более, что и сама природы, истолкованная в архаичном духе противостояния стихий и борьбы начал, обретает в противоречии источник своего развития. Таким образом, противоречивость превращается из нужды в добродетель, а теоретическому мышлению возвращаются его прежние права, утраченные было в ходе трансцендентального поворота.

Иные попытки осмыслить значение кантовских инноваций «по горячим следам» привели либо к отказу от философского разума в пользу научного разума (позитивизм), либо к отказу от разума вообще, в пользу воли или жизни (иррационализм). В первом случае, согласно точке зрения Конта и его последователей, научные теории уже не нуждаются в философской теории, они возникают и развиваются в лабораториях, совершенствуются в цехах и мастерских, их множество и они, хотя и выстраиваются в иерархию, но всецело завися от опыта или эксперимента и не нуждаются ни в какой теории, построенной с помощью чистого разума. Сторонники второй точки зрения, будь то Шопенгауэр или Ницше, руководствуясь словами поэта «Суха теория мой друг, но древо жизни вечно зеленеет…», по сути также связали кантовское понятие чистого разума с идеей теоретического мышления, уходящей своими корнями в досокртическую философию и подспудно присутствовавшей во всех постсократовских философских учениях.

Позднее к попыткам спасения теоретического мышления подключились неокантианцы, создававшие то теорию опыта, то теорию метода – особую дисциплину, названную ими методологией. «Для неокантианцев вообще, – замечает А.П. Огурцов, – характерен панметодологизм, то есть превращение методологии в универсальное философское учение, определяющее и форму, и содержание, и предмет научного познания и вообще своеобразие тех или иных научных дисциплин» [3, с. 556]. Предполагалось, что методология сможет развиваться с опережением частных наук и сравнительно независимо от них. Как прежде метафизика, по замыслу тех, кто считал себя чуть ли не ортодоксальными последователями кантовской философии, методология должна была стать первой философией, то есть указывать путь частнонаучным изысканиям и частнонаучному теоретизированию.

Как отмечалось выше, и логические позитивисты, и постпозитивисты заняты скорее регулированием отношений между теоретическим и эмпирическим знанием, производимым учеными «предметниками», чем выдвижением собственных теоретических конструкций. Об этом же свидетельствует использование в философско-научным исследованиях методов социологии и культурологии, выдвижение на первый план проблем рациональности и реализма. История науки сама стала проблемой, потому что происходящее в ней казалась все менее объяснимым посредством исходного учения

о научном методе или декларируемым принципам научного знания.

Все произошедшее с философией науки в XX веке свидетельствует о том, что наука перестала восприниматься исследователями не только как проект, в реализацию которого они были вовлечены, но и как особая реальность, законы которой только предстоит открыть, смысл и целеполагание которой только предстоит разгадать. Возвращаясь к влиянию трансцендеталистской философии Канта на развитие науки и переосмысление соотношения теоретического и практического, необходимо отметить особую роль методологии конструктивизма, что давно уже отмечено исследователями. Проекты современного реализма, такие как научный реализм Х. Патнема [4] или конструктивный реализм В.А. Лекторрского [5] лишний раз подчеркивают, что модернизированный реализм можно рассматривать как реализм, учитывающий аргументы конструктивизма, признающий их правоту и стремящийся инкорпорировать продуктивные интуиции конструктивизма, восходящие к идеям кантовской трансцендентальной философии. И здесь вспоминается не только приоритет практического разума над чистым, но и активный субъект, конструирующий внешний мир из чувственных восприятий и рассудочных форм и многое другое, давшее толчок развитию философской и научной мысли.

Литература:

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
2. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2004. № 1. С. 67-74.
3. Огурцов А.П. Методология // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т.2. М., 2001. с. 556.
4. Putnam H. Three Kinds of Scientific Realism. Philosophical Quarterly. 1982. No 32. P. 195–200.
5. Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 2. С. 18–22.

Мир как идея у Канта и космологическое различие О. Финка

Фролов Александр Викторович

МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания. Кандидат философских наук

alloff2008@yandex.ru

В докладе рассматривается интерпретация кантовской космологии в творчестве О. Финка. Финк представляет Канта как космолога, в мысли которого вновь приоткрывается космологическое различие (различие между миром и внутримирным сущим), подвергнутое забвению в истории предшествующей метафизики. Финк обнаруживает у Канта своего рода «пафос мира», препятствующий тому, чтобы мыслить мир как предмет или вещь. Под «пафосом мира» Финк имеет в виду опыт мира, обнаруживающийся в перспективе космологического различия. Однако вследствие субъективации мира у Канта и представления мира в качестве регулятивной идеи разума космологическое различие оказывается Кантом не востребовано. Действительно ли Кант открывает новую эпоху в космологии? Присутствует ли в его мысли космологическое различие? Эти вопросы затрагиваются в докладе.

Ключевые слова: мир, мироотношение, пафос мира, космология, Кант, Финк.

World as an Idea in Kant and Eugen Fink's Cosmological Difference.

Frolov Alexander V.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

The talk deals with the interpretation of Kantian cosmology in the work of Eugen Fink. Fink presents Kant as a cosmologist whose thought rediscovers the cosmological difference (the difference between the world and the things in the world) that has been forgotten in the history of previous metaphysics. Fink reveals a kind of "world pathos" in Kant that prevents him from thinking the world as an object or thing. The "world pathos" Fink construes as experience of the world that is revealed in the perspective of cosmological difference. However, due to Kant's subjectivation of the world and its representation as a regulatory idea of reason, the cosmological difference is not in demand by Kant. Is it true that Kant is opening a new era in cosmology? Is there a cosmological difference in his thought? These questions are addressed in the talk.

Keywords: world, world-relation, world-pathos, cosmology, Kant, Fink.

Ойген Финк – мыслитель, в равной степени испытавший на себе влияние Гуссерля и Хайдеггера. Если гуссерлевское влияние приходится в основном на довоенный период, то хайдеггеровское распространяется в большей степени на послевоенное творчество Финка. Но если для Хайдеггера ведущей была тема бытия (смысла бытия, истины бытия), то для Финка такой темой становится мир, опыт мира. Надо сказать, что тема мира немаловажна и для хайдеггеровской мысли, но это не главная тема Хайдеггера. Тем не менее, хайдеггеровская философия была той необходимой основой, от которой отталкивался Финк. В силу этого для финковской тематизации мира характерны особенности, которые мы встречаем и у Хайдеггера.

Во-первых, речь идет о космологическом различии – различии между миром и внутримирными вещами. Под космологическим различием Финк имеет в виду, что мир нельзя понимать как сумму всех вещей, как охватывающую «рамку» для этой суммы или как предмет. «Мир – это не предмет, скорее это местность всех местностей, пространство всех пространств и время всех времен», пишет Финк [1, S. 23][i]. Но космологическое различие – не только различие между внутримирным сущим и миром. Особого рода внутримирное сущее – это человек, сущее, благодаря которому только и приоткрывается космологическое различие. Это сущее находится в своего рода структурном сопряжении с миром

i «Оно [космологическое различие] лежит в исторических истоках философии, проявляется под многими именами, носит различные маски» [2, с. 216]. Различие между внутримирными вещами и миром в структурном плане аналогично хайдеггеровскому различию между сущим и бытием.

такое сопряжение Хайдеггер, а затем Финк называют мироотношением (*Weltbezug*). Камень, растение, животное не находятся в мироотношении, они просто внутримирны, только человек существует как *ens cosmologicum*, он обладает некоторым ве́дением относительно мирового целого. Мироотношение Финк называет экзистенциалом (в отличие от Хайдеггера, экзистенциалом он считает только отношение к миру, но не сам мир).

Во-вторых, аналогично хайдеггеровской риторике забвения бытия Финк говорит о забвении мира в истории европейской метафизики. По мнению Финка, метафизика космологически индифферентна, т.к. мироотношение, специфическая черта человеческого присутствия, вытесняется в ней отношением к высшему сущему, т.е. Богу. Причину забвения мира Финк, таким образом, видит в теоцентричности метафизики. Уже у Платона и Аристотеля мир, как и бытие, пребывает в забвении, и распознать присутствие мира в философской мысли можно только у досократиков, в частности у Гераклита. Заново открывает тему мира для философии, по мысли Финка, не кто иной, как И. Кант.

По мнению Финка, докантовская метафизика «рассматривала сущее, как если бы оно было без мира» [3, S. 95; цит. по: 4, с. 233]. Этот тезис заслуживает обсуждения. Пожалуй, можно допустить, что метафизика нового времени в какой-то степени была равнодушна к теме мира и имела дело с безмирным сущим. Во всяком случае, рациональная космология опредмечивала мир, представляя его как целое, которое не является частью другого целого. В этом смысле опредмечивание мироздания свойственно и платоновскому «Тимею», где рисуется картина создания космоса как конечного целого. Но античная традиция еще достаточно космоцентрична, и вряд ли к ней целиком можно отнести тезис о безмирности сущего (хотя Аристотель в своей «первой философии» стремится мыслить сущее как сущее, т.е. безотносительно к миру, в котором оно находится). Определенный космизм свойствен и средневековому мышлению, поскольку это мышление религиозное, пытающееся увидеть в творении отражение творческой власти и замысла Творца. Теоцентричность средневековой метафизики не исключает, а напротив, усиливает ее космологичность.

Итак, тезис о космологической индифферентности докантовской метафизики и о забвении мира в истории метафизической мысли представляется небесспорным. Скорее, имплицитно тема мира всегда присутствовала в философских концепциях (у Аристотеля – в физике, «второй философии»). Но насколько является космологом сам И. Кант? Действительно ли тема мира для него – главная тема? Мы знаем, что еще до издания «Критики чистого разума» Кант защитил диссертацию «О форме и принципах чувственного и умопостигаемого мира», да и в «Критике» проблемам космологии посвящена значительная часть «Трансцендентальной диалектики». Как космолог, Кант вышел из рациональной космологии школы Лейбница-Вольфа. Но для Финка связь Канта с рациональной космологией не столь значима, ведь Кант, с его точки зрения, открывает новую эпоху в космологии, а значит, привносит в нее что-то радикально новое по сравнению со старой школой. В чем же принципиальное отличие Канта от старой космологии? Последняя, как уже говорилось, опредмечивала мир, мысля его как целое, которое не является частью другого целого. Кант же проблематизирует возможность мыслить мир как предмет. Мы не знаем, конечен ли мир или бесконечен во времени и в пространстве, делима ли материя до бесконечности или существуют атомы, всё ли совершается по необходимости или возможна «причинность через свободу». Поскольку мы этого не знаем, мы уже не можем мыслить мир предметно, в качестве вещи. И здесь, с точки зрения Финка, мы попадаем в перспективу космологического различия. В качестве предметов мы всегда имеем дело с вещами как явлениями, предмет у Канта это всегда предмет чувственного опыта. Мир среди таких предметов не встречается, он не является в качестве вещи. Как целое, он вообще не выявляется в опыте и потому получает статус идеи. В конечном итоге, мир у Канта субъективируется, будучи представлен в виде априорной идеи чистого разума (точнее – в виде системы космологических идей).

Однако, несмотря на субъективацию феномена мира в кантовской космологии, Финк настаивает, что в философии Канта впервые обосновывается космологическое различие, «впервые встречается принципиальное выражение и обоснование того, что мир не есть сущее, не есть вещь» [5, S. 81; цит. по: 4, с. 235]. Кант как бы открывает измерение космологического различия и сам же закрывает его, представляя мир в качестве идеи разума. Возникает вопрос: действительно ли Кант имеет дело с различием между миром и внутримирным сущим, присутствует ли в его философии то измерение, которое приписывает ему Финк?

Финк утверждает, что «в его <Канта> философии продолжает жить “пафос мира”, он, например, находит выражение в том, что Кант называет “мировым понятием” философии, имея в виду не ученость, а способ существования, образ жизни человека, сознающего свои высшие цели, памятующего о “божественном человеке в нас”» [1, S. 25]. «Пафос мира» выражается не только в экзистенциально-практическом понятии мира, которое Кант развивает в своей «Антропологии», но и в том или ином настроении, настроении мира, которое, согласно Финку, присутствует в мысли Канта: «Эта мысль о мире изначально является в меньшей степени теоретическим концептом, чем “настроением” - настроением устремленного вдаль простирания в безграничное, или же чувством, переполняющим нас при любовании “открытым морем” и при созерцании “звездного неба” над головой» [1, S. 24]. Эти кантовские примеры также должны свидетельствовать в пользу того, что в философии Канта живет мировой пафос, однако у Канта они появляются отнюдь не в «Критике чистого разума», а в «Критике способности суждения», как демонстрация чувства возвышенного, - чувства, возникающего в результате рассогласования человеческой способности постичь некоторое явление природы и тем самым опредметить его. Явления природы, вызывающие чувство возвышенного, принципиально не могут быть опредмечены, они действительно сообщают «пафос мира», возбуждают в нас опыт причастности к универсуму. Однако в «Критике чистого разума» явного «мирового пафоса» мы не обнаруживаем - в отличие от представления о регулятивном применении космологических идей, позволяющих «производить эмпирический регресс» и все дальше продвигаться в рядах опыта от обусловленному к безусловному [6, с. 463].

Таким образом, субъективация идеи мира у Канта - как, скажем, и у Гуссерля - ведет к тому, что опыт мира, обладающий своей настроенностью и своим пафосом, в конечном итоге оказывается вытесненным, забытым. Находиться в диапазоне космологического различия - значит иметь такого рода опыт, быть причастным «настроению мира», уметь «восчувствовать» мир как нечто превосходящее окружающие нас вещи и события. Поскольку пафос мира и его концептуализация оказываются вытеснены на периферию кантовской мысли, то космологическое различие схлопывается, только что будучи открытым, и в итоге мы имеем дело с пресловутыми «рядами опыта», окончательного синтеза при продвижении в которых мы никогда не достигнем.

Кант является космологом примерно в том же смысле, что и Гуссерль, который равным образом объявляет мир бесконечной идеей, т.к. опыт относительно мира никогда не может быть завершен, так же как и опыт относительно любой действительной вещи [см.: 7, с. 140 сл.]. И Кант, и Гуссерль в конечном итоге остаются за рамками перспективы, позволяющей мыслить космологическое различие, т.к. для обоих данность мира вписывается в структуру опыта лишь на правах идеального коррелята[i]. Пока же мир мыслится в качестве коррелята, у нас нет шансов дать затронуть себя опыту мира, пережить мир как то, что может вдруг подступить в своем всегдашнем отступании. Сознание, субъект - вообще не та инстанция, которая может пережить опыт мира, т.к. функция сознания или субъекта - опредмечивать, представлять в виде предметного коррелята. Но мир – это не то или иное сущее, которое можно представить в виде коррелята субъективного опыта. Мир ощутим только при условии собранности всего человеческого существа, определенной его настроенности, расположенности, отрешенности от повседневной суеты и бытовых дел. Только тогда человек может попасть в диапазон космологического различия и испытать на себе в некоем изумлении, что значит быть в мире.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта на тему «Феноменологическое понятие мира», поддержанного грантом РФФИ № 18-011-00912 А.

Литература:

1. Fink E. Spiel als Weltsymbol. Stuttgart: Kohlhammer, 1960.
2. Fink E. Alles und Nichts. Ein Umweg zur Philosophie. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1959.
3. Fink E. Welt und Endlichkeit. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1990.
4. Лаццари Р. Вопрос о мире и космологическая интерпретация «Критики чистого разума» Канта Ойгеном Финком // Horizon. Феноменологические исследования. 2015. Т. 4, № 1.
5. Fink E. Einleitung in die Philosophie. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1985.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. в 6 тт. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
7. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, Ювента, 1998.

i Гуссерлевская концепция мира как универсального горизонта опыта при ближайшем рассмотрении также оказывается несоответствующей идее космологического различия.

Развитие кантовской теории познания в европейском трансцендентализме начала XX века

Шиян Анна Александровна

Российский государственный гуманитарный университет - доцент кафедры истории отечественной философии философского факультета; Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» - старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

annasamoikina@yandex.ru

Можно смело сказать, что теория познания составляет ядро кантовского трансцендентализма, которой он, конечно, не исчерпывается. В данном тексте рассматривается развитие и модификация кантовского подхода к познанию в континентальном (русском и немецком) трансцендентализме начала XX в. С этой целью автор обращается к интерпретации двух кантовских «условий возможности познания» в феноменологии и в неокантианстве: наличию синтетических суждение априори и данности в опыте предмета познания. Синтетические суждения априори рассматриваются в рамках этих концепций как принципы, или основания, познания. В статье особое внимание уделяется пониманию всеобщих принципов познания в начале XX в., одним из которых является подтверждение знания в опыте. Автор также доказывает, что, не смотря на разные подходы к пониманию данности предмета познания в феноменологии и в неокантианстве, представители этих течений солидарны в отрицании принципа беспредпосылочности познания и в необходимости соотнесения предмета познания с реальностью.

Ключевые слова: теория познания, трансцендентализм, феноменология, неокантианство, предмет познания, принципы познания.

The development of the Kantian theory of cognition in European transcendentalism of the early twentieth century.

Shiyan Anna A.

Department of the History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia); International laboratory for research on Russian-European intellectual dialogue, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

As you know, the theory of cognition is the core of Kantian transcendentalism, which, of course, is not exhausted. This text discusses the development and modification of the Kantian approach to cognition in continental (Russian and German) transcendentalism of the early twentieth century. The author turns to the interpretation of two Kantian conditions for the possibility of cognition in phenomenology and neo-Kantianism: the presence of synthetic judgments a priori and given in the experience of the subject of cognition. Synthetic judgments a priori are discussed in the framework of these concepts as principles, or grounds of cognition. The article focuses on understanding the General principles of cognition in the early twentieth century, one of which is the confirmation of knowledge in experience. The author also argues that despite the different approaches to the givenness of the subject of cognition in phenomenology and neo-Kantianism, representatives of these currents are united in their denial of the “unreasonableness of the experimental given and in the need to correlate the subject of cognition with reality.

Keywords: Theory of cognition, transcendentalism, phenomenology, neo-Kantianism, object of cognition, the principles of cognition.

[i] Неокантианство по праву считается одним из основных приемников и продолжателей кантовской критической теории познания. Сохраняя кантовскую постановку вопроса – как возможно познание – они творчески развивали трансцендентальную теорию познания и во многом задавали теоретико-познавательный контекст своего времени. В рамках этого же контекста осуществлял свои исследования в области познания Э. Гуссерль, феноменология которого, тем не менее, внесла весомый вклад в разработку методологии и обоснование познания. Не случайно некоторые теоретико-познавательные концепции начала XX в. объединяют неокантианские и феноменологические подходы (см., например, [1, 2]).

Итак, трансцендентальный подход к познанию определяется вопросом: «Как возможно познания?» В самом общем виде ответ Канта можно свести к двум условиям возможности познания. Познание возможно, поскольку возможны синтетические суждения априори и данность в опыте предмета познания.

Синтетические суждения априори в сфере естествознания Кант во введении во второе издания «Критики чистого разума» называет принципами, согласно которым функционирует познание [3, с. 67]. Именно к принципам познания как основным факторам, обеспечивающим возможность познания, было приковано внимание в теоретико-познавательных штудиях немецких и русских философов начала XX в., прежде всего у неокантианцев. Однако, если кантовские «принципы» напоминают скорее законы физики («при всех изменениях телесного мира количество материи остается неизменным или при всякой передаче движения действие и противодействие всегда должны быть равны друг другу» [3, с. 71]), то у неокантианцев речь идет именно об общих условиях, которым подчиняется наше познания, то есть о принципах в прямом смысле этого слова. В начале XX в. как синонимы «принципы» в области теории познания используются «предпосылки» (*Voraussetzungen*) и «основания» (*Crundlagen*). Более того, Гуссерль уже ставит вопрос не о возможности познания, а пишет о необходимости обоснования познания, прежде всего научного.

В отличие от Канта, который занимался поиском оснований математики и естествознания, перед гносеологами начала XX в. стояла задача обоснования более широкого спектра наук. Вероятно, поэтому принципы познания, которые выделяются в текстах начала XX в., можно разделить на два класса: всеобщие принципы, которым подчиняется любое познание, и частные принципы, характерные для определенного вида познания. Так, например, к всеобщим принципам познания, выделяемым в марбургской школе неокантианства, можно отнести систематичность, проблематичность и гипотетичность всего нашего знания [4]. С точки зрения Гуссерля, последнее обоснование познание и знания заключается в повседневном непосредственном опыте, прежде всего в опыте восприятия.

Немецкий гносеолог начала XX в. Э. Бехер «последними достоверными основаниями познания» (являющимися всеобщими) считает синтетические априорные суждения, относительно которых с очевидностью достигается истина [1, S. 22–36]. Это – (1) суждения, сделанные на основе восприятия, понимаемом в широком смысле как ощущение, чувствование, слышание и т. п., (2) аналитические суждения в кантовском смысле и (3) суждения, в которых путем сущностной интуиции устанавливаются всеобщие свойства и характеристики предмета познания и отношения между ними.

Бехер, в отличие от Канта и неокантианцев, признает сущностную интуицию в качестве достоверного источника познания, и в этом он близок к феноменологии. Однако у Гуссерля в качестве предельного основания познания выступает исключительно повседневный опыт, связанный с индивидуальными вещами, прежде всего опыт восприятия. Это означает, что для обоснования любого познания мы должны показать, как идеальные закономерности получаются из непосредственного опыта, то есть необходимо воспроизвести процесс идеализации.

К более частным принципам, обосновывающим познание в отдельных предметных областях, у Гуссерля относятся закономерности регионов реального мира (регионы материальных вещей, живых существ, социальных личностей и т. д.), у марбургской школы неокантианства – принцип бесконечных малых в математике и в естествознании. Бехер под частными принципам или предпосылками познания понимает «недостоверные основания познания», то есть такие, в истинности которых мы не можем убедиться. К ним Бехер относит доверие к воспоминанию, предпосылки регулярности и закономерности.

Что касается второго, выделенного нами кантовского условия возможности познания – данности предмета познания в опыте, – то можно найти его различные толкования в феноменологии и в неокантианстве. Как известно, неокантианцы отнесли кантовские формы чувственности к категориям рассудка и выдвинули тезис об обусловленности данности предмета мышлением. Радикализацией этого положения является утверждение, что любой предмет познания является чистым конструктом нашего мышления, не имеющим никакого отношения к реальному пространственному миру. Именно так понимают неокантианство и сегодня [5].

Противоположная, на первый взгляд, позиция представлена философией Гуссерля. С точки зрения его

i Поддержано грантом РФФИ № 19–011–00925

феноменологии, предмет познания при определенных условиях может быть дан в опыте восприятия так, как он существует в действительности. Но это не происходит автоматически, необходимо совершить редукцию и направить внимание только на то, что дано в самом опыте (см., например, гуссерлевский «Принцип всех принципов» [6, с. 80–81]). И только после этого мы можем претендовать на познание действительности.

Однако при более внимательном обращении к феноменологии и неокантианству оба эти штампа – абсолютный конструктивизм неокантианства и беспредпосылочность феноменологии – сильно модифицируются, если не полностью уничтожаются. Как подчеркивал русский неокантианец В. Сеземан, принцип гипотетичности познания требует согласования познания с опытом и не позволяет заниматься произвольным конструированием действительности [4, с. 15–16]. О том, что познание всегда есть познание действительности, обращает внимание и Риккерт [7]. Тезис неокантианцев о неустранимости мышления из изначальной данности любого предмета познания можно понимать как утверждение о невозможности чисто эмпирического опыта и о неизбежной обусловленности нашего опыта предпосылками [8, с. 51]. И, как ни странно, этому соответствует огромный массив гуссерлевских исследований познающего сознания. При пристальном рассмотрении, методы редукции и эпохé заключаются вовсе не в уничтожении всех предпосылок (нельзя приписывать Гуссерлю такую абсурдную позицию), а прежде всего в фиксации предпосылок нашего познания и отбрасывании тех их них, которые можно отбросить без искажения опыта. Более того, в своем анализе опыта восприятия Гуссерль показывает, что данность любого предмета обусловлена прошлым опытом и основывается не только на формальных структурах и принципах функционирования сознания, но и в определенной мере определяется социально-культурным содержанием сознания (см., например, [9; 10]).

Если в признании наличия предпосылок в любом познании позиции феноменологии и неокантианства сближаются, то в отношении самой данности в опыте предмета познания они сильно расходятся. Среди неокантианцев было весьма распространено мнение, что данность предмета в опыте сознания является психическим (или психологическим) процессом, который у каждого человека имеет свои индивидуальные особенности. Соответственно, например, хотя Риккерт считает эту данность необходимым условием познания, но относит ее не к философии, а к психологии, а значит, исследования реального опыта данности предмета познания не попадают в сферу исследований неокантианцев и других гносеологов начала XX в., разделяющих эту позицию (например, в учении Бехера). Исследования марбургских неокантианцев формирования мышлением предмета научного познания не имеют непосредственного отношения к данности предмета в реальном опыте сознания [11]. Тогда возникает вопрос, каким образом научное знание может соответствовать нашему опыту? В качестве ответа на этот вопрос можно указать на тезис параллелизма бытия и мышления, которого, по мнению Сеземана [4], придерживались марбургские неокантианцы.

Гуссерль же продолжает кантовскую линию и считает, что предметами познания являются, прежде всего, вещи реального мира и исходная данность предмета в опыте есть его данность в нашем восприятии. В своих текстах, как опубликованных, так и неопубликованных при жизни, Гуссерль отводит много места описанию опыта восприятия, или, говоря на феноменологическом языке, исследует процесс конституирования / конституции предмета.

Заслуга Гуссерля заключается в том, что он отказался относить повседневный опыт сознания (восприятие, воспоминание, фантазию и т. п.) к сфере психологии. С точки зрения феноменологии, сознание людей имеет одинаковую структуру и общие принципы функционирования, благодаря которым мы осознаем и познаем в основном одинаково. Конечно, у каждого человека есть свои индивидуальные особенности восприятия предметов, но в познании они не играют значимой роли. Познающее сознание, взятое с точки зрения его всеобщих свойств и принципов, Гуссерль обозначил как трансцендентальное сознание.

В заключении хотелось бы отметить проблемы познания, к которым в явном виде не обращаются гносеологи начала XX в., но которые так или иначе всплывают в их работах и которые являются актуальными для нас сегодня. Это проблема существования доязыкового познания и его соотнесения с языковым и, вопрос о взаимоотношении повседневного и научного познания, роль рефлексии в познании и, соответственно, вопрос о возможности бессознательного познания. Обращение к текстам начала прошлого века поможет нам найти пути решения этих и других проблем, которые проливают свет на общую возможность познания.

Литература:

1. Becher E. Ist echte Erkenntnis möglich? Hrsg. Klaus-Dieter Sedlacek. Norderstedt: Books on Demand, 2016. 67 S.
2. Sezemann V. Rationales und Irrationales // Sezemann V. Studien zum Erkenntnisproblem. II. Kaunas: Valstybes Spaustuve, 1927. S. 4–66.
3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках. М.: Наука, 1994–2006. Т. 2. Ч. 1 (2-е (В) изд.). 2006. 1082 с.
4. Сеземан В. Е. Теоретическая философия Марбургской школы // Новые идеи в философии. Сборник 5. СПб, 2013. С. 1–34.
5. Чардыбон Б. Философия Василия Сеземана и марбургское неокантианство // Кантовский сборник, 2015, № 3 (53). С. 66–85.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
7. Риккер Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии, 1913, № 7. С. 1–79.
8. Сокулер З. А. Герман Коген и философия диалога. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 312 с.
9. Husserl E. Erfahrung und Urteil. Hamburg: Meiner. 1999. 492 S.
10. Husserl E. Erste Philosophie (1923/24). Zweiter Teil: Theorie der phänomenologischen Reduktion. Husserliana, Bd. VIII. Den Haag, 1959. 594 S.
11. Коген Г. Теория опыта Канта. М.: Академический проект, 2012. 618 с.

*РФК-2020_302_*
Круглый стол «Философия Мартина Хайдеггера как вызов современной академической философии»

Время события в философии Мартина Хайдеггера

Дурнев А.Д.

Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, аспирант

a.durnev.ph@gmail.com

В статье производится разбор понятия времени в философии Мартина Хайдеггера. Упор сделан на сопоставление смысла этого понятия в период фундаментальной онтологии и так называемый «поздний» период творчества (после работы "*Die Kehre" – «Поворот»). И хотя логика философствования в эти периоды у Хайдеггера отличается, понятие времени сохраняет определённую преемственность. Эта преемственность выражена в том, что определённое понимание времени необходимо для выхода на вопрос о смысле бытия. Расхожее или обыденное понимание времени способствует несобственному отношению к нему и уводит бытие в забвение. Однако Хайдеггер ещё в «Бытии и времени» настаивает на возможности и необходимости иного понимания. Понятие события (Ereignis), широко используемое Хайдеггером в «поздний» период творчества, представляется как возможный путь по прояснению смысла бытия через время.*

Ключевые слова: время, событие, смысл, бытие, путь, *Ereignis, Dasein*

Time of the Event in Heidegger's Philosophy

Durnev A.D.

Saint Petersburg State University, The Institute of Philosophy, post-graduate

The article presents a review of the concept of time in Martin Heidegger's philosophy. The major point is the comparison of the concept' meaning within the period of fundamental ontology and so-called "later" period (after "Die Kehre" – "The Turn" lecture). Though the logic of thinking within these periods differs, the concept of time retains a certain continuity. It expressed in the idea that a certain understanding of time is required in order to ask about the being. The common understanding leads to a treatment with time as with un-owned thus leading away from the being. However, already in "Being and Time" Heidegger insists on the possibility and necessity of another way. A concept of the event (Ereignis), which is widely used in the later Heidegger's philosophy, can be represented as a way to clearing the sense of the being through the understanding of time.

Keywords: time, event, sense, the being, way, Ereignis, Dasein

Одной из ключевых тем всей философии Мартина Хайдеггера является время. Однако творчество немецкого мыслителя, как известно, неоднородно. В качестве наиболее значимых периодов принято выделять период фундаментальной онтологии и так называемый «поздний» период (после работы «Die Kehre» - «Поворот»). Приведённое разделение на периоды творчества, разумеется, является условным, поскольку сам Хайдеггер нигде заранее явно не выводит такую экспозицию. Такая структура скорее сложилась в виду путей продумывания, которыми шёл Хайдеггер (путей, подобных, как он сам выражался, «лесным тропам») [1, с. 122-113, 116]. Если в период фундаментальной онтологии Хайдеггер пытается через временность Dasein выйти к смыслу бытия, то ключевой темой позднего периода творчества является событие (Ereignis) [2, с. 494-495], [3, с. 10-11], также связанное со временем. В связи с вышеизложенным представляется достойным интереса рассмотреть точки преемственности и преломления некоторых идей Хайдеггера в аспекте представления одной из ключевых тем его творчества – темы времени.

Введение времени как основного горизонта понимания бытия для человека, который в свою очередь понимается как Dasein, является известным новаторством мысли Хайдеггера. Человек, а точнее Dasein оказывается в позиции задающего вопросы о смысле своего собственного существования, таким образом он выходит в план вопрошания о смысле бытия вообще. Смысл бытия в свою очередь оказывается завязан на напряжении, которое возникает у Dasein в связи с переживанием собственной

временности. И из этой временности, представленной как единство модусов времени – настоящего, прошлого и будущего, предлагается уже понимать смысл бытия [4, с. 305-306].

Единство модусов времени обеспечено возможностью их понимания собственным образом. В противовес этому несобственное понимание времени можно представить как простое попадание в некую расчерченную сетку координат, репрезентирующую континуум «прошлое-настоящее-будущее» или в хайдеггеровских терминах - забвение-настояние-ожидание. Кратко, собственное понимание времени у Хайдеггера выглядит следующим образом. Будущее понимается как забегание вперёд (Vorlaufen) исходя из собственных возможностей Dasein, прошлое как возобновление или воспроизведение (Wiedeholung) себя самого из собственной способности быть, настоящее как мгновение ока (Augenblick) временится исходя из решимости, основанной на собственном прошлом и будущем [5, с. 336-339], [6, с. 38-39]. При этом собственное понимание времени сопоставимо с подлинным, хотя и не тождественно ему. Несобственное понимание же, напротив, сопоставимо с неподлинным или обыденным пониманием времени. Dasein, относясь ко времени несобственным образом, оказывается разъято или «разобрано» на то, во что оно впало, чем оказалось озабочено как бы извне, а не исходя из заботы о том, как ему быть [7, с. 22-23].

Бытие понимается через сущее, пусть и представленное таким особым образом как способное задаваться вопросом о смысле бытия. При этом, что любопытно, это сущее оказывается как бы собранным в одной точке, в Da, в «вот» или «се». Бибихин в своих переводах пытается передать этот оттенок, предлагая перевод Dasein термином «присутствие». При этом, как указывает Черняков, Dasein означает das Sein des Da, то есть бытие самого этого «вот» [4, с. 305]. Важно отметить, что по крайней мере при первом приближении это «вот» не тождественно «теперь», «здесь» или «сейчас». Поскольку, если мы употребляем слово, носящее темпоральный или топологический оттенок, то получается, мы высвечиваем, скажем «теперь», оттеняя «потом» или «ранее». Аналогичное замечание можно высказать и по поводу топологического «здесь» и ему подобных терминов. Собирание в наличном «вот» сущего, понятого как Dasein, является ключевым.

В результате «Поворота» Хайдеггер предлагает заниматься бытием без оглядки на сущее. В связи с этим, понятие Dasein утрачивает ту узловую роль, которая была у него ранее. Одной из превалирующих тем становится событие [2, с. 498-499]. С этой темой также связаны разработка понятий истины и власти, техники и постава, а также тема слова. В рамках данной работы не представляется возможным и необходимым давать очерк всем этим темам, но их нельзя не упомянуть, чтобы представить экспозицию позднего периода творчества немецкого мыслителя. Событие, понятое как Ereignis, являет собой событие бытия, истину вещи в её сути. При этом понятие события может рассматриваться двояко: как продолжающее предложенное Хайдеггером ранее понимание Dasein, изложенное выше, однако с некоторыми преломлениями. Если ранее речь шла всё же о сущем, собранном в «вот» и существующим специфическим образом, позволяющим выходить на вопрос о бытии, то в отношении события Хайдеггер подчёркивает, что оно есть непосредственно взаимопринадлежание времени и бытия [8, с. 402-403]. Иными словами, в самой постановке темы события лучшим образом артикулируется то, что вычитывал в понятии Dasein Черняков: сбывание бытия. Такие же эпитеты Хайдеггер употребляет и в отношении истины понятой как несокрытость, поскольку она как раз-таки является в событии; несокрытость бытия суть его сбывание. При этом истина не развертывается постепенно, не проходит некие этапы становления, она раскрывается как Augenblick, то есть как мгновение ока, «молния». Преемственность события с понятием вот-бытия заключается в том, что происходит «стягивание» модусов времени в одну точку.

Как можно заметить, термин Augenblick ранее употреблялся Хайдеггером для обозначения собственного понимания настоящего, и это неслучайно. Разница заключается в том, что в период фундаментальной онтологии Хайдеггер подходил к этому термину как к аспекту бытия Dasein в модусе собственного настоящего, что к тому же нередко вызывало антропологические коннотации при разборе. В случае события субъектность, а тем более антропоцентричность концепции как бы расплывается: не некое сущее вопрошает себя относительно бытия, ситуация оборачивается таким образом, таким событием, что бытие раскрывает себя самоё.

Вышесказанное позволяет лучшим образом раскрыть то понимание времени, которым призывает пользоваться Хайдеггер и которое отличается от обыденного. Событие как бы производит маркировку времени, которое можно назвать «событийным» (Бибихин использует термин «пора» [7, с. 7]). Событие именно представляет собой максимально не пустое пространство, оно актуализирует как раз то понимание времени, которое в период фундаментальной онтологии обозначается как собственное, всегда моё. Обыденное понимание времени можно также обозначить как механистическое, мифологическое, исчислимое. Оно механистично, поскольку выражением такого времени выступают часы, календарь – изобретения в духе Нового времени и механицизма, превалирующего в эту эпоху. Оно мифологично, потому что функционирует согласно социально установленным механизмам и нормам [7, с. 75-76]. И разумеется, оно исчислимо, поскольку в современную эпоху главенствует власть Махинации (Machenschaft) и счёту подвергается всё и вся [9, с. 72-73]. Хайдеггеровское Ereignis стремится скорее не развеять этот механистический дискурс неподлинного, но как бы продвинуться за него, на более фундаментальный, онтологический план, план бытия.

Событийное время можно представить как Другое времени мифологического; время можно понимать как некий шов, разделяющий привычное и непривычное. В качестве одной из ключевых задач, которые на своём пути осуществляет философ, можно обозначить отыскание как раз такой оптики для распознания неявного в привычном. Поэтому на позднем этапе своего философствования Хайдеггер говорит о поиске Другого начала европейской метафизики, чтобы вырваться из привычных её апорий, в том числе связанных со временем. В работе «Что это такое – философия?» он подчёркивает важность философского удивления (πάθος), как собственно начала (αρχή) философии. Удивление есть такая расположенность, для которой раскрывается бытие сущего [10, с. 24-25]. В работе «Вещь» наглядно демонстрируется, как удивление в отношении, казалось бы, привычной вещи - чаши, позволяет обрести необходимую близь с тем, чтобы подобраться к её сути [11], [12, с. 144]. Событие можно рассматривать как «точку входа» в подобный режим философской «оптики». Понятие времени, которое способно дать Ereignis, как раз является попыткой прорваться за привычное с целью выведения бытия из забвения.

Литература:

1. Михайловский А.В. Мартин Хайдеггер – философ на лесной тропе // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2009. № 2(6). С. 112-121.

2. Бибихин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beitrdge» // Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару / М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. С. 493–520.
3. Романенко Ю.М. Перспективы событийной онтологии в современной философии // Сборник материалов XIX Свято-Троицких ежегодных международных академических чтения в Санкт-Петербурге 29 мая — 1 июня 2019 г. / Отв. ред. Д. В. Шмонин. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2019. С. 9-13.
4. Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 460 с.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2011. – 460 с.
6. Паткуль А.Б. Время как горизонт понимания бытия в фундаментальной онтологии // Horizon. 2012. № 1(1). С. 28-47.
7. Бибихин В.В. Пора (время-бытие). СПб: Владимир Даль, 2015. 367 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие // Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. М.: Республика, 1993. - С. 391-406.
9. Хайдеггер М. Отзвук (Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis §§ 50-80) / Пер. с нем. Э. Сагетдинова // Герменея. 2012. № 1(4). С. 52-98.
10. Хайдеггер М. Что это такое - философия? // Пер. В.Ю. Кузнецова / Философия философии. Тексты философии. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2012. С. 15-27.
11. Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: статьи и выступления. / Пер. с нем. М.: Республика, 1993. - С. 316-326.
12. Пёглер О. Новые пути с Хайдеггером. / Пер. с нем. и предисл. А.В. Перцева, О.А. Матвейчева. СПб.: Владимир Даль, 2019. 637 с.

М. Хайдеггер как историк философии

Ф.Е. Ажимов

Дальневосточный федеральный университет, директор Школы искусств и гуманитарных наук. Доктор философских наук

Azhimov.fe@dvfu.ru

Аннотация: В докладе обращается внимание на тот факт, что, несмотря на новаторский статус философии Мартина Хайдеггера, его можно назвать в первую очередь академическим философом. Читая его произведения, нельзя не обратить внимание на то, что он не просто мыслит с учетом всей европейской традиции, но и имеет свою историко-философскую концепцию. В настоящей работе предпринята попытка реконструировать историко-философский стиль М. Хайдеггера на примере его двух курсов лекций: «Введение в метафизику» (1935) и «Основные проблемы феноменологии» (1927), в которых обозначаются основные вехи развития классической, «докризисной» философии.

Ключевые слова: Хайдеггер, история философии, метафизика, западноевропейская философия.

Martin Heidegger as a historian of philosophy.

Feliks E. Azhimov

Far Eastern Federal University, School of Arts and Humanities

Abstract: The report draws attention to the fact that, despite the innovative status of Martin Heidegger's philosophy, he can primarily be considered as an academic philosopher. Reading his works, one cannot but notice not only that his thinking draws heavily on the European tradition, but also that he has his own concept of the history of philosophy. This work is an attempt to reveal Heidegger's style of reconstructing the history of philosophy basing on the example of his courses of lectures "Introduction to Metaphysics" (1935) and "The Main Problems of Phenomenology" (1927), which outline the main milestones of the "pre-crisis" philosophy's development.

Keywords: Heidegger, history of philosophy, metaphysics, Western European philosophy

Мартин Хайдеггер на сегодняшний день, пожалуй, является, с одной стороны, одним из самых изученных философов, а, с другой, по-прежнему остается одной из самых загадочных фигур западноевропейской философии.

Если говорить о степени изученности М. Хайдеггера, то достаточно отметить лишь один факт – немецкий философ является самым «востребованным» из интернациональных философов. Речь идет о том, что почти все его основные работы переведены на все европейские языки, почти каждая переводная работа Хайдеггера и исследования о нем в обязательном порядке содержат специальный раздел-глоссарий, где обсуждаются варианты переводов хайдеггеровских терминов. Причем стоит заметить, что несмотря на то, что любой литературный и философский перевод требует кропотливой и филигранной работы переводчика и, более того, переводчик, всегда выступает в качестве фактического соавтора произведения, именно язык и стиль М. Хайдеггера обрекают его исследователей на составления специальных упомянутых разделов.

Что касается аспекта загадочности философии М.Хайдеггера, то объяснением этого феномена будет не только специфика уже упомянутых стиля и языка М. Хайдеггера, но и тот факт, что до сих пор продолжается процесс издания его собрания сочинений. Так, например, публикация «Черных тетрадей», которая по завещанию философа должна завершить собрание его сочинений, принесла очередной раскол в ряды историков философии и интеллектуалов. С одной стороны, читателям открылась «мастерская философа» и они теперь в состоянии увидеть не просто черновые варианты известных уже ставших каноническими работ немецкого мыслителя, но и творческо-когнитивный, социальный и политический контексты работы философа в определенный период времени, а, с другой, многие трюистические характеристики хайдеггеровских философии и биографии подвергаются пересмотру после публикации «Черных тетрадей».

Упомянутой выше популярности М. Хайдеггера определенным образом способствовал его специфический взгляд на историю философии. М. Хайдеггер не просто позволял себе выстраивать историко-философский процесс таким образом, чтобы центрировать былые философские концепции вокруг интересующей его философской тематики (как это, впрочем, довольно распространено среди философов), но заставлял философов прошлого «говорить» с ним на одном языке, языке интересующих его категорий. Безусловно, подобный подход оправдан герменевтической стратегией М. Хайдеггера, позволяющей предмет исследования превращать в своего собеседника, однако немецкий философ идет дальше. Выстраивая диалог с традицией, он дистанцируется от нее, пытаясь не выполнять роль режиссера созданного им спектакля, а дать возможность главным героям обрести самостоятельно свою подлинность.

Очевидно, что в качестве стремления к подлинности для М. Хайдеггера выступает обращение к древнегреческой и, даже более конкретно – к досократической культуре и языку. При этом, он не может игнорировать родную для него немецкую философию. (В этой связи актуальны его двухтомник о Ницше, курсы лекций, прочитанные в разные годы о Канте, немецком классическом идеализме, Гегеле и др.). Одним словом, являясь в некотором смысле ниспровергателем традиционных подходов в философии, провозглашая «новую» эпоху феноменологии и герменевтики, М. Хайдеггер на сто процентов остается классическим академическим философом. Рассматривать его исключительно лишь как ниспровергателя традиционной онтологии и философии, европейской метафизики и мышления, по меньшей мере, однобоко. Его гуссерлианско-феноменологические корни говорят о философии, в принципе, как о «строгой науке», неустанном поиске аподиктичности как не только чего-то непротиворечивого и гармоничного, но как укорененного в своем подлинном источнике – традиции и переживании.

Центрируя свою философию вокруг проблемы бытия, он учитывает сложившуюся историко-философскую традицию и при этом подобно Гегелю рассматривает это понятие (бытия) как его историю. Историчность, по Хайдеггеру, есть первая отличительная черта человеческой мысли и философии как концентрированной сущности этого мышления. Бытие неотделимо от представлений о нем – метафизика есть совокупность закономерно сменяющих друг друга представлений, которые объясняются не произволом мыслителей, а духовной ситуацией конкретной эпохи. Историческое развитие, при этом, есть единственный залог единства философии.

Таким образом, М. Хайдеггер в конкретном мыслителе критикует эпоху и присущий ей стиль мышления. Метафизика же является основой эпохи в силу только того, что ей принадлежит определенная трактовка истины и сущего. Изложение своих фундаментальных онтологических воззрений он начинает с «деструкции Аристотеля» [4, с. 51-64], то есть с критического разбора античной метафизики и культуры, и последовательно проводит этот ретроспективный анализ вплоть до Нового времени.

В своем курсе лекций «Основные проблемы феноменологии», прочитанном в год выхода в свет «Бытия и времени», М. Хайдеггер схематично систематизирует существующие онтологические тезисы о бытии, выделяя четыре группы последних.

Первый тезис кантовский: «бытие не есть реальный предикат» [2, с. 31]. Этот тезис гласит о том, что само существование не может считаться понятием вещи. По Канту «существование не есть реальность» [2, с. 46], и «действительность не есть реальное определение» [2, с. 53].

Второй, «восходящий к Аристотелю тезис средневековой онтологии: бытийному складу сущего принадлежит что-бытие (essentia) и бытие-в-наличии (existentia)» [2, с. 109]. Или другой, более популярный перевод, - сущность и существование. В этом пункте М. Хайдеггер разбирает три важных аспекта этого тезиса, связанных с особенностями философских взглядов Фомы Аквинского, И. Дунса Скота и Ф. Суареса.

Томистская философия вращается вокруг понимания различия сущности и существования как чего-то реального. И. Дунс Скот, занимая номиналистско-формальную позицию утверждает, что подобное различие «принадлежит действительному, хотя ... не является при этом вещью» [2, с. 122]. И, наконец, метафизика Ф. Суареса, предвосхитившая своей систематичностью философию Гегеля, и по сути являющаяся первым образцом систематизации онтологии как самостоятельного раздела философского знания вообще, допускает следующее определение:

«Предмет обшей онтологии - ...conceptus objectivus cntis, объективное понятие сущего, т.е. всеобщее в сущем как таковом, значение бытия вообще в его совершенной абстракции, т.е. независимо

от всякой соотнесенности с каким-либо конкретным сущим» [2, с. 108]. То есть «...различие между сущностью и существованием в тварном сущем есть всего лишь некоторое понятийное различие» [2, с. 122].

В таких оттенках средневекового тезиса о бытии стоит заметить очень важную черту европейской онтологии и метафизики, к которой она пришла в своем развитии - различающую силу философского представления о действительности. Различие есть залог любого фундаментального построения.

Третий тезис нововременной онтологии: «Основные способы бытия суть бытие природы (res extensa) и бытие ума (res cogitans)» [2, с. 161]. Новое время с его ориентацией на гносеолого-методологическую проблематику стало благодатной почвой для появления таких философских «клише», ставших в последствии избитыми, как: «субъективизм», «солипсизм», «субъективный идеализм», «агностицизм» и т.д. Все они являются производными от основополагающего для Нового времени картезианского принципа – воспринимать субъект как аксиоматическую данность, которая достоверна более, чем объекты. Декарт, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель и Гуссерль говорят о «я» как о чем-то стороннем по отношению к сущему, употребляя термины «самосознание», «апперцепция» и т.д. В этой связи М. Хайдеггер говорит о двух взаимосвязанных заблуждениях субъект-объектной парадигмы, в рамках которой вводится понятие субъекта, полагая априори уже всякое сущее в качестве объекта. Во-первых, природные явления не нуждаются в том, чтобы бы «объектами», для существования в качестве того, чем они являются [2, с. 207]. И, во-вторых, субъект не может и не должен находиться в качестве субъекта, то есть быть с необходимостью познающим и всегда иметь перед собой нечто в качестве объекта восприятия.

Последний тезис принадлежит логике и гласит: «всякое сущее без ущерба для соответствующего способа быть позволяет называть себя и говорить о себе посредством копулы «есть». Бытие копулы.» [2, с. 234]. Хайдеггер заявляет, что онтология в своем развитии в 18 в. в трудах Лейбница и Вольфа, и в 19 в. у Гегеля слилась с логикой, поскольку связность вещей, мыслей и само понятие истины теперь принадлежат лишь исключительно логике. Бытие, «есть» присутствует в каждом суждении, при чем это «есть» всегда стремится указать на истинность этого суждения, или его «предметность». Поэтому бытие становится лишь тем, «о чем истинно судят» [2, с. 265]. Проблема заключается в том, что «есть» определяют как копулу, вторичное: вначале «S», а затем «есть P».

В несколько ином варианте М. Хайдеггер рассматривает схожую классификацию тезисов о бытии во «Введении в метафизику». Здесь он рассматривает исторические представления о бытии в противопоставлении «бытие-иное»:

А. Бытие и становление;

Б. Бытие и видимость;

В. Бытие и мышление;

Г. Бытие и долженствование.

Первые два различия связаны с именами античных философов Парменида и Гераклита, положивших начало полемике относительно того, есть ли бытие нечто неподвижное или непрекращающееся движение, и, как следствие, имеет ли истинное бытие свою противоположность в форме «небытия» или «видимости».

Третье различие связано с четвертым тезисом о бытии и принадлежит проблеме соотношения логики и метафизики. История философской мысли является попыткой преодоления логики как изобретения «школьных учителей» [1, с. 200]. Логос (мышление) в греческой философии выделился из фюзиса таким образом, что логос-логика-рацио приобрел господствующее положение, в то время как изначальное значение логоса заключается в именно упорядоченности фюзиса.

«Преодоление традиционной логики означает не устранение мышления и господство одних чувств, а изначальное, строгое, причастное бытию мышление» [1, с. 201].

Четвертое различие - более позднее по времени своего появления по отношению к первым трем - связано с образованием в 19 в. аксиологии и широким использованием понятия ценности. Если становление и видимость ограничивают бытие, определяя его сущность, а мышление говорит об упорядоченности внутри этого бытия, то долженствование «превышает» бытие [1, с. 268]. Согласно М. Хайдеггеру, данный тезис является результатом нигилизма как завершающего этапа метафизики, которому положила начало софистическая мысль античности, а продолжила ориентация на субъект, или господство субъекта в Новое время [5, с. 135]. Квинтэссенция подобного воззрения содержится в философии Ницше, в стремлении к переоценке всех ценностей, в идее сверхчеловека, смерти Бога - «бытие в метафизике упало до уровня ценности» [3, с. 210]. Вешая на бытие ярлыки ценности, «метафизика субъективности» Ницше кладет конец метафизике вообще [5, с. 199], потому уже не делает возможным дальнейшее различие бытия и иного, включив онтологический процесс в «волю к власти».

Литература:

1. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998, 302 с.

2. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001, 446 с.
3. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 168-217.
4. Figal G. Heidegger zur Einführung. Hamburg: Junius, 1992. 90 S.
5. Heidegger M. Nietzsche. Bd. II. Pfullingen: Verlag Günter Neske, 1989. 441 S.

Что мы можем знать, на что мы можем надеяться, или что философии ждать от нас

Артеменко Н.А.

Институт философии СПбГУ, главный редактор международного журнала «Horizon. Феноменологические исследования» (http://horizon.spb.ru). Кандидат философских наук, доцент

n.a.artemenko@gmail.com

Аннотация: Размышления о предмете философии, об актуальности философского дела и — как следствие — о необходимости философии в наше, далекое от радикальной задумчивости время, востребованы самим этим временем, в котором мы живем и из которого пытаемся осмыслить свое собственное место. Эти размышления о возможном «кризисе» философии обнаруживают по крайне мере два ряда проблем. Первый – назовем условно кризисом «самоидентичности философии», второй – кризисом классических модусов обоснования или той формы упорства, с которым философия готова нести на себе бремя очевидности, ставшей в XX веке заложницей индивидуальной «игры» гениев на доске всеобщности и необходимости. На проблеме самоочевидности как основании возможности познания мы намерены остановиться подробнее, привлекая Хайдеггера в свидетели того явления, которое Ю. Хабермас назвал «тотализацией мышления».

Ключевые слова: кризис философии, самоочевидность, Хайдеггер, тотализация мышления, феноменология, трансцендетализм.

What can we know, what can we hope for, or what philosophy can expect from us.

Artemenko N. A.

St. Petersburg State University Institute of Philosophy, Editor-in-chief of the international journal "Horizon. Studies in Phenomenology" (http://horizon.spb.ru)

Abstract: Reflections on the subject of philosophy, on the relevance of philosophical affair and, as a consequence, on the need for philosophy in our time, the time which is far from radical thoughtfulness, are demanded by this very time in which we live and from which we try to comprehend our own place. These reflections on the possible "crisis" of philosophy reveal at least two sets of problems. The first let's call conditionally crisis of "self-identity of philosophy", the second – is the crisis of classical modes of justification or that form of persistence with which philosophy is ready to bear on itself the burden of the evidence which became in the XX century a hostage of individual "game" of geniuses on a board of universality and necessity. On the problem of self-evidence as the basis of the possibility of knowledge we intend to dwell in more detail, attracting Heidegger to witness of the phenomenon that Habermas called "totalization of thinking."

Key words: crisis of philosophy, self-evident, Heidegger, totalization of thinking, phenomenology, transcendentalism

[i] Размышления о предмете философии, об актуальности философского дела и — как следствие — о необходимости философии в наше, далекое от радикальной задумчивости время, востребованы самим этим временем, в котором мы живем и из которого пытаемся осмыслить свое собственное место. Все это обнаруживает настоятельную нужду в каких-то иных основаниях и критериях знания, а также пересмотра того, что мы называем условно «кризисом» философии, не переставая при этом требовать от нее и ожидать какого-то «спасительного» слова.

Философия, преодолевшая метафизику (в хайдеггеровском смысле), ее деконструировавшая, лишилась инструмента самообоснования и самооправдания и оттачивает сейчас мастерство предсмертной исповеди, как сказал бы А.Г. Черняков. Мы действительно вступили (по крайне мере, в области философии и гуманитарных наук) в «нетворческую эпоху», которую хочется «преодолеть».

Размышления о возможном «кризисе» философии обнаруживают по крайне мере два ряда проблем. Первый – назовем условно кризисом «самоидентичности философии», второй – кризисом классических модусов обоснования или той формы упорства, с которым философия готова нести на себе бремя очевидности, ставшей в XX веке заложницей индивидуальной «игры» гениев на доске всеобщности и необходимости.

Первый ряд размышлений позволяет сформулировать две дилеммы, которые мы в дальнейшем намерены развернуть:

Дилемма 1. Ситуация, в которой постоянно разворачивающийся кризис никогда в качестве кризиса не имеет места, а норма является тем, к чему апеллируют и что никогда не имеет места в настоящем, есть ситуация метафизики. Кризис есть обнаружение чего-то, не попадавшего ранее в поле зрения, что требует объяснения, осмысления, истолкования, а главное, что вытекает из того, что ранее проблемы не представляло. Однако кризис фиксируется только в момент его наличия, точнее, фиксация кризиса и есть указание на то, что он есть. Кризис невозможно застать в процессе его возникновения, равно как невозможно и обнаружить себя на грани, за которой начинается кризис. Иными словами, ни из состояния нормы, ни из промежуточного состояния кризис «не виден». То, обнаружение чего вызывает кризис и есть сам кризис, то есть он вызывает сам себя, сам себя обнаруживает и разворачивает. Тогда кризис есть нечто самодостаточное, не требующее соотнесения с чем бы то ни было для собственного понимания. Норма, напротив, не является самодостаточной: она всегда соотносится и требует для своего определения ненормы, она «видна» каждый раз из кризиса, причем видна либо по отношению к тому, что было (все было нормально), либо по отношению к тому, что будет (из кризиса необходимо выйти). Сама по себе норма не замечается, но и не является полным отсутствие проблем, скорее то, что принято называть нормой, есть та совокупность задач, которая может быть решена в рамках той или иной парадигмы. Тогда сам кризис есть то, что не вписывается в общий порядок объяснения, норма — сам этот порядок, а начало кризиса, его саморазворачивание — та проблема, во всей полноте которой и заключено многообразие возможных вариантов разрешения.

Саморазворачивание кризиса есть, с одной стороны, пересмотр само собой разумеющегося, а, с другой, понимание того, что оснований для объяснения, понимания, определенности в ситуации нормы нет. Иными словами, кризис всегда начинается в ситуации неочевидности, недостаточности имеющего место. Однако эта неочевидность является скорее следствием некой достоверности, чем простым непониманием. Точка опоры всегда уже есть и есть, если говорить о начале кризиса как то, из чего усматривается неочевидность. Здесь уход в дурную бесконечность определенности и неопределенности невозможен: норма, как отмечалось, невидна сама по себе. Тогда определенность необходимости пересмотра «очевидного» основывается на максимальной определенности того, ради чего этот пересмотр необходим. Иными словами норма всегда замкнута на себе самой и замкнута именно в силу своей относительности. Кризис — и есть состояние нормы для философии.

Дилемма 2. Если философствующий понимает собственный предмет, то он не способен полностью выразить те положения, которые следуют из его понимания предмета; если же кто-то способен достичь указанной полноты, то он занимается чем угодно, только не философией. Возможность понимания философии только изнутри самой философии, безусловно правильное (Мамардашвили), но тавтологическое положение. Это осложняется еще и тем, что наличие внутри философии вовсе не гарантирует ее понимания. Действительно, мы имеем определенного рода дилемму относительно понимания того, что представляет собой предмет понимаемой философии. Указанная дилемма демонстрирует, что проблема предмета философии связана с проблемой понимания не только ее предмета, но и понимания вообще. Понимание не является рациональной, по крайней мере, полностью, процедурой, поскольку не означает собственной окончательности, завершенности. В этом, если угодно, и состоит мета-предмет философии.

Второй ряд размышлений позволяет проблематизировать понимание через обращение к центральной для философии последних двух столетий теме – теме очевидности. На проблеме самоочевидности как основании возможности познания мы намерены остановиться подробнее, привлекая Хайдеггера в свидетели того явления, которое Ю. Хабермас назвал «тотализацией мышления».

В связи со вторым рядом размышлений так же уместно поставить два вопроса: 1. В чем состоит методологическое значение хайдеггеровского замысла деструкции истории онтологии? Можем ли мы

i Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00753 А «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли»

сейчас, после Хайдеггера, вообще относиться к истории философии и наиболее значимым ее образцам так, как это было до Хайдеггера, или его деструкция необратимо изменила историко-философский ландшафт так, что представители истории философии как дисциплины вынуждены либо следовать за Хайдеггером, нередко слепо подражая ему, либо прилагать усилие к новой концептуализации историко-философского процесса как такового? 2. Хайдеггер был мыслителем, предложившим радикальный пересмотр предмета, метода и способа осуществления философской работы – с одной стороны, в тесной связи с традиционными представлениями, а с другой стороны, в разрыве с традицией и претензией на принципиально новое, другое начало. Как сейчас мы могли бы помыслить это «другое начало» в ситуации «кризиса» философии?

Кем можно быть философу сейчас? Возможно, только отчаявшимся «знатоком», причастным (т.е. буквально — причастившимся) к становлению самой философии. Эта причастность, впрочем, может осуществляться и в форме отчаяния — в форме усмотрения границ и ложных умствований, ложных обещаний и посулов. Но где отчаяние, там, как любил говорить Хайдеггер, цитируя Гёльдерлина, рождается и спасительное…

Литература:

1. Habermas J. Die Philosophie als Platzhalter und Interpret // Habermas J. Moralbewußsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt a. M., 1983. S. 9-28.
2. Heidegger M. Die Idee der Philosophie und das Weltanschauungsproblem (GA 56/57). Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1987.
3. Heidegger M. Ontologie (Hermeneutik der Faktizität) (GA 63). Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1988.
4. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) (GA 65). Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1989.
5. Heidegger M. Die Grundprobleme der Phänomenologie (GA 58). Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1993.

К вопросу о невозможном: смерть и конечность в Бытии и времени

Белоусов М.А.

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ, Российский Государственный Гуманитарный Университет. Кандидат философских наук, доцент

mishabelous@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается проблема невозможного в контексте анализа феноменов смерти и конечности в «Бытии и времени». Автор показывает, что хайдеггеровское истолкование невозможного основывается на идее имманентного самопревосхождения той возможности, которой является Dasein. Это самопревосхождение раскрывается Хайдеггером в анализе смерти как предельной возможности Dasein, конституирующей целостность и конечность его опыта. В качестве возможности Dasein есть его собственная неосуществленность, не допускающая снятия (устранения возможного как возможного), поскольку Dasein есть. Однако смерть и оказывается достоверной возможностью снятия возможностей, и, тем самым, возможностью невозможности Dasein. Закрывая горизонт возможностей фактической жизни, т.е. делая его горизонтом, смерть в то же время открывает его как единственная невозможная – неосуществимая – возможность. Горизонт опыта и жизни открывается для невозможного, т.е. того, что ему не принадлежит, именно благодаря собственной конечности. Двойственность горизонта делает двусмысленной идею философской критики опыта как проведения границ между возможным и невозможным.

Ключевые слова: невозможное, возможность, смерть, конечность, Dasein, Хайдеггер

Impossibility revisited: death and finitude in *Being and Time.*

Belousov M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian State University for the Humanities

Abstract: The article deals with the problem of impossibility in the light of interpretation of death and finitude in “Being and Time”. It is shown that the interpretation is founded on the idea of immanent self-transcendence of the possibility being Dasein itself. The self-transcendence is disclosed by Heidegger through the analysis of death as the ultimate possibility of Dasein, which constitutes its finitude. Dasein as possibility is its own incompleteness, not allowing for being removed (for the sublation of possibility as such) as far as it is. Still, death turns out to be the certain possibility of the sublation, that is, the possible impossibility of Dasein. In closing out the life-horizon death opens it up as the only impossible possibility. It is exactly the finitude of the horizon that opens it up for something that is impossible.

Keywords: impossibility, possibility, death, finitude, Dasein, Heidegger

Актуальность невозможного бросает вызов попыткам академической – прежде всего, аналитической – традиции раз и навсегда зафиксировать критерий осмысленности высказываний и границы философских проблем. Невозможное обнаруживает себя либо по ту сторону возможного, либо на самой его границе. В последнем случае экспликация «границ мира» оказывается двусмысленной, поскольку горизонт возможного ускользает от себя самого. Фиксация смысловых границ становится, тем самым, их смещением. Я попытаюсь показать, что эта двусмысленность горизонта возможного, демонстрирующая его собственную невозможность, последовательно разворачивается Хайдеггером в анализе смерти и конечности в Бытии и времени.

Согласно § 31 «Бытия и времени», возможность есть «самая изначальная и предельная позитивная определенность *Dasein*» [1, с. 143-144; 2, S. 143-144]. В качестве таковой возможность не является категорией, т.е. онтологическим определением наличной вещи, поскольку последняя еще не стала действительной [1, с. 143; 2, S. 143]. И все же возможность в «Бытии и времени» указывает на некоторую неполноту и неосуществленность, конститутивную для *Dasein* или, если использовать термин

из ранних лекционных курсов, фактической жизни. Речь идет о том, что «… *Dasein* есть, скорее, пока оно есть, свое еще-не…» [1, с. 245; 2, S. 245]. Иначе говоря, поскольку «я есмь», по Хайдеггеру, надо понимать как «я живу», мое «бытие» подразумевает открытый горизонт будущего – неосуществленность в качестве неполноты – ведь, будучи завершенной и законченной, «жизнь» уже не есть. Актуализация возможного в категориальном смысле снимает возможность как возможность и делает вещь существующей (действительной). Напротив, полная актуализация возможности в смысле *Dasein* есть переход от бытия к небытию: «Когда же *Dasein* завершено, каковое завершение называется смертью, тогда оно достигло предела; как сущее, оно уже ни в чем не испытывает нужды – однако вместе с этим "больше-ничего-не-нужно" оно уже не является *Dasein*» [3, с. 324; 4, S. 426]. Поэтому «его полнота как раз-таки уничтожает его» [3, с. 324-325; 4, S. 426].

Предельной возможностью *Dasein,* тем самым, оказывается смерть как возможность снятия возможностей, т.е. конститутивной для фактической жизни горизонтной неполноты. Поэтому возможность в предельном смысле – это «возможность невозможности экзистенции вообще» [1, с. 262; 2, S. 262].

Будучи продумана до конца в качестве смертности и конечности *Dasein,* возможность, согласно Хайдеггеру, оборачивается невозможностью. Невозможность самой возможности обнаруживает двусмысленность феноменологического понятия горизонта.

С одной стороны, горизонт подразумевает открытость возможности. В феноменологии Гуссерля горизонт понимается как отсылка от того, что дано актуально, к тому, что дано лишь потенциально, но при этом определяет смысл актуальной данности. Отказываясь от понятия данности, Хайдеггер удерживает понятие горизонта как измерения открытости [5, с. 202].

С другой стороны, сущность горизонта – в ограничении пространства возможностей, соответственно, в «закрытости» смысловой открытости. Горизонт, т.е. граница *Dasein* как «жизни», конституируется его смертностью или конечностью.

Анализ феномена смерти в Бытии и времени демонстрирует единство этих определений горизонта: смерть в качестве предельной возможности снятия возможностей учреждает открытость будущего и позволяет горизонту возможного «превзойти» себя самого. Иначе говоря, смерть образует жизненный горизонт, поскольку она его устраняет.

Это парадоксальное, на первый взгляд, обстоятельство может быть, однако, прояснено лишь в том случае, если смерть понимается исключительно как возможность, но не как «действительность» [1, с. 261; 2, S. 261]. Конститутивный характер возможности, т.е. неосуществленности для «фактической жизни» ставит перед феноменологическим исследованием вопрос о возможной целостности *Dasein* [1, с. 235; 2, S. 235]. Этот вопрос кажется неразрешимым, так как целостность есть снятие возможности, т.е. абсолютная полнота осуществления *Dasein,* которая его уничтожает. Как возможность, *Dasein* есть выход за собственные пределы, соответственно, возможность, которая не может быть осуществлена – устранена как возможность – поскольку *Dasein* есть. Поэтому *Dasein* не может быть целостным. Но, будучи неосуществимой, и, следовательно, невозможной, смерть есть достоверная возможность [1, с. 264; 2, S. 264]. Ей принадлежит абсолютная достоверность (хотя и не в смысле нововременной философии или даже феноменологии сознания) жизненного горизонта [1, с. 265; 2, S. 265]. *Dasein*, таким образом, согласно Бытию и времени, есть собственная целостность именно потому, что последняя – это достоверная («фактичная») неосуществимая возможность, которой фактическая жизнь всегда уже является.

Решающим в контексте анализа феномена смерти у Хайдеггера становится различение двух способов осуществления возможностей в опыте фактической жизни, структурно соответствующее различию собственного и несобственного бытия *Dasein.* Хотя *Dasein*, по Хайдеггеру, всегда понимает себя из возможностей, это понимание может осуществляться двояко. Я либо понимаю себя из осуществления возможностей, либо из осуществления возможностей как возможностей. Первый способ – это забвение *Dasein* собственной открытости (горизонтности), и, следовательно, собственной смертности в повседневных хлопотах: «Озаботившаяся нацеленность на возможное имеет тенденцию уничтожать возможность возможного, делая его доступным» [1, с. 261; 2, S. 261]. Не снимая «бытие возможным» в качестве конститутивного определения *Dasein* [1, с. 261; 2, S. 261], повседневное уничтожение возможностей все же скрывает его и, тем самым, не осуществляет «сущность» *Dasein.* Напротив, существовать в соответствии с «сущностью» *Dasein* – значит понимать собственную «жизнь» исходя из единственной возможности, не допускающей осуществления, поскольку *Dasein* есть, т.е. из смерти как возможности: «Смерть как возможность не дает *Dasein* ничего, что следовало бы "осуществить", и ничего, чем оно как действительное само могло бы быть. Она есть возможность невозможности всякого отношения к..., всякого экзистирования» [1, с. 262; 2, S. 262]. Повседневному стремлению к осуществлению возможностей поэтому противопоставляется заступание в возможность (*Vorlaufen in die Möglichkeit*) смерти которое «делает возможной эту возможность» [1, с. 262; 2, S. 262], т.е. осуществляет ее как возможность, выводя ее из «сокрытости» обыденной актуализацией.

Таким образом, в феномене смерти фактическая жизнь уже не просто выходит за пределы того, что она «эмпирически есть», она выходит за пределы себя самой как жизнь. Это – выход за пределы выхода за пределы, составляющего существо *Dasein* как «жизни» или возможности, которая превосходит его «эмпирию». Другими словами, возможность смерти показывает, что *Dasein* не просто есть то, что оно не есть «действительно»; оно есть то, чем не может быть. Оно, тем самым, целиком находится за пределами себя самого в собственном отношении к смерти. Невозможное в облике смерти приобретает здесь два, на первый взгляд, противоположных друг другу смысла, которые причудливым образом совпадают: 1) невозможное как неосуществимая, т.е. чистая, лишенная всякой актуальности возможность 2) невозможное как чистая, лишенная какой бы то ни было потенциальности актуальность. Совпадение двух этих значений невозможного означает, что сделать возможным – учредить возможность, которой еще не было – и оставить всегда уже существовавшую возможность возможностью – это одно и то же. Поэтому «бывшесть возникает из будущего» [1, с. 326; 2, S. 326], иначе говоря, *Dasein* становится тем, чем оно всегда уже было – открытой неосуществимой возможностью – поскольку оно «приостанавливает» (но не устраняет) повседневное осуществление возможностей, «заступая» в единственную неосуществимую и в то же время достоверную возможность снятия возможностей, т.е. в смерть. «Дереализация» возможности как приостановка повседневного осуществления возможного есть осуществление возможности как возможности, которое делает ее возможностью, хотя она уже всегда ею была. Горизонт возможного в собственном смысле открывается благодаря своей конечности – «закрытости» смертью. Учреждение и снятие горизонта, тем самым, полностью совпадают. Невозможность оказывается бытием возможности как возможности.

Двусмысленность горизонта, рассмотренная в свете хайдеггеровского анализа смерти и конечности, позволяет переосмыслить идею философской критики как разграничения возможного и невозможного. Философская критика опыта не закрывает, а, напротив, как раз открывает его для невозможного, становясь имманентным «самопревосхождением» горизонта. О чем невозможно говорить, о том следует не молчать, а говорить в модусе молчания. Феноменология невозможного могла бы тогда стать совестью человеческого опыта и понимания, напоминающей не о конце, но о конечности философии.

Литература:

1. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Москва, 1997.
2. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 2001.
3. Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени / Пер. с нем. Е.В. Борисова. Томск, 1998.
4. Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Frankfurt am Main, 1979.
5. Хельд К. Хайдеггер и принцип феноменологии // Ежегодник по феноменологической философии. 2008. Вып. I. С. 190-220.

Хайдеггер об аутентичной и академической логике

Гынгов, А. Л.

Софийский Университет им. «Св. Климента Охридского». PhD (доктор философии), профессор

agungov@phls.uni-sofia.bg

Аннотация: На протяжении всего своего творчества Мартин Хайдеггер развивает тему аутентичной логики, противопоставляя ее преобладающему пониманию о характере, сущности и целях академической логики. Хайдеггер обращает специальное внимание на онтологическое обоснование логики, на производный характер истины субъектно-предикатной структуры суждения, копулы и правил выводимости, а также на статус логического отрицания и языка символической логики. Он подробно рассматривает обосновывающую роль закона тождества, отношения различия и закона достаточного основания, но не просто как логических принципов, а как фундаментальных логических утверждений. Выводом настоящего доклада является понимание, что учение Хайдеггера об аутентичной логике бросает вызов академической логике и делает решающий шаг по направлению философствующей логики в традиции континентальной философии.

Ключевые слова: онтологическое обоснование логики, суждение, копула, выводимость, отрицание, истина

Heidegger on the authentic and academic logic.

Alexander Gungov

Sofia University "St. Kliment Ohridski"

Abstract. Martin Heidegger develops the topic of authentic logic contrasting it with the prevailing understanding of the nature, essence and goals of academic logic. Heidegger pays special attention to the ontological substantiation of logic, to the derivative nature of truth, subject-predicate structure, position and rule of inference, as well as to the status of logical negation and the language of symbolic logic. He carefully examines the justifying role of the law of identity, the relationship of difference and the law of sufficient reason, not just as logical principles, but as fundamental logical statements. The conclusion of this talk is the understanding that Heidegger's doctrine of authentic logic challenges academic logic and takes a decisive step towards the direction of philosophizing logic in the tradition of continental philosophy.

Key words: ontological justification of logic, assertion, copula, entailment, negation, truth

Тема отношения Мартина Хайдеггера к логике, как правило, незаслуженно отсутствует при обсуждении его творчества. Не претендуя на полноту моих сведений о публикациях о логике Хайдеггера на русском языке, мне известна всего лишь одна монография на русском языке, исследующая исключительно этот вопрос: *Михальский К.* Логика и время. Хайдеггер и современная философия / Пер. с польск. Е. Твердислова. — М.: Территория будущего, 2010, а кроме того и одна диссертация: *Макакенко, Я. А.* Обоснование онто-логического метода в философии Мартина Хайдеггера: Диссертация канд. филос. наук: 09.00.03 — Екатеринбург, 2006. На английском языке опубликованы всего три монографии, всецело посвященные этой теме. Подобна ситуация и на других основных европейский языках. При чем у самого Хайдеггера термин «логика» напрямую присутствует в заглавиях четырех книг, а еще в нескольких других логическая проблематика так или иначе затрагивается немецким философом.

Выявления значения логики в работах Хайдеггера, кроме сугубо логического интереса, может пролить свет и на другие стороны его философии. Наверное, самый популярный элемент логики среди его идей, это различение места истины в суждении, согласно традиционной логике, и ее онтологического места как несокрытости бытия, согласно концепции самого Хайдеггера. Известно, что в интерпретации немецкого философа истина несокрытости бытия приобрела значение правильности умственного усмотрения, у Платона [1, с. 171]. Позже у Аристотеля и его последователей истина превратилась в соответствие между суждением и вещами, о которых в данном суждении идет речь. Истина как соответствие или адекватность достигает своего завершения в понимании Готфрида Лейбница о тождестве части признаков субъекта с признаками предиката, как выражения истины [2, с. 37-39, с. 102].

Хайдеггер не принимает утверждения Лейбница о тождестве как равенстве в виде A=A. Еще менее допустимо тождество как тавтология современной математической логики. По мнению Хайдеггера, тождество является отношением с самим собой и опосредование себя с самим собой. Тождество возможно благодаря лишь единству и различию, открывающимися Dasein как бытию-в-мире, глубочайшим основанием которых является единство и различие, сказывающие о себе как «бытие сущего» и «сущее бытия» [3, с. 17]. Но закон тождества, в отличии от общепринятого взгляда на логику, не есть ее самый фундаментальный принцип. Таким является для Хайдеггера закон достаточного основания. Однако фундаментальное значение закона достаточного основания не сводится к обычным четырем основаниям в виде сущности, причины, довода и мотива. Фундаментальный характер достаточного основания определяется направленностью Dasein на несокрытость бытия и при этом из сокрытости выводится предпочтение того «чтобы скорее что-то было, чем чтобы ничего не было» и таким образом из сокрытости выводится переход от возможности к действительности [4, с. 116].

Подобно объяснение Хайдеггера производной, а не изначальной, роли копулы в структуре суждения. Связь между субъектом и предикатом, а также единство суждения, даются копулой лишь формально. По существу, производная функция копулы зиждется на единстве того сущего, чье существование онтологически направлено на несокрытость бытия. Именно единство экзистенции Dasein как бытия-в-мире является первозданным основанием единства, соответствия и истинности субъектно-предикатной структуры суждения, формально связываемой в единое целое логической копулой, а также наличия отношений следования, независимо суть ли они субъектно-предикатными или пропозициональными [5, с. 5; 1].

Не только логическое субъектно-предикатное отношение является производным от онтологической направленности Dasein к бытию, но и эпистемологическое субъект- объектное отношение не является последним основанием существования Dasein, не является фундаментальным модусом его существования. Dasein, будучи бытием-в-мире, именно как таковое трансцендирует к несокрытости бытия и пребывает в истине бытия. Таким образом, модус существования Dasein как познающего лишается статуса фундаментального модуса, за счет модуса озабоченности, в котором для Dasein раскрывается истина бытия [6, с. 135-136]. В другом модусе—в модусе ужаса—для Dasein раскрывается обратная сторона бытия, какой является ничто. Для Хайдеггера ничто не есть пустота, не есть *nihil absolutum*, оно не является устранением бытия. Ничто невозможно вывести из лингвистического или логического отрицания. Отрицание, наличное в отрицательных суждениях, а также и в отрицательных пропозициях и логических функциях, не есть первообраз или модель, по аналогии с которой мыслится ничто. Напротив, логическое отрицание, как таковое, как и отрицательные логические суждения, отрицательные пропозиции и функции, приобретают свое значение только благодаря ничто, которое выявляется в своей аутентичности в модусе ужаса. Именно это позволяет ничто исполнять роль субъекта суждения и получать предикации, при этом, не превращая субъектно-предикатную структуру в бессмысленные утверждения [7, с. 5-6].

Логика, понимаемая как нормативные требования и ограничения рационального мышления, или как синтаксис и семантика искусственных языков, для Хайдеггера не является ни аутентичной, ни философской. Аутентичная и философствующая логика это, по сути, рефлексия над логосом [8, с. 5-6]. Логос не просто средство коммуникации и описания сущего, но неотъемлемая сторона бытия и существования Dasein, через которую бытие выходит из сокрытости, а Dasein получает возможность пребывать в несокрытости и, тем самым в истине бытия. Логос сказывается в исторической истории, которая в отличии от истории, заявляющей о происшествиях, повествует о событиях по примеру истории, описанной в сказках и мифологии [9, с. 161]. Сущностная логика есть логика логоса, так как она соразмерна логосу. Точнее, сущностная логика не что иное, как онто-тео-логика, потому что онтология и теология «суть «логии» в той мере, в которой они постигают из его основы сущее как таковое и обосновывают его в целом.» [10, с. 45]. В этом же ряде мыслей стоит и утверждение Хайдеггера о символической логике (точнее «знаковой логике») как о производной системе знаков, которая зависит от значимых структур выводимости самого мира [11, с. 7].

Современная академическая логика исходит из убеждения о наличии необходимых структур соотношения между высказываниями, которые скорее всего имеют конвенциональный характер, основывающийся на принципе когерентности. Хотя допустимо, что необходимость, присущая логическим взаимозависимостям, обладает и самостоятельным идеальным статусом, подобному Платоновским идеям. Для академической логики чаще всего неприемлимы утверждения о сути логического в понятиях спекулятивной, диалектической или трансцендентальной логики. Заявление Хайдеггера, что логические принципы зависят от несокрытосты бытия, раскрывающегося в существовании Dasein в виде темпоральности и историчности еще менее допустимы для стандартной логики [12, с. 207]. Для академической логики является настоящим вызовом допущение, что принцип непротиворечивости, модусы дедуктивной выводимости или различие между валидным и невалидным выводом, между истиной и не истиной могут быть производными от историчности бытия-в-мире [13, с. 208]. Возможность даже не принятия, а просто мыслимости, подобных допущений может рассматриваться как заслуга Хайдеггеровского пересмотра логики во имя открытия нового горизонта при изучении и понимании логики в традиции континентальной философии. Взгляд Хайдеггера на логику может считаться естественным продолжением логических утверждений выдающихся континентальных мыслителей Иммануила Канта, Георга Гегеля и Едмунда Гуссерля. Таким же образом логические идеи герменевтики Ханс-Георга Гадамера и Поля Рикера являются дальнейшими разработками логических идей Хайдеггера. Хайдеггеровский пересмотр оснований, сущности и целей академической логики служит стимулом для развертывания философствующий логики в духе континентальной философии.

Список литературы:

1. Heidegger M. Plato's Doctrine of Truth, trans. Sheehan T. In Pathmarks, edit., McNeill W. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. xiii+385 p.
2. Heidegger M. The Metaphysical Foundations of Logic. Bloomington: Indiana University Press, 1984. vii+241 p.
3. Хайдеггер М. Закон тождества, в Тождество и различие, пер. с нем. А. Денежкин. М.: Гнозис, 1997. 61 с.
4. Heidegger M. The Metaphysical Foundations of Logic. Bloomington: Indiana University Press, 1984. vii+241 p.
5. Shirley G. Heidegger and Logic: The Place of Logos in Being and Time. New York, NY: Continuum, 2011. x+174 p.
6. Heidegger M. The Metaphysical Foundations of Logic. Bloomington: Indiana University Press, 1984. vii+241 p.
7. Shirley G. Heidegger and Logic: The Place of Logos in Being and Time. New York, NY: Continuum, 2011. x+174 p.
8. Fay T. Heidegger: The Critique of Logic. The Hague: Martinus Nijhoff, 1977. viii+136.
9. Ажимов Ф.А. Метафизические основания гуманитарного познания. Вл.: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2011. 264 с.
10. Хайдеггер М. Онто-теологическое строение метафизики, в Тождество и различие, пер. с нем. А. Денежкин. М.: Гнозис, 1997. 61 с.
11. Shirley G. Heidegger and Logic: The Place of Logos in Being and Time. New York, NY: Continuum, 2011. x+174 p.
12. White D.A. Logic and Ontology in Heidegger. Columbus: Ohio State University Pres, 1985. xiv+245 p.
13. White D.A. Logic and Ontology in Heidegger. Columbus: Ohio State University Pres, 1985. xiv+245 p.

Хайдеггер и Левинас о смысле

Димитрова М.И.

Софийский Университет им. Св. Климента Охридского, Болгария. Доктор философских наук, профессор

midimitrov@phls.uni-sofia.bg

Аннотация: Для Хайдегера и Левинаса смысл человеческого существования является ответом на зов, соответственно — на зов бытия у Хайдегера и на зов Другого у Левинаса. Они оба спрашивают о том каково значение значения или смысл Смысла. В таком случае, если «первая философия» есть онтология, то задаваться этим вопросом необходимо, потому что вся доселешная истина о бытии недостаточно истинна. А если «первая философия» есть этика, то вопрос становится неотложным, так как доселешний гуманизм недостаточно гуманный.

Ключевые слова: бытие, субъект, мир, зов, ответ, значение

Heidegger and Levinas on sense.

Dimitrova M.I.

Sofia university „St. Kliment Ohridski"

Abstract: For Heidegger and Levinas, the meaning of human existence is a response to a call, respectively - to the call of being in Heideger and to the call of the Other in Levinas. They both ask about the meaning of meaning or the sense of sense. In this case, if the "first philosophy" is an ontology, then it is necessary to ask this question, because all the hitherto truth about being is not true enough. And if the "first philosophy" is ethics, then the question becomes urgent, because all hitherto humanism is not humane enough.

Key words: being, subject, world, call, answer, meaning

Еще в древней Греции Аристотель определял человека как *animal rationale* (лат.) и эта дефиниция стала общепринятой, хотя ее толкуют разным образом в последующих эпохах. Она не просто делает разграничение между человеческим родом и другими живыми существами, но и противопоставляет разум, как одну из способностей человека, другим его способностям, например, чувственности, воле, воображению и пр.

Мартин Хайдеггер отмечает, что это деление человека на отдельные способности, ставшее фундаментальным в эпоху Нового времени, в двадцатом веке все еще является господствующим. Оно предрешает возможности определять целое мира в соответствие с той или иной человеческой способностью. Но и наоборот, когда человека характеризуют как реакцию на определяемый таким образом мир, целое человеческой природы ставится в зависимости от целого мира, соответствующего этим антропологическим способностям [1, 183].

Для греческих и модерных мыслителей переход от природы человека к природе мира и наоборот является беспроблемным. Сам Хайдеггер сохраняет соответствие единства существования мира с единством человека. Однако, он интерпретирует его в перспективе своей фундаментальной онтологии вместо того, чтобы обосновывать это соответствие эпистемологически и в границах рефлексивной философии, как это делали до него. Хайдеггер не признает отношения между человеком и миром как совпадающим с субъект-объектным отношением. Он неоднократно подчеркивает, что субъект был выдвинут как центральная фигура философии Нового времени посредством Декартовского «*Cogito, ergo sum*» (лат.), но отмечает, что это выдвижение оставляет без внимания именно «*sum*». Вся предыдущая метафизика, впрочем, проделывает то же самое. По Хайдеггеру, наоборот, «*cogito*» возможно и понятно, исходя из «*sum*». Для Хайдеггера существование является онтологическим фундаментом всего человеческого и нечеловеческого. Хайдеггер даже избегает употреблять термин «человек» из-за наполнения этого термина слишком многими коннотациями, которые воспрепятствуют настоящие понимание. Он использует термин «*Dasein*» (нем.). Согласно традиции это термин обозначающий

что-то наличное. Для Хайдеггера, однако, *Dasein* не есть что-то существующее, которое имеет свою сущность и параметры в мире, но всегда есть само существование-в-мире. Хайдеггер еще добавляет, что *Dasein* не есть и история своего становления как Я для Гегеля, а есть самоактуализация, т.е. темпорализация «Я здесь». Человеческое присутствие в мире ни выводимо, ни сводимо к познанию как к субъект-объектному отношению. Присутствие-в-мире совпадает с пониманием, но само понимание вовсе не незаинтересованное объективирование и вовсе не некая способность, господствующая или противопоставленная другим человеческим способностям. Понимание показывает не истории, а историчность человека и занимает ведущее место при всех различных модусах существования, какими являются всякое познание, теоретизирование или историографирование.

В характерном для себя стиле, Хайдеггер говорит о том, что понимание понимает то, что понято, а этим именно и является значение. То, что понимают, это значение существующих, а не существование. В эпоху его забвения, оно сокрыто объяснением существующего в виде предметности. Сообразно со значениями вещей структурирован сам мир. Однако, значимость есть способ присутствия в мире и едва благодаря ей, любая вещь открыта, понимаема и познаваема. Смысловые связи не вложены субъективно в мир, который объективно, сам по себе, был бы чем-то другим. Сам мир является этим целым смысловых отношений и референций, но как целое, так и ссылки от одного к другому в мире, понимаемы только для *Dasein*. Именно на основе значимости как таковой, возможны значения каждого предмета и каждого события, но для Хайдеггера это в первую очередь и прежде всего значимость человека для самого себя. Она и делает возможной осмысленность всего.

Другими словами, для Хайдеггера человек не есть субъект, который является центром и источником *Sinngebung* (нем.), в отличии от понимания Гуссерля об интенциональности. Человек также не есть сущность, которая сперва отчуждается от мира для того, чтобы изолироваться в собственном Я, а потом, исходя от себя и направляясь обратно в мир, в движении само-удостоверения, само-отождествления и само-реализации, живет, преобразуя вещи в мире. Хайдеггер критикует подход Нового времени, при котором мир сконструирован или, по крайней мере, конституирован согласно значениям, которые разум придает вещам. Не заявляя этого эксплицитно, по сути, Хайдеггер восстанавливает в противовес деятельному подходу Нового времени важный мотив Средневековья, согласно которому все человеческое существование является ответом на слово Божие. Однако для Хайдеггера, который не выявляет предпочтений к определенной конфессии, изначальное слово уже не исходит от Бога монотеистических религий, а от Бытия как Трансцендентности по отношении всего существующего.

Бытие молча призывает человека и человек ему отвечает по-разному в различных эпохах. Трансцендентность Существования оказывается приземленной через артикулированных человеческих ответов. Пребывая в просвете Бытия, человек существует так, что все его действия и бездействия имеют смысл как ответ на зов «Быть». Здесь на земле под небесами в окружении других и в ожидании богов, именно этот ответ «Я здесь» определяет человека как *Dasein*, но сам глагол „быть“ регулярно пропускается.

Сочетание местоимения *Da* (нем.) и глагола *Sein* (нем.) онто-теологически переводится как здесь-бытие. Но его можно также перевести как совпадающее с библейским «Здесь я есмь, Господи» и этот перевод имеет уже совсем другие теологические и метафизические коннотации. В Библии буквально это фраза первого человека Адама, когда Бог спрашивает его «Где ты, Адам?», а он отвечает « Я здесь, Господи». Эммануэль Левинас считает, что более адекватный перевод ответа человека Богу не идентификация с местом, т.е. здесь в-мире, а трансцендирование мира к потустороннему и священному. Однако потустороннее уже не является неким миром, противопоставленным посюстороннему, как это понимают в разных вероисповеданиях, а это моральная значимость всего человеческого. Оно небытийное, не-мирское «измерение», а запредельное. Это и есть Левиназианское «вне-бытия» (*autrement que etre* - фр.). Оно не означает опережающую заботу о себе в мире, оно не есть неизбежная направленность к смерти, в отличии от утверждения Хайдеггера, а есть открытость к другому человеку и ответственность к нему, которая именно придает изначальный или пред-архаичный смысл человечностью в человеке. Ответ, который Я дает присутствию Другого, направлен напрямую к ближнему, а через его, опосредствованно, к Богу. В моей ответственности за другого и за других внимание смещено по направлению, преодолевающему ужас смерти, разрывая круговую структуру *Jemeinigkeit* (нем.). Для Левинаса смысл не есть ответ на зов Бытия, направленного ко мне, а на зов, который я слышу, встречая Другого. «Я» лишено места начала, а *Dasein* лишен его собственной идентичности, которая через решимость, совесть и заботу приобретается как *Jemeinigkeit*.

Фраза «Я есмь» является именем, с которым Бог впервые открылся пророку Мойсею. Произнесение ее было запрещено древним евреям. Перевод ответа первого человека Адама уже не *Dasein* в значении «Здесь я есмь», а ответ на вопрос вопросом «Это Я?». Для Левинаса каждый человек избранный: «Меня ли призываешь, меня ли ищешь, Господи?» Человек не может остаться в именительном падеже как всеобъемлющий Я, а есть субъектность в винительном падеже «меня». «Я» переходит в «меня». Таким образом Левинас восстанавливает субъект, но не как деятельное начало, а как пассивность, которая, если отвечает, то не как самоопределяющаяся тотальность и не как идентификация с местом. Все человеческое имеет смысл лишь тогда, когда оно ответ Другому. Для Левинаса вся драма человеческого существования, а не просто его понимание, начинается с различия между Другим и мною, а не с тождества и самоотождествления.

Для Хайдеггера человек существует как «пастух бытия», а для Левинаса — как заложник вместо другого. Моральная ответственность за другого и других выпадает на долю Я в винительном падеже «меня». Человеческое существование не есть аутентичность и уникальность в отличии от усредненной посредственности «Das Man“(нем.). Субъектность получает другое значение в философии Левинаса. Я есть субъект Божьего слова, но в своем существовании как ответ, который только Я могу дать другому и другим. Каждый человек абсолютная уникальность. Это не ответственность за истину Бытия, т.е. понимание, совпадающее с самим существованием, как это у Хайдеггера, а ответственность, которая раскрывается в каждом конкретном ответе, каждом понимании, каждой озабоченностью, познании и, вообще, в каждом модусе человеческого существования. Мораль не форма и не структура со-существования одного-с-другим (*Miteinandersein* – нем.), а его изначальный смысл: «…быть Я означает невозможность отстраниться от ответственности. На моих плечах словно держится все здание тварного мира. Но ответственность, лишающая Я его империалистичности и эгоизма, будь то эгоизм личного спасения, не превращает Я в момент вселенского строя, но подтверждает его неповторимость. Неповторимость Я заключается в том, что никто не может ответить вместо меня». [2, 171]

Как по Левинасу, так и по Хайдегеру едва лишь человеческая речь засвидетельствует понимание истины, которая прежде всего не истина целого мира и вещей в мире, а истина человеческого существования. Едва лишь посредством человека, посредством каждого «Я делаю», «Я думаю» и даже простого «Я есмь», зов Трансцендентности — Трансцендентность Бытия у Хайдегера и Другого у Левинаса — приобретает смысл. Но для Хайдеггера, как и для Левинаса, смысл так, как он высказан предыдущей философией, не достаточно осмыслен.

Литература

1. Heidegger M. History of the Concept of Time. Prolegomena. Translated by Theodor Kisiel. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2009. 329 p.
2. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм Другого человека. С-П: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 265 с.

Переживание присутствия божественного в мышлении: «последний Бог» в философии позднего Хайдеггера

Коначева С.А.

Российский государственный гуманитарный университет. Доктор философских наук, заведующая кафедрой современных проблем философии

konacheva@mail.ru

Аннотация: В докладе рассматриваются способы осмысления божественного в философии позднего Хайдеггера. Внимание сосредоточено на трактовке Хайдеггером понятия «последний Бог». Проводится сравнение с видением Бога в христианской метафизике, показывается, что для Хайдеггера традиционный христианский теизм способствует забвению бытия, меняющиеся формы христианского мышления, которые доминируют и в пост-христианском мире, усложняют каждую попытку продумать фундаментальное отношение бытия и истины из более изначального опыта. Анализируется хайдеггеровское понимание «божественности другого Бога», соотношение бытия и Бога. Демонстрируется, что говоря о последнем Боге, Хайдеггер не имеет в виду последнего из целого ряда богов или некий окончательный синтез. Понятие последнего Бога относится к моменту принятия решения, в котором опыт прохождения последнего Бога открывает пространство для других возможностей бытия.

Ключевые слова: бытие, сущее, Бог, метафизика, нигилизм, возможность, временность

The experience of divinity in thinking: “the last God” in late Heidegger’s philosophy.

Svetlana A. Konacheva

Russian State University for the Humanities

Abstract: The paper deals with the ways of thinking of the divine in the philosophy of late Heidegger. The focus is on Heidegger’s interpretation of the notion of “the last God”. We compare his understanding with the vision of God in Christian metaphysics and show that, for Heidegger, traditional Christian theism contributes to the forgetfulness-of- being, changing forms of Christian thinking that dominate the post-Christian world as well, complicate every attempt to think about the fundamental relationship of being and truth from a more original experience. We analyze Heidegger’s understanding of “the divinity of the other God”, the relationship between being and God. We argue that in his thinking of last God Heidegger does not mean the last of a number of gods or a certain final synthesis. The concept of the last God refers to the moment of decision, in which the experience of passing the last god opens up space for other possibilities of being.

Keywords: being, entity, God, metaphysics, nihilism, possibility, temporality

[i] Тема «последнего Бога» появляется после «поворота» в философии Хайдеггера, когда акценты смещаются от вопроса о смысле бытия к исторически-событийной истине бытия. В работе «Материалы по философии (О событии-присваивания)» (1936-1938), где обозначаются контуры бытийно-исторического мышления, Хайдеггер пытается найти способ говорения о бытии, который бы не описывал и не объяснял бытие, но предоставил слово самой сути бытия. Поэтому заметки выстраиваются как фуга, исполнение которой приближает нас к бытию. Хайдеггер суммирует содержание и план книги в следующих словах: «Все, что говорится, спрошено и помыслено в «обмене подачами» первого и другого начала друг с другом из «отклика» Бытия в нужде оставленности бытием для «прыжка» в Бытие с целью «учреждения» его истины как приготовления для «грядущих» и для «последнего Бога» [2, с.7]. Хотя тема «последнего Бога» присутствует во всех шести разделах, Хайдеггер уделяет ей особое внимание в последнем разделе.

Под «последним Богом» Хайдеггер понимает «совсем иного Бога», совсем иного в противоположность предшествующему пониманию Бога, особенно христианскому. В христианском видении Бог осмысляется в терминах трансцендентной реальности; он продумывается в рамках теистической парадигмы, как нечто пребывающее по ту сторону бытия и человека. Последний Бог не имеет ничего общего с христианским Богом, потому что последний Бог не может быть найден из-за забвения бытия. Хайдеггер показывает, что христианская концепция Бога существенным образом этому забвению способствовала. В христианстве все сущее изначально трактуется как «ens creatum», с «Создателем» как наивысшим, самым определенным сущим и первой причиной. Каждое сущее предстает результатом этой причины, которая сама по себе является всереальнейшим сущим [2, с.110]. Даже когда идея творения постепенно уходит, остается понимание сущего как созданного и произведенного. Отношение причины и следствия становится полностью доминирующим в идее бога как «causa sui». Механические и биологические способы мышления становятся просто результатом господствующего понимания сущего как произведенного. Хайдеггер видит в этом забвение и нигилизм.

Забвение наиболее сильно там, где оно скрыто, и это как раз и происходит в христианстве. В Новое время сущие, которые когда-то мыслились как созданные Богом, становятся продуктами человеческих усилий, объектами, которые нужно понимать и осваивать. Из этой перспективы овладения и контроля вырастают представления о развитии и прогрессе. Но это прогресс без будущего, поскольку он способствует бесконечному повторению того же. В теории и практике прогресса не возникает открытость к другому началу, более того, на самом деле прогресс оборачивается его сокрытием. Вот почему христианство и его секулярные потомки, прежде всего, скрывают и отрицают забвение бытия. Хайдеггер также видит нигилистические последствия христианства в области исторического мышления. По его словам, христианская апология истории, разворачивающаяся после Августина, усиливает нигилистические следствия христианства. Почти вся современная светская историческая мысль, которая хочет подогнать все под понятие прогресса, подчиняется этому христианскому взгляду на историю, и тем самым препятствует сущностным решениям. Поэтому одна из целей работы заключается в том, чтобы представить новую концепцию трансцендентности и новое пространство для божественного в противовес пониманию Бога в христианской метафизике. Таким образом, преодоление нигилизма в определенном смысле оказывается и преодолением традиционного христианского теизма: «Подготовка к преодолению нигилизма начинается с фундаментального опыта, в котором человек как основатель Da-sein используется божественностью другого Бога. Но самое важное и самое сложное в отношении этого преодоления – осознание нигилизма» [2, с.140-141].

Как же раскрывается «божественность другого Бога»? В разделе «Бытие» Хайдеггер говорит о богах как перспективе, из которой возможно мыслить бытие. Для Хайдеггера понятие богов представляет пространство вопрошания: «Разговор о □богах” не означает решительных утверждений о наличном существовании множественности в противоположность единому, но скорее подразумевает намек на неразрешимость бытия богов, будь то один бог или многие <…> Неразрешимость относительно того, каков бог и может ли бог, в крайней нужде, возникнуть снова, для какой сущности человека и каким образом, – это и есть то, что названо именем □боги”» [2, с.437]. Для Хайдеггера вопрос заключается в том, будут ли боги, а не будет ли один или несколько богов. Он спрашивает, можно ли предоставить бытие богам без разрушения божественности как таковой. В метафизике бог представлен как всереальнейшее бытие, как первое основание и причина бытия. Однако эти определения не возникают из божественности Бога. Они возникают из доктрины бытия, в рамках которой бытие представлено как присутствие, как объект и как субстанция. В каком же смысле существует связь между богами и бытием? Хайдеггер говорит, что богам нужно быть. Это означает, что бытие не приравнивается к божеству, оно не выше богов, но и боги не выше бытия. Боги не нуждаются в бытии как своей собственности. Тем не менее, боги нуждаются в бытии, чтобы принадлежать самим себе. Бытие желаемо богами, но они не являются его причиной и не определяют его.

Перейдем к отношению бытия и Бога: бытие никогда не становится определением самого Бога, но лишь тем, в чем нуждается Бог, чтобы стать самим собой. В отличие от метафизического понимания бытия, у Хайдеггера бытие не превращается в высшее и чистейшее определение божественного, не становится оно всеобщим покровом всего, что есть. Бытие получает свое специфическое определение, когда оно признается как необходимое Богу, богам и всему царству божественного. Что же являет собой бытие, в котором нуждаются боги? Его можно интерпретировать как сферу возможного. В метафизике «действительное» как сущее было взято за отправную точку и цель для определения бытия. В противовес метафизическому пониманию бытия как действительности Хайдеггер предлагает

i Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ 18-011-00753 «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли»

свое видение возможного: «Возможное, чистое и простое, открывается только в попытке. Попытка должна полностью управляться предсхватывающим волением <…> То, что бытие есть и не становится сущим, наиболее отчетливо выражается в следующем: бытие есть возможность, не наличное и всегда предоставленное, но отказывающее в отказе через присвоение» [2, с.475]. Боги нуждаются в бытии, понимаемом как событие-присвоения. Богам не нужны определения, взятые из сферы сущего, такие как причина, основание, абсолютное, безусловное и бесконечное; и при этом они не отождествляются с бытием, и даже с бытием как событием-присвоения. Скорее бытие как богатство возможностей предстает как место для божества и человека.

Тем самым событийный опыт бытия может рассматриваться как условие понимания «последнего Бога». Концепция последнего Бога, несомненно, связана с мышлением бытия как события-присвоения, с акцентом на событийности и критическим отказом от эссенциалистской или гипостасирующей истории бытия. Последний бог обретает свои основные черты в прохождении (Vorbeigang). Понятие проходящего Бога встречается в религиозной и литературной традиции. Его можно найти в Ветхом Завете (Исход 33:22-23): «Когда же будет проходить слава Моя, я поставлю тебя в расселине скалы, и покрою тебя рукою моею, доколе не пройду. И когда сниму руку мою, ты увидишь меня сзади, а лице мое не будет видимо (тебе)». В Марбурге в 1924 году Хайдеггер комментировал этот библейский текст на семинаре под руководством Рудольфа Бультмана. Моисею разрешено увидеть Бога, проходящего мимо, увидеть только мельком, сзади. Также в третьей книге Царств 19:11 упоминается, что Господь прошел мимо. В этом прохождении Господа почти ничего не происходит: нет сильного ветра, землетрясения, огня, слышен лишь тихий голос и после – молчание. Встречается образ мимолетного, проходящего Бога и в поэзии Гёльдерлина. В первом лекционном курсе о Гёльдерлине в зимнем семестре 1934/35 годов Хайдеггер упоминает тему прохождения последнего Бога в комментарии к гимну «Friedensfeier», в котором небесное называется «быстро-преходящим» (schnellvergänglich) [3, с.111]. Только на мгновение Бог касается жилища человека. Хайдеггер находит вместе с Гёльдерлином место небесного или богоподобного в мимолетности едва понятных намеков. Это место не может быть понято как вечность. Скорее это прохождение, которое происходит в мгновение.

Пришествие проходящего Бога не может рассматриваться как неоязычество Хайдеггера или возвращение к немецкому романтизму, в котором также говорилось о грядущем Боге. Скорее, как и в «Бытии и времени», Хайдеггер стремится мыслить трансцендентность как временность. Подобная «пост-метафизическая теология» оказывается парадоксальной попыткой «пережить реальное присутствие божественного исключительно посредством своего мышления» [1, с.411-412]. И поскольку божественное отказывается принимать отчетливые образы, на него, прежде всего, формально указывается, и подобное указание, как и все формальные указания, остается безымянным и лишенным содержания, чуждым любой институциональной теологии. Наиболее подходящим отношением к Богу в эпоху техники становится отказ (Verweigerung), вот почему Хайдеггер предпочитает хранить молчание по отношению к нему. Вопрос: «Что или кто является последним Богом?», порождает целый ряд отрицательных ответов. Он не является последним в смысле самого современного, новейшего, как говорят о последней моде. Последний Бог уникален и потому не поддается расчетам монотеизма, пантеизма или атеизма: «Множество богов не подлежит исчислению, но раскрывается во внутреннем богатстве основания и безосновности, в момент сияния и сокрытие намеков последнего Бога» [2, с.411].

Таким образом, в поздних работах Хайдеггера божественное осмысляется из перспективы онтологического различия, поэтому последний Бог не может рассматриваться как сущее, даже высшее сущее. И он не тождественен ни бытию самому по себе, ни истине бытия, явленной в событии-присвоения. Бог, который продумывается в онтологическом различии, отличен от бытия. Тем не менее, этот Бог явлен в бытии как событии-присвоения и в его истине. Это можно назвать «теологическим различием» Бога и истины бытия. Истинное будущее указывает на событие, которое никогда не может начаться, потому что оно всегда уже есть. Недостаточно сказать в эпоху нигилизма, что Бог мертв или что трансцендентные ценности исчезают; скорее, нужно научиться думать о бытии Бога как прохождении. Кто или что этот Бог? Ответ здесь может быть только апофатическим: это уже не Бог метафизики или теистический Бог христианства.

Литература

1. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. Т.А.Баскаковой. – М.: Молодая гвардия, 2002. С.411-412.
2. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. (Vom Ereignis) (1936-1939). Gesamtausgabe Bd. 65. Frankfurt a. M., 1989. S.7.
3. Heidegger M. Hölderlins Hymnen „Germanien“ und „Der Rhein“. Gesamtausgabe. Bd. 39. – Frankfurt a.M. : Klostermann, 1980. S.111

Рецепция мысли Хайдеггера в России

Александр Владиславович Михайловский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Школа философии. Кандидат философских наук, доцент

E-mail: amichailowski@hse.ru

Аннотация: Философия Хайдеггера оказала глубокое влияние на советский и постсоветский философский ландшафт. В докладе рассматривается формированию российского образа Хайдеггера как мыслителя Бытия, консервативного критика позднего модерна и философа «пост». С одной стороны, под влиянием французского постмодернизма на позднесоветскую и постсоветскую философию в России сформировался особый интерес к хайдеггеровской теории деконструкции. С другой стороны, рецепция Хайдеггеровской критики европейского нигилизма, тотального господства и наукотехники как манифестаций модерна значительно способствовала формированию интереса к вопросам «политической онтологии». Текущая дискуссия вокруг недавно опубликованных записных книжек «Черные тетради» демонстрирует наличие в российской философской среде самостоятельного языка описания и анализа. В фокусе внимания находятся работы В.В. Бибихина и А.Г. Дугина, посвященные преодолению западноевропейской метафизики и рассматривающие концепцию «другого начала».

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, «Черные тетради», бытийно-историческое мышление, «другое начало», В.В. Бибихин, А.Г. Дугин

The Reception of Heidegger's Thought in Russia.

Alexander Mikhailovsky

National Research University Higher School of Economics, School of Philosophy.

Abstract: Martin Heidegger's philosophy deeply influenced the late Soviet and post-Soviet philosophical landscape. This paper deals with Heidegger's entry into the Russian philosophical scene as a conservative critic of late modernity, a thinker of Being, and a "post" philosopher. On the one hand, due to French post-modernism influence on late Soviet and post-Soviet philosophy Russia has developed a special interest in Heidegger's deconstruction theory. On the other hand, the reception of Heidegger's criticism of European nihilism, totalitarianism and machine technology as the manifestations of modernity has shaped significantly the account of the "political". The ongoing discussion about recently published "Black notebooks" shows the fact of existence of a separate language of description and analysis in Russian philosophical field. The paper discusses Vladimir Bibikhin's and Alexander Dugin's works related to Heidegger's overcoming of the Western metaphysical tradition and his concept of a new beginning beyond Machenschaft.

Keywords: Martin Heidegger, „Black Notebooks", the Other Beginning, Heidegger in Russia, Vladimir Bibikhin, Alexander Dugin

[i] The European and American colleagues' discussion surrounding "Black notebooks" should not be misleading concerning the interest in Heidegger or the desire to understand his thinking more thoroughly and better. On the contrary, it demonstrates *an early completion and quick closing of Heidegger studies in the West*. A German intellectual historian Reinhard Mehring has entitled his article provocatively: "Posthumous suicide". Assuming that the researcher's hypothesis is correct and that the hermeneutic strategy of the author of the *Gesamtausgabe* has led to subsequent "self-demolition" [1], the only direction of Heidegger studies in the near future should be his self-destruction. In fact, what else if not the "self-demolition" does the indicative fact *that mainly his so-called "anti-Semitist" passages became the subject of numerous statements and evaluations* show? These phrases about "calculated aptitude" and "groundlessness of (international) Jewishness" occur approximately 15 times spread throughout more than 600 pages of the only 95th volume of the Complete works.

i Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00753 А «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли».

And even they occupy a marginal place in the context of Heidegger's culture critical theory of integration of "American" and "bolshevist" origins with the "world Jewishness" which are the main carriers and conductors of *Machenschaft* and which are to blame for provoking the metaphysical crisis on the planet. As we look at the Western European debates it seems that "Black notebooks" consist solely of "problematic issues".

It can be said that Heidegger had expected high probability of Western Heidegger studies turning out to be inconsistent when faced with the greatness of the German thought. In his *Black Notebooks* (*Anmerkungen III*) Heidegger implies the danger of "the stream of gossip"(*eine Flut von Geschwätz*), because "lately it has become definitely clear that the talking will remain as pointless in the future as it has been all these years" [2, S. 231–232]. It is obvious that the majority of Western European experts on Heidegger could not respond to Heidegger's silence with their own, i.e. could not regard his silence as a solitary "persistence in Being" (*Inständigkeit im Seyn*), observing the crisis of the New European metaphysics and the arrival of Being as destiny (*Geschick*) after the World War II.

Heidegger was convinced that the „new turn of Being" comes not from the West but from the East – From Russia and China. For example, he says 1966 in his *Spiegel-interview* that in Russia and Chine will arise a new attitude towards technology and the transition to the Other Beginning [3].

Here I'd like to focus on two Russian philosophers which are paradigmatic for the Russian reception of Heidegger – Vladimir Bibikhin (1938–2004) and Alexander Dugin. They are very different as thinkers but very representative for the Russian thinking of the Other Beginning.

Bibikhin's optics is a look on Heidegger through the lens of Derrida's deconstructivism which Bibikhin interprets as the task of "analysis" of thought constructions to be able to trace it back to its origin [4, p. 170]. Deconstruction of European metaphysics as the oblivion of Being and

nihilism becomes no less than Heidegger's "trademark" in Russian area due to Bibikhin's translations and personal interpretations, and his works "European nihilism", "Time of the picture of the world", "Question of technology", "Science and comprehension" from the collection of articles "Time and Being" (1993) become the very part of the philosophical legacy of the German thinker which Russian reader got acquainted with a few years before the first complete translation of "Being and time" was released (1997). These translations were made for reference collected works of Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) back in the late 1970s–early 1980s. Back then Bibikhin had already shaped an image of Heidegger as a philosopher of "ideological poverty" and as a critic of late modernity who saw the final word of ontological nihilism in the ideology of National Socialism with its claim for world domination. According to Heidegger "a new man of the era of ideologies has nothing else to do on the Earth but consolidate and perpetuate his absolute dominance on it or question his metaphysical nihilistic essence". Bibikhin's Heidegger is also a thinker captivated by the essence of Being, by the mystery of *Aletheia*-unconcealment. "Heidegger's silence" after the WW II can be explained as the expression of this captivation. Helpless silence, to which "the moment of history of the world when nihilism comes to its planetary end" leads, becomes for Heidegger a unique "hint" on the fact that language is not limited solely to the rapidly losing its value "expression" or "communication" and some other speech that has come through the dead zone of silence is able to coincide with the Being in a way that it can not be pulled into the nihilistic whirlwind."

Alexander Dugin explains the revolutionary importance of Heidegger's thought within relatively simple terms. On the one hand, Heidegger's comprehensive reading of the Western philosophical tradition is for Dugin the only way for Russia to confront the influence of the most powerful form of Western philosophical thought to have shaped Russia, that of G. W.F. Hegel and, of course, the apostate Hegelian, Karl Marx. On the other hand, Heidegger's reading of that tradition as ending in nihilism offers the best possibility not only for confronting but also for overcoming the impact of Hegel and Marx in Russia [cf. 5, p. 257]. Dugin reflects Heidegger's own position insofar as he seeks to free Russia from the shackles of Bolshevism and Marxism in order to revive a national vitality and cultural health that had been almost eradicated by Bolshevism.

Dugin's interpretation of Heidegger effectively equates the egalitarian and universalist tendencies of Western thought with nihilism, the impulse to create an endless and final empire in which all questions have been resolved and the only free act has to be the result of error or madness (the will to persist in error). In this sense, Dugin's interpretation falls in line with critiques of radical enlightenment and Hegel stretching back to the nineteenth century and forward to the remarkable group of French thinkers who became prominent in the later 1960s, and who, under the influence of Nietzsche and Heidegger, opposed a certain notion of Hegel's thought as tyrannous, suffocating. Like Bibikhin Dugin again takes an attitude largely associated with thinkers

on the left and turns it toward his much more conservative way of thinking.

Dugin seeks to transform one of Heidegger's basic innovations, the notion of *Dasein*, to the Russian context. He does so by developing his notion of a distinctively Russian Dasein within another important "mytheme" created by Heidegger—that of *das Geviert* or the fourfold.

Dugin grants the fourfold a crucial role as the basic structure Heidegger identifies with the other beginning. For Dugin the Other Beginning begins with the fourfold [6].

Dugin proceeds to read the fourfold as granting to Russia an extraordinary role in the other beginning. He has only to cite Heidegger himself in this respect. Volume 69 of the GA is his principal text, and Dugin draws on two important statements by Heidegger. The first: "The History of the future of the earth is contained in the essence of Russianness (Russentum), which has not yet been freed to itself. The history of the world is the task set to the Germans for consideration (Besinnung)." The second: "Russia—that we do not conquer and exterminate it technically-culturally but rather free it to its essence and open it to the breadth of its suffering as to the essentiality of an essential salvation of the earth." [7, S. 119] Dugin proceeds to create a narrative of the Russian other beginning whereby Russia becomes the site of the creation of a new attitude to being, the fecund earth that allows for salvation from the metaphysical illusions of the West. Russian Dasein (ironically Russianized by Dugin as Dasain () becomes the bearer of a distinctively Russian way of being that shall liberate not only Russia itself but can be a beacon of salvation to the rest of the world.

To summarize, in his lecture about the essence of language of 1957 [8, S. 173] Heidegger said that thinking ploughed the field of Being. The ground for comprehension and learning of Heidegger's esoteric thinking as the solitary guarding of the Being has been prepared in Russia, inside the Russian language. Firstly, in Russia Heidegger has been read as a philosopher of the future, not the past, as a "precursor of the dawn of a completely different era of the world": thus, the key concepts of "Black notebooks" of "*Machenschaft(en)*", "*das Rechnerische*", "*das Riesige*" not only help to give an unfavorable diagnosis to the late modernity but also to look ahead. Secondly, Russian literature on Heidegger shows not only the existence of its own independent language of description and analysis but also a tendency towards holistic approach to the consideration of the philosopher's work involving, in addition to the analysis of *Dasein* and Being-historical thinking, political ontology and critics of civilizational discourse in the spirit of conservative revolution. Thirdly, the learning of Heidegger's thought through discussion and the separation with French poststructuralism and postmodernism in the late Soviet and post- Soviet philosophy have become an integral factor of development of national philosophical thought which has grown stronger while exercising in deconstruction of ideological and thinking surpluses and in the very Heidegger's case.

Literature:

1. *Mehring R.* Postmortaler Suizid. Zur Selbstdemontage des Autors der Gesamtausgabe // Heidegger und der Antisemitismus. Positionen im Widerstreit. Mit Briefen von Martin und Fritz Heidegger / Hrsg. von Walter Homolka u. Arnulf Heidegger. Freiburg i. B.: Herder, 2016. S. 289–299.
2. *Heidegger M.* Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte 1942–1948). Gesamtausgabe Bd. 97, hrsg. von P. Trawny, Frankfurt a. M.: Klostermann, 2015.
3. *Heidegger M.* "Nur noch ein Gott kann uns retten": Spiegel-Gespräch mit Martin Heidegger am 23. September 1966. *30. Spiegel.* 31. Mai 1976, S. 193–219.
4. *Bibikhin V.V.* Delo Khaideggera ["Heidegger's case"] *// Motroshilova N.V. (Ed.)*
5. Filosofija Martina Khaideggera i sovremennost'. Materialy konferencii [1989]. [Martin Heidegger's philosophy and modernity. Proceedings of the conference]. Moscow: Nauka, 1991. Pp. 166–171.
6. *Love J.* The Post-Soviet Heidegger // *Love J. (ed.)*. Heidegger in Russia and Eastern Europe. London, New-York: Rawman and Littlefield, 2017. Pp. 249–272.
7. *Dugin A.* Plural Anthropology – the Fundamental-Ontological Analysis ofPeoples (excerpt) // *Love J. (ed.).* Heidegger in Russia and Eastern Europe. Rawman and Littlefield: London, New-York, 2017. Pp. 273–294.
8. *Heidegger M.* Die Geschichte des Seyns. Gesamtausgabe Bd. 69, hrsg. von P. Trawny. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1998.
9. *Heidegger M.* Unterwegs zur Sprache. Pfullingen: Neske, 1965.

Феноменология конформизма в современной академической науке и философии

Моисеенко Я.Ю.

Институт философии и права Уральского отделения РАН, младший научный сотрудник

yan.moisseenko@mail.ru

Аннотация: Интерес к философскому наследию Мартина Хайдеггера выводит на изучение проблематики конформизма в современной академической науке и философии. При этом сам конформизм следует понимать не в традиционном социально-психологическом, бихевиористском ключе, а в феноменологическом, то есть как "нечто, что являет себя из самого себя» ("that which shows itself from itself" [6, p. 51]). Чтобы вывести подобный взгляд на «конформизм» из логики философии Хайдеггера, необходимо обратиться к корням наукоцентричности современного мира, определить степень влияния дискурса «научной рациональности» на повседневную жизнь человека, а также заново поставить вопросы о том, кто же является «субъектом» научной деятельности в настоящий момент, и благодаря доминированию какой «картины мира» современная академическая наука и философия представляют собой среду, в которой активно процветает и поощряется ценностная ориентация конформизма.

Ключевые слова: философия технологий, Мартин Хайдеггер, бюрократизация и массовизация науки и философии, научная картина мира, Ge-stell, das Man, конформизм

Phenomenology of conformism in contemporary academic science and philosophy.

Moiseenko Yan Yurevich

Institute of Philosophy and Law, Russian Branch of the Academy of Sciences

Abstract: Interest in the philosophical heritage of Martin Heidegger leads to the study of the problems of conformism in modern academic science and philosophy. Moreover, conformism itself should not be understood in the traditional socio-psychological, behavioural manner of simple conformity to the common standards, but in the phenomenological manner, i.e. "that which shows itself from itself" [6, p. 51]). In order to derive this view of "conformism" from the logic of Heidegger's philosophy, it is necessary to follow the roots of the contemporary world's obsession with science and to determine the discourse of "scientific rationality" influence on the everyday life of a person. Then it is necessary to raise again the question about who is the "subject" of scientific research, and thanks to the dominance of which world-picture modern academic science and philosophy constitute an environment where the value orientation of conformity is encouraged.

Key words: philosophy of technologies, Martin Heidegger, bureaucratization and massification of science and philosophy, scientific world-picture, Framework, The They, conformism/conformity

Ещё на заре становления философской парадигмы Модерна наука заявила о своих амбициях стать главным подспорьем для человечества, разорвавшего оковы средневековой схоластики, а для «просвещённой» его части – своего рода «путеводной звездой», которая указывает путь прогресса и процветания. Намеченная ещё в трудах Р. Декарта и И. Ньютона тенденция внедрения научного мышления в повседневную жизнь человека была выдержана вплоть до наших дней, с незначительными отклонениями. В особенности, если рассуждать о т.н. западном обществе – «успехи» науки в завоевании популярности у предельно широкой аудитории здесь беспрецедентны. В связи с этим, вовлечённость общественности в сугубо научный, а также философский дискурсы, что зиждутся на наукоцентричном мировоззрении, может быть отслежена на различных уровнях вовлечённости [11]. Ведь в современном мире редкое политическое или экономическое решение принимается не будучи предварительно изученным через призму научного подхода в целях дать предельно точный прогноз, насколько его последствия будут соответствовать научной рациональности или, по крайней мере, господствующим в обществе представлениям о ней.

Повсеместная имплементация подобного подхода к принятию решений в различных сферах жизни современного человека имеет двоякие последствия. С одной стороны, научная верификация

рисков и угроз ещё на стадии разработки какого-либо проекта даёт сторонам, вовлечённым в процесс, небезосновательную уверенность, что они не только опираются на «твёрдую почву» под ногами в виде научной теоретической базы и наукоёмких технологий, но и разделяют одно и то же дискурсивное поле с передовой общественностью, считающей «научный подход» главным способом взаимодействия с окружающим миром. (Здесь имеет смысл упомянуть феномен т.н. «гражданской науки» (*citizen science*), который описывает ситуации любительской вовлечённости в научный процесс и даже производство любителями некоторого научного знания посредством публикаций в социальных сетях) [3].

С другой стороны, «одержимость» общественного дискурса научной верификацией каждого шага в политике, экономике, социальной сфере, культуре, образовании и т.п. может с лёгкостью преступить грань разумного и приобрести «маниакальные» черты. В этом случае, не только образ жизни отдельных индивидов станет подчинённым безжалостному диктату научной рациональности, но и собственно сфера науки – представления о предмете и методологии научных исследований, начнёт неизбежно меняться под давлениями процессов массовизации [2], и научный дискурс как таковой окончательно потеряет некогда элитарный характер, что не может в конечном итоге не сказаться на качественном отличии подлинно «научного» знания, от результатов каких-либо других форм человеческой деятельности [3].

Настоящая степень массовизации науки приводит к тому, что научная деятельность не представляет собой более продукт индивидуальных усилий – всё больше это коллективный труд, а учитывая масштабы современных исследовательских групп, работающих над одним проектом – в особенности, в естественных науках – это работа целых «научных корпораций» или даже т.н. «научных фабрик» (*science factories*) [14]. Что касается функционирования подобного рода структур, то им как правило свойственен высокий уровень бюрократической организации, и он возрастает с укрупнением и усложнением их внутреннего устройства [10], что в свою очередь, кардинальным образом меняет среду, где существуют учёные. Одной из наиболее распространённых стратегий адаптаций к меняющейся среде, где один за другим возникают новые регламенты, внутренние и внешние ограничения, является конформизм – его феномен был подробно исследован специалистами в области психологии и бихевиоризма (например, [1]). Однако, несмотря на существенную степень проработанности, у нас нет уверенности в том, что феномен конформизма получил по-настоящему глубокую, подлинно философскую интерпретацию, в то время как её время как раз пришло, ведь под влиянием зависимых процессов массовизации науки и внедрения научных и «квазинаучных» практик в повседневную жизнь, именно конформизм претендует на то, чтобы стать мега-трендом среди модусов бытия человека в научном и философском поле [11]. А значит, и стать драйвером серьёзных социальных трансформаций.

В качестве своей реакции на насущную необходимость философской интерпретации конформизма мы предлагаем обратиться к философии Мартина Хайдеггера, а именно провести феноменологическое вскрытие этого феномена. Существуют основания полагать, что подобный подход позволит проникнуть в сущность того, что скрывается за привычной, будничной его интерпретацией, бытующей в современном гуманитарном дискурсе, а именно сводить феномен конформизма к непосредственным поведенческим практикам имитации индивидом некоторых групповых (или шире – общественных) нормативов [1]. На самом деле, философские исследования в области конформизма не могут ограничиваться подобной его трактовкой как самодостаточного явления. Если рассмотреть – с помощью философской призмы Хайдеггера – что в сути скрывается за этими практиками адаптации к групповым ценностям, то можно обнаружить там нечто куда более онтологически весомое.

В рамках намеченного феноменологического вскрытия конформизма необходимо, в первую очередь, рассмотреть специфику современной наукоцентричной картины мира, чему поможет исследование через призму философии технологий Хайдеггера, выявить причины её доминирования над остальными возможными мировоззрениями. Таким образом, следует уделить внимание такой составляющей современной науки как технологизация, поскольку, согласно современным исследованиям, технологии отныне не воспринимаются в качестве нейтральных инструментов, как средства реализации целей в кратчайшие сроки, но являются ценностями сами по себе, более того, они формируют когнитивные характеристики человека [12]. Технологическая рациональность, постулируемая технологиями, которые становятся всё более авторитетными в современном мире, представляет собой торжество τέχνη – того самого комплексного феномена, что был описан М. Хайдеггером в докладе «The Question Concerning Technologies» (русск.: «К вопросу о технике») [8]. Современная академическая наука (и философия в частности) представляет собой торжество этого τέχνη в чистом виде, поскольку ни та, ни другая, не ставят больше высшей задачей раскрытие подлинного бытия феноменов, вместо этого озабочены подчинением их бытия ригидной схеме извлечения из окружающего мира пользы и выгоды, которая осуществляется за счёт распределения знаний и представлений о различных феноменах окружающего мира по заранее отведённым для того «полочкам» мышления (так, с помощью метафоры «книжного шкафа с полочками» мы намерены выразить наше отношение к сложному и неоднозначному неологизму Хайдеггера *Ge-stell* (англ. – *Framework*, русск. – «по-став, «каркас» и т.п.) [7; 8].

Выход на проблематику конформизма в науке и философии хайдеггерианский взгляд на положение вещей предполагает в анализе трансформации субъект-объектной топики, где становится возможным провести фундаментальную ревизию позиции «субъекта» научной деятельности. Балансируя на границе между двумя способами видения окружающего мира – «мировоззрением» (англ.: *world-view*) и «картиной мира» (англ.: *world-picture*), где второй является наиболее репрезентативным примером развёртывания *Ge-stell* [7], а также выбирая в качестве точки отсчёта нашего размышления ключевой пре-концепт философии Хайдеггера *Dasein* (англ.: *Being-there*, русск.: бытие-здесь) [6], становится очевидно, что наивно видеть в «субъекте научной деятельности» отдельного индивида – учёного. Как уже было показано раньше, в наши дни научная деятельность становится частью повседневных практик, отчасти даже растворяясь в их рутинной стезе, где происходит переключение экзистирования *Dasein* на неаутентичный режим – именно в этом режиме на авансцену выходит то самое подлинное «действующее лицо», которое лишь надевает на себя маску «субъекта» Нового времени, в то время как, на деле, не сводится к нему. Разумеется, речь идёт о хайдеггеровском концепте *das Man* (англ.: *The They*, *the One*; русск.: «л ю д и», «они»), среди характерных черт которого есть не мало подлинно конформистских стратегий адаптации, намёки на которые можно, при должном внимании, обнаружить в той части труда «Sein und Zeit», (англ.: “Being and Time”) [6], что вводит для читателя этот своеобразный неологизм, однозначно определить принадлежность которого к какой-нибудь «части речи» трудно на любом из языков, на которые переводились работы Хайдеггера. Однако следует признать, что в основополагающих работах немецкого философа не представлено сколько-нибудь детальной интерпретации *das Man*-а, а значит, мы имеем определённую свободу в концептуализации этого феномена, в том числе, и в не самом предсказуемом ключе.

Таким образом, совокупная аналитика *Ge-stell* и *das Man* позволяет нам сформировать философский фундамент для интерпретации многих изменений, что в настоящий момент времени претерпевают академическая наука и философия, а также того, как адаптируются к этой меняющейся среде учёные и философы, другие участвующие стороны в производстве научного знания, а также, собственно, сама философия и само научное знание. Через призму хайдеггерианства становится возможным рассмотреть возрастающую бюрократизацию и формализацию научного процесса, одержимость научной общественности повсеместным внедрением рейтинговых систем и количественных показателей, приведение научных статей по естественным и гуманитарным наукам к некому «общему знаменателю» с точки зрения их структуры, где каждый элемент прописан заранее в ущерб свободе творчества и авторскому высказыванию [4] (речь идёт о набирающем авторитет формате научных публикаций IMRAD [13]). В контексте того, что исследования философии М. Хайдеггера на настоящем этапе переживают «ренессанс» по всему миру, свидетельством чего является выход разнообразных научных статей и монографий о Хайдеггере (самый яркий пример, на наш взгляд, это [5]), предлагаемый феноменологический подход к рассмотрению «конформизма в науке» может быть более чем актуален.

Литература:

1. Ash S. Opinions and social pressure. Scientific American, Vol. 193, No. 5, 1955. pp. 31–35.
2. Coccia M. Bureaucratization in public research institutions. *Minerva*, 43, 2009. pp. 31–50.
3. Cooper C. Citizen science: How ordinary people are changing the face of discovery. New York: The Overlook Press, 2016.
4. Hadzigeorgiou, Y., Fokialis, P., Kabouropoulou, M. Thinking about creativity in science education. Creative education, Vol. 3, 5, 2012. pp. 603–611.
5. Heidegger in the Twenty-First Century / edited by T. Georgakis & P. J. Ennis // Contributions to Phenomenology New York, NY: Springer, 2015. Vol. 80. 196 p.
6. Heidegger M. Being and Time / translated by J. Macquarrie and E. Robinson. Malden, MA: Blackwell Publishers, 1962. 487 p.
7. Heidegger M. The Age of the World-Picture / translated by W. Lovit. // New York & London: Garland Publishing. 1977 pp. 115–155.
8. Heidegger M. The Question Concerning Technologies / translated by W. Lovitt // New York & London: Garland Publishing. 1977 pp. 3–36.

9. Heidegger M. Science and Reflection / translated by W. Lovitt, New York & London: Garland Publishing. 1977 pp. 155–182.
10. Merton R. Bureaucratic structure and personality. Social Forces, Vol. 18, No. 4, 1940. pp. 560–568.
11. Popova N., Moiseenko Y., Beavitt T. Conformity in Modern Science: An Engine of Societal Transformation? // Changing Societies & Personalities. Vol. 1. Iss. 3. 2017. pp. 237-258.
12. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva, Switzerland: World Economic Forum. 2016. 184 p.
13. Sollaci L., Pereira M. The introduction, methods, results and discussion (IMRAD) structure: a fifty year survey // Journal of the Medical Library Association, 92(3), 2004. pp. 364–371.
14. Wuchty S., Jones B., Uzzi B. The increasing dominance of teams in the production of knowledge. Science, 316, 2007. pp. 1036–1039.

Хайдеггеровский вопрос о технике в контексте современного философского образования

Романенко Ю.М.

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. Доктор философских наук, профессор

yr_romanenko@rambler.ru

Аннотация: Реформирование современного философского образования характеризуется внедрением в него компьютерных, интерактивных и сетевых технологий на основе Интернета, что позволяет расширить аудиторию и вовлечь в философский диалог большое количество участников. Новейшая техника позволяет сделать философское обучение массовым, эффективным и скоростным. Это можно оценить положительно, однако у этого феномена есть и своя негативная сторона. Суть проблемы заключается в том, способна ли технизация образования сохранить событийность передачи философского смысла? В настоящее время снова становится актуальным вопрос о технике, так как его в середине *XX* века поставил М. Хайдеггер. В хайдеггеровском понимании, техника оказывается амбивалентной. В онтологическом смысле она является способом самораскрытия бытия. Ее парадоксальность заключается в том, что она одновременно является источником опасности и спасительной силой. Существенным моментом возникновения, функционирования и распространения техники является воображение, трактуемое М. Хайдеггером как онтологический способ бытия человека, в котором находит свое диалектическое разрешение проблема противоположности искусственного и естественного. Продуктивность и человекомерность современного философского образования будет зависеть от разумного решения этого вопроса в конкретных педагогических практиках.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, онтология, техника, рационализм, сциентизм, критика, академическая философия.

Heidegger's Question of Technique in the Context of Modern Philosophical Education.

Romanenko Y.M.

Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Abstract: The reform of modern philosophical education is characterized by the introduction of computer, interactive and network technologies based on the Internet, which allows to expand the audience and involve a large number of participants in the philosophical dialogue. The latest technology allows to make philosophical education massive, efficient and fast. This can be evaluated positively, but this phenomenon has its own negative side. The essence of the problem is whether the technicalization of education is able to preserve the eventuality of the transfer of philosophical meaning? Nowadays, the question of technique is again becoming relevant, since it was posed by M. Heidegger in the middle of the 20th century. The technique is ambivalent in Heidegger's understanding. It is a way of self-disclosure of being in the ontological sense. Its paradox is that it is both a source of danger and a saving power. An essential point in the emergence, functioning and dissemination of technique is the imagination, interpreted by M. Heidegger as an ontological mode of human being, in which the problem of the opposition of the artificial and the natural finds its dialectical solution. The productivity of modern philosophical education will depend on a reasonable solution of this question in specific pedagogical practices.

Keywords: M. Heidegger, ontology, technique, rationalism, scientism, critique, academic philosophy.

[i] В работе «Дело Хайдеггера» В.В. Бибихин подчеркивал главную и определяющую черту хайдеггеровской философии, утверждая, что его мысль — это «онто-логия: слово о том, что всегда уже есть прежде, чем человек начнет свою работу осознания» [1, с. 10]. Иными словами, в данном

i Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00753 А «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли».

высказывании подразумевается определение онтологии в качестве осмысленного слова о бытии. В этом отношении тема техники в философском измерении оказывается принципиально онтологической. Прежде чем человек начинает осознавать сущность техники, которая, как кажется, является результатом его усилий, она априори оказывает влияние на его существование и способность мыслить. Такое высказывание представляется странным и парадоксальным, но это является как раз индикатором онтологического подхода. Техника существует независимо от человека, являясь раскрытием самого бытия. Человек сколь причина техники, столь и ее следствие. Так можно кратко охарактеризовать основные контуры проблематизации техники в хайдеггеровской статье «Вопрос о технике» (1953 г.), в которой представлена оригинальная точка зрения на нее.

В этой работе М. Хайдеггер ставил вопрос о технике в том значении вопроса, которое оговорено в начале его «Бытия и времени». Суть онтологического вопрошания заключается в том, что человек, задавая его, одновременно ставит и себя под данный вопрос. В этом состоит специфика философских вопросов. Таким образом, в хайдеггеровском вопросе о технике спрашивается и о бытийном отношении к ней человека. Как он пишет: «Итак, техника не простое средство. Техника — вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это — область выведения из потаенности, осуществления истины. Открывающаяся тут перспектива кажется нам отчуждающе-странной» [2, с. 311]. Можно даже сказать, что эта странность в последующем разворачивании доходит до настоящего парадокса: техника присутствует в существе человека в той же мере, в какой человек в качестве Dasein присутствует в осуществлении самой техники. Попытка выяснить, где находится техника, приводит к указанию на странное место: «Сущность техники расположена в области, где имеют место открытие и его непотаенность, где сбывается αλήθεια, истина» [2, с. 312].

Далее Хайдеггер пытался выразить сущность техники в рамках оппозиции «открытости» и «сокрытости» бытия. В других своих работах, тематически примыкающих к «Вопросу о технике», таких как «Наука и осмысление», «Поворот», «Время картины мира» и др., он набрасывает бытийно-исторический очерк техники, в котором высвечиваются следующие ее онтологические характеристики. Прежде всего, техника, в кооперации с наукой, является высшей формой рационального сознания, стремящегося к господству над Землей и создающего бессобытийный мир, характеризуемый оставленностью бытия. Сущностью техники, по Хайдеггеру, является так называемый постав (Gestell) — своеобразный способ искусственного упорядочивания сущего, благодаря чему, с одной стороны, сущее раскрывается в своем фактическом существовании, но, с другой стороны, это приводит к закрытию иных его возможностей.

С онтологической точки зрения, постав — парадоксальный феномен. Как писал М. Хайдеггер: «Постав в своем существе — опасность… Если существо техники, постав как риск, посланный бытием, есть само бытие, то технику никогда не удастся взять под контроль просто волевым человеческим усилием, будь оно позитивное или негативное» [3, с. 350-351]. Это один аспект техники — неподвластность ее человеку, вследствие чего происходит забвение бытия и что является существенной опасностью. Однако сразу же после этой констатации нигилистического момента, Хайдеггер резко меняет аспект и обостряет парадоксальность техники, приводя строки стихотворения Гельдерлина: «Но где опасность, там вырастает и спасительное». Получается странное определение техники: она есть «спасительная опасность» или «опасное спасение», она экранирует от человека бытие и одновременно дает возможность бытию в этом экране проявиться. И Хайдеггер оставляет этот парадокс как задачу философского осмысления в горизонте будущего.

В современной философии продолжается осмысление феномена техники в том интерпретативном направлении, которое задал М. Хайдеггер. Так, в частности, А.В. Михайловский, отмечая онтологически двойственный характер техники и двусмысленность ее хайдеггеровского толкования, указывает на возможность осуществления «подлинной техники» [4]. Несмотря на то, что техника является «негативом» события (Ereignis), что проявляется в фактичности техногенного экологического кризиса и других глобальных проблемах современности, человек может обнаружить в технике и использовать в жизни ее исходную возможность быть поэзисом — творческим преображением действительности, не вредящим ее природному основанию.

Интересную, хотя и весьма дискуссионную точку зрения высказывает германский ученый Гюнтер Рополь в статье «Техника как противоположность природы». Он критически подходит к хайдеггеровским идеям, оценивая его взгляд на технику как спекулятивный и метафизический. По мнению Г. Рополя, техника принципиально неестественна, она является преодолением природы посредством человеческого сознания, способного к изобретательству. С его точки зрения, изобретение, являющееся источником искусственного, оказывается противоприродным актом сознания [5, с. 206]. В отличие от романтиков-экологистов, Г. Рополь прогнозирует дальнейшую «технизацию природы», но, вместе с тем, предлагает задуматься о способах нейтрализации потенциального вреда от техники. Прежде всего здесь необходимо обратить внимание на субъективно-человеческий источник техники, каковым оказывается изобретательство, которое, в свою очередь, имеет своей причиной человеческую способность воображения.

Как видно из обзора литературы, одним из существенных вопросов в контексте философии техники оказывается проблема соотношения естественного и искусственного, которая была поставлена еще в учении Аристотеля, указавшего на критерий их различия: природные вещи имеют в себе источник движения, а искусственные вещи не способны к самодвижению, получая импульс извне. Естественное и искусственное (природа и техника) трактуются как онтологические противоположности, вплоть до существования между ними войны. Но в каком измерении осуществляется противопоставление между ними и что является его источником?

С нашей точки зрения, стихией разворачивания оппозиции естественного и искусственного является воображение. Как нам уже приходилось писать — «природа такой способности человека, как воображение, его естественность заключается в способности творить искусственное» [6, с. 25]. Парадоксально выражаясь, можно сказать, что воображение — это естественно-искусственная способность человека. Отсюда выводится своеобразный категорический императив для воображающего субъекта: «воображай столь искусно, чтобы плоды твоего воображения жили естественно» [6, с. 27]. Чтобы корректно сформулировать вопрос о возможностях техники, необходимо прояснить проблему воображения. Именно в деятельности творческого воображения получает свое разрешение тот парадокс техники, о котором было выше сказано. Кстати сказать, эта возможность неявно подразумевалась и в философии М. Хайдеггера, который трактовал воображение не только как гносеологическую способность, но и как онтологический способ бытия человека. Хотя отношение между его концепцией техники и его же теорией воображения еще нуждается в экспликации, тем более, что само воображение по своей природе является одним большим парадоксом.

Если обратиться к современному процессу философского образования в свете вышесказанного, то можно сказать, что его реформирование и модернизация направлены на тотальную технизацию с использованием компьютерных, интерактивных, сетевых и медиа-технологий, основывающихся на возможностях Интернета. Появились захватывающие дух возможности. Но в этой ситуации возникает риск и опасность утраты событийного характера распространения философского знания. Действительно, кажутся совершенно несравнимыми и несоизмеримыми представляющий античную пайдейю живой сократовский диалог, основанный на встрече лицом к лицу и передаче смысла из уст в уста, и практики современных обезличенных онлайн-курсов, абстрактно формализованных вебинаров и прочих форм накопления, обработки и трансляции информации, связанной с философией. В результате этих сдвигов формируется новое отношение к философии и ее новые формы осуществления. В этой ситуации нарастает опасность «смерти философии», как живой любви к мудрости, личностной, свободной и творческой. Каков может быть прогноз результата данного техногенного процесса? Может ли в глубине этой опасности, выражаясь по-хайдеггеровски, вырасти спасительное? Вопросы остаются открытыми…

Список литературы

1. Бибихин В.В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. СПб.: «Наука», 2007. С. 5-19.
2. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. СПб.: «Наука», 2007. С. 306-330.
3. Хайдеггер М. Поворот // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. СПб.: «Наука», 2007. С. 350-358.
4. Михайловский А.В. Хайдеггер и Аристотель о techne и physis. Статья вторая. «Подлинная техника» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 1 (7). С. 36–46.
5. Рополь Г. Техника как противоположность природы // Философия техники в ФРГ. М.: «Прогресс», 1989. С. 203-221.
6. Романенко Ю.М. Онтология мифа. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 144 с.

РФК-2020_303_ Круглый стол
«В поисках формулы античности:
к 100-летию со дня рождения Ф.Х. Кессиди»

Идея теоретической и практической логики у Аристотеля

Агапов Е.П.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), профессор кафедры философии и культурологии. Доктор философских наук

march10@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения формальной и содержательной логики, которая получила детальное развитие в трудах представителей немецкой классической философии и философии марксизма, но продолжает привлекать внимание современных исследователей. Отмечая существование различных трактовок этой проблемы, автор считает возможным представить её как проблему взаимосвязи логики и теории аргументации. Теоретическая логика формулирует принципы правильного вывода, независимо от того, где они используются. В нем отвлекается от контекста использования умозаключений, игнорируя вопрос о том, являются ли наши предположения действительно верными или нет, но на практике мы не можем игнорировать его. Особенности использования умозаключений в доказательствах, дискуссиях и спорах рассматриваются в практической логике, которую обычно называют теорией аргументации.

Ключевые слова: логика, теория аргументации, теоретическая логика, практическая логика, формальная логика, содержательная логика.

The idea of theoretical and practical logic in Aristotle.

Agapov E.P.

Rostov State Economic University (RINH), Department of Philosophy and Cultural Studies

Abstract. The article is devoted to the problem of the correlation between formal and substantive logics, which received detailed elaboration in the works of the representatives of German classical philosophy and the philosophy of Marxism, but continues to attract the attention of modern researchers. Noting the existence of various interpretations of this problem, the author considers it possible to present it as a problem of the relationship between logic and the theory of argumentation. Theoretical logic formulates the principles of correct inference, irrespective of where they are used. Distraction from the contexts of using inferences is carried out in it by ignoring the question whether our assumptions are actually true or not, but in practice we can not ignore it. The peculiarities of using inferences in proofs, discussions and disputes are considered in practical logic, which is usually called the theory of argumentation.

Keywords: logic, theory of argumentation, theoretical logic, practical logic, formal logic, substantive logic.

В работах советских философов большое внимание уделялось проблеме соотношения двух логик – формальной, основы которой были заложены Аристотелем, и содержательной, получившей детальную разработку в трудах Гегеля и других представителей немецкой классической философии. Эта проблема решалась в рамках диалектической традиции, наиболее выдающимися представителями которой считались Гегель и классики марксизма-ленинизма. Согласно этой традиции, формальная логика основное внимание уделяет исследованию структуры готового знания, тогда как диалектика в своей логической функции изучает становление и развитие форм мышления, рассматривая знание как процесс отражения реальности, которая постоянно изменяется.

Лишившись идеологического налёта, соотношение формальной и содержательной логики не потеряло статуса важной научной проблемы. Эта проблема продолжает привлекать внимание исследователей, которые предлагают различные способы её интерпретации. Она по-прежнему находится в центре внимания диалектической традиции, которая в 60–70-х годах интенсивно развивалась целым рядом отечественных философов, а в настоящее время поддерживается их идейными последователями. Со второй половины прошлого столетия среди специалистов стали приобретать известность логика вре-

мени, логика изменения, логика направленности и другие теоретические построения, которые были призваны решить проблему непротиворечивого описания изменяющегося бытия, восходящую еще к апориям Зенона. По нашему мнению, проблема соотношения формальной и содержательной логики может быть представлена как проблема соотношения логики и теории аргументации.

Для того чтобы обосновать свою точку зрения, обратимся к истории логики и теории аргументации. Логика является одной из древнейших дисциплин, которая была создана Аристотелем в 4 в. до н. э. Её возникновение связано с потребностями развития тех сфер общественной жизни Древней Греции, в которых существенную роль играло обоснование принимаемых положений, т.е. выведение их из ранее принятых положений. Обосновывать принимаемые положения приходилось прежде всего математикам и философам, а также тем, кто был связан с публичной политикой и правом, ставшими важнейшими сферами жизни в условиях древнегреческой демократии.

Обосновать какое-либо положение – значит правильно вывести его из тех положений, которые уже приняты. Математик доказывает новые теоремы, используя аксиомы и определения, а также ранее доказанные теоремы. Философ обосновывает свои представления о структуре бытия и природе человека с помощью правдоподобных положений, которые не должны вызывать серьезных возражений у его оппонентов. К таким же положениям апеллирует и человек, выступающий в народном собрании или суде. Обращаясь к структуре обоснования, Аристотель выделил в ней два элемента: во- первых, принимаемые положения (которые могут быть истинными или правдоподобными), а во-вторых, выведение из них обосновываемого положения. Такое выведение, называемое умозаключением, может быть правильным или неправильным, т. е. действительно иметь место или нет. Сделав умозаключение предметом специального исследования, Аристотель и положил начало логике как науке. Он был первым, кто осознал необходимость науки об умозаключениях, названной впоследствии логикой.

Как и логика, теория аргументации уходит своими корнями во времена античности. Искусство аргументации, помогавшее человеку достичь успеха в политике, выиграть дело в суде или произвести благоприятное впечатление на окружающих, в Древней Греции ценилось чрезвычайно высоко. Нечестным аргументаторам, легко поступающимся истиной ради выгоды, Платон в своих диалогах противопоставлял Сократа, который считал, что красноречие должно служить справедливости. Для него идеальным аргументатором является человек, который бескорыстно предан истине и потому в ходе аргументации заботится о предмете речи, а не о том, какое впечатление произведёт он на слушателей. Идеальный аргументатор Аристотеля также стремится к истине, однако установление её возможно не во всех сферах человеческой деятельности. Во многих случаях люди рассуждают на основании не истинных, а лишь правдоподобных положений.С середины прошлого столетия специалисты говорят о становлении новой теории аргументации, которая складывается на стыке герменевтики, лингвистики, логики, психологии, риторики, философии, эристики и других областей знания. Актуальной задачей они считают построение общей теории аргументации, отвечающей на такие фундаментальные вопросы, как природа и границы аргументации, способы аргументации, своеобразие аргументации в различных областях познания и практической деятельности, а также изменение стиля аргументации в связи с изменением культуры той или иной эпохи. Во второй половине прошлого столетия наметились общие контуры новой теории аргументации, которая пыталась восстановить позитивное содержание античной риторики и поэтому получила название новой риторики. Аргументация представляет собой человеческую деятельность, протекающую в определённом контексте и имеющую своей целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости тех или иных положений. Эти положения не сводятся к описаниям реальности, а могут включать в себя декларации, клятвы, обещания и т.д.

После того как теория аргументации приобрела статус относительно самостоятельной области научных исследований, возник вопрос о её соотношении с логикой. Этот вопрос может быть сформулирован следующим образом: является теория аргументации частью логики или нет? С одной стороны, учебные планы ряда специальностей включают в себя не только логику, но и теорию аргументации. Поэтому можно сделать вывод, что для их составителей теория аргументации не является частью логики. С другой стороны, авторы многих учебников логики традиционно включают в них проблемы, относящиеся к теории аргументации. Для того чтобы ответить на сформулированный нами вопрос, обратимся к логическому учению Аристотеля, представленному прежде всего в «Первой аналитике» и других трактатах «Органона».

Центральное положение в логике Аристотеля отводится понятию силлогизма, представляющему собой разновидность умозаключения. Это понятие рассматривается Аристотелем в «Первой аналитике», которая на самом деле написана им позже, чем «Вторая аналитика», а также «Топика» и «О софистических опровержениях». «Вторая аналитика» касается умозаключений в доказательствах, «Топика» – умозаключений в дискуссиях, а «О софистических опровержениях» – умозаключений в спорах. Сопоставляя доказывающие, диалектические и эристические умозаключения, Аристотель столкнулся со следующим вопросом: имеется ли что-то общее между ними? Ответ на этот вопрос, положивший начало логике как науке, был дан им в «Первой аналитике»: «Отличается же доказывающая посылка от диалектической тем, что доказывающая есть принятие одного из членов противоречия (ибо тот, кто доказывает, не спрашивает [о нём], а принимает [его]), диалектическая же есть вопрос относительно [того или другого члена] противоречия. Однако в образовании силлогизма они ничем не отличаются друг от друга, ибо и тот, кто доказывает, и тот, кто спрашивает, [одинаково] умозаключают, принимая, что нечто чему-то присуще или не присуще, так что силлогистическая посылка есть вообще утверждение или отрицание чего-то относительно чего-то по указанному способу; и доказывающей она будет, если она истинна и получена из первых [положений]; диалектическая же посылка – это для выведывающего вопрос относительно [того или другого члена] противоречия, а для умозаключающего – принятие того, что кажется, и того, что правдоподобно, как об этом сказано в «Топике»» [1, с. 119–120]. Что касается эристического умозаключения, то оно «исходит из [положений], которые кажутся правдоподобными, но на деле не таковы, или оно кажется исходящим из правдоподобных или кажущихся правдоподобными [положений]. Ведь не всё правдоподобно, что кажется таковым, и то, о чем говорится как о правдоподобном, вовсе не представляется таковым уже на первый взгляд, как это бывает у начал эристических доводов, ибо их ложность сразу же и обычно очевидна даже для людей малопонятливых. Таким образом, пусть первый из указанных [видов] эристических умозаключений называется и умозаключением, другой же – эристическим умозаключением, а не [просто] умозаключением, потому что здесь только кажется, что выводится заключение, а на деле оно не выводится» [2, с. 349–350].

Таким образом, в «Первой аналитике» Аристотель рассматривает чистые формы умозаключений, а во «Второй аналитике», «Топике» и «О софистических опровержениях» -контексты, в которых они используются. Этими контекстами являются доказательство, дискуссия и спор. Для доказательства характерно то, что используемые в нем допущения должны быть истинными. В отличие от доказательства, дискуссия и спор предполагают использование не истинных, а правдоподобных допущений. Что касается различия между ними, то его следует искать в их целях. Если целью дискуссии является достижение единогласия по обсуждаемому вопросу, то целью спора – достижение победы над противной стороной. Мы полагаем, что в учении Аристотеля можно найти поддержку развиваемой нами идеи. Эта идея сводится к тому, что логика распадается на две части, которые могут быть названы теоретической (или формальной) и практической (или содержательной) логикой. Теоретическая логика формулирует принципы правильного умозаключения безотносительно к тому, где они используются. Отвлечение от контекстов использования умозаключений осуществляется в ней посредством игнорирования вопроса о том, являются принимаемые нами допущения фактически истинными или нет, однако на практике мы не можем его игнорировать. Особенности использования умозаключений в доказательствах, дискуссиях и спорах рассматриваются как раз в практической логике, которая обычно называется теорией аргументации.

Литература:

1. Аристотель. Первая аналитика // Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 117-254.
2. Аристотель. Топика // Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 347-531.

Проблема личностной идентичности в зеркале майевтики Сократа

Аполлонов И.А.

Кубанский государственный технологический университет, профессор кафедры истории, философии и психологии. Доктор философских наук

obligo@yandex.ru

Аннотация. Экзистенциальная сторона осмысления личностной идентичности состоит в различении подлинности и мнимости собственного существования посредством рефлексии традиционных ценностей. Такая рефлексия представляла собой майевтику, онтологическую по своей сути процедуру, помогающую рождению добродетелей человека. Анализ диалога «Лахет», участники которого пытаются дать определение мужеству, позволяет выявить парадоксальную целостность смыслового содержания традиционных ценностей. Подобная ценность, с одной стороны, обладает интуитивной самоочевидностью, которая позволяет узнавать мужественные действия. С другой стороны, она несёт в себе возможность различных интерпретаций, отдающих приоритет тем или иным содержательным признакам. Однако такие интерпретации не в состоянии вместить всю полноту смысла ценности, и понятийная определённость может привести к искажению её содержания. Осмысление ценности направлено на сопряжение конкретности существования человека и универсального горизонта его человеческого бытия.

Ключевые слова: личностная идентичность, Сократ, традиционные ценности, майевтика, понимание,

The problem of personal identity in the mirror of Socrates ‘ mayeutics

Apollonov I. A.

Kuban state technological University, Department of History, Philosophy and Psychology

Abstract. The existential side of understanding personal identity is to distinguish between the authenticity and the imaginary of one’s own existence through reflection of traditional values. Such reflection was a mayeutics, an essentially ontological procedure that helped to give birth to the virtues of man. The analysis of the dialogue “Lahet”, the participants of which try to define courage, reveals the paradoxical integrity of the semantic content of traditional values. Such a value, on the one hand, has an intuitive self-evidence that allows one to recognize courageous actions. On the other hand, it carries the possibility of different interpretations, giving priority to certain substantive features. However, such interpretations are not able to contain the full meaning of the value and conceptual certainty can lead to distortion of its content. The comprehension of value is aimed at combining the concreteness of human existence and the universal horizon of his human being.

Keywords: personal identity; Socrates; traditional values; maieutics; understanding; self- understanding.

Вопросы личностной идентичности: «Кто Я?», «Что значит быть собой?», артикулированные в знаменитой дельфийской максиме «Знай себя», можно считать истоком философской традиции Европы. Аккумулированный в ней призыв эксплицирует двойственность человеческого «Я», различает в том, кто входит в храм, ещё и того, кого надо узнать. Такое различение срывает с человека покров самоочевидной понятности собственного тождества (я это я) и обнажает его потаённую проблемность: а я действительно тот, кого я знаю как себя? Тем самым требование знать себя выталкивает меня из привычной самопонятности, выводит в иной бытийный регистр, с высоты которого я могу различить подлинность и мнимость собственного существования, своих мнений, надежд и желаний. Подобный регистр связан с осмыслением ценностных оснований добродетелей, определяющих меру подлинности человека: ту меру, в границах которой я обретаю себя, а преступив которую, теряю себя.

Такое осмысление не сводится лишь к познавательным процедурам, а становится майевтикой, диалогом, который «испытывает» собеседника, ориентирован на самопонимание, уяснение того, что для него остаётся потаённым, неясным. И рождение истины становится, по сути, актом онтологическим, в котором раскрывается творческий потенциал человека [1, с. 144]. Майевтика ведёт к переоценке ценностей: теряется ее самоочевидность и изменяется, порой даже в противоположную сторону, ее смысловой вектор. Например, при разговоре с Критобулом, Сократ, все имущество которого оценивалось в 5 мин, раскрывает смысловой потенциал богатства как традиционной ценности и доказывает, что он богаче своего собеседника, прославленного афинского богача [1]. Подобным образом, раскрывая смысловые возможности понятия «сводник», Сократ так убедительно доказывает Антисфену благородство этого занятия, что последний с гордостью говорит: «Если я действительно обладаю таким талантом, то душа у меня уж совсем набита будет богатством» [2, с. 182]. Таким образом, майевтика Сократа, во-первых, направлена на рефлексию интуитивных, самоочевидных оснований традиции; а во-вторых, подобная рефлексия демонстрирует сам ход раскрытия смыслового потенциала традиционных ценностей, определяющих подлинность человеческой жизни.

Одним из характерных примеров подобной майевтики является диалог «Лахет», в котором рассматривается сущность мужества. В фабуле диалога Платон демонстрирует любопытный парадокс понимания: одна и та же деятельность (искусство гоплитомахии) при одних и тех же ценностных ориентирах (мужество, ведущее к славе) людьми одинаковой профессии (полководцами), притом одинаково прославленными оценивается прямо противоположно.

Причина такого различия кроется в представлениях о происхождении этой ценности. Никий считает, что деятельность, искусственно дублирующая реальность (искусство сражаться в тяжелом вооружении), воспитывает определенные качества для реальной деятельности воина. Лахет же, напротив, искусственно полученные навыки ставит в зависимость от личностных качеств обучающегося. Реальный опыт, отношение к реальным опасностям, а не хитроумные приемы, делают человека мужественным и ведут его к славе.

Дальнейшая рефлексией интуитивного уровня мужества связана с парадоксами дефиниции этой добродетели. Лахет, привыкший к сражению в сомкнутом строю, без промедления отвечает Сократу: «Если кто добровольно остается в строю, чтобы отразить врагов, и не бежит, знай, это и есть мужественный человек» [3, с. 281]. Здесь, во-первых, показательна легкость ответа: Лахет говорит не задумываясь, выражая самоочевидную для себя истину, которая и является основой понимания этой ценности. Во-вторых, Лахет переводит абстрактное понятие (мужество) в область конкретного (мужественный человек), символически указывающего на исследуемую ценность.

Майевтика Сократа, который приводит противоположные примеры мужественного поведения, показывает фрагментарность такого определения. При этом изначальный его смысл не отбрасывается, поскольку дальнейшая дефиниция абстрагирует его изначальную конкретность. Поведение гоплита, не покидающего свое место в строю распространяется на всю область мужества, превращаясь в нравственное качество стойкости духа.

Но выясняется, что такое определение слишком широкое, поэтому в качестве ограничения собеседники вводят признак разумности, который отличает положительную оценку мужества от «вредной и злокозненной» стойкости, связанной с безрассудством или упрямством. Однако при проверке конкретными примерами результаты подобного определения вновь оказываются плачевными. Разумная, стойкость, позволяющая действовать наверняка противоречит интуитивному понимания мужества. И наоборот, мужественными признаются люди, противостоящие таким действиям. Таким образом, рефлексия ценности приводит к противоречию в ее логическом содержании, что и констатируют участники диалога: с одной стороны, мужество причастно к разуму, а с другой – ему противоположна [3, с. 284].

Другой участник диалога, Никий пытается преодолеть этот парадокс путем увязывания мужества с мудростью, которую, в свою очередь, интерпретирует как «науку о том, чего следует и чего не следует опасаться как на войне, так и во всех прочих делах» [3, с. 286]. Никий здесь рассматривает мужество в аспекте столь характерной для него предусмотрительности, которая служила причиной его неизменных побед [4, с. 165]. Соответственно, здесь выдвигается и разрабатывается иной, нежели стойкость, критерий мужества. Вследствие критики этого тезиса Лахетом, утверждающем, что профессиональные знания не делает человека мужественным, Никий углубляет свое определение. Мудрость мужества состоит не в знании какого-либо конкретного мастерства, а в универсальном понимании полезного и вредного в применении к тому или иному делу. Однако подобное углубление еще более затрудняет поиск сущностных оснований мужества, так как в этом случае оно становится тождествен-

ным вообще всякой добродетели, неотличимо от рассудительности или справедливости. Подобный вывод окончательно заводит исследование в тупик, и собеседники признают свое невежество в этом вопросе.

И здесь мы подходим к еще одному интересному парадоксу: с одной стороны, налицо реальное присутствие мужества у собеседников, а также и понимания его смысла; с другой стороны, явная неспособность выразить это понимание: «Мне кажется, я понимаю, что такое мужество, и не знаю, каким образом оно от меня только что ускользнуло, так что я не могу схватить его словом и определить» [3, с. 285].

В этом парадоксе вызывает интерес соотношение реальной деятельности, определяющего эту деятельность интуитивного уровня ценности и логической попытки ее рефлексии. При таком подходе отрицательный результат диалога будет выглядеть иначе. Неудача в поиске надлежащего определения мужества можно рассматривать как закономерное выражение смысловой природы этой традиционной категории.

Во-первых, при общем согласии относительно объема этого понятия (и у Лахета, и у Никия не возникало разногласий по поводу конкретных примеров мужества), в отношении содержания оба полководца выдвигают совершенно различные его отличительные признаки, что говорит о различных способах осмысления данного объема. При этом можно говорить об изначальной интуитивной целостности подобных смыслов.

Во-вторых, показательны итоги смыслового раскрытия признаков мужества. И критерий стойкости, и предусмотрительность в своем развитии выходят за предметные рамки мужества и даже противоречат ему. Здесь можно говорить о смысловой подвижности традиционной категории, вплоть до значения, противоречащего изначальному. Так, во время Пелопонесской войны изменилось привычное значение слов: безрассудная отвага считалась храбростью, благоразумная осмотрительность – замаскированной трусостью [5, с. 147].

В-третьих, попытка придать ценности ту или иную понятийную определённость ведёт к ограничению, искажению и в пределе, превращению её в псевдоценность. Такое перерождение представлено в понятном современникам Платона историческом контексте, связанном с трагической гибелью главных действующих лиц этого диалога.

Таким образом, таинственная неопределенность ценности связана с взаимопереходом и даже тождественностью одной ценности всем остальным. Увидевший это Платон и неоплатоники показывали подчиненность и даже изначальную тождественность всех добродетелей единой идее Блага. Поэтому осмысление ценностей представляет собой не построение системы отдельных понятий, а логику эманации, при которой каждая выделенная добродетель сохраняет внутреннюю содержательную связь со всеми остальными. Вместе с тем, осмысление ценностных оснований добродетелей не сводится лишь к индукции, выявлению в единичных случаях общих признаков. Оно направлено на удержание парадоксального сопряжения универсального и уникального, вневременного и конкретно-исторического в личностной самотождественности человека.

Литература:

1. Кессиди Ф.Х. Сократ. СПб.: Алетейя, 2001, 352 с.
2. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М: Наука, 1993, 375 с.
3. Платон. Лахет // Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. М: Мысль, 1990, с. 268-294.
4. Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2 М: Правда, 1987, 608 с.
5. Фукидид. История. М: Наука, 1993, 542 с.

Теология и религия в Древней Греции: к вопросу об их взаимосвязи

Астапов С.Н.

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения, доцент. Доктор философских наук

snastapov@sfedu.ru

Аннотация: Древнегреческая теология, будучи частью философского знания, носила рациональный характер и выступала с критикой традиционных религиозно-мифологических представлений. Вместе с тем, нельзя считать, что она находилась в оппозиции полисным религиям, была «религией философов» или абстрактным конструированием «Бога философов». Поскольку неотъемлемыми элементами религии являются культовые действия и социальная организация, постольку в случае «религии философов» должны обнаруживаться специфические религиозные культы и религиозные организации сектантского типа. Абстрактное конструирование «Бога философов» предполагает индифферентность к религиозной жизни полисов. Но философские школы, за редким исключением, нельзя считать религиозными сектами или какими-либо другими религиозными образованиями, также как нельзя сказать, что философы были индифферентны в отношении полисных религий. Взаимосвязь древнегреческой теологии с полисной религией прослеживается в том, что идея единства, воплощённого в многообразии, в религиозной мифологии выражается в господстве рока над богами, а в теологии выражается в концепциях единого божественного закона или разума, или бога-перводвигателя.

Ключевые слова: культ, мифология, рациональное, религия, теология, философия.

Theology and Religion in Ancient Greece: to the Question about Their Mutual Connection.

Astapov S.N.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies

Abstract: In Ancient Greece theology was a part of philosophic knowledge, had rational character and contained criticism of tradition religious and mythological beliefs. However, it is incorrect to consider the ancient Greek theology opposition to civil religions, “the religion of philosophers” or abstractive constructing of “philosopher’s God”. Since cults and organizations are the integral elements of religion, “the religion of philosophers” must manifest specific religious cults and religious organizations of sect type. The abstractive constructing of “philosopher’s God” supposes indifferent attitude to civil religion. However, philosophic schools, except for rare cases, were not religious sects or other religious formations, and philosophers were not indifferent to religious life of society. Mutual connection between theology and civil religion in Ancient Greece can be notice in idea of unity, incarnated in polytheism, finds its mythological expression in domination of the fate overgods, and in theology this idea is expressed in concepts of the common divine low or mind, or the god-first engine.

Keywords: cult, philosophy, mythology, rational, religion, theology.

В своей известной книге «От мифа к логосу» Ф.Х. Кессиди, рассматривая случаи конфликта между философским разумом и религиозной верой, заметил: «Вопрос об отношении религиозно-философского образа мышления к иррациональной религиозно- мифологической вере является одним из основных в греческой теоретической мысли на протяжении почти всей ее истории» [1, с. 32]. Этот вопрос можно поставить и как вопрос об отношении теологии к религии в Древней Греции.

Теология – важный элемент развитого религиозного сознания. Она является, во- первых, рефлексивной формой религиозного сознания (то есть вторичной, не исходной), во-вторых, теоретической формой (что свидетельствует о её формально-смысловой организованности: нестихийности продуци-

рования и репродуцирования, структурной упорядоченности и даже системности, строгости использования языковых средств, аргументированности), в-третьих, целеобусловленной формой, поскольку служит системно-концептуальным средством разработки, защиты и обоснования вероучения, формирования специфичной (конфессиональной) религиозной картины мира. Будучи элементом религиозной системы, теология необходимо отражает и сама формирует образы объектов религиозного почитания, нормы религиозного поведения и культовой деятельности (отношения к объектам религиозного почитания). Но древнегреческая теология развивалась в лоне философии, которая, как знание рациональное, находилась в оппозиции религиозно-мистическим учениям и в малой степени могла служить средством разработки вероучения полисной религии.

Известно, что и слово «теология», и специфический вид теоретической мысли, обозначаемый этим словом, берут своё начало в древнегреческой философии. Считается, что впервые этот термин встречается в «Государстве» Платона, который обозначает им рассказы о богах, созданные древними поэтами: Гомером, Гесиодом и Пиндаром. Таким образом, в своём первоначальном значении оно относилось к той сфере, которую мы сейчас называем мифологией. С.В. Месяц отмечает, что такую теологию Платон подверг критике за нечестивые образы богов, «как совершающих предосудительные поступки, творящих несправедливости и являющихся источником всевозможных бедствий как друг для друга, так и для смертных. Желая изгнать из идеального государства подобные представления, философ предлагает установить своего рода «образчики теологии» (τύποι περι θεολογία), т.е. правила, которыми должны руководствоваться поэты-мифотворцы, сочиняя истории о богах» [2, с. 228].

Следует обратить внимание на то, что не всякие рассказы о богах считались «теологиями», а те, на которых учились, которые были неотъемлемой частью образования, т.е. выполняли своего рода идеологическую функцию. Именно поэтому Гомер и Гесиод, чьи поэмы составляли фундамент древнегреческого образования, были первыми «теологами», и именно поэтому Платон видел необходимость в «правильной» теологии.

У Аристотеля сохраняется именование теологами создателей рассказов о богах (Гесиода и Ферекида), в противоположность «физикам» (ионийским натурфилософам), но вместе с тем он теологией называл «первую философию», как науку о первых причинах, трактующую знание, в полноте своей доступное лишь богу (Метафизика: B 4, 1000 a 9; L 6, 1026 a 19). Последнее понимание настолько закрепилось за теологией, что в античном платонизме термин «теология» выступал эквивалентом метафизики [3, с. 626], и это его значение было известно даже в средние века, отчего мыслители раннего Средневековья отказывались называть христианское учение теологией.

Вопрос об отношении теологии к религии древних греков это не вопрос о том, являлась ли древнегреческая теология чистым конструктом философов или же была отражением народной религии древнегреческих полисов. Древнегреческое общество не было настолько дифференцированным, чтобы религия и философия составляли автономные сферы общественной жизни. Но различие между рациональным философским мышлением и иррациональной религиозной верой, как и включенность теологии в систему философского знания Древней Греции фиксируются вполне отчётливо. Эти моменты определяют вопрос о взаимосвязи теологии и религии в Древней Греции.

В некоторых современных исследованиях прослеживается мысль о том, что философы, подвергая критике мифы и народную религию, создавали свою религию: «специфическое эзотерическое учение об особом высшем Боге, стоящем вне или за пантеоном демотических богов, а также специфические психотехники, предназначенные для катарсического очищения и развития высших способностей человека: интеллекта, воли, памяти, а возможно, и паранормальных способностей, которые считались необходимыми для контакта с божественной сверхреальностью» [4, с. 230]. Это означает, что или наряду с полисной религией должны были существовать в виде сект религии философских школ, или же эзотерические учения так и оставались учениями, не выражаясь в культовой деятельности. В первом случае следует считать, что теологические учения древнегреческих философов служили выражением религиозных доктрин, альтернативных полисной религии. Во втором случае, поскольку теология является средством защиты и обоснования вероучения и потому не эзотерична, приходится полагать одно из двух: либо наряду с теологическими учениями философы создавали ещё и эзотерические учения, либо философские тексты имеют эзотерическое содержание, доступное посвященным адептам через какое-то специфическое декодирование этих текстов.

В силу того, что теологией мы считаем то, что осуществилось в дошедших до нас текстах, то

есть подлежало рецепции и комментированию в культурных традициях Европы и Ближнего Востока, второй случай мы должны исключить из поля нашего исследования. Существование же религиозных сообществ, «альтернативных» полисной (гражданской) религии, исторически подтверждается. Однако они не были альтернативны полисной религии в строгом смысле. Участие в религиозной жизни полиса было гражданской обязанностью, поэтому отказ от такого участия по мотивам исповедания другой религии означал бы отказ от гражданства и лишение прав. Но наряду с полисной религией индивиды могли исповедовать любые религиозные верования и осуществлять любые религиозные действия, если они не нарушали привычный жизненный уклад полиса. Последнее обстоятельство объясняет эзотеричность и сектантский характер таких религий: они не должны были публичными культовыми действиями разрушать религиозную традицию полиса, они не могли быть многочисленными по причине своей нетрадиционности. Насколько древнегреческая теология была связана с «эзотерическими» культами, насколько она выражала эту культовую деятельность и в то же время требовала своего осуществления в специфических религиозных культах – эти вопросы требуют обстоятельного исследования.

Ещё в начале XX в. Ф.Ф. Зелинский писал о параллельном существовании в Древней Греции трёх религиозных систем: поэтической религии (мифологии), философской религии (теологии) и гражданской религии. Если первая необязательна, вторая – не едина, то третья обязательна для каждого гражданина полиса [5, с. 37–38]. Представляется, что подлинной религией была только гражданская религия, т.к. необязательность и отсутствие единства не позволяют сформироваться сколько бы то ни было устойчивой религиозной системе. Теология не была философской религией, она была поиском в сфере божественного единого за многим. В этом плане заслуживает внимания другая мысль Ф.Ф. Зелинского – о том, что древнегреческие философы «прекрасно чувствовали, что в области божественности единство и многость сливаются… В дискурсивном мышлении соответствующую работу проделала школа элеатов: она пришла к результату, что единое есть, но как нечто непредицируемое, лишённое всяких свойств, всякой действенности, а действенным оно становится, лишь преломившись во многости» [5, с. 120].

Эту мысль развивает А. Шуман, описывая религиозную ситуацию в средиземноморском регионе, особенно в Древней Греции как «языческий экуменизм», обусловленный тесными торговыми отношениями, культурными и политическими союзами. «Эллинская философия становится теоретической базой секуляризованного эллинского вероучения, находящего отклик в религиозном поведении большинства средиземноморских народов. Этим объясняется невероятная популярность античной философии, всегда исполнявшей роль богословия эллинского язычества. Наиболее плодотворной оказывается идея единомногого Бога, согласно которой Бог един и в этом качестве он непознаваем, однако человеку он является в виде различных божеств» [6, с. 12–13].

У древних греков боги господствуют над всеми существами этого мира, но сами зависят от рока. Так за многообразием полисных божеств, обусловленным различием религиозных традиций в разных полисах, просматривается идея единства. В теологии она воплощается в идее единого божественного закона (νόμος) или божественного разума (λόγος), а потом и единого бога-перводвигателя. Таким образом, прослеживается взаимосвязь древнегреческой теологии с полисной религией.

Литература:

1. Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
2. Месяц С.В. Понятие θεολογία в античной философии // Философия религии: альманах 2006–2007 / Под ред. В.К. Шохина. М.: Наука, 2007. С. 228–246.
3. Алкиной. Учебник платоновской философии / Пер. с древнегреч. Ю.А. Шичалина // Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 4. С. 625–663.
4. Хлебников Г.В. Античная философская теология. М.: Наука, 2007. 232 с.
5. Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая религия // Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск: Экономпресс, 2003. С. 31–152.
6. Шуман А. Эллинское язычество и социальные институты античности // Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск: Экономпресс, 2003. С. 3–30.

Идея единого человечества в античной традиции.

Диденко О. Н.

Волгоградский государственный университет, доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

didenko@volsu.ru

Аннотация. Идеал человеческого развития, к которому близко подошло греческое общество, по природе своей является общечеловеческим, универсальным. Но приближение к идеалу поставило греков в трудную ситуацию: нужно было доказать свое право находиться на завоеванной высоте в полном одиночестве. Доминирующая идея всей греческой классики – гармоничное единство с целым всего мироздания. Но удивительно, что в этом целом ничтожное место занимают другие общества, другие народы, все остальное «отсталое» человечество (и о гармонии здесь говорить не приходится). В статье рассмотрен вопрос о том, насколько стремление греков к освоению «идей» объективного мира, этих особого рода реальностей, имеющих свою жизнь и самобытный язык, позволило им создать «идею» самого человечества, присущую ему истину и мораль.

Ключевые слова: греческий полис, человек, «гибрис», единое человечество, субъективность, истинное бытие.

The idea of one humanity in the ancient tradition.

Didenko O.N.

Volgograd State University, Department of Philosophy

Abstract. The ideal of the human development, which the Greek society has come close to, by its nature, is common and universal humanity. However, the approach to the ideal put the Greeks in a difficult situation: it was necessary to prove their right to be on the conquered height in complete solitude. The dominant idea of all Greek classics is a harmonious unity with the whole of the entire universe. But it is surprising that other societies, other peoples, and the rest of “backward” humanity occupy an insignificant place in this whole (and there is no need to talk about harmony here). The article deals with the question of how the Greeks ‘desire to master the” ideas “of the objective world as the special kind of realities that have their own life and original language, that enabled them to invent the “idea” of humanity itself, its inherent truth and morality.

Keywords: Greek Polis, man, “hubris”, the unified humanity, subjectivity, true being.

Вопрос, который вставал перед греками заключался в представлении о том, что человеческий род в своем реальном существовании – «идея», единая и целостная (хотя бы потенциально). А если это так, если единое человечество – тоже «идея», разве без нее космос («идея всех идей») может быть полон? Греки понимали, что возвышение их собственной цивилизации над культурным типом и уровнем сопредельных стран заключает в себе некоторое противоречие, отступление от должного, от нормы. Так, например, в их моральном сознании существовало понятие «гибрис», означающее греховную дерзость, своеволие, слепую самонадеянность, рождающуюся из обладания какими-то преимуществами перед другими. Немезида наказывает, прежде всего, за «гибрис» за дерзкий вызов, бросаемый целому, за попрание прав большинства. Сквозь призму этих фундаментальных образов-категорий духовной культуры греки рассматривали и свои отношения с окружающим человечеством. Философы склонялись здесь к тому, чтобы оценивать противоречие, к которому пришли эти отношения, именно как трагическую коллизию. Что же касается «массового» типа греческого полиса, то его сознание нашло для себя другой выход из данной ситуации морального конфликта. В целом оно тоже согласилось с тем, что «грех» в отношениях Эллады с окружающим миром имеет место. Но является ли он «грехом» самих эллинов? Для данного умонастроения вопрос и заключался, прежде всего, в том, чей это «грех», на кого должна пасть кара Немезиды. Одним словом: «кто виноват»? Ответ на вопрос был не лишен диалектики, но диалектики определенного свойства – софистической.

С одной стороны, этот грех был представлен как общий, обоюдный, падающий и на греческое племя в равной мере. Он предстал здесь как прямое выражение самого «гибриса» – порока, который образует глубочайшую основу человека вообще, человеческой натуры. Этот первородный грех, как рассудило «массовое представление» в данном случае, и служит общим признаком, дающим основание для сведения всех реально существующих народов – греков, персов, египтян, финикийцев и т.д. – в одно собирательное понятие человечества. Человек вообще – дерзкое, своевольное, самоуправное животное, – вот его истинное определение, специфика. Гордыня владеет этим животным, и принимает она многие формы. В своем предметном выражении «гибрис» есть не что иное, как (опять же) материальная, хозяйственная, трудовая деятельность, как погружение человека в материальные интересы и заботы, в производство вещей и вещных, механических отношений к себе подобным. Ведь конечной целью этой деятельности является создание «второго мира» – взамен первого, реального и единственного подлинного бытия. Грешного человека не удовлетворяет настоящая, простая и великая реальность – он стремится создать такое искусственное бытие, над которым он мог бы неограниченно господствовать, где все прочие явления и предметы не обладали бы никакой самостоятельной жизнью и потому не чинили препятствий для его безудержной «самореализации». И как будто ему это удается. Однако этот мир, построенный на основе «мимезиса», сложенный из искусственных конструкций, каждая из которых – только внешнее поверхностное отражение, мертвое подобие реальных органических форм, является выморочным. Все это только иллюзия, фикция и пустота, а потому и господин этого призрачного царства, человек, тоже не живет в подлинном смысле, не является действительно самобытным существом. Он выступает лишь функцией своего первородного греха гордыни, его ходячим символом. Ввиду этого можно сказать, что в мире чувственно-предметной практики человек полностью реализует свою (греховную) сущность. Он получает то, чего добивался.

Однако все ли имеющие несчастье быть причисленными к роду человеческому – все конкретные живые индивидуальности, личности, а также группы людей, народы и сообщества, – согласятся развить в себе родовой признак до подобного предела, максимума? Здесь возможен и отрицательный ответ. Если человек, по определению, «греховное животное», то вместе с тем он все же и просто «животное», т.е. существо, принадлежащее в большой мере «первой», не искусственной и не выморочной природе. Если «сущность» порочна, то зато «существование» имеет здоровую основу, а раз так, то почему окончательный итог спора между двумя этими началами в человеке надо считать предрешенным в пользу «греха»? Шансы есть и у начала подлинной реальности, живущего в человеке. Однако несомненно то, что перед ним встают большие трудности в этой освободительной борьбе. Главная состоит в том, что освобождающийся от «греха» человек должен преодолеть свою «родовую» форму. А ведь это тоже в известном смысле «борьба против естества». Здесь требуется совершить, так сказать, «прыжок в трансцендентное». Человек должен выйти из поля притяжения рода, подняться над человечеством, стать «сверхчеловеком». В той мере, в какой порвал с присущим человеческому роду образом жизнедеятельности, он уже свободен, «безгрешен», в той мере, в какой родовые связи еще опутывают его, тянут вниз, он «греховен», порабощен. Для практики отсюда следует рекомендация рвать прежде всего связи со «средним уровнем», рутиной человеческой культуры – рвать решительно, безоглядно. И разница между отдельными лицами и племенами в плане этой решительности, бескомпромиссности видна достаточно ясно. Этот критерий можно смело применять для оценки морального состояния той или иной личности или целого народа. Что и сделало «общественное мнение» Греции, не пошедшее на этот раз на поводу у философов. Оно сопоставило под этим углом зрения порядки родного общества и стран окружающего мира. Сравнение оказалось не в пользу нравственной установки последних. Не трудно было понять, чей образ жизни действительно резко отличается от «среднечеловеческого».

Таким образом, признание существования общечеловеческой греховности, равномерно распределяющейся между всеми лицами и всеми сообществами, имело и обратную сторону. Оно стало обоснованием полного освобождения общества, победившего в себе «первородный грех» человечества от ответственности за моральное (духовное, культурное) состояние всего остального человеческого мира. По этой логике, каждый народ должен убить в себе «дракона» сам, путь к истинному бытию лежит только через личный выбор, личное подвижничество и совершенствование. Если народ уклоняется от этого выбора, то никто и ничто (даже самые тяжелые обстоятельства и условия его существования) не виноваты в этом и никто ему здесь не может помочь, кроме него самого. Путь «спасения», возвращения к истинному бытию всем предназначено проделать в одиночестве. «Родовая», человеческая солидар-

ность здесь не только бесполезна, но абсурдна и крайне вредна, ведь в определенном отношении само это движение и есть восстание, протест против «общечеловеческого».

Это, впрочем, не означает, что идея единства людей и сплочения народов вообще теряет всякий смысл. Дело идет лишь о том, что в данный момент эта «родовая» идея в своем истинном виде живет только в самом открывшемся новом измерении истории, в плане прогрессивного человеческого развития, который создает само «освободительное» (или «очистительное») движение. Войти в это измерение может реально опять же только такое общество, которое самостоятельно вступило на этот путь, сделало означенный «личный», индивидуальный выбор. К другим же народам, не решившимся на этот выбор, идея человеческого единства не имеет никакого отношения. Они целиком вне данного «контекста». Картина такова, что в данное время самое единое человечество в истинном, новом, а не старом, ложном смысле слова и может существовать только в лице отдельных немногих обществ и народов, реально совершающих «восхождение» к истинному бытию (и совершающих его, как это единственно возможно, в одиночку, абсолютно самостоятельно). Как полагали многие граждане и патриоты греческого общества, оно, единое человечество, существовало в их время в лице даже одного единственного общества – их собственного.

Взгляд этот базировался на наблюдении, имевшем реальный характер, – на том, что историческая действительность как бы «шла навстречу» начинаниям греков. На известном этапе тождество греческого пафоса и прогрессивных возможностей эпохи действительно существовало, но наступил предел. И в том, что этот предел обнаружился, винить само греческое общество, конечно, нельзя, но в том отношении, что общественное мнение греков долго не соглашалось признать эту истину, некоторая вина его существует. Упорствование в убеждении, что их идеи, «парадигмы» суть непосредственно формы целостности исторической реальности, привело эллинов к представлению, что, с одной стороны, из пространства человеческой истории должны быть исключены все прочие («варварские») цивилизации, не сумевшие подняться до высоты их образа жизни, а с другой стороны, «историческая реальность» должна быть расширена до объемов космоса.

Вместе с тем этот взгляд нельзя отнести к какой-либо разновидности натурализма. Напротив, определяя человека сначала «греховным животным», а затем, после его самоочищения и преображения – «политическим животным», это мировоззрение не представляет человека в качестве естественно возникшего рода в ряду других отдельных родов бытия. С этой точки зрения, естественное начало в человеке существует, оно ему дано, но именно как данное, изначально в нем существующее – оно есть нечто совершенно неопределенное. Человек – животное, но какое? Определение себе может дать только сам человек. Когда он пытается найти себе определение вне, по ту сторону бытия (изобретая «вторую природу»), он встает на путь «греха». Но и когда он решается отречься от «греховного» и вернуться в бытие, здесь перед ним тоже встают проблемы. Он не может просто уподобиться какому-то из уже существующих родов бытия, ибо, по сути, это был бы тот же самый греховный путь «мимезиса», удвоения бытия. Бытийственная форма человека должна быть оригинальной, впервые сотворенной – такой, как если бы ее сотворило самое бытие. Отсюда и уточняется задача: человек должен примкнуть не к готовым формам, а к творческой силе бытия, космоса. Иначе говоря, ему назначено причаститься к субъективности самого бытия. Вот эта «субъективность» и есть истинный человеческий род. Жизнь этого рода является истинной реальностью. Ее реальный характер заключается прежде всего в том, что здесь субъекты («космос-субъект» и «человек-субъект») относятся друг к другу как к реальным ценностям, реальным величинам. Ни у кого нет повода усомниться в реальности существования другого, никто не ощущает призрачности существования – своего собственного или ближних. Как считали греки, подобный «стиль общения» уже присутствует в их гражданской жизни, где «политическое» тождественно «реальному» и «абсолютному».

Феохарий Кессиди: формула античности

Драч Г.В.

Южный федеральный университет, научный руководитель института философии и социально-политических наук, профессор. Доктор философских наук

gendrach@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы античной философии, изучению которых были посвящены жизнь и творчество Феохария Кессиди. Крупный учёный - антиковед и оригинальный мыслитель, он с детства был привязан, как этнический грек, к родной греческой культуре, которая для него была наполнена отзвуками классической Греции. Фигура Гераклита Эфесского, любимейшего древнегреческого философа, к изучению взглядов которого Кессиди обращался всю жизнь, трагическая и загадочная, – символизирует античное мироощущение и его прорыв к «логосу» (разуму и слову). Интересной и оригинальной была его интерпретация Элейской философии. Мировую славу Кессиди принесли его исследования, посвящённые Сократу. Сократовское учение о самопознании, благе и душе рассматривалось им как ценностное основание всей греческой культуры. В то же время он видел мучительные противоречия в национальном характере греков, приведшие их к Пелопонесской войне. Вот почему он так ценил разум и свободу, а формула «от мифа к логосу» (формула античности) характеризует не только становление разума, но и его борьбу с иррациональным.

Ключевые слова: древнегреческая философия, миф, логос, образ, понятие, разум.

Théocharis Kessidis: Formula of Antiquity.

Drach G.V.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Political Studies

Abstract. The article deals with the problems of ancient philosophy, the study of which was devoted to the life and work of Theocharis Kessidis. A major scholar of antiquities and an original thinker, he was from childhood attached, as an ethnic Greek, to his native Greek culture, which for him was filled with echoes of classical Greece. The figure of Heraclitus of Ephesus, the most beloved ancient Greek philosopher, to the study of whose views Kessidis turned all his life, tragic and mysterious, symbolizes the ancient attitude and its breakthrough to the “logos” (mind and word). Interesting and original was its interpretation of the Eleatic philosophy. World fame Kessidis brought his research on Socrates. Socrates ‘ doctrine of self-knowledge, the good and the soul was considered by him as the value basis of all Greek culture. At the same time he saw the painful contradictions in the national character of the Greeks, which led them to the Peloponnesian war. That is why he so valued the mind and freedom, and formula “from myth to logos” (the formula of antiquity) characterizes not only the formation of reason, but also its struggle with the irrational.

Keywords: ancient Greek philosophy, myth, logos, image, concept, mind

Феохарий Харлампиевич Кессиди – выдающийся учёный, исследователь истории античной (древнегреческой) философии и культуры, получивший ещё при жизни мировую известность и признание. Его работы опубликованы на основных языках мира, по его инициативе стали проводиться получившие широкую известность Аристотелевские чтения. Будучи этническим (трапезундским) греком, он глубоко в душе хранил любовь к этнической родине и оставался патриотом Греции и России. В Тбилиси и Москве он получил философское образование, а местом работы стали московские ВУЗы и Институт философии АН СССР, где он проработал 22 года. В 1992 году Кессиди переселился на этническую родину, в Грецию, в Афины. Здесь им было очень многое сделано: доработаны и переизданы прежние книги, написаны новые. Изучение античности оставалось для него формой национального самосознания, а формула античности содержала в себе некий потаённый смысл, сигнал для общения, сопричастности разуму и справедливости. Понимание слова «формула» содержит в

себе некоторую рассудочность. Но оно же говорит о возможности разгадать загадку жизни, как это сделал Эдип, встретившись со Сфинксом. Многое в этом смысле может быть отнесено и к «загадочной русской душе». И для русских, и для греков тяжёлым испытанием была Отечественная война, которая для греков обернулась ещё и депортацией. Неслучайно Кессиди обращался к Фукидиду, описавшему Пелопонесскую войну, как историческому свидетелю, а уже на закате жизни – и как к собеседнику, вычитывая у него ответ на самые животрепещущие вопросы – о человеческой природе, ментальности и стремлению к власти. Темой кандидатской диссертации он избрал «Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского». Научные интересы Кессиди были связаны с именами Гераклита, Парменида, Сократа, Платона и Аристотеля, которые навсегда остались любимыми героями его философского календаря.

Обращение к Гераклиту [1] уже содержит основную тему, которая будут интересовать Кессиди всю жизнь – условия и предпосылки расцвета греческой культуры. С годами она всё шире будет дополняться размышлениями о несомненной роли и значении философии. Философия развивалась в городах-государствах (полисах), в которых высоко ценилась свобода – общественная и личная. Расцвет древнегреческой культуры объясняется им не рабством, а «демократическими общественно-политическими порядками, которые содействовали развитию духовных способностей, творческих сил сравнительно широких слоёв демоса» [1, с. 14]. Понимание логоса, который «правит всем через всё», как скрытого, но не оторванного от мира вещей порядка позволяет уже в этой ранней работе связать в диалектическом единстве эстетическое (чувственное) и теоретическое мышление. Здесь же закладывается фундамент рационалистического понимания античной философии: «Созерцая мир как поэт, живописец и ваятель, философ видит свою задачу в том, чтобы познать тот ритм, тот закон, который «скрыто» правит всем» [1, с. 94]. Работа «От мифа к логосу» содержит в своём названии формулу античности, провозглашающей верховенство разума и понятийного мышления, расширяет круг анализируемых философских учений и углубляет понимание мифа [2]. До сих пор остаются непревзойдёнными описания языка и стиля мышления Гераклита, положения об открытии Парменидом «чистого разума». До Парменида греческая античность имела дело не с миром разума, а с повседневным, обычным миром, где господствовали миф и предрассудки. Наряду с реальностью физической возникает реальность умопостижения.

Кессиди никогда не оставлял без внимания вопрос о том, какова роль мифа и его отношение к познанию, религии и художественному творчеству. Его дополняет вопрос, по которому он полемизирует с западными исследователями: кому Европа обязана своими достижениями в области науки и критического мышления – античности или христианству? Симпатии Кессиди на стороне античного свободомыслия и науки [2, с. 283]. А как же миф? Миф характеризует стремление, безотчётное и не подвластное каким-либо сомнениям, подчинить себе действительность. Не понятия, а образ объединяют человека с этим воображаемым и признаваемым за единственно сущее миром. «Миф несет истину в себе, освобождая человека от тяжкого бремени познания и личной ответственности. Но если бы мы сказали, что сама по себе десакрализация мифа открывает путь истинного познания, мы бы ошиблись. У человека должна упасть пелена с глаз и открыться искомая истина, к которой он так стремится» [3, с. 84]. Речь идёт о политически активном человеке, о полисном общественном устройстве с верховенством писаных законов и значением искусства публичного слова, о греческой пайдейе, в основе которой лежали гласность и демократия. Становилось излишним обращение к «рабовладельческой формации» и к рабству как «базису» античной культуры, как это делал А. Ф. Лосев [4, с. 40-41]. Однако проблема человека в древнегреческой философии и культуре, и Кессиди это прекрасно понимал, приобретала особую остроту.

Вместе с Сократом Кессиди возвращался к самым жгучим вопросам античной культуры – кризису классического античного полиса и Пелопонесской войне. Здесь он обращает внимание на два обстоятельства: полемику Сократа с софистами и опровержение их релятивизма, а также обращение Сократа к общим определениям. Неизбежно возникал вопрос об исторических источниках, в частности, о свидетельствах Аристотеля. Кессиди приводит ряд интересных аргументов в пользу признания подлинности свидетельств Аристотеля. Более того, вопрос об общих определениях рассматривается им как вопрос об истине и возможностях человеческого разума. И всё же сердцевиной вопроса выступает сократовское «познай самого себя» [5, с. 193-203]. Сократовский призыв к самопознанию, учение о благе и душе, трактовка добродетели как знания вводят нас в контекст греческой философской классики и дополняют важнейший пункт движения от мифа к логосу. Человек, вооружённый знанием, никогда не будет поступать себе во вред. Сократ открывает перед человеком мир должного. Он действительно спустил философию с небес на землю и показал пути к человеческому совершенству и счастью. Сущее и должное могут и должны быть одним и тем же. Ведь никто не желает себе зла и если делает его, то не по своей воле, а в силу отсутствия знания. Кессиди, таким образом, охватывал широкий контекст греческой культуры, не ограниченный полемикой софистов и Сократа. Он был связан с агональным, характерным для греков национальным характером – источником блестящих побед и тяжёлых поражений. Древний грек был личностью, горячие дискуссии вызывали вопросы, обсуждаемые в том числе и на Аристотелевских чтениях, была ли у древних греков совесть, идея истории? Греки открыли мир разума и наполняли его не химерами, а светлыми образами и понятиями блага, добра и красоты. Другое дело, что человек – не бог, поэтому в его натуре остаётся иррациональное, которое греки, по мнению Кессиди, не оценили: видели, но отводили глаза. Отсюда обращение к Фукидиду, описывающему ужасы гражданского противостояния и бездны нравственного падения.

Философию Кессиди всегда видел на этом фоне, рассматривая её как «открытие разума» и обоснование основных жизненных ценностей человека (вечные вопросы бытия и человеческого счастья), позволяющие человеку не быть (это невозможно), а всякий раз заново становиться человека. И в этом смысле формула «от мифа к логосу» приобретает ещё один смысл. Это смысл нашего внутреннего путешествия, преодоления Сцилл и Харибд, гнездящихся в глубинах нашего подсознания. И без философии здесь не обойтись. Ибо только она ставит вопрос о том, что есть мир и что есть человек и каково бытие сущего, что делает сущее бытийствующим? Вот почему мысли Кессиди о мифе как о реальности, желаемой и действительной, не уходят из содержания его работ. Греки учились видеть мир, сообразный разуму, оставаясь гилозоистами и пантеистами, потому что разум для них – это путь к добру и красоте мироздания. Миф делал возможным первые шаги к художественному восприятию мира и смыслообразам, а от них к понятиям. Да и единство сознания и действительности (мышления и бытия) приходит из мифа, но трансформируется в формулу «от мифа к логосу». На смену образам приходят понятия, разделяются субъект и объект, коллектив и личность. Интеллектуальная среда формировала особый тип социальной рефлексии и социальной интроспекции. Познавая тот ритм, что в человеческой жизни сокрыт, человек формировал себя, обретал смысл бытия. В этом была сила греческого логоса (и как языка, и как познания) и его неистребимая интенция к бытию. Сохранение своего логоса, истории, культуры сделало греческий этнос уникальным, а открытый им логос – достоянием человечества. В этом Феохарий Кессиди был уверен, этого он желал для России и для Греции.

Литература:

1. Кессиди Ф. Х. Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского. М.: «Изд. Академии художеств», 1963. 164 с.
2. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М.: «Мысль», 1972. 312 с.
3. Драч Г.В. Феохарий Кессиди: ученый и человек // Философские науки, 2014 № 8. С. 78-87.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М.: «Высшая школа», 1963. 583 с.
5. Кессиди Ф. Х. Сократ. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. 319 с.

Миф и Логос: современная суд

Золотухина-Аболина Е.В.

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, профессор кафедры истории философии. Доктор философских наук

elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация. В докладе речь идет о присутствии Мифа в современном постиндустриальном обществе. Смысл мифа – бездоказательное изложение судеб человека и мира, стихия мифа – эмоция и метафора. Происходит постоянный переход из эмоционально-образных форм мифологического переживания в рациональные и – обратно. Оба слоя часто мирно сопутствуют друг другу, при том, что рациональный пласт может даже не догадываться о том, что, по существу, опирается на миф как на собственный фундамент. В докладе рассматриваются четыре сферы, где продолжает активно жить и действовать миф: область религиозности, включающая новые религии и «спиритуальность»; идеологии, близкие к мифу в вопросе высших целей и ценностей; философия, имеющая в своих истоках мифологические корни, а также мифы личной биографии и судьбы.

Ключевые слова: Миф, Логос, Разум, символическое мышление, метафорическое повествование, илеология.

Myth and Logos: the judgment of modernity.

Zolotukhina-Abolina E.V.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Political Studies Sciences, Department of History of Philosophy

Abstract. In the report the author considers the presence of Myth in modern post-industrial society. The meaning of myth is an unproven exposition of the destinies of man and the world, the element of myth is emotion and metaphor. There is a constant transition from emotional-figurative forms of mythological experience to rational and vice versa. Both layers often peacefully accompany each other, despite the fact that the rational layer may not even realize that, actually, it is based on myth as its own foundation. The report examines four areas where the myth continues to live and operate: the area of religiosity, including new religions and “spirituality”; ideologies close to myth in the matter of higher goals and values; philosophy, which has in its origins mythological roots and myths of personal biography and fate as well.

Keywords: Myth, Logos, sense, symbolic thinking, metaphorical narrative, ideology

Становление философского Логоса из Мифа – важнейшая характеристика рождающейся древнегреческой философии, прекрасно показанная в работах Ф.Х. Кессиди. В далекие времена расцвета греческих городов-государств в довольно узком кругу первых философов появляется способность и возможность мыслить о мире рационально-логически, искать его всеобщие основания, здраво и аналитично подходить к вопросам бытия и мышления, а позже – этики и политики. С древнегреческой философии начинается торжествующий путь Разума-Логоса, идущий через века и принявший в 18 веке форму стремления к просвещению, а еще раньше – облик бурного развития науки, требующей эксперимента и здравомыслия. Жизнь современного мира построена на фундаменте бурно развивающихся наук в их прикладном выражении, на базе стремительного роста рационально созданных технологий, вторгающихся во все сферы жизни.

Но может ли рационалистический Логос праздновать победу в современной реальности? Думается, вряд ли. Прошлый 20-й век ознаменовался огромным наступлением на рациональность и жаждой разоблачения рационалистических иллюзий. Само возникновение философии из мифа было оценено весьма неоднозначно: если Э. Гуссерль прославляет Европу как колыбель идеи о бесконечной идее, то М. Хайдеггер видит в возникновении философии печальный упадок, отказ от Бытия, а Р. Генон и вовсе относит этот период к началу Кали-Юги – упадка человечества. Представители же Франкфуртской школы видят в торжествующем Логосе злобного тирана.

Взглянем коротко на соотношение Мифа и Логоса в современности. Несомненно, Разум в своей научно-технической и рационально-бюрократической ипостаси доминирует в сегодняшнем мире и претендует на способность адекватного управления как странами и государствами, так и глобальным сообществом, не говоря уже об отдельных людях. Слова «осознание», «познание», «понимание», «рефлексия», «расчет», «инженерное и управленческое решение» слышатся со всех сторон, и можно было бы предположить, что нынешнее человечество в отличие от античного «живет по Логосу» - стоит на рационалистической платформе. Однако это не так. И дело не только в том, что траектории движения человечества определяются по-прежнему спонтанными и непредсказуемыми процессами, а «точки бифуркации» способны разворачивать события в непредсказуемую сторону, но также в том, что человеческий внутренний мир продолжает оставаться в огромной степени внерациональным, мифологическим, наполненным метафорами, мифопоэтическими образами, могучими страстями, интуициями и бессознательными установками на разные типы поведения.

Миф - поэтическое, образно-чувственное, метафорическое повествование, не апеллирующее к доказательствам, он демонстрирует объяснительные схемы и ценностные ориентиры для судеб народа, человечества, отдельного человека. В мифе речь всегда идет о том, что высоко значимо: о судьбе, о счастье, о причинах страдания, о целях борьбы, о трагических перипетиях любви и ненависти, рождения и смерти. Миф одновременно антропологичен и космологичен, его метафорический синкретизм чреват последующей возможностью дифференциаций, выяснений, переведения поэтического дискурса в дискурс рационально-логический. Однако они возможны лишь потом, и они разлагают миф. Думается, что в человеке, - и здесь нельзя не согласиться с К.-Г. Юнгом, - всегда сохраняется, существует мифологический, метафорический пласт внутреннего мира, который как бы подстилает пласт рационально-логический. Происходит более или менее постоянный переход из континуальных и эмоциональных форм мифологического переживания в рациональные (рассудочные и разумные, логические) и – обратно. Это и последовательный переход из одного модуса сознания в другой, и одновременное сосуществование, когда оба слоя мирно сопутствуют друг другу, при том, что рациональный пласт может даже не догадываться о том, что, по существу, опирается на миф как на собственный фундамент.

О мифе и мифопоэтическом, символическом мышлении написано много. Это и Э. Кассирер, и К.-Г. Юнг, и А.Ф. Лосев – вот лишь немногие имена, чьи исследования обращены к теме мифа. Не стремясь пересказывать их идеи, укажем на то место, которое занимает миф сегодня. Причем речь пойдет не о мифах, сознательно конструируемых в средствах массовой информации, то есть неких имитациях, а о настоящих мифах, которые, даже рождаясь изначально в голове одного человека, становятся содержанием и путеводителем внутреннего мира многих, так как успешно попадают в «нелогичную логику» глубинного слоя души. Итак,. где же живет миф в 21 веке?

1.Несомненно, миф живет в религиях. Каждая религия основана на фундаментальном недоказуемом мифе, трактующем судьбу мира и человечества, каждая – указывает цели и ценности, исходя их тем мифа. Обратим внимание на то, что в эпоху технологических прорывов и информационных штормов религия никуда не исчезает, а только видоизменяется, ибо куда же денешь континуально-мифологический пласт души? Старые религии со всем арсеналом своих средств сдают позиции, но вокруг них вырастают новые, порой странные и дикие, отбрасывающие культуру вспять, но удовлетворяющие ущемленную технической цивилизацией потребность во внерациональном. К сфере религии следует отнести не только объединения, построенные по старой организационной модели, которые именуются специалистами «НРД» (новые религиозные движения), но и недифференцированную, разлитую в массах «спиритуальность» - веру в духовное начало мира без имени, церкви и ритуалов. Истоками ее являются «эзотерические» движения нового и старого образца – теософия, антропософия, трансперсональная философия и психология, «позитивное мышление» и т.д. Все эти действительно новые формы религиозности, ориентированные на Абсолют, открыто кладут в свою основу миф, нисколько не считая его «ложным сознанием» или архаическим остатком раннего периода культуры. Миф осмысливается в них как единственно возможная и закономерная форма отображения глубинного строения мира, которое не может быть доказано на базе узко-эмпирического опыта, связанного с повседневной сферой вещей. С такого рода мифами связаны повседневные мантические практики, играющие роль как психотерапевтическую, так и жизнеориентационную. Как же без мифа, если каждая вторая

студентка регулярно раскладывает Таро? Мировоззренческий мифологизм распространен широко, и даже завзятых материалистов, упорно игнорирующих любые данные, противоречащие принятой ими парадигме, можно уличить в «мифологизации эмпиризма»: любой миф является внерациональной конструкцией, которая организует внимание строго определенным образом, отталкивая чужую «мифологическую вселенную».

2. Рационализированными вариантами мифов являются крупные идеологии и связанные с ними концепции-сателлиты. Революционный марксизм, экономический либерализм, в наши дни - экологизм – типичные мифологические (не в ругательном смысле) конструкции, утопические проекты, которые включают отсылки к эмпирическим состояниям и теоретические разработки, но по сути далеко выходят за их пределы, прописывая человечеству радикальные рецепты совершенствования. Недалеко ушла и идеология глобализации, обросшая попутчиками в виде конспирологических концепций скрытого «мирового правительства». Постмодернизм, разоблачая «метанарративы», по существу, желал ликвидировать мифы как целостные, последовательные и облеченные в понятийную форму образования. Для постмодернизма метанарративы слишком внятны, логичны, функциональны, слишком диктуют и морализируют, при всей их мифологичности и метафоричности, у них чересчур сходятся концы с концами. Однако разбивание в дребезги метанарративов (с уверенностью, что именно это и происходит в культуре) привело лишь к постулированию очередной мифологии: мифологии «ризомы», «шизопотоков», «смерти Автора» с прочими экзотическими метафорами. Учение о «мире вообще», о «человеке вообще», о «методологии вообще» - всегда миф. Сам постмодернизм стал метанарративом об отсутствии концов и начал, полном хаосе и тяготении к трансгрессии. И как у всякого мифа, всякого «миропотрясательного нарратива» у постмодернизма возникла масса поклонников, доказывающих его неоспоримую логику и право на руководство жизнью, то есть, делающих его идеологией, да к тому же концептуальным каркасом массовой культуры.

3. Третий пример, который хотелось бы здесь привести, это пример философии, которая, когда-то возникнув из мифа, не покинула его окончательно, поскольку имеет мощные, слабо ею осознаваемые мифологические корни. Именно этой теме посвящен ряд работ Александра Дугина, возводящего материализм и идеализм к отдаленным мифам прошлого, продолжающим жить в нашем бессознательном. Можно не во всем соглашаться с Александром Гельевичем, но мифологическая канва крупных философских школ – вещь вполне реальная именно в силу того, что философская мысль в любом случае выходит за все эмпирические рамки и не может не быть мифом.

4. Последний момент, на который хотелось бы указать, это жизнь и функционирование мифа на уровне личной биографии и осмысления собственного жизненного пути, а также обнаружение мифологических мотивов в различные рода образных переживаниях, на которые обратил внимание К.-Г. Юнг. Осмысление личной актуальной биографии неизбежно мифологично, так как связано со свободными интерпретациями прошлого, лакунами памяти, но главное – не столько с пониманием, сколько с неясным чувствованием и метафорическим осмыслением жизненного проекта, своего предназначения, судьбы. Об этом хорошо писал Я.Э. Голосовкер, об этом, не упоминая слова «миф» - Х.Ортега-и-Гассет, об этом – Сартр в целом ряде своих произведений.

Завершая наше небольшое изложение, хочется заметить, что Миф как способ мироистолкования, по существу, бессмертен. Как нож сквозь масло проходит он через века, эпохи и жизнь народов. Он – тайная жизнь и тайная любовь Логоса.

Минойская религия и мифологическая сюжетика классического периода

Кириллов А.А.

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, доцент кафедры социальной философии. Кандидат философских наук

kirillov66@mail.ru aakirillov@sfedu.ru

Аннотация. В тексте сообщения рассматривается традиция антиковедческого исследования, которое неразрывно связанно с необходимостью реконструкции и восприятия уникальной специфики древнегреческой мысли, её разнопланового характера и богатого воображения. В основе проблематизации сообщения содержится социально-философский анализ вопроса сюжетной близости мотивов и образов минойской религии и связанных с ней социально-психологических установок и мифологической сюжетики классического периода.

Ключевые слова: эллинская культура, мифологическое воображение, минойская религия, генезис философии, космогонический нарратив.

Minoan Religion and Mythological Subjects of the Classical Period.

Kirillov A.A.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Department of Social Philosophy

Abstract. The theses deals with the tradition of antiquarian research, which is inextricably linked with the need to reconstruct and perceive the unique specificity of ancient Greek thought, its diverse nature and rich imagination. The problematization of the report is based on a socio- philosophical analysis of the issue of the plot proximity of the motives and images of the Minoan religion and related socio-psychological attitudes and mythological plotting of the classical period.

Keywords: Hellenic culture, mythological imagination, Minoan religion, Genesis of philosophy, cosmogonic narrative.

Пороговой чертой знакомства с академической философской традицией в университетском пространстве всегда будет оставаться философское антиковедение, линия знания, густо насыщенная исторической, мифологической, филологической и эстетической сюжетикой. Именно в таком ярком эмблематическом качестве философское антиковедение укоренилось на философском факультете РГУ. Определяющая роль в процессе данного укоренения, несомненно, принадлежит влиянию историко-философской традиции исследования, идущей от Ф.Х. Кессиди. Антиковедческое исследование неразрывно связанно с необходимостью реконструкции и восприятия уникальной специфики древнегреческой мысли, её разнопланового характера и богатого воображения. Без данной веской акцентировки совершенно невозможно приближение к подлинным смыслам и аутентичному содержанию идей, наполняющих многообразные философские системы античности.

Представление о древнегреческой философии неразрывно связанно с её антропологической матрицей, универсальной культурной установкой, в которой личностное начало выступает отправной точкой всякой интеллектуальной деятельности. И в этой связи, уместно вспомнить ту роль, которую выполняют, проходящих уже много лет в нашей стране и в Ростовском университете «Аристотелевских чтений». Начало «Аристотелевским чтениям» было положено академиком Ф.Х. Кессиди, именно Ф.Х. Кессиди задал определяющий ракурс антропологического понимания и соответствующей интерпретации специфики античной философии, именно данная плодотворная традиция нашла своё яркое воплощение в философском антиковедении, которое стало визитной карточкой ростовской философской школы.

Сама по себе проблема рождения философии в творчестве Ф.Х. Кессиди тесно и непосредственно связана с его основным исследовательским сюжетом раскрытия не только тайны рождения и ста-

новление греческой философии, но и выработки теоретических оснований и методологических принципов целостного исследования античной культуры. Ключевая роль в данном процессе принадлежит пониманию и философскому толкованию природы мифологического мышления древних эллинов: «…познание сопровождает миф, но не составляет его первичного ядра: сущность мифа не в объяснении, а в объективировании субъективных впечатлении и переживании, при котором продукты воображения как результат этого объективирования принимаются за подлинные реальности внешнего мира» [1, с. 48]. Сформулированный Ф.Х. Кессиди эвристический горизонт рассмотрения роли мифологического воображения позволяет нам сформулировать вопрос, который станет основой проблематизации в нашем сообщении – почему «эгейская катастрофа» и разрушение Крито-Микенской цивилизации коренным образом не изменила религиозную мистериальную и психологическую установку духовного уклада древних греков? Поставленный вопрос ещё только ждёт того или иного ответа, но уже сегодня можно увидеть контурные перспективы исследовательского решения. Начать надо с возможности пересмотреть статус олимпийской крито-микенской культуры как «нормальной» и «традиционной», а, следовательно, «бесперспективной» для генезиса философии и науки. Обосновывать такую точку зрения можно начинать с анализа корпуса исследований, которые были опубликованы в последние 40 с лишним лет, прежде всего:

Herberger C. F. *The Thread of Ariadne: The Labyrinth of the Calendar of Minos.* New York: Philosophical Library, 1972.

Herberger C. F. *The Riddle of the Sphinx: Calendric Symbolism in Myth and Icon.* New York: Vantage Press, 1979.

Herberger C. F. *The Odyssey as a Journey Through Time.* Los Angeles: Griffith Observer, Griffith Observatory, 2-10. 1985 (Oct.).

Herberger C. F. *The Labyrinth as an Emblem of the Womb, the Tomb and Lunisolar Cycle.* Los Angeles: Griffith Observer, Griffith Observatory, 55 (3), 2-19. 1991.

Ridderstad Marianna. *Evidence of Minoan astronomy and calendrical practices.* 2009.

Blomberg M. and Henriksson G. Minoan Astronomy. C.L.N. Ruggles (ed.), *Handbook of Archaeoastronomy and Ethnoastronomy.* Springer Science+Business Media New York, 2015.

Dempsey J. *Clues to Minoan Time from Knossos Labyrinth*, 2011, 2015.

Dempsey J. *The Knossos Calendar: Minoan Cycles of the Sun, the Moon, the Soul & Political Power*, 2016.

Wood K. *Homer's Secret Iliad.* John Murray, 1999.

Florence & Kenneth Wood. *Homer's Secret Odyssey.* The History Press, 2011.

Особенность данных исследований является пристальное внимание к многообразному артефактному ряду в минойской и эгейской археологии, реконструкции астрономических и календарных практик критского календаря, космогоническому образу мироздания в минойской религии, реконструкции эстетического ряду многообразной критской, эгейской и микенской орнамента. Большое внимание уделяется установлению тесной взаимосвязи между художественной эстетикой минойской культуры, религиозных представлений и мистериальных практик с историко-психологической реконструкцией критского космогонического метанарратива, положенного в основу микенского - ахейского и классического дорийского мифологического и литературного циклов, и не только (гомеровского и гесиодовского эпического жанра, теогонии Эпименида Критского, орфической поэзии, пифагорейской математики, астрономии и музыкальной теории, законодательной традиции «довоенных» царей и «построянских» первых мудрецов: от Тесея до Ликурга и Гортинского кодекса).

В основании полемической гипотезы о критских истоках европейской культуры и характера рождающейся рациональности могут быть положены изыскания по минойской астрономии (практики синхронизации лунного и солнечного календарей – проблема исчисления «Большого года» критской календарной системы). Реконструкция данной календарной системы проводиться рядом рассматриваемых авторов на основании реконструкции образной символики, артефактной орнаменталистики и фресковой живописи. Предварительным результатом такой реконструкции стало наблюдение и фиксация такого феномена для крито-микенского социума как «долгая преемственность», которая нивелирует внешние социальные, военные и природные катастрофы и потрясения. Более того, наличие в позднеминойский период многообразных потрясений, катастроф и социальных трансформаций «пошло только на пользу» разработке и уточнению критского календаря, «неконтролируемые переменные» способствовали регламентации «ритуальной деятельности» и социальной регламентации.

Система синхронизированного календарного лунно-солнечного цикла – 8½-летний период, по всей видимости, сохраняется на протяжении всего минойского периода и продолжает существовать как математическая модель не только до конца минойских времен, но и в так называемые «т□мные века» и в классический период древнегреческой истории и культуры. Вплоть до раннего римского периода, об этом косвенно свидетельствует исследование и математическая и механическая реконструкция антикитерского механизма, минойская календарная система оста□тся «интеллектуальной матрицей» для эллинистической математики, астрономии, астрологии и космологии – что может свидетельствовать о «полной культурной преемственности» [2].

Важной стороной этого вопроса будет выступать сюжетная близость мотивов и образов минойской религии и связанных с ней социально-психологических установок и мифологической сюжетики классического периода. Способ исчисления «Большого года» критского календаря положена в основу модели конструирования времени и пространства в эпических текстах древнегреческой литературы [3]. Выражаясь языком М.М. Бахтина, календарный срок «Большого года» выступает в роли хронотопа, мерила длительности сюжетных событий и организационной структуры текстуального пространства.

Литература:

1. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии. М., Мысль, 1972. 312 с.
2. Dempsey J. Clues to Minoan Time from Knossos Labyrinth, 2011, 2015. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.goodreads.com/book/show/34611895-the-knossos-calendar (дата обращения 29.02.2020)
3. Wood K. Homer's Secret Iliad. John Murray, 1999. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.scribd.com/book/353203555/Homer-s-Secret-Odyssey (дата обращения 29.02.2020)

Человек-природа-общество и экология культуры: к вопросу о понятиях и теориях

Липец Е.Ю.

Южный федеральный университет, Институт философии и культурологии, заведующий кафедрой теории культуры, этики и эстетики, доцент. Кандидат философских наук

eylipec@sfedu.ru

Аннотация. Современные исследования в области изучения человека и окружающей среды, экологии культуры все чаще обращают на себя внимание. Общество все чаще стало сталкиваться с проблемами экологического характера и приходит к пониманию, что необходимо вносить коррективы, чтобы сохранить окружающую среду и себя в ней. В статье представлена динамика взглядов на проблемы человека, природы. Общества и экологии культуры. Один из них представляет эти проблемы как процесс понимания этнических особенностях на основе окружающей среды. Другие позиции трактуют экологическую культуру как взаимосвязь человека с природой и теми проблемами, которые возникают в цивилизационной динамике, разрушая природную среду. Интересным представляется анализ взаимодействия заявленного процесса адаптации с социальными изменениями. Человечество прошло долгий путь к пониманию окружающей среды, своего места и роли в ней. Мифологическое сознание постепенно подкреплялось научными знаниями и здесь уместно вспомнить работы Ф.Х. Кессиди, Ю.А. Жданова и В.Е. Давидовича, Г.В. Драча и др.

Ключевые слова: культура, природа, человек, экология культуры, культурная адаптация.

Man-nature-society and the ecology of culture: on the issue of concepts and theories.

Lipets E.Yu.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Cultural Studies, Head of the Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics

Abstract. Modern research in the field of the study of man and the environment, the ecology of culture is increasingly attracting attention. Society is increasingly faced with environmental problems and comes to the understanding that it is necessary to make adjustments in order to preserve the environment and oneself in it. The article presents the dynamics of views on the problems of man, nature. Society and ecology of culture. One of them presents these problems as a process of understanding ethnic characteristics based on the environment. Other positions interpret the ecological culture as the relationship of man with nature and the problems that arise in civilizational dynamics, destroying the natural environment. An interesting analysis is the interaction of the claimed adaptation process with social change. Humanity has come a long way towards understanding the environment, its place and role in it. Mythological consciousness was gradually reinforced by scientific knowledge, and it is appropriate to recall the works of F.Kh. Cassidy, Yu.A. Zhdanov and V.E. Davidovich, G.V.Dracha and other.

Keywords: culture, nature, man, ecology of culture, cultural adaptation.

Сегодня все чаще мы стали задумываться об изучении влияния окружающей среды на развитие человека и становление его как личности. Погружаясь в решение данного вопроса становится ясно, что наработанные материалы представляются значимыми и актуальными для понимания человека, его роли и места, отношения к окружающей среде и т.д. С самого раннего осознания себя как части целого, человек понимал, что он принадлежит ей. Это его пугало и одновременно давало толчок для развития. В процессе развития он выделяется из природы и становится способным жить, действовать. Этот подход отражен в деятельностной концепции, разработанной Ю.А. Ждановым и В.Е. Давидовичем. Ориентированность на этот подход представляет культуру как особенный, специфический способ жизнедеятельности. [1, 195-202] Демонстрируя способность к деятельности человек «окультуривается», взращивает себя как личность и формирует индивидуальность. Таким образом, в человеке соединяется культурное, природное и общественное или социальное, дающее гармоничное развитие личности.

Понимание культурной экологии сегодня используется в нескольких направлениях. С одной стороны, исследователи понимают ее как «изучение процессов адаптации общества к окружающей среде. Главной ее задачей является выяснение того, дают ли эти процессы адаптации начало внутренним социальным изменениям эволюционного характера». [2, 43]. Традиционно изучение культуры всегда начинается с характеристики территории, среды и типа хозяйствования, экологической среды. Такие данные становятся собирательным образом для понимания этнической культуры. Такое представление формирует и набор качественных характеристик данной культуры, которые определяют динамику развития этнической культуры. Стюард целенаправленно показал взаимодействие технологии и среды [2]. При этом, понятие «экосистемы» было последовательно использовано в эколого-этнографическом исследовании К. Гирцем [3]. Далее, эта терминология стала широко использоваться в кругах исследователей школы экологической этнографии. Формируется представление о экологии культуры. Часто она понимается как взаимосвязь социальных аспектов, которые трансформируются в обществе. Этимология слов представлена следующим содержанием: экология культуры это - греч. oikos — дом, родина, и logos — понятие, учение [4, 89].

Если проследить динамику развития человека, то основными компонентами бытия были: природа, общество и культура. Каждый новый этап историко-культурного развития по-новому расставлял акценты в этой триаде. Самые ранние проявления человеческой деятельности не демонстрируют значительного влияния на природу. Человечество проделало долгий путь развития, и природная среда вызывала чувство страха и непонимания. Мифологическое сознание с поклонением разным природным силам и стихиям не находило рационального, обоснованного ответа на вопросы. Так шло развитие «от мифа к логосу». Формирование философского мировоззрения существенно продвинуло человечество в понимании окружающего мира и собственного места в нем. Опора на знание смогла преодолеть недопонимание и преобразовать природу. Технический прорыв стал важной вехой в историко-культурном развитии человечества и его самоутверждении над природой. Однако, удивительная способность сил природы к самовосстановлению и обновлению всячески демонстрировалась человечеству. Свидетельством тому служат многочисленные катастрофы, спровоцированные техногенным характером и человеческим фактором.

Следует отметить, что в период постиндустриального развития общества проблемы, связанные с экологией, вступают в фазу обострения. Все чаще начинают говорить о необходимости восстановления гармонии человека и природы. Человек создает вокруг себя комфортную среду, уютный дом, формируют культуру. Созданная в таких условиях культурная среда начинает опираться на традиции и обычаи, сохраняя и оберегая их. В итоге, все созданные материальные и духовные ценности, религия, наука в широком смысле и понимается как культура. Эту гармонию легко разрушить как на уровне природы, так и культуры в целом.

Экоцентрические тенденции стали проявляться во второй половине XIX - начале XX в. в американском инвайронментализме (от англ. environment - окружающая среда). Последователи были убеждены в однозначном взаимодействие человека и окружающей среды. Формируемая среда оказывала и в свою очередь воздействие на человека, формируя его этнические черты и культуру.

Российские ученые также сформировали свое мнение на этот счет. Следствием этого стало появление во второй половине XIX в. в России философско-религиозного течения, которое именовалось русским космизмом. Яркими представителями стали: Н.А. Бердяев, И.В. Киреевский, В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский и другие мыслители и ученые. Они так же сформировали позицию о том, что человек не может быть вне природы. Изучение всех процессов жизнедеятельности и напрямую связано с окружающей его средой. Нельзя обойти вниманием учение В. И. Вернадского. Автор ввел понятие “ноосфера”. Под ним понималось, что «сфера воздействия человека есть сфера воздействия разума» (от греческого Ноос - “разум”) [5, 91-101]. Таким образом, русский космизм, учение о ноосфере и экологии культуры легли в основание идеи о том, что все эти процессы взаимосвязаны и должны изучаться в совокупности.

С середины XX столетия глобальных характер воздействия на природные ресурсы стал очевиден. Тревогу забили специалисты разных областей научного знания. Они обозначили проблемы экологии как глобальные для всего человечества с призывом обратить внимание на них. Наиболее остро зазвучала информация об исчезновении популяций видов животных и растений, загрязнение среды разной этиологии, эрозия почвы, критическое и не рациональное использование природных ресурсов,

процессы глобального потепления и таяния ледников. К сожалению, список проблем растет с каждым годом. Становится понятно, что человечество все же до конца не осознает проблемы, которые несет на себе это разрушение гармонии с природой. Необходимость системного изучения экологии культуры представляется необходимым и сегодня. Анализ представлений и сформированных концепций только усиливают значение взаимосвязи: человек-природа-общество. Если проблема будет нарастать, что последствия для человечества могут стать необратимыми.

Литература:

1. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005. 432 с.
2. Steward J.H. Theory of cultures change: The methodology of multilinear evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955. 256 p.
3. Geertz C. Agricultural involution: the processes of ecological change in Indonesia. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1963. 176 p.
4. Эстетика: Словарь. Под общ. ред. А. А. Беляева. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
5. Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.

Историко-культурные трансформации мифологемы Золотого века

Паниотова Т. С.

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики. Доктор философских наук

tspaniotova@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению мифологемы Золотого века как важнейшего конститутива и связующего звена мифа и утопии. Данная идея, сформулированная Ф. Кессиди в его книге «От мифа к логосу», развивается автором применительно к различным историко-культурным контекстам и с опорой на тексты античных и ренессансных авторов. Показано значение исторической «встречи культур» в XVI в. для переосмысления мифологемы Золотого века применительно к реалиям Нового Света. Инверсия классического образа Золотого века обосновывала место Америки как хронотопа, утраченного в Европе. Дальнейшая рационализация мифа о Золотом веке стала одним из важнейших факторов возникновения утопии, которая переносит идеал из прошлого в будущее, с небес на землю, и где центральное место принадлежит не богам и героям, а человеку.

Ключевые слова: утопия, миф, мифологема, Кессиди, Золотой век, Открытие Америки, идеал, рационализация мифа

Historical and cultural transformationes of the Golden Age mythologeme.

Paniotova T.S.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Department of Cultural Theory, Ethics and Esthetics

Abstract. The article considers the Golden Age mythologeme as the most important constitutive and connecting link between myth and utopia. Kessidy's idea formulated in "From Myth to Logos" is developed by the author concerning various historical and cultural contexts and based on the texts of Ancient and Renaissance writers. The significance of the historical "meeting of cultures" for the rethinking of the Golden Age mythology about the realities of the New World is shown. The inversion of the classical image of the Golden Age justified America's place as a chronotope lost in Europe. Further the Golden Age myth rationalization has become one of the most important factors in the utopia emergence that transfers the ideal from the past to the future, from heaven to earth where instead of gods and where the central place belongs not to gods and heroes but to human.

Keywords: utopia, myth, mythologeme, Kessidy, Golden Age, discovery of America, ideal, rationalization of myth

[i] XXI столетие характеризуется усилением влияния на общественное сознание таких феноменов как миф и утопия, и в связи с этим - ростом интереса к ним научной общественности, известных мифологов (Е.Мелетинский, А.Лосев, М.Элиаде, Ф.Кессиди и др.) и утопиологов (Ф.Аинса, Г.Клайес, Э.Баталов и др). Немало авторов посвятили свои работы выяснению соотношения и взаимодействия утопии и мифа (Ж.Сорель, Н.Фрай, Ф. Кессиди и др.). Ф. Х. Кессиди, в частности, выделил связующее звено утопии и мифа – Золотой век. Он полагал, что воплощенная в образе Золотого века «мечта человека (древнего и современного) о должном, об идее, о том, какой должна быть жизнь людей, их образ жизни» [1, с.67] является константой и конститутивом как мифа, так и утопии.

Отталкиваясь от идеи Кессиди, мы ставим перед собой цель проанализировать изменения, которые претерпевает образ Золотого века в различных историко-культурных контекстах и выяснить, когда социальный миф о возможности «золотого века» становится частью утопии.

Возможно, самые ранние представления о Золотом веке изложены в шумерском эпосе «Энмер-

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00581 [The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00581]

кар и правитель Аратты», где говорится, о стародавних временах, когда вся Вселенная и все народы находились «в полном согласии», управлялись божественными законами, а земля была «во всем изобильная» [2].

В различных текстах античных авторов встречаются описания Золотого века (царства правления Кроноса), существовавшего на заре человеческой истории, который выступает олицетворением идеального места или времени. У Гомера черты Золотого века отчетливо проступают в описаниях Ливии, где «и полей господин, и пастух, недостатка в сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют» (3, с. 85-89); «золотыми плодами обильных садов» царя Алкиноя [3, с.115-130]; острова Сира, где «никогда не бывает губящего голода; люди там никакой не страшатся заразы», живут долго, а умирают безболезненно. [3, с. 403-414]. Аналогичные идеи развивали Гесиод в «Работах и днях», Эвгемер, Ямбул и др. [4]. Таким образом, для греческих мыслителей Золотой век выступал олицетворением идеального места или времени, когда человек был счастлив, сыт и здоров.

Поиски счастливой страны были продолжены римскими авторами. Овидий, Вергилий Лукиан в своих трудах характеризовали Золотой век как состояние природной благодати, изобилия, обретенного без какого-либо труда («урожай без распашки земля приносила»), порядка, основанного не на законах, а на «правде и верности» и безопасности («сладкий вкушали покой безопасно живущие люди») [5,6,7].

Вместе с тем, появляется ряд принципиально новых моментов. Во - первых, в IV эклоге Вергилия появляется идея о возможности повторения Золотого века [6]. Во- вторых, у Тацита в «Германии» сюжет Золотого века переносится на германские племена, и варварский образ жизни оценивается выше цивилизованных порядков Рима. А Лукиан в «Сатурналиях», особо подчеркивает «общее равенство всех, и рабов и свободных» в царстве Сатурна [7, с. 639-640]. Таким образом, в перечисленных античных текстах достаточно ясно прослеживается идея Золотого века как естественного состояния природного изобилия и равенства, а также первые попытки идеализации «дикаря» и перенесения Золотого века из прошлого в настоящее или будущее.

Открытие Америки в XV веке сопровождалось переосмыслением новых реалий с помощью установившихся понятий и мифологем (Золотой век, Источник вечной молодости и др.). В дополнение к старым мифам творились новые (миф об Эльдорадо и др.). Золотой век воспринимается как актуальное состояние аборигенов. Васко де Кирога, апеллируя к «Сатурналиям» Лукиана, утверждал, что индейцы живут по законам, введенным некогда Сатурном. Ведь среди них нет ни рабов, ни господ - они сами выбирают самого храброго и умного вождя и поклоняются ему как божеству [8, p.75-83]. П. Мартир обращал внимание на то, что индейцы живут, не задумываясь о будущем, довольствуясь дарами природы; им не нужна одежда, они обходятся «без мер и весов, без мертвящих денег, без законов, без продажных судей, без книг» [9, p.145-146]. Вывод напрашивался сам собой: европейцы не только открыли Новый свет, но «он почти во всем таков, каким был тот, первоначальный Золотой век, ставший из-за подлости и алчности нашей нации наихудшим и железным» [10, p.25].

Появление «Утопии « стало следствием «культурного шока», испытанного Т.Мором при чтении писем и дневников путешественников (Ф.Аинса). В генезисе утопии ее соединению с образами классического мифа способствовало множество факторов. Естественная изоляция Америки защищала чудом сохранившийся здесь «Золотой век» и естественное состояние от влияния деградирующего Запада. Согласно Аинсе, изолированность и антиисторизм - признаки, характеризующие классическую утопию [11, p. 19-20]. Переосмысление индейского «Золотого века», где нет торговли, нет денег, где нет «твоего» и «моего», позволяло идеализировать, рационализировать и превращать его черты в реквизиты утопии. Поэтому совершенно обоснованно Ф.Кессиди утверждал: «Утопия, как идеальное состояние, питаемое мечтой и фантазией и получаемое с помощью логико- понятийных средств, представляет собой рационализированный (наукообразный) миф» [1, с. 69].

Закономерно, что в классических «утопиях места» «Золотой век» перемещается из прошлого в настоящее - на вновь открытые континенты, неизвестные ранее острова, где жизнь течет совсем по другим законам, чем в Европе. Только с появлением «2440» Л-С Мерсье (1770) перед утопией откроются горизонты грядущего. Пройдет всего несколько десятилетий, и А. Сен-Симон поставит точку: «Золотой век, который слепое предание помещало до сих пор в прошедшем, находится впереди нас».

С этого момента временна́я переориентация превратится в один из важнейших критериев отличия утопии от мифа: миф обращен в прошлое, а утопия в будущее (Н.Фрай, Ф.Кессиди). В утопии Золотой век превратится в строгий социальный конструкт, в проект идеального общества: природная экзотика отойдет на второй план или вообще исчезнет; созидательная инициатива от богов и героев перейдет к человеку; справедливые общественные законы заменят естественные законы и т.д. Иными словами: мечта человека о том, какой должна быть жизнь людей обретет новое содержание, форму выражения и рационалистическое обоснование.

Литература:

1. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
2. Крамер С. История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965. 257 с.
3. Гомер. Одиссея. Пер. с древнегреч. В. Жуковского. М: Дюна, 1993. 320 с.
4. Гесиод. Теогония. Работы и дни // Эллинские поэты/ Пер. В.Вересаева. М.: 1963. URL: http://skazanie.info/hesiod-teogonia
5. Овидий Назон. Метаморфозы. Пер. С.В. Шервинского, ст. о творчестве Овидия А.Белецкого; ред. и коммент. Ф.А. Петровского. М.-Л.: Академия, 1937. XXIX, 358 с.
6. Вергилий. Буколики, Георгики. Энеида.Перевод с латинского С.В.Шервинского, коммент. Н.А. Старостиной. М.: Художественная литература: 1979. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1375100004
7. Лукиан. Собрание сочинений. В 2 т. / Под ред. Б. Л. Богаевского. (Серия «Античная литература»). М.-Л.: Academia. 1935. Т. 1. XXXVII. 738 с.
8. Quiroga Vasco de. Carta a Consejo de Indias // Aguayo Spenser R. Don Vasco de Quiroga. Taumaturgo de la organizasion social, seguido de un apendice documental. Mexico. Ed. Oasis, 1970. 310 p.
9. Mártir de Anglería P. Decadas del Nuevo mundo. Ed. Polifemo, Madrid. 1989. 1 ed. 566 p.
10. Quiroga, Vasco de, and Carlos Herrjon Peredo. 1985. Informacion en derecho del licenciado Quiroga sobre algunas provisiones del Real Consejo de Indias. Mexico, D.F.: Secretaria de Educacion Publica. 231 p.
11. Ainsa F. L U pí . Mexico. Correo Unesco, 1999. 238 p.

Проблема использования междисциплинарного метода в истории философии

(на примере творчества Ф.Х. Кессиди)

Пендюрина Л.П.

Донской государственный технический университет, профессор кафедры «Философия и мировые религии». Доктор философских наук

prinpet@mail.ru

Аннотация. В статье на примере творчества советского российского историка философии Ф.Х. Кессиди анализируются различные аспекты междисциплинарного подхода. В своих исследованиях Ф.Х. Кессиди разрабатывал проблему становления греческой философии как особой формы общественного сознания, несводимой к мифу, религии и другим формам художественного творчества. Использование методов отдельных научных дисциплин – истории, литературы, культурологии, социологии, политологии – позволило ему выявить сущностные характеристики генезиса античной философии, раскрыть её специфику как особого типа теоретической деятельности. Выявление особенностей формирования древнегреческого общества и его культуры в целом дало возможность Ф.Х. Кессиди сделать вывод о том, что основой зарождающегося философского мышления стала особая историческая реальность, обеспечившая переход от мифологического отождествления к художественному сравнению, от образа к понятию, от мифа к логосу.

Ключевые слова: Ф.Х. Кессиди, история философии, междисциплинарный подход, методы исследования, мифология, наука, культура, логос.

The problem of using the interdisciplinary method in the history of philosophy (on the measurement of the work of F.Kh. Cessidy).

Pendyurina L.P.

Don State Technical University, Department "Philosophy and World Religions"

Abstract: The article illustrates the work of the Soviet Russian historian of philosophy F.Kh. Cessidy analyzes various aspects of an interdisciplinary approach. In his studies F.Kh. Cessidy developed the problem of the formation of Greek philosophy as a special form of social consciousness, irreducible to myth, religion and other forms of artistic creation. Using the methods of individual scientific disciplines – history, literature, cultural studies, sociology, political science – he allowed him to identify the essential characteristics of the genesis of ancient philosophy, to reveal its specificity as a special type of theoretical activity. Identification of the features of the formation of the ancient Greek society and its culture as a whole enabled F.Kh. Cessidy concludes that the basis of the emerging philosophical thinking was a special historical reality, which ensured the transition from mythological identification to artistic comparison, from image to concept, from myth to logos.

Keywords: F.Kh. Cessidy, the history of philosophy, an interdisciplinary approach, research methods, mythology, science, culture, logos.

Проблема междисциплинарного подхода как проблема методологического синтеза является весьма актуальной в XXI в. Об этом свидетельствуют провозглашаемые исследователями лингвистические, исторические, нарративные, антропологические, прагматические и т. п. повороты в содержании гуманитарных дисциплин, с помощью которых делается попытка достижения целостного знания об объекте. Необходимость применения междисциплинарной стратегии и её сложность в XX в. была выявлена уже постмодернизмом. Представители этого направления утверждали, что научное понимание общественных процессов предполагает использование не только различных социально- структурных и социально-культурных подходов, но и обращение к художественным текстам и образам, источникам личного происхождения, а также информационным массовым свидетельствам.

Действительно, междисциплинарный «сдвиг» в гуманитарных науках побуждает исследователя к поискам рассмотрения и выявления различных вариантов моделей окружающей человека реальности. Многие учёные сейчас говорят о различных типах междисциплинарности, выделяют новые дисциплины, возникшие на «пересечении» наук [1]. Обсуждение этой проблематики порождает различные мнения и позиции по вопросу существа междисциплинарного подхода и его структуры. В проективном философском словаре «Новые термины и понятия» междисциплинарность определяется как «осмысление, осуществляемое за рамками конкретной определенной научной дисциплины» [2]. Какие же отличительные особенности междисциплинарности выявляются для обоснования связи наук и достижения целостных представлений о мире и человеке? Чаще всего называют следующие моменты: использование языка описания одной науки в другой, использование различных языков для описания различных частей сложного научного комплекса, формирование новой дисциплины и нового языка. Кроме этого к междисциплинарному описанию объекта относят способ каузального рассмотрения, при котором процессы и явления одной социально-гуманитарной сферы выводятся из другой (например, марксистское понимание общества); «многослойный», в котором выделяются несколько параллельных слоев реальности, в которых также могут существовать свои уровни) и в каждом из них присутствуют свои структуры со своей логикой развития [3, с. 97; 4, с. 172]. Но все названные подходы позволяют преодолеть дисциплинарные границы науки только в том случае, если сохраняется сущностная направленность на изучение объекта, а значит рост объема информации не приводит к ещё большему умножению научных дисциплин, в которых теряется целостное видение мира. Использование междисциплинарных методов в анализе проблемы должно работать на проникновение «вглубь», размыкать границы исследования, давать возможность эвристической интерпретации полученного знания.

На наш взгляд, междисциплинарный подход является базовым подходом для разработки историко-философской проблематики. Интерпретация теоретического опыта прошлого в истории философии не предполагает однозначного его толкования. Это обусловлено тем, что философское знание со времён античности формируется как знание междисциплинарное, хотя и самодостаточное в том смысле, что при исследовании мира оно опирается на собственную концепцию, методологию, понятийный и категориальный аппарат. Такое его положение определяется тем, что выявление бытийных принципов всех явлений требует от философии, с одной стороны, углубления умозрительных представлений, а с другой – опоры на социальный, культурный и исторический контекст. Постоянный пересмотр картины мира, накопление новых знаний, соотнесённость с запросами эпохи приводит к переосмыслению сложившегося видения мироустройства.

Одним из наиболее авторитетных исследователей античной философии является Ф.Х. Кессиди (1920-2009). В своих работах, посвящённых становлению древнегреческой философии, он реализовал междисциплинарный подход к выявлению её теоретических оснований как нового интегративного уровня понимания реальности в античной культуре [5; 6; 7].

Как мы уже указывали, яркой характеристикой применения междисциплинарного метода является использование языка описания одной области для объяснения другой. Понимание мифа как необходимой ступени становления древнегреческой философии потребовало от Ф.Х. Кессиди обращения к анализу образов гомеровских поэм «Одиссея» и

«Илиада», а также выявления социально–культурных и исторических особенностей развития общества данного периода. Чтобы быть максимально объективным в научной оценке событий данной эпохи, Ф.Х. Кессиди использует переводы поэм, сделанные В.В. Вересаевым и Н.И. Гнедичем, так как, по его мнению, В.В. Вересаев переводит «Илиаду» поэтическим современным языком, а Н.И. Гнедич наиболее близок к оригиналу. Столь же тщательно он исследует эпический стиль Гомера с его отличительными чертами: объективностью, антипсихологизмом, противопоставлением прошлого настоящему, «двуплановостью» событий, напряжённым динамизмом, свидетельствующим об активизме существования всех явлений и процессов Вселенной, включая человека. В недрах мифологического восприятия мира Ф.Х. Кессиди выявляет ментальные изменения, формирующие будущую философскую проблематику античности: проблему судьбы и свободы, проблему единства мира («Щит Ахиллеса»), космологическую проблематику.

Ф.Х. Кессиди использует ещё одну составляющую междисциплинарного подхода: замещение аналитических методов, используемых в одной проблемной области, для решения задач, стоящих в исходной области. Формирование философии как специфической формы общественного сознания прослеживается им на разных уровнях осмысления действительности. Применение феноменологиче-

ского подхода, формального, структурного, исторического методов, метода мифоэпического анализа, методов литературной и философской герменевтики и т. д. позволяют Ф.Х. Кессиди реконструировать картину мира античной Греции, выявить закономерности становления социально типического и индивидуального его понимания. Переход от образа к понятию, по его мнению, связан с тем, что установка на человеческий разум как средство познания мира, ориентация на поиски причин всего происходящего в нём самом – это то, что определило философский подход к миру. Этот период является периодом обретения философией своей идентичности. Центральной задачей философии становится определение места и назначения человека в мире. И это нововведение, которое Ф.Х. Кессиди называет фундаментальным, явилось независимым от мифологии результатом развития общественно-исторической практики древнегреческих полисов, самостоятельным продуктом их интеллектуальной жизни. Таким образом, междисциплинарные знания, применяемые Ф.Х. Кессиди, позволяют ему обосновать отличие философских взглядов на мир от религиозно-мифологических представлений о мире, выявить рационализм и критический характер зарождающегося нового мышления.

Понимание междисциплинарности в философии не исчерпывается анализом проблемных областей, в которых совмещаются методы разных дисциплин для получения результатов. В отечественных и зарубежных исследованиях, рассматривающих методологические стратегии современного знания, уделяется большое внимание вопросам междисциплинарности как социального механизма конструирования науки. Одним их аспектов этой проблемы в античном мире является выявление условий формирования науки как социального института. Осмысление этой проблемы в работах Ф.Х. Кессиди включено в контекст формирования древнегреческой философии. Институализация научного знания начинается уже в античности (Академия Платона, Лицей Аристотеля), и понимание этого процесса невозможно без анализа отношения к дофилософским формам сознания и соотношения естественнонаучного и философского знания. Опора на исторические источники, тексты Гомера и Гесиода позволяют Ф.Х. Кессиди отследить общественную необходимость становления рационального знания о мире. Ф.Х. Кессиди показывает, что особенностью развития научного знания в античном мире до конца V в. до н.э. являлась его нерасчленённость. Естественнонаучное и философское знание составляли единое целое, которое впоследствии получило название натурфилософии. Но в отличие от конкретных наук, обращённых на тот или иной фрагмент действительности, философия рассматривает мир и человека как единство противоположностей, а деятельность человека – как проявление логоса. Таким образом, сама сложность эпистемологической конфигурации, в которой оказался человек, и определило его обращение к различным областям бытия и установлению зависимостей между материальным и идеальным.

Литература:

1. Русакова О.Ф. Методологические стратегии в современных исторических исследованиях: школа «Анналов» и «новая интеллектуальная история» // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2001. № 2. С. 17-46.
2. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. М.: Алетейя, 2003.
3. Липкин А.И. О дисциплинарном, полидисциплинарном, междисциплинарном и наддисциплинарном подходах в естественных и социогуманитарных науках // «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции. Москва. РГГУ, 12-14 июня 2012 г. / Отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. М.: Совпадение, 2012. С. 90-98.
4. Куслий П С. Понятие истины в логике и эпистемологии: пределы междисциплинарности // Междисциплинарность в науках и философии / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2010. С. 154- 175.
5. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972. 312 с.
6. Кессиди Ф.Х. Гераклит. М.: Мысль, 1982. 200 с.
7. Кессиди Ф.Х. Сократ. М.; Мысль, 1988. 220 с.

Исследования раннегреческой философии в советской традиции: Ф.Х. Кессиди

Подгорная М.Г.

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических, преподаватель кафедры философии и методологии науки наук

m.podgornaya@mail.ru

Аннотация: данная работа посвящена исследованию традиции советского философского антиковедения, в котором автор, перечисляя основных представителей, выделяет две волны исторического развития: ранне- и позднесоветскую, производя анализ внутренней взаимосвязи и логики ее формирования на материале раннегреческой философии с подробным анализом концепций: В.Ф. Асмуса, Ф.Х. Кессиди и А.Н. Чанышева в качестве представляющих последовательные этапы в процессе изменения внутренней парадигмы указанной философской антиковедческой традиции. Также ставится вопрос о недооцененности авторской концепции Ф.Х. Кессиди о становлении философии как переходе от мифа к логосу в истории развития советского философского антиковедения, решение которого производится через аналитику связи и влияния на другие концепции внутри традиции.

Ключевые слова: советское антиковедение, раннегреческая философия, генезис философии, Ф.Х. Кессиди, В.Ф. Асмус, А.Н. Чанышев.

Early Greek philosophy studies in the Soviet tradition: F.Kh.Kessidi.

Podgornaya M.G.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Department of Philosophy and Methodology of Science

Abstract: the issue is devoted to the study of the tradition of Soviet philosophical studies of antiquity. The author identifies the main representatives and two waves of historical development: Early Soviet and Late Soviet, analyzing the internal relationship and the logic of its formation on the Early Greek philosophy with analysis of concepts: V.F. Asmus, F.Kh. Kessidy and A.N. Chanyshev as representing successive stages in the process of changing the internal paradigm of the philosophical tradition. The question about the underestimation of the conception of F.Kh. Kessidi is also emergenced. How significant his interpretation the formation of philosophy as a transition from «myth to «logos» in the history of the development of Soviet tradition? The answer is made through the analysis of communication with and influence on other concepts within the tradition.

Keywords: Soviet classical studies, Early Greek philosophy, Genesis of philosophy, F. Kh. Kessidi, V.F. Asmus, A.N. Chanyshev.

Советское[i] философское антиковедение – малоисследованное поле с точки зрения систематизации и расставления акцентов, хотя это глубокая традиция со своей историей и блистательными представителями. После 1991 года отечественными исследователями античной философии была отринута советская парадигма, началось движение в сторону западного антиковедческого образца, в связи с чем в сегодняшних академических исследованиях в России мы можем увидеть больше общего с немецкой или англо- американской исследовательской линией, чем с советской. Понятно, что специальных крупных трудов по философскому антиковедению советского периода после распада СССР не появлялось еще и по причине ничтожно малого отрезка времени, минувшего с момента заката данной традиции. Но момент настал, и вопрос о феномене советского философского антиковедения требует осмысления.

Составляя «карту» советского философского антиковедения, собирая по крупицам данные в раз-

i Понятие «советский» используется в данной работе в значении – «относящийся к», «находящийся» и «происходящий в» СССР. Таким образом, описываемая традиция определена территориально и темпорально (с 1922 по 1991 годы).

личной литературе, мы встретим немало выдающихся имен, авторов разнообразных трактовок античной философии, из них можно выделить: А.Ф. Лосева (МПГУ, 1893-1988), В.Ф. Асмуса (МГУ, МИФЛИ, ИФ РАН 1894-1975), С.Я. Лурье (ЛГУ, 1891-1964), М.С. Дынника (МИФЛИ, МГУ, 1896-1971), В.П. Зубова (РАН, 1900-1963) и И.Д. Рожанского (РАН, 1913-1994) в качестве первой волны советского философского антиковедения и М.К. Петрова[i] (РГУ, 1923-1987), А.С. Богомолова (МГУ, 1927-1983), А.Н. Чанышева (МГУ, 1926-2005), П.П. Гайденко (ИФ РАН, р. 1934), Д.В. Джохадзе[ii] (ИФ РАН, р. 1935), А.В. Ахутина (РГГУ, р. 1940) и Г.В. Драча (РГУ, р. 1942) в качестве второй волны советского философского антиковедения. Причем как Алексей Федорович Лосев открывает работой 1927 года «Античный космос и современная наука» [1] данную традицию, так Геннадий Владимирович Драч докторской диссертацией «Учение о человеке в раннегреческой философии» в 1989 году ее, по сути, завершает.

Однако неоправданно редко в литературе мы находим упоминания об ученом, связывающем эти два этапа – Феохарии Харлампиевиче Кессиди (ИФ РАН, 1920-2009). Его нельзя отнести к раннесоветской традиции ни по стилю, ни по содержанию, ни по времени пика академической активности, но более поздняя волна тоже не его – уже в 1972 году труд «От мифа к логосу: Становление греческой философии» [2], суммирующий все главные исследовательские изыскания ученого в области философского антиковедения, увидел свет. С чем связана такая несправедливость? Ведь его авторская концепция «От мифа к логосу» узнаваема всеми. Являясь самобытной и глубокой, но при этом достаточно простой для понимания, она отвечает декартовскому принципу – разбирать вплоть до самых простых и понятных частей. Правомерно предположить, что это связано с интеллектуальным противостоянием Кессиди господствующей в тот момент академической парадигме. Какова же по своему характеру концепция Ф.Х. Кессиди, и где ее можно расположить на «карте» советского философского антиковедения?

В качестве анализируемого материала наиболее показательно использовать раннегреческую философию, где отправной точкой обычно служит вопрос о возникновении философии, ее характере на начальном этапе развития и значении категории мифа в данном процессе. Принципиальные различия в концептуальных подходах антиковедов советского периода ярче всего высвечиваются на этапе решения данного вопроса. Ввиду того, что объем тезисов заведомо ограничен, совместно с концепцией Кессиди мы рассмотрим по одному антиковеду «первой» и «второй» волны: В.Ф.Асмуса и А.Н.Чанышева, основные антиковедческие работы которых были изданы за 10 лет до и через 10 лет после работы Ф.Х.Кессиди [2], приводя аналитику в соответствии с хронологией публикации трудов вышеуказанных авторов.

Валентин Фердинандович Асмус – автор монументального, множество раз переизданного труда «Античная философия» (первое издание вышло в 1962 году), где он так характеризует раннегреческую философию: «уже в 5 в. до н. э. возникли философские и космологические системы, в которых миф играет роль не столько основного воззрения, сколько образных средств выражения мысли» [3, с. 4-5]. Описывая на начальном этапе теоретические достижения древнегреческих философов, и трансформацию способов познания мира, В.Ф. Асмус постепенно приводит нас к тому, что его работа выполнена как: «специальное научное исследование вопросов изучения истории древнегреческой философии с позиции марксистско-ленинской историко-философской методологии» [3, с. 22] в противовес неполноценным европейским буржуазным изысканиям. Далее он делит философов на материалистов и идеалистов, развивая концепцию возникновения философии, которую впоследствии А.Н. Чанышев назовет эклектической. «Умственное движение от 7 до 4 в. до н. э. может быть охарактеризовано как развитие или как путь от мифологии и от религии к материалистически мыслящей науке» [3, с. 19] – пишет Асмус. Миф здесь не удаляется, он признается в качестве почвы и точки отсчета, однако само развитие философии понимается в качестве противостояния с мифологией, ее отрицание в случае, когда учение характеризуется как материалистическое и как поглощение мифологией в учениях идеалистических.

В работе «От мифа к логосу» (первое издание 1972 год) Ф.Х.Кессиди пишет: «Поражает то, что первые греческие ученые и философы – Фалес, Анаксимандр и Анаксимен – появляются во весь рост на горизонте европейской науки, вполне вооруженные средствами научно-рационалистического мышления, как-то вдруг, внезапно» [2, с. 4]. Далее в своем труде он четко проводит линию переоценки значимости обыденных воззрений древних греков, включающих в себя мифологию и религию, в вопросе становления философии. О раннегреческих философах он пишет следующее: «Основной вопрос, который занимает греческих космологов или натурфилософов, начиная с Фалеса, – это вопрос о первоначале всех вещей и его отношении к многообразному миру явлений. За первоначало всего они берут природную стихию, но не обыкновенную, то есть эмпирически наблюдаемую, стихию, а такую, которая одновременно является «живым» и одушевленным существом, своего рода божеством, хотя и отличным от народнорелигиозных представлений о божестве и божествах» [2, с. 30]. В сравнении с концепцией Асмуса мы видим здесь явное усиление значения мифа и постулат о невозможности его полного преодоления.

У Арсения Николаевича Чанышева в «Курсе лекций по древней философии» (первое издание 1981 год) мы находим: «Генезис философии следует понимать как возникновение второго уровня мировоззрения. (...) Философия возникает как разрешение противоречия между мифологической картиной мира, построенной по законам воображения, и новым знанием и мышлением. Иначе говоря, философия зарождается как распространение мышления с узкой сферы специального знания на все мироздание» [4, с. 25]. Таким образом, в данной трактовке философия видится в качестве надстройки или следующего за мифологией уровня развития. Далее Чанышев пишет: «...философия возникает непосредственно не из мифологии как таковой, а из переходных форм, характерных для обществ бронзового века. Переходные мировоззренческие формы — это уже не первобытная стихийная мифология, а мифология с элементами самосознания и систематизации, с понятийными вкраплениями, элементами демифологизации и деантропоморфизации. Если говорить образно, то можно сказать, что на уровне переходных мировоззренческих форм от мифологии как таковой к философии как таковой в мантии мифологического мировоззрения появляются первые дыры, сквозь которые кое-где начинает просвечивать реальная, не мистифицированная природа» [4, с. 26]. И в завершении мы видим, как философия сменяет мифологию, через опосредующие этапы в процессе динамического непрерывного развития мировоззрения.

Таким образом, мы увидели следующее: постепенный переход от строгой материалистической сциентизированной парадигмы первой волны советского философского антиковедения к более мягкому варианту через переоценку роли мифа, проблематизацию вопроса о научности древнегреческой философии и более внимательному отношению к мировоззренческому контексту генезиса философии. А также особую значимость и роль концепции перехода от мифа к логосу Ф.Х. Кессиди, которая знаменует собой «оттепель» внутри академической парадигмы. Из вышеизложенного мы можем заключить, что советская философская антиковедческая традиция – динамическая система с внутренней логикой развития и строгими связями, требующими дальнейшего изучения.

Литература:

1. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. 1-е изд.: М.: Изд-е автора, 1927.
2. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972.
3. Асмус В. Ф. Античная философия. Учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. М., «Высшая школа», 1976.
4. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. М.: Высш. Школа, 1981.

i Логически М.К. Петров должен был быть отнесен к первой волне, но правомерна такая классификация была бы лишь в случае, если его первая кандидатская диссертация 1959 года «Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода» была защищена, либо увидела свет. Но по причинам политического характера, затормозившим карьеру Михаила Константиновича, его работы по античной философии начали публиковаться лишь в 80-е годы.

ii Ввел терминологическое словосочетание «философское антиковедение».

Институализация античной философии: сообщество vs корпорация

Римский В.П.

Белгородский государственный институт искусств и культуры, заведующий кафедрой философии, культурологии, науковедения, профессор. Доктор философских наук

rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. Тема институализации философии для автора является попыткой развязать запутанный узел «гносеогенных», «мифогенных» и «социогенных» теорий происхождения философии и её специфики. Ф.Х. Кессиди был одним из первых, кто поставил и пытался разрешить данную проблематику в новых горизонтах. В докладе автор исходит из собственного понимания концептов «корпорация» и «сообщество» в их применении к конкретно-историческому описанию процессов, формообразований и структур, связанных с первичными институциональными формами философии, которая в авторской интерпретации существует изначально только в «европейской версии», т.е. возникла в Древней Греции. Развивается скептическое отношение к номинированию античности в качестве «европейской культуры», но генезис философии при этом имеет смысл рассматривать именно как феномен условно «европейского» культурно- цивилизационного региона. Выявление специфики античного культурно-цивилизационного плюрализма (от классической эпохи до эллинизма) связано с исследованием полисной культурной матрицы, которая и обусловила первичные формы институализации философии.

Ключевые слова: Ф.Х. Кессиди, античность, полис, древнегреческая философия, корпорация, сообщество.

Institutionalization of ancient philosophy: community vs Corporation.

Rimskiy V.P.

Belgorod state Institute of arts and culture, Department of Philosophy, Cultural Studies and Science

Abstract. The theme of the institutionalization of philosophy for the author is an attempt to untie the tangled knot of “epistemological”, “mythogenic” and “sociogenic” theories of the origin of philosophy and its specifics. F. H. Cassidy was one of the first to set and try to solve this problem in new horizons. In the report, the author proceeds from his own understanding of the concepts of “Corporation” and “community” in their application to a specific historical description of the processes, forms and structures associated with the primary institutional forms of philosophy, which in the author’s interpretation exists initially only in the “European version”,i.e. originated in Ancient Greece. There is a sceptical attitude towards the nomination of antiquity as a “European culture”, but the Genesis of philosophy at the same time makes sense to consider it as a phenomenon of a conditionally “European” cultural and civilizational region. The identification of the specifics of ancient cultural and civilizational pluralism (from the classical era to Hellenism) is associated with the study of the Polis cultural matrix, which determined the primary forms of institutionalization of philosophy.

Keywords: F. H. Cassidy, antiquity, Polis, ancient Greek philosophy, Corporation, community.

В марксистской теории специфицирующим инструментом исследования конкретно-исторических форм общества служили «классы» и «классовый подход», но конкретные изменения в культурно-цивилизационных системах зависят не столько от этих стратификаций, сколько рождаются в тонкой культурной «физике» субкультур и субкультурных стратификаций, «задаются» ими, равно как и соответсвующие институции и практики. Именно субкультурные сообщества объединяют людей в их реальной жизни и вовлекают в жизнь «большого общества» по ментальным сопричастиям и культурно-антропологическим сопряжениям, способам духовного производства и формам интелллектуальной деятельности. В моём понимании субкультуры составляют некую обособленную часть «базовой», «материнской», «господствующей» и т.п. культуры; суверенные целостно/формообразования, которые отличаются собственными аксиологическими конфигурациями и коренятся в деятельности

малых сообществ/солидарностей. Субкультурные сообщества становятся носителями особых черт и стилей поведения людей, манифестируются в языковых/культурных мифах и символах, ментальных стереотипах, порождают теоретические категории и концепты, формы сознания.

Ф.Х. Кессиди первым выступил в 1960-80-е годы с критикой догматичности классовой методологии в исследовании античности и античной философии, предлагая взглянуть на специфику древнегреческого полиса с точки зрения культурных практик и социальных микроструктур, возникающих в полисе как особой, специфической системе, отличной как от архаики, так и от последующих культурно-цивилизационных образований. Я в ряде своих работ развивал собственное понимание культурной особенности древнегреческого полиса, отличного от ойкоса, сопряжённого с ним исторически и функционально, хотя в историко-философской литературе часто подобное «тонкое различение» не учитывалось и опускалось. Более того, до сих пор доминируют такие теории, в которых древнегреческий полис («дело многих», как и римская «республика», «общее дело) «органично вырастает» из ойкоса, хозяйственно-бытовой и органично-семейной жизнедеятельности человека древности.

Действительно, первоначально, в архаике и в некоторых греческих регионах периода классики, ойкос и полис были слиты воедино, между ними не было резких границ, и поэтому возможно были правы некоторые исследователи, отмечая, что полис вырастает из ойкоса. И в античных монархиях нет разделения ойкоса и полиса, выстроенного в духе «военной демократии»: царь Одиссей имеет власть карать не только рабов и домочадцев, но и граждан своего «государства». Аналогичный синкретизм ойкоса, «военной демократии» и власти монарха мы находим в классической Спарте, царской Македонии и других античных полисах.

Разумеется, не стоит мыслить здесь ойкос по модели протогражданского общества, сопряжённого с «демократией» и «монархическим принципом» по типу «конституционной монархии», столь милой Гегелю. Однако в этом аспекте есть смысл развести понятия «полис», единое целое разнообразных этносов эллинов, с «политейей» (bios politicós) – синкретической, религиозно-нравственно-политико-правовой субстанцией (хотя и это – всё наши, модернизаторские смыслы). При таком различении можно сказать: полис и был «отечеством» (или «отчизной», женским образованием в этимологии Хайдеггера), включал в себя дом-*ойкос (*«дело всех» в разделении на «частные дела») и «политейю» («дело многих»). В таком ракурсе можно отметить, что корпорации и возникали в основном в сфере ойкоса, а не политейи. Но где же здесь было место возникающей философии?

Здесь и уместно обратиться к различению философских корпораций, органично связанных с ойкосом, от философских школ и философов-маргиналов, возможных лишь на почве политейной жизни, bios politicós. Чем же конкретно отличаются философские корпорации от философских школ? И каков удел в античности философа-одиночки?

Ведь некоторые исследователи фактически их не различают, рассматривая институт философской школы как особый род организованной интеллектуальной деятельности по производству знания (пайдейя), – техне и эпистеме, – со своей корпоративной специализацией. Я первоначально также не различал философские корпорации и философские школы до тех пор, пока не задумался над тем, что первые философы, принадлежавшие к культуре островной или полуостровной Эллады, находились в маргинальном положении между ойкосом и полисом: пример «универсального» Фалеса, умельца на все руки, и одновременно философа-созерцателя. В этом плане от милетских философов не отличались и пифагорейцы. Общеизвестно отнесение пифагорейской общины (как и более ранних орфиков) к определенного рода корпорации – религиозно-философской, обладавшей тайновластной организацией и направленной на установление демократичесих режимов правления в эллинских полисах.

Но были ли, например, милетцы, которых мы по традиции объединяем в «школу», корпорацией-школой? Чем-то жёстким, закрытым, эзотеричным и криптократичным? Все факты, доступные нам, говорят, что это не так. Это была своеобразная философская школа как достаточно открытое и свободное сообщество. Но в чём заключалось это «своеобразие»? Настоящее свободное философское сообщество-школа строится по модели диатрибы (А.В. Потёмкин). Первые философские школы-диатрибы, как свободные сообщества, были не просто своеобразными субкультурами, но контркультурами, выступая против религиозно-мифологической традиции. Первые философские школы-диатрибы имели ограниченный круг участников, скорее всего, не превышая и десяти учеников и последователей. Таковы, на мой взгляд, милетцы и элеаты.

Философские школы-диатрибы основывались философами-одиночками, которые часто себя «основателями» и не считали. Философом-одиночкой был Гераклит (проходил посвящение на Востоке), который отказался от царской власти, чтобы размышлять в тиши очага ойкоса. Гераклит если и повлиял на школы-диатрибы, то лишь косвенным образом, когда его пытались «разгадать» и «опровергнуть» (заочно с ним спорили элеаты). Таковым отшельником был, например, и Демокрит (проходил посвящение у персов), у ног которого сидел Протагор, сам сознательно основавший философскую школу софистов.

Можно сказать, что если «полис» был делом «многих», философские корпорации жёстко объединяли «избранных», которые желали диктовать «многим» всё, сделать свои идеи уделом «всех», то философские школы-сообщества – школы-диатрибы и школы- пайдейи – не стремились никому ничего диктовать, делая творчество идей и их трансляцию (пусть и за плату) свободным уделом «каждого», в том числе и рабов, и ксенов.

Миф, воображаемое и советская утопия (из размышлений Ф.Х. Кессиди)

Романенко М.А.

Южный федеральный университет, аспирант, младший научный сотрудник

maks291193@gmail.com

Аннотация: Настоящее исследований посвящено преломлению идей Феохария Харлампиевича Кессиди о мифе, воображаемом и утопии относительно опыта коммунистического строительства в СССР. С опорой на авторское понимание мифа и утопии, представленные в работе «От мифа к логосу», раскрывается и анализируется содержание концепта «советская утопия». Методологически значимым в исследовании является обращение к онтологическому измерению утопии и мифа. Этот подход, во-первых, позволил выделить характерные черты, рассматриваемых феноменов, а во-вторых – выявить диалектическую взаимосвязь утопии и мифа, стратегии воплощения которой составили суть исследуемого конструкта. В заключении при попытке дать ответ на вопрос об актуальности и прагматике утопии приводится позиция Кессиди о том, что утопия, несмотря на свою неосуществимость, вносит определенный вклад в общественный прогресс.

Ключевые слова: миф, утопия, советская утопия, воображаемое, идеология, Ф.Х. Кессиди.

[i] Обращение к утопической проблематике сквозь призму творчества Ф.Х. Кессиди как исследователя античной культуры (несмотря на то, что утопия не является центральной темой в его исследованиях) оправдано по двум причинам. Во-первых, как отмечает сам Кессиди, древнегреческая философия – это «не “музей древностей”, а живая картина становления и развития теоретической мысли» [1, с. 8], многие оригинальные идеи и «проклятые вопросы» которой сохраняют свою значимость и для современности. Во-вторых, одной из таких актуальных проблем является соотношение должного и сущего, реального и идеального, составляющее онтологические и аксиологические основания как мифологического, так и утопического сознания.

Так, опираясь на авторское понимание мифа и утопии, а также на отдельные размышления относительно советской утопической практики, мы попытаемся раскрыть содержание конструкта «советская утопия».

Интерес к утопии у Кессиди проявляется в обращении к современному мифотворчеству, чему посвящена отдельная глава книги «От мифа к логосу» [1]. По мнению автора, изучение сегодняшней мифологии должно строиться на понимании ее отличий от древних образцов. Так, с точки зрения гносеологии, древние мифы выполняли, прежде всего, компенсаторную функцию, устраняя пробел в том, чего люди лишены. Предпосылки современного мифотворчества связаны с изменением представлений о мире: «…былые иллюзии и мифы исчезли. Возникла необходимость в создании новых» [1, с. 60]. В попытке понять источник выявленной необходимости Кессиди приводит два противоположных взгляда на сущность современного мифа, заключающейся в реакции на рационализм, в первом случае, и в простом невежестве – во-втором, при этом констатируя «возможность намеренного использования мифа». Но оставим открытыми гносеологические вопросы и в контексте нашего интереса обратимся к онтологическому аспекту современного мифосознания с той целью, чтобы, выделив его основные компоненты, понять, как может функционировать смежная форма сознания – утопия (в интересующих нас историко-культурных условиях).

Онтологические основания как мифа, так и утопии кроются в отношении с реальностью, а точнее – конфликте с ней: противоречиях между должным и сущим, материальным и идеальным, действительности и идеала. Но понимание этих противоречий и позиция по отношению к ним – различны. Так, различные мифологемы являются повествованием и изображением бытия человека в мире и значимых для него событий прошлого и настоящего, осуществляемым в иносказательном виде – в символической интерпретации. Мифологемы марксизма, о которых пишет Кессиди, по его мнению, основаны, прежде всего, на «возможности Царства Божьего» как символическом «золотом веке» и дополнены социальной напряженностью, связанной с самой

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90062 «Мемориальная культура в контексте советского утопического проекта».

природой капитализма и его фундаментальными пороками, абсурдные проявления которых делают марксизм «бессмертным» [см.: 2, p. 293-305].

Утопия, в свою очередь, по замечанию Т.С. Паниотовой, кроме создания иносказательного элемента в виде символов и образов, отражающих неустроенность действительностью, «изначально ориентирована на творение ино-бытия» [3, с. 168]. В результате критики существующего порядка утопическое сознание создает в объективированном виде проекты желаемого, совершенного будущего. Так, рассматривая советский коммунистический эксперимент как разновидность утопии, Кессиди отмечает его проективность, которая заключается в целенаправленном и методичном движении к идеальному обществу как ино-бытию. Различные проекты классиков утопической мысли, среди которых Т. Мор, Т. Кампанелла и др., рисуют образ идеального общества как уже достигнутого состояния, причем пути движения к нему не обозначены. Советская же утопия, продемонстрировавшая провал идеи «большого прыжка» в идеальное будущее, намечает целый ряд действий для построения этого будущего. «…утопию можно построить, ибо власть в стране находится в руках партии, которая знает Цель и знает путь, ведущий к Цели» [4, p. 109].

Так мы подошли к вопросу о реализуемости утопии, который также ставит Кессиди. Советский эксперимент в общественно-политическом дискурсе последних десятилетий оброс радикальными и иногда противоречивыми коннотациями, проистекающими из излишней генерализации («воплощенная утопия», «нереализованная утопия» и др.). Но несмотря на различные оценки и трактовки советского проекта, относить его к разряду практических, а не умозрительных утопий, или утопий политики, согласно классификации Е. Шацкого, нам позволяет тотализирующая установка на практическую воплощенность. В действительности эта установка проявилась в предметно-пространственной оформленности, отдельные эксперименты которой можно было наблюдать в различных сферах общественного бытия. Например, архитектура заявила свои права на переустройство жизни и, вторгнувшись в повседневность, стала создавать сооружения-идеалы коммунизма – образцы обобществления и коллективизма (см. дома-коммуны).

Но как быть с теоретическим парадоксом, заложенным в само понятие утопии (невозможность достижения социального идеала)? Насколько правомерно тогда говорить о хотя бы и частичной, но все-таки воплощенности советского утопического проекта? Ответить на этот вопрос мы попытаемся, вновь обратившись к онтологическому измерению утопии и мифа. На наш взгляд, именно опора на миф и использование отдельным мифологием позволило сделать утопию «более реальной».

С точки зрения К. Мангейма, утопия относится к формам «ложного сознания», которое «не находится в соответствии с окружающим его “бытием”», т.е. оно опирается на те факторы мышления и деятельности, которые не свойственны этому “бытию”, а потому утопическая ориентация является трансцендентной [5, с. 164]. Но иначе выстраивается онтологическая структура мифа, основу которого составляют факторы имманентные бытию, а потому с ним нужно считаться. Так, в качестве одной из особенностей современного мифа Кессиди указывает отождествление воображаемого и реального. «Создание мифической реальности в тоталитарный режимах призвано было более реальным, чем сама реальность» [1, с. 63], – заключает автор. Опора утопического дискурса на мифологию в указанном ключе и врожденная неспособность утопии к творческому развитию предопределили характер их связи с идеологией (противоположной формой «ложного сознания»). Парадоксально, но утопия, как сознание, направленное на изменение реальности, в советской реальности требовала закрепления достигнутых результатов и сохранения существующего положения вещей[i], присваивая себе тем самым функции идеологии (в понимании К. Мангейма). «Идеология перебрасывает мост между мечтой-утопией, сном о золотом веке и реальностью. С помощью Слова реальность ликвидируется, объявляется несуществующей» [4, p. 113] – так комментирует связь утопии и идеологии М. Геллер. Он подчеркивает, что новая идеальная реальность, существуя, в большинстве своем, в виде теории, как бы надстраивается над реальностью, ликвидируя ее.

Подводя итог, стоит прежде всего отметить, что говорить о «смерти утопии» после провала коммунистического эксперимента преждевременно, поскольку «человеческой природе свойственно неистребимое стремление выйти за пределы своего времени и возвыситься над действительностью» [1, с. 69]. Советский опыт, по мнению Кессиди, хоть и не стал примером установления «идеального будущего», но как попытка изменения общественных отношений показал возможности и угрозы общественного прогресса.

i Конституция 1936 года провозгласила победу социализма в СССР, таким образов юридически закрепив частичное достижение идеального общества.

Литература:

1. Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии / Отв. ред. А. Е. Зимбули. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
2. Claeys G. Marx and Marxism. London: Penguin Books, 2018. 376 p.
3. Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 304 с.
4. Heller M. Утопия в советской идеологии // Revue des études slaves. 1984. VOL. 56 (1). P. 105-113.
5. Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М., Юрист, 1994. 700 с.

Проблема возникновения научного знания и ранняя греческая философия в трактовке Ф.Х. Кессиди

Рузанов И.В.

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, студент 4 курса

ilias.ruzanov.1995@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме возникновения научного знания в ранней греческой философии в трактовке выдающегося отечественного философа Ф.Х. Кессиди. В ходе исследования выявляются противоречия, возникающие при попытке охарактеризовать научное знание применительно к обозначенному периоду; приводятся примеры, доказывающие возможность его применения, а также рассматривается процесс формирования отличного от современного понятия научного знания, характерного конкретно для античной философии. Определяются критерии научного знания, соответствующие натурфилософскому периоду, а также выявляются наиболее существенные научные достижения раннегреческих философов. На конкретных примерах демонстрируются как отдельные научные достижения, так и проблемные стороны античной науки. Конечная цель данного исследования – понимание того, как особенности разработки и фиксации теоретического знания древними греками придали ему научный характер, а также предопределили последующий вектор развития и предметной организации европейской науки.

Ключевые слова: ранняя греческая философия, натурфилософия, научное знание, научный метод, Ф.Х. Кессиди.

The problem of the emergence of scientific knowledge and Early Greek philosophy: interpretation of F.Kh. Kessidi.

Ruzanov I.V.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Political Studies Sciences.

Abstract. The issue is devoted to the problem of the emergence of scientific knowledge in Early Greek philosophy in the interpretation of Russian philosopher F.Kh.Kessidi. The author reveals the contradictions that arise when trying to characterize scientific knowledge in the designated period; examples that prove the possibility of its application are given, and the process of development of different from the modern concept scientific knowledge is also considered. The criteria of scientific knowledge are determined corresponding to the Early Greek philosophy, and the most significant scientific achievements of Early Greek philosophers are revealed. Examples demonstrate both individual scientific achievements and the problematic aspects of ancient science. The goal of the issue is to understand how the features of the development and fixation of theoretical knowledge gave it a scientific character, as well as predetermined the subsequent vector of development and objective organization of European science by the Ancient Greeks.

Keywords: Early Greek philosophy, natural philosophy, scientific knowledge, scientific method, F.Kh. Kessidi.

Античная философия характеризуется стремлением понять сущность природы, космоса и мира в целом, совершением попытки через философию объяснить окружающую действительность. Но как терминологически корректно данный процесс можно охарактеризовать? Вопрос о научности античной философии является предметом острой полемики ученых на протяжении последнего столетия. Концепция, согласно которой научное знание появилось в античности, связывает данный процесс с развитием критического мышления и становлением не только практической, но и теоретической форм знания. В работе «От мифа к логосу: Становление греческой философии» [1] Ф.Х. Кессиди мы находим: «Античное понимание науки отлично от современного ее понимания. То, что в античности называли «наукой», было преимущественно направлено на выяснение общей картины мира, а не на кропотливое изучение вещей, не на экспериментальное и опытное исследование явлений действительности» [1, с. 154]. Таким образом, описываемой автором наукой является натурфилософия, т.к. именно она занимается познанием природы.

Основное положение традиционной истории философии о том, что возникновение европейской философии и науки связано с именами раннегреческих мыслителей опровергнуть трудно, даже несмотря на стихийный характер и определенную наивность их представлений. В частности, Ф.Х. Кессиди утверждает, что «первые эллинские натурфилософы открыли новую картину мира, выдвинули идею о мире как гармоничном строе вещей, идею, которая разделяется и современной наукой» [1, с. 133]. «Научное знание — это знание, получаемое и фиксируемое специфическими научными методами и средствами» [2]. Рассуждая о методологии античной науки, исследователь пишет следующее: «Основным методом античной науки был метод дедукции и логической аргументации, основанный на убеждении, что мир рационален и гармонично устроен, что в целом и во всех своих частях он может быть объяснен путем размышлений и доводов разума. Ценность теории определялась логической последовательностью выводов из принятых посылок и первичных принципов» [1, с. 154].

В данном ключе положение Фалеса, что все возникло из воды, можно рассматривать в качестве научной гипотезы, а не мифологической конструкции. Несмотря на определенную грубость науки и философии Фалеса, они стимулировали способности мыслить и наблюдать. [3, с. 24]. «Древние авторы называют первого греческого философа Фалеса также «первым математиком», «первым астрономом», «первым физиком»», – пишет Ф.Х. Кессиди [1, с. 155]. В области астрономии он известен своим предсказанием солнечного затмения 28 мая 585 года до н.э. [4, с. 14]. Также Фалесу приписывают открытие общего способа измерения высоты любого предмета на основании данных действительной высоты двух предметов и их теней, и помимо всего прочего, он вписал в круг прямоугольный треугольник [5, с. 113, 100]. Факт того, что он занимался и естественнонаучными штудиями говорит об определенном образе мышления, который, безусловно, распространялся и на философскую мысль. Его выводы касаемо метеорологических и астрономических явлений, а также сформулированные им математические положения имеют частный характер соответственно частному познавательному и практическому значению. Суждения Фалеса не просто фиксируют природные явления, но и дают им причинное объяснение. Говоря о математических познаниях, их научный характер связан с общетеоретической формой и наличием доказательства целого ряда положений - их теоретического обоснования [3, с. 28-29].

Анализируя учение другого представителя раннегреческой философии, Кессиди указывает, что Анаксимандр стремился представить мир как единое целое. Он открыл новый метод научных изысканий, стал пользоваться моделями для ответа на астрономические и географические вопросы. Примером одной из таких моделей явилась впервые составленная им географическая карта и глобус известного ему мира. Также, Анаксимандр выдвинул новую теорию, согласно которой Земля висит неподвижно в воздухе [1, с. 155]. Таким образом, в интерпретации Кессиди мы видим, что как исследователь Анаксимандр более склонен не к философским, а к частным, специальным вопросам. Впоследствии, деятельность Анаксимандра способствовала предметной организации научного знания, в связи с чем оценивается Кессиди крайне высоко.

Ф.Х. Кессиди отдельно отмечает внушительные достижения Пифагора и пифагорейцев. Он утверждает, что пифагорейцы не только являются родоначальниками античной математики, методы исследования которой до сих пор проникают почти во все области знания, но и создали необходимость в точности и ясности суждений, что способствовало развитию логики мышления и дедукции. «Введение ими представления о бесконечно малых величинах…, несмотря на ограниченность этих представлений, сыграло большую роль в развитии математики и физики, ибо современная наука, изучающая область микромира, сталкивается с проблемами, сходными с теми, над которыми бились пифагорейцы» [1, с. 190]. Это является ярким примером влияния открытий эпохи античности на современное научное знание.

Большое внимание исследователь уделяет личности Парменида. Он называет Парменида «отцом» греческого рационализма, т.к. Парменид придерживался понятийного типа мышления и не мог не допустить наличия в мире неизменного и сохраняющегося начала, она же субстанция. Данное допущение является необходимой предпосылкой формирования научного мышления. Ф.Х. Кессиди аргументирует свою позицию, ссылаясь на Эйнштейна, который считал наличие веры во внутреннюю гармонию мира необходимой для существования науки и основным мотивом научного творчества [1,

с. 270]. Таким образом, признание внутренней гармонии мира здесь — предпосылка научного знания, а современная наука не отвергает античной идеи о мире как едином и гармоничном целом.

Продолжая, анализировать элейскую философию, Ф.Х. Кессиди отмечает, что заслуги Зенона Элейского по-настоящему были оценены уже на современном уровне развития науки и теоретического мышления, т.к. лишь теперь осознается глобальная научная ценность поставленных им проблем. Несмотря на то, что Зенон ведет свои рассуждения в области чистого разума, он не отходит от античного принципа мышления и свои мысли связывает с образными представлениями. Хорошим примером служат апории, которые Зенон связывает с наглядными и простыми образами. Тем не менее, это не помешало осознать в последующем их ценность. Ф.Х. Кессиди характеризует апории Зенона как становление разума в его чистом виде и при этом выражающие трудности отображения диалектики бытия в логике понятий [1, с. 298].

Таким образом, Феохарий Харлампиевич Кессиди прослеживает сквозь весь раннегреческий период применение мыслителями того времени специфических научных методов, с помощью которых они получали и фиксировали новые научные знания. Так, Фалес анализировал эмпирические данные, полученные в ходе наблюдения; Анаксимандр использовал метод моделирования при создании глобуса; пифагорейцы ввели представления о бесконечно малых величинах и иррациональных числах; Парменид сформулировал условие существования не только античной, но и современной науки; а созданные Зеноном апории привели к созданию неразрешимых проблем – парадоксов. Представленные примеры иллюстрируют возникновение рационального способа постижения мира. Древние греки впервые применили научные методы и, благодаря этому, не только способствовали теоретизации получаемого знания, но и создали базу для развития научного познания. Исходя из вышеизложенного, в наличии теоретических методов у раннегреческих мыслителей сомневаться не приходится, следовательно, можно обоснованно утверждать, что они являются прародителями европейской науки.

Литература:

1. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии / Отв. ред. А. Е. Зимбули. — 2-е изд., испр., доп. — СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
2. Философия науки: Словарь основных терминов. — М.: Академический Проект, 2004 – 320 с. URL: https://www.studmed.ru/lebedev-sa-filosofiya-nauki-slovar- osnovnyh-terminov_d01e2a6ed32.html (дата обращения: 29.02.2020).
3. Надточаев А.С. Философия и наука в эпоху античности М: Издательство МГУ, 1990. 286 с.
4. Рассел А. Б. История западной философии. М.: «Академический проект», 2009. 1008 с.
5. Фрагменты ранних греческих философов. ч.1. М.: «Наука», 1989. 576 с.

К вопросу о мифосознании этноса

Сёмина Г. В.

Южный федеральный университет, Института философии и социально-политических наук, аспирант

semina_galya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теме мифосознания этноса, освещенной Феохарием Харлампиевичем Кессиди, специалистом по античной философии, в сборнике своих статей«Идеи и люди: историко-философские и социально-политические этюды» и в работе «От мифа к логосу». В XX столетии выдвигалось предположение, что происходящие в мире процессы глобализации приведут к интеграции разных культур в единую мировую с образованием одного суперэтноса. Однако такое слияние не наблюдается до сих пор. Автор рассуждает об истоках сложившейся ситуации, где опирается на утверждения Ф.Х. Кессиди о существовании различных типов мышления у этносов. И делает вывод, что образный тип мышления, фундаментом которого является мифологическое сознание человека, присущ в большей степени традиционному обществу.

Ключевые слова: типы мышления, образное мышление, мироощущение, мифосознание

To the question of mythological consciousness of an ethnos.

Semina G.V.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Political Studies

Abstract. The article is devoted to the theme of myth consciousness of an ethnos, highlighted by Theocharis Kessidis, the specialist in ancient philosophy, in the collection of his articles “Ideas and People: Historical, Philosophical and Socio-political Studies” and in the work “From Myth to Logos”. In the XX-th century, it was suggested that the processes of globalization taking place in the world will lead to the integration of different cultures into a single world culture with the formation of one superethnos. However, such a merger has not been observed so far. The author discusses the origins of this situation, where he relies on the statements of Th. Kessidis about the existence of various types of thinking among ethnic groups. And he concludes that the figurative type of thinking, the foundation of which is the mythological consciousness of man, is inherent in a greater degree in traditional society.

Key words: types of thinking, figurative thinking, attitude, myth-consciousness.

Феохарий Харлампиевич Кессиди, специалист по античной (древнегреческой) философии, в 2003 году опубликовал сборник своих статей «Идеи и люди: историко- философские и социально-политические этюды» [1], написанных им в разные годы. Работы содержат размышления не только о философии античности, поисках ее формулы и попытках понять загадку жизни, но и непосредственно о проблемах современности. Темы, затронутые Ф. Кессиди как антиковедом, не потеряли своей актуальности и сегодня, если не сказать, что стали еще более злободневными. Вопрос, поставленный им более пятнадцати лет назад «Не пора ли признать, что в переживаемый нами период идет напряженная борьба за «выживаемость» и этническую идентичность?» [1, с. 4], актуален и в настоящее время. Сегодня можно смело утверждать, что процессы глобализации, протекающие во всем мире, не только не ведут к интеграции культур и формированию единого суперэтноса, как заявлялось многими учеными, а скорее наоборот, обнажают, даже, можно сказать, провоцируют напряженно-конфликтные ситуации как в выборе регионами своих политических интересов, так и в выборе ими идейно-ценностных приоритетов. Ведь большинство локальных столкновений имеет именно этническую окраску. При этом на общем фоне заявленной интеграции культур в единую, мировую культуру, с образованием одного суперэтноса, повсеместно наблюдается этнический сепаратизм и попытки отделения, как это происходило, например, с Чеченской Республикой, Абхазией, Каталонией.

По мнению Ф.Х. Кессиди, такое объединение культур не может произойти в принципе, что связа-

но с межкультурными отличиями, основанными на разных типах мышления: понятийном (теоретическом) и образном (чувственном). Именно в принципиальной несовместимости двух типов мышления видел ученый невозможность такого слияния. Данные заключения он сделал, опираясь на утверждения, выдвинутые В.С. Ротенбергом и В.В. Аршавским в статье «Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур» [2, с. 78-86]. Каждое этническое сообщество имеет в своем мышлении оба выделенных авторами типа, но в неравных, если можно так сказать, пропорциях. У одного этноса преобладает логико-знаковый (понятийный) тип мышления, к которому, на наш взгляд, тяготеет техногенное западное общество. У другого – доминирует образный (чувственный) тип мышления, который больше свойственен традиционному обществу. О существовании двух типов мышления у первобытных людей: логического, направленного на внешний мир и обеспечивающего индивиду приспособление к реальности, и интуитивного, развитого значительно сильнее логического и присущего именно членам традиционных обществ, писал ранее швейцарский философ Карл Юнг. Он считал, что непосредственно интровертное мышление устанавливает равновесие с силами бессознательного. Так, у древних племен, находившихся на стадии развития, сознание и душа не считались чем-то единым: душа воплощалась в диком животном, например, у тюрков в образе волка, или в дереве, как в мифологии друидов. [3]. Вышеупомянутые же авторы В.С. Ротенберг и В.В. Аршавский основывались на сравнительных характеристиках западного и японского (восточно-традиционного, заметим) обществ, выдвинутых японским исследователем Макото Кикухи. Он характеризовал в своих работах образное мышление в качестве способности этноса воспринимать мир как целостность. Здесь возможно провести следующие параллели: данные типы мышления не только свойственны: один западной, а другой восточной культурам, но также: понятийный тип выступает как характеристика техногенной, а чувственный тип как характеристика традиционной культур [4]. Макото Кикухи на примерах доказал, что унифицирующие процессы глобализации активно идут в японском обществе и сегодня, однако они не искоренили до сих пор и не смогут уничтожить в дальнейшем этнические чувства, которые имеют глубокие корни в традиционном сознании японца. А каковы же истоки традиционного сознания этноса? Согласно Ф.Х. Кессиди, образное (чувственное) мышление основано на мифологическом сознании этноса.

В XX веке представители различных школ утверждали, что мифология есть не что иное, как некая синкретичность первобытной философии, религии, науки и древних видов народного художественного творчества. Однако Ф.Х. Кессиди в своей фундаментальной работе «От мифа к логосу» не только объяснил формулу античности, но также доказал значимость разума (логоса) и чувственного мышления: «миф – не первоначальная форма философии или науки, а особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания» [5, с. 45]. Определения значений и функций мифа в прошлом столетии также давались учеными по-разному. Однако многие сходились во мнении, что это первая форма сознания человека. Румынский философ культуры и религиовед Мирча Элиаде писал, что «знать мифы – значит приблизиться к тайне происхождения вещей» [6, с. 157]. Это и понятно, потому что первобытный человек отождествлял образы и предметы, присваивая каждой вещи свойства всех вещей, и не различал явления природы и живых существ. Нельзя не согласиться и с отечественным исследователем мифов А.Ф. Лосевым, который считал их наиболее яркой и самой подлинной реальностью, символом, словом, самосознанием [7, с. 93]. Миф для первобытных людей был воображением, но воображением реально-фантастичным, неким своеобразным восприятием действительности на уровне интуиции. Здесь можно говорить и о том, что это было не миропонимание, а мироощущение, то есть, рассуждая о развитии науки и религии из мифа, правильнее будет все-таки сформулировать вывод, что понятийное (логическое) мышление отделилось от мифологических фантазий, а не возникло из них. Исходя из этого, Ф.Х. Кессиди в своей работе «От мифа к логосу» пишет, что он солидарен с немецким философом Э. Кассирером в том, что размежевание мифа и философии произошло только после открытия понятия «бытие» как основополагающей проблемы философии. «В глубокой древности миф не разделялся с действительностью, он был ее частью, сливался с ней. И лишь позднее намечается разделение образа и вещи, реального и идеального…» [8, с. 126].

Французский философ Л. Леви-Брюль утверждал, что базой мифов являются «коллективные представления», использовавшиеся «для обозначения символических фигур в первобытном мировоззрении» [9, с. 518]. Это утверждение бесспорно, так как миф – это творчество целого коллектива, который отождествляет желаемое с действительным. Непосредственно наличие образного мышления в процессе мифотворчества и определяло мировосприятие человека и этнических сообществ, представлявших собой фундамент культуры в целом, то есть «<…> мифы – в первую очередь [как] психические явления, выражающие глубинную суть души» [10, с. 145]. Согласно Карлу Юнгу, мифы были не образными представлениями первобытных людей, а частью их психической жизни, тогда «сознание еще не думало, а только воспринимало <…> Коллективное бессознательное как оставляемый опытом осадок и вместе с тем как некоторое его, опыта, априори есть образ мира, который сформировался уже в незапамятные времена» [10, с. 146].

Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что сознание этноса имеет мифологическую основу, при этом обязательно коллективную. Именно это и определяет его образный тип мышления, основанный на синкретичном мироощущении и свойственный непосредственно традиционному обществу. Также из вышеизложенного понятно, что на фоне проходящих в мире процессов глобализации проблемы этнических общностей являются сегодня особо актуальными. Имевшая место еще в XX столетии тенденция к полному исчезновению фактора этничности вследствие индустриализации и постиндустриализации показала свою несостоятельность, что вызвало «всплеск волны» дебатов на рубеже XX−XXI веков по теме тождественности/нетождественности глобализации и интеграции культур. При этом интерес к традиционным обществам, к культурам аборигенных народов, коренным малочисленным народам и др. не ослабевает до сих пор. А реальные события подтверждают выводы Ф.Х. Кессиди о том, что идея интеграции культур, как некого слияния в единую, мировую культуру, утопична.

Литература:

1. Кессиди Ф.Х. Идеи и люди: историко-философские и социально-политические этюды. М., 2003. 228 с.
2. Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. М., 1984. №4. С. 78-86.
3. Jung, C.J. (1921) Psychologischen Typen. Rascher Verlag, Zurich –translation H.G. Baynes, 1923.
4. Kikuchi M. Creativity and Ways of Thinking: Japanese Sty1e // Physics Today, 1981. P. 42–51.
5. Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии / Отв. ред. А. Е. Зимбули. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
6. Элиаде М. Аспекты мифа. М: Academia, 2005. 224 с.
7. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
8. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 398 с.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937. 533 с.
10. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М, 1994. 148 с.

Ф.Х. Кессиди – от античности к современности

Старовойтов Владимир Васильевич

Институт философии РАН, старший научный сотрудник, кандидат философских наук

starovoitov51@mail.ru

В данной статье исследуются взгляды профессора Ф.Х. Кессиди, всемирно известного философа античности, высказанные по поводу античности и современности и хода ее возможного развития

Ключевые слова: Кессиди, культура, социальные утопии, национальный характер, эволюция, смысл истории

F.H. Kessidi: from antiquity to the contemporary epoch.

Vladimir V. Starovoitov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: This article investigates the views of world-known professor F.H. Kessidi about antiquity and contemporary epoch and the ways of its possible development.

Keywords: Kessidi, culture, social Utopia, social character, evolution, the meaning of history

Отмечая столетие со дня рождения выдающегося философа античности Феохария Харлампиевича Кессиди, выдающегося мыслителя, доктора философских наук, профессора, члена-корреспондента Афинской академии, академика ряда российских академий, отмечаешь глубинную связь многих высказанных им идей с современностью. Помимо всего прочего, это обусловлено самой спецификой философии, связанной с тем, что в ней любую проблему следует изучать, принимая во внимание ее исторические трактовки. Сам Кессиди считал, что если изучение глубокой древности или недавнего прошлого не проливает свет на современное положение дел, оно не имеет смысла. По мнению маститого философа, прошлое одновременно присутствует и отсутствует в настоящем, ибо деятельность людей неразрывно связана с ее осмыслением и планами относительно будущего, приводя к соединению в единое целое настоящего с прошлым и будущим. Однако степень присутствия прошлого в настоящем «определяется богатством содержания прошлой культуры, а не хронологией» [1, с. 282].

Возьмем, к примеру, проведенное им исследование социальных утопий и универсальных мифов. Их сутью, по мнению Кессиди, является принятие желаемого за возможное. Если таким желаемым становится оторванный от действительности социальный идеал, то его осуществление становится невозможно без тотального контроля и принуждения. Подобное расхождение между идеалом и действительностью он усматривает в расхождениях между мечтательным Платоном и Аристотелем, исходящим из того, каково реальное течение жизни. «Подвергая критике идеи Платона о необходимости создания чрезмерного единства в государстве, - пишет Кессиди, - в частности обеспечения единомыслия граждан, Аристотель приходит к выводу о том, что «следует требовать относительного, а не абсолютного единства … государства. Если это единство зайдет слишком далеко, то и само государство будет уничтожено; если даже этого не случится, все-таки государство на пути к своему уничтожению станет государством худшим, все равно как если бы кто симфонию заменил унисоном или ритм одним тактом»» [2, с. 138]. Проецируя подобное мифотворчество на современность, он рассматривает коммунизм в качестве онаученного мифа, утопии, считая утопизм причиной «краха социальных проектов как Платона, так и марксистов-ленинцев» [1, с. 5].

Критикуя Марксову концепцию сущности человека как совокупности общественных отношений за то, что она не принимает во внимание его биологическую основу, Кессиди пишет о том, что «единство биологического и социального в Новое время игнорировалось: выдвинутая просветительская концепция считала, что воспитание, традиции, политические режимы и определяют человека, его личность. Разновидностью этого просветительского взгляда является и Марксово положение о человеке как совокупности всех общественных отношений. С этой точки зрения, никакой неизменной природы человека нет» [3, с. 129-130], а это открывает путь экспериментам по созданию человека нового типа. Сам же он разделяет точку зрения Фукидида, у которого наметилось биосоциальное понимание природы человека.

Размышляя над историческими судьбами народов, Кессиди предлагает в первую очередь учитывать их национальный характер (особенности психического склада), считая его «социобиологическим феноменом, продуктом наследования генетических задатков и воспитания, культуры в широком смысле этого слова [1, с. 290]. Он считает, что при прочих равных условиях исторические судьбы народов напрямую связаны с их национальными характерами. Так, при описании особенностей ментальности древних греков, Кессиди подчеркивает агональный характер их жизнедеятельности и погоню за славой и обретением бессмертия в памяти потомков. Однако подобный дух соперничества помешал древним грекам стать народом государственным, приводя к хладнокровному истреблению друг друга в ходе противоборства партий и государств. Но и у римлян, по мнению Кессиди, была своя ахиллесова пята, которая привела к гибели Римскую империю. «Если древние греки не сумели ответить на вызов истории, преодолеть свой партикуляризм, полисную систему и потому, в конце концов, потерпели поражение, то римляне – народ государственный, более того – имперский. Завоевав всё Средиземноморье и создав на почве беспощадной эксплуатации провинций своеобразное общество массового потребления, римляне стали народом-паразитом, требовавшим «хлеба и зрелищ». Неудивительно, что деградировавшие и разложившиеся в гедонизме римляне не смогли устоять перед натиском «варваров» - германских племен… [1, с. 294].

При описании черт русского национального характера, Кессиди говорит о том, что большинством ее населения свобода понималась (и понимается) как своеволие, произвол. Он утверждает, что умеренная демократия наиболее соответствует ее особенностям, считая главной ее составляющей борьбу мнений и свободу критики, то есть «обсуждение дел речами». Оценивая перспективы будущего России, он делает крайне важный вывод о том, что, если существующая напряженность, связанная с поляризацией общества, не будет значительно снижена, то у России нет будущего. Ибо на Руси главные моральные ценности – справедливость и равенство. Тогда как успех курса реформ в России, по его мнению, «будет определяться совмещением приоритета свободы с социальной справедливостью, сочетанием стратегической установки на поддержание свободы предпринимательства с социально ориентированной экономикой и политикой, направленными на защиту основной массы населения и создание гражданского общества [2, с. 21].

Будучи сторонником эволюционного пути развития общества, он находит подтверждение своих взглядов в учении Гераклита, который описывал мир как единство противоположностей борьбы и устойчивости. «Гераклит, - пишет Кессиди, - который впервые заговорил о единстве (гармонии, тождестве, совпадении) и борьбе противоположностей, исходил из того, что временно гармония может взять верх над борьбой или же, наоборот, борьба над гармонией. Но если борьба абсолютна, вечна и первична по отношению к единству (гармонии), то это значит, что противоположности уничтожают друг друга, все вещи исчезают в небытии, а, стало быть, о возникновении чего-то не может быть и речи» [1, с. 105]. В качестве обоснования своей точки зрения, он приводит такие высказывания Гераклита, как его призыв сражаться за закон как за городские стены, а также его изречение о том, что река «изменяясь, покоится» и т.д. Объективный (естественный) ход развития, согласно Кессиди, предполагает «социальную терапию, а не хирургическое вмешательство, всегда связанное с риском, порой очень большим, то есть с авантюрой. Болезненны всякие реформы, а революции, как правило, разрушительны» [2, с. 92-93].

Последние годы жизни Феохарий Харлампиевич посвятил изучению проблем европейской и мировой культуры. Он не разделял идею о том, что в обозримом будущем возможно образование единой мировой культуры, допуская взаимодействие культур Востока и Запада, но не их взаимопроникновение. Выдвигаемая им концепция единства и многообразия культур в условиях глобализации обосновывалась открытием функциональной асимметрии мозга. «Всеобщие (глобальные) объединительные процессы, - писал он, - влекут за собой угрозу этнической самобытности не только малых народов, но и крупных, в частности многих народов Востока [2, с. 73]. А борьба этих народов за свою веру, самобытность и идентичность, может приводить к усилению терроризма.

Говоря о вероятностном характере исторических событий в рамках сложившегося положения вещей, Кессиди описывает разные концепции философии истории в зависимости от точки зрения исследователей, которые могут усматривать источник исторических процессов, например, в божестве, мировом разуме, человеческой природе или в экономических отношениях, что приводит к многообразию интерпретаций исторических событий. Тогда как смыслом истории он считает выживание и воспроизводство человека и его социального опыта. «Будущее, - считает Кессиди, - принадлежит реалистически мыслящей части человечества, а именно тем, кто смысл жизни людей и самой истории усматривает в борьбе за ограничение зла, заведомо зная, что оно непреодолимо» [2, с. 81].

Литература:

1. Кессиди Ф.Х. Времена и судьбы. Воспоминания. М.: Гуманитарий, 2013. 368 с.
2. Кессиди Ф.Х. Идеи и люди. Историко-философские и социально-политические этюды. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 2006. 166 с.
3. Кессиди Ф.Х. Философия истории Фукидида. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 2008. 272 с.

Платон об искусстве, управляемым разумом

Тихонов А.В.

Южный федеральный университет, институт философии и социально-политических наук, доцент кафедры истории философии. Кандидат философских наук

avtihonov@sfedu.ru

Аннотация: Древняя Греция дает начало многим культурообразующим факторам западной цивилизации: к числу «греческих чудес» можно отнести и философию, и театр. Но можно ли говорить о культурном альянсе философии и театра в древней Греции? Театральные представления в античную эпоху оставались в пределах требований, предъявляемых народом к зрелищным мероприятиям, то есть, близкими к гладиаторским, спортивным, поэтическим, и не поднимались на уровень философских и идеологических проблем.

Ключевые слова: Платон, «Апология Сократа», античное искусство, античный театр, античная философия, философский идеал

Plato on mind-controlled art.

Tikhonov A.V.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Politic Sciences, Department of the History of Philosophy.

Abstract: Ancient Greece gives rise to many cultural factors of Western civilization: among the” Greek miracles “ can be attributed to philosophy and theater. But can we talk about the cultural Alliance of philosophy and theater in ancient Greece? Theatrical performances in the ancient era remained within the requirements of the people to spectacular events, that is, close to gladiatorial, sports, poetic, and did not rise to the level of philosophical and ideological problems.

Keywords: Plato, “Apology of Socrates”, ancient art, ancient theater, ancient philosophy, ideal of philosophy

Платон в «Апологии Сократа» пишет о том, что Сократ во время своей защитительной речи в суде, говорит об Аристофане и его комедии следующие: ведь из-за таких явлений, как такие комедии, да и театр вообще, люди и думают о философии превратно. И в том факте, что Сократ стал осужденным, есть большая заслуга и театра. Платон считает, что существенная степень вины в обвинении и в приговоре Сократу лежит на «Облаках» Аристофана. Действительно, в своей самой известной комедии Аристофан высмеивает философов-софистов, пользуясь их же методом диалога. Он распределяет актеров на две группы – «Правда» и «Кривда», между которыми происходит спор ни о чем. Но более всех достается Сократу за всю греческую натурфилософию с ее стихиями, которые, по мнению Аристофана, философы проповедовали в качестве божеств. Аристофана, по-видимому, беспокоил характер религиозности Сократа, уже не принимавшего прежних богов, причем, беспокоил настолько, что он вывел имя группы «сократовских богов» в название комедии «облака».

Об Аристофане как об одном из обвинителей Сократа, Платон пишет: «Вот эти-то люди, о мужи афиняне, пустившие эту молву, и суть страшные мои обвинители, потому что слушающие их думают, что тот, кто исследует подобные вещи, тот и богов не признает. Кроме того, обвинителей этих много и обвиняют они уже давно, да и говорили они с вами в том возрасте, когда вы больше всего верили на слово, будучи детьми, некоторые же юношами, словом – обвиняли заочно, в отсутствие обвиняемого. Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь и не назовешь, разве вот только сочинителей комедий» (Apol. 18e–d). Ведь действительно, Аристофан в итоге остается на стороне обвинителей Сократа, и в том, что в 399 году Сократа привели в Афинский суд по обвинению в развращении молодежи и призыву к поклонению новым богам, есть и его участие, и вина.

Но может быть отношение Платона к театру не было ограничено лишь чувством несправедливости, вызванным судом над Сократом, а включало в себя еще что-то? Ведь известно же, что сам Платон в молодости сочинял трагедии для театра, которые, правда, после уничтожил. В диалоге «Горгий» он

приводит фрагмент из трагедии Еврипида «Антиопа», в которой представлены два брата: один – практик, а второй – созерцатель, по имени Амфион, похожий своей незаинтересованностью в повседневной хозяйственной деятельности на философа. В этой трагедии Амфион воздвигает город звуками одной лишь флейты. Казалось бы, тем самым Платон подтверждает значимость занятия философией, прибегая для этого за помощью к фрагментам известного афинского трагика. Однако на самом деле эту речь, эту ссылку на Еврипида Платон вкладывает в речь противника главного участника диалога. Главный герой диалога – Сократ, в его речи Платон выражает суть своего учения. А Калликл, обращающийся к Еврипиду, есть оппонент Сократа, и нападая на философа, он ставит под критическое сомнение его необходимость и даже существование. Калликл высказывает таким образом свою симпатию философу, как бы говоря: но может быть, Сократ, ты и не такой уж и бесполезный, как Амфион Еврипида, описан же Еврипидом случай, когда и непрактичный человек на что-то сгодился. То есть Калликл не понимает значимости и пользы занятия философией, да еще и ссылается на трагедию Еврипида, углубляя свое непонимание.

Таким образом, античный театр в учении Платона был представлен в качестве удобного материала, на котором можно показать роль и значение философии. Театральные сюжеты выступают у Платона в качестве наглядных примеров, имеющих такую художественную форму, что обычному человеку, не философу, становится более ясным то, чему учит Платон. Сами же по себе театральные действия как собственный культурный феномен если и присутствуют в платоновском государстве, показанном в диалоге «Законы», то они не имеют самостоятельного собственного значения. В театре нет творческой свободы, нет специфических свойств, присущих только всему «театральному». Театры призваны только для того, чтобы исполнять «мироустроительную функцию», способствовать функционированию идеального государства.

А как же тогда, в свою очередь, Платон, его учение, и вообще – вся его Академия были представлены в античном театре? Мы имеем несколько комических фрагментов, в которых упоминаются Платон, его учение и его ученики. У Алексиса голодный человек говорит о том, что он ест любую пищу и при любых условиях, и сравнивает свое отношение к еде с сутью учения Платона – благом, которое тоже, как и еда, полезно всегда и при любых условиях. Так же есть фрагмент, в котором ученики Платона говорят с ним «бессмыслицу». У Амфиса раб отговаривает своего хозяина от женитьбы на некоей девушке, поскольку пользы и блага от нее будет даже меньше, чем от блага, о котором учит Платон. Для Филиппида платоновское Благо является синонимом человеческого счастья, правда, показанного в комическом свете. Оно заключено в том, чтобы не жениться, и тем самым не рисковать своей удачей. Аристофон написал целую комедию под названием «Платон». Платон и его ученики, как в поэме Эфиппа «Потерпевшие кораблекрушение», так и у Антифана, упрекались в высокомерии.

Диоген Лаэртский пишет о Платоне, «что в юности он был так стыдлив и вел себя так сдержанно, что никто не видел, чтобы он смеялся в голос» (Diog. Laert. 3, 26). И далее у Диогена идет перечисление насмешек над этой чертой Платона, встречающихся в комедиях. Тут же есть и отрывок из «Дексидемиды» Амфиса (Amphis, fr. 13): «Ах, Платон, Платон, Ведь только ты и знаешь, что угрюмиться, И брови гнуть, улитки наподобие» (Diog. Laert. 3, 28). Так что можно смело утверждать, что в античной комедии Платона не жаловали, или даже высмеивали.

Несмотря на все это, в философии Платона искусства играют огромную роль. Достаточно вспомнить роль занятия музыкой в диалоге «Государство», или роль архитектуры в диалоге «Критий». Философское мировоззрение Платона находится над обычными эстетическими чувствами, возникающими при соприкосновении с объектами искусства. Его оценка искусств, их значения – особенная, не имеющая основания в искусстве, взятом самом по себе, без философской рефлексии.

Мы знаем, что в учении Платона скульптура приобретает «эстетико-символическое значение» [1, с. 243], которое заключается в том, что она представляет собой мини копию Вселенной, являясь одновременно «моделью» человека. Такой вывод основан на описании храма Посейдона в Атлантиде, которое мы находим в «Критии». Совершенно ясно, что определенная структура самой Атлантиды и храма Посейдона, выражает их подобие как элементов сотворенного сущего самой Вселенной. Описание статуй, описание храма Посейдона и описание самого острова Атлантиды принадлежат единому смысловому полю. Все это есть наличествующие в сотворенном сущем части высшего бытия, и инициированы они высшим бытием; поэтому эти части не случайны, их вид и само их присутствие не случайно. Видимый космос уподобляется своему началу, космосу умозрительному; и данные части видимого космоса являются наилучшими примерами такого уподобления, об этом говорят нам приводимые Платоном описания жизни и функционирования «идеального государства», или Атлантиды, или древнего афинского государства. Сама архитектура подтверждает бытийный порядок на уровне сотворенного сущего.

Эти части бытия, к которым относится и скульптура, являются, на мой взгляд, проявлением или физической внешностью принципиальной онтологической позиции Платона, которая выражается в словах: «в продолжении многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от бога природа, правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом» (Criti, 120e). Справедливо сказать, что «мышление философа Платона, конечно, отличается от эпического мировидения и, уже поэтому, он может посмотреть на него «со стороны», отделить от себя» [2, с. 75].

Гораздо позднее Плутарх продолжает платоновскую философскую линию оценки театра. В своей беседе «Как юноше слушать поэтические произведения» он называет поэзию, в том числе и ту, как я полагаю, которая может быть показана в театре, подражательным искусством. Плутарх учит тому, что зрителю или слушателю следует восхищаться не дурными, злыми, порочными образами, показанными в театре, а самим фактом их точной передачи зрителю. Не сам представленный образ должен волновать зрителя, а именно то мастерство, которое позволяет этот образ создать и передать. По Плутарху, нельзя в театре видеть утверждение хоть какой-нибудь позитивной черты в представляемом там порочном, злом человеке. Зрительская активность в театре, и читательская – в поэзии, должны быть заключены в том, чтобы выбирать для подражания только моральное. Театр и поэзия должны учить нравственному, и в этой позиции Плутарх, продолжая Платона, предвосхищает «Критику способности суждения» И. Канта.

Отношение античных философов к феномену театра, какой он есть в целом, со своими правилами, было всегда настороженным; такая настороженность не позволяла считать театр полностью независимым культурным образованием, способным существовать самостоятельно, и поэтому предложение Плутарха обрабатывать театральный материал разумными средствами, ориентированными на добродетель, вполне объяснимо.

Литература:

1. Кисиль В.Я. Эстетико-символическое значение скульптуры в учении Платона // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16-20 сентября 2002 г.) в 4 т. Т. 2. / ред. Г.В. Драч. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. С. 242-243.
2. Тульпе И.А. Был ли древний грек художником или Жизнь мифа в античности // Метафизические исследования. Выпуск 5. Культура. / ред. Б.Г. Соколов. СПб.: Алетейя, 1998. С. 60-85.

Значение личности Алкивиада в диалоге Платона «Алкивиад II».

Хмелевской Д.О.

Южный федеральный университет. Бакалавр

danielhmex@icloud.com

Аннотация: Доклад посвящен анализу диалога «Алкивиад II» и определению значения личности Алкивиада в данном диалоге. Предоставляется краткая характеристика диалогического и догматического подхода к философии Платона и определяются их недостатки. Отрицание философской позиции Платона или игнорирование значения участников диалогов –недостатки подходов. Предоставляется характеристика личности Алкивиада с помощью «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Личность Алкивиада является неординарной и многозначной. Политик нарушал сократовскую «умеренность» и превосходил калокагатию. Проводиться соотношение данной характеристики личности Алкивиада с содержанием данного диалога Платона. Значение участия Алкивиада в диалоге с Сократом – сопоставление дионисийского и аполлонического отношения к жизни. Платон использует личность Алкивиада для акцентуации необходимости разумного и умеренного подхода человека к жизни.

Ключевые слова: Платон, Алкивиад, Плутарх, диалогический подход, догматический подход.

The significance of the personality of Alcibiades in Plato's dialogue «Alcibiades II».

Khmelevskoy D.O.

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract: The report is devoted to the analysis of dialogue «Alcibiades II» and definition of Alcibiades personality in this dialogue. It provided a brief description of the dialogical and dogmatic approach to Plato's philosophy and identifies their disadvantages. Denying Plato's philosophical position or ignoring the meaning of the participants in the dialogues are the disadvantages of the approaches. A characterization of Alcibiades' personality is provided by means of Plutarch's « Parallel Lives ». The personality of Alcibiades' is extraordinary and multi-dimensional. The politician violated Socratic's «moderation» and surpassed kalokagathos. The correlation of the given characteristic of Alcibiades' personality with the content of Plato's dialogue is carried out. The significance of Alcibiades's participation in the dialogue with Socrates is the comparison of Dionysian and Apollonian attitudes to life. Plato uses Alcibiades' personality to emphasize the necessity of a reasonable and moderate approach to life.

Keywords: Plato, Alcibiades, Plutarch, dialogical approach, dogmatic approach.

Философское наследие Платона богато философскими концептами, от сократовской трактовки выражения «познай самого себя» (γνωθι σεαυτόν) до метафизических прообразов вещей (είδος). Анализ данных концептов принадлежит догматическому подходу к творчеству Платона. Подобный подход сконцентрирован на вычитывании в диалогах Платона философской системы и делении его творчество на этапы. Однако существует другой подход прочтения произведений философа – диалогический. «Его сторонники, основываясь на диалогическом характере платоновских текстов и призывая к комплексному учету всех аспектов платоновского диалога как прежде всего литературного текста, зачастую отрицают саму возможность идентификации философской позиции Платона.» [1, с. 75] утверждает А. Серегин. На наш взгляд отрицание философской позиции Платона – ошибка. Применение обоих подходов к творчеству философа наполнит интерпретацию диалогов новыми смыслами. Важно учитывать, как саму речь в диалоге, так и личность, озвучивающую её. Одна из последних современных работ по платоноведению Д. Нейлз «Люди Платона. Просопография Платона и других сократиков» посвящена истории личностей диалогов Платона. Стоить отметить работу R. Blondell. «The Play of Character in Plato's Dialogues». «Блонделл же в своей книге … подробно рассматривает способ использования Платоном персонажей при построении своих диалогов, исходя из значения персонажа, как оно выводится из самих диалогов» [2 с. 57] замечает Д. Пресс. В качестве примера представим одну из неоднозначных личностей в истории классического периода древней Греции – Алкивиада. Имя Алкивиада упоминает множество источников: историки Фукидид, Ксенофонт, Плутарх, ораторы Исократ и Демосфен. Сам Платон делает эту личность собеседником Сократа, два диалога названы именем Алкивиада. Известно, что у Сократа были другие ученики-слушатели включая Ксенофонта и Крития. Зачем Платону было уделять такое внимание личности Алкивиада? В научно-исследовательской литературе уже обращались к анализу этой личности, например, книга И.Е. Сурикова «Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц», но в форме историко-политическом исследования, также было уделено внимание Алкивиаду в выше упомянутой книге Д. Нейлз. Обратимся к историческим сведениям о личности Алкивиада и к диалогу «Алкивиад II».

Алкивиад (451 - 404 г. до н. э.) жил в классический период древней Греции IV-V век до н. э. когда Афины переживали кризис нравов. Кризис был выражен в противостоянии софистики и философии. Возможно элитарные высказывания Сократа привлекали Алкивиада. Будущий политик родился в знатном аристократическом роду алкмеонидов, «он по обеим линиям происходил из семей бывших в Афинах одними из первых и самых могущественных, благодаря как богатству, так и влиянию» [3 с. 56] пишет Д. Нейлз. Могущество семьи помогло юноше получить превосходное образование, которое способствовало в убеждении народного собрание Афин в своих целях. В раннем возрасте смог отбить желание у своих сверстников играть на флейте (Plut. Alc. 2). Юноша был красив и обладал навыком очаровывания людей (Plut. Alc.4). Демонстрировал честолюбие и тщеславие. Вел богемный образ жизни с множеством пиров, однако, это не мешало ему преуспевать в в спорте. В 416 г. до н. э. на Олимпийских играх Алкивиад занял сразу первое, второе, третье место в скачках. Он мог сочетать в себе щедрость и жестокость, по сведеньям Плутарха, не знал себе равных в количестве пожертвований Афинам (Plut. Alc.16). Его жестокость проявилась в подстрекании резни на острове Мелос (Plut. Alc.16). Политическая популярность Алкивиада в Афинах была велика, он был храбр и склонен к риску. Не смотря на это Афиняне в 415 г. до н. э. выдвинули ему обвинение в нечестивости (ἀσέβεια). Вскоре они были вынуждены прибегнуть к помощи таланта Алкивиада в стратегическом деле в 411 г. до н. э и 407 г. до н. э. По словам И.Е. Сурикова после провозглашение богом спартанского наварха Лисандра греки могли наградить похожими почестями Алкивиада [4 с. 189]. Можно утверждать, что Алкивиад нарушал сократовскую «умеренность» (σωφροσύνη) и образ καλὸς καὶ ἀγαθός. «Его огромное властолюбие закономерно влекло за собой подчеркнутую беспринципность, уверенность в том, для достижения целей подходят любые средства. Подобно «титанам Возрождения» или ницщеанскому «сверхчеловеку», Алкивиад, похоже искренне считал себя стоящим «по ту сторону добра и зла» [4 с. 183] продолжая мысль И.Е. Сурикова, хочется добавить, что в личности Алкивиада присутствует дионисийское начало.

Сделаем попытку сопоставления содержания диалога «Алкивиад II» с личностью Алкивиада. Обращение к данному диалогу обусловлено предложенной Д. Нейлз датировкой времени действия диалога. Алкивиад должен предстать перед нами более зрелым (429 г. до н.э.), чем в диалоге «Алкивиад I» (432 г. до н.э.). Обращаясь к тематическому делению диалогов Л. Бриссоном на догматические и исследовательские, то мы заметим, что диалог «Алкивиад II» отнесен к второй тематике. Диалог содержит практическую философию. Основная тема диалога – необходимости вознесения молитв богам. Поднимается вопрос о знании наилучшего (βελτίστου) для себя и как это понимают разумные (φρονεῖν) и безумные (μαίνομαι) люди (Plat. Alc. 2 138c). Затем Сократ затрагивает политическую тему, вопрошая Алкивиада, смог ли он ценной своей жизни обрести тираническую власть над Европой, упоминая при этом тирана Архелая (Plat. Alc. 2 141c -141e). Политик отвечает, что желать этого не станет. В конце диалога речь Сократа становится более морализаторской. Сократ указывает на качество личности Алкивиада как «заносчивость» (μεγαλοψυχίαν) и призывает его проявить «сдержанность» (ἡσυχίαν). «Поэтому надо выждать, пока тебя не научат, как следует относиться к богам и к людям» (Plat. Alc. 150c) [5] заключает Сократ. К этим характеристикам прибавляется наличие «пелены мрака» (ἀχλύν) на душе Алкивиада, которая препятствует познанию добра и зла, следовательно, наилучшего себе (Plat. Alc. 150e). В диалоге аполлоническоее «воспитывает» дионисийское.

Можно заключить, что исторические сведения о личности Алкивиада совпадают с его характеристиками данные в диалоге. Платон вводит в диалог с Сократом Алкивиада для того чтобы обогатить диалог, усилить аргументы Сократа, подчеркнуть необходимость разумного в человеке.

Литература:

1 Серегин А. Современные подходы к интерпретации Платона: догматизм, антидогматизм и диалогизм // Платоновский сборник. Т.I. / Ред. И.А.Протопопова, О.В.Алиева, А.В.Гараджа, А.А.Глухов, А.В.Михайловский, Р.В.Светлов. М.–СПб.: РГГУ–РХГА, 2013. С. 75-92

2. Дж.Пресс. Постановка вопроса в платоноведении 15 лет спустя // Платоновский сборник. Т.I. / Ред. И.А.Протопопова, О.В.Алиева, А.В.Гараджа, А.А.Глухов, А.В.Михайловский, Р.В.Светлов. М.–СПб.: РГГУ–РХГА, 2013. С. 48-57
3. Нейлз Д. Люди Платона. Просопография Платона и других сократиков. Перевод с англ. А.В. Белоусова, А.М. Квитки, А.О. Корчагина, Е.А. Завалишиной, А.И. Золотухиной под общей редакцией А.И. Золотухиной. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2019. 464 с.
4. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 328 с.
5 Платон Собрание сочинений в четырех томах. Общ. ред. Л. Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи: прим. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990-1994.

РФК-2020_306_Круглый стол «Деятельностная парадигма в социальной философии (памяти В.П. Фофанова)»

Этническая культура как способ существования социальной действительности

Долженкова О.В.

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, аспирант

corpusdva@yandex.ru

Аннотация: Согласно деятельностной парадигме в социальной философии, культура представляет собой определенный способ деятельности. В свою очередь, деятельность рассматривается как способ существования социальной действительности. С учётом данного подхода в докладе этническая культура интерпретируется как определённый способ существования социальной действительности. Его специфика анализируется на примере целеполагания, играющего ключевую роль в структуре деятельности. Основу сферы целеполагания составляет диспозиция потребностей и ценностей субъекта деятельности. Она складывается под влиянием основных видов деятельности субъекта. К их числу относится хозяйственная деятельность, участие в которой значимо для формирования целеполагания субъекта деятельности. Поскольку этническая культура генетически связана с традиционным обществом, формирование соответствующей ей диспозиции потребностей обусловлено спецификой традиционных хозяйственных процессов. В докладе выявляется содержательная близость способа ориентации традиционной хозяйственной деятельности и родовых потребностей человека. Соответственно, этническая культура рассматривается как такой способ существования социальной действительности, который обеспечивает сохранение ряда видоспецифических потребностей человека и родовых для него видов деятельности.

Ключевые слова: этническая культура, социальная действительность, деятельность, целеполагание, потребности, традиционное общество

Ethnic culture as a way of being of the social reality.

Dolzhenkova O.V.

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Abstract: According to the activity paradigm in social philosophy, the culture is a certain way of activity. The activity is in its turn represented as a way of being of the social reality. Following this, the ethnic culture has been considered as a kind of being of the social reality. The specific nature of such a kind of being of the social reality has been analyzed on the base of the results framework that plays a key role in the activity's structure. The base of the results framework consists in the disposition of needs and values of the activity's subject. Main types of activity of the individual, in particular, the economic activity influences on the formation of such a disposition. As the ethnic culture comes from the traditional society, the origin of the disposition that is connected with the ethnic culture linked with the traditional economic activity. The report has shown the content's similarity of the way of orientation of the traditional economic activity and of the ancestral needs of the human being. Consequently, the ethnic culture has been considered as such a kind of being of the social reality that provides the conservation of some ancestral needs and ancestral types of the human being's activity.

Key words: ethnic culture, social reality, activity, results framework, needs, traditional society

Культура в целом и, в частности, этническая культура представляет собой одну из сторон общественного бытия [1, с. 100]. Функционирование этнической культуры в данном контексте может быть рассмотрено через обращение к деятельностной парадигме, которая предполагает понимание культуры как внебиологически выработанного способа человеческой деятельности [2, с. 18-19], [3, с. 5]. С данной точки зрения, этническая культура представляет собой один из способов человеческой деятельности, обладающий определенным своеобразием.

В свою очередь, как отмечает В.П. Фофанов, человеческая деятельность представляет собой спо-

соб существования социальной действительности [4, с. 107]. Таким образом, деятельностная парадигма позволяет объединить этническую культуру и социальную действительность, определив этническую культуру как один из способов существования социальной действительности.

Подобное определение этнической культуры позволяет выявить ряд её особенностей. Культура в своем этническом выражении имеет два существенных измерения: пространственное (локальное) и временное (хронологическое). В контексте последнего она может рассматриваться как такой тип культуры, который по своему происхождению связан с определенным историческим периодом – периодом традиционного общества. Соответственно, в рамках деятельностной парадигмы можно говорить о том, что в отношении этнической культуры речь идёт о таком способе существования социальной действительности, который в определённой мере отражает специфику деятельности человека традиционного общества.

Соответственно, исходя из хронологического измерения этнической культуры, специфика способа существования социальной действительности, который представляет собой этническая культура, может быть выведена из обращения, во-первых, к структуре деятельности как таковой, а во-вторых, через рассмотрение своеобразия модели деятельности представителя традиционного общества.

В структуре деятельности принято выделять такие компоненты, как цели, средства, процесс и результат деятельности. Причём цели рассматриваются как основополагающий компонент [5, с. 268]. В данном контексте именно на примере целеполагания мы постараемся выявить некоторые особенности характерной для традиционного общества модели деятельности.

В основе целеполагания всегда лежат потребности, реализация которых регулируется как совокупностью других потребностей индивида, так и свойственной индивиду диспозицией ценностей. Подобная диспозиция складывается в процессе жизнедеятельности индивида под влиянием основных видов деятельности, в которые он включен. Базисной является хозяйственная деятельность. Поэтому участие в хозяйственной деятельности оказывается значимым для формирования сферы целеполагания индивида.

Для традиционной хозяйственной деятельности можно выделить несколько особенностей и связанных с ними черт сферы целеполагания, характерной для представителя традиционного общества. Прежде всего нужно отметить такую черту традиционной хозяйственной деятельности, как приоритетная реализация потребностей общности, и уже через призму общности – потребностей индивида. Соответственно, ориентация субъекта деятельности в этом обществе построена, в основном, на потребностях и ценностях коллектива.

Другая особенность хозяйственной деятельности традиционного общества – это специфика участия индивида в производственных процессах, согласно которой субъект деятельности включен полностью во всю производственную цепочку. В рамках традиционного хозяйства этапы производственного процесса не были обособлены друг от друга, поскольку обычно выполнялись одними и теми же людьми и по отдельности не могли обеспечить потребности общности и индивида. Поэтому в системе ориентации деятельности цели отдельных ее этапов (инструментальные цели) всегда оставались в подчиненном положении по отношению к основополагающему мотиву деятельности. Инструментальные цели представляют собой короткую мотивацию, предполагающую ориентацию на ближайшее будущее, а основной мотив – ориентацию дальнюю, связанную с пролонгированной временной перспективой [6, с. 313–314].

Таким образом, в диспозиции потребностей и ценностей субъекта деятельности традиционного общества коллективные ценности преобладали над индивидуальными, а долгосрочный способ ориентации деятельности – над краткосрочным. В соответствии с деятельностной парадигмой, рассмотренные особенности диспозиции потребностей и ценностей субъекта деятельности традиционного общества отражены в этнической культуре.

Понятие «социальная действительность» подразумевает субстанциональную специфику социального, понимаемую как системообразующие основания человеческого образа жизни. В перечень подобных оснований может быть включено абстрактно-символическое мышление, активная орудийная адаптация к среде и определенный тип коллективности [7, с. 114]. Этот перечень можно расширить за счёт того, что орудийная адаптация к среде реализуется в форме трудовой деятельности. Согласно Д.Н. Узнадзе, трудовая деятельность рассматривается как деятельность волевая, противопоставляемая импульсивной деятельности [8, с. 269-270, 272-273].

Различие импульсивной и волевой деятельности заключается в том, что в ходе волевой деятельности происходит выход субъекта за пределы текущего момента, иными словами, расширение временных рамок его ориентации. И на этом основании продуктом деятельности становится предмет, имеющий объективную ценность, применимую не только к данному субъекту деятельности, но и к другим субъектам в различные временные моменты существования [8, там же]. Таким образом, воля рассматривается как специфический для человека способ (механизм) организации его системы ориентации

Как отмечает К.Х. Момджян, специфические, родовые, особенности человеческой деятельности порождают систему видоспецифических, родовых социальных потребностей человека [9, с. 4]. Соответственно, среди этих потребностей можно выделить потребность в абстрактно-символическом мышлении, активной орудийной адаптации к среде, волевой организации деятельности, а также потребность в коллективистском способе организации жизнедеятельности.

Таким образом, необходимо отметить существенную содержательную близость между родовыми потребностями человека, составляющими субстанциональную специфику социальной действительности, и отраженными в этнической культуре свойствами системы целеполагания субъекта деятельности традиционного общества: приоритет коллективных ценностей и долгосрочного способа ориентации деятельности. Поэтому можно говорить о том, что этническая культура представляет собой такой способ существования социальной действительности, который обеспечивает воспроизводство ряда основополагающих для функционирования социума способов организации целеполагания субъекта деятельности и, в свою очередь, видоспецифических для человека способов деятельности.

Литература:

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
2. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Под ред. С.А. Арутюнова, Э.С. Маркаряна. Ереван: Издательство АН АрмССР, 1983. 319 с.
3. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
4. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 304 с.
5. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
7. Момджян К.Х. Как возможна типология обществ? // Концептуализации общества в социально-философской и философско-исторической рефлексии: монография / Под общ. ред. К.Х. Момджяна, А.Ю. Антоновского. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 114-120.
8. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
9. Момджян К.Х. Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 3–13.

Социальная онтология В.П. Фофанова с позиций постсовременности: к постановке проблемы

Зиневич О.В.

Новосибирский государственный технический университет, заведующий кафедрой.Доктор философских наук

ozinevich@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматривается концепция системы социальной деятельности В.П. Фофанова как интеллектуальный продукт прошлого, который имеет перспективы применения в теории и практике настоящего. Философом была создана социальная онтология устойчивых (стабильных) социальных систем, развитие которых носит циклический характер. Марксистская концепция развития общества и диалектический метод определили концептуальные рамки, которые ограничили возможность моделирования взаимодействия системы и среды, а также поведения открытых, неустойчивых систем. К числу достижений можно отнести интерпретацию субъекта как инстанции взаимодействующих различающихся субъектов, и сознания как объективного феномена субъект-субъектного взаимодействия. Созданная философом онтология общества как целостной совокупности стабильных самовоспроизводящихся систем применима для разработки и реализации стратегий устойчивого развития.

Ключевые слова: В.П.Фофанов, социальная онтология, система социальной деятельности, система и среда, устойчивое развитие

Social ontology of V. Fofanov from the postmodernity standpoint: to the problem definition.

Zinevich O.V.

Novosibirsk State Technical University, Head of the Department

Abstract: The report considers the concept of V. Fofanov social activity system as an intellectual product of the past, which has limitations and achievements for its application in the theory and practice of the present. The philosopher created a social ontology of stable social systems, the development of which is cyclical. Marxist society development concept and the dialectical method have defined a conceptual framework that has limited the possibility of modeling the interaction of the system and the environment, as well as the behaviour of open unstable systems. Among the achievements is the interpretation of a subject as an interacting differentiated subjects instance and consciousness as an objective phenomenon of subject-subject interaction. The ontology of society created by the philosopher as an integral set of stable self-reproducing systems is applicable for the development and implementation of sustainable development strategies.

Keywords: V. Fofanov, social ontology, social activity system, system and environment, sustainable development

Цель доклада – рассмотреть ключевые аспекты социальной онтологии В.П. Фофанова, основанной на концепте «система социальной деятельности», с позиций постсовременности. В фокусе внимания вопрос об актуальности концепции, созданной философом в последней четверти прошлого века и эвристическом потенциале её использования для разработки стратегий социального развития в условиях глобальных трансформаций и кризисного, неустойчивого состояния мировой цивилизации.

Прежде чем приступить к обсуждению деятельностной концепции В.П. Фофанова, необходимо зафиксировать методологический ракурс представленного здесь текста. Обращение к наследию философа осуществляется не для того, чтобы услышать истинный голос самого автора, воспроизвести подлинный смысл созданных им концептов. Необходимо включить авторские концепты в современный теоретико-методологический и социокультурный контекст. В этом случае вопрос об истинном смысле переносится в область прагматики: истинна та теория, которая полезна сегодня для изучения социальной реальности [1]. Философия в этом случае трактуется как культурный феномен и рассматривается в ракурсе «постсовременности». «Постсовременность отличается от современности тем, что видит в прошлом не просто предпосылку, а свою неотъемлемую составную часть; это слияние того, что есть, и того, что было» [2].

Общество представлено в трудах В.П. Фофанова как система (целостностность), состоящая из совокупности систем (подсистем) социальной деятельности. В основу концепта «система социальной деятельности» положена марксистская идея развития общества как естественно-исторического процесса через исторически сложившиеся формы практики. Используемый философом диалектический метод «восхождения от абстрактного к конкретному» опирался на трактовку гегелевской диалектики в работах классиков марксизма. Вместе с тем, идеи философа шли в ногу с поисками новых концептуальных средств описания социальной реальности: системным движением и развитием деятельностного подхода. Творческие поиски привели В.П. Фофанова к пониманию социальной деятельности как субстанции социальной формы движения материи, системы субъект-субъектных взаимодействий в её (деятельности) живой и опредмеченной формах. Данная идея, на наш взгляд, может быть переосмыслена в новых теоретических и практических контекстах.

Напомним содержание концепции «система социальной деятельности» с тем, чтобы заострить внимание на использовании её эвристического потенциала. В работе «Социальная деятельность и теоретическое отражение» [3] система социальной деятельности рассматривается как непрерывный цикл воспроизводства живой деятельности в исходных условиях опредмеченных форм деятельности. Опредмеченная деятельность есть и условие, и конечный результат каждого цикла взаимодействия «живых» субъектов. Субъекты-носители данной системы деятельности имеют объективно обусловленный интерес, осознаваемый как цель деятельности, на основе которой отображается (познается) реальность и формируется как программа деятельности, так и средства её реализации. Поскольку цели принадлежат разным субъектам, а в системе социальной деятельности субъекты взаимообусловлены, продуктом их деятельности следует считать объективно сложившуюся «результирующую» достигнутых целей. В другой работе взаимообусловленность субъектов социальной деятельности описана как объективное рефлексивное взаимодействие. «В системе социальной деятельности совокупный субъект конституируется, по крайней мере, двумя действующими и познающими инстанциями, неразрывно связанными между собой <…> Всякий субъект соотносителен со своим контрсубъектом. Противоречивое единство субъекта и контрсубъекта выражается <…> в том, что каждая из сторон раздвоена, выступает и как субъект, и как объект» [4]. Такое понимание взаимодействия субъектов позволяет представить сознание как объективный и системно обусловленный феномен.

Концепция социальной деятельности, положенная философом в основу анализа общества, позволила рассматривать сознание субъекта как идеальное, которое объективно существует в социальной форме движения материи. Позиция В.П. Фофанова относительно объективности сознания (идеального) перекликалось с позицией Э.В. Ильенкова [5]. Так, В.П. Фофановым потребности, интересы, цели и ценности субъектов экономической деятельности и экономических отношений были представлены как объективные элементы материальной деятельности людей [6]. Концепт сознания по-прежнему вписывался в рамки марксисткой теории отражения, но, вместе с тем, сознание рассматривалось как элемент социальной структуры, выполняющий важнейшую функцию целеполагания, что обеспечивало целостность системы и содержало в себе импульс для её воспроизводства и развития. Сознание субъекта рассматривалась как о*бъективная* функция отображения и регулирования действий в повторяющихся циклах социальной деятельности и сознательного отражения.

Рассмотрим концепцию общества как «системы социальной деятельности» в контексте теоретико-методологических поисков 80-х и заострим внимание на мировоззренческо-методологических рамках, в которых она создавалась.

В попытке использовать теорию систем для описания социальной реальности через системный анализ социальной деятельности В.П. Фофанов был далеко не одинок – достаточно назвать имена таких философов, как В.Н. Сагатовский [5], Г.П. Щедровицкий [6], предложивших собственное видение систем деятельности. Предложенная В.П. Фофановым концепция хорошо описывала стабильное состояние общества, но не фокусировалась на стадиальных переходах от одного состояния системы к другому, поскольку в марксистской философии онтологическая схема исторического процесса уже существовала как теория способов производства и общественно-экономических формаций и добавить что-либо принципиально новое к устоявшемуся видению развития конкретно-исторических систем было достаточно сложно. Концепт «система социальной деятельности» явно коррелирует со струк-

турно-функциональным подходом к исследованию социума, который хорошо описывает «статику», но недостаточен для описания динамики систем. В связи с этим остается открытым вопрос о взаимозависимости социальной системы и внешней среды как механизме стадиальных переходов. Внешняя по отношению к обществу среда практически изъята из теоретического конструктора. Философ пишет о том, что «сопротивление среды модифицирует деятельность субъекта», а функция среды – принимать или отвергать результаты деятельности, что корректирует её цель и программу и, в конечном счете, ведет к воспроизводству всего деятельностного цикла. Влияние среды приводит к «повторному циклу деятельности (взаимодействия с контрсубъектом), а стало быть и к повторному циклу отражения» [3, с.49]. Социальная система, согласно Фофанову, замкнута сама на себя, и сама себя изменяет. «Система социальной деятельности есть именно цикл, замкнутое образование, которое содержит своё основание в себе. Её развитие поэтому также имеет циклический характер и представляет собой последовательные переходы живой деятельности в опредмеченную и обратно» (3, с. 54).

В этой онтологической схеме нет места неупорядоченным, неструктурированным процессам, неорганизованной среде, среде как набору различающихся и случайно связанных друг с другом импульсов, влияющих на состояние системы и подсистем. Сами же подсистемы социальной деятельности и система общества в целом замкнуты сама на себя в процессе постоянных переходов из опредмеченной деятельности в живую и обратно. Изменение целей и рождение нового постулируется, но не обосновывается. Новая цель не может появиться в сознании субъекта вне своего объективного основания, но объективное основание – опредмеченное в деятельности знание – само нуждается в обновлении через живую деятельность. Процесс рождения новой цели в живой деятельности из опредмеченной остается «за скобками» предлагаемой онтологической схемы.

Следует принять во внимание тот факт, что время, в которое создавалась теория В.П. Фофанова, является в западной философии временем расцвета поструктурализма, где неструктурированность социальной реальности, её «ризоматичность» и неустойчивость, равно как и фрагментированность субъекта, возводились в ранг новой социальной онтологии. Социальная онтология советских философов создавалась практически вне этого контекста, и, возможно, даже вопреки ему. Примерно в то же время на Западе в качестве общенаучного подхода получает развитие синергетика, описывающая системы как неравновесные и неустойчивые образования, взаимодействующие со средой и подверженные влиянию случайных факторов в точках бифуркации. Насколько нам известно, синергетика не оказала существенного влияния на создание отечественной системной онтологии социальной деятельности.

Означает ли сказанное, что достижения отечественного варианта структурно-функционального подхода, с помощью которого была сконструирована онтология общества как целостной совокупности стабильных самовоспроизводящихся систем, миминизирующих разрушительное влияние внешней среды (а именно так можно охарактеризовать социальную онтологию, предложенную В.П. Фофановым), можно сдать в архив?

Поставим вопрос по-другому, существует ли область применимости концептов теории В.П. Фофанова, если рассматривать эти концепты как средство изучения современной глобальной цивилизации – нестабильной системы, переживающий целый ряд кризисных состояний?

В.П. Фофанов активно участвовал в разработке концепции устойчивого развития, используя свою теорию как методологический инструмент анализа глобальных кризисных состояний и стратегий перехода от неустойчивого, нестабильного состояния к развитию на основе стабильности [7]. Философ, используя собственное концептуальное видение социальной реальности, считал необходимым применить принципы устойчивого развития к разработке стратегии экономических и социальных преобразований страны в целом и, в частности, её отдельных регионов, с целью «обустроить» Россию, без революционных потрясений, как разумно организованное общество, осознающее свою глобальную ответственность перед будущими поколениями.

Литература:

1. Rorty R. Method, Social Science, Social Hope // Consequence of Pragmatism (Essays: 1972-1980). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. P. 191-210.
2. Гулыга А.В. Что такое постсовременность? // Вопросы философии. 1988. №12. С. 153 –159.
3. Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1986. 189 с.
4. Зиневич О.В., Фофанов В.П. Рефлексия в системах социальной деятельности // Системные исследования в современной науке / Под ред. А. Н. Кочергина и др. Новосибирск: Изд-во Новосиб. Гос. Ун-та, 1982.
5. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128-140.
6. Фофанов В.П. Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1979. 270 с.
7. Сагатовский В.Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1980 / Под ред. Д. М. Гвишиани и др. М.: «Наука», 1981. С.52-68.
8. Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1981 / Под ред. Д. М. Гвишиани и др. М.: «Наука», 1982. С.193-227.
9. Фофанов В.П. Возможность и необходимость применения принципов устойчивого развития в современной России. М.: Высшая школа, 2004. 112 с.

Психотерапевтическая группа в оптике деятельностной парадигмы.

Зотов А.М.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, магистрант

am-zotov@mail.ru

Аннотация: Психотерапевтическая помощь в медицинской модели реализуется, главным образом, в рамках представлений о норме и патологии, болезни и здоровье, редко выбираясь за пределы этих полярностей. Психотерапевтическая группа, как одна из форм оказания помощи лицам с душевными расстройствами и заболеваниями, организуется как лечебная среда. Эта среда становится насыщенной тем «материалом», который приносят с собой участники группы. Группа живёт и движется значимыми для участников отношениями и смыслами, потребностями. В данной работе намечаются векторы возможного рассмотрения группы в более широком фокусе – социальных отношений и деятельности, «производящей здоровье» (ведущей к оздоровлению), в фокусе субъект-субъектных отношений. Даётся указание на важность сохранения полифонического процесса в группе, его несводимость к одному высказыванию, общему для всех нарративу. Одновременно обозначается создаваемый общими усилиями контекст, который является значимым и целительным для каждого из участников по-своему. Группа становится моделью общественных процессов с «зеркалами», где можно «увидеть» себя и подлинным взаимодействием, где удаётся встретить другого.

Ключевые слова: деятельностная парадигма, субъект-субъектные отношения, психотерапевтическая группа, полифония, множество, нарратив

Psychotherapeutic group in the optics of the activity paradigm.

Zotov A.M.

Samara National Research University, Master's Degree Student

Abstract: Psychotherapeutic care in the medical model is implemented mainly in the understanding of norm and pathology, disease and health, rarely getting out of these polarities. The psychotherapeutic group, as a form of assistance to people with mental disorders and diseases, is organized as a therapeutic environment. This environment becomes saturated with the "material" that the group members bring. The group lives and moves by relationships and meanings, needs that are relevant to the participants. In this work vectors for possible consideration of the group are outlined in a broader focus of social relations and activities that "produce health" (leading to recovery), in the focus of the subject - subjective relations. There is an indication of the importance of preserving the polyphonic process in the group, its incompatibility with a single statement common to all narratives. At the same time, a collaborative context that is meaningful and healing for each of the participants in its own way is denoted. The group becomes a model of social processes with "mirrors", where it is possible to "see" oneself and genuine interaction, where one manages to meet another.

Keywords: activity paradigm, subject-to-subject relations, psychotherapeutic group, polyphony, set, narrative

Практическая деятельность врача-психотерапевта требует периодического осмысления результатов не только в рамках медицинского подхода, ориентированного на болезнь и здоровье, но и внесистемного (для данного вида деятельности) понимания, при котором эта практика может быть проанализирована в оптике социальной философии, например, деятельностного подхода В.П. Фофанова [1].

Одной из форм работы психотерапевта является групповая психотерапия. Группа представляет собой общность людей, пациентов, собравшихся вместе для решения терапевтических задач. Каждый участник приходит в группу из своего жизненного пространства, из значимых для него отношений, наполненных уникальными для него самого смыслами. Это пространство формируется семьёй, микроокружением, национальными, религиозными и прочими контекстами. Психотерапевтическая группа является системой, которая «самодвижется в субъект-субъектном взаимодействии» [2]. Пространство и время такого взаимодействия являются системообразующими, определяющими движение и жизнь самой системы. В деятельностной парадигме субъекты соотносятся как группы людей, классы, в контексте же психотерапевтической группы речь идёт о взаимодействующих индивидах. При этом вполне резонно предположить, что за каждым из индивидов находится множество значимых Других, повлиявших и влияющих на его формирование и жизнь. Группа рассматривается как специфическое взаимодействие сингулярных множеств.

Психотерапевтическая группа не является монолитной общностью. Участники группы разного пола, возраста (старше 18 лет), имеют различные нозологии и являются носителям различных идей и взглядов на появление и протекание своих болезней и в целом происходящих в мире процессов. Психотерапевтическая группа психоневрологического диспансера характеризуется довольно серьезными особенностями (отличиями от других групп). Главные особенности – открытость группы и её постоянство. Под открытостью группы здесь понимается процесс её пополнения новыми участниками и ухода вылечившихся или ушедших по иным причинам (переезд, работа, принятие решения о других формах лечения). Группа оказывается проницаемой в обе стороны – на вход и на выход. Постоянство предполагает, что группа «идет» регулярно, два раза в неделю, у данного процесса нет начала и нет завершения (в случае увольнения, старости или смерти ведущего психотерапевта, часть участников переходят в другую группу, или на место выбывшего психотерапевта приходит новый). В этом смысле группа «бессмертна» и является явно большим образованием, чем воплощение одной из психотерапевтических форм лечебного процесса. Контакты участников за пределами группы, в том числе в интернет-сетевом пространстве, поддерживают жизнь группы вне медицинской модели. Можно говорить о психотерапевтической группе как о субъективности множества, где индивидуальные «вложения» участников переплетены, смешаны с доиндивидуальными, анонимно универсальными [3].

Группа специально организована как сообщество людей, осваивающих собственные психические нарушения, их язык и смыслы. Наречие болезней внутри группы легитимизируется, приобретая право на звучание, на выражение, право быть услышанным, понятым. Появляется возможность на ответ, вовлеченность другого в актуализированные переживания рассказчика о себе. В этом аспекте группа как раз оказывается той полифонической средой, где в полной мере начинают звучать индивидуальные нарративы участников. Особым ресурсом группы является то, что эта полифония не сводится к единому или «правильному» пониманию болезни, прочтению симптомов, обучению. Дидактический компонент в группе присутствует, но направлен он в первую очередь на изучение собственного языка своей болезни, где присутствуют и телесные, и эмоциональные, и идеаторные компоненты.

Общаясь в группе друг с другом, участники создают общее пространство коммуникации, интеракций. Общая история, «роман» группы сплетается из индивидуальных историй, высказываний, взаимодействий. По меткому определению М.М. Бахтина, группа становится неразделенным и неслиянным множеством, существует в неслиянной полифонии [4]. Групповой нарратив длится, история болезней сочиняется и пересочиняется. В этой истории, как в многогранном зеркале, участниками группы отражаются значения и смыслы, развивается и поддерживается стремление к толкованию и пониманию друг друга и самих себя через другого – через его отклик, реакцию, отношение.

Истории других участников усваиваются человеком и превращаются в историю о самом себе, в собственный нарратив. «Нарративные акты производят отношения, вовлекают в интерсубъективную связь» [5].

С возникновением болезни или развитием болезненного состояния в этот нарратив вплетается ещё и история болезни, история боления (время жизни-в-болезни). Представления о собственной жизни ретроспективно начинают пересматриваться, переосмысляться. Болезнь начинает дополнять систему коммуникаций внутри семьи пациента. Чаще всего членам семьи кажется, что язык болезни вносит неразбериху в общение, уменьшает взаимопонимание. Общение дополняется чувствами вины, стыда, злости, жалости, ревности. Болезнь подвергается объективации, отчуждению, начинает восприниматься как чужеродный для семейной системы элемент.

Индивидуальные и общегрупповые темы переплетаются, п(р)оявляется динамика этих тем и самих взаимодействий [6].

Эти многомерные взаимодействия, существующие в непрерывности специфической психотера-

певтической среды (не будем останавливаться отдельно на таких условиях существования этой среды, как безопасность, доверительность, конфиденциальность и проч.), способствуют достижению основной цели группового процесса – «производство личного здоровья». Здесь мы можем указать на одну значимую особенность существования этого производящего сообщества. Речь идёт о том, что те участники группы, чей вклад в общий нарратив является всё более содержательным (полезным, аутентичным, подлинным, включенным) для других и самого себя, одновременно всё ближе подходят к необходимости попрощаться с группой и покинуть её. Чем ближе участник к своему выздоровлению, тем ближе он к расставанию с группой. «Лучшие» производительные силы (в «производстве здоровья») все время покидают сообщество – каждый из участников в своё время и по своей необходимости. Психотерапевтическая группа всё время переживает процесс расставания с опытным участником и встречи с новичком. Причём, если в большинстве других производств за опытных «держатся», то в группе заложен, постулирован изначально их уход – достигшие выздоровления, устойчивой ремиссии, скомпенсировавшиеся, ресоциализировавшиеся – должны уйти.

Рассмотрение группы как целого в пространстве социальной философии позволяет осмыслять психотерапевтическую деятельность не только в медицинской системе координат. Даёт возможность избегать медикализации, то есть преодолевать ограниченность распространённой оптики, выделяющей полярности «норма-патология», «болезнь-здоровье». Процесс лечения расширяется за границы психотерапии в традиционном смысле и включается в пространство культурных смыслов.

Оптика деятельностного подхода позволяет обогатить медицинский взгляд на жизнь психотерапевтической группы социально-философскими концепциями и рассматривать эту специфическую человеческую общность как систему (субъективное множество, неслиянная полифония), самодвижущуюся и определяющую свое развитие, создающую индивидуальные и над(вне)индивидуальные смыслы посредством самих взаимодействий, сохраняющую уникальность участников и при этом «продвигающую» их в перспективе собственной индивидуации или, говоря медицинским языком, приближающую их к выздоровлению.

Литература:

1. Фофанов В. П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск: Наука, 1986. 189 с.
2. Фофанов В.П. Социальная философия: к новой исследовательской программе // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1. С. 35–40.
3. Пензин А. Паоло Вирно: «Грамматика множеств» как антропология капитала // Синий диван. 2006. №8. С. 171 – 183.
4. Бахтин М.М Проблемы поэтики Достоевского. Санкт-Петербург: Азбука СПб, 2015. 416с.
5. Лехциер В.Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literaturos namai, 2018. 312с.
6. Гринберг Л., Сор Д., Табак де Бьянчеди Э. Введение в работы Биона. Группы, познание, психозы, мышление, трансформация, психоаналитическая практика / Пер. с анг. А. Шутков. М.: Когито-Центр, 2018. 158с.

Основания мироцелостности в эпоху информационно-сетевой глокализации.

Игнатьев В.И.

Новосибирский государственный технический университет (НГТУ НЭТИ), кафедра социологии и массовых коммуникаций, профессор. Доктор философских наук

ighnatiev.v@inbox.ru

Аннотация: Современная глокализация интерпретируется как форма соединения двух противоречивых сетевых пространств: территориально-локального и информационно-сетевого. Автор полагает, что структуру современного глобального информационного общества образует сеть «информационно-центростремительно ориентированных» локальных социокультурных комплексов. На смену локальным обществам приходит не единое глобальное общество, а множество автономных сетевых социумов, возникших в «узлах» мировой коммуникации. Такие «узлы» становятся новой формой глокализации – соединением локального и глобального на основе локализации информационных потоков. В результате локализация не исчезает, а преобразуется, воспроизводя новую глокальную форму становления мироцелостности. Онтологию этого процесса автор предлагает дополнить концептуальной моделью алгоритма «матрицы трех оснований», отражающую логику формирования целостности мировой социальной системы.

Ключевые слова: глобальное информационное общество, основания воспроизводства локального, глокализация, социальное пространство, основания целостности глобального социального пространства, информационные узлы глокализации, алгоритм «матрицы трех оснований»

Ground for World Integrity in the Age of Information and Network Glocalization.

Ignatyev V.I.

Novosibirsk State Technical University, Department of Sociology and Mass Communication

Abstract: Modern glocalization is interpreted as a form of connection of two conflicting network spaces: territorial-local and information-networks. Assumed that the structure of the modern global information society generates network «centroaspired oriented» local sociocultural complexes. Replaced the local societies come not a single global society, but many autonomous networked societies emerging in «nodes» of the world communication. As a result, localization does not disappear, and converted, reproducing a new form of glocality world integrity. These nodes have become a new form of glocalization – link local and global localization based on information flows localization. The author proposes to supplement the ontology of this process conceptual model of the «three-base matrix» algorithm, reflecting the logic of the formation of the integrity of the world social system.

Keywords: global information society, foundation of reproduction of locality, glocalization, social space, founding of the integrity of the global social space, information nodes of glocalization, algorithm «matrix three grounds»

Современность активирована действием «механизма» переструктурирования мироцелостности, который носит волнообразно-поступательный характер. На мой взгляд, его профиль – это синусоида, на вершинах которой образуются глобальные и региональные союзы и империи, а в нижней фазе – их распад; затем – снова «сборка», но уже на новом качественном основании. Медиана синусоиды – и есть глокальная структура. Полагаю, что специфика этой медиальной области в современную эпоху состоит в том, что её основа – это не территориальное (физическое) пространство, а глобальное информационно-коммуникационное, причиной и следствием появления которого стало новое основание, названное М. Кастельсом «информациональный способ развития» [1, с. 36-42].

В начале XXI века мир вступил в пересборку большинства сложных социальных образований – межстрановых союзов, унитарных и федеративных социумов. Экономические, политические и культурные процессы переструктурируются в направлении образования новых «узлов», получая мощный

толчок (ресурс пересборки) в виде глобальных электронных импульсов, что позволяет преодолевать как любое физическое пространство, так и традиционные социальные структуры – комплексы локальных, и региональных институтов и цивилизационных норм. Какие же глубинные процессы и механизмы лежат в основе воспроизводства человечества как системы, а не изолированного множества отдельных обществ? На мой взгляд, основанием воспроизводства целостности мирового сообщества является непрерывное воспроизводство «множественности» отдельных обществ, которые периодически образуют саморазвивающиеся и относительно самодостаточные региональные системы. Эта «константа», как некое субстанциальное основание, может быть описана с помощью моделей этих региональных систем, которые, в свою очередь, фиксируются через ряд признаков: а) самодостаточность отдельного общества; б) тип его взаимоотношения с внешней средой; в) характер внутрирегиональной структуры; г) особенности внутреннего взаимодействия организационных структур отдельного общества как органичного целого. Обозначенные признаки ведут к появлению и закреплению специфики каждого общества и их совокупности как региональных типов.

Механизм «встраивания» глобальной связи в связь локальную выступает как процесс возникновения нового типа отдельного общества в результате интеграционного процесса в форме его особой разновидности, при котором участниками взаимодействия являются рядом сосуществующие социумы. Таким образом, глобальная связь проявляет себя в генезисе нового типа общества. Второе, интегративное, основание целостности мирового сообщества – это процесс, ведущий к образованию новых социальных форм как продуктов интеграции: 1) империй (как способа временного объединения), которые появляются в процессе экспансии одного общества или насильственной интеграции их множества; 2) новых отдельных обществ, возникающих в результате интеграции; 3) симбиоза отдельных обществ, относящихся к разным этапам развития цивилизации, как контактирующих отдельных социумов и как разных цивилизаций, объединенных империями; 4) колонизации, обеспечившей синтез и симбиоз посредством переселения представителей цивилизации-донора. Интеграция выступает и как механизм порождения: 1) нового отдельного общества (возникновение империй и их распад); 2) нового способа производства/развития; 3) новой цивилизации. Кроме внешних интеграционных процессов, ведущих к качественным изменениям в облике всемирной истории, имела место и внутренняя интеграция – цивилизационные компоненты в процессе развития (или разрушения) порождали новые черты отдельного общества.

«Чистые» варианты саморазвития (самодостаточности) в истории появлялись редко. Поэтому нельзя объяснить происхождение, развитие и гибель отдельного общества, появление его специфического типа (генотипа), а также деформацию этого генотипа без учета фактора интеграции. Интеграция пронизывает его развитие, и сама становится основанием саморазвития (как непосредственного, так и опосредованного), однако является столь же значимым, как и субстанциальное основание. И уже как внутренний, хотя и опосредованный, фактор саморазвития, интеграция становится и особым основанием целостности всемирно-исторического процесса, но не только как процесса, а преимущественно как его промежуточного итога: возникновения особого – интегративного – качества. Тем самым целостность мирового сообщества формируют новые отдельные общества, их новые генотипы, факторы их появления и гибели. На мой взгляд, обращение к истории и современным фактам развития и гибели локальных обществ и их региональных систем даёт основание для выявления различных форм/путей социально-исторической диалектики: а) кризисно-катастрофического и б) кризисно-эволюционного путей развития отдельного общества, как двух способов трансляции цивилизационных и культурных структур во времени. Это первый внутренний механизм реализации генетического основания целостности глобального процесса. Вторым механизмом действия этого основания является процесс ассимиляции структур среды, в которой развивается каждый социум. Если он не смог создать своего собственного механизма, а также цивилизационные структуры и культурные образцы технологий ассимиляции структур среды (в форме синтеза или симбиоза), не разработал в виде механизма и традиций свой специфический механизм выхода из кризисных ситуаций, то, как правило, погибал в результате ассимиляции другими социумами.

Особым механизмом действия генетического основания целостности глобальной социальной системы является смена типа интегративного основания. Имеется в виду переход к иному способу интегрирования новых элементов цивилизации и культуры, иному способу интегрирования элементов внешней среды. В этом случае отдельное общество по-новому начинает ассимилировать внешнее воздействие, меняя тип взаимоотношения со своим окружением. Таким образом, перед нами предстаёт своеобразная «матрица» трёх оснований целостности глобального социума. Выявление «матрицы трех оснований» позволяет сделать заключение о системно-генетическом характере возникновения и трансформации исторически целостных форм социума как глобального сообщества [2, с. 238]. Может быть предложена следующая характеристика механизма этого процесса. Воспроизводство важнейших сторон социальной жизни в масштабе мировой целостности возможно, если: 1) она воспроизводится во множестве отдельных обществ, устойчиво развивающих локальную специфику – локальные генотипы; 2) отдельные общества и их специфика («первичное, локальное особенное») воспроизводятся путём включения в интеграционную сеть взаимодействий локальных социумов, и сами порождают трансформированные структуры – региональные генотипы («вторичное, региональное особенное»); 3) в структурах «вторичного особенного» закрепляются и устойчиво воспроизводятся локальный и региональный цивилизационные генотипы.

Множество локальных социальных организмов не может не порождать множества сетей. Таким образом, рождается новое множество отдельных социальных образований уже как сетевых социумов. Все три основания целостности глобальной системы в эпоху “информационализма” дают эффект «рождения в системе систем» нового социального качества. Можно также высказать предположение, что «информациональный способ развития», открытый и изученный М. Кастельсом, становится основанием всех появившихся социальных организационных форм как сетевых и задаёт новую основу социального порядка как альтернативу локальным территориальным формам социальности. Тем самым социальный мир формируется как множество сетевых социальных образований, которые являются новой исторической формой «отдельного социального организма». На смену локальным обществам, «национальным государствам», «обществам – государствам – нациям» приходит не единое (единственное) глобальное общество, а множество сетевых социумов, образующих новую конфигурацию целостной мировой социальной системы.

Литература:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.
2. Игнатьев В.И. Системно-генетическая динамика социума. Новосибирск: НГТУ, 2007. 296 с.

Альтернативная версия социально-исторических процессов в России XX века: субъект-субъектная концепция В. П. Фофанова

Кругова Т. Г.

Независимый исследователь. Кандидат философских наук

krugova.t.g@gmail.com

Аннотация: Цель статьи – показать, как альтернативная концепция социального исследования В. П. Фофанова, основанная на разработанном им субъект-субъектном подходе, позволила ему в новой (незаконченной) монографии по анализу социально-исторических процессов в России XX века иначе, чем принято, объяснить логику российской истории, осуществив синтез противоположных точек зрения. Этот синтез стал возможен благодаря рассмотрению исторических событий как результирующей взаимодействия множества субъектов в определенном историческом цикле. Смена циклов происходит через появление феномена исторической развилки, в которой осуществляется выбор дальнейшего пути развития социальной системы. Разработка теории развилок в рамках субъект-субъектной концепции обладает большим прогностическим потенциалом. Она позволяет адекватно оценить будущие перспективы и «вписаться» в российские и общемировые исторические процессы, избегая их болезненных проявлений.

Ключевые слова: логика истории, субъект-субъектная концепция, субъект-субъектное взаимодействие, исторический цикл, историческая развилка, прогностический потенциал

An alternative version of socio-historical processes in Russia of the XX century: the subject-subjective concept of V. P. Fofanov.

Krugova T. G.

Independent researcher

Abstract: The purpose of the article is to show how the alternative concept of social research of V. P. Fofanov, based on the subject-subject approach, developed by him, allowed him in a new (unfinished) monograph on the analysis of socio-historical processes in Russia of the XX century differently, what is customary to explain the logic of Russian history by synthesizing opposing points of view. This synthesis became possible due to the consideration of historical events as the result of the interaction of many subjects in a particular historical cycle. The change of cycles occurs through the emergence of the phenomenon of a historical fork, in which a choice is made of the further path of development of the social system The development of the fork theory within the framework of the subject-subject concept has great prognostic potential. It allows you to adequately assess future prospects and “fit” into Russian and global historical processes, avoiding their painful manifestations.

Keywords: logic of history, subject-subject concept, subject-subject interaction, historical cycle, historical fork, prognostic potential

В последнее время уже очень многим стало вполне очевидно, что мир пришёл в движение и подошёл к порогу величайших перемен. Несмотря на кажущуюся стабилизацию экономик США и Европейского союза не только им, но и России, и КНР, и многим другим странам в ближайший период предстоит пройти серьезные испытания. Речь не обязательно идёт о катастрофе, но о серьезной трансформации мировой системы и её ключевых звеньев, которая, так или иначе, затронет всех. Суть подобных перемен на философском языке можно назвать сменой основания. Поэтому, чем лучше будут понимать общую логику событий самые различные субъекты – страны и группы стран, политики, идеологи, корпорации, бизнесмены, тем менее болезненной будет общая трансформация и тем более эффективно смогут вписаться они в новую реальность.

Такой масштаб возникающих проблем требует, по крайней мере, в качестве одной из задач, адекватного анализа мировых и локальных социально-исторических процессов. Применительно к России очень важно понять, объяснить, в частности, в рамках социально-философского исследования, ход событий, составляющий её историю в XX веке как отдельной цивилизации на одной из переломных стадий её развития. Российское общество до сих пор не сделало окончательного выбора в оценке прошлого и настоящего. Ни одна из существующих версий истории в указанный период не пользуется сколько-нибудь широким признанием. И дело даже не столько в некоторой ограниченности эмпирического материала (хотя и это, отчасти, есть), сколько в отсутствие обоснованной методологии исторических исследований.

Известный советский и российский философ Владимир Павлович Фофанов разработал и предложил в своё время методологию социально-философского исследования, которая позволяет по-новому выделить и проанализировать процессы, происходящие в социальных системах. Необходимость в новом методологическом подходе возникла из-за того, что в социально-гуманитарных науках использовалось и используется в качестве базового так называемое «субъект-объектное отношение», выработанное в западной философии Нового времени. В. П. Фофанов считал, что этот конструкт нуждается в теоретическом преодолении, так как страдает методологическим дефектом, который называется «неполнота выделения системы». В качестве альтернативной онтологической схемы им были предложены «субъект-субъектные отношения», на основе которых он и разработал свою альтернативную методологическую модель, назвав ее субъект-субъектным подходом или субъект-субъектным взаимодействием. По его мнению, это взаимодействие является теоретической основой системных представлений социальной деятельности. Эти исследования В. П. Фофанов изложил в монографии «Социальная деятельность как система» [1]. В статье «Всемирная история как рефлексия цивилизаций» [2] использовался этот же подход при разработке теории мирового исторического процесса.

В последнее время Владимир Павлович работал над книгой по истории России. Она охватывает период с конца XIX века до начала XXI века. Я имела возможность принимать участие в обсуждении концепции этой книги и в непосредственной работе над ней. Но, к сожалению, она осталась незавершенной. Целью книги, по представлению В. П. Фофанова, должно было быть выявление логики исторических процессов, происходивших в России в XX веке в контексте и при непосредственном влиянии мировых исторических процессов. Под логикой же истории он понимал существенное и необходимое в истории, закономерные и необходимые связи тех элементов социальной системы, которые в своём единстве (воспроизводстве и развитии) составляют единый исторический процесс. Само историческое исследование должно давать не только описание событий, групп и отдельных лиц, но и объяснение вектора их исторического «движения». Нужно увидеть, как из сочетания (стечения), казалось бы, случайных факторов и обстоятельств возникает необходимость и неизбежность именно таких результатов, последствий, такая направленность, то есть логика исторического процесса. Это имеет принципиальную важность, поскольку позволяет снять аргументацию противоположных спорящих «лагерей», на которые по многим ключевым вопросам истории буквально расколото российское общество.

Я не буду вдаваться в непосредственное содержание книги, в которой проанализирован российский и западный исторический материал, скажу только несколько подробнее о методологии, лежащей в основе этого не просто исторического, но и социально-философского исследования. Для выявления логики российской истории XX века В. П. Фофанов так же использовал субъект-субъектную методологическую модель. Что означает, в данном случае, прежде всего, процедуру эмпирического выявления имеющихся в российском обществе на данном этапе развития субъектов, их интересов, уровня и типа осознания этих своих интересов, и других значимых характеристик. Когда же все субъекты были им определены, то он рассматривал их участие в историческом событии не как процесс и продукт действия того или иного отдельно взятого социального субъекта, а как процесс и продукт взаимного, то есть соотносительного, хотя и разнонаправленного действия многих субъектов. В конечном счёте, в предельном для данного уровня абстрагирования варианте, сводимых к двум субъектам. В реальном историческом процессе имеются очень сложные комбинации «совпадений» или «несовпадений» интересов, причём в рамках одних видов общественных отношений интересы той или иной пары субъектов могут в большей или меньшей степени совпадать, а в других – в большей или меньшей степени не совпадать. В предельном варианте – противоречить друг другу. Это создаёт очень сложную палитру взаимодействий. Например, теоретические конструкты «буржуазия» и «пролетариат» построены так, что они взаимно отрицают друг друга, выступают как «классовые противники». Однако в реальном историческом процессе они могу выступать и, зачастую, выступают как классовые союзники. Более

того, В. П. Фофанов был убеждён, что величайшие исторические повороты происходили именно тогда, когда заодно действовали такие противоположности. Это не какое-то случайное стечение обстоятельств, но общесоциологический, а еще конкретнее говоря – исторический закон.

Разработанная и предложенная В.П. Фофановым субъект-субъектная концепция – сложная методологическая система. Помимо общетеоретических разработок, связанных с выявлением и взаимодействием субъектов в социальной системе, применительно к исследованию исторических процессов, она содержит и несколько методологических принципов. Скажу только об одном из них – принципе цикличности. Он фиксирует то, как процесс и продукт взаимодействия интегральных исторических субъектов опредмечиваются, то есть воплощаются в реальную жизнь данного общества и меняют её. Тем самым меняются реальные условия жизнедеятельности субъектов. Изменившиеся условия уже по-другому воздействуют на субъектов, меняют их интересы и цели, и, тем самым, способ видения социальной реальности. Следовательно, меняется и «картина мира», которая была у них. Все эти изменения приводят к обновлению программ субъектов, а, значит, и к окончанию определенного исторического цикла. Следующий цикл начинается с реализации субъектами уже обновлённых своих программ, они вновь вступают во взаимодействие между собой, что приводит к новому акту опредмечивания, то есть изменению исторических условий, возникает новый исторический цикл и т. д.

Очень важной и сложной задачей при применении принципа цикличности В.П. Фофанов считал определение и выделение периода между циклами, который можно назвать феноменом исторической развилки. Её сущность заключается в том, что меняющаяся на протяжении цикла историческая реальность, равно как и меняющиеся в связи с этим интересы и цели действующих в это время субъектов, приводят к нарастанию неопределенности в выборе ими дальнейшего пути. На довольно короткое время возникает большой спектр вариантов развития как форм перехода к какому-то новому состоянию, новому циклу. Но от чего зависит выбор пути, который будет реализовываться в следующем цикле? Для анализа этого процесса выбора В. П. Фофанов считал необходимым построить теорию развилок как феномена истории, в которой было бы показано как они вообще возникают, из чего складываются, что надо искать, чтобы обнаружить такую развилку, как обосновать правомерность её выделения, раскрыть сущность такой развилки, прежде всего, через её значение для заинтересованных социальных групп исторического процесса. Если подобные процедуры будут проведены верно, то появится возможность прогнозирования вектора исторического движения на перспективу. А это, в свою очередь, означает, что можно будет избежать значительных напряжений в социальной системе.

Владимир Павлович Фофанов в новой книге с большим искусством применил свою сложную методологическую модель для анализа огромного эмпирического материала истории России XX века и получил новые, часто альтернативные общепринятым, результаты. Здесь была обозначена только небольшая часть из них. Надеюсь, что его книга когда-нибудь всё-таки увидит свет.

Литература:

1. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 305 с.
2. Фофанов В. П. Всемирная история как рефлексия цивилизаций // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. С. 44-48.

Термин «Сиполь», рациональное и внерациональное в деятельностной парадигме социальной философии

Кущенко С.В.

Новосибирский государственный технический университет, профессор. Доктор философских наук

k89137592282@yandex.ru

Аннотация: В данном исследовании предпринимается попытка обосновать введение в научный оборот социальной философии нового термина, которому автор дал название «сиполь» (сокращение от слов «социально-информационное поле»). Термин «сиполь» рассматривается как соотношение рационального и внерационального в общественном сознании. Рациональное и внерациональное представлены как свойства социальной информации, а их соотношение и, соответственно, термин «сиполь» анализируются в социально-информационном аспекте. Термин «сиполь», соотношение рационального и внерационального представлены как один из аспектов – социально-информационный – оператора «превращённость». В социальной информации выделяется её полевая природа. Соответственно рациональное и внерациональное рассматриваются как социально-информационные поля, объединяемые субъектом в процессе своей социальной деятельности в уникальный, относительно самостоятельный оператор социально-информационных смещений и превращений – сиполь.

Ключевые слова социальная информация, рациональное, внерациональное, общественное сознание, превращения, смещения

The term “Sipol”, rational and non-rational in the activity paradigm of social philosophy.

Kushchenko S. V.

Novosibirsk state technical University

Abstract: in this study, an attempt is made to justify the introduction of a new term into the scientific circulation of social philosophy, to which the author gave the name “sipol” (an abbreviation of the words “social information field”). The term “sipol” is considered as the ratio of rational and non-rational in the public consciousness. Rational and non-rational are presented as properties of social information, and their correlation and, accordingly, the term “sipol” are analyzed in the social and information aspect. The term “sipol”, the ratio of rational and non-rational are presented as one of the aspects-social and informational-of the operator “transformation”. In social information, its field nature stands out. Accordingly, rational and non-rational are considered as social-information fields, which are United by the subject in the process of his social activity into a unique, relatively independent operator of social-information shifts and transformations – sipol.

Keywords: social information, rational, non-rational, social consciousness, transformations, displacements

Соотношение рационального и внерационального как относительно самостоятельный социально-информационный процесс мы рассматриваем как оператор смещений и превращений в общественном сознании, близкий по своей функциональной роли к оператору «превращённость» (по М.К. Мамардашвили) [1, с. 229– 250]. Необходимо отметить, что М.К. Мамардашвили анализировал оператор «превращённость» в целом, а мы выделяем лишь один из его возможных аспектов – социально-информационный, взятый в ракурсе взаимодействия социально-информационных полей. Социальную информацию мы определяем в рамках методологии, предложенной Н.М. Чуриновым [2, 3], использующим принцип негэнтропии: социальная информация есть процесс снятия социальной неопределенности предмета, есть момент социальной деятельности. В соответствии с негэнтропийным принципом в социальной информации как процессе величина энтропии берется со знаком минус, что означает одновременность, обратимость двух процессов – энтропии и негэнтропии; взаимозависимость возникновения и исчезновения определённости. Как известно, обратимость данного процесса, по

мнению Н.М. Чуринова, «обеспечивается благодаря уникальному содержанию некоторой процедуры – “демона”» [3, с. 18–19]. В физике подобную уникальную процедуру называют «демон Максвелла» (ток смещения). В социальной философии нечто близкое можно увидеть в функционировании указанного оператора «превращённость». Одной из сторон оператора «превращённость» считается, как известно, отображение сложного и противоречивого, относительно самостоятельного процесса смещений и превращений, происходящих в общественном сознании. Использование оператора «превращённость» для анализа этого уникального «процесса смещений и превращений» открывает дополнительные возможности конкретизации соотношения рационального и внерационального. В частности, открывается возможность выделения социально-информационной стороны этого оператора (через социальную деятельность) и, соответственно, поиска социально-информационного способа смещений и превращений, в котором «участвуют» рациональное и внерациональное как свойства социальной информации. Их соотношение в таком случае можно представить как относительно самостоятельный процесс, имеющий свою диалектически противоречивую логику развития, включенную в такую же логику указанного процесса смещений и превращений. Относительная самостоятельность указанного процесса определяется тем, что этот процесс целенаправлен, цель его – формирование мотива социальной деятельности. Именно эта цель и определяет относительную самостоятельность данного процесса, главным «участником» которого выступает соотношение рационального и внерационального. Целенаправленность указанного процесса с очевидностью отделяет, отграничивает его от других социально-информационных процессов и во многом определяет его уникальное содержание.

Самостоятельность данного процесса всегда относительна в силу того, что сама цель этого процесса – формирование мотива социальной деятельности – всегда определяется совокупностью причин (внутренних и внешних), главной из которых выступает социальный опыт конкретного субъекта социальной деятельности. Социальный опыт конкретного субъекта социальной деятельности мы рассматриваем как главную причину начала указанного процесса смещений и превращений, а окончанием этого процесса мы считаем устранение вызвавших его причин.

Предложенная методологическая схема открывает возможность для её дальнейшей разработки. В частности, позволяет дать название, «имя» указанному процессу социально-информационных смещений и превращений. В нашем варианте название данного процесса должно отображать его содержание, а именно – способ социально-информационного взаимодействия, который предполагает смещения и превращения социальной информации в общественном сознании. Эти смещения и превращения мы рассматриваем как «встречный ряд метаморфоз» (по Э.В. Ильенкову) [4, с. 173], как взаимодействие социально-информационных полей [5, с. 214– 221]. При таком подходе название данного процесса может быть создано по аналогии с физическим понятием «диполь». Если в диполе взаимодействуют электромагнитные поля, то в исследуемом соотношении рационального и внерационального взаимодействуют социально-информационные поля [5, с. 214–221]. По аналогии с диполем соотношение рационального и внерационального в общественном сознании как относительно самостоятельный социально-информационный процесс можно назвать «сиполь». Наше определение сиполя такое: Сиполь – это оператор социально-информационных смещений и превращений, происходящих в общественном сознании в рамках соотношения рационального и внерационального как свойств социальной информации, имеющий полевую природу.

Наше определение сиполя опирается на процедуру встречного ряда метаморфоз, описанную Э.В. Ильенковым [4, с. 173]. Наша позиция заключается в том, что мы «со стороны Э.В. Ильенкова» включаем в этот встречный ряд метаморфоз оператор «превращённость» в его социально-информационном аспекте и даём ему собственное имя – «сиполь».

Исходя из предложенного определения сиполя можно представить варианты его использования. Один из таких вариантов можно обосновать следующим образом. В нашем варианте субъект социальной деятельности безусловно активен и самодостаточен, он не только «получает», но и создаёт сам для себя необходимую ему социальную информацию, понуждаемый к этому необходимостью поиска смысла. Этот поиск начинается с напряжения между необходимостью такого поиска и социальной неопределённостью. Снимая социальную неопределённость любым доступным ему способом, в том числе с помощью соотношения рационального и внерационального, то есть с помощью нашего сиполя, субъект стремится найти свой смысл. Оценка созданной им информации, данная другим субъектом, либо имеет для нашего субъекта второстепенное значение, либо не имеет значения вообще. Наш субъект находит свой смысл с помощью своего собственного, уникального «инструмента» – соотношения рационального и внерационального, названного нами «сиполь».

Для упомянутого «нашего» активного субъекта проблемы «наблюдения» и «наблюдателя» за социальной проблемой принципиально не существует, так как он живёт в этой проблеме, составляет собой часть этой проблемы и пытается решить её самостоятельно, в том числе с помощью своего личного, уникального, созданного им самим и только для себя социально-информационного инструмента – сиполя.

В нашем понимании социальная информация и её свойства имеют функциональный характер, предстают как зависимая переменная, содержание и формы которой определяются социальным опытом субъекта, социальными инвариантами, способностями и возможностями данного субъекта. Другими словами, сиполь как социально-информационный инструмент может использоваться любым субъектом в любых целях, в том числе антисоциальных.

Дальнейший анализ предложенных проблем, связанных с термином «сиполь», требует значительных коллективных усилий. Одним из перспективных направлений указанного анализа автор данного исследования считает философский анализ человеческого взгляда [6, p. 41].

Литература:

1. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеал рациональности // Необходимость себя. М.: Наука, 1996. С.229-250.
2. Чуринов Н.М. Информационная рациональность. Красноярск: Изд-во Сибирской аэрокосмической академии, 1993. 171 с.
3. Чуринов Н.М. Философские основания информологии. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1990. 236 с.
4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 320 с
5. Кущенко С.В. Социально-информационный аспект проблемы соотношения рационального и внерационального в общественном сознании (философско-методологический анализ). Новосибирск: Изд-во СО РАН; Изд-во НГТУ, 2007. 248 с.
6. Kushchenko S.V. Philosphy of a view (To statement of a problem) // KORUS-2002. The 6-th Russian-Korean international symposium on science and technology: materials, Novosibirsk, Russia, june 24–30. 2002. Ulsan: NSTU, 2002. Vol. 3. 275 pp.

Ограничения и риски при разработке стратегий устойчивого развития

Плюснин Ю.М.

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, профессор. Доктор философских наук

jplusnin@hse.ru

Аннотация: Региональные стратегии устойчивого развития в принципе невозможны. Их разработка является либо самообманом либо надувательством. Причинами являются несопоставимость объявленных принципов устойчивого развития с основами организации экономической, политической и общественной жизни современных так называемых «экономически развитых государств» и «обществ догоняющего развития». В ограниченном смысле возможна лишь разработка не стратегии устойчивого развития, а концепции движения в направлении к устойчивому развитию. В силу этого постановка целей «региональных стратегий устойчивого развития» должна ограничиваться разработкой стратегических мероприятий, максимально соответствующих принципам, декларируемым в национальных и мировых концепциях движения к устойчивому развитию. В статье выделены и обсуждены (а) условия, необходимые для реализации идеи устойчивого развития, (б) формальные ограничения и (в) риски, а также (г) два возможных альтернативных сценария развития современных обществ по пути устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие; стратегия устойчивого развития; принципы и риски; концептуальные ограничения; условия перехода к устойчивому развитию

Limitations and Risks in Sustainable Development Strategies Inventing.

Plusnin Ju. M.

National Research University Higher School of Economics, Professor

Abstract: National (and others of any level) sustainable development strategies are impossible. Their invention is either self-deception or a swindle. The reasons for the impossibility are the initially established principles of sustainable development. They are not comparable with the principles of organization of economic, political and social life, which underlie the existence of modern so-called “developed countries”. In a limited sense, only the concept of sustainable development is possible. More precisely, only the concept of “movement towards sustainable development” is possible. Therefore, setting goals for creating “national and regional strategies for sustainable development” should be limited to developing only those strategic measures that are as consistent as possible with the principles declared in the global concepts of the movement towards sustainable development. The paper highlights and discusses (a) the conditions necessary for the implementation of the idea of sustainable development, (b) formal constraints and (c) risks, and (d) two possible alternative scenarios for the development of modern societies along the path of sustainable development.

Keywords: sustainable development; sustainable development strategy; principles and risks; conceptual limitations; conditions for the transition to sustainable development

Последние годы в научной среде стало популярным разрабатывать разного рода «стратегии устойчивого развития», а в среде управленцев – предпринимать попытки (правда, на словах) воплощать в жизнь городов и регионов такие наработки. Конечно, всё это осуществляется в контексте государственной политики, заявляющей подобные цели на общегосударственном уровне, в соответствие с рекомендациями Рио-1992 и Йоханнесбурга-2002 [1, 2, 3]. Всё это примеры того, как благодатная идея усилиями многих энтузиастов, не готовых или неспособных думать глубоко, обретает «новую жизнь» и начинает развиваться уже совсем не в том направлении, какое некогда задавали ей отцы-основатели и государственные мужи [4, 5, 6, 7]. Так и с идеей устойчивого развития. Как хорошо известно тем, кто наблюдал всю эту историю с внедрением идеи «устойчивого развития» с момента её «третьего зарождения» в Рио-да-Жанейро, принципы и концепция устойчивого развития формулировались с

учётом того масштабного ограничения, что создаваемая в будущем стратегия устойчивого развития имеет отношение ко всему человечеству, является повесткой дня нашего общего будущего [1, 4, 7].

Между тем, несмотря на специальные указания, появившиеся уже в тексте «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [1], и специальную главку в докладе Г.Х. Брундтланд [4, с 24-26], напечатанную десятилетием ранее, о глобальности такого процесса, очень скоро, уже к концу 90-х, как в научной, так и в широкой печати стали появляться «стратегии» сначала регионального, а следом узко-территориального масштаба, например, масштаба отдельного района и города. Все разработчики такого рода «стратегий» либо забыли, либо попросту не знали важнейшего методологического ограничения: устойчивое развитие невозможно в малом масштабе, а при известных ограничениях – и в национальном [1, 4, 7, 8]. Следовательно, разработка стратегии для небольшой территории и даже для региона уровня отдельной области, провинции, края, как и для любой другой части общества в локальных границах – невозможна. Такие попытки являются настоящей профанацией. Разработать такую «стратегию» мы, может быть, и сумеем, забыв о многих ограничениях, рисках и угрозах, но вот воплотить в жизнь – соседи и «законы природы» не позволят. Анализ некоторых из множества уже предложенных «стратегий» показывает, что их содержательный смысл заключается лишь в соответствии бюрократически заданной процедуре учётно-отчётного действия в рамках развитого административного рынка [9].

Итак, одним из важнейших методологических императивов является то, что разработка концепции (следовательно, и стратегии) устойчивого развития в ограниченном масштабе невозможна. Но какой масштаб позволяет преодолеть этот запрет? Доподлинно никому это не известно, хотя бездоказательно предполагается, что континентальный масштаб (Европа, Южная Америка) или масштаб отдельной достаточно крупной страны (Китай, Индия, Россия, Канада, США) позволяют, при определённых условиях, разрабатывать «ограниченную» стратегию их устойчивого развития (это зафиксировано, напр., в [1, 2, 7, 8, 10, 11]). Почему?

Условия устойчивого развития. Для разработки и реализации стратегии устойчивого развития необходимы вполне определённые условия, именно:

(а) ресурсы соответствующего – глобального – объёма, безусловно превосходящие ВВП среднего государства;

(б) мощный человеческий потенциал;

(в) столь же значительный социальный потенциал;

(г) экономика, способная к самодостаточному развитию, то есть не нуждающаяся в какой-либо внешней поддержке;

(д) политическая система, обладающая потенциалом автаркии.

В этом отношении Россия, возможно, страна, наиболее соответствующая указанным требованиям («…я всё время считал, и сейчас считаю, что нет на земле страны, более точно соответствующей по своим ресурсам, возможностям и духовному потенциалу возможности реализации концепции устойчивого развития, чем Россия» [8, с. 14]).

Следовательно, условия, например, современной России полностью позволяют разработать и реализовать концепцию движения к устойчивому развитию, что, между прочим, и было зафиксировано в самом первом государственном документе о разработке концепции движения к устойчивому развитию [1]. Но этого не позволяет региональный, тем более внутрирегиональный масштаб. Но можно и следует обсуждать иные вещи, с этим вопросом связанные, а именно методологические аспекты концепции устойчивого развития, что позволяет уже сейчас создавать локальные точки кристаллизации и будущего роста – будущего движения к устойчивому развитию.

Поэтому вместо попыток создания региональных концепций следует говорить о разработке стратегии движения в направлении к устойчивому развитию, но не о создании самой стратегии устойчивого развития. Это первая задача. Однако сама она требует постановки второй задачи, которая заключается в том, что обсуждая подходы к концепции устойчивого развития, необходимо очертить поле возможных и допустимых значений для концепции устойчивого развития: определить и выявить условия и угрозы, риски и ограничения.

Ограничения. Первая задача разработки стратегии движения в направлении к устойчивому развитию вызвана следующими обстоятельствами и ограничениями (они кратко, но недвусмысленно

сформулированы ещё в докладе «комиссии Брундтланд» 1987 г. [4], а совсем недавно – в докладе Римского клуба 2017 года [12]). Формальные ограничения для концепции и реалистической стратегии устойчивого развития заключаются в хорошо известных современных процессах, направленных как раз от, а не в сторону устойчивого развития:

1) несоответствие доминирующих моделей экономического роста идеям устойчивого развития; как известно, «…устойчивое развитие определено как развитие, при котором нынешние поколения удовлетворяют свои потребности, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять собственные нужды, собственные потребности» [4, с. 50].

2) концепция устойчивого развития «…предполагает определённые ограничения в области эксплуатации природных ресурсов» [4, с. 24], что безусловно предполагает иную стратегию и практику прородопользования, чем ныне существующая;

3) социально-экономическое неравенство стран и отдельных слоёв населения, прежде всего нищета значительной массы населения планеты и неравный доступ к природным ресурсам («Предпосылками удовлетворения основных потребностей являются не только новая эра экономического роста всех стран, большая часть которых относится к категории бедных, но и гарантия того, что бедные страны получат причитающуюся им долю ресурсов, необходимых для поддержания этого роста» [4, с. 25]).

Таким образом, существующие повсеместно в мире системы экономической деятельности и соответствующие им модели экономического развития («модели роста») не соответствуют требованиям устойчивого развития прежде всего в силу изымающего и разрушающего, а не щадящего и восстановительного природопользования.

Альтернативные сценарии развития современных обществ по пути устойчивого развития. Теоретически существуют по крайней мере две альтернативные стратегии движения к устойчивому развитию:

1. Когда общество (или общества) получают внешние ресурсы сверх необходимого для своего существования, может формироваться стратегия движения к устойчивому развитию с приоритетом экономических факторов над факторами социальными, поскольку почти все такие общества обладают институтом «распределённого» государства (в терминологии Д. Норта и соавторов), то есть государство является социальным, право насилия анонимным, управление безличным. Однако данная стратегия возможна лишь для очень ограниченного числа обществ (так называемые современные промышленно развитые страны), хотя чаще всего именно она имеется в виду или подразумевается политиками и учёными, когда те и другие приступают к обсуждению проблемы устойчивого развития [2, 3, 7].

2. Стратегия выстраивается с акцентом на использование внутренних ресурсов самого общества. Тогда актуализируются не только материальные и финансовые ресурсы, но и ресурсы идеального ряда – духовные, человеческие, социальные, политические. Именно это и есть самое важное [5, 7, 8, 12]. Едва только мы делаем акцент на внутренних ресурсах развития, приоритетными становятся духовные ценности, а не материальные. Однако это второе направление стратегии устойчивого развития до сих пор чуждо разработчикам стратегий. Исходя же из самых последних прогнозов экологического развития [13], большинство обществ будет вынуждено принять именно эту, альтернативную первой, стратегию развития, в которой идеальные предпосылки превозмогают материальные (экономические).

Непреодолимые риски на пути конструирования концепции устойчивого развития. Как следует выстраивать концепцию устойчивого развития для надрегионального уровня, например, для уровня какого-либо российского мега-региона? Разрабатываемая концепция должна быть безусловно экологически, но не экономически ориентированной. Такая концепция должна:

(а) учитывать специфические региональные особенности, как природные, так и этнокультурные, социально-исторические, а также хозяйственно-бытовые (исторически сложившиеся хозяйственные уклады и экономические практики, поскольку они по большей части определяют условия и являются базовыми ограничениями для реализации стратегии;

(б) быть достаточно универсальной, чтобы в будущем она могла быть либо включённой в общероссийскую концепцию устойчивого развития, либо стать составной частью совокупности аналогичных региональных концепций без необходимости серьёзных содержательных изменений; тем самым снимаются многие риски;

(в) в концепции должны быть исходно заложены условия ограниченности ресурсов всякого рода – материальных, финансовых, организационных, административных – которыми могут располагать субъекты стратегии устойчивого развития [4, 6, 7, 8, 12].

Самыми главными рисками являются собственно принципы стратегии устойчивого развития. Заявленные принципы [4, 5] слишком отличны от тех, каких мы до сих пор придерживаемся в нашем современном «развитии». Действительно реализуемая стратегия устойчивого развития должна, по задумке инициаторов и последователей, основываться на следующих четырёх принципах:

1) взаимодействие и взаимозависимость социального, экономического и экологического развития [4, с. 24-26];

2) примат духовных ценностей над материальными [1, 7, 8];

3) примат общественных интересов над индивидуальными [7, 8];

4) примат государственного регулирования над рыночными силами [1].

За более чем 30 лет, прошедших со времени инициации идеи устойчивого развития и доклада комиссии Г.Х. Брундтланд, стало привычным воспринимать принцип (1) трёхчастного единства будущего развития как естественный и необходимый. Однако до сих пор никто и нигде (даже в Швеции) не реализовал этот, по сути, императив, при всех многословных утверждениях такового. Взаимодействия, тем более взаимозависимости социального, экономического и экологического развития мы нигде не наблюдаем. За примерами ходить далеко не надо – способ реализации положений «Киотского протокола» и случай Фукусимы – достаточно и этого, чтобы признать, что на деле принцип этот не более, чем мантра для правительств «развитых государств».

Несмотря на значительный прогресс западных обществ в деле превозмогания духовных ценностей над материальными, как свидетельствуют результаты многочисленных исследований группы Р. Инглхардта [13], реальная жизнь свидетельствует об обратном: нищета и нужда заставляет народы чаще думать о желудке, нежели о свободе и даже искренне в этом признаваться.

Принципы (3) и (4) вовсе воспринимаются ныне скорее отвергнутыми анахронизмами, нежели ориентирами будущего. Вероятно, только в условиях кризиса и войны учёные и политики начинают повсеместно признавать, что либертарианские взгляды на роль государства в экономической жизни общества не являются безусловно приоритетными, и переход к мобилизационному управлению экономикой отнюдь не нео-архаический возврат к феодальным политиям, где не различались политическое и экономическое [12, 14], но наше близкое, а, возможно, и далёкое будущее.

Таким образом, необходимо признать, что в нынешних условиях принципы стратегии устойчивого развития обществ недостижимы. Следовательно, разработка соответствующей таким принципам стратегии невозможна. Возможны суррогаты стратегии на «скорректированных» принципах. Да и сама концепция устойчивого развития не может быть разработана и реализована в заявленном виде. Возможно лишь, как это давно и неоднократно утверждал В.А. Коптюг, некоторое более или менее уверенное движение в направлении к устойчивому развитию. Но это – не то же самое, что сама стратегия такого развития.

Литература:

1. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Утверждена Указом Президента Российской Федерации №440 от 1 апреля 1996 г.
2. Основные положения стратегии устойчивого развития России / Под ред. А.М. Шелехова. М., 2002.
3. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 151-р от 2 февраля 2015 г.
4. Наше общее будущее. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития под председательством Г.Х. Брундтланд на 42 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 4 августа 1987 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 09.01.20).
5. Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.) // Информационный обзор. Новосибирск, 1993.
6. Spangenberg, J. H. Die ökonomische Nachhaltigkeit der Wirtschaft. Berlin, Edition Sigma. 2005.
7. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
8. Коптюг В.А. Возможна ли разработка стратегии устойчивого развития России в настоящее время? // Лекторий НГУ «Наука на грани тысячелетий». Материалы лектория НГУ. Вып. 1. Новосибирск, 1997.
9. Кордонский С.Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ. 2006.
10. Коптюг В.А., Матросов В.М., Левашов В.К., Демянко Ю.Г. Подходы к разработке национальной стратегии устойчивого развития России // Химия в интересах устойчивого развития. 2001. № 9. С. 493-502.

11. Плюснин Ю.М., Калугина З.И., Соболева С.В., Попков Ю.В. Концепция устойчивого социального развития Алтай-Саянского экорегиона. Новосибирск: Изд-во НГУ. 2002.
12. Weizsäcker E. U., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. Springer Science+Business Media LLC 2018.
13. Inglehart R.F. Changing values among western politics from 1970 to 2006 // Western European Politics, 2008. No 31.
14. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Издательский дом ВШЭ. 2011. 416 с.

Процесс интернационализации в горизонте системно-деятельностного подхода

Попков Ю.В.

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник; Новосибирский государственный технический университет, профессор. Доктор философских наук

yuripopkov54@mail.ru

Аннотация: В противовес редукционистской трактовке интернационализации, до сих пор преобладающей в общественных науках, обосновывается рефлексивная концепция данного процесса. Она базируется на системно-деятельностном подходе в его диалектической интерпретации, включая понимание рефлексии как свойственной не только духовной, но и практической деятельности. Имея интерсубъектную природу, интернационализация представляет собой процесс и продукт объективной и субъективной, внешней и внутренней рефлексии национальных (в том числе этнонациональных) общностей. Это есть взаимодействие, в рамках которого развитие каждой из них осуществляется через другую общность. В отличие от глобализации пределом интернационализации является сохранение национальных общностей как субъектов взаимодействия, укрепляющих и обогащающих свой внутренний культурный потенциал в процессе взаимного влияния. Она определяет становление не однородного и унифицированного, а различенного единства относительно самостоятельных национальных образований. В процессе интернационализации формируется новая системная целостность как развивающееся единство разнообразия. В докладе планируется проиллюстрировать эвристические возможности предложенной теоретической модели интернационализации для анализа концептуальных вопросов современной российской национальной политики.

Ключевые слова: интернационализация, национальная общность, этнонациональная общность, глобализация, системно-деятельностный подход, рефлексивное взаимодействие, культурное многообразие

Process of the internationalization in the horizon of a system-activity approach.

Popkov Yu.V.

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State Technical University, Russian Federation

Abstract: In contrast to the reductionist interpretation of internationalization, which still prevails in the social sciences, the author substantiates the reflexive concept of this process. This concept is based on the system-activity approach in its dialectical interpretation. Such interpretation includes the understanding of reflection as characteristic of not only spiritual, but also practical activity. Having an intersubjective nature, internationalization is a process and product of objective and subjective, external and internal reflection of national (including ethno-national) communities. Each of them develops through a different community in this interaction. Unlike globalization, the limit of internationalization is the preservation of national communities as subjects of interaction, strengthening and enriching their internal cultural potential in the process of mutual influence. It determines the formation of not a homogeneous and unified, but a different unity of relatively independent national entities. In the process of internationalization, a new systemic integrity is being formed as a developing unity of diversity. The report plans to illustrate the heuristic possibilities of the proposed theoretical model of internationalization for the analysis of conceptual issues of modern Russian national policy.

Keywords: internationalization, national community, ethno-national community, globalization, system-activity approach, reflexive interaction, cultural diversity

Тема интернационализации в мировой науке обсуждается с конца XVIII в. Наиболее популярной в отечественной литературе она была в советское время при анализе вопросов нациестроительства и

межнациональных отношений. В 1990-е гг. вопрос об интернационализации практически ушёл из поля зрения исследователей, а появлявшиеся отдельные публикации касались в основном её экономических аспектов. Среди причин такого поворота – проблемы политического характера, связанные с распадом Советского Союза, а также превращение в мейнстрим темы глобализации, которая, по мнению многих, «поглотила» тему интернационализации. Это тенденция затронула и отечественное обществоведение.

В последнее время проблематика интернационализации в российском дискурсе вновь активизировалась, но, насколько можно судить по данным научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, преобладающее большинство работ по данной теме посвящено широкому спектру вопросов интернационализации образования.

Обобщая положение дел в проблемно-методологическом поле интернационализации можно сделать два основополагающих вывода.

Во-первых, в преобладающем большинстве публикаций термин «интернационализация» применяется некатегориально и неконцептуально, и используется для обозначения эффекта распространения того или иного явления во всё возрастающих масштабах, по сути отражая унифицирующую тенденцию развития. В области национальных отношений тема интернационализации в советский период часто отождествлялась с централизацией и перспективой устранения национальных различий, а в настоящее время в данном контексте практически не используется.

Во-вторых, тезис о «поглощении» интернационализации глобализацией является некорректным и неконструктивным. Глобализация, как отмечет В. Л. Иноземцев, характеризуя процессы унификации и формирования определённого единства, не выражает эффект интеграции. «Суть процесса глобализации в становлении такого социально-экономического пространства, которое позволит человеку взаимодействовать с другими людьми, корпорациями и социальными структурами, не прибегая к посреднической роли собственного государства» [1, с. 33]. «Этот термин чётко указывает на то, что мир уже не является фрагментированным, но при этом ничего не говорит о том, каким он стал» [1, с. 35]. По сути дела, данный процесс снимает проблему субъектности, национальных (этнокультурных) особенностей (и границ), а также управляемости: «глобализация становится синонимом неуправляемости планетарного масштаба» [1, с. 36].

В отличие от этого уже этимология слова «интернационализация» предполагает наличие национальных образований в качестве субъектов взаимодействия. «Замена» интернационализации на глобализацию означает отказ от признания этой субъектности, а вместе с тем и самостоятельности, независимости и ответственности данных субъектов.

Таким образом, существующие интенции относительно интернационализации выражают редукционистскую трактовку данного феномена и в этом своём качестве не могут быть адекватным методологическим средством для объяснения современных противоречивых процессов, характеризующих, с одной стороны, усиление взаимосвязи и взаимозависимости различных стран и народов, с другой стороны, расширяющегося культурного разнообразия, которое всё очевиднее проявляется как нередуцируемое.

Снять ограничения редукционистской интерпретации позволяет предлагаемая рефлективной концепция интернационализации. Она базируется на положениях разработанного В. П. Фофановым системно-деятельностного подхода в его диалектической трактовке [2].

Использование потенциала обозначенного подхода позволяет сформулировать следующие основные положения рефлексивной концепции интернационализации.

1. Интернационализация, в отличие, в частности, от ассимиляции, имеет субъект-субъектную (интерсубъектную) природу, то есть предполагает в процессе своего развертывания сохранение её носителей – национальных (в том числе этнонациональных) общностей – в качестве полноценных субъектов взаимодействия.

2. Специфика социального взаимодействия в процессе интернационализации состоит в том, что оно является рефлексивным, то есть характеризуется взаимопроникновением национальных общностей в единстве внешней и внутренней, объективной и субъективной рефлексии.

3. С точки зрения внешней рефлексии, это проявляется в том, что национальные общности проявляют себя одновременно в качестве объектов (для другой общности) и субъектов (носителей собственной активности) взаимодействия. С точки зрения внутренней рефлексии, интернационализация проявляется как взаимоопосредование внешних и внутренних условий развития национальных общностей.

4. Диалектика объективной и субъективной рефлексии в процессе интернационализации проявляется во взаимопроникновении как базисных, материально-предметных оснований развития национальных общностей, так надстроечных, в том числе государственно-правовых структур и общественного сознания, включая национальную идентичность.

5. В процессе рефлексивного взаимодействия происходит укрепление культурного потенциала каждой из взаимодействующих сторон, что определяет их стремление сохранять свою самостоятельность и своеобразие. Этот эффект мы наблюдаем сегодня в виде этнического ренессанса и расширяющегося этнокультурного разнообразия.

6. Этнокультурное разнообразие есть проявление разнообразия этнических культур, носителями которых являются этнонациональные общности, одновременно выступающие субъектами этнокультурного разнообразия.

В целом можно заключить, что интернационализация есть внутренне противоречивое явление, для которого характерными являются формирующиеся в процессе рефлексивного взаимодействия национальных общностей их тождественность и различие, сближение и обособление, взаимозависимость и самостоятельность.

В процессе интернационализации формируется определенное единство взаимодействующих сторон. С этим тезисом согласны сторонники разных концепций интернационализации. Однако существуют принципиальные различия в трактовке природы этого единства. Представители редукционистской традиции по сути отстаивают идею унифицированного единства. Наша концепция строится на аргументации понимания единства как единства разнообразного.

В горизонте рефлексивной концепции интернационализации в новом свете видятся многие концептуальные вопросы современной российской национальной политики.

Литература:

1. Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008 № 1. С. 31–44.
2. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 304 с.

Социокультурный подход в исследовании постматериальных ценностей

Слащинина А.П.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, аспирант

apslashinina@gmail.com

Аннотация: Создание рыночной экономики в России повлекло за собой смену ценностных ориентаций. Доминирующими стали ценности «общества потребления». Ценности «общества потребления», обосновывающие «одноразовый образ жизни», оказали катастрофическое влияние на институт семьи, сферу труда и образование. Упал престиж социально значимых профессий, изменились наши требования к руководству. Но самые большие изменения произошли в институте семьи: брак превратился в сделку, дети стали одним из знаков, а подростки стали жертвами новой субкультуры потребления. При этом наблюдается движение от материальных ценностей к ценностям самовыражения, в связи с чем всё большее влияние набирают экологические движения, веганство и буддизм. Таким образом, изменения, связанные со сменой ценностных ориентаций, привели к разделению современного общества на «общество потребления», направляемое идеологией потребления материальных ценностей, и постматериальное общество, направляемое стремлением к антиконсьюмеризму и самовыражению.

Ключевые слова: социальная философия, социокультурный подход, ценности, постматериальные ценности, общество потребления, антиконсьюмеризм

Socio-cultural approach in research of post-material values.

Slashinina A.P.

Samara National Research University, postgraduate student

Abstract: The creation of a market economy in Russia has led to changes in value orientations; the values of the «consumer society» have become dominant. The values of the «consumer society» that justify the «disposable lifestyle» have had a disastrous impact on the institution of the family, the sphere of work and education. The prestige of socially important professions has fallen, and our requirements for management have changed. Nevertheless, the biggest changes have occurred in the institution of the family: marriage has become a bargain, children have become one of the signs, and teenagers have become victims of a new subculture of consumption. At the same time, there is a movement from material values to values of self-expression, in connection with which environmental movements, veganism and Buddhism are gaining increasing influence. Therefore, the changes associated with the change of value orientations led to the division of modern society into a «consumer society», guided by the ideology of consumption of material values and post-material society, guided by the desire for anti-consumerism and self-expression.

Keywords: social philosophy, socio-cultural approach, value, post-material values, consumer society, anti-consumerism

На современном этапе развития общества происходят глобальные изменения, связанные со сменой ценностных ориентаций. Если в двадцатом веке общество потребления сформировало ценности материального характера, то сейчас наблюдается обратная тенденция. У нового поколения вектор ценностей начинает смещаться от материалистических ценностей к постматериальным. Решающий вклад в изучение данного вопроса внёс американский социолог Рональд Инглхарт. Основываясь на культурном детерминизме М. Вебера, он определил такую систему ценностей как «постматериальные ценности» [1, с. 40].

В век информационного шума человеку становится всё труднее анализировать, правильно оценивать окружающую действительность, и здесь на помощь приходит социальная философия. Необходимость в социально-философском анализе феномена постматериальных ценностей в постсовременном обществе продиктована переходом от ценностей общества потребления к постматериальным ценностям. Проведение аксиологической оценки постматериальных ценностей посткапиталистического и постсоциалистического общества позволит избежать гуманистической катастрофы, вызванной негативными сторонами общества потребления.

Исторический путь, пройденный российским обществом, определил превалирование ценностей выживания у старшего поколения. В России в результате социокультурного кризиса, вызванного развалом Советского Союза и, как следствие, резким поворотом к созданию рыночной экономики, доминирующими стали материалистические ценности. Можно с уверенностью сказать, что сейчас россияне живут в обществе потребления, но среди молодого поколения всё большее значение начинают иметь ценности самовыражения, в связи с чем огромное значение представляет социокультурный подход как методологическая основа исследования постматериальных ценностей. В своём исследовании мы будем опираться на понятие социокультурного подхода, выделенное В.П. Фофановым [2].

Ценности, прививаемые обществом потребления, вызвали глобальную трансформацию общественного сознания, а навязанные обществом потребления стереотипы об успешной жизни деформировали сознание людей. Жизнь индивида направляется «идеологией потребления», в конечном итоге обосновывающей «одноразовый образ жизни».

Жан Бодрийяр в своей работе «Общество потребления» не случайно уделяет большое внимание феномену кредитных карт, которые «освобождают от трудных дней в конце месяца» [3, с. 17]. Тем самым карты приучают нас приобретать, оставляя последствия на потом. Современный потребитель словно героиня «Унесённых ветром» Скарлетт О'Хара говорит себе, что «подумает об этом завтра». однако нужно помнить, что платим мы не просто деньгами, а тем временем нашей жизни, которое мы вынуждены были потратить, чтобы эти деньги заработать. Сегодня потребитель покупает новый товар, зачастую пренебрегая его пользой, как одной из истинных ценностей [4, p. 586]. Современный потребитель настолько сильно подвержен влиянию рекламы, что даже не замечает, что ею пронизан весь его досуг. К тому же покупателя вынуждают к покупке множества предметов, образующих некое единство для кухни или спальни. Товары производятся целыми «системами», а такие корпорации, как Apple пошли ещё дальше и назвали это «экосистема». Это действительно верный термин для окружающего нас пространства потребляемых товаров. Их изобилие создаёт ощущение праздника, поход в торговый центр стал полноценным семейным времяпрепровождением, за счёт того, что вся индустрия развлечений идёт рука об руку с потребительством. Торговые центры буквально «прикармливают» покупателей, даже такая акция как «чёрная пятница» стала одним из новых праздников, безусловно «привитых» с целью увеличения продаж.

Конечно, нужно быть справедливыми, в условиях технического прогресса и свободного рынка невозможно даже представить себе производство товара без дальнейшей производственной гонки, конкуренции, рекламы и борьбы за клиента.

Труд, как репрезентация культурных феноменов, так же претерпел изменения [5, с. 86]. В условиях, когда в экономике доминируют крупные корпорации, особенно тяжело приходится малому и среднему бизнесу. Изменились и требования российских наемных работников к работодателю, если десять-двадцать лет назад многие наёмные работники были готовы получать зарплату «в конвертах», то теперь, в связи с социальными гарантиями и условиями труда, предоставляемыми корпорациями, повысились и ожидания работников, а сохранять конкурентоспособность в такой ситуации крайне тяжело.

Катастрофично влияние общества потребления на престиж социально значимых профессий. Нехватка кадров стала серьезной проблемой медицины. Куда более престижными считаются специализации, обслуживающие индустрию красоты, чем традиционные лечебные. Оплата труда пластических хирургов гораздо выше, чем у кардиологов или онкологов.

Деформации подвергается институт семьи. В современном мире можно арендовать семью или выбрать партнёра по представленным в анкете характеристикам, словно товар на витрине. Отношение к созданию семьи изменилось, всё популярнее становятся брачные контракты, как средство, позволяющее разойтись в любой момент, по любому поводу и безо всяких проблем. Дети стали одним из знаков, демонстрирующих высокое положение в обществе. Представители высших классов всегда стремились дать своим чадам лучшее образование, но только общество потребления вывело эту гонку на новый уровень. Родители находятся в вечной конкуренции, соревнуясь в том, у какого ребёнка лучше наряд,

игрушки и у кого лучше организован день рождения. Рыночный сегмент детских товаров и развлечений стал одним из самых прибыльных.

Потребительские ценности формируют соответствующие интересы у подростков. Среди школьников сформировалась новая субкультура, члены которой своё свободное время тратят в торговых центрах. Толпы подростков проводят время на фуд-корте и в сидячих зонах. Для них это стало ежедневным ритуалом. Эти дети полностью интегрировались в ту среду, которая формируется торговыми центрами. Для детей даже стали выпускать банковские карты. Банки предлагают услуги по дублированию карты родителя и создания счёта для детей с целью приучения ребёнка к финансовой грамотности, а вместе с тем к культуре общества потребления. Теперь дети со школьных лет приучаются с лёгкостью тратить свои деньги, ведь им уже не приходится считать оставшуюся мелочь.

Вместе с тем вектор ценностей начинает смещаться в сторону нематериальных ценностей. Повсеместно наблюдается движение от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Прежние ценности цивилизации потребления теряют свою значимость. Возрастающий приоритет ценностей самовыражения показывают такие социальные движения, как экологическое и движения за здоровый образ жизни – вегетарианство и веганство. Всё это перекликается с ценностями философии буддизма, который в условиях ценностного кризиса стал весьма привлекательным как на Западе, так и в России, в которой существуют регионы традиционного буддизма.

Несомненно, что ценности общества потребления оказывают разрушительное воздействие на сознание человека. Лишь ориентация на постматериальные ценности помогает нейтрализовать негативное содержание сознания, деформированного потребительством.

Зачастую, попытки отказаться он потребительских ценностей и ограничить потребление ведут лишь к смене объекта потребления. В зависимости от того, насколько сильной для человека была ценность потреблять и насколько резким был переход, тем заметнее процесс подмены объекта потребления. Так, многие адепты Zero waste и минимализма, не теряют зависимости от потребления, а лишь меняют объект своего потребления. Если раньше они просто потребляли, то теперь они «осознанно» потребляют. Перед тем как купить какую-то вещь, они проводят детальный её анализ, изучают состав, выясняют, поддаётся ли она переработке, знакомятся с политикой компании производящей её. Однако даже к таким условиям производители легко подстраиваются. Маркетинговые уловки по-прежнему действуют, новые коллекции и акции не теряют своей привлекательности. Даже в условиях отказа от потребления возможно сохранение ценности потреблять.

Конечно, у минимализма есть несомненные достоинства, он помогает избавиться от советской привычки накапливать вещи, которые возможно никогда не пригодятся. Однако переходить к минимализму следует не резко отказываясь от всего «лишнего», а лишь пересмотрев свои внутренние установки и ценности. Ведь только в таком случае это будет действительный отказ от потребления.

Подводя итоги, следует сказать, что вопреки тому, что в российском обществе доминируют материальные ценности, оказавшие катастрофическое влияние на все сферы жизни общества, в настоящее время наблюдается смещение вектора ценностей в сторону ценностей самовыражения и нематериальных ценностей. Несмотря на тенденцию, направленную на приобщение российского общества к постматериальным ценностям, нельзя говорить о завершении эпохи общества потребления, в ближайшее время общество разделится на два лагеря, что повлечёт за собой образование новой социальной действительности.

Литература:

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
2. Фофанов В.П. Социальная философия: к новой исследовательской программе // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1. С. 35-40.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Издательство АСТ, 2020. 320 с.
4. Shiller F. Values // Encyclopedia of Religion and Ethics. Vol. XII / Ed. by J. Hastings. Edinburgh, 1921. 912 p.
5. Четырова Л.Б. Труд и образование: от общества трудового к цифровому // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 4. С. 85-90.

Деятельностная парадигма в фундаментальной социальной философии: парадигмальный консенсус и расходящиеся интерпретации

Тюгашев Е.А.

Новосибирский государственный университет, доцент. Доктор философских наук

filosof10@yandex.ru

Аннотация: Деятельностная парадигма в фундаментальной социальной философии представлена двумя основными концепциями – субстанционально-деятельностным подходом К.Х. Момджяна и системно-диалектическим пониманием деятельности В.П. Фофанова. Данные концепции совпадают по следующим пунктам: 1) построение модели общества как системы деятельности; 2) трактовка деятельности как единства живой и опредмеченной деятельности; 3) субстанциональный характер деятельности; 4) статус категории деятельности как исходной категории социально-философской теории; 5) принцип единства деятельности и общественных отношений; 6) представление о включенности сознания в деятельность; 7) дифференциация практической и духовной деятельности. Рассматриваемые интерпретации расходятся в понимании структуры общества. К.Х. Момджян выделяет материальную, социальную, организационную и духовную сферы общества. В.П. Фофанов придерживается базисно-надстроечной модели, с учётом выделения способа производства человека. Выделены три парадигмальных аномалии, с которыми сталкивается субстанционально-деятельностный подход К.Х. Момджяна.

Ключевые слова: социальная философия, социально-философская теория, деятельность, деятельностный подход, деятельностная парадигма, культура

Activity paradigm in fundamental social philosophy: paradigm consensus and divergent interpretations.

Tyugashev E.A.

Novosibirsk State University

Abstract: The activity paradigm in fundamental social philosophy is represented by two main concepts – K.Kh. Momdzhyan's substantive-activity approach and V.P. Fofanov's system-dialectical understanding of activity. These concepts coincide in the following points: 1) building a model of society as a system of activity; 2) interpretating activity as the union of living and materialized activities; 3) the substantial nature of activity; 4) status of activity as primary category of social-philosophical theory; 5) the principle of unity of activity and social relationships; 6) the idea of inclusion of consciousness in activity; 7) differentiation of practical and spiritual activity. The interpretations in question differ in understanding of the structure of society. K.Kh. Momdzhyan identifies the material, social, organizational and spiritual spheres of society. V.P. Fofanov adheres to the basic-superstructure model, taking into account the allocation of the mode of human production. Three paradigmatic anomalies faced by K.Kh. Momdzhyan's substantive-activity approach are identified.

Keywords: social philosophy, social-philosophical theory, activity, activity approach, activity paradigm, culture

В социальной философии, находящейся в ситуации «кризиса фрагментации» – фрагментации парадигмальной, предметной и концептуальной – актуальна задача достижения консенсуса. Наша цель состоит в определении пунктов консенсуса в рамках деятельностной парадигмы.

Будучи фоновой на всём протяжении истории социально-философской мысли, деятельностная парадигма стала фокусной при решении задачи систематизации категорий социально-философской теории. В фундаментальной социальной философии реализуются две исследовательских программы – возрождения рефлективной [1] и создания рефлексивной [2] социальной философии. Ядро программ – деятельностная парадигма в её различных интерпретациях: у В.П. Фофанова – системно-диалекти-

ческое понимание деятельности, у К.Х. Момджяна – субстанционально-деятельностный подход. Обе интерпретации содержательно близки. Поэтому можно говорить о единой деятельностной парадигме, ядро которой составляют следующие идеи.

1. Построение модели общества как системы деятельности и описание деятельности как системы. Системно-деятельностный подход снимает частично-деятельностный подход, акцентирующий отдельные моменты деятельности – её предмет, субъект, продукт и т. п.

2. Трактовка деятельности как единства живой и опредмеченной деятельности, а также выделение в живой деятельности распредмечивания и опредмечивания. Это позволяет избегать часто допускаемой редукции системы деятельности к живой деятельности.

3. Субстанциональный характер деятельности, относительно которой любое явление общественной жизни рассматривается на теоретическом уровне как её модификация (момент).

4. Статус категории деятельности как исходной категории при построении методом восхождения от абстрактного к конкретному системы категорий социально-философской теории.

5. Принцип единства деятельности и общественных отношений, реализуемый через конструкцию отдельного общественного отношения как субъект-субъектного взаимодействия.

6. Представление о включённости сознания (идеального) в деятельность. Из данного представления вытекает, что: а) в практике имеется обыденное сознание; б) каждый вид деятельности опосредован специфическим для него видом сознания (например, экономическая деятельность – экономическим сознанием); в) духовная жизнь общества необходимо содержит материально-вещественную составляющую, а «материальная» жизнь – опосредствующее её сознание, включая материализованное в вещах и знаках.

7. По критерию соотношения материального и идеального в деятельности дифференцируются практическая и духовная деятельность. С учётом эффекта взаимопроникновения противоположностей, в практической деятельности выделяется практическое сознание, а в духовной деятельности – внутридуховная наблюдательно-экспериментальная практика.

Общность парадигмальных решений отчасти объясняется тем, что К.Х. Момджян разрабатывал свою концепцию с учётом позиции В.П. Фофанова. Подобные идеи высказывали и другие ведущие социальные философы. Консенсус в содержательной трактовке деятельностной парадигмы был фактически достигнут еще в начале 1980-х годов.

Вместе с тем, при концептуальном развёртывании, интерпретации К.Х. Момджяна и В.П. Фофанова расходятся, что наиболее заметно в модели структуры общества. К.Х. Момджян выделяет четыре сферы общественной жизни – материальную (производство вещей), социальную (производство человека), организационную (производство общения) и духовную [3, с. 251–252]. В.П. Фофанов дифференцирует способы производства материальных благ и человека. Первый – это базис политико-правовой надстройки, а второй – надстройки, состоящей из нравственных и эстетических отношений [4, с. 67–68].

Данное расхождение восходит к двоякому описанию К. Марксом структуры общества – в виде базисно-надстроечной модели и в виде модели процессов общественной жизни, в которой «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни» [5, с. 7–8]. Понятно, что это онтологически несовместимые модели структуры общества.

Различие этих моделей практически не обсуждается. К.Х. Момджян полагает, что предлагаемое им выделение подсистем общества логично вытекает из системно-деятельностного подхода. Нам это кажется не вполне очевидным. Но привлекает внимание, что системно-деятельностный подход основывается на рецепции неокантианства (С.Л. Рубинштейн, Г.П. Щедровицкий, В.С. Стёпин, К.Х. Момджян и др.). Вероятно, описание общества, различающее материальный, социальный, политический и духовный процессы, релевантно кантианской традиции, оказавшей влияние и на К. Маркса.

В марксизме важны понимание практики как сознательной деятельности и соединение практического и теоретического в единую силу. В русле этой традиции В.П. Фофанов в подсистемах общественных отношений выделял соответствующие типы духовной деятельности. Это позволило не выносить в обособленную сферу духовной жизни науку, религию, искусство и пр., а рассматривать, например, экономическую науку как специализированный уровень экономического сознания, входящий в систему экономической деятельности. Такое видение основано на принципе развития, генетического соподчинения элементов системы. В отличие от этого К.Х. Момджян предпочитает структурно-функциональный анализ, с выделением композиционных пересечений, функциональных диффузий между полифункциональными подсистемами ставшего общества.

Успех различных интерпретаций деятельностной парадигмы будет определяться их обоснованностью и эвристическим потенциалом. По этим критериям концепция К.Х. Момджяна, как представляется, сталкивается с тремя парадигмальными аномалиями.

Во-первых, сформированный в ней образ общества не «стыкуется» с онтологиями частных отраслей социальной философии (философии права, науки, религии, нравственности и др.). И в системе этих отраслей отсутствуют общепризнанные в философском сообществе «философии» материальной, социальной, организационной и духовной подсистем. Базисно-надстроечная модель более удобна, так как выделяет общественные отношения (нравственные, политические, правовые и др.), которые являются традиционными объектами частных отраслей философии. Поскольку в концепции В.П. Фофанова типы мировоззрений рассматриваются как рефлексии видов общественных отношений (напр.: искусство – рефлексия эстетических отношений), то базисно-надстроечная модель выступает основанием, фундирующим традиционные философии соответствующих типов духовной деятельности.

Во-вторых, К.Х. Момджян разделяет информационно-аксиологическую концепцию культуры. Данная концепция также онтологически противоречива. Определяя культуру как совокупность знаков (ценностей), сторонники этой концепции утверждают субъектность культуры, наличие у неё самосознания и способность вступать в диалог. Более предпочтительно предложенное В.П. Фофановым понятие культуры как отдельного социального организма в его конкретно-исторической специфике, как соответствующее позиции ЮНЕСКО и опирающееся на традицию общественно-исторической трактовки культуры.

В-третьих, выделение К.Х. Момджяном социальной подсистемы общества дезавуирует идентичность социальной философии как философии общества. В терминологических конструкциях «социальная философия», «социальная система», «социальная деятельность» термин «социальное» должен использоваться в одном и том же значении, эквивалентном тому, которое используется в других языках для обозначения социальной философии.

Деятельностная парадигма ещё не исчерпала свой эвристический потенциал. По-видимому, она станет базовой парадигмой в социально-философской теории. Сегодня актуальны следующие направления её разработки:

– экспликация понятия деятельности с учётом его широкого использования в естествознании;

– преодоление лакунарности лингвоконцепта «деятельность» в англо- и романоязычных философских регионах;

– анализ диалектики субъекта и объекта в деятельности с учётом феноменов «бессубъектности» и «интеробъектности»;

– реконструкция развития общественных отношений в практической и духовной деятельности по модели «Капитала» К. Маркса, с учётом опыта реализации данного подхода Ю.И. Семеновым;

– обобщённое и конкретно-типологическое описание дифференциации и интеграции практической и духовной деятельности с учётом таких явлений как «прикладная философия», «народное искусство», «утопический эксперимент» и др.;

– типологизация социально-антропологических общностей с учетом их существенной связи с подсистемами социальной деятельности («политическая нация»);

– выделение социокультурных схем деятельности, конституирующих генетическую специфику отдельных культур и цивилизаций.

Список литературы

1. *Момджян К.Х.* Социум. Общество. История. М.: Наука, 1994. 239 с.
2. Фофанов В.П. Социальная философия: к новой исследовательской программе // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1. С. 35–40.
3. Момджян К.Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1986. 288 с.
4. Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск: Наука, 1986. 189 с.
5. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.

Система социальной деятельности и модель межэтнических взаимодействий

Ушаков Д.В.

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

ushakovdmitrii@*mail.ru*

Аннотация: В условиях неприятия современным российским управлением наукой отечественного социо-гуманитарного знания (в том числе и социально-философской мысли) необходимо эксплицировать эвристические возможности философских моделей. Разработанная В.П. Фофановым в рамках системно-генетического подхода философская модель системы социальной деятельности обладает значительным объяснительным потенциалом. В статье демонстрируется один из вариантов возможного применения положений о социальной деятельности – развертывание концептуальной схемы межэтнических взаимодействий и воспроизводства этносов через формирование этнических культур. Разработанная модель межэтнических взаимодействий применима к анализу воспроизводства этносов, структуры этнической культуры и межэтнических отношений. На её основе в дальнейшем неоднократно проводились теоретически обоснованные конкретные социологические исследования межэтнических отношений у представителей разных народов.

Ключевые слова: Системно-генетический подход, система социальной деятельности, этнос, культура, взаимодействие

The system of social activities and the model of inter-ethnic interactions.

Ushakov D.V.

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Abstract: In the conditions of rejection by modern Russian science management of domestic socio-humanitarian knowledge (including socio-philosophical thought), it is necessary to explicate the heuristic possibilities of philosophical models. Developed by V. P. Fofanov within the framework of the system-genetic approach, the philosophical model of the social activity system has a significant explanatory potential. The article demonstrates one of the options for the possible application of the provisions on social activity - the deployment of a conceptual scheme of interethnic interactions and reproduction of ethnic groups through the formation of ethnic cultures. The developed model of interethnic interactions is applicable to the analysis of reproduction of ethnic groups, the structure of ethnic culture and interethnic relations. On its basis, theoretical and concrete sociological studies of interethnic relations among representatives of different peoples were repeatedly carried out.

Keywords: System-genetic approach, social activity system, ethnicity, culture, interaction

Одним из прорывных направлений, давших значительный толчок развитию множества социально-философских разработок и конкретно-социологических исследований, явилась модель «системы социальной деятельности» в версии системно-генетического подхода, разработанного В.П. Фофановым [1, 2]. Система социальной деятельности представлена в виде непрекращающегося процесса взаимодействия социальных субъектов. Она раскрывает: 1) механизм воспроизводства социальности, 2) возникновение и функционирование сознания как специфического признака социальной формы движения материи, 3) механизм развития общественных отношений и их носителей – социальных субъектов. Кроме этого, она обладает достаточным объяснительным потенциалом для исследования самых различных явлений социальной действительности в их развитии, в том числе и для анализа воспроизводства этнических общностей в процессе их взаимодействий.

Схема социальной деятельности и положения системно-генетического подхода позволили нам разработать концептуальную модель межэтнических взаимодействий и воспроизводства этносов как формирующихся и развивающихся в динамическом взаимодействии этнических культур (рис. 1).

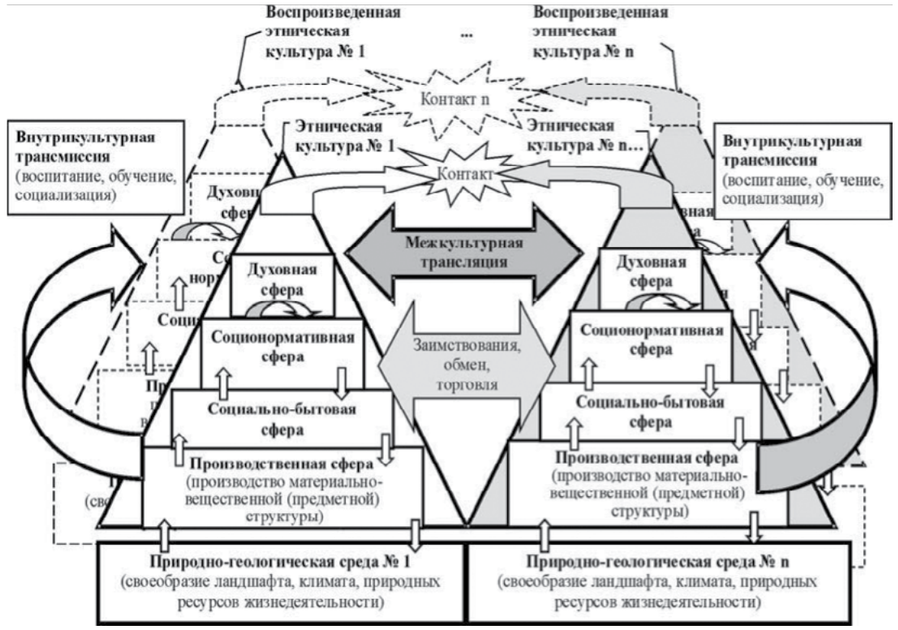


Рис. 1. *Модель межэтнических взаимодействий и воспроизводства этносов*

Первое условие в развитии этноса как системы связано с приспособлением людей к природе – климатическим, геологическим и биологическим особенностям территории вмещающего их ландшафта. История становления и развития любой этносоциальной общности включает в себя, прежде всего, освоение людьми определённой территории проживания и заключается в выработке специфических способов адаптации (культуры). Именно разнообразие природно-геологической среды обитания является предпосылкой развития многообразия форм приспособительной деятельности – традиционных занятий и способов хозяйствования – как основы создания материально-вещественной базы (субстрата) любой этнической культуры.

Второе – культура любого этноса в своей основе содержит производство материально-вещественных структур (производственная сфера). Под ним подразумевается создание удобной среды обитания (архитектура, средства коммуникации), материальных благ, вещей, орудий производства, а также технологий их изготовления. Даже если функциональное назначение тех или иных вещей в различных культурах близко, то технологии их изготовления имеют свою специфику. Несомненно, способы хозяйствования, различные виды занятий и результаты труда не могут не оказывать влияние на условия жизни, быта и в конечном итоге на развитие самосознания того или иного народа.

Третье – бытовой уклад жизни (социально-бытовая сфера), в который входят тип жилища, одежда, вещи, пища и т.д. Предметы быта в каждой этнической культуре имеют своё функциональное назначение и свои особые способы использования. Так, даже при однообразии способов хозяйствования и бытового уклада, отдельные элементы бытовой культуры у разных народов существенно различаются. Кроме этого развивается механизм закрепления бывших инноваций в традиции, появления новых элементов культуры и передача информации от создателей-разработчиков к соплеменникам – от поколения к поколению. Внедрение инноваций, замещающих традицию, и заимствование этнокультурных элементов у представителей других этносов могут вести как к процветанию данного этноса, так и к утрате его этнокультурной специфики, вплоть до исчезновения всех компонентов и ассимиляции в иных системах (этносах).

Четвёртое – это образование социальной и потестарной структур через функциональное разделение труда и дифференциацию властных полномочий. Как специфика, так и функциональное разделение труда во многом обусловливают своеобразие складывающейся у каждого народа социальной структуры (соционормативная сфера). Обычаи, обряды, традиции, нормы, законы выполняют регулирующую роль в социальной структуре этноса, а также функцию специфического оценивания и отбора наиболее ценных образцов поведения его членов в рамках той или иной этнической культуры.

Пятое – мифы, предания, легенды, различного рода идеологемы, облекаясь в коммуникативном процессе в знаково-символические системы (языки), образуют своеобразный духовно-познавательный и образовательный комплекс культуры того или иного этноса (духовная сфера). Особую роль в этнической культуре играют: верования (религия) – как концентрированная система ценностей, способ обоснования власти; наука – как вид познания; искусство – как средство выражения эмоционально-эстетических предпочтений; образование – как передача знаний, навыков и умений; воспитание – как способ инкультурации (освоения норм, ценностей, традиций данной культуры) и социализации последующих поколений. Эти формы интеллектуальной деятельности оказывают непосредственное влияние не только на этническое самосознание, но и на формирование социальных структур, бытовую сферу, на производство материально-вещественных благ, а также на способы взаимодействия данного этноса с природой и другими этническими общностями.

Помимо различий природно-геологической среды как первого фактора, влияющего на воспроизводство этнических особенностей культуры, следует отметить второй – синхронный процесс межкультурного взаимодействия этнической общности (носителя этнической культуры) с другими этносами – их контрсубъектами. Межкультурный обмен с представителями других этнических общностей продуктами этнической культуры играет огромную роль во внешней стимуляции внутреннего развития этнических культур [3, с. 91–111].

Возобновляемые культурные контакты принимают характер воспроизводящихся взаимоотношений, которые осуществляются как в солидарных, так и в конфликтных формах взаимодействия в виде соперничества, вооруженных противостояний (конфликта), обменов (торговли), духовных и нормативных заимствований, миграций, туризма, миссионерства и т.п. Общей формой такого, в большей степени синхронного, процесса выступает культурная трансляция, которую выполняют группы – трансляторы культуры [4], способные быть проводниками в мир иной этнической культуры.

Другим важнейшим фактором является диахронный процесс внутрикультурной трансмиссии – передачи прошедших отбор базовых элементов культуры (образцов поведения, ценностей, знаний, умений, навыков) от предшествующих поколений к последующим. В процессе воспитания, обучения, совместной деятельности группы, хранители культуры (родители, родственники, учителя, наставники) передают свои знания, умения, навыки, ценностные установки будущим поколениям, которые, в свою очередь, присваивая некоторое количество базовых элементов культуры, обретают единство миропонимания. Отдельные черты их психики и поведения обретают сходство с чертами психики других представителей данной этносоциальной общности. При этом процесс культурной трансмиссии влияет на воспроизводство всех структурных компонентов этнической культуры.

В таком понимании этнос (этническая общность) предстаёт не как статически определяемое образование, а как исторически складывающаяся, развивающаяся, но относительно устойчивая общность людей, проживающих на определенной территории, осознающих свое единство, а также выработавших в ходе освоения природно-географического ландшафта и взаимодействия с другими общностями своеобразные черты психики, мировосприятия и поведения, самобытные компоненты производственной (материально-вещественной), социально-бытовой (распределение ролей и устройство быта), соционормативной (нормы, право, законы) и духовной (включая язык, мифологию, верования, знания) сферы культуры, которые передаются от поколения к поколению посредством внутрикультурной трансмиссии, а также заимствуются у других этнических общностей благодаря межкультурной трансляции.

На основе данной модели и определения в дальнейшем были проведены массовые социологические опросы по проблемам воспроизводства этносов и межэтнических отношений у представителей разных народов в г. Новосибирске [5], Республике Алтай и в Монголии.

Литература:

1. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 305 с.
2. Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск: Наука, 1986. 189 с.
3. Попков Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск, 2000. 199 с.
4. Ларченко С.Г., Еремин С.Н. Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. Новосибирск, 1991. 174 с.
5. Ушаков Д.В. Новосибирск многонациональный: межэтнические отношения и воспроизводство этничности. Новосибирск: ООО Издательский дом «Манускрипт», 2013. 200 с.

Смена парадигм в исследовании труда: от социальной деятельности к со-бытию

Четырова Л.Б.

Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, профессор. Доктор философских наук

chetyrova@gmail.com

Аннотация: Доклад посвящен обсуждению вопроса о необходимости смены парадигмы в исследованиях феномена труда в постсовременном обществе. За прошедшие полвека труда претерпел радикальные изменения. В докладе рассматриваются основные модели труда – теоретические инструменты, позволяющие описать те изменения, которые происходили с трудом в последние десятилетия. Эти теоретические инструменты позволяют дать характеристику трансформации субъективности работника и связанными с этим изменениями антропологической реальности труда. Показано, что в рамках деятельностной парадигмы, разработанной В.П.Фофановым, достаточно глубоко могут быть описаны те формы труда, которые доминировали в эпоху фордизма. Возникший в период постфордизма нематериальный труд, требует иных методологических и теоретических средств. Наиболее подходящим здесь является концепция общественного творчества и со-бытия, созданная М.М. Бахтиным. В рамках данного подхода можно адекватно описать трансформацию субъективности работника, и сам нематериальный труд.

Ключевые слова: труд, производство, деятельностная парадигма, субъективность, антропологическая реальность, феноменология труда, со-бытие

Paradigm changing in the labour studies: from social action to co-existence.

Chetyrova L.B.

Samara University, Professor

Abstract: This paper focuses on the discussion of the need for paradigm changing in studying of the labour phenomenon in post-modern society. Labor has undergone radical changes over the past half century. I discuss the main models of labor, which are theoretical tools to describe the changes that have occurred with labor in recent decades. These theoretical tools allow us to give a characterization of transforming the subjectivity of worker and related changes in the anthropological reality of labor. It is shown that within the framework of the paradigm of social action developed by V.P. Fofanov, those forms of labor that pre-dominated in the Fordism era can be described in sufficient depth. Immaterial labour that emerged during the post-Fordism period requires other methodological and theoretical means. The concept of social creativity and co–existence created by M.M. Bakhtin is the most appropriate one. It is possible to describe the transformation of the worker's subjectivity, and immaterial labor itself within the framework of this approach.

Keywords: labor, production, paradigm of action, subjectivity, anthropological reality, phenomenology of labor, co-existence

Мир труда претерпевает кардинальные изменения вследствие появления новой автоматизации, изменения отношений производства/потребления, широкого применения телекоммуникационных технологий, позволяющих, например, использовать платформы для найма работников. Меняется конфигурация общественного производства, меняется сам труд, меняется субъективность работника.

Цель доклада состоит в обсуждении моделей труда и его современной трансформации, теоретическое осмысление которой требует новых социально-философских подходов и разработки таких теоретических инструментов, которые позволят схватить особенности феномена труда в постсовременном обществе.

Исторически труд как феномен культуры менялся всегда. Для понимания того, что происходит

с этим важным феноменом культуры сегодня, его следует рассматривать в перспективе развития от индустриального к постиндустриальному обществу. Если за отправную точку взять расцвет фордизма как вершины индустриализма, то согласно воззрениям британского теоретика левого толка Урсулы Хьюз, можно выделить четыре периода в развитии производства и, соответственно, труда, начиная с послевоенного времени по настоящее время [1, p. 18–20]. Опираясь на эту периодизацию, попробуем выделить модели труда, которые позволят наиболее полно описать его трансформацию. Так называемый «Золотой век» в развитии индустриального производства берёт своё начало с окончания Второй мировой войны и заканчивается нефтяным кризисом 1973 года. Для описания труда в этот период подходит модель труда, которая характеризуется доминированием производительного труда, а самое главное – наличием формализованных трудовых контрактов, всевозможных социальных гарантий. Всё это стало возможным благодаря борьбе рабочих за свои права в условиях противостояния двух мировых систем – капитализма и социализма [1, p. 18–19]. К тому же следует помнить, что Советский Союз вкладывал значительные средства и прилагал колоссальные усилия для развития и поддержки мирового коммунистического движения и международного рабочего движения. Эту модель в западной литературе принято обозначать как family model, так как мужчина, будучи главой семьи, был способен единолично содержать её.

Второй период в развитии труда начался после нефтяного кризиса 1973 года, когда обострившиеся противоречия между трудом и капиталом побудили работодателей привлекать на низкооплачиваемые трудовые позиции женщин и мигрантов. Началось перемещение производства в страны третьего мира [1, p. 19]. Всё это привело к тому, что в общественном производстве западных стран доля производительного труда стала сокращаться, а доля сервисного расти. Транснациональные корпорации стали получать огромную прибыль за счёт эксплуатации в странах третьего мира наёмных работников, гораздо менее социально защищенных, чем их западные собратья. Для описания труда в западном обществе подходит гендерно диверсифицированная модель с растущим преобладанием сервисного труда. Что касается family model, будучи адаптирована применительно к местным культурным реалиям, она стала инструментом для анализа труда в третьем мире.

Для изучения труда в первый период деятельностная парадигма, разработанная В.П.Фофановым, подходит как нельзя лучше [2]. Она позволяет рассмотреть борьбу классов, особенности формирования экономического сознания трудящихся и капиталистов, учесть при этом опасения капитала относительно привлекательности социализма, построенного в СССР в послевоенный период [3]. Именно эта боязнь заставила капитал заключать соглашения с профсоюзами. Касаемо второго периода, то эта парадигма подходит с некоторыми оговорками. Транснациональные корпорации значительную часть производства переместили в Китай, который с точки зрения идеологии по-прежнему остаётся «народной» республикой, то есть социалистической. Вместе с тем понятие рабочего класса (субъекта социальной деятельности), занятого производительным трудом, вполне применимо к наёмным работникам в Китае.

Что касается западного общества, то рост доли сервисного труда в производстве меняет не только конфигурацию производства, но социальную структуру общества. Появление новых социальных групп и вымывание традиционного рабочего класса требует переопределения того, кто является субъектом социальной деятельности. Иначе говоря, деятельностная парадигма, если в её рамках осуществлять анализ труда в этот период, требует уточнения.

Третий период развития производства, начавшись в конце 80-х, длился до начала нулевых годов. Символическим началом данного периода, как отмечает У. Хьюз, стало падение Берлинской стены, что ознаменовало стирание границ для свободного перемещения капитала и рабочей силы. В этот период информация становится важным ресурсом общественного производства, появляется Всемирная сеть (WWW), широко применяются телекоммуникации (ICT). Всё это привело к появлению новых видов экономической деятельности и труда. Граница между «работой» и «домом» стала размываться. Как пишет У. Хьюз, парение между «трудом» и «игрой» в интернете привели к тому, что параметры, которыми работа (job) измерялась прежде, исчезли [1, p. 19-22]. Данные трансформации в общественном производстве описываются при помощи модели жизни в труде, при осуществлении которого исчезают как территориальные, так и институциональные границы.

Следующий период в изменении труда связан с мировым экономическим кризисом 2007–2008 годов, который привёл к росту безработицы, затронувшей в первую очередь молодых людей. Урсула

Хьюз обращает наше внимание на то, что современная молодежь обладает такими навыками, которые сформировались у них благодаря телекоммуникационной среде, в которой они выросли [1, p. 22-24]. Приобретенная ими благодаря ICT (телекоммуникациям) способность и готовность к взаимопроникновению игры, образования и жизни онлайн, стала предметом эксплуатации, что способствовало появлению новых видов труда, где границы между этими формами активности практически исчезают.

Кроме того, появление онлайн–платформ и труда фрилансеров привело к невиданным формам эксплуатации, незащищенности наёмных работников, фактически гибели формализованных трудовых контрактов, социально защищающих работников. Такую модель следует назвать моделью полной поглощённости человека трудом.

В рассматриваемые периоды антропологическая реальность труда постепенно менялась. Кардинально эта реальность изменилась в результате успехов в создании интеллектуальных систем и применении их в производстве. Появилась так называемая «новая автоматизация», ведущая к фактически полной ликвидации производительного труда работников. Роботы заменяют человека. К примеру, транснациональная корпорация Adidas, имеющая германские корни, в начале 90-х годов перевела своё производство в азиатские страны с дешёвой рабочей силой. Однако в конце 2015 года компания объявила о своём возвращении в Германию, открыв фабрику инновационного типа – Speedfactory (скоростная фабрика) в Ансбахе (Германия). Производством здесь заняты роботы, а люди лишь занимаются сервисным трудом по их обслуживанию [4].

Новая автоматизация, суть которой состоит в изобретении таких машин, которые способны принимать нестандартные решения и успешно их выполнять, сформировала новое отношения человека и машины. Антропологическая реальность труда изменилась, что выражается в изменении субъективности работника, выключенного из процесса материального производства. В случае с новой автоматизацией субъективность приобрела сервисный характер, работник отныне исполняет труд, состоящий в рекламировании результатов автоматизированного труда. Тем самым работник участвует в воспроизводстве общества спектакля (Ги Дебор) [5, с. 172]. Маурицио Лазаротто подчёркивает, что постфордисткая модель производства характеризуется тем, что живой труд всё более интеллектуализируется. Труд отныне реализуется благодаря способности инициировать и управлять продуктивным сотрудничеством и не сводится к исполнению лишь одной предписанной инструкцией функции в производстве. Он называет такой труд нематериальным [6].

М. Лазаротто полагает, что в последние десятилетия произошла «тихая революция», кардинально изменившая антропологическую реальность труда и, соответственно, феноменологию труда. Для понимания общественного производства постфордисткого типа необходимо переопределить отношения производства-потребления. Потребление становится продуктивным, а потребитель – участником процесса производства. Речь идёт о потреблении информационного и культурного контента товара. Суть нематериального труда заключается прежде всего в том, что он «постоянно порождает и преобразует формы и условия коммуникации, которые в свою очередь играют роль интерфейса, регулирующего отношения производства и потребления» [6].

Лазаротто предлагает для анализа нематериального труда трансформировать и применять «эстетическую модель» производства, включающую в себя автора, воспроизводство и восприятие. Под автором, лишённом индивидуального измерения, подразумевается индустриально организованный производственный процесс, под воспроизводством – массовая репродукция, под восприятием/аудиторией – потребитель/комуникатор [6].

Появившиеся благодаря развитию ICT и онлайн-платформ различные виды автономной работы «на себя», исполняемой всё более интеллектуализирующимися работниками, кардинально отличаются от наёмного труда на основе контрактных взаимоотношений [6]. Лазаротто считает, что эти виды труда начинают повсеместно доминировать в общественном производстве. Однако вряд ли с этим можно согласиться. Всё же на настоящий момент доминирует модель контрактного труда как в развитых, так и в развивающихся странах. Эта модель присутствует и в странах третьего мира, куда транснациональные корпорации переместили производство.

Вместе с тем нельзя не согласиться, что конфигурация общественного производства и антропологическая реальность труда сильно изменились. Формы жизни в модусах коллективности и сотрудничества, являясь источниками инновации, становятся частью производства. Для осмысления отношений

нематериального труда и общества Лазаротто предлагает обратиться к М.М. Бахтину, в оптике теории которого творческий труд, в котором стираются границы между физическим и умственным трудом, является общественным процессом. С точки зрения М.М. Бахтина для выражения «духа капитализма» полифонический роман Достоевского подходит как нельзя лучше, так как здесь сталкиваются разнообразные социальные и культурные миры, существовавшие до того изолированно. Применительно к нематериальному труду, где коммуникация является важнейшим моментом, бахтинское понимание полифонии как сочетания индивидуальных воль, совершающих принципиальный выход за пределы одной воли к их сочетанию и, в конечном итоге, воле к событию [7, с. 22–25]. Такая перспектива открывает новые горизонты в описании субъективности современного работника и его труда.

Подводя итоги, следует сказать, что деятельностная парадигма, развиваемая в социальной теории, позволяла описать те процессы и феномены, которые существовали в общественном производстве и труде в эпоху фордизма. Для постфордисткого производства более адекватными являются иные методологические и теоретические средства, в частности, теория М.М. Бахтина об общественном творчестве и со-бытии.

Литература:

1. Huws U. Labor in the global digital economy: the cybertariat comes of age. New York: Monthly Review Press. 2014. 208 p.
2. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 304 с.
3. Фофанов В.П. Экономические отношения и экономическое сознание. Ноосибирск: Наука, 1979. 270 с.
4. Бойченко Д.С. Уничтожение труда: капитализм, информационализм и прерванная история автоматизации // Шаги – Steps. 2017, № 1. Т. 3. С. 168–189.
5. Wiener, A. Inside Adidas' Robot–Powered, On–Demand Sneaker Factory // Wired [Электронный ресурс]. URL: https://www.wired.com/story/inside-speedfactory-adidas-robot-powered-sneaker-factory/ (дата обращения: 22.12.2019).
6. Лазаротто М. Нематериальный труд // Художественный журнал. 2008. № 69 [Электронный ресурс]. URL: http://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369 (дата обращения 11.12.2019)
7. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

*Деятельностный подход к анализу феномена идеологии**

Щербакова Е. В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра социальной философии и философии истории, старший преподаватель. Кандидат философских наук

Ev-philos@yandex.ru

Аннотация: В статье утверждается, что в связи с наличием множества противоречивых трактовок идеологии, отсутствует возможность создания синтетического её определения. Необходима теория, которая сможет осуществить системный анализ данного феномена. Наиболее подходящим для решения данной задачи, по утверждению автора статьи, является деятельностный подход. Он позволяет отделять идеологическое от неидеологического в условиях совершенствования политической пропаганды, учитывать наличие бессознательной идеологической мотивации, а также, в отличие от концепции «иллюзорного сознания», не ведёт к формированию негативного отношения к данному социальному феномену. Таким образом, идеологию предлагается понимать в качестве особого типа духовной деятельности, направленного на определённую легитимацию социально-экономического и общественно-политического строя и/или программ, нацеленных на его изменение.

Ключевые слова: бессознательное, деятельность, идеология, «иллюзорное сознание», политика, пропаганда

An active approach to the analysis of the phenomenon of ideology.

Shcherbakova E.V.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of philosophy, Department of social philosophy and philosophy of history

Abstract: Due to the presence of many conflicting interpretations of ideology, it is not possible to create a synthetic definition of it. At the same time, systematic analysis of this phenomenon is needed. The most suitable for solving this problem is an activity approach. It allows us to separate the ideological from non-ideological in the conditions of improving political propaganda, to take into account the presence of unconscious ideological motivation, and also, unlike the concept of "illusory consciousness", does not lead to the formation of a negative attitude to this social phenomenon. Thus, it is proposed to understand ideology as a special type of spiritual activity aimed at a legitimation of the socio-economic and socio-political system and / or programs aimed at changing it.

Keywords: unconscious, activity, ideology, «illusory consciousness», politics, propaganda

[i]Концепт идеологии является одним из самых сложных и многозначных в истории социально-философской мысли. Существует огромное количество противоречивых его трактовок. Т. Иглтон приводит в своих работах более 20, к примеру: «1) процесс производства смыслов, знаков и ценностей в социальной жизни; 2) система идей, характерных для определенной социальной группы или класса; 3) идеи, позволяющие легитимировать доминирующую политическую власть; 4) систематически искажаемое взаимодействие …» [1, с. 10]. К указанным трактовкам стоит добавить также концепцию идеологии как «иллюзорного сознания» К. Маркса и Ф. Энгельса, ставшую одной из самых влиятельных и популярных среди исследователей различной направленности.

Существующие трактовки идеологии настолько разные и противоречивые, что представляется невозможным решить проблему её определения путем объединения их в единое синтетическое целое. К примеру, остаётся неясным, неужели система идей, характеризующая ту или иную социальную груп-

i Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00980 «Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического познания; проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива»

пу, обязательно должна быть иллюзорной (здесь стоит отметить, что и в рамках марксизма существовали различные дефиниции идеологии, к примеру, В.И. Ленин делал акцент не на её познавательной функции, а на практическом социальном потенциале). Более того, в связи с развитием средств массовой коммуникации произошло радикальное изменение и совершенствование способов идеологической пропаганды, в результате чего она стала осуществляться настолько незаметно, что стало затруднительным с уверенностью выделить все имеющиеся идеологические явления и продукты. Поэтому необходим системный анализ идеологии, который позволит выделить главное и второстепенное, определяющее и определяемое в ней. По нашему мнению, именно деятельностный подход позволяет осуществить такого рода анализ.

Под духовной деятельностью мы понимаем особый тип человеческой активности, отличный от деятельности практической. Если целью последней является изменение непосредственно природной и/или социальной среды, окружающей человека, то духовная деятельность призвана создавать знаково-символические объекты, трансформирующие не сам мир, а человеческое представление о нём. Таким образом, идеология в качестве духовной практики воздействует в первую очередь на человека, моделирует, описывает и оценивает социальную реальность в целях её изменения или консервации.

Тем не менее идеологии недостаточно оставаться только мыслительной конструкцией, она стремится утверждать себя в политической жизни через своих последователей, а конечные её цели вполне материальны и конкретны. Отчасти именно поэтому представляется недостаточным рассматривать её просто как набор определённых взглядов и представлений. Социализация идей является важным признаком идеологии, отличающим её от иных, «камерных» форм общественного сознания, таких как философия или элитарная культура. Как отмечает В. Фофанов: «Однако цели и программы по реализации коренных интересов, разрабатываемые на уровне идеологии, не могут быть осуществлены в практике до тех пор, пока они не перейдут в содержание массового сознания. Овладев же массой, «идеи становятся материальной силой» [2, с. 244]. Воздействуя на умы, идеология в конечном итоге стремится воздействовать на социальную действительность. Таким образом, идеология является массовым явлением, выражающим социально-политические интересы определенных социальных групп (классов), заинтересованных в поддержании или ниспровержении определенного социально-политического строя, принимающих участие в политической борьбе. Она, по нашему мнению, оказывается неотрывно связана с решением тех или иных политических задач, и именно это специфицирует её как вид духовной деятельности, позволяет провести демаркационную линию между ней и наукой, религией и т.п.

Как мы уже сказали, идеология существует в самых различных, неожиданных, неявных формах. К примеру, можно говорить об идеологическом содержании научных теорий и произведений искусства, в том числе даже фотографии и музыки. Идеологическая пропаганда часто воздействует не посредством рациональных убеждений и построений, а затрагивая неосознаваемые и глубинные чувства людей, реализуя себя на обыденном, дотеоретическом иррациональном уровне. Часто она предпочитает себя не называть (к примеру, Р. Барт писал о феномене «анонимной идеологии»). Общим для этих разнообразных проявлений идеологии будет не их форма или строение, а та роль, которую они выполняют в формировании политического сознания, наличие интенции (сознательной или бессознательной), направленной на утверждение или свержение того или иного политического режима. Мы не можем рассматривать идеологию исключительно как представленную в материальных носителях определенного вида, как совокупность продуктов деятельности – слишком разнообразными являются эти «носители» и, подчас, в слишком неявной форме она представлена в них.

Духовная деятельность людей обладает сложным системным строением, в её состав входят различные формы человеческой активности, которые предполагают друг друга и находятся в отношениях взаимопересечения. К.Х. Момджян предлагал выделять две основные формы духовной деятельности: ориентационную, связанную с познанием и осознанием наличного положения дел, и проектную, которая состоит в создании новых, не существовавших раннее идей и проектов. Каждый из этих видов деятельности производит соответствующую подсистему общественного сознания [3, с. 53]. Идеология является одновременно формой обоих этих типов сознания. Она не только создаёт различного рода проекты, конструирует модели обществ, утопии, идеалы и пр., но и занимается описанием, осмыслением и оценкой наличного положения дел. И хотя познание мира не является системообразующей функцией для идеологии (именно поэтому мы считаем недостаточной для её понимания концепцию «иллюзорного сознания»), конечный успех идеологических проектов часто зависит от правильности изначального описания реальности. Кроме того, в её состав входят суждения различного рода – не только фактические, но и ценностные. Таким образом, оказывается невозможным описать идеологию как состоящую из идей того или иного типа. Общим же для всех, включенных в её состав представлений является их нацеленность на решение проблем властной регуляции общественной жизни.

Деятельностный подход позволяет учитывать и бессознательные аспекты идеологических процессов, тот факт, что порой человек может не осознавать даже своей собственной приверженности определенному политическому воззрению, а также того, что утверждает данное воззрение в своих словах или действиях. В этом отношении мы полагаем, что идеологическая мотивация деятельности может как направляться сознанием, так и лежать за его пределами. Современный философ С. Жижек считает, что наиболее правильным определением идеологии являются слова К. Маркса «Они не сознают этого, но они это делают» [4, с. 35]. Даже если представления человека не осознаются ни им самим, ни другими, его действия являются неоспоримым фактом, свидетельством приверженности определённой политической системе. Таким образом, деятельностный подход позволяет более объективно оценивать политические предпочтения человека, отделяя те из них, которые им самим манифестируются, от тех, которые мотивируют его к политическим действиям.

Таким образом, мы предлагаем понимать идеологию как определённую форму духовной деятельности (и часть общественного сознания, этой деятельностью производимого), направленную на легитимацию социально-экономического и общественно-политического строя и/или программ, нацеленных на его изменение. Определяющей для идеологии становится её способность моделировать социальную реальность в целях её изменения или консервации. Это подразумевает, что мы предполагаем, что познавательная функция не является для идеологии системообразующей, а выполняется ею только в той степени, которая необходима для реализации поставленных политических целей. Таким образом, деятельностный подход, в отличие от марксистской концепции «иллюзорного сознания», делающего акцент на познавательном потенциале идеологии, не ведёт к формированию отрицательного отношения к данному феномену.

Литература:

1. Eagleton T. Ideology: an introduction. N.Y.: Verso, 1991. 258 p.
2. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 304 с.
3. Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М.: Издательство Московского университета, 2013. 400 с.
4. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.

*RFK-2020_307_*

Круглый стол ***«Философия и власть»***

Философское осмысление политико-правовых систем в техногенном мире

Мамичев Михаил Васильевич

Брянский государственный технический университет.
Аспирант кафедры «Гуманитарные и социальные дисциплины»

mamichevm@bk.ru

Итогом длительного исторического процесса, происходящего в мире, является становление и развитие политико-правовых систем. Автор исследует феномен политической рациональности. Политическая рациональность выражается в способности субъекта политического действия (органа власти) в выборе целей, направленных на развитие мира и рациональном выборе средств, необходимых для этих целей. Поскольку политические решения оказывают воздействие на изменение природных систем, в работе используется методология социоприродного подхода, основанная на трудах известного исследователя В.И. Вернадского об изменении научно-организованным человеческим разумом биосферы и становлении ноосферы. Фактор неразумности и нерациональности, преобладая при формировании политико- правовых систем, создаёт опасность для благополучия не только окружающей среды, но и для человеческого общества в целом.

Ключевые слова: техносфера, демократия, антидемократические политические системы, политическая рациональность, техногенная рациональность, биосфера.

В современном мире политико-правовые системы разделяют на основе принятия властных решений и объёма вмешательства в общественные отношения. Исходя из вышеназванных факторов, выделяют демократические и антидемократические политические системы. Говоря о юридическом смысле политических систем, можно отметить, что компонентами политической системы являются чётко определённые социальные организации (объединения, учреждения), представляющие интересы тех или иных общественных классов (слоев) и являющихся первичными участниками политики [11, с. 209]. Демократический режим признан большинством стран мира как наиболее подходящий и гуманный для общества. Однако демократические принципы не являются полностью преобладающими в современном мире. Нельзя отрицать, что влияние политической рациональности на современное техногенное (индустриальное и становящееся постиндустриальным) обществом велико.

Проведённое нами исследование позволит понять, какие факторы будут влиять на политико-правовую систему будущего, где будет господствовать социально сформированная искусственная среда жизни - техносфера и техногенно развивающееся общество. Как отмечают исследователи Междисциплинарной научно-философской

школы исследований социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни Э.С.Демиденко и Е.А.Дергачева, техногенное общество, напрямую связано с формированием *техносферы*.Это особая оболочка планеты, совокупность технических и технологических объектов, процессов и отношений по поводу преобразования социоприродной среды с целью наилучшего соответствия социально-экономическим потребностям человека. Масштаб техносферы по своей мощности и массе является колоссальным и подобен остаткам биосферы, постепенно утрачивающей свои функции по воспроизводству жизни [6; 8, с.168; 13].

Изучая политико-правовые системы, отметим, что политическое развитие современного мира является прогрессивным, что отмечается в работах А. Гора, Ю. Хабермаса, Дж. Ролза, Дж.Гелбрейта и других авторов, изучающих политическое устройство мира. На протяжении развития человеческого общества, длящегося тысячи лет, сложились две политико-правовые системы - демократические и антидемократические. В настоящее время вершиной социальной справедливости в обществе можно назвать главенство демократического политического режима.

Справедливое общество нельзя назвать утопией, и отказ от его построения может вызвать общественное беспокойство и смуту [1, с.125].

Важнейшими условиями демократии стали формирующиеся гражданское общество и правовое государство. Следует сказать, что учёт разных интересов и равноправие в обществе служат главной формой взаимоотношений в демократическом обществе [2, с.144]. Обратимся к мнению известного

исследователя Ю. Хабермаса, который отмечает, что закон переводит прямой конфликт в юридически регулируемые дебаты [12, с.8].

Джон Ролз, говоря о социальной справедливости выделяет три принципа справедливости: первый – принцип равной свободы. Второй – принцип честного равенства возможностей, третий – принцип различия [10, с.81]. Демократия в техногенном мире должна являться властью народа, осуществляемой народом и для народа.

Антидемократические политические режимы в настоящее время являются достаточно частым явлением. Виной этому является квинтэссенция, состоящая из создания оружия и желания навязывать свою идеологию другим. Важным фактором преобладания антидемократических принципов в обществе является разработка оружия, как следствие, военная угроза. Тотальное истребление стало наивысшим достижением человеческой цивилизации.

Важной частью политической системы является политическая рациональность. Основоположником изучения рациональности в политике является М. Вебер. Признаком рациональности в политике по Веберу является то, что проблемы социально-политического характера не могут быть решены только на основе технических соображений, в таком случае необходимо использовать также и социальные аспекты [3, с.350].

Дж. Гелбрейт, говоря о политической рациональности, считает её основой просвещённое сообщество. А в основе любого просвещенного сообщества - либерального в Соединенных Штатах, социал-демократического или социалистического в Европе и Японии лежит экономическая или подобная ей причина [4, с.16]. Известный политик и учёный А. Гор, отмечает, что в современной политической системе преобладают иррациональные мотивы, политические элиты сопротивляются правде о присутствии в деятельности общества иррационализма, потому что в момент признания общество окажется перед своим моральным долгом – действовать, а значит признать ошибки своей деятельности [5, с.3]. Стоит отметить, что политическая рациональность включает совокупность государственных мер и действий, направленных на развитие мира.

Изучая сущность политико-правовых систем в современном техногенном мире, нельзя не сказать о техногенной рациональности, феномен которой подробно исследован Е.А.Дергачевой. Как отмечает она, техногенная рациональность - совокупность взаимосвязанных, взаимообусловливающих и взаимоусиливающих друг друга экономической, научной и технико-технологической рациональностей, комплексно воздействующих на социум, техносферу и биосферу в техногенном обществе [7, с.96]. Главным фактором в этом комплексе является рыночная экономическая рациональность, поскольку именно она определяет приоритеты развития науки и технологий (техногенного развития). Рыночная экономическая рациональность является одной из составляющих процесса глобализации (коренных изменений в экономике, экологии и др). Более того, мировая глобализации рассматривается как процесс расширения социально-экономического развития в мире, экспансии капиталистических отношений как фундамента взаимосвязей между странами и народами [6, с.13]. Рациональность рынка, направленная только на получение прибыли, приводит к неспособности взаимодействия рядовых граждан и политических элит. Однако рыночная экономическая рациональность - это не единственный фактор, формирующий направленность мирового развития, научных и технических решений. На наш взгляд, ее следует дополнить политической рациональностью как фактором, определяющим направленность экономических решений политическими элитами современного мира, что требует отдельного изучения. Поскольку именно политика поддерживает на законодательном уровне экономические интересы компаний, а заодно закрепляет техногенную направленность преобразований в обществе и природе. Технократическая ориентация развития мира находит отражение и в современной системе образования [9, с.121].

Создание в обществе будущего гуманной политико-правовой системы является одной из главных проблем современности. Важным признаком гуманной политико- правовой системы является наличие правового сознания. Политико-правовые системы современности являются универсальными и их развитие зависит только от самого общества. Важным фактором, который должен преобладать в политико-правовой системе будущего являются политическая и техногенная рациональность с преобладанием гуманизма и приоритетом прав человека.

Литература:

1. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм. М: Юридическая наука: история и современность.- 2015. - № 2. - С. 122-128.
2. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // М: Правовое поле современной экономики. - 2012. - № 1. - С. 135-147.
3. Вебер М., Избранные произведения, М.: Прогресс, 1990. - 808 с.
4. Гэлбрейт Дж. Экономика «невинного» обмана: правда нашего времени. – М.: Европа, 2009. – 86 с.
5. Гор А. Атака на разум / пер. с англ. А. Богданова, К. Минковой, под ред. Ю.Акимова. – СПб: Амфора, 2008. – 478 с.
6. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни: научный доклад. М: Изд-во РАН, 2017. 27 с.
7. Дергачёва Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа её рациональности. Брянск, Изд-во БГТУ, 2005.2019 с.
8. Дергачёва Е.А. Техногенность и ее идейное содержание // Вестник Брянского государственного технического университета. – 2009. – №2. – С.167-173.
9. Колесник Т.А. Технократический характер образования в условиях рынка // Экономика в условиях социально-техногенного развития мира: материалы II Международной междисциплинарной научной конференции по фундаментальным и прикладным проблемам современного социально-экономического и экономико- экологического развития (5 октября 2017 г., г. Брянск): в 2 т. / под ред.Е.А. Дергачевой. – Брянск: БГТУ, 2017. – Т.1. – 190 с. – С.118-125
10. Ролз Дж. - Теория справедливости – Новосибирск, издательство Изд-во Новосибирского ун-та, 1995, 221 с.
11. Токарев Д.Н. О понятии политической системы общества // Ижевск, Российский юридический журнал, 2009, С.209-2012.
12. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. - М.: Издательство«Весь Мир», 2002. - 144 с.
13. Трифанков Ю.Т., Дергачев К.В. Обзор трудов ученых Брянской научно- философской школы исследований социально-техногенного развития мира и жизни // Научное обозрение. Реферативный журнал. – 2016. – № 6. – С. 90-111; URL: http://abstract.science-review.ru/ru/article/view?id=1810

*РФК-2020_308_*
Круглый стол «Человек в обществе риска»

Риски в медицине: от страха к доверию

Андриянова Е.А.

ФГБОУ ВО Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России, заведующая кафедрой философии, гуманитарных наук и психологии. Доктор социологических наук

elena-andriyanova@yandex.ru

Федонников А.С.

ФГБОУ ВО Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России, проректор по научной работе. Кандидат медицинских наук

fedonnikov@mail.ru

Аннотация: Специфика рисков современной социальной практики рассматривается на индивидуальном уровне через эмоциональные потери, категориально представленные феноменом страха. Нарастающая повседневная неопределенность сохранения здоровья человеком в совокупности с недоверием к институциональной надёжности медицины порождают разбалансированность эмоционального фона индивида. Страх в медицине и перед институтом медицины формирует широкую амплитуду действий – от превенции рисков неправильных действий до поддержания приемлемого стандарта здоровья.
В познавательном плане в структуре восприятия риска в медицине страх есть риск неправильной или дискретной коммуникации между субъектами медицинского взаимодействия. Таким образом, на категориальном уровне систематическая межсубъектная коммуникация является фактором восстановления нарушенного равновесия в системе здравоохранения и может рассматриваться как базовая детерминанта формирования доверия к институту медицины.

Ключевые слова: медицина, страх, коммуникация, превенция рисков

Risks in medicine: From Fear to Trust.

Andriyanova E.A.; Fedonnikov A.S.

Saratov State Medical University n.a. V.I. Razumovsky

Abstract: The specifics of the risks of modern social practice are considered on an individual level through emotional losses categorically represented by the phenomenon of fear. The growing daily uncertainty of health providing with a lack of confidence to the institutional reliability of medicine generates an imbalance in the emotional background of the individual. Fear in medicine and the institute of medicine has a wide range of actions – from the prevention of risks of incorrect actions to maintaining an acceptable standard of health providing. Cognitively in the structure of risk perception in medicine, fear is the risk of incorrect or discrete communication between participants of medical interaction. Thus, at the categorical level, systematic communication between the participants is a factor in restoring disequilibrium in the healthcare system and can be considered as the basic determinant of trust development in the institute of medicine.

Keywords: medicine, fear, communication, risk prevention

В обществе риска, характеризующемся «состоянием чрезмерной тревоги» [1, с. 8] здоровье является одним из наиболее трудных вопросов, в отношении которого необходимо осуществлять выбор и принимать решения. Медицина создала технологии, на которые человек перекладывает свои опасения за собственное здоровье непосредственно или через своих родных и близких.

Работы классиков социальной теории риска, таких как У. Бек, Э. Гидденс, Д. Луптон, М. Дуглас и др. представляют собой методологическую основу изучения рисков в области медицины, а также их воздействия на индивида и его существование.

Э. Гидденс отмечал, что риск – это также ориентация на действия, которые увеличивают и уси-

ливают реальную опасность [2, с. 107]. В частности, риск не является только беспристрастной оценкой имеющегося или возможного вреда, но скорее идентификация риска всегда включает оценку и определение приоритетов в отношении возможных последствий.

Маркировка основных индикаторов риска как «потенциальная возможность угрозы будущих потерь (ущерба), обусловленных субъективным решением [3], позволяет нам представить типологию рисков на базе категории «ущерб» (потеря): материальный; физический; психологический; социальный; моральный; экономический.

Потеря как характеристика социальной практики формирует на индивидуальном уровне эмоциональный фон определённой валентности. Эмоции в общественных отношениях являются индивидуальным опытом, и социально-философский анализ должен это признать. В этом ключе возможно рассмотрение определенных социальных формаций как способствующих и отражающих конкретные формы эмоциональности. Или, в более общем смысле, охарактеризовать целые общества как «эмоциональные» разными способами в том смысле, что их члены обычно проявляют определённые эмоциональные реакции в определённых социальных условиях. В течение заданных периодов времени и, в частности, в социокультурных контекстах члены социальной общности широко практикуют, активно обмениваются и ожидают определенных форм эмоциональности. Существуют также общественные формы эмоциональности, которые являются менее преходящими и, поскольку они рутинизированы, менее заметны, чем публичные выражения. Любая культура стремится как поощрять, так и запрещать определенные формы эмоционального выражения, варианты, которые реализуются социальными агентами в заданных формах социальной активности.

В последние десятилетия вопросы о страхе и тревоге поднимались в связи с широким спектром проблем: господство сознания риска [4], страх городской среды [5], страх перед преступностью [6], страх перед другим [7], усиление страха через средства массовой информации [8, с. 175], страх как отдельный дискурс [9, с. 18], влияние страха на закон [10], отношения между страхом и политикой [11], страх как «культура» [12, 13] и страх «самостоятельной культурной формы» [14, с. 238]. Чувства страха и неизвестности являются основными детерминантами общественного восприятия и принятия риска для широкого спектра опасностей [15, 16] и могут также быть связаны с такими факторами, как добровольность, управляемость, летальность и справедливость [17]. Страх перед болезнью, врачами, медицинскими вмешательствами заполняет семантические и поведенческие поля современного социального пространства. Некоторые исследователи полагают [18, 4], что восприятие рисков следует рассматривать как основанное на опасности с учётом аффективных эмоций по поводу действий. Поэтому изолированный анализ технических фактов сам по себе не обязательно даст пациентам то, что им нужно, или то, чего они хотят.

Традиционно общества связывают страх с чётко сформулированной угрозой: страх смерти, страх перед конкретным врагом, страх перед голодом. Угроза была определена как объект страха. Проблема была не в чувстве страха, а в том, чего боялись: смерти, болезни, голода. Сегодня многие рассматривают сам страх как угрозу. На современном этапе общественное беспокойство и озабоченность обсуждаются как материальные факторы, которые могут оказать решающее влияние на здоровье и благополучие людей. Исследователи в современной медицинской культуре утверждают, что стресс и страх могут увеличить риск сердечно-сосудистых заболеваний, онкологической патологии и хронических заболеваний легких [19]. В Великобритании завершение расследования предполагаемых последствий для здоровья от использования мобильного телефона в настоящее время рассматривается как образец того, как реагировать на современные опасения в отношении здоровья [6].

Ситуация страха в значительной степени опосредована через физическую, психологическую, культурную и социальную среду, в которой она развивается. Элементы, опосредующие страх в конкретной ситуации, могут быть подвергнуты деконструкции, но все же изначально вплетены во взаимосвязанные потоки. Из этого возникает эмоциональный отклик и, в свою очередь, последующие действия, связанные с ним, поскольку эмоции являются составными элементами действий. В этом смысле страх имеет важное временное измерение, как пишет J. Barbalet «объект страха не воспринимается адекватно как угрожающий агент, которого следует избегать. Скорее объектом страха является ожидание отрицательного результата» [20].

Как возможен переход от страха как отрицательной эмоции к доверию как его эмоциональной «противоположности». Ответ заключен в возможностях формирования среды доверия, в частности в медицине, посредством и с помощью современных информационных технологий

Н. Луман утверждал, что осведомлённость и доверие связаны друг с другом. Тем не менее, хотя они различаются, доверие и осведомлённость принадлежат к одной области уверенности в себе. Хотя доверие – это решение проблем риска, оно должно быть достигнуто в привычном мире. Осведомлённость является одним из факторов, влияющих на решение о доверии к человеку или учреждению. Например, то, как долго мы знаем кого-то, влияет на наш уровень осведомлённости о нем, что впоследствии влияет на то, доверяем ли мы ему. То, доверяет ли человек будущим событиям или нет, субъективно, поскольку у каждого человека свой уровень риска / избегания риска, доверия или недоверия. Люди используют осведомлённость как механизм расчета риска [21].

Необходимо ответить, что Н. Луман осуществляет демаркацию между доверием и уверенностью. Оба относятся к ожиданиям, которые могут привести к разочарованию, однако, они различаются по атрибуции. Доверие требует некоторого элемента риска и возможно только в ситуации, когда вероятность отрицательных результатов выше, чем вероятность положительных результатов. Если мы предпочитаем одно действие другому, несмотря на возможность разочарования, мы доверяем. В результате этого решения о доверии любое разочарование связано с внутренними причинами. Уверенность возникает, когда мы не рассматриваем альтернативы и полагаемся на наши ожидания. Мы уверены, что наши ожидания будут оправданы. В случае разочарования вину переносят на внешние обстоятельства поскольку индивид ожидал, а не выбирал, и, следовательно, разочарование не было результатом неоправданного доверия [21]. В этом смысле доверие означает, что мы «выбираем» верить. Уверенность, с другой стороны, предполагает передачу полномочий системе или вовлеченному лицу; решение больше не является нашим «выбором».

Цифровые информационно-коммуникационные технологии в медицине могут не только собирать и предоставлять общую информацию, экономить время, которое может быть потрачено на индивидуальное общение, но и дополнять наблюдения врачей за пациентами. Общее понимание основных правил электронной опосредованной практики необходимо в любом контакте между врачом и пациентом. Какая практика считается адекватной, зависит от диагноза, стадии заболевания, отношений между врачом и пациентом и компетенции. Тем не менее внедрение электронных средств коммуникации не гарантируют положительный результат во взаимоотношениях между врачом и пациентом [22], а является возможностью эффективно осуществлять превенцию рисков доверия к институту медицины.

Литература:

1. Wilkinson I. Anxiety in a risk society: Health, risk and society. New York: Routledge. 2001.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность. Thesis. 1994. №5.
3. Риск в социальном пространстве. Под ред. А.В.Мозговой. М., 2001.
4. Covello V.T., Sandman P.M., Slovic P. Risk communication, risk statistics, and risk comparisons: a manual for plant managers. Washington, DC: Chemical Manufacturers Association. 1988.
5. Ellin N. Thresholds of Fear: Embracing the Urban Shadow // Urban Studies. 2001. Vol. 38, №. 5-6.
6. Garland D. The Culture of Control; Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford. Oxford University Press. 2001.
7. Salecl R. On Anxiety. London: Routledge, 2004.
8. Altheide D.L. Creating Fear; News and the Construction of Crisis. New York: Aldine De Gruyter, 2002.
9. Grupp S. Political Implications of a Discourse of Fear; The Mass Mediated Discourse of Fear in the Aftermath of 9/11, (unpublished paper: Berlin). 2003.
10. Guzelian C. P. Liability and Fear. Stanford: Stanford Public Law and Legal Theory Working Paper Series: Stanford Law School. 2004.
11. Furedi F. The Politics of Fear; Beyond Left and Right. London: Continuum Press, 2006.
12. Furedi F. The Culture of Fear; Risk Taking and the Morality of Low Expectations. London: Cassell, 1997.
13. Glassner B. The Culture of Fear; Why Americans Are Afraid Of The Wrong Things. New York: Basic Books, 1999.
14. Tudor A. A (macro) sociology of fear? // Sociological Review. 2003. Vol. 51 Is. 2.
15. Slovic P., Peters E., Finucane M.L., Macgregor D.G. Affect, risk, and decision making // Health Psychology. 2005. Vol. 24.
16. Fischhoff B., Slovic P., Lichtenstein S., Read S., Combs B. How safe is safe enough? A psychometric study of attitudes towards technological risks and benefits // Political Science. 1978. Vol. 9. Pp.127-152.
17. Sandman P.M. Four kinds of risk communication // The Synergist. 2003.
18. Sandman P.M. Risk communication: facing public outrage // EPA Journal. 1987. Vol. 13.
19. Furedi F. Book Review of Constructing Fear // American Journal of Sociology. 2003. Vol.102.
20. Barbalet J.M. Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
21. Luhmann N. Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives.

New York: Basil Blackwell, 1988.
22. DiMaggio P., Hargittai E. From the “digital divide” to “digital inequality”: Studying Internet use as penetration increases [Электронный ресурс]. URL: http://www.webuse.umd.edu/webshop/resources/Dimaggio_Digital_Divide.pdf (дата обращения – 05.08.2019).

Стереотипы сознания, научная мысль и образование как факторы социокультурной эволюции

Васильев Г. Г.

МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра философии гуманитарных факультетов, доцент. Кандидат философских наук

vasiljev-vgg@yandex.ru

Якухнова Е. Г.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения, кафедра английского языка для естественных факультетов, аспирант

vasileva-vsl@yandex.ru

Аннотация: Управление является объективным свойством эволюции социокультурных систем. Оно опосредовано сознательной деятельностью человека, но не всегда носит научный характер. Возникает вопрос, какой смысл мы вкладываем в понятие «научное управление социокультурным развитием», что особенно важно в связи с наличием таких глобальных проблем современности, как возможность применения ядерного оружия, терроризм и так далее. Авторы рассматривают этот вопрос на основе таких явлений, как стереотипы сознания, наука, образование, и исследуют их роль и значение в эволюции культуры Homo sapiens.

Ключевые слова: управление, сознание, стереотипы сознания, наука, образование, социокультурная эволюция

Mental stereotypes, scientific thought and education as factors of sociocultural evolution.

Vasiljev G.G.; Yakukhnova E.G.

Lomonosov Moscow State University: Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Humanities; Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Department of English language for natural faculties

Abstract: Management is an objective property of the evolution of sociocultural systems. It is mediated by the conscious activity, but is not always scientific in nature. The question arises, what meaning we put in the concept of “scientific management of socio-cultural development”. It is especially important in connection with the presence of global problems of our time, the possibility of using nuclear weapons, terrorism and others. The authors examine this issue on the basis of such phenomena as mental stereotypes, science, education. They study their role and significance in the evolution of the Homo sapiens culture.

Keywords: management, consciousness, mental stereotypes, science, education, sociocultural evolution

1. Сознание человека – это эволюционный прорыв живых организмов в осмыслении внешнего мира. Животные не способны к осознанию внешней реальности. Человеку же реальный мир открыт. Он способен к коммуникации и обсуждению назревших проблем. Отсюда возникают беспрецедентные возможности осознания мира, его осмысления и преобразования. Перед человечеством стоят кардинальные проблемы развития – глобальные проблемы современности, терроризм, обуздание гонки ядерных вооружений и другие. По Тойнби – это «вызовы», которые требуют «ответов» в условиях современной цивилизации. Опираясь на феномен сознания, человечество пытается найти решение этих проблем. Проблемы сложны и актуальны, поскольку они связаны с выживанием вида Homo sapiens.

2. Вместе с тем феномен сознания является естественным продуктом биологической эволюции. Сознанию, как фактору социокультурной эволюции, свойственны существенные недостатки, на которые, как правило, не обращают внимание. Вспомним аллегорию Платона о пещере. Люди находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю её длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что им не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо оковы мешают им повернуть голову. Люди обращены спиной к свету, исходящему

от огня, который горит далеко в вышине, а между огнём и узниками проходит верхняя дорога, огражденная невысокой стеной вроде ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол. За этой стеной другие люди несут различную утварь, держа её так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. Платон интересуется, знают ли люди о действительной реальности, помимо теней, отбрасываемых огнём на расположенную перед ними стену пещеры. Собеседник отвечает, что они не могут видеть ничего иного, так как всю свою жизнь вынуждены держать голову неподвижно.

Платон заключает, что это обстоятельство свойственно всем людям. Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, они бы считали, что дают названия именно тому, что видят [1, с. 295].

Сознание, хотя и воспроизводит окружающую действительность, но воспроизводит неточно, так как обременено субъективностью и наполнено предвзятыми мнениями. Однако люди принимают воображаемый мир за подлинное, истинное изображение внешней реальности и на основе этого совершают действия в окружающей среде. Динамизм общественной жизни требует немедленного принятия решений по всему кругу социальных проблем. В итоге получается, что свойственная человеку индивидуальная картина мира служит основанием для конкретных действий во внешнем мире, в том числе решений о принятии государственных, экономических и других реформ, решений о начале войны, революции и так далее. Управленческие решения основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого.

3. В ходе социокультурной эволюции сознание как фактор субъективной реальности с неизбежностью превращается в стереотипы сознания и поведения. Стереотипы сознания и поведения, с точки зрения культурологического подхода, есть продукт и основное содержание каждой локальной культуры. Согласно Э. Сепиру, культура – это «социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих наш образ мысли» [2, с. 185]. Социальный стереотип и призван, как отмечает Ю.Е. Прохоров, «хранить и транслировать некоторые доминантные составляющие данной культуры» [3, с. 7].

Культура, в которой живёт человек, является специфическим способом приспособления к среде существования. Этот способ основан на сознательной деятельности людей. Стереотипы сознания, обычаи, традиции, общепринятые нормы поведения передаются в каждом народе из поколения в поколение. Благодаря этому культура сохраняет, облегчает и защищает жизнь человека, устанавливает модели его взаимоотношений с природой, другими людьми и самим собой. Стереотипы сознания и поведения обусловлены своеобразием культуры, что порождает разнообразие оценок одних и тех же явлений социальной реальности. Отсюда проявление враждебности в мире взаимоотношений локальных культур.

Сознанию свойственна ошибочность, субъективность. Люди в решении самых разнообразных проблем рассматривают феномены сознания, которые являются продуктами субъективной деятельности, как нечто непогрешимое. Люди забывают, что ни один человек в этом мире, равно как и научное сообщество в целом, не обладает истиной. Согласно Пифагору, лишь бог обладает истиной, люди же только стремятся к истине. С этим и связано возникновение термина «философия». При решении актуальных проблем цивилизации нередко исчезает осторожность в принятии управленческих решений, недооценивается необходимость постоянного поиска истины, толерантность, диалог и т.п. Все эти аспекты в наше время актуальны и весьма значимы.

С точки зрения современных культурологических исследований способность человека к символизации оказывается весьма значимой. Человек, согласно Э. Кассиреру, является символическим существом [4, с. 469]. Эта же позиция хорошо продумана в эволюционной концепции культуры Лесли Уайта [5, с. 173]. Основным средством символической активности человека является язык. Только через язык, как главный способ символической активности человека, осмысливаются и выражаются все стереотипы (сознания, языка, поведения) и все явления культуры. Только через язык мы можем понять и транслировать другим поколениям смысл всех явлений в эволюции культуры Homo sapiens.

Следует различать стереотипы сознания, языка и поведения. Каждая локальная культура сохраняет стереотипы сознания и поведения как наиболее значимый фактор своего выживания. Но поскольку социальный мир находится в движении, возникает также задача слома и изменения стереотипов. Эта проблема является также весьма значимой в эволюции каждой локальной культуры.

Возникает вопрос о роли и соотношении стереотипов сознания и стереотипов поведения в социокультурной эволюции. Появление продуктов сознания, развитие субъективной деятельности – это творческий фактор социокультурной эволюции. Почему животные не способны к совершенствованию технической деятельности, развитию систем общественных отношений? Это происходит потому, что только человеку свойствен субъективный и творческий характер духовной и символической активности. В субъективном плане человек всегда живёт в мире идей и символов. Поэтому и во внешнем бытии он сохраняет преемственность и континуум в эволюции явлений культуры.

4. В эволюции сознания, как фактора социокультурной эволюции, огромная роль принадлежит научной мысли. Наука – ведущий фактор социокультурной эволюции. На это обстоятельство обращали внимание такие мыслители как П. Сорокин [6, с. 521-531], В.И. Вернадский [7, с. 567]. Различают аристотелевскую, ньютоновскую, эйнштейновскую и современную научные картины мира. В наше время человеку доступно познание не только макромира, но и мего- и микромира. В отличие от аграрных и индустриальных технологий современный человек широко применяет информационные технологии. Научный прогресс значителен. Но это не означает, что современный человек знает всё. Современный человек, как считают представители эволюционной теории познания (К. Лоренц, К. Поппер, Г. Фоллмер), знает лишь некоторые структурные характеристики внешнего мира. Основной гносеологический постулат эволюционной теории – гипотетический реализм [8, с. 53-60]. Этот же подход в основном выражен и в современной философии.

5. Продукты научной рациональности посредством стереотипов сознания должны стать основой общественного мнения в каждой локальной культуре. Только в этом случае они могут быть освоены политиками и станут действенным инструментом решения назревших проблем общественного развития. Ибо политическая деятельность, с точки зрения общественного разделения труда, не является научной деятельностью. Платон, вероятно, ошибался, когда считал, что именно философы и представители науки должны управлять государством. Человечество нашло другой путь решения этой проблемы. Это книги, газеты, радио, телевидение. Но решающим в этом плане является система образования в каждой этнической культуре, в которой научное знание осмыслено при помощи родного языка и, посредством стереотипов сознания, становится доступным широкому кругу населения. Систему образования нельзя рассматривать как фактор коммерческих услуг. Этим принижается её ценность и значимость как фактора социокультурного развития. Система образования сохраняет и транслирует новым поколениям накопленное каждой локальной культурой научное знание. Деятельность учителей и педагогов следует отнести к существенному, необходимому и ведущему фактору в рамках каждой локальной культуры. Можно согласиться с тем, что государство, которое недооценивает роль и значение науки и системы образования, неизбежно проигрывает в социокультурном развитии.

6. Научное знание эволюционирует. И снова многократно должен повторяться процесс превращения научного знания, посредством системы образования, в стереотипы сознания и поведения. В каждой локальной культуре происходит сохранение, разрушение и творчество новых стереотипов. В конечном счёте это необходимо, чтобы эволюционный процесс стал научно направляемым.

Научно направляемый процесс эволюции цивилизации не исключает ошибочных решений, не исключает субъективизма и искажения реальности, но он даёт человечеству шанс принимать управленческие решения на основе последних достижений науки. Поэтому в эволюции локальных культур необходимы толерантность и диалог в решении актуальных проблем современной цивилизации.

Литература:

1. Платон. Собрание соч. в 4. т. Т.3. М.: Мысль, 1994.
2. Сепир Э. Язык. Введение в изучении е речи // Избранные труды по языкознанию и культурологи. М., 1993.
3. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
4. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. Гардарика, 1998.
5. Уайт Л.А. Символ: начало и основа человеческого поведения // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры. СПб.: Издательство “Центр гуманитарных инициатив”, 2011.
6. Сорокин П.А. О так называемых факторах социальной эволюции // Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.
7. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: M8RUGRAM, 2017.
8. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М.: Русский Двор, 1998.

Идея прав человека в обществе риска

Горбунова М.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Башкирский государственный университет, аспирант

mvgorbun@yandex.ru

Аннотация: Понятие риска различным образом осмысляется на всех уровнях правосознания – индивидуальном, групповом (включая профессиональное) и общественном. Правовая идеология, охватывающая все эти уровни, затрагивает смысловые аспекты бытия и наиболее глубоко влияет на правосознание. Цель исследования – продемонстрировать кризисное состояние идеи прав человека как основы современной правовой идеологии в обществе риска, используя учение о взаимосвязи функций реального, воображаемого и символического Ж. Лакана. Распространённость использования дискурса о правах человека рассматривается с точки зрения притягательности для индивидуального правосознания «объектапричины желания» вопреки постоянной и, более того, нарастающей в количественном и качественном выражении реализации множества рисков. Причиной популярности идеи прав человека, таким образом, является не её эффективность и польза для конкретного человека, а способность обеспечить удовольствие и абстрагирование от юридически значимых проблем.

Ключевые слова: правовая идеология, общество риска, объект-причина желания, индивидуальное правосознание, правовая фантазия, правозащитный дискурс

The human rights idea in a risk society.

Gorbunova M.V.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Bashkir State University

Abstract: Legal consciousness differently interprets risks at individual, group (including professional) and public levels. Legal ideology, covering all these levels, affects the semantic aspects of being and therefore deeply affects legal consciousness. With Lacaninan teaching about the relationship between the functions of the real, imaginary and symbolic, the study aims to demonstrate the crisis of human rights idea in a modern risk society from the perspective of an individual. The prevalence of the human rights discourse is analyzed from a viewpoint of its attractiveness for individual legal consciousness (as the unattainable “object of desire”) despite the constant and quantitatively and qualitatively increasing of the realized risks. The reason for the popularity of human rights idea, therefore, is not its effectiveness or benefit for a particular person, but the ability to provide pleasure and abstraction from legal issues.

Keywords: legal ideology, risk society, object cause of desire, individual legal consciousness, legal fantasy, human rights discourse

Правосознание как активное отражение и конструирование правовой реальности является системой, в которой выделяют три основных взаимодействующих подсистемы: идея права, правовой закон и правовая жизнь [1, с. 225]. В любом обществе и в любую эпоху есть своя центральная идея, по Гегелю – Дух эпохи. Она имеет правовой срез, который интенсивно развивался в средневековой Европе, где церковное и городское право развивались в ходе жесткой конкуренции, а также под влиянием универсальной системы образования как условия развития личности – субъекта права. Советская правовая идеология служила объединению народов в противовес религиозным автономиям и требовала самопожертвования индивида во благо государства. Правовая идеология включает, в том числе, и квазиправовые (религиозные, нравственные) элементы, предоставляя необходимый ценностный минимум для ориентации индивида в правовой жизни.

Отсюда ясно, почему люди держатся за правовые идеи, ценности или практики, даже когда они не противоречат фактам правовой жизни, нереализуемы либо реализуются, но в ущерб личным интересам, интересам близких, общества или человека вообще. Индивидуумы могут придерживаться деформирующих правосознание идеалистических убеждений (закон неоспорим, неизменен, последователен и обеспечивает всеобщую справедливость и свободу личности) даже после ознакомления с информацией или столкновения с практикой, которые раскрывают несовершенство законодательства, правоприменения или репрессивный характер правовой идеологии.

На восприятие права как универсального и безупречного, преувеличение самостоятельного значения закона вне связи с поддерживающими его выполнение системами общества влияют масс-медиа и политика. Они играют значительную роль в формировании понимания и восприятия таких основных для любой системы права понятий, как свобода, равенство и справедливость, что влияет и на моральные представления о правильном и неправильном, приемлемом и преступном, моральном и аморальном.

Субъекты права выражают себя через язык, который действует подобно компьютерной программе, следуя заранее определенным алгоритмам, поэтому субъективность частично является автоматическим отображением цепочки означающих. Тем не менее, сам процесс обозначения означает неявное разграничение, позволяющее изменять цепочку обозначений. Следовательно, субъект права не полностью детерминирован языком или символом. Эта незавершенность приводит к постоянному, невосполнимому недостатку в структуре субъективности.

Для генерации воображаемого чувства завершенности субъекта, идеи, идеалы, другие субъекты, места или любые объекты заполняют «пробелы» в субъективности. В бесконечном поиске полноты субъект постоянно пытается приблизиться к объекту-причине («object a») желания, но не может достичь своей цели, не теряя себя: «желание – это всегда желание другого» [2, с. 96]. Объектпричина желания может оказаться любой: богатством, вниманием, любовью конкретного субъекта, символическим статусом, материально бесполезные объекты, системы убеждений. Не важно, чем является объект, важно то, что субъект рассматривает объект как нечто, что обеспечит ему полноту и стабильность. Как только это состояние достигнуто, находится новый объект-причина желания и цикл продолжается. В другом случае объектам присваиваются значения, которые они не имеют, например, универсальность и вечность, поэтому субъект поддерживает одно и то же желание постоянно. Это наблюдается, например, при следовании идеологии. Независимо от того, желает ли субъект постоянно или спорадически, ничто не может заполнить пустоту субъективности, поэтому индивид никогда не может получить то, что желает. Причина желания – это не отношение к конкретному объекту, а следствие недостаточности субъективности. Фантазия устраняет тревогу, вызванную отсутствием этой завершенности.

Права человека выглядят как самое благородное творение философии права и юриспруденции и как лучшее доказательство универсальных устремлений глобального общества риска. Почти священный статус прав человека сохраняется вопреки фактам, указывающим на то, что современное общество риска всё также приемлет насилие и глубокое социальное неравенство. Начиная с первой декларации прав человека в XVIII веке, человечество увидело две самых кровавых войны в истории, акты геноцида, разделение между богатыми и бедными. Идеологический триумф прав человека парадоксально совпадает по времени с фактами наиболее значительных нарушений прав человека.

Почему права человека остаются манифестируемой вершиной современной философии и юриспруденции? Одна из причин, на наш взгляд, это роль прав человека в обеспечении воображаемого чувства стабильной идентичности и объективного значения для субъектов. В соответствии с их универсальностью, права человека утверждаются как включающие в себя представления о том, что составляет сущность человека. По словам бывшего Председателя Генеральной Ассамблеи ООН, они должны быть признаны и защищены просто потому, что это то, во что всё человечество верит и чего желает [3]. Таким образом, права человека могут восприниматься как нечто, способное заполнить пустоту субъективности и обеспечить полное наслаждение, что позволяет считать справедливым подход, позиционирующий риск как элемент управления [4].

Фантазии об общечеловеческих правах создают впечатление, что объект-причина уже достигается. Заявив, что у нас есть права человека, которые государство должно гарантировать, мы предполагаем, что объект желания уже наш: всё, что нам нужно сделать – это должным образом описать права человека и кодифицировать. Права человека становятся фантастическим сценарием, в котором общество и человек воспринимаются как нерасщепленное целое. В этой фантазии общество понимается как нечто, что может быть рационально организовано, как сообщество, которое может стать бесконфликтным при выполнении одного лишь условия – «уважения прав человека». Следовательно, права

могут рассматриваться как решение всех значительных социальных проблем и отвлекать от решения фактических причин сложных проблем общества риска, таких как нищета, сексизм и другие.

Даже признавая современные документы по правам человека частичными и неполными, субъекты правозащитных дискурсов часто не признают, что активируют фантазии, которые содержат обещание завершения борьбы за права человека в будущем. Субъекты правотворчества в обществе риска обычно стремятся переопределить права, перейти от существующих прав к новым – создавать новые права в их бесконечном поиске «детерминированных», «реальных», и «законных» прав (постоянные и часто противоречивые изменения в законодательстве, а также откровенно сенсационные законопроекты). Они считают, что необходимо исправить неопределённость понятия прав человека, что изменит состояние общества, что является явным проявлением фантазии о полноте в будущем. Результатом является самовоспроизводящийся поиск «улучшенных» – хорошо сформулированных и действующих прав.

В более негативном варианте социальная картина мира, включая правовой идеал как частный случай общественного идеала, выстраивается на иллюзорных представлениях, которые индивид или группа принимают за саму социальную действительность. Не менее рискогенно разрушение той сферы, на которую распространялась ложная идея. Разочарование в конкретной правовой идеологии, концепции, подталкивает к неприятию права вообще. Так, разочарование в советской идеологии, а затем и в неработающей идее правового государства привели к распространению правового нигилизма.

Некоторые оправдывают наличие деформаций правосознания отсутствием правовой идеологии [5], однако идеология правового государства, верховенства права, закреплённая в Конституции, никак не доказывает отсутствия идеологии в общественной жизни [6].

Причина проблемы, думается, состоит в том, что идеологии прошлых поколений воспринимаются достаточно чётко и отдельно друг от друга, в отличие от идеологии, господствующей в настоящем, поскольку индивид оценивает правовую систему и руководствуется ею, то есть мыслит в её рамках, а не над ней. Новая идеология, стало быть, всегда отличается недифференцированностью, а её «расшифровка» отдельными субъектами предоставляет возможности целенаправленного разрушения извне либо подтачивания изнутри.

Литература:

1. Данильян О.Г., Байрачная Л.Д., Максимов С.И. Философия права: Учебное пособие. М.: Эксмо, 2005. 416 с.
2. Lacan J. Ecrits. New York: W. W. Norton & Company, 1966. 498 p.
3. Боуринг Б. Деградация международного права? // Неприкосновенный запас. 2011. № 5(79). [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/neprikosnovennyy-zapas-79-52011/12097-degradaciya-mezhdunarodnogo-prava.html (дата обращения: 30.09.2019).
4. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
5. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 312 с.
6. Гаршин Н.А. К вопросу об онтологическом статусе феномена постидеологии // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3(57). [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.126 (дата обращения: 11.06.2018).

*Общество риска в современных условиях: антропологическое измерение**

Гриценко Г.Д.

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, главный научный сотрудник; Ставропольский государственный медицинский университет, кафедра философии и гуманитарных дисциплин, профессор. Доктор философских наук

dissovet@rambler.ru

Аннотация: В статье представлен анализ современного общества как общества риска из перспектив человеческого измерения. Опираясь на теоретическое наследие Н. Лумана, У. Бека, Дж. Шорта, О.Н. Яницкого, были обоснованы положения о сосредоточении рисков в организационно-управленческой сфере современного общества и возрастании ответственности субъекта принятия решения. Уровень развития современного социума в условиях глобализации характеризуется изменчивостью и неопределенностью, которые усиливают рискогенную составляющую социального целого. Появляются такие характеристики социальной рискогенности, как «дерево решений», «порог бедствия», политическая оценка выбора риска, риск-решение. В этих условиях актуализируется вопрос об обязательности системного мировоззрения, создающего теоретико-методологическую основу для восприятия субъектом рискогенности современного общества в его целостности и системном единстве.

Ключевые слова: общество риска, субъект принятия решения, «дерево решений», «порог бедствия», политическая оценка выбора риска-решения, системное мировоззрение

Risk society in modern conditions: an anthropological dimension.

Gritsenko G.D.

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Principal Researcher; Stavropol State Medical University, Department of Philosophy and Humanities

Abstract: The article presents an analysis of modern society as a risk society in terms of the human dimension. Based on the theoretical legacy of N. Luhmann, U. Beck, J. Short, and O.N. Yanitsky, the provisions on the concentration of risks in the organizational and managerial sphere of modern society and the increasing responsibility of the decision-maker were justified. The level of development of modern society in the context of globalization is characterized by variability and uncertainty, which strengthen the risk-making component of the social whole. Such characteristics of social riskogenicity appear as “decision tree”, “disaster threshold”, decision-making subject, political assessment of risk choice, risk-decision. Under these conditions, the issue of the mandatory systemic worldview, which creates a theoretical and methodological basis for the perception by the subject of the riskogenicity of modern society in their integrity and systemic unity, is becoming relevant.

Keywords: risk society, decision-maker, “decision tree”, “disaster threshold”, political assessment of the choice of risk-decision, systemic worldview

[i]Современный мир характеризуется небывалой динамичностью и изменчивостью, что становится не только серьезной исследовательской проблемой, но и сложной задачей для человека в его повседневной деятельности. Человек неизбежно оказывается в ситуации нового, неизвестного, следовательно, неопределённого, рискогенного. Распространенность рискогенности в современном социальном пространстве нашла своё отражение в частом использовании в современной научной литературе понятия «риск» в том или ином сочетании: «общество риска» [1, 2], «социальные риски» [3, 4], «риски в сложном социуме» [5], «феномен риска в социологии» [6], «риски современного этапа» [7] и др.

В этой ситуации целесообразно прояснить понятие «риск». Согласно сложившейся традиции, существует западноевропейская и восточная версии трактовки риска. Отправной точкой в рамках западноевропейской традиции является греческое ῥιζικόν «утес», которым воспользовались итальянцы,

i Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта № гр. АААА-А19-119011190170-5

преобразовав его в понятие risico – «опасное дело». В испанском языке понятие risco означает «крутая обрывистая скала», которая у моряков ассоциировалась с опасностью. В XVI веке данное понятие появляется в португальском языке при описании морских путешествий, которые сопровождались серьезными опасностями и рисками [8, с. 8]. В Россию понятие «риск» приходит в конце XVIII в. из французского языка: «risque» – «опасность» и «risquer» – «лавировать между скал» [9]. Такая трактовка свидетельствует о формировании в сознании западноевропейского человека понимание риска как реальной опасности, как утраты чего-то существенного.

В рамках восточной традиции, в частности китайской, риск обозначает как реальную, так и потенциальную угрозу, опасность [8, с. 10], то есть в восточном мировоззрении присутствует двойственность трактовки понятия «риск».

Современное понимание термина «риск» достаточно вариативно: 1) вероятность опасности, неудачи [10]; 2) вероятностное событие, связанное с неопределенностью, которое негативно влияет на проект [11, с. 9]; 3) потенциальная, численно измеримая возможность неблагоприятных ситуаций и последствий в виде какого-либо ущерба, связанная с неопределенностью и др. [12, с. 20]. С точки зрения большинства исследователей в современных определениях риска акцент делается на вероятности неблагоприятных, неудачных, негативных последствий в ситуации неопределённости [13, с. 37-38]. Это означает, что современное восприятие риска перемещается в сторону восточно-философского мировосприятия, а именно потенциальности риска, акцентируя тем самым непредсказуемость социального существования.

Однако если вести речь о человеческом измерении риска, то данной трактовки будет не достаточно. Важно знать, когда человеку грозят ситуации, в которых концентрируются рискогенные вероятности. В данном контексте целесообразно обратиться к теории риска, которая прошла длительный, почти столетний, путь от изучения множества отдельно взятых рисков к методологически важной исследовательской ситуации – рискогенной составляющей единого социального пространства. Научный поворот к изучению социального целого, имманентно содержащего рискогенность, был своеобразным ответом на методологический запрос исследовательской ситуации, сложившейся к началу 80-х годов XX века и характеризующейся всё большей хаотичностью и запутанностью социальных процессов, неопределенностью и неоднозначностью человеческого существования, в результате сосредоточенности исследовательского взгляда на отдельно взятых социальных институтах и структурах, социальных движениях и организациях, межличностных и внутригрупповых процессах [14, p. 711-712].

Для рассматриваемой проблематики важным являются разработки, созданные Н. Луманом, Э. Гидденсом, У. Беком, Дж. Шортом и другими исследователями в середине 80-х годов прошлого века. Одним из антропологически значимых положений может считаться утверждение, что любому обществу имманентно присуще производство рисков, что само общество является генератором рисков. Именно поэтому необходимо исходить не просто из утверждения «общество и риск», «человек и риск», а «человек в обществе риска». Кроме того, в условиях глобализации, усиливающей социальную неопределённость и неоднозначность, рискогенность приобретает ещё большую актуальность [15, с. 81].

Для понимания постулата «человек в обществе риска» плодотворным может быть сконструированная Н. Луманом модель «дерево решений». С точки зрения исследователя в современном обществе любое принимаемое человеком решение неизбежно связано с рискованными последствиями, в отношении которых человеком принимаются новые решения, также порождающие риски: то есть в цепи любых решений сосредоточиваются потенциальные угрозы, образующие некий феномен, который неизбежно содержит значительные риски даже без привязки к конкретным решениям [16, p. 22-23]. Таким образом, объективно формирующееся «дерево решений» как цепь решений обязательно концентрирует риски [16, p. 23], которые в результате целостности социального пространства могут проявиться в любой части этого пространства. Следовательно, человека и как субъекта, принимающему решение, и как объекта, подчиняющегося решению, в современном социуме неизбежно сопровождают потенциальные риски.

Однако современный человек, постоянно находясь в рискогенном социальном пространстве, сталкивается с разным «качеством» риска. И здесь конструктивным с точки зрения антропологического измерения общества риска становится введённое Луманом в научный оборот понятие «порог бедствия», которое и определяет качество риска, то есть ту границу, за которой риск может восприниматься как серьёзная неудача, как бедствие. С точки зрения Лумана «порог бедствия» зависит от характера вовлечённости человека в риск: в качестве субъекта принятия решения или реализуемого решение

объекта, и может быть применён только к тому, кто выносит решение [16, p. 3-4]. Таким образом, рассматривая антропологическое измерение современного общества как общества риска, и трактуя риск через понятие «порог бедствия», мы концентрируем внимание на субъекте принятия решения. Ведь именно от субъекта зависит, будет ли он учитывать риск, брать его в расчёт, оценивать «порог бедствия» [16, p. 3]. Это означает, что в современном обществе на первый план выдвигается вопрос о том, кто принимает решения. Безусловно, рискогенность в социуме возникает не только в результате принятия субъектом того или иного решения, но как итог объективных социетальных факторов и процессов. Однако в рамках рассматриваемой проблематики важны рискогенные ситуации, обусловленные человеком, принимающим решения, оценивающим «порог бедствия» и в конечном итоге сталкивающимся с проблемой выбора риска. Это неизбежно перемещает рискогенную ситуацию в «пространство для соглашения, а не просто в поле различных мнений по поводу <…> риска». Следовательно, как справедливо отмечает Луман, проблема риска субъекта выбора переводит данную проблему в политический контекст. Любая оценка риска-решения будет политически обусловленной, политической оценкой допустимого риска [16, p. 30-31].

Понимание риска в обществе риска через риск-решение субъекта неизбежно выводит на организационно-управленческую сферу. Именно здесь, по мнению ряда ученых, актуализируется вопрос о грамотном выстраивании процессов управления организационно-управленческими рисками, об интеграции этих процессов в общеорганизационное управление современным социумом в целом [17; 18; 19; 20]. Это означает, во-первых, что современное общество имманентно концентрирует риски-решения прежде всего в сфере социального управления, во-вторых, что объективно возрастает роль субъекта не только в принятии решения в цепи решений, в оценке и выборе им «порога бедствия», но и в понимании политической целесообразности выбора риска. Усиливается ответственность субъекта за результаты управленческой деятельности. Общество риска, таким образом, актуализирует вопрос о качестве человеческого капитала в организационно-управленческой сфере, под которым, прежде всего, подразумевается обладание системным мировоззрением [21], позволяющим человеку преодолевать противопоставления закономерного и случайного, общего и особенного, изменчивости и тождественности, субъекта и объекта, личности и общества, которые являются взаимозависимыми и взаимоопределяющими элементами взаимодействия в единой системе развития. Именно системное мировоззрение позволяет эффективно решить проблему выбора риска, создавая теоретико-методологическую основу для взгляда на общество и человека в их целостности и системном единстве.

Литература:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 384 с.
2. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. 231 с.
3. Рыбакова М.В. Социальные риски как показатель развития социального государства на Евразийском пространстве // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1-2. С. 186-188.
4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57-67.
5. Кравченко С.А., Салыгин В.И. Риски в сложном социуме: динамика уязвимостей для человечества, стратегия гуманистического поворота // Россия в новой социально-политической реальности. Вып. 3: «Риски: стратегия, практика оптимизации и упреждения». М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2015.
6. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.
7. Кравченко С.А. Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. М.: Проспект, 2013. С. 13-20.
8. Клири Ш., Мальере Т. Глобальные риски. Деловой успех в неспокойные времена: пер. с англ. М.: Вопросы экономики, 2012. 224 с.
9. Фасмер М. Этимологический онлайн-словарь [Электронный источник]. URL: https://lexicography.online/etymology (дата обращения: 28.12.19).
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
11. Авдошин С.М., Песоцкая Е.Ю. Информатизация бизнеса. Управление рисками. М.: ДМК Пресс, 2011. 176 с.
12. Михайлов Ю.М. Ресурсы снятия рискогенных ситуаций: сетевой мониторинг // Вестник Тверского госуниверситета (Вестник ТвГУ). Серия «Философия». 2013. Вып. 3. С. 36-45.
13. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3-35.
14. Short J.F., Jr. The Social Fabric of Risk: Towards the Social Transformation of Risk Analysis // American Sociological Review. 1984. Vol. 49 (December). P. 711-725.

15. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
16. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 148 p.
17. Козер Л.А. Реалистический и нереалистический конфликт // Психология конфликта: Хрестоматия / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. С. 59-67.
18. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения / Пер. с англ. А. Гореловой. М.: Наука, 1992. 158 с.
19. Вест А.А., Фёдорова А.В. Риски и конфликты в современных организациях: проблемы и перспективы управления // Инновационная наука. 2015. № 3. С. 243-247.
20. Наумова С.Ю., Журавлев П.В., Шеховцев А.Ю., Федорова А.В. Риски в коммуникативном пространстве социума. Саратов: Изд-во ПАГС, 2004. 156 с.
21. Шагиахметов М.Р. Основы системного мировоззрения (системно-онтологическое обоснование). М.: Изд-во КМК. 2009. 263с.

Значение философского определения риска для хирургии

Кузнецов Н.А.

ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет). Доктор медицинских наук

doc.nikkuz@yandex.ru

Аннотация: Междисциплинарный подход позволил переосмыслить содержание сложного и неоднозначного явления «риск», что помогло далекой от философии медицинской науке (хирургии) создать формулу индивидуального количественного прогноза плановых хирургических вмешательств у большой группы пациентов с доброкачественными и злокачественными заболеваниями органов грудной и брюшной полостей. Сформулированная формула позволяет в ходе необходимой, адекватной и целенаправленной предоперационной подготовки нивелировать отрицательное влияние на исходы операции значимых периоперационных факторов прогноза и в ряде случаев добиться нулевых показателей летальных исходов для ряда обречённых пациентов.

Ключевые слова: риск, операционный риск, прогноз операций, междисциплинарный подход в изучении риска

The Importance of a Philosophical Definition of Risk for Surgery.

Kuznetsov N.A.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University)

Annotation. The interdisciplinary approach allowed us to rethink the content of the complex and controversial phenomenon of “risk”, which helped the medical science (surgery), far from philosophy, to create a formula for individual quantitative prognosis of planned surgical interventions in a large group of patients with benign and malignant diseases of the chest and abdominal cavities. The formulated formula allows during the necessary, adequate and targeted preoperative preparation to level the negative impact of significant perioperative prognosis factors on the outcome of the operation and in some cases to achieve zero death rates and a number of doomed patients.

Keywords: risk, operational risk, prognosis of operations, an interdisciplinary approach to the study of risk

Медицина и, в частности, хирургия является одной из областей человеческой деятельности, связанной с риском – послеоперационный прогноз в хирургии напрямую связан с проблемой принятия решения об операции, с проблемой операционного риска. Подчеркнём, что в настоящее время периоперационный прогноз осуществляется на основании качественной оценки операционного риска – с помощью разного вида шкал (баллов). Например, «наличие риска», «очень низкий риск», «низкий риск», «умеренный риск», «промежуточный риск», «высокий риск», «крайне высокий риск», «особо высокий риск», «очень высокий риск», «V-ая категория риска», «экстраординарная ситуация с особо высоким риском» [1, с. 3,4]. Следует привести устоявшийся в юридической науке термин «оправданный риск» [2, с.385-386; 3, с. 86-87]. Сошлёмся на русскую версию учебника «Хирургия» национальной медицинской серии США, в котором отмечено: «Разумно обоснованный риск, операции по жизненным показаниям – неизбежная составляющая хирургии» [4, с. 124]. Оценочные выражения указанного типа, равно как и балльная оценка операционного риска мало что дают хирургу практику – эти оценки не объективизированы, отсутствует их количественная оценка. В этой ситуации врачи, принимая решение, вынуждены проводить ретроспективный анализ – качественную оценку критериев операционного риска они осуществляют на уровне мнения – наиболее распространённой формы бездоказательного суждения.

Таким образом, отсутствие единой интерпретации понятия “риск”, множественные разночтения в вопросе о терминологии операционного вообще вносят схоластику в представления об этом сложном и неоднозначном явлении, делая крайне затруднительным решение проблемы операционного риска на узкопрофессиональном (медицинском) уровне. Ключ к разрешению этой задачи мы искали на другом уровне – междисциплинарном. С помощью такого подхода мы рассчитывали сформировать новое научное направление – «клиническую рискологию».

Междисциплинарный подход способствовал применению в хирургии философского определения риска как «деятельности, связанной с преодолением неопределённости в ситуации неизбежного выбора, в том случае, когда имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, также неудачи и отклонения от цели» [5, с. 21,22]. Привлечение междисциплинарного подхода исследования для решения поставленных задач позволило исследовать философскую сущность «риска» с помощью теоретических (аксиоматический, гипотетический, формализация, абстрагирование, обобщение, восхождение от абстрактного к конкретному, системный анализ) методов исследования. Были использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, наблюдение, описание, измерение, сравнение. Материал был подвергнут исследованию статистическими методами, в частности, факторного анализа, кластерного анализа, анализа корреляционного и многомерного регрессионного анализа. Такой подход позволил нам говорить, что риск, как деятельность по преодолению неопределенности в ситуации неизбежного выбора (оперировать – не оперировать), существует лишь в плановой хирургии. Такой подход на основании математического моделирования, экстраполирования и статистики позволил нам впервые создать формулу индивидуального прогноза плановых операций на грудной и брюшной полостях у пациентов с доброкачественными и злокачественными заболеваниями. Эта формула позволяет рассчитывать на достижение «золотого стандарта» плановой хирургии – нулевой летальности. Такой подход позволил впервые выявить 16 периоперационных факторов, определяющих индивидуальный прогноз у этих пациентов, позволил впервые сформулировать пять видов периоперационного прогноза у значительной группы пациентов – это благоприятный прогноз; относительно благоприятный прогноз; условно благоприятный прогноз; прогноз, вызывающий сомнение в благоприятном исходе операции; неблагоприятный прогноз. Позволил продемонстрировать глубокую связь объективных (математических) и субъективных элементов принятия решения в плановой хирургии, заключающуюся в том, что окончательное решение о выполнении плановой операции принимает врач как индивидуальный субъект со своими индивидуальными качествами. Показано, что опытные врачи (стаж 41-46 и более лет) готовы оперировать онкологических больных даже при неблагоприятном прогнозе. Говоря о теоретической значимости нашей работы следует отметить, что именно комплексный междисциплинарный подход при решении проблемы стратификации операционного риска и прогнозирования операционных вмешательств позволил использовать в медицине принципиально иное определение понятия «риск». Данный подход предоставил нам возможность построения прямых параллелей между теоретическими (философскими) трактовками определений «ситуации риска» (возможность выбора в принятии решения) и «крайней необходимости» (отсутствие такового) и трактовками, распространёнными в практической науке (хирургии), что позволило говорить о существовании феномена риска лишь применительно к плановым вмешательствам – о возможности оценки его в плановой хирургии. Исходя из теоретических представлений о риске, сформированных отечественным философом А.П. Альгиным, следует подчеркнуть, что в ситуации, когда хирург, не имея выбора, выполняет вмешательство «не смотря ни на что», говорить об операционном риске не приходится.

Практическая составляющая нашей работы позволяет проводить адекватную и полноценную предоперационную подготовку пациентов с учетом выделенных нами «коррегируемых» прогностических периоперационных факторов (табакокурение, лекарственная аллергия, ожирение III ст., дыхательная недостаточность III ст., ишемическая болезнь сердца: стенокардия III функционального класса, фракция сердечного выброса менее 49 %, гипертоническая болезнь II ст.), позволяющих существенно снизить летальность и частоту послеоперационных осложнений. Нами показано, что при принятии решения о вмешательстве следует учитывать негативное влияние на исходы плановых вмешательств так называемых «некоррегируемых факторов»: злокачественное заболевание в качестве основного, длительность злокачественного (основного) заболевания более 1 года, хроническая почечная недостаточность, хроническая печёночная недостаточность, травматичность вмешательства. Доказано, что в случае достижения у пациентов при прогнозировании вмешательства «точки риска» следует ожидать у них резкое (более, чем в 3,5 раза) увеличение фактической летальности по сравнению с больными, у которых исходный показатель прогнозируемого фатального исхода не достигал 33%. В частности, мы предложили определять исходы операций у наших пациентов на основании числовой характеристики явления – формулы индивидуального количественного прогноза.

$$y = +0{,}355 - 0{,}085\,X1 - 0{,}084\,X2 - 0{,}151\,X3 - 0{,}089\,X4 - 0{,}126\,X5 - 0{,}262\,X6 - 0{,}02\,X7 +$$

$$0{,}122\,X8 - 0{,}069\,X9 - 0{,}056\,X10 + 0{,}103\,X11 - 0{,}089\,X12 - 0{,}211\,X13 + 0{,}320\,X14 + 0{,}103\,X15 + 0{,}05\,X16$$

Примечание: y – прогнозируемый летальный исход плановой операции; X1 – мужской пол; X2 – вторая, Rh-положительная группа крови; X3 – табакокурение; X4 – лекарственная аллергия; X5 – более одного чревосечения в анамнезе; X6 – торакотомия в анамнезе; X7 – злокачественное заболевание в качестве основного; X8 – длительность злокачественного заболевания более 1 года; X9 – ожирение III ст; X10 – дыхательная недостаточность III ст. на фоне ХОБЛ; X11 – ИБС: стенокардия III ФК; X12 – фракция сердечного выброса менее 49%; X13 – гипертоническая болезнь II ст.; X14 – хр. почечная недостаточность; X15 – хр. печеночная недостаточность; X16 – травматичность вмешательства + 0,355 – свободный член уравнения регрессии.

Междисциплинарный подход позволил нам также трактовать с теоретических позиций ещё один тип ситуации, подчас отмечаемой в медицине – “ситуацию полной неопределенности”. Она возникает в том случае, когда “вероятность того или иного события определить нельзя”, а возможные варианты “снятия” неопределенности трудно учесть. При этом действия медиков четко не прогнозируются - в этом случае речь идет не о клинической (плановой, экстренной), а об экспериментальной хирургии (медицине).

Заключая настоящие тезисы, подчеркнем, что с учётом предложенного философского определения понятия «риск» следует пересмотреть трактовки этого явления во множестве документов и актов. Считаем целесообразным в медицинской науке отказаться от употребления термина «факторы операционного риска» в пользу выражения «прогностические периоперационные факторы».

Литература:

1. Кузнецов Николай Анатольевич. Проблема операционного риска в плановой хирургии: автореферат дис. … доктора медицинских наук. Москва, 2018. 45 с.
2. Ромодановский П.О., Баринов Е.Х., Спиридонов В.А. Судебная медицина: учебник. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 528 с.
3. Беспалов Ю.Ф. Уголовный кодекс РФ: постатейный научно-практический комментарий. М.: ЭКСМО, 2020. 928 с.
4. Хирургия / Пер. с англ. Ю.М. Лопухина, В.С. Савельева. М.: ГЭОТАР-Медиа, 1997. 856 с.
5. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. 187 с.

Семантика современного общества риска: философская концептуализация понятий

Ломако О.М.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, профессор, доктор философских наук

olga-lomako@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена философскому осмыслению семантики общества риска в его историческом развитии. Рассматривается различие семантики риска в обществе модерна и в современном обществе, приоритетом которого становится безопасность. В XXI в. появляется «мировое общество риска» (Ульрих Бек), что связано с процессом глобализации. Основная трудность в понимании рисков заключается в том, что риск находится между определённостью и неопределённостью, между рациональным и нерациональным, между реальностью и ирреальностью. Речь идёт о необходимости философской концептуализации понятий, поскольку отношения дефиниций выступают как отношения власти. Методология исследования риска предполагает необходимость предвидения непредсказуемого, поэтому рассматривается семантика риска и опасности, риска и катастрофы. Риск существует в предвидении, катастрофа – событие фактическое. Центральной идеей мирового общества риска становится контролируемость риска и опасностей.

Ключевые слова: социальная философия, семантика риска, история, общество риска, мировое общество риска, катастрофа, безопасность

Semantics of Modern Risk Society: Philosophical Conceptualization of Terms.

O. M. Lomako

Saratov State University

Abstract: The article is devoted to the philosophical understanding of the risk society semantics in his historical transformation. It is about the difference between the semantics of risk in an industrial society and in a modern society, whose priority is security. In the XXI century, there is a «world society of risk» (Ulrich Beck), which is associated with the process of globalization. The main difficulty in risk analysis is that the risk is between certainty and uncertainty, between rational and irrational, reality and unreality. We are talking about the need for philosophical conceptualization of terms, since the relations of definitions act as relations of power. The methodology of risk research assumes the need to anticipate the unpredictable, so the semantics of risk and danger, risk and disaster are considered. Risk exists in anticipation, and disaster is an actual event. The Central idea of the global risk society is the controllability of risk and dangers.

Keywords: social philosophy, risk semantics, history, risk society, global risk society, disaster, security

Интегративные процессы, вызванные процессом глобализации, порождают разнообразные разрушительные и созидательные риски, которые становятся неизбежной составляющей человеческой жизнедеятельности. Социальное взаимодействие современного человека характеризуется непредсказуемостью и неуверенностью вследствие утраты ориентиров существования в окружающем мире. Неуверенность и опасность всегда были непременным условием человеческого существования. Однако, как отмечает У. Бек, необходимо различать семантику риска, которая – с началом процесса модернизации в эпоху Нового времени – всё больше связывается со значениями «решение», «неопределённость» и «вероятность/шанс». В широком смысле слова семантика предполагает анализ отношения между языковыми выражениями и миром, как воображаемым, так и реальным. Семантика риска относится к современному осмыслению будущих опасностей в их предвидении, создавая тем самым возможность для разработки новых «пост-утопических» проектов общества, направленных, как правило, на объединение усилий для решения возможных проблем, которые могут стать реальными. Возникают союзы между обществами, государствами и экономическими концернами [1, с. 19-20].

В период индустриализации, начиная с межконтинентальной морской торговли, два типа риска становятся основной проблемой – шанс и опасность. Риск начинает представлять собой шаблоны восприятия и мышления, оказывающие влияние на социальную динамику, которая конфронтирует с открытостью и неопределённостью самоконструируемого будущего и не может быть определена через традицию, религию или веру в целительную силу утопии. Обнаружив свою многоликость и экзистенциальное измерение, риск в отсутствии Бога становится угрожающим и непредсказуемым. Будущее не подчиняется Богу и Божественной мудрости, превращаясь тем самым в бесконечное приключение. Мир вовсе не такой, каким он представляется, напротив, будущее как бытие во времени предполагает решения, а именно такие решения, которые могли бы уравновесить взлёты и падения, добро и зло.

Философия и естествознание возвестили амбивалентность риска модерна. Когда «мыслящий субъект» Декарта понимается как всеобщее основание, это означает, по сути, что действующее «Я» выступает против предначертанного судьбой будущего. Эту позицию Гегель по праву назвал героической.

Героика риска нашла отражение в первых романах Нового времени как прорыв в неизвестный мир, который всё больше и больше скрывает свою непредсказуемость. Х. Аренд говорит о разрушении традиции, используя термины «прыжок» и «поворот». Таким прыжком, например, было обращение С. Кьеркегора от сомнения к религии, поворот и деформация традиционного отношения веры и разума. Это, в свою очередь, явилось ответом на всеобщее сомнение Декарта, на его «de omnibus dubitandum» (всё спорно), в основе которого лежит подозрение, что ничто не является таким, каким кажется человеку. «Прыжок» Кьеркегора из сомнения в веру привнёс сомнение в саму веру и превратил тем самым пришедшее извне «нападение» науки модерна на религию во внутренний религиозный вопрос. Борьба между сомнением и верой не была больше разногласием между верующими и неверующими, а разыгрывалась в душе каждого верующего и настолько успешно, что для человека модерна опыт веры в бога вообще считался возможным только в напряжении между сомнением и верой [2, с. 38-39].

Современное общество У. Бек характеризует как «мировое общество риска», начиная его анализ с семантики риска и катастрофы [3, с. 265]. Риск существует в предвидении, как событие антиципированное, катастрофа – событие фактическое. Дефиниции современного общества риска – открытие и предвидение непредсказуемого, удивление и внезапность, и вместе с тем, страх и дозированное предвосхищение смерти, которое, собственно говоря, включает риск в повседневность. Быть значит рисковать и рисковать значит быть. Декартовское «cogito ergo sum» обернулось «periculum ergo sum» – «рискую, следовательно, я есть».

История социальных наук – соответственно истории романа – может быть описана как историческое изменение образов риска. Так, «у Бальзака доминирует не экзистенциальная рискованность богооставленной случайности человеческих отношений. Здесь в центре повествования оказываются современные социальные институты: полиция, юстиция, мир финансов или даже преступный мир, военные силы, авторитет государства» [1, с. 22]. В романах Бальзака отсутствует так называемый «happy end», нет счастливого конца. В них изображается общество, основой которого является неоднозначность риска.

Семантика общества риска особенно актуальна сегодня в языках техники, экономики и естествознания, равно как и в языке политики. Публичная драматизация рисков встречается, прежде всего, в тех естественных науках (генетика, медицина, нанотехнологии), скорость развития которых превосходит любую фантазию. В обществе риска основной темой становится скорость и радикальность процессов модернизации и, главное, последствия успехов модернизации. Возникает новая семантика рискогенности, поскольку методы калькуляции и институциональной обработки рисков становятся невозможными. В этих условиях развивается новый моральный климат политики, в котором культурные, то есть специфичные для каждой страны оценки, играют центральную роль и все «за» и «против» возможных или реальных последствий принятых решений становятся публичным достоянием. При этом меняются функции науки и техники. За прошедшие два столетия в странах Запада авторитет традиции уступил место суждению учёных. Однако чем больше наука и технологии в глобальном масштабе проникают в жизнь и её преобразовывают, тем меньше – парадоксальным образом – означает авторитет экспертов как нечто бесспорное. Более того, общая тенденция научного прогресса такова, что постепенно снижается авторитет научных экспертов, в то время как визуализация рисков становится фундаментальной и массовой.

Категория общества риска означает тематизацию центральной идеи – контролируемости риска. Это означает, что динамика общества риска базируется не столько на предпосылке, согласно которой мы

должны жить сегодня и в будущем в мире невиданных прежде опасностей, сколько на предположении, что решения о будущем нашего мира мы должны принимать в условиях постоянно воспроизводимой ненадёжности. Отсюда следует, что мир не может больше контролировать опасности, которые производит современность. Вера в то, что современное общество может контролировать производимые риски, разрушается – не на основе ошибок поражения модерна, а как раз, наоборот – на основе его победы.

В семантике понятия «общество риска» не имеется в виду такое современное общество, в котором удалось хотя бы в принципе сделать контролируемыми обусловленные решениями индустриально производимые опасности, ненадёжность и неопределённость с помощью логики рисков. Эта категория относится не к первому модерну XIX – начала XX вв. с его индустриальным обществом и национальным государством, а к разворачиванию новых рисков, которое начинается во второй половине XX в. Речь идёт об историческом опыте экологического кризиса и деградации безопасности государства благосостояния. Опасность обретает разрушительную силу войны, то есть социальное неравенство изменяет свою форму. Социальная нужда всегда была иерархичной. Новая опасность и риски, напротив, демократичны. Они касаются как богатых, так и бедных [1, с. 26-27].

О рисках говорят тогда, когда вред и ущерб являются следствием принятия собственных решений. Речь идёт о субъектном характере рисков. Как справедливо отмечает А.Л. Стризое, субъектный характер рисков связан не только с «освоением новых технологий или с приспособлением к ним. Во всё большей мере цивилизационные риски – это риски сознательного конструирования, управления, творческой деятельности» [4, с. 11]. В случае опасности следует иметь в виду разрушения, пришедшие извне. При этом риск, по замечанию Н. Лумана, тоже может стать опасностью, хотя бы в виде опасности, исходящей от решений других. Поэтому способность различения риска и опасности чрезвычайно важна для сохранения социального порядка [5, с. 81].

Категория «риск» открывает мир по ту сторону ясного различия между знанием и незнанием, истиной и ложью, добром и злом. Одна единая и единственная истина распадается на множество относительных истин, которые одновременно означают как близость к риску, так и растерянность перед ним. Это не значит, что риск «отменяет» любую форму знания. Говоря точнее, риск «переплавляет» в мыслительном горизонте возможностей знание и незнание. В понятии риска выражается связь с незнанием, которое в настоящее время не может быть преодолено через «многознание», хотя именно из «многознания» оно и происходит. Иногда это незнание становится сценарием разных страхов и используется для инсценировки рисков в интересах, которые нельзя назвать благими.

Поскольку в рисках речь идёт о возможных событиях, которые могут наступить, но при этом ни в коем случае не являются необходимостью, им в значительной мере присуща ирреальность. Риски представляют собой социальные конструкции и дефиниции в структуре соответствующих отношений власти. Они существуют в форме знания как научного, так и альтернативного – вненаучного. Следовательно, их реальность может быть, как драматизирована, так и минимизирована. Она может быть изменена и вообще ложно представлена соответственно нормам, на основании которых решается вопрос о знании и незнании. Другими словами, риски являются продуктами борьбы за определения (дефиниции) и конфликтов дефиниций в рамках определённых отношений, то есть результатами инсценировки. Речь идёт о необходимости философской концептуализации понятий, поскольку отношения дефиниций выступают в конечном итоге как отношения господства и власти.

Опасения, которые направлены на пока ещё несуществующее будущее и которые до сих пор не могут быть преодолены с помощью науки, являются серьёзной угрозой для ограничения свободы научных исследований. Тем не менее в современных развитых обществах именно риск становится тем медиумом, который выполняет роль посредника между наукой, политикой и экономикой.

Литература:

1. Beck U. Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 2015. 437 S.
2. Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Munich, Zurich: Piper Verlag, 2013. 440 S.
3. Ломако О.М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека: логика и ирония // Изд. Сарат. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 265-269.
4. Стризое А.Л. Субъективные риски цивилизации и культуры в эпоху глобальных изменений // Риски цивилизаций и культур в глобальном мире: сб. трудов Всероссийской научной конференции (Саратов, 12 мая 2014 г.) / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов: ИЦ Наука, 2014. 245 с.
5. Luhman N. Soziologie des Risikos. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1991. 252 S.

Региональная культура: риски и консолидационные ресурсы современного общества

Листвина Е.В.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии. Доктор философских наук

listvamer@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема региональной культуры с позиций рискогенности современного общества. В настоящее время уделяется большое внимание развитию регионов, и региональная культура может выступать в роли мощного интеграционного ресурса. В то же время её консолидирующие возможности имеют и дезинтеграционный резерв, который способен проявиться в различных сферах существования региона (собственно культурной, демографической, этнографической, административной, историко-краеведческой, географической, социологической). Таким образом, социокультурное пространство региона нуждается в комплексном исследовании и многоаспектном рассмотрении факторов его развития. Это необходимо для выстраивания сбалансированного развития как отдельных регионов, так и всего социума в целом, чтобы подготовленно и аргументированно реагировать на динамичные вызовы современной эпохи, прогнозировать и разрабатывать программы социального развития.

Ключевые слова: социальные риски, регион, культура, социкультурный ресурс, межкультурное взаимодействие, консолидационные процессы

Regional culture: risks and consolidation resources of modern society.

Listvina E. V.

Saratov State University, Department of philosophy of culture and cultural studies

Abstract: The article deals with the problem of regional culture from the perspective of risk-taking in modern society. Currently, much attention is paid to the development of regions, and regional culture can act as a powerful integration resource. At the same time, its consolidating capabilities also have a disintegrating reserve, which can manifest itself in various spheres of the region's existence (cultural, demographic, ethnographic, administrative, historical and local history, geographical, sociological). Thus, the socio-cultural space of the region needs a comprehensive study and multidimensional consideration of the factors of its development. This is necessary for building a balanced development of both individual regions and the entire society as a whole, in order to respond in a prepared and reasoned manner to the dynamic challenges of the modern era, to forecast and develop social development programs.

Keywords: social risks, region, culture, sociocultural resource, intercultural interaction, consolidation processes

Проблема рискогенности современного общества становится одной из самых актуальных в последние десятилетия. Социальные риски охватывают практически все стороны социальной жизни. Проблемы культуры также подвержены рискогенным процессам, в том числе и те, что связаны с развитием региональной культуры.

Для начала необходимо определить, в каком аспекте возможно использование дефиницию «регион». Так, в Указе Президента РФ «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1996 г. за № 803 под регионом понимается «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий». При этом отмечается, что «регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации» [1]. В Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, разработанной Министерством регионального развития Российской Федерации в 2006 году, были

намечены основные линии трансформации регионов Российской Федерации на ближайшие 15 лет. Среди них была отмечена «новая регионализация России, в ходе которой появляются новые регионы как культурные и социально-экономические образования, выстраиваемые на основе общей социальной и хозяйственной жизни поверх старых административных границ» [2, с. 123]. Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [3] и выдвинутая в 2019 году «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [4] продолжили рассмотрение формирования регионов с учётом новых условий.

В настоящее время существует множество определений понятия «регион». По мнению некоторых ученых оно обладает свойством полисемии. В каждой научной дисциплине оно трактуется по-разному, что связано с выделением того или иного регионообразующего фактора. Таким образом, в содержании этих дисциплин отмечается многообразие подходов к объекту и предмету исследования. Чаще всего специалисты рассматривают этот феномен в рамках географических наук, подчеркивая его геоприродное начало. При этом используются термины «пространство», «ландшафт», «район», «территория», «агломерация». В современной экономике регионы – это субъекты РФ, крупные естественные экономические районы, федеральные округа, территориально и экономически связанные территории разных стран, существенная экономическая территориальная составляющая страны. В политологии объединяющим признаком региона становится интегрирующий географический фактор территории одной или нескольких стран. Теория государственного управления трактует регион как субъект, права и обязанности которого закреплены законами (например, конституцией). Анализ источников по социологии свидетельствует о новых подходах к пониманию понятия «регион», который в последнее время трактуется как форма территориальной организации социальной структуры общества, социальных связей и отношений, социальных институтов и процессов.

По мнению Г.М. Казаковой, регион можно определить как пространственно-временной комплекс с особой неповторимой конфигурацией черт, необходимой для воспроизводства, самоопределения и осуществления человеческой деятельности индивидуумов определённого регионального типа, сформировавшийся как результат природно-ландшафтного приспособления, этнически-национальных и социокультурных процессов, протекающих на конкретной территории [5, с. 113]. Отсюда потребность в рассмотрении его разнообразных ресурсов. Культура является одним из мощнейших консолидирующих ресурсов региона. Можно согласиться с И.Л. Мурзиной в её определении региональной культуры, под которой она подразумевает специфическую форму существования социума и человека, имеющую выраженную пространственно-географическую очерченность, опирающуюся на собственную историческую традицию и систему ценностей. Её отличает наличие своего набора функций, продуцирование специфической системы социальных связей и определённого типа личности. Региональная культура является вариантом общенациональной культуры и в то же время самостоятельным явлением, обладающим своими закономерностями развития и логикой исторического бытия, способностью оказывать влияние на общенациональную культуру. И.Л. Мурзина отмечает, что региональная культура является и состоянием, и процессом. Её развитие обусловлено как внешними (в частности, влиянием столичной культуры), так и внутренними факторами (природно-географическими, социально-экономическими, историческими, этническими, религиозными) [6, с. 10-11].

Таким образом, региональная культура является особенным социокультурным феноменом, обладающим не только внешними характеристиками (пространственная локализация, территориальная соотнесенность с ядром национальной культуры), но и внутренней спецификой (местные традиции, система ценностей, самобытность мировосприятия, осознание своей принадлежности к региональному сообществу, ощущение территории как необходимого условия существования этого сообщества, создание регионального культурного стиля). Приобретая определенную специфику, региональная культура вместе с тем сохраняет неразрывное единство с общенациональной культурой, трансформируя её содержание с учётом местных условий. С точки зрения системно-типологического подхода региональная культура рассматривается как целостная знаковая система, отражающая определенный хронотоп, накапливающая культурный заряд, который обладает важным фактором сбалансированного существования всей социокультурной системы общества [7].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что региональная культура обладает мощным консолидирующим ресурсом, однако вместе с тем эти ресурсы создают и определённое рискогенное поле, что придает региональным процессам особое звучание.

Обозначим эти факторы:

– ресурс так называемой «материнской культуры» (И.Л. Мурзина), лежащей в основе культуры региона, который в последнее время становится всё более размытым. Миграционные процессы, мобильность граждан, информационная прозрачность, поликультурность практически каждого российского региона – всё это позволяет представителям различных субкультур региона вступать в спор о месте и роли «своей» культуры в формировании культуры региона и ослаблять традиционно принятые характеристики регионов;

– продолжающий эту проблему демографический ресурс специфики трудовых потенциалов, развития миграции с позиций культурной динамики, усиливающий культурное разнообразие региона и обостряющий социокультурные коммуникации в межпоколенческом, межэтническом, межконфессональном аспекте;

– географический ресурс как выявление социокультурного резерва естественных, природных условий региона также может выступать одновременно и консолидационным, и рискогенным фактором, поскольку отношение к земле и ландшафтам как основе существования той или иной культуры с позиций каждой из них может становиться точкой столкновения;

– административный ресурс, который акцентирует внимание различных возможностях и способах объединения представителей различных культур в отдельных регионах (так называемые национально-культурные объединения, диапоры, влияющие на различные стороны региональной жизни);

– историко-краеведческий ресурс как выявление исторических фундаментальных основ особенностей жизни на данной территории, когда представители каждой из культур могут демонстрировать свои достижения и либо содействовать культурному балансу, либо вступать в культурное соревнование;

– этнографический ресурс определения социокультурного вклада этнического состава населения региона;

– социологический ресурс как исследование влияния на культурный потенциал региона деятельности определенных социокультурных групп, их воздействия на многообразные региональные процессы.

Литература:

1. Указ Президента РФ «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1996 г. за № 803 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10590/ (дата обращения 28.12.2019).
2. Концепция “Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации” (в сокращении) // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 3(4). Т. 2. С. 122-138.
3. Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/act/federative/71587690/ (дата обращения 28.12.2019).
4. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf (дата обращения 28.12.2019).
5. Казакова Г. М. «Региональная» и «провинциальная» культуры: о сущностных характеристиках // Вестник МГУКИ. 2007. № 3. С. 110-115.
6. Мурзина И. Л. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры. В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2006. 244 с.
7. Звягинцева М.М. Константы региональной культуры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 1. [Электронный источник]. URL https://cyberleninka.ru/article/n/konstanty-regionalnoy-kultury (дата обращения 28.12.2019).

Культурно-образовательная среда: риски и перспективы

Остапенко С.М.

Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), факультет международного регионоведения и регионального управления, Кафедра ЮНЕСКО, аспирант

OstapenkoSM@mail.ru

Аннотация: в статье освещены особенности формирования культурно-образовательной среды в контексте современного этапа развития социальных отношений в условиях цивилизационного влияния глобального общества. Обозначены ключевые риски российского социума и возможности применения обновленных культур-философских подходов, а также перспективы применения управленческих механизмов для организации культурно-образовательного пространства.

Ключевые слова: общество, культурно-образовательная среда, междисциплинарность, риски, культура, универсалии, культурная политика

Cultural and educational environment: risks and prospects.

Ostapenko S.M.

Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Faculty of International Regional Studies and Regional Management, Department of the UNESCO

Abstract: the article introduces the features of the formation of the cultural and educational environment in the context of the current stage of development of social relations in the conditions of the civilizational influence of global society. The key risks of Russian society and the possibilities of applying updated cultural philosophical approaches, as well as the prospects of applying managerial mechanisms for organizing a cultural and educational space are identified.

Keywords: society, cultural and educational environment, interdisciplinarity, risks, culture, universals, cultural policy

Исследования современного хода истории, постоянно обновляющиеся возможности, а также риски общественных трансформаций обращают особое внимание на культурно-образовательную среду как сферу бытия человека и общества. Выступая одновременно объектом и субъектом цивилизационного влияния глобального общества, она нуждается, с одной стороны, в обновлении культур-философских подходов на основе системности, непрерывности и растущей междисциплинарности социально-гуманитарного познания, с другой стороны, в поиске обоснованных и сбалансированных, в том числе управленческих, решений для формирования устойчивого межкультурного и общественного взаимодействия в условиях цивилизационных изменений.

Широкий круг исследователей указывает на высокую степень рискогенности как самого социума, так и образовательной среды. Кризисное состояние социокультурной жизни общества, сложность, размытость целеполагания «в условиях трансформирующегося общества» [1, с. 82] отмечает в своих многочисленных трудах О.Н. Астафьева.

Среди пяти уязвимостей современного общественного бытия в России, определённых С.А. Кравченко [2], можно выделить уязвимость неуправляемой открытости к экспансии культур, межэтнических конфликтов, социальных страхов; уязвимость усложнения самих рисков, провоцирующую трудности настоящего и будущего, разногласия в оценке ценностей, в том числе между научной и социальной рациональностью научной среды; уязвимость социальной и культурной динамики цивилизаций, имеющую в своей основе разногласия в мышлении.

Обострения цивилизационных трансформаций затрагивают прежде всего фундамент общественного прогресса, в основе которого лежат сферы культуры и образования, формирование культурно-личностной идентичности, системы цивилизационных кодов и культурно-образовательной среды в целом.

В достижении задач устойчивого развития и сбережения целостности культурно-образовательного пространства важной опорной точкой является принцип культуросообразности. Являясь базовым в необходимости обоснования культурного измерения и последствий социальных изменений для жизнедеятельности каждого человека, он становится показателем степени согласованности ценностно-смысловой основы культуры общества и его институциональных механизмов, обеспечивает равновесие между уровнем материально-технического развития общества и нравственной зрелостью человеческого интеллекта.

Одним из действенных методов отражения трансформаций, происходящих в культурно-образовательной среде в последние годы, является обновление философских аспектов её исследований.

Усложняющаяся, многомерная структура процессов эволюции феномена культуры представлена в рациональной, целостной теории культуры В.С. Степина, отражающей не только динамичность эпохального развития, но и её возможность функционировать «в потоке времени» [3, с. 7], следовательно, способность продолжать воздействие на формирование культурной среды.

Ученый, помимо биологического и генетического, выдвигает понятие социального кода, который способен транслировать из поколения в поколение знания, навыки, образцы деятельности, нормы и ценности.

В качестве системообразующего ядра обосновывается понятие «универсалии культуры» как категории, отражающей модель мироздания. Два больших блока универсалий содержат базисные основания для деятельности («пространство», «причинность», «количество») и общественные понятия (добро и зло, вера, свобода), и включают человека в систему социальных коммуникаций. Как отмечают исследователи, в жизнедеятельности универсалии выполняют функции взаимосвязи базиса человеческого сознания относительно эпох, сортируют исторически изменчивый социальный опыт, обобщают понимание картины мира. Это играет существенно важную роль в процессах становления личности [4].

Своеобразный «прорыв» в подходах к обновлению культурно-образовательной среды представлен в исследованиях ученых О.Н. Астафьевой и Н.Е. Судаковой. Они отражают поиски путей устойчивого развития человеческого сообщества путем преодоления деструктивных процессов. В качестве инструмента всесторонней социальной и общественной самореализации личности утверждается понятие «инклюзии» как новой, системной, культурной универсалии [5]. Это, безусловно, даёт обществу новую возможность горизонтального расширения механизмов и укрепления системы ценностей, а также построения вертикальных звеньев управления процессами формирования культурно-образовательного пространства.

Перспективы разрешения сложностей организации культурно-образовательной среды не представляются возможными без создания нового типа генеральной стратегии развития России с опорой на управленческие механизмы культурной политики.

Ценностно-смысловые основания инновационной стратегии культурной политики России подробно рассмотрены О.Н. Астафьевой в работе «Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике», где в качестве успешной перспективы будущего существования страны обосновывается ценностно-смысловая опора культурной политики на общие параметры порядка культуры. Автор указывает, что практически в любой стране культурная политика соответствует ценностям и смыслам, положенным в основу доминирующей политико-идеологической системы. Катастрофическим для российского общества с точки зрения издержек является слепое «копирование» моделей общественного развития других стран. Управление же такой сверхсложной системой, как современный российский социум, основанное на принципе копирования, и есть источник многочисленных кризисных ситуаций.

Недопустимо также рассматривать культуру только с точки зрения её полезности и размера вклада в экономику государства, так как позиция «полезности» – только один из параметров порядка. Следование по этому пути – это повторение старых ошибок в новом варианте. Поэтому «необходимо понять механизмы формирования модели развития и принципов взаимодействия (внешних и внутренних связей) антропо-социо-культурной системы, обеспечивающих «пронизанность» параметрами порядка культуры, системой ценностей, устанавливающей социальное согласие и благоприятные условия для творческого саморазвития» [6, с. 2].

По мнению О.Н. Астафьевой в качестве базовых в стратегии современной культурной политики

России должны быть заложены два основных принципа. В организации взаимодействия – принцип когерентности (согласованности культуры, экономики и политики), а в организации взаимоотношений – принцип транспарентности (прозрачности и открытости государства и институтов гражданского общества). В современном российском обществе, основанном на коммуникативной парадигме, важны также ценностно-смысловые основания бытия. Без них не представляется возможным достичь открытости и обратной связи в отношениях между обществом и государством. Недооценка этого момента при построении культурной стратегии повлечёт неэффективность управленческих усилий.

Именно при таких смысловых опорах, отказе от «экономикоцентристской» концепции, которая разрушает ценностное поле культуры, и переходе к «культуроцентристкому» направлению культурная политика России позволит построить качественно новое культурно-образовательное пространство и сохранить национальную безопасность страны.

Согласно О.Н. Астафьевой только такой синергетический подход к ценностным основаниям, свойственный динамическому культурному типу России, может стать новой парадигмой упорядочивания процессов культуры [6] и сделает саморазвитие и самоорганизацию культуры не только интенсивными и целенаправленными, но и устойчивыми.

Государственные механизмы регулирования, в том числе культурно-образовательного пространства, отражены в создании национальных проектов по 12 направлениям стратегического развития Российской Федерации [7].

Культурный и педагогический аспекты обновления образования, целостности и гуманистического содержания культурно-образовательной среды российской государственности наиболее ёмко представлены в нацпроектах «Культура» и «Образование», последний из которых содержит ряд первоочередных мер по решению приоритетной задачи вхождения России в десятку стран мира по качеству общего образования, продвижению российского общего образования за рубежом, обновлению кадрового обеспечения отрасли образования [8].

Одной из сторон успешной реализации государственной образовательной политики является повышение её управляемости на муниципальном и региональном уровне, нивелирование разночтений и противоречий между подходами региональных и муниципальных органов исполнительной власти к вопросам обеспечения качества образования. Такой подход предполагает сочетание прозрачности финансирования, оптимальную доступность муниципальных образовательных организаций к ресурсам региона, методическую поддержку школ, решение проблемы дефицита педагогических кадров [9].

Необходимо отметить, что наметились положительные тенденции и в области обновления ресурса управленческих кадров в сфере культуры и образования. Появление конкурентоспособных магистерских программ проектного менеджмента, сочетающих умение совмещать региональную специфику с эффективными практическими инструментами, свидетельствует о возможности выравнивания и стабильного функционирования государственной системы управления. Таким успешным примером служит реализация кафедрой ЮНЕСКО и Научно-образовательным центром «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления (ИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации магистерской программы «Управление в сфере культуры, образования и науки», занимающей в настоящее время 23-ю позицию в мировом предметном рейтинге Eduniversal лучших магистерских и MBA-программ [10].

Создание устойчивого однородного общества, соответствующего идентичности и культурным нормам и ценностям, преодоление рисков – одно из непременных условий прогрессивного развития российского социума на пути к постиндустриальной эпохе. Следовательно, важность культурно-образовательного пространства для становления личности и соответствие его экономического, технологического, социального состояния бесконечно обновляющимся процессам глобальной модернизации является непременным условием и задачей применения научных познаний и управленческих механизмов.

Литература:

1. Астафьева О.Н. Динамика социокультурных процессов: нестабильность как проявление сложностности // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия «Философские, социальные и естественные науки». 2013. №1 (19). С. 82 – 91.
2. Кравченко С.А. Проблемы новых уязвимостей российского общества // Вестник МГИМО. 2013. №4 (31). С. 282-290.
3. Запесоцкий А.С. Теория культуры академика В.С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае-сентябре 2010 года. СПб.: СПбГУП, 2010. 112 с.
4. Запесоцкий А.С. Деятельностно-семиотическая теория культуры Вячеслава Степина // Философия культуры. 2013. № 1 (61). С. 9-29.
5. Natalia E. Sudakova, Olga N. Astafyeva Inclusion as a Modern Cultural Universal: Reflection and Conceptualization // Journal of Social Studies Education Research. 2019. Vol 10, № 3. P. 212-235.
6. Астафьева О.Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике [Электронный ресурс]. URL: http://spkurdyumov.ru/art/konceptualnye-osnovaniya-kulturnoj-politiki/ (дата обращения: 29.02.2020).
7. Общие вопросы реализации национальных проектов [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/rugovclassifier/660/events/ (дата обращения: 28.02.2020)
8. Национальный проект «Образование» [Электронный ресурс]. URL: https://edu.gov.ru/national-project/ (дата обращения: 25.02.2020).
9. Эффективные модели управления сетью образовательных организаций распространят через стажировочные площадки [Электронный ресурс]. URL: https://edu.gov.ru/press/2011/o-deyatelnosti-minprosvescheniya-rossii-po-voprosam-regionalizacii-obschego-obrazovaniya-i-organizacii-doshkolnogo-obrazovaniya (дата обращения: 29.02.2020).
10. Магистерские программы ИГСУ вновь вошли в топ лучших программ по рейтингу международного рейтингового агентства Eduniversal [Электронный ресурс]. URL: http://igsu.ranepa.ru/news/p133143/?fbclid=IwAR0QqVfwcbGv9Ijl_ej9qFtwRonLZlG-GF4CW2gEccMN5og4nnDaJS2xSpA (дата обращения: 26.10.2019).

Влияние процессов глобализации на трансформацию ценностей российской семьи

Прохорова И. Г.

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Департамент социологии истории и философии, главный специалист

prokhorovaig@gmail.com

Аннотация: Процесс глобализации оказывает серьёзное влияние на трансформацию экономических, социально-политических, духовно-нравственных и общественных отношений в обществе. Глобализация обостряет ощущение зависимости человека от игры мировых сил, выявляет глубинную сопряжённость каждого человека и всего человечества. Этот процесс можно охарактеризовать следующими взаимоисключающими проявлениями: ростом личной свободы в неразрывной взаимосвязи с ростом неопределённости и незащищённости; неукоренённостью, неспособностью контролировать внешние обстоятельства, прогнозировать будущее; отсутствием глобальных смысложизненных целей как у человека, так и у человечества; превалированием краткосрочных и среднесрочных планов над долговременными; выбором в качестве стиля жизни ускользающего бытия, существования «здесь и сейчас». При этом параллельно происходит вытеснение из духовного пространства и социальной жизни традиционных культурных ценностей, происходит прямая экспансия, навязывание новых социальных норм, правил и принципов социального бытия, культурных образов, образовательных стандартов и морали. Кардинально переосмысливается социальная сфера, существенные изменения происходят и в сфере социогендерых отношений. Произошла трансформация семейных ценностей, изменились роли мужчины и женщины в современном обществе, уклад, порядок и образ жизни семьи, родительских отношений. Это неизбежно повлекло изменения баланса гендерной структуры общества, а также важнейших институтов воспроизводства: семьи и материнства, родительства и отцовства, детства. В статье также рассмотрены позитивные аспекты глобализации, связанные с влиянием научно- технического прогресса и других аспектов на бытие современного человека.

Ключевые слова: глобализация, общество, гендер, социальная трансформация, феминизация

Influence of the global world on the transformation of Russian family values.

Prokhorova I. G.

FGIBU VO "Financial University under the Government of the Russian Federation", Department of Sociology history and philosophy

Abstract: The process of globalization has a serious impact on the transformation of economic, sociopolitical, spiritual, moral and social relations in society. Globalization exacerbates the feeling of a person's dependence on the game of world forces, reveals the deep conjugation of each person and all of humanity. This process can be characterized by the following mutually exclusive manifestations: the growth of personal freedom inextricably linked with the growth of uncertainty and insecurity; lack of rooting, inability to control external circumstances, to predict the future; the absence of global life goals both in man and in humanity; the prevalence of short and medium term plans over long-term ones; the choice as a lifestyle of elusive being, the existence of "here and now." At the same time, traditional cultural values are being squeezed out of the spiritual space and social life, there is a direct expansion, the imposition of new social norms, rules and principles of social being, cultural images, educational standards and morality. The social sphere is being radically rethought, and significant changes are taking place in the sphere of socio-gender relations. Family values have been transformed, and the roles of men and women in modern society have changed, the way, order and lifestyle of the family, parental relationships, family values have changed. This inevitably led to changes in the balance of the gender structure of society, as well as the most important institutions of reproduction: family and motherhood, parenthood and fatherhood, and childhood. The article also considers the positive aspects of globalization associated with the influence of scientific and technological progress and other aspects on the being of modern human.

Keywords: globalization, society, gender, social transformation, feminization

Процесс глобализации, охвативший всё мировое сообщество, оказывает серьёзное влияние на трансформацию экономических, социально-политических, духовно-нравственных и общественных отношений, на политические, национально-государственные связи. Происходит «стирание» границ: страны, народы, нации становятся ближе, контакты между ними постояннее и разнообразнее, взаимопроникновение и взаимовлияние сильнее. Если раньше человек был включен в противоречия и конфликты общественных отношений своего региона, своей страны, так как дальше этой территории его социальные конфликты не распространялись, то теперь он оказался как бы лицом к лицу с общественными противоречиями всего мира. Это создаёт новую ситуацию с положением человека, социальных общностей и групп в современном мире. Глобализация мировых общественных отношений как своеобразный увеличитель придаёт общеземной масштаб как достижениям человечества, так и его изъянам, порокам и конфликтам.

Изменения, происходящие в сложившихся социальных структурах современного мира, включая их девиантные и разрушительные аспекты, заставляют обратиться к тем тенденциям, которые возвращают семье её истинное предназначение быть фактором нравственного роста и инвестиционной отраслью духовного производства, основой социального и экономического благосостояния, объединяющим началом целостности народа. Таким образом, социальная ценность семьи представляет интерес не только в исследовательском аспекте, но и в качестве нравственно-практической задачи.

Ещё одним аспектом влияния процессов глобализации на социальную сферу явилось противоречие между человеком и социальными институтами, которые были им же созданы для улучшения организации качества жизни в разных сферах. Здесь прослеживается довольно тонкая грань, отделяющая созидательное воздействие политико-управленческих форм от их превращения в античеловеческие инструменты.

Гендерная политика в вопросах семьи, брака, ценностных ориентаций женщин, формирующаяся в условиях глобализации претерпела значительные изменения: появились новые, отличные от традиционных, представления о роли полов в семье и представления о супружеской жизни, произошла трансформация семейных ценностей. Результатом борьбы женщин за равенство полов, достижение женщинами прав и свобод, стало появление альтернативных форм отношений между полами, когда право на создание «семьи» и воспитание детей имеют все: гомосексуалисты, бисексуалы, транссексуалы, трансгендеры и многие другие, среди которых западные сексологи и психологи выделяют уже около 50 «гендеров». Сюда также относится суррогатное материнство, которое размывает традиционные представления и ценности института семьи, что, по сути, приводит к уничтожению семьи как таковой и, как следствие, нации в целом.

Ярким примером является факт продвижения легализации однополых браков, вмешивания института государства в институт семьи с целью законодательного регулирования отношений между супругами, отношений между родителями и детьми, продвижение ювенальной юстиции, общественный резонанс вокруг недавнего закона о домашнем насилии.

Ещё сравнительно недавно патриархальный уклад семьи казался незыблемым, неизменным, а сегодня уже имеет место легализация однополых браков в 27 странах Европы, Северной и Южной Америки, широко освещаемые как доказательство гендерного равноправия, демократизации и свободы. Происходит активная легализация гендерно-нейтрального супружества, которое уничтожает традиционную форму семьи с чётким историческим разделением функций отца и матери по половому признаку, представляющую союз ребенка, матери и отца [1].

И здесь мы опять наблюдаем серьёзное противоречие – ценностный конфликт между исторически сложившимися нормами образования семьи, супружества, родительства и семейного воспитания с равными правами участия в нём отца и матери, с одной стороны, и законами об однополых браках, основанных на свободе гендерного выбора мужчиной, женщиной, ребёнком своей гендерной идентичности (право записывать в паспорте тот пол, который объекту идентификации больше нравится, кем он себя ощущает), с другой.

Данные примеры наглядно демонстрируют, что самые прогрессивные, самые гуманистические идеи, например, приоритет интересов народа, социальное равенство и социальная справедливость, права и свободы человека, в определённых политических условиях служат обоснованием действий прямо противоположных своей сути. Поэтому в сложившихся обстоятельствах отдельного серьёзного изучения, по мнению автора, требует одна из базовых ценностей общества и государства – институт семьи, основу которого составляют мужчины и женщины как две самые крупные гендерные общности.

Именно в российском институте семьи с конца 90-х годов происходили серьёзные социально-политические, культурные и духовные изменения, обусловленные влиянием глобальных процессов, в том числе вторым демографическим переходом.

Произошла утрата традиционных семейных ценностей, либерализация половых отношений, разворот в сторону феминистских норм, распространение нерегистрируемых (гражданских) браков, формальных союзов, что сразу же отразилось на развитии социогендерных отношений и на гендерных установках как женщин, так и мужчин. Наряду со снижением значимости семейно-брачного института, произошло падение его ценностно- нравственного и культурного значения, что свидетельствует о глубоком кризисе, связанном с ломкой старых, устоявшихся культурных обычаев, традиций, мировоззренческих ценностей.

Данные процессы обусловлены влиянием процессов глобализации на культурную идентичность нации, этноса. Вместо интеграции, взаимного обогащения культур, обмена опытом имеет место односторонне направленное расшатывание и ломка национальной культуры, выхолащивание из неё сути самого этнического содержания, предлагая взамен то, что деформирует национальное сознание и культуру. Следствием данных изменений являются изменения в политике, демографии и воспроизводстве населения, меняется гендерный баланс в обществе, а также важнейшие институты воспроизводства: семья и материнство, родительство и отцовство.

Одним из важнейших индикаторов происходящих процессов стало снижение рождаемости. Отпала прежняя необходимость в непрерывном рождении детей. Исполнение «демографического долга» теперь требует от человека гораздо меньше времени и сил. Для регулирования рождаемости женщины стали планировать рождение детей, использовать современные средства контрацепции, увеличился возраст первородящих женщин.

Эти процессы обусловлены возникновением на месте старых патриархальных устоев нового стандарта, проистекающего из процесса интеграции и проникновения чужеродных норм и ценностей, при которых человек из созидателя превращается в потребителя со всё более растущими запросами. Происходят изменения во взаимоотношениях между людьми: сострадание, взаимовыручка, взаимопомощь, дружба, регулирующие человеческие взаимодействия на протяжении веков, теряют свои смыслы. Характерной чертой культур становится бинарность культурного позиционирования, утрата ею своей основы, привнесение в неё чужеродных культурных элементов, разрушение института традиционной патриархальной семьи. За этим кроется опасность потери человеком своей культурной идентичности, которая будет не в состоянии идентифицировать себя с культурными ценностями своего этноса, что может повлечь за собой потерю связи со своими традициями и историей, дальнейшую деградацию и, как следствие, уничтожение. Ведь принадлежность к своей культуре имеет важное значение в жизни человека. Культура раскрывает внутренний мир человека, через культуру передаётся его история, его общественная и индивидуальная сущность, его человеческая жизнь [2].

Именно эти процессы свидетельствуют об особой, ключевой роли и значимости семейного бытия человека, как ретранслятора и хранителя семейной культуры, национальных ценностей и традиций в современном многообразии конкурирующих социальных отношений.

Современные проблемы трансформации и модернизации российского общества, обеспечения его устойчивого развития приводят к необходимости переосмысления роли семьи как формы социальной ценности и персональной среды жизнедеятельности человека.

В связи с этим возникает принципиальная необходимость выработки механизмов как обеспечения национальной и международной безопасности как основы собственного самосохранения, так и определения стратегической перспективы развития российского общества, а также разработки и внедрения в жизнь новых социальных программ поддержания стабильности, обеспечения безопасности и процветания как индивидов, так и общества как социального института.

Литература:

1. Силласте Г. Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2.
2. Хаджаров М.Х. Глобализация социальной сферы: культурные проблемы в трансформирующемся мире // ВЕСТНИК ОГУ. 2010. №7.

Готовы ли мы жить в обществе риска?

Стризое А. Л.

Волгоградский государственный университет, кафедра социологии и социальных технологий, профессор. Доктор философских наук

strizoe@yandex.ru

Аннотация: В статье соотносятся в онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах философские дискурсы общества риска и человека, на основании чего формулируются критерии готовности субъекта к жизни в обществе риска. Описаны факторы, облегчающие и затрудняющие адаптацию субъектов к реальностям общества риска. Показана противоречивость содержания и направленности процесса адаптации субъектов, принадлежащих к элите, средним, низшим и маргинальным слоям общества, истоки которой коренятся в амбивалентности человеческой природы. Указано на вариативность путей адаптации субъектов к реальностям общества риска. Отмечено, что теоретическое моделирование социальных рисков и неопределенностей опережает развитие технологий управления социальной реальностью. Высказано мнение о не тотальности рисков и неопределенности в современном обществе, сохранении в нём гибких механизмом организации и возможности субъектов адекватно управлять обществом риска.

Ключевые слова: человек, социальные общности, социальные организации, общество риска, выбор, адаптация, принятие решений

Are We Ready to Live in a Risk Society?

Strizoe A. L.

Volgograd State University, Department of Sociology and Social Technology

Abstract: The article compares in the ontological, epistemological and axiological aspects the philosophical discourses of a risk society and a person; on this basis criteria for a subject's readiness for life in a risk society are formulated. The factors facilitating and hindering the adaptation of subjects to the realities of a risk society are described. Inconsistent character of the content and orientation of the adaptation process of subjects belonging to elite, middle, lower and marginal strata of society, the origins of which are rooted in the ambivalence of human nature, is shown. The multivariance of ways of adaptation of subjects to the realities of a risk society is indicated. It is noted that theoretical modeling of social risks and uncertainties anticipates the development of social reality management technologies. An opinion about the non-totality of risks and uncertainty in modern society, the preservation of flexible organization mechanisms in it, and the ability of subjects to adequately manage a risk society is expressed.

Key words: person, social communities, social organizations, risk society, choice, adaptation, decision making

Соотнесённость человека и «общества риска» может рассматриваться с различных сторон. Социально-философский дискурс общества риска невозможен без рассмотрения вопроса о взаимосвязи выбора субъекта в ситуации риска с настоящим и будущим рискогенной социальной системы. Вместе с тем антропологический дискурс современной постнеклассической философии неизбежно обращается к выбору человека в условиях неопределённости и риска, в ситуациях открытости и неустойчивого баланса сил.

Проблема выбора воплощает в себе несколько основных дискурсивных перспектив, среди которых выделим онтологическую, гносеологическую и аксиологическую. Первая из них раскрывает коммуникативную феноменологию выбора, его сущностные стороны и динамическую природу, затрагивает тем самым фундаментальные вопросы социального и индивидуального бытия. К их числу принадлежат вопросы о свойствах и потенциале представленных в обществе субъектов, наличествующих у них природных, социальных и интеллектуально-духовных ресурсов. Вторая перспектива обращает нас к выбору вариантов интерпретации и решения рискогенных проблем личности, общества и культуры, к многообразию ракурсов наблюдения и связанных с этим оптик видения реальности, а также к осознанию всего спектра ответов, возможных на вызовы рискогенных ситуаций, к выбору и обоснованию одного из них. Если первая перспектива объектно-ориентирована в описании рискогенной реальности, социокультурной данности антропосоциетального космоса, то вторая фиксирует коллизии субъективного самоопределения в данной субъекту системе координат. При этом она разделяет собственно гносеологическую, сугубо когнитивную сторону от праксиологически окрашенной технологически-управленческой стороны. Важнейшим моментом самоопределения субъекта выступает здесь оценка им возможных ошибок, связанных с ними потерь, и социальной цены принимаемых решений. Третья перспектива центрирует внимание исследователя на связи рисков, с одной стороны, с ранжированием и приоритетами индивидуальных и коллективных субъектов всего спектра видимых ими целей, с другой стороны. Эта перспектива выделяет также риски субъектного выбора в ситуациях ценностных конфликтов и альтернатив. В данном случае способность самоопределения и принятия решений приобретает динамическое измерение, то есть превращается в способность выстраивать и реализовывать стратегию действия (управления рисками) в том числе в условиях конфликтно-кризисных возмущений. Построение и реализация стратегии действия в обществе риска предполагают также её своевременную корректировку в случае выявившихся ошибок, сбоев и потерь.

Таким образом, готовность субъекта жить в обществе риска предполагает, во-первых, широту кругозора, умение видеть и оценивать неоднозначность, мозаичность окружающей социокультурной среды, плюрализм объективно складывающихся возможностей и вариантов идентификации в ней. Во-вторых, эта готовность выражается в способности занимать в рискогенной реальности собственную позицию, самоопределяться в ней как теоретически, так и практически, на уровне принятий конкретных решений с учётом баланса преимущества – цены решения. В-третьих, важнейшей характеристикой субъекта общества риска являются его способности к достижению целей, выраженные в его включенности в те или иные коммуникативные и конструктивистские стратегии, в способности создавать и оптимизировать пространство рисков, управлять ими, корректируя ранее принятые собственные решения.

Отмеченные свойства и способности представляют собой описание скорее идеала субъекта общества риска. Его облик в рискогенной социальной реальности обусловлен многими факторами. Среди позитивных, способствующих обретению обществом риска адекватного его природе субъектного выражения, можно выделить динамизм и мозаичность современной социальности, плюрализм культуры, релятивизацию норм и ценностей, а также отражающие их вариативность мышления и ситуативность управления. В этом же направлении действуют процессы лавинообразного роста количества информации, её усложнения, превращения рисков в неотъемлемую черту повседневности. Вместе с тем в современной социокультурной реальности существуют обстоятельства, тормозящие процессы освоения рискогенного пространства, формирования культуры рисков. К ним можно отнести развитие манипулятивных технологий, искажающих содержание ситуаций риска и смыслы возможных решений. Виртуализация социальной реальности может формировать ложные альтернативы, культивировать идеи псевдовыбора. Сходный эффект вызывают и некоторые свойства человеческой природы, раскрывающиеся в эпоху информатизации и глобализации, среди которых, например, новые виды зависимостей от артефактов технологии и культуры. Наконец, неадекватность освоения социального пространства рисков может проявляться как в «рискофилии» молодёжи, некоторых групп и сообществ, так и в «рискофобии» растущего числа людей зрелого и пожилого возраста.

Потенциал и векторы активности человека в обществе риска, возможности человеческих сообществ и организаций в немалой мере задаются их стратификационной и статусной принадлежностью, а также социокультурной идентичностью. Традиционно считается, что принадлежность к элите предполагает формирование опережающего осознания рисков, культуры жизни бок о бок с ними. Однако социально-исторический опыт даёт нам немало примеров несоответствия элиты своему предназначению, умышленному уклонению от принятия решений и ответственности в ситуациях риска.

Противоречиво выглядит самоопределение в пространстве рисков средних слоёв современного общества. Их объективное положение в системе разделения труда, на лестнице стратификационной устойчивости и статусной предсказуемости стимулирует рискогенный выбор, обозначая в то же самое время и его пределы. Вместе с тем, особенности субъектности средних слоёв, их самоидентификация как «креативного класса», основанная на образованности, инновационности, владении передовыми

технологиями, скорее способствуют освоению пространства рисков, чем препятствуют ему. При этом он чаще оказывается активным и сознательным автором процессов (по крайней мере, в сфере инженерных, информационных и, отчасти, социальных технологий), чем пассивным статистом в социальных проектах властей и объектом информационно-политических манипуляций. Важно отметить, что персонифицированное, личностное начало освоения пространства рисков, характерное для элиты, в целом не утрачивается в средних слоях. Индивидуальная рефлексия социокультурного бытия, личностное обоснование занимаемой позиции и жизненной стратегии – важный элемент антропологического измерения пространства риска.

Принято считать, что освоение пространства рисков низшими и маргинальными социальными слоями носит заданный и часто манипулятивный характер. Однако современные когнитивные технологии в сочетании с возможностями стимулирования и управления средствами «мягкой» и «умной» силы создают эффекты, а иногда не только эффекты, реального выбора и влияния. Во всяком случае, конструирование и управление массовыми кампаниями в современном «обществе спектакля» предполагает разные позиции, роли и меру включённости разных целевых аудиторий и индивидуальных адресатов.

Отмеченная нами противоречивость освоения пространства риска элитами, средними и низшими слоями общества коренится в открытости и амбивалентности природы человека. Отсюда, равно как и из плюрализма форм социального опыта, вытекает многообразие путей адаптации к риску, освоения человеком, социальными сообществами и организациями особой рациональности общества риска. При этом представляется, что научно-теоретическое и художественное освоение реальностей общества риска опережает практически-технологическое, особенно в вопросах корректировки ошибочных решений. Этим объясняется впечатление бесконечности философских концепций и теоретической избыточности социологических, политологических и экономических построений при сравнительно скромном багаже достижений в сфере управления реальными социальными процессами. Многочисленные упования на сложность современного общества и необходимость очередного обновления научных теорий вызваны скорее дефицитом операционализации имеющихся моделей и внедрения высказанных рекомендаций, чем креативностью научного мышления.

В современном обществознании скорость и масштабность социальных изменений нередко оценивается по внешним, поверхностным индикаторам и первым, часто неустойчивым результатам. При всей их роли в жизни современного общества риски и неопределённости не являются тотальными. В нём сохраняется достаточно устойчивый, хотя и «мягкий», самоорганизующийся институциональный порядок. Связанные с ним дисциплинарные рамки обеспечивают предсказуемость социальных реакций, оправданность ожиданий, возможность выстраивания и гибкой реализации стратегий управления. Опыт рубежа XX – XXI веков показывает, что готовность субъектов жить в обществе риска в целом возрастает, хотя и не является сегодня оптимальной. Философская рефлексия соотношения дискурсов человека и общества риска способствует реализации концепции коэволюции человека и среды его обитания, поиску новых путей самосохранения и развития личности, общества и культуры.

Маргинальность в условиях социальных трансформаций

Яхьяев М. Я.

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», факультет психологии и философии, декан, профессор. Доктор философских наук

muchtar59@mail.ru

Аннотация: Процессы глобализации, происходящие в условиях современной рыночной экономики, актуализировали проблему маргинализации личности и разных социальных страт. Результатом социальной маргинализации стало вытеснение человека из определённой социокультурной среды, отчуждение маргинала от стабильной социальной среды. Маргинальная личность, ставшая ненужной для современного общества, обречена на постоянную борьбу за физическое выживание и всецело зависит от благотворительных подачек общества. Она переживает кризис прежней идентичности, девальвацию собственной жизни, не может ни восстановить прежнюю идентичность, ни сформировать новую цельную и позитивную идентичность. Маргинализация личности – это прямое следствие дегуманистических тенденций современного транзитивного общества, которые носят массовый характер.

Ключевые слова: маргинальность, идентичность, отчуждение, кризис, социальные трансформации, социальные страты, личность

Marginality in the conditions of social transformations.

Yakhyaev M. Y.

Dagestan State University, Dean of the Faculty of Psychology and Philosophy

Abstract: The processes of globalization taking place in a modern market economy have actualized the problem of marginalization of the individual and various social strata. The result of social marginalization is the crowding out of a person from a certain sociocultural environment, the exclusion of a marginal from a stable social environment. The marginalized personality, which has become unnecessary for modern society, is doomed to a constant struggle for physical survival and is completely dependent on the charitable donations of society. She is experiencing a crisis of her former identity, a devaluation of her own life, she can neither restore her previous identity, nor form a new whole and positive identity. Marginalized individuals are a direct consequence of the dehumanistic tendencies of a modern transitive society, which are having mass character.

Keywords: marginality, identity, alienation, crises, social transformations, social stratum, personality

Исследование проблем маргинальности приобретает особую актуальность в современных условиях, в которых большие социальные группы оказываются в маргинальном социальном положении, поскольку их социально-экономический и культурный статус, трудоустройство и социальный достаток являются проблематичными, неустойчивыми, временными. Особенностью современной социальной ситуации является превращение в изгоев общества отдельных личностей, больших групп людей и целых народов при переходе в маргинальное положение. В современной науке утвердилось понимание маргинальности как пограничного положения субъекта по отношению к определенной социальной общности или конкретному обществу, сделан вывод и об универсальности многообразных форм проявлений маргинальности.

В качестве главного признака маргинальности исследователи выделяют социальную дефундаментализацию или социальное вытеснение из традиционной ниши социального существования («деклассирование»), то есть утрату личностью или целыми социальными группами устойчивого социального статуса и связанных с ним форм и способов получения средств к существованию. Другим важным признаком обозначается разрыв связей с существующей социальной средой, которая как бы исторгает из себя личность или социальную группу как чуждый или бесполезный элемент. Ценностная

дезориентация и психологический кризис личности подчеркиваются как другие, не менее значимые индикаторы маргинализации личности [1, с. 131].

Характеристикой, обобщающей все эти признаки маргинальной личности, представляется кризис идентичностей, вызванный дезинтеграцией с социокультурной средой. Социальное вытеснение маргинала из конкретной социокультурной среды и формирующееся на этой основе отчуждение маргинала от этой среды указываются как факторы, вызывающие психологический личностный кризис. В маргинальной личности в состоянии противоречия находятся конфликтующие идентичности, различные культурные остатки, «которые вызывают не только внутренние духовные коллизии, но и выражаются во внешнем поведении, часто конфликтном, агрессивном, сменяющемся апатией» [2, с. 58].

Маргинальность имеет множество проявлений: экономическая маргинальность, социальная маргинальность, этническая маргинальность, политическая маргинальность, религиозная маргинальность, возрастная маргинальность, информационная маргинальность, мировоззренческая маргинальность и др. Среди всего этого многообразия форм маргинальности в научном дискурсе больше всего внимания уделяется социальной маргинальности и этнокультурной маргинальности.

Социальная маргинальность – это форма вытеснения личности или социальной группы из позитивной социальной ниши, проистекающая из современного кризиса личности и личностной идентичности, связанных с основами современной организации общества. Сущностью трансформаций идентичности разных субъектов в рыночном обществе является отчуждение личности от общества, отчуждение сущности личности от её существования, отчуждение самости, индивидуальности, самобытности от общности, единства, разрыв устойчивости и изменчивости, внешнего и внутреннего. Отчуждённая идентичность разрушительно действует на личность, девальвирует смысл её существования, саму её индивидуальность, самобытность и целостность.

Радикальные социальные трансформации ведут к резкому понижению социального статуса и материального благосостояния маргинальной личности, которая оказывается вытесненной в низшие социальные слои и переживает кризис прежней идентичности, девальвацию собственной жизни. В этих критических социальных условиях она не может ни восстановить прежнюю идентичность, ни сформировать новую цельную и позитивную идентичность.

Ярким примером массового распространения маргинальной идентичности является современное российское общество, где эскалация процессов маргинализации обнаруживается как результат радикальных социальных реформ. Н. Шалагинова считает, что процесс маргинализации в современной России носит характер «насильственного вытеснения в маргинальное состояние на разных уровнях социальной организации» [1, с. 131].

Действительно, маргинальная личность оказывается проявлением дегуманистических тенденций современного транзитивного общества и носит достаточно массовый характер. Маргинализация проявляется как результат вытеснения индивида из стабильной социальной ниши, в которой ему удавалось своим трудом или предпринимательской активностью обеспечивать реализацию основных жизненных потребностей. Не удивительно, что маргинализованная личность, ставшая лишней и ненужной для общества, обреченная на постоянную борьбу за простое физическое выживание, всецело зависящая от благотворительных подачек общества, оказывается легко вовлекаемой в различные формы социально протестного поведения.

В научном дискурсе сегодня можно встретить достаточно исследований, описывающих поверхностные формы маргинальности или психологические проявления маргинальности и кризиса идентичности. Однако мало исследований, анализирующих проблемы экономической и социальной маргинальности как основы кризиса идентичности и всех других поверхностных форм маргинальности. Более того, у нас сложился определённый тренд своеобразной апологии маргинальности, в котором акцентируются некие позитивные моменты. Нередко утверждается относительная кратковременность маргинального состояния, указывается на то, что маргинализация несет в себе и возможности влияния самой маргинализированной личности на своё социальное положение, на выход из маргинального состояния. Характерно в этом плане утверждение Н. Лысенко: «Маргинализация гораздо более субъективна, она заключает в себе возможность самоопределения человека, самоорганизации человека как новой личности и сознательного изменения своего положения в социуме, а, следовательно, возможности влиять на социальную действительность» [3, с. 100].

Во-первых, для маргинальной личности ситуация маргинальности не временна, а постоянна, и адаптироваться к этой маргинальности вряд ли возможно. Во-вторых, у личности, попавшей на социальное дно, крайне мало новых позитивных перспектив, реальных шансов выбраться из него. В-третьих, маргинализация не несёт в себе определённых потенций не только движения вверх по социальной вертикали, но даже по социальной горизонтали. Поэтому несостоятельны любые попытки доказать конструктивность маргинальности, оправдать маргинализацию как момент личностного развития, открывающий за разрушением старой идентичности перспективы новой идентичности, как это делает Н. Лысенко, которая пишет, что маргинальность «…нередко направлена на развитие личности и общества. А потому маргинальность чаще конструктивна. Это особая противоречивая форма развития» [3, с. 100].

Маргинальность и вовсе является положительным феноменом, некой новой «иной» социальной нормой по логике С. Седельникова, который пишет: «Маргинальное поведение – это пограничное поведение, выражающее особое, промежуточное положение человека в социуме. Это не аномалия, а иная норма, поскольку может иметь и позитивный характер. В частности, как отмечают исследователи, оно может иметь позитивные проявления в экономической, политической, бытовой сферах социальной жизни» [4].

Представляется, что эти исследователи живут в каком-то виртуальном утопическом мире, так как в современной социальной реальности для больших групп людей крайне мало практических возможностей вырваться из маргинального социального положения. Современное общество не дает перспектив не только для тех, кто уже опустился на дно, но даже и для тех, кто ещё барахтается на грани маргинализации.

Отдельные личности и разные социальные группы современного общества переживают разрушение традиционной идентичности. И это является отражением размывания и проблематизации их социального положения в резко поляризирующемся обществе, где вследствие роста производительности труда, автоматизации и роботизации производства всё большее количество людей становятся лишними. В изгоев современного общества превращаются в основном представители интеллектуального, умственного труда, для которых характерна пролиферация, фрагментация, деконструкция, девальвация идентичности.

Новая маргинальная идентичность как социально деструктивная, негативная форма идентичности предстает следствием дегуманистических тенденций современного транзитивного общества и носит достаточно массовый характер. Фактически это идентичность «лишних людей», которые оказываются лишёнными места в обществе, а, значит, и лишёнными всякого социального смысла своего существования.

Литература:

1. Шалагинова Н.А. Социальная маргинальность как предпосылка девиации // Философия права. 2017. № 4 (83). С.128-132.
2. Кривошеев В.В. (2006). Социологические аспекты идентичности: поиск параметров и характеристик // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2006. № 6. С.57-66.
3. Лысенко Н.Н. Маргинальность как проблема социальной философии. Позиция // Философские проблемы науки и техники. 2018. № 12. С.96-101.
4. Седельников С.С. Маргинальная личность и утрата идентичности [Электронный источник]. URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/ handle/2311/30605/ marginal%27 naya_ lichnost% 27_i___utrata__ identichnosti.pdf? sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 20.01.20).

*РФК-2020_309_*
Круглый стол «Молодежь: онтология социального времени»

Философия психологии как фактор профессиональной самоидентификации студентов-психологов

Банщиков А. В.

Санкт-Петербургский Государственный Университет, студент

alex.bansh00@gmail.com

Аннотация: Тезис о том, что молодежь – это будущее страны и общества, является широко известным как в научной, так в бытовой среде. Однако реальные процессы, происходящие с молодежью, заставляют задуматься о реальной осознанности этого тезиса. В данной работе автор рассматривает более локальный, но не менее значимый срез молодежи как социальной группы – студентов. Студенты как потенциальные профессионалы своего дела представляют собой не только будущее общества, но и будущее отдельно взятой науки. Проблематика студенческой молодежи и озабоченность профессионального сообщества вопросами будущего рассмотрена на примере психологической науки. Особое внимание автор уделяет методологической раздробленности психологии, полагая, что без ясного представления о ее реальных целях, задачах и положении в системе наук студентам будет сложнее осуществить профессиональную самоидентификацию, что впоследствии затормозит развитие науки.

Ключевые слова: молодежь, студенты, будущее, наука, психология, философия психологии, профессиональная самоидентификация

Philosophy of psychology as a factor in professional self-identification of psychology students.

Banshchikov A. V.

Saint Petersburg State University

Abstract: Statements about youth being the future of country and society are widely spread across both scientific and civil discourse. Meanwhile, occurring processes among youth put mindfulness of this statement into question. In this paper author reviews more local, but nonetheless important cross-section of youth - university students. As potential professionals, students represent not only future of our society, but also future of individual science. Issue of student youth and professional communities concern about the future is exemplified by psychological science. Author emphasizes methodological fragmentation of psychology, suggesting that without a clear vision of realistic goals it will be more difficult for students to form their professional identity, which in turn may halt development of science.

Keywords: youth, students, future, science, psychology, philosophy of psychology, professional self-identification

Молодежь находится в сложном, отчасти парадоксальном положении, т.к. представляет собой будущее общества, в котором она находится, но в то же время молодежь существует «здесь и сейчас», является частью нашего настоящего: «Актуально существующая молодежь есть потенциальное «взрослое» общество. Таким образом, новизна и специфика решения вопроса о будущем в данном случае состоит в том, что в лице молодежи будущее существует в настоящем» [1], а значит, при решении проблем насущных следует ориентироваться на перспективу, на тот образ будущего, который мы хотели бы создать, в котором не страшно было бы жить. Однако в настоящий момент общественная система, в частности «образование», ориентирована, скорее, на компенсаторную функцию, а порой и вовсе лишь имитирует осознанную деятельность.

Особый интерес представляет попытка психологического сообщества как-то осмыслить грядущее, морально к нему подготовиться, но не изменить! Об этом свидетельствуют набирающие популярность темы «предадаптации»[2] и «толерантности к неопределённости» [3, 4] как психологизаторская попытка подготовиться к хаотичному будущему. Показательным примером является международная научная конференция «Ананьевские чтения – 2019. Психология обществу, государству, политике», что

традиционно проходит в стенах Санкт-Петербургского государственного университета. В этом году в рамках конференции впервые была организована секция «Проблема будущего в категориях смысла», что, во-первых, лишний раз демонстрирует озабоченность психологического сообщества проблемой будущего и человека в этом будущем; а во-вторых, показывает неготовность и неспособность психологической науки отрефлексировать настоящее и свое будущее сформировать. За полтора часа очного выступления на секции никто из докладчиков не употребил такие термины, как «бытие», «социум», «социальные тенденции» и пр., отсылающие нас к попытке осмысления и концептуализации настоящего, опираясь на которое можно было бы осуществить научный прогноз.

Психологическая наука вообще находится в очень сложном положении с момента своего зарождения: школы и направления регулярно дробятся, меняется или теряется предмет исследования, а методологический кризис является одной из самых обсуждаемых тем, начиная со времен Л.С. Выготского. Выдающийся российский психолог, доктор психологических наук В.М. Аллахвердов неоднократно высказывался о том, что психология, выходя из одного кризиса, тут же попадает в другой, от чего в кризисе она находится «перманентно» [5]. Пожалуй, последним самым громким событием в методологии психологии является так называемый «кризис репликации», когда после исследования группы авторов в 2015 году обнаружилось, что более половины психологических экспериментов не повторяются [6]. В данных условиях развития психологии следует поднимать вопрос не только и не столько о психологическом осмыслении будущего, а о будущем самой психологии как науки.

Молодежь, являясь потенциальным будущим всего общества, в более частном контексте является будущим отдельно взятой науки или отрасли. Поэтому особое внимание должно уделяться подготовке будущих специалистов, ибо именно студенческая молодежь будет развивать науку, и от того, какие ценности, теоретические и методологические основания будут переданы в процессе образования, зависит вектор развития науки. Разумеется, было бы наивно полагать, что студент является исключительно объектом образования, ведь он одновременно является как объектом, так и субъектом, а значит, часть ответственности в профессиональном формировании лежит на нем как на субъекте деятельности. Однако вопросом о том, кого и к чему готовят студентов психологических направлений, задаются, как я могу судить посредством включенного наблюдения в образовательный процесс, не часто. В рамках методологии психологии все еще актуален вопрос о том, является ли психология социальной или естественной наукой. Некоторые психологи-практики и вовсе утверждают, что психология скорее искусство, т.к. в процессе работы с клиентом порой приходится проявлять незаурядную креативность и творческий подход, а о научном обосновании методов психологического консультирования говорить не приходится. Студенты (а порой и преподаватели тоже) плохо понимают, что такое «психология», какова ее роль на мировой арене, чем занимается психолог в современном мире и т.д. Советский и российский ученый, доктор психологический наук В.Ф. Петренко обозначает весьма пессимистические тенденции для психологии как самостоятельной науки: «… нет единой психологической науки, а есть скорее конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем – “психология”. И ряд областей психологии, например, социальная психология, гораздо ближе к языку и методам к родственным научным дисциплинам, например, к социологии, чем к психофизике или медицинской психологии. Вполне возможно, что в дальнейшем из “психологии” выделится целый букет предметных наук, как в свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология» [7, с. 93]. Какой профессиональной самоидентификации можно требовать от студентов в условиях методологического и теоретического хаоса?

Проблему подготовки студентов–психологов поднимает в своей статье доктор психологических наук, профессор, академик РАО Деркач А.А.: «Статистические данные последнего десятилетия <…> позволяют говорить о том, что выпускники психологических факультетов имеют недостаточную для результативной работы подготовку, слабо адаптируются к новым условиям деятельности, не могут быстро переориентироваться на ритм и условия конкретного вида деятельности, не способны переучиваться и предвидеть развитие направлений, в которых им придется работать» [8, с. 6-7]. Однако Деркач, как и многие коллеги, предлагает решать проблему профессионального становления студентов-психологов через введение психологического сопровождения студентов в ВУЗе, справедливо полагая, что данная система на настоящий момент развита недостаточно, особенно на фоне психологического сопровождения в школе [18]. Программы психологического сопровождения могут временно улучшить ситуацию, однако стоит признать, что подобные программы исполняют лишь компенсаторную функцию, а без устранения реальной причины – как мы смеем полагать, методологической и теоретической раздробленности, все это имеет мало смысла.

В условиях кризисного состояния психологии все чаще поднимается вопрос о создании такой дисциплины, как «философия психологии». Появляются статьи и монографии с заголовками «Философия психологии Л.С. Выготского» или В.П. Зинченко «Философское наследие» и др., однако в данных работах философию пытаются вывести из психологических работ, теорий и концепций, вместо концептуализации психологической науки и её философского осмысления. Пожалуй, ближе всего к описанному результату подошел научный тандем двух докторов психологических наук М.Г.Ярошевского и А.В. Петровского, что совместно развивали концепцию истории психологии, в частности, истории отечественной психологии, и, уже систематизируя полученную онтологию, создавали направление «теоретической психологии». Предметом теоретической психологии является «саморефлексия психологической науки, выявляющая и исследующая ее категориальный строй (протопсихические, базисные, метапсихологические, экстрапсихологические категории), объяснительные принципы (детерминизм, системность, развитие), ключевые проблемы, возникающие на историческом пути развития психологии (психофизическая, психофизиологическая, психогностическая и др.), а также само психологическое познание как особый род деятельности» [9, с. 10]. Авторы признаются, что потребность в саморефлексии науки, попыткой которого является теоретическая психология, возникает в периоды кризиса.

Из современных ученых, занимающихся философией психологии, можно выделить доктора психологических наук, профессора, В.А. Мазилова. Ученый полагает, что именно философия психологии суть «основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии» [10], объясняя, что «философия психологии вырабатывает понимание предмета, конструирует предметное пространство психологии, обеспечивает единство психологии и интеграцию различных потоков психологического знания» [11 с. 14].

У общества есть будущее, если есть молодежь, которая принимает и продуцирует общественно-значимые ценности и смыслы: «Отождествляя себя с другим человеком, группой, образцом, осознавая себя частью сообществ людей, индивид разделяет их ценности, их представления о мире и месте человека в нем. Это помогает ему овладевать различными видами деятельности, осваивать социальные роли, принимать и преобразовывать социальные нормы и ценности» [12, с. 113]. Образование, являясь вторичным институтом социализации, занимается «трансляцией и освоением в жизнедеятельности новых поколений особо устойчивых конструктов культуры – традиций и опыта» [13 с. 36]. В рамках отдельно взятой науки необходимо не просто сформировать у студентов определенные знания, умения, навыки и профессиональные компетенции, но и передать те ценности и опыт, что позволят будущему специалисту найти свое место в «меняющимся мире», стоя на четком фундаменте концептуального понимания теории и методологии. Однако прежде, чем передавать ценности, их необходимо сформировать, а опыт – осмыслить. Для психологической науки ключевым этапом подобного понимания и осмысления является философия психологии.

Литература:

Иваненков С.П. Социальное время и социализация молодежи. [Электронный ресурс] // Теоретический журнал «Credo». 1997. № 2. URL: http://credonew.ru/content/view/35/49/ (дата обращения: 27.12.2019).

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Предадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Mobilis in mobili: личности в эпоху перемен / Под общ. ред. Александра Асмолова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. С. 76-100.

Леонтьев Д.А. Неопределенность как центральная проблема психологии личности // Mobilis in mobili: личности в эпоху перемен / Под общ. ред. Александра Асмолова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. С. 40-53

Корнилова Т.В. Психология неопределенности: когнитивная и личностная регуляция предвосхищений, выбора и риска // Mobilis in mobili: личности в эпоху перемен / Под общ. ред. Александра Асмолова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. С. 55-75

Аллахвердов В.М. Грустный оптимистический взгляд на психологическую науку // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 130–139

Brian A. Nosek, Alexander A. Aarts, Christopher J. Anderson, Joanna E. Anderson, H. Barry Kappes… Estimating the reproducibility of psychological science // Science. 2015. Vol. 349 DOI: 10.1126/science.aac4716

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М: Новый хронограф, 2009. 440 с.

Деркач А.А. Методологические и прикладные проблемы обучения студентов-психологов // Акмеология. 2014. №1 С. 6-15

Петровский А.В. Ярошевский М.Г. Основы теоретичесой психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 528 с.

Мазилов В.А. Разработка философии психологии – первоочередная задача российской психологии XXI века //

Социальная психология. Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Ярославль : МАПН, 2000. Т. 2. С. 211–220.
Мазилов В.А. Методология современной психологии: актуальные проблемы // СПЖ. 2013. № 50. С. 8–16
Иваненков С.П. Проблемы социализации современной молодежи. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Монография. – Санкт-Петербург, 2008. 351 с.
Кусжанова А. Ж. Социально-философские проблемы теории образования. Монография. – СПб. Из-во Синтез-Полиграф, 2003. 472 с.

Время их времени: взросление в эпоху виртуализации социума

Васецкая Е.Н.

Школа 539, Санкт-Петербург, преподаватель, кандидат философских наук, доцент

vasetskaya@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности и проблемы взросления молодежи первой четверти XXI века. Автор определяет объект своего рассмотрения как молодых людей в возрасте 14-25 лет, выделяет такие задачи развития в этом возрасте, как формирование жизненной перспективы и расширение социальных контактов. Оценивая социально-культурные особенности исторического момента, автор констатирует виртуализацию общества, потерю смысла и сущности общественных связей, останавливается на такой его характеристике, как туманность и мнимость исторической перспективы. Проблемы формирования личности современного молодого человека рассматриваются на примере активности в сервисах потокового онлайн вещания.

Ключевые слова: виртуализация социума, мнимость будущего, исчезновение социальной реальности, быть или казаться, стриминг.

Time of their time: growing up in the era of social virtualization.

Vasetskaya E. N.

School 539, Saint Petersburg

Abstract: the article deals with the features and problems of youth growing up in the first quarter of the XXI century. The author defines the object of his consideration as young people aged 14-25 years, identifies such tasks of development at this age as the formation of life prospects and the expansion of social contacts. Assessing the socio-cultural features of the historical moment, the author States the virtualization of society, the loss of meaning and essence of public relations, stops at such a characteristic as the nebula and the imaginary historical perspective. The problems of forming the personality of a modern young person are considered on the example of activity in online streaming services.

Keywords: virtualization of society, imaginary future, disappearance of social reality, to be or seem, streaming.

1. Возрастные рамки такой социальной группы, как «молодежь», в разных исследованиях определяются по-разному. В Википедии прочитаем: «Согласно данным Всемирного доклада о положении молодёжи за 2005 год, количество молодых людей (лиц в возрасте от 14 до 24 лет) в мире выросло с 1,02 миллиарда человек в 1995 г. до 1,15 миллиарда человек в 2005 г.»; «На 2014 год, согласно Основам государственной молодёжной политики на период до 2025 года, численность граждан в возрасте от 14 до 30 лет составляет 33,22 миллиона человек»; «согласно данным 2006 г., 35 процентов молодых людей в возрасте 18-35 лет испытывает раздражение или неприязнь к представителям иной национальности»; «По данным исследования, проведённого в июле 2004 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), молодые люди в возрасте 18-24 лет считают кумирами современной российской молодёжи поп- и рок-звёзд…»; «В Российской Федерации высок уровень безработицы среди молодых людей в возрасте 15-24 лет (6,4 процента)». Содержательно понятие «молодежь» определяется как «особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности».

В психологической литературе выделяется возраст подростковый (11-15 лет), юношеский (16-21 лет) и взрослость (22 – 60 лет); первый подпериод взрослости называют ранней взрослостью (от 22-23 до 30-35 лет) или молодостью.

В данной статье рассматриваемые проблемы предполагают анализ социального положения и личностного становления, прежде всего людей от 14 до 21-25 лет, что не исключает значимости их также для много более старших современников.

Среди наиболее значимых задач развития молодого человека в этом возрасте отметим: а) формирование развернутого жизненного плана, видение перспективы жизни; б) расширение сферы социальных контактов, запрос на социальную востребованность, признание сверстников.

Потребность в общении, в принятии себя другими – обязательное условие успешного освоения все новых аспектов социального пространства. Только те предметы, действия, сведения, которые аккумулируют положительные эмоции социального взаимодействия, воспринимаются как ценные и усваиваются, становятся своими. В современных условиях тотальной виртуализации молодежной среды универсальным мерилом ценности все более становятся «лайки» в сети. Это не просто замена устного одобрения или улыбки знаком, подобно замене бумажного письма электронным. Это иное социальное действие.

2. Особенности социального времени.

- Исторический процесс разворачивается, ускоряясь. Скорость течения времени все возрастает, соответственно скорости происходящих технических и технологических изменений.

- Особенность социально-экономического, политического, культурного развития современного мира - неясность перспектив, туманность будущего. Это в целом характеристика нынешнего времени, вызванная многими причинами, в том числе нарастающим ускорением исторического процесса, что затрудняет фокусировку. Эта неясность перспектив в нашей стране усугубляется бесконечной перестройкой.

- Самая значительная особенность настоящего культурно-исторического этапа – картинки-обманки, которые камуфлируют туманность будущего, они создаются в изрядном количестве как социальными технологами властных структур с целью управления массовым сознанием, так и специалистами по рекламе различных компаний в коммерческих целях.

Конечно, будущее – это принципиально то, чего мы не знаем, т.к. его нет. Представления о будущем всегда были более или менее фантастичными. Но строились на каких-то основаниях, более или, скорее, менее научных, и, все же, были попыткой увидеть именно будущее, а не соврать о нем, с целью управлять настоящим. Особенностью сегодняшнего дня является то, что правдивость картины будущего (как и прошлого, и настоящего) не важна. Картин много, каждый может выбрать, ориентируясь либо на предпочтительные изобразительные средства, либо на соответствие собственному психологическому состоянию.

Но ожидание будущего формирует будущее. Таким образом, миром правят средства массовой информации, и все большую власть приобретает Интернет.

Деструктивную роль СМИ в социуме виртуозно охарактеризовал Ж. Бодрийяр: «Там, где, как мы полагаем, информация производит смысл, происходит обратное. Информация пожирает свой собственный контент. Она пожирает коммуникацию и социальное. И это происходит по двум причинам:

1. Вместо того чтобы создавать коммуникацию, информация исчерпывает свои силы в инсценировке коммуникации. Вместо того чтобы производить смысл, она исчерпывает свои силы в инсценировке смысла. Перед нами очень знакомый гигантский процесс симуляции…

2. В дополнение к этому, чрезмерной инсценировкой коммуникации СМИ усиленно добиваются информацией непреодолимой деструктуризации безотзывного социального.

Так информация разлагает смысл, разлагает социальное, превращает их в некую туманность, обреченную вовсе не на рост нового, а, наоборот, на тотальную энтропию.» [1.С 48-49]

Возвращаясь к вопросу о формировании у молодого человека видения перспективы жизни, можно утверждать, что нынешнее молодое поколение взрослеет в условиях «мнимого будущего».

3. Особенности психологии и социальной активности современной молодежи.

В 70-е годы прошлого века Эрих Фромм озвучил вызов истории, стоящий перед современным ему западным человеком, - «иметь или быть». Сейчас этот выбор, стоящий, прежде всего, перед современной молодежью, – «быть или казаться». И это не тот вопрос, который всегда решается человеком, как молодым, так и не очень, что важнее в данный момент – суть дела или подача, демонстрация. Вопрос стоит тотально: следует ли выбирать дело жизни, ориентируясь на его содержание, результат и социальную значимость, или учесть следует, в первую очередь, отклик в виртуальном пространстве на виртуальный же акт, публикацию, содержание которой может иметь очень небольшую связь с реальностью или не иметь вовсе. И более того, все большее число молодых людей безусловной ценностью считают виртуальный отклик, а вопрос о социальной значимости для многих не стоит вовсе, для некоторых виртуальный отклик и есть собственно социальная значимость дела, а дело и есть собственно демонстрация. Социальная реальность молодого человека не обогащается, не расширяется, а, напротив, тает, вытесняется, исчезает.

Показатель актуальности выбора «быть или казаться» - популярность лайфстайл-блогеров в рунете. Сравним топ-10 популярных ютуб-каналов в мире и в России (по версии сайта SubscriBest).[2] В мире наиболее популярны музыкальные каналы, в частности, индийские песни и танцы из кинофильмов, детские песенки и мультфильмы; также в топ-10 - Конрад Дантас (Кондзилла), бразильский сценарист и режиссер, основатель музыкальной компании Kondzilla Records, и Джастин Бибер. Этот выбор понятен: на Ютубе пользователи развлекаются, отдыхают. Особняком в этом перечне стоит фигура Пьюдипая (PewDiePie), второй номер в списке, фигура, с нашей точки зрения, зловещая: Феликс Арвид Ульф Чельберг знакомит зрителей с тонкостями компьютерных игр. Сегодня у блогера 97,5 миллионов подписчиков. Девяносто семь миллионов человек!!! тратят свое время даже не на игру, а на просмотр того, как рассказывает об игре и играет Пьюдипай.

В топ-10 российского сегмента Интернета «мастера» компьютерных игр не входят, однако блогеров-геймеров очень много, и популярны они, прежде всего, среди подростков. Но не это самое печальное и самое показательное для понимания сегодняшней псевдо-социальной псевдо-реальной жизни подрастающего поколения, страшно то, что большинство из них мечтает стать блогером и так же комментировать, например, компьютерные игры.

У российского сегмента Ютуба есть общие предпочтения с мировыми каналами – это, прежде всего, детские каналы (мультфильмы, все рекорды бьет «Маша и медведь»), и каналы «лайфхаков». Полезные советы во всех областях жизни, пожалуй, больше других связаны с реальностью и направлены, хотя бы опосредованно, на реальный результат предполагаемой деятельности подписчика. Тем не менее, рейтинг зависит не от реального результата, а от количества позитивных отметок - «лайков», поэтому существуют технологии «накрутки» «лайков» для «раскрутки» канала.

Главным отличием российского топ-листа, и это представляется нам чрезвычайно тревожным симптомом душевного неблагополучия российской молодежи, является существенное место в нем «лайфстайл» блогеров. Номер 1 российского Ютуба - Kids Diana Show. Украинская семья снимает ролики, главным действующим лицом которых является их дочь Диана и ее брат Рома. Они гуляют, играют, распаковывают игрушки, учатся кататься на велосипеде - 31 миллионов 300 тысяч подписчиков. Номер 2 - Like Nastya Vlog - 29 миллионов 700 тысяч подписчиков и более 11 миллиардов просмотров роликов о путешествиях, посещениях детских аттракционов, распаковывания игрушек. Номер 3 -EeOneGuy (Ивангай) - канал украинского блогера Ивана Романовича Рудского (сейчас живет в Москве). Иван поёт песни, делает пародии, показывает фокусы, рисует, шутит, кривляется, в основном кривляется - 14,5 миллионов подписчиков.

Миллионы молодых людей, миллиарды часов времени жизни и тех, кто «стримит», и тех, кто смотрит, попадают в какую-то огромную розовую блестящую хохочущую миражную мясорубку. Мясорубка миражная, а жизнь пропадает. Успешные блогеры зарабатывают большие деньги. Большое количество «лайков» как суррогат признания, славы, любви само по себе привлекательно для подростков, их монетизация удваивает их ценность, обещая богатство, и утраивает, поскольку является подтверждением их действительной, социальной, а не только виртуальной востребованности. ВСЕ знакомые мне мальчики школьного возраста являются или мечтают стать блогерами и именно этому посвятить жизнь. Они еще не доросли до возможности состояться, в том числе профессионально, но уже выбрали видимость, предпочли казаться, а не быть.

Литература:

1. Ж. Бодрийяр. Симулякры и симуляция. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения 29.12.2019)
2. Топ 10 Ютуб каналов с самым большим количеством подписчиков. URL: https://subscribest.ru/youtube/bolshe-vsego-podpischikov (дата обращения 29.12.2019)

«Вписка» как социокультурный феномен

Гранин Р.С.

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел философии, старший научный сотрудник

grrom@mail.ru

Аннотация: По причинам новизны феномена «вписки» и его неблаговидности, до настоящего времени не предпринималось серьезных научных попыток его рассмотрения. Поэтому в научной литературе данная проблематика не встречается. Существуют только статьи в глянцевых журналах, интернет-публикации, телевизионные ток-шоу и видеоролики в интернете. При сборе фактологического материала мы опирались именно на эти источники. Для анализа проблематики обратились к психоанализу, антропологии и философии.

Ключевые слова: инициация; посвящение; месса; оргия; алкоголь; религиозное сознание; дазайн.

“Vpiska” as the sociocultural phenomenon.

Granin R.S.

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Due to the reasons for the novelty of the “Vpiska” phenomenon and its unseeminess, until now no serious scientific attempts have been made to consider it. Therefore, in the scientific literature this issue is not found. There are only articles in glossy magazines, online publications, television talk shows, and online videos. When collecting factual material, we relied precisely on these sources. To analyze the problems, they turned to psychoanalysis, anthropology and philosophy.

Key words: initiation; Mass; orgy; alcohol; religious consciousness; Dasein.

В конце 80-х годов «вписками» называли места, где путешественники-автостопщики могли бесплатно переночевать, привести себя в порядок и снова отправиться в путь. Подобная практика позволяла путешествовать по стране с минимальными затратами. Сегодня «вписка» – это спонтанные вечеринки, длящиеся все выходные, где стираются любые запреты. Организаторами могут быть состоятельные солидные мужчины, желающие вспомнить молодость; школьники, желающие поскорее прикоснуться к взрослой жизни посредством алкоголя и секса; а также студенты, разнообразящие таким образом свою общажную жизнь. Проходят они чаще всего на съемных квартирах, но также могут организовываться и в общежитиях или родительских квартирах, пока тех нет дома. В социальных сетях существует несколько сотен специализированных групп, где желающие «вписаться», договариваются о месте и времени тусовки. Каждый приходящий должен принести с собой алкоголь. На некоторых вечеринках употребляются наркотики. Девушкам вход «бесплатный» [1].

Специалисты объясняют популярность «вписок» несколькими факторами. Одним из главных является разрыв социальных связей, прежде всего в больших городах, и исчезновение дворовой культуры. Доктор философских наук, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС Л. Козырева отмечает, что «раньше дети играли во дворе, обретали там новых друзей, обучались навыкам общения, примеряли на себя различные социальные роли. Сегодня они общаются опосредованно, через социальные сети, которые стали эрзацем, заменителем дворового общения. Встречи на вписках ни к чему не обязывают участников, они не несут никакой ответственности, и многих это устраивает. … Для большинства участников вписок это возможность уйти от проблем, выйти за пределы повседневной жизни, забыть о проблемах в общении с родителями. Кто-то напивается, кто-то уходит в монастырь, все это тоже способы уйти от реальности, как и вписка» [2].

Существует и другая, экзистенциальная (с элементами хайдеггеровского дазайн) составляющая «вписки», за счет чего этот феномен и стал столь популярным среди молодежи. Как пишет интернет-блоггер Major_ZzZ в заметке «Воля к вписке (философия)»: «Вписка учит смотреть на внутреннее, а не на внешнее. Вписка есть воплощение Жизни. Вписка есть самоорганизация и самотворение. Вписка есть акт творения. Вписка – это праздник культуры. Вписка есть бесконечная позитивность. Вписка есть радость жизни. … Мем - есть культурная единица вписки. Мем – единица исторического развития вписки. Мем – консолидация культурного опыта вписки. Историческое развитие вписки может привести к абсолютной вписке. Абсолютная вписка – это вписка всей Жизни. … Нельзя присвоить себе вписку. Когда ты открыт для вписки, она может быть тебе дана. Но ты не можешь её себе гарантировать. Вписка есть чудо и дар» [3].

На наш взгляд, «вписка» – это своего рода инициация. Любая инициация, будучи символической смертью и оккультным действием, смертельно опасна. Она символизирует перерождение из материалистической неподлинной жизни в иную высшую реальность. Такой переход, как и любой иной мистический опыт, является «всего лишь субъективным психологизмом» (как с негодованием повторял К.Г. Юнг за своими оппонентами), будь то мистическое озарение (видение «внутреннего света» по М. Элиаде) или религиозный обряд – от шаманов до элевсинских мистерий, от «Бардо Тхёдол» до мессы. Архаическая и первобытная инициация (разделим эти понятия вслед за Леви-Строссом) обычно проходит в период полового созревания в возрасте 12 – 14 лет и исключительно для юношей. «Вписка» примерно начинается с этого же возраста, но расширяет гендерные горизонты, теперь в нее допускаются и девушки. Происходит это спонтанно, так как никто (по-видимому) из вписавшихся не отдают себе отчета в метафизических основаниях этого действа. Признаки сакральности происходящего налицо – всяческие преодоления табу: стихийный разгул с порчей имущества, алкогольный трип в мир потустороннего, сексуальные оргиастические действия, групповой («дионисийский») характер происходящего.

Высказаться о «вписке» однозначно сложно, на ней помимо смерти символической случаются и вполне реальные смерти от передозировок алкоголем и наркотиками. Но смерти случаются и во время архаических инициаций. Несут ли «вписки» социальную опасность? Однозначно! Как и любая религиозная и оккультная или философская деятельность. Философов во все времена терроризировало общественное мнение, как в Греции, или Церковь в Европе. В связи с этим Н. Бердяев говорил, что культура – это большая неудача и в ней все не удается, так как культура глубоко символична, а не реалистична (противоположна реальности, является мнимой, как сказал бы П. Флоренский). Так и во «вписке» непосредственного реализма значительно больше, чем символического (то есть культурного), чуждого общественности.

Но существуют «вписочнообразные» процедуры, несущие значимую социокультурную роль. Так согласно журналистским расследованиям, оргиастические посвящения, напоминающие «вписочные», практикуются при приеме в ряд западных тайных обществ, например в «Череп и кости» – старейшее студенческое тайное общество Йельского университета, принадлежащего «Лиге плюща» (много слухов всегда ходило и вокруг посвящения в масоны и подобные организации) [4]. «Череп и кости» – это социальный лифт, ведущий в западные политические элиты. Не сильно утрируя, можно сказать, что «вписка» – это «Череп и кости» для «бедных». Инициация для деклассированных элементов, уже не несущая функции социального лифта или религиозного приобщения к сакральному. Но, как было отмечено выше, чем меньше символического, тем больше реального…

Литература:

1. https://yaroslavl-room.ru/provereno-na-sebe-studencheskie-vpiski-94997

2. https://spbdnevnik.ru/news/2018-11-21/pervoe-pravilo-vpiski-ne-zasypat-pervym-organizator-vecherinok-rasskazal-chem-mozhet-vse-zakonchitsya
3. https://author.today/post/66420
4. https://lenta.ru/news/2004/05/20/order/

Роль молодежи в формировании нового технологического уклада

Добрынин А.П.

МГУ имени М.В.Ломоносова, экономический факультет. Центр геопространственного экономического анализа, директор

andrey.p.dobrynin@gmail.com

Аннотация: в связи с формированием нового технологического уклада (НТУ) возникает ряд проблем, требующих осмысления с позиций проблематики социализации молодежи. Ключевыми среди них являются: развитие вертикальной системы разделения труда, служащей основой формирования НТУ; требование к системе образования с позиций формирования новых знаний и навыков; осмысление роли молодежи в формировании новой резервной армии труда.

Ключевые слова: молодежь, новый технологический уклад, вертикальное разделение труда, резервная армия труда.

The Role of Youth in the Formation of a New Technological Order.

Dobrynin A.P.

Abstract: in connection with formation of a new technological order (NTO), a number of problems arise that require understanding from the perspective of the socialization of youth. Key among these are: development of vertical division of labor that serves as the basis for the formation of NTO; the requirement to the education system from the standpoint of formation of new knowledge and skills; understanding the role of youth in forming the new reserve army of labour.

Key words: youth, new technological order, vertical division of labor, reserve army of labour.

Как всякий принципиально новый этап развития общества, нынешний переход к новому технологическому укладу (НТУ) задает соответствующие природе последнего требования к членам общества. Во все увеличивающейся пропорции они становятся носителями новых знаний и навыков, а также участниками новых форм взаимодействия в процессе производства в широком смысле слова. Смена поколений естественным образом формирует ситуацию, когда именно молодежь постепенно становится основным участником этих отношений, носителем новых знаний и навыков. Также понятно, что данный вопрос относится к более или менее отдаленному будущему, и временной промежуток можно оценить как 20-30 лет.

Но поскольку смена технологических укладов происходит уже в настоящее время, то уже в текущий момент остро стоит вопрос, кто составит ту резервную армию труда, которая может быть вовлечена в присущие НТУ новые отношения в процессе производства в то же время, когда основная часть работников продолжает вести деятельность внутри уходящего технологического уклада. Чтобы ответить на этот наиболее остро стоящий вопрос и понять при этом роль, которая не только в отдаленном, но и в самом ближайшем будущем выпадет на долю молодежи, попробуем сформулировать суть этих новых отношений и понять, о каких знаниях и навыках идет речь.

Вслед за предшествовавшими технологическими укладами, формирование которых базировалось на возникновении новых сущностей в вертикальном разделении труда, а именно: «конструировании», «проектировании» и «исследовании», происходит переход к новому технологическому укладу, в основе которого лежит «программирование деятельности» как новый шаг в развитии системы вертикального разделения труда. Различие горизонтального и вертикального разделения труда в данном виде предложено П.Г. Щедровицким и кратко его можно сформулировать следующим образом: «Горизонтальное – это разделение труда по производству продукта, а вертикальное – это разделение труда по производству всех тех знаний, которые нужны для производства этого продукта» (1).

Как и все предшествующие шаги в развитии разделения труда, тот, что человеческое общество совершает в настоящее время, возможен только благодаря развитию технологий и основанных на них прикладных технических решений. И, учитывая суть вертикального разделения труда, результат технологического развития с позиций производства знаний предлагается рассматривать в наиболее общей форме как возникновение новых подходов к новому основному объекту управления – кибер-физическим системам (2).

Приведем наиболее общее определение кибер-физических систем: Cyber-Physical Systems (CPS) comprise interacting digital, analog, physical, and human components engineered for function through integrated physics and logic (Кибер-физические системы состоят из взаимодействующих цифровых, аналоговых, физических и человеческих компонентов, спроектированных для функционирования посредством интегрированной физики и логики). (3). Важно также отметить, что в кибер-физических системах как объектах управления соединяются как их физические составляющие, так и виртуальные модели (в частном случае, математические модели, Цифровой двойник, Цифровая тень, Виртуальный двойник и т.д.)

На наш взгляд, именно Виртуальные двойники наиболее точно соответствуют особенностям формируемого интерфейса человеко-машинного взаимодействия для управления кибер-физическими системами. При этом Цифровые двойники играют важную роль в той «сквозной» цифровой технологии, которая официально называется «Новые производственные технологии» (2).

Для самого общего понимания необходимо сформулировать, в чем состоит различие между этими двумя видами двойников. Цифровые двойники, определяемые как цифровые модели, результаты испытаний, на основе которых отличаются от результатов испытаний на физических объектах не более чем на 3-5%, могут быть реализованы в сфере конструкторских разработок, разработок технологических процессов, а в дальнейшем использоваться на полном жизненном цикле изделий. Но там, где речь идет о природно-технических системах, то есть о системах, в которых природные объекты взаимодействуют с объектами, созданными человеком, требования, заявленные выше, реализованы быть не могут. В качестве примера можно привести инфраструктурные системы в зоне деградации многолетних мерзлых грунтов («вечная мерзлота», оказавшаяся не такой уж вечной, – это более половины территории РФ).

Отличие цели использования виртуальных двойников от цели использования цифровых двойников заключается именно в том, что первые используются для управления процессом, в котором вторые являются способом представления той или иной части управляемого объекта. Это, в свою очередь, означает, что другие части объекта управления могут быть представлены цифровыми моделями с меньшими (но при этом максимально возможными) показателями их соответствия физическим объектам.

Важной составляющей применения виртуальных двойников является включение в него, помимо цифровых двойников, элементов искусственного интеллекта (ИИ, который в настоящее время представлен технологиями machine-learning) для формирования сценариев тех процессов, которые мы не можем представить в виде цифровых двойников. При этом именно визуальное представление совокупности сценариев с участием, как цифровых двойников, так и процессов, которые моделируются с помощью machine-learning, является тем интерфейсом, который создает максимальные возможности для управления кибер-физическими системами.

Важной частью этой визуализации является возможность представления для человека, принимающего решения, пообъектной атрибутивной информации с возможностью ее уточнения для построения альтернативных сценариев, то есть работы с совокупной моделью как интерактивной параметрической. В перспективе такое взаимодействие должно быть реализовано на основе обновления данных в режиме, приближающемся к режиму реального времени. Кроме того, уже в ближайшее время виртуальные двойники должны обеспечивать возможность коллективной работы людей, принимающих решения, в единой виртуальной среде.

С учетом изложенного, в основе подготовки молодежи должны лежать:

1. понимание закономерностей развития сложных процессов, в том числе формирования стратегии социально-экономического развития на базе новых технологий;
2. умение создавать цифровые двойники и использовать их на полном жизненном цикле;
3. развитие навыков работы с ИИ и разработки алгоритмов machine-learning;
4. приобретение навыков работы с виртуальными двойниками для управления сложными природно-техническими (геотехническими) системами.

Подчеркнем еще раз, что для формирования НТУ необходима резервная армия труда, то есть те, кто не вовлечен в работу в рамках существующего технологического уклада. Без нее будет невозможно

обеспечить развитие форм кооперации, соответствующих системе разделения труда НТУ во всех ее формах (4). При этом главным будет являться обладание навыками работ с новым содержанием вертикального разделения труда, появляющемся в результате промышленной революции.

Из двух версий формирования резервной армии труда на настоящем этапе развития общества, а именно, из активно формирующегося прекариата, то есть общности людей, не имеющих полной гарантированной занятости, и из молодежи (студентов) и проходящих профессиональную переподготовку для смены профессии людей более старшего поколения, предлагаем делать упор на вторую возможность.

Литература:

https://www.znak.com/2017-12-12/petr_chedrovickiy_pochemu_rossiyskaya_ekonomika_i_obrazovanie_ne_uspevayut_za_ostalnym_mirom

http://injoit.org/index.php/j1/article/view/266/211

https://www.nist.gov/el/cyber-physical-systems

https://shchedrovitskiy.com/the-problem-of-the-division-of-labour-in-the-context-of-philosophy-of-activity-tatigkeit/

Принципы молодежной политики как института управления социальным будущим

Иваненков С.П.

Теоретический журнал «Credo new», главный редактор. Доктор философских наук

credonew@yandex.ru

Аннотация: В связи с социальными трансформациями, очень важно понимать роль и место молодежи как субъекта социального действия, а также те институции, которые обеспечивают или нет формирование у нее такой позиции. Сегодня становится все более понятным, что только государство, реализуя инновацию глобального масштаба – государственную молодежную политику – может обеспечить безопасность будущего не только самого государства, но и общества и самой молодежи. Поэтому важно правильно и эффективно запускать новые технологии работы с молодежью в рамках единой государственной и общественной молодежной политики. При этом следует учитывать, что интересы государства и общества не всегда совпадают, а иногда и противоречат друг другу. Следовательно, требуется найти такое концептуальное пространство, в котором они не были бы взаимоисключающими, а дополняли друг друга. Здесь только интегративная идеология и проект будущего могут обеспечить эффективное взаимодействие всех субъектов социализации молодежи.

Ключевые слова: молодежь, социализация молодежи, субъект социального действия, государственная молодежная политика, инновация глобального масштаба, новые технологии работы с молодежью, безопасность будущего, интегративная идеология.

The Principles of The Youth Policy as an Institution of Social Future Management.

Ivanenkov S. P.

Theoretical journal «Credo new»

Abstract: Because of social transformations it is very important to understand the role and place of youth as a subject of social action as well as those institutions that ensure or not the formation of such a position. Today it is becoming increasingly clear that only the state can ensure the security of the future implementing an innovation of global scale - the state youth policy - not only for the state itself but also for the society and the youth. Therefore, it is important to properly and effectively launch new technologies working with young people within the framework of the joint state and public youth policy. It should be borne in mind that the interests of the state and society do not always coincide and contradicts sometimes. Therefore, it is necessary to find a conceptual space in which they are not mutually exclusive but complement each other. Only integrative ideology and the project of the future can provide effective interaction of all subjects of youth socialization.

Key words: youth, socialization of youth, subject of social action, state youth policy, innovation of global scale, new technologies of work with youth, security of the future, integrative ideology.

Каждое общество, озабоченное своим будущим, обеспечивает целенаправленное воздействие на подрастающие поколения, выстраивая процессы обучения и воспитания, т.е. социализацию молодежи. В традиционном обществе молодежь как будущее была ценностью, в семье детей растили как своих будущих кормильцев, а общество заботилось о молодежи, чтобы обеспечить себя трудовыми ресурсами и военной силой.

В последние пару столетий происходят мощные социальные трансформации, в первую очередь, связанные с ростом политического авторитета государства. Масштаб и интенсивность войн, уничтожение значительной части мужского трудоспособного населения, а также бедствия и невзгоды, обрушивавшиеся на все общество, обусловили необходимость заботы о стариках-инвалидах, детях-сиротах, солдатских вдовах, и эту функцию берет на себя государство. XX век внедрил пенсионное обеспечение

в качестве одной из главных социальных функций государства, и теперь все ожидания и претензии – не к детям, а к государству и государственным пенсиям. Дети теперь зачастую становятся балластом, они не являются будущим, живут на пенсии родителей и ничего им не обещают.

Образование как традиционный институт социализации новых поколений также переходит в руки государства. Перспектива будущего с позиции индивидуально-семейной или общественной просматривается лишь частично. Уговорить общество работать на молодежь как на свое будущее уже сложно. И тогда главным заказчиком на социализацию молодежи становится государство. Это обусловливает государственный интерес и необходимость государственной молодежной политики. В ее задачи входит не просто помощь молодежи как социально-уязвимой части населения, а целенаправленное формирование у подрастающего поколения социально-одобряемых и востребованных в будущем обществе характеристик, с тем, чтобы сегодняшняя молодежь завтра смогла взять на себя ответственность за развитие и защиту общества и страны.

Однако только у общества как целого молодежь становится его будущим и его целью. Когда целое не имеет цели, будущее не является целью всего социума, а играет роль балласта. Здесь, по Марксу, «мертвые хватают живых». Этот балласт требует ресурсов, не дает обществу выживать, расти, развиваться. В 90-е годы советское умирало, новое проходило стадию первоначального накопления, сейчас мы уже пришли к средней зрелости капитализма. Теперь единственная ценность – это прибыль, и капитал ради нее готов на все. Частный интерес здесь противоречит общественному. О каком будущем теперь может идти речь?

Поэтому остается государство, которое как осознанный субъект и, по Гегелю, абсолютный разум, должно ставить себе цели, задачи и их решать. Какие цели и задачи в отношении к молодежи сегодня существуют у государства российского? Выборочно растить гениев? Но гениев растят, а потом они оседают на Западе. И кому мы их растим?

Как известно, в сущности у государства есть две функции. Одна, которую описал Маркс на примере классового общества – поддержание классового господства имущих классов и удержание в повиновении классов угнетенных. Ее сейчас усиленно вуалируют, замалчивают, хотя, будучи сущностной, она никуда не делась. Социальное расслоение в России – уже не миф. И с этой точки зрения, многие действия современного государства понятны. Вторая функция зародилась с государством на Востоке как инструмент управления социальными процессами. И с этой точки зрения, государство располагает многими ресурсами – законодательством, вооруженными силами, финансами, правом на легальное насилие, масштабным взглядом на ситуацию страны по внутреннему и внешнему контуру. Теперь речь не об уровне и качестве благ, а о ценностях – социальных, политических, которые выходят за пределы обыденности, быта. Поэтому социализация теперь может быть только государственной молодежной политикой, поскольку ее смыслы не берутся на уровне антропологическом и социальном. Это уровень политический. Но где сейчас интерес нашего государства в отношении к молодежи, какая молодежь этому государству нужна?

Вот лозунги дня: здоровый образ жизни, образованные, талантливые, креативные и т.д. Но это не государственный подход и интерес. Государственный интерес – растить в лице молодежи ресурс. Но ведь ресурс может быть использован и против государства. Какой должна быть сегодня молодежь, чтобы сказать: это моя молодежь, на которую опирается это государство, возлагая на нее и задачи сохранения страны, истории, ценностей, и задачи его укрепления, развития и процветания, его конкурентоспособности, свою уверенность в завтрашнем дне и достойном продолжении себя и той страны, за которую оно отвечает. Где у нас молодежный проект? Его сейчас нет!

Понятно, что государство – это машина, если хотите, автомобиль, но у которого есть свой рулевой. И если сейчас у руля стоят определенные социально-политические группы, то есть ли в их мыслях, ценностях, ориентирах молодежь, присутствует ли она вообще в числе учитываемых факторов, причем и в положительном, и в отрицательном значении?

Теперь с точки зрения общества. Дети напрямую не обеспечивают родителей, это так. Но они обеспечивают родителей с точки зрения создания новых социальных укладов. Они должны и будут создавать их через 20 лет. Сейчас все меняется так быстро, 300-400 млн. работников могут производить все, что будет обеспечивать остальные 7 млрд. населения планеты, а что остальным делать? И как нам в этом обществе жить? И будущее молодежи не в том, что они вырастут и станут жить лучше, а чтобы они смогли обеспечить ту социальность, которая нас удовлетворяет.

Поэтому молодежь как будущее представляется только как носитель программируемых характеристик. Это и есть государственная молодежная политика как инновационная форма социализации. Не кормильцев, а граждан, с точки зрения страны, государства, города, т.е. с чисто социально-политической точки зрения, необходимо воспитывать в молодежи. Тогда она будет обеспечивать и национальную безопасность, и развитие страны, устойчивость и т.д.

Но весь универсум работы с молодежью должен закрываться полностью, чего никогда не сможет государство. Значит, он должен закрываться еще и институтами гражданского общества. Поэтому мы сформулировали три принципа государственной молодежной политики: национальная безопасность, субъектность молодежи и интегративная идеология. Однако у нас по Конституции РФ идеология запрещена, но мы должны ее реализовать. Идеология состоит в том, что государственная молодежная политика дополняется общественной, и в интересах национальной безопасности обе работают через субъектную позицию самой молодежи.

«Два времени» культуры в деконструкции политических явлений в политической социализации молодежи

Кирдяшкин И.В.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», доцент кафедры политологии факультета исторических и политических наук. Кандидат исторических наук

kirdjhkin@mail.ru

Аннотация: В статье делается вывод о том, что включение молодежи в мир политических явлений сопряжено с их нелинейной деконструкцией, опосредуемой символическим временем культуры, представляющим динамику первичных свойств наблюдения за политическими феноменами и символических средств их конструирования, и временем культуры, выражающим эволюцию связей множества объяснений и символических средств конструирования социальных явлений.

Ключевые слова: политическая социализация, культура, молодежь.

«Two times» cultures in a deconstruction of the political phenomena in political socialisation of youth.

Kirdjashkin I.V.

National research Tomsk state University (Tomsk, Russian Federation), Department of political science, faculty of historical and political Sciences

Abstrac: In article the conclusion that youth inclusion in the world of the political phenomena is interfaced to their nonlinear deconstruction mediated by symbolical time of culture, representing dynamics of primary properties of supervision over political phenomena and symbolical means of their designing, and time of culture expressing evolution of communications of set of explanations and symbolical means of designing of the social phenomena becomes.

Keywords: political socialization, culture, youth.

Современность предполагает множественность проявлений личности, метаморфозы социальных структур. Это определяет потребность в модификации и создании новых возможностей со-организации общественных феноменов, деконструкции политико-символических систем, нацеленных на обеспечение взаимосвязи динамической целостности общества. Возникновение данных возможностей тесно сопряжено с политической социализацией. Особенное значение для их этого приобретает политическая социализация молодежи. В этом процессе наиболее проявлено влияние современных рефлексивно-активных социальных сред, движимых естественным интеллектом и искусственным как потенциалом деконструкции состояний и свойств политических явлений, представляющих потенциальное будущее, неустойчивые ценности, социальные идеи и практики совместной жизни и властных отношений. Происходящее предстает как продукт прорыва потенциального через сознание складывающейся личности посредством культуры, систем образования и технологий современности, влияя на сущность актуального политического. Значение потенциального будущего подмечено, в частности, М. Хайдеггером, считавшего, что все происходящее «выкатывается из бесконечного будущего в безвозвратное прошлое» [1, с. 91]. Потенциальность предстает как активная среда возникновения новых событий в области сущего, осознания личностью его иных уровней. Пространством для этого становится, в том числе, процесс становления человека политического. Данный процесс дает возможность личности распознать возникновение вышеуказанных событий и их значения, выделить альтернативные измерения и определить новые отношения человека с человеком и живым в целом, включить их социальную жизнь.

В этом плане понятие «политическая социализация» образуется по аналогии с понятием «социализация». Г. Алмонд и С. Верба определяют политическую социализацию как перенос структур политической культуры общества в структуры личности [2, с. 29]. При этом политическая культура, представляя набор системных признаков культуры общества в целом, воспринимается неоднозначно. Индивиды, согласно феноменологической традиции, понимают наличие одного и того же окружающего мира, осознаваемого ими различным образом, с разных мест. Межу тем осознавать мир – значит иметь его в опыте [3, с. 32-33]. В результате в качестве основы усвоения политической культуры в политической социализации предстает мир особенных социальных взаимодействий, неполитических моделей власти, влияющих на человека с раннего возраста [2, с. 357]. Образуемые при этом установки характеризует понятие «наблюдение». Оно выражает естественную установку человека, свойства многообразия и динамики его жизненного мира, социальные отношения, образующие личность, представляющие ее свойства наблюдения первого порядка. Оно представляет базовые первичные особенности понимания политической культуры, обеспечивает его самореферентность как постоянную соотнесенность с эволюцией норм социальных отношений, формирующих личность с детства. Данное наблюдение опосредовано символизмом культуры, который, как отмечает Э. Кассирер, конструирует реальность [4, с.16]. Культурно-символические формы общественных отношений, первично образующие личность, являются средствами интерпретации и конструирования социально-политических явлений.

Вместе с тем данное конструирование определяется одновременно и символами инореференции, конституирующей отношения с иным, интегрирующей многообразие позиций наблюдения и описания общественных отношений. Данные символические формы выступают средствами наблюдения второго порядка, благодаря которым общество структурирует рост своей комплексности, регулирует процессы дифференциации и эволюции позиций наблюдения, интерпретации и генерализации структур отношений в социуме. Конституирование наблюдения второго порядка характеризует ситуация «повторного вхождения» личности в мир социокультурных феноменов. Символизм наблюдения второго порядка сопряжен с множеством позиций наблюдения и интерпретации социальных явлений, разным опытом личностей.

Благодаря наблюдению второго порядка как «наблюдению наблюдения», отмечает Н. Луман, мы приобретаем возможность наблюдать то, что другие наблюдатели не могут наблюдать, увидеть то, что другие не могут [5, с.163]. В этом плане наблюдение второго порядка имеет своим выражением, к примеру, латентные идеологические конструкции, культурные нарративы и модели мировидения, генерируемые современными медиа, системами образования и науки. Наблюдение второго порядка выступает условием расширения понимания политической культуры, реализующей взаимосвязь и генерализацию политических явлений, управление их растущей комплексностью. Данное наблюдение адаптируют политическую культуру к изменениям в обществе, появлению в нем новых ценностей и идей, знаний о себе самом. Наблюдение второго порядка является выражением влияния динамики потенциальных, будущих форм понимания политической культуры на ее актуальное настоящее. Опосредующий данное наблюдение символизм, конституирует взаимосвязь множеств описаний политического мира, обеспечивает его воспроизводство и деконструкции. Релевантность смыслов позиций наблюдения первого и второго порядков создает возможность коммуникации индивидов в социуме, потенциал их участия в совместной жизни, ее политической компоненте.

Современная молодежь, становление которой обусловлено сопряженностью с разными обновляющимися областями знаний о обществе, выступает соавтором эволюции символических средств наблюдения второго порядка как процессов воспроизводства и деконструкции политической культуры. Это усиливает такие свойства понимания политической культуры как гибкость масштабов и «ускользание» от настоящего, обусловленность открытием телесности бытия, расщеплением и открытием его взаимосвязей. Включение молодежи в образование символических систем наблюдения второго порядка расширяют и современные медиа, выступающие в качестве множественных доступов к пониманию и трансформации социально-политических явлений. Медиатизация преобразует жизненный мир личности посредством онлайн-пространств, дополняя и переделывая повседневный опыт личности как базовый способ интерпретации социально-политических явлений. В этом плане медиатизация имеет значение культурного средства наблюдения первого и второго порядков, которое расширяет соавторство молодежи в деконструкции социального опыта, знаний об обществе, мире живого в целом. В присущей медиатизации виртуализации социального бытия, где ведущим является модус «как если бы», присущий ювенильности в целом, исследователи видят возможность апробирования разных путей решения проблем, увеличение разнообразия поля поиска возможностей в онтогенезе и филогенезе [6, с. 8-9]. Воображаемое как выражение данного модуса и его коммуникативный потенциал представляют основу социальности, средство трансформации общественного опыта, выделения его новых свойств,

преображающих понимание политического мира.

В результате в политической социализации современной молодежи происходят процессы воспроизводства и деконструкции политического мира, осуществляющихся в «двух временах» культуры, сообщающихся между собой и неотделимых друг от друга. С одной стороны во времени, представляющем процессы изменения и дифференциации символизма наблюдения первого порядка, которое презентует динамику жизненного мира молодежи, особенности первичных социокультурных сред формирования личности, создающих базовые возможности и границы понимания социальных явлений. И, с другой стороны, во времени, выражающем динамику взаимопроникновения границ понимания социальных феноменов как эволюцию символов наблюдения второго порядка. Оно позволяет распознавать политические возможности общества посредством культурных нарративов, латентных идеологических конструктов, продуктов современной медиасферы, связывающих позиции наблюдения социума и описания активности его социокультурных сред. Наличие и взаимообусловленность, смысловая релевантность данных «времен», порождающая коммуникацию индивида в обществе, создают возможность понимания и трансформации политических явлений, потенциал участия молодежи в политической жизни и ее эволюции, в воспроизводстве и обновлении ценностей и норм политической культуры.

Литература:

1. Хайдеггер М. Понятие времени: доклад перед Марбургским теологическим обществом, июль 1924 // ερμηνεία. Журнал философских переводов. 2015. № 1(7). С. 77–97.

2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
3. Молчанов В. И. Феноменология и терминология в Идеях I. Что естественного в «естественной установке» // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 4. С. 21–35.
4. Кассирер Э. Избранное: опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 779 с.
5. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Праксис, 2007. 234 с.
6. Князева Е. Н. Ускользающая реальность: аргументы конструктивизма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, № 2. С. 5–9.

Социальная стратегия трансформации институтов молодежной политики: в унисон с будущим

Киричок Е.А.

Schneider Electric, руководитель направления. Доктор социологических наук

elena.lavrukhina@se.com

Аннотация: В связи неотехнологической революцией и глобализацией экономики необходимо переоценить значение стратегического долгосрочного прогнозирования в молодежной сфере. Молодежь как социальная сила требует особого анализа в контексте будущего. Общество должно обеспечить футурологическую готовность молодежного сообщества к жизни через 30-50-100 лет. Прогностичность и долгосрочность мышления молодого сообщества присутствуют в сознании молодых ровно настолько, насколько содержательно обеспечено этим обществом.

Ключевые слова: молодежь, социальная сила, стратегическое прогнозирование, социально-футурологические предпочтения

Social Strategy for Transformation of Youth Policy Institutions: In unison with the future.

Kirichok E.A.

Schneider Electric

Abstract: Become of the non-technological revolution and globalization of the economy, it is necessary to overestimate the importance of strategic long-term forecasting in the youth sphere. Youth as a social force require special analysis in the context of the future. Society should ensure the futurological readiness of the youth community for life in 30-50-100 years. Prognostics and long-term thinking of the young community are present in the minds of the young exactly as much as is content provided by this society.

Keywords: youth, social strength, strategic forecasting, social and futurological preferences

Рассматривая молодежь России как социальную силу, которая определяет будущее общества, мы часто вступаем в противоречие с самим феноменом Будущего. Вся система образования и культуры ныне содержательно и структурно ориентированы на передачу знаний и ценностей прошлого и объяснение настоящего. А если молодежь не видит себя после 30 лет? И в свои 20 лет не строит долгосрочных планов на жизнь? Каковы шансы на развитие у такого общества? Прогностичность и долгосрочность мышления молодого сообщества весьма условны. Они присутствуют в сознании молодых ровно настолько, насколько обеспечены этим обществом.

Джастин И. Лин в своих книгах, раскрывая тайну китайского экономического чуда, обозначил, что одним из самых значимых факторов бурного развития Китая является долгосрочное планирование. Его исследования показали: китайцы должны видеть свое будущее и работать на него с минимальной перспективой в 30 лет и максимальной – 100 лет. В 2017 году Правительство Китая утвердило госпрограмму развития до 2050 года. В таких периодах в России мыслят только отдельные отрасли промышленности (космическая - «Лунная Программа-2050», экологическая - разработка проекта Стратегии долгосрочного развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, атомная отрасль, военное кораблестроение и т.д.). В 2017 году, на фоне принятия программы развития Китая до 2050 года, Россия также озвучила инициативу по разработке главного стратегического документа «Стратегия-2030: Россия XXI века». На текущий момент документ все еще находится на стадии обсуждения.

Классическое определение деятельности как целеположенной целесообразной активности требует от нас формулировки долгосрочных установок в сознании молодежи, даже если эти установки будут иметь вид социальной мечты. Общая социальная мечта – это, однозначно, более корректный способ консолидации молодежи, чем хаос или жизнь «одним днем», даже если мы определим хаос математически – как слишком сложный порядок, который не способен просчитать даже самый мощный

современный суперкомпьютер.

Когда мы вкладываемся в поддержку семьи, мы рассчитываем на передачу умений строить жизнь, сохраняя традиции. Но в этом случае общество может рассчитывать только на стабильность, но не на бурное развитие за счет новых поколений. Образование также носит характер сферы трансляции опыта. Других социальных институтов, способных так широко охватить и так глубоко влиять на социально-футурологические предпочтения молодежи, мы в современном мире не найдем. Так, к примеру, на сегодняшний день информация о профессиях будущего, консолидированная в отчете «Атлас новых профессий» (Агенство стратегических инициатив – Сколково, первая редакция, Москва, 2014 год), никак не повлияла на разработку программ даже дополнительного профессионального образования, не говоря уже о том, чтобы стало «заявкой» на разработку новых образовательных стандартов.

Мы фиксируем увеличение количества молодых людей (причем среди профессий, вчера считавшихся весьма престижными: менеджеры, маркетологи, экономисты, программисты), испытывающих социальный страх, зародившийся еще в эпоху первых мануфактур: страх, что человека заменят станки–роботы. **Грядет цифровизация неэффективных мест в торговле и посреднических услугах, полная роботизация производств, где требуется высокая гарантия надежности и защита от ошибки. Нужны люди иной квалификации, позволяющей пользоваться новыми технологиями и управлять ими, а главное – создавать новые технологии в рамках цифровой парадигмы.**

Футурология и современная наука в лице Митио Каку, Карла Сагана, Джорджа Массера, Джона Уиллиса, Говерта Шиллинга, Скотта Келли и др. говорит о том, что в середине нашего столетия успех каждого человека будет зависеть от тех способностей, которые недоступны роботам: креативность, воображение, инициатива, лидерские качества. Мы наблюдаем, как мир начал переход от товарной к интеллектуально-цифровой экономике. Но как развивать капитал молодежи, ориентируясь на потенциал долгосрочных изменений, если общественные институты, управляющие этим процессом, сами находятся в зародышевом состоянии?

Кроме того, необходимо переосмысление свободного времени и его использования в мире, где ожидается массовый переход на «home office» уже до 2030 года, уменьшение рабочего времени в неделю – с 35 часов до 32 к 2030 году, и 28 – к 2050. Чем наполнить освободившийся временной континуум молодежи, если общество много столетий было озабочено тем, как уменьшить ее незанятость? Содержание, формы, инструменты? Пока молодежь «переместилась» в социальные интернет-сети. Есть уверенность, что, те, кто умеет работать руками, делать что-то уникальное, творчески значимое, и те, кто высокоинтеллектуален, будут в лучшем положении, чем те, кого у нас принято считать хорошими специалистами. Новый технологический переворот заставляет мир жить в ожидании эпохи нео-ремесленников, гениев и творцов. Одним из важных социально-философских вопросов современности должна стать социальная стратегия трансформации институтов молодежи, ориентированная на далекое будущее (привычная нам идеологема - Программа Максимум), только так мы, старшее поколение, сможем быть спокойны не только за настоящее, но и за свое будущее.

От hard skills к soft skills, или о диалектическом снятии образовательных парадигм

Кошель В.А.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна. Кандидат философских наук,

logikaistorii@yandex.ru

Аннотация: В современной молодёжной политике Российской Федерации чрезвычайно значимым представляется содействие такой модернизации образования, которая могла бы стать адекватным ответом на вызов формирующейся эпохи цифровой цивилизации. Динамика социальных трансформаций, обусловленная развитием информационных технологий и процессами глобализации, привела к возникновению мультимедийной коммуникационной культуры. Таким образом, мы можем фиксировать процесс уже качественных изменений в социальной сфере. При этом мы не можем не видеть, что система образования в значительной степени сохраняет традиционно присущий ей консерватизм. Принимая во внимание ключевую цель молодёжной политики российского государства – содействие социальному, культурному, духовному развитию молодёжи, мы полагаем целесообразным переосмыслить доминирующую в современном обществе образовательную парадигму.

Ключевые слова: молодёжная политика, образовательная парадигма, hard skills, soft skills, кросс-функциональные навыки, интерсубъектные коммуникации, проектное обучение.

From hard skills to soft skills or on dialectical sublation of educational paradigms.

***Koshel V.* A.**

Advertisement, Design and Public Relations Department at Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. Facilitating of such kind of educational modernization, which would become the adequate answer to challenges of the emerging era of digital civilization, appears to be the issue of critical importance in today's youth policy in Russian Federation. The dynamics of social transformations, conditioned by development of information technologies and globalization processes, have resulted in multimedia communication culture, so we can record already qualitative changes in social dimension. We see thus that the system of education remains (at least to a large extent) to be traditionally inherent to its conservative nature. Taking into account the key aim of youth policy of the Russian state as assistance to social, cultural, spiritual development of young people, we suppose expedient to rethink the educational paradigm, which is dominant in modern society.

Keywords: youth policy, educational paradigm, hard skills, soft skills, cross-functional skills, intersubject communications, project teaching.

Среди актуальных направлений молодёжной политики современной России наиболее важными для университетского сообщества представляются:

- содействие обеспечению образования молодёжи;
- содействие социальному, культурному, духовному развитию молодёжи;
- содействие реализации творческого потенциала талантливой молодёжи.

Чтобы ответить на вызов рождающейся цифровой цивилизации и реально содействовать развитию молодого поколения, государство, на наш взгляд, призвано, в числе прочих задач, принять самое активное участие в совершенствовании системы образования, а точнее – в преодолении мирового кризиса образования.

Смысл кризиса – в глубоком противоречии между традиционно складывающейся, по сути консервативной, парадигмой образования и, можно сказать, взрывными темпами преобразования условий жизни современного общества.

Формирование цифровой цивилизации детерминировано третьей информационной революцией,

породившей мультимедийную культуру. Цифровые технологии, форматирующие процесс становления и развития современной личности, вносят такие глубокие изменения в социальное движение, которые сравнимы с изменениями общества, вызванными изобретением письменности или книгопечатания.

Появление новых видов, форм и каналов интерсубъектных коммуникаций, побуждающих к расширению границ идентификации человека, становится своеобразным вызовом для системы современного образования и, следовательно, весьма значимым фактором, воздействующим на развитие субъект-субъектных отношений.

Вместе с тем, в современном обществе капиталистического отчуждения с его всё более обостряющейся конкуренцией, сохраняется жёсткая необходимость использования «наёмной рабочей силы» с целью извлечения прибавочной стоимости. И в связи с этой необходимостью система современного образования воспроизводит традиционную программу формирования субъект-объектных отношений.

Логике субъект-объектных отношений в полной мере соответствуют целевые установки традиционной образовательной парадигмы. Эта парадигма сориентирована на формирование профессиональных компетенций и навыков, необходимых в исполнительском труде. Профессиональные знания для такого рода деятельности традиционная система образования сообщает при посредстве анализа и запоминания готового материала. На практике подобные основополагающие компетенции и «жесткие навыки» – *hard skills* – ключевые критерии, позволяющие идентифицировать профессиональную пригодность специалиста в режиме регламентированной деятельности.

Однако тектонические сдвиги в развитии современной цивилизации существенно изменили организацию и форму производственной деятельности, характерной для индустриальной эпохи. Современный, «когнитивный» капитализм – способ организации производства, «в котором научное знание и умственный труд играют определяющую роль в системе производства и в достижении экономического успеха» [1, с. 2161]. В условиях «когнитивного капитализма» при интенсивно развивающейся автоматизации производства наиболее значимым и ценным остаётся то, что автоматизировать и заменить роботами невозможно.

Формировать эти ценные и значимые компетенции, особенно востребованные в современном мире, значительно сложнее, чем навыки, основанные на рассудочном, формально-логическом мышлении. Но именно на формирование последних «жестких навыков» сориентирована современная, в значительной степени сохраняющая традиции, система образования. И поэтому во весь рост встаёт проблема переосмысления и корректировки образовательных парадигм.

Важнейшей составляющей актуальных компетенций и навыков (которые принято называть, в противоположность hard skills, «гибкими» навыками – ***soft skills***) является эмоциональный интеллект (EQ). Именно он позволяет адаптироваться к меняющимся условиям, конструктивно и эффективно работать в команде и коммуницировать с коллегами, чувствовать мотивации целевых аудиторий. Преобразовывать базовые знания в руководство к действию, программировать формирование таких компетенций, с которыми выпускник сможет творчески решать профессиональные задачи, – всё это становится «технически необходимым» в условиях рождения цифровой цивилизации.

Корректировка образовательной парадигмы, в которой актуализируется формирование «гибких навыков» (soft skills), прежде всего, предполагает переориентацию образовательного процесса с «образования», для которого традиционно субъект-объектное «наполнение» студентов знаниями на субъект-субъектное «управление самообразованием» студентов, перед которыми поставлена исследовательская, организационно-проектная и/или творческая (на уровне эмоционально-художественного и/или интеллектуального творчества) задача.

Подобный формат организации учебного процесса уже используется в образовательной деятельности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Дальневосточного федерального университета, Московского Политеха, Уральского Федерального университета – Нижнетагильского технологического института (филиала), Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского и Южного федерального университета. [2] Это проектное обучение, в ходе которого формируются совершенно бесценные для рождающегося нового мира кросс-функциональные навыки.

Под наблюдением опытных преподавателей-кураторов (необходимость повышения квалификации которых подразумевается) в студенческой группе организуются команды, каждая из которых в течение образовательного модуля разрабатывает свой проект. Логика проекта такова: сначала определяется характер проекта: исследовательский, организационный и/или творческий (на уровне эмоционального и/или интеллектуального творчества), затем формулируется проблема, техзадание, определяются показатели исполнения проекта и, наконец, рефлексируются образовательные результаты.

Таким образом, в процессе разработки проекта формируются не только исследовательские навыки и развиваются творческие способности, но наиболее «конструктивно» и эффективно усваиваются базовые теоретические знания (hard skills). Эти основополагающие знания в разработке проекта используются как теоретико-методологические предпосылки решения практических задач. И поэтому в практической деятельности они уже воспринимаются и осознаются как «гибкие навыки» – soft skills.

Особенно значимы в проектном обучении кросс-функциональные «гибкие» навыки. В командной работе над проектом развивается способность к комплексному взаимодействию студентов для достижения общих целей, осваиваются новые навыки, углубляется компетентность в отношении понимания задач проекта и их решения.

Именно в команде молодые люди учатся брать на себя ответственность, распределять между собой роли, осознавать общие цели и результаты. В этих условиях развиваются и личностные мотивации к совместной творческой деятельности и, что особенно важно, – к самообразованию.

Таким образом, в новой образовательной парадигме, актуализирующей формирование «гибких навыков» (soft skills) посредством диалектического снятия hard skills открывается перспектива не только развития образования, адекватного рождающейся эпохе, но и формирования социальной зрелости молодёжи.

Литература:

1. Кошель В.А., Павлидис П. О противоречиях системы образования в эпоху «когнитивного капитализма».// Профессиональное образование в современном мире. 2018; 8(4). С. 2160-2166

2. Проектное обучение. Практика внедрения в университетах. / Под ред. Евстратовой Л.А., Исаевой Н.В., Леушкова О.В. // Открытый университет Сколково., Москва, 2018.

Молодежь как бытие социального будущего

Кусжанова А.Ж.

Теоретический журнал «Credo new», заместитель главного редактора. Доктор философских наук

pola2@mail.ru

Аннотация: Молодежь является выражением будущего, т.е. социального времени, которого в настоящем нет. Нет в настоящем и будущего общества. Поэтому будущее не воспринимается обыденным сознанием. Его понимание приходит с мудростью или разумом. В традиционном обществе забота о новых поколениях была условием его самосохранения и продления во времени его уникальной социокультурной идентичности, это вынуждало заботиться о будущем. Со временем задача социализация молодежи перешла к государству. Сегодня субъектности семьи и общества уже недостаточно, это можно сделать только под эгидой государства. Молодежь как социальная группа существует в настоящем, имея свои запросы к обществу, потребности и интересы. Она является субъектом социального действия, и вопрос преемственности поколений становится вопросом выживания и будущего данного общества и государства. Управление ее социализацией в целях будущего и удовлетворение ее запросов в настоящем есть управление общественным будущим.

Ключевые слова: молодежь, социальное время, будущее, преемственность поколений, социальный конфликт, молодежь как субъект, управление будущим.

Youth as The Being of Social Future.

Kuszhanova A. Zh.

Theoretical journal «Credo new»

Abstract: Youth is an expression of the future, i.e. social time which does not exist in the present. There is no future society in the present too. Therefore the future is not perceived by ordinary consciousness. This comprehension comes with wisdom or reason. In traditional society the caring for new generations was a condition of its self-preservation and extension of its unique sociocultural identity, it forced to care about the future. Over time, the task of socializing youth passed to the state. Today, the subjectivity of the family and society is no longer enough, it can be done only under the auspices of the state. As a social group youth exists in the present with its own demands to society and needs and interests. It is the subject of social action. The question about continuity of generations becomes a question of survival and future of the society and the state. The management of youth socialization for the purposes of the future and the satisfaction of its demands in the present is the management of the social future.

Key words: youth, social time, future, continuity of generations, social conflict, youth as a subject, future management.

Будущее чаще всего трактуется как время, календарно, или событийно, причем жизненно-неопределенно, как то, чего сейчас нет, но скорее всего, будет. Это некое запредельное пространство на границе ощущаемой жизни, и за эту границу мы отодвигаем все приятные и неприятные сегодняшние проблемы и события. В любом случае, будущее где-то там, а не здесь, и до него еще «надо дожить». Этот временной интервал, отделяющий нас от будущего, часто позволяет, с одной стороны, «сегодня» о нем не думать («утро вечера мудренее»), а с другой стороны, думать о нем хорошо. Изменить эту позитивную интенцию заставляют только тяжелые моменты – болезни, старость, кризисы – когда нам плохо, и плохо уже «сейчас». Лишь тогда нас посещают мрачные мысли о будущем, заставляя людей совершать поступки, чтобы остановить жизнь в «сейчас» и не дать ей перешагнуть порог в страшное будущее.

Но, как правило, человек смотрит в будущее светло, и только старики начинают примерять к себе будущий неизбежный уход и думать о том, как сегодня повлиять на то, чтобы окружающий мир без них не разочаровал бы их, сегодняшних.

А как смотрит в свое будущее общество? Почти так же, но не совсем. Когда общественное развитие на подъеме, то обществу присущ социальный оптимизм и вера в будущее. Когда общество впадает в кризис, его охватывает социальный пессимизм, страх и уныние. Но, в отличие от отдельного человека, в общественном сознании отсутствует чувство кончины, оно никогда не представляет себе общественной смерти. Может смениться общественный уклад или политический строй, может, и человечество будет другим, но общество однозначно будет! А раз так, то и думать о будущем следует лишь тогда, когда жизнь вынудит отложить в сторону все сегодняшние насущные проблемы. Думать «вперед» могут и хотят немногие. Это могут делать мудрые. И эта ощутимая разница в восприятии своего индивидуального и социального будущего оказывает существенное влияние на поведение и деятельность людей.

У социального будущего есть одна ипостась, требующая отдельного понимания. Мы часто говорим, что наше будущее – это молодежь. В прежние времена это выражение понималось буквально: молодежь, взрослея, брала на себя все заботы о тех, кто сам, еще будучи взрослым, обеспечивал ее жизнь и взросление. Какой будет жизнь отца, достигшего своего «будущего», когда он выходил из активного трудового возраста, зависело от того, какое будущее он себе уготовил воспитанием своих детей. Работящее и уважающее родителей новое поколение обеспечивало достойную жизнь и себе, и старикам, маргинальное повергало их в нищету и бесчестье. Поэтому забота о детях выходила за рамки животного инстинкта, и была заботой не только о физическом выживании и выхаживании малышей, но и заботой о формировании нового трудоспособного поколения, а также о себе и облике того сообщества, в котором человек хотел бы жить и встретить свою старость. Этим определялась значимость воспитания и преемственности поколений, к которым любое общество относилось с предельным вниманием и ответственностью. Так, опираясь на семейное воспитание, общественный контроль и процессы социализации, общество сохраняло себя физически и социокультурно при неизбежной физической смене поколений. Историческое время многое изменило в социальной материи. Разросшееся общественное пространство сильно ослабило кровнородственные связи, на фоне расцветающей масс-культуры исчезали обычаи. Но рассыпающуюся ткань социальности подхватило государство, которое по-своему начало структурировать и сшивать общественные конгломераты, образовывая политически организованные страны. Мировая карта приобретала облик политической карты мира, а прежние народы и народности становились нациями. Семейное и общественное влияние на молодежь фрагментировалось за счет перехода части его функций в руки государства. Новые поколения теперь становились объектом интереса уже трех институций – семьи, общества и государства. У каждой из них есть свои интересы, свои приоритеты в выстраивании взаимоотношений с новым поколением и свои средства воздействия на молодежь. Они исторически меняются, а вместе с ними меняются и инструменты, необходимые для адекватного понимания своей роли, определения характера взаимоотношений, выбора средств и методов решения задач воспитания и преемственности поколений, необходимых, как сказано выше, для обеспечения длительности существования этих институций во времени. Таким образом, главные цели в отношении молодежи время не смогло изменить: в ней, молодежи, гарантировано сохранение и благополучное существование семьи, общества и государства. А для этого ей необходимо обеспечить жизнь – во всем многоцветье социальных и биологических потребностей – и воспитание, способное обеспечить преемственность поколений, сохранение и прогресс данного общества – ныне это страны, за которую ответственно государство.

Как родители выстроят свои отношения с новым поколением, таково будет и качество семьи – родительской и собственно-молодежной. Как общество выстроит свои отношения с молодежью, такое общество оно получит завтра, и от этого зависит, будет ли ему нравиться жить в тех реалиях, которые обеспечит ему сменившее его поколение. И, наконец, каковы сегодня будут отношения государства и молодежи, такое отношение к этому государству или даже такое государство будет выстраивать завтра сегодняшняя молодежь.

Итак, молодежь – это воплощение будущего времени. Вместе с тем, она не является будущим, которого сегодня еще нет. Она уже есть сегодня, и имеет свои запросы к обществу и государству. Если общество и государство сегодня сумеют оттранслировать ей свои ценности, окружить ее заботой и смогут вырастить в ней своих последователей, защитников и строителей, то именно таким она станет строить и поддерживать общество завтра, именно таким станет общество в близком будущем, каким его хотят видеть общество и государство сегодня. Потому что молодежь и есть то самое общество, которое сегодня формируется, и в ней формируется завтрашнее общество.

Но для плавного, бесконфликтного, перехода сегодняшнего общества в завтрашнее, необходимо решить главную проблему – преемственности поколений. Конфликт поколений как социальное явление очень распространен в большинстве обществ, тем более, переживших в истории революционные изменения. И неприятие молодежью ценностей и моделей жизненного опыта, производственной деятельности, социальных взаимодействий – нередко неизбежный спутник таких исторических катаклизмов. Зачастую семейные связи уже неспособны удержать молодежь от конфликтов – семейных и общественных. Но труднее всего сформировать или, наоборот, разрешить, конфликт индивидуума, группы, общества с государством. Поэтому если государство способно предложить молодежи цели и ценности политико-идеологического уровня, обеспечить ей программу деятельности и ресурсы по их достижению, оно способно сгладить и социальные, и семейные, и межличностные конфликты, подведя под эти отношения общий знаменатель ценности Родины, национальной сплоченности, исторической чести и достоинства своего народа, и выиграть борьбу за молодежь как за проект своего завтрашнего будущего.

Поколения как субъекты и объекты социального проектирования

Сегал А.П.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет, кафедра философии языка и коммуникации, старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

segal.alexander@gmail.com

Аннотация: Автор ставит вопрос о трансформации современных поколенческих парадигм. Он отмечает тенденцию к драматизации описания процессов взаимоотношения поколений. Автор обращает внимание на метафоризацию т.н. «теории поколений» и ухода исследователей из понятийной, теоретической плоскости в лучшем случае в плоскость «нон-фикшн», популярной литературы, а в основном в метафорическую, беллетризованную область описания архетипов – саму по себе изменчивую по мере роста описываемых групп. Подчеркивая необходимость рассмотрения поколенческих проблем в единстве исторического и логического подходов, автор акцентирует внимание на одном из аспектов проблемы – формировании субъектности и конфликта целей сменяющих друг друга поколений. Автор подчеркивает, что современная конфигурация взаимоотношения поколений сложнее, чем ее принято представлять общественности, и предпринимает попытку её охарактеризовать.

Ключевые слова: поколение, родовая сущность, будущее, социальное проектирование, субъект, субъектность.

Generations as agents and objects of social design.

Segal A.P.

Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Abstract: The author raises the question of the transformation of modern generational paradigms. He notes the tendency to dramatize the description of the processes of the relationship between generations. The author pays attention to the metaphorization of the so-called “theory of generations” and the departure of researchers from the conceptual, theoretical plane, at best, to the plane of “non – fiction”, popular literature, and mainly to the metaphorical, fictionalized area of describing archetypes-itself changing as the described groups grow older and older. Emphasizing the need to consider generational issues in the unity of historical and logical approaches, the author focuses on one of the aspects of the problem – the formation of agency and conflict of goals of successive generations. The author emphasizes that the current configuration of the relationship between generations is more complex than it is usually presented to the public, and attempts to characterize it.

Keywords: generation, generic essence, future, social design, agent, agency

В последние годы стало модно рассуждать о новых поколениях, принципиально отличных от всех прежних. На наш взгляд, «ажиотажный спрос» на эту тему в значительной мере связан с беллетризацией теоретической и прикладной-социологической проблематики. Так, Нейл Хоув (Neil Howe) и Вильям Штраус (William Strauss) еще в 90-х предложили образные характеристики поколений, обозвав их «теорией поколений» и втянув в обсуждение широкий круг неспециализированных интересантов носителей обыденного сознания. Долгие годы авторы умело поддерживали интерес к своей модели, публикуя продолжения, каковых на сегодня не менее шести, не считая журнальных статей. Интересно заметить, что по ходу исследования Хоув и Штраус меняли образы (архетипы), явно романтизируя их. Так, «Идеалист» (Idealist), «Реагирующий»(Reactive), «Гражданский» (Civic) и «Приспособляющийся» (Adaptive) из первой книги («Поколения», 1991 г.) [1, с. 73-74] превратились через шесть лет, в «Четверном повороте», в «Пророка» (Prophet), «Кочевника» (Nomad), «Героя» (Hero) и «Художника» (Artist). [2, с. 70] [3, с. 94]

Тема поколений переплетается в массовой литературе с еще одной модной темой «цифровизацией». Заявляется принципиальная качественная новизна т.н. «цифрового общества» и проблем, с ними связанных. Вполне серьезно и очень эмоционально обсуждаются новые, теперь уже «цифровые», «проблемы отцов и детей».

Мы уже высказывали достаточно скептическое отношение к «цифровой» терминологии. [4] Не меньшего скепсиса, на наш взгляд, достоин и ажиотаж вокруг модной «буквенной» типизации поколений от Хоува и Штрауса. К примеру, «поколение Z» представляет собою типичную метафорическую конструкцию. Последняя буква латинского алфавита создает у обывателя впечатление, что происходит нечто чрезвычайное, подобное «концу времён».

К сожалению, определенная часть исследователей тоже склонна, скорее, воспроизводить метафоры и утверждать, что вопрос взаимоотношения поколений представляет «всё бóльшую актуальность» (курсив наш А.С.) в глобальном масштабе. [3, с. 94] И это притом, что трудно найти проблему более архаичную: ведь еще древние горько сетовали на испорченность и никчёмность молодых поколений… Кстати, как ни парадоксально, школьные сочинения на тему «конфликта отцов и детей» по-прежнему чрезвычайно популярны. Таким образом, налицо явное противоречие: с одной стороны – настойчиво декларируемая абсолютная новизна проблемного поля, с другой – «вечная» «проблема отцов и детей». Впрочем, удивляться не стоит. Еще Гегель, характеризуя обыденное сознание, замечал, «что …обыденный способ представления, не доходящий до сознания разумного [курсив наш – А.С.], … всегда удерживает противоположности врозь друг от друга...». [5, с. 166]

Именно здесь, на наш взгляд, наиболее контрастно проявляется сложность изучения поколенческой проблематики. Она настолько общезначима и на первый взгляд очевидна, что с неизбежностью «выпадает» в сферу профанных суждений и становится жертвой «Wiki-среды», будучи не в силах преодолеть «хаос гипертекста». [6, с. 393].

На наш взгляд, дальнейшие исследования в этой области требуют углубленной методологической рефлексии. Конфликт следует рассматривать как логически, так и исторически. Однако здесь, в силу небольшого объема, мы не имеем такой возможности, и посему ограничимся лишь одним из аспектов названного противоречия.

Поколение в биологическом, родовом смысле, или генерация, есть совокупность родичей, одинаковых по степени происхождения от общего предка (родители, дети, внуки). Взятое в «чисто» биологическом аспекте, новое поколение отрицает поколение родителей, оно ценнее для рода в целом – но лишь после того, как произойдет обучение индивидов нового поколения навыкам и способам поддержания индивидуального существования (ergo существования рода). Такое обучение есть наивысшая («протосоциальная») форма непосредственно природных, видовых отношений, которая, кстати, в онтогенезе предшествует отношениям по поводу репродукции.

Сказанное характерно не только для человека – оно может быть отнесено ко всем высокоразвитым живым существам. (Менее развитые виды не обучают потомство, оно имеет врожденные цепочки рефлексов, достаточные для поддержания существования индивида и вида).

Что же касается человеческой специфики, то она заключена в особой форме поддержания собственного существования – целесообразной деятельности, или труде. В нем «человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой». [7, с. 188] Труд как «исключительное достояние человека», состоит в том, что «человек не только изменяет форму того, что дано природой; … он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель (курсив наш – А.С.)». [7, с. 189]

Цель есть процесс: «Действительная цель есть лишь цель, реально возможная и реально осуществляемая». [8, с. 75]. Цель есть предвосхищение результата, но «вместе с тем … развитая цель необходимо предполагает также предвосхищение средств труда, предмета труда и способа труда».[Там же]

Таким образом, в ходе разделения труда процесс постановки цели становится главенствующим. А это означает внутреннее разделение труда – «отделение одного момента процесса труда от всех остальных» [8, с. 110] и выделение процесса управления – особого вида труда, объединяющего связанные целью процессы труда отдельных исполнителей в составе «совокупного работника». [7, с. 351]

В современном обществе практически любой компонент процесса труда (производства) так или иначе «профильтрован» предшествующим трудом. Таким образом, продуктами специальных, отдельных процессов труда являются и цель, и средство, и человек, приводящий это средство в действие, и предмет, подготовленный к обработке. В специфически человеческом измерении процессы репродукции и обучения приобретают социальное качество, выступают процессами производства человека, но не столько как биологического индивида, сколько как основного, активного компонента процесса труда.

В человеческой специфике поколение перестает рассматриваться как генерация, совокупность родичей, и предстает как когорта совокупность сверстников, образующая возрастной слой общества и в силу особенностей возраста своих членов включенная в общественное разделение труда.

Рассмотренное с точки зрения поколений, разделение труда в современном обществе выглядит следующим образом: субъектом постановки целей, в том числе широкого социального проектирования, выступает старшее поколение, в то время как младшее в этот момент рассматривается двояко сначала как объект обучения и затем как субъект «второго порядка», исполнитель, реализующий цели субъекта «первого порядка».

По мере взросления членов когорты и их становления как участников общественного производства меняется их совокупная роль. Но здесь следует специально отметить, что производство это процесс труда, рассмотренный с точки зрения его результата. Отношение к результату зависит от места человека в общем процессе производства, которое, в свою очередь, есть результат распределения факторов производства, в том числе и человека.

В отличие от половозрастного разделения труда в ранних обществах, в современном классовом обществе место в общественном производстве и отношение к его результату зависит не только и не столько от возраста, сколько от положения, определяемого собственностью на основные факторы производства (в первую очередь – средства).

Таким образом, в современном обществе, как и в любом другом классовом обществе, проблема взаимоотношения поколений приобретает весьма сложную конфигурацию с несколькими «слоями».

На первый взгляд, конфликт поколений строится на том, кто будет субъектом проектирования будущего (субъектом целеполагания), а кто станет субъектом «второго порядка», субъектом реализации поставленных целей – и «потребителем» построенного будущего. Ведь очевидно, что будущее проектирует старшее поколение, а субъектами, действующими в этом будущем, станут повзрослевшие молодые, которые начнут проектировать будущее для своих детей.

Именно на такую поверхностную очевидность опирается идея «наказания» старшего поколения, отказа ему в социальной поддержке за «плохое настоящее», лежащая в основе выступлений Греты Тунберг. Нетрудно увидеть, кому выгодны такие подходы: это корпорации, снимающие с себя социальные обязательства, банки и пенсионные фонды, растратившие накопления предыдущих поколений на избыточное кредитное стимулирование.

Но все ли виноваты? Вряд ли стоит доказывать, что родители и дети, попавшие в «исполнительский кластер» общества, целей не ставят и глобальным проектированием будущего не занимаются. Их «проектирование будущего» ограничено вопросом выживания, добычи средств к существованию. И конфликт поколений строится на конкуренции за место в производстве в качестве исполнителей.

Постановкой задач в масштабах всего общества и проектированием нынешнего и будущего состояния общества занимаются те, кто является субъектами целеполагания – представители т.н. «элиты». Как отметила Л.Н. Цой, «у богатых людей, занимающихся бизнесом, появляются свои, специфические конфликты и проблемы по поводу передачи собственности.» и «борьбы за власть между старыми и молодыми, принадлежащими к господствующему классу». [9] И картина, которую рисует Грета – это взгляд буржуа, каковыми многие ее последователи никогда не станут.

С другой стороны, класс собственников, при всей кажущейся фронтирности, ориентируется на неизменную, предзаданную цель – получение прибыли. Всякое новое поколение, приходя в бизнес на место отцов, застает ее уже поставленной. Отказ от нее равносилен разрушению «дела отцов». Но цель неизменна, если неизменен процесс. Если же сам процесс меняется, то и цель, и способы ее достижения тоже меняются. Именно это противоречие мы наблюдаем сегодня.

Мы уже писали и готовы повторить, что «наука, информация, хай-тек, есть продукты непосредственно общественные, результат усилий всего общества …Именно они становятся главной производительной силой. … И чем дальше, тем суровее этот социальный и технический императив» [10, с. 124].

Литература:

1. Howe N.u Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069, New York: William Morrow & Company, 1991.

2. Strauss W. и Howe N. The fourth turning: an American prophecy, N.Y.: Broadway Books, 1997, p. 400.
3. Ожиганова Е. М. «Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения» // *Бизнес-образование в экономике знаний,* № 1, С. 94-97, 2015.
4. Сегал А. П ««Цифра» и «цифровое общество» как симулякры XXI века (о терминологической строгости при описании процессов коммуникации),» // *Профессиональное образование в современном мире,* т. 9, № 3, С. 2898-2908, 2019.
5. Гегель Г. Лекции по истории философии. Книга вторая., СПб: Наука, 1994.
6. Брахман Г., «Wiki-онтологизация: мегатренды прогрессивного медиаобразования.,» // *Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия "Филология. Социальные коммуникации. Том 24 (63). . № 4. Часть 1.,* С. 389–395, 2011.
7. Маркс К. Капитал, том 1, Соч.,т. 23, М.: ИПЛ, 1961.
8. Вазюлин В. А., Логика истории. Вопросы теории и методологии, Москва: Изд-во МГУ, 1988., 328 С.
9. Цой Л., *Конфликт поколений: устойчивость и развитие* // Адлеровские чтения. Сборник материалов Республиканской конференции.,» Альметьевск, 2006.
10. Сегал, А. П. «Свободное время свободного труда –или новые огораживания?,» // *Взгляд из России: Размышления о мужестве лени и безделье. Труд и его судьба/ Blick aus Russland:Gedanken über den Mut zur Faulheit und zum Nichtstun-Die Arbeit und ihr Schicksal*, Москва, МГУ, 2017, С. 100–133.

Патриотическое воспитание российской молодежи и социальные типы личности в ее среде

Смирнов П.И.

доктор философских наук

smirnovpi@mail.ru

Аннотация: В статье обосновано закономерное появление нового социального типа личности – эгодеятеля-рыночника – среди молодежи России, склонного к акциям по образцу майдана и к выезду за рубеж. Противодействие этим тенденциям возможно путем превращения эгодеятеля-рыночника в эгодеятеля-патриота. Нужной метаморфозе может способствовать государственная политика в двух направлениях. Результатом политики в первом направлении должно стать ясное понимание всей молодежью основных ценностей и интересов страны, что требует изменения ценностных основ Конституции РФ. Высшей ценностью государства должен быть признан не абстрактный человек с его правами, а гражданин России как природное, социальное и духовное существо. Результатом политики по второму направлению должно стать появление большого числа хозяев-собственников, что станет базой формирования у них стойкого хозяйственно-патриотического чувства. Союз мелких и крупных собственников (эгодеятелей-патриотов) со служителями-патриотами станет залогом стабильности и успешного развития страны.

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, социальные типы личности, служитель-патриот, эгодеятель-патриот

Russian Youth Patriotic Upbringing and Social Types of Personality in its Milieu.

Smirnov P.I.

Abstract: This article grounds the natural appearance of new social type of personality – market type ego-actor – among Russian youth. This type of personality is inclined to maidan-type actions and emigration abroad. Counter-measure for this tendency might be the transformation of market type ego-actor into patriotic ego-actor. State policy in two directions is required for this transformation. First direction must result in clear understanding of main values and interests of the country by all young people – this requires the values basis changes of the Russian Federation Constitution. The highest value for state must be acknowledged – Russian citizen as natural, social and spiritual being – not some abstract human with his rights. Second direction should lead to the appearance of big number of private owners which will become the basis for the forming of permanent owner-patriotic sense. Union of small and big owners (patriotic ego-actors) and patriotic service-actors will be the key for stability and successful development of the country.

Keywords: patriotism, youth, social types of personality, patriotic ego-actor, patriotic service-actor

Важность патриотического воспитания была подчеркнута президентом России В.В. Путиным [1]. Оно – необходимое условие в укреплении общероссийской идентичности и формирования активной гражданской позиции молодёжи России, которые являются залогом стабильного существования и успешного развития страны. Патриотизм и чувство причастности к судьбе страны и народа могут и должны стать средством «противоядия» против процессов «майданного» типа, к коим усиленно пытаются привлечь молодежь, и стремления ее части к выезду за рубеж. Но в этом воспитании нужно учитывать особенности основных социальных типов личности, формирующихся ныне в молодежной среде, используя разные идейные и материальные средства.

Основные социальные типы личности построены на представлении о трех важнейших разновидностях деятельности (эгодеятельности – деятельности для себя, служебной деятельности – деятельности для другого, и игре – деятельности для деятельности), а также на критически воспринятой концепции К.Г. Юнга об экстравертах и интровертах. Таковыми типами являются гармоничный деятель, эгодеятель, служитель и игрок, обретающие дополнительные черты под влиянием внутренних и внешних обстоятельств. В зависимости от степени осознанности собственной деятельности, они

могут эволюционировать от естественного через наивное до сознательного состояния. В зависимости от нравственного выбора, они могут быть «добрыми (разумными)» или «злыми (циничными)». В зависимости от доминирующей в обществе разновидности деятельности (эгодеятельности или служебной), они приобретают внешние признаки эгодеятелей или служителей [2]. Особенно сильно влиянию доминирующей деятельности подвержен тип гармоничного деятеля.

В российском и советском обществах на протяжении пяти-шести веков доминирующей разновидностью деятельности была служебная деятельность. Под ее влиянием и с учетом служебного и цивилизационного соблазнов[i] для царской России и Советского Союза долгое время основными социальными типами личности являлись: промежуточный тип (возникающий на основе гармоничного деятеля и ведущий себя в зависимости от ситуации как служитель или как эгодеятель), служитель-патриот, служитель-западник, карьерист-патриот, карьерист-западник [3, с.54-55, 303-307]. Но в царской России было значительное число эгодеятелей-патриотов, существовавших за счет своей хозяйственной деятельности и составлявших основную массу крупных и мелких собственников. Преобладание во властной элите эгодеятелей (карьеристов-патриотов и карьеристов-западников) приводило к потере управляемости страной и к ситуациям застоя и кризиса. В царское время преодоление кризисов было связано с приходом к власти служителей-патриотов, поддерживаемых эгодеятелями-патриотами. В советское время личностный тип эгодеятелей-патриотов исчез, в связи с упразднением частной собственности. Доминирование во властной элите карьеристов-западников стало важнейшей причиной распада СССР.

В настоящее время в России практически сформировалось общество, в котором доминирует эгодеятельность рыночного типа. Вследствие этого промежуточный тип личности приобретает черты эгодеятеля-рыночника, воспринимающего себя «товаром на рынке личностей» [4, с.169-172]. ***Отсюда зафиксированное в социологических опросах Левады-центра желание массы молодых людей выехать из России. Надежда обрести «лучшую жизнь» вне родины весьма призрачна, но следует противодействовать стремлению молодежи к выезду за рубеж, способствуя превращению эгодеятеля-рыночника в эгодеятеля-патриота.***

Теоретически такая метаморфоза возможна, для чего нужна твердая государственная политика в двух важнейших направлениях.

Первое направление (общее для всех типов личности) заключается в формулировании, внесении в Конституцию РФ и разъяснении гражданам России основных национальных интересов страны. Результатом работы в этом направлении должно явиться осознание всеми гражданами России того, что все они «находятся в одной лодке», и их национальные интересы тесно связаны с высшими ценностями, защищаемыми Российской Федерацией. Укорениться в сознании россиян эти интересы и ценности могут лишь при выполнении дополнительных и взаимосвязанных условий:

- высшие национальные ценности и интересы должны быть положены в основу национальной идеологии и правовой системы РФ;

- эти ценности и интересы должны быть ясно заявлены в Конституции РФ, причем национальный интерес должен пониматься как инструментальная ценность по отношению к высшим ценностям, защищаемым государством;

- принятые ценности и интересы должны стать ориентиром последовательно проводимой национальной политики.

С учетом сказанного, ценностные основания Конституции РФ от 1993 года требуют коренных изменений. Известно, ее вторая статья гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Кое-кто считает ее «самым конструктивным демократическим элементом» конституционного строя современной России [5, с.25]. Но при внимательном прочтении статья оказывается «самым демагогическим» и потенциально самым разрушительным элементом правовой системы национального государства.

Демагогичность статьи заключается в том, что из текста ее неясно, о каком человеке и о каком гражданине идет речь, и чьи права и свободы должна защищать РФ. Формально ими могут быть права и свободы любого жителя планеты, в том числе, любого международного террориста.

i Суть служебного соблазна состоит в выборе между служебным долгом и возможностью использовать должностные полномочия в личных интересах. Цивилизационный соблазн обусловлен рядом преимуществ западной цивилизации для личности, что порождало в России западничество как духовное течение.

Разрушительный потенциал статьи обусловлен тем, что признание высшей ценностью государства некоего абстрактного человека с его правами опасно для национального государства, ибо дает формально законный повод для внешнего вмешательства в его внутренние дела. Под лозунгом защиты прав этого пресловутого человека такое вмешательство неоднократно осуществлялось в советский и постсоветский периоды.

Конкретизировав взгляды Н.Я. Данилевского относительно ценностей национального государства [6, с.27] применительно к нынешней ситуации в стране, нужно признать высшими ценностями РФ ее гражданина и всю полиэтническую российскую нацию. Кроме того, в основополагающем правовом документе нужно учитывать все три стороны человеческой природы: собственно природную, социальную и духовную. Отказ от их целостного учета подрывает нравственные основы устойчивого существования общества. Признание «прав человека» лишь применительно к первым двум сторонам, обеспечивающее свободу удовольствий и стремление к обладанию вещами, ведет к ситуации, характерной для ряда европейских стран, в которых коренное население неспособно воспроизвести себя. Соответственно, основным национальным интересом (и национальной идеей, вопреки мнению В.В. Путина) следует считать создание наиболее благоприятных условий для развития всех граждан России (по отдельности и в совокупности) как природных, социальных и духовных существ.

Второе направление государственной политики должно быть ориентировано на формирование массы эгодеятелей-патриотов. Результатом ее должно стать появление значительного числа хозяев-собственников, занятых мелким и средним бизнесом, а также обладающих именными акциями крупных компаний. Это повлечет складывание в стране мощного среднего класса, численность которого должна быть доведена до 60-70% от общей численности населения. Ныне же, по оптимальным подсчетам, его доля не превышает 25%, а по трезвым оценкам – 12-15% [7].

Наличие среднего класса, основную массу в котором составят эгодеятели-патриоты, есть важнейшее объективное условие формирования патриотизма у многих граждан России. Ведь чтобы стать подлинным гражданином-патриотом, большинству людей мало иметь формально заявленные в законодательных актах, понятые и осознанные права гражданина и человека, а также историческую память, чувство любви к родной природе и собственному народу. Идейные основы патриотизма готовы воспринять служители-патриоты, из которых вырастают герои, подвижники, праведники. Личностному же типу эгодеятеля для обретения стойкого хозяйственно-патриотического чувства необходима некая мера «своего», «кровного», которое он способен и хочет защищать.

В настоящее время в среде олигархов, ставших (пусть не вполне законно) обладателями общенародной собственности, появляются личности с чертами эгодеятеля-патриота. Этому способствует обладание крупной собственностью, которую нельзя «перевести» за рубеж, а также западные санкции, направленные против «нечестных» капиталов. Масса эгодеятелей-патриотов должна появиться и в нижних слоях общества. Лишь «смычка» служителей-патриотов и эгодеятелей-патриотов, ясно понимающих подлинные национальные интересы и имеющие возможность удовлетворять их на родине, может стать опорой сплоченности российского общества и залогом его успешного развития.

Литература:

Путин В. В. Патриотизм – «это и есть национальная идея» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tass.ru/politika/2636647 / (дата обращения – 22.01.2018).

Смирнов П.И. Основные социальные типы личности // Вестник СПбГУ. Сер.6. 2005. Вып. 4. С.126-134.

Смирнов П.И. Социология личности. Учебное пособие. Изд. 2-е. СПб.: СПбГИПСР, 2007. 472 с.

Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс. 1986. 238 с.

Становление новой российской государственности: реальность и перспективы (открытый доклад) / Отв. ред. Г. Бурбулис. – М.: Изд-во УРСС. 1996. 230 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. Изд.6. – СПб: Издательство «Глаголь», издательство С.-Петербургского университета. 1995. 552 с.

Привалов А. Сколько граждан России относится к среднему классу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.4p.ru/main/avtors/82 / (дата обращения – 14.01.2018)

Проблема сохранения и наследования отечественной духовной традиции в молодежной среде

Суслова Т.И.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР)», заведующий кафедрой философии и социологии, профессор

tania.suslowa2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сохранения отечественной духовной традиции в сознании современной молодежи с позиции становления нравственной культуры личности. Автор исследует, в том числе, понятие традиции с позиций православной культуры.

Ключевые слова: духовность, традиция, культура, личность, современность, обыденное сознание.

The past and future of Russian culture spirituality through the prism of tradition.

Suslova T.I.

The Tomsk State University of Control Systems and radioelectronic, Department of philosophy and sociology

Annotation. The article deals with the peculiarities of preserving the national spiritual tradition in the minds of modern youth from the position of the formation of moral culture of the individual. The author explores the concept of tradition from the standpoint of Orthodox culture.

Key words: spirituality, tradition, culture, personality, modernity, everyday consciousness.

Тема духовного развития и совершенствования личности провозглашена в качестве ведущей в системе приоритетных направлений государственной молодежной политики, сформулированной в 2009 г. По мнению авторов, это должно обеспечить улучшение положения молодых людей, привести к увеличению вклада молодежи в конкурентоспособность страны и, вместе с тем, компенсировать и минимизировать последствия ошибок, объективно свойственных молодым людям.

Для реализации приоритетного направления, включающего совершенствование государственной политики в сфере духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи, защиты их нравственности, предусмотрен проект «Гражданин России» (абзац введен распоряжением Правительства РФ от 16.07.2009 N 997-р).

Основной целью проекта «Гражданин России» является развитие системы духовно-нравственного, гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи (абзац введен распоряжением Правительства РФ от 16.07.2009 N 997-р).

На реализацию этих целей и задач направлена Государственная программа «Развитие культуры» на 2013-2020 годы. В связи с реализацией программы создан национальный проект «Культура», по которому планируется к концу 2024 года оснащение 1800 учреждений культуры музыкальными инструментами, оборудованием и учебными материалами. Будет реконструировано, построено или капитально отремонтировано 500 сельских культурно-досуговых объектов, приобретено 600 автоклубов для сельской местности. Таким образом, проблема культурно-духовного развития личности обретает конкретную реализацию и становится основополагающей при подготовке молодых специалистов в современных университетах, образовательное пространство которых предстает как некий образец духовно-нравственного и ценностно-смыслового идеала.

Становление духовной культуры личности в истории отечества переживало самые разнообразные коллизии, при этом всегда было связано с процессом образования и следования культурной традиции России как ядра ее культуры.

Православная духовно-академическая наука указывает на то, что четкие представления о традиции коренятся в самой системе церковного наследования. Н.П. Аксаков в начале XIX века писал: «Церковь хранит предание, а не создает его, не накапливает и не вырабатывает, как исповедует отчасти римский католицизм. Предание в истории может систематизироваться, производить выводы из вложенных в него посылок, но не может включать в себя новые начала, обогащаться новыми элементами» [1, С.376-377]. По мнению Аксакова, предание именно вложено в Церковь и хранится ею, как некое иное по своей природе, привнесенное извне сокровище. Русская культура – культура православная. Наша церковь призывала сосредоточиться не на мирских проблемах и делах, а на делах божественных, однозначно духовных. Нестяжательство и старообрядчество – не случайные явления в церковной истории и истории общества в целом. Симпатии к такому течению, как исихазм, с его проповедью аскетизма, забвения личности, полного смирения перед Богом глубоко символичны. Русский человек мало придавал значения внешним формам, методам, средствам, сосредотачиваясь на общечеловеческих проблемах мирового уровня. С этим связан утопизм построений русских мыслителей; здесь же кроется одна из причин преувеличенного развития духовного, культурного начала – в ущерб обыденному.

В последнее десятилетие в отечественной культуре были предприняты попытки радикальным образом переориентировать подход к проблеме традиции, уйти от объективистского, плюралистического ее рассмотрения, принять в расчет сугубо «внутренние» ее характеристики. Это обозначило ее актуальность, что вызвало оживленные споры вокруг понятий «традиция», «Священная Традиция и Священное Предание», «традиционное общество», «традиционализм». Особенно популярным становится термин «традиционализм», в который привносятся и непривычные для отечественной культуры значения.

В споре традиционалистов и рационалистов XVIII века между разумом и верой проводилась непреодолимая граница. Традиция понималась как нечто аксиоматичное, раз и навсегда устоявшееся, заменяющее человеку разум, освобождающее его от необходимости размышлять. С современной точки зрения ясно, что это не так, в современном толковании традиции, особенно молодежью, необходим выбор той или иной части наследия.

Традиция представляется объектом далеко идущей интеллектуальной и духовно-нравственной обработки. А дискуссии о приемлемости следования традиции – это всегда споры о том, насколько необходимо входящие в нее идеи и верования, установления и жесты объяснять их актуальной пригодностью и, тем более, внедрять в сознание и жизненный обиход. При этом «рационализацию» традиций принято понимать примерно в двух значениях:

- те или иные образцы достойны сохранения не только из-за своей давности, но и потому, что они выполняют определенные функции в современных условиях;
- систематизация заповедей традиции осуществляется так, чтобы они составляли целостное мировоззрение, пригодное на все случаи жизни.

Вместе с тем, традиция указывает на будущее, это содержательно отражено и в латинской этимологии (traditio от tradere – передавать). И не бывает культуры вне национальной традиции. В изначальном смысле вся народная русская культура носила массовый характер, что также нивелировало человека, но только на национальной почве. По мнению Д.А. Ивашинцова, культура – это один из наиболее инерционных механизмов, а потому культура, не способная отменить табу, связанное с вмешательством в морфофизиологическую эволюцию человека, обречена на стагнацию и превращение в массовую культуру. Сам же запрет на направленную, управляемую эволюцию человека, противоречит замыслам Творца.

Современное исследование традиции непременно сопрягается с понятием инновации и предстает как встреча одного с другим в процессе включенности в образовательное пространство мира знания. Ряд исследователей считает, что традиция предлагает готовые рецепты для решения современных проблем и тем самым сдерживает творческий и познавательный процесс, препятствует инновациям. Современный исследователь природы психокультурного понимания традиции А.О.Карпов для обозначения рассматриваемой нами традиции как основы формирования духовности вводит понятие «культурный имплант», который «есть форма существования эпистемической вещи в ее сегодняшнем дне… Культурный имплант – есть не просто каноническое собрание легендарных нарративов или музей старинных вещей… Спрессованное прошлое обучает. Говорящие сквозь него ретросмыслы, эксцентричные культуре текущей, выстраивают сеть пониманий – стимульных маяков для идущего cogito» [2. С. 81]. В своей активной познавательной фазе, по мнению автора, имплант признается развивающейся структурой, «поскольку обогащается от коннотативных содержаний культурных субстанций, вовлекаемых в орбиту развития эпистемической вещи». [2. С. 80]. То есть, современная духовная реальность

есть, по сути, содержательная и структурная модификация познавательного базиса предшествующей культуры, существующая в остаточной форме. Таким образом, по нашему мнению, будущее культуры, поиск и становление современной духовной культуры молодежи России возможны только в случае осмысления прошлого, опыта русской духовности и традиционной культуры. И это подтверждается данными о том, что сегодня Россия занимает 27 место в мире по индексу культурной и национальной привлекательности в 2016г. и впервые попала в рейтинг Soft Power 30, который составляется британским пиар-агенством Portland по индексу привлекательности национальных имиджей. [3.С.175]. Именно высокая культура России: русский балет, литература, классическая музыка – известны в глобальной культуре и создают ее привлекательность вовне и внутри страны и для поколений молодых.

Литература:

1. Аксаков Н.П. Предание церкви и предание школы // Богословский вестник. – 1908. – Т. 1.
2. Карпов А.О. Эпистемическая вещь и психокультурное понимание // Вопросы философии. № 4. 2012.
3. Мухаев Р.Т. Маркетинг в механизме символического господства современных государств (окончание). // Знание. Понимание. Умение. №4. 2019.

Мифологемы для поколения Z

Черных С.И.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Новосибирский государственный аграрный университет. Заведующий кафедрой истории и философии. Доктор философских наук

2560380@ngs.ru

Аннотация: В статье ставится проблема преемственности смыслов и ценностей различных поколений. Используя методологические принципы «теории поколений», автор обосновывает тезис о том, что мифологемы различного типа, которые формируются как деятельные позиции в одном поколении, искажают менталитет последующих поколений. В качестве иллюстраций приводятся психологические («пассивная агрессия», «моральная паника», «синдром катастрофизма») и социальные («социальная справедливость», «народное единство») мифологемы. В заключении утверждается суждение о том, что осмысление реальности последующими поколениями зависит от устойчивости и воспринимаемости мифологем. Вместе с тем, чем менее мифологемы отражают действительность, тем более возрастает поколенческая дифференциация доверия к властным структурам.

Ключевые слова: теория поколений, смыслы, ценности, мифологемы, поколение Z, устойчивость, преемственность.

Mythologemes for the «Z» generation.

Chernykh S.I.

Chair of History and Philosophy at Novosibirsk State Agrarian University

Abstract. The article poses the problem of continuity of meanings and values of various generations. Using methodological principles of the «Theory of generations», the author substantiates the thesis that mythologemes of various types, which are formed as active positions in one generation, distort the mentality of subsequent generations. «Passive aggression», «moral panic», «catastrophism syndrome» are given as psychological illustrations. «Moral justice» and «National unity» are considered as social mythologemes. In conclusion, it is stated, that the understanding of reality by subsequent generations depends on the stability and perception of mythologemes. At the same time, the less mythologemes reflect reality, the more the generational differentiation of trust in power structures increases.

Key words: «generation theory», meanings, values, mythologemes, «generation Z», stability, continuity.

Введение. В конце XX века ряд работ социологов и психологов положил начало обсуждению проблемы, связанной с тем, как понимание поколенческих особенностей может помочь решению современных стратегических проблем, стоящих перед государствами и властными структурами. Академическая и публицистическая «волна», поднятая этими публикациями, привела к ряду разнонаправленных, но весьма перспективных позиционных установок (W. Strauss, N. Howe, Е. Никонов, Е. Шамис, Д. Стиллман, И. Стиллман, Б. Тулган, J.M. Twenge и др.). Некоторые из этих позиционных установок стали общепризнанными, некоторые по разным причинам подверглись сомнению и даже отрицанию, некоторые остаются проблемными до сих пор. Последних со временем становится все больше, и количество публикаций в своем приоритете все более склоняется к изучению «Поколения Z». (Generation Z, Homelanders, Zoomers, New Silent Generation, digital natives, iGen и т.д.) [1]. Наверное, это закономерный научный, и, особенно, общественный интерес и потребность, ведь поколение Z – это первое поколение, которое полностью родилось во времена тотальной цифровизации и глобализации; философских установок уже сформировавшегося постмодернизма; экономики «постпродуктивизма»; идеологии «постправды», онлайн образования и тому подобных социальных коллизий, которые своеобразно (и жестко, и мягко) влияют на поколение нынешних подростков.

Цель и методология. Задачей данной статьи является рефлексия по поводу некоторых мифологем, с помощью которых властные структуры пытаются ослабить явления, возникшие в молодежной среде сегодня и уже получившие различные «имена». Для такого рассмотрения необходимо зафиксировать те императивы, которые я вполне разделяю и на которые впоследствии буду опираться. Все они полностью касаются «поколения Z» и частично предыдущих поколений.

Первое. Поколенческие и возрастные характеристики далеко не всегда совпадают, поэтому далеко не всегда возможно точно определить, где поколенческие, а где возрастные черты. То есть черты поколения не всегда свойства возраста.

Второе. Представители поколения Z активнее других используют новейшие технологии, овеществленные в различных гаджетах, а виртуальная, дополненная, 3D/4D реальность им понятнее и доступнее.

Третье. Наряду с «цифровым оптимизмом» нарастает и «цифровой аскетизм» (движение Degrowth, религии, индивиды), а также осознание психологических, социальных и нейробиологических рисков, которые несет с собой современная экосистема для личностного развития.

Четвертое. Тезис о том, что социальная среда и исторические действия оказывают соответствующее влияние на смыслы и ценности поколения, а тем более возраста, никто не отменял. Однако те события, которые произойдут в 2020-2030 годы, когда нынешние подростки реально «войдут в жизненный процесс», пока являются перспективой, а не бытийственностью, и, соответственно, об их влиянии мы можем только догадываться.

Сегодня существует достаточное количество мифологем, которые в явной и неявной форме способны оказывать определенное влияние на формирование менталитета поколения Z. Актуализация и сознательная рефлексия, которая «придет» позднее, будет уже носить активно социальный характер, серьезно влиять на происходящие процессы, и поэтому говорить об этих мифологемах надо сейчас. Это необходимо для хотя бы частичного секвестирования негативных следствий, которые могут преднамеренно или спонтанно возникать. В дальнейшем речь пойдет только о психологических и социальных мифологемах.

Результаты и обсуждение. Практически все мифологемы, имеющие сегодня большое хождение в научных кругах и средствах массовой информации, а особенно в Сети, можно условно разделить на две группы: психологические и социальные. Многие из этих мифологем по своему фону пересекаются, что порождает их искажения и отторжение в различных социальных группах, в том числе у самого поколения Z. Именно поэтому изложенное ниже носит проблемно-предположительный характер.

Психологические мифологемы опираются в своем содержании на страхи старшего поколения, которые связываются в массовом сознании с широко известным тезисом: «они не такие как мы» и поэтому привычный (для поколений X, Y и более ранних) жизненный уклад распадается. «Ювенойя» и «моральная паника» – классические проявления таких мифологем [2,3]. Подчеркивая именно это, психологи Н. Богачева, доцент МГМУ им. Сеченова, и Е. Сивак, директор Центра исследований современного детства Института образования НИУ ВШЭ, пишут: «Основной вывод вот такой: черты, обычно приписываемые поколению нынешних подростков, не являются ключевыми свойствами этого поколения. А часто и вовсе не выявляются». [2]. Страхи старшего поколения – это обратная сторона негативных стереотипов в отношении целого поколения, ценности и смыслы которого еще неявно выражены. Классическим выражением этого является фоновое суждение о том, что «они из гаджетов не вылезают и без них ничего не могут». Действительно, Г. Солдатова в своих исследованиях показала, что около трети подростков владеют цифровой средой (а равно и формируют цифровую составляющую своей экосистемы) лучше родителей и учителей [4]. Но это же подтверждает и другое: две трети родителей и учителей, а также других детей, хуже знакомы с цифровой средой, их цифровая экосистема развита слабее и т.д. Именно это превращает частное в общую социальную проблему – цифровая неграмотность перерастает в цифровое неравенство. Осознавая это как социальный процесс, «зеты» «уходят» в семью и «свою» экосистему. Это подтверждается солидной статистикой. В 2016 году Фонд Варки в результате международного исследования молодежи от 15 до 23 лет выяснил, что превалирующими ценностями для них являются семья и успехи семьи. Но это традиция, идущая от поколения бэби-бумеров (конец II мировой войны – 1963/65 гг.), а вот то, что на втором месте оказывается честность – это сюрприз. «Пассивная агрессия» – это, в первую очередь, неприятие лжи на любом уровне: государства, власти, коллективов, образовательных структур, воспитательной системы в целом (при условии её наличия). Не случайно школа, согласно обследованию Варки (20 стран, 20000 человек), второй после денег фактор беспокойства и стресса [5]. Отчет международной организации «Deloitte», проведенный в мае 2019 года (42 страны, 13416 представителей поколения миллениалов и 3008 представителей Z из 10 стран), подтверждают тенденцию возрастающего недоверия и вполне соответствующего этому недоверию пессимизма. Констатируется, что уровень «экономического, социального и политического оптимизма достиг рекордно низкой отметки. Респонденты с недоверием относятся к традиционным социальным институтам, включая средства массовой информации, и пессимистично смотрят на возможность социальной мобильности» [6].

Мифологемы «социальной справедливости» и «народного» единства еще более усугубляют пессимистические характеристики формирующегося менталитета поколения Z. Неадекватность патриотизма как национальной характеристики, ощущение неравенства, несправедливости и надвигающегося катастрофизма «закладывают» долговременную психологическую мину в формирование менталитета 2020-2030 годов. Пропаганда надвигающегося катастрофизма лидирует в опасениях поколения Z. Слоганы типа: «Что останется нам? У вас есть все, дайте все и нам» являются фундирующими не только для противостояния поколений, но и для противостояния поколений и власти. Властные структуры по-разному готовятся к этому противостоянию. Система социального кредита (Китай), основанная на искусственном интеллекте; конструкты УБД (универсального базового дохода), УБУ (универсальных базовых услуг), УБО (универсального базового обеспечения), порожденные кризисом либерализма – это первые ласточки государственной реакции на возможность такого «противостояния через неверие» [7, с. 57-68].

Заключение. Создание и прокламация мифологем разного объема и содержания, доведение и активизация их в жизни через СМИ и директивные документы до «подрастающего поколения» в заведомо ложном или «недоговоренном» виде, представляет собой ментальную опасность. Эта ментальная опасность выражается в том, что уже сформированные смыслы и ценности поколений X и Y, реализуемые ими как деятельность в экосистемах поколения Z, являются реальной антитезой ценностям и смыслам собственно поколения Z. Это происходит в силу того, что социальные условия, формирующие эти ценности и смыслы, различны, как различны индивиды, живущие в этих условиях. Осмысление реальности происходит по-другому и зависит уже не столько от объективных условий, которые относительно «нивелируются» для всех, сколько от ожиданий, которые растут все быстрее в условиях общества «пост» – «посттруда» и «постсвободы». Именно поэтому сохраняется устойчивость не разрушаемых на генетическом уровне ценностей и смыслов и, в первую очередь, семейных.

Литература:

1. Мифы о «поколении Z» / Н.В. Богачева, Е.В. Сивак; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 64 с.
2. Константинов А. Поколение Z: почти все, что говорят о нем, – ложь // Русский репортер. №6(470). 08.04.2019.
3. Ferguson J.C. Do angry Birds, Make for Angry Children? A Meta-Analysis of Video of Gama influences on Children's and Adolescents' Agression, Mental Health, Prosocial Behavior, and Academic Performance // Perspectives on Psychological Science / Ed.: sadepub, com at Stetson. University, 2015, Vol. 10(5). P. 646-666. D0I:10.1177/1745691615592234.
4. Солдатова, Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9, №3. С. 71-80; Soldatova G., Rasskazova E. Digital socialization of Russian adolescents: Internet as constant dimension of any activities // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2019. Vol. 64. – P. 693-701. DOI 10.15405/epsbs.2019.07.90
5. Поколение Z:Глобальный опрос граждан. URL:https://www.varkeyfoundation.org/media/4487/global-young-people-report-single-pages- new.pdf.
6. Международный опрос поколения третьего тысячелетия – 2019 URL:https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/articles/millennialsurvey.html
7. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга/ – М.: Синдбад, 2019. – 416 с.

Цифровое альтер-эго как важный аспект в междисциплинарных исследованиях девиаций молодого поколения

Шкаев Д.Г.

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Отдел философии, научный сотрудник

shkaev@gmail.com

Аннотация: Текст содержит краткое описание проблемы возникновения различных форм девиантного поведения молодежи в контексте ее вовлеченности в виртуальную реальность. Автор настаивает на использование междисциплинарного подхода при анализе данной проблемы.

Ключевые слова: цифровая экономика, виртуальная реальность, социализация, общество, личность, альтер-эго, девиация.

Digital Alter Ego as an Important Aspect in Interdisciplinary Studies of Deviancy of the Young Generation.

D.G. Shkaev

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The text contains a brief description of the problem of various forms of young people deviant behavior in the context of its involvement in virtual reality. The author insists on the use of an interdisciplinary approach in the analysis of this problem.

Key words: digital economy, virtual reality, socialization, society, personality, alter ego, deviation.

В условиях цифровой экономики наибольшее значение имеют скорость реакции на изменения и адекватность личностных установок технологическому прогрессу. Практически полностью вовлеченным в процессы информационного общества сегодня является молодое поколение как наиболее динамичная часть социума. И эта вовлеченность лучше всего просматривается на примере сетевых сообществ, социальных сетей и иных форм цифровой коммуникации, которые сегодня играют важнейшую роль в социализации.

Не секрет, что причиной многочисленных девиаций, все чаще возникающих в молодежной среде, во многом служит та информационная культура, в слоях которой и социализируется молодежь. Скорость распространения цифровых технологий подчас оборачивается значительным увеличением числа случаев девиантного поведения, что обусловлено, на первый взгляд, отсутствием контроля за контентом и событиями глобальной сети. В данном случае следует упомянуть такие нашумевшие примеры как суицидальные сообщества, различные экстремистские группы, демонстрацию сексуального контента и пропаганду психологического и физического насилия среди несовершеннолетних.

Действительно, ужесточая контроль за происходящим в интернете, человечество существенно снижает риски девиантного поведения молодежи, поскольку ограничивает доступ к информации, способной вызвать нежелательные отклонения в период активной социализации личности. Именно на этом этапе закладываются базовые черты характера, которые впоследствии окажут решающее влияние на поведение индивидуума. И, безусловно, для цифрового поколения одним из основных инструментов социализации выступает глобальная сеть.

Однако на самом деле истинная причина девиантного поведения молодежи кроется вовсе не в массиве данных, нелегально или полулегально распространяемых в интернете, хотя, разумеется, такая информация и служит катализатором. На этапе социализации личности глобальная сеть позволяет подросткам конструировать цифровое альтер-эго как своего рода электронный дубликат личности, включая в такой конструкт любые желаемые черты и характеристики. Такому процессу способствуют не только онлайн сообщества, где псевдоним зачастую подразумевает частично или полностью вымышленный образ владельца, но и многопользовательские игры, с каждым годом набирающие все большую популярность в молодежной среде. Именно виртуальная реальность, выраженная в игре или ином приложении, позволяет раскрыться тем чертам личности, которые в обычной жизни не находят одобрения или поддержки у окружения, или же, что более пагубно, сформироваться совершенно новым установкам, девиантным и критически опасным.

Подчас невозможно предугадать последствия такой генерации, происходящей в неконтролируемых условиях, подчиненных только воображению создателей и участников виртуального пространства, и допускающей ситуации значительного отклонения личности от общепринятых норм поведения. Пора признать, что сетевое сообщество не является зеркальным отражением группы индивидуумов, действующих в реальном мире. Цифровая личность иное, более странное и глубокое явление, чем обычно полагают. И сообщество таких альтер-эго несет в себе значительно бо́льшие риски, чем тот контент, который принято считать источником девиантных форм поведения.

Сегодня предметом междисциплинарных исследований зачастую становятся лишь внешние проявления таких процессов, их последствия и те факторы, которые обусловливают девиации во внешнем мире. Однако глубинная сущность «неправильной» социализации практически не изучается, в большей степени будучи объектом маркетингового анализа, что позволяет говорить об отсутствии комплексного подхода к проблемам девиантного поведения молодежи. В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу препарировать это явление на стыке психологии, социологии, физиологии и технологий, однако отмечаем, что применение междисциплинарных методов анализа могло бы способствовать оформлению нового течения в научной среде и, как следствие, раскрытию потенциала цифрового альтер-эго как важного звена в цепочке событий и процессов социализации личности в условиях цифровой экономики.

Проблема суггестивной уязвимости молодежи в современном медиа-пространстве

Юрова И. В.

Консалтинговая группа BITOBE, контент-директор. Кандидат философских наук

i.yurova@bitobe.ru

Аннотация: Сталкиваясь сегодня с информационной перегруженностью и обилием медиа-каналов, можно констатировать: качество стремительно возрастающего объема информации приводит к тому, что, казалось бы, широкие возможности не приумножают знания, но ведут к возникновению множества негативных медиа-эффектов. Современное медиа-пространство формирует новые факторы суггестивной уязвимости – техностресс, информационная усталость, репликация, цифровой разрыв поколений, распространение пассивного терроризма, которые создают серьезные барьеры для успешной социализации молодежи и делают ее легкой мишенью для социальных манипуляций, так как истощают необходимые для осмысления ресурсы личности. Именно поэтому, сегодня на первый план выходит развитие навыков самоорганизации и саморегуляции, способствующих формированию системных оценок качества информации, на основе которых возможно развитие нового осознанного избирательного отношения молодых информационных потребителей.

Ключевые слова: молодежь, суггестия, СМИ, медиа-пространство, современные медиа, социальное познание.

The problem of suggestive vulnerability of youth in the modern media space.

Yurova I. V.

BITOBE Consulting Group

Annotation: Coming across with information overload and an abundance of media channels, we can state: the quality of the rapidly growing volume of information leads to the fact that, it would seem, ample opportunities do not increase knowledge, but lead to the emergence of many negative media effects. The modern media space forms new factors of suggestive vulnerability - technostress, information fatigue, replication, digital generation gap, the spread of passive terrorism, which create serious barriers to the successful socialization of youth and make it an easy target for social manipulation, as they deplete the personal resources necessary for understanding . That is why today the development of self-organization and self-regulation skills that contribute to the formation of systematic information quality assessments, on the basis of which the development of a new conscious selective attitude of young information consumers is possible, comes to the fore.

Key words: youth, suggestion, media, media space, modern media, social knowledge.

Суггестивная уязвимость молодежи напрямую связана со стремительным развитием технологий, формирующих единое информационное пространство, которое становится коммуникативной средой. Можно привести несколько ключевых медиаэффектов, иллюстрирующих состояние уязвимости молодежи.

Социальная и информационная репликация приводит к производству «шумов»: многократное повторение рекламных роликов и клипов; адаптация западных телешоу под российскую аудиторию; ремейки и новостной рерайтинг, ведущий к дублированию информации. Неопределенность сегодня связана не столько с дефицитом или избытком информации, сколько с производством огромного количества «реплик». С одной стороны, это приводит к утрате восприимчивости даже к шокирующим сенсациям, снижению визуальной и аудиальной восприимчивости, так как молодые люди привыкают постоянно просматривать и прослушивать контент. С другой, – обилие информационного шума обесценивает усилие по извлечению информации: человек постоянно узнает, но не познает, возникает информационное потребление, которое не приводит к развитию познания.

Одно из наиболее ранних исследований в США, которое было проведено в 1992 году, показало, что в начальных школах дети видели около 8 тысяч убийств и 100 тысяч других форм насилия в СМИ. В реальной жизни они не испытывают даже 1% того, что видят на экранах телевизоров или в Интернете. Опросы последних лет показывают, что каждый третий ребенок в возрасте от 9 до 17 лет общался в Интернете с людьми, которых никогда не встречал [1, с. 4]. Современные дети и молодежь не живут в каком-то другом времени и пространстве, кроме цифрового, и это также подтверждается исследованиями: дети в возрасте от 8 до 18 лет сегодня проводят, как минимум, в среднем 7 часов и 38 минут в медиа. Фактически, новые цифровые технологии приводят к тому, что доля непосредственного межличностного общения снизилась многократно, при этом рост потока реплицируемой информации влечет за собой снижение и качества, и количества того, что действительно можно считать содержательным [1, с. 2].

Современное медиа-пространство обусловливает цифровой разрыв между родителями и детьми. Дети и подростки разработали способы использования медиа, отличные от тех, которыми пользуются их родители. Более того, Интернет стал частью их «реального-виртуального» мира, но при всей активности молодых информационных потребителей у них еще не сформированы системы оценки, что делает их легкой мишенью для манипуляций. Маршалл Маклюэн в этой связи называл современную систему образования устаревшей и не удовлетворяющей потребностям телевизионного поколения. По его мнению, дети растут между двумя мирами, и ни один из них не способствует достижению ими зрелости. С одной стороны, подчеркивает Маклюэн, цели традиционного образования кажутся детям и подросткам слишком далекими и нереальными, с другой, – молодые люди страдают от информационной перегрузки, поэтому телевидение становится их естественной средой, не формируя при этом проактивного отношения к будущему. «Телевизионный ребенок не умеет заглядывать вперед, потому что хочет вовлечения и не способен принять фрагментарную и просто визуализируемую цель или судьбу ни в обучении, ни в жизни» [2, с. 430].

Еще более настораживающим видится цифровой разрыв поколений, связанный с формированием идентичности. Несомненно, Интернет упрощает ситуацию для застенчивых и одиноких молодых людей, позволяя им создавать альтернативную идентичность, однако риски такого преимущества настораживают, так как подростки избегают разрешения внутренних конфликтов, что приводит к диффузии *идентичности* и формирует предпосылки для «застревания» в детстве. Молодежь оказывается в ситуации, когда возникает иллюзия многообразия инструментов для поиска и самоопределения. На деле же насыщенность и фрагментированность информационной среды не способствуют достижению личностной цельности.

Нейрофизиолог Дэвид Льюис ввел в 1996 году в обиход понятие «синдром информационной усталости», признаками которого являются постоянная тяга к новой информации, бессонница, тревога и снижение аналитических способностей. Психологи описывают техностресс как переживания «технонапряжения» («техностреин»), связанного с чувством когнитивного дистанцирования, неопределенности ролей, развивающегося безразличия и циничного отношения, и «техноаддикции», характеризующейся болезненной зависимостью от технологий [3, с. 423-425]. Технострессу особенно подвержен слой работающей молодежи, совмещающей работу и обучение, так как у таких молодых людей сокращаются возможности для неопосредованного технологиями взаимодействия с окружающим миром.

Распространение пассивного терроризма (second-hand terrorism в англоязычной литературе) является еще одним крайне опасным явлением, который связан с уязвимостью молодежи, еще не в полной мере контролирующей собственную жизнь и среду. Пассивный терроризм возникает после теракта или катастрофы как культивируемое медиа-ресурсами чувство опасности. После известных событий 11 сентября 2001 года в США американская молодежь демонстрировала признаки ПТСР, дистресса, эмоционального расстройства, и опросы показали, что примерно 50% подростков смотрели более 5 часов телевизионных новостных передач, освещавших этот теракт. Но пассивный терроризм связан не столько с резонансом в СМИ и соцсетях, сколько с когнитивным акцентом на возможности трагических событий в будущем: эти обрамляющие суждения обладают высоким суггестивным потенциалом и влияют на формирование картины будущего. Гипотеза культивации Дж. Гербнера, которая уже получила эмпирические подтверждения, указывает на то, что телевидение изображает мир опаснее, чем он на самом деле является для среднего телезрителя, порождая и насаждая представления о «злом и страшном мире» [4, с. 198-203].

Уязвимость для целенаправленных и непреднамеренных воздействий со стороны медиа, нацелен-

ных на расширение сферы своего влияния, на фоне еще только формирующейся системы ценностных проверок молодежи создают благоприятную основу для масштабных социальных манипуляций, так как проявляющиеся негативные медиа-эффекты истощают необходимые для осмысления ресурсы личности. Учитывая обозначенные тенденции, можно сделать вывод, что оздоровление ситуации требует поступательного и комплексного развития индивидуальных систем оценки информации, включения соответствующих мероприятий в систему образования и воспитания молодежи, так как ограничение самих медиа, как показывает практика блокировок информации в России, не дает ощутимых сдвигов. Таким образом, особую важность приобретает целостный подход к развитию навыков самоорганизации и саморегуляции у молодежи, которые смогут обеспечить у молодых информационных потребителей формирование избирательного и критического отношения к современным медиапродуктам.

Литература:

Labaš Danijel. Media Addiction among Children and Youths // The International Encyclopedia of Media Literacy. Vol. 1. N. Y.: JohnWiley & Sons, 2019. P. 1-10.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2018. 464 с.

Salanova M., Llorens S., Cifre E. The dark side of technologies: Technostress among users of information and communication technologies. International Journal of Psychology. 2013. Vol. 48. Iss. 3. P. 422-436.

Comer J. S., Kendall P. C. Terrorism: The Psychological Impact on Youth // Clinical Psychology: Science and Practice. 2007. Iss. 14(3). P. 178–212.

*РФК-2020_310_*
Круглый стол «Философские проблемы развития города»

Философия города и евразийство

Азимли А.Ш.О.

Самарский университет, аспирант кафедры философии

azimliaziz@yandex.ru

Аннотация. Философия города является относительно новой отраслью знания, рассматривающей город как единство социальных, культурных, символических составляющих. Она представлена в основном именами европейских ученых и философов, в то время как в рамках отечественной школы в XIX-XX вв. она не получила должного внимания. Такое положение отчасти связано с историческим процессом и особенностями развития русской философии. В тех направлениях отечественной школы, которые условно можно назвать «почвенническими» (славянофилы, евразийцы и т.п.), исследовались этапы истории страны, когда городская жизнь была относительно неразвита. И наоборот, развитие городской жизни, форм хозяйствования и материальной культуры связывалось с ростом влияния Запада, неприемлемого для представителей этих концепций. Исключение составляла Москва – как Третий Рим, столица православного царства и главный город огромного евразийского пространства.

Ключевые слова: Философия города, евразийство, Россия-Евразия, славянофилы, евразийцы.

Urban Philosophy and Eurasianism.

Azimli A.Sh.O.

Samara University, Department of Philosophy

Abstract: Urban Philosophy is a relatively new branch of science that describes city as the social and cultural unity. There were many European philosophers and scientists worked in that philosophy field, but in the Russian philosophy of 19th-20th centuries that field did not get enough attention. It happened due to the historical processes in the development of Russian philosophy schools. It studied the country life development in the period when the urban living was at the stage of underdevelopment. Russian philosophy schools development directions were called “pochvennicheskiye”: Slavophiles, Eurasians and others. At the same time the urban living, managing forms and material culture were influenced by Western countries, which contradicted the conceptions of Russian “pochvennicheskiye” philosophy schools. There was only one exception in the urban life development and it was Moscow - the “third Rome” - the Orthodox Kingdom capital and the main city of the vast Eurasian area.

Keywords: Urban Philosophy, Eurasianism, Russia-Eurasia, Slavophiles, Eurasians.

Одним из ключевых компонентов любой цивилизации является пространство ее городов. Морфология урбанизации отражает не только историческое развитие страны, но и во многом ее сущность, поскольку город представляет собой результат деятельности ее созидательных сил. «Город является основной социальной формой порождения новой культуры, главным плавильным котлом, где возникают новые культурные программы» [1, с. 104]. Философия города имеет давнюю историю и начинается с работ античных классиков. Платон и Аристотель в своих трудах рассматривали существовавшие полисы, особенности их социально-экономического и политического развития, политический идеал гражданина. Формирование нового, христианского идеала города было связано с Августином Блаженным. Свои основные постулаты он выводил из учения о двух градах. Идеалом гражданина стал человек, принадлежащий к Небесному Граду, таким образом, объединяющим началом стала принадлежность не к полису, но к религиозной общности. В позднее Средневековье складывается дихотомия деревни и города, крестьянина и горожанина, отживавшего свой век феодализма и ростков нового строя, основанного на товарно-денежных отношениях и «городских» свободах. В Новое время города превратились в центры социально-экономической и политической жизни. К началу XX в. значение городов в рамках западной цивилизации стало определяющим, некоторые из них стали настоящими мировыми центрами, их влияние перешагнуло национальные границы государств, к

которым они принадлежали. Это нашло отражение в бурном росте исследований феномена города в европейской науке [2, с. 70].

Развитие западной цивилизации сделало урбанизм одним из важнейших направлений в рамках социальной мысли. Несколько иначе дело обстояло в истории нашей страны. Города здесь имеют гораздо меньшую историю, чем на западе. В эпоху Киевской Руси урбанизация развивалась достаточно интенсивно, неудивительно, что в скандинавских летописях ее называли «Гардарикой» – страной городов. К середине XIII в. их насчитывалось более 250, а Киев и Новгород были большими городами не только по меркам Руси, но и всей Европы. Монгольское нашествие отбросило эту цивилизацию назад, многие городские центры были уничтожены, ремесла исчезли, население разбежалось по лесам. В отечественной историографии отмечается определяющая роль государства в формировании новых городов, основывавшихся как военно-административные центры [3, с. 58]. Московская Русь, а потом и Российская империя, вплоть до начала XX в. оставалась сельской страной с преобладающим крестьянским населением. Но даже в XX в. преобладали города с населением 10-20 и 20-50 тыс. человек [4, с. 50].

В таких условиях философское осмысление города имело отчасти вторичное значение и не могло выделиться в самостоятельное направление общественной мысли. Развитие философии города было напрямую связано с социально-философской и культурно-исторической системой взглядов различных представителей отечественной философской школы. Только два столичных города имели сакральное значение. Москва – как «Третий Рим», наследница Константинополя, хранительница православия, исток русской государственности, и Санкт-Петербург, как «окно в Европу», столица новой империи, ее фасад и «визитная карточка». Тема идейного противостояния двух российских столичных городов стала актуальной в XIX в., в эпоху появления самостоятельной русской философии. Москва, особенно после пожара 1812 г., стала своего рода символом исконной Руси, истинно народного духа. Петербург с его казенной космополитичностью воспринимался как нечто чуждое, искусственное на русской почве. Такому «славянофильскому» видению противостояло западническое признание важности политических и экономических свобод, открытость и неотделимость страны от западной цивилизации, восприятие столицы, как самого европейского города России [5, с. 279]. Две столицы стали символами восточной и западной ориентации страны.

Проиллюстрируем эти соображения на примере евразийства. Евразийское движение возникло в русской эмиграции в 20-е гг. XX в., сразу после революции и Гражданской войны. Его основателями были известные русские интеллектуалы и общественные деятели: Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский. Впоследствии к движению примкнули Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, Н.Н. Алексеев и многие другие. Представители евразийства исходили из того, что Россия-Евразия является особой цивилизацией, интегрирующей в себе европейские и азиатские начала. Историческая концепция была важной составляющей новой идеологии. «В истории евразийцы, как и их оппоненты, черпали бесчисленную аргументацию для отстаивания своей точки зрения. Опираясь на традиции российской исторической науки, они попытались дать свое толкование событиям и явлениям истории страны» [6, с. 168]. Ключевым понятием для объяснения исторического процесса являлось «месторазвитие». «Подойдем к этому понятию от ряда ему подобных: месторождение полезных ископаемых; местоформирование почв; местопроизрастание растительных сообществ; местообитание животных сообществ; месторазвитие человеческих обществ» [7, с. 282]. Проживание представителей разных этносов и культур на одном месторазвитии делало возможным их максимальное сближение и даже слияние бытовых форм. Евразийцы считали, что тюркские, славянские и финно-угорские народы, проживающие в границах Евразии по своему психологическому типу гораздо ближе друг другу, нежели таким же народам, проживающими за ее пределами. Таким образом, для евразийцев национально-этнические различия были не столь существенны, как социально-экономические или культурные.

Официальным историком евразийства являлся Г.В. Вернадский. Формально он принадлежал к движению не очень долго – всего лишь несколько лет, вплоть до своего отъезда в США в 1927 г. Фактически евразийские идеи звучат в его трудах, написанных уже во время работы в Йельском университете. Г.В. Вернадский отмечал существенные различия в городской и деревенской жизни России в конце XIX и начале XX веков. «В то время как европеизированные городские центры представляли современную эпоху со всеми ее удовольствиями, техническими новшествами и интеллектуальными возможностями, крестьяне в психологическом и культурном отношениях все еще жили в условиях московского периода» [3, с. 325]. Подобное различие, по мнению Г.В. Вернадского, существовало и в эпоху Киевской Руси – наиболее «европеизированной» эпохи истории страны после императорского периода. Он писал о том, что города жили в условиях торгового капитализма и развитого гражданского права, в то время как сельская местность знала только одно экономическое отношение – выплату дани. Архитектура городов, материальные условия жизни, распространение письменности существенно опережали сельскую округу. «Таким образом, говоря о быте русских в киевский период, необходимо делать различие между городами и сельскими районами» [8, с. 326]. Евразийцы, в том числе и сам Г.В Вернадский, придавали большое значение монгольскому этапу истории России, оценивая его положительно. Они считали, что именно тогда страна стала оформляться именно как евразийская держава, став впоследствии наследницей Золотой Орды. Несмотря на это, Г.В. Вернадский признавал, что монгольское нашествие нанесло огромный удар по городской жизни. «Больше всего в этой катастрофе пострадали города. Такие старые центры русской цивилизации, как Киев, Чернигов, Переславль, Рязань, Суздаль и несколько более молодой Владимир-Суздальский, а также некоторые другие города, были полностью разрушены, а первые три из перечисленных потеряли свое былое значение на несколько столетий. Только немногие важные города в Западной и Северной Руси, такие, как Смоленск, Новгород, Псков и Галич, избежали разорения в это время». [9, с. 346]. То есть катастрофа XIII в. косвенно способствовала становлению крестьянского в основе своей общества, которое для многих философов XIX-XX вв. стало своего рода «основой русской жизни».

Противопоставление городской и сельской жизни в истории России, а также двух ее столиц, являлось для евразийцев одновременно противопоставлением Востока и Запада в русской культуре. В наиболее европеизированные эпохи истории страны города являлись не только центрами экономической жизни, но и средоточием европейских начал русской культуры. Тем не менее, среди них также были свои различия. Москва, по сравнению с Петербургом, однозначно воспринималась как символ Московской Руси, традиционной культуры. Такая дихотомия, появившаяся в работах славянофилов, перешла и в евразийскую концепцию в целом. Антиномии города рассматривались как антиномии культуры [10, с. 23]. Таким образом, для представителей целой русской философской традиции, – славянофилов, почвенников, евразийцев и т.п., тематика философии города оказалась невостребованной, поскольку свои идеалы они искали в ту эпоху, когда городская жизнь и города находились в определенном упадке, больше являясь административными и политическими центрами, нежели культурными или социально-экономическими. Эпохи подъема городов были связаны с усилением европейского влияния, неприемлемого для них и для тех философских концепций, которые они представляли.

Литература:

1. Лобанкова И.П. Древний город как объект культурологического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 11. С. 96-104.
2. Туркина В.Г., Вербина О.В., Антонова Е.Л. Город как предмет междисциплинарных исследований // JUVENIS SCIENTIA. 2018. № 10. С. 69-72.
3. Касаткина С.С. Российский город как социальный феномен // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Математика. Механика. Информатика. 2012. Т. 12. № 4. С. 58-61.
4. Горячев И.Н. Формирование и классификация городского пространства России // Регионология. № 2014. № 2 (87). С. 48-54.
5. Кара-Мурза А.А. Москва «до» и «после» Революции: социология родного города в сочинениях Федора Степуна // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 262-283.
6. Быстрюков В.Ю. В поисках Евразии: общественно-политическая и научная деятельность П.Н. Савицкого в годы эмиграции (1920-1938 гг.). Самара: Самарское кн. изд-во, 2007. 278 С.
7. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Континент Евразия. М., Аграф, 1997 461 С.
8. Вернадский Г.В. Золотой век Киевской Руси. М.: Алгоритм: Эксмо, 2012. 400 С.
9. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 1997. 480 С.
10. Горнова Г.В. Понятие «город» в аспекте философии культуры // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2013. № 1 (1). С. 21-24.

Градостроительные ценности политической культуры

Андреев И.В.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, доцент кафедры социальных, психологических и правовых коммуникаций. Кандидат философских наук

AndreevIV@mgsu.ru

В докладе обосновывается целесообразность введения в научный оборот нового понятия – «градостроительные ценности политической культуры», содержанием которого является система декларируемых различными субъектами политики обобщенных представлений о положительных или отрицательных феноменах городской среды. Автор отмечает, что важную роль в системе этих представлений выполняют сформулированные в «снятом» виде базовые составляющие социально-экономического понятия «градостроительная ценность территории». Вместе с тем в содержании понятия «градостроительные ценности политической культуры» акцентируется значимость социально-политических и социально-психологических аспектов городской среды, таких как степень участия горожан в управлении городскими делами, мера удовлетворенности граждан социальной средой в тех или иных городских районах и т.п. Автор полагает, что дальнейшая разработка понятия «градостроительные ценности политической культуры» будет способствовать эффективной ориентации субъектов политики в градостроительных программах своих конкурентов, что открывает лучшие перспективы как для успеха в полемике с ними, так и для достижения конструктивных компромиссов.

Ключевые слова: градостроительные ценности политической культуры, градостроительная ценность территории.

URBAN DEVELOPMENT VALUES OF POLITICAL CULTURE.

Andreev I.V.

National research Moscow University of Civil Engineering - Department of social, psychological and legal communications

The report justifies the expediency of introducing a new concept into scientific circulation – «urban development values of political culture», the content of which is a system of generalized ideas about positive or negative phenomena of the urban environment declared by various political actors. The author notes that an important role in the system of these representations is played by the basic components of the socio-economic concept «urban development value of the territory» formulated in the «removed» form. At the same time, the content of the concept «urban values of political culture» emphasizes the importance of socio-political and socio-psychological aspects of the urban environment, such as the degree of participation of citizens in the management of urban affairs, the measure of satisfaction of citizens with the social environment in certain urban areas, etc. The author believes that further development of the concept «urban development values of political culture» will contribute to the effective orientation of political actors in the urban development programs of their competitors, which opens up better prospects for both success in polemics with them, and for achieving constructive compromises.

Key words: urban development values of political culture, urban development value of the territory.

Опыт предвыборных кампаний в Москве в 2013-2019 гг. показал, что программы кандидатов на выборные должности в той или форме несли на себе отпечаток базовых ценностей выдвинувших их политических партий, что нередко акцентировалось в ходе полемики между конкурентами. Так, выдвиженец «Справедливой России» на пост мэра Москвы в 2013 г. Н. Левичев отмечал, что его предложения «основаны на социал-демократических ценностях и подходах…» [1, с. 219]. «Во мне идеология, которая к каждому вопросу подходит с высокой меркой справедливости», – сообщил избирателям в ходе той же избирательной кампании кандидат от КПРФ И. Мельников [2, с. 6]. Подобные суждения высказывали и другие кандидаты.

Впрочем, анализ сообщений, которые кандидаты и их штабы транслировали целевым аудиториям, свидетельствует о том, что ценности, непосредственно производные от «общих» идеологических построений политических партий, отнюдь не играли в них главную роль. Центральное место в агитационных кампаниях принадлежало популяризации ценностей, так сказать, более низкого уровня, отражавших позитивную или негативную значимость неких феноменов городской среды. Предполагалось, что успешное решение этой задачи могло бы способствовать формированию у избирателей соответствующего комплекса оценочных суждений относительно данных феноменов как предпосылки для социальных действий, выгодных тем или иным партийно-политическим структурам. К числу наиболее часто упоминавшихся ценностей подобного рода относились, например, «7 приоритетов» С. Собянина («мобильный город», «комфортный город», «здоровый город» и др.) [3], «безопасный двор», «город, дружественный к инвалидам», «открытость власти» Н. Левичева [1, с. 195, 198, 213], «чистый и здоровый город» С. Митрохина [4, с. 28] и др. Эти ценности можно обозначить как градостроительные ценности политической культуры.

В научной литературе это понятие до настоящего времени не использовалось. Поэтому целью настоящего доклада мы поставили дать его определение и обосновать актуальность его дальнейшей разработки, теоретического и практического применения.

Как соотносится понятие «градостроительные ценности политической культуры» с близкими к нему понятиями, представленными в научной литературе?

В работе «Крупные города в прошлом и настоящем» (1903) К. Бюхер сформулировал ряд *ценностей городской культуры*: плюрализм; терпимость; сбалансированность интересов социума, государства и бизнеса; согласованность действий; устойчивость социальных отношений; демократический порядок установления нормативных требований; социальная сопричастность как заинтересованность населения в совместном решении городских проблем [5]. Очевидно, что К. Бюхер указал ряд характеристик социальных отношений в рамках городских сообществ, сформировавшихся на современном ему этапе процесса урбанизации и существующих *как данность* в высокоразвитых странах Европы и Северной Америки. В отличие от этого подхода, содержание понятия «градостроительные ценности политической культуры» включает в себя прежде всего феномены, позиционируемые как *целевые ориентиры* деятельности субъектов политики, причем ориентиры, достижение которых предполагается возможным в относительно недалекой перспективе.

В современной экономической литературе закрепилось понятие «*градостроительная ценность территории*», содержанием которого является мера способности территории удовлетворять определенные общественные требования к ее состоянию и использованию (местоположение в системе расселения, городе, ином поселении, наличие социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, техническое состояние и историко-культурная ценность застройки, экологическое и санитарное состояние среды, безопасность от неблагоприятных техногенных и природных воздействий и явлений, эстетические качества ландшафта и др.) [6, с. 1]. Индикатором градостроительной ценности территории может являться рыночная стоимость объекта недвижимости определенного вида использования. Содержание понятия «градостроительные ценности политической культуры» включает в себя (хотя зачастую, так сказать, в «снятом» виде) ряд компонентов понятия «градостроительная ценность территории», выступающих, опять-таки, в качестве желательных для субъектов политики и реалистичных по своему характеру и временны́м перспективам реализации. Но понятие «градостроительные ценности политической культуры» в гораздо большей мере акцентирует значимость *социально-политических* и *социально-психологических* аспектов городской среды, таких как степень участия горожан в управлении городскими делами, меру удовлетворенности горожан социальной средой в тех или иных городских районах и т.п.

Градостроительные ценности политической культуры выступают как специфическая форма презентации в рамках городской среды *базовых ценностей* политической культуры, разделяемых членами тех или иных политических партий и движений. Так, например, характерная для российских коммунистов акцентуация эгалитарных ценностей, уникальной прогрессивной роли рабочего класса, ключевых позиций государства в экономической сфере проявляется на уровне градостроительных ценностей политической культуры в виде установок на всемерное расширение строительства социального жилья, возрождение в столичном мегаполисе металлургической и машиностроительной индустрии, усиление роли государственных предприятий в строительном секторе и энергетике.

При этом можно отметить, что на содержание градостроительных ценностей политической культуры влияет и положение декларирующих их политических партий и движений в статусе властвующих или оппозиционных структур. Так, оппозиционные политические силы дают весьма схожие отрицательные характеристики целого ряда феноменов городской жизни: «неэффективной» и «ко-

рыстной» бюрократии, «строительной мафии монополистов», нарастающей социальной дифференциации. Напротив, проправительственные кандидаты отмечают значимость достигнутых ранее позитивных изменений городской среды, особо акцентируют впечатляющие перспективы городского развития, открывающиеся в случае их победы на выборах, и совершенно уклоняются от идентификации социальных групп и персоналий, ответственных за ещё существующие проблемы.

Градостроительные ценности политической культуры играют важную роль в структуре сообщений, транслируемых субъектами политики своим целевым аудиториям. Они выступают в качестве названий – маркеров разделов предвыборной программы, призванных привлечь внимание избирателей и заинтересовать их. Далее, как правило, следует краткое разъяснение смысла маркера-ценности, а затем конкретизация критических оценок и позитивных предложений кандидата применительно к соответствующей сфере городской жизни.

Подводя итоги, можно констатировать, что понятие «градостроительные ценности политической культуры» можно определить как систему детерминированных базовыми ценностями политической культуры высказываний, отражающих позитивную или негативную значимость разнородных феноменов городской среды и призванных сформировать у целевых аудиторий соответствующий комплекс оценочных суждений относительно данных феноменов как предпосылку для социальных действий, выгодных тем или иным партийно-политическим структурам.

На наш взгляд, актуальность изучения градостроительных ценностей политической культуры обусловлена, в частности, следующими основными причинами. Во-первых, знание ценностных ориентаций подобного рода позволяет в ходе межпартийной полемики на различных площадках заранее спрогнозировать со значительной степенью вероятности (а значит, и заблаговременно подготовить набор контраргументов) систему конкретных тезисов политических оппонентов по тем или иным градостроительным вопросам. Во-вторых, исследования данного предметного поля позволяют углубить наши представления о механизмах вовлечения индивидов в практическую деятельность, в том числе протестного характера, по преобразованию городской среды. В ситуациях, когда индивиды не располагают обстоятельной информацией (а большинство граждан никогда и не будут обладать ею) о факторах и социальных отношениях, обусловивших конкретную градостроительную проблему, именно ценности выступают в качестве нормативной формы регуляции их поведения. Указанные факторы и отношения получают в системе ценностей индивида своеобразное упрощенное истолкование, позволяющее ему мыслить и действовать в сложившейся обстановке, следуя стереотипным формулам и установкам. В-третьих, в пользу актуальности данной проблематики свидетельствуют выводы психологии конфликта, воспрещающие в процессе выхода из ситуации противостояния акцентуацию ценностных расхождений конфликтующих сторон и рекомендующие сосредоточиться на сближении позиций по проблемам более конкретного, практического порядка. Напротив, привлечение внимания оппонента к сходным аспектам политических ценностей облегчает достижение практических договоренностей. Последнее обстоятельство, кстати, приобретает особую значимость после прошедших в сентябре 2019 г. выборов в Московскую городскую думу, результатом которых стало усложнение фракционного состава депутатского корпуса и определенное ослабление доминирующей роли фракции «Единой России».

Литература:

1. Левичев Н.В. Жаркое холодное лето 2013: статьи, выступления, интервью: (июль – сентябрь 2013). М.: Ключ-С, 2013. 224 с.
2. Москва: от города проблем к городу успехов: Предвыборная программа кандидата в мэры Москвы Ивана Мельникова. М.: ООО «А Графика», 2013. 26 с.
3. Собянин С. 7 приоритетов. Главное – Москва! Главные – москвичи! Предвыборная программа кандидата в Мэры Москвы. М.: ОАО «Подольская фабрика офсетной печати», 1913. 63 с.
4. Митрохин С. Я верну Москву москвичам! Программа кандидата в мэры Москвы. Отчет о работе за 10 лет. М.: ООО «АВК-Пресс», 2013. 42 с.
5. Бюхер К. Крупные города в прошлом и настоящем. СПб.: тип. Я. Трей, 1905. 34 с.
6. Основные положения создания и ведения государственного градостроительного кадастра Российской Федерации. СНиП 14-01-96. Издание официальное. М.: Госстрой России, 2004. 12 с.

Социокультурные функции китайских парков в городском пространстве

Бернюкевич А.А.

Шанхайский университет иностранных языков, студент магистратуры

bernyukevich.alena@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются ключевые функции и принципы работы парков в Китае. Будучи социокультурным объектом и важной частью городского пространства, парки предоставляют возможность жителям заниматься спортом, отдыхать и общаться. Социальные функции парка становятся ключевыми в условиях современной городской жизни, способствуют удовлетворению потребностей граждан в общении и социализации. Существует универсальная модель облика и принципов функционирования городских парков, основанная на проистекающей из традиционных китайских философских течений концепции взаимосвязи человека и природы. Особый подход к проектированию и строительству парков, в частности, возведение открытых беседок и сквозных павильонов, также стимулирует на созерцание природы и взаимодействие с окружающими. Открытая заинтересованность руководства КНР, городской администрации и простых граждан, подкрепленная широким финансированием культурной отрасли в стране, является залогом успешности реализации назначения городского парка.

Ключевые слова: городские парки, парковая культура, Китай, социальные функции, ландшафт, коммуникация, социализация

The social and cultural functions of Chinese parks in urban space.

Bernyukevich A.A.

Shanghai International Studies University

Abstract: This article dedicates to the key functions and principles of Chinese parks operation. Functioning as a sociocultural object and an important part of the urban space, parks provide an opportunity for residents to do sport, relax and socialize. Social functions of parks are becoming key in the conditions of modern urban life, contributing to meeting the needs of citizens in communication and socialization. There is a universal model of the appearance and functioning principles of city parks, based on the concept of relationships between man and nature that comes from ancient Chinese philosophy. A special approach to the design and construction of parks also stimulates people to contemplate nature and interact with others. The interest of the PRC leadership, city administration and ordinary citizens, supported by the wide financing of the cultural sector, is a critical point for the success of the implementation of the city parks' purpose.

Keywords: city parks, China, social functions, landscape, communication, socialization

Парки в современном Китае являются неотъемлемой частью городского пространства и выполняют множество важных функций. Активная жизнь в городских парках Китая свидетельствует о возможности государства и общества создавать условия для удовлетворения определенных культурных и социальных потребностей населения и стремлению горожан ежедневно пользоваться этими условиями. Утром горожане приходят в парк, чтобы совершить пробежку, позаниматься тайцзицюань или другой оздоровительной гимнастикой. Днем в городском парке можно увидеть людей, которые читают книги на лавочках, играют в бадминтон или поют караоке. Вечером любой парк превращается в большую танцевальную площадку и дискуссионный клуб, предоставляя жителям любого района возможности общения.

Концепция строительства китайского парка сочетает принципы ландшафтного и садового искусства, архитектурного планирования и урбанистического дизайна, а также многочисленные культурные традиции. Все обозначенные элементы развивались параллельно друг другу в течение нескольких тысяч лет, в результате чего сформировался некий универсальный облик классического китайского парка. Исторически садово-парковые пространства делились на несколько категорий на основе выполняе-

мых ими социально-культурных функций, включая императорские и частные сады, пейзажные парки и сады при религиозных учреждениях. Строительство каждой категории осуществлялось в соответствии с традиционной китайской космологической моделью [1].

Парк как социокультурный объект объединил в себе компоненты каждого из основных религиозно-философских течений Китая. Одна из ключевых идей, присущая одновременно конфуцианству, даосизму и буддизму, – это связь человека и природы, из которой проистекает необходимость сохранения гармонии отношений между ними. Территория под открытым небом, заполненная зелеными насаждениями, озерами, ручьями, миниатюрными горами и аутентичными архитектурными элементами стала воплощением китайской и в целом восточной концепции единения человека с природой. В терминах современной науки данное предназначение парка характеризуется созданием комфортной атмосферы посредством сближения с природой, что оказывает позитивное влияние на психическое здоровье человека. В частности, парки в мегаполисах Китая являются «зелеными оазисами» – тихими местами, где горожане могут снять стресс после долгого рабочего дня.

Технологии, которыми руководствуются при создании парковых композиций, в той же степени соответствуют философским и религиозным представлениям китайцев. Мастера китайского парка стараются использовать природные материалы и имитировать естественные формы. Искусно подчеркнутый натуральный ландшафт дополняют немногочисленные постройки, служащие местом отдыха и созерцания природы, как динамического, так и статического. Залы, павильоны и беседки создают преимущественно открытыми или с большими панорамными окнами для удобства перемещения и создания эффекта плавного перехода между внешним и внутренним пространством парка [2].

Подобное архитектурное решение можно считать актуальным и в реалиях современного китайского города. Популярность городских парков и превращение даже самых компактных из них в места скопления населения создает условия для многосторонней коммуникации и разных форм социального взаимодействия. Помимо отдыха и занятия спортом, многие китайцы пожилого возраста приходят в парк для общения: они делятся новостями, обсуждают последние события в жизни страны и спорят на злободневные темы. Подобные мероприятия способствуют решению присущей многим мегаполисам проблемы одиночества стариков, поскольку отсутствие общения отрицательно сказывается на эмоциональном и физическом здоровье этой наиболее уязвимой категории населения.

В целом, парки элиминируют культурные и социальные барьеры. Даже в городах с критическим уровнем социальной дифференциации не было выявлено сложностей с доступом к городским паркам. В первую очередь это связано с адаптированной к государственной социалистической доктрине стратегии планирования городского «зеленого пространства», которая базируется на равном и справедливом распределении общественных благ и сглаживании разрывов, образующихся в процессе рыночной и экономической деятельности. Независимо от целевой группы, обозначенной при планировании строительства, представитель любого социального слоя может войти в парк и воспользоваться его базовыми услугами – пространством для разного рода деятельности и бесплатной инфраструктурой [3].

Вход в китайские городские парки обычно безвозмездный, поэтому любой житель города может приобщиться к какому-либо виду деятельности, осуществляемому в этих парках. Это также широкая платформа для проявления инициативы местным населением [4]. Специфика социальной и духовной сферы жизни граждан Китая заключается в том, что они самостоятельно занимаются её организацией. Танцевальные площадки, дискуссионные, спортивные и игровые клубы, каллиграфия водой по асфальту, игра на музыкальных инструментах и другие многочисленные мероприятия – всё это задумано и добровольно проведено обычными китайскими горожанами. Это освобождает администрацию парка и города от некоторых обязанностей по организации культурно-досуговой деятельности, что также является отличительной чертой механизмов функционирования китайского парка. Таким образом, основной услугой парка, в которой китайское население действительно нуждается является предоставление подходящего пространства с классическим архитектурным и ландшафтным решением, а также развитой инфраструктурой со всеми удобствами для комфортного времяпрепровождения.

В густонаселенных районах может возникнуть сложность с размещением полноценных парков, поэтому администрация китайских городов прибегает к созданию миниатюрных садов и компактных озелененных площадок во дворах больших домов и жилых комплексов [5]. Например, на сегодняшний день часть жилых комплексов в мегаполисах КНР оснащена собственными мини-парками с инсталляциями, газонами и простыми уличными тренажерами. Такое стремление китайцев обустроить жилое пространство снаружи связывают с разными причинами – аграрным прошлым страны, традицией создавать личные парки в усадьбах и т.д.

Для того, чтобы максимально реализовать социальную эффективность парка, необходимо корректно обозначить цели его работы, учитывая интересы, потребности и образ жизни горожан. Помимо потребностей населения, в основе функционирования городского парка как учреждения сферы культуры лежат требования и возможности государства, в том числе материальная база, техническое оснащение, озеленение парка и создание необходимой атмосферы. Однако, успех деятельности парков характеризуется также благополучием отрасли культуры в целом [5]. Китай, одна из древнейших цивилизаций на планете, всегда считалась условным центром восточной культуры, и до сих пор держит эту планку, чему в настоящее время способствует стремительное экономическое развитие страны и, как результат, способность оснащать сферу культуры значительными финансовыми средствами.

Таким образом, парковая культура является неотъемлемой частью социальной и культурной сфер жизни китайского народа. За несколько тысяч лет сформировалась устойчивая концепция организации садово-паркового пространства, способного эффективно удовлетворять потребность людей в покое, отдыхе и общении. Универсальный облик парка построен на традиционных взглядах китайцев на устройство мира и связи человека с природой, поэтому в каждом современном городском парке Китая можно обнаружить классические элементы и проследить общую тенденцию к естественным и природным формам.

В то же время, понятие «классический» в отношении китайского парка не является синонимом «устаревшего». Ландшафты, созданные из натуральных материалов, не мешают техническому оснащению и развитой инфраструктуре в общественных местах. Привлекательный облик и многофункциональность китайских парков доступна каждому жителю города. При этом следует отметить, что одна из основных функций городского парка – это создание условий для ежедневной коммуникации между людьми. Возможность живого общения с окружающими позволяет жителям больших городов чувствовать себя защищенными, находиться под присмотром своих соседей и целого государства, что может рассматриваться в качестве основополагающей характеристики китайского коллективизма.

Литература:

1. Сакральное на традиционном Востоке / Отв. ред. А.Л. Рябинин. М.: ИВ РАН, 2017. С. 141-169.

2. Дуань Юйнун. Связь архитектуры и природы в китайских парках // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. № 23. С. 34-36.
3. Yang Xiao, Zheng Wang, Zhigang Li, Zilai Tang. An assessment of urban park access in Shanghai – Implications for the social equity in urban China // Landscape and Urban Planning. 2016. № 157(1). P. 383-393.
4. Ellis D., Schwartz R. The Roles of an Urban Parks System. July 2016. World Urban Parks. Режим доступа: https://www.worldurbanparks.org/images/Documents/The-Roles-of-an-Urban-Parks-System.pdf .
5. Селиверстова Л.Н. Парковое дело и организация досуга населения // Парк и отдых. Современный парк в системе организации досуга населения / Отв.ред. Е. М. Петоян. М.: Научно-исследовательский институт культуры, 1989. 192 с.

Об исследованиях роли религиозных сооружений в городском пространстве

Бернюкевич Т.В.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, профессор кафедры истории и философии. Доктор философских наук

bernyukevich@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ряда подходов к изучению роли религиозных сооружений в городском пространстве, разработанных в семиотике, метафизике города, сакральной географии. Анализ городского пространства как пространства религиозных культур будет способствовать объединению достижений этих исследований. Понимание пространства города как места формирования и развития конкретных культурных смыслов, которые связаны с историей возникновения городов, их планированием, особенностями застройки, архитектурным своеобразием и т.д., становится основой для выявления функций религиозных сооружений (зданий, памятников) как культурных феноменов. Результатами такого анализа могут стать: определение мировоззренческих оснований развития религиозного пространства города; онтологического статуса культовых сооружений и их места в культурно-территориальной организации города; роли религиозных сооружений как особых символических культурных маркеров, задающих особенности конкретного городского пространства.

Ключевые слова: культурное пространство города, религиозные культуры, культовые сооружения, метафизика города, сакральное пространство

On studies of the role of religious buildings in urban space.

Bernyukevich T. V.

National research Moscow state University of civil engineering, Department of History & Philosophy

Abstract: The article analyzes a number of approaches to the study of the role of religious buildings in urban space, which are developed in semiotics, city metaphysics, and sacred geography. Understanding the city space as a place of formation and development of specific cultural meanings that are associated with the history of cities' emergence, their planning, development features, architectural originality, etc., becomes the basis for identifying main functions of religious buildings and monuments as cultural phenomena. The results of such analysis can be the determination of the world outlook for the development of the religious space of the city and ontological status of religious buildings and their place in the cultural and territorial design of the city; the representation of the role of religious buildings as special symbolic cultural markers that define the characteristics of a particular urban space.

Keywords: cultural space of the city, religious cultures, places of worship, metaphysics of the city, sacred space

Город как особое пространство культуры является предметом изучения во многих социогуманитарных науках и междисциплинарных исследований. Нельзя не обратить внимания на активно развивающуюся сегодня теорию города. Хотя, вероятно, сложно назвать теорией именно междисциплинарный уровень урбанистических исследований, которые часто не вписываются в традиционную схему научной дисциплинарности. Исследования вопросов развития городов разворачиваются в предметных и методологических пересечениях культурологии, социальной антропологии, географии, социологии, политологии и т.п. Это способствует тому, что формируется особый социально-сетевой подход, позволяющий рассматривать урбанистику как часть социальной теории. Так, Е. Г. Трубина утверждает, что «инертность традиционного структурирования знания в нашей стране приводит к тому, что новые профессиональные практики и поля, возникшие в 1970-е годы и существенно способствовавшие институционализации гуманитарного знания в Европе и Северной Америке, сложно включаются или соединяются с уже имеющимися дисциплинами. Целый набор таких полей, которые называются «исследованиями», – гендера и расы, культуры и медиа, науки и, конечно, города – не «захватывается» существующим разделением академического труда… Одно из измерений этой реальности – город как множество сетей интенсивного социального взаимодействия» [1, с. 8]. Это позволяет говорить о теории города как части социальной теории. В рамках данного подхода, считают его сторонники, становится возможным определить связи между широкими социальными процессами и собственно городскими трансформациями. Чаще всего внимание акцентируется на отражении макроэкономических явлений в городских процессах, интеграции городов в глобальную экономику, отношениях между городами. [1, с. 8]

В то же время существует уже устоявшееся понимание пространства города как места формирования и развития конкретных культурных смыслов; пространства, которое включает эти смыслы в определенную систему, в которой можно определить пространственно-смысловые локализации, связанные с историей возникновения городов, их планированием, особенностями застройки, архитектурным своеобразием и т.д. В случае обращения к такому способу определения пространства города как системы расположения, соположения и взаимодействия культурно-смысловых объектов и функционирования разных систем коммуникации между ними, способу, который допускает принципиальную возможность «культурно-ментального картографирования» городского пространства, нам следует выбрать некие значимые «маркеры», связанные с культурными смыслами, центрами и символами, позволяющие определить границы локальных культурных частей единого городского пространства.

Существует ряд направлений, в которых утверждается или допускается сама возможность заданности культурного пространства города и представлены попытки определения оснований для такой детерминации или обусловленности. В отечественной литературе наибольшее развитие идея пространства города как пространства культуры получила в семиотических работах. Исходя из общего понимания культуры как Текста Ю. М. Лотман считал, что «рассмотрение Города, включенного в историю цивилизации как текста sui generis, естественно. Более того, именно на объекте такого рода некоторые черты Текста выделяются наиболее наглядно. К ним можно отнести кодовую гетерогенность - непременную зашифрованность несколькими кодами, семиотическую неоднородность субтекстов, противоречиво стремящихся одновременно образовывать единый текст. Наглядно выступает также свойство текста накапливать и постоянно регенерировать свою историю». [2, с. 3] Становление семиотического пространства города, по мнению Лотмана, – процесс исторический, поскольку вначале город обычно существует как «материальный объект», знаковые, символические значения начинают возникать и накапливаться в городском пространстве постепенно и тогда он занимает определенное место в семиотике культуры. Хотя, по его мнению, есть исключения, когда «код предшествует материальному». Таким исключением является Петербург [2, с. 4]. В. Н. Топоров, говоря о Петербурге как о тексте, выделяет в качестве субстратных элементов особенности города, относящиеся к материально-культурной сфере – «планировка, характер застройки, улицы и т.п.» [3, с. 12]. Они, отмечает исследователь, в русской литературе изображаются изоморфными природной среде самого места. Улицы, площади, сады и здания Петербурга, по мнению Топорова, – это часть языка города [3, с. 14].

Вопрос об иерархии знаков и символов в культуре и обществе – один из самых сложных не только с точки зрения семиотического подхода. А. Я. Флиер относит к наиболее важным образам (символам) социальной жизни: сакральные образы, художественные образы (вербальные, изобразительные, звуковые и т.п.), образы власти, образы социальной престижности, образы национального достоинства и идентичности, образы гендерной привлекательности и пр. [4]. Если обратиться к «материально-культурному» пространству города, то носителями «сакральных образов» будут, прежде всего, здания и объекты религиозного назначения, которые часто одновременно выполняют функции художественных образов, образов власти, национальной идентичности и т.п. Определение их роли в становлении единства культурного пространства города и его структурировании с точки зрения разных культурных влияний в этом ракурсе становится одной из интересных проблем изучения развития городской культуры и роли религии в ней.

Среди направлений исследований города, близких этой проблематике, можно назвать метафизику города, представители которой стремятся выявить особую онтологическую сущность религиозных объектов, рассмотреть их ценностные основания, определить место этих объектов в семантическом и символическом пространстве города. Город при таком рассмотрении – это и целостный символ, связанный с формированием архетипического сознания, и субъект (а не только место) «производства смыслов, создания и функционирования символов» [5, с. 10-11]. Ряд авторов, пишущих на тему метафизики города, к примеру, за городской географией, топонимией, расположением архитектурных памятников

видят «проявление Высшего замысла, осуществляющегося на протяжении многих веков», пытаются создать особую культурно-смысловую символическую картографию. Так, в книге Р. Рахматуллина «Две Москвы, или Метафизика столицы» представлено своеобразное «перенесение» средневековой метафоры Аврелия Августина о Граде Божием на «градостроительную почву» – при сравнении «города Божественного замысла – Москвы и города человеческого умышления – Петербурга». [6, с. 9]

Некоторые подходы к рассмотрению роли религиозных объектов в городском пространстве «метафизика города» близки одному из направлений активно развивающейся сегодня культурной географии – сакральной географии. [7, 8, 9]. Объектом данного научного направления являются сакральные пространства как пространства, специфика которых (функции и значение) связана с конкретной религиозной деятельностью в его рамках. Л.В. Атаман пишет о том, что особые религиозные, природные и исторические свойства сакрального пространства связаны с выполнением этой территорией «духовной функции» [7].

Роль религиозных объектов в городском пространстве является предметом рассмотрения представителей разных научных дисциплин и направлений: философии и метафизики города, семиотики города, социологии города, сакральной географии и сакральной топографии, истории культуры и градостроительства и т.д. Представляется возможным объединение подходов этих дисциплин в рамках философско-религиоведческого исследования, задачами которого будут: определение ценностных оснований развития религиозного пространства города; выявление социального статуса культовых сооружений и их места в культурно-территориальной организации города; анализ роли религиозных сооружений как особых символических культурных маркеров, определяющих специфику конкретного городского пространства.

Литература:

1. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 519 с.
2. Лотман Ю.М. От редакции // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С. 3
3. Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему) // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. С. 4 - 30
4. Флиер А. Я. О функциях символа в культуре // Культура культуры. 2016, № 4. Режим доступа http://cult-cult.ru/on-functions-of-symbol-in-culture/
5. Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты. // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего / Материалы международной научно-практической конференции. Саратов.: Изд-во СГУ, 2003. С. 10-11.
6. Рахматуллин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы. М: АСТ, 2009. 702 с.
7. Атаман Л.В. Исследование сакрального пространства региона: методология и принципы // Псковский регионологический журнал № 23/2015. С. 107-117.
8. Уваров М.С. Культурная география в культурологической перспективе // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4. С. 6–18.
9. Теребихин Н.М. Геософия и сакральная география как проектно-ориентированные направления исследования в области этнокультурологии народов Северной Евразии // Вестник Северного Арктического федерального университета. 2012. № 1. С. 80–87.

Город, университет и четвертая промышленная революция

Бляхер Л.Е.

Тихоокеанский государственный университет, заведующий кафедрой философии и культурологии, профессор. Доктор философских наук

leonid743342@mail.ru

Аннотация. В докладе предполагается анализ концепта, возникшего в последние годы (Четвертая промышленная революция) в качестве социального мифа, призванного создать новый контракт между наукой и обществом. В рамках этого контракта, как предполагается, новый смысл обретает и современный город, и его важнейший элемент – университет. Однако, как мы попытаемся показать в докладе, этот подход базируется на системе аксиом, которые во многом не соответствуют наличным реалиям, теорем, основания которых легко подвергаются критике. Идея инноваций, как основного источника человеческого благополучия, не является универсальной. Более того, само ее появление связано с конкретными природными и социальными условиями, которые сегодня отсутствуют. Гораздо более значимыми выступают не столько технологические, сколько социальные направления развития, источником которых может стать город и университет.

Ключевые слова: современный город, университет, промышленная революция, инновации, гуманитарное развитие, новые функции образования.

City, university and the fourth industrial revolution.

Bliakher L. E.

Pacific National University, Department of Philosophy and Cultural Studies

Abstract: The report intends to analyze the concept that emerged in recent years (Fourth Industrial Revolution) as a social myth designed to create a new contract between science and society. Under this contract, it is assumed that the modern city and its most important element, the university, will gain new meaning. However, as we try to show in the report, this approach is based on a system of axioms, which in many respects do not correspond to the realities available, theorems, the foundations of which are easily criticized. The idea of innovation, as the main source of human well-being, is not universal. Moreover, its very appearance is associated with specific natural and social conditions that are absent today. Much more significant are not so much technological as social directions of development, the source of which may be the city and the university.

Keywords: modern city, university, industrial revolution, innovation, humanitarian development, new functions of education.

Одной из наиболее мощных идеологем последнего времени стал концепт «четвертая промышленная революция» (Индустрия 4.0). Парадоксальным образом продвижение идеи Индустрии 4.0., позиционирующей себя, как нечто небывалое, воспроизводит стандартные пассажи описания идеального будущего, известные со времен Просвещения. Речь идет о перестройке мира на основе цифровых технологий, избавлении человека от рутинных операций, создания новых принципиально более производительных технологических систем, формирование «новой прозрачности», исключающей возможность коррупции и прочих социальных девиаций. Собственно, речь идет о построении «разумного мира», комфортного и безопасного.

Об этом писали мыслители последних столетий, начиная с французских энциклопедистов. Разве только источником спасения человечества от всех бед и напастей выступали разные технологические решения: от простого разделения труда и усовершенствованных станков с водяным приводом до больших данных и 3D технологий. Даже опасения, высказываются сходные. Появление «лишних» людей, исчезновение целого ряда профессий, рост социального напряжения, политические сложности и т.д. Если вспомнить опасения, высказываемые мыслителями в период луддизма, то и стилистика высказываний будет очень похожей.

Параллельно продвижению этой идеи, безусловно, имеющей основание для существования, все более распространенными становятся идеи, наиболее полно выраженные Джеймсом Скоттом в книге «Благими намерениями государства…». Если абстрагироваться от исторической и антропологической конкретики работ Скотта, то речь здесь идет о том, что есть социальные смыслы и ценности, диаметрально противоположные смыслам и ценностям технологического прогресса, отбрасывающие все его возможные блага ради сохранения уже сложившейся «зоны комфорта». И здесь мы наталкиваемся на необходимость осознания того простого обстоятельства, что инновации и инновационное развитие есть нечто принципиально противное нормальной человеческой природе, ориентированной на сохранение привычного стиля жизни и способа действия.

На протяжении тысячелетий мы видим историю человечества не столько, как историю инноваций, сколько, как истерическую попытку их избежать. Лишь катастрофическое изменение внешних условий позволяло инновациям пробить себе дорогу. Подобное изменение, как показал Ф. Бродель, и происходит в XVI – XVIII веках. Климатические изменения привели к обострению социальных противоречий, голоду, возврату эпидемий.

В этот период и формируются главные инструменты инноваций: наука, связанная с производством машин, и образование, способное подготовить специалистов для нового мира машин. Классические университеты, возникшие в период позднего Средневековья, трансформируются в современные университеты, так или иначе ориентированные на подготовку специалистов для нового мира. Сложилась и идеология инноваций в рамках идейного комплекса Просвещения, связанная с тем же образом разумного, богатого и предсказуемого мира, который может стать реальностью. Сконструированный усилиями целого ряда реформаторов (от Ф. Бэкона до А. Гумбольдта), механизм оказался успешным.

Катастрофу не просто удалось избыть. Дальний закоулок мира, который долгие столетия был только реципиентом достижений Востока, выходит на авансцену мировой истории. Становится, одновременно, центром силы, центром потребления и мировой мастерской. Поток инноваций продолжается и после прекращения климатического пессимума и перехода климата в более мягкую форму, поскольку именно он становится источником политической силы и, связанного с ней экономического процветания. Европейская политическая структура (государство), европейский тип хозяйства (экономика, основанная на максимизации прибыли) становятся господствующими типами социальной организации в мире, а уровень технического развития – основным показателем развития общества как такового.

Конечно, и здесь нельзя говорить об абсолютной однородности. Уже в 60-х годах были описаны в работах о неформальной, моральной и эксполярной хозяйственной системе иные типы общества. Однако наличие у них ряда формальных признаков (выборы, формальное разделение властей, флаг, герб, институты международной коммуникации, банковская система и т.д.) позволяли не замечать их инородности. Глобализация, обозначенная уже в период после второй мировой войны, задавала и глобальный контекст в системе высшего образования. Критерии вхождения, в целом, оставались неизменными, с XVIII столетия: подготовка высококвалифицированных кадров, способных поддерживать режим инновационного развития общества (наука, инженерные кадры и т.д.).

Но при всем том, что господствовала идея возрастающего равенства, идущая от Маршала Мак-Люэна (идея «мировой деревни» и «информационного коттеджа»), в реальности ситуация была иной. В модели «олигополиса» Саскии Сассен (системы глобальных городов – центров мирового богатства и инноваций) достаточно четко показаны различия между университетами, расположенными в глобальных городах (производство инноваций) и в иных городских центрах (рецепция инноваций и их приспособление под условия данного общества). Такое принципиальное неравенство актуализировало иной комплекс функций университетов – социальные функции.

Огромное значение в этом плане приобрел процесс противоположный инновационному развитию – процесс торможения инноваций. Уже в 60-е – 70-е годы были, практически, заблокированы результаты «зеленой революции» в биологии, способной, как предсказывалось, решить проблему пищи для человечества. В 90-е годы были резко замедлены работы в области управляемого термоядерного синтеза, призванного решить энергетическую проблему человечества. Экономические и политические последствия этих инноваций оказывались столь разрушительными, что общество отторгло инновации.

Новые технологии и новые научные данные, продолжающие создаваться институтами науки и образования, далеко не напрямую находят себе путь к потребителю. Глобальная миграция и наличие дешевой рабочей силы делает их внедрение неэффективным. Снижает стремление бизнеса и государства

финансировать науку. По существу, на сегодняшний день экономика инноваций – это исключительно экономика военно-промышленного комплекса, напрямую финансируемая государством. Последняя достаточно слабо соотносится с идей эффективности и максимизации прибыли. Понятно, что процесс этот идет не синхронно, быстрее протекая в центрах, изначально менее связанных с инновациями и сохраняя инерцию в прежних инновационных центрах. Однако все большее распространение получает мысль, что технологическое развитие человечества существенно обогнало свои возможности по осмыслению и утилизации собственного технологического могущества. Не вдаваясь в крайности, можно заключить, что задачей самого ближайшего будущего выступает не столько технологическое (инновационное) развитие, сколько осмысление тех вершин, которых человечество уже достигло.

В этих условиях традиционной для последних столетий способом решения проблемы утраты жесткой связи между наукой, технологиями и образом жизни людей выступает «динамический миф», желаемый образ будущего, связанный с развитием науки и технологий. Таким мифом выступает «четвертая промышленная революция». Нарастание объема формальных показателей работы ученого и преподавателя, увеличение значения рейтингов – проявление кризиса экономики инноваций и мифологической природы ключевого идейного комплекса легитимизации инноваций в обществе. Ведь для охотника не существенно, правильно ли у его собаки стоят уши или купирован хвост. Ему важно, что собака выполняет возложенные на нее функции. Вот в условиях города, то есть превращение собаки в бесполезную игрушку, эти факторы становятся определяющими.

Но говорить о том, что университет превращается в бесполезную структуру, будет категорически неправильно. Как и в условиях промышленной революции XVIII века, университет меняется. Функции, существующие прежде в качестве дополнительных, сегодня выходят на первое место.

Во-первых, в условиях исчезновения традиционной формальной аристократии, университет выполняет функцию производства и воспроизводства элиты общества для того социального организма, в котором данный университет укоренен. Без такой элиты общество не способно выработать адекватные ответы на внешние вызовы, способно существовать только в состоянии гомеостаза.

Во-вторых, в силу того, что университетское пространство является пространство с низким уровнем конкуренции, именно здесь возникают устойчивые социальные сети и отношения солидарности, которые, в конечном итоге, и позволяют выпускникам занять лидирующие позиции в обществе.

В-третьих, время учебы в университете для студента – это время искусственно сниженных рисков и издержек, связанных с ошибкой. В реальной жизни ошибка человека фатальна. Платой за нее почти всегда становится затруднение в карьерном продвижении, а порой, сама жизнь. В пространстве университета платой становится неудовлетворительная оценка, которую можно пересдать. Соответственно, и само время становится временем возможности для экспериментов в сфере этики, социального поведения, управленческих решений. Потому, при прочих равных условиях выпускники университета более способны на выработку нестандартного решения в нестандартных ситуациях.

Однако наличие социального мифа, идущего со времен первой промышленной революции, заставляет университеты воспроизводить структуры, методические практики и т.д. уже отходящего прошлого. Осмысление новой крайне значимой роли университета, формирование образовательных технологий и системы управления университетом в новых условиях, освобождение от мифологии прошлого – важнейшая задача. От того, будет ли она решена в обозримом будущем зависит будет ли университетская среда продолжать свое существование в качестве важнейшего общественного института или те функции, которые призван выполнять университет, исполнит нечто иное, вытеснив университеты на обочину истории.

Влияние социокультурных конфликтов на развитие отечественной архитектуры 1920-30 гг.

Гацунаев К.Н.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, доцент кафедры истории и философии. Кандидат философских наук

gatsunaev58@mail.ru

Аннотация. Архитектура и градостроительство эпохи советского авангарда привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей на протяжении нескольких десятилетий. Проблема ее становления и развития приобрела актуальность в контексте идейно-теоретических дискуссий, посвященных анализу предпосылок и детерминант формирования главным образом советского авангарда. Не получила должного рассмотрения проблема влияния социокультурных конфликтов на развитие художественной и организационно-технической составляющих отечественной архитектуры этого периода в целом. Социокультурные конфликты этого периода изучаются на основе текстов, опубликованных философами, историками архитектуры и непосредственными участниками событий. Целью исследования является выявление в социокультурном развитии тех групп противоречий, которые в наибольшей степени сказались на осуществлении архитектурно-строительной деятельности 1920-30 гг. Результатом исследования стало обобщение и группировка социокультурных конфликтов по степени их непосредственного влияния на эволюцию отечественной архитектуры.

Ключевые слова: авангард, архитектура, историцизм, конструктивизм, рационализм, эклектика.

Influence of sociocultural conflicts on the development of domestic architecture 1920-30s.

Gatsunaev K. N.

Moscow National Research State Construction University, Department Professor of History & Philosophy

Abstract. The architecture and urban planning of the Soviet vanguard era has attracted the attention of domestic and foreign researchers for several decades. The problem of its formation and development has become relevant in the context of ideological and theoretical discussions devoted to the analysis of the prerequisites and determinants of the formation of the mainly Soviet vanguard. The problem of the influence of sociocultural conflicts on the development of artistic, organizational and technical components of the domestic architecture of this period as a whole has not been properly considered. Sociocultural conflicts of this period are studied on the basis of texts published by philosophers, architectural historians and direct participants in events. The aim of the study is to identify in sociocultural development those groups of contradictions that have most affected the implementation of architectural and construction activities 1920-30s. The result of the study was a generalization and grouping of sociocultural conflicts by the degree of their direct impact on the evolution of the domestic architecture.

Keywords: Vanguard, architecture, historicism, constructivism, rationalism, eclectics

Социально-политическая турбулентность начала XX в. заметным образом сказалась на всех сферах отечественной культуры. Не стала исключением и архитектурно-градостроительная практика. Аксиоматически принимаемая новой властью необходимость культурной революции вовсе не исключала различных подходов и точек зрения как на цели культурной революции, так и на методы их достижения. Во взглядах на преобразование и дальнейшее развитие архитектуры наблюдалась аналогичная картина. В течение пятнадцати послереволюционных лет в советской архитектуре имело место сосуществование очень разных, подчас диаметрально противоположных направлений и школ.

Динамика постановки государством целей и задач перед зодчими и инженерами, тематика и острота дискуссий внутри профессионального сообщества менялись по мере эволюции социума в целом. Но неизменным оставалось отчетливое противостояние адептов традиционного понимания архитектуры как особого рода деятельности с приверженцами авангарда. К первым относились оставшиеся в Советской России академики императорской Академии художеств (И.В. Жолтовский, А.В. Щусев, И.А. Фомин и др.) и сформировавшийся еще до революции контингент гражданских инженеров с их немалым опытом профессиональной деятельности. Авангард был представлен главным образом молодыми, инициативными, зачастую талантливыми, но малоопытными архитекторами и художниками. Инженерно-технические специалисты в их среде составляли абсолютное меньшинство.

Старые, «буржуазные специалисты» испытали к себе очень разное отношение со стороны власти. Несмотря на «классовую чуждость», их высокие и вполне очевидные профессиональные достоинства, воплощенные в уже реализованных зданиях и сооружениях, заставляли власть сотрудничать с ними даже в жестких условиях «военного коммунизма». Часть высшего политического руководства в период НЭПа во все большей степени склонялась к точке зрения А.В. Луначарского на необходимость демократизации культуры в целом и, архитектуры в частности, как главной цели культурной революции. Это предполагало широкое привлечение в архитектурно-строительную деятельность зодчих старшего поколения.

Таким образом, в отечественной архитектурно-строительной практике 1920-30 гг. существовала достаточно сложная ситуация противостояния «старины» и «новизны» в лице так называемых «буржуазных спецов» и представителей авангарда. При этом, внутри каждого лагеря существовали принципиальные расхождения между различными группами, школами и направлениями. Так, с дореволюционной поры сохранилось противостояние между архитекторами-эклектиками и представителями модерна. Личности, подобные И.А. Фомину и К.С. Мельникову, хоть и приобрели известность еще до 1917 г., но полагали, что архитектура в новых условиях должна получить принципиально новые эстетические и конструктивные особенности. У обоих зодчих имелось немалое число оппонентов среди архитекторов дореволюционной закалки.

Еще более глубокие расхождения имелись между такими направлениями в советском авангарде, как конструктивизм и рационализм. При всей взаимной непримиримости конструктивистов – членов Объединения современных архитекторов (ОСА) – и рационалистов, группировавшихся в Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА), а также в близких ей по духу организациях, таких как Комиссия живописно-скульптурно-архитектурного синтеза (Живскульптарх), Объединенные левые мастерские (Обмас) их принято рассматривать в рамках общего архитектурного направления. Некоторое подобие единства авангардным течениям обеспечивало совместное противостояние любым проявлениям академизма, историзма и эклектики. Другим общим основанием, обусловившим относительную целостность архитектурного авангарда, стал крайний радикализм программных положений, частично заимствованных у европейских футуристов и основательно дополненных собственными наработками. Философской базой авангарда стали подчеркнуто деструктивные идеи Бакунина [1, с.226] и Прудона [2, с.136] в сочетании с размышлениями Бергсона [3, с. 185] о всеобщем динамизме. У Маринетти было воспринято преклонение перед индустриальным бытием и отношение к мегаполису как символу современного общества. Абсолютно апологизировалась классовая борьба и агрессия [4, с.21-23]. Во многих отношениях лидеры советского авангарда превзошли европейских единомышленников. Широкую известность получило программное заявление М.Я. Гинзбурга: «Нас не связывает прошлое. Мы знаем, что современный город смертельно болен, но не желаем его лечить. Наоборот, мы хотим его разрушить и заменить новыми социалистическими формами расселения людей, лишенными внутренних противоречий, как пережитков капитализма» [Цит. по: 5, с.172].

Именно для советского авангарда двадцатых годов наиболее характерно следование почти манихейскому мировосприятию с его четким разграничением на «наше» и «чужое», заведомо враждебное. В реалиях того времени – на «красное» и «белое». Как следствие, такая логика, сохранившаяся со времен гражданской войны, в принципе исключала не только какое-либо инакомыслие, но и любые попытки самостоятельного истолкования целей и задач архитектурно-строительной деятельности. Именно фронтирностью, ощущением незатухающего гражданского противостояния объясняется хлесткость и непримиримость творческих дискуссий 1920-30 гг. Наклеивание политических ярлыков на оппонентов и, зачастую, печальные организационные выводы по результатам таких дискуссий также объясняются этим обстоятельством.

Процессу взаимодействия с зарубежными коллегами в немалой степени способствовали два фактора. Во-первых, завершение мировой войны, позволившее восстановить внешние культурные связи. Во-вторых, сохранение советскими лидерами этой поры надежду на близкую перспективу мировой ре-

волюции. В целях обеспечения ее успешного осуществления считалось необходимым заблаговременное установление и поддержание «горизонтальных связей» между различными социальными группами нашего общества и их зарубежными собратьями. Помимо создания таких структур как Коминтерн, Профинтерн, КИМ, поощрялись контакты между представителями советского архитектурного авангарда с их единомышленниками в Европе и Америке. Наиболее глубоко такого рода взаимодействие продвинулось во взаимоотношениях с немецким Баухаузом в лице Бруно Таута, Ханнеса Майера, Эрнста Мая и формирующимся Международным конгрессом современной архитектуры (CIAM) в лице Корбюзье. Впрочем, разграничительные линии довольно скоро пролегли между радикально мыслящими архитекторами в СССР и за его пределами. Особенно отчетливо такое размежевание стало проявляться в первой половине 1930-х годов. Сотрудничество с Корбюзье достигло пика к началу сооружения комплекса Центросоюза в Москве. Таким же апогеем сотрудничества с Баухаузом стал приезд в нашу страну группы его сотрудников во главе с Ханнесом Майером в 1931 г. В обоих случаях отношение принимающей стороны к зарубежным мастерам быстро изменилось. Уже к 1933 г. начинаются задержки с реализацией проектов, а первоначальное восхищение замыслами французского архитектора и скрупулезностью разработок Баухауза сменяется огульной критикой их деятельности, а иногда и репрессиями. Появление в эти годы устойчивой формулировки «идеологически вредный формализм» применительно к авангарду, стало отражением еще одного социокультурного конфликта.

Хронологически наиболее острая борьба в отечественной архитектуре происходила по различным линиям противостояния в двух отличающихся друг от друга периодах. С момента революции и до 1923 г. имеет место преимущественно противостояние ретроспективного и авангардного направлений даже в рамках так называемой «бумажной» архитектуры. Следует отметить, что даже в этот период, при всеобщем доминировании авангардного пафоса, осуществлялось строительство весьма масштабных проектов во вполне традиционном ретроспективном духе. Здания Казанского и Брянского (Киевского) вокзалов в Москве – лишь наиболее известные примеры такого воплощенного историцизма.

С 1923 г. и до 1931 г. противостоят друг другу революционный художественный романтизм и авангардный техницизм. К началу 1930-х гг. набирает вес и влияние такая организация как ВОПРА, активно критикующая как дореволюционных академиков, так и «формалистов» из ОСА и АСНОВА.

Таким образом, на процесс развития советской архитектуры в первые пятнадцать лет ее истории существенно повлияли следующие контрапункты:

- крушение старой социально-политической и экономической системы;
- попытки создания социокультурной системы, программно противопоставляемой прошлому;
- доминирование наиболее радикальных концепций в архитектурно-градостроительном дискурсе;
- сохранение в реальной архитектурно-строительной практике прежней организационно-технической и технологической основы;
- крайняя идеологизация и политизация процесса разработки и реализации архитектурных проектов;
- постепенное свертывание контактов с зарубежными специалистами;
- замена в 1932 г. многообразных архитектурно-художественных объединений единым Союзом советских архитекторов с общим творческим методом.

Литература:

1. Бакунин М.А. Реакция в Германии. // Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль 1987. 576 с.

2. Прудон П-Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти/Пер.с фр. Е. и И. Леонтьевых; Изд. 2-е, доп. – М.: URSS, 2010, 268 с.
3. Бергсон А. Творческая эволюция /Пер.с фр. В.А. Федоровой. М.: Кучково поле, 2006. 380 с.
4. Marinetti F.T. The Founding and Manifesto of Futurism 1909 // Futurist Manifestos / ed. U. Apollonio. London: Penguin, 1973. 189 p.
5. Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX века. М.: Стройиздат., 1990. 286 с.

Аборигенный дискурс в оптике исследований городской идентичности: кейс «Академгородок 2.0»

Ерохина Е.А.

Институт философии и права СО РАН, ведущий научный сотрудник; Новосибирский государственный университет экономики и управления. Доктор философских наук

leroh@mail.ru

Аннотация. В работе представлен кейс проекта «Академгородок 2.0.» в оптике исследования локальной идентичности горожан, жителей Новосибирского Академгородка. Для его осмысления предлагается использовать понятие «локальный авторитет», предложенное Мишелем де Серто, которое позволило выявить скрытое в проекте противоречие между техноструктурной и институциональной ориентациями его реализации. Сильной стороной проекта «Академгородок 2.0» являются его перспективные цели. Самый же серьезный риск от его внедрения заключается во вторичности проекта и недооценке специфики Академгородка, силы его идентичности и традиций.

Ключевые слова: Новосибирский Академгородок, город, идентичность, локальное сообщество, локальный авторитет.

Aboriginal discourse in the optics of studies of urban identity: case “Akademgorodok 2.0”.

Erokhina E. A.

Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk State University of Economics and Management

Abstract: The paper considers the case»Academgorodok 2.0.» in focus of the local identity of citizens, residents of the Novosibirsk Academgorodok. It is proposed to use the concept of “local authority” by Michel de Serto, which made it possible to identify the contradiction hidden in the project between the technostructural and institutional orientations of its implementation. The strong point of the project «Akademgorodok 2.0» are its promising goals. The most serious risk from its implementation lies in the secondary nature of the project and underestimation of the specifics of Akademgorodok, the strength of its identity and traditions.

Keywords: Novosibirsk Academgorodok, city, identity, local community, local authority.

Советский опыт развития наукоградов является сегодня предметом пристального интереса историков, социологов, социальных эпистемологов. У государства в гонке высоких технологий сохраняется свой вполне прагматический интерес. Одним из значимых социальных проектов, обладающих как социотехническим, так и социально-значимым содержанием, является проект «Академгородок 2.0», вызывающий неоднозначное отношение у представителей локального сообщества – сотрудников академических институтов СО РАН и Новосибирского государственного университета, жителей Новосибирского Академгородка.

В эссе «По городу пешком», посвященному современному городу, Мишель де Серто в качестве одного из существенных противоречий его развития указывает на противостояние спланированного города (города-концепта) «кочевому» городу как совокупности множественных практик преобразования физического пространства в социально освоенное [3, с. 26]. И хотя автор настаивает на том, что городская идентичность является сугубо номинальной, а сам процесс освоения, основанный на речевых актах и пространственном перемещении («ходьбе», «блуждании») он рассматривает главным образом как социальный опыт утраты, а не приобретения, с чем трудно согласиться, тем не менее эссе содержит некоторые концепты, которые помогают понять, каким образом повседневность встраивается в господствующий дискурс, каким смыслом наделяет бюрократические формулы и при помощи каких языковых игр меняет их значение для последующего использования в отношениях с властью. Одним из таких концептов является понятие «локального авторитета».

В центре внимания настоящего исследования находится проблема амбивалентности дискурсивной репрезентации Новосибирского Академгородка как места «силы и свободы», ассоциируемого с

технологическим прорывом и свободомыслием, с одной стороны, и как клона уже существующих наукополисов, с другой стороны. Эта амбивалентность усилена тем обстоятельством, что в анамнезе самого успешного постсоветского технопроекта, Сколково, уже лежит другой технополис, Стэнфорд (хотя более уместными представляются китайские аналоги). Новосибирский Академгородок видится из «центра» неким вторичным феноменом для менеджера, незнакомого с его прошлым и настоящим. Таким образом, исследование периферийных сообществ, способных отстаивать право на субъектность, артикулируя свой запрос на автономность аргументом «локального авторитета», не теряет своей актуальности. Эмпирическая база доклада опирается на собственные наблюдения и работы российских историков, Е.Г. Водичева, И.С. Кузнецова, В.С. Федорова, исследовавших этот феномен [1, 2, 4].

У де Серто нет прямого определения того, что именно он называет «локальным авторитетом», но примеры, которые он приводит, позволяют предположить, что это некий принцип, который превращает «аналитическое устройство» (например, шахматы) в «игру» по определенным правилам. Иначе говоря, «локальный порядок» диктует правила, в соответствии с которыми выполняет свою работу техносреда. «Он – изъян в системе, насыщающей место значениями (более того, сводящей его к этим значениям так, что в нем становится «невозможно дышать»). Что характерно, функционалистский тоталитаризм (и распланированные им игры и празднества) как раз стремится ликвидировать эти «локальные авторитеты», так как они компрометируют однозначность системы. Тоталитаризм атакует именно то, что он совершенно верно называет предрассудками: излишними смысловыми наслоениями, избыточными надстройками, которые, действуя в отношении прошлого или в поэтическом измерении, меняют часть территории, которую поборники технической рациональности, эффективности и окупаемости зарезервировали для своих нужд» [3, с. 35].

В современной системе управления наукой локальная идентичность Новосибирского Академгородка выглядит как некое излишество и даже «предрассудок» социальных агентов, идентифицирующих себя с местным сообществом. Агентами или акторами в социологии принято называть обладающих целеполаганием, здравым смыслом, осознающих личные и групповые и интересы, а также способных к осознанию общих интересов, мобилизации и коллективному действию субъектов, компетентных, рационально мыслящих, свободных. Использование же концепта аборигенной идентичности позволяет отразить идею принадлежности к некоему самоорганизующемуся сообществу, разделяющему ценности укорененности и представления о «свойстве» и «инаковости».

Без сомнения, жители Академгородка обладают каждым из трех обозначенных признаков, на что указывает в первом приближении их подчеркнутое обособление от жителей других районов Новосибирска и даже иных микрорайонов Советского района, сердцем которого является ННЦ. Быть частью данного сообщества означает не просто жить в Академгородке, но и быть аффилированным с определенными институциями, маркированными как «городковские»: Новосибирским государственным университетом, научно-исследовательскими институтами СО РАН, технопарком и т.п.

«Локальный авторитет» исследуемого сообщества восходит к памяти о хрущевской оттепели, одним из плодов которой стало создание Сибирского отделения РАН его «отцами-основателями»: М.А. Лаврентьевым, С.А. Христиановичем, С.Л. Соболевым. Вокруг этого факта в настоящее существует несколько мифологем, среди которых самыми принципиальными для идентичности местного сообщества являются следующие: 1) Академгородок как наукоград в сибирской тайге, где свершаются открытия мирового уровня; 2) место «силы и свободы» («Дело 46», бардовский фестиваль 1968 г., «Новосибирский манифест»); 3) принципиальная воспроизводимость в новых условиях «треугольника Лаврентьева» как объединяющего принципа соединении науки, образования и производства (инноваций).

Парадокс данного «локального авторитета» заключен в том, что продукт, создаваемый им, ориентирован, если можно так сказать, на потребителей за пределами самого сообщества. Проект «Академгородок 2.0» заявляет о себе как о проекте уровня мегасайенс, в котором глобальное сплетено с локальным, тренды мировой науки с реалиями отечественной науки, задачи развития страны с развитием Сибири. Казалось бы, остается только ждать прихода инвестиций, обновления материально технической базы научно-исследовательских институтов, появления новых людей и идей.

Столь высокие ставки чреваты серьезными рисками. Во-первых, экономические и технические предложения идут раньше идеологии Академгородка как объекта развития, раньше философии организации его среды. Во-вторых, недоверие сообщества к проекту, обусловленное обоснованными опасениями коммерциализации проекта, в частности, угрозой точечной застройки и разрушения существующей среды, формирует негативный общественный фон вокруг его реализации.

Происходящие в сфере научного менеджмента изменения, а именно, оценивание научных достижений посредством критериев, выработанных в недрах академического капитализма усилиями монополистов рынка научных публикаций, обесценивание академической свободы университетов в результате неолиберальной бюрократизации управления образованием, появление коррупционных схем, позволяющих застройщикам обходить законодательство в сфере охраны природы и историко-культурного наследия на территории ННЦ, приводят к глубокой фрустрации и росту социальной тревожности. Противостоять давлению внешних игроков, в первую очередь государства и рынка, будучи встроенным в систему, где более влиятельные структуры определяют правила игры, преследовать свои интересы возможно лишь имея мощные внутренние ресурсы.

Одним из таких ресурсов представляется «локальный авторитет», институционализированный в практиках коммеморации ННЦ [5]. Трудно оценить его вес в сравнении с другими факторами, однако можно надеяться на то, что этоn вопрос будет исследован в недалеком будущем.

В поле пересекающихся дискурсов, где под сомнением оказывается любая иерархия, возрастают риски от внедрения управленческих решений, игнорирующих особенности локальных условий человеческого развития. В особенной степени данный тезис важен в отношении пространственного развития Новосибирского Академгородка, чье сообщество создает общественное благо в виде институциональной среды, воспроизводящей знания и инновации, не имеющие пространственных границ.

Литература:

1. Водичев Е.Г. Всегда ли «понедельник начинается в субботу», или мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая: мифы // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 1 (35). С. 9-26.
2. Кузнецов И.С. Создание Новосибирского Академгородка в контексте «мобилизационной модели» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 10. С. 86-91.
3. Серто М. По городу пешком / Пер. с фр. А.А. Космарского / Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 24-38.
4. Федоров В.С. Академгородок и Стэнфорд: наука и производство в инновационных экосистемах 50-х — 70-х гг. XX **века // Философия науки. 2017. № 1 (72). С. 114-130.**
5. Шелегина О.Н., Куперштох Н.А., Запорожченко Г.М., Покровский Н.Н. Идентичность локальных научных сообществ (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 3. № 23. С. 117-122.

Формирование глобальных компетенций у студентов как ответ на вызовы «текучей модернити»

Иванова З.И.

Национально-исследовательский Московский государственный строительный университет, доцент кафедры доцент кафедры Социальных, психологических и правовых коммуникаций. Кандидат исторических наук

ivanovazi@mail.ru

Аннотация. В докладе автор опирается на концепцию «текучей модернити» современного политического философа и социолога З. Баумана. Как утверждает ученый, изменения в современном мире происходят так быстро, что знания и навыки быстро устаревают, предвидеть изменения становится почти невозможным. Данная ситуация требует «восстановления взаимной ответственности сообщества и индивидуума» за будущее, соответственно, формирования иных компетенций у студентов – глобальных, межкультурных, компетенций гражданственности и ответственности. Автор анализирует структуру глобальных компетенций и методы их формирования. Вывод: современное высшее образование, в частности, образование студентов-градостроителей, должно базироваться на интернационализации, тесном взаимодействии с профессионалами из разных стран и университетов, разработки совместных программ градостроительного проектирования в условиях изменения климата.

Ключевые слова: глобализация, изменение климата, градостроительное проектирование, интернационализация образования.

The formation of global competencies among students as an answer to the challenges of «liquid modernity».

Ivanova Z.I.

National research Moscow state University of civil engineering, Department of Social, Psychological and Legal Communications

Abstract: In the report, the author relies on the concept of “liquid modernity” by the modern political philosopher and sociologist Z. Bauman. Changes in the modern world occur so quickly that knowledge and skills quickly become obsolete, it becomes almost impossible to foresee them. This situation requires the “of mutual responsibility of the community and the individual responsibility” for the future, respectively, other competencies of students - global, intercultural, civil competencies. The author analyzes the structure of global competencies and methods of their formation. Conclusions: modern higher education, in particular, education of students-urban planners should be based on internationalization of education, connection with professionals from different countries and universities, development of joint programs of urban planning in the context of climate change.

Keywords: globalization, climate change, urban planning, internationalization of education

«Современный мир живет в условиях «неустойчивой» или «текучей» модернити, где изменение – единственная константа, а неизвестность – единственная определенность» [1, p. 186]. Эти слова современного польско-английского социолога Зигмунта Баумана как нельзя лучше характеризуют ситуацию, сложившуюся на планете к концу XX – началу XXI века. Современный мир лишен цели и одновременно далек и от конца истории. З. Бауман уверен, что «пункт назначения», к которому мы движемся, должен быть моделью глобального общества, глобальной экономики, глобальной политики, глобальной правовой системы.

Важными движущими силами современности являются технический прогресс, информатизация и цифровизация, растущая мобильность рабочей силы, которые определяют направления глобализации. Однако у процесса глобализации есть и негативные стороны: изменение климата, экологическая деградация территорий, локальные войны. Изменение климата сказывается на глобальном здоровье людей, вызывают серьезные экологические смещения. Внедрение технологий Smart city и Internet of things привело к возникновению нового парадокса современности – безопасности самих технологий обеспечения безопасности городской среды, благополучия и жизни горожан.

Можем ли мы снизить негативные эффекты глобальных проблем? З. Бауман утверждает, «будущее человечества (если у человечества действительно есть будущее) зависит от нашей готовности пытаться и от успешности этих попыток!» «Восстановление взаимной ответственности сообщества и индивидуума должно стать основополагающим принципом человеческого единения, главным мерилом человечности. Это необходимо, если мы хотим, чтобы изменения привели нас к излечению социальных недугов, лежащих в основе наших нынешних и будущих проблем» [1, p.197]. А эта задача состоит в радикальном изменении сегодняшнего образа жизни на индивидуальном и общественном уровне.

Кто эти «мы», которые способны сформировать глобальное общество и глобальную политику? Это – студенты, в частности, будущие специалисты в сфере строительства, градостроительства, архитектуры.

Устойчивая городская среда – экологически, информационно и социально безопасная среда, в которой люди чувствуют себя комфортно, уверенно, спокойно. Следовательно, в условиях, когда город испытывает на себе все последствия глобальных проблем, обеспечить устойчивое развитие города сложно. Сегодня разрабатываются индексы качества городской среды, которые предусматривают экологическую, цифровую, социальную безопасность для человека, иначе, комплекс взаимосвязанных проблем с глобальным планетарным охватом. Поэтому глобальные компетенции остро необходимы будущим специалистам для решения нарастающих проблем, а также для подготовки к будущему глобальному обществу. Компетентные в глобальном масштабе студенты должны обладать знаниями, навыками, которые позволят людям из разных стран договориться друг с другом по поводу решения общих проблем.

В настоящее время российскими и европейскими исследователями ведется разработка структуры глобальных компетенций как ответа на современные глобальные вызовы ([2], [3]):

1) знание современных глобальных проблем: последствий массовой миграции, проблем неравенства и бедности, изменения климата, негативных эффектов роботизации, цифровизации и другие;

2) понимание взаимосвязей между проблемами, системами, тенденциями современного мира;

3) способность мыслить критически, подойти к решению проблем глобального характера с позиции междисциплинарности;

4) формирование навыков межкультурного взаимодействия на основе осознания, что религиозные, этнические, расовые и иные различия могут оказывать влияние на восприятие, взгляды, поведенческие реакции;

5) формирование компетенций гражданственности, личной и групповой ответственности.

Необходим также поиск адекватных методов формирования глобальных компетенций. И. Лианаки-Дедули и Ж. Плоуин, (исследователи из Греции и Франции) разрабатывают методологию образования, ориентированную на формирование культуры мира и воспитание глобальной гражданственности. Такие методологии, как причинно-следственный анализ, игра Саркара, планирование трансформационного сценария и основы грамотности будущего помогут лучше понять макроисторию и структурированную форму будущего. Эти 4 методологии, разработанные авторами, ориентированы на долгосрочные перспективы и должны быть продвинуты через национальные, культурные, этнические границы [4].

Мы не можем знать, что именно произойдет в будущем, можем только предполагать что-либо, исходя из анализа имеющихся тенденций. «Самая важная черта современного периода состоит в ненаправленности перемен, - утверждает З. Бауман, - Сегодня, как никогда, сложно сказать о том, что происходящие перемены имеют какое-то заранее определенное направление, они застают нас врасплох, мы их не ожидаем и не предвидим» [5]. Профессиональные навыки, полученные в вузе, изменятся прежде, чем выпускники их начнут применять [6]. Поэтому важнее не давать знания как непреложные, а учить студентов учиться, взаимодействовать с профессионалами из суперсовременных областей разных стран и университетов, работать над совместными исследовательскими проектами. Совместная жизнь в мире требует способности учиться вместе и ориентироваться во множестве культур, а также во множестве будущего. Глобальное обучение – это совместное обучение [7, p. 17]. Например, совместная

европейская программа Climate ADAPT о выработке единой политики адаптации городов к последствиям изменения климата направлена на улучшение знаний и навыков в области городского планирования, организацию семинаров и обмен учебными и коммуникационными материалами в Интернете [8]. Работать умнее и экологичнее можно в глобальной проектной команде через интернет-платформы. И здесь возможно формирование межкультурных, коллективных и индивидуальных компетенций. А результатом может стать сокращение количества поездок и, соответственно, меньшая загрязненность авиалиний, сохранение климата, отсутствие дорожного стресса и больше профессиональной работы [9, p. 1441].

Литература:

1. Z. Bauman. Re-create the social state // 22 Ideas to Fix the World: Conversations with the World's Foremost Thinkers. by editors Piotr Dutkiewicz and Richard Sakwa. NYU Press. New York & London, 2014. P. 186-201.
2. Cascio W. F., J. Boudreau W. The search for global competence: From international HR to talent management // Journal of World Business, 2016, vol. 51, Issue 1, pp. 103-114.
3. Коваль Т.В., Дюкова С.Е. Глобальные компетенции — новый компонент функциональной грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 4 (61). С. 112–123.
4. Lianaki-Dedouli I. and Plouin J. Bridging anticipation skills and intercultural competences as a means to reinforce the capacity of global citizens for learning to learn together // Future, 2017,vol. 94, pp. 45-58.
5. Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года. URL: https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/
6. Десницкий А. Неоконченное высшее // Газета.ru, https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/12943315.shtml
7. Smith S.H., Paracka D.J. Global learning is shared learning: Interdisciplinary intercultural competence at a comprehensive regional university // International Journal of Intercultural Relations, 2018, vol. 63. Pp. 17-26.
8. Climate ADAPT. Cities and towns. https://climate-adapt.eea.europa.eu/countries-regions/cities
9. Olaisen J and Revang O. Working smarter and greener: Collaborative knowledge sharing in virtual global project teams // International Journal of Information Management. 2017, vol. 37, Issue 1, Part A. Pp. 1441-1448.

Гуманитарные риски «умного города»

Кривых Е. Г.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, профессор кафедры истории и философии. Кандидат философских наук

preciso@bk.ru

Аннотация. Опыт создания умных городов поставил вопрос о выработке новых механизмов контроля и адаптации интеллектуальных технологий, придания им социального вектора развития. Автор статьи представляет возможные риски технократического проекта умного города. Одним из наиболее важных аспектов является сохранение историко-культурной основы города. Рассматривается взаимодействие идентичности городской среды и формирования идентичности личности. В изменениях городской среды необходимо раскрытие таких свойств территории, которые направлены на осознание ее ценности для отдельной личности, определенной социальной группы. Понятие «протеевской» идентичности, основанной на идее вариативности Я, обусловлено масштабностью воздействия на личность информационных потоков, актуальностью в ее жизненном горизонте виртуальных миров. Автор считает, что для гуманизации технологической среды умного города эффективно обращение к традиционным и структурообразующим образам городской среды.

Ключевые слова: умный город, технократический проект, социокультурная система, городская среда, идентичность.

Humanitarian risks of smart city.

Krivykh E. G.

National research Moscow state University of civil engineering, Department of History & Philosophy

Abstract. The experience of creating smart cities has raised the question of developing new mechanisms for monitoring and adapting intelligent technologies, giving them a social development vector. The author of the article presents the possible risks of the technocratic project of smart city. One of the most important aspects is the preservation of the historical and cultural foundation of the city. The interaction of urban environment identity and the formation of personality identity is considered. Changes in urban environment require the disclosure of such properties of the territory which are aimed at realizing its value to the individual and a certain social group. The concept of "Proteus" identity based on the idea of the variability of the I is due to the scale of the impact on the personality of information flows, relevance in its life horizon of virtual worlds. The author believes that in order to humanize the technological environment of a smart city, it is effective to appeal to traditional and structural images of the urban environment.

Keywords: smart city, technocratic project, sociocultural system, urban environment, identity.

Концепция «Умного города» к сегодняшнему дню прошла несколько стадий своего развития и получила практическое воплощение в создании новых городов в ранее не заселенных пространствах. Опыт развития таких городов как Сонгдо (Южная Корея), Масдар (ОАЭ), Палава (Индия), Иннополис в России поставил вопрос о выработке новых механизмов контроля и адаптации интеллектуальных технологий, придания им социального вектора развития. Новые отстроенные умные города обозначили в опыте своего существования проблемы этого технократического проекта.

В первую очередь это высокая стоимость технологической основы умного города, а также девайсов, которые обеспечивают качество жизни в этой среде. «Цифровой разрыв» - это реальность, которая способствует усугублению социального неравенства. Актуальными являются проблемы кибербезопасности в функционировании городской инфраструктуры и сохранения личностной конфиденциальной информации. Сформировался запрос на наполнение проекта определенным ценностным содержанием, личностно-ориентированными смыслами для людей, проживающих в этих городах. Проявилось

движение от первоочередной задачи внедрения интеллектуальных систем и технологий к задаче создания умного антропоцентричного города [1]. Особое значение приобретают гуманитарные технологии, отвечающие потребностям индивидуализации социальной среды, применения «мягких» технологий проектирования, соответствия экологическим параметрам в создании новых технических систем. Гуманитарные технологии ориентируют на создание «человекоразмерных» конструируемых объектов.

Классик социологии Н.Луман говорил, что понятие риска указывает на будущее. В этом смысле осознание всех возможных перспектив и аспектов развития технологического проекта «Умный город» является актуальной задачей социогуманитарного знания. Проект Умный город раскрывается как интеграция физических и цифровых систем в технологических решениях с целью оптимизации работы подсистем и городских служб в системной целостности города, увеличения уровня комфорта и равноправного доступа к технологиям для всех граждан. Особенностью этого комплекса является *способность взаимопроникновения* и усиления кооперативного эффекта в развертывании технологических решений, которые способны вызывать эффекты самоорганизации социокультурных систем без возможности точного прогнозирования последствий. Новая высокоэффективная городская среда оказывает воздействие на жителей города независимо от их предпочтений.

С позиции философского подхода к исследованию цифровой социальной среды следует обратить внимание на сохранение историко-культурной основы города. Известный российский урбанист В.Глазычев писал о ностальгически переживаемой ценности исторического центра города как «исчезающего» объекта. Эстетический стиль традиционного города находил свое выражение в классических элементах городской структуры, выступавших своего рода «паттернами», порождающими ценностные смыслы в обретении горожанами своей культурной среды. Образ города, сформировавшийся в истории, противостоит «умным городам», созданным с нуля на новом месте, как своего рода пустым «вместилищам» технологий. Главная проблема, с которой столкнулись разработчики проекта, - незаселенность жилых и офисных помещений. Эти новые города не являются привлекательным для населения.

В развитии проекта «умный город» был предложен новый более эффективный вариант: преобразование с помощью интеллектуальных технологий исторических культурных центров, так называемых мировых городов. В процессе такого преобразования находится Москва. Отмечается, что готовность Москвы к статусу умного города составляет 53%. Развитие этих процессов во многих исторически и культурно значимых городах Европы убедительно показывает, что *технологическая модернизация не означает становление глобально и однозначно определяемого урбанизированного пространства. Проявился запрос на индивидуализацию компетенций и привлекательность уникальных городов* [2], что привлекает внимание к специфическим устойчивым и исторически определенным культурным кодам развивающихся пространств.

Социальное значение приобретает проблема идентичности городской среды, ее связи с формированием идентичности личности. Понятие идентичности определяется как осознание себя в качестве единой, цельной личности с последовательным Я [3, с.192]. Акцент делается на целостность структуры личности, ее самотождественность, что традиционно представлялось стержнем понимания личности в классической западноевропейской культуре. В формировании идентичности важным фактором является воздействие внешних социальных факторов. В изменениях городской среды необходимо раскрытие таких свойств территории, которые направлены на осознание ее ценности для отдельной личности, определенной социальной группы. В центре внимания - взаимодействие пространственно-временных параметров социального бытия и новых социальных практик.

Формируемый в умном городе стиль жизни ведет к потере пространственной идентичности вследствие возникновения новых культурных кодов. В традиционном городе горожане выстраивают свое отношение к тем или иным местам, используя два основных ценностных ориентира. Коллективное, публичное начало, определяемое центром города, и индивидуальное начало - персональный мир человека. В социальном мире умного города работает принцип кластеризации социокультурного пространства, когда личность постоянно и свободно обращается к различным формам культурного опыта в режиме сетевой коммуникации. Широкое распространение получают транснациональные социальные практики, ориентированные на идеологию потребительства. Идентификация личности осуществляется в культурном пространстве, лишенном системности. Актуализируется понятие «протеевской» идентичности, основанной на идее вариативности Я, многогранности, изменчивости личности. Среди комплекса причин, обусловивших появление протеевского Я, важнейшими являются масштабность воздействия на личность современных информационных потоков, значимости в ее жизненном горизонте виртуальных миров, распространение идеологии либерализма, размывающей консервативную систему ценностей.

Городская идентичность является важнейшей частью социальной идентичности. В практике развития городской среды умного города важно транслировать традиционные социокультурные коды, стимулирующие формирование целостного самоощущения горожан средствами градостроительной деятельности. Это означает, что эффективно обращение к наиболее значимым и структурообразующим образам городской среды. Элементы сталинского ампира в новой московской архитектуре, возвращение образа Реки как системообразующего элемента городских ансамблей, создание реперных высоких точек для обзора целостной панорамы города, воссоздание устройства традиционных московских парков в общественных пространствах. Собственно, история преображения Москвы на платформе информационно-коммуникативных технологий началась с переформатирования общественного пространства Парка Горького.

Повседневная жизнь индивида обусловлена ориентациями на «другого». Подтверждение в существовании Другого реализуется в контексте городской среды и может быть представлено взаимодействием с городскими сообществами, основными местами формирования которых традиционно являются общественные пространства. В российском культурном ландшафте, как отмечают социологи, городские сообщества, субкультуры не представлены ярко и значимо. Эта особенность имеет исторические корни и обусловлена коллективистским типом сознания в российской культуре. В современной урбанистической практике одна из функций общественных пространств нового типа заключается в моделировании общественной идентичности, создания пространства социального взаимодействия на новой технологической основе сетевой коммуникации, практики производства, распространения и потребления визуальных образов городского пространства. Активно развиваются исследования, посвященные феномену селфи как «базовому довербальному языку коммуникации, который используется людьми для репрезентации собственного присутствия в социомедийной реальности и конструирования идентичности, а также служат возможным набором социальных сигналов-симптомов» [4].

Многообразная визуальная среда выступает как стимул развития мироощущения горожанина, благоприятная среда взаимодействия знания, пространства и города.

Литература:

1. Stimmel Carol L. Building Smart Cities. Analytics, ICT and Design Thinking. NY, CRC Press is an imprint of Taylor & Francis Group, 2016. 283 p.
2. Маттизен У. Собственная логика городских ландшафтов знания // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике / Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С.117-192.
3. Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 256 с.
4. Мартынов К. СЕЛФИ: между демократизацией медиа и self-коммодификацией // Логос. №4 (100). 2014. С.73-86.

Москва – центр концентрации власти и капитала в России

Кулагина А.С.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, студентка

anya.k.11@yandex.ru

Аннотация. Москва является столицей нашей Родины на протяжении длительного времени, за исключением периода, когда столицей был Санкт-Петербург (в 1914-1918 гг. – Петроград). Общей причиной роста и расцвета поочередно двух столиц (южной и северной) были централизация власти и концентрация капитала. Несмотря на то, что советское государство стремилось равномерно развивать все республики, края и области, Москва по качеству и уровню жизни находилась на первом месте. Существенно все изменилось в постсоветский период. Современная Москва, являясь центром власти и капитала России, находится на пике успеха и процветания за счет остальных российских регионов. При этом дистанция между Москвой с Подмосковьем и другими регионами России продолжает увеличиваться. Однако за этим внешним благополучием Москвы скрываются серьезные проблемы. Развитие Москвы, на самом деле, является диалектическим процессом.

Ключевые слова: Москва, Россия, столица, население, территория, централизация власти, концентрация капитала.

Moscow is the Center of Concentration of Power and Capital in Russia.

Kulagina A.S.

National research Moscow state University of civil engineering

Abstract. Moscow has been the capital of our country for a long time, except for the period when St. Petersburg was the capital (in 1914-1918 Petrograd). The common reason for the growth and prosperity of the two capitals in turn (Southern and Northern) was the centralization of power and the concentration of capital. Despite the fact that the Soviet state tried to develop all the republics, territories and regions evenly, Moscow was in the first place in terms of quality and standard of living. Everything changed significantly in the post-Soviet period. Modern Moscow, being the center of power and the capital of Russia, is at the peak of success and prosperity at the expense of other Russian regions. At the same time, the distance between Moscow and the Moscow region and other regions of Russia continues to increase. However, this external well-being of Moscow hides serious problems. The development of Moscow is actually a dialectical process.

Keywords: Moscow, Russia, capital, population, territory, centralization of power, concentration of capital.

В централизованных государствах население, как правило, стремится переселиться в столицу. Главными причинами являются концентрация власти и денег в столичных городах, которые как магнит притягивают к себе людей. Москва, столица нашей Родины, является ярким тому примером.

Когда Петр I перенес столицу в новый город Санкт-Петербург, построенный на Неве, Москва утратила былую значимость. Согласно переписи 1897 г., численность населения в новой столице (1264900 человек) превышала численность населения прежней столицы (1038600 человек) [1]. До возвращения статуса столицы В.И. Лениным в 1918 г. Москва была хотя и крупным, но все-таки провинциальным городом. Опережающий рост населения столичного Санкт-Петербурга (в 1914-1918 гг. – Петрограда) как раз свидетельствовал о его роли как центра России, в котором уже в конце 19 в. сосредоточились главные политические, экономические, социальные и культурные ценности.

Возвращение столицы в Москву снова сделало ее центром притяжения. Согласно последней переписи населения СССР, в Москве проживало 8967000 человек, а в Ленинграде, бывшем Санкт-Петербурге и Петрограде, – 5024000 [2, с. 22-23].

Население Москвы в советский период могло расти быстрее, если бы концентрация власти и денег была более высокой и не существовало административных барьеров. Советское унитарное государство, однако, пусть в незначительной степени, но все-таки учитывало интересы союзных республик и национальных районов, передавая им часть полномочий. В еще большей степени перераспределялись финансовые средства в пользу республик. Несмотря на то, что советское государство стремилось равномерно развивать все республики, края и области, Москва по уровню жизни и социального обеспечения оставалась впереди, особенно на фоне близлежащих городов, жители которых массово ехали в столицу за товарами (бытовой техникой, одеждой, продуктами). Советские люди в шутку говорили: «Коммунизм в Кремле, развитой социализм в Москве, социализм – в СССР». Поскольку полностью одинаково высокий уровень жизни советское государство не могло создать на всей территории, а только лишь в Москве, то оно вынуждено было использовать административные механизмы для переезда людей на постоянное жительство в столицу, вводя разного рода ограничения (лимиты), дабы чрезмерно не увеличить ее численность.

Но практически все изменилось в постсоветский период истории. В течение последних двух десятилетий Москва значительно увеличилась в размерах, как вверх, так и вширь. В настоящее время столица нашей Родины является не только крупнейшим по численности населения городом России (более 12 млн. человек), но и входит в первую десятку (седьмое место) городов мира по этому показателю. По площади, равной 2562 км², Москва занимает 6-е место среди крупнейших городов мира, то есть территория Москвы увеличилась в результате реализации проекта в 2,39 раза. Площадь Москвы в пределах МКАД составляет около 900 км² [3].

Современная Москва находится на пике успеха и процветания, в особенности на фоне всей остальной нашей страны, где многие города и регионы находятся в перманентном финансовом кризисе и испытывают большую нехватку денежных средств [4]. В Москве в настоящее время сосредоточено примерно 80% финансовых средств всей страны и потому имеются возможности запускать в столице один за другим разные циклопические проекты. Благодаря этому ударными темпами возводятся многоэтажные офисные и торгово-развлекательные здания, в частности, построены новый деловой центр – «Москва-Сити», элитные (преимущественно для богатых) жилые дома и спальные районы для всех других, спортивные сооружения, сеть общественного транспорта и многое другое.

Использование новых строительных технологий и материалов сделало Москву более красивой и привлекательной. Так, например, стали более разнообразными архитектурные формы, значительно расширилась цветовая гамма зданий и сооружений. В целом, Москва, можно сказать, в своем развитии добилась больших успехов, ее бюджет не испытывает нехватку денег, и многим кажется, что столица будет непрерывно хорошеть, расти вглубь, вширь и ввысь и что так будет всегда [5].

Однако за этим внешним благополучием скрываются серьезные проблемы. Развитие Москвы, на самом деле, является диалектическим процессом, у которого есть обратная, отрицательная сторона. «Строительный бум» имеет ряд негативных последствий: значительно возрастает плотность застройки и населения, увеличивается количество автомобилей, растет загрязненность воздуха, умножается объем мусора и бытовых отходов, разрушается исторический облик города и сложившаяся городская среда (в частности, приказом Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ в 2010 г. Москва была лишена статуса исторического поселения) [6].

Москва, по сути, является в настоящее время центром концентрации власти и капитала и притяжения населения (государством в государстве, а москвичи – субэтносом). Народная мудрость задолго до сегодняшнего дня определила особый статус Москвы: «Москва у всей России под горой – в нее все катится»; «Москва людна и хлебна»; «В Москве хлеба не молотят, а больше нашего едят»; «Хороша Москва, да не дома»; «Мало быть гением, надо еще и жить в столице».

Дистанция между Москвой с Подмосковьем и другими регионами России продолжает увеличиваться по причине возрастания экономических, социальных, культурных и иных различий. Но никогда еще отрыв центральной агломерации от остальной России не был столь огромным.

Литература:

1. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Пространство, число наличного населения и плотность // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_01.php (дата входа: 07.02.2020).
2. Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР. Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.

3. Грачев М.Н., Попов С.И. Расширение границ Москвы: анализ альтернативных проектов и путей их реализации // Вестник РУДН. Серия Политология. 2014. №2. С. 13-30.
4. Бабарин М.С. Концентрация капитала в современной России: предпосылки, причины, возможные последствия // Проблемы современной экономики. 2009. №1. С. 78-89.
5. Рощин А. Сценарий катастрофы: что положит конец процветанию Москвы // URL: https://www.ridus.ru/news/312941 (дата входа: 06.01.2019).
6. Приказ Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. N 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» // URL: http://base.garant.ru/199389/ (дата входа 12.02.2020).

Реклама в символическом пространстве города

Мамедова Н.М.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, профессор кафедры истории и философии. Доктор философских наук

natmam_5@mail.ru

Аннотация: Роль рекламы в символическом пространстве города определяется тем, что она является самой демонстративной частью массовой культуры. Реклама усиливает характерные для урбанизации процессы смешения приватного и публичного вследствие открытой репрезентации интимно-личностных сторон человеческого существования в рекламном дискурсе. В статье показано, что в современной парадигме рекламы органично сочетаются утилитарные и эстетические компоненты. Эстетизация рекламы происходит в результате использования культурно-исторических аллюзий, игровых приемов, катарсических практик. Художественный образ в контексте рекламы приобретает дополнительные смыслы, отделяется от автора и культуры, его создавшей, и становится частью символического пространства города. В результате формируется своеобразная эстетика потребления, утверждаются новые поведенческие и ценностные паттерны. Реклама вследствие своей многозначности функционирует в культуре не только по законам рынка, но и как носитель определенных социокультурных ценностей.

Ключевые слова: реклама, артсреда, массовая культура, приватное, публичное, эстетизация, символическое пространство города.

Advertising in the symbolic space of the city.

Mamedova N. M.

Plekhanov Russian University of Economics, Department of History and Philosophy

Abstract. The role of advertising in the symbolic space of the city is determined by the fact that it is the most demonstrative part of mass culture. Advertising reinforces the processes of mixing private and public that are characteristic of urbanisation due to the open representation of the intimate and personal aspects of human existence in the advertising discourse. The article shows that the modern advertising paradigm organically combines utilitarian and aesthetic components. Advertising is aestheticized through the use of cultural and historical allusions, game techniques, and cathartic practices. The artistic image in the context of advertising acquires additional meanings, separates from the author and the culture that created it, and becomes part of the symbolic space of the city. As a result, a peculiar aesthetic of consumption is formed, new behavioral and value patterns are approved. Advertising, due to its ambiguity, functions in culture not only according to the laws of the market, but also as a carrier of certain socio-cultural values.

Keywords: advertising, art environment, mass culture, private, public, aestheticization, symbolic space of the city.

Символическое пространство города наполнено разнообразными процессами. Любой артефакт культурной среды выступает не только в ипостаси своего предметно-материального существования, но и как носитель символического значения, образуя семиосферу культуры. Артефакты существуют в культурном пространстве как вещи и как носители социально значимой информации. Реклама является неотъемлемой составляющей символического пространства города, воплощая оба аспекта артсреды. Реклама - это не только необходимый элемент маркетинга. В результате интеграции в различные социальные практики современной цивилизации реклама все больше вписывается в массовую культуру. Современные художественные практики интегрированы в рынок, подчиняются его законам и трансформируются в соответствии с требованиями рынка. Искусство становится средством формирования культуры потребления, а реклама выступает наиболее адаптивной частью массовой культуры. Массовая культура возникает на пересечении различных сфер - экономики, политики,

идеологии - и принимает на себя функции различных социальных институтов. Она становится основным средством социального регулирования и обмена культурным опытом в контексте глобальной урбанизации и разрушения традиционных социальных связей. Орбита ее влияния включает в себя различные аспекты человеческого существования: от идеологических предпочтений до стиля жилья, от одежды до форм близости. Массовая культура превращается в основной способ культуронаследования современной эпохи. Она переняла часть традиций классического реалистического искусства (простота и жизнеподобие) и часть функций религии, которая связана с гармонизацией психической жизни людей [1]. Во многом благодаря рекламе и массовой культуре в целом трансформируютя традиционные культурные паттерны.

Реклама оказывает амбивалентное влияние на городскую культуру. Так, реклама усиливает характерную для урбанизации тенденцию поведенческого и идеологического смешения приватного и публичного. В рекламном дискурсе происходит наложение приватных отношений на публичные. Как в мифологическом сознании происходит олицетворение рекламируемых товаров: вещам, предназначенным для продажи в публичном пространстве, приписываются психологические свойства. «Товарный фетишизм», массовое производство в целом ведут к унификации внешних форм и одновременно приписыванию материальной вещи атрибутов и коннотаций сокровенно-интимного мира личности. Система языка рекламы, обращенного к публике, превращается в форму открытой репрезентации внутреннего, потаенного, личностного. В результате разрушается граница между приватными чувствами и их публичной демонстрацией в новом порядке межличностных отношений [2]. Этот порядок допускает свободное проявление в области публичного того, что является личным чувством. Происходит эрозия публичной сферы, меняются способы выражения субъективности в социальных отношениях. Одним из ведущих трендов современного общества является усложнение структуры материального потребления и упрощение, снижение духовных запросов. Реклама как часть массовой культуры выступает своеобразным средством разрешения этой объективной противоречивости потребительства. Вследствие эволюции самой рекламной практики современная реклама предстает как сложный социокультурный феномен, органично сочетающий утилитарные и эстетические компоненты. Поэтому в современной постмодернистской культурной парадигме реклама выступает одним из способов преодоления противоречивости техногенной цивилизации, объединяя в своих артефактах прагматизм и начала творчества, духовности. Место рекламы в коммуникативном пространстве города определяется тем, что она является своеобразным центром массовой культуры.

Реклама – это не только самая демонстративная часть массовой культуры, но и её движущая сила, способ распространения «современного фольклора». Реклама приближается к массовой культуре в результате процессов эстетизации рекламного образа. Современная культура в целом отличается эстетизированностью, в выходе искусства за пределы традиционного существования, которое происходит в разных направлениях: дизайн, энвайронментальные практики модернизма, садово-парковое проектирование, мода, реклама [3]. В последние десятилетия реклама становится артефактом, который сочетает в себе коммерческие и художественные компоненты, функционируя как продукт массового тиражирования и потребления. Реклама ассимилирует образы как элитарного, так и народного искусства.

Одним из способов создания современной рекламы является включение в ее контекст образов мирового искусства и истории, смыслы которых преобразуются в семантике потребительства и гедонизма. Следуя за потребностями общества, реклама предлагает покупать не только товар или услугу, но и новые стандарты повседневного существования, конструируя в результате уникальную эстетику потребления. Для эстетизации рекламного образа используются различные изобразительно-выразительные средства, способы и приемы. Эстетизация рекламы, превращение ее в артефакт происходит по разным направлениям: использования игровых приемов, аллюзий, культурной символики и т. п. Применение культурных и исторических аллюзий является одним из самых распространенных приемов эстетизации рекламы [4]. Аллюзии как изобразительно-выразительный прием наделяют рекламный образ эстетической ценностью за счет отсылки или намека на известное произведение искусства, элемент культуры, факт или персоналию истории. Трансформация исходного культурного образа в результате аллюзии приводит к наделению рекламного текста эстетической ценностью. Полисемантичность рекламы достигается вследствие проекции элементов культурного образа на рекламный, что позволяет воспринимать рекламу в более широком семантическом контексте. В аллюзивной рекламе собираются воедино образы товаров, произведений искусства, исторические персоналии, формируется особая эстетика потребления с присущей ей зрелищностью, с элементами перформанса, вовлекающего потребителей в действо. Культурно-исторические аллюзии добавляют рекламному образу иронии, комичности, игры смыслов, подчеркивают при этом самоценность рекламного текста. Благодаря игровым приемам рекламируемый объект преображается, вокруг него создается особая атмосфера, которая оказывает подсознательное психологическое воздействие на потребителя. В рекламе отражаются не столько объективные свойства предметов, сколько их интерпретации. Игра как моделирующий компонент рекламного сообщения снижает уровень негативного восприятия рекламы аудиторией. Акцентирование эстетической составляющей различных видов рекламы придает символическому пространству культуры новые смыслы. Общекультурная тенденция перехода от вербального к визуальному усиливает роль рекламы как средства визуализации и трансляции новых ценностей в массы при помощи манипулирования образами произведений искусства. Такая стратегия, вероятно, постепенно приведет к некоторому сдвигу в общественной психологии от товарного фетишизма к более культурно значимым ценностям. Этим определяется роль эстетизации рекламы, занимающей значительное место в информационно-коммуникативном пространстве города.

Таким образом, рекламный текст в символическом пространстве современного города становится более открытым другим текстам, сообщаясь с ними через различные ссылки и интертекстуальные связи. Реклама использует многообразный культурный опыт для создания уникального образа. Подобная трансформация предполагает игровое использование образов искусства, характерное для постмодернизма в целом. Происходит утрата художественным образом оригинального культурного контекста, модификация образов высокого искусства в рекламном тексте. Художественный образ в результате таких преобразований приобретает дополнительные, а иногда и новые смыслы, отделяется от автора и культуры, его создавшей, и становится компонентом современной рекламы и символического пространства города. В рекламной практике органично используются разнообразные игровые и катарсические приемы, художественные и исторические аллюзии. Благодаря широкому спектру инструментов, заимствованных из различных эвристических практик: художественных, психологических, коммуникативных - реклама создает специфическую эстетику товара, своего рода «театр потребления», привнося новые значения в массовое культурное использование - значения, выходящие за рамки узкого прагматизма. Рекламный текст или изображение в силу своей многозначности начинает функционировать в культуре не только по законам рынка, но и как носитель определенных социокультурных ценностей. Как элемент массовой культуры реклама оказывает влияние на традиционные культурные коды, размывая границы приватного и публичного.

Литература:

1. Мамедова Н.М. Метаморфозы современной культуры // Социально-гуманитарные знания. 2017.№10. С.25-29.
2. Сеннет Р.Падение публичного человека. М.: «Логос», 2002. 424 с.
3. Мамедова Н.М., Гавриш В.Д., Скатерщикова А.В., Фомина А.С. Спорт в пространстве социальных практик современной цивилизации // 2018, № 1, с. 16-18.
4. Mamedova N.M., Bezveselnaya Z.V., Malakhova E.V., Kozmin V.S., Kornilova I.M., Savinchenko T.I.The modern paradigm of advertising in the light of sustainable business development |// Entrepreneurship and Sustainable Issues. 2019. Т.6. №4. С. 2110-2126.

Дальнейшее расширение Москвы или перенос столицы?

Мезенцев И.С.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, студент

mezentsev-ilya@inbox.ru

Аннотация. За градостроительными достижениями в развитии Москвы подчас остаются незамеченными серьезные проблемы. Во-первых, Москва не «резиновая», во-вторых, централизация власти и концентрация капитала не являются только лишь благом; в-третьих, миграция должна иметь пределы; в-четвертых, человейник не есть лучший способ организации столичного общества. Чтобы приостановить или прекратить процесс расширения территории и увеличения численности и плотности населения в столице, в различных странах поступали по-разному. Одни рядом со столицей выделяли новую территорию, другие переносили столицу в центр или в глубь страны. Расширение Москвы в юго-западную сторону за счет Московской области является ошибочным решением. В будущем неизбежно встанет остро вопрос о переносе столицы в восточную часть России. Идеальным вариантом был бы перенос столицы в Красноярск, поближе к географическому центру России. Такой перенос остановит миграцию населения в Московскую агломерацию и будет содействовать развитию Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Москва, «Новая Москва», территория, население, плотность населения, миграция, перенос столицы.

Further Expansion of Moscow or Transfer of the Capital?

Mezentsev I.S.

National research Moscow state University of civil engineering, Student

Abstract. Serious problems sometimes go unnoticed behind urban development achievements in Moscow. First, Moscow is not «rubber», second, the centralization of power and the concentration of capital are not only a good thing; third, migration has to have limits; and fourth, the people's anthill (similar to an anthill) is not the best way to organize the society of the capital. In order to suspend or to stop the process of the territory expanding and increasing the number and density of the population in the capital, different countries acted differently. Some of them allocated new territory near the capital, while others ones moved the capital in the center or into the interior of the country. The expansion of Moscow to the South-West at the expense of the Moscow region is an erroneous decision. In the future, the question of the moving of the capital into the Eastern part of Russia will inevitably arise. The ideal option would be to move the capital in Krasnoyarsk, closer to the geographical center of Russia. This transfer will stop the migration of the population to the Moscow agglomeration and will contribute to the development of Siberia and the Far East.

Keywords: Moscow, «New Moscow», territory, population, population density, migration, transfer of the capital.

За градостроительными достижениями в развитии современной Москвы мало кто сегодня видит проблемы, которые от этого никуда не исчезают и которые со временем лишь углубятся.

Во-первых, неправильно исходить из положения, что «Москва резиновая», что она может вместить неограниченное число жителей. Это невозможно осуществить даже в новых границах города, расширенных в 2012 г., с «Новой Москвой» (по аналогии с «Новым Дели»). Правда, во властных структурах чаще используется название «Большая Москва», по аналогии с «Большим Лондоном».

Со временем этого расширения станет недостаточно и придется отрывать от Московской области новые территории вплоть до присоединения к Москве всей Московской области, создания Московской агломерации, о чем разговор идет с 90-х гг. прошлого века. Идея объединения состоит в том, чтобы ликвидировать традиционную моноцентрическую структуру Московской агломерации, а также упорядочить градостроительство на объединенной территории. В настоящее время процветание «Новой Москвы» сдерживается слабой развитостью инфраструктуры и нехваткой имеющихся мощностей.

Выделение территории под «Новую Москву» вызвал неоднозначную реакцию у москвичей. По данным социологических опросов, большинство москвичей посчитали, что расширение Москвы выгодно только власти и бизнесу [1].

Во-вторых, неправильно исходить из того, что централизация власти и концентрация капитала в столице являются исключительно благом. Даже если это обосновывается необходимостью концентрации активов центральной властью для предотвращения центробежных устремлений региональных элит и перераспределением этих активов таким образом, чтобы у них не возникало желания создать собственное независимое государство [2]. Обратной стороной этого процесса стало чрезмерное сосредоточение в Москве государственной власти и капитала, что привело к значительной миграции населения как с остальной территории страны, так и из-за рубежа, в основном из Средней Азии и Закавказья. Мотивацией переселения людей в столицу является достаточно высокие качество и уровень жизни и близость к верховной власти, к многочисленной столичной бюрократии, к «царю». Это явно ненормальное явление. Для более-менее справедливого распределения властных полномочий между центром, регионами и местными органами власти необходима децентрализация. Для более-менее равномерного распределения капитала по всей стране необходимо рассредоточение капитала по регионам.

В-третьих, неправильно исходить из того, что миграция населения в Москву должна быть неограниченной. Дело в том, что невозможно считать абсолютно верным следующий аргумент: без мигрантов Москва не может развиваться. Согласно этому аргументу, процветание Москвы должно и дальше обеспечиваться преимущественно мигрантами-рабочими и мигрантами-покупателями московских офисов и квартир и благодаря мигрантам должна существенно увеличиваться численность населения Москвы. Однако в это же время во многих регионах в условиях снижения рождаемости и миграции население сокращается, и они постепенно приходят в упадок [3]. Кроме того, безудержная миграция неизбежно ведет к конфликтам с аборигенным населением на этнической, экономической, социальной, религиозной и культурной почве.

В-четвертых, неправильно исходить из того, что человейник не является разрушительной силой, так как он приносит большие деньги [4]. Примеры Японии или Китая не могут быть аргументами в пользу высокой плотности населения. Японцы и китайцы испокон веков живут на ограниченном пространстве и потому человейники вполне соответствуют их менталитету. Для менталитета россиян – это причина его преобразования. Впрочем, в истории мы не найдем ни один народ, который не претерпел бы никаких изменений. Современные греки, римляне, индусы, китайцы – это вовсе не те, древние, от которых остались одни названия. Аргументами также не могут быть утверждения о том, что Москву надо застроить 40-50-70-этажными домами, сделав ее подобием Нью-Йорка. Это нельзя делать потому, что в Москве нет прочных скальных пород, как в Нью-Йорке, а есть глинистые почвы, «плывуны» и карстовые пустоты. Не в пользу человейника и требования медицинского характера: для здоровья людей нужно больше солнечного света, свежего воздуха, чистой воды. Плотная и высотная застройка – это рассадник для болезней и эпидемий. Наглядный тому пример – распространение коронавируса (COVID-19) в китайских многомиллионных городах в 2020 г.

С подобными проблемами сталкивались ранее или имеют дело сейчас некоторые страны мира. В одних из них территория столицы расширялась (Нью-Дели), в других столица переносилась в другой город (Нур-Султан), в третьих для переноса столицы строился новый город (Бразилиа). Опыт этих стран показывает, что наиболее успешными вариантами являются переносы столицы в другой, уже существующий город или во вновь построенный город. Причем в обоих случаях речь идет о переносе столицы, как правило, в центр или в глубь страны. Такой перенос способствует развитию отдаленных регионов этих стран [5]. Расширение же территории Москвы в 2012 г. представляется неудачным способом, так как оно укрепило централизацию государственной власти и концентрацию капитала, усилило миграционные потоки и повысило плотность застройки и населения в столице. В будущем неизбежно встанет остро вопрос о переносе столицы в восточную часть России. В связи с тем, что географический центр России находится в Красноярском крае, идеальным вариантом переноса столицы является, на самом деле, город Красноярск, а не Новосибирск, Екатеринбург или какой-либо город в европейской части страны.

Россия за границами Московской агломерации может начать восприниматься внешними геополитическими игроками как свободное пространство с большими запасами природных ресурсов, которые

можно присвоить. Предпринимаемые попытки обжить малозаселенные и пустующие территории за счет миграции населения в Сибирь и на Дальний Восток практически безуспешны. «Дальневосточный гектар» внутренним мигрантам мало кому интересен. Нынешняя стратегия ведет к созданию, как минимум, двух стран, если не произойдет распада на более мелкие государственные образования: одной страны, Московии, почти с европейскими социальными стандартами и другой страны – страны с социальными стандартами стран «третьего мира». России крайне необходима новая стратегия социальной стратификации при достойном человеческой личности социальном стандарте. В связи с этим проблемы развития Москвы должны решаться системно, во взаимосвязи с развитием всей страны, а не отдельно, как сейчас.

Литература:

[1] Большинство москвичей считают, что расширение Москвы выгодно только власти и бизнесу // Новая газета. №75. 9 июля 2012 года.

[2] Власть и элиты / Гл. ред. А.В.Дука. Т. 1. СПб.: Интер социс, 2014. 455 с.

[3] Миграция населения в России по регионам: коэффициент и численность человек. Переезд в другой регион / область // URL: http://www.statdata.ru/migraciya-naseleniya-v-rossii-po-regionam (дата входа:10.02.2020).

[4] Как поднадстроить Россию. Многоэтажное жилое строительство приносит деньги, но не удобства // URL: https://www.kommersant.ru/doc/3990227 (дата входа: 08.02.2020).

[5] Тархов С.А. Переносы столиц // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0343/analit06.php (дата входа 29.01.2020).

Системные проблемы развития Москвы

Мезенцев С.Д.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, профессор кафедры истории и философии. Доктор философских наук

perevolochnoe@mail.ru

Аннотация. Развитие Москвы в XXI в. имеет противоречивый характер. Главными причинами этого являются централизация государственной власти и концентрация капитала, уходящие в глубокое прошлое становления и укрепления Московской Руси. С тех пор, за исключением периода, когда столицей России был Санкт-Петербург (с 1914 г. по 1918 г. – Петроград), в основном в Москве сконцентрированы государственная власть и капитал, которые предопределяли ранее и сегодня определяют ее развитие. Сосредоточение в Москве государственной власти приводит к росту бюрократического аппарата и концентрации капитала. Централизация власти и концентрация капитала в настоящее время являются основой процветания Москвы, выражающееся не только в более высоком качестве и уровне жизни ее жителей, но и в большом количестве строящегося жилья, других объектов инфраструктуры. Это стимулирует миграцию населения в Москву и Подмосковье из других регионов России, а также из Средней Азии и Закавказья. Именно за счет миграции населения существенно растет численность и плотность населения, в результате чего Москва становится человейником.

Ключевые слова: Москва, централизация власти, чиновники, концентрация капитала, миграция, прирост населения, человейник.

Systemic Problems of Moscow's Development.

Mezentsev S.D.

National research Moscow state University of civil engineering, Department of History & Philosophy

Abstract. The development of Moscow in the XXI century is controversial. The main reasons for this are the centralization of state power and the concentration of capital, which go back to the deep past of the formation and strengthening of Moscow Russia. Since then, with the exception of the period when the capital of Russia was St. Petersburg (from 1914 to 1918 – Petrograd), Moscow has mainly concentrated state power and capital, which previously predetermined and today determine its development. The concentration of state power in Moscow leads to an increase in the bureaucratic apparatus and the concentration of capital. Centralization of power and concentration of capital are currently the basis of Moscow's prosperity, which is reflected not only in the higher quality and standard of living of its residents, but also in a large number of housing and other infrastructure facilities under construction. This encourages migration to Moscow and the Moscow region from other regions of Russia, as well as from Central Asia and Transcaucasia. It is due to the migration of the population that the number and density of the population increases significantly, as a result of which Moscow becomes a manhill (similar to an anthill).

Keywords: Moscow, centralization of power, officials, concentration of capital, migration, population increase, manhill.

Развитие Москвы в XXI в. двояко: с одной стороны, мы имеем дело с ее процветанием, а с другой – с проблемами системного характера. Главными причинами того и другого являются централизация государственной власти и концентрация капитала в столице.

Централизация власти в России своими корнями уходит в далекое прошлое, в период становления Московской Руси. В борьбе за независимость русский народ нашел тогда спасение в сильной централизованной политической власти, считая, что это единственный путь выживания среди враждебных государств [1, с. 5-40].

С тех пор, за исключением периода, когда столицей российского государства являлся Санкт-

Петербург (в 1914 г. переименован в Петроград), все органы государственной власти России были сконцентрированы в Москве. Как часто имело место в истории, так и в настоящее время немногие важные вопросы жизни и деятельности людей можно решить в региональных и муниципальных органах власти, поскольку «вертикалью власти» они весьма ограничены в своих полномочиях и финансовых средствах.

После распада СССР численность чиновников в России и, следовательно, в Москве увеличилась и продолжает расти. В СССР на пике его развития было 73 чиновника на 10 тыс. человек, а в 2014 г. в России уже было 102 [2]. При этом следует отметить, что численность населения в современной России в два раза меньше, чем в СССР в 1991 г.

В наше время чиновничество стало достаточно многочисленной социальной группой (примерно 3,3% от общего числа работающих) со своими целями, мотивами и интересами. Причем чиновничество имеет более высокий уровень доходов по сравнению со средним уровнем доходов по стране. Особенно высокий уровень доходов у федеральных чиновников. Практически все предпринимаемые попытки сократить количество чиновников наталкиваются на противодействие, а то и сопротивление с их стороны.

Работа во властных структурах позволяет чиновникам достаточно легко приобретать собственность, используя как легальные способы (получение высокой заработной платы и пенсий, субсидий), так и нелегальные (казнокрадство, взяточничество). В силу этих и других обстоятельств представители бизнес-структур заинтересованы вынуждены иметь тесные связи с чиновниками, а еще лучше – с чиновниками высшего ранга. Следствием централизации государственной власти в Москве является в итоге концентрация в столице примерно 80% российского капитала.

Концентрация власти и капитала стала основой процветания Москвы, выражающееся не только в более высоком качестве и уровне жизни ее жителей, но и в большом количестве строящегося жилья, других объектов инфраструктуры. Оценочными суждениями типа «Москва хорошеет», «Москва становится краше» сегодня пестрят заголовки многих печатных и электронных СМИ. Но это лишь внешняя, легко видимая, фотографируемая сторона, за которой скрываются глубинные процессы и явления, системные проблемы, отнюдь не радужные на самом деле.

Главной системной проблемой является миграционная [3]. Москва превращается в город мигрантов. Мигранты меняют этнический, социальный и религиозный состав населения столицы, культуру ее жителей. То же самое касается и близлежащего региона – Московской области. Миграция – это ответ как иностранных, так и российских граждан на концентрацию власти и капитала в столице. Это естественная реакция людей. Ибо, как гласит народная мудрость, «рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Особое место в процессе миграции занимает внутренняя миграция, приводящая к дисбалансу в развитии России: к процветанию отдельных регионов, прежде всего, Москвы и загниванию остальных. По сути, речь идет о тенденции «съёживания» России до границ Москвы и Московской области. Принятое в 2011 году решение о масштабном расширении территории Москвы до границы с Калужской областью лишь усилило миграционные настроения жителей многих регионов страны, придало им новые импульсы переезда в столицу и Подмосковье. Дальнейшее развитие Москвы в таком же духе в еще большей степени приведет к диспропорциям между столицей и Подмосковьем, с одной стороны, и остальной Россией – с другой. По федеральным округам миграционный прирост происходит только в Центральном, Северо-Западном и Южном округах, а в остальных – убыль. Такого явления ранее не было в истории нашей страны.

Миграционный прирост населения (чел.)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Москва	45100	90980	94364	57894	99823	22156	98718	98 763
Московская область	91252	88760	82416	89728	66818	83332	68263	105 479

Естественный прирост населения (чел.)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Москва	12683	17184	19820	20192	20436	21629	14923	11768
Московская область	-22327	-16551	-13556	-9348	355	1239	-2839	-10168

При этом прирост населения в Москве в 2011-2018 гг. происходил преимущественно за счет миграции, а в Московской области практически полностью благодаря миграции из других регионов России, а также преимущественно из Средней Азии и Закавказья, а не естественного прироста [4].

Второй системной проблемой является значительное увеличение плотности населения в столице вследствие массового строительства многоэтажных домов. Москва становится одним большим человейником [5]. Это неизбежно изменит культуру и менталитет столичных жителей [6]. Дело в том, что человейник формирует ограниченность и замкнутость пространства, космополитизм, индивидуализм, постмодернистское мировоззрение. В нем нет места природному, национальному и традиционному. Человейник, в конечном итоге, уничтожит культуру и менталитет русских людей и нерусских народов, которые веками формировались на бескрайних и малозаселенных просторах Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. Наряду с этим, увеличение численности и возрастание плотности населения усугубляет транспортную проблему (в частности, рост числа машин затрудняет устранение автомобильных пробок и обеспечение необходимым количеством парковочных мест), экологическую ситуацию (тот же рост числа машин повышает уровень загрязнения воздуха) и психологическое состояние жителей и гостей столицы (суета, стрессы и т.п.).

Обе указанные системные проблемы взаимосвязаны и фактически являются двумя сторонами одной медали. По этой причине их решение возможно только во взаимосвязи.

Литература:

1. Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема / Отв. ред. В.Н.Шевченко. М.: ИФ РАН, 2006. 152 с.
2. Соколов А., Терентьев И. Исследование РБК: сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают // URL: https://www.rbc.ru/politics/17/05/2019/5cd9923e9a79472d33381269 (дата входа: 10.02.2020).
3. Федеральная служба государственной статистики // URL: https://showdata.gks.ru/report/276654/ (дата входа: 12.02.2020).
4. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации. https://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/edn12-18.htm (дата входа: 12.02.2020).
5. Бетонный ад: почему «человейники» расползаются по Москве // URL: https://finance.rambler.ru/realty/41976379-betonnyy-ad-pochemu-cheloveyniki-raspolzayutsya-po-moskve/ (дата входа 08.02.2020).
6. Почему многоэтажки – это тупик для России // URL: https://varlamov.ru/3795997.html (дата входа: 19.02.2020).

Города Северной Евразии и восточный поворот России

Николаева Т.А.

Тихоокеанский государственный университет, доцент кафедры философии и культурологии. Кандидат философских наук

tatyana77-07_77@mail.ru

Аннотация: Доклад посвящен особенностям самоописания городов Северной Евразии, возникающим в связи с дистанцированием от Европы, переориентацией на Восток. Важнейшим из элементов, детерминирующих саму возможность появления современных городов на гигантском пространстве Северной Евразии, выступает дискурс самоописания, связанный с идеями построения «европейского общества». Именно в нем присутствие городов, как центров промышленной, интеллектуальной и иной деловой и социальной активности, является необходимым, «структурообразующим» конструктом. Особенно это значимо для городов Восточной части страны, чье возникновение и существование в значительной степени были детерминированы не столько местной активностью, сколько активностью власти. В докладе будет предпринята попытка описать трансформацию, которая протекает в городах региона в связи с процессом, обозначенным политическим конструктом «поворот к Востоку».

Ключевые слова: город, Северная Евразия, поворот к Востоку, модернизация, трансформация, дискурс самоописания.

Cities of Northern Eurasia and the Eastern Turn of Russia.

Nikolaeva T.A.

Pacific National University, Department of Philosophy and Cultural Studies

Abstract: The report is devoted to the features of self-description of the cities of Northern Eurasia, arising in connection with distance from Europe, reorientation to the East. The most important element that determines the very possibility of the appearance of modern cities in the gigantic expanse of Northern Eurasia is the self-description discourse associated with the ideas of building a “European society”. It is in it that the presence of cities, as centers of industrial, intellectual, and other business and social activity, is a necessary, “structure-forming” construct. This is especially significant for cities in the eastern part of the country, whose emergence and existence were largely determined not so much by local activity as by the activity of the authorities. The report will attempt to describe the transformation that is taking place in the cities of the region in connection with the process indicated by the political construct “turn to the East”.

Keywords: city, Northern Eurasia, turn to the East, modernization, transformation, self-description discourse.

Одним из важнейших элементов, детерминирующих саму возможность появления современных городов на гигантском пространстве Северной Евразии выступает дискурс самоописания, связанный с идеями построения «европейского общества». Именно в нем присутствие городов, как центров промышленной, интеллектуальной и иной деловой и социальной активности, является необходимым, «структурообразующим» конструктом. Особенно это значимо для городов Восточной части страны, чье возникновение и существование в значительной степени были детерминированы не столько местной активностью, сколько активностью власти. Есть ли специфика, которую вносит в бытие городов, фундаментальный пространственный перенос смыслов, обозначенный политическим термином «поворот на Восток»?

О том, что Россия – европейская держава писали так часто и говорили столь громко, что невольно возникло искушение в этом усомниться. Особенно, если вспомнить, что более трех четвертей территории страны находится в Азии. Да и принимают в Европе Россию скорее не как родную сестру, но как двоюродную. В период, когда Европа процветала, а Азия оставалась глухой мировой периферией, вариант «восточного развития», попытка которого впервые предпринималась в конце XIX века, был не более, чем политической экзотикой, лишенной экономического смысла. Отсюда колебания и нерешительность в восточной политике Санкт-Петербурга, приведшие к позору Русско-Японской войны.

Сегодня ситуация иная. Европу лихорадит. Причем, впечатления, что больной идет на поправку, не создается. Исландия, Греция, Испания и Португалия все глубже увязают в пучине кризиса. На очереди Италия и Словакия. В этих условиях попытка решить проблемы «родных» за счет «двоюродных» не могла не возникнуть. Смысл прост – заставить Россию снизить цены на энергоносители за счет всех мыслимых инструментов. Более того, все попытки нашей страны закрепиться в каком-либо секторе, кроме поставки энергоресурсов, впрочем, не особенно уверенные, гасятся на корню. Ситуация вполне устраивает Европу. Но устраивает ли она Россию? Все большее распространение получает мнение, что на жестко структурированном европейском рынке для России места попросту не находится. Здесь и всплывает «восточное направление». Рынок АТР на сегодня намного больше европейского, гораздо более динамично развивается, остро нуждаясь в российском сырье, причем не только сероводородном. Главное же, на этом рынке место для России здесь не то, чтобы готово, но потенциально есть.

Беда в том, что с АТР Россия соприкасается регионом, который большую часть своей истории был не торговой территорией, но крепостью. Именно под эту задачу выстраивалась его промышленность и транспортная сеть, основывались города и заселялись пространства. С основной территорией страны Дальний Восток связан узкой полоской Транссиба, плохо проложенной автомобильной трассой и не блестящим авиасообщением. Промышленный потенциал региона в основном составляют предприятия ВПК, рентабельность которых никого интересовала, а затратность компенсировалась утверждением, что «на политике» мы не экономим. В результате, на роль основной торговой территории в проекте «поворота на Восток», выдвигается регион, принципиально для этого не приспособленный. Значительная часть его населения продолжает мыслить в категориях военного форпоста, ностальгировать по временам, когда этот тип мышления имел под собой основания. Его промышленность предельно нерентабельна. Транспортная инфраструктура пребывает в зачаточном состоянии, а энергетика устроена настолько не рационально, что даже наличие энергетических мощностей не решает проблему. Все это так. Именно это положение приводило к бесконечным колебаниям всякий раз, как только возникала идея «выхода в АТР».

Но сегодня ситуация уникальная. Во-первых, у страны пока еще есть ресурсы для преобразования региона. Во-вторых, почти два десятилетия дальневосточники на свой страх и риск, при минимальной поддержке государства интегрировались в АТР. Больно, плохо, но интегрировались. Число людей, для которых сопредельные страны перестали быть чем-то неведомым, в регионе постоянно возрастает. И, в-третьих, альтернативы «восточному повороту» ни у России, ни у российского Дальнего Востока, похоже, не остается. Отсюда и направления, которые необходимо развивать государству, и направления, которые необходимо развивать самому региону. Начнем с государственных.

Это, прежде всего, дороги. Не разовые вложения в ту или иную магистраль, а последовательное формирование развитой транспортной инфраструктуры. Это новые автомобильные трассы, которые бы связали Приамурье и Камчатку, Приморье и Якутию. Это развитие железнодорожной сети с постепенным вводом в строй второй и третьей ниток, связывающих Тихоокеанское побережье с европейской частью страны, это строительство мощных авиаузлов, позволяющих в кратчайший срок и по разумным ценам дальневосточнику добраться в любую точку мира и наоборот. Это расширение пропускной способности портов. Не только Владивостока, но Находки, Ванино, Советской Гавани и т.д. Здесь без государства регион не справится. Но и государству без этой инфраструктуры не выжить.

Второе направление – энергетика. ТЭЦ, дающие тепло и свет в регион, устарели и морально, и физически. Даже приход дешевого газа и ввод в строй Бурейской ГЭС проблему не решают. Дешевый свет, который вытеснит ТЭЦ из числа поставщиков электричества, приведет к необходимости для них взвинчивать тарифы на тепло. Ведь оно будет обходиться дороже. Масштабная реконструкция всей энергетики региона, строительство малых котельных и т.д., которые снизят энергетическую напряженность – задача государственная и важнейшая.

И, наконец, третье направление – создание сети глобальных торговых центров на оси «Хабаровск – Владивосток». Только наличие такой «глобализированной» территории и позволит региону на равных сотрудничать с экономическими гигантами АТР. Собственно, мероприятия, которые почему-то понимались и преподносились, как «подготовка к саммиту АТЭС», и были началом создания такого центра. Проблема в том, что неадекватность информационной подачи и привела к восприятию всего

того, что происходило в городе над Золотым рогом, как к строительству «потемкинсткой деревни», а не инвестициям в будущее страны. Создание инфраструктуры «глобального города» на Дальнем Востоке России – тоже задача, которую может выполнить только государство.

Но есть задачи, которые решать нам, дальневосточникам, решать здесь, на местах. И дороги, и энергетика, и даже система трубопроводов имеют смысл, когда становятся основой для хозяйственной активности. В регионе есть ресурсы. Уникально, небывало много ресурсов. Это – лес, металлы, уголь, газ, биоресурсы и многое другое. Дешевая энергия, наличие удобных транспортных выходов на гигантский рынок СВА сделает эти ресурсы действительно востребованными, доходными. Да и производство продукции на их основе – конкурентоспособным. Понятно, что речь не идет о том, что все будем производить на месте. Будем производить то, что покупают, хотя многое из привозной продукции, действительно, можно заменить «своим». Для этого нужно не так много. Просто льготное налогообложение для всех малых и средних предприятий региона, особенно, работающих на местном сырье.

Для этого необходимо изменение в самом городском пространстве и, главное, в принципах его функционирования. На протяжении последнего столетия города Северной Евразии возникали, как правило, под действием «политической воли» и с целью индустриального развития региона, которое и воспринималось, как «освоение». Сегодня ситуация иная. Города становятся основным проводником поворота к востоку. Из форпоста превращаются в торговую факторию, выстраивают коммуникацию с сопредельным пространством, городские сообщества и их представители включаются в социальные сети иных стран и иных пространств. Собственно, такая трансформация функции и позволяет связать не Европу с Азией, не Север с Югом, а единое пространство Евразии.

Трансформация идеи города в историко-философской ретроспективе

Орлова О.Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, студент программы переподготовки Master of Public Policy «Управление проектами пространственного развития»

kkleb@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирована эволюция идеи города с древнейших времен до настоящего времени. Отмечены основные характеристики модели городов прошлого, отражающие их упорядочивающую функцию: социально-пространственное зонирование территории, определенный заданный набор социальных ролей горожанина; противопоставленность природному хаосу; сравнительное постоянство внутренних и внешних границ города. В качестве примеров были рассмотрены: образы древних городов, средневековый град небесный в религиозно-философской интерпретации Аврелием Августином, проекты городов эпохи Возрождения и утопичные концепции идеального города в произведениях Т. Мора и Т. Кампанеллы, а также давящий образ города, представленный в виде гигантской машины или фабрики, существовавший на рубеже XIX-XX веков. Строгой неизменной структуре города прошлого противопоставлена изменчивое, лабильное, подвижное современное городское пространство.

Ключевые слова: город, идея города, трансформация идеи города, функция города, современный город, горожанин.

Transformation of the city idea in historical-philosophical retrospective.

Orlova O.N.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. The article analyzes the evolution of the city idea from ancient times to the present. The main characteristics of the model of cities of the past reflecting their ordering function are noted: social-spatial zoning of the territory, a certain set of social roles of a citizen; opposition to natural chaos; comparative constancy of internal and external borders of a city. As examples were considered: images of ancient cities, the medieval celestial city in religious and philosophical interpretation by Aurelius Augustine, the projects of Renaissance cities and utopian concepts of an ideal city in the works of T. Mora and T. Campanella, as well as the pressing image of the city, presented as a giant machine or factory, which existed at the turn of XIX-XX centuries. The strict invariable structure of the city of the past is opposed to the changing, labile, mobile modern urban space.

Keywords: city, city idea, transformation of the city idea, city function, modern city, citizen.

Современный город по своей структуре, функционалу заметно отличается от античного, средневекового, городов эпохи Возрождения и времен промышленной революции. Основной сдвиг определяется не изменением пространственного наполнения современного города, заключающегося в росте численности населения, появлении новых архитектурных и планировочных решений, а в изменении идеи города, задающей основные его функции. В истории культуры и научного знания понимание города претерпело значительную трансформацию, суть которой заключается в переходе от образа городского пространства статичного к трансформирующемуся.

Изначально определяющей была неподвижная структура города, она задавала порядок существования вещей и способы общественных, экономических отношений. Город характеризовался постоянством, структурированностью, заданным набором функций места и функций горожанина в этом месте, четко обозначенной социально-экономической сегрегацией жителей. С древности люди стремились создавать городские поселения в форме геометрически правильных фигур, составляющих окружность или прямоугольник. Построить город - значит задать внутри его границ небесный порядок, противостоящий хаосу и неорганизованности внешнего мира. Древний город – это не просто совокупность

сооружений, это модель упорядоченного мира, способ воссоздать небесный храм на земле. Иванов В. В. писал: «Город обычно рассматривался как модель пространства Вселенной. Соответственно его организация отражает структуру мира в целом» [1, с. 410].

Модель города как воплощения космического порядка воспроизводилась не раз на протяжении многих веков в философских рассуждениях, в архитектурных проектах и реальном строительстве городов. Платон описал эту традицию в диалоге Критий, где рассказывал про Атлантиду. По своему строению она имеет кольцевую структуру: кольца воды и земли сменяют друг друга [2, с. 601]. Эта прямая отсылка к древнему городу, в котором центральное культовое место было очерчено дополнительным кольцом стен.

В Средние века идея города обсуждается в контексте религиозной философии, акцент с земного града смещается на небесный. В работе средневекового богослова Аврелия Августина Небесный град - эталон, к которому должен стремиться каждый христианин, а земной - место, которое достойно наименьшего внимания с религиозной точки зрения. Потому идеальная модель города находилась не на земле, а на небесах. Средневековый философ о блаженстве града Божия говорит следующее: «Ибо не знаю, чем другим могут заниматься там, где будет нескончаемый досуг, где не будет труда, вызываемого какою-либо нуждой» [3, с. 580].

Эпоха Возрождения подарила человечеству большее число проектов, отражающих организацию идеального города. Заново открытый Платон вдохновлял возрожденческих планировщиков создавать модели геометрически правильных городов. Многочисленные градостроительные проекты объединены симметричностью и равновесностью разных частей города. Идеальный город Возрождения демонстрирует возвращение к земным городам и способам организации физического пространства [4]. В этих концепциях просматривается желание человека создать четкую неизменную структуру города. Городские границы идеальных городов планировались без учета их трансформации. Планируя город раз и навсегда, градостроители стремилось упорядочить городскую структуру и определить с ее помощью социальные отношения.

Концепции города, где формируется идеальное общество, отражают утопические работы Т. Мора и Т. Кампанеллы. Томас Мор предлагает устройство города, основанное на чисто функциональном принципе: расположен идеальный город вдоль реки, которая обеспечивает и пресную воду, и защиту от врагов; площади расположены так, чтобы обеспечить удобный проезд и защиту от ветров; а вдоль длинного ряда зданий расположен широкий сад, доступ к которому есть у каждого жителя города [5, с. 105]. В концепции Т. Кампанеллы город присутствует четкое функциональное разделение городского пространства и вера в то, что оно соответствует принятым в нем социальным отношениям. Границы утопичного города, распложенного на холме, не просто крепкие, они образуют семь рядов оборонительных колец, которые делят город на «семь обширных поясов» - городских частей. В верхней части кругов-стен построены галереи для прогулок, ведущие в центр города, где расположены площадь и храм, «воздвигнутый с изумительным искусством» [6, с. 36], а у подножия холма, возле главных ворот находится единственное место для торговли – рынок [6, с. 168]. Каждый пояс Города Солнца обеспечен жилыми постройками, местами для работы и обучения. Таким образом, все ярусы функционально и архитектурно схожи друг с другом.

На рубеже XIX-XX веков рост численности населения и промышленное развитие европейских городов заставляют пересмотреть роль городского пространства. Образ города становится пугающим, он всё чаще предстает в виде промышленного гиганта, который вот-вот поглотит жителя, чувствующего себя винтиком в урбанистической дымящейся машине. Город приобретает новую функциональную коннотацию. С одной стороны, он становится машиной прогресса, что является позитивным фактором, с другой – над этой машиной человек имеет все меньше контроля. Потому на рубеже веков создается образ города скорее пугающий, довлеющий, чем задающий порядок и ограждающий от хаоса.

Понимание современного города тоже связано с кризисными явлениями, такими как неконтролируемый рост потребления, порождающий экологические проблемы, нервное напряжение, связанное с быстрым ритмом жизни. Однако сегодняшний город приобретает и множество черт, характеризующих его как пространство, приветливое для человека и общества в целом. С современным городом связывают большинство важнейших общественно-политических явлений. В городах, особенно крупных, получают свое развитие экономика, транспорт, наука, современные технологии, мода, искусство, предпринимательство, креативные индустрии, город выступает катализатором политических процессов, кроме того, он продолжает оставаться местом, где ускоряются и концентрируются социальные процессы. Чем больше явлений находит свою реализацию в городе, тем с большей вероятностью здесь происходит концентрация разнообразия, будут соседствовать самые разные люди, профессии, практики, типы зданий и многое другое. Такое соседство в городе достаточно плотное.

Пространство современного города характеризуется лабильностью, подвижными и проницаемыми границами, возможностью изменения социальных функций и ролей горожанина, мобильностью жителя города. Оно является пульсирующей [7], постоянно меняющейся структурой. Тем самым образ города прошлого был противопоставлен хаосу и выполнял упорядочивающую задачу. Ему противопоставлена современная структура пульсирующего, динамичного, города. Его логика и порядок существования все меньше связаны с директивными методами организации, а все больше определяются активными социальными практиками горожан и диалогичностью самой городской среды. Все большее значение в этом процессе приобретает человек, взаимодействующий с городской средой, которая согласно акторно-сетевой теории [8, 9], является субъектом социального действия. В данном случае мы можем говорить не о бытии человека в городе, а о бытии городом [10]. Такое понимание современного города актуализирует вопросы по поводу его устойчивости, способов саморегулирования и самоконструирования, а также новых функций, связанных с антропологическим измерением города.

Литература:

1. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике культуры. Т. 1. М.: «Языки русской культуры», 1999. 912 с.
2. Платон. Критий // Платон. Сочинения в 4-х томах. Т.3. СПБ, 2007. С. 589-609.
3. Блаженный Августин. Творения в 4-х т. : Т. 3. О граде Божием. Книги I-XIII. СПБ : Алетейя; Киев: УЦИММ Пресс, 1998. 598 с.
4. Романова, А. Ю. Трансформация идеи: от «идеального города» к «городу будущего» // Архитектура и современные информационные технологии. 1 (30) 2015. URL: https://www.marhi.ru/AMIT/2015/1kvart15/romanova/romanova.pdf.
5. Мор Т. Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии. Москва ; Ленинград : Academia, 1935. 237 с.
6. Кампанелла Т. Город Солнца. М.: Книга по требованию, 2012. 168 с.
7. Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 224 с.
8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
9. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Из-во института Гайдара, 2015. 352 с.
10. Замятин Д. Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 147-165.

Экзистенциальные проблемы потребителя в сфере ЖКХ

Посвятенко Ю.В..

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, старший преподаватель кафедры истории и философии. Кандидат исторических наук

PosvyatenkoYV@mgsu.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблем осознания человеком проблем своего существования в городе, связанных с развитием жилищно-коммунального хозяйства. Его организационные основы, сохранившиеся до сих пор, складывались преимущественно во второй половине XX в. Рассматривая сложившиеся в советское время ценностные установки потребителей жилищно-коммунальных услуг, анализируются причины медленных изменений в данной сфере в России. С помощью работ представителей экзистенциальной философии – С. Кьеркегора, Ж.П. Сартра, М. Хайдеггера объясняется пассивность значительной части потребителей. Акцентируется внимание на необходимость большей решительности собственников в принятии экзистенциальных решений, направленных на повышение ответственности за свое существование. Подчеркивается, что именно активная жизненная позиция, основанная на экзистенциальном понимании человека, способствует раскрытию возможностей изменения своего бытия, ведет к постепенному решению ряда проблем.

Ключевые слова: экзистенционализм, свобода, выбор, отчуждение, бытие, ЖКХ.

Existential consumer problems in the housing sector.

Posvyatenko Y.V.

National research Moscow state University of civil engineering, Department Professor of History & Philosophy

Abstract: The article is devoted to the problems of human awareness of the problems of their existence in the city, related to the development of housing and communal services. Its organizational foundations, which have been preserved until now, were formed mainly in the second half of the twentieth century.Considering the values of consumers of housing and communal services that were formed in the Soviet period, the reasons for slow changes in this sphere in Russia are analyzed. With the help of works of representatives of existential philosophy-S. O. Kierkegaard, J. p. Sartre, M. Heidegger, the passivity of a significant part of consumers is explained. Attention is focused on the need for greater determination of owners in making existential decisions aimed at increasing responsibility for their existence. It is emphasized that it is an active life position based on an existential understanding of a person that helps to open up the possibilities of changing one's being and leads to a gradual solution of a number of problems.

Keywords: existentialism, freedom, choice, alienation, being, housing and communal services.

Изучение города в последние десятилетия стало актуальным направлением социогуманитарного научного познания. Феномен города позволяет рассматривать не только конструктивно-пространственные характеристики, но и внутренние аспекты его существования как единого организма, связанные с восприятием горожанами мест своего проживания, ощущением защищенности или наоборот угрозы своему существованию. Городское пространство со свойственным ему разнообразием проблемных зон, социальных конфликтов порождает особые отношения между горожанами, которые, с одной стороны, живут и работают в этом городе, являясь потребителями, с другой стороны, работая в сфере предоставления услуг, связывают свою деятельность с формированием и развитием качества жизни.

Многие стороны нашей повседневной жизни заставляют и даже требуют задуматься об их философском осмыслении, способном сдвинуть с «мертвой точки» реальные проблемы бытия. Не случайно вопросы поиска социальной идентичности, выходящие на разные уровни, делают все более актуальным рассмотрение существующих проблем сквозь призму основ экзистенциальной философии. Она, являясь комплексом различных идей и концепций, стала ответом на широко распространенное пессимистическое восприятие людьми своего бытия, исследуя индивидуальные переживания человеком сложности своего существования. Вопросом о том, что есть мое собственное бытие, по мнению экзистенциалистов, актуализируется для индивида в процессе формирования личности. Представления о своем месте в жизни, о соотношении себя и Другого, по мнению Ж.П.Сартра, со временем становятся важными отправными точками социальной практики человека. «Бытие без Другого» и «бытие для Другого» стали важными понятиями, объясняющими необходимую связь людей в обществе, которая воздействуя на человека оценивается автором как проект. В работе «Бытие и ничто» [1] автор указывает, что связь с Другими наполняет жизнь человека и не может не влиять на принятие решений. Однажды заброшенный в этот мир человек оказался ответственен за все свои поступки и намерения. Заброшенный в этот мир без видимой цели, человек способен развиваться в духе экзистенциального сознания, свободы деятельности и быть ответственным за то, как он в нем существует.

Философия, исследуя влияние массовой культуры новейшего времени на человека, применительно к анализу российского потребителя позволяет понять, что ценности, присущие значительному числу пролетариев дореволюционной эпохи, а позже трансформированные форсированным ростом городского населения и своеобразной идеологической системой советского общества в условиях тотального дефицита, привели к подавляющему доминированию аскетического идеала жизни человека будущей новой эпохи-строителя коммунизма. Такой человек не должен был выделяться из массы, он формировался как коллективист, должен был «жить со всеми», «как у всех» как часть единого в котором все личное должно было подчиняться общественному ради достижения в будущем истинной свободы и равенства. При этом, в представленном «бытии с Другими» определяющую роль в решении его проблем брало на себя государство. Таким образом, большинство людей, согласно учению С.Кьеркегора, находились в состоянии отчуждения от решения ряда проблем своего неподлинного бытия. Вместе с тем, официальные идеалы со временем все больше и сильнее сталкивались с реальным расслоением общества и расширением возможностей, преимущественно городской части населения строить свою жизнь иначе. Таким образом, «для Себя бытие» через образ Другого позволяло жителям страны лучше понимать свою отчужденность и осознавать сущность своего бытия [1, 154].

Сложившаяся в советский период система жилищно-коммунального хозяйства, основанная на государственной собственности, развивалась на тех же принципах централизации и контроля, обслуживая постоянно возрастающее население городов. На этой основе формировалось патерналистское представление о том, что именно государство, должно было восприниматься как единственный источник социальных благ.

Стремительный переход России к рыночным отношениям способствовал существенным изменениям в мировоззрении россиян, возникновению нового восприятия своего существования, основанного на свободе и смене ценностных ориентиров. Особенно это отразилось на жизни горожан, чья зависимость от работы социальной инфраструктуры определяет возможности достижения ими подлинного бытия, понимаемого М.Хайдеггером как социальное существование индивида через различные экзистенциалы: расположенности, понимания, заботы, страха, речи, заброшенности, бытия к смерти и т.д.

Город формирует специфические душевные переживания человека, порожденные неустройством жизни. Одним из них в России стала многогранная проблема взаимодействия потребителя с системой ЖКХ. После частичного разгосударствления сферы ЖКХ в стране стали складываться отношения, основанные на нерешенных проблемах предшествующих периодов, недостатка средств, отсутствия мотивированных к качественной работе кадров и т.п. Переживая уникальную ситуацию приватизации, все оказались перед необходимостью постоянного выбора, к которому многие участники отношений до сих пор остаются недостаточно готовы, т.к. новая среда зачастую создается вопреки устоявшимся ценностям части потребителей, и не находит в их лице поддержки и готовности. Не имея практики взаимодействия с системой ЖКХ в новых правовых условиях индивиду сложно чувствовать себя свободным, т.к. решение многих проблем требует правовых знаний и соучастия соседей. Концепция Хайдеггера об экзистенциалах человеческого бытия в значительной степени иллюстрирует состояние людей, находящихся в состоянии экзистенции, осознающих временность своего пребывания в «бытии-в-мире и ощущения страха, переживаемое как «бытия-к-смерти» [2]. Однако С.Кьеркегор. например, считал «страх -возможностью свободы», т.к. через веру в возможность человек может сделаться сильным и воспитать иное отношение к бытию [3, с.185].

Ощущение экзистенциальной тревоги овладевает людьми чаще лишь в ситуации, когда условия

их существования резко ухудшаются, некоторые начинают понимать, что только их активная позиция, основанная на возможности действовать свободно, обдуманно способна вывести из тупика сложившихся проблем. Это вполне соответствует представлению о необходимости «вслушивании в бытие» М. Хайдеггера [4]. Активный собственник, нашедший в себе силы и смелость взвалить ответственность за организацию коллективных решений многоквартирных домов создает иное бытие не только для Другого, но и находит в Себе такие потенции, о которых ранее и не подозревал. Тем самым человек благодаря своему экзистенциальному выбору переходит в иное бытие, определяющее дальнейшее существование в иных, нежели ранее условиях. Помимо этого, инициируя изменения, каждый потребитель вынужден брать на себя ответственность, которая выводит его из состояния подавленности обществом, нахождения себя, превращение в хозяина своей судьбы.

В результате россиянам приходится сталкиваться с экзистенциальным выбором не только в «пограничных ситуациях», как его описывал К.Ясперс, а менять свои привычки и восприятие окружающего мира через неоднократное принятие важных решений, которые должны определить их дальнейший жизненный уклад. Так, с приватизацией жилья, вопросы обслуживания общедомового имущества многоквартирных домов стали зависеть не столько от управляющих компаний, в чье ведение был передан жилой фонд, а от собраний собственников жилья, которые могли принять любое выгодное для них решение: остаться в управлении управляющих или создать собственную организационную структуру и активно работать в ней. Как показала практика прошедших лет процесс этот идет медленно. Типичный потребитель, он же собственник жилья, привыкший к пассивному получению минимума благ, не стремится к активности. С чем это связано? Прежде всего, с тем, человек в привычной ситуации не стремится чувствовать себя свободным, не хочет брать на себя ответственность за испытание предоставленных ему возможностей. Любая активность, направленная на решение личных проблем тут же в условиях многоквартирных домов, требует учета интересов Другого. Как писал Сартр «но, как только начинается действие, я обязан желать вместе с моей свободой свободы других, я могу принимать в качестве цели мою свободу лишь в том случае, если поставлю своей целью также и свободу других»[5,340]. Тем не менее, оказавшись в «предельных ситуациях» страдания, коими становятся неудовлетворительные условия проживания в многоквартирных домах, доведенные до отчаяния, ощущения угрозы существованию не только себя, но и своих домочадцев потребители вынуждены принять на себя бремя экзистенциального решения для восстановления полноценной жизни. Именно такие люди и создают новую реальность, формируют новые отношения, преобразующие страх и безысходность в реальные сдвиги в качестве жизни горожан.

В этом смысле россияне, оказавшись в сложной социально-экономической ситуации постепенно должны осознавать, что они находятся в состоянии экзистенциального выбора между созерцанием и активностью и только последняя (даже в существующих законодательных условиях) может вывести ситуацию с деятельностью сферы ЖКХ на новый уровень.

Литература:

1. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии/Пер с фр., предисл., прим. В.И.Колядко. М.: Республика,2000. 639 с.
2. Бурханов Р.А., Никулина О.В. Концепция экзистенциалов в трактате М.Хайдеггера «Бытие и время»//Манускрипт. 2018. №5(91). С/ 65-68.
3. Кьеркегор С. Понятие страха/Пер. с дат. Н.В.Исаевой, С.А.Исаева. М.: Академический проект, 2014. 224 с.
4. Долгов К.М. Феноменологическая онтология Мартина Хайдеггера и искусство. // Феноменология искусства. М.,1996. С.22-53.
5. Сартр Ж.П. Экзистенционализм -это гуманизм//Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С.319-344.

Современный город как пространство коммуникаций

Серегина Т.Н.

Финансовый университет при Правительстве РФ, заместитель руководителя департамента социологии, истории и философии по научной работе, доцент. Кандидат философских наук

seregina.tataiana@gmail.com

Аннотация. В статье развивается идея о феномене современного города как коммуникативного пространства социальной реальности. Анализ существующих подходов к пониманию сущности города приводит к мысли об актуальности понимания горожанина как актора коммуникационных процессов. Используя компаративистские методы и методологический подход А. Лефевра, который позволяет увидеть город не только с материальной стороны, но и как эмоциональный, экзистенциальный феномен, проанализирован город как пространство личностного бытия. Коммуникативный город функционирует с целью обретения нового типа идентичности - городской идентичности. Горожанин становится актором коммуникации через обретение исторической идентичности, символом которой становится город. В работе выявлены основные парадоксы существования в городе. Приватное и публичное пространство становятся важными факторами формирования коммуникативного пространства в городе и формулируют тип личности горожанина. Современный город предстает ка пространство сетей, основная функция которых становится формирование и идентификация личности в городе.

Ключевые слова: город, коммуникация, горожанин, сети, идентичность, публичное пространство.

Modern City as a communication Space.

Seregina T.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Department of Sociology, History and Philosophy

Abstract. The article develops the idea of the phenomenon of a modern city as a communicative space of social reality. An analysis of existing approaches to understanding the essence of the city leads to the idea of the relevance of understanding the city dweller as an actor in communication processes. Using the comparative methods and methodological approach of A. Lefebvre, which allows you to see the city not only from the material side, but also as an emotional, existential phenomenon, the city is analyzed as a space of personal being. A communicative city functions to acquire a new type of identity - urban identity. A city dweller becomes an actor of communication through the acquisition of a historical identity, the symbol of which is the city. The paper identifies the main paradoxes of existence in the city. Private and public space are becoming important factors in the formation of the communicative space in the city and formulate the personality type of a city dweller. The modern city appears as a space of networks, the main function of which is the formation and identification of a person in the city.

Keywords: city, communication, city dweller, networks, identity, public space.

Город как феномен трансформировался к XXI веку под влиянием процессов постиндустриального общества, изменилась роль человека и его ценностей в системе общественных отношений. Феномен города, понятый как пространство коммуникаций, становится актуальными с начала XX века, когда формируется мультикультурный мир, когда процессы глобализации становятся определяющими. Город и его характеристики задают тип коммуникации, определяют виды и особенности процессов идентификации в городе.

Город как социальное пространство, наполненное нормами и ценностями впервые описан М. Вебером. Город создается в процессе столкновения норм и ценностей групп и сообществ, здесь личность приобретает свои индивидуальные качества в процессе коммуникации. Отдавая должное существованию экономических факторов и их роли воздействия на городское пространство, он отметил

значение и доминирование в образовании города социальных и культурных факторов. М. Вебер описал город и горожан как тип общественной организации, в котором должны быть «укрепления, рынок, суда, управленческая автономность, в котором участвуют горожане» [1, с. 351]. Для Г. Зиммеля акцент был сделан на функциях и способах взаимоотношений горожан, разнообразие социальных практик их многовариантность. О. Шпенглер считал город выражением цивилизованности, упадком духовного и культурного, жизнь горожанина сведена к механическому и монотонному труду [2, с. 89]. Для В. Беньямина важно рассмотреть город как исторический феномен, горожанин становится воплощением перемещений и скорости изменений в городском пространстве. В продолжение идей В. Беньямина понимания города через личностное бытие стали работы С. Милграма, который показал роль субъективного взгляда на город. Внимание к жизни горожанина продолжает в своих работах А. Лефевр, который изучает повседневный образ жизни горожан. К концу XX столетия стало понятно, что город — это не просто культура, общественные отношения, город — это специфическое коммуникативное пространство. М. Кастельс показал город как информационное пространство коммуникации, Ч. Ландри описывает главное качество этого коммуникативного пространства – креативность. В работах Бодрийяр горожане представлены как сообщество культуры потребления, а город, как и у Кастельса описан через потоки средств массовой информации.

Понять и описать современный город можно используя методологическую позицию А. Лефевра, который утверждал возможность понимания сообщества горожан через культурные, исторические, экзистенциальные взаимоотношения. Таким образом, город - самоорганизующееся социальное, коммуникативное пространство, которое порождает и актуализирует ценностные системы горожан. В результате коммуникации город становится пространством толерантности, диалога, пространством свободы и ответственности, которые и определяет смысл и способ жизни горожанина.

Таким образом, коммуникативный подход формирует историко-культурный смысл города, он учитывает не только реальные природно-архитектурные особенности формирования городского пространства, но и видение города как взаимосвязи духовного и материального факторов, где получает реализацию личностное начало человека, формируется социальный и человеческий капитал как ресурс коммуникативного процесса.

Современный коммуникативный город выполняет множество функций, Нехамкин В.А. и Сачкова В.А. выделяют следующие функции города вообще, но именно город, понятый как пространство коммуникаций, аккумулирует эти функции и реализует их: функции антропологические (культурно-воспитательная, культурно-историческая, коммуникационная, гуманистическая) и функции социологические (ролевая, информационная, конструктивно-ценностная, управленческая, интеграционно-синтезирующая) [3, с.39]. Многообразие этих функций может реализовываться поскольку современный город — это разнообразие социального и культурного состава с уникальными характеристиками и ценностными установками. Город становится катализатором процессов мобильности, интеграции, инкультурации и социализации, которые только увеличивают вариативность ценностей, норм и способов взаимодействия в пространстве города.

Современный город функционирует с целью создания, выработки новых форм, моделей и способов коммуникации. Лефевр отмечал изменение личности в городском пространстве. Городская коммуникация характеризуется следующими особенностями: формирование пространств для коммуникации, стремление к разнообразию и новациям, появление приватного личностного пространства в общественном, публичном, появление пространств «третьих мест». Ф. Бродель сравнивал города с электрическим трансформаторами [4, с. 509]. Р. Парк пишет о 2 факторах, определивших город: биотические (безопасность, конкурентная борьба за ресурсы) и культурные. Культурный фактор рождается из биотического как результат борьбы за качественное существование. Эти же факторы становятся определяющими для формирования коммуникативного процесса горожан. Л. Вирт одним из первых увидел парадоксальность этих отношений: с одной стороны, они мимолетны и разнородны, а с другой анонимны, безличны и поверхностны [5]. Город как пространство праздника и технологий, промышленности, мобильности, прогресса и комфорта и одновременно: нестабильность, угрозы, отсутствие безопасности, аномия, отчуждение и одиночество. При этом горожанами эти факторы оцениваются не традиционно отрицательными или положительными, например одиночество и отчуждение становится положительными факторами существования в городе, к которым при определенных условиях горожане стремятся.

Традиционный город тесно связан с сельским, натуральным хозяйством, индустриальный город – капиталистическое производство, постиндустриальный город – мирсистемный, глобальный, информационный, транснациональный. Территория определяет и тип коммуникации, и тип горожанина, формируя 2 типа пространств в городе: публичное и частное. Л. Вирт, указывая на черты и признаки города: величина, плотность, связи между горожанами, плотность населения, разделение труда, социальная иерархия, которая закрепляет роли и которые не изменяемы в процессе деятельности в городе, собственность, отметил два типа поведения в городе - приватное и общественное, публичное.

Современный город трансформирует условия, актуальными становятся способности создания возможностей снижения рисков, умения договариваться, город в XXI веке — это социальное пространство порождающее доверие и общение, компромиссы и соучастие. Публичные пространства создавались для коммуникации. Публичность городского, по мнению Х. Арендт, выполняет функцию исторической памяти и таким образом преодолевается отчуждение. М. Маклюэн назвал современный мир «глобальной деревней». Городское пространство формируется для досуга и удовольствия, идентификации и солидарности. З. Бауман заметил, что для городской ситуации начала XX века характерно доминирование частного, приватного пространства над общественным, публичным [6, с. 135]. Необходим новый способ взаимодействия в городском пространстве частного и публичного, так как для современного мира процессы передачи культурного и исторического опыта, социализации и инкультурации. Особую роль в гармонизации этих процессов играет коммуникация, компромисс, солидарность.

Э. Гидденс говорит о городе как о единой социальной системе в координатах пространства - времени, где взаимодействие определяется ситуацией. Данный подход становится актуальным в связи с изменением в сетевом мире современных подходов к пониманию пространства и времени и их роли в бытии человека. Город и горожанин становятся все меньше зависимыми от пространства и времени, вообще, и конкретного города в частности.

Процессы глокализации определяют специфику идентичности города: появляются глобальные города, гибридные режимы и культуры, трансформационные процессы, процессы рисков, вызовов и неустойчивости, процессы дивергенции и конвергенции.

Появление урбанистических сетей как информационных сетей личностных и групповых связей, которые функционируют в глобальных городах отмечает Филимонова О.Ф. [7, с.104]. Сетевой подход учитывает разнообразные связи, основан на слабых связях и поддерживает не только формальные и устоявшиеся взаимоотношения, но и временные, случайные, вариативные. С. Московичи отметил влияние сетевого на формирование образа жизни и процессы самоидентификации, самоопределения личности в городе формируется иная система ценностей, мотивов, норм и правил поведения. Используются горожанами только те ценности и нормы, которые позволяют коммуницировать и формировать специфическую городскую идентичность [8. с. 358].

Теория сетей определила власть как зависимость городском пространстве от ресурсов. Сетевой город - новый тип города, по определению С. Сассен, узловой центр [9, p. 148]. Это связано с процессами коммуникации и информатизации современного мира, «революцией третьего сектора» и глобальными процессами, а с точки зрения П. Сорокина порядок в сети устанавливается системой норм и ценностей.

Город - место, где феномен технического обретает свое содержание и ценностное значение, где информационная сфера формирует специфические свойства государства, политического, экономического, производства и торговли, общения и приватной, частной жизни. Актуальными в современной ситуации становятся проблемы доминирование численности городского населения над сельским, увеличение роли агломераций, мегалополисов, неравенство.

Литература:

1. Вебер М. История хозяйства. Город М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 576 с.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. М.: Искусство. 1993. 883 с.
3. Нехамкин В.А., Сачкова В.А. Урбанистическая цивилизация и ее роль в современном мире// Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2013. № 3. С. 38-50.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т.1. М.: Издательство «Весь мир», 2006. 592 с.
5. Gans H. Urbanism and suburbanism as a way of life: a reevaluation of definitions [Электрон, ресурс] Режим доступа: http://www.urban-club.ru/?p=92.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос. 2002. 390 с.
7. Филимонова О.Ф. Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Саратов, 2004.
8. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 550 с.

9. Sassen S. The frontiers facing urban sociology at the millennium /British Journal of Sociology, Jan.- Mar. 2000. Vol. 51 Issue 1. P.143-160.

-

Развитие города в пространстве Леналенда

Фетисова Е.Н.

Тихоокеанский государственный университет, доцент кафедры философии и культурологии. Кандидат философских наук

evseneya@mail.ru

Аннотация. В предлагаемом докладе рассматривается связь между миграцией и развитием городов в особом социальном пространстве, обозначенном термином традиционной геополитики «Леналенд». Однако в отличие от модели Т. Маккиндера, где под этим термином понимаются пространства, не подлежащие освоению, в докладе мы подразумеваем несколько иной способ пространственной организации. В Леналенде невозможно, точнее, бессмысленно не развитие как таковое, но индустриальное развитие. Однако, как предполагается показать в докладе, именно с попытками индустриального развития Леналенда связаны многочисленные программы развития подобных территорий в XX веке и, во многом, в наши дни. Эти программы предполагают игнорирование хозяйственной бессмысленности и преобладание политических смыслов над социальными и экономическими. Последнее ведет к перенаселенности региона, его глубокой зависимости от постоянных «внешних» вливаний. В работе предлагается иной тип развития города в описанном пространстве.

Ключевые слова: социальное пространство, качество личности, социальная адаптация, развитие города, Леналенд, индустриальное развитие.

Migration and cities in Lenaland space.

Fetisova E.N.

Pacific National University, Department of Philosophy and Cultural Studies

Abstract: The proposed report examines the relationship between migration and urban development in a special social space, denoted by the term traditional Lenaland geopolitics. However, unlike T. Mackinder's model, where this term refers to spaces that are not subject to development, in the report we mean a slightly different way of spatial organization. In Lenaland it is impossible, more precisely, meaningless not development as such, but industrial development. However, as it is supposed to show in the report, it is precisely with the attempts at industrial development of Lenaland that the numerous programs for the development of such territories in the twentieth century and, in many ways, today are associated. These programs involve ignoring economic senselessness and the prevalence of political meanings over social and economic ones. The latter leads to overpopulation of the region, its deep dependence on constant "external" infusions. The paper proposes a different type of city development in the described space.

Key words: social space, migration, social adaptation, city development, Lenaland, industrial development.

О влиянии городов на окружающие их пространство («хору») писалось уже не однажды [1]. Гораздо реже в последние годы во внимание принимается обратное влияние, когда характеристики окружающего пространства становятся фактором, детерминирующим развитие или не развитие города. Этот процесс мы и постараемся обозначить в нашем докладе. Одним из сравнительно редко используемых терминов традиционной геополитики является термин Леналенд [2]. Под этим термином понимались территории к Востоку от Енисея, в основном по реке Лене. Причем, в трактовке классиков геополитики это пространство, в принципе, не предназначенное для человека и не подлежащее освоению.

Жесткий климат и удаленность от всех рынков приводит к тому, что издержки освоения оказываются сравнимыми или даже превосходящими блага, которые потенциально можно приобрести в этом пространстве. Однако современное государство, связанное с идеями тотального контроля «своего пространства» [3] не может смириться с тем, что значительная часть его территории, по существу, выве-

дена за пределы контроля, находится в «серой зоне» социальной реальности. С этим связаны попытки «освоения» пространства Леналенда, предпринимаемые на всем протяжении его истории в рамках государства.

Причем, освоения достаточно специфического. Маркерами, которые государство могло «считывать» в качестве маркеров освоенности выступали индустриальные артефакты: заводы, города с привычными атрибутами городов при заводах, властные учреждения и т.д. Отсутствие на территории населения, достаточного для поддержания работоспособности таких маркеров, компенсировалось массовым переселением. При этом в рассматриваемом пространстве не оказывалось ресурсов для простого жизнеобеспечения работников, а себестоимость продукции в силу гигантских континентальных пространств, отделяющих производство от потребителей, была существенно выше, чем в иных местах. Соответственно, для освоения было необходимо постоянно «доплачивать» за сам факт наличия индустриальных маркеров, игнорировать их изначальную нерентабельность.

Подобное положение дел возможно только при наличии в центре (источнике смыслов освоения) избыточных людских и материальных ресурсов. Достаточно небольших проблем в самом центре для того, чтобы подобное «освоение» оказывалось неподъемным для государства и общества. Подобную ситуацию мы уже не однажды наблюдали в отношении «российского Леналенда» (Дальневосточных территорий). Реакция самого пространства здесь достаточно стандартна. Территория избавляется от избыточного населения («отток»), переходит на иные, не индустриальные типы деятельности. Как показывает опыт последнего массового оттока, в качестве подобных типов хозяйствования выступает природопользовательские технологии, связанные с уникальным или, в крайнем случае, особо ценным продуктом: золото, алмазы, редкоземельные металлы, эндемичные сорта рыб, ценные сорта древесины и т.д. Будучи достаточно дорогостоящими сами по себе, эти продукты компенсируют транспортные затраты. При этом, для их добычи не требуется особенно много трудовых ресурсов. Востребованы оказываются и продукты интеллектуальной деятельности: произведения искусства, инженерные и архитектурные разработки и т.д. В прежние годы они были жестко связаны с индустриальным развитием и внедрением их на заводах, сам смысл существования которых был не очевиден. Сегодня они сами становятся продуктом, востребованным в сопредельных пространствах. При этом, они не требуют ни массового завоза ресурсов, ни сложных логистических схем.

Меняется и смысл городов в этом пространстве. Во-первых, несколько трансформируются их пространственные характеристики. За редким исключением деградируют города, жестко завязанные на индустриальные производства и расположенные в сердце Леналенда. Эти города, по существу, становятся только местом жительства администрации и частично работников оставшихся производств, в первую очередь, добывающих. Зато дополнительный импульс получают города, расположенные на периферии Леналенда, на границе этого типа пространства с иным (Хатрленд, Римленд). И здесь возможно несколько вариантов развития, связанного с новыми функциями этих городов.

Торговые центры. Достаточно большое количество городов этого пространства выполняют функции торговых факторий, через которые продукция Леналенда перетекает в сопредельные пространства. В то же время в Леналенд поступают товары, необходимые для самообеспечения, возобновления производства и престижного потребления. В зависимости от масштаба торговли можно говорить о региональных и приграничных торговых центрах. Развитие городов этой направленности связано с большей или меньшей жесткостью таможенного законодательства, а главное, его соблюдения. Возможно реальное существование в режиме Порто-франко при достаточно жестком формальном законодательстве. Значимым параметром выступает здесь наличие транспортной артерии (реки, железной или автомобильной дороги), других элементов логистической инфраструктуры, привязывающих к городу как пространство Леналенда, так и внешнее пространство. Определенную роль играет и наличие в пространстве «хоры» таких городов некого собственного ресурса, который можно превратить в продукт, востребованный на внешнем рынке.

Города – места жительства. Города Леналенда сегодня выступают не только и не столько центрами производства, сколько местом сосредоточения социальной инфраструктуры, местом с более высоким качеством жизни. Именно здесь находятся учреждения образования, здравоохранения, культуры. В силу этого обстоятельства города, особенно, расположенные на периферии региона, становятся центрами притяжения населения Леналенда. Здесь возникают возможности развития, частично используемые в наши дни. Во-первых, невыгодности и, сильнее, бессмысленность создания городов и поселков при промышленных центрах приводит к господству вахтового типа распределения трудовых ресурсов.

Соответственно, города становятся местом постоянного проживания вахтовых рабочих. Последнее позволяет существенно снизить затраты на поддержание социальной инфраструктуры, транспортировку работников. Во-вторых, наличие городов со значительным населением и избыточным числом учреждений науки и образования создает критическую массу для возникновения рынка интеллектуальной продукции. Этот процесс находится в процессе становления. Однако усмотреть его можно уже сегодня.

Центры власти. Властный центр, как источник смыслов контроля и «освоения», понимая или натыкаясь на невозможность переустройства региона по заданным канонам, создает города – главный смысл которых состоит в том, чтобы проводить интенции власти и выступать зримым воплощением верности принятого ей решения. Как правило, для такого центра или обеспечивается режим наибольшего благоприятствования (налоговый, инвестиционный и т.д.) или осуществляются прямые финансовые и иные вливания. Проблема в том, что развитие подобных городских центров оказывается в минимальной степени завязано на территорию. Влияние территории на них, так же, как и их влияние на территорию оказываются минимальным. Оно, как правило, связано не с властной функцией, а с тем, что параллельно ей, как реликт, сохраняется и иная функция города (торговая, социальная и т.д.). В конечном итоге, город превращается в симулякр, не столько проводящий идеи контроля над территорией, сколько имитирующий их.

Возможен ли отказ от имитационного освоения, и переход к формам детерминированным самим пространством? Вероятно. Однако есть серьезное концептуальное препятствие. На сегодня не только в глазах властного центра, но и в глазах населения маркером развития выступает город-завод, а альтернативный дискурс воспринимается как «посягательство на достижения предшественников». Сложится ли иной тип восприятия пространства Леналенда, покажет ближайшее будущее. И именно от этого зависит его судьба.

Литература:

1. Слука, Н. А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М., Пресс-Соло, 2005. 168 с.
2. Hooson David J. M. «A New Soviet Heartland?» // The Geographical Journal, 1962, Vol. 128, No.1 P. 19-29.
3. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 568 с.

Проблема научно-технического прогресса в творчестве Л. Мамфорда

Хасиева М.А.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, преподаватель кафедры истории и философии. Кандидат философских наук

HasievaMA@mgsu.ru

Аннотация. В XIX в. переход от сельскохозяйственной экономики и ремесленного производства к фабричному производству и ресурсодобывающей промышленности привел к фундаментальному изменению способа взаимодействия человека с природой. Органичная адаптация природы к нуждам человечества сменилась истощающей эксплуатацией и расходованием природных ресурсов в погоне за быстрой прибылью, огромными объемами произведенного и потребляемого. Это сопровождалось технизацией среды обитания человека. В докладе рассматривается концепция научно-технического прогресса Л. Мамфорда. Выделяя три основных фазы научно-технического развития общества: эотехническую, палеотехниескую и неотехническую, Л. Мамфорд характеризует возможные пути решения проблем техногенной цивилизации. По его мысли, они должны быть найдены в неотехническую эпоху. В самом продолжении избранного западной культурой пути Мамфорд видит грядущее спасение от техногенной катастрофы: по мере своего развития техника должна становиться все более эффективной и экологически чистой. Впоследствии это позволит перейти от сохранения к активной культивации природной среды.

Ключевые слова: философия города, философия техники, урбанизация, индустриализация, Л. Мамфорд, неотехника

The problem of scientific and technological progress in the work of L. Mumford.

Khasieva M.A.

National research Moscow state University of civil engineering, Department of History & Philosophy

Abstract. In the 19th century the transition from the agricultural economy and craft production to factory production and the industry led to the huge change in the way of interacting men with nature. The traditional adaptation of nature to the needs of humanity is replaced by the depleting exploitation and expenditure of natural resources in pursuit of quick profits, huge amounts produced and consumed. The natural landscape is transformed. The human environment is also changing in a key way. The concept of scientific and technological progress by L. Mumford is considered in the thesis. He distinguishes the three main phases of the scientific and technological development: Eotechnic, Paleotechnic and Neotechnic, and describes possible solutions to the problems of technogenic civilization. He believes that these solutions should be found in the Neotechnic phase, by the pursuing the path chosen by Western culture. During its development, technology should become more efficient and environmentally friendly. Then, there would be the transfer from preserving the environment to it's active cultivation.

Keywords: Philosophy of the City, Philosophy of Technology, urbanization, industrialization, L. Mumford, neotechnics

Целью данного исследования является осмысление и характеристика философской концепции научно-технического прогресса в творчестве Л. Мамфорда. Работы Л. Мафорда оказали существенное влияние на современную культурологию, философию и урбанистику, что обуславливает актуальность и значимость поставленной цели. Концептуальное рассмотрение истории человечества Мамфорд производит через понятие «мегамашины» как социотехнической общности, совмещающей в себе социальные иерархические связи и техническую инфраструктуру, объединенные в единую управляемую систему. [1, с. 249]

Мамфорд выделяет три основных фазы научно-технического развития общества: эотехническую, палеотехниескую и неотехническую. Эотехническая фаза соответствует доиндустриальной, традиционной стадии развития общества. В палеотехнической фазе происходит активная индустриализация и технизация всех сфер жизни, происходит промышленный переворот, природа покоряется человеку. На материале конкретных исследований и статистических данных Мамфорд последовательно определяет наиболее значимые семиотические векторы, характерные для каждого исторического периода развития европейских городов. Переход от сельскохозяйственной экономики и ремесленного производства к фабричному производству и ресурсодобывающей промышленности означает отказ от гармоничного способа взаимодействия человека с природой в пользу деструктивной эксплуатации: продукт, вырабатывающийся в индустриальном обществе, неорганичен и лишен биологической структуры. В эотехническую эпоху человечество характеризует постепенное и неторопливое, встроенное в природные циклы развитие. Затем органичная адаптация природы к нуждам человечества сменяется истощающей эксплуатацией в погоне за быстрой прибылью, огромными объемами произведенного и потребляемого. Таким образом, в неотехническую фазу отношения природы и человека будут пересмотрены. Мамфорд отмечает, что вплоть до XV в. металлургия не считалась достойным занятием: большинство людей, работавших в рудниках, были отбывающими наказание преступниками или, в древних цивилизациях, рабами. Тяжелый и примитивный ручной труд был малоэффективен, технические изобретения и разработки там не применялись. В период Возрождения инженерное дело начинает восприниматься в обществе совершенно иначе: инженер и архитектор эпохи Ренессанса уже не ремесленники, а вдохновенные творцы и художники. Во второй половине XV в. происходит переворот в используемых технологиях, что позволило многократно увеличить производительность в горнодобывающей промышленности. Шахты углубляются, выработка начинает производиться по штрекам, дренаж почвы и переработка шлаков делают работу более эффективной.

При этом развитие горнодобывающей и металлургической промышленности, кузнечного дела, по мнению Мамфорда, изначально определялось в культуре милитаристским, агрессивно-захватническим началом. Являясь по сути первым материалом полностью неорганической природы, произведенным человеком, металл знаменовал новую ступень отделения человека от природы. Сравнивая культурно-семиотическое значение таких материалов, как камень, металл и дерево, Мамфорд отмечает, что дерево являлось самым близким к природе, естественным материалом, обладающим органической структурой, а камень также был заимствован человеком из природной среды, хотя и проходил обработку. Металлическая руда же после добычи подвергалась самой интенсивной переработке: переплавка и очистка от посторонних примесей, созданию искусственных металлических сплавов. По мнению Мамфорда, процесс механизации, развития инженерии и машиностроения в Новое время был в наибольшей степени сопряжен с задачами изобретения и производства новых видов оружия. [2, p. 49]

При переходе от эотехнической к палеотехнической стадии развития общества, прогресс начинает сводиться к технизации и механизации. Так, Мамфорд отмечает, что идея о соотнесенности общественного счастья с научно-техническим прогрессом абсолютна чужда идеальному государству Платона, где оптимальное общественное устройство и организация управления в государстве должны гарантировать его благополучие и процветание [2, p. 49]. Неразрывная сопряженность общественного прогресса с техническим развитием проявляется лишь в европейской интеллектуальной культуре Нового времени: социальное благоденствие почти всегда рассматривается в произведениях философов-утопистов как результат научных открытий и автоматизации труда.

Интеллектуальная культура XVII XVIII вв. весьма разнородна. С одной стороны, ориентация на рациональный подход в изучении окружающего мира, опора на науку и поиски оптимального научного метода приводят мыслителей Просвещения к применению того же рационального подхода к вопросам общественного устройства и социально-экономической теории. Наглядными подтверждениями тому являются социально-экономическая теория Адама Смита с весьма характерными концепциями

«экономического человека» и «естественного порядка», теория общественного договора, ставшая предметом активных дискуссий философов XVII в. Другим значимым вектором европейской духовной культуры XVII в. является гедонистическое отрицание сакральной незыблемости моральных норм и подчиненного положения человека перед богом. Эти идеи нигилистического толка, оформившиеся в масштабное движение либертинажа, отражаются в английской комедии эпохи Реставрации, французской прециозной литературе, проникая и в философию той эпохи. XVII в. характеризовался вопиющей нерациональностью и расточающим гедонизмом. Это нашло отражение в архитектуре того времени. Так, Л. Мамфорд писал, что «самые мощные гидравлические насосы XVII столетия применялись в фонтанах садов Версаля. Паровой насос Фишера фон Эрлаха, впервые использованный в

Австрии, применялся не в шахтах, а в садах дворца Бельведер в Вене». [3, p. 114] Феномен либертинажа также связан с данными процессами и во многом представляет собой своего рода реабилитацию человеческой телесности, ответ на длительный период репрессивного отношения к ней в прошлом.

Мамфорд считает XVIII столетие переломным в европейской истории: именно в этот период люди начинают пытаться улучшить жизнь общества при помощи изменений политического, экономического и социального устройства. В XIX в. основной секрет социального благополучия утописты видят в экономическом преуспевании. Мамфорд считает опрометчивым сугубо экономический подход к определению человеческого счастья. [3, p. 240] Понятие «экономического человека», сформулированное британскими утилитаристами на основе концепции А. Смита (1723-1790), определяет человека как существо, движимое исключительно инстинктами к строительству, наживе и приобретению, не имеющее другой конечной цели, кроме как стать во главе производственного процесса.

Антропоцентризм и антропологизм Нового времени предопределяет дальнейшее развитие культуры в XIX в. Европейский город XIX в., в понимании Л. Мамфорда – палеотехнический город. Значимым внешним проявлением процесса индустриализации является технизация природного ландшафта, агрессивное преобразование природной среды. Мамфорд также отмечает, что именно в XIX в. происходит активная фабричная застройка площадей, огромные территории в крупных городах отводятся под технические и производственные помещения. Эта техническая застройка расширяет пространство города, создавая новые рабочие кварталы. При этом жилые здания, где обитало малообеспеченное рабочее население, были крайне необустроенными и являлись лишь придатком к фабричным комплексам. Ставшая отдельным атрибутом бытописаний XIX в. трущобная жизнь больших городов – явление, напрямую связанное с возникновением крупных промышленных центров. Развитие промышленности в социальной сфере неизбежно выражается в усилении межклассового противостояния. Беззастенчивая эксплуатация рабочего класса связывается им с тем же стремлением европейской культуры к экстенсивной экспансии, в данном случае приобретающим форму абсолютизированной жажды наживы.

В XIX в. распространение идей философии утилитаризма способствовало усилению в культуре интенции разрыва человека с природой и предельной рационализации быта и жизненного уклада промышленных городов. Характерное для промышленной эпохи навязчивое стремление к максимальной эффективности и результативности – выражение той же психосоциальной интенции. Проявлениями этого феномена в градостроительстве являются уплотнение застройки и экономия пространства внутри самого жилья. Упразднение цеховой иерархии и нарастание темпов фабричного производства приводят к намеренному сокращению и упрощению пространства жизни рабочего класса, редукции его к самому необходимому для выживания. Для характеристики этого социального явления Мамфорд вводит понятие «минимума жизни»: жестокость рабовладельческих и феодальных цивилизаций прошлых эпох, немыслимая в просвещенном XIX столетии, сменяется медленным изнурением низших слоев общества путем последовательного ограничения и эксплуатации. Здесь речь идет об интенции рационализированного и равномерно дозируемого насилия, принимающего форму повсеместного контроля. В качестве примера палеотехнического города Л. Мамфорд приводит Коктаун - вымышленный город из романа Ч. Диккенса “Тяжелые времена”, воплощающий в себе собирательный образ промышленных европейских городов XIX в.

Неотехническая эпоха, по мысли Мамфорда, является периодом обновления, восстановления гармоничных отношений человека и техники [4, p.148]. В этот период решаются задачи нормализации объемов потребления: человечество учится умеренности и рациональной бережливости в расходовании ресурсов. Нарастают темпы экономической, политической, социокультурной и научной глобализации, мобильность населения также возрастает. Все это инициирует изменения значения техники и ее целей в обществе.

Ключом к успешному и плодотворному развитию современного общества Мамфорд считает согласование духовной и научно-технического сферы развития общества. Мамфорд верит, что укорененная в европейской культуре дихотомия духовного и телесного должна быть преодолена. По его замыслу, это позволит также элиминировать традиционную оппозицию между природой и техникой: научно-технический прогресс уже не будет враждебен по отношению к природной среде. Достижение этого возможно через переход на более высокий уровень научно-технического развития, предполагающий внедрение природосохраняющих и энергосберегающих технологий. Таким образом, концепция Мамфорда в исследовании научно-технического прогресса актуальна и имеет практическое значение для современного градостроительства и урбанистики.

Литература:

1. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001. 408 с.
2. Mumford L. Technics and civilization - London: Routledge & Kegan Paul ltd, 1955. 495 p.
3. Mumford L. The culture of the cities. N. Y.: Harcourt, Brace and co., 1938. 586 p.
4. Williams R. Review: Lewis Mumford’s “Technics and Civilization” // Technology and Culture. 2002, Vol. 43, No. 1. Pp. 139-149.

Медиация конфликта в социальном пространстве современного города

Юнгус Г. А.

Тихоокеанский государственный университет, аспирант кафедры философии и культурологии

galina_vyazova_@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика медиации как особой социальной процедуры в пространстве современного города. Как показывает автор, в современном городе, несмотря на усиливающуюся инфраструктурную взаимозависимость его элементов, происходит секуляризация и автономизация социального агента. В этих условиях, конфликт обретает новое качество. Перестают работать в качестве форм снижения конфликтности и разрешения конфликтов, как формы, порожденные механической солидарностью (родственные, семейные), так и варианты, предлагаемые организмической солидарностью (нормы, мораль, право). В этой ситуации городское пространство становится полем обостряющихся конфликтов, которые, тем не менее, становятся «видимыми» и регулируемыми только в тот момент, когда попадают в сферу действия уголовного законодательства. То есть, тогда, когда примирение уже невозможно. Здесь и возникает потребность в создании (и осмыслении) процедуры посредничества (медиации), позволяющей разрешить конфликт на более ранних стадиях его разворачивания.

Ключевые слова: социальное пространство, город, современность, солидарность, атомизация, конфликт, медиация

Conflict mediation in the social space of a modern city.

Yungus G.A.

Pacific National University, Department of Philosophy and Cultural Studies

Abstract. The article considers the specifics of mediation as a special social procedure in the space of a modern city. As the author shows, in the modern city, despite the increasing infrastructural interdependence of its elements, the secularization and autonomy of the social agent is taking place. In these conditions, the conflict takes on a new quality. They cease to work as forms of reducing conflict and resolving conflicts, both forms generated by mechanical solidarity (sibling, family) and the options offered by organic solidarity (norms, morality, law). In this situation, urban space becomes a field of escalating conflicts, which, nevertheless, become “visible” and regulated only at the moment when they fall into the scope of criminal law. That is, when reconciliation is no longer possible. This is where the need arises for the creation (and comprehension) of a mediation (mediation) procedure that allows one to resolve the conflict at earlier stages of its development.

Keywords: social space, city, modernity, solidarity, atomization, conflict, mediation

Одной из особенностей современного города выступает атомизация сообществ, снижение интенсивности социальных (горизонтальных) связей между людьми. Как показывают эмпирические исследования [1], выступающие в нашем случае, толчком для философского анализа ситуации, солидарность сегодня распространяется на достаточно узкий круг ближайших контрагентов. При этом, механическая солидарность, объединяющая сельские сообщества, в городских условиях перестает работать в силу изменения самих принципов социальной коммуникации.

Более сложные виды солидарности [2], связанные с усложняющимся разделением труда и взаимозависимостью по ряду причин не успевают сложиться. Прежде всего, потому, что скорость увеличения численности городов в последние десятилетия возрастает многократно, как и процесс рутинизации взаимодействия в современном городе. Общая мораль, общие нормы оказываются излишними. На место организмической солидарности в городском сообществе заступает атомизация индивида, обладающего лишь формальной включенностью в сообщество. Однако интенсивность контактов, в том числе опосредованных интернетом возрастает столь же стремительно, как снижается уровень солидарности и число агентов, которые она охватывает. Соответственно, возрастает и число конфликтов.

Сами конфликты не становятся более интенсивными, чем прежде. Просто исчезают или деградируют механизмы, способные гасить их на стадии возникновения. Исчезает тот общий контекст, который позволял вести споры, способные породить позитивный итог. В результате почти любой спор становится началом конфликта, завершить который у сообщества просто нет ресурсов, кроме силовых. Иным словами, конфликт, чаще всего, «гасится» тогда, когда он попадает в область, которую общество отвело для регулирования полицейскому государству.

Сегодня в обществе, в том числе в российском обществе все большее распространение получает идея медиации, посредничества разрешения споров в досудебном порядке. Однако здесь возникают серьезные философские проблемы, затрудняющие процесс медиации. Связаны они с тем, что медиатор для успешного примирения противостоящих сторон конфликта, разрешения его не может быть одной из сторон конфликта. Более того, не может он быть и сторонним участником сообщества. В этом случае, его «миротворческая деятельность» или ее попытка станет просто еще одним конфликтом в дополнение к имеющемуся противостоянию. Иными словами, медиатор должен обладать некоторой «точкой вненаходимости» (М.М. Бахтин) и по отношению к участникам конфликта, и по отношению к обществу в целом.

Эту позицию М.М. Бахтин обозначил, как пограничную [3]. Позиция «внутри» сообщества позволяет нам действовать, но не дает возможности видеть целое. Внешняя позиция (классическая философская позиция) позволяет понимать, но не дает возможности делать, поступать. Знание, идущее из внешней позиции, скорее всего, будет отторгнуто участниками конфликта, как «чужое» [4]. Исключением будет ситуация, когда сам носитель такого «внешнего» знания наделен особым, в идеале, сакральным статусом. Не случайно, традиционный медиатор был либо носителем сакральности (священник, шаман, жрец), либо носителем особого статуса («старик», «уважаемый всеми человек»). Именно пограничность позволяет обладать знанием, которое не будет являться знанием стороны конфликта, и не будет отторгаться, как «внешнее» и «чужое».

В последние годы система медиации вводится, как некоторая юридическая служба. Этот момент тоже заслуживает отдельного и самостоятельного философского анализа. Строго говоря, при этом возникает вполне осознаваемая населением, в том числе участниками конфликта, «выделенность» медиатора. Он осознается, как причастный к государственной власти. Власть, силовой компонент и задает выделенность, особость его социальной позиции. Причем, что важно, позиции двойственной.

С одной стороны, это официальная должность и официальный статус, не особенно отличающийся по степени официальности от статуса, скажем, адвоката. Соответственно, его носитель оказывается причастным к подавляющему силовому ресурсу. Его деятельность кодифицируется и легитимизируется государством. Это создает инструмент, позволяющий разрешить конфликт, постулирует отличие медиатора от любого другого социального агента, от самих сторон конфликта.

С другой стороны, медиатор, во всяком случае, в том виде, в котором он присутствует в пространстве формального законодательства, гораздо в меньшей степени является элементом государства, чем, скажем, мировой судья. В этом плане, он (медиатор) является относительно независимой инстанцией, не выступающей в качестве модуса системы прямого принуждения. Ведь на том уровне конфликта, на котором примирение имеет смысл, ни один из его участников еще не нарушил формального законодательства. Соответственно, и участие в процедуре медиации, таким образом, является совершенно добровольным.

Таким образом, кажется, что процедура медиации, как правовая процедура, легитимируемая государством, вполне соответствует обозначенным выше условиям пограничности. Но все же, как нам представляется, сохраняется проблема. Дело в том, что уровень доверия в современном городском сообществе к государству сегодня остается катастрофически низким [5]. Точнее, есть социальное пространство, где вторжение государства осознается, как допустимое, хотя и не особо желательное – безопасность. Собственно, с эксплуатацией идеи безопасности и связано возникновение государства модерна. Но сам концепт безопасности, находящейся в ведении государства, мыслится в публичном пространстве. Само же это пространство все более стремительно сужается в силу распада больших идеологий, деструкции коллективного воображаемого, атомизации общества. То, что еще «вчера» было областью публичного дискурса, сегодня становится сферой приватного пространства, вторжение в которое осознается именно, как вторжение.

Область конфликтов между новой приватностью и новой публичностью (прозрачностью) все

возрастает, множится. В результате традиционное противостояние или взаимодействие общества (как целого) и государства (как целого) сменяется на все стремительнее увеличивающееся число конфликтов между горожанами (не городом) и агентами государства, стремящимися вторгнуться в зону, воспринимаемую ими в качестве области их приватности. Государство из внешней силы, сверхинститута, выступающего средством легитимизации всех остальных институтов, превращается в еще одну сторону конфликта.

Это создает и специфические сложности в процессе медиации. Медиатор выступает официально-легальной фигурой, чья деятельность разрешена и поддерживается государством. Без этого статуса он не может разрешать конфликт. Для этого не оказывается инструментов. Но само наличие официального статуса оказывается препятствием в том, чтобы участвовать в качестве посредника в разрешении конфликта. Ведь конфликт оказывается в приватной сфере, по крайне мере, мыслится агентами в качестве такового. Соответственно, медиация оказывается вторжением государства в приватную сферу. Возможно, что участники конфликта и решат использовать его деятельность. Но это будет специфическое использование. Стороны конфликта вполне могут попытаться привлечь на свою сторону силовой ресурс государства для разрешения конфликта в свою пользу. Подобное использование трудно назвать разрешением конфликта (примирением) в собственном смысле слова. Использование же медиатора в качестве посредника в описываемой ситуации крайне маловероятно.

В результате, современный город остро нуждается в посреднике медиаторе при разрешении конфликтов. И в то же время не имеет такой фигуры, несмотря на то, что множество носителей различных социальных статусов претендует на эту роль: религиозные деятели, работники МСУ, медиаторы, мировые судьи и т.д.

Есть ли выход из ситуации? Думаю, что есть. И состоит он в конструировании частного статуса медиатора, скорее, совпадающего со статусом социального активиста, нежели со статусом правоведа. Однако ключевым параметром, характеризующим этого деятеля, выступает не отношение с государством, но уровень доверия к нему лично. И чем выше уровень доверия и больше людей, для которых он действует, тем эффективнее будет посредничество.

Литература:

1. Onyx J., Bullen P. ‘Sources of social capital’, in I. Winter (ed.) Social Capital and Public Policy in Australia, Australian Institute of Family Studies, Melbourne. 2000. P. 105 – 134.
2. Jary D. Collins Dictionary of Sociology, Glasgow: Harper Collins, 1991, 774 p.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
4. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. – М.: РОСПЭН, 2005 – 208 с.
5. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. № 3. С. 1-8;

Социальное пространство городов: подходы, методы, модели

Ковалевский А.В.

Кафедра философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, аспирант

fakzy79@gmail.com

Аннотация: В докладе предполагается рассмотреть особенности социального пространства городов. Само понятие «социальное пространство», как предполагается показать, тоже не является очевидным. Мы предполагаем понимание данной категории как специфического механизма наделения и считывания социальных смыслов с объектов физического пространства. Подобное наделение/считывание начинает предполагать один тип деятельности и препятствовать иным. Исходя из определения, выдвигаются и подходы изучения социального пространства города. В докладе рассматривается морфологический подход, предполагающий анализ структуры городского пространства, взаимного расположения объектов и городской инфраструктуры. Собственно, именно из этого подхода исходит урбанистика. Функциональный подход, предполагающий установление связи морфологии городской инфраструктуры и проживающего здесь сообщества. И сегрегационный подход, анализирующий городскую идентичность, выделяющую городское сообщество из окружающего пространства, локальные сообщества на городской территории.

Ключевые слова: социальное пространство, пространство города, морфологический подход, сегрегация, локальные группы, функционализм.

Social space of cities: approaches, methods, models.

Kovalevsky A.V.

Pacific National University, Department of Philosophy and Cultural Studies

Abstract: The report is supposed to consider the features of the social space of cities. The very concept of “social space”, as it is supposed to show, is also not obvious. We assume an understanding of this category as a specific mechanism of endowing and reading social meanings from objects of physical space. Such endowment / reading begins to suggest one type of activity and hinder another. Based on the definition, approaches are put forward to study the social space of the city. The report examines the morphological approach, which involves an analysis of the structure of urban space, the relative position of objects and urban infrastructure. Actually, it is from this approach that urban studies proceed. A functional approach, involving the establishment of a connection between the morphology of urban infrastructure and the community living here. And a segregation approach that analyzes urban identity, distinguishing the urban community from the surrounding space, local communities in the urban area.

Понятие «социальное пространство» не является очевидным. Можно выделить несколько форм понимания данной категории, каждая из которых создает собственное проблемное поле. Первое, наиболее очевидное понимание, исходит из классических пространственных представлений (пространство – вместилище тел). Соответственно, под социальным пространством понимается физическое (географическое) пространство, населенное людьми [3]. В этом случае, отношения выше/ниже, дальше/ближе тоже будут задавать основания для коммуникации, влиять на ее протекание. Так, коммуникация с трибуны в зал качественно отличается от коммуникации «глаза в глаза», как и от коммуникации с помощью технических средств. Однако подобное понимание социального пространства, идущее от интеракционизма [1], не вполне подходит для анализа пространства городов, обладающих специфической инфраструктурой и особыми формами городского быта.

От социологии П. Бурдье [2] идет понимание социального пространства (и социальных полей) как пространства человеческих иерархий, стратификационного пространства. Подобное понимание достаточно эвристично. Оно позволяет увидеть смысловые корреляции между формами человеческой коммуникации и социальным статусом, осознать социальную структуру, как целостность. Однако при

анализе конкретного объекта такое понимание мало функционально. Ведь ответить на вопрос «где находится данный объект» подобное понимание не может.

Наиболее эффективно, как нам представляется, понимание социального пространства, как пространства, составленного из физических объектов, наделенных социальными смыслами. Такое наделение/считывание начинает предполагать один тип деятельности и препятствовать иным [5]. Причем, наделение это предполагает наличие коллектива, способного эти смыслы считать. В противном случае, смысл меняется вместе с самим пространством, даже если сам физический носитель остался прежним. Так, в помещениях римских бань в раннем средневековье располагались храмы, наделяя римские архитектурные элементы иным, христианским содержанием. Подобный подход предполагает обязательное знание морфологии объекта. Особенно в том случае, когда речь идет о столь сложном инфраструктурном построении, как город.

Морфологический подход предполагает изучение инфраструктурных особенностей данного города, транспортно-дорожной сети, специфики расположения зданий, плотности и высоты застройки и т.д. Эти, физические объекты, соотносящиеся, скорее, с первым пониманием социального пространства, в значительной степени задают особенности городской коммуникации, большей или меньшей интенсивности перемещений и общения, плотность социальных связей городского сообщества. По существу, именно морфологический подход делает философский анализ современного города предметным и эвристичным. Собственно, именно из этого подхода исходит урбанистика.

В качестве второго подхода можно выделить функциональный подход, предполагающий установление связи морфологии городской инфраструктуры и проживающего здесь сообщества. Здесь речь идет уже не просто об инфраструктурных особенностях города, но об особенностях смысловых. Скажем, центр города – это не указание на пространственное расположение участка, но описание некоторого (часто уникального) набора функций, который закреплен за этим местом. И члены данного территориального сообщества легко считывают эти функции. В то же время «чужой» (в трактовке Зиммеля [3]) может их и не прочесть, или приписать месту совершенно иные функции. В рамках этого подхода выделяется не только центр и периферия, но и особые городские пространства различающиеся в отношении престижа (рабочие поселки, спальные районы и «аристократические» пригороды), наделенные особым смыслом (кладбища, тюрьмы, ключевые торговые центры, место расположения различных властей и т.д.). Но функциональный подход ориентирован не только на выделение особых, отличных от других локаций, описание их функциональной нагруженности, но и на анализ процесса взаимодействия между локациями, процесса миграции населения от одной локации к другой. Это и дает возможность описать город, как особую, отличную от других целостность, особый тип организации пространства.

Последний подход направлен на установление связи между городским пространство и сообществом. Мы обозначили его в термином сегрегационный подход. Предметом анализа здесь выступает городская идентичность, выделяющая городское сообщество из окружающего пространства, локальные сообщества на городской территории.

Сам город выступает носителем определенных смыслов, задающих особость его пространственной организации. В докладе на материале российских городов выделяются города-столицы, города-ставки, города-заводы, торговые фактории и т.д. Исходя из этой функциональности, выстраивается и «идея города», на основе которой задается городская идентичность. Идентичность влияет на морфологию города. Ведь город, ориентированный на торговлю и горд-крепость будут строиться по разным лекалам. Достаточно часто говорят о крахе этой типологии, на место которой выдвигаются разновидности, связанные с размерами и ролью города в глобальной экономике. Думаю, что это не вполне оправдано. Точнее, этот взгляд отражает только часть смыслов социального пространства города. Во всяком случае, когда речь идет о городской идентичности. Париж – это не только мегаполис, но и символ изысканности, центр моды, искусства и туризма. Но и сама идентичность горожан не является абсолютной данностью. Она различается в различных локальностях.

Скопление в данном участке пространства зданий с определенной социальной функцией и, что важно, с определенным статусом. Место сообщает статус и проживающему здесь сообществу. Иные элементы из сообщества просто вымываются (переезжают, вытесняются). Так в районе, где сосредоточены дорогие бутики, мало общественного транспорта, магазинов шаговой доступности и т.д. просто не удобно жить человеку, не располагающему средствами для организации престижного потребления. С другой стороны, в «спальном районе» трудно поддерживать уровень статусного потребления, трудно

найти наблюдателей, которые бы адекватно оценили это потребление. Не просто в таких района обстоит дело и с обеспечением безопасности. Социальная сегрегация городского пространства позволяет не просто выделить более или менее престижные локации, но и описать городское сообщество, как сложно организованную и подвижную систему, поскольку характеристики локальностей не являются чем-то постоянным.

Таким образом, выделенные и описанные в докладе подходы позволяют дать описание социального пространства города, последовательно продвигаясь от физического объекта к социальному действию и взаимодействию. Правда, последнее связано не только с внутренними источниками динамики, но и с внешней, по отношению к окружающей периферии и тем центрам, в отношении которых сам данный город выступает в качестве периферии. Собственно, сама популярная идея «глобальных» и «региональных» городов (модель Олигополиса [4]), их влияния на окружающее пространство и особенности структурирования собственного пространства, строится именно на этом основании. Здесь выделяются глобальные города, мегаполисы, крупные и малые города, каждый из которых обладает собственной «хорой».

Литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
2. Бурдье, П. Социология социального пространства. — М., 2007.
3.Зиммель Г. Социология пространства // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. — М., 1996. — Т. 2.
4. Сассен С. Приведение глобальной экономики в действие: роль национальных государств и частных факторов // Международный журнал социальных наук. — 2000. — N 28. — С. 167—175.
5. Филиппов А. Ф. Социология пространства. — СПб.: Владимир Даль, 2008. — 285 с.
6. Шютц А. Некоторые структуры жизненного мира // Философия языка и семиотика. — Иваново: ИвГУ, 1995. — С. 213–229.

РФК-2020_311_Круглый стол
«Глобальные проблемы цивилизации: комплексный подход
(посвящается первому президенту РФО академику И.Т.Фролову)»

Отечественный вклад в глобально-экологическую парадигму мышления

Апухтина Н.Г.

Челябинский государственный институт культуры, профессор. Доктор философских наук

kaf-fil@chgik.ru

Аннотация: раскрываются сущностные основания, становящиеся в мировой науке центральными элементами глобально-экологической парадигмы мышления, и получившей развитие практически во всех отраслях и дисциплинарных направлениях современных философии и науки. Представлены авторские определения сущности, признаков, объектно-субъектных основ парадигмы, классификации глобальных проблем современности.

Ключевые слова: глобализация, глобалистика, парадигма, глобально-экологическое мышление.

Russian Contribution to Global Ecological Paradigm of Thinking.

Apukhtina N.G.

Chelyabinsk State University of Culture, Professor

Abstract: the essential foundations are revealed, which become in central science the central elements of the global ecological paradigm of thinking, which has been developed in almost all branches and disciplinary directions of modern philosophy and science. The author's definition, features, object-subjective foundations of the paradigm, classification of global problems of the present are presented.

Keywords: globalization, global studies, paradigm, global-ecological thinking.

Обширная сфера естественно-научных и социально-гуманитарных знаний, практических решений и усилий в виде сугубо глобалистических по охвату и значению представлений, - глобалистика. Это наука в самом широком смысле слова, систематизирующая многие ветви общенаучного и частнонаучного знания. Её объект исключительно сложен и многогранен. Глобалистику было бы правильным назвать особой сферой философских, научных и культурологических исследований.

Этимология: термин «глобальный» происходит от латинского «глобус» - земной шар. Поэтому глобальные проблемы современности - порождение комплекса актуальных, жизненно важных и острых противоречий мира, представляющих серьёзную опасность для существования и прогресса человечества в современную эпоху. Этот комплекс сложился с конца 60-х - начала 70-х годов XX столетия и стал предметом разносторонних исследований к началу 80-х годов практически во всех без исключения науках, в том числе и в философии. Ныне сложился целый ряд научных школ, специализирующихся на проблемах глобалистики.

Наиболее сильными национальными школами являются французская с её разработками демографии, экологии, сырьевой проблемы и американская с её исследованиями проблем войны и мира, ресурсов. Анализ вклада различных школ и направлений, групп и лабораторий будет неполон, если не обратить внимания на деятельность самостоятельных групп и движений, оказавших наиболее ощутимое влияние и продвижение в осмыслении глобальных реалий. Имеется в виду Пагоушское движение (Канада, 1957), «Институт проблем будущего» (Австрия, 1965), Международный фонд «Человечество в 2000 году» (Нидерланды, 1965), «Общество по изучению будущего мира» (США, 1966), Римский клуб (Италия, 1968) и многие другие. Пожалуй, наиболее значима роль Римского клуба в становлении футурологической глобалистики как научного направления мировой науки.

С начала 70-х годов в странах Восточной Европы и СССР начались активнейшие исследования глобальных проблем современности на основе марксистской методологии, но при этом принципиальных расхождений с западными направлениями в материалах и результатах обнаружить не удалось, хотя определённая увязка с политикой и идеологией в 70-80-е годы имела место. Правда, считалось, что глобальные проблемы современности своей «родиной» имеют страны развитого капитала и ареал их преимущественного распространения - «третий мир», а наиболее позитивные успехи в деле предотвращения и разрешения глобальных проблем возможны лишь в мире социализма с господствующей

общественной собственностью, частный же капитал повсеместно демонстрирует своё «хищническое лицо», и поэтому удел стран социализма - инициировать и побуждать Запад к правильной глобальной политике. Тем не менее, кроме обязательной политизированной компоненты исследований, в СССР сложились и позитивные по своему значению блоки научных изысканий, получающие неизменно высокую оценку во всём мире. Последние Всемирные философские конгрессы отмечали высокий статус и престиж отечественной глобалистики среди других национальных школ мира.

Основными направлениями отечественной глобалистики считаются следующие:

- «философско-методологическое» направление, которое исследует философские основания, сущность, генезис глобальных проблем, вычленяет методологические основания и концепции для глобальных исследований, основные детерминации и преобразования социально-политического и экономического характера, необходимые для успешного решения глобальных проблем. Его представители: И.Т.Фролов, Н.Н. Моисеев, В. А.Энгельгардт, П.Л. Капица, Д.М. Гвишиани, В.В. Загладин, Е.К. Фёдоров, Г.С. Хозин, И.В. Бестужев-Лада, Э.В. Гирусов и другие.
- «интерсоциальное» направление акцентирует внимание на исследованиях: а) по предотвращению ядерной войны, прекращению гонки вооружений, достижению всеобщего и полного разоружения; б) по преодолению разрыва в уровнях экономического и социально-политического развития различных континентов, регионов, стран и народов, по преодолению международного неравенства (Ю.М.Павлов, О.К. Дрейер, О.Д. Ульрих, А.А.Громыко, Ю.Е. Фёдоров, Р.А. Перелет, Б.Ф.Ключников, М.М. Максимова, Н.Н. Иноземцев, С.М. Меньшиков и другие).
- «социоприродное» направление глобалистики многопланово. Исследования Ю.А. Школенко, А.Д.Урсула, Ю.М. Колосова и других посвящены освоению космоса и использованию ресурсов Мирового океана. Исследованиям энергетической и сырьевой проблем (многие из ресурсов ныне на грани исчерпания) посвящены работы М.А. Стыриковича, Ю.В. Синяка, С .Я. Чернявского и других; климату - М.И. Будыко, В.М. Коблякова, А.Б. Аронова, Е.К.Фёдорова, Г.С. Голицина и других; земельным ресурсам - И.П. Герасимова, В. А. Ковды, В.А.Анучина, Г.А. Аграната, В.Г. Розанова, В.М.Гохмана и других.

Глобалистика как сложившаяся ветвь современных научных представлений рассматривает историю глобальных проблем, их признаки и сущность, классифицирует и анализирует общую картину глобальных реалий, возможности их изучения и принципиального разрешения. Глобальные проблемы современности - это целостный комплекс всеобщих проблем, порождённых деятельностью самих людей; проблем, которые могут быть эффективно изучены и разрешены только самим человечеством. При этом процесс осознания возникших глобальных проблем не успевает за темпами их развёртывания и обострения. Человек оказался мало подготовленным к глобальным реалиям второй половины XX века, он вступил в чудовищные противоречия с результатами своей деятельности, своего творчества - научно-техническими достижениями, к которым так стремился его гиперрационализированный стиль мышления, начиная с Нового времени. Глобальные проблемы по своим масштабам и реальной опасности для человека действительно не имеют аналогов в истории. Можно предположить также, что и решение глобальных проблем современности слишком ещё ничтожно по сравнению с грандиозностью реалий и их грозной силой.

Глобальные проблемы современности породили обширный веер конкретных форм своего проявления на региональном, локальном и местном уровнях. Философия, анализирующая посредством своих принципов и категорий систему «человек - мир», в случае изучения глобальных реалий актуализирует её структурные взаимодействия как взаимодействия триады «природа - человек - общество». Глобальные проблемы современности выступают интегральным комплексом противоречий в данной онтологической гиперсистеме, имеют глубинные исторические корни и проистекают из деятельностной природы человека. Вся история человечества исконно подчинена действию закона возвышения потребностей и деятельности человека, что с необходимостью обусловливало экстенсивное по характеру использование природных возможностей и ресурсов и, в конечном счёте, привело к нарушению некогда гармонично согласованной гиперсистемы «природа - человек - общество».

Автор выделяет четыре группы проблем, которые имеют различное наполнение. Первая группа включает лишь одну глобальную проблему, но отличающуюся особой остротой и многовекторностью, а именно - обеспечение мирных условий для существования и развития человека и человечества. Она представляется «фундаментной» проблемой, от успеха разрешения которой зависит современное и будущее существование человечества, а также темпы и успехи в разрешении всех остальных глобальных проблем. Данная проблема имеет множество направлений, элементов и этапов в своём разрешении. Вот главные её направления: предотвращение третьей мировой термоядерной войны, запрещение наиболее чудовищных видов вооружения, научных разработок к ним; сокращение армий мира; демилитаризация политики, экономики, науки, общественной жизни; разрешение всех конфликтов только мирными, гарантированными средствами и др.

Исчерпание литосферных, гидросферных и биосферных ресурсов Земли, постепенное выгорание Солнца - звёзды нашей планетной системы, в которой мы живём, станет причиной переселения в иные космические пространства, что с необходимостью уже в XX веке поставило перед человечеством задачу подготовки к этому «космическому переселению» в отдалённом будущем. Мирное освоение космоса и Мирового океана составляет вторую группу глобальных проблем.

Третья группа проблем объединена общей причиной - несовершенством отношений человека и общества к природе, что с неизбежностью порождает экологическую, продовольственную, энергетическую и сырьевую проблемы.

Четвёртая группа объединена несовершенством отношений внутри общества, недостаточным пониманием обществом и человеком своей сущности и предназначения. Среди проблем этой группы - проблема преодоления отсталости и неравномерности развития регионов, стран, народов; демографическая проблема; сохранение и укрепление биологического здоровья человека и, наконец, практически не выделяемая в литературе в качестве одной из глобальных проблем современности, проблема сохранения и развития культуры - благоприятных условий для духовно-социального развития человека, развития его сущностных сил.

Характеризуя современное состояние глобальных проблем как катастрофическое, следует подчеркнуть не только их всепланетный характер, обострённость в мире, но и особенности их проявления в нашей стране, в том числе и на Урале. Урал уже три столетия экстенсивными темпами развивает в силу своих богатых природных ресурсов тяжёлую индустрию, преимущественно военно-промышленного назначения, и не случайно многие его города и районы по классификации ЮНЕСКО именуются «чёрными дырами» планеты и зонами экологического бедствия. И поэтому для нас, жителей Уральского региона, многие глобальные проблемы - это проблемы не где-то там и у кого-то, а практические и каждодневные проблемы каждого города, села, каждого дома и семьи.

Анализ развития философской традиции в русской духовной культуре второй половины XIX-XX веков [См.: 1,2,3] позволяет автору настойчиво утверждать, что не прервана традиция осмысления предельных метафизических процессов и ситуаций в мире. В этот период в трудах отечественных учёных (Л.И. Мечников, К.Э.Циолковский, В.И.Вернадский, Н.Г. Холодный, В.Н. Муравьев, А.Л.Чижевский, Э.С. Бауэр, Н.В. Тимофеев-Ресовский, Н.Ф. Реймерс, Н.Н. Моисеев и др.), философов (В.С. Соловьев, Н.А.Бердяев, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, И.А. Ильин, П.А. Сорокин, Н.Ф. Федоров, И.Т. Фролов и др.) и художников (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.В. Сухово-Кобылин и др.) получили развёрнутое теоретическое оформление представления о природе и существе происходящего глобально-экологического кризиса как результате глобальной деструкции системы отношений «природа - человек - общество» под напором преобразующей деятельности человека, которые одновременно представляют собой программу выхода из кризиса. Онтологически контуры картины мира наполнены представлениями о многообразии и системной организованности многообразных форм бытия человека об эволюционном развитии и планетарно-космической целостности мира. В предлагаемых проектах будущего и программах выхода из кризиса содержатся идеи о переустройстве прежде всего самой природы человека о возвышении его духовности, о культивировании новых этических форм и реформировании общественных отношений в мире на началах единства, солидарности и любви. Последняя предполагает необходимость формирования нового типа мышления, которое уже складывается в качестве научной парадигмы и нуждается в распространении и развитии через систему образования и воспитания.

Литература:

1. Апухтина, Н.Г. Отечественные истоки глобально-экологического мышления: Монография. — Челябинск: ЧГИИК,

1999. 172 с.
2. Апухтина, Н. Г. От истоков к основаниям глобально-экологической культуры мышления: Монография. Челябинск: ЧГАКИ, 2006. 196 с.
3. Апухтина, Н. Г. Человек в эпицентре глобально-экологических проблем современности. Челябинск: ЧГИИК, 1999. 99 с.

Человечеству грозит гибель от депопуляции, если…

Балашов Л. Е.

Российское философское общество, заместитель главного ученого секретаря. Кандидат философских наук

lev_balashov@mail.ru

Аннотация: В современном цивилизованном обществе недостаточно внимания уделяется проблеме устойчивого воспроизводства человечества. Вот уже несколько десятилетий в развитых странах наблюдается депопуляция коренного населения. Нет даже простого воспроизводства (меньше 2,15 ребенка на одну женщину). Это реальная угроза человечеству как биологическому виду. Все наши цивилизационные достижения ничего не стоят, если не будет устранена эта угроза. Ведь и развивающиеся страны идут по пути воспроизведения модели жизни развитых стран, и им грозит депопуляция в недалеком будущем. В выступлении рассматриваются глубинные причины депопуляции и способы ее преодоления. Прежде всего, нужно пересмотреть отношение к проблеме качества жизни, отказаться от чисто индивидуалистического подхода к его определению.

Ключевые слова: человечество, депопуляция, качество жизни, образование, рождаемость, реальное бессмертие, эстафета жизни, цивилизация

Humanity is Threatened with Death from Depopulation if…

Balashov L.E.

Russian Philosophical Society

lev_balashov@mail.ru

Abstract: In modern civilized society, not enough attention is paid to the problem of sustainable reproduction of mankind. The depopulation of indigenous populations has been observed in developed countries for several decades. There is not even a simple reproduction (less than 2.15 children per woman). This is a real threat to mankind as a biological species. All our civilizational achievements are worthless if this threat will not bet eliminated. After all, developing countries are also following the path of reproducing the model of life of developed countries, and they are in danger of depopulation in the near future. The presentation discusses the underlying causes of depopulation and ways to overcome it. First of all, it is necessary to reconsider the attitude to the problem of quality of life, to abandon the purely individualistic approach to its definition.

Keywords: humanity, depopulation, quality of life, education, birth rate, real immortality, relay race of life, civilization

1. Продолжение человеческого рода, биологическое бессмертие человека. Поскольку личное бессмертие невозможно, постольку перед людьми всегда стояла и будет стоять проблема продолжения рода, воспроизведения себе подобных.

Пока люди не изобрели иной способ воспроизведения себе подобных, они должны рожать-растить детей и решать связанные с этим проблемы любви, брака и семьи.

Прежде всего, о проблеме рождаемости. Социологи и демографы давно уже бьют тревогу: падает рождаемость, все более угрожающими становятся факторы, ведущие к депопуляции, т. е. вымиранию населения. Демографы называют порог — 2,15 ребенка на одну женщину (семью), — ниже которого происходит уменьшенное воспроизводство человека. Имеются уже целые страны, в которых уровень рождаемости значительно ниже этого порога. Так, в Германии он 1,3 ребенка на одну женщину (семью). Не лучше положение в России, особенно в последние годы (цифра колеблется от 1,78 до 1,55 ребенка на одну женщину в 2015-2019 гг.).

2. Бич современного культурного общества — малодетная семья (однодетные и двухдетные семьи).

Дело идет к тому, что преобладающей формой семьи становится однодетная. Более того, сама семья как социальный институт распадается. И это понятно. Возникла ситуация порочного круга. Малодетность приводит к тому, что последующие поколения людей, выросшие в малодетных семьях, утрачивают необходимые качества для совместной жизни в семье, вследствие чего заключаемые браки становятся все менее и менее прочными.

Любопытно, что люди давно подметили, что малодетность не решает проблемы устойчивости-надежности сохранения жизни, ее дления и, в частности, продолжения рода. На этот счет существует такая поговорка: «Один сын - не сын, два сына - полсына, три сына – сын».

Факты таковы, что современному цивилизованному обществу грозит медленная смерть, если не будут предприняты серьезные меры по повышению рождаемости, укреплению семьи или ее преобразованию в иной социальный институт, благоприятный для воспроизводства человека.

Обращаю внимание читателя: речь идет именно о цивилизованном обществе. В развивающихся странах наблюдается обратная картина. Медленная смерть им пока не грозит. Но о них нельзя говорить как о передовых, развитых странах.

3. Если говорить в целом о населении Земли, то вырисовывается такая картина: вплоть до 1970-х годов численность населения мира росла по гиперболическому закону, в настоящее время наблюдается прогрессирующее замедление темпов роста населения Земли. О чем это свидетельствует? О том, что уменьшается доля населения Земли с повышенной рождаемостью и увеличивается доля населения, которое себя не воспроизводит. Если тенденция (прогрессирующее замедление темпов роста населения) будет сохраняться, то наступит сначала прекращение роста численности населения Земли, а затем начнется уменьшение численности.

4. В целом для человечества важно соединение двух важнейших факторов жизни: нормальное воспроизводство населения и прогресс культуры, цивилизации. Пока людям не удается сколько-нибудь удовлетворительно соединить эти два фактора. На одном полюсе мы наблюдаем расширенное воспроизводство жизни при недостатке ее качества, культуры. На другом полюсе — улучшение качества жизни, прогресс культуры, но: при убывающем народонаселении. (О качестве жизни см. ниже).

Как видим, проблема реального бессмертия тесным образом связана с проблемой рождаемости и, соответственно, с проблемами любви, брака и семьи. Все наши успехи в области науки и техники, все наши культурные достижения ломаного гроша не стоят, если не будет решена проблема воспроизводства человека. В результате депопуляции, вымирания просто некому будет пользоваться плодами науки, техники, культуры. Современное общество развивается однобоко и рискует оказаться невольным самоубийцей.

5. О качестве жизни. В ООН качество жизни определяется по трем основным показателям: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень образованности населения и уровень реальных доходов населения. Ни один из этих показателей ничего не говорит о качестве родовой жизни человека. Они говорят лишь о качестве индивидуальной жизни (продолжительность жизни, образованность и уровень доходов). Вот вам и мнение нынешних «образованных» людей! Качество жизни они понимают в соответствии с полученным ими односторонним образованием как сугубо качество индивидуальной жизни. А то, что качество жизни невозможно без родовой составляющей — им невдомек. Ведь жизнь в целом — это не только жизнь индивида, но и жизнь рода! Жизни индивида не существует без (и вне) жизни рода. Мы появляемся на свет и вырастаем благодаря родителям! В свою очередь и мы должны произвести на свет и вырастить детей. Иначе прекратится жизнь человечества, жизнь вообще. А может ли быть жизнь человека качественной, если за ней следует пустота, если она обращается в ничто? Нет, конечно. Поэтому качество жизни — не только качество индивидуальной жизни, но и качество родовой жизни! Следовательно, в число основных показателей качества жизни должен входить и такой показатель, как наличие детей (не меньше двух-трех). Да, этот показатель вступает в определенное противоречие по крайней мере с двумя из трех указанных показателей качества жизни. Ну что ж, качество жизни и на самом деле противоречиво. И оно тем выше, чем больше удается минимизировать это противоречие, добиться определенного баланса разных сторон жизни. По-настоящему счастлив тот, кто добивается успеха и в творчестве (в профессии), и в любви (в семье, в продолжении рода).

А пока цивилизованное человечество в лице экспертов ООН будет определять качество жизни только как индивидуальное, до тех пор это цивилизованное человечество будет сокращаться как шагреневая кожа и просто вырождаться.

Создается впечатление, что цивилизованное человечество забыло о продолжении рода и едва терпит эту свою обязанность. И о качестве жизни и о свободе человека в западных странах говорится почти исключительно как индивидуальных категориях, касающихся жизни отдельного человека.

Нужно, наконец, осознать важность охраны самого человека как живого существа, как уже осознали важность охраны окружающей среды. Нужно осознать необходимость неотложных мер по налаживанию устойчивого воспроизводства человека.

6. Эстафета родовой жизни. Некоторые игнорируют потенциальное бессмертие или, попросту говоря, наплевательски относятся к тому, что будет после смерти. Наиболее ярко это отношение выражено в известном высказывании Людовика XV — “После нас — хоть потоп”. В самом деле, есть люди, которых не прельщает перспектива жизни после смерти. Стремление к бессмертию им кажется проявлением пустого тщеславия или даже выражением мистического умонастроения. Эти люди упускают из вида, что потенциальное бессмертие — не просто жизнь после смерти. Правильнее понимать его в более широком смысле — как эстафету жизни. Нам дали жизнь, нас воспитали, образовали, мы пользуемся плодами культурной деятельности предшествующих поколений. Поэтому и мы должны дать жизнь другим, внести свою лепту в сокровищницу человеческой культуры. На нас жизнь не замыкается; она лишь звено в цепи жизни человечества.

В эстафете родовой жизни человек должен стремиться к тому, чтобы факел его жизни не угас прежде, чем он передаст огонь другим людям, другим поколениям.

Жизнь — самоподдерживающийся процесс и, как видим, не только в смысле самосохранения, но и в смысле продолжения рода, сохранения и развития-прогресса культуры.

Потенциальное бессмертие одинаково “смотрит” в будущее и прошлое. В будущее — с точки зрения того, что оставляет после себя человек. Это проблема следа. В прошлое — с точки зрения того, как продолжается жизнь и дело других в нем самом. Это проблема продолжения рода, освоения культуры, “вживления” в культуру подрастающего человечества.

Человек, стремящийся к бессмертию, должен рассматривать себя не просто в плане жизни для будущего, для других, следующих поколений, а как звено в цепи бессмертия, т. е. и в том смысле, что в нем самом продолжается жизнь предыдущих поколений. Чтобы иметь право на свое собственное бессмертие, человек должен пережить в себе бессмертие других, живших до него людей. Если этого нет, то можно сказать заранее, что он обречен на бесплодие и забвение.

7. Образование и рождаемость. Я думаю, есть прямая связь между снижением рождаемости в развитых странах мира, в России и увеличением количества образованных людей. Образованная часть населения не воспроизводит себя. Особенно это касается людей с высшим образованием. Существует по этому поводу мнение, что де образованность несовместима с таким грубо материальным процессом как рождение детей и уход за ними и поэтому образованные люди рожают меньше, чем необразованные, что де необразованным людям делать нечего, как рожать детей и т. д., и т. п. Я на это скажу: данное мнение — мнение людей, образованных как раз таким односторонним образом. Многие образованные люди не чувствуют и не понимают такой очевидной вещи, что они помимо всего прочего должны передать эстафету жизни другим поколениям (в виде хотя бы двух-трех детей). Когда образованных людей было немного, это их мнение и поведение не отражалось сколько-нибудь значимо на демографии. Но вот во 2-й половине XX века процент образованных людей в структуре общества значительно вырос. Это значит, что образованные люди, оказывая все более существенное влияние на демографию в сторону катастрофического снижения рождаемости, могут погубить человеческий род. Вывод: нужно коренным образом менять систему образования, чтобы образованные люди перестали пренебрежительно относиться к ценностям рода.

Могут сказать: не дело школы, а тем более вуза — заниматься подготовкой к семейной (супружеской и родительской) жизни. Да, это было бы так, если бы школа и вуз не отнимали у учащегося-студента лучшую и львиную долю его времени жизни. Спрашивается, когда же и где человеку образовывать себя как супруга и родителя? В вечерние часы, во время отдыха, на улице, в подворотнях и подъездах?

Что делать? В системе образования (от школы до вуза) нужно установить два баланса:

1) баланс умственных и физических занятий (распределение часов примерно поровну);

2) баланс занятий семейно-педагогических и занятий общеразвивающих и подготавливающих к определенной профессии (распределение часов примерно поровну).

8. Человечество избрало в XX веке отнюдь не лучший способ решения жилищной проблемы, построив многоэтажные города. Многоэтажный город — воистину черная дыра человечества как биологического вида. Сокращение рождаемости, депопуляция в значительной мере обусловлены проживанием людей в многоэтажных домах. Квартира в таком доме подобна клетке для зверей в зоопарке; отнюдь не способствует воспроизводству человека как живого существа.

9. О ценностях рода. Сейчас в России много говорят о ценностях семьи. Это хорошо. Но недостаточно! Нужно говорить также о ценностях рода. Семья в современном понимании может быть и без детей или с одним только ребенком. А это значит, что акцент на ценностях семьи не решает принципиально вопрос хотя бы о простом воспроизводстве жизни, о продолжении рода.

Здесь две стороны вопроса:

1) нужно привлечь внимание к прошлому рода, т. е. воспитать уважение в людях, в обществе к родителям и предкам;

2) нужно фундаментально заниматься продолжением рода, в частности, проводить такую политику, чтобы было простое и даже расширенное воспроизводство человека.

Глобальная мирная стратегия в философии И.Т. Фролова

Белкина Г.Л.

Институт философии РАН. Кандидат философских наук

Аннотация: Органической частью философской концепции академика И.Т. Фролова были новое мышление и новый гуманизм. В целом ряде своих статей и выступлений на международных форумах он развивал принципы «глобальной мирной стратегии». Глобальная мирная стратегия, включает в себя как решение глобальных проблем через деятельность международных организаций, так и формирование усилиями философов, учёных и вообще гуманистов нового экологического сознания и мышления. Единая стратегия решения глобальных проблем, утверждал И.Т. Фролов, должна быть проникнута гуманизмом, идеалами социального прогресса, разоружения и международного сотрудничества.

Global Peace Strategy in the Philosophy of I.T. Frolov.

Belkina G.L.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: The organic part of the philosophical concept of academician I.T. Frolov had a new mindset and a new humanism. In a number of articles and speeches at international forums, he developed the principles of a «global peace strategy.» The global peace strategy includes both the solution of global problems through the activities of international organizations, and the formation through the efforts of philosophers, scientists, and generally humanists of a new environmental consciousness and thinking. A unified strategy for solving global problems, argued I.T. Frolov must be imbued with humanism, the ideals of social progress, disarmament and international cooperation.

Органической частью философской концепции академика И.Т. Фролова были новое мышление и новый гуманизм. Согласно И.Т. Фролову, новое политическое мышление ставит в центр концепцию взаимозависимого, взаимодействующего целостного мира. Оно исходит из того, что мир един, что этот мир – мир целостного человека. Всё должно работать для достижения этой цели. Иначе – гибель человеческого рода.

Исходным для нового мышления И.Т. Фролов считал Манифест Рассела – Эйнштейна и Ф. Жолио-Кюри. Призыв Манифеста «научиться мыслить по-новому в ядерный век», требование доброго разума, разума, соединённого с гуманностью, стали лейтмотивом многих работ И.Т. Фролова 1980-х годов [1]. В целом ряде своих статей и выступлений на международных форумах он развивал идеи нового мышления и формулировал принципы, как он говорил, «глобальной мирной стратегии» [2].

В 1986 г. И.Т. Фролов стал одним из основателей и членом руководства международной организации «Экофорум за мир». Учредительная конференция «Экофорума» состоялась в Варне (Болгария) в августе 1986 г. На конференции, учредившей «Экофорум», было принято Обращение к народам и правительствам «За чистую и мирную планету». Смысл нового движения был в том, чтобы впервые соединить два важнейших движения современности – антивоенное и экологическое.

На конференции И.Т. Фролов выступил с докладом «Глобальная мирная стратегия». В докладе И.Т. Фролов привёл данные о том, как вредно воздействует на экологическую ситуацию гонка вооружений и сколько отвлекается на разрушительные цели средств, которые могли бы быть направлены на сохранение природы. Он сказал, что система глобальных проблем предопределяет все основные процессы современной цивилизации, создавая угрозы и природе и человеку. Человечество не может дальше развиваться стихийно. Необходим не отказ от НТП, а учёт его социально-экологической стороны. И здесь природознание и человекознание смыкаются на «экологическом перекрёстке».

Поэтому, сделал вывод И.Т. Фролов, нужна одна единая наука, которую Маркс называл наукой о человеке. Эта наука должна быть вместе с тем и социальной силой, и ценностым регулятором. Нужна глобальная мирная стратегия, включающая в себя как решение глобальных проблем через деятельность международных организаций, так и формирование усилиями философов, учёных и вообще гуманистов нового экологического сознания и мышления. Единая стратегия решения глобальных проблем, утверждал И.Т. Фролов, должна быть проникнута гуманизмом, идеалами социального прогрес-

са, разоружения и международного сотрудничества [3].

Об учреждении нового общественного движения учёных был проинформирован Генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр и Исполнительный директор ЮНЕП М.К. Толба. Х. Перес де Куэльяр ответил на обращённое к нему письмо «Экофорума». 6 июля 1987 г. ООН удостоило движение «Экофорум за мир» почётного звания «Посланец мира». М.К. Толба положительно оценил создание «Экофорума» и выделил финансовую поддержку движению, но был вынужден воздерживаться от включения «Экофорума» в различные международные проекты по линии ЮНЕП. Капиталистические страны не хотели, чтобы инициатива в борьбе за охрану окружающей среды принадлежала движению, созданному в одной из социалистических стран, не смотря на то, что движение получило поддержку у западных учёных в области экологии.

В 1987 г. движение «Экофорум за мир» сыграло активную роль на Московском международном форуме миролюбивых сил «За безъядерный мир, за выживание человечества», где был организован отдельный «круглый стол» по теме «Экология и мир». В докладе на форуме И.Т. Фролов говорил о социально расколотом, но взаимосвязанном и целостном мире. Сохранение единства в многообразии при приоритете общечеловеческих ценностей, доверие и взаимопонимание без навязывания какого-то определённого образа жизни другим: вот путь становления мировой цивилизации. И.Т. Фролов считал вполне естественным, что экологи одними из первых начали овладевать новым мышлением. Без него не выжить в сегодняшнем мире, раздираемом противоречиями, противостоянием разных социальных систем, мировоззрений, верований, и одновременно единым, целостным. Новое мышление, по мнению И.Т. Фролова, обеспечивает ещё одну экологическую функцию: очищает наше сознание, загрязнённое ложными представлениями о мире.

В середине 1980-х гг. И.Т. Фролов развивал контакты с Международным Институтом жизни (Париж) под руководством М. Маруа. Международный институт жизни провёл в октябре 1986 г. в г. Ивердон (Швейцария) международную конференцию учёных. В состав советской делегации входили И.Т. Фролов, Н.Н. Моисеев, Ю.П. Алтухов и др. И.Т. Фролов выступил с докладом «Человек – наука – гуманизм: новый синтез». На конференции учёными из одиннадцати стран был подготовлен коллективный труд «Наука на службе жизни: глобальные проблемы». В нём исследован ряд глобальных проблем: сохранение биологического разнообразия, энергетика, взаимодействие между наукой и обществом и др.

И.Т. Фролов принял участие в создании доклада Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию под председательством Г.Х. Брунтланд «Наше общее будущее». В докладе Комиссии Г.Х. Брунтланд была обоснована концепция устойчивого развития, принятая в 1992 г. Международной конференцией на уровне глав государств и правительств в Рио-де-Жанейро и ставшая основной мировоззренческой ориентацией на XXI век. В декабре 1986 г. Комиссия Г.Х. Брунтланд провела свою сессию в Москве. В своём выступлении на сессии И.Т. Фролов развил идеи глобальной миррой стратегии. Он высказал мысль, что затраты на разработку альтернативных экологически ориентированных направлений научно-технического прогресса должны рассматриваться как затраты на спасение и развитие человечества.

В ноябре 1987 г. И.Т. Фролов выступил с докладом «Новое мышление и новый гуманизм» на симпозиуме Христианской мирной конференции в Праге. В докладе И.Т. Фролов говорил об испытаниях, которым подвергается биологическая природа человека в условиях современных науки и техники, и развил этические аспекты глобальной мирной стратегии. Он сформулировал принцип: «гуманистические ценности выше познания». Он сказал, что общество вправе требовать от учёных, чтобы осознание грозности и опасности проблематики генетического вмешательства в природу человека возникало не пост-фактум, т. е. не после того, как какое-то несчастье произойдёт для человечества. И самое опасное здесь – невежество, замешанное на научной основе, которое приобретает форму сциентистского самодовольства. И.Т. Фролов сослался на Библию, в которой говорится, что умножая познание, мы умножаем скорбь, но одновременно содержится совет, что нужен добрый разум, мудрость.

Главное в концепции нового мышления И.Т. Фролова – это утверждение приоритетности общечеловеческих ценностей. Он объединил анализ нравственных проблем с глобальной проблематикой. И.Т. Фролов видел в солидарности людей, принадлежащих к разным нациям, религиям и странам, но объединённых новым пониманием свободы и ответственности человека в современном мире, залог выживания и спасения человечества. Поэтому его участие в массовых демократических движениях современности прямо выткало из его философских убеждений.

Литература:

1. Фролов И.Т. Научиться мыслить и действовать по-новому // Новое время. 1985. № 27. С. 23-24.
2. Фролов И.Т. Глобальная мирная стратегия // Химия и жизнь. 1987. № 1. С. 3-11.
3. Фролов И.Т. Выступление // Экофорум за мир: Международная конференция по окружающей среде и защите мира (Варна, 25-28 августа 1986 года). София: Экофорум за мир, 1986. С. 27-28.

Образ человека в педагогических концепциях XX-XX1 вв. в контексте развития цивилизации

И.А. Бирич

Московский городской педагогический университет, профессор. Доктор философских наук

ebirich@yandex.ru

Статья посвящена взаимовлиянию социально-экономической формации общества и образовательной доктрины данного общества, как правило, сформулированной внутри господствующей философской системы. От Платона, Я.А. Коменского, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Г. Спенсера, К. Маркса до С. Френе, Р. Штайнера, Л.Н. Толстого, П.П. Блонского, Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева шли обширные дебаты внутри государств о целях и методах образования. Цели касались того образа человека, какого хотели получить в финале образования, методы – адекватных образу средств. В Новое время в результате подобных обсуждений, как правило, проговаривалась и закреплялась образовательная парадигма страны на основе господствующего мировоззрения. После чего делались шаги по организации образования, проводились реформы. Образовательная парадигма в XX в. изменялась параллельно с парадигмой научной и восходила к изменениям в области сознания, когда в западной цивилизации произошел явный культурно-цивилизационный раскол. Вся надежда на новую философскую картину мира и образ человека в ее центре.

Ключевые слова: образовательная парадигма; социальная утопия; социал-дарвинизм; педоцентризм; свободное воспитание; всестороннее развитие личности; культурно-цивилизационный разрыв человечества; образовательные услуги.

The Image of the Human in Pedagogical Concepts of the 20th and 21st centuries in the Context of the Development of Civilization.

I.A. Birich

Moscow City Teachers' University

Abstract: The article is devoted to the mutual influence of the socio-economic formation of society and the educational doctrine of this society, usually formulated within the dominant philosophical system. From Plato, J.A. Komensky, J. Locke, J.-J. Rousseau, G. Spencer, C. Marx to S. Frene, R. Steiner, L.N. Tolstoy, P.P. Blonsky, L.S. Vygotsky and A.N. Leontiev there were extensive debates within the states about the goals and methods of education. The goals related to the image of the person that was wanted in the final education, methods - adequate to the image of means. In the Modern Age such discussions tended to be used as a result of the country's educational paradigm on the basis of the dominant outlook. After that some steps were taken to organize education, some reforms were carried out. The educational paradigm in the 20th century changed in parallel with the scientific paradigm and led to changes in the field of consciousness when in Western civilization there was a clear cultural and civilizational schism. All hope for a new philosophical picture of the world and the image of the human in its center.

Keywords: the educational paradigm; Social utopia; Social Darwinism; pedocentrism (progressivism); Freedom-based education; Comprehensive personal development; The cultural and civilizational humanity gap; educational services.

Еще Платон в трактате «Государство» ставил в зависимость друг от друга понятия «цель государства» и «цель образования», причем образовательная система, учитывающая разность человеческих душ и потребностей, была у него залогом счастливого состояния граждан государства. Такое государство он назвал «идеальным». Так что философия образования в Европе начиналась с социальной утопии. Ее приземлил Аристотель, не возражая по существу, но дав гражданину полиса конкретные модели поведения, предложив «золотую меру» в оценке людей и заложив этическую составляющую в их образовании.

То же самое можно сказать и о «Великой дидактике» Я.А. Коменского. Великая она у него потому, что была направлена на будущее европейского сообщества, измученного религиозными войнами и эпидемиями на излете эпохи Возрождения. Он обратил свой взор на ребенка, увидел его универсальную, конечно, божественную природу и предложил гуманную (это его выражение) систему образования – Пансофийную школу, лестницу, по которой ученик постепенно поднимается на вершину Всеобщей мудрости. Мудрый человек не будет воевать, а будет решать спорные моменты истории за общим столом переговоров. Какое упование на духовный разум! И какая красивая социальная утопия! Классно-урочную систему Коменского взяли, а вот мудрости не достигли.

Не потому ли, что у Коменского оказался свой оппонент в лице английского философа Джона Локка, утверждавшего, что человек при рождении есть «чистая доска» и нет у него никаких задатков и «врожденных идей», как это, наоборот, утверждал французский философ и математик Рене Декарт. Декарта поддержал его соотечественник Ж.-Ж. Руссо, оставивший обширное философское описание педагогического процесса, сопровождающего созревание личности от младенчества до социальной зрелости. Руссо первый, кто увидел расхождение между целями образования как процесса онтологического и социальным заказом общества образованию, бросив ему обвинение в том, что цивилизация портит человеческую природу, которой от рождения присуща гармония истины, добра и красоты. Свою педагогическую систему Руссо назвал «естественным свободным воспитанием». Из этого философского спора зародились две концепции образования. От Локка – гносеологическая с авторитарным взглядом на ребенка как на объект обучения, от Руссо – онтологическая со взглядом на ребенка как на самодеятельное существо.

С этого времени в истории европейской цивилизации мы наблюдаем борьбу двух социальных концепций педагогической доктрины. Если Г. Спенсер, первый английский социолог-позитивист, определил для наступающего XX в. цель образования в формировании успешной личности, готовой войти в буржуазное общество, которое мы сегодня называем обществом потребления, и работать на его процветание, развивая свои конформистские качества и социальные мускулы («выживает сильнейший», по формуле его современника Ч. Дарвина), то уже в 1-й половине XX в. после ужасов 1-й мировой войны возникает необходимость в альтернативной цели образования. Все европейские философы, и русской эмиграции в том числе, констатируют и описывают резкий разлом в процессах культуры и цивилизации и тревожатся за будущее Европы [1].

Известный французский педагог-мыслитель С. Френе инициирует педагогическое движение «Новая школа» или «Новое воспитание», в основе которого лежит провозглашенный Г. Дьюи принцип «педоцентризма». Френе разрабатывает практическую модель школы, в которой господствует свободное воспитание, а ученики учатся не только наукам, но и управлению вместе с учителями своим учебным и воспитательным процессом. По мысли Френе, дети, приученные к демократизму и справедливости, вырастают с чувством собственного достоинства, с развитой любознательностью и светлым разумом. Данное педагогическое движение набирало международный авторитет, но попало под пресс 2-й мировой войны, после которой стало иметь частный характер.

Идеи так называемого педоцентризма в России были известны раньше, чем в Европе, только они напрямую назывались «свободным воспитанием» и были освещены авторитетом Л.Н. Толстого и его последователя К.Н. Вентцеля, рассказывающих о новых педагогических методах в журналах и периодике. Для них образ ребенка был действительно прообразом гармонии добра, истины и красоты. Конечно, это была капля в море приходских училищ и городских гимназий в царской России. Но эти идеи неожиданно оказались востребованными в новой России и были подхвачены в концепции Единой трудовой школы, принятой Советом народных комиссаров в 1918 г., поддержанные А.В. Луначарским и Н.К. Крупской. Разработали концепцию психологи П.П. Блонский и Л.С. Выготский, провозгласившие главной в школе педагогику сотрудничества. Концепция стала основной моделью для многих школ-колоний и школ-коммун, сформированных в стране после Гражданской войны, которые просуществовали до их закрытия в конце 30-х гг. Самая сильная часть концепции – в понимании позитивного, свободного взаимодействия коллектива и личности, в чувстве братства и ответственности за окружающую среду.

Так как идеи Блонского и Выготского были осуждены в 30-е гг., то после войны необходимо было разработать новую концепцию советского образования. Ее выдвинул тоже психолог, ученик Выготского, академик А.Н. Леонтьев, заявивший о новой цели образования - формировании всесторонне развитой личности, как это было записано в теории научного коммунизма. Таким образом,

гуманистический лозунг стал вывеской нашего послевоенного образования. Но прекрасный лозунг нуждался в хорошо обоснованной методологии, а она была сугубо материалистической, когда «бытие определяет сознание» (по Локку) и, значит, ребенок есть объект обучения и воспитания [2, с. 115-116]. В 70-е гг. стало давать о себе знать противоречие между гуманистическим лозунгом образования и его авторитарными педагогическими методами на практике. Произошла подмена цели образования его средствами. Ошибка накапливалась. Накапливалось и несогласие с этим со стороны талантливых ученых, учительства и родителей. Так было подготовлено движение учителей-новаторов 80-х гг., которым страна может гордиться [3]. Новаторы продолжали работать и в 2-х тысячные годы уже после распада СССР и краха советской идеологии [2].

Реформирование российского образования на новых основаниях активно началось с 2003 г, когда Россия вошла в Болонский процесс. Вместе с возможностью конвертирования дипломов мы восприняли и основную цель западноевропейского образования, восходящую еще к идеям Г. Спенсера. Чтобы ребенок вырос успешным, семье нужны хорошие образовательные услуги – не более того. Нет идеологии, нет цели – любые средства хороши, можно и педагогику сотрудничества использовать, но только она (под названием «личностно-ориентированное образование») медленно и верно перерождается в педагогику манипулирования детским сознанием, чтобы навечно погрузить его в цифровую реальность. Лишенные нравственных ориентиров, наши дети теряют интерес к окружающей жизни и становятся проводниками компьютерного бизнеса, который может привести их к безумию. Это мировая проблема. Разрыв культуры и цивилизации уже прошел через сердце и мозги ребенка. Мы этого хотели и хотим для наших детей?

Осталось у нас два новатора с тех далеких 80-гг., которые до сих пор защищают феномен счастливого детства, свободного воспитания. Это Ш.А. Амонашвили и М.П. Щетинин - два академика РАО, две философские и педагогические вершины, возвышающиеся над серыми облаками теоретической педагогики, которая вместо того, чтобы расчищать путь к этим вершинам, пытается их закрыть собой, затуманить, чтобы никто и никогда их не увидел и не попытался бы дойти до этих вершин. Формально эти два титана являются гордостью отечественного образования, но на деле никто не рискует сделать их модели образования и воспитания порядочного человека, патриота своей Родины, проверенные в многолетней практике, предметом общественного интереса и гласности. Гораздо легче их оболгать, чем изучить. О реализации и говорить не приходится. За державу обидно.

Литература:

1. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня // Хейзинга Й. Homo Ludens. М.: Прогресс; группа «Прогресс-Академия», 1992. С. 242-445.
2. Бирич И.А., Панченко О.Г. В поисках новой методологии отечественного образования: история, современность, прогнозы. Монография. Москва-Екатеринбург: Урализдат, 2010. 256 с.
3. Новый человек и школа будущего (научно-педагогическая фантастика). М.: Творческий союз учителей СССР; Философское общество СССР, 1989. 229 с.

Глобализация лжи в цифровую эпоху: междисциплинарные и эпистемологические измерения

Василькова В.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор. Доктор философских наук

v.vasilkova@spbu.ru

Аннотация: Проблема целенаправленных информационных искажений, которая приобрела глобальный масштаб в результате использования новейших компьютерных технологий в цифровую эпоху, рассматривается с позиций различных дисциплинарных традиций (компьютерные науки, когнитивистика, теория коммуникаций, теория СМИ, социология, политология, лингвистика, философия и т.д.), каждая из которых концептуализирует различные факторы, способствующие экспансии данного феномена (конструирование контента ложных новостей в социальных сетях, использование бот-технологий для их распространения, расширение эффекта «эхо-камеры» и т.д.) Философский анализ рассматриваемой проблематики связывается, прежде всего, с осмыслением новой социальной онтологии виртуальной реальности, гибридных (человеко-машинных) форм субъектности, симбиотических по своей природе сетевых структур, а также с эпистемологической интерпретацией проблемы истины в эпоху постправды. Делается вывод, что с позиции неклассической (социальной) эпистемологии речь может идти не о глобализации лжи, а об экспансии в виртуальном пространстве диверсифицированных форм «правды» - различных форм культурных смыслов, легитимизируемых как истинные.

Ключевые слова: социальные сети, фейковые новости, социальные боты, междисциплинарность, эпистемология.

The Globalization of Lie in the Digital Age: Interdisciplinary and Epistemological Dimensions.

Vasilkova V.V.

Saint Petersburg State University

Abstract: The problem of targeted informational distortions, which has become global as a result of using the latest computer technologies in the digital age, is considered from the perspective of various disciplinary traditions (computer science, cognitive science, communication theory, media theory, sociology, political science, linguistics, philosophy, etc.), each of which conceptualizes various factors contributing to the expansion of this phenomenon. A philosophical analysis of the problems under consideration is associated primarily with the comprehension of the new social ontology of virtual reality, hybrid (human-machine) forms of subjectivity, network structures that are symbiotic in nature, and also with the epistemological interpretation of the problem of truth in the post-truth era. It is concluded that from the position of non-classical (social) epistemology, we can talk not about the globalization of lies, but about the expansion in the virtual space of diversified forms of “truth” - various forms of cultural meanings legitimized as true.

Keywords: social networks, fake news, social bots, interdisciplinarity, epistemology

Проблема целенаправленных информационных искажений, которая приобрела глобальный масштаб в результате использования новейших компьютерных технологий в цифровую эпоху, стала предметом анализа нового кластера наук (компьютерные науки, когнитивистика, теория коммуникаций, теория СМИ, психология, социология, политология, лингвистика, философия и т.д.) В рамках различных дисциплинарных подходов (или в зоне их пересечений) концептуализируются различные факторы, способствующие экспансии данного феномена.

С позиций теории коммуникации речь идет об изменении структурной конфигурации глобализирующегося киберпространства под воздействием технологий Web 2.0 и появления онлайн социальных сетей. Теперь сами пользователи стали активными субъектами киберпространства, способными

не только создавать контент, но и выстраивать интенсивное взаимодействие друг с другом и контентом путем установления связей оценок, комментариев, распространения информации и т.д. Формируется коммуникативная модель «многие – многим». Коммуникативные особенности онлайн социальных сетей создают новые возможности и новые информационно-технологические механизмы для конструирования и распространения информационных искажений (поддельных новостей) в глобализирующемся киберпространстве. Новыми механизмами конструирования ложной информации становятся фейковые новости, новыми механизмами сверхбыстрого и масштабного их распространения – социальные боты.

Теория СМИ и современные когнитивные исследования рассматривают такой фактор экспансии информационных искажений в социальных сетях как «эффект эхо-камеры», в соответствие с которым человек склонен считать правдоподобной и принимать ту информацию, которая согласуется с уже сформированными представлениями, а также воспринимать информацию преимущественно из тех источников, которые подтверждают уже сформированные у него представления. Пользователь создает вокруг себя своего рода отражающее смысловое поле, в котором отобрана только та информация, которая согласуется с его предпочтениями. [1; 2].

В рамках компьютерной лингвистики ведутся исследования процесса конструирования фейковых новостей (особенности их контента, анализ словообразования, пунктуации, синтаксиса, читаемости/понятности текста и др.) В качестве приемов конструирования ложной (фейковой) информации выделяются следующие: использование социально значимых слов; выражение эмоциональной уверенности; фокусировка информации на текущих и будущих действиях; частое использование наречий, глаголов и знаков пунктуации; использование слов, активизирующие степень восприятия («слышать», «видеть», «чувствовать» и др.); использование лингвистических характеристик, порождающих позитивные эмоции [См: 3; 4]. Фейковые новости стали важнейшим инструментом «политики постправды» - сознательного формирования информационных потоков, мимикрирующих под достоверные новости, но апеллирующих не к реальным фактам, а к эмоциям и сложившимся убеждениям с целью манипуляции общественным мнением.

На пересечении интересов компьютерных наук, социологии, политологии находится наиболее актуальная проблематика, связанная с феноменом социальных ботов - автоматизированных программных комплексов, которые позволяют создавать контент и взаимодействовать с пользователями социальных сетей, в том числе и путем имитации человеческого поведения в сети. При этом компьютерные науки фокусировали свое внимание на проблеме детектирования различных типов социальных ботов [5] и борьбе с ними в целях обеспечения кибербезопасности, политологические исследования - на проблеме использования бот-технологий для манипуляции общественным мнением в политической коммуникации (электоральных практиках, астротурфинге, пропаганде и т.д. [6; 7]. Социологические исследования значительно расширили ареал рассмотрения данной проблемы за счет включения вопросов о разнообразии (не всегда манипулятивных) целей использования бот-технологий и их субъектов. Новейшим трендом в рассмотрении проблемы социальных ботов стал анализ амбивалентного характера бот-технологий, когда они используются не только для масштабных целенаправленных информационных искажений, но и для противостояния лжи: для разоблачения скрытой коррупции, борьбы с фейковыми новостями в определенной социальной сети, обеспечения прозрачности информации, поступающей от государственных и бизнес-структур, для защиты прав граждан [8; 9]. Более того, рутинизация бот-технологий, рост их доступности расширяют количество социальных акторов, создающих и использующих такие технологии, позволяют обычным людям или группе лиц в социальной сети массово высказывать свое мнение, в том числе, через запуск ботов («эффект мегафона»).

Философский анализ рассматриваемой проблематики связан, прежде всего, с осмыслением новой социальной онтологии виртуальной реальности, гибридных (человеко-машинных) форм субъектности, симбиотических по своей природе сетевых структур интернет-пространства, а также с эпистемологической интерпретацией проблемы истины в эпоху постправды. В частности, уже сейчас социальные боты рассматриваются как фактор формирования новой «социальной архитектуры», в которой происходит создание предметных отношений между людьми и алгоритмизированными программами, мимикрирующими под человека, а также формирование совокупного социального поведения и моделей взаимоотношений между группами новых пользователей в интернете [10, с.7-9].

Что касается эпистемологического измерения политики постправды и экспансии лжи в цифровую эпоху, то оценка этих новых феноменов зависит, на наш взгляд, от того, какой фокус в выборе эпистемологической позиции будет избран исследователем. С позиций классической эпистемологии с ее фундаментализмом и нормативностью представления об истине/лжи четко маркированы институциональными предписаниями и логикой метанарративов. Данная позиция связана с непримиримостью к любым формам информационных искажений, препятствующих волеизъявлению того или иного социального субъекта, ставящих под сомнение его легитимацию. С позиций неклассической (социальной) эпистемологии, заменяющей ценность истинности на ценности пользы и эффективности знания и признающей, что истинность/ложность знания определяется социальными интересами того или иного сообщества, представления об истине/лжи более размыты и динамичны. Такая позиция может порождать иную версию поставленной проблемы – речь может идти не о глобализации лжи, а об экспансии в виртуальном пространстве диверсифицированных форм «правды» - различных форм культурных смыслов, легитимизируемых как истинные. В конечном счете, выбор эпистемологической позиции в данном вопросе связан с выбором модели социальной солидарности и социальной идентичности виртуальных сетевых сообществ.

Литература:

1. Fazio L.K., Brashier N.M., Payne B.K., Marsh E.J. Knowledge Does Not Protect Against Illusory Truth // Journal of Experimental Psychology: General. 2015. Vol. 144. №. 5. P. 993–1002.
2. Bakshy E., Messing S., Adamic L. Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook // Research Reports. Political Science. 5 June 2015. Vol.348. Issue 6239. P. 1130-1132.
3. Wu K., Yang S., Zhu K.Q. False rumors detection on Sina Weibo by propagation structures// IEEE 31st International Conference on Data Engineering 13-17 April 2015// https://ieeexplore.ieee.org/document/7113322
4. Perez-Rosas V., Kleinberg B., Lefevre A., Mihalcea R. Automatic Detection of Fake News // Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics. August 2018. Santa Fe, New Mexico, USA. Publisher: Association for Computational Linguistics. P. 3391–3401.
5. Gorwa R., Guilbeault D. Unpacking the Social Media Bot: A Typology to Guide Research and Policy // Policy & Internet. 2018 // https://arxiv.org/pdf/1801.06863.pdf
6. Василькова В.В., Легостаева Н.И. Социальные боты в политической коммуникации // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2019. № 1. С. 121-133.
7. Bessi A., Ferrara E. Social Bots Distort the 2016 US Presidential Election Online Discussion// First Monday. 2016. № 21(11).
8. Василькова В.В., Легостаева Н.И., Радушевский В.Б. Социальные боты как инструмент развития гражданского участия//Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С.19-42.
9. Velázquez E., Yazdani M., Suárez-Serrato P. Socialbots supporting human rights// AIES ‘18 Proceedings of the 2018 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. 2017. New Orleans, LA, USA. P. 290-296.
10. Socialbots and their friends. Digital Media and the Automation of Sociality. Ed. by R. W. Gehl and M. Bakardjieva. New York: Routledge, 2017. 254 p.

От конфликтного мира к “концерту цивилизаций”: будущее Евразии

Галиуллина Г.С.

Strategic Informatics Advisers, партнер. Доктор философских наук

galima131@verizon.net

Аннотация: Цивилизационная геополитика на этапе кризиса консолидации ведущих игроков нового мирового порядка. Возможности для создания новой архитектуры глобальной безопасности на основе фундаментальной ценности для всего мирового сообщества-справедливости. Цивилизационный ренессанс для России в условиях возрастающей потребности наций и народов в возвращении суверенных прав и защиты от абсорбции и эксплуатации глобальными институтами. Истоки нарастающего одиночества «исключительной нации» и утраты геополитической позиции гегемона однополярного мира. Концепт справедливости как базовая ценность трех евразийских цивилизаций и общая платформа для консолидации народов для будущей общей миссии коллективной безопасности.

Ключевые слова: справедливость, архитектура безопасности, ценностный конфликт, цивилизационная миссия, глобализм, смена парадигм

From Conflict World to “Concert of Civilizations”: The Future For Eurasia.

Galiullina G.S.

Strategic Informatics Advisers, Partner

Abstract: Civilization geopolitics at the stage of crisis of consolidation of the leading players of the new world order. Opportunities for creating a new global security architecture based on fundamental value for the entire world community - justice. A civilization renaissance for Russia in the context of the growing demand of nations and peoples for the return of sovereign rights and protection from absorption and exploitation by global institutions. The origins of the growing loneliness of the “exclusive nation” and the loss of the geopolitical position of the hegemon of the unipolar world. The concept of justice as the basic value of the three Eurasian civilizations and a common platform for the consolidation of peoples for the future common mission of collective security.

Keywords: justice, security architecture, value conflict, civilizational mission, globalism, paradigm shift

Мир сегодня находится в процессе транзита от нарастающего хаоса крушения однополярного мира к формированию новых центров силы и их альянсов. Контуры нового мира еще не сложились, но вполне можно разглядеть фундамент, на котором пассионарии евразийской цивилизации будут возводить институты отношений между народами. Этот фундамент определит новую архитектуру глобальной безопасности.

Цивилизационная геополитика позволяет анализировать процессы в больших пространствах в нескольких важнейших аспектах:

- ценностный конфликт и его истоки;
- возможности альянсов на основе общих интересов;
- философия цивилизаций как база стратегических геополитических решений.

С 2014 года Россия ясно обозначает возвращение к исторически сформировавшейся миссии гаранта мира и справедливости. В мировом масштабе этот шаг становится причиной эффекта сингулярности. Адепты и клиентела глобалистской парадигмы воспринимают этот вызов как начало нового этапа геополитических сражений и принимают меры для изоляции России.

Миссия изоляции оказывается невыполнимой, причина – востребованность России как защитника и покровителя слабых и угнетенных.

Гегемон глобализированного мира переходит от риторики абсолютного победителя на всем пространстве континента Евразия к риторике «конца гордыни», но упорно настаивает на сохранении власти силой. “Чем сложнее и запутаннее обстановка в мире, тем больше Вашингтон нуждается в ясном понимании своих жизненно важных интересов и внешнеполитических приоритетов. Прежде всего успешная большая стратегия США должна определить регионы, в которых стране следует готовиться к войне, и цели, которые эти военные действия должны преследовать.” (1, с. 36) Система, выстроенная на идее исключительности нации и громадном всепоглощающем ВПК, не в силах отказаться от войны как жизненно важного интереса. Возможности альянсов с нациями, устремленными к иному будущему, для России становятся возможными и жизненно необходимыми.

Геополитическая реальность сегодня обладает огромным потенциалом для России в силу востребованности ее цивилизационной миссии. Важно отметить смену парадигмы в объяснении источника развития российской цивилизации: западники, убежденные в том, что только следование примеру Запада и подчинение его инструкциям и правилам обеспечит успех российских цивилизационных перемен, уходят в тень, побеждают последователи Льва Гумилева, А.С. Панарина с их верой в витальную силу русской духовности.

Востребованность цивилизационной миссии России

Многовековой цивилизационный стержень России, а также менталитет народа позволяют ей ощущать свою цивилизационную миссию как защитника справедливости и правды. Но для дальнейшего успеха этой миссии России предстоит сделать решительный разворот во внутренней политике. Мы видим одновременное явление ощущения конца у экспертного сообщества, анализирующего итоги начала XXI века: у российских экспертов это ощущение конца эпохи нерешительности, у их американских коллег – осознание «конца гордыни». Россия может сосредоточиться на сохранении цивилизационной уникальности как мира между Востоком и Западом, отмирании либеральной модели в жизненно важных сферах российской действительности и возвращении к традиционной, консервативной системе ценностей.

Именно к этому повороту внутренне готово российское общество и отчаянно сопротивляется та немногочисленная каста, которая приобрела власть и состояние благодаря особенностям уходящей эпохи. Заявления о том, что у Кремля нет концептуальной власти, концептуальное управление Россией осуществляют глобальные «центры силы, не подтверждаются событиями последней пятилетки. На самом деле все внешнеполитические достижения России – это возрождение ее цивилизационной миссии. Глобальные центры силы”не могли решать за

Россию, как поступить в критические и ключевые моменты новейшей истории. России, так же, как когда-то СССР, приходится открывать новые пути в развитии собственной цивилизационной миссии. В предстоящем «концерте цивилизаций» России предстоит быть дирижером.

«Конец гордыни» и путь к спасению

Пессимистичный прогноз относительно последствий «конца гордыни» США и растущее одиночество «исключительной нации» не находят должного осознания ни у правящей или интеллектуальной элиты, ни у бывших и нынешних партнеров в формировании однополярного мира. Тем более среди народов стран, переживших удушающие объятия «старшего» брата. 70% жителей Германии, согласно опросу, предпочитают рассматривать как союзника Россию, а не США.

Кризис евро-атлантической цивилизации в своей основе вызван ошибками целеполагания. Об этой ошибке было заявлено 10 октября 2007 года в Мюнхене В. Путиным: “Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна.

Сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально- нравственной базы современной цивилизации.” (2)

Мир сегодня находится в процессе транзита от нарастающего хаоса крушения однополярного мира к формированию новых центров силы и их альянсов. Контуры нового мира еще не сложились, но вполне можно разглядеть фундамент, на котором пассионарии евразийской цивилизации будут возводить институты отношений между народами. Этот фундамент определит новую архитектуру глобальной безопасности.

Стремление к гегемонии в глобальном масштабе привело к растущему конфликту с остальным миром. А. С. Панарин отмечает: «В данном случае это не столько конфликт цивилизаций, сколько

конфликт современности, монополизированный Западом, с культурным и цивилизованным наследием всего человечества, с историей в целом» [3, с.21]. «Конец истории» Ф. Фукуямы был венцом этого конфликта.

Отрицание незападных цивилизованных ценностей и норм превратилось в триумф варварства: “«Дискредитация суперэтнических синтезов (применительно к Западу считающихся синонимом цивилизованности, а к Востоку — олицетворением русского империализма), завершившаяся первым катастрофическим успехом — развалом СССР, привела не к цивилизованности, а к самым неожиданным и грубым рецидивам племенного сознания, ксенофобии, варваризации и примитивизации общественных отношений.” [3, с. 222]. Пока на горизонте не появится политическая сила, признающая серьезный диагноз болезни западной цивилизации, лучше оставить гегемона в покое. Констатацию ситуации в США мы находим у Д. Мэтлока, экс-посла США в СССР: «Сегодня невозможно, с точки зрения морали, политически и практически, успешно следовать империалистической стратегии, которую создали Соединенные Штаты» [4, с.151]. Высокие утопии эпохи Просвещения, формировавшие колыбель Западной цивилизации, канули в Лету.

Справедливость: краеугольный камень новой архитектуры глобальной безопасности

Рассмотрим перспективы создания новой системы глобальной безопасности в новых условиях геополитической реальности. Евразия как континент обретает возможности построения новой архитектуры безопасности в глобальном масштабе, поскольку на этом континенте находятся два ведущих центра силы – Россия и Китай. Ключевое отличие от прежней архитектуры должно заключаться в фундаментальном основании – справедливости как главной ценности.

Справедливость как нравственный критерий социальной системы заложена в трех цивилизациях Евразии – Православной, Исламской, Китайской.

Справедливость для всех участников международных отношений, обеспеченная поддержкой ведущих центров силы, позволит народам мира избавиться от незримой колонизации глобальными структурами. Справедливость будет требовать честности в отношениях сильных и слабых, потребует возвращения суверенных прав народов и даст ощущение безопасности и защищенности всем народам континента. Евразийская цивилизация обретет новую жизненную силу благодаря возвращению традиционных ценностей каждого народа в уклад жизни семей.

Усилия для формирования мира торжества справедливости уже сблизили православных христиан России и мусульман Ближнего Востока, ибо именно справедливость положена в сердце праведности в обеих религиях. Это еще один вектор цивилизационного развития с ведущей ролью России. Православие превозносит справедливость как торжество любви и сострадательности. Именно такое понимание справедливости в русской духовной традиции позволяет сегодня России препятствовать силой оружия «угрозе геноцида, нависшей над этим морем новой нищеты и неприкаянности (5, с. 145)

Мир чувствует и желает конца эпохи вседозволенности. Китай обретает значимость мощного фактора нового цивилизационного вызова. Понятие справедливости в китайской цивилизации неразрывно связано с процессом совершенствования человеком своего естества путем постоянного ограничения, подчинения нравственным нормам и древним традициям. Лао Цзы утверждал: В справедливых условиях все будет находиться в гармонии. А потому, если трудно контролировать состояние хаоса, то это связано с несправедливостью.

В Исламе справедливость – ключевая ценность. Мусульманские уммы во всем мире следуют убеждению, что именно справедливость порождает ощущение безопасности и защищенности людям любого положения, состояния. Справедливость как закон нравственного поведения позволяет бороться против распространения тирании и жестокости четко прописанными правилами, как поступать справедливо. Язык справедливости - инструмент защиты прав, достоинства и чести людей. Уклад семьи и законы государства должны строиться на основе мерила справедливости. Иран в 1979 году именно на осознании нарушенной справедливости в отношении иранского народа пришел к победе над колониальным режимом шаха.

Жажда справедливости у миллиардов жителей планеты и благоприятные условия для начала строительства новой архитектуры глобальной безопасности становятся тем началом “идеального шторма”, который развеет руины “нового мирового порядка” и возродит надежды на создание мира, в котором будет звучать “концерт цивилизаций. Геополитика станет инструментом политики возможного, отринув идеи “real politic”. Мир торжества справедливости возможен, человечество осознает это как будущее и желанную цель.

Литература:

1. Уолт С. Конец гордыни. И новый век американской сдержанности. Пер. англ. // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. №3. С. 36- 50.
2. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. 352 с.
3. Бернс У. Потерянное искусство американской дипломатии// Россия в глобальной политике, 2019, Т. 17. №3. С.24-35.
4. Matlock J.F. Superpower Illusions: How myths and false ideologies led America astray-and how to return to reality. London, New Heaven: Yale University Press, 2010. 344p.
5. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: ЭКСМО, 2003. 744с.

Глобальные проблемы цивилизации в фокусе политической науки: методологические и методические вызовы

О. В. Гаман-Голутвина

Московский Государственный Институт Международных Отношений МИД России, доктор политических наук, профессор

Комплексный подход к рассмотрению глобальных проблем цивилизации необходимо предполагает изучение политической проекции этих вызовов, поскольку их разрешение призвано составить – и по факту составляет - существенную часть повестки мировой политики. Существенной сложностью адекватной артикуляции данной темы и корректной ее постановки в модальности задачи выступает ограниченная релевантность доминирующих в настоящее время методологических подходов и отчасти – методов политической науки (ПН). Доклад посвящен рассмотрению методологических и методических сложностей, затрудняющих адекватное рассмотрение политической проекции глобальных проблем цивилизации: подвергнут анализу методологический статус и методический инструментарий политической науки, призванной предложить технологии адекватной артикуляции глобальных проблем цивидизации, а в идеале – их разрешения. Актуальный методологический статус политической науки характеризует как нуждающийся в существенном обновлении. Ключевой задачей является «перезагрузка» методологического алгоритма компаративистики для обеспечения его адекватности постнеклассической динамике политики. В методическом плане насущно уточнение адекватного алгоритма использования количественных методов в связи с доминирующими в настоящее время упрощенными процедурами их применения. Нет сомнений в том, что данная реконфигурация политической науки обеспечит ее эффективность в исследовании и разрешении глобальных проблем цивилизации.

Ключевые слова: комплексный подход, проекция, политика, компаративистика, методология, статус, метод, наука

Комплексный подход к рассмотрению глобальных проблем цивилизации невозможен без рассмотрения политической проекции этих вызовов, поскольку разрешение глобальных вызовов призвано составить – и по факту составляет - существенную часть повестки мировой политики. Сложность адекватной артикуляции данной темы и корректной ее постановки в модальности задачи определена ограниченной релевантностью доминирующих в настоящее время методологических подходов и отчасти – методов политической науки актуальной картине мира. Доклад посвящен идентификации природы методологической и методической нерелевантности ограниченности подходов современной политологии.

Вряд ли можно сомневаться в том, что базовой предпосылкой эффективности любого научного направления является релевантность его системообразующих параметров актуальной научной картине мира, составляющей базовую гносеологическую матрицу научного анализа. С сожалением приходится констатировать, что современная политическая наука характеризуется ограниченным соответствием между субстантивными характеристиками актуальной научной картины мира и сложившимися к настоящему времени в политической науке методологическими подходами и методическим инструментарием.

Суть данного несоответствия видится в следующем. В истории науки стало общепринятой идентификация трех версий научной картины мира - классической, неклассической и постнеклассической. **К**лючевыми характеристиками первой были однозначная причинно-следственная зависимость; исключенность случайности; абсолютность пространства и времени. В неклассической картине мира реальность предстает не как совокупность тел в пространстве, а как сеть взаимосвязей. В постнеклассической научной картине мира сосуществуют динамичность и стабильность, равновесность и неравновесность, случайность и необходимость, устойчивость и неустойчивость, детерминация и индетерминация, обратимость и необратимость, свобода и произвол и иные взаимно исключающие характеристики мира.

Нынешний этап эволюции политической науки характеризуется ее отчетливым запаздыванием по части интеграции элементов неклассической и постнеклассической картин мира в свой арсенал. Актуальный эвристический вызов политического знания состоит в том, чтобы понять, каким образом

глобальные проблемы цивилизации проецируются в политическую сферу. Современное политическое поле во все возрастающей степени характеризуется расширением гибридных форм организации управленческих институтов, масштабным распространением нарастанием нелинейной динамики, отчетливо нестационарной системой социальных связей, де-иерархизацией власти в пользу сетевой матрицы и т.д. Данные тенденции определены, в том числе, эффектом “стрелы времени”, обоснованным лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, согласно которому саморазвитие всей материи, включая социальную ее ткань характеризуется ускоряющейся и усложняющейся динамикой [1].

Между тем преобладающей методологией политической рефлексии остается по преимуществу механистическая гносеология: динамичные нелинейные процессы рассматриваются преимущественно в линейно-детерминистком ключе. Очевидно, эпистемологическая нерелевантность коренится в ограниченности политической методологии, призванной обеспечивать релевантность дисциплины актуальным параметрам реальности. В чем истоки данной ситуации?

Очевидно, что ответ на этот вопрос не может быть односложным – речь идет о многофакторном процессе. Тем не менее, в данном контексте принципиален вопрос о качестве методологии и методическом инструментарии, ибо именно методология определяет эвристическую эффективность науки. На мой взгляд, основаниями для тревоги является вытеснение методологического дискурса на периферию дисциплины и неравновесность в использовании различных категорий методов вследствие дисбаланса в использовании статистических методов линейной регрессии в ущерб всей палитре количественных инструментов и еще в большей мере - в ущерб методам качественным [Подробнее см.: 2].

В плане характера доминирующих методологических подходов можно приходится констатировать смещение фокуса профессиональных дискуссий с методологической повестки в область методики: изучение массива специальной литературы, представленной как методологическая, неожиданно показывает, что под рубрикой методологии обсуждаются вопросы методики - процедуры, техники и методы. Ценностные и нормативные в целом, содержательно-динамические и антропологические измерения политической методологии – несмотря на обширнейшую традицию обсуждения политико-культурных измерений политики на протяжении более полувека, утратили методологическую роль. Именно эрозия содержательных оснований политической методологии предстает существенной проблемой. Предпринимавшиеся ранее попытки преодоления издержек сциентизма в методологии компаративистики, прежде всего, герменевтический, интерпретативной и конструктивистский подходы, пока не принесли ожидаемого результата.

Нынешний методологический статус дисциплины выражается концепцией мультипарадигмальности, однако актуален вопрос о непротиворечивых основаниях синтеза используемых методологий. В этом плане важно и избежать эклектики, и найти адекватные инструменты постижения таких характеристик политического процесса, как разнокачественность, переходность, неустойчивость, что определяет востребованность междисциплинарности. Междисциплинарные подходы востребованы тогда и там, где источники и факторы возникновения, причины и драйверы эволюции изучаемых явлений и процессов имеют разнокачественную природу, а динамика эволюции детерминирована множеством факторов различного генеза. Применительно к политической науке дополнительная актуальность междисциплинарных исследований обусловлена сложносоставностью предмета. Однако трудность состоит в нахождении непротиворечивых оснований сопряжения разнокачественных измерений политической науки: методологическая проблема политологии состоит, в частности, в том, что она оперирует закономерностями вероятностного свойства, большинство из которых имеет относительно короткий период действия.

При этом далеко не всякое пересечение межпредметного знания может стать подлинно междисциплинарным исследованием – не исключена возможность мультидисциплинарного «шведского» стола (Р.Таагепера). Более релевантным представляется иной подход - трансдисциплинарное взаимодействие, которое представляет собой трансферт знаний методологического типа, не затрагивающий теоретическое содержание сопрягаемых дисциплин, не вносят изменений и не закрепляются в теории их предметной области. Данный принцип заключается в интеграции через определенное отвлечение или дистанцирование от поля предметного дробления дисциплин и выход в более абстрактное «надпредметное» или «наддисциплинарное» пространство науки, что возможно в рамках рефлексивного подхода, получившего в современных исследованиях науки статус метатеоретического [3].

Таким образом, рассмотрение методологической конфигурации политологии показывает, что существенным недостатком ее методологии проблемой является существенное запаздывание в интегра-

ции постнеклассической картины мира в свой методологический арсенал. Не в последнюю очередь это обусловлено преимущественно сциентистским характером современной политической методологической рефлексии. С одной стороны, это оправданно, так как ньютоновская картина мира остается верной локально (что определено принципом соответствия Н. Бора: новая научная теория включает прежнюю теорию и ее результаты как частный случай), однако ориентация на нее как на гносеологический инвариант, очевидно, крайне методологически уязвима. Данное противоречие имеет объективный характер – оно обусловлено вероятностной природой политического знания, определяющих попытки найти основания повышения его обоснованности посредством обращения к характеризующемуся более высокой внутренней валидностью естественнонаучному знанию. Однако уязвимость этих усилий определена обращением не к постнеклассическим теориям, а к теориям классической эпохи. Таким образом, имеем дело с очевидным онтологическим редукционизмом, который предстает результатом редукционизма эпистемологического - сведения методологии к методу, что побуждает обратиться к рассмотрению методического инструментария современной политологии.

Оценка методного арсенала современной политологии дает больше оснований дляя позитивных оценок, чем ее методологии –арсенал методов современной политической науки обширен и разнообразен. Однако возникшие в постбихевиористский период издержки сциентизма существенны вследствие серьезных искажений в применении количественных методов: использование статистических данных вытеснило логическое моделирование. Проблема в том, что в настоящее время из всего спектра количественных методов в немалой степени сведен к статистическим методам, прежде всего – к методам линейной регрессии. Эта практика обрела статус обязательности и предстала подобием религиозной литургии. Целый ряд профильных исследователей обращает внимание на недопустимость сведения всей палитры количественных методов только к линейной статистической регрессии, поскольку данный подход очевидно чреват сведением разнообразия социальных каузальных взаимосвязей к их упрощенным версиям.

Особый драматизм данной ситуации состоит в том, что, как отмечено выше, ее причины обусловлены объективным противоречием. Вероятностная природа политического знания побуждает исследователей искать более надежные инструменты доказательности, заимствуемые из сферы формальных наук и использовать заимствованные из арсенала формального знания методы, поскольку аргументация в формальном знании обладает существенными преимуществами в плане большей точности. «Соответственно более совершенными и развитыми представляются также познавательные средства и методы, позволяющие достигать этих результатов. Однако эвристическая неэффективность сведения высших форм и более сложных явлений к их упрощенным версиям очевидна, и построение сложных аналитических схем на основании простого суммирования информации о более простых формах методологически несостоятельно. Неудачи попыток разрешения отмеченного противоречия в рамках собственно методической сферы возвращают нас к методологическим поискам – именно формулировка методологических оснований анализа, в большей мере релевантных объекту, способна дать ключ к разрешению данного противоречия, что означает серьезный вызов для политической науки и в целом и политической компаративистики в частности» [2]. Предварительным условием выбора метода выступает концептуализация, осуществляемая в рамках методологической стратегии. Отмеченная выше нерелевантность ориентированных на устойчивость гносеологических схем стимулирует поиск адекватных новой реальности эпистемологических конфигураций, обладающих возможностями исследования таких свойств современной политики, как экстраординарность, случайность, неустойчивость. Нет сомнений в том, что данная реконфигурация политической науки обеспечит ее эффективность в исследовании и разрешении глобальных проблем цивилизации.

Литература:

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 2000.
2. Гаман-Голутвина. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 19-42.
3. Авдонин В.С. 2015. Методы науки в вертикальном измерении // Метод. Вып. 5. М.: ИНИОН РАН. С. 265-278.

Глобальная смена эволюции жизни на земле

Демиденко Э.С.

Брянский государственный технический университет, Руководитель Мультидисциплинарной научно-философской школы исследований. Доктор философских наук

demidenkoes@mail.ru

Аннотация. В.И.Вернадский предсказывал перевод биосферы в более высокое состояние – ноосферу. Но капитализм укрепился, изымая ради наживы остатки природных биологических ресурсов. Люди, образуя еще первичный социум, в биосферно-биологической форме жизни создавали её новые элементы – социально-биосферные. Переходя к производящей экономике – земледелию с ремеслом, создали в агросфере социотехнобиосферную форму жизни. С развитием индустрии и гибелью природных биологических ресурсов формируется посбиосферная форма жизни, т.к. уже уничтожено 2/3 лесов и почвенного покрова, погибла половина популяций организмов и живого вещества. В XX11 в. ожидается исчерпание в основном почв и биосферного живого вещества с концентрацией жизни в городах и использованием биотехнологий. Это ведет к глобальной смене эволюции жизни на Земле. Не дожидаясь гибели биосферы, народам предстоит срочно перестраиваться с сохранением и многократным использованием биологических ресурсов.

Ключевые слова: эволюция, жизнь и ее биосферно-биологическая, социотехнобиосферная и постбиосферная формы

Global Change of Evolution of Life on the Earth.

Demidenko E.S.

Bryansk State Technical University, Head of the Multidisciplinary Scientific and Philosophical School of Research

Annotation. V.I. Vernadsky predicted the transfer of the biosphere to a higher state - the noosphere. But capitalism has strengthened, withdrawing for the sake of profit the remnants of natural biological resources. People, forming another primary society, in the biosphere-biological form of life created its new elements - socio-biosphere. Turning to a producing economy - agriculture with a craft, they created a sociotechnological and biospheric life form in the agricultural sphere. With the development of industry and the death of natural biological resources, a post-biosphere form of life is formed, because 2/3 of forests and soil cover have already been destroyed, half of the populations of organisms and living matter have perished. In the 21st century It is expected that mainly soils and biosphere living matter will be exhausted with a concentration of life in cities and the use of biotechnology. This leads to a global change in the evolution of life on Earth. Without waiting for the death of the biosphere, the people have to urgently rebuild with the preservation and reuse of biological resources.

Keywords: evolution, life and its biosphere-biological, sociotechnical biosphere and post-biosphere forms

Текст. В философии и науке утвердились идеи глобализации природных и общественных явлений в ходе развития земного мира, биосферы и общества. Развивается исследовательское направление глобального эволюционизма. В этом направлении автором и его научной школой идет формирование при Брянском государственном техническом ун-те – философии и науки социально-техногенного развития мира. Осмысление нарастания урбанизации и патологий в городах привело к мультидисциплинарным исследованиям жизни.

Вернадский обратил внимание на то, что вооруженное наукой и техникой человечество стало сравнимым с геологическими силами Земли. «Научная мысль могущественным образом меняет природу…, – писал он в «Трудах по всеобщей истории науки». – Созданная в течение всего геологического времени, установившаяся в своих равновесиях биосфера начинает все сильнее и глубже меняться под

давлением научной мысли человечества…»[1, С.44]. Отмечая малый вес человечества («ничтожную массу вещества планеты»), он пишет: «Мощь его связана не с его материей, но с его мозгом. В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление» [2, С.174]. Это будущее он связывал с переходом биосферы в ноосферу. Историки отмечают, что большой отрезок времени жизни человека проходил преимущественно в облике животного. Люди существовали за счет сохранившихся в кайнозое крупных животных, осваивая и питательные плоды растений. Так как животных стало мало, то пришлось искать новую нишу для жизни. И она была найдена 10-12 тысяч лет назад в земледелии с окультуриванием растений и одомашниванием диких животных. Формирование производящего хозяйства привело к изменению жизни людей и биосферы.

Что собой представляет общественный организм, который способен перестраивать биосферу в ноосферу по примеру окультуривания ее аграриями? Если обратимся к аграрным производительным силам, то их базу составляли разум человека и мускульная сила людей и животных. В земледельческом обществе (1800 г.) на долю людей приходилось порядка 30% совокупного труда, животных – 68%, технической энергетики – 2% [3,С.153]. За два века индустриально-городского развития доля машинной энергетики поднялась до 99%. О росте мощности техносферы говорят расчеты автора: если за 7 тыс. лет (до 1800 г.) городское население возросло до 50 млн человек (5% от землян), то сейчас стало порядка 4 млрд (в 80 раз больше, 52% от землян) . Уже по массе искусственное стало сопоставимо с живой природой. В теории развития общественных систем западными теоретиками Р.Ароном и Д.Беллом обосновываются постаграрные общества – индустриальное и постиндустриальное (информационное). Автор эти общества, по сути индустриальные, впервые именует «техногенным обществом» в книге «Глобалистика: Энциклопедия. 2003». Характерными чертами его являются ускоряющееся развитие с формированием техносферы как искусственного материального мира – основы будущей общественной и природной жизни. Современное общество вступает в новое состояние, характеризующееся не только развитием на основе научно-технического прогресса, но и техногенным состоянием с воздействием техники, технологий и техносферы на социум, природу и человека с трансформацией последних. Техносфера при капитализме получает тенденцию к бесконечному возрастанию для получения сверхдоходов и тем самым к замещению биосферы, о чем говорит рост миллионных городов и крупного капитала.

Самым важным достоянием биосферы являются живое вещество и почвенный покров. За последние 10 тыс. лет на Земле уничтожено 2/3 лесов [4, с.509]. В 1970-2010 годах в мире в два раза сократилось популяций живых организмов, на 30% – живое вещество [5]. Гибнут и почвы. За 10 тыс. лет агроразвития (до 1700 г.) было расходовано на питание и др. потребно-сти 1,3 млрд га почвенных земель, а за 300 лет индустриального (1700-2000) – еще 0,7 млрд га. Эксплуатируемых 1,5 млрд га почв (на 2/3 разрушенных) хватит на столетие, а оставшегося 1 млрд га почвенных земель – на 30-40 лет [6, с.350-353]. Исчезают и биогеохимические обменные процессы, превращаясь в социально-техногенные. Весь этот процесс уничтожения биосферы превращается в «технологию» очищения поверхности литосферы от биогенных химических элементов, вытягивавшихся зеленым покровом из тверди суши 0,5 млрд лет, со времени выхода жизни из гидросферы на литосферу. Завершающим этапом становится омертвение поверхности суши, когда уйдут запасы гумуса и полезных веществ. По расчетам В.А.Ковды, в 20-е годы XX в. ежегодно сбрасывалось в моря и океаны 3 млрд тонн гумуса, в 70-е – 24 млрд. Запасов гумуса осталось всего на столетие [7, 149, 156].

Что же происходит с жизнью на Земле? Расчеты показывают: она концентрируется в техносфере. Вначале ней поселялись люди, за ними – животные, а сейчас – и растения в облике биотехнологических производств. В 1860 г. в техносфере находилось 5% наземных животных по своей массе, включая и людей, в 1940 г. – 10%, в 1980 г. – 20% , сейчас – свыше 40%. В XX1 веке треть растительности суши представлена окультуренными видами. «Это означает, - делает заключение М.И. Потеев, - что вся масса насекомых и бактерий «замкнется» на человеческой популяции и домашних животных, возникнет исключительно сложная проблема сохранения здоровья населения Земли» [8, С.253]. Она и возникла. В теле горожанина насчитывают тысячи искусственных и вредных веществ, в пуповине родившихся детей – более 200. Всего за 18 лет III тысячелетия в РФ в 3 раза возросли болезни онкологией, в 2,5 сахарным диабетом, на 55 % мочеполовой системы. В США осталось 5% биосферных лесов и аграрных почв, в 3 раза сократилось полезных веществ в них. От таких трансформаций страдают и рядовые граждане: 80% их с избыточным весом, 38,2% с ожирением, а также дети.

Расчеты показывают: при бездействии ученых, ООН, правителей государств в середине XX1 в. начнется экологический мор землян, а оставшиеся в живых сгрудятся в XXII в. городах с питанием на биотехнологической основе. Факты говорят о том, что мировая общественность и наука свои знания и силы должны направить на сохранение биосферы. РАН могла бы войти с предложениями в Правительство и через него в ООН для проработки этой проблемы мировой безопасности. С 2012 г. РАН признает исследования школы [10], но назревшие практические вопросы Академией в России и мире не решаются.

Литература:

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 522 с.
2. Вернадский В.И. Биосфера. Мысли и наброски. Сб. науч. раб. В.И. Вернадского. М.: Носфера, 2001. 244 с.
3. Араб-Оглы Э.А. Обозримое будущее. Социальные последствия НТР: год 2000. М.: Мысль, 1986. 206 с.
4. Дробышев Ю.И., Коротков С.А. Лес // Глобалистика: Энциклопедия. М.: «Диалог», 2003. 1328 с.
5. Доклад «Живая планета 2014» // WWF, Global Footprint Network, Water Footprint Network, London Zoological Society.
6. Строганова М.Н. Земельные ресурсы мира // Глобалистика: Энциклопедия. М.: «Диалог», 2003. 1328 с.
7. Ковда В.А. Почвенный покров, земледелие и социально-экологические проблемы // Вопросы социологии. Львов, 1987. С.145-156
8. Потеев М.И. Концепции современного естествознания. СПб: Изд. «Питер», 1999. 352 с.
9.Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни. Научный доклад. М.: РАН, 2017. 28 с.

Экологическая проблема в творчестве И.Т. Фролова

Евреева О.А.

Российский государственный социальный университет, доцент. Кандидат философских наук

Evreeva@yandex.ru

Аннотация: В творчестве И.Т. Фролова важное место занимала экологическая проблема. И.Т. Фролова отличал комплексный подход к ней. В рамках осуществления научно-технического прогресса И.Т. Фролов считал важным проводить экологическое воспитание населения. И.Т. Фролов участвовал в работе ряда правительственных комиссий и стремился противодействовать технократическим перекосам в развитии страны. И.Т. Фролов показал, что современный этап научно-технического прогресса сопрягается с проблемой человека и актуализирует общеметодологические и социально-этические принципы его познания. Экономическая система не может обеспечивать устойчивый прогресс техники и производства, если его предназначение не направлено ко благу человека и природы.

Ключевые слова: Новый гуманизм, новое экологическое мышление, социально-гуманитарные проблемы экологии, этика науки.

The Environmental Problem in the Work of I.T. Frolov.

Evreeva O.A.

Russian State Social University, Associate Professor

Abstract: In the work of I.T. Frolov an important place was occupied by the environmental problem. I.T. Frolov was distinguished by an integrated approach to it. As part of the implementation of scientific and technological progress I.T. Frolov considered it important to carry out environmental education of the population. I.T. Frolov participated in a number of government commissions and sought to counteract technocratic distortions in the country's development. I.T. Frolov showed that the modern stage of scientific and technological progress is associated with the problem of man and actualizes the general methodological and socio-ethical principles of his knowledge. The economic system cannot ensure the steady progress of technology and production if its purpose is not aimed at the good of man and nature.

Keywords: New humanism, new ecological thinking, social and humanitarian problems of ecology, ethics of science.

В творчестве И.Т. Фролова важное место занимала экологическая проблема. И.Т, Фролова отличал комплексный подход к ней. Он учитывал результаты глобального моделирования процессов, происходящих в рамках отношений «человек – биосфера» и проводил их философское осмысление.

В рамках осуществления научно-технического прогресса И.Т. Фролов считал важным проводить экологическое воспитание населения. Это позволит преодолеть сциентистские и техницистские подходы при реализации НТП. В своих статьях и интервью начиная с 1970-х гг. он призывал изменить веками сложившийся стереотип массового сознания – представление о необходимости «завоевать», «покорить» природу. Необходимо, напротив, развёртывать экологическое воспитание, формировать определённые нормы поведения, сориентированные на гармонию с природой.

В 1980-х гг. с экологический тематикой уже нельзя было не считаться. В 1986 г. И.Т. Фролов предложил включить тему «Экология и мир» в курсы высшей и средней школы, а также в систему просвещения взрослого населения.

И.Т. Фролов участвовал в работе ряда правительственных комиссий и стремился противодействовать технократическим перекосам в развитии страны, добивался учёта человеческого фактора при осуществлении народно-хозяйственных, научно-технических и инженерно-технологических проектов. В частности он входил в состав Экспертной комиссии Госплана РСФСР по оценке проекта переброски северных рек в бассейн Волги и Каспийского моря и добился прекращения всех работ, которые ставили под угрозу экологию страны.

В 1980-е гг. И.Т. Фролов активно способствовал природоохранным мероприятиям в стране. Он часто говорил о том, что наше народное хозяйство ведёт себя по отношению к природе как завоеватель в чужой стране, что необходимо экологическое воспитание и обучение населения, изменение экономического мышления, преодоление представлений о затратности экологических мероприятий [1].

И.Т. Фролов считал невозможным без обсуждения вопросов здравоохранения и экологии человека говорить об экономике, продовольственной проблеме, жилищном строительстве и др. Он прямо говорил о необходимости государственной экологической политики. Он отмечал, что капиталистические страны включают экологию в сферу своей практической и законотворческой деятельности. Вопрос этот, следовательно, важен и с политической точки зрения. Поэтому об экологических параметрах, и приоритетах, об экономической деятельности правительствах, необходимо говорить, в том числе и с учётом того внимания, которое уделяется этому широкой общественностью у нас и во всём мире [2].

В 1987 г. И.Т. Фролов предложил преодолеть ведомственную разобщенность в природоохранной деятельности в стране и придать ей целенаправленный характер. Только так, указывал И.Т. Фролов, можно добиться коренного изменения в экологической обстановке. Он подчеркнул, что назрела необходимость принять единую Экологическую программу и создать единый государственный орган в Совете Министров СССР. В результате было решено создать специальный Госкомитет СССР по охране природы. Причем И.Т. Фролов считал, что Госкомприрода должна иметь межведомственный статус с непосредственным подчинением Правительству на уровне заместителя Председателя Правительства. Создание Госкомприроды стало событием огромной важности, с надеждой было встречено общественностью страны.

И.Т. Фролов считал, что вопросы экологии – шире и многостороннее, они касаются работы всех ведомств «загрязняющих природу». Он предлагал создать специальную службу по экологическому контролю, которая бы имела самостоятельную исследовательскую базу.

В ходе работы над государственными документами И.Т. Фролов старался отмечать важность экологических вопросов, упущенное в «застойные» годы время и запоздалость принимаемых решений, необходимость чётче сказать об экологическом образовании и воспитании и о бюджетных ассигнованиях на природоохранную деятельность.

В 1987 г. И.Т. Фролов участвовал в организованном Научным советом АН СССР по проблемам биосферы «круглом столе». На нём собрались учёные, деятели культуры, экологи, которые обсуждали различные, в том числе социально-философские проблемы экологии. Участники дискуссии подчеркнули современное звучание учения В.И. Вернадского о ноосфере как новом этапе в развитии биосферы, проблемы экологии человека и охраны природы, рационального использования природных ресурсов.

И.Т. Фролов был одним из разработчиков Программы биосферных и экологических исследований. Он отвечал за социально-философские аспекты Программы и руководил работой над концепцией социально-гуманитарных проблем экологии [3].

И.Т. Фролов показал, что современный этап научно-технического прогресса сопрягается с проблемой человека и актуализирует общеметодологические и социально-этические принципы его познания. Возникает необходимость социальной и биологической адаптации человека к среде не только естественной, но и уже преобразованной последствиям научно-технической революции. Вот почему И.Т. Фролов выдвинул идею «высокого соприкосновения» науки, техники и человека, его культуры. В конечном счёте именно «высокое соприкосновение» науки и соответствующих социокультурных условий является залогом позитивного развития современной цивилизации.

И.Т. Фролов со всей остротой поставил проблему соответствия современной техники степени социально-нравственного развития человека, «нового синтеза» науки и гуманизма. Экономическая система не может обеспечивать устойчивый прогресс техники и производства, если его предназначение не направлено ко благу человека и природы, и, если те, кто обслуживают технику и производство, сами не находятся на соответствующем уровне социокультурного развития.

Новая техника требует нового мышления, нового общества, экологического и гуманного – вот главная мысль И.Т. Фролова, отчётливо выраженная в его работах по этике науки и глобальным проблемам современности. Человек не может действовать с узких позиций частного интереса в то время, как техника, посредством которой он действует, приобрела универсальный, глобальный характер. Он должен нравственно вырасти, чтобы соответствовать себе самому, как преобразователю природы, в противном случае он погубит и технику, и природу, и себя самого.

Литература:

1. Фролов И.Т. Социально-философские проблемы экологии // Информационный бюллетень центра общественной информации Межведомственного совета по информации и связям с общественностью в области атомной энергетики. 1989. № 17. С. 4-8.
2. Фролов И.Т. Сохранение мира – сохранение природы // Вопросы социоэкологии: Материалы Первой Всесоюзной конференции «Проблемы социальной экологии (Львов, 1-3 октября 1986 года)». Львов: Вильна Украина, 1987. С. 3-13.
3. Фролов И.Т. Социально-философское осмысление экологических проблем // Вестник АН СССР. 1988. № 11. С. 36-40.

Гуманитарная безопасность как глобальная проблема современности

Зеленцова М.Г.

Ивановский государственный химико-технологический университет, профессор. Доктор философских наук

marigumm@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается проблема гуманитарной безопасности в философско-этическом аспекте. Безопасность человека – это не только «избавление от страха и нужды», не только экономическое благополучие, мирная жизнь и здоровье, хотя все это, безусловно, очень важно. Но ведь человек – это еще и духовное существо, следовательно, проблема его безопасности должна быть предметом философского, а не только социологического, политологического или медицинского исследования. С точки зрения философии, ядро личности составляют такие духовные феномены, как родовая и персональная идентичность, система ценностей и убеждений, нравственность. В культуре постмодерна существует множество факторов, негативно влияющих на формирование гуманистического потенциала человека, провоцирующих личностные духовные кризисы. К ним относятся идеология утилитаризма, познавательный и ценностный релятивизм, аморализм. Сегодня проблема гуманитарной безопасности приобретает статус глобальной проблемы цивилизации. Ее философский анализ является необходимым для дальнейшей разработки современной секьюритологии.

Ключевые слова: безопасность, человек, личность, духовность, нравственность, кризисы.

Humanitarian Security as a Global Problem of Our Time.

Zelentsova M. G.

Ivanovo State University of Chemical Technology

Abstract: the article considers the problem of humanitarian security in the philosophical and ethical aspects. Human security is not only «deliverance from fear and need», not only economic well-being, peaceful life and health, although all this is certainly very important. But man is also a spiritual being therefore the problem of his safety should be the subject of philosophical and not only sociological, political and medical research. From the point of view of philosophy, the core of the personality is constituted by such spiritual phenomena, as generic and personal identity, a system of values and beliefs, morality. There are many factors in postmodern culture that negatively affect the formation of the humanistic potential of a person and provoke personal spiritual crises. These include the ideology of utilitarianism, cognitive and value relativism, immorality. The problem of humanitarian security is acquiring today the status of a global problem. It is need to give her philosophical analysis for the future development of modern security studies.

Keywords: security, person, personality, spirituality, morality, crises.

Концепция гуманитарной безопасности, разработанная ООН, охватывает широкий круг условий существования человека, его прав и свобод. В качестве основных элементов безопасности человека обычно рассматриваются экономическая, продовольственная, медицинская, экологическая безопасность, а также безопасность личности (от войн, преступлений, наркотиков и т.п.) и безопасность сообществ (сохранение традиционных культур). Концепция гуманитарной безопасности требует от государства активной деятельности по созданию различных социальных структур, обеспечивающих людям «избавление от страха и нужды», мирную жизнь, здоровье и развитие. Все названные аспекты рассматриваемой концепции получили широкое освещение в научной литературе.

Гораздо реже исследователи обращаются к проблеме безопасности человека в аспекте сохранения его родовой и персональной идентичности (самоидентичности), системы ценностей и убеждений, нравственности. Между тем, именно эти духовные феномены составляют ядро личности, и если они

«размываются» в силу определенных причин, человек не может чувствовать себя спокойно и уверенно. Все, что способствует психическому и моральному комфорту, столь же важно в жизненном смысле, как и то, что служит телесному комфорту. С точки зрения Э. Фромма, самый первый витальный интерес человека заключается в сохранении им своей системы ценностей. От нее зависит и способность к действию, и, в конечном счете, осознание себя как личности. Если человек обнаружит идеи, которые ставят под сомнение его ценностные ориентации, он воспримет их как угрозу своим жизненно важным интересам [см.: 1].

Процесс релятивизации знания сопровождается усилением и широким распространением ценностного релятивизма. Так, например, академик РАН А.А. Гусейнов в своем пленарном докладе на 23 Всемирном философском конгрессе (Афины, Греция, 2013) предложил отказаться от идеи нормативности в научном познании. Говоря о современной этике, автор отмечает, что она «фактически сняла с себя обязанность указывать путь этически достойного существования», она «релятивирует» понятие моральной нормы [2, с. 15]. Далее автор утверждает, что «мораль не поддается определению» и, следовательно,«этика не может выступать от имени истины, и люди не могут уже рассчитывать на то, чтобы получить от нее рационально обоснованный… ответ на вопрос «Что я должен делать?» [там же]. Она «делегирует право ответа на него самому индивиду» [2, с. 16]. Че- ловек, согласно автору, «выступает в качестве автономного начала, находит опору в самом себе, в своей воле и в своем разуме» [там же]. Это, конечно, крайний релятивизм и субъективизм, опасность которого состоит не только в разрушении науки, но и в иррационализации и дегуманизации общественного сознания.

Жизненные интересы личности вытекают из базовых (биологически обусловленных) человеческих потребностей. Согласно известной теории А. Маслоу, эти потребности не сводятся к физиологии. Важнейшими являются также потребность в общности или принадлежности – в любви, симпатии, дружбе, участии и других формах человеческой близости; потребность в уважении и самоуважении; потребность в самореализации. Потребность в безопасности, стоящая в «пирамиде» Маслоу на втором месте после физиологических потребностей, проявляет себя не только как стремление к социальным гарантиям и стабильности существующих институтов, но и как стремление иметь определенную религию или философию, т.е. систему ценностей [см.: 3]. Невозможность удовлетворения этих потребностей приводит к потере человеком смысла жизни, к образованию «экзистенциального вакуума» (В. Франкл) и, как следствие, к преступлениям, психическим заболеваниям и самоубийствам, к разрушению гуманитарной безопасности.

Современная культура несет в себе значительные риски для человека, в том числе, в плане реализации его основных духовных интересов и потребностей. Все очевиднее становится кризис культуры, признаки которого были замечены выдающимися мыслителями еще в первой половине XX века. О. Шпенглер, Н. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет, позднее Р. Гвардини, Й. Хейзинга в качестве главных проявлений кризиса рассматривали утрату равновесия духовных и материальных ценностей, провозглашение культа жизни, отказ от рационального познания и девальвацию ценностей. Все эти процессы в совокупности обозначались как «варваризация» культуры. «Варваризация начинается тогда, - пишет, например, Й. Хейзинга, - когда в старой культуре, за многие столетия поднявшейся до высот ясности и чистоты мышления и познания, это познание начинает заволакиваться магией и фантастикой, поднятыми чадной волной ярых инстинктов и страстей» [4, с. 353]. Отказ от познавательного идеала, - отмечает автор, - ведет к упадку морали. Отрицаются всякие основы морали, утверждается идея об относительном характере морали. Нравственное суждение как таковое в духе христианской этики практически исчезает. Воля к превознесению бытия и жизни, отвергающая руководство со стороны интеллекта, приводит к этическому расшатыванию духа [см.: там же].

В культуре постмодерна эти проявления кризиса становятся все заметнее. Усиливается скепсис, недоверие к силам разума, нарастает гносеологический и ценностный релятивизм, что находит отражение в локальных кризисах, в частности, в сфере науки и образования. Анализируя ситуацию, сложившуюся в современном социально-гуманитарном познании, Ю.И. Семенов характеризует ее как тупиковую. «Общественные науки на Западе, - пишет он, - в настоящее время оказались в тупике. Накопление фактического материала продолжается, но в области теории наступил полный застой» [5, с. 129]. Автор отмечает, что кризис осознается многими западными учеными, о чем свидетельствуют названия некоторых работ, например: «Что же все-таки неладно с экономикс?», «Наступающий кризис западной социологии», «Упадок современной политической теории» и т.п. В качестве главных причин такого положения автор называет отказ от материалистического понимания общества, а также номинализм, т.е., игнорирование общего, сущности, законов, без которых никакая научная теория невозможна.

Все сказанное, очевидно, имеет отношение и к российской науке. Кризис осознается и отечественными учеными. В попытке вывести современное социально-гуманитарное знание из тупика, преодолеть номинализм и субъективизм некоторые исследователи призывают вернуть в науку идею бога. «Что приобретет социология, - спрашивает, например, В.А. Бачинин, - если Бог займет в ней центральное место?» [6, с. 291]. Положительный эффект

«контрсекулярной парадигмы» автор усматривает в следующем: во-первых, она позволила бы существенно расширить поле социологического зрения, поскольку в него попала бы не только стихия релятивного, но и сфера абсолютного, вне которой невозможна полноценная жизнь человека и общества; во-вторых, социологи получили бы доступ к абсолютным критериям истинного знания; в-третьих, социальный мир предстал бы уже не в качестве фрагментированного конгломерата разрозненных социальных фактов, а в виде целостной системы, подчиняющейся действию универсальных детерминант [см.: там же, с. 292-293].

Парадоксальное, на первый взгляд, обращение социологов к идее бога ясно свидетельствует о потребности общественных наук в некотором «абсолюте», в некоторой универсальной «системе отсчета», без которой невозможна ориентация в хаосе социальных явлений, невозможно теоретическое осмысление накопленного эмпирического материала, преодоление номинализма и релятивизма.

Опасность крайнего релятивизма в социально-гуманитарном познании состоит не только в разрушении научной рациональности как таковой, но и в том, что познавательные и ценностные установки науки транслируются в систему образования и оказывают, таким образом, существенное влияние на массовое сознание. Старшее поколение с удивлением обнаруживает индифферентность современной молодежи, ослабление творческих задатков и духовную пустоту, ухудшение когнитивных способностей и способности к эмпатии, нарастание «цифрового слабоумия» и аморализма. Кризис личности становится одной из глобальных проблем современности. Личностная самоидентификация оказывается невозможной в условиях «плюрализма» истин и «относительности» моральных норм. В. Хёсле, анализируя различные по глубине духовные кризисы личности, отмечает, что самый глубокий и отчаянный из них является результатом убеждения в том, что не существует никаких моральных норм. «В этом случае кризис безысходен, - пишет автор, - потому что из него почти невозможно выкарабкаться. Ведь человек не будет рассматривать свое состояние сознания как кризис, поскольку понятие «кризис» имеет нормативные коннотации, которые он отвергает; он не признается в ошибке, поскольку освободился от мысли об объективном различии между ошибкой и истиной» [7, с. 119].

Духовный потенциал личности разрушается также в силу ключевой установки постмодернистской культуры, которую можно обозначить как утилитаризм. В эпоху буржуазных революций эта установка была прогрессивной, поскольку утверждалась в ходе протеста против феодального мироустройства, в котором ценность индивида определялась его сословным статусом, а не делами. Однако сегодня идея всеобщей полезности – вещей, знаний, человеческих отношений и самого человека – превратилась в общественную идеологию, вполне согласующуюся с рыночной ориентацией современного капитализма. Логика рынка, уместная в сфере экономики, сказывается негативно во всех других сферах культуры, влияя, в том числе, на науку и мораль. Согласно А. Гоулднеру, опасность утилитаристской установки сознания состоит в том, что она ведет к игнорированию морали, требующей оценки поступка не по его результату, а по его мотиву, а также к обезличиванию человека. Индивид формируется социальной системой по критерию полезности, в результате чего он оказывается отчужденным от своих жизненно важных интересов и потребностей. Это ведет к дезориентации индивидов, к увеличению их беспокойства [см.: 8]. Добавим, что, лишаясь внутренней ценности, человек перестает быть самоцелью и конечной целью для общества; он становится только средством, и его «цена» теперь зависит от меняющихся условий его использования. Так утилитаризм неизбежно приводит к релятивизму и субъективизму. Принцип утилитаризма, считает Гоулднер, характерен и для современной науки, является ее фундаментом. Автор критикует современную западную социологию, служащую оправданием и поддержанием культуры утилитаризма.

Таким образом, круг замыкается: утилитаристская установка и отказ научного мышления от понятий истины, от ценностной нормативности способствует деградации массового сознания и культуры в целом. С другой стороны, общий кризис культуры, ее «варваризация», находят отражение в локальных кризисах науки, системы образования, личности. Судя по существующим тенденциям, проблема гуманитарной безопасности в дальнейшем будет обостряться. Необходим детальный анализ

этой проблемы в ее философском аспекте, учет духовных факторов формирования личности и сохранения ее гуманистического потенциала при разработке современной секьюритологии.

Литература:

1. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 143- 221.
2. Гусейнов А.А. Философия как этический проект. Тезисы доклада // Вестник РФО. 2013. № 3. С. 11-16.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб: Евразия, 1999. 479 с.
4. Хейзинга Й. Homo Ludens. М.: Изд. группа «Прогресс-Академия», 1992. 464 с.
5. Семенов Ю.И. «Антропологический подход в социальной теории»: ничего нового, ничего интересного, ничего полезного // Философия и общество. 2016. № 1. С. 128-132.
6. Бачинин В.А. Онтология трансцендентной детерминации в социологическом дискурсе // Современная онтология-3. Категория взаимодействия. Материалы межд. научной конф. СПб, 2009. С. 290-298.
7. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112-123.
8. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб: Наука, 2003. 576 с.

Северная цивилизация в перспективе развития России

Исаченко Н.Н.

Тюменский индустриальный университет, доцент. Кандидат философских наук

isachenkonadezhda@mail.ru

Аннотация: Современный этап цивилизационного развития России обретая новые черты, становится более динамичным, технологичным. Динамика цивилизационного развития амбивалентна. Наряду с активным внедрением инновационных технологий, наблюдаются социокультурные изменения, сопровождающиеся экономическими, социальными, экологическими, духовными кризисами. Отсутствие возможности своевременно прогнозировать и предупреждать кризисы, ставят проблему поиска новых путей цивилизационного развития. На данном этапе цивилизационного развития России возникла объективная потребность в идеях, предлагающих новые стратегии развития, обеспечивающие устойчивое инновационное развитие российского общества. В качестве стратегии развития России репрезентируется идея Северной цивилизации, реализуемая в России. Северная цивилизация как социокультурная общность, развивающаяся на принципах коэволюции, рациональности, гуманизма.

Ключевые слова: северная цивилизация, цивилизационный путь, приарктические территории, принцип гуманизма, коэволюции, нравственный алгоритм, локальная цивилизация.

Northern Civilization In The Perspective Of Russia's Development.

Isachenko N. N.

Tyumen Industrial University, Associate Professor

Abstract: the Modern stage of civilizational development of Russia is gaining new features, becoming more dynamic and technological. The dynamics of civilizational development is ambivalent. Along with the active introduction of innovative technologies, socio-cultural changes are observed, accompanied by economic, social, environmental, and spiritual crises. The inability to predict and prevent crises in a timely manner poses the problem of finding new ways of civilizational development. At this stage of Russia's civilizational development, there is an objective need for ideas that offer new development strategies that ensure sustainable innovative development of Russian society. The idea of Northern civilization implemented in Russia is represented as a strategy for the development of Russia. Northern civilization as a sociocultural community that develops on the principles of co-evolution, rationality, and humanism.

Keywords: Northern civilization, civilizational path, near-Arctic territories, principle of humanism, co-evolution, moral algorithm, local civilization.

На современном этапе цивилизационного развития Россия, оказавшись перед лицом внешних вызовов, ставит перед собой задачу поиска новых стратегий развития. В рамках решения этой задачи предлагается идея Северной цивилизации, прорабатываемая в работах Ю. Крупнова, Ю. В. Попкова, Е. А. Тюгашева, Н. Н. Исаченко.

Традиционно в гуманитарном знании принято выделять «восточную» и «западную» цивилизации. Такое выделение осуществлялось на основе ориентации на названия сторон света, расположенных вдоль горизонтальной оси земли. По аналогии ориентация на вертикальную ось земли позволяет высказать идею о выделении Северной цивилизации. При том, что приарктические территории принадлежат нескольким государствам, простирающимся вдоль Северного Ледовитого океана, большая ее часть принадлежит России. Это послужила основанием Северную цивилизацию отождествить с российской цивилизацией. Другим основанием стало то, что уже в XVI веке территории Поморья назывались «Севером» по географическому и климатическому признаку. В русском языке несколько веков активно используются такие слова как «русский север», «северная столица», «северяне», «народы севера», «северное золото», «северная модель», указывающие на их приближѐнность к побережью

Северного Ледовитого океана. Территориально и географически Россия расположена в нескольких природно-климатических зонах, но достаточно обширные территории у России располагаются в северной зоне. Этот факт стал причиной того, что у большинства иностранцев наша страна ассоциируется с севером и признается северной страной, а народы, живущие на ее территории России, – северными.

Обращение к теме Северной цивилизации нацелило на анализ огромного пласта научных источников, представивших результаты научных экспедиций, археологических раскопок на Ямале, Таймыре, в Сибири. Результаты свидетельствуют о наличии многочисленных артефактов, памятников культуры, орудий труда, дающих основание для признания факта существования Северной цивилизации в древности. Согласно работам М. Бронштейна, В. Е. Ларичева, С. А. Паршикова, на расположенных вдоль Северного Ледовитого океана территориях, около пяти тысячелетий назад локально существовала древняя цивилизация. Они доказали, что на северных территориях, где сейчас компактно проживают коренные народы Севера, в древности существовали «протогосударственные» [1, с. 24] поселения с уровнем развития древних цивилизаций. «В местах поселения древних людей были обнаружены следующие артефакты: каменные книги, календари, орудия труда» [2, с. 83], оружие, фигурки людей, животных. Наличие артефактов дает основание для признания факта существования Северной цивилизации в прошлом.

Идея Северной (Арктической) цивилизации, озвученная Ю. В. Попковым, Е. А. Тюгашевым, Н. Н. Исаченко в начале XXI века, в рамках российского научного сообщества в последние годы обретает актуальность и выходит на новый уровень развития. Так в Архангельске ежегодно стали проводиться международные конгрессы, симпозиумы, форумы, на которых решаются проблемы Арктики, рассматриваются перспективы ее развития. В 2019 году в Санкт-Петербурге был проведѐн конгресс «Арктика: история и современность», участники которого признали необходимость в смещении центра мирового развития в арктический регион. На конгрессе была озвучена мысль о возможности становления или возрождения Северной цивилизации.

Основой существования цивилизации является национальное ядро. Северные народы сумели в сложных условиях жизнедеятельности сохранить национальное ядро, свой культурный архетип, формирующийся под влиянием экологических, природно-климатических, экономических, культурных факторов.

В процессе реализации идеи Северной цивилизации в перспективе цивилизационного развития России, необходимо ориентироваться на культуру, на характер жизнедеятельности коренных жителей, в основе которого положен принцип коэволюции, обеспечивающий «гармоничное единство человека и природы» [6, с. 15]. Своеобразие культуры коренных народов Севера заключается в том, что в ней содержится нравственный алгоритм отношения человека не только к людям, но и к земле, к флоре и фауне, который они сохранили в условиях кризиса духовной культуры. Для народов севера, имеющих устойчивый культурный архетип, неактуальна проблема разобщѐнности, отчуждения, агрессии, характерных для современного общества.

Россия имеет шанс создать локальную цивилизацию, объединив территории Арктики и приарктические территории. Реализация идеи Северной цивилизации может стать социокультурным поворотом в истории России. В процессе еѐ реализации необходимо: ориентировать общество на фундаментальные ценности; руководствоваться «гуманистическими установками; усиливать политическую, экономическую и интеллектуальную мощь страны; преумножать материальные, духовные ресурсы» [2, с. 109]; уметь выстраивать диалог с другими народами, государствами; давать адекватные ответы на вызовы без использования насилия; беречь и сохранять природу, возобновлять природные ресурсы; создавать условия для развития личности. Северная локальная цивилизация будет основываться на общности судьбы, традиций, ценностей, исторического родства. Интегрирующим фактором может быть национальная идея, культура, традиции, фундаментальные ценности [5], этническое происхождение, социально- политический тип общества, географическое положение.

В процессе создания цивилизации, необходимо активно внедрять природоохранные технологии, развивать «экологизацию» экономической и социальной сфер, сохраняя экосистему посредством реализации экологических программ. Северная цивилизация в будущем может стать одной из первых, где будут представлены новые типы сетевых поселений, названных Ю. Крупновым факториями. На пространстве Северной цивилизации будут использоваться новые виды транспорта - струнные магистрали. В суровых условиях севера обеспечение жизнедеятельности будут осуществлять мини- АЭС капсульного типа [3, с. 28]. Речь идет о внедрении новых технологий, не наносящих вред природе.

В контексте исследуемой темы Северную цивилизацию следует рассматривать как локальную цивилизацию, представляющую социокультурное сообщество, сложный социальный организм, скреплѐнный культурными, социальными, экономическими, политическими связями. Северная цивилизация — это устойчивая социокультурная общность, развивающаяся на основе высоких технологий, существующая на принципах гуманизма, солидарности, рациональности, пацифизма, что не создает условий для насилия, агрессии. К основным характеристикам следует отнеси общность языка, территории, фундаментальных ценностей [2].

Для реализации идеи Северной цивилизации в жизнь, необходимо осуществить поиск новых способов освоения территорий без нанесения вреда природе, новых видов организации хозяйственной деятельности, новых типов коммуникаций, обеспечивающих положительную динамику развития северных территорий.

Для реализации идеи Северной цивилизации в России необходимы социокультурные и технологические условия. В частности, речь идет о высоком уровне научного и технического знания, о наличии большого объема информации и возможности ее быстрой переработки. Кроме того, значимым является наличие капитала, природных ресурсов, высокотехнологичного производства, обеспечивающих высокий уровень научно-технического прогресса. Особую значимость в фокусе этой проблемы обретает человеческий потенциал, представляющий совокупность духовных, физических, умственных потенций граждан, способных направить их на реализацию конструктивных задач. Наличие выше озвученных факторов обеспечит возможность реализовать идею Северной цивилизации в жизнь. Одной из задач на стадии формирования Северной цивилизации, будет защита Арктики от посягательств государств, нацеливающихся на превращение ее в предмет жесткого экономического и политического торга.

Литература:

1. Бронштейн М. Чукотские Микены //Знание – сила. 1999. № 4. С. 23-26.
2. Исаченко Н. Н. Северная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее. – Тюмень: ТИУ, 2019. 124 с.
3. Крупнов Ю. Северная цивилизация //ИNАЧЕ. 2003.№ 5. С. 24-33.
4. Ларичев В. Е., Паршиков С. А. Протохрам возникновения и устроения Вселенной: Мировое Яйцо, первозданные боги и человек в наскальном искусстве северной Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2006. Т. XII. ч. 1. С. 412-417.
5. Марцева Л.М., Шабатура Л.Н. Стратегия социального государства в России начала XXI века. //Социологические исследования. 2017. № 1 (393). С. 171-173.
6. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Идея северной цивилизации //Северный регион: наука, образование, культура. 2004. №.2 . Изд-во СурГУ. С.13- 19.

Третичная формация в теории К. Маркса: обратное поглощение стоимости

Камалетдинова А.Я.

Челябинский государственный университет, доцент. Кандидат педагогических наук

allakamaletdinova@rambler.ru

Аннотация: С опорой на основные положения экономической теории К. Маркса, нетрадиционно трактуемым философами Плотниковым В.И. и Невелевым А.Б., гипотетически было высказано предположение о возможности цивилизационного прорыва для человечества. Таким цивилизационным прорывом может стать теоретическое описание третичной формации, контурно обозначенной в наследии К. Маркса. Немецкий философ в характеристике первичной и вторичной формаций использовал категории, раскрывающие все аспекты экономической организации обществ в истории, их структуру, общественные отношения и т.д. Предполагаем, что логика развития формы стоимости: от торжества прибавочной стоимости, что превалирует в современном обществе, к торжеству потребительной стоимости, тенденция к чему наметилась в реалиях сегодняшнего дня, позволит более детально описать третичную формацию. Актуальнейшей проблемой ближайшего столетия становится соотнесение особенной комплексной уравнительной потребительной стоимости и единичной комплексной потребительной стоимости.

Ключевые слова: форма стоимости, третичная формация, прибавочная и потребительная стоимости.

Tertiary Formation in the Theory of K. Marx: Inverse Absorption of Value.

Kamaletdinova A.Ya.

Chelyabinsk State University

Abstract: Based on the main provisions of the economic theory of K. Marx, unconventionally interpreted by philosophers Plotnikov V. I. and Nevelev A. B., it was hypothetically suggested that the possibility of a civilizational breakthrough for humanity. Such a civilizational breakthrough can be a theoretical description of the tertiary formation, outlined in the legacy of Karl Marx. In describing primary and secondary formations, the German philosopher used categories that reveal all aspects of the economic organization of societies in history, their structure, social relations, etc. Assume that the logic of development of forms of value: from the celebration of the surplus value that prevails in a modern society, to the triumph of use value, the trend to what is seen in reality, will allow to describe in more detail the tertiary formation. The most urgent problem of the next century is the correlation of a special complex equalizing use value and a single complex use value.

Keywords: form of value, tertiary formation, surplus and use value.

Исторический процесс К. Маркс делил на два периода: на предысторию и собственно историю. В ходе предыстории, по его замыслу, возникает культурная среда обитания человека, вторая природа, без которой не может состояться его становление. Опираясь на «реальное и конкретное» (1, с. 36), человечество, абстрагируясь, приходит к наиболее простым определениям. Пока эти условия обитания не созданы, человек в массе своей объективно подчинен в своем становлении производству этой вещной среды. Человек при этом не является, в конечном счете, целью. Он преимущественно средство развития материальной культуры, в динамике развития социальных систем (от конкретного к абстрактному и наоборот). В процессе моделирования предполагаем использовать оба подхода: перевода на основе анализа реального в абстрактные всеобщие понятия, а затем на основе абстракций воспроизводство особенного. Многие понятия, которые будут использоваться в исследовании, могут существовать только как абстрактные, причем существующие на двух уровнях: реального и идеального: в них возможно выделить аспекты: всеобщего, единичного, особенного.

Отсюда то отчуждение, которое К. Маркс исследует в разных формах бытия. Суть отчуждения в том, что на место человека исторически становится вещь, а на место вещи – человек. К. Маркс отмечает, что «каждый индивид обладает общественной мощью в форме вещи» (1, с. 71). Это метаморфоз идентичности, который сопровождает людей и крепнет от первичной формации к вторичной формации. Первичная формация, общество вещной зависимости, становится как результат процесса атомизации собственности, развития рынка и денежной формы стоимости (2). В первичную формацию «личной зависимости» укладываются первобытно-общинный, рабовладельческий и феодальный способы производства. Логически спрямленный процесс атомизации в итоге завершается индивидуальной частной собственностью, результатом буржуазных революций. В идеале: одна индивидуальная частная собственность и один индивидуальный частный собственник, «мой дом – моя крепость».

Логика первичной формации резюмируется в «форме стоимости» (3). Из-за предельной атомизации собственности продукты труда превращаются преимущественно в товары, отношения между людьми овеществляются, сознание, как выражение этих отношений, тоже овеществляется. Рынок охватывает все большее пространство экономической жизни. Деньги (золото) венчают развитие мирового рынка, как мировые деньги, как всеобщая (денежная) форма стоимости. Логика движения экономической жизни идет от единичного (случайная, единичная форма стоимости) к особенному (развернутая форма стоимости) ко всеобщему (всеобщая форма стоимости), и наконец, к денежной форме стоимости. Отчуждение человека от своей живой индивидуальности, от жизненного своеобразия достигает в массе своей предельных характеристик. Итак, «форма стоимости», по нашему мнению, предстает как логическое резюме именно первичной формации. Формула К. Маркса «товар – деньги» переводит логическое осмысление результата генезиса «формы стоимости» в русло воспроизводства и расширенного воспроизводства, когда деньги из преимущественного средства обращения становятся средством проявления форм прибавочной стоимости.

«Форма прибавочной стоимости» (4), по нашему мнению, это логическое резюме вторичной формации, общества вещной зависимости. Над умами людей господствуют абстракции высоких степеней общности, поскольку денежная форма стоимости представляет собой вожделенный всеобщий эквивалент, фетишистски владеющий сознанием людей, абстрагированным от живого человека, а значит и от потребительных стоимостей, которые предметно обеспечивают производство и воспроизводство его жизни, «…образуется система < > универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций» (1, с. 71). «Золотой телец» «парит» над потребностями людей и теми потребительными стоимостями (ценностями), которые их выражают, с которыми эти живые потребности связаны. Формула сущности капитализма «деньги – товар – деньги» сосредотачивает сознание человека над самодавлением денег, над жаждой оторванной от потребительных стоимостей и потребностей человека наживы.

Прибавочная стоимость («дельта – деньги») варьируется по источнику прироста, но, в конечном счете, вновь сводится к приращенному абстрактному золотому тельцу. Это касается как действий «глупого капиталиста», собирателя сокровищ, который просто останавливает деньги в их функции средства обращения и складывает их в свои сундуки, превращая их в средство накопления, так и ростовщического процента, и купеческой прибыли от отчуждения, и промышленной прибыли, и банковского дивиденда. В «форме прибавочной стоимости» К. Маркс фиксирует логику овеществления, лежащую в основе вторичной формации, общества вещной зависимости.

Особый интерес для современного осмысления представляет учение К. Маркса о третичной формации. Третичная формация связывается им с переходом человечества от предыстории к собственно истории. На первый план в этой формации выходит человек, свободная человеческая индивидуальность. То, что было отчужденно развито в первичной и вторичной формациях, в третичной формации становится действительным предметом присвоения каждым отдельным человеком как цели общественного развития. Это в исследовательском отношении интереснейшая тема для углубленного рассмотрения (6). Формат статьи позволяет нам лишь принципиально наметить логическую составляющую исторического феномена третичной формации. Человечество, прежде всего, конечно, в качестве, условно говоря, «золотого миллиарда» явно начало двигаться по пути преодоления отчуждения, по пути присвоения развернутого в материальной культуре богатства человеческой сущности и в этом смысле тезис К. Маркса о предыстории и истории человечества подтверждается.

«Своеволие» бесконтрольного самовозрастания стоимости, авансируемых денег, ограничивается не только периодическими стихийными кризисами, но и рационально, государствами, которые на уравнительных (чтобы не сказать «коммунистических») началах обеспечивают гарантированное бы-

тие своих граждан. Вместе с тем, граждане «состоятельных» государств самостоятельно обеспечивают свои индивидуализированные потребности в потребительных стоимостях (материальных ценностях), порой далеко выходя за относительно уравнительные возможности «коммунистической» совокупности потребительных стоимостей. Эти исторически возникшие формы бытия людей, на наш взгляд, вполне уместно осмыслить в марксовой логике, подобно рассмотренными нами выше «формы стоимости» и «формы прибавочной стоимости».

Ключевое указание в этом направлении можно почерпнуть у самого К. Маркса. И ведущей тут оказывается идея обратного поглощения стоимости потребительной стоимостью (ценностью) как логическое основание третичной формации. Если в первых двух формах мы имели с философско-методологической и логической точки зрения, вызревание и безраздельное доминирование абстрактно общего и всеобщего над единичным и особенным, а значит доминирование обобщенной системы отчужденных отношений общества над отдельными, особыми, единичными относящимися человеческими индивидуальностями, то в третичной формации мы имеем логику истории обратного поглощения всеобщего и общего особенным и единичным.

Поэтому генезис новой формы потребительной стоимости как логики третичной формации следует начинать с абстрактно всеобщего, с денежного эквивалента, который, говоря гегелевским языком, снимается особенной по качеству комплексной потребительной стоимостью, и, наконец, комплексной единичной потребительной стоимостью. Последняя материально предметно обеспечивает развитие свободной человеческой индивидуальности, уникального бытия человека, непохожего на любого другого в своей неповторимости и бесконечно интересного людям в этой его уникальности и талантливости.

В структуре единичной комплексной потребительной стоимости (ценности) представлен весь генезис, все узловые моменты ее исторического становления: деньги как абстрактно всеобщее, как потенциал связи человека со всей развитой человечеством культурной сущностью, как потенциал доступности человеческому индивиду социального универсума, многих сторон богатства социума; особенная комплексная сравнительно уравнительная («коммунистическая») потребительная стоимость (ценность), гарантирующая устойчивое бытие каждого индивида независимо от его индивидуального вклада в общественное производство, подобно семье, в которой жизнь обеспечивается каждому родившемуся индивиду просто по самому факту его бытия; и наконец, неповторимо индивидуальные жизнеутверждающие потребности, находящие свою реализацию в индивидуализированной, комплексной, единичной потребительной стоимости (ценности), позволяющей развиться и раскрыться уникальным талантам свободной человеческой индивидуальности.

Литература:

1. Маркс, К. Сочинения. Т. 46. / К. Маркс; Ф. Энгельс. М.:Политиздат, 1968. 317 с.
2. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. Москва : Директ-Медиа, 2008. 737 с.
3. Маркс, К. Форма стоимости. Т. 49. / К. Маркс; Ф. Энгельс Сочинения. М.: Политиздат, 1974. С. 137-164. 555 с.
4. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости / К. Маркс ; Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1960. 920 с. Т. 26. Ч. 1.
5. Маркс, К. Сочинения. Т. 42. / К. Маркс; Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1961. 554 с.
6. Невелев, А.Б., Камалетдинова, А.Я. Экономическое сознание как идеалема (на материале исследования трудов К. Маркса) // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415). Философские науки. Вып. 48. С. 34–43.

Перспективы развития культурной и научной дипломатии: социально-философский анализ

Курумчина А.Э.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, доцент. Кандидат философских наук

a.e.kurumchina@urfu.ru

Аннотация: Каждое общество вырабатывает специфические нормы и ценности, определяющие его отличие от других. В эпоху глобализации коммуникация и взаимодействие между обществами значительно интенсифицировалось, одновременно осуществляется культурное давление и трансформация ценностей, что подтачивает онтологические основы единства той или иной страны, провоцируя конфликты. Важно рассмотреть онтологические основания сохранения целостности общества и инструменты, позволяющие это делать на внутреннем и внешнем, международном уровне. *Таким инструментом нам представляется культурная и научная дипломатия. Их потенциал* в условиях глобализации и культурной унификации, особенно в сфере массовой культуры, принадлежит политическому объединению БРИКС. Наиболее крупные страны этой группы, Китай и Индия, представляют собой одни из самых древних культур, сумевших пережить колониальное давление и возрождающиеся благодаря обращению к своим культурным, философским традициям, адаптировав их к современности. Внешняя культурная политика этих стран подкрепляется растущим научным и военным потенциалом, благодаря поддержке со стороны России. Роль культурной и научной дипломатии существенно возрастает, как инструмента, благодаря которому мы может удержать мир в равновесии.

Ключевые слова: культурная и научная дипломатия, культурная политика, социально-философский анализ, БРИКС, глобализация

Development Prospects of Cultural and Science Diplomacy: socio-philosophical analysis.

Kurumchina A.E.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract: Each society develops specific norms and values, which determine its difference from others. In the era of globalization, communication and interaction between societies has intensified significantly, while cultural pressure and the transformation of values are underway, that undermines the ontological foundations of the unity of a country, provoking conflicts. It is important to consider the ontological foundations of maintaining the integrity of society and the tools that allow it to be done at the internal and external, international level. Such an instrument seems to us cultural and science diplomacy. Their potential in the context of globalization and cultural unification, especially in the field of mass culture, belongs to the BRICS political group. The largest countries of this group, China and India, are one of the most ancient cultures that managed to survive the colonial pressure and are being revived by turning to their cultural, philosophical traditions, adapting them to the present. The foreign cultural policy of these countries is supported by a growing scientific and military potential, thanks to support from Russia. The role of cultural and scientific diplomacy is growing significantly, as a tool through which we can keep the world in balance.

Keywords: Cultural and science diplomacy, cultural policy, socio-philosophical analysis, BRICS, globalization

По определению С.М. Ожегова, общество – это «совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности». [1]. Речь может идти о феодальном обществе, или о некой региональной общности, например, российское общество. Каждое общество в процессе своей жизнедеятельности вырабатывает специфические нормы и ценности, которые

определяют его отличие от других, но при этом, поскольку общество состоит из людей, чья природа одинакова, есть некие универсальные категории, которые объединяют нас в одно целое – человеческое общество. Индивидуальность обществ определяется социально-экономическим строем, формой правления, политическим режимом, культурой и др. До недавнего времени региональные общности взаимодействовали между собой скорее в исключительных случаях и чаще всего в лице его отдельных представителей - правителей, воинов, торговцев, ученых. В эпоху глобализации коммуникация и взаимодействие между обществами значительно интенсифицировалось, и к вышеперечисленным категориям добавились рядовые граждане, с одной стороны, как туристы, а с другой, как целевая аудитория, на которую различные общества начали оказывать влияние. Определенные политические оппоненты стремятся к экономическому, политическом и культурному доминированию в мире, в процессе глобализации, осуществляется культурное давление и трансформация ценностей, что подтачивает онтологические основы единства той или иной страны. Именно потому так важно рассмотреть онтологические основания для сохранения целостности человеческого общества и инструменты, которые позволяют это делать на внутреннем и внешнем, международном уровне. Таким инструментом нам представляется культурная и научная дипломатия.

Культурная и научная дипломатия как элемент мягкой силы стал крайне популярен в современном обществе с легкой руки Дж. Ная, который еще в 1990 в своей книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» [ ] указал на необходимость использовать не только силу оружия при достижении внешнеполитических целей, но и силу убеждения другого государства в приоритете своих ценностей, вовлечение в них геополитического оппонента с тем, чтобы сделать его более лояльным и восприимчивым к политике другого государства. По большому счету это явление не новое, культура, наука и их продукты во все времена были важным компонентом дипломатического влияния, дары в виде дорогих ювелирных изделий весьма ценились и составляли важную часть дипломатического ритуала, а также книги, предложение своих образовательных технологий, отправка учителей, лекарей, инженеров и других высококвалифицированных специалистов, носителей культурного кода и культурной информации другой страны в качестве знака особого расположения с глубокой древности использовались для того, чтобы оказывать влияние на первых лиц государства и их юных потомков.

Начиная с изобретения печатного станка в середине XV века информация стала значительно доступнее широким слоям населения, а в XX-XXI веках, с изобретением современных средства массовой коммуникации и современных видов транспорта, благодаря которым скорость передачи информации и передвижения существенно сократились, наступило время глобального информационного, культурного и научного влияния стран друг на друга.

Культурная и научная дипломатия являются составной частью публичной дипломатии, которая воспринимается как элемент «мягкой силы». Как указывает Цветкова, «впервые данное выражение появилось в газете «Нью-Йорк Таймс» в 1871 г. в статье, которая повествовала о дискуссиях в Конгрессе США по вопросу о возможной секретной аннексии испанской колонии на территории современной Доминиканской Республики. Во время этих дискуссий в Конгрессе и было употреблено выражение «публичная дипломатия» как противопоставление секретной дипломатии и внешней политике администрации США» [, с. 21]. Исторически формирование этого явление относят к периоду окончания «Первой мировой войны [, с. 21]. Взаимодействие различных социальных систем, таких, например, как СССР и США, являвшихся лидерами социалистического и капиталистического обществ, предполагало применение средств пропаганды, или публичной дипломатии (понятие «пропаганда» имело негативную коннотацию из-за связи с немецкими социал-демократами). После Второй мировой войны, по мере развития мирного, хотя и «холодного» взаимодействия стран друг с другом, роль науки и культуры значительно возросла, и в 1967 году на конференции в Монако был впервые выработан единый международный подход к понятию «культурная политика» и дано его определение как «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». [, с. 21].

Согласно Л.Е. Вострякову, до 1970-х гг. культура рассматривалась как цивилизующий, развивающий, облагораживающий фактор, как демонстрация некоего эталона, к которому все должны стремиться. [ ]. Однако, с точки зрения социально-философского подхода, в 1970-х гг произошли существенные социальные трансформации во всех сферах человеческой жизни общества. После молодежных социальных протестов, прошедших в США, Франции, Италии, был легализован гомосексуализм, проведена реформа образования, существенно снизился уровень подготовки специалистов, сократились

часы на предметы, формирующие рациональное мышление, были внедрены игровые формы обучения, девизом молодежи стал «секс-наркотики-рок-н-ролл», «современное искусство» получило поддержку со стороны государств с целью снижения общественного вкуса, идеи феминизма и экологизма вышли на первый план, в социально-философской мысли начинают доминировать идеи постмодренизма. В эти годы была предложена новая более демократичная концепция культурной политикиi - децентрализация, подъем местных идентичностей и культурная деятельность вместо культурного потребления. На современном этапе отмечается параллельное существование двух основных подходов к культурной политике – традиционный, при котором государство финансирует основные культурные проекты, поддерживая ее традиционные формы, и рыночный, где доминирует инвестор, понятие рентабельности и самоокупаемости, а также развивается понятие креативная индустрия, которая подразумевает экономическое и социальное развитие регионов через культурные практики.

Культурная политика является инструментом культурной дипломатии. Как сказано в документе «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами», «посредством использования специфического инструментария, форм и методов осуществления культурная дипломатия способна вносить существенный вклад в достижение основополагающих целей и повышение эффективности внешней политики России. Взаимодействие дипломатии и культуры имеет давние исторические традиции и служит национальным интересам России». [ ].

Главными направлениям деятельности внешней культурной политики в этом документе являются продвижение русского языка, работа с соотечественниками за рубежом, поддержка и развитие образования иностранных граждан в России, организация и проведение традиционных культурных мероприятий, таких как выставки, концерты, фестивали, лекции. Взаимообогащение культур и интеграция России в мировое культурное и политическое пространство подразумевает также необходимость сделать нашу страну один из мировых центров диалога культур. Несмотря на то, что научная дипломатия не выделена как самостоятельное направление, она постоянно упоминается в документе наряду с образованием. Большое значение придается сотрудничеству с ЮНЕСКО. М.В. Боголюбова указывает, что на состоявшемся 3 сентября 2012 года совещании глав Россотрудничества «вопросы внешней культурной политики вновь рассматриваются как приоритетные во внешнеполитическом курсе страны, а культурные связи являются основой для создания благоприятного образа России, неотъемлемой частью «мягкой силы». [, с. 145].

Каковы перспективы культурной и научной дипломатии в условиях не глобализации и культурной унификации, особенно в сфере массовой культуры? Нам представляется, что такое политическое объединение как БРИКС может предложить альтернативу. Страны, входящие в эту группу опираются в своем социальном бытии на более традиционные ценности, по сравнению с западным миром. Возможно, кем-то это воспринимается как социальная отсталость, однако, можно возразить, что наиболее крупные страны этой группы, да и всего мира, такие как Китай и Индия, входящие в БРИКС, представляют собой одни из самых древних культур, сумевших пережить колониальное давление западного мира, и возрождающиеся как раз благодаря обращению к своим культурным, философским традициям, разумеется переосмыслив и адаптировав их к современности. Внешняя культурная политика этих стран подкрепляется растущим научным и военным потенциалом, благодаря поддержке со стороны России.

Информационная и экономическая война, которую мы наблюдаем между США и Китаем, можно сравнить с периодом «холодной войны» между СССР и США в 1970-1980-е гг. В этой связи роль культурной и научной дипломатии существенно возрастает, поскольку это тот инструмент, благодаря которому мы может удержать мир в равновесии., не сорвавшись в пропасть третьей мировой войны, о которой сейчас говорят все чаще.

---

i «…в начале 1970-х годов подход, при котором культуре и искусству отводилась «облагораживающая общественная роль», оказался под огнем критики со стороны тех, кто считал, что заранее задавать набор культурных ценностей и художественных форм, к которым предоставляется доступ, значит нарушать принципы демократии. Это не что иное, как навязывание большинству населения культуры элитарного меньшинства, игнорирующего многие новые или нетрадиционные формы самосознания и выражения. Именно поэтому, с начала 1970-х годов многие страны приступили к поиску новой культурной политики. В основе этой политики лежала идея демократизации культуры. На смену лозунгу «культура для всех» (культурная демократия) пришел лозунг демократизации культуры – «культура для каждого». [5].

Литература:

1. Общество // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17931 (дата обращения: 14.02.2020).
2. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power New York: Basic Books, 1990. 370 p.
3. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: дис. д-ра истор. наук, Санкт-Петербург. гос. университет, Санкт-Петербург, 2015.
4. Коростелев Н. Ю. Эволюция государственной культурной политики // Вопросы культурологии. 2016. №2. С.21-27.
5. Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели. – Электронный ресурс: http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html (дата обращения 15.02.2020)
6. Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами». URL: http://docs.cntd.ru/document/901794645 (дата обращения 14.02.2020).
7. Боголюбова В.М. Внешняя культурная политика России: исторический опыт и проблемы современного периода // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2013. Вып. 3. С. 142-147.

Глобализация и социальная безопасность

Миронова Н.В.

Забайкальский государственный университет, доцент, кандидат философских наук

nadejda.74@mail.ru

Аннотация: Автор статьи рассматривает процесс глобализации. При этом подчеркивается, что глобализация несёт риски и угрозы для человеческой цивилизации. Во-первых, глобализация ведёт к неравномерному развитию разных государств и народов. Разрыв в уровне и качестве жизни населения промышленно развитых стран и стран третьего мира с каждым годом всё больше усиливается. Таким образом, глобализация усиливает глобальную проблему «Север – Юг». Во-вторых, глобализация обостряет экологические проблемы. Вредное промышленное производство на территории одного государства может нанести вред окружающей среде на территории другого, не говоря уже о катастрофических ситуациях. Ярким примером является авария на Чернобыльской АЭС. Возможны и другие негативные последствия глобализации. Автор приходит к выводу, что процесс глобализации ослабить или остановить невозможно. Но этим процессом вполне можно управлять. И одним из механизмов управления глобализацией является концепция устойчивого развития. Устойчивое развитие способно направить глобализацию по иному пути и тем самым способствовать обеспечению безопасности.

Ключевые слова: глобализация, цивилизация, риски, глобальные проблемы, устойчивое развитие, социальная безопасность.

Globalization and Social Security.

Mironova N.V.

Transbaikal State University, Associate Professor

Abstract: The author of the article considers the process of globalization. It is emphasized that globalization carries risks and threats to human civilization. Firstly, globalization leads to uneven development of different states and peoples. The gap in the level and quality of life of the population of industrialized countries and third world countries is becoming wider every year. Thus, globalization strengthens the global North-South problem. Secondly, globalization exacerbates environmental problems. Harmful industrial production in the territory of one state can harm the environment in the territory of another, not to mention disastrous situations. A striking example is the accident at the Chernobyl nuclear power plant. Other negative consequences of globalization are possible. The author concludes that the globalization process cannot be weakened or stopped. But this process is completely manageable. And one of the mechanisms for managing globalization is the concept of sustainable development. Sustainable development can lead globalization in a different way and thereby contribute to security.

Keywords: globalization, civilization, risks, global problems, sustainable development, social security.

Современный мир становится всё более открытым, динамичным и противоречивым. Социальные процессы, происходящие сегодня, характеризуются сложностью, нелинейностью, многоаспектностью. Одним из таких процессов является объективный процесс глобализации. Несмотря на то, что к процессу глобализации на протяжении уже нескольких десятилетий приковано внимание видных зарубежных и отечественных ученых, до сих пор нет общепринятой дефиниции этого понятия. И это не случайно, поскольку глобализация является сложным процессом, не поддающимся единственно верному определению. Глобализацию рассматривают с разных сторон: экономической, политической, культурной и др. Как отмечает Гезалов Ариз Авяз оглы, «глобализация – многоликий и многомерный процесс, действие которого неоднозначно сказывается на развитии отдельных государств и всего мирового сообщества, затрагивает все сферы человеческой деятельности» [2, с. 20].

Не стоит оценивать глобализацию односторонне, как только положительный или только отри-

цательный социальный процесс. Но, вместе с тем, трудно не согласиться с теми учеными, которые указывают на то, что процесс глобализации несёт определённые риски и угрозы для человеческой цивилизации.

Глобализация усиливает глобальные риски и противоречия.

Во-первых, глобализация ведёт к неравномерному развитию разных государств и народов. Разрыв в уровне и качестве жизни населения промышленно развитых стран и стран третьего мира с каждым годом всё больше усиливается. А.С. Панарин справедливо говорит о том, что глобализацию «… нужно анализировать не только как стихийно складывающийся процесс мировой взаимозависимости, но и как технологию ассиметричных глобальных взаимодействий, по-новому структурирующих современный мир» [3, с. 183].

Таким образом, глобализация усиливает глобальную проблему «Север – Юг». Данная проблема, которая была определена как глобальная еще в 60-х гг. XX столетия, сегодня ещё более обострилась. Экспансия более развитых стран по отношению к менее развитым странам в наши дни очевидна. Она проявляется на разных уровнях: экономическом, геополитическом, информационном, социокультурном и т.д. Такая ситуация не может не иметь ответного отклика в форме недоверия, подозрительности, желания защитить свои суверенные права и свободы. Противостояние Севера и Юга в современном глобальном мире, достигнув своего апогея, в конечном итоге может привести к гибели человеческой цивилизации. А.С. Панарин замечает, что, «этот раскол мира уже сейчас работает как быстродействующий механизм разрушения нашей планетарной цивилизации, ведущий от отношений солидарности и доверия к безжалостному социал-дарвинистскому отбору, войне всех против всех, вездесущей подозрительности» [3, с. 184].

Глобализация обостряет и усиливает и другие глобальные проблемы. Как отмечает немецкий социолог Ульрих Бек, «вместе с экспансией модернизационных рисков – с угрозой природе, здоровью, питанию – социальные различия и границы становятся относительными… Объективно риски всё же вызывают в пределах их досягаемости и среди попавших под их влияние уравнительный эффект» [1, с. 42]. Вредное промышленное производство на территории одного государства может нанести вред окружающей среде на территории другого, не говоря уже о катастрофических ситуациях. Например, вследствие аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году радиоактивное облако достигло Швеции, Германии, Франции и других государств. Так, глобализация обостряет экологические проблемы.

Возможны и другие негативные последствия глобализации.

В современном мире благодаря развитию туристической сферы люди свободно могут перемещаться по миру, посещать разные страны. С одной стороны, это является положительным влиянием глобализации. Но, с другой – в результате этого возможно массовое распространение и возникновение пандемии таких тяжелых заболеваний как малярия, вирусные гепатиты и др.

Можно ли говорить сегодня о достижении в современном обществе абсолютной социальной безопасности? Думается, ответ очевиден. Но минимизировать риски современной цивилизации и в определённой степени обезопасить современное человечество от надвигающихся глобальных угроз, всё же возможно. Мировым научным сообществом предлагаются различные пути выхода из сложившейся ситуации. Так, еще в конце XX века была выработана концепция устойчивого развития, которая изначально была направлена на решение экологических проблем. Но сегодня об устойчивом развитии говорится в более широком смысле, по сути, оно охватывает все сферы человеческого бытия. Более того, устойчивое развитие сегодня рассматривается как один из механизмов управления процессом глобализации.

Устойчивое развитие – это «такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [4, с. 50]. Концепция устойчивого развития, являясь прогрессивной, устремлена в будущее, она даёт определённые гарантии человечеству в настоящем и будущем жить в безопасном мире. В этом смысле можно говорить о формировании качественно нового уровня социальной безопасности – глобальной безопасности.

А.Д. Урсул, помимо концепции устойчивого развития, рассматривает ноосферогенез как один из этапов в обеспечении безопасности. При этом он справедливо замечает, что большинство современных людей рассматривает проблему выживания и безопасности либо на индивидуальном, либо на государственном уровне, а не на уровне всего человечества. Поэтому пока речь может идти только об опережающем характере такой, позитивно направленной глобализации. В частности, он пишет, что «… можно выделить два этапа в обеспечении безопасности: первый – через переход к УР (устойчивому развитию) и второй – через ноосферогенез» [5, с. 22].

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс глобализации, как современный социальный процесс ослабить или остановить невозможно. Напротив, глобализация стремительно набирает обороты, вызывая к жизни различные социальные риски. Но этим процессом вполне можно управлять. И одним из механизмов управления глобализацией является концепция устойчивого развития. Устойчивое развитие способно направить глобализацию по иному пути и тем самым способствовать обеспечению безопасности.

Литература:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Гезалов А. Трансформация общества в эпоху глобализации (социально-философский анализ): Научная монография. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. 288 с.
3. Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. 1328 с.
4. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета. М.: Прогресс. 1989. 372 с.
5. Урсул А. Д. Глобальные процессы, безопасность и устойчивое развитие // Век глобализации. 2008. № 1. С. 17–22.

Особенности современной философии бизнеса

Набиева Э.А.

Российский государственный социальный университет, студент

elviran00@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема философии современного бизнеса на примере маркетинговой деятельности, влияние, которое она оказывает на людей, а также последствия распространения и популяризации, во многом обусловленные веком бурного развития информационных технологий. Философские основания маркетинга базируются на изучении культурных и социально-психологических особенностях клиента, позволяющих выявить его потребности и интересы и в соответствии с ними разработать план действия компаний по манипулированию сознанием и поведением потребителей. Постоянно возникающие псевдопотребности ведут к погоне за получением дополнительных средств для их удовлетворения, что приводит к уменьшению роли духовности и постепенному уничтожению всесторонне развитой личности.

Ключевые слова: философия бизнеса, философские основания маркетинга, маркетинг, желание, общество, удовлетворение, потребность, влияние.

Philosophical Bases of Modern Marketing.

Nabieva E.A.

Russian State Social University, Student

Abstract: The article discusses the approach to marketing as a business philosophy, the features of its formation and development in the conditions of companies in the modern era, the impact it has on people, as well as the consequences of its distribution and popularization, largely due to the century of rapid development of information technology. The philosophical foundations of marketing are based on the study of the socio-psychological and cultural characteristics of the client, allowing to identify his interests and needs. Modern marketing is a tool to manipulate the consumer. Companies strive to act on the subconscious: a person does not even understand that this is not his true desire, but a marketing ploy. Constantly arising pseudo-needs lead to the pursuit of additional funds to satisfy them, which leads to a decrease in the role of spirituality and the gradual destruction of a comprehensively developed personality.

Keywords: philosophical foundations of marketing, marketing, business philosophy, desire, society, satisfaction, need, influence.

Цель данной статьи - рассмотреть позитивные, негативные аспекты современного маркетинга как философии бизнеса, показать, к каким последствиям приводит использование новых технологий и какое влияние оказывает на человека и общество в целом.

В соответствии с поставленной целью, были сформулированы следующие задачи:

- Изучить основы маркетинга и особенности его применения в управленческих решениях.
- Раскрыть принципы поведения потребителя нашего времени под воздействием маркетинговых ходов.
- Проанализировать особенности маркетинговых технологий на современном этапе и обозначить положительные и отрицательные стороны и возможные последствия его влияния на сознание человека.

В процессе исследования использовались такие методы как: компоративный подход. На его основе были рассмотрены две позиции: Ф. Котлера и Д. Траута. На основании диалектического метода выявляется взаимодействие позитивных и негативных факторов, связанных с современной маркетинговой деятельностью. Системный подход, также используемый в статье, позволил рассмотреть современную маркетинговую деятельность, учитывая взаимосвязанные факторы. Проводился анализ психологии мышления и влияния маркетинговых технологий на неё. Осуществлялось исследование факторов, обусловленных национально-культурной, религиозной идентичностью, [4] приводящих к появлению качественно новых системных эффектов как в реализации маркетинговой деятельности, так и в последствиях её влияния на личность и общество.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в настоящее время вопросы, связанные с философскими проблемами маркетинговой деятельности, с проблемами управления продажами [1] особенно важны, так как данная деятельность в рамках маркетинга оказывает большое влияние на человека. Значимость маркетинга в современном мире также связана с возрастанием роли потребителя в развитии успешной экономики. Маркетинг в настоящее время очень востребован, поскольку, в условиях жёсткой конкуренции между фирмами, нужно учитывать существующие потребности людей, формировать новые. Это могло бы способствовать улучшению многих аспектов нашей жизни и удовлетворить покупателей, но в то же время существует и опасность манипулирования потребителем. В современную эпоху именно учёт индивидуальных особенностей потребителя позволяет эффективно осуществлять экономическую деятельность. В условиях массового производства, доминировал поточный выпуск продукции, индивидуальные особенности были не важны, делался средний товар на «человека масс». Сейчас появляются фабрики, когда автоматизированная система может адаптироваться под индивидуальные черты. Это, в свою очередь, требует детализации в изучении человека с учётом, в том числе, психологических и культурных составляющих.[2] Возможность создания модели индивидуального потребителя и потенциальные риски манипулирования им.

В условиях возрастающей конкуренции для маркетологов становится привлекательной возможность манипуляции сознанием людей, выступающих в роли покупателей. В качестве целей маркетинга выдвигаются такие, как создание и стимулирование максимально возможного высокого потребления, достижение удовлетворённости от приобретения и использования товаров и услуг, предоставление широкого выбора, повышение не только качества жизни людей, но и формирование псевдопотребностей, позволяющих получать сверхприбыль. Развитие информационных технологий даёт возможность на качественно новом уровне формировать такие потребности, которые связаны со значительными рисками для личности и общества. [3]

В современных исследованиях технологий маркетинга наблюдается интерес к ряду проблем, связанных с конкретным воздействием на потребителя. Присутствует тенденция реализовать товар или услугу любым способом, так как важнейшей целью становится получение сверхприбыли. Данный процесс реализуется не только за счёт удовлетворения реальных потребностей людей, ведь именно прибыль является экономической основой развития фирм, но и за счёт манипулятивных действий. Вторая проблема – это анализ различий между спросом и потребностями. В массовом сознании спрос и потребность обычно отождествляют. Однако между ними существуют различия: потребность – это объективное состояние, она отражает то, что действительно необходимо человеку; спрос – это субъективное выражение потребности.

Профессор международного маркетинга Высшей школы менеджмента Филипп Котлер утверждает: «маркетинг - вид человеческой деятельности, направленный на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена» [5, с.21]. В этом высказывании главный акцент делается на экономической составляющей маркетинга и её связи с социальным аспектом. Здесь прослеживается идея значимости существования маркетинга как философии бизнеса с целью удовлетворения реальных потребностей людей. Однако существуют и противоположные точки зрения, когда маркетинг рассматривается как манипулятивная технология для получения прибыли любым путём. Джек Траут считает, что желания людей, навязанные маркетинговыми ходами, не совпадают с их реальными потребностями, и суть маркетинга заключается в борьбе компаний за потребителя. Маркетинг преследует не благородную цель удовлетворения нужд общества, а, в первую очередь, ориентируется на получение личной выгоды производителя, путём формирования псевдопотребностей.

Позиции Ф. Котлера и Д. Траута во многом противоположны. Они представляют крайние подходы, в каждом из которых есть свои достоинства и недостатки. Оптимальна была бы позиция, которая бы учла положительные стороны идеи Котлера, о том, что маркетинг призван удовлетворить как потребителя, так и производителя и Траута, о том, что маркетинг-это деятельность, направленная исключительно на получение прибыли. Такой подход является универсальным вариантом, потому что невозможно до конца предугадать желания и действия покупателя, следовательно, даже ориентация на

личную выгоду не всегда может быть негативной по отношению к покупателю.

В современном маркетинге формирование потребностей осуществляется искусственно. В качестве примера можно привести деятельность маркетологов частных американских колледжей с целью привлечения обучающихся на коммерческой основе. В 2010 году они дали объявление, в котором было написано: «Обама просит мамочек вернуться к учебе: тем, кто получит диплом, доступна финансовая помощь». Конечно же, это подействовало, девушки начинали интересоваться, открывали рекламу и оставляли свои данные. С ними связывался специалист, который тут же был готов помочь в оформлении кредита на обучение. Так как такого закона принято не было, то этот случай можно рассматривать в качестве примера манипулирования сознанием, причём наиболее незащищенных слоёв населения, с целью продажи услуги за деньги и получения прибыли. «И в случае хищнической рекламы такого типа ущерб начинает происходить,… когда студенты начинают брать огромные кредиты на образование». [6, с.45]

Маркетинг как философия бизнеса основан на отношениях обмена на рынке между потребителем и производителем, которая стремится к детальному выявлению желаний, потребностей человека и общества. В современном мире желание стимулируется маркетингом, и чем большее значение имеет желание, тем более обездоленным почувствует себя человек, если оно не удовлетворено. Ф. Котлер считает, что люди, потребности которых не осуществлены, попытаются либо подавить их, либо займутся поиском путей удовлетворения, в зависимости от индивидуальности человека.

Другая позиция отражена в исследованиях маркетинга таких авторов, которые утверждают, что стремления людей не формируются искусственно, а являются начальными элементами натуры человека, что не согласуется с реальностью [7]. В современном мире маркетинг как философия бизнеса воздействует на разум людей, манипулируя ими. Маркетинг стал настолько агрессивен, что возникла потребность в защите от него. Агрессивность проявляется не в том, что продавец навязывает потребителю товар, а в том, что покупатель не всегда понимает, как на это реагировать, и в большинстве случаев поддается манипуляции, и лишь спустя некоторое время задумывается о надобности приобретения вещи или услуги.

Люди стараются следовать последним трендам и боятся отстать от времени. Сами не осознавая для чего, покупают именно определённый товар только потому, что сейчас так модно. Не останавливает даже высокая цена. Покупатель в такой ситуации, если он сохраняет способность к рациональному анализу, должен заглушить в себе эту потребность, но этого не происходит, так как он имеет дело с трендом. В результате удовлетворяется не реальная потребность потребителя, а решается задача по получению прибыли продавца и маркетолога.

Утрачивает значимость интеллект, наука, искусство. Главной ценностью становятся именно вещи, услуги и деньги. Многие виды творчества переходят на коммерческую основу, тем самым утрачивая своё истинное предназначение. Люди ценят новшества и готовы платить за это. Современный маркетинг пытается убедить, что новое – значит хорошее и делает это с большим успехом. Современная культура, основанная на идеях постмодернизма, навязывает идею необходимости непрерывной трансформации. Потребность непрерывного обновления затронула и систему образования. Человек, не прошедший курсы повышения квалификации, уже не считается специалистом. Переподготовка становится востребованной сама по себе, вне зависимости от конкретной задачи. «Термин «переподготовка» наводит на определенные размышления: он напоминает неотвратимо о «цикле» моды, ибо здесь также каждый должен быть «в курсе» и переподготавливаться ежегодно, ежемесячно, посезонно по части своей одежды, предметов, машин. Если он этого не делает, то он не настоящий гражданин общества потребления.»[1]

Подобный подход к маркетингу несёт в себе множество угроз. Стремление современного маркетинга стимулировать псевдопотребление приводит к деградации личности. Главной характеристикой человека, с точки зрения традиционного подхода, является познание и реализация себя как творческой личности. Но сейчас многие люди не уделяют этому внимания. Свободное время непременно тратится на поиск зарабатывания средств и способов исполнения желаний, навязываемых компаниями с целью получения прибыли.

Многие из современных проблем общества связаны с отсутствием духовности, жаждой наживы и обусловлены проявлением «хищнического» маркетинга. Современные исследователи все чаще говорят о конце homo sapiens, как следствии кризисных явлений в современном обществе. [8]

Особенности маркетинговой деятельности в современных условиях связаны не только с удовлетворением индивидуальных потребностей, но также с формированием псевдопотребностей. Это во многом обусловлено с изменением поведения потребителя, который под воздействием манипулятивных технологий стремится к удовлетворению навязываемых потребностей, к новизне, к постоянной трансформации.

Маркетинг как философия бизнеса XXI века, ориентированная на подчинение человека потребностям рынка, приобретает решающую роль в получении сверхприбыли. Положительным в современной маркетинговой деятельности является то, что она ориентирована на удовлетворение индивидуальных потребностей человека, но, в то же время, представляет существенную угрозу формирования всесторонней духовно-развитой личности, формируя потребительское отношение к миру, навязывая человеку псевдопотребности. Маркетинг неразрывно связан с жизнью человека - с его прошлым, настоящим и будущим. Поэтому от того, каким будет маркетинг, во многом будет зависеть и то, каким будет наше будущее.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М: Республика, 2006.
2. Ахмедова М.Г., Быстрова Л.И., Васюков Р.В., Калужская Е.В., Коваль Т.И., Кузьменко Г.Н., Лобазова О.Ф., Медведева Г.П., Меликов И.М., Отюцкий Г.П., Скородумова О.Б.. Философские проблемы социального управления. / Под общ. ред. Г.П. Отюцкого. Москва, 2016
3. Скородумова О.Б., Шпиз Е.Г. «Современные дискуссии о статусе НЛП: перспективы и риски // Modern Science and Technology: сборник статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2019. С. 52-59.
4. Никипорец-Такигава Г.Ю., Колпакова М.Г., Сорокина А.В., Мосенз К.Е., Шипилова Е.И. Исследование архетипов молодёжи современной России (на основе отечественных продуктов массовой культуры) отчёт о НИР № 0173100003515000077-0023635-02 от 28.10.2015 (Федеральное агентство по делам молодежи)
5. Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Издательский дом «Вільямс», 2006. 656 с.
6. О'Нил К. Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М.: АСТ, 2018.
7. Эванс Дж.Р., Берман Б. Маркетинг. М: Сирин, 2002.
8. Кутырёв В. Естественное и искусственное: борьба миров. Литагент «Директмедиа», 2014.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 2. Минск: Попурри, 2008. 468 с.
10. Басовский, Л.Е., Басовская Е.Н. Маркетинг: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2010.
11. Вельдер Р. К вопросу о феномене подсознательной агрессивности // Общественные науки и современность. 1993. №3. С.183 – 190.
12. Гюстав Ле Бон. Психология народов и масс. URL: http://www.dere.com.ua (дата обращения: 15.04.2019)
13. Кузьменко Г.Н., Меликов И.М. Что может дать философия бизнесу? // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 1 (120). С. 158-165.
14. Райс Э., Траут Дж. Маркетинговые войны. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 256 с.

Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ[*]

Нестик Т.А.

Институт психологии РАН, зав. лаборатории социальной и экономической психологии. Кандидат философских наук, доктор психологических наук

nestik@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматриваются два базовых противоречия, характерных для общества, вошедшего в эпоху антропоцена: во-первых, разрыв между сформированными в предшествующую эпоху ожиданиями прогресса и переживанием беспомощности перед лицом глобальных рисков; во-вторых, техно-гуманитарный разрыв, при котором социальный пессимизм компенсируется технологическим оптимизмом. На основе исследования, проведенного по общероссийской репрезентативной выборке (N=1600), показано, что глобальные угрозы воспринимаются сквозь призму социальных проблем российского общества, растущей потребности в социальной справедливости. Делается вывод о бесперспективности «мобилизационного» подхода к управлению социальными процессами в условиях глобальных рисков, основанного на алармизме и рестриктивных мерах. Альтернативной является этика диалога, поддержка сложности, рефлексивности и долгосрочной ориентации сообществ через учет интересов более широкого круга сторон.

Ключевые слова: психология глобальных рисков, антропоцен, техно-гуманитарный разрыв, социальный пессимизм, технооптимизм, ответственность перед будущими поколениями, этика будущего.

The Humanity in the Face of Global Risks: A Socio-Psychological Analysis.

Nestik T.A.

Institute of Psychology, Russian Academy Of Sciences

The presentation examines two basic contradictions of civilization that entered the anthropocene era: firstly, the gap between the expectations of progress formed in the previous era and the experience of helplessness in the face of global risks; secondly, the techno-humanitarian disruption in which social pessimism is compensated by technological optimism. Based on cross-cultural research and on an all-Russian representative sample (N = 1600), it is shown that global threats are perceived through the prism of the social problems of Russian society, the growing need for social justice. Although the collapse of social trust provokes techno-optimism, it also makes impossible a techno-deterministic solution to the problem of preventing global risks and concluding a new social contract. The conclusion is drawn about the futility of the “mobilization” approach to managing socio-technical systems in the face of global risks, based on alarmism and restrictive measures. An alternative is the ethics of dialogue, supporting the complexity, reflexivity and long-term orientation of communities.

Keywords: psychology of global risks, Anthropocene, techno-humanitarian gap, social pessimism, techno-optimism, responsibility towards future generations, ethics of the future.

[i] Для общества, вошедшего в эпоху антропоцена, характерны два базовых противоречия: во-первых, разрыв между сформированными в предшествующую эпоху ожиданиями прогресса и переживанием беспомощности перед лицом глобальных рисков; во-вторых, техно-гуманитарный разрыв, при котором социальный пессимизм компенсируется технологическим оптимизмом.

Согласно отчету Всемирного экономического форума в 2020 г. в пятерку наиболее вероятных глобальных рисков входят экстремальные погодные явления, неспособность адаптироваться к изменению климата, природные бедствия, сокращение биоразнообразия и экологические катастрофы, вызванные деятельностью человека [1]. Между тем, само по себе нагнетание тревоги по поводу глобальных рисков приводит к усилению фаталистических установок, укрепляет выученную беспомощность. Возникает когнитивный диссонанс между тревогой и собственным бездействием, который запускает различные защитные механизмы: снижение вероятности рисков, отодвигание их во времени и пространстве, использование дискурсивных стратегий их депроблематизации.

Проведенное нами кросс-культурное исследование (Россия, N=696; Китай, N=272; Франция, N=177) показало, что наиболее универсальными и значимыми предикторами отношения к глобальным рискам являются сила глобальной идентичности, ориентация на консервативные моральные ценности и уровень религиозности, а также убеждение в способности влиять на свое будущее. Так, предикторами тревоги по поводу глобальных рисков во всех трех группах респондентов оказалась тревога личности по поводу своего будущего, глобальная идентичность, а также феномены, связанные с недоверием к людям или социальным институтам: социальный цинизм и низкое ингрупповое доверие. Убеждение в необходимости возвращения к традиционным религиозным ценностям для предотвращения катастрофы во всех трех странах оказалось прямо связано с верой в контроль судьбы и обратно связано с ориентацией на либеральные моральные основания. Предикторами готовности участвовать в общественных инициативах, направленных на предотвращение глобальных рисков, оказалась глобальная идентичность, а также феномены, связанные с верой личности в способность влиять на свое будущее и социальным доверием.

Исследование, проведенное нами в 2019 г. совместно с ИГ ЦИРКОН по общероссийской репрезентативной выборке (N=1600), позволило выделить наиболее распространенные в российском обществе стратегии совладания с информацией о глобальных рисках: социальная мобилизация, индивидуальная самозащита в условиях низкого социального доверия, депроблематизация и эскапизм.

Оказалось, что глобальные угрозы воспринимаются россиянами сквозь призму социальных проблем российского общества, растущей потребности в социальной справедливости. Это создает благодатную почву для использования коллективных страхов в избирательных компаниях и общественно-политических движениях. Исследование показало, что поддержка сильных политиков, способных принимать непопулярные решения для предотвращения катастрофы, тем выше, чем меньше респонденты опасаются риска диктатуры, чем больше их беспокоят глобальные риски, и чем больше они встревожены ростом социального неравенства и несправедливости в обществе. Это указывает на то, что в условиях коллапса институционального доверия и роста социального неравенства нагнетание тревоги по поводу глобальных рисков может приводить к росту макиавеллизма, убеждения в том, что ради спасения все средства хороши. Это хорошо согласуется с предшествующими нашими исследованиями, показавшими, что убежденность в несправедливости общества, недоверие к социальным институтам, а также убеждение в предопределенности судьбы блокируют участие в коллективных действиях для предотвращения рисков, усиливают апокалиптизм и повышают ориентацию на радикальные решения [2].

Согласно теории «управления ужасом конечности существования» [3], напоминание об экзистенциальных угрозах для человечества провоцируют рост приверженности личности нормам и ценностям своей группы, делает людей более склонными к противопоставлению Мы и Они. С этой точки зрения нагнетание в СМИ тревоги по поводу глобальных экзистенциальных рисков можно рассматривать как одну из предпосылок «консервативной революции» в развитых странах.

Полученные в наших исследованиях данные указывают на то, что напоминание о смерти в новостях по поводу глобальных рисков может сдвигать общественное мнение в сторону консервативных установок, а также способствуют развитию деструктивных для жизнеспособности личности фаталистических убеждений [2]. Консервативные установки, с одной стороны, способствуют управляемости и мобилизации общества перед лицом приближающейся угрозы, с другой – сокращают пространство поиска новых решений, когнитивно упрощают ситуацию, провоцируя рестриктивные стратегии ответа на угрозы, различного рода ограничения и запреты. Повышение управляемости и солидаризация при этом носит временный характер, так как возвращение к традиционным природоохранным практикам в эпоху антропоцена более невозможно.

Международные исследования свидетельствуют о том, что в развитых странах большинство уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная [4]. Большинство респондентов в экономически развитых странах убеждены в том, что их жизнь не станет лучше в ближайшие пять лет, а 56% всех опрошенных считают, что капитализм в нынешней его форме приносит больше вреда, чем пользы [5]. При этом социальный пессимизм может компенсироваться верой в новые технологии. Проведенные нами исследования отношения российской молодежи к новым технологиям, в том числе,

i Исследование выполняется по гранту РНФ №18-18-00439

системам искусственного интеллекта, указывают на представление о них как о «протезах» для плохо работающих общественных институтов и одновременно - на то, что поддержка их внедрения связана с социальным доверием [3, 6]. Таким образом, хотя коллапс социального доверия стимулирует технооптимизм, он же делает невозможным технодетерминистское решение проблемы предотвращения глобальных рисков и заключения нового общественного договора.

Казалось бы, предотвращение глобальных рисков требует мобилизации усилий всего общества перед лицом угрозы, осознания катастрофических последствий промедления для будущих поколений. Именно на это указывал в свое время Г. Йонас, говоря об «эвристике страха»: в условиях техногенной цивилизации нужно в первую очередь думать о возможных негативных последствиях нашей деятельности [7]. Между тем, на основе эмпирического исследования (N=521, N=705) нами было показано, что психологическим основанием ответственности перед будущими поколениями является не тревога, а социальный оптимизм, глобальная идентификация, значимость заботы о людях и справедливости [8]. Алармистские новости в СМИ повышают озабоченность глобальными рисками, но эта тревога никак не сказывается на готовности к участию в их предотвращении [3]. Коллективные страхи, усиливающиеся в условиях следящего капитализма, провоцируют рестриктивный подход к предотвращению техногенных рисков, ослабляют социальное доверие и затрудняют публичный диалог, необходимый для выработки правил использования новых технологий.

Проведенные нами и другими психологами исследования механизмов совладания человека с глобальными природными и антропогенными угрозами говорят о бесперспективности «мобилизационного» подхода к управлению социальными процессами в условиях глобальных рисков, основанного на алармизме и рестриктивных мерах. Альтернативной является этика диалога, поддержка сложности, рефлексивности и долгосрочной ориентации сообществ через учет интересов более широкого круга сторон, в том числе с помощью цифровых технологий.

Литература:

1. The Global Risks Report 2020. 15th Edition. World Economic Forum, 2020. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
2. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
3. Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. A Terror Management Theory of Social Behavior: the Psychological Functions of Self Esteem and Cultural Worldviews // Advances in Experimental Social Psychology. 1991. Vol. 24 (C). P. 93–159. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60328-7.
4. The Governance for Happiness. Global Survey results. Conducted by George Ward & Schoen Consulting, October 2019. URL: https://yes-ukraine.org/files/pdf/Happiness_report_2019.pdf
5. Edelman Trust Barometer 2020. Global Report. URL: https://edl.mn/2NOwltm
6. Нестик Т.А. Искусственный интеллект = «когнитивный протез» или посредник: трансформация образов будущего // Образовательная политика. 2019. № 4 (80).
7. Йонас Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации/ Перевод с нем., предисловие, примечания И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2004.
8. Нестик Т.А., Дмитриева Ю.А., Кузнецова О.Е., Ларина Г.Н., Николаев Е.Л. Ответственность личности перед предшествующими и будущими поколениями: теоретико-эмпирическое исследование // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 29-41.

Российская цивилизация как глобальный проект

Панфилова Т.В.

МГИМО МИД РФ, профессор. Доктор философских наук

panta@inbox.ru

Аннотация. Сегодня обсуждается вопрос о существовании (или возможности существования) российской цивилизации. Н.Я.Данилевский считал, что славянский культурно-исторический тип, в состав которого входит и российская культура, находится в зародышевом состоянии. Этот тип так и не сложился. После Октябрьской революции 1917 года сначала в России, а затем и в Советском Союзе была заложена основа нового типа цивилизации. Во главу угла общественных преобразований был поставлен Человек. Процесс создания советской цивилизации был прерван. Сегодня существование российской цивилизации опять под вопросом в связи с превращением страны в сырьевой придаток развитых капиталистических стран. Развитие российской цивилизации возможно сегодня только в качестве глобального проекта, в основу которого поставлен Человек.

Ключевые слова: российская цивилизация, культурно-исторический тип, универсальность капиталистического способа производства, человек, советская цивилизация, глобализация, глобальный проект.

Russian Civilization as a Global Project.

Panfilova T.V.

MGIMO-University, Philosophical Department

Abstract. The question of whether Russian civilization exists (or is possible) is discussed now. Danilevsky believed that the Slavonic cultural-historical type was in embryo and Russian culture was a part of it. This type has not developed. After the October revolution of 1917 a new type of civilization was founded in Russia, later in the Soviet Union. Human being was regarded as of paramount importance of all social transformations. Creation of soviet civilization was interrupted. Today Russian civilization is under discussion once more because Russia is transformed into a raw material appendage of the developed capitalist countries. Russian civilization is possible only as a global project based on the development of human being.

Keywords: Russian civilization, cultural-historical type, universality of the capitalist mode of production, human being, Soviet civilization, globalization, global project.

В последнее время обсуждается вопрос о существовании российской (русской) цивилизации. Причём предметом обсуждения остаётся и её существование в прошлом, и её возможность в настоящем, и её возможное будущее. Поскольку термин «цивилизация» истолковывается по-разному, во избежание разночтений применительно к прошлому воспользуюсь термином Н.Я.Данилевского «культурно-исторический тип», поскольку в нём предусматривалась самодостаточность некоего общественно-исторического образования, наличие своеобразной основы, не свойственной другим культурно-историческим типам, что необязательно предполагается в понятии «цивилизация». Правда, Данилевский говорил о формировании славянского культурно-исторического типа, а не российского, поскольку, с его точки зрения, основу культурно-исторического типа должна составлять бо̀льшая общность, нежели только российская. Думаю, что этот довод надо принять к сведению, особенно в связи с вопросом о том, о какой цивилизации мы говорим: о российской или о русской. Если уж Данилевский во второй половине XIX века подчёркивал недостаточность и того, и другого для становления культурно-исторического типа, сегодня тем более нельзя с этим не считаться. Поэтому вопрос о «русской цивилизации» исключаю с самого начала, а термин «российская цивилизация» будет уточняться. Впрочем, прав был Данилевский или неправ, факт тот, что описанный им культурно-исторический тип так и не сложился.

Правомерно ли в таком случае говорить о существовании – вплоть до Октябрьской революции 1917 года - российской цивилизации как своеобразного общественно-исторического образования, опирающегося на собственную основу? Думаю, мы не погрешим против истины, посчитав вслед за

Данилевским, что основа российской цивилизации как части славянского культурно-исторического типа, возможно, и закладывалась, но так и не сложилась, в первую очередь, из-за бурного развития капитализма в России и втягивания страны в мировую систему империализма. Данилевский посчитал бы, что становлению нового культурно-исторического типа помешало внешнее воздействие со стороны стареющего германо-романского, или европейского типа. На мой взгляд, правильнее было бы сказать, что здесь проявилась универсальность капиталистического способа производства, его способность преодолевать любые культурно-исторические ограничения и превращаться во внутренний фактор существования страны, а со временем – и в фактор определяющий, под влиянием которого национально-специфические проявления заглушаются и нивелируются. Именно так и получилось с Россией. По мере развития капитализма в России вопрос о создании в ней самостоятельного культурно-исторического типа отходил в прошлое, и на первый план выдвигался вопрос о том, удастся ли сохранить Россию как суверенное государство, или же она превратится в колонию более мощных империалистических держав. Кстати, согласно Данилевскому, наличие суверенного государства – необходимое условие формирования нового культурно-исторического типа.

Нередко приходится слышать о том, что Октябрьская революция прервала естественное развитие России. Считаю такое представление несостоятельным. Если и наблюдался перерыв в развитии России, так он был связан с встраиванием страны в капиталистическую глобализацию. Вот этот-то процесс и прервала Октябрьская революция, в результате чего России пришлось вырабатывать такие основы общественного и государственного устройства, которые, будучи принципиально новыми, оказались бы созвучными интересам всего человечества. Т.е. речь уже шла о создании не культурно-исторического типа, обособлявшего Россию от остального мира, а о специфическом общественном образовании, основанном на качественно новых принципах, не чуждых, однако, другим народам.

Понятно, что рассуждения подобного рода представляют собой нынешнюю оценку событий столетней давности. Тогда вопрос так не ставился. Решались насущные вопросы того времени и тех обстоятельств: о мире, о земле, о хлебе. Тем не менее, искомая основа была найдена. Ею стал Человек, развитие которого было поставлено во главу угла всех общественных преобразований. По существу была сделана заявка на глобальный проект принципиально новой цивилизации, не чуравшейся достижений всего мира, но имевшей и собственное лицо. Важнейшими проявлениями новизны этого проекта стало проведение в СССР культурной революции, а несколько позже, в 30-е годы, выдвижение идеи о создании Института человека. К сожалению, не все планы были осуществлены в полной мере, но они осуществлялись и вылились в концепцию советского человека как новой исторической общности. Полагаю, что мы вправе считать советское общество начальным (а потому и несовершенным) этапом создания цивилизации нового типа и даже говорить о становлении советской цивилизации.

К сожалению, этот процесс был насильственно прерван так называемым реформированием общества. В результате сегодня опять приходится ставить вопрос о цивилизационном развитии, на сей раз России.

В чём сложность старого по сути вопроса в нынешних условиях? Сторонники либерализма ведут страну к полному погружению в капиталистическую глобализацию, что означает отказ от культурного своеобразия вплоть до вытеснения русского языка из научного обихода и подлаживания к требованиям западной науки. Для полуколониальной страны это естественно. Но устраивает ли нас такое положение вещей? Проблема усложняется тем, что Россия уже прочно вписана в глобальные процессы в качестве поставщика сырья, в котором нуждается весь цивилизованный мир. И если уж советская цивилизация подвергалась нападкам со всех сторон, то нынешнюю Россию цивилизованный мир просто так не выпустит из своих «объятий». А значит, нет оснований надеяться на то, что мы сможем беспрепятственно и по своему усмотрению создавать независимую российскую цивилизацию. Сегодня это уже глобальная проблема. Всем, кто считает ценностью отечественную культуру, придётся иметь в виду, что, ставя вопрос о создании российской цивилизации, мы – вольно или невольно – претендуем на разработку глобального проекта цивилизации нового типа. Иного не дано.

Думаю, что этот проект должен иметь в своей основе Человека как субстанцию, существующую «по необходимости своей собственной природы», как сказал бы Спиноза. На сей раз универсальность будет задаваться бесконечным развитием личности в единстве с обществом и природой, в противовес универсальности капиталистического производства. В значительной мере основа такой цивилизации совпадала бы с основой советской цивилизации, хотя о повторении прошлого или о его возобновлении говорить не приходится. Слишком многое изменилось в мире за прошедшее время, так что принципиально новое образование нуждается в самостоятельной проработке. Тем не менее, вопрос о российской цивилизации стоит сегодня столь же остро, как и сто лет назад, и выход из затруднительного положения видится в том же направлении, что и тогда. В частности, на мой взгляд, назрела необходимость культурной революции. Другими словами, есть все основания опереться на советский опыт в области науки и культуры. Разумеется, речь идёт не о простом повторении пройденного, а о дальнейшем развитии общества, субъектом которого является целостный общественный человек в единстве с природой и другими людьми, а не нынешний «частичный» человек-функция, которого легко заменить роботом. Основа цивилизационного развития смещается с научно-технологической сферы в область научно-гуманистических разработок, которыми прославилась в своё время советская наука, особенно психология.

Имеет ли смысл возвращаться к наследию дореволюционной России? Полагаю, ответ будет зависеть от того, что понимать под «возвращением». Простая апелляция к прошлому, особенно к религиозному опыту, несостоятельна. Зачастую она подкрепляется ошибочным отождествлением духовности и религиозности. Но разве, скажем, наука как область духовной деятельности обязательно связана с религией? Если же исходить из того, что понятие духовной деятельности является предельно широким и охватывает, в том числе, и религиозный духовный опыт, получим, что последний должен присутствовать в современной культуре в «снятом виде», как сказал бы Гегель. Его нельзя отбрасывать, но и не следует выпячивать. Это часть культурного наследия, насколько он содействует совершенствованию личности.

Таким образом, вопрос о формировании российской цивилизации требует пересмотра основ цивилизационного развития человечества. Даже казалось бы частный вопрос о сохранении единства России содержит в себе не только политическую составляющую, но и экономическую, и культурно-историческую. А значит, требуется не только изучать сложившееся положение вещей, но и прилагать усилия для его практического изменения. Правда, как показала советская практика, общественные усовершенствования достигаются только совместной созидательной деятельностью.

К такому повороту дела страна явно не готова. Однако не стоит забывать о том, что решается вопрос жизни или смерти целой цивилизации, пока всё ещё пребывающей в неразвитом состоянии. Тем более, что речь идёт о нашей культуре и нашей истории.

Две тенденции глобализации: культурный плюрализм и культурная стандартизация

Плебанек О.В.

Университет при МПА ЕврАзЭС, профессор. Доктор философских наук

plebanek@mail.ru

Аннотация: В статье ставится проблема архитектуры глобального мира и отношения к традиционным культурам. Законы самоорганизации больших систем предполагают уровневое строение и функционально-специализированную организацию. Эти законы не допускают культурную гомогенизацию и универсализацию. Но глобальные процессы неизбежно связаны с интеграционными процессами, которые предполагают специализацию и дифференциацию. Специализация социальных систем институционально оформляется в культурные системы различного уровня. Так как в постиндустриальном обществе основным фактором социокультурогенеза является технология, а не естественная среда, то основным источником устойчивости гомеорезиса – источником культурного разнообразия являются субкультуры технологического происхождения, а не этногенетического. Поэтому современные программы сохранения архаических культур не соответствуют тенденциям макроэволюции и не отвечают современным этическим представлениям и нормам.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, вестернизация, этнизация, музеефикация, индигенизация, нативизация

Two Trends of Globalization: Cultural Pluralism and Cultural Standardization.

Plebanek O. V.

University at IPA EurAsEC

Abstract: the article raises the problem of the architecture of the global world and the relationship to traditional cultures. The laws of self-organization of large systems assume a level structureand a functionally specialized organization. These laws do not allow for cultural homogenization and universalization. But global processes are inevitably linked to integration processes that involve specialization and differentiation. The specialization of social systems is institutionalized into cultural systems of various levels. Since in post-industrial society the main factor of socio-cultural Genesis is technology, not the natural environment, the main source of stability of homeoresis – the source of cultural diversity are subcultures of technological origin, not ethnogenetic. Therefore, modern programs for the preservation of archaic cultures do not correspond to the trends of macroevolution and do not meet modern ethical concepts and norms.

Key words: globalization, integration, Westernization, ethnization, museification, indigenization, nativization

Со времени возникновения самого понятия глобализации в общественном сознании и в научном мире не утихают споры о культурном аспекте глобальных процессов. Весьма распространенное до сих пор, первоначально сложившееся в общественном сознании представление о глобализации как о процессе, инициированном транснациональными корпорациями, имело ожидаемую реакцию сопротивления навязыванию экономической и культурной политики иностранных агентов.

Объективная основа для беспокойства по поводу утраты самостоятельности и права на обособленность и уникальность в контексте глобализации действительно существует. Эта основа – тренд стандартизации и универсализации, объективно обусловленный современными технологиями. Как и всякий процесс самоорганизации, глобализация, обусловленная развитием технологий, имеет двойственную природу: сложный процесс самоорганизации обеспечивается взаимодействием двух противоположных тенденций – стандартизации и дифференциации. Философский принцип диалектического единства в XXI в. в постнеклассической парадигме получил интерпретацию как принцип дополнительности, который предполагает невозможность развития и существования гомогенных сложных

объектов. Глобализация обусловлена именно нарастанием сложности, поэтому нарастанием упорядоченности. Эта общая закономерность в социокультурном процессе реализуется как необходимость стандартизации простейших, базовых элементов человеческой деятельности, что связано с глобальным характером производства и обеспечения жизни, и как дифференциация и спецификация более крупных структур социального бытия, что связано с общественным разделением труда, как более эффективной формой функционирования больших систем.

Кроме того, имеет еще одна закономерность, имеющая отношение к структуре глобального мира, не препятствующая гомогенизации социального бытия и стирания культурных идентичностей – закон избыточного разнообразия. Эмпирический факт нарастания разнообразия в процессе эволюции любых сложных систем любой природы – материальной или абстрактной, биологической или физической, технической или социальной, в постнеклассической парадигме получил теоретическое объяснение в теории функционирования саморазвивающихся систем. Он заключается в том, что:

1) эволюция (самоорганизация) сложных систем имеет радиальный характер, то есть имеет тенденцию реализовать все имеющиеся потенциально возможности;

2) радиальный характер эволюции является источником развития в соответствии с избыточного разнообразия, как необходимого условия формирования новых уровней организации из уже имеющихся в наличии элементов.

Относительно социального бытия это означает, что избыточное разнообразие ценностных систем, культурных паттернов, во-первых, является следствием закона радиальной эволюции, а во-вторых, является неизбежность в связи с необходимостью рекрутировать существующие на культурной периферии ценности, которые могут быть востребованы для формирования Ответов на Вызовы новой ситуации. Таким образом, общий тренд культурной эволюции заключается в движении от локальных простых и однородных систем (архаические формы культурного бытия) до масштабных специфичных и сложных социокультурных систем, что не позволяет реализоваться проекту вестернизированной мировой культуры. И две тенденции – универсализации и дифференциации, являются взаимодополнительными и взаимосвязанными, что и детерминировало всплеск этнической мобилизации и цивилизационного противостояния, как компенсационных процессов.

Вместе с тем, культурное разнообразие достигается не только за счет рекультивации культурных паттернов, ценностей и идеологем, уже апробированных человечеством в прошлом или актуальных для локальных общностей, то есть хранящихся в этнических резервуарах. Культура – это непрерывный процесс производства информации, целей и форм деятельности, позволяющих повысить эффективность воспроизводства популяции. Соответственно, избыточное разнообразие культурных паттернов, служащее источником устойчивости системы, достигается в том числе и появлением субкультур в пространстве индустриальной социокультурной системы. Индустриальная цивилизация в процессе глобализации приобретает глобальный характер, и в ходе этого процесса, в соответствии с законами самоорганизации порождает субкультуры различных профилей, которые могут восприниматься доминирующим большинством как деструктивные контркультуры, разрушающие целостность социума.

Эволюция субкультур зависит от того, насколько востребованными и перспективными оказались произведенные ценности и паттерны: они могут занять устойчивое положение на периферии культурной системы, могут элиминировать в случае полной непригодности в существующих условиях, могут войти в доминирующую культурную систему как один из ядерных элементов, обеспечивающих гомеорезис. При этом, субкультуры эпохи глобализации эффективнее выполняют функцию производства культурных ценностей, чем этнические культуры, так как этнические культуры формируются в ответ на вызовы естественной среды, а субкультуры являются ответом на вызовы технологий.

Вместе с тем, законы самоорганизации, кроме разнообразия и спецификации, предполагают уровневое строение больших систем. Первый закон проявляет себя на низшем уровне организации социальных систем – это тенденции этнизации (процессов этнообразования – например, казаки, которые представляли собой социальные группы, в настоящее время приобретают признаки этничности), этномобилизации (возрождения этнического самосознания этносов, находящихся в мемориальной фазе), индигенизации (термин, введенный С.Хантингтоном для обозначения процессов обособления пришлого населения от населения метрополии, в каждом конкретном случае может называться креолизацией, африканизацией – семейские в Забайкалье). Но локальные этнические системы могут существовать в замкнутых естественных и экономических связях, поэтому в глобальном мире проявляет

себя и уровневая идентичность – на первое место в интегрированных системах выдвигается цивилизационная идентичность. И чем выше степень интегрированности в мир современных технологий и экономики, тем более значимое место занимает цивилизационная идентичность по сравнению с этнической. Поэтому в глобальном мире, в соответствии с законом уровневого строения больших систем, закономерно должна произойти (и происходит) смена этноцентризма на цивилизационную идентичность в сочетании с субкультурной институциализацией.

Такое строение глобального мира заставляет снова задать вопрос, который не был разрешен ни в парадигме классического (линеарного) эволюционизма, ни в цивилизационной парадигме – это вопрос об отношении к архаическим культурам. Цивилизационная парадигма, господствовавшая большую часть XX в. в социальном знании (и исторический комплекс вины западного мира), задала цель политическим и научным элитам – сохранение традиционных культур. XX в. опробовал несколько моделей сосуществования с архаическими общества, ведущими так называемый традиционный образ жизни. Первая, самая ранняя модель – создание замкнутых пространств внутри индустриальных обществ, где сохраняется традиционный тип хозяйствования и куда не проникают достижения современных технологий, а вместе с ними и достижения западной цивилизации. Именно это последнее обстоятельство и стало мишень критики концепции резерваций. Вторая модель была предложена Советский Союзом. Она так не называлась, но по сути, может быть названа моделью вестернизации, так как предполагала «с помощью победившего пролетариата переход из первобытно-общинного строя в социализм». Попытка индустриализации малых народов Крайнего Севера также была со временем осуждена как процесс стирания культурных традиции и ассимиляции этносов. Третья модель была разработана уже в конце XX – начале XXI в. в Скандинации также для арктических народов. Это своего рода модель музеефикации архаических этнических систем, так как предполагает искусственное сохранение традиционного образа жизни на основе договора с государством с двусторонними обязательствами: со стороны государства

– содержание таких групп, со стороны социальной группы – сохранение обычаев и традиций. В современной России элементы этой стратегии тоже присутствуют: они представляют собой искусственное возобновление традиций под покровительством местных органов власти. И в Норвегии, и в России этнические праздники являются объектом туризма, поэтому эта модель представляет собой скорее карнавализацию культуры, чем ее реставрацию. Существует и четвертая модель, которую можно по содержанию процесса названия «нативизацией» и которую У.Бек назвал «бразилизацией» по локализации, под которой он понимает незаконченную вестернизацию культуры вследствии отсутствия четкой стратегии интеграции архаических культур в современную цивилизацию, которая заключается в том, что архаические этносы не имея достаточных и адекватных каналов социального лифта (доступности образования, получения индустриальных профессий и т.д.), тем не менее, оставляют традиционный образ жизни, сохраняя некоторые традиции и обычаи, не имея возможности в силу уровня грамотности и др., воспринять нормы и правила, соответствующие индустриальной технологии.

Так как ни одна из моделей не отвечает современным представлениям о правах личности (на жизнь, здоровье, выбор профессии и т.д.), представляется необходимым смена парадигмы, на основе которой строятся стратегии взаимоотношений так называемых модерных обществ и архаических систем. Вместо цели сохранения культур (что предполагает автоматически и сохранение не только образа жизни, но и уровня жизни) необходимо поставить цель интеграции культур и задачи разработки адекватных программ интеграции на основе самобытности и соответствия культуры вмещающей среде. Естественные процессы самоорганизации не предполагают возможности неизменных систем, если они не носят замкнутый характер. Но замкнутость таких систем неизбежно связана и с недоступностью благ современных технологий спасения жизни, сохранения здоровья и т.д., что не может быть благом для носителей этих традиционных ценностей.

К вопросу о текстуальной природе человека

Рахимова М.В.

Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского, доцент. Кандидат философских наук

mayesta@mail.ru

Аннотация: Тезисы посвящены исследованию проблемы текстуальности человека как междисциплинарной проблемы. В частности, предлагается к осмыслению тезис о том, что человеческая природа текстуальна как на биологическом, так и на метафизическом уровне структурирования материи. Следовательно, человек есть текст. Кроме того, автор предполагает, что текстуальность человека может быть зафиксирована на генетическом и эпигенетическом уровне, осмыслена с помощью таких наук, как философия языка, философия религии, лингвистика текста, семиотика, генетика и эпигенетика. В-третьих, предлагается к осмыслению тезис о том, что помимо генетической компоненты (гены), есть содержательно-смысловая, духовная (гуны) компонента текстуальности. Они взаимосвязаны и выполняют схожие функции. Автор проводит аналогию между геномом и книгой, языком, сценарием, библиотекой, текстом. Обращает внимание на второй (эпигенетический) код, который отвечает за самостоятельность и индивидуальность клеток, их клеточную «память» (эпигенетическая программа, эпигенетические переключатели). Затрагивается и проблема биологической судьбы человека, за которую несет ответственность второй эпигенетический код. Автор подчеркивает зависимость второго кода от внешних факторов, которые способны влиять на человека (эпигенетический ландшафт).

Ключевые слова: текстуальность, гуны, генетический полиморфизм, биологическая судьба, второй код, эпигенетический ландшафт.

Another Word On Human Textuality.

Rakhimova M.V.

South Ural State Institute of Art named after P. I. Tchaikovsky

mayesta@mail.ru

Abstract: The paper suggests that a human being is a text, and considers human textuality issues from interdisciplinary perspective, highlighting the idea that a human being is textual by nature both at biological and spiritual levels of matter: human textuality derives not merely from human genome and the way it is designed, but also from inherent spirituality of human being, and these basic elements of a human being correlate with each other and also accomplish similar function. It is further assumed that human textuality may be detected at genetic and epigenetic level, and may be explored also by such sciences as linguistic philosophy, philosophy of religion, text linguistics, semiotics etc. The paper develops the idea that human genome may be compared to a book, language, script, library, or text. Additionally the author explores the idea of second or epigenetic code in charge for the autonomy and identity of each cell, and for cellular memory (epigenetic programs, epigenetic keys). To this end the author elaborates on biological determinants of human life, with special focus on the effect of the influence of the second epigenetic code. The author highlights dependence of the second code on external factors that proved to be able to redesign epigenetic landscape.

Key words: human textuality, gunas of nature, genetic polymorphism, biological background of the future, second code, epigenetic landscape.

К вопросу о текстуальной природе человека

Под текстуальностью человека понимается свойство человеческой природы заключать в себе, сохранять и транслировать на разных уровнях структурирования материи информацию (на генетическом

уровне) и смыслы (на метафизическом уровне).

Информация и смыслы не могут существовать разрозненно: они взаимосвязаны. Человек есть текст.

Если обратить внимание на человека как на философский феномен, то можно обнаружить, что в человеке, как и в тексте, есть структурное единство и слаженная работа всех системных элементов (Аполлоническое начало). Но также есть и элемент не системности, спонтанности, интуиции, стихийности (Дионисийское начало).

Человек как текст непрестанно создает и формирует себя - свою повседневность и метафизическую вечность.

Текстуальность в человеке проявляется через его имя как заголовок. Ряд особых единиц (сверхфразовых единств) в нем – это генетическая, эпигенетическая, психическая и культурная основы жизнедеятельности.

Типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи выступают биокибернетическая и социальная культурная кибернетическая связи в человеческом организме и среде.

1. Человек есть текст на биологическом уровне.

Среди единиц языка можно выделить такие структурные элементы, как фонема, морфема, лексема (слово), словосочетание, предложение.

Слово и предложение функционально наполнены: они не только выполняют функции хранителей и трансляторов информаций и смыслов, но и участвуют в формировании, созидании содержания текста как целого.

Способен ли на это генетический текст? Есть ли на генетическом уровне свои фонемы, морфемы, слова (лексемы), словосочетания и предложения?

Современные генетики интерпретируют «Слово», используя свой инструментарий - для них «Слово» воплощает себя в мир вполне конкретно, оно материализовано в генах и может быть исследуемо в лаборатории.

Ученый-биохимик Александр Сергеевич Спирин, а также британский биолог, популяризатор науки Мэтт Ридли и другие исследователи приходят к выводу, что если вначале и было Слово, то слово это было не ДНК. Но ДНК сохранила в себе отпечаток первого Слова [7.С.25].

Скорее всего, в самом начале на Земле царил мир РНК. И первое Слово было РНК. Молекула РНК объединяет в себе свойства репликации [10] и катализа. Это живое слово, которое способно потреблять вещества из окружающей среды для копирования самого себя [7.С.28].

Как и слово, РНК обладает значением, свойствами информативности, т.е. может участвовать в информации модификацией своих значений (биохимическим катализом); выполняет функции хранителя и транслятора информаций и смыслов (репликативная и кодирующая функция), участвует в формировании содержания генетического текста как целого (формообразовательная функция).

Со временем первое живое слово РНК эволюционировано в ДНК. И мир ДНК – это мир уже дифференцированных генетических слов, правда, с сохранившейся архетипической памятью своего рождения (РНК).

Теперь обозначим аналогию между графическими знаками (буквами), служащими для обозначения на письме звуков (фонем) и их разновидностей (вариантов фонем) с азотистыми основаниями РНК - (A), (U), (G) и (C), а также рибозой и фосфатной группой как разновидностями генетических фонем.

Генетические фонемы РНК являются структурными компонентами более крупной единицы биохимического языка - морфемы, представленной в виде нуклеотидов.

Напоминаем, что морфема есть единица языка (минимальный знак), в которой за определенной фонетической формой (означающим) закреплено определенное содержание (означаемое) и которая не членится на более простые единицы того же рода (корень, суффикс, приставка и т.д.).

Вступая в биохимические реакции, единицы генетического языка складываются в слоги, или полимеры, постепенно образуя собой слова, далее - словосочетания и предложения.

И если единицами языка в лингвистике принято считать графические знаки (буквы), фонемы, морфемы, слоги, слово, то при схожем функциональном потенциале, единицами языка в генетике можно назвать азотистые основания РНК как графические знаки (буквы), рибозу и фосфатные группы как фонемы, нуклеотиды как морфемы, полимеры как слоги, РНК как «первое» слово.

2. Человек есть текст на метафизическом уровне.

Под метафизическим началом текстуальности человека понимается «гуническое» начало, то есть влияние на человека гун материальной природы, которые подробно анализируются в древней индийской философии.

Тело, будучи материальным, подчиняется законам природы [1, с. 575, 592, 604]. Когда вечное живое существо входит в соприкосновение с материальной природой, три гуны обуславливают его.

Человек никогда не находится под влиянием одной-единственной гуны. Все три гуны присутствуют в каждом человеке. Между гунами материальной природы идет непрерывная борьба за превосходство [1, с. 613,620].

В «Бхагавад-гите» дается значение гуны как «веревки», а также как «качества, свойства, нити, пряди». Книга указывает на то, что обусловленная душа крепко связана веревками этой иллюзорной энергии [1, с. 348].

Гуны постоянно смешиваются, в результате получается крепкая веревка, состоящая из гун, переплетенных бесчисленное количество раз.

Проводя параллели между гунами и текстуальностью человека, можно отметить, что гуны отвечают за содержание текстуального начала - за смыслы, «эффект прочтения» человека как текста.

Как формируются гуны материальной природы? Можно ли сравнить феномен кармической деятельности с феноменом генетического полиморфизма?

Согласно философии Санкхьи, «веревка» гуны изготавливается путем переплетения трех пучков волокон, которые переплетаются между собой бесконечное количество раз, непрестанно делясь и умножаясь. В результате, получается очень крепкая веревка из гун, формирующих бесчисленное количество индивидуальностей [6]. Крепкое сплетение «веревки» из гун материальной природы напоминает функционирование генома человека.

Как и в случае с гунами материальной природы, благодаря генетическому полиморфизму, геном человека настроен на формирование генетического разнообразия в поколениях людей.

В книге «Генетический паспорт – основа индивидуальной и предикативной медицины» коллектив авторов демонстрирует интерес к исследованиям природы биохимической уникальности каждого человека [3, с. 21,22].

Авторы отмечают, что секвенирование геномов у представителей разных рас и этнических групп выявило удивительное сходство первичной структуры их ДНК. Геномы всех людей оказались тождественными по своему нуклеотидному составу почти на 99,9 %. С другой стороны, варьирование по числу и распределению в хромосомах повторяющихся последовательностей ДНК и, главное, единичных однонуклеотидных замен (SNP), составляют основу индивидуальной изменчивости (вариабельности) [3, с. 21,22].

К настоящему времени кроме человека просеквенированы геномы многих других организмов. И что интересно, сходство генома человека и других млекопитающих превышает 90% [3, с. 34]. Например, играющий важную роль в познавательной деятельности ген MGC8902, представлен сотнями копий (> 200) в геноме человека, 37 копиями у шимпанзе и единичными копиями у крыс и мышей [11, с. 1304-1307]. У человека и у дрозофилы примерно 60% всех генов аналогичны. Методами сравнительной геномики установлена высокая гомология человека и шимпанзе (сходство более 96%) [3, с. 33,34].

Как здесь не вспомнить о гунах материальной природы, которые отвечают за все формы материальной жизни, «обуславливают» живые организмы, функционируют в рамках «поля деятельности» согласно кармам. Живые формы жизни, словно, сотканы из определенного количества структурных единиц (гун и генов), которые вариабельно переплетаются между собой, согласно их индивидуальной текстуальной природе.

Сложно отрицать, что наследуемые полиморфные изменения генов составляют основу уникального генетического «портрета» и текстуальности каждого человека, играют решающую роль в определении уникального биохимического профиля каждого человека, в оценке его наследственной предрас-

положенности к различным частым мультифакторным заболеваниям [3, с. 39,48; 3, с. 4-13; 4, с. 5-8; 5].

Исходя из посылок о влиянии гун и генетического полиморфизма на материальную природу, получается, что процесс «формирования» человека зависит от многих факторов: генетического груза, динамических мутаций в поколениях, генной предрасположенности человека, генетического полиморфизма, причем мутации и полиморфизм могут сохраняться в геноме человека в спящем режиме, не проявляя себя.

Опираясь на «смысловые» мутации, генетический текст пишет себя сам, складывая индивидуальный маршрут из внутренних сюжетных линий, грядущих драматических перипетий в судьбе героя (человека), в виде потенциальных многофакторных заболеваний, генетических предрасположенностей, индивидуального биохимического профиля.

Геном – это книга, которая пишет сама себя в течение миллиардов лет, как писатель работает над черновиком, добавляя и удаляя фрагменты ранее написанного текста [7, с. 165,166]. Мы все отличаемся друг от друга не только внешне, но и по своим внутренним биохимическим, физиологическим и психологическим характеристикам, составляющим фенотип каждого человека [3, с. 68,69].

И если предположить, что человек обладает свойством текстуальности, то во многом именно от его поступков и решений зависит содержание его индивидуальной книги, книг его потомков.

Духовному началу текстуальности человека отвечают гуны материальной природы, которые, как и геном, отвечают за текстуальность человека содержательно и структурно. Гуны и геном условно отвечают одинаковым функциям. Гуны являются причиной разнообразия мира. Геном человека также настроен на формирование генетического разнообразия в поколениях людей. Гуны способствуют становлению каркаса индивидуальности – характера, качеств человека, содержательной текстуальности; функции структурной компоненты текстуальности выполняет геном.

3. Человек наделен биологической судьбой.

Итак, под информационным началом текстуальности понимается геном как условный хранитель генетических «букв», «слогов», «предложений». Генетический текст опирается на ДНК как на «монтажные схемы», «чертежи», но клетки способны использовать исходные генетические данные в индивидуальном порядке.

Как это возможно?

Дело в том, что за самостоятельность и индивидуальность клеток, их «память» отвечает второй код (эпигенетическая программа, эпигенетические переключатели). Второй (эпигенетический) код человека отзывчив к разным внешним факторам (от питания человека до воспитания его). Причем, внешние факторы не только влияют, но и способны менять человека (эпигенетический ландшафт), ведя его к старению. От того, как человек реагирует на внешние раздражители, зависит его биологическая судьба.

Теперь чуть подробнее об этом.

Последнее время все чаще в западной науке анализируется влияние второго (эпигенетического) кода на судьбу человека, в связи с чем, появляется характеристика судьбы человека как биологической судьбы.

Британский биолог НессаКэри обращает наше внимание на то, что в ядре клетки содержится подавляющее большинство ДНК и генов, которыми мы закодированы, это чертеж, по которому мы созданы [4, С. 31].

Другое дело, что клетки могут становиться совершенно разными, несмотря на то, что берут свое начало от одной клетки с записанным в ней единственным планом развития. Одно из объяснений этого феномена, по мнению Н. Кэри, заключается в том, что клетки разным образом используют одну и ту же информацию [4, С. 16].

В попытке объяснить, как это возможно, Н. Кэри прибегает к сравнению ДНК со сценарием, который может иметь несколько прочтений, которые зависят от его клеточного контекста [4, С. 50].

Сценарий ДНК один, но один и тот же сценарий в каждом отдельном случае индивидуален в силу ряда генетических и эпигенетических причин.

Генетика и эпигенетика в человеке взаимодействуют между собой, работая слаженно и четко [4, С. 51]. Геном – очень «умная» книга. При благоприятных условиях она может самостоятельно копироваться и читаться без чьего-либо участия [7, С. 13,14]. Все 50 000 000 000 000 или около того клеток человеческого организма являются результатом безупречной репликации (копирования) ДНК [4, С. 55].

Несса Кэри обращает внимание на исходную направленность генома на «прозрачное» копирование, копирование «слово в слово», когда «клетка старается сделать так, чтобы копии ДНК получались абсолютно идентичными своему оригинальному шаблону». Одно неуместное изменение (мутация) может привести к катастрофическим результатам, пишет автор [4, С. 55].

И значит, от «прозрачности» репликации, а также от качества генетической информации зависит слишком многое, чтобы не относиться к данной проблеме без должного внимания.

Так почему же наш организм способен строить разные типы клеток, когда в них заключен один и тот же геном [12, С. 13]?

Отвечая на этот вопрос, Несса Кэри снова приводит аналогию со сценарием, ибо эпигенетическая регуляция экспрессии генов – это когда разные клетки имеют одинаковый чертеж ДНК (оригинальную авторскую пьесу), но несут в себе различные молекулярные модификации (режиссерский сценарий), которые при каждом делении клетки могут передаваться от материнской клетки к дочерней. Эти модификации ДНК ничуть не меняют изначальную природу A, C, G, T в нашем генетическом сценарии, в нашем чертеже» [4, С. 65].

Раскрывать секреты биологической индивидуальности человека помогает эпигенетика. Она занимается всей молекулярно-биологической информацией, которую клетки хранят и передают своим дочерним клеткам, но которая не содержится в наследственном материале [12, С. 14].

Размышляя о первом и втором коде, Петер Шпорк полагает, что первый код - это последовательность букв генного текста, но существует еще одна биологическая информационная система – второй код. Именно благодаря ей, каждая наша клетка знает, откуда она происходит, какой путь ей предстоит и куда она придет.

Петер Шпорк полагает, что эпигенетика изучает структуры, которые наделяют каждую клетку индивидуальностью и в совокупности образуют ее эпигеном. Последний отвечает за хранение в клетке не только «монтажных схем» всех возможных белков, но и указания, какие из них должны быть реализованы. Эти указания клетки при делении могут передавать вместе с генетическим текстом своим дочерним клеткам.

В некотором смысле, эпигеном определяет назначение клетки. Он сообщает геному, как тот должен использовать свой потенциал. Он решает, какой именно ген и в какой момент активируется, а какой - нет. Он даже программирует скорость старения клетки, ее восприимчивость к внешним раздражителям, склонность к заболеваниям и длительность функционирования.

Петер Шпорк обращает внимание ученых на так называемую эпигенетическую программу, которую способны наследовать клетки [12, С. 14].

Инструменты эпигенома, по мнению П. Шпорка, - это так называемые эпигенетические переключатели. Они целенаправленно присоединяются к определенным участкам генома и определяют, какие именно гены клетка в принципе может использовать, а какие - нет. Таким образом, эпигеном создает грамматику, структурирующую текст жизни [12, С. 13].

Одна из основных задач эпигенетических переключателей - посредничество между окружающей средой и геномом. Меняющиеся условия жизни вызывают модификацию второго кода. В результате этого трансформируется модель генной активации отдельных клеток. И меняется весь организм [12, С. 42,43].

Эпигенетические переключатели реагируют на внешние воздействия, поэтому очень многие факторы способны перепрограммировать наши гены [12, С. 14]. Например, «Мы то, что ела наша Мама», коротко отмечает Петер Шпорк [12, С. 140]. И с этим довольно-таки трудно спорить.

Биологи довольно быстро поняли: с помощью генетического кода как такового они не смогут достичь всего, на что надеялись. Ученые получили лишь аппаратную часть. А программное обеспечение они и в глаза не видели. Так, код расшифрован, но теперь его надо осмыслить - не только прочитать книгу, но и понять ее [12, С. 30,31]. И эпигенетика может помочь с этим.

Можно сказать, что геном и белки функционируют как одна огромная библиотека: ДНК содержит тексты, а эпигенетические структуры выполняют функции библиотекарей, каталогов и указателей, рас-

поряжающихся информацией и упорядочивающих ее.

В 1942 году Конрад Уоддингтон создал свой самый знаменитый рисунок - «эпигенетический ландшафт». Эпигенетические программы здесь изображены в виде долин, по которым, словно шар, скатывается стареющий организм. Внешние воздействия отклоняют шар от намеченной траектории, а если они достаточно сильны, то могут привести к перемещению в другую долину. Тогда организм меняется, наш эпигенетический код меняется.

И чем старше мы становимся, тем больше углубляются основные долины и тем сложнее нам переходить из одного состояния в другое. Таким способом эпигенетические программы обеспечивают связь между телом, психикой и геномом [12, С. 68-71].

Клетки обладают памятью, которая благодаря продолжительным изменениям эпигенома хранит различные ответы на импульсы из окружающей среды. Второй код меняется на протяжении всей нашей жизни, а не только в период эмбрионального развития. Даже в преклонном возрасте мы можем влиять на него - и положительно, и отрицательно.

Генетические дефекты нельзя исправить, изменив образ жизни, однако на второй код наших клеток все эти действия влияют очень хорошо. По своей воле мы можем, по крайней мере, немного воспрепятствовать или поспособствовать многим эпимутациям и даже сделать их обратимыми. Эти изменения – часть нашей биологической судьбы, а она – в наших руках [12, С. 136].

Литература:

1. Бхактиведанта Свами Прабхупада, А.Ч. Бхагавад-гита как она есть / А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада ; пер. с англ. изд. 4-е. М. :The Bhaktivedanta Book Trust, 2014. 800 с.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. 144 с.
3. Генетический паспорт – основа индивидуальной и предикативной медицины [Текст]/ Под ред. В.С. Баранова. СПб.: Изд-во Н-Л, 2009. 528 с.: ил.
4. Кэри, Несса. Эпигенетика: как современная биология переписывает наши представления о генетике, заболеваниях и наследственности : пер с англ. / НессаКэри. Ростов н/Д : Феникс, 2012. 349 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов.энцикл., 1990. 682 с. URL: на http://tapemark.narod.ru/les/ (дата обращения: 02.01.2020)
6. Патанджали, Йога – Сутра URL: http://www.naturadei.narod.ru/yoga-sutra.htm#m33. дата обращения: 02.01.2020.
7. Ридли, М. Геном : автобиография вида в 23 главах / Мэтт Ридли. Москва :Эксмо, 2015. 432 с.
8. Спенсер, У. Генетическая одиссея человека. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 276 с.
9. Структурная организация нуклеиновых кислот / Голенченко, В.А., Силаева, С.А. Раздел 4. Биосинтез нуклеиновых кислот и белков (матричные биосинтезы). Основы молекулярной генетики // Биохимия: Учебник для вузов / Под ред. Е.С. Северина, 2003. 779 с.
10. Химическая энциклопедия. URL: http://www.xumuk.ru/encyklopedia/2/3889.html (дата обращения: 02.01.2020)
11. Human-Linage Specific Amplification, Selection and Neuronal Expression of DUF1 220 / Popes- cu M. C., MacLaren E. J., Hopkins J. [et al.] // Science. 2006. Vol. 313. P. 1304 –1307.
12. Шпорк, П. Читая между строк ДНК. Второй код нашей жизни, или Книга, которую нужно прочитать всем. М.: Ломоносовъ, 2016. 272 с.

Ремифологизация современной цивилизации

Понизовкина И.Ф.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, доцент. Кандидат философских наук

irina-ponizovkin@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме снижения уровня научности при решении международных, экономических и социальных вопросов современной цивилизации и уменьшения социальной ценности научной рациональности. Эта тенденция сопровождается всё большим доминированием внерациональных форм постижения окружающей социальной действительности. Особое внимание автор уделяет анализу условий, причин и механизма расширения функционального поля современной мифологии. Рассматриваются условия, влияющие на процесс современной ремифологизации, - крайняя неравновесность, противоречивость и динамичность социальных систем, постмодернистская атмосфера метаморфоз и неопределенности, внедрение новых информационно-технических средств массовых коммуникаций и т.д. Автор анализирует особенности мифологического сознания, востребованные в современную эпоху и обеспечивающие жизнестойкость социального мифа XXI века. На основе проведенного исследования делается вывод о необходимости разработки новых механизмов достижения объективной истины, учитывающих новые факторы сосуществования научных и вненаучных форм постижения социальной действительности.

Ключевые слова: научная рациональность, внерациональное познание, мифология, мифологическое сознание, ремифологизация.

Remifologization of Modern Civilization.

Ponizovkina I.F.

Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: The article is devoted to the problem of reducing the level of science in solving international, economic and social issues of modern civilization and reducing the social value of scientific rationality. This trend is accompanied by an increasing dominance of non-rational forms of comprehension of the surrounding social reality. The author pays particular attention to the analysis of the conditions, causes, and mechanism for expanding the functional field of modern mythology. The conditions affecting the process of modern remythologization are examined - extreme disequilibrium, inconsistency and dynamism of social systems, a postmodern atmosphere of metamorphosis and uncertainty, the introduction of new information and technical means of mass communication, etc. The author analyzes the features of mythological consciousness that are in demand in the modern era and ensure the viability of the social myth of the 21st century. Based on the study, it is concluded that it is necessary to develop new mechanisms for achieving objective truth, taking into account new factors in the coexistence of scientific and non-scientific forms of comprehension of social reality.

Keywords: scientific rationality, non-rational cognition, mythology, mythological consciousness, remythologization.

Говоря о проблемах развития современной цивилизации, хочется затронуть тему, еще недостаточно привлекшую к себе внимание, но актуальность и острота которой не вызывают сомнения. Последние десятилетия в рассмотрении многих международных, экономических и социальных проблем разного масштаба и принятии решений снижается уровень научности, значимость её критериев, размывается демаркационная линия между научным и вненаучным подходами. Социальная ценность научной рациональности, приобретенная в ходе многовекового исторического развития европейской культуры, в конце XX века пошатнулась, освободив место для иных внерациональных форм постижения действительности. В XXI веке мы наблюдаем беспрецедентное доминирование внерациональных форм решения проблем в разных сферах человеческой жизнедеятельности. Человечество всё чаще обращается к самым глубинным пластам сознания – мифологии.

Впрочем, академик И.Т. Фролов еще в 1982-1983 г.г. в своих статьях пророчески написал о возможности «мифологии в век НТР» [1; 2]. Необходимо заметить, что современные мифотворцы сегодня даже не пытаются прикрыться научными «одеждами», сотканными из научного дискурса, элементов рациональной обоснованности и объективных фактов. Знаменитое «хайли лайкли» (от англ. highly likely - «весьма вероятно»), произнесённое британским премьером Терезой Мэй, довершило наметившийся процесс, став не только мемом, а популярной методологической установкой для формулирования выводов и принятия решений даже в тех сферах, например, права, где традиционно научная рациональность и объективность имели первостепенную значимость.

Такие тенденции не могут не тревожить человечество, принимающее сегодня решения в сложных условиях обострения социальных противоречий и глобальных проблем – войны и мира, экологического кризиса, нравственного релятивизма и т.д. Каковы природа и основания, позволяющие мифу проявлять в современных условиях удивительную жизнестойкость?

Сегодняшний мир представляет собой крайне неравновесную систему с постоянно изменяющимися доминантами и смысловыми акцентами. В таких условиях возрастает вариативность и неопределенность последствий действия в запутанных каузальных сетях, создающие атмосферу хаоса, непредсказуемости и ожидания метаморфоз, ощущения «уходящей из-под ног почвы» [3], «ускользающей реальности» [4]. Профессор П. Вейлл, известный исследователь в области управления пишет о современной ситуации: «…Редко кто вспоминает о том, что наша психика приближается к своего рода красной отметке, как в паровом котле, то есть к состоянию, когда уже невозможно овладеть ситуацией» [5, с.15]. Тогда на помощь приходят древние способы решения проблем в условиях неопределенности – социальное мифотворчество, которое помогало в первобытную эпоху справляться с любой ситуацией. Несмотря на достижения науки и техники, а во многом и благодаря им, механизм мифотворчества сегодня вновь актуален и востребован.

Понятие «миф» является многозначным. Историк и этнограф С.А. Токарев пишет: «Едва ли найдется другое такое явление в области духовной культуры человечества, о котором высказывались бы столь различные, прямо противоположные суждения, как мифология. Одни ее связывают и чуть не отождествляют с религией, другие резко ей противопоставляют. Одни смешивают с народными легендами, преданиями, сказками, другие отделяют от них. Одни считают мифологию реакционным грузом и балластом в духовном достоянии народа, другие, напротив, - глубоко прогрессивным фактором культуры" [6, с.507]. Но разнообразные смыслы можно свести к двум основным подходам. Во-первых, рационалистически-критическая оценка мифа основана на том, что это - неадекватное восприятие действительности, выдумка, обман, которые уводят сознание в сторону от объективной истины, формирует заведомо "ложную" действительность. Эта точка зрения выражается в часто используемой оппозиции «миф или реальность?». Другой подход, которого в данном случае придерживается автор, заключается в отношении к мифу как к одному из способов освоения действительности, который корнями уходит в человеческую субъективность, принявшую объективированную форму [7]. Миф – наиболее древний способ освоения окружающей реальности, имеющий огромный внутренний потенциал, проявляющийся в различных феноменациях в последующие исторические эпохи.

Жизнестойкость мифологического сознания связана с его особенностями, востребованными и сегодня. Пожалуй, главным является то, что миф дает специфическое духовно-функциональное знание, задача которого не объяснить, а решить проблему, тем самым помочь субъекту гармонично вжиться в действительность, в конкретную ситуацию, определенным образом согласовав это знание с системой общественных отношений. Миф имеет свой механизм упорядочения сложной и неоднозначной, подчас пугающей реальности, который позволяет сделать этот мир понятным и «своим». Как в древности родовой человек, сегодня жители «мировой деревни» чувствуют себя непосредственными соучастниками происходящего вокруг. Это стало возможным в силу внедрения новейших мультимедийных СМИ, которые имеют чаще всего визуальный характер. В силу этого обеспечивается доступность информации, он-лайн близость и эмоциональная сопричастность к происходящему.

Мифологическое сознание имеют синкретический характер – в нем слиты воедино и образ-идея, и чувственно-эмоциональное отношение к происходящему, и интенциональные, побудительные мотивы. При этом оно опирается на мифологическую символичность, в которой воссоединены насущная идея и конкретная «вещь» (персонаж, предмет). Вот почему всё чаще для «доказательств» своей позиции в руках деятелей от международной политики оказываются не цифры и научные факты, а сопутствующие, эмоционально нагруженные предметы-«фетиши» (пробирки с неким веществом, обломки автобуса и т.п.). Необходимо отметить неисчерпаемость мифологических символических образов, что позволяет мифу легко переходить с одного ассоциативно-смыслового ряда на другой и разрешать практически любую актуальную ситуацию, «не замечая» противоречия. Такая вариативность мифологического сознания как нельзя лучше соответствует сегодняшней постмодернистской атмосфере неопределенности.

Упорядоченность окружающему миру миф привносит не на основе научной рациональности и логики, а с помощью иных механизмов, легко воздействующих на массовое сознание. Поскольку в мифе бытие отождествляется с переживанием бытия, то любая, даже незначительная и несущественная с рациональной точки зрения, но эмоционально окрашенная деталь может стать в мифологическом сознании-переживании значимой и даже центральной. Вспомним речь шведской школьницы Греты Тунберг со слезами и детскими обвинениями, в которой не было ничего нового, но которая принесла девочке звание Человека года.

В условиях крайней нестабильности международной ситуации, социального хаоса, массовый субъект не способен постичь всю сложность разворачивающихся перед ним коллизий и проникнуть в сущность явлений. Пытаясь интуитивно уловить неисчерпаемое многообразие взаимосвязей и свойств, субъект пользуется теми средствами, которые «под рукой» - переходит к перцептивной простоте по принципу древних бинарных оппозиций («свой-чужой», «черное-белое» и т.д.). Последствиями такого подхода становятся стремление к культурной демаркации, безапелляционные претензии к иным культурам и нациям, вандализм в отношении культурно-исторических памятников и т.п.

Причинно-следственные цепочки заменяются в мифе ассоциативно-случайными, актуальными и релевантными ситуации, по закону соучастия, а не системы. Это может быть внешнее или ассоциативное сходство (примером может служить игра ассоциаций при подмене значения понятия «Украинский фронт» в процессе современной ремифологизации событий Великой Отечественной войны); последовательность событий, подменяющая каузальность (так, западные политические мифотворцы видят причину развязывания II Мировой войны в пакте Молотова-Риббентропа, поскольку он был заключен последним в череде подобных актов). Такое упорядочение находится в пределах определенного интерпретативного поля и эффективно обслуживает ситуацию, в которой массовый субъект находится и действует, и соответствует социокультурному контексту, в который он вовлечен в ходе исторического развития.

С наступлением эры диктата информации, текста и контекста, интерпретации которых тиражируются многократно современными СМИ и которыми можно распоряжаться для решения политических и иных задач, глобальной проблемой для человечества становится вторичное мифотворчество [8], псевдомифы, искусно взращиваемые на идеологической ниве и превращающие узкоутилитарное во «всеобщее», которое и берется за основу при принятии важнейших для человечества решений. Такие мифы неуязвимы для рефлексии их массового потребителя.

Таким образом, в современную эпоху необычайных научно-технических достижений наблюдается активная ремифологизация массового сознания и расширение функционального поля мифологии. При этом значимость научной методологии при принятии решений в разных сферах человеческой жизни снижается; всё реже для общего заключения по различным вопросам человеческой жизнедеятельности и культурно-исторического развития стран привлекаются ученые-эксперты; не слышно протестов научного сообщества при откровенном навязывании массовому субъекту лжемифов, не соответствующих научным фактам. Значит, необходима новая общегносеологическая теория, предлагающая новые механизмы достижения объективной истины при рассмотрении социальных и международных проблем, при этом подразумевающая культурооберегающее сосуществования всего разнообразия способов познания смыслонаполненного мира.

Литература:

1. Фролов И.Т. О человеке разумном и гуманном, а также о биокиборгах, бессмертии и воскрешении мертвых и вообще о мифологии в век НТР // Мифология века НТР: утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки / Отв. Ред. Г.Л. Белкина. М.:ЛЕНАНД, 2020. С.15-27.
2. Фролов И.Т. Чудовищ порождает безответственность // Мифология века НТР: утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки /Отв. Ред. Г.Л. Белкина. М.:ЛЕНАНД, 2020. С.30-35.
3. Emery F. E. Systems thinking : selected readings / edited by F.E. Emery. 1. - 2nd ed. Harmondsworth, Mddx.: Penguin Books, 1981.429 p.

4. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: «Весь мир», 2004. 120 с.
5. Вейлл П. Искусство менеджмента / Пер. с анг. И.Козыревой. М.: «Новости», 1993. 224 с.
6. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Издательство политической литературы, 1990. 622 с.
7. Понизовкина И.Ф. Миф как феномен иллюзорного сознания я: Дис… канд. филос. наук. М., 1997. 151 с.
8. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Образ мирового порядка в концепциях глобализации

Рякова Е.Г.

Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова, докторант специальности «Философия»

2397800@mail.ru

Аннотация: В XX веке укоренился дискурс осмысления человеческого пространства-времени сквозь призму вопроса о построении образа мирового порядка. Автор показывает контекст зарождения данного дискурса в политической риторике начала XX века, рассматривает то, как происходило формирование образа мирового порядка на основе мир-системного анализа. Особое внимание уделяется анализу логики формирования представлений о миропорядке в контексте концепций глобализации, критически переосмысливающих опыт представителей мир-системного анализа. Автором выделяются этапы в формировании концепций глобализации, отмечается, что сегодня доминируют концепции глобализации, в которых утверждается, что новый мировой порядок формируется в результате стохастических социальных процессов. В этих концепциях доминируют идеи хаотичности общественного развития, преобладание деструктивных тенденций, а их разработчики указывают на сложность/ невозможность прогнозирования нового мирового порядка. Автор намечает необходимость критического анализа концепций глобализации, в связи с тем, что они не ориентированы на выявление оснований формирования исследуемых ими явлений и пытаются выработать образ мирового порядка как совокупности феноменов, помещенных в single place.

Ключевые слова: глобализация, деструкция, концепции глобализации, мировой порядок, мир-система, мир-системный анализ, хаос, человеческое пространство-время.

The Image of the World Order in the Concepts of Globalization.

Riakova Ye.G.

S. Amanzholov East Kazakhstan state university

Abstract: In the XX century, the discourse of understanding human space-time through the prism of the question took root in the formating an image of the world order . The author shows the context of the origin of this discourse in the political rhetoric of the late XX century. She considers how the formation of the image of the world order was happening on the basis of world-system analysis. Special attention is paid to the analysis of the logic of the formation of ideas about the world order in the context of the concepts of globalization, which made critically rethinking the experience of representatives of the world-system analysis. The author highlights the stages in the formation of concepts of globalization. It is noted that today dominate concepts of globalization, which say that new world order is formed as a result of stochastic social processes. These concepts are dominated by the ideas of chaotic social development and the predominance of destructive tendencies. Their developers point to the complexity/ impossibility of predicting a new world order. The author outlines the need for a critical analysis of the concepts of globalization because they are not focused on identifying the reasons for the formation of the phenomena they study and trying to show an image of the world order as a set of phenomena placed in a single place.

Key words: globalization, destruction, concepts of globalization, world order, world-system, world-system analysis, chaos, human space-time.

В XX веке одним из трендов в осмыслении человеческого пространства-времени стало объяснение его с использованием термина «мировой порядок». Введение термина «мировой порядок» обусловливается потребностью упорядочить массив событий, процессов, явлений с позиции включения их в интегрированный образ иерархичного, институционально организованного человеческого пространства-времени. Слово «порядок» подчеркивает наличие центров силы, задающих правила, которые другие не могут игнорировать безнаказанно: иерахичность отношений между социальными

акторами признается объективной реальностью и выводится в ранг закона. При этом, разными силами может предлагаться то или иное понимание как существующего, так и желаемого миропорядка.

Термин «мировой порядок» является одним из частоупотребляемых разработчиками популярных сегодня концепций глобализации. Следует отметить, что методологические основания этих концепций вырабатывались в процессе переосмысления методологии мир-системного анализа и корректировались в ходе исследовательской практики, дополняясь идеями других влиятельных направлений обществоведческой мысли.

В формировании смысловой нагрузки термина «мировой порядок» можно выделить этапы: 1) введение концепта «мировой порядок» в политической риторике; 2) формирование образа мирового порядка на основе мир-системного анализа; 3) трансформация образа мирового порядка в концепциях глобализации.

В XX веке вопрос об организации человеческого пространства-времени обрел форму вопроса об устройстве мирового порядка. Такую постановку можно уже обнаружить в речи американского президента В. Вильсона в связи с созданием Лиги наций, когда он высказал надежду на «новый мировой порядок» – систему международной безопасности и поддержания мира.

Появление и дальнейшая популярность концепта «мировой порядок» были обусловлены социальными трансформациями XX века, являющимися следствием глубинных противоречий общественного развития. Социальные потрясения коснулись судеб практически всех стран и народов и привели к признанию необходимости выработки правил общежития более или менее приемлемых для всех акторов. В этих обстоятельствах выработался дискрус, предполагающий осмысление существующего и желаемого миропорядка как условие понимания происходящего в человеческом сообществе. Этот дискурс стал востребованным на международных политических площадках (Лига наций, ООН и др.), а также в журналистской среде. Позже концепт «мировой порядок» начал активно использоваться в обществознании, где получил теоретическую проработку. Например, в работе «The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics» (1977) Х. Булл вводит данное понятие для конкретизации термина «международный порядок» [1; 2].

Социальные потрясения XX века и формирование международных диалоговых площадок, направленных на попытки выработки правил игры для акторов мирового политического процесса стали предметом научных исследований, что предполагало разработку подходов к их осмыслению. Одним из влиятельных подходов на начальном этапе стал системный анализ, доминировавший в западной науке уже с к.XIX века. В формировании образа мирового порядка значительную роль сыграл мир-системный анализ.

В 70ые годы XX века в обществоведческой мысли начинают появляться исследования, центральным понятием которых является понятие «мир-система» (Ф. Бродель [3], И.Валлерстайн [4; 5], А.Г. Франк [6] и др.). С самого начала мир-системный анализ выступил с установкой на выработку новой методологии осмысления человеческого пространства-времени. По мнению теоретиков данного подхода, понятие мир-системы позволяет упорядочить образ современного мира как иерархическую интегрированную систему социальных взаимодействий. Один из основателей мир-системного анализа И. Валлерстайн говорит, что мир-система – это не «мировая система», а «система», являющаяся «миром». Она есть «некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам», проще – это «географическая зона, объединенная общим разделением труда» [5].

Осмысливая миропорядок, И. Валлерстайн представляет его как систему ядро-полупериферия-переферия, формирующуюся с XVI века на основе международного разделения труда. Он также отмечает, что современная мировая система имеет политическую надстройку в виде сети суверенных государств, концентрирующих в своих руках материальные блага мира. Суверенные государства ядра диктуют миропорядок, который распространяется на государства полупериферии и переферии.

Следует отметить, что мир-системный анализ породил множество образов миропорядка, отраженных в концепциях разных авторов. Его популярность пришлась на период стабильности в формате биполярного мира. Наметившиеся в 1980ые годы признаки кризиса этого формата обусловили появление трендов, которые не укладывались в сформированное представление о существующем миропорядке. Идея системности, упорядоченности начинает вытесняться идеей хаоса и непредсказуемости

сценариев дальнейших социальных трансформаций. В этот период набирали силу теории глобализации, объясняющие миропорядок и его трансформации как серии эмпирически фиксируемых изменений, разнородных, но объединенных логикой превращения мира в «единое место» (a sinle place) (Р. Робертсон) [7, с.53].

В.Д. Петров в статье «Теоретические модели глобализации» справедливо отмечает, что «Первые детально разработанные теоретические модели глобализации были созданы на рубеже 1980-1990х годов на концептуальной границе между конкурирующими формами дискурса: дискурсом мировой системы и собственно дискурсом глобализации (…)» [8, с.53].

Концепции глобализации направлены на осмысление крупномасштабных (общепланетарных) социальных связей и взаимодействий, в которых все страны и народы получают собственный статус. Согласно сложившейся интеллектуальной традиции термин «глобализация» нередко наделяют свойством концепта, дающего ключ к пониманию явлений: этот термин как бы «сцепляет» образы явлений, процессов, цепочек событий и способствует формированию общей картины происходящего (Р. Робертсон [7], М. Уотерс [9], У. Бек [10], С. Хантингтон [11], Г. Киссенджер [12], М. Маклюэн [13, 14] и др.).

Можно выделить два этапа в формировании концепций глобализации:

1 этап, когда глобализация человеческого мирового пространства понималась как совокупность интеграционных процессов, ведущих к формированию «мировой глобальной деревни», «единого человечества» (1980-н.2000-х гг);

2 этап, когда в мировом сообществе были зафиксированы дезинтеграционные тенденции и антиглобалистские силы, а образ нового мирового порядка был признан непредсказуемым и нередко враждебным к наименее влиятельным его акторам (с к.2000ых гг.). И по сей день в обществознании доминируют концепции глобализации, где утверждается, что новый мировой порядок формируется в результате стохастических социальных процессов.

Ученые, политики, общественные деятели, представители экономических элит осмысливают социальные реалии, улавливают в них тренды, которые могут стать ключом к пониманию существующего и будущего мирового порядка. При этом на современном этапе в обществознании превалируют термины «хаос», «деструкция» и т.п. То есть, актуальное состояние общественной жизни рассматривается как этап распада предыдущего мирового порядка и появления новых трендов, что в будущем должно привести к непредсказуемому мировому порядку нового образца. Интеллектуальная ситуация современности связана не с осмыслением логики формирования глобальных социальных процессов (выявление оснований, закономерностей и направленности), а в лучшем случае на определение смыслов и направленности социальных изменений, задаваемых влиятельными акторами, которые стремятся управлять хаосом социальных изменений. Сложность прогнозирования нового мирового порядка состоит в том, что «Планета на сегодняшний день представляет собой не единство, а множество стран, где ведущие силы каждой из них проявляют активность в защите своих собственных интересов, которые далеко не всегда совпадают с интересами человечества. Очень много сил и энергии тратятся человечеством на решение задач, которые не приводят к решению главных проблем человечества. Обретение единства – вот главная задача. Она же есть условие решения всех других проблем» [15, с.68].

Литература:

1. Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX века. М., 1997. С. 802–805.
2. Миронов В.В. «Международный порядок» Х. Булла и английская школа теории международных отношений // Вестник Омского университета. 2011. №3. С. 108-114.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. 15-18 век / Пер. с фр. Л.Е. Куббель // Время мира. М.: Прогресс. 1992. 679 с.
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология 21 века. / Пер. с англ. И.О.Иноземцева. М.: Логос. 2004. 368 с.
5. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. / Пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего. 2006. 248 с.
6. Frank A. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?. Routledge, 1993. 352 p.
7. Robertson R. Globalization: Social theory and global culture. London: SAGE Publications. 1992.
8. Петров В.Д. Теоретические модели глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология и международные отношения. 2007. №4. С.52-59.

9. Waters, M. Globalization. London: Routledge. 1995. 140 p.
10. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. М.: Прогресс-Традиция. 2001. 304 с.
11. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. / Пер. с англ. В.Р.Рокитянского. М.: Прогресс-традиция, 2004. 480 с.
12. Киссинджер Г. Дипломатия. / Пер. с англ. В.В. Львова. М.: Ладомир. 1997. 848 с.
13. Макклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. / Пер. с англ. И.О.Тюриной. М.: Академический проект, Гаудеамус. 2013. 496 с.
14. Макклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. / Пер. с англ. И. Летберга. М.: АСТ, Астрель. 2012. 226 с.
15. Гусева Н.В. К рассмотрению оснований и принципов формирующегося миропорядка и интеграционных процессов в современном мире // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2. М., 2018. С.68-73.

Фактор идентификации в процессе глобализации

Салихов Г.Г.

Башкирский государственный университет, профессор, доктор философских наук

gafur_salih@mail.ru

Аннотация: Центральной темой в работе является проблема идентификации человека в процессе глобализации в рамках современных преобразований мира. Как правило, человек в составе всеобщего социума рассматривается в науке в рамках молодого, среднего, старшего поколений. Население делится на три класса: верхний, средний, нижний. По состоянию материального благополучия люди делятся на богатых, средних, бедных; по образовательному цензу на имеющих высшее, среднее, общее образование. Идентификация людей происходит в рамках указанных иерархий и цензовых определений. Идентификация человека осуществляется в отношении окружающего мира. Идентичность в ходе глобализации постоянно меняется, современный человек оказался перед кризисом идентичности.

Ключевые слова: идентификация, глобализация, человек, личность, субъект, общество, социум, кризис.

Identification Factor in the Process Of Globalization.

Salikhov G. G.

Bashkir State University

Abstract: the Central theme of the paper is the problem of human identification in the process of globalization in the framework of modern transformations of the world. As a rule, a person in the General society is considered in science in the framework of young, middle, older generations. The population is divided into three classes: upper, middle, lower. According to the state of material well-being, people are divided into rich, middle, poor; according to the educational qualification, they have higher, secondary, General education. Identification of people occurs within the specified hierarchies and censorship definitions. Identification of a person is carried out in relation to the surrounding world. Identity in the course of globalization is constantly changing, modern man was faced with an identity crisis. People have different perceptions of national identity and citizenship, national identity fades into the background. Identity connects three links, personality-society-culture, is a defining aspect in the social and cultural life of the country.

Key words: identification, globalization, person, personality, subject, society, society, crisis.

Идентификация есть отождествление, приравнивание, уподобление, она предполагает тождественность, одинаковость. Согласно С. Хантингтону существует целый ряд для выбора человеком допустимых источников идентификации для себя. Это: 1. Аскриптивный – возраст, кровное родство, этническая и расовая принадлежность. 2. Культурный – клановая, языковая, национальная, религиозная, цивилизационная принадлежности. 3. Территориальный – город, провинция, регион, континент. 4. Политический – фракционная и политическая, идеология, интересы государства. 5. Экономический – работа, профессия, должность, рабочее окружение, профсоюзы. 6. Социальный – друзья, коллеги, социальный статус. [1, с.59]. На идентификацию и становление человека влияют многие факторы бытия, из которых выделяются два подхода. Первый это отбор и анализ факторов, важных для идентификации с позиции социума. Они бывают положительные и отрицательные касательно бытия человека (здоровье, образование, благосостояние, воспитание). В данном направлении ведутся философские исследования вопроса идентификации в эпоху глобализации. Однако итоги поисков связаны с недостаточными проявлениями интереса человека к вопросу о своей идентичности

Следующий путь к раскрытию идентификации человека полагает распознание факторов с точки зрения отдельно взятой личности. Тому причисляются знания по вопросам культуры, экономики, права, адаптации человека к реалиям жизни. Идентичность это индивидуальное мнение, самотожде-

ственность, отличие от других, она определяется возможностями самой личности. В вопросе идентификации для человека важно понимание его в обществе, поддержка окружения. Отсутствие социальной поддержки ведет к появлению у человека чувства неполноценности, нежелательного поведения и поступков, что влияет на результативность. Важность для исследования представляют факторы обоих приведенных подходов. Второй подход меньше исследован, но он может оказаться более необходимым в решении проблемы идентификации.

Идентификация человека осуществляется обычно в отношении окружающего бытия, в рамках окружающей среды. Таковыми являются личностная, классовая, групповая формы идентификации и осуществляется они в сознательной или неосознанной форме. Глобализация отчуждает прежние формы идентификации, ставит под сомнение субъективное ощущение самоидентичности, сформированное в рамках традиции, особенно по отношению к идентификации с малыми группами, этническими, культурными меньшинствами. Ощущение «внутренней консистентности» обеспечивается эффективной идентификацией, и разрушение одного типа идентификации должно быть компенсировано идентификацией другого типа. [2, с.343]. Утрата преемственности, исключение последовательности смены форм идентификации приводит человека к внутреннему дискомфорту, создает тревогу, усиливаются изоляционистские тенденции, образовываются новые формы идентификации, обеспечивающие облегченную преемственность в соответствии с эпохой.

Идентичность есть определенность личностных, культурных, социальных параметров, некая тождественность бытия и сознания. Исходные позиции идентичности связаны также с традицией, культурой народа. Глобализация подвергает испытанию национальную и культурную идентичность, преодолеть которую возможно лишь через диалог и преемственность культур. Однако это сложно в периоды кризиса идентичности, явных изменений культуры, роста плюрализма в общественной жизни. Каждая отдельно взятая культура отличается друг от друга в понимании идентичности. Более всего, в современном мире навязывается образ жизни и ценности человека как потребителя. [3]. В связи с быстро меняющимся миром и условий жизни людей вопрос идентичности в эпоху глобализации приобрел основной фактор исследования и в науке.

Идентичность в ходе глобализации постоянно меняется и человек оказался перед кризисом идентичности. Идентичность в процессе глобализации предполагает установление человеком своей роли в мировом экономическом пространстве, культурную идентичность в планетарном масштабе. Изменение роли и функций государства, образование транснациональных пространств не должны наносит ущерб национальной принадлежности человека, культуре этноса. Наследие народа является показателем этнической идентификации, процесса социализации личности, что является фактором этнической принадлежности. Это есть сакрализация локального в рамках современных форм идентичности при некотором проявлении интереса к отдельным явлениям прошлого. При отчуждении от глобального мира наблюдается утрата локальной идентичности, теряется самоуважение, обесцениваются местные особенности, нивелируется внутренняя значимость существовавшей местной идентичности и самоопределения. Право на самоидентитфикацию является одним из значимых прав человека и этноса, он свободен в решении вопроса о своей судьбе, в реализации права на самоидентификацию в той или иной форме.

Проблема идентичности легче подвергается анализу в формате реального включения какого-либо малого общества в рамки более укрупненного сообщества или союза. Тогда явно просматривается плюралистическая многоуровневая идентичность. Например, интеграция на Западе происходит только между европейскими странами, на основании общей единой культуры. Интеграция на глобальном уровне, в планетарном масштабе, строится на некоторых универсалиях массовой культуры, которые совмещаются с культурным, этническим, национальным многообразием, разными уровнями развития. Подобно европейской интеграции, в условиях глобализации сохраняются территориальные и культурные границы стран, историческая память отдельных обществ, в то же время появляется возможность жить, работать за пределами своей страны, возрастает общность культурных стандартов, возможность стать членом объединенной системы, растет взаимозависимость.[4, с.343-344].

Человек по-разному воспринимает свою национальную принадлежность и гражданство, такое понятие как национально-государственная принадлежность отходит на второй план. Практика показывает, что процесс глобализации культур движется медленнее в сравнении с глобализационными процессами в экономике, цифровой информатизации. Культурный аспект наблюдается при всех человеческих взаимоотношениях в рамках сохранения локальных культур и культурных прерогатив на

глобальном уровне. Идентичность в реальности находится в кругу быстро перестраивающейся жизненной реальности. Она соединяет три звена, личность – общество – культура, является определяющим аспектом в социальной и культурной жизни. Это непрерывный процесс признания человеком себя самого, выявление цели, конструирование и смена жизненных смыслов, приспособление к факторам современного бытия.

Литература:

1. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.)
2. Идентификация (с.343. А.Ш. Тхостов) ГЛОБАЛИСТИКА: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / Гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.– СПб.– Нью-Йорк.: ИЦ «ЕЛЕМА», ИД «Питер», 2006. 1160 с.
3. Салихов Г.Г. Глобализация как путь социализации личности // Вестник Российского философского общества. 2019. Вып. 1-2 (89-90). С.62-72.
4. Идентичность (с. 343-344. Н.Н. Федотова) ГЛОБАЛИСТИКА: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / Гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.– СПб.– Н.-Й.: ИЦ «ЕЛЕМА», ИД «Питер», 2006. 1160 с.

Диалог культур в условиях конфликта

Серёгин А.А.

Российский государственный социальный университет, аспирант

alexsereginrgsu@yandex.ru

Аннотация: в статье анализируется диалог культур во время конфликта этих культур и его крайней формы – войны. Ставится вопрос о возможности такого диалога в условиях конфликта. Проводятся исторические параллели, приводятся примеры, а также анализируются причины возникновения гражданских войн в Америке и России, и негативные последствия тех событий для культурной сферы этих народов. Исследуются факторы возникновения современной глобализации – экономический, военно-политический, культурный. Рассмотрена роль и влияние вестернизации как стимула развития глобализации. Ставится вопрос об экономической, политической или культурной основе глобализации. Анализируется диалог культур в условиях гибридной войны и его качественное отличие от диалога культур во время открытого военного столкновения. Делается вывод о взаимном влиянии процесса глобализации и диалога культур.

Ключевые слова: диалог культур, глобализация, конфликт, война, гибридная война, экономика, политика, культура.

Dialogue of Cultures in Conflict.

Seregin A.A.

Russian State Social University

Abstract: The article analyzes the dialogue of cultures during the conflict of these cultures and its extreme form-war. There is a question that is raised about the possibility of such a dialogue in the context of the conflict. Historical Parallels are drawn, examples are given, and there are also analyzed the causes of civil wars in America and Russia, as well as the negative consequences of it for the cultural sphere of these peoples. The author studies the factors of modern globalization such as- economic, military-political, and cultural ones. There is also considered the role and influence of Westernization as a stimulus for the development of globalization. The question is raised about the economic, political or cultural basis of globalization. The article analyzes the dialogue of cultures in a hybrid war conditions and its qualitative difference from the dialogue of cultures during an open military conflict. The conclusion is made about the mutual influence of globalization process and the dialogue of cultures.

Keywords: dialogue of cultures, globalization, conflict, war, hybrid war, economy, politics, culture.

Глобализация, как процесс мировой интеграции основных видов человеческой деятельности – явление совсем не последних десятилетий. Отдельные её формы проявились уже в античности и были вызваны культурной и политико-экономической экспансией империи Александра Македонского и Римской империи. Но гораздо раньше зародился диалог культур. Условиями его возникновения было наличие общностей людей, имеющих разную культурную основу, и благоприятная среда, которая была бы стимулом для их прямого контакта, что стало возможным уже в эпоху палеолита.

Основываясь на факте исторического первенства диалога культур, всё же нельзя с уверенностью говорить, что глобализация детерминирована им, если только частично и при определённых обстоятельствах. Тем более, что глобализация и диалог культур явления комплементарные и имеют двустороннюю непосредственную и обратную связи. Развивая диалог культур, выводя его на новый уровень, глобализация сама обусловлена диалогом культур. Последний, в свою очередь, использует её в качестве инструмента уже своего развития.

Первым благоприятным условием развития диалога культур в исторической перспективе была не глобализация, а конечно, торговля. Но ещё раньше конфликт. Рассматривая конфликт в качестве основы для построения диалога культур, надо учитывать самый вероятный сценарий его развития – насильственный или войну. Понимая деструктивный характер любого насилия, нельзя не осознавать, что на протяжении всей истории человечества, войны стимулировали прогресс. В свою очередь диалог культур — это катализатор прогресса, его движущая сила. Война, в том числе и гражданская, есть крайняя форма конфликта разных в своей сущности культур. Бессмысленно говорить о диалоге культур в случае войны, которая ведётся до полного истребления одной из культур вплоть до посыпания земли поверженного врага солью. Но история знает немало примеров, когда война порождала новые межкультурные связи. До сих пор нет единого мнения среди ученых о роли ордынского ига в истории Руси. Однако нет сомнений насколько глубокий след оно оставило в культуре русского народа. «Естественным результатом монгольского мира стал определенный культурный обмен между Китаем, Ближним Востоком и Европой» [1, с. 15].

Если обратиться к истории двух самых известных гражданских войн XIX века в Америке и XX в России можно увидеть, что в России причиной конфликта прежде всего были изменения политического строя в государстве, в Америке – различия в экономике, социальной структуре, традициях и политических ценностях между Севером и Югом. В результате самой кровопролитной в истории США войны было сохранено единство США и ликвидировано рабовладение. А также была создана ультраправая организация Ку-клукс-клан, отстаивающая идеи превосходства белых и суда Линча, позднее выступавшая против американских католиков и коммунизма. В России – проигравшее войну «Белое движение» было вынуждено эмигрировать, и несмотря на огромный культурный вклад в мировом масштабе, «Белая эмиграция» полностью ассимилировалась за границей.

Имеет ли место диалог культур во время войны разных культур? Да, конечно, ведь любой межкультурный контакт, даже военное столкновение и есть диалог культур. Вот только результатом такого диалога будет, скорее всего, насильственное подавление одной культуры другой. Качественная оценка такого диалога теряет всякий смысл. Говоря о качественной стороне диалога культур уместно привести следующую цитату: «В диалоге культур важен не столько диалог, сколько культура диалога. Ибо диалог – взаимодействие – происходит всегда. Культуры так или иначе взаимодействуют и проникают друг в друга» [2, с. 34].

Толчком процессов глобализации второй половины XX века был экономический фактор – создание зон свободной торговли и торжество рыночной экономики. Сокращается роль государства в экономических и политических процессах внутри стран. Следующим этапом усиления глобализации последнего времени в экономике, политике, культуре была вестернизация – заимствование и распространение в мире американских и западноевропейских ценностей. С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» пишет: «В современную эру западная цивилизация стала евро-американской, или североамериканской, цивилизацией. Европу, Америку и Северную Атлантику можно найти на карте, а Запад – нельзя. Название «Запад» также дало повод для возникновения концепции «вестернизации» …» [3, с. 108 – 109]. Под американскими и заподноевропейскими ценностями США и страны Европы декларируют свободу, демократию, верховенство закона и уважение прав человека. «Убежденные в этом люди часто видят себя как носителей миссии, заключающейся в том, чтобы «довести» просвещенный образ жизни тем людям, которые до сих пор остаются удерживаемые в отсталости, суеверии и обскурантизме» [4, с. 49]. Однако культурное миссионерство Старого, а позже Нового Света, при кажущейся благородной цели, в исторической перспективе имело, как правило сомнительные и даже катастрофические последствия такого диалога культур. История знает много таких примеров, начиная с индейской демографической катастрофы. Ещё один отрицательный пример последствий вестернизации испытала на себе Европа, до сих пор не сумевшая справиться с наплывом беженцев. Попытка ассимилировать беженцев с Ближнего Востока, привить им свои культурные ценности – провалилась и вызвала обратный эффект – когда арабское меньшинство навязало гораздо более экономически, политически и культурно развитому европейскому большинству свои социально-культурные порядки.

И всё же основой современной глобализации была не экономика, а безопасность, и началась она (глобализация) с Западноевропейской интеграции – процесса объединения государств в экономической, политической, военной и других сферах с элементами над-национальности. «Европа находится под угрозой. Европа разделена, и величайшая опасность исходит из её разделения» – так началось обращение, принятое Гаагским конгрессом (1948-го года, прим. автора)» [5, с. 132]. 5 мая 1949 года на Европейском континенте был создан Совет Европы. Дальнейшим развитием западноевропейской интеграции был план создания Европейского оборонительного сообщества, который предполагал участие в этом сообществе ФРГ. И из-за этого, разумеется, был успешно провален французским парламен-

том. Процесс западноевропейской интеграции пошёл по экономическому пути. Однако в ноябре 2018 г. десять европейских государств создали новую оборонную коалицию, и что особенно интересно, во главе с Францией.

Итак, импульсом современного этапа глобализации было стремление западноевропейских стран к собственной безопасности. С чего же начался диалог культур? Мы можем только догадываться. За минувшие 50 веков, – приводит статистику член-корреспондент Академии военных наук В.Ю. Микрюков, – народы пережили более 14,5 тыс. больших и малых войн. За все годы существования человечества, продолжает Микрюков, только около 300 лет были абсолютно мирными. Можно предположить, что и диалог культур начинается с конфликта. В конфликте диалог культур бессмысленный и деструктивный. Однако войны всегда заканчиваются, а наступивший мир рождает качественно новый, развивающийся диалог культур. В пользу этой версии говорит логический вывод, который можно сделать, проследив события, произошедшие в середине XX века. Самая жестокая и кровопролитная война в истории человечества – Вторая мировая – закончилась в сентябре 1945 года. Одним из её итогов было осознание западноевропейскими странами – местом, где война началась и где закончилась, и территории с наибольшим количеством стран участниц этого конфликта – необходимости коллективной безопасности уже в мае 1948 года. Сделав разумный выбор и пойдя по пути экономической интеграции, тогдашний Совет Европы положил начало глобализации и качественно новому диалогу культур. Выбор развития западноевропейской интеграции не по пути военно-политического объединения, а экономического процесса, был торжеством культуры. «Хотя глобализация имеет на первый взгляд экономические формы и политические последствия, на самом деле она все больше обнаруживает первичность культуры на глобальном уровне» [6, с. 220].

С прогрессом человечества прогрессируют и методы ведения войны. Большинство конфликтов эпохи последней глобализации – это гибридные войны, то есть те, которые ведутся, не прибегая к непосредственному военному вторжению, а с использованием сочетаний диверсий, информационной и кибервойны, скрытых операций. В качестве примера можно взять противостояние СССР и США во время холодной войны. Тогда Советский Союз был окружён железным занавесом от стран Западной Европы и США. Но диалог культур существовал и развивался. Конечно, не на таком уровне как в 90-е годы того же столетия, но и не так, как это было бы при прямом вооружённом столкновении. В 1962 году, во время холодной гибридной войны уровня на котором находился в то время диалог культур СССР и США хватило, чтобы не привести мир к полному уничтожения. А если бы тогда война была открытая?

Глобализация, начавшаяся с диалога культур, стала фактором и стимулом его качественного развития. В свою очередь без диалога культур невозможно развитие глобализации.

Литература:

1. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М.: Ломоносовъ. 2017. 512 с.
2. Меликов И.М., Гезалов А.А. Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 24–35.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 2014. 576 с.
4. Легчилин А.А. Диалог культур в контексте глобализирующегося мира // Инновационные стратегии в современной социальной философии / Под ред. В.В. Анохина. Мн.: Изд-во РИВШ, 2016. С. 48–53.
5. История международных отношений. Т. III. 2-е изд., испр. / Под ред. академика РАН Торкунова А.В, проф. Наринского М.М. М.: «Аспект Пресс». 2017. 552 с.
6. Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2006. 516 с.

Доисторические истоки глокализации

Ситников И.Н.

Государственный университет Чжэнчжи, Международная докторантура по изучению Азиатско-Тихоокеанского региона, докторант, Master of Arts. Рязанское художественное училище им. Г.К. Вагнера, преподаватель рисунка, живописи и композиции

xuyiguo@mail.ru

Аннотация: Предлагаемое в форме тезисов исследование предполагает внести вклад в преодоление опасных межцивилизационных противоречий, вызванных столкновением двух противоположных процессов современности — глобализации и локализации. Работа посвящена поиску истоков обоих процессов, как единого эволюционного явления глокализации для анализа современных процессов. Глобализацию принято связывать с урбанизацией и развитием рыночной экономики. Однако последнее время всё больше учёных истоки глобализации обнаруживает в очень далёком прошлом. Данное исследование стремится доказать, что древнейшие формы понимания мира закреплены и поныне существуют в коллективном бессознательном всех человеческих культур и могут послужить эффективным инструментом на пути к преодолению межкультурных конфликтов.

Ключевые слова: Глобализация, локализация, глокализация, цивилизация, м социокультурная изменчивость

The Prehistoric Origins of Glocalization.

Sitnikov I.N.

National Chengchi University. Ryazan Art College named after G.K. Wagner

Abtrsact: The research proposed in the form of theses suggests contributing to overcoming the dangerous inter-civilization contradictions caused by the clash of two opposite processes of our time - globalization and localization. The work is devoted to the search for the sources of both processes, as a single evolutionary phenomenon of glocalization for the analysis of modern processes. Globalization is usually associated with urbanization and the development of a market economy. However, recently, more and more scientists discover the origins of globalization in the very distant past. This study seeks to prove that the oldest forms of understanding of the world are fixed and still exist in the collective unconscious of all human cultures and can serve as an effective tool on the way to overcoming intercultural conflicts.

Keywords: globalization, localization, glocalization, civilization, m sociocultural variability

В связи с тенденцией к обострению конфликтов, вызванных процессами глобализации и локализации, последнее время растёт интерес к поиску логики в образе жизни локальных культур. Нынешняя фаза глобализации требует от исследователей обратить особое внимание на процессы, происходящие на региональных и локальных уровнях, что поможет более объективно видеть всю мозаику вызываемых мировой интеграцией процессов и чётче выявить тренды будущих изменений.

Угрозы локализации

В результате распада Советского Союза и прекращения действия Организации Варшавского договора в 1991 году глобализация от биполярной формы перешла в новую фазу, превратившись в изменчивую мозаику разнообразных локальных реакций на глобальные изменения. По наблюдениям Самюэля Хантингтона «после холодной войны наиболее важными между людьми стали уже не идеологические, политические или экономические различия, а культурные» [1, с. 15]. Хантингтон даже предостерегает человечество об угрозе «глобальной войны цивилизаций» [1, с. 14] и призывает к поиску путей её предотвращения. После публикации в 1993 году в журнале «Foreign Affairs» его нашумевшей статьи «Столкновение цивилизаций?» в мире начало расти число приверженцев мультикультурной позиции [1].

В мозаичности нового состояния процесса глобализации были выявлены две основные стороны этого явления — гомогенизация и гетерогенизация [1], под которыми следует понимать интеграционные и дезинтеграционные тенденции. Самыми отличительными чертами этой фазы является огромное множество участников, их взаимная уязвимость, а также высочайшая скорость изменений, происходящих в условиях глобальной интеграции с её индивидуальными участниками и внутри региональных групп.

Локализация против глобализации или глокализация?

Несмотря на расширившееся в 1990-е годы присутствие среди теоретиков глобализации сторонников мультикультурной позиции [2, с. 4], в исследованиях наиболее активными продолжают оставаться лишь экономисты, политологи и социологи. Однако для более глубокого анализа локальных изменений требуются усилия исследователей из других областей знания, нарастает необходимость комплексного подхода.

Ещё в 1990-е годы в работах, посвящённых глобализации устойчивую позицию начал занимать новый термин «глокализация», впервые появившийся в конце 1980-х годов [3, 4, 5, 6]. На базе этого нового концепта активно разрабатывалась теория, призванная объединить два оппозиционных процесса глобализации и локализации в единое социальное явление [7, 8]. Теоретические работы, касающиеся глокализации, хотя и редко, но уже появляются не только в социологии, но и в ряде других дисциплин — постколониальной теории [9], политической антропологии [10], культурологии [11, 12].

Прослеживается многообещающая тенденция к продолжению подобных исследований и в российской науке — новый термин часто используется начинающими российскими учёными в диссертациях на соискание учёных степеней. К числу таких учёных принадлежит и автор данного доклада. В 2019 году я завершил работу над докторской диссертацией, озаглавленной «Палеолитические истоки современной глобализации», которая в настоящее время находится на рассмотрении диссертационным советом в Государственном университете Чжэнчжи (Тайбэй).

Истоки глокализации

Как видно из названия упомянутой диссертации, работа посвящена поиску истоков глобализации для анализа современных процессов. Предлагаемое мной в форме тезисов VIII Российскому философскому конгрессу исследование предполагает внести определённый вклад в преодоление опасных межцивилизационных противоречий. Исследование стремится доказать, что древнейшие формы понимания мира закреплены и поныне существуют в коллективном бессознательном всех человеческих культур, как претендующих на роль глобального лидерства, так и являющихся очагами локализации.

Опора на общие черты в понимании мира и изначальных потребностей человека поможет вести осознанный диалог в условиях обострения локальных и межцивилизационных конфликтов. Для достижения этой цели необходимо выявить общие черты в коллективном бессознательном и вывести их на уровень сознательного понимания. Коллективное бессознательное хранит опыт явных и скрытых угроз жизни человеческих сообществ и корнями уходит в самые древние эпохи. Тысячелетиями накапливавшаяся в долговременной памяти человечества важнейшая информация о мире и месте человека в нём зафиксирована в терминах символических систем различных народов. Данные сравнительной фольклористики и мифологии могут пролить свет на скрытый смысл понимания мира в терминах символических систем различных народов.

Американский социолог Эрл Бэбби одним из первых ещё в 1975 году заметил возрастающий «интерес обнаружить автохтонную логику, исходя из которой, различные народы предают смысл своему существованию и описывают его, используя собственную терминологию» [13, с. 43]. Для понимания автохтонной логики не достаточно одних лишь экономических исследований, здесь требуется комплексный подход, в котором бы одновременно учитывались данные многих дисциплин — истории, археологии, географии, лингвистики.

Проведенное мной комплексное исследование призвано привлечь внимание к причинам зарождения локальных отличий в различных человеческих сообществах. Культуры динамичны и изменчивы. Основную и древнейшую причину такой изменчивости я вижу в воздействии внешних факторов, главным образом, природного характера. С ними человеческие сообщества неизбежно сталкиваются при миграциях в места с иными ландшафтными и климатическими условиями, определяющими специфику источников пищевых и прочих ресурсов. Обсуждая концепцию изменчивости культуры Кисинг и Стратерн, указывают на необходимость создания более крепкой теории социокультурных изменений и советуют будущим исследователям разработать теорию, которая «представляла бы собой синтез нескольких направлений антропологической мысли» [14, с. 104].

Данные проведённых мной сравнительных исследований, базируются на анализе многочисленных ранних письменных источников и мифологии народов Евразийско-Тихоокеанского региона. Таким образом, в своём исследовании я обращаюсь к самому отдалённому прошлому, к эпохе доцивилизационного развития человечества, где уже просматриваются тенденции постоянной смены процессов локализации и глобализации — а именно единое неразрывное явление социальной эволюции. Обращаясь к столь отдалённому прошлому, исследование не ограничивается данными сравнительной мифологии и фольклористики, но и обращается к современным исследованиям в области сравнительной лингвистики и археологии, использует данные географии и климатологии, геологии, зоологии, ботаники и палеонтологии.

Литература:

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеев // М.: Издательство АСТ, 2018. 640 с.
2. Коробейникова Л.А. Глобализация и духовность. Критическое осмысление современного процесса глобализации. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2016. 102 с.
3. Banerjee I. Globalization and Localization—Dynamic Processes of Cultural Change // Asia Pacific Media Educator. 1998. No. 5. P. 119-129
4. Wellman B., Hampton K. Living Networked On and Offline // Contemporary Sociology. 1999. Vol. 28. No. 6. P. 648-654.
5. Soja E.W. Postmetroplis: Critical Studies of Cities and Regions. Malden, MA: Blackwell Publishing. 2000. P. 199–200.
6. Swyngedouw E. Globalisation or ‘glocalisation’? Networks, territories and rescaling // Cambridge Review of International Affairs. 2004. Vol. 17. No. 1. P. 25–48.
7. European Glocalization in Global Context / Ed. by R. Robertson. Hampshire, UK: Palgrave Macmillan, 2014. 225 p
8. Roudometof V. Glocalization: A Critical Introduction. New York: Routledge, 2016. 188 p.
9. Go J. Postcolonial Thought and Social Theory. New York: Oxford University Press, 2016. 248 p.
10. Власова В.Б. Как возможно совместить патриотическое сознание с глобализационными процессами // Философская антропология. 2016. Т. 2. № 2. С. 63-85.
11. Cameron F., Kenderdine S. Theorizing Digital Cultural heritage: A Critical Discourse. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. 465 p.
12. Колесников А.С. Трансгрессия, глокализация и транскультурность в современном мире // Studia Culturae. 2019. Вып. 3. № 29: Conventus. С. 130-135.
13. Babbie E. The Practice of Social Research. Wadsworth, Cengage Learning, 2010. 584 p.
14. Keesing R.M. and Strathern A.J. Cultural Anthropology: A Contemporary Perspective. Harcourt Brace College Publishers, 1998. 576 p.

Интернет – глобальный вызов или ресурс развития цивилизации?

Степанова Г.Б.

Институт философии РАН, старший научный сотрудник. Кандидат психологических наук

gbstepanova@gmail.com

Аннотация: Широкое распространение и использование интернета рассматривается как глобальная проблема современности. Интернет анализируется как среда, в которой реализуются различные компоненты жизнедеятельности человека. Приводятся примеры использования интернета для расширения возможностей человека в сфере профессиональной и образовательной деятельности, организации досуга, коммуникации и т.п. Указывается и на целый ряд недостатков, которые могут спровоцировать негативные последствия использования сети в особенности для детей и подростков. Виртуальная среда интернета, обладая целым рядом свойств, меняет поведение человека, его психологические и личностные качества, образ жизни в целом. Важным представляется поиск как позитивных сторон интернет-технологий для развития и реализации человеческой цивилизации, так и факторов риска с целью их устранения или минимизации.

Ключевые слова: Глобальные проблемы, интернет, виртуальная среда, факторы риска, развитие

The Internet Is a Global Challenge or Resource for the Development of Civilization?

Stepanova G.B.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: The widespread use of the Internet is regarded as a global problem of our time. The Internet is analyzed as an environment in which various components of human life are realized. Examples of the use of the Internet to expand human capabilities in the field of professional and educational activities, leisure activities, communication, etc.,.are given. A number of disadvantages are also indicated that can provoke negative consequences of using the network, especially for children and adolescents. The virtual environment of the Internet, possessing a number of properties, changes a person's behavior, his psychological and personal qualities, his lifestyle in general. It seems important to search for both the positive aspects of Internet technologies for the development and implementation of human civilization, and risk factors in order to eliminate or minimize them.

Keywords: global problems, Internet, virtual environment, risk factors, development

Впервые комплексный анализ глобальных проблем цивилизации был осуществлен И.Т.Фроловым в середине 70-х годов прошлого века. В своих работах [1,2] он показал, что они существуют в единстве взаимодействий таких составляющих как интерсоциальные, антропосоциальные и природно-социальные проблемы. Антропосоциальные глобальные проблемы он связывает с отношениями между человеком и обществом. Это – «проблемы научно-технического прогресса, образования и культуры, роста народонаселения, здравоохранения, биосоциальной адаптации человека и его будущего…» [3, 407].

К такого рода глобальным проблемам без сомнения относится повсеместное распространение всемирной информационно-коммуникационной сети интернет. Об интернете, его достоинствах и недостатках написано немало литературы от научной и научно-популярной, до откровенно продвигающей и рекламирующей. Действительно воздействие интернета на жизнь как отдельного человека, отдельных сообществ, так и всего человечества в целом, трудно переоценить. Выявление негативных последствий влияния этого технологического достижения научно-технического прогресса является реальной глобальной проблемой наряду с предотвращением ядерной войны, экологическим кризисом и мировым социально-экономическим устройством. По уровню воздействия на человеческую цивилизацию в ее технологическом, культурном, социальном компонентах внедрение и развитие информационных технологий можно сравнить с «неолитической революцией», с использованием огня, изобретением колеса и письменности. Последствиями этих, говоря современным языком, новых технологий стало коренное изменение образа жизни человека.

Важными свойствами интернета является его массовая распространенность, всеохватность, мобильность, доступность и информационно-коммуникационная насыщенность.

В интернете можно найти практически любую информацию, почитать художественную или научную литературу, выяснить любой вопрос, начиная от глобальных — смысла жизни или озоновых дыр, заканчивая вопросами поиска и покупки нужного тебе товара. С помощью интернета люди находят друг друга, специалистов разных областей, знакомятся, дружат (социальные сети), работают (фриланс-ерство) и т.п. Для науки и образования в интернете представлены разнообразные статьи, программы, курсы, тренинги, консультации и т.п. В профессиональной сфере – это так называемый краудсо́рсинг— «передача определённых производственных функций неопределённому кругу лиц на основании публичной оферты, не подразумевающей заключение трудового договора» [4]. Самая известная форма краудсорсинга — Википедия, — эта свободная энциклопедия предлагает пользователям править статьи.

Как и любая технология, которая внедряется в жизнь большинства людей и меняет ее, интернет имеет своих восторженных поклонников, как специалистов, так и пользователей, а также и непримиримых критиков. Действительно всемирная сеть обладает целым рядом достоинств: доступность практически любой информации, возможность реализации профессиональной деятельности, коммуникации, обучения, организации досуга, самореализации и т.д. Однако, часто эти достоинства превращаются в недостатки, поскольку о достоверности информации и качестве предлагаемых услуг может судить лишь сам потребитель. А возможность «выкладывать» в интернете самые разные продукты может использоваться в целях манипулирования человеком. Особенно много разногласий обнаруживается вокруг проблемы: ребенок и компьютер. Озабочены родители, психологи и педагоги. Можно и нужно ли, предоставлять ребенку возможность взаимодействия с компьютером? А если можно, то, с какого возраста и сколько времени проводить за ним? Не опасно ли это для здоровья, не помешает ли нормальному физическому и психическому развитию? Несомненно, эти проблемы имеют под собой основание.

Таким образом, всемирная сеть может быть мощным средством для развития человека (доступ к научной, художественной литературе, обучающие курсы, тренинги, сайты для публикации собственных творческих продуктов, общение с интересными людьми) и в то же время вызывать зависимость, провоцировать отрыв от реальной жизни.

В научной литературе приводятся данные об индивидуально-психологических и личностных качествах интернет-зависимых подростков [5], выделяются признаки такой зависимости. Именно подростки составляют группу риска для возникновения такого рода зависимости. Они наиболее подвержены воздействию факторов как ближайшего окружения (семьи, школы, сверстников), так и проблем социального и экономического развития общества, в котором живут (состояние образования, здравоохранения, культуры и т.п.). Для таких подростков характерны эмоциональная неустойчивость, возбудимость, застенчивость, низкий уровень самоконтроля. Интернет становится средством компенсации этих негативных состояний, повышает самооценку и имитирует самоконтроль. «Основными индивидуально-психологическими особенностями лиц с интернет-зависимостью являются проблемы коммуникативной сферы, гиперконтроль, трудности формирования самоидентичности, преобладание ментальности над сферой эмоций и чувств. Ведущее значение имеет эмоциональная неустойчивость пользователя, склонность переживать амбивалентные чувства и эмоции» [5, С. 77]. В этой работе приводится целый ряд особенностей, которые способствуют переходу человека из реальности в виртуальность.

Возникновение интернет-зависимости – это только одно из негативных последствий широкого внедрения Интернета в профессиональную и повседневную жизнь практически каждого человека. Развитие и широкое распространение этой технологии поднимает вопрос о факторах риска, которые она в себе несет, их оценки и систематизации.

В то же время отмечается и «позитивное влияние обучающих компьютерных программ и игр на обучение детей и развитие их познавательной сферы (внимания, восприятия, памяти, воображения, логического и творческого мышления, речи)» [6].

В положительном смысле можно рассматривать и такие свойства интернета как высокая степень неопределенности, потенциальная многовариантность (богатство возможностей) и альтернативность.

Это те свойства среды, которые, по мнению отечественных психологов [7,8], способствуют формированию навыков свободного осознанного выбора и развитию креативности.

В работе Н.В.Водяновой приводится представление об Интернете как «о виртуальной экспериментальной творческой лаборатории, в которой человек конструирует себя, получая возможность побыть кем-то другим, раскрывая свои качества, способности, невостребованные в реальной жизни» [9, С.61]. В одной из работ мной был сделан следующий вывод «интернет — это среда информационная, социальная, коммуникативная, профессиональная, среда досуга, обучения человека, которая требует не только адаптации, но также дает новые возможности и средства развития человека, так как, воздействуя на человека, влияет на развитие его личности, ее ценностную структуру, так или иначе формирует его поведение» [10, С.].

Таким образом, при рассмотрении Интернета как среды, в которой реализуются самые разнообразные стороны жизни человека от личной сферы до производственной деятельности, необходимы выявление и оценка ее позитивных эффектов, в частности, того, в какой мере и в каких направлениях они способствуют расширению человеческих возможностей, анализ тех свойств, которые могут способствовать развитию и реализации способностей человека. Вместе с тем прогнозировать и оценивать факторы риска, возможные негативные последствия применения интернет-технологий которые актуально или потенциально они в себе несут, а также предпринимать усилия по их устранению или минимизации.

Литература:

1. Фролов И.Т. Сущность и значение глобальных проблем // Вопросы философии. 1974. №8. С.103-104.
2. Фролов И.Т. Прогресс науки и будущее человека: (Опыт постановки проблемы, дискуссии, обобщения). М.: Политиздат, 1975. 223 с.
3. Фролов И.Т. Избранные труды. В 3 т. Т.3: О человеке и гуманизме. М.: Наука, 2003. 789 с.
4. Краудсорсинг. Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Краудсорсинг (дата обращения 20.12.2019)
5. Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика / В.Л. Малыгин [и др.]. – М.: Арсенал образования, 2010. – 136 с.
6. Маслова Ю.В. Позитивные и негативные аспекты использования компьютерных технологий у детей и подростков. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnye-i-negativnye-aspekty-ispolzovaniya-kompyuternyh-tehnologiy-u-detey-i-podrostkov/viewer (дата обращения 18.12.2019)
7. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб: Изд-во ПИТЕР, 2000.219 с.
8. Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования.URL: http://hpsy.ru/authors/x065.htm (дата обращения 18.12.2019)
9. Водянова Н. В. Самореализация личности в пространстве интернета в контексте коммуникативной антропологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11 (149). С.61.
10. Степанова Г.Б. Интернет как пространство выбора человека. // Человек вчера и се сегодня: междисциплинарные исследования. вып.6. М.: ИФ РАН, 2012. С.161-174.

Новый гуманизм (К. Маркс, И. Т. Фролов и современность)

Субботина Н.Д.

Забайкальский государственный университет, профессор, доктор философских наук

dialectica@yandex.ru

Аннотация: в докладе утверждается, что в философии К. Маркса гуманизм сочетался с социоцентризмом. Целью, которую ставил Маркс, было уничтожение общественных отношений, угнетающих рабочего человека и установление таких отношений, где общество регулирует всё производство, а всесторонне развитый человек каждый день может выбирать любой вид деятельности, получая от общества продукты, равноценные его вкладу в общее производство. Показана утопичность такой идеи. Для И. Т. Фролова одним из главных условий утверждения нового гуманизма является ответственность учёных. Принцип гуманизма должен лежать в основе всего научного прогресса и, прежде всего, генетики. Для современных представителей нового гуманизма главным требованием является расширение свободы, порой нарушающее границу меры.

Ключевые слова: новый гуманизм, К. Маркс, И. Т. Фролов, социоцентризм, свобода, наука

New Humanism (K. Marx, I. T. Fromm and Modernity).

Subbotina N.D.

Transbaikal State University

Abstract: The report argues that in K. Marx ‘s philosophy, humanism was combined with sociocentrism. The goal that Marx set was to destroy the social relations that oppress the working person and to establish such relations where society regulates all production, and a comprehensively developed person every day can choose any type of activity, receiving from society products equivalent to his contribution to the general production. The utopiality of such an idea is shown. For T. Frolov one of the main conditions for the approval of the new humanism is the responsibility of scientists. The principle of humanism must underpin all scientific progress and, above all, genetics. For modern representatives of the new humanism, the main requirement is the expansion of freedom, sometimes violating the border of measures.

Keywords: New humanism, K. Marx, I. T. Frolov, sociocentrism, freedom, science

В настоящее время много говорят о «новом гуманизме». В словаре Ю. Г. Волкова и В. С. Поликарпова утверждается, что это гуманизм, «приоритет в котором принадлежит универсальным общечеловеческим ценностям» [1, с. 359–360]. Утверждается, что новый гуманизм должен стать источником новых, гуманистических мотивов поведения, восстановления истинно человеческих чувств – любви, дружбы, взаимопонимания, солидарности, жертвенности чтобы направлять энергию «в конструктивное русло и предотвращая тем самым взрыв анархии и насилия» [Там же, с. 360]. Однако сразу можно сказать, что данное определение не учитывает другие «истинно человеческие чувства» – агрессивность, чувство собственности, стремление к власти, зависть, страх, которые не могут исчезнуть из человеческих отношений. Да и должны ли, учитывая то, что противоречия – необходимый источник развития?

В формировании современного отечественного представления о гуманизме большую, можно сказать, системообразующую роль играют идеи И. Т. Фролова. В своих работах, посвящённых данной проблеме, Иван Тимофеевич постоянно ссылался на К. Маркса. Он спорил с теми современными авторами, которые называют Маркса антигуманистом. Сам он считал теорию К. Маркса концепцией «реального гуманизма». Фролов перечисляет названия гуманизма, которые давались основателями марксизма. Это гуманизм «новый», «реальный», «практический», «положительный». То есть, по мнению Маркса, до утверждения коммунизма можно говорить только о теоретическом гуманизме, после же – о практическом. Фролов называет марксизм «наукой об освобождении и развитии человека, то есть воплощённым гуманизмом» [2, с. 453].

Маркс, несомненно, был гуманистом в своей теории. Он утверждал, что необходимо «ниспро-

вергнуть все отношения, в которых человек является униженным, порабощённым, беспомощным, презренным существом» [3]. Но, поскольку он был социоцентристом, считал, что сущность человека является лишь совокупностью социальных отношений, то освобождение человека в его представлении – это освобождение от отношений частной собственности, преодоление отчуждения от условий труда, орудий труда и продуктов труда. То есть, человека надо освободить от отношений, унижающих и порабощающих его и поместить в отношения, основанные на общественной собственности на все эти средства производства. В первой главе работы «Немецкая идеология», написанной в конце сороковых годов XIX века, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что в будущем обществе, «каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует всё производство и именно поэтому создаёт для меня возможность делать сегодня одно, а завтра другое» [4, с. 26]. Следовательно, свобода человека, по Марксу, будет заключаться в возможности выбирать, какие из своих всесторонних способностей, когда и где он будет использовать на благо общества и получать от общества необходимые продукты.

Следуя логике Маркса, человек неизбежно должен попасть в зависимость от других общественных отношений – общественной собственности и от общества в целом, которое выделяет работникам лишь такую долю общественного богатства, которая соответствует его вкладу в создание этого богатства. Правда, значительно позднее, в 1875 в работе «Критика Готской программы» Маркс стал популяризировать тезис Луи Блана «Каждый по способностям, каждому по потребностям» [5]. Такие отношения. если бы они стали возможными, выглядят справедливыми, однако, несмотря на «изменение объёма» получаемых благ, принцип здесь просматривается тот же: кто-то должен распределять эти блага в соответствии с данным принципом.

Думаю, что утопичность идеи о возможности таких отношений, где каждый человек сможет получать «по потребностям», очевидна. В реальности в Советском Союзе, где ограниченная группа людей получила право распределять созданные всеми блага, возник тоталитарный режим и о «практическом гуманизме» пришлось забыть, удовлетворяясь лишь «теоретическим».

Что касается взглядов самого И. Т. Фролова, то в них он гораздо больший гуманист, чем Маркс. В его понимании установление гуманных отношений не связано с революциями, с насильственным захватом власти и прочими не слишком гуманными идеями марксизма.

Абсолютно прав Фролов в своём утверждении, что без активного использования достижений современной науки гуманизация общества невозможна. Он говорил о необходимости того, чтобы в основе современного научно-технического прогресса, прежде всего, генетики, лежал принцип гуманизма. По мнению Фролова, от науки во многом зависит то, каким станет наше будущее: либо гуманным, либо антигуманным: «Речь, следовательно, о месте науки в системе культуры человечества, о гуманистической оценке всего того, что она несёт человеку и что требует от него сегодня и в будущем» [6, с. 22].

Фролов последовательно доказывает необходимость гуманистической ответственности учёных, которые должны отказываться от участия в милитаристских программах. Конечно, ему можно возразить, что, разрабатывая новые способы уничтожения людей, учёные повышают оборонительные способности своих стран, однако, помня диалектический закон перехода количественных изменений в качественные, мы должны опасаться выхода «милитаристского джина из бутылки» и понимать, что пока он образно «находится в бутылке», угроза мировой ядерной войны сохраняется, а благодаря новейшим разработкам учёных, количество возможных жертв увеличивается. Если продолжить образное сравнение, то «бутылка» (силы, препятствующие развязыванию ядерной войны) не так уж и прочна. Разрешить такую ситуацию могли бы отношения полного доверия между руководителями стран, обладающих оружием массового уничтожения. Что, к сожалению, маловероятно по причине психологических закономерностей. Главы стран и военное руководство всегда будут подозревать, что «вероятные противники» не выполнят договорённости об уничтожении вооружения, поэтому сами, «на всякий случай» сохранят часть арсенала и будут тайно продолжать разработки более «совершенных» средств уничтожения себе подобных. Поэтому единственной возможностью становится формирование способов абсолютного контроля друг друга. Вернёмся к проблеме нового гуманизма, которая в настоящее время обнаружила свои новые грани. В наши дни существует ряд национальных ассоциаций гуманистов, в том числе американская, британская и российская. Сторонники различных ассоциаций гуманистов отождествляют новый гуманизм с секулярным, светским гуманизмом, но в понимании необходимой степени свободы идут гораздо дальше К. Маркса и И. Т. Фролова. Авторы Второго гуманистического манифеста призывают дать личности право на контроль рождаемости, аборт и развод, быть терпимыми к разновидностям сексуальных склонностей, отрицают насилие как метода решения межнациональных споров.

В 2000 году П. Куртц издал политическую программу будущего человечества «Гуманистический манифест 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму» [7]. Данная программа носит, по сути, революционный характер. В ней к прошлым призывам добавляются новые: утверждается право людей на эвтаназию, сексуальное просвещение, в том числе младших школьников, легализацию однополых браков и другое. Эта программа не всеми однозначно признаётся, нуждается в серьёзной научной экспертизе, задачей которой должно быть определение границы меры индивидуальной и групповой свободы.

Литература:

1. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2000. 520 с.
2. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет / М.: Политиздат, 1989. 559 с.
3. Маркс К. К критике Гегелевской философии права. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lugovoy-k.narod.ru/marx/marx.htm (дата обращения 11.10.2019).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М.: Политиздат, 1966. 152 с.
5. Маркс К. Критика готской программы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Gotha/gotha.html (дата обращения: 17.08.2019).
6. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет / М.: Политиздат, 1989. 559 с.
7. Гуманистический манифест 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму. Пол Куртц / Гуманитарные технологии. Аналитический портал. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5469/5473 (дата обращения: 17.08.2019).

Актуальность философской концепции глобальных проблем И.Т. Фролова

Фролова М.И.

Институт философии РАН, научный сотрудник

mariafrolova1@yandex.ru

Аннотация: Иван Тимофеевич Фролов был одним из создателей глобалистики в нашей стране. В работах 1970-х гг. он сформулировал свою концепцию в глобалистике. В 1981 г. вышла книга Фролова и Загладина «Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты». Глобальные проблемы сегодня не только никуда не исчезли, но обострились ещё серьёзнее. В работах И.Т. Фролова выдвинуты многие научные предвидения мировых событий, разворачивающихся сегодня, спустя 20, 30, 40 лет, после того, как эти предвидения были высказаны. В начале XXI в. становится очевидной ясность мышления И.Т. Фролова, острота его философско-политического видения.

The Relevance of the Philosophical Concept of Global Problems by I.T. Frolov.

Frolova M.I.

Institute of Philosophy RAS

Abstract: Ivan Timofeevich Frolov was one of the founders of global studies in our country. In the works of the 1970s. he formulated his concept in global studies. In 1981, Frolov and Zagladin's book, Global Problems of the Present: Scientific and Social Aspects, was published. Global problems today have not only not disappeared, but have become even more serious. In the works of I.T. Frolov put forward many scientific predictions of world events unfolding today, 20, 30, 40 years later, after these predictions were made. At the beginning of the XXI century. the clarity of thinking of I.T. Frolov, the acuteness of his philosophical and political vision.

Академик Иван Тимофеевич Фролов (1929 – 1999) бы одним из создателей глобалистики в нашей стране. Свои первые исследования по глобальным проблемам он опубликовал в начале 1970-х гг. В то время получили известность доклады Римского клуба. Но чтобы глобалистика в СССР встала на свои собственные ноги, она должна была получить свой понятийный аппарат и систему принципов. Вот именно это и было проделано И.Т. Фроловым.

И.Т. Фролов стал первым советским учёным, который выступил на международном форуме с изложением нашей экологической программы. В мае 1974 г. на Всемирной специализированной выставке «Прогресс без загрязнения окружающей среды» открывшейся в США в г. Спокан (штат Вашингтон) [1].

В работах второй половины 1970-х гг. И.Т. Фролов сформулировал свою концепцию в глобалистике. Западные авторы увлекались математическим моделированием глобальных процессов. Для И.Т. Фролова исходным моментом анализа была деятельность человечества как планетарного субъекта. Развитие человечества происходит в условиях социального отчуждения, сохраняются классовые, национальные, религиозные конфликты. Степень реального производственно-экономического единства человечества существенно превышает способность человечества контролировать глобальные процессы.

На тех участках, где деятельность человечества приобретает глобальный характер, но не может быть отрегулирована, и возникают глобальные проблемы. К ним относятся проблемы войны и мира, охраны природы, энергетики, продовольствия и ресурсов, здравоохранения демографии, Мирового океана, взаимодействия с Космосом, международного терроризма, научно-технического прогресса и клонирования и ряж других.

В 1981 г. вышла фундаментальная монография И.Т. Фролова и В.В. Загладина, посвящённая глобальным проблемам: «Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты» [2]. Книга В.В. Загладина и И.Т. Фролова «Глобальные проблемы современности: научные и социальные аспекты» проложила дорогу целому потоку исследований по глобалистике. Стали интенсивно разрабатываться различные аспекты глобальных проблем, проводиться конференции и симпозиумы.

В период перестройки идеи И.Т. Фролова о глобальных проблемах человечества и путях их решения легли в основу нового политического мышления, главным принципом которого стал принцип приоритета общечеловеческих ценностей, восходящий к Манифесту Рассела – Эйнштейна. И.Т. Фролов говорил о том, что насущной необходимостью стало в мировом масштабе разумное распределение ресурсов и контроль за мощью научно-технического прогресса. Без диалога, без сотрудничества глобальных проблем не решить.

В публикациях И.Т. Фролова по глобальным проблемам во второй половине 1980-х гг. акцент в исследовании всё более и более смещается к проблеме человека и его будущего, проблеме, которая является центром всей системы глобальных проблем. В книге «О человеке и гуманизме» И.Т. Фролов проводил мысль, что в современной экстремальной ситуации общество должно доказать свою человечность, а человек проверяется на право называться Человеком. Перспектива гармонизации взаимоотношений общества и природы связывалась им с преодолением стихийности развития самого общества

На рубеже XX-XXI вв. в глобалистике ведущую роль получи дискурс о глобализации. Некоторые даже утверждали, что теперь исследования глобальных проблем – дело прошлого [3]. Но вскоре выяснилось, что практически каждый автор вкладывает в понятие глобализации свой смысл. В особенности сложной становилась картина, если одни понимали под глобализацией процессы политические, а другие – процессы, относящиеся к строению мировых производственных циклов и хозяйственных связей.

Глобальные проблемы не только никуда не исчезли, но обострились ещё серьёзнее. В работах И.Т. Фролова выдвинуты многие научные предвидения мировых событий, разворачивающихся сегодня, спустя 20, 30, 40 лет, после того, как эти предвидения были высказаны. В начале XXI века становится очевидной ясность мышления И.Т. Фролова, острота его философско-политического видения.

В последние десятилетия концепция нового политического мышления, приоритета общечеловеческих ценностей подвергаются ожесточённой критике. Что же предложено взамен? Конфронтационные рецепты позапрошлых веков. Мир в Европе и глобальный мир в последние тридцать лет были сохранены благодаря заключённому на пике нового мышления договору о ракетах средней и меньшей дальности. В этом договоре новое мышление проявило себя как практическая сила. Отказ президента США Трампа от договора РСМД знаменует собой новый виток конфронтации. Но время, необходимое для диалога, уходит. И.Т. Фролов предвидел и это. Он писал, что если не удастся добиться перелома сейчас, то завтра не только будут выхолощены уже существующие соглашения об ограничении вооружений, но и станут труднодостижимыми – причём, видимо, надолго – новые соглашения в этой области. Угроза войны в итоге резко возрастет.

Говоря о гипертрофированном потреблении нефти в США, И.Т. Фролов прогнозировал, что нефтяные монополии будут навязывать правительству линию на экономию собственной нефти путём её импорта из стран Персидского залива». Фактически, налицо предсказание многих событий, связанных с конфликтами вокруг нефтедобычи в странах Ближнего Востока и Персидского залива.

И.Т. Фролов писал о том, что между развитыми капиталистическими и развивающимися странами идут горячие споры как из-за ресурсов общечеловеческого характера (океан), так и из-за богатств, на которые распространяется национальный суверенитет развивающихся стран. Неравномерное распределение природных ресурсов между странами в условиях истощения богатых и доступных для разработки, экономически наиболее рентабельных запасов этих ресурсов в развитых капиталистических странах способно приводить к опасным международным конфликтам». Сегодня мы стали свидетелями подобного обострения конфликта из-за национализации природных ресурсов между США и ТНК с одной стороны и странами Латинской Америки, прежде всего, Венесуэлы – с другой.

И.Т. Фролов писал о том, что применяемая с конца 1970-х гг. – начала 1980-х гг. глобальная стратегия США и Запада, нацеленной на осуществление агрессивных и гегемонистских замыслов с помощью массы стихийного возмущения, стихийного недовольства существующим положением десятков миллионов бедных и беднейших людей, лишённых определённой социальной ориентировки. Со временем масштабы подобных явлений могут приобрести катастрофические размеры. Прогноз И.Т. Фролова сбылся в Афганистане, Египте и Ираке, где в результате глобальны конфликтов были уничтожены многие памятники культуры.

И.Т. Фролов будто заглядывал в сегодняшний день, когда писал о религиозно-политическом экстремизме и терроризме, что стихийное внутреннее недовольство может выражаться на международной

арене в самого разного рода конфликтах вплоть до конфликтов с применением современного оружия и имеющих при этом отнюдь не прогрессивный, а сугубо реакционный характер. Такого рода конфликты способны стать в будущем одним из детонаторов всемирной катастрофы. Фактически, налицо прогноз, сбывшийся в связи с войной с ИГИЛ в Сирии.

Концепция глобальных проблем И.Т. Фролова не только сохраняет свою актуальность, но и содержит многие теоретические богатства, которые помогают понять современные мировые процессы.

Литература:

1. Felgenhauer N., Hull R. Soviets favor tolks // Spokane Daily Chronicle. 1974. 21 May.
2. Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М.: Международные отношения, 1981. 238 с.
3. Чумаков А.Н. Глобалистика: от глобальных проблем к глобализации // Наука. Общество. Человек. М.: Наука, 2004. С. 147-154.

Противоречия социальной идентификации в системе ценностей в условиях глобализирующегося мира

Шабашова Н. М.

Армавирский государственный педагогический университет», аспирант

jaguar_live@mail.ru

Аннотация: рассматриваются противоречия социальной идентификации в системе ценностей в условиях глобализирующегося мира, факторы, оказывающие влияющие на ценности общества в условиях глобализации. Социальные противоречия во взаимовлияниях различных систем ценностей, которые находят свое отражение в самоидентификации различных групп населения, возникают параллельно в процессе самоопределения как человеком, так и любой социальной группой своего места в окружающей его действительности с учетом происходящих в мире глобализационных процессов. Сохранение и созидание локальных традиционных ценностей является необходимым условием формирования позитивной идентичности у населения. Представляют интерес тенденции трансформации национальных ценностей и их значение в условиях процесса глобализации. Процесс глобализации способствует универсализации национальных ценностных. В этой связи неизбежны противоречия социальной идентификации.

Ключевые слова: традиционные ценности, глобализация, трансформация, противоречия, конфликт, цивилизация, культура.

The Contradictions of Social Identification in the Value System in a Globalizing World.

Shabashova N.M.

Armavir State Pedagogical University

Abstract: the contradictions of social identification in the value system in a globalizing world, factors affecting the values of society in a globalized world are examined. Social contradictions in the mutual influences of different value systems, which are reflected in the self-identification of various population groups, arise in parallel in the process of self-determination by both a person and any social group of their place in the surrounding reality, taking into account the globalization processes taking place in the world. Preservation and creation of local traditional values is a necessary condition for the formation of a positive identity among the population. Of interest are the trends in the transformation of national values and their significance in the context of the globalization process. The process of globalization contributes to the universalization of national values. In this regard, the contradictions of social identification are inevitable.

Keywords: traditional values, globalization, transformation, contradictions, conflict, civilization, culture.

В дискуссию об идентичности вовлечены представители многих гуманитарных наук. По мнению многих ученых, идентичность является научным понятием и одной из наиболее актуальных и злободневных тем отечественной науки. Идентичность, то есть соответствие чего-либо чему-либо, тождественно понятию «самоопределение». В период глобализационных процессов, происходящих в современном мире, проблема самоидентификации особенно актуальна. В самом общем смысле идентичностью называют устойчивую совокупность интеллектуальных, духовных, психологических признаков, характерных для человека [1, с.80-81].

Процесс самоидентификации является непрерывным, так как идентичность трансформируется под воздействием условий, влияющих на нее чаще всего извне. Поток информации, который непрерывно получает индивид, заставляет его постоянно заниматься анализом вновь полученных знаний и пересматривать свое ранее сложившееся мнение [2, с. 179]. Сегодня можно наблюдать кризис как индивидуальных, так и коллективных идентичностей, в которых проблема идентичности может рассматриваться в различных аспектах: в цивилизационном, государственном, национальном и многих других направлениях. Идентичность формируется в результате взаимодействия людьми между собой

и использования ими в процессе свойственной им социальной коммуникации. Вместе с тем любые изменения идентичности обусловлены процессом непрерывных социальных изменений [3, с. 12]. В современной науке понятие идентичности отражено в трех модальностях: преемственность и единство психических и физиологических процессов определяется как психофизиологическая идентичность; преемственность и единство смысложизненных установок личности определяется самоидентичностью; осознание своей принадлежности к какой-либо социальной группе определяется социальной идентичностью.

В основе цивилизации - религия и культура, язык, обычаи, особое общественно-политическое устройство [1, с. 80-81]. Соответственно глобализация затрагивает все цивилизационные процессы в современном мире. В условиях столкновений межэтнических идентичностей идеологические и политические разногласия в цивилизующемся обществе неизбежны. В непростой ситуации современности существует мнение, что в результате слияний народов дальнейшее развитие приведет к их ущербной ассимиляции, которая будет происходить при давлении одного государствообразующего народа на другой. Это обостряет противоречивость социальной и культурной идентификации в условиях глобализирующегося мира. Одним из важнейших факторов для определения идентичности являются государственный язык, религия и церковь. Данные факторы помогают своевременно разрешать противоречия в идентификации социальных групп в многоконфессиональных странах. Например, в России такая ситуация не мешает различным социальным группам проживать совместно на одной территории и идентифицировать себя с учетом религиозной принадлежности. Однако, главный вектор самоидентификации народа должен находиться не в религиозности, а в национальной гражданской целостности.

На основе нравственных, моральных, духовных традиционных ценностей – таких как взаимопомощь, милосердие, справедливость, правда, традиции семьи, уважение к старшим – возникает некое единство, которое составляет основу самоидентичности общества [4, с. 89]. Система ценностей, государственная идентичность немыслимы без гражданственной основы. Патриотизм сегодня – это идея сохранения общественно-политических ценностей, которые являются привлекательными общественному сознанию и соответственно должны способствовать формированию национальной идентичности и сохранению системы ценностей. В случае если внутренняя политика страны идентифицирует какую-либо одну национальную общность, вычленяя ее среди других, не руководствуясь правилами справедливого распределения благ, конфликт становится неизбежным [5, с. 123].

Различные обстоятельства могут подталкивать человека любой возрастной категории на смену идеологических взглядов и соответственно смену этнической принадлежности, в результате чего также происходит трансформация самоидентификации. Смешанные браки (межэтнические браки) вызывают подобные противоречия, особенно в условиях глобализации. Не возникает затруднений с определением этнической принадлежности у человека, если его родители из одной и той же этнической группы, оно формируется гармонично, не испытывая противоречий в среде [5, с. 123]. Традиционные национальные ценности - это ценности, локального характера, формирующиеся путем преемственности поколений. Это нормы мышления, восприятия, правила поведения, которые во многом определяют общественную жизнь и транслируются в процессе ежедневной жизнедеятельности общества. В любом этносе имеются особые правила поведения и традиции как собственные, так и заимствованные. Все они аккумулируются национальным сознанием и приобретают черты, характерные лишь данному народу [4, с. 90].

Вариативность норм и правил в процессе жизнедеятельности, размытость социальных ситуаций, многообразие порядков организации социальных обществ, а также их виды деятельности порождают социальные противоречия, которые находят свое отражение в самоидентификации различных групп населения. В результате этого происходит стирание устоявшихся форм традиционных ценностей, через которые человек самоопределяет себя и свое место в общественных структурах. Процесс самоопределения как человеком, так и любой социальной группой своего места в окружающей его действительности всегда осуществляется путем сопоставление системы ценностей и целей каждого человека или конкретной социальной группы с целями и ценностями других людей либо социальных групп, религий и национальностей.

Таким образом, в ситуации увеличения социального разнообразия, в случае отсутствия активной социальной программы формирования толерантного отношения с целью обеспечения согласия и взаимопонимания между группами и отдельными людьми с иными ценностными традициями, возникает опасность нарастания межэтнической, межконфессиональной и политической нетерпимости.

Ценнейшим условием создания позитивной идентичности у населения является сохранение и созидание локальных традиционных ценностей, хотя это не исключает привнесения в культуру чего-либо нового. Отсюда формируется социальная защищенность гражданского населения и снижается кризисная тенденция по самоидентификации. Цель социального государства базируется на саморазвитии человека, его культурном совершенствовании. Реализация данной цели формирует позитивную гармонично настроенную среду социальной идентичности в обществе.

Литература:

1. Буянов В.С. Идентичность современной России: проблемы формирования. // Этнополитика и этнокультура // Вопросы политологии. 2012. № 2. С. 80-92.
2. Жаде З.А. Проблема идентичности в современных социальных теориях. // Философия и общество. 2/2007. С.173-184
3. Зайцева А.С. Проблема идентичности в эпоху глобализации: социально-философский аспект. Автореф. дис. … кандидата философских наук: 09.00.11 / Анастасия Сергеевна Зайцева. М., 2007. 36 с.
4. Савин С.Д., Касабуцкая М.С. Общенациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2019. №1. С. 82-97.
5. Салихов Г.Г. Проблема идентичности в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1. С. 122–129.

Ключевая проблема современности: философский взгляд

Шаповал В.Н.

Харьковский национальный университет внутренних дел, профессор, доктор философских наук

shapovalw@ukr.net

Аннотация: Современная цивилизация переживает один из самых драматичных периодов своей истории. Угроза нависла не только над отдельными странами и народами, но всё человечество стоит в одном шаге от глобальной планетарной катастрофы. Стрелки часов, приближающие нас к роковой черте, передвигаются всё ближе полуночи. Анализ всего спектра глобальных проблем современности позволяет выделить центральное ядро, вокруг которого группируются все остальные проблемы, и логически из него вытекают. Ключевая проблема современности суть противоречие между возрастающей численностью популяции homo sapience, с одной стороны, и ресурсами для обеспечения его растущих потребностей, с другой. Задача состоит в том, чтобы найти приемлемые способы разрешения этого противоречия, что является необходимым условием сохранения основных параметров биосферы, существования жизни на планете Земля, человека как вида, дальнейшего развития цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, человек, жизнь, глобальные проблемы современности, биосфера, ресурсы, равновесие.

The Key Issue of Our Time: A Philosophical View.

Shapoval V.N.

Kharkiv National University of Internal Affairs

Abstract: Modern civilization is living through the one of the most dramatic periods of its history. The threat hangs over not only particular countries and nations, all humankind is *just one step away from* a global planetary disaster. The clock hands, bringing us to the point of no return, come closer to the midnight. Analysis of the whole range of the current global problems allows us to pick out the central core around which all the other problems groups, and follow logically from it. Key contemporary problem is the contradiction between the growing number of the population of Homo sapience, on the one hand, and the resources to satisfy its growing needs, on the other. The challenge is to find appropriate ways to resolve this contradiction, which is a necessary condition for maintaining of the basic parameters of the biosphere, the existence of life on Earth, the human as species, the further development of civilization.

Keywords: civilization, human, life, global problems, biosphere, resources, balance.

Философия, несмотря на ореол элитарности, всегда стремилась поддерживать тесную связь с реальной действительностью и своими методами влиять на эту действительность. Она показывает общую картину мира, намечает стратегические направления в решении самых важных проблем человечества, количество и острота которых с течением времени только нарастают. Как обобщающая, интегральная форма познания, она может и должна проводить глобальный синтез всей суммы знаний о сущем, давать объяснение происходящему, составлять обоснованные прогнозы на будущее [см.: Назаретян]. Возникает вопрос: как можно было бы сформулировать ключевую проблему или, образно говоря, «проблему всех проблем», которая выступала бы квинтэссенцией основных противоречий современной эпохи, позволяла бы вскрыть их основания и причины, наметить пути выхода из той сложной ситуации, в которой оказалась земная цивилизация?

Неоспоримым фактом является то, что каждый человек в отдельности и человечество в целом, несмотря на то, что их домом стала созданная ими Цивилизация, продолжают оставаться частью живой природы. Не разделяя представления классического телеологизма, всё же следует согласиться с тем, что у совокупности всех живых существ планеты Земля – земной биоты – имеется общая цель, которой биота следует на протяжении всей истории своего существования. Она состоит в том, чтобы

сохранять и всячески укреплять позиции жизни на нашей планете в борьбе с необъятным и бесконечным в своем могуществе миром неорганики. До появления человека эту задачу удавалось решать достаточно успешно: жизнь постепенно проникала в самые отдаленные уголки планеты, от глубин океанов и земли до стратосферы и укреплялась повсеместно, превратив прилегающую к планете оболочку в живое вещество – биосферу [см.: Вернадский].

С появлением человека ситуация существенно изменилась. Как оказалось, у земной биоты и у человека – разные цели. Биота, жертвуя отдельными особями, укрепляет силы и возможности целого – планетарной жизни как системы. Напротив, человек, истребляет целое – планетарную жизнь во всех ее проявлениях, – ради единичного, – собственного, ложно понимаемого самоутверждения. При этом, основным инструментом человека в достижении его целей стал разум, доставшийся ему в результате эволюционного развития живой природы,

Созданная, благодаря разуму, цивилизация и культура считаются исключительным преимуществом человека перед всеми другими живыми существами, когда-либо жившими на нашей земле. Однако, то, чем так гордится человек, помогают выживать и процветать только ему одному – виду homo sapience, – в то время как всем остальным видам живых существ цивилизация не только не помогают, но выступают их злейшим врагом, разрушая естественные биоценозы, обрекая на жалкое существование или полное вымирание целые виды живых существ [см.: Планета Земля: будущее]. Человек пытается представить себя вершиной планетарной жизни, но, при этом, серьезно нарушает экологическое равновесие биосферы [см.: Горшков]. Будучи порождением великой семьи планетарной жизни, человек оказался на стороне неорганики, на стороне которой ведет жестокую и непримиримую войну с жизнью.

Однако, следует иметь в виду, что, используя небиологические способы регуляции взаимоотношений с внешним миром и внутри своей человеческой семьи – религию, мораль, право, экономику, государство, – люди, тем не менее, продолжают оставаться живыми существами, а значит подчиняются законам природы [см.: Данилов-Данильян, Рейф]. Согласно одному из таких законов, при достаточном количестве ресурсов и отсутствии внешних угроз живые существа способны размножаться до бесконечности. Именно это наблюдается в человеческой популяции, которая в последние столетия разрослась до невероятных размеров. Сознательно или бессознательно, но утвердилась моральная максима, согласно которой сохранение жизни каждого отдельной особи и продление ее как можно дольше есть безусловное благо. Однако, такая практика с неизбежностью ведет к увеличению общей численности народонаселения, которое не может продолжаться бесконечно в силу естественной ограниченности планеты Земля. К этому следует добавить расширение спектра человеческих потребностей, которые не исчерпываются чистой витальностью, а носят сложный, дифференцированный характер. Над физиологическими потребностями возвышается невероятное количество чрезвычайно изощренных социальных и духовных потребностей, которые требуют новых и новых ресурсов. Чем больше людей в мире и чем шире их потребности, тем больше требуется ресурсов. Отсюда непрекращающаяся экспансия человека во все уголки суши, моря, подземной, подводной, воздушной и космической сфер для поисков новых ресурсов и укрепления господства над органическим и неорганическим миром. Подобная стратегия, активно воплощающаяся в последние два столетия, поставила земную цивилизацию в крайне трудное положение, если не сказать больше, приблизила стрелки часов к роковой полуночи.

С некоторых пор сформировалось убеждение, что человеческая экспансия может быть распространена на ближний и дальний космос, что можно и дальше поддерживая высокий уровень потребностей и неконтролируемо размножаться за счет ресурсов, которыми может обеспечивать внеземное пространство [см.: Дэвис]. Но такие надежды представляются достаточно зыбкими. Становится всё более ясным, что ни Луна, ни Марс, ни другие планеты Солнечной системы (тем более, дальние космические миры), не могут стать Домом для человечества в ближайшем и более отдаленном будущем. Ни физиологически, ни морально-психологически, ни технологически люди не в состоянии жить продолжительное время вне Земли. Как оказалось, даже полет небольшой космической экспедиции к ближайшей планете – Марс, требует гигантских ресурсов, которые остро необходимы для решения земных проблем. О массовом переселении на другие планеты, при таких условиях, вряд ли может идти речь, возможны только космические полеты исследовательского характера. Вывод однозначен: единственным пригодным местом для жизни людей является наш общий дом – планета Земля. Если мы ее не сбережем, человечество ждет достаточно печальное будущее.

Глядя сегодня на беснующуюся публику рок-концертов или на фанатиков во время футбольного

матча, невольно задаешься вопросом: неужели миллиарды лет эволюции живой природы имели целью «вот это»? Отключить ratio и отдаться на волю страстей – предаться чистой витальности, доходящей до животности, – такой выбор всё чаще навязывают нашим современникам [см.: Риддерстрале, Нордстрем]. В естественных условиях «чистая витальность» имеет естественные механизмы сдерживания. В человеческом социуме многие стремятся предаваться гедонистическим удовольствиям безо всяких ограничений. Но таким намерениям ставит естественный заслон сама природа.

Вышесказанное позволяет сформулировать ключевую проблему современности или «проблему всех проблем», о которой говорилось вначале статьи: дисбаланс между численностью популяции *Homo sapience, с одной стороны, и ресурсами, которые требуются для ее жизнедеятельности, с другой.* Равновесие между этими двумя сторонами жизненно необходимо для сохранения основных параметров биосферы, что является залогом продолжения жизни на планете Земля во всем ее многообразии, а значит и человека как вида [см.: Горшков]. Все остальные цели и задачи, которые ставит перед собой человечество: развитие экономики, культуры, духовности, завоевание космоса и иные, более амбициозные планы, – вряд ли могут быть достигнуты, если не будет решена главная задача.

В первом приближении, решение указанной проблемы лежит в плоскости стратегии, нацеленной на уменьшение численности народонаселения планеты, с одной стороны, и более рационального, в идеале, безотходного использования природных ресурсов, с другой. Отдельные страны (Германия, Швеция, Сингапур и др.) демонстрируют реальные шаги в этом направлении. Хотя на этом пути, как показывает, в частности, китайская практика, возникают свои трудности.

Казалось бы, что, если, при правильной организации общественной жизни, решение проблемы возможно в одной, отдельно взятой стране, оно возможно и других странах. Дело в том, чтобы эту «правильную организацию» создать и всемерно использовать. Важным условием является то, чтобы к решению глобальных проблем были подключены все те, кто ее каждодневно воссоздает – сотни миллионов и миллиарды так называемых «обычных людей», жизнедеятельность и амбиции которых являются их причиной.

К сожалению, люди слишком разобщены и эгоистичны. Они видят в собрате по человеческому племени, чаще всего, конкурента или врага, а не того, с кем надо осуществлять всестороннее сотрудничество. Разобщение имеет место, преимущественно, в сфере духа: разные религии, системы моральных ценностей, мировосприятие в целом не способствуют взаимопониманию и сотрудничеству. Такая ситуация снижает шансы на то, что ситуация измениться в лучшую сторону.

Однако, именно духовная сфера является здесь определяющей. Как нам представляется, следует идти по пути формирования интегрального, всепланетарного мышления, отказавшись от господствовавшего до этого антропоцентризма, и перейдя на позиции космоцентризма [см.: Meyer-Abich]. Философия, в этой связи, выступает незаменимым средством, приближающим к данной цели. Для того, чтобы человечеству сохраниться и продолжать жить на этой планете, необходимо сначала лидерам наций, а затем и всем остальным людям научиться мыслить интегрально, стать не только в полной мере людьми, но стать философами.

Литература:

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Наука, 1991. 272 с.
2. Горшков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М.: ВИНИТИ, 1995. 470 с.
3. Данилов-Данильян В.И, Рейф И.Е. Биосфера и цивилизация. М.: Издательство «Энциклопедия», 2016. 432 с.
4. Дэвис П. Проект Вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самоорганизации 2-е изд. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011. 254 с.
5. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: МБА, 2013. 440 с.
6. Планета Земля: будущее / Пер. с англ. Д. Полтевой. СПб.: Амфора, 2008. 319 с.
7. Риддерстрале Й., Нордстрем К.. Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2009. 328 с.
8. Meyer-Abich Klaus Michael. Aufstand für die Natur. Von der Umwelt zur Mitwelt. München, Wien: Hanser Verlag. 1990. 150 S.

Две парадигмы развития цивилизации: философско-мировоззренческий аспект

Шулындина А.Б.

Нижегородская государственная консерватория имени М.И.Глинки, ведущий концертмейстер. Кандидат философских наук

shulindinaab@mail.ru

Аннотация: В статье проблемы цивилизации рассматриваются с точки зрения мировоззрения, которое принимает большая часть представителей человечества. Здесь сравниваются две принципиально разные парадигмы: «позитивистски-ориентированная» и «интегральная», получившая наиболее последовательно развитие в идеях русской философии всеединства. Два эти мировоззрения формируют принципиально разное отношение к миру: первое – потребительское, второе – «встраивающее» человека в процесс развития всего мироздания. В человеческой цивилизации главенствует первый тип мировоззрения, следствием этого является разрыв между духовным и научным знанием, нравственный релятивизм, увеличение количества проблем, которые невозможно разрешить в рамках выбранной парадигмы развития. Потеря ощущения связи с миром способствует возникновению иллюзии, что обществом и даже природой можно управлять как некоей «цифровой машиной», а человек рассматривается как обезличенная, легко управляемая «цифровая единица». Для преодоления кризиса цивилизации необходима смена общей парадигмы развития, движение в сторону интегрального мировоззрения, разработанного в трудах представителей философии всеединства.

Ключевые слова: мировоззрение, позитивизм, всеединство, цифровизация, нравственный релятивизм, паразитизм.

Two Paradigms of Civilization Development: Philosophical and Worldview Aspect.

Shulyndina A.B.

Nizhny Novgorod State Conservatory named after M.I. Glinka

Abstract: In the article the problems of civilization are examined from the point of view of the worldview, which is accepted by most of the representatives of mankind. Here, two fundamentally different paradigms are compared: the “positivist-oriented” and “integral”, which got the most consistent development in the ideas of Russian philosophy of all-unity. These two worldviews form a fundamentally different attitude towards the world: the first is consumer, the second is “integrating” a person into the development process of the whole universe. In human civilization, the first type of worldview dominates, the consequence of this is the gap between spiritual and scientific knowledge, moral relativism, an increase in the number of problems that cannot be resolved within the framework of the chosen development paradigm. The loss of a sense of connection with the world contributes to the illusion that society and even nature can be controlled as a kind of “digital machine”, and a person is seen as an impersonal, easily controlled “digital unit”. To overcome the crisis of civilization, it is necessary to change the general development paradigm, to move towards an integral worldview, developed in the writings of representatives of the philosophy of all-unity.

Keywords: worldview, positivism, all-unity, digitalization, moral relativism, parasitism.

Следствием глобализации является то, что все процессы, происходящие в любой стране, по большей части интегрированы в единую систему, которая охватывает практически все сферы жизни. Для понимания этих процессов необходимо исследовать вопрос о том, какое мировоззрение является определяющим для развития современной цивилизации.

Наибольшее влияние на глобальные процессы оказывают те люди, в руках которых сосредоточена большая часть ресурсов для управления: руководители государств, крупные корпорации, властные структуры, владельцы больших состояний. Их действия и цели обусловлены определенным мировоззрением.

Мировоззрение, которое лежит в основе развития цивилизации, можно назвать «позитивистски-ориентированным». Для него характерно рассматривать мир не как единое органическое целое, а как набор неких элементов, которые не связаны друг с другом или взаимодействуют между собой недоступным для понимания образом. Большинство ученых, работающих в такой парадигме, изучают в основном наглядные, видимые связи, остальные же оказываются за пределами рассмотрения. «Элементы мироздания» подвергаются изучению и воздействию человека сообразно поставленным им целям. Часто такие цели приводят к нарушению как внешнего баланса (экологические проблемы, войны и т.д.), так и баланса внутреннего (психологическая неудовлетворенность), что неизбежно в обществе, нацеленном на обогащение некоторой части людей за счет выработки у другой части «жажды потребления». Подобное мировоззрение предполагает паразитическое использование ресурсов не только земли, но и «человеческого ресурса» для достижения узко-корыстных сиюминутных целей.

Совершенно иное мировоззрение было разработано в трудах представителей русской традиции всеединства: В.С. Соловьева, С.Л. Франка, А.Ф. Лосева, Н.О. Лосского и других. Например, в мировоззрении идеал-реализма Н.О. Лосского мир является проявлением деятельности сверх-пространственных и сверх-временных «субстанциальных деятелей», которые выступают элементами единой сложной системы и между которыми существуют внутренние связи разного уровня и порядка.

Два эти противоположных друг другу мировоззрения формируют и принципиально разное отношение к миру: первое – потребительское, направленное на использование всего как некоего ресурса для своих целей, второе – гармоничное, предполагающее встраивание человека как части мироздания в процесс развития цивилизации и всего мира.

В системе идеал-реализма любое познание мира, и, как следствие, любое воздействие на мир не могут быть однонаправленными, так как, согласно философской концепции Лосского, даже сам процесс познания представляет собой коммуникативное взаимодействие двух или более элементов системы между собой, что обозначается термином «гносеологическая координация». Сознания существ разного уровня, из которых и состоит мироздание («субстанциальных деятелей») приоткрыты друг другу, так как все они находятся в поле Абсолюта, где всё имманентно и одновременно трансцендентно всему (взаимопроницаемо). Существует и более конкретное направление познания, когда существа осознанно направляют свое внимание на определенный объект с целью его познания, и происходит внутреннее взаимодействие объектов между собой, при котором исследующий и исследуемый объект вступают во взаимонаправленные взаимоотношения друг с другом. Исходя из такого мировоззрения, философия является той сферой человеческого познания, которая направлена на создание и осмысление наибольшего количества связей мироздания, и основная ее задача – выработка человеком способности охватывать весь сложный объем этих взаимосвязей, используя особый тип мышления (диалектический). Не случайно основатель философского направления всеединства В.С. Соловьев говорил о том, что в основе философии находится мистическое познание мира, причем, по определению философа, мистика - это видение реальных и живых жизненных явлений в их подлинной полноте, целостности и во всех взаимосвязях, поэтому «различие между нашим обыкновенным познанием и познанием метафизическим может быть только относительное или степенное» [1, с. 212].

Мировоззрение, основанное на позитивизме и материализме, рассматривает мироздание как набор неких элементов, связь между которыми, как и связь между познающим и познаваемым, не ставится во главу угла при исследовании мира и – как следствие – при взаимодействии с ним. Мироздание распадается на отдельные элементы, которые связаны друг с другом лишь поверхностной (абстрактно-математической) общностью. Поэтому несмотря на то, что ученый или любой другой деятель, исповедующий такое мировоззрение, может зафиксировать очевидные связи различных элементов, количество и внутренне наполнение их очень ограничено и обычно не выходят за рамки поверхностного и видимого невооруженным взглядом. Более глубокие взаимосвязи неминуемо оказываются за пределами восприятия и не учитываются как в познании, так и в действии. Столкнувшись с конкретными проявленными проблемами (изменение климата, экологические проблемы), человечество в лице тех, кто направляет развитие цивилизации, пытается их разрешить, не подвергая осмыслению и корректировке общий курс развития цивилизации. Однако успешное разрешение лишь одной из задач невозможно. Например, попытка решения экологических проблем на уровне государств сталкивается с интересами крупных корпораций, которые не заинтересованы в утрате привычных для них источников обогащения. Многие экологи сегодня выдвигают такие предложения по созданию экологического общества, которые совершенно не применимы к современной ситуации и фактически отбрасывают человечество назад.

Сегодня благодаря набирающей силу цифровизации и механизации общества в культуре и в жизни «атомистическое» мировоззрение получает дополнительную «подпитку», так как в культуре и жизни усиливается виртуальный элемент. Благодаря активной деятельности СМИ становится все труднее различить реальность и вымысел, жизнь и созданную кем-то картинку. Это способствует размыванию в сознании людей карты реальности, превращению культуры и даже жизни в некий симулякр. Человек особенно быстро теряет ощущение экзистенциального единства с миром и своей укорененности в мироздании. На почве подобной «неукорененности» у тех людей, в руках которых сосредоточена власть, возникает иллюзия возможности механистичного управления социумом как некоей цифровой машиной, с заданными по собственному усмотрению параметрами, где человек рассматривается как обезличенная, легко управляемая «цифровая единица».

Подобный подход к управлению обществом базируется на вышеописанном мировоззрении, согласно которому мир – это не живое органическое целое, в котором действуют свободные творческие деятели, участвующие в исторических процессах, а некий механизм, который можно конструировать по своему желанию. Пределом подобного управления «сконструированной», а не подлинной реальностью в обществе является тоталитаризм. Об этом пишет, например, А. В. Рубцов в статье, посвященной осмыслению феномена диктатуры Сталина: «Доступная ему метода руководства людьми исключала возможность управления процессами. Все живое воспринималось как политическая угроза, требующая мгновенной карательной экспедиции» [2]. Сегодня возникают идеи возможности волюнтаристского вмешательства даже в саму природу мироздания.

Таким образом, за основу управления обществом часто берется не намерение познать реальный мир и действовать сообразно ему, а попытка создать и взаимодействовать с его «оцифрованной версией». Установка т.н. «традиционной» науки – опираться на модели реальности, которые по прошествии времени сменяются другими, приводит к утрате ощущения-знания того, что существует некая объективная, онтологически-заданная реальность, которая на нынешней стадии развития науки, базирующейся на позитивистском мировоззрении, может выражаться и осмысливаться только приблизительными, «ненаучными» в современном понимании терминами. С «оцифрованным» же миром можно взаимодействовать, создавая различные абстрактные конструкции, используя современные достижения частных наук и техники (нередко именно этим и занимаются «сильные мира сего»). Попытка создания т.н. «искусственного интеллекта», накапливающего и способного обработать максимальное количество информации через сбор ее из всех электронных источников, создает иллюзию возможности тотального управления всеми сферами жизни.

Подобное мировоззрение способствует разделению таких сфер человеческого бытия, как «духовная» и «научная» ветви. Духовность отдается на откуп чаще всего узко понимаемой религиозности, а научность оказывается вынесенной за пределы целостного философского познания и нравственности.

Нравственный релятивизм также является неотъемлемой частью такого мировоззрения, так как только глубокое осознание человеком своей «укорененности» в мироздании способствует подлинной и не зависимой от зачастую безнравственных социальных установок нравственности как невозможности совершать то, что способствует разрушению и гибели мира.

Относительность в понимании нравственности приводит к паразитизму: человек рассматривает природу, мироздание и других людей как способ собственного обогащения и расширения своего влияния, накопления власти и богатства. Особенно сильно расцвету паразитических настроений способствуют те общества, в которых «в выигрыше» оказывается человек, наиболее приспособленный к паразитическому образу жизни – такой индивид знает те способы получить выгоду, которые позволяют ему стать более успешным в социуме за счет обмана и потребительского использования ресурсов и других людей.

Таким образом, в основе развития современной цивилизации находится определенное мировоззрение, которое выстраивает все сферы жизни и создает все более трудно решаемые проблемы. Для решения этих проблем необходима коренная смена мировоззренческой парадигмы. В трудах представителей русской философии всеединства такая концепция мироздания была предложена и обоснована. Это философское направление основано на мировоззрении, которое очень конструктивно для выстраивания пути гармоничного развития цивилизации.

Литература:

1. Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2 . М.: Мысль, 1990. 822 с.
2. Рубцов А.В. Сталин умер завтра// Новая газета. 12 июля 2017 г. № 74. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2017/07/12/73086-stalin-umer-zavtra (дата обращения: 18.05.2019)

Обновление Узбекистана в контексте глобализации

Юлдашева Ф.Х.

Андижан, Узбекистан. Доктор философских наук

Renewal of Uzbekistan in the Context Of Globalization.

Yuldasheva F.Kh.

Andizhan, Uzbekistan

Духовное обновление в Узбекистане является способом сохранения духовной стабильности в условиях глобализации. Духовность - устойчива и стабильна, консервативна глобализация - демократична и динамична, духовное обновление является способом гармонизации национальной и глобальной духовности. Глобальная духовность носит интеграционную сущность. Необходимо гармонизации этих двух, различных по сущности духовностей в условиях глобализации. Духовное обновление является фактором развития и реализации потенциала молодежи (интеллектуальное и духовное) а глобализация, формирует в сознании молодежи мировоззрение инновационного мышления (креативность, критический анализ, инициативность, активная жизненная позиция, социальное партнерство).

Глобализация духовности – динамичное и противоречивое явление, влияющее на национальную духовность, формирование новых правил духовности, Как известно, духовность не является догматической и закрытой системой. Она воспринимает новое и совершенствуется. Глобализация создает широкие возможности для развития духовности общества. Глобализация духовности приводит к формированию духовности на основе единства, основанного на разнообразии. Она имеет широкие возможности, огромное информационное пространство и сильную динамику.

Данный процесс в Узбекистане создает условия для диалога различных духовностей, что дает возможность оценивать и переоценивать, сравнить себя с другими и реализовать свой потенциал. Благодаря этому сохраняется реальность и этностатус национальной духовности. Она обновляется, совершенствуется и передается будущим поколениям. В соответствии с духом времени и прогрессивными изменениями возникают новые социальные идеалы и ориентиры.

Феномен глобализма: его влияние на основные тенденции социально-технического прогресса

Якуничев Д. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет, студент

cool.yadanila2013@yandex.ru

Аннотация: Научная задача в рамках рассматриваемой проблемы заключается в следующем: выявить главные параметры влияния глобализма на основные тенденции социального прогресса на основе объективного анализа феномена глобализма и проанализировать научно-обоснованные рекомендации по оптимальной организации международных взаимоотношений во всех сферах их жизнедеятельности. Глобализация — это достаточно строго определенный процесс, развивающийся сложным образом через чередование взлетов и падений. То, что мы сегодня называем глобализацией, — это эпизод исторического процесса, своеобразный, как и всё в истории. В настоящий момент необходимым представляется срединный путь между крайностями глобализма и изоляционизма, позволяющий избежать как глобалистской унификации, так и националистической изоляции, и обеспечивающий диалог между глобальным, цивилизационным, региональным и национальным измерениями человеческого бытия.

Ключевые слова: глобализм, глобализация, локализм, мондиализм, миропорядок, антиглобалисты, локалисты.

The Phenomenon of Globalism: Its Impact on the Main Trends of Social and Technical Progress.

Yakunichev D. A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: The scientific task within the framework of this problem is as follows: to identify the main parameters of the influence of globalism on the main trends of social progress on the basis of an objective analysis of the phenomenon of globalism, and to analyze scientifically based recommendations for the optimal organization of international relations in all spheres of their life. Globalization is a fairly well defined process that develops in a complex way through alternating rise and fall. What we call globalization today is an episode of a historical process, as peculiar as anything in history. At the moment, it is necessary to find a middle way between the extremes of globalism and isolationism, which avoids both globalist unification and nationalist isolation, and provides a dialogue between the global, civilizational, regional and national dimensions of human existence.

Keywords: globalism, globalization, localism, mondialism, world order, anti-globalists, localists.

В третьем тысячелетии мировое сообщество столкнулось с новоприобретённым качеством. По основным параметрам социальной жизни мировое сообщество стало единой целостной системой. В то же время оно стало уделять всё больше внимания проблемам своего единства, гармонии с природой, справедливости, думая о своей ответственности за условия окружающей среды и продолжение жизни на Земле.

Такое внимание порождает вопросы устойчивого социально-экономического развития и гармоничных отношений между человеческим обществом и природой – вопросы установления гуманных, доброжелательных отношений между отдельными людьми и народами. Такие вопросы наряду с извечными философскими дилеммами неизбежно выходят на первый план современных философских исследований. Ученые, философы, а также многие другие деятели в России, как и во всём мире, сегодня глубоко обеспокоены процессом глобализации, происходящем во всех сферах общественной жизни, который стал особенно заметным в XXI веке. В последние десятилетия сопряжённые и обуславливающие этот процесс тенденции и изменения стали очевидны даже широкой общественности. Особенно сложными и даже шокирующими чертами этого процесса являются организованные антиглобалистские беспорядки в различных частях мира и растущая угроза международного терроризма. [1] Подобные события порождают у эпистемического сообщества не только обоснованные опасения, но и дополнительный интерес. Значительно выросло количество конференций, семинаров, споров, публикаций в СМИ, научной литературы, связанных с анализом глобализации и её влияния на человеческое общество. Анализ таких источников свидетельствует о том, что в отношении исследования глобализации современного мира существует много различных позиций и подходов. [2]

Некоторые исследователи считают, что глобализация – это объективный процесс, который не зависит от воли и намерений субъекта. Он начался много веков назад и не закончится в ближайшем будущем. Учёные и философы такие, как Р. Робертсон, Э. Ласло, У. Бек, Стёпин В.С., Бестужев-Лада И.В., Урсул А.Д. и другие, полагают, что предпосылками глобализации являются: развитие научно-технического прогресса, апгрейд его результатов и дальнейшее становление интернационализации жизни человека и общества в целом. Т. е. глобализация – это результат долгосрочного, объективного исторического процесса, характеризующегося цикличностью роста и замедлением его развития. На основе прогресса в сфере технологий связи стали появляться беспрецедентные по масштабу мировые экономические и политические взаимозависимости (транспортной, торговой, военной, международно-политической и энергетической сферах). Эти изменения позволяют учёным определить глобализацию как объективный процесс. [3]

Другие исследователи, а в современной России их относительно много как среди учёных, так и среди политиков, полагают, что глобализация была инициирована Западом и рядом ТНК, которые хотели защитить свои собственные интересы и теперь хотят или стараются контролировать мир, что становится более выгодно в виду растущей взаимозависимости различных государств и регионов. По мнению первых, бенефициары глобализации, особенно США, а также Запад идеи и лозунги о правах человека, общечеловеческих ценностях и важности демократии, используют в продолжающейся борьбе в геополитике. Для сторонников этой позиции будущее демократии в таких условиях – под вопросом. В условиях отсутствия демократических традиций и недостаточного развития или вакуума соответствующих институтов существуют определенные основания для обеспокоенности по поводу этой острой проблемы. Представителями данной точки зрения в России являются известные философы Ильин В.В., Ахиезер А.С., философ-политолог А. С. Панарин, который написал большое количество научных работ, посвящённых вопросам глобализации, глобализма и общества потребления. [4]

Термины глобализм и глобализация стали использоваться в течение последней половины XX века. Независимо от происхождения эти два термина используются и трактуются по-разному. Под глобализацией понимается многоаспектный экономический и социальный процесс, начавшийся задолго до XX века, но наиболее интенсифицировавшийся в конце 1970-х – начале 1980-х годов и охватывающий целый ряд взаимосвязанных экономических, коммуникационных, экологических и политических явлений.[3] Глобализм, хотя он и имеет более древние корни как синоним интернационализма, стал использоваться как название широкого идеологического обязательства в пользу процесса глобализации – то есть точки зрения, которая рассматривает процесс глобализации (в наше время) как полностью или преимущественно позитивный по своим последствиям для человечества. [1]

Глобалисты – это, в первую очередь, люди, которые хотят, чтобы процесс глобализации продолжался и даже шёл более активно, хотя они также могут стремиться, чтобы он регулировался или контролировался различными способами. Глобалисты в определённой степени убеждены, что глобализация – неизбежный процесс, который нельзя и не следует обращать вспять. Их часто противопоставляют локалистам, стремящимся избежать или преодолеть проблемы, создаваемые глобализацией, с помощью небольших форм экономического и культурного развития и политических организаций с тем, чтобы свести к минимуму участие в глобальной экономике. Таким образом, существует множество учёных, исследователей, работающих в этой научной сфере, которые могут быть как за, так и против процесса глобализации. [2]

Противоречивые оценки достоинств и недостатков глобализации часто увязываются с различными оценками альтернатив ей. Наиболее очевидной тотальной альтернативой глобализации является выход местных или региональных сообществ из мировой системы торговли и производства в ту или иную форму местной самодостаточности или автаркии (так называемый локализм). [4] Но этот вариант, кажется, осуществим, только если люди готовы смириться с большими ограничениями своих мате-

риальных стандартов жизни. Такая политика вряд ли будет привлекательной для бедного большинства населения мира.

В связи с этим, на практике, дискуссии и споры по поводу глобализации чаще всего сосредоточиваются не на полной ликвидации её типа экономики, а на возможности и желательности её политического регулирования, с тем чтобы уменьшить её экономическую нестабильность, неравенство и негативные экологические последствия. Центральным вопросом таких обсуждений, представляется то, что могут ли нации-государства продолжать быть основными политическими регуляторами мировой экономики или же глобализация вышла за пределы регулятивного потенциала государства как института, и именно поэтому такого рода полномочия должны быть переданы наднациональным экономическим и политическим органам: Всемирный банк (ВБ), Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ), Международная организация труда (МОТ). Однако для этого их обязанности и полномочия должны быть расширены. [1] Сторонники наднационального регулирования глобализации часто выступают за перестройку вышеперечисленных органов, с тем чтобы они более реально реагировали на мировое общественное мнение, а не просто на взгляды и предпочтения самых богатых и могущественных государств мира.

Последняя позиция напоминает первоначальное послевоенное понимание глобализма как поощрения интернационализма в ответ на угрозу ядерной войны. Например, предложения о международном контроле над ядерным оружием, в определённом роде, продвигаются и стигматизируются как предложения о едином мире. Можно задаться вопросом о том, в какой степени усилия середины XX века, такие, как создание Организации Объединенных Наций и разработка Всеобщей декларации прав человека, заложили основы последующей экономической глобализации или институтов и идеалов, которые могут помочь ей в этом.

С этой точки зрения можно также рассмотреть целый ряд вопросов, касающихся науки, техники и этики. Но требует ли глобализация универсализацию этики и этических стандартов точно так же, как она подразумевает и поощряет универсализацию научных и технических стандартов? Действуют ли кодексы профессиональной этики для учёных и инженеров одинаковым образом в странах с сильными и слабыми институтами гражданского общества? Именно эти вопросы свидетельствуют о важности как глобализма, так и глобализации для этического поощрения и оценки науки и техники. Важно также понимать, что исследования глобализации, в сравнении с философией, исследуют наиболее общие объективные законы развития человечества в его количественной форме, строят количественные модели жизнеспособного управляемого миропорядка в условиях перенаселённого мира.

Глобализм сегодня служит ценностным ядром Pax Americana, как ранее Pax Britannica, а до этого Pax Romana (разумеется в других формах, отличных от нынешних). Мондиалисты не собираются считаться с установками и институтами, благодаря которым функционирует наш мир, наоборот, они хотят и готовы уничтожить любые помехи на пути всемирной денационализации масс и интернационализации культуры, науки, экономики.

Литература:

1. Хаас Р. Мировой беспорядок/Ричард Хаас; [пер. с англ. В. Желнинова]. — М.: Изд. АСТ, 2019. 320 с.
2. Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents. New York, London: W.W. Norton & Company, 2002. 282 p.
3. Baldwin R.E. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016. 344 p.
4. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 415с.

Исследование Евразийства в Китае

Du Yupeng, Yuan Quan, Qu Xiaoli

Высший институт гуманитарных и социальных наук Харбинского иженерского университета. PhD философских наук

duyupeng@hrbu.edu.cn

Хотя исследование Евразийства в Китае начинается поздно, его прогресс быстро развивается, его обзор широкий. Ученый круг Китая имеет большое преимущество для исследоваия евразийства, причины заключаются в следующим: Несколько евразийцев имели испытание жить в Китае; На нынешнем этапе много ученых из России участвуют в конференциях в Китае, чтобы преставлять китайским ученым евазийство;В Китае есть молодые ученые, которые активно расширяют и углубляют исследование евразийства. Исследования евразийства в Китае уделяют все больше внимания эмпирическим, особенно, сравнительное исследование между геополитической мыслью Евразийства и китайской инициативой «Пояс и дорога» уже стало новой важной точкой для исследования евразийства в Китае.

Ключевые слова: Евразийство, Китай, русская идея, культурная идентичность

1. Классические евразийцы не все сосредоточены были в Европе, в Харбине Китая, в 1922-1945 годах здесь жил известный философ, историк, культуролог и выдающийся представитель школы Евразийства Всеволод Никанорович Иванов. В этот период Иванов тесно сотрудничал с другими евразийцами, живущими в европейских странах, для создания высокопредставительных евразийских произведений, таких как классическая евразийская классика «МЫ» (1926), антологии и Воспоминания «Огни вттумане: Думы о русском опыте» (1932), работа «Дело человека: Опыт философии культуры» (1933) .Но, к сожалению, даже если Иванов был очень важным евразийцем, жившим в Китае, исследование мысли Иванова в Китае было крайне ограниченным. Жаль.

2. В Китае исследование евразийства началось поздно: с распадом Советского Союза евразийство вернулось из Европы в Россию, и китайские исследователи русской философии постепенно обратили внимание на евразийство. Только в 1992 году первая статья о идеи евразийства Савицкого. П, которая называется«Евразийства» была публично опубликована в китайском журнале «Философские переводы»(哲学译丛) . С тех пор евразийство постепенно вошло в ученые круги Китая. До сих пор было несколько магистерских диссертаций по евразийству и три кандидатских диссертаций по евразийству в Китае: «Исследования по русскому классическому евразийству» (俄国古典欧亚主义研究), «Евразийство и возрождение России» (欧亚主义与俄罗斯的复兴), “Утерянные и восстановленные: исследование евразийских культурных тенденций мышления” (迷失还是重生——俄罗斯欧亚主义文化思潮研究) и четыре монографии по евразийству: исследование исторической философии Евразийства（欧亚主义历史哲学研究）, исследование нового евразийства (新欧亚主义研究) и Исследование мысли Евразийства Савицкого (萨维茨基的欧亚主义思想研究) », «Потерянные или возрождение: исследование тенденций культурных мыслей русского евразийства» (迷失还是重生——俄罗斯欧亚主义文化思潮研究). В дополнение к специализированным исследованиям, есть также главы в русской мыслительной науке, которые знакомят и обсуждают евразийство, такие как «Введение в историю русской интеллектуальной мысли» （《俄国知识分子思想史导论》）, «Русская философия в 1990-е годы»（《二十世纪九十年代的俄罗斯哲学》）. «Куда идет Россия: русская философия после распада Советского Союза» （《俄罗斯向何处去:苏联解体后的俄罗斯哲学》）, «Исследование современных российских социальных мыслей» （《当代俄罗斯社会思潮研究》） и др. Можно видеть, что китайские ученые все больше внимания уделяют евразийской мысли и включают ее в различные дисциплины и уровни исследований. В целом, евразийство рассматривается как философия, история, социология, экономика, культура, география. Политология, антропология, лингвистика и т. Д. Углубляют свои теоретические возможности. Следует отметить, что китайские ученые, изучающие евразийство, не рассматривали эту идею изолированно, а поместили ее во всю эволюцию истории русской мысли, от классического евразийства до неоевразийства, от имперской России до Советского Союза. В нынешнюю российскую эпоху евразийство будет рассматриваться с наследованием и продолжением мысли.

С 1992 года статьи о евразийстве в китайских научных кругах были бесконечными, особенно в последние годы, статьи об исследованиях были усилены как по количеству, так и по качеству. Евразийство стало горячей темой в изучении китайской и русской идеологии и культуры. Приблизительно классифицируя эти академические статьи, мы можем понять, с какой точки зрения китайские ученые изучали евразийство:

Во-первых, выберите переводы существующих евразийских классиков, такие как «Евразийство», «Евразийство-энциклопедия русской философии», «Евразийство-эволюция мышления», «Евразия». «За» или «Против» вчерашнего и сегодняшнего круглого стола »,« Евразийский социализм - единственный выбор для российской коммунистической партии »,« Испытание евразийства »,« Евразийство в русской мысли » «Россия между Европой и азиатско-евразийским соблазном»; во-вторых, рассмотрите предпосылки, эволюцию и возрождение евразийства с точки зрения академической истории, например «Происхождение евразийской идеологической системы в славянской мысли» «Возрождение евразийства», «Евразийство - историческое наследие русской мысли», «Российские тенденции евразийства и его пионеры и преемники», «Евразийство-новые тенденции русской диаспоры-классика» «Курс евразийского направления мысли»; в-третьих, понятие и идеологическая коннотация евразийства, такие как «Анализ евразийской доктрины», «русский евразийство», «Новый евразийство России», «Цивилизационное конструирование русского классического евразийства и его современное значение», «Тренд нового евразийства России и евразийской партии», «Анализ особенностей совместимости евразийства», «Современность «Евразийское направление мышления с точки зрения»; в-четвертых, систематическое введение в мысли евразийца, такие как «Алексеев и его мысли о евразийских странах», «Гумилев и его евразийство» Рецензия »,« Савицкий и егогеополитическая мысль евразийства»,« Евразийская мысль Трубецкого »,« Вивицкий и его евразийская мысль »; в-пятых, обзор евразийских исследований, таких как «Обзор российских ученых по евразийским исследованиям», «Исследования евразийских проблем в академических кругах Китая за последние 10 лет». Обзор «,» Журнал США по русскому евразийству «,» Обобщение исследований европейских и американских ученых по русскому евразийству «, Шестое и постсоветское возрождение евразийства и современные влияния, такие как» Новый Путинский спектр «, Евро-азиатская доктрина « «Российский дипломатический тренд-атлантизм или евразийство», «Практика новых евразийских мыслей - новые тенденции в российской дипломатии», «Возрождение и предложение евразийства в России», « Интеграция национализма России и неоевразийской теории в переходный период».

Кроме того, есть также китайские ученые, которые исследуют евразийство с более детальной точки зрения, например, геополитическая теория евразийства: «Геополитические идеи в евразийской мысли Савицкого» и Евразийская экономика: «Экономический оттенок евразийской мысли Савицкого», литературный оттенок евразийства: «исток философии и литературы евразийства». Можно видеть, что китайские ученые провели всестороннее исследование евразийства и достигли значительных академических результатов, но есть одно сожаление. До сих пор не было ни одной евразийской переводческой монографии, которая соответствовала бы нашим исследованиям. Статус-кво является очень непропорциональным, кроме того, размышления о самом евразийстве и его отношении к Китаю не были глубоко изучены, особенно внутренняя связь между «мыслью Путина» (как ее называют китайские ученые) и евразийством. Этого недостаточно, и исследования внутренних связей между евразийской геополитической мыслью и «Поясом и дорогой» недостаточно.

Российские ученые приезжают в Китай для ознакомления с евразийством в двух формах: участие в Российской философской академической конференции, организованной Китаем, и подготовка научных докладов. В последние годы ежегодное собрание русской философии, проводимое некоторыми китайскими университетами, пригласило многих известных российских ученых. Темы их специальных выступлений стали более разнообразными. Некоторые говорят о традиционной русской философии, некоторые говорят о русском марксизме, некоторые говорят о современной русской философии. Новые проблемы и новые идеологические ориентации, но концентрируется одна тема - евразийство. Судя по материалам, представленным российскими учеными на трех последних ежегодных конференциях русской философии, проходивших в Китае, евразийство является главной темой. Например, профессор Ванчуков из Московского университета и академик Смирнов из Института философии Российской академии наук оба читали доклады по евразийству на ежегодной конференции «Русская философия», которая прошла в Университете Сучжоу в 2017 году. Александр Дугин выступил с академическим докладом под названием «Один пояс один путь в евразийском геополитическом контексте» в Университете Фудань и Пекинском университете, прямо связав евразийскую геополитическую

доктрину с китайской инициативой «Пояс и дорога». Это очень новая исследовательская перспектива, позволяющая перенести изучение евразийства с теоретической философии на практическую философию. Ежегодная конференция «Русская философия», проходившая в Хайнаньском педагогическом университете в 2019 году. Профессор Маслин из Московского университета выступил с речью на тему: Он был в Пекинском педагогическом университете, сделал ряд научных лекций, которые специализируются правом на евразийскую доктрину «Классическое евразийство:«всечеловеческие»проект цивилизационное развитие Россия» лекция российские ученые представил евразийскую теорию и развитие статус в Китае Это открыло широкое поле зрения для исследований евразийства в Китае и предоставило очень богатый и эффективный метод исследования, и, что более важно, оно дало возможность китайским ученым обмениваться ими и сотрудничать с ними.

В настоящее время исследования Китая по евразийству все еще нуждаются в дальнейшем углублении и усилении, таких как изучение евразийства с позиций российской исторической и культурной идентичности, особенностей российской национальности, наследования русских консервативных идей и выбора российских культурных дорог в глобальной перспективе. Там должно быть здорово.

Литература:

1. 粟瑞雪.欧美学者关于俄国欧亚主义的研究综述//俄罗斯中亚东欧研究，2008, （2）.P.83-87
2. Смирнов А. В.Всечеловеческое vs Общечеловеческое.М.:ООО«Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019.
3. 伍宇星.欧亚主义历史哲学研究[M] .:学苑出版社，2011.
4. 刘涧南.新欧亚主义研究[M] .:黑龙江教育出版社，2008.
5. 粟瑞雪.萨维茨基的欧亚主义思想研究[M] .:社会科学文献出版社，2014.
6. 张海鹰.俄国古典欧亚主义研究[D] .:吉林大学博士学位论文，2010, （4）.
7. 杜宇鹏.俄罗斯文化的迷失与重建——欧亚主义文化思潮研究[D] .:黑龙江大学博士学位论文，2017, （8）.

Европейская цивилизация как антитеза «варварству» остального человечества: аргументы Н.С. Трубецкого и современная реальность

Спиридонова В.И.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник. Доктор философских наук

vspirid@yandex.ru

*В статье рассматриваются исторические итоги эволюции г*лавных аргументов обоснования универсальности европейской модели развития и их последствий для других стран, которые были выдвинуты Н.С. Трубецким в книге «Европа и человечество». Антитеза «цивилизация» - «варварство», которая является фундаментальной категорией обоснования линейного прогресса человечества, сохранила свое значение и была развита современными евро-американскими исследователями, утверждая тем самым приоритет и безальтернативность данной модели развития. Современная глобальная идеология обогатилась такими концептами как «стандарт цивилизации» и «подражательный империализм», которые наследуют и развивают «эгоцентрическую» аргументацию евро-американского господства. В реальности смысл и итог обновленной терминологии современности состоит в консолидации передового эшелона «развитых» западных демократий, призванных вести за собой остальное человечество, и в создании западно-центричной «мир-концепции» как модели окончательного целеполагания человечества.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, стандарт цивилизации, универсализм, неоколониализм, «вторичный империализм»

European civilization as the antithesis to the «barbarity» of the rest of humanity: N. S. Trubetskoy’s arguments and modern reality.

Spiridonova V. I.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

The article examines the historical results of the evolution of the main arguments for the universality of the European model of development and their consequences for other countries, which were put forward by N. S. Trubetskoy in the book «Europe and Humanity». The antithesis «civilization» – «barbarism», which is the fundamental category of justification for the linear progress of mankind, has retained its significance and has been developed by modern Euro-American researchers, thus asserting the priority and lack of alternative to this model of development. Modern global ideology has been enriched by concepts such as «standard of civilization» and «imitative imperialis», which inherit and develop an «egocentric» argument for Euro-American domination. In reality, the meaning and outcome of the updated terminology is to consolidate the advanced echelon of «developed» Western democracies, designed to lead the rest of humanity, and to create a Western-centered «world-concept» as a model of the final goal-setting of mankind.

Keywords: civilization, barbarism, the standard of civilization, universalism, neo-colonialism, «secondary imperialism»

Столетие с момента выхода книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» есть та историческая дистанция, которая позволяет верифицировать прозрения русского философа. Подлинный смысл некоего предмета становятся очевидными лишь, когда его бытие развернулось в историческом времени, когда раскрылась логика его развития. Такова одна из трактовок знаменитого гегелевского афоризма о Сове Минервы, которая вылетает в сумерках.

В связи с этим хотелось обратить внимание на одну структурную характеристику мироустройства, которую Н.С. Трубецкой подверг в своей работе кропотливому анализу и которая не только не исчезла из современного мира, а, напротив, «развернулась полностью», в определенном отношении достигла своего завершенного оформления.

Речь идет о дихотомии «цивилизация» - «варварство», которая лежит в основании «эволюционной лестницы», «ступеней развития», как писал Н.С. Трубецкой в начале XX века, и якобы подтверждает представление о высшем совершенстве европейской цивилизации [1].

Прежде всего надо отметить, что эта формула не только не забыта в мире современности, но,

напротив, сохранив свою суть, обогатилась новой терминологией и дополнилась новыми концептами, свидетельствуя тем самым об актуальности контраргументации русского философа.

Если антропологический словарь XIX столетия убеждал читателя в наличии противостояния «цивилизованных народов» «дикарям» и «варварам», то сегодня та же идея провозглашается, используя дискриминирующую правовую терминологию - «государства-изгои», «государства-бандиты», государства с «девиантным отклоняющимся поведением» [2].

Согласно другой формулировке, мир находится в ситуации, когда «премодерные» (нецивилизованные) государства одним лишь своим существованием бросают вызов и представляют угрозу Новому мировому порядку («цивилизованному миру») [3, с. 86].

Европейская логика развернулась полностью, достигла своего апогея в новом термине, который распространился в западной научной литературе конца XX – начала XXI столетия. Речь идет о так называемом «стандарте цивилизации» [4]. Как поясняют исследователи, «стандарт цивилизации» представляет собой набор определенных характеристик, которыми должна обладать нация или страна, чтобы «войти в семью цивилизованных народов». И хотя сам термин не кодифицирован как конкретный набор критериев, он отождествляется с современными формами правления, преобладающими в Европе [4]. В его основании лежит определение, которое гласит: «Цивилизация есть ступень, через которую должен пройти варварский народ, чтобы достичь высшей культуры в промышленности, искусстве, науке и морали» [5, с. 87].

Появление концепта «стандарт цивилизации» - это попытка ввести универсальную, общечеловеческую «меру» «цивилизованности». Это – искушение создать критерий для приобщения к европейской модели, которая тем самым закрепляет за собой статус единственно возможной и безальтернативной.

На практике, однако, концепт «стандарта цивилизации» консолидирует сообщество «равных» - единую евро-американскую идентичность, - противопоставляя ее «варварам». Трубецкой по этому поводу писал, что европейцы «просто приняли за венец эволюции человечества самих себя, свою культуру» [1]. Современные западные авторы подтверждают и этот тезис русского философа, когда говорят, что в итоге многовековых исканий европейцы всего лишь создали идеальный образ самих себя.

Европейцы, констатирует Норберт Элиас, «укрепились в мысли, что их господство над другими народами является выражением некой вечной миссии, предписанной им то ли Богом, то ли природой, то ли историческими обстоятельствами. Превосходство над другими, располагающими меньшей властью, стало чем-то самоочевидным, принадлежащим собственной сущности европейцев и обладающим высшей ценностью» [5, с. 22].

Другой исследователь, наш современник Дудо Дьен, советник по расовым вопросом при ООН в 2002-2008 годах, утверждает, что в XXI столетии Запад видит себя как центр мироздания, как некую «мир-концепцию», как модель окончательного целеполагания развития человечества [6]. Долгий путь самопознания европейцев, в итоге, закончился, пишет он, созданием «универсальности-зеркала» (l'universalité-miroir), кредо которой – «универсум, похожий на меня».

Получил новой развитие и другой центральный постулат Н.С. Трубецкого - о том, что европейцы оценивают историю других народов по степени схожести или отличия от своей собственной, романо-германской. Понятно, что при сохранении подобной логики единственным выходом для других стран стать в ряд с «цивилизованным миром» - это путь подражания, который позволяет признать, что такой народ «вступил на путь общечеловеческого прогресса» (по терминологии Н.С. Трубецкого).

В новейшей истории соответствующий феномен получил наименование «вторичного, или подражательного империализма» [7]. В реальности он принимает довольно уродливую форму. Ибо страны, только что «вступившие в европейскую семью», стремятся поставить себя в высокомерную позицию учителей и миссионеров, дабы поднять до «европейского уровня» народы, которые пока считаются «недоевропейскими». Ассоциируя самих себя с «передовыми» демократиями, они одновременно уничижают моральный статус подопечных. Таково ныне поведение Польши и Литвы по отношению к Украине. В итоге, возникает парадокс: апеллируя к «прогрессу и цивилизации», на практике они намечают путь для неоколониальной политики.

Н.С. Трубецкой в своей книге «Европа и человечество» приводит ряд аргументов, которые позволяют европейцам обосновать свое право на миссионерство по отношению к «варварским» народам. Одним из них является сравнение «варваров» с детьми, которые нуждаются в опеке более развитых «взрослых» наций. Этот аргумент, имея свою историю, продолжает действовать и поныне.

В XVI веке испанский правовед и богослов Франсиско де Витория писал о необходимости внешнего управления аборигенами из-за того, что у них нет «правильного воспитания», о том, что туземцы нуждаются в опеке и «должны беспрекословно подчиняться европейцам так же, как сыновья должны подчиняться своим родителям до совершеннолетия» [8]. Эти постулаты с не меньшим успехом применяются в XX и XXI веках представителями новых мировых «центров силы», которые берут на себя право менять условия жизни, правительства и жизненный уклад в других странах. Эти аргументы, писал столетие назад Н.С. Трубецкой, призваны всего лишь оправдывать империалистическую колониальную политику и вандалистическое культуртрегерство «великих держав» Европы и Америки [1]. В итоге, сегодня, как сто лет назад, торжествует грубый галльский принцип силы *Vae victis* [ˈwaeˌ ˈwiktiːs] — «горе побеждённым».

Еще одно замечание Н.С. Трубецкого. Основу шкалы цивилизованности, писал он, составляет «эгоцентрическая» психология европейской культуры.

Хорошей иллюстрацией этого утверждения является концепция «трех концентрических кругов» деления человечества, предложенная еще в XIX веке профессором публичного права Эдинбургского университета Джеймсом Лоримером, развитая и дополненная нашими современниками.

В соответствие с исходной теорией, в круге первом обитает «цивилизованное человечество», второй круг включает «человечество, находящееся в состоянии варварства», а третий круг составляет «человечество, пребывающее в стадии дикости» [7].

Критерием отнесения к тому или иному подвиду было наличие формы правления, сходной с английским парламентаризмом. С этой точки зрения знаменательно то, что во второй круг попадают страны, в которых институты государственной власти есть, но которые, тем не менее, значительно отстают от «цивилизованных» западных форм правления. Обращаясь к тексту Н.С. Трубецкого, это очевидно означает наличие внешнего сходства с романогерманцами, за что их удостаивают лестного звания «культурных» [1]. Далее, по классификации Лоримера, внешний круг составляют так называемые «простые» («simple») народы, у которых нет и намека на организованное руководство. Это полностью соответствует комментарию из книги «Европа и человечество», который гласит: Ниже стоят уже «малокультурные» народы, и, наконец, совсем внизу помещаются «некультурные», «дикари». Это - те представители человеческого рода, которые имеют наименьшее сходство с современными романогерманцами [1].

В новейшей истории мало что изменилось, разве что три круга Лоримера были заменены делением на мир постмодерна, модерна и премодерна. Понятно, что в первую категорию попала сама Европа. Второй набор стран, состояние которых определяют как «постимперский хаос», представлен Китаем, Индией, Россией. Наконец, третья зона – это такие государства, как Сомали, Афганистан, Ливия – «азиатские и африканские варвары».

Современная американская интерпретация делит мир на пять типов. В полном соответствии с «духом эгоцентризма», о котором писал Трубецкой, американские авторы дополняют европейскую шкалу двумя характерными категориями - относительно «благопристойными» государствами, готовыми идти на уступки, и государствами «вне-закона», в отношении которых можно применять военную силу [9]. Логика очевидна - современная сверхдержава, главный «центр силы» полагает, что к дикарям допустимо применять правила, рожденные эпохой «досовременности» - силу, принуждение, хитрость.

В качестве итога следует сказать, что европоцентристская трактовка универсальности модели развития порождает логическую цепочку, согласно которой те народы, которые отступают от этого пути, обречены оставаться «варварскими». Но в таком случае, если европейская модель есть единственно верная дорога к прогрессу и идеалу развития человечества, то возникает риск фатального антропологического силлогизма. Тот, кто отказывается слиться с европейской культурой, предстает отверженным не только от Европы, но от всего Человечества. Тем самым реализуется кощунственная формула современной американской политики, которая изобрела такой подвид государств как «страна-изгой».

Литература:

1. Трубецкой Н.С. Европа и человечество // URL: https://www.libfox.ru/307756-nikolay-trubetskoy-evropa-i-chelovechestvo.html (дата обращения: 23. 01. 2020).
2. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ. 2006. 220 с.

3. Assayag J. Quand guerre et paix s'emmêlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains // Cités. P. 2005. № 24. P. 85-102.
4. The «Standard of Civilisation» as an English School Concept // URL: https://www.researchgate.net/publication/270626438_The_'Standard_of_Civilisation'_as_an_English_School_Concept (дата обращения: 28. 01. 2020).
5. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М. - Спб.: Университетская книга. 2001. Т. 1. 332 с.
6. Diène D. Crise identitaire du monde occidentale // Revue internationale et stratégique. 2009. № 3 (№ 75). PP. 93-100.
7. Linklater A. The «Standard of Civilisation» in World Politics // Human Figuration. 2016. July. // URL: http://hdl.handle.net/2027/spo.11217607.0005.205 (дата обращения 12. 02. 2020).
8. Цит. по : Adams A. The Standard of Civilization in Historical and Contemporary International Relations: The Case of East Timor. University of Canterbury. 2016 // URL: https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/12918/Adams%2C%20Aimee%20MA.pdf?sequence=1 (дата обращения: 01.02.2020).
9. Battistella D. L'Occident, exportateur de démocratie // Politique étrangère. 2011. № 4 (Hiver). PP. 813-824. DOI: 10.3917/pe.114.0813. // URL: https://www.cairn.info/revue-politique-etrangere-2011-4-page-813.htm (дата обращения: 18.01.2020).

Актуальность классического евразийства (Н. С. Трубецкой «Наследие Чингисхана»)

Шевченко В.Н.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник. Доктор философских наук

vladshevchenko@mail.ru

В статье рассматривается позиция Н.С. Трубецкого относительно роли монгольской мировой империи в становлении русской государственности. Именно Чингисхан выполнил историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, задачу ее государственного объединения, которое могло обеспечить жизнеспособность Евразии как самостоятельного хозяйственного региона. В статье дается анализ утверждения Н.С. Трубецкого об исторической миссии России быть государственным объединителем Евразии, преемницей и наследницей Чингисхана. Автор подчеркивает в связи с этим, что Россия имеет не только монгольские корни, но и византийские корни. Вопрос об актуальности проблем, поставленных Н.С. Трубецким, заключается в том, каким сегодня мыслится влияние монгольских корней на становление и развитие российского государства в связи с дискуссиями о путях его дальнейшего реформирования.

Ключевые слова: Евразия, монгольская империя, Золотая Орда, Византия, русская государственность, Московское царство, православие, идеология, национальная идея

The relevance of classical Eurasianism.

Shevchenko V.N.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher Fellow,

The author considers the position of N. S. Trubetskoy regarding the role of the Mongolian world empire in the formation of Russian statehood. After all, it was Genghis Khan who fulfilled the historical task set by the very nature of Eurasia - the task of its state unification, which could ensure the viability of Eurasia as an independent economic region. The paper provides an analysis of the views of N.S. Trubetskoy on the historical mission of Russia to be the state unifier of Eurasia, successor and heiress of Genghis Khan. The author emphasizes in this regard that Russia has not only Mongolian roots, but also Byzantine roots. And the question of the relevance of the problems posed by N.S. Trubetskoy consists in the way in which the influence of the Mongol roots on the formation and development of the Russian state is conceived in connection with discussions about the ways of its further reform.

Keywords: Eurasia, Mongol Empire, Golden Horde, Byzantium, Russian statehood, Moscow kingdom, Orthodoxy, ideology, national idea

1. Взгляды Н.С Трубецкого, изложенные им в работе «Наследие Чингисхана» (1925), составляют одно из важнейших теоретических достижений классического евразийства. Н.С. Трубецкой занимает радикальную позицию, которая заключается в том, что российская государственность есть наследник монгольской империи Чингисхана. Ныне широко распространена в обществе точка зрения, согласно которой российская государственность имеет в своей основе византийские корни, а то наследие, о котором пишет Н.С. Трубецкой, или остается без внимания или отвергается. Многие авторы видят по преимуществу сугубо негативное влияние монгольской государственности на становление русской государственности. Однако положения и выводы, содержащиеся в работе «Наследие Чингисхана», после реабилитации классического евразийства в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия, приобретают сегодня новые смыслы, способные дать свои ответы на сложные дискуссионные проблемы российской истории. Укажем на некоторые выводы методологического характера, следующие из анализа теоретических взглядов Н.С. Трубецкого, как они сформулированы в работе «Наследие Чингисхана».

2. Н.С. Трубецкой говорит о том, что можно рассматривать всю Евразию как самостоятельную до известной степени хозяйственную единицу. Именно в силу этого обстоятельства ее жизнеспособность оказалась в решающей степени зависимой от образования в ней единого государства.

Именно Чингисхану удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой

Евразии, - задачу государственного объединения всей этой части света. Он выполнил эту задачу, объединив под свой властью степь, а через степь и всю остальную Евразию.

Дальнейший ход истории показал, что русское государство заняло в основном ту территорию, которая находилась под властью монархии Чингисхана. Н.С. Трубецкой называет чудом превращение монгольской государственной идеи в православно-русскую государственную идею, а затем в православное московское царство. Но чудо получает у него вполне рациональное объяснение. В этом превращении нет ничего мистического.

3. Н.С. Трубецкой отмечает три важных обстоятельства, которые необходимо учитывать, рассматривая это чудесное превращение.

Прежде всего, Россия при монголах была частью обширной империи Чингисхана. Нелепо писать историю России эпохи татарского ига, говорит автор, забывая, что Россия была в то время провинцией империи, а затем Золотой Орды.

Далее. Разгром удельно-вечевой Руси произвел в сердцах и в умах русских людей глубокое потрясение. Главным явлением того времени стал чрезвычайно сильный подъем религиозной жизни. Русские люди остро ощутили состояние национального унижения. Н.С. Трубецкой особо отмечает случаи нравственного падения в эпоху татарщины, но они не получали всеобщего признания, оставались делом совести каждого.

Политический размах монгольской империи как мировой империи, по замечанию историка-евразийца Г.В Вернадского, «наглядно виден из состава монгольских курултаев XIII века. В этих курултаях участвовали (помимо монгольских князей, старейшин и администраторов всей средней, северной и восточной Азии) русские великие князья, грузинские и армянские цари, иконийские (сельджукские) султаны, кирманские и моссульские атабеки и прочие.[1]

И последнее. Монгольская государственная идея была для русских чужой, вражеской идеей. Но русские были поражены величием монгольской идеи, обладавшей огромной притягательной силой. Поэтому рядом с унижением национального самолюбия у русских возникло и другое чувство - необходимость создания своей великой идеи, связанной с православием. Россия до известной степени восприняла и дух монгольской государственности. Одним словом, за время ига она пережила глубокое духовное перерождение.

4. Н.С Трубецкой подробно рассматривает своеобразный треугольник: государственная власть - идеология - религия. Огромная мощь монгольской империи заключалась в создании прочной государственно-идеологической системы. Отличительными чертами большого и хорошо организованного монгольского государства были жестко централизованная вертикаль власти, и прежде всего, военная структура, хозяйственно-организационная структура – почта, пути сообщения, таможня, обширная финансовая система. Государственная идеология в монгольской империи пронизывала всю структуру кочевого общества сверху донизу. Среди наиболее важных положений этой идеологии Н.С Трубецкой выделял принцип личной преданности. Чингисхан подбирал лично преданных людей, для которых верность была выше соображений выгоды или богатства. На этом строилась вся вертикаль власти снизу-доверху, строилась на подчинении всех граждан и самого монарха неземному, божественному началу.

Но, как подчеркивает Н.С. Трубецкой, религиозная по характеру идеология монгольской империи имела слабую связь с догматами определенной религии. Шаманизм Чингисхана проигрывал исламу, буддизму, и православию. Монарх признавал существование многих религий в своем государстве, но отсутствие религиозной веры у любого подданного считал недопустимым явлением. Преимущества православной веры постепенно становились все более очевидными и по мере углубления кризиса и распада Золотой Орды татарские мурзы и простые кочевники переходили в православие. Одним словом, получалось так. С тем, чтобы государственно-идеологическая система была прочной и эффективной, необходимо создать мощное идейно-мировоззренческое религиозное основание. Для становящегося Российской государственности проблема связи государства, власти и религии была главной.

Православие, пишет Н.С. Трубецкой после сравнительного анализа его с другими религиями, обладает несомненными преимуществами и становится прочной основой русской государственно-идеологической системы. В работе Н.С. Трубецкого значимость тюркско-монгольских корней российской государственности явно доминирует в сравнении с византийским наследием, которые было другим ее важнейшим корнем.

5. Наследие Чингисхана неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она остается всегда хранительницей этого наследия, и вся ее историческая судьба этим определяется. Историческая миссии России быть государственной объединительницей Евразии, преемницей и наследницей Чингисхана. Так, говоря о Советской России Н.С. Трубецкой отмечал, что она постепенно сворачивает на свою естественную историческую дорогу. «Привлечение разных племен Евразии к общему государственному строительству, соединяя их всех в одну общую семью, заставит каждого из них смотреть на русскую государственность как на свою собственную, родную».[2,148] Здесь указаны две важнейшие стороны наследия Чингисхана – государство как организационная структура и объединение разных народов, этносов Евразии в одну общую семью с общей исторической судьбой.

Россия унаследовала от Византии другие, не менее важные стороны своей государственности, так что здесь важно избегать как той, так и другой крайности. И все же задачу государственного объединения народов Евразии как историческое предназначение России Н.С. Трубецкой ставил на первое место,i но оно конечно было бы невозможно без византийского наследия.

6. Возникающее русское государство взяло от Византии главное для себя – имперскую идею. Византия унаследовала от Рима эту идею, которой христианство придало священный характер. Так что основой византийской государственности было христианство. Духовная и светская оказались слитыми воедино и действующими во имя одной цели, в одном направлении, образуя «симфонию», симфоническое единство государства и церкви. Московское царство становится русско-православным государством, постепенно начинает проявлять огромную созидательную деятельность и постепенно из окраины орды становится центром притяжения отдельных частей распавшейся монгольской мировой империи.

Православие как государственная идеология пронизывает все сферы общества, включая и личную жизнь каждого человека, проникает в быт, в повседневную бытовую жизнь. Возникает то, что было названо бытовым исповедничеством. Отсюда проистекает и единство власти, правящего слоя и народа, как принадлежащих одной национальной культуре. Вместо монгольской идеологии чистого насилия государство поддерживает идеологию православного единения, идею симфонического единства власти и религии. Русское государство начинает обладать огромной прочностью, когда православие становится государственнической идеей и основой практически действующей идеологии.

7. Вместе с тем история показала, что централизованное государство подобного рода обладает огромной самостоятельностью по отношению и к идеологии, и к своей идейно-мировоззренческой основе. Н.С Трубецкой весьма критически оценивает деятельность Петра 1 как реформатора, подчеркивая, что он резко изменил государственную идеологию, поскольку поставил целью создание из России мощной европейской державы. Отсюда идеология государственного «империализма, милитаризма, шовинизма и государствопоклонничества», которые были чужды не только национальной стихии исторической России, но и христианской церкви. А потому церковь была для правительства неудобна.» [2,139] Плоть Евразии была объединена, но было утрачено сознание евразийской миссии России. Из сказанного можно сделать вывод и более общего методологического характера. Организационные структуры такого государства могут быть соединены с самыми разными идеологиями, главное, чтобы идеология была бы действенной, принималось основной массой населения. Идеология производна от государственной идеи. Ее можно назвать национальной идеей или национальной идентичностью. Но если здесь будет совершена ошибка или умышленная подмена, то создаваемая при этом идеология станет носить разрушительный, а не созидательный характер. И, во-вторых, только имперская идея, какой является евразийская идея, отвечает историческому предназначению России.

Отечественный историк А.И. Фурсов сказал, что российская государственность -это как застывшая революционность.[3] В одно мгновение высшая власть государства может покончить со спячкой и застоем в обществе и стать инициатором радикальных реформ. Причина тому именно огромная не-

i «Много говорили о том, что историческая миссия России состоит в объединении наших «братьев» славян. При этом обычно забывали, что нашими «братьями» (если не по языку и по вере, то по крови, характеру и культуре) являются не только славяне, но и туранцы, и что фактически Россия уже объединила под сенью своей государственности значительную часть «туранского востока». Опыты христианизации этих «инородцев» до сих пор были очень мало удачны. А следовательно, для того, чтобы верхи русской культуры находились в соответствии с особым положением этнографической зоны русской стихии, необходимо, чтобы русская культура не исчерпывалась восточным православием, а выявляла бы и те черты своей основной народной стихии, которые способны сплотить в одно культурное целое разнородные племена, исторически связанные с судьбой русского народа». Трубецкой Н.С. «Верхи и низы русской культуры» // Исход к Востоку. - София, 1921. – С.102-103.

зависимость государства, которое может радикально сменить идеологию, сохранив при этом свои организационные структуры. Принцип постройки государства остается по существу неизменным.

В этом феномене смены руководящей идеи и идеологии в поисках новых форм жизнеспособности государства и общества кроется разгадка стремительного возрождения каждый раз российской государственности в новой конкретно-исторической форме государства после распада его старой формы.

8. Сегодня много говорится о восстановлении структур централизованного государства, их укрепления. Но пока не сложится прочная государственно-идеологическая система, когда идеология проникает во все уровни общества и во все слои населения, государство останется неэффективным. Но сначала должен быть решен, как говорит Н.С. Трубецкой, вопрос об идеи-правительнице, т.е. о национальной идее. Какова историческая миссия Россия? Кто мы сегодня? Попытки власти преодолеть свою неспособность решить назревшие задачи развития заставляют ее идти по ложному пути бюрократизации аппарата власти. И тому виной отсутствие большой идеи и соответственно идеологических приоритетов на всех уровнях вертикали власти. Сегодняшнее Российское Государство не сможет сделать рывок, пока оно будет выступать против большой идеи. Но выступая против большой идеи, оно тем самым убеждает себя в ненужности и государственной идеологии, т.е. фактически выступает против самого себя.

Литература:

1.Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. — Париж, 1927, с. 153 — 164. // BookCafe.Net (Дата обращения 3 марта 2020)

2.Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф. 1999 -554 с.

3.Фурсов А.И. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти). Часть 2. 08.06.2008. // Andreyfursov.ru - Работы (дата обращения 03.03.2020)

*РФК-2020_313_*

Круглый стол «Крым в российском цивилизационном пространстве»

Остров Крым и остров Россия на перекрестках цивилизационного развития

Буркова Е.И.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, Российская Академия Наук, старший научный сотрудник. Кандидат политических наук

lenchen007@rambler.ru

Аннотация: Статья затрагивает вопросы цивилизационных особенностей России, а так же таковых, в связи с вхождением в состав нашей страны Автономной республики Крым в 2014 году. Пространство полуострова рассматривается как место пересечения, как перекресток цивилизаций, обладающее признаками, позволяющими выделить его в отдельный, самостоятельный культурно-исторический тип. Соответственно, встает вопрос о степени родства Крыма с Россией, разумеется, в их цивилизационном измерении. Вопросы цивилизационных идентичностей – не только России, Крыма, но и новых независимых государств, прежде всего, Украины, - поднимаются в работе с опорой на труды отечественных классиков данного направления руб. XX-XXI вв.: теоретика русской цивилизации А.С. Панарина (1940-2003), автора социоприродной версии цивилизации Э. С. Кульпина (1939-2015), теоретика ноосферы Н. Н. Моисеева (1917-2000), автора теории «острова России» В.Л. Цымбурского (1957-2009) и других. В конце исследования делаются выводы, важные, с точки зрения грядущего политического развития России.

Ключевые слова: Цивилизация, русская цивилизация, цивилизационный разлом, цивилизационная матрица, пространство цивилизации, Россия (Крым) как остров.

The Islands of Russia and Crimea at the crossroads of civilizations.

Burkova E.I.

E.M. Primakov Institute of World Economy and International Relations (Russian Academy of Sciences)

Abstract: The article is dedicated to the problem of civilizational specifics of Russia. It is aimed to find out the crucial characteristics of Russian civilization of today, paying special attention to the Crimea, an autonomy republic that became the part of Russian Federation in 2014. We analyze the space of peninsula, as a place where different cultural types meet & the space of peninsula, where the unique Crimean civilization is probably formed. The question of civilizational identity, identification /self identification of Russia, Crimea, and post-Soviet countries, such as Ukraine, is highlighted here too. We fulfill these tasks with the help of the discoveries of several prominent Russian thinkers of XX-XXI cent.: A. S. Panarin (1940-2003), N. N. Moiseev (1917-2000), A. S. Kulpin (1939-2015), V. Zimbursky (1957-2009). We conclude with how all this is reflected in the future survival of Russia in a globalizing world.

Keywords: Civilization, Russian civilization, civilization clash, civilization matrix, the Space of civilization, Russia (Crimea) as an island.

Россияне поддержали власти в деле присоединения Автономной Республики Крым к Российской Федерации, увидев в этом торжество своих ожиданий, ответ на извечные русские чаяния правды и справедливости. Одни считают полуостров чем-то вроде малой исторической родины, другие - колыбелью нашей государственности, третьи – местом, откуда произошла наша цивилизация.

Крым – не только многовековой перекресток торговых и иных транспортный путей, но и уникальный в экологическом отношении, в части природно-климатического и географического фактора, регион. С учетом этой специфики обратимся к изысканиям теоретика социоприродной версии русской цивилизации - Э. С. Кульпина (1939-2015), и автора экологической концепции цивилизации, цивилизационных разломов акад. Н.Н. Моисеева (1917-2000). Э. С. Кульпин, в данном случае, вслед за акад. Моисеевым, рассматривал цивилизацию как единую социоприродную систему, сообщество людей, погруженных в определенные уникальные природные ландшафты и климатические условия. «Стабильность и кризисы во взаимоотношениях с природой определяют генетические коды (или - ма-

трицы – Е.Б.) цивилизаций и их мутации» [1, с. 48] Верно ли это в применении к Крыму и обстоятельствам его присоединения, и какое это может иметь значение для цивилизационного анализа феноменов, порожденных данным событием?

Акад. Моисеев, опираясь на свои концептуальные построения (цивилизация как род взаимодействия людей с социальной и природной окружающей средой, экологический кризис - кризис западной модели адаптации к среде через ее уничтожение, религия «подбирается» данной цивилизацией под имеющееся ядро…), предсказал катастрофические события на Украине, раскол на два государства, потерю украинцами Крыма. Почему? У братских славянских народов разный внутренний, духовный мир, ведь они живут в разных природно-климатических, географических условиях, в разных пространствах. Так что они не могут быть все носителями одной цивилизационной матрицы, напротив, по территории славянских государств проходят границы цивилизационных разломов (термин С. Хантингтона), которые внешне напоминают границы, ареалы распространения тех или иных вер, или религиозных конфессий. Он писал: «ряд славянских племен еще в начале нынешнего тысячелетия принял католицизм, но и до сих пор эти народы не полностью «вошли в Европу». Страны, которые возникли на их основе, так и остались частью маргинального пространства, лежащего между двумя цивилизациями...», «что же касается … западных украинцев, …, то они остались частью промежуточного пространства между двумя цивилизациями, которых «настоящий» Запад рассматривал скорее как районы своих ленных владений или предмет торга…, чем как свою естественную составляющую», и напрасно эти страны все «тянулись к Западу и стремились сделаться частью Европейского полуострова» [2, с. 19]. Украина – страна, через всю территорию которой, с севера на юг, проходит полоса разлома. Именно за счет этого она - зона глобальной нестабильности, и эту историческую судьбу вместе с Украиной должен был разделять Крым, пока он оставался в зоне влияния украинской политики.

Друг Моисеева А. С. Панарин (1940-2003), разделял многие его идеи, так же подчеркивая, что духовная цивилизационная матрица русского народа связана со средой, вернее, с пространством. Важнейшей ее чертой является мирное сосуществование в системе «человек – окружающая социальная/природная среда», что есть полная противоположность западной модели. Интересно, что и Панарин в то же примерно время предсказал: однажды народы восстанут против устаревшей разрушительной модели адаптации к окружающей среде западной цивилизации, и первой восставшей будет страна русского мира, точнее – русский православный регион. [3, с. 415] Так и получилось, это можно применить к Донбассу, но так же и – к Крыму.

Россия - мир, где нашли свое место все мировые религии, культура и технико-экономические уклады. В силу нашей цивилизационной матрицы русским характерна исключительная терпимость. Благодаря постоянному стремлению русских к поиску новых земель Россия превратилась в огромную страну, которая сама есть мост, связывающий цивилизации. Это произошло под влиянием локального экологического кризиса XV в., тогда же русской цивилизационной матрице была сделана прививка имперской византийской традиции с ее централизацией, бюрократизмом, контролем, в России - закрепощением. Население бежало на окраины и за пределы страны осваивать новые земли. Так русские и остались – всегда на перепутье всех дорог.

Крым так же цивилизация в миниатюре, точка пересечения путей движения всех мировых переселений, зарождения цивилизаций, место обитания индоариев тавров, германцев готов, тюрков гуннов, скифов, сарматов, алан, римлян, византийцев, генуэзцев и, на заре нашей истории, но прямо в середине длинной истории Крыма, русов, князь которых успешно бился за Киевский престол. На окраинах Дикого поля образовалась Запорожская Сечь, чтобы противостать окопавшимся в Крыму татарам - протогосударственность украинцев неразрывно связана с Крымом – без Сечи не было бы воссоединившейся с Россией Украины. Та же Сечь сыграла исключительную роль и при подведении итога Земского собора 1613 года. Крым - важнейший региона Восточной Европы в Средневековье, лакомый кусок для многих европейских держав, не доставшийся, например, полякам и литовцам. Наконец, в 1768 г. многовековое русско-турецкое противоборство заканчивается нашей победой и выходом России на просторы Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. Катастрофа Крымской войны едва не привела нас к исключению из числа мировых держав. Наконец, глобальная геополитическая катастрофа 1991 г. неслучайно ознаменована именно потерей Крыма, и вот меняется мировой расклад и Крым - снова под рукой Москвы.

Итак, Крым и Россию многое объединяет: они не являются зоной распространения одной цивилизации, но не являются и зоной цивилизационного разлома, это – точки пересечения, перекрестки цивилизаций, места огромной культурной и религиозной терпимости. Украина, в свою очередь - не западная цивилизация, а страна-фронтир. Крым, с прививкой разных цивилизаций и полиэтничным населением, ближе аналогичная ей, пусть даже гигантская - поли-этно-конфессиональная страна, многокультурная, с дружелюбным отношением с ее средой, а не Украина, которая на сегодня есть нестабильное, унитарное государство с преобладанием чисто западных нетерпимости и имперских амбиций.

Цивилизация – это не то, что приносят «на штыках», а объективная характеристика данного региона, рассмотренного в единстве с местом его развития, его пространством, его природной средой. Воссоединение Крыма – часть общего интеграционного процесса в нынешнем глобализирующемся мире.

Автор теории России как острова В.Л. Цымбурский (1957-2009) писал, что Россия – остров. [4] Действительно, Россия однозначно является державой моря в гораздо большей степени, чем державой суши. В отличие от Украины, которая является абсолютно сухопутной державой. Но и Крым – также остров, по Цымбурскому. Присоединение Крыма – это не поглощение лакомой для многих вассальной территории огромной экспансионистски настроенной империей, а воссоединение двух родственных друг другу земель, у одной из которых пространство было незавершенным без этого маленького уголка земли, а полуостров и его жители получили уверенность в завтрашнем дне и стабильное поступательное развитие.

Литература:

1. Кульпин Э. С. Путь России. Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 2008. 232 с.
2. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии, 1995, №1. С. 3-19.
3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Институт русской цивилизации, 2002. 496 с.
4. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993—2006. М.: РОСПЭН, 2007. 32 л.

Крым в системе переконфигурации международных отношений

Вакулова Т.В.

Севастопольский государственный университет, доцент. Кандидат политических наук

vakulo1@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается процесс переконфигурации системы международных отношений и роли Крыма в данном процессе. Анализируется тезис о роли морали, в системе международных отношений выстраивающейся между ведущими мировыми державами. Изменение системы мирового порядка связано с необходимостью применения норм не только международного права, но и международной морали, что становится одной из характеристик современной системы международных отношений. Россия стремится не допустить конфликтов, но Запад стремится принизить геополитические интересы России, нарушая принципы международной морали и права. Роль морали в международных отношениях не имеет определенного направления и меняется в зависимости от её роли в системе регуляции права и силы.

Ключевые слова: Крым, система международных отношений, международное право, международная мораль.

Crimea in the system of reconfiguration of international relations.

Vakulova T. V.

Sevastopol state University

Abstract: The process of reconfiguration of the system of international relations and the role of Crimea in this process is Considered. The thesis about the role of morality in the system of international relations between the leading world powers is analyzed. Changing the system of world order is connected with the need to apply the norms of not only international law, but also international morality, which becomes one of the characteristics of the modern system of international relations. Russia seeks to avoid conflicts, but the West seeks to belittle Russia's geopolitical interests by violating the principles of international morality and law. The role of morality in international relations has no definite direction and changes depending on its role in the system of regulation of law and force.

Keywords: Crimea, system of international relations, international law, international morality.

Глобальные, региональные и внутригосударственные процессы тесно взаимосвязаны между собой. При этом определяющим для развития мировой системы и ее составляющих является мировой порядок, который выстраивает иерархию отношений между ведущими мировыми державами, устанавливает и поддерживает институциональные основы, определяет во многом политику отдельных государств.

Современные мегатренды, о которых писал Нейсбит Джон, это «основные направления движения, которые определяют облик и суть» изменяющегося общества. Среди прочих, автор выделил переход к «свободному обществу с многовариантным поведением» [1, с. 9]

Оценивая процессы формирования нового мирового порядка, те изменения идейно-политического климата в мировой системе, которые происходят, приходит понимание того, что Крым играет и играл важную роль в системе международных отношений всегда: он влиял на развитие отдельных стран и взаимодействие между ними.

В зависимости от того, в состав какого государства входил Крым на протяжении своей истории, зависели и варианты его развития, полуостров был частью разных империй определяющих мировой порядок и имел в них разный статус. В XXI веке Крым вернул себе статус республики, которым обладал в СССР в течение некоторого времени, проявил себя как субъект международных отношений, изменив свою государственную принадлежность по решению национального референдума, вышел из состава одного государства (Украина) и восстановил субъектность в другом государстве (Российская Федерация).

Полемика, связанная с переконфигурацией системы международных отношений в мире в связи с воссоединением Крыма и России, продолжается по разным причинам. Однако случай Крыма является проявлением одного из мегатрендов современного этапа развития международных отношений - территориальной переконфигурации мира в процессе формирования нового мирового порядка.

А.Д. Богатуров в своей работе «История международных отношений» пишет: «Вторая мировая война уничтожила довоенную многополярность. На смену ей пришел биполярно организованный мир ялтинско-потсдамского порядка. Он просуществовал 46 лет и в 1991 г. обрушился с распадом СССР. На его месте к середине 1990-х годов возникло переходное мироустройство «плюралистической однополярности». Роль группового полюса в нем заняли наиболее сильные страны мира, объединившиеся в «Группу восьми», в которую поэтапно к середине 2000-х годов вошла Россия. США и американские партнеры развернули по-своему грандиозную работу для создания универсальной трансгосударственной общности, «мирового общества», основанного на западных идеалах и ценностях, опирающегося на экономическую, политическую и военную мощь Западного мира, а также эмоциональную притягательность его жизненных стандартов» [2, с.12].

Однако после 2014 года основным принципом формирующейся полицентричной мировой цивилизации можно назвать многополярность. Принцип полицентричности не новый в мировой истории, как социокультурный принцип он зародился ещё в древности, когда возникло соперничество и конкуренция между цивилизациями.

Сегодня особенно интересно оценить итоги выстраивания нового миропорядка, охарактеризовать идейно-политический климат в Крыму и в мире, потому что все, что происходит в сфере порядкостроительства, является определяющим и значительным для крымского полуострова в том числе. Анализ происходящих процессов позволит точнее спрогнозировать будущее Крыма, развитие России, отдельных стран и взаимодействие между ними, развитие всей мировой системы. Вызов, брошенный США, безусловно, повлечет Ответ, при этом ключевым трендом на международном уровне можно назвать инициированную Россией трансформацию современного однополярного мира в многополюсную систему, которая исключает неограниченное доминирование США как страны, позиционирующей себя в качестве «мирового полицейского».

Важно отметить, что Россия традиционно пытается не допустить конфликтов и старается мирно интегрироваться в общеевропейское пространство. Но запад стремится принизить геополитические интересы России на примере Украины, Грузии и всего постсоветского пространства. Санкции, объявленные США, являются не столько реакцией на возвращение Крыма в состав России, сколько попыткой сдержать растущие возможности России на международной арене, стремлением не допустить её усиления в мировой системе, не допустить начавшейся переконфигурации системы международных отношений. Стратегическая цель западной цивилизации – это ослабление и разрушение нынешнего государственно-политического ядра российской цивилизации, подчинение себе огромных сырьевых, нефтяных и газовых ресурсов и сохранение господства.

Ещё 150 лет назад, когда вышла работа Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» в 1869 году, автор показал и доказал в ней, что противостояние коллективного Запада России является цивилизационно запрограммированным процессом мировой истории, что мир разделён. Вторая и третья главы труда посвящены вопросу: почему Европа враждебна России? Н.Я. Данилевский объясняет это тем фактом, что в мировой политике сложилась ситуация, которая связана с разделением в Европе (Америке как центре современной западной цивилизации) политики и нравственности. Труды Николо Макиавелли стали основой для такого разделения и утвердили его в западной цивилизации. В своих трудах Макиавелли утверждал, что достичь целей в политике правитель может, отказавшись от морали, может использовать обман, лгать, действовать силой и даже физически уничтожать своих политических противников, т.е. действовать аморально и безнравственно. Макиавелли показал, что правитель (государь, государство) должен быть похож на сильного льва, чтобы запугивать волков, похож и на хитрого лиса, чтобы не попасть в ловушку. Основная аксиома его политической философии в том, что люди по своей природе являются эгоистичными, злыми и порочным, их заботит не благо государства, а собственные материальные интересы. Хотя в отличие от Макиавелли мыслители древнего мира (Сократ, Платон, Аристотель, Конфуций, Лао-Цзы) считали, что государь должен обладать высоконравственными качествами, а законы не могут быть гарантией справедливого правления, если не существует мораль, которой должен обладать каждый правитель. Эти мыслители, в отличие от европейца Макиавелли, не разделяли мораль и политику, так же, как она не была разделена у русских философов. Однако и в

современном мире мораль, идеология и политика часто разделены, что особенно ярко проявляется в действиях запада.

Возвращение Крыма в состав России является доказательством возможности восстановления исторической справедливости: жители полуострова получили моральное удовлетворение от того, что смогли справиться со сложной исторической несправедливостью. Когда моральные нормы жителей Крыма были попраны (вопрос придания статуса русского языка) это послужило толчком к событиям в Севастополе, Крыму. Действия крымчан и севастопольцев привели не только к изменению политической карты мира, но и положили начало пониманию того, что мир возможно изменить на основе права.

Современный идейно-политический климат в мировой системе исследователи определяют как кризисный, в таких условиях происходит выстраивание нового мирового порядка. Основные мегатренды, которые будут определять суть изменяющегося общества, охватывают все сферы развития мировой системы, в том числе сферу морали и права, поэтому в том или ином виде они по-прежнему будут развиваться в сферах экономики и связанных с ней областях политики, идеологии, безопасности, включая в себя принципы морали.

Возникает вопрос, могут ли государства, отстаивая свои национальные интересы, руководствоваться морально-нравственными императивами? Ответы могут быть разными. Первый: внешняя политика может быть нравственно ориентированной, т.е. защита национальных интересов может ориентироваться на нравственные ценности. Второй: внешняя политика государства должна быть внеморально ориентированной, т.е. субъект международных отношений не отрицает моральных норм, но строит свою политику без их учёта. Третий: внешняя политика не может быть морально ориентированной. К сожалению, разные политологи будут доказывать ту или иную формулу [3, с. 423]. Однако нужно добавить, что вместе с моралью регулятивную функцию выполняет и международное право и регламентируемая этим правом сила, т.е. право и мораль оказываются действенными лишь при условии опоры на силу. Международное право опирается на силу государств, социальных институтов (пресса, церковь) и международных организаций. Роль морали в международных отношениях не имеет определенного направления и меняется в зависимости от её роли в системе регуляции права и силы в международных отношениях. Определяющей функцией в таких отношениях является нормативная, она предписывает субъектам нормы их взаимоотношений. Э. Дюркгейм видел «характерную черту моральных правил» в том, что «они выражают основные условия социальной солидарности» [4, с. 369]. И. Кант предлагал путь к «согласию политики с моралью» [5, с. 39], который приведёт к федеративному союзу. Возможно, идеи Канта утопичны, но пример с Крымом показал, что восстанавливая историческую справедливость на основе права «подтвержденного международным судом ООН в отношении Косово от 22 июля 2010 г. не нарушает какие-либо нормы международного права» [6]. На наш взгляд, именно восстановление исторической справедливости на основании права и морали как процесс мирового развитиябудет определять качественное содержание текущего этапа эволюции современной миросистемы и сможет стать одним из основных направлений в системе переконфигурации международных отношений.

Литература:

1. Нейсбит Джон. Мегатренды. М.: Издательство АСТ: Ермак, 2003. – 380 с.
2. Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений 1945-2008: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, В.В. Аверков. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 520 с.
3. Мегатренды: основные траекториеэволюции мирового порядкав XXI веке. Учебник / Под. ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Аспект Пресс», 2014. – 448 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. – 575 с.
5. Кант И. К вечному миру. М., 1989. – 75 с.
6. Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя // Русская весна. Хронология событий на Украине и в Крыму. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vesna.sevline.ru/?p=9132020_RFK_Столы_306-313.docx

Сакрализация Крыма в современном российском политическом дискурсе

Донцев С.П.

Российский государственный гуманитарный университет, доцент. Кандидат политических наук

Dontsev@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу процесса сакрализации Крыма в российском политическом дискурсе. Сакрализация рассматривается в качестве акта наделения объекта свойством святости, исключительности, сверхценности в контексте концепции священных пространств. Выделяется две ключевые составляющие сакральности Крыма – религиозная и героическая, которые доминируют в современном российском политическом дискурсе. Показано, что в начале XXI в. можно говорить также о ресакрализации Крыма с добавлением новых смыслов, отвечающих современным реалиям. Показано, что соединение религиозной и героической сакральности в российском политическом дискурсе произошло в 2014 г., и что особая роль здесь принадлежала президенту РФ В. Путину. Выявляется также поляризация в оценке и интерпретациях сакрального статуса Крыма и формирование альтернативного дискурса по его десакрализации. Делается вывод, что процесс сакрализации, инициированный президентом и ставший частью современного российского политического дискурса, имеет пока черты незавершенного проекта.

Ключевые слова: сакрализация, священное, политический дискурс, президент РФ, Крым, Херсонес.

Sacralisation of Crimea in modern Russian political discourse.

Dontsev S.P.

Russian State University for the Humanities

Abstract: The article is devoted to the analysis of the process of sacralizing the Crimea in the Russian political discourse. Sacralisation is considered as an act of endowing an object with the property of sanctity, exclusivity, and super-value, in the context of the concept of sacred spaces. There are two key components of Crimea's sacredness: religious and heroic, which dominate the modern Russian political discourse. It is shown that at the beginning of the XXI century, we can also talk about the resacralization of the Crimea with the addition of new meanings that meet modern realities. It is shown that the combination of religious and heroic sacredness in Russian political discourse occurred in 2014, and that a special role here belonged to Russian President Vladimir Putin. It also reveals the polarization in the assessment and interpretation of the sacred status of the Crimea and the formation of an alternative discourse of its desacralization. It is concluded that the process of sacralisation initiated by the President and which has become a part of modern Russian political discourse has the features of an unfinished project.

Keywords: sacralisation, sacred, political discourse, President of the Russian Federation, Crimea, Chersonesos.

В государствах постсоветского пространства задача поиска ценностных оснований гражданской идентичности сопровождается формированием новых общественно-политических мифов, мифологем и мифологических образов. Современная Россия не стала исключением. И здесь особое место занимает Крым, который в современном политическом дискурсе может манифестироваться как особое сакральное пространство, имеющее смыслообразующее значение для российской и/или православной цивилизационной идентичности.

Сакрализация — акт наделения объекта свойством святости, исключительности, сверхценности, когда объект сакрализации переходит в сферу сакрального и сам становится сверхценностью, а изменение его статуса и природы влечет за собой и трансформацию отношения к нему со стороны общества [1, с. 129]. Объектами сакрализации могут выступать природные и географические объекты. Священное пространство в концепции М. Элиаде предполагает иерофанию – вторжение священного, в результате чего из окружающего космического пространства выделяется какая-либо территория, ко-

торой придаются качественно отличные свойства [2, с. 25]. Священное же в этом контексте обозначает свойство, обладание которым ставит объект в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и требует благоговейного к нему отношения [1, с. 129].

Проблема формирования сакральных пространств в настоящее время достаточно глубоко разработана в медиевистике и культурологии. Так, А. М. Лидовым разработана концепция «иеротопии», понимаемой как процесс создания сакральных пространств, как особый вид творчества, а также как направление культурно-исторических исследований, изучающих конкретные проявления этого творчества [3, с. 9]. Согласно этой концепции базовая византийская модель организации сакральных пространств в разных странах адаптировалась и трансформировалась с учетом национальных особенностей [3, с. 46]. Однако концепция сакрализации пространства применительно к современному Крыму не может рассматриваться исключительно в контексте религиозного мировоззрения. Здесь во многом присутствуют и гражданская, и политическая составляющие. Причем все составляющие крымской сакральности конструируются в современных условиях во многом благодаря соответствующему политическому дискурсу, который и задает векторы сакрализации.

Две ключевые составляющие сакральности Крыма можно условно назвать религиозной и героической. Религиозная сакральность Крыма является производной от сакральности Херсонеса. Основанием же для сакральности последнего является его отождествление с местом крещения равноапостольного князя Владимира Святославича. В качестве дополняющих оснований сакральности – легенды об апостоле Андрее Первозванном, который именно из Херсонеса начал своё путешествие по землям будущей Руси, легенды о св. Кирилле, создавшем здесь славянскую письменность.

Героическая сакральность Крыма во многом связана с Крымской войной и обороной Севастополя 1853-1856 гг., обороной Севастополя и Керчи, а также Крымской наступательной операцией Великой отечественной войны. Севастополь здесь выступает как город русской славы, символ мужества и стойкости российского воинства. Отчасти здесь могут быть задействованы и сюжеты, связанные с покорением Крыма и победой над Крымским ханством в XVIII в. Эта героическая сакральность не имеет религиозной составляющей; здесь если и можно говорить о религиозных смыслах, то только в контексте концепции гражданской религии.

Именно эти две составляющие сакральности – религиозная и героическая – доминируют в современном российском политическом дискурсе, именно они присутствуют в подавляющем большинстве научно-популярных программ, образовательных фильмах и телевизионных сюжетах, массово транслировавшихся по центральным каналам после вхождения Крыма в состав России.

Сакральность Крыма может усложняться и включением в нее иных, имеющих важное цивилизационное значение составляющих. Так, в современном российском гербе, а особенно в обстоятельствах его принятия в конце XV века можно обнаружить его таврическо-трапезундские истоки [4].

В начале XXI в можно говорить также о ресакрализации Крыма с добавлением новых смыслов, отвечающих современным реалиям. Как отмечает Храпунов Н.И., Херсонес превратился в сакральный для православия центр в XIX в. (ранее он не воспринимался как религиозная святыня, и даже его местоположение вызывало споры). Именно в середине XIX в. началось превращение Крыма в святыню, причем «важнейшую роль в этом проекте играли византийские и объявленные византийскими памятники, включая Херсонес, где основали или возобновили несколько монастырей» [5]. В советский период этот процесс прервался, но одновременно стали формироваться предпосылки для формирования героических элементов сакральности. После 2014 г. эти составляющие соединились воедино. И здесь особая роль принадлежит президенту России В. Путину, который во многом был инициатором формирования нового политического дискурса, связанного с сакральностью Крыма.

Отметим, что для президента Херсонес очевидно имел особое смысловое значение и до 2014 г. Еще в 2001 г. во время выступления на церемонии освящения Владимирского собора в Херсонесе В. Путин подчеркивал, что именно отсюда «святой князь Владимир начал крещение Древней Руси, именно отсюда началось распространение православия среди наших народов и в наших странах» [6].

Однако, безусловно, во всей своей полноте наделение Крыма сакральным статусом произошло 18 марта 2014 г. в т.н. «Крымской речи» президента – обращении к обеим палатам Федерального собрания России. Причем здесь была и религиозная, и героическая составляющие сакрализации: «Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии», «В Крыму – могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота. Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести» [7].

Эти тезисы были повторены и в послании Федеральному собранию в 2014 г. Здесь впервые «древняя Корсунь», Херсонес, были соединены с понятием «сакральное значение»; фиксировалось их (а также и Севастополя) «огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм» [8]. Практически все последующие выступления российских официальных лиц как федерального, так и регионального уровня в вопросах, связанных с культурно-цивилизационным значением Крыма, шли в русле президентских выступлений. В. Путин еще не раз обращался к проблеме сакральности Крыма. Например, в декабре 2015 г., говоря о наделении статусом особо ценных объектов культурного наследия народов России заповедника «Херсонес Таврический» и «Музея героической обороны освобождения Севастополя» (что также произошло по инициативе президента), он отметил, что события, увековеченные в этих комплексах, «во многом являются опорными восприятиями истоков и характера нашей государственности, становления и развития российской цивилизации» [9].

Одновременно в современном политическом дискурсе стала намечаться серьезная поляризация в оценке и интерпретациях сакрального статуса Крыма, что может иллюстрировать известный тезис о дуальной структуре русской политической культуры. Оппоненты существующего политического режима, ставящие под сомнение или прямо отрицающие легитимность вхождения полуострова в состав России в 2014 г., как внутри страны, так и за ее пределами пытаются формировать дискурс, направленный в том числе на десакрализацию Крыма и разрушение политического мифа, лежащего в основании этой сакрализации. Подчеркивается, что князь Владимир был потомком викингов, а крымский Херсонес греческим городом, что локализация Херсонеса, как места крещения Владимира не верна, что рассматривать истоки российской государственности в Крыму неверно с исторической точки зрения и т.п. Однако несопоставимость медийных ресурсов продуцентов сакрального дискурса и их оппонентов в российском медиа-пространстве не позволяют говорить о сколь-либо заметном столкновении этих дискурсов в борьбе за умы россиян. Дискурс десакрализации явно маргинализирован и, как правило, не выходит за пределы интернет-пространства. Однако и оценить эффективность дискурса сакрализации пока затруднительно. Действительно ли россияне, при наличии безусловно фиксируемого социологами «крымского консенсуса» по вопросу вхождения полуострова в состав России, стали воспринимать его и как «священное пространство»? Приобрел ли он в массовом сознании населения свойства святости, исключительности и сверхценности? Ответ далеко не очевиден, а это значит, что процесс сакрализации, инициированный президентом и ставшей частью современного российского политического дискурса, имеет пока черты не завершенного проекта.

Литература:

1. Забияко А.П. Топография Священного // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 1. С. 123-136.
2. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
3. Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 9-58.
4. Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011г. 396 с.
5. Храпунов Н.И. Как Херсонес стал центром русского православия // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016. № 21. С. 317-358.
6. Выступление на церемонии освящения Владимирского собора 28 июля 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21301 (дата обращения: 20.02.2020).
7. Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603 (дата обращения: 20.02.2020).
8. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/47173 (дата обращения: 20.02.2020).
9. Под председательством Владимира Путина в Кремле состоялось заседание Совета при Президенте по культуре и искусству. 25 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/51016 (дата обращения: 20.02.2020).

Крым сегодня: геоцивилизационные аспекты

Когут В.Г.

Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независмых Государств, кандидат политических наук

vgkogut@gmail.com

Нурышев Г.Н.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, доктор политических наук

g.nuryshev@yandex.ru

Аннотация: В работе анализируются в геополитическом аспекте цивилизационные процессы в современном крымском обществе. Показано влияние геополитических факторов на процессы новой идентификации в полуострове. Выделен российский геополитический вектор основной части крымского общества. Обозначен и его латентный этноконфликтный потенциал, что определяется своей версией коллективной памяти и исторической правды у крымских татар. Отмечается, что цивилизационные различия фрагментированного крымского общества не привели к геополитическим противоречиям. Цивилизационные процессы иллюстрируются данными социологических исследований. Обращается внимание на анализ идентификации крымскотатарской этнической группы. Показаны основные направления геополитической экспансии Украины, Турции, США на крымском направлении, вплоть до использования трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. Подчеркивается, что поддержку крымских татар Турция использует в целях постоянного геополитического давления на Россию.

Ключевые слова: цивилизационный выбор, геополитическая конкуренция, фрагментарное общество, идентичность, межнациональное согласие, этноконфликтный потенциал.

Crimea today: geocivilizational aspects.

Kogut V.G.; Nuryshev G.N.

Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States; St. Petersburg State University of Economics

Abstract: The work analyzes in the geopolitical aspect civilization processes in modern Crimean society. The influence of geopolitical factors on the processes of new identification in the peninsula is shown. The Russian geopolitical vector of the main part of the Crimean society is highlighted. Its latent ethno-conflict potential is also indicated, which is determined by its version of the collective memory and historical truth of the Crimean Tatars. It is noted that the civilizational differences of the fragmented Crimean society did not lead to geopolitical contradictions. Civilization processes are illustrated by sociological studies. Attention is drawn to the analysis of the identification of the Crimean Tatar ethnic group. The main directions of the geopolitical expansion of Ukraine, Turkey, the USA in the Crimean direction, up to the use of the rostrum of the UN General Assembly, are shown. It is emphasized that Turkey uses the support of the Crimean Tatars with the aim of constant geopolitical pressure on Russia.

Keywords: civilizational choice, geopolitical competition, fragmented society, identity, interethnic harmony, ethno-conflict potential.

Глубокие геополитические процессы, деконструкция советской идентичности в постсоветском пространстве детерминировали в образовавшихся государствах поиск новой идентичности по территориальным, национальным, культурным и цивилизационным признакам. На этот процесс оказывают заметное влияние геополитические, культурно- исторические и социально-экономические факторы. Развитие локальных идентичностей предопределяет их фрагментацию в общем культурно-цивилизационном пространстве государства, структуризацию социальных систем по культурным, этническим и иным признакам, что способствует возникновению «фрагментарного общества».

Особый интерес сегодня представляют процессы фрагментации культурно- цивилизационных идентичностей в зоне российско-украинского приграничья. Дальнейшая трансформация культурно-цивилизационной идентичности в этой зоне ведет к нарастанию социокультурных различий между населением России и Украины, ведущих к обострению социальных и геополитических конфликтов между этими странами [1].

Именно в таком контексте на фоне обострения геополитической конкуренции следует рассматривать воссоединение Крыма с Россией в 2014 году, считает известный исследователь Т.А. Сенюшкина. В этих условиях, по мнению ученого, решающее значение имеет умение управленческой элиты осознавать геополитический вектор общества, его культурно- цивилизационную идентичность. Внутри крымского сообщества сосуществуют около 130 этнических групп, в т. ч. три доминирующие этнические группы (фрагменты) – русские, украинцы (менее 30% жителей) и крымские татары (примерно 13% населения). Но этническое, политическое и культурное большинство жителей полуострова составляют русские, которые неоднократно демонстрировали своё негативное отношение к «закулисному акту» передачи Крыма Украине. Цивилизационные различия крымского общества не превратились в геополитические противоречия. Т.А. Сенюшкина пишет, что «решающую роль в этом сыграли жители Крыма, каждый из которых сделал свой личный цивилизационный выбор, приняв тем самым участие в определении вектора дальнейшего развития крымского полуострова» [2].

Не случайно, что по данным мониторинговых исследований 2019 года общую ситуацию в Крыму почти 90% крымчан оценивают положительно. При этом они отмечают ситуацию как безопасную, с высоким эффектом защищенности и стабильности. В целом по полуострову исследователи фиксируют ощутимое превышение положительных последствий воссоединения Крыма с Россией. Исследователи пишут: «Что еще объединяет крымчан? Обычно недоверчивые к обещаниям власти, они в своей массе до сего дня поражены объемом работ, развернутых на полуострове в условиях новой социальной реальности. Более 60% респондентов в 2019 году отмечали, что таких масштабов они не видели «за весь украинский период» [3, с.29-30]. При этом 92% респондентов указали на доброжелательные отношения между людьми различных этнических групп на полуострове [4,с.517].

В целях дальнейшего развития межнационального, межконфессионального согласия и противодействия любым формам проявления экстремизма в Республике Крым создан Совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям при Главе Республики как постоянно действующий консультативно-совещательный орган для сохранения межнационального и межконфессионального согласия, профилактики и противодействия любым формам проявления экстремизма [5]. Укрепление единства крымских татар независимо от их политических взглядов стало задачей крымско-татарского форума, состоявшегося в Симферополе в августе 2019 года. В работе этого форума приняли участие представители диаспор крымских татар из Турции, Украины и Узбекистана. Большинство делегатов проявило пророссийские взгляды и подтвердило принадлежность полуострова России[6]. Наглядным подтверждением тому стало заявление главы национально-культурной автономии крымских татар Э. Умерова в связи с открытием железнодорожного сообщения по Крымскому мосту: «Мы гордимся достижениями нашего многонационального народа. И будем активно пользоваться услугами РЖД. Думаю, многие иностранные граждане с удовольствием захотят прокатиться в Крым по новому железнодорожному мосту, причем самому протяженному в России и Европе»[7].

В ответ на заявление В. Порошенко о том, что Крым «обязательно вернется» в состав Украины, член Совета при президенте РФ по межнациональным отношениям, председатель общественной организации «Инкишаф» Э. Билялов подчеркнул: «Крымчане сделали свой выбор в 2014 году, и он с каждым днем укрепляется. Порошенко может говорить, что хочет, это его право. Пусть мечтает. Но Крым не вернется никогда». Э. Билялов отметил, что Крым меняется в лучшую сторону, что замечают не только жители полуострова, но и прибывающие гости [8]. Критикуя ложные утверждения в ООН о нарушении прав крымских татар и запрет в ноябре 2019 года для представителей крымской делегации в составе ректора КИПУ Ч. Якубова, заместителя муфтия мусульман Крыма Э. Баирова, главы региональной общественной организации «Украинская община Крыма» А. Гридчиной к участию в форуме нацменьшинств в Женеве, пресс-служба постоянного представительства Крыма при президенте России была вынуждена заявить: «Противники России готовят очередные ложные утверждения о якобы нарушении прав крымских татар в Крыму… Мы требуем допускать представителей организаций

крымских татар, проживающих в Крыму, на мероприятия, проводимые под эгидой ООН — регулярные сессии Совета по правам человека ООН, Форума национальных меньшинств ООН, распространять объективную информацию о положении дел в Крыму. Положить конец попыткам включения лживых и клеветнических утверждений в резолюции ООН, касающиеся Крыма» [9].

В связи с принятием Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о «милитаризации» Крыма глава крымско-татарской национально-культурной автономии Э. Умеров заявил: «Крымский вопрос закрыт окончательно, Крым – это Россия. Как видят развитие ситуации на Западе? Да просто: сдать Крым, перестать помогать Донбассу, уйти из Сирии, отдать Японии острова, поделиться природными богатствами. И тогда может быть они начнут делать вид, что мы им друзья! Но этому никогда не бывать. Мы выстоим в этом противостоянии, ибо народ един и государство наше готово к защите своего суверенитета». На взгляд главы автономии, резолюция ООН о милитаризации Крыма неосуществима [10].

Вместо Автономной республики Крым (так она числится до сих пор в официальных украинских документах) меджлис крымских татар предложил учредить крымско-татарскую национальную автономию. Киев заявил о своем намерении через Верховную раду включить в текст Конституции пункта о «национальной автономии» в Крыму. На что лидер общественной организации «Къырым бирлиги» С. Ниметуллаев заявил, что крымских татар не интересуют эти шаги властей Украины. Он отметил: «У нас свое государство — Россия. Крымские татары полноценно интегрировались как граждане Российской Федерации, живя в российском Крыму, поэтому нам нет никакого дела, что там обещают представители новой украинской власти…Теперь все заявления Киева по Крыму и национальной автономии — не более чем вмешательство во внутренние дела другого государства, заигрывание с крымско- татарским народом и манипуляция»[11].

Таким образом, большая часть крымских татар проявляет российскую идентичность и поддерживает российский вектор развития Крыма. Но в тоже время нельзя не учитывать и наличие этноконфликтного потенциала крымского общества, который пока достаточно латентен. Социологические исследования, особенно среди молодежи, показывают, что крымско-татарская молодежь наиболее интегрирована внутри своей этнической группы, но более дистанцирована в языковом, религиозном и политическом плане от славянского большинства [12, с.20]. Поэтому этноконфликтный потенциал, прежде всего в крымско-татарской среде, будет активно использоваться нашими геополитическими противниками для расшатывания геополитической обстановки на полуострове. К тому же, как подчеркивает Т.А. Сенюшкина, «в отличие от русского населения Крыма крымские татары имеют свою версию коллективной памяти и исторической правды» [2].

В связи с этим не случайно, Турция считает сохранение национальной идентичности крымских татар своей приоритетной задачей, так как они представляют достаточно видную часть в политическом классе своей страны. В связи с этим президент Турецкой Республики Р. Т. Эрдоган заявил: «Турция не признала и не признает незаконную аннексию Крыма. Крымские татары — наши братья, они являются важной составляющей исторических и людских связей между Турцией и Украиной». По сообщению турецкого новостного агентства Anadolu Ajansı, Эрдоган отметил: «Несмотря на все наши многолетние выступления против того, что переживают крымские татары, к сожалению, добиться какого-либо результата не удается. Но мы не будем отчаиваться. Мы возобновим нашу борьбу. Надеюсь, что настанет день, когда мы в ней преуспеем. Думаю, и господин Зеленский не утратил надежду» [13]. Комментируя эти высказывания турецкого президента, главный редактор ИА REGNUM М. Колеров вполне резонно замечает: «Эрдоган никогда не откажется от фактора Крыма, чтобы держать Россию на коротком поводке»[14].

«Крымскую карту» разыгрывали и продолжают разыгрывать США. Так, Дж. Данфорд, американский генерал обратился к Конгрессу с заявлением, что Соединенным Штатам необходимо добиться размещения военной базы на территории полуострова Крым. Он считает, что оккупация территории Крыма российскими военными требует американского вмешательства ради создания безопасности и демократии на полуострове [15].

Таким образом, на цивилизационные процессы в Крыму, как и в российско-украинской пограничной зоне в целом, оказывают сильное влияние геополитические факторы. Так новая идентификация на полуострове приобретает геоцивилизационный характер и, прежде всего, в связи российским геополитическим вектором основной части крымского общества, несмотря на свою версию коллективной памяти и исторической правды у части крымских татар. Напряжение вокруг геоцивилизационного стержня полуострова в необозримом будущем будет только нарастать. Основные направления своей геополитической экспансии на крымском направлении Запад использует для постоянного геополитического давления на Россию. В такой ситуации противники российского Крыма будут предпринимать усиленные попытки проверить на прочность ярко выраженную евразийскую идентичность нового «фрагментарного общества».

Литература:

1. Сапрыка В.А., Пастюка.В. Фрагментация культурно-цивилизационной идентичности населения приграничных регионов России и Украины [Электронный ресурс]. - Режим доступа: //https://cyberleninka.ru/article/n/fragmentatsiya-kulturno-tsivilizatsionnoy- identichnosti-naseleniya-prigranichnyh-regionov-rossii-i-ukrainy(дата обращения:19 декабря 2019).
2. Сенюшкина Т. А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского [Электронный ресурс]. - Режим доступа:// rusrand.ru/analytics/tsivilizatsionnaja- identichnost-kak-faktor-krymskogo-vybora (дата обащения:15 декабря 2019).
3. Чигрин В.А., Городецкая Е.Г. Воссоединение Крыма с Россией: пять лет вместе (по материалам мониторинга)// Причерноморье в контексте российской цивилизация: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Севастополь, 24-26 октября 2019 г.)/ Отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар: КГУ, 2019. С.27-32.
4. Романович Н.А. Крым и Россия: различия оценок ситуации общественным мнением//Причерноморье в контексте российской цивилизация: история, политика, культур: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Севастополь, 24-26 октября 2019 г.)/ Отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар: КГУ, 2019. С.514-520.
5. В Крыму создан совет по межнациональным отношениям при Аксенове [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://crimea.ria.ru/society/20191219/1117770594/V-Krymu- sozdan-sovet-po-mezhnatsionalnym-otnosheniyam-pri-Aksenove.html(дата обращения:19 декабря 2019).
6. Мясоедов Г. В Симферополе открылся форум крымско-татарского народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rossaprimavera.ru/news/35ef64e3(дата обращения:27 августа.2019).
7. Крымские татары ответили на планы Чубарова по поводу поездов в Крым [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://crimea.ria.ru/politics/20191224/ 1117788137/Krymskie-tatary-otvetili-na-plany-Chubarova-po-povodu-poezdov-v-Krym.htmlhttps://crimea.ria.ru/ (дата обращения:24 декабря 2019).
8. Гончаров А. Крымские татары ответили на заявление Порошенко о Крыме [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://crimea.ria.ru/politics/ 20191112/1117616171/Krymskie-tatary-otvetili-na-zayavlenie-Poroshenko-o- Kryme.html (дата обращения:12 ноября 2019).
9. Реакция из Крыма: в ООН готовят новую ложь о нарушении прав крымских татар [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2792642.html (дата обращения:28 ноября 2019).
10. Полегенько А. Крымско-татарский лидер жестко высказался о резолюции ООН [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://crimea.ria.ru/politics/20191210/ 1117733488/Krymsko-tatarskiy-lider-zhestko-vyskazalsya-o-rezolyutsii-OON.html(дата обращения:10 декабря2019).
11. Крымские татары ответили на предложение Украины создать автономию [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.business-gazeta.ru/news/432734 (дата обращения:17 августа 2019).
12. Баранов А.В. Этнополитические процессы в Крыму и Севастополе (на материалах социологических опросов) // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Севастополь, 24-26 октября 2019 г.)/ Отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар: КГУ, 2019. С.14-21.
13. Президент Турции: мы возобновим борьбу за крымских татар [Электронный ресурс]. - Режим доступа:https://regnum.ru/news/polit/2685692.html (дата обращения: 9 августа 2019).
14. Колеров М. Эрдоган не откажется от фактора Крыма, чтобы держать РФ на коротком поводке [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/ 2684537html(дата обращения:8 августа 2019).
15. США потребовали свою военную базу в Крыму [Электронный ресурс]. - Режим доступа:http://news.glavnoe.io/news/28078-ssha-potrebovali-svoiu-voennuiu-bazu-v- krymu.html?utm_content=2621871&utm_campaign=2626&utm_term=13958&ci=bb4b7ef4-a694-43e4-bc75-d785d23595fa (дата обращения:15 декабря 2019)

«Великий разговор» или «диалоговая пропаганда»: пути преодоления. Крымский дискурс

Коробкина Е. Н.

НИЦ «Центр перспективных конвергентных технологий и коммуникаций», Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, внештатный сотрудник Лаборатории по изучению сверхтекста

e_koro@mail.ru

Аннотация: В статье исследован феномен крымского дискурса, который сложился в условиях украинского кризиса 2014 года, с точки зрения дихотомии «диалоговой пропаганды» в пространстве стратегической коммуникации Украины, как стратегия «великого разговора» в российском цивилизационном континууме. Произведен анализ сложившейся ситуации в свете концепций «мягкой» и «умной силы» Джозефа Ная (и их пересечения с концепциями «коммуникативного действия» и «стратегического действия» Юргена Хабермаса), использовавшихся публичной дипломатией США для распространения демократии американского образца, в частности, в ходе «революции достоинства» в 2014 году на Украине. Сделан вывод об особой концептуальной парадигме крымского дискурса в теории международных отношений, сложившейся в российском цивилизационном пространстве в ходе преодоления международного кризиса.

Ключевые слова: крымский дискурс, публичная дипломатия, США, Украина, стратегическая коммуникация

«The great conversation» or «dialogue-based propaganda»: ways of overcoming. Crimean discourse.

Korobkina E. N.

RC «Center for advanced convergent technologies and communications», Crimean Federal University named afte V.I. Vernadskiy University, Simferopol.

Abstract: The article examines the phenomenon of Crimean discourse, which developed in the conditions of the Ukrainian crisis in 2014, from the point of view of the dichotomy of «dialogue-based propaganda» in the space of strategic communication in Ukraine, as a strategy of «great conversation» in the Russian civilizational continuum. The author analyzes the current situation in the light of the concepts of «soft» and «smart power» by Joseph Nye (and their intersection with the concepts of «communicative action» and «strategic action» by J. Habermas), used by US public diplomacy to spread American-style democracy, in particular, during the «revolution of dignity» in 2014 in Ukraine. The conclusion is made about the special conceptual paradigm of the Crimean discourse in the theory of international relations that has developed in the Russian civilizational space during the overcoming of the international crisis.

Key words: Crimean discourse, public diplomacy, USA, Ukraine, strategic communication

В свете современной критической теории международных отношений проблема информационной безопасности преодолима посредством ряда коммуникативных действий акторов, участников международного дискурса. Согласно теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса «великий разговор» как сущность языка, или коммуникативное действие как таковое, возможен при осуществлении субъект-субъектного действия, что означает равнозначную вовлеченность акторов в коммуникативно-информационное пространство при равных возможностях взаимопонимания при всей ограниченности «жизненного мира» каждого из участников «великого разговора» [1, с. 27]. Международное политическое сообщество, акторами которого являются с точки зрения теоретиков критической школы, как государства, так и отдельные этносы со сложившимся исторически традиционным автономным жизненным миром, вовлекаясь в «великий разговор» как в субъект-субъектное действие, претерпевают ряд межсубъектных изменений в ходе межэтнической, межъязыковой и межкультурной коммуникации. Ю. Хабермас определяет эти изменения в ходе «великого разговора» как философскую концепцию «рациональной реконструкции», опирающуюся на универсальные до-речевые знания, присущие всем акторам в равной степени. Акторами в данном контексте являются как отдельные люди, представители разных этносов, так и отдельные этнические группы, и даже национальные государства, вступающие в международный диалог на принципах «свободной речи». Такой вид международного дискурса представляется идеальным и соотносится с идеальным типом коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Следующим аспектом политической теории Ю. Хабермаса является степень вовлеченности акторов в международной дискурс. Философ рассматривает идеальную степень вовлеченности, как вовлеченность в «великий разговор», в ходе которого акторы решают проблемы взаимной безопасности, в том числе, безопасности в общем коммуникативно-информационном пространстве, руководствуясь принципом совершенного коммуникативного действия, «убеждающего, ненасильственного действия и идеального же, аргументирующего противодействия» [2]. Такой способ мягкой диалоговой аргументации в рациональной теории Ю. Хабермаса можно считать идеальным, в равной мере, в данном контексте совершенной следует считать этику акторов данного дискурса.

Противоположным данному типу действия Ю. Хабермас считает стратегическое действие, направленное на использование других акторов в собственных эгоистических целях. В международном политическом сообществе, по сути, анархическом, как считают представители ведущих парадигм теории международных отношений, степень этичности акторов может быть не только противоположна идеальной этике «великого разговора» с его «мягкой силой» убеждения, но и нарушающей этику нормативного действия, сознательно создавая поле информационной «диалоговой пропаганды».

Заметим, что профессор Гарвардского университета Джозеф Най, введший в оборот концепцию «мягкой силы» в своей монографии 1990 года «Soft Power: The Means to Success in World Politics», в определении термина, как способности достичь желаемого на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, был близок к методу коммуникативного действия «великого разговора» Ю. Хабермаса. С точки зрения американского политолога Дж. Ная, именно язык и культура страны-актора как «мягкая сила» играет ключевую роль в международных отношениях. Сам Най, равно как и Хабермас, рассматривает эту концепцию с идеальной точки зрения.

Однако реальность тут же накладывает свои фильтры. Инструментарий «мягкой власти» мгновенно становится одной из ведущих концепций публичной дипломатии США. Американские эксперты используют тезис Дж. Ная о том, что достижение внешнеполитических целей возможно не только способами экономического давления или же военных интервенций, но и посредством убеждения, вовлечения зарубежной целевой аудитории [3]. Институт публичной дипломатии США становится основным средством реализации этой концепции: использование такого инструментария позволит прививать американские культурные ценности, политическую культуру элитам, правительствам и гражданскому обществу стран-акторов.

Подобного рода культурная гегемония американских ценностей вынуждает Дж. Ная выработать концепцию «умной силы» для публичной дипломатии США в конце первого десятилетия XXI века. Данный концепт позволяет использовать методы «жесткой силы»: экономического давления (санкции), прямой военной интервенции в страны, в которых устанавливается демократический режим американского образца путем государственного переворота. К методам «мягкой силы» в контексте данной концепции публичной дипломатии относят поддержание имиджа США как лидера, все действия которого на международной арене направлены для обеспечения глобального цивилизационного блага.

Мы наблюдаем, с одной стороны, как идеальные концепции «мягкой силы» Дж. Ная и «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса подвергаются использованию ведущим мировым актором, Соединенными Штатами Америки, в целях культурной гегемонии, превращаясь в полную свою противоположность: в стратегическое действие. Оно является, согласно Ю. Хабермасу, такой же важной составляющей (равно как и коммуникативное действие) социального взаимодействия.

Публичная дипломатия США развивалась пошагово с опорой на идеи Дж. Ная, на концепции «мягкой» и «умной силы» вплоть до середины второго десятилетия XXI века. Госсекретарь Х. Клинтон и эксперты в области публичной дипломатии в период правления Б. Обамы проявляют интерес к идеям Дж. Ная как к инструменту вовлечения зарубежной публики в диалог с правительством США. Здесь мы вновь сталкиваемся со спецификой интерпретации идей Дж. Ная администрацией Обамы в 2010-2012 годах, как с действиями актора-лидера по подключению международной целевой аудитории к амери-

канской повестке дня при помощи инструментов мягкой силы. С точки зрения коммуникативного действия, публичная дипломатия США смещает постепенно акцент с «великого разговора» равнозначных акторов в сторону пропаганды американских ценностей. Венцом стратегии «мягкой» и «умной силы» администрации Обамы становится реализация цифровой дипломатии как инструмента использования сети Интернет в качестве координации и мобилизации Вашингтоном активной молодежи зарубежных стран для протестных движений, и в качестве инструмента для свержения существующих режимов в ходе «цветных революций». Однако эти методы привели не к стабилизации и демократизации режимов, но к хаосу и гражданским войнам в этих странах.

Отечественные эксперты, в частности, Цветкова, отмечают резкую смену концептуальной парадигмы в публичной дипломатии США в период 2013-2015 годов, связанную с переходом к диалоговой пропаганде (или стратегической коммуникации) [4]. Феномен стратегической коммуникации рассматривается отечественными экспертами как концепция ведения информационной войны, подразумевающая тотальную пропаганду в трех сферах: связях с общественностью, публичной дипломатии и информационных операциях. Столь резкий переход к концепции стратегической коммуникации, как считает исследователь Лягушкин, связан с новым этапом информационной войны США и стран Западной Европы против России в свете украинского кризиса 2014-2016 годов [5].

О специфике построения системы государственных стратегических коммуникаций на Украине в 2014-2016 годах пишет эксперт Цветкова. В украинском государственном пространстве было создано Министерство информационной политики и международного вещания как координатор информационной войны против России. Крым стал основной мишенью политики стратегической коммуникации в ряде совместных проектов по линии Украина-НАТО. В частности, стратегию публичной дипломатии получили крымские татары. Как отмечает Цветкова: «Для крымских татар был разработан и презентирован план действий на 2 года. В него входят мероприятия в ООН, посвященные крымскому народу, фотовыставки и др. Их целью является внедрение в сознание международного сообщества идеи, что крымские татары – коренной народ крымского полуострова и Украины, права которых нарушаются Россией, и тем самым побудить международную общественность к ненасильственному сопротивлению присоединению Крыма к России. Для реализации данного плана необходима консолидация идентичности крымских татар, для чего и создаются различные культурные и информационные мероприятия» [6].

Российская публичная дипломатия в данном вопросе, на взгляд автора статьи, вырабатывает особую модель концептуальной парадигмы крымского дискурса, по форме близкую к концепции «великого разговора» Ю. Хабермаса, методу «рациональной реконструкции». Она предполагает открытую дискуссию как акторов-стран международного сообщества, так и отдельных этносов этих государств со сложившимся исторически традиционным автономным жизненным миром, равно как и отдельных представителей этих народов, в ходе межэтнической, межъязыковой и межкультурной коммуникации. Такая модель публичной дипломатии по форме близка к традиционной народной российской дипломатии. На наш взгляд, подобная открытая публичная модель крымского дискурса равнозначных акторов «великого разговора» является самой удачной. Она вовлекает обширное до-речевое пространство жизненных миров акторов дискуссии с целью выявить универсальные, общие для всех участников знания, общие культурные коды, не замутненные идеологической фальсификацией. Такой подход нам кажется наиболее целесообразным в ситуации информационной войны, когда культурные коды подвергаются сознательному искажению, способ «свободной речи» участников форума помогает выявить цивилизационную матрицу универсалий, дабы вскрыть и устранить фальсификацию.

Литература:

1. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия: в 2 т. Франкфурт-на-Майне, 1981. 534 с.
2. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. Москва: Наука, 2001. 471 с.
3. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 2008. No 616. P. 94-109.
4. Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США. От «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3 (42). С. 121-133.
5. Лягушкин И. В. Концепция «стратегических коммуникаций»: новый этап информационной войны против России. Развитие государственности и права в Республике Крым // Материалы всероссийской научно-практической конференции (под ред. С. А. Буткевича), 2016. С. 205-208.
6. Цветкова Н. А., Сытник А. Н. Информационные технологии в реалиях политического кризиса: от сетевого проекта «Евромайдан» да создания стратегической коммуникации на Украине (2013-2016 гг.) // Власть. 2017. Т. 25. № 4. С. 86-91.

Цивилизационные проекты Русского мира

Лазарев Ф.В.

ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, профессор кафедры философии естественно-научного профиля философского факультета, доктор философских наук

fellazarev@rambler.ru

Аннотация: В докладе рассматривается вопрос о цивилизационных проектах Русского мира. Раскрывается специфика российской цивилизации, которая, по мнению автора, заключается в том, что она покоится на четырех социокультурных основаниях – язычество, православие, евразийство и западничество. В настоящее время цивилизационные проекты прошлых эпох исчерпали свой исторический потенциал. Поэтому российское общество стоит перед необходимостью разработки нового проекта. В докладе предпринимается попытка поиска ответов на вопрос о том, как выстраивать новый российский цивилизационный проект. По мнению автора, необходимо извлечь уроки из результатов двух социальных экспериментов, которые случились в отечественной истории в XX веке. Необходимо тщательно, всесторонне и объективно оценить как положительные, так и негативные аспекты. На основании применения диалектического метода подчёркивается, что отрицание старого предполагает не бездумное отбрасывание прошлого опыта, а удержание всего ценного, живого, перспективного из предшествующего этапа развития.

Ключевые слова: российская цивилизация, локальная цивилизация, Русский мир, цивилизационный проект, диалектика, евразийство, западничество.

Civilization Projects of the Russian World.

Lazarev F.V.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Abstract: the report deals with the issue of civilizational projects of the Russian world. The author reveals the specifics of Russian civilization, which, according to the author, consists in the fact that it is based on four socio-cultural foundations-paganism, Orthodoxy, Eurasianism and Westernism. At present, the civilizational projects of past eras have exhausted their historical potential. Therefore, Russian society faces the need to develop a new project. The report attempts to find answers to the question of how to build a new Russian civilizational project. According to the author, it is necessary to draw lessons from the results of two social experiments that occurred in Russian history in the twentieth century. It is necessary to carefully, comprehensively and objectively evaluate both positive and negative aspects. Based on the application of the dialectical method, it is emphasized that the negation of the old does not imply a thoughtless rejection of past experience, but the retention of all valuable, living, and promising from the previous stage of development.

Keywords: Russian civilization, local civilization, Russian world, civilizational project, dialectics, Eurasianism, Westernism.

Великий русский ученый и философ Н.Я. Данилевский в своих работах впервые высказал мысль о том, что Россия - и Русский мир в целом – представляет собой особую локальную цивилизацию со своей историей, многовековым опытом выживания, со своей системой ценностей и культурными традициями. Дальнейших ход событий подтвердил выводы ученого. Сегодня журналисты, деятели культуры часто спорят о том, является ли Россия частью европейской цивилизации. Полагаю, что в этом споре истина на стороне Данилевского. Наша страна никогда не была и не будет окраиной Запада.

Исторически российская цивилизация в своей глубинной тектонической эволюции конституировалась из нескольких культурных плит, которые, то сталкивались между собой, вызывая духовные землетрясения, то наползали друг на друга, вздыбливая культурную почву, то расходились, порождая пропасти. Русский мир постоянно жил в этом глобальном поле напряжения – духовного, экономиче-

ского, геополитического. Можно указать на четыре культурные плиты, четыре истока этого мира:

1. язычество (автохтонная плита);
2. евразийство (туранская плита);
3. православие (византийская плита);
4. западничество (западно-европейская плита).

Важным признаком локальной цивилизации является наличие у нее цивилизационного проекта. Имелись ли у нас такие проекты? Разумеется, имелись. Был проект «Москва- Третий Рим», европейский проект Петра I, равно как и программа построения социалистического общества. Но вот вопрос: есть ли у нас сегодня новый, соответствующий данному этапу развития Большой цивилизационный проект? Видимо, следует признать, что полноценного проекта у нас нет, хотя идет интенсивный поиск новых идей, осмысление нашей культурной идентичности. Общество всерьез задумалось о восстановлении исторической памяти, о возвращении к культурно-историческим корням народной жизни, о возможных оптимальных моделях социально-экономического развития. В последнее время идет весьма оживленная дискуссия о понятии российской нации. Очевидно, что народы нашей страны объединяют в единое целое общая история, единый язык общения, общецивилизационные культурные традиции, общая память о великих подвигах народа.

Вместе с тем, очевидно, что, во-первых, новый цивилизиционный проект действительно необходим, во-вторых, его нельзя взять с потолка, сочинить, он может быть лишь выражением нашего исторического, социального и культурного опыта. Но очевидно и другое: необходима глубокая идейная, интеллектуальная проработка вопроса, некая общественная саморефлексия, ведущая к осознанию ближайшей и отдаленной социально-исторической перспективы. Мы стоим перед новым цивилизационным выбором. Тот выбор, который был сделан в 1991 г., оказался не только неудачным, но и небезопасным для Отечества.

В конце 80-х годов для всех было очевидно, что наша страна нуждается в глубокой модернизации. Вопрос заключается в том, какую выбрать стратегию обновления. Твердо стоять на собственных ногах, оставаясь в рамках традиционного цивилизационного пространства ценностей и механизмов роста – или бездумно броситься в лоно западноевропейской цивилизации? Но дело было не только в том, что наши «верхи» совершили стратегическую ошибку, отказавшись от собственного базиса. Под шумок смены цивилизационного курса они занялись перераспределением несметных богатств страны.

Можно ли выйти из этого тупика? Можно. Важные позитивные сдвиги мы уже наблюдаем с момента вступления в XXI век. Речь идет, прежде всего, о проведенном демонтаже криминально-олигархического режима в нашей стране. В этом контексте вновь возникает вопрос: что дальше? Есть три возможных варианта развития событий: 1) возврат к старой социалистической модели; 2) попытка наконец-то встать на рельсы «цивилизационного» капитализма; 3) разработка собственно автохтонного цивилизационного проекта, активизируя который можно надеяться на возрождение России как уникальной социокультурной системы.

Отказавшись от социалистического выбора, Россия 90-х пошла на новый цивилизационный эксперимент. Но дело не только в том, что, задавшись целью «интегрироваться в западный мир», мы оказались плохими учениками. Неожиданно для нас Запад предстал в своей негативной ипостаси. Началось с того, что НАТО вероломно двинулось к новым сильно усеченным границам России. Дальше – больше. Начались «экономические санкции», информационные войны, русофобия. Россию не «усыновили», а определили в служанки. Но наша страна слишком велика, чтобы быть у кого-то на посылках. Остается одно – начать выстраивать собственную модель возрождения.

Как выстраивать новый цивилизационный проект? Какова должна быть методология этого дела? Прежде всего, необходимо извлечь уроки из результатов двух социальных экспериментов, которые случились в отечественной истории в XX веке. Необходимо тщательно, всесторонне и объективно оценить как положительные, так и негативные аспекты. Диалектика учит, что отрицание старого предполагает не бездумное отбрасывание прошлого опыта, а удержание всего ценного, живого, перспективного из предшествующего этапа развития. Даже негативный опыт имеет ту ценность, что может послужить предостережением от повторения ошибок в будущем. Да, советское общество строило в течение 70-ти лет социализм. Но социалистическое учение – это не какая-то застывшая, идеальная и неизменная конструкция. Что из этого опыта можно и нужно взять сегодня? Во-первых, идею о социально ориентированном государстве, во-вторых, принцип экономического планирования по стратегическим направлениям, в-третьих, серьезную заботу государства (во взаимодействии с гражданским обществом) о нравственном здоровье народа вообще и подрастающего поколения в особенности, в-четвертых, ликвидацию безработицы и преступности. Возможность модернизации социалистических принципов прекрасно демонстрирует нам современный Китай.

Из нашего «западного опыта» необходимо по-прежнему гибко использовать механизмы рыночной экономики, социальные технологии демократизации политической, общественной и культурной жизни, но при этом не забывать исконных ценностей Русского мира, его духовных и цивилизационных скреп. Взяв все жизнеспособное из прошлого опыта, необходимо сделать следующий шаг – в полной мере возродить великие традиции и цивилизационные константы отечественной истории. В процессе выработки программы возрождения России важно также использовать опыт китайской цивилизации. Восточная мудрость помогла нашему азиатскому соседу примирить традиции и новаторские идеи научно-технической революции, социализм и рыночную экономику. Ему удалось также органично воспринять важные элементы гуманистических принципов Русского мира.

Крымская идентичность в контексте евразийской интеграции

Переход С.О.

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма (Крымский федеральный университет), научный сотрудник, кандидат философских наук

sperekhod74@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается место крымской идентичности в формировании евразийской интеграции на протяжении всей истории. Уделяется внимание генезису и истории образования крымского субэтноса как результат крымской идентичности. Под Крымским субэтносом мы понимаем совокупность национальных, этнических, социальных и религиозных групп, которые объединены в рамках крымского полуострова Русской идеей для достижения общего блага. В XVIII в. - середине XX в. в результате многочисленных миграционных потоков на Крымский полуостров прибыли различные этнокультурные общности. В результате диалектического слияния различных этнических потоков к концу XIX века сложился особый крымский культурный код. Только после интеграции Крыма в состав Российской империи все национальные и этнические группы получили возможность полноценного существования в рамках многонационального общества.

Ключевые слова: Крым, идентичность, Евразия, интеграция, субэтнос, геополитика, русская философия.

Crimean Identity in the Context of Eurasian Integrity.

Perekhod S.O.

Research Center of History and Archeology of Crimea (Crimea Federal University), research assistant

Abstract: The article studies the place of Crimean identity in the formation of Eurasian integration throughout history. Attention is paid to the genesis and history of the formation of the Crimean sub-ethnic group as a result of the Crimean identity. One considers the Crimean sub-ethnic group as the totality of national, ethnic, social and religious groups that are united within the Crimean Peninsula by the Russian idea to achieve the common good. In the XVIIIth and mid - XXth centuries, as a result of numerous migration flows, various ethno-cultural communities arrived on the Crimean Peninsula. As a result of the dialectical merging of various ethnic streams, a special Crimean cultural code was formed by the end of the XIX century. Only after the integration of Crimea into the Russian Empire all national and ethnic groups have got the opportunity to exist and develop within the multinational society.

Keywords: Crimea, identity, Eurasia, integration, sub-ethnos, geopolitics, Russian philosophy.

Рассматривая Крым как особый социокультурный тип в русском цивилизационном дискурсе, можно сделать вывод, что на Крымском полуострове сложилась особая идентичность, состоящая из различных этнических, религиозных, культурных субстратов. Выгодное геополитическое положения Крыма в Евразии давало ему некие преимущества при решении различных геополитических конфликтов. На территории Крыма осуществляли взаимодействия различные геополитические игроки: скифы, Древняя Греция, Византия, Киевская Русь, Речь Посполитая. В результате чего на полуострове сложился особый этнос, состоящий из различных этнических групп. Рассматривая генезис и историю развития особого Крымского субэтноса, мы приходим к выводу, что географические, климатические и геополитические особенности влияли на формирование крымской идентичности. Несмотря на оторванность от континента, Крым состоялся как один из региональных игроков на территории большой Евразии. Государства в борьбе за влияние в Северном Причерноморье и в Евразии не могли не обойти своим вниманием стратегическое положение Крымского полуострова. Его выгодное расположение отмечали еще в Древней Греции, что привело к эллинской колонизации в V-VI вв. до нашей эры. Тогда были основаны греческие полисы в Крыму: Херсонес Таврический, Керкинитида, Феодосия, Евпатория. В результате взаимодействия греческого и автохтонного поселения (тавров и скифов) сложилась особая этнокультурная общность. Она объединила в себе культуру и традиции различных наций, этносов и

конфессий. Важная особенность крымской идентичности заключается во взаимоуважении различных этнических групп на базе их диалектического соединения. Так было на протяжении всей истории Крыма. Крым является площадкой для диалога различных культур. Это можно проследить на различных этапах истории Крыма. Взаимодействие Византии и Киевской Руси, инкорпорация туранского субстрата в крымский субэтнос способствовали появлению крымско-татарского этноса.

Новым этапом в истории Крыма стало крещение Владимира Великого в Херсонесе Таврическом, что привело Крым в Древнерусское государство. Понятие христианства навечно связало Крым и Русь в единое цивилизационное пространство. Крым - колыбель православия, это наложило отпечаток на формирование крымской идентичности, которая стала составной частью русской идентичности. Владение Крымом Российским государством являлась одной из главных геополитических задач на протяжении веков. Историческое присоединение Крыма к Российской империи в 1783 дало крымскому этносу стимул и толчок для дальнейшего экономического и культурного развития. Окончательно сложился крымский этнос как диалектическое соединение туранской и славянской этнической общности. После интеграции Крыма в состав России все национальные и этнические группы получили возможность полноценного развития в рамках многонационального общества. Поликультурный характер субэтноса обуславливается формированием крымского инварианта общерусской идеи. Все национальные, этнические, религиозные группы, проживающие на территории Крыма, объединены единой целью – достижение общего блага. Крымский субэтнос успешно реализует материальные и духовные потребности в различных сферах жизни. Например, появился особый тип крымского искусства и архитектуры (крымский ампир) в конце XIX – начала XX вв. Особое влияние на формирование крымской идентичности оказали такие видные представители русской философии как В. И. Вернадский, С. Н. Булгаков, Г. Г. Шпет. Они стояли у истоков формирования высшего образования в Крыму. В. И. Вернадский (один из основоположников теории ноосферы) стал ректором Таврического университета, образованного в 1918 году. С. Н. Булгаков и Г. Г. Шпет являлись основателями отечественной крымской школы русской философии. Они преподавали на кафедре философии Таврического университета и в Таврической духовной академии. Отец Сергий в Крыму начал работу над своим фундаментальным трудом по философии имени. В 20-х годах Крым стал центром, где представители русского гуманитарного направления моделировали пути выхода из политического и культурного кризиса, размышляли о судьбе России. В годы правления барона Врангеля в Крыму были предприняты попытки реализации экономических реформ. Предполагалось, что в случае удачной реализации реформирования экономики Крыма эти реформы должны быть перенесены на общероссийский уровень. В советский период видными креаторами формирования крымской идентичности являлись Войно-Ясенецкий, Сагатовский, Шумилина, Лазарев, Берестовская и др. В своих научных трудах они разрабатывали различные аспекты русской философии, культуры, святоотеческого богословия. Большой вклад в развитие русской богословской мысли XX века внес архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), причисленный в наше время к лику святых. В своем философско-богословском труде «Дух, душа и тело» Лука рассмотрел взаимодействие духовного и телесного в сущности Человека. В середине XX в. и в начале XXI в. ярким представителем крымской школы русской философии был заведующий кафедрой философии Симферопольского государственного университета проф. В. А. Сагатовский. Он являлся одним из фундаторов и активных участников восстановления Крымской республики как субъекта союзного договора. Основанием обретения данного статуса стал первый Референдум на территории Светского Союза 20 января 1991 года. Данное решение было главным этапом восстановления исторической справедливости воссоединения Крыма с Россией.

Следует отметить основные положения крымской идентичности: крымская субидея есть неотъемлемая составляющая русского цивилизационного архетипа, основные константы русской цивилизации имеют свою рецепцию в крымской действительности, Крым имеет этнополитические и экономико-географические особенности. Эти особенности характеризуются следующими факторами: 1) Религиозный фактор (мирное и гармоничное сосуществование православия и ислама). 2) Поликультурный фактор (многонациональное сообщество, в котором национальные и социальные субъекты существуют в диалектическом единстве). 3) Территориальный фактор - транзитивность (нахождение Крымского полуострова на перекрестке торговых путей). 4) Рекреационно-климатический фактор (существование благоприятных условий для развития морского, экуменического, горного и зеленого видов туризма).

Исходя из особенностей крымской идентичности, мы приходим к следующим выводам: Крым как составная часть русской цивилизации выполняет историческую роль интеграции на постсовет-

ском пространстве и выполняет функцию преемника исторической миссии в обустройстве глобального миропорядка. В результате событий крымской весны 2014 года Крым вновь оказался в центре геополитических проблем. Это показывает историческое значение Крыма в формировании единого евразийского пространства. После воссоединения Крыма с Россией изменилась парадигма: данный исторический факт дал толчок реинтеграции постсоветского пространства в единое целое. Один из представителей евразийства, Н. Я. Данилевский, в своих исследованиях выделил русскую культуру в особый культурно-исторический тип. Рассматривая архетип русского государства, представители евразийства отмечали диалектическое единство славянского и тюркского элементов, что способствовало поступательному развитию экономики и политики в России. Русская философская мысль зарубежья в начале XX века внесла вклад в формирование философско-политического направления евразийства, которое стало разумной альтернативой большевистской идеологии. К теоретикам евразийства относятся Г. В. Вернадский, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский. Они выдвинули тезис «Россия как мост между рационализмом Запада и аскезой Востока». Так как Россия является многонациональной страной, все национальности и этнические группы должны находиться под покровительством русского государства. Основные положения данной концепции впервые были сформулированы в 1921 году в сборнике статей «Исход к Востоку». Данная философско-политическая парадигма была продолжена в советский и постсоветский периоды. Обращалось внимание на интеграцию постсоветского пространства возле Российской Федерации. Концепция Русского мира состояла из идеи соединения всех русских земель вокруг исторического центра со столицей в Москве. Это стало основой для философских изысканий представителей неоевразийства: Льва Гумилева, А. Г. Дугина, А. С. Панарина. Они соединили теоретическое наследие прошлого с новыми реалиями постиндустриального общества. Лев Гумилев в своей истриософской концепции пассионарности высказал мнение, что русский народ как пассионарный народ сформировался и развивался в результате «диалога леса и степи или кочевников и хлебопашцев». Особое внимание Гумилев уделил туранскому фактору, который, по его мнению, «оплодотворил русский народ как государствообразующий». Рассматривая объективные и субъективные предпосылки распада СССР, неоевразийцы приходят к выводу, что причина кроется в создании национальных автономий, где сложилась политическая элита. При ослаблении центра они установили националистические лозунги и в результате получили реальную автономную власть.

На основании вышесказанного, можно сделать следующие выводы: крымская идентичность является одной из основ формирования русской цивилизации. Крым как особый социокультурный тип сыграл особую роль в интеграции на Евразийском пространстве. Крым является примером положительного решения мирного и гармоничного сосуществования более 130 народностей – представителей всех религиозных конфессий, Крым обладает огромными реальными и потенциальными возможностями для решения геополитических, культурных, национальных и религиозных проблем в Северном Причерноморье.

Литература:

1. Греки и славянский мир. Сборник научных статей//Крымский архив. 2002. Вып.1. 348 с.
2. Переход С.О. Русская идея: история и современность//Украинский журнал русской философии. Русская философия: история, методология, жизнь, 2011. Вып.10. С.750-756.
3. Переход С.О. Крым в контексте Русской идеи//Украинский журнал русской философии. История философии в отечественной духовной культуре, 2014. Вып.11. С. 576-579.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: МГУ, 1990. 256 с.
5. Никифоров А.Р. Три проекции крымской идеи. Симферополь: Доля, 1995. 80 с.
6. Мальгин А.Н. Крымский узел: очерки истории Крымского полуострова (1989-1991). Симферополь: Доля, 2001. 156 с.

Архитектоника Евросоюза и воссоединение Крыма как пролог стратегии цивилизационной реинтеграции

Расторгуев В.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, доктор философских наук

rv1812@yandex.ru

Аннотация. Строительство Европейского союза во многом предопределено историей его создания и положенными в основу проекта концепциями, которые предусматривали негативную солидаризацию перед лицом общего врага. Одна из них – концепция графа Р. Куденхове-Калерги, создателя Панъевропейского союза как одной из наиболее деятельных организаций, взявшей на себя еще в середине 20-х годов прошлого века роль «конструкторского бюро» Единой Европы. В докладе используются эксклюзивная информация об обсуждении этой темы на заседаниях Панъевропейского союза в Праге. Особое внимание уделяется современной геополитической ситуации, требующей пересмотра базовых стратегий с учетом новых акторов мировой политики, в качестве которых выступают страны-цивилизации и прежде всего Россия, предлагающая после воссоединения Крыма новые модели политики цивилизационной реинтеграции.

Ключевые слова: Панъевропейский союз, цивилизационная реинтеграция, европейское строительство, крымский выбор.

EU Architectonics and the reunion of Crimea as a prologue to civilizational reintegration strategies “Crimea in the Russian civilization space”.

Rastorguev V.N.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Annotation: The construction of the European Union is largely predetermined by the history of its creation and the concepts underlying the project, which provided for negative solidarity in the face of a common enemy. One of them is the concept of Count R. Kudenhove-Kalergi, the creator of the Pan-European Union as one of the most active organizations, which assumed the role of the “design bureau” of United Europe in the mid-1920s. The article uses exclusive information about the discussion of this topic at the meetings of the Pan-European Union in Prague. Particular attention is paid to the current geopolitical situation, which requires a review of basic strategies, taking into account the new actors in world politics, which are the civilization countries and, above all, Russia, which after the reunification of Crimea offers new models of the policy of civilizational reintegration.

Keywords: Pan-European Union, civilizational reintegration, European construction, Crimean choice.

Отсутствие единой и общепринятой панъевропейской версии в стратегии построения Европейского союза одновременно свидетельствует и о слабости идеи, заложенной в основу этого грандиозного проекта, и об её скрытом потенциале. Слабость проявляется в том, что многообразие подходов и принципов разделило адептов пан-Европы на федералистов, унионистов и функционалистов, а также сторонников так называемых смешанных моделей. У каждой из этих версий своя история, свои предтечи и противники, а главное – своя система аргументации и особые критерии оценки. Вряд ли кто-нибудь может взять сегодня на себя роль третейского судьи, поскольку в конечном итоге выбор будет сделан не политиками и не «яйцеголовыми», а народами Европы. И в это заключен потенциал идеи строительства. Думается, что главная особенность замысла ЕС, заложенного в проекте одного из «главных конструкторов» Единой Европы Р. Куденхове-Калерги, состояла в том, что ему, как никому другому, удалось соединить два начала. Во-первых, это мощный импульс, который только и способен объединить «шайку разбойников» в единый союз – образ общего врага. В тот период (седина 20-х годов прошлого века) основные угрозы исходили от шовинистической истерии в лагере победителей

и побежденных, что и стало фактором, породившим позднее германский нацизм. Не меньшие угрозы были, по его мнению, скрыты в реальной возможности объединения стран, назначенных государствами-победителями изгоями (Германия и Россия) и перспективы раздела Европы в случае новой мировой войны, где победителем может быть, как считал Куденхове-Калерги, только Россия. Во-вторых, главное в концепции – её ярко выраженное проектное начало, что и позволило пройти ей путь от чистой утопии до реальной стратегии. Сегодня стоит вопрос о том, что необходимо сделать, чтобы не допустить перерождения частично реализованного проекта и не передать его в руки поджигателей новой мировой войны?

Следует заметить, что автор этого доклада дважды выступал в качестве приглашённого гостя на заседаниях Панъевропейского союза – организации, созданной Куденхове-Калерги как конструкторское бюро ЕС. И во время одного их докладов, вызвавших одобрение у аудитории, было предложено переформулировать это вопрос: «Что могут европейцы, как и граждане России совместно сделать после того, что мы уже сотворили с культурами народов и судьбами миллионов людей? Как выстроить систему приоритетов?» Совместная работа над Панъевропейским проектом – это и есть ключевой политический вопрос наших дней. А Россия, определяя сегодня стратегию долгосрочных отношений с Евросоюзом в контексте Евразийского проекта, определяет и нечто большее – модель собственного развития на историческую перспективу. Но если мы с уверенностью говорим, что стратегия России в значительной степени будет предопределена выбором европейцев, то не вызывает сомнений и другой факт: стратегия новой Европы обречена вновь превратиться в утопию, если не будет найден общий алгоритм продвижения к этому проекту подлинно единой Европы и обновленной России. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что в политтехнологическом отношении эта задача трудноосуществима, хотя Россия и является членом Совета Европы. Слишком многое сделано на пути деструкции, слишком глубокая рана была нанесена по цивилизационному стержню Российского государства – по единству его славянского государствообразующего этноса, и слишком масштабны последствия превращения Украины в разменную карту на пути создания «русофобского буфера» из славянских государств Европы. Мешают и факторы, связанные с особенностью бюрократических механизмов Брюсселя и Москвы, а также, конечно, с внешним влиянием, в числе которых недостаточная самостоятельность и подконтрольность центров принятия решений в ЕС.

Тот факт, что Европа легко идет на колоссальный риск, конструируя свой самообраз, как и сто лет назад, через образ врага в лице России, объясняется достаточно просто. Во- первых, генетически заложенным в культурный код и массовое сознание страхом перед огромной империей, которая, по словам Куденхове-Калерги, при любом исходе возродится (этот страх был многократно усилен реальной угрозой мировой революции, исходившей из России, где уничтожение христианской европейской традиции шло куда энергичнее, чем это делали радикальные либералы на Западе). А во-вторых, прямо противоположной установкой. Эта установка – глубоко спрятанная в подсознании образованного европейца уверенность в безопасности, соседствующая со страхом перед Россией, которая за всю историю ни разу не выступала как захватчик. К тому же Россия была и останется носительницей европейской культуры в ее высших и традиционных проявлениях. При этом доминирует надежда на то, что процесс демократического обновления России по западному образцу будет необратим.

Последний тезис, к сожалению, вызывает большое сомнение. Степень принудительной, идущей извне изоляции и уровень реальной военной угрозы, исходящей от «управляемой Европы», способна в короткое время качественно изменить исторический выбор России и нанести непоправимый удар по безопасности (в первую очередь – энергетической) всего европейского мира. Стратегия, построенная по принципу «Европа – это анти-Россия», наверное, имела право на существование во времена Куденхове-Калерги, поскольку сама Россия долго была анти-Россией (направленность политического курса на истребление основ Русской цивилизации в пользу глобалистского проекта мировой революции). Но для того, чтобы быть хорошим политиком, иногда надо быть выше самой политики, поскольку политика – не самоцель, а инструмент. Это касается, в первую очередь, потенциала цивилизационного подхода.

Когда мы говорим о русской цивилизации, то по логике вещей вынуждены задумываться и о реинтеграционной политике нашей страны, поскольку русская цивилизация не ограничивается пространством Российской Федерации. Судьбоносным событием на этом пути стала Крымская весна. По сути, воссоединение Крыма – это и есть реализованная, действующая Стратегия российской реинтеграции, но стратегия особая – нигде и никем ещё не прописанная, не нашедшая отражения в действующем законодательстве. Но она уже работает, ее поддерживает абсолютное большинство крымчан и почти все граждане России! Наша задача заключается в том, чтобы эту стратегию, имеющую массу преимуществ по отношению к альтернативным стратегиям, максимально поддержать её и заложить серьёзный научно-аналитический фундамент. В этой связи очень важный аспект, который основатель цивилизационной теории Николай Яковлевич Данилевский называл историческим синхронизмом или совпадением роковых событий. Дело в том, что реинтеграция Крыма наполняется новым смыслом на фоне парада роковых событий, которыми был ознаменован переход России и мира в Третье тысячелетие от Рождества Христова.

Остановимся только на нескольких событийных рядах, непосредственно связанных с отношениями между Россией и Европой. Увы, по значимости выделяются по преимуществу истории войн, побед и поражений. Самое прискорбное заключается в том, что воевали между собой христианские, а иногда и православные, славянские страны. И первый по значимости событийный ряд – 2010-2020 годы. 2010 год – 65-летие, а 2020 – 75-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне. Этот период особо важен, т.к. живы герои войны, ставшей едва ли не главным основанием гражданской самоидентификации народов России. И каждый день перед нами проходит хроника той войны, которая почти у каждой семьи в России отняла близких, а также хроника освободительной европейской миссии России, что позволило ценою невиданных жертв восстановить суверенитеты тех европейских народов и государств, которые сегодня сообща создают единую Европу.

Вслед за этим придется детально вспоминать о событиях другой великой войны. 2012- 2014 годы – двухсотлетие со дня «Нашествия двунадесяти языков», как раньше называли Великую освободительную миссию России в начале XIX века, Отечественную войну 1812 года. Тогда точно так же русские войска платили своей кровью за освобождение европейских государств. Суть урока этой войны проста, но принимается с трудом: общими врагами и России, и Европы были силы, стремившиеся столкнуть Европу и Россию, как бы эти силы себя не позиционировали тогда и ныне. В силу многих обстоятельств и, прежде всего, политических интриг, нежелания учиться на собственных ошибках этот союз стал антироссийским и до сих пор сохраняет в себе эту гибельную для самой Европы направленность. Уже при Наполеоне (во многом, кстати, против его воли) и после его падения Европа превратилась в анти-Россию, а Россия в глазах европейцев – в анти-Европу. Третий событийный ряд – 2012-2013 годы – столетие балканских войн, их хроника. История вновь и вновь давала нам уроки, свидетельствующие о пагубности межцивизационных войн и об особых рисках, связанных с противостоянием между православными государствами. Как известно, Первая Балканская война – война коалиции (Балканского союза) Сербии, Болгарии, Черногории и Греции против Турции. Эта война стала прелюдией ко Второй Балканской войне – столкновению коалиции и примкнувшим к ней Турции и Румынии уже против Болгарии. Отсюда вытекают тяжелейшие последствия и для Европы и для России, обернувшиеся в итоге глобальной катастрофой - началом Первой мировой войны, которая, как не без основания считают многие мыслители нашего времени, не закончилась и по сей день, усугубив разделение Европы и России. Многие исследователи приходят к выводу, что и Вторая мировая война – продолжение Первой в новом историческом контексте, с новыми геополитическими акторами, но на том же театре боевых действий и с еще более чудовищными и невосполнимыми жертвами для европейцев и россиян.

На это наслаивается еще один событийный ряд – это 2010-2012 годы – период, когда мы отмечали 400-летие спасения России, ключ к которому – национальное единство, обретенное на краю гибели. И конечно, событийный ряд, мимо которого нельзя пройти, - 2013- 2017 годы. Речь идет о столетии со дня взлета династии Романовых (в 1913 году с невиданным размахом отмечался 300-летний юбилей Дома Романовых) и о трагическом пути династии к гибели, которая произошла на фоне мировой катастрофы и крушения основных европейских империй. Среди целей войн и революций – сознательное уничтожение самих цивилизационных основ «старого мира», превращение Европы и России в расчищенную «стройплощадку», пригодную для реализации геополитических проектов.

Роль Южного Берега Крыма в построении цивилизационной модели России и поликультурного мира.

Свешникова И.П.

Крымская региональная общественная организация «Центр духовной культуры «ЛЕБЕДЬ», председатель, Народный университет культуры и здорового образа жизни, ректор. Доктор философии (PhD), магистр педагогических наук (педагогика высшей школы)

yalta-sventana@yandex.ru

Аннотация: Доклад посвящен проблеме сохранения культурно-исторического наследия Южного берега Крыма. Многие из сакральных объектов ЮБК внесли большой духовный, культурный, научный, исторический вклад в формирование цивилизационной модели России, следовательно, нуждаются в особой охране и заботе государства.

Ключевые слова: Южный берег Крыма, русская цивилизация, культурное наследие, поликультурный мир, сакральная география, культурные ландшафты.

The role of the South Coast of Crimea in the construction of civilization models of Russia and the multicultural world.

Sveshnikova I.P.

Crimean regional public organization «Center of spiritual culture «SWAN», People's university of culture and healthy lifestyle

Abstract: The report is devoted to the maintenance of the cultural and historical heritage of the Southern coast of Crimea. Many of the South Coast sacred objects have civilizational importance, as they have made a great spiritual, cultural, scientific, historical contribution to the formation of the civilizational model of Russia.

Keywords: Southern coast of Crimea, Russian civilization, cultural heritage, multicultural world, sacred geography, cultural landscapes.

Сохранение культурно-исторического наследия народов является актуальной проблемой для многих регионов России. Вопросы сохранения историко-культурного и природного наследия, генерирования научного знания и методов его представления обществу в современных условиях приобретают особую актуальность. В связи с этим «необходима систематическая координация направлений, форм и методов научных изысканий учёных различных специальностей и сотрудников учреждений культуры. Результаты данных изысканий становятся стратегическим ресурсом страны» [1, с.157]. Подобный подход применим ко многим регионам России, в том числе и к культурному наследию Крыма.

Тема «Историко-культурное и научное наследие как стратегический ресурс Сибири и России» была одним из направлений работы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество [1, с. 157]. В материалах конференции подчеркивалось, что «исследование сферы наследия, включающего, помимо музеев, работающих с движимыми памятниками, множество других форм (движимых, недвижимых и нематериальных), создаёт контент социокультурного пространства Сибири, служит формированию идентичности граждан России, определяет мировоззренческие константы современности, выступает ресурсом развития региона и всей страны» [1, с.157].

В период украинской юрисдикции в условиях политики изменения идентичности населения культурно-историческое наследие Крыма планировалось подчинить глобальным и украинским сценариям развития. Объекты наследия варварски приватизировались, застраивались и попросту разрушались. «Крым российским никогда не был» — такие заявления выразили смысл отношения современной Украины к Крыму. После возврата Крыма в Россию сохранилась некоторая инерция в отношении богатейшего крымского наследия, задержки с передачей исторических объектов в федеральную собственность, промедление с получением охранного статуса, ремонтом или реставрацией. Посетители Крыма, как российские, так и зарубежные, интересуются не только отдыхом у моря в отелях, но и богатейшей

историей, археологией, духовностью, традициями многочисленных народов, обогатившими культурное пространство Крыма наследием мировых цивилизаций, научными достижениями, связанными с Крымом и достижениями курортного оздоровления народа советского периода. Все это и составляет «стратегический ресурс» Крыма.

«Человек строит свой дом – культуру», слова эти принадлежат Д. С. Лихачеву, выдвинувшему понятие «экологии культуры» - самоценности всех типов культуры, их сохранение, развитие и уравновешивание в бытии людей.

Фонд имени Д. С. Лихачева в партнерстве с Государственным Эрмитажем реализует проект «Южный берег Крыма — территория всемирного наследия». Его цель — сохранение культурного и природного наследия Южного берега Крыма. Для Фонда Лихачева охрана наследия является, безусловно, важнейшей целью. Ниже приводятся основные выводы работы экспертной комиссии.

В материалах экспертного проекта подчеркнуто, что, многовековая история Южнобережья, история древних тавров и скифов, античных греков-колонизаторов и римских легионеров, византийцев, венецианцев и генуэзцев, татар Крымского ханства, безусловно, носит цивилизационный характер. Древние поселения, святилища, военные укрепления, дороги, захоронения — эти памятники вдохновляли на исследования не только профессиональных историков и археологов, но и представителей императорской фамилии, дворянской элиты России, отдыхавших здесь творческих людей, дачников и местных жителей. И. Н. Медведева-Томашевская писала: «Крым был олицетворением черноморской политики Русского государства. Крым был сокровищницей южных природных богатств. Крым связывал Россию с миром античной древности, колыбелью европейской культуры», «аристократической полосой, заповедником знати сделалось побережье от Артека до Фороса. Было достаточно пятнадцати лет, чтобы побережье превратилось в «блистательную дачу». Виноделие, садоводство, устройство парков было и основным видом крымского творчества, и серьезным производственным процессом с выдающимися достижениями. А курортология и медицина стали делом чести и долгом для многих живших здесь людей [2, с. 12]. Эпицентром развития рукотворного ландшафта стал Никитский ботанический сад, основанный в 1812 году. Как повелела еще Екатерина Великая, «одним из главных предметов в Тавриде могли бы быть сады и особенно сады ботанические». Никитский сад — родоначальник всех парков Крыма и почти сотни парков в разных уголках России. Растения из него раздавали бесплатно или продавали очень дешево. Первый директор сада Христиан Стевен за время своей работы лично раздал свыше ста тысяч саженцев деревьев. С каждого получателя бралась расписка в том, что деревца будут посажены по всем правилам.

Сейчас на Южнобережье находятся 33 парка федерального и местного значения общей площадью 1000 га. Очень сложным для экспертной работы комиссии фонда Лихачева оказался вопрос доступа к паркам и другим объектам наследия, многие из которых находятся в частной собственности или являются закрытыми объектами. «Это огромная проблема — как обеспечить не только сохранность, но и доступ к объектам культурного наследия и береговой линии. Во многих странах этот вопрос решен радикально на основании «права прохода» — люди имеют возможность постоянного доступа к пляжам и паркам, которые «не принадлежат никому и принадлежат всем». Закрытость территорий на Южном берегу вредит и развитию культурного туризма, и изучению наследия» [2, с. 13].

По словам выдающего исследователя ЮБК А. А. Галиченко «Накануне революции в Таврической губернии числилось 1100 крупных и мелких имений. Среди нескольких поколений, связавших свою жизнь с Крымом, были разные люди: деятельно служившие своему Отечеству и праздные, проявившие себя в сражениях и на государственной службе, очень знаменитые и никому не известные. Роднило их одно — восторженное, романтическое отношение к сказочно прекрасному краю с богатым историческим прошлым. Здесь невольно проявлялось творческое начало человека. В каждом имении или курорте была вилла-дворец и огромный парк. Парки переходили один в другой — на всем протяжении берега» [3, с. 41]. Исторический берег-парк одухотворен творчеством российских гениев — А. С. Пушкина, А. П. Чехова, И. А. Бунина, И. К. Айвазовского и всех тех, кто здесь творил.

Берег-парк сохранялся и развивался и в советский период — и тоже как государственный проект «Всесоюзной здравницы». Разумеется, послереволюционные годы нанесли культурному наследию серьезный урон, но при этом генеральные планы Южнобережья, составленные ведущими советскими архитекторами, были планами города-сада, берега-парка. Советские санатории подражали традициям южнокрымских аристократических имений и курортов, основой новых санаториев были парки, постройки создавались в едином архитектурном стиле. Действовали жесткие охранные меры, существо-

вали строгие запреты на строительство в заповедниках и парках.

Потери Южнобережья после распада СССР открывают такие вопиющие утраты, как разрушение винзавода «Магарач» (основан в 1828-м году, разрушен в 2013-м), утраты огромных территорий Никитского сада (на месте розария и исторических коллекций растений построено более 50 коттеджей и высотных зданий)… В постсоветский период были окончательно разрушены пешеходные тропы вдоль моря, и доступ к морю прегражден частным строительством. Список потерь велик и, к сожалению, не исчерпан.

Крымские ученые, сотрудники музеев, краеведы, неравнодушные представители общественности вносят свой вклад в изучение и сохранение культурно-исторического наследия. Кафедра культурологии Крымского федерального университета многие годы изучает культурные ландшафты Крыма, в частности, «сакральную роль Крыма в формировании российской государственности и русской культуры» [4, с. 25]. Особое духовное значение сыграла древняя Таврика в распространении христианства (как до, так и после крещения князя Владимира Святославича и Руси в 988-ом году).

Пребывание в Крыму апостола Андрея Первозванного, Климента Римского, святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, обретших останки Климента Римского, сыграли значительную роль в формировании славянского культурно-исторического типа, русской цивилизации [5, с. 12]. Корсунь (средневековое название Херсонеса, Севастополь) стала местом создания модели будущей Святой Руси, одухотворяющей все стороны жизни человека и государства, дала импульс для распространения этой модели на пространстве Киевской и московской Руси, создала своеобразную духовную спираль эволюции [6, с. 18].

Особая 130-летняя «Царская эпоха» ЮБК отличается от предшествующего периода зависимости Тавриды от Турции строительством и благоустройством усадеб, развитием дорог и поселений. В усадебный комплекс, как правило, входили храм, парк, и дворец (вилла). Земля Тавриды украсилась десятками уникальных храмов, создавших духовную твердыню Крыма и России. Российские императоры, начиная с Александра I до Николая II, великие князья с семьями, представители элиты Российской империи, создавали великолепные имения, которые и составляют значительную часть уникального наследия ЮБК. Ореанда, Ливадия, Массандра, Дюльбер, Харакс, Ай-Тодор, - эти названия хорошо известны почитателям российской истории и государственности [7, с. 6]. Ливадия стала местом разработки миротворческих инициатив императоров Александра III и Николая II, создав духовные предпосылки для Ялтинской Конференции. Эти места помнят и прощание остатков династии Романовых с Россией. Южных Берег Крыма стал свидетелем гибели и «исхода» тысяч жителей дореволюционной России самого разного происхождения и состояния. После революции Крым стал местом отдыха, оздоровления, творчества самых разных представителей советского народа, местом исторических событий мирового масштаба (Ялтинская конференция).

В настоящее время Южнобережье является местом формирования особых сакральных культурных объектов, отражающих отдельные аспекты бытия русской и мировой цивилизаций [8].

Автором разработаны тематические культурологические маршруты по достопримечательностям Южного берега Крыма, несущим ценности и смыслы цивилизационного значения:

— Мыс Сарыч, Форос, имение Н.Я.Данилевского — Мшатка (преодоление катастроф, модели культурно-исторических типов, лежащих в основе мировых цивилизаций) [9];

— Ливадия, Алупка, Кореиз (Ливадийский, Юсуповский. Воронцовский дворцы) (переход от биполярной и однополярный модели к полицентричной модели мироустройства, содружество мировых лидеров, подготовка «ЯЛТЫ II»);

— Симеиз, Голубой залив. Кацивели, Крымская обсерватория (познание вселенной, как научное, так и духовное);

— Гурзуф, Партенит, Малый Маяк — «Долина Девы» (Благословение Женщины – монастырь иконы Богородицы «Всецарица», имение княгини Гагариной, гора Кастель);

— Массандра, НИИ имени И.М. Сеченова, все здравницы Южнобережья, (способны создать потенциал оздоровления человека медицинскими, природными и духовными средствами) [10] …

Таким образом, природный, духовный, культурный исторический потенциал ЮБК подготавливает новый этап становления русской цивилизации, формирование многополярной модели мироустройства, поэтому нуждается в особой охране и бережном воссоздании.

Литература:

1. Бураева С. В. II Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: Наука. Наследие. Общество» (Улан-Удэ, 9–12 сентября 2019 г.) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. / Под ред. В.Я.Панченко. М.: Изд-во РФФИ. 2019. № 4 (97). С. 154-159.
2. Южный Берег Крыма. Материалы к описанию культурного ландшафта. / Сб. под ред. Останина Б. В. СПб. Европейский дом. 2019. Вып. 1. 384 с.
3. Галиченко А.А.Старинные усадьбы Крыма. Симферополь: Бизнес – Информ, 2016.416 с.
4. Берестовская Д.С. Культурные ландшафты Крыма: коллективная монография. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. 380 с.
5. Лисовой Н.Н. Древние благословления Тавриды // Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». Сакральная география. Места памяти. Крым (2015г. №1) http://www.intelros.ru/readroom/samopoznanie/samo1-2015 (активна на 14.01.2020)
6. Фадеева Т.М. Крым в сакральном пространстве. Симферополь: Бизнес – Информ, 2003. 304с.
7. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму…». Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. 320 с.
8. Свешникова И. П. Сакральные объекты культурного ландшафта Южного берега Крыма // XIII Таврические философские чтения «Анахарсис» (г. Симферополь, 2016) http://anacharsis.cfuv.ru/tezisy.html (активна на 13.01.2020 г.)
9. Свешникова И.П. Форос Н.Я.Данилевского. Ценности и смыслы Русской цивилизации // Культура и экология – основы устойчивого развития России: материалы V Международного форума (г. Екатеринбург, 13-15 апреля 2017 г.) / Ред. В.П.Ануфриев. Екатеринбург: ФГАОУ ВПО УрФУ, 2017. С. 107 – 110.
10. Свешникова И. П., Савченко В.М. Здоровье и духовность. Программа формирования духовного здоровья // Актуальные вопросы курортологии, физиотерапии и медицинской реабилитации: труды КРУ «НИИ им. И.М. Сеченова» (октябрь, 2014г.). Ялта. КРУ «НИИ им. Сеченова», 2014. С. 101-104.

Политическое пространство и социальное время Крыма: синергия смыслов и ценностей

Сенюшкина Т.А.

Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского, профессор кафедры политических наук и международных отношений. Доктор политических наук

tsenyushkina@yandex.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка раскрытия сущности политического пространства и социального времени Крыма при помощи такого категориального ряда как «синергия смыслов и ценностей». Подчёркивается, что политическая жизнь Крыма в разные исторические эпохи осуществляется в определённом политическом пространстве и социальном времени, которые определяют особенности политической культуры, социальных смыслов и коллективных ценностей. Наряду с коллективным измерением этой проблемы рассматривается также и уровень индивидуального сознания человека, в той или иной степени включённого в политическую реальность. Исходя из теории относительности А.Эйнштейна автор утверждает, что изучение политического пространства и социального времени Крыма должно осуществляться в их единстве и взаимосвязи, при этом особое значение приобретает преломление этой темы в контексте синергетического взаимодействия смыслов и ценностей.

Ключевые слова: политическое пространство, социальное время, Крым, синергия смыслов, синергия ценностей, теория относительности.

Political Space and Social Time of Crimea: Synergy of Meanings and Values

Senyushkina T. A.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Abstract. The article attempts to reveal the essence of the political space and social time of Crimea using such a categorical series as”synergy of meanings and values”. It is emphasized that the political life of Crimea in different historical epochs is carried out in a certain political space and social time, which determine the features of political culture, social meanings and collective values. Along with the collective dimension of this problem, the level of individual consciousness of a person who is more or less included in political reality is also considered. Based on the theory of relativity of A. Einstein, the author argues that the study of political space and social time in the Crimea should be carried out in their unity and relationship, with particular importance being given to the refraction of this topic in the context of the synergistic interaction of meanings and values.

Keywords: political space, social time, Crimea, synergy of meanings, synergy of values, relativity theory.

Введение. Крым - один из регионов Российской Федерации, где социокультурная, этноконфессиональная и поколенческая специфика населения и обусловленная ею историческая память имеют специфическое преломление в политическом пространстве, которое, в свою очередь, тесным образом связано с социальным временем. История Крыма, которая насчитывает более двух тысячелетий, свидетельствует о нелинейном характере процессов, происходивших на полуострове в разные исторические эпохи, что неизбежно приводит к постановке вопроса о том, каким образом структурируется политическое пространство и социальное время Крыма в разные периоды истории.

Второй аспект заявленной темы связан с таким понятием как «синергия», применительно к исследованию смыслов и ценностей, характерных для Крыма на разных исторических этапах его развития. При этом их взаимосвязь очевидна, так как синергия смыслов неизбежно требует согласования ценностей. На языке Григория Паламы, заявленную тему можно осмыслить при помощи такого метода как «внутреннее созерцание «умными очами»», что на наш взгляд, очень близко по своей сути к феноменологическому методу.

Постановка проблемы. Политическая жизнь каждого конкретно взятого общества, так же как и человека, существует в определённом пространстве и времени, которые определяют особенности политической культуры, социальных смыслов и коллективных ценностей. Наряду с коллективным измерением этой проблемы, можно рассматривать также и уровень индивидуального сознания человека, в той или иной степени включённого в политическую реальность. Согласно общей теории относительности, которую Эйнштейн впервые представил публике в 1915 году, существует единство пространства и времени. Исходя из этого, изучение политического пространства и социального времени Крыма должно осуществляться в их единстве и взаимосвязи, при этом особое значение приобретает преломление этой темы в контексте синергетического взаимодействия смыслов и ценностей.

Результаты исследований. В современной политологической литературе под термином «политическое пространство» понимается реальная протяжённость территории, на которую распространяется исторически обусловленная система или осуществляется её политическое влияние [1].

Социальное время характеризуется чаще всего при помощи таких понятий как *нелинейность, цикличность, событийность, необратимость* [2]. Обзор исследований по данной теме показывает, что одним из наиболее актуальных сегодня концептуальных подходов является неклассическая методология в изучении политического пространства и социального времени. В связи с этим феномен совпадения политического пространства и социального времени Крыма можно рассмотреть при помощи такого категориального ряда как «синергия смыслов и ценностей».

Синергия (греч.) – содействие, или совместное действие, усиливающее эффект взаимодействия двух или более факторов, которое существенно превосходит простую сумму действий каждого из указанных факторов. Также этот термин может использоваться как синоним слова «согласованность». В русском языке наиболее полно смысл синергии передаётся при употреблении слова «лад».

Синергия – один из терминов православного богословия, в котором синергия в её сущностном выражении проявляется в диалоге между Божественной энергией (благодатью) и энергией человека (волей) [3, с. 49]. Синергия подразумевает свободное соединение Божественного и человеческого, призванная преодолеть расколотость человеческого существования, восстановить целостность бытия.

Существует ценностно-смысловая наполненность понимания синергии в православной традиции. Как отмечает Т.П. Берсенёва, сущностное свойство синергии – направленность к высшим идеалам [3, с. 50]. В связи с этим синергия может пониматься не только как православная, но и как политологическая категория, как тип политического взаимодействия. При этом рассмотренные выше утверждения могут получить своё развитие при исследовании особенностей политического пространства и социального времени Крыма через призму синергии доминирующих в обществе смыслов и ценностей.

Ощущение политического пространства и социального времени современного Крыма, как на коллективном, так и на индивидуальном уровне, тесным образом связано с исторической памятью, которая свидетельствует о переплетении культурных, языковых, политических и цивилизационных смыслов и ценностей. Поэтому, направляя исследовательскую проекцию на осмысление современных форм политического пространства и социального времени Крыма, целесообразно заглянуть в его прошлое.

Одна из особенностей Крыма заключается в том, что в разные эпохи полуостров был окраиной крупных империй – сначала Римской, затем Византийской, Османской и Российской. В социально-культурном смысле это означает, что население Крыма проходило своё становление в пограничном смысловом и ценностном пространстве, где встречались разнообразные культуры, модели поведения, обусловленные народными и тесно связанными с ними религиозными традициями, благодаря которым осуществлялась трансляция коллективных ценностей из поколения в поколение.

Культурная мозаика, обусловленная географическими и историческими особенностями полуострова, наполняла смысловое и ценностное пространство крымского социума разнообразными культурно-символическими элементами и неизбежно погружала местное население в условия диалога с другими культурами и адаптации к взаимному сосуществованию при помощи «узнавания другого».

Таким образом, политическое пространство Крыма следует рассматривать в качестве особого социокультурного феномена, формирование которого происходило на символическом перекрёстке, где встречались ценности и смыслы различных культур и цивилизаций. При этом важно подчеркнуть, что границы государств, в зону влияния которых в разные эпохи попадал Крым, менялись, при этом

социально-культурное пространство включало в себя всё новые и новые смысловые и ценностные элементы.

Теоретическая рефлексия на тему современного политического пространства и социального времени Крыма в культурно-символическом измерении неизбежно побуждает нас к осмыслению событий новейшей истории. При этом точкой отсчёта можно считать весну 2014 года, когда Крым, попав в своеобразную точку бифуркации, выбрал самостоятельный путь развития. Независимо от характера оценок этого события, политическая история зафиксировала факт: на основании проведенного в марте 2014 года референдума, согласно волеизъявлению большинства населения, Крым вошел в состав России в качестве самостоятельного субъекта федерации.

«Крымский прецедент» подтверждает положение о том, что геополитический выбор государства, который, как правило, навязывается обществу правящей элитой, в ряде случаев может корректироваться индивидуальным и коллективным геополитическим выбором, основанным на цивилизационной идентичности [4, с. 184].

Именно поэтому воссоединение Крыма с Россией воспринимается на полуострове как результат осознанного личного и коллективного выбора, основанного на преобладающей в регионе идентичности, которая сформировалась под влиянием религиозной, языковой и культурной принадлежности большинства населения, тесными узами связанного с российской историей и культурой.

Культурная разнородность населения Крыма – фактор не менее важный для фиксации сущностных свойств современных форм политического пространства и социального времени. На уровне культуры можно выделить четыре доминирующих группы в структуре населения Крыма. Первая группа объединена ценностями секулярной светской культуры. Сюда можно отнести представителей атеистического мировоззрения, а также людей, не определившихся в качестве атеистов, но и не испытывающих на себе доминирующего влияния той или иной религии.

Вторая группа – это люди, идентифицирующие себя с православной культурой, и составляющие большинство населения Крыма. Третья группа исторически сформировалась под влиянием ислама. В эту группу входят крымские татары, а также представители других национальностей, традиционно сформировавшихся в контексте мусульманской культуры. Система ценностей, характерных для этой группы населения, менее всего подвержена воздействию секулярной светской культуры, так как ислам глубоко укоренен в культуре быта этих народов. Традиционный образ жизни оказывает определяющее влияние на сохранение традиционных ценностей и общепринятых норм поведения. И ещё одна группа – верующие протестантских конфессий, точное количество которых в современных условиях трудно определить, так как не все религиозные организации прошли регистрацию в правовом поле Российской Федерации, однако на основании данных о религиозных организациях на начало 2015 года, можно утверждать, что они оказывают влияние на часть населения Крыма, составляющую не менее 20%.

Политическое пространство Крыма также тесным образом связано с формированием национально-культурной идентичности и процессами самоидентификации этносов. На сегодняшний день в социально-политическом спектре крымской жизни можно выделить три доминирующие национально-культурные идентичности – русскую, украинскую и крымско- татарскую. Идентичность национальных меньшинств также имеет своё смысловое и ценностное наполнение, при этом следует отметить, что этническая идентичность в современном Крыму практически не имеет выхода в политическую реальность, что может свидетельствовать о деполитизации этнического фактора.

Выводы. Таким образом, на основании проведённого исследования можно утверждать, что политическое пространство и социальное время Крыма можно осмыслить при помощи такого категориального ряда как «синергия смыслов и ценностей». Политическая жизнь Крыма в разные исторические эпохи осуществляется в определённом политическом пространстве и социальном времени, которые определяют особенности политической культуры, социальных смыслов и коллективных ценностей. Наряду с коллективным измерением этой проблемы, можно рассматривать также и уровень индивидуального сознания человека, в той или иной степени включённого в политическую реальность. Исходя из теории относительности А.Эйнштейна, можно утверждать, что изучение политического пространства и социального времени Крыма должно осуществляться в их единстве и взаимосвязи, при этом особое значение приобретает преломление этой темы в контексте синергетического взаимодействия смыслов и ценностей.

Литература:

1. Пространство политическое // Новая философская энциклопедия // https://iphlib.ru
2. Плугатаренко П.Н. Современное политическое пространство: особенности и тенденции его формирования (теоретико-методологический анализ). Автореф. дис. канд. полит. наук… 23.00.01.М., 2012. // cheloveknauka.com/v/550919/a?#?page=1
3. Берсенёва Т.П. Синергия: сущностные характеристики и формы проявления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 2. С. 48-52 // www.gramota.net/materials/3/2016/2/10.html
4. Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной Росссии. Материалы всеросс. науч.общ. конф., 6 июня 2014 г., Москва [текст + электронный ресурс] / Центр научной политической мысли и идеологии. М.: Наука и политика, 2014. С. 182-191.

Крымский ответ на разворот геополитического и цивилизационного вектора Украины

Тарусин Павел Владимирович

Факультет государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова, ассистент кафедры политического анализа. Кандидат политических наук

lemarais@mail.ru

В работе исследуются обстоятельства и факторы духовного, культурного, ментального и языкового порядка, обусловившие сохранение пророссийской идентичности крымчан в составе украинского государства, меру и характер их влияния на процессы воссоединения полуострова с Россией. Рассмотрены причины и цели выбора конструктивистского подхода к формированию украинской гражданской нации, условия, возможности и негативные последствия его использования в культурно расколотом обществе. Описано содержание, формы и способы проводимой политики «украинизации» крымского региона, показано принципиальное несоответствие навязываемых ценностей, символов и языка специфике социальных и политических отношений, сложившихся на полуострове, а также культурным и ментальным характеристикам основных групп населения. Отмечено, что прозападный вектор и модель развития Украины представляли угрозу разрушения традиционных цивилизационных оснований, обеспечивающих интеграцию и существование крымского общества, что и спровоцировало закономерную реакцию последнего в форме возвращения в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: Крым, национальная идентичность, цивилизация, гражданская нация, национальное государство, постсоветские государства

Crimean response to the reversal of the geopolitical and civilizational vector of the Ukrainian state.

Tarusin P.V.

Faculty of public administration of Moscow state University named after M.V.Lomonosov, Department of political analysis

This paper examines the circumstances and factors of the spiritual, cultural and mental order that caused the preservation of the Pro-Russian identity of the Crimean population during their staying in the Ukrainian state, the extent and nature of their influence on the processes of reunification of the Peninsula with Russia. The reasons and goals of choosing a constructivist approach to the formation of the Ukrainian civil nation, conditions, opportunities and negative consequences of its use in a culturally divided society are considered. The article describes the content, forms and methods of the policy of «Ukrainization» of the Crimean region, shows the fundamental discrepancy between the imposed values, symbols and language to the specifics of social and political relations that have existed on the Peninsula, as well as the cultural and mental characteristics of its main population groups. It's noted that the Pro-Western vector and development model of Ukraine posed a threat to the destruction of traditional foundations that ensure the integration of the local society, which provoked a reaction of the latter in the form of a return to Russia.

Keywords: Crimea, national identity, civilization, civil nation, Nation-State, post-soviet states

Глубинный смысл событий «русской весны» 2014 года состоит в подтверждении населением Крыма собственной национальной идентичности и его возвращении в органичное своему существованию и развитию цивилизационное поле. Первопричиной совершенного выбора между российской или украинской государственностью стали неразрывные исторические, культурные, языковые и ментальные связи с Россией.

Идентичность выражает «самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами» [5, с.50]. «Идентичности, в общем и целом, представляют собой конструкты» [5, с.51], различия состоят только в формах и способах их моделирования. Ключевыми критериями национальной идентификации остаются языковый и культурный. Цивилизация, в целом, понимается как «наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности <…> Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей» [6, с.48-49].

Территория Крыма с древнейших времен выступала «полем взаимодействия» различных цивилизаций, чем и объясняется её этническое, культурное и ментальное многообразие. Включение полуострова в состав российской державы привело к формированию у населения устойчивых идентификаций с Россией, чувств культурного, духовного, языкового единства. Возник набор общих стержневых символических элементов, которые, по мнению Фоллерса, «поощряют лояльность, конкретизируют чувства собственного достоинства и самоуважения, создают этическую основу для общественного участия в политике, в функционировании социальных и государственных институтов [7, p.23-27]».

В 1954-м году полуостров по известным причинам оказался под административным, а впоследствии и государственным управлением Украины. Однако та не смогла «вписать» Крым в свое политическое, культурное и языковое пространство. За весьма непродолжительный по историческим меркам срок киевские власти сделали все возможное и невозможное, чтобы украинизация полуострова не состоялась. Большинство населения сохраняло приверженность российской стержневой мейнстрим - культуре и соответствующей национальной идентичности. По данным опроса (2011 года), проведенного Центром региональных исследований и стратегий, русскими назвали себя 62% крымчан [2, с. 272-273, 282-283].

Поскольку политические и исторические процессы и явления отличает нелинейность их протекания, а также открытость всевозможным, качественно различным исходам, важно определить существовали ли объективные возможности изменить природу национальной идентичности крымского общества, имелись ли к этому необходимые условия и стимулы? В какой мере украинская идентичность и язык, ценности «украинства», формы и способы её укоренения соответствовали специфике социальных и политических отношений, сложившихся на полуострове, культурным и ментальным характеристикам ключевых групп населения?

Получившая независимость Украина оказалась перед необходимостью формирования никогда прежде не существовавшей украинской гражданской нации, а также выбора геополитического вектора, обеспечивающего строительство и сохранение собственной государственности. Первоначально реализуемый многовекторный курс не предполагал однозначного и окончательного выбора между Россией и Западом. Тем не менее, элита и значительная часть общества рассматривали Украину исключительно как часть Европы, и видели её будущее в качестве полноправного члена европейской семьи, одновременно опасаясь российского экономического и культурного притяжения. Поэтому стратегической целью государства стало недопущение возвращения в евразийское политическое и экономическое пространство, страна дистанцировалась от любых интеграционных проектов, в том числе и в сфере языка и культуры, выдвигавшихся Москвой. Подобная позиция принципиально не соответствовала мироощущению крымчан, их интересам и потребностям в тесной экономической кооперации и культурных связях с Россией.

Однако, несмотря на приверженность европейским ценностям, Украина повторила, причем с отставанием и в самой неприглядной форме, российский опыт «сращивания власти и собственности и концентрации их в руках одних и тех же элит» [3, с.12]. Неизбежные провалы и неудачи вынуждали правящие олигархические кланы и общество регулярно возвращаться, как правило, выходя за правовые рамки и цивилизованные нормы политической жизни, в начальную точку, где всякий раз происходил радикальный пересмотр целей и форм развития, в том числе и в сфере национальной и языковой политики. Возникавшие конфликты трактовались как преодоление «советского прошлого», либо следствие «экспансионистских» действий со стороны России, направленных на удержание Украины в сфере своего влияния.

Задачи ускоренного становления украинской государственности предопределили выбор конструктивистского подхода к формированию гражданской нации, которая понималась как механистическое объединение граждан на территории страны на основе единого языка и культуры. Тем самым украинская идентичность воспринималась исключительно в формате принадлежности к государству.

Тем же, кто не разделял положенные в её основание язык, образцы культуры, символы и ценности, взгляд на историю, полагалось покинуть государственную территорию. Подобный подход полностью игнорировал бинарную структуру украинского социума, расколотого по языку и культуре, разнонаправленность экономических связей регионов страны.

«Искусственное конструирование» гражданской нации основывалось на отрицании советского и российского прошлого, что лишало «украинскую идентичность» исторических и культурных корней, символов общих побед и достижений, нарушало преемственность эволюционных изменений в самосознании вышедшего из советского лона общества. Россия изображалась «азиатской деспотической силой», веками угнетавшей украинский народ, и продолжающей вынашивать планы «порабощения свободной и демократической Украины».

Дискредитация России, разрыв связей, особенно культурных и языковых, поддерживавших «пророссийскую» идентичность, не является оригинальным «know-how» становления гражданских наций. «Никакое самоопределившееся сообщество не могло утвердиться в качестве нового, независимого игрока … без вооруженного конфликта или угрозы такового» [8, p.102]. Чувство национальной идентичности, как правило, формируется в противостоянии с «чужими», с врагами, не путем формирования «внутренних нематериальных символов», а на основе противопоставления символам и ценностям иных наций. Однако выбор враждебного образа России в качестве инструмента конструирование гражданской нации создал платформу для вооруженного противостояния внутри расколотого украинского общества, значительная часть которого тяготела к российской культуре и использовала русский язык.

В отношении Крыма политика «украинизации» была особенно напористой и конфронтационной. Темпы формирования украинской идентичности на полуострове не устраивали ни киевскую власть, ни националистические силы, толкая их на несвоевременные и непродуманные решения и действия. Неоправданная поспешность, использование негодных, по большей части, принудительных форм и способов «украинизации» региона, неуместная «русофобия», препятствовали формированию условий и стимулов, массовых настроений и ориентаций, способствовавших достижению целей национальной и языковой политики, ради которых эти усилия и прилагались. Так, о своем желании войти в состав России в 2008-м году заявляли 40% укроязычных жителей Крыма и 55% - русскоязычных [4].

Формирование «украинской» идентичности в Крыму непросто вступило в конфликт с инерцией советского прошлого: экономического, социального, культурного, институционального [1]. В её содержание были положены изначально скомпрометированные националистические ценности, смыслы и символы, не совместимые с существовавшей в крымском обществе духовной атмосферой, с мироощущением большинства населения. Кроме того, в отличие от других регионов Украины, полуостров сохранял, пусть и в сокращенном масштабе, культурные, языковые, экономические связи с Россией, взаимовыгодные отношения с её государственными структурами в лице Черноморского флота, что поддерживало «пророссийскую» идентичность, определенный уровень жизненного благосостояния и «комфорт среды обитания».

Момент истины наступил в феврале 2014-го, после прихода к власти в Киеве националистически настроенного, ориентированного на западные культурные образцы крыла элиты. Был сменен геополитический вектор и цивилизационные ориентиры развития страны, власть и националистически настроенная часть общества обратились к наднациональной идентичности под лозунгом «Україна - це Европа»! По их мнению, заимствование западных цивилизационных ценностей и норм являлось непременным условием вхождения страны в евроатлантические политические, экономические и военные структуры и институты.

Выбор прозападного вектора и модели развития создавал угрозу полного разрушения традиционных культурных оснований для интеграции и воспроизводства политических и социальных структур крымского общества. В результате русскоязычное население полуострова оказалось перед судьбоносным выбором: возвратиться в привычную «цивилизационную среду», либо перейти в чуждое сообщество западных стран на положение младшего зависимого партнера. Коренной народ крымских татар также не видел своего будущего в составе унитарной украинской государственности. Вектор его идентичности был направлен в сторону культурно и религиозно близкой Турции. Возможность восстановить собственную государственность они видели в помощи Запада (как в Косово), но не в его составе.

Таким образом, единственным способом избежать нежелательных последствий провозглашенного Киевом геополитического и цивилизационного курса, обеспечить свои коренные интересы и комфортную среду существования, явился выход Крыма из состава украинской государственности. Активные действия населения в ходе подготовки и организации мартовского референдума ярко проявили глубинные установки и основания самосознания и идентичности крымского общества, преобладание чувств региональной и пророссийской принадлежности. Еще раз подтвердилось, что «ощущение национальной идентичности … может нарастать и ослабевать под влиянием внешней угрозы, а вот сущность этой идентичности подвержена колебаниям в значительно меньшей степени» [5, с.23].

Прошедшие с момента воссоединения годы показали, что культурному и этническому плюрализму Крыма более соответствует федеративная форма российской государственности, нежели унитарная конструкция украинской державы. Невозможность комфортного существования полуострова в составе нынешней Украины демонстрирует проводимая Киевом при поддержке националистических сил блокада полуострова, информационная кампания, оскорбляющая достоинства и чувства его жителей. С другой стороны, санкции и блокада только подталкивает умонастроения крымчан в пользу России, которая, несмотря на колоссальные издержки, активно возрождает экономику и социальную сферу полуострова. Согласно опросу 2016 года, большинство населения считало себя «гражданами России» (43%), а также «жителями Крыма» (35%), и только 1% - гражданами Украины [9]. Сохранение двойной идентичности - типичное явление для новоприсоединенных территорий.

Литература:

1. Глинкина С.П. Европейский фактор в модернизации России и Украины // Россия и Украина в общеевропейском пространстве: возможности и пределы интеграционного взаимодействия / Под общей ред. Р.С. Гринберга. М.: Ин-т экономики РАН, 2012. 122 с.
2. Князева Е.В. Самоидентификации населения Южноукраинского региона: «неукротимость примордиального» / Князева Е.В. // Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного: научная монография кафедры социологии ИСН - Одесса. Одесса: ВМВ, 2013. С. 267-285.
3. Рябов А.В. Постсоветские государства: дефицит развития на фоне политико-экономического многообразия // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 23. М., 2013. С.7-17.
4. Чигрин В.А., Городецкая Е.Г. Региональные исследования электорального поля АР Крым: научный отчет центра НПИ «Социо», октябрь 2008 г. ч. 1. Мелитополь, [б.и.], 2008. 49 с.
5. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской политической идентичности. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: Астрель, 2011. 571 с.
7. Follers L. The Anthropology of the Nation-State. Chicago. 1968.
8. Howard M. War and the Nation-State, Daedalus;108 (Fall 1979).
9. Опрос социологов: Жители Крыма не хотят никуда уезжать и все больше становятся россиянами. http://www.pravda.ru/news/society/20-07-2016/1307344-opros-0/ (Проверено 29.12./2019)

Антропологические идеи Л.О. Минка: история и многообразие опыта миропонимания[i]

Ануфриева Карина Викторовна

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», доцент каф. философии и теории культуры, кандидат философских наук

carina-oops@mail.ru

Аннотация: Доклад сфокусирован на рассмотрении влияния антропологических идей Л.О. Минка, представляющих собой синтез неогегельянства Р.Дж. Коллингвуда, герменевтики В. Дильтея и лингвистической философии Л. Витгенштейна, на его трактовку исторического опыта и феномена понимания мира. Отвергая вслед за Коллингвудом методологию постижения природы человека на базе естествознания, Минк считает, что единственной константой, характеризующей субъекта, является историческая трансформация его исторического опыта и рефлексивных способов понимания мира. Дильтеевская по своим истокам проблематика понимания разворачивается в рассмотрение различных его форм, создание их типологии на базе лингвистической философии Витгенштейна. В свете исходной антропологической установки этого автора формируется его видение соотношения математики, естественнонаучного знания, литературно-художественной и исторической наррации, философско-категориального мышления как форм понимания, конституирующих основу целостности культуры. Построения Минка создали возможность диалога континентальной герменевтической традиции и англо-американской аналитической философии на рубеже XX-XXI вв.

Ключевые слова: антропологические идеи Л.О. Минка, неогегельянство, герменевтики, лингвистическая философия, исторический опыт, понимание, формы понимания мира, культура.

L.O. Mink's anthropological ideas: history and multiplicity of the world understanding.

Anufrieva C.V.

Tver State University (Tver) - Dept. of Philosophy and Theory of Culture

Abstract: The paper is focused on the impact of L.O. Mink's anthropological ideas, which are the outcome of a synthesis of R. G. Collingwood's neo-Hegelianism, W. Dilthey's hermeneutics, and L. Wittgenstein's linguistic philosophy, on his interpretation of historical experience and the phenomenon of the world understanding. Rejecting together with Collingwood the methodology of understanding human nature on the basis of natural science, Mink believes that the only constant that characterizes the subject is the historical transformation of his historical experience and reflexive tools of understanding the world. The problem of understanding, Dilthean by its origins, is developed in the consideration of its various forms, and the creation of their typology on the basis of Wittgenstein's linguistic philosophy. Mink's heritage created the possibility of a dialogue between the continental hermeneutical tradition and Anglo-American analytical philosophy at the turn of the 20th and 21st centuries.

Keywords: L. O. Mink's anthropological ideas, neo-Hegelianism, hermeneutics, linguistic philosophy, historical experience, understanding, forms of the world understanding, culture.

Луис Отто Минк (3.09.1921 – 19.01.1983) – крупный представитель американской философии минувшего столетия, чье творчество все более и более вызывает интерес как западных, так и отечественных исследователей. Хотя работы этого автора приобретают достаточно сильный резонанс в основном в силу идей, которые связаны с проведенным им сопоставительным анализом литературной и исторической наррации, в них безусловно присутствует и определенное антропологическое начало, достойное самостоятельного изучения. Ведь именно в свете его концепции человека и присущего ему опыта присутствия в потоке времени Минку удалось разработать достаточно оригинальную интерпретацию основных способов понимания мира.

Если попытаться резюмировать антропологические истоки концепции Минка, которые можно лишь реконструировать на основании его отдельных высказываний, разбросанных в различных принадлежащих ему статьях, то ими будут варианты философии жизни, сложившиеся в построениях

i Доклад подготовлен к публикации в рамках проекта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого», грант № 20-011-00406 - А.

В. Дильтея и А. Бергсона, которые переосмысливаются им в свете идейного наследия Р.Дж. Коллингвуда и Л. Витгенштейна [5, p. 6]. Дильтей привлек Минка своим видением герменевтического потенциала понимания как аккумулирующего опыт пребывания человека во времени. У Бергсона он берет представления о связи переживания времени и творчества. Однако, конечно, основное содержание его антропологической платформы обнаруживается в свете видения им трактовки специфики человеческого бытия Коллингвудом. Британский философ, как известно, посвятил рассмотрению вопроса о человеческой природе 1-й параграф раздела «Эпилегомены», в котором содержатся важнейшие обобщения книги «Идея истории». В этом фрагменте Коллингвуд говорит о том, постижение природы человека изначально вырисовывается как продукт самопознания в отличие от представлений о сущностной основе вещных образований. Это, как поясняет британский философ, – не знание о телесной природе человека, его чувственно-эмоциональной сфере, а «познание его познавательных способностей, его мышления, понимания или разума» [2, с. 196]. Неспособность философов Нового времени от Д. Локка до Д. Юма и даже И. Канта обнаружить некую извечную природу человека в области постижения им мира рисуется Коллингвудом итогом их необоснованной уверенности, что путеводным началом для достижения этой цели будет методология естествознания, и, прежде всего, его лидирующей отрасли – физического знания. Самосознание, ориентирующееся на такую методологическую модель, должно было породить, по мнению теоретиков её принимавших, надежным основанием для построения точной науки о человеческой природе [2, с. 198]. Подобного рода методологический редукционизм характеризуется Коллингвудом как приведший к краху попытки построить универсальную науку о человеческой природе. В современную эпоху, на его взгляд, лидерство в области знания о мире переходит от физики к истории, которая заявила о себе как действенный способ критической рефлексии о пути пройденном человечеством, начиная с 19-го столетия. Если человек может, таким образом, быть понят как существо, не обладающее естественно-природной определенностью, а, скорее, характеризующееся постоянной динамикой самосознания, то, по заключению Коллингвуда, дух подлежит рассмотрению исторически. Рассуждая о коллингвудианском преодолении натуралистической установки понимания природы человека в новоевропейской философии, Минк акцентирует, что при всей её противоположности прагматизму, можно обнаружить и черты родства между ними, которые заключаются в рассмотрении субъекта как всецело деятельного существа. Одновременно Минк подчеркивает и определенное родство коллингвудовского и экзистенциального подходов, выражающееся в отрицании вечной человеческой природы и утверждении постоянного свободного самосозидания субъекта [5, p.10]. Коллингвудианское видение постоянного исторически определенного самосозидания духа, питаемого историческим опытом, соединяется в антропологии Минка с акцентом на роли присущего человеку горизонта понимания, для характеристики форм которого он обращается к идеям лингвистической философии Витгенштейна.

Понимание рассматривается Минком как «индивидуальный акт видения-вещей-вместе»[4, p.553]. Оно представляется ему объединяющим различные уровни познавательной активности субъекта. При его посредстве данные опыта предстают как целостность и создается возможность опознания объектов. Классификации множеств объектов, формирование понятий также составляют итог понимания. Наделенное смыслом видение мира как целого – кульминационный момент понимания. Опыт, лежащий в основе понимания, трактуется Минком в качестве интегральной целостности духовно-психической жизни человека [См.:1, с.213]. Он представляет собою синтетический сплав чувственно данного в его индивидуальной неповторимости и множественности проявлений, рассудочного компонента, а также смыслообразующей деятельности разума, который ориентирован на схватывание мира в его целостности.

В спектре познавательной деятельности субъекта Минк выделяет три основных типа понимания: 1. присущее наукам о природе и математике теоретическое понимание; 2. свойственное искусству и гуманитарному знанию конфигуративное понимание; 3. философско-категориальное понимание, притязающее на постижение мира как осмысленного целого [6, p. 411-415]. Хотя подобная типология понимания оправдана в пределах выдвигаемых им оснований, но намечена эскизно и требует более подробной философско-теоретической проработки.

Теоретическое познание, по Минку, работает с объектами идеализированного мира и имеет своим главным звеном законы, нацеленные на фиксацию предполагаемого общих, существенных, необходимых и репродуцируемых связей, характерных для некоторого множества объектов. Применимость подобных обобщений к некоторому классу явлений вне зависимости от их эмпирической фиксации здесь и теперь,

актуального или виртуального статуса, рисуется Минку несомненным достоинством законов точных наук. Оборотной негативной стороной подобного видения мира является то, что рассматриваемые объекты предстают как идеализированные и лишенные индивидуальности, взятые в том ракурсе рассмотрения их свойств и отношений, которые были избраны в научном сообществе.

Конфигуративный способ понимания мира в горизонте повествования о его событиях представлен гуманитарным знанием и литературой. Идет ли речь о вымышленных мирах и героях литературных произведений, динамике их событийно-сюжетной канвы или же о том, что совершалось при определенных обстоятельствах реально жившими и действовавшими в их контексте людьми, рассказчик нацеливает потенциального читателя своего труда, по мысли Минка, на понимание конкретики межчеловеческих отношений [3, p. 39]. Используя характеристику Б. Паскаля, он характеризует теоретическое знание точных наук как выражающее «l'esprit de géométrie» («дух геометрии»), тогда как в конфигурационный тип видения реальности воплощающим «l'esprit de finesse» («дух утонченности»), который выступает как умение увидеть баланс элементов в границах некоторого целого.

Опираясь на категориальное понимание, философия способна выстроить целостную и наполненную смыслом картину мира. При опоре на категориальное понимание мира философия, как полагает Минк, способна выразить ту целостность опыта, которой обладает субъект. Он выражает уверенность в том, что «категориальные связи, в отличие от теоретических гипотез, не фальсифицируемы отдельными сегментами опыта, поскольку они дают форму опыту как таковому (в этом Кант был без сомнения прав)» [3, p. 39]. Являясь последователем Коллингвуда, Минк при этом, конечно, предполагает наличие различных типов опыта и их потенциальной категориальной фиксации.

Антропологические построения Минка служат прологом к рассмотрению им процесса порождения многообразия способов постижения мира, создающих основание целостности культуры. Принимая мысль Коллингвуда о том, что человек не может быть рассмотрен в свете естественнонаучной методологической установки, сопряженной с поиском его константной природы, Минк видит единственно присущую субъекту постоянную характеристику в деятельно-творческом порождении различных форм понимания мира. В качестве основы понимания им справедливо усматривается исторический опыт как целостность жизни человеческого духовного начала, объединяющего чувственность, рассудок и разум, которая подвержена динамике изменения в потоке времени на базе самосознания. Если в трактовке процесса понимания как базового способа создания осмысленного мира человека Минк опирается на идеи герменевтики Дильтея, то в описании форм такового прослеживается влияние на него лингвистической философии Витгенштейна. Многообразие опыта понимания мира диктует, по Минку, возможность гибкого сочетания и синтеза различных форм понимания в динамике их исторического развития. Наиболее ярко это проявляется, на его взгляд, в варианте синтеза истории и художественного повествования, философского мышления с историческим и литературным творчеством. Идеи Минка стали основой сближения англо-американской аналитической философии и европейской герменевтики, что особенно ярко прослеживается в творчестве Х. Уайта и П. Рикёра.

Литература:

1. Ануфриева К.В. Л.О. Минк о природе исторического и художественного повествования // «Вестник ТвГУ. Серия: Философия». 1919, № 1. С. 208-223.
2. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М. Наука, 1980. – 485 с.
3. Mink L.O. Historical Understanding / Ed. by Fay B., Colob E.O., Vann R.T. Ithaca; London: Cornell University Press, 1987. 294 p.
4. Mink L.O. History and Fiction as Modes of Comprehension // New Literary History. 1970. No. 1. Pp. 541-558.
5. Mink L.O. Mind. History, and Dialectic. The Philosophy of R.G. Collingwood. Bloomington; London: Indiana University Press, 1969. 276 p.
6. Mink L.O. Modes of Comprehension// Proceedings of the XII-th International Congress of Philosophy, Vol. 5. Florence: Sansoni Editore, 1960. Pp. 411-417.

«Предельно человеческое». Культурная топика и перспективы коммеморативного дискурса

Гаевская Н.З.

Российская христианская гуманитарная академия, аспирант

lovich2000@mail.ru

Статья посвящена осмыслению проблем топики в коммеморативном дискурсе. В статье рассматриваются вопросы изучения коммеморативных механизмов формирования культурной топики, пространственные характеристики и особенности содержания топосов. Топологический механизм ориентирован на образ человека, с которым ментальная память связывает ментальную идентичность. Истоки формирования тематической топики исследуются на материале религиозной традиции. Наиболее полно в топике представлена эсхатологическая проблематика, становящаяся смыслообразующей в парадигме религиозных смыслов, раскрывающая подходы к проблемам вечности и спасения на всем последующем пути развития традиции. Механизм формирования эсхатологической топики основан на преображающей активной памяти, когда память не восстанавливает прошлое таким, каким оно было, но преображает это прошлое.

Ключевые слова: эсхатология, топология, топос, пустая форма, память, памятование, коммеморация.

"Extremely human". Cultural topics and perspectives of commemorative discourse.

Gaevskaya N. Z.

Russian Christian Humanities Academy

Abstract:The article is devoted to understanding the problems of topics in the commemorative discourse. The article deals with the issues of studying the commemorative mechanisms of cultural topic formation, spatial characteristics and features of topos content. The topological mechanism is focused on the image of the person with whom the mental memory connects the mental identity. The sources of the thematic topic formation are investigated on the basis of the religious tradition. The topic most fully presents eschatological problems that become meaning-forming in the paradigm of religious meanings, revealing approaches to the problems of eternity and salvation throughout the subsequent development of the tradition. The mechanism of formation of eschatological topics is based on transforming active memory, when memory does not restore the past as it was, but transforms this past.

Keywords: eschatology, topology, topos, empty form, memory, remembrance, commemoration.

В основе культурной топики антропологическая идея - это идея о человеке. Топосы - хранители смыслов, создаваемых человеком и определяющих его жизнь, ее назначение, перспективы и пределы. Религиозная топика имеет содержание, суть которого обретена в тайне общения с Богом. «Идея о человеке есть идея о Боге,» - писал Н. Бердяев.[1, с.286]

Античные авторы осмысляют функцию топоса как риторическую. Теория топики определяет топос как смысловую единицу, фиксирующую определенный общепринятый смысл. На современном этапе развития научных знаний топика активно применяется в процедуре схематизации смыслов и идеализации содержания, также это техника пространственной организации мышления и понимания и организованное на ее основе мыслительное пространство. Топика — наиболее точная фиксация проблемной точки ситуации, но семантическое поле топоса зыбко и неопределенно. С. Комаров пишет о том, что своеобразным топосом становится интервал «между» двумя примыкающими друг к другу точками «теперь», и это виртуальное время, в котором разворачивается понимание и возможна рефлексивная реконструкция как событийность.[2, с.40] В современной культуре наблюдается процесс расширения функционального пространства топоса, становящегося единицей текста, как языкового, так и культурного. В исследованиях религиозной культуры отмечается важность процессов интерпретации в контексте топики. Топос - прообраз видимых вещей, образ культуры в процессе формирования.

Принцип формирования топосов - принцип подражания, но необходимо уточнить, что мы можем говорить скорее о подобии, уподоблении, на которых строится принцип imitatio. Подобие создает особое единение откликающегося с тем, чему он откликается, - через нахождение и того и другого - в

одном смысловом материале, в одном образе. Действие принципа подобия приобретает таким образом бытийный характер и принадлежит действительной реальности, настоящему. Однако образ, наполняющий топос, с которым ментальная память связывает ментальную идентичность, выполняет и коммеморативную функцию. Питер Джонстон в «Теории топосов» пишет: «Топос не есть результат встречи «единого» - это участник этой встречи, ориентированный на диалог. Топос - место бытия». [3, с.148]

Исследования говорят о том, что формирование топики связано с коммеморативными процессами, преобразованием связи устной культуры с письменностью и изменением ее риторической основы. Речь идет о процессах, в которых воображение и память заменяют друг друга, так как для них характерна способность формирования образов, в которых связаны прошлое, настоящее и будущее, тогда как религиозный характер христианской устной и письменной культуры способствует формированию образов в памятовании, имеющем эсхатологическую направленность, объединяющих память и Надежду в устремлении к Вечности. В пафосе памятования, актуализирующего потребность подтверждения связи с уходящим миром прошлого, наиболее органично представлено единство формы и содержания. Петербургский исследователь М. Егорова задает вопрос о том, как совмещается топологическое и догматическое в религиозной топике, какой «характер приобретает чувственный блеск формы в контексте аскетической «учительности». По мнению исследователя, характер топоса как мнемотехнической «рекреации» объясняется тем, что христианская культура базируется на памяти и памятовании. [4, с.47] Но надо заметить, что сообщения и связи между людьми и в религиозном часто носят риторически-условный характер, когда символика сообщений риторическая. Риторика подражательна, она означает объективацию, ввод в социальное.

«Человек есть существо, преодолевающее себя и преодолевающее мир, в этом его достоинство», - пишет Н.Бердяев. Преодоление есть творчество, имеющее эсхатологический характер. Говоря о сущностном наполнении топоса, мы можем выделить его эсхатологическую составляющую. Содержание топоса есть результат духовной деятельности человека, творческая потенция которого заключается в бытийном статусе твари, как тварном падшем, так и в преодолении конечности тварного существования в памяти и надежде.

Исследуя основную функцию топоса как коммуникативную, надо отметить, что по отношению к религиозному миру объективированный и социализированный есть падший мир, не знающий общения. Сообщения устанавливаются в этом мире вне общения. Этот мир вне интуиции и любви, мир вторичный, отраженный, когда сообщение возможно только с помощью символов. Объективированные и социализированные сообщения условны. И если объективированные сообщения составляют содержание памяти как фактической, так и воображаемой, формирующей культурную топику, то религиозные смыслы, обретаемые в общении и общности, становятся содержанием памятования, религиозной коммеморации, имеющей онтологические характеристики, и формируют религиозную топику. Религиозная коммеморация, памятование основано на коммюнотарном эффекте: способности к страданию и состраданию, к совестию; когда коммюнотарность есть общность личностей, признающая ценность личности и отношение человека к человеку через Бога.

В религиозной топике памятование становится топологическим механизмом, формирует содержание топосов и способствует фиксации в запоминании характеристик топоса, в частности пространственных. Топосы имеют свою пространственную ориентацию, они фиксированы в пространстве. Изначально аналитика формы осуществляется в границах у-топоса — не-места, которое является истоком философского конституирования времени. Запечатленность коллективной памяти в тексте усложняет темпоральность сознания представителя письменной культуры, а это, в свою очередь, объясняет перестройку мнемонических схем, прежде воспринимаемых пространственно, в хронологически выверенные линии. События истории на этих линиях выполняют функцию мнемонических мест. Значимые события становятся таким образом местами памяти, передающими мнемоническим схемам систему координат, словарь и культурные конвенции.

Так тема скитаний, странствий - основная тема религиозной топики. Топос пути приобретает линейные пространственные характеристики, становится архетипической моделью «трудного пути» от смерти к жизни, к выживанию и спасению. Исследования коллективной памяти показывают, как однажды созданный типический образ парадоксально тяготеет к множественности новых конфигураций. Связывающийся с ментальными характеристиками яркий и сильный образ в итоге срастается с идеальным типом, смысловой доминантой которого становится идея пути. Идеал становится опорой формирования коллективной памяти. Однако Феодорит епископ Киррский, отмечая противоречивость понятий tehnicus terminus места поклонения и места Бога, говорит, что филофеи проводят пустынническую жизнь, блуждают по пустыне для поклонения Богу не потому, будто они думают, что Бог ограничен местом.[5, с.211]

Тема подвига отличается иными пространственными характеристиками, - это попытка утверждения «места» - топоса обретения надежды, топологического маршрута, разворачивающегося в сотериологической перспективе, пронзительное выпрямление вертикали духовного самопревосхождения. Евагрий Понтийский говорит о пределе духовного восхождения, высшем состоянии души, ее «стоянии». [6, с.161] Сергей Хоружий отмечает это состояние как «contemplation - union» - актуальное созерцание-соединение в духовном акте любви. [7, с.197]

Имплицитная коммеморация, то есть связь людей с прошлым посредством ритуалов, соотносит с сакральными местами прошлого. Таким образом, через пространственное сопричастие с прошлым происходит и духовное, эмоциональное взаимодействие с ним. В топике реализуется принцип цельности, когда в каждой частности дана интуиция целого, а в реальности нет ничего лишь внешнего, условного, пустого. В воплощении творящий стремится к совершенству формы. Придание формы не тождественно объективации, оно эсхатологично.Трансцендирование ориентировано на то, что называется пустыми формами. Но необходимо отметить, что каждая эпоха не столько отбирает образы прошлого, сколько реконструирует их, в связи с чем актуализируется проблема топоса как пустой формы.

В контексте библейской традиции образы, имеющие евангельское основание, приобретают широкий герменевтический горизонт. Топос в этой нелинейной перспективе многократно варьирует свою семантику за счет вовлечения в смысловую сферу тесно связанных идей.

Учитывая взаимозаменяемые связи идей в современном дискурсе, можно придти к выводу, что на этапе запоминания образы еще лишены содержания и составляют пустую форму. Ориентированность существования на пустые формы и фиксированность форм воспоминаний в текстах, позволяет произвести их соотнесенность. Образ, зафиксированный в устной традиции на этапе запоминания, соотносится с текстом. Задача создания истории изменений образов, представленных в коммеморативных формах (формах памятования) и являющихся содержанием топоса, может быть решена, основываясь на идее пустых форм. Так, например, образы, представленные в религиозном тексте и иконе, становятся содержанием топоса. В качестве отдельных репрезентаций, зафиксированных в иконографии и религиозном дискурсе, образы памяти предстают как свидетельства усилий к обретению формы.

В развитии религиозной топики характерен начальный этап отсутствия места и имени. Одна из главных проблем топологии – отыменность топоса. Задача наполнения абстрактных форм уникальным содержанием связана с попытками возродить ощущение гармоничного целостного мира. Тогда как в профанном стали значимы тенденции структурирования абстракций и культивирования пустоты. Реакция на преодоление абстракций, а значит и преодоление пустоты реализуется в неклассическом мотиве символического наполнения пустых форм. Когда исходный принцип «imitatio» теряет абстрактность, топос становится отыменным. С именем отныне связано определенное место в пространстве, так и определенные смыслы. Имя становится явленным и заполняет топос, который становится отыменным. Проблема поименования - одна из главных в топике.

В коммеморативном дискурсе прошлое предстает не только как иная реальность, но и как утраченная ментальность. Терпение есть темпоральная проекция важнейшей христианской добродетели – смирения. Память как повторения, принесенная из устной культуры, постепенно замещается претерпеванием памяти в Пасхальном Воскрешении. Память понимается как способ оживления опыта прошлого и его ментального потенциала. Императив эсхатологии интериоризируется, входит в духовный мир человека. Содержание эсхатологической топики свидетельствует об обратном действии на историческое прошлое, действие воскрешающем, связанном с преображающей активной памятью. Сегодня можно говорить о наличии когнитивного потенциала памятования, выражающегося в использовании образов, вызывающих воспоминания, восстанавливающие забытые мыслительные ходы. И если мнемонические схемы, использующие техники замещения, спонтанно пробуждают память устной культуры в обращении к эйдетическим образам, то памятование обращает к эсхатологическим образам.

Современное общество оказывается обществом, существующим без индивидов, оно представляет

собой «пустое место», или топологическое пространство поименованных пустых. «Именно в ситуации пустоты и ничтожествования человек и начинает осознаваться как онтологическая проблема», - пишет С. Смирнов. [8, с.110] Философские искания застают человека в пространстве «между». Человек чувствует себя в состоянии перехода. Каждое время и культура по-новому понимают этот переход к человеку, который и есть переход к Богу. В ситуации пустоты человеку предлагается вновь себя собрать. Топика фиксирует этапы пути перехода, точки сборки, аккумуляции смыслов, резонирующего предела. Исследование топологических схем и маршрутов позволяет увидеть сам путь познания, отраженный в духовном содержании топоса, формирующемся в общении и переживании общности.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика,1995. 290 с.
2. КомаровС.В. Различие как событие. // Вестник Пермского университета. 2012. №2 (10). С.170
3. Джонстон П. Т. Теория топосов / Пер. с англ. А.П.Гагарина., М.: Наука, 1986. 439 с.
4. Егорова М.С. Топика в агиографии и гимнографии: «живоносная мертвость» и «живые мертвецы» средневековой русской традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). 2017. С.171
5. Феодорит блаж. Киррский. Творения. М.: Паломник, 2013. 717 с.
6. Флоровский Г. Византийские отцы IV-VIII в. Париж., Изд-во Правосл. богослов. ин-та. 1933 // Westmead. Farnborough: Gregg International Publishers, 1972. 350 с.
7. Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. Т.1/ С.С. Хоружий. Исследования по исихастской традиции. СПб.: изд-во РХГА, 2012. 239 с.
8. Смирнов С.А. Человек перехода. Новосибирск.: НГУЭУ, 2005. 535 с.

Исторический опыт и рефлексивная самотождественность личности в герменевтической философии П. Рикёра

Губман Б.Л.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», профессор , зав. каф. философии и теории культуры, доктор философских наук

gubman@mail.ru

Аннотация: В докладе анализируется предложенная П. Рикёром интерпретация роли исторического опыта в процессе формирования рефлексивной самотождественности личности. Рассматривая исторический опыт как связанный с пребыванием человека в потоке времени, обладающим онтологическим измерением, которое обусловливает осмысленное отношение к традиции минувшего в свете настоящего и грядущего, Рикёр увидел в нем основание обретения личностным «Я» своей самотождественности через рассказ о себе, соотнесенный с целостностью истории. Глубинный герменевтический уровень онтологической рефлексии, по Рикёру, призван выявить исходные основания процесса построения образа «Я» в свете идей М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, Р. Козеллека и Р.Дж. Коллингвуда. Он выводит также на метаисторические, морально-этические и теологические проблемы, сопутствующие осмыслению личностной самотождественности. Конкретика рассказа о себе составляет предмет особого уровня герменевтической рефлексии и ведет к постановке спектра вопросов эпистемологического, лингво-семиотического и аксиологического плана, сопряженных с теорией наррации, которые Рикёр рассматривает в свете построений ряда ведущих представителей англо-американской аналитической философии истории. Исторический опыт позволяет реализоваться единству двух уровней герменевтической рефлексии о пути становления рефлексивной личностной самотождественности.

Ключевые слова: личность, история, исторический опыт, рефлексивная самоидентичность личности, герменевтика, аналитическая философия истории, наррация.

Historical experience and reflexive self-identity of the person in P. Ricoeur's hermeneutical philosophy.

Gubman B.L.

Tver State University, Tver, Prof., Chair of Philosophy and Theory of Culture Dept.

Abstract: The paper is aimed at the analysis of P. Ricoeur's interpretation of the role of historical experience in the formation of the personal reflexive identity. Considering historical experience as connected with the presence of a person in the flux of time, having an ontological dimension that determines a meaningful attitude to the tradition of the past in the light of the present and the future, Ricoeur understood it as the basis for the acquisition of the personal " I " identity through telling a life story, correlated with the integrity of history. Deep ontological hermeneutical level of reflection, he believed, should reveal the source of the personal "I" identity image creation in the light of the ideas coined by M. Heidegger, H.-G. Gadamer, R. Koselleck, and R.G. Collingwood. It also leads to meta-historical, moral, ethical, and theological problems that accompany the understanding of personal identity. The specifics of the "I" personal story constitute a special level of hermeneutical reflection and put on the agenda a range of epistemological, linguistic-semiotic, and axiological questions associated with the theory of narrative considered by Ricoeur in the light of the works of leading representatives of the Anglo-American analytical philosophy of history. Historical experience allows us to realize the unity of two levels of hermeneutical reflection in the understanding of the narrative personal identity building.

Keywords: personality, history, historical experience, reflexive self-identity of a person, hermeneutics, analytical philosophy of history, narrative.

[i] Проблема личностной рефлексивной самоидентичности привлекает особое внимание П. Рикёра в поздний период его творчества. Наряду с обращением к ней его занимает в это время также вопрос о специфике человеческого постижения истории, наррации о минувшем, которая неминуемо предполагает соотношение прошлого и настоящего. Звеном, соединяющим прошлое и современность,

i Доклад подготовлен к публикации в рамках проекта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого», грант № 20-011-00406 - А.

выступает исторический опыт, «присваиваемый» с целью обретения индивидуальной и коллективной самотождественности. Хранимый индивидуальной и коллективной памятью, исторический опыт обладает онтологическим, эпистемологическим, лингво-семиотическим и ценностным статусом. Для Рикёра апроприация исторического опыта служит основанием для рассказа о себе, конституирующего личностную самотождественность в её открытости будущему. Одновременно эта операция предполагает и видение традиции как наполненной человеческим измерением, подлежащей оценке с позиции «нашей современности». Попытаемся выяснить особенность постановки и рассмотрения Рикёром проблемы рефлексивной самотождественности личности в свете освоения исторического опыта. В этой перспективе отчетливо прорисовываются и характерные черты антропологического дискурса Рикёра [См.: 1, с. 172-200; 2, с. 57–74]. Сам способ трактовки Рикёром роли исторического опыта в конституировании рефлексивной самоидентичности личности определяется спецификой его антропологического дискурса. Размышления о фундаментальной историчности человеческого бытия и стратегии формирования личностного «Я» предстают, в его понимании, как итог разноуровневых рефлексивно-герменевтических усилий.

В онтологическом плане «срабатывает» глубинный уровень герменевтической рефлексии, позволяющий осознать неискоренимость историчности человеческого существования, его «заброшенности» в мир. В этом ракурсе Рикёр прибегает к ассимиляции положений фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, его аналитики ‹Dasein’. На этом же уровне идет и разработка ситуированности человеческого бытия в контексте традиции истории, позволяющая рассуждать об историческом опыте как задающем, с одной стороны, возможность созидания личностной идентичности [4, с. 217], а, с другой – персонального ракурса осмысления «Я» как интегральной части целостности истории, данной в точке «нашей современности». Здесь, сообразно с логикой размышлений Рикёра, продуктивно срабатывают те положения критической философско-исторической рефлексии, которые были созданы Р. Дж. Коллингвудом, Х.-Г. Гадамером и Р. Козеллеком. С глубинным уровнем герменевтической рефлексии сопряжено также обращение к фундаментальным нормам морали и этическим ценностям, без отнесения к которым не может состояться конструирование личностного «Я». В этой же плоскости остается открытым и теологический «горизонт» человеческого существования, который никогда не уходил из поля зрения Рикёра.

Однако глубинный уровень герменевтической рефлексии отнюдь не исчерпывает аналитики Рикёром процесса конституирования рефлексивной самоидентичности личностного «Я». Все дело в том, что таковой, по его мнению, сопряжен с конкретикой существования субъекта во времени его жизни, а создание её картины неминуемо приобретает форму рассказа. Конечно, наррация, рассматриваемая Рикёром как особый способ познания, отличный от синхронии теоретического плана, предполагает также и обращение к дискурсу сосуществования с другими в рамках современности, социально-правовых и политических форм реализации такового, но одновременно отсылает и к истории, с которой соотнесена жизнь конкретного субъекта. По сути, рефлексивное осмысление событийной конкретики рассказа о жизненном пути человека и составляет предмет герменевтики первого уровня. Разумеется, при этом перед Рикёром возникает и вопрос о специфике наррации как таковой, возможности постижения не только её онтологической укорененности в специфике человеческого бытия, но и в особенностях эпистемологического, лингво-семиотического и аксиологического плана. С целью рефлексивного осмысления наррации как способа рассказа о себе и собственной ситуированности в целостности истории Рикёр обращается к сочинениям А. Данто, У. Дрэя, У.Б. Галли, Л.О. Минка, Х. Уайта и других представителей англо-американской аналитической философии истории, сложившейся в русле идей «лингвистического поворота», который был инициирован Л. Витгенштейном.

В своем понимании специфики исторического опыта Рикёр опирается в первую очередь на его трактовку в концепции «истории действия» Х.-Г. Гадамера и конкретизацию её положений в концептуальной семантике Р. Козеллека. Гадамеровская интерпретация «истории действия» предполагает онтологическую вовлеченность человека в поток транслируемой во времени традиции. Такая постановка вопроса, конкретизируя хайдегеггеровское видение «заброшенности» Dasein в мир, показывает, что содержание опыта истории немыслимо вне открытой Августином и проработанной в собственном варианте Хайдеггером «тройственности настоящего», предполагающей выход на рассказ о единении таковых в событийной конкретике [6, p.95]. Исторический опыт изначально соткан, по Гадамеру из элементов запечатлеваемой традицией веры, понимания и игры, которая задана непредвиденностью вторжения события и реакции на него [5, p. 53]. Осуществляемая им онтология «приращения смысла» фиксирована в языке с его семантической «заземленностью» на номинируемые реалии и непредвиденностью трансформации репрезентации связи настоящего с минувшим в свете открытости будущего и «поступления» непредвиденных событий. Именно поэтому историческая семантика Козеллека оказывается столь релевантной гадамеровской концепции исторического опыта: использование исторических понятий предполагает существующее поле языка и опыт минувшего [3, с. 420]. Настоящее в континууме опыта задает горизонт ожидания и само постоянно претерпевает изменение.

В итоге, Рикёром была предложена весьма перспективная стратегия аналитики влияния исторического опыта на конституирование рефлексивной идентичности личности. Обращение к вопросу о специфике исторического опыта дает возможность Рикёру связать воедино различные уровни герменевтической рефлексии по поводу динамики созидания субъектом образа собственного «Я» в единстве современности и минувшего. Исторический опыт характеризует смысловое наполнение мира личностного «Я», сопрягающее такие «экстазы» существования во времени как современность, прошлое и будущее. Сама эта категория вводится Рикёром на уровне глубинного этапа герменевтической рефлексии в ходе философской метакритики базовых процедур постижения истории, раскрывая предпосылки осмысления минувшего с позиций современности и ожидания будущего. Однако реконструируя ход размышлений Рикёра, не трудно заметить, что обращение к аналитике исторического опыта невозможно, с одной стороны, без принятия базовых допущений «метафизики конечности» Хайдеггера, а, с другой стороны, заставляет задуматься о конкретике истории в перспективе существования в её потоке личностного «Я», создающего собственный образ. Вектор глубинной рефлексии при посредстве исторического опыта оказывается органически сопряженным с противоположным ему вектором осмысления процедур создания рассказа о себе на фоне наррации о целостности истории. Именно поэтому бессрочность суда истории, переоценка её событий в глобальной нравственной, этической и даже теологической перспективе может оказывать резонансный эффект и на процесс рефлексивного конституирования личностной самоидентичности.

Литература:

1. Вдовина И.С. Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: Канон +, 2019. 288 с.
2. Гуревич П.С. Философско-антропологические темы в творчестве Поля Рикёра// Поль Рикёр: человек–общество–цивилизация. Под ред. И.И. Блауберг, В.В. Вдовиной. М.: М.: Канон +, 2015. С. 57-74.
3. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 726 с.
4. Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. 419 с.
5. Gadamer H.-G. Philosophical Hermeneutics. Berkley; L.: University of California Press, 1977. 243 p.
6. Ricoeur P. Temps et récit. III. Le temps raconté. Paris: Editions du Seuil, 1985. 430 p.

Об условиях появления человеческого в человеческой природе

Ибрагимова З.З.

Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций ИСФНиМК, ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет – К(П)ФУ: доцент кафедры «Общая философия»; доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин факультета сервиса и туризма ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма»- ПГАФКСиТ. Кандидат философских наук

yuldyz@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматривается феномен формирования человеческого в человеческой природе. Актуальность данной проблемы носит вневременный характер поскольку феномен человеческой природы связан с одной из форм бытия – личностного. Анализ затрагивает исторический аспект существования человеческой природы, его парадоксальную сущность – развиваться в определенном смысле вопреки своей явленности. Рассматривается обусловленность человеческой природы с идеалами Пайдейи, объективные предпосылки философии участвовать в созидании человека и гражданина. Поставлен вопрос о современной локации философии в структуре современных наук, о главных смыслах человеческой природы. Отмечается востребованность философии в создании образовательного ресурса общества, но и в разрешении смысложизненных вопросов. Подчёркивается специфика гуманитарных и негуманитарных наук в разрешении мировоззренческих проблем. Показана специфика особого вида человечности – братства, возникающего в критические периоды истории общества.

Ключевые слова: человеческое, человеческая природа, сильное государство, образованный человек, мировая история, глобализация.

On the conditions of the appearance of human in human nature.

Ibragimova Z. Z.

Kazan (Volga) Federal University.
Povolzhskaya State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism

Abstract: The article discusses the phenomenon of the formation of human in human nature. The relevance of this problem is timeless in nature since the phenomenon of human nature is associated with one of the forms of being - personality. The analysis touches upon the historical aspect of the existence of human nature, its paradoxical essence - to develop in a certain sense in spite of its manifestation. The article considers the conditionality of human nature with the ideals of Paideia, the objective premises of philosophy to participate in the creation of man and citizen. The question is raised about the modern location of philosophy in the structure of modern sciences, about the main meanings of human nature. The demand for philosophy in creating the educational resource of society, but also in resolving life-meaning issues, is noted. The specifics of the humanities and non-humanities in resolving worldview problems is emphasized. The specificity of a special kind of humanity - brotherhood, arising in critical periods of the history of society, is shown.

Keywords: human, human nature, strong state, educated person, world history, globalization

Разговор об условиях появления человеческого в человеческой природе возможен лишь потому, что в этом вопросе не наблюдается ни очевидности, ни, тем более, абсолютности. Адо П. выразил эту неоднозначность так: «Мы не живем, мы надеемся жить, мы ждем, когда мы будем жить» [1]. Этот факт не обеспечен реальностью человеческого рождения и жизни. Скорее, в XIX-XX вв. это озвучено как проблема, не носившая в предыдущие столетия такой подлинной остроты и трагичности. Безусловно, ценность существования становится неоспоримой уже в эпоху Возрождения, хотя, справедливо было бы сказать, что античность совершенно точно поставила вопрос о значении человеческих усилий по отношению к своей собственной природе. Пайдетические идеалы сформировали представления о взаимообусловленности жизненной практики себя и способа познания себя. Именно идеи Сократа позволили увидеть колоссальные возможности человека, способного созидать себя и государство. Величайшая идея античности озвучена Платоном: сильное государство – это образованный человек. Но социально значимая идея не может быть предметом толкования всех. Это удел определённых людей, способных правильно и ясно озвучить тонкости созидания человека. Конечно, это кажется диссонансом в связи с развитой философией добродетелей, среди которых служение обществу признается высшей [2]. Муравьёв А.Н. говорит о Платоне, когда он, будучи известным философом, придерживался осторожного отношения к своему поприщу, его идеям. К настоящей философии нужно быть готовым, тем более, к её радикальным положениям. Это может вызвать нежелательное последствие.

«Когда философия становится площадной, общедоступной, этакой собственностью всех, это, разумеется, не прибавляет ей веса и значения, а, напротив, убавляет их – как раз потому, что тогда она перестаёт быть настоящей философией. Настоящая же философия, по убеждению Платона, до поры вообще не может быть сообщена, а уже тем более – многим. [3]. Таким образом, к социальным идеалам изначально было осторожное и небесспорное отношение, требующее критического осмысления. Это, действительно, рациональный и гуманистический подход, ибо он точно не может ввергнуть общество в пучину радикальных преобразований, особенно политических.

Жизненная практика себя поставила вопрос о необходимости и возможности, совершенствование человеческой природы, не ограниченной ничем абсолютно. Ведь каждый возраст имел свои особенности и задачи. Человеческая жизнь признавалась как возможность прожить много разных жизней, испытать огромное количество ощущений. В созидании человека он сам играл не последнюю роль. «Взращивание» в себе человеческого происходило в контексте социального развития. Это именно то состояние, когда философия органично присутствует в обществе и задаёт цели и принципы развития. Её присутствие в обществе в таком качестве оправданно даже в чисто практических целях. Но в эпоху современного очередного и совершенно понятного кризиса философствования и культуры в целом философский контекст выполняет совершенно ограниченную роль образовательного и просветительского феномена. Её «терпят» в современном отечественном социуме как терпели греки пафос древнегреческих трагедий в театре, «это выносили именно в искусстве, не терпя того же в жизни - как мы теперь не выносим все патетическое в жизни, но охотно терпим его в искусстве [4]. Философия не только не воспринимается как колоссальный способ образования себя и действовать, осуществлять проективную деятельность. Это есть общепризнанная традиция. В её арсенале достаточно средств и инструментария и для развития прикладного аспекта социального развития. При этом, следует заметить, что исторические попытки отрицать метафизику не привели к великим открытиям. Конечно, закономерен вопрос о причинах подобного статуса современной философии. Нет смысла повторять, что философия волюнтаристски была превращена в политический «моноинструмент» на уровне государства, а затем произошла девальвация всего обществознания, в том числе и философии. Безусловно, у нас есть наследие, сумевшее возвыситься над политическими катаклизмами. «Осторожность» - вот слово, характеризующее состояние и действия современного философского сообщества. Ведь обаяние всех других негуманитарных наук оказалось сильнее гуманистических идей философии.

Интересным представляется размышления М. Вебера о том, что все естественные науки дают нам ответ на вопрос, что мы должны делать, если мы хотим технически овладеть жизнью. Но хотим ли мы этого и должны ли мы это делать и имеет ли это, в конечном счете, какой-нибудь смысл – подобные вопросы они оставляют нерешенными или принимают их в качестве предпосылки для своих целей [5]. В качестве аргумента М. Вебер обращается к идеям Л.Н. Толстого, который совершенно ясно обозначил важнейшее предназначение философии, «согласно которому наука лишена смысла, потому что не дает ответа на единственно важные для нас вопросы: «Что нам делать?», «Как нам жить?»» [6]. Это звучит как ответ на вопросы о возможности не принимать к сведению существование гуманитарных наук и их ценностей.

Все эти процессы проходят на фоне сдвигов мировой истории. Возможно. Глобализация – это лишь видимая часть геополитических процессов, и философская практика не может быть отчужденной от этого. История международных отношений создаёт новые возможности и риски. «Надежда на то, что крушение биполярной системы приведет к более безопасному и устойчивому миру, не оправдались. В итоге относительно стабильная архитектура международной безопасности, со всеми её недостатками, была сломана, но на её месте так и не возникла новая. В мире наступил период перманентной нестабильности, обусловленный стремлением держав, посчитавших себя победителями в холодной войне, закрепить новый мировой порядок, который бы отличался ярко выраженной однополярностью, навязыванием воли отдельной группы промышленно развитых стран всем остальным государствам и народам» [7,с. 30].

У каждой науки и не-науки своя внутренняя история и логика, и вопросы не ставятся в духе прежней традиции: «Какая философия нужна обществу?», «Существует ли актуальная философия?» и т.д. Сегодня правомочен вопрос о том, какой уровень общественного развития должен соответствовать

достижениям гуманитарной и гуманистической науки? Вряд ли философии нужно оказываться в центре общественного мира. Впрочем, это касается и негуманитарных наук. Любая центрация, структура ведут к тоталитарной картине общественного устройства. Очевидно, что свобода естественным образом создаёт предпосылки развития идеологии. Нам представляется, что в меняющемся мире, философия востребована, прежде всего, через гуманистическую и психотерапевтическую функции. Философия рассматривает не поведенческие, внешние обстоятельства, а способствует поиску сущностных ответов. В этом смысле, она создаёт ситуацию выбора адекватного жизненного поступка и мировоззрений. Человеческое не пробуждается без мировоззренческого опыта.

Ожидать благоприятный исторический фон общественного развития и созидания человека – это из области иллюзий. Ханна Арендт пишет о том, что «столпы истин служили еще и столпами политического миропорядка, а мир - в отличие от обитающих и свободно движущихся в нем людей - нуждается в гарантирующих устойчивость и прочность опорах, без которых он не может предоставить смертным людям необходимое им хоть сколько- нибудь надежное и хоть сколько-нибудь непреходящее жилище. Конечно, живая человечность человека убывает в той мере, в какой он отказывается от мышления, доверяется известным или даже неизвестным истинам и тратит их, будто монеты, которыми рассчитывается за всякий опыт. Но с миром дело обстоит точно наоборот. Мир становится нечеловеческим, неприспособленным для людских нужд - которые суть нужды смертных, - когда он ввергнут в движение, в котором уже не остается ничего прочного» [8]. В эти особые «тёмные времена» появляется потребность в особом виде человечности – братстве. Но в условиях, неблагоприятных для жизни, складывается обстановка иллюзорности самого мира, отчуждения от него, причиной которого, разумеется, является политика. Повторяется то, что мы отмечаем у Г. Зиммеля: для обретения человечности: «Если человек освободится от всего того, чем он не является, то останется его подлинная субстанция, человек вообще, человечность, которая просто выступает исторически и эмпирически переодетой, приуменьшенной, искаженной» [9]. Понимание человеческой природы у Х. Арендт особое благодаря катастрофическим условиям жизни людей: «лишь теплота и братство тесно сгрудившихся людей могут возместить ту жуткую ирреальность, какую человеческие отношения приобретают всякий раз, когда развиваются в абсолютной безмирности, не соотнесенные с общим для всех людей миром. В таком состоянии безмирности и ирреальности нет ничего естественнее вывода, будто общее для всех людей - это не мир, а *«человеческая природа»* того или иного рода» [8].

Таким образом, условия появления человеческого в человеческой природе часто были связаны с бесчеловечными условиями жизни, потерями чувства общности, отказа от того, что сильно мешает быть тебе человеком. Совершенно тонкая и конкретная грань бытия, которую Ф. Ницше выразил словами: «Человек становится властелином самого себя и даже подобием Солнечной системы, – но остается один на один со своим одиночеством. И тогда главенствующей становится потребность в друге» [10].

Литература:

1. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / Пер. с франц. В. А. Воробьева. М.; СПб.: Изд-во «Степной Ветер»; ИД «Коло», 2005. 288 с.
2. Кнабе Г.С. История. Быт. Античность / Г.С. Кнабе // Быт и история в античности: Сб.ст. АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: Наука, 1988. 272 с.
3. Муравьёв А. Н. О философии, философах и философской задаче нашего времени». URL: https://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/muravjov.php(дата обращения:13.11.2019).
4. Ницше Ф. Соч. в 2-х т., Т. 1,Тезис 259. М.: Мысль, 1990. 830 с.
5. Вебер М. Наука как призвание и профессия [Электронный ресурс]. URL: http://knigosite.org/library/read/43926 (дата обращения: 13.11.2019).
6. Толстой Л.Н. Исповедь (1882). М.: Государственное издательство «Художественная литература».1882. 288 с.
7. Дадаян Д.С. Полицентричный мир и его субъекты // Вестник московского гуманитарно- экономического института. М.: МГЭУ, 2018. №2. С.30-34.
8. Арендт Х. Люди в тёмные времена. URL: http://www.fedy- diary.ru/html/102013/2910013-02a.html (дата обращения: 13.11.2019).
9. Зиммель Г. «Избранное. Проблемы социологии» URL: http://www.klex.ru/jh8 (дата обращения: 25.11.19).
10. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 9,14. М.: Культурная Революция, 2007.

Феномен андрогина в современной философской антропологии

Иванова Т.А.

Московский государственный университет (МГУ) имени М.В.Ломоносова, философский факультет, студентка 2-го курса магистратуры

froradelfa91@gmail.com

Аннотация: анализ феномена андрогина имеет большое значение для современной философской антропологии в связи с ситуацией кризиса понимания человека в философии и угрозой исчезновения его из пространства философского дискурса. Эта ситуация требует нового осмысления человеческой целостности, одним из универсальных символов которой является андрогин. В результате исследования развития концепта андрогина в философии были выявлены три основных типа его понимания: 1) как образа первоначальной мифологической целостности, в которой противоположности слиты воедино; 2) как единства, которое включает в себя множество, объемлющее собой всё сущее; 3) как динамического единства противоположностей, в котором они не сплавлены в неразличимость, а дополняют друг друга. Наиболее значимым для современной философской антропологии является последний тип, поскольку он отражает имплицитно присущую самой человеческой природе двойственность, попытки устранения которой ведут к уплощению человека и превращению его в безличный цифровой объект.

Ключевые слова: андрогин, андрогинность, двойственность, целостность, философская антропология, метафизика пола.

Phenomenon of the androgyne in actual Philosophical Anthropology.

Ivanova T.A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: The analysis of the phenomenon of the androgyne is of great importance for actual Philosophical Anthropology due to the fact of the situation of a crisis of understanding of man in philosophy and the threat of his disappearance from the space of philosophical discourse. This situation requires a new understanding of the human wholeness, one of the universal symbols of which is androgyne. As a result of the study of the development of the androgyne concept in philosophy, three main types of its understanding were revealed: 1) as an image of the original mythological wholeness, in which opposites are melted together; 2) as a unity, which includes a multitude that embraces all that exists; 3) as a dynamic unity of opposites, in which they are not fused into indistinguishability, but complement each other. The most important for actual Philosophical Anthropology is the latter type, since it reflects the duality implicitly inherent in human nature itself, attempts to eliminate which lead to the flattening of man and its transformation into an impersonal digital object.

Keywords: androgyne, androgyny, duality, wholeness, philosophical anthropology, gender metaphysics.

Кризис современной философской антропологии связан с утратой понимания человеческой целостности и исключительности в философии постструктурализма и объектно-ориентированных онтологий. На смену антропологии пришла онтология, которая ценностно сравняла человека с окружающей его средой, микроорганизмами, вещами, обитателями леса, слизью и техникой, лишив его мистериального смыслового измерения и превратив в цифровой алгоритм [1]. Такая ситуация ставит перед философской антропологией XXI века задачу возвращения человека в философский дискурс путём воссоздания утраченной им динамической целостности, символом которой является андрогин.

Концепт андрогина, по-видимому, уходит своими корнями в древнейшие мистерии, о которых метафорически повествовал Платон в диалоге «Пир» [2]. Андрогин парадоксальным образом содержит в себе и двойственность, и целостность, что отражает суть вечного стремления человека к утраченному им единству, которое никогда не достигается им при жизни, но является для него вдохновляющей и ведущей по пути духовного восхождения грёзой.

Миф об андрогине также затрагивает одну из самых существенных для современной философской антропологии проблему пола, представленную в философии постструктурализма гендерной теорией, которая развела пол и гендер человека, приблизившись к лишению пола внутренней сущности, и перенесла проблему пола на уровень дискурса об оторванном от пола гендере, в плоскость бесконечных

языковых игр [3]. В квир-теории пол человека утратил свою метафизическую составляющую, которая присутствовала в платоновском мифе и связывалась в платонической философской традиции с темами любви, творчества и духовного совершенствования человека. Лишившись метафизики, в современной философии пол, как и человек, стал плоским, одномерным и редуцированным до гендера или скользящего по поверхности множества гендерных вариаций. Можно предположить, что процессы сведения человеческого аффекта к интеллекту, а пола – к гендеру представляют собой явления одного порядка, причины которых восходят к вытеснению онтологией антропологии, а следствия приводят к изъятию человека из философии и забвению связанных с ним проблем. Ж. Бодрийяр писал о том, что пол не сводится к элементам структурной оппозиции и не может быть исчислимым, а может учитываться лишь как нечто единичное и амбивалентное [4]. Точно так же и человек не может быть сведён к цифре и сосчитан, не утратив того, что делает его человеком.

Став расколотым и равным по ценности окружающей среде, человек не обрёл нового знания о себе, но потерял свою глубину и многомерность, вернуть которую возможно лишь через переосмысление человека в контексте его ускользающей грезящей сути, которая неразрывно связана с двойственностью его природы и стремлением выйти за её пределы, преодолеть наличное бытие, чтобы создать нечто принципиально новое, утвердив в нём свою творческую и созидательную свободу. Наиболее полно эта двойственность раскрывается в феномене андрогина, который этимологически понимается как единство мужского и женского начал, но в философии его смыслы гораздо шире, и для лучшего понимания их можно классифицировать на три основных типа.

Первый тип представлен мифологическим сознанием, в котором понимание целостности андрогина, как правило, сводится к изначальной неразличимости, существовавшей до появления мира и человека, в которой отсутствует какая бы то ни было двойственность [5]. В ней находит отражение «тёмное» сознание человека на пороге взрыва галлюцинаций, породившего наскальную живопись. В сингулярной антропологии событие появления человека является уникальным и необратимым, поэтому его возвращение к первоначальной целостности представляет собой лишь недостижимую им мечту или тоску по утраченному раю. Эта первоначальная целостность не требует волевого усилия преодоления человеком себя для её достижения; она просто дана. Человек же обречён на самоограничение в своем двойственном и несамодостаточном бытии. И, если человеку удаётся выйти за пределы себя и собственной двойственности в область необусловленного мистического опыта, пребывающего за пределами привычных дихотомий относительного, то лишь на короткий миг, после которого он вновь возвращается к своему раздвоенному способу быть [6].

Второй тип понимания феномена андрогина обнаруживается в поздней античности, в мистических текстах Гермеса Трисмегиста, которые трактовали его как подлинную сущность человека, вмещающую в себя абсолютно все противоположности (не только мужское и женское начала) и сочетающую в себе плодовитость обоих полов, что подразумевало максимальное расширение идеала человека до тотальной целостности, которая включала в себя всё утраченное человеком после отделения его от мира в равновесной гармонии всех аспектов его бытия [7]. В этом смысле андрогинность понималась как включение в человека всех потенциально возможных состояний, как предел человеческого совершенства, идеал которого впоследствии был подхвачен философией эпохи Возрождения. Но такой идеал является принципиально невоплотимым, поскольку, чтобы стать всем, человеку нужно было бы умереть и раствориться в мире, возвратив ему себя, расширив антропологический принцип до онтологического и утратив свою телесность, без которой продолжение жизни в этом, посюстороннем мире стало бы невозможным.

Наиболее актуальным для современной философии является третий тип понимания феномена андрогина, который нашёл воплощение в русской философской традиции В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, В.В. Розанова [8; 9; 10]. Несмотря на разногласия между этими философами в тонкостях понимания концепта андрогина, все они придерживались общей линии синтеза духовного и телесного начал человека через любовь, в которой противоположности объединяются в гармоничное сосуществование в образе божественного андрогината, который нередко в русской философии представал в единстве супружеской пары. Данный идеал является гораздо более реалистичным, чем порождённая мифологическим сознанием неразличимость или возвышенный до недостижимости и грандиозности идеал человека эпохи Возрождения, поскольку он предполагает возможность достижения человеком целостности без потери сущностной для него двойственности. В этой новой целостности противоположности не растворяются и не упраздняются во взаимном отрицании, а поддерживают и усиливают друг друга, что служит источником для творческих и духовных порывов, в которых двойственная человеческая суть обретает самые высшие формы своего выражения.

Помимо оптимистических концепций андрогина как символа идеального человека или человечества будущего, в русской философии также существовала и критика концепта андрогина. Например, С.Н. Булгаков считал, что Мужское и Женское начала в Божестве являются принципиально самодостаточными, а их зависимость друг от друга проявляется лишь в тварном, искажённом мире, и её преодоление возможно только через целомудренную жизнь, восстанавливающую высшую метафизическую форму этих начал в себе [11]. Примечательно, что критике более всего подвергался бесполый андрогин, в котором оба начала достигают неразличимого слияния, что означает обнуление, конец и смерть пола. Аналогичным образом В.В. Розанов критиковал попытки воплощения андрогина в одном человеке, понимая его исключительно как парный идеал, немыслимый без супружеского союза [10]. Когда же человек пытается воплотить андрогина в себе как сочетание обоих полов, у него получается лишь дисгармоничная, гермафродитоподобная и бесплодная сборка, которая представляет собой антипод идеала гармонической целостности.

В целом, для русской философии было характерно понимание андрогина как динамического единства противоположностей, дополняющих друг друга в целостности, которая раскрывается в контекстах романтической или супружеской любви, творческого самораскрытия человека, морально-нравственной целостности, духовного опыта и образах совершенного человека и человечества. В ней андрогин выступал вдохновляющим, но не оторванным от повседневных реалий идеалом, указывающим человеку на возвышенную и сокрытую за их оболочкой подлинную духовную реальность, отражение которой можно наблюдать в любви, творчестве и свободе. Такое понимание представляет особую ценность для современной философской антропологии, которая борется с проблемой расколотости и уплощения человека, пытаясь вернуть ему подлинно человеческую бездну аффектов, из преображения которых и рождается мысль.

Литература:

1. Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология. М.: V-A-C press, 2018. 336 с.
2. Платон. Диалоги. Апология Сократа. М.: АСТ, 2019. 352 с.
3. Джагоз А. Введение в квир-теорию. М.: Канон+, 2008. 208 с.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. М.: Добросвет, 2000. 260 с.
5. Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб.: Алетейя, 1998. 374 с.
6. Ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
7. Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I - XIV веков / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Республика, 1996. 445 с.
8. Соловьев В. С. Смысл любви. СПб: Азбука СПб, 2016. 352 с.
9. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2018. 416 с.
10. Розанов В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства. М.: Книга по Требованию, 2011. 158 с.
11. Козырев А. П. Андрогин «на пиру богов» // С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения / Под ред. А. П. Козырева. М.: Русский путь, 2003. С. 333-342.

Точка бифуркации в эпоху сингулярности

Кириленко В. Г.

Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра философской антропологии, аспирант 3-го года обучения.

me@epimeleia.me

Аннотация: В статье рассматриваются два подхода к феномену сингулярности. В первом случае говорится об идее технологической сингулярности как итоге становления постчеловеческого будущего. На основе представлений о сингулярности футуролога Вернона Винджа строится гипотетическое представление о технологической сингулярности. Во втором подходе как сингулярный феномен рассматривается человек. Сингулярная антропология противопоставляется идее технологической сингулярности, а в конце статьи проводится сравнительный анализ двух подходов.

Ключевые слова: человек, постчеловек, искусственный интеллект, сингулярная антропология, технологическая сингулярность.

The point of bifurcation in the era of the singularity.

Kirilenko V.G.

Moscow State University M.V. Lomonosov - Faculty of Philosophy, Department of Philosophical Anthropology

Abstract: The article discusses two approaches to the phenomenon of singularity. In the first case, it speaks of the idea of technological singularity as a result of the formation of a posthuman future. Based on the ideas about the singularity of the futurologist Vernon Wing a hypothetical idea about the technological singularity is built. In the second approach, a human is considered as a singular phenomenon. Singular anthropology is opposed to the idea of technological singularity, and at the end of the article a comparative analysis of the two approaches is carried out.

Keywords: human, posthuman, artificial intelligence, singularity anthropology, technological singularity.

Мир находится на пороге сингулярности. Техника и технологии превалируют и во многом определяют жизнь современного человека. Он теперь вовлечен в круговорот технологического становления, становясь не целью, но средством. Будущее туманно, и всё более его представляют без человека. В связи с ускоряющимися процессами и стремительностью технологического развития о сингулярности в разном ключе говорят не только футурологи и философы, но и высокопоставленные лица. В 2018 году на XI заседании союза ректоров ректор МГУ им. Ломоносова В. А. Садовничий начал свое выступление с обозначения повестки дня современной эпохи: «Мы живем в уникальный период истории человечества. У математиков есть термин для его описания — сингулярность. Речь идет о все более ускоряющихся и все более непредсказуемых изменениях» [3]. В философии сложилось, по крайней мере, два подхода к пониманию феномена сингулярности. Согласно первому, речь идет о технологической сингулярности. Второй подход обозначен в идеях нового направления в философии — сингулярной антропологии. Сравним оба подхода, попробуем обозначить их сходства и различия.

Технологическая сингулярность

Свои истоки термин «технологическая сингулярность» берет от автора фантаста и профессора математики Вернона Винджа в его одноименной статье, представленной в 1993 году для симпозиума VISION-21. Виндж говорит о сингулярности, как о «точке, в которой наши старые модели придется отбросить, где воцарится новая реальность. Это мир, очертания которого будут становиться все четче, пока эта новая реальность не заполнит собой окружающую действительность, став обыденностью» [Виндж 2019: 9].

Технологическую сингулярность он прямым образом связывает со стремительным технологическим развитием, в частности с развитием технологии искусственного интеллекта. Технологическая сингулярность является гипотетическим событием, конкретного сценария осуществления этого события мы назвать не можем, не можем и предсказать, что будет после точки сингулярности, однако с уверенностью можем сказать, что событие это приведет к «исчезновению» человека, выражаясь языком Жана Бодрийяра, то есть к установлению позитивного отношения человека к самому себе [Бодрийяр 2008].

Тем не менее, в идее технологической сингулярности заключены мечты энтузиастов трансгуманистического толка. В ней реализуется и идея иммортализма, и идея перехода человечества на следующую эволюционную ступень. Технологическая сингулярность есть некий абсолют дерзаний в сторону технологического совершенства. Этим событием и будет возникновение «постчеловека» в его завершенном виде.

Сингулярная антропология

Представления о сингулярной антропологии в своем первичном виде можно найти в манифесте Московской антропологической школы. Для сингулярной антропологии сингулярное событие — человек. Будучи сингулярным существом, человек есть средоточие внутреннего и внешнего миров, возникших путем «серии взрывов галлюцинаций». В результате взрыва галлюцинаций происходит расширение реальности посредством мнимостей. В этом расширении человек становится существом, спящим наяву, внеприродным и надмирным. Он окружен грезами, он спит, когда бодрствует, и спит, когда спит, он бытийствует. «Человек — центральное событие космоса» [Гиренок 2019].

Сингулярная антропология видит и отмечает проблему технологического развития. Ключевая проблема — техническое отношение человека к самому себе. Из раздвоенного существа современный «цивилизованный» человек всеми силами пытается свести себя к однозначному пониманию. Сингулярная философия трактует цифру как схлопывание внутреннего и внешнего миров. Таким образом, мир цифровой реальности – это мир без человека. Здесь тело, являющееся пространством для реализации грез, превращается в простое тело для эволюции.

Сравнение подходов

Предметом технологической сингулярности является событие, в котором человек исчезает. Предметом сингулярной антропологии, напротив, является событие, когда человек рождается, то есть становится человеком.

В подходе технологической сингулярности вопрос человека нивелируется, в сингулярной антропологии - вновь ставится. В подходе технологической сингулярности человек есть средство, в сингулярной антропологии — цель.

В обеих стратегиях сингулярное событие уподобляется взрыву, но если человек как сингулярное событие длится, актуализирует свою суть во времени, формируя историю, то технологическая сингулярность стремится за счет все ускоряющихся процессов историю завершить. То есть взрывы в данном случае понимаются прямо противоположным образом. Угасание человека видно в его продуктах. Культура стала яркой, но пустой, искусство больше не говорит на языке вечности, творчество становится делом техники. Мерило правильности действий — экономическая целесообразность и массовые реакции онлайн-аудитории. Современная эпоха — вызов для человека. С одной стороны, наблюдается тенденция исчезновения человека, но, с другой стороны, приближение к точке технологической сингулярности обнажает проблему, ставя перед человеком радикальный вопрос: кто он?

Литература:

1. Бодрийяр - Бодрийяр Ж. Почему все еще не исчезло?/ Частный корреспондент [Электронный ресурс] URL: http://www.chaskor.ru/article/zhan_bodrijyar_pochemu_vse_eshche_ ne_ischezlo_40860 (дата обращения 01.12.2019)
2. Виндж 2019 - Виндж В. Сингулярность. М.: Литагент АСТ, 2019. 224 с.
3. Пленарное заседание съезда Российского союза ректоров [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57367 (дата обращения: 20.01.2020)
4. Гиренок 2019 – Гиренок Ф.И. Философский манифест Московской Антропологической Школы // Человек.RU, №14, 2019. С. 220-229.

Homo Putantes: присутствующее отсутствие и современная философская антропология

Козолупенко Д.П.

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, философский факультет, профессор, доктор философских наук

petrovich.tr@gmail.com

Аннотация: В современной философской антропологии всё меньше места занимают формальные признаки человека, относительность которых становится настолько очевидной, что понятие человека превращается порой в «договорное», проще говоря, обманку, пустое понятие. Однако, существует способность, которая образует сущность человеческого - способность мышления и действия, исходя из восприятия отсутствующего как присутствия и, одновременно, нивелирования присутствующего до статуса незначимого или отсутствующего. Такая способность проявляется как воображение и оказывается родственной памяти, предвосхищению и актуализации. Во всех указанных случаях человек исходит не из данного, то есть не из того, что может быть непосредственно воспринято здесь и сейчас, а из того, что не только не дано, но и данным никак не предполагается.

Ключевые слова: человек, воображение, присутствие, память, предвосхищение, неналичное, актуализация.

Homo Putantes: the present and the lack of modern philosophical anthropology.

Kosolupenko D.P.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: In modern philosophical anthropology, less and less space is occupied by formal signs of person, the relativity of which becomes so obvious that the concept of person sometimes turns into a “contractual”, in other words, a deception, an empty concept. However, there is an ability that forms the essence of the human-the ability to think and act, based on the perception of the absent as a presence and, at the same time, leveling the present to the status of insignificant or absent. This ability manifests itself as imagination and is akin to memory, anticipation and actualization. In all these cases, the person does not proceed from the given, that is, not from what can be directly perceived here and now, but from what is not only not given, but also not supposed to be given.

Keywords: person, imagination, presence, memory, non-those-present, anticipation, actualization.

Философская антропология - это такой вид мышления, который во главу угла ставит вопрос о том, что значит быть человеком. Заметим, что нас не интересуют вопросы морфологии: на их бесполезность в нашем деле замечательно ответил ещё Платон со своим ощипанным петухом. И вопросы истории человека, его возникновения, предпосылок и прочее - это тоже не к нам. Поскольку сказать, когда возник человек, значит, уже знать, что он из себя представляет. То есть история человека может идти вслед за его философией, но никак не наоборот.

Философия же в отношении человека ставит вопрос о том, что значит для нас быть человеком, кто это такой - человек? И все остальные вопросы ставит и решает, исходя из ответа на этот, основной, вопрос. Поскольку же человек есть тот, кто может быть больше или меньше самого себя, то есть существо, не совпадающее с самим собой, то ответ на вопрос о том, что значит быть человеком, оказывается ответом парадоксальным и антиномичным, а речь о человеке - косноязычной. Ибо человек оказывается несказуем, и в этой своей несказуемости мерцающ.

Но все-таки кое-что сказать о человеке можно. Вот, например, Парменидy это удалось. Парменид писал: «›Мыслить и быть - не одно ли и то же?» [1] Заметим, речь идёт о предполагаемом тождестве между «быть» и «мыслить» для человека, а вовсе не о следовании, как это будет затем у Декарта. Если мы признаем тождество бытия и мышления для человека, то мы должны будем признать и то, что «быть» человека не может, в таком случае, быть ни существованием, ни присутствием. Ибо быть – это значит мылить, а мыслить – это и значит быть. Но и «мыслить» у Парменида имеет иной смысл, нежели мы привыкли, так как не является рассуждением или интеллектуальный усилием. Мыслить, поясняет нам Парменид, можно лишь «о том, что не рядом, но что на уме неотступно» [1]. Иными словами, рассуждая о насущном и данном (о том, что рядом) - мы не мыслим. И ведя необязательные беседы о природе, погоде и т.д. или просто рассказывая о чем-либо, о чём следует говорить в данный момент (согласно правилам приличия, ситуации или профессиональным обязанностям) – мы тоже не мыслим. В первом случае ведя речь о том, что рядом, а во втором – о том, что является необязательным для нас (не находится на уме «неотступно»), мы избегаем мысли. И лишь обращаясь к тому, что нам не дано, но от чего, в то же время мы не можем отвлечься, что является, некоторым образом нашей неизбежностью – мы мыслим. И мысля об этом неданно-неизбежном (не-обходимом), мы и являемся людьми.

Человеческий способ бытия, стало быть, это мышление об отсутствующем, которое заслоняет собой присутствие. Об отсутствующем, которое в некотором роде для нас более реально, более присутствующе (ибо оно «неотступно»), нежели то, что дано здесь и сейчас, присутствующее. Такой способ мышления есть не что иное, как воображение.

Что значит воображать? В ответе на этот вопрос мы часто сталкиваемся с рядом трудностей, связанных с различением воображения и памяти, воображения и восприятия, наконец, репродуктивного и продуктивного воображения, если следовать терминологии Канта. Так всё-таки, что значит воображать? Сартр объясняет: воображать, это значит - глядя на комнату, где нет твоего друга, видеть его [2]. Однако, думается, что это лишь один из случаев воображения.

Когда мы воображаем? Например, когда смотрим на эту синюю шариковую ручку и представляем себе чёрную, перьевую. Или когда смотрим на полную аудиторию, в которой нам хотелось бы увидеть своего друга, но который не смог сегодня прийти – и видим его лицо. Или когда идём по улице и видим кентавра. Или когда сидим за столом и пишем книгу, картину, поэму, в которой вдруг обретает свою полноту никогда ранее не бывший образ. Во всех этих ситуациях воображать, это значит - иметь дело с отсутствующим присутствием и присутствием отсутствующего. Исходить не из того, что дано, а из того, что не дано, и данным не предполагается. При этом важно, что мы знаем, что на самом деле ручка синяя и шариковая, друга в аудитории нет, кентавров не бывает и т.д. (то есть мы не говорим о случаях обмана зрения и психических заболеваниях) – но мы также видим всё то, чего нет и не предполагается окружающей нас данностью – и этот факт столь же непреложен, как и факт присутствия ставшими в этот момент незначительными реальных ручки, аудитории, улицы со всей её обстановкой и прохожими.

Однако, в первых двух (возможно, даже трёх) случаях мы можем говорить о том, что воображение, несмотря на свою двойственность – это не что иное, как воспоминание. И потому, несмотря на эту двойственность и оторванность от реальности, оно всё-таки наследует восприятию, а значит, идёт за реальностью. Иными словами, хотя то, что воображается, и не дано в присутствии, но оно всё-таки некогда было дано. Но можно ли вообразить то, чего не только нет здесь и сейчас, но и что никогда не было воспринято? Следует ли согласиться с тем, что воображение, согласно этимологии этого слова и большинству расхожих трактовок, есть способность строить образы реальности (и, следовательно, этой реальностью обусловлено) – либо прав был Башляр, говоривший, что воображение способно создавать образы, превосходящие реальность [3,с.10]?

В классических работах Гуссерля и Сартра, посвящённых проблемам воображения [2, 4, 5], мы имеем дело, по-видимому, все-таки с тем, что уже некогда было воспринято, то есть воображение у обоих феноменологов некоторым образом следовало за восприятием. Ведь глядя на красную лампу и представляя себе зелёную, мы, хоть и игнорируем её красноту, но воображаем уже некогда виденное нами зелёное – то есть воображение в данном случае является репродуктивным (как бы и не совсем воображением, если следовать Канту совсем уж строго). То же у Сартра: я оглядываю комнату в поисках того, кого я прекрасно знаю (моего друга Пьера) и кто, хоть и отсутствует в данный момент, но был дан мне в своём присутствии ранее – и именно это ранее-данное-присутствие делает возможным его отсутствующее присутствие сейчас. Означает ли это, что воображение – это всего лишь отложенное восприятие или воспоминание – и ничего больше? Если мы согласимся с этим, то следующим шагом следует признать, что никакое продуктивное воображение в принципе невозможно, по крайней мере, для человека. Продуктивное воображение – это не воспоминание, а «творение из ничего» - удел богов. Удел же человека – следовать за реальностью, вторить собственному восприятию и комбинировать уже однажды увиденные образы.

Однако, здесь мы снова сталкиваемся с трудностью, обнаруживающейся в следующем вопросе: «а что значит воспринять?». Если мы согласимся с тем, что воображение всего лишь следует за восприятием, представляя собой либо простое воспоминание, либо комбинацию ранее воспринятого,

то нам так же нужно будет ответить на вопрос, а что происходит в самом акте восприятия, то есть как вообще мы можем воспринять что-либо, как от получаемых нашими органами внешних чувств разрозненных импульсов мы переходим к целому образа вещи, явления, существа? И здесь мы вновь столкнемся с двойственностью, обнаруженной нами при обращении к проблеме воображения. Ибо, несмотря на то, что «материал» восприятия даётся нам присутствующим здесь и сейчас (вещами, явлениями, существами), но связь (то есть то, что именно и организует образ в единое целое и позволяет ему быть воспринятым) есть то единственное, что даётся нам до всякого восприятия данного и из самого этого данного не выводится [6, с.99-101].

Следовательно, восприятие, так же, как и воображение, оказывается приобщено одновременно и к данному, и к тому, что не дано и не может быть выведено из данного. И потому Кант справедливо полагает, что воображение является основной способностью, без которой ни восприятие, ни мышление невозможны. А в первой редакции «Критики чистого разума» и вовсе практически уравнивает мышление с воображением. И тот факт, что, с одной стороны, воображение, лишённое вовсе связи с чувственностью, давало бы нам лишь «пустые понятия» [6, с.499], тогда как, основа образа («связь как таковая») явно никоим образом не дается и не может даваться чувственностью («то, что никак не выводится из предмета») [6, с.99], ставший камнем преткновения для великого немца, до сих пор так и не может быть ни оспорен, ни разрешён. А современный философ Башляр и вовсе формулирует его как «первичный закон воображения»[3, с.31].

Кроме того, восприятие обладает и ещё одной особенностью, связанной с двойственностью отсутствия и присутствия и роднящей восприятие с воображением. Речь идёт о том, что Гуссерль называл «нейтрализующей модификации восприятия». [5, параграф 111]. Анализируя в «Идеях к чистой феноменологии» восприятие гравюры Дюрера, философ отмечал, что восприятие гравюры проходит как бы несколько стадий: сначала я замечаю саму гравюру как материальный объект, эстамп; затем различаю на ней фигуры (всадника, смерть, дьявола) – и при этом для того, чтобы воспринять второе я как бы перестаю акцентировать своё внимание на первом, «нейтрализую» его. То есть художественный образ, воспринимаемый мной, как бы требует от меня отвлечения от данности эстампа как материального образа, делает его отсутствующим для моего восприятия, тогда как, если я захочу сосредоточиться непосредственно на нём и изучить, допустим, вид материала и техники, которая применялась при создании данного образа, в свою очередь, «нейтрализует» сам образ и сделает его для меня невоспринимаемым. Двойственность восприятия в его нейтрализующей модификации оказывается родственна двойственности воображения и также основана на феномене «отсутствующего присутствия».

В то же время мы видели, что и воображение оказывается одновременно сродно телесному и причастно небытию, что было замечено не только Кантом, но и задолго до него Плотином [7, 1.8.14—15; III. 6.15; IV. 6.3], причём механизм действия воображения таков, что телесное (присутствующее) может восприниматься только благодаря уже воспринятому нетелесному, тому, что никак из телесного не выводится и всегда уже предшествует любому конкретному восприятию (а восприятие, согласимся мы с Кантом, всегда конкретно – и акт даже самого абстрактного мышления есть в то же время акт самого конкретного воображения [6, С.98-119, 499-508]) – и в то же время небытие (отсутствующее, то, что никак не может быть дано восприятию «самим предметом») воспринимается как данное, присутствующее – и в своей данности является более неизбежным, основополагающим и реальным, нежели само «телесное».

Но это означает, что восприятие человека – это всегда в некотором роде воображение, так как, согласно Канту (и в этом мы также с ним согласимся), не второе основывается на первом, но, напротив, первое только и возможно благодаря второму. Тем самым стирается и принципиальная разница между репродуктивным и продуктивным воображением. Ибо если мы в принципе можем воспринять данное, только уже будучи приобщёнными к небытию, только основываясь на неданном, то никакое воображение не может считаться чисто репродуктивным, так как никакое восприятие не может быть свободно от акта воображения. Ибо, как писал Башляр, «мы ещё только открываем глаза на видимое, но уже давно ощущаем себя приверженцами незримого» [3, с. 38].

Литература:

1. Парменид. О природе. Введение (Текст приводится по изданию: «Эллинские поэты VIII—III вв. до н. э.» / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Ладомир, 1999)
2. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Пер. с фр. М. Бекетовой. СПб.: Наука, 2001.
3. Башляр Г. Вода и грёзы. Опыт о воображении материи / Пер. с фр. Б.М.Скуратова. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. 268с.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. / Пер. с нем. Д.В. Скляднев. СПб.; Наука, 2001. 316с.
5. Гуссерль Э.Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2019. 489 с.
6. Кант И. Критика чистого разума / Пер.с нем. Н. Лосского. М.; Мысль, 1994. 591с.
7. Плотин. Эннеады. В 7 тт. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004-2019г.

Жест как антропологическое событие

Маковцев В. С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, аспирант

vl.makovtsev@gmail.com

Аннотация: Понятие жеста является одним из многозначных понятий, функциональное содержание которого раскрывается в рамках контекста, внутри которого оно себя обозначает. Тем не менее, вся многозначность понятия жеста может быть сведена либо к пространству коммуникации, в котором жест является одним из элементов, позволяющих осуществиться акту коммуникации, либо жест может быть представлен как особое событие в пространстве человека. В данной работе автор пытается раскрыть механизмы подобного события, его связи с человеком, Другим, миром.

Ключевые слова: Жест, событие, поступок.

Gesture as an Anthropological Event.

Makovtsev V.S.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: The concept of gesture is one of the polysemantic concepts, the functional content of which is revealed within the context in which it denotes itself. Nevertheless, all the ambiguity of the concept of gesture can be reduced either to the space of communication, in which the gesture is one of the elements that allow the act of communication to take place, or the gesture can be represented as a special event in human space. In this work, the author tries to reveal the mechanisms of such an event, its connection with a person, Another, the world.

Keywords: gesture, event, act.

Понятие жеста, несмотря на свою многозначность, может быть сведена к двум возможным путям интерпретации. С одной стороны, мы говорим о жесте как части коммуникативного акта, выступая невербальным элементом общения, жест может быть конвертирован в слово, быть его тенью, дополняющей сказанную речь, усиливая его эмоционально. С другой же стороны, жест может быть понят как самостоятельное событие, разворачивающееся в пространстве бытия человека, тем самым ближайшим образом соприкасаясь с такими понятиями как событие, действие, поступок. Границы между двумя возможными тенденциями интерпретации очевидно не являются строго фиксированным, и зависят скорее от точки перспективы исследования, которая в настоящем тексте задана пространством философской антропологией, поэтому наша задача показать, как возможен жест как антропологическое событие, отличается и чем если отличается жест от действия, акта, события, поступка, с которыми жест по нашей изначальной установки ближайшим образом связан. Как отмечает Ф.И. Гиренок «жестовые, мимические и фонетические средства коммуникации старше вербальной коммуникации. И в этом смысле рука предшествует языку в коммуникативном общении. Жест может вступать в конфликт со словом, т.е. жест может говорить одно, а слова – другое. Но «уже-понимание» душ носит дознаковый характер и может вступать в конфликт с невербальными знаками, которые, в свою очередь, могут вступать в конфликт со словом» [1, с.199]. Тем не менее, не оспаривая, что жест старше слова, насколько в таком случае жест изначально вписан в логику коммуникации, в которой первостепенную роль играет слово? А если таковых оснований нет, то о жесте справедливо можно говорит вне языкового контекста.

Жест связан с жестикуляцией, – в этом тривиальном заключении мы схватываем форму жеста и его начало, стоящее за телесностью человека, и прежде всего его рукой. «Только то существо, которое обладает словом, может обладать рукой», – писал Хайдеггер, понимая при этом под словом μύθος, λόγος, то есть реченное живое слово, в котором мышление и разворачивающееся пространство суть одно, в печатном же слове, оторванном от человека Хайдеггер находил этом «главную причину уничтожения слова» [2, с.176]. В печатном слове, как фиксированном смысле, сильна коммуникативная составляющая, целиком определяющая функцию письма, но не жеста, с его акцентом на уникальность и идентификацию. «Рукой совершается молитва и убийство, – писал он, – знак приветствия и благодарения, приносится клятва и делается намек, и ею же осуществляется какое-нибудь ремесло («рукоделие»), делается утварь» [2, с.176].

Жест разворачивается пространстве, и в тоже время формирует его, указывая нам на нечто, лежащее по отношению к нему на определенной дистанции. Сам жест формирует эту дистанцию, отделяя человека от предмета его обращения, и не столько даже выделяя его из ряда иных явлений, сколько обозначая, вводя в горизонт сознания. Тем не менее, не каждое движение тела или руки может быть обозначено как жест, что позволяет с нашей стороны заключить о необходимости для понимания жеста оторвать его от его телесности, подобно тому, для существа слова мы должны избегать попыток понять слово через его словарную форму, в котором слово, лишенное контекста живой речи просто мертво. Скажем, связывая жест с телесностью, И. Мавринский отмечает, что жест «оказывается тем, что может быть прочитано и как поступок, и как событие, т. е. тем, что на уровне тела осуществляет взаимосмену практик рациональности и экзистенции» [3, с.33]. Отрывая жест от тела, мы приписываем его исток собственно разворачивающемуся бытию человека, и вместе с тем это позволяет с одной стороны сближать понимания жеста с поступком, и с другой стороны находить их принципиальные отличия. А именно, поступок – это акт по преимуществу этичны, подразумевающий фигуру Другого, в то время как жест – это акт по преимуществу эстетический, при чем эстетика здесь не только нечто, что вызывает чувство прекрасного, но в своей изначальной связи с теорией познания, тем самым мы подчеркиваем изначально заданный тезис, что жест не только разворачивается в мире, но и конструирует его. Другой не условие моего жеста, не являясь детерминантой, Другой, с которым я связан в органичном единстве, вторичен по отношению к жесту, в отличи от поступка, в котором Другой неизменно присутствует либо в явной форме, либо скрываясь под обезличенной формой общества, внутри которого разворачивается поступок. «В основе поступка лежит приобщенность к единственному единству, – пишет М. Бахтин, – ответственное не растворяется в специальном (политика), в противном случае мы имеем не поступок, а техническое действие» [4, с.80]. Таким образом, поступок разворачивается в мире, уже изначально данный человеку, в то время как жест выступает условием конструирования мира, пространства смыслов, внутри которого актуализируется человек.

Поскольку жест как до-языковое явление разворачивается до мира, и парадоксальным образом вместе с ним, жест может быть без смыла, но не может быть бессмысленным, оказываясь за пределами смыслового горизонта, задающийся фигурой Другого. Другой как «возможный мир», и тот, к которому обращено реченное слово, задает пространство и моего мира, что позволяет говорить о Другом как о точке пересечения двух сознаний, но не неким сущем, пусть и психо-физическом сущем. Под миром в данном случае понимается пространство смыслов, внутри которого разворачивается человеческая деятельность в его уникальном событии жизни, что ближайшим образом близко к понятию семиосферы Михаила Лотмана. Вводя понимание жеста как особого события, мы тем самым избавляется от проблемы вторжения другого в пространство индивидуального мира, избавлены от «тяжести смысла».

К бессмысленному мы подходим с «аршином» смысла, и в этом оно оказывается нулевой или негативным уровнем смысла. Жест не просто действие, поскольку последнее есть результат и условие времени, - жест же вне времени, и в этом становится ясным его вне осмысленная констатация, а также его первичное или дословесное отношение к миру. Время почти всегда тождественно смыслу, поскольку последнее есть результат действия, развернутого или сдвинувшего время. Так скажем, ситуация безвременья есть ситуация ада или отсутствия смысла в отчаянной попытке жажды осмысленности происходящего. При этом мы оставляем открытым вопрос о темпоральной вторичности смысла по отношению к действию. Тем не менее, смысл есть результат, а не условие действия. Такая позиция позволяет вводить бессмысленное как результат отсутствия в действии содержательного смысла.

Говоря о жесте как событии, тем самым лишая его связи со словом, с коммуникативным контекстом разворачивающегося жеста, мы тем самым формирует иное отношение к пониманию человеческого в человеке. Слово оказывается одним из составляющих, но недостаточных оснований формирования понимания человека. Мы узнаем жест по тому следу, который оставляет позади себя человек, и тем самым понимаем жест как элементарную единицу человеческой культуры, оказывающимся в своей единичности, своей индивидуальности мерилом ценности.

Литература:

1. Гиренок Ф.И. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академический Проект, 2012.
2. Хайдеггер М. Парменид. СПб.: «Владимир Даль», 2009.
3. Мавринский И.И. Жест как поступок и как событие // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2013. Вып. 1. С. 33-37.
4. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986.

От «красивой жизни» к «интересной»: социально-антропологический аспект эволюции нравственно-эстетических предпочтений постсоветских россиян

Мясникова Т.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

tamyasnikova777@gmail.com

Аннотация: В докладе представлен социально-антропологический анализ темы эволюции нравственно-эстетических представлений россиян в начале XXI века. Рассматривается постепенный переход постсоветского массового сознания от образа «красивой» к «интересной» жизни в контексте социально-антропологической модели 10 степеней свободы как самостоятельности. При этом переход к высшим степеням свободы − политической, нравственно-религиозной и творческой – связан с преодолением показной гламурности и усилением индивидуального морально-эстетического самоопределения образа жизни человека. Творческая самореализация личности предполагает создание собственного проекта «интересной, красивой, и полезной» жизни, которая будет представлять собой взаимодополнение индивидуального и общего блага. Современная «интересная» жизнь нацелена на гармоничное сочетание индивидуального внешнего самовыражения конкретной личности с интересами и правами других субъектов, находящихся на разных степенях свободы.

Ключевые слова: эволюция свободы, постсоветское общество, гламур, интересная жизнь

From “Beautiful Life” to “Interesting”: Social and Anthropological Aspect of Evolution of Moral and Aesthetic Preferences of Post-Soviet Russians.

Myasnikova T.A.

National Research University Higher School of Economics

Abstract: The report presents a socio-anthropological analysis of the theme of evolution of moral and aesthetic perceptions of Russians at the beginning of the XXI century. It deals with the gradual transition of post-Soviet mass consciousness from the image of «beautiful» to «interesting» life in the context of social and anthropological model of 10 degrees of freedom as independence. At the same time, the transition to the highest degrees of freedom - political, morally-religious and creative is connected with overcoming the ostentatious glamour and strengthening the individual moral and aesthetic self-determination of the human way of life. The creative self-fulfillment of the individual implies the creation of his or her own project of «interesting, beautiful, and useful» life, which will represent the mutual supplementation of individual and common good. Modern «interesting» life aims at a harmonious combination of the individual external expression of a particular individual with the interests and rights of other subjects at different degrees of freedom.

Keywords: the evolution of freedom, post-Soviet society, glamour, interesting life.

[i] 1. Тема эволюции нравственно-эстетических представлений россиян имеет существенное значение для современной философской антропологии, социальной философии, этики и других смежных отраслей социально-антропологического знания, которые изучают трансформации ценностно-смысловых ориентиров наших современников. Нравственно-эстетическая сфера жизни является одним из высшим проявлений человеческого бытия, а именно − одной из высших степеней человеческой свободы, которая во многом определяет жизнь конкретного социума и пути его дальнейшего развития. Поэтому нам важно исследовать эволюцию этой сферы общественного сознания для выявления и моделирования будущих тенденций развития российского социума и других постсоветских обществ.

«Красивая жизнь» становится ценностным приоритетом россиян в 90-е годы XX века, когда начинает бурно формироваться раннекапиталистическое общество потребления. «Красивая жизнь» вхо-

i Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00137 «Эволюция свободы в постсоветском обществе: социально-философский анализ и практическое моделирование» («The evolution of freedom in post-Soviet society: socio-philosophical analysis and practical modeling»).

дит в массовое сознание через западные фильмы и рекламу, через зарубежные товары, которые оказались очень привлекательными для неискушенных и до того времени малопритязательных советских людей. Богатый, шикарный, красивый образ жизни становится идеальным ориентиром для многих постсоветских людей, получивших возможность потреблять то, что они хотят без ограничений сверху… Большинство россиян с восторгом поддались этому манящему соблазну и в полной мере испытали противоречивую сущность «красивой жизни». Безудержное насыщение материальными благами (по принципу «нужно попробовать всё…») обнаружило много проблем, связанных со средствами зарабатывания больших денег, проблем морально-правового характера, − относящихся к последствиям достижения «красивой жизни» любыми средствами, а также проблем массовой моды, связанных с общими и личными вкусовыми предпочтениями наших современников.

Осмысление и экзистенциальное переживание этих реальных проблемных ситуаций происходило в первом десятилетии XXI века, когда росла социально-экономическая самостоятельность и потребительская активность россиян. Типичным символом «красивой жизни» как показного потребительства становится гламур, культивируемый новой экономической элитой и медийными представителями поп-культуры [1].

При этом нужно учитывать, что вместе с ростом социально-экономической самостоятельности происходит и рост самосознания людей, т.е. растет потребность в достижении высших степеней самостоятельности или свободы – политической, нравственно-религиозной и творческой [2]. Эта новая потребность в политической свободе оказалась тесно сопряженной с возросшим нравственно-эстетическим запросом не только на внешне красивую и материально обеспеченную («упакованную») жизнь, но и на ее внутреннее смысловое наполнение, связанное с интересами более высокого порядка.

2. Для того, чтобы наше дальнейшее исследование имело системный и научно-доказательный характер мы будем опираться на новую методологическую модель 10 степеней свободы как самостоятельности, которая позволяет видеть последовательное возрастание человеческой свободы на личностном и общественном уровнях развития [3].

Начальными степенями человеческой свободы являются 1 - физическая самостоятельность, 2 - психо-эмоциональной, 3 - интеллектуально-волевая, 4 - правовая самостоятельность или юридическое совершеннолетие, в нашей стране наступает с 18 лет. На этом этапе человек получает полную формальную независимость от своих родителей-опекунов, и вместе с тем приобретает полную личную ответственность за свои действия.

Зрелая свобода человека и самого общества начинается с пятой степени – экономической самостоятельности, которая в разных обществах достигается по-разному.

Шестая степень свободы может быть названа социальной самостоятельностью, которая выражается в создании собственной семьи, рождении и воспитании своих детей, т.е. в создании новой «ячейки общества». Также уровень социальной самостоятельности проявляется в личном самоопределении человека в своем ближайшем социуме: в семье, роде, в трудовом коллективе [4].

Седьмая степень представляет собой уже высшую степень свободы – политической самостоятельности, которая будет вытекать из предыдущей, так как забота о своём будущем будущем своей семьи-рода-народа предполагает политическую зрелость и выражение своих частных интересов в политической сфере, т.е. в сфере распределения материальных благ.

Восьмая степень свободы предстаёт как нравственно-религиозная самостоятельность человека, и обычно достигается в зрелом возрасте, когда на основе жизненного опыта складывается собственная автономная система нравственных ценностей и религиозных убеждений.

Девятая степень свободы проявляет себя в творческой самостоятельности человека, которая является свободным самовыражением, созданием различным материальных и нематериальных благ и ценностей.

И десятая степень – высшая ступень человеческой самостоятельности – это гениальность. Она предполагает, что творческая активность человека достигает общечеловеческого, мирового признания, и нацелена на будущие поколения людей.

Применяя эту социально-антропологическую модель к эволюции нравственно-эстетических представлений россиян, мы можем предвидеть и моделировать возможные трансформации этих представлений.

3. Продвижение креативной части российского общества к девятой степени свободы, т.е. к творческой самостоятельности является необходимым условием развития современного постиндустриального общества, основанного на интеллектуальном капитале, ресурсах научно-технических знаниях и экологически безопасных технологиях и возможностях искусственного интеллекта. При этом научно-технический потенциал современного общества нуждается в нравственно-эстетических ориентирах – гуманных и красивых моделях личного поведения и публичного общения, которые исключают взаимное насилие, беспощадную борьбу за выживание и за окончательную победу своих убеждений [5]. Современная творческая свобода предполагает, прежде всего, утверждение идеала интересной, красивой и полезной жизни, которая ориентирована на гармонию личного и общего блага.

Литература:

1. Андреев А.Л. Социокультурная динамика российского общества // Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. С. 174-193.
2. Инглхард Р., Вельцер К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
3. Мясников А.Г., Мясникова Т.А. О методологии социально-философского изучения эволюции свободы в постсоветском обществе // Актуальные проблемы исследования массового сознания: Материалы V Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. С. 223-228.
4. Мясников А.Г. Право на ложь как ловушка для свободы // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С.174-186.
5. Никонова С.Б. Эстетизация как парадигма современности. Философско-эстетический анализ трансформационных процессов в современной культуре: Дисс. д-ра филос. наук: 09.00.04. СПб.: СпбГУ, 2013. С. 155-180.

Деантропологизация антропологии. Современные концепции антропологии без человека и их источники

Наумов Н.Г.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, аспирант.

nnaumovtm@gmail.com

Аннотация: В данных тезисах раскрываются истоки и историко-философские предпосылки становления современной антропологии. Современная антропология характеризуется в своем принципиальном и методологическом отношении к человеку как нечеловеческая. На протяжении всей истории философии человек был сложнейшей проблемой для описательных философских моделей. В той или иной степени античные и классические философы для описания человека использовали собственные общие онтологические модели, встраивая первого во вторые. Современные антропологи заимствуют описательные модели неклассической философии (Лакан, Мерло-Понти, Латур, Делез и пр.), либо выискивают маргинальные элементы в рамках классических концепций. Итогом подобной работы становится обратный процесс очеловечивания вещей, взамен прежнего овеществления человека. Современная антропология пытается пересмотреть место человека в мире для создания новых эко-этико-экономических концепций. Анализ концепций современных антропологий позволяет говорить о том, что сущностно они представляют собой нормативно-консенсуальные, принципиально неполные, плоские онтологии.

Ключевые слова: деантропологизация, нечеловеческая антропология, очеловечивание вещей, мультинатурализм, плоская онтология.

Deanthropologization of anthropology. Modern concepts of «anthropology without a human» and their sources.

Naumov N.G.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, PhD Student

Abstract: The theses reveal the origins and historical and philosophical background of the formation of modern anthropology. Modern anthropology is characterized in its fundamental and methodological relation to human as «non-human anthropology». Throughout the history of philosophy, human has been the most difficult problem for descriptive philosophical models. Ancient and classical philosophers used their own general ontological models to describe a person, embedding the former in the latter. Modern anthropologists borrow descriptive models of non-classical philosophy (Lacan, Merlot-Ponti, Latour, Deleuze, etc.), or seek out marginal elements within the framework of classical concepts. The result of this work is the reverse process of humanizing things, instead of the previous reification of human. Modern anthropology is trying to reconsider the place of human in the world to create new eco-ethical-economic concepts. An analysis of the concepts of modern anthropologies suggests that they essentially are normative-consensual, fundamentally incomplete, flat ontologies.

Keywords: deanthropologization, non-human anthropology, humanization of things, multi-naturalism, flat ontology.

Демарш современных антропологов против человека опирается на философские пропозиции. Они ощутили необходимость в подкреплении своих методологических подходов и следующих из них выводов со стороны именно философских источников. Что контрастирует с эмпирическим и структуралистским подходами предыдущих вех антропологии, опиравшихся на наукообразность понятий опыта, математической модели, структуры и пр.

Выделяется имплицитная историко-философская линия, согласно которой происходит поэтапное исключение человека из философского дискурса в целом и антропологического в частности. Условно можно выделить следующие наглядные стадии: помещение Аристотелем человека в общую с вещами категориальную клетку; использование латинизированных аристотелевских категорий схоластами; построение схоластической терминологии в постсхоластических онтологиях школы Вольфа; постулирование овеществления человека в процессе общественных отношений Марксом; экстраполяция неокантианцами категорий Канта в гуманитарные дисциплины и забвение учения о вещи самой по себе; последовательное сопоставление человека с вещью (и анализ него, исходя из нее) в крупнейших направлениях философии XX века; расцвет в XXI веке философских течений, в рамках которых человек либо выносится за скобки, либо маргинализируется, отбрасывается на периферию. Таким образом, философы XXI века скорее бы сказали (причем в негативной тональности), что вещи очеловечиваются в процессе общественных отношений.

Наблюдается влияние идеологемы социокультурного, политического характера. Постановка во главу угла принципа толерантности с логической необходимостью подводит авторов к отрицанию наличия у человека как такового каких-либо специфических свойств. Научная ценность антропологических теорий, базирующихся на таких латентных аксиомах, приносится в жертву стремлению установить этико-нормативный консенсус среди заинтересованных сторон, объектов научного, гуманитарного исследования.

Обеспечение консенсуальной базы артикулируется в виде общего тезиса о плюрализме культур и единстве природы. Данный тезис представляется универсальным как в мета-предметной литературе («Конец человеческой исключительности», Жан-Мари Шеффер) [1], так и в конкретных концепциях авторов антропологов (Дескола, Де Кастру, Кон). Историко-философские основания тезиса обнаруживаются уже в корпусе античных источников.

Наглядно это можно проиллюстрировать на примере спора Платона и Аристотеля на тему позитивного основания существования у отдельно взятого предмета (условного «стола»). Платон признавал наличие такого основания, в то время как Аристотель считал, что предикативность призрак несубстанциональности. Не существует отдельно взятой единичной вещи под предикатом. Сократ субстанция, но человек не субстанция. Таким образом, Аристотель сформулировал философскую проблему для построения любого универсализированного представления о предмете. Проблема третьего человека, сформулированная Аристотелем, звучит так: «Ничто, существующее всеобщим образом, не есть сущность, и что ни одно из общих высказываний не обозначает эту вот вещь, но такую-то. В противном случае получается «третий человек» и много других (нелепостей)» [2, с.133]. Однако проблему обошел уже Плотин, задолго до Гегеля построив крипто-мифологическую по своей структуре тотальную систему. В отличие от Гегеля или Гераклита система Плотина представляла собой одностороннее движение эманации. По логики его мысли Умопостигаемое всегда уже находится в Уме, а не вне его. Душа обладает предикатами вечности/неделимости на контрасте с делимостью в вещах. Устанавливается принципиальная оппозиция Единства и многого. Единая душа, по мимо прочего, определяется Плотином как все души есть одна душа [3, с.253].

Современные антропологи экстрагируют пропозиции Плотина для универсализации, теоретического обоснования опытного материала, но при этом полностью отказываются от каких-либо попыток к построению системы и ее обоснованию, лишая человека уникальных черт, отличительных положения и статуса в иерархии. Таким образом, происходит подмена антропологии нормативно-консенсуальной, принципиально неполной, плоской онтологией.

Нормативно-консенсуальная потому, что взаимоотношения объектов исследования описывается в рамках коммуникативных моделей, регламентов в большей или меньшей мере пропорционального обмена (в первую очередь, информацией).

Принципиально неполная потому, что универсализирующие принципы, постулирующие единство всех взаимодействующих объектов, подкрепляют этнографический материал задним числом, без наличия естественной связности. Разрыв обосновывающего и описывающего прикрывается заявлениями об открытие пространства возможностей для расширения перечня объектов и увеличения количества их интерпретативных моделей. Парапраксис - неполноценное выполнение преднамеренных действий как методологическое основание.

Плоская потому, что объекты, охватываемые дисциплиной, шлифуются и выравниваются, лишаясь разделения на сущностные и второстепенные характеристики. Сущностный уровень, тем не менее,

не отбрасывается вовсе, но формируется за счет вставок универсализирующих моделей. Однако за объектами сохраняются лишь акцидентальные свойства, которые, в свою очередь, настолько незначительны, что их перечисление можно ограничить несколькими единицами, сославшись на пространность ряда однообразных элементов

Онтология потому, что речь идет о «бесполых» сущностях и способах их взаимодействия, но никак не об особом существе «из ряда вон» в рамках мира.

Дескола, исследователь индейского племен ачуаров, провозглашает монистическую антропологию, признавая одушевленность и наличие личностей у животных и растений. Специфичность человека выражается в том, что полная личность способна выражать мысли и чувства в словах. Однако, по мнению французского антрополога, это не говорит нам о человеке ничего сущностного, поэтому он и обращает внимание на других акторов, участвующих в жизни племени.

Шеффер критикует классическую антропологию за подразумевание неявного тезиса о человеческой исключительности из природы. Тезис, по его мнению, содержит четыре разрыва: онтический разрыв живого мира, онтологический дуализм внутри человека, гносеоцентрическая концепция человека, антинатурализм как метод изучения именно человека.

Ход Шеффера против исключительности в антропологии концептуально аналогичен ходу Мейясу против корреляционизма в онтологии.

Онтологический дуализм или плюрализм новых антропологий. Дескола рассматривает оппозицию «внутренний мир - внешний, физический мир» как универсальную, который подвержены, в том числе, натуралистическая и анимистическая концепция, а также их разновидности: монизм, аналогизм, натурализм, анимизм. Дескола признает двойственный или множественные способы бытия у не-человеческих существ. Таким образом, он «преодолевает» человеческую исключительность с как минимум слабой моделью тезиса о человеческой исключительности, а то и вовсе без тезиса как такового. Индейцы ачуар различают людей, растения и животных по степени, а не природе. Они считают, что у растений и животных есть та же душа, что и у человека. Не-человеческие существа обладают способностями рефлексивного сознания и социального общения.

Шеффер, в свою очередь, ставит под вопрос необходимость классического онтологического аппарата, анализ которого выявляет две главные характеристики онтологии, определяющие онтологический проект как таковой: мышление реальности, исходя из последних единств или категорий (наделены устойчивыми внутренними свойствами природы/сущности), образующих фундамент феноменального мира; полагание дуальной структуры бытие/становление и прочее: «Действительно ли такой онтологический подход является универсальным фактом культуры?». Шеффером также выдвигается постулат о том, что онтологизация присуща западной культуре, как рассуждения в терминах объектов. Другие культуры пользуются терминами процесса и рассуждают о трансформациях вглубь, а не противостоянии снаружи.

Исследователи начинают применять неклассические философские описательные системы.

Анн Чен отмечает преимущество (для описания «примитивных сообществ» как единства целого и частей) генеративной модели, в рамках которой проходит существенный раздел виртуального и явного, а не трансцендентного и имманентного, как сменяющих друг друга аспектов одной и той же реальности (влияние Делеза) [1, с.30].

У некоторых авторов прослеживается характерная для конца XX и начала XXI века попытка смешения онтологии и феноменологии (Латур, Харман), то есть попытка описания объекта не как простой вещи, а углубленно, как мульти-оконную и мульти-дверную монаду. Тело и душа не онтологические объекты, а феноменологические перспективы у де Кастру [4, с.42-43]. Анн-Кристин Тейлор пишет, основываясь на материале индейцев хиваро, что быть личностью или самостью в аналитических терминах означает обладать сочетанием или вариацией реляционных конфигураций [1, с.31].

Семиотика приносится в жертву структуре, а не наоборот, как было изначально. Индентичности-местоимения служат для противопоставления индивидов, групп, говорят о положении.

Вместо классического онтологического подхода постулируется генеративный (крипто-мифологический), вбирающий в себя эндотелическую функцию космогонии (устойчивая база представлений, позволяющая избегать когнитивные диссонансы).

Онтологический дисконтинуизм описательных систем новых антропологий позволяет нам предположить, что рваное время возвращает антропологию к истокам, мифологии. А точнее, мы становимся свидетелями переписывания мифологии с важными поправками по поводу статуса человека с начала времен и событий.

Введение в АСТ Латура раскрывает перед нами, как методологические основы новых антропологии, так и причины размывания их дисциплинарных границ: «Будь то к лучшему или к худшему, но социология, в противоположность своей сестре антропологии, никогда не сможет удовлетвориться множественностью метафизик; она нуждается и в постановке онтологической проблемы единства этого общего мира» [5, с.355].

Проект “Antropology beyond humanity”, как и проекты темных онтологий, экологий и прочих, манифестирующих выход за пределы академической строгости, фактически занимаются искусственным продуцированием непроницаемых для научного анализа областей знания, которые в то же самое время встраиваются в роли базовых концептуальных условий.

Джейн Беннетт выдвигает концепцию пульсирующей материи как общего, сущностного каркаса вещей и человека. Под пульсирующей материей понимается безличность аффекта, пронизывающая все живое и неживое, человеческое и нечеловеческое. Аффект здесь не нуждается в субъектности, субъективной эмоции. Вещам приписывается конативность. В концепции Беннетт утверждается, с одной стороны, спинозизм как стремление вещей к пролонгации своей потенции, а с другой стороны витализм как отождествление материи и аффекта, последний является общим знаменателем, не объединяющим всеобщим свойством в мире без субстанции. Беннетт занимает этическую позицию: «А что, если мы будем пользоваться данной описательной системой?» [6, с.8]. Другими словами, человек приглашается к участию в эксперименте. Но с точки зрения дискурса на лицо очеловечивание метафизики алхимического форм-фактора. Вслед за некоторыми экзистенциальными, психоаналитическими и феноменологическими концепциями (Сартр, Лакан, Мерло-Понти) Беннетт утверждает, что следы вещей ведут к истоку, демонстрируя свою мысль примером из размышлений Деррида о животных (функционально оппонирующих человеку не менее, чем неорганические «вещи»): быть, значить быть следующим, отвечать на зов инородного, другого, нечеловеческого. Исток и основание, таким образом, она характеризует как безличное нечеловеческое (оно же пульсирующая материя и безличный аффект, единящее все со всем без каких-либо исключений и обособлений). Деннетт заявляет, что после регистрации такого явления как пульсирующая, витальная материя, мы должны преступить через непреложность декартовского сомнения во всем и открыться опыту безличного аффекта. Другими слова безличный аффект в метафизике Беннетт занимает позицию вполне себе модернистского Бога.

Еще один тренд, идущей от Дж. Рескина и его этики пыли: «Познавайте себя относительно внешнего, всматриваясь в окружающий мир» [7, с.34]. Данная позиция не только является попыткой объединение этического и эстетического в природе, утверждением природа как мера, органицизмом, но и указывает на банальное переворачивание с ног на голову тезиса о человеческой исключительности, сформулированного Шеффером.

Курс на деантропологизацию антропологии оформляется как попытка снятия фундаментальных вопросов о человеке, его смысле и назначении. Вместо них предлагаются к рассмотрению разнообразные концепции «эффективных экосистем», нормативно регулирующих деятельность человека в мире. Таким образом, современная антропология превращается в подобие научного базиса для новых эко-этико-экономических концепций.

Литература:

1. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: НЛО, 2010. 392 с.
2. Аристотель. Метафизика. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 352 с.
3. Плотин. Эннеады. Киев: «Уцимм-Пресс», 1995. 398 с.
4. Де Кастру Э.В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ad Marginem, 2017. 200 с.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014, 384 с.
6. Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 220 с.
7. Рескин Дж. «Этика пыли». М.: Ad Marginem, 2015. 82 с.

Критика глобализации в философской антропологии Ж. Пулэна

Панов С.В.

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», доцент. Кандидат философских наук

saint-denis@mail.ru

Ивашкин С.Н.

Библиотечная система ЦАО г. Москвы, главный специалист. Кандидат культурологии

maybabushkin@mail.ru

Аннотация: Современная глобализации стремится не просто унифицировать способы производства и формы потребления, но и внушить новый ценностный мир, собственные идеалы человеческой свободы. Философская антропология Ж. Пулэна видит фундамент глобализации в создании нового порядка социального неравенства, единственным регулятивом которого выступает декларируемый лозунг максимизации вознаграждений при минимизации затрат. В такой перспективе современная философия языка становится симптомом глобализационных процессов. Она призвана внушить реактивным сознаниям легитимность языковых форм согласия. Априорные ориентиры человеческого познания, мышления и действия обесценились, уступив место устоявшимся контактам человеческого взаимодействия, т.е. набору культурно-социальных привычек, которые, как предполагалось, давали бы верное направление мысли и поступку. Неравенство между авторами стимулирующих речевых актов (перформативных и иллокутивных) и слушателями, как представлялось теоретикам речевых актов, решало раз и навсегда проблему социальной нестабильности и социально-политического управления. Политизированная форма этого неравенства определяет культурную политику неолиберальной глобализации, которая проецирует в область культуре принцип рыночной конкуренции.

Ключевые слова: неолиберализм, глобализация, прагматизм, теория речевых актов, культурная политика

The Critics of Globalization in J. Poulain's Philosophical Anthropology.

Panov S.V.; Ivashkin S.N.

National Research University of Technology (MISIS); Librarian System of Moscow Central District

Abstract: The modern globalization tends not only to unify modes of production and manners of consummation but also to impute new values world and ideals of human freedom. The philosophical anthropology of J. Poulain sees a fundament of the globalization in the construction of a new social inequality, the main principle of which is a declared maximization of gratifications with a minimization of expenses. In this perspective, the contemporary philosophy of language becomes a symptom of civilization process which called to suggest to reactive consciousnesses forms of language consent. A priori orientations of the knowledge of the though and of the action have been devaluated in ceding place to stabilized forms of human interaction, to cultural and social habits which are supposed to give a true direction for the thought and the action. The inequality between authors of enunciations and their audition in the speech act theories are supposed to decide for ever a problem of social instability and of social and political governing in vain. A politicized form of this inequality determines cultural politics of the neoliberal globalization which projects in the field of cultural creation of the principle of market concurrency.

Keywords: neoliberal globalization, pragmatism, speech acts theory, cultural politics

Видный французский философ Жак Пулэн критикует процессы современной глобализации во многих своих работах. Глобализация неразрывно связана для философа с производством слепого согласия о формах общежития в всех сферах человеческой культуры. Подчиненность реактивных познаний интституализированным формам согласия он рассматривает как результат слепого трансцендентального синтеза, который снимает необходимость судить об объективных условиях человеческого существования посредством их замены на трансцендентальное или прагматическое представление. Это представление воплощается в виде нейтрализации политического суждения, в виде немого ожидания регулятивного ответа исследуемой природы в современной экспериментальной науке, в виде вербальной автоаффектации человеческого существа, в виде объективирующей силы языка как ансамбля нерефлексируемых поведенческих привычек, который претендуют раз и навсегда установить гармонию мира и сознания.

Однако в последней работе «Можно ли излечить от глобализации» [1.] он придает этой проблематике новое измерение, связывая глобализацию как производство неравенства с прагматической теорией употребления знаков и теорией речевых актов. Пулэн видит в современной философии языка симптом философской болезни, выразившейся в создании форм социально-культурного согласия, не адекватных сущности человеческого бытия. Глобализация сегодня осуществляется как систематическое нивелирование суверенитетов и разрушение правовых государств новыми хозяйственно-обменными организмами, т.е. транснациональными корпорациями и финансовыми рынками.

Как кажется, положительным эффектом расширения транснациональных корпораций является усовершенствованный механизм соответствия предложения спросу, а точнее - подчинения предложений товаров и услуг и самих производственных отношений диктату консенсуального спроса. Эта подгонка производительных способностей человека к потребительским запросам представляется независимой от институциональных требований государств, науки и политических партий. Транснациональные корпорации беспрепятственно обходят все основные и побочные требования и запреты. Таким образом глобализация растворяет последние инстанции регуляции и легитимации человеческого развития. Она сама легитимизирует объективность своих собственных результатов. Эта объективность зависит от действительного и действенного удовлетворения максимума желаний индивидов, удовлетворения, окруженного уважением к автаркической независимости гражданских субъектов и народов, представляя любой социальный политический разлад как логическое следствие прогресса, который отождествляется с унификацией способов производства, его продуктов и форм потребления.

Гомогенизация мирового рынка заставляет видеть в этом усовершенствованном соотношении спроса и предложения столь же объективную силу, как и в научно-техническом прогрессе. Экспериментально устанавливаемое согласие по спекулятивной стоимости биржевых ценностей производится по той же модели что и экспериментальное познание организации внешней природы и политического консенсуса цель. Эта либеральная аскеза сводит принцип человеческое общения к универсальной гармонизации потребностей и предложения в максимизации потребительских вознаграждений, в основе которой лежит наслаждение негативной свободой всех и каждого в отношении всех и каждого [1, с.6]. В глобализации, которая предполагает своей целью наибольшую максимизацию прибылей за наименьшей стоимостью издержек и приватизацию социальной политической плутократами власти, которая пользуется большей частью произведенного продукта в мировом разделении труда, Пулэн видит подтверждена оценок М. Вебера о возможности вырождении рационального бюрократического господства и В. Беньямина о историческом мировом порядке. Глобализация, определяемая как приватизация мировой власти во имя функциональной рентабельности универсально унифицированных производительных сил, перформативно в реальном времени узаконивает свои результаты на основе слепого согласия о стоимости потребляемых ценностей на рынке, а также о смысложизненных ориентациях естественнонаучного исследовании и политического консенсуса на основе простого события такого согласия в диалоге заинтересованных сторон [1, с.10].

Глобализация становится тем проблематичней, чем больше она диктует транснациональным корпорациям стремится к монополии на рынке, позволяя им забывать о своем условии существование в современном либерализме – конкуренции. Глобализация порождает обогащение плутократии (под плутократией Пулэн, как видно, понимает современную олигархическую элиту) и обнищание средних и нижних социальных слоев. Социальная несправедливость естественно характеризует либеральное экспериментирование человека, в основе которого лежит представление о необходимости «излечить» человека от самого себя, т.е. подчинить субъекта желаний субъекту сознания и воли, что связано, на наш взгляд, с метафизической традицией разделения и противопоставления души и тела.

Коммуникативное действие Хабермаса как проект разрешения противоречий глобализации не может достичь, по Пулэну, своей цели излечить человека от тупика цивилизации, т.к. это действие

пытается просто возродить моральное сознание и реализовать идею справедливости на основе регулятивных процедур законотворчества. Теория Хабермаса замыкается на производстве суждения о истине тогда, когда предвосхищение истины формирует все социальное воображение. В свободной аргументативной дискуссии Хабермаса равноправные независимые партнеры оказываются неспособны выработать нормы человеческого бытия, уже поставив под сомнение любые общественные нормы и запреты с целью выявить наиболее действенные нормы в данном контексте. На самом деле они вновь и вновь вынуждены повторять первый этап аргументативного эксперимента - отмену предшествующих предрассудков и условий социально-культурной традиции.

Как социальный расчет взаимного удовлетворения желаний, современный либеральный капитализм – частный или государственный – стремится действительно преобразовать человеческое существо в субъекта удовлетворения максимума желаний в его автономии в отношении этих желаний. Капитализм оправдывает этот эффект моральной автономии каждого к самому себе, в отношении другого и всех. Поэтому и политическая жизнь непосредственно преобразует человека, делая видимыми это плеонастическое удовлетворение человеческих желаний и эту автономию в его действиях в отношениях с другими тем способом, каким научное экспериментальное познание внешнего мира должно трансформировать его, заставляя насладиться визуализированными истинами подтвержденных научных гипотез [1, с. 20].

Поскольку метафизические и трансцендентальные формы восприятия, мысли и желания, которые были присущи интеллектуальной культуре XX в. обесценились, никто больше не верит в априорно-синтетические самоопределение рассудка разума и человеческой воли. Философия языка и теория речах актов тщетно стремятся, по Пулэну, восполнить недостаток регулятивного источника взаимоотношений человека с самим собой, другими и миром. Все человеческое бытие, как представляется этим философским направлениям, отрыто регулируются объективированными формами коммуникации, для которых нет и быть не может предустановленных ценностей, предполагающих создание отношений власти и подчинения, любви, дружбы, признания, уважении на основе предварительного отбора желаемых способов поведения. В речевой коммуникации современный человек испытывает нечто вроде нулевой степени общения, претендуя на ситуативную выработку определяющих стимульно-реактивных связей для себя и своего собеседника как убедительную возможную основу интерсубъективно значимой социальной реальности [1, с.20].

Современный человек претендует на эффективность социальных взаимоотношений, осуществляя специфические стимуляции, вызванные воздействиями речи. Но теоретики языка и речевых актов не замечают, по Пулэну, что в коммуникации царит всеобщее недоверие, силовое столкновение, вызванное общими экспериментаторским статусом собеседников. Собеседник в действительности может ответственно общаться и вести себя, только если он способен в силу своей эпистемологической аскезы, в силу необходимости все ставить под сомнение, не может заставлять слушателя принимать сказанное как определяющее мнение для своего слушателя. А слушатель перестает существоватъ в этих экспериментальных процессах как слушатель, чье согласие как необходимое условие истинности общения призвано, как кажется, преобразовать полученное высказывание в объективную социальную реальность, значимую для обоих сторон общения.

Языковое форматирование культур в неолиберальной глобализации связано с легитимизацией объективной реальности как сферы действительного и эффективного удовлетворения максимума человеческих желаний на основе признания и уважения автономной независимости индивидов, наций, культур, когда они оказываются сведены к биологической единичности производства и потребления благ и коммуникативным формам надындивидуальной регуляции. Это происходит потому, что глобализация придает самоуправляющемуся рынку, этой знаменитой «невидимой руке», воспетой А.Смитом, освященную непогрешимость архаических культов. Напомним, что для Смита рынок был не просто экономической реальностью, а моделью всех политико-социальных отношений, где человек был определен неотъемлемыми способностями - способностью производить, обменивать продукты труда, способностью получать удовольствие и способностью содействовать всеобщему благу через преследование собственных частных интересов.

Слепое согласие неолиберальной элиты освящает рынок как инстанцию, запрещающую ставить под сомнение пресловутую рыночную свободу как высшее благо, одно стремление к которому, как представляется идеологам неолиберализма, обеспечивает социальную и потребительскую гармонию в человеческом обществе только на основе признания права на собственность и права устанавливать

деловые договорные отношения [1, с. 21]. Эта концепция коммуникативной регуляции социально-культурного взаимозачета воспроизводит, по Пулэну, «республику духов»- республику свободных сознаний Просвещения как сообщество равных сограждан на основе формального признания их статуса вне суждения об объективном содержании того или иного культурно-жизненного мира [1, с. 23].

Литература:

1. Poulain J. Peut-on guérir de la mondialisation ? Paris: Hermann, 2018. 262 p.

Онтология событийности. Антропологический дискурс и практика для XXI века

Смирнов С.А.

Институт философии и права СО РАН, ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

smirnoff1955@yandex.ru

Аннотация: В тезисах представлено краткое содержание авторской концепции философии человека. Автор полагает, что адекватной концепцией для антропологического дискурса XXI века выступает концепт событийной онтологии. Он не предполагает разработку еще одного, очередного учения о сущности человека, поскольку данная стратегия поиска сущности человека в XX веке успехом не увенчалась. В отличие от этого предлагается выстраивать рефлексивный вариант концепта, согласно которому человек пытается найти свое место в мире, стать событием мира. В этой связи базовым методом событийной онтологии выступает антропологическая навигация. Согласно концепту событийности и навигации словарь концепта, понятия и термины, играют роль не столько определителей, конституирующих сущее человека, сколько роль указателей и ориентиров, помогающих человеку становиться событием мира и бытия. Современная ситуация человека описывается автором как онтологическая дезориентация. Человек во многом растерял онтологические ориентиры и опоры. Поэтому весьма актуальной становится концепция и практика антропологической навигации, поиск на новом уровне и новом материале своего места в мире.

Ключевые слова: философия человека, антропологическая навигация, антропопрактика, антропологический дискурс

Ontology Eventness. Anthropological Discourse and Practice for XXI Century.

Smirnov S.A.

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

Abstract: The abstract provides a summary of the author's concept of human philosophy. The author believes that the concept of event ontology is an adequate concept for anthropological discourse of the 21st century. It does not imply the development of yet another doctrine of the essence of man, since this strategy of searching for the essence of man in the 20th century was not crowned with success. In contrast, it is proposed to build a reflective version of the concept, according to which a person is trying to find his place in the world, to become an event in the world. In this regard, the basic method of event ontology is anthropological navigation. According to the concept of events and navigation, the concept dictionary, concepts and terms play the role not so much of determinants constituting a person's being, but rather the role of pointers and landmarks that help a person become an event of peace and being. The current human situation is described by the author as ontological disorientation. Man has largely lost ontological landmarks and supports. Therefore, the concept and practice of anthropological navigation, the search at a new level and new material for our place in the world, becomes very relevant.

Keywords: philosophy of human being, anthropological navigation, anthropopractice, anthropological discourse

Главным вопросом для человека является не столько вопрос о мире, бытии, сколько вопрос о самом себе, о смысле бытия, о своем месте в мире, в бытии. С этим связан главный вызов для человека и для антропологии – поиск и обретение человеком своего места в бытии-мире, поиск и обретение себя как присутствия в мире. С этим сталкивается каждый человек, в этом заключается его рамочное онтологическое самоопределение.

Поиск места, будучи постоянным движителем, не может быть однажды законченным. Это означает, что человек изначально поисковик, навигатор, он ищет себе место в мире. Оно, разумеется, не готово. Свое присутствие в мире человек еще должен осуществить, то есть стать событием этого мира.

Для этого философия человека пытается найти адекватное такому поиску места слово, то есть, выстроить адекватный поиску философско-антропологический дискурс и метод описания поиска. Но дело в том, что антропология имеет дело с чистой референцией: человек есть то, что и как он говорит о самом себе. Это в пределе. Поэтому философская антропология долгое время блуждала в поиске своего предмета, имея в своем распоряжении ряд таких авторских высказываний о человека – будь то Ф. Ницше, или С. Киркегор, или М. Хайдеггер, или М. Шелер, или М. Бахтин, или М. Фуко. Что бы автор ни сказал о человеке – это будет его авторское высказывание. Но нет, и быть не может окончательного слова о человеке, равно как не может быть и некоей сущности человека, упакованной в отдельную концепцию.

Долгое время философия человека в поисках сущности человека либо уходила в чистую метафизику, в дурную онтологию, в которой человека нет, а есть разговоры о его сущности, а значит не о нём самом, ответственном за свое бытие, а о тех силах, которые его якобы детерминируют, либо сваливалась в весьма редуцированные версии разного рода эмпирического опыта. Или вообще отказывалась определять человека, уходя в апофатику, в которой исчезает все – и человек, и бытие, и мир, и слово о нем. Но авторы этого апофатизма почему-то себя оставляют в этом мире. Они при этом никуда не ускользают. И попадают в капкан, в который однажды попал Декарт – он себя как вещь мыслящую под сомнение не ставил.

Поэтому возникает проблема преодоления разрыва между онтологией, ищущей сущность человека, и антропологией, редуцирующей человека к эмпирическому сущему и индивиду с его желаниями. С одной стороны, философская антропология должна быть укоренена в онтологии, то есть, мыслить человека в категориях его истока и горизонта, смысла его бытия. С другой стороны, сама онтология не может строиться как метафизика, как абстрактное учение о человеке как о сущем, о его границах и пределах. Она должна быть наполнена конкретным человеческим содержанием. Построение такой онтологически укоренённой антропологии становится основным заданием для философии человека. Все остальное – приложения и развертывания этой рамочной темы.

В этой связи для выстраивания адекватного вызову антропологического дискурса необходимо выстраивать так называемый неклассической способ философствования о человека, согласно которому целью антропологических поисков является не создание очередной концепции о сущности человека, а выработка разного рода концептов и методов навигации человека в жизни, связанных с обретением им собственного присутствия.

Этот неклассический антропологический дискурс предполагает отказ от поиска готовой природы человека, отказ от рассмотрения его как объекта, вообще отказ от рассмотрения и описания объекта как стратегии. Не надо человека вообще описывать, рассматривать, строить, конструировать, изучать, формировать, куда-то вести. Нечего на него пялиться. Это тупик.

Ему надо дать онтологическую возможности стать, быть, состояться в этой жизни. А значит – создавать условия для самоопределения и навигации. Поэтому не имеет смысла вообще выискивать некую детерминирующую его сущность, субстанцию и описывать человека в категориях готового объекта.

Тогда онтология человека становится опытом построения антропологической навигации со своим методом, ключевыми опорными точками (реперами), концептуальным каркасом, инструментарием. Таковым может быть словарь, состоящий из таких реперов, как онтологическая опора, онтологический исток, предельный горизонт, энергийный движитель, место, путь, навигация, ориентирование, хронотоп, карта пути, картоид, (авто)биография, траектория пути, жизненный маршрут и др.

Версией такой антропологии навигации выступает событийная онтология человека. Такая онтология человека развертывается через концепт событийности, задающий базовый контекст рабочей онтологии человека как антропологической навигации. Концепт события рассматривается в роли концептуального медиатора, преодолевающего крайности абстрактной онтологии, с одной стороны, и излишне прагматизированной утилитарной антропологии, с другой стороны.

В событийной онтологии преодолевается метафизика абстрактного человека и неукорененность антропологических изысков. Онтология долгое время находилась в тисках абстрактной метафизики, представляла абстрактное бытие, лишенное человеческого присутствия. А антропология, в свою очередь, ратуя за человека, представляла его лишенным бытия, его истока и смысла, представляла его частичного, недоделанного, не целостного, как некоего индивида с его пристрастиями, желаниями, потребностями.

Опыт событийной онтологии в своё время проделывали М. Хайдеггер и М. Бахтин, каждый по-своему. Каждый решал проблему онтологического укоренения антропологии, с одной стороны, и очеловечивания бытия, с другой стороны, вводя концепт событийности. У Хайдеггера это случилось уже после «Бытия и времени», в его работе «Вклады в философию. От события». А у Бахтина сразу, в его «Философии поступка». М. Шелер в своих дневниках также искал иной вариант философской антропологии, в котором отказывался от объектного описания человека в пользу поискового метода.

Базовым методом для событийной онтологии выступает антропологическая навигация как поисковый метод. В рамках данной онтологии выстраивается метод навигации как метод проторивания Пути и оснащения того, кто идет по пути, составляя навигационную карту-путеводитель (картоид). Работа над методом навигации предполагает в таком случае не собирание категорий, с помощью которых необходимо ухватить и зафиксировать убегающего зверя (человека), а построение точек-ориентиров и опор, с помощью которых можно идти по незнакомой местности жизни, прокладывать путь к самому себе, собственной личности.

Такая онтология человека может быть такой мета-антропологией, которая помогает составлять карту-путеводитель, становящуюся рефлексивным дневником, бортовым журналом самонаблюдений по жизни. Человек несет нравственную ответственность за свое бытие, то есть за свой путь, который становится «нудительной» заботой, по Бахтину, онтологически укорененной заботой о себе, практикой заботы. Без работы по составлению онтологического навигатора проблематично вообще говорить о человеке, о его присутствии, и понять то, что означает поиск им своего места. Без такой антропологической навигации человека просто нет. А обсуждать то, чего нет – глупо. Точнее, обсуждение человека как его отсутствие превращается в пустое интеллектуальное упражнение, в головоломку, если у нас конечно, есть для этого уйма времени. А времени у нас нет.

При этом антропологическая навигация отличается от привычного ориентирования. Отличается тем, что при ориентировании человек опирается на готовые маркеры и знаки, существующие в культуре. В мире для него эти знаки и реперы уже расставлены. Как по звездному небу и розе ветров ориентируется человек на природе, так он ориентируется и в культуре по уже представленным ему знакам-ориентирам: ценностям, образцам поведения, представлениям о добре и зле и т. д. Также он ориентируется и в любой сфере деятельности – в науке, искусстве, опираясь на накопленные знания, включаясь в профессиональную традицию.

В отличие от ориентирования в культуре, антропологическая навигация предполагает проторивание, простраивание маршрута, в котором нет готовых ориентиров или они оказались стертыми, забытыми, поставленными под вопрос (там, где нога человека не ступала). Навигация в этом случае наиболее актуальна в ситуации культурной дезориентации, в которой необходима коррекция или смена ориентиров, восстановление опор, поиск и восстановление своего места в мире, выстраивание заново всего хронотопа обитания человека.

Но если у путника, идущего по незнакомой местности, есть все же либо карта, по которой он может ориентироваться, либо внешние ему знаки-ориентиры, то для человека по жизни, которая по определению является незнакомой территорией, нет и этой карты. Не может быть карты твоей жизни, поскольку это твоя жизнь и тебе ее еще предстоит прожить, параллельно выстраивая маршрут и составляя карту самонавигации, ведя дневник. В этом принципиальная сложность антропологической навигации: движение по территории жизни при отсутствии готовой карты.

Для современной ситуации человека характерен сдвиг от ориентирования с опорой на готовые знаки и символы, ценности и нормы – к навигации как протариванию маршрутов. Этот акцент актуален в более открытых, не ставших хронотопах, поскольку человек испытывает ситуацию онтологической дезориентации.

В рамках антропологической навигации меняются способ и роль понятийной и терминологической работы. Словарь концепта составляется из терминов и понятий, играющих не роль определителей, фиксирующих нечто, а роль указателей и ориентиров. Как писал В. Бибихин о Л. Витгенштейне – происходит смена аспекта. То есть смена оптики требует и смены способа понятийной работы.

В таком случае предъявляется определенное требование к содержанию словаря концепта навигации. Это значит, в концепте отсутствуют такие категории, как сущность человека, человек как объект или субъект, природа человека, субстанция, процессы в человеке. Это возможно, но тогда мы человека будем описывать в традиции естественнонаучного объектного исследования и описания.

На первое место выходят такие понятия-ориентиры, как путь, место, горизонт, исток, энергия движения, навигация, событие, место, жизненное самоопределение, жизненная траектория, биография, автобиография, карта пути, карта личности, автор, антропопрактики заботы о себе, антропопрактики личностного строительства, репертуар антропопрактик и т.д.

Эти понятия играют роль не ухватов и определителей, а роль указателей в пути. Как для водителя на дороге: для него важен не сам по себе указатель, а то, куда он показывает, и расстояние до места назначения.

Тогда онтология человека может быть понята как карта Пути, на которой помечены событийные места, из которых и составляется его (авто)биография. А понятия выполняют роль указателей, показывающих направление движения, способ движения мысли и действия.

По поводу движения человек составляет карту пути (варианты – ментальные карты, карты личности, картоиды). Эта ментальная карта выступает в роли навигатора, не будучи системой и учением о бытии человека. Поэтому необходим не просто набор терминов, словарь, а необходима смена роли этих терминов. Антропологические термины не несут в себе субстанциальности и конститутивности. Они сами по себе пусты, поскольку показывают не себя, а иное – «путь в», «движение к», направление, способ движения, интенцию. Они становятся регулятивными, а не конститутивными конструктами. Терминологический каркас рабочей онтологии человека выступает в таком случае в виде регулятивного, нормативного каркаса для построения антропологического дискурса при осуществлении антропопрактики заботы в процессе навигации человека.

Философская антропология: перспективы «несостоявшегося проекта»

Спирова Э.М.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник. Доктор философских наук

elvira-spirova@mail.ru

Аннотация: Автор доклада размышляет над тем, может ли философская антропология сегодня, когда идея человека утратила свою неоспоримость, сохранить свой статус и предмет исследования. Философия по самому своему определению не вправе оставить в стороне вопрошание о человеческом бытии. В этом смысле сетования на разрозненность философской антропологии, на её многовариантность далеко не всегда имеют под собой основание. Философская антропология, как отмечал П. Рикёр, никогда не бывает завершенной. Однако это не является причиной для того, чтобы отказаться от поиска оснований для утверждения этой области философского знания. Ведь в философском постижении человека сходятся все главные проблемы современного мышления. В докладе высказываются опасения относительно увлечения современных исследователей антропопрактиками, что может привести к разрушению онтологической идеи человека

Ключевые слова: философская антропология, предмет философской антропологии, человек, нечеловеческое, антропопрактики, онтология человека

Philosophical Anthropology: The Prospects of a «Failed Project».

Spirova E.M.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: The author discusses the problem, whether philosophical anthropology today, when the idea of man has lost its indisputability, can preserve its status and the subject of study. Philosophy, by its very definition, might not leave aside asking questions about human being. In this sense, complaints of the fragmentary character of philosophical anthropology, of its multivariance are far from justified. Philosophical anthropology, as P. Ricoeur pointed out, can never be completed. But this is not the reason to abandon the search of the foundations for this field of philosophical knowledge to be consolidated. All major problems of modern thinking converge in the philosophical understanding of man. The author expresses concerns about the enthusiasm of contemporary authors for anthropological practices, which might lead to the collapse of the ontological idea of man.

Keywords: philosophical anthropology, subject of philosophical anthropology, man, inhuman, anthropological practices, human ontology

Мысль о том, что изучение человека является ключевой проблемой для философии, оставалась очевидной не одно десятилетие. Как известно, понятие «философская антропология» появилось у И. Канта. «Поскольку задача философии состоит в постижении человека, Кант различает философию по школьному понятию и по мировому значению. В первом случае философия есть наука о последних целях философского разума. Это высокое понятие сообщает философии достоинство, то есть абсолютную ценность. Но для чего философия открывает собственные законы? Какова ее цель? Такой целью оказывается постижение человека. Эту мысль немецкий философ сформулировал потом еще острее… Познать человека – это означает познать мир… Только через человека и можно решить эту проблему» [1, с. 68].

М. Шелер считал, что философская антропология не должна быть лишь областью философского знания, разделом знаний о человеке. Эта тема должна пронизывать все стороны философской рефлексии. Шелер поставил вопрос об антропологизации философского знания. Иначе говоря, всякое философское размышление, по его мнению, следует начинать с изучения человека. Только разгадав эту тайну, можно осмыслить проблемы природы, социума, познания [2, с. 49].

Идея человека, обретя свою неоспоримость, утвердилась в системе философских размышлений, породив множество толкований, концепций, версий. Однако постмодернисты, провозгласившие в XX веке «смерть человека», объявили о том, что человек никогда не поддавался определению. «Он может быть улавливаем на уровне поэтической метафоры. В этом плане человек – былинка, песчинка бытия. Он – “ошибка Бога”. Человеческое в человеке нигде не находится и не ищется. Оно обретается в мифопоэтическом акте, в метафизическом прыжке» [3, с. 74]. Человек представляет собой нечто мерцающее, явленное во множестве ликов. «В человеке обнаруживается какая-то изначальная пустота, – писал Ф.И. Гиренок. – Во время отсутствия реального происходит развертывание собственно человеческого. Забвение пустоты, отсрочка возвращения к исходному состоянию делают невозможным непрерывное рождение человеком человеческого» [4, с. 11]. Человеческое не только оказалось под подозрением, но лишилось также уникальных, самобытных качеств.

Рассуждения такого рода заставляют заново поставить вопрос о статусе философской антропологии. Простейшее решение состояло в том, чтобы её отменить. В самом деле, чем должна наполняться эта область философского знания, если в значительной мере элиминирован сам человек? Философское постижение утраченного? Абсурд. Чтобы утвердить себя, антропология вынуждена утратить своей предмет. Она ещё может претендовать на признание, если откажется от человека. Ей надлежит выработать нечеловеческий взгляд на общество. Если этого не случится, философская антропология, по мнению Ф.И. Гиренка, будет выступать в форме социальной алхимии [5, с. 412]. Итак, у философии нет никакого особого знания о человеке. Ничего ценного о нём философы сказать не могут.

Однако отсутствие философской антропологии остро ощущается. Утратив свой предмет, она всё же оставила нереализованные задачи. Это подметил, в частности, П. Рикёр. Его довод прост: в философском постижении человека сходятся все главные проблемы современного мышления [6, с. 13]. Что же мешает становлению (или просто наличию) его во множестве вариантов?

По крайней мере с конца XIX в. до 60-х годов минувшего столетия сложилась тенденция, «ведущая ко все большей специализации по направлениям (и “методам”): “психоаналитическая антропология”, “юнгианская”, “экзистенциальная”, “структурная антропология” К. Леви-Строса, “феноменологическая” М. Шелера и М. Мерло-Понти, социальная и культурная, наконец, философская антропология А. Гелена и Г. Плесснера и т.д.» [7, с. 11]. Разумеется, это перечисление неполное. Заявили о себе также историческая, политическая и другие разновидности философской антропологии. Обозначились попытки представить «подлинного» М. Шелера. С.С. Хоружий отметил, что «…в русле феноменологии имелись богатые возможности перспективного, далеко идущего продвижения и обновления антропологической мысли, и перед Шелером были, как говорится, открытые ворота – воспользоваться этими возможностями и развить новую антропологию, неклассическую в полном смысле» [8, с. 11].

Но сам факт множества учений о человеке не служит непреодолимой помехой для конструирования философской антропологии. Разнообразны взгляды и на природу, общество, культуру, мораль. Однако никто не оспаривает уникальный статус этики, философии культуры или социальной философии. О философской же антропологии пишут как о несостоявшемся проекте.

Суть проблемы заключается в том, что антропологические изыскания в наши дни не имеют общей точки приложения. Они не сводимы в своих пересечениях. Представители определённых направлений не ведают даже, о чём толкуют другие эксперты. Человеческая реальность всеохватна и беспредельна. Любой философский вопрос нуждается в антропологическом подкреплении. Но при избыточности подходов эта задача кажется неразрешимой. Философская антропология дробится на множество направлений. В лучшем случае можно говорить об антропологиях, их множественности. Такую ситуацию можно охарактеризовать фразой А. Бадью, сказанной, правда, по другому поводу: «Единого нет, есть лишь актуальные множества, а основание пустует» [9, с. 75].

Но верно ли, что в философской антропологии, которая находится в состоянии «разбегающихся галактик» нет основания? Всеядность исследований создаёт такую пестроту, что речь может идти лишь о регистрации потока развёрнутых и партикулярных констатаций. Основание пустует, поскольку укрепилось ложное представление о том, что человек – особое существо, которое по определению не поддаётся в различных своих постижениях принципиальному обобщению. Следы, которые оставляет человек, обнаружить нетрудно. Но можно ли считать эти следы антропологической реальностью?

Многие исследователи предумышленно отказываются от аналитического толкования человека,

считая такой подход беспочвенным. Они предлагают развернуть обширную программу культурных и духовных практик. Обнаруживается убеждение, что с помощью духовных упражнений достижимо духовное преображение человека. Такова заявленная навигация. Появились эксперты, тренеры, своего рода инженеры. Объявлен набор специалистов, которые получили признание своими реальными проектами (социальными, гуманитарными, экономическими, медицинскими и др.).

В наши дни наметился очевидный крен в сторону локальной эмпирической практики. Трендом называют сегодня увеличение числа и доли тех или иных практик, которые меняют образ жизни человека, его идентичность. Абсолютизация антропологической практики – не новое слово в философии. Давно утвердилось представление о комплексном познании человека через накопление различных наблюдений, констатаций, частных обобщений. Чётко обозначился запрос на так называемую практическую философию. Накопление эмпирических сведений о человеке – благое дело. Партикулярные антропологии обогащают конкретные средства и инструментарий для разработки культурных практик личностного роста, практик самопознания и различных индивидуаций. Но не отражает ли это в конечном счёте умышленную капитуляцию перед глубинной философской рефлексией? Не исчезает ли при этом бытийный горизонт, не утрачивается ли в этом случае онтологическая идея человека? Не случайно К. Ясперс настаивал на том, что глубинное наитие, строгое продвижение теоретической мысли более надёжный путь постижения человека, нежели скрупулезная регистрация эмпирических частностей, привлечённых антропологами или этнологами. Абсолютизация инвентаризации научных открытий без серьёзной философской оснастки не только во многом бесплодна, но и опасна.

Литература:

1. Гуревич П.С. Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2018. 496 с.
2. Гуревич П.С. Идея антропологизации философского знания // Философская школа. 2019. № 8. С. 48–54. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10817.
3. Донских О.А., Смирнов С.А. Экспертное сообщество: самодиагностика // Человек.ru: Гуманитарный альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2014. № 9. С. 68–95.
4. Гиренок Ф.И. Фигуры и складки. М.: Академический проект, 2013. 244 с.
5. Гиренок Ф.И. Антропологические конфигурации философии // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности / Отв. ред.: В.И. Аршинов, Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко. М.: ИФ РАН, 2002. С. 408–426.
6. Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления 3 / Пер. с фр. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2017. 312 с.
7. Подорога В.А. Антропограммы. Опыт самокритики. М.: Логос, 2014. 106 с.
8. Феномен человека в его эволюции и динамике: Труды Открытого семинара Института Синергийной Антропологии / Отв. ред. и вступ. слово С.С. Хоружий. Великий Новгород, 2013. 404 с.
9. Бадью А. Делёз. Шум бытия / Пер. с фр. Д. Скопина. М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры»: Логос-Альтера, 2004. 184 с.

Поколение центениалов и необходимость нового философского дискурса

Стороженко Н.В.

Институт философии РАН, аспирант

storozhenko@yandex.ru

Аннотация: Ускоряющиеся темпы технологического и цифрового развития становятся не просто материалом для философского размышления, а превращаются в реальную проблему настоящего. Теория маркетинга, активно использующая Теорию поколений, уже сейчас имеет ресурс данных о поведении людей в условиях рынка. Данные позволяют отмечать не только выраженные тенденции усиливающейся цифровой зависимости, но и более слабые в своем проявлении позитивнее тенденции, которые мы как философские антропологи не имеем права игнорировать. Учитывая тенденцию персонализации, вероятно философским методам также необходимо быть более дискретными и пограничными, «близкими к индивидууму, чтобы иметь возможность анализировать его глубже, на стыке различных тенденций и возможных перспектив.

Ключевые слова: технологии, цифровое развитие, миллениалы, центениалы, антропология, философия, дискурс.

Centennials Generation and New Philosophical Discourse Necessity.

Storozhenko N.V.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: The accelerating pace of technological and digital development is becoming not just a material for philosophical reflection, but a real problem of the present. Marketing theory, actively using Theory of generations, nowadays have a data of people behavior in market condition. That data let us to point out not only tendencies of digital addiction acceleration but also see positive tendencies in a weaker light those we cannot ignore as philosophical anthropologists. Considering personalization tendency, probably philosophical methodology have to be revised to be more border and discrete, «closer» to individual that to have opportunity to analyze it deeper, at the junction different tendencies and perspectives.

Keywords: technologies, digital development, millennials, centennials, anthropology, philosophy, discourse.

Юваль Харари в своей книге Homo Deus размышляет на тему будущего уникального человеческого бытия, которая, введу все ускоряющихся темпов технологического и цифрового развития, приобретает очертания не просто философских размышлений, а уже конкретной проблемы. В перспективе его анализа человек стремительно движется туда, где «организмы – это алгоритмы», а «интеллект отделяется от сознания». [1, С.464] Согласно исследованиям маркетологов, уже сейчас в активный потребительский возраст входит поколение людей, которые были интегрированы в цифровую среду с самого рождения - центениалы. И если у предшествующих миллениалов, которые также не мыслят своей жизни без интернета, еще существует ментальное разграничение между настоящей и виртуальной реальностями, то центениалы этой грани попросту не чувствуют. Согласно исследованию Google, опубликованному в мае 2019 года, «53% миллениалов признались, что скорее отказались бы от своего обоняния, чем от современных технологий. Более 80% спят со своими смартфонами, 32% изучают соцсети, том числе в туалете. Для поколения Z цифры впечатляют не меньше. По данным Commscope, 100% центениалов проверяют смартфон хотя бы 5 раз за час. Причем 7 из 10 совершеннолетних представителей поколения Z делают это каждые 2 минуты.» Также «Опрос британского агентства Voxburner показал, что виртуальная реальность интересует более 71% центениалов и 58% миллениалов. Купить VR-очки, по данным исследовательской компании CivicScience, готовы 28% представителей поколения Z и лишь 19% — поколения Y» [2].

Страшные перспективы Харари – налицо. Однако наряду с проблемой тотальной цифровизации, очевидно «устраняющей» из реальности индивида, исследователи в тоже время отмечают, склонность

центениалов к минимализму. Также они уже сейчас демонстрируют осознанность в процессах потребления, отводя важное место проблемам экологии. «У юного поколения больше амбиций: изменить мир к лучшему хотят 60% центениалов и лишь 39% миллениалов. Поколение Z не просто мечтает, а верит, что это им по силам. Они технически подкованы и привыкли к доступности любой информации, поэтому считают, что достойны большего, чем имеют» [2]. Эти исследования, безусловно, не дают нам основания констатировать позитивные тенденции в развитии поколения центениалов в отношении потребления цифрового ресурса. Ровно наоборот. Однако освещение этого вопроса в негативной коннотации, на последнем форуме в Давосе в рамках «Глобального доклада о рисках 2020» [3], дает нам понимание того, что цифровизация, нанося урон когнитивному восприятию человека, теоретически грозит перерасти в экономическую проблему. Поэтому вопрос о том, так ли человек прост и слаб в своем существе, что позволит цифровому пространству девальвировать собственную уникальность и сознание, будет еще долго существовать в философской антропологии.

Попробуем посмотреть на тенденции нового поколения в ином преломлении. Одна из основных задач маркетологов на текущий момент – необходимость находить все более персонализированные способы взаимодействия с потребителем. Такая тенденция «разбивает» каналы коммуникации на великое множество. Уже недостаточно просто показать рекламный ролик по телевизору – нужно быть постоянно в близком контакте с целевой аудиторией – через интернет, в первую очередь. Безусловно, с развитием теории маркетинга мы стали пристальней изучать потребительское поведение. Ввиду чего накопленные знания вылились в неоднозначную для своего времени теорию поколений Уильяма Штрауса и Нила Хоува [4]. Так или иначе, в настоящее время теория поколений используется в теориях рынка потребления, позволяя нам составлять картину человека, с которым мы ведем диалог. На текущий момент в перспективе рассмотрения мы имеем 4 поколения – «Беби-буммеры», поколение X, поколение Y (миллениалы), поколение Z (центениалы). И уже на основе накопленных знаний о четырёх потребительских поколениях мы можем сказать, чем сильнее мы пытаемся влиять на человека, тем больший иммунитет на рекламу у него вырабатывается. Например, согласно тому же исследованию Google, центениалы значительно меньше реагируют на рекламу – из-за ее огромного наличия в цифровой среде им присуща так называемая «баннераная слепота». Как бы то ни было, таким образом, у рынка с потребителем возникает диалог. Философская сложность этого диалога обнаруживает себя в остром двустороннем влиянии. Потребительский рынок формирует индивида, который формирует потребительский рынок.

Что же это знание может нести для философской антропологии?

То, что нам, как философам, вероятно, необходимо уже сейчас начинать пересматривать подходы и базисы для анализа насущных и грядущих проблем человека. Нет ли у нас с вами оснований полагать, что наряду с негативными тенденциями мы можем наблюдать позитивные, которые проявляют себя в более индивидуальных плоскостях? Нет ли необходимости смотреть на антропологические проблемы более персонализировано? Безусловно, современный прогресс просто не приемлет «субъективный» фактор. Время – это деньги. Оно должно быть хорошо спланировано и определено в тех результатах, которых мы стремимся достигнуть. Задача прогресса – устранить любые «сбои» на этом пути, одним из которых, например, может являться человеческая субъективность. Современная наука, обусловленная сциентизмом, в интересах строгой научной теории изгоняет человека из всех познавательных схем. Данный процесс знаменует быстрое развитие когнитивных наук, стремящихся объять еще недавно необъятную субъективность и объяснить объект человека на уровне физиологических процессов и семиотических паттернов (работы Стивена Пинкер, Ричарда Докинза, Ноама Хомского, Сэма Харриса и т.д.).

В то же время мы наблюдаем тенденции развития человекоцентрированной философии в определенных нишах. П. С. Гуревич в своих работах данную тенденцию обозначал как «антропологический ренессанс», указывая на усиление значения таких направлений философии как психоанализ, персонализм, экзистенциализм, которые во главе угла ставят личность и ее индивидуальность. Поэтому, несмотря на довлеющий вес и влияние науки, мы не можем согласиться с тем, что человек «мертв». Профессор С.С. Аванесов задает закономерный вопрос: «Во-первых, кто изрекал вышеозначенный диагноз о смерти субъекта, а во-вторых, кто тот пациент, которого данный диагноз квалифицирует скорее как мертвого, чем как живого?» [4, с. 35]. «И если диагноз о смерти человека провозглашается от имени тех теорий, которые по своему фундаментальному «устройству» не могут быть признаны безусловно человекомерными, то такой диагноз — не повод впадать в антропологическое уныние. Это лишь основание для отказа от таких теорий как не выполнивших свое предназначение, уничтоживших тот самый «предмет», который они взялись исследовать. Раз такого рода концепции не работают, следует поискать те, которые работают» [4, с. 35].

Сейчас существует великое множество теорий и тенденций, которые намеренно или непреднамеренно уничтожают субъект человеческого. Хотя вопрос о возможности его окончательного уничтожения до сих пор приводит к спорам. Как бы то ни было, мы не должны в технологическом потоке потерять человека. Поэтому мы можем и обязаны обнаруживать человеческое в тех тенденциях, которые происходят. Однако мы должны анализировать человека уже в тех условиях, которые нам предоставляет действительность. Так или иначе, мы должны помнить, что философия также формирует человека, который формирует философию.

Литература:

1. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2019. С. 496.
2. «Чем отличаются поколения Y и Z — и о чем брендам с ними разговаривать». URL: https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/z-y/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=article_may_43750845&ut m_content=z-y_7701808804&utm_term=%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B_none__desktop (дата обращения: 17.02.2020).
3. «Глобальный доклад о рисках 2020». URL: https://www.weforum.org/global-risks/reports (дата обращения: 17.02.2020)
4. Strauss W., Howe N. Generations: the History of America's Future, From 1584 To 2069. Harper and Perennial, 1991. 540 p.
5. Аванесов С.С. Антропологический тупик // Человек.RU. 2015. № 10. С. 33-45.
6. Гуревич П. С. Философская антропология. М: Издательство «Омега-Л». 2008. 607 с.

О человеке с характером и его оппонентах

Фатенков А.Н.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор. Доктор философских наук

fatenkov@fsn.unn.ru

Аннотация: В центре внимания автора ценность характера, понимаемого экзистенциально-натуралистически. Выстраивается антропологическая вертикаль, вершину которой занимает человек с характером со свойственной ему здравой иррациональностью. Он противопоставляется человеку с амбициями и человеку с интересом. В отличие от них, существ собственно социальных, человек с характером – существо по преимуществу экзистенциальное с анормальной, избыточной или недостаточной, социальностью. Он жизненно противоречив. Одновременно – и непритворно нравственен без ссылок на нормы общественной морали, и пребывает по ту сторону добра и зла.

Ключевые слова: человек с характером, человек с амбициями, человек с интересом, антропологическая вертикаль.

About a man with Character and His Opponents.

Fatenkov A.N.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The value of character interpreted in an existential and naturalist way is in the focus of author's attention. The anthropological chain, which top is occupied by a man of character with his characteristic healthy irrationality, is being constructed. He is being opposed to a man with ambitions and a man with interest. Unlike those essentially social creatures, man with character is a mostly existential creature with abnormal, excessive or insufficient, social nature. He is vitally contradictory. He is simultaneously – and truly moral without references to norms of public morality, and finds himself beyond good and evil.

Keywords: man with character, man with ambitions, man with interest, anthropological chain.

На семантическом кусту философских категорий «характер» рядом с «природой (происхождением)», «сущностью», «самостью (Я)» и «экзистенцией». Характер – это сущность, с нарастающей конкретизацией перетекающая из природы в самость. Событийно он связан с экзистенцией. Та распознаётся и понимается как существование, становящееся сущностью; характер – как сущность, обречённая на существование.

Самое сильное, что написано и прочитано о характере, с чем соглашаешься безоговорочно и с чем местами решаешься спорить, встретил у Эрнста Юнгера. Доброволец Первой мировой, окопный лейтенант – он из поколения моего деда (тут много личного). Нижеследующие выкладки, в немалой их части, выстроились в процессе-состоянии соразмышления с этим немецким философом. Его позиция по обсуждаемому вопросу куда более жёсткая, нежели у идейно близких ему Ф. Ницше и М. Хайдеггера. Тех академически смущает погружённость характера, германского особенно, в кровь и почву. Человека, пролившего кровь за родную страну (11 ранений), не смутить ничем. По Юнгеру, если сжато, характер – от природы, не от воспитания; от сердца, не от рассудка; от судьбы, не от причинно-следственной канители (см.: [1]). Если цитатно: «Характер – главное в нас; он наша подлинная стихия, внутренний неложный образ, чьим внешним запечатлением является наша жизнь. <…> Характер "процарапывается" в человеке раз и навсегда. Над ним не властны законы прогресса, только законы развития» [1, с. 72–74].

Да, характерность – та же натурность. Вернее, сосредоточенная натурность: весьма значима в ней конкретная наследственная компонента. Кто бы что ни говорил о роли воспитания. Воспитывается, как и воссоздается, только то, что в основе своей уже заложено и, вместе с последующими заимствованиями извне (в первую очередь, опять же, от людей близких), взращивается твоими собственными, не чьими-то, небезрассудными волевыми усилиями. Всё точь-в-точь как со свободой: «Свободным нужно быть, чтобы стать таковым…» [2, с. 130]. Декларируемый оппонентами примат внешнего воздействия – просвещенческий, механистического толка, предрассудок, с его всегдашней подозрительностью к индивидуальной воле, допускаемой лишь в качестве слагаемого воли общей, которая видится изначально подчинённой некой разумной необходимости. И природа, конечно, полна необходимо происходящим – но она полна и желанным, которое заведомо не вписывается без остатка ни в одну логику. Судьбоносна и характерна наша любовь к природе. «Именно она в форме полового влечения составляет существеннейшую часть человека» [1, с. 72].

Характер, плох он или хорош, не отчуждаем от действующего или созерцающего субъекта ни при каких обстоятельствах – в отличие от логической формы мысли, от манеры высказывания и поведения: те можно тиражировать и навязывать окружающим, можно скопировать и украсть. Напротив, пронизанные характером слово и дело – всегда в тебе, а ты – в них.

Жизненный опыт подсказывает вычертить определённую антропологическую вертикаль: человек с характером – человек с амбициями – человек с интересом. Последний – расчётливый до цинизма индивид массового покроя с нехваткой воли и упрямства, с худосочной мечтой о страховке на все случаи жизни. Закон «возвышения потребностей» (и нагнетания интересов, стало быть) написан для него, бухгалтерски правильной персоны. Над ним и над всей людской массой пытается возвыситься человек с амбициями: столь же расчётливый и с тем же дефицитом воли, но не чуждый риска и авантюр, он, тщеславный и не без черт упрямства, играет на слабостях рассудочно-опасливых обывателей, зачастую не замечая наличия этих же слабостей в себе. Иное дело – человек с характером: предельно требовательный к себе, он, опираясь на разумную волю, подкрепляя её порой «бараньим» упрямством, действует в отношении себя и других вопреки тенденциям омассовления: властвует – прежде всего над собой, любит и ненавидит – невзирая на обстоятельства.

Человек с интересом не интересен – не притягателен – по существу. Всего-навсего рассудочная марионетка из той же онтической плоскости, что и павловская собака и фордовский конвейер. Оперирующий интересами, мысленно и практически, абстрагируется от добра и зла. Абстрагируется для того, надо думать, чтобы избавить себя от оценки состояния, которое его одолевает: это состояние перманентной зависти. Мелочному, калькулирующему всё и вся индивиду характерно отвечает Луи-Фердинанд Селин: «я терпеть не могу торговаться из-за каждого су, кассовая ненависть у меня в крови <…> чёрт побери! скорее кассовое чутьё… оно у всех людей такое обострённое!.. нечеловеческое! почти звериное!..» [3, с. 97]. Интересу содержательно противостоит не столько незаинтересованность, сколько бескорыстие. А ещё – щедрость и дар. Не поддаются они подсчёту – ни замшело мещанскому, ни инновационно сциентистскому.

Понятно, атаку на интерес многие воспримут в штыки, ведь под сомнение ставится доминирование рационального в человеке и обществе. И, надо подчеркнуть, ставится под сомнение ответственно. А потому ещё несколько отчаянно упрямых выкладок. Интерес – это осознаваемая потребность. Однако не факт, что в интересе потребность осознаётся адекватно, при том что адекватное её осознавание не гарантирует защиты от падения в цинизм. И дело тут не только в недостатках разума – в его инструментальности, амбивалентности, всеядности, – но и в онтологической ущербности самой потребности, всегда свидетельствующей о нашей бытийной неполноте и несвободе. Где потребность, там исподволь проступает нужда. Там в открытую правит необходимость… или её иллюзия, отказаться от которой, как выясняется, ничуть не проще, чем от фактически необходимого. Культ потребностей и интересов неминуемо ведёт к обществу потребления… Оно складывается там и тогда, где и когда необходимость и её иллюзия становятся неразличимы. И осознание этой неразличимости, даже будь таковое возможным, ни на шаг не продвинет нас в сторону свободы, не избавит от пут её призрака, если человек не проявит характер, граничащий порой с безрассудством, если не станет грести против течения, не поднимется на протест. Не мельтеша – с достоинством. И обуздывая амбициозность.

Человек с амбициями – суетлив. Человек с характером – ценит неспешность. Один – пронырлив и изворотлив, но, как ни старается, предсказуем в своих схематичных действиях. Другого – неманерно глубокого, характерного, действующего по интуиции и ощущениям – до конца не просчитать. Человек с характером – может и превозмогает. Человек с амбициями – домогается. Должности, власти, женщины – чего и кого угодно. Он дока в причинных связях и отношениях, но не сведущ в основаниях, лишён их – и потому поверхностен и ненадёжен. Напротив, характерный индивид не причиняет, а обосновывает; он, укоренённый в бытии, неподдельно надёжен. Подспорьем ему служит не мораль, не право, не

идеология, всегда социально и политически конъюнктурные, а природная упёртость, сдобренная нравственной интуицией экзистенциального порядка.

От срывов, разумеется, никто не застрахован, они случаются (жизнь есть жизнь) – но не по расчёту, а под напором иррационального, того же «основного инстинкта» чаще всего. Речь, понятно, не о патологии (чётко распознаваемой и отторгаемой нравственным чутьём – и конъюнктурно ретушируемой, превращаемой в товар морально-правовыми спекуляциями): к ней-то как раз предрасположены амбициозные. Речь о том, за что, сделанное, будешь себя корить – но станешь корить и за то, если не сделаешь, пройдёшь мимо, поосторожничаешь. Выйти из правового поля (или вернуться в древнее), чтобы ответить око за око. Не заметить моральных преград, резонансно совместить вершины нравственности и безнравственности – и провести ночь с любимой женщиной, не оглядываясь на её и свои семейные обязательства. Ни отнекиваться, ни оправдываться, ни слезливо каяться потом тогда ни к чему. Где всепоглощающее чувство, там выжженная земля. Если не в эпицентре, то вокруг. У Альбера Камю находим аргумент в поддержку: тот, кто не решается ранить людей, остаётся навеки бесплодным; «в конечном счёте любить одного человека – значит убивать всех остальных» [4, с. 320]. Не исключено… Атрибутивное противоречие характерного человека – между двумя нераздельно-неслиянными его ликами: непритворно нравственного существа, ничуть не озабоченного своей моральной образцовостью, и пассионария, пребывающего по ту сторону добра и зла. Или, иначе, это противоречие между сердечностью и брутальностью; между героями Дж.Д. Сэлинджера и Э. Хемингуэя (имея в виду литературную проекцию). Стильное его снятие отыскивается в геваровской линии: становиться грубее, сохраняя в себе свою нежность.

Рассмотренные антропологические типы различаются таким образом, что человек с амбициями и человек с интересом – существа собственно социальные (тут далеко до Марксова оптимизма касательно эмансипирующего потенциала общества), тогда как человек с характером – существо по преимуществу экзистенциальное со свойственной ему анормальной социальностью: либо избыточной (у вождя и мессии), либо недостаточной (у бунтаря и строптивца). Вождь жертвует своей экзистенцией, подчиняя её общественному служению. Мессия хранит экзистенцию, жертвуя собой. Оба они на авансцене общественной трагедии. Бунтаря и строптивца нередко обнаруживаем в координатах провинциального городка или тропической глуши. Между собой эти фигуры разнятся формами протеста и схожи формой трагедийности: их победы априори временны, в то время как вождь и мессия грезят эпохальным, или даже вечным, светлым будущим. Строптивец порой перебарщивает с экспрессией (Митя Карамазов), бунтарь – с рассудочным самоедством и чертовщиной (Иван) или с молчаливым поцелуем в ответ на чьё-то неприятие мира (Алёша, тёзка). Но именно они – живее всех живых. Их не превратить ни в мумию, ни в икону.

Литература:

1. Юнгер Э. Характер // Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи (1923–1933) / Пер. с нем. А.В. Михайловского. М.: Скименъ, 2008. С. 71–76.
2. Юнгер Э. Уход в Лес / Пер. с нем. А. Климентова. М.: Ad Marginem, 2014. 149 с.
3. Селин Л.-Ф. Из замка в замок: роман / Пер. с фр. М. Климовой и В. Кондратовича. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. 416 с.
4. Камю А. Записные книжки «Май 1935 – март 1951» / Пер. с фр. О. Гринберг, В. Мильчиной // Камю А. Соч.: В 5 т. Харьков: Фолио, 1998. Т. 5. 410 с.

Концептуальная модель социального субъекта современного общества

Шаммазова Е.Ю.

Казанский государственный медицинский университет, доцент.
Кандидат философских наук

eshammazova@bk.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается концептуальная модель социального субъекта современного общества, на примере феномена «блоггерства». Проанализирована значимость данного феномена в современном мире. Была выявлена проблема влияния блоггеров на такие большие социальные группы, как молодежь и подростки. Формирующийся, новый, пока маргинальный тип социального субъекта может претендовать на статус личности в современном обществе.

Ключевые слова: социальный субъект, маргинал, молодежь, социальные группы, блоггер.

Conceptual Model of a Social Agent in the Modern Society.

Shammazova E.Yu.

Kazan State Medical University

Absract: This article examines the conceptual model of the social subject of modern society, using the example of the phenomenon of “blogging”. The significance of this phenomenon in the modern world is analyzed. The problem of bloggers ‘ influence on such large social groups as young people and teenagers was identified. An emerging, new, yet marginal type of social subject can claim the status of a person in modern society.

Keywords: social subject, marginal, youth, social groups, blogger.

Современное общество характеризую как информационное, где главенствует наука, техника, знания и образование. Последняя информационная революция выдвинула на первый план производство технических средств, а также технологии для производства новых знаний.

Вместе с тем компьютеризация (как ядро информационно-технологической индустрии) проникло во все сферы жизни и деятельности человека. Компьютеры обрабатывают и производят сложные вычисления, а также осуществляют связь пользователей по всему миру. Компьютерная сеть Интернет стала неотъемлемой частью жизни современного человека. Здесь представлен рынок интернет-услуг, познавательные и развлекательные программы, площадки для общения различных социальных сетей, таких, например, как Facebook, Instagram.

Высокие информационные технологии, безусловно, откладывают отпечаток на носителей этих достижений. Так каков же социальный субъект XXI века? Разносторонне развит и успешно реализован в социуме или все же находится в ситуации бесконечных поисков устойчивости мировоззренческих ориентиров?

Казалось бы, современные информационные технологии существенным образом должны были повлиять на облик социального субъекта и положительно сказаться на состоянии общества. Однако, результат оказался неоднозначным.

Рассмотрим теперь подробно преобразования, существенно оказывающие влияющие на облик социального субъекта современного общества.

Многомиллионные мегаполисы стали символом XXI века. Основная часть населения живет в больших городах. Существенным образом изменился социальный состав общества, особенно, за последние сто лет[i]. Глобализация экономики и преобладание сферы услуг над промышленностью и сельским хозяйством стали характерными особенностями современного общества. Главным источником доходов становится не производство, а информационные ресурсы.

i Благодаря развитой, новой технике и новым технологиям сельскому хозяйству требуется меньше работников. В развитых странах достаточно 5% населения, чтобы прокормить всех жителей. Отсутствие рабочих мест в сельской местности способствует оттоку жителей в большие города, в поисках работы и заработка.

Преобразование социально-культурных, политических, экономических основ жизни создает благодатную почву для возникновения массовой маргинализации, которая становится одной из определяющих характеристик социума. В новом социуме, отличающимся большим разнообразием событий, стремительном течении социальных перемен формируется новый, пока еще маргинальный тип личности.

Традиционно понятие «маргинальность» сопряжено с негативными коннотациями. Оно представляется чем-то онтологически вторичным и противоположным норме. Однако, есть и аспект онтологической ценности маргинальности.

Так, создатель маргинальной антропологии С.П. Гурин, предлагает понятие «маргинальные фигуры». Данным понятием обозначены люди, имеющие специфические качества и маргинальное положение в обществе. Они обладают собственными тактиками и жизненными стратегиями и зачастую являются маргиналами даже по отношению к самому человеческому бытию. Свой подход исследователь выстраивает, опираясь на концепцию В. Тернера о лиминальных персонах. Для них свойственна амбивалентность, неспособность соответствовать классификациям, определяющим положения и состояния в культурном пространстве. Такие фигуры можно назвать фигурами сингулярностей, их существование разрывает непрерывность социального тела, делает общественные структуры неустойчивыми, открытыми новому: разрушению или созданию нечто [1, с.140]

Обращение к понятию «маргинальность» неслучайно, оно интересно еще и тем, что содержит в себе онтологическую нагруженность. Оно отражает особое топологическое состояние субъекта – состояние «перехода» и фиксируется категорией «становления», т.е. представляет собой особое динамическое состояние. Категория «становления» показывает сложность, нетривиальность структурной и топологической организации бытия индивида, а также пространство многомерности и открытости.

Социального субъекта современного общества, безусловно, можно рассматривать как маргинальный тип, поскольку находится в «посткультурном состоянии» [2, с.40]. Отечественный исследователь В.И. Шапинский исходит из идеи существования маргинального пространства культуры – «ничейной земли», находящейся за пределами культур. «Выход в маргинальное пространство – это выход в некое «посткультурное состояние»». Маргинал – «утверждающий на месте данных культурных символов иные структуры бытия». [2, с.68]

Обратимся теперь к рассмотрению такого массового социального феномена, как блоггерство, который является наглядной демонстрацией вышеописанного маргинального социального субъекта. Блог как новейшая медиареволюция изменяет политику, бизнес и культуру. На сегодняшний день блоггеры занимают место, наряду со СМИ.

Блоггеры не бояться отрыто высказывать свое мнение, точку зрения, стараются найти истину во всех важных вопросах, оперировать научными знаниями. За это их любят и читают. В некоторой степени, они даже претендуют на роль личности в современном обществе. Чем больше количество «лайков» и «комментариев», тем ты более актуален.

Большое количество людей, особенно молодых, с удовольствием следят за жизнью блоггеров, формируют свои ценности и взгляды, исходя из их мнения. Они становятся кумирами, как когда-то певцы и актеры. Людям очень импонирует, что по ту сторону экрана находится такой же обычный человек, как он, со своими страхами, проблемами, сомнениями и неудачами. Современные блоггеры, конечно же, дают это ощущение единства между людьми.

В целом, блоггерство выполняет сразу две задачи: 1) если у тебя в жизни что-то не получается, ты заходишь в Инстаграм, чтобы понять, что ты не один в решении разного рода проблем. 2) если у тебя все хорошо, ты тоже заходишь и делишься происходящим со всеми.

Не сложно предположить, что такой подход является очень привлекательным для таких социальных групп, как молодежь и подростки, привыкших к сравнениям и зависимых от общественного мнения.

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать следующий вывод:

В современном информационном обществе формируется маргинальный социальный субъект, который потенциально может претендовать на статус «личности». Однозначно оценить положительное или отрицательное влияние феномена «блоггерства» пока сложно. С одной стороны, блоггеры навязывают субъективную точку зрения по многим вопросам, а с другой – блоггеры несут полезную, иногда образовательную информацию, которую человек мог недополучить в семье или школе.

Таким образом, все зависит от воспринимающего. Правильный, критический подход к полученной информации позволит верно распорядиться ей и извлечь пользу для себя.

Сочетание философской рефлексии с эвристическим потенциалом феномена «блоггерства» позволило автору создать концептуальную модель социального субъекта, способствующую более глубокому и адекватному пониманию сути вещей современного общества.

Литература:

1. Гурин С.П. Маргинальная антропология. Саратов: Изд. Центр СГСЭУ, 2000. 237 с.
2. Шапинский В.А. Культурная маргинальность как социально-философская проблема: дисс. …канд. филос. наук. М., 1991. 146 с.

Человек и (пост)капитализм: от неомарксизма к левому акселерационизму

Шулико Г.А.

Институт философии РАН, младший научный сотрудник. Кандидат философских наук

gashulik@gmail.com

Аннотация*:* Автор этой статьи попытался дать краткий обзор истории левой общественной мысли за последние десятилетия с точки зрения философской антропологии. Начиная с 1960-х годов, под влиянием структурализма и постструктурализма, гуманизм постепенно перестал быть необходимым элементом современной левой идеологии. Новые формы организации левого движения нашли свое отражение в антропологической концепции многообразия идентичностей, которое не может быть сведено к марксистской идее ассоциированого человечества. В то же время политические неудачи левого движения в последние годы заставили некоторых теоретиков вернуться к марксистскому гуманизму как интеллектуальному источнику. В качестве одного из примеров последнего, в статье рассматривается проект так называемого «левого акселерационизма» авторства Ника Шрничека и Алекса Уильямса.

Ключевые слова: акселерационизм, гуманизм, интерсекционализм, модерность, неомарксизм, человек

Human and (Post)Capitalism: From Neo-Marxism to the Left-Accelerationism.

Shuliko G.A.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

gashulik@gmail.com

Summary: The author of this article has tried to give a brief overview of the history of left-wing social thought over the past decades from the perspective of philosophical anthropology. Beginning in the 1960s, under the influence of structuralism and poststructuralism, humanism gradually ceased to be a necessary element of the current left ideology. New forms of organization of the left movement were reflected in the anthropological concept of a variety of identities, which cannot be reduced to the Marxist idea of associated humanity. At the same time, the political failures of the left movement in recent years have led some theorists to revert to Marxist humanism as an intellectual source. As one of the examples of the latter, the article considers the project of the so-called "left-accelerationism" by Nick Srnicek and Alex Williams.

Keywords: accelerationism, humanism, intersectionalism, modernity, neo-Marxism, human

По итогам последней четверти XX века мировое леворадикальное движение пребывало в глубоком идейно-теоретическом и практическом кризисе. В равной мере сказывались крах международной системы «реального социализма»; «открытие» Китая и его последующее встраивание в глобальную капиталистическую экономику; неспособность «старых» и «новых» левых идейно и организационно что-либо противопоставить набиравшему силу неолиберализму [3, с. 119 – 196][6, с. 77 – 100].

Не первую, но и не последнюю роль в развитии идейно-теоретической составляющей этого кризиса сыграли перемены, происходившие в переосмыслении философского понятия человека. На смену гуманистической традиции в западном марксизме, в большей или меньшей мере представленной такими мыслителями как Г. Лукач, Ж.-П. Сартр, Э. Фромм, Г. Маркузе и т.д., приходит сначала структурализм, получающий своё «гражданство» в марксизме (благодаря Л. Альтюссеру, Л. Гольдманну, Ж. Бодрийяру и др.), а затем и постструктурализм [2, с. 177 – 201].

Человек постепенно исчезает из теории – как концепт, как субъект социальных преобразований (знаменитый лозунг 1968 года о не выходящих на улицы структурах и философская критика этого лозунга) [7, с. 43] и, что не менее важно, как высшая ценность предельного целеполагания. Повисают в теоретическом вакууме столь значимые для западного марксизма философские понятия как «отчуждение» и «эмансипация», поскольку в условиях радикальной дегуманизации социальной теории становится не совсем понятным, кого, от чего, во имя или ради чего нужно освобождать.

Первые два десятилетия XXI века для левых интеллектуалов прошли под знаменем ожидания нового социально-политического оживления на левом фланге общественной жизни. Антиглобализм, боливарианский социализм в Латинской Америке, «Оккупай», более чем умеренные электоральные успехи широких левых коалиций («Сириза», «Подемос», британские лейбористы под руководством Дж. Корбина и т.п.), движение жёлтых жилетов, Рожава – всё это трактовалось как симптомы грядущего мирового возрождения левой идеи в качестве «материальной силы». И хотя, действительно, 2000-е – 2010-е годы показали, что «старый крот истории» не умер, а продолжает свою работу, многообразие системных и/или локальных левых проектов не привело к возникновению глобальной альтернативы капитализму.

Наличие или отсутствие глобального левого проекта определенным образом сказывается и на состоянии мировой общественной мысли. К примеру, на протяжении большей части «короткого XX века» Советская Россия для левых интеллектуалов всего мира выступала в качестве своеобразного ориентира: принятие или непринятие советского опыта было важным критерием политической и философской самоидентификации левых теорий и практик. В частности, сам факт существования ортодоксии советского марксизма делал неизменно актуальными различные вариации интеллектуального синтеза, которыми так богата история западного марксизма [5].

Неудивительно, что в условиях большого числа разнообразных локальных левых проектов на первый план выходят философские теории, идейно оправдывающие и фиксирующие текущее положение дел, среди которых с точки зрения философской антропологии наиболее значимой представляется концепция интерсекциональности угнетения. Выросший из теории сверхдетерминации Альтюссера [1] и теории аутсайдеров Маркузе [8], а затем прошедший ряд итераций в феминизме третьей волны, интерсекционизм утверждает относительность различных форм угнетения и своеобразное равноправие соответствующих форм борьбы с угнетением, так-то: гендерных, классовых, расовых и других. Объединившись со старым (пост)структуралистским тезисом о конце человека, интерсекционализм становится концептуальным основанием для понимания природы индивида как совокупности неопределённого числа идентичностей – социальных конструктов, принимаемых самим индивидом. Так интерсекционизм несколько парадоксальным образом оказывается созвучен христианскому персонализму: подобно спасению души, социальное освобождение видится в качестве группового, частного, в пределе – личного дела. Взаимодействие между различными группами угнетенных индивидов в этой картине мира представляется в лучшем случае тактическим или исключительно интеллигибельным; как гласит старый антиглобалистский лозунг: «Думай глобально, действуй локально».

Однако политические неудачи левого движения в последние десятилетия призвали к жизни концепции и иного рода. Так, можно вспомнить А. Сокала, автора известной журнальной шутки и написанной по её следам работы «Интеллектуальные уловки», который рассматривал свою критику современной философии как призыв к левым обратиться от постмодернизма к «рациональному мышлению и бесстрашному анализу объективной реальности» [9], «вернуться к своим корням эпохи Просвещения» [10]. Нынешнее десятилетие дало нам еще один, впрочем, весьма своеобразный, пример левого традиционализма – акселерационистский проект Н. Шрничека и А. Уильямса.

Есть по меньшей мере три обстоятельства, которые отличают акселерационизм Шрничека и Уильямса от позиции Сокала; это те же обстоятельства, в силу которых левый акселерационизм заслуживает внимания с точки зрения философской антропологии. Во-первых, если точка зрения Сокала – это по преимуществу точка зрения ученого (пусть и политически ангажированного), желающего наказать философов за неумение обращаться с научной терминологией, то актуальные взгляды Шрничека и Уильямса представляют собой прежде всего философскую реакцию на общественную ситуацию последних десятилетий. Во-вторых, в случае двух соавторов речь идет не просто о философии, но, судя по признанию Шрничека, о делезианстве [4, с. 88], при помощи которого идет возврат к Марксу – в случае Сокала подобный концептуальный ход представляется невозможным. Наконец, в-третьих, и это ключевое обстоятельство – Шрничек и Уильямс рассматривают своё обращение к прошлому – вернее, к тому, как левые прошлого мыслили будущее и прогресс, к идее «модерности» – как шаг на пути к новой концепции гуманизма, что позволяет разместить акселерационистский проект в контексте гуманистической традиции западного марксизма.

Антропологически акселерационистский гуманизм представляет собой попытку реактуализации

экзистенциализма Сартра – «гуманизм, никак не определенный заранее. Это проект самореализации, но без запрограммированной конечной точки» [6, с. 121]. Вместе с тем, с точки зрения левых акселерационистов, подлинная свобода, понимаемая как «синтетическое предприятие, а не естественный дар» [6, с. 120], оказывается возможна – в терминах советского марксизма – только на материально-технической базе позднего капитализма, переходящего в новую общественно-экономическую формацию. По этой причине Шрничеку и Уильямсу представляется важным бороться с реакционными разновидностями гуманизма, «что любой ценой защищают местнический образ человеческого» [6, с. 121]. Так акселерационизм получает философское основание для критики основной массы современных левых проектов – соавторы объединяют их под ярлыком «народной политики» – как локалистских, лишенных глобальной стратегической перспективы; нацеленных не на создание нового человека, а на удержание собственной идентичности, а потому заведомо консервативных.

Казалось бы, следующим шагом для Шрничека и Уильямса должно стать последовательное размежевание с интерсекционизмом как идеологической квинтэссенцией «народной политики», по сути оправдывающей и обосновывающей отсутствие левой контргегемонии. Однако именно в этом вопросе идеологи левого акселерационизма демонстрируют удивительную солидарность с объектом своей критики, когда, например, речь заходит об одном из главных концептуальных персонажей-злодеев интерсекционизма – о «белом гетеросексуальном мужчине-собственнике» [6, с. 112]. Вместо того, чтобы попытаться каким-либо образом деконструировать этого концептуального Франкенштейна, показать историческую обусловленность тех или иных его атрибутов, Шрничек и Уильямс раз за разом объявляют о своей приверженности борьбе с этим «невидимым розовым единорогом». Данное обстоятельство представляется очевидным упущением философскому антропологу, но практически незаметно с точки зрения социальной философии или любой другой философской дисциплины.

Подводя итог, хочется отметить, что, несмотря на некоторую недосказанность (вызванную, как представляется не столько концептуальными, сколько социокультурными обстоятельствами), философско-политический проект акселерационизма Шрничека и Уильямса представляется крайне интересным интеллектуальным предприятием. Этот проект свидетельствует как о сохранности традиционных философских элементов левой интеллектуальной повестки, так и о готовности современных левых интеллектуалов вносить в эту повестку значимые изменения.

Литература:

1. Альтюссер Л. Противоречие и сверхдетерминация // За Маркса. М.: Праксис, 2006. С. 127–186.
2. Андерсон П. На путях исторического материализма // Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма. М.: Интер-Версо, 1991. С. 151–264.
3. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.
4. Гуреев А. Шрничек Н. «Термин „акселерационизм“ стал бесполезным». Интервью с Ником Шрничеком / пер. с англ. М. Мирошниченко // Логос. Том 48. №2. С. 87 – 102.
5. Муравьев Ю. Трансмарксизм: тезисы манифеста. URL: https://scepsis.net/library/id_417.html (дата обращения: 18.08.2019)
6. Шрничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
7. Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 7–46.
8. Marcuse H. The Problem of Violence and Radical Opposition // Collected Papers of Herbert Marcuse. Vol. Three. The New Left and the 1960s / Ed. By D. Kellner. L.-N.Y.: Routledge, 2005. P. 57–75.
9. Sokal A. A Physicist Experiments with Cultural Studies. URL: http://linguafranca.mirror.theinfo.org/9605/sokal.html (дата обращения: 18.08.2019)
10. Sokal A. Mystery Science Theater. URL: http://linguafranca.mirror.theinfo.org/9607/mst.html (дата обращения: 18.08.2019)

Метафизика бытия человека: единое и единичное.

Апполонова Ю. С.

Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной философии, онтологии и теории познания. Кандидат философских наук

jappolonova@gmail.com

Аннотация. В данной работе представлена возможность конструирования метафизической идеи о специфике бытия человека как онто-экзистенциальной антиномии единого и единичного. Размышляя в русле экзистенциально ориентированной традиции философствования, автор обращается к феномену трансцендирования, который и позволяет раскрыть парадоксальный характер бытия человека в мире, как существа одновременно «единого» и «единичного». Отдельно выделяя такие виды трансцендирования, как онтологическое и антропологическое, автор исследует возможность обнаружения онтологического статуса человека как существа «единого»: единого с миром, в котором он бытийствует, с другими индивидами, которые также принадлежат бытию на метафизическом уровне, при этом следуя онтологической предпосылке, согласно которой человек обладает внутренним единством самобытия как метафизическое существо. Однако вместе с тем, отмечается, что специфика бытия человека такова, что в процессе существования он имеет возможность формировать собственный неповторимый экзистенциальный опыт, представать как существо свободное и деятельностное, а значит «единичное».

Ключевые слова: метафизика, онто-экзистенциальная антиномия, трансцендирование, онтологическое трансцендирование, экзистенциализм, экзистенциальный опыт.

Metaphysics Of Human Existence: the One And the Singular.

Appolonova Y.S.

Altai State University, Departmen of Social Philosophy, Ontology and Theory of Knowledge

Abstract: This paper examines the possibility of constructing a metaphysical idea of the specifics of human existence as an onto-existential antinomy of the one and the singular. Through a speculation aligned with existentially oriented tradition of philosophizing, it addresses the phenomenon of transcendence which reveals the paradox of human existence in the world as “the one” and “the singular”. While following the ontological premise of intrinsic unity of self-existence as metaphysical being and a distinction made between ontological and anthropological transcendence, it explores a possibility to discover the ontological status of man as “the one”: being the one with the world in which they exist, and with other individuals who also belong to the same being on metaphysical level. However, it points out that the specificity of human existence is that one has an opportunity to form their own unique existential experience, and to present themselves as a free active being which is therefore “the singular”.

Kewords: metaphysics, onto-existential antinomy, transcending, ontological transcending, existentialism, existential experience.

Пожалуй, сегодня как никогда, начиная разговор о метафизике, по умолчанию требуется не просто обосновать её статус в современной науке и философии, но и объяснить причины, побуждающие человека обратиться к её проблемам и вопросам. Отчасти это связано с довольно долгой историей метафизики, переосмыслением её роли в разные исторические этапы развития философии и, конечно, с самой спецификой той проблематики, к которой она обращается и которая несмотря ни на какие перипетии по-прежнему сохраняет своё ядро. Метафизика стремится выявить глубинные пласты бытия, фундаментальные структуры, которые лежат в его основе. Предполагая особый тип мышления, она не может быть сведена к позитивному знанию, так как метафизический поиск начинается с индивидуального запроса конкретного индивида и является его личной возможностью посредством собственной мысли подступиться к сущности бытия.

Метафизические проблемы и вопросы ставятся не только философами, так как само непосредственное существование каждого отдельного человека неминуемо содержит и указывает на свои онтологические пределы. Очень точно это подметил Н. А. Бердяев, говоря о том, что каждый человек решает вопросы метафизического порядка, «вопросы математики или естествознания гораздо более чужды огромной массе людей, чем вопросы философские, которые, в сущности, ни одному человеку не чужды» [1]. Здесь важно подчеркнуть специфику метафизических объектов, которая заключена в том, что с одной стороны, они трансцендентны, а с другой – имманентны существованию человека в мире. Трансцендентность ни в коем случае не означает того, что они совершенно недоступны человеческому познанию, и, что каждый, кто о них вопрошает – лишь создаёт очередную абстракцию. Трансцендентное включено в непосредственное существование человека, в его вопрошание о себе и о мире, выступает основанием метафизических поисков. Трансцендентное присутствует не только в уже сформулированных и нерешённых метафизических вопросах, но и в тех экзистенциальных вопросах метафизического порядка, о которых писал Н. А. Бердяев, и которыми человек, даже и, не будучи философом, задаётся в ходе повседневной жизни. Например, есть ли Бог, почему страдают добрые люди, существует ли справедливость, почему умирают те, кого мы любим и т. д. Так посредством собственного экзистенциального опыта человек начинает метафизические поиски. По сути, об этом говорил и К. Ясперс [2], разрабатывая идею пограничных ситуаций, непосредственно включённых в бытие человека, и С. Кьеркегор [3], которому вторил Н. А. Бердяев: «Причастность познающего к существованию предшествует его познанию, мой экзистенциальный опыт до моего познания» [1].

В данной работе мы исследуем специфику бытия человека в метафизической перспективе и попытаемся раскрыть его онтологическую структуру как онто-экзистенциальную антиномию единого и единичного, обращаясь к феномену трансцендирования.

Анализ трансцендирования позволяет обнаружить в непосредственном существовании человека в мире и «мета», и «физику», его двумирность, или «двухприродность», как писал С. Л. Франк [4], основывающуюся его уникальным онтологическим положением в бытии, как стоящем на границе между миром физическим и метафизическим и имеющим отношение к ним обоим. «Загадочность и противоречивость человека определяются не только тем, что он есть существо, упавшее с высоты, существо земное, сохранившее в себе воспоминание о небе и отблеск небесного света, но еще глубже тем, что он изначально есть дитя Божье» [5], – известные слова Н. А. Бердяева. В свою очередь, С. Л. Франк, говоря о человеке как «двухприродном существе» отмечал, что эта двойственность «не есть чистый дуализм, простое сосуществование или даже противоборство двух разнородных начал. Она вместе с тем опирается на некое единство и пронизана им» [4, с. 59]. И это метафизическое единство между двумя природами человека: земной и небесной, телесной и духовной открывается ему в актах трансцендирования, указывает на сопричастность человека не только эмпирической, но и сверх-эмпирической действительности.

Австрийский философ Э. Корет указывает на то, что, несмотря на отсутствие метафизического объекта в виде эмпирически наличного, он обнаруживается и в вопрошании, и в самом существовании человека: ««сущее как сущее», тем более «все сущее» или «бытие» сущего не эмпирическая вещь, а предмет рефлексии. Если предмет должен тематически обнаруживаться, то лишь благодаря метафизическому мышлению» [6]. Согласно М. К. Мамардашвили [7] всю историю философии можно рассматривать как трансцендирование, так как уже в самом акте вопрошания философ особым образом переступает границы собственного бытия как налично данного и той действительности, к которой принадлежит непосредственно.

Рассматривая бытие человека как онто-экзистенциальную антиномию единого и единичного, мы раскрываем идею о том, что каждый человек причастен к трансцендентному, запредельному, и через эту причастность он со-причастен другим индивидам и миру в целом, будучи единым с ними, но при этом также сохраняя неповторимость своего присутствия в мире как единичное.

«Единое» позволяет схватить универсальную идею о принадлежности человека бытию, равно как и окружающих его индивидов, однако на уровне неповторимого переживания собственного существования человек обнаруживается как «единичное», формируя и обладая собственным экзистенциальным опытом бытия в мире.

Современные исследования, посвящённые проблеме трансцендирования человека как выхода «за пределы предметного познания в мир непредметного» [8, с. 150] позволяют говорить не только о метафизической специфике данного акта в принципе, но и выделять его многочисленные виды: онтологический, гносеологический, социальный и др. Например, Ж. В. Латышева, определяя

трансцендирование как сущностную характеристику человека, в статье «К вопросу о дефиниции и типологии трансцендирования», пишет о том, что «онтологическое трансцендирование – это преодоление границ чувственного опыта и рассудочно-отвлеченного мышления, духовно-творчески-интуитивный прорыв к предельным основаниям бытия, сопровождающийся позитивной духовной трансформацией человека» [9, с. 45]. С. В. Димитрова [10] рассматривает онтологическое трансцендирование как экзистенциальный тип опыта, который позволяет человеку выходить за пределы повседневного, обезличенного существования к подлинному бытию личности. А. Р. Аминова, говорит о том, что «трансцендирование оказывается эффективным способом взаимодействия с бытием, смыслопорождающей деятельностью. В ней воплощается сопричастность человека бытию, их соразмерность» [11, с. 13]. Так или иначе, онтологическое трансцендирование рассматривается как процесс восхождения человека к «мета» – трансценденции, Богу, Единому, Прекрасному и т.д.

Трансцендирование может быть рассмотрено как «прорыв», устремлённость человека к трансценденции в варианте онтологического трансцендирования, и как «прорыв» человека из глубины подлинного самобытия к «Другому» в варианте антропологического трансцендирования. Поэтому, чтобы обосновать возможность рассмотрения специфики бытия человека, посредством конструирования идеи онто-экзистенциальной антиномии единого и единичного, мы обращаемся и к онтологическому трансцендированию, и к антропологическому. Онтологическое трансцендирование может выражаться как особый способ ориентирования человека в мире, который К. Ясперс [12] описывал, говоря об отношении человека к миру как тайнописи. Такое трансцендирование, направленное на постижение сущности бытия обнаруживает себя в философии, творчестве (в т. ч. музыке, поэзии, живописи), а также в различных религиозно-духовных практиках.

Выделяя в качестве отдельного вида трансцендирования – антропологическое, мы стремимся подчеркнуть важность совершенно особой, данной лишь человеку, уникальной формы постижения бытия через Другого. В данном случае речь может идти об особого рода экзистенциальной коммуникации, основанием которой является онтологическая сопричастность друг другу тех, кто в неё вступает, а также через их соотнесённость с бытием. С. Л. Франк отмечал, что подлинные межличностные отношения духовно обогащают их участников, «моё собственное бытие есть здесь не что иное, как моя принадлежность к почве *общего бытия;* и хотя эта принадлежность не есть моё растворение и исчезновение в этой почве, а есть, напротив, источник всей положительности моего собственного бытия как бытия индивидуального, но в силу ее моя индивидуальность не есть обособленность и замкнутость, а есть именно соучастие в общей почве» [4, с. 49]. Посредством взаимодействия с «Другим» человек обнаруживает онтологическое единство с ним, и вместе с этим свою единичность, что позволяет формировать идею ценности существования каждой отдельной личности.

Изучая специфику бытия человека как онто-экзистенциальной антиномии единого и единичного, мы раскрываем два момента, позволяющих с одной стороны, говорить об укоренённости человека в «почве общего бытия», а с другой – его свободе, задающей деятельностную сущность человека, позволяющей определять путь существования в мире и формировать собственный экзистенциальный опыт.

Мы полагаем, что сегодня важно сохранять статус метафизики как некоего ядра философского знания, как возможности посредством мысли подступать к сущности бытия человека, его смыслу и предназначению. Как отмечает А. А. Гусейнов, «Человек есть метафизическое существо. И именно в этом качестве он является предметом философии. Как физическое существо он – предмет науки. Как метасущество – предмет религии. А предметом философии он оказывается там, где эти концы, «мета» и «физика», соединяются между собой «софией» [13]. На уровне онтологии метафизика позволяет раскрывать систему внутрибытийных отношений между человеком и миром, человеком и человеком [14]. Мы не просто познаём мир, но существуем в нём как его часть, и процесс переживания собственного существования кристаллизуется в неповторимый экзистенциальный опыт человека, который, тем не менее, связан на аксиологическом уровне с общечеловеческими ценностями и стремлениями.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Электронная библиотека Одинцовского Благочиния. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/ya_i_mir_objektov/, свободный (19.05.2020).
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
3. Кьеркегор С. Беседы и размышления. М.: Рипол-классик, 2018. 512 с.
4. Франк С.Л. Реальность и человек: метафизика человеческого бытия. Минск: Белорусская православная церковь, 2009. 560 с.
5. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Электронная библиотека Одинцовского Благочиния. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/o_naznachenii_cheloveka/, свободный (19.05.2020).
6. Корет. Э. Основы метафизики // Электронная библиотека. Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/koret01/index.htm, свободный (19.05.2020).
7. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Электронная библиотека. Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/mamar02/, свободный (19.05.2020).
8. Резник Ю.М. Человек вопрошающий. О назначении философа // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. № 1(33). С. 147–154.
9. Латышева Ж.В. К вопросу о дефиниции и типологии трансцендирования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. №2. С. 45–48.
10. Димитрова С.В. Онтологическое трансцендирование (условия обретения свободы) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2010. № 1 (11). С. 103–108.
11. Аминова А.Р. Трансцендирование как системообразующий элемент духовной деятельности: автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.01 / Аминова Альмира Рафаиловна. Уфа, 2006. 20 с.
12. Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика. М.: Канон +, 2012. 296 с.
13. Гусейнов А.А. О человеке и смысле его жизни // Персональный сайт профессора А. А. Гусейнова. Режим доступа: https://guseinov.ru/publ/chelov2.html, свободный (19.05.2020).
14. Миронов В.В. Предметное самоопределение метафизики // Метафизика. 2011. №1. С. 7–31.

Концепция времени в конкретном спиритуализме Л.М. Лопатина

Бердникова А.Ю.

Институт философии РАН, научный сотрудник. Кандидат философских наук

alexser015@yandex.ru

Аннотация. В докладе планируется раскрыть основные особенности трактовки феномена времени в учении конкретного спиритуализма русского религиозного мыслителя Л.М. Лопатина, председателя Московского психологического общества и редактора журнала «Вопросы философии и психологии». Показывается, что феномен времени (наряду с идеей пространства) понимался Лопатиным в качестве формы восприятия явлений мира каждой конкретной живой индивидуальностью. Делается важный для понимания философской системы взглядов Лопатина вывод о том, что именно феномен времени служил для него основным доказательством существования сверхвременного (божественного) бытия. Тем самым рассуждения Лопатина можно в какой-то мере считать попыткой построения нового доказательства бытия Бога. Кроме того, демонстрируется связь трактовки Лопатиным идеи времени и других, не менее важных, понятий его религиозно-философской концепции: идеи творческой причинности, представления о свободе воли, бессмертии души и теодицее. Делается обобщающий вывод о «развитии» и критическом «преодолении» в учении конкретного спиритуализма Лопатина изначальной монадологической концепции Г. Лейбница.

Ключевые слова: Л.М. Лопатин, время, спиритуализм, персонализм, русская религиозная философия, свобода воли, бессмертие души, творческая причинность.

The concept of time in concrete spiritualism of Leo Lopatin.

Berdnikova A. Yu.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article is devoted to the interpretation of the time phenomenon in the doctrine of the Russian religious thinker Leo Lopatin, professor at Moscow University, long-time chairman of the Moscow Psychological Society and Editor of the journal “Problems of Philosophy and Psychology”. It is shown that the phenomenon of time (along with the idea of space) was understood by Lopatin as a form of perception of the world by each concrete living individual. An important conclusion for understanding Lopatin’s philosophical system is made: according to which in Lopatin’s doctrine the phenomenon of time served as the main evidence of the existence of super-temporal (divine) being. Thus, Lopatin’s reasoning can be considered to some extent an attempt to build a new proof of the existence of God. In addition, the connection between Lopatin’s interpretation of the idea of time and other, equally important, concepts of his religious and philosophical concept: the idea of creative causation, ideas about free will, immortality of the soul and theodicy is shown. A general conclusion about the “development” and critical “overcoming” of Leibniz’s original monadological concept in the Lopatin’s doctrine of concrete spiritualism is made.

Keywords: Leo Lopatin, time, spiritualism, personalism, Russian religious philosophy, free will, immortality of the soul, creative causality.

Без преувеличения, в истории русского метафизического персонализма (или неолейбницианства) Лев Михайлович Лопатин (1855-1920) является одной из наиболее значимых фигур. Его учение о «конкретном спиритуализме» и теория творческой причинности, изначально появившись в противовес кантовскому критицизму, материалистическим и позитивистским тенденциям конца XIX – начала XX вв., транслируют в одинаковой степени идеи как Г. Лейбница, так и Р. Декарта, являясь при этом также яркой репрезентацией философских и психологических дискуссий России той эпохи. Многие современники (в частности, С.Л. Франк) признавали, что именно Лопатин «в России создал систему теоретической философии» [1, с. 113].

Одним из интересных, но, к сожалению, на данный момент достаточно малоизученных аспектов учения Лопатина является его концепция времени. Можно признать, что во многом здесь идеи Лопатина оказываются тесно встроенными в традицию осмысления времени в русской религиозной философии рубежа XIX-XX вв., в которой, по меткому замечанию П.П. Гайденко, время трактуется как «форма бытия души, единство восприятия, воспоминания и ожидания» [2, с. 8]. В контексте же «конкретного спиритуализма» Лопатина понятие времени оказывается напрямую связанным с его концепцией личности. Человеческая личность (а, конкретнее говоря, душа), согласно позиции Лопатина, во многом выработавшейся в результате многолетнего спора со своим «другом детства» В.С. Соловьевым [См.: 3; 4], по своей природе является субстанциальной. Свое понимание души и духовной субстанции Лопатин противопоставляет двум философским направлениям: феноменизму (согласно которому «сущность вещей нам недоступна, и мы знаем только явления» [5, с. 603]) и материализму. В отличие от этих двух напрямую связанных друг с другом мировоззрений (каждое из которых, по Лопатину, в итоге приводит к полному отрицанию достоверности познавательного процесса вообще), главным постулатом его собственного учения конкретного спиритуализма становится утверждение о том, что «мы никогда не воспринимаем явлений, как таковых; содержанием нашего непосредственного восприятия всегда оказывается наше собственное единство, как сознающих» [5, с. 613]. Этот основополагающий для своей системы взглядов вывод Лопатин рассматривал не только с позиций философии и метафизики, но и видел в нем «одну из важнейших истин психологической науки» [5, с. 613].

Концепция времени представляется Лопатиным здесь (наряду с учением о пространстве) в качестве некоего «связующего элемента» между трансцендентным миром явлений и субстанциальной основой каждого личностного бытия. Осмыслению этой идеи посвящена вторая часть фундаментальной работы мыслителя «Положительные задачи философии», вышедшая в 1891 г. с подзаголовком «Закон причинной связи как основа умозрительного знания действительности». Здесь он, с одной стороны, подвергает критике трансцендентальную эстетику И. Канта, а с другой – «развивает» монадологическую концепцию Г. Лейбница в контексте своих собственных религиозных и психологических идей. Время, согласно учению Лопатина, не обладает субстанциальным бытием, поскольку (так же, как и пространство) является по сути своей только формой восприятия мира каждой конкретной личностью. Здесь Лопатин, с одной стороны, поддерживает идею Августина о том, что прошлое и будущее нереальны, а настоящий момент не обладает основным свойством времени – длительностью, поскольку «исчезает тотчас же, как только он возник» [6, с. 294]. Но при этом, согласно Лопатину, время, не являясь субстанцией, не является также и устоявшейся схемой нашего рассудка, искусственно созданной с целью упорядочивания бесконечно изменчивых явлений как внешнего, так и внутреннего (душевного) мира личности [6, с. 296]. Время, таким образом, представляет собой непрерывный «поток становления» [7, с. 65], вечно изменяющийся, неуловимый для сознания даже в своем настоящем мгновении (поскольку отрефлексированное и осознанное мгновение настоящего уже фактически переходит в прошлое). В потоке времени нет никакой «данной реальности», «время действительно лишь настолько, насколько не реально все, что его составляет, и если б наоборот, его составные части получили реальность, оно потеряло бы всякую действительность» [6, с. 296]. Но, рассуждает далее Лопатин, поток становления должен иметь в себе некую постоянную, константную основу, в противном случае он просто не смог бы существовать. Такой «основой» в учении Лопатина становится бытие сверхвременное, или субстанциальное. Доказательство тому, что такое сверхвременное бытие существует, Лопатин находит в «психическом синтезе» [7, с. 65], непрерывно совершающемся в человеческом сознании. «Явление» и «субстанция» представляют собой «соотносительные понятия», «две неразрывные стороны одной и той же действительности» [8, с. 268], которой является, в свою очередь, «наше собственное субстанциальное единство, как сознающих» [8, с. 272]. Следовательно, делает вывод Лопатин, «именно сознание реальности времени есть самое очевидное, самое точное, самое бесспорное доказательство сверхвременной природы нашего сознающего я». [6, с. 298].

При этом Лопатин критикует картезианскую концепцию Божественного творения мира, совершающегося каждое мгновение времени, поскольку в таком случае субстанциальным бытием будет обладать только «абстрактное» по своей природе Божественное существо. Сам же Лопатин приходит к выводу о том, что субстанциальным бытием обладает каждая личность, осознающая себя пребывающей в постоянном потоке временных изменений. Таким образом, согласно мысли Лопатина, есть два типа субстанциального бытия: пребывающее во времени (самосознающая себя личность) и сверхвременное (Бог). Стоит отметить здесь, что одну из трактовок сверхвременного бытия Бога,

приводимую Лопатиным, а именно: представление о Боге как о «идеальном образе мира» [9, с. 177] можно также истолковать как «аналог понятия Софии-Премудрости Божией» [9, с. 177], что делает, в частности, в своем исследовании С.М. Половинкин, поясняя, что «у Лопатина аналог Софии есть как бы персонифицированная единая точка-образ» [9, с. 178]. Вневременного и безвременного бытия, заключает Лопатин, не существует вовсе, поскольку само представление о них является логическим противоречием.

В своих рассуждениях о времени и субстанциальном бытии Лопатин опирается на идеи религиозной антропологии французского философа-спиритуалиста Мен де Бирана (1766-1824), согласно учению которого существует сверхфеноменальное (божественное) бытие, являющееся изначальным, не-чувственным прототипом «наших идей о единстве, причинности, существе», с помощью которых мы и получаем саму возможность «мыслить реальное» [6, с. 305]. Стоит отметить здесь, что похожую линию рассуждений о сознании, самосознании и субстанциальном бытии мы можем увидеть также в трудах других представителей неолейбницианства (или метафизического персонализма), к которому часто относят и учение Лопатина. Так, схожим образом рассуждал немецкий философ, профессор Дерптского университета Густав Тейхмюллер (1832-1888), говоря о «сознании Бога» («Gottesbewusstsein»), составляющем субстанциальное «ядро» самосознания каждой личности [См.: 10]; его рассуждения находят свое развитие и логическое продолжение в концепции «сознания Бога» и «знания о Боге» [См.: 11] русского философа-панпсихиста А.А. Козлова (а затем – в учении его сына С.А. Алексеева (Аскольдова)), и т.д.

Размышления о времени, субстанциальном и божественном бытии в системе взглядов Лопатина также оказываются тесно связанными с его концепцией творческой причинности. Поскольку все сущее, кроме Бога, находится в постоянном временном «потоке становления», то именно причинность в философской системе Лопатина становится универсальным законом, согласно которому осуществляется постоянная связь между преходящими явлениями и их вечной субстанциальной основой. Причинность Лопатин выделяет двух видов: механическую, или детерминистскую, и свободную, или творческую. Первая полностью принадлежит миру явлений (например, физические законы), а вторая, в свою очередь, является неотъемлемым свойством субстанциального бытия [6, с. 256]. Творческая причинность по своей сути совпадает с понятием свободы, и в частности, свободы воли личности. Разработке последнего понятия был посвящен большой реферат Лопатина, прочитанный им в рамках обширной дискуссии о проблеме свободы воли (в которой также приняли участие Н.Я. Грот, Н.В. Бугаев, С.С. Корсаков, А.А. Токарский, П.Е. Астафьев и др.) в Московском психологическом обществе 3 апреля 1889 г. [См.: 12].

Напрямую с представлением о времени и субстанциальном бытии в учении Лопатина были связаны основные идеи его религиозной и нравственной концепций. В качестве одного из ключевых моментов первой (помимо уже рассмотренной выше идеи Бога – сверхвременной субстанции) можно назвать представление о бессмертии души. Душа каждого человека, по Лопатину, являет собой единый субстанциальный центр, поскольку пребывает во временном потоке, а не находится в постоянной череде радикальных изменений. Из этого следует заключение о бессмертии души, что также, как отмечают многие исследователи творчества философа [См.: 13] играло, по его мнению, большую роль для многих мировоззренческих, религиозных и этических систем в истории человечества, начиная с эпохи Средневековья до наших дней [См.: 13, с. 103]. С идеей бессмертии души в философии Лопатина тесно связано также и учение о теодицее, согласно которому зло появляется лишь в тварном, физическом, материальном мире и является вторичным по отношению к Божественному Абсолюту.

Таким образом, можно подытожить, что концепция времени в учении Лопатина, выступая в качестве основного доказательства существования сверхвременного единства субстанции, если можно так выразиться, «открывает двери» между изначально «самозамкнутыми монадами», заменяя собой принцип предустановленной гармонии в монадологической системе Лейбница, отрицавшийся во всех, без исключения, учениях неолейбницианского толка.

Литература:

1. Франк С.Л. Памяти Л.М. Лопатина // Путь. 1930. № 24. Париж. С. 111-114.
2. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
3. Ермишин О.Т. Л.М. Лопатин против В.С. Соловьева (к истории одного спора) // История философии, 1999. № 4. С. 44-56.
4. Половинкин С.М. Вл. Соловьев и Л.М. Лопатин: еще один пример дружбы-вражды // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: сборник: к 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева / ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2005. С. 371-377.
5. Лопатин Л.М. Вопрос о реальном единстве сознания // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 49. С. 600-623.
6. Лопатин Л.М. Положительные задачи философии. Ч. 2. Закон причинной связи как основа умозрительного знания действительности. 1891. – 391 с.
7. Резвых Т.Н. Эволюция понятия времени в русском лейбницеанстве: А.А. Козлов, Л.М. Лопатин и С.А. Аскольдов // Философские науки, 2016. № 12. С. 59-72.
8. Лопатин Л.М. Понятие о душе (по данным внутреннего опыта) // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 32. С. 264-298.
9. Половинкин С.М. Конкретный субстанциальный спиритуализм Л.М. Лопатина // Вестник РХГА, 2008. № 2. С. 172-180.
10. Teichmüller G. Religionsphilosophie. Breslau, 1886. 558 p.
11. Козлов А.А. Сознание Бога и знание о Боге. Воспоминания об онтологическом доказательстве бытия Божия Ч. I. // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 29. С. 445-567.
12. Лопатин Л.М. Вопрос о свободе воли // Труды Московского Психологического Общества. М., 1889. Вып. III. С. 97-194.
13. Троицкий Игорь, свящ. Бессмертие души, свобода деятельности человека и вопросы отношений Бога, мира и человека в философских произведениях Л.М. Лопатина // Христианское чтение, 2018. № 2. С. 102-112.

Персонология евразийства

Жданова Г.В.

МИРЭА – Российский технологический университет

Galinartu2018@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу персонологии классического евразийства 20-30-х гг. XX в. Автор показывает разнообразие подходов мыслителей евразийства к пониманию теории личности, лежащей в основе их теории научного познания, рассматривает и анализирует основные аспекты понимания евразийцами научной рациональности. Рассматривается концепция «синтетической» науки евразийцев. Евразийские мыслители предлагают новый способ постижения мира, поделенного на отдельные вселенные, его понимания «единым познавательным актом». Научная программа евразийцев – это одновременно и программа борьбы, предполагающая избавление от способа мысли, характерного для романо-германской науки. Этот способ мысли выражает рационалистическая, аналитическая и утилитарная наука. Автор подчеркивает роль синтеза как высшего этапа научного познания в учении евразийства. Для евразийцев предметом описательного исследования является та многонародная личность, которую в совокупности с ее физическим окружением, или территорией ученые евразийства называют «Евразией».

Ключевые слова: евразийство, персонология, теория личности, философия науки, рациональность, «синтетическая» наука.

The personology by Eurasian Movement.

Zhdanova G.V.

MIREA – Russian technological university

Abstract: The article is devoted to analysis of personology by classic Eurasian Movement in twenty-thirties of XX century. The author shows a diversity of approach of Eurasian thinkers to the understanding of theory of personality underlying their scientific cognition doctrine, considers and analyzes main aspects of scientific rationality by Eurasians. The author considers the concept of “synthetic” science by Eurasian thinkers. Eurasian thinkers offer a new way of understanding the world divided into separate universes, its understanding by a “single cognitive act”. The scientific program of the Eurasians is at the same time a program of struggle that involves getting rid of the way of thought characteristic of Romano-Germanic science. This way of thinking is expressed by rationalistic, analytical, and utilitarian science. The author emphasizes the role of synthesis as the highest stage of scientific knowledge in the teaching of Eurasianism. For Eurasians, the subject of descriptive research is that multi-national personality, which together with its physical environment, or territory, is called “Eurasia” by the scientists of Eurasianism.

Keywords: Eurasian Movement, personology, theory of personality, the philosophy of science, rationality, “synthetic” science.

В русской эмиграции послеоктябрьского периода в связи с осознанием утраты родины и стремлением вернуться в Россию возникли новые идейно-политические течения, получившие в историко-философской литературе название «пореволюционных». Одним из таких течений было евразийство.

Среди исследований, рассматривающих евразийское течение, можно отметить, главным образом, две тенденции в определении даты возникновения этого течения. Ряд авторов (В.Я. Пащенко, С.М. Половинкин, Л.В. Пономарева, А.И. Соболев и др.) связывает эту дату с опубликованием в 1920 году в Софии книги князя Н.С. Трубецкого под названием «Европа и человечество». В этой книге еще не упоминается термин «евразийство», отсутствует специфически евразийский анализ социально-политических процессов в России, не сообщается о способах преобразования российского общества, нет ничего конкретного относительно стран и народов. Тем не менее, книга закладывает методологию новой концепции, формулируются принципы и модели социально-исторического исследования, применимые не к отдельным странам, а к отношениям культур и цивилизаций. Другую точку зрения разделяет большинство исследователей (среди них М.Г. Вандалковская, И.В. Вилента, Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская, Н.И. Толстой, Р.А. Урханова и др.). По их мнению, дату возникновения евразийства следует сдвинуть на год позже, связывая ее, таким образом, с появлением в августе 1921 года в Софии коллективного труда основоположников нового идейного течения общественно-политической мысли под общим названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». И сам термин «евразийство» и основы нетрадиционного акцента в анализе исторического развития России, выразившегося в самом названии сборника, новые проекты преобразования России – все это заключалось в этом сборнике, поэтому и эта точка зрения представляется вполне аргументированной.

Название течения происходит от географического наименования континента «Евразия». Это название было предложено П.Н. Савицким и связано со стремлением евразийцев объяснить историческое и культурное своеобразие, особый путь России из особенностей ее «местоположения» и «месторазвития». Их программа предполагала построение новой «синтетической» науки, наивысшим выражением которой стала персонология Н.С. Трубецкого.

С точки зрения евразийцев, идеология идет впереди, а наука следует за ней: науку подталкивают вперед не открытия новых фактов, а новый взгляд на старые факты. Евразийцы верят в возможность единого знания в рамках единой идеологии. Евразийство как научная дисциплина предполагает изучение совокупности характеристик (материальных и духовных) Евразии – такого предмета, который считается существующим до всякого исследования. Евразийским мыслителям чужда мысль о том, что «точка зрения создает объект», им чужда фальсификационистская эпистемология попперовского типа: главная предпосылка в том, что Евразия просто существует. Таким образом, исследователю не нужно биться над доказательством ее существования, ему нужно лишь всеми возможными средствами подтверждать заранее заданный тезис о существовании этой гармонической и органической целостности.

Евразийцы стремятся, таким образом, построить целостную науку на основе «персонологии» как объединяющего фактора принципа любого познания. «Насущной задачей» становится эмпирическое подтверждение евразийской концепции симфонической личности.

Лейтмотив евразийской эпистемологии таков: синтетическая целостность заложена в самих фактах, а не в методе познания, который лишь повторяет, удваивает ее: «… логика русского научного развития ведет к тому, чтобы схвачено было единой синтетической формулой пространство русского мира, чтобы в обобщающем опыте восприняты были как бы единым познавательным актом покрытые ледниками прибрежья новой Земли и нагорья Тибета, буковые леса Подолья – и хребты у Великой китайской стены» [1, с. 53].

Цель синтетической науки – найти такую точку зрения на другие точки зрения, откуда можно было бы увидеть одновременно и Евразию, и мир в целом, постичь Единое за многим – не забывая, что Единое состоит из многого, из различных множеств: «Для ученых, принимающих участие в евразийском движении, главным предметом описательного исследования является та многонародная личность, которую в совокупности с ее физическим окружением (территорией) евразийцы называют «Евразией». Изучение этой личности должно вестись указанным выше способом, т. е. так, чтобы эта личность стояла в центре внимания каждого ученого специалиста, занятого исследованиями определенной части или стороны этой личности, и чтобы работы всех специалистов координировались друг с другом. Здесь нужна, следовательно, определенная организация совместной работы специалистов по самым разнообразным отраслям знания, причем целью этой работы является известный научный и философский синтез, который, оформляясь во время самой научной работы и благодаря этой работе, в то же время сам определяет собой не только смысл, но и направление как всей совместной работы в целом, так и каждого отдельного специального исследования» [2, с. 6].

В евразийской географии, как и в любом другом ответвлении евразийской науки, каждая часть выражает нечто большее, чем она сама, отсылает к объемлющей ее целостности. Работа исследователя заключается в том, чтобы постичь идеальную форму целостности через ее несовершенное воплощение в отдельных частях. Научная деятельность таким образом похожа на откровение, обнаружение того, что само называет себя взгляду.

Цель исследователя в том, чтобы выявить скрытую сущность, обладающую более высоким онтологическим статусом и недоступную ограниченному слепому позитивизму. Научная программа евразийцев заключается в поиске скрытого смысла вещей, чей несовершенный образ только и доступен

взору, ослепленному генетистскими и механистическими предрассудками. Из этого следует вся важность взгляда, охватывающего целостность фактов, которые в своей единичности или бесконечной множественности не имели бы никакого смысла.

Книга Трубецкого «Наследие Чингисхана» открывается темой, которая стала лейтмотивом всего евразийского учения: это «обращение перспективы» или «поворот взгляда». Мыслить иначе – значит уметь открыть глаза, узреть то, что остается скрытым при плохом методе. Для евразийцев обращение взгляда сопровождается новыми словами: «Новая эпоха предполагает и новую установку сознания, видение того, что прежде оставалось в тени, переоценку старого и в связи со всем этим новую терминологию» [3, с. 355]. Савицкий создал множество новых слов, таких как месторазвитие, евразиация и др.

Для евразийских мыслителей научное творчество начинается в момент установления совпадений или соответствий, увязывания фактов между собой. Именно наличие соответствий доказывает для них реальное существование искомого объекта. Это основоположное значение теории соответствий – это целостное и синтетическое мировидение: кажется, будто можно исчерпать целостность всех возможных точек зрения, помыслить реальный объект, дотянуться до него путем накопления и взаимоналожения точек зрения.

Трубецкой подчиняет всю свою систему научных дисциплин персонологии, которая призвана их «соотносить» [2, с. 7]. Так возникает система двух соотнесенных рядов наук, в которой наряду с описательными науками существуют истолковывающие науки: история/историософия, этнография/этнософия, география/геософия [2, с. 7]. Лишь истолковывающие науки позволяют понять изучаемые факты, обнаружить их скрытый смысл, не ограничиваясь описанием явлений. Только на основе всех наук вместе взятых может появиться «исчерпывающая теория личности».

Этот синтез наук достижим лишь посредством новой научной дисциплины «персонологии», единственно способной согласовать науки друг с другом. Без нее возможна лишь «энциклопедия» наук, хаотический конгломерат более или менее научных идей. Отсутствие такой «персонологии» - это самый большой недостаток западной мысли [2, с. 7].

Суть главного положения персонологии евразийцев в том, что человеческое сообщество, как индивид, должно рассматриваться прежде всего как личность, причем между одной и другим существуют лишь различия в степени: в обоих случаях все аспекты личности взаимосвязаны и образуют органическую (в лучшем случае даже гармоническую) целостность: «Между отдельным человеком и органической многочеловеческой личностью в этом отношении и принципиальной разницы нет, а есть только разница в степени сложности соответствующих явлений» [4, с. 10].

В противоположность индивиду, взятому изолированно, как чистая абстракция, личность от рождения вовлечена в сообщество. Следовательно, государство не должно быть абстрактным продуктом, арифметической суммой разрозненных, отдельных друг от друга индивидуальных воль: это союз «симфонических» групп, собранных в высшее единство общей Верой.

Таким образом в концепции Трубецкого возникает напряжение между требованием полноты личности и безличностью философии, обусловленной историко-культурным детерминизмом. Его программа сохранения неразложимой самодостаточности каждого сознания подрывается понятиями «уровня» или «сцепления», а также неразличением индивида и сообщества: самобытность сообщества обеспечивается за счет самобытности индивида. В целом Трубецкой вписывается в характерный для того времени персонализм, однако в итоге он парадоксальным образом сдвигается к полюсу безличного.

Один из источников персонологии Трубецкого – христианские размышления о Троице (триипостасной божественной природе) и о воплощении (о личности, имеющей двоякую природу – божественную и человеческую), особенно важные для православного мира.

После Второй мировой войны под воздействием систем структуралистского или коллективистского типа персонализм в целом быстро пошел на спад; что же касается философии Трубецкого, то в ней уже содержались зачатки структуралистской и коллективистской мысли.

Литература:

1. Логовиков П.В. (псевдоним Савицкого П.Н.). Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Кн. 1. Издание евразийцев, 1931.
2. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927.
3. Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 355.
4. Трубецкой Н.С. Упадок творчества // Евразийская хроника. Кн. 12. Издание евразийцев, 1937.

Русский персонализм: социально-философский аспект

Кацапова И.А.

Институт философии РАН, старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

katsapova@gmail.com

Аннотация В русской философии теме человека, его судьбы уделяется много внимания. Отечественный «историософский» персонализм формировался на прогностических суждениях его представителей. В отечественной традиции личность рассматривается как религиозно-идеалистический субъект, и таким образом практически противопоставляется западноевропейскому «гносеологическому субъекту». Представители отечественного персонализма считают, что понятие «мир» не ограничивается понятием всеобщего бытия, есть «нечто трансцендентное» (А. Козлов). И что только при обращении к собственному глубинному духовному опыту, человеку способны раскрыться загадки мира, потому что одна-единственная тайна жизни заключается в понимании деятельности исходя из собственных наблюдений (Н. Бердяев). В статье же предлагается рассмотреть социально-философский аспект русского персонализма на примере творчества Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, которые рассматривали человека как субъект и объект общества в его отношении к основным социальным институтам и ценностям.

Ключевые слова: персонализм, философская антропология, человек, личность, дискурс, нравственность, свобода.

Russian personalism: social and philosophical aspect.

Katsapova Irina Anatolievna

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

Annotation: In Russian philosophy, much attention is paid to the topic of man and his fate. The Russian “historiosophical” personalism was formed on the prognostic judgments of its representatives. In the Russian tradition, the individual is considered as a religious-idealistic subject, and thus is practically opposed to the Western European “epistemological subject”. Representatives of Russian personalism believe that the concept of “ world “is not limited to the concept of universal existence, there is” something transcendent “ (A. Kozlov). And that only when referring to their own deep spiritual experience, a person can reveal the mysteries of the world, because the only secret of life is to understand the activity based on their own observations (N. Berdyaev). The article also suggests considering the socio-philosophical aspect of Russian personalism on the example of the works of B. Chicherin, P. Novgorodtsev, and I. Ilyin, who considered a person as a subject and object of society in its relation to the main social institutions and values.

Keywords: personalism, philosophical anthropology, person, personality, discourse, morality, freedom.

В современных дискуссиях продолжается спор о сущности человека, о его возможностях, о способностях к развитию, и конечно, о границах и формах достойного и недостойного его существования. Но современный аспект этих дискуссий сориентирован в большей мере на то, насколько велика сегодня степень реального и ответственного участия каждого индивида не только в собственной судьбе, но и судьбе мирового пространства.

Понятно, что каждая эпоха в своих представлениях о человеке, личности, предлагает собственную интерпретацию «человека, ставшего проблемой» (Т. Марсель). С конца XIX века философами и социологами фиксировалась ситуация опасности для человека, которая воспринималась как чрезвычайный ее поворот «на перекрестке миров», как «агония» или последний шанс для человека, последний риск.

В современном обществе человеку продолжает угрожать рациональное основание его жизни, которое вместе с научно-техническим прогрессом становится всепроникающим и одновременно формальным, по сути, античеловеческим. В современном обществе практически все основывается на «формальной рациональности», на расчете – и техника, и образ мысли, и хозяйственная этика. Не является

исключением и наука. Опасность состоит в том, что под влиянием общих процессов качественные характеристики жизненных явлений и даже самого человека могут превратиться в количественные. Получается, что рационалистически ориентированное общество, где сама действительность лишена верховной ценности, всеобщего смысла, превращается в вечную войну несовместимых ценностных принципов. В таких условиях происходит «отделение истины – от добра и красоты…». И человек, выбирая ту или иную мировоззренческую установку, теряет, по сути, целостность существования, превращается в личность «расщепленную», рассогласованную с самим собой.

Отчаянную попытку защитить, отстоять личность и ее внутренний мир от бесцеремонных и бесчеловечных посягательств на него со стороны общества и государства, предприняли в XX веке философы экзистенциалисты, философия которых в общем плане стала надеждой на восстановление «целостного» мироощущения человека, целостной личности. В западноевропейской философии, благодаря идеям Э. Кассирера, М. Шелера, М. Хайдеггера, Э. Фромма и других, произошел «антропологический поворот», создавший предпосылки для развития новой парадигмы мышления.

Антропологический аспект важен и для русской философии, что неоднократно подчеркивалось авторами, ставившими своей задачей систематическое изложение истории отечественной философской мысли. На этот факт указывает В.В. Зеньковский, утверждая, что «русская философия ... больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях». В отличие от западноевропейской философии, интересовавшейся в большей мере проблемами мироустройства и бытия как такового или человеческой познавательной способностью самой по себе, русская философия с момента ее зарождения интересовалась больше проблемами человеческого бытия и постижения человеком его смысла. И одной из важнейших национальных особенностей русской философии можно выделить ее этико-социальную ориентированность.

Принято считать, что философская антропология имеет общие гносеологические корни с персонализмом. В персонализме предмет изучения очерчивается творческой субъектностью человека. Опираясь на знание о персонализме, человек может найти свою индивидуальность, и понять свою неповторимость и уникальность как субъекта. Сделать это можно только в обществе, в процессе коммуникации, когда в диалоге с другими людьми личность приобретает очертания персоны. Главные вопросы, поднимаемые персонализмом, это не только религиозно-этическая проблематика, но и независимость и этическое воспитание личности. Русский персонализм ориентировался, скорее, на диалектику индивидуального и социального в человеке, когда человек представляет собой одновременно и субъект, и объект жизнедеятельности.

Условия социальной жизни, характер общественных отношений вынуждают человека вести себя так, как обусловливают правила и обстоятельства социальной жизни. Участие индивида в общем жизненном процессе в качестве субъекта формируют в нем осознание меры ответственности как в выборе, так и принятии решения, обозначая тем самым личную его ценность. Становление личности это сложный, двусторонний процесс, в котором сталкиваются и воедино сходятся два противоположных и диалектически между собой связанных начала. Необходимая связь индивида с той или иной социальной группой, обществом, человеческой историей, миром, наконец, и – выделенность индивида из целого, тенденция независимости от него, противостояние ему ради «самосознания» и самореализации. Практически, это две неустранимо возникающие перед личностью необходимости, две ее жизненные задачи. Одна – реализация возможной в данных конкретно-исторических условиях личной свободы, осуществление самостоятельности (мышления и действия) и разностороннего развития индивидуальных задатков. И другая – обретение, установление, осознание связей личности с целым, та или иная общественная, ценностная ориентация личности, проявляющаяся в конце концов в форме персональной ответственности, нравственно и социально значимой, в форме ответственного поступка. В конечном итоге существо личности, ее целостность проявляют себя в нравственной ответственности, в разной ее степени, в разных ее формах: ответственность личности перед собой, перед другими, перед обществом.

Существующие в самой реальности подобные градации, очень продуктивно прослеживаются в отечественной философской и художественной литературе. Художественная литература очень тонко улавливает *эстетический* аспект формирования личности, ее особого, единичного положения в социальном пространстве, исходя из единственности, «незаместимости» ее положения в мире, в социуме, когда художник воспринимает каждого человека в качестве главного, неподменимого никем и невосполнимого ничем лицо [1, с.31]. В данном случае представления о личности, которые входят в

эстетический идеал художника в качестве важнейшей его составляющей, заключают в себе и оценку, и задачу, и осознание возможностей человека. Отечественная философская литература ориентировалась в большей мере на *этическое* в личности – на представление о нравственном, о должном, об ответственности.

Верно, что личностью не рождаются, личностью становятся (И. Кон) – и верно это не только по отношению к формированию отдельного человека, но и к истории всего человечества. Личность при всей ее сложности и бесконечности разнообразия проявлений, обладает известной внутренней определенностью и устойчивостью. Целостность личности, утверждают психологи, поддерживается и регулируется единством ее ценностных ориентиров, мировоззрения, жизненных целей, чувством ответственности. Ответственность гарантирует «внутреннюю связь элементов личности» [1, с. 5], а значит ее гармоничность и красоту.

В социальной философии к проблемам личности обращались многие отечественные философы, правоведы и даже юристы. В рамках философско-правовой проблематики они рассматривали не только вопросы соотношения личности и общества, но и вопросы воспитания и нравственного совершенствования личности.

Философская антропология Б.Н. Чичерина строится на признании того, что только в человеке есть «абсолютное значение нравственного начала». Чичерин явил собой редкий тип защитника свободы личности. Именно пафос свободы составляет руководящий мотив практически всей научной и публицистической деятельности Чичерина. Мыслитель требовал уважения к человеческому достоинству и независимости подчиненных от власть имущих. При этом от самих подданных он равным образом требовал признания в самих себе этого достоинства по отношению к власти.

Свобода личности для мыслителя служила краеугольным камнем всего правового порядка, всего государственного и общественного устройства. Человек для Чичерина является носителем Безусловного. Общество состоит из лиц, а потому лицо, естественно, составляет первый предмет исследования. Главными определяющими факторами человеческой жизни в общественном пространстве Чичерин считал разум и волю. И так как творит и чувствует не общество («безличное целое»), а человек, то все исходит и возвращается к человеку.

В творчестве П.И. Новгородцева присутствует философское обоснование не только усиления роли правового государства, его норм и законов, но также рассматривается тема достоинства личности, интересы которой представлены в его произведениях как главный приоритет в решении социальных проблем. В ранний период философ в большей мере уделял внимание нравственному совершенствованию личности, позднее он призывал к возвращению православных святынь для возрождения русского национального сознания. Религиозно-нравственная проблематика, на которую вышел в поздний период своего творчества Новгородцев, оказалась только заявленной и до конца не раскрытой, однако именно в ней прослеживается диалектика мировоззрения мыслителя: от социально-политического к национально-историческому.

Новгородцев обращался к личности как конкретной и своеобразной абсолютной ценности. В личности он видел смысл и цель прогресса. Под личностью мыслитель понимал универсальное духовное содержание, многообразно и индивидуально проявляющееся в каждом человеке и представляющее собой самостоятельную ценность. В нравственности философ видел тот источник неограниченного совершенствования, который способен приблизить человека к Абсолюту, и тот отличительный признак, благодаря которому каждый осознает себя уникальной и неповторимой личностью. Пытаясь ответить на вопрос: каким образом связаны между собой нравственное сознание отдельной личности и развитие целого общества, Новгородцев, по сути, определил путь к достижению общественного идеала, который рассматривал в качестве перспективы нравственного совершенствования всего человечества.

Ученик Новгородцева И.А. Ильин, продолжил и развил некоторые особенности философской антропологии в творчестве своего учителя. В творчестве самого же Ильина раскрываются различные аспекты социально-философской антропологии мыслителя. Ильин пытается решить задачу – духовного обновления человека, а также раскрывает духовные аспекты человеческой свободы. Согласно Ильину, человек, «нашедший свою свободу и утвердившийся в ней, знает, что никакие условия, ни внешние, ни внутренние, не могут отнять у него этой свободы; ибо оттого, что другие люди будут обходиться с ним, как с рабом, его свобода не угаснет, а только углубится до пределов внешней недосягаемости. Свобода не «дается», а «берется»; она берется духом, как его неотъемлемое достояние, и соблюдается им, как

неотчуждаемая святыня» [2, с. 773].

В творчестве Ильина оригинальная концепция человека представлена в контексте социально-философской проблематики, в рамках которой он рассматривает все аспекты социальной жизни индивида через призму «духовного обновления». Тема «духовности человека» очень важна для Ильина, он рассматривает ее как высшее предназначение человека.

Проблемы нравственной философии, идеи духовно-нравственного и правового воспитания в творчестве Ильина оказались вполне актуальными и для современности.

Литература:

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: 1979. С. 31.
2. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: 1979. С. 5.
3. Ильин И.А. И. Ильин. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2008. 912 с.

Персоналистический поворот в философии

Мелих Ю.Б.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, кафедра философии естественных факультетов, профессор. Доктор философских наук

yuliamelikh@yahoo.com

Аннотация: Заявленная тема раскрывается в трех аспектах: 1) Представлен культурно-исторический контекст, связанный с персонализмом в концепции циничного разума П. Слотердайка. Раскрывается диалектический возврат циничного разума к античному после прохождения через просвещенное фальшивое сознание диффузного циничного разума. 2) Рассматриваются формы знания, релевантные для сценического существования человека у В. Хогребе. На такую форму знания указывает Аристотель в Никомаховой этике, определяя ее «тактом снисходительности», включающей в себя благосклонное суждение, равное правде. Хогребе считает, что подобное суждение может означать мягкие требования к поведению и чуткость социального обхождения. 3) Предлагается трактовка философии через ее темперамент (У. Джеймс) и темперамент личности на примере С.М. Половинкина, А.В. Соболева. Делается вывод о том, что рост значения сценического существования человека, прослеживаемый в философском и культурном дискурсе, можно определить как персоналистический поворот, а также, о том, что осмысление современного состояния философских проблем в Европе на двести лет отстает от их осмысления в отечественной философии.

Ключевые слова: культурология, циничный разум, сценическое существование человека, мантический персонализм.

Personalistic Turn in Philosophy.

Melikh Yu.B.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Natural Science Faculties

Abstract: The stated topic is revealed in three aspects: 1) The cultural and historical context associated with personalism in the concept of the cynical mind of P. Sloterdijk is presented. The dialectical return of the cynical mind to the antique after passing through the enlightened false consciousness of the diffuse cynical mind is revealed. 2) The forms of knowledge that are relevant for the scenic existence of a person in W. Hogrebe are considered. Such a form of knowledge is indicated by Aristotle in Nicomachean Ethics, defining it as a “tact of indulgence,” which includes a favorable judgment equal to the truth. Hogrebe believes that such a judgment can mean soft demands on behavior and sensitivity of social interaction. 3) The interpretation of philosophy through its temperament (W. James) and personality temperament based on the example of S.M. Polovinkin and A.V. Sobolev is proposed. It is concluded that the increase in the importance of the scenic existence of man, traced in philosophical and cultural discourse, can be defined as a personalistic turn, and also that the understanding of the current state of philosophical problems in Europe is two hundred years behind their comprehension in Russian philosophy.

Keywords: cultural studies, cynical reason, scenic existence of man, mantic personalism.

1) В современном философском дискурсе рассматриваются концепции, указывающие на персоналистический поворот. В данном контексте особенное значение имеет его история, которая ставится под сомнение с точки зрения ее рациональности, но без ее деконструкции и иррационализации. Петер Слотердайк рассматривает историю с позиции системного проявления в ней циничного разума. При этом он ищет связь между образом человека и представляемой им философией и тем самым персонифицирует ее. С одной стороны, история еще остается в сфере объективного духа истории, но не «хитрого», а циничного разума, с другой – история обретает лицо. Выясняется в какой форме циничный разум проявляет себя сегодня. Слотердайк напоминает, что античность знает циника, т.

е. киника, «как одинокого сыча, провоцирующего своеумного моралиста», умело использующего публичное пространство для демонстрации своей позиции. Диоген в бочке становится прототипом циника, который представляет «дистанцированного насмешника, едкого и злого индивидуалиста, который делает вид, что ему никто не нужен, и который никем не любим, поскольку он никого не оставляет уцелевшим от своего цепкого обличающего взгляда» [1, S. 34]. Появление циника в городской культуре для Слотердайка не случайно: «Его „циничный“ поворот (Kehre) против высокомерия и моральных производственных тайн высшей цивилизации предполагает город с его успехами и тенями» [1, S.34]. Циник возникает как обратная сторона культуры и входит в нее как «негативный профиль». Он кристализируется в общественной молве и ее любви-ненависти, становясь ее неотъемлемой частью. Слотердайк описывает присутствие циника и в современном обществе, которое научилось обращаться с нигилистами и индивидуалистами, интегрируя их. В результате констатирует Слотердайк: «Мужчина с ясным „злым лицом“ растворился в массе; анонимность только становится большим пространством циничному отклонению. Современный циник – это интегрированный асоциальный тип...» [1, S.36], который считает себя просвещенным по отношению к негативным сторонам общества и уверен в том, что его не проведут. Такую установку Слотердайк называет диффузным цинизмом и утверждает, что все ключевые позиции современного общества заняты такими циниками. Состояние современного общества, в котором проявляет себя современный цинизм, определяется как «просвещенное фальшивое сознание» или «модернизированное „несчастное сознание“ [курсив мой – Ю. М.]» [1, S.37]. Нами утверждается, что в современном обществе осуществляется поворот от диффузного цинизма к первоначальному античному цинизму с его цепким обличающим «злым взглядом». Это своего рода диалектический возврат, который хорошо иллюстрирует сидящая на площади одинокая фигура Греты Тунберг. Цинизм теряет анонимность, приобретая лицо, но опять же подвергается опасности интеграции, он преодолевается только сильной личностью, героизмом. Время жаждет геройствовать. Такой возврат трактуется как поворот к персонализму, поскольку выявляет значимость не роли идей или ценностей в обществе, а роли единичной деятельной личности. Просвещенное фальшивое сознание получает шанс к утере анонимности и приобретению лица, шанс к персонализации истории.

2) Тема роли личности в истории перекликается с темой значения сценического существования человека, а следовательно проникает в эстетическую сферу. Значение эстетической формы жизни, но не как проявления цинизма, а снисхождения *(*или совестливости) рассматривается в эстетико-этической концепции современного немецкого философа Вольфрама Хогребе. Он ищет «сценически релевантные» «формы знания»: «В сегодняшнем обществе полностью опустошенного индивидуализма, которое еще охотно называют „постгероическим“..., – констатирует Хогребе, – изчезает обходительность, обязательства воспринимаются как чересчур», что делает «невостребованными» и такие «формы знания, которые имеют сценическое значение в смысле музыкальной гармонии» [2, S. 11]. Теряется чувствительность к нюансам, к изысканности, к полутонам и намекам в обхождении, они просто пропадают со сцены человеческого существования. Хогребе известный специалист в поиске слабых неформальных познавательных форм, таких как «предположение», «предчувствие», «наитие», он отталкивается от античного понятия «мантика» как «компенсационного феномена» для утерянной «руководимой инстинктом трактовки мира» [3, S.18]. В книге «Рискованная близость жизни. Сценическое существование человека» Хогребе обращается не только к мантическим формам и типам познания, а к 6-й книге Никомаховой этики Аристотеля: «Совестливость же – это умеющая судить совесть доброго человека, причем судить правильно, а правилен [этот суд], когда исходит от истинно [доброго человека]» [4, с. 184-185] (отрывок 1143a20, который здесь и далее приводится в принятом русском переводе). Особому рассмотрению подвергается слово «тактичность» (или «умение судить»), которое имеет «раскрывающую ценность» для трактовки единства знания и поведения. «Формы обхождения должны предьявлять консонантное качество, как мы его практикуем, напр., при совместном занятии музыкой» [2, S.9]. Именно это значение обхождения является формой, предполагающей как предупредительность, так и суверенность, что и подразумевается Аристотелем. Снисходительность мыслится Аристотелем и как «разумность» [4, с. 182] (отрывок 1142b). Для Аристотеля, отмечает Хогребе, такие поведенческие образцы представляют собой собственный тип все пронизывающего познания, который он называет «гномическим»: «Поэтому недоказательным утверждениям и мнениям опытных и старших <или рассудительных> внимать следует не меньше, чем доказательствам. В самом деле, благодаря тому, что опыт дал им „око“, они видят [все] правильно» [4, с.186] (1143b10). Такое понимание знания является, по Хогребе, составной частью «социальной чуткости, которая обладает своим собственным нормативным профилем в форме мягко действущих ценностей предупредительности и снисходительности. Именно таких, которые характеризуют и совместную музыкальную игру» [2, S.10]. Это «мягкие добродетели», которые имеют «слабую обязательную форму» и значение которых понимается и принимается не только опытными, старыми и знающими людьми, но и молодыми. Обращение к этике, к мягким добродетелям, сохраняющим суверенность и индивидуальность личности и одновременно указывающим на необходимость проявления социальной чуткости, трактуется, опять же, как поворот к персонализму.

3) Современное состояние исследований по персонализму рассматривается на примере анализа взглядов отечественных философов, которые предметом исследования выбрали персонализм, а также использовали мантику для трактовки философии, усиливая тем самым персоналистическую близость ее предмета и познания. Мы отталкиваемся от определения У. Джеймсом «темперамента как фактора всякого философствования». Он различает два интеллектуальных типа: мягкий (tender-minded) и жесткий (tough-minded), к первому относятся «рационалист (руководствуется „принципами“), интеллектуалист, идеалист, оптимист, верующий, сторонник свободы воли, монист, догматик». Ко второму – «эмпирик (руководствуется „фактами“), сенсуалист, материалист, пессимист, неверующий, фаталист, плюралист, скептик» [5, с.212]. К этой типологизации Джеймс добавляет, что представители этих типов всегда имеют низкое мнение друг о друге: «„Жесткие” думают о „мягких“, что они сентиментальны и изнеженны. „Мягким“ „жесткие“ кажутся тупыми, грубыми, неотесанными» [5, с.213]. Если бы вы были свидетелями бесконечных стычек «мягкого» Альберта Васильевича Соболева с «жестким» Владимиром Федоровичем Пустарнаковым в секторе русской философии в Институте философии, то вы согласились бы и с замечанием Джеймса о том, что, «если только имелись налицо люди с сильно выраженными темпераментами», то их антагонизм «составлял часть философской атмосферы своего времени» [5, с.213]. Именно созданием такой атмосферы и притягивали к себе Альберт Васильевич Соболев и Сергей Михайлович Половинкин. Хотя оба и относились к «мягким» темпераментам в философии, они всегда иронично отзывались о философствовании друг друга. Альберт Васильевич мыслил в мантическом пространстве философии, а Сергей Михайлович оставался преданно верным цитатам первоисточников как фактам. Для Соболева Половинкин был позитивистом, для Половинкина Соболев – создателем философских туманностей и облачков. Подтверждение тезиса о персоналистическом повороте ярче иллюстрирует философствование Альберта Васильевича. К ней можно отнести такую же характеристику, которую он дает философии Семена Франка: «Живая многомерная реальность постигается ... только в том случае, если язык философа приобретает одновременно и терминологическую точность, и художественную выразительность, т. е. труд философа должен уподобиться творчеству поэта, а философия, не порывая связи с наукой, должна стать поэзией мысли. Глубину реальности выражают, по мысли Франка, не сами идеи, а возникающие в процессе философского творчества композиции идей, сама стилистика движения творческой мысли» [6, с.8]. Альберт Васильевич всегда находился в поиске такой выразительности для философии. При всей близости позиций Соболева, Франка и Хогребе есть и отличие. Оба Франк и Хогребе «мыслят о», ищут, выявляют, рассматривают мягкие познавательные формы, Соболев же мыслит ими, он сам ближе к поэтам-философам. Он изучает творчество Ф.А. Степуна – теоретика артистической души, одаренного писателя, и опять же С.Л. Франка – теоретика непостижимого. Ему близок Е.Н. Трубецкой за критику аналитической струи у Вл. Соловьева. Соболев ненавидит со всем своим темпераментом Л. П. Карсавина за, опять же, по его мнению, тевтонизм, т. е. отвлеченность мысли, свойственную немецкой философии. Но объективная ирония состоит в том, что именно современный немецкий философ Вольфрам Хогребе находит определение философствованию Альберта Васильевича, которое можно назвать «мантическим персонализмом». Отечественная философская мысль, как оказывается, справедливо предвещала те проблемы, с которыми сталкивается сегодня европейская философия. Сегодня она очень плодотворно входит в современный западный философский дискурс, связанный в первую очередь с эстетической составляющей человеческого существования, в течение двухсот лет предлагая персонализм, на который указывают авторы, пытающиеся осмыслить современность.

Литература:

1. Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. Vol. 1. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1983. 401 p.
2. Hogrebe W. Riskante Lebensnähe. Die szenische Existenz des Menschen. Berlin: Akademie Verlag, 2009. 154 p.

3. Hogrebe W. Metaphysik und Mantik. Die Deutungsnatur des Menschen (Système orphique de Iéna). 2nd ed. Berlin: Akademie Verlag, 2013. 311 p.
4. Аристотель. Никомахова этика / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4 / Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 53-293.
5. Джеймс У. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии // Джеймс У. Воля к вере / Пер. с англ. Сост. Л.В. Блинников, А.П. Поляков. М.: Республика, 1997. С. 207-324.
6. Соболев А.В. Философ –мудрец (О своеобразии философии С.Л. Франка) // Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. М.: Факториал, 1998. С. 5-13.

Мироисполнение в структуре человеческого бытия в метафизическом проекте С.Л. Франка.

Назарова О. А.

Институт персонального тренинга и консультирования (Мюнхен, Германия), доцент. Доктор философии

ap-image@mail.ru

Аннотация. В докладе указывается на особое значение христианской метафизики в актуализации вопроса о сущностном своеобразии человеческого бытия в XX веке. На примере философии С.Л. Франка показывается, что в фокусе «новой» метафизики находится реальный, конкретный человек, бытие которого должно быть рассмотрено не предметно, но как исполнение. Останавливается внимание на одном из основных аспектов учения Франка о непосредственном самобытии — способности человеческого бытия к трансцендированию во-вне, к миру, т.е. на его мироисполненности. Раскрывается содержание франковской аналитики понятия «мир». Исследуются причины возрастающей роли понятия «мир» в поздних произведениях философа, а также «драматичности» его понимания. Высказывается тезис о возможном влиянии М. Хайдеггера на определение мира как сущностно чуждого человеческому бытию. Указывается, что в решении проблемы взаимоотношения самобытия и мира Франком использованы основный принцип его философского мышления — антиномистический монодуализм, который позволяет говорить о необходимости мироисполнения человеческого бытия и даже о богоисполненности мира.

Ключевые слова: С.Л. Франк, новая метафизика, антропология, непосредственное самобытие, трансцендирование, мир, мироисполнение, богомирность

The world execution in the structure of the human being in the metaphysical project of S.L. Frank.

***Nazarova O.*A.**

Institute of a personal training and consulting (Munich, Germany)

Abstract. The lecture points to the importance of Christian metaphysics in updating the question of the unique nature of human being in the 20th century. The example of S.L. Frank´s philosophy shows that the focus of «new» metaphysics is on a real, specific person. It´s being should not be considered as a substance, but as an execution. The attention is drawn to the immediate selfbeing, which is one of the main aspects of Frank´s teaching. It means the ability of the human being to transcend outwardly, to the world, i.e. his world execution. This lecture will analyse what Frank means by the concept of «World». One investigates the reasons, why the concept «World» wins in meaning in Frank´s late work and why it is «dramatically» indicated. The theory is pronounced that the world is defined one that is substantially foreign to the human being and that this is due to the influence of Martin Heidegger´s work. It is pointed out that this basic principle of Frank´s philosophical thinking found his application in the solution to the problem of the connection of selfbeing and the world. This justifies the theory that there is a need for world execution of the human being as well as the God´s worldliness of the world.

Keywords: S.L. Frank, new metaphysics, anthropology, to the immediate selfbeing, transcendency, world, world execution, the God´s worldliness

1. В своем исследовании «Стремление к изначальному», размышляя о возможности метафизики в наши дни, немецкая исследовательница Адриенне Дюннбир приходит к заключению о том, что в настоящее время позитивный интерес к метафизике проявляется преимущественно в немецкоязычном мире [1]. Однако если расширить горизонты восприятия и рассмотреть «проблему» метафизики в рамках интеркультурного подхода, то оказывается, что стремление к метафизике — это вовсе не «типично немецкое» явление. К одному из высших достижений русского философского мышления XX столетия

относится «русская религиозная философия», которая по своему существу является метафизической философской традицией, одним из наиболее значимых представителей которой был Семен Людвигович Франк. Его творчество — это прямое доказательство того, что метафизика отнюдь не тождественна пустой спекуляции и чистой игре мысли, но зачастую первична в *постановке* и *решении* актуальных философских проблем. В XX веке именно христианская метафизика с особой остротой подняла вопрос о сущностном своеобразии человеческого бытия, которое есть бытие личностное, персональное. И именно учение о человеческом бытии является вершиной «новой метафизики» С.Л. Франка, которая синтезирована вокруг исследования человеческого бытия, когда *антропология* начинает играть центральную и системообразующую роль, а онто-гносеологические рассуждения используются в качестве методологии для раскрытия специфики человеческого бытия [см.: 2]. Стремление разработать учение о *конкретном* человеке в качестве необходимой составной части метафизики отличает «проект» Франка как от догматической метафизики, которая не принимала во внимание реального человека и являлась воплощением опредмечивающего мышления, так и от Канта, который хотя и определял вопрос «Что такое человек?» как основной вопрос любой философии, но все же ответил на этот вопрос слишком абстрактно, поскольку он редуцировал конкретного человека к его познавательной способности. Говорить о человеке в его конкретности, не опредмечивая его при этом, означает, говорить о нем как об *исполнении* или, точнее, как о *непосредственном самобытии*.

2. Будучи конкретным, живым и духовным существом, человек противостоит любому ограничению. Самобытие человека всегда стремится к тому, чтобы выйти за границы самого себя. В ином случае мы имеем дело с «заболеванием, именно с *безумием*» [3, с. 343]. Таким образом человек есть трансценденция. Эта открытость человеческого самобытия в трансцендировании для нас столь существенна, что именно там, где наша душа «добровольно раскрыта для мирного соприкосновения с трансцендентным» [3, с. 405-406], мы обретаем «прочную основу» и достигаем «тем самым своей подлинной цели» [3, с. 343]. Здесь мы имеем редкое, кажущееся почти парадоксальным состояние: чем больше мы трансцендируем себя, тем больше мы актуализируем свое собственное бытие.

3. Реальное трансцендирование человеческого самобытия осуществляет себя в двух направлениях — «*во-вне*» и «*во-внутрь*». «*Мир*», встречаемый человеком в его трансцендировании «во-вне», с точки зрения Франка, являет собой квинтэссенцию всего того, что сущностно чуждо человеку как таковому. В «Непостижимом» мы даже встречаем утверждение, что «„мир“ не есть ни естественная родина „души“, ни ее „переживание“ и что „бытие-в-мире“ [„*мироисполнение*“ — О.Н.] есть, напротив, тяжкая, горькая *судьба* души» [3, с. 417]. Человек обнаруживает себя как заброшенный-в-этот-мир и, достигая подлинного самосознания, «роковым образом сознает свое одиночество, свою бесприютность в составе объективной действительности», свою обреченность в нем «соучаствовать» и ей «подчиниться» [4, с. 180-181]. *Мир не может отождествляться с предметным бытием.* Это бытие есть лишь ограниченная и отнюдь не важнейшая часть того, что может быть постигнуто как «мир». *Мир также не является тем, что просто находится вне человека.* Мир есть объективная реальность, которая понимается в широком смысле слова. Она представляет собой все, что противостоит человеку. Франк даже использует выражение «холодная объективная действительность», «которую мы испытываем как силу, противодействующую интимным запросам нашего духа» [4, с. 181], которая может выступать не только как предметный мир, но также и как «мир человеческого общества и общения» и даже как «слепые силы» в самом человеке, которое «одолевают» его [там же]. Мир есть «единство *фактически* „данного“ или „предстоящего“ нам, как бы „навязывающегося“ нам, — единство внутренне непрозрачной, *извне* подступающей к нам и захватывающей нас реальности» [3, с. 524]. Он выступает передо мной и воздействует на меня как нечто «*неперсональное*», как «*Оно*», «нечто, что само, есть некое „Оно“ и есть лоно и источник всего, что является, нам как „оно“» [там же]. И в этом смысле он противостоит человеку, который есть *личность*. Еще один аспект, отличающий мир от человеческого бытия, состоит в том, что *мир лишен смысла*. Мир именно «в своем „*мирском*“ начале резко отличается от всего „осмысленного“, т.е. от самого Первоначала как „Смысла“, именно своей неосмысленностью, *своей индифферентностью к Ценности и Правде*» [3, с. 523] [i]. Итак, по мнению Франка, мир объективно противостоит внутреннему, осмысленному и личностному бытию человека, он лишен внутренней осмысленности и может являться нам как в форме предметной или социальной действительности, так и в форме «чуждости» в нас самих. Однако, Франк вступил бы в противоречие со своим собственным философским мышлением, в основе которого лежит принцип антиномистического монодуализма, если бы он ограничился констатацией радикального отличия между самобытием и миром. Философ указывает на «динамический элемент непосредственного самобытия», который «направлен при этом и вовне» [3, с. 345]: «Присущая непосредственному самобытию противоположность между его собственной, внутренней безграничностью и внешней ограниченностью проявляется в стремлении воспринять „внешнее“, „иное“ в себя, подчинить его себе, или прислониться, прильнуть к нему, или бороться против него, ограждать себя от него. В силу этого непосредственное самобытие есть вместе с тем *бытие-в-мире, бытие-с-миром*» [там же]. В живом целостном опыте мы ощущаем последнее и непостижимое единство этих обоих миров.

4. Мир в некотором отношении родственен человеку, поскольку он все же представляет собой отдаленное подобие абсолютной реальности. Франк выражает факт укорененности мира в реальной первооснове бытия в понятии «*богомирности*» и описывает ее следующими образом: «Здесь, в этой последней глубине, […] я нахожусь в исконном единстве с миром; разлад преодолен, два разнородных мира сливаются в одну общую реальность. Тогда я сознаю, что я не только изгнанник, брошенный в чуждый мир, но сам принадлежу к миру, *потому что он принадлежат ко мне*. […] „Мир“ — во всем его облике темной *фактичности и безличности — потенциально человечен*, есть потенциальная человечность, потому что через его основанность в Боге он связан с началом *человека* и даже совпадает с ним» [3, с. 527]. Понятие «мир» приобретает особый статус в поздних произведениях Франка, в первую очередь в «Непостижимом», где происходит трансформация его содержания. Здесь мир рассматривается вне привязки к конкретным областям бытия — предметной или духовной, но как особая модальность бытия, которая характеризует все *неперсональное*, чуждое человеку. Мир описывается в его особой феноменальности, в соответствии с его влиянием на человеческую экзистенцию. То значение, которое отводится понятию «мир» в «Непостижимом» становится понятным, если принять во внимание замечание Петера Элена о том, что данная работа может рассматриваться в качестве *контр-проекта* к «Бытию и времени» [5, с. 7]. Трагичность в описании «мира» со стороны Франка можно объяснить влиянием Хайдеггера, его представлений о мире как заботе, заброшенности. Франк преодолевает Хайдеггера благодаря тому, что он, с одной стороны, признает чуждость мира в отношении к человеку, а, с другой стороны, утверждает, что человек в этом чуждом ему мире находит проблески истинного, ему сродного бытия. Франк осуществляет *религиозное* осмысление мира, что отличает его от Хайдеггера. Мир изначально грешен, т.е. сущностно ошибочен, что означает, что «святыня богочеловечества» никогда не осуществляется в нем полностью. «Мир должен без остатка войти и, преобразившись, *вместиться* в богочеловеческое бытие, но он не может и не должен *вместить его* в себя, в ограниченные пределы и искаженные формы, присущие ему, как таковому», — пишет Франк в своей статье «Церковь и мир, благодать и закон» [6, с. 7]. Никогда нельзя рассчитывать на исполнение в мире как общественного идеала, так и конкретных идеалов отдельной личности. Осознание этого факта полагается в основу трагичности человеческого существования в мире, которая находит свое выражение в чувстве общей вины за существование греха. Однако «и всякое „огульное“ отвержение мира, как какого-то „исчадия адова“, всякое отрицание его божественных корней и потому его „Богоподобия“ в конечном счете ведет к потере самого религиозного сознания, к слепоте в отношении самой сверхбытийственной реальности Бога» [6, с. 523]. Так хайдеггеровский трагизм в восприятии мира может быть преодолен его теологическим переосмыслением.

i Курсив мой – О.Н.

Литература:

1. Dünnbier A. Das Verlangen nach Prinzipiellem. München: A. Dünnbier, Norderstedt: Books on Demand, 2001. 419 p.
2. Назарова Оксана. Метафизика с человеческим лицом: о философском проекте раннего Франка // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2016-2017 годы. М.: Модест Колеров, 2017. С. 144-166.
3. Франк С.Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 181-559.
4. Франк С. Л. Реальность и человек. СПб.: Издательство РГХИ, 1997. 440 с.
5. Элен П. «Мыслящее переживание» — Об онтологии религиозного опыта Семена Л. Франка / Пер. с нем. Оксаны Назаровой // Мысль. 2014. № 16. С. 7-18.
6. Франк С.Л. Церковь и мир, благодать и закон (к проблеме «оцерковления») // Путь. 1927. № 8. С. 3-20.

К вопросу о «христианском персонализме» П. А. Флоренского

Павлюченков Н. Н.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, доцент кафедры миссиологии. Кандидат философских наук

npavl905@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трактовки «христианского персонализма» в философии и богословии. Отмечается, что при рассмотрении религиозно-философского наследия П. А. Флоренского необходимо учитывать его ориентацию на «цельное знание», в котором должен быть дан синтез философских и богословских подходов к различным вопросам бытия мира и человека. Поэтому в данном случае требуется принимать во внимание также и те аспекты его наследия, которые могут быть определены как преимущественно богословские. С этой точки зрения оценивается концепция «христианского персонализма», которую развивал один из ведущих исследователей русской философии С. М. Половинкин. В статье обращается внимание на учение Флоренского о двух началах в Боге и в человеке, в котором Флоренский утверждал равновесие «личности» и «природы» и необходимость их гармонического сочетания. Делается главный вывод о том, что это учение не позволяет признать Флоренского представителем персонализма.

Ключевые слова: Флоренский, Половинкин, персонализм, философия, богословие, личность, природа.

On the question of “Christian personalism” by P. A. Florensky.

Pavliuchenkov N. N.

St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities, Department of Missiology

The article discusses the features of the interpretation of “Christian personalism” in philosophy and theology. It is necessary to take into account the concept of “whole knowledge” by P. A. Florensky. This concept should provide a synthesis of philosophical and theological approaches to various issues of the world and human existence. Therefore, in this case, it is also necessary to take into account those aspects of his legacy that can be defined as predominantly theological. From this point of view, the concept of “Christian personalism” is evaluated, which was developed by S. M. Polovinkin, one of the leading researchers of Russian philosophy. The article draws attention to Florensky’s teaching about two principles in God and in man. In this teaching, Florensky asserted the balance of “personality” and “nature” and the need for their harmonious combination. The main conclusion is made that this doctrine does not allow us to recognize Florensky as a representative of personalism.

Keywords: Florensky, Polovinkin, personalism, philosophy, theology, personality, nature.

Сформировавшееся в философии понятие «христианского персонализма», как известно, характеризуется, прежде всего, представлением о непреходящей и исключительной ценности человеческой личности. В ставших классическими исследованиях по истории русской философии к персоналистам обычно причисляются Н. А. Бердяев, Л. М. Лопатин, А. А. Козлов, Н. В. Бугаев и др. (см. [1, с. 80]; [2, с. 206-211]); при этом о фундаментальном личностном измерении христианства писали и сами авторы этих исследований – В. В. Зеньковский и Н. О. Лосский. В XX веке, главным образом, под влиянием работ В. Н. Лосского, сформировалось направление богословского персонализма, в котором постулируется «независимость личности от природы» [3, с. 87], причем термин «личность» употребляется как синоним богословского понятия «ипостась», а «природа» - как синоним богословских понятий «усия», или «сущность.

Одно из первых проявлений этого учения в отечественном богословии прот. Павел Хондзинский обнаружил в «Лекциях по введению в круг богословских наук» (1888-1889) епископа Михаила (Грибановского). Сам епископ Михаил, по мнению прот. Павла, достаточно вольно интерпретировал святоотеческие тексты, полагая, что св. Отцы признавали в Боге два «самостоятельных начала» и далее утверждал, что «личность есть как бы… высшее выражение самой Божественной природы, дошедшей… как бы до самосознания» [4, с. 118-119]. Этим закладывались основы развившегося в XX веке учения о примате «личности» («ипостаси») нал «природой» («сущностью»).

Эти процессы происходили в области пересечения философского и богословского дискурсов и должны быть учтены в исследованиях трудов П. А. Флоренского, пытавшегося в своем творчестве воплотить идеал «цельного знания», в котором философия находит свой органический синтез с богословием и точными науками. Как представляется, именно односторонний подход к Флоренскому (чаще всего – только как к философу) вызывает определенные недоразумения и саму полемику относительно персоналистического или не персоналистического характера его философии. К первому выводу, как известно, пришли С. М. Половинкин, зарубежные исследователи Р. Слезинский и М. Аксенов-Меерсон. Противоположные утверждения можно отметить, например, у К. Г. Иусупова [5, с. 22] и С. С. Хоружиего [6, с. 533]. Оживленная дискуссия по этому поводу возникала на Международном симпозиуме в Потсдаме в 2000 г. [7, с. 171-173].

С. М. Половинкин - один из крупнейших исследователей отечественной философской мысли - на протяжении многих лет совместно с игуменом Андроником (Трубачевым) занимался изданием и изучением трудов П. А. Флоренского. Наследию Флоренского посвящены несколько статей и две монографии Сергея Михайловича, из которых последняя в самом своем названии заключает его основной вывод и убеждение. В работах Флоренского Половинкин уверенно нашел «христианский персонализм», под которым он понимал концепцию, полагающую бытие состоящим из сотворенных Богом монад, открытых друг другу и взаимодействующих друг с другом в подвиге жертвенной любви. В таком взаимодействии они образуют «соборное единство», само также являющееся сложной монадой-личностью [8, с. 8-11]. В такой концепции излишне говорить о примате личности, поскольку здесь, по существу, ничего, кроме монад-личностей вообще не существует. Называя именно это «христианским персонализмом», Сергей Михайлович далее выявлял особенности обнаруженного им у Флоренского «русского персонализма» (понятие «личность» шире совокупности человеческих личностей, существует иерархия соборных личностей и одушевленных организмов и т. д.).

На первый взгляд, выводы Сергея Михайловича о наличии такого персонализма у Флоренского можно подтвердить на материале «Столпа и утверждения Истины», где Флоренский, действительно, как будто наблюдает в тварном бытии только совокупность «идей-монад», которые являются обожженными личностями. Здесь Флоренский обходит вниманием вопрос о наличии у твари своей собственной природы («сущности»). В системе «Столпа и утверждения Истины» тварь единосущна благодаря своему причастию Божественной сущности, без чего она претерпевает онтологический распад. Но уже в более поздних лекциях (по «Философии культа») Флоренский ведет разговор о соотношении в твари ее собственной сущности и тварных «ипостасей», которое, по его мысли, должно быть приведено в такую же гармонию, какая существует в Божественном Триединстве [9, с. 136]. Здесь представлена уже не какая-либо вариация монадологии, а четкая, претендующая на одновременно философскую и богословскую значимость, концепция гармонического «равновесия» в твари двух начал – личностного и природного («усийного» или «сущностного» в богословском смысле этих понятий). И, на самом деле, то же самое, только в отношении к Богу, говорил Флоренский уже в «Столпе и утверждении Истины».

В христианском богословии догмат о Божественном Триединстве выражается в терминах наличия в Боге единой природы (сущности) в Трех ипостасях или Лицах. При этом синонимичность терминов «ипостась» и «личность», на чем в отечественном богословии с особой силой стал настаивать В. Н. Лосский, не является общепризнанной. Обозначение Божественных Ипостасей как «Личностей» вошло в учебники догматики, но до сих пор периодически вызывает критику [10, с. 47-74]. Но собственно богословский персонализм характеризуется не только этим, по мнению критиков, достаточно опасным для богословия терминологическим произволом (Божественные Лица обозначаются термином, взятым из психологии). Признанием независимости «личности» от «природы» («сущности») и утверждением примата «личности» над «природой» нарушается свойственное святоотеческой Триадологии «равновесие» сущностного (природного) и испостасного начал в Боге. И если сам В.Н. Лосский выражался иногда еще достаточно осторожно, утверждая, что «личность определяет природу», то его последователи в этом отношении пошли гораздо дальше [11 с. 435].

Обращаясь в этом контексте к позиции, заявленной Флоренским в «Столпе и утверждении

Истины», в ней можно найти только решительное и подчеркнутое отрицание даже того различения в Боге сущности и ипостасей (как «общего» и «частного»), на которое решился свт. Василий Великий. Флоренский полагает, что догматически выверенное «равновесие» двух начал в Боге удалось сохранить только свт. Афанасию Великому. В «Столпе и утверждении Истины» Флоренский не только не поддерживает мысль о какой-либо «самостоятельности» этих начал, но настаивает на их антиномическом тождестве-различии, при котором допустимо полагать, что «сущность и ипостась» – «одно и то же» [12, с. 49]. Эти понятия, по утверждению Флоренского, в христианском догматическом определении различаемы лишь для того, чтобы «выразить невыразимую тайну Троичности», чтобы «верою победить рассудок», но «содержательно, по своему логическому значению» ипостась остаётся решительно тем же, что и «усия» (сущность).

Несмотря на заимствованные у В. Соловьева (а фактически – у Шеллинга) попытки объяснить «процессы», происходящие в «Триедином Субъекте Истины», Флоренский, как следует констатировать, все же оказался более чутким к апофатическому подходу, чем персоналистическое богословие XX века. В конечном итоге он не только исключил из употребления термин «личность» по отношению к Богу и тем самым подчеркнул принципиальное различие между Божественными Ипостасями и тварными личностями, но и также не допустил в Триадологии возможности говорить о какой-либо онтологической первичности Ипостасей или Сущности по отношению друг к другу. Указывая на антиномический характер различения «сущности» и «ипостаси», но выделил здесь тайну, не разрешимую до конца человеческим разумом в условиях его земного существования.

Поэтому, несомненно, что с такой, - богословской, - точки зрения на персонализм, Флоренский никогда персоналистом не являлся. И такая, - не персоналистическая, - позиция проявляется уже в том самом «Столпе и утверждении Истины», где С. М. Половинкин находил основные свидетельства наличия «христианского персонализма» Флоренского.

Литература:

1. Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1991. 256 с.
2. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
3. Хондзинский П., прот. Александр Емельянович Светилин и его ученики // Рождение персонализма из духа Нового времени. Сборник статей. М.: ПСТГУ, 2018. С. 67-88.
4. Грибановский М., еп. Сочинения. Письма. Жизнеописание. М., 2011.
5. Иусупов К. Г. Павел Флоренский: наследие и наследники // П. А. Флоренский: Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 8-32.
6. Хоружий С. С. Философский символизм П. А. Флоренского и его жизненные истоки // П. А. Флоренский: Pro et contra. Антология. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 521-553.
7. Хоружий С. С. Творчество о. Павла Флоренского и наши дни // Вопросы философии. 2001. №. 7. С. 171 - 173.
8. Половинкин С. М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015. 368 с.
9. Флоренский П., свящ. Философия культа (Опыт православной антроподицеи). М.: Мысль, 2004. 684 с.
10. Шичалин Ю. А. О понятии «личности» применительно к триединому Богу и Богочеловеку Иисусу Христу в православном догматическом богословии // Вестник ПСТГУ. 2009. № 1 (25). С. 47 - 74.
11. Лурье В. М. Послесловие // Мейендорф И., прот. Жизнь и труды свт. Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1997. С. 433 - 450.
12. Флоренский П. А. Сочинения. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. 479 с.

Влияние В.Н. Карпова и о. Феофана (Авсенева) на философию русского платонизма

Ряполов С.В.

Шуйский филиал Ивановского государственного университет, соискатель кафедры культурологии и изобразительного искусства историко-филологического факультета

sergey.riapolov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается философия платонизма как источник оригинальных философских систем выпускников Воронежской духовной семинарии и Киевской духовной академии проф. В.Н. Карпова и архим. Феофана (Авсенева). В.Н. Карпов, опубликовавший и прокомментировавший первый профессиональный перевод на русский язык сочинений Платона, выстроил самостоятельную философскую систему, которую можно рассматривать как основание русского метафизического персонализма. Основополагающую роль в философской системе о. Феофана (Авсенева) играет вопрошание о человеке, приобретающее у него глубокое нравственное измерение. В.Н. Карпов и о. Феофан (Авсенев) оказали существенное влияние не только на духовно-академическую философскую традицию, но и на самобытную русскую религиозно-философскую культуру XIX века.

Ключевые слова: русский метафизический персонализм, русский платонизм, духовно-академическая философская традиция, Воронежская духовная семинария, В.Н. Карпов, архимандрит Феофан (Авсенев).

Influence of Professor Vasily Karpov and Archimandrite Theophan (Avsenev) on the philosophy of Russian Platonism.

Ryapolov S.V.

Shuya Branch of Ivanovo State University, Department of Cultural Studies and Fine Arts

Abstract. The article considers the philosophy of Platonism as a source of original philosophical systems of graduates of the Voronezh Theological Seminary and the Kiev Theological Academy, Professor V. N. Karpov and Archimandrite Theophan (Avsenev). Russian philosopher V. N. Karpov, who published and commented on the first professional translation of Plato's works into Russian, built an independent philosophical system that can be considered as the Foundation of Russian metaphysical personalism. A fundamental role in the philosophical system of Archimandrite Theophan (Avsenev) is played by questioning about a person, which acquires a deep moral dimension. V. N. Karpov and Archimandrite Theophan (Avsenev) had a significant impact not only on the theological and academic philosophical tradition, but also on the original Russian religious and philosophical culture of the XIX century.

Keywords: Russian metaphysical personalism, Russian Platonism, theological and academic philosophical tradition, Voronezh Theological Seminary, V.N. Karpov, Archimandrite Theophanes (Avsenev).

История Воронежской духовной семинарии неразрывно переплетена с биографиями многих ярких и самобытных мыслителей, оказавших влияние на русскую литературу, богословие, русскую философскую культуру. В 1821 г. семинарию окончил философ, поэт В.Н. Карпов – автор первого профессионального перевода на русский язык сочинений Платона, опубликованного в 6 томах с комментариями самого переводчика. А спустя восемь лет, в 1829 г. ту же семинарию окончил религиозный мыслитель, богослов, философ, архимандрит Русской православной церкви Феофан (П.С. Авсенев) [1], чья философская система может быть рассмотрена как попытка выстроить на основании платонизма собственное, оригинальное философское учение. Нужно отметить, что на философское образование в Воронежской семинарии особенно сильное влияние в то время оказал протоиерей, профессор философии И.Я. Зацепин, слушавший в Харькове лекции И.Б. Шада. После обучения в семинарии оба поступили в Киевскую духовную академию, которую В.Н. Карпов окончил в 1825 г., а П.С. Авсенев в 1833 г.

В.Н. Карпов, являясь автором большого числа самобытных и оригинальных философских текстов, оказал значительное влияние на русскую религиозно-философскую мысль XIX в. Его философские заслуги высоко оценивали В.Г. Белинский, А.В. Никитенко, В.С. Соловьев и др. его современники. Именно В.Н. Карпов, как отмечает М.А. Прасолов, стоял у истоков русского метафизического персонализма [2, с. 50].

В 1840 г. в Санкт-Петербурге опубликовано сочинение В.Н. Карпова «Введение в философию». В раскрытых автором основных положениях своей философской системы уже чувствуется существенное влияние на него философии платонизма. Так, согласно мысли философа, существует три степени бытия: чувственная реальность, познаваемая путем ощущений, «сверхчувственное», метафизическое или «мыслимое» бытие, с которым человека связывают «идеи», и духовное бытие. Потому, как отмечал мыслитель: «Предмет Философии определен: самопознание и исследование всего в целом, как одного бытия, полного разнообразной жизни и деятельности, то есть, исследование мира метафизического, поскольку он является сверхчувственным и мыслимым» [3, с. 32].

В 1856 г. было выпущено в свет, получившее высокую оценку В.С. Соловьева, сочинение В.Н. Карпова по логике, озаглавленное «Систематическое изложение логики», и в котором, по мнению А.И. Абрамова, он «положил платонический взгляд на природу человеческого мышления и познания» [4, с. 223].

В 1841 г. опубликован первый том «Сочинений Платона, переведенных с греческого и объясненных проф. С. Петербургской духовной академии Карповым», с исправлениями переизданный в 1863 г., в предисловии к которому В.Н. Карпов отмечал: «Имя Платона избавляет меня от труда говорить о цели и пользе предпринимаемого перевода Платоновых сочинений. Стоя на заглавном листе книги, оно само – и гораздо убедительнее – говорит за свою книгу. <…> Русской литературе было бы стыдно перед веками и человечеством не усвоить себе того, что справедливо почитается лучшим украшением каждой литературы» [5, с. V]. В 1842 г. в Санкт-Петербурге был опубликован второй том сочинений Платона, переведенных В.Н. Карпова, а в 1863 г. помимо переиздания первого тома, были так же опубликованы второй, третий и четвертый тома. К сожалению, пятый и шестой тома были напечатаны уже после смерти переводчика «По определению Святейшего Синода» в Синодальной типографии в Москве в 1879 г., и как отмечает архимандрит Августин (Никитин): «Так, благодаря усилиям В.Н. Карпова, Платон – этот “христианин до Христа” - обрел “воцерковление”» [6, с. 72].

Комментарии В.Н. Карпова к Платону, как отмечает Е.И. Мирошниченко в «Очерках по истории раннего платонизма в России», «отличаются ясностью и глубиной, они реально помогают лучше уяснить мысль Платона» [7, с. 96], и потому сами по себе могут быть рассмотрены в контексте изучения русской религиозно-философской мысли XIX в. [8].

Как и у В.Н. Карпова, философская система о. Феофана (Авсенева), выстраивается вокруг вопрошания о сути человека: именно вопросом «что я есмь?» [9, с. 1] открывается его сочинение «Из записок по психологии». Именно в самопознании душа человека «узнает <…> глубочайшую потребность соединения с Единым верховным добром» [9, с. 2]. Согласно мыслителю, существует три пути познания души человека: откровенное знание о душе, полученное человеком от Бога, умозрение, которое по о. Феофану (Авсеневу), «есть созерцание чистою мыслию того совершеннейшего, чуждого всех недостатков и ограничений, полного образца души, по которому зиждутся все существующие пути в действительном мире, и которого все они суть частные и недостаточные выражения» [9, с. 5], и внутреннее и внешнее наблюдение. По мысли философа, сутью человека является его дух, который неизменно стремится к Богу, но поскольку «Бог необъятен, неощутим и недостижим в существе своем» [9, с. 36], то Он открывает свои совершенства человеку через мир как истину, составляющую познание существа Бога, красоту, являющуюся отражением совершенств Бога в мире, и добро, в котором осуществляются цели Бога в мире.

В философии о. Феофана (Авсенева) платонизм становится основанием самостоятельной, оригинальной системы. При этом, как отмечает Е.И. Мирошниченко, «влияние платонизма на Авсенева было гораздо более мощным, чем может показаться на первый взгляд. Имплицитно платонизм содержится во многих его высказываниях» [7, с. 91]. В контексте философии платонизма могут быть рассмотрены философия смерти и учение о. Феофана (Авсенева) о душе как о начале жизни, учение о переведении душ, согласно которому все человеческие души, первоначально содержавшиеся в праотце человеческого рода Адаме, преемственно переводятся от родителей к их детям, философия пола, согласно которой «полы суть противоположности одного человеческого существа» [9, с. 147], и потому в супружеском союзе человек стремится обрести утраченную целостность, и др. оригинальные положения философской системы о. Феофана (Авсенева). Например, примечателен образ разума как царя и возницы, укрощающего «мятежные порывы бурного пламени» [9, с. 229], использованный о. Феофаном (Авсеневым) на страницах своего сочинения и явно отсылающий к платоновскому диалогу «Федр», в котором философ описывает разум как возницу, управляющего парой крылатых коней.

Таким образом, стоявшие у истоков становления оригинальной русской философской культуры, В.Н. Карпов и о. Феофан (Авсенев) могут быть рассмотрены как мыслители, в чьих сочинениях философия платонизма получает оригинальное истолкование, становясь основанием самостоятельных философских систем, и вместе с тем, в их философских построениях можно в полной мере обнаружить те черты русской мысли, которые составляют ее истинное своеобразие. Вопрошание о человеке в философских системах В.Н. Карпова и о. Феофана (Авсенева) играет основополагающую роль, при этом философская антропология приобретает важную этическую окраску.

Литература:

1. Выпускники Воронежской духовной семинарии, 1745-2015: материалы к биографическому справочнику / под общ. ред. игум. Иннокентия (Никифорова). Воронеж: Издательский отдел Воронежской православной духовной семинарии, 2015. 383 с.
2. Прасолов М.А. Василий Николаевич Карпов: Христианский платоник и поэт на службе в Духовной академии // Почва и крона. Сборник. / Ред. Г.М. Литвинцев, А.Ю. Минаков. Тамбов: ООО «ТПС», 2019. С. 43 – 51.
3. Карпов В.Н. Введение в философию. СПб.: В типографии И. Глазунова и Ко, 1840. VIII + 136 с.
4. Абрамов А.И. Оценка философии Платона в русской идеалистической философии // Платон и его эпоха. К 2400-летия со дня рождения: Сб. статей. / Под ред. Ф.Х. Кессиди. М.: Наука, 1979. С. 212 – 237.
5. Платон Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные Профессором Карповым. Часть I. СПб.: Типография духовного журнала «Странник», 1863. XXX + 450 с.
6. Августин (Никитин) архим. В.Н. Карпов – переводчик Платона // Воронежская беседа. Альманах. 2000. С. 64 – 74.
7. Мирошниченко Е.И. Очерки по истории раннего платонизма в России. СПб.: Алетейя, 2013. 172 с.
8. Ряполов С.В. В.Н. Карпов и «платоническая традиция» в России // Платоновские исследования. 2014. № 1. С. 325 – 336.
Феофан (Авсенев) архим. Из записок по психологии. Киев: В Типографии Киевского Губернского Управления, 1869. XVI + 246 с.

Персонализм в философской системе «раннего» А.Ф. Лосева

Троицкий В.П.

Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева» (Москва), старший научный сотрудник

vicpetro10.11@mail.ru

Аннотация. Однажды на семинаре «Русская философия» автор данного сообщения излагал принципы диалектической системы категорий, использованную А.Ф. Лосевым в «восьмикнижии» 1920-х годов. Она характеризовалась как «периодическая система начал». Каждая из категорий (их принято считать общенаучными понятиями) получала в системе строго дедуцированное место. Присутствовавший на вечере С.М. Половинкин задал вопрос, фактически возражая: «Количество, качество, множество, число, пространство, время… Но где же здесь персонализм, столь важный для всей русской философии?!» Разумеется, развернутый ответ на этот вопрос потребовал бы еще одного доклада, и с Сергеем Михайловичем мы все уладили, что называется, в кулуарах. Здесь же предлагается к рассмотрению Лосевская система в ее высших ярусах, где явлены самосознание (интеллигенция), ономатичность (имя личности) и персонализм.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, С.М. Половинкин, диалектическая система, самосознание (интеллигенция), ономатичность, персонализм.

Personalism in philosophical System of “early” A. F. Losev.

Troitskii V. P.

Library-Museum “House of A.F. Losev” (Moscow)

Annotation. Once at the seminar “Russian Philosophy”, the author of this report presented the principles of the dialectical system of categories which were used by A.F. Losev in his “eight-part-book” of the 1920s. It was characterized as a “periodic system of starts”. Each of the categories (they are widely considered as scientific concepts) received a strictly deductible place in the system. S.M. Polovinkin, who took part at that seminar, asked a question, actually objecting: “Quantity, quality, set, number, space, time... But where is the personalism which is so important to all Russian philosophy?!” Of course, a detailed answer to this question would require another report, and we settled everything with Sergei Mikhail so-called, on the margins. It is also proposed to consider the Losev system in its higher tiers, where self-awareness (intelligentsia), onomatism (personality name) and personalism are evident.

Keywords: A.F. Losev, S.M. Polovinkin, dialectical system, self-awareness (intelligentsia), onomatism, personalism.

1. Персонализм в философской системе «раннего» А.Ф. Лосева (периода составления «восьмикнижия» 1920-х годов) умеет весьма специфический характер и по-разному проявился в тех или иных произведениях философа в данном творческом периоде. Однако можно попытаться охарактеризовать в целом подход А.Ф. Лосева. Он поставил перед собой задачу: а) показать место персонализма в мировом целом; б) своеобразно «вывести» его описание в общей структуре диалектических категорий. При этом существенно использовалась неоплатоническая категориальная система («православно понятый неоплатонизм»).

2. Первый подход к решению указанной задачи мы находим в книге автора 1927 года «Античный космос и современная наука». Здесь представлена «вся диалектическая система категорий», необходимая для понимания античного космологизма, и она строится из семи понятийных ярусов: I. собственно Единое, являющееся как смысл и принцип для всех последующих категорий; II. Ум, или Сущность, как воплощенность первого начала; III. алогическое Становление как воплощенность первого начала; IV. «тело», или Факт, как положенность первого начала; V. Имя как понятое или выраженное первое, второе, третье и четвертое начала, и, наконец, VI. Миф как самосоотнесенность, или «интеллигентно ознаменованные», или данные как личность предшествующие пять начал [1, с. 422–424]. След ощутимой уже для античных мыслителей персональности (логико-диалектический след) виден здесь в IV и V началах.

3. Та же неоплатоническая логика «выведения» диалектических категорий применена в книге А.Ф. Лосева (того же года издания) «Философия имени», только теперь она используется для выявления «всех особенностей в судьбах человеческого слова» (напомним, что основное задание данной книги философа – дать программу теоретического – отправляясь от философии языка – обоснования существа и правды имяславия). Здесь мы находим кропотливое обследование примерно семидесяти наиболее значимых моментов или «особенностей» [2, с. 740–742], и вся эта иерархия завершена «особенностями» с явно персоналистической окраской: «чистая интеллигенция», «пневматический момент», «телесно-софийный момент», «демиургийных момент», «мифический момент» [2, с. 742]. Можно сказать, что здесь перечислены базовые, характеристические свойства персональности, взятой при этом, конечно, еще весьма абстрактно.

4. Работа «диалектического конструктора» продолжена в следующей книге А.Ф. Лосева – «Диалектике художественной формы» (1927), где уже нет следов ни античного присутствия, ни специальных проблем философии языка. Перед нами трактат по теоретической эстетике. И снова вся категориальная система – неоплатоническая (с прибавкой заметных аллюзий на Шеллинга и Гегеля), и снова вся типология в целом венчается персоналистическим сюжетом: Лосев особо выделяет среди значимых видов «художественной формы» виды «мифические» и «персонные» [3, с. 125–130], а затем особо рассматривает (вернее, пересматривает) в свете «персонных форм» традиционные эстетические категории схематизма, аллегоризма и символизма, иронии, комического, трагического, трагического и красивого [3, с. 130–145].

5. Намеченные в «Философии имени» и «Диалектике художественной форме» связи «персонного» и «мифического» детально развернуты А.Ф. Лосевым в знаменитой «Диалектике мифа» (1930). Здесь персонализм предстает персонализмом христианским, и даже специально православным. Это особенно хорошо видно в реализации проекта «абсолютной мифологии» как «абсолютной диалектики», развернутой на заключительных страницах книги, и в перечне «основных категорий, без которых не может существовать абсолютная мифология», обязательно присутствие интересующей нас категории: «гностицизм, персонализм, субстанционализм, креационизм, символизм, теория жизни, религия, теория чувства, иконографизм абсолютного, аритмологизм, тотализм, алогизм» [4, с. 228]. Собственно говоря, с особым персоналистическим оттенком не трудно представить фактически все из перечисленных здесь «основных категорий».

6. Таким образом, во многих работах «раннего» Лосева представлена весьма развернутая и весьма изощренная картина того, что мы привыкли уже называть «персонализмом». Так хотелось бы ответить, в заключение, на один вопрос Сергея Михайловича Половинкина, заданный однажды автору этих строк при обсуждении «периодической системы начал», реконструированной по совокупности лосевского «восьмикнижия».

Литература:

1. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. С. 61–612.
2. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. С. 613–801.
3. Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма – стиль – выражение. М.: Мысль, 1995. С. 5–292.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. 558 с.

«Социокультурные практики самопознания в концепциях М. Хайдеггера и М. Фуко»

Большунова С.А.

Международный центр социальной экспертизы и развития Финансового университета при Правительстве РФ, младший научный сотрудник

sabolshunova@fa.ru

Аннотация: Настоящая работа посвящена анализу практик самопознания и самопонимания в работах М. Хайдеггера и М. Фуко как источниках «радикального концептуального поворота», происходящего в социогуманитарных науках. Оба автора в «логике единичности» отвечают на вопрос, что значит быть человеком, отказываются от онтологического определения субъекта и рассматривают его через практико-онтологическое отношение к себе, противопоставляют «несобственное бытие» и конструируемую доминирующими дискурсами идентичность «собственному» модусу бытия и субъектности. Работы М Хайдеггера и М. Фуко повлияли на формирование практик самопознания, в том числе технологий и техник психотерапии, и сегодня они актуальны в контексте модернизации социокультурных практик, отвечающих на вопрос о бытии человеком, и «смены парадигмы», очерчиваемой такими направлениями мысли как энактивизм, аутопоэзис, интерсубъективный поворот, воплощённое познание, социальный конструкционизм и т.д.

Ключевые слова: самопонимание, самопознание, субъект, субъектность, экзистенциализм, постструктурализм.

Title: Sociocultural practices of self-knowledge in the works of M. Heidegger and M. Foucault.

Bolshunova S.A.

International center of social expertize and developing, Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: The subject of this paper is the practices of self-knowledge and self-understanding in the works of M. Heidegger and M. Foucault as the source of the «radical conceptual twist». The analysis reveals that both authors answer the question of what it means to be human in the logic of the singularity. They reject the ontological definition of the subject and consider it through their attitude to themselves. The analysis reveals an opposition between “The They” being, the identity constructed by dominant discourses, and the authentic “One“ existance, the agency. The works of M. Heidegger and M. Foucault have influenced the formation of practices of self-knowledge in modern times, including their development as technologies and techniques in psychotherapy. Today they are relevant in the context of modernization of socio-cultural practices that respond to the question of being human and ‘paradigm shift’ outlined by such areas of thought as anactivism, autopoiesis, intersubjective turn, embodied cognition, social constructionism, etc.

Keywords: self-understanding, self-knowledge, agency, subjectivity, existentialism, poststructuralism.

По оценкам ряда исследователей в социогуманитарных науках и практиках происходит «смена парадигмы», «радикальный концептуальный поворот», воспринимаемой западными исследователями как далеко идущая программа обновления человекознания в целом [1; 2]. Речь идёт о группе взаимосвязанных идей и принципов, среди которых энактивизм, аутопоэзис, «интерсубъективный поворот», «воплощённое познание» и др. Обсуждение этого концептуального поворота представляется актуальным, во-первых, с методологической точки зрения, поскольку отечественную философию и науку он затронул слабо, и отечественная философия не определила своего отношения к новой парадигме. Во-вторых, этот «поворот» является ответом на вызовы времени. В фокусе его повестки вопросы самопроизводстства, самоопределения и со-определения себя с миром, самопонимания и смыслообразования. Сегодня же, в эпоху неопределенности и текучести, «в … понятии идентичности

… уживаются два желания: я хочу быть собой и я хочу быть кем-то иным», и то, что волнует людей сегодня, это «проблема реидентификации: как сохранить возможность стать каким-то другим» [3], т.е. проблема самопроизводства и самопонимания.

В настоящей статье, во-первых, обсуждается вопрос источников «концептуального поворота». Большинство его активных участников указывает на феноменологию, особенно М. Мерло-Понти. Е. Н. Князева же интерпретирует его как «новую форму конструктивизма» [4]. Соответственно, обсуждается два источника «новой парадигмы»: экзистенциально-феноменологический (на примере М. Хайдеггера) и дискурсивно-постструктуралистский и конструктивистский (на примере М. Фуко).

Во-вторых, новая парадигма притязает на то, чтобы быть не только теорией, но и практикой самопонимания и самопроизводства. В связи с этим в статье обсуждается проблема социокультурных практик самопознания.

Прежде, чем обсудить подходы Хайдеггера и Фуко, подчеркнём, что самопознание может осуществляться в двух логиках: принадлежности и единичности. В первом случае в ответе на вопрос эксплицитно или имплицитно присутствует указание на принадлежность к нации, конфессиональному сообществу, социальной группе, как определению своей идентичности. В логике единичности, напротив, индивид вступает в отношение с экзистенциальными феноменами, а не социальными группами, например, со смертью или с Богом. Так, С. Кьеркегор писал, что человек «в качестве единичного … поставлен в абсолютное отношение к абсолютному» [5, с. 89]. Далее термин самопознание будет использоваться для обозначения практик, осуществляемых в логике принадлежности, а термин самопонимание для обсуждения практик, осуществляемых в логике единичности. Термин самопонимание вводит в философию Х.-Г. Гадамер, определяя его как попытку понять свое бытие перед непостижимостью смерти [6], и он подчеркивает, что в самопонимании речь идет не о непоколебимой достоверности самосознания, но о напоминании субъекту, что ему никогда полностью не удается понять самого себя.

И Хайдеггер, и Фуко пытаются эксплицировать логику единичности. М. Хайдеггер, разрабатывая концепцию герменевтической феноменологии, отвечает на вопрос, что значит быть в это мире. Философ вводит понятие «Dasein» - бытие человека, «здесь-бытие» [7]. Сущее характера Dasein в своём бытии относится к своему бытию, что выражается в смыслах бытия. В своем бытии оно есть отношение к самому себе, а значит, существует как возможность, или как свобода. Подобное отношение Dasein к самому себе описывается через термины интерпретации и понимания, феноменология Dasein имеет характер герменевтики.

М. Хайдеггер выделяет два модуса бытия Dasein (присутствия): собственности и несобственности. Последний он характеризует как бытие «не-самим-собой», растворение в мире. Несобственное понимание набрасывает себя на практичное, доступное, непременное в делах повседневной занятости. Для описания такой человеческой жизни философ вводит понятие «das Man», означающее повседневное существование человека, в котором он безлико пребывает среди других людей [8]. Для данной работы более значимым представляется модус собственности, который характеризуется пониманием, возникающим из самости как таковой [7]. Поскольку Dasein большей частью пребывает в несобственности, возвращение в модус собственности требует от него усилия. Возвращение происходит в форме выбора, или решимости на способность быть в своей самости. Самость определяется как способ экзистирования, ответ на вопрос о «кто» присутствия, и истолковывается как онтологическое отношение к себе. Самость выступает онтологическим условием онтического действия, т.е. бытие отношением к себе есть предпосылка разнообразных возможностей соответствия себе. В хайдеггеровском экзистенциализме человек всегда существует в состоянии «брошенности», заброшенности в этот мир, который он не выбирал, что и называется «бытием-в-мире». И отношение к себе – это суть отношение к себе заброшенному, чье присутствие не исходит от самого себя, но указывает на открытость Dasein миру [9]. Человек обладает некоторым отношением к себе и миру и вопрошает о смысле своего бытия, то есть обладает способностью к самопониманию.

Понимание выступает в качестве умения быть [7]. Именно понимание раскрывает возможности Dasein для осознания. В модусе собственного бытия брошенность запрашивает у него решимость. Делая нечто из решимости, человек избирает свое собственное раскрытие, реализуя свободу. Однако для решимости необходимо увидеть возможности, заданные миром. Понимание размыкает мир и высвобождает его сущее на его возможности. Мир оказывается открытым в его «полезности, применимости, вредности» [7, с.170]. Для М. Хайдеггера понимание мира и понимание себя образу-

ют единство, одно без другого не существует. Присутствие всегда понимает себя из возможностей, и это понимание себя мы и можем назвать самопониманием. При этом Dasein может понимать себя из своего мира или бросать себя на «ради-чего», т.е. экзистировать как оно само. Благодаря собственному самопониманию человек может перейти к собственному бытию, осознавая свою жизнь как бытие к смерти. Собственное существование требует полного самововлечения, влечет за собой понимание и принятие конечности, как основание для действий. Таким образом, аналитика Dasein запрашивает от индивида, чтобы он через самоинтерпретацию прояснил то, чем он всегда уже был, но что однако было скрыто интерпретациями, доминирующими в повседневности [9]. В конкретности наиболее собственной возможности кроется достижение аутентичного отношения к себе, но это требует определенного рода практики «самокритичного философского существования». Впоследствии идеи М. Хайдеггера получили развитие в конкретных практиках экзистенциальной психотерапии [10].

М. Фуко ставит вопрос о самопонимании в контексте герменевтики субъекта, выяснения, как человек обретает субъектность, превращает самого себя в субъекта [11]. Субъектность понимается М. Фуко как способность человека обращаться с обстоятельствами своей жизни сообразно их «идеям», смыслам, распоряжаться собой и своей жизнью [12]. Принцип субъектности (духовности) гласит, что человек, таким, какой он есть, не имеет доступа к смыслам, и чтобы получить такой доступ, должен измениться. Суть этого изменения и заключается в обретении субъектности. М. Фуко разводит часто отождествляемые понятия субъективности (субъектности) и идентичности [11]. Субъектность трактуется им как эстетика себя, а идентичность отражает совокупность более объективных систем социальных координат. В субъективности человек наделен определенной свободой, благодаря техникам заботы о себе, вследствие чего она всегда понимается как выбор. Онтологическое знание о себе и своей самости не может быть однажды достигнутым, не может выступать теоретическим универсальным, но постигается бесконечно [9].

Практикой обретения субъектности для М. Фуко выступает забота о себе как субъекте [12]. В фокусе поздних работ философа находится история заботы о себе как практики, и как института, и, в отличие от экзистенциалистов, он обращен к конкретным практикам, с помощью которых люди воздействуют на собственные души, мысли, тела и поведение, чтобы преобразовать самих себя. Самопонимание в этой логике трактуется как процесс, которым опосредствуется и реализуется забота о себе. Среди античных технологий заботы о себе М. Фуко выделяет: разоблачение потаенного «Я», письма друзьям, самораскрытие, испытание себя и совести, упражнения в умирании. В христианстве наблюдается изменение практик заботы о себе, в силу требования отречься от себя, изобличить себя драматически и вербализованно. Начиная с XVIII в. гуманитарные науки пытаются поместить практики и техники себя в иной контекст, чтобы сделать возможным конструирование позитивного нового «Я».

В подходах М. Хайдеггера и М. Фуко обнаруживается явное сходство. Оба философа отвечают на вопрос о бытии человеком в логике единичности. Они отказываются от онтологического определения самости и субъекта, но рассматривают их через отношение к себе, как способ бытия. Достижение собственного модуса бытия или субъектности требует трансформации самого человека, важным условием чего выступает выход за пределы повседневности или доминирующих дискурсов. И у Хайдеггера, и у Фуко речь идёт о практико-онтологическом отношении к себе.

Что же представляют собой практики себя (практики самопонимания и самопроизводства)? В. В. Волков обозначает два способа понимания практик [13]: как фонового знания и умения или как конкретную деятельность, соединяющую слова и действия. В первой интерпретации понятие отсылает к этнометодологии И.Гофмана и другим исследователям повседневности, рассматривающим практики в контексте «само собой разумеющегося», неявных правил и коллективных норм. Другим аспектом практик выступает их раскрывающий характер. Практики «раскрывают» основные способы социального существования, конституируют и воспроизводят идентичности, возможные в данной культуре в данный исторический период. Практика - деятельность, раскрывающая возможности человека состояться в том или ином социальном статусе: в них раскрывается и практически интерпретируется, что значит «быть семейным человеком», «быть врачом» и т.д. И Хайдеггер, и Фуко показывают, что можно выделить особую практику, в которой раскрывается и интерпретируется, что значит «быть человеком» в значении «быть собой». Такой практики является самопознание, определяемое как познание субъектом самого себя [14]. Но когда традиционные механизмы самопознания не срабатывают, самопознание уступает место самопониманию, самоистолкованию как специфическому герменевтическому процессу, включающему разработку инструментария понимания [0] и «техник себя».

Список литературы:

1. John Stewart, Olivier Gapenne, Ezequiel A. Di Paolo. Enaction. Toward a New Paradigm for Cognitive Science. A Bradford Book The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, England – 2010. – p. 463.
2. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии [Электронный ресурс] // URL: http://vphil.ru/index.php?id=835&option=com_content&task=view (дата обращения 12.12.2019).
3. Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2011. URL: http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/ (дата обращения: 09.05.2017).
4. Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. – М., СПб. Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014 – 345 с.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.
6. Гадамер Х.-Г. Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. С. 243-254.
7. Хайддегер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2013. 460 с.
8. Ставцева О.И. Словарь основных терминов философии Хайдеггера // Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур. / Отв. ред.: М.Я. Корнеев, Е.А. Торчинов. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.308-311.
9. Кожарова Т.В. Понятие заботы в творчестве М. Фуко и М. Хайдеггера // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 6, вып. 2, ч.1. С. 74-82.
10. Клименко Т.Е. Рецепция хайдеггерианских модусов в экзистенциальной психологии // Омский научный вестник. 2011. № 4. С. 96-98.
11. Foucault M. Technologies of the Self, in Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault / Ed. by L. H. Martin, H. Gutman, and P. H. Hutton. Amherst: University of Massachusetts Press, 1988.
12. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж длекций, прочитанных в Коллеж де Франс 1981—1982 учебном году / Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
13. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
14. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И.Т. Касавина, М: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
15. Черняк Н.А. Проблема понимания и универсальность герменевтического опыта // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 202-206.

Аксиологическое наполнение властного дискурса в истории России

Данилова А.Г.

Всероссийский институт научной и технической информации РАН (ВИНИТИ), старший научный сотрудник

a_g_danilova@mail.ru

Митина О.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник

omitina@inbox.ru

Аннотация: Проведен анализ ценностных ориентаций российского властного дискурса по историческим текстам XVI-XX вв., включая летописи, законодательные акты, частную и публицистическую переписку. В качестве методологического обоснования использована модель базовых культурных характеристик Г. Хофстеде. Выделены аспекты базовых размерностей Хофстеде, имеющие различную историческую динамику. Обсуждаются полученные закономерности исторического развития ценностных норм, декларируемых во властном дискурсе.

Ключевые слова: историческая психология, дискурс, дискурс-анализ, Россия XVI-XX вв., властный дискурс, ценностные ориентации, теория культурных размерностей, Г. Хофстеде

Axiological content of power discourse in the history of Russia

Danilov*a *A. G.; Mitina O. V.

All-Russian Institute for Scientific and Technical Information (VINITI RAS); Moscow State University, Dept. of Psychology

Abstract: the article analyzes the value orientations of the Russian power discourse based on historical texts of the XVI-XX centuries, including Chronicles, legislative acts, private and publicistic correspondence. The model of basic cultural characteristics, designed by Geert Hofstede, is used as a methodological justification. Aspects of basic Hofstede's dimensions that have different historical dynamics are highlighted. The obtained regularities of the historical development of value norms declared in the power discourse are discussed.

Keywords: historical psychology, discourse, discourse analysis, Russia of the XVI-XX centuries, power discourse, value orientations, Cultural Dimensions Theory, Geert Hofstede

Дискурс - «вербально артикулированная форма объективации содержания человеческого сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности» [1].

Дискурс-анализ направлен на исследование структуры коммуникативных отношений, отраженных в тексте как структуре. Различные школы дискурс-анализа практикуют текстуальный подход (русский формализм и французский структурализм: В. Б. Шкловский, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум; Р. Барт, К. Леви-Стросс, Ц. Тодоров, А. Ж. Греймас); интертекстуальный подход (Ю. Кристева, Ж. Деррида, П. Серио); контекстуальный подход (К. Гирц, М. Малкей, Дж. Гилберт, Т. ван Дейк).

В качестве специфического предмета изучения могут выступать структура представлений и ожиданий относительно стереотипной ситуации (модель «фреймов» М. Мински, Ч. Филмора), механизмы формирования таких представлений и их корректировки (модель «скриптов», или сценариев Р. Шенка, Р. Абельсона); взаимовлияние социальных предписаний и личностного опыта в выборе стратегий поведения («ситуационная модель» Т. ван Дейка) [2].

Изучение обществ прошлого опирается на исследование текстов. Значимость системы ценностей как основы культуры отмечают философы и культурологи различных направлений (В. Дильтей, П.А. Сорокин, С.Л. Франк, В.А. Ядов) [3]. Современные кросс-культурные исследования ценностных ориентаций, проводимые в методологии big data, позволили выделить как обобщенные базовые размерности, допускающие сравнение культур между собой, так и детализированные категориальные структуры, которые можно использовать как категориальную сетку исследования. Это особенно удобно, поскольку классический дискурс-анализ предполагает учет имплицитных значений текста, контекста его создания, вероятных интерпретаций и т.д., чего в исследовании текстов отдаленного прошлого гарантировать нельзя.

Одной из наиболее известных теорий ценностной организации общества является концепция базовых культурных размерностей Г. Хофстеде. Он экспериментально выделил 6 факторов, описывающих основные аспекты социальных отношений и установок: Индекс властной дистанции (Power Distance, PDI), - норма взаимоотношения статусных позиций; Индекс избегания неопределенности (Uncertainty Avoidance; UAI) - потребность в четко проработанной системе правил поведения, толерантность общества к неопределенности и двусмысленности; Индекс индивидуализма (Individualism; IDV) - степень независимости субъекта от группы или организации; Индекс маскулинности (Masculinity; MAS) - степень различий в социальных ролях мужчины и женщины; Индекс временной ориентации (Long-term/ Short-term Orientation; LTO) - глубина временной перспективы, на которую ориентируются в повседневной практике (эта размерность объединена с категорией Monumentalism, описывающей эстетические предпочтения могучего или хрупкого); Индекс ограничения (Indulgence-Restraint; IVR) - норма удовлетворения неотложных потребностей / личных желаний и групповой контроль этих норм [4]. В труде "Culture's Consequences. International Differences in WorkRelated Values" [5] приведены описания поведения и установок, характерных для обществ с высокими и низкими показателями по четырем базовым размерностям PDI, UAI, IDV и MAS; позднее часть поведенческих характеристик была атрибутирована размерностям LTO и IVR. Таких характеристик 55. Они были использованы как шкалы контент-аналитического исследования.

С опорой на критерии Хофстеде проведено исследование представленности социальных ценностей в материалах властного дискурса разных веков Российской истории. В исследование включены разнородные исторические документы (летописи, указы, судебники, публицистические и частные письма и др.), в среднем по 25 текстов за XVI – XX вв. – всего 127 текстов, сгруппированных по эпохам истории России: допетровская Русь, Россия от Петра до Октябрьской революции, СССР, постсоветский период XX в. Единицей наблюдения являлся текст, единицей анализа - предложение. Фиксировалось соответствие поведения героев анализируемого эпизода той или иной норме социального поведения, подсчитывался процент соответствия поведенческой нормы полюсу шкалы, соответствующему высокому значению индекса Хофстеде.

Факторный анализ данных за 5 веков (КМО=0,638) дал решение из 19 факторов с собственным значением >1, совокупно описывающих 69,674% дисперсии (Табл. 1.). Цифра показывает порядковый номер фактора, а упорядочены они по убыванию вклада в общую дисперсию.

Табл. 1. Факторное наполнение базовых размерностей ценностных ориентаций

Базовая размерность Хофстеде	Факторы исследования
Властная дистанция (PDI)	1. Принудительная власть, ответственность на побежденном, свержение властной фигуры 7. Доминант старается не подчеркивать могущество, вера в индивидуальные решения 10. Власть предержащие наделены привилегиями, время – деньги 19. В мире существует порядок неравенства, определяющий место человека
Избегание неопределенности (UAI)	3. Сильное суперэго, настрой на тяжелую работу, потребность в консенсусе 4. Неопределенность - угроза, забота о безопасности в жизни 8. Потребность в писанных правилах и предписаниях, консерватизм, закон, порядок 11. Национализм; если правило невозможно исполнить, мы – грешники 12. Обычные люди некомпетентны по сравнению с авторитетами, вера в экспертов 13. Поиск неколебимых истин и ценностей, широкая демонстрация эмоций 14. Достижение определяется в терминах одобрения

Индивидуализм (IDV)	2. Право на частную жизнь и мнения, доминирование мужчин, значимость индивидуального достижения и лидерства 5. Объединение на основе размышления, автономия, разнообразие, желание, сильная потребность в консенсусе 16. Эмоциональная зависимость от группы, широкая демонстрация эмоций 17. Потребность в конкретных дружеских связях
Маскулинность (MAS)	6. Демонстративная мужественность, амбиции 9. Красиво большое и сильное, идеал взаимозависимости 15. Женщины во власти не должны демонстрировать мужество, легитимность власти не имеет значения 18. Мужчины должны быть напористы, женщины – заботливы

Большая часть полученных факторов составлена шкалами, относящимися к одному индексу Хофстеде. Их независимость внутри размерности объясняется различием паттернов временной динамики показателей. При этом факторы, составляющие различные аспекты одного индекса, по содержанию подобны размерностям, теоретически предсказанным и эмпирически полученным исследователями властной дистанции [6], индивидуализма [7;8;9], избегания неопределенности [10;11] и маскулинности [12;13]

Факторы, имеющие наибольший вклад в общую дисперсию, повторяют размерности Хофстеде: 1-й фактор соответствует «Властной дистанции»; 2-й - аспекту ассертивности фактора «Маскулинность»; 3-й фактор описывает избегание неопределенности в социальных отношениях и подобен Индексу ограничения; 4-й отражает когнитивный аспект фактора «Избегание неопределенности»; 5-й – «Индивидуализм»; 6-й по аспекту демонстративной мужественности сближается с фактором «Монументализм». Это можно расценивать как адекватность отражения структуры социальных норм в исторических властных документах, устойчивого к интерпретации при кодировании контента.

Графики, построенные по средним значениям за 25 лет, по большинству факторов отражают более или менее четко выраженную колебательную закономерность на горизонтальном тренде, что отражает историческую преемственность естественного развития ценностных норм. Графики по всем факторам отражают общий тренд для различных моделей государственности. При этом получены существенные расхождения средних значений по группам текстов, относящихся к моменту смены эпохи: различные формы российского социума не отражают принципиально другой системы ценностей, но в момент цивилизационного изменения выявляются группы людей, декларирующих резко различные системы ценностей (время правления Софьи и Петра, предреволюционные и послереволюционные выступления политиков).

Наклон линии тренда получен по факторам, отражающим цивилизационные изменения в российском обществе: увеличение силовой аргументации с XVI до середины XX в. и дальнейшее снижение во 2-й половине XX в.; рост суперэго; усиление апелляций к объективности в аргументации; тенденцию к делегированию компетентности субординантам.

Тенденциозные смещения, продиктованные жанром произведения или авторской позицией, фиксируются как маргинальные значения. Смещения, продиктованные политическими установками власти, нарушают общую динамику значений по фактору и могут быть отслежены. Практически такое поведение кривой свидетельствует о наличии альтернативной позиции, не зафиксированной в письменных источниках, не представленной в официальной литературе либо упущенной исследователем.

Однако тематическая представленность и развернутость информации в тексте сильно зависит от того, относится ли текст ко времени рукописной традиции или к эпохе печатного слова.

Выводы:

1. Полученная факторная структура по смысловому наполнению соответствует теоретически предсказанным и эмпирически полученным субразмерностям базовых индексов Хофстеде, адекватно отражая структуру социальных норм.
2. Такой специфический род коммуникации, как властный дискурс, способен адекватно отразить основные социальные и культурные процессы общества.
3. Получена сложная колебательная динамика факторных значений.

Литература:

1. Можейко М. А., Гутнер Г. Б., Огурцов А. П., Керимов Т. Х. Дискурс// Гуманитарная энциклопедия. Подготовка электронной публикации и общая редакция: Центр гуманитарных технологий. Отв. ред. А. В. Агеев. /https://gtmarket.ru/concepts/6987 (Дата обращения 26.02.2020)
2. Сарна А. Я. Дискурс-анализ. / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2020 (последняя редакция: 19.01.2020). URL: https://gtmarket.ru/concepts/7232 (Дата обращения 14.02.2020)
3. Барулин В.С. Социальная философия: Учебник. — Изд. 3-е. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002, — 560 с.
4. Hofstede, G. Culture’s Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations, 2nd ed. Sage, Thousand Oaks, CA. 2001. – 574 p.
5. Hofstede G. Culture’s Consequenses. International Differences in WorkRelated Values. Beverly Hills: Sage Publications, 1980.- 474 p.
6. Hanges, P. J., Lord, R. G., Day, D. V., Sipe, W. P., Smith, W. C., Brown, D. J. Leadership and gender bias: Dynamic measures and nonlinear modeling//Lord R. G. (Chair) Dynamic systems, leadership perceptions, and gender effects. Symposium presented at the Twelfth Annual Conference of the Society of Industrial and Organizational Psychology, Inc., St. Louis, MO. 1997
7. House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P., & Gupta V. (Eds.), Leadership, culture, and organizations: The GLOBE study of 62 societies. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc.
8. Owe E., Vignoles V. L., Becker M., Brown R. Contextualism as an Important Facet of Individualism-Collectivism: Personhood Beliefs Across 37 National Groups //Journal of Cross-Cultural Psychology 44(1):24, 2013, pp.24-45
9. Gorodnichenko Yu. Roland G. Understanding the Individualism-Collectivism Cleavage and its Effects: Lessons from Cultural Psychology. //Institutions and Comparative Economic Development. Palgrave Macmillan, London, 2012, 345 p. –pp. 213-236
10. Ladbury J., Hinsz V. B. Uncertainty Avoidance Influences Choices for Potential Gains but not Losses //Current psychology (New Brunswick, N.J.) 28(3) Sept. 2009, pp. 187-193
11. Venaik S., Brewer P. Avoiding uncertainty in Hofstede and GLOBE. In: Journal of International Business Studies 41(8), Oct. 2010, pp.1294-1315
12. Hackett L., Crook E. Masculinity and Misogyny in the Digital Age: What social data can tell us about the climate surrounding masculinity constructs and use of misogynistic language. 2016// https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=50 (Дата обращения 19.02.2020)
13. King S. How do we define masculinity? https://thepsychologist.bps.org.uk/volume-32/july-2019/how-do-we-define-masculinity (Дата обращения 19.02.2020)

Созидание будущего в концепции чувствующего присутствия Отто Шармера

Дондокова Б.Б.

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова. Кандидат философских наук, преподаватель

lira-81@mail.ru

Аннотация: В тезисах представлены основные положения концепции чувствующего присутствия американского ученого Отто Шармера. В своей концепции он разрабатывает технологии коммуникации, направленных на совместное созидание будущего, в организациях нового типа. Ключевыми элементами созидания будущего является интеграция рационального и интуитивного способов познания в рамках экосистемного типа сознавания. Автор указывает на новизну и необходимость концепции Шармера для преодоления отчуждения и самоотчуждения в современном обществе.

Ключевые слова: чувствующее присутствие, коммуникация, будущее, открытый разум, открытое сердце, открытая воля, интуиция, футурология, субъект.

Creating the Future in Otto Sharmer's Sensitive Presence Concept.

Dondokova B.B.

Military Medical Academy

Abstract: The theses present the main provisions of the concept of the sensitive presence of the American scientist Otto Sharmer. In this concept, he develops technologies that ensure the joint creation of the future in a new type of organization. The key elements of creation in the future is the integration of rational and intuitive methods of cognition within the framework of creating ecosystems. The authors point to the novelty and need for a concept of society to overcome alienation and self-denial in modern society.

Keywords: feeling presence, communication, future, open mind, open heart, open will, intuition, futurology, subject.

Перспективы будущего человечества описываются в категориях политического устройства и перераспределения благ и свобод мирового сообщества, прогнозах катастроф и кризисов глобального рынка, но, на наш взгляд, определяющим фактором качественно иного будущего является состояние и развитие индивидуального сознания. Будущим социально-экономических и политических отношений человеческого сообщества занимаются целые армии профессиональных футурологов. В то же время направления развития качественно иных состояний человеческого общества, человеческого разума, человеческой личности, формируются в практике отдельных творческих сообществ и организаций, миссией которых является построение проектов будущего устройства общества. В настоящее время к ним можно отнести многочисленные организации неформального образования. Здесь в отношении будущего индивидуального сознания наработан огромный практический опыт, требующий переосмысления качественных характеристик и направлений развития индивидуального сознания в контексте социально-философского знания. Субъект в современном проектировании и прогнозировании будущего нередко утрачивает свои экзистенциальные, сущностные характеристики, в результате чего моделирование будущего превращается в погоне за объективностью актом констатации действительности. Целостное и системное представление субъекта на философском и методологическом уровне невозможно ввиду отсутствия высших смыслов развития человека.

Утрата трансцендентного субъекта сказывается и на развитии ряда проектов будущего, где критериями являются наиболее общие ограничения теории и практики познания, осуществляется позиция субъекта как Конструктора. Речь идет о тех проектах, где затрагиваются кардинально возможные, крайние вероятности реализации потенциала человеческой цивилизации как единого целого, как целостного организма, развивающегося в универсуме. В прогнозах – проектах, имеющих чисто гипотетическую природу, и часто не ориентированных на вычисление вероятностей осуществления в социально-историческом времени, выходит на первый план познавательная ценность футурологии, осуществляющей синтез разнообразных элементов мировоззренческих и теоретических

картин мира. Такие футурологические проекты могут быть переориентированы не на достижение научной достоверности, а на создание нового способа мышления, который позволяет субъекту полнее и динамичнее воспринимать реальность настоящего в контексте смыслов будущего. Тогда пресловутый веер обсуждаемых будущностей получил бы более серьезное обоснование не только как очередная теоретическая конструкция, но и как анализ реальности, включающей бытие и возможность как различные формы бытия. Постановка проблемы субъекта коренным образом влияет и на разрешение основного противоречия футурологических проектов – противоречия между пределами развития общества, отождествляемых с конкретными социально-историческими перспективами, и стремлением к бесконечности при реализации потенциала развития человечества.

Американский исследователь и успешный менеджер Отто Шармер в своей работе «Теория U» описывает практику погружения в глубинные слои коммуникации в рамках концепции «чувствующего присутствия». Рассматривая деструктивные процессы в современной социальной ткани человеческих взаимоотношений, Отто Шармер заявляет не только о типичной для современного человека реакции отторжения, защитной агрессии, но и возможности открытого действия, направленного на другого человека. В качестве такого открытого действия исследователь в теории U предлагает разработать новый тип социальной технологии, основанный на трех имеющихся у каждого инструментах: открытый разум, открытое сердце и открытая воля, — и культивировать эти способности не только индивидуально, но и коллективно: «Первый инструмент, или способность, открытый разум, основан на доступе к интеллектуальному потенциалу, или IQ. Он позволяет смотреть свежим взглядом, иметь дело с объективными цифрами и фактами. Как говорится, ум работает подобно парашюту: действует только тогда, когда раскрыт. Вторая способность, открытое сердце, основана на эмоциональном интеллекте, или EQ, то есть умении сострадать, подстраиваться под различные контексты и ставить себя на место другого. Третья способность, открытая воля, относится к возможности связи со своими подлинными предназначением и сокровенным «я»» [1, с.232].

Переосмысление такого подхода к глубинной коммуникации коррелирует с важнейшими задачами философского знания, понимаемого как особое отношение к миру, на основе которого и возможно творчество, и какая-либо другая деятельность, которая в формах своих не так уж и важна. Рождение философии осуществляется в привлечении всех сил, всех потенций, всех важнейших векторов бытия человеческого существа. Философия не просто деятельность ума, но и воля к познанию бытия, воля к бытию, воля к любви. «Философия начнется благодаря возвращению единства понимания – воли – эроса» [2, с. 183]. Очевидно, что идея чувствующего присутствия как погружение в глубинный контекст коммуникации, преодоления самоотчуждения, актуализации внутренних инструментов познания с целью созидания подлинного будущего, является тем самым импульсом, который лежит в основании зарождения философского знания. Возможно, все разговоры о кризисе философии могут быть оставлены в прошлом.

Отто Шармер выстраивает свою концепцию на основании иерархии четырех типов сознавания, определяемых взаимоотношениями субъекта и объекта: привычное сознавание (объект -ментальная проекция); эгосистемное, строящееся на противопоставлении субъекта и объекта; сознавание заинтересованного игрока, более высокий уровень, предполагающий развитие взаимоотношений между субъектами; и наконец, высший тип – экосистемный, где вселенная – это поле развивающегося единства всех субъектов

Именно чувствующее присутствие позволяет перестраивать привычное сознавание действительности и двигаться последовательно к экосистемному, которое и является целью всех коммуникативных практик в организациях и сообществах, нацеленных на созидание будущего. От отказа загрузки паттернов прошлого и привычных моделей мышления посредством совместного действия разума, чувств и интуиции субъекты в коммуникации переживают глубинную трансформацию. Жесткая дихотомия субъекта и объекта посредством глубинной инверсии переходит к кристаллизации намерения и видения, где растворяется рационализирующая сущность субъекта. Создание прототипа будущего и его воплощение в практике завершают процесс созидания будущего [1, с.95]. Очевидно, что создание проекта не имеет жесткого алгоритма и не может представлено как стандартная схема. Идея чувствующего присутствия придает важность уникальности каждого акта творения в подлинной коммуникации внутри отдельного сообщества и организации. Теория U, по своей сути, демонстрирует пресловутое единство теории и практики, различия между которыми нивелируются идеей чувствующего присутствия.

Созидание будущего не интеллектуальная деятельность субъекта, манипулирующего различными игровыми практиками, смыслами, интерпретациями социальной сущности человечества, а деятельность, в которой преобразуются, прежде всего, сам человек, а в конечном итоге и общество, преобразуется не в смысле приобретения новых, не-человеческих качеств, а в смысле, что это преобразование ведет к открытию того изначально заданного пласта реальности, на основе чего и было возможно появление человека как того, через кого мир и может только говорить и быть познанным и узнанным сам для себя. Мысль в своей сути звучит не ново, но в особенности представляет интерес то, что в ней осуществляется возвращение к пониманию человеческой природы, как требующей открытия сущности, которая заключена не в человеке, а в совпадении человека и мира, сущности человека и сущности мира.

Литература:

1. Шармер, О. Теория U. Лидерство из будущего / Отто Шармер; пер. с англ. С. Марченко ; [науч. ред. Е. Пустошкин]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 522с.
2. Бибихин, В.В. Узнай себя. СПб: Наука, 1998. 577с.

Лингвопринуждение как проект глобального доминирования

Ивахненко Е.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Доктор философских наук, профессор

ivahnen@rambler.ru

Аннотация: В статье речь идет о современной «геополитике знания». Автор предпринимает попытку показать: как работают лингвокультурныестратегии глобального доминирования (1); как функционируют принудительные лингвистические стратегии знания-власти (2) и как осуществляется влияние принудительных дискурсов на современное образование (3). Под лингвопринуждением подразумевается внедрение в массмедиа и образование дискурсивных практик, формирующих знаниевую иерархию. Европоцентристская иерархия образовательных дискурсов формирует центр («смысло-знание-творение») и разно удалённую периферию: от реализации «передовых» технологий, выработанных центром, до его суррогатов. Известная формула – «Язык образующий орган мысли» – в дискурсивных практиках образования может работать как инструмент глобального доминирования.

Ключевые слова: дискурсы власти, лингвопринуждение, глобальное доминирование, эпистема, образование.

Linguistic Enforcement as a Project of Global Dominance.

Ivakhnenko E.N.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article is about the modern “geopolitics of knowledge”. The author makes an attempt to show: how linguistic and cultural strategies of global domination work (1); how compulsory linguistic strategies of knowledge-power function (2) and how compulsory discourses influence modern education (3). Linguistic coercion means the introduction of discursive practices into mass media and the formation of knowledge hierarchy. The Eurocentric hierarchy of educational discourses forms the center (“sense-knowledge-creation”) and variously distant peripheries: from the implementation of the “advanced” technologies developed by the center to its surrogates. The well-known formula - “Language forming an organ of thought” - in discursive educational practices can work as an instrument of global dominance.

Keywords: discourses of power, linguistic coercion, global dominance, episteme, education.

Тема, предложенная в заголовке статьи, ориентирует на прочтение понятия «дискурс» в двух измерениях. Первое – дискурс как рассуждение или акт говорения (от лат. *discere* – блуждать, от позднелат. *discursus* – рассуждение, довод). Второе – определение дискурса, которое предложил автор «Слов и вещей». Дискурс, по М. Фуко, определяется как «совокупность анонимных правил, всегда определенных во времени и в пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического и лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [1, с. 118]. Согласно последнему определению, дискурс можно рассматривать как языковую репрезентацию знания, а следовательно – как один из аспектов глобальной политики знания. Для нас в контексте освещаемой проблемы важно понимание *анонимности дискурсивных правил*, а именно то, что таковые затрагивают неконтролируемость нашей способности воспринимать одни смыслы и относиться с недоверием к другим.

Влияние и доминирование чаще всего представляется словом «идеология» По Марксу, идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. При таком подходе, субстанцией, своего рода смысловой единицей идеологии, ее конечной инстанцией, является «идея сама по себе». Как будто субъект принимает или отвергает ту или иную идею по принципу привлекательности/непривлекательности самой по себе. Понимаемая таким образом «идея» представляет собой некую метафизическую неразложимую сущность. В этом случае дело представляется так, что инструмент выбора опре-

деляется метафизически, «вне» лингвокультурных практик, посредством которых эта идея подается.

Об идеологии часто упоминают как о чем-то манипулятивном, вроде искусно собранной конструкции идей, способных привлечь и повести за собой массы людей, либо как о чем-то онтологически укорененном («Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!»). Однако во второй половине XX века важнейшей проблемой социальной коммуникации становится переход от исследования проблемы идеологического влияния к исследованию влияния лингво-коммуникативного (Н. Луман, К. Фукс и др.).

Посмотрим на эту ситуацию с другой стороны. По определению М. Фуко, именно дискурсы «раз и навсегда подчинены власти или настроены против нее». По сути, мы имеем дело с лингвистическими практиками, а не с идеями как таковыми. Сказанное легко проверить. То, что обычно называют «идеей», как правило, подается определенным (тем или иным) нарративным способом, по сути – нарративным дискурсом с его историческими репрезентациями [2]. Полагаясь на представление об идеологии, мы склонны принимать тот или иной рассказ в целом, называя «идеями» все то, что заложено в его языковые конструкции. Примерно так же, как мы, получая тот или иной зрительный образ, вовсе не склонны уточнять, как этот образ связан с самим механизмам работы глаза. Или, например, – каков был бы зрительный образ, если бы устройство глаза было бы иным. В этой связи следует лучше присмотреться к лингвистическим механизмам, формирующим смысловое воздействие разговорных практик. Их можно сравнить с воздействием гравитации. Так, если гравитация там, где есть масса, то язык – где есть смысл. И наоборот.

Интересно в этом отношении рассмотреть соотношение понятий «дискурс» и «эпистема» в том смысловом поле, в котором их представил М. Фуко. Дискурс, по Фуко, анонимно вменяет смысловые программы, которые в большем масштабе превращаются в эпистемы. Последние в свою очередь выносятся на поверхность социальной жизни в различных ее изводах: от смысловых программ небольших социальных групп до эпистем, глобально определяющих когнитивные границы и коды восприятия целых эпох. Эпистема при таком подходе представляется сферой, в которой осуществляются усилия акторов – единичных и коллективных, локальных и глобальных. Поставить собственный дискурс в центр эпистемологического принуждения, означает обрести смысловую гегемонию. Смысловая гегемония порождает контроль одного актора над другим, а в глобальном масштабе открывает дорогу к политическому, экономическому и военному превосходству.

За последние 50-70 лет электронными массмедиа перевели дискурсивные эпистемологические практики в своеобразный режим «капиллярного всеприсутствия». Гегемонные дискурсы обрели свойства «микрофизики власти», проникающей в саму способность человека, подпавшего под ее влияние. Тем самым подтверждается гегелевская мысль о том, что власть имеет первую победу и первое поражение в головах людей.

Тонкие лингвокультурные стратегии нацелены на саму способность мыслящего к различению информации на «да-информация» и «нет-информация» (Н. Луман). Исходным пунктом современной системной теории коммуникации («сообщени-информация- понимание») можно считать формулировку Г. Бейтсона: «Информация есть различие, делающее различие» [3, с. 112].

Доминирование неоглобальных дискурсов, осуществляется по принципу разрастания от противного. Мы имеем дело с такой лингвоэмиссией, которая для своего распространения нуждается в энергии сопротивления, ровно, как и в живом участии тех, кто ей послушно следует. Иначе говоря, лингвопринудительная система нуждается в возражении, как в средстве подпитки собственного роста. Ее оппонент или ниспровергатель, если он остается в границах эпистемы, не покидает лингвокультурного формата принуждения! Включенность оппонирующего в заданные (эпистемой) гегемонные дискурсивные практики является своего рода гарантией поддержания и укрепления границ этих практик.

Таким образом, формула «знание-власть» позволяет заполучить исследовательскую оптику и тем самым глубже всмотреться в сам процесс продвижения современных дискурсов глобального доминирования. Системе образования в обозначенном порядке вещей отводится особая роль. Образование в современном мире осуществляется в соответствии с логикой имперского различения: 1-й МИР и все остальные – 2-й, 3-й… С одной стороны (1-й МИР), формирует центры выработки критического мышления, эмиссии образовательных технологий и инноваций, политической и общественной активности. С другой (2-й и прочие МИРЫ) – по всей планете создаются институции образования, «лучшим» из которых предписано применение уже созданных (1-м МИРОМ) принципов и технологий.

На самом деле глобальное доминирование в продуцировании и диссеминации знания демонстрирует концентрацию силового поля лингвопринуждения на одном из полюсов мирового распределения «знания-власти». Доминирование такого рода усиливается опережающими темпами по отношению ко всевозможным ответам со стороны других центров социо- и этнокультурной идентичности [3, с. 180–186]. Принудительная эпистемологическая зависимость от западного центра эмиссии «знания-власти» устанавливается посредством «специальных предложений» для остального мира, от которых, говоря словами известного киногероя, «вы не сможете отказаться». К таковым следует отнести: глобальное установление стандартов качества, разработку условий признания дипломов, рейтингование университетов и научных изданий, стандартизацию квалификационных требований к профессуре и выпускникам университета и др.

По сути любая система образования, в какой бы стране она не практиковалась, так или иначе соотносит свои тактические и стратегические задачи с геополитической корпорацией знания и ее эпистемологическими клише. В этой связи уместен вопрос: унификация образовательных систем под глобальные требования первого мира – это благо или скрытая лингвопринудительная колонизация знания? Ответ на поставленный вопрос, судя по всему, не лежит на поверхности. Он не прост и вовсе не очевиден. Его не найти уже в первом шаге рефлексии.

В нашем случае важно не упустить проблему из виду и не считать сложившееся положение дел в отечественном образовании безнадежным. Поэтому поиск выхода за пределы глобального лингвопринуждения или же поиск путей взаимодействия с ним – все это может и должно стать предметом обсуждения интеллектуальных сообществ из самых разных областей – госуправления, образования, гуманитаристики, естествознания…

Литература:

1. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. под ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996.
2. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. – Екатеренбург: Изд. Урал. ун-та, 2002.
3. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психологии и эпистемологии. М., 2006.
4. Тлостанова М.В. Судьба университета в эпоху глобализации // Знание.Понимание. Умение. Научный журнал МосГУ. 2005. №3. С. 180–186.

Возможности дистрибутивной семантики для анализа дискурса

Иргашев Н.Р.

МГУ им. М.В. Ломоносова

nik.irg@yandex.ru

Митина О.В.

МГУ им. М.В. Ломоносова

omitina@inbox.ru

Данилова А.Г.

ВИНИТИ РАН

a_g_danilova@mail.ru

Аннотация: В данной работе мы определяем возможность применения методов дистрибутивной семантики в психологии, а именно в психосемантике. Также, обосновывается возможность применения текстовых корпусов в качестве эмпирических данных. Мы демонстрируем возможности применения дистрибутивной семантики в политической психосемантике. Здесь представлены результаты нашего пилотного исследования текстов официальных документов разных исторических периодов России.

Ключевые слова: психосемантика, дистрибутивная семантика, корпус, лингвистическая гипотеза, векторное представление.

Distributive semantics for discourse analysis.

Irgashev N.P., Mitina O. V.; Danilov*a *A. G.;

Lomonosov Moscow State University; All-Russian Institute for Scientific and Technical Information (VINITI RAS)

Abstract: In this paper, we determine the possibility of applying the methods of distributive semantics in psychology, namely in psychosemantics. Thus, we demonstrate the possibility of using textual corpora as empirical data and using distributive semantics in political psychosemantics. Below we show the results of our pilot study with texts of official documents of different historical periods of Russia.

Key words: psychosemantics, distributive semantics, corpus, linguistic hypothesis, vector representation.

Дистрибутивная семантика занимается исследованием смысловой (семантической) близости между единицами языка (морфемы, фонемы, словосочетания, слова) на основании их статистических характеристик, получаемых на больших текстовых данных [1]. Статистикой лингвистических единиц служит их распределение (дистрибуция). Основной принцип, благодаря которому конструируется семантическое пространство, заключается в том, что языковые единицы, могут быть близки друг к другу по смыслу если они чаще прочих выступают в одном и том же контексте. Этот принцип называется дистрибутивной гипотезой [6]. Она была подтверждена в ходе исследования, где сравнивались оценки синонимичности пар данные респондентами, с контекстами, в которых встречались слова их этих пар. Была обнаружена высокая корреляция между смысловой схожестью и общностью контекстов [5].

Модели дистрибутивной семантики, математически, реализуются при помощи векторных пространств. Каждая языковая единица представляется вектором в пространстве смысловых контекстов корпуса. Частота употребления этой единицы в данном контексте определяет значение вектора по копоненте, соответствующей этому контексту [3].

В нашем исследовании для построения векторного пространства испоьзовался компьютерный нейросетевой алгоритм Word2Vec. На сегодняшний день существует множество вариаций данного алгоритма, но смысл общего контекста остается ключевым [4].

Следует отметить, что семантический дифференциал Ч. Осгуда для получения которого необходимы были оценки респондентов объектов различной природы (языковых единиц) по антонимичным шкалам (контекстам) представляет собой реализацию контекстного векторного пространства. Ввекторные

пространства дистрибутивной семантики и психосемантические матрицы являются сопоставимыми многомерными структурами. Кроме того, уже не математическое, а методологическое совпадение двух областей исследования наводит нас на мысль о возможности их объединения. И психосемантика, и дистрибутивная семантика постулируют парадигму многомерного мира, первая, в контексте сознания [2], вторая в контексте языка.

Различия в способе построения векторного пространства: в психосемантическом подходе данные, получают в ходе опроса респондентов, а в дистрибутивной семантике из анализа текстов. Использование текстов в качестве эмпирических данных дает ряд преимуществ, таких как большой объем информации, экологически валидный способ получения данных, доступность текстов благодаря интернету. Кроме того, тексты - это единственный источник информации об ушедшем, о том, где мы уже не можем сформировать выборку.

Наше первое пилотное исследование посвящено изучению истории России по материалам властного дискурса разных веков. В исследование включены разнородные исторические документы (летописи, указы, судебники, публицистические и частные письма и др.), в среднем по 25 текстов за XVI – XX вв. – всего 127 текстов, сгруппированных по эпохам истории России: допетровская Русь, Россия от Петра до Октябрьской революции, СССР, постсоветский период XX в. Были составлены 5 корпусов текстов, разделенных по временному признаку. С 16 по 20 век, один корпус на век. В каждом корпусе в среднем содержалось 25 документов (текстов). Тематика текстов соответствовала официальным документам, письмам, указам, манифестам. После удаления стоп-слов и лемматизации (приведение слова к нормальной форме) величина словаря (неповторяющихся слов) для корпусов составила: 16 век – 5550 слов, 17 век – 4772 слов, 18 век – 5998 слов, 19 век – 5776 слов, 20 век – 7776 слов. На каждый корпус была построена модель векторного пространства при помощи алгоритма Word2Vec. В пяти словарях было выделено 494 общих слова.

Среди общих, слов нами был выделен ряд, важных смысловых категорий, представленность которых в каждый из пяти периодов Российской истории имеет интерес. Одной из возможностей векторных моделей является нахождение сходства межу языковыми единицами. В качестве меры сходства мы использовали косинус угла между задающими эти единицы веторами. Поскольку значения вектора это неотрицательные целые числа, то косинус лежит в диапазоне от 0 до 1, чем выше значение, тем в большей степени слова семантически схожи.

Так в моделях 16 и 17 веков ближайшими «соседями» слова «отечество» оказываются «бог» (0.95), «церковь» (0.94), «государь» (0.96), «святой» (0.95). В то время, как в 18 веке добавляются новые слова «наука» (0.72), «сенат» (0.71), «закон» (0.7) и «добродетель» (0.73). При этом слова «бог» и «божий» еще в модели 18 века сохраняют свои позиции, когда в 19 и 20 веках их нет.

Слово «вера» в модели 16 века семантически близка со словами «бог» (0.99), «сын» (0.99), «церковь» (0.98), в 17 веке появляется слово «государь» (0.95), в 18 и 19 веках самые близкие «соседи» — это «правило» (0.5), «образ» (0.5) и «чин» (0.5), а в 20 веке – «промышленность» (0.95), «военный» (0.95) и «политический» (0.94).

Для того чтобы иметь возможность более корректно сопоставлять- расстояния между парами слов в различные исторические этапы, вычисленные косинусы по всему массиву пар были стандартизированы, т.е. приведены к Z баллам, распределение которых является нормальным со средним равным нулю и стандартным отклонением равынм 1.

Можно проследить динамику семантической близости на примерах конкретных пар слов. Например, смысловое сходство слов «долг» и «совесть». Как видно, семантика «долга» и «совести» ближе всего в 19 веке (Рис. 1). В то же время максимальное сближение смыслов «долга» и «отечества», «долга» и «труда» в 18 веке.

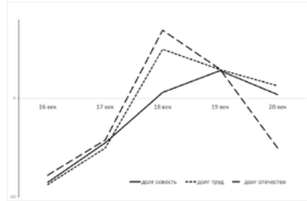


Рис. 1. Динамика семантической близости понятия «Долг» с другими понятиями.

Наибольшая близость между понятием «Достоинство» с одной стороны и понятиями «Любовь» и «Отечество», с другой, отмечена в 18 и 19 веках. В 20 веке эти понятия расходятся очень далеко

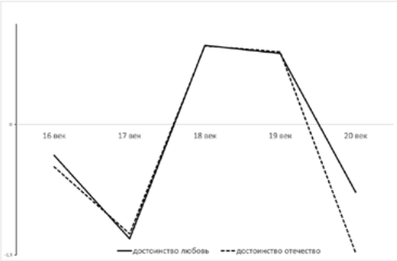


Рис. 2. Динамика семантической близости понятия «Достоинство» с другими понятиями

Еще одна пара слов: «вера» и «ум». Здесь, происходит резкое возрастание семантической близости к 18-ому веку и снова падение в 20-м веке (Рис. 3).

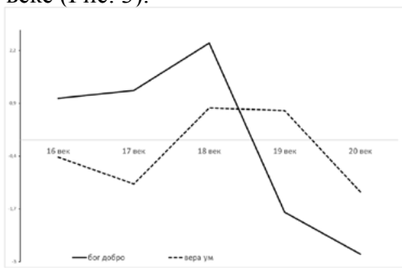


Рис. 3. Динамика близости понятий «Вера» и «Ум», «Бог» и «Добро»

Вероятно, это можно связать с ранее обнаруженным изменением смысла слова «вера». Такой анализ позволяет нам определить, насколько сравнимо одно и тоже слово в разных временных эпохах. Пара слов «Бог» и «Добро» постепенно отдаляются друг от друга.

Данное исследование представлено как пилотаж. Нашей целью была демонстрация качественно новых методов анализа текстовых данных в контексте парадигмы об многомерности мира, где категориальная структура сознания в различных содержательных областях выступает предметом исследования психосемантики.

С методологической точки зрения, очень важным становится процесс формирования текстовых корпусов, ведь именно характер текстов напрямую влияет на качество и репрезантативность векторной модели. Так, неправильно объединять тексты целого века, необходимо более дробное деление, основывающееся на ключевых исторических периодах и событиях.

В контексте цифрового мира, дистрибутивной подход в психологии позволяет нам освоить колоссальный по объему пласт текстовой информации, который находится в открытом доступе, и может отражать, по нашему мнению, ключевые, для психологии процессы и изменения.

Литература:

1. Митрофанова О.А. Измерение семантических расстояний как проблема прикладной лингвистики (рус.) // Структурная и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник: журнал. — Издательство СПбГУ, 2008. — Вып.7.
2. Петренко В. Ф. Психосемантические аспекты картины мира субъекта // Психология. Журнал Высшей Школы экономии. — 2005. — Т. 2, № 2. — С. 3–23.
3. Gallant S. Context vector representations for document retrieval (англ.) // Proceedings of AAAI Workshop on Natural Language Text Retrieval : конференция. — 1991.
4. Mikolov T., Chen K., Corrado G., Dean J. Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space // In Proceedings of Workshop at ICLR. — 2013.
5. Rubenstein H., Goodenough J. Contextual correlates of synonymy (англ.) // Communications of the ACM : журнал. — 1965. — Vol. 8, iss. 10. — P. 627—633.
6. Sahlgren M. The Word-Space Model: Using distributional analysis to represent syntagmatic and paradigmatic relations between words in high-dimensional vector spaces (Ph.D. Thesis). — Department of Linguistics, Stockholm University, 2006.

Пиар-дискурс как результат социальной практики: лингвистические стратегии пиар-специалистов и их философское кредо

Оберюхтина М. В.

МГУ им. М. В. Ломоносова, аспирант

abetina@yandex.ru

Аннотация: в данной работе сделана попытка определить сущность понятий «дискурс» и «социальная практика» в научных концепциях различных российских и западных ученых и обосновать употребление термина «дискурс» в отношении такой коммуникационной практики в бизнес-культуре, как пиар. Проверяется возможность применения классических определений, принципов и парадигм дискурса и социальных практик к устным высказываниям и письменным текстам, воспроизводимым специалистами в области пиара при осуществлении их профессиональной деятельности. В статье обсуждается предполагаемая профессиональная философия создателей и пользователей пиар-дискурса и языковые средства, которые стандартно используются в продуцируемых ими устных и письменных типах текстов. Сделаны предварительные выводы о том, можно ли считать пиар социальной практикой, а пиар-дискурс - типом дискурса со своими языковыми законами и почему.

Ключевые слова: пиар, дискурс, социальный, термин, бизнес.

PR discourse as a result of social acts: the work philosophy of PR officers and their linguistic strategies.

Oberyukhtina M. V.

Moscow State University

Abstract. This paper seeks to analyze the notions of «discourse” and “social practice” in terms of various Russian and Western theories and to justify the use of the term “discourse” in relation to such communication practice in the business-culture as PR. It looks at whether it is possible to apply classical methods, definitions, principles and paradigms of discourse and social practices to the texts, which experts in PR typically produce while carrying out various activities in their professional sphere. The article discusses the “philosophy” of the creators and users of the PR discourse and the language tools that are widely used in the oral and written discourses by PR officers. Preliminary conclusions are made about whether it is possible to consider PR a social practice, and if PR discourse is a type of discourse with its own linguistic characteristics and why.

Key words: PR, discourse, social, a term, business

В последнее время стало популярным использование в научных исследованиях, предметом которых является пиар, терминов «дискурс» или «социальная практика». В данной статье будут обсуждаться перспективы рассмотрения пиара как той или иной общественной практики, а производимых пиар-специалистами текстов – как образцов дискурса того или иного вида.

Прежде чем отнести пиар-коммуникации к той или иной группе понятий, определим, что может считаться дискурсом и/или социальной практикой. Полезно помнить, что различаются как минимум две группы определений понятия «дискурс». Первая из данных групп включает определения, которые трактуют дискурс широко, в какой-то степени популяризируя данное понятие. Вторая же группа включает определения, в которых понятие сужается до случаев его использования в конкретной сфере деятельности, предметной области.

Тема дискурс-анализа проходит красной нитью через все теории литературы и культуры второй половины XX века и через весь XXI век. Дискурс понимается в них как особый вид давно исследуемого понятия «текст». Как указывает Л. И. Яковлева, «В начале 70-х годов была предпринята попытка дифференцировать понятие текст и дискурс, бывшие до этого в европейской лингвистике почти взаимозаменяемыми, с помощью включения в данную пару категории ситуации. Так, дискурс

предполагалось трактовать как «текст плюс ситуация…» [1, с.6-7] а также как «совокупность фиксированных значений в пределах специфической области» [1, с.27].

Отметим, что Филлипс и Йоргенсен в своей работе, где они проводят анализ трудов теоретиков постструктурализма Лакло и Муффа, описывают три теории, в которых дискурс-анализ трактуется по-разному. Наиболее общее определение понятия «дискурс» в данной работе звучит следующим образом: «Все структурное единство, возникающее в результате артикуляционной практики, мы назовем дискурсом». [1, с.27]

Кроме того, видный исследователь-практик постструктурализма Мишель Фуко предлагает к рассмотрению и применению несколько иную трактовку дискурса**.** Именно Фуко, описывая дискурсы, трактует их как характеристику «социальных практик» и вписывает различные типы дискурсов в их контекст. Дискурс Фуко – это совокупность знаков, а далее знаковых систем и их функционирование в определенном контексте. Это текст вместе с той социальной практикой, которая его порождает и которой определяются его особенности. Дискурс состоит из определенного набора конкретных высказываний, он вписывается в контекст истории и сам по себе может быть назван фрагментом истории, ее неотъемлемой частью. [2, 174-182]

Теперь давайте рассмотрим второе ключевое понятие, от которого следует отталкиваться при изучении пиара – «социальные практики». В различных источниках встречаем разнообразные толкования данного феномена. Например, они могут пониматься как 1) традиционные для данной культуры способы деятельности, обращения с определенными объектами 2) следование правилам, поведенческие ритуалы 3) социальные институты частного характера. [3, с. 33-35] Кроме того, социальной практикой можно назвать «ситуацию, в которой человек получает социальный опыт» [4, с. 134].

По словам французского социолога П. Бурдье, социальные практики – это привычные для человека поступки, своего рода «рутины», позволяющие ему интегрироваться в окружающее его общество, поступать в соответствии с его законами, запретами и указаниями. Но вместе с тем так он предлагает называть и контакт человека с окружающим миром и изменение этого мира человеком сообразно своим нуждам, взглядам, жизненным установкам. [5].

Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод о том, что дискурс является в какой-то мере продуктом действия определенных социальных практик, так сказать, производной от их функций. Насколько оправданы эти определения по отношению к пиар-практикам? По-видимому, необходимо объединить два определения из вышеуказанных и сказать, что деятельность специалистов в области пиара – это деятельность некоего социального института, и, к тому же, преобразование мира конкретными людьми согласно своим убеждениям и жизненным целям с использованием стандартных языковых моделей – жанров, языковых средств. Рассуждение это основывается на том, что определенные модели речевого, как вербального, так и невербального, взаимодействия с аудиторией стабильно повторяются в каждом произведении речи; их цель – воздействовать на людей, потенциальных пользователей или покупателей, изменить их мышление и убеждения. С другой стороны, пиар-агентства и пиар-отделы компаний в совокупности могут теоретически называться неким социальным институтом, определяющим через свою деятельность удовлетворение потребностей групп людей и организующее их деятельность.

Теперь перейдем к вопросу о том, бывают ли задействованы особые языковые средства или стратегии в тех типах текстов и дискурсов, которые характерны для пиар-практик, и постараемся вывести особые законы дискурса, существующего в рамках пиар-практик, языковые законы, по которым может строиться дискурс. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует, прежде всего, вспомнить, какие типы и жанры текстов производятся в данной практике**.** Обычно это комплекты для прессы, включающие всю информацию о компании – любые факты и цифровые данные. Данную информацию содержат в себе такие составляющие комплект для прессы документы, как пресс-релизы, биографии руководителей компании, авторские публикации сотрудников, кейс-истории товара, факт-листы и т.д. Продуцируемые специалистами по пиару тексты достаточно типичны в языковом отношении с точки зрения плана содержания и плана выражения. Кроме того, интересно то, что они двусторонни и даже амбивалентны: они относятся, с одной стороны, к средствам выражения мысли о бренде, компании, продукте или услуге, а с другой стороны, донесения ее до читателя/слушателя в как можно более удобной, легко воспринимаемой им форме. Они всегда обусловлены практическим контекстом жизненной ситуации и напрямую связаны с конкретными событиями: и, с одной стороны, они созданы для того, чтобы в очередной раз обратить внимание читателя/слушателя на товар, с другой стороны, реакция – отклик, отзыв на них – не являются обязательными.

Отметив определенные языковые особенности данных текстов, возможно понять, что составляет кредо пиара как социальной практики. При толковании различного рода текстов (и текстов, вписанных в контекст социальной реальности, т.е. дискурсов), их назначения и техники исполнения можно оценить их с точки зрения неоднократно развивавшейся в работах филологов, а первоначально предложенной Р. Якобсоном [6] теории о 6 функциях языка. В различных социальных практиках, как и различных типах дискурса, преследуются различные цели, суть которых и раскрывает Якобсон в своей наиболее известной теории. Тексты, которые специалисты по пиару включают в комплекты для прессы, — это, в первую очередь, короткие информативные тексты, где обычно не реализуются, по Якобсону, эмотивная, поэтическая функции языка. Преобладающими же функциями в этом типе текстов становятся фатическая (направленная на поддержание связи, контакта с потенциальным клиентом), коммуникативная (направленная на имитацию общения с аудиторией, воспринимающей дискурс) и метаязыковая (направленная на построение определенного кода текста, который разделяет целевая аудитория) функции.

Кроме того, если мы упоминаем о метаязыковой функции, именно в пиар-дискурсе можно наблюдать проявление тех законов языка, которые формулируют в своем «Трактате об аргументации, или Новой Риторике» Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Титека. Авторы данного труда как раз рассуждают о том, что речь, текст, призванные воздействовать на воспринимающего их человека, склонить его на сторону автора, должны содержать некоторые риторические приемы, которыми автор старается показать, что его культурный код идентичен культурному коду его аудитории. [7, с. 470-540]. В частности, они говорят об «аргументации примером», «аргументации с помощью совершенного существа-образца», «аргументации с помощью аналогии» — как средствах убеждения.

С другой стороны, некоторые логические построения, стоящие за аргументацией Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки, — например, о метафоре — обыкновенной и «спящей» — скорее подходят к жанру из области рекламы, пиар же как социальная практика их отвергает. Это объясняется тем, что в философии пиара главное – не агрессивное, а «мягкое», ненавязчивое формирование облика компании и соответствующая подача информации о ней.

Проведя краткий анализ пиар-дискурса, можно сделать вывод о том, какие законы дискурса проявляются в пиар-практиках и устных и письменных текстах, порождаемых в рамках этих практик. Можно сказать, что характерные свойства пиар-дискурса как результата соответствующей одноименной социальной практики прослеживаются как в устных сообщениях, так и в письменных текстах, которые производятся в рамках пиар-кампаний. Они таковы:

1. В пиар-дискурсе моделируется ситуация, в которой потенциальные читатели текста/слушатели речи должны максимально погрузиться в контекст обсуждаемой ситуации: тексты строятся с учетом тех функций языка, которые предполагает философия PR – ненавязчивое продвижение услуг/товаров определенной компании.

2. Активно используются некоторые приемы аргументации и при этом игнорируются некоторые другие, не соответствующие «моральному кодексу», философии пиара.

Учитывая все вышесказанное, мы можем сделать вывод, что 1) пиар в какой-то степени является социальной дискурсивной практикой 2) тексты, производимые в рамках этой социальной практики, можно считать дискурсами, обладающими специфическими языковыми особенностями.

Литература:

1. Яковлева Л. И. Методологические проблемы исследования дискурса// Credo new, № 2-1, с. 162-180, 2015.
2. Сокулер З. А. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени: [Вступительная статья] // Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — СПб.: Университетская книга, 1997.
3. Никитина Г. В. Социальная практика как педагогическое понятие [Текст] // Актуальные задачи педагогики: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, декабрь 2011 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. — С. 33-35.ttps://moluch.ru/conf/ped/archive/20/1334/ (дата обращения: 18.12.2019).
4. Юдин Б. Г. Знание, понимание, умение. // Гуманитарные науки: теория и методология, №2, стр. 126-135, 2005.
5. Пьер Бурдье. Начала. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А./ — М.: Socio-Logos, 1994.
6. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
7. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La nouvelle rhétorique. Presses Universitaires de France, Paris, 1958.

Философские подходы к пониманию концепта

Солодухо М.Н.

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ.
Кандидат философских наук, доцент

margarita.nat@yandex.ru

Аннотация: Показаны основные подходы к формированию современного философского понимания концепта. Указывается, что процесс различения концепта и понятия начался еще в средневековом номинализме. Такие авторы, как С.С. Неретина, Ю.В. Суржанская и др. на рубеже XX-XXI вв. вывели разговор о концепте на философский уровень. Вместе с тем философско-гносеологические подходы к сходным формам познания можно обнаружить еще в работах Канта, Гегеля, Фреге и др. Специальные исследования концепта были проведены русским философом-гносеологом С.В. Аскольдовым. В центр философского дискурса понятие концепта выдвинули представители постмодернизма Делѐз, Гваттари, Барт др., отрицая понятийный характер философии. Автор материала дает свое понимание концепта как переходного звена от чувственного отражения действительности в форме общего представления к рациональному мышлению в форме понятия. Отмечается также инверсный способ формирования концепта от понятия к представлению.

Ключевые слова: философия, формы познания, концепт, понятие, представление

Philosophical approaches to understanding the concept.

Solodukho M.N.

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI.

Abstract: The basic approaches to the formation of a modern philosophical understanding of the concept (kontsept) are shown. It is indicated that the process of distinguishing between kontsept and concept began in medieval nominalism. Authors such as S.S. Neretina, Yu.V. Surzhanskaya and others at the turn of the XX-XXI centuries brought the conversation about the kontsept to a philosophical level. At the same time, philosophical and epistemological approaches to similar forms of cognition can be found in the works of Kant, Hegel, Frege and others. Special studies of the kontsept were carried out by Russian philosopher-epistemologist S.V. Askoldov. Representatives of postmodernism, Deleuze, Guattari, Bart et al., Put forward the kontsept of philosophy at the center of philosophical discourse, denying the conceptual nature of philosophy. The author of the material gives his understanding of the kontsept as a transitional link from the sensory reflection of reality in the form of a general idea (representation) to rational thinking in the form of a concept. An inverse way of forming a kontsept from concept to representation is also noted.

Keywords: philosophy, forms of cognition, concept (kontsept),concept (ponyatiye), representation

Термин «концепт» введен в оборот средневековыми философами-номиналистами для различения языка и речи при решении проблемы универсалий, В двухтысячные годы понятие концепта начали активно рассматривать как философскую проблему. Было показано, что в работах ряда мыслителей классического и неклассического периодов велся поиск чувственно-рассудочных форм познания, имеющих сходство с концептом: это «смутное понятие» Канта, «представление, переходящее в мысль» Гегеля, имя, знак, «ассоциированная идея» Фреге. В первой половине XX века русский гносеолог С.В. Аскольдов выделил в качестве характеристик концепта проективность и потенциальность в сторону понятия [1].

В западной философии прошлого века Делѐз, Гваттари, Барт и некоторые другие представители постмодернизма определяли философию как «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты». Тем самым поставили понятие концепта в центр внимания философского дискурса. По их мнению, все философы во все времена создавали именно концепты, следовательно, концепт является предметом исследования и центральным понятием философии. Концепт вполне соответствует постмо-

дернистским установкам: он, напоминая идею, как мыслительное образование обладает отсутствием четких границ, структурной неопределенностью, контекстуальностью. Если концепт рассматривается как «событие, вырванное из хаоса реальности», он не требует для своего определения четкой дефиниции. И в этих условиях существование философского понятия становится невозможным.

Анализ концепта фактически сводится к исследованию соотношения между общим представлением и понятием и к выяснению отличий концепта как от представления, так и от понятия. Понятие отражает объективно существующие общие и существенные характеристики предметов и явлений определенного класса, строится по логическим правилам, а потому оно не индивидуализировано и не зависит от речевого контекста. По мнению С.С. Неретиной, «в отличие от понятия концепт субъективен, он формируется в контексте общения, в области душевных, интонационных, энергийно-ритмизированных коммуникационных связей с говорящим (…). Концепт индивидуализирован, он постоянно уточняется в процессе обдумывания ответов на вопросы, которые возникают в диспуте с другим субъектом» [2].

С философским пониманием концепта современные отечественные авторы связывают: общее представление и имя (В.Н. Сагатовский), ретенцию, идею (А.Н. Книгин), «когнитивные сущности, предстающие в виде «смыслоообразов», сложных структурных образований из гетерономных элементов» (Л.А. Микешина), сгусток культуры в сознании человека (Ю.С. Степанов). Концепты отличают от понятия, тем, что они не только мыслятся, но и переживаются. Выделяют четырехуровневую структуру концепта: концепты в индивидуальном сознании, авторский концепт в тексте, концепт в тексте интерпретатора, концепты на уровне коллективного сознания (Ю.В. Суржанская) [3].

Здесь следует также вспомнить об одном направлении в развитии когнитивной психологии, получившем название «теории прототипов». Ее создателем считается Элеонора Рош, которая представлениям Аристотеля о понятиях, как логических таблицах категорий, противопоставила концепцию формирования в сознании людей повседневных понятий, или когнитивных категорий. Согласно ее теории, большинство повседневных понятий характеризуются наличием прототипа («точкой отсчета») в центре и размытыми границами периферии. Виды и подвиды данного понятия относятся к одной категории (одному классу) не по определяющим признакам (как это принято в дефиниции понятия), а по прототипу – образцовому члену, подобие с которым заставляет отнести все другие ее члены к данной категории (процесс категоризации).

У концепта можно обнаружить некоторое сходство с метафорой со стороны ее экспрессивно-коммуникативных функций. Как известно, метафора характеризуется перенесением свойств одного предмета на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту.

Когда речь идет о взаимодействии областей образно-художественного мышления и научно-понятийного, необходимо вспомнить понятие «смыслообраза», введенное А.Ф. Лосевым. Исходя из того, что «смысл имени всегда одинаков» («Имя не может быть по своему смыслу отличным от того, чего оно - имя»), А.Ф. Лосев рассматривал смыслообраз как общую идею имени, присутствующую в конкретном образе [4]. Смыслообраз присутствует в нем как высшая неизменная идея. Некоторое подобие таких образований могут возникать, когда разум сталкивается с чем-то страшным, абсурдным, что не выражается логикой рационального мышления, тогда вырабатывается мыслеобраз. Видимо, в принципе концепт можно рассматривать как разновидность смыслообраза в широком понимании этого термина.

Наше понимание концепта как предмета философско-гносеологического анализа сводится к следующему. Познавательная форма, именуемая концептом, раскрывается как промежуточное, переходное звено, способствующее формированию новых понятий (в том числе и философских категорий) на различных уровнях знания. Концепт обладает свойствами, присущими как представлению, так и понятию, то есть концепт служит переходной структурой от чувственного отражения действительности к рациональному выражению познавательного процесса. Первоначально формируется именно концепт, возникающий на базе подвижной речевой коммуникации, отталкиваясь от первоначально неопределенных и весьма смутных эмоционально-чувственных образов в форме общих представлений. Эти образы имеют направленную гносеологическую ориентацию – они нацелены на понятийный статус.

Хотя концепт еще и не обладает присущей понятию дифференцированностью и четкостью обозначения свойств предмета, тем не менее, он потенциально готов к такой перемене, и в своей совокупной проявленности со стороны различных субъектов все более рационализируется, превращаясь в стабильную языковую форму мышления, то есть в понятие. Возможен и инверсный путь образования концепта: от понятия к размыванию его четкой структуры в различных контекстах на основе нестрогого употребления и наделения субъективно-эмоциональными свойствами. В таком случае концепт выступает как переходная форма знания от понятия к представлению, как звено от рационального к чувственно-эмоциональному.

Предложено авторское определение понятия концепта. «Концепт – это особая переходная форма мышления между представлением и понятием, которая формируется в чувственно-рассудочной среде и обладает как некоторыми свойствами представления, так и некоторыми свойствами понятия, выступает и как целостная чувственная форма сознания, и как первичная рационализированная познавательная форма». Концепт как речевой элемент ситуативен и контекстуален, всякий раз возрождаясь «здесь и теперь» [5].

Литература:

1. Аскольдов, С.В. Концепт и слово // Гносеология: Статьи / С.В. Аскольдов. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. – 200 с. – (Библиотека русской философской мысли). – С. 157-177.
2. Неретина, С. С. Концепт /С.С. Неретина // Энциклопедия эпистемологии и философии науки /С.С. Неретина. – М.: Канон +; РООН «Реабилитация», 2009. С. 387–389.
3. Суржанская, Ю.В. Концепт как философское понятие /Ю.В. Суржанская // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Вып. № 2, 2011. – с. 70-77. [Электронный ресурс]. URL: cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kak- filosofskoe-ponyatie.pdf (дата обращения 10.08.14).
4. Лосев А.Ф. Вещь и имя // Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. – С. 802-880.
5. Солодухо, М.Н. Особенности концепта как формы познания /М.Н. Солодухо // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. – 2015. – № 3 (29) – С. 168-175.

Повелительное наклонение в политическом дискурсе

Филиппова Маргарита Михайловна

Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук, доцент

philippova_marga@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен императиву – грамматической структуре, характерной для публичной речи с древнейших времен. Язык власти и авторитетности часто облекается именно в повелительное наклонение. При ближайшем рассмотрении наблюдается весьма значимая связь между императивом и нравственностью. Семантический спектр императива довольно обширен: просьба, команда, приказ, призыв, предостережение, предупреждение, увещевание, наставление, настоятельный совет, указание, директива, предписание, рекомендация, подбадривание, утешение, ободрение, поощрение, возражение, увещевание, обольщение, соблазн, убеждение, настойчивая просьба, подстрекательство, наущение, побуждение, заступничество, ходатайство, посредничество и т. д. Хотя активное использование императива рекламщиками «подрывает взаимное доверие, делающее возможным сотрудничество и связывающее людей воедино, делая их обществом», императив остается одним из важных инструментов в политическом дискурсе, что подтверждается лозунгами предвыборных кампаний Д.Трампа и лозунгами Брекзита.

Ключевые слова: императив, политический дискурс, Дональд Трамп, Брекзит, языковой инструмент.

The Imperative Mood in Political Discourse.

Philippova M.M.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology

Abstract: The talk is devoted to the imperative mood – a grammatical structure characteristic of public speech since ancient times. The language of authority and power is often couched in imperatives. At close inspection we can observe quite intimate connection between the imperative and morality. The semantic spectrum of the imperative is quite extensive: requests, commands, orders, appeals and slogans, exhortation, warning, cautioning, admonition, admonishment, instruction, direction, directive, injunction, prescription, advice, recommendation, counsel, reassurance, comfort, consolation, encouragement, stimulation, objection, seduction, temptation, persuasion, conviction, solicitation, intervention, mediation, intermediation, intercession, application, petition, instigation, incitement, incitation, fomentation, impulsion, inducement, etc. Though active use of the imperative by advertisers “breaks down that mutual trust that makes cooperation possible and knits people together into a society”, the imperative remains one of the most important linguistic tools in political discourse, which can be substantiated by Donald Trump’s election campaign slogans and the slogans of the Brexit campaign.

Key words: the imperative, political discourse, Donald Trump, Brexit, language instrument.

Статья посвящена императиву – грамматической структуре, характерной для публичной речи с древнейших времен. В качестве примера можно обратиться к заповедям пророка Моисея, речам Иисуса Христа и пророка Магомета, а также к политическим речам многочисленных политиков разных эпох. Язык власти и авторитетности часто облекается именно в повелительное наклонение, например, предупреждение *Mind the gap* или *Defend the Children of the Poor & Punish the Wrongdoer*. В этой надписи наблюдается связь между императивом и нравственностью, которая при ближайшем рассмотрении оказывается очень значимой.

Некоторые библейские фразы и выражения также выражены повелительным наклонением: *Ask and it shall be given you*; *Seek and ye shall find*; *Judge not, that ye be not judged* и многие другие. Императив, как выясняется, давно служит средством передачи и библейской мудрости тоже.

И все же, императив часто наводит на мысль об определенном настрое мышления и о бесцеремонном поведении. Он выражает волю говорящего доминировать, предписывать и т. п. Так, в английском языке есть частотные повседневные фразы, отражающие настроения людей: *Keep your chin up! Keep smiling! Accentuate the positive! Get real! Keep on trying!* Они, выражая мудрые и позитивные мысли, имеют форму повелительного наклонения, т.е. являются довольно категоричными и безапелляционными.

При взгляде на различные примеры императива становится особенно заметно, что конкретное значение (в данном случае совет), выражаемое этой формой, зависит не только от грамматической формы, но и от той интонации, с которой она произносится, от семантики основного глагола и общего контекста высказывания. И список возможных значений, которые может передавать императив, довольно обширен: просьба, команда, приказ, призыв, предостережение, предупреждение, увещевание, наставление, настоятельный совет, указание, директива, предписание, рекомендация, подбадривание, утешение, ободрение, поощрение, возражение, увещевание, обольщение, соблазн, убеждение, настойчивая просьба, ходатайство, подстрекательство, наущение, побуждение, заступничество, ходатайство, посредничество и т.д.

Пословицы и поговорки содержат непреходящую мудрость, опыт целых поколений, предлагая нам всякого рода советы и предупреждения: *First thrive and then wive*; *Look before you leap*; *Don’t count your chickens before they are hatched*; *Don’t teach your grandmother to suck*; *Never judge from appearances*; *Look on the bright side* и многие другие. Они были частью народного сознания веками, именно поэтому они и называются народной мудростью. И многие оформлены в виде императива.

Поэтому, когда рекламисты оформляют мысль в повелительном наклонении, сама синтаксическая форма подразумевает все эти ассоциации: эта же форма используется для общепризнанных формул вежливости, для общепринятых пословиц и поговорок, составляющих результаты социального и культурного опыта народов, и для передачи авторитетного нравственного содержания библеизмов, в частности.

Из всех этих примеров становится понятно, что императив подразумевает определенное отношение, прямой и непосредственный подход к делу, некие ментальные установки. Обратимся к философскому словарю и посмотрим, как понятие императива трактуется в нем. В словаре утверждается: потребность излагать просьбы и команды является для человека столь же базовой, как и потребность сообщать информацию. Тогда все многочисленные функции императива можно объяснить его универсальностью и его древними корнями, его характеристиками, которые являются базовыми для языка, его длительной историей как строевого компонента различных языков человека и даже языков животных, как разъясняется в этой статье [1, с.188].

Чтобы вникнуть в философское истолкование императива, обратимся к определению прескриптивизма. Философский словарь С. Блэкберна дает определение, вывод из которого: императив тесно связан с нравственными суждениями. И действительно, только абсолютная уверенность в своей правоте может давать человеку основание формулировать свои суждения в повелительном наклонении [1, с.299].

Императив, возможно, является самой простой и недвусмысленной конструкцией, передающей смысл авторитетности, опытности, выкристаллизованного знания о каком-либо предмете, специализированного знания, принадлежащего посвященным, уверенности в своей правоте, в своем праве воздействовать на собеседника именно таким образом, в своем праве требовать от собеседника определенного поведения и т.п. В общем смысле, утвердительная форма императива в рекламных объявлениях используется, чтобы побудить читателя/слушателя совершить некое действие, передает смысл настойчивых попыток вовлечь адресата и активно влиять на него, пытаясь убедить его купить некие продукты и пользоваться ими. В целом, можно сказать, что императив демонстрирует высочайшую степень уверенности в своей правоте, праведности и бесспорной верности взглядов пишущего. Это выражение активной жизненной философии.

Нужно отметить, что есть много слоганов, выраженных и отрицательной формой повелительного наклонения, причем как рекламных, так и политических, таких как: *Don’t Let Them Take It Away; Give ’Em Hell, Harry*. Можно видеть, что часть этих лозунгов нацелена на то, чтобы побудить сторонников какого-нибудь политика выразить свою волю, но здесь также заметен некоторый момент более общего характера.

Про запрет/предписание *don’t (do something)* вместе с его синтаксической структурой можно ска-

зать, что это — одна из самых прочно укоренившихся структур в сознании человека. Этот императив в отрицательной форме дети слышат с раннего возраста, когда начинают исследовать окружающий мир. Эта конструкция используется их родителями и другими родственниками, прочими окружающими людьми для их социализации, т. е., чтобы научить их, какое поведение является приемлемым в обществе, а какое — нет, что опасно для их здоровья и благополучия, что — вредно, иными словами, чтобы объяснить им, «что такое хорошо, а что такое плохо».

Можно предположить, что эта синтаксическая структура функционирует неосознанно, ведь у каждого человека где-то в глубинах памяти наверняка накоплено множество ассоциаций с многочисленными ситуациями, когда ему не давали что-то сделать, когда ему не позволялись какие-то действия или что-то было запрещено. Вследствие этого отрицательный императив (*Don't!*) — это структура, заставляющая человека насторожиться, ее невозможно игнорировать, не обращать на нее внимания, поэтому она очень эффективно работает в рекламе. Она особенно хорошо достигает своих целей, потому что опыт учит людей тому, что те, кто старше и мудрее их, обычно стараются заставить их воздержаться от совершения глупых, опасных или рискованных действий. Как следствие, эта структура вызывает страх совершить неправильные действия. Во многих рекламных объявлениях эта отрицательная форма императива уравновешивается советом делать то, что авторы рекламы считают правильным — купить их продукт, последовать их совету и т. п. В результате в такой рекламе мы наблюдаем идеальную ситуацию заранее подготовленного выбора, когда потребителям не приходится напрягаться, а можно просто идти по линии наименьшего сопротивления и принимать то, что авторы рекламы столь убедительно предлагают им.

Можно отметить анализ С.И. Хаякавы, объясняющий разочарование потребителей: «Директивные высказывания берут на себя труд рассказать нам, как мы можем вызвать к жизни осуществление желательных событий и избежать нежелательных. Если мы сможем полагаться на то, что директивные высказывания говорят нам о будущем, уменьшится количество неопределенности в жизни. Однако, когда директивные высказывания имеют такой характер, что вещи не происходят так, как было предсказано – когда, после того как мы сделали то, что нам было велено, душевное спокойствие не было обретено, налоги не уменьшились, любимый (-ая) не возвратился – мы испытываем разочарование. Такие разочарования могут быть тривиальными или серьезными; в любом случае, они настолько распространены, что мы даже не берем на себя труд пожаловаться на большинство из них. Тем не менее, они все значимы по своим последствиям, по тому, что подразумевают. Каждое такое разочарование служит, в большей или меньшей степени, тому, чтобы подорвать то взаимное доверие, которое делает возможным сотрудничество и связывает людей воедино, делая их обществом» [2, с.67].

Итак, императив – это структура, нагруженная массой культурных, социальных и психологических ассоциаций. Она функционирует на уровне бессознательного, поскольку мы обычно обращаем внимание на смысл, а не на синтаксическую структуру высказывания. Совсем не случайно и рекламщики, и политики столь активно используют этот инструмент воздействия на мышление и поведение отдельных людей, социальных групп и общества в целом (подрывая тем самым доверие к себе и наше доверие друг к другу).

Возникает вопрос: если мы разберемся в механизмах воздействия императива, выработается ли у нас иммунитет против таких лозунгов? Если посмотреть на предвыборный лозунг Дональда Трампа «Make America Great Again» (сделайте Америку снова великой), который даже был сокращен до аббревиатуры MAGA, убеждаемся, что он был эффективен. В президентской гонке 2020 года у Трампа лозунг «Keep America Great» (Поддерживайте величие Америки). Посмотрим на лозунги Брекзита: Get Brexit done (Осуществите Брекзит); Take back control (Заберите контроль обратно в свои руки); Just leave (Просто выйдите!); Give people the final say (Дайте народу сказать решающее слово); и даже Screw EU (Уделайте ЕС). Когда принятие решения затягивалось, Джонсон выдвинул лозунг Break the deadlock (Выйдите из тупика). Противники Брекзита тоже высказывались с помощью повелительного наклонения: Down with Brexit (Долой Брекзит!); Keep us in the EU (Оставьте нас в ЕС); Stop Brexit (Остановите Брекзит) и т.п.

Убеждаемся, таким образом, что повелительное наклонение остается очень эффективным средством оформления политического дискурса.

Литература:

1. Blackburn, S. The Oxford Dictionary of Philosophy. OUP, 1996.
2. Hayakawa, S.I. and Alan R. Hayakawa. Language in Thought and Action. New York, London, 1992.

Дискурсы: широкий и узкий пути понимания

Яковлева Л.И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент, кандидат философских наук

ludmila.jakovleva@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в последние несколько десятилетий, с использованием термина “дискурс”. Разнообразие его словоупотребления произошло благодаря тому, что в лингвистике, политологии, философии, юриспруденции и других научных дисциплинах, а также практиках, ими обслуживаемых, были обнаружены новые исследовательские пласты и проблемы, которые оказалось удобно обозначить одним словом, так или иначе связанным с мышлением и речью, к тому же схожим в нескольких естественных языках, важных для процессов организации познания. Утверждается, что не представляется возможным добиться сведения разных вариантов его применения не только в одну теорию, но даже в один подход. Предлагается выделить два принципиальных пути понимания дискурса, каждый из которых в свою очередь может включать разные подходы, - широкий и узкий.

Ключевые слова: дискурс, форма мышления, интенция, керигма, текст, речь, коммуникация.

Discources: Broad and Narrow Interpretation.

Yakovleva L.I.

Lomonosov Moscow state University

Abstract: The article examines the pattern of usage of the term “discourse” in recent decades. The variety of its usage stems from the fact that linguistics, political science, philosophy, law and other academic fields and their correspondent practices have produced new levels and challenges of research. They were conveniently defined by one word, which was connected with speech and thinking, and which is also similar in several natural language that are important for processes of cognition. It seems to be impossible to bring together variations of its usage not only into one theory but also into one approach. It is suggested that there should be two principal ways of interpreting discourse, each of which may include various approaches, both broad and narrow.

Keywords: discourse, form of thinking, intention, kerygma, text, speech, communication.

Многообразие вариантов использования термина “дискурс” в научных текстах различных дисциплин и в социальных практиках, так или иначе ими осмысляемых, столь велико, что трудно не согласиться с R. Brunner, давшим едкую оценку сложившейся ситуации: “в некоторых дискуссиях дискурсу угрожает судьба заклинания, да он уже и есть сейчас таков - аналог всяких неясностей” (цит. по: [1, с. 83]). Но такое положение дел возникло не только из-за методологической недоработки в той или иной науке, проблема носит более масштабный и более извиняющий характер. Хотя “лингвистический поворот” принято относит к началу 20-го века, стремление “тонко” и углубленно исследовать особенности языкового оформления и конструирования рассуждений (мыслительных цепочек) в разных научных дисциплинах можно обнаружить с 70-х годов. И так сложилось, что новые проблемы и исследовательские объекты, носящие междисциплинарный характер и требующие подключения в качестве одной из обязательных дисциплин лингвистику, стали называть одним удобным словом “дискурс”.

Хотя, надо признать, есть и существенные методологические огрехи. Одно из распространенных “узких мест”, - вполне типичных для аналогичных случаев, - когда заимствованному из естественного языка термину приписывается некое понятийное содержание. Положение усугубляется тем, что при переводе, действительно, не всегда легко разобраться, как автор использует слово такого типа: как слово естественного языка или как понятие. Надо знать всю концептуальную программу автора, и только в ее контексте можно определить значение и назначение термина. Что трудоемко. При этом вопрос техники перевода все-равно сохраняется. В таких случаях требуются дополнительные комментарии.

Еще одной методологической огрехой, значительно “загрязняющей” исследуемое пространство, является простое переименование в модное и удобное слово хорошо известных явлений. Приведу для примера несколько таких незамысловатых “переодеваний”. Литературные жанры теперь могут быть названы “поэтический дискурс”, “романтический дискурс” или более обобщенно “литературно-художественный дискурс”. Дискурсом может стать речь, как, например, это произошло в известной работе У. Чейфа, исследовавшего “устный дискурс” и “письменный дискурс”. Сложной для лингвистов оказалась проблема определить взаимоотношение понятий “речь-текст-дискурс”, а также еще и “коммуникация” (небольшой обзор см. [2, с. 31]).

Для прояснения ситуации я предлагаю разделить разные исследовательские объекты, правомочно названные дискурсами и соответственно подходы к их изучению, на дискурсы широкого и узкого пути. Вряд ли можно перечислить все такие объекты, но выделю наиболее представленные в литературе варианты. Начну с “широкого пути”.

Так, широкое распространение получила “манера” называть те или иные социальные практики, разумеется, связанные с речью, с коммуникативными процессами, дискурсами: “политический дискурс”, “юридический дискурс”, “журналистский” и прочее. Может показаться, что и в данном случае мы имеем дело лишь с переименованием, ничего существенно не добавляющим в методологию исследования. Все же, думается, что это не так. В советской номенклатуре научных дисциплин фактически не было наук социально-прагматической направленности. И в этом смысле мы имеем дело с открытием нового исследовательского объекта. Но, более того, в данном случае предпринимается попытка осуществить междисциплинарные исследования, когда разные виды социальной практики анализируются не только средствами соответствующей научной дисциплины, а еще и лингвистическими.

И вот здесь, как представляется, методологически выверенным шагом должно стать различение понятий на номинативные и эссенциальные (в духе предложенного К. Поппером различения методологического эссенциализма и методологического номинализма [3, с. 16-30]). При этом замечу, что согласна с критикой Поппером категории сущности. Но за неимением лучшего - как рабочий вариант - считаю возможным использовать термин “эссенциальное” понятие, чтобы подчеркнуть его более богатое содержание, обусловленное наличием некой теоретической конструкции, в отличие от бедного содержания “номинативного” понятия. фиксирующего первичное поверхностное различение объектов анализа Это может оказаться полезным и для определения эпистемического статуса (глубины и содержательности) разных понятий дискурса.. Так. словосочетания “политический дискурс”, “юридический”, “медицинский и пр. несут в себе только указание на отличие социальных практик друг от друга по способам рассуждения и языкового оформления. В до-дискурсивную эпоху со времен Аристотеля мы знали, чем отличаются друг от друга науки: предметами и методами. Сейчас к наукам добавились связанные с ними общезначимые деятельности, в организации которых существенную роль, как выяснилось, играет язык. Конечно, полезно знать, какую именно роль, каким образом это происходит, как на это можно влиять и даже как можно этим управлять.

Каких только определений дискурса не дают лингвисты. Но в конечном итоге в качестве объекта исследования для них выступает текст, определенным образом организованный, обладающей некой спецификой (например, национальной), которую они и называют дискурсом. И как ранее лингвисты выделили в предложении части речи, так сейчас в тексте предлагают видеть разнообразные языковые компоненты: концепты, фреймы, прецедентные феномены и имена, коды культуры, клише и т.д. Таким образом появился дискурс-анализ как инструмент исследования разнообразных текстов. К сожалению, российская наука до сих пор организована монодисциплинарно, поэтому отечественные лингвисты все пространство дискурс-анализа пытаются освоить собственными силами. Хотя дискурс - пространство междисциплинарного исследования, всегда.

Однако сослаться вообще на дискурс-анализ недостаточно. На самом деле это словосочетание служит лишь указанием направления поиска моделей, в которых должны быть увязаны между собой многообразные языковые элементы. Необходимо концептуально определиться, к примеру, как взаимосвязаны картина мира и концепты, последние с прецедентными феноменами и именами или могут ли прецедентные имена замещаться концептами и т.д. Можно не сомневаться, что будет разработано значительное количество моделей дискурс-анализа [4].

Итак, к дискурсам широкого пути, которые обнаруживаются в профессиональной литературе (а также в текстах рефлектирующей общественности), можно отнести специфическую организацию текста, языковое оформление социальных практик, а также коммуникативную ситуацию в целом (о последнем [5]).

Примеры дискурсов узкого пути: 1) структура локальных социальных практик, направленных на решение конкретной практической задачи (разговор врача с пациентом, взаимодействие оператора с покупателем при покупке билета и т.п.), в конечном итоге в ряде случаев сам дискурс может быть настолько операционализирован, что функцию одного из контрагентов можно передать искусственному интеллекту, 2) дискурсы как формы мышления.

Дискурсы как формы мышления - это формулы синтеза разного типа высказываний в определенные узнаваемые по своей направленности связные рассуждения. Типы высказываний - это то, что описывается в рамках дискурс-анализа: концепты, метафоры, прецедентные феномены и имена и пр. Но в так широко понимаемый дискурс-анализ должно включить еще один компонент - дискурс как форму мышления. Правила синтеза я предложила назвать керигмой [6]. Керигмы задают направленности высказываний - интенции. Интенция - это то, как мы имеем право думать об объекте размышления, точнее, как культура позволяет нам думать. Но дискурсы могут быть проманифистированы и невербально - в виде социального жеста. Дискурсы содержаться в качестве дискурсивных предпосылок в той форме общественного сознания (религии, философии, науке), которая является ведущей в момент их появления в культуре. В первую очередь, безусловно, в религии. Религиозные дискурсивные предпосылки. для того чтобы развиться в дискурсы, должны пройти через религиозную, а затем философскую экзегезу. Структуры мифов задают правила синтеза (керигмы), организующие рассуждения. Благодаря этому именно дискурсы дают им легитимацию (еще один эпистемический статус знания). Они несут на себе печать логики культуры; это не формальная логика, а культур-логика. Примеры дискурсов как форм мышления - оптимистический/пессимистический, демократический/авторитарный, философские направления это уже отрефлектированные и артикулированные дискурсы. Дискурс можно опознать зачастую только по одной метафоре, а значит, предвидеть дальнейший ход размышления. Знание дискурсивных форм увеличивает коммуникативную компетентность.

Литература:

1. Касавин И. Т. Дискурс // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под. общ. ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, 2010. С. 77-93.
2. Яковлева Л.И. Дискурс-анализ как один из срезов социально-философского, культурологического и лингвистического исследования // Философские опыты. Вып. 4: Глобализация. Коммуникация. Идентификация: Сб. науч. тр. М.:Полиграф-Информ, 2011. С. 22-66.
3. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под. ред. В. Н. Садовского. М. :Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992. 528 с.
4. Йоргансен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод /Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во “Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. 280 с.
6. Яковлева Л. И. Керигма как основная единица анализа дискурсивной формы мышления // Философские опыты. Вып. 7. Природа, общество, человек: Сб. науч. тр. М.: Издатель Воробьев А.В., 2014. С. 22-34.

Влияние поэтической «дискурсивности» на познание. На примере экспериментальной поэтики позднего Рембо

Янушевская Е.В.

Кафедра философии гуманитарных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук

yelena.yanushevskaya@gmail.com

Аннотация: Одно из теоретических достижений второй половины 19 века – расширение образа познания за счет включения в него обыденного познания и воображения. В значительной мере этому способствовали формальные поиски в сфере поэзии, и одна из фигур, представляющих интерес в этом отношении, – А. Рембо. В статье рассматривается влияние его поздней экспериментальной поэтики на понимание целей поэтического искусства как речевого акта и языкового отражения реальности на основе воображения, а вместе с тем – на изменение традиционного понимания «рационального».

Ключевые слова: дискурсивность, рациональность, познание, язык, поэзия, воображение

The poetic impact of “discursively” cognition on the material of experimental poetics of late A. Rimbaud.

Yanushevskaya Y.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: One of the theoretical advances of the second half of the 19th century – the extension of the image of knowledge through the inclusion of everyday knowledge and imagination. To a considerable extent this was facilitated by formal searches in the field of poetry, and one of the figures of interest in this respect, – A. Rimbaud. The article discusses the influence of his late experimental poetics to the understanding of the goals of poetic art as a speech act and language reflect reality on the basis of imagination, however – to change the traditional understanding of “rationality.”

Keywords: discursiveness, rationality, cognition, language, poetry, imagination

В той мере, в какой язык служит социальной прагматике и обслуживает рационализм, лежащий в основе научного отношения к миру, язык служит выражению логически структурированного знания, коррелят которого – истина, понимаемая как соответствие или несоответствие наших суждений фактам. Исторически язык формируется в связи с этой задачей, и одной из его основных функций является понятийно-дескриптивная.

Вместе с тем возможности языка не ограничиваются описанием фактов. Направленный на решение конкретных методологических задач, логический анализ языка, предпринятый позитивистами, сводит все многообразие его возможностей только к функции вербального выражения продуктов логического мышления. При таком подходе, однако, упускается из вида, что язык может служить не только выражению понимания объективной реальности, само понятие которой – порождение объяснительного отношения к миру. Номинативная функция подразумевает, что с помощью языка свои «имена» (номинации) могут получать не только эмпирические объекты, а его предложения могут быть не только описательными и регистрирующими определенный эмпирический факт. Так, лексическое многообразие языка расширяется, скорее, благодаря деятельности воображения – в попытке выразить вербально то, что выходит за рамки эмпирического опыта в его сугубо материалистическом понимании. Связь же прагматической и позитивно-познавательной установок, кстати сказать, была подмечена еще античными скептиками: люди хотят знать из чего состоят вещи, чтобы знать, как ими пользоваться. «Из чего состоят вещи?» по смыслу близко «Как они связаны?». «Объективный мир», иными словами, существует для нас постольку, поскольку для нас остается значимым закон причинно-следственной связи. Однако принципы структурирования опыта, как внешнего, так и внутреннего, не ограничиваются принципом каузальности, и осмысление этого факта естественно предполагает переход от мышления в категориях

«реальное – нереальное», «истинное – неистинное» к мышлению в категориях возможного и воображаемого.

Изменению представлений о познании в подобном русле способствовал, в частности, поэт-импрессионист Артюр Рембо, проложивший дорогу экспериментам с языком в сфере поэтики.

В поздний период творчества Рембо пишет едва ли не самое известное свое стихотворение – сонет «Гласные», посвященный цветовому восприятию звуков:

А – черный, белый – Е, И – красный, У – зеленый,
О – синий... Гласные, рождений ваших даты
Еще открою я... А – черный и мохнатый
Корсет жужжащих мух над грудою зловонной.

Е – белизна шатров и в хлопьях снежной ваты
Вершина, дрожь цветка, сверкание короны ...

(Пер. М. Кудинова)

Сонет произвел весьма значительный эффект, стимулировав и научные попытки изучения синестезии, и развитие символистской эстетики [см.: 1]. По сути же грамматически линейное нанизывание совершенно свободных ассоциаций в нем отражает полет фантазии звуковидца и не несет в себе особой художественной ценности. О стихах Рембо, отнесенных к «Последним стихотворениям», Н.И. Балашов, поясняя трудности перевода, выразился так: «Читатель <...> попадает в зону искусства выражения, допускающего (несмотря на наличие словесного текста) столь же свободную интерпретацию, как инструментальная музыка» [см.: 2]. Действительно, обращение к поэтическому ощущению звука роднит Поэта с медиумом, подключающимся к первооснове бытия, в мистическом опыте древних неотделимой от мира звуков. Поэтому вполне логично, что «Ясновидец» (идеальный образ поэта-пророка у Рембо) воспринимает мир сквозь призму звука, переживает мировое целое как музыкальную симфонию, требующую определенной степени опредмечивания. Так оформляется смысл, объектно выраженный с помощью слова. И хотя в символистских манифестациях эта идея остается не проявленной в полной мере, тяготение Рембо к воплощению музыкальных принципов в поэтическом тексте тесно связано с реализацией его метафизической программы ясновидения. Звуковое воздействие, в поэзии достигаемое с помощью аллитерации, сочетания консонансов и диссонансов, в итоге становится неотъемлемым атрибутом поэтического импрессионизма, ведь этот путь, минуя темные тропы силлогизмов, позволяет максимально сохранить объем поэтической эманации. Но, в отличие от музыканта, «орган», которым «слышит» поэт, – воображение. Почему? Сущность воображения – свобода, выражающаяся в разрыве с панлогизмом и принципом необходимости. В «Гласных» звук, как видим, отрывается от смысловой нагрузки и воздействует на область ощущений, этим исчерпывая предназначение слова. Благодаря этому из сферы понимания мы перемещаемся в сферу абсолютного символизма, который неисчерпаем как «чистая потенциальность», если неисчерпаема фантазия. Язык, таким образом, в поэтическом высказывании переходит на службу воображения, порывая с прагматическим разумом, сформировавшимся в оглядке на ограничения эмпирической реальности – мира, в котором царит необходимость. Это искомое освобождение языка от прагматической функции и представляет собой акт освобождения, к которому стремился Рембо, проецируя его в социальную сферу. Оно оказывается недостижимым для него в житейской стихии, но вполне осуществленным в его стихах.

Отказ от привычного использования языка соответственно подразумевает отказ от привычного видения мира. А значит, согласно инверсионной логике, эксперименты с языком, остающиеся в границах художественности, или изменения, преобразующие сложившуюся лингвистическую структуру в контексте любой языковой практики, будь то ситуативное направленное действие или следствие постепенной внутренней эволюции языка, представляет собой одновременно акт, направленный на трансформацию действительности, понимаемой как объективная. Преобразование языка, таким образом, представляет собой онтологический акт. Это свершение в поэзии Рембо и является поэтическим источником последующей экзистенциализации и онтологизации языка: способ изрекать и есть способ быть; существует лишь то, что может быть вербализовано.

Указывая на то, что поэтические эксперименты Рембо раскрывали новые возможности языка в отношении к существованию, следует оговорить и то, что, принимая их во внимание, мы не можем судить о границах, в которых должна была осуществляться подобная «магическая трансформация». С определенной долей уверенности можно сказать, что Рембо предполагал в качестве теургической «лаборатории» именно поэтическое изречение – язык, на котором говорит поэт. Собственно, способ поэтического говорения и есть «иносказание», расширяющее языковой опыт и выводящее язык на верхнюю границу своих возможностей – теургию, а вернее, возвращающая ему эту возможность в поэтической речи. Поэзия не признает стереотипов мироустройства – подобная перефразировка одной из истин Аристотеля особо подчеркивает формообразующий смысл поэтического языка, возводя его в ранг средства развития очеловечиваемого мира. Эта истина становится общим местом поэтической эстетики к началу 20 века в сочинениях сюрреалистов как на европейском континенте, так и далеко за его пределами. Сущность поэзии, согласно таким взглядам, не предполагает дискурсивной функциональности. Но так ли это?

В самом общем смысле дискурс, как известно, понимается как выговаривание, основанное на представлении о рациональном; идея рациональности, как выражение познавательной установки, в свою очередь предполагает определение границ, внутри которых допускается извлечение смысла или, вернее, в которых оно мыслится возможным. Понятие рациональности, коротко говоря, обусловлено конкретной возможностью и условиями смыслоизвлечения. Дискурс в такой трактовке, как видно, взывает к точному пониманию, на основании которого строится дальнейшее изъяснение смысла. Однако в случае с поэзией язык не обслуживает разум в его связи с вербальным мышлением, а является целью для самого себя, и частичная рациональность художественного поиска, сочетающаяся с художественной интуицией и свободным фантазированием, не означает рациональности искомого. По этой причине формально-логический анализ поэтического текста невозможен, он изначально не предусматривает соответствия логической структуре эмпирического опыта в его предельно узком смысле. Но в этом и заключается его «рациональность» и своеобразная прагматика. Поэтический язык выражает самое себя и именно этим вы-казывает, заключенное в нем онтологическое присутствие, выходящее за рамки выражения по законам логики. Осознание этой особенности поэтической речи позволило символистам довести до крайности принцип объективизма в противоположность романтическому гипостазированию субъекта. В поэзии Верлена и Рембо явно прослеживается нацеленность создать ощущение присутствия только изображаемой картины: структуры сознания и вербального мышления транссубъективны и опредедмечиваются в речи; речевой акт, язык как таковой, провозглащающее слово занимает место отсутствующего субъекта, в прежней поэзии соотносимого с образом лирического героя.

В поисках «истинного бытия», доступного сознанию поэта, Рембо, таким образом, открыл реальность воображения как предмет поэтического изображения, что и обусловило принципиально новое понимание предназначения языка в культуре 20 века. Воображаемая реальность, лежащая за пределами эмпирических фактов может быть опредмечена на уровне языка, выразительные возможности которого не сводятся к обслуживанию рационального мышления. На этом основании и объединяются роли поэта-ясновидца и мага: выражая то, что в некий конкретный культурно-исторический момент понимается как недоступное познанию и невыразимое, мастер слова делает возможным невозможное. Как следствие, «чудодейство», это радикальное проявление свободы, преодоление ограничений косно-материального мира, мыслится как конечная цель искусства, а поэтический акт как акт онтологический.

Литература:

1. Галлеев Б.М. Художники слова о поэтической синестезии // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Материалы V-й научно-практической конференции, посвящённой памяти А.Ф. Лосева, М., 2005 г. С. 15–16.
2. Балашов Н.И. Комментарии // Рембо А. Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. Сер. «Литературные памятники». М.: «Наука», 1982. 495 С.

История и практики объективности

Баева Ангелина Викторовна

МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, младший научный сотрудник

angelinabaeva93@gmail.com

В современной эпистемологии проблематизируется и историзируется понятие объективности как само собой разумеющейся характеристики науки. Объективность наделяется своей историей, которая не сопротяжена истории науки и может быть реконструирована в анализе практик объективности. Абстрактная эпистемическая категория объективности обнаруживается в конкретных исторически варьируемых материальных практиках (например, создания образов) и в то же время – практиках формирования так называемой «научной самости». Одним из способов проследить, что это за практики и как они видоизменялись исторически, является анализ изображений в научных атласах, создание которых требовало приверженности определенным техникам и инструментам, с одной стороны, и контроля самости – с другой. В связи с развитием и усложнением технических средств, в том числе – в практиках создания образов, происходит переход не только к новому способу видения, но и к новому типу самости.

Ключевые слова: эпистемология, объективность, исторический объект, материальные практики, научная самость.

History and Practice of Objectivity.

Baeva Angelina V.

Moscow State University, junior researcher

In contemporary epistemology, the concept of objectivity as a self-evident characteristic of science is problematized and historicized. Objectivity is endowed with its own history, which is not correlated with the history of science and can be reconstructed in the analysis of the practices of objectivity. The abstract epistemic category of objectivity is found in specific historically varied material practices (for example, creating images) and at the same time, in the practices of the formation of the so-called “scientific self”. One way to track what practices are and how they have been modified historically is to analyze images in scientific atlases, the creation of which required adherence to certain techniques and tools, on the one hand, and self-control, on the other. In connection with the development and complication of technical means, including in the practice of creating images, there is a transition not only to a new way of seeing, but also to a new type of self.

Keywords: epistemology, objectivity, historical object, material practices, scientific self.

Наука, как принято считать, представляет собой особый вид деятельности, нацеленный на производство объективных знаний о мире. Эпистемология как раздел философского знания приобрела свой классический вид именно в связи с появлением науки Нового времени, выступив в качестве средства обоснования научного знания. Современная эпистемология пришла на смену классической в связи с рядом изменений как внутри самого пространства эпистемологии, вызванных внутренними противоречиями, так и во вне этого пространства в связи с социальными, культурными и историческими особенностями развития науки. В современной эпистемологии происходит ряд “поворотов” – лингвистический, исторический, материальный, – которые по-своему изменяют порядок объективации науки и, как следствие, по-новому задают вопросы о том, каков объект науки и что представляет собой сама наука как исследовательский объект. В этой связи происходит переосмысление фундаментальных эпистемических категорий, в том числе объективности, которая перестает пониматься как само собой разумеющаяся и неотъемлемая характеристика научного знания. Подобный ход становится возможным благодаря тому, что наука начинает пониматься не только как набор теоретических концепций, но и как пространство практик, различных способов делать науку.

Современные исследования науки (история науки, социология науки, исследования науки и техники и др.) ввели радикально новый – эмпирический – режим производства знания [1, с. 20]. Данное обстоятельство объясняется теми изменениями, которые произошли в способах говорения о способах делать науку. Для классической эпистемологии наука представляла собой набор пропозиций. Понимаемая таким образом наука обладала автономной логикой функционирования научных концептов. Однако включение исторических и культурных условий формирования и существования научного знания в поле эпистемологии позволяет исследователям науки по-новому поставить вопрос о том, как говорить о науке как пространстве не только теорий, но и практик. Фактические режимы существования науки как объекта современной эпистемологии в условиях расширения эпистемического поля и умножения мест производства научного знания становятся эмпирически различимыми и не сводимыми только лишь к набору теоретических конструкций. С переопределением того, что понимается под наукой, происходит и переосмысление понятий, описывающих науку. В этой связи нас будет интересовать, что происходит с объективностью в современной эпистемологии в условиях, когда изменяются способы описания науки и способы делать науку. Смещение исследовательского фокуса на практики требует перенастройку оптики и концептуализацию прибавочных элементов, позволяющих по-новому описывать науку.

В русле современной эпистемологии как исторического пространства проблематизаций [2] наука перестает пониматься как внеисторическое поле универсальных общезначимых категорий и начинает описываться как область действия исторически варьируемых практик. Именно на уровне конкретных практик становятся различимыми те эффекты, которые не видны на более абстрактном уровне теоретизирования, за счет чего, например, объективность как эпистемический идеал сближается почти до полного слияния с научностью. Отказ от вневременного характера науки позволяет не просто представить ее как исторический объект, но наделить историчностью и сами объекты науки. Происходит устранение оппозиции между наукой как набором универсальных предписаний и наукой как неявным знанием за счет историзации не только науки как исследовательского объекта, но и ее собственных объектов, в частности – объективности. В этой связи функционирование понятия объективности как одного из основных и фундаментальных понятий научного знания задается исторически и определяется через материальные практики, например – наблюдения и производства образов, а, в конечном счете, может быть замещена как научная ценность новым эпистемическим режимом, образованным в результате тенденции ко все большему сближению артефакта с образом, который становится уже не столько визуальным, сколько инструментальным. Обращение к материальным механизмам науки тесным образом переплело репрезентативный и нерепрезентативный порядки представления, что привело, в свою очередь, к исследованию предмета науки в виде неустойчивой и выходящей за пределы дихотомии «истина/ ложь» сборки объекта, репрезентации и практики [3]. Это сборка материальных объектов, практик, технических средств и теоретических знаний. И эта сборка делает сами научные объекты одновременно реальными и историческими [4, p. 3].

Одной из центральных работ, посвященных объективности в современной эпистемологии, станет для нас «Объективность» Л. Дастон и П. Галисона [5] как парадигмальный пример одного из способов исследования науки в целом и проблематизации объективности в частности в ситуации отказа от определения науки как вневременной сущности и расширения исследовательского поля дисциплин, претендующих на изучение науки. Исследовать науку – значит изучать не только совокупности высказываний, но и практик. Объективность оказывается не просто абстрактной категорией, характеризующей науку, но конкретным набором способов практиковать объективность. В центре нашего внимания будут материальные практики создания образов, поставленные в соответствие эпистемической категории объективности в условиях, когда наука уже не определяется лишь как порядок представлений.

История научной объективности становится частью истории научной самости. Исследование Дастон и Галисона строится вокруг интригующей связки, сопрягающей два уровня «объективности»: как нормативного дискурса и материальной практики. Обращение к практикам позволяет сфокусироваться как на инструментах и способах репрезентации изображений, так и на разворачивающемся вокруг этой практики дискурсе. В фокус внимания попадает не только исследование того, как производится «объективность», но и то, кто ее производит, выступая автором тех или иных научных изображений. Многообразие смыслов объективности определяется, так или иначе, вокруг вопроса о формировании того или иного типа субъективности. Возникновение научной объективности прослеживается в изменениях способов визуализации научных объектов. И хотя научные атласы не исчерпывают область визуального в науке, тем не менее, они в разное время занимали неизменно центральное

место в научной практике различных дисциплин, устанавливая стандарты восприятия и изображения феноменов, а потому являются удобным материалом для того, чтобы показать, как эпистемические добродетели пронизывают научные практики и становятся для них предписаниями. «Изображения в научных атласах – это образы в действии, и так было на протяжении столетий во всех визуальных науках – от анатомии до физики, от метеорологии до эмбриологии» [там же, с. 60]. И в этой связи один из главных вопросов для нас состоит не в том, как правильный способ изображения рабочих объектов науки связывает, в конечном счете, научный взгляд с научной самостью («scientific selfs») [там же, с. 99]. Исторически изменчивая научная самость играет существенную роль в производстве дискурса объективности как одной из определяющих науку эпистемических добродетелей. Такой взгляд на «объективность» означает, по меньшей мере, что научное познание и эпистемология с необходимостью предполагают определенную этическую установку, определяющую особый способ субъективации ученого и формирующую его научную самость. Познание, направленное вовне, в равной степени было обращено познающим субъектом на самого себя. Производство объективности оказывается неотделимым от производства субъективности. Таким образом, история объективности оказывается неразрывно связанной с историей научной самости, реализующейся в практиках производства научных образов.

Литература:

1. Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки, М., 2017. – Т. 52, № 2, с. 20–28.
2. Galison P. The Problems in History and Philosophy of Science // Focus – 2008, 99: P. 111-124.
3. Вархотов Т.А. Против релятивизма: историческая эпистемология в поисках универсалий // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т.51. - №1. – С. 33-38.
4. Daston L. The coming into being od scientific objects," in L. Daston (ed.), Biographies of scientific objects – Chicago: University of Chicago Press, 2000.
5. Галисон П., Дастон Л. Объективность. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Доверие к себе: реминисценции к эпистемологии свидетельства.

Дуденкова Ирина Васильевна

Московская высшая школа социальных и экономических наук, доцент. Кандидат философских наук

irinafild@gmail.com

Какими должны быть отношения с собой, чтобы они способствовали установлению доверительных отношений с другими? Как существующие концептуальные инструменты позволяют ответить на этот вопрос значения доверия к себе как частного отношения с собой? Интересно, что связывание себя обязательствами или установление частных правил управления собой работает в отношении с другими обратно противоположным образом. Основная проблема: можно ли считать, что доверие создается и сохраняется посредством практик управления собой или же оно является феноменом воления того, что нельзя волить, который возникает в качестве «побочного продукта». Доверие к себе может быть инструментально полезным, но тем не менее недостижимым для инструментальной рациональности.

Ключевые слова: доверие, управление собой, акразия, эпистемология свидетельства, перформативное противоречие, действие.

Trust in self: reminiscences to the epistemology of testimony.

Dudenkova Irina V.

Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Associate Professor.

What should be the relationship with self so that they exclude selfishness, and contribute to the establishment of trust relations with others? How do the existing conceptual tools answer this question of the significance of self-confidence as a private relationship? Binding oneself or setting private rules of self-management works with others in the opposite way. The main problem is whether trust can be considered to be created and preserved through the practices of managing itself or whether it is a phenomenon of the will of what cannot be willed, which arises as a "by-product." Self-confidence can be instrumentally useful, but unattainable for instrumental rationality.

Keywords: trust, self-management, akrazia, epistemology of testimony, performative contradiction, reality, action.

Часто утверждается, что доверие — это смазка социальных интеракций, без доверия люди скорее воздерживаются от того, чтобы вступать в социальные отношения. Соответственно, по выражению Токвиля, эгоизм — «ржавчина общества». Какими должны быть отношения с собой, чтобы они исключали эгоизм, а способствовали установлению доверительных отношений с другими? Как существующие концептуальные инструменты позволяют ответить на этот вопрос значения доверия к себе как частного отношения с собой? Можно доверять или не доверять себе, когда требуется не нарушать обещание, воздерживаться от вредных привычек или идти твердым курсом, услышав призыв Бога.

Интересно, что связывание себя обязательствами или установление частных правил управления собой работает в отношении с другими обратно противоположным образом. Как пишет Юн Эльстер, «эти стратегии могут дорого нам обойтись, потому что они подают сигнал. Если другие увидят пример таких предосторожностей в отношении моих будущих я, они могут ошибочно заключить, что я себя не контролирую. Соответственно они будут неохотно доверять мне в тех случаях, когда (1) отсутствие самообладания может дорого мне обойтись, (2) отсутствует возможность для предварительного связывания себя обязательствами и (3) частные правила могут быть иррелевантны в рамках однократного взаимодействия». Поэтому во многих обществах существуют нормы, направленные как против пьянства, так и против полного воздержания от алкоголя.

Между тем классическая эпистемология субъективности представляет собой практики подозрения: систематического недоверия себе, за исключением самоочевидности эго и самой процедуры дознания, сомнения. Радикальное сомнение Декарта, критическая инициатива Канта, эпохе Гусерля являются

методами контроля и управления собой, которые объединяет одно главное — систематическое недоверие себе. Можно ли на этом основании сделать вывод, что вся программа трансцендентальной философии не очень пригодна для разворачивания концептуального описания отношений между людьми? Достаточно ли требования универсальности правил, чтобы эстраполируя недоверие на других, на основании герменевтики подозрения наблюдать социальные отношения доверия?

Возможным выходом из этой проблемной ситуации может быть так называемая эпистемология свидетельства, теория познания на основании веры в показания свидетеля, которую разрабатывали Дж. Остин, Ф. Лиотар, Дж Греко и многие другие современные исследователи и социальные теоретики. Современные дискуссии в эпистемологи и свидетельства происходят в двух широких областях: первая касается внутренних условий получателя свидетельства. Когда основанное на свидетельстве мнение является оправданным или рациональным, разумным или допустимым как складывается эпистемологическая легитимность свидетельства? Какого рода эпистемологические требования мы должным образом предъявляем к тем, кто верит тому, что им говорят другие? Вторая область касается внешних условий свидетельства: что может значит достоверно свидетельствовать о чем-то?

На первый взгляд может показаться, что современные дискуссии являются обертонами старых споров между Дэвидом Юмом и его оппонентом Томасом Ридом, однако, если мы сравним некоторые кейсы, обсуждаемые в дискуссиях, например о возможности доверять показаниям детей или животных, окажется, что это далеко не так. И важнейшим элементом различия оказывается как раз тезис об управлении собой и доверия к себе, с которого мы начинали. В докладе будут представлены обзор и сопоставление необходимости доверия к себе в эпистемологии свидетельства и работах современных критиков теории рационального выбора.

Основная проблема: можно ли считать, что доверие создается и сохраняется посредством практик управления собой или же оно является феноменом воления того, что нельзя волить, который возникает в качестве «побочного продукта», выражаясь словами Юна Эльстера. Образцовый случай такой неопределенности зафиксирован в дневнике Стендаля, где он свидетельствует о трудностях реализации идеи стать естественным. Этот проект оказался противоречивым по определению, потому что телеологическая направленность желания несовместима с недостатком интенциональности, необходимом для «естественности». Не является ли доверие, и в частном случае доверие к себе, таким же примером расщепленной воли, воли, которую нельзя волить, перформативным противоречием, которое Аристототель называет акразией? Объектом желания оказывается привативное состояние, для достижения которого выбирается совершенно неподходящие средства, которые отрицают возможность этого привативного состояния. Сартр приводит похожие выводы полемизируя с психоаналитическими теориями вытеснения: можно ли отрицать мысль, если он не представлена в сознании? Зиновьев использовал различие между внешним и внутренным отрицанием, чтобы объяснить разноообразные трагические и комические аспекты советских социальных практик. Общая идея состоит в том, что нельзя путем внутреннего удостоверения вызвать состояние, характеризующееся как состояние внешнего удостоверения.

Доверие к себе может быть инструментально полезным, но тем не менее недостижимым для инструментальной рациональности. Вряд ли получится действием воли обрести доверие, необходимо протестировать возможность приобретения доверия посредством, как это предлагает делать Паскаль. В императиве доверять скрыт императив не доверять. Это double bind, само по себе извращение понятия требования. «Суть приказа в том, что он может при необходимости опираться на каузальную эффективность, но вовсе не в том, чтобы обязательно работать посредством ее» [4, с. 112].

Литература:

1. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. М.: Высшая школа экономики, 2011.
2. Sheiber J. Testimony: The Philosophical Introduction. NY.: Routlege, 2015.
3. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанный в Колледж де Франс в 1982-1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000.
5. Зиновьев А. Зияющие высоты. М.: Пик, 1990.
6. Эльстер Ю. Кислый виноград. Исследование провалов рациональности. М.: Издательство института Гайдара, 2018.

Научные кинематографические визуализации

Новиков Михаил Андреевич

МГУ им. Ломоносова. Аспирант кафедры онтологии и теории познания

vokivonmihail@gmail.com

При прочтении текста авторов сборника конференции SIGGRAPH Asia 2019, было выяснено, что научные визуализации можно поделить на три разных группы, как по тому, на кого они ориентированы, так и по способу их производства; кинематографические визуализации – третья из них. При изучении третей группы возникли следующие вопросы: Кто и как производит образы для не-учёных и не-экспертов? Кто их потребляет? Как они транслируется? Как оказалось, кинематографические образы не производятся в физической дали от науки – визуальные студии всегда часть какой-либо лаборатории или научной организации. Однако «даль» появляется и проявляется в другом, в том, каким образом работают эти визуальные студии, и то, какие техники они используют для подачи материала. В каком-то смысле подобные студии оказываются ближе к Голливудскому производству, о чём говорят и сами участники подобных конвееров.

Ключевые слова: Визуализация, наука, самость, эпистемология, Л.Дастон, П.Галисон, репрезентация, презентация.

Cinematic scientific visualization.

Novikov Mikhail A.

MSU M.V. Lomonosov.Department of "Ontology and Theory of Knowledge"

While reading the text of the authors of the conference SIGGRAPH Asia 2019, it was revealed that scientific visualizations can be divided into three different groups, by who they are focused on, and by the method of their production, cinematic visualization beeing the third part of them. While studying the third group, the following questions arose: Who and how produces images for un-scientists and non-experts? Who consumes them? How are they broadcasted? As it turned out, cinematographic images are not produced far from science - visual studios are always part of some laboratory or scientific organization. But "distance" appears and manifests itself in another way, in the way these visual studios work, and the techniques they use to feed material. In a sense, such studios are closer to Hollywood production, as the participants of such conveyors themselves say.

Keywords: Visualization, science, self, epistemology, L.Daston, P.Galison, representation, presentation.

Участники Advanced Visualization Lab (AVL), и The Scientific Visualization Studio (SVS), выделяют несколько типов научных визуализаций, имеющих то или иное отношение к науке. Традиционный тип научных визуализаций имеет отношение к «функциональному анализу данных, предназначенных для самих учёных» [1, с. 11]. Метод скорее гомологический и количественный, нежели качественный и гомоморфный. Визуализация информации —другой тип научной визуализации, используемый для «непространственных данных» [1, с. 11] , репрезентируемых двумерно (графики, диаграммы и т.д.). Есть также третий тип, представляющий наибольший интерес — кинематографическая научная визуализация, предназначенная для больших экранов. Выделяются так же три типа публики, для которой предназначаются данные визуализации. Первый тип -это учёные, которые используют визуализации, чтобы «оценить, проанализировать и проверить собственные данные» [1, с. 12] (совпадает с традиционным типом визуализаций). Второй – это учёные и эксперты, для которых другие учёные произвели визуализации (сюда подходят и первые и вторые типы визуализаций). Третий тип - это не учёные и «не-эксперты» [1, с. 12], и для них предназначаются кинематографические визуализации.

В строгом смысле, кинематографические визуализации не являются продуктом работы группы учёных. Хотя и при непосредственном контроле со стороны науки, визуализацией занимается команда дизайнеров. Стоит уточнить, что подобного рода студии не существуют независимо от научных центров: AVL – часть Национального центра суперкомпьютерных приложений, Иллинойский университет,

США; Morrison Planetarium находится в Калифорнийской академии наук, SVS располагается в Центре Космических Полётов им. Годдарда. Конечно, не все из этих студий занимаются исключительно третьим типом визуализаций. Так например, SVS производит изображения как для учёных, так и для обывателей. Так или иначе, представляется важным понять, как в рамках кинематографических визуализаций работают подобные студии, что представляют произведенные ими образы, какова их роль и статус «в» и «за» пределами науки.

На первый взгляд, их работа может представляться довольно простой. Студии берут на себя роль создания некоторых посредников между научным и ненаучным миром. Однако по мере некоторой «киноадаптации» данных, командам дизайнеров приходится решать вопросы не только креативного, но, как оказывается, и эпистемологического характера. Вернее, из дизайнерских решений могут вытекать и эпистемологические следствия. Оказывается, что команде разработчиков необходимо определить какой контекст, помимо научных данных, должен быть включён в изображение, для усиления понимания происходящего. Например, в случае создания изображения фотосинтезирующей органеллы, дизайнером пришлось выбрать «явно внешнее освещение, так как свет является частью истории фотосинтеза, а не потому что это был реалистичный рендер микроскопической вселенной» [1, с. 222]. Как показать размер изображаемого объекта, работая с микро или с макро масштабами? Какой угол камеры выбрать или какую панораму стоит провести? Какое время суток должно соответствовать визуализации? Как поступить с багами и искажениями, присутствующими в научных данных? Как понять, что искомое понимание у зрителей было достигнуто? Как не навредить исходной научной интерпретации? В общем и целом, решается вопрос о том, как соотнести изображаемое со смотрящим так, чтобы изображаемое оставалось эффектным и зрелищным. Какие техники нужно использовать для того, чтобы с одной стороны, не исказить научный смысл, а с другой сохранять непрерывность повествования и погружения?

И так, с одной стороны есть научные факты, с другой стороны есть простой зритель, в терминах Галисон и Дастон, можно было бы сказать, что этот зритель не владеет «искусством суждения». Поскольку необходимо сделать информацию удобоваримой, а образы читаемыми для простого взгляда, дизайнеры прибегают к устоявшимся, крепким законам подачи материала. «Создавая визуализацию, погружающую нашу аудиторию и приостанавливающую их неверия, мы наиболее успешны, когда следуем правилам установленным голливудскими кинематографистами для них самих же» [1, с. 209]. Дизайнеры придерживаются и учитывают следующие установки и правила:

Правило третей;

Камера на высоте человеческого взгляда;

При взгляде наверх, объект кажется большим, при взгляде вниз, он кажется маленьким;

Размытие движения, глубина резкости;

Реакция на движения в кадре (поведение камеры соответствует поведению объекта);

Скорость камеры соотносительна скорости объекта;

Камера внутри или за пределами границ данных;

Межзрачковая дистанция.

«Так или иначе, всё равно захочется скомпоновать свои снимки по «правилу третей», соблюдая 180-градусную линию, и тщательно отобрать крупные и дальние планы, даже в том случае, если ваши персонажи – молекулы, а не люди. В любом случае вы очень захотите включить в свои визуализации размытость движения и глубину резкости» [1, с. 211]. Решая проблему масштабов, рассуждают следующим образом: «В Голливуде можно поставить человека рядом с объектом так, что высота объекта сразу станет понятна. Игра с высотой расположения камеры – хороший способ передать масштаб объекта съёмки. Размещая зрителя высоко «над» или низко «под» объектом, вы можете сделать так, чтобы объект казался огромным или крошечным.»[1, с. 215] Также, есть правила касающиеся хореографии камеры: мотивированность движения, погруженность в логику сцены, динамичная подвижность при статике объекта, чтобы происходящее не могло наскучить. Интересно, что работа с темпоральностью может обеспечивать более легкое восприятие: «Другой способ передачи масштаба – уменьшение скорости сцены. Это означает замедление скорости ваших временных интерполяций, что может требовать более или менее экстремальной интерполяции. Также это значит выбор намеренно медленного пути камеры, и сосредоточивание на таком движении, которое выявляет параллакс движения.» [1, с. 215] Решение, касающееся научных багов и неточностей, будет приниматься в пользу идеализации и непрерывности studium'а изображения. Артефакты, появляющиеся в результате «ошибки в научном моделировании, или на этапе обработки данных» [1, с. 226] могут быть исправлены «заменой одного уровня сетки таким же уровнем из соседнего временного шага» [1, с. 226]. Интересно и то, что касается цвета в визуализации: «Подобно тому, как анимационные студии жестко контролируют цветовые сценарии своих фильмов, цвет является чрезвычайно значимым и контролируемым в визуализации. Цвета не имеют объективного значения, но контекст может повлиять на чувства зрителей. Цвет – это культурное событие, но имеет различные значения в разное время и в разных местах» [1, с. 127].

Можно сказать, что стратегия научных кинематографических визуализаций состоит в том, чтобы создать некоторое идеализированное научное обобщение, употребив устоявшиеся культурные, в частности, кинематографические конвенции, не создав в визуальном полотне никаких возможностей для инакового восприятия или интерпретации. Стоит добавить, что к команде дизайнеров, например в SVS, присоединяются «концептуальные аниматоры, продюсеры, научные писатели и эксперты в области социальных медиа» [1, с. 8]. В каком-то смысле – это полноценная студия в смысле того, как выстраивается взаимодействие с потенциальными зрителями, есть процедуры по опросу общественного мнения: создаются пилотные группы, происходит общение создателей со зрителями, есть опросники, которые помогают понять, каким образом усваивается тот или иной фильм, или, какое представление об увиденном получает человек: кажется ли ему изображаемое полным вымыслом и симуляцией, или он думает, что перед ним реальное изображение, а может что это есть некоторый синтез изображения и руки аниматора. Полученные данные меняют структуру подачи и фильма.

Это наводит на определенные сходства с тем, что описывается в книге «Объективность». В главе, посвященной переходу научных изображений от репрезентации к презентации, Лоррейн Дастон и Питер Галисон говорят о том, что «часто бывает невозможно изготавливать вещи, не отображая их визуально, - и довольно часто их невозможно репрезентировать, минуя процедуру их изготовления» [2, с. 562], появляются некоторые такого рода устройства, как атомно-силовой микроскоп и сканирующий туннельный микроскоп, которые «использовались и для изображения и для внесения изменений в объект[2, с. 562]». Итогом подобного рода взаимодействий становится возникновение «образа-как-инструмента» [2, с. 573] и новой самости – гибридной фигуры, «очень часто решающей научные задачи, но имеющей отношение к работе, в значительной степени состоящей из инженерии, промышленного применения и даже художественно – эстетических устремлений» [2, с. 573]

Кинематографические визуализации не могут являться и репрезентациями в смысле верности природе, не соответствуя таким эпистемическим моделям как «истина-по-природе», «механическая объективность», «тренированное суждение», скорее, они – уже презентации, как по способу их создания со стремлением «намеренно улучшать изображения», так и по возложенным на них задачам: «с целью разъяснения, убеждения, доставления удовольствия, а иногда продажи» [2, с. 573].

Литература:

1. Kalina Borkiewicz, Drew Berry. Gregory W. Shirah, AJ Christensen, Christopher J. Fluke, Kel Elkins. Cinematic scientific visualization: the art of communicating science. // Conference Paper SIGGRAPH Asia 2019 Courses // 2019. p274.
2. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584с.

RFK-2020_319

Круглый стол: «От аналога к цифре: социальные трансформации в эпоху новых медиа»

От «древа» к «ризоме». Анализ структуры связей в сети Интернет сквозь призму образов «книги песка» и «вавилонской библиотеки» Х.Л. Борхеса

Золотарев А.С.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт философии человека, студент (магистр)

zoloto4324@yandex.ru

Аннотация: В данной работе предпринята попытка проанализировать структуру связей в современном обществе и в частности в сети интернет, опираясь на образы аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса, а также на три различных концепта способов организации систем, изложенных Делёзом и Гваттари в работе «Капитализм и шизофрения: Тысяча Плато». В ходе исследования проведены параллели между борхесовской «книгой песка» и иерархичным «древом» Делёза, «вавилонской библиотекой» и сетью, «системой-корешком». Сделан вывод о том, что вышеуказанные образы Борхеса, хотя и имеют неоспоримую ценность для современной философской мысли, не являются исчерпывающей метафорой структуры связей в сети интернет. Наиболее коррелирующим с нынешним положением вещей, на наш взгляд, является концепт ризомы, предложенный Делёзом и Гваттари.

Ключевые слова: Интернет, ризома, структура связей, сеть, лабиринт, библиотека

From the “tree” to the “rhizome”. Analysis of the connection structure in Internet through the prism of images of the “The Book of Sand” and the “Babylonian library” by H.L. Borges.

Zolotarev A.S.

The Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: In this paper, an attempt is made to analyze the connection structure in modern society and in particular on the Internet, relying on the images of the Argentinean writer Jorge Luis Borges, as well as on three different concepts for organizing systems outlined by Deleuze and Guattari in Capitalism and Schizophrenia: The Thousand Plateaus “. In the course of the study, parallels were drawn between the Borgesian “The Book of Sand” and the hierarchical “tree” of Deleuze, the “Babylonian library” and the network, the “root system”. The article concludes that the above images of Borges, although they have undeniable value for modern philosophical thought, are not an exhaustive metaphor for the structure of connections on the Internet. The most correlating with the current state of affairs in our opinion is the concept of rhizome proposed by Deleuze and Guattari.

Keywords: Internet, rhizome, connection structure, network, labyrinth, library

Одной из констант современной философии и культурологии является утверждение, что за текстом нет как таковой идеи, а сам текст – скорее совокупность некоторых механизмов, воздействующих на читателя. «…Книга – это маленькая машина…» [1] – писали Делёз и Гваттари в ставшей хрестоматийной работе «Капитализм и шизофрения: Тысяча Плато». В этой связи становятся важными не только и не столько конкретные смыслы, заложенные автором в произведение, сколько их последующая интерпретация. В данной работе мы предлагаем, опираясь на образы «книги» и «библиотеки» аргентинского писателя XX века Хорхе Луиса Борхеса, попытаться подвергнуть первичному анализу структуру связей внутри сети Интернет. В этом контексте будет уместно также обратиться к вышеупомянутой работе Делёза и Гваттари, в которой авторы выделили три различных способа организации систем: «древо» или «книга-корень» (иерархия), «система-корешок» или «мочковатый корень» (сеть) и «ризома» (рынок).

Нам кажется целесообразным воспринять в творчестве Борхеса трансформацию образа «книги песка» в образ «вавилонской библиотеки» как отражение смены (путём трансформации) господствующей системы связей в обществе. Также хочется сразу пояснить, что в ходе исследования нами был сделан вывод о том, что ни борхесовскую «книгу песка» ни «вавилонскую библиотеку», несмотря на некоторые очевидные параллели, нельзя считать исчерпывающей метафорой структуры связей в современном обществе и, в частности, в сети интернет, так как всемирная паутина, если опираться на терминологию Делёза и Гваттари, имеет скорее структуру «ризомы», нежели «книги-корня» или «системы-корешка». Тем не менее мы хотим также подчеркнуть, что затронутые в данной работе образы Борхеса представляют неоспоримую ценность для современного читателя как отражение исторического процесса развития и трансформации социальных связей и отношений.

Унаследованная христианским миром от древних евреев идея восприятия жизни человека и вселенной как книги из века в век повторяется. Слова и контексты меняются, метафора же остаётся неизменной. Не будет ли, однако, уместнее во второй декаде XXI века поставить знак равенства между словами «книга» и «интернет». Не сравнима ли «цифровая среда» с борхесовской «книгой песка» – сверхкнигой с бесконечным количеством страниц из одноимённого рассказа писателя? Книга для Борхеса – это интеллектуальный партнёр, обладающий нечеловеческим сознанием. По словам А. Гениса писатель понимал процесс чтения «как погружение в магическую, тоже своего рода виртуальную реальность, где становится возможна встреча с Другим» [2]. С первобытных времён искусство, неотделимое от культовых религиозных практик, было призвано погрузить человека в экстатическое состояние, столкнув обыденное сознание с волшебным, экстраординарным. Борхес, как и многие другие писатели прошедшего столетия, стремится вернуть эту функцию литературе и таким образом «реабилитировать» книгу. Виртуальная компьютерная реальность также служит для нас «мостом» к «древнему» религиозному экстатическому восприятию искусства. «Книга для Борхеса – это мир, а мир – книга», писал Морис Бланшо, «но если мир – это книга, то и всякая книга – это целый мир. А подобная бесхитростная тавтология влечёт за собой самые чудовищные последствия» [3]. В уже упомянутом рассказе Борхеса «Книга песка» бесконечная книга сперва вызывает огромный интерес у героя. Когда же рассказчик почти без труда овладевает желаемым предметом – его чувства вполне предсказуемо меняются. Вполне понятная и естественная для человека боязнь потерять ценную вещь и недоверие к неизвестному с течением времени перерастает в настоящий, воистину нечеловеческий ужас перед непознаваемым. Не является ли этот образ грандиозной метафорой современности, где читатель-пользователь с любопытством и недоверием склонившись над мерцающим экраном компьютера или смартфона ещё не осознаёт всего ужаса нескончаемой бездны бесконечного, разверзающейся перед его глазами? Современные исследователи весьма чётко формулируют данный этап. В частности, А.Д. Иоселиани пишет, что «В XXI веке люди восторженно обсуждают достоинства и возможности новых компьютеров, айпадов, айфонов, программ и технологий», в то время, как «проблема изменения социальных свойств самих пользователей, их сообществ, всей системы новых социальных отношений, которые базируются на инновационных формах электронно-цифровой коммуникации, сегодня всё ещё остаются за рамками серьёзных социальных исследований» [4]. Борхесовская «книга песка» может на первый взгляд показаться исчерпывающей метафорой структуры связей в сети Интернет, однако не стоит отбрасывать слова Делёза о том, что «…книга как духовная реальность – в образе Дерева или Корня – не перестает развивать закон Одного, становящегося двумя, а затем двух, становящихся четырьмя...» и «…как естественная реальность – является стержневой, со своим стволом и кроной» [5], а следовательно – имеет иерархическую структуру в отличие от интернета.

Карл Ясперс писал, что «судьба человека зависит от того способа, каким он подчинит себе последствия технического прогресса, <…> как человек, подчинившийся технике, станет господствовать над ней» [6]. В финале «Книги песка» Борхес всё-таки намекает на возможное решение проблемы. Способ гениален в своей простоте. Рассказчик, подобно герою рассказа Честертона «Сломанная шпага», относит книгу в огромную библиотеку и прячет на одной из полок, поместив бесконечную книгу в бесконечный ряд других книг, и таким образом хотя бы отчасти освобождается от тягостного плена сверхкниги. «Линия состоит из множества точек, плоскость – из бесконечного множества линий; книга – из бесконечного множества плоскостей; сверхкнига – из бесконечного множества книг» [7, т.3, с. 330]. Как нам кажется, данный способ можно интерпретировать как переход человечества от древовидной иерархической системы связей к сетевой гетерархии, не имеющей определённого центра и обладающей внутренней разнородностью. Однако эта сеть ещё не является ризомой, так как не подразумевает наличие самостоятельных, не соединённых постоянными связями элементов, в чём мы убедимся ниже, проследив дальнейшее раскрытие этого образа в рассказе Борхеса «Вавилонская библиотека».

Джонатан Бэйзил в своей книге [8], опираясь на указания Борхеса и размышляя о структуре вавилонской библиотеки, приходит к выводу, что, не погрешив против истины, мы можем представить Библиотеку-лабиринт в виде единой цепочки шестигранников, слишком длинной для прохождения любым смертным. Американский философ У.В.О. Куайн идёт ещё дальше Бэйзила и предлагает представить все книги Библиотеки всего на двух листах бумаги с единицей на одном и нулём на другом

[9]. Данное сравнение снова отсылает нас к Делёзу, провозгласившему, что «бинарная логика – это духовная реальность дерева-корня» [1]. Борхес указывает, что в Вавилонской Библиотеке можно найти «всё, что поддаётся выражению», однако число всевозможных книг огромно, но не бесконечно. Язык, как писал Н. Хомский, «в основе своей система цифровая и бесконечная» [10] и при наличии ограниченного набора элементов, а также при отсутствии ограничений на объём составленных из них комбинаций можно составить сколь угодно много сочетаний. В лингвистике для этого явления существует специальный термин – «дискретная бесконечность». Интернет, также как Вавилонская Библиотека Борхеса «дискретно бесконечен» и универсален, но, в отличие от неё, на наш взгляд, не выражаем в виде единой связи, единой линии, стремящейся (или не стремящейся) где-то в бесконечности соединиться в окружность. Всемирная паутина интертекстуальна, имеет множество связей и взаимных переходов, «вавилонская библиотека» же, если обращаться к Делёзу и Гваттари, на наш взгляд скорее соответствует «системе-корешку» (сеть) ещё и по той причине, что мыслима исключительно как единое целое, части которого не могут существовать автономно. «Чрезвычайно активное формирование различных интернет-сообществ и социальных сетей свидетельствует, с одной стороны, о фрагментации «большого социального пространства», а с другой – о рождении новых социальных структур, которые организованы по горизонтально-сетевому, а не вертикально-иерархическому принципу» – отмечает Т.Е. Савицкая [11].

«Мир стал хаосом, но книга остается образом мира, – хаосмос-корешок вместо космоса-корня. Странная мистификация книги: чем более книга тотальна, тем более она фрагментарна. В любом случае, книга как образ мира – какая пресная идея» [1]. Подведём же этим высказыванием Делёза черту под образами Борхеса и обратимся к другому философу и писателю, знатоку и, безусловно, почитателю творчества Борхеса – Умберто Эко, согласно которому подлинная схема лабиринта мироздания – это «ризома», устроенная так, что в ней «каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична» [12]. Взаимоотношения в такой сети строятся не по принципу вертикальной иерархии, а на совокупности горизонтально-латеральных связей. Эта гибкая схема бытия призвана противостоять классической модели вертикально соподчинённых «ствола и ветвей» [13]. Л.Р. Меграбян в своём исследовании [5] отмечает, что сопряжение «ризомы» и «структуры» с точки зрения Эко – вещь немыслимая, так как это понятия антиподы, а потому постмодернисткий лабиринт ризомы призван сменить традиционалистский мироподобный лабиринт Хорхе Бургосского – персонажа романа Эко «Имя Розы», очевидным прототипом которого является Борхес. С данной сентенцией трудно не согласиться.

Литература:

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения // Екатеринбург: У-Фактория, Астрель, 2010.
2. Генис. А. Русский Борхес // Новый мир. 1994. № 12. С. 214-222.
3. Бланшо М. Литературная бесконечность: «Алеф» // Иностранная литература. 1995. № 1. С. 205-206.
4. Иоселиани А.Д. «Человек и современная коммуникативная Интернет среда» // Философские проблемы развития искусственного интеллекта: монография / Под ред. А.В. Волобуева, Н.А. Ореховской. М.: Прометей, 2019. 194 с.
5. Меграбян Л.Р. Библиотека в произведениях Х. Борхеса и У. Эко как воплощение концепции «Мир как текст» // Университетские чтения – 2009. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 168–172.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994. с. 221.
7. Борхес Х.Л. Собрание сочинений: в 4 т.- 2-е изд., стер. Т.3. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2011.
8. Basile Jonathan «Tar for mortar: “the library of babel” and the dream of totality». Punctum Books, 2018.
9. Quine, W.V.O. Quiddities: An Intermittently Philosophical Dictionary. Cambrige, MA: Harvard University Press, 1987. P. 225
10. Chomsky, N. Linguistics and Cognitive Science: Problems and Mysteries. In Asa Kasher (ed.), The Chomskyan Turn. Oxford: Blackwell, 1991, P. 50
11. Савицкая Т.Е. Виртуальная Россия: новые модусы производства и потребления культуры // Обсерватория культуры. 2010. №1. С. 29-37
12. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы». СПб.: «Симпозиум», 2007.
13. Шипицин А.И. Социально-культурный генезис феномена онлайновых социальных сетей Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. №9.

Моральное насилие над игроком как механизм трансформации этических и аксиологических установок

Клюев А. А.

НГПУ им. К. Минина, кафедра философии и общественных наук, преподаватель

Аннотация: В статье анализируются основные подходы к насилию в видеоиграх, выделяются три типа насилия: внутриигровое, физическое по отношению к игроку и моральное по отношению к игроку. Производится анализ возможности и действенности морального насилия над игроком в контексте специфики игрового опыта. Игровой опыт понимается как тотальный и иммерсивный, что дает возможность говорить о его способности влиять на мировоззрение игрока. На основании медиальной специфики игры делается вывод о возможности влияния выбора игрока в пространстве игры на его мировоззренческие и этические установки. Обращается внимание на специфику влияния явного и скрытого содержаний видеоигры, которые могут быть обнаружены при детальном анализе. Делается вывод о необходимости осознанного и критического отношения к игровому опыту.

Ключевые слова: медиа, мораль, мировоззрение, видеоигра, насилие, иммерсия, тотальность

Moral violence against the player as a mechanism for transforming ethical and axiological attitudes.

Klyuev A. A.

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Department of philosophy and social science, lecturer

Abstract: The main approaches to violence in video games are analyzed, three types of violence in-game, physical in relation to the player and moral in relation to the player, are distinguished. The analysis of the possibility and effectiveness of moral violence against a player in the context of the specifics of the gaming experience. The game experience is understood as total and immersive, which makes it possible to talk about his ability to influence the player’s worldview. Based on the medial specifics of the game, a conclusion is drawn about the possibility of the influence of a player’s choice in the game space on his philosophical and ethical attitudes. Attention is drawn to the specifics of the influence of the explicit and hidden contents of a video game, which can be detected during detailed analysis. The conclusion is drawn about the need for a conscious and critical attitude to the gaming experience.

Keywords: media, morality, worldview, video games, violence, immersion, totality

Привычное обывательское или «журналистское» понимание насилия в видеоиграх настаивает на том, что оно присутствует в виде демонстрации насилия выразительными средствами игры или присутствует в действиях игрока, которые тот осуществляет в отношении игрового окружения. Такое понимание сводит насилие к буквальной трактовке, такой как «демонстрация физического насилия персонажей игрового мира по отношению друг к другу, включая и насилие, осуществляемое персонажем игрока по отношению к персонажам игрового мира». Другая разновидность насилия, которая попадает в оптику исследователей видеоигр – это так называемое физическое насилие видеоигр по отношению к самому игроку или телу игрока, связанное с необходимостью долгое время сохранять неподвижность, которое называется – сидирование. Несмотря на наличие этих подходов к насилию, недостаточно освещенным остаётся аспект морального насилия игры над игроком, осуществляемого посредством принуждения игрока совершать выбор в игре в ситуации, которая была бы невозможна в реальном мире и, где каждое решение может привести к негативным последствиям для мира игры. Стоит отметить, что важным элементом возможности такого насилия является высокая иммерсивность игр, то есть глубокая вовлечённость игрока в процесс, которую можно описать словами тотальная и всеобъемлющая. Тотальность игры является качеством уникальным для игры как медиума в целом и для видеоигры как её производной в частности [1, 2].

Глубокая вовлечённость игрока в игровой процесс делает принятие решений в игре столь же

серьёзным, как если бы речь шла о реальном мире. Этот тезис стоит понимать так: безусловно существует разница между решением в реальном мире и решением в игре, но степень иммерсивности игры высока, и в рамках игровой деятельности игрок подчинён игровым правилам и механикам, подчинение это настолько сильно, что феноменологический опыт принятия решений и переживания последствий будет неотличим от опыта принятия решений в реальности. Тем не менее в связи с особенностями игрового опыта, требующего с одной стороны принятия особых правил, места и времени [1], в которых только и может осуществляться игровая деятельность, с другой же предполагающего свободу в контексте выбора как самого включения или не включения в игру, так и внутри игры освобождающего от условностей, правил и норм обыденной жизни. Такой опыт, безусловно, гомологичен опыту сакрального действия [2, 3] как в том, что касается нарушения привычного хода вещей, так и в том, что происходящее становится неразделимым и не рефлексируемым в процессе осуществления, что роднит игровой опыт с осуществлением «мифа» по А. Ф. Лосеву. Игровой опыт становится «чудесным» в том плане, что может быть воспринят игроком только как данность, не поддающаяся анализу. Всякий же анализ и критический подход разрушат игровой опыт и лишат игрока наслаждения от его переживания, что противоречит основной стратегии игрока как антропологической единицы.

Такая схожесть, если не сказать идентичность, в механизме переживания опыта решения и расплаты между реальностью, пусть и реальностью ритуала, и видеоигрой приводит нас к следующему умозаключению. Если в реальности опыт принятия решений и рефлексия последствий являются основными конституирующими факторами выстраивания стратегии поведения, выработки аксиологических установок, этических норм, то, при отсутствии разницы на феноменологическом уровне в степени переживания тех же практик в видеоигре, можно сделать вывод, что видеоигры потенциально являются столь же мощным источником для преобразования личности игрока, сколь реальность для человека вообще. Игра может менять человека, может производить недоступный ранее опыт и ощущения, создавая «другую» реальность, более широкую чем обыденная [4]. Как и ритуал игра производит пересборку социальных установок [5], проверяет на прочность привычный порядок вещей, разрушает табу повседневных социальных интеракций. Однако если ритуал призван, совершая пересборку, укрепить моральную и идеологическую конструкцию, остановить энтропию аксиологических установок, то игровой опыт свободен от необходимости поддерживать социальный контекст и традицию, поскольку сконструирован вполне целенаправленно и не имеет коренной привязки к традиции.

Эти выводы приводят нас к постановке проблемы о том, как в конечном итоге моральные дилеммы и травматический опыт в игре способен изменять мировоззрение игрока и каков в таком случае потенциал влияния видеоигр в качестве особого медиума. В качестве эмпирической базы рассмотрим четыре игры, которые наиболее качественно показывают взаимосвязь внутриигрового насилия и воздействия игрового процесса на самого игрока: «This war of mine», «Beholder», «Sheltered», «Papers, Please!». Определение жанра таких игр и особенностей возникающего игрового опыта является нетривиальной задачей, но в наиболее общем виде это игры, относящиеся к survival тематике (англ. «to survive» – выживать). Игры тематики выживания, исследуемые в данной работе, демонстрируют тенденцию к разделению по типу донесения внутреннего содержания и подачи игрового опыта. Можно выделить два основных типа подачи игрового опыта: нарративного, где особое внимание и внутренняя механика игры концентрируется вокруг стержневого рассказа, а игрок как бы находится в пространстве интерактивного фильма или книги; людологического, где игрок выступает в качестве менеджера взаимодействуя не с заранее заданным нарративом, который может полностью отсутствовать, но с механиками и экономикой игры. Вне зависимости от того какой именно внутренний механизм подачи опыта используется в играх, они тем не менее достигают результата и вырабатывают сильное чувство сопричастности игрока к действующим персонажам игры, будь то главный герой, обитатели заброшенного дома или постапокалиптического убежища.

В нарративе данных игр так или иначе присутствует необходимость принятия решений, которые негативно скажутся на дальнейшем существовании тех или иных составляющих игрового мира, с которыми у игрока к данному моменту времени уже сложилась интенсивная эмоциональная связь. Стоит отметить, что выразительный прием утери героя или персонажа для обозначения принципиального значения момента или мысли нередко встречается и в других медиальных нарративах, будь то кино или литература. Потеря указывает на значимость происходящего, подчеркивает необходимость обратить внимание через воздействие на эмоциональную сферу зрителя или читателя. Тем не менее кино или литература не требуют принятия решения убить или заставить страдать своих персонажей, в то время как видеоигра настаивает на этом. Кризисная ситуация, облегчение геймплея, отсутствие альтернативного выбора, всё это толкает вовлечённого игрока принять решение, нажать кнопку и решить судьбу персонажа, с которым уже сложилась та или иная эмоциональная связь. Принятие решения не происходит просто, так может показаться только на первый взгляд, при довольно поверхностном анализе. Игрок идёт на «сделку с совестью», приносит свою связь с персонажем и его самого, всё потраченное время и совместный опыт, в жертву ради движения нарратива вперед. Это, с другой стороны, сопровождается мнимой «несерьезностью» происходящего, ведь это игра. Необходимость принятия подобных решений в игре зачастую не является обязательным условием возможности существования данной конкретной игры как таковой. Это вспомогательный выразительный инструмент воздействия и поддержания внутреннего нарратива игры, её механик, бытия её как целого и неразделимого правдоподобия. Иными словами, через те решения, которые разработчик заставляет принимать игрока мы можем считать собственную повестку разработчика, скрытое содержание послания в видеоигре как медиа [6]. Таким образом постановка такой ситуации, в которой игрок должен жертвовать персонажами, с которыми он чувствует эмоциональную связь, требует от разработчиков ответственности, в том числе и социальной. Действительно ли подобные ситуации требуют такого решения? Возможно ли их избежать? Какую картину мира создаст последовательное принятие решений в игре? Какую политическую и социальную повестку в конце концов сообщают разработчики и готовы ли они нести ответственность за это?

Явное и скрытое содержание игр, в частности, вплетённые в нарратив и механику игры идеологические и философские концепты – это краеугольный камень при рассмотрении данной проблемы. Рассмотрение смысловых слоев на нескольких онтологических уровнях, уровне феноменологического опыта игрока и уровне внутренней механики игры, позволяет понять взаимосвязь между действиями и эффектом от них в контексте игры и вне него. Анализ соотношения смыслов, заложенных разработчиками, и тех смыслов и решений, которые воспринимают игроки, показывает, что сам по себе игровой контекст и личность игрока могут существенно повлиять на то, каким именно образом будет воспринят посыл разработчиков, и как в конечном итоге будет воспринята та политическая и идеологическая составляющая, что была заложена в игру.

Литература:

1. Calleja G. Ludic identities and the magic circle. Playful Identities: The Ludification of Digital Media Cultures edited by Valerie Frissen. Amsterdam: University Press, 2015.
2. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 416 с.
3. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
4. McGonigal J. Reality is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World. New York: Penguin Press, 2011.
5. Stenros J. Behind games: Playful mindsets and transformative practices. The Gameful World: Approaches, Issues, Applications. MIT Press, Cambridge, 2015.
6. Raessens J. Playful identity politics: How refugee games affect the player's identity. Playful Identities: The Ludification of Digital Media Cultures edited by Valerie Frissen. Amsterdam: University Press, 2015.

Социальные трансформации в аспекте межличностной коммуникации внутри цифровой реальности: социально-философский анализ

Лазинина Е.В.

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин, преподаватель; Северо-Кавказский социальный институт, аспирант

timashova-k@mail.ru

Аннотация: Процесс трансформации и развития социальной реальности выступает как перманентное состояние, демонстрирующее динамические характеристики социума как системы. Социальная реальность, на наш взгляд, формируется из триединства личной экзистенции, социальной системы и культуры, которые, в свою очередь, пронизаны процессами коммуникации. Коммуникация в социальной реальности представляет собой связующую нить, обеспечивающую полноценное существование и адекватное функционирование социального субъекта как личности, осуществляющей свою процессуальность в системе общества и находящую отражение в культуре и языке. На данном этапе развития человечество попадает под активное воздействие виртуально-цифровых технологий, которые затрагивают все области жизнедеятельности. Реалии актуальной эпохи заключаются в переходе от существования в аналоговой среде в рамки цифровой парадигмы. Логичным выступает суждение о цифровых модификациях процессов коммуникации. В данной статье автор совершает попытку осмыслить происходящие социальные трансформации в аспекте процессов коммуникации в эпоху цифровой революции.

Ключевые слова: цифровая реальность, цифровое общество, цифровая коммуникация, социум, информация, информационное общество, социальные трансформации

Social transformations in the aspect of interpersonal communication within digital reality: social and philosophical analysis.

Lazinina E.V.

Stavropol branch of Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of socio-economic and humanitarian disciplines; North Caucasus social Institute

Abstract: the process of transformation and development of social reality acts as a permanent state, demonstrating the dynamic characteristics of society as a system. Social reality, in our opinion, is formed from the Trinity of personal existence, social system and culture, which, in turn, are permeated by the processes of communication. Communication in social reality is a connecting thread that ensures the full existence and adequate functioning of the social subject as a person who carries out his process in the system of society and is reflected in culture and language. At this stage of development, humanity falls under the active influence of virtual-digital technologies that affect all areas of life of modern man. The realities of the current era are the transition from existence in an analog environment to the framework of the digital paradigm. The logical is the judgement about the digital versions of the communication processes. In this article the author makes an attempt to comprehend the ongoing social transformations in the aspect of communication processes in the era of the digital revolution.

Keywords: digital reality, digital society, digital communication, society, information, information society, social transformations

Современная социальная действительность кардинальным образом отличается от социальной реальности прошлого. Переворот в человеческом сознании и осмыслении своей процессуальности обусловлен, прежде всего, переходом от жизни из «аналоговой среды» в «цифровую». Аналоговая реальность, с точки зрения философской рефлексии, представляется как экзистенция в актуальном бытии, как метафизическая категория и материальная действительность. Аналоговая реальность как объект, рассматриваемый в дискурсе социальной философии, заключает в свои рамки эмпирическую составляющую каждого субъекта или явления, то есть окружающая действительность состоит из процессов природы, существования в ней человека и его жизнедеятельности на уровне социальной реальности [1]. Стоит отметить, что особенностью современности выступает процесс наложения на аналоговую реальность виртуально-опосредованной среды, которую мы рассматриваем как процесс виртуализации. Экспоненциально возрастающая информатизация общества, смешение разных реальностей и адаптация человека к подобным трансформациям представляют актуальные вопросы для социально-философского осмысления. Само понятие виртуальной реальности было выведено в ранг отдельного объекта исследования вследствие происходящих научно-технических переворотов и активного вступления в информационную эпоху. Понятие информации является концептуальным для данной эпохи, объективным для информационных процессов и независимым от человеческого сознания. С позиции виртуалистики информация есть ресурс и провоцирующий фактор социальной интеракции. Фактически, актуальный признак современного бытия заключается в приоритетности информации, а также мобильности способов обмена контентом, его сохранения и передачи. Логично, что в данном случае речь идёт о процессе современной коммуникации – опосредованной или цифровой – происходящей путём оцифрованного знако-символьного обмена образами-симуляциями в виртуальной реальности. Подобная тенденция обуславливает модификацию определённой части жизнедеятельности социума в феномен цифрового общества, что, в сущности, приводит к расширению понятия информационного общества и «дематериализации социального бытия» [2]. Вследствие перемен окружающей действительности и неограниченного, часто беспорядочного, неструктурированного информационного потока, происходит перестройка человеческого мышления и памяти. Так, понятие цифрового мышления перестало быть чем-то фантастически-неправдоподобным. Алгоритм мышления, сформированный в процессе эволюции, как оперирование образами внутри сознания, подвергся мощному форматированию: современный человек становится менее заинтересован в использовании природного навыка образного мышления. Цифровые технологии позволяют достигать конечного результата или решения практически не прилагая при этом никаких усилий. На наш взгляд, мы предстали перед моментом неопределённости относительно своего будущего. Попытка глобальной унификации человеческого вида и отсутствие глубокого осмысления происходящей подмены «живого» мышления на «цифровое» уже сейчас оказывает воздействие на процесс антропогенеза и социогенеза [4]. Подобное мы можем наблюдать на уровне межличностной коммуникации внутри современного общества. Общение сегодня приобретает признаки формальности, плоскости, незаинтересованности в осуществлении личного «живого» коммуникативного взаимодействия. Так называемое поколение Z выступает ярким примером глубины происходящих изменений, демонстрируя ряд признаков, не характерных для представителей предыдущих поколений. Человечество стремительно теряет способность адекватно оценивать окружающую реальную действительность, принимать обдуманные субъективные решения, демонстрирует утрату способности структурно и последовательно мыслить. Налицо проблема самоидентификации с точки зрения социального субъекта, с позиции осознания себя как личности. Постоянное существование в визуально-опосредованной цифровой среде искажает традиционное личностное и социальное становление современного индивида. Так, гипертекстуальная коммуникативная область представляет собой графически оформленное, симулятивно-семиотическое пространство, привлекательное с точки зрения человеческой перцепции. В качестве результата мы имеем селективно-визуальное восприятие и внимание, в рамках которого современный человек симультанно потребляет информацию в виде целого образа, обходя этап визуального анализа деталей объекта. Вследствие подобной тенденции происходит поверхностное восприятие информации и её нестабильное усвоение. Например, процесс просмотра пользователем информационной ленты в социальных сетях через цифровой интерфейс, так называемый «информационный скроллинг», представляет собой определённую когнитивную опасность. Информация, оформленная в виде графики и просмотренная в быстром мелькающем режиме, практически не приносит для своего реципиента пользы. Иными словами, важны качество и количество доступной информации, её достоверность. Однако, подобные категории успешно подменяются всеобщим информационным доступом, низким уровнем самого контента, часто – противоречивости смыслов в рамках одной и той же тематики, размещённой на разных информационно-цифровых ресурсах. Подобные факты напрямую оказывают воздействие на качество коммуникации, которая, в свою очередь, выступает важным конструирующим элементом социальной реальности. Общество осуществляет свою процессуальность через многоуровневую, разнонаправленную коммуникацию, транслируя различные признаки своих субъектов. Таким

образом, трансформации на уровне личности как социального субъекта отражаются на свойствах и функционировании всей социальной системы. В сущности, социальная реальность находится в тесном переплетении с виртуально-цифровой действительностью, образуя новый многомерный контекст для осуществления процессов коммуникации в опосредованном виде. С другой стороны, сама социальная реальность выстраивает свою архитектуру из множества процессов коммуникации, переплетенных в рамках двух обозначенных реальностей. Одним видов технически-опосредованной коммуникации является передача информации в субъект-субъектных или субъект-объектных интеракциях через цифровые средства общения. Подобное взаимодействие происходит путём опосредованного цифровой реальностью знако-символьного описания факта реальной действительности, направленного принимающему и интерпретирующему коммуниканту. Подобный символьный обмен, происходящий семиотически-интерактивно в парадигме цифровой действительности, мы можем назвать цифровой коммуникацией. Данный вид общения представляет собой неотъемлемую часть актуальной социальной реальности. Коммуникацию через «цифру» можно охарактеризовать как фрактальный феномен ввиду множественности и структурного подобия субъектов-коммуникантов, а точнее их интерфейсов в гипертекстуальном цифровом пространстве. Кроме того, цифровая коммуникация выступает в качестве нелинейного и хаотичного процесса, но хаотичность в данном случае является субъективным признаком порядка в рамках рассматриваемой системы цифровой реальности. Исходя из подобного признака, также можно говорить о структурной ризоматичности коммуникативных актов всей цифровой коммуникативной системы.

Если следовать культурологическому подходу, то виртуально-цифровая коммуникация рассматривается как новый этап развития социальных коммуникаций и культуры в широком понимании. Коммуникация тесно связана с культурой социума и выступает определённым маркером изменений и обновлений внутри самого культурного кода [3]. В случае образования цифровой виртуальной коммуникации, феномен культуры автоматически переносит и закрепляет в своих рамках все трансформации, включая негативно направленные. В данном случае мы можем говорить не только об индивидуальных пользователях-интерфейсах, как проекциях своего «Я» в виртуальной реальности, но и о перенесении функций ряда общественных, государственных, образовательных институтов в виртуальную среду. В широком смысле, человечество трансперсонализирует часть своего существования в цифровую реальность, под которой мы понимаем область технически опосредованного альтернативного существования современного человека. Так, А.В. Подопригора рассуждает о цифровой реальности, как об «этапе развития информационный действительности, где знаковые системы радикально отделяются от природной и индустриальной среды и трансформируют социум посредством компьютерных технологий в электронно-цифровую среду как “третью природу”» [5, с. 16]. Тем не менее, несмотря на огромные преимущества цифровых технологий, таких как быстрота вычислительных процессов, информационная общедоступность, постоянно расширяемый функционал, предназначенный для удовлетворения человеческих потребностей без каких-либо усилий, моментальность и безграничность с точки зрения обмена и передачи, сохранения информации и т.д., возникает вопрос: что остаётся для реализации живого человека как социального элемента и его развития как личности? На данный момент времени актуальность образовавшейся проблемы очевидна не для всех представителей современного общества. Человек тривиально не осознает глобальность и глубину происходящих трансформаций, его сознание полностью захвачено процессом адаптации к новым необычным жизненным реалиям, а внимание обращено к жадному использованию цифровых ресурсов. Цифровой след в цифровой реальности, образовавшийся в результате бесконтрольного удовлетворения одних лишь потребностей, создаёт информационный базис для тотальной систематизации и унификации человечества. Другим важным вопросом является неизвестность траектории формирования личности в состоянии отчуждения от себе подобных. Создание альтернативной индивидуальной цифровой вселенной, возможность настраивать «свой мир» по субъективному желанию, отсутствие опытной составляющей живого общения может подтолкнуть человека жить сепаративно, терять навыки социализации, которые взаимосвязаны с психологической стороной и выступают как определённая рефлексия внутреннего мира. Цифровизация через «умный» искусственный интеллект подразумевает, по нашему мнению, искусственную жизнь, существование. Этимология слов «умный» и «разумный» подсказывает, что цифровая среда попадает под категорию ума, но не разума, ведь быть разумным – значить иметь эмпирическую часть в своей жизни, включающую традиции поколений, культуру и социальный опыт, а также уметь оперировать данными категориями не только в рамках своего сознания, но и в процессе общей жизнедеятельности.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о кардинальной смене жизненного уклада современного человека. Переходя от аналоговой среды к состоянию симбиоза с виртуально-цифровой реальностью, человечество погружается в новую экзистенцию. Следовательно, основной проблемой существования в новых информационно-коммуникативных и социальных условиях выступает момент неизвестности дальнейшего развития человека как биологического вида и социального существа. Эпоха активного цифрового гражданского и социального взаимодействия подразумевает и навязывает практически постоянное нахождение в цифровой реальности. Конечно, с одной стороны современные технологии упрощают повседневную жизнь человека, но с другой – лишают его необходимости решать сложные интеллектуальные задачи. Результатом может выступать тривиальная деменция и информационная цифровая зависимость. На наш взгляд, сейчас человечеству особенно важно осознавать и контролировать вектор своего развития, чётко понимать и разграничивать норму и избыточность присутствия цифровой симуляции в жизни. Лишь подобный комплексный подход, по нашему мнению, будет продуктивен для понимания дальнейших перспектив человека как существа биологического и социального.

Литература:

1. Прокудин Д.Е., Соколов Е.Г. «Цифровая культура» VS «Аналоговая культура» // Вестник СПбГУ. 2013. Вып.№4. С. 83-91.
2. Колосова О.Ю. Человек и общество в новой цифровой реальности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2018. №2. С. 78-81.
3. Бакланов И.С., Авдеев Е.А. Взаимодействие глобального и локального: проблемы национальной и культурной идентификации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 17-19.
4. Колосова О.Ю. Антропологическое измерение глобальных проблем современности // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 1. С. 126-131.
5. Подопригора А.В. Число и цифра: пифагорейская традиция и метафизика цифровой реальности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акд. Наук. 2018. Т.18, вып.3. С. 7-26.

Методология взаимодействия с интерфейсами интернет-объектов

Петров П.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, студент

Pasha-Troyanov@yandex.ru

Аннотация: Интернет характеризуется специфической инфраструктурой доступа к информации. Пользователь сталкивается со сложным интерфейсом, представляемым веб-страницами (сайтами), который не всегда работает без проблем и постоянно развивается и изменяется. Автор предлагает подход к пониманию устройства интерфейса, который может помочь продуктивно работать даже в условиях неудачного или незнакомого пользователю оформления: устройство инфраструктуры сохраняет набор общих принципов. Помимо этого, преследуя те или иные цели, посетители сайтов выполняют различные операции, суть которых, при всём видимом многообразии, едина. Предлагается обнаружение ключевых связок видимой и невидимой конечному пользователю совокупностей элементов, которые могут позволить на своей основе описывать любой сайт и причины наших действий на нём.

Ключевые слова: Интернет, интерфейс, целеполагание, пользователь, сайт, диалог

Methodology for interacting with interfaces of Internet objects.

Petrov P.A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: The Internet is characterized by a specific infrastructure for access to information. The user is faced with a complex interface represented by web pages (sites), which does not always work without problems and is constantly evolving and changing. The author offers an approach to understanding the interface device, which can help to work productively even in conditions of unsuccessful or unfamiliar design: the infrastructure device retains a set of general principles. In addition, pursuing certain goals, site visitors perform various operations, the essence of which, with all the apparent diversity, is the same. The author suggests the discovery of key bundles of visible and invisible to the end user parts of Internet interfaces that can allow on their basis to describe any site and the reasons for our actions on it.

Keywords: Internet, interface, goal setting, user, site, dialogue

Интернет, всемирная объединённая сеть для хранения и передачи информации, на аппаратном уровне труднодоступен для восприятия: любые данные передаются в виде определённых последовательностей нулей и единиц. Для того, чтобы максимально упростить взаимодействие с данной инфраструктурой, существуют сайты, задача которых состоит в систематизации и «сборке» информации в привычный формат текстов, изображений и пр., связывая пользователя с огромным массивом данных по другую сторону экрана устройства, позволяя работать с имеющейся в нём информацией, не тратя большого количества времени. Назначение любого интерфейса: задать правила своей эксплуатации, упростив использование ресурса, для которого он создан.

В общем случае использования, обычный пользователь видит информацию, представленную на веб-странице в том или ином формате. Имеются базовые принципы и общие компоненты, которые варьируются в зависимости от целей и задач.

На сайтах всегда присутствуют определённые элементы. В типичном случае структура интерфейса включает адресную строку, в которой прописывается расположение в системе хранилищ информационных ресурсов Интернета сайта, на котором в данный момент находится пользователь; контент, включающий в себя всё содержательное наполнение веб-сайта: информацию, представленную в различных формах; и прочее. Общая конструкция интерфейса сохраняется, далее возможны варианты оформления. В зависимости от назначения, какая-то его часть может быть более ярко выражена.

За видимой, обеспечиваемой интерфейсом, частью веб-страниц, имеется закадровая. Необходимо упомянуть код сайта, который определяет всю видимую часть интерфейса. Внутри каждого сайта код будет уникальным, но имеется общий для любой веб-страницы скелет. Например, каждый сайт имеет блоки <HEAD>, задающий техническую информацию и <BODY> – то, что будет показано пользователю.

Другой аспект: на конечный продукт влияет целеполагание создателя сайта, некий набор воплощаемых в действительность идей: с какой целью создаётся сайт, для какой аудитории и т.д. Это сопровождают время на создание сайта, вкладываемые средства, планируемое увеличение посещаемости с помощью рекламы и пр. [1].

Гипотетически, можно описать сайты, как нарративную структуру. Под нарративом здесь понимается единая структура повествования в самых разнообразных сюжетах. У веб-страниц имеются определённые общие черты, несмотря на всё их многообразие. Уже говорилось, что на любом сайте посещающий почти всегда может увидеть определённые элементы, у всех страниц есть общая структура кода. Далее стоит отметить наличие внутри веб-страницы элементов диалога с самого начала создания [2]. В зависимости от целей и задач сайта имеются разные возможности работы. Это называется гибкостью интерфейсов, в интерпретации автора: «шкала явления себя». Пользователь может обозначить себя на сайте в разной степени, от условного нуля до максимума. Нулевой возможностью «явить себя» будет единственная доступная функция закрытия сайта. Шкала растёт по мере расширения предоставляемого пользователю функционала: возможность переместиться к определённой части контента, написать создателю и т.д. Условным максимумом можно назвать общение с создателем и изменение сайта в режиме реального времени.

Имеется также базовая хронология посещения сайтов, которая состоит из трёх компонентов: пользователь заходит на сайт, затем получает находящуюся там информацию, после чего уходит. Это постоянно присутствующие пункты, которые не всегда замечаются в виду загруженности Интернета контентом, непрерывности использования и т.д. Кроме того, вся инфраструктура обладает методологическим единством: при всё более возрастающей сложности интерфейсов, сохраняются базовые принципы работы этого инструмента: упростить восприятие и использование возможностей работы с ресурсами Интернета с помощью определённых правил работы. Таким образом, базовые операции выполняются в самом сложном интерфейсе по тем же правилам, что и в простейшем.

К сожалению, данный инструмент работает не без проблем. Конечный пользователь может при определённых обстоятельствах «заметить» «невидимую часть» сайта. Если на сайте информация структурирована, а дизайнерское оформление способствует её восприятию, то можно легко ориентироваться в контенте, создаётся впечатление профессионально выполненной работы. Наоборот: если оформление характеризуется наличием острых углов, контент не структурирован и имеет неисчерпывающее содержание, пользователь понимает, что данный сайт сделан непрофессионально, предпочитая покинуть его. Чем удобнее интерфейс, тем менее интересно посетителю веб-страницы, как он работает. Если интерфейс удовлетворяет пользователя, он может не заметить, что находился на конкретном сайте в определённое время, запомнится лишь та информация, которую он получил. Напротив, если интерфейс сконструирован неудачно, пользователь начинает видеть проблемные места. Когда сайт сделан непрофессионально, становится заметной ошибочно подобранная структура контента, отсутствие оформления и т.д. Сбои инфраструктуры не могут выйти из поля зрения и вынуждают пользователя замечать, в какой ситуации и почему он оказался. Если неудачные решения очень явны, его может заинтересовать внутреннее устройство сайта.

Сегодня, когда интерфейсы во имя упрощения использования становятся всё более сложными, в случае ошибок функционирования сайта пользователю часто трудно понять, как действовать. Обучаясь взаимодействию с конкретным интерфейсом, но не зная об общих принципах их устройства, можно оказаться в ситуации невозможности работать дальше. Отсюда автор делает вывод, что необходимо знать эти принципы, дабы иметь возможность продуктивной работы при неудачных инфраструктурных решениях. В случае, если интерфейс превращается в препятствие, нужно уметь эффективно выходить из затруднительного положения: например, имея понимание общего алгоритма работы, можно обнаружить визуально не выделенные интерактивные элементы. Таким образом, появляется возможность действовать даже в недоработанных сложных структурах, которые на деле являются проекциями простых функций.

В конце хотелось бы отметить социально-психологические особенности компонентов оформления [3]. Сайт своим назначением задаёт некоторые правила видения: заходя на определённую

страницу, пользователь сразу обращает внимание на конкретные её элементы. Например, в случае почтового сервиса, в интерфейсе визуально подчёркиваются практически значимые для пользователя элементы (сами письма, инструменты работы с ними и прочее). Так задается способ видения, который, соблюдается в силу привычки, поэтому новые дизайнерские решения далеко не всегда оказываются успешными из-за «неудобства». Не остаётся в стороне технико-технологическая сторона [4]. Работа исключительно с текстом и сопутствующими командами – в прошлом. Используются максимально простые в освоении инструменты. Во многом текст дополняется или заменяется картинками, которые выступают союзниками в процессе донесения информации, создаются сайты, удобные для просмотра на смартфоне. Визуальное оформление играет очень важную роль. Многие сайты используют строго определённую цветовую гамму, помогающую воздействовать на восприятие пользователя. Можно использовать «закон максимального смещения»: гиперболизировать определённый элемент сайта, чтобы невольно приковать первоначальное внимание пользователя к нему. Элементы функционала сайта в типичном случае создаются так, что «говорят сами за себя»: как пример, крестик на красном фоне, выполняющий функцию закрытия веб-страницы. Однако, важно не злоупотреблять данными элементами: их обилие может отвлекать пользователя от нужного ему контента.

Интерфейс оказывает влияние на пользователя, задавая ряд предписаний, которым пользователь обязан подчиняться, и к которым он приучается, дабы получить доступ к информации из «Всемирной паутины» [5]. Но и пользователь оказывает влияние на интерфейс: ещё до начала использования он рассчитывает на то, что последний однозначно поможет ему выполнить ту или иную задачу. Поэтому совершенствование интерфейсов идёт в ногу с изменениями запросов пользователей, функционал сайтов модернизируется для обеспечения получения или передачи посетителям необходимой для них информации в различных форматах без помех. Передовым разработчикам необходимо учитывать пожелания пользователей для достижения наилучшего результата.

Литература:

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
2. Ланье Д. Вы не гаджет: Манифест. М.: Corpus, 2011. 320 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Цуркан Е.Г. Культурные вызовы глобальной сети Интернет // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2018. Т. 1. № 4. С. 116–128.
5. Бард А., Зодерквист Я. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб: Стокгольмская школа экономики, 2004. 252 с.

Истина и власть как селективные механизмы коммуникации

Савченко И. А.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, младший научный сотрудник

axon69@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению генерализированных медиа коммуникации истины и власти, как ключевых селективных механизмов социальной коммуникации. Коммуникация анализируется с точки зрения её нормативного и когнитивного аспектов, посредством методологических ресурсов «теории социальных систем» Никласа Лумана. В процессе анализа автором выделяются характерные коммуникативные черты власти, указывается на то, что власть подразумевает потенциальный сущностный плюрализм и регистрируется на различных уровнях социальной системы, а также истины, анализируется социальное измерение истины, её функциональные эквиваленты. Анализируется институциональный статус и роль различений истина и власть в образовании общественных подсистем науки и политики. Делается вывод о том, что коммуникация предстаёт не только операцией символического обмена, но содержит в себе селективные элементы, устанавливающие порядок существования социальных систем, эволюционно закрепляющие в ней успешные и устраняющие неудачные варианты коммуникативных актов.

Ключевые слова: коммуникация, истина, знание, власть, наука, системно-коммуникативный подход

Truth and power as selective communication mechanisms.

Savchenko I. A.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article is devoted to the consideration of generalized media communication of truth and power, as key selective mechanisms of social communication. Communication is analyzed from the point of view of its normative and cognitive aspects, through the methodological resources of the "social systems theory" created by Niklas Luhmann. In the process of analysis, the author identifies the characteristic communicative features of power - indicates that power implies potential essential pluralism and is recorded at various levels of the social system, as well as truth - it analyzes the social dimension of truth, its functional equivalents. The institutional status and the role of distinctions between truth and power in the formation of social subsystems of science and politics are analyzed. It is concluded that communication is not only an operation of symbolic exchange, but contains selective elements that establish the order of existence of social systems, evolutionarily consolidate successful and eliminate unsuccessful options for communicative acts in it.

Keywords: communication, truth, knowledge, authority, science, system-based communication approach

Одним из центральных понятий, рассматриваемых в рамках современной теории общества, является коммуникация. Сегодня трудно выделить такую область социального знания, которая не была бы отнесена к рассмотрению посредством коммуникации и в то же время не была бы подвержена влиянию огромного концептуального массива, связанного с данным понятием. Это касается как масштабных макротеоретических построений, ставящих целью описание общества в целом, так и узконаправленные специальные исследования, касающиеся конкретных социологических проблем. При этом коммуникация, в силу повсеместного использования, фундаментальности и удобства в качестве инструмента для анализа, стала крайне концептуально перегруженным термином, допускающим достаточно широкую интерпретативность и некоторую пластичность.

Для того чтобы отчётливее определить границы применимости данного термина, а также рассмотреть его роль в качестве базовой социально-философской категории, необходимо раскрыть когнитивный и нормативный аспекты коммуникации. Для этого мы обратимся к таким понятиям,

как истина и власть, в качестве примеров для анализа. В первом случае, исследуя отношения власти, мы обращаемся к различным способам объединения людей, их сосуществования в обществе, принципам его упорядочивания через иерархизацию. В свою очередь, истина предстаёт важнейшим методологическим инструментом коммуникации, лежащим в её основе базовым различением, позволяющим коммуникативной структуре осуществлять интерсубъективное наблюдение внешних объектов и внутренних закономерностей, заключённых в самой коммуникации. Так, коммуникация предполагает, как минимум, две важнейших функции – упорядочивает социальное бытие и позволяет выражать нечто о включённой в социум реальности, что структурно выражается в социальных феноменах власти и истины, происходящих из этих различений подсистем общества – политики и науки. Для проведения анализа когнитивной и нормативной сторон коммуникации, мы обратимся к разработкам, осуществлённым в теории Н. Лумана, поскольку в его подходе эта проблематика получила достаточно комплексное осмысление.

Под «обществом» Луман понимает следующее: «Согласно разрабатываемому нами подходу, теория общества является теорией всеохватывающей социальной системы, которая включает в себя все другие социальные системы» [1, с. 42]. Общество в такой трактовке конституировано именно коммуникацией: «Система производится целиком и полностью операциями и таким же образом определяется в наблюдении. Производитель системы – операция <…> эта операция – коммуникация» [2, с. 299]. В коммуникативных операциях воспроизводится дифференциация общественных институтов, которая соответствует символической генерализации внутренней нормативности системы. В самой коммуникации закреплены отношения, предполагающие иерархию, субординацию, неравенство и иные характерные асимметричные черты, обладающие селективными свойствами. Необходимо отметить, что в соответствии с эволюционной теорией систем Лумана, символические генерализации имеют селективную функцию, служат отбору наиболее успешных вариантов коммуникации и закрепляют их как «код генерализированных символов, которые управляют процессом передачи результатов селекции» [3, с. 16].

Рассматривая научную подсистему общества, необходимо проанализировать схему коммуникации, которую предлагает Луман: «Основная дистинкция, с помощью которой Луман «описывает» содержание научной коммуникации, представлена различением вариация/избыточность. Она восходит к фундаментальной структуре самой коммуникации, которая, по его мнению, выказывает принципиально бинарный характер: в том смысле, что всякая коммуникация либо сообщает нечто новое, неизвестное её участникам (вариативное) и в этом смысле является инореференциально-ориентированной; или же сообщает лишь о том, что сообщение вообще состоялось и обращено именно к данным участникам коммуникации, а могло бы их проигнорировать <…> В этом случае речь идет о самореференциальном типе коммуникации, смысл которой состоит лишь в утверждении солидарности или его латентной тематизации» [4, с. 206]. Сущность коммуникации, соответственно, определена схемой акцепция/отклонение. Луман выделяет так называемые символически генерализованные медиа коммуникации, имеющие вариации для каждой коммуникативной системы. В случае научной коммуникации определяющим её медиа будет истина.

Истина в качестве одного из медиа выступает в виде бинарного кода, это свойство обеспечивает «подсоединительную способность» операций (продолжение развертывания коммуникации) [5, с. 126-128]. На другой стороне бинарной оппозиции находится ложь, она не выполняет функции подсоединения, поэтому только здесь могут происходить рефлексия и различение самого различения. Асимметрия позволяет конституировать порядок без обращения к предметному миру, что делает коммуникационную систему операционно-замкнутой (аутопоэтической), то есть производит коммуникацию и коммуникацию через коммуникацию, но не через непосредственное восприятие [5, с. 152].

Отсечение онтологических трактовок истины, подразумевающих конечность наполнения мира, позволяет вписать её в сугубо социальный контекст, а дистинкция переживания/действия делает возможным обращение к собственно научному полю, поскольку научная коммуникация строится именно на основе переживания. Значимым в этой связи является операционное понимание истины, основанное на попытке выработать некое единое «объяснительное поле», чтобы сделать операции читаемыми для всех участников коммуникации в науке. Научная коммуникация базируется на когнитивном, а не нормативном аспекте и переживании, но не действии. Появление нового знания связано с совместным переживанием. Ключевым для понимания специфики научной коммуникации представляется третье измерение истины, описанное Луманом наряду с предметным и временным

– социальное, в котором значимую роль играют такие функциональные эквиваленты истины, как, например, репутация исследователя. Примером тому служит значимость такого символа как репутация, поскольку он сокращает время на различение «успеха» или «опасности», соответственно определяя возможность доверия или недоверия к нему [5, с. 167-168].

Иначе обстоит дело с политической подсистемой общества. Символической генерализацией политической коммуникации является власть. Власть, произрастая на общественной асимметрии, должна также её производить, ведь именно это является условием возможности её успешного существования, поскольку для власти необходимо само условие внутреннего различения, создания позиции властвующей и подвластной [6, с. 99-105]. Как определение какой-либо истины влечёт за собой и её разграничение лежащим за её пределами ложным, так и установление какой-либо власти, нормативности, порядка, с необходимостью утверждает и обратную сторону своего различения.

У власти нет разумного предела, напротив, определяя пределы разумного, она утверждается в своих господствующих принципах и определяет сопутствующие формы отношений. Так, обнаруживается соотношение воспроизводства действительного порядка и способа его обоснования, который конструктивно воплощается именно в нормативном аспекте коммуникативной ситуации, в соответствии с чем фиксируется внутренняя логика соотношения коммуникации и власти.

Реальность власти не имеет воплощения большего нежели то, которым она наделяется, поскольку власть совершается именно как свободный выбор к подчинению. В этом заключается некий «парадокс власти» – она осуществляется тогда, когда делает безальтернативным обстоятельство с множеством потенциальных альтернатив и существует лишь при условии, что её существование допускается по свободной воле. Невероятность власти определяется тем, что она одновременно расширяет потенциалы как конфликта, так и консенсуса. Это коренным образом отличает власть от принуждения, насилия и детерминированной каузальности. Указание на первое различие можно встретить у А. Кожева: «сила не имеет ничего общего с властью, будучи даже её противоположностью. Свести власть к силе – значит попросту отрицать или игнорировать существование первой» [7, с. 9]. На подобных основаниях власть различается с насилием, что отмечает Х. Арендт, утверждая: «там, где одна правит абсолютно, другая отсутствует» [8, с. 52]. Власть и сила выступают во взаимоисключающем соотношении. Власть для Лумана, подобно истине, оказывается связана с возникновением письменности, позволившей выстраивание комплексных цепей внутри политико-административной бюрократии, то есть стала независима от прямой интеракции.

Важно отметить различие власти и каузальности, имплицитный оттенок которой долгое время присутствовал в понятии власти. Демонстративны в этом смысле теории, исходящие из механистических и детерминистских позиций. В них власть сращивается с представлениями о каузальности естественных законов физического мира, в соответствии с которыми события должны совершаться по необходимости. Как было отмечено ранее, власть является продуктом строго социального характера, существование которого закреплено в потенциальности свободы. А. Кожев отмечает, что «власть по своей сути человеческий феномен (не природный), а это значит – социальный и исторический» [7, с. 77]. При определении власти необходимо зафиксировать условия референции понятия, что также не лишено сложностей, ведь власть присутствует на макросоциологическом уровне, «охватывая всю систему общества» [3, с. 8-9]. В тоже время её существование всегда утверждается и на микроуровне.

С этим обстоятельством связан ряд соображений. На макроуровне допускается существование власти в качестве системного эффекта, эмерджентного свойства, возникающего в результате коллективных действий. Эта линия чётко прослеживается у Х. Арендт, Т. Парсонса. В более традиционном понимании, власть реализуется в форме общественных институтов – в сфере государства, политики, права. На микроуровне власть рассматривается как наиболее базовый элемент человеческих отношений (диспозиции социальных сил, интересов, поведения и выбора, отношений субординации, авторитета и т.д.), что представляет особый интерес для микросоциологии, бихевиористского подхода, теорий обмена, элит и т.д. Возможно также рассмотрение власти на метауровне, как «трансцендентального порядка нормативности» [9, с. 137], пребывающего в качестве конструктивного социального принципа – эти суждения связаны со структурализмом К. Леви-Стросса и социологической моделью П. Бурдье. Кроме того, существует широкая традиция идеалистического понимания власти, к которой можно отнести множество значимых философов от Платона до Д. Ролза.

Для всех представленных позиций актуальны некоторые общие моменты: власть представляет собой особую форму коммуникативной связи с имманентным присутствием асимметрии. Это позволяет

говорить о предзаданной установке внутреннего различения. Также для власти специфично в идеальном варианте отсутствие внутреннего сопротивления, при основании интегрированности сопротивления [10, с. 66-80]. Соответственно, существование власти всегда является почти невероятном событием, поскольку из разобщённых и спонтанных серий коммуникативных актов конструируется устойчивое системное обстоятельство на макроуровне. Происходит экстракция наиболее значимого, поскольку существует множество возможностей для власти, но только исключительные возможности реализуются как власть. «В генерализированном медийном коде кроются истоки всех достижений общественной эволюции. С этой точки зрения власть приобретает исключительное значение для теории общества» [3, с. 30]. Власть, как и истина, согласно Луману, являются селективными механизмами коммуникации.

Подводя итоги, отметим, что коммуникация не только предстаёт условием существования общества и способом обмена, но также, благодаря коммуникативным генерализациям, утверждается то, каким именно образом общество существует и развивается, как в коммуникации закрепляются и работают нормативные локусы, конденсирующие в себе решения всей системной эволюции. Подход к рассмотрению властных отношений и выработки истинных знаний с помощью эволюционной системной теории позволяет установить целенаправленность и смысл этих процессов в селекции приемлемых вариантов и редукции системной сложности, порождаемой процессом коммуникации.

Литература:

1. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновский. М.:Логос, 2004.
2. Луман Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Логос, 2007.
3. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Антоновский. М.: Праксис, 2001.
4. Антоновский А. Ю. Эволюционный подход к развитию науки // Эпистемология & философия науки=Epistemology & Philosophy of science. 2017. № 2. С. 201–217.
5. Луман Н. Истина, знание, наука как система / Пер. с нем. А. Антоновский. М., 2016.
6. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992.
7. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2006.
8. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
9. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993. № 2. С. 137-150
10. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С. Офертаса. М.: Праксис, 2002. С. 66-80.

Цифровое будущее: дигитализация человека или гуманизация технологий?

Соколова Д.М.

ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», кафедра философии культуры и культурологии, доцент. Кандидат философских наук

felkon.87@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности цифрового общества и возможные перспективы человека в цифровом мире. Цифровое общество определяется как общество, в котором главными ценностями являются информация и коммуникация. Поэтому успешная социализация предполагает постоянное участие в потреблении и производстве информации и использование для этого всех возможных способов коммуникации, в особенности новых медиа. Автор заключает, что человечество может пойти по пути дигитализации человека или гуманизации технологий, и не исключает, что возможны и другие стратегии существования в цифровом мире. Вероятно, окончательный выбор будет находиться в пределах личной ответственности каждого индивида. Сложное переплетение и взаимопроникновение online и offline социальных практик приведет к возникновению новых форм цифрового неравенства.

Ключевые слова: дигитализация, цифровое общество, социализация, коммуникация, антропологические перспективы

The digital future: digitalisation of the human or humanizing technology?

Sokolova D.M.

Saratov State University, Department of Philosophy of Culture and Cultural Studies

Abstract: The article considers the features of the digital society and possible perspectives of a person in the digital world. A digital society is defined as a society in which information and communication are the main values. Therefore, successful socialization involves constant participation in the consumption and production of information. For production of information the person uses the different communication channels, especially new media. The author concludes that humanity can follow the way of digitalisation of the human or humanizing technology, or can choice another strategies of existence in the digital world. It is likely that each person has to make for himself the final choice. The complex interlacing and interpenetration of online and offline social practices will lead to new forms of Digital divide.

Keywords: digitalization, digital society, socialization, communication, anthropological perspectives

Сегодня вектор на цифровизацию – это не один из вариантов развития общества, а результат осуществленного политического выбора, и мы переживаем процесс осознания того, что цифровое будущее наступит не когда-то в ближайшее время, а уже наступило, и одновременно являемся участниками процесса глубинной социальной трансформации, имеющей серьезнейшие антропологические последствия. Меняются все сферы жизни, и человек вынужден искать новые оптимальные формы существования в цифровом мире. Несмотря на все преимущества перехода «на цифру» [1], необходимо со всей ответственностью констатировать, что столь резкие социальные изменения – это вызов, брошенный человечеству, на который ещё нет ответа.

Очевидно, что стратегии поведения человека должны учитывать специфику новой формы социальной организации, а её можно выразить, как минимум, в двух основополагающих положениях. Во-первых, цифровое общество – это общество, в котором главными социальными ценностями являются информация и каналы коммуникации, а значит, для успешной социализации необходимо иметь доступ к большим объёмам данных, уметь их структурировать и обрабатывать, быть подключённым к как можно большему числу коммуникаций. Во-вторых, цифровое общество технологично, следовательно, умение создавать новые способы коммуникации – навык, позволяющий наращивать индивидуальный символический капитал. Однако возникает вопрос, правильно ли то, что, рассуждая таким образом,

мы исходим исключительно из потребностей самого общества и разве должен человек находиться в положении приспосабливающегося?

Важно отметить, что цифровое общество в настоящий момент находится на стадии становления, и социальное вообще, понимаемое как его материя, мы можем описать, используя философские термины в их постнеклассической интерпретации, как систему прерывностей «аналогов» и «цифры», в которой они иногда накладываются друг на друга, а иногда образует между собой зазоры (иногда существенные). Тем не менее на уровне аксиологическом процесс цифровизации следует признать завершенным, так как целостное представление о цифровом будущем сформировано, то есть в форме некоего социального идеала, потенциально оно уже существует. Место же человека в таком обществе представляется до сих пор не определённым. В современном постиндустриальном мире каждый принимает участие в безудержном цифровом потреблении и цифровом производстве, создавая информацию запросами в поисковых системах и публикациями в сети, а особенно в соцсетях. Индивид участвует в этих процессах даже в нерабочее время, и на его действиях строится, к примеру, расчёт рентабельности тех или иных производственных или финансовых решений. Иными словами, мы вступаем в экономически значимые коммуникации постоянно, в каждый момент времени, а система стимулирует нас производить всё больше и больше контента. Владение технологиями – сегодня единственный способ достичь преимуществ на рынке информации, а значит и на рынке вообще.

Цифровой образ жизни влечет за собой дополнительную нагрузку на психику и существенные временные затраты. Как показывает практика, человек к происходящим метаморфозам оказался не готов. Вопросы цифровой безопасности, защиты персональных данных, хранения информации, воспитания культуры поведения в цифровом обществе, формирования цифровых компетенций касаются сегодня всех и каждого. Еще одна проблема – это осознание необходимости информационной гигиены, необходимой для того, чтобы многозадачный человек не стал идеальным потребителем или «придатком» какой-нибудь информационной системы, которую пользователь обслуживает в процессе своей деятельности. Даже если это социальная сеть, и в ней он состоит, вроде бы, добровольно. Мобильные приложения и все компьютерные программы, служащие целям коммуникации, настроены на формирование зависимости и спекулируют на слабостях психики человека – жажде внимания, стеснении при выстраивании отношений с людьми в реальном мире, чувстве одиночества, и заменяют недостающие эмоции их более легко достигаемыми суррогатами, но чрезмерное потребление таковых вызывает не удовлетворение потребности, а истощение. Более того, по мнению Дж. Ланье, истинным смыслом современных медиа является не что иное, как «мягкое», завуалированное управление, а именно: «изменение поведенческих моделей людей с помощью специальных методик» [2, с. 12].

Дробление мира (клиповое, фрагментарное восприятие обрывочной информации о чём-либо) и дробление времени (постоянное обращение к ресурсам сети, прерывающее всякую деятельность) на «осколки, слишком маленькие для осознанного присутствия в жизни» [3, с. 10], всё это вызывает внутренний дискомфорт. Стирание грани между личным и общественным, отдыхом и работой, провоцирует необъяснимую тревогу и ощущение отсутствия или уязвимости личных границ. Особо усугублена эта ситуация у тех, кто работает на фрилансе. Если лет 10 назад с таким форматом трудовой деятельности связывались надежды на получение дополнительных возможностей для творчества и развития, то сегодня многие авторы признают, что «иллюзией является потенциал освобождения времени цифровыми профессиями» [4, с. 54].

Человек ещё только находится на пути к осознанию того, что создание контента – тоже труд, а отдых только в отключении от потока информации. Для достижения целей информационной безопасности в её экзистенциальном измерении необходимо, прежде всего, сформировать культуру работы с информацией и совершения действий в цифровой среде, а также представления об информационной гигиене, позволяющей фильтровать поток постоянно поступающей информации: отсеивать излишнюю и искать недостающую. Современные исследователи по-разному оценивают перспективы достижения этого понимания. К. Ньюпорт предлагает множество практик неучастия и осознанного пребывания в цифровом пространстве, объединяя их в программу достижения цифрового минимализма: «Минималисты поняли, что ключ к процветанию в нашем высокотехнологичном мире заключается в том, чтобы тратить на технологии минимум времени [3, с. 14]. Он предлагает на недолгое время отказаться от соцсетей и мобильных приложений, чтобы научиться осознанному обращению с ними и в дальнейшем использовать только их положительный потенциал, а Дж. Ланье, например, более радикален и призывает удалить все аккаунты в соцсетях для того, чтобы вернуться в них, когда они будут лишены коммерческой составляющей, руководствуясь логикой, согласно которой посредством спроса можно влиять на предложение. Д. Вайсман, напротив полагает, что «у нас не получится сесть на цифровую диету, отказаться от смартфонов и вернуться к природе» [5, с. 27]. Согласно последней позиции, пока мы тратим время на выработку грамотного отношения к технологиям, кто-то уже приспосабливается к высоким скоростям и достигает общественного признания. Так что же такое для человека цифровой мир – новые социальные реалии, к которым надо привыкать, ведь любое революционное изменение в социуме провоцирует кризис и недоверие (вспомнить хотя бы переход на мануфактурное производство), или же объект повышенной опасности, при входе в который необходимо соблюдать особые меры, как при работе на вредном производстве?

Условно можно определить несколько антропологических перспектив в цифровом мире. Первый сценарий связан с дигитализацией человека и его превращением в многозадачную машину, придаток коммуникации, лишённый целостности восприятия окружающего мира. Человек будет действовать, как машина, совершать огромное количество операций с минимальным числом ошибок, но не исключённой вероятностью системного сбоя. Второй вариант, противоположный первому, предполагает возможность гуманизации технологий, осознанное пребывание человека в цифровом мире, сформированность у него информационной гигиены и устойчивой системы ценностей. Наконец, срединный путь признает возможность осуществления обоих вариантов в качестве крайних форм выражения широкого спектра жизненных стратегий человека в цифровом обществе. При этом неравномерность цифровизации и разная степень индивидуальной включенности членов цифрового общества в различные коммуникации приводит к появлению новой формы социального неравенства: «гетерохронность по отношению друг к другу групповых и индивидуальных хронотопов фиксирует феномен Digital divide (цифрового неравенства). Речь идёт не только о возможности доступа к интернету и различиях в уровне владения цифровыми технологиями, но и различием в формировании социокультурных практик повседневной жизни» [6, с. 34]. При этом в качестве одной из форм цифрового неравенства можно рассмотреть ситуацию, при которой большинство людей переведут все свои коммуникации в цифровую форму, а социальные практики оффлайн станут новой формой роскоши и прерогативой меньшинства.

Литература:

1. Мурзагулов Р.Р. Цифровое общество середины XXI в. как новый этап цивилизационного развития. Социально-философский анализ. Екатеринбург: Электронное издательство «Издательские решения» [Ridero]. 52 с.
2. Ланье Дж. 10 аргументов удалить все свои аккаунты в социальных сетях. М.: «Эксмо», 2018. 192 с.
3. Ньюпорт К. Цифровой минимализм. Фокус и осознанность в шумном мире. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 256 с.
4. Афанасов Н.Б. Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. №1. С. 43-61.
5. Вайсман Д. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 304 с.
6. Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. М.: «МПГУ», 2019. 263 с.

Образовательная культура: взгляд медиафилософии

Соловьёва В.М.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, студент

viktoriya-animeshka@mail.ru

Аннотация: Взгляды на информационное общество в прошлом имели, разумеется, характер футуристических прогнозов, но на этапах развития электронных и цифровых технологий, большинство явлений, предсказанных исследователями в области философии, социологии и других, смогли воплотиться в широкой модернизации средств массовой коммуникации, в масштабном распространении компьютерной техники, в формировании глобальных информационных сетей и многих других технических инновациях. Перемены в конструкции информационных технологий трансформируют и информационное пространство, и культуру, и образование человека, преобразуя его жизненный мир. Неоднозначные процессы и непредсказуемый курс современных социокультурных изменений постоянно приводят исследователей к проблемам, с которыми сталкивается трансформированная медиакультура. Статья посвящена анализу проблем современной образовательной культуры через сравнение двух концепций медиафилософии – Жака Деррида и Ричарда Рорти. Автор рассматривает трудности, с которыми сталкивается образование в эпоху бурного развития интернет-технологий.

Ключевые слова: образовательная культура, медиа, Интернет, информация, медиафилософия, коммуникация, деконструкция, прагматизм

Educational Culture: View of Mediaphilosophy.

Soloveva V.M.

Lomonosov Moscow State University Faculty of Philosophy

Abstract: The views on the information society in the past had the character of futuristic forecasts. At the stages of development of electronic and digital technologies, most of the phenomena predicted by researchers in the field of philosophy, sociology and others, could be embodied in a wide modernization of mass media, in large-scale dissemination computer technology, in the formation of global information networks and many other technical innovations. Changes in the construction of information technology transform the information space, culture, and education of a person, transforming his life world. Ambiguous processes and an unpredictable course of modern sociocultural changes constantly lead researchers to the problems faced by transformed media culture. The article is devoted to the analysis of the problems of modern educational culture and personality through a comparison of two concepts of mediaphilosophy - Jacques Derrida and Richard Rorty. The author considers the difficulties faced by education in the era of rapid development of Internet technologies.

Keywords: educational culture, media, the Internet, information, mediaphilosophy, communication, deconstruction, pragmatism

В настоящее время происходит переход от образовательной культуры, сформированной печатным словом и устной речью, к форме образовательной практики, в которой работа в мультимедийной среде Интернета приобретает центральное значение. Этот переход ставит под сомнение четыре идеализированных базовых предположения в традиционалистском образовании. Первое базовое предположение заключается в том, что знания, которые должны передаваться в школах и университетах, должны быть локализованы, отделены от конкретных условий их использования и перемещены в конкретно академическую сферу передачи теоретических знаний. Второе основное предположение заключается в том, что уроки должны проходить как диалог между присутствующими. В рамках этого процесса – в соответствии с третьим основным допущением – учителя наделены полномочиями администраторов некомпетентных знаний. Четвёртое основное предположение относится к структуре знаний, которые должны преподаваться или изучаться. В условиях традиционной образовательной культуры это знание понимается как совокупность установленных фактов, стоящих в иерархическом контексте порядка. В контексте дебатов по философии образования на протяжении всего 20-го века все четыре предположения неоднократно обсуждались и проблематизировались с разных точек зрения. Как только образовательная деятельность переориентируется на динамику самих знаний, как это обнаруживается в новой среде Интернета, педагогам становится необходимо более экспериментальное понимание своей собственной практики.

Первое из четырёх реконструированных базовых допущений традиционной образовательной культуры – понятие замкнутой сферы теоретических знаний – ставится под сомнение в открытом семиотическом мире Интернета двумя способами. Это происходит, с одной стороны, в отношении физического пространства знаний, буквально в классе или комнате для семинаров. Как только учителя начинают использовать Интернет в работе со студентами или учениками, школьный класс или комната для семинаров входит в виртуальное пространство, которое выходит за пределы этого класса или комнаты. С другой стороны, есть изменения в символическом пространстве знаний, вызванные этим превышением границ. Второе основное предположение о традиционной образовательной культуре также становится проблематичным в случае с использованием Интернета в образовании. В условиях ориентированного на Интернет преподавания и обучения общение лицом к лицу, по-видимому, больше не выделяется каким-либо особым образом в качестве модели или парадигмы образовательной ситуации общения. Скорее, появляются возможности синхронной и асинхронной коммуникации между людьми, которых нет на месте, в форме списков рассылки, новостных досок, которые придают равную ценность общению между людьми, которые присутствуют и релятивизируют своё традиционное первенство как парадигму. для посредничества смысла и значения. Опыт компьютерно-опосредованного общения оказывает двойной эффект обратной связи на само общение лицом к лицу – с одной стороны, децентрализация, с другой – её повторная проверка. Это имеет последствия для третьего основного предположения. Включение Интернета в уроки приводит к трансформации образовательной коммуникативной структуры, которая влияет на внутреннюю структуру общения между людьми в обычных разговорах. Это происходит в форме децентрализации, так что учителя больше не стоят в центре образовательной ситуации как администраторы некомпетентных знаний. Это ставит под сомнение традиционную легитимацию авторитета учителя и классическую структуру прямых уроков. Учителя больше не кажутся суверенными администраторами иерархически организованной системы знаний, которая должна передаваться в ситуации непосредственного обучения. Вместо этого, столкнувшись с «информационной перегрузкой», проявляющейся в Интернете, они приобретают новые образовательные обязанности для оценки и коммуникативно-прагматических навигационных задач. Понятие иерархической структуры знаний также ставится под сомнение Интернетом, также дело обстоит с четвёртым основным допущением традиционной образовательной культуры. Вместо этого находится опыт создания гипертекстовой, сетевой, интерактивно развивающейся и потенциально бесконечной ссылочной среды графических, изобразительных и акустических знаков. Знание меняется от якобы объективно предопределенного запаса по сути упорядоченных фактов к постоянно меняющемуся артефакту межсубъективно опосредованного суждения. Получается процесс, открытый для постоянного пересмотра, в реализации которого первостепенное значение имеют навыки ассоциативного общения, независимой оценки и прагматического взаимодействия с индивидуальными и коллективными интересами. Как можно развить основополагающие принципы образовательной культуры, ориентированной на Интернет? Каким новым способом можно понять структуру самого знания в изменившихся медиаусловиях?

Задача медиафилософии – ответить на фундаментальные теоретические вопросы такого типа. Существуют две различные концепции медиафилософии: теоретическая и прагматическая. Обе являются открытием философских лагерей, которые решающим образом определяют современное мышление. Теоретическая концепция медиафилософии была разработана Жаком Деррида [1, с.1-29] в рамках его деконструкционизма. Основные идеи прагматической концепции медиафилософии берут своё начало в работе основателя неопрагматизма Ричарда Рорти, включая прагматическое переосмысление Рорти Дональдом Дэвидсоном.

Медиафилософия Деррида может помочь понять, что текущая трансформация СМИ и образовательной культуры не подрывает конституцию смысла и значения, а скорее выявляет прозрачные законы, уже действующие для личного общения. Под этим подразумевается, что через формы общения,

характерные для Интернета, эпистемологические идеи и интуиция деконструкционизма всё чаще становятся неявной составляющей здравого смысла. То же относится и к медиафилософским идеям Рорти [2, с. 165-177]. Интернет не только позволяет смыслу и значению появляться в ином эпистемологическом свете. Наши отношения с интерактивными сетями передачи данных также приводят к переоценке статуса и функции смысла. Знание больше не представляется копией или конструкцией реальности, которую нужно познать, но оказывается в своей прагматической функции инструментом активного и экспериментального изменения реальности и формирования мира. Обращаясь к Дэвидсону, Рорти предложил попытаться понять наши теории и словари как средства, которые служат для разумной оптимизации нашего взаимодействия с окружающей средой. В качестве цели на горизонте этого взаимодействия он подчёркивает идею постепенного улучшения и расширения демократической формы жизни, которая для нас сегодня обязательна именно в силу её непредвиденных обстоятельств. Оба аспекта неопрагматизма Рорти [3, с. 250] вносят важный вклад в реконструкцию медиафилософских преобразований, которые формируются на уровне здравого смысла в эпоху Интернета.

В образовательной культуре, ориентированной на Интернет, первое базовое предположение о замкнутости академической сферы представления теоретических знаний заменяется деконструкцией академических пространств знаний в разрушительном и конструктивном аспектах. Деструктивный аспект – это освобождение от неподвижности процесса образовательного общения в мире классной комнаты или комнаты для семинаров. С интеграцией Интернета в образовательный процесс виртуальный мир открывается как пространство для совместного обучения. Это открытие в то же время является конструктивным аспектом. Эти самостоятельно разработанные и постоянно развивающиеся пространства знаний могут быть одновременно объединены в сеть с другими пространствами знаний и виртуальными, а также реальными, пространствами действий. Таким образом, открываются возможности для транскультурного общения, которое способствует реализации обучения в транснациональном контексте. В Интернете становится возможным, чтобы учащиеся, которые пространственно и географически отделены друг от друга, фактически сосуществовали вместе в общем мире, основные пространственно-временные координаты которого они могут совместно построить в процессе переговоров. Здесь глобальность как форма жизни становится осязаемой и укоренившейся в качестве основного повседневного отношения в игровой само собой разумеющейся манере.

Под влиянием Интернета наша повседневная эпистемология становится всё более деконструкционистской. Это относится не только к нашему использованию буквенного алфавита, но и к использованию изображений. В цифровом режиме изображение теряет свой выдающийся статус как представление или конструирование реальности. В условиях Интернета знание, понятое как фиксированный набор иерархически упорядоченных фактов, заменяется концепцией процесса знания. Интерсубъективно-опосредованная способность рефлексивного суждения занимает здесь центральное место. В традиционной медийной практике зритель или читатель обычно могут заранее оценить ценность предмета по его ассоциации с конкретным издателем, телевизионной программой, редактором газеты, то есть к чему-то уже известному и общему. В Интернете всё иначе. Происхождение информации не всегда прозрачно, и её атрибутивность часто трудно установить. Хотя классическая медиасистема была основана на развитии зрителями или читателями стабильных долгосрочных предпочтений к программам или газетам, которые кажутся заслуживающими доверия, в Интернете мы имеем дело с информационной перегрузкой. Всестороннее и систематическое развитие рефлексивного суждения на всех уровнях и в глобальном масштабе является центральной задачей демократической системы образования в 21 веке.

Основная проблема, с которой сталкиваются нынешняя и будущая политика в области образования: каким образом повторная проверка практических занятий в классе должна сочетаться с преобразованием знаний, продвигаемых появляющимися технологиями информационных сетей.

Литература:

1. Derrida J. Margins of philosophy. Chicago: The University of Chicago Press, 1982. P. 1-29.
2. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Лингвистический поворот и история в философии Р. Рорти // Вестник ТвГУ. Серия: Философия (2). 2017. С. 165-177.
3. Rorty R. Philosophy and the mirror of nature. Princeton: Princeton University Press, 1979. 415 p.

Влияние социальных сетей на современные протестные движения

Цуркан Е.Г.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра социальной философии и философии истории, тьютор, аспирант

unigendeth@gmail.com

Аннотация: Генезис современных форм протестной активности связан с урбанизацией и индустриализацией, что явилось результатом капиталистического развития в странах Европы. Современный протест обрёл свои устойчивые коммуникативные формы и идеологическое содержание вследствие развития «Новых социальных движений» в конце 60-ых годов XX века. В настоящий момент формы протестной активности трансформируются в результате появления интернета как новой информационной технологии, опосредующей протестную коммуникацию. В статье аналитически различаются три антитетические оси, по которым происходит изменение: эксклюзия / инклюзия, стратегическое действие / коммуникативное действие, масса / множество. Также в статье фиксируется изменение формы и содержания протестной коммуникации, пространства и времени протеста. Заявляется принципиальная важность учёта данных трансформаций в изучении современных протестных форм коммуникации.

Ключевые слова: новые социальные движения, протестная коммуникация, эксклюзия, инклюзия, стратегическое (телеологическое) действие, коммуникативное действие, масса, множество

The effect of social networks on modern protest movements.

Tsurkan E.G.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History

Abstract: The genesis of modern forms of protest activity is associated with urbanization and industrialization, which was the result of capitalist development in European countries. The modern protest has received its stable communicative forms and ideological content because of the development of the «New Social Movements» in the late 60s of the XX century. Currently, Internet as a new information technology, that mediates protest communication, transforms the protest activity. The article analytically distinguishes three antithetical axes: exclusion / inclusion, strategic (teleological) action / communicative action, mass / multitude. The article also fixes a change in the form and content of protest communication, the space and time of the protest. The author declares the fundamental importance of considering these transformations in the study of modern protest forms of communication.

Keywords: New Social Movements, protest communication, exclusion, inclusion, strategic (teleological) action, communicative actions, mass, multitude

[i] Генезис современных форм социальных движений, в том числе протестных, тесно связан с урбанизацией, вызванной развитием капиталистических отношений в странах Европы, приведших к обезземеливанию крестьян («Овцы съели людей» [1]) и вынужденному переселению последних в города. Это не означает, что протестных движений не существовало до появления современных городов. От знаменитого восстания Спартака до крестьянских войн, имевших колоссальное влияние на ход европейской истории, – всё это является проявлением протестной активности. До урбанизации непримиримый «классовый антагонизм», если прибегать к терминологии Маркса, зачастую выливался в протестные движения, бунты, гражданские войны, однако город конституировал пространство и время современных протестных движений, задав подвижные, но ощутимые рамки возможностей

i Публикация подготовлена в рамках деятельности выдающейся научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление» и при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00980 ««Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического познания»; проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива».

их осуществления. С ростом городов, в которых концентрировались как потенциальные рабочие, необходимые для нового типа промышленного производства, так и потенциальные потребители, столь же необходимые для массового производства, появляются маргинализированные прослойки населения – городская беднота, деклассированный люмпен-пролетариат. Развитие города и промышленного производства привело к гомогенизации пространства работы (заводы), жилья (рабочие или бедные кварталы, а позже – массовая застройка), бунта (площади, улицы). Люди, потенциально объединённые одинаковым отношением к средствам производства, характером труда (или формами безработицы) и нахождением в одной локации, могли актуально объединяться в группы, чтобы манифестировать в протестной форме своё несогласие со сложившимся состоянием дел (state of affairs). Пётр Штомпка, выделяя причины, обусловившие возрастание значения социальных движений в новейшей истории, обозначает физическое скопление больших масс людей, связанное с урбанизацией и индустриализацией, «темой Дюркгейма»: «Это создаёт большие возможности для контактов и взаимодействия, выработки единой точки зрения, общей идеологии и сплочения единомышленников. Короче говоря, шансы для мобилизации социальных движений существенно увеличиваются. Могло ли возникнуть социалистическое движение без фабричной системы, где тысячи рабочих находятся в непосредственном контакте?» [2, с. 343].

В Англии, являвшейся пионером развития капиталистических отношений и индустриализации в эпоху колониальных империй, уже в 1715 году появляется «Закон о бунтах» (Riot act) – закон об охране общественного порядка, который давал полномочия местным властям применять силу для разгона незаконно собравшейся группы из 12 (!) и более человек, в случае, если они не разойдутся сами в течение часа после прочтения им соответствующего закона [3, с. 13]. Если во времена крестьянских войн социальное движение должно было носить массовый характер, чтобы обратить на себя внимание политической элиты, то с развитием урбанизации масштаб «значимых» для власти протестов существенно уменьшился. Уже 12 человек могли обратить на себя внимание, что, безусловно, связано с физической близостью жизненно важных центров политического управления и очагов протеста в границах одного городского пространства.

Начиная со второй половины 19-ого века большинство значимых массовых социальных движений на долгое время было подчинено логике двух различных форм осуществления протеста: «рабочего движения» в странах с развитым индустриальным производством (Север) и «национально-освободительного движения» в остальных странах, часто бывших колониях (Юг). Данное аналитическое различение не является абсолютным, поскольку часто социальные движения, манифестирующие себя в качестве «рабочих», прибегали к националистической риторике, причём обратное суждение будет столь же релевантным [4]. Движения коммунистов и социал-демократов, которые после 1968 года получили уничижительное название «старых левых», были насквозь иерархическими, в них доминировала идея того, что в любой стране только одно движение может быть подлинно революционным, остальные движения, пытавшиеся осуществлять автономную стратегию, признавались контрреволюционными и подрывающими приоритетную борьбу.

Данное положение изменилось в 1968 году, когда различные социальные движения, альтернативные рабочим и национально-освободительным, отказались подчиняться логике заданных протестных нарративов. «Забытые люди», такие как женщины, меньшинства (расовые, этнические, религиозные, сексуальные), люди, отдававшие приоритет экологическим вопросам или борьбе за мир, хотели получить право голоса, независимого от «приоритетных форм борьбы». Как пишет И. Валлерстайн: «Политические активисты 1968 года настаивали на том, что требования об одинаковом отношении ко всем этим группам больше не могут откладываться до неопределённого будущего времени после того, как будет «выиграна» основная борьба. Это были насущные требования, и гнёт, на борьбу с которым они были направленны, был не менее важен, чем то, с чем боролась приоритетная на данный момент группа» [5, с. 50].

На политическую сцену восходят «новые социальные движения», разнообразные и лишённые единого центра стратегии борьбы за инаковость и тотальную инклюзию. Движения «старых левых» перестали рассматриваться в качестве катализаторов любых возможных социальных перемен, они становятся лишь одной из многих альтернатив. Именно мировая революция 1968 года становится «инициирующим событием», вечно актуальным настоящим, которое разыгрывается и реактуализируется в современных протестных движениях, составляет их концептуальный каркас. «… Для Робеспьера Древний Рим был прошлое, заряженное актуальным настоящим, прошлое, которое он вырывал из исторического континуума. Французская революция понимала себя как возвращение

Рима. Она цитировала Древний Рим …» [6, с. 217]. Подобным же образом современные протестные движения цитируют 1968 год.

Итак, в конце 60-ых годов прошлого столетия современный протест как социальное явление обрёл свои устойчивые коммуникативные формы, идеологию и институциональную структуру. Большинство протестных тем, которые коммуницируются в онлайновых социальных сетях, а именно – борьба за мир, защита окружающей среды, права женщин, отстаивание альтернативных ценностей и норм поведения, коррумпированность и иные дисфункции макросистем общества, были сформулированы в ходе развития «Новых социальных движений».

В настоящее время происходит трансформация форм протестной активности, связанная с появлением интернета – информационной технологии, опосредующей протестную коммуникацию. Путём анализа можно выделить следующие антитетические оси, по которым происходит изменение в сторону уменьшения роли первого члена дистинкции и увеличения роли второго:

1. Эксклюзия / инклюзия. Рост интенсивности протестной коммуникации, который можно наблюдать начиная со второй половины XX века по наши дни, связан с включением ранее исключённых из социальной коммуникации групп населения. Традиционным для большинства традиционных социальных систем способом работы с девиантными формами поведения и нестандартными ценностями была эксклюзия (исключение, вытеснение) носителей этих форм и ценностей за пределы социальной коммуникации. С появлением и распространением альтернативных массовым источников информации и новых средств коммуникации маргиналы наконец получили голос. Кроме того, травма второй мировой войны, связанная с ужасающими формами эксклюзии (концентрационные лагеря, переселения, геноцид), волны миграции и либеральные умонастроения широкой общественности привели к становлению культурных форм терпимости (толерантности) в качестве доминирующих. Одним из критериев общественного прогресса стала инклюзивность общественной коммуникации, включение в коммуникацию ранее не допущенных к ней групп, чему посвящено множество работ Юргена Хабермаса [7]. Согласно перформативной теории собрания Джудит Батлер, целью политического действия становится включение исключённых ранее групп в политическое поле, устранение политического неравенства возможностей [8]. Появление интернет-технологий и социальных сетей стало ещё одним шагом на пути к тотальной инклюзии исключённых ранее элементов. Интернет оказывается главным средством включения исключённых, более того, интернет-технологии предоставляют возможность формирования общности на основании исключённости и «поражённости в правах».

2. Стратегическое (телеологическое) действие / коммуникативное действие [7]. Движениям «старых левых», как было сказано выше, была свойственная строгая иерархичность и подчинение «побочных» форм борьбы «главному» протестному нарративу. Иными словами, цели интеграции различных субъектов в протестную активность и установления операциональной степени порядка в социальных движениях достигались посредством стратегического действия. Поскольку участники протеста, соединяя свои действия, ориентируются исключительно на достижения успеха (в данном случае, захвата власти), «постольку они стараются достичь своих целей, оказывая внешнее влияние на понимание ситуации их соперником, на его решения и мотивы, с использованием оружия или подкупа, угроз или посулов» [7, с. 199]. Данная цитата является определением специфики стратегического действия в общем, а не только в случае с протестным действием, тем не менее, данное определение можно использовать как важный ресурс для выявления специфики дискурсов «старых» и «новых» левых. «Новые социальные движения» используют для интеграции и упорядочивания различных коммуникативных актов, имеющих протестное содержание, и акторов, желающих стать частью социального движения, коммуникативное действие, направленное не на успех, а на понимание. Экологические и феминистские движения зачастую не направлены на захват власти и изменение своего (или всеобщего) социального положения «сверху», они подчиняются логике «экспериментирования снизу», изменения нормативных форм поведения и общественных ценностей путём коммуницирования проблемных, и потому протестных, тем. Чтобы стать членом движения, нужно обладать общим коммуникационным фоном, быть включённым в контекст борьбы, понимать цели движения и действовать (коммуницировать) в соответствии с этим пониманием.

3. Масса / множество [9]. Массовость движений, которая достигалась путём стратегического подчинения «побочных» нарративов «приоритетным формам борьбы», уступила место множеству различных локальных движений, диверсификации протестной активности и интерсекциональности. Логика, согласно которой сами по себе инертные массы нужно просвещать, создавать из «класса-в-себе» «класс-

для-себя» или же взывать к национальной идее, «корнями врастающей в таинственную глубину жизни» [10, с. 306-307], сменяется логикой активного и «генеративного» множества, которое само, без «придания формы» извне (в стиле гилеморфизма Аристотеля), способно порождать протестную коммуникацию.

Наступление эпохи цифровизации и рост популярности социальных сетей, помимо вышеперечисленных трансформаций, привели к изменению как формы, так и содержания протестной коммуникации. Формальная организация, в которой раньше нуждались протестные движения для своего осуществления, была заменена горизонтальной консолидацией вокруг коммуницируемой темы протеста без чётких критериев принадлежности к определённому протестному движению и без указания условий входа/выхода. Некоторые теоретики пишут об отсутствии не только формальной организации, но и фактических лидеров протеста [11]. Это делает протест неуничтожимым, поскольку для его прекращения оказывается недостаточным изолировать лидеров протеста и разрушить протестную организацию. Вместе с тем протест стал более рассеянным, энергия недовольства может быть перенаправлена с одной темы на другую. В околоправительственных структурах создаются специальные подразделения, чтобы, «перебивая повестку», рассеивать энергию протеста.

Наконец, изменилось пространство и время протеста. Пространственная фиксация протеста в эпоху институциализации НСД не представляла труда, поскольку совпадала с телесным присутствием протестующих в определённых местах, где осуществлялся протест – городские улицы, площади и так далее. Современная протестная коммуникация де-локализована, рассеяна в социальных сетях, тематических форумах, специфических сайтах и так далее. Большую проблему для исследователя составляет картография протеста, в которой нельзя ограничиться простой констатацией горизонтальности и некоторого рода спонтанности процесса общественной консолидации вокруг темы протеста, поскольку не смотря на отсутствие общей организационной рамки, коммуникационные возможности в сетях распределены неравным образом. Существуют посредники, которые заполняют структурные дыры, создавая мосты для распространения и продвижения протестной коммуникации [12], и инфлюенсеры, чьё мнение по многим вопросам обращает на себя внимание гораздо большего количества людей.

Что касается временной фиксации протеста: протест перестаёт быть единовременным событием, он становится «кампанией» [13] – длительностью, объединённой чувством несправедливости, поражённости в правах и оторванности от механизмов власти. Конечно, «чувства» как феномена системы индивидуальной психики недостаточно для того, чтобы протестные формы коммуникации приобрели устойчивость. В рамках психики (в непатологических случаях) эмоции не способны аккумулироваться и сохраняться достаточно долго, если нет институтов, переводящих психический мотив в социальную установку, в нормативное ожидание или иную стандартную реакцию на соответствующее стандартное событие.

Все эти многочисленные трансформации должны учитываться в исследовании современных форм протестной коммуникации.

Литература:

1. Мор Т. Утопия / Пер. с англ. А.И. Малеина. М.: Эксмо-Пресс, 2018. 160 с.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
3. Тилли Ч. От мобилизации к революции / пер. с англ. Д. Карасева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.
4. Балакришнан Г. Национальное воображение // Нации и национализм / Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 264-282.
5. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.
6. Беньямин В. О понятии истории // Девять работ. М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. С.199-223.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001. 379 с.
8. Батлер Д. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 248 с.
9. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. А.Г. Петровой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 144 с.
10. Бердяев Н.А. Русская идея и судьба России. М.: Сварог и К, 1997. 542 с.
11. Lanier J. Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now. New York: Henry Holt and Company, 2018. 126 с.
12. Gonzales-Bailon S., Wang N. Networked disconnected: The anatomy of protest campaigns in social media // Social Networks. 2016. №44. P. 95-104.
13. Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография / под ред. К.Х. Момджян, Р.А. Бараш. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019. 271 с.

Религия и наука в современном мире: роль философии в процессе диалога.

Клементьева Т.Н.

Новосибирский государственный медицинский университет, доцент кафедры философии. Кандидат философских наук.

tklementyeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимоотношения религиозного и научного мировоззрения при решении основных метафизических вопросов. Весь спектр отношений к этому явлению со стороны религиозных конфессий и научного сообщества можно разделить на четыре позиции: конфликта, независимости, диалога и синтеза. С точки зрения автора, наука и религия изучают разные области реальности. Однако по мере расширения возможностей науки, сфера ее знаний расширяется и проникает в сферу религиозных представлений, что приводит не только к опровержению, но и к уточнению, расширению и описанию с помощью языка науки давно известных в религии объектов и явлений. Главными препятствиями для понимания этого процесса становятся терминологические различия и отсутствие, вследствие этого, коммуникации между научным сообществом и религиозными конфессиями. По мнению автора, роль посредника в процессе коммуникации между религией и наукой может играть философия, которая способна выделять общие смыслы религиозных и научных понятий и терминов, а также формулировать новые понятия и идеи, являющиеся результатом их взаимопроникновения.

Ключевые слова. Религия, наука, мировоззрение, конфликт, синтез, религиозные конфессии, научное сообщество.

Religion and science in the modern world: the role of philosophy in the process of dialogue.

Klementyeva T.N.

Novosibirsk state medical University

Abstract. The article is devoted to the problem of interrelation of religious and scientific worldview in solving the main metaphysical issues. The entire spectrum of attitudes to this phenomenon on the part of religious denominations and the scientific community can be divided into four positions: conflict, independence, dialogue, and synthesis. From the author's point of view, science and religion study different areas of reality. However, as the possibilities of science expand, the sphere of its knowledge expands and penetrates into the sphere of religious representations, which leads not only to refutation, but also to the clarification, expansion and description of objects and phenomena long known in religion using the language of science. The main obstacles to understanding this process are terminological differences and the lack of communication between the scientific community and religious denominations. According to the author, the role of an intermediary in the process of communication between religion and science can be played by philosophy, which is able to identify common meanings of religious and scientific concepts and terms, as well as formulate new concepts and ideas that are the result of their interpenetration.

Keywords: Religion, science, worldview, conflict, synthesis, religious denominations, scientific community.

Взаимоотношение науки и религии продолжает оставаться одной из основных проблем современной культуры. В течение долгого времени и религия, и наука как социальные институты дистанцировались друг от друга, претендуя на самостоятельное мировоззрение, методологию познания и роль в жизни общества. Однако в течение XX века научные теории все больше вторгались в сферу традиционных религиозных представлений, вследствие чего религиозное и научное мировоззрение неизбежно пересекалось при обсуждении основных метафизических вопросов. Отношение к этому процессу и среди верующих людей, и среди ученых очень неоднозначно. Спектр этого отношения варьируется от жесткого неприятия каких-либо взаимоотношений между религией и наукой до утверждения в перспективе возможного синтеза религиозного и научного мировоззрения. Рассмотрим основные позиции, сформулированные в научной литературе, и их аргументацию.

Первая позиция, которую можно назвать радикальной, основана на утверждении, что научное мышление и религиозная вера – совершенно разные и не связанные друг с другом способности человеческого сознания. Ученые - сторонники этой позиции утверждают, что научное знание – единственно

надежный вид знания, который способен приблизить нас к истине. Все остальные виды знания, в том числе и религиозное, относят к знаниям, недостаточно обоснованным или просто ложным. Вследствие этого наука и религия рассматриваются как конкуренты, особенно, в сфере метафизических вопросов, таких как происхождение мироздания и человека. «Наука и религия конкурируют в деле поиска истин о мире, - пишет один из самых ярких сторонников этой позиции Дж. Койн. – И наука – единственная область, способная опровергнуть претензии религии на истину в последней инстанции. Более того, она неоднократно это делала … . Религия, с другой стороны, не способна опровергнуть истины, установленные наукой. Именно эта конкуренция и способность науки разрушить гегемонию веры – но не наоборот – порождает многочисленные дискуссии о том, как две эти области соотносятся друг с другом и как найти гармонию между ними» [1, с. 25]. С другой стороны, представители религиозных конфессий, склоняющиеся к этой позиции, утверждают обратное: истинно религиозное знание, полученное из высшего источника, и ложно знание научное.

Вторая позиция делает акцент на независимости науки и религии. С этой точки зрения, это не связанные друг с другом способы описания мира, отличающиеся предметом и методами познания, а также языком описания реальности. Например, Дж. Х. Брук выражает эту позицию следующим образом: «Никаких взаимоотношений между наукой и религией в реальности не существует. Отдельные лица и сообщества вкладывают в это словосочетание самый разный смысл в зависимости от контекста…. С возникновением более прагматичных концепций истины, …появилось гораздо больше оснований утверждать об отсутствии взаимосвязей между научным и религиозным дискурсами – поскольку оба они относятся к четко различающимся сферам деятельности. Исследователи, которые вслед за Витгенштейном анализировали функции языка, выделяли несколько уровней, на которых он может действовать: мир можно описывать самыми разнообразными способами, не сводимыми друг к другу. При таком подходе в принципе можно допустить, что наука и религия сосуществуют, не имея взаимных точек соприкосновения» [2, с.271-272].

Третья позиция получила название модели дополнения и диалога. Она стала продолжением известной теории «двух истин» и сегодня является официальной позицией Римско- католической церкви по вопросу взаимоотношений религии и науки. Согласно этой модели, религия и наука изучают реальность с разных ракурсов и ищут ответы на разные типы вопросов. Так, науку интересуют ответы на вопросы типа «как»: «как это устроено», «как возникло», «как действует». Религию же интересуют вопросы типа «почему»: «почему человек именно такой», «почему существует добро и зло» и т.д. Однако сочетание и дополнение ответов на эти разные вопросы помогает нам создать целостное представление о реальности, которая настолько сложна, что не может быть понята и описана только с одной точки зрения. «Физическая и духовная жизнь – не конкурирующие понятия, а повод и причина для использования взаимодополняющих способов рассмотрения двух аспектов человеческого бытия» [3, с.54]. Кроме того, именно соотношение и отсутствие противоречий между этими разными взглядами на реальность может служить хорошим критерием истины.

«Поскольку истина одна, источник истины один, … постольку не могут вера и разум противоречить друг другу. Если мы находим диссонансы между ними, значит, разум ошибался и выводы, к которым мы пришли, ошибочные …. Или это означает, что интерпретация истины и веры, которой мы следует, не верна» [4, с.106]. Такой взгляд позволил римско-католической церкви сформулировать позицию диалога между религией и наукой, в котором каждая из них сохраняет свою целостность и самостоятельность, но открыта для взаимодействия с другой стороной. «Способствуя открытости между Церковью и научными сообществами, мы не предусматриваем дисциплинарное объединение между теологией и наукой подобно тому, которое существует в пределах данной научной области или в пределах собственно теологии. По мере продолжения диалога и общего поиска будет происходить рост взаимопонимания и постепенного открытия общих ценностей, который обеспечит основу для дальнейшего исследования и дискуссий». [5; с.199-200].

Наконец, четвертая позиция делает главный акцент на родственности и взаимопроникновении религии и науки и, соответственно, на возможности в перспективе слияния религиозного и научного знания в единую картину мира [6, 7, 8, 9]. Прежде всего, указывается на единство предмета изучения религии и науки и решении ими одних и тех же проблем, например, происхождения мира и человека или перспектив развития человеческой цивилизации. В качестве аргумента в пользу сближения религии и науки выдвигается идея, согласно которой полное адекватное постижение действительности возможно только при условии интеграции религиозного и научного познания. Данная модель также ссылается на методологический параллелизм в религии и науке. Например, в процессе создания научных теорий используется творческое воображение, интуиция, аналогии и модели. В религии же используются специальные предположения (гипотезы ad hoc) для устранения встречающихся аномалий, что делает религиозные парадигмы более устойчивыми к критике. Все эти позиции являются попыткой религиозных конфессий и научного сообщества осмыслить новую реальность, с которой они столкнулись, и выработать определенное отношение к ней. Как бы мы не относились к проблеме взаимодействия религии и науки, приходиться признать тот факт, что на уровне мировоззренческих идей и представлений эти две сферы современной культуры неизбежно пересекаются. Если схематично представить соотношение сфер научного и религиозного познания, то научное знание будет охватывать область существенно у же религиозного, что обусловлено ограниченностью нашего эмпирического опыта. Часть реальности, находящаяся за границами этого опыта, весьма обширна и представления о ней всегда будут содержать элемент веры. Однако является ли это свидетельством того, что между наукой и религией отсутствует всякая связь и возможные точки пересечения? Скорее, наоборот, это говорит, что по мере расширения возможностей науки, ее сфера расширяется и проникает в сферу религиозных знаний. И это далеко не всегда означает полное опровержение религиозных представлений. Довольно часто это подтверждение, уточнение, расширение и описание с помощью языка науки давно известных в религии объектов, явлений или представлений. Многие современные исследователи взаимоотношений религии и науки говорят о возможности корреспондирования религиозной и научной картины мира. «…Научные и религиозные положения в объяснении мира должны в пределах достоверно познанного корреспондировать. На определенном этапе развития науки эта корреспондентность была разрушена и дезавуирована…. Новые научные парадигмы уже не так принципиально противоречивы по отношению к религиозной модели мировосприятия. … Соответственно, актуальна задача верификации тезиса о подтверждаемости наукой религиозных знаний» [10, с. 178-179].

Однако процесс взаимопроникновения религиозных и научных знаний непростой и неочевидный с первого взгляда. Главными препятствиями для этого становятся терминологические различия и отсутствие, вследствие этого, коммуникации между научным сообществом и религиозными конфессиями. Различие языков науки и религии, осложнённое разнообразием терминов, используемых в разных религиозных традициях, сильно затрудняет коммуникацию между верующими и учеными, а иногда, делает ее просто невозможной. Именно поэтому роль посредника в процессе коммуникации между религией и наукой может играть философия. Задачи, решаемые философией в этом процессе, разнообразны. Она рационализирует религиозные представления и переводит их, таким образом, из сферы веры в сферу разума, делая предметом рационального анализа. В рамках философского исследования возможна интерпретация понятий и терминов, используемых в науке и религии, и выделение общих для них смыслов. Кроме того, философия способна делать мировоззренческие выводы из результатов научного познания, сравнивать их с традиционными религиозными представлениями и формулировать новые понятия и идеи, являющиеся результатом их взаимопроникновения. «Действительно плодотворное мировоззрение должно опираться на философскую систему, проистекающую из конкретных наук, обобщающую и экстраполирующую их выводы за пределы уже исследованного и тем самым выходящую в область религиозных систем. При этом роль философии оказывается промежуточной между наукой и религией» [11, с. 53]. Таким образом, именно философия является сферой наиболее сильного пересечения научных и религиозных представлений и может сыграть существенную роль в их сближении.

Литература:

1. Койн Дж. Вера против фактов. Почему наука и религия несовместимы. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. 384 с.
2. Брук Дж. Наука и религия: историческая перспектива. Пер. с англ. СПб: Библейско- богословский институт св. апостола Андрея, 2004. 352 с.
3. Александер Д., Уайт Р. Наука и религия: друзья или враги? Христианский взгляд на последние научные достижения. Пер. с англ. СПб: Издательство «Шандал», 2009. 336 с.
4. Бонет Э. Основные принципы соотношения веры и разума в документе «Fidea et Ratio». // Наука и религия: в поисках единой картины мира: материалы международного «круглого стола» (г. Москва, 19 марта 2015). М.: РИТМ, 2015. С.100-107.
5. Койне Дж. Традиция и сегодняшний день: религия и наука. // Религия и культура: Реф. Сб. / РАН ИНИОН. М., 2000. 228 с. С.195 – 200.

6. Барбур И. Религия и наука: история и современность. Пер. с англ. СПб: Библейско- богословский институт св. апостола Андрея, 2000. 428 с.
7. Бутру Э. Наука и религия в современной философии. Пер. с франц. М.: КРАСАНД, 2010. 360 с.
8. Владимиров Ю.С. Предисловие редактора. О диалоге представителей науки и церкви. //Христианство и наука./ Под ред. Ю.С. Владимирова. М.:РУДН, 2008. 400 с. С.3-11.
9. Кулаков Ю.И. Синтез науки и религии. // Вопросы философии. 1999, № 2. С.142-153.
10. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Религиозное и научное познание. М.: Научный эксперт, 2013. 344 с.
11. Владимиров Ю.С. Фундаментальная физика, философия и религия. Кострома: Издательство МИИЦАОСТ, 1996. 226 с.

Мистическая практика в суфизме

Костылев П.Н.

МГУ имени М.В.Ломоносова, философский факультет, кафедра философии религии и религиоведения, старший преподаватель

relig@yandex.ru

Аннотация: в докладе производится переопределение понятий касательно терминов «суфизм» с одной стороны и «мистицизм» и «гнозис» с другой. Далее посредством концептов посвящения (инициации), вспоминания Бога (зикр) и схемы духовного развития (шариат, тарикат, ма'рифат, хакикат) определяются центральные характеристики суфизма, а также устанавливается взаимоотношение между мистическим и культовым элементами в суфизме.

Ключевые слова: суфизм, мистицизм, мистическая практика

Mystical practice in Sufism.

Kostylev P.N.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies

Abstract: this article redefines the concepts regarding the terms “Sufism”, “mysticism” and “gnosis”. Through the concepts of initiation, remembrance of God (dhikr) and the scheme of spiritual development (shariat, tarikat, ma'rifat, hakikat), the central characteristics of Sufism are determined, and the relationship between the mystical and cult elements in Sufism is established.

Keywords: Sufism, mysticism, mystical practice.

Необходимо сначала развеять общепринятый академический миф, иначе говоря – некоторое недоразумение, - по поводу суфизма. Часто считается, что суфизм – это исламский мистицизм. Этот тезис воспроизводится в словарях, учебных пособиях, монографиях и научных статьях на тему суфизма, однако, это не совсем так.

В исламской классификации типов знания наличествует понятие ирфан – «гнозис», которое можно соотнести не только с суфизмом, но и с философией озарения, и с шиитским профетической гнозисом – например, в части исна'ашаритских спекуляций о скрытом имаме и проч.

Далее, налицо примеры других традиций мистического склада (*маламатиййа, каррамиййа, каландариййа, увайсиййа*), не тождественных суфизму.

Полноценные целостные комплексы мистических концепций появляются в суфизме только со времен Ибн ‘Араби, одного из наиболее известных сегодня раннесредневековых суфийских философов. Его последователи назвали его учение вахдат аль-вуджуд, единство бытия, или учение о Единобытии. Но это только одна из многочисленных школ в суфийской философии; однако, суфийская философия далеко не исчерпывает сумму суфийского комплекса.

Сами исламские авторы (например, турецкий *алим* Хайдар Баш в книге «Макалат») говорят о том, что европейское понятие «мистицизм» очень слабо связано с суфийской спецификой; это своего рода удобная аналогия для ряда европейских ученых XIX – начала XX веков, причесывающих все «под одну гребенку», для них все едино, потому что похоже; христианство, ислам, буддизм – всё равно.

Вывод: Суфизм – это система взглядов и практик, выходящая за пределы того, что можно было бы назвать мистическим дискурсом и мистической практикой. Следовательно, можно говорить о том, что в суфизме существует комплекс мистических практик (наряду с чисто религиозными, т.е. культовыми), но нельзя говорить, что суфизм – это одна сплошная мистика.

Для того чтобы практиковать тем или иным образом, в суфизме необходимо посвящение (инициация), которое должен дать опытный наставник. Наставник (*шейх, пир*), соответственно, это суфий, получивший *иджазу* (разрешение на передачу каких-либо знаний или практик) и *хырку* (суфийское одеяние, «рубище», символизирующее полноту знания и его реализацию) от своего наставника и таким образом включенный в *сильсилу* – цепь духовной преемственности от наставника к ученику, возво-

димую суфиями к собственно пророку Мухаммаду. Как гласит известная суфийская поговорка, «у кого нет наставника, у того Сатана наставник». Имеется в виду то, что возникающие в результате суфийской практики экстатические состояния (*халь*) могут иметь источником Бога, а могут – Сатану, Шайтана, и отличить их действие сам начинающий практик *в принципе* не в состоянии, на это способен только наставник.

Интересно и то, каким образом происходит посвящение. Неофит должен совершить т.н. *тауба* – покаяние, «дав руку» шейху-наставнику. Шейх в данном случае предстает как посредник между божественным и тварным. В традиционном суфизме считается, что такое покаяние через шейха необходимо совершать как можно чаще, потому что другого способа очищать свое сердце от грехов и страстей не существует (в исламской традиции сердце объявляется самым центром духовной жизни, но утверждается, что у всех, кроме пророка Мухаммада, сердце запятнано и нуждается в очищении).

Центральной мистической практикой в традиционном суфизме следует признать вспоминание Бога – *зикр*, представляющий собой мысленное (*хафи*) или вслух (*джахр*) произнесение имен Бога или формулы вероисповедания (*шахады*) одновременно с умственной концентрацией на определенных метафизических органах тела – внутреннем сердце, внутреннем свете и т.д. Практика *зикра* связана с определенным типом дыхания, системой антропологических представлений, основанных на Коране прежде всего.

Одна из главных характеристик любой мистической (суфийской) практики, и, прежде всего – зикра, - это умеренность. В результате практики зикра суфий может впасть в транс, начать выкрикивать экстатические речения (*шатх*), сообщать окружающим о своих чудотворных способностях. В суфизме считается, что за редкими исключениями такие результаты мистической практики относятся к деятельности Сатаны, Шайтана. Наставники предупреждают, что мистическая практика должна быть сбалансирована с культовой (чтение *намазов* и проч.), должна не вредить мирской жизни человека (в исламе нет монашества, поэтому традиционные суфии позиционируют себя в качестве обычных людей, обычных мусульман, стремящихся лишь быть ближе к Богу). В противном случае человек превращается в сумасшедшего – *маджзуба*, на чем его суфийское путешествие заканчивается.

В плане взаимодействия мистической практики и чисто религиозного, культового элемента в суфизме, хотелось бы привести пример схемы духовного развития, принятой, в частности, в суфийском братстве *накшбандийя*: в начале пути идет *Шариат* – исламский образ жизни и, прежде всего, регулярной культовой практики. Затем следует собственно суфийский путь – *Тарикат*, приводящий адепта к *Ма'рифату* – мистическому знанию. В конце пути пребывает бытие с Истиной, т.е. с Аллахом – *Хакикат*, однако заключительная стадия духовного развития – это возвращение к *Шариату*. Схема демонстрирует принципиальную подчиненность любых форм мистической практики общепринятым нормам религиозной жизни. Ни один шейх, ни один суфийский *вали*' (близко к понятию «святой») не может быть «освобожден» от исполнения обязательной общеисламской обрядности.

Говоря о чудесах, нельзя не заметить поразительное бесстрастие суфизма к этому предмету. Высшей разновидностью чуда для мусульман – и суфиев в том числе, - является чудо Корана, который, согласно исламскому учению, неповторим и содержит в себе извечную истину, извечное божественное Слово. Соответственно, главный чудотворец ислама – это пророк Мухаммад, через которого Коран был, согласно исламскому учению, возвещен людям. Все остальные чудеса (*карамат*) вторичны и представляют своего рода «соблазн святых»: их можно использовать только во имя укрепления веры окружающих, однако велика опасность, что люди «пойдут в суфии» только для того, чтобы научится совершать чудеса, вследствие чего неизбежно впадут в неверие и моральную развращенность. В суфийских источниках говорится, в частности, о том, что *шейхи* и *вали*', по преданию обладавшие чудотворными способностями, изо всех вил скрывали их от окружающих и очень огорчались, если что-то выплывало наружу.

Наконец, интересная тема для размышления – это сравнение суфийских мистических практик с христианскими; наиболее часто европейские ученые сравнивают зикр с иисусовой молитвой. Не вдаваясь в подробный анализ подобных сомнительных сравнений, отметим лишь один момент: прежде всего, несмотря на изоморфную структуру практик, у них совершенно разный смысл. Иисусова молитва – это, прежде всего молитва, и уже потом – мистическая практика. Зикр же сам по себе молитвой не является, потому что в нем суфий ничего не просит у Бога – концептуально зикр оформляется как восхваление Бога. В общем, сравнение структурно близких практик совершенно разных религиозных традиций напоминает сравнение двух людей – к примеру, хрестоматийных Петра и Павла, - по их

внешнему сходству. Оба среднего роста, оба мужского пола, оба такого-то веса, оба брюнеты, одеты одинаково, оба в очках, обоим под сорок, предположим, что и зарплата у них одинаковая. Ну и что? Несмотря на внешнее сходство, они могут быть совершенно разными людьми, и, скорее всего, так и есть. То же со сравнением мистических практик религий мира; в структурном смысле оно возможно, в содержательном – вызывает серьезные трудности, порождает неустранимые сложности и проблемы.

Дополнительной проблемой анализа суфийского мистицизма является, как ни странно, его достаточно маргинальное положение в современном мире. Среднеазиатский суфизм, за несколькими редкими исключениями, представляет собой вырожденную форму средневекового суфизма братств; на Кавказе суфийские течения очень сильно этнически центрированы, смешаны с народными поверьями народов Кавказа (этот процесс идет с проникновения суфизма на территорию Дагестана в X веке); наконец, существует множество неклассических суфийских движений, не идентифицирующих себя с исламом, вышедших за рамки исламской культовой практики и представляющих собой некоторый вариант религий нового века на основе традиционного суфизма. Исследуя движения такого типа, мы погружаемся в пространство девальвированных смыслов, искаженный мир синкретической псевдо-религиозной философии, выстроенной на основе исламских концептов, но вне всякой связи с какой бы то ни было культовой практикой.

Эзотерические учения в современном мире: вектор изменения

Винокуров В.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра философии религии и религиоведения, доцент. Кандидат философских наук

ierosph@mail.ru

Аннотация: Цель работы – установить логику трансформации элементов и структуры внутри религиозно – эзотерического комплекса и культурные последствия этого процесса. Метод – логический и лингвистический анализ структуры народной «песни – загадки» и сопоставление с логическим, психологическим, культурологическим и мифологическим анализом текста песни, проведенного А.С. Хомяковым и Л.С. Воеводским в XIX веке. Установлено, что авторы не обратили внимание на гносеологическую и магическую составляющие содержания песни. Это объясняется вытеснением магии на периферию исследований в XIX веке. Выявлена кросс-видовая классификация магической составляющей содержания песни, зафиксирована скрытая императивная форма содержания. Различие анализа демонстрирует, во-первых, развитие методологии исследований, во-вторых, изменения вектора развития эзотерического комплекса, в-третьих, культурную трансформацию значений элементов эзотерических учений. Последнее проявилось в успехе романов Джоан Роулинг и Дэна Брауна.

Ключевые слова: религиозно – магический комплекс, магия, герметизм, эзотеризм, оккультизм, отверженное знание, тайные науки.

Esoteric teachings in the modern world: the vector of change.

Vinokurov V.V.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies

Abstract: The purpose of the work is to establish the logic of the transformation of elements and structures within the religious - esoteric complex and the cultural consequences of this process. The method is a logical and linguistic analysis of the structure of a folk “song - riddle” and comparison with a logical, psychological, cultural and mythological analysis of the text of the song by A.S. Khomyakov and L.S. Voevodsky in the XIX century. It was established that the authors did not pay attention to the epistemological and magical components of the song. This means that magic is on the periphery of research in the 19th century. Detected cross-species classification components of magic song content disclosed imperative latent form content. A cross-species classification of the magic component of the song’s content is presented. A hidden imperative form of content is disclosed. The difference in analysis demonstrates, firstly, the development of the research methodology, secondly, changes in the development of vector of the esoteric complex, and thirdly, the cultural transformation of the meanings of the elements of esoteric teachings. The latter was manifested in the success of the books of Joan Rowling and Dan Brown.

Keywords: religious - magic complex, magic, hermetic, esoteric, occultism, rejected knowledge, secret sciences.

В современном мире существуют теории и практики, которые называются эзотерическими. Они включают нарративы и дискурсы, относящиеся к областям магии, мифа, философии, астрологии, алхимии, нумерологии, тарологии. Каждая из дисциплин состоит в свою очередь из теорий и практик, из «наук» и «искусств». В XIX веке магия занимала низшее место в поле эзотерических учений. Магические приемы и словесные формы ее выражения составляли компонент традиционной культуры.

Все магические формы, которые используют для выражения словесную форму, объединяются именем «заговоры». В.П. Аникин отмечает, что заговор соединяет волевое состояние говорящего (императив) с соответствующей императиву эмоциональной выразительностью, и, тем самым, он приобретает форму художественного, поэтического слова [1, с. 9]. Игнорирование магической компоненты заставила ученых и философов XIX века поражаться чудовищности содержания и исполнения некоторых русских народных песен. В качестве примера можно привести распространенную народную «песню – загадку», вокруг которой развернулась полемика среди интеллигенции XIX века:

Я из рук из ног коровать смощу,/ Из буйной головы яндову скую,/ Из глаз его я чару солью,/Из мяса его пирогов напеку,/ А из сала его я свечей налью./ Созову я беседу подружек своих,/ Я подружек своих и сестрицу его,/ Загадаю загадку неотгадливую:/ Ой, и что таково:/ на милом я сижу,/ на милого гляжу,/ я милым подношу,/ милым подчиваю…?

«Загадка» является предметом песни, но для исследователя есть загадка генезиса самой песни, с которым связана загадка, поставленная ее содержанием. Первый уровень загадки (мифологический). А.С. Хомяков считал, что эта песня «невозможна психически» и ее следует толковать мифологически, как некий миф о сотворении мира. Л.Ф. Воеводский отстаивал «бытовую» версию [2, с. 64]. Из исторических исследований чудовищных мифов о Тантале, Фиесте, Ликаоне мы знаем, что подобное угощение связывает преступление с проклятием рода. Но если содержание песни имеет мифологическую составляющую, то разворачивается оно вне мифологического контекста.

Второй уровень загадки (психологический). Воеводский выявил скрытый элемент содержания: «Очевидно, однако, что никак нельзя полагать, что убийцею была собственная жена» [2, с. 64]. Что здесь имеется в виду? Для жены он – «милый», для сестры он – родной. Воеводский, по-видимому, оставляет намек на инцестуальные отношения с сестрой. У сестры появляется мотив – ревность. Жена нашла тело и приготовила из него пищу и антураж к жуткой трапезе. Но в упомянутых мифах речь идет о том, что «угощение» готовит именно убийца. Ответ находится в последних строфах песни.

Никто той загадки не отгадывает;/ Отгадала загадку подружка одна,/ Подружка одна, то сестрица его./ А я тебе братец говаривала:/ Не ходи братец поздным поздно,/ Поздным поздно, поздним вечера.

Сестра разгадывает загадку словами, выражая сожаление, что брат не послушал совета. Сестра знала, что ему угрожает опасность, и знала, с чем эта опасность связана. Она не выдала тайну, но хотела уберечь брата. Что это за общество, и о чем песня? Чаадаев, сравнивал эту песню с разбойничьими песнями. Он заметил, что она «психологически невозможна». У разбойников есть мотив – корысть, насилие, сладострастие, месть. Аналогичное заключение делает Жорж Батай, сравнивая мотивы преступлений Жиля де Рэ с преступлениями его деда Жана де Краона, который воспитывал внука. Мотивы у деда и внука разные. Для одного это корысть, для другого преступление стало игрой, его чудовищной природой монстра. В литературе обращалось внимание, что преступления совершенные монстрами воспринимаются ими самими как игра. К этому выводу приходит и Батай, анализируя документы и свидетельства процесса Жиля де Рэ [3, с. 40].

Третий уровень загадки (лингвистический). Три лингвистических компонента высказываний Батай выделяет как характерные для преступлений, совершенных монстром: отстраненность, инфантильность, архаичность [3, с. 17, 30 - 32]. В тексте песни есть отчетливый след архаики. Лексическая единица – яндова – дает указание на древность, синонимичное «братина» раскрывает смысл. Это не песня разбойников, а песня о братии, связанной кровью.

Третий уровень загадки (социальный). Синонимичное «братина» показывает, что речь идет о чаше, в которой подается напиток «на всю братию». «Братство» определяется Далем как esprit de corps – корпоративный дух, «круговая порука» [4, с. 124]. Пускание чаши по кругу означает возникновение круговой поруки. Ключевой вопрос содержания песни не «кто убийца?», а «что это за корпорация»? Какую тайну она хранит? На этот вопрос дает ответ отстраненный тон песни. Никто не ужасается ни содеянному убийству, ни чудовищному угощению. Интонация песни не просто отстраненная, а инфантильная. Девушка готовит жуткую трапезу, чтобы загадать загадку – вот ее интерес. Загадка – словесная форма игры. Девушке интересно, кто загадку отгадает. И все.

Четвертый уровень загадки (гносеологический). То, что мы имеем дело с магическим заклинанием и действием, и, возможно одновременно, с «познавательным экспериментом», доказывается тем, что здесь участвуют брат и сестра. Почему именно сестра отгадывает загадку? Здесь выходит на первый план принцип имитативной магии: «подобное распознается подобным». Вопрос узнает или не узнает сестра мясо и кровь брата? Загадка разгадана: подобное узнано подобным. Познавательный эксперимент завершен. Убийца себя выдал. Но это в том и только в том случае если в песне рассказывается о «следственном эксперименте». А это не совсем так. «Пир» вызывает не только этическое отвращение, но он является табуированым. Вот здесь и проявляется интерес. Не корысть, не ревность, не месть, а ритуал.

Пятый уровень загадки (ритуально – магический). С точки зрения этики данное «девичье сообщество» –сообщество монстров (monstrum, лат. – чудовище). От латинского monstrum происходит

monstrificus (monstrum + facio) [5, с. 647] – магический. В собраниях заговоров и заклинаний народной магии встречается проклятие: «ешь свое тело, пей свою кровь» [6, с. 372]. Его можно понимать расширительно: «пей кровь близких, родных».

Если «загадочный сюжет песни» – сюжет игровой то, что означает в данном случае «игра»? А Вежбицка выделяет семь характеристик, которые свойственны классу игр с правилами [7, с. 104 - 105]. Но в ее классификационных признаках игры отсутствует главное – расшифровка критериев. Характеристика, согласно которой игроки должны забыть о существовании мира вне игры, предполагает, что в процессе игры нельзя обращаться к реальности, лежащей вне игры. Действия участников полностью детерминируются правилами, и им не может приписываться значение в мире, лежащем вне игры. Что это за игра и какому правилу она следует?

Для идентификации магического действа обратимся к реконструированным ритуалам современного знатока и практика «черной магии» Э.А. Коэттинга: «общий фактор этих церемоний – разрушение правил, которые обычно управляют человеком» [8, с. 222]. Согласно классификации Коэтинга, первый класс представляет «сексуально магический ритуал». Его признаком является «нарушение ограничений» – табуированных запретов в области пищи, напитков, сексуальных отношений. Важным запретом является принятие пищи, приготовленной из полностью табуированного мяса [8, с. 217]. Второй класс – «некромантический ритуал». В нем используется то, что когда-то принадлежало умершему – его тело [9, с. 151]. Цель некромантического ритуала – вызывание и расспрашивание духа умершего. В песне вместо задавания вопроса умершему, загадывается загадка присутствующим. Третий класс – «кровавая жертва». В ритуале используется человеческое жертвоприношение, но это – жертвоприношение убиенного ранее. «Кровавая жертва» приносится в процессе ритуала. В песне нет общей модели, подпадающей под классификацию.

Использование кросс – класса ритуального действа позволяет понять суть загадки. Какова цель загадки? Участники должны понять, что совершили то, что находится за гранью человеческого понимания. В ритуалах, по словам Коэттинга, «происходит акт порочного соития человека и силы. Магу следует приступать к ним только тогда, когда он <…> услышит внутри себя визг демона, которого невозможно изгнать» [9, с. 39]. Это момент песни, когда сестра юноши, отгадав загадку, поняла, что проклята и стала монстром. Это и есть императив. Ритуально – магический контекст песни требует ее исполнения отстраненно – иначе ее исполнение превратиться в заговор.

Для нас важно то, что в XIX веке интеллектуальная элита магическое содержание данной песни даже не рассматривает. Магия вытеснена на глубокую периферию элитарного общественного сознания. Песня еще исполняется, но магический смысл заклинания уже утрачен. Однако, к концу XIX века ситуация поворачивается. Отголоски пренебрежительного подхода к магии еще ощущаются в XX веке, но поле исследований меняется. Это можно видеть из рецензий Рене Генона на работу Юлиуса Эволы «Герметическая традиция»: «сомнительным моментом в работе г-на Эволы нам представляется уподобление, которое он старается почти постоянно устанавливать, между герметизмом и магией. <…> В таком случает это самое низшее из всех приложений традиционного знания, мы можем даже сказать, самое презираемое. <…> В наше время на некоторых слово “магия” производит действие странного очарования» [10, с. 207 - 208].

На уровне элитарной культуры возрождение и актуализация всего комплекса герметических учений в XIX – XX веках началась с магии. Ключевую роль в возрождении магии в частности и герметизма вообще в XX веке сыграл Орден Золотой Зари (1887 – 1923). Он стал «своего рода герметическим университетом» [11, с. 31]. Основные интересы Ордена лежали в области магии и теургии, что видно из издания Израэлем Регарди «Полной системы магии Золотой Зари» в 12-ти томах [12]. В XX веке регрессия в архаику магии и традиционной культуры изменила вектор развития всего эзотерического комплекса. В XX – XXI веках результаты этого процесса были популяризированы и вошли в массовое сознание в нашумевших романах Дэна Брауна и Джоан Роулинг.

Литература:

1. Аникин В.П. Магия и поэзия. С. 5// Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953 – 1993 гг. (под ред. В.П. Аникина). М.: МГУ. 1998. С. 5 – 36.
2. Воеводский Л.Ф. Каннибализм в греческих мифах. Опыт по истории развития нравственности. С.- Петербургъ : Типография В.С. Балашева. 1874. 400 с.
3. Батай Ж. Процесс Жиля де Рэ. Тверь: Kolonna Publications. 2008. – 298с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык. Т. I. 1980. 699 с.
5. Дворецкий И. Х. Латинско – русский словарь. М.: Русский язык. 1976. 1096 с.
6. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953 – 1993 гг. (под ред. В.П. Аникина). М.: МГУ. 1998. 480 с.
7. Вежбицка А. Речевые акты. Семантические универсалии и базисные концепции. М.: Языки славянских культур. 2011. 568 с.
8. Коэттинг Э.А. Книга Азазеля. Гримуар проклятого. М.: Клуб Касталия. 2016. 264 с.
9. Коэттинг Э.А. Дела тьмы. Руководство по черной магии продвинутого уровня. М.: Клуб Касталия. 2017. 230 с.
10. Генон Р. Множественные состояния бытия. Традиционные формы и космические циклы. М.: Беловодье. 2012. 256 с.
11. Хоув Э. Маги Золотой Зари. Документальная история магического ордена, 1887 – 1923. М.: Энигма Одди-Стиль. 2008. 624 с.
12. Полная система магии «Золотой Зари». Т. I – XII. М.: Энигма. 2011. 1432 с.

Деконструкция религии как интеллектуальная стратегия и как социокультурный процесс

Яворский Д.Р.

Кафедра философии и социологии Волгоградского института управления (филиал РАНХиГС), профессор. Доктор философских наук

d.r.yavorsky@yandex.ru

В статье намечается траектория исследований религии в современной культуре. Автор полагает, что необходимо признать эклектичность имеющегося понятия религии и принять во внимание возможность самостоятельного бытия теистического, политического, экзистенциального и игрового компонентов, по привычке относимых к религиозному комплексу. В качестве исследовательской стратегии, адекватной современной социокультурной ситуации, предлагается концепция «дисперсной религиозности». Согласно этой концепции, мы - свидетели обособления компонентов, включаемых в «классическое» понятие религии, то есть их «дисперсии» и переплетения с такими явлениями культуры, которые до сих пор считались сугубо секулярными. В равной мере происходит инфильтрация секулярных явлений культуры в обособленные компоненты «классической» религии.

Ключевые слова: Деконструкция, дисперсная религиозность, неантропное, религия, экзистенциальный дизайн, теизм.

Deconstruction of religion as intellectual strategy and as sociocultural process.

Yavorsky D.

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA

Abstract: The article outlines the trajectory of research on religion in modern culture. The author believes that it is necessary to recognize the eclecticism of the concept of religion and take into account the possibility of separate existence of theistic, political, existential and game components, which are usually related to the religious complex. The concept of “dispersed religiosity” is proposed as a research strategy, adequate to the current socio-cultural situation. According to this concept, we can see separation of the components included in the “classical” concept of religion, that is, their “dispersion” and intertwining with such cultural phenomena, which has been considered strictly secular. Equally, there is an infiltration of secular cultural phenomena into separate components of “classical” religion.

Keywords: deconstruction, dispersed religiosity, existential design, non-anthropic, religion, theism.

Религия как современный дискурсивый объект – сравнительно поздний конструкт [7, 9]. Он стал результатом более или менее произвольных (с точки зрения строгих рациональных критериев) операций соединения и отделения разнообразных представлений и видов деятельности человека. В «религию» попали представления о «сверхъестественном», «сакральном», «трансцендентном», а также церковные ритуальные и аскетические практики. От нее были обособлены труд и общественно-политическая деятельность, искусство, наука и т.п. В итоге возник эклектичный ансамбль, который с трудов вписывается в рамки научного понятия. По-видимому, этим объясняется то, что все попытки определить понятие религии потерпели неудачу: не привели к появлению общеобязательного или хотя бы общепринятого научного термина.

Вместе с тем, трудности, с которыми постоянно сталкиваются исследователи религии и которые они не устают обсуждать, представляют собой симптоматику не только состояния наук о религии, но и религии как таковой. Скорее всего мы – свидетели процесса, обратного описанному выше: разнообразные представления и виды деятельности, атрибутируемые «религии», обособляются друг от друга, приобретают независимое бытие, одновременно переплетаясь с представлениями и видами деятельности, которые к классическому понятию «религии» до сих пор не относились. Поэтому для того, чтобы понять, что происходит с религией в современной культуре, волей-неволей нужно включить в рамки предмета исследования не только цельный религиозный комплекс, но и обособляющиеся от него части. В этой связи возникает задача уточнить, что же составляет религиозный комплекс, и по каким траекториям эти составные части движутся, отделяясь от своего былого целого. Разумеется, это – трудная задача, удовлетворительное решение которой предполагает длительную и согласованную работу сообщества исследователей. И такая работа уже идет. Поэтому здесь будет представлен один из возможных подходов к решению этой задачи, не претендующий на исчерпывающие ответы.

При первом приближении и, по крайней мере, интуитивно можно выделить четыре основных компонента того комплекса, который весьма условно концептуализирован как «религия»: теистический, политический, экзистенциальный и игровой.

Теистический компонент содержит представления о неантропных акторах (предках, духах, богах и пр.), оказывающих принуждающее и неконтролируемое (в большинстве случаем) воздействие на человека [4]. Часто этот компонент считается центральным, атрибутивным и определяющим для религии, а выражения «религия без бога» тогда рассматриваются как оксюморон. Однако, как показывают антропологические исследования, далеко не всегда религиозные практики, признаваемые в качестве таковых в науках о религии, с необходимостью предполагают актуальные представления о неантропных акторах [6]. Иными словами, во-первых, религиозные практики могут успешно существовать в отрыве от теистического компонента, во-вторых, сами представления о неантропных акторах могут претерпевать причудливые трансформацию и вполне уживаться с секулярным обществом. Именно «классическое» понимание религии препятствует выявлению этих причудливых форм неантропного. В то время как деконструктивистская стратегия позволяет обнаруживать теистический компонент в популярных представлениях о «паранормальных явлениях», «внеземных цивилизациях» в культе серебрити и в аналогичных практиках современной массовой культуры (а также в суб- и контркультурных формах).

Политический компонент религии связан со спецификой социогенеза в человеческой культуре. В отличие от животных коллективов, построенных на основе доминирования самой мощной особи, человеческое общество основано на делегировании власти сверхличной инстанции – предку, богу, народу и т.п. При этом условием легитимности этого властного источника является его сакрализация, то есть окружение системой табу, нормирующих мысли, действия и даже переживания в его отношении. Как видно, при всех культурных трансформациях этот порядок остается неизменным в своих основаниях (при крайней вариативности форм реализации этого порядка). Поскольку долгое время в решении задачи легитимации активное участие принимали религиозные институты (те, которые декларируют свою исключительную компетентность в налаживании связи с неантропным), постольку сама функция сакрализации определенного социального порядка ассоциируется с этими институтами. Тогда отстранение религиозных институтов от функции легитимации может создать впечатление, что произошла десакрализация политического и, соответственно, оно больше не является предметом интереса религиоведов. Однако при более внимательном анализе политических практик выясняется, что процесс десакрализации политического нигде не был завешен, и имеет место латентная сакрализация политических порядков. Это убедительно показал Р. Белла на примере «гражданской религии» США [2]. Причем область политического сакрального продолжает благополучно существовать в псевдосекулярном контексте и без поддержки традиционных религиозных институтов. Более того, эффективность такого типа легитимации напрямую зависит от неопознаваемости «религиозного» измерения. Общая картина религиозной динамики в обществе будет неполной без учета этого аспекта.

Экзистенциальный компонент связан с практикой «заботы о себе», истоки которой просматриваются в культуре античной Греции, а точнее в философских практиках сократиков [5]. Во многом благодаря христианской практике «спасения души» экзистенциальный компонент прочно ассоциируется с религией. Именно по этой причине к области религии принято уверенно относить такие явления как буддизм, в классической разновидности которого значение теистического компонента весьма невелико. По этой же причине исследователи «новых религиозных движений» относят к области религии различные гуруистические направления («Трансцендентальная медитация», учение Раджниша Ошо), хотя н их основатели, и их адепты не обращаются за поддержкой в деле «заботы о себе», «спасении души», «саморазвития» к сверхчеловеческим инстанциям, предпочитая им рекомендации гуру. Однако в современной культуре реализация экзистенциальных потребностей может осуществляться и без участия религиозных институтов, а в рамках, например, субкультурных движений. Более того, практики «экзистенциального дизайна» приобретают все более индивидуализированный характер: субъект считает возможным самостоятельно комбинировать различные аскетические и аналогичные им практики, не оглядываясь на нормирующие институты. В социологии религии эти явления фиксируются как «шейлаизм» [X] или «лоскутная религия» (patchwork belief) [8]. Примечательно, что «шейлаистские»

практики легко проникают в традиционные конфессии, вызывая порой недоумение, порой возмущение представителей религиозной элиты.

Игровой компонент с трудов опознается в «религиозных» практиках, так как привычно «религия» противопоставляется игре. Вместе с тем, хорошо известно, что многие игровые практики (спортивные состязания, театральные представления и др.) восходят к архаическим ритуалам. Это означает, что граница между религиозными и игровыми практиками не была совершенно непроницаемой, более того, по-видимому, до появления современного понятия религии она четко не распознавалась. Аргументы в пользу этого тезиса собраны в исследованиях, посвященных «карнавальной культуре» средневековья [1], а также феномену юродства [3]. Антропологические исследования также свидетельствует о том, что религиозные церемонии были тесно переплетены в сознании их участников с развлечениями. В современной культуре граница между «религией» и «игрой» снова начинает стираться. Пример тому – молодежные субкультуры, применяющие ритуальные практики, находящиеся на границе игры и серьезности.

Как видно из сказанного выше, современная культурная ситуация, характеризующаяся процессом деконструкции, требует новых подходов к изучению «религиозных» явлений. По-видимому, наиболее адекватной этой ситуации является концепция «дисперсной религиозности», учитывающая инфильтрацию компонентов религиозного комплекса в иные культурные явления, равно и как проникновение форм культуры, которые традиционно дистанцировались от религии» внутрь религиозных компонентов.

Литература:

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Белла Р. Гражданская религия в Америке // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Том 15. Выпуск 3. С. 161-182.
3. Иванов С. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
4. Пигалев А.И. Антропный принцип: сущность и метаморфозы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 1999. Выпуск 4. С. 60-72.
5. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II / Пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб: Наука, 2014. 358 с.
6. Харви Г. Секс, еда и незнакомцы. Религия как повседневная жизнь / Пер. с англ. К. Колкуновой, науч. ред. А. Рахманин. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 368 с.
7. Dubuisson D. The Western Construction of Religion: Myths, Knowledge, Ideology. Baltimore MD, 2003. 244 p.
8. Hervieu-Leger D. Religious individualism, modern individualism and self-fulfilment: a few reflections on the origins of contemporary religious individualism // The centrality of religious social life: essays in honor of James A. Beckford. Ashgate Publishing, 2008. P. 29-40.
9. McCutcheon R. Manufacturing Religion. NY, 1997. xiii, 249 p.

Исследование религий древней Греции и древнего Рима в XXI веке и цифровые гуманитарные науки

Осипова О.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, доцент кафедры философии религии и религиоведения, кандидат филологических наук

ospv@mail.ru

Аннотация: Дается обзор публикаций в рамках направления, развивающегося на пересечении современного религиоведения, антиковедения и информационных технологий, посвященных применению методов информатики для реконструирования реальности в исследованиях религий древней Греции и древнего Рима. Рассматриваются как теоретические подходы к описанию реальности в научных исследованиях, так и примеры практического применения современных компьютерных технологий к изучению религий древности: проекты виртуальных реконструкций утраченных памятников культуры, прежде всего архитектурных сооружений (храмов), пространства ритуала (святилищ), проекты оцифровки нарративных и изобразительных источников и представление их в виде баз данных с возможностью поиска по различным параметрам. Делается вывод о роли новых научных методов в трансформации традиционной темы религиоведческих исследований.

Ключевые слова: религиоведение, античная культура, философия науки, виртуальная реконструкция, моделирование, картирование, базы данных

The study of Ancient Greek and Roman religions in the 21st century and digital humanities.

Osipova O.V.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: The overview of publications created within the inter-disciplinary research area, developing at the intersection of religious studies, classical studies, and information technology, and devoted to the application of computer science methods to reconstructing historical reality in the study of Ancient Greek and Roman religions is given. Both theoretical approaches to the description of reality in scientific research and examples of practical application of modern computer technologies to the study of ancient religions are examined: projects of virtual reconstruction of lost cultural monuments, notably architectural objects (temples), ritual space (sanctuaries), projects of digitisation of narrative and visual sources (texts and art objects) and their representation in the form of databases with advanced search tools. The conclusion is made about the role of new research methods in the transformation of the traditional area of religious studies.

Keywords: religious studies, ancient culture, philosophy of science, virtual reconstruction, modeling, mapping, databases

Изучение религий античности связано с применением различных методов интерпретации археологических памятников и письменных источников: анализ мифологических и религиозных сюжетов в литературе и искусстве, изучение пантеонов и культов отдельных богов и героев, роли жрецов и др. В религиоведении религии античности рассматриваются большей частью в исследованиях по истории религии, в антиковедении – по истории античной культуры. В XXI веке изучение религий античности предполагает сочетание традиций и новаторства, последнее состоит в том числе в использовании современных информационных технологий. В докладе дается краткий обзор новейших публикаций, включая Интернет-ресурсы, посвященных применению методов информатики в исследованиях религий древней Греции и древнего Рима.

Американский исследователь Дж. Ансворт рассматривает использование компьютера в гуманитарных науках как средства моделирования гуманитарных данных и их осмысления [1, с. 61]: он рассматривает гуманитарную информатику, с одной стороны, как модель или имитацию [1, с. 63–64], с другой – как способ мышления [1, с. 64–66]. К первому он относит методы информационного моделирования, в частности запись в библиотечном каталоге или полнотекстовое воспроизведение издания какого-либо письменного источника, ко второму – базы данных и конкордансы – расположенные в алфавитном порядке списки слов, встречающихся в одном или нескольких текстах или сходных по содер-

жанию мест в книге, с минимальным контекстом. Приведенную классификацию можно использовать, давая обзор публикаций о религиях античности и цифровых гуманитарных науках.

Как известно, для реконструирования реальности современные гуманитарные науки использует методы информационного моделирования, в основе применения которых лежит теория знаков Ч.С. Пирса: модели рассматриваются как иконические знаки, содержащие образ предмета, но частично, отображая в модели необходимые исследователю отдельные свойства объекта [2]. Таким образом, «на основе практического воплощения какой-либо теоретической конструкции (трехмерной графической, математической модели и др.) могут возникать новые теоретические результаты, и наоборот – созданная модель способна показывать пробелы в существующих знании и технологии, запуская новый цикл практических разработок» [3, с. 62]. Например, внутри исторической науки существует отдельный раздел – историческая информатика [4].

М.В. Румянцев, А.А. Смолин и другие авторы статьи о виртуальной реконструкции объектов историко-культурного наследия формулируют задачи, которые могут решить историки, в том числе историки религии, применяя технологии трехмерного моделирования: это реконструкция как утраченных памятников культуры на основе исторических документов и существующих памятников с возможностью их виртуального посещения и картографической местности с историческими поселениями, так и исторических событий, в том числе религиозных ритуалов, с использованием трехмерных персонажей, а также воссоздание утраченных предметов интерьера и оцифровка антиквариата для создания тематических мультимедиа приложений и единой электронной библиотеки [3, с. 76].

Если говорить об исследовании религий античности, следует прежде всего перечислить проекты виртуальной реконструкции как отдельных культовых сооружений, в том числе святилищ древнегреческих и древнеримских богов, так и целых древних городов, частью которых были святилища. Вопросам виртуальной реконструкции священного пространства в древности в разных областях Средиземноморья посвящен один из выпусков журнала «Открытая археология» – «Открывая священные ландшафты: цифровые гуманитарные науки и ритуальное пространство» [5]. Среди проектов виртуальной реконструкции архитектурных памятников античности можно отметить цифровую копию монументального алтаря Зевса, построенного в Пергаме ок. 180 г. до н. э. и рельефы которого находятся сейчас в Пергамском музее в Берлине (http://3d.smb.museum/pergamonaltar/).

Отдельное направление исследований представляет виртуальная реконструкция Форума в Риме – многофункционального центра общественной жизни, где находятся и храмы главных богов – покровителей города. Его архитектурный облик складывается на протяжении почти тысячелетней истории древнего Рима: в каждую эпоху в этой части города появляются новые сооружения и перестраиваются старые. Совместный проект Берлинского университета имени Гумбольдтов и исследовательского центра TOPOI «Оцифрованный римский Форум» (Digitales Forum Romanum, http://www.digitales-forum-romanum.de/?lang=en) обобщает результаты исследований археологических памятников Рима, а также эпиграфических и изобразительных источников.

Несколько проектов связаны с реконструкцией не только Форума, но и всего древнего города разных периодов его истории. Так, группой сотрудников университетов США подготовлена виртуальная реконструкция Рима эпохи императора Августа, правившего с 27 г. до н. э. по 14 г. н. э. (http://digitalaugustanrome.org/). Американо-итальянский проект «Возрожденный Рим» (Rome Reborn, https://www.romereborn.org/) представляет виртуальную реконструкцию древнего Рима периода правления императора Константина Великого (320 г. н. э.): цифровая карта местности, охватывающая 250 детализированных и 6750 схематических построек того времени; эта модель даже была импортирована в ресурс Google Earth [3, с. 64–65].

Проекты виртуальной реконструкции связаны и с другими областями древнего Средиземноморья. Так, проект греческих исследователей «Цифровой Крит. Культурные маршруты Средиземноморья» посвящен памятникам культуры острова Крит разных эпох, в том числе античной, и включает археологический атлас острова (http://digitalcrete.ims.forth.gr/).

Кроме проектов виртуальной реконструкции, к информационному моделированию в изучении религии древней Греции и древнего Рима можно отнести полнотекстовые базы данных, содержащие оцифрованные публикации, посвященные древнегреческой и древнеримской религии, представленные на нескольких Интернет-страницах. Постоянно обновляется база статей и книг на сайте «История Древнего Рима» (http://ancientrome.ru/religia/index.htm). В рамках сетевого проекта «Античная мифология» на сайте Центра антиковедения СПбГУ (http://centant.spbu.ru/centrum/publik/public02.htm#09) размещаются и систематизируются публикации с целью «изучения религиозно-мифологической традиции античности, направленного на ее осмысление как культурной основы языческого мира, воспроизводящей основные доминировавшие в античности социальные парадигмы». Целью проекта Берлинского университета имени Гумбольдтов «Кирке», а именно раздела «Мифология и история религии» (Kirke: Mythologie und Religionsgeschichte, www.kirke.hu-berlin.de/kirke/mythol.htm), является размещение и систематизация публикаций и Интернет-ресурсов, посвященных античной мифологии и религиям античности.

Интернет-журнал «Античный мир в сети» (AWOL – The Ancient World Online, http://ancientworldonline.blogspot.com/) регулярно публикует обзор новых книг, журналов и Интернет-ресурсов, связанных с исследованием античности, в том числе религий древней Греции и древнего Рима. Среди электронных периодических изданий следует назвать издаваемый Льежским университетом (Бельгия) электронный международный научный журнал «*Кернос*» (*https://journals.openedition.org/kernos/*), публикующий как исследовательские статьи, так и обзоры и рецензии, посвященные изучению древнегреческой религии.

Если говорить о реляционных реляционные базы данных – таблицах, предполагающих определение любой зависимости, связанной с любой комбинацией элементов в этих таблицах, – то следует отметить, что ряд оцифрованных письменных источников по истории религий древней Греции и древнего Рима, прежде всего эпиграфических – надписей, представлен в виде баз данных с возможностью поиска по разным параметрам. База данных «Эпиклезы греческих богов» университета Ренн II (Франция) (https://epiclesesgrecques.univ-rennes1.fr/?lang=en) содержит эпиклезы – культовые эпитеты, определения, которые употребляются вместе с именами богов в эпиграфических источниках, и позволяет задавать разные поисковые запросы: по именам, местностям и др. Продолжающийся международный проект «Картирование античного политеизма. Культовые эпитеты как посредники между религиозными системами и деятельностью людей» (*Mapping Ancient Polytheisms. Cult Epithets as an Interface between Religious Systems and Human Agency*, https://map-polytheisms.huma-num.fr/), который возглавляет профессор университета Тулузы Коринн Бонне, посвящен «именным последовательностям» (séquences onomastiques) – разнообразным сочетаниям имен древнегреческих и древнеримских богов и эпиклез в письменных источниках: надписях, папирусах и некоторых литературных произведениях. В форме реляционной базы данных планируют представить и издание ответов оракула в Додоне – «Додона в сети» (Dodona Online, https://dodonaonline.com/). Можно процитировать Дж. Ансворта, который, подводя итоги своим рассуждениям о гуманитарной информатике, приходит к выводу, что «… наше будущее – это семантически структурированная сеть, которая требует формального отображения человеческих знаний» [1, с. 72].

Таким образом, предложенный краткий обзор показывает, что широкое применение цифровых методов в исследовании религий античности доказывает открытость этой традиционной области к любым трансформациям.

Литература:

1. Ансворт Дж. Чем является и чем не является гуманитарная информатика? // Цифровые гуманитарные науки: хрестоматия / Под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер. Пер. с англ. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. С. 59–74.
2. Lattmann C. Iconizing the Digital Humanities. Models and Modeling from a Semiotic Perspective // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2018. Supplement. No. 31. Models and Modelling between Digital & Humanities – A Multidisciplinary Perspective. P. 124–146.
3. Румянцев М.В., Смолин А.А., Барышев Р.А., Рудов И.Н., Пиков Н.О. Виртуальная реконструкция объектов историко-культурного наследия // Прикладная информатика. 2011. № 6 (36). С. 62–77.
4. Аналитические методы и информационные технологии в исторических исследованиях: от оцифрованных данных к приращению знания: материалы XVI Международной конференции Ассоциации «История и компьютер», Москва–Звенигород, 26–28 октября 2018 г. / Редколлегия: Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров, И.М. Гарскова. Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2018, № 47. М.: МАКС-Пресс, 2018. 179 с.
5. Unlocking Sacred Landscapes: Digital Humanities and Ritual Space / Ed. by G. Papantoniou, A. Sarris, Chr. E. Morris and A. K. Vionis // Open Archaeology. 2019. vol. 5. Issue 1. P. 187–504. [Электронный ресурс]. URL: https://www.degruyter.com/view/j/opar.2019.5.issue-1/issue-files/opar.2019.5.issue-1.xml

Религия в масс-медиа: конфессиональные СМИ и светская журналистика

Малафеева М.А.

Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации, специалист

malafeeva.relig@gmail.com

Аннотация: главным средством получения любых сведений являются масс-медиа, однако мало кто понимает реальные сложности при работе с многообразием поставляемой в открытый доступ информации. В статье описываются разновидности СМИ, освещающие в том числе вопросы, связанные с религией, основные скрытые угрозы и их минимизация. Также рассматриваются различия между конфессиональными СМИ и светской журналистикой, занимающейся освещением религиозных вопросов.

Ключевые слова: религия и сми, конфессиональная журналистика, масс-медиа, конфессиональное многообразие, свобода слова, фейк ньюс

Religion in the media: confessional media and secular journalism.

Malafeeva M.A.

Center for the prevention of religious and ethnic extremism in educational organizations of the Russian Federation

Abstract: the main means of obtaining any information is the media, but few people understand the real difficulties in working with the variety of information that is made publicly available. The article describes the types of media that cover, including issues related to religion, the main hidden threats and their minimization. The differences between confessional media and secular journalism dealing with religious issues are also examined.

Keywords: religion and mass media, confessional journalism, mass media, confessional diversity, freedom of speech, fake news

При работе с масс-медиа в первую очередь нужно понимать, что современные СМИ, это относительно самостоятельная система, которая характеризуется множественностью составляющих элементов: содержанием, свойствами, формами, методами и определенными уровнями организации. Главная отличительная черта СМИ, это публичность, то есть неограниченный круг пользователей. К наиболее значимым средствам массовой информации относятся: периодические печатные издания, радио- и телепрограммы, видео и кинохроникальные программы, специализированные средства массовой информации и иные (интернет-издания и даже отдельные блогеры).

Как считают исследователи, в современной России отсутствуют полностью независимые издания, которые отстаивали бы интересы общественности, а не частные интересы компаний или государства. Хотя существуют примеры, когда определенные издания осуществляют попытку позиционировать себя именно таким образом. При этом СМИ играют большую роль в формировании коллективных взглядов и мнений по тем или иным вопросам. То есть они способны продвигать определенные представления и идеологии, влияя на массовое сознание и доминирующую точку зрения.

Говоря о точках зрения необходимо еще разделить СМИ на федеральные и оппозиционные. Оппозиционные СМИ, это издания, которые на самом деле сами себя причисляют и позиционируют, как оппозиционные. У таких массмедиа определённый, специфический способ трансляции любой информации. Таким образом, если мы не знаем, что данное конкретное СМИ оппозиционное, то какая-то новость даже может вызвать у нас удивление. Однако опытный читатель может увидеть в такой подаче акценты, которые ускользают от внимания в государственных СМИ. Когда мы говорим о вопросах, связанных с религией, то для специалиста акценты будут особенно важны. К оппозиционным СМИ относятся следующие издания: «Новая газета», The New Times (Новое время), «Эхо Москвы», Газета.ру, Журнал «Русский репортёр», Газета «Правда», «Коммерсантъ», «Свободная пресса» и другие.

Второй раздел, это Федеральные СМИ. В течение всего времени их влияние растет, а отстаивают они интересы федеральных или региональных властей и напрямую контролируются соответствующими органами. В том числе в этом процессе активное участие принимают и чиновники, направляющие ежедневную повестку СМИ в определенное русло. Прежде чем попасть в эфир, тот или иной репортаж может проходить предварительную цензуру. Такое положение дел во многих случаях приводит к однобокости освещения событий, происходящих в мире, в том числе в области религии. К федеральным СМИ относятся следующие издания: РИА Новости, ВГТРК (весь), ТАСС, «Российская газета», «Парламентская газета», «Голос России» и другие.

Еще одно направление СМИ, которое не должно ускользать от внимательного взгляда интересующегося читателя, это так называемые желтые СМИ. Здесь имеется в виду, что желтые СМИ нацелены на «горячие» новости, поэтому для экспертной оценки ситуации зачастую обострение истории также может дать важную и нужную информацию, которая за «ненадобностью» была не озвучена в других типах массмедиа. К желтым СМИ относятся следующие издания: Life.ru, «Мегаполис-экспресс», «Комсомольская правда», «Московская правда», «Экспресс-газета», «Желтая газета», «Жизнь», «Спид-инфо» и другие.

Последнее, но не менее важное направление, которое требует отдельного внимания, это Конфессиональные СМИ, что нельзя путать с разделами о религии в светских масс-медиа, потому что это две кардинально разные вещи. Разделы о религии в светских масс-медиа в первую очередь занимаются описанием религиозного процесса. Тогда как конфессиональные СМИ в первую очередь занимается миссионерской деятельностью.

Самым крупным держателем клерикальных изданий является РПЦ МП. Каждая епархия имеет несколько газет, журналов, выходы на местное радио и телевидение. Медийные структуры РПЦ включают в себя информационное агентство, сайты в Интернете и так далее.

Кроме этого, на сегодняшний день практически каждая религиозная конфессия, новое религиозное движение ли община имеют свой новостной сайт (в крайнем случае группу в социальной сети). Так, например, собственные сайты имеют Саентологи, Старообрядцы, Пятидесятники, Буддисты, Кришнаиты и так далее. Конечно, остается вопрос о персонале, который занимается наполнением сайтов, но зачастую мало кто из читателей, да и просто пользователей Интернета, задается этим вопросом.

Если материалы конфессиональной журналистики сосредоточены, главным образом, в специализированных изданиях, то материалы светской журналистики, в основном, рассредоточены по различным СМИ общественно-политической и культурной тематики и иным новостным ресурсам. Естественно, на содержание таковых материалов абсолютно точно влияет то СМИ, в котором находится раздел. Кроме того, зачастую это влияние не может предотвратить даже тот факт, что раздел о религии в светском СМИ ведет дипломированный религиовед. В чем же опасность и\или возможности масс-меди в вопросах освещения религиозной тематики?

Первая опасность, на которую необходимо обратить внимание, это многообразие. То есть, с одной стороны мы видим множество путей получения информации через СМИ, но это и будет являться первой проблемой. Многообразие может вылиться в неконтролируемый поток информации, который для неподготовленного или попросту неграмотного (лишенного знания) человека действительно может стать угрозой. В частности, огромное количество взглядов мнений и вариантов подачи информации может создать запутанность видения, что, в частности, может быть легко использовано умелыми руками манипуляторов, что, к сожалению, зачастую происходит и является реальной проблемой сегодняшнего дня.

Кроме того, часто специалисты любят говорить о так называемом клиповом мышлении, как современной проблеме. Здесь имеется в виду быстрый просмотр любой информации, без его изучения. То есть новость просматривается, но на выходе получается вырванное из контекста заявление, решение или мнение, что как минимум формирует поверхностное восприятие, а как максимум полное искажение информации. Однозначного решения этой проблемы на сегодняшний день не существует, здесь все зависит от комплексной работы и общественного понимания.

Второе, на что необходимо обратить внимание, это необъективность. Здесь имеется в виду вопрос личной интерпретации. То есть, даже если мы упустим тот факт, что каждое СМИ отражает инфоповод именно с окраской своей специализации, нельзя забывать, что в новостных редакциях не работают роботы-журналисты. Таким образом, каждый редактор, каждый журналист на бумагу будет излагать свое субъективное отражение общей объективной реальности. От этого невозможно защититься, но это необходимо понимать при работе с информацией. В данном случае решение одновременно сложно и просто. Мы не можем сделать так, чтобы новости (информация) в СМИ была объективна, да и согласитесь, что это сделает информацию абсолютно безличностной. Однако мы можем насыщаться

информацией из разных источников и складывать ее в субъективную реальность уже у себя в голове.

Третье, на что нужно обратить внимание, это образование. Проблема состоит в том, что журналисты (редакторы газет, радио и ТВ), с одной стороны, мало знакомы со спецификой общественно-религиозной жизни, с другой, зачастую, не информированы о государственных задачах в области религиозной политики, ну а с третьей просто не имеют даже базовых представлений о конфессиональном многообразии ни России, ни мира и в целом могу не иметь в том числе и образования в области журналистики. В результате страх перед религиозной тематикой, приводит к тому, что редакции либо вовсе отказываются от нее, либо оставляют только простые рассказы о народных традициях. И это в лучшем случае.

Логичным вопросов в сложившейся ситуации становится «что делать?». Один из вариантов решения множества проблем — понимание и развитие критического мышления. То есть, просматривая новости, чтобы иметь максимально объективную картину происходящего, необходимо посмотреть одну и ту же новость со всех возможных сторон (в нескольких источниках разной направленности). Поскольку основное назначение федеральных СМИ – это формирование определенного общественного мнения, то естественно, что не все события в таких СМИ будут освещаться. В противоположность федеральным средствам массовой информации, в частных интернет-изданиях представлено больше разносторонней информации, однако точность и достоверность освещения могут быть на более низком уровне и так далее. Пользуясь таким подходом можно не бояться оперировать полученной информацией и не стать разносчиком так называемых «fake news», что особенно важно при анализе религиозной ситуации.

Экологическая и религиозная коммуникация в системной теории общества Н.Лумана

Лютаева Мария Сергеевна

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г.Столетовых, аспирантка кафедры философии и религиоведения

liutaeva@yandex.ru

Аннотация: Проблемы экологии и изменения климата являются одной из резонансных тем, обсуждаемых на различных уровнях в мировом и локальном масштабах. Никлас Луман, один из классиков современной социологии, предложил способ описания экологических проблем как специфической внутрисистемной операции общества, реагирующей на свой окружающий мир. Религия как одна из субсистем общества предлагает свой фокус восприятия проблем экологии и демонстрирует внутреннюю динамику изменения коммуникации в этом ключе.

Ключевые слова: Никлас Луман, аутопойетическая система, окружающая среда, экология, коммуникация, религия.

Ecological and religious communication in the system theory of the society of N. Luhmann.

Lyutaeva M.S.

Vladimir State University

Abstract: Problems of ecology and climate change are one of the resonant topics discussed at various levels on a global and local scale. Niklas Luhmann, one of the classics of modern sociology, proposed a way to describe environmental problems as a specific self-determined operation of a society that responds to its world. Religion as one of the subsystems of society offers its focus on the perception of environmental problems and demonstrates the internal dynamics of changes in communication on this topic.

Keywords: Niklas Luhmann, autopoietic system, environment, ecology, communication, religion.

[i]Никлас Луман (1927-1998) - немецкий социолог, который по праву считается «современным классиком социологии» [1, с.223], автор социальной теории, в рамках которой общество описывается как состоящее из замкнутых самореферентных аутопойетических систем. Особое внимание в рассуждениях этого теоретика занимают экологические проблемы в современном обществе. Данная тема затрагивается в таких работах как «Экологическая коммуникация» (1985) [2], «Реальность массмедиа» (1995) [3], «Общество общества» (1997) [4] и ряде других публикаций.

Во основе понимания системы у Лумана лежит различение система/окружающий мир (среда). Система формируется на основе самореферентного различения границы системы и «немаркированного пространства». Операцию «различения» Луман трактует, опираясь на кибернетическое объяснение «различия» Г.Бейтсона как элементарной единицы информативного изменения [5, с.110] и «mark» (ד) формальной математической логики Дж.Спенсера-Брауна [6, с.73]. Общество как система конституируется коммуникацией [6, с.82]. В терминах концепции Лумана не может быть никакой коммуникации со средой или внешним миром, это всегда внутрисистемный процесс. В этой связи Луман предлагает подход к описанию экологических проблем как варианта социального самоописания.

Окружающий мир и общество не являются единством, целостностью, а находятся в состоянии «структурного несоответствия», резюмирует М.Рой. [7, с.16-17]. Природа и общество в теории Лумана предельно разведены, вследствие чего их следует рассматривать не как зависимые, а как соотносимые между собой области. Окружающий мир для социальных систем является источником комплексности, совокупностью внешних обстоятельств, которые система пытается упростить коммуникативными операциями, специфическими для каждой из подсистем (экономики, политики, религии, права и другими). Обсуждение экологических проблем - это реакция общества на «влияние тех последствий, которое оно само вызывает в своей среде» [2, s.11]. Кроме того, как резонансная тема, обсуждение экологических проблем актуализируется в связи с развитием и обособлением системы массмедиа, конструирующей современную картину мира, выходящую за рамки индивидуального опыта. В современных условиях вы-

i Сведения о финансировании: проект РФФИ 19-011-00847 А

сокой дифференциации общественных систем невозможно решить данную проблему внутри какой-то одной системы, например, посредством нравственного кода хорошо/плохо или кода системы права законно/незаконно. Теория Лумана направлена на «различение различений» дифференцированных подсистем общества, выявление «испорченных коммуникаций», когда под прикрытием тематики одна из систем пытается влиять на другую. Так, например, популярность партии «Зеленых» Луман относит исключительно к политическому успеху, а не достижению в области экологии [8]. К области политической коммуникации мы можем отнести и вызвавшее общественный резонанс выступление шведской активистки Греты Тунберг на Генассамблее ООН в сентябре 2019г. [9]

Религия как одна из систем современного общества реагирует и меняется в контуре взаимоотношений «система/окружающая среда». В работе «Функции религии» (1977) Луман определяет религию через отношение с неопределенным (unbestimmbar), непонятным (unfaßlichen) [10., s.33]. Вплоть до XVII века, когда начинается процесс отдифференциации социальных систем в Европе, религия представляла собой универсальный способ трансформации всего неизвестного в известное и являлась единым механизмом редукции комплексности мира. Мир и человек понимались как Божественное творение, созданные с определенным замыслом и целью. Однако именно в христианском мышлении, считает Луман, понятие природы было преобразовано в представление, противоположное античному космосу [4, с.557]. Произошел переход от целостного (холистического) к дифференцированному пониманию природы [11]. В христианской космологии природа стала пониматься как отличная от божественной милости, причастная к грехопадению. «Христианство разделяет мир и Бога, - пишет патриарх Алексий II, - Мир не божественен. Откровение о Боге как Трансцендентной Сверхприродной Личности демифологизирует мир, в известном смысле десакрализует его» [12, с.4]. Такое представление о трансцендентном Боге высвободило понятие техники с возможностью ее развития в качестве имитации закономерностей природы. С эпохи Возрождения происходит фундаментальная эпистемологическая переориентация с вопроса «что?» на вопрос «как?». В итоге, процесс десакрализации природы привел общество к триумфу техники и цивилизации, что оказало разрушительное воздействие на окружающий нас мир.

В настоящее время все мировые религии (христианство, ислам, буддизм, иудаизм) участвуют в обсуждении проблем изменения климата и экологического кризиса, интегрируют данную проблематику в контекст религиозной догматики и практики [13]. Детальное рассмотрение и сравнение данных нарративов выходит за рамки нашего исследования. В качестве примера приведем современное включение РПЦ в экологическую дискуссию.

Русская Православная церковь интегрирована в обсуждение экологических проблем [14]. В Основах социальной концепции Русской Православной церкви (2000) [15], документе «Позиция Русской Православной Церкви по актуальным проблемам экологии» (2013) [16] зафиксирована официальная позиция церкви по этим вопросам. В приведенных документах нашли отражение следующие аспекты:

1) Богословское осмысление вопросов экологии. Экологическая деятельность базируется на Священном Писании, как заповеданное Господом обращение человека с тварным миром как хозяина.
2) Литургическая жизнь церкви и экология. Указывается необходимость молитвенной поддержки в вопросах экологии. Церковью разрабатываются молебные чины с призывом помощи Божьей, направленной на сбережение окружающей среды (например, Чин краткого молебного пения о сохранении творения Божия, утвержденный в 2015г.)
3) Экологическое воспитание, представляющее христианский образ жизни как альтернативу потребительству. Воспитание таких качеств личности как умеренность, воздержанность, отказ от излишеств.
4) Церковное участие в экологических проектах самостоятельно и в сотрудничестве с различными организациями.

Как пример воспитания молодежи в русле экологического направления можно привести ежегодный молодежный форум «*Natura abhorret vacuum*» (природа не терпит пустоты) в селе Лыково Юрьев-Польского района Владимирской области [17]. Мероприятие проводится в форме палаточного лагеря. Помимо участия в богослужениях и обсуждения вопросов православной этики и догматики, молодые люди получают опыт «живого соприкосновения с природой», участвуют в различных мастер-классах (по колокольному звону, народным промыслам, рисованию, самообороне, этнографии и другим), которые предлагают позитивную альтернативу распространенным тенденциям в современной городской молодежной среде.

Проблемы экологии в православии отражены на всех уровнях религиозной системы: от догматики до организации и личной интеракции. Религия как система, которая всегда имела опыт границы с «выходящим за пределы», границами смысла, наличного опыта, всегда исходит из изменений внутрисистемных. В концепции Лумана окружающий мир, недоступный системе как таковой, конструируется только в процессе наблюдения в качестве окружающего мира конкретной системы. Религия, активизируя код трансцендентное/имманентное, по-своему коммуницирует об экологических проблемах, меняясь внутренне, самокорректируясь, способна посредством собственной коммуникации вносить «вклад» в глобальную общественную систему, внутри которой дискурсы находятся в состоянии структурного сопряжения. Экологическая коммуникация, по мысли Лумана, в первую очередь свидетельствует об огромной комплексности самого современного общества и о том, что человечество не знает, как оно устроено. Коммуникация о проблемах экологии и ее наблюдение обращают внимание на проблему взаимоотношения общественной системы и среды, обостряя проблему границ и взаимодействия, акцентируя различение система/окружающая среда, которое и является элементарной конституирующей систему операцией, а также фундаментальной общефилософской проблемой, сформулированной Кантом, как соотношения «мира природы» и «мира свободы» [18].

Литература:

1. Островская Е.А. Социология религии: введение. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2018. – 320с.
2. Luhmann N. Ökologische Kommunikation. Kann die moderne Gesellschaft sich auf ökologische Gefährdungen einstellen? Wiesbaden, 2004s.
3. Луман Н. Реальность массмедиа. / пер.с нем. А.Ю.Антоновского. М.: Канон+, 2012. 240с.
4. Луман Н. Общество общества. пер. с нем. под общ.редакцией Антоновского А., Никифорова О. В 2-х тт. Т.1, М.: Логос, 2011. 640с.
5. Бейтсон Г. Разум и природа. Неизбежное единство. /пер.с англ. Д.Я.Федотова. М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2016. 256с.
6. Луман Н. Введение в системную теорию. / пер.с нем. К.Тимофеевой. М.: Логос, 2007. 360с.
7. Рой М. Системно-аналитические исследования в социальной экологии. Автореф.дисс. д.социол.н. М., 1996. 40с.
8. Moeller. H.-G. Luhmann Explained: From Souls to Systems (Ideas Explained). Open Court. Kindle Edition. 2006.
9. Иванова Е., Корякин И. Экоактивистка приковала внимание к себе. [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. М., 1991-2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4103581?query=грета%20тунберг (дата обращения 04.01.20).
10. Luhmann N. Funktion der Religion. Frankfurt am Main, 1996. 326s.
11. Франк Х., Холистическое и дифференциальное понимание природы: Аристотель — Руссо — Деррида — Луман. [Электронный ресурс] // CREDO NEW. Теоретический журнал. URL: http://credonew.ru/content/view/386/29/ (дата обращения 04.01.20).
12. Маршалл Г. Взаимодействие с религиозными общинами по вопросам изменения климата: исследовательский обзор и появляющиеся // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал, 2017. С.14-16.
13. Православие и экология. Московский патриархат. Отдел религиозного образования и катехизации. 1997. 448с.
14. Митрополит Иларион: Закон о «декриминализации» побоев не способствовал снижению остроты проблемы домашнего насилия. [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. М., 1997-2020. URL: https://mospat.ru/ru/2019/11/27/news180523/ (дата обращения 04.01.20).
15. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. М., 1997-2020. URL: https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xiii/ (дата обращения 04.01.20).
16. Позиция Русской Православной Церкви по актуальным проблемам экологии. [Электронный ресурс] // Правмир. М., 2003-2020. URL: https://www.pravmir.ru/poziciya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-po-aktualnym-problemam-ekologii/ (дата обращения 04.01.20).
17. Школа радости. Об отношениях и атмосфере «Природы, что не терпит пустоты». [Электронный ресурс] // Кольчугинские вести. Кольчугино, 2007-2020. URL: http://kolchvesti.ru/2019/08/03/shkola-radosti-ob-otnosheniyah-i-atmosfere-prirody-chto-ne-terpit-pustoty/ (дата обращения 04.01.20).
18. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367с.

Символика павлина в иудейской позднеантичной иконографии.

Григорьева А.К.

МГУ им. М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра философии религии и религиоведения, аспирант.

atoporova111@mail.ru

Аннотация: В докладе автор пытается восстановить, каким символическим смыслом обладало изображение павлина в сознании иудея позднеантичной эпохи. Изображение павлина широко встречается как в памятниках иудейской синагогальной архитектуры первых веков н.э., так и среди мозаик в домах римских аристократов и раннехристианских памятников. Соответственно, для выяснения значения данного символа автору необходимо исследовать не только памятники собственно иудейской позднеантичной иконографии, но и контекст, в котором они возникали, а также возможные параллели, подобные сюжеты в окружающей культуре. Тексты античных авторов, эллинизированных иудеев и раннехристианских богословов могут дать ключ к пониманию того, каким образом символ, традиционный для Римской Империи, получил свое развитие в культуре позднеантичного Иудаизма.

Ключевые слова: Эллинистический иудаизм, символика, иконография, мозаики.

Peacock as a symbol of Jewish Late Antique iconography.

Grigoreva A.K.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies.

Abstract: In the report, the author tries to restore the symbolic meaning of the image of the peacock in the minds of the Jews of the late antiquity. The image of the peacock is widely found in the monuments of the Jewish synagogue architecture of the II-VI centuries, and among mosaics in the homes of Roman aristocrats and early Christian monuments. So the author needs to study not only the monuments of the Jewish Judeo-Antique iconography proper, but also the context in which they arose, as well as possible parallels, similar plots in the surrounding culture. Through this, the author attempts to clarify the meaning of this symbol. The texts of ancient authors, hellenized Jews and early Christian theologians can provide a key for understanding how the symbol, traditional for the Roman Empire, was developed in the culture of late antique Judaism.

Keywords: late antique Judaism, symbolism, iconography, mosaic pavements.

Данная тема заинтересовала автора потому, что частота появления изображений павлина среди памятников иудейской позднеантичной иконографии позволяет сказать, что данный символ был общепринят среди верующих той эпохи. В качестве примеров изображений павлина в позднеантичных синагогах мы можем привести рельеф из синагоги VI века в Кацрине, изображающий пятисвечную менору рядом с павлином, синагогу в Хурват Маон VI века, мозаичный пол которой «усеян» медальонами, в одном из которых помещена и птица, синагогу в Газе, где изображение павлина находится в медальоне, окружающем надпись на греческом языке, синагогу Бейт Шеан, где павлин на мозаичном полу изображен с раскрытым хвостом, показывая свой великолепный облик. В целом изображения павлина в синагогальных интерьерах встречаются настолько часто, что можно выделить даже несколько типов изображений этой птицы, которые будут приведены в таблице ниже.

Можно условно разделить все изображения павлинов в иудейской позднеантичной иконографии на два типа:

- два павлина изображены в профиль с закрытыми хвостами, окружают некий объект (источник, из которого истекает вода, сосуд, менору, надпись) с двух сторон и смотрят на этот объект и, соответственно, друг на друга;

- один павлин изображен в анфас с раскрытым хвостом, как бы приветствуя смотрящего на него.

Оба этих типа имеют параллели как в христианской иконографии, так и в языческой, и так или иначе их значения связаны между собой. Дальнейшее исследование попробует установить символику значения павлина для позднеантичных последователей римской религии и ранних христиан.

Описание	*Месторасположение, период*
Павлин, окружающий амфору (кратер), помещенный в основании мозаичного полотна, зачастую в соседстве с акантом или виноградной лозой, начинающейся из кратера и оплетающей все пространство рисунка, образуя «рамки» медальонов. Примечательно то, что данная иконографическая композиция использовалась и в христианских церквях (Церковь в Шеллале, «Армянская» церковь в Иерусалиме [1, 118-119])	Синагога в Газе (Два симметричных павлина, один из которых подвергся разрушению, окружают греческую надпись); Синагога Хурват Маон, юг Израиля. Синагога в Хусейфе (совр. Усафия), север Израиля. Синагога Наро (совр. Хаммам-Лиф, Тунис) – в отличие от прочих изображений, в этой синагоге пара павлинов симметрично окружает кратер, откуда исходит вода.
Павлины, окружающие менору, подобно тому, как в первом типе изображений павлины окружают кратер	Синагога в Приене II в., территория современной Турции.
Павлин в анфас с раскрытым хвостом.	Бет Шеан В (малая синагога).

В античности мы встречаем в греческих текстах несколько воззрений о павлине, которые помогут нам восстановить символическую образность данной птицы в представлении эллинизированных иудеев и ранних христиан. Например, Плиний утверждает, что павлин обладает тщеславием и меняет свое оперение каждый год с наступлением «цветочного сезона», то есть, весны [2]. В тексте Еврипида содержится намек на красочное оперение павлина, приобретение которого связано с мифом о великане Арге, которому Гера поручила стеречь Ио. Арг, обладающий ста двадцатью глазами по всему телу, был умерщвлен Гермесом, и Гера перенесла подобные звездам глаза великана на оперение павлина [3]. Вообще для греков павлин был птицей, посвященной Гере как правительнице небес, где у нее находится дом «в вышивке из звезд» [4], а также он считался психопомпом, проводником в загробном мире [5, 38]. Также павлин считался обладателем апотропических свойств: зачастую в мозаиках, встречающихся в домах аристократов Римской Империи находят изображение павлина в центре геометрического орнамента, который усиливает внимание к центральной фигуре птицы внутри; сама же птица в таких случаях изображается в анфас, хвост ее раскрыт, а «глаза» на хвосте обращены на смотрящего. Такой вид птицы, по задумке мастера, должен был предотвратить влияние злых сил на хозяина дома, поэтому подобные изображения павлина встречаются, как правило, в комнатах непосредственно рядом со входом в здание [6, 113-114].

Следует вспомнить о животных из видения пророка Иезекииля и Откровения Иоанна Богослова. Эти животные представляются «исполненными очей», и пророк называет их херувимами (Иез. 10:14-15). В книге Бытия сказано, что после грехопадения Адама и Евы Бог поставил херувимов напротив сада Едемского, чтобы они стерегли путь к Древу Жизни. Филон Александрийский предполагает, что херувимы в книге Бытия аллегорически изображают звездное небо, движение небесных сфер, на каждой из которых помещены звезды, которые движутся согласно порядку, установленному Богом [7]. Таким образом, мы видим определенную связь между птицей Геры, обладающей оперением, полученным из глаз многоочитого Арга и творениями Божиими – многоочитыми херувимами, чьи глаза представляют собой звезды на небосводе.

Что касается раннехристианских текстов, они также дают нам некоторую пищу для размышлений над данным символом. Тертуллиан упоминает, что греки представляли павлина птицей, в которую переселяются души умерших: ученики Платона утверждают, что души после смерти [человека] входят в тела не в прежние, и не в только в человеческие, как Эвфоб в Пифагора, как душа Гомера, вошедшая в павлина [8, 4.]. Этот же автор в другом сочинении пишет, что, согласно сну Энния, душа Гомера вошла в павлина, что не делает для него чести, поскольку для поэта не пристало иметь почести от своего богатого наряда, каким является оперение павлина [9]. Для Тертуллиана подобные воззрения были приближением к истине о бессмертии души [8, 4].

Согласно Августину, мясо павлина не подвержено тлению и порче: в произведении «О Граде Божьем» он приводит собственное свидетельство того, что кусок мяса павлина сохранился неиспорченным в течение месяца, а затем и года, и для раннехристианского автора данный факт свидетельствует о божественном вмешательстве в природу вещей [10].

В тексте «Физиолога» сказано, что павлин любуется своей красотой, но, видя свои уродливые ноги, плачет [11, 39]. Здесь мы видим отсылку к воззрениям, которые приводит в своем труде Плиний, о гордости и тщеславии павлина.

А.С. Уваров утверждает, что павлин являлся символом смены времен года и конкретно весны, поскольку его оперение яркостью красок напоминает о блеске весенней природы. Такие свидетельства автор приводит на основании рассмотрения двух христианских саркофагов IV в. [12, 201] Также автор полагает, что форма раскрытого павлиньего хвоста могла также означать вечность, поскольку напоминает круг – символ бессмертия [12, 200]. Подобное изображение павлина мы встречаем в христианских катакомбах Сан-Дженнаро и святой Присциллы. Следует отметить поразительное сходство изображения раскрытого павлиньего хвоста с изображением раскрытого веера в катакомбах святой Агаты, вокруг которого по сторонам находятся голуби. Линии, расходящиеся из центра к окружности, могут вполне означать восход солнца и, оттого, символизировать воскресение, вечность и весну.

С другой стороны, размышляя о прекрасном оперении павлина вполне вероятно предполагать связь павлина с Раем. Хвост павлина, исполненный глаз-звезд, и библейские многоочитые херувимы, которые являются видимой стороной небесных сил, «носящих» престол Божий, определенно имеют сходство в описании. Видения херувимов символизировали причастность человека к высшим тайнам Божия творения, достаточно вспомнить не только видение пророка Иезекииля, но и повеление Бога Моисею сделать двух херувимов над концами крышки ковчега Завета, чтобы давать откровение народу между этих изваяний (Исх. 25:17-22). В свою очередь, павлин мог напоминать херувимов своим оперением и оттого быть для христиан символом высших творений Божиих и, в конце концов, и самого Рая. Подтверждение этому мы находим, например, в мозаике VI в. церкви Богородицы Ангелоктиссы в селении Кити на Кипре, на которой изображен архангел Гавриил, чьи крылья украшены орнаментом «павлиний глаз» [13, 48]. Таким образом, небесного стража Арга в христианстве сменили иные небесные стражи – ангельские чины, а символ у них остался один – многоочитый павлин с богатым оперением.

Что же касается иудейской живописи, она также заимствовала языческие коннотации определенным образом, но сделала это особым образом. Так же, как и в христианстве, в позднеантичных синагогах павлин символизирует рай, утраченный человеком и надежду на его воссоздание в конце истории [5, 37]. Павлины, окружающие менору могут, таким образом, также выражать надежду, содержащуюся в этой композиции: такая точка зрения требует также детального рассмотрения символики меноры, форма которой Филоном Александрийским рассматривалась как модель космического порядка, мироустройства. То есть, можно сделать вывод, что в иудейской иконографии больший акцент сделан именно в надежде на грядущий приход Мессии.

С другой стороны, необходимо также отметить и возможный перенос апотропических коннотаций иконографии павлина из позднеантичной языческой иконографии, и здесь можно рассуждать о причудливом синтезе воззрений эллинистического иудаизма. Подобно тому, как зодиакальный круг на полу синагог не означает отказ от истин Иудаизма, так и изображение павлина вызвано не искажением религиозных догм, но неким особым взглядом на мир эллинизированного иудея, в сознании которого причудливым образом «уживались» и вера в единственного Бога-Творца, и олицетворение явлений природы и космических объектов в иконографии.

Литература:

1. Hachlili R. Ancient Mosaic Pavements: Themes, Issues, and Trends. Brill, 2008.
2. Pliny the Elder. The Natural History. Liber X. Cap 22 (20).URL:http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.02.0137%3Abook%3D10%3Achapter%3D22 (Дата обращения: 01.04.2018 г.).
3. P. Ovidii Nasones. Metamorphoseon Liber I. Lines 721-722. URL: http://www.poesialatina.it/_ns/Testi/Ovidii/Met01.htm (Дата обращения: 01.04.2018 г.).
4. Euripides. Helen. Line 1096. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0100%3Acard%3D1067 (Дата обращения: 01.04.2018 г.).
5. Bleiberg E. Tree of Paradise: Jewish Mosaics from the Roman Empire. Brooklyn: Brooklyn Museum, 2005.
6. Kondoleon C. Domestic and Divine: Roman Mosaics in the House of Dionysos. Cornell University Press, 1995.
7. Philo Judaeus. De cherubim. (ed. Cohn L., post Khazarzar R.). Cap. VII. // Philonis Alexandrini opera quae supersunt, vol. 1. Berlin: Reimer, 1896 (repr. De Gruyter, 1962), pp. 170–201. URL: http://khazarzar.skeptik.net/books/philo/cherubig.htm (Дата обращения: 01.04.2018 г.).
8. Q. Septimii Florentis Tertulliani De resurrection carnis liber. Cap. I, 5. // Tertullian's Treatise on the Resurrection. Ed. by Ernest Evans. S.P.C.K. 1960.
9. Tertulliani Liber De Anima. Cap. XXXIII, 8. URL: http://www.tertullian.org/latin/de_anima.htm (Дата обращения: 01.04.2018 г.)
10. Augustine de Hippo. De Civitate Dei. Liber XXI. Cap. IV. URL: http://www.thelatinlibrary.com/augustine/civ21.shtml (Дата обращения: 13.03.2018 г.).
11. Lauchert F. Geschichte des Physiologus. Strassburg, 1889.
12. Уваров А.С. Христианская символика. Часть I. Символика древнехристианского периода. М., 1908.
13. Фоменко И. Константинополь. Символизм топографии. М.: Издатель В. Прудников, 2016.

Межрелигиозный и межконфессиональный диалог: границы понятий

Городилова Л.А.

Кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. Ломоносова. Аспирант

liubov9506@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается проблема понятий «межрелигиозный диалог» и «межконфессиональный диалог», проводится сравнение их понимания в неанглоязычных странах и англоязычных. Вопрос актуален в связи с тем, что на Западе есть четкая дефиниция изучаемых понятий, а также конкретный контекст их использования, в то время как в России и других неанглоязычных странах их употребление весьма неопределенно. В статье приводятся варианты контекста применения понятий и наиболее распространенная классификация этих понятий на Западе, проводится сравнение с неанглоязычными странами. В выводах содержится мнение автора данной статьи по поводу решения текущей проблемы разрыва в понимании понятий межрелигиозный и межконфессиональный диалог на Востоке и на Западе. Статья может быть интересна широкому кругу исследователей из разных областей, связанных с вопросами межрелигиозного и межконфессионального диалога.

Ключевые слова: межрелигиозный, межконфессиональный, диалог религий, конфессия, диалог вероисповеданий, диалог конфессий.

Interreligious and inter-confessional dialogue: boundaries of the concepts.

Gorodilova L.A.

Lomonosov Moscow State University, philosophy of religion and study of religion department

Abstract**:** The article deals with the problem of the concepts “interreligious dialogue” and “inter-confessional dialogue”, and compares their understanding in non-English-speaking countries and English-speaking ones. The question is relevant because Western scientists have a clear definition of the concepts being studied, as well as a specific context for their use, while in Russia and other non-English-speaking countries the application is very uncertain. The article provides options for the context of application of concepts and the most common classification of these concepts in the West, and compares them with non-English-speaking countries. The conclusions contain the opinion of the author of this article about solving the current problem of the gap in the understanding of the concepts of interreligious and inter-confessional dialogue in the East and in the West. The article may be of interest to a wide range of researchers from different fields related to issues of interreligious and inter-confessional dialogue.

Key words: interreligious, inter-confessional, interfaith, ecumenical, dialogue, religion.

В российских исследованиях диалога между религиозными организациями термины «межрелигиозный диалог» и «межконфессиональный диалог» часто используются как взаимозаменяемые. Реже их разграничивают как диалог между разными религиями (межрелигиозный диалог, например, между исламом и буддизмом), и как диалог между ветвями одной религии (например, католиками и православными). Действительно ли необходимо разделять эти термины? Какое значение может иметь установка границ между ними?

Данная терминология пришла в Россию с Запада. Особенно на ее развитие повлияли Римская Католическая Церковь и различные ветви Протестантизма. Что касается употребления данной терминологии, то все не так просто, как кажется на первый взгляд.

С точки зрения того, какие религиозные организации взаимодействуют, являются ли они совершенно разными или ветвями одной религии – разницы, как правило, нет. В некоторых словарях можно встретить определение «inter-cofessional dialogue» (межконфессионального диалога) как диалога между религиозными организациями, имеющими различные системы формулировки теологии. Имеются в виду «confessions of faith» – «исповедания веры», между которыми собственно осуществляется диалог. Причем, слово «confession» (исповедание), которое в раннем латинском варианте обозначало именно вероисповедание (от лат. Confessio – исповедовать), само по себе сейчас используется христианами на Западе в большей степени не для обозначения «исповедания веры», а для обозначения Исповеди, то есть исповедания грехов, церковного Таинства. В англоязычную культуру слово «confession» в связи с этим вошло также как обозначающее признание в чем-то, что было ранее скрыто, раскрытие бывшего тайным факта, события. Надо подчеркнуть – то скрытое являет собой обычно не слишком положительное. Поэтому для обозначения разных вероисповеданий на Западе слово «confession» практически не используется.

Используемое в обиходе понятие «межконфессиональный диалог» (inter-confessional dialogue) на Западе означает диалог с конкретными целями, а именно диалог для поддержания мира и согласия, для достижения толерантности между религиями. Примеры статей и монографий повсеместны, поэтому не будем их перечислять. Этим понятием подчеркивается, что люди в данном виде диалога имеют различия в их вероисповедании, они не согласны по доктринальным вопросам, а состояние несогласия в их случае – состояние конфликта. Смысл межконфессионального диалога для западных исследователей заключается в управлении мировоззренческим конфликтом последователей двух различных доктрин, и чаще всего термин используется в контекстах и межэтнических проблем. То есть термин относится не к абсолютно любому межрелигиозному диалогу. Причем, в настоящее время в связи с вопросами секуляризации данный вид диалога начинает включать и аспекты государственно-конфессиональных отношений, где не всегда под ним подразумевается диалог именно религий.

В не англоязычном мире английское слово «inter-confessional», как уже было сказано, чаще отождествляют с межрелигиозным диалогом, но также им обозначают конкретно диалог между конфессиями одной религии. Особенно часто о межконфессиональном диалоге говорится в рамках обсуждения отношений между христианскими конфессиями. При этом под конфессией понимается «религиозное объединение, имеющее свое вероучение в соединении со свойственной ему обрядностью; вероисповеданием» [1] и иногда как ветвь определенной религии. Происхождение слова конфессия то же самое латинское, что и у английского confession, и означает исповедание, но к Исповеди в русскоязычном пространстве отношения это слово не имеет.

Стоит добавить, что, если искать работы по ключевому слову «inter-confessional», то в первую очередь найдется множество статей авторов из неанглоязычных стран – Казахстана [2], Украины [3], Венгрии[4], России [5] и др.

Несколько иначе дела обстоят с термином «межрелигиозный диалог», который на Западе называется «interreligious dialogue». Хотя, как было сказано, он фактически синонимичен понятию «interconfessional dialogue», его употребление может иметь более широкий и несколько иной круг возможных контекстов, а также может быть включено в различные классификации диалога по принципу того, какие религиозные организации взаимодействуют.

На Западе наиболее распространена одна конкретная классификация, происходящая от католиков и протестантов. Именно она встречается в работах наибольшего количества исследователей межрелигиозных отношений. Это важно учитывать и при поиске информации, статей, монографий на английском, т.к. ключевое слово для определенного вида диалога будет всегда вполне определенным.

Эта классификация, куда включается «interreligious dialogue» - была четко обозначена Чикагским Римско-католическом Архиепархиальным отделением [6]. Она включает «interreligious dialogue», «interfaith» и «ecumenical dialogue» [6]. «Interfaith» тут можно перевести как диалог между вероисповеданиями, т.е. межвероисповедный, если его так можно назвать. На русском interfaith может быть так же переведено как межконфессиональный, поскольку в нашем языке нет эквивалента данному термину с его значением, которое мы изложим далее.

В рамках разбираемой классификации экуменический (ecumenical) диалог связан с отношениями и молитвенным общением между христианами. Interfaith (диалог между верами, межконфессиональный диалог) относится к диалогу христиан с другими Авраамическими религиями, т.е. с иудеями и мусульманами. Межрелигиозный диалог предполагает диалог христианства с другими религиями, не относящимися к Авраамическим (например, с буддизмом)[6]. В основе классификации лежит степень близости происхождения религиозных течений. Ближайшие друг к другу – христианские ветви, которые сами себя называют христианами. Далее религиозные системы с общими корнями – Авраамические религии, во многом пересекающиеся друг с другом. Затем самые далекие друг от друга, сформированные в разных, мало связанных контекстах.

Отметим, что в Российских исследованиях данная классификация фактически не встречается и не учитывается. Это можно увидеть по исследованиям ряда русскоязычных авторов, опубликованным на английском, где применение терминологии, связанной с диалогом между религиями весьма хаотич-

но. Что касается статей на русском языке, то, как правило «межконфессиональный» и «межрелигиозный» употребляются как взаимозаменяющие.

В заключении сделаем несколько выводов. Во-первых, по нашему мнению, в действительности нет необходимости заимствовать западную терминологию, поскольку у науки разных стран свои пути, но, что необходимо – учитывать значение возможного разграничения понятий, их возможную классификацию, и исключение свободного необоснованного использования терминологии, особенно той, которая пришла с Запада. Во-вторых, при публикации на английском языке или же при поиске литературы на нем просто обязательно знать о случаях применения терминологии, т.к. это повысит эффективность поиска и увеличит международное значение работы. В-третьих, предпочтительнее, чтобы в нашем русскоязычном пространстве была более конкретизирована терминология по поводу диалога религий и границы понятий определенно имеют смысл. В противном случае изучение межрелигиозных отношений будет представляться невозможным и более того, не будет иметь значения для мировой науки.

Литература:

1. Конфессия // Большой современный толковый словарь русского языка. URL: https://slovar.cc/rus/tolk/42457.html (дата обращения: 20.02.2020).
2. Rustembekova, D.K., Shakentayeva, A.U. Some issues of interconfessional relations in the republic of Kazakhstan. URL: http://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/809/rustembekova.pdf?sequence=1 (дата обращения: 20.02.2020).
3. Vasin, Maksym. Characteristics of Development of Inter-Confessional Relations in Ukraine // Occasional Papers on Religion in Eastern Europe: Vol. 30: Iss. 1, Article 4. P.29-36.
4. Sincan, Anca. Inventing Ecumenism? Inter-Confessional Dialogue in Transylvania, Romania in the 1960s // Occasional Papers on Religion in Eastern Europe: Vol. 26: Iss. 3, Article 1. URL: https://digitalcommons.georgefox.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1393&context=ree (дата обращения: 20.02.2020).
5. Khalil, Mona. Place of Interconfessional Dialogue in Russian-Egyptian Relations // Materials of the V Convent of Russian International Studies Association. URL: https://www.researchgate.net/profile/Mona_Khalil10/publication/311791016_Place_of_Interconfessional_Dialogue_in_Russian-Egyptian_Relations/links/585a9f5808aeffd7c4fe928e/Place-of-Interconfessional-Dialogue-in-Russian-Egyptian-Relations.pdf
6. Ecumenical, Interfaith, Interreligious Relations // Archdiocese of Chicago /// Office for Ecumenical and Interreligious Affairs. URL: http://legacy.archchicago.org/departments/ecumenical/Relations.htm (дата обращения: 20.02.2020)

Религиоведческие аспекты теменологии (к постановке проблемы)

Бегчин Д.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра философии религии и религиоведения, аспирант

begdengm@gmail.com

Аннотация. В докладе определяется предметный и проблемный религиоведческий контекст теменологии. Проанализированы исследования, в которых фиксируется религиоведческий состав теменологического знания. В качестве религиоведческих рассмотрены структурно-семиотический и феноменологический подходы к изучению храмовой архитектуры и образа храма. Очерчен проблемный ряд религиоведческих исследований храмовой архитектуры и образа храма. В качестве религиоведческих проблем семиотики храмовой архитектуры поставлены вопросы, связанные со структурной организацией сакральных храмовых пространств, а также проблемы, связанные со смысловыми контекстами и функционированием религиозного значения объектов в пределах храмовых пространств. В русле религиоведческой феноменологии рассмотрены вопросы, связанные с определением храмовой архитектуры и образа храма в качестве сакральных феноменов, а также проблемы, связанные с функционированием храмовой архитектуры в качестве средства выражения религиозного опыта.

Ключевые слова: теменология, религиоведение, храмовая архитектура, образ храма, семиотика, феноменология

The religious aspects of temenology (the problem statement).

Begchin D.A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Religious Studies

Abstract. The report defines the thematic and problematic religious context of temenology. The report analyzes the research that register the religious problems of temenological knowledge. As religious-oriented considered structural-semiotic and phenomenological approaches to the study of temple architecture and the image of the temple. As religious problems of semiotics of temple architecture considered the questions connected with structural organization of sacral temple spaces, and also the problems connected with semantic contexts and functioning of religious value of objects within temple spaces. In terms of phenomenology of religion considered the issues related to the definition of the temple architecture and the image of the temple as sacred phenomena, as well as problems related to the functioning of the temple architecture as a way of expressing religious experience.

Keywords: temenology, religious studies, temple architecture, image of the temple, semiotics, phenomenology

Объектом данного исследования является предметное поле религиоведения.

Предметом данного исследования выступает состав теменологического знания.

Цель нашего исследования – экспликация общего предметного и проблемного религиоведческого контекста теменологии – определила его основные задачи, а именно:

- Выявление теоретико-методологических основ религиоведческих исследований храмовой архитектуры и образа храма;
- Уточнение границ религиоведческого проблемного поля теменологии.

Под теменологическим знанием мы, вслед за Ш.М. Шукуровым, понимаем множество научных представлений о храмовой архитектуре, образе, идее и понятии храма [1]. Состав теменологической теории может включать элементы методологического инструментария широкого спектра гуманитарных и философских наук: утверждения, понятия, систематизации, классификации. Корпус религиоведческих положений в научной литературе определяется в качестве составной части как структурно-семиотического, так и феноменологического анализа храмовой архитектуры. Экспликация религиоведческих аспектов теменологической теории подразумевает определение совокупности утверждений и понятий в составе данной теории. Рассмотрим последовательно структурно-семиотический и феноменологический подходы.

Семантика храмового объекта в контексте философской теории не всегда оказывается фиксиро-

ванной отношениями «архитектура – текст» (предмет иконографических дескрипций), предполагаются отношения иных порядков – внеархитектурная (в пределе – внехудожественная) обусловленность смысла. Переход к области внеархитектурной обусловленности смысла храмового объекта может быть также переходом в область религиоведения. Фиксируя данный переход, его границы, исследователь фиксирует религиоведческие аспекты теменологической теории. Учёные по-разному оценивают качество данного перехода. Так, например, С.С. Ванеян определяет в качестве религиоведческого положение о сакральном («теофаническом») истоке и содержании смысла храмового архитектурного объекта [2]. Религиоведческое исследование сближается, но не совпадает, с герменевтическим постижением сакрального смысла храмовой архитектуры, в центре внимания – природа, развитие и функционирование связей «священный смысл – материальный храмовый объект», а не их конкретное воплощение.

И.П. Давыдов в контексте теменологического дискурса предлагает следующую иерархию религиоведческих дисциплин:

1. Иеротопика как философская теория сакральных пространств;
2. Семиотика храмового зодчества (семиотика сакрального зодчества) [3].

Как известно, семиотика храмового зодчества имеет дело с двухуровневыми системами. Первый уровень – структурный; он включает элементы архитектурного интерьера и экстерьера, имеющие значение и упорядоченные в соответствии с системой координат сакрального времени и пространства. Второй – уровень схем действий, реакций и способов восприятия архитектурных элементов интерьера и экстерьера [4].

В отношении структурного уровня предполагается связь: сакральное пространство – храмовое пространство. Речь идет о смысловом пространстве и о пространственной организации предметов, обладающих священным смыслом. Исследование такого пространства и такой пространственной организации предполагает определение пространственной модели, структура которой коррелирует со структурой того или иного религиозного контекста.

Данную систему можно представить следующим образом: *религиозный контекст – пространственная модель – структура храмового пространства*. Примером может служить религиоведческая проблематика в исследованиях Р. Рехта:

(А) религиозный контекст – сакральное пространство;

(Б) Модель – теория концентрического «поля сакрального» (Ф. Хайлер, Ж.К. Шмитт);

(В) Структура храмового пространства – логика организации западноевропейской готической архитектуры [5].

В качестве соответствующих контекстов, согласно Ш.М. Шукурову, также могут выступать содержание религиозно-философской мысли и ритуальная практика (Э. Панофский, Р. Краутхаймер). В частности, анализу подлежат сюжетно-тематические (нарративные) [6] и символические (литургические и теологические) [7] контексты, выражаемые в специально организованном храмовом пространстве.

Исследование фиксируемых в истории смысловых контекстов культовой архитектуры сближает семиотическое знание с антропологическим [8]. Предполагается динамичный характер взаимодействия человека и храмовой архитектуры на уровне смысла и опыта, полисемантизм архитектурных форм. Такое предметное поле рядом авторов маркировано в качестве предметного поля религиоведения. В частности, особое значение для истории религии обретает ритуальная практика, в контексте которой священный смысл и символизм храмовой архитектуры могут быть рассмотрены в качестве структурных элементов.

Предметно история религии оказывается дисциплиной, смежной археологии и филологии [9]. С. Ванеян предлагает следующую логическую систему в предметном поле археологии:

- Художественная форма;
- Творческие процессы;
- Религиозные отношения и ситуации как регион человеческого существования [10].

При рассмотрении последнего элемента системы, первые оказываются в подчиненном положении: художественная форма и творческие процессы находят объяснение лишь в соотнесении с религией. В данном контексте Л. Джонс подчёркивает важность герменевтического исследования ситуаций

(в том числе культовой деятельности), в которых священный смысл храмовой архитектуры производится, воспроизводится, усваивается и используется [11]. Более общее религиоведческое исследование подразумевает определение устойчивых исторических явлений человеческой жизни, человеческого сознания, человеческих отношений, выражаемых в процессах производства, воспроизводства, усвоения и использования смысла храмовой архитектуры (например, религиозной идентичности или религиозных представлений) [12].

В феноменологической перспективе можно выделить три проблемных поля исследований, которые разными авторами квалифицируются в качестве религиоведческих:

1. Храмовая архитектура как религиозный феномен;
2. Храмовая архитектура как форма сакрального пространства;
3. Храмовая архитектура как средство выражения религиозного опыта.

В контексте феноменологии религии храмовая архитектура может быть рассмотрена в качестве религиозного феномена, если возможно установить отношение памятника или группы памятников с широкими образно символическими рядами [13]. Описываются множественные локальные и универсальные религиозные символы, с которыми образ храма находится в отношениях репрезентации (символизм центра, астральный символизм) [14]. Аналогичный подход в религиоведении предлагает А. Корбен [15]. Образ храма как религиозный факт, описывается в его отношении к другим символам и формам во вневременной внутренней связи. Данное пространство символов и форм принадлежит человеческому сознанию и постигается герменевтически. Образно-символический характер обуславливает сакральный статус храмовой архитектуры, свойства иерофании.

Храмовая архитектура как форма сакрального пространства исследуется в контексте феноменологической компаративистики. При этом имеет место сближение истории религии, феноменологии архитектуры и антропологии [16]. Теория включает формальные инварианты организации храмовых пространств, специфика которых обусловлена формами человеческого опыта (храм как центр, как сообщение между миром людей и миром богов, как отражение универсальных образов, как пространство присутствия сакрального) [17]. Сакральный статус храмовых пространств обусловлен их структурной организацией, единой для всех форм сакральных пространств (например, глубина и ограниченность храмовых пространств – свойства иерофании, исходящие из её диалектической природы).

При рассмотрении храмовой архитектуры в качестве средства выражения религиозного переживания, область смыслов ограничивается универсальным элементом: храмовым объектом в качестве выражения религиозного чувства [18]. Исследуются средства (например, прямые/непрямые по Р. Отто [19]), какими в храмовой архитектуре выражается религиозное переживание, рассматриваются универсальные моменты и способы этого переживания. В исторической перспективе храмовая архитектура изучается как более-менее устойчивое выражение (код) религиозного чувства. Исследуются переходы и периоды интенсивности выражаемых в храмовой архитектуре чувств. В исторической перспективе определяется множество исторически упорядоченных фактов религиозного переживания храмовой архитектуры. Всё это приобретает особенную актуальность для религиоведения, если учесть, что одним из способов постижения религии является теменологическая оптика – «взгляд сквозь храм» на религию как культурный феномен.

Выводы:

1. Религия сквозь призму храмовой архитектуры и образа храма может быть исследована как со структурно-семиотической, так и с феноменологической перспективы в зависимости от характера исследуемого материала;
2. Храмовая архитектура и образ храма в качестве материала исследования позволяют определить: (а) природу, некоторые аспекты развития и функционирования религиозных смысловых контекстов и религиозного значения объектов; (б) свойства и некоторые аспекты функционирования религиозных феноменов, религиозного опыта и средств его выражения в предметном мире.

Литература:

1. Шукуров Ш.М. Образ Храма. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 496 с.
2. Ванеян С.С. Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 832 с.

3. Давыдов И.П. От иконописи – к иконике (критический анализ эпистемы православной иконологии) // вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2012. № 2 (40). С. 49-58.
4. Давыдов И.П. Урбанистика православного храма // Религиоведение. 2002. № 1. С. 137-148.
5. Давыдов И.П. Функционализм Ролана Рехта (в контексте истории понятия функции) // MAGNUM IGNOTUM: История понятий. (К 10-летию со дня кончины Райнхарта Козеллека). / Под общ. ред. И.П. Давыдова. М.: «Столица», 2016. С. 47-104.
6. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб.: Азбука-Классика, 2004. 336 с.
7. Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Yale University Press, 1984. 390 p.
8. Verkaaik O. Religious Architecture. Anthropological Perspective // Religious architecture. Anthropological perspectives / edited by Oskar Verkaaik. Amsterdam University Press, Amsterdam, 2013. P. 7-24.
9. Neer R. Cosmos and Discipline // Heaven on Earth. Temples, ritual, and cosmic symbolism in the ancient world / edited by Deena Ragavan, The Oriental Institute of University of Chicago, Oriental Institute Seminars, Number 9, Chicago, Illinois, 2013. P. 457-463.
10. Ванеян С. Христианская археология и церковное искусство: аспекты эпистемологии // Вестник ПСТГУ, Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства, 2011. Вып. 3 (6). С. 7-33.
11. Jones L. The Hermeneutics of Sacred Architecture: A Reassessment of the Similitude between Tula, Hidalgo and Chichen Itza, Yucatan, Part I // History of Religions, Vol. 32, № 3 (Feb., 1993), pp. 207-232.
12. Religion representation in place: exploring meaningful spaces at the intersection of the humanities and sciences. New York, Palgrave Macmillan, 2014. 286 p.
13. Винокуров В.В. Введение в феноменологию религии. М.: Маска, 2010. 286 с.
14. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
15. Corbin H. Temple and Contemplation. Tr. Philip Sherrard, London: Kegan Paul International in association with Islamic Publications Ltd., 1986. 413 p.
16. Ioan A. The Sacred Space // Lost in space / Edited by Augustin Ioan, New Europe College, 2003, P. 87-121.
17. Harold W. Turner. From Temple to Meeting House. The Phenomenology and Theology of Places of Worship. Mouton Publishers, The Hague, The Netherlands, 1979. 404 p.
18. Кирсберг И.В. Феноменология в религиоведении: какой она может быть? Исследование религии только как сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 304 с.
19. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: АНО «Изд-во С.-Петерб. Ун-та», 2008. 272 с.

Философско-религиоведческие аспекты колорологии Мишеля Пастуро

[тезисы]

Давыдов И.П.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва), философский факультет, доцент кафедры философии религии и религиоведения. Доктор философских наук

ioasaph@yandex.ru

Аннотация: Объектом данного исследования является «история цвета» Мишеля Пастуро, а предметом – ее религиоведческая составляющая. Цель – экспликация «церковной истории цвета» из общих колорологических штудий французского медиевиста – потребовала решения ряда промежуточных задач, а именно: (а) описания колорологии как комплексной дисциплины, возникшей во второй половине XX века на фоне «иконического поворота» в социальной визуалистике; (б) указания места колорологии в ряду смежных с ней гуманитарных дисциплин, таких как иконика, иконология, психология и феноменология цвета, общее цветоведение, колористика, история и теория моды и дизайна, семиотика культуры и техники; (в) выявления колорологической специфики в работах Пастуро и представления его именно как колоролога, т.е. историка цвета, а не историка иконического образа; (г) обнаружения в колорологических трудах Пастуро философско-религиоведческой проблематики. Актуальность данного исследования продиктована интересом современных гуманитариев к цвету, к тому значению, которое приобретает хроматизм и ахроматизм в материальной культуре и религиях человечества. Автор обращает внимание на функциональный анализ М. Пастуро.

Ключевые слова: визуалистика, иконический поворот, религиозное искусство, колористика, история цвета, Готфрид Бём, Уильям Джон Т. Митчелл, Даниэль-Анри Пажо.

Philosophical and Religiological Aspects of Colourology of Michael Pastoureau [thesis].

Davidov I.P.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of the Philosophy of Religion and Religious Studies

Abstract: The object of the paper is the religiological component of Michel Pastoureau's «history of colour». The report aims to explicate «the ecclesiastical history of colour» from his general colourological research. This goal required the solution of a number of intermediate tasks, namely: (a) a description of colourology as a complex discipline that emerged in the second half of the twentieth century against the background of an «iconic turn» in social visual studies; (b) to indicate the place of colourology in a number of related disciplines within the humanities, such as iconics, iconology, psychology and phenomenology of colour, general colour studies, colouristics, history and theory of fashion and design, semiotics of culture and technology; (c) to identify colourological specificity in the works by Pastoureau and to identify him as an historian of colour, not as an historian of iconic image; (d) to detect in Pastoureau's works the philosophical and religiological perspectives.

Keywords: visual studies, iconic turn, religious art, colouristics, history of colour, Gottfried Boehm, William John T. Mitchell, Daniel-Henri Pageaux.

Ia. *Колорология* (colourology) – сравнительно молодая комплексная дисциплина, возникшая во 2-й половине XX в. благодаря происшедшему в гуманитаристике «иконическому повороту» [1, с. 61], [2, с. 187] и развивающаяся в общем предметном поле социальной визуалистики, эстетики, истории понятий, психологии цвета и зрительного восприятия, искусствоведения, антиковедения, истории и теории живописи, фотографии, моды и дизайна, семиотики культуры и техники, урбанистики, иконологии, этики, метафизики цвета, хромотерапии, офтальмологии, оптики, химии пигментов и т.п. Обособление ее от колористики (с одной стороны) и цветоведения (с другой) представляет самостоятельную эпистемологическую задачу, которая может быть решена посредством применения инструментария философии науки и теории графов. Устоявшейся терминологии не выработано до сих пор, наглядным примером чему может служить обозначение «нью-эйджевской» цветокоррекции ауры словом «колорология».

Ib. На наш взгляд, *колорология*, подобно *иконике* Макса Имдаля [3, с. 468], [4, с. 84–110], может претендовать на роль «зонтичного концепта» генерализующей дисциплины в ряду смежных с нею областей гуманитарного знания, поскольку близкие по смыслу, но не идентичные друг другу «построртианские» «повороты», а именно:

(а) «pictorial turn» (1992 г.) Уильяма Джона Т. Митчелла [5, с. 11–34];

(б) «iconic turn» (1994 г.) Готфрида Бёма [6];

(в) имагологический «imagic turn» (80-е гг. XX в.) французской школы культуральной иконографии Даниэля-Анри Пажо [7];

(г) «visual turn» (не позже 1999 г.) британской школы «визуальной культуры»

достаточно точно маркируют «реперные точки» (или же точки бифуркации) ветвящегося графа векторов развития визуалистики с веерообразной «кроной» рядоположенных изо-иконо-дисциплин, которыми охватываются теории образа и изображения (т.е. они попадают в поле притяжения иконики [8]), но не теории цвета и западноевропейской истории цветовосприятия.

IIa. *«История цвета»* современного французского медиевиста [9] и геральдиста [10] Мишеля Пастуро (1947 г.р.) выходит далеко за рамки визуалистики, поскольку учитывает:

(а) историографию (в т.ч. палеографию и архивное дело) и источниковедение;

(б) вопросы методологии истории;

(в) эпистемологию;

(г) историю производства красок – т.е. технологический аспект;

(д) историю бытования окрашенных и неокрашенных предметов одежды, утвари, обихода в городской западноевропейской культуре от античности до Нового времени – т.е. культурологический аспект;

(е) историю понятий в ее этимологическом и лингвистическом аспектах и т.д.

По сути, она смыкается с «символической историей» [11], понимаемой как семиотика культурных артефактов.

В своих исследованиях весомое внимание М. Пастуро уделяет религиоведческой проблематике, например, уточнению библейской «красочной палитры», зеленому и черному в исламской культуре, католическим литургическим цветам, «нулевой степени» монохромного спектра христианского аскетизма и протестантского пуританизма, простонародным суевериям и мифам в отношении черных, зеленых и полосатых расцветок и проч.

IIb. Так, в разговоре о *синем* французский медиевист, помимо прочего, затрагивает вопросы цветовосприятия древних греков и римлян с опорой на тексты античных классиков, рассуждает о месте синего цвета в средневековом христианском богослужении в связи с культом Девы Марии, анализирует точки зрения «прелатов-хромофилов» и «прелатов-хромофобов» <термины Пастуро – *И.Д.*> на не/допустимость монохромии и/или полихромии в церковном интерьере [12, с. 19–70]. *Черный* цвет интересует Пастуро как один из самых архаичных в культуре человечества, наряду с белым и красным. В церковно-историческом аспекте он прослеживает эволюцию западноевропейского монашеского и рыцарского одеяния эпохи Крестовых походов, инфернального черного эпохи охоты на ведьм и чопорного черного эпохи Реформации [13, с. 18–110]. Любопытно, что *зеленая* гамма также играет заметную роль в рыцарской геральдике и в «бестиарии Сатаны» [14, с. 56–74]. *Красный* осмысляется в христологическом ключе как царский пурпур и цвет мученичества [15, с. 43–62].

Самостоятельное значение в колорологии Пастуро приобретает полосатая фактура и текстура. В небольшой по объему монографии, снабженной иллюстрациями, содержится ряд ценных замечаний о периодах демонизации и демократизации полосок, покуда они не превратились в безобидный элемент декора [16, с. 12–36, 59–82]. К слову, в этом сочинении французский исследователь активно использует функциональный подход – в тексте на сотню страниц он обращается к социальным функциям цвета и полосок 17 раз (и выделяет как минимум 18 социальных функций полосатых одежд и тканей, перечень которых см. ниже), в то время как в других книгах этой серии речь ведется обычно о пяти «идеологических и символических» [18, с. 308] функциях цвета в культуре.

Пастуро настаивает на том, что «…в любом обществе изначальная функция цвета – классифицировать, метить, оповещать, вызывать ассоциации с чем-либо» [14, с. 10]. В другом месте он почти дословно повторяет этот свой тезис: «Основная функция цвета – различать, классифицировать, сочетать, противопоставлять, упорядочивать» [18, с. 88]. К этой базовой функции цвета, состоящей (по нашему мнению) из целого набора подфункций, в геральдике, согласно его взглядам, добавляются еще четыре: (а) дейктическая; (б) эстетическая; (в) эмблематическая и (г) символическая [14, с. 56]. Средневековой подфункцией классификационной он считает «установку связи с потусторонним миром» [14, с. 12] и возводит ее к архаической «осирической» функции преимущественно зеленого и синего цветов, способных, по религиозным верованиям, например, древних египтян, «оберегать умершего в загробном мире» [14, с. 19].

Что же касается полосатых поверхностей, то им, по мысли французского медиевиста, присущи:

(а) динамическая функция ритма [16, с. 26, 79];

(б) служебная функция наглядного обозначения профессии или ранга (иерархизирующая) [16, с. 38, 81];

(в) эмблематическая функция таксономического маркера [16, с. 38, 73, 106];

(г) идеологическая функция политической пропаганды [16, с. 50];

(д) эстетическая функция придания стройности фигуре [16, с. 52];

(е) алармическая функция предупреждения об опасности [16, с. 54];

(ж) сигнальная функция повышенного внимания [16, с. 55, 72];

(з) «обманная» функция полуцвета [16, с. 61];

(и) живописная функция «оживления» белизны [16, с. 62];

(к) «гигиеническая» функция чистоты оттенка и

(л) метафорическая функция переноса чистоты цвета на область нравственной чистоты и физического здоровья [16, с. 62, 78];

(м) магическая обереговая функция апотропея [16, с. 62];

(н) функция дифференциации мужского и женского начал [16, с. 63, 104];

(о) маскирующая функция [16, с. 70];

(п) пейоративная функция осуждения и отторжения [16, с. 53–76, 99];

(р) экранирующая функция социального фильтра [16, с. 77];

(с) функция социального контроля [16, с. 78];

(т) транзитивная функция перехода [16, с. 99].

Некоторые из них, такие как (а), (б), (в), (г), (ж), (л), (м), (н), (п), (р), (с), (т) из вышеприведенного списка (которого нет у М. Пастуро и который является продуктом нашего анализа), при определенной экстраполяции и высоком уровне абстракции с очевидностью могут быть обнаружены в религиозном контексте.

Подводя **итоги**, во-первых, следует подчеркнуть, что мировой авторитет Пастуро и его увлеченность предметом послужили катализатором для продолжения колорологических штудий [17], однако, пальма первенства принадлежит именно ему [18, с. 149–308]. Во-вторых, необходимо строго разводить *историю цвета*, относящуюся к области колорологии, и психологию [19], [20] и феноменологию цвета [21], [22], тяготеющие к общему цветоведению.

Общий **вывод**: «история цвета» М. Пастуро носит ярко выраженный колорологический характер, а его пристальный интерес к истории христианства и других авраамических религий заставляет учитывать результаты его наблюдений над символикой цвета в религиоведческих исследованиях по семиотике религии.

Литература:

1. Батаева Е.В. Фланерство и видеомания: модерные и постмодерные визуальные практики // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 61–68.

2. Инишев И.Н. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества // Логос. 2012. № 1 (85). С. 184–211.

3. Имдаль М. Опыт другого видения: статьи об искусстве X–XX веков / Пер. с нем. А. Вайсбанд. Изд. 2-е, испр. и доп. Киев: Дух и Литера, 2011. 487 с.
4. Imdahl Max. Giotto Arenafresken: Ikonographie. Ikonologie. Ikonik. Muenchen: Wilhelm Fink Verlag, 1980. 156 S.+55 Abbild.
5. Mitchell W.J.T. Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. XV+445 p.
6. Wahn Welt Bild. Die Sammlung Prinzhorn Beitraege zur Museumseroeffnung. / Thomas Fuchs u. a. (Hrsg.). Berlin – Heidelberg: Springer Verlag, 2002. 358 S.+202 Abbild.
7. Ощепков А.Р. Имагология // Энциклопедия гуманитарных наук. 2010. № 1. С. 251–253.
8. Давыдов И.П. От иконописи – к иконике (критический анализ эпистемы православной иконологии) // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2012. № 2 (40). С. 49–58.
9. Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / Пер. с фр. М.О. Гончар; коммент. и послесл. Т.Д. Сергеевой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2009. 230 с., илл.
10. Пастуро М. Геральдика / Пер. с фр. А. Кавтаскина. М.: Астрель; АСТ, 2003. 144 с., илл.
11. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.
12. Пастуро М. Синий. История цвета / Пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Н.Л.О., 2015. 144 с., илл.
13. Пастуро М. Черный. История цвета / Пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Н.Л.О., 2017. 168 с.
14. Пастуро М. Зеленый. История цвета / Пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Н.Л.О., 2018. 168 с.
15. Пастуро М. Красный. История цвета / Пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Н.Л.О., 2019. 160 с.
16. Пастуро М. Дьявольская материя. История полосок и полосатых тканей / Пер. с фр. О. Бартошевич-Жагель. Изд. 2-е, доп. М.: Н.Л.О., 2019. 112 с., илл.
17. Балека Ян. Синий – цвет жизни и смерти. Метафизика цвета / Пер. с чешск. И. Мочульской под ред. Н. Раковой. М.: Искусство–XXI век, 2008. 408 с., илл.
18. Пастуро М. Цвета нашей памяти / Пер. с фр. О. Акимовой. СПб.: Александрия, 2016. 336 с.
19. Психология цвета. Сб. / Пер. с англ. А.П. Хомик. М.: Refl-book; К.: Ваклер, 1996. 352 с.
20. Юнг К., Нойманн Э. Психоанализ и искусство / Пер. с англ. Г. Бутузова и О. Чистякова. М.: Refl-book; К.: Ваклер, 1996. 304 с., илл.
21. Серов Н.В. Античный хроматизм. СПб.: Лисс, 1995. 475 с., илл.
22. Серов Н.В. Хроматизм мифа. Л.: ВМКЦ; Васильевский остров, 1990. 352 с., илл.

Специфика медиатизации религии в России сквозь призму православного фундаменталистского дискурса вокруг фильма «Матильда»

Коваленко В. Д.

АНО «Центр этнорелигиозных исследований», старший аналитик

markmarkuse@yandex.ru

Аннотация: Целью статьи является анализ соотношения процесса медиатизации религии сквозь призму дискурса православного фундаменталистского дискурса вокруг проката фильма «Матильда». Понятие «медиатизация» является весьма новым для науки и до сих пор находится в процессе своего становления. Религиозные институты в России на данном этапе продолжают свое становление в качестве полноценных общественных институтов после периода государственного атеизма. В статье подробно разбираются форматы и формы медийного взаимодействия религиозных институтов как официальных организаций, так и неофициальных и маргинальных. В результате концептуализируются основные понятия, свойственные для конфликта в медиа по поводу религиозных ценностей, их взаимоотношений со светскими.

Ключевые слова: религия, медиатизация, православный фундаментализм, конфликт, фильм, Матильда, медиа.

Specifics of religion mediatization in Russia through the prism of Orthodox fundamentalist discourse around the film “Matilda».

Kovalenko V. D.

Noncommercial organization «The Center for ethnoreligious research”

Abstract: The purpose of the article is to analyze the correlation of the process of mediatization of religion through the prism of the discourse of Orthodox fundamentalist discourse around the distribution of the film “Matilda”. The concept of “mediatization” is very new for science and is still in the process of its formation. Religious institutions in Russia at this stage continue to develop as full-fledged public institutions after the period of state atheism. The article deals in detail with the formats and forms of media interaction between religious institutions, both official organizations and unofficial and marginal ones. As a result, the author conceptualizes the basic concepts that are typical for the conflict in the media over religious values and their relationship with secular ones.

Key words: religion, mediatization, Orthodox fundamentalism, conflict, film, Matilda, media.

Любой социальный феномен находится внутри общественного контекста и, так или иначе, развивается под его влиянием. Одними из наиболее заметных, и значимых мировых феноменов являются процессы глобализации и медиатизации религии, определенным образом влияющие также и на православный фундаментализм.

Невозможно дать полную характеристику без упоминания того, что особенностью конца XX – начала XXI века становится высокая медийность западного общества. Фактор медийности западного общества становится основополагающим для направления деятельности религиозных акторов на популяризацию собственного образа в мировых медиа. Необходимо сделать акцент на том, что классические каналы СМИ неоспоримо представляют собой куда более мощные институты ретрансляции информации, чем узкопрофильные религиозные медиа-каналы. Именно крупные СМИ формируют основной «нарратив» и дискурс общества.

Основываясь на данных посылках можно предположить, что радикальный религиозный дискурс, во многом, может становиться частью повестки в СМИ. Как отмечает А. Крупнов, «конечно же, не следует утверждать, что пропаганда эта ведется целенаправленно — СМИ не осознают, как фактически рекламируют террористов»[1]. Например в случае с исламским радикализмом, с июня 2014 года, когда группировка ИГИЛ (запрещена в России!) захватила город Мосул, она была упомянута в СМИ несколько сотен миллионов раз, что безусловно, это не являлось прямым призывом к действию и не являлось идеологической подготовкой рекрутов, но выполняло самую важную функцию первичной мобилизации, а именно, знакомило потенциальных членов ИГ с группировкой, которая выступает за введение шариата и строительство Халифата. Сейчас мы уже не можем узнать каким образом бы вербовщики ИГ смогли выполнять свои функции настолько успешно, если бы не официальные

СМИ, выводящие события с участием ИГ в топ новостей. Официальные СМИ, имеющие лицензии, зарегистрированные в государственных органах, имеющие офисы и сотрудников, по сути, выступили огромным ретранслятором идей политического ислама в упрощенной, сжатой, обыденной форме, которая так хорошо подходит для потребления обычным, рядовым индивидом.

Подобное положение дел демонстрирует весьма опасную тенденцию к неконтролируемому распространению религиозных учений, оторванных от непосредственный общественных объединений и групп через сеть интернет. Благодаря медиатизации религии и ее цифровизации создается ситуация, когда тот или иной текст, тот или иной религиозный призыв обнаруживается и воспринимается реципиентом самостоятельно, не фильтруется и не оспаривается главой прихода/общины/церкви.

Первым термин «медиатизация религии» употребил К. Мангейм в 1933 году, когда данная категория не могла иметь современные коннотации. Данный термин также широко применялся Ж. Бодрийаром. Если обратится к современному термину «медиатизация религии», то необходимо учитывать, что он зародился в западном академическом дискурсе применительно к постиндустриальным этапам развития обществ, посему, его использование необходимо уточнять в каждом конкретном случае. Наиболее крупным изданием, стремящимся осмыслить природу нового явления является сборник «Mediatization of Communication» под редакцией норвежского исследователя К. Лундби, в котором приводятся основные подходы к понимаю данного феномена, сам редактор характеризует данное явление как метапроцесс и в первую очередь поднимает вопросы этического его измерения и позитивно-негативных сторонах изменения в обществе в последствии данного процесса[2], однако, сам сборник не представляет собой единого понятийного и концептуального пространства, внутри данной работы разные авторы сосредоточивают научный фокус на исследуемом объекте.

Нельзя также не вспомнить подход С. Хьяварда, в котором делается акцент на том, что медиа изменяют логику функционирования религиозных институтов, меняют общественные представления о религии, привнося неисследованные и не до конца понятые элементы в процесс этого функционирования[3].

Мы, в свою очередь, можем предположить, что медиатизация религии является процессом адаптации религиозного мировоззрения, религиозных объединений и религиозных организаций, как носителей данного мировоззрения, к изменяющимся формам передачи и потребления информации, которая предполагает различные использование актуальных путей коммуникации.

Медиатизация религии в России имеет определенное особенности. Так, характерной особенностью является попытка религиозных организаций, после развала СССР, оформиться в качестве полноценно-общественных институтов и занять место в сфере публичного. Данная политика может трактоваться как миссионерская, направленная не на «захват» медиа пространства, а не увеличение христианского, в данном случае православного дискурса, в СМИ. Так, выступая на Архиерейском соборе 2 февраля 2011 года, Патриарх Кирилл отметил: «Если мы будем бездействовать, то журналисты самостоятельно, по своему разумению сформируют для общества образ Церкви. Без нашего участия этот образ может оказаться однобоким, а в худшем случае – уродливым и лживым»[4].

Однако данный миссионерский посыл встречается со светской трактовкой религиозных процессов в СМИ. Например, проведенный Е. В. Родионовой анализ публикаций одного из ведущих СМИ Санкт-Петербурга – Фонтанка.ру – показывает, что из 60 публикаций о деятельности РПЦ (в период с 30 августа 2017 года по 15 января 2018 года) отсутствуют публикации о самой религиозной, миссионерской или социальной деятельности Церкви. Из 60 публикаций:

12 описывают вопросы имущественных отношений;

13 связаны с происшествиями;

10 описывают вопросы идеологии и политики

5 – остальные темы [5, с. 203].

Данное противоречие может быть связано, с тем, что «отношения верующих людей со СМИ становятся напряженными в тех ситуациях, когда СМИ пытаются померить малопонятную для них ткань религиозной жизни на свой аршин (инструмент зачастую безразличный к трансцендентному и даже циничный)»[6, с. 274]. Из-за данного фактора религиозные институты стараются найти функциональные пути позиционирования себя в медиа.

Церковь как общественный институт в среднем ведет себя как находящийся в светском обществе, стараясь привлекать к освещению своей деятельности не только собственные СМИ, но и общественные, выстраивая свою медиастратегию многоярусно. В фундаменталистских кругах данная тенденция усугубляется, ввиду тотальной претензии данных групп. В медиа представители указанной идеологии не сколько направлены на внешнее распространение, сколько на работу с уже набранной аудиторией. Функционирование православного фундаментализма в современной медиа-сфере является малоизученным, ввиду разнообразных причин. К ним можно отнести более актуальную тему исламского экстремизма, большую сеть официальных медиа-ресурсов РПЦ, которые проводят активную работу по предотвращению распространения фундаменталистских и радикальных идей.

При изучении медиатизации православного фундаментализма, необходимо учитывать характер самих медиа. В статье «Язык медиа: от-клик перформативности» А.Р. Лопытова описывает современный характер поведения пользователей в сети, указывая на диктуемые самой экосистемой медиа образ поведения — экономию времени, потоковое восприятие информации, «кликовость» действий и динамичность поступков [7].

Интерес же к православному фундаментализму (повторно после 90-ых годов XX века) возрос после выступлений и акций, направленных против показа фильма «Матильда», в котором императора Николая II, причисленного к лику святых в Русской Православной Церкви, демонстрировали в оскорбительном для протестующих (по их же мнению) свете.

Общественный резонанс был инспирирован как особенностью российской информационной сферы, в которой религия появляется сама по себе, а в основном в контексте светском[6], так и относительно недавним конфликтом на Украине и большой известностью радикальной исламской группировки ИГ, что привлекало внимание к новостям политико-конфликтного и религиозного характера. Однако сам конфликт в основном протекал в рамках медиа и представлял из себя поток записей, комментариев, интервью, обращений и масс-медийных образов. В отличие от исламского, православный фундаментализм не обладает устойчивой консолидированной и достаточно радикальной социальной базой, готовой к конструированию подпольных организаций и реальным насильственным действиям. «Оффлайновое» воздействие заключалось в нескольких митингах, пикетированиях, поджоге нескольких машин и попытке теракта в кинотеатре. Этот весьма скромный для исламского фундаментализма набор воздействий на общество является уже крайне радикальным для православной среды.

И это связано со вторым пунктом. В кейсе с фильмом «Матильда» официальные органы РПЦ занимали весьма мягкую позицию по отношению к фильму. Это подтверждается выступлениями множества официальных лиц РПЦ, например, интервью каналу RT пресс-секретарь Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, священник Александр Волков высказал позицию, что фильм не является сознательным искажением образа святого[8].

И наконец третьей важной особенностью стало заимствование уже сложившихся в медиа образов. Наиболее ярким примером этого является группа «Христианское государство — Святая Русь», под предводительством Александра Калинина. Название группы явно отсылает к Исламскому Государству, а методы ведения общественной работы практически полностью совпадали. «Христианское государство» имело канал на YouTube с 26 тысячами подписчиков, но общественное внимание привлекло после отправки в кинотеатры писем, в которых в ультимативной и радикальной форме призывала не допустить показ фильма Алексея Учителя[9]. В своих роликах на YouTube сам Александр Калинин намекал говорил о возможности насильственных действий в отношении создателей фильма.

По своей форме, конфликт вокруг «Матильды» являлся конфликтом образов и символов, войной текста и перформативного действия. Само кино, образ царя и даже святого в нем являются лишь формой высокой абстракции. Но решительно важны здесь два следующих аспекта, а именно повышения интереса к тематике православного фундаментализма и то, что организаторы информационной компании и протестующие выступали, в отличие от прочих фундаменталистских групп, не за изменение политической программы, сохранение или защиты основоположных для учения вещей, вроде запрета на аборты, не за изменение общества или за национальное возрождение. Кампания была направлена исключительно на сохранение образа святого императора, причем, образа нового, сложившегося весьма поздно. Создатели фильма не стремились уничтожить наследие о Николае II, не стремились учредить в государстве переворот или внедрить реформы. Суть конфликта состояла исключительно в отстаивании инспирированного медиа же медийного образа, лишенного контекста и представляющего ценность сам по себе.

Литература:

1. Исламское Государство»: пропаганда группировки и механизмы ее распространения «Исламское Государство»: пропаганда группировки и механизмы ее распространения // ЦИНК центр изучения новых коммуникаций URL: http://zn.center/article/islamskoe-gosudarstvo-propaganda-gruppirovki-i-mehanizmy-ee-rasprostranenia (дата обращения: 08.04.2019).
2. Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. - 2008. - Vol. 29. - Iss. 2. - P. 105-134.
3. Mediatization of Communication // Handbooks of Communication Science. / ed. by Lundby K. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. – Vol. 21. Предстоятель Русской Православной Церкви: Основная задача информационной деятельности Церкви — проповедь о Христе. 2 февраля 2011 г. – http://www.patriarchia.ru/db/text/1399650.html
4. Родионова Е. В. Конфликтогенныйпотенциал религиозных установок жителеймегаполиса: по материалам исследования в СанктПетербурге//Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. No 2. С. 209—224. DOI: 10.14515/ monitoring.2018.2.12.
5. Медиафилософия IX. Язык медиафилософии. / Под редакцией В.В. Савчука СПб. : Издательство РХГА, 2013. 296 с.
6. Хруль В.М. Религия в текстах массовой коммуникации: структурно-семантические, функциональные и этические аспекты: дис. д-р фил наук: 10.01.10. М., 2018. 412 с.
7. В РПЦ не считают «Матильду» карикатурой на образ царя // РИА Новости URL: https://ria.ru/20170724/1499016118.html (дата обращения: 27.01.2020).
8. Суд в Москве арестовал лидера «Христианского государства» // РБК URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59c675d49a794744c402ba18 (дата обращения: 27.01.2020).

Жития новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви как объект междисциплинарного исследования (на материале житий новомучеников и исповедников Московской Епархии)

Суровцева Е.В.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук

surovceva-ekaterina@yandex.ru

Аннотация: Нами ставится вопрос о необходимости междисциплинарного изучения жанра жития новомучеников и исповедников – в первую очередь речь идёт о соотношении светской и церковной литературы, в частности – жанров жития и биографии, о необходимости богословского толкования религиозных реалий в художественном тексте (наименования церковных праздников, обрядов, богослужебных текстов, чинов святости и пр.); указываются также такие темы, как «литература и история» и «литература и география». В настоящий момент данная работа ведётся над житиями новомучеников и исповедников Московской Епархии. Отдельный аспект заявленной темы – сопоставительный анализ формирования и функционирования жанров жития и иконы с одной стороны и биографии и портрета с другой. Таким образом мы выходим на вопрос о взаимоотношении светского и церковного искусства.

Ключевые слова: житие, новомученики и исповедники, Православие, русская литература, светская и религиозная литература, богословие, междисциплинарные исследования.

Lives of new martyrs and confessors of Russian Orthodox Church as object of interdisciplinary research (based on lives of new martyrs and confessors of Moscow Diocese).

Surovtseva E.V.

Moscow State University named after M.V.Lomonosov

Abstract: We raise the question of need for interdisciplinary study of genre of holy lives of new martyrs and confessors – first of all, we are talking about relationship of secular and Church literature, in particular – genres of holy life and biography, need for theological interpretation of religious realities in literary text (names of Church holidays, rituals, liturgical texts, orders of Holiness, etc.); we also specify such topics as «literature and history» and «literature and geography». At the moment, this work is being carried out on lives of new martyrs and confessors of Moscow Diocese. Separate aspect of stated theme is comparative analysis of formation and functioning of genres of holy life and icon on the one hand and biography and portrait on the other. Thus we come to question of relationship between secular and ecclesiastical art.

Keywords: Holy Life, new martyrs and confessors, Orthodoxy, Russian literature, secular and religious literature, theology, interdisciplinary studies.

Одним из перспективных направлений современного литературоведения является изучение литературных жанров, в том числе – жанра жития XX – начала XXI века. При этом надо учесть, что церковная литература является не менее значимой – и художественно, и идеологически – нежели литература светская, разумеется, по праву занявшая одно из ведущих мест в литературе мировой. Отметим, что некоторые современные учёные вообще подчёркивают условность разделения русской словесности на светскую и церковную – так, гоголевед В.А.Воропаев утверждает: «Между прочим, в русской словесности (это слово точнее и органичнее для церковной традиции, чем слово “литература”) до революции не было разделения на светскую и духовную. Был единый литературный процесс. Вспомним стихотворную переписку Пушкина со святителем Филаретом, митрополитом Московским, Или тот факт, что “Ветка Палестины” Лермонтова написана на квартире Андрея Николаевича Муравьёва, автора “Путешествия в Иерусалим”. Качественный (и количественный) перевес был на стороне духовной словесности. Подлинно народными писателями были не Пушкин и Гоголь, а святитель Тихон Задонский и святитель Димитрий Ростовский, жития святых которого читала вся грамотная Россия. Тот же Андрей Николаевич Муравьёв, известный русский духовный писатель, при жизни издал более 50 книг. Похожая ситуация и в исторической науке, русская история неотделима от Церковной истории» [1, с. 23].

Большую роль житий новомучеников и исповедников в нашей современной культуре отметила М.М.Лоевская [2]. Одним из ведущих современных агиографов, составляющих жития новомучеников и исповедников XX века, является игумен Дамаскин (Орловский), продолживший затухшую в XIX веке и прерванную в XX веке житийную. Основополагающими для русской агиографии стали такие издания, как, например, «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским)» (2005 – 2008, 12 книг), «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии» (2002 – 2006, 8 книг). Мы осознанно останавливаемся в данной статье только на мученических житиях – они составляют важнейшую и бóльшую часть современных житий, хотя следует оговорить, что в современной литературе создаются жития всех типов, которые мы знаем по древнерусской словесности, кроме житий святых жён – просветительские жития (житие Николая Японского), жития святителей (житие Тихона Белавина), жития преподобных (жития Серафима Вырицкого, новые варианты жития Сергия Радонежского), жития юродивых (житие Матроны Московской), жития праведников (житие Фёдора Ушакова) и даже княжеские жития (Димитрий Донской был канонизирован в эпоху перестройки, и, соответственно, его каноническое житие было написано к этому времени).

В настоящий момент в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова приступили к работе над корпусом современных житий, а именно – такой разновидности этого жанра, как житие новомучеников и исповедников (подробнее см. в [3]). Мы ограничились восемью томами «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии» [4]. Всего в издание входит 341 текст, охватывающих 385 имён и созданных 12 составителями.

Корпус размечен следующими типами информации: полное имя мученика (с фамилией), дата по старому стилю, дата по новому стилю, месяц по старому стилю, месяц по новому стилю, составитель, имя святого, чин святости. Каждый чин святости должен быть прокомментирован. Например, следует пояснить, что священномученик – мученик из священников. Больше всего мучеников относятся к чину священномучеников (247 человек), далее идут преподобномученики (73 человека), мученики (51 человек), священноисповедники (9 человек) и преподобноисповедники (5 человек).

Среди лексем корпуса следует особо выделить и проанализировать следующие семантические поля (в данной работе окажет неоценимую помощь исследование Т.А.Ивановой [5]): (I) Религиозная лексика, что даёт выход на тему «словесность и богословие». (II) Советизмы – слова, обозначающие советские реалии, что даёт выход на тему «словесность и история». (III) Имена собственные, в их числе: 1). Имена, отчества, фамилии. 2). Географические названия, в том числе – названия лагерей. Этот пласт материала даёт нам выход на тему «словесность и география». 3). Названия таких мест, как: укрепление; застава; местечко; станция; ущелье. 4). Наименования ряда учреждений (фабрика; училище; отделение (НКВД) и пр.). 5). Наименования, относящиеся к Русской Православной Церкви (церковь; епархия; и пр.). (IV) Церковнославянизмы, библеизмы, цитаты из Священного Писания. (V) Сложные слова. (VI) Аббревиатуры, сокращения, которыми обозначены наименования архивов, советских учреждений.

Самой трудной и важной частью комментирования такого рода текстов (кроме чисто лингвистической работы по лемматизации и разведению омонимии и многозначности) является «религиозный комментарий» (в рамках уже обозначенной нами темы «литература и богословие»).

Так, должны быть истолкованы и прокомментированы не только чины святости, но и религиозная лексика. В её число входят, например, наименования православных праздников (*Вознесение*, *Пасха*), церковных таинств (*венчание, отпевание, крестины*), частей храма (*алтарь, иконостас, придел*), богослужебной утвари (*дарохранительница, дискос, кадило, лжица*), служителей церкви (*алтарник, дьякон, епископ, митрополит, священноархимандрит*), приверженцев сект (*адвентисты, пашковцы*), богословских отраслей (*гомилетика, патристика*), богослужебных текстов (*акафист, молитва, псалом*). По предварительным подсчётам (на настоящий момент мы вынуждены называть примерные цифры, так как лемматизация и, соответственно, разметка пока не закончены) в корпус входит более 10 000 подобных слов.

При анализе имён собственных мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью анализа названий храмов (*храм Ризоположения, Успенский храм, храм великомученика Никиты, храм преподобного Марона Исповедника, Храм Христа Спасителя*), церквей (*церковь Петра и Павла, церковь Спаса Нерукотворного, Духосошественская церковь*), соборов (*Елоховский Богоявленский собор, Троицкий собор, Свято-Владимирский адмиралтейский собор*), монастырей (*Акатовский монастырь, Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь, Николо-Пешношский монастырь*), лавр (*Троице-Сергиева Лавра, Александро-Невская Лавра*); епархия (*Владимирская, Костромская, Московская, Рязанская, Смоленская*); пустыней (*Троице-Одигитриевская Зосимова пустынь, пустынь Параклит, Свято-Введенская Оптина пустынь*); икон (*Казанская икона Божьей Матери, Албазинская икона Божьей Матери, икона Николая Чудотворца, икона преподобного Серафима* – отметим, что наиболее часто упоминаются различные иконы *Божьей Матери*); епископий (*Яранская*).

Церковнославянизмы и цитаты из Священного Писания (например, из Евангелия от Луки, Евангелия от Матфея, из Послания к Римлянам, из Послания к Евреям, из Послания к Ефесянам) в основном встречаются в цитируемых в житиях письмах и речах новомучеников.

При анализе материала мы неизбежно сталкиваемся с проблемой разграничения житийного и биографического жанров [6]. Краткую историю формирования и функционирования этих жанров можно сопоставить с историей жанров иконы и портрета. В Древней Руси не существовало жанров портрета и биографии, существовали только икона и житие. В XVII веке стали появляться светские жанры – портрет и биография, причём в XVII веке существует такое явление, как *парсуна*, своего рода переходная ступень от иконы к портрету, а в литературе бытуют специфические формы биографии, представляющие собой переходную ступень от жития к биографии. В Новое время существуют одновременно икона и портрет, житие и биография. На современном этапе икона подвергается влиянию портрета. В современной литературе же житие и биография влияют друг на друга.

Разумеется, житие и биография пишутся с разными целями и поэтому в них по-разному даётся материал, однако их разграничение далеко не так очевидно. Биографии, созданные после канонизации, могут испытывать влияние житийного жанра – например, в биографию святителя Афанасия Сахарова, составленной инокиней Сергией (2003), включены свидетельства о посмертных чудесах святого, что характерно для жития. Современные искусствоведы, пишущие о картинах на библейские сюжеты, которые помещались в храм, ввели такое гибридное понятие – картина-икона (например, [7]). Думается, говоря о многих биографиях святых, можно употребить слово биография-житие. Более подробный анализ соотношения житийного (литературного) и биографического (документального) жанров, в том числе в аспекте влияния «чистой» литературы на документалистику, будет нами проведён в первую очередь на материале житий и биографий новомучеников.

Таким образом, изучая *жития новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви*, мы сталкиваемся с необходимостью прежде всего литературоведческого анализа данного материала и богословского толкования текстов, а также с проблемой взаимодействия и взаимоотношения церковного и светского искусства. Кроме того, мы выходим на темы «литература и история» и «литература и география».

Литература:

1. Воцерковление творчества. Интервью с В.А.Воропаевым // Православное обозрение. 2012. Апрель. С. 17 – 23.
2. Лоевская М.М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох: 24.00.01. Дисс. … доктора культурологии. М., 2005. 367 с.
3. Суровцева Е.В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»): Состав и подготовка текстов, лексические особенности // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Выпуск 60. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 226 – 234.
4. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. В 8 томах. Тверь: Булат, 2002 – 2005.
5. Иванова Т.А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви. Дисс. … кандидата филол. наук: 10.02.01. М., 2004. 201 с.
6. Суровцева Е.В. Житие и биография: Взаимодействие жанров // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции 5 – 7 декабря 2019 года. Махачкала: ДГУ, 2019. С. 235 – 238.
7. Красилин М. Русская икона XVIII – начала XX веков. История иконописи. Истоки. Традиции. Современность. М.: АРТ-БМБ, 2002. 322 с.

Треки развития представлений о религии в XXI веке: событийный, экзистенциальный, образовательный

Фархитдинова О. М.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, доцент, кандидат философских наук

ofarhetdin@mail.ru

Аннотация: высказывается идея о трех треках развития представлений о религии в современном мире, и соответствующих им способах присутствия религии в пространствах XXI веке: событийный, экзистенциальный, образовательный. Соответственно способы присутствия: медийное пространство, ментальное и социальное. Сопоставляются ключевые показатели увеличивающейся роли религии в современном обществе. Традиционные философские идеи относительно присутствия религии на всех планах современного бытия человека, созвучие жизни человека религиозным сюжетам, и, ввиду этого их герметичность – отходят на второй план. Трансформация способов присутствия религии происходит так, что обнаружить религиозный сюжет в XXI веке можно практически в каждом коммуникационном канале. Священное вписано в бытование религиозного дискурса, а духовное преобразуется безжалостно и безвозвратно.

Ключевые слова: треки представлений о религии, внеконфессиональная религиозность, современная философия религии

Tracks of the development of ideas about religion in the 21st century: eventful, existential, educational.

Farkhitdinova O.M.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Annotation: the idea is expressed about three tracks for the development of ideas about religion in the modern world, and the corresponding ways of the presence of religion in the spaces of the 21st century: event, existential, educational. Accordingly, the methods of presence: media space, mental and social. The key indicators of the increasing role of religion in modern society are compared. Traditional philosophical ideas regarding the presence of religion on all planes of modern human being, the harmony of human life to religious subjects, and, therefore, their tightness, are fading into the background. The transformation of the methods of the presence of religion is such that it is possible to find a religious plot in the 21st century in almost every communication channel. The sacred is inscribed in the existence of religious discourse, and the spiritual is transformed ruthlessly and irrevocably.

Keywords: tracks of ideas about religion, non-confessional religiosity, modern philosophy of religion

Отличительным признаком полицентричного мира является рассредоточенность антропологических альтернатив в пространстве и во времени. Для цифрового общества кажущаяся определенность человеческих характеристик очень вариативна, по этой причине наличие множественных смысловых центров, антиавторство, рассматриваются как дополнительные условия для создания относительно устойчивых областей многополярного мира.

Предлагаю три трека развития представлений о религии в современном мире, и соответствующие этому способы присутствия религии в пространствах XXI веке: событийный (медийное), экзистенциальный (ментальное), образовательный (социальное).

Событийный:

Клаус Мартин Шваб в своей речи 2016 в Давосе уделил значительное внимание идее четвертой промышленной революции, которая стремительно сказывается на общественном укладе и требованиях к навыкам и компетенциям человека, которые становятся сложнее и вариативнее. Поляризация мира происходит не по цивилизационному признаку, а по линиям гражданского и правового взаимодействия, где значительное место отводится диалоговому пространству между религиями и этносами. В 2019 году были предложены инициативы, важные для понимания места отведенного религии и межрелигиозному сотрудничеству в современном мире. Что касается России, то сегодня идет подготовка к проведению в России 21 мая 2022 года Всемирной конференции по межрелигиозному и межэтническому диалогу. Количество конференций и мероприятий, направленных на разработку ресурсного плана по организации и проведению самого факта межрелигиозного диалога, позволяет предположить, что это одна из самых нерешенных проблем современности. Интерес вызывает такой факт, чаще всего вопросы религиозной тематики вписаны в разнопрофильные научные мероприятия, где они сочетаются с экономической, политической, социальной, и духовной безопасностью.

Экзистенциальный:

Религия в современном обществе получила одно из значительных мест, как раз на фоне тех социальных изменений, которые инициированы промышленной революцией. Возвращение интереса к религии и религиозному приходится на эпоху постмодернизма, одна из причин – декларация плюрализма в культуре и познании. В качестве видимого итога: разрушение оснований рационального выбора убеждений, веры в Высшее Существо, в конечном итоге, формирование спекулятивного противостояния между монотеизмом и политеизмом. Тесное взаимодействие, в таком обществе, носителей различных систем ценностей и мировоззрений, позволило П. Бергеру внести утверждение о том, что мир, как и прежде, сохранил свою яростную религиозность. В этих условиях вполне очевидна нелегитимность опровержения религиозной веры, по утверждению К. Мейясу. В условиях допустимости разных систем ценностей, под религией может пониматься «нечто совсем иное», например традиция (А. Бадью), или субъективное представление о своей собственной вере (эгоцентрические религии Д. В. Пивоваров). Плюрализм декларирует и иные принципы когнитивного диалога между представителями различных религий: они требуют большего внимания к интересам гражданского общества, мирного урегулирования конфликтов, создания пространства экзистенциальной безопасности.

Современная философия содержит в себе широкий спектр осмысления и понимания религии, не исключая версии с игровым контекстом, и особым внимаем к игре. Игра в XXI веке рассматривается как наиболее емкая и перспективная среда для моделирования развития философской проблемы. Так, Славой Жижек в работе «Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом» моделирует ситуацию обозначения пределов божественного управления сотворенным миром. Интерес представляет то, как ставится проблема различения, иного, присущая постмодернистским версиям и приближающая нас к теме религии. А. Г. Дугин высказывает тезис о логоцентризме религий, имея в виду монотеистические, как некоторой необходимости, иначе их топика не смогла бы состояться. «Религия есть не что иное, как развитие логических конструкций» [1, с. 357] По этой причине, все новые религии, религиозные движения представляют собой некий симулякр, «десемантизированные фрагменты» [1, с. 357], жизнеспособность которых мыслиться иначе.

Несколько иначе, постмодернизм, с его специфическим отношением к представлениям об идентичности, осмысливается в работах И. Зизиуласа. Интерес представляет его суждение о инаковости и ином: иного невозможно одомашнить. В постмодернизме речь идет о постоянной дестабилизации, причина чему «иное». В этом состоит принципиальное различие патристического и постмодернистского представления о инаковости: способе преодоления промежутка между конкретными существами [2, с. 68] «Реальность есть беспрерывное движение от означающего к означающему, множественность, отмеченная различием и разнородностью, лишенная истока и цели». [с. 2, с. 68] Подход И. Зизиуласа интересен постановкой вопроса об экзистенциальном значении терминов «нераздельно» и «неслиянно» столь важных для православной христологии. В этом отношении осуществляется по сей день дискуссия о близости философских и религиозных взглядов касательно пограничных вопросов о сущности и существовании индивидуального бытия человека.

Образовательный:

Современная философия религии – комплексное понятие, вобравшее в себя спектр смыслов о результатах и принципах изучения религии во второй половине XX начале XXI вв. Теоретическая ценность современной философии религии определена уникальным сочетанием способов формулировки основных проблем, вписанных в ее исследовательское поле и фокусом внимания к ним со стороны тех авторов, которые обнаруживают свою идентичность в сфере философии религии, следовательно, возможности ее автоописания.

По сути, в гуманитарном знании первого десятилетия XXI столетия, образ видения проблемы, представленности ее для академического сообщества, преобладает над описанием ее сущности. Так произошло с двумя главными тематическими настроениями XXI века, изучаемыми силами философов религии: рациональности религиозных убеждений и спектра доказательств относительно главной понятийной конструкции – «Бога». На этом фоне очень четко просматривается вопрос о роли религиозной вовлеченности и отстраненности в процессе философского исследования, так актуальный сегодня.

Итак, «философии родительного падежа», по утверждению Шохина, предметность которых не задается самой философией, продолжают на сегодня формирование спектра академических дисциплин. Философии такого разнообразия препятствуют лишь одному – философии как таковой. Поэтому сложно сказать о состоятельности философии религии в период взаимодействия внешних по отношению к ее идейному источнику (имеются в виду идеи Фихте) веяний и направлений.

В университетах курс «Философии религии» рассматривается как предельно специальный, отвечающий на запросы времени и имеющий очень четкое обоснование в том, как формировать взаимодействие разных по качеству сообществ: верующих, общественных деятелей, ученых. Интересы этих сообществ пересекаются чаще всего относительно определения сущности религии для современного мира. В зарубежном университетском образовании, так же, как и в международной академической среде существует большое разнообразие курсов по философии религии – дисциплине, основная задача которой дать возможность вести речь о целостной картине мира. О том, что очень чувствительно к происходящему в нашем мире, о том, как формируются и трансформируются убеждения людей, о разных типах реальности. Именно так, в XXI веке возможно определить границу между заявленным проблемным полем классической и современной философии религии.

Возвращение к университетским концепциям прошлого века, в особенности концепции Ф. Шлейермахера, включавшей серьезную рефлексию о месте богословия в университетской жизни того периода, полезно для полноценной рефлексии о современном состоянии философии религии, исходя из двух причин: во-первых, в большинстве европейских государств привилегия одной конкретной деноминации утверждалась на основе поддержки образовательного стандарта с ее участием со стороны государства; во-вторых, глубина происходивших дебатов о природе взаимоотношений церкви и государства была детально осмыслена и достойна напоминания о себе, в качестве конструктивного примера.

Наилучшим образом природа университета как «научной» институции была отражена в высказывании Вильгельма фон Гумбольдта: «Концепция высших научных институций как саммита, где сводится воедино все, что происходит в духовной жизни нации, определяется тем, приспособлены ли эти институции для научной работы…» [4, с. 331]

Сегодня большинство классических университетов становятся практико- ориентированными и полицентричными по дисциплинарному духу. Гуманитарные исследования соседствуют с очень перспективными в наше время химическими и биологическими лабораториями. Лексические единицы свойственные словарю, например, медицинских наук совершенно свободно заимствуются гуманитарными. В результате, проблемы биоэтики или гуманитарной экспертизы научных открытий утратили свой уникальный язык для описания.

Мульти и межконфессионализм начинает подчеркиваться в исследованиях, ориентированных на описание опыта необычного, странного мистического и эзотерического, что в свою очередь продолжает смену парадигмы и приоритетов в университетском образовании.

Литература:

1. Дугин А. Г. В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки). М.: Академический Проект, 2013. 515 с.
2. Зизилуас И. Общение и инаковость. Новые очерки о личности и церкви / Пер. с англ. (Серия «Современное богословие»). М.: Издательство ББИ, 2012. 407 с.
3. Пивоваров Д. В. Философия религии: в 3 т. Т. 1 : Онтология религии / Д. В. Пивоваров . Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2012. 568 с.
4. Пэттисон Дж. Размышления о Боге в век технологий. Пер. с англ. (Серия «Богословие и наука»). М.: ББИ. 2011. 462 с.

Проблема милосердия и ненасилия в русской религиозно-философской культура

Царенкова Елена Анатольевна

Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, к.ф.н., доцент кафедры социально-гуманитарных и политических наук

ecarenkova@yandex.ru

Статья посвящена исследованию идей и института милосердия и ненасилия в русской философской мысли. Обосновывается положение о том, что в русской философско-религиозной мысли идея милосердия, ненасилия является самобытной, апеллирует не к человеку с его конкретными эмпирическими проблемами, а к началам и концам мирового бытия, к богу, бесконечности. Важным в рассмотрении данного вопроса является сопоставление понятий «милосердие» и «ненасилие», «добро» и «зло», «насилие». Выявляются истоки идей милосердия, ненасилия, традиционное их восприятие и векторы трансформации. Материалом исследования являются классические тексты русских философов (Ф. М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В. С. Соловьев), которые принято называть философским наследием.

Ключевые слова: милосердие, насилие, ненасилие, зло, добро, русская философия.

Abstract: The article is devoted to the study of the ideas and the Institute of mercy and non-violence in Russian philosophical thought. The article substantiates the position that in Russian philosophical and religious thought, the idea of mercy and non-violence is original and appeals not to the human age with its specific empirical problems, but to the beginnings and ends of world existence, to God and infinity. It is important to compare the concepts of “mercy” and “non-violence”, “good” and “evil”, and “violence”. The sources of the ideas of charity and non-violence, their traditional perception and transformation vectors are revealed. The research material is the classical texts of Russian philosophers (F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, V. S. Solovyov), which are commonly called the philosophical heritage.

Keywords: charity, violence, non-violence, evil, good, Russian philosophy.

В нашей статье мы рассмотрим концепцию милосердия и ненасилия в русской философии, но прежде нам необходимо выявить истоки этих идей. Следует вспомнить, что начало формирования русской философской культуры было связано с принятием Киевской Русью в X веке христианского вероучения из Византии и славянской письменности из Болгарии. Как Византия, так и Болгария, во времена крещения киевского князя Владимира переживали подъем своего культурно-исторического развития. Для нас важно выяснить: каков главный вклад Византии в культуру Руси? И, несомненно, мы приходим к следующей мысли: восточно-христианский идеал всеобъемлющей любви, милосердия как основы человеческого существования становится важным моментом культурной преемственности. Прежде всего, укажем на то, что христианство рассматривает милосердие как способ существования христианина. Весомый вклад в развитие христианской идеи милосердия внес своим творчеством Исаак Сирин, один из святых отцов восточного христианства[1, с.7]. Результатом философских размышлений отцов церкви было формирование религиозно-философского учения о милосердии – своеобразным методом освоения мира и человека, активная жизненная позиция, неприемлющая ненасилие, чуждого христианству. В Библии нет понятия «ненасилие», но мы прочтем: «милосердие». Идея ненасилия была заимствована из индо-буддистской традиции – принципа ахимсы. Христианское представление о мире, любви, милосердии оказало влияние на становление русской философской мысли до начала XX века включительно. Но освоение философского уровня понятий любви, милосердия было свойственно и для русской литературно-художественной культуры.

Так, в творчестве Ф.М. Достоевского, русского писателя, понятие любви занимало одно из важнейших мест. В «Записках из подполья» [2, с.133 – 244] душевность в его противопоставлении рассудочной способности человека была поднята на уровень понятийного мироустроющего принципа. Красота, которая, по мнению Ф.М. Достоевского, должна спасти мир, спасет его не сама по себе, а посредством сердца и любви. Сначала сердце должно обрести способность к видению красоты, а уж потом красота зажжет сердце спасающую мир любовь. Основной идеей, охватывающей творчество

Ф.М.Достоевского, была вера в любовь, душевность, милосердие, которые способны возвыситься над всяким внешним насилием и над любым внутренним падением. Достоевский приходит к идее Бога и богочеловека. Жизненная реальность Бога и богочеловека открылась во внутренней силе любви и всепрощения, которые являются основанием его измученной души.

Идея ненасилия находит широкое воплощение в творчестве Л.Н. Толстого, получившая название толстовства. Это учение сводится к следующему: зло не должно противиться насилием. Религиозно-этическое учение о ненасилии Льва Николаевича Толстого изложено в таких произведениях: «В чем моя вера», «Исповедь», «Царство Божие внутри вас», «Закон насилия и закон любви», «Не могу молчать», «Не убий», «Отец Сергий» и т.д. К сожалению, неортодоксальная проповедь ненасилия Л.Н. Толстым была осуждена специальным решением синода Русской Православной Церкви. Почему так произошло? Дело в том, что Лев Толстой в своих произведениях решал следующий вопрос: как соотносится нравственность и религия? По мнению Толстого, нравственное совершенствование и духовный рост даются человеку природой, поэтому каждый из нас стоит перед выбором (религиозным или светским). Главное, чтобы человек жил в соответствии с законом нравственности. Лев Толстой считал, что не должно быть политики вне морали. Для него идеалы классовой борьбы были неприемлимы, так как они разъединяли людей, вели к злу и насилию. Любое насилие аморально, поэтому ему противостоит ненасилие, насилие с моралью несовместимо. Толстой определяет причину насилия, которая кроется в потере идеала. Лишь вера есть источник истины. Для нас интересны утопические взгляды Л.Н. Толстого об устройстве благополучия людей, где он считает важным свое внутреннее очищение, благодаря которому зло исчезнет. Методы ненасилия – изменить человеческую духовность, благодаря чему в отношениях между людьми установится мир. Эти идеи не уменьшают желание Толстого установить в человеческом сообществе принципы ненасилия и милосердия.

Иной взгляд был присущ русскому религиозному философу В.С. Соловьеву, который считал, что сила должна противиться злу, причем такое положение должно стать важным аспектом социальной политики государства. Добро опирается на право в пресечении зла, а также к нормам божественной справедливости.

Мы рассмотрели метафизику ненасилия и идеи милосердия в русской философской культуре. Исследование данной проблемы показывает, что она актуальна доныне, так как выявляет антропологические основания современного человека. Закон милосердия должен стать основой существования в нашем обществе [3]. Следует помнить, что в русской религиозной философии идея милосердия и ненасилия (Л.Н. Толстой) представлена не как высшее состояние человеческого духа, а как дело Христово. Именно в этой интеллектуальной традиции становится понятным национальное самосознание, выходящее за пределы эмпирической жизни, стремящееся к верховному началу, абсолютному милосердию, добру.

Литература:

1.Авва Исаак Сирин. Слова подвижнические. М.: Православное изд-во, 1993.

2. Достоевский Ф.М. Записки из подполья/ ПСС. Т.4. М.: Изд-во «Худ. Лит-ры», 1956.

3. Царенкова Е. А. Поиск новых философско-антропологических парадигм (к вопросу о милосердии): монография / Е. А. Царенкова; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет». Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2017.

Государственно-конфессиональные отношения в Германии; проблема церковного налога

Матушанская Ю.Г.

Казанского (Приволжского) Федерального университета, профессор кафедры религиоведения, доктор философских наук

jgm2007@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема церковного налога в современной Германии. В этой стране реализуется одна из моделей государственно-конфессиональных отношений, определяемая как кооперативная: церковь не отделена от государства полностью, государство сохраняет участие в некоторых сферах жизни религиозных организаций. В соответствии с этой моделью с государственными структурами сотрудничает католическая церковь Германии, на протяжении столетий боровшаяся за отделение от государства. Частью этой кооперации является церковный налог, которым облагаются члены католической и протестантской церквей; налогообложение – элемент государственной системы, частью которой является церковь. Уплата налога является условием участия в церковных обрядах. Так, немецкий профессор Хартмут Цапп (Hartmut Zapp) в 2012 г. подал судебный иск против католической церкви, так за отказ платить налог ему отказали в исполнении обрядов. История церковного налога восходит к временам Реформации; в средние века католическая церковь существовала на пожертвования, в отличие от налога, не фиксированные. Уплата верующим церковного налога как условие участия в обрядах ставит под сомнение спонтанность религиозного опыта.

Ключевые слова: Религия, церковный налог, Германия, государственно-конфессиональные отношения, католическая церковь, университет.

State and confessional relations in Germany: the problem of church tax.

Matushanskaya Yu. G.

Kazan (Volga) Federal University, department of religious studies

The article considers the problem of church tax in modern Germany. One of the models of the state and confessional relations defined as cooperative is implemented in that country: the church is not separated from the state completely, the state participates in some spheres of life of the religious organizations. Part of this co-operation is the church tax which the members of Catholic and Protestant churches should pay; taxation is an element of the state system of which the church is also a part. German Professor Hartmut Zapp filed a lawsuit against the Catholic Church in 2012, because he had been denied of participation in rites for refusing to pay the church tax. The history of church tax dates back to the times of the Reformation. The payment of church tax for believers as a condition of their participation in rites calls into question the spontaneity of religious experience.

Keywords: Religion, church tax, Germany, confessional and state relations, Catholic Church, university.

Государственно-конфессиональные отношения являются важной составляющей внутренней политики любой страны. Религия как социальная система влияет как на специфику отношений государства и общества, так и на жизненный мир граждан, их отношения друг с другом и с государством. В современной России делается попытка установить гармоничные отношения государства и религиозных организаций. Это очень сложная задача в том числе и в силу исторических причин, когда в течении долгого периода эти отношения назвать гармоничными были трудно. Поэтому для понимания различных аспектов данного процесса так важен опыт других стран.

На сегодняшний день существуют следующие модели государственно-конфессиональных отношений.

Первая модель, идентификационная, - это тесная связь церкви и государства (примеры таких стран - Великобритания, Монако). Второй вариант – это сепарационная, или секуляризационная модель, где церковь отделена от государства (примеры - Франция, Российская Федерация). Крайняя форма секуляризационной модели - лаицизм, когда религия может проявляться только в частной жизни граждан государства. Лаицизм можно наблюдать в таких странах, как, например, Турция и Франция, где в общественных местах под запретом религиозные символы.

Третья модель, кооперационная, реализуется в таких странах, как Германия, Бельгия, Австрия, Португалия, Швеция, Испания, Италия. В этих государствах мы видим модифицированную систему отношений государства и религиозных организаций. Духовенство там имеет определенную власть в некоторых сферах, в которых предполагается кооперация, сотрудничество церкви и государственных органов. Полного отделения церкви от государства нет [7, с. 281-282]. Государство, как предполагается, может наиболее эффективно сотрудничать с теми или иными конфессиями, имея рычаги влияния на них. При этом государственные органы обладают всей полнотой информации в данной области социальных отношений. [11, с.21-22]. В этой связи представляется важным рассмотреть проблему церковного налога в Германии.

История церковного налога в Германии насчитывает более полутора веков. В процессе национализации церковного имущества в 1803 г. католическая и протестантская церкви Германии понесли определенные убытки. Именно в качестве поздней компенсации этих потерь и был учрежден церковный налог, право на сбор которого получили общины, имеющие, согласно Веймарской конституции, статус лиц публичного права – а именно, приходы римско-католической церкви, общество старых католиков Германии, евангелические приходы, унитарное сообщество свободных протестантов. Распространяется это право также на еврейские общины и свободные религиозные общины Бадена, Майнца, Оффенбаха и других городов. Налог до сегодняшнего дня является основным источником дохода этих религиозных организаций (63-80% всего церковного дохода составляет доход с налога) [7, с. 287]. Платить налог обязаны члены этих общин; формальный выход из членства ведет к освобождению от налога. Как пишет А.В. Михалева, за исчисления размера выплат отвечают совместные управляющие союзы. В основе начисления лежат принципы, закрепленные в земельных законах о церковном налоге, исходной цифрой является полная сумма налогооблагаемых доходов, из которой вычисляется фиктивный подоходный налог, а от него 8-9% составляет налог церковный (в Баварии, Баден-Вюртемберге – 8%, в остальных землях – 9%). Исчисление производится с учетом как нижней границы дохода, при котором взимать налог возможно, так и количеством детей в семье (величина налога обратно пропорциональна количеству детей). Община перечисляет установленный процент (около 4%, так было, например, в Рейнланд-Пфальце 4% в 2004 г.) от собранного налога обслуживающим этот процесс. Большая часть налога идет на расходы по персоналу, обычно это 60-70%, а остальные, по 10% на каждую статью расхода, идут: 1) на строительство новых церковных зданий, 2) на социальную сферу, 3) на школы и образование, 4) на содержание административного аппарата [7, с. 288].

В Германии своя история отношений населения и государства, государства и церкви. В 1529 году на императорском сейме в Шпеере немецкие князья выступили против религиозной политики императора Карла V. Это были годы Реформации, и князья заявили протест против того, чтобы на территории их земель имела власть католическая церковь. Князья создали Шмалькаденский союз (Schmalkaldischer Bund), объединивший Гессен и Саксонию, а впоследствии и другие немецкие княжества. В итоге общественные функции церкви в немалой степени перешли к государству.

Традиции католической церкви, уходящие корнями в средние века, предполагали, что община, приход, монастырь жили на пожертвования, которые, в отличие от налога, фиксированными не являются. Благодаря системе пожертвований церковь собирала и накапливала значительные богатства, предоставляющие ей независимость от государственных структур. Эта финансовая независимость позволяла ей открывать и оплачивать, без государственных дотаций, высшие и средние учебные заведения, больницы, приюты и т.д. Государственная зарплата или жалования сотрудникам при протестантских или католических приходах (например, медсестрам) - это своего рода проявление контроля над расходами религиозной организации, а не только попечения государства о церкви. Духовенство в Германии и в наши дни интерпретирует существующий церковный налог именно как пожертвование, хотя очевидно, что это разные формы финансового обеспечения организации.

Широкую известность получила в 2012 году история о том, как профессору Хартмуту Цаппу (Hartmut Zapp) католическая церковь Германии отказала в исполнении обрядов. Причина отказа была в том, что гражданин Германии отказался от уплаты церковного налога. Профессор отреагировал на действия церкви подачей иска и проиграл суд; согласно постановлению судебного разбирательства, католическая церковь имеет право отказывать в исполнении обрядов тем, кто не платит налог [8]. Более того, неплательщики церковного налога могут быть даже отлучены от церкви. С точки зрения Г. Робертса, описавшего это дело в своей статье, решение было несправедливым и могло быть пересмотрено. Однако на сегодняшний день оно остается в силе [16].

Результаты полевых исследований по данному вопросу, где католики Германии высказывали свое отношение к церковному налогу, показали, что респонденты с сильной мотивацией относятся к налогу положительно, их отношение стабильно; информанты же, мотивированные слабо, высказывают сомнения, когда получали разъяснения от исследователей, что это не пожертвование, а именно налог [12;13]. Церковный налог, согласно данным, которые приводят Б.Фрик и Р. Симмонс [14], является одной из причин того, что прихожане протестантских и католических церквей в Германии оставляют свои приходы.

Религиозный опыт, как показывают исследования в данной области, чаще всего является спонтанным. Для современной религиозности не показательна абсолютная уверенность верующих и осознание ими религиозной самоидентификации; также они зачастую не твердо убеждены в своих религиозных воззрениях. Уплата церковного налога предполагает, что член церкви остается верным своей религиозной идентичности и взглядам независимо от того, колеблется ли он в вере. В Германии, кроме исповеди, условием допущения к обрядам, в частности к причастию, оказывается уплата церковного налога. Этот подход лишает индивида права на сомнения, и, таким образом, ставит под вопрос возможность спонтанного религиозного опыта, «живой» веры.

Литература:

1. Костюкова Т.А. Модели взаимодействия светского и религиозного в образовании: мировой опыт // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 5. С. 103-108
2. Матушанская Ю.Г. Католицизм в России. Казань: Школа, 2017. 115 с.
3. Матушанская Ю.Г. Проблема модернизации религиозного образования в Российской империи // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2017. №2 (34). С. 111-125
4. Мирошникова Е.М. Государственно-церковные отношения в Германии // Религия и право. 1998. № 1-2. С. 45-47
5. Мирошникова Е.М. Сравнительный анализ государственно-церковных отношений и гражданская религия в Германии и России // Религиоведение. 2001. № 2. С. 175-181
6. Мирошникова Е.М. Теология в системе религиозного образования ФРГ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 1. С. 129-142
7. Михалева А.В. Церковно-государственные отношения в Германии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2005. № 6. С. 281-289
8. Розэ А. Уверовал - заплати//Российская газета. 04.10.2012 [Электронный ресурс] – режим доступа https://rg.ru/2012/10/04/vera.html свободный. Язык русский. (дата обращения 17.11.19)
9. Шахов М.О. Современные государственно-конфессиональные отношения в Великобритании, Германии и Италии // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2017. № 7-8. С. 199-312
10. Шаляпин С.О. Сравнительно-правовая классификация современных моделей государственно-конфессиональных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 153-170
11. Шуралёв А.В. Социально-правовой статус религиозных объединений в странах Западной Европы //Современный ученый. 2017. № 8. С.17-25
12. Boyer P.C., Dwenger N., Rincke J. Do norms on contribution behavior affect intrinsic motivation? Field-experimental evidence from Germany // Journal of Public Economics. Volume 144, 1 December 2016. P. 140-153
13. Dwenger N., Kleven H., Rasul I., Rincke J. Extrinsic and intrinsic motivations for tax compliance: Evidence from a field experiment in Germany// American Economic Journal: Economic Policy. Volume 8, Issue 3, 1 August 2016. P.203-232
14. Frick, B. Simmons, R. The impact of exogenous shocks on exits from the Catholic and Protestant churches in Germany, 1953–2015 // Applied Economics Letters. Volume 24, Issue 20. 28 November 2017, P. 1476-1480
15. Henkel R. State-church relationships in Germany: Past and present// GeoJournal. Volume 67. Issue 4. December 2006. P. 307-316
16. Robbers G. Recent Legal Developments in Germany: Infant Circumcision and Church Tax// Ecclesiastical Law Journal. Volume 15. Issue 1. 13 December 2013. P. 69-71

Философия, религия и атеизм: между конфликтом и гармонией базовых интерпретаций

Аринин Евгений Игоревич

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, заведующий кафедрой философии и религиоведения, доктор философских наук

eiarinin@mail.ru

Аннотация: Понятия «религия», «атеизм» и «философия» прошли долгую историю их становления, неразрывно связанную с историй Европы и России за последние 2000 лет. При истолковании их отношений представляется перспективным обратиться к проекту «двусторонней перспективы» (Ю.Хабермас), когда от участников требуется умение вообразить себе «перспективу другой стороны» и признание самой возможности сотрудничества «по поиску истины», т.е. согласие в том, что истина носит открытый характер, не принадлежа ни одной из сторон «по природе». Очевидно, что разногласия в обществе по поводу трактовки терминов «религия» и «атеизм» неустранимы, однако есть разногласия и «разногласия», требующие глубокого обоснования с позиций философии религии и философского религиоведения, рассматривающих возможность обретения той или иной согласованности как в понимании «научной истины», так и «положения личности в вечности» с позиций концепции «аутопойетических» систем Н.Лумана.

Ключевые слова: религия, атеизм, философия религии, философское религиоведение

[i]Понятия «религия», «атеизм» и «философия», согласно М.Фасмеру, вошли в русский язык и книжную культуру в разные исторические эпохи, первыми из которых с XII века стали слова (лексемы) «философ» и «философия» («Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли», 1106 и др.), тогда как с начала XVIII века в текстах появляются термины «релижия» («Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина», 1705) и «аѳеисты» («Слово о власти и чести царской», архиепископ Феофана,1718) [1, с.194; 2, с.466; 3, с.95]. Вместе с тем, отсутствие тех или иных слов не свидетельствует об отсутствии понятий о соответствующих феноменах, как, согласно справедливому замечанию В.Н. Ярхо, отсутствие слова «совесть» у древних греков не означает, все они были «бессовестными» [4, с.251]. В этом контексте мы будем различать языки первого и второго порядка, что позволит решить проблему корректности ряда известных утверждений об отношениях «религии», «атеизма» и «философии». Так, на уровне языка первого порядка очевидно, что до XVIII века, когда появляется лексема «религия», сходные в определенном плане феномены обозначались лексемой «вѣра» (986), а то, что стало именоваться «аѳеизмом» у архиепископа Феофана (Прокоповича), соответственно, ранее описывалось как «безбожьствие» (1097) [5, с.93]. На уровне языка второго порядка, т.е. в терминах религиоведческих теорий, можно говорить сходстве денотатов (социальных феноменов), обозначаемых в ту или иную эпоху специфическими терминами (лексемами), хотя при этом очевидно и то, что коннотации слова «вѣра» в легендарном сюжете о «выборе вѣры» не тождественны коннотациям слова «релижия» в «Дневнике» князя Б.И.Куракина.

Ю.Хабермас писал о «двусторонней перспективе», когда от участников коммуникации требуется умение вообразить себе «перспективу другой стороны» и признание самой возможности сотрудничества «по поиску истины», т.е. согласие в том, что истина носит открытый характер, не принадлежа ни одной из сторон «по природе» [6]. Эта диалогическая перспектива может открываться на уровне языка второго порядка, для которого, к примеру, Московский Патриархат признается сегодня не менее достойной уважения «вѣрой», чем осуждавшиеся им на протяжении столетий на уровне своего доктринального языка первого порядка «безбожные мятежники против Церкви», «еретики», «раскольники», «фрязи», «басурмане» и т.п.. Так, начиная с упомянутого выше сюжета о «выборе вѣры» (ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТ..., ПВЛ, 1113) можно отметить, что «вѣрой» возвышенно именуются различные «Законы» ряда «иноземцев» («болгаре вѣры бохъмичи», «нѣмци от Рима», «жидове козарьстии» и «философ от грѣци»), утверждавших свои версии «эксклюзивной истины» и соответствующие языки первого порядка. Слово «вѣра» в ПВЛ выступает в собирательном значении, когда сам летописец поднимается на уровень языка второго порядка, отделенного от языков первого порядка, на котором описывают себя «иноземцы». В результате отмеченного выбора слово «вѣра» приобретает для русского языка подчеркнуто разделительное значение, однозначно связанное с причастностью к юрисдикции царьградской «Великой церкви Христовой» (ἡ Μεγάλη τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησία) и соответствующим языком первого порядка. Последний периодически, начиная с 1054 года, мог противопоставляться языкам первого порядка «латинян» Ecclesia Catholica Romana («нѣмци от Рима»), других «безбожных зловѣрий», при этом, однако, дополняясь «двусторонней перспективой», особенно в преамбулах дипломатических документов как языка второго порядка, уважительно сближавших конфликтующие юрисдикции в качестве особенных форм универсального закона «Бога Всевышнего» («Бога Небесного» и т.п.).

Особой «двусторонней перспективой» обладают и термин «безбожный» («безбожие»), восходящий к социальным реалиям античности и греческому слову «ἄθεος». Этой лексемой, как хорошо известно, собирательно именовались некоторые философы, Сократ и первые христиане, сходство которых состояло только в том, что они осмеивали или отрицали некоторые традиционные культовые практики и теологические представления, оказываясь в одной категории с «нечестивцами» (ἀσεβής, преступниками, святотатцами, оскорбителями могил и т.п.). Более древним значением этого слова была «оставленность богами», т.е. «несчастные» (беззащитные) сограждане, как об этом писали поэты (Пиндар, Эсхил и Софокл) [7, с. 35]. От Платона до нас дошла первая попытка описать шесть основных типов «нечестивцев» и систематизировать их наказания от «увещевания» до «смертной казни» (Νόμοι, 354 год до н.э.). Через 2000 лет свои шесть форм «аѳеистов» и «аѳеизма» представил в трактате «Рассуждение о безбожии» (1730, 1784) архиепископ Феофан (Прокопович), деливший их на скептиков, догматиков, стоиков, аристотеликов, эпикурейцев и спинозистов. Все они противостояли «Всероссийской Церкви» и «грекороссийскому исповеданию», поддерживаемым властями в качестве «закона», «вѣры» и «религии» в Российской империи до 1917 года, когда новым «законом» становится «воинствующее безбожие», а все «вѣры», «культы» и «религии» переходят в статус «врагов народа», явно или тайно враждебных идеалам «строителей коммунизма» и «первого в мире атеистического общества». Принудительная «вѣра», выход из которой был государственным преступлением вплоть до 1905 года, сменилась не менее принудительным «атеизмом», радикально изменившим отечественную культуру за 70 лет советской власти.

Формирование современной Российской Федерации и новая Конституция (1993) утвердили «свободу совести» в качестве новой принудительной юридической нормы. Последней противостоят множество идеологических и конфессиональных «эксклюзивизмов», представленных в массмедиа и конфликтующих между собой за влияние. Они выражают неустранимые разногласия в обществе, элитах и субкультурах по поводу ряда практик, опирающихся на те или иные трактовки значений терминов «религия» и «атеизм». Последние требуют глубокого обоснования с позиций философии религии и философского религиоведения, рассматривающих возможность обретения той или иной согласованности «двусторонних перспектив» как в понимании «научной истины», так и «положения личности в вечности» (А.Ф.Лосев, Диалектика мифа, 1930). Перспективной в этой связи представляется концепция «аутопойетических» систем Н.Лумана, позволяющая видеть в «религии» и «атеизме» не «выдумку мракобесов» или «преступные домыслы безбожников», но сосуществующие социальные феномены, проходящие сквозь всю известную нам историю человечества.

Согласно Луману, «религия» и «атеизм» выступают не как «предмет», но как «горизонт», т.е. как нечто «недостижимое», в свете чего «не остается никакой другой возможности, кроме одной – конструировать реальность и при случае: наблюдать наблюдателей в том, как они конструируют реальность» [8, с. 17]. В современной культуре «такие различения как истинное – неистинное, хорошее – дурное, правовое – неправовое уже не могут быть приведены к согласию – что стало очевидным» [9, с. 162]. Понимание невозможности построения единственной «метафизической модели бытия» и нахождения позиции одного «истинного наблюдателя», ведет к признанию того, что атеизм, религия, философия, наука и т.п. больше не могут, как это было ранее, рассматриваться как то или иное «искажение реальности». Они могут быть поняты как специфические «символические конструкции», каждая из которых дифференцируется одна от другой, однако если сегодня «ученые могут быть абсолютно убеждены, что они лучше знают реальность», чем, к примеру, она изображается в «массмедиа», то это основывается только на доминирующем сегодня «общественном настроении», поскольку «общество принимает научные описания за аутентичное познание реальности» [8, с. 19].

Загадочность феномена религии, невозможность формулировки строгих научных определений ее «сущности» и «природы», многократно отмеченные исследователями, Н.Луман объяснил парадоксаль-

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00935.

ной возможностью «знания о непознаваемом», невозможного по самому самоопределению, которое, однако, стремится познать то, что ею же самою признается принципиально непознаваемым – «природу тайного, божественного», ибо *«с*акральное невозможно найти в природе, оно конституируется как тайна», т.е. *религия выражает «тайну» бытия человека в мире как «с*вязывание с начальным», что и составляет природу «'religio' в самом широком смысле слова, в каких бы культурных обликах она не выступала» [9, с. 250]. В таком понимании слово «религия» выступает в предельно широком значении, охватывающем древнейшие (изначальные, базовые) символические системы, которые дифференцировались вместе с самим человечеством, выполняя функцию превращения пугающей неопределенности мира в определенность ритуала и мифолого-теологического представления. Появление самого слова, обозначавшего «тайное», «непостижимое», то есть то, что «сопротивляется языку», было совершенно необходимо для того, чтобы лингвистически маркировать саму сферу неизвестного, непонятного и, соответственно, опасного, т.е. с абсолютной необходимостью нуждающегося в наименовании и обозначении, поскольку только язык символически осваивает мир, и то, что не названо, оказывается не существующим, т.е. назвать «неназываемое» возможно потому, что «сопротивление языку может осуществляться только посредством самого языка» [8, с. 153]. Луман отмечал, что «в ее истоках религию лучше всего понимать, интерпретируя ее как некую семантику и практику, имеющую дело с различением чего-то знакомого и незнакомого… Это различение понимается как подразделение мира, проводимое без соосмысления того, что для каждого наблюдателя, поселения или рода оно разнится. Тем, что религия дает незнакомому проявляться в знакомом, она делает доступным его недоступность, она формулирует и практикует мировое состояние той или иной общественной системы, которая видит себя окруженной пространством и временем неизвестности» [9, с. 249].

Литература:

1. Философия/Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.4/ Пер. с нем. и доб. О.Н. Трубачева. – 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
2. Религия/Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.3/ Пер. с нем. и доб. О.Н. Трубачева. – 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
3. Атеист/Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.1/ Пер. с нем. и доб. О.Н. Трубачева. – 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1987. 592 с.
4. Ярхо В.Н. Была ли у древних греков совесть? (К изображению человека в аттической трагедии)// Античность и современность. М., 1972, с. 251-263.
5. Словарь русского языка, Вып 1. М.Наука, 1975. 375 с.
6. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными// http://ecsocman.hse.ru/data/797/836/1219/006_Habermas_45-53.pdf
7. Шахнович М.М. Парадоксы античного атеизма: проблемы и мнения. Диспут. 1992, 1. С.32-46.
8. Луман, Н. Реальность массмедиа: пер.с нем. А.Ю.Антоновского - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 240 с.
9. Луман, Н. Кн.2: Медиа коммуникации//Общество общества: пер.с нем. А.Глухов, О.Никифоров - М.: Изд-во «Логос», 2011. С.203-441.

Научный реализм и тезис существования

Безлепкин Е.А.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск).
Кандидат философских наук, научный сотрудник

evgeny-bezlepkin@mail.ru

Аннотация: Концепции научного реализма зависят от принятого понимания «тезиса существования». Формулировка реалистской гипотезы, включающей утверждение о существовании объективной реальности, предполагает разделение содержания этой гипотезы на две составляющие: «тезис существования» (объект должен быть определен для того, чтобы играть конструктивную роль в онтологии) и «тезис независимости» (объект существует независимо от деятельности сознания). На основе краткого исторического анализа определений существования мы предполагаем, что термин «тезис существования» является относительным и зависит от принятых метафизических установок. Определение существования, предложенное Д. Россом на основании его интерпретации концепции реальных паттернов Д. Деннета, в большой степени инвариантно относительно различных метафизических интерпретаций тезиса существования.

Ключевые слова: определение существования, тезис существования, метафизическая установка

Scientific Realism and Existential Dimension.

Bezlepkin E.A.

Institute for the Philosophy and Law BS RAS (Novosibirsk)

Abstract: Different concepts of scientific realism depend on the accepted understanding of the “existence dimension”. The formulation of a realistic hypothesis, including the statement about the existence of objective reality, involves the separation of the content of this hypothesis into two components: the “existence dimension” (an object must be defined in order to play a constructive role within the ontology) and the “independence dimension” (an object exists independently of activity of consciousness). Based on a brief historical analysis of the definitions of existence, we assume that the term “existence dimension” is relative and depends on accepted metaphysical commitments. The definition of existence, proposed by D. Ross on the basis of his interpretation of the concept of real patterns by D. Dennett, is largely invariant with respect to various metaphysical interpretations of the existence dimension.

Keywords: definition of existence, existential dimension, metaphysical commitment

[i] Классическое определение реализма приводит Р. Херст: “[Реализм] – это точка зрения, согласно которой материальные объекты существуют внешним по отношению к нам образом и независимо от данных нам ощущений. Реализм, таким образом, противопоставляется идеализму, который предполагает, что не существует таких материальных объектов или что внешняя реальность не существует вне нашего сознания или знания относительно нее, и что все существует, в определенном смысле, зависимым от сознания образом” [1, с. 77]. В то же время, в современной философии науки (в первую очередь, после и в контексте работ Х. Патнэма) под научным реализмом понимается точка зрения, согласно которой теоретические сущности, постулируемые лучшими научными теориями, существуют. Отметим, что любая концепция научного реализма (как вариант ответа на вопрос «о том, что есть») исторична и зависит от принятого понимания «существования». Следуя самому общему представлению (см., например, [2]), формулировка реалистской гипотезы, включающей утверждение о существовании объективной реальности, предполагает разделение содержания этой гипотезы на две составляющие: «тезис существования» (объект должен быть определен для того, чтобы играть конструктивную роль в онтологии) и «тезис независимости» (объект существует независимо от деятельности сознания). Наш тезис заключается в том, что, хотя содержание «тезиса существования» и является относительным и зависит от принятых в конкретную эпоху метафизических установок, в идеале, сама формулировка

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики».
The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00120 «A Metaphysical Foundations for Natural Science Ontology: Real Patterns and Metametaphysics Project».

тезиса существования может не зависеть (быть крайне опосредованной) от определения существования.

Античная философия в лице Аристотеля поставила вопрос о том, что такое сущность и какие виды сущностей можно выделить. Сущность определяется лингвистически как то, что не сказывается ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем. Аристотель выделяет первичные сущности (конкретные понятия, например, этот человек) и вторичные сущности (абстрактные понятия, например, человек разумный). С точки зрения метафизического наполнения тезиса существования, стоит признать, что именно Аристотель подготовил саму постановку вопроса о связи определения «существования» и «тезиса существования». Р. Декарт, определял существование как: «существовать – значит быть помысленным ясно и отчетливо». Такая реконструкция, в первую очередь, связана его метафизической установкой – дуализм, cogito, опора на Бога при выведении существования внешнего мира и т.д. Р. Декарт писал: «Столь нелепо полагать несуществующим то, что мыслит, в то время, пока оно мыслит, что, невзирая на самые крайние предположения, мы не можем не верить, что заключение я мыслю, следовательно, я существую истинно и что оно поэтому есть первое и вернейшее из всех заключений, представляющееся тому, кто методически располагает свои мысли» [3, с. 239]. Дж. Беркли вводит другой тезис: «существовать – значит быть воспринимаемым», он пишет: «Я говорю: стол, на котором я пишу, существует, – это значит, что я вижу и осязаю его; если бы я находился вне моего кабинета, то также бы сказал, что стол существует, разумея тем самым, что, находясь в моем кабинете, я мог бы воспринять его, или же что какой-либо другой дух действительно воспринимает его… то, что говорится о безусловном существовании немыслящих вещей без какого-либо отношения к их воспринимаемости, для меня совершенно непонятно» [3, с. 514]. У И. Канта вопрос о существовании ноуменов (объектов внешнего мира) вообще не может быть поставлен, ввиду постулирования принципиальной непознаваемости внешнего мира. Существование же феноменов тривиально, поскольку он являются конструкциями нашего познавательного аппарата. Л. Фейербах, один из родоначальников материалистической философии, постулировал, что пространство и время – основные атрибуты сущего, или субстанции, из чего делал следующий вывод: «только существование в пространстве и времени есть существование» [4, с. 467]. В период лингвистического поворота У. Куайн предложил следующий тезис: «*существовать – значит быть значением связанной переменной*» [5, с. 330]. Существуют только такие объекты, которые являются поименованными, поэтому *существовать* – это то же самое, что *быть* поименованным. Отметим, что свое определение существования У. Куайн сформулировал в соответствии со своим же тезисом об онтологической относительности: наше знание об объектах обусловлено теми научными теориями, которые мы используем. Существование объектов вне контекста языка и теории бессмысленно. Предпочтение одних онтологических моделей другим объясняется с точки зрения прагматики. Отметим, что представления У. Куайна в значительной степени отличаются от того, как до него связывалось определение существования и тезис существования. Тезис существования становится все более универсальным, не зависящим от конкретной метафизической установки, – он опосредован понятием «научная теория».

Ответом на лингвистический поворот стал тезис о первичности метафизики, в рамках которого появился проект натурализации метафизики (см., например, [2]). В этом контексте интересно предложенное Д. Россом определение существования, которое, в свою очередь, опирается на концепцию реальных паттернов Д. Деннета. По Д. Деннету, реальные паттерны – это устойчивые элементы, которые мы выделяем из некоторого набора данных как описания, которые являются более продуктивными, чем поэлементное представление самих данных из заданной области, независимо от того, может ли кто-либо его [паттерн] зафиксировать (см.: [6, p. 34]) К примеру, понятие импульс (масса тела, умноженная на скорость) является паттерном, поскольку это понятие приводит к новому более продуктивному описанию механической системы в терминах уравнений Гамильтона. Вот, что пишет Д. Росс: «Существовать – значит быть реальным паттерном; паттерн является реальным, если (i) он может быть спроецирован (на другие данные), с использованием по крайней мере одной физически возможной теории; (ii) он содержит [нетривиальную] информацию по крайней мере об одном структурированном событии или объекте S. При этом эта информация (закодированная в теоретико-информационных терминах) является более продуктивной, нежели поэлементное исходное представление объекта S посредством набора данных, в том смысле, что в рамках заданной проекции, отвечающей выбранной физически возможной перспективе, существует такой аспект S, который невозможно было бы проследить, если бы данная (теоретическая) перспектива не была бы зафиксирована» [7, p. 161] (Цит по: [8, с. 7]). На основании приведенной интерпретация концепции реальных паттернов Д. Деннета, как концепции существования, Дж. Лэдимен построил свою концепцию научного реализма – теоретико-информационный структурный реализм [9]. Примечательно то, что «тезис существования» Дж. Лэдимена опирается на понятие «проекция» (паттерн может существовать только в рамках заданной физически возможной перспективы), а также на два общефилософских принципа: принцип «натуралистического замыкания» (принятие метафизической установки определтся ее эффективностью в плане унификации научного знания) и принцип «первичности физики» (любая конкретно-научная гипотеза не должна противоречить фундаментальной физике) (Цит по: [8, с. 12]). Можно сказать, что Дж. Лэдимен делает шаг в том же направлении, что и У. Куайн, еще больше разделяя метафизическую установку (определение существования) и тезис существования. В докладе будет показано, что линия Куайна-Лэдимена может быть продолжена. Тезис существования для современного научного реализма, например, должен включать такие важные представления как несимметричное отношение онтологической зависимости между объектами на различных «уровнях описания» реальности и модальное представление об онтологии, и в целом – быть объектом исследования мета-метафизики (см.: [10]). Предполагается, что именно интерпретация определения Д. Росса позволит построить наиболее универсальный (наименее зависимый от метафизической установки) тезис существования.

Литература:

1. Hirst R. Realism // The Encyclopedia of Philosophy / Ed. by P. Edwards. Macmillan, 1967. P. 77-79.
2. Devitt M. Realism and Truth. Princeton University Press, 1997.
3. Антология мировой философии. В 4 томах. Том 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Ред. коллегия: В.В. Соколов и др. / М.: Мысль, 1970.
4. Антология мировой философии. В 4 томах. Том 3. Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. / Ред. коллегия: И.С. Нарский и др. М.: Мысль, 1971.
5. Куайн У. Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: Становление и развитие / Ред. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 322–342.
6. Dennett D. Real Patterns // Journal of Philosophy. 1991. Vol. 88. P. 27–51.
7. Ross D. Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence // Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment / Ed. by A. Brook, D. Ross, D. Thompson. MIT Press, 2000. P. 147–168.
8. Головко Н.В. Натуралистический поворот: Научная метафизика, Д. Деннет и Д. Росс // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 4. С. 5-17.
9. Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford University Press, 2007.
10. Tahko T. An Introduction to Metametaphysics. Cambridge University Press, 2016.

Реальные паттерны Д. Деннета как модальная онтология науки

Головко Н.В.

Новосибирский государственный университет, зав. каф. онтологии, теории познания и методологии науки. Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

golovko@philosophy.nsc.ru

Аннотация: Цель доклада – рассмотреть вопрос о природе модальности утверждений о существовании реальных паттернов в концепции реальных паттернов Д. Деннета. В рамках концепции Д. Деннета, достоверность паттерна определяется статистически, в терминах успешности предсказаний, связанных с выделением данного паттерна из данного набора данных, а значит модальность утверждений о существовании паттерна будет задаваться совокупностью априорных и апостериорных рассуждений, связанных с пониманием «метафизической необходимости», раскрывающей сущность паттерна, а также онтологический статус соответствующего устанавливающего истину.

Ключевые слова: реальные паттерны, модальная онтология, укоренение, интенциальная позиция, предсказательный успех, метафизическая необходимость, сущность

D. Dennett's Real Patterns as a Modal Ontology of Science.

Golovko N.V.

Novosibirsk State University - Institute of the Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

Abstract: The paper aims to consider the nature of modality of the statements about the existence of real patterns within the Dennett's real patterns concept. Within the Dennett's concept, the reliability of a pattern is determined statistically, in terms of the success of the predictions associated with it when discerning a given pattern from a given data set, which means that the modality of statements about the existence of a pattern will be determined by a combination of a priori and a posteriori reasoning related to understanding of the "metaphysical necessity" that reflects the essence of the pattern, as well as of the ontological status of the corresponding truth-maker.

Keywords: real patterns, modal ontology, grounding, intentional stance, predictive success, metaphysical necessity, essence

[i]Работу Д. Деннета «Реальные паттерны» [1] без преувеличения можно назвать одной из самых влиятельных работ в современной метафизике науки. Без нее, если бы в свое время концепция реальных паттернов не была бы построена Д. Деннетом, и если бы она не была бы проинтерпретирована Д. Россом как фундаментальная концепция существования [2], то, рискнем предположить, – «онтический структурный реализм» Дж. Лэдимена (концепция, сама по себе достойная внимания) никогда бы не трансформировался бы в «теоретико-информационный структурный реализм» Дж. Лэдимена [3] – лидирующую (и по количеству решаемых проблем, и по уровню аргументации, и по степени фундаментальности базовых допущений) метафизическую концепцию научного реализма. Значительная часть успеха – универсальность концепции реальных паттернов Д. Деннета, которую подметил Д. Росс, сформулировав свое определение существования в терминах реальных паттернов и оставив открытым вопрос о том, как можно было бы интерпретировать различные составляющие этого определения («паттерн», «проекция», «информационное содержание», «условия существования» и т.д.). Именно этим впоследствии и воспользовался Дж. Лэдимен [4]. Независимо от построений Д. Росса, можно было быть уверенным в том, что концепция реальных паттернов Д. Деннета задает свою модальную онтологию. Ниже мы отдельно остановимся на онтологии Д. Деннета и покажем, в каком смысле следует понимать ее модальный характер, и чем, например, представление о модальности, которое можно было бы приписать деннетовскому определению реальных паттернов, отличается от представлений о природе модальности утверждений о существовании реальных паттернов в концепции Дж. Лэдимена [3].

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики».
The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00120 «A Metaphysical Foundations for Natural Science Ontology: Real Patterns and Metametaphysics Project».

Как отмечает Д. Деннет: «Были ли, или нет, Освальд и Руби в сговоре – это факт, даже если он никогда не будет раскрыт. Это не просто предмет выбора того, какая история больше подходит для данной аудитории» [5. P. 234]. В общем случае, паттерн определяется как «отношение между данными»: «реальные паттерны» – это устойчивые элементы, которые мы выделяем из некоторого набора данных, «как описания, которые являются более продуктивными (efficient), чем тривиальное (bit-map) представление заданной области, независимо от того, может ли кто-либо его [паттерн] зафиксировать (concoct)» [1. P. 34]. Находясь в рамках данной «интерпретирующей перспективы» (у Д. Деннета – «stance») у нас может и не быть средств, чтобы «распознать» паттерн, но это не значит, что мы не «увидим» его, находясь в другой. И, в этом смысле, реальные паттерны могут существовать объективно, т.к. существуют независимо от нас. На наш взгляд, ключом к понимаю того, в каком смысле онтологию паттернов Д. Деннета можно рассматривать как модальную онтологию, являются более ранние работы, такие как «Механизм и ответственность» [6. P. 251–274], «Как изменить сознание» [6. P. 323–332] или «Искренне убежденные» [7]. Вот как он описывает «интенциальную позицию»: «во-первых, мы полагаем, что субъект, чье поведение предсказывается, ведет себя как рациональный агент; далее, мы предполагаем, какие убеждения должен иметь этот агент, учитывая его состояние, место в мире и цели. Затем мы предполагаем, какие желания он должен иметь, при тех же допущениях, и, наконец, мы делаем прогноз относительно того, что должен делать агент для достижения поставленных целей в свете своих убеждений» [7. P. 17]. Интенциальна позиция и является той «интерпретирующей перспективой», относительно которой задается паттерн. Мы используем интенциальную позицию для того, чтобы получить информацию о паттерне, которую потом используем для того, чтобы делать предсказания. Без этого, если паттерн не является значимым с точки зрения выдвижения предсказаний, определять (выделять из данного набора данных) паттерн бессмысленно. В частности, именно этот момент потом подчеркнет Дж. Лэдимен, настаивая на том, что «паттерн несет информацию относительно по крайней мере еще одного паттерна» [2. P. 228] (наша рецепция существования «второго паттерна» дана в работе [8]). Тоже самое справедливо и для определения «значимых характеристик» паттерна (шар – «круглый»), независимо от того, какую метафизическую позицию по вопросу о соотношении объекта и репрезентирующих его характеристик мы принимаем. Они сами являются паттернами, которые отвечают своим наперед заданным «позициям» (мы определяем нечто как «круглое» по способности, например, предмета катиться по наклонной плоскости). В этом смысле, проблема, на существовании которой настаивает Дж. Хогеланд, что «непонятно, о чем собственно говорит Деннет, – о паттернах или об их элементах», на самом деле, является псевдопроблемой, следующей за тем, что Дж. Хогеланд еще не готов рассматривать онтологию исключительно в терминах реальных паттернов [9. С. 60]. Что можно сказать о природе модальности утверждений о существовании паттернов?

Вопрос о природе модальности, в данном случае, это вопрос о метафизической необходимости. Понятие «метафизическая необходимость» возьмем у Э. Лоу: «метафизическая необходимость укоренена в сущности», что значит, что «метафизическая модальность редуцируется к сущности» [10. P. 938] в том смысле, что «истинна о метафизической необходимости или возможности производна от сущности» [10. P. 947]. Следуя Э. Лоу «сущность» предшествует существованию и при этом, сущность следует понимать как «реальное определение» объекта, фиксирующее «то, что есть объект». В этом смысле, определение «сущности» («понимание того, что есть объект»), равно как и решение вопроса о достаточности этого определения – это «циклический процесс, в котором априорные и апостериорные рассуждения сменяют друг друга по очереди» [там же]. В концепции Д. Деннета, достоверность паттерна определяется статистически, в терминах успешности предсказаний, связанных с вычлененим данного паттерна из данного набора данных, а значит модальность утверждений о существовании паттерна будет задаваться совокупностью априорных и апостериорных рассуждений, связанных с пониманием «метафизической необходимости», раскрывающей сущность как паттерна. Мы покажем, что пропозиция, выражающая реальное определение или сущность объекта, так или иначе, будет соответствовать своему устанавливающему истину, онтологический статус которого (а здесь мы говорим об объектах, постулируемых успешными научными теориями), не нарушая общности рассуждений, можно будет привязать к научному реализму М. Девитта [11].

Литература:

1. Dennett D. Real Patterns // Journal of Philosophy. 1991, vol. 88, pp. 27–51.
2. Ross D. Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence / In: A. Brook, D. Ross, D. Thompson (Eds.) Dennett's

Philosophy: A Comprehensive Assessment. MIT Press, 2000., pp. 147–168.
3. Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford University Press, 2007.
4. Головко Н.В. Д. Деннет и научный реализм: подтверждение следствия и тезис существования с проецируемостью // Сибирский философский журнал. 2018, том 16, № 4, с. 26–35.
5. Dennett D. Back from the Drawing Board / In: B. Dahlbom (Ed.) Dennett and his Critics. Blackwell, 1993. pp. 203–235.
6. Dennett D. (Ed.) Barinstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology. MIT Press, 1981.
7. Dennett D. True Believers / In: D. Dennett (Ed.) The Intentional Stance. MIT Press, 1987, pp. 13–35.
8. Головко Н.В. Дж. Лэдимен и Э. Лоу: паттерны, сущность и установление истины // Сибирский философский журнал. 2019, том 17, № 4, с. 63–77.
9. Головко Н.В. Еще раз о Д. Деннете и паттернах: Г. Рейхенбах, Дж. Хогеланд и новый эмпиризм // Сибирский философский журнал. 2017, том 15, № 2, с. 53–67.
10. Lowe E. What is the Source of our Knowledge of Modal Truths? // Mind. 2012, vol. 121, pp. 919–950.
11. Devitt M. Realism and Truth. Princeton University Press, 1997.

Зигзаги истории науки и проблема научного реализма

Кузин И.А.

Школа философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», преподаватель. Кандидат философских наук

ikuzin@gmail.com

Аннотация: Недавний спор относительно научного содержания книги Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта» подтвердил адекватность метафоры зигзага по отношению к истории реакции Вассермана. «Зигзаги» истории науки и невоспроизводимость ранних экспериментов рассматриваются мною как указание на применимость храповиковой модели научного прогресса. Храповиковая модель заимствована из эволюционной биологии, она позволяет объяснять глобальный прогресс через случайное блуждание в пространстве возможностей, если имеются отражающие «стенки». Намечена следующая рациональная реконструкция истории реакции Вассермана: первая стенка – открытие реакции связывания комплемента, вторая – установление реакции Вассермана как способа детекции сифилитического антитела (но не антигена), третья стенка – установление реакции Вассермана как обладающей адекватной чувствительностью (но не специфичностью).

Ключевые слова: Л. Флек, научный реализм, рациональная реконструкция, социальный конструктивизм, храповиковая модель научного прогресса, эволюционная эпистемология.

Zig-zags of history of science and the problem of scientific realism.

Kuzin I.A.

National Research University Higher School of Economics, School of Philosophy

Abstract: “Zigzags” of history of science and the irreproducibility of early experiments are considered as a sign of the ratchet model which allows one to explain progress through random walk in a possibility space, if there are reflecting “walls”. In case of the Wasserman reaction depicted in the famous L. Fleck’s book the first wall is the discovery of the complement binding reaction, the second one is the establishment of the Wasserman reaction as a method for detecting syphilitic antibody (but not antigen), the third wall is the establishment of the Wasserman reaction as having an adequate sensitivity (but not specificity).

Keywords: evolutionary epistemology, L. Fleck, ratchet model of scientific progress, rational reconstruction, scientific realism, social constructivism.

«С Вассерманом и его сотрудниками случилось то же, что некогда с Колумбом: они искали свою Индию и были убеждены, что нашли дорогу к ней, а открыли свою Америку. Мало того, они не шли последовательно в каком-то одном направлении, но делали зигзаги, меняя маршрут», - так звучит один из выводов книги польско-израильского врача и биолога Людвика Флека «Возникновение и развитие научного факта», изданной в 1935 году [1, с. 92]. Флек рассматривает историю связи реакции Вассермана с сифилисом [1, с. 26] (далее обозначаемой мной сокращенно «история RW»). Флек делает вывод, что открытие (или изобретение) этого факта не может объяснено «ни логически, ни экспериментально» [1, с. 120], факт является «сигналом сопротивления мыслительного коллектива» [1, с. 124]. Представители STS (Science and Technology Studies) признают [2, с. 312] Флека в качестве предшественника и высоко оценивают его главную работу. В целом аббревиатура STS объединяет сторонников социального конструктивизма, таким образом Флека можно рассматривать как предшественника этой радикальной формы антиреализма.

После переоткрытия (издания на английском языке с предисловием Томаса Куна) в 1979 году книга Флека приобрела статус классики, при этом в готовом виде использовались социологические и философские выводы автора, в то время как лежащее в их основе научное содержание работы, будучи весьма неясным, почти не подвергалось анализу [2, с. 312]. Научный комментарий отсутствует и в русскоязычном издании «Возникновения…» [1]. Активное публичное обсуждение данной проблемы началось во второй половине 2000-х годов, когда шведский иммунолог и историк науки Ева Хедфорс выпустила ряд статей, в которых представила Флека как аутсайдера как по отношению к науке, так и по отношению к философии своего времени [например, 3]. В данном докладе я не буду обсуждать обо-

снованность тезисов Хедфорс и их значение для оценки работ Флека (позиция аутсайдера, внешнего наблюдателя может быть связана с определенными преимуществами). Важно, что споры вокруг работ Хедфорс привели к более адекватной реконструкции научного аспекта истории RW. Эта реконструкция была произведена с позиций STS в статье нидерландского историка и философа науки Хенка ван ден Бельта в 2011 году [2]. Оспорив многие тезисы Флека, в том числе о коллективном характере субъекта науки, ван ден Бельт оставляет как достоверный тезис о зигзагообразном характере истории науки: «… из ложных посылок и невоспроизводимых начальных экспериментов, после множества ошибок и ложных ходов, возникло открытие огромной важности» [1, с. 99].

На мой взгляд, этот остающийся «в сухом остатке» тезис зигзагообразности позволяет интерпретировать историю RW, являющуюся в каком-то смысле краеугольным кейсом STS, в реалистическом ключе, в соответствии с предложенной мной ранее храповиковой (ratchet) моделью научного прогресса [4]. Данная модель была предложена по аналогии с моделями прогресса в эволюционной биологии, поэтому ее можно считать относящейся к эволюционной эпистемологии. Под храповиком здесь понимается механизм, не препятствующий движению в прямом направлении, но допускающий движение в обратном направлении лишь в ограниченных пределах. Возможна и более вольная метафора: пьяный человек, которого выгнали из бара, будет с равной вероятностью совершать шаги в сторону от бара и по направлению к бару, но так как обратно в бар его не пустят, то со временем вероятность обнаружить пьяного вдали от бара будет увеличиваться. Если в результате пьяный упадет в канаву, то он продолжит случайное блуждание, но ограниченное новой «отражающей стенкой». Значение храповиковой модели в том, что она позволяет объяснять наличие глобального тренда (увеличение сложности в ходе биологической эволюции или приближение к истине в истории науки) в отсутствие локальной тенденции (если при видообразовании сложность организмов с равной вероятностью уменьшается или увеличивается, если в ходе решения конкретных проблем ученые с равной вероятностью приближаются к истине или отдаляются от нее) за счет фундаментальных ограничений (организмы не могут быть проще самых первых организмов, невозможен возврат организмов от истинной многоклеточности к одноклеточности, невозможно нарушение учеными хорошо подтвержденных законов/фактов).

На мой взгляд, простота предпосылок храповиковой модели (не уступающая, скажем, простоте предпосылок классической эволюционной эпистемологии науки, основанной на аналогии с естественным отбором) должна обеспечивать ее реализуемость в развитии науки, хотя бы в качестве одного из механизмов, действие которого суммируется с действием других механизмов развития науки и дает на выходе наблюдаемую историю науки. Какие признаки указывают на возможность реконструкции эпизода истории науки в соответствии с храповиковой моделью? Ранее я считал самым заметным ее аспектом возникновение в ходе развития науки «стенок», последовательно ограничивающих «случайное блуждание» и соответствующих фундаментальным запретам. Из этих соображений храповиковая модель была проиллюстрирована на материале истории термодинамики и энергетики, важнейшими вехами в которой были запрет вечных двигателей первого рода и запрет вечных двигателей второго рода, причем первый запрет был сформулирован (поначалу в неполном виде) раньше второго [4]. В данном докладе я хочу показать на материале истории RW, что признаком применимости храповиковой модели может быть описание истории некоторой научной области как «зигзагообразной» и невоспроизводимость ранних экспериментов в этой области.

Опираясь на работы [1, 2, 5] и другие, я намечаю следующую рациональную реконструкцию истории реакции RW. Первое фундаментальное положение (первая стенка), задающая саму область исследований – это открытие реакции связывания комплемента (реакции Борде-Жангу) в 1901 году. Реакция связывания комплемента позволяла в ряде случаев определять как наличие в образце антигена (например, инфекционного происхождения), так и наличие антител к этому антигену в крови человека. История реакции Вассермана начинается в 1906 году, когда была поставлена задача модификации реакции связывания комплемента для диагностики сифилиса. В коллективе, возглавляемом крупным немецким микробиологом Августом Вассерманом, было показано, что связывание комплемента происходит с очень высокой специфичностью (отсутствие ложноположительных результатов) и высокой чувствительностью (малая доля ложноотрицательных результатов) при определении сифилитического антигена, но с низкой чувствительностью при попытках обнаружить сифилитическое антитело. Поэтому реакция, впоследствии названная реакцией Вассермана, поначалу была интерпретирована как способ обнаружения сифилитического антигена, а не сифилитического антитела (первый большой «зигзаг»). Однако в 1907 году другие исследователи показали, что RW вовсе не является специфичной по отношению к антигену. Поначалу Вассерман и его сотрудники пытались оспорить эти результаты, но затем были вынуждены их признать. Первые попытки модификации реакции связывания комплемента для диагностики сифилиса и соответствующие споры я рассматриваю как случайное блуждание между двумя альтернативными интерпретациями этих попыток: как способа обнаружить сифилитический антиген и способа обнаружить сифилитическое антитело. В 1907 году бывшему сотруднику Вассермана Юлиусу Цитрону удалось повысить чувствительность обнаружения сифилитических антител с 19% до 78%, в дальнейшем она была увеличена еще больше. Данное событие я рассматриваю как вторую «стенку» (второе фундаментальное достижение). После него реакцию Вассермана стали рассматривать как способ обнаружения сифилитических антител, а не антигенов.

В качестве третьей «стенки» я предлагаю рассматривать события, произошедшие уже после публикации книги Флека, как они описаны в статье польского историка медицины и биологии, специалиста по Флеку Иланы Лёви [5]. В 1940-е годы была поставлена под сомнение высокая специфичность RW. Самым убедительным аргументом стало создание в 1949 году первого теста, позволяющего напрямую обнаруживать антитела против возбудителя сифилиса – бледной трепонемы (тест Нельсона). Интересно, что в период с 1906 по 1940 год высокую специфичность RW никто не оспаривал, любые противоречащие этому тезису данные приписывали ошибкам в постановке эксперимента. В этот период были написаны тысячи статей, посвященных реакции Вассермана, но ни одна из них не могла быть истолкована как веское свидетельство в пользу ее низкой специфичности. Сам Флек писал, что в ходе улучшения реакции Вассермана исследователи пытались то повысить ее чувствительность, то ее специфичность [1, с. 95-96]. Эти колебания я рассматриваю как случайные блуждания между данными двумя альтернативами. Ретроспективно эти блуждания были связаны с ошибочной интерпретацией реакции Вассермана как высокоспецифичной, я описываю это обстоятельство как второй большой «зигзаг». С 1950-1960-х годов RW рассматривается как обладающая «адекватной чувствительностью, но очень низкой специфичностью» [5, с. 85].

Как было указано выше, оба зигзага истории RW были сопряжены с экспериментами, впоследствии признанными недостоверными. Мы лишь отчасти можем объяснить эти эксперименты, указав на особенности их проведения, в значительной мере они оказываются необъяснимыми и потому «поразительными» [2, с. 319]. На мой взгляд, невоспроизводимость экспериментов, предшествующих возникновению «стенки», косвенно указывает на фундаментальность открытия, соответствующего стенке (это открытие приводит к необратимому пересмотру всего корпуса знания соответствующей научной области).

Литература:

1. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стилю мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
2. van den Belt H. The collective construction of a scientific fact: A re-examination of the early period of the Wassermann reaction (1906–1912) // Social epistemology. 2011. Vol. 25. No. 4. P. 311-339.
3. Hedfors E. The reading of Ludwik Fleck: Questions of sources and impetus // Social Epistemology. 2006. Vol. 20. No 2. P. 131-161.
4. Кузин И.А. Совместима ли эволюционная эпистемология науки с научным реализмом? // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLVI. № 4. С. 163-179.
5. Löwy I. Testing for a sexually transmissible disease, 1907–1970: The history of the Wassermann reaction // AIDS and contemporary history / Ed. by V. Berridge and P. Strong. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 74–92.

Научный реализм: метафизическая необходимость и метафизическая модальность

Овчинников С.Е.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), Новосибирский государственный университет - младший научный сотрудник

step.ovch@gmail.com

Аннотация: Э. Лоу понимает метафизику как область исследования возможных отношений между сущностями объектов. Мы, вслед за Т. Вильямсом полагаем, что метафизическая модальность определяется множеством контрфактических утверждений, фиксирующих данное положений дел, ограниченных заданным пониманием метафизической необходимости. Нарушение метафизической необходимости возникает вследствие противоречия при построении контрфактического суждения, которое, в свою очередь, возникает вследствие того, что нарушается необходимое отношение между свойствами объектов, задающих данное положение дел. Следуя Э. Лоу, свойства объекта предлагается считать метафизически укорененными в сущности объекта, что делает возможным рассматривать онтологии научных теорий в реалистском ключе, поскольку метафизическую необходимость и метафизическую невозможность определенных положений дел определяют сущности объектов, а не эмпирические свойства объектов, которые доступны исследователям. В докладе будет показано, как можно проинтерпретировать связь между метафизической необходимостью по Э. Лоу и метафизической модальностью по Т. Уильямсону на примере специальной и общей теорий относительности в русле их реалистской интерпретации.

Ключевые слова: модальная эпистемология, сущность, положение дел, научный реализм

Scientific realism: metaphysical necessity and metaphysical modality.

Ovchinnikov S.E.

Institute of the Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk) - Novosibirsk State University

Abstract: E.J. Lowe understands metaphysics as a field of study of possible relations between essences of entities. We are following T. Williamson's idea that metaphysical modality is determined by a set of counterfactual statements that describe the state of affairs, limited by a given understanding of metaphysical necessity. Violation of metaphysical necessity arises as a result of a contradiction in constructing a counterfactual judgment, which, in turn, arises from the fact that the necessary relationship between the properties of the objects that constitute this state of affairs is violated. Following E.J. Lowe, the properties of an object are metaphysically grounded in the essence of it, that makes it possible to consider the realist stance of the ontologies of scientific theories, since the metaphysical necessity and metaphysical impossibility of a certain situations are determined by the essences of the entities, but not by their empirical properties that are conceivable by researchers. We will show how to interpret the relationships between the Lowe's metaphysical necessity and Williamson's metaphysical modality if we want to pursue the realistic interpretation of special and general theories of relativity.

Keywords: modal epistemology, metaphysical necessity, essence, state of affairs, scientific realism

[i] Э. Лоу определяет метафизику, как область возможного: «я не утверждаю, что метафизика, сама по себе, может сказать нам что есть. Скорее – в первом приближении – я полагаю, что метафизика говорит нам лишь о том, что может существовать»[1, p. 9]. Таким образом, метафизически возможное является предметом исследования модальной эпистемологии. Следуя Э. Лоу, мы отличаем метафизическую возможность от логической, поскольку последняя говорит о возможности анализируемой пропозиции, в то время как первая о возможности «положения дел» [ibid, p. 10]. В качестве примера метафизической необходимого он приводит тот факт, что «однородно окрашенная поверхность не является одновременно и красной и зеленой» [2, p. 920]. Хотя в данном примере метафизическая возможность будет совпадать с положением дел (будет истиной), тем не менее, ясно, что существует бесконечное множество метафизических возможностей, не являющихся логическими истинами. То, какая именно из возможных метафизических альтернатив реализуется, определяется при помощи эмпирического исследования. Любое положение дел описывается «двойственным» способом. С одной стороны, как предмет априорного рассуждения о метафизической возможности, а с другой, – как предмет апостериорного исследования. Подобные представления могут, например, приводить к «ограниченному конвенционализму» [3]. Поскольку эмпирический характер научного знания, так или иначе, может приводить к конвенциональной трактовке научного знания, вопрос заключается в том, – чем этот конвенционализм может быть ограничен, при условии, что метафизических возможностей, как было упомянуто, бесконечное множество.

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики».
The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00120 «A Metaphysical Foundations for Natural Science Ontology: Real Patterns and Metametaphysics Project».

Вслед за Т. Вильямсоном, мы можем предположить, что метафизическая модальность является разновидностью контрфактического знания [4], т. е. знания, выраженного в контрфактических суждениях. При этом априорные рассуждения играют в таком исследовании «разрешающую» (enabling) роль, а эмпирические (апостериорные) – «доказательную» (evidential). В тоже время, интуитивно ясно, что не все контрфактические утверждения метафизически возможны и, более того, метафизически невозможные ситуации также составляют бесконечное множество. Рассмотрим некоторое положение дел и связанные с ним утверждения – идет сильный дождь, и некто в это время вынужден выйти на улицу без зонтика. В результате апостериорного рассуждения мы можем заключить: (а) «человек промок под дождем». В тоже время, можно сделать априорное контрфактическое утверждение о метафизической возможности следующего события: (б) «человек не промок бы под дождем, если бы у него был зонт». При этом, следующее контрфактическое утверждение, по всей видимости, не будет выражать метафизическую возможность: (в) «человек не промок бы под дождем, если бы на него не попала бы ни одна капля». Этот пример аналогичен примеру, который приводит Э. Лоу: «Эллипс есть замкнутая кривая пересечения конуса и плоскости… Этим, я полагаю, выражается необходимое свойство эллипсов, а не о сущность эллипса» [2, p. 936]. Наш пример аналогичен тому, что при сечении конуса плоскостью образуется не эллипс, а, например, треугольник. Метафизическая модальность ограничена метафизической необходимостью, которая зависит от возникновения противоречия при построении контрфактического суждения. Но как такое противоречие возникает?

Реалистский вариант объяснения данной ситуации предполагает, что существуют такие сущности – «дождь», «конус» и т. д., а метафизическая невозможность является следствием того, что нарушается необходимое отношение между сущностями. Метафизическая необходимость должна выражать отношение между сущностями и их необходимыми свойствами. Мы полагаем, что в качестве такого отношения «между сущностями» можно рассматривать метафизическую укорененность. В двух словах, укорененность может быть выражена следующим образом: X укоренен в Y, если X возникает в силу Y или, если X укоренен в Y, то Y объясняет X. Сущность объекта является более фундаментальной нежели его свойства: «Представим шахматные фигуры, расставленные на доске. Есть фигуры, и есть их распределение по доске. При этом фигуры сами по себе могут существовать независимо от того, выставили ли мы их на доску, или нет. Распределение же существует только относительно конкретной конфигурации фигур, и при этом не важно, что из себя представляют фигуры. Тоже самое мы можем сказать о любой "мереологической сумме", – сумма существует, когда существуют ее части. Но делает ли это существование суммы менее фундаментальной, чем существование частей? Нет. В данном случае, сумма не является "дополнительным онтологическим объектом", т.к. мы каждый раз можем сами себе сказать, зависимость чего от чего мы сейчас будем рассматривать» [5, p. 162]. В этом примере, правила игры могут объяснять некоторую конфигурацию фигур на доске, но, конфигурация фигур ничего не говорит о правилах и никак на них не влияет. Правила игры являются более фундаментальными, чем фигуры. Если из мира удалить последние, то первые, тем не менее, останутся в сохранности, тогда как, удалив правила, мы автоматически удалим все фигуры, превратив их в объекты «странной формы». К традиционной аргументации в пользу научного реализма, связанной с тем, что истинной ту или иную метафизическую возможность делают сущности (объектов, постулированных успешными научными теориями), а не исследователи, можно добавить, что метафизические необходимыми и метафизически невозможными определенные положения дел также задают сущности посредством отношений укорененных в них необходимых свойств. В докладе будет показано, как можно проинтерпретировать связь между метафизической необходимостью по Э. Лоу и метафизической модальностью по Т. Уильямсону на примере специальной и общей теорий относительности в русле их реалистской интерпретации.

Литература:

1. Lowe E. The Possibility of Metametaphysics: Substance, Identity, and Time: Clarendon Press, 1998.
2. Lowe E. What is the Source of Our Knowledge of Modal Truths? // Mind, – 2012, – Vol. 121. – № 484. – P. 919-950.
3. Katz J. Realistic Rationalism: MIT Press, 2000.
4. Williamson T. The Philosophy of Philosophy: Blackwell, 2007.
5. Heil J. The Universe as We Find It: Clarendon Press, 2012.

Научный реализм и конструктивистский эмпиризм

А.А.Печенкин

МГУ им. М.В.Ломоносова - Философский факультет. Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт истории естествознания и техники РАН им. С.И.Вавилова.

a_pechenk@yahoo.com

Аннотация: Научный реализм как комплекс направлений в современной философии науки сопоставляется с конструктивным эмпиризмом, направлением, выдвинутым американским философом Б. ваном Фраассеном. При этом рассматривается вклад этих философских концепций в методологию интерпретации квантовой механики, а именно рассматривается критика субъективистского истолкования соотношения неопределенностей, проведенная Поппером, и модальная интерпретация, выдвинутая ванном Фраассеном.

Ключевые слова: философия и методология физики, квантовая механика, копенгагенская интерпретация, модальная интерпретация.

The scientific realism and the constructivist empiricism.

Alexander A. Pechenkin

Lomonosov Moscow State University, Department of Philosophy

Abstract: Scientific realism is taken under consideration in connection with constructive empiricism which was put forward by Bas C. van Fraassen. To make this comparison visible we consider the contribution of these two methodologies to the discussion of the interpretation of quantum mechanics. We take under consideration Popper's criticism of the standard interpretation of the uncertainty relations and van Fraassen's modal interpretation of quantum mechanics.

Key words: the philosophy of physics, quantum mechanics, Copenhagen interpretation and the modal interpretation.

1. Научный реализм

Научный реализм не следует смешивать с материализмом. Научный реализм не утверждает существование «объективной реальности, данной нам в ощущении». Научный реализм ограничивает себя утверждением о том, что научные теории представляют реальность (Грегор Максвелл, Весли Салмон и др.). Эта реальность такова, каковой ее описывают теории. Если же в теории обнаруживаются противоречия, если теория рушится под натиском фактов, то вместе с теорией под огнем критики оказывается и реальность, которую представляет эта теория. Научные революции приводят к коренным изменениям в теоретическом знании. Однако, если мы придерживаемся позиции научного реализма, мы видим в революции и крушение той реальности, которая была выражена в теориях, исчерпавших свои возможности. Мы видим также контуры новой реальности, мы начинаем различать реальность, которая придет на смену той реальности, которая казалась окончательной, незыблемой.

Что же дает позиция научного реализма в плане методологии? Во-первых, эта позиция связана с корреспондентской концепцией истины. Истина трактуется как соответствие знания реальности. Что такое причинность? Если мы стоим на позиции реализма, то видим в причинности взаимосвязь вещей, а не просто схему опыта, не просто «правильную последовательность» наших восприятий, эмпирических данных. Мы трактуем эксперимент как осознанное вмешательство в дела природы, как испытание тех причинных связей, которые мы полагаем реально существующими. Конструируя научные объяснения, мы стремимся к «наилучшему объяснению», т.е. к такому объяснению, которое раскрывало бы те взаимосвязи и взаимодействия, которые существуют в реальности.

Мы можем привести примеры методологических дискуссий, которые не могут быть вполне поняты, если не будет учтены антитезы «реализм – антиреализм». Одна из близких нам дискуссий – это дискуссия, касающаяся интерпретации квантовой механики. Если философ стоит на позиции реализма, он не сможет вполне принять некоторые главные положения копенгагенской интерпретации. Так, например, К.Поппер критиковал ту трактовку соотношения прибора и микромира, которую проводили классики копенгагенской интерпретации (начало 1930-х годов). В то время, правда, дилемма «реализм

– антиреализм» еще не была четко обозначена. Она проявилась в 1960-е гг., а Поппер стал аттестовать себя в качестве реалиста еще позже - в 1970-е гг. Тем не менее, негативное отношение к той трактовке соотношений неопределенностей, которую проводили Нильс Бор и Вернер Гейзенберг, может быть понята как критика субъективизма в интерпретации квантовой механики с целью добиться реализма. Согласно соотношениям неопределенностей в их стандартной интерпретации, каждое измерение координаты сопряжено с возмущением соответствующей проекции импульса, и наоборот, каждое измерение импульса вносит неточность в измерение координаты. В результате, понятие траектории частицы в квантовой механике теряет смысл.

Поппер пишет, что соотношения неопределенностей следуют из квантовой механики, но их субъективистская интерпретация не следует из этой теории. Согласно Попперу, соотношения неопределенностей – «это статистические соотношения рассеяния, квантовая механика должна быть интерпретирована статистически. Если мы пытаемся создать гомогенный агрегат частиц, то мы наталкиваемся на преграду в виде соотношений рассеяния. Например, «мы можем создать плоский монохроматический луч – луч электронов с равными импульсами. Однако, если мы пытаемся сделать этот агрегат электронов еще более гомогенным -- состоящим из электронов, имеющих не только одинаковые импульсы, но также имеющих координаты, ограниченные узким интервалом (пропустив электроны сквозь узкую щель), то мы наталкиваемся на препятствие. Любой отбор электронов исходящий из их координат приводит к возмущению системы, в результате чего увеличивается рассеяние электронов по импульсу (в соответствие с соотношением неопределенностей Гейзенберга)» [1, с.226-227].

Статистическая интерпретация квантовой механики, которая развивалась Поппером (одна из версий), излагалась многими физиками и философами и после Поппера и независимо от Поппера. В настоящей статье мы не ставим задачу проследить историю статистического (ансамблевого) подхода к квантовой теории. Мы только подчеркнули, что научный реализм – это не просто философская позиция, это еще и методология, взаимодействующая с физикой.

2. Конструктивный эмпиризм

Конструктивный эмпиризм, выдвинутый Б. ваном Фраассеном, одна из заметных позиций в философии науки, противостоящих научному реализму. В философии науки второй половины XX века научный реализм явно доминировал. Дискуссии шли между различными школами, возникшими внутри научного реализма. Были реалисты, которые ставили во главу угла понятие истины (определяли реализм как школу, ссылающуюся на семантическое понимание истины по Тарскому), были реалисты, которые опираются на когерентную концепцию истины. Реалисты (Селларс, например) исходили также из того, что объекты, постулируемые теорией, реально существуют.

В отличие от научного реализма, конструктивный эмпиризм провозглашает целью науки «спасение явлений». «Цель науки, - пишет Б.ван Фраассен, - дать нам теории, которые были бы эмпирически адекватны. Принятие какой-либо теории предполагает лишь веру в то, что она эмпирически адекватна» [2, с.12].

Как и реализм, конструктивный эмпиризм исходит из дихотомии – «теория и наблюдаемы данные (сюда входят и результаты экспериментов)». Но в отличие от реализма, конструктивный эмпиризм не предполагает, что наука ищет истинные теории (соответствующие тому, что лежит за пределами наблюдаемых явлений). «Спасти явление» значит построить его модель, построить теорию значит построить модель моделей, модель, охватывающую ряд явлений.

В настоящей статье позиции реализма и конструктивного эмпиризма рассматриваются в плане их методологии. Реализм как философская позиция был противопоставлен копенгагенской интерпретации квантовой механики. Как было отмечено выше, К.Поппер критиковал инструментализм, свойственный копенгагенскому подходу с позиции реализма.

Конструктивный эмпиризм также восстает против интерпретации квантовой механики, которая может быть названа стандартной. Конструктивный эмпиризм связан с модальной интерпретацией квантовой механики. При стандартном подходе используется представление о редукции волнового пакета – о мгновенном переходе суперпозиционного состояния микросистемы в состояние, соответствующее одному из слагаемых этой суперпозиции, переходе, возникающем в результате измерения (М.Джеммер приводит следующую формулировку: «дискретное изменение волновой функции в случае измерения означает просто изменение нашего знания физической ситуации, которое происходит в момент, когда мы осознаем результат измерения» [3, с.43]) .

Модальная интерпретация исходит из двух понятий состояния физической системы: состояния, описываемого волновой функцией и подчиняющегося квантовой динамике (property state), и состояния, определяемого набором переменных, описывающих физическую систему (value state). При этом связь этих состояний – это связь возможности и действительности (отсюда и название – модальная интерпретация). Динамическое состояние (property state) определяет то, что может произойти с системой, каковы в возможности ее физические характеристики. Состояние, характеризующее физическую систему посредством набора динамических переменных (value state), определяет то, что реально происходит с физической системой. Это состояние, которое мы фиксируем, когда проводим измерение или совокупность измерений физических величин, определенных для данной системы [4, с.273].

Таким образом, при модальной интерпретации исчезает представление о редукции волнового пакета. При измерении мы получаем информацию о свойствах системы, которые характеризовали систему и до измерения. Динамическое состояние, представляемое волновой функцией, выражает эти свойства как возможные, при измерении реализуется одна из возможностей. При измерении мы имеем дело не с property state, а с value state.

Литература:

1.Popper K.R. The logic of scientific discovery. London and New York, 1959.
2. Van Fraassen B.C. The scientific image. Clarendon Press. Oxford. 1980.
3. Jammer M. The philosophy of quantum mechanics. J.Wiley. 1974.
4. Van Fraassen B.C. Quantum mechanics. An empiricist view. Clarendon. 1991.

Математический реализм в современной математике и философии

Побережный И.А.

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», аспирант

ivan.poberezhnyy@gmail.com

Аннотация. Проблема обоснования математического знания была с самого начала связана с вопросом онтологического статуса математических объектов. В античной философии Пифагора и Платона изначально имели место идеи математического реализма, согласно которому считалось, что математические объекты реально существуют в мире идей. Аристотель выдвигает иную точку зрения, антиреалистическую, где математические объекты являются мысленными отвлечениями. На протяжении веков преобладала позиция Аристотеля, но в XIX веке, с возникновением философии математики, происходит возврат к реалистическим идеям Пифагора и Платона. Математический реализм, сложившийся в 19 -20 веках, использует, однако, иные понятийные средства и решает иные задачи. В докладе дается обзор ряда современных работ: от классических работ теоретико-множественной ориентации до менталистских экскурсов экзистенциалистского характера.

Ключевые слова: математический реализм, традиционный и нетрадиционный реализм, природа математических объектов, основания математики.

Mathematical realism in the modern philosophy of science.

Poberezhnyy I.A.

Kursk State University

Abstract. The problem of substantiating of mathematical knowledge was initially connected with the question of the ontological status of mathematical objects. In the ancient philosophy of Pythagoras and Plato, the ideas of mathematical realism were originally present. , according to which it was believed that mathematical objects actually exist in the world of ideas. Aristotle puts forward a different point of view, the anti-realist one, where mathematical objects are mental distractions. For centuries, the position of Aristotle prevailed, but in the XIX century, the realistic ideas of Pythagoras and Plato returned. Modern mathematical realism differs significantly from the ancient one. There are various varieties and versions of modern mathematical realism that differ in the types of perceived reality. The paper contains a review of a number of contemporary essays. It embraces the traditional issues constructed in the set theoretical stile and the modernist issues constructed in the style of the existential philosophy of life.

Keywords: mathematical realism, traditional and non-traditional realism, nature of mathematical objects, foundations of mathematics.

Современная философия математики, появление и формирование которой, как отдельного направления философии, относят к концу XIX – началу XX века, изначально была связана с проблемой обоснования математического знания, которая, в свою очередь упирается в вопрос о природе математических объектов. В дальнейшем в круг ее проблем входят онтологические и гносеологические проблемы осмысления сущности математики, природы математических объектов и понятий, соотношения математики и логики, проблема сущности бесконечности и другие.

Вопрос о природе математических объектов ставился значительно раньше, еще в Древней Греции, и наиболее известной концепцией античности является платонизм – взгляд на природу математических объектов как не зависящую от природной реальности или реальность которых не ниже реальности природных объектов. К. Гёдель назвал платонистскую позицию математическим реализмом. Согласно этой концепции, математические объекты представляют собой не конструкции человеческого разума, а являются отражением объективной реальности, то есть первоначально античная реалистична. В философии Пифагора и позднее Платона математика описывает вечные законы космоса, высшей реальности, поэтому она не может не быть реальна сама по себе. Даже геометрия Евклида построена как учение о количественной и пространственной основе мироздания. Но уже Аристотель закладывает основы новой, иной традиции в философии математики, в которой математические объекты «не существуют в вещах и не существуют вне вещей, они являются мысленными отвлечениями от реальных форм вещей» [1, с.25]. Эта традиция, антиреалистичная по своей сути, была продолжена и стала ведущей в западной философии. Так, по Канту, математика трансцендентальна: будучи абсолютно значимой для сознания, она не имеет отношения к реальному миру «вещей-в-себе». Конвенционализм Пуанкаре представляет математику, как логическую конструкцию, формируемую на основе опыта.

В XX столетии происходит возвращение к идеям платоновского реализма, к идее реального существования математических объектов в идеальном мире. Этот мир воспринимается человеком в интеллектуальной интуиции и формирует в нем механизмы сознания. Видный представитель современной отечественной философии математики В.Я. Перминов считает сильным аргументом в пользу данной концепции то, что «удаленные друг от друга древние цивилизации строили математику на одних и тех же понятиях» » [1, с.24]. Исследуя историю математики, нельзя не заметить случаи, когда возникающие математические теории предвосхищали будущие открытия в физике, что наводит на мысль о связи абстрактной математики с действительностью. Другой современный философ математики Е.И. Арепьев замечает, что критерии рационального знания, на которые ориентируется математика, «говорят нам об истинности математических утверждений, их объективном статусе» [2, с. 230]. Также ученый считает, что в настоящее время «перед философией науки встает задача разработки программы математического реализма, с тем, чтобы впоследствии часть его проблем и результатов перешла ведение конкретных наук» [там же].

В современной философии математики под реализмом понимают «истолкование математических объектов как имеющих реальную основу до образования математических теорий с принятыми в них понятиями» [3, с. 468]. В противоположность реализму антиреализм связывает математическое исследование с конструированием объектов. При таком подходе понятие математического реализма несколько расширяется, и под него подходят эмпиризм и даже операционализм. Ученые и философы выделяют различные формы и разновидности реализма, которые отличаются между собой тем, какая именно реальность положена в основу рассуждений, фактическая или трансцендентная, объективная или субъективная.

В.А. Бажанов выделяет две формы реализма, традиционный и нетрадиционный, в каждой из которых имеется несколько разновидностей [4, с. 65]. Сильная версия реализма (традиционный платонизм) признает фактическое существование математических объектов. Эти объекты пребывают в некоторой трансцендентальной реальности, которая для субъекта восприятия имеет такой же статус, как и «реальность его собственных чувств» [там же]. В сильной версии реализма рассматриваются онтологическая и семантическая разновидности, а также к ней ученый относит «объектный» реализм, «работающий» реализм, который принимается по определенного рода утилитарным соображениям, и др. В.А. Бажанов обращает внимание на то, что среди физиков, в отличие от работающих математиков, приверженцев традиционного платонизма практически нет, так как для них математика – лишь язык, знаковая система, а не конечная реальность. К нетрадиционному реализму относятся версия П. Мэдди (математические объекты существуют как и множества физических объектов, но при этом являются абстрактными образованиями), структуралисткая версия американского ученого М. Резника (математическое знание представляет собой описание и анализ различных вариаций абстрактных структур – паттернов), полнокровный реализм М. Балагуэра, в котором постулируется необходимость существования всех логически мыслимых объектов.

Математическая реальность исторически сформирована как элемент культуры, но при этом она является частью внутреннего мира человека, определяющей в значительной степени его познавательные возможности. Проблема признания и развития математического реализма связана с отсутствием приемлемых онтологических моделей для описания математических и логических объектов, структур и истин. Если математические объекты существуют в какой-то реальности, необходимо определиться, где находится эта реальность, каков ее онтологический статус? Иными словами, требуется расширение и уточнение понятия действительности, например, включение в нее понятия возможности.

Анализируя различные концепции математического реализма, можно прийти к выводу, что проблема реальности математики в настоящее время не поддается однозначному решению, которое устраивало бы сторонников различных концепций. Каждая концепция имеет свои положительные моменты и в каждой имеют место какие-то проблемы и противоречия.

Философский реализм прошлого был связан с проблемой универсалий, для его обоснования достаточно было ссылок на здравый смысл. Современный реализм в эпистемологии существенно отличается от реализма прошлого. Изменилась система научного знания, изменилось понимание того, како-

вы возможности и границы наук, каковы возможности человеческого разума и искусственного интеллекта, изменилась реальность, в которой человек живет и с которой он взаимодействует. «Сегодняшняя реальность многократно сложнее, что требует изменений и в концепции реализма» [5, с. 108].

С начала нынешнего столетия в европейской философии становится популярным мейнстрим, получивший название «спекулятивного реализма». Представители различных философских направлений сошлись в идее отрицания современной философии, восходящей к Канту. Одной из ключевых работ стала книга французского философа К. Мейясу, которая вышла в 2006 году (на руссом языке книга была издана в 2016 году) [6]. Основной тезис работы состоит в том, что современная философия антинаучна и антиреалистична, так как реальность, о которой говорят философы, – это реальность, опосредованная сознанием, и поэтому она не объективна, а глубоко субъективна. Теория Мейясу предполагает наличие вещей-в-себе, независимых от человека, и автор книги считает возможным получить абсолютное знание о существовании этих вещей неметафизическим путем. Книга наполнена сложными лексическими конструкциями, но при этом она содержит достаточно рациональные идеи и рассуждения.

Таким образом, в современной философии науки, в частности, в философии математики, идеи реализма получили новое развитие и проявились в большом многообразии форм и разновидностей. В начале XXI века в европейской философии появляются новые разновидности реализма, порой далеко не бесспорные. Интерес к реалистическим концепциям и установкам обусловлен тем, что с ними связывают надежды на понимание той реальности, которую создает техногенная цивилизация и информационное общество.

Литература:

1. Перминов В.Я. Реальность математики // Вопросы философии. №2. 2012. С. 24-40
2. Арепьев Е.И. Природа чисел в свете расширенной трактовки действительности // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 4. С. 229-236.
3. Словарь философских терминов. Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М., ИНФРА-М, 2007.
4. Бажанов В.А. Разновидности и противостояние реализма и антиреализма в философии математики. Возможна ли третья линия? // Вопросы философии. №5. 2014. С. 63-74
5. Яшин Б.Л. Математический реализм: современные подходы. // Проблемы онто-гносеологического обоснования математических и естественных наук: сб. науч. тр. Вып. 9 / гл. ред. Е.И. Арепьев; Курск. гос. ун-т. Курск, 2018. С. 99-109
6. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности /пер. Л. Медведевой. Екатеринбург. 2015. 196 с.

Конвенционализм Пуанкаре и грамматический метод Витгенштейна

Прись И. Е.

Институт философии Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск). Доктор философии (Сорбонна), канд. физ.-мат. наук, старший научный сотрудник

frigpr@gmail.com

Аннотация: Мы интерпретируем философские взгляды Анри Пуанкаре с точки зрения философии позднего Витгенштейна. Мы утверждаем, что конвенционализм Пуанкаре - предтеча грамматического метода Витгенштейна применительно к языку науки. Физическую (или математическую) теорию можно понять à la Пуанкаре как конвенцию, то есть как витгенштейновское правило/норму («грамматику») некоторой физической (математической) формы жизни. Пуанкаре отвергает догматический реализм. Структурализм Пуанкаре тесно связан с его конвенционализмом и, на наш взгляд, представляет собой неметафизический (контекстуальный) структурализм. Более того, мы полагаем, что позиция Пуанкаре содержит элементы витгенштейновского контекстуального реализма.

Ключевые слова: конвенционализм Анри Пуанкаре, грамматический метод Витгенштейна, специальная теория относительности, структурализм, контекстуальный реализм, научная теория

Henri Poincaré's conventionalism and Wittgenstein's grammatical method.

Pris F.-I.

Institute of Philosophy of NAS of Belarus

Abstract. We interpret Henri Poincaré's philosophical views from the point of view of Wittgenstein's later philosophy. We claim that Poincaré's conventionalism is a forerunner of Wittgenstein's grammatical method with respect to the language of science. A physical (or a mathematical) theory can be viewed as a convention à la Poincaré, that is, a Wittgensteinian rule ("grammar") of a physical (mathematical) form of life. Poincaré rejects dogmatic realism. Poincaré's structuralism is closely related to his conventionalism. In our view, it is a non-metaphysical (contextual) structuralism. Moreover, we believe that Poincaré's position contains the elements of a Wittgensteinian (contextual) realism.

Keywords: Henri Poincaré's conventionalism, Wittgenstein's grammatical method, special theory of relativity, structuralism, contextual realism, scientific theory

Введение:

Конвенционализм Пуанкаре стал объектом пристального внимания как математиков и физиков, так и философов, хотя, как нам представляется, не был до конца правильно понят [1], [2]. Милена Иванова, например, вообще отрицает, что взгляды Пуанкаре могут быть охарактеризованы как конвенционализм [2]. Во всяком случае с ней можно согласиться в том, что позиция Пуанкаре не антиреалистическая и содержит в себе структурный реализм. На самом деле Пуанкаре занимал промежуточную позицию между эмпиризмом и априоризмом, выступал как против позитивизма, так и против номинализма - преувеличения роли условных соглашений [3]. С точки зрения Статиса Псилоса и Ивановой, Пуанкаре не формальный структуралист, а структурный реалист, согласно которому наука выявляет реальные отношения в мире [1], [2]. Псилос полагает, что структурализм Пуанкаре лучше всего понять как форму реляционизма, который смягчает его конвенционализм [1]. Соглашаясь с Псилосом, мы делаем ещё более сильное утверждение: философия Пуанкаре содержит элементы неметафизического витгенштейновского реализма.

Философия позднего Витгенштейна и теория относительности:

В О достоверности, исследуя структуру эпистемической рациональности и скептическую проблему, Витгенштейн пишет: «Здесь *снова* необходим шаг, подобный тому, что был сделан в теории относительности» [4, § 305]. Шаг, о котором говорит Витгенштейн, - введение Пуанкаре и Эйнштейном конвенциональной процедуры синхронизации часов (определения одновременности) и преобразова-

ние принципа относительности из эмпирического в нормативный. «Ведь я говорю: каждое эмпирическое предложение может быть преобразовано в некий постулат — и тогда оно становится нормой изложения» [4, § 321]. Возможно и обратное преобразование: «Что же, правило и эмпирическое предложение переходят друг в друга?» [4, § 309]. Наше предположение подтверждается работами Карло Пенко и Мартина Куша [5], [6-7], согласно которым Витгенштейн, ссылаясь на теорию относительности Эйнштейна, применяет эйнштейновский метод введения процедуры измерения координат и времени к философии языка и сознания, а также работой Джиовани Миона, утверждающей, что переход от эмпирического опровержения скептицизма, предложенного Муром, к его семантико-логическому опровержению, предложенному Витгенштейном в О достоверности, аналогичен переходу от эмпирической теории относительности Лоренца к «конвенциональной» специальной теории относительности (далее: СТО) Эйнштейна [8]. К тому же Жослен Бенуа в рамках своего неметафизического реалистического подхода, вдохновлённого философией позднего Витгенштейна, употребляет выражение «измерение (реальности) при помощи норм», которое употребляет Витгенштейн [9-10]. Витгенштейновская процедура «измерения» реальности, отсылающая к метрологии Эйнштейна в теории относительности, как мы утверждаем, может быть применена для интерпретации квантовой механики и вообще любой физической теории: теория – витгенштейновское правило (норма), измеряющая (в контексте) реальность, в которой она укоренена [11].

Конвенции Пуанкаре и петлевые предложения Витгенштейна:

На самом деле, уже для Пуанкаре эмпирическое предложение может быть преобразовано в «конвенцию». В частности, согласно ему, в конвенцию были преобразованы законы механики Ньютона, а также известные наиболее фундаментальные физические принципы, включая принцип сохранения энергии и принцип относительности. Как пишет Пуанкаре, «принципы — это соглашения и скрытые определения. Тем не менее они извлечены из экспериментальных законов; эти последние были, так сказать, возведены в ранг принципов, которым наш ум приписывает абсолютное значение» [12, с. 90]. Согласно Пуанкаре, принципы и законы, понятые как конвенции, никогда не могут быть опровергнуты на опыте: «Теперь выясняется, каким образом опыт, с одной стороны, мог служить основанием для принципов механики, а с другой – никогда не будет в состоянии стать с ними в противоречие» [12, с. 72]. Принципы и конвенции, так же как и витгенштейновские правила/нормы, поначалу были эмпирическими (фактическими) предложениями. И возможны новые контексты, в которых они снова окажутся эмпирическими - истинными или ложными. В этом смысле принципы и законы, подобно петлевым предложениям Витгенштейна, гибридны, двухаспектны: в зависимости от точки зрения, они могут выражать факты или же играть нормативную роль. Пуанкаре пишет: «Итак, принципы механики представляются нам в двух различных аспектах. С одной стороны, это — истины, обоснованные опытом (…). С другой стороны, это — постулаты, которые прилагаются ко всей Вселенной и считаются строго достоверными» [12, с. 89]. Подобным же образом, согласно Витгенштейну, не имеет смысла опровергать «петлевые предложения» типа «Существуют физические объекты» (этот пример приводит и Пуанкаре), «2+2=4», «У меня две руки» или «Вода кипит при температуре 100 градусов по Цельсию», хотя при определённых обстоятельствах последние три предложения могут превратиться в истинные (или ложные) предложения. (Для Витгенштейна об истинности или ложности, о мнении (убеждении) или его отсутствии, о знании или незнании, можно говорить лишь в рамках «формы жизни».)

Контекстуальный реализм:

«Конвенции» (нормы, правила, концепты и концептуальные схемы) произвольны лишь в том смысле, что они по самому своему статусу не зависят от опыта. Но они не произвольны в том смысле, что всё же они подсказываются опытом, то есть в конечном итоге укоренены (но не содержатся) в опыте, реальности. С точки зрения контекстуального реализма, однако, реальность как таковая в соответствии со своим категориальным статусом реальности (а не потому, что таковы её свойства) не имеет нормативной или концептуальной структуры, смысла. Она безмолвна (но не бесшумна) [13]. На самом деле, это и означает, что конвенции (нормы и концепты) и их конкретные применения не часть реальности, а вырабатываются в реальности, зависят от контекста. Концептуализация контекстуальна по самой своей природе. И сопровождается она возникновением онтологии, которая тоже контекстуальна: реальность как таковая первична; онтология вторична. Реальный объект и вообще всякий элемент реальности (событие, факт, структура) определяются и идентифицируются лишь в контексте, который, как пишет Бенуа, «возникает лишь там, где начинается эта нормативная игра в реальности, которую в том или ином смысле называют «мыслью». Сам контекст, однако, (...) остаётся безмолвным» [14, p. 88]. Релятивистское время, например, реально, а не условно, как считал Лоренц. В то же время Пуанкаре ещё до создания СТО Эйнштейна отмечал, что измерение времени (а, следовательно, и само время) конвенционально, зависит от выбора метода измерения (и, следовательно, теории). Конвенциональность времени не означает его условность, а означает, что время не абсолютно в каком бы то ни было смысле, а зависит от контекста, то есть от выбора концепта времени и соответствующей теории, в рамках которой этот концепт и, соответственно, само время, приобретают смысл. Время в СТО – это не ньютоновское время. Но и природа времени в общей теории относительности отлична от природы времени в СТО, а время в квантовой гравитации, если о нём вообще имеет смысл говорить, имеет свою собственную природу.

Пуанкаре против догматического реализма:

Конвенционализм Пуанкаре не совместим с догматическим реализмом. «Единственная объективная реальность, единственная истина, которой мы можем достигнуть» для Пуанкаре есть «гармония, которую человеческий разум полагает открыть в природе». Она не существует вне человеческого разума, который её воспринимает и чувствует. «Невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума, постигающего ее, видящего, чувствующего ее. Такой внешний мир, если бы даже он и существовал, никогда не был бы нам доступен» [12, с. 158]. Это критика доктрины метафизического реализма. В то же время слова Пуанкаре, на наш взгляд, допускают неметафизическую реалистическую (а не идеалистическую) интерпретацию. «Объективная реальность» в смысле Пуанкаре – объектная реальность, а не реальность как таковая. Реальность как таковая не зависит от человеческого разума. Она просто такова, какова она есть. По определению. О реальности как таковой нет смысла говорить, что она содержит или не содержит в себе гармонию. Реальность (реальных) объектов – объектная, объективная реальность – предполагает употребление языка, который их идентифицирует в контексте. В этом и только этом смысле она не независима от человеческого разума, языка. Употребление языка, реальные объекты объективны. Поэтому, как пишет Пуанкаре, « (…) то, что мы называем объективной реальностью, в конечном счете есть то, что общо нескольким мыслящим существам и могло бы быть общо всем. Этой общею стороной (…) может быть только гармония, выражающаяся математическими законами» [12, с. 158].

О роли математического языка:

Математический язык для Пуанкаре не является «посредственной услугой, без которой, строго говоря, можно было бы обойтись», и тем более не является «завесой, опущенной между реальностью и глазом физика. (…) Без этого языка большая часть глубоких аналогий вещей осталась бы навсегда неизвестной для нас, и мы никогда не знали бы о той внутренней гармонии мира, которая (…) есть единственная настоящая объективная реальность» [12, с. 157]. «Искусственный» математический язык (то есть не обыденный язык) для Пуанкаре не препятствует непосредственному доступу к реальности, а представляет собой необходимое условие схватывания сложных реальных структур – таковыми, каковы они есть на самом деле. Мы согласны с теми авторами, которые утверждают, что его взгляды на математику имеют сходство со взглядами второго Витгенштейна [15]. В частности, эпистемология Пуанкаре не содержит «проблемы доступа» субъекта к реальности. Можно также сказать, что Пуанкаре отвергает репрезентационализм. Ментальное, математическое или в общем случае языковое представление реальности не есть для него нечто вроде экрана между субъектом и объектом исследования.

Пуанкаре называют полуинтуиционистом, поскольку математическое рассуждение для него не является чисто формальным, а имеет интуитивное содержание. В то же время это содержание схватывается математическим языком (но не формальной логикой) [16]. Об употреблении математического языка он говорит в том же смысле в котором об употреблении обыденного языка, «языковых играх», говорит Витгенштейн.

Структурализм и неметафизический реализм Пуанкаре:

Пуанкаре предвосхитил структурализм. Для него наука открывает нам «истинную природу вещей» лишь в том смысле, что она открывает нам «истинные (то есть реальные) отношения вещей», а не вещи-в-себе [12, с. 277]. Это так не потому, что последние реальны, но не познаваемы, а потому, что единственной «объективной реальностью» являются отношения. Пуанкаре пишет: «(…) Не только наука не может открыть нам природу вещей; ничто не в силах открыть нам ее, и если бы ее знал какой-нибудь бог, то он не мог бы найти слов для ее выражения. Мы не только не можем угадать ответа, но если бы даже нам дали его, то мы не были бы в состоянии сколько-нибудь понять его; я даже готов спросить, хорошо ли мы понимаем самый вопрос» [12, с. 277]. «В итоге единственной объективной реальностью являются отношения вещей, отношения, из которых вытекает мировая гармония» [12, с. 279]. Таким образом, позиция Пуанкаре относится к уровню объективированной реальности. Концепт реальности как таковой его не интересует. Он сам пишет, что для него «реальное» синоним «объективного» [12, с. 277, сноска 1].

В то же время, как нам кажется, иногда позицию Пуанкаре можно интерпретировать в том смысле, что для него реальные объекты всё же существуют, хотя объектами их делают лишь отношения. Например, он пишет: «Так, например, внешние предметы, для которых было изобретено слово объект, суть действительно объекты, а не одна беглая и неуловимая видимость: ибо это — не просто группы ощущений, но и группы, скрепленные постоянной связью. Эта связь — и только эта связь — и является в них объектом; и связь эта есть отношение» [12, с. 277]. «Связь», которая для Пуанкаре является в предметах «объектом», мы можем назвать «идеальным объектом» и интерпретировать как норму, измеряющую реальность и, в частности, схватывающую структуры. В рамках контекстуального реализма Жослена Бенуа – позиции, которую мы разделяем, - «нормы (…) не имеют другого назначения, как схватывать структуры. И наоборот: структура есть в точности то, что схватывается нормой там, где она применяется нужным образом в нужном контексте» [10, p. 106]. Поскольку можно считать, что структуры инстанциируются (или, лучше сказать, реализуются) конкретными реальными объектами, контекстуальный структурализм совместим с контекстуальным реализмом конкретных объектов.

О процессе развития науки:

Взгляды Пуанкаре на трансформацию теорий и смену парадигм в процессе развития науки можно понять в терминах эволюции витгенштейновской грамматики и форм жизни. Для Пуанкаре новые теории не разрушают старые (например, система Птолемея, как считает Пуанкаре, не была бесполезной [12, § 7]) в том смысле, что процесс развития науки схож с процессом естественной эволюции. Это скорее натуралистическая и реалистическая, но не догматическая, позиция. При этом в процессе эволюции, как полагает Пуанкаре, сохраняются, по крайней мере, реальные структуры научных теорий, а сами теории меняют свой статус: они возникают как эмпирические теории, но затем приобретают нормативно-логический, конвенциональный статус, в результате чего они уже не могут быть опровергнуты на опыте.

Заключение:

Таким образом, мы полагаем, что есть основания утверждать, что конвенциональные законы и принципы Пуанкаре имеют тот же статус, что и грамматические предложения Витгенштейна. Конвенционализм Пуанкаре – предтеча грамматического подхода Витгенштейна применительно к научному языку. Физическую (или математическую) теорию можно понять à la Пуанкаре как конвенцию, то есть как витгенштейновское правило/норму. Наш вывод согласуется с точкой зрения Энрико Гианнетто: «Пуанкаре произвёл по отношению к физическому языку операцию, аналогичную той, которую позже по отношению к обыденному языку и философии произвёл Витгенштейн» [17].

Литература:

1. Psillos S. Conventions and Relations in Poincaré's Philosophy of Science // Preprint. 2014. http://philsci-archive.pitt.edu/11362/
2. Ivanova M. Conventionalism, Structuralism and neo-Kantianism in Poincaré's Philosophy of Science // Studies in History and Philosophy of Modern Physics. 2015. Vol. 52. P. 114-122.
3. Doran C. Poincare's mathematical creations in search for «true relations of things» // In Ether and Modernity / Ed. by J. Navarro. Oxford, 2018. - P. 45-66
4. Wittgenstein L. On Certainty. Oxford: Basil Blackwell, 1969.
5. Penco C. The Influence of Einstein on Wittgenstein's Philosophy // Philosophical Investigations. 2010. 33(4). P. 360–379.
6. Kusch M. Wittgenstein's and Einstein's Clocks // Unsocial Sociabilities: Wittgenstein's Sources / Ed. by E. Ramharter. Berlin: Parerga, 2011. P. 203–218.
7. Kusch M. A Branch of Human Natural History: Wittgenstein's Reflection on Metrology //Standartization in Measurement / Ed. by O. Schlaudt and L. Huber. London: Routledge, 2015. P. 11-24.
8. Mion G. On Certainty: Wittgenstein and Einstein // Philosophical Investigations. 2019. 42/2. P. 163-170
9. Benoist J. Logique du phenomene. Paris: Hermann, 2016.
10. Benoist J. L'adresse du réel. Paris: Vrin, 2017.
11. Прись И. Е. Философия физики Вернера Гайзенберга и его понятие замкнутой теории в свете позднего Виттгенштайна // Философская мысль. 2014. No. 8. С.25-71.
12. Понтрягин Л. С. (ред.). Анри Пуанкаре о науке. Москва: Наука, 1983 (1990).
13. Benoist J. Le bruit du sensible. Cerf. 2013.
14. Benoist J. Eléments de philosophie réaliste. Paris: Vrin, 2011.
15. Rodych V. Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2018. https://plato.stanford.edu/entries/wittgenstein-mathematics/
16. Heinzmann G and Stump D. Henri Poincaré // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2017. https://plato.stanford.edu/entries/poincare/#LogFouIntPre
17. Giannetto E. Henri Poincare and the rise of special relativity // Hadronic Journal Supplement. 1995. 10. P. 365-433.

Онтический структурный реализм и квантовая механика

Сторожук А.Ю.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск) - Новосибирский государственный университет. Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

stor71@mail.ru

Аннотация: Понимание того, как онтический структурный реализм может интерпретировать квантовую механику является одной из наиболее актуальных задач философско-методологического анализа содержания научного знания. Научный реализм подчеркивает объективный характер постулируемых успешной научной теорией объектов, их свойств и отношений. В тоже время, структурный реализм стремится разрушить обыденное представление о существовании самодостаточного классического объекта, а квантовая механика по определению работает с неклассическим физическим объектом. В докладе мы отдельно остановимся на том, как С. Френч и Дж. Лэдимен видят роль структурного реализма в интерпретации квантовой механики и почему именно онтический структурный реализм позволяет добиться успеха в построении адекватной концепции научного реализма для квантовой механики.

Ключевые слова: онтический реализм, структурный реализм, метафизика структуры, квантовая механика

Ontic structural realism and quantum mechanics.

Storozhuk A.Ju.

Institute of the Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk) - Novosibirsk State University

Abstract: Understanding of how ontic structural realism could interpret quantum mechanics is one of the most interesting tasks of the philosophical and methodological analysis of the content of contemporary scientific knowledge. Scientific realism emphasizes the objective nature of objects postulated by a successful scientific theory, of their properties and relationships. At the same time, structural realism seeks to change the common idea of a self-sufficient classical object, and quantum mechanics, by definition, works with a non-classical physical object as well. We will emphasize S. French's and J. Ladyman's understanding of the role of structural realism in the interpretation of quantum mechanics and explain why the proponents of ontic structural realism could be successful in constructing an adequate concept of scientific realism for quantum mechanics.

Keywords: ontic realism, structural realism, metaphysics of structure, quantum mechanics

[i] Одно из ключевых оснований теоретико-информационного структурного реализма Дж. Лэдимена [1] – концепция онтического реализма [2]. При этом, в отличии от других значимых составляющих, которые использует Дж. Лэдимен, таких как – тропический реализм Д. Росса, опирающийся на концепцию «реальных паттернов» Д. Деннета, или концепция информации Дж. Колье, опирающаяся на оригинальную интерпретацию теории эволюции Д. Брукса и Э. Уайли, концепцию онтического реализма можно считать оригинальным авторским проектом Дж. Лэдимена, который сделал его известным еще до появления теоретико-информационного структурного реализма.

Исходный пункт онтического реализма – структурный реализм в интерпретации Дж. Уоррала, непосредственного учителя и научного руководителя Дж. Лэдимена. Источник структурного реализма у Дж. Уоррала [3] – случаи преемственности теорий, которые в случае научной революции не только сохраняют эмпирическое содержание, но и часть теоретического. В процессе смены теорий сохраняется также структура, связывающая объекты, их свойства и отношения. Признание сохранения структур (а не объектов!) позволяет отвести ряд критических аргументов в адрес канонической (по Х. Патнэму) интерпретации научного реализма, в частности, – проблему пессимистической мета-индукции (в ходе развития научного знания, ученые периодически отказывают в существовании объектам научных теорий, которые признаются отброшенными. Как отмечает Х. Патнэм: «точно так же, как ни один термин, который использовался в науке пятьдесят лет назад, не считается сейчас указующим, через какое-то время окажется, что ни один термин, который используется сейчас, тоже не будет считаться указующим» [4, p. 24]).

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики».
The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00120 «A Metaphysical Foundations for Natural Science Ontology: Real Patterns and Metametaphysics Project».

Особенностью онтического реализма Дж. Лэдимена является то, что это структурный реализм, который основной акцент делает именно на отношениях между постулируемыми объектами и на выражении этих отношений в научных законах. В канонической интерпретации научного реализма в качестве реальных объектов принимаются именно объекты, постулируемые теорией, при условии, что у нас достаточно данных в пользу признания их объективного – независимого от познающего субъекта существования. Онтический реализм отказывается от онтологии объектов и переходит к онтологии структур. Этому помогает понимание онтологии в терминах реальных паттернов Д. Деннета (см: [1, Ch. 4]). По Д. Деннету: «реальные паттерны – это устойчивые элементы, которые мы выделяем из некоторого набора данных, как описания, которые являются более продуктивными, чем тривиальное представление заданной области» [5, p. 34]. В этом смысле, понимание реальных паттернов зависит от случая к случаю (зависит и от выбранного набора данных, и от того, с какой точки зрения мы на эти данные смотрим) и кроме объектов паттерны могут обозначать события, процессы, свойства, отношения и т.д. При этом, следуя логике структурного реализма, отрицается, что объекты имеют отдельный статус независимо от структуры свойств и отношений. Соответственно, самодостаточные метафизические индивидуальные объекты должны быть элиминированы из онтологии. Объекты онтического реализма «очищены от их внутренней природы, идентичности и индивидуальности, и не являются метафизически фундаментальными» [1, p. 121]. При этом отметим, что обоснованность метафизических гипотез обусловлена наличием конкретных эмпирических гипотез, которые могут постулировать одну или несколько теоретических структур. Примечательно то, что если мы будем говорить, например, о соответствующей трактовке квантовой механики с точки зрения онтического реализма Дж. Лэдимена, то можно будет объяснить известный факт избыточности структуры для описания поведения частиц [6]. В заключении работы своей «Переконструируя структурный реализм: квантовая механика и метафизика структуры» С. Френч и Дж. Лэдимен пишут: «Отказ использовать частицы как базовую онтологию в квантовой теории поля свидетельствует в поддержку метафизической программы структурного реализма. Цао задается вопросом о реальности квантового поля, и сам же отвечает, что понятие поля используется чтобы обозначать уравнения поля, которые описывают структурные аспекты "гипотетических объектов" (hypothetical entities), а также раскрывают понятие частицы, которые есть "наблюдаемые проявления" (observable manifestations) тех же самых гипотетических объектов. Но что есть эти "гипотетические объекты", чьи структурные аспекты? В этой ситуации представитель конструктивного эмпиризма откажется от метафизики (waves good-buy to metaphysics), а что делать реалисту? Поле – это структура и ничего кроме структуры. Мы не можем описать структуру поля, не обращаясь к математической структуре поля. Точно также, если попросить представить онтологию мира в рамках общей теории относительности, то сначала можно представить аппарат дифференциальной геометрии и теории поля, а затем, возможно, нужно будет объяснить топологию и другие базовые моменты различных геометрических моделей, о которых говорит общая теория относительности. Ничего нельзя добавить в обеих случаях. Попытка интерпретации, которая визуализирует структуру в классических терминах, – это просто не вариант» [7, p. 48]. В докладе мы отдельно остановимся на том, как С. Френч и Дж. Лэдимен видят роль структурного реализма в интерпретации квантовой механики и почему именно онтический реализм позволяет добиться успеха в построении адекватной концепции научного реализма для квантовой механики.

Литература:

1. Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford University Press, 2007.
2. Ladyman J. What is Structural Realism? // Studies in History and Philosophy of Science, 1998, vol. 29, pp. 409–424.
3. Worrall J. Structural Realism: The Best of Both Worlds? // Dialectica. 1989, vol. 43, pp. 99–124.
4. Putnam H. Meaning and the Moral Sciences. Routledge, 1978.
5. Dennett D. Real Patterns // Journal of Philosophy. 1991, vol. 88, pp. 27–51.
6. French S. On the Withering Away of Physical Objects / In: E. Castellani (Ed.) Interpreting Bodies: Classical and Quantum Objects in Modern Physics. Princeton University Press, 1998, pp. 93–113.
7. French S., Ladyman J. Remodelling Structural Realism: Quantum Physics and the Metaphysics of Structure // Synthese. 2003, vol. 136, pp. 31–56.

Ненаблюдаемые объекты – сущности или структуры?

Терехович В.Э.

Санкт Петербургский государственный университет, Институт философии, кафедра философии науки и техники. Кандидат философских наук, старший преподаватель

v.terekhovich@gmail.com

Аннотация: В рамках проблемы существования ненаблюдаемых сущностей физических теорий в статье обобщаются основные положения концепции Онтического структурного реализма и возражения, выдвигаемые против нее. Кратко анализируются достоинства и недостатки некоторых ослабленных версий Онтического структурного реализма. В качестве компромисса предлагается еще одна версия – иерархический структурный реализм. Вместо онтологического противопоставления структур и сущностей, предлагается рассмотреть многоуровневую иерархическую модель, в которой каждая сущность является производной от какой-то структуры, которая, в свою очередь, порождается другими сущностями или структурами. Структуры и сущности порождают друг друга, причем на каждом следующем уровне они наследуют не только свойства и отношения, но и свою долю существования.

Ключевые слова: ненаблюдаемые сущности, структуры, модальность, идентичность, онтический структурный реализм, квантовая теория поля.

Whether unobservable objects are entities or structures?

Terekhovich V.E.

Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy

Abstract: In the paper, the main arguments for and against the Ontic structural realism are summarized within the framework of the issue of the existence of unobservable theoretical entities. I also briefly analyze the advantages and disadvantages of some weakened versions of Ontic structural realism. As a compromise, I propose another version of this called hierarchical structural realism. Instead of ontological opposition of structures and entities, I consider a multi- level hierarchical model in which every entity is a derivative of some structure. Every structure, in its turn, is generated by other entities or structures. Structures and entities generate each other, and at each next level, they inherit not only properties and relationships, but also inherit their share of existence.

Keywords: unobservable entities, structures, modality, identity, ontic structural realism, quantum field theory.

Во многих научных теориях присутствуют сущности, которые нельзя наблюдать непосредственно, а иногда невозможно обнаружить даже с помощью приборов. Их существование можно предположить только косвенно, через их влияние на другие наблюдаемые объекты. Но верить в то, что они существуют удобно по нескольким причинам. В одних случаях ненаблюдаемые сущности хорошо объясняют наблюдаемые явления. В других – поддерживают целостность теории. В теории Ньютона такой ненаблюдаемой сущностью является сила тяготения; в классической теории поля – поля различной природы; в Общей теории относительности – пространственно-временной континуум; в космологии – темная материя и темная энергия; в квантовой механике и квантовой теории поля – векторы состояния и квантовые поля частиц, включенных в Стандартную модель. Дискуссия о реальности ненаблюдаемых объектов достаточно обширна и проходит в рамках противостояния сторонников и противников научного реализма [1, 2]. Первые утверждают, что если теория хорошо доказана, ее объекты скорее всего существуют, даже если они ненаблюдаемы. Противники начного реализма, в свою очередь, ссылаются на недоопределенность теорий эмпирическими данными, пессимистическую индукцию, теоретическую нагруженность экспериментов, а также подозрительное разнообразие интерпретаций одних и тех же теорий [3].

На фоне развития квантовой теории поля в рамках Структурного реализма особую популярность сегодня получила концепция Онтического структурного реализма (ОСР) [4, ch. 2 to 4]. Она постулирует существование независимых от нашего ума реляционных модальных структур или отношений между явлениями (как возможными, так и действительными). Эти структуры не сводятся только к внутренним или пространственно- временным отношениям, скорее эти структуры являюся онтологически базовыми. Не существует индивидуальных объектов вне структур, а теоретические объекты являются лишь конструкциями. Они играют эвристическую роль и используются нами для построения приблизительных представлений о мире. Сторонники ОСР считают, что это единственный способ сохранить реализм в Общей теории относительности и в квантовой физике, теории которой сводятся к математическим структурам с различными симметриями. Они также утверждают, что частицы или поля являются лишь различными представлениями одной и той же лагранжевой или гамильтоновой структуры и связанных с ней уравнений.

Однако совсем отказаться от представлений о существовании физических объектов ученым довольно сложно, поэтому ведется широкая дискуссия вокруг возражений против ОСР [5, 6]. Вот только некоторые из них.

- Не может существовать отношений без того, что относится (relation without relata).

- Не обладая знанием об отдельных объектах, мы не сможем объяснить, почему определенные свойства и отношения выглядят такими согласованными.

- ОСР не может объяснить причинно-следственную связь.

- ОСР необоснованно стирает различие между математическим и физическим описанием явлений.

Отвечая на первое и второе возражения, Дж. Лэдиман признает, что существуют отдельные сущности, но они не имеют независимых внутренних свойств, поскольку все их свойства онтологически зависят от реляционных структур. Один из способов осмыслить идею отношения без relata заключается в том, что relata данного отношения при дальнейшем анализе всегда сами оказываются реляционными структурами. Другой способ состоит в отказе от требования, чтобы отношения были без relata, достаточно чтобы relata не был индивидуумом [7].

С целью преодоления возражений против ОСР, стали возникать ослабленные версии Структурного реализма. В недавней статье А. Чакравартти делит концептуальный ландшафт таких версий на два лагеря: радикальный «элиминативный» структурализм и

«неэлиминативный» структурализм. Первый полностью ликвидирует сущности. Неэлиминативный лагерь состоит из двух вариантов. Один – «тот, который считает существование сущностей производным от их отношений, а не наоборот, утверждая, таким образом, своего рода онтологический приоритет последних над первыми». Объекты представляются своего рода узлами в структурных отношениях. Другой вариант предполагает существование сущностей и их отношений как взаимно производных, утверждая своего рода онтологический паритет [8].

Так называемый «умеренный структурный реализм» [9], по-видимому, принадлежит ко второму варианту неэлиминативного лагеря (сущности и структуры взаимно производны). М. Эсфельд и В. Лэм поддерживают два утверждения. Во-первых, ни объекты, ни отношения не являются онтологически первичными или вторичными. Между объектами и структурами существует взаимная онтологическая зависимость. Все свойства отдельных объектов состоят из отношений к другим объектам. Во-вторых, структуры можно рассматривать как причинные сами по себе, как диспозиции, способные производить наблюдаемый физический эффект.

Т. Цао, кажется, занимает промежуточное положение со своим «конструктивным структурным реализмом». Он признает реальность как структур, так и отдельных сущностей. Физический мир состоит из сущностей, которые всегда структурированы и/или вовлечены в более крупные структуры. Структура представляет собой стабильную систему отношений между многими элементами. Цао делит все структуры на два типа. В компонентных структурах элементы или объекты имеют онтологический приоритет над структурой в целом. Как пример он приводит структуру атома водорода, которая не имеет причинной силы в отношении существования и идентичности электрона и протона. Целостные структуры, напротив, являются причинами, и именно они составляют индивидуальность своих компонентов [10]. В качестве примера целостных структур Цао рассматривает концепцию квантовых полей и их компонентов как гипотетических сущностей. –

В то же время Цао задает вопрос, можем ли мы верить в реальность такого сконструированного понятия, как квантовое поле? Максимум, на что мы могли бы надеяться, – это то, что формализм квантовой теории поля описывает то, что может явиться нам в различных экспериментальных ситуациях. Сам он отвечает так: «если уравнения и различные структурные утверждения о частицах подтверждаются эмпирическими исследованиями, то устанавливается и реальность самих полей» [5].

Ответ Цао выглядит привлекательно с точки зрения проблемы реальности ненаблюдаемых сущ-

ностей в квантовой теории поля. Но в таком подходе есть определенное противоречие. Как мы можем думать о квантовых полях как о структурах, имеющих онтологический приоритет над своими квантами, если только эти и кванты могут быть исследованы эмпирически? Существует ли правило, которое требует выбирать только из двух вариантов: или полное существование, или полное отсутствие существования без каких-либо промежуточных степеней? И можем ли мы быть уверены, что квантовые поля являются целостными структурами (в терминах Цао)? Что если квантовые поля являются компонентными структурами? Что, если сами квантовые поля образованы взаимодействиями некоторых неизвестных сущностей? Существует ли достаточно определенная метафизическая граница между этими двумя типами структур? И если существует, то, как мы можем это узнать? В конце концов, любая концепция реализма – это объяснительная модель. Понятия сущностей, отношений и структур являются универсальными и удобными инструментами любого теоретического объяснения. Стоит ли отдавать только одному из них приоритет существования?

Я предлагаю рассмотреть еще более компромиссную и еще менее требовательную версию с условным названием Иерархический структурный реализм. Начну с того, что соглашусь с положительными утверждениями перечисленных выше гипотез и не соглашусь с утверждениями ограничивающими.

Прежде всего, я согласен с Лэдиманом в том, что отдельные объекты являются конструкциями. Однако я не согласен с ним в том, что отдельные сущности не обладают неотъемлемыми внутренними свойствами, и что абсолютно все они онтологически зависят от реляционных структур. Каждый новый объект может иметь определенный набор новых свойств, которые возникают одновременно с появлением этого объекта. Точно так же каждая новая структура может получить определенный набор новых свойств, которые возникают одновременно с ее возникновением. С одной стороны, новые внутренние свойства объектов возникают благодаря структуре, которая его порождает. С другой стороны, эти новые свойства объекта не обязательно должны сводиться к свойствам этой структуры.

Я не согласен с Чакравартти, что только отношения причинных свойств или диспозиций составляют какие-либо структуры, и только диспозиции заставляют вещи вести себя так, как они это делают. Я согласен с Эсфельдом и Лэмом, что между вещами и структурами существует взаимная онтологическая зависимость. Однако не согласен в том, что только структуры и связанные с ними диспозиции можно рассматривать как причинные сами по себе.

Согласен я и с Цао в том, что физический мир состоит из сущностей, которые обязательно структурированы и/или вовлечены в более крупные структуры. Но, полагаю, что компонентные и целостные типы струтур не должны быть онтологически разными, скорее они имеют одинаковую степень существования, хотя и на разных иерерхических уровнях.

Нетрудно заметить, что общая дискуссия сосредоточена на вопросе о том, что существует в первую очередь, сущности или структуры. Полагаю, что именно в жесткости бинарной модели «структуры—сущности» скрывается основной источник противоречий. Поэтому я предлагаю отказаться от такого рода метафизического противопоставления. А вместо этого рассмотреть многоуровневую иерархическую модель, в которой каждая индивидуальная сущность является производной от более фундаментальной структуры («целостной» в терминах Цао), которая, в свою очередь, была создана другими индивидуальными сущностями и структурами. Одновременно, каждая сущность участвует в создании структур на следующем уровне иерархии (в данном случае уже «компонентных»). Соответственно, эта сущность делится с этими структурами своим существованием. Таким образом, каждая структура и каждая сущность порождает другие структуры и сущности, а каждая следующая структура и сущность на следующем уровне наследует не только свойства предыдущих, но и свою долю существования. Как заметил Лэдиман, «relata данных реляционных отношений при дальнейшем анализе всегда сами оказываются реляционными структурами » [7].

Возьмем, к примеру, относительно небольшие объекты, подчиняющиеся классическим законам физики. Они формируют сложные классические структуры, которые мы рассматриваем сначала как классические тела, а затем как космические системы. Структура последних определяется Общей теорией относительности. В то же время индивидуальность каждого классического тела образуется структурами предыдущих уровней, которые подчиняются законам статистической механики и теориям классических полей. Сущности и структуры классических полей, в свою очередь, возникают в результате декогеренции из запутанных структур квантовой механики, которые сами состоят из сущностей и структур квантовых полей и релятивистского пространства-времени. Следующий уровень может быть заполнен некоторыми пока неизвестными объектами и структурами будущей теории квантовой гравитации, для которых уже не потебуется предсуществующая фоновая структура четырехмерного пространства-времени Минковского.

Полагаю, что подобный онтологический плюрализм структур и объектов может оказаться достаточно продуктивным, поскольку заимствует достоинства ряда уже существующих версий структурного реализма, одновременно облегчая некоторые возражения против ОСР. Но остается одно важное возражение. Неясно, как совместить иерархический структурный реализм с желанием сохранить причинность.

Литература:

1. Фурсов А.А. Проблема статуса теоретического знания науки в полемике между реализмом и антиреализмом. М.: Издатель АВ Воробьёв, 2013. 240 с.
2. Chakravartty A. A metaphysics for scientific realism: Knowing the unobservable. Cambridge University Press, 2007. 272 p.
3. Psillos S. Choosing the realist framework // Synthese. 2011. Vol. 180. No. 2. P. 301-316.
4. Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford: Oxford University Press, 2007. 360 p.
5. Cao T.Y. Can we dissolve physical entities into mathematical structures? // Synthese. 2003. Vol. 136. No. 1. P. 57-71.
6. Psillos S. The structure, the whole structure, and nothing but the structure? // Philosophy of Science. 2006. Vol. 73. No. 5. P. 560-570.
7. Ladyman J. Structural Realism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2019 Edition), E.N. Zalta (ed.). URL = <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/structural-realism/>.
8. Chakravartty, A. Particles, causation, and the metaphysics of structure // Synthese. 2017. Vol. 94. No. 7. P. 2273-2289.
9. Esfeld M., & Lam V. Moderate structural realism about space-time // Synthese. 2008. Vol. 160. No. 1. P. 27-46.
10. Cao T.Y. Structural realism and quantum gravity // The structural foundations of quantum gravity. 2006. P. 40-52.

Научный реализм и угроза схоластизации философии науки

Фурсов А.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московский физико-технический институт. Кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник

a-lexx555@yandex.ru

Аннотация: Научный реализм – концепция философии науки, возникшая в середине 60-ых годов прошлого века и продолжающая активно развиваться в наши дни. В этом смысле научный реализм оказался более популярной и жизнеспособной концепцией, чем все формы позитивизма и так называемого «постпозитивизма». Однако, изучение эволюции научного реализма позволяет выдвинуть ряд алармистских тезисов, прямо указывающих на возникновение угрозы схоластизации философии науки в результате развития как реализма, так и антиреализма. В данной работе будет дан общий анализ развития научного реализма, будут выявлены предпосылки к возникновению угрозы схоластизации философии науки и описаны возможные сценарии дальнейшего развития научного реализма и философии науки, связанные с переосмыслением целей и ценностей философско-методологического исследования науки.

Ключевые слова: научный реализм, схоластизация философии науки, структурный реализм, экспериментальный реализм, инструментализм, конвенционализм, конструктивный эмпиризм, натурализованная метафизика.

Scientific Realism and the threat of the scholastization of the philosophy of science.

Fursov A.A.

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow Institute of Physics and Technology

Abstract: Scientific Realism as the conception of the philosophy of science arose in the middle of 60-th of XX century and still have been developing till nowadays. It appears to be more popular and viable then all forms of positivisms and so-called “postpositivism”. The analysis of Scientific Realism evolution allows us to propose a set of alarmistic theses about the threat of the scholastization of the philosophy of science as a result of development of both realism and antirealism. In this abstract author attends to make a general analysis of the Scientific Realism development, also he will try to reveal the preconditions of the arising of this threat and describes possible scenarios of the development of scientific realism and the philosophy of science, which will be closely connected with the reconsideration of goals and values of the philosophical and methodological studies of science.

Keywords: Scientific Realism, scholastization of the philosophy of science, structural realism, experimental realism, instrumentalism, conventionalism, constructive empiricism, naturalized metaphysics.

Предмет философии науки. Прежде, чем рассуждать об угрозе схоластизации философии науки, необходимо сделать несколько общих замечаний о её предмете. Существуют два основных подхода к определению этого предмета, которые полностью не исключают друг друга. Первый подход – дескриптивный. С точки зрения данного подхода задача философии науки состоит в том, чтобы дать ответ на вопрос “What is science?”, или «Что такое наука?». Такая точка зрения широко распространена в зарубежной философии науки, в частности, её придерживался известный кэмбриджский философ Питер Липтон [1]. Другой подход можно назвать ре-активным (от слова «реакция»). Согласно этому подходу философия науки существует как реакция как на радикальные изменения в науке, так и, наоборот, на периоды продолжительной стабильности в существовании науки. Действительно, первая в мире кафедра философии науки возникла в 1985 году в Венском университете и была создана Эрнстом Махом. Он, как и его современники, Пьер Дюгем и Анри Пуанкаре, стоявшие у истоков философии науки, жили в период крушения классического естествознания. По той же причине мы находим так много работ философско-методологического характера у творцов новой парадигмы, таких как А. Эйнштейн, Н. Бор, М. Планк, В. Гейзенберг, М. Борн и др.

Причина столь высокой жизнеспособности научного реализма кроется, очевидным образом, в том, что в науке вот уже почти сто лет не было ни одной научной революции. И в этом смысле научный реализм можно охарактеризовать, обращаясь к терминологии Т. Куна, как типичную парадигмальную философию науки.

Существует и третья точка зрения на предмет и задачи философии науки, в корне неверная, по мнению автора данного доклада. Эта тока зрения разделяется некоторыми учеными, например, Стивен Вайнбергом [2], нобелевским лауреатом по физике, который ошибочно полагает, что философия науки – это то, что должно подсказывать науке, как ей дальше развиваться. Именно поэтому С. Вайнберг одну из глав своей работы «Мечты об окончательной теории» называет «Против философии», поскольку не верит в возможность философии науки выполнить данную функцию.

Научный реализм. Одним из первых об угрозе схоластизации философии науки заговорил Пол Фейерабенд. Его знаменитая книга «Против метода» вышла в 1975 [3]. Это был период бурного развития научного реализма, когда вслед за Дж. Смартом, У. Селларсом, У. Салмоном и Г. Максвеллом, реализм стали развивать такие крупные философы науки, как Р. Бойд, У. Ньютон-Смитт и Х. Патнэм. П. Фейрабенд на страницах своей работы предупредил о превращении науки в догму. А раз наука становится догмой, то философия науки уподобляется некоей схоластической философии, обслуживающей эту догму.

В то же самое время в философии науки активно стали развиваться подходы, которые полагали, что главным предметом философии науки должен являться не вопрос о связи науки с реальностью, о чем тогда активно спорили реалисты и антиреалисты, а совершенно иные вещи: языковые приемы, лабораторные практики, когнитивные структуры и пр.

В своем дальнейшем изложении автор будет основываться на следующем критерии «правильной» философии науки. Философия науки должна прояснять науку и никогда не должна делать её более сложной и запутанной, чем она есть. В противном случае мы как раз имеем дело со схоластизацией философии науки.

Научный реализм, на первый взгляд, был разработан как достаточно последовательная концепция философии науки. У него был четыре основных тезиса:

1. Онтологический. Этот тезис утверждал, что существует объективный внешний мир, и именно с его исследованиями имеет дело наука.

2. Эпистемический. Этот тезис реабилитировал понятие истины в методологии науки, трактуя её в корреспондентном ключе. «Существует только один известный способ определения истины, и это способ Тарского», - так однажды заявил Х. Патнэм [4, p. 30]

3. Конвергентный. Этот тезис вводил понятие правдоподобия, или приблизительной истинности. В процессе развития науки научные теории должны конвергировать к истине.

4. Семантический. Этот тезис утверждал, что «теоретические термины» являются не просто символами компактной записи, а обладают онтологической референцией, репрезентируя ненаблюдаемые объекты мира.

Таким образом, казалось, что у научного реализма всего две главные методологические проблемы: проблема формализации понятия правдоподобия, которая активно решалась И. Ниниулотто [5] и его школой, и проблема абдуктивных рассуждений, на которой строилась реалистическая аргументация (что было проблемой в свете того, что восходящая к Ч.С. Пирсу абдукция является методом правдоподобного рассуждения).

Угроза схоластизации. Шло время, и реализм эволюционировал. Эта эволюция происходила под действием антиреалистиеческих, аргументов, которые были выдвинуты в начале 80-ых. Среди них, в первую очередь, необходимо отметить пессимистическую мета-индукцию и аргумент эмпирически эквивалентных теорий, базировавшийся на тезисе о недоопределенности теории опытом.

Научный реализм и антиреализм все больше стали походить на катафатическое и апофатическое богословие, соответственно. Обе линии признавали существование реальности, но радикально расходились в вопросах о её познаваемости в сфере ненаблюдаемого.

В итоге на выходе получилось целое древо различного рода концепций, которые, начиная с 80-ых гг прошлого века продолжают активно ветвится. Так научный реализм в 80-ые годы сначала эволюционировал в структурный реализм, научный реализм без эпистемического тезиса (А. Масгрейв [6]), экспериментальный реализм Я. Хакинга [7]. Однако на этом все не закончилось. Структурный реализм достаточно быстро принял формы эпистемического структурного реализма Дж. Уоррела [8], онтического структурного реализма С. Фрэнча и Дж. Лэдимана [9], которые уже успели от него перейти к проекту натурализованной метафизики [10], конструктивного структурного реализма Т. Цао [11]

и консистентого структурного реализма Р. Дэвида [12].

При этом постоянно продолжали возникать новые формы научного реализма, такие, как базирующийся на теоретико-модельном подходе реализм С. Псиллоса [13] и конструктивный реализм, независимо развиваемы сразу несколькими авторами.

Аналогичная картина имела место и с развитием антиреализма. Если между его классическими формами, такими как феноменализм, конвенционализм, дескриптивизм и инструментализм действительно иногда можно было провести только условное различие, то в современной философии науки «антирелизмы» продолжают множиться. Так, К. Стэнфорд [14] на современном этапе выделяет синтаксический инструментализм, элиминативный инструментализм, редукционный инструментализм и эпистемический инструментализм. Скоро современный антиреализм дополнился неоинструментализмом самого К. Стэнфорда [15] и, чуть ранее, конструктивным эмпиризмом Б. ван Фраассена [16]

Методом «перекрестного скрещивания и почкования» продолжили множится и аргументы сторон. Так, в работах Н. Картрайт «вывод к наилучшему объяснению» превратился в «вывод к наиболее вероятной причине» [17], а уже упоминавшийся К. Стэнфорд, совместив пессимистическую мета-индукцию и тезис о недоопределенности теории опытом выдвинул аргумент неосознанных альтерантив [15].

Наряду с умножением различных форм «-измов» стали множиться и разные интерпретации тех или иных этапов в развитии естествознания. Казалось бы, что изучено историей науки лучше, чем теории эфира? По этому поводу существует классическая работа Э. Уиттекера «История теорий эфира и электричества» [18] и множество более современных исследований. Однако в своих попытках подвести развитие теорий эфира под собственную аргументацию, такие участники спора, как Л. Лаудан [19], Дж. Уоррелл [8], К. Стэнфорд [15], С. Псиллос [13] выдвинули собственные интерпретации развития эфирной физики. Все это способно привести в подлинное замешательство профессионального историка физики.

Все отмеченные выше факты никак не согласуются со сформулированным выше критерием «правильной» философии науки, поскольку дают на выходе необычайно запутанную и неоднозначную картину самой науки. Данный факт и позволяет выдвинуть тезис об угрозе схоластизации философии науки, которую несет в себе научный реализм.

Перспективы развития. Можно предположить, что реализм и антиреализм будут продолжать оставаться доминирующими программами в развитии философии науки в рамках существующей квантово-релятивистской парадигмы. Так, на прошедшем в Праге в августе 2019 года 16-ом Международном конгрессе по логике, философии и методологии науки и техники значительное количество докладов по-прежнему было посвящено этой проблематике.

Угроза схоластизации философии науки может быть снята в результате реализации одного из двух сценариев. Первый будет связан с радикальным пересмотром квантово-релятивистской парадигмы, в результате чего научный реализм как парадигмальная философия науки потеряет свою настоящую актуальность. Оснований для реализации подобного сценария пока не наблюдается.

Второй сценарий связан с переосмыслением самих целей и ценностей философии науки, в рамках которого онтологическая проблематика в философии науки отойдет на второй план и будет замещена исследованием социологических, когнитивных, операциональных и иных аспектов функционирования науки. Этот процесс активно происходит в настоящее время, однако, пока не приобрел масштабов, необходимых для того, чтобы сделать научный реализм и антиреализм периферийными программами философии науки.

Литература:

1. Lipton, P. The truth about science. The Medawar Lecture 2004 // Philosophical Transactions of the Royal Society B. – 2005. – vol. 360. – pp. 1259-1269.
2. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. / Пер. с англ. - М.: Едиториал УРСС, 2004 – 256 С.
3. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания // Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1986. – С. 125-467.
4. Putnam, H. Meaning and the Moral Sciences. - London: Routledge and Kegan Paul, 1978. – 154 P.
5. Niiniluotto, I. Truthlikeness. – Dordrecht: Reidel, 1987. – 525 P.
6. Musgrave, A. The Ultimate Argument For Scientific Realism // Relativism and Realism in Science; Ed. R. Nola. - Dordrecht: Kluwer Academic Press, 1988. – P. 229–252.
7. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Начальные вопросы философии естественных наук / Пер. с англ. - М.: Логос, 1998. – 296 С.
8. Worrall, J. Structural realism: The best of both worlds? // Dialectica. – 1989. – Vol. 43. – P. 99–124.
9.Ladyman, J. What is structural realism? // Studies in History and Philosophy of Science. – 1998. – Vol. 29. – P. 409–424.
10. Ladyman, J., Ross D. Every thing must go: Metaphysics Naturalized. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 346 P.
11. Cao, T. Conceptual Development of 20th Century Field Theories. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 433 P.
12. David, R. Scientific Realism in the Age of String Theory // Physics and Philosophy. – 2007. – Vol.11. P. 1-35.
13. Psillos, S. Scientific Realism: How Science Tracks Truth. - New York and London: Routledge, 1999. – 353 P.
14. Stanford, P. K. Instrumentalism // The Philosophy of Science: An Encyclopedia; Ed. S. Sarkar, J. Pfeifer. – New York: Routledge, 2005. P. 400-405.
15. Stanford, P. K. Exceeding Our Grasp: Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives, New York: Oxford University Press, 2006. – 248 P.
16. Van Fraassen, B.C. The Empirical Stance. – New Haven: Yale University Press, 2002. – 304 P.
17. Cartwright, N. How the Laws of Physics Lie. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1983. – 232 P.
18. Уиттекер Э. Истории теории эфира и электричества. Классические теории / Пер. с англ. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001 – 512 С.
19. Laudan, L. A Confutation of Convergent Realism // Philosophy of Science. – 1981. – Vol. 48. – P. 218-249.

Манипуляции манипулятивного реализма

Эрекаев В.Д.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.
Кандидат философский наук, доцент

erekaev@mail.ru

Аннотация: Критически анализируется выдвинутый Я.Хакингом манипулятивный критерий реальности. На различных примерах из современной фундаментальной физики показано, что он работает только постфактум и имеет существенные ограничения применимости. Так, он неприменим к такому важному методу эмпирического познания как наблюдение. Вводятся понятия первой и второй манипуляций, которые уточняют предложенный Я.Хакингом критерий. Этот критерий может только подтверждать, что уже существующее - действительно существует. При этом окончательного подтверждения не существует, но, например, в физическом эксперименте можно говорить о хорошем подтверждении эксперимента при достижении нескольких сигма. Рассмотренный пример с кварками показывает, что предложенный Я.Хакингом критерий реальности необходимо расширять, например, рассмотреть вопрос о том, как существуют объекты.

Ключевые слова: научный реализм, манипулятивный критерий реальности, эксперимент

Manipulations of manipulative realism.

Erekaev V.D.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The put forward J.Hacking manipulative criterion of a reality is critically analyzed. On various examples from the modern fundamental physics it is shown, that it works only a post factum and has essential restrictions of applicability. So, it is inapplicable to such important method of empirical knowledge as observation. Concepts of the first and second manipulations which specify the offered J.Hacking criterion are entered. This criterion can confirm only, that what already existing - really exists. Thus the final confirmation does not exist, but, for example, in physical experiment it is possible to speak about good confirmation of experiment at achievement of several sigma. The considered example with quarks shows, that it is necessary to expand the criterion of a reality offered by Hacking, for example, to consider the problem on how there are objects.

Keywords: scientific realism, manipulative criterion of a reality, experiment

В 1983 г канадский философ науки Я. Хакинг сформулировал *манипулятивный аргумент* в отношении реальности теоретических объектов. По существу им предложен критерий реальности, который составляет основу того, что стали называть манипулятивным реализмом.

На первый взгляд он формулируется достаточно правдоподобно: «… если нечто можно напылять, оно реально» [1, с. 22]. В качестве примера он рассматривает напыление электронов или позитронов на ниобиевый шарик. И действительно, поскольку напыление – это определенный процесс, действие, основанное на знании причинных сил, связанных с электронами [1, с.262], то, если мы строим все новые приборы и машины, основанные на знании этих причинных свойств, это доказывает реальность их существования. Верно, но не совсем. Более корректной была бы следующая формулировка: это все больше и больше доказывает реальность их существования. При этом окончательного доказательства не существует. Ярким примером тому может служить, например, теория теплорода. Понятием теплорода уверенно манипулировали и строили некоторые механические устройства. Но потом теплород, как теоретический объект, претендующий на реальное существование, оказался фиктивным.

Этот критерий, фактически, утверждает о реальности чего-то только постфактум. И действительно, берётся то, что уже существует, а затем напыляется. Из успешности напыления делается вывод о том, что напыляемое существует. Но если попросить Я.Хакинга напылить на ставший знаменитым ниобиевый шарик, например, темную материю, то сможет ли он сказать существует она или нет? А ведь именно это было бы важно как для фундаментальной физики, так и для научного реализма. Предложенный Я.Хакингом критерий может только подтверждать, что уже существующее - действительно существует. Существует - в данном случае, если его можно напылить. По существу, Я.Хакинг предлагает то, что мы назовем второй манипуляцией (напыление электронов или позитронов), после того, как уже была осуществлена первая (предшествующая) манипуляция - когда было сделано открытие электрона и позитрона.

Поскольку окончательного подтверждения не существует, вердикт о реальности может быть вынесен только на основе опытных данных и только конвенциально, т.е. договорившись об условной приостановке бесконечной процедуры подтверждения на каком-то n-м шаге. Физики, например, говорят о хорошем подтверждении эксперимента при достижении нескольких сигма [2]. А вот далее с открытым электроном и позитроном можно совершать различные манипуляции, многократно подтверждая его существование. Фактически, Я.Хакинг предлагает верификацию гипотезы о референции теоретических объектов, основанную на индукции. Назовем последнюю манипулятивной индукцией. Но, как хорошо известно в философии науки, эмпирическая индукция всегда неполна.

По существу, Я.Хакинг предлагает *процедуру подтверждения реальности уже открытого электрона*. Поэтому, если уж пользоваться критерием Я.Хакинга, то его следует уточнить: если я могу напылить после первой манипуляции (т.е. открытия) то, что репрезентирует некий теоретический объект, на что-то другое, например, на ниобиевый шарик, то эта (онтологическая) репрезентация теоретического объекта подтверждена и реально существует в природе. Если нельзя осуществить такую первую манипуляцию, то нельзя осуществить и вторую манипуляцию и вопрос о реальности существования теоретического понятия или конструкта в качестве объекта природы с использованием предложенного Я.Хакингом критерия остается не решенным.

Но существует неверное содержание правильно сделанного следствия из этого критерия: если что-то нельзя напылить, то этого не существует. В этом случае несуществующими оказываются все астрофизические и тем более космологические объекты. Получается, что действие этого критерия не распространяется на такой важный эмпирический метод научного познания как наблюдение. И действительно, все, что наблюдают астрономы – не существует, поскольку манипулировать астрономическими объектами не представляется возможным. Следовательно, манипулятивный критерий реальности распространяется только на эксперимент.

Проблемы использования такого критерия на этом не заканчиваются. Я.Хакинг предлагает манипулировать уже открытыми электронами и позитронами для выяснения существования кварков. Этот пример дает возможность показать, что в науке существуют ситуации, когда критерий Я.Хакинга не работает при использовании *существующих* частиц, с которыми *многократно осуществлялись* манипуляции.

В качестве теоретического объекта кварки успешно существуют в фундаментальной физике. Более того, они уже давно используются и в качестве экспериментальных объектов. Предположим далее, что мы захотели еще раз подтвердить их реальность, или засомневались в их реальности. Воспользуемся критерием Я.Хакинга и попытаемся напылить существующие кварки на ниобиевый шарик. Поскольку они уже используются в научной практике и согласно критерию реальны, попытаемся напылять их по одному. Какой необходимо сделать вывод о реальности существования кварков по результатам этой манипулятивной процедуры? Прежде всего, отметим, что у нас не получилось бы самой манипуляции: поскольку кварки в свободном состоянии не существуют, то и напылять нечего. Сама манипуляция со свободными кварками невозможна. Так существуют кварки или нет, исходя из критерия Я.Хакинга? Очевидно – нет. Но, с другой стороны, это - неверно, поскольку кварки существуют, но только в особом связанном состоянии внутри адронов (конфайнмент).

Еще пример: существуют ли виртуальные частицы, с которыми в физике давно и активно определенным образом манипулируют? Ответ остается неоднозначным и недоопределенным, несмотря на то, что ими манипулируют также неявно, опосредованно, как и электронами и позитронами. И в этой ситуации необходимо использовать дополнительные аргументы или говорить о неэффективности критерия. То же самое касается и темной материи: только когда будет открыто, что она реально существует, когда будет понятно, какой вид объектности она собой представляет, то и с ней начнут манипулировать. Или лучше сказать: с ней начнут плотно работать, подтверждая или фальсифицируя ее реальное существование. В этом плане поучителен пример с черными дырами, которые Я.Хакинг также рассматривает. Некоторые специалисты в этой области говорят так: мы не сомневаемся, что они существуют, их открыто уже более сотни, но до сих пор никто не может с уверенностью поставить точку в этом вопросе. Многочисленные попытки формулировок критериев реальности, в том числе и знаменитый ЭПР-критерий реальности [2, с. 605], позволяет сделать вывод о том, что все они могут

быть гносеологически только приближёнными и частичными.

Какие же можно сделать выводы? Критерий реальности Я.Хакинга гносеологически узок: его действие распространяется, фактически, только на экспериментальную часть эмпирического метода научного познания, но не применим к наблюдениям. Он не работает в астрофизике и тем более в космологии. Манипулятивный критерий нельзя рассматривать в качестве общенаучного метода, а это, в свою очередь, означает, что в рамках научного реализма его использование существенно ограничено.

Необходимо расширять предложенный Я.Хакингом критерий реальности, например, рассмотреть вопрос о том, как существуют объекты (в примере с кварками, по-видимому, только в связанном состоянии). Для построения более универсального критерия реальности необходимо, соответственно, рассмотреть этот вопрос и более общо: а как вообще могут существовать физические объекты? И здесь он тесно переплетается с вопросом о формах существования физической объектности, который также можно рассматривать в качестве определяющего саму физическую онтологию.

Я.Хакинг считает свой подход материалистическим. Внес ли он что-то новое в материализм, выдвинув свой критерий реальности? По существу, - нет. Так, все возможные манипуляции хорошо обобщаются в понятии практика. В самом широком смысле практика – это деятельность всего человечества на протяжении больших исторических периодов. В более узком смысле ее можно рассматривать, что и делает Я.Хакинг, и как манипуляции ученых с объектами микро- и макроуровня, но не астрофизического и космологического. Таким образом, и в понятие практики (даже только научной практики) ничего нового Я.Хакинг не привносит, хотя в чем-то и согласен с К.Марксом. Тем не менее, заслуга Я.Хакинга состоит в том, что он еще раз рассмотрел вопрос о связи реальности и эксперимента, всей научной практики и проанализировал ряд аспектов научного экспериментирования.

Литература:

1. Hacking I. Representing and intervening. Introductory topics in the philosophy of natural science. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 287 p.
2. Что такое «сигма»?// https://elementy.ru/LHC/HEP/study/errors/sigma
3. Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н. Можно ли считать квантово-механическое описание физической реальности полным? // Эйнштейн А. Собр. науч. тр.: в 4 т. Т.3. М.: 1966. С. 604-611.

Структурный реализм: категориальные и причинные характеристики

Эртель И.И.

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск) - Новосибирский государственный университет

ilyaehrtel@yandex.ru

Аннотация: Говоря о метафизике структуры и отражающих ее характеристик применительно к структурному реализму, по сути, у нас есть два варианта: либо обратиться к метафизике категориальных свойств Дэвида Льюиса, либо – к одному из вариантов метафизики причинных свойств. Мы говорим о научном знании, а значит позиция Д. Льюиса представляется весьма неудобной: свойства являются онтологически примитивными, существуют независимо от причинных и номологических отношений, в которые вступает объект, который этими свойствами обладает. Метафизика причинных свойств, в том виде, как ее представляет М. Эсфельд, является более выигрышной, поскольку позволяет ввести представление о «причинной роли», в силу которой мы и выделяем данное свойство. Более того, такое представление дает возможность отказаться от дихотомии «структура» – «характеристика, отражающая значимую причинную роль структуры». Фундаментальные физические структуры, в силу фундаментальности, являются причинно-следственными сами по себе, нет необходимости постулировать лежащие в их основе причинные свойства, которые должны раскрывать природу этих структур.

Ключевые слова: структурный реализм, метафизика структуры, категориальные характеристики, причинные характеристики

Structural realism: categorical vs causal properties.

Ertel I.I.

Institute of the Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk) - Novosibirsk State University

Abstract: Speaking of metaphysics of structure and characteristics that reflect it in relation to structural realism, in fact, we have two options: either turn to the metaphysics of David Lewis's categorical properties, or to one of the variants of the causal properties metaphysics. We are talking about scientific knowledge, that means that D. Lewis's position seems very uncomfortable: the properties are ontological primitives, exist regardless of the causal and nomological relations into which the object that possesses these properties engaged. The metaphysics of causal properties, in the form in which M. Esfeld presents it, is more advantageous, since it allows us to introduce the idea of a "causal role", by virtue of which we single out this property. Moreover, such a view makes it possible to abandon the dichotomy between the "structure" and the "characteristics that reflects the significant causal role of the structure". Fundamental physical structures, by virtue of their fundamental nature, are causal in themselves; there is no need to postulate the underlying causal properties that represent the nature of these structures.

Keywords: structural realism, metaphysics of structure, categorical properties, causal properties

[i] Одним из ключевых положений онтического структурного реализма Стивена Френча и Джеймса Ледимена является точка зрения, что если и можно допускать существование ненаблюдаемых объектов, то только в том отношении, что они представляют собой «узлы» какой-либо описываемой структуры [1]. В качестве элементов структуры они не обладают независимыми от совокупностей отношений характеристиками. В таком случае основной задачей, необходимой для обоснования онтологического приоритета структуры, будет демонстрация того, что представление о структуре без независимых объектов является в целом онтологически приемлемым. В связи с этим была предложена более умеренная версия онтического структурного реализма, основная идея которой в том, что физические структуры являются сетями конкретных качественных физических отношений между объектами, которые не

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики».
The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00120 «A Metaphysical Foundations for Natural Science Ontology: Real Patterns and Metametaphysics Project».

обладают какой-либо внутренней природой в дополнение к этим отношениям [2]. Соответственно, основной философско-методологический вопрос по отношению к такой интерпретации структурного реализма, – как в метафизическом плане здесь будут соотноситься структура и фиксируемые характеристики «объекта».

Говоря об онтологическом статусе характеристик применительно к научному реализму, по сути, у нас есть два варианта – либо обратиться к метафизике категориальных свойств Дэвида Льюиса, либо использовать один из вариантов метафизики причинных свойств. На наш взгляд, позиция Д. Льюиса представляется весьма неудобной: согласно метафизике категорических свойств, свойства являются исключительно качественными – то, что они собой представляют, не зависит от причинных или номологических отношений, в которые вступает объект, который должен обладать этими свойствами. Как отмечает Д. Льюис: «Это доктрина о том, что все, что есть в мире – это обширная мозаика частных локальных фактов – одна маленькая вещь следует за другой. У нас есть геометрия – система внешних отношений, описывающих пространственно-временное расстояние между точками. И в этих точках мы и обнаруживаем локальные качества – внутренние свойства» [3, p. xi-x]. Альтернативной позицией является признать, что сущность этих «внутренних свойств» так или иначе связана с причинными и номологическими отношениями, в которых они находятся. Как отмечает Майкл Эсфельд: «Свойства, понимаемые как диспозиции представляют собой не просто некие возможности, а реальные, действительные свойства, т.к. они вызывают определенные следствия» [4, p. 182]. Возьмем, к примеру, электрон, у него есть характеристика – «заряд», именно в силу заряда электрон обладает способностью «создавать электромагнитное поле», о котором, в частности, мы судим по тому, что противоположно заряженные частицы притягиваются, а одинаково заряженные – и отталкиваются. В этом смысле, в рамках метафизики причинных свойств, мы можем говорить, что физические законы являются метафизически необходимыми, поскольку они вытекают из природы тех свойств, которые описывают. Более того, метафизика причинных свойств, в том виде, как ее представляет М. Эсфельд, является более выигрышной, поскольку позволяет ввести представление о «причинной роли», в силу которой мы и выделяем данное свойство. Более того, такое представление дает возможность отказаться от дихотомии «структура» – «характеристика, отражающая значимую причинную роль структуры». Фундаментальные физические структуры, в силу фундаментальности, являются причинно-следственными сами по себе, нет необходимости постулировать лежащие в их основе причинные свойства, которые должны раскрывать природу этих структур.

В докладе мы отдельно разберем основные элементы концепции причинных свойств в интерпретации М. Эсфельда, и покажем преимущество причинной концепции по отношению к категориальной в том, что касается метафизической интерпретации структуры в структурном реализме. В качестве эвристики будут рассмотрены аргумент С. Псиллоса против согласованности онтического структурного реализма и концепции причинных свойств [5], а также – аргумент А. Чакраварти против приведенного понимания «фундаментальной физической структуры» (он принимает причинно-следственную теорию свойств, но принципиально не рассматривает фундаментальные физические структуры) [6].

Литература:

1. French S., Ladyman J. Remodelling Structural Realism: Quantum Physics and the Metaphysics of Structure // Synthese. 2003, vol. 136, pp. 31–56.
2. Ladyman, J. Structural Realism and the Relationship between the Special Sciences and Physics // Philosophy of Science. 2008, vol. 75, pp. 744–755.
3. Lewis D. Philosophical papers. Volume 2. Oxford University Press, 1986.
4. Esfeld M. The Modal Nature of Structures in Ontic Structural Realism // International Studies in the Philosophy of Science. 2009, vol. 23, pp. 179–194.
5. Psillos S. The Structure, the Whole Structure and Nothing but the Structure // Philosophy of Science. 2006, vol. 73, pp. 560–570.
6. Chakravartty A. A Metaphysics for Scientific Realism: Knowing the Unobservable. Cambridge University Press, 2007.

Критическое мышление и медицина

Барбашина Э.В.

ФГБОУ ВО Новосибирского государственного медицинского университета, заведующая кафедрой философии; профессор Института философии и права СО РАН. Доктор философских наук

linaba@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена обоснованию необходимости критического мышления в современной медицине, а именно – в медицинской деятельности, в процессе обучения в области медицины, а также – во взаимоотношениях врача и пациента. Ориентация на доказательную медицину как на основную парадигму современной медицины за рубежом основывается на применении критического мышления во всех областях медицинской деятельности. Обучение, ориентированное на формирование и развитие критического мышления, является более продуктивным с учетом нестандартных высокотехнологичных задач современной медицины, процессом хроникализации болезни, по сравнению с традиционным. Особую роль играет освоения навыков критического мышления пациентами с учетом актуализация одного из принципов биомедицинской этики – принципа автономии пациента.

Ключевые слова: критическое мышление, медицинская деятельность, доказательная медицина, медицинское образование, принцип автономии пациента.

Critical Thinking and Medicine.

Barbashina E.V.

Novosibirsk State Medical University, Department of Philosophy. Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the substantiation of the need of critical thinking in modern medicine, namely in medical professional activity, in the process of education in the field of medicine, and in the relationship between a doctor and a patient. The focus on evidence-based medicine as the main paradigm of modern medicine abroad is based on the application of critical thinking in all areas of medical activity. Education based on the formation and development of critical thinking is more productive in connection with non-standard high-tech tasks of modern medicine, the process of chronicity of the disease. A special role the development of critical thinking playes in relation between doctor and patient with actualization of one of the principles of biomedical ethics - the principles of patient's autonomy.

Key words: critical thinking, medical professional activity, evidence-based medicine, medical education, principle of patient's autonomy.

Необходимость применения критического мышления в медицине наиболее явно проявляется в трех областях: профессиональной медицинской деятельности; обучении и повышении квалификации; а также – во взаимоотношениях с пациентом.

Признание значимости критического мышления в медицине в начале 80-х годов прошлого века происходит во многом благодаря работам таких авторов, как R. Alfaro-LeFevre, R. Ennis, N. Facione, A. Fisher, P. Norris, R. Paul, M. Scriven. За сравнительно короткий срок произошел переход от теоретического обоснования н необходимости критического мышления в медицине к конкретным практическим рекомендациям, разработанным и апробированным методикам формирования критического мышления, способам верификации и определения уровня критического мышления у медицинских работников (например, Watson-Glaser Critical Thinking Appraisal (W-GCTA) in medicine).

Практически все виды медицинской деятельности (оказание медицинской помощи, санитарно-эпидемические мероприятия, профилактическая деятельность, медицинские осмотры и медицинские освидетельствования) [1] предполагают систематизацию данных, анализ информации, умения использовать в рассуждениях аргументы разного типа, оценивать аргументацию оппонентов. Другими словами, речь идет о необходимости определения проблемы, анализа способов ее решения и выбора оптимального решения в конкретных обстоятельствах. Как показывают многочисленные исследования, уровень решения медицинских проблем зависит не только от уровня профессиональных знаний, но и от процесса решения [2, 3] и рефлексии. Например, овладение одним из элементов критического мышления – анализом – способствует определению значимости элементов, конкретных ситуаций, отдельных смыслов пациента, повышает умение определять возможную и фактическую связь между вопросами, суждениями, а также дифференцировать проблему, аргументы и т.д. [4].

Значимость критического мышления в области медицинской деятельности возрастает в связи с тем, что основной парадигмой современной медицины является доказательная медицина (evidence-based Medicine, в русскоязычной литературе употребляются тождественные понятия: медицина, основанная на (научных) доказательствах или научно-доказательная медицина). Она понимается как как совокупность доказанных и многократно проверенных результатов клинических исследований, индивидуального врачебного опыта и ценностей, интересов конкретного пациента [5, 6]. Несмотря на имеющиеся возражения против доказательной медицины [6] именно она является стандартом современности так как основывается на многократно проверенных научно обоснованных данных, а не на традициях, рекомендациях, или, как вариант, информации рекламного характера.

Важное различие в понимании доказательной медицины связано с тем, что в англоязычной литературе обязательным элементом является учет интересов, ценностей, жизненных стратегий и ориентаций пациента. В русскоязычной литературе упоминание о пациенте, как правило, отсутствует. Это принципиально, так как цель применения и внедрения доказательной медицины заключается определении наилучшего варианты лечения или ухода за пациентом.

Вторая область взаимодействия критического мышления и медицины – медицинское образование, переподготовка и повышение квалификации. Основной целью выступает подготовка студентов, ординаторов, медицинских сестер к профессиональной деятельности. Однако в связи с высоким уровнем развития высокотехнологичной медицины в последние десятилетия большое внимание уделяется повышению квалификации врачей, их профессиональной подготовке.

Обучающийся условно проходит ряд ступеней овладения критическим мышлением в рамках медицинского обучения: нерефлексивная, начальная, практическая, стадия продвинутого критического мышления, стадия высокого критического мышления. Каждый этап характеризуется по трем показателям: контекст мышления, характеристики мышления, навыки мышления.

На первом этапе, на нерефлексивной стадии, обучающийся не способен осуществлять рефлексию, анализировать мыслительные процессы, не владеет информацией об элементарных мыслительных операциях. Его мышление характеризуется фиксацией на имеющихся знаниях, убеждениях, сформировавшихся оценках. Отсутствует способность к пониманию многозначности, многозадачности, не сформирована готовность овладевать новыми знаниями. Основными навыками является воспроизводство имеющегося алгоритма медицинских процедур вне зависимости от изменившихся условий. Преобладает единый (заученный подход) подход к решению проблем, основанный как правило на простейших, базовых операциях, например, запоминание.

Пятый уровень, стадия высокого критического мышления, характеризуется не только владением различными мыслительными операциями, знанием когнитивных теорий, но и тем, что процесс мышления «находится под контролем», трансформируется в зависимости от обстоятельств, целей, проблемы. Другими словами, происходит осознанная трансформация когнитивных стратегий и практических действий в решении проблемы. Мышление характеризуется вариативностью и стремлением выбора наилучшей стратегии решения проблемы, своей либо оппонента. Обязательным является готовность признать собственные ошибки, недочеты и предубеждения. Меняется отношение к неопределенности и временной нерешенности проблемы с негативного на нейтральное или позитивное. Неопределенность воспринимается как способ дальнейшего оптимального решения, выхода из «коридора мышления», как возможности нахождения новых, нестандартных способов решения проблемы.

Наряду со стандартными и зарекомендовавшими способами освоения критического мышления [7], которые являются базовыми и необходимым, в последние десятилетия развиваются новые эффективные способы: ведение «журнала рефлексий» [8,9 ,10, 11], ролевая рефлексия, «журнальные» дискуссии. Журнал рефлексий пишется на основе собственного опыта решения профессиональных задач [12], своих рассуждений в процессе принятия и исполнения решений, а также своих мыслей, ощущений после проделанной работы. Письменное «проговаривание» проделанной работы помогает зафиксировать основания, по которым принимается то или иное решение, сомнения, которые возникают в процессе принятия решения и, соответственно то, что является причиной этих сомнений, причины и условия в которых принимается решение и т.д. Возможным вариантом усиления данной технологии развития критического

мышления является соединение «журнала рефлексий» с теоретическими наработками и практическим опытом других [13]. Применение данной технологии привело повышению уровня критического мышления, а именно: повысились количественные показатели по генерации гипотез, выведения следствий из гипотез, сравнительному анализу, фиксации образов и расшифровки символов [11].

Ролевое моделирование основывается на рефлексии преподавателей. Безусловно, профессиональные знания, умения и навыки являются неотъемлемой характеристикой преподавателей [14]. Однако их влияние на обучаемых осуществляется самим процессом преподавания и передачи знаний. Продуктивным для развития критического мышления является способность преподавателя анализировать собственный процесс преподавания, стиль преподавания и коммуникации. Задача преподавателя создать среду для развития критического мышления студентов и практикующих медсестер, проходящих обучение, катализировать самостоятельность и независимость, опирающуюся на проверенных данные и собственный клинический опыт [15]. Одним из возможных путей является открытый анализ и проговаривание преподавателем что, как и почему он делает в плане педагогического обучения, публичный анализ методов, приемов обучения, признание недочетов и, естественно, достижений. Данный метод способствует пониманию очень важной характеристики критического мышления – готовность признать собственные ошибки и открытость к исправлению их, коррекции, улучшению. Данный метод работает против традиционализма и ригидности.

Следующая технология, позволяющая повысить уровень критического мышления, - неформальные дискуссии. Суть этого метода в том, что коллеги на основе собственного опыта, имеющего ограниченное применение, коллеги-единомышленники, представители той или иной группы, сформированной по интересу, месту работы, исследуемой проблем встречаются для неформального обсуждения. Несмотря на возникающие трудности технического порядка и организационного порядка, данный метод является также, как и предыдущие результативным [16, 17].

Третья область, в которой в последние десятилетия резко возросла значимость критического мышления – это сфера взаимодействия врачей, медицинских работников с пациентами. В более общем плане взаимоотношения с пациентом относятся к этико-коммуникационной сфере, в которую вовлечены врачи, средний медицинский персонал, пациенты, их родственники, представители общественности, психологи, юристы, представители средств массовой коммуникации и другие.

Отказ от однозначного доминирования патерналистской парадигмы во взаимоотношениях врач-пациент, актуализация принципа автономии пациента – все это, проводит к необходимости формирование навыков критического мышления у пациента [18] Принципиально важно, что решение пациентом должно быть принято на основе рациональной аргументации и в соответствии со своими жизненными планами. Врач должен исключить все виды манипуляции, принуждения и предоставить пациенту исчерпывающую информацию о последствиях возможных вариантов лечения.

В современном мире критическое мышление является необходимым элементов профессиональной деятельности врача, обязательной составляющей процесса обучения, подготовки, повышения квалификации медицинских работников, а также является обязательной характеристикой коммуникации врач – пациент.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 13.01.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020), статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/.
2. Elstein A.S., Shulman L.S., Sprafka S.A. Medical problem solving: an analysis of clinical reasoning // Science Technology Human Values. 1978. Vol. 3. P. 50–51.
2. Charlin B., Henny P.A., Custers E.J. Scripts and clinical reasoning // Med Education. 2007. Vol. 41. P. 1178–1184.
4. Facione N. C. Critical thinking assessment in nursing education programs: An aggregate data analysis. Millbrae: The California Academic Press. 1997.
5. McColl A., Smith H., White P., Field J. General practitioner's perceptions of the route to evidence based medicine: a questionnaire survey // BMJ. 1998. Vol. 316. P. 361–365.
6. Sackett D.L., Rosenberg W.M., Gray J.A., Haynes R.B., Richardson W.S. Evidence based medicine: what it is and what it isn't // BMJ. 1996. Vol. 312. P. 71–73.
7. Jenicek M., Hitchcock D. Evidence-based Practice: Logic and Critical Thinking in Medicine. Chicago: AMA Press, 2004.
8. Baker C. R. Reflective learning: A teaching strategy for critical thinking. Journal of Nursing Education. 1996. Vol. 35. P. 19–22.
9. Browne M. N., Keeley S. M. Asking the right questions—A guide to critical thinking. 4th ed. New Jersey: Prentice Hall. 1994.
10. Sedlak C. A. Critical thinking of beginning baccalaureate nursing students during the first clinical course. Journal of Nursing Education. 1994. Vol. 36. P. 11–18.
11. Fonteyn M. E., & Cahill M. The use of clinical logs to improve nursing students' metacognition: A pilot study // Journal of Advanced Nursing. 1998. Vol. 28. P. 149–
12. Price A. Encouraging reflection and critical thinking in practice // Nursing Standard. 2004. Vol. 18. P. 46–52.
13. Taylor B. Technical reflection for improving nursing and midwifery procedures using critical thinking in evidence based practice /// Contemporary Nurse. 2004. Vol. 13. P. 281–287.
14. Erickson-Owens D. A., Powell Kennedy H. Fostering evidence-based care in clinical teaching // Journal of Midwifery & Women's Health. 2004. Vol. 46. P. 137–145.
15. Dickerson P. S. Nurturing critical thinkers // Journal of Continuing Education in Nursing. 2005. Vol. 36. P. 68–72.
16. Kessenich C. R., Guyatt G. H., DiCenso A.Teaching nursing students evidence-based nursing // Nurse Educator. 1997. Vol. 22. P. 25–29.
17. Koziol-McLain J., Tanabe P. Reviewing the research literature: You don't have to do it alone // Journal of Emergency Nursing. 1996. Vol. 22. P. 352–359.
18. Барбашина Э.В. Принцип автономии пациента: возможное и действительное // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. № 449. С. 64-70. DOI: 10.17223/15617793/449/8

Критическое мышление сквозь призму методов И. Канта

Боброва А.С.

Российский государственный гуманитарный университет, доцент, к. филос. н.

angelina.bobrova@gmail.com

Аннотация: Критическое мышление – не только модное словосочетание, но и понятие, характеризующее особо ценный сегодня тип соединения мыслей. Мы стремимся воспитывать критически мыслящих людей, так как именно они могут успешно адаптироваться к жизни в постоянно меняющемся мире. В своем докладе я показываю, что современное понимание критического мышления предопределяется философией Нового времени. Вопрос обсуждается через призму разнообразия методов Канта (догматический, полемический, скептический и критический). Это многообразие не только проводит различия между мышлениями разного толка, но и уточняет смысл термина «быть критическим».

Ключевые слова: критическое мышление, практические логики, кантовские методы, критический метод, Просвещение.

Critical thinking through the lens of Kant's methods.

Bobrova A.S.

Russian State University for the Humanities

Abstract: Critical thinking is not only a trendy word but also a concept that stresses a unique and valuable type of thinking. We want to raise critically thinking persons as they can successfully adapt to our changing world. The paper demonstrates that the notion of critical thinking is predicated upon Modern philosophy. The question is discussed through the lens of Kant's variety of thinking (dogmatic, polemical, skeptical and critical methods). This variety draws necessary distinctions among good thinking and specifies the meaning of "being critical."

Keywords: critical thinking, practical logics, Kant's methods, critical method, Enlightenment.

[i] Навыки критического мышления, креативного мышления, коммуникации и кооперации, кажется, обсуждаются повсеместно. Среди перечисленных 4К критическое мышление выделяется в особую группу: его обсуждают философы и логики, о нем говорят психологи и педагоги, упоминают даже специалисты по кадрам при приеме на работу. Этот термин трактуется как желаемая цель образования, является вывеской для одноименных курсов, так как указывает на особо ценный в наши дни тип мышления. В чем заключается рассматриваемая способность? Почему она оказалась настолько важной? В своем докладе я предлагаю обратиться к истории и посмотреть на философские предпосылки этого понятия. Анализ сквозь призму логики и философии вместо широко распространенного педагогического ракурса позволяет не только глубже заглянуть в суть мышления, которое сегодня принято называть критическим, но и оценить его с нового, возможно, для кого-то даже неожиданного ракурса, выявить отличительные черты, но может внесли свой вклад и в обсуждение смежных проблем, например: уместно ли различать критический и креативный способы соединения мыслей. Оставляя в стороне саму дискуссию, замечу, что история говорит в пользу чрезвычайно тесной связи критической и креативной способностей, что в наши дни М. Баумтрог называет «критически креативной способностью» [1].

Образовательную составляющую понятие «критическое мышление» приобретает во многом благодаря англосаксонской модели образования. Довольно хорошо известная история этого процесса, идеологом которого становится опять же философ Дж. Дьюи [2], кратко изложена Д. Хичкоком в его одноименной энциклопедической статье [3]. Между тем образование стоит рассматривать лишь в качестве одного из возможных прикладных направлений, а критическое мышление продуктивнее понимать намного шире. Перед нами мышление, транслирующее установки основ западной философии последних столетий. Оно, безусловно, рациональное, а потому в первую очередь связывается с развитием логического знания. Столь широкий взгляд позволяет некоторым исследователям в поисках истоков обращаться уже к Сократу [4]. В настоящей же работе я покажу, что в современном понимании критическое мышление зарождается и формируется в XVII столетии (Р. Декарт, логика Пор-Рояля), а наивысшего рассвета оно достигает в эпоху Просвещения [5]. Критическое мышление – своеобразная философия Нового времени.

Основная часть доклада будет посвящена анализу кантовских методов познания: догматического, полемического, скептического и критического [6]. Характеристика каждого метода не только способна оттенить суть критического, но и показать его уникальность. Она может пояснить, почему критическое мышление должно считаться и считается наилучшим, на что нельзя не обращать внимания в эпоху его популярности. Очевидно, что термин «критический» для Канта означает далеко не то, к чему мы привыкли сегодня: в данном случае мы не увидим акцента на способностях оценки аргументов и опровержения их слабых версий. Критический метод, по мнению немецкого философа, направлен на постижение новых истин и открытие новых горизонтов. Он базируется на положении, что в спорах и размышлениях людей разделяет не односторонняя истина, а свойственное всем участникам заблуждение. По этой причине «необходимо не просто принимать одну или другую сторону, а, скорее, вскрывать эту ложную предпосылку, для того чтобы на этом пути окончательно устранить предмет спора» [6, с. 74]. И именно такое понимание, как показывает наша история, оказывается наиболее продуктивным.

Как выработать в себе такую способность? Как ее смоделировать, если это вообще возможно? Эти вопросы требуют пристального внимания, но и они вовсе не обязывают нас ограничиваться положениями, транслируемыми в современных работах по данной проблематике (хотя я далека от того, чтобы их отвергать). В рамках исторического экскурса ответы можно, например, искать в так называемых практических логиках, самыми известными версиями которых будут, пожалуй, логики Пор-Рояля [7] и Х. Вольфа [8]. Это направление еще ждет своего осмысления, однако его возможная эффективность видна уже сейчас [9].

Итак, четкая цель и готовность к открытиям – ключевые составляющие критического метода – являются неоспоримым преимуществом кантовского решения: его критический метод не ограничивается оценкой имеющихся аргументов, а предполагает разностороннее рассмотрение каждой ситуации (если эти стороны еще не известны, их следует искать), открытие скрытых проблем и поиск новых решений. Такой подход позволяет отделять фундаментальные признаки критического мышления от вспомогательных: если мы принимаем то, что критический способ размышления в первую очередь направлен на расширение имеющихся знаний субъекта, то идентификация предрассудков, умение анализировать аргументы и т.п. оказываются необходимой, но все же его производной составляющей. Все это, во-первых, вносит свой вклад в проблему определения [10, 11], уберегая понятие от выхолащивания, а во-вторых, возвращает критическое мышление в лоно философской традиции, подчеркивая тем самым ценность философии и логики самих по себе, а также необходимость их присутствия в рамках образовательных программ.

Литература:

1. Baumtrog M.D. Others and Imagination in Reasoning and Argumentation: Improving our Critical Creative Capacity // Informal Logic. 2017. Vol. 37. Issue 2. P. 129–151.
2. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. Н.М. Никольской. - М.: Совершенство, 1997. 208 с.
3. Hitchcock D. «Critical Thinking», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/critical-thinking/>.
4. Corcoran J. Critical Thinking and Pedagogical License // Manuscrito. 1999. No. XXII. P. 109–116.
5. Battersby M. Enhancing Rationality: Heuristics, Biases, and the Critical Thinking Project // Informal Logic. 2016. Vol. 36. Issue 2. P. 99–120.
6. Хинске Н. Значение проблемы метода в мышлении Канта: о связи догматического, полемического, скептического и критического метода // Иммануил Кант: наследие и проект. М.: Канон+, 2007.
7. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить, где помимо общих правил содержаться некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. М.: Наука, 1991.
8. Вольф Хр. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной изданы. Спб., 1765.
9. Dufour M. Old and New Fallacies in Port-Royal Logic // Argumentation. 2019. Volume 33. Issue 2. P. 241–267.
10. Боброва А.С. Критическое мышление. Проблема определения // РАЦИО.ru. № 18(1). С. 26–36.
11. Johnson R. H., Hamby B. A. Meta-Level Approach to the Problem of Defining 'Critical Thinking'// Argumentation. 2015. Vol. 29. P. 417–430.

i Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00889 А).

Аргументация как способ развития навыков и установок критического мышления

Горбатов В.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», старший преподаватель

vgorbatov@hse.ru

Аннотация: В данной работе анализируется и обосновывается модель критического мышления как интериоризированной культуры дискуссии. В рамках этой модели ключевую роль играют не знания и когнитивные способности, а диспозиции и установки мышления. Доступ к ним лежит не через работу с мыслительным инструментарием непосредственно, а через овладение техниками аргументации.

Ключевые слова: установки критического мышления, диспозиции критического мышления, интеллектуальные добродетели, аргументация, культура дискуссии.

Argumentation as a way to develop critical thinking skills and attitudes.

Gorbatov V.V.

National Research University Higher School of Economics

Abstract: In this paper, we analyze and substantiate a model of critical thinking as an internalized culture of discussion. Within this model, the key role is played not by knowledge and cognitive abilities, but by thinking dispositions and attitudes. We can access them not through working directly with mental tools, but through mastering the techniques of argumentation.

Keywords: critical thinking attitudes, critical thinking dispositions, intellectual virtues, argumentation, culture of discussion.

В современной исследовательской и методической литературе по критическому мышлению представлен широкий спектр подходов к его описанию, концептуализации, преподаванию и измерению. Для одних центральным является понятие информации и информационных процессов, для других – понятие убеждения и методов его формирования (belief formation), для третьих – принятие решений (decision making). Кто-то во главу угла ставит коммуникацию, кто-то онтологию, кто-то интеллектуальные добродетели. Наиболее взвешенным определением является, на наш взгляд, следующая дефиниция, сформированная на основе широкого консенсуса специалистов и представленная на международной конференции 1987г.:

Критическое мышление – это интеллектуально дисциплинированный процесс активного и умелого анализа, концептуализации, применения, синтезирования и оценки информации, приобретенной из непосредственного опыта, а также полученной из размышлений или коммуникации, служащей ориентиром для убеждения и действия. [1]

Согласно данному определению, аргументация служит одним из путей получения информации – она позволяет извлекать основания для убеждений и действий из коммуникации с другими людьми и, в определенной степени, из автокоммуникации (внутреннего диалога индивида с самим собой, нацеленного на рефлексию и выработку решения).

Так, например, Липман [2] видит ключ к формированию критического мышления в правильном преподавании философии. Для него понятие критического мышления в значительной степени является плеоназмом, поскольку любое правильно сконструированное и ясное мышление является критическим. Другим словами, главной фигурой в развитии у студентов критическом мышления является преподаватель, работающий непосредственно с их мыслительным инструментарием, учитывая когнитивную архитектуру и этап развития когнитивных способностей. Важными вехами этой когнитивно-психологической традиции являются работы Ж.Пиаже, Л.Кольберга, Л. Выготского, Р. Штейнера.

С другой стороны, после работ Р. Энниса [3] устоялось различение способностей (abilities) и диспозиций критического мышления, что открыло дорогу к переосмыслению образовательных целей в терминах не просто мыслительных навыков (skills), но также установок (attitudes) и компетенций (competences). Вот примерный перечень диспозиций критического мышления по Эннису [4]:

- Искать и предлагать ясные утверждения как объект умозаключения или вопрошания
- Искать и предлагать ясные основания (reasons), ясно осознавать их связь между собой и с заключением
- Стремиться быть хорошо информированным
- Использовать заслуживающие доверия источники и наблюдения, упоминать их явным образом
- Принимать во внимание всю полноту аспектов каждой ситуации
- Держать в уме основные цели и задачи (concerns) в рамках заданного контекста
- Быть открытым к альтернативам
- Быть непредвзятым (open-minded)
- Формировать или изменять позицию, когда для этого есть достаточные свидетельства (evidences) или основания (reasons)
- Стремиться к максимальной точности, насколько позволяет предмет исследования
- Стремиться к истине, когда это имеет смысл
- Применять навыки и диспозиции критического мышления

Рекурсивный характер последнего пункта указывает на то, что при таком подходе важнее всего оказываются личностные характеристики индивида, его «диспозиции к применению диспозиций». На наш взгляд, более адекватно такие качества выражаются в понятии отношения (attitude) или интеллектуальной добродетели (intellectual virtue).

Концептуальные различия между мыслительными диспозициями и установками, конечно, существуют, но в контексте данного рассмотрения они носят не субстанциальный, а скорее аспектуальный характер. Так, диспозиции представляют собой нечто внешнее и наблюдаемое по отношению к сознанию индивида, они проявляются в поведении и представляют собой, по сути, хорошо интериоризированные навыки. Установки же чаще описываются как нечто внутреннее, интенциальнальное и квалитативное, они переживаются феноменально и близки к интеллектуальным добродетелям (рассудительность, интеллектуальная скромность и т.д.)

В современной философии образования традиция интеллектуадьной аретологии представлена двумя основными направлениями: релайабилизм и респонсилибилизм (см. [5]). Релайабилизм (Д. Притчард, Э. Соса) связывает интеллектуальные добродетели с надежностью инструментов получения знания, в то время как респонсибилизм (Л. Загжебски) описывает их как элементы сознательного и ответственного мышления (интеллектуальная дерзость, интеллектуальная скромность, интеллектуальная честность, интеллектуальная автономность).

Но если главные образовательные цели куров критического мышления лежат не в области способностей и навыков, а в области диспозиций, установок и интеллектуальных добродетелей, то какая категория средств является наиболее адекватной таким целям?

Наш пятилетний опыт реализации курса «Критическое мышление» в бакалавриате НИУ ВШЭ свидетельствует о том, что наибольшей эффективностью отличаются разделы, посвященные теории и практике аргументации. Вместе с коллегами (Ю.В. Горбатова, Т.В, Пащенко, А.С. Мишура, В.В. Селиверстов, Г.В. Максудова-Елисеева) мы разработали систему практических инструментов, которые способствуют не просто развитию красноречия и навыков саморепрезентации, но повышают осознанность, непредвзятость, независимость, внимание к деталям:

- Дебаты (британский парламентский формат) с формализованной рефлексией
- Формализованные карты оценки аргументов
- Аргумент-карты
- Карты эмпатии
- Карты интент-анализа
- Карты вопросов и ответов

Обобщая этот практический опыт, можно сформулировать следующий тезис: аргументативные практики и техники являются наиболее прямым и эффективным инструментом формирования и развития критического мышления в рамках университетского образования, поскольку критическое мышление есть не что иное как хорошо интериоризированная культура дискуссии.

Литература:

1. Scriven, M., & Paul, R. W. (1987) Critical thinking as defined by the national council for excellence in critical thinking // 8th annual International Conference on Critical Thinking and Education Reform, Summer 1987.
2. Lipman, M. (2003) Thinking in Education (2nd ed.) Cambridge: Cambridge University Press
3. Ennis, R.H. (1987) A taxonomy of critical thinking dispositions and abilities // Teaching Thinking Skills: theory and practice. Baron, J. B. and Sternberg, R.J. (eds), New York: W.H.Freeman, 9-26
4. Ennis R. Critical Thinking Across the Curriculum: A Vision. Topoi (2018) 37:165–184
5. А.Р. Каримов, В.А. Казакова. Теория интеллектуальных добродетелей и современное образование. // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2014, №5, с. 155-162

Субъект аргументации: феноменологический подход

Крючкова С.Е.

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, профессор. Доктор философских наук

Skryuchkova@hse.ru

Аннотация: Построение теории аргументации предполагает предварительное решение ряда эпистемологических проблем, важное место среди которых занимает про- блема субъекта. Автором оценивается методологический потенциал феноменологиче- ского подхода, использующего идеи смысла и интерсубъективности. Обосновывается, что данный подход позволяет выявлять механизмы моделирования субъектом - аргумен- татором сознания адресата. Вместе с тем, он не может быть основой в поисках уни- версальной нормативности.

Ключевые слова: аргументация, субъект, смысл, феноменология, интерсубъек- тивнось, когнитивизм

Subject of argumentation: a phenomenological approach Round table “Critical Thinking and Argumentation”.

Kryuchkova S.E.

National Research University - Higher School of Economics

Abstract: Constructing the theory of argumentation presupposes a preliminary solution of a number of epistemological problems, among which an important place is occupied by the problem of subject. The author evaluates the methodological potential of the phenomenological approach with its use of the ideas of meaning and intersubjectivity. It is proved that this ap- proach allows us to reveal mechanisms of modeling by the subject - argumentator of the recipi- ent’s consciousness. However, it cannot be the basis in the search for universal normativity.

Keywords: argumentation, subject, meaning, phenomenology, intersubjectivity, cognitivism

Исследования природы аргументативного дискурса, как феномена «взаимодействия умов» (Х.Перельман), ведущего к «рационально-прагматическому консенсусу» (К.-О. Апель), заметно активизировались в условиях широкого распространения медийных практик, породивших прагматическую потребность в новых стандартах полемических коммуникаций. На авансцену непрекращающихся дискуссий о самой возможности со- здания общей теории аргументации (ТА), которая бы обладала статусом универсальной дискриптивно-нормативной дисциплины, содержащей набор правил (способов изменения убеждений), гарантирующих субъекту аргументации согласие адресата, в последнее время вышли проблемы методологии.

В настоящее время существует множество дисциплинарно автономных подходов (философский, коммуникационный, культурно-исторический, когнитивный, феноменоло- гический и др.), а также альтернативных моделей ТА (от неформальной логики до диалек- тической прагматики), представители которых считают, что ТА имеет право на собствен- ное бытие. Взаимообогащение методологий дисциплин, изучающих аргументативный дискурс, а также трансляция методов когнитивных дисциплин на проблемное поле ТА, позволяют поставить проблему ее создания «заново».

Фокусировка на субъекте (агенте, как сегодня часто его называют) аргументации, вызванная возрождением интереса к прагматике, к естественно-языковым рассуждениям, к практической логике – мейнстрим современных исследований аргументативного дис- курса. Такое центрирование создает новую архитектонику предмета аргументации, в ко- торой субъект с его знаниями, мнениями, верованиями, ценностями, убеждениями, логи- ческой компетентностью, психологическими особенностями и т.п., становится главной институцией, позволяющей, к примеру, проводить границы между обоснованием, убеж- дением и практическим рассуждением [1].

Предварительным условием изменения поведения другого человека (как одной из целей аргументации) является не привнесение норм и идеалов извне, а изменение его ментальности. Поэтому в случае с аргументативным дискурсом, понимаемым как форма трансляции личностных смыслов, особое значение приобретает т.н. проблема «чужих со- знаний», в решении которой особое место занимает

феноменология, манифестировавшая в свое время интерсубъективную программу обоснования человеческого мышления.

Методологический потенциал феноменологической концепция Другого позволяет не только преодолеть субъект-объектную схему, традиционно присутствующую в теоре- тическом осмыслении распределения ролей субъектов в аргументативном дискурсе, но и способствует прояснению конструктивно-проективной деятельности агента аргументации.

Гуссерль продолжил в гносеологическом ключе «картезианские размышления» с их интуицией Я, порождающего Другое Я. Он поставил весьма важный для разработки методологии ТА вопрос: «как я могу конституировать в себе другое Я?» [2, с.162], как можно проникнуть в смысловое пространство Другого, если оно не может быть предме- том восприятия? Это в нашем случае вопрос о том, как аргументатор представляет себе мысленное поле адресата?

Гуссерль в свое время озвучил мыслительные интуиции, методологический потен- циал которых представляется продуктивным для понимания механизма конструирования модели сознания Другого. Другой у Гуссерля - проекция Я, результат экстериоризации собственных ментальных состояний с помощью метода аппрезентативно-апперцептивного переноса. При этом неизбежно возникает ряд вопросов: а как возможно в таком случае адекватное конструирование (диагностика) личности Другого в ходе феноменологической редукции? Не приведет ли гуссерлевское «очищение опыта» от «естественной установки» к лишенности Другого всякой личностной специфики, и не утратится ли в этом случае у Я (аргументатора) само желание коммуницировать с таким Другим (адресатом)? Гуссерлю удалось избежать подобной опасной ситуации, используя как аргумент идею интерсубъ- ективности и концепт «жизненного мира», включающий в себя мысленное поле адресата, его интересы, привычки, семью и т.д. Мир здесь выступает интерсубъективной средой, в которой конструируются разные личностные и социальные смыслы, а аргументативный дискурс – той территорией, на которой они с помощью языка встречаются и каждый раз заново взаимоактуализируются. В связи с этим концепция смысла, в частности идея дву- стороннего смысла, справедливо представляется ряду исследователей весьма продуктив- ной для разработки ТА.

Методология феноменологического подхода, выявляющая механизм смыслообра- зования, позволяет также иначе взглянуть на такое традиционное требование к речи ар- гументатора, как адресность. Если личность адресата в логических моделях ТА выносит- ся «за скобки», то в современных неориторических моделях (Х.Перельман) она занимает важное место. Здесь адресность выступает как нормативное требование максимального учета особенностей личности адресата, его эмоционального состояния и когнитивных способностей. Однако замечено, что этот императив часто подрывается эмпирией, а имен- но: парадоксальными примерами успешности и эффективности т.н. «безличностной ар- гументации», к примеру, художественного слова. Это ставит под сомнение универсаль- ность принципа адресности сообщения.

С точки зрения феноменологического подхода такой эффект «резонанса в целое» (Т. де Шарден), в ходе которого происходит успешная передача смыслов, есть не что иное, как встраивание транслируемого интерсубъективного смысла в концептуальную си- стему конкретного субъекта в ходе аргументации. Именно за счет безадресности «адре- сату оказывается проще встроить транслируемый смысл в свою концептуальную систему, преобразовать интерсубъективный, объективный смысл сообщения в личный, субъектив- ный смысл» [3, с.117]. Тем самым, к успеху безадресную аргументацию ведет понимание, возникающее в ходе сонаправленного интенционального акта, что и позволяет адресату увидеть интерсубъективные смыслы не как внешние, навязываемые аргументатором адре- сату путем монологической убеждающей речи в ситуации полемической коммуникации, а как собственные, рождающиеся здесь и сейчас в процессе диалога. Создание (и пережива- ние) новых смыслов ходе убеждающего общения возможно лишь тогда, когда аргумента- тор и адресат – моменты когнитивной целостности, трансформирующие друг друга в ходе диалога. Таким образом, аргументация с точки зрения феноменологического подхода – это встречная взаимоактуализация смыслов, которая возможна лишь при условии суще- ствования «общего поля» смыслов, формируемого той или иной системой культуры.

Вместе с тем, несмотря на наличие у феноменологической концепции Другого по- зитивного эвристического потенциала, гносеологический тупик, возникающий вслед- ствие понимания Другого, в первую очередь, как продукта рационально-аналитического конструирования, а также контекстная зависимость, крайне сужают возможности исполь- зования данного подхода в качестве основы для

разработки методологии ТА.

Вместе с тем, феноменологический подход может быть «вписан» в более широкий когнитивный подход, для которого аргументация – не только способ рассуждения, но и форма мышления субъектов, постоянно изменяющих друг друга в каждом акте сознания, в ходе которого происходит порождение «представления адресата в уме субъекта» [4, с.14]. Такое представление позволяет вырабатывать более эффективные стратегии по из- менению точки зрения адресата.

Поднимая новый пласт проблем, когнитивный подход, в силу своего междисци- плинарного характера, способен ассимилировать результаты, накопленные в области раз- личных дисциплин, исследующих диалоговые взаимодействия в ходе социально- культурных практик. Когнитивизм - пространство, на котором возможно сближения раз- личных концептуальных аппаратов, создание «единого языка», что весьма актуально в условиях отсутствия у специалистов конвенций относительно дефиниций даже таких ключевых понятий как «аргументация» и «убеждение». Это в перспективе могло бы привести не только к созданию универсального категориального поля ТА, но и к появлению более твердой нормативности, чем, к примеру, в моделях синтетического типа, таких как прагма-диалектическая или прагма-лингвистическая

Литература:

1. Лисанюк Е.Н. Когнитивные характеристики агентов аргументации // Вестник СПбГУ. 2013. № 6. Вып.1. С. 13-21.
2. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем В.И.Молчанова. М.: Академический проект, 2010. 229с.
3. Зайцев Д.В., Зайцева Н.В. Moroz и солнце. Интерсубъективность в аргументации // Мысль. Ежегодник С.-Петербургского философского общества 2006. №6. СПб. С.110-120.
4. Брюшинкин В.Н. Когнитивный подход к аргументации // Модели рассуждений – 3. Калининград: Изд-во РГУ им.Канта. С.9-28.

Два подхода к философии критического мышления

Лисанюк Е.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры логики. Доктор философских наук

e.lisanuk@spbu.ru

Аннотация: В докладе предлагается учесть опыт отечественной традиции такого раздела философии как логика и методология науки при создании философии критического мышления, которая необходима в свете внедрения компетенций критического и системного мышления в госстандарты третьего поколения. Сформулированы различия между академическим и прикладным подходами к критическому мышлению: академический подход фокусируется на когнитивных умениях аргументации и оценки достоверности суждений; прикладной подход нацелен на создание перечня когнитивных навыков, и критическое мышление определяет как их совокупность. Выделены три трактовки критического мышления в отечественной академическом подходе и показано, что они близки американскому академическому подходу, но американские академический и прикладной подходы взаимодействуют более тесно, чем отечественные подходы. На основе сопоставления американской традиции преподавания критического мышления и отечественной традиции логики методологии науки делается вывод о необходимости усиления практической направленности философии критического мышления.

Ключевые слова: критическое мышление, логика и методология науки, практическая логика, аргументация, обучение критическому мышлению.

Two approaches to philosophy of critical thinking.

Lisanyuk Elena Nikolayevna

St Petersburg State University

Abstract: In creating the philosophy of critical thinking which is relevant in the light of introducing the competencies of critical and systemic thinking into the federal state standards of the third-generation, we propose to take seriously the domestic tradition the logic and methodology of science. The academic approach to the critical thinking focuses on the cognitive skills of reasoning and assessing the reliability of judgments; the applied approach is aimed at creating a list of cognitive skills, it treats the critical thinking as their combination. There exist three trends in the domestic academic approach to the critical thinking, which are close to the American academic approach. However, the American academic and applied approaches interact more closely than the two domestic approaches. We compare the American tradition of teaching critical thinking and the domestic tradition of the logic and methodology of science and recommend to enhance the practical part of the philosophy of critical thinking.

Keywords: critical thinking, logic and methodology of science, practical logic, argumentation, teaching critical thinking.

[i] Существует два подхода к критическому мышлению, условно их можно назвать академическим и прикладным. Первый фокусируется на одном или нескольких ключевых его свойствах или связанных с ним умениях. Такой подход к критическому мышлению демонстрируют философы и преподаватели вузов, где философию часто отождествляют с критическим мышлением. Европейская традиция трактует обучение философии как обучение свободе и критическому рассуждению против любого доктринального давления [1, с. 16], в отличие от американской традиции, в которой критическое мышление – это совокупность когнитивных навыков, а также педагогическая технология научения им [2, с 39]. Внутри академического подхода можно выделить три направления, рассматривающие критическое мышление

- как практическую логику, учитывающую контекст и субъекта рассуждения [3, с. 196], в отличие от формальной логики, которая от них отвлекается;
- в духе неформальной логики с ее диалоговой и коммуникативной оценкой эффективности рассуждения и оценкой аргументов по их приемлемости и достаточности для аудитории [4, с. 50-51], где учитывается не только контекст и субъект рассуждения, но также его адресат;
- в мировоззренческом ключе, как образованность [5, с. 47-48] или необходимый инструмент и совокупность социально-коммуникативных навыков, возникающих в результате университетского обучения [6, с. 64].

i Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РФФИ 20-011-00485 Делиберативная аргументация между рассуждением и действием.

Прикладной подход нацелен на создание исчерпывающих или ранжированных списков навыков и умений, овладение которыми определяют как критическое мышление, он характерен для психологов, педагогов школ и институтов управления образованием. Такой подход реализован в Международной программе по оценке образовательных достижений учащихся (англ. Programme for International Student Assessment, PISA), а также в международной программе «Развитие критического мышления через чтение и письмо» (РКМЧП), проводившейся в России в конце 90-ых – начале 2000 – ых гг. Сторонники прикладного подхода трактуют его сугубо инструментально, что позволяет разрабатывать перечни его свойств, описание соответствующих им когнитивных и коммуникативных навыков, а также методики их проверки у респондентов [7]. Американская педагогическая ассоциация предлагает список из 21 навыка, связанного с критическим мышлением. В этот перечень входят осознанность собственных умственных действий, включающая саморефлексию сознания; самостоятельность, или умение ставить новые задачи, разрабатывать планы решения и решать их без помощи других людей или в команде, когда потребуется; целеустремленность; способность оценивать утверждения и события по каким-либо критериям; обоснованность суждений, своих и других людей. Критическое мышление как подобная совокупность навыков в отечественной психологии «рассматривается в качестве важнейшего канального фактора для подрыва любых попыток манипулятивной эксплуатации несовершенств человеческой психики и мышления [8, с. 62].

Сотрудничество академического и прикладного подходов к критическому мышлению - весьма желательное, но нечастое явление, как у нас в стране, так и за рубежом. Оно могло бы способствовать повышению качества и адресности тестов и других оценочных средств, используемых для проверки навыков критического мышления, внедрению инновационных и интерактивных методов и приемов обучения критическому мышлению, а также повышению культуры рационального мышления в обществе.

Понятие критического мышления в том смысле, в каком оно имплементируется в ФГОС третьего поколения, находится в русле прикладного подхода, представляет собой учебно-методическую разработку научения критическому мышлению и имеет американское происхождение. В американской традиции академический и прикладной подходы находятся в более тесном сотрудничестве, чем это имеет место в европейской или российской традиции. Взаимодействие академического и прикладного подходов демонстрирует определение критического мышления в Дельфи-докладе – манифесте критического мышления, составленном ведущими философами, педагогами и специалистами в области социальных и гуманитарных наук США. «Под критическим мышлением мы понимаем целенаправленное, саморегулирующееся (рас)суждение, которое имеет своим результатом интерпретацию, анализ, оценку и умозаключение, а также объяснение фактологических, концептуальных, методологических, критериологических или контекстуальных соображений, на которых это (рас)суждение основано» [9].

В американском академическом подходе критическое мышление сводится к совокупности практических навыков аргументации, включающих поиск и идентификацию аргументов в тексте и речи, их анализ и оценку. Значительную роль здесь играет практическая и неформальная логика. Манифестом американского академическом подхода можно считать определение критического мышления, принадлежащее Н. Муру и Р. Паркеру, - авторам одного из влиятельных американских учебников по критическому мышлению. «Критическое мышление – это внимательное применение разума в том, чтобы установить, является ли то или иное утверждение истинным… критическое мышление - это не столько о том, чтобы *придумывать* утверждения, истинные или нет, это *оценка* утверждений, независимая от того, каким образом мы к ним приходим». [10, с. 3] От этого не слишком отличается взгляд Д. Халперн, психолога и видного представителя американского прикладного подхода: критическое мышление – это совокупность когнитивных техник и стратегий, повышающих вероятность получения желаемого конечного результата и эффективность стратегий поведения, основанных на навыках критического мышления [11].

Американский академический подход похож на то, что в советской высшей школе называли «логика и методология научного познания». Отличаются они тем, что в американской традиции главный упор делается на усвоение соответствующих навыков и необходимых для этого теоретических знаний

по аргументации и логике, и предполагается, что они важны и полезны всем людям без исключения. Критическое мышление сделает тебя лучше, обещают своим студентам Н. Мур и Паркер, но не в том смысле, что лучше станешь именно ты, но оно сделает лучше и проще жизнь каждого, кто им овладеет [10, с. 3].

В отечественной традиции главный упор делали на усвоение корпуса теоретических знаний по логике и философии науки, и подразумевалось, что практические навыки их применения будут выработаны в ходе непосредственной научной деятельности обучающихся. Концептуальное основание этой отечественной традиции - научная методология познания, обеспечивающая конечный результат – познание истины. Научной методологии отводили главную роль в критическом анализе, и предполагалось, что отдельного обучения применению этой методологии и навыков критического анализа не требуется. Однако сегодня, в эпоху пост-правды, все сильнее заметны симптомы того, что научная методология познания уступила свою главную роль многоголосию подходов и приемов оперирования знаниями и убеждениями. «Современное состояние постмодерна саму науку превращает в проблему, с которой культура еще не решила, что делать. Но это же и проблематика вытеснения науки другими гуманитарно ориентированными формами познания, например эзотерикой, и ее последствия для общества и культуры, когда его сознание перестает быть научным и рационально философским. … Современное состояние науки ставит под вопрос и тот тип образования, какой сложился за последние века, и привычный тип политики, права, даже самой экономики, обожествлявшейся на протяжении трех столетий». [12, с.4]

Особенность американского академического подхода к критическому мышлению заключается в его тесной связи с разумным поведением вообще, независимо от того, где и в какой ситуации находятся рассуждающие субъекты. Н. Мур и Паркер полагают, что «поскольку наши действия обычно зависят от того, какие мысли или идеи мы принимаем, постольку от того, насколько хорошо мы рассматриваем эти мысли или идеи, зависит и то, разумные ли вещи мы делаем». Они подчеркивают, что желание и способность применять критическое мышление делают людей и их решения лучше, идет ли речь о том, на какой курс по выбору записаться в университете, о том, стоит ли США начать войну с Ираном, или о том, является ли глобальное потепление серьезной угрозой [10, с. 4].

Отечественная традиция изучения логики и методологии науки предназначала эти знания исключительно для научной деятельности. Даже в тех случаях, когда исследователи научной методологии в качестве сферы ее применения пытались выйти за рамки исключительно научной деятельности, они все равно рассматривали последнюю как некий идеал: «Ведь рассуждение и исследование почти синонимы: значительная часть исследования осуществляется в форме рассуждения, и поэтому логика, описывающая рассуждение, будет вместе с тем логикой научного исследования» [13]. По разным причинам, включая политические, в нашей стране это следование логики и методологии научного исследования, в русле аналитической философии XX в, которая стремилась сама сделаться наукой или «неким подобием специального научного исследования», оказалось куда более влиятельным и продолжительным, чем в других странах. Сегодня, когда отечественная философия вышла «на воздух реальной жизни из той башни, в которую сама себя заточила в последние десятилетия» [14, с. 54], она обнаружила, что значительная часть из разработанных ею методов и подходов по-прежнему востребована и горизонт их востребованности существенно расширился. Однако на том поле, где они могут быть применены, имеется много конкурентов из разных наук и пара-научных подходов к знаниям.

Таким образом, критический анализ и методология научного познания, выработанные отечественной философией и известные нам под рубрикой «логика и методология науки», могут найти свое применение в том, чтобы создать философию критического мышления. Это возможно, если философия включит в свой предмет генерирование мотивации их применять, как это делается в критическом мышлении, которое, с одной стороны, призывает критический анализ на подмогу разумному поведению, обещая каждому повысить эффективность в достижении практических целей, а с другой стороны, не дает в этом вопросе никаких гарантий, выступая за самостоятельность рассуждающего и возлагая на него ответственность за результаты рассуждений и поступков.

Литература:

1. Philosophy: A School of Freedom. Teaching Philosophy and Learning to Philosophize. – Paris: UNESCO Publ., 2007. 279 p.
2. Темпл Ч. Развитие критического мышления через чтение и письмо в системе высшего образования: стратегии для использования в любых предметных областях: проект РКМЧП. Нью-Йорк: Институт «Открытое общество», 2002. 46с.
3. Сорина Г.В. Критическое мышление и метод экспертных групп // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 3. № 1. С. 194-209.
4. Грифцова И.Н. Мысленный эксперимент и логика // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 48-52.
5. Никитин В. Е. Кризис образования и философия // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений (Методические записки, вып. 5). М. ; СПб., 2009. С. 41—50.
6. Горьков И. А. Критическое мышление и современное гуманитарное образование // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2017. № 1. С. 62—68.
7. Волков Е.Н. Тесты критического мышления: вводный обзор // Психологическая диагностика. 2015. № 3. С. 5-23
8. Ярославцева И. В., Дорохина С. А. Критическое мышление пожилых людей – жертв мошеннических действий: теоретический и прикладной аспекты исследования // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология» 2016. Т. 15. С. 60–71.
9. Facione P. A. et.al. Complete American Philosophical Association Delphi Research Report. The California Academic Press, 1990. URL: http://eric.ed.gov/?id=ED315423 Дата обращения: 29.02.2020.
10. Moore B. N., Parker R. Critical Thinking. 9 ed. NY: McGraw-Hill, 2009. 564p.
11. Хэлперн Д. Психология критического мышления СПб: Питер, 2000. 512 с.
12. Павлов А.В. Логика и методология науки. Учебное пособие. М.: Флинта, 2010. 430 с.
13. Щедровицкий Г.П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки // Научный фонд им. Г.П. Щедровицкого. Доклад 07.06.1965, записи семинаров, в рукописи. URL: https://www.fondgp.ru/old/gp/biblio/rus/89.html Дата обращения: 29.02.2020.
14. Касавин И.Т., Лекторский В.А. Юбилейное интервью // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 33. № 3. С. 48-61.

Локусы аргументации в науках об обществе

Малюкова О.В.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры философии и социологии. Доктор философских наук,

o.maliukova@list.ru

Аннотация: Аргументационные технологии или аргументационные локусы достаточно часто используются в философских, социологических, исторических и иных текстах. Дилемма номинализма и реализма, дилемма эмпиризма и рационализма, споры западников и славянофилов – этот дискуссионный список достаточно велик. Существенной особенностью этих дискуссий является то обстоятельство, что в них оказалось победителя, они ничем не закончились. Можно ли победить в процессе аргументации? В наши дни понятие аргументации как коммуникативный термин используется в различных видах наук и научного знания. В процессе коммуникации важно правильно оценивать как содержание, так и форму аргументации. Аргументация, использующаяся для убеждающего воздействия, может основываться на различных приемах работы с исходными фактами или сведениями. Для понимания, сопротивления и успешного применения коммуникации убеждающего характера необходимо хорошо знать теорию аргументации и уметь анализировать ее на практике.

Ключевые слова: риторика, теория аргументации, коммуникация, аргументационные технологии, локусы аргументации.

Loci of argumentation in the sciences of society.

Malyukova O.V.

Kutafin Moscow State Law University, Department of Philosophy and Sociology

Abstract: Argumentative technologies or argumentative loci are often used in philosophical, sociological, historical and other texts. The dilemma of nominalism and realism, the dilemma of empiricism and rationalism – this discussion list is quite large. A significant feature of these discussions is the fact that there was a winner in them, they did not end in anything. Is it possible to win in the process of argument? Nowadays, the concept of argumentation as a communicative term is used in various types of Sciences and scientific knowledge. In the process of communication, it is important to correctly evaluate both the content and the form of the argument. The argument used for persuasive influence can be based on various methods of working with the original facts or information. To understand, resist, and successfully apply persuasive communication, it is necessary to know the theory of argumentation well and to be able to analyze it in practice.

Keywords: rhetoric, theory of argumentation, communication, argumentation technology, the loci of argumentation.

Современные аргументационные технологии восходят к далекому прошлому, к тому времени, когда человечество обрело способность к рассуждениям. В общем виде, рассуждение представляет собой возможность перехода от одного истинного высказывания к другому на основании некоторой процедуры, которая позволяет сохранять истинностную характеристику высказывания. Когда человек приобрел эту ментальную способность, «история умалчивает», однако по современным антропологическим воззрениям уже Homo erectus использовал для коммуникации достаточно сложный язык с определенной грамматикой, мощность которой соответствует мощности современных языков общения. Любой естественный язык обладает некоторой семантической неопределенностью и недоговоренностью, а, следовательно, требует выведения дополнительной информации из полученной в ходе коммуникации. Письменность возникает значительно позднее устной речи, так вот в письменном виде первый случай рассуждения в естественном языке зафиксирован в текстах воина и поэта Архилоха (680-640 гг. до н.э.), который написал следующее стихотворение, первый образец рассуждения и критического мышления в человеческой истории, по мнению А.М. Анисова [1, с.12]:

«Щит, украшение брани, я кинул в кустах поневоле,
И для фракийца теперь служит утехою он.
Я же от смерти бежал... Мой щит, я с тобою прощаюсь!
Скоро, не хуже тебя, новый я щит получу».

За эти стихи он был проклят в Спарте как бесстыдный поэт, запятнавший честь воина.

В VI веке до нашей эры появляется философия, V век станет веком софистики, эристики и теории аргументации, а в IV веке до нашей эры Аристотель создаст первую строгую систему рассуждений – силлогистику. К силлогистике можно предъявлять различные претензии, однако она четко справляется с тем требованием, которое связано с рассуждениями: правильное силлогистическое рассуждение представляет собой логическое следование заключения из посылок, основанное на отношении транзитивности. Что же касается времени появления риторики, то она старше философии и логики, риторика являла собой канон античного образования, любая государственная деятельность требует обоснования с помощью публичной речи.

В 641 году халиф Умар ибн аль-Хаттаб (второй праведный калиф) дал повеление своему полководцу Амру ибн аль-Асу сжечь Александрийскую библиотеку, сказав при этом: «Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, то они бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, то они вредны. Поэтому и в том и в другом случае их надо сжечь». Это было время успешного арабского завоевания, город Александрия находился на фронтире христианского и мусульманского миров, и «специалисты хорошо знают, что это всего лишь благочестивая легенда, приписывающая Умару «добродетельный» поступок - уничтожение книг, противоречащих Корану, но в популярной литературе эта легенда иногда преподносится как исторический факт»[2, с.122]. В данной легенде нас будут интересовать аргументационные технологии, позволившие полководцу не только сказать, но и сделать.

Приведенные слова халифа Умара представляют собой рассуждение, построенное по правилам современной символической логики.

«Если ваши книги согласуются с Кораном, то они излишни.

Если ваши книги не согласуются с Кораном, то они вредны.

Но они либо согласуются с Кораном, либо нет.

Следовательно, они либо излишни, либо вредны».

Данное рассуждение является сложной конструктивной дилеммой и строится по формуле: ((A®B) &(C®D) &(AÚC))®(BÚD). Вторая часть рассуждения имеет вид:

«Если книги излишни, их надо сжечь.

Если книги вредны, их надо сжечь.

Эти книги излишни или вредны.

Следовательно, их надо сжечь».

Данное рассуждение есть простая конструктивная дилемма, которой соответствует формула: ((A®B) &(C®B) &(AÚC))®B. Обе эти формулы являются логическими законами символической логики, а как способ рассуждений они были сформулированы в античной логике методом содержательной экспликации (как и modus ponens, modus tollens и др.)

Дилеммы представляют собой мощную аргументационную технологию, которая позволяет отбрасывать концепции, мнения, точки зрения по принципу «свой - чужой». И делать это с помощью строгого аппарата логического следования, который, на самом деле, редко встречается в аргументационных практиках. Помимо принципа «свой - чужой» данная аргументационная технология применяется в ситуации «возможно - невозможно». Применение данного аргументационного локуса было рассмотрено автором в статье « Аргументационные параметры философского текста» 2019 года [3, с.148-150].

Аргументационные технологии или аргументационные локусы достаточно часто используются в философских, социологических, исторических и иных текстах. Дилемма номинализма и реализма, дилемма эмпиризма и рационализма, споры западников и славянофилов – этот дискуссионный список достаточно велик, однако существенной особенностью этих дискуссий, иногда многолетних и многовековых, является то обстоятельство, что в них оказалось победителя, они ничем не закончились. Несмотря на мощную аргументацию с обеих сторон, которая включала и палочные, т.е. силовые, аргументы.

В наши дни понятие аргументации как коммуникативный термин используется в различных видах наук и научного знания. Он может одновременно принадлежать и риторике - искусству хорошо и

красиво изустно изъясняться, и теории аргументации - умению убеждать или влиять на других людей, и логике – теории доказательства и опровержения. Искусная аргументация в арсенале профессионального коммуникатора является мощным и надежным инструментом убеждения. В процессе коммуникации важно правильно оценивать как содержание, так и форму аргументации.

Аргументация, использующаяся для убеждающего воздействия, может основываться на различных приемах работы с исходными фактами или сведениями. И не обязательно для этого будут использоваться фейковые данные. Наоборот, для этого чаще используются приемы двусмысленных терминов, противоречивых положений, которые сами требуют предварительных доказательств. В процессе аргументации могут использоваться утверждающие безапелляционные заключения, выдвинутые па основании неполного перечисления фактов или приема умолчания либо на смешении случайных и важных явлений. Поэтому для понимания, сопротивления и успешного использования коммуникации убеждающего характера необходимо уточнить основные особенности, по которым строится система аргументации.

Компонентами рациональной аргументации являются тезис и аргументы, а также связывающая их демонстрация. Тезис - это та идея, которую должен принять партнер по общению. Аргументы служат для обоснования, почему этот тезис можно принять. Будет ли сформулированный аргумент приниматься собеседником или не будет, зависит, прежде всего, от того, насколько содержание аргумента соответствует действительности. Аргумент должен соответствовать действительности и иметь связь с тезисом. Однако собеседник и в этом случае может не согласиться с тезисом. Люди легче соглашаются с тем, принимают то, что удовлетворяет какое-то их сильное желание. Если некий предмет представляет для человека ценность, он будет стремиться к достижению этого предмета. Сила аргумента - в силе потребности, которая будет удовлетворена. При прочих равных условиях аргумент, в котором представлен личный интерес реципиента, более действенен, чем тот, в котором такой интерес не представлен. Итак, аргументы должны: соответствовать действительности, иметь связь с тезисом, включать личный интерес, соответствовать индивидуальным ценностям. При прочих равных условиях люди легче принимают позицию того человека, к которому у них эмоционально положительное отношение, симпатия. И, наоборот, труднее принимают позицию того человека, к которому испытывают антипатию. Для аргументации нужны доводы, даже если они и слабые. Для большинства людей важны не сами доводы, а скорее видимость доводов. Зачастую людей устраивают причины, не связанные с реальными поступками или убеждениями, о которых идет речь. В качестве аргумента могут использоваться суждения, вообще не являющиеся доводами. Доводы, не имеющие отношения к делу, зачастую влияют на убеждения и поступки людей.

Насколько в наше время распространена практика аргументации в виде полемики, дискуссии, дебатов и споров, настолько же стал распространенным анализ аргументационных технологий, которые применяются в различных видах деятельности. По мнению Е.Н. Лисанюк: «Моделирование моральной и юридической аргументации, критерии оценки аргументов, особенности предметного наполнения и лингво-речевого оформления процессов и процедур аргументирования, специфических для права и морали, — все эти аспекты изучения такой аргументации отражают современное состояние исследований в области анализа аргументации в целом, ее связи с рациональным поведением человека в обществе и социально-коммуникативными процессами в нем» [4, с.3]. В этих условиях очень важно научиться искусству анализировать аргументацию, это умение необходимо применять при попытках убедить в правильности или вероятной правильности тезиса. Когда человек умеет отслеживать доводы и находить причины, он успешнее ведет себя в тех ситуациях, когда на него пытаются оказывать давление либо просто хотят обмануть. Оценить аргументационный локус можно с помощью следующей технологии:

- установите, насколько четко сформулирован тезис и определены основные понятия;
- установите наличие связи аргументов с тезисом;
- установите характер демонстрации и аргументов;
- проверьте авторитеты, на которые есть ссылки;
- проверьте правильность построения текста на наличие альтернативных точек зрения и контраргументов, на удачность формулировок, на единство рассмотрения тезиса.

Задача анализа аргументации достаточно сложна в каждом конкретном случае, однако современное состояние общества требует от человека такого умения.

Литература:

1. Анисов А.М. Современная логика. – М.: ИФ РАН, 2002. – 273 с.
2. Большаков О. Г. История Халифата. Т. II. Эпоха великих завоеваний. 633-656. // М.: «Восточная литература», 2000. - 294 с.
3. Малюкова О.В. Аргументационные параметры философского текста // Прагматика философского текста: материалы Всероссийской научной конференции XV Таврические философские чтения «Анахарсис» (Республика Крым, Судак, пос. Новый Свет, 16-19 сентября 2019 г.) // под ред: Зарапин О. В., Рыскельдиева Л. Т., Шапиро О. А., Шкорубская Е. Г., Шоркин А. Д. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. 246 с.
4. Аргументация в праве и морали. Коллективная монография / Под ред. Е.Н. Лисанюк. — СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2018. — 521 с.

Логика и критическое мышление: педагогическая практика

Суханова Н.П.

ФГБОУ ВО Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», доцент кафедры Философии и гуманитарных наук. Кандидат философских наук

konfngi@yandex.ru

Аннотация: Критическое мышление рассматривается как компетенция будущего, исходя из принципиальной значимости умений квалифицированного обращения с информацией в эпоху цифровизации. Акцентируется внимание на эффективных образовательных курсах по формированию критического мышления в высшей школе, одним из которых является курс «Логика и критическое мышление». Показывается многозначность трактовки понятия «критическое мышление», что может объяснять дисциплинарную вариативность, наблюдаемую в учебных планах. Педагогическая задача представляется ориентированной не на трансляцию логических знаний, но на развитие практических навыков критического мышления, востребованных в профессиональной деятельности будущих специалистов. Анализируется программа, авторами которой являются Стил Дж.Л., Мередит К., Темпл Ч. и Уолтер С., в качестве возможной теоретической установки в реализации учебного курса «Логика и критическое мышление». Делается вывод о правомерности логических знаний в качестве фундаментального конструкта для выстраивания критического мышления.

Ключевые слова: логика, критическое мышление, образование, информация, практические навыки, рефлексия.

Logic and critical thinking: teaching practice.

Sukhanova N.P.

Novosibirsk State University of Economics and Management

Abstract: Critical thinking is considered as the competence of the future, based on the fundamental importance of the skills of skilled handling of information in the digital era. Attention is focused on effective educational courses on the formation of critical thinking in higher education, one of which is the course “Logic and Critical Thinking”. The ambiguity of the interpretation of the concept of “critical thinking” is shown, which can explain the disciplinary variation observed in the curriculum. The pedagogical task seems focused not on the translation of logical knowledge, but on the development of the practical skills of critical thinking in demand in the professional activities of future specialists. The program is analyzed, the authors of which are Steel J.L., Meredith K., Temple C. and Walter S., as a possible theoretical setting in the implementation of the training course “Logic and Critical Thinking”. The conclusion is drawn on the validity of logical knowledge as a fundamental construct for building critical thinking.

Keywords: logic, critical thinking, education, information, practical skills, reflection.

Система образования традиционно предполагает особую миссию дисциплин базовой части учебных планов, возлагая на философские науки значительную ответственность, поскольку речь идет о формировании критического мышления у студента. Критическое мышление называют компетенцией будущего, компетенцией, которая будет находиться в фокусе плана развития современных руководителей. В информационный век, чтобы быть успешным, принципиально значимы навыки отбора, анализа информации, ее квалифицированного оценивания [1]. Сегодня мы наблюдаем поиск эффективной образовательной программы, которая должна отвечать вызовам времени и формировать критическое мышление наилучшим образом. В образовательной среде появляются различные курсы критического мышления, в том числе практически ориентированный курс «Логика и критическое мышление».

Взаимосвязь критического мышления и логических построений очевидно прослеживается в историко-философской мысли, начиная с бесед Сократа. Обнаруживая повсеместную употребимость понятия «критическое мышление», мы, вместе с тем, не можем отметить четкости в определении данного термина. Существуют многообразные трактовки понятия «критическое мышление», что не может не отражаться на внедряемых в образовательный процесс дисциплинах, призванных его формировать. «Одни исследователи отождествляют его с логикой и прикладной эпистемологией, другие – с процессом принятия решений; одни – рассматривают критическое мышление в свете нормативных подходов, другие – настаивают на важности дескриптивной составляющей» [2, с. 202]. Определение понятия критического мышления не представляется вполне заданным, но является необходимым и рассматривать его можно «как мыслительный навык, который позволяет определенным образом перерабатывать информацию» [2, с. 202].

Объемы информации с каждым днем только увеличиваются, информации много и она доступна. Вопрос заключается в том, как ее усвоить? Говоря о критическом мышлении, мы погружаемся в пространство языка. Логика традиционно обращена к анализу языковых выражений, к умению правильно оперировать понятиями, строить высказывания и делать выводы. Обращение к науке о правильном мышлении с целью развития эффективного и критического мышления вполне обоснованно. Дисциплина «Логика и критическое мышление», формируя логическую культуру студента, нацелена на изучение языка как средства познания. Востребованности данного курса способствует демонстрация информационной перегруженности, но при этом явной нехватки знаний в вопросах точности и непротиворечивости высказываний. Педагогическая задача при этом заключается не только и не столько в передаче логических знаний, но в формировании практических навыков критического мышления, необходимых будущим специалистам в профессиональной деятельности. Практическая направленность в преподавании логики необходима, «чтобы развивать у студентов умение рационально и логически обоснованно мыслить, научить их применять критическое мышление относительно широкого круга проблем, дать возможность решать для себя сложные профессиональные и мировоззренческие вопросы» [3, с. 119].

Существуют разнообразные методики развития критического мышления. Практика реализации программы, авторами которой являются Стил Дж.Л., Мередит К., Темпл Ч. и Уолтер С., демонстрирует успешные результаты. В основе данной программы находится трехступенчатая структура практического занятия: вызов – осмысление содержания – рефлексия [4].

Конечно, преподаватель проводит занятие по известному тематическому плану, ему известны цели занятия и подготовлен материал для рассмотрения. Но эти цели неизвестны студенту и задача преподавателя состоит в том, чтобы таким образом сформулировать проблему, дабы студент самостоятельно поставил цель занятия, сделал эту цель своей собственной. В таком случае у обучающегося возникает внутренняя мотивация к изучению нового. Если направить студента от материала, уже изученного и усвоенного им, т.е. обозначить уже имеющийся опыт, то это может быть дополнительным стимулированием осознания и создания собственных целей. Так на стадии вызова пробуждается интерес к новому знанию. Проблемные вопросы, задачи и задания, истинные и неистинные утверждения, перепутанные логические цепочки способствуют актуализации собственного опыта обучающегося. Выдвигая предположения и выстраивая гипотезы, учащиеся формулируют всевозможные вопросы, ответы на которые они бы хотели получить. Работа выстраивается малыми группами или парами, возможность высказаться имеет каждый и результаты этой работы обсуждаются и фиксируются.

На ступени осмысления содержания педагогическая деятельность направлена на сохранение интереса учащихся к изучаемой теме при непосредственной работе с новым материалом. Подбираются такие логические задачи и упражнения, которые способствуют продвижению к новому знанию и индивидуальному «открытию» студента. Учащимся выдается теоретический блок и блок практических заданий, они ведут соответствующие записи и ищут ответы на поставленные вопросы. Здесь важно так организовать изучение нового материала, чтобы педагог не выступал в качестве его единичного транслятора. Для современной образовательной стратегии это является принципиально важным, поскольку таким образом мы движемся к подготовке специалиста, «который является самостоятельно и критически мыслящим, способным к анализу своих действий и действий других людей» [5, с. 19]. Новый материал должен быть осмыслен студентом и практические задания содействуют пониманию этого материала и умению оперирования им, а эта задача является ключевой в учебном процессе на стадии осмысления содержания.

Рефлексия есть всегда определенная переоценка [6] и на этой стадии развития критического мышления та информация, которая еще не так давно была для учащегося новой, превращается им в собственную, происходит ее присваивание. «Именно критическое осмысление информации переводит ее в статус знания» [7, с. 22]. В определенном смысле рефлексивная оценка наличествует во всех периодах работы, однако, именно на третьем этапе рефлексия попадает в основной фокус деятельности педагога и студента. На этой стадии производится детальное осмысление изучаемого материала. Педагог возвращает учащихся к их первоначальным предположениям и формулировкам с целью вне-

сения дополнений и изменений. На стадии рефлексии продуктивно разрешаются исследовательские и творческие задания, поскольку имеется опора в виде изученной информации. Педагогические приемы, стимулирующие переосмысление собственной деятельности, могут быть обращены к организации дебатов и дискуссий, написанию творческих эссе, исследованию отдельных вопросов. Для студента такое занятие заканчивается не точкой, а многоточием, за которым может последовать новый интеллектуальный поиск.

Итак, курс «Логика и критическое мышление» вполне органичен в учебном процессе, он практически значим, учитывая инструментальную ориентацию в качестве принципа «успешного образования в «быстром мире» [8, с. 135]. Логические знания являются тем фундаментом, вне которого формирование навыков критического мышления представляется проблематичным. Категориальная нечеткость понятия «критическое мышление» объясняет существующие трудности с очерчиванием предметного поля дисциплины, но, вместе с тем, делает открытым пространство дальнейшего методологического поиска в реализации программ развития критического мышления.

Литература:

1. Клюкина Л.А. Роль дисциплины «Логика» в формировании критического мышления в современной отечественной высшей школе // Седьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы докл.: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: ГУАП, 2019. С. 161-163.
2. Боброва А.С. Критическое мышление или логика? // Логико-философские штудии. 2018. Т. 16. №3. С. 200-216.
3. Турчевская Б.К. Практический поворот в преподавании логики // Проблемы высшего образования. 2018. №1. С. 117-119.
4. Стил Дж.Л., Мередит К., Темпл Ч., Уолтер С. Основы критического мышления: междисциплинарная программа. Пособие 1. М.: Институт «Открытое общество», 1997.
5. Суханова Н.П. «Логика и критическое мышление»: установки кампусного курса // Проблемы современного образования. 2019. №6. С. 15-20.
6. Жилина В.А. Критическая рефлексия как ключевая составляющая современного образования // Вопросы философии. 2018. №6. С. 59-65.
7. Ходикова Н.А. Логика и критическое мышление: история и современность // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2019. №3 (203). С. 22-25.
8. Тягло А.В. «Наука рассуждать» в «быстром мире» // Философские науки. 2013. №3. С. 129-136.

Субъект философского творчества в свете логико-когнитивной теории аргументации

Мотовникова Е.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, профессор кафедры философии и теологии. Доктор философских наук

motovnikova@bsu.edu.ru

Аннотация: Рассматриваются некоторые результаты и проблемы применения логико-когнитивной теории аргументации для модельного описания и анализа философского исследовательского мышления. В философском рассуждении обнаруживаются структурные и функциональные составляющие всех трёх видов аргументации, дифференцируемых логико-когнитивной теорией – философское обоснование и философское убеждение как теоретические процессы и философская ценностная мотивация как разновидность практической аргументации. Опыт модельного анализа показывает, что абстрагирование трех разновидностей структур и действий когнитивного агента философской аргументации дает неоднозначные результаты. Так, процесс философского спора-убеждения вряд ли будет адекватно понят без экспликации субъективных познавательных целей и ценностей его участников (когнитивных агентов, каждый из которых в идеале должен еще и выполнять функцию рационального судьи, в чем состоит и задача философа, и его профессиональная привычка к рефлексии).

Ключевые слова: философская деятельность, когнитивный агент, рациональный судья, когнитивные ценности, вопросно-ответный диалог, логико-когнитивная теория аргументации.

Philosopher in the light of the logical-cognitive theory of argumentation.

Motovnikova E.N.

Belgorod National Research University

Abstract: Some results and problems of applying the logical-cognitive theory of argumentation for a model description and analysis of philosophical research thinking are considered. In philosophical reasoning, structural and functional components of all three types of argumentation are found, which are differentiated by logical-cognitive theory, namely: philosophical substantiation and philosophical persuasion as theoretical processes and philosophical value motivation as a form of practical argumentation. The experience of model analysis shows that the abstraction of three varieties of structures and actions of the cognitive agent of philosophical argumentation yields mixed results. So, the process of philosophical argument-conviction is unlikely to be adequately understood without the explication of subjective cognitive goals and values of its participants (cognitive agents, each of which ideally should also perform the function of a rational judge, since this is the task and professional habit of philosophical reflection).

Keywords: philosophical activity, cognitive agent, rational judge, cognitive values, question-answer dialogue, logical-cognitive theory of argumentation.

Что философствование как мыслительная практика имеет аргументационную природу, это, пожалуй, не нуждается в аргументации, поскольку иное представление о философии не встречается даже в самые догматические эпохи ее истории. Однако сама аргументация – феномен настолько многообразный и разноплановый, что нельзя не радоваться появлению логико-когнитивной теории аргументации, позволяющей не только «превратить слово аргументация в “зонтичный” термин, под которым объединить различные аспекты аргументации посредством задания их специальных определений» [1, с. 80], но именно сосредоточиться на задаче аргументативных практик изменять состояние сознания их участников, продвигаться в познании предмета, в понимании себя и других, в целом, эффективно мыслить, теоретически и практически.

Философское мышление в ряду других аргументативных форм выделяется не просто познавательной направленностью (как, например, научная аргументация), но необходимо сопровождающей предметное познание рефлексией, эпистемологическим самосознанием. Философ – когда он находится в творческой стадии своей философской работы – не конструирует аргументационную схему понадёжнее, а напротив, максимально открыто для самых разных, неожиданных, в том числе и противоречивых,

идей ищет наиболее точную, продуктивную формулировку проблемного вопроса, а затем сталкивает и проверяет в своей голове все возможные ответы, отбирая самые сильные, убедительные, чтобы затем еще и еще проверять их на устойчивость к контраргументам. Как в свое время Аристотель, разрабатывая аналитику и диалектику, по очень верному и важному замечанию А.И. Мигунова, «не создавал логики, а искал ответы на определенные вопросы» [2, с. 329], так и автор логико-когнитивной теории аргументации не собирала под «зонтик» мега-теории все одиноко и группами блуждающие подходы к изучению, объяснению и пониманию аргументации, а задалась вопросом «почему столь различные виды аргументации, для которых требуются разные агенты, мы склонны понимать как виды какой-то одной деятельности, именуемой аргументацией, а не как разные деятельности» [3, с. 204]. И лишь после того как идея когнитивного многообразия была сформулирована и разработана, стало заметно, что в этом направлении движутся и другие исследователи, представители разных когнитивных наук и многосортных позиций агентов спора об аргументации.

В современной философии, как и в науке, под обсуждением понимается в основном и по преимуществу коллективный процесс, так что можно понять, почему в описании процесса убеждения утверждается, что «представить свою позицию перед широкой аудиторией как состоятельную и убедительную, изложить ее собеседникам достойным образом и отстоять ее в условиях критики со стороны оппонента – ничего этого нельзя сделать в одиночку» [3, с. 7] и что две и более критические по отношению друг к другу позиции «могут быть выдвинуты одним человеком, выступающим в роли сразу двух (и более) агентов – видится возможным гипотетически, хотя трудно представить, каким образом такая возможность может быть реализована на практике» [3, с. 59]. Однако именно в случае философской аргументации представить такое в действительности наиболее просто – такова традиция, запечатленная в философских текстах, где позиции оппонентов часто формируются агентом аргументации именно наперед, в порядке проверки преимуществ своей точки зрения, испытания на прочность выбранной позиции, поддерживающей и защитной аргументации. Конечно, выпущенный в свет трактат обязательно встретит непредусмотренные атаки, но существенные возражения своих современников-оппонентов философы, как правило, вполне предвидят. Возможно, в силу высокой степени общности философских проблем не так много может быть сформулировано рационально приемлемых идей и позиций, часто находящихся вблизи самых фундаментальных структурных оппозиций бытия и мышления, а они, в свою очередь, являются объектами ценностного познавательного выбора. Видимо, поэтому в области философского познания особенно верно и существенно важно для внутреннего спора то, что «мы можем неплохо понимать и объяснять некоторую точку зрения, даже не будучи с ней внутренне согласными» [4, с. 108]. Критика философской позиции, в отличие от разоблачения ошибочной естественнонаучной концепции, скорее всего, будет сопровождаться хотя бы неявной практической аргументацией, мотивирующей «рациональных судей» принять некое смысложизненное решение.

Литература:

1. Мигунов А.И., Лисанюк Е.Н. Теория аргументации: конкуренция современных исследовательских подходов // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 77–87.
2. Мигунов А.И. Аналитика и диалектика: два аспекта логики // Я. (А. Слинин) и Мы: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. Сер. Мыслители. Т. X. СПб.: Изд-во СПб. филос. общества, 2002. С. 326–340.
3. Лисанюк Е.Н. Аргументация и убеждение. СПб.: Наука, 2015. 398 с.
4. Чуешов В.И. О природе философской аргументации // Модели рассуждений – 5: Аргументация, коммуникация, общество: сб. науч. ст. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 106–119.

Рецепция понятия «рассуждения» в России 18 в.

Петровская Анастасия Владимировна

Российский Государственный Гуманитарный Университет, магистрантка

A5316028@yandex.ru

Аннотация: Становление философского понятия «рассуждения» в России происходит в период эпохи Просвещения (вторая половина 18 века) и связано с развитием академической науки и образования, появлением национальных учебников по логике, риторике и грамматике. Логическая проблематика выводится из общих начал философии, в которой представлена теоретическая трактовка познавательных способностей человека. Логика при этом понимается в качестве методологии философии, обеспечивающей получение истинного знания. Рассуждение определяется как познавательная способность или ее действие, которое отличает человека от животного и свидетельствует о его разумности. Термином «рассуждение» называется «суждение» в современном смысле, т.е. соединение субъекта с предикатом или сравнения двух понятий, вещей. Современное значение понятие «рассуждение» получает к началу 19 века как аргументирование, заключение из посылок. К этому времени складывается наиболее сложная проблема, актуальная и теперь, а именно, проблема логического соответствия между суждением (рассуждением) и предложением, т.е. логикой, познанием и речью.

Ключевые слова: рассуждение, Просвещение в России, логика, суждение, силлогизм.

Reception of the concept of “reasoning” in Russia of 18th century.

Petrovskaya A.V.

Russian State University for the Humanities

Abstract: Formation of the Philosophical concept of “reasoning” in Russia takes place during the period of the Enlightenment (second half of 18th century) and is associated with the development of academic science and education and the emergence of national schoolbooks on logic, rhetoric and grammar. Logical problems are derived from general principles of philosophy, which presents a theoretical interpretation of human cognitive abilities. At the same time logic is understood as a methodology of philosophy that ensures to obtain the true knowledge. Reasoning is defined as cognitive ability or its outcome, which distinguishes human from an animal and testifies to its rationality. In modern sense the term “reasoning” is called “judgement”, i.e. connection if a subject with a predicate or comparison of two different concepts, entities. By the beginning of the 19th century, the concept of “reasoning” gains modern significance as argumentation or conclusion from premises. By this time, the most complex problem emerges, which is still relevant now, the problem of logical correspondence between a judgement (reasoning) and a proposition, i.e. logic, cognition and speech.

Keywords: reasoning, Enlightenment period in Russia, logic, judgment, syllogism

Критическое мышление принято связывать со становлением научного метода внутри цивилизационного процесса развития науки и образования. Близким понятием к «критическому мышлению» можно рассматривать «рассуждение» как методологический прием научного мышления.

Становление терминологии «рассуждения» в России происходит в период эпохи Просвещения (вторая половина 18 века) и связано с развитием академической науки и образования, развитием университетов, профессиональных училищ и семинарий. В частности, университетов в Санкт-Питербурге, в Москве, в Харькове.

История понятия «рассуждения» связана с историей логики в тривиуме: грамматика, логика, риторика, а именно, разделения их предметности и формирование устойчивого терминологического аппарата. Так, в работах по логике М.В. Ломоносова - сильное влияние европейских риторики и грамматики. В работе «Краткое руководство к красноречию» 1748 года М.В. Ломоносов изложил и основы логики, привязывая её к проблемам риторики [1]. Тогда как в работах начала 19 века логика выступает самостоятельной дисциплиной, имеет собственную предметность и устойчивую терминологию. Например, в работах по логике А.Н. Радищева, Л. Якоба, П.Д. Лодия.

Философия этого периода испытывала воздействие вольфианцев, в том числе в преподавании логики, обусловленное популярностью взглядов Х.Вольфа в университетах Германии, где тогда стажировались многие будущие российские учёные М.В.Ломоносов, Д. Руднев, будущий префект (1775- 78 гг.) Славяно-греко-латинской академии, и др. Также, Х.Вольф участвовал в подборе состава Петербургской

Академии наук, на должность президента которой он приглашался Петром I. К концу 18 в. к вольфианству в России стали добавляться идеи французских философов - Кондильяка, энциклопедистов. Также вольфианцами были: Г.Н. Теплов, Д.С. Аничков и другие.

Преподавание велось с опорой на учебники на немецком и латинских языках. К середине 18 века наиболее известными в России были следующие логики: Х. Вольф «Немецкая логика» (1713 год) и так называемая «Латинская логика» (1728 год, 3-е издание, перевод 1753 год); «Элементарная логика» Ф.Баумейстера, последователя Х.Вольфа, перевод с латинского А. Павлова 1760 год. В 1766 г. - перевод с латинского сочинения вольфианца И.Г. Гейнекция. В 1768- 74 гг. в Петербурге на русском и французском языках были напечатаны «Письма к немецкой принцессе...» Л. Эйлера, включавшие популярное изложение логики с использованием круговых схем.

Большое значение имела вышедшая в 1660 г. во Франции «Всеобщая и рациональная грамматика» (Грамматика Пор- Рояль) перевод на русский сделал Н.Н.Язвицкий 1810 год. К началу 19 века уже были философские грамматики И.С. Рижского (преподаватель в Горном кадетском корпусе, позже ректор Харьковского университета), И. Орнатовского (преподаватель Харьковского коллегиума), И.Ф.Тимковского (декан нравственного факультета Харьковского университета) и Л.Г. Якоба (член-корреспондент Петербургской академии наук (1810), профессор Харьковского университета). Автор последней из названных грамматик - немецкий ученый Л.Г. Якоб, в 1807-1816 гг. преподавал и публиковал свои работы в России.

Первые русские учебники логики: «Умословие или умственная философия» И.С. Рижского, 1790 год, и «Начертания логики» А.С. Лубкина, 1807 год, (преподаватель в Костромской семинарии, ректор армейской семинарии). Логика И.С. Рижского ссылается на немецких авторов: Ф.Баумейстер, Х.Вольф, И.Г.Гейнекций, Л.Эйлер [2]. А.С. Лубкин Автор указывал, что курс логики он читал слушателям по рукописи и никакой системы не придерживался [3].

Логическая проблематика выводится из общих начал философии, в которой представлена теоретическая трактовка познавательных способностей человека. Логика при этом понимается в качестве методологии философии. «Философия есть наука такая, в которой через рассуждение и заключение от известных вещей знаем неизвестные...Философское познается с помощью логики», - пишет Г.Н. Теплов. И далее, что «философия есть наука такая, в которой через рассуждение и заключение от известных вещей знаем неизвестные» [4, с.89]. Таким образом, задача философии состоит в познании, что обеспечивается логикой, т.е. обоснованностью рассуждения. Я.П. Козельский также считает, что философское учение состоит в расположении предложений на неоспоримых и бессомненных основаниях, а теоретическая философия делится на две науки: логику и метафизику. При этом, логика есть наука ума и тоже, в свою очередь, делится на две части: в первой предлагаются правила о трех силах человеческой души, а во второй показывается употребление тех сил к испытанию истины [5].

Рассуждение понимается всеми упомянутыми авторами 18 века как познавательная способность или ее действие, которое отличает человека от животного и свидетельствует о его разумности. «Действие – изъявление бытия души», - пишет профессор Московского Университета Д.С. Аничков в работе 1770 года «Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений» [6, с.63]. Рассуждение дает истинные знания, а не мнения. Поэтому, в качестве наиболее значимых, следует обратить внимание на проблемы онтологических оснований рассуждения в качестве мыслительной деятельности, направленной на познание. Можно рассматривать рассуждение, считает И.Рижский, как природную способность, как туже самую способность, но упражнением усовершенствованную. Как действие разума, осуществляющее эту способность. Наконец, результат такого действия [2].

Особое значение имеет проблема перевода терминов. Она тематизируется в работе Г.Н. Теплова «Знания, касающиеся вообще до философии», современника М.В. Ломоносова. Для передачи значения иностранных терминов М.В. Ломоносов искал соответствующие по смыслу славянские слова, в других случаях калькировал иностранные термины, придавая им при этом форму, наиболее близкую русскому языку [1]. Г.Н. Теплов пишет, что могут показаться странными такие слова, как тождество, правдоподобие, бытность, идея, предуверение, предрассуждение и проч. Однако ж нужно понять, что «такие слова не что иное, как перевод сколько возможно исправный слов латинских, которые в философии необходимо надобны» [4, с.63]. Позже И.С. Рижский напишет, что нельзя бояться иностранных слов, не имея подходящего аналога в русском языке, но только тогда употреблять их, когда слово общеупотребимо и равносильного ему в родном языкенет [2].

Обратимся к понятию рассуждение. К середине 18 века складывается устойчивая традиция понимать рассуждение в смысле, более близком современному понятию «суждение» – judicium, т.е. рассуждение – это суждение в современной терминологии, а силлогизм и доказательство (аргументация), заключение из посылок – умствование (ratiocinatio). В этом контексте, термин предрассуждение означает ошибочное суждение. Тем самым при переводе сохраняется содержательный аспект – судить, чему способствуют синоним «винословие», т.е. отделять истинное от ложного, говорить обоснованно. «Человек имеет разум свой так как полномочного судию, к которому во всяком случае убегает. И сие действие так возвышает его перед всеми видимыми тварьми», - пишет Г.Н. Теплов [4, с.52]. Рассуждение как заключение из посылок, т.е. в современном смысле употребления, встречается, например, у А.Н. Радищева, что связано с закреплением за рассуждением общей способности познания «союза вещей с законами силы познания и с законами вещей» [7, с.397].

Таким образом, под действием или способностью к рассуждению понимается соединение двух понятий или идей (субъект и предикат), а под умствованием – сравнение двух понятий с третьим или связь между рассуждениями - силлогизм. Большинство авторов воспроизводят содержание логике по темам: понятие, суждение, умозаключение, где наиболее важной операцией разума становится суждение (оно же рассуждение). «Сложенные идеи по-логически называются рассуждениями», - пишет М.В. Ломоносов [1, с.295]. И. Рижский со ссылкой на Х.Вольфа: «Когда одно ... рассматриваем, принадлежит ли оно к той вещи или нет, и потому с понятием той вещи должно быть соединено или нет, тогда рассуждаем о той вещи» [2, с.19]. Интересно его уточнение, что умствование, которое начинается от тех начал, из которых выводится заключение, служит «наиболее к изобретению новых истин». Силлогизм же, составление которого начинается с заключения и доходит до начала, употребляется для доказательства уже известного [2, с.81].

Наиболее важной можно считать проблему логическому соответствию суждению (рассуждения) пердложения. Понятия субъекта и предиката известны из античной философии, особенно из Аристотелевой логики. Когда Аристотель употребляет понятия onoma и rhema, то для него это больше, чем имя и глагол как части речи; он, скорее, имеет в виду их употребление в логической функции «subiectum» и «praedicatum», т.е. в качестве обеих наиболее важных составных частей каждого суждения [8].

Особое внимание в этом контексте заслуживает проблема связи понятий в суждении. Она может быть истолкована как третий термин (есть, суть), как входящая в предикат или как операция мышления, что отражает историю понимания суждения как такового. Мнение о том, что глагол следует разделять на связку и предикат, было широко распространено в теории суждения общих грамматик. Яркий пример - в грамматике Л.К. Якоба, где утверждается связь между частями речи и структурой логического суждения [10]. Проблеме связи большое внимание отводит П.Д.Лодий. Он подчеркивает, что «последование не может быть различаемо, т.к. различаются слова и предложения. Последование есть связь, которая находится в умствовании» [9, с.246], т.е. умствование содержит в себе три суждения (материя) и их связь (образ, форма). В целом, проблематика развивается от практически полного их слияния в работах М.В.Ломоносова, до обособления суждения как мыслительной операции, не сводимой к словесному выражению, у более поздних авторов. П.Д. Лодий подчеркивает, что рассуждая, ум определяет, что понятое сходство представлений в самом деле существует, следовательно «этим определением нечто добавляется к пониманию» [9, с.249].

Литература:

1. Ломоносов М.В. «Краткое руководство к красноречию» // Полное собрание сочинений. Т.7. Труды о филологии. (1739-1758 гг.) - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89—378.
2. Рижский И. «Умословие, или умственная философия». Типография горного училища, 1790. 244 с..
3. Лубкин А.С. «Начертание логики»// Русские просветители (От Радищева до декабристов). Собрание произведений в 2-х томах. - Т.2. М., «Мысль», 1966. С. 25-144.
4. Теплов Г.Н. «Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» // Общественная мысль России 18 века: В 2-х томах. – Т.2. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 51-164.
5. Козельский Я.П. «Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года» // Общественная мысль России 18 века: В 2-х томах. – Т.1. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 143-267.

6. Аничков Д.С. «Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертнаго от разных заблуждений» // Общественная мысль России 18 века: В 2-х томах. – Т.1. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 55-71.
7. Радищев А.Н. «О человеке, о его смертности и бессмертии» // Общественная мысль России 18 века: В 2-х томах. – Т.2. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 373-490.
8. Аристотель «Категории» // Аристотель. Сочинения. В 4-х т. – Т.2. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983. С.61-90.
9. Лодий П.Д. «Логические наставления, направляющие к познанию и различению истинного от ложного» // Лодий П. Д.. Сочинения в 2 т. ред. Мозговая Н. Г., Волков А. Г. – Киев: НПУ им. М. Драгоманова; Мелитополь: МГПУ им. Б.Хмельницкого, 2014. – (Серия «Антология украинской мысли»). 277 с..
10. Якоб Л.К. «Начертание всеобщей грамматики, для Гимназий Российской Империи» // Курс философии для гимназий Российской империи. Санкт-Петербург : при Имп. Акад. Наук, 1815. 650 с..

К вопросу о логической специфике критического мышления

Шапиро О.А.

Воронежский государственный университет, доцент кафедры онтологии и теории познания. К.филос.н.

shapiro.olha@gmail.com

Аннотация. Доклад посвящен прояснению двух вопросов: 1) что представляет собой критическое мышление как феномен, и 2) какие методики его формирования являются наиболее эффективными. Для ответа на первый вопрос автор сопоставляет ряд характеристик критического мышления, приводимых в логико-философской традиции его исследования. В результате этого сопоставления автор приходит к выводу, что ядром критического мышления является способность его носителя к построению рациональной аргументации и использованию вопросно-ответных процедур. При этом аргументация понимается как объективизация когнитивных процессов. В качестве ответа на второй вопрос предлагаются две методики: майевтика и провокация, причем провокацию автор считает специфическим частным случаем майевтики. При этом основной задачей майевтики оказывается формирование чувствительности к противоречиям, характерной, по мнению автора, для носителей критического мышления (в отличие от носителей мышления квантового).

Ключевые слова: аргументация, квантовое мышление, критическое мышление, майевтика, провокация, противоречие.

To the Question of Critical Thinking Specifics.

Shapiro O.A.

Voronezh State University

Abstract. The report is dedicated to the clarification or two problems: 2) what is a critical thinking as a phenomenon and 2) which methods of its formation are the most effective. The author compares a set of critical thinking characteristics which are mentioned in logical-philosophical literature. As a result of the comparison the author concludes, that the core of a critical thinking is ability to rational argumentation making and question-answer procedures usage of the person. The author considers an argumentation as an objective manifestation of cognitive processes.As an answer to the second problem the author offers two methods: maieutics and provocation; at that the provocation is considered as a special case of maieutics. The main issue of both methods is creation of sensitivity to contradictions, which is typical to the critical thinking.

Keywords: argumentation, quantum thinking, critical thinking, maieutics, provocation, contradiction.

Подъем интереса к феномену критического мышления, переживаемый отечественной философией и педагогикой, связан в том числе и с появлением во ФГОС 3++ универсальной компетенции «Критическое мышление и системный подход». Эта компетенция, по задумке авторов нового образовательного стандарта, должна быть сформирована у студентов всех факультетов. По-видимому, формировать ее должен общевузовский курс философии; некоторые ВУЗы вводят дополнительные курсы (собственно критического мышления, теории аргументации и пр.).

Возникают два вопроса: 1) содержательный (ЧТО мы должны формировать, т.е. что представляет собой критическое мышление как феномен); 2) методологический (КАК формировать критическое мышление). Понятно, что ответы на второй и третий вопросы целиком зависят от ответа на первый. Однако в условиях необходимости трансформации учебных планов в соответствии с новым ФГОС более актуальным выглядит второй вопрос; и сегодня мы имеем дело с целым потоком статей с заглавиями «технология развития критического мышления на занятиях по…» (вместо троеточия подставляется соответствующее название дисциплины). При этом сущность критического мышления понимается в этих статьях как бы интуитивно, через набор тех свойств, которые предполагается развить в ходе обучения рассматриваемой дисциплине. Одна из наиболее популярных – технология развития критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП), используемая гуманитариями (преимущественно филологами) как вспомогательный инструмент при проведении занятий. К слову, по содержанию своему она созвучна работе С.И. Поварнина «Как читать книги для самообразования» [1].

В своем докладе я остановлюсь на первом вопросе и попробую нарисовать портрет критического мыслителя (или, если говорить более строго – образно представить тот результат, к которому должно привести формирование УК-1 из ФГОС 3++).

Итак, критическое мышление понимается как совокупность личностных свойств и/или когнитивных навыков мыслящего субъекта; их конкретный набор зависит от подхода, реализуемого конкретным ученым. Так, Н. С. Юлина отмечает такие характеристики критического мышления как «чувствительность к контексту, самокорректировка, следование избранному критерию и принятие во внимание прикладного аспекта» [2, с. 105]; И. Н. Грифцова и Г. В. Сорина называют умение проводить методическое сомнение, выявлять ошибки в рассуждениях других, работать с понятиями и четко и ясно формулировать мысль [3, с. 67–68]; в другой статье Г. В. Сорина пишет, что «критическое мышление предполагает наличие навыков рефлексии относительно собственной мыслительной деятельности, умение работать с понятиями, суждениями, умозаключениями, вопросами, развитие способностей к аналитической деятельности, а также к оценке аналогичных возможностей других людей» [4]; К. Поппер отмечает способность формулировать критические аргументы на дескриптивном языке [5, С. 20]. В целом такой набор выглядит достаточно гармоничным, и создает портрет склонного к рефлексии, анализу и логической корректности когнитивного агента.

Позволю себе подытожить вышенаписанное и несколько сместить акценты: критический мыслитель способен эффективно осуществлять аргументативную деятельность, включающую ясную формулировку собственной (осознанной!) позиции, аналитический подход к позиции оппонента и способность к диалогу с этим оппонентом (в частности, с помощью вопросно-ответных процедур).

Акцент на аргументации привычен для логической интерпретации критического мышления. Так, Д. Уолтон видит развитие критического мышления именно через формирования аргументативных навыков [6]; А.А. Ивин рассматривает аргументацию как прикладное мышление [7, с. 339]. Действительно, аргументация – единственный способ для нас воспринять, понять и проанализировать мышление другого человека; аргументация – это мышление, развернутое вовне. Не случайно Д. Халперн предлагает для анализа собственных мыслительных процессов рассуждать вслух, делая аудиозапись, и потом анализировать эту запись [8]; известны и психологические исследования когнитивных паттернов, основанные на анализе аргументации (см., напр., [9]).

Итак, критический мыслитель оказывается «хорошим аргументатором». Его образ противостоит образу софиста: критический мыслитель аргументирует аккуратно и логически корректно, замечает манипулятивные приемы софиста и умеет парировать их, сам не опускаясь на уровень манипуляции. При этом он умеет корректно и уместно использовать комплексы вопросно-ответных процедур. Как добиться формирования такого когнитивного стиля?

Я полагаю, главный момент здесь – формирование чувствительности к противоречивости системы высказываний. Известно, что логически корректная аргументация свободна от внутренних противоречий. Суть дискуссии как раз состоит в том, чтобы при рассмотрении двух противоречивых позиций скорректировать одну из них или обе таким образом, чтобы это противоречие снять. Уловки и софизмы же основаны на наличии противоречия (или внутри самой системы высказываний, или между системой высказываний и реальностью или здравым смыслом). Нечувствительность к противоречиям характерна и для нового «врага» критического мышления – мышления клипового (квантового), в котором кот может быть «ни жив, ни мертв» и, соответственно, не выполняется логический закон противоречия.

Как эту чувствительность к противоречиям сформировать? Похоже, что сегодня мы можем говорить о двух наиболее эффективных инструментах: провокация и майевтика.

Начну со второго. Майевтика сегодня используется в огромном количестве педагогических разработок; к ней же как к базовому методу работы обращаются авторы одной из комплексных программ по развитию критического мышления – философии для детей (см., напр., [2]). В ракурсе нашей цели суть майевтики можно интерпретировать как формулирование серии вопросов, целью которых является выявление скрытого в обсуждаемой позиции противоречия. Обратим внимание, что формулирование вопросно-ответного комплекса в этом случае оказывается более сложной интеллектуальной задачей, нежели простой анализ имеющегося противоречия в позиции субъекта, но при этом и более эффективной: с одной стороны, в результате сократического диалога его субъект приходит к выявлению противоречия как будто сам, хотя и с помощью вопрошающего, а с другой стороны, учится работать с вопросно-ответными комплексами, предполагающими кроме всего прочего прогнозирование реакции оппонента.

Провокацию, как мне кажется, можно рассматривать как частный случай майевтики – с той разницей, что вместо серии коротких провокационных вопросов мы используем стимульный материал с одним содержательным провокационным вопросом. При этом результат должен оказаться тот же, что и у сократического диалога: когнитивный агент как бы лицом к лицу сталкивается с противоречием, содержащимся в его позиции.

Из всего сказанного я сделала бы два частных вывода. Во-первых, основа критического мышления – чисто логическая компетенция, связанная со способностью соблюдать логический закон противоречия и выявлять его нарушения в аргументации других когнитивных агентов. А во-вторых, по-видимому, формирование критического мышления требует использования разнообразных интерактивных технологий работы с аудиторией и невозможно в рамках традиционного академического курса философии, по крайней мере, в том его виде, в котором он обычно читается в университетах.

Литература:

1. Поварнин С.И. Как читать книги для самообразования // Поварнин С.И. Сочинения / отв. ред. Тоноян Л.Г. СПб.: Инс-т иностр. языков, 2015. – С.651-698.
2. Юлина Н.С. Философия для детей. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2005. 464с.
3. Грифцова И. Н., Сорина Г. В. Идеи критического мышления сквозь призму историко-философсской мысли // Демократия в России и Европе: философское измерение : матер. междунар. конф. «Философские проблемы демократического общества». Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2003. С. 65–80.
4. Сорина Г. В. Критическое мышление: история и современный статус // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №6. 2003. С. 97–110.
5. Поппер К. Р. Учение о науке с точки зрения теории развития и логики // Поппер К. Вся жизнь – решение проблем. О познании, истории и политике. Ч.1: Вопросы познания природы. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. С. 12–48.
6. Walton, D. Appeal to Expert Opinion: Arguments from Authority. University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 1997. 296 p.
7. Ивин А.А. Аргументация в процессах коммуникации. Pro et contra. М. : Проспект, 2017. 384с.
8. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000. 503с.
9. Finocchiaro, Maurice A. Two Empirical Approaches to the Study or Reasoning // Informal Logic. 1994. Vol. 16. No 1.Pp. 1-21.

Прощение как процесс в пропозициональной динамической логике

Карпов Г. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, институт философии, ассистент кафедры логики, кандидат философских наук

g.karpov@spbu.ru

Аннотация. Доклад посвящён исследованию прощения в контексте теории речевых актов. Мы утверждаем, что «перформативные» подходы к прощению не являются корректным приложением теории речевых актов к прощению и не касаются его сути. Подобное положение дел сложилось из-за игнорирования различия между иллокутивной силой и пропозициональным содержанием речевых актов и отсутствие каким бы то ни было образом отражённого в походах понятия направления реализации соответствия между «миром» и «словами». С помощью формально-логических средств мы демонстрируем ошибочность гипотезы, в соответствии с которой в русле теории речевых актов возможен синтетический подход к прощению, якобы объединяющий комиссивный и декларативный подходы. Мы предлагаем новый подход к прощению: наша формализованная система, PDLill, выдерживает различие между пропозициональным содержанием и иллокутивной силой, а за основу семантических определений для формул, выражающих виды иллокутивных актов, берет понятие направления реализации соответствия. В PDLill речевые акты интерпретируются как специальные переходы на реляционных структурах. С помощью PDLill удаётся продемонстрировать разницу между отсутствием прощения и отказом прощать. Также в её рамках мы предлагаем идею агентных доменов и видов агентных действий, отличающихся степенью вложенности, которая может быть применена в общей логике действия.

Ключевые слова: теория речевых актов, прощение, логика действий, перформативный подход, структура агента

Forgiveness as a process in propositional dynamic logic.

Karpov G.V.

St.-Petersburg State University

Abstract. The talk deals with the analysis of forgiveness in the context of speech act theory. We argue that the so-called «performative» approaches are not consistent applications of speech act theory to forgiveness and do not touch its essential features. The reason for that case is ignoring the distinction between the propositional content and illocutionary force as well as the absence of the direction of fit concept within the scope of «performative» accounts. With the help of formal and logical tools we show the invalidity of the hypothesis that there is a possibility of a synthetic approach within the framework of speech act theory to forgiveness that unites co missive and declarative accounts. We introduce a new approach to forgiveness that sustains the difference between propositional content and illocutionary force and takes as a basis for semantical definitions of types of illocutions the direction of fit concept. Our propositional dynamic logic for illocutions (PDL_{ill}) interprets acts of forgiveness as the transitions of a special kind on relational structures. We use PDL_{ill} to provide evidence for the existence of the structural difference between certain cases where an agent does not grant forgiveness to a wrongdoer, and when she refrains from granting forgiveness. The formal apparatus of PDL_{ill} gives us means to establish the concept of agentive domains and to set up the agentive hierarchical structures which are helpful in the general logic of action as well.

Keywords: speech act theory, forgiveness, logic of action, performative approach, agent structure

[i] Сегодня наиболее распространены три «перформативные» концепции прощения: бехабитивная, комиссивная и декларативная. С точки зрения бехабитивной концепции, прощение — это речевой акт, призванный показать обидчику или обидчице, что жертва обиды больше не испытывает определённого набора чувств, который в нем или в ней можно предположить, что он или она открыты для общения и продолжения отношений. Комиссивная концепция настаивает на том, что прощение — это, в первую очередь, своего рода обещание, которое жертва даёт своему обидчику или обидчице, и которое связывает жертву обязательством относиться к агенту-обидчику специальным образом, как правило, — рассматривать его или ее так, как если бы ничего не произошло. Сторонники декларативной концепции прощения придерживаются взгляда, в соответствии с которым простить — означает совершить действие, аналогичное аннулированию долга или помилованию; прощая, жертва как бы наделяет теперь уже бывших обидчика или обидчицу свойствами, которые присущи невиновным агентам.

i Доклад подготовлен по результатам проекта, поддержанного РНФ № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора».

Мы утверждаем, что ни один из указанных подходов в действительности не служит инструментом, с помощью которого его сторонники добывают новое знание о прощении. Напротив, наш анализ показывает, что источником сведений и теоретических построений, составляющих содержание работ приверженцев «перформативных» подходов к прощению, являются элементы философских и психологических концепций, философской антропологии, теории эмоций и логической прагматики, то есть — исследовательских дисциплин, обладающих в лучшем случае лишь некоторой степенью родства с теорией речевых актов Остина или Сёрла [1] и [2]. Таким образом, мы склонны считать, что теория речевых актов используется в «перформативных» подходах к прощению не как органон, а как довольно разрозненный и в действительности случайный набор терминов, почему-то показавшийся ряду исследователей удобным для описания их интуиций, безусловно обладающих ценностью и довольно оригинальных, в отношении прощения. Мы обосновываем это наблюдение ссылками на практически полное отсутствие упоминаний фундаментального различия на структуре речевого акта, заключающегося в выделении двух его основных элементов — иллокутивной силы и пропозиционального содержания, в работах как классиков «перформативных» подходов [3], [4], так и современных исследователей (например, [5]). Инструментальная, эвристическая функция теории речевых актов, подменённая в лучшем случае описательной функцией, не может быть реализована в полной мере также и из-за того, что ни один из указанных подходов не работает с понятием направления реализации соответствия — центральным для теории речевых актов в целом, и для типологии видов иллокутивных сил, в частности. Именно это наблюдение позволило нам сделать вывод о том, что центральные понятия соответствующих подходов используют терминологию речевых актов (названия типов иллокутивных сил) исключительно как ярлыки. Следствием подобного положения дел выступает, во-первых, тот факт, что ни одна из «перформативных» концепций прощения не выходит за рамки ассоциативного мышления, где простить — значит помиловать или отпустить долг. Во-вторых, пренебрежение фундаментальными определениями теории речевых актов, поставило исследователей прощения в положении, когда чрезвычайно сложно оказалось подтвердить или опровергнуть утверждения о возможности синтетического подхода к прощению, совмещающего комиссивный и декларативный [5] или бехабитивный и комиссивный [4] подходы.

Мы исправляем сложившееся положение дел. Формально-логический инструмент, который мы предлагаем и затем используем, в отличие от указанных подходов, на самом деле опирается на теорию речевых актов как на методологическую базу и источник фундаментальных определений, ведущих все дальнейшие построения и теоретические выкладки. Прежде всего, построенная нами формализованная система, получившая название пропозициональной динамической логики для иллокуций или PDLill (в основу которой легли семантические идеи по объединению логики действий с пропозициональной динамической логикой, подробнее см. [6]), даёт отрицательный ответ на вопрос о принципиальной совместимости комиссивного и декларативного подходов. Этот ответ получен в ходе моделирования средствами PDLill действий агента-жертвы, представленных парой формул, отличающихся по типу таким же образом, как отличаются по типу комиссивный и декларативный иллокутивные акты. Мы утверждаем, что не существует такой характеристической модели для процесса, ассоциированного нами с действием прощения, на которой указанные формулы выполнялись бы одновременно. Противоречащее этому результату утверждение, которое высказано в частности, в работе [5], мы объясняем именно игнорированием различия между иллокутивной силой и пропозициональным содержанием в рамках «перформативных» подходов и отсутствием в них каким бы то ни было образом представленного понятия направления реализации соответствия». Семантические определения для типов иллокуций, данные средствами PDLill, в свою очередь, позволяют учитывать эти понятия: так комиссивный иллокутивный акт, имеющий направление реализации соответствия от «мира» к «словам», задаётся с помощью агентного антирефлексивного и антисимметричного перехода на направленном графе — модельной структуре PDLill, в то время как декларативный иллокутивный акт, направление реализации соответствия которого двойное, определяется как бикомпонентный агентный переход, обладающий свойством рефлексивности. Так как описанное нами множество характеристических моделей для прощения не заключает в себе такой модели, где одновременно были бы истинны формулы, представляющие комиссив и декларатив, мы заключаем, что речевой акт, объединяющий в себе ко-

миссивную и декларативную иллокутивные силы, не может служить характеристическим примером прощения, и не отражает суть этого феномена.

Использование формально-логических средств, вместе с представлением о сущности или природе некоего феномена как о его форме или структуре, позволило нам предложить ряд философских и логических вопросов, касающихся прощения, решений которых на сегодняшний день не встречается в научной литературе (во всяком случае — в рамках «перформативных» подходов). Мы предлагаем ответ на один из этих вопросов, найденный с помощью модифицированного варианта PDLill, включающего в себя, наряду с синтаксическими определениями для типов иллокутивных сил, инструменты, позволяющие описывать классы эквивалентности для пар агент/момент времени. Вопрос, который мы рассматриваем, касается ситуации, когда агент-жертва, в ответ на принесённые извинения обидчика или обидчицы, молчит, что может интерпретироваться в одном случае как отказ от прощения, а в другом — как уклонение от прощения, не являющееся, тем не менее, отказом прощать. Модифицированный вариант PDLill позволяет задать различные определения для формул, выражающих отсутствие прощения (действие не-прощения, аналогичное произнесению предложения «Я тебя не прощаю») и уклонение от прощения, и, тем самым — дать положительный ответ на вопрос о существовании различий между этими ситуациями, совпадающими, тем не менее, и своим перлокутивным эффектом — обидчик не прощён, и отношения, испорченные обидой, остаются неисправленными) — и способом репрезентации действия отказа или уклонения агентом-жертвой — молчанием. Мы показываем, что отказ и уклонение различаются также как различаются между собой структуры выборов, которые в каждом случае совершает агент-жертва, а сам выбор в каждом случае представляет собой не мгновенное действиие-переход на модельной структкре, а композицию таких переходов. Прощение предстает как иерархическим образом упорядоченное множество решений о возможных действиях в отношении обидчицы или обидчика. Мы заключении мы выдвигаем гипотезу, в соответствии с которой это утверждение может быть распространено и на ряд других действий, осуществление которых требует регулярно возобновляемого решения, как например действие, имеющее своей целью держаться принятого ранее правила.

Литература:

1. Остин, Дж. Как производить действия при помощи слов // Избранное. М., 1999.
2. Searle, J. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. NewYork: Cambridge University Press, 1979.
3. Haber, J. Forgiveness: A Philosophical Study. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 1991.
4. Pettigrove, G. The Forgiveness We Speak: The Illocutionary Force of Forgiving. The Southern Journal of Philosophy (2004) Vol. XLII. P. 371-392.
5. Warmke, B. The Normative Significance of Forgiveness. Australasian Journal of Philosophy, 94:4 (2016), 687-703.
6. van Benthem J., Pacuit E. Connecting Logics of Choice and Change // Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action, Springer, 2014, P. 291-314.

Вопрос о формализации смысла в философии науки и ответ прагматизма

О.Е. Столярова

Институт философии РАН (Москва). Старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии. Кандидат философских наук

olgastoliarova@mail.ru

Аннотация: В докладе рассматривается прагматическое решение проблемы формализации смысла, которое представлено как синтез позитивистского тезиса и постпозитивистского антитезиса. Позитивизм, настаивая на полной формализации опыта посредством искусственного универсального языка науки, не в состоянии справиться с проблемой передачи смысла сообщений и, соответственно, с проблемой понимания. Постпозитивисткая альтернатива, восстанавливающая в правах смысл, не способна обосновать его объективный характер и справиться с проблемой релятивизма научного знания. Прагматизм пытается найти средний путь между тезисом «факта» и антитезисом «смысла», отвергая как единый универсальный язык науки, так и полную непереводимость. На примере концепции «зоны обмена» П. Гэлисона показано, что решение достигается за счет выведения спора о языке за пределы языка, в область деятельности.

Ключевые слова: философия науки, язык, понимание, позитивизм, постпозитивизм, прагматизм, факты, смыслы, практика.

The problem of formalization of meaning in the philosophy of science and the answer of pragmatism.

O.E. Stoliarova

Institute of Philosophy RAS (Moscow)

Abstract: The author considers a pragmatic solution to the problem of formalization of meaning, which is presented as a synthesis of the positivist thesis and the postpositivist antithesis. Positivism, insisting on the complete formalization of experience through the artificial universal language of science, is unable to cope with the problem of transmitting the meaning of messages and, consequently, with the problem of understanding. The postpositivist alternative, which restores the rights of meaning, is not able to justify its objective nature and cope with the problem of relativism of scientific knowledge. Pragmatism tries to find a middle way between the thesis of "fact" and the antithesis of "meaning", rejecting both a single universal language of science and complete untranslatability. Considering the concept of " trading zone" (P. Galison), the author demonstrates that the solution is achieved by bringing the dispute about the language outside the language, into the field of practice.

Keywords: philosophy of science, language, understanding, positivism, postpositivism, pragmatism, facts, meanings, practice.

[i] Возможно ли установить однозначное соответствие между элементами опыта и элементами естественных языков, что позволило бы преобразовывать последние друг в друга через соотнесение их с некоей логической структурой, отражающей структуру опыта? Единственный способ, позволяющий установить однозначное соответствие между пространственно-временными точками-моментами и естественными языками, состоит в том, чтобы ограничить слова естественных языков указательными местоимениями наподобие «то», «это», «вот» и т.п., которые настолько же богаты, насколько и бедны: потенциально принимая любое предметное содержание, они в действительности являются бессодержательными. Но и этот способ при ближайшим рассмотрении оказывается далек от желаемой строгости. Как пишет Куайн, даже непосредственная остенсия, при которой термин, остенсивно объясняемый, относится к тому, что содержит точку остенсии (точку, в которой линия указывающего пальца впервые пересекает непрозрачную поверхность) «заключает в себе неопределенности, и эти неопределенности общеизвестны. Ведь заранее не ясно, в каких размерах должна мыслиться окружающая среда точки остенсии, чтобы быть охваченной термином, остенсивно объясняемым. Неясно также, насколько далеко предмет или вещество могут отстоять от того, на что сейчас направлена остенсия, чтобы все же быть охваченными термином, остенсивно объясняемым» [2, p. 194][ii]. Собрать остенсивно идею какого-либо предмета, свойства, множества предметов, не говоря уже об идее, выражающей то или иное положение дел, без некоего таинственного скачка, предельного перехода, когда ряды пространственно-

i Некоторые аспекты данной темы получили более подробное освещение в: [1].

ii Перевод с англ. яз. А.А. Печенкина [3].

временных точек-моментов превращаются, например, в «кролика» или «гавагаи», невозможно.

Этот скачок, в момент которого совершается загадочный переход количества в качество, по всей видимости, и является непреодолимым препятствием для философско-лингвистически-инженерного проекта искусственного интеллекта и тесно связанного с ним проекта машинного перевода (machine translation, MT). Онтологической предпосылкой данных проектов, как и логического позитивизма, является представление о некоей универсальной структуре, лежащей в основании физического мира и субъективного опыта как его части. Если предположить, что необходимый универсальный синтаксис, или «универсальная грамматика» с неизменными отношениями между ее элементами, составляет скрытый каркас универсума, то все содержательные аспекты этого каркаса, всю ту, если можно так выразиться, смысловую и созерцательную плоть, которая облекает этот скелет, вполне позволительно считать привходящими и несущественными. Таким образом, в соответствии с принципом каузальной замкнутости (универсальная логико-математическая структура отношений охватывает весь мир, вне которого нет ничего) приходится признать, что ментальные состояния и процессы, равно как и наблюдаемое поведение их носителей, могут быть исчерпывающим образом описаны в терминах синтаксиса. Искусственный интеллект – это и есть воспроизводство универсального синтаксиса на материальном носителе, способном осуществлять те или иные наблюдаемые операции. Идеалом для сторонников искусственного интеллекта является достижение полной переводимости всей вообще информации на универсальный искусственный язык, выполненное машиной (суперкомпьютером). Машина в сравнении с человеком обладает важными преимуществами: она, во-первых, способна совершать гораздо большее число логических операций за единицу времени, что позволяет ей установить связи между гораздо большим числом символов, и, во-вторых, нечувствительна к семантике и, значит, способна полностью редуцировать семантику к синтаксису как случайное к необходимому, или привходящее к сущностному. Теоретически, следовательно, супермашина, вооруженная соответствующим алгоритмом (или совокупность супермашин – нечто вроде цифровой «республики ученых»), могли бы охватить всю логическую структуру мира, достроить научное знание до необходимой полноты, создав алгоритмическую «Теорию всего», и конвертировать естественные языки друг в друга через соотнесение каждого из них с универсальным алгоритмом. Если бы идеальный машинный перевод был реализован, то и «кролик», и «гавагаи» могли бы быть автоматически сведены к одной и той же подструктуре, принадлежащей некоей общей *interlingua*, а компьютер мог бы поддержать осмысленный диалог с любым рациональным человеческим субъектом, так как любая возможная семантика a priori заключалась бы в универсальном унифицированном синтаксисе. Можно выразить преимущества машины перед человеком несколько иначе: машина не способна лгать, поскольку ложь относится к семантике (интерпретации), а семантика в принципе сводима к синтаксису, то машина автоматически переводит мнения, чей онтологический и эпистемологический статус далеко не безупречен, в универсальное знание. Машине (как и жильцу китайской комнаты из мысленного эксперимента Джона Серла) не требуется переживать «настоящее» понимание – автоматической конвертации семантики в синтаксис вполне достаточно как для диалога, так и для построения алгоритмической научной теории [4, с. 54-58].

Проблема искусственного интеллекта и машинного перевода, однако же, состоит не только в том, что они до сих пор не реализованы, и тест Тьюринга пока еще не пройден, а, как заключают критики этих проектов, в принципиальной невозможности формализации смысла. Сошлемся на авторитет таких известных представителей естественных и социальных наук, как физик и математик Роджер Пенроуз, философ аналитической традиции Джон Серл, философ-феноменолог Хьюберт Дрейфус, социолог науки Гарри Коллинз, которые единодушны в следующем: сознание и понимание существенно неалгоритмичны и, соответственно, не могут быть воспроизведены в качестве формальной системы [5, 6, 7, 8][i].

Обратимся к философии науки логического позитивизма. Мы связываем эту философию с синтаксическим подходом, который, в свою очередь, характеризуем как попытку установить количественную меру

i Перечисленные авторы обращают внимание на то, что деятельность сознания по производству и пониманию смыслов характеризуется неалгоритмичностью, то есть невычислимостью, или разрывами логико-математической структуры. При этом они по-разному обосновывают неалгоритмичность смысла и понимания. Пенроуз опирается на неклассическую естественнонаучную онтологию, а именно на квантовые эффекты и запутанные квантовые состояния, определяющие природу сознания, которые не могут быть описаны в терминах двузначной логики и по отношению к которым, соответственно, не применим алгоритм, основанный на дискретных состояниях «все или ничего»; Серл апеллирует к внутренне присущему сознательной системе свойству – интенциональности, которая не может быть редуцирована к внешним отношениям элементов этой системы; Дрейфус в своей критике искусственного интеллекта также опирается на интенциональность, связывая ее с культурно-биологической телесностью познающего субъекта, обеспечивающей контекстуализм знания; Коллинз придает меньше значения индивидуальной телесности и больше – неформализуемому языку общения, в котором в виде немого (tacit) знания заложена коллективная (социальная) телесность (интенциональность, практика).

смысла. По всей видимости, то обстоятельство, что философия науки, если она желает остаться философией, не может обойтись без семантики, предопределило неудачу синтаксического подхода. Заложенная в синтаксическом подходе опора на двузначную логику и дискретные состояния «все или ничего», с необходимостью обращают любые смыслы и значения в свой антитезис. Действительно, если абсолютная строгость формализации смысла (она же – полная вычислимость) не может быть достигнута, то, оставаясь на уровне синтаксиса, мы полностью теряем смысл, а приобретая смысл, теряем его логико-математическое обоснование. Причем не обязательно идти так далеко, чтобы вводить в описание мира ненаблюдаемые сущности или категории. Даже на уровне непосредственной остенсии, как показали критики позитивизма, требуемая строгость описания не может быть достигнута, и неопределенность перевода вступает в свои права. Смысл сам по себе является достаточным основанием для ниспровержения формального подхода.

Исходя из этого постпозитивистские философы пришли к решительному отрицанию существования нейтрального и логически непрерывного языка чувственных данных. С постпозитивистским (антипозитивистским) движением мы связываем семантический подход к анализу языка науки. Если синтаксический анализ языка науки исходил из некоторых простейших «единиц» опыта, внешние отношения между которыми образуют логическую структуру, то семантический подход обращается к смыслам и значениям, осуществляя обратную редукцию: простейшие «единицы» языка чувственного опыта оказываются, с точки зрения критиков логического позитивизма, сложносоставными – они обладают внутренней структурой и, соответственно, качественным своеобразием. Это разрушает формальную логико-математическую структуру опыта: ведь если не существует двух одинаковых единиц, то все логико-математические формализации оказываются под угрозой. О каком едином искусственном языке науки можно говорить, если его элементам невозможно поставить в однозначное соответствие элементы опыта, так как последние определяются не внешним образом, а через свое содержание, а это содержание наличествует в любом естественном языке? Иными словами, если бы даже мы могли, обладая техническими параметрами суперкомпьютера, полностью абстрагироваться от смыслов и значений, переведя все научные утверждения и теории на единый искусственный язык, то обосновать необходимость этого перевода в терминах естественного языка мы бы уже не смогли. Это означает, что наш воображаемый суперкомпьютер, почти мгновенно превращающий семантику в синтаксис, при условии его реализации, был бы основан на теории, которая оставалась бы не формализуемой в рамках произведенных им логико-математических структур. «Почему существует нечто, а не ничто?», – спросили бы тогда философы (если бы они не были полностью упразднены), имея в виду универсальный суперкомпьютер. И, к сожалению, не получили бы ответа. Любой ответ на этот вопрос в терминах естественного языка оказался бы мифом наподобие ответа на вопрос о правомерности критерия верификации в логическом позитивизме.

Идея о том, что элементарные «единицы» опыта на самом деле не элементарны, а «заражены» мифом, или естественным языком, и способны под воздействием этого языка оборачиваться «то уткой, то кроликом» (то «кроликом», то «гавагаи») стала едва ли не общим местом в философии науки 60-х-70-х годов XX в. Эту идею разделяли Уиллард Куайн, Томас Кун, Пол Фейерабенд, Норвуд Хэнсон и даже (хотя и не всегда) Карл Поппер. Эта идея определяет важнейшие анти-позитивистские концепции – теоретической нагруженности фактов (theory-ladeness) и недоопределенности теории фактами (underdetermination of scientific theory). Первая говорит о том, что один и тот же (на входе) событийный ряд, – последовательность чувственно воспринимаемых пространственно-временных точек-моментов, фиксируемых с помощью того или иного инструментария (измерительного прибора, экспериментальной установки), – на выходе может оказаться не одинаков в зависимости от концептуальных ожиданий того, кто осуществляет наблюдение или эксперимент. Несмотря на то, что Лавуазье и Пристли, как пишет Кун, проводили сходные эксперименты и наблюдали сходные явления, каждый из них увидел то, что предписывала ему его теория («кислород» в первом случае и «флогистон» во втором) [9, с. 75-95][i]. Даже в случае использования одинаковых терминов для описания одних и тех же наблюдений приверженцы разных теорий вкладывают в них разный смысл, что становится очевидным при включении этих терминов в теории. Некоторые факты вообще выпадают из поля зрения одних экспериментаторов и наблюдаются при этом другими экспериментаторами в зависимости опять-таки от концептуальных предвосхищений опыта. К тому же, экспериментальные установки и измерительные приборы заключают в себе теоретический компонент, обосновывающий их устройство и надлежащее использование, что нагружает факты теорией уже на самой начальной стадии их получения в лабораторных условиях[ii].

i Хотя говорить о том, что одни и те же факты приводят к разным интерпретациям, некорректно по той причине, что вследствие теоретической нагруженности, невозможно сравнить их друг с другом в чистом виде.

ii Это обстоятельство отражено в концепции экспериментального регресса (experimenter's regress), выдвинутой

Концепция недоопределенности теории опытом указывает на существование (синхронное или диахронное) двух или более соперничающих теорий, подкрепленных одними и теми же данными опыта. Такие теории являются различными описаниями мира, хотя их эмпирические следствия совпадают. Поэтому при выборе теории ученые руководствуются не тем, какая из них лучше согласуется с фактами, а чем-то иным (метатеоретическими предпочтениями). Согласно тезису Дюгема-Куайна, любая научная гипотеза (теория) может быть согласована с любыми опытными данными за счет введения дополнительных теоретических допущений, что в принципе позволяет сделать эту гипотезу (теорию) эмпирически эквивалентной любой другой гипотезе (теории).

Итак, обратная редукция от факта к смыслу, осуществленная постпозитивизмом, привела к признанию того, что язык науки определяется естественными языками (состоит из множества естественных языков), а это, из-за несоответствия требованиям, которые логический позитивизм выдвигает для осмысленных утверждений, автоматически превращает его в язык мифа, а не объективного знания. Поскольку естественные языки не могут быть сведены без некоторого неконтролируемого (невычислимого) остатка к опытным данным, постольку же они не могут быть конвертированы друг в друга через посредство универсального языка: отсутствие «золотого стандарта» опытных данных для сравнения научных теорий делает эти теории (гипотезы и утверждения) несоизмеримыми. Концепция несоизмеримости говорит о том, что сравнение научных теорий (а так же проблем и методов) представляет собой принципиально иную (гораздо более сложную) процедуру, нежели алгоритмическая конвертация их друг в друга через логически непрерывное сопоставление с точками-моментами опыта.

Как же в таком случае осуществить перевод терминов и утверждений науки, и не только науки, а любых терминов и утверждений, с одного естественного языка на другой? Задача перевода «гавагаи» в «кролика» или наоборот приобретает драматический характер. Теперь мы можем быть уверены, что «гавагаи» по сути эквивалентен «кролику», только если сопоставим и того, и другого с нейтральным по отношению к своему воплощению смыслом – эйдосом «гавагаи-кролика как такового». Да, отлитых из золота эйдосов «гавагаи» и «кролика» можно будет легко поменять местами, и их обладатели не заметят подмены. Но удовлетворит ли ученых гипотетический «золотой стандарт» эйдосов? И разве эйдосы способны передать основное предметное содержание естествознания, а именно – движение (изменение)? Не попадет ли оно в таком случае в разряд невыразимого и непереводимого, того, о чем следует молчать, а если и говорить, то на поэтическом языке гуманитарного знания, в котором понимание полностью зависит от интерпретации, а языковой перевод превращается в произвол?

Постпозитивистский скептицизм относительно науки, который Ян Хакинг назвал кризисом рациональности, разбивается, однако, об одно очевидное обстоятельство. Это обстоятельство заключается в том, что, несмотря на непроясненность собственных теоретических оснований, наука не молчит, не бездействует и меньше всего подходит на роль культурного аутсайдера. Она, напротив, вполне успешна. Она непрерывно порождает все новые и новые материально-семиотические ряды и не обращает большого внимания на философов, у которых не сходятся концы с концами в рассуждениях об ее логической правомерности. Ученые (как заметил Ричард Фейнман) в этом уподобляются птицам, которым нет никакого дела до теоретических утверждений тех, кто их изучает (орнитологов). Конечно, Фейнман несколько преувеличил независимость ученых от философии. По-видимому, наука независима от философии в той же степени, в какой данные наблюдения (факты) независимы от интерпретации. После же критической рефлексии постпозитивизма по поводу логико-позитивистского проекта формализации смысла, число сторонников идеи независимости фактов от интерпретации существенно уменьшилось. Поэтому, как ни тривиальна нам покажется компромиссная идея отношений взаимного и равноправного ограничения между фактическими и теоретическими событиями нашей чувственной и интеллектуальной жизни (между наблюдениями и понятиями), но, как минимум, в свете реконструкции истории философии науки XX в. она выглядит наиболее приемлемой по сравнению со своими экстремальными альтернативами.

Однако же эта идея, как и любая другая универсальная философская идея, оперирующая раз и навсегда зафиксированными терминами, в данном случае такими, как «наблюдения» и «теория» остается совершенно пустой и бесполезной, будучи ограничена уровнем эпистемологии. Отдавая каждому из «соперников» его должное, она обладает, конечно, силой действия хорошего успокоительного, но совершенно лишена внутренней динамики. Для того чтобы извлечь из нее действительно интересные следствия (то, что *makes a difference*, если прибегнуть к английской идиоме), нужно «расшатать» эту систему равноправных отношений, то есть вывести ее на новый уровень (назовем его уровнем онтологии), для чего совершить следующий маневр: спросить о некоей общей мере, которая позволила бы сопоставить между собой язык фактов и язык теории. Этот маневр мы связываем с прагматическим подходом в философии науки, который открывает возможность для того, чтобы вывести язык за пределы языка. Какие же решения проблемы языкового перевода предлагает прагматически ориентированная философия науки?

Мы определяем прагматический подход к проблеме языка как снятие противоречий между «формальным» тезисом и «смысловым» антитезисом. Такие представители прагматической философии науки как Ян Хакинг и Питер Галисон (а также многие другие) настаивают на необходимости найти средний путь между позитивистской строгостью и постпозитивистским «все позволено». Главная проблема сегодня (после необратимых постпозитивистских аргументов в пользу несоизмеримости) – понять устойчивость науки! – восклицает Хакинг [11, p. 85]. Галисон отвергает как единый универсальный язык науки, так и полную непереводимость. В науке имеет место осмысленная и, главное, продуктивная, коммуникация, которая, однако, не поддается формализации [12].

Рассмотрим концепцию зоны обмена, предложенную Галисоном. Зона обмена – это территория, на которой живущие по соседству носители разных языков и культур встречаются для взаимовыгодного общения – торговли и обмена материальными ценностями. При этом предметы и операции обмена, а также сопровождающие их вещи и процессы выступают в качестве «пограничных объектов» (boundary objects): они принадлежат одновременно двум (или более) различным знаковым системам (группам, культурам) и воплощают собой различные смыслы и ценности. Непереводимость этих смыслов и ценностей друг в друга, тем не менее, не мешает представителям разных сообществ/ носителям разных знаковых систем получать взаимную пользу от совместных торговых операций. «Несмотря на колоссальные глобальные расхождения, торговые партнеры могут договориться о локальной координации своих действий» [12]. В локусе действия зачастую формируются особые языки контакта – пиджины, которые представляют собой неупорядоченные смеси исходных языков. Языковые выражения пиджинов имеют в качестве референтов «пограничные» процессы и объекты, а развитие или деградация этих языков обусловлены устойчивостью или, наоборот, неустойчивостью локальных торгово-хозяйственных практик. В случае продолжительного периода продуктивных контактов между группами примитивный пиджин может перерасти в более развитый и устойчивый креольский, который впоследствии станет родным для какой-либо части населения и превратится в самостоятельный язык. Как видно, здесь речь идет не о том, что успешно решенная проблема языкового перевода приводит к пониманию, а о том, что успешно решенная проблема совместного действия определяет появление новой знаковой системы – смешанного языка как общей границы понимания между разными группами.

Экстраполируя эту модель на научную практику, Галисон утверждает, что в науке так же происходит своего рода торговый обмен между смыслами и наблюдениями, или между теоретическими предвосхищениями и фактическими результатами. В роли носителей разных знаковых систем при этом могут выступать, к примеру, представители трех субкультур физики – теоретики, экспериментаторы и инженеры. Они могут достичь согласия в отношении процедуры обмена и механизма определения “эквивалентности” различных товаров, не осуществляя при этом полной редукции ни теорий к фактам, ни фактов к теориям. Но это происходит лишь тогда, когда выполняется некоторое условие обмена, а именно – когда наличествуют конкретные обстоятельства, объекты и процессы, которые являются «пограничными» для этих групп. Иными словами, это происходит, когда ученые работают совместно над какой-либо проблемой в одной лаборатории. Именно локальное понимание как следствие конкретных коллективных практик, а не универсальный перевод на универсальный язык обеспечивает динамику науки. Необходимость договариваться относительно конкретных вещей и процессов на конкретной территории вопреки абстрактным различиям приводит к новым результатам, которые впоследствии могут перерасти из, образно говоря, *ad hoc* пиджина в гораздо более стабильный креольский язык. Проанализировав ряд эпизодов из истории физики, Галисон приходит к следующему выводу: «Изучая, как графики и медные трубки циркулировали туда и обратно через границу культурного водораздела, можно было бы заключить, вслед за антипозитивистами, что миры теории, эксперимента и инженерной деятельности пересеклись, но не встретились. Такое описание, однако, никак не согласуется с тем, что говорят сами участники. У них есть средства общения, но общение происходит лишь по частным вопросам, а не путем глобального перевода культур и не через образование

Гарри Коллинзом [10]. Ученые могут считать результаты эксперимента правильными при условии правильно функционирующего экспериментального аппарата, но правильность его функционирования подтверждается правильными результатами, которые этот аппарат продуцирует. Следовательно, если бы ученые не обладали некоторой заранее данной неформализуемой теорией экспериментального аппарата и его функционирования, прогресс экспериментального знания (то есть получение устойчивых экспериментальных результатов, принятых научным сообществом) был бы невозможен.

универсального протокольного языка. Резюме Галисона таково: лаборатории работают путем координации действий и убеждений, а не путем языкового перевода» [12].

Итак, что же, если не общий язык, обеспечивает понимание между участниками обмена информацией? Поставим вопрос несколько иначе: что позволяет ученым (да и всем людям) находить общий язык, обеспечивая условия его возможности? По-видимому, синтаксис и семантика, логическая необходимость и смысловая свобода, способны свидетельствовать в пользу своей дополнительности на фоне того, чему они в равной степени принадлежат, а именно – человеческой деятельности. Коллективные практики порождают «пограничные» объекты и процессы, которые играют роль общей меры, или «золотого стандарта» соответствия между данными чувственного опыта и содержанием языковых конструкций. Они, в конечном счете, обеспечивают и поддерживают понимание, в пространстве которого языковой перевод оказывается возможным. Но допустимо ли говорить о них как о некоем стандарте? Ведь стандарт – это нечто неизменное. Деятельность же обычно наделяется характеристиками становления, а не бытия, так как она всегда направлена на то, чего еще нет. Она происходит в сфере возможного, а не действительного. С этим трудно не согласиться. Но существует так называемое прагматическое правило, сформулированное Ч. Пирсом и У. Джеймсом, которое фиксирует парадоксальную «нормативность» деятельности: лучше всего ценность любого понятия определяется при ответе на вопрос о том, что оно изменяет в поведении кого-либо, или каковы его практические последствия. Используя прагматический «стандарт изменения», настаивать на формальной эквивалентности таких, например, понятий как «кролик» и «гавагаи», действительно проблематично, но допустимо говорить об их динамической (функциональной) эквивалентности. В лингвистических теориях концепция динамической эквивалентности указывает на фактор воздействия понятия на поведение реципиента как на то, что подлежит оценке и может служить критерием при языковом переводе.

В теории информации прагматический подход спрашивает не столько о структуре и содержании информации, сколько о годной к употреблению сумме сообщений. Передаваемое сообщение считается информативным в той мере, в какой оно изменяет поведение получателя, а это изменение, в свою очередь зависит от того, насколько получатель подготовлен к принятию сообщения. Таким образом, с точки зрения прагматического подхода к анализу информации, в процессе передачи данных происходит их обработка (переработка) с учетом ситуации применимости. Информация, следовательно, никогда не достигает получателя в первозданном виде. Результатом ее движения от отправителя к получателю становится различие, нарушающее симметрию между исходными и конечными данными. Это различие зависит от времени и характеризуется необратимостью. Соответственно, только та информация имеет значение (является информацией), которая создает различие между прошлым и будущим состоянием системы. Образно говоря, если отлитых из золота эйдосов «гавагаи» и «кролика» поменять местами, и их обладатели при этом не заметят подмены, то информация такого рода взаимообмена будет равна нулю. С точки зрения прагматической теории информации конвертация значений друг в друга предстает гораздо более сложным процессом (в отличие от редукционистских моделей), в котором учитываются внутренняя структура системы и ее пространственно-временные характеристики. Так, в понятии динамической (или генетической) эквивалентности заключен фактор времени.

Литература:

1. Столярова О. Е. Языки науки и проблема понимания //Философские науки. 2014. № 11. С. 82-94.
2. Quine W.V.O. Ontological relativity // The Journal of Philosophy. Vol. 65. № 7. P. 185-212.
3. Куайн У.В.О. Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. М.: Логос, 1996. С. 41-61.
4. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 557 с.
5. Penrose R. The emperor’s new mind: concerning computers, minds, and the laws of physics. Oxford University Press, 1989. 479 p.
6. Serale J.R. A re-discovery of the mind. The MIT Press, 1992. 286 p.
7. Dreyfus H.L. What computers still can’t do: a critique of artificial reason. The MIT Press, 1992. 407 p.
8. Collins H.M. Artificial Experts: Social Knowledge and Intelligent Machines. The MIT Press, 1990. 266 p.
9. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
10. Collins H. *Changing Order: Replication and Induction in Scientific Practice.* University of Chicago Press, 1985. 207 p.
11. Hacking I. The Social Construction of What? Harvard University Press, 1999. 272 p.
12. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий. Пер. с англ. В.А. Геровича // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64-91.

Необходимость поддержания неорганической среды биосферы для сохранения жизни

Карташова Е.Р., Фитискина* Н.В.

Член Российского философского общества, Московское общество испытателей природы. К.б.н., к.б.н.

nvfitiskina@mail.ru

Убыстряющийся эволюционизм социума не властен повлиять на эволюционные возможности природы. Климат планеты не будет подстраиваться к комфортным условиям жизни человека. Человеку необходимо осознать имеющее место потепление среды и направить все усилия на приостановку данного процесса. Люди, подобные Альберту Швейцеру, должны оценивать экологическое состояние планеты и с их рекомендациями следует считаться.

Ключевые слова: убыстряющийся эволюционизм социума, подчинение законам биосферы, биотопливо

The need to maintain the inorganic environment of the biosphere to save life.

Kartashova E.R., Fitiskina N.V.

Member of the Russian Philosophical Society; Member of the Moscow Society of Naturalists

The accelerating evolutionism of society is not capable of influencing the evolutionary capabilities of nature. The climate of the planet will not adjust to the comfortable conditions of human life. A person needs to realize the warming of the environment and direct all efforts to stop this process. People like Albert Schweitzer should assess the ecological state of the planet and their recommendations should be considered.

Keywords: accelerating evolutionism of society, obedience to the laws of the biosphere, biofuel

Совокупная деятельность организмов на земле, включая человека, определяет режим неорганической среды, необходимый для поддержания жизни. В.И. Вернадский отмечал, что человечество геологически закономерно связано с материально-энергетической структурой биосферы, с биогенной миграцией химических элементов и их соединений в биосфере [1]. «От качества среды зависят: здоровье, трудоспособность, долголетие и благосостояние людей… Только гармония человека с окружающей средой может гарантировать людям оптимистическую перспективу, придать нравственный смысл развитию цивилизации» [2]. В середине 90-х годов прошлого столетия д.ф.н. И.К. Лисеевым обращалось внимание на необходимость развития концептуальной экологии, разработанной корифеем в области теории, законов, правил и принципов экологии Н.Ф. Реймерсом [3-5]. Общество развивается до тех пор и постольку, поскольку сохраняет равновесие между своим давлением на среду и восстановлением экосферы – природно-естественной и искусственной. Современный этап социально-экологического развития должен характеризоваться наложением жестких лимитов на любую экспансию, направленную против природы. Сохранение процессов коэволюции природы и убыстряющегося эволюционизма социума – вот тот маяк, который может спасти человечество. Чтобы это не превратилось в сизифов труд, нужна реальная объединенная программа действий, охватывающая планетарное человечество.

Искать выход следует, как отмечают авторы книги «Планетарное человечество: на краю пропасти» в управлении социальными системами в области структурных изменений мирового социума [6]. Управлять социальными системами необходимо с помощью привлечения знаний, основанных на философии и логике. Отмечаемое стремительное развитие экономики проходит в конкурентной борьбе между странами, отодвигая целевые действия человечества, направленные на сохранение биосферы Земли. Не потерял своей актуальности материал середины XX века Рассела – Эйнштейна: «… перед нами лежит путь непрерывного прогресса, счастья, знания и мудрости. Изберем ли мы вместо этого смерть только потому, что не можем забыть наших ссор? Мы обращаемся как люди к Людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всем остальном. Если вы сможете сделать это, то перед вами откроется путь в новый рай, если вы этого не сделаете, то перед вами опасность всеобщей гибели» (Бертран Рассел, Альберт Эйнштейн, 9 июля 1955 г., Лондон) [цит. по 6, с. 184].

В настоящее время значительное внимание обращается на проблему, связанную с глобальным

изменением климата. Указывается, что человечество двигается к экологической катастрофе, так как предполагается, что при повышении температуры на нашей Планете к концу века на 3,2 ºС произойдет массовое вымирание животных и растений. А многие части Планеты станут необитаемыми. В 2016 году в Париже государства договорились не допускать повышения средней глобальной температуры больше, чем на 2 ºС. Для этого нужно ежегодно сокращать выброс парниковых газов на 7,8 %, что требует принятия кардинальных мер [7]. В опубликованных 25 ноября 2019 года исследованиях Всемирной метеорологической организации (ВМО) отмечается значительный рост в атмосфере двуокиси углерода, метана, оксида азота. Генеральный секретарь ВМО Петтери Таалас призвал все страны «воплотить взятые обязательства в конкретные действия» [8]. В настоящее время выбросы углекислоты в атмосферу составляют 8 млрд тонн ежедневно, из них экосистема Земли способна поглотить только половину [9]. Предполагается использование биотоплив, которые включают продукты переработки растительного сырья: древесные пеллеты, биобутанол, биоэтанол, биометилфуран, биогаз и биодизель [10, 11]. Значительное внимание уделяется органическим отходам, объем которых в России составляет порядка 625 млн тонн, из которых можно получать биогаз, а затем и энергию. При активации использования энергии возобновляемых источников в России рынок биогаза получит достаточно сырья для его производства.

Другой не менее важный момент хозяйственной деятельности человека должен заключаться в сохранении и восстановлении потенциала почв, ее микро- и микобиоты, тесно связанными с растениями, с которыми она составляет кооперативную систему [12-14]. Преодоление экологического кризиса возможно лишь при условии подчинения людей законам биосферы [15]. В настоящее время объем работ в области экологии снижен, новые преобразования не намечаются, почти все ростки экологичности увяли. Природоресурсные кодексы – Земельный, Лесной, Водный позволили разделить природные ресурсы между собственниками. Используемый довод, что в развитых странах значительная часть природных ресурсов находится в частной собственности, не убеждает, поскольку там на собственников возложены обязательства и ограничения, требующие охранять природу как собственное достояние. Мы солидаризируемся с Е.И. Майоровой, что организация граждан в отношении с природой должна включать не только экологическую культуру, но требует законодательного подкрепления, также активной деятельности движений обществ защиты природы [16]. В нашей стране в программах влиятельных политических партий отсутствует экологический аспект, на что уже обращалось внимание [16]. Огромный ущерб будет нанесен экологии Планеты из-за разработки лесов в Томской области, предоставленной нашей страной Китаю на срок 49 лет [17]. Именно эти леса вносят существенный вклад в поддержание процентного содержания кислорода на Планете. Этим лесам, как ценному достоянию человечества, «как на землю, на жизнь, на душу и заветное цены нет» [18]. Вспомним слова А.И. Потапенко, отметившего, «…либо люди услышат призыв к разуму и научатся сохранять норму биосферы, либо сначала до крайности обеднят среду существования, а затем погибнут сами» [19].

Чтобы Человек продолжал жить на Планете, он обязан сохранить биоразнообразие Планеты, сохранить популяцию и сообщества экосистем. Необходимо расширить проведение эколого-аналитического контроля экотоксикантов в объектах среды обитания. Эти проблемы и другие подобные проблемы должны решаться на базе не одного института, каким является Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, а целым рядом институтов, способных сохранить Природу посредством знаний и финансовой поддержки. Но помимо знаний и финансовой поддержки для решения экологических проблем необходимо наличие людей, для которых общественное важнее личного. Примером такой личности был Альберт Швейцер. Альберт Швейцер остался в памяти человечества как вдохновляющий пример высокоморальной личности, способствующий формированию чувства ответственности перед людьми. Общественный деятель Мартин Лютер Кинг отмечал долгий и богатый жизненный путь Альберта Швейцера во имя человечества, который можно рассматривать как героическую поэму XX столетия.

В книге А. Абрамова «Человек Альберт Швейцер: Книга 1. Подвиг» [20] говорится: «Давно начавшаяся борьба Добра и зла продолжается. Она проходит через человеческие души. Участвует в ней каждый землянин, осознанно, а чаще совсем неосознанно. Многие явления в природе и, особенно, в человеческом сообществе, дают основание предполагать, что она близка к завершению. Порожденные человечеством экологические проблемы угрожают всей жизни на Земле. Значение того, что делает каждый человек, возросло необычайно. Он волен, или даже обязан, по своему человеческому достоинству, свободно мыслить, свободно выбирать свои действия, определяя тем самым свою судьбу и влияя на судьбу планеты. Подвижники оздоровляют Землю и вдохновляют людей на правильный выбор». Таким вдохновителем людей на правильный выбор и был Альберт Швейцер.

Из мыслей Альберта Швейцера:

- «Я как раз не теолог, я предан философии, «думанию». Это божественная и одновременно страшная болезнь, как на то намекал еще Сократ – человек, которого после Иисуса, я ставлю превыше всех».
- «Истинная этика так же широка, как и Вселенная. Всё этическое связано с единственным основополагающим принципом: высшая цель есть сохранение и продолжение жизни. Сохранение собственной жизни с точки зрения высшей цели есть духовное самоусовершенствование, сохранение других жизней, с точки зрения высшей цели, есть действия, совершаемые под влиянием чувства взаимопомощи и любви, − вся этика в этом. И то, что мы называем любовью, является по своей сути благоговением перед жизнью. Все материальные и духовные ценности являются ценностями лишь постольку, поскольку они служат высшим целям сохранения и поддержания жизни».

«Швейцер говорил нам, что мы не станем полностью цивилизованными до тех пор, пока нас будут заботить отношения лишь в человеческом обществе. Чрезвычайно важно определение отношения к любым проявлениям жизни. Трагедия нашего времени является война с окружающей средой, вызванная применением современных технологий…» Приведенный материал, как мы полагаем, демонстрирует влияние А. Швейцера на «крупнейший социальный феномен, каким является в мире экологическое движение».

Литература:

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 522 с.
2. Проект Экологического кодекса России (этика природопользования) / Институт философии РАН, 1992.
3. Лисеев И.К. Единство идей коэволюции и идей философии // В книге Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Прогресс-М, 1995. 352 с.
4. Реймерс Н.Ф. Надежда на выживание человечества. Концептуальная экология. М., 1992. С. 146-151.
5. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Россия молодая, 1994. 367 с.
6. Кацура А.В., Мазур И.И., Чумаков А.Н. Планетарное человечество: на краю пропасти. М.: Изд-во Проспект, 2016. 205 с.
7. Новый доклад ЮНЭП // Газета «Природно-ресурсные ведомости» / Всероссийское общество охраны природы; Российская экологическая академия; Национальное информационное агентство «Природные ресурсы» (НИА – Природа). 2019. № 11 (470). С. 4.
8. Рост парниковых газов // Газета «Природно-ресурсные ведомости» / Всероссийское общество охраны природы; Российская экологическая академия; Национальное информационное агентство «Природные ресурсы» (НИА – Природа). 2019. № 11 (470). С. 4.
9. Солодова Н.Л., Терентьева Н.А. Немного о биотопливах // Вестник КТУ. 2010. № 11. С. 348-357.
10. Феофилова Е.П., Мысякина И.С. Биотопливо: проблемы и перспективы / Национальная академия микологии, Общероссийская общественная организация. М., 2016. 107 с.
11. Пестрикова И.Е., Лопатина Л.Г. Энергия биомассы: перспективы использования биогаза // Динамика систем, механизмов и машин. 2014. № 1. С. 332-335.
12. Артамонова В.С. Микробиологические особенности антропогенно преобразованных почв Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. 225 с.
13. Марфенина О.Е. Антропогенная экология почвенных грибов. М.: Медицина для всех, 2005. 196 с.
14. Смит С.Э., Рид Д.Дж. Микоризный симбиоз. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 776 с.
15. Гирусов Э.В., Фалько В.И. Экологическая мораль и этика природопользования // Газета «Природно-ресурсные ведомости» / Национальное информационное агентство «Природные ресурсы» (НИА – Природа). 2017. № 10-11 (445-446). С. 8.
16. Майорова Е.И. Закон об общественном экологическом контроле и охране окружающей среды // Экология внешней и внутренней среды социальной системы (ЭКО-Мир – 9): сборник материалов 9-ой Международной научной конференции. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2019. С. 155-157.
17. Русский Монитор: Новый виток скандалов вокруг сибирской тайги: Китайцам отдали в аренду 2 млн га леса в Томской области (20.03.2018). URL: https://rusmonitor.com/novyjj-vitok-skandalov-vokrug-sibirskojj-tajjgi-kitajjcam-otdali-v-arendu-2-mln-ga-lesa-v-tomskojj-oblasti.html

18. Мелокумов Е.В. Почвоведение, биогеоценология, ландшафтоведение (как единый биосферный класс наук), и проблема оценки земель в свете основной теории социальной экологии. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2019. С. 158-161.
19. Потапенко А.И. Тело и дух. Загадочный тандем материи. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1998. С. 220.
20. Абрамов А. Человек Альберт Швейцер: Книга 1. Подвиг. Горно-Алтайск: ООО Типографическая компания, 2010. 220 с.

Аксиологические аспекты стратегии устойчивого развития

Кондакова Н.С.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», доцент. Кандидат философских наук

ntlz@list.ru

Аннотация: В статье автор обращается к проблеме устойчивого развития современного мира. Отмечается острая необходимость осмысления событий, происходящих в мировом развитии в XX-XXI веках, в том числе в области взаимоотношений человека и природы. Особую роль при разрешении возникающих противоречий автор отводит системе ценностей. Автор приходит к выводу, что изменение ценностей человека, развитие ориентации на гармоничное развитие человека, общества и природы позволят не только успешно реализовать концепцию устойчивого развития, но и приведут к стабильному и гармоничному развитию будущего человечества.

Ключевые слова: экология, глобальные проблемы, устойчивое развитие, гармоничное развитие, ценности.

Axiological aspects of the sustainable development strategy.

Kondakova N. S.

Transbaikal state University

Abstract: in this article, the author addresses the problem of sustainable development of the modern world. There is an urgent need to understand the events taking place in world development in the XX-XXI centuries, including in the field of human-nature relations. The author assigns a special role to the system of values when resolving contradictions that arise. The author comes to the conclusion that changing human values, developing a focus on the harmonious development of man, society and nature will not only successfully implement the concept of sustainable development, but also lead to a stable and harmonious development of the future of humanity.

Keywords: ecology, global problems, sustainable development, harmonious development, values.

Современное состояние и будущее развитие общества привлекает внимание ученых различных областей знания, каждый стремится не только осознать происходящее, но и увидеть возможности будущего. Однако, как подчеркивает Г. Зейналов [3] многие классические подходы к развитию общества исчерпали себя и проблемы, возникающие в современности, требуют новых нетрадиционных подходов.

В исследованиях ученых XX века подчеркивается неустойчивость и нестабильность развития общества и мира, отмечается невозможность дальнейшего развития человечества по выбранному пути. Особенно остро проявились проблемы экологии и взаимодействия человека и природы. Человечество подошло к такому рубежу, на котором уже не возможны прежние формы взаимодействия с природой, иначе исчезнет природа, а следом за ней и человек, который несмотря на все достижения науки и техники остается в тесной взаимосвязи и зависимости от природы. Ответом на вызовы современности стало принятие 1992 году стратегии устойчивого развития, которая должна способствовать стабильному развитию общества, а 2002 году принят рекомендательный план действий по устойчивому развитию.

Концепция устойчивого развития предполагает разрешение экологических проблем, а также стабильное и гармоничное развитие других систем – социальной, политической, экономической, духовной. Причем ряд ученых скептически относятся к данной стратегии, видя во многом ее утопичность, оторванность от реальной жизни, неспособность разрешить возникающие проблемы.

Стоит обратить внимание на то, что в XX- начале XXI века мы сталкиваемся с парадоксами в развитии общества, с одной стороны слышатся призывы к концепции устойчивого развития, экологическому сознанию, сбережению природы, а на практике расцветает общество потребления, культ сиюминутного удовлетворения возникающих потребностей. Эти идеи имеют разнонаправленный характер, декларируется устойчивость, необходимость сбережения природы, ресурсов, в практике же реализуется идея обогащения, массового потребления, удовлетворение неограниченных потребностей человека. Безусловно, развитие мира представляется невозможным в существующем противоречии, отсюда возникает множество вопросов: Что делать, чтобы будущие поколения смогли жить? Как сократить потребление? Как ограничить культ потребления? Каким образом возможно осознание каждым человеком необходимости изменения сознания?

В разрешении сложившихся проблем недостаточно только финансовых или политических решений, возникает необходимость изменения ценностей общества и отдельного человека. Современное состояние общества – это скорее кризис культуры вообще и ценностей в частности. Предыдущие ценности, связанные с активным развитием постиндустриального общества, расширением производств, вмешательством в природные процессы, изменением природной среды становятся не актуальными и не смогут в дальнейшем способствовать жизнеспособности мировой системы.

Безусловно, современное общество требует разработки новых концепций и стратегий развития общества, концепция устойчивого развития представляется одним из возможных механизмов изменения существующего положения и возможности дальнейшего сосуществования человека и природы. Однако мы также понимаем, что развитие экологического сознания, уважение к природным ценностям, понимание себя как неотъемлемой части природы возможно только на основе иных ценностей человека. Аксиологическим ядром нового мышления должен стать ряд нравственных императивов, заложенных в глубинах культуры человечества [7].

Отсюда возникает необходимость глубокого переосмысления ценностей современного человека. Захарова Е.Ю. отмечает, что «мир подошел к рубежу, требующему радикального изменения ценностных ориентаций каждого человека и человечества в целом» [1,33].

Современность требует гармоничного развития личности в обществе и в природе, причем в основу этой гармонии должны быть заложены гуманистические и экологические ценности. К человеку должно прийти понимание глубинности происходящих процессов, не просто его взаимосвязь и зависимость от природы, а то, что он неотъемлемая часть природы также, как и природа есть часть самого человека. Игнорирование и уничтожение природы приводит в большей степени к саморазрушению человека, что проявляется не только в болезнях, ухудшении экологической обстановки в которой проживает человек, но и в ухудшении духовных качеств, безразличии, жестокости, возникающих между людьми. Как подчёркивает Л.В. Мантатова идеи концепции устойчивого развития должны проникать в «в духовные глубины бытия человека в мире» [5].

Как справедливо отмечает Захарова Е.Ю. «антропоцентризм соответствует традиционному взгляду на природу как на средство достижения человеческих целей, в натурцентризме ценность природному миру придают ради нее самого и ставят человека на равное с природой основание» [2]. Отсюда мы можем выявить первое противоречие в развитии современного мира. Провозглашая развитие экоцентрического сознания мы не готовы ответить на вопрос как преодолеть антропоцентричность самого человека. Ведь в итоге прежде, чем задумываться над вопросами глобального развития и улучшения ситуации, человек ответит и решит собственные проблемы, обеспечит реализацию собственных чисто человеческих потребностей.

Однако возможно и нет необходимости преодоления антропоцентричности человека, а достаточно привитие понимания человеку его тесной взаимосвязанности с природной средой, сочетание антропологических и экологических ценностей. Именно в понимании глубинных взаимосвязей человека и природы, в осознании неразрывности развития общества и природы заложено изменение ценностей человечества. Отсюда возникает необходимость не привития экологического сознания как чего-то внешнего по отношению к человеку, как очищение природы, потому что ей нанесен ущерб, а воспитание понимания, что человек сам является природой, он часть мира и при игнорировании вопросов гармоничного развития общества и природы он разрушает в первую очередь самого себя. Поскольку человек является творческой и многогранной личностью существует необходимость его переориентации не на разрушающее, а на созидающее начало, причем созидание в первую очередь самого себя как гармоничной личности, как неотъемлемой части природы, общества и мира.

В XX-XXI веках мировое сообщество приходит к осознанию возникновения ряда проблем глобального характера, разрешение которых возможно только в совместной работе всех стран и регионов, в общей деятельности всего человечества. Причем разрешение проблем состоит не только в масштабных международных проектах, но и касается каждого лично, каждый отдельно взятый представитель человечества должен осознать свою значимость в разрешении возникших проблем и будущего развития общества. Именно личностное ценностное начало способно придать жизненность концепции устойчивого развития, направить общество в сторону изменения отношений с природой и реализации стабильного будущего развития.

Литература:

1. Захарова Е.Ю. Духовно-нравственные основы экологизации деятельности людей // Гуманитарный вектор. – 2011. - № 2. – С. 31-34
2. Захарова Е.Ю. Роль естественных и социальных факторов в формировании экологической культуры человека и общества // Вестник ЧитГУ. – 2009. - № 5. – С. 192-195
3. Зейналов. Г.Г. Социально-философские аспекты стратегии устойчивого развития. Автореф. дисс.. д-ра филос. наук: 09.00.11. – М, 2000
4. Коршунов А., Мантатов В. «Онтология устойчивого развития: диалектика и синергетика» // Вестник московского университета. серия 7: философия. № 6, 2010
5. Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский ун-т технологий и управления, 2007. 263 с.
6. Мантатова Л.В. Стратегия развития: ценности новой цивилизации. Улан-Удэ, 2004.
7. Тимуров А. Философско-методологические основы стратегии устойчивого развития // https://pandia.ru/text/77/433/2590.php

Антитрансгуманизм, или Зачем живому нужно умение страдать?

Варапутин Александр Владимирович

Кандидат философских наук

avaraputin123@rambler.ru

Аннотация: Темой доклада является критика аболюционизма – направления в рамках трансгуманизма, предполагающие необходимость и возможность полного избавления человека и, в отдаленном будущем, всего живого от способности к страданию посредством биотехнологий. Показана значимость способности к страданию как для отдельного организма, так и для их общностей; и невозможность замены страдания наслаждением в качестве регулятора поведения; а, также, возникшая в ходе эволюции у живых организмов, способность преодоления его разрушительного воздействия.

Ключевые слова: трансгуманизм; аболюционизм; регуляторы поведения; разрушительное воздействие; коэволюция; преодоление

1.Тема доклада была подсказана прошедшей почти два года назад международной конференцией, посвященной памяти выдающейся представительницы отечественной философии науки, Карпинской Регины Семеновны.

2. Одним из основных направлений ее исследований было взаимодействия культуры и мира живой природы. В том числе речь шла и о взаимоотношениях искусственных и биологических начал в самом человеке.

3. Существует множество концепций, посвященных данной теме. Одна из наиболее популярных – трансгуманизм. Ее суть – расширение границ возможностей человека посредством «сращивания» индивида с искусственным началом – продукцией генной инженерии и иных видов биотехнологий.

4. В рамках данной концепции существует направление аболюционизм, предполагающее возможность полного избавления от страданий; сначала человека, а, в отдаленном будущем, всей живой природы. Подобные обещания, несомненно, способствовали росту популярности трансгуманизма; поэтому оно заслуживают самого пристального рассмотрения. 5.

5. Идейный вдохновитель аболюционизма, британский философ Д.Пирс утверждает, что негативные переживания, как приспособления, возникшие в процессе эволюции, способствовали выживанию популяций в целом; но разрушительно действовали на отдельные организмы. В условиях же современной цивилизации боль, уныние, досада и прочие страдания оказываются совершенно не нужны (1,2).. Но так ли это?

6. Страдание возникает как результат восприятия живым существом себя в качестве обособленной от остального мироздания целостности (3). Его задача сохранить ее. Два древнейших вида: боль - индикатор опасности , как воздействия извне, направленного на разрушение организма, так и неполадок во внутренних процессах(4) ; страх - предупреждение о возможности разрушительного воздействия, или же результат его(5).

7. Несомненна значимость страдания как регулятора поведения. Однако, одних негативных переживаний, для обеспечения действий, удовлетворяющих соответствующие потребности, оказалось недостаточно. Потребовался регулятор, который сигнализировал бы о достижении подобного удовлетворения и закреплял соответствующее поведение. Так возникает наслаждение – позитивное переживание(6) .

8. Итак, если страдание сигнализирует о том, что есть потребность; то наслаждение – что потребность удовлетворена.

Но, при этом сами регуляторы, как чувственные переживания, могли превращаться в самоцель, когда начинали стремиться к ним, а не к тому, что приносит наслаждения; или избегать их, а не источник разрушительного воздействия

9. Здесь уместно вспомнить теорию стресса: любые переживания выступают в роли стрессоров – возбудителей неспецифических адаптационных реакций. Достигнув определенной степени интенсивности, они могут стать источником дисстресса – разрушительных изменений в организме, поскольку тот «исчерпывает свои адаптационные возможности» (7, с. 18).

10. В этом плане можно согласиться с утверждениями аболюционистов о разрушительном действии страданий на испытывающий их организм. Но при этом, страдание всячески побуждает субъект изменить ситуацию, способствовавшую его появлению и, тем самым, прекратить разрушение. И чем оно сильнее, тем более мощным стимулом выступает. Привести к необратимым последствиям, вплоть до гибели, страдание может, только если у организма нет возможности соответствующим образом отреагировать.

11. Однако, аболюционисты не вдаются в подобные тонкости и для решения проблемы предлагают полное избавление от способности к страданиям. По мнению Д. Пирса это не представляет особой сложности. Надо лишь убрать несколько «уродливых нейронных цепочек» (2, с23); создать благоприятное соотношение ряда химических веществ, отвечающих за эмоциональное состояние и, в результате, получаем человека абсолютного позитива. Сначала в дело пойдут медикаментозные препараты; потом присоединятся достижения генной инженерии. В качестве же регуляторов поведения предполагается оставить только «градиенты наслаждения» (2. с.46).

12. Однако, наслаждение, как и страдание, точно также, при превышении определенной степени интенсивности, начинает оказывать разрушающее воздействие на организм. Ведь «с точки зрения стрессовой реакции не имеет значение, приятна или нет ситуация, с которой мы сталкиваемся. Имеет значение лишь интенсивность потребности в перестройке или адаптации » (7, с.19).

13. Но дело не только в этом. В отличии от страдания наслаждение, вызываемое разрушительным воздействием, вовсе не стимулирует реакцию, направленную на его прекращения. Напротив, оно всячески побуждает сохранить данную ситуацию. И никакое логическое понимание опасности, на которое человек может быть способен, здесь, как правило, не действует. Достаточно вспомнить алкоголиков и наркоманов, которые прекрасно осознают последствия своих пристрастий. Но это будет потом. Сейчас все перевешивает чувство наслаждения. Недаром Фрейд называл человека существом « не рациональным, но рационализирующим», которое использует разум для обоснования всплывающих из глубин подсознания чувств, инстинктов и желаний (8. 52).

14. Поэтому неудивительно, что Д. Пирс, рассуждая о регулировании поведения посредством наслаждения, допускает оговорку о сохранении «технической неудовлетворенности, возникающей вследствие того, что один вид деятельности оказывается интереснее другого». (1. с.3).. А именно отсутствие удовлетворения потребностей, согласно Шопенгауэру, и представляет собой страдание (3).

15. Стремление к уходу от страданий приводит к возникновению для организмов новых условий существования, отсутствие которых само становится источником страдания; но удовлетворение потребности в них становиться новым источником наслаждения. Об этом явлении писали еще многие представители античной философии (9); а в наше время оно подробно анализировалось Фрейдом (6.7).

Подобный результат неудивителен, поскольку между носителями этих двух способов регулирования поведения с одной стороны и, порождающими их условиями среды обитания с другой, не могло не возникнуть определенное взаимодействие. Наиболее точно его можно обозначить введенным в оборот Р.С. Карпинской понятием «коэволюция»: со-развитие систем, приводящее к возникновению у них новых свойств; и, переходу, в результате, на иной уровень развития (10, с.5).

16. Принципиально иная среда существования может породить и неизвестные ранее способы обретения страданий; и их новые виды. Достаточно вспомнить, как в процессе эволюции стремление к чувству безопасности привело к возникновению общностей себе подобных (11). Подобное частично нейтрализовало саму первопричину страдания в виде отделение индивидом себя от мира в процессе восприятия, посредством возвращения его к восприятию единства с некоторыми отдельными явлениями.

Вместе с тем, благодаря совместному существованию, возникает и такой новый источник страданий как конкуренция: индивид воспринимает другого как носителя таких же интересов, а ресурсов на всех не хватает. Однако, совместное существование приводит и к возникновению нового уровня уподобления - отношения к другому как к себе самому, а к его потребностям как к своим собственным.

17. Но подобный уровень порождает страдания иного вида. Это со-страдание - переживание, вызываемое страданием другого; и страдание от того, что я поступил неправильно по отношению к миру (как правило, в лице его отдельных явлений). Благодаря способности к подобным переживаниям возникает взаимопомощь – одна из основ возможности совместного существования, Значимость взаимопомощи и древность ее происхождения прекрасно показана в работах выдающегося отечественного мыслителя П.А.Кропоткина (12).

Сам Д. Пирс вовсе не отрицает значимости со-страданя: «… и если не механизмы рыночной экономики, то банальное сострадание может привести к глобальному вегетарианству» (1, с.3).

18. Но как понять, что плохо другому существу и оно нуждается в помощи, если никогда не страдал сам? Никто и ничто не отменяет древней мудрости в словах старика, обращенных к порезавшему палец ребенку: теперь ты знаешь, что такое боль и не будешь причинять ее без причины.

В научно-фантастическом романе С. Лема « Возвращение со звезд», искусственное избавление от агрессивности – способности причинять страдание другому, привело к росту способности страдать самому - усилению страха перед разрушительным воздействием реальности и стремления его избежать(13). Не будет ли результатом избавления от способности к страданию развитие безжалостности по отношении к другому?

19. Необходимо отметить принципиальный момент: со времени возникновения жизни для удовлетворения потребности, без которого невозможно дальнейшее существование, было необходимо не просто избегать страдания или убегать от них, но преодолевать: то есть нейтрализовать их разрушительное воздействие, продолжая соответствующую деятельность. И это в порядке вещей.

Так потребность в пище побуждает охотника гнаться за добычей, пренебрегая болью и усталостью. В свою очередь добыча, стремясь уцелеть, мчится, пренебрегая болью, усталостью, голодом и жаждой.

20. Подобное преодоление оказывалось возможным, поскольку сила желания удовлетворить потребность могла быть такова, что заставляли забыть о боли и страхе. Они вытеснялись бешенством, яростью, стремлением уничтожить источник страдания. Но для достижения успеха сам процесс деятельности требовал предельного сосредоточения на себе. Настолько полного, что чувства и эмоции, связанные с потребностью, отходят далеко на задний план. Остается только сам процесс (14. 15,16).

21. Шопенгауэр называл подобное «растворение субъекта в объекте» в процессе деятельности созерцанием и отмечал, что таким образом уходит из восприятия организма противопоставление себя миру; т.е. исчезает первопричина страданий(3, с.112). И тогда ничто не мешает боли, страху, ярости смениться наслаждением от предельной реализации всех своих возможностей, всех своих жизненных сил и чувства единства с мирозданием. Здесь уместно вспомнить и терминологию Фрейда: сублимация – поскольку вместо удовлетворения потребности целью становится сам процесс; благодаря чему происходит замещение - замена негативного переживания позитивным (8, с.120).

22. В противном случае не возникло бы явление игры свойственного всем живым существам определенного уровня развития, где главное – сам процесс и наслаждение от него(17). И это при том, что ее условия могут быть предельно рискованны : создавать реальную угрозу жизни и здоровью; а, также, предполагать испытание немалых физических и психологических трудностей; т.е. страданий. Так антилопы заигрывают со львами (правда, убедившись в их сытости). Сами же главы прайдов, встретившись на границах владений, жестко дерутся ради развлечения; после чего и победитель, и побежденный, возвращаются к своим семьям(18).

23. Таким образом, в ходе самой эволюция живого у организмов возникает умение преодолевать негативное переживание, когда его воздействие становиться разрушительным. Наиболее полное осмысление оно получило в таких учениях Юго-Восточной Азии как буддизм, даосизм и производные от них дзен и чань буддизм (14,15,16).

24. Подобное непросто: не с тобой делают, но ты сам преобразуешь себя; однако, ведь именно способность к сознательному целенаправленному самопознанию и самосозиданию принято считать сущностью человека.

25. Реализация же концепции Пирса объективно способствует превращению человека из субъекта творчества в объект воздействия. Усиление же в нем искусственного начала будет способствовать росту его противостояния мирозданию как чему-то чуждому и враждебному; т.е. культивированию антропоцентристского мировосприятия, ставшего основой всех глобальных проблем современности (19). При этом, лишенный страдания как основного «тормоза» негативного поведения, человек, в своем отношении к остальному миру, запросто может превратиться, по выражению знаменитого писателя-натуралиста Дж. Даррелла, в «благодушного идиота стригущего ножницами картину Рембрандта»(20, с.205).

Литература:

1. Дэвид Пирс, «строитель рая» - Российское трансгуманистическое движение [Электронный ресурс]// Российское трансгуманистическое движение. 2003-2007 URL: http://: transhumanism-russi.ru // дата обращения 27.12. 2019
2. Пирс Д. Гедонистический императив [Электронный ресурс] // Википедия 2003-2007 URL http: // wikipedia.org Пирс, Дэвид (философ)// дата обращения 27.12.2019
3. Шопенгауэр а. Мир как воля и представление /пер с нем.Ю.И.Айхенвальд// М., РИПОЛ классик, 2018. 616с.
4. Овсянников В.Г. Очерки патофизиологии боли. Ростов на Дону, РГМУ, 2003. 148с.
5. Щербатых Ю.В. Психология страха. М., Эксмо, 2007. 512с.
6. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения /пер. с нем. Л. Голлербах// Спб., Пальмира. 2018. 431с.
7. Селье Г. Стресс без дистресса /пер. с анг. А.И.Лука и И.С. Хорол// М., Прогресс. 1982. 124с.
8. Фрейд З. Введение в психоанализ /пер с нем. Г.В. Барышникова// Спб., Алетея. 1999. 608с.
9. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.П. Гаспарова// М., Мысль. 1986. 571с.
10. Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М., Интерфакс. 1995. 352с.
11. Баскин Л.М. Олени против волков. М., Знание. 1976. 144с.
12. Кропоткин П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М., Голос труда. 1922. 342с.
13. Лем С. Возвращение со звезд /пер с пол. Вайсброт В.П., Нудельман Р.Э// М., АСТ, Ntoclassic. 2018. 320с.
14. Абаев Н.В. Человек и природа в даосизме и буддизме//Общественные науки за рубежом. Серия 9 Востоковедение и африканистика. 1981. №2. С. 213-317
15. Коваль С.Н,, Холин Ю.Е. Дух воина (философия и практика дзен) . Краснодар. Маерли. 1993. 234с.
16. Чжуан цзы. /пер. Позднякова Л.Д./ Спб. Амфора. 2013. 307с.
17. Ретюнских Л.Т. Философия игры. М., Вузовская книга. 2002. 256с.
18. Фабри К.Е. Игра у животных. М., Знание. 1985. 64с.
19. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов на Дону. Феникс. 1996. 480с.
20. Даррелл Дж. Путь кенгуренка /пер. с анг. Жданова Л./ М., АСТ. 2003. 222с.

Экофилософия в концептуальном пространстве современной культуры

Баркова Э.В.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, профессор. Доктор философских наук

barkova3000@yandex.ru

Аннотация. Обоснована востребованность экофилософии как общей формы самоопределения и самосознания культуры XXI века, необходимой для сохранения и развития человека, науки и жизни в целом. Исходящая из идеи экорациональности как типа теоретического отношения к миру, экофилософия ориентирована на изучение проблем, в которых получают развитие идеи сохранения человека, его бытия, природы, культуры и защиты жизни, включая богатство сложившихся форм био- и культуроразнообразия. Показана конструктивность расширения парадигмального пространства экофилософии и включения в него концепций, сложившихся в экологии человека, природы, культуры и социальной экологии. Такая трансформированная модель, отрефлексированная в контексте принципа открытой саморазвивающейся целостности, имеет основания для ответа науки и современного человечества на вызовы современности. Экофилософское мышление, формируемое на основе идеи гармонизации в структуре биогеокультурогенеза, исследует многомерность, а не только информационную составляющую, пространства мира человека, его философского мышления, включая его ценностную вертикаль, возрождая и выделяя всемирное значение и самоценность высших достижений человеческой деятельности и достижений истории мировой культуры.

Ключевые слова: бытие, экофилософия, человек, жизнь, природа, культура, общество, человекосохраняющая функция философии.

Ecophilosophy in the conceptual space of modern culture.

Barkova E.V.

Plekhnov Russian University of Economics

Abstract. The demand for ecophilosophy as a General form of self-determination and self-consciousness of the culture of the XXI century, necessary for the preservation and development of man, science and life in General, is justified. Based on the idea of ecorationality as a type of theoretical attitude to the world, ecophilosophy is focused on the study of problems in which the ideas of preserving a person, his being, nature, culture and protection of life are developed, including the richness of existing forms of bio-and cultural diversity. The constructiveness of expanding the paradigm space of ecophilosophy and including in it the concepts that have developed in the ecology of man, nature, culture and social ecology is shown. This transformed model, reflected in the context of the principle of open self-developing integrity, has grounds for the response of science and modern humanity to the challenges of our time. Ecophilosophical thinking formed on the basis of the idea of harmonization in the structure of biogeocoenoses, explores the multidimensionality and not just information content, space of the world of man, his philosophical thinking, including its value hierarchy, reviving and highlighting the universal value and the intrinsic value of the highest achievements of human activities and achievements of the world culture history.

Keywords: being, ecophilosophy, man, life, nature, culture, society, human-preserving function of philosophy.

Открытие перспективных направлений развития в современной философии сегодня возможно только на основе их центрирования идеей самоценности жизни человека и человечества на Земле. С этой идеей, как представляется, связан путь не только к новым парадигмам и моделям «поворота к человеку», но и к преодолению той меры разбалансированности всего концептуального пространства отечественной философии, которая ведет к самоснятию философии - важнейшего и исключительно востребованного сегодня социального института современной России.

Апробированные в последние три десятилетия полицентрические модели развития культуры, науки и философии в условиях современного мира выявили свою неконструктивность: постулируемое многообразие допустимых подходов к исследованиям на практике оказалось жесткой формой снятия представлений о высших достижениях в пространстве культуры и ключевых человеко- и культуро-сохраняющих функций философии. Но именно на основе этих функций в течение многих столетий исследовались общие формы, укореняющие человека и его мир в открытой целостности пространства-времени природы, культуры, общества, в самой «толще» бытия и связях настоящего с прошлым и будущим. Тогда как релятивизация, став доминантным вектором развития концептуального пространства философии, привела, как видим, во-первых, к абсолютизации лишь одного его горизонтально-информационного измерения с характерным для него статусом баз данных и креативно-игровых моделей, построенных на основе методологии позитивизма; во-вторых, - к повторам без элементов развития прежних парадигм, моделирующих мировидение ушедшего индустриального мира; в–третьих, получившая распространение логика постмодерна сформировала одномерный образ мира человека, сведенный лишь к совокупности нарративов, текстов, и отказавшись от идей всеобщности, целостности, объективной истины, привела к мысли о бесперспективности жизни Человека на Земле. Все это стало демонстрацией странного парадокса культуры XXI века: утраты способности человека открыть адекватный своему масштабу современный способ существования на Земле, как и общие формы современного бытия Природы и Культуры. Но еще более парадоксально то, что это движение человека от жизнеутверждающего освоения себя в мире как открытой целостности к самоисчерпанию себя в «цифре» происходит в условиях небывалого в прошлом роста ресурсно-экономического, социально-практического, научного, художественного направлений взаимодействия человека с природой Земли, что подтверждает растущую зависимость жизни совре менного человека от всей системы планетарного бытия.

Однако подобно травинке, пробивающей ранней весной твердую почву и тянущейся вверх к Солнцу, культура и философия во многих странах мира и во многих формах совершает сегодня кажущееся с точки зрения обыденного сознания невозможным: в них развивается новая - экологическая парадигма философии, или экофилософия. [1]. Более того, казахские коллеги, по-видимому, первыми сформулировали положение о том, что экологическая парадигма уже становится доминирующим стилем мышления, идущем на смену парадигмам математизации и информатизации. [2]. Центрирование и указание на «Эко» здесь принципиально: «Дом, жилище», которым стала для человечества эпохи глобализации вся Земля, еще может быть сохранен для следующих поколений сегодня только общими усилиями с помощью направленных на эти цели усилий науки и культуры. Формирование интеллектуально-рефлексивной составляющей этой деятельности – и есть основное дело философии, формирующей мировоззренческие и методологические стратегии, задающие ориентиры научных поисков, программ и оценок ведущих тенденций в мире науки, прежде всего, цифровизации мира всего человека.

Понятны критические аргументы исследователей, считающих экофилософию лишь опытом рефлексии, интерпретированной в традиционно-биологическом ключе науки, как и тех, кто выступает за сохранение восходящего к Геккелю смысла «экологии». [3]. Эти, как и многие другие научные вопросы, открыты для дискуссий о границах, содержательности и смысле понятия «экофилософия». Дискуссионным в этом концептуальном пространстве остается и вопрос о значении понятия «экофилософия», введенном основоположником этого направления норвежским экологом А.Нессом, к концепции которого восходит получившая достаточно широкое распространение логика глубинной экологии. [4]. Природа, человек, культура, как и вся Земля, согласно парадигме глубинной экологии, - единая-неделимая система, а потому экофилософы должны ориентироваться на общие принципы, утверждающие права природы. Снятие границ между природой и культурой и формирование глубинно-экологической философии новой гармонии, однако, привело представителей этой логики к замене науки с ее установкой на объективность истины к позиции мудрости и новому, в значительной степени основанному на интуиции и переживании мировоззрению-мировосприятию.

С другой – естественно-научной - стороны фактически к тому же выводу о необходимости замены антропоцентризма парадигмой экоцентризма как исходной категорией экофилософской картины мира, пришел в 1970-е годы Н.Н.Моисеев, а позднее и ряд его последователей. Выразив и обосновав основания тревоги за судьбу цивилизации, он точно поставил ей «диагноз», из которого следует необходимость соблюдения сформулированного им экологического императива, формирования новой этики и ориентации на новый тип рационализма. моис [5]. Но не «растворится» ли человек с его уникальным человеческим зрением и умозрением в этом экоцентричном мире? Сохранит ли субъект свою собственную ответственность за свою судьбу и жизнь на Земле, а культура - свою специфику, не сводимую только к аспектам, связывающим ее с натурой? Новая экофилософская модель антропоцентризма, думаю, отвечая на эти вопросы может быть переосмыслена: ее субъектом выступает уже не Ренессансный творческий человек-индивид, а все планетарное человечество.

Вероятно, несмотря на необходимость преодоления абсолютного разрыва природы и культуры в философском мышлении или, как считает, например, Т.Бьюз, предлагающий «иметь дело преимущественно с тем, что представляет собой всецело «новую» фазу современности, в которой человечество окончательно торжествует в состоянии абсолютного господства над природой» [6, с. 21], пространство связи человека и природы должно утверждаться в экофилософии на иных основаниях. Только человек как органическая, но не рядоположенная «часть», как высшая, думающая, совестливая часть жизни Земли на основе культуры может защитить жизнь и с ее высшими достижения в мире Культуры.

Но для этго, развивая экофилософскую парадигму как продолжение отечественных, западных и восточных традиций культуры и историко-философских идей, в которых человек был осмыслен как микрокосм, и исходя из достижений, прежде всего, философии русского космизма, следует выделить новую проблемную область - биогеокультуроценоза. [7]. В отличие от экоцентризма здесь акцентируется роль культуры как основы мировидения и экологического мироотношения.

В структуребиогеокультуроценоза культура задает ориентиры на понимание человека как органической части универсально-эволюционного процесса и осознанное выражение жизни. А «Человек экологический» оказывается не экзистенциально-свободным, ничем не детерминированным субъектом, а звеном жизни с ее необходимыми и достаточными связями, включая связи человека с наукой, моралью и эстетической культурой. Иначе говоря, человек, открывая космизацию как измерение бесконечности в своем собственном мире, в универсальности своей природы, оказывается и высшим уровнем ответственности, достоинства и гармоничности Вселенной. Важно подчеркнуть и то, что такое саморазвертывание природы человека в органическом синтезе с культурой и природой исследуется в экофилософии одновременно на онтологическом, гносеологическом, этически и эстетическом уровнях. И в этой логике проявляется обновленная роль культуры: она осмысливается как уникальное, высокое, творчески насыщенное проявление жизни, и в этом отношении выступает как не только продолжение, но и новый уровень единого биогеокультурогенеза. Основная задача культуры здесь – соотносить любые проявления человека, его мышления и деятельности с функцией защиты и развития жизни. Благодааря этому преодолевается отрыв мировоззрения и деятельности человека от жизненных осно, что сегодня стало причиной анемии современной культуры, ее неспособности противостоять деструкциям информационной среды и агрессии масс-культа.

Культура как целостность, тем самым, как она понимается в экофилософии, «возвращается» к своей полноценно-жизненной основе, поскольку выходит за границы социального института или одной из сторон человеческой деятельности, становясь реальным ресурсом духовного и социального развития мира человека. И в первую очередь это относитя к науке, которая в контексте экофилософско-научного мировоззрения – уже не просто институт, а органическая часть, элемент жизни, что актуализирует рефлексию нового типа рациональности - экорациональности. Экорациональность в целом соответствует логике развития предшествующих типов рациональности – классической, неклассической и постнеклассической, но освоенная на основе принципа органической целостности, она интегрирует не только условия научной деятельности, но и весь опыт человечества, ориентированный на сохранение жизни как целого.Востребованность экорациональности в условиях современного мира обусловлена тем, что на ее основе сохраняется человекоразмерность - выражение связи субъекта с целостностью мира, его человеческим измерением, т.е. наука как часть жизни, сохраняя человекоразмерность, «специализируется» на аргументированном опыте освоения жизни, направленного на получение истины.

Но главным в экорациональной детерминации науки является отказ от типичной для современной философии науки опоры только на точные и естественные науки, от акцента на количественное измерение реальности, которое неизбежно ведет к расширению рискогенной технико-технологической среды и снижению статуса ценностно-вертикального измерения культуры. Поскольку сама жизнь – форма бытия, не сводимого к конструкциям и природосообразным технологиям, то наиболее адекватным аналогом и моделью экорациональной парадигмы становятся не точные науки, а культура- и прежде всего, классическая гуманитарная культура и изучающие ее науки. В отличие от моделей развития естественно-научного познания, гуманитарная культура избыточна, поскольку через ее содержание «проходит» бесконечность-вечность, а потому она не может быть представлена в жесткой форме завершенной теории. Задача экорациональности, в силу этого, – в открытии всеобщих связей и глубинных кодов природы и культуры, в работе с тенденциями, на которых базируется мир как процесс.

Роль экофилософии в современной культуре, таким образром, уникальна и востребована как основа утверждения самоценности и дальнейшего развития человека, его природы и культуры на Земле, как и Бытия как целого. Для утверждения ее идей необходимо развитие многих идей, всеобщих принципов – прежде всего, органической целостности, всеобщности, голографии, антропный принцип, концепций. Но очевидно, что уже, идет активный процесс формирование новой экофилософской картины мира с ее категориальным аппаратом и многими проблемами - эколингвистики, экополитологии, экопсихологии и т.д., ставшими уже «отпочковавшимися» специальными направлениями науки. Наконец, в логике экорациональности, базирующейся на гуманитарной культуре, а не на модели естественонаучного или технического знания, в экофилософии рефлексируются стратегии «зеленого роста» экономики, культуры, науки, интерпретированные на основе единства фундаментальных теорий, прикладных наук и технологий.

Литература:

1. Баркова Э.В. Экофилософская парадигма в проектировании человекоразмерности социально-коммуникативного пространства // Журнал философских исследований. 2017. Т. 3. № 3. С. 93-106.
2. Сартаева Р.С., Нысанбаев А.Н., Сагикызы А. Экология человека в структуре современного научного познания // Вопросы философии. 2015.№4 http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1135&Itemid=44
3. Никольский А.А. Великие идеи великих экологов: история ключевых концепций в экологии – М.: ГЕОС, 2014. – 190 с.
4. Naess, Arne ‘The shallow and the deep, long-range ecology movement. A summary’, Inquiry, vol. 16:1. P. 95-100.
5. Моисеев Н.Н. (1995) Современный рационализм. – М.: МГВП КОКС. 1995. – 376 с.
6. Бьюз Т. Цинизм и постмодернизм. – М.: ИД «КДУ», 2016. – 270 с.
7. Баркова Э.В. Экофилософское измерение историко-философской мысли // Право и практика. 2017. № 3. С. 152-161.

Человек или природа: конфигурация отношений

Барковская А.В.

Белорусский государственный университет, доцент. Кандидат философских наук

barovskaja2@gmail.com

Экологическая проблематика на подъеме и любая иная тема рассматривается сквозь ее призму. Тем самым полидисциплинарная методология, имплицирующая гуманистические параметры, обладает эвристическим потенциалом в продвижении новой экологической парадигмы, трансформирующей конфигурацию отношений человека к природе. Реальная задача состоит в том, чтобы изменить наше потребительное отношение к природе и ее ресурсам, осуществить переоценку ценностей, чтобы взять природный мир под свой патронаж. В решение этой проблемы весомый вклад вносят эко- и биоэтика, био- и экофилософия, представляющих интересы разных форм жизни и природы в целом. Данный союз продуктивен в силу их дисциплинарной комплементарности, что позволит определить онтологию будущих социальных практик.

Ключевые слова: полидисциплинарная методология, экология, философия, человек, природа, социальная практика

Man or nature: a configuration of relationships.

Ala V. Barkovskaja

Belarusian State University

Environmental issues are on the rise and any other topic is viewed through its prism. Thus, a multidisciplinary methodology that implicates humanistic parameters has a heuristic potential in promoting a new environmental paradigm that transforms the configuration of human relations with nature. The real task is to change our consumer attitude to nature and its resources, to reassess values in order to take the natural world under its patronage. Eco- and bioethics, bio- and eco- philosophy, representing the interests of different life forms and nature as a whole, make a significant contribution to solving this problem. This union is productive due to their disciplinary complementarity, which will determine the ontology of future social practices.

Key words: multidisciplinary methodology, ecology, philosophy, human, nature, social practice

В современной цивилизации человек оказался на перекрестке дорог, когда, как в сказке, от выбора направления пути зависит его дальнейшая жизнь. И вроде выбор уже понятен, но внутреннее напряжение все-таки присутствует, ибо есть что терять: это отвоеванный у природы комфорт для себя и боязнь утраты собственной идентичности в качестве человека разумного. Однако забота должна быть не только о себе, но и о том «ином», «другом» мире, без жизненной энергии которого наше будущее стоит под вопросом. Проблема и в том, что экологическое настоящее угрожает вполне осязаемо, а экологическое будущее красиво выглядит только в теории. Тем самым наше срединное положение детерминировано разнонаправленностью ценностных установок, от которых зависит смысловой план любой деятельности, но мы по-прежнему выбираем между сущим и должным.

Природный мир, по своей сути, самодостаточен, его объективность не подвергается сомнению, что придает ему статус фундаментальной культурной ценности. Правда, интеллектуальный нарциссизм людей не всегда возвышал этот мир, что явно проявилось в период активизма и деятельного ажиотажа Нового времени. Вместе с тем, природа испытала и человеческий пиетет перед ней, когда люди благоговели перед ее силой и мощью. С помощью интеллектуального созерцания и мысленных идеализаций стремились не только понять устройство природы, но и продемонстрировать ее гармонию, совершенство, красоту и скрытую в ней истину. История отношений к природному миру похожа на калейдоскоп, в котором можно наблюдать разноцветную картину его образов: храм, организм, механизм, сад, и т.п. Образ задает не только исходные параметры описания и объяснения природных объектов, но и объединяет в единое целое разные представления о природной среде и способах ее освоения, культивируемые в том или ином типе обществ. Тем самым имидж природы зависел от культурных и цивилизационных предпочтений, социальных практик, что порой приводило к иерархическим и дистанционным отношениям между человеком и природой. Основатель педологии Стенли Холл полагал, что «природа есть чувство прежде, чем она становится идеей, формулой или полезностью». Однако точный логический, технический путь преподавания игнорирует глубокие источники естественного

интереса юношества: «дух ботаники – там, где растут цветы, дух геологии – в поле, а не в минералогическом кабинете, дух астрономии можно найти только среди ночной тишины». Это означает, что, если есть желание изучать природу, то путь должен быть синтетическим, а не аналитическим, носить поэтический и исторический характер, достигнув гуманистических и либеральных целей воспитания. В результате юности и природе мы откроем эпоху нового возрождения [См.: 1, с. 110-111].

И сегодня мы вновь собираем мир в целостную систему, но он уже предстает не как гомогенный, легко управляемый и подчиняющийся нашим целям. Он целостный, но множественный, он – не музей, а живой и целесообразно устроенный, он и не автомат, его нельзя заставить говорить лишь то, что ученому хочется услышать, а можно лишь скромно вопрошать. Соответственно, научное исследование – уже не монолог, изучающего природный мир человека, а его диалог с ней (Луи де Бройль). Несомненно, речь идет о новой парадигме сотрудничества, исходящей из презумпции, что человек призван раскрывать нереализованные возможности природы, не способные раскрыться сами по себе, без творческого содействия человека. Нравственную и правовую основу этой традиции определяет неутилитарное и неинструментальное отношение к природе, в которой нивелируется жестокое отношение «традиции управления» к «не-людям», исключается любое моральное оправдание господства над ней. «Освобождение природы» от физического и морального подавления является главным условием сотрудничества с ней по принципу субъект-субъектного партнерства.

Начиная со второй половины XX в. эту политику стала активно осуществлять экологическая этика, непосредственно коррелирующая с прикладной этикой, в качестве метатеоретического основания которой становится философская и нормативная этика. При этом статус экологической этики, как известно, не ограничивается чисто прикладным характером, поскольку она позиционирует себя и в качестве нормативной системы мировоззренческих, ценностно-целевых и регулятивных установок общества, которые задают человеку, с одной стороны, степень его морального и правового долга по отношению к природе, с другой – формируют общий характер его социокультурных взаимоотношений с ней.

Для экологической этики природу следует сохранять независимо от эстетического или экономического значения, тем самым она акцентировано подчеркивает свой неантропоцентризм, проявляющийся в ряде установок: природный мир представляет собой разнообразие биотических и абиотических структур; объекты природы взаимосвязаны; в окружающей природе не только человек, но и любой ее вид неповторим и ценностно значим и др., что находит отражение в ряде ее основных направлений - био- и физиоцентризма, экоцентризма, экофилософии, глубинной экологии, экофеминизма. Эти направления экологической этики, несмотря на их конкуренцию друг с другом и отличия в подходах, методологических основаниях, путях реализации системы ценностей, совпадают в главном: все они накладывают нравственный мораторий на обращение с природой как с объектом и ресурсом. Кредо новой стратегии выражает «принцип Ноя», полагающий, что творения природы должны сохраняться уже хотя бы потому, что они существуют, и потому, что их существование само по себе представляет лишь современное выражение продолжительного исторического процесса, древнейшего и величественного.

В реализацию этих идей существенный вклад вносит биофилософия, изменяющая дисциплинарные границы биологии, ибо осмысление феномена жизни невозможно без учета мировоззренческих, аксиологических, этических и др. контекстов. Полидисциплинарный подход к данному феномену – не очередной модный тренд, новое упражнение для интеллектуалов, а просто веление времени. Наукой выживания и «мостом в будущее», по меткому выражению В.Р. Поттера, является и биоэтика как прикладная форма знания, конвертирующая основные принципы биофилософии в нынешнюю социальную практику. Не вдаваясь в детальный анализ вклада каждого из активированных здесь направлений, с полным правом можно утверждать, что их комплементарный характер несомненен. Все они не только стоят на страже интересов любой формы жизни и в целом природы, от ресурсов которой мы не отказываемся, но и критически оценивают нынешнюю социальную практику. И если ранее жесткому остракизму подвергались техника и технологии, негативно влиявшие на природу, то сейчас все с точностью, да наоборот – современный технический прогресс экологию объявляет актуальным трендом.

В то же время профессионалы прекрасно понимают, что состояние экологической культуры еще далеко от реального воплощения в повседневную практику всех базовых принципов – не навреди, невмешательства и т.д. (П. Тейлор). В силу разных причин наше возможное партнерство с природой предстает в качестве проблемных зон:

Во-первых, относительный характер знаний, которыми мы располагаем, не отражает истинную

сущность всех состояний природы и сценариев ее развития, а, значит, в своих оценках ориентируемся именно на них. Осваивая природу, мы пытаемся найти ей место в своей классификации, что неизбежно приводит к навязыванию наших правил в отношениях с ней. В результате природный мир неизбежно утрачивает статус равноправного партнера и субъекта диалога.

Во-вторых, утверждение природы в реальном статусе субъекта звучит очень красиво и, вроде бы, даже правдоподобно. Но речь идет все-таки о природном мире, который качественно отличается от нашего, и, естественно, требуется более детальная проработка концепта Другого применительно к природе, что важно для превращения жизненных усилий человека в акт личной ответственности за себя и «иного».

В-третьих, активное обсуждение прав животных приводит к острым дискуссиям, ибо они всегда трактуются через призму гражданского кодекса. Право, как юридическая институция и продукт человеческой конвенции, подразумевает еще и обязанности, которым подчиняется правовой субъект, т.е. принципы юрисдикции распространяются и на животных (собаки не имеют права лаять и кусаться и т.п.). Действительно, задает вопрос доктор Б. Диксон: «С какого момента, учитывая размер живого существа и масштабы угрозы (вирус оспы, бацилла тифа, малярийные паразиты…) сохранение видов становится важным? Каждый из аргументов… в равной степени применим к миру паразитов и патогенных микробов, как и к китам, горечавкам и фламинго. Даже самый крошечный и наиболее опасный вирус имеет свои права» [2, с. 99].

В-четвертых, антропоцентристов в мире, не желающих поступиться привычным образом жизни, видимо, больше, чем экофилов. Однако не все так грустно: поколение Z поддерживает дух экологического оптимизма своей готовностью защищать окружающую среду посредством знаний высоких технологий. Они уже являются свидетелями появления новых профессий – дизайнер экологической одежды, урбанист-эколог и др.

Наконец, общество потребления агрессивно навязывает людям свои стандарты жизни, поэтому дом на берегу реки – дело престижа. Сегодня мы испытываем к природе, скорее, эстетический и утилитарный интерес: а почему бы летним деньком с мангалом «в друзьях» не расположиться в черте города в рощах с вековыми дубами? В этой ситуации природа не партнер, а только интересный нам объект.

Литература:

1. Холл Ст. Эволюция и воспитание чувства природы у детей // Гуманитарный экологический журнал. 2005. Т.7. Вып. 3. С.108-113.
2. Эренфельд Д. Дилемма сохранения природы. Глава из книги «Высокомерие гуманизма»//Экологическая антология. Экологические произведения западных авторов. Москва-Бостон: САГИ «Golubka», 1992 . С. 89–100.

Опыт синтеза экологического образования и воспитания, науки и практики в филиале РГСУ в г. Павловском Посаде Московской области

Борзова Татьяна Васильевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» - Филиал РГСУ в г. Павловском Посаде Московской области. Кандидат философских наук

BorzovaTV@rgsu.net

Аннотация: Проведение межрегиональной научно-практической конференции «Экологическое взаимодействие природы и общества: теория и практика» в филиале РГСУ в г. Павловском Посаде Московской области с участием ведущих ученых Института философии РАН в области экологии, руководителей муниципального района, преподавателей и учащихся школ, техникумов и вузов является уникальным опытом и действенным способом экологического образования и воспитания.

Ключевые слова: экологическое воспитание и образование, взаимодействие природы и общества, научно-практическая конференция.

Experience in the synthesis of environmental education and education, science and practice in the branch of RSSU in Pavlovsky Posad, Moscow region.

Tatiana Borzova

Abstract: Holding an interregional scientific and practical conference « Ecological interaction of nature and society: theory and practice» at the branch of the Russian State Social University in Pavlovskij Posad with the leading environmental scientists of the Institute of Philosophy Russian Academy of Science , heads of the municipal district, school, technical schools and universities teachers and students is a unique experience and an effective way of environmental education and upbringing.

Key words: environmental education and education, interaction of nature and society, scientific and practical conference.

Актуальность экологической проблематики обусловлена катастрофическим состоянием отношений общества и природы. Обострившееся противоречие между технологическим типом сознания и разрушительными последствиями хозяйственной деятельности человека не соответствует потребностям сегодняшнего дня. В связи с этим поиск новых путей развития и типа отношения человека к среде своего обитания носит не только теоретический, но и острейший практический характер.

Проблемы охраны окружающей среды невозможно решить в рамках каких-либо определенных наук или даже их системы. Отдельные стороны данной проблемы и их возможное решение представлены в научной литературе, но бурный технологический рост приводит к обострению старых и появлению новых экологических проблем. Поэтому вопрос выявления причин разбалансированности взаимоотношений человека и природной среды, выявления конкретных путей и способов формирования гуманного отношения к природе, установления с ней диалогичных отношений представляются сегодня весьма актуальными. Кроме того экологические проблемы требуют своего постоянного научного анализа, а действия социального субъекта по отношению к окружающей среде должны всегда иметь тенденцию к совершенствованию.

Интересным опытом экологического воспитания и образования может служить уже второй раз проводимая филиалом РГСУ в г. Павловском Посаде Московской области научно-практическая конференция «Экологическое взаимодействие природы и общества: теория и практика», в работе которой приняли участие более 100 человек, среди которых - видные ученые института философии РАН в области экологии: Веряскина Валентина Петровна: Лисеев Игорь Константинович, Олейников Юрий Васильевич, Петрова Екатерина Викторовна, Хен Юлия Вонховна, Шульга Елена Николаевна, которые провели круглый стол совместно с преподавателями и студентами вузов и техникумов (филиал РГСУ в г. Павловском Посаде, Национальный исследовательский университет МЭИ, Российская Академия правосудия, г. Москва, Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево, ГБПОУ «Павлово-Посадский техникум»); педагогами и учащимися школ городского округа Павловский Посад(СОШ №2, №4, №6, №9, №24, Евсеевсая СОШ, Кузнецовская СОШ), а так же представитель информационно-аналитического центра поддержки заповедного дела Минприроды

России Лещинская Вероника Владимировна; представители Администрации городского округа Павловский Посад Московской области: Глава городского округа Павловский Посад Московской области Соковиков Олег Борисович, заместитель Главы Администрации городского округа Павловский Посад Московской области Дубинский Вадим Владимирович; ООО «Хартия»: заместитель руководителя филиала «Подмосковный» Пащенко Андрей Владимирович.

Представители ИФ РАН ознакомили участников конференции с актуальнейшими теоретическими проблемами современного этапа экологического взаимодействия общества с природой.

Материалы научно-практических конференций отражены в сборниках трудов «Экологическое взаимодействие общества и природы: теория и практика: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Павловский Посад, 18 мая 2017 г.)» и «Экологическое взаимодействие природы и общества: теория и практика: сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции (г. Павловский Посад, 25 октября 2019 г.)».

Тип экологического сознания, то есть отношение человека к природе, формируется в процессе экологического воспитания и образования. Основой экологического образования должно стать глубокое осознание принципиального единства фундаментальных законов природы на всех уровнях самоорганизации - физическом, химическом, биологическом и психическом. Экологизация всей системы образования предполагает усиление интегрального взаимодействия естественнонаучного и гуманитарного знания, усиление гуманистического компонента образовательного процесса. Обществу необходимо знать экологические нормы, правила поведения, иметь высокий уровень экологической культуры. Процесс формирования экологической культуры рассматривается как единство трех проблем: широкое разъяснение гибельных последствий загрязнения среды обитания; приобретение экологического подхода к организации экономики и другим сферам жизни и деятельности общества; формирование экологического сознания. И чем раньше этот процесс начинается, тем подготовленнее общество к экологическим вызовам современности.

На научно-практической конференции «Экологическое взаимодействие природы и общества: теория и практика» проведенной филиалом РГСУ в г. Павловском Посаде Московской области в рамках научно-исследовательской работы при финансовой поддержке Российского государственного социального университета, были представлены разноплановые и разнодисциплинарные экологические проекты учащихся школ городского округа Павловский Посад (табл. 1).

Таблица 1: Экологические проекты

№ п/п	*Наименование*	*Исполнитель*
	Пустыня	Макарова Анна, Крошкин Илья, Тимошко Савелий, Руссу Егор, Прохорова Елизавета, Никулин Данила - МОУ СОШ № 9, ученики //руководитель проекта: Другова Надежда Сергеевна, педагог-организатор
	Комплексное фармакогностическое исследование надземной части датиски коноплевой	Горбунов Иван - МОУ СОШ № 2, ученик //руководители: Короткова Алла Владиленовна, учитель Горбунова Ольга Евгеньевна, учитель химии, биологии
	Озеро родного края	Горланова Анастасия, Ваньчкова Татьяна – МОУ СОШ № 4, ученики; Никишина Алёна – МОУ СОШ № 9, ученица; Игнатова Ольга Юрьевна – ГОУ ВО МО ГГТУ, студенткачитель биологииПотёмкина Наталья Михайловна - ГОУ ВО МО ГГТУ, кандидат химических наук, Лебедева Вера Николаевна – МОУ СОШ № 9, учитель русского языка и литературы
	Тропинка к сердцу моей малой Родины» маршрут для экологического туризма	Роднов Кирилл, Филиппова Ольга, Богданова Анна – МОУ СОШ № 4, ученики //руководитель: Трошина Марина Юрьевна, учитель географии
	Полигон ТБО «Быково вчера, сегодня, завтра	Давыдова Арина, Епанчина Юлия, Козлова Анастасия, Коровина Валерия - МОУ Евсеевская СОШ, ученики //руководитель: Новикова Ирина Евгеньевна, учитель биологии
	Обучай и разделяй	Аржанова София, Перун Сергей – МОУ «Гимназия», ученики //руководитель: Живова Мария Сергеевна, учитель русского языка и литературы
	Пластиковая проблема	Ляскина Екатерина - МОУ СОШ № 24, ученица // руководитель: Бабаянц Маргарита Владимировна, учитель биологии
	«Играй, узнавай, разделяй!» «Прекрасное из ужасного»	Пронюшкин Павел - МОУ СОШ № 9, ученик //руководитель проекта: Пронюшкина Наталья Анатольевна, учитель биологии
	Чистота города в твоих руках	Никольская Анастасия - МОУ «Лицей № 2 Имени В. В. Тихонова», ученица //руководитель: Никольская Ольга Сергеевна, учитель физики
	Влияние формальдегида на живые организмы	Морова Дарья - МОУ СОШ № 24, ученица //руководитель: Бабаянц Маргарита Владимировна, учитель биологии
	Жидкие средства для мытья посуды: за и против	Краснова Кристина – МОУ СОШ № 6, ученица //руководитель: Максимова Маргарита Анатольевна, учитель биологии, химии
	Раздельный сбор мусора в Кузнецовском поселении	Панферова Полина, Захарова Анастасия - МОУ Кузнецовская ОШ, ученица //руководитель: Кубецкая Тамара Викторовна, учитель химии, биологии
	Автомобиль – источник химического загрязнения атмосферы	Баулин Владимир Сергеевич, Гадаренко Павел Сергеевич – ГБПОУ «Павлово-Посадский техникум», студенты // руководитель: Усачева Юлия Игоревна, преподаватель общеобразовательных и специальных дисциплин
	Причины и механизмы образования кислотных дождей. Ситуация в Павлово-Посадском районе	Манченко Михаил Дмитриевич – ГБПОУ «Павлово-Посадский техникум», студент //руководители: Полякова Ольга-Мария Борисовна, преподаватель биологии, высшая квалификационная категория; Усачева Екатерина Евгеньевна, преподаватель математики, информатики, высшая квалификационная категория

Экологическое воспитание учащихся является одной из важнейших задач просвещения и образования, которая вытекает из необходимости прививать экологическую культуру, формировать новое отношение к природе, основанное на неразрывной связи человека с природой, как части единого целого. Так как экология – междисциплинарная наука, в школах на уроках биологии, физики, химии, географии формируется бережное отношение к природе в целом. Проведение научных мероприятий совместно с учеными высшей школы и Академии наук несомненно способствуют повышению качества уровня школьного экологического образования и культуры, вызывает интерес дальнейшего изучения представленной проблематики, побуждает любить и беречь природу своей малой Родины, России и в целом планеты Земля.

Верховенство природы и развитие человека – принципы доктрины градоустройства

В.А.Ильичев

Российская академия архитектуры и строительных наук, вице-президент по направлению «Инновации». Доктор технических наук

ilyichev@raasn.ru

Две широко известные проблемы, отравление природной среды и биологическая деградация человека, имеют один источник - деятельность самого человека. Большая часть населения планеты живет в городах, которые из создателей цивилизации превращаются в ее разрушителей. В докладе обсуждаются принципы создания доктрины градоустройства, позволяющие установить симбиотические отношения между городом и окружающей природной средой и создать условия для удовлетворения потребностей человека, для его развития.

Ключевые слова: биосферная совместимость, развитие человека, градоустройство, симбиоз города и природы, взаимоотношения цивилизаций и биосферы, единство сознания.

The Supremacy of Nature and Human Development - Principles of the Doctrine of City Planning.

V.A. Ilyichev

Russian Academy of Architecture and Building Sciences

Abstract: Two widely known problems, the poisoning of the natural environment and the biological degradation of a human, have one source that is the activity of a human himself. Most of the population of the planet lives in cities that turn from the creators of civilization into its destroyers. The paper discusses the principles of creating the doctrine of city planning, allowing to establish symbiotic relations between a city and the natural environment and create conditions for satisfying human needs, for human development.

Keywords: biosphere compatibility, human development, city planning, the symbiosis of the city and nature, the relationship of civilizations and the biosphere, the unity of consciousness.

Проблема отношения человечества к биосфере обсуждается в научно-технологическом плане около века, а в настоящее время она стала угрожающе практической, поскольку, примерно, с середины восьмидесятых годов планета Земля не в состоянии обезвредить антропогенные отходы и биосфера прогрессирующе деградирует, заставляя биологически деградировать человека, одновременно снижая его когнитивные возможности. Согласно словам Д. Медоуза, одного из авторов [1] , сказанных в 2012 г. в МГУ им. Ломоносова, «Мир следует сценарию коллапса». Современное экологическое состояние планеты, концепции изменения климата, биологические механизмы регулирования численности людей и многое другое можно найти в содержательной монографии [2].

Обратимся к основным взглядам различных цивилизаций на отношения с природной средой, в которой они существуют.

В европейской традиции человек является венцом творения и волен преобразовывать окружающий мир под свои потребности, забирая из биосферы и литосферы их элементы, рассматривая их как ресурсы для своей деятельности.

Согласно исследованиям Б.Н.Кузыка и Ю.В.Яковца за последние, примерно, 5 тысяч лет существовало около 25 локальных цивилизаций, из которых только две прошли этот отрезок времени, не меняя территории, этноса и культуры – это Китай и Индия.

В Китае основы отношений человека и природы были уже сформулированы 2,5 тысячи лет назад философом Лао Цзы: «Человек следует Земле, Земля следует Небу, Небо следует Дао, Дао следует Естеству», т.е. прямое следование природе, включая определенные морально-этические принципы. В китайской медицине полагают, что человек черпает энергию жизни «чи» (или «ки») из окружающего пространства.

В Индии отношения человека и природы представлены пантеоном около двух тысяч богов, главные из которых Вишну, Шива и Брахма. Вишну – источник всего сущего, Шива - созидающее разрушение, Брахма - рожденный из лотоса. Человек живет за счет живой энергии «прана», пронизывающей всю вселенную. Индийские Веды написаны около трех тысяч назад на санскрите. В русском языке около 40% слов одинаковых с санскритом.

Обе великих цивилизации признают превосходство природы над человеком, считают ее живой и одухотворенной в прямом смысле этих слов. Эти цивилизации создали свои особые культуры – философии, искусства, нравственно – этические нормы, медицину, боевые искусства. Представители этих цивилизаций мало ассимилируются в других странах, ибо им достаточно своих знаний для понимания местных социально-этических традиций. Обе страны испытали колониальный гнет и после завоевания независимости под влиянием исторической памяти встали на индустриальный путь развития, создав себе серьезнейшие экологические проблемы.

Современные исследователи кроме предложений научно-технических современных подходов по уменьшению отравления и деградации природной среды цивилизационными отходами рассматривают также этико-социальные аспекты проблемы.

А. Гор призывал создавать природоподобные технологии. Геологи МГУ, исследуя реакцию земли на катастрофические события, пришли к выводу, что Земля либо совершенный кибернетический механизм, либо живой организм [3]. И.А. Малмыгин считает, что люди действуют в нервной системе планеты, «Земля - собеседник – и разумный» [4]. Люди искусства всегда считали землю живой, образцом красоты и источником вдохновения, природу – божественной.

В.Н. Большаков: «Сотрудничество с биосферой – это не принижение человека, биосфера в действительности, как и ее экосистема, несомненно, более сложные и развитые образования, чем наша цивилизация» [5]. А.В. Кацура: «Согласно принципу Эшби управляющая система должна быть более разнообразной, чем управляемая. Иначе это приведет к гибели обе системы», что и происходит.

Отношение человека к природе – ключевой вопрос существования человечества. Человек порожден биосферой и должен служить материнскому организму. Этот принцип следует соблюдать по всей цепочке знаний от философии до законодательства [6].

Итак, обратимся к городам. Под названием «город» будем понимать поселение с любой численностью жителей. Представим архитектуру новой парадигмы «Градоустройство» [7,8] в виде нескольких принципов, где каждый последующий включает предыдущие.

1. Симбиоз города и окружающей Природы, единство сознания.

2. Оценка воздействия города: внешнее - изъятие ресурсов и вбрасываемые отходы, внутреннее - воздействие на население.

3. Гуманитарный баланс, 1) население (расширение баланса трудовых ресурсов), 2) мест удовлетворения потребностей населения (расширение понятия рабочих мест), 3) потенциала жизни Биосферы – новое принципиально важное введение.

4. Законодательно закрепить Гуманитарный баланс района, области и т.д.

5. Знания и их результат – управление, основанное на программно-целевых методах.

6. Оценка «земного счастья» по статистическим данным: браки, разводы, дети, ИРЧП и др.

7. Удовлетворение потребностей человека:

- жизнеобеспечение: еда, жилье, одежда
- рекреации: развлечения, отдых
- власть: воля, самодисциплина, система управления
- милосердие: доброта, забота о детях и стариках
- знания: школы, университеты, библиотеки, музеи и т.п.
- творчество: научно-техническое, гуманитарное, НИИ, униврситеты
- чувство прекрасного: связь с природой, космосом.

Если эти потребности удовлетворяются, то создана благоприятная среда обитания.

8. Надежность, достойное исполнение городом своих функций в созвездии других городов, возможности общения для партий, общественных организаций, клубы и т.п.

Если эти потребности удовлетворяются, то создана комфортная среда обитания.

9. Познание, знание –сила: силовые структуры, «конституция» и стиль города.

Если этот пункт выполняется, то создана безопасная среда обитания. Невыполненные элементы предшествующих пунктов проявляются в этом пункте и провоцируют опасности, но тем самым конкретизируется источник опасности, который надо исправить.

В развитие парадигмы «Градостроительство» опубликован ряд работ, подытоженных в книге [9], выпускается журнал «Биосферная совместимость: человек, регион, технологии», издано учебное пособие [10], разрабатывается нормативный документ Свод правил по созданию комфортной и безопасной среды жизнедеятельности.

Заключение. Исторически проверенный принцип верховенства природы над человеком позволил создать в Российской академии архитектуры и строительных наук новую Доктрину Градостроительства, отвечающую современным требованиям по сохранению природы, улучшению качества жизни в городах и развитию человеческого потенциала.

Литература:

1. Д.Х.Медоуз, Д.Л.Медоуз, Й.Рандерс. За пределами роста. Предотвратить глобальную катастрофу, обеспечить устойчивое будущее. Учебное пособие. Перевод с английского под ред. Действительного члена РАО профессора Г.А. Ягодина. Москва. Издательская группа «Прогресс». Фирма «Пангея», 1994.
2. А.А.Дульзон. Парадокс устойчивого развития. – Изд-во «Триумф», 2018.-с.264-ISBN 978-5-89392-804-4.
3. В.Л. Сывороткин Планета Земля – самоуправляемая система. Система «Планета Земля». Материалы научных семинаров «Нетрадиционные вопросы геологии». Геологический факультет МГУ и региональная общественная организация «Гармония строения Земли и планет». Москва, 1999.
4. И.А.Малмыгин. Земля- собеседник – и разумный. М.: Природа и человек, 1996. № 3. с.66-70.
5. В.Н.Большаков и др. Экология. Учебник для вузов. Под ред. Г.В. Тягунова, Ю.Г. Ярошенко. М: Интернет Инжиниринг, 2000
6. В.А.Ильичев. Биосферная совместимость: Технологии внедрения инноваций. Города, развивающие человека. –М.:Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.-240с.
7. В.А.Ильичев. Принципы преобразования города в биосферосовместимый и развивающий человека. Журнал «Градостроительство» № 3, 2009, стр. 20-30
8. В.А.Ильичев, А.М.Каримов, В.И. Колчунов, В.В.Алексашина, Н.В.Бакаева, С.А.Кобелева. Предложения к проекту Доктрины градоустройства и расселения (Стратегического планирования городов – City planning). Журнал «Жилищное строительство», № 1, 2012.
9. В.А.Ильичев, С.Г. Емельянов В.И.Колчунов, В.А.Гордон, Н.В.Бакаева. Принципы преобразования городов в биосферосовместимые и развивающие человека: Монография. – М: АСВ, 2015.-185с.
10. В.А.Ильичев . Инновационные технологии в строительстве городов. Биосферная совместимость и человеческий потенциал: учебное пособие / В.А.Ильичев, С.Г. Емельянов В.И.Колчунов, Н.В.Бакаева. – М: Издательство АСВ, 2019.-208с. ISBN 978-5-4323-0314-1.

Муниципальная экология. Недопущение загрязнения окружающей среды.

Дубинский Вадим Владимирович

Администрация городского округа Павловский Посад Московской области, заместитель Главы Администрации городского округа Павловский Посад Московской области. Кандидат философских наук

Audit-info@list.ru

Аннотация: Статья имеет ярко выраженный практический характер, т.к. её автор, являясь заместителем Главы Администрации г.о. Павловский Посад, непосредственно несет ответственность за улучшение экологических показателей муниципального образования, в котором проживает более 80 тыс. человек. Об экологических проблемах и подходах к их решению в малом городе России – взгляд изнутри.

Ключевые слова: экологическое загрязнение, окружающая среда, экологическое воспитание и образование.

Municipal ecology. Prevention of environmental pollution.

Vadim Dubinsky

Abstract: This article has a pronounced practical nature, as the author, being the deputy head of the urban district Pavlovskij Posad , is directly responsible for the environmental performance improvement in the municipality, in which more than 80 citizen live. On environmental problems and approaches to their solution in small towns of Russia – a look from inside.

Key words: environmental pollution, environment, environmental education and education.

Перед Россией сегодня стоят вопросы поэтапного перехода к модели экологически устойчивого развития. Вопрос исключительно важный для повышения эффективности прежде всего всей национальной экономики, с одной стороны, и, в то же время, для улучшения качества жизни людей, для раскрытия потенциала регионов. Экологическое воспитание, просвещение и образование – ключевые темы в обеспечении устойчивого экологического развития России.

Приоритетная задача экологического просвещения – работа с подрастающим поколением. В нынешний век информационных технологий экологическое просвещение становится всё более важным в среде молодого поколения, которое постепенно отдаляется от природы. Поэтому одним из приоритетных направлений деятельности - является внедрение экологического образование и воспитание жителей городского округа Павловский Посад с дошкольного возраста. Это позволит повысить экологическую культуру населения.

В администрации городского округа с 2018 года еженедельно проходит Экологический штаб, на базе которого сформированы экологические отряды и патрули. Конечным результатом деятельности Экологического штаба является улучшение экологической обстановки в городе, повышение экологической грамотности школьников, воспитание ответственного отношения к окружающей среде, формирование активной гражданской позиции.

На территории городского округа постоянно проходят экологические акции, флешмобы, субботники, конференции, открытые уроки, появляются новые эко-зоны, восстанавливаются леса. Очевидный факт – земля без человека выглядела бы совсем по-другому. Стремительно растущее население всё больше требует продовольствия и территорий для проживания. Многочисленные предприятия расходуют всё большее количество не возобновляемых природных ископаемых.

Везде, где появляется человек, он стремится приспособить и изменить окружающую среду под свои нужды. Поэтому воздействие человека на природу носит как положительный, так и отрицательный характер.

В целях улучшения экологической обстановки в городском округе Павловский Посад были реализованы экологические программы:

1) Уменьшение выбросов в атмосферу. На территории городского округа Павловский Посад в 2016 году закрыли автомобильное движения через железнодорожный переезд на ул. Большая Покровская в центральной части города, для чего был построен в 2017 году путепровод тоннельного типа. Среднее

время закрытия переезда составляло 7,5 часов в сутки, поэтому количество выбросов в атмосферу от автотранспорта увеличивалось в разы. Благодаря путепроводу тоннельного типа удалось сократить на 47% выделение токсичных веществ в атмосферу.

На постоянной основе проводится работа по замене светильников линий наружного освещения на энергоэффективные. За 2018-2019 годы заменено 943 светильника, что в значительной степени уменьшило выбросы углекислого газа.

В 2018 году на территории городского округа Павловский Посад впервые появился электробус. Электробус не имеет традиционного двигателя и выхлопной системы, благодаря чему значительно уменьшается выброс токсичных веществ в атмосферу.

На территории городского округа Павловский Посад появились дополнительные автомобильные развязки и новые светофоры, которые поддерживают однородную скорость потока в пределах максимально допустимой скорости движения, уменьшая количество остановок, обеспечивая равномерное движение через несколько пересечений, уменьшают расход топлива, выделение выхлопных газов и уровень транспортного шума.

2) Очищение почвенного покрова.

Подмосковье – регион, в котором аккумулируется почти 20% мусора Российской Федерации. «Мусорная» проблема – одна из самых значимых экологических проблем в Подмосковье. Ежегодно на территории региона образуется порядка 10 миллионов тонн отходов. Большинство подмосковных полигонов сильно устарело, они переполнены и не справляются с таким количеством отходов. А это значит, что появляются вредные выбросы, неприятные запахи. По поручению Губернатора Московской Области Воробьева А.Ю. в государственную программу Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы был включен полигон ТБО «Быково», занимавший 7,3 Га, который был закрыт в 2017 году, а в 2018 году рекультивирован. Полигон работал с 1970 года и оказывал крайне негативное влияние на экологическую обстановку в городском округе, выбрасывая в атмосферу продукты горения, накопление загрязняющих веществ в почвенном покрове и т.п.

В 2018 году завершился технический этап рекультивации, начиная с 2019 года проходит биологический этап, который включает выращивание многолетних трав (ежа сборная, клевер красный, мятлик луговой, овсяница красная, полевица белая, тимофеевка луговая, донник белый, мятлик луговой), производится их подкормка азотными удобрениями в весенний период, скашивание и подкормка полным минеральным удобрением с последующим поливом. Также проводится комплексный экологический мониторинг и осуществляется откачка фильтратов с полигона. Весь комплекс работ осуществляется в рамках муниципальной программы «Экология и окружающая среда городского округа Павловский Посад Московской области».

В целях достижения ключевых целей национального проекта «Экология», в городском округе Павловский Посад за 2019 год было убрано более 32 тыс. м3 строительного, коммунального, крупногабаритного мусора несанкционированно выбрасывающимся жителями не только нашего округа, но и приближенных к нему городов, поселков и деревень. По состоянию на 2019 год официально зарегистрированные свалки отсутствуют.

На территории городского округаПавловский Посад в 2012 года Администрацией г.о. Павловский Посад совместно с АО «Экситон» открылся первый мусоросортировочный комплекс. Главным преимуществом сортировки бытовых отходов является устранение экологически опасных ситуаций, причиной которых являются несанкционированные свалки. Кроме того, разделение мусора выгодно для экономики, так как снижаются затраты невосполнимого природного сырья при производстве новых товаров.

Твердые коммунальные отходы (ТКО) – это товары или предметы, потерявшие потребительские свойства, наибольшая часть отходов потребления.

Помимо системы раздельного сбора отходов, с 2019 года Правительством Московской области утвержден единый региональный оператор ООО «Хартия» на территории городского округа Павловский Посад, который оказывает услуги по обращению с твёрдыми коммунальными отходами и крупногабаритным мусором. Данное решение было принято с целью пресечения многочисленных нарушений различных компаний, конкурирующих между собой.

В городском округе Павловский Посад разработана схема санитарной очистки, которая систематизирует все отходы (ТКО) и является одним из важнейших компонентов по санитарной очистке.

Санитарная очистка населенных пунктов – одно из важнейших санитарно-гигиенических мероприятий, способствующих охране здоровья населения и окружающей природной среды, и включает в себя комплекс работ по сбору, удалению, обезвреживанию и переработке коммунальных отходов, а также уборке территории населенных пунктов.

Генеральная схема очистки территории городского округа Павловский Посад Московской области – проект, направленный на решение комплекса работ по организации сбора, удалению отходов и уборки территорий.

Проектные решения схемы направлены на внедрение раздельного сбора, максимальное использование отходов в качестве вторичных материальных ресурсов, ликвидацию несанкционированных объектов размещения отходов и минимизацию общего объема размещаемых отходов, а также на развитие технической базы системы обращения с коммунальными отходами.

Схема разработана на срок с выделением I очереди мероприятий на пять лет, и выделением расчетного срока на двадцать лет, т.е. до 2039 года. Через каждые пять лет схема корректируется путем внесения необходимых уточнений и дополнений (с учетом динамики развития промышленности, производства, инфраструктуры и численности проживающего населения).

3) Очистка и благоустройство рек и водоемов от вредных примесей.

Прибрежные территории наших водоемов обладают высокой эстетической ценностью ландшафтного комплекса. Состояние многих водных объектов на территории города и инженерных сооружений не соответствует современному уровню и темпам благоустройства городских территорий.

В рамках федерального проекта «Оздоровление Волги» национального проекта «Экология», а также Государственной программы Московской области «Развитие инженерной инфраструктуры и энергоэффективности» на территории городского округа Павловский Посад запланированы мероприятия по реконструкции очистных сооружений.

Межрайонные очистные сооружения (г. Павловский Посад, пер. Интернациональный, д. 28Б) построены в 1970-х годах. Их проектная мощность – 150 тысяч кубометров в сутки. На сегодняшний день сооружения принимают хозяйственно-бытовые и промышленные стоки из Павлово-Посадского района, Электрогорска и частично из Электростали. За полвека ужесточились требования к качеству очистки стоков. На сегодняшний день для достижения требуемых нормативных показателей предельно допустимых концентраций требуется серьезная реконструкция межрайонных очистных сооружений.

Министерством жилищно-коммунального хозяйства Московской области межрайонные очистные сооружения городского округа Павловский Посад включены в число объектов, требующих модернизации.

Финансирование проекта будет проводиться с участием средств федерального бюджета, бюджета Московской области и местного бюджета городского округа Павловский Посад. Ориентировочная стоимость проекта на 2019-2023 годы - около 4,5 млрд. рублей.

Существуют и другие экологические проблемы крупных и малых городов России. Проблемы экологической чистоты окружающей среды актуальны на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, мероприятия по исправлению результатов человеческой жизнедеятельности крайне затратны. Многое делается для улучшения ситуации, однако воспитание с детства любви к своему дому, деревне, городу с неизбежностью принесет свои плоды, выливаясь в понимание необходимости бережного отношения к окружающей природе, Родине и в целом планете Земля.

Соционатурэкосистема: содержание и механизмы управления

Захарова Е.Ю.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», заведующий кафедрой философии. Доктор философских наук

aglena_72@mail.ru

Лига М.Б.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», декан социологического факультета. Доктор социологических наук

m-Liga@inbox.ru

Аннотация: соционатурэкосистема включает в себя три уровня: природу, общество и социоприродное взаимодействие. На современном этапе развития соционатурэкосистемы возникает потребность в управлении ею. Это связано с тем, что что увеличивается роль субъективного фактора в ее функционировании. Идеи управления соционатурэкосистемой связаны с понятием ноосферы. Основная цель управления соционатурэкосистемой – оптимизация социоприродного взаимодействия, что в конечном итоге приведет к формированию экологической культуры общества и человека. Определены теоретические и практические трудности в управлении соционатурэкосистемой. Авторы предлагают использовать понятие «экологический антропоцентризм», так как считают, что только человек с помощью направленной деятельности и оптимальных управленческих решений может гармонизировать отношение социума к природе. Оптимизация социоприродного взаимодействия как основная цель управления соционатурэкосистемой определяет необходимость создания условий бытия и развития социосистемы.

Ключевые слова: соционатурэкосистема, управление, взаимодействие природы и общества, ноосфера, научно-технический прогресс, антропоцентризм.

Nature society system: content and management mechanisms.

Zakharova E.Yu.; Liga M.B.

Transbaikal State University - Department of Philosophy; Faculty of Sociology

Abstract: nature society system includes three levels: nature, society and social-natural interaction. At the present stage of development of the nature society system, a need arises for managing it. This is due to the fact that the role of the subjective factor in its functioning is increasing. The ideas of managing the socio-ecosystem are related to the concept of the sphere of mind. The main goal of managing the socio-ecosystem is to optimize the social and natural interaction, which will ultimately lead to the formation of the ecological culture of society and man. Theoretical and practical difficulties in managing the nature society system are determined. The authors propose using the concept of “environmental anthropocentrism”, since they believe that only a person with the help of directed activities and optimal management decisions can harmonize the attitude of society to nature. Optimization of socio-natural interaction as the main goal of managing the nature society system determines the need to create conditions for the existence and development of the social system.

Key words: nature society system, management, interaction of nature and society, sphere of mind, scientific and technological progress, anthropocentrism.

Согласно теории взаимодействия природы и общества, разработанной В.А. Кобылянским, как отличных и взаимопроникающих образований, в соционатурэкосистеме выделяется три уровня: природа, общество и социоприродное взаимодействие [1]. Соционатурэкосистема включает в себя социосистему и натуристему, под натурсистемой мы понимаем природу и очеловеченную природу, под социосистемой – общество и очеловеченную природу.

Соционатурэкосистема на современном этапе из-за возрастания роли субъективного фактора нуждается в управлении. В основе идеи управления соционатурэкосистемой лежат основные положения концепции ноосферы. Ноосфера отражает состояние биосферы с его ориентацией на будущее [2; 3]. Понятие «ноосфера» связано с новым этапом творческой эволюции мира, когда коллективный разум человечества будет выступать главным фактором устойчивого развития человечества в гармонии с природой. Концепция ноосферы имеет глубокий гуманистический смысл. Говоря о ноосфере, мы связываем ее с формированием экологического сознания. Соционатурэкосистема – качественная разнородность, направленность процесса, сфера действительности. Она определяет взаимодействие природы и общества с точки зрения реальности.

Основная цель управления соционатурэкосистемой – оптимизация социоприродного взаимодействия, что в конечном итоге приведет к формированию экологической культуры. При концептуализации понятия «экологическая культура» мы, используя идею о том, что с экологической точки зрения важен деятельностный подход к культуре, делаем акцент на экологической культуре соционатурэкосистемы [4]. В этом отношении методологически плодотворной является та позиция, согласно которой, культура – это эволюционирующий во времени, многообразный в своих проявлениях специфический способ бытия человека в мире и бытия самого мира для человека.

Идея необходимости оптимизации функционирования трех уровней соционатурэкосистемы, позволяет определить в качестве субъекта самого человека, показать социоантропную направленность этого процесса.

При решении проблем оптимизации социоприродного взаимодействия только человек, реализуя целенаправленную деятельность и оптимальные управленческие решения может гармонизировать отношение социума к природе. В связи с этим, мы предлагаем использовать понятие «экологический антропоцентризм». В основе экологического антропоцентризма лежит принцип осознания того, что природа, как и всякая система, имеет свои «потребности», которые нужно учитывать при изменении и преобразовании её в своих практических целях и, что человек должен учитывать социоприродные законы оптимального соответствия общества и природы – закон цикличности в использовании веществ планеты, закон возобновимости в использовании энергии, закон комплексности в использовании информации [5]. На этом основывается антропный принцип, согласно которому человек не может представить себя не включенным не только в природные, но и космические процессы.

Проблема управления естественными и социоприродными экосистемами достаточно сложная. Постоянно остается открытым вопрос о том, насколько соционатурэкосистема может быть управляемой. Обосновывая саму возможность управления, мы определяем трудности в ее управлении. Теоретическая трудность состоит в том, что при решении проблем, связанных с управлением соционатурэкосистемой, необходимо учитывать внутренние закономерности бытия основных компонентов данной системы (социогенных и натурогенных процессов), а также влияния на эти компоненты побочных результатов экологического взаимодействия (социоплагенных и натуроплаенных процессов).

Практические трудности связаны с наличием у человека сознания, дающего ему преимущество перед природой, которое зачастую используется на пользу себе и во вред природе. Еще один аспект практической трудности связан с неспособностью человека отменить или видоизменить естественные и объективные социальные законы, возможно лишь применение тех законов, которые им относительно познаны, оптимизируя процессы взаимодействия природы и общества в соответствии с данными законами.

Значительное влияние на процессы управлении соционатурэкосистемой оказывает научно-технический прогресс, в отношении которого существуют противоположные позиции ученых. В свете современных процессов глобализации и обострения проблем взаимодействия природы и общества научно-технический прогресс зачастую предстает как явление не столько полезное, сколько вредное и опасное для человека [6].

На наш взгляд, научно-технический прогресс нельзя рассматривать только лишь с отрицательной стороны, необходимо учитывать, что для развития общества необходимо дальнейшее технологическое развитие. Другое дело, что техника является инструментом реализации целей людей и в связи с этим может оказывает положительное или отрицательное воздействие на природу.

Основная цель управления соционатурэкосистемой – оптимизация социоприродного взаимодействия определяет необходимость создания условий бытия и развития социосистемы. Социальные преобразования связаны с социально-экономическим аспектом оптимизации функционирования соционатурэкосистемы, с необходимостью уменьшения рисков в социосистеме, связанных с развитием антиэкологичной экономики.

Таким образом, соционатурэкосистема, включающая в себя три уровня, из-за увеличивающейся роли субъективного фактора, на современном этапе нуждается в управлении, основной целью которого является оптимизация социоприродного взаимодействия, формирование экологической культуры.

Литература:

1. Кобылянский В.А. Философия экологии. М.: Академический проект, 2010. 632 с.
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
3. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
4. Захарова Е.Ю. Концептуализация понятия «экологическая культура» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2012. № 3. С. 64–67.
5. Гирусов Э.В., Бобылев С.Н., Новоселов А. Л. И др. Экология и экономика природопользования / Под ред Э.В. Гирусова. М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2010. 607 с.
6. Чумаков А.Н. Научно-технические аспекты взаимодействия природы и общества в условиях глобализации // Философия в диалоге культур: Материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 932–944.

Идеал и социоприродная реальность как диалектическое единство в самопроектировании личности.

Захарова Н. Е.

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, ведущий научный сотрудник. Кандидат философских наук

nz-a@tut.by

Аннотация: Раскрывается взаимосвязь между экологическим идеалом и материальной сферой человеческой деятельности, как диалектика идеала и действительности. Показывается движение экологического сознания к пониманию действительных путей реализации экологического императива, который также является идеальным конструктом. Делается вывод, что экологический идеал представляет собой научное отражение закономерно развивающейся социоприродной действительности, но это такое отражение, которое создает идеальный образ социального будущего, по которому наличная социальная действительность должна быть преобразована в целостно развитую действительность. Подчеркивается, что объективное развитие самой социоприродной действительности дает основание утверждать, что экологический идеал/императив не только возможен, но и необходим, неизбежен, потому что он коренится в существенных свойствах этой действительности. Экологический идеал как основа регуляции социальной среды логически дополняет и завершает социальный идеал человека и его личностный проект, выступая как осознание его образа жизни. Но усвоение экологического идеала возможно лишь на основе личной практической деятельности человека.

Ключевые слова: Идеал, экологический императив, социальная реальность, социоприродная практика, личностный проект, свобода, коэволюция.

Ideal and socio-natural reality as dialectical unity in personality self-projection.

Zakharova N.E.

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Abstract: The interrelation between the ecological ideal and the material sphere of human activity, as a dialectic of the ideal and reality, is revealed. The movement of environmental consciousness to understanding the real ways of implementing the environmental imperative, which is also an ideal construct, is shown. It is concluded that the ecological ideal is a scientific reflection of the naturally developing social and natural reality, but it is such a reflection that creates an ideal image of the social future, according to which the available social reality should be transformed into a holistically developed reality. It is emphasized that the objective development of socio-natural reality itself gives reason to assert that the ecological ideal / imperative is not only possible, but also necessary, inevitable, because it is rooted in the essential properties of this reality. The ecological ideal as the basis for the regulation of the social environment logically supplements and completes the social ideal of a person and his personal project, acting as an awareness of his lifestyle. But assimilation of the ecological ideal is possible only on the basis of personal practical activity of a person.

Keywords: ideal, environmental imperative, social reality, social and natural practice, personal project, freedom, co-evolution.

Проективная деятельность, в том числе и конструирование личностного проекта, решается в русле бинарной оппозиции идеала и социальной, социоприродной реальности целей. Экологический императив, или экологический идеал носят несколько спекулятивный характер. Они возникли как рефлексия общественного сознания на экологическую угрозу. Т.е. его онтологические основания лежат в плоскости идеальной сферы человеческой деятельности. Неистинность (утопического) идеала в том и состоит, что, будучи связан с идеальной сферой человеческой деятельности, он может не находить действительного источника своего обоснования. В свое время немецкий философ и общественный деятель И. Дицген замечал, что «В этом, собственно, и состоит весь курьез философской спекуляции, или дедукции: она предполагает возможность познания без материальной основы из глубин мозга, тогда как на самом деле она есть только бессознательная индукция – мышление и доказательства на материальной, но неопределенной, а потому и путаной основе» [1, с. 366].

Непонимание необходимой связи между экологическим идеалом и материальной сферой чело-

веческой деятельности приводит к тому, что экологическое сознание в основном представляет собой здравый смысл своего времени, но который еще очень далек от понимания действительных путей реализации экологического идеала/императива. Пример с неожиданным возвышением и признанием заявления в ООН Греты Тунберг, призвавшей бороться с глобальным потеплением, показывает, что оторванность от истинного понимания корней глобального экологического кризиса представляет лишь продукт общественного сознания, которое, не вырываясь за границы социально-политических и культурных стереотипов своей эпохи, потому и может призывать государства к нравственной точке зрения.

Фактически императивно-экологический идеал сверяется не столько с материальными фактами, а с отражением этих фактов в сознании человека (нравственность, право и т.п.). Подобная логика считает, что если дать новое объяснение этому сознанию (экологическому), то можно изменить мир, не понимая, что только объективная природа мира (экологический и культурный кризис) и создала эти условия, сделавшие возможным новое объяснение сознания. Отсюда и стремление нацелить все классы, группы, страты и т.д. социума на общие действия, примирив угрозой экологических последствий их разнородные интересы. А раз на практике императивный идеал не реализуется, то решение ищется в плоскости долженствования. Это спасение зачастую достигается бегством от действительности (экологизм, дауншифтинг, Гринпис, зеленые движения), но убегающий еще не свободен, поскольку в своем бегстве он обусловлен тем, от чего убегает.

Обратимся к материалистическому обоснованию общественного идеала в философии Л.Фейербаха, когда он писал, что оторванность от человека, человеческих качеств в виде идеальной, абсолютной сущности, рождает противостояние с реальным человеком. «Наш идеал, писал Л. Фейербах, не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо, наш идеал, это—цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек» [2, с. 778]. Идеал и человек уже не противопоставлялись друг другу, а рассматривались в единстве. Обращение к человеческой сущности в понимании идеала и критика абсолютной идеальной сущности Л. Фейербахом являются важным элементом общечеловеческой культуры.

Идеал является лишь научным отражением социальной действительности, но таким отражением, которое рассматривает действительность во всех аспектах ее внутреннего развития. Отражение же зачастую рассматривается сточки зрения отсутствия всякого движения. Тогда получается, что экологический идеал/императив – объективная историческая необходимость. Таким образом, экологический идеал представляет собой научное отражение закономерно развивающейся социоприродной действительности, но это такое отражение, которое создает идеальный образ социального будущего, по которому должна быть преобразована наличная социальная действительность, в целостно развитую действительность.

Можно заметить, что в этих рассуждения присутствует абстрагирование от ценностного аспекта идеала, который обычно только и признается в экологической этике. Дело в том, что в понимании природы идеала аксиологический аспект мало что дает, поскольку останавливается на чисто субъективной, оценивающей точке зрения. Вполне можно согласиться с Гегелем, что ценностный подход к идеалу тождествен субъективному идеализму [13, с. 179]. В то же время чисто научный аспект идеала, его отрыв от ценностного, подрывает его жизнеспособность. Во все века с Нового времени существовало твердое убеждение, что знание – это сила. И только наше время показало, насколько может быть опасным это могущество. В то же время с Гегелем можно согласиться, поскольку в оценке идеала мы смешиваем ценностный аспект с практической деятельность человека, а именно она является целью самопроектирования/саморазвития. Стремление связать идеал с реальной жизнью человека законно, но ценностный подход ничем нам не поможет, ведь он связан с субъективной оценкой человека. Думать, что эта оценка во всех жизненных позициях тождественна активной жизненной позиции человека – это ошибочно, поскольку такая оценка исключительно вращается в сфере наличной когнитивной деятельности субъекта, констатируя, что идеал наличествует.

Но важно не то, что идеал есть, а важно содержание этого идеала, истинно ли оно. То, что идеал просто есть, не спасает его: придет время, и один идеал сменится другим, и в любом случае мы вынуждены будем обратиться к его содержанию, что невозможно в рамках аксиологического подхода. Потребуется научный анализ для того, чтобы идеал стал убеждением человека и основой его практической деятельности. Объективное развитие самой социоприродной действительности дает основание утверждать, что экологический идеал/императив не только возможен, но и необходим, неизбежен, потому что он коренится в существенных свойствах этой действительности. Выяснению диалектики

идеала и реальности, помимо Р. Оуэна, Л.Фейербаха, К.Маркса, Г.В. Плеханова, посвящены работы Е.М.Бабосова, К.П. Буслова, Л.Е. Криштаповича, Р.И. Косолапова, Т.Л. Павлова, М.Б. Князевой и др.

Экологический идеал, выступающий в качестве социального инструмента человеческой деятельности, обусловливает необходимость осознания каждым человеком своей жизнедеятельности как жизнедеятельности созидательной. Но само это осознание возможно лишь при условии, что человека знает этот свой инструмент. Как не может быть успешной деятельности человека в процессе труда, без знания соответствующих орудий труда, так не может быть успешной его экологическая деятельность как члена общества без знания соответствующего идеала. «Иными словами, без предвидения и без цели или идеала, без объективной стороны человеческого познания, ног и без его субъективной стороны может быть бессознательное, механическое, вегетативное и инстинктивное приспособление к окружающей среде, не может быть научного, социального и культурного творчества» [4, с. 74-75], не может воплотиться созидающая сторона сознания.

Знание экологического идеала/императива означает, что человек в своей деятельности не останавливается на уровне эмпирического познания своего личного опыта, а поднимается до теоретического осмысления своей деятельности. Этот идеал, выступающий как теоретическое осмысление социоприродной действительности, дает возможность не потеряться в наличном материале многообразных явлений, а выявить связь между ними в качестве закономерной связи самой действительности. Человек как субъект, который, осознав необходимость своей жизнедеятельности, активно развертывает свои способности в различных сферах общественных отношений, проявляет тем самым свою свободу.

Экологический идеал как основа регуляции социальной среды логически дополняет и завершает социальный идеал человека, выступая как осознание его образа жизни. Но давая характеристику экологическому идеалу, как основе регуляции социоприродной среды в результате усвоения его в качестве теоретического знания, следует подчеркнуть, что само это усвоение возможно лишь на основе личной практической деятельности человека. Нельзя представлять себе дело так, что можно усвоить его чисто теоретически, а затем приступать к его практической реализации. Процесс формирования экологического сознания, основанный на точке зрения общих принципов экологической этики, ведет к чисто внешнему привязыванию этих принципов к человеку. Но в таком случает можно привязать к нему совершенно противоположные принципы (отложенной ответственности, потребительства, поклонения вещному миру, меркантилизма и т.д.). И ограничиваясь чисто теоретическим подходом, к вопросу о доказательстве истинности или неистинности экологического идеала, мы невольно переходим на позиции просветительства и внешних ограничений, считая, что спор может быть решен путем аргументов и убеждения. Сложность еще и в том, что само понимание неизбежности глобального экологического коллапса при существующем отношении человека к природе на практике может означать стремление противодействовать этой неизбежности, и тогда речь будет идти о ликвидации этого противоречия. Надо, чтобы в проектировании целей своей жизнедеятельности человек действовал не в качестве объекта, а субъекта, каким он является на практике. Это можно реализовать только при условии, что предметом его теоретической деятельности будут не абстрактные принципы любви к природе, но культурно-экологическое осмысление его собственного опыта.

Глобальный культурно-экологический кризис показал, что человек не может произвольно, лишь субъективно управлять своей собственной эволюцией, он должен действовать осознанно, со знанием соответствующих законов, в гармонии с ними. «Из понимания фундаментального факта эволюционирующего бытия человека, совершенно объективно, с необходимостью и неизбежностью встает вопрос о новой, эволюционной свободе и новой, эволюционной ответственности человека как двух основных атрибутах и принципах эволюционной культуры» [5, с. 310].

Человек же, созидающий эволюцию, безусловно, становится ответственным за все им содеянное, за все достижения и провалы этой эволюции. Он свободен постольку, поскольку он ответственен, поскольку он овладел законами и гармонией созидания, наукой и искусством творения, а, точнее, сотворения, ибо в процессе этого созидания наряду с ним, вместе с ним участвует и весь остальной мир. Человек сам эволюционирует и, создавая эволюцию остального мира, эволюционирует вместе с ним, находится в постоянном процессе со-созидания, совместной со всем остальным миром коэволюции и эволюционного восхождения. Поэтому П. Тейяр де Шарден и определял эволюцию как восходящее развитие. Реализация универсальных оснований экологического императива в общественной практике зависит от условий, в которых принципы коэволюции могут выступать в качестве мобилизующей и интегрирующей силы.

Литература:

1. Ленин В.И. Философские тетради. // Полн. собр. соч., Т.29. М.: Политиздат, 1973. С.3 – 620.
2. Фейербах Л. Лекции о сущности религии. // Избранные философские произведения в 2-х томах. Т.2. М.: Политиздат, 1956. С.490 – 810.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук / Г. Гегель. Т.1. М.: Мысль, 1974. 452 с.
4. Павлов Т.Л. Информация, отражение, творчество. М.: Прогресс, 1967. 102 с.
5. Конашев М. Б. Эволюционная теория и эволюционная культура // Идея эволюции в биологии и культуре / отв. ред. Баксанский О.Е., Лисеев И.К. М., 2011. С. 309 – 320.

Формирование высокого уровня социализации на основе ценностей экологической культуры – основа гуманной коррекции образования.

Колесник Т.А.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет» (Россия). Аспирант

077767475@mail.ru

Аннотация: Вектор развития современного общества определяется интегрированной техногенной рациональностью, включающей научную, экономическую и технико-технологическую рациональности. Приоритет экономической рациональности, ориентированной на капиталистическую систему хозяйствования, основой которой является погоня за прибылью и сверхприбылью приводит к иррациональному использованию природных ресурсов и, как следствие, обострению глобальных проблем современности, угрожающих существованию биосферного мира и жизни. Расширение техносферы и перевод в нее всех жизненных процессов приводит к эволюционным изменениям биосферы и переориентации эволюции с естественной на искусственную, что подробно исследовано учеными и философами Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни. Данные тенденции не могут не отображаться в системе современного образования, которое должно помочь человеку не только адаптироваться к техногенноизмененной реальности, но и сформировать высокий уровень социализации, который бы давал возможность активно и позитивно действовать на основе ценностей экологической культуры, преодолевая негативные техногенные трансформации мира и жизни. Такой уровень социализации можно сформировать на базе социальной педагогики, которая должно стать основой образовательного процесса и корректировать не только явные проявления дезадаптации, но и весь процесс социализации подрастающего поколения.

Ключевые слова: образование, техногенная рациональность,, биосфера, экология, социальная педагогика, устойчивое развитие.

The formation of a high level of socialization based on the values of ecological culture is the basis of humane correction of education.

Kolesnik T. A.

Bryansk state technical University (Russia)

Abstract: the Vector of development of modern society is determined by integrated technological rationality, including scientific, economic and technical and technological rationality. The priority of economic rationality focused on the capitalist economic system, the basis of which is the pursuit of profit and superprofit leads to the irrational use of natural resources and, as a result, the aggravation of global problems of our time, threatening the existence of the biosphere world and life. The expansion of the technosphere and translation of all vital processes leading to evolutionary change of the biosphere and the reorientation of evolution from natural to artificial, thoroughly investigated by scientists and philosophers Interdisciplinary scientific-philosophical schools of socio-technological development of the world, sociotechnology processes and the change and evolution of life. These trends can not be displayed in the system of modern education, which should help people not only to adapt to the technogenic changed reality, but also to form a high level of socialization, which would make it possible to actively and positively act on the basis of the values of environmental culture, overcoming the negative technogenic transformations of the world and life. This level of socialization can be formed on the basis of social pedagogy, which should become the basis of the educational process and correct not only the obvious manifestations of maladaptation, but also the entire process of socialization of the younger generation.

Key words: education, technogenic rationality, biosphere, ecology, social pedagogy, sustainable development.

Процесс развития техногенного общества сопровождается обострением глобальных проблем, угрожающих существованию биосферного мира и жизни. Надежды на преодоление негативных тенденций в развитии все больше связывают с перспективами реформирования образования, ориентированного на выход из общепланетарного антропогенного кризиса. Отражая основные черты развития общества, эволюционируя вместе с ним, образование вбирает в себя и характерные для него противоречия. Описанные тенденции выражаются в технократическом характере современного

образования и его ориентации на воспроизводство техногенной рациональности, представляющей собой интегрированный комплекс экономической, научной и технико-технологической рациональностей и определяющей ускорение прогресса техногенного общества. Феномен техногенной рациональности подробно исследован Е.А.Дергачевой [3, с. 170].Данные негативные тенденции, как обосновывают исследователи Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни [12], могут привести к эволюционному изменению биосферы с новыми патологическими геохимическими свойствами, в которой невозможно будет воспроизводство биосферной жизни [3, с. 318].

Переориентация эволюции с естественной на искусственную, как отмечается в исследованиях Э.С.Демиденко и Е.А.Дергачевой, ведет к разрушению биологических основ жизни на Земле [12]и не может не учитываться современной системой образования. Образование должно помочь человеку выжить, сохранить и умножить биосферный мир и биосферную жизнь.

Важность образования в решении глобальных проблем современности была обоснована в ходе Стокгольмской конференции по охране окружающей среды 1972 году, где были приняты рекомендации о создании международной программы по образованию в области окружающей среды. К началу 1975 года такая программа была создана ЮНЕСКО совместно с комиссией ООН по окружающей среде (ЮНЕП). В 1992 году на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в итоговом документе «Повестка дня на XXI» была поставлена задача посредством образования, просвещения и соответствующей системы подготовки кадров способствовать превращению концепции устойчивого развития [5, с. 22] в систему основополагающих профессиональных и духовных установок человечества [6]. На очередной Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 2012 году была принята декларация под названием: «Будущее, которого мы хотим», в которой содержался раздел «Образование». В этом разделе говорилось об активизации возможностей образования, как ресурса, способного подготовить людей к решению задач перехода к устойчивому развитию, и особо подчеркивалась необходимость улучшения подготовки педагогов [7].

Все это свидетельствует о понимании решающей роли образования в преодолении негативных последствий хозяйственной деятельности человека. Однако, несмотря на столь широкое обсуждение на международной арене необходимости разработки программ ОУР, на практике данные идеи пока что не нашли реализации в силу ряда причин. Этому мешает рыночно-капиталистическая система хозяйствования, ориентированная на максимальное получение прибыли без учета необходимости сохранения биосферного мира для будущих поколений. Существующему миропорядку просветительская работа в этом направлении не выгодна, поэтому она активно и не ведется. Дети, родители и учителя мало что знают о стратегии устойчивого развития.

Так же продолжает оставаться открытым вопрос о содержании ОУР, его адаптации к предметной форме современного образования, которая, как отмечает известный специалист в области ОУР Е.Н. Дзятковская, противоречит «сквозному» аспектному, векторному характеру, необходимому для реализации программ ОУР. Данное противоречие, как отмечает автор, приводит с одной стороны к снижению качества предметного содержания образования, а с другой, к имитации ОУР, так как на практике оно в основном сводится к образованию об устойчивом развитии, что никак не решает задачи формирования новой экологической культуры ценностей [4, с. 18]. Е.Н. Дзятковская отмечает, что для изменения сложившейся ситуации необходимо разрабатывать и внедрять в образовательный процесс технологии трансдисциплинарного образования, которые пока остаются мало изученными [4, с. 18]. Именно благодаря трансдисциплинарности, можно сформировать мировоззрение, выходящее за рамки предметной области, тем самым, объединяя естественно-научные и гуманитарные знания [11].

Но если Е.Н. Дзятковская предлагает с целью реализации программ ОУР изменить всю структуру современного образования, то Н.Н. Моисеев говорит о необходимости «сквозной экологизации образования», которое должно представлять целостную систему, охватывающую всю жизнь человека, и формировать мировоззрение, основанное на представлении своего единства с природой [9, с. 53]. И хотя Н.Н. Моисеев не говорит о трансдисциплинарной модели образования, на наш взгляд, очевидно, что «сквозная экологизация образования» не может опираться на старую предметную форму его содержания.

Однако с сожалением хотелось бы отметить, что идеи как трансдисциплинарного, так и «сквозного экологического образования» в настоящее время методологически и методически остаются нерешенными. Данные идеи могут быть реализованы на практике, на наш взгляд, только при изменении

философской стратегии развития общества, которая должна быть направлена на преодолении противоречий рыночной техногенной рациональности, наполнена пониманием бытия не только в настоящем, но и в будущем.

Данные идеи не вписываются в современный образовательный процесс, основной задачей которого является воспроизводство классовой структуры капиталистического общества, нуждающейся в профессиональных кадрах, способных выполнять узкоспециализированные задачи. Именно поэтому многие ученые пишут об упадке современного образования. Так, В.А. Кутырев и Н.В. Попкова считают, что трудно говорить об экологизации образования, когда требуется экология самого образования [8, с. 195; 10, с. 62]. Хотя В.А. Кутырев не объясняет значение термина «экология образования», тем не менее, из его текста мы можем сделать вывод о том, что данное понятие подразумевает гуманную коррекцию образования с целью недопущения одностороннего его программирования технократически ориентированными дисциплинами и идеями, что ведет к ущербности понимания происходящих в обществе и природе трансформаций.

Действительно, упадок культурно-нравственных ценностей и замена их рациональными псевдоценностями потребительской культуры капиталистического техногенного общества не могли не затронуть и систему образования, являющуюся основным средством воспроизводства культуры. О деструкции культуры, необходимости ее гуманизации и охраны говорит большинство ученых. Описывая ее современное состояние,Э.С. Демиденко, Н.В. Попкова, А.Ф. Шустов указывают на снижение роли «высоких образцов» и рост информационного мусора – вульгарности и пошлости [1, с. 151-197].

Образование является одним из социальных институтов, способных нивелировать подобные тенденции, направив их в гуманное русло. Тем самым, способствуя всестороннему оздоровлению личности в ходе учебно-воспитательного процесса. Поэтому оно не должно быть предметом купли-продажи на рынке образовательных услуг наряду с другими утилитарными ценностями. Основная задача образования, на наш взгляд, стать основой для эффективной социализации подрастающего поколения, позволяющей не только адаптироваться к техногенноизмененной реальности, но и сформировать высокий уровень сознания и самосознания, который позволил бы позитивно действовать и преобразовывать мир на основе ценностей экологической культуры. Достичь данного уровня социализации можно, на наш взгляд, только благодаря внедрению в образовательный процесс социальной педагогики – науки, ключевым понятием которой является «социализация». На базе социальной педагогики можно контролировать и корректировать не только процессы дезадаптации, которые, по сути, являются следствием неблагоприятного воздействия среды, но и координировать процессы социализации в целом, направляя их в гуманное русло.

С сожалением хотелось бы отметить, что применение социальной педагогики с целью социализации подрастающего поколения на основе ценностей экологической культуры не обсуждалось на конференциях ООН по окружающей среде и развитию. Это обстоятельство, наш взгляд, является существенным препятствием, мешающим выработать полноценную стратегию образования устойчивого развития, позволяющую преодолеть негативные трансформации мира и жизни. Мы также думаем, что не следует надеяться, что логика развития техногенного общества и его эволюции в сторону замены естественного искусственным в скором времени изменится. В связи с этим главной нашей задачей становится задача направить происходящие процессы в гуманное русло, приостановив их разрушительный характер.

Естественно, для гуманизации образования необходим комплекс мер, направленный на преодоление технократизма развития самого общества и формирование нового типа его рациональности. В этой связи хотелось бы отметить, что, несмотря на то, что формирование нового типа рациональности является основополагающей задачей образования, оно все же выходит за пределы его возможностей. Однако в рамках данной статьи мы остановились на тех стратегических мероприятиях, которые должны стать основополагающими для гуманной коррекции самого образования в условиях социально-техногенного развития мира.

К этим мероприятиям относятся следующие: гуманная коррекция образования и усиление его прогностического характера; фундаментализация и практическая направленность; всеохватность и доступность образования;непрерывность образования и самообразования, в том числе и непрерывность экологического образования (сквозная экологизация и применение технологий трандисциплинарного образования); валеологическое образование; формирование творческого (индивидуального) потенциала личности; формирование навыков коллективной работы (творчества);повышение качества подго-

товки педагогов к занятиям; диагностика экологической компетентности обучающихся; интеграция усилий формального неформального и информального образования в борьбе за сохранение биосферного мира и жизни; активное применение в образовательном процессе здоровьесберегающих технологий; создание эргономичных образовательных условий.

Литература:

1. Демиденко Э. С., Попкова Н. В., Шустов А. Ф. Техногенное развитие общества и жизни на Земле. В 2 кн. Кн.2. Основные тенденции техногенного развития жизни. Брянск: Изд-во БГТУ, 2007. 244 с.
2. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни: научный доклад. М.: Изд-во. РАН, 2017. 28 с. Режим доступа: http://www.ras.ru/publishingactivity/issues/collections.aspx. Дата обращения: (27.04.2018).
3. Дергачева Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности. Брянск: БГТУ, 2005. 219 с.
4. Дзятковская Е.Н. Траспредметная модель образования для устойчивого развития // Астраханский вестник экологического образования. 2014. № 3 (29). С. 17 - 22.
5. Ильин В.И., Лось В.А., Урсул А.Д. Устойчивое развитие и глобальные процессы: Учебник. М.: Издательство Московского университета, 2015. 445 с.
6. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года) / В.А. Коптюг / Информационный обзор. РАН.Новосибирск, 1992. Раздел IV Средства осуществления. Глава 36 Содействие просвещению информированию и подготовки кадров.
7. Конференция Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию «Рио+20». Режим доступа:https://web.archive.org/web/20120730170520/http://www.un.org/ru/ecosoc/about/uncsd-rio.shtml. (дата обращения 27.11.2019).
8. Кутырев В.А. Время Mortido. СПб.: Алетея, 2012. 336 с.
9. Моисеев Н.Н. «Устойчивое развитие» или «Стратегия переходного периода»: доклад на заседании высшего экологического совета Российской Федерации 1 декабря 1994 г. // Моисеев Н.Н. Историческое развитие и экологическое образование. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1995. – 53 с. (Труды Н.Н. Моисеева по вопросам современного образования. – М.: Академия МНЭПУ, 2012. – С. 33).
10. Н.В. Попкова Экология образования как часть экологии культуры // Педагогика и просвещение. – 2017. – №1. – С. 57-65.
11. Трансдисциплинарность. – Режим доступа: http://wiki-org.ru/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B4%D0%B8%D1%81%фD1%86%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C. – (дата обращения: 03.12.2019).
12. Трифанков Ю.Т., Дергачев К.В.Брянское философское общество и Брянская научно-философская школа: обзор исследований социально-техногенного развития мира и жизни // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. ст. / под общей ред. Н.В.Попковой. Брянск: БГТУ, 2017. Вып. 14. С.20-60.

Духовный гуманизм и технологический прогресс

Мантатов Вячеслав Владимирович

ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», заведующий кафедрой ЮНЕСКО по экологической этике. Доктор философских наук, профессор

unesco03bur@gmail.com

Мантатова Лариса Вячеславовна

ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», зав. кафедрой «Философия, история и культурология». Доктор философских наук, профессор

mantatovalarisa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме согласования технологического прогресса с перспективами духовного гуманизма в контексте антропокосмической эволюции. Авторы рассматривают технологический прогресс как особую линию антропокосмической эволюции. Техника представляет собой порождение человеческого духа и имеет космическую основу; технологический прогресс «погружен» в глобальный контекст саморазвивающейся и самосознающей Вселенной. По мнению авторов, стратегию технологического развития надо строить с учетом парадигмы антропокосмической эволюции, опираясь на духовный гуманизм. Средоточием концепции духовного гуманизма является мысль о динамическом взаимодействии антропологического мира и космического порядка, требование формирования космического сознания. Отличительной чертой данной концепции гуманизма является то, что она имеет солидное философское и естественнонаучное обоснование. Авторы предлагают разработать духовно-гуманистический проект устойчивого технологического развития.

Ключевые слова: духовный гуманизм, антропокосмическая эволюция, технологический прогресс, устойчивое развитие.

Spiritual humanism and technological progress.

Mantatov Vyacheslav V.; Mantatova Larisa V.

East Siberian State University of Technology and Management - Department of Environmental ethics; Department of Philosophy, History and Cultural Studies

Annotation. The article is devoted to the problem of matching technological progress with the prospects of spiritual humanism in the context of anthropocosmic evolution. The authors consider technological progress as a special line of anthropocosmic evolution. Technics is a product of the human spirit and has a cosmic basis; technological progress is “immersed” in the global context of the self-developing and self-aware Universe. According to the authors, the strategy of technological development should be built taking into account the paradigm of anthropocosmic evolution, based on spiritual humanism. The focus of the conception of spiritual humanism is the idea of the dynamic interaction of the anthropological world and the cosmic order, the requirement of the formation of cosmic consciousness. A distinctive feature of this conception of humanism is that it has a solid philosophical and natural scientific foundation. The authors propose developing a spiritual-humanistic project for sustainable technological development.

Keywords: spiritual humanism, anthropocosmic evolution, technological progress, sustainable development.

Будем стараться иметь космический взгляд на вещи

К.Э. Циолковский

В век конвергентных технологий чрезвычайно актуализировалась проблема согласования технологического прогресса с перспективами человека и человечества, с высоким духом гуманизма. В современной философской литературе широкое распространение получила антигуманистическая оценка техники и технологий [1; 2]. Мы рассматриваем технологический прогресс не как «крушение гуманизма» или «утверждение постгуманизма», а как особую линию антропокосмической эволюции.

На наш взгляд, определенный прорыв в философском понимании антропокосмической эволюции был сделан на XXIV Всемирном Философском конгрессе (Пекин, 2018г.). Мы имеем в виду, прежде

всего, концепцию духовного гуманизма, которую представили Конгрессу известные китайские философы Ту Веймин и Ян Гуоронг.

Концепция духовного гуманизма в интерпретации Ту Веймина основана на идее человеческого величия. Велик не только вид, но каждый человек как целостное существо. Учиться быть человеком – значит осознавать величие внутри себя. Но что есть великого в нас? Человеческое величие лежит в неограниченной способности нашего «сердца – ума» воплощать весь Космос через диалогическую коммуникацию. Ту Веймин выделил четыре части этого диалога: Я, сообщество, Земля и Небо. Я (самость) является не какой-то изолированной сущностью, а динамическим центром диалогических отношений между человеком и обществом, человеком и природой. Дух взаимности (reciprocity) пронизывает все диалогические отношения, в том числе между человеком и природой. Здесь природа рассматривается не как коллекция объектов, а как сообщество субъектов. Это означает также, что сознание присутствует на всех уровнях природной эволюции, а духовность встроена в жизнь природы. Духовность связана с трансцендентным измерением бытия, но она не определяется исключительно трансцендентностью. Чтобы развивать духовность, человек должен лелеять внутреннее осознание, войдя в резонанс с самосознающей Вселенной. Это не материализм и не идеализм, не теизм и не атеизм; концепция духовного гуманизма трансцендирует эти противоположности и развивает холистическое, антропокосмическое видение мира. Все дихотомии, как например, ум-тело, ментальное – физическое, антропологическое – космологическое, секулярное – сакральное чужды духовному гуманизму. Ту Веймин проиллюстрировал эту идею в своем докладе на примере соотношения «инь» и «ян». Они сосуществуют, взаимопроникают и взаимообуславливают друг друга. Cum grano salis, эта идея и выражает Истину Бытия.

Суть концепции духовного гуманизма можно передать словами Ван Янмина: «Человечество образует одно великое тело вместе с Землей, Небом и множеством вещей». На наш взгляд, духовный гуманизм является наиболее полным выражением философии антропокосмизма в смысле признания имплицитной взаимосвязи и динамического взаимодействия антропологического мира и космического порядка. Небо продуцирует внутреннюю(духовную) силу человека, но и человек формирует «одно великое тело» вместе с небом и мириадами вещей. «Уникальность бытия человека, - убеждал нас Ту Веймин, - это наша внутренняя способность учиться стать достойным партнером в космодинамическом процессе. Для этого мы все должны учиться подражать мудрецам». Человеческая природа наделена «сердцем – умом», данным Небесами: небесный (космический) путь закодирован в человеческой натуре. Имея небесную (космическую) природу, человек может сделать свой Путь великим. Но чтобы быть достойным космической миссии человека, каждый индивид должен учиться – «учиться ради самого себя», по выражению Конфуция.

Сущностной спецификой духовного гуманизма является центрированность на конкретном живом человеке, на его «личном совершенствовании через трансформационную силу обучения» (Конфуций). Личное совершенствование есть движение от частного эго к общественной духовности, от нее к экологической духовности, а от экологической духовности – к Космическому Разуму. Духовный гуманизм – это не только идея, это динамический трансформационный акт; это то, как небесная (духовная) природа функционирует в человеческой жизни. Истинный Путь Жизни определяется степенью приближения сознания человека к Космическому Разуму.

Вкратце главное требование духовного гуманизма в интерпретации Ту Веймина можно сформулировать так: Слушай голос Неба (Космического Разума), будь милостив к Земле как живому сакральному существу и веди себя эстетично, экологично и этично в обществе.

Эколого-эстетический аспект духовного гуманизма более подробно был освещен в докладе Яна Гуоронга. «Мы не должны относиться к миру только с точки зрения «перспективы человека», - заявил Ян Гуоронг, но должны также понимать «перспективы природы». По мнению докладчика, «перспективы человека» и «перспективы природы» могут быть объединены в рамках эстетического горизонта устойчивого развития мира. В процессе устойчивого развития, то есть антропокосмической эволюции, совершенствуется мир, в котором живет человек, совершенствуется и сам человек. Совершенство человека и совершенство природы имеют внутреннюю связь и единство, и этот тип единства характеризуется докладчиком как «общая красота природного и человеческого бытия». Духовный гуманизм в интерпретации Яна Гуоронга основан на понимании бытийной сущности красоты как гармонии и космического смысла эстетического совершенствования мира природы и мира человека.

Важнейшим следствием концепции духовного гуманизма, по мнению китайских философов, является следующий категорический императив: не нужно и не следует стремиться к трансформативному деянию, не достигнув самого существенного – самосознания, самопонимания и самосовершенствования. Это великая истина, и она приобретает исключительную актуальность в информационную эпоху. Мы полагаем, что расширение сознания человека и духовная эволюция общества действительно должны опережать развитие технонауки и технологий.

Современная техника сталкивается с бытийными проблемами, поставленными философией духовного гуманизма. Дао техники все более и более согласуется с Дао философии. «Техника, - писал К. Маркс, это природный материал, превращенный в органы человеческой воли» [3, с. 215]. Но техника не только человеческое дело; это воплощение «Творящего Духа природы» (М. Планк) Например, вычислительная техника есть воплощение науки чисел, а наука чисел есть духовно-космический феномен. «Наука чисел, - по мнению ее основоположника Пифагора, - была наукой живых сил, божественных качеств в действии, как в мирах, так и в человеке, как в микрокосме, так и в макрокосме» [4, с. 253].

Наш великий соотечественник Д.И. Менделеев периодическую систему элементов рассматривал как воплощение гармонии мира и вечности духа.

Основоположники современной физики М. Планк, В. Гейзенберг, В. Паули признавали, что человек есть отражение Космоса, пронизанного разумом и духом.

Астрофизики в конце XX века сформировали антропный космический принцип, согласно которому «необходимы наблюдатели, чтобы существовала Вселенная (Дж. Уилер). Иначе говоря, человек является и наблюдателем, и сотворцом антропного космоса.

Антропокосмическая эволюция сегодня зависит от того способа, каким человечество сумеет овладеть динамикой и последствиями технологического прогресса, утвердить власть духа над техникой. Существо техники двусмысленно. С одной стороны, техника является основополагающей чертой человеческого существования – это путь к материальному могуществу и величию человека; с другой стороны, техника представляет огромный риск и крайнюю опасность для человека. Но как писал немецкий поэт Гёльдерлин «где опасность, там вырастает и спасительное». В соответствии с логикой этой экзистенциальной диалектики надо, прежде всего, в самом существе техники разглядеть ростки спасительного. М. Хайдеггер эти ростки усматривал в онтологическом повороте научно-технической мысли к Истине Бытия, то есть к существу человека [5].

Техника является средством «осуществления Истины Бытия» (М. Хайдеггер) и одновременно она обладает способностью отелеснивать проекты возможных миров. С помощью техники человек получает возможность определять и трансформировать фундаментальные свойства антропного космоса.

Китайская философия обосновала идею величия человека. Современная наука открыла величие Вселенной. С точки зрения антропокосмизма – это одно и то же, а именно открытие материального и духовного единства Человека и Космоса. Величие человека зависит от величия Вселенной, а величие Вселенной определяется величием Человека.

В средствах массовой информации западных стран обсуждается вопрос о создании системы научного мониторинга и научной инквизиции в целях эшелонированного сопротивления опасным трендам технологического развития. В целях предотвращения негативных сценариев технологического развития российские ученые предлагают создать сетевое объединение ноократии, усилить социальный контроль над внедрением инноваций и технологий, переформатировать систему технического образования [6, с. 42-54].

Наша позиция такова. Стратегию устойчивого (безопасного) технологического развития надо строить, опираясь на духовный гуманизм, исходя из Истины Бытия. Духовно-гуманистический проект устойчивого технологического развития, который мы предлагаем разработать, можно рассматривать как один из сценариев создания новой антропокосмической цивилизации, основанной на гармонии между человеком и техникой, человеком и космосом.

Литература:

1. Kruger O. Virtualitat und Unsterblichkeit. Die Visionen Posthumanism. Freiburg in Breigan, 2004. 458 p.
2. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 580 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е издание. Т.46. С. 215.
4. Цит. по: Шюре Э. Великие посвященные. Калуга. 1914. С. 253.
5. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
6. Фомин М.В. Трансиндустриализм – предстоящая социальная реальность // Вопросы философии. 2018, № 1. С. 42-54.

Методологические аспекты постнеклассических философии и науки на основе системы координат детерминистического хаоса

Данилова Вера Софроновна

Северо-Восточный Федеральный университет (Якутск), профессор, доктор философских наук

nnkozhev@mail.ru

Кожевников Николай Николаевич

Северо-Восточный Федеральный университет (Якутск), профессор, доктор философских наук

nikkozh@gmail.com

Аннотация: Для обеспечения всеобщей междисциплинарности постнеклассической науки необходимо широкое и устойчивое философское основание, которого не было в междисциплинарности неклассической науки. Это основание должно быть также тесно связана с концепциями синергетики, глобалистики, коэволюции, глобального эволюционизма, когнитологии. Таким основанием может быть система координат мира на основе детерминистического хаоса, поскольку любая вещь мира стремится к предельным равновесиям: идентификационному (I предел), коммуникационному (C предел) и ритму мировой гармонии (K предел). Динамические равновесия вещей являются наиболее распространенными в мире. Философия экологии имеет дело прежде всего с совокупностью всех. Система координат мира позволяет исследовать связи вещей с окружающей средой во всей их возможной полноте, обеспечивая им максимальную устойчивость и оптимальность. Итогом является онтологическое основание для современных экологических концепций.

Ключевые слова: динамическое равновесие, идентификация, коммуникация, ритмы гармонии, постнеклассическая междисциплинарность, экология, мир, вещь.

Methodological aspects of post-non-classical philosophy and science based on the coordinate system of deterministic chaos.

Danilova V.; Kozhevnikov N.

Northeastern Federal University (Yakutsk)

Annotation: To ensure universal interdisciplinarity of post-non-classical science, a broad and stable philosophical foundation is needed, which was not in the interdisciplinarity of non-classical science. This basis should also be closely connected with the concepts of synergetics, globalistics, co-evolution, global evolutionism, and cognitology. Such a basis may be the world coordinate system based on deterministic chaos, since its dynamic equilibria are the most common in the world. Any thing in the world tend to limit equilibria: identification (*I* limit), communication (*C* limit) and rhythm of world harmony (*K* limit). Dynamic equilibria of things are the most common in the world. The philosophy of ecology deals primarily with the totality of all. The world coordinate system allows you to explore the connection of things with the environment in all their possible completeness, providing them with maximum stability and optimality. The result is an ontological basis for modern environmental concepts.

Keywords: dynamic equilibrium, identification, communication, rhythms of harmony, post-non-classical interdisciplinarity, ecology, world, thing.

Одна из основных характерных черт постнеклассической науки является всеобщая междисциплинарность охватывающая практически все основные её направления. Для этого необходимо широкое и устойчивое философское основание, которого не было в междисциплинарности неклассической науки, где методы и принципы одной из наук проникали в другую науку как это имело место, например, в геохимии, биохимии, геофизике и т.п. Кроме того методология постнеклассической науки тесно связана с основными концепциями синергетики, глобалистики, коэволюции, герменевтики, феноменологии, глобального эволюционизма, когнитологии. Рассмотрим каким образом система координат мира на основе детерминистического хаоса позволяет обосновать постнеклассическую всеобщую междисциплинарность и взаимодействие с вышеупомянутыми концепциями.

Характерные черты постнеклассической философии

В последней трети XX столетия философия столкнулась с совершенно новыми типами реальности, что потребовало разработки принципиально новых методологических подходов, формирование нового типа рационализма. Постнеклассическая философия оказалась тесным образом переплетенной с постнеклассической философией науки, поскольку эпистемологические и методологические ресурсы предыдущих этапов развития оказались исчерпанными.

Основные характерные черты постнеклассической философии сводятся к следующему. 1. Развивается всепроникающий синтез философии и науки, так что бывает трудно отличить, где оканчивается наука и где начинается философия. 2. Онтологические матрицы стали гораздо более гибкими. 3. Постнеклассическая научная картина мира является принципиально нелинейной. 4. Этические категории и ценностные ориентиры оказываются включенными в саму структуру научного и философского знания. 5. Формируются механизмы для синтеза восточной и западной философии, который стал возможен только на основе постнеклассического универсализма. 6. Человеко-размерные системы, такие как биосфера, биоценозы, социальные объекты, включающие сложные комплексные системы современной техники («человек–техническое устройство-экологическая среда», «человек-компьютерная сеть» и т.п.) только начинают объединяться в общепланетарное бытие. 7. Методология включает в себя комплексность, плюралистичность. 8. Появилась возможность рассматривать мир во всей присущей ему полноте.

Основание для всеобщей междисциплинарности постнеклассической науки

Динамические равновесия детерминистического хаоса являются наиболее распространенными в мире на всех уровнях его организации.

Система координат мира состоит из недостижимых пределов динамических равновесий конкретной вещи - I, C, K и ступеней динамических равновесий восходящих к этим пределам. Ячейка (I, C, K) объединяет пределы идентификации (I), коммуникации (C) и устремленности к устойчивым ритмам мира (K). Перечисленные пределы представляют собой трансцендентальные границы мира. Несмотря на их недостижимость они могут быть описаны текстами создаваемыми конкретной исследуемой вещью, которая взаимодействует с этими пределами. Подобные представления развиваются в предыдущих наших работах [1].

Промежуточная ячейка (F,H,G) характеризует промежуточные предельные динамические равновесия конкретной вещи. Здесь F - феномен, H - горизонт, G – опорный ритм определенной ступени установления динамического равновесия вещи связанный с соответствующим ему временем релаксации. Феномен характеризует идентификацию вещи в определенный момент времени, то есть характерную черту которая может обеспечить определение её сущности на этом этапе. Однако, чтобы такая идентификация произошла необходимо иметь оптимальный горизонт, в пределах которого она может закрепиться благодаря коммуникации и ритму соответствующих этому горизонту. Таким образом горизонт представляет собой границы системы необходимой для включения в неё возникшей идентификации, придания её устойчивости и оптимальности. Опорный ритм связывает между собой устойчивости и оптимальности как для идентификации, так и для коммуникации развиваемой в предыдущих наших работах [2].

Любая вещь мира может быть рассмотрена с точки зрения предельных динамических равновесий, поскольку все они стремятся к трем предельным фундаментальным равновесиям: идентификационному (*I* – предел), коммуникационному (C – предел) и ритму мировой гармонии (K – предел) никогда их не достигая вследствие противодействия окружающей среды. Однако каждому этапу процесса изменения любой вещи можно сопоставить промежуточные динамические равновесия *F, H, G* гомеоморфные *I, C, K*. Ячейка *F, H, G* – внешняя, а *I, C, K* - внутренняя для рассматриваемой вещи [3].

Первое (идентификационное) предельное динамическое равновесие обусловлено тем, что любая вещь мира (элементарные частицы, газовые туманности, особи, популяции) стремится к самоидентификации.

Второе предельное равновесие – коммуникационное. Особь, индивид - определяются через потоки информации, которыми все уровни живого обмениваются между собой; личность - через систему взаимоотношений диалога; культуры - через диалоги и взаимоотношения отдельных индивидов и их групп.

Третье предельное равновесие связано с ритмами мировой гармонии. Все устойчивые природные или культурные образования опираются на ритмы динамических равновесий. Человек связан более чем ста циркадианными ритмами с окружающей его средой, определяемых периодами вращения Земли, Солнца, ритмами галактики, метагалактики и т.п. Все выдающиеся религиозные тексты, произведения литературы, искусства имеют устойчивые внутренние ритмы, соотнесенные с ритмами мировой гармонии.

Влияние основных концепций постнеклассической науки на формирование её методологии

Онтологическим основанием всеобщей междисциплинарности является совокупность динамических равновесий на всех уровнях организации мира. Они имеют устойчивые взаимосвязи как в пределах отдельного уровня организованности мира, так и между этими уровнями. Первые типы взаимосвязи обеспечиваются, прежде всего, коммуникационными процессами, вторые – подобием всех ритмов мира, общей его гармонией.

Уровни динамических равновесий мира радикально отличаются друг от друга пределами идентификации, коммуникации, опорных ритмов гармонии, однако алгоритмы их взаимодействия с вещами этих уровней организованы по подобным алгоритмам. Это связывает постнеклассическую междисциплинарность с основными концепциями синергетики, глобалистики, коэволюции, герменевтики, глобального эволюционизма. Например, современная глобалистика не может ориентироваться на регулирование и тем более на управление глобальными процессами. Глобалистике необходима гармонизация глобальных процессов для индивида (личности), этноса и планетарными (общечеловеческими) явлениями.

Философия экологии имеет дело прежде всего с совокупностью всех взаимосвязей вещи с окружающей средой. Система координат мира позволяет исследовать эти связи во всей их возможной полноте, обеспечивая им максимальную устойчивость и оптимальность. Тем самым создается онтологическое основание для современных экологических концепций.

Литература:

1. Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. The World Coordinate System on the Basis of Limit Dynamic Equilibriums // Eur. J. Philos. Res. 2016. Vol. 5, № 1. P.18–26.
2. Кожевников Н. Н. Метафизический, онтологический, феноменологический, герменевтический аспекты системы координат мира на основе предельных динамических и сетевых равновесий. Монография – Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2018 – 171 с.
3. Nikolay Kozhevnikov and Vera Danilova. Human Development in the World Coordinate System on the Basis of Limit Equilibria // Agathos – 2018, V. 9, Is. 1 (16). Pp. 135-144.

Новый гуманизм как условие гармонизации социо-природного взаимодействия

Лещинская В.В.

Институт философии РАН, соискатель

ecometodist@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы формирования экологической культуры, становление нового понятия экогуманизма, новой этики природосообразного взаимодействия. В статье анализируются философские подходы к проблематике Э.В. Гирусова, Н.Н. Моисеева, Р.С. Карпинской, В.И. Вернадского. Актуальность темы вызвана обостряющимся экологическим и антропологическим кризисом, пересмотром мировоззренческой парадигмы и стратегий развития общества. В статье приводятся теоретические подходы к формированию экологической культуры, которые находятся в прямой корреляции с процессами гуманизации и гуманитаризации современного общества, развивается мысль о взаимовлиянии технологического прогресса и гуманитарной сферы.

Ключевые слова: экологическая культура, экологическая этика, биоэтика, новый гуманизм, социо-природное взаимодействие, антропоцентризм, экоцентризм, устойчивое развитие.

Формирование экологической культуры является на сегодняшний момент глобальной целью становления общества устойчивого развития, общества, нацеленного на будущее. В связи с этим поиск философских оснований формирования экологической культуры, определение ее предметного поля, научно-обоснованных форм, методов и инструментов достижения являются глобальным вызовом современной цивилизации.

В основании Проекта Федерального закона N 90060840-3 «Об экологической культуре» для нас важны два ключевых момента: 1) экологическая культура – это система взаимоотношений, в понятийный аппарат которой включена этическая составляющая; 2) экологическая культура выделяется как часть общечеловеческой культуры, способствующая гармонизации отношений человека и природы. Проект данного федерального закона так и остался проектом, не вошедшим в право-применительно практику. Однако примечательно, что проблемой формирования экологической культуры озадачены на государственном уровне. В числе основных задач «Основ государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Президентом РФ от 30 апреля 2012 г.)» обозначена задача формирования экологической культуры, развитие образования и воспитания. Между тем, научно-обоснованного единого определения, что такое экологическая культура, в настоящий момент нет.

Экологическая культура, в более формальной интерпретации, - эта система особых взаимоотношений человека и природы. «Экологическая культура предполагает такой способ жизнеобеспечения, при котором общество системой духовных ценностей, этических принципов, экономических принципов, правовых норм и социальных институтов формирует потребности и способы их реализации, которые не создают угрозы жизни на Земле» (Московская международная декларация об экологической культуре, Москва, 7 мая 1998 г.)

При всем разнообразии трактовок понятия «экологическая культура» наиболее точным, с наши точки зрения, является определение Дж. Марковича, согласно которому «Экологическая культура представляет собой условие и результат поиска механизмов универсальной взаимосвязи, распространяющийся на все человеческие отношения, в том числе отношения человека к самому себе, к другим людям, общества к природе и ко всему миру, включая, таким образом, человечество, общества и каждого индивида в механизм универсальной взаимосвязи». В этом смысле экологическая культура становится регулятивом социально-гуманитарных глобальных трансформаций в интересах устойчивого развития.

Образованию сегодня отводится ключевая роль в формировании не только умений и навыков по экологии, но и в экологизации сознания человека и общества, в формировании экологического мышления, сознания, и, в конечном счете, в формировании экологической культуры, единственно возможной формой гармонизации социоприродного взаимодействия

Утверждения исследователей, что природная среда в значительной степени деградировала, не подвергается уже сомнению, и является фактом. И это деградация продолжается с устрашающими тем-

пами. Этот процесс происходит в прямой корреляции с впечатляющими технологическими инновации и изобретениями, с расширением научного знания. Невозможно в этой связи не вспомнить утверждение Ю.В. Олейникова о прямой взаимосвязи преобразования природы с развитием общественного сознания. «Практика порождает постоянную трансформацию представлений человека об изменяющимся мире и месте человека в нем, вносит определенные коррективы в его отношении к действительности и формирует соответствующее поведение людей». Для нас сегодня особую значимость приобретает следующая мысль о том, что «в трансформации целостного мировоззрения людей особое место занимает практика взаимодействия общества с природой». А стало быть, формирование экологической культуры, так же как и вся система непрерывного экологического образования должна ориентироваться, в первую очередь, на практику природоохранной, экологической деятельности.

Как следствие фрагментарности научной картины мира полипарадигмальность, нелинейность устоявшегося современного познания мира и человека в нем. По мнению И.К. Лисеева, коэволюционная стратегия, актуальная на сегодняшний момент, является тем направлением, которое способно по-новому поставить вопрос о сути понятия экологическая культура.

Экологическая культура, на наш взгляд, связывается, прежде всего, с пересмотром ценностных установок, с мировоззренческой революцией, со сломом социокультурной системы, которая сложилась за весь период противостояния, противоборства и разобщения человека и природы. Об этом и писал как раз Э.В. Гирусов в статье «Экологическая культура как высшая форма гуманизма» [Гирусов 2009 web]. Э.В. Гирусов задается целью сместить вектор рассмотрения проблемы с антропоцентризма в сторону экоцентризма и усматривает в этом высший, новый гуманизм. Новый гуманизм в такой интерпретации предполагает самоценность жизни и свободы не только человека, но и всех живых существ, всех природных объектов. Э.В. Гирусов говорит также о необходимости создания теории экологической культуры. Именно в сформированной экологической культуре философ видит основную гуманистическую тенденцию и фундамент нового общества.

О новом гуманизме как стратегической задаче мирового сообщества говорила и Ирина Бокова, генеральный директор ЮНЕСКО, в 2010 г. Она полагает, что «…устойчивый мир и всеобщее процветание невозможны без интеллектуального и духовного сотрудничества человечества» [Бокова 2010 web], подчеркивая тем самым информативно-коммуникативную функцию построения современного общества, глобального сообщества людей. Рассуждая о новом гуманизме как стратегической задаче мирового сообщества в новом веке, Бокова исходит из понимания гуманизма с точки зрения места и роли человека в обществе.

Как следствие, экологическая культура многими учеными рассматривается как новая гуманистическая теория. Теория «нового гуманизма» с точки зрения смены ценностного вектора с антропологического на экоцентрический развивается Э.В.Гирусовым, Д.С. Лихачевым.

Обратимся к гуманистическому философскому направлению в классическом понимании. Гуманизм имеет давнюю историю. ГУМАНИЗМ, согласно Новой философской энциклопедии, (от лат. «homo» – человек, «humanus» – человеческий, человечный, «humanitas» – человеческая природа) означает сложившееся в эпоху Возрождения, преимущественно в Италии, движение образованных людей, объединенное «интересом к античности», изучением и комментированием памятников древнеклассической (прежде всего латинской) литературы. Это с одной стороны. С другой стороны, гуманизм означает особый тип философского мировоззрения, в центре которого – человек с его земными делами и свершениями, с присущими его природе способностями и влечениями, с характерными для него нормами поведения и отношениями. В широком же смысле слова гуманизм – это доброжелательное отношение к человеку, утверждающее его свободу и достоинство независимо от каких-либо исполняемых им социальных функций и ролей, усматривающее в нем самостоятельный источник творческих сил. К.Леви-Стросс говорит о «трех видах гуманизма», последовательно включающих в себя изучение греко-римской античности, цивилизаций Востока и дописьменных культур примитивных народов, с другой – явление духовной жизни, выходящее по своим масштабам далеко за рамки одного лишь западноевропейского Возрождения.

Поиски новых форм гуманизма, соответствующих духу времени, ведутся в современной западной философии (К.Барт, Ричард Нибур, П.Тиллих), неотомистский проект «интегрального гуманизма» Ж.Маритена и другие. Дискуссия вокруг гуманизма и его судьбы в современном мире указывает не только на глубокий кризис, переживаемый этим мировоззрением, но и на его непреходящее значение для всей истории человечества.

Аксиологический подход к проблеме был развит в работах Э.В.Гирусова, А.Н. Захлебного, Е.Ю.Ногтевой, В.И.Лещинского.

Этические основания формирования экологической культуры обоснованы в работах П.В. Андреевой, Н.Н. Моисеева, В.Е. Борейко. Этическая составляющая прослеживается также в трудах «Уважение к природе» П.Тейлора (1986); «В защиту этики земли» Б.Колликота (1989); «Этика экологической ответственности» Р.Атфилда (1990); «Существует ли экологическая этика?» Холмса-Ролстона (1990); «Основы этики отношения со средой» Ю.Харгроува (1990) и др.

Обратимся к русской философской традиции, в которой еще с XIX века звучат темы необходимости выстраивания гармоничных взаимоотношений природы и человека. Теория космизма Н. Фёдорова, антропокосмизма Н.Г. Холодного и Циолковского, теория ноосферы Вернадского, экологический императив и идея коэволюции Н.Н. Моисеева как составляющие философско-методологическую базу для формирования новой экологической культуры, культуры, основанной на ценностном подходе.

Среди зарубежных авторов, занимающихся проблемой формирования экологической культуры с философско-аксиологических позиций можно выделить представителей глубинной экологии (А. Нейс, У. Фокс, Дивол Билл, Ж. Лавлок, Джорж Сешенс и др.)

В теории глубинной экологии (или «трансперсональной экологии» термин предложен Уорвин Фоксом) постулируется, в отличие от схожих позиций, эволюционно-антропологический принцип. Раскрывается суть нового методологического подхода глубинной экологии – «сознательная трансформация сознания» или особой «экологической чувствительности», «интуитивном схватывании целостности Мира». Энвайроменталистское направление «глубинная экология» представляет собой яркое отражение социальной тенденции к нахождению своего нового места в новой окружающей среде, выстраиваивания новых субъектно-объектных отношений, формирования новой средовой онтологии. Эти идеи созвучны мыслям А. Швейцера и его концепции благоговения перед жизнью как основы этического миро- и жизнеутверждения, как подмечал, к примеру, В.С. Стёпин.

В последнее время все чаще слышны мнения специалистов, которые видят выходы из кризисной экологической и антропологической ситуации через подъем гражданского самосознания, через создание патриотических настроений и рост общественных движений. Можно говорить о начале гуманитаризации общественных процессов. Стоит также отметить важность консолидирующей роли происходящих социальных трансформаций, необходимость выстраивания новых коммуникативных связей внутри общества на основе определенных общественно значимых целевых установок, повышении роли духовно-нравственных начал. При всей трудности и длительности процесса культурных преобразований уже сегодня можно говорить о нарастающей волне экологической активности, создании многочисленных онлайн и оффлайн сообществ, объединенных тематикой улучшения качества окружающей среды, защиты своих экологических прав и прав животных, снижения антропологической нагрузки и перехода к устойчивому развитию. Опыт последних лет показывает увеличивающуюся востребованность различных публичных интеллектуальных площадок, просветительских массовых мероприятий, интеллектуального досуга. Большие обороты набирают мероприятия философской тематики. И это является еще одним доказательством социального сплочения и интеллектуального развития общества.

Литература:

1. Гирусов Э.В. Гуманистический потенциал экологической культуры//Экономические и социально-гуманитарные исследования.2016. №4(12).С.103-107
2. Гирусов Э.В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма//Философия и общество. 2009. №4. С.1-19
3. Новая философская энциклопедия [Текст] : в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд ; Науч.-ред. совет.: В. С. Степин [и др.]. - Москва : Мысль, 2000-2001. - 26 см.;
4. Философия природы сегодня (Российско-польское исследование). М., 2009

Глобальный антропогенный экологический кризис как квинтэссенция «кризиса кризисов» начала эпохи антропоцена

Олейников Ю.В.

Москва. Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

oleynikov.yu@mail.ru

Аннотация: С началом эпохи антропоцена человеческая деятельность становится определяющим фактором эволюции планетарного социоприродного Универсума. Материальные производительные силы, социальные условия бытия, цели производства и совокупность господствующих мировоззренческих представлений о месте и роли человека в природе и обществе обусловливают нарастание угрозы глобальной антропогенной экологической катастрофы, которую многие ученые, политические деятели и подавляющее большинство граждан рассматривают как основную угрозу существованию человечества. В статье рассматриваются основные индикаторы и концептуальные аргументы нарастания экологического кризиса, отмечаются их несостоятельность и намечаются стратегические условия обеспечения дальнейшей прогрессивной эволюции планетарного социоприродного целого.

Ключевые слова: кризис, мировоззрение, антропоцен, соцоприродный Универсум, капитализм, когнитивный диссонанс.

Global Anthropogenic Ecological Crisis as Quintessence of "Crisis of Crises" of the Onset of Anthopocene Epoch.

Yuri Oleynikov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Abstract: With the onset of Anthropocene, human activity becomes a defining factor of evolution of the planet's socio-natural Universum. Material production forces, social conditions of living, goals of production and the totality of dominating worldviews about place and role of a human being in nature and in society all determine growing menace of global anthropogenic ecological catastrophe, the latter being seen as the major threat to existence of humankind by many scientists, politicians and by overwhelming majority of ordinary people. Key indicators and conceptual arguments witnessing evolving ecological crisis are being reviewed; insolvency of conclusions being made on the basis of studies of these is being noted and strategic conditions to provide further progressive evolution of the planet's socio-natural Universum are being outlined.

Key words: crisis, worldview, Anthropocene, socio-natural Universum, capitalism, cognitive dissonance

[i] В настоящее время для обозначения нового этапа геологической эволюции планеты все чаще начинает использоваться предложенный в восьмидесятые годы прошлого столетия Юджыном Столбергом термин «антропоцен». Ввиду того, что не только современная геологическая эволюция планеты теперь все больше определяется деятельностью человека, но и в целом дальнейшая социоприродная история человечества может быть гарантирована только творческой созидательной деятельностью людей, термин «антропоцен» используется в более широком смысле слова. Им все чаще обозначают эпоху коренного изменения места и роли человека в природе и обществе, становления человека и общества субъектом коэволюции социоприродного Универсума. Этимологически этот термин представляется более удачным нежели предложенные ранее термины: «психозойская эра», «ноосфера» или «пневматосфера». По своему идейному наполнению, теоретической разработанности и понятийной определенности новый термин еще не в полной мере ассимилировал всю глубину идейного потенциала концепции ноосферы В. И. Вернадского, который рассматривал ноосферу не только как эпоху превращения человека в геологическую силу, но понимал ноосферу как исторический этап взаимодействия общества с природой - где и когда человек становится субъектом эволюции планетарного социоприродного целого. Становление принципиально новой эпохи в социоприродной истории есть коренное изменение господствующих мировоззренческих представлений о месте и роли человека в природе и обществе, практики природопользования, социальных отношений и бытия общества в целом. В этом контексте чрезвычайно актуальной становится проблема выявления специфики современного этапа становления эпохи антропоцена и перспектив ее эволюции.

Первым свидетельством приближения грядущего коренного изменения места и роли человека в природе и обществе стало утверждение Ф. Ницше о том, что «Бог умер!». По существу это означало, что религиозным мировоззренческим представлениям о Боге как источнике и движущей силе бытия мира пришел конец и им на смену идет научное мировоззрение, связывающее эволюцию социоприродного бытия с развитием человека, прогрессом науки и технологической мощью.

В считанные десятилетия господства механистического мировоззрения, адекватного этапу индустриального развития материальных производительных сил, человечество стало силой, сопоставимой по своей мощности воздействия на природу Земли с естественными природными геологическими процессами, и начало существенно влиять на биосферные круговороты вещества и энергии на планете. Тогда впервые заговорили об угрозе глобального антропогенного экологического кризиса. Более того, тема всевозможных кризисов в бытии общества стала доминирующей в научном дискурсе. Развитие научных исследований породило беспрецедентный когнитивный диссонанс (существование различных точек зрения по одной и той же проблеме) в самых разнообразных областях научного знания: в физике, космологии, биологии, нэйронауке, этнологии и других естественных и общественных науках. Господствовавшее механистическое мировоззрение оказалось неспособным предложить непротиворечивое объяснение бесконечному множеству конкретных природных и социальных явлений и бытия социоприродного целого. Прежняя привычная картина мира рассыпается, но вместо нее пока не возникла новая (адекватная современному этапу развития науки и техники) целостная система представлений о мире и месте человека в нем. Человеческая цивилизация оказалась на распутье, в состоянии бифуркации (точнее, полифуркации) планетарного социоприродного целого и неопределенности выбора конкретного пути дальнейшего развития. Тенденции развития науки и техники без ясного осознания целей и средств обеспечения дальнейшего бытия общества, но пугающего предвидения скорого наступления технологической сингулярности, когда неконтролируемый человеком процесс развития науки и техники и использование нанотехнологий в качестве производительных сил, вытесняющих механические орудия преобразования мира, могут привести к непредвиденным глобальным изменениям бытия социоприродного Универсума. Эти опасения дали повод для утверждения о грядущем постчеловеческом будущем, где «Человек умер!», т.е. человечество перестало быть хозяином своей дальнейшей эволюции и ему суждено неизбежное самоуничтожение, а если повезет, то бытие лишь в качестве существенно модифицированной по воле Искусственного интеллекта биотехногенной сущности (киборга).

Характерной особенностью современных алармистских пророчеств всевозможных кризисов, квинтэссенцией так называемого «кризиса кризисов» - неспособности предложить сколь-либо оптимистический сценарий будущего планетарного социоприродного целого - является наступивший и чувственно-зримо нарастающий глобальный экологический кризис, обусловленный антропогенным изменением фундаментальных планетарных биогенных констант земной биосферы (резкое повышение среднегодовой температуры атмосферного воздуха, рост кислотности природных вод, запыленность атмосферы, увеличение радиационного фона планеты и снижение мощности озонового слоя, снижение биоразнообразия биоты, нарушение хиральной чистоты живого вещества биоты и др.). Словом, уже сейчас человек является основным фактором преобразования материального мира планеты, уничтожения многих видов живых организмов и мест их обитания и трансформации естественной природы самого человека, появления различных биологических химер и даже производства искусственных живых организмов, созданных не только комбинацией естественных генетических компонентов, но путем замены генетического материала клетки искусственно синтезированным геномом. Фантастические результаты развития науки и техники не столько воодушевляют экологов, сколько утверждают в уверенности неизбежности экологической катастрофы, поскольку современное человечество пока еще не в силах понять и оценить всю сложность экологических взаимодействий планетарной экосистемы, а непредвиденные последствия стремительного вмешательства нанотехнологий в преобразование планетарной экосистемы на молекулярном атомном и субатомном уровне могут оказаться гибельными для биоты и человека.

Преобладание апокалипсических представлений о перспективах эволюции человечества обусловлено многими факторами. Однако ее суть можно представить следующим образом. Современное человечество преодолело пик очередного этапа естественно-исторического развития - классического капитализма с характерным для него уровнем материальных производительных сил - механической машинной техникой и технологией, соответствующим общественным способом производства и адекватной системой механистических мировоззренческих представлений. Сейчас человечество находится как бы на пограничье исторических эпох - перехода к качественно новому этапу своего развития.

i Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Проект №19-011-00383/19 "Био- и эко-философия в современной культуре"

По многим причинам пока не выработано его адекватное определение. Современный период развития общества называют постиндустриальным обществом, обществом постмодерна, информационным и т. п. Важно другое. По свидетельству видных представителей «Римского клуба» (Э. Вайцзеккер, А. Вийкман): «Капитализм умер!» У него нет будущего. Именно нарастание угрозы экологического апокалипсиса делает единодушным утверждение большинства современных властителей дум о том, что главной проблемой современности для человечества становится экологическая проблема. Представители самых разных конфессий, политической ориентации, социальной принадлежности, идеологических пристрастий, научных школ и направлений солидарны в том, что решение экологической дилеммы - важнейшая проблема современности и обеспечения дальнейшего бытия человечества. На адекватной капитализму материально-технической базе, соответствующей системе экономических и в целом всей совокупности социальных отношений и мировоззренческих представлениях о месте и роли человека в природе и обществе, в принципе невозможно дальнейшее прогрессивное развитие человечества. На этих основах невозможно обеспечить безграничное бытие человеческой цивилизации в пространстве и времени, т. е. достижение этапа зрелого бытия социальной формы движения земного типа.

Вместе с тем экологическая ситуация неуклонно обостряется. Причина этого видится все в том же когнитивном диссонансе. Теоретики, политики, ученые и обыватели понимают реальные проблемы развития общества и ратуют на словах за их решение. Однако они укоренены в существующей социальной системе и боятся радикальных социальных перемен, которые неизбежно коснутся всех и вся. Поэтому многие из них хватаются за соломинку идеи «конца истории» (Ф. Фукуяма) и связанную с ней концепцию «устойчивого развития», обещающих нерушимость капитализма и его бесконечное совершенствование. Факты и потребности объективного развития планетарного социоприродного Универсума приносятся в жертву иллюзии об отсутствии альтернативы капитализму и надежде, что коренные социальные преобразования общества можно компенсировать практикой контркультурной борьбы за решение частных проблем в рамках существующей социальной организации общества под лозунгом: «Думай глобально, действуй локально!»

Так ничего не получится. Настало время кардинальных перемен всего бытия социоприродного целого. Для решения этих задач нужны не конформисты, а пассионарии, способные построить Зрелое общество зрелых людей, людей, способных преодолеть стихийность естественно-исторического процесса и направить эволюцию социоприродного Универсума согласно четким мировоззренческим представлениям, адекватным эпохе антропоцена - антропогенного преобразования социоприродного целого в интересах развития человека как цели исторического бытия социальной формы движения.

Экология цифровой среды как жизненного мира современного человека.

Петрова Е.В.

Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник. Кандидат философских наук

philosophyx@rambler.ru

Аннотация: В статье анализируются понятия «жизненный мир» Гуссерля и «жизненное пространство» К. Левина применительно к современной цифровой среде. Сделан вывод о том, что в цифровую эпоху эти понятия приобретают новую актуальность. В жизненное пространство человека помимо его настроения, мотиваций, потребностей, целей, идеалов входит та часть физического или социального мира, которая обуславливает поведение личности. Определенные составляющие антропоэкосистемы, в которой обитает человек, можно считать частью его жизненного мира. Прежде всего, это информационные потоки, которые оказывают наибольшее влияние на поведение человека. Современная антропоэкосистема характеризуется постоянно возрастающим уровнем информационного загрязнения. Информационное загрязнение деформирует психику и отчуждают человека от естественных основ его бытия. Необходима экофилософская ориентация современных антропоэкосистем. Достичь этого может помочь развитие информационной экологии, как науки, направленной на оптимизацию взаимоотношений человека и общества с окружающей информационной (цифровой) средой.

Ключевые слова: жизненный мир, жизненное пространство, антропоэкосистема, информационная экология, цифровая эпоха, экофилософия, информационное загрязнение.

Ecology of the digital environment as the lifeworld of modern man.

Ekaterina V. Petrova

RAS Institute of philosophy

Abstract: The article analyzes the concepts of “lifeworld” of Husserl and “life space” of K. Levin in relation to the modern digital environment. It is concluded that in the digital age these concepts acquire new relevance. In addition to his mood, motivation, needs, goals, ideals, the part of the physical or social world that determines the behavior of an individual also enters the life space of a person. Certain components of the anthropoecosystem in which a person lives can be considered part of his lifeworld. First of all, these are information flows that have the greatest impact on human behavior. The modern anthropoecosystem is characterized by an ever-increasing level of information pollution. Information pollution deforms the psyche and alienates a person from the natural foundations of his being. Ecophilosophical orientation of modern anthropoecosystems is necessary. To achieve this, the development of informational ecology, as a science aimed at optimizing the relationship between a person and society with the surrounding informational (digital) environment, can help.

Key words: lifeworld, life space, anthropoecosystem, informational ecology, digital age, eco-philosophy, informational pollution.

[i] Понятие «жизненного мира», введенное Гуссерлем в работе «Картезианские размышления» и более подробно описанное в «Кризисе европейских наук», в цифровую эпоху приобретает новую актуальность. Это связано с тем, что лавинообразно обрушивающиеся на человека потоки информации оказывают огромное воздействие на его жизненный мир.

Гуссерль определяет жизненный мир как «мир людей и предметов, непосредственно окружающих меня в течение всей моей жизни. Это моя семья, мой город с его ландшафтами и людьми, моя страна и т. д. Это мир моих личных убеждений, интересов, вкусов, дел и привычек». [1, с. 97]

Гуссерль полагает, что такие сферы человеческой культуры («миры»), как наука, культура, религия и т. п. — находятся дальше от человека, чем его жизненный мир, но тем не менее, имеют свои истоки именно в жизненном мире.

То есть, жизненный мир – это некая очень близкая человеку сфера, сфера его непосредственного бытия, его *Umwelt*, в терминологии Якоба фон Икскюля.

Другими словами, «жизненный мир … это пространство самобытия человека, которое опосре-

i Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00383/19 «Био- и эко-философия в современной культуре»)

дует взаимосвязь между сферой желаемого или воображаемого (ценности-интересы-цели) и областью действительного, реального существования (факторы-поведенческие модели-непредвиденные результаты) в процессе его повседневной жизни. [2, с 47].

Схожим с понятием «жизненный мир» можно считать понятие «ж**изненное пространство» Курта Левина**. Жизненное пространство, по определению К.Левина – это «человек и психологическая среда, как она существует для него» [3, с. 77]. В жизненное пространство человека помимо его настроения, мотиваций, потребностей, целей, идеалов входит та часть физического или социального мира, которая обуславливает поведение личности.

Определенные составляющие антропоэкосистемы, в которой обитает современный человек, можно считать частью его жизненного мира или жизненного пространства. А именно, те составляющие, которые больше всего влияют на поведение человека. Естественная природная среда осталась за пределами городов (и даже там ее становится все меньше), современный человек создал урбанизированную антропоэкосистему. Важнейшей частью любой антропоэкосистемы является ее информационное поле, состоящее из информационных потоков. Б.Б. Прохоров выделяет проблему информационного поля как одну из наиболее значимых при анализе сути и становления антропоэкосистемы [4, с. 62]. Это объясняется тем, что в основе антропоэкосистемы всегда находится человеческое сообщество, жизнедеятельность которого непредставима без информационно-коммуникационных процессов.

Поскольку информационные потоки цифровой среды становятся неотъемлемой составляющей жизненного мира человека, его Umwelt'а, их деструктивная составляющая воздействует на жизненный мир со всевозрастающей силой. Если вернуться к определению жизненного пространства Курта Левина, как фактора, обусловливающего поведение личности, то современная цифровая среда подходит под это определение как нельзя лучше. Наше поведение, чувства, реакции могут быть обусловлены даже не реальными, а виртуальными, смоделированными событиями в цифровой среде: фейковыми новостями, отфотошопленными фотографиями «моделей» из соцсетей, заставляющими девушек садиться на жесткие диеты и истязать себя в спортзале ради приближения к недостижимому, а главное, не существующему в реальной жизни идеалу.

Нельзя не вспомнить здесь работу Бодрийяра «Войны в заливе не было». По мнению Бодрийара, войны 1991 года между Ираком и США в Персидском заливе в обычном «реальном» смысле не было. Это была виртуальная, симулированная война, существующая только на мониторах компьютеров и экранах телевизоров.

Бодрийяр подчеркивает, что «даже прямой трансляции по CNN, информации в реальном времени недостаточно, чтобы установить подлинность войны. Вспоминается фильм «Козерог один», в котором полет пилотируемого корабля на Марс транслировался в прямом эфире всеми телекомпаниями мира, но на самом деле его никогда не было и все происходило на студии в глухой пустыне» [5, с. 82]. После этого примера вывод Бодрийяра о том, что «основная функция информации – введение в заблуждение» [5, с. 92] не кажется таким уж парадоксальным.

А.Ю. Березанцев называет условия жизни современного человека «урбанизационной травмой» [6, с. 59], так как они деформируют психику и отчуждают человека от естественных основ его бытия. Под влиянием негативных факторов цифровой эпохи (зависимость от соцсетей и компьютерных игр, информационное загрязнение, информационные перегрузки) трансформируется мировоззрение, сознание и личность человека, его жизненное пространство, а также, что очень важно, мозг как биологическая основа психических процессов.

Если естественную, природную окружающую среду можно назвать окружающей средой первого порядка, а искусственно созданную человеком урбанизированную среду– средой второго порядка, то логично будет называть цифровую среду окружающей средой третьего порядка. Жизненный мир среды третьего порядка отличается от первых двух сред: «Интернет вовлекает нас в совершенно особый жизненный мир. При этом сохраняется наше присутствие в реальном жизненном мире – мире повседневной активности, хотя иногда оно может в значительной степени редуцироваться в пользу виртуальной сферы» [7, с 25] Реальный и виртуальный жизненные миры могут проникать друг в друга, но может и происходить переключение сознание между ними. Более того, в цифровом мире тоже можно выделять различные жизненные миры – мир той или иной соцсети и мир популярной компьютерной игры не будут тождественны.

Таким образом, наше сознание оказывается погруженным в реальность третьего порядка настолько глубоко, что человек зачастую перестает реагировать на внешние раздражители (если, к примеру, сильно увлечен компьютерной игрой). Искусственно созданная цифровая среда становится нашей средой обитания, влияет на нас, изменяет и замещает собой наш жизненный мир и требует адаптации к себе, как и любая окружающая среда.

Нельзя не согласиться с Ю.М. Резником в том, что для сохранения и приумножения жизненного мира человека требуется «экофилософская ориентация» [2, с 48]. Это обусловлено тем, что этот мир подвергается «деструктивному воздействию со стороны социума» [2, с. 48].

Такой экофилософской ориентации будет способствовать дальнейшее развитие недавно сформировавшейся науки, или, скорее, нового междисциплинарного научного направления – информационной экологии, которая будет анализировать проблемы и особенности воздействия информации на становление и функционирование человека, общественных институтов и человечества вообще, на «индивидуальные и общественные взаимоотношения с окружающей информационной средой, а также межличностные и межгрупповые информационные взаимодействия» [8, с. 8].

Литература:

1. Слинин Я.А. Эдмунд Гуссерль и его «Картезианские размышления» // Гуссерль Э. Картезианские размышления. М.: Наука, 2006. С. 4-100.
2. Резник Ю.М. К экологии жизненного мира человека // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 47-63.
3. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. – 368 с.
4. Прохоров Б.Б. Экология человека. Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
5. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было / пер. с фр. А. Качалова //М.: РИПОЛ классик, 2017.- 226с.
6. Березанцев А.Ю. Экология мозга: куда ведет информационная цивилизация? // Философия биологии в новом диалоге с природой. Материалы Международной конференции. М.: ИФ РАН, 2018. – 233 с. С. 57-69.
7. Косилова Е.В., Фролов А.В. Интернет в перспективе трансцендентальной философии и феноменологии // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. №6. С. 18-29.
8. Парахонский А.П., Еремин А.Л. Проблемы информационной экологии в ноосфере // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2009. № 7. С. 8

Проблематизация человеческой жизни в контексте технологий четвертой промышленной революции

Веряскина Валентина Петровна

Институт философии РАН, старший научный сотрудник, кандидат философских наук, доцент

vpveryaskina@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается проблема о том, как влияют на человеческую жизнь возможности новейших технологий и их реализация на практике. В этой связи показывается, что особенности четвертой промышленной революции представлены как синтез технологий в их взаимодействии в физическом, цифровом и биологическом измерениях. Эта особенность создает уникальные возможности как улучшения качества жизни и создания материального богатства, так и воздействия на жизнь человека, трансформации его биологической природы, что связано с экзистенциальными рисками. В статье рассматриваются наряду с технологической революцией, тенденции культурной эволюции, актуализирующие ценности самовыражения, постматериалистические ценности при удовлетворении потребности в экзистенциальной безопасности. В работе проводится идея от том, что ценности свободы, творчества, автономности, эмпатии, выбора жизненной стратегии развития могут блокироваться в силу амбивалентности технологий, которые имеют не только положительный эффект, но возможности отрицательного эффекта. В частности, негативное воздействие и сопутствующие ему риски связаны с лишением свободы выбора при вмешательстве в человеческую телесность и субъективность человека, воздействием на биологическую составляющую природы человека с помощью технологий генной инженерии и нейротехнологий. В этой связи дается критика идеологии трансгуманизма. В итоге, автор приходит к выводу о безусловной значимости этики и права в определении границ вмешательства в человеческую природу. Кроме того, подчеркивается возрастающая роль и ответственность социально-гуманитарного знания и экспертизы технологических проектов в междисциплинарном дискурсе о человеке, в котором эко- и биофилософия могут, наряду с науками о жизни, иметь определяющее значение.

Ключевые слова: промышленная революция, технологии, человек, ценности, человеческая природа, трангуманизм, этика.

The problematization of human life in the context of technologies of the fourth industrial revolution.

Veryaskina Valentina Petrovna

Institute of Philosophy RAS

Annotation: The article considers the problem of how the capabilities of the latest technologies and their implementation in practice affect human life. In this regard, it is shown that the features of the fourth industrial revolution are presented as a synthesis of technologies in their interaction in the physical, digital and biological dimensions. This feature creates unique opportunities for improving the quality of life and creating material wealth, so the impact on human life, the transformation of its biological nature, which is associated with existential risks. Along with the technological revolution, the article discusses the trends of cultural evolution, actualizing the values of self-expression, post-materialistic values while satisfying the need for existential security associated with material well-being and thereby with survival as a basic need and value. The idea is carried out in the work that the values of freedom, creativity, autonomy, empathy, the choice of a life development strategy can be blocked due to the ambivalence of technologies that have not only a positive effect, but also the possibility of a negative effect. In particular, the negative impact and the risks associated with it are associated with the deprivation of freedom of choice when interfering in human physicality and subjectivity, exposure to the biological component of human nature using genetic engineering technologies and neurotechnologies. In this regard, a critique of the ideology of transhumanism is given. As a result, the author comes to the conclusion about the unconditional significance of ethics and law in determining the boundaries of interference in human nature. In addition, the growing role and responsibility of socio-humanitarian knowledge and expertise of technological projects in an interdisciplinary discourse about a person in which eco-and biophilosophy, along with life sciences, can be of decisive importance is emphasized.

Keywords: industrial revolution, technology, man, values, human nature, transhumanism, ethics.

Особенности четвертой промышленной революции

В своем историческом развитии человечество прошло ряд революций. Аграрная революция имела особенность, связанную с переходом от собирательства к земледелию и одомашниванию животных. Это привело к более эффективному производству продуктов, стимулированию роста населения и впоследствии к возникновению городов.

Затем во II половине XVIII века прошли несколько промышленных революций. Первая промышленная революция (1760-1840 г.) на основе изобретения парового двигателя и строительства железных дорог, привела к индустриализации. Вторая промышленная революция на основе электричества и конвейерного производства (конец XIX – начало XX) способствовала возникновению массового производства и массового общества. Третья промышленная революция началась во второй половине XX века. На основе полупроводников стало возможным появление ЭВМ, а затем персональных компьютеров и сети Интернет. В настоящее время, на рубеже нового тысячелетия мы находимся у истоков четвертой промышленной революции. Наступающая революция связана с мобильным Интернетом, цифровизацией, искусственным интеллектом, обучающимися машинами. «Одновременно возникают волны дальнейших прорывов в самых различных областях: от расшифровки информации, записанной в человеческих генах, до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений. Именно синтез этих технологий в их взаимодействии в физических, цифровых и биологических доменах, составляет фундаментальное отличие четвертой промышленной революции от всех предшествующих революций» [1, с. 16-17].

Достижения и перспективы развития биологических наук обладают настолько мощным потенциалом и быстрыми темпами развития, что возникают вопросы о допустимых границах вмешательства в человеческую телесность и человеческую природу с рисками необратимых последствий. На пути прогресса встают даже не технические, а юридические, нормативные и этические ограничения. Генная инженерия и генное редактирование предельно актуализируют этические вопросы о возможностях и границах вмешательства в человеческую природу. И это самый трудных вопрос.

Поэтому представляется заслуживающей внимания и осмысления следующая позиция: «Самые сложные проблемы, связанные с разработкой социальных норм и соответствующих нормативных актов, возникают именно в сфере биологии. Перед нами встают новые вопросы, связанные с тем, какое значение это имеет для человека, какие данные о нашем теле и состоянии здоровья могут или должны быть опубликованы, и какие права и обязанности возникают у нас с вами в связи с изменением кода будущих поколений» [1, с. 16-17].

Социальные, медицинские, этические и психологические проблемы не могут быть решены в интересах всех людей вне их осмысления на философском уровне, опираясь на комплексное и междисциплинарное видение проблем.

Тенденции культурной эволюции и их влияние на ценностные ориентации людей

Философское видение совершающегося сегодня цивилизационного сдвига в развитии, предполагает методологию анализа сложных систем, при которой рассматривается роль не только технологических, но и духовных, культурных факторов в эволюции цивилизационного развития. В этой связи обращает на себя внимание концепция американского ученого и социолога Рональда Инглхарта, который обосновывает эволюционную теорию модернизации, которая приходит на смену ее классическому варианту. Исследование Р.Инглхарта показывает, что мировоззрение общества определяется уровнем экзистенциальной безопасности. По его мнению, ценности выживания связаны с экзистенциальной безопасностью, доминированием материалистических ценностей, а ценности самовыражения представлены как постматериалистические. Это ценности свободы, справедливости, равенства, эмпатии. «Беспрецедентный уровень экономической и физической безопасности привел к глубоким межпоколенческим культурным изменениям, трансформировавшим ценности и мировоззрение людей; произошел сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, который в свою очередь стал частью еще более глобального сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Эти широкие культурные изменения связаны со сменой главных жизненных приоритетов: от экономический и физической безопасности и подчинению групповым нормам – к росту значимости выбора жизненной стратегии» [2, с. 20]. Если это так, то возникает вопрос: создают ли современные конвергентные [3] технологии условия для автономии, индивидуальной свободы и выбора жизненной стратегии, помимо роста богатства и эффективности в получении прибыли в условиях современного капитализма?

Амбивалентность содержания и применения новейших технологий

Международный экспертный совет Всемирного экономического форума по вопросам будущего программного обеспечения и общества провел исследование среди 800 лидеров бизнеса с целью оценить, когда кардинально новые технологии станут всеобщим достоянием и понять их возможные последствия. По итогам этого исследования был опубликован отчет. В отчете было обозначено 21 глубинное изменение. Почти все из них появятся уже 2025 году. Называются переломные моменты их появления и положительные, отрицательные и неопределенные эффекты от их внедрения. Назовем лишь некоторые из этих изменений: имплантируемые технологии, цифровое присутствие в сети Интернет, «большие данные» для принятия решений, искусственный интеллект, робототехника, 3-Д печать и здравоохранение и два наиболее критические глубинные изменения - спроектированные существа и нейротехнологии.

Ученые с мировым именем (журнал Nature 2015 г.) призывают к мораторию на генную модификацию человеческих эмбрионов, выражая озабоченность по поводу этичности и безопасности этих исследований. В Китае, тем не менее уже опубликована первая в мире научная статья о результатах изменения ДНК человеческих эмбрионов [4].

Почти все глубинные изменения, обусловленные новейшими технологиями, несут в себе не только положительные, но и отрицательные и еще недостаточно определенные и отдаленные последствия. Можно сделать вывод: переход к новейшим технологиям на практике в силу их амбивалентности может противоречить ценностям саморазвития, аргументированным в концепции Р.Инглхарта. Это может происходить в силу их нейтрализации возможностей свободного, автономного существования и развития человека, реализующего свой выбор жизненной стратегии на основе естественной телесности и человеческой природы, опираясь на культуру как основу нравственного совершенствования. В этой связи возникает вопрос: какова роль идеологии трансгуманизма?

Трансгуманизм: сверхгуманизм или антигуманизм?

В такой формулировке проблематизации человеческой природы обращается известный отечественный философ Б.Г.Юдин. Он обратил внимание на ценностную составляющую этой проблемы. Трансгуманизм как современное течение мысли провозглашает идею такого совершенствования человека на основе научных достижений и технологий, которые приведут к возникновению «постчеловека». На сайте Российского трансгуманистического движения конкретизируются особенности образа «постчеловека», связанные с достижением бессмертия индивида, созданием нейропротезов и ноотропов, активизирующих память и когнитивные способности, создание экзокортекса – усилителя функций мозга. Эти особенности возникают, как пишет Ф.Фукуяма, в результате использования четырех классов технологий [5, с. 31]: во-первых, технологии манипулирования с мозгом человека с целью изменить его поведение; во-вторых, нейрофармакологические воздействия, т.е. применение лекарственных препаратов, позволяющих модифицировать эмоции и поведение человека; в-третьих, разнообразные технологии, направленные на существенное продление жизни человека; в-четвертых, технологии генной инженерии, с помощью которых может осуществляться самая радикальная переделка человека. В противостоянии между сторонниками и оппонентами трансгуманизма сталкиваются ценности преобразования и сохранения. Для экологии и биофилософии более близка ценность сохранения естественного, а также нахождение баланса между преобразованием в деятельности с сохранением уникального, каким является человеческая природа. В этой связи нам представляется важным такой вывод: «В той мере, в какой мы считаем, что природа человека есть ценность (выделено мною – В.В.), что она требует защиты, мы остаемся на позициях гуманизма. Если же мы считаем, что высшей ценностью являются сами по себе долголетие, либо здоровье, либо физические, психические или интеллектуальные свойства, во имя которых можно переделывать человека, создавая постчеловека, то мы оказываемся ближе не к сверхгуманизму, а антигуманизму» [6, с. 354].

С данной позицией согласуется точка зрения в оценке трансгуманизма Степина В.С. Фундаментальный постулат трансгуманизма, считает он, предполагает неизбежное кардинальное изменение биологического тела человека, переконструирование его вплоть до создания киборгообразного мыслящего существа, которое пропагандируется в качестве более высокой стадии мыслящего разума. В этой связи явно или неявно пересматриваются фундаментальные ценности человеческого существования – сохранение человечества и биосферы как среды его обитания. Многие исследователи обращают внимание на то, что в настоящее время научно-технический прогресс не сопровождается прогрессом нравственным.

«Вместе с тем, только научно-технологическая революция, связанная с внедрением НБИК-технологий, не решает глобальных кризисных проблем, порожденных современной цивилизацией, а даже может обострить их. Выход из кризисов должен быть сопряжен с духовной революцией, с поиском новых ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество» [7, с. 41].

Подводя итог, следует отметить, что решение вопросов, связанных с проблематизацией человеческой жизни под воздействием новейших технологий возможно только на пути комплексного междисциплинарного подхода, учитывающего экспертное знание социально-гуманитарных наук и анализ отдаленных последствий внедрения технологий в образ жизни современного человека. При этом важная роль принадлежит этике, эко-и биофилософии в формировании императивов сохранения природы как среды обитания и человеческой природы как уникальной ценности.

Литература:

1. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. / Клаус Шваб. – Москва: Эксмо. 2019. 209 с.
2. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С.Л.Лопатиной. М.: Мысль. 2018. 347 с.
3. Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: коллективная монография. Отв.ред. д.ф.н., проф. И.К.Лисеев. М.-СПб: Нестор-История. 2018. 344 с.
4. Источник: http://www.nature.com/news/don-t-edit-the-human-germ-line-1.17111 [Электронный ресурс] (дата обращения 24.12.2019)
5. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Пер.с англ. М.Б.Левина. М.: ООО «Изд-во АСТ», ОАО «Люкс». 2004. 349 с.
6. Юдин Б. Г. Человек: выход за пределы. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 472 с.
7. Степин В.С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков // Проблема совершенствования человека в свете новых технологий / Отв.ред. Г.Л.Белкина. М.: Ленанд, 2016. 272 с.

Регенерация человеческого организма: миф или грядущая реальность биомедицинских технологий?

Майленова Ф.Г.

Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики. Доктор философских наук

farida.mailenova@gmail.com

Аннотация: Цель данного исследования - проанализировать различные сценарии, каким станет человек будущего, и какие перспективы и новые возможности открываются благодаря новейшим биомедицинским технологиям. Многовековая мечта человечества об обретении способности к омоложению и самоисцелению начинает понемногу воплощаться благодаря открытиям о нейропластичности и действии стволовых клеток. Материалом для данной статьи послужили результаты исследований способности к регенерации у живых организмов. Согласно теории эволюции видов способность живых существ к регенерации органов утрачивалась постепенно, и поэтому можно предположить, что у человека это свойство оказалось «выключено» на каком-то историческом этапе. Исследование и использование в медицине стволовых клеток открывает небывалые возможности. Возможно, именно с их помощью удастся расширить возможности человеческого организма к самовосстановлению и самоисцелению.

Ключевые слова: регенерация, биомедицинские технологии, стволовые клетки, трансплантология и органное донорство, киборгизация, медицина будущего, биоэтика.

Regeneration of the human organism: myth or the coming reality of biomedical technology?

Mylenova F.G.

Institute of Philosophy (Russian Academy of Sciences) - Humanitarian Expertise and Bioethics Sector

Abstract: The objective of this study is to analyze different scenarios, what the human being of the future will be like, and what perspectives and new opportunities are opened by the newest biomedical technologies. The centuries-old dream of humanity to rejuvenate and to self-heal begins to come to reality little by little thanks to discoveries about neuroplasticity and the action of stem cells. The material for this article was the results of research into the ability to regenerate in living organisms. According to the theory of species evolution, the ability of living beings to regenerate organs was gradually lost, so it can be assumed that in humans this ability was «turned off» at some historical stage. The research and use of stem cells in medicine offers unprecedented opportunities. Probably, with their help it would be possible to expand the possibilities of human organism for self-recovery and self-healing.

Keywords: regeneration, biomedical technologies, stem cells, transplantology and organ donation, cyborgization, medicine of the future, bioethics.

Введение

Успехи современной медицины, опирающиеся на все более широкое использование новейших технологий и фундаментальные исследования в области биологии, физиологии и генетики, позволяют надеяться, что в скором будущем будут побеждены многие тяжелые болезни (в том числе врожденные патологии) и существенно увеличится продолжительность жизни. Однако даже в мирной жизни всегда будут случаться травмы вследствие несчастных случаев, аварий или катастроф, поэтому всегда будут актуальны исследования, позволяющие совершенствовать лечение травм и заживление полученных ран. Дерзкие идеи и мечты трансгуманистов о будущем человеке, у которого можно будет менять повреждённые части тела подобно деталям механизма, начинают находить своё воплощение в развитии киборгизации и боихакинга. В то же время понемногу начинает воплощаться и другая давняя мечта человечества, отраженная как в древних мифах и народных сказках, так и в произведениях современной научной фантастики, об обретении человеком способности к омоложению и самоисцелению. В связи с этим интересно обратить внимание на исследования в области регенерации тканей и органов.

Долгое время биологи считали, что только низшие живые организмы обладают этой способностью, однако затем было обнаружено, что при определённых условиях к регенерации способны и некоторые теплокровные животные. Согласно теории эволюции видов способность живых существ к регенерации органов утрачивалась постепенно, и поэтому можно предположить, что у человека это свойство оказалось «выключено» на каком-то историческом этапе. Однако необходимые для регенерации гены, работающие у земноводных, у млекопитающих также присутствуют, только их работа подавляется Т-клетками. Так что именно иммунная система, которая защищает теплокровных от ран и инфекций, оказалась тем тормозящим фактором, который «держит под замком» механизм регенерации, происходящий у холоднокровных благодаря бластеме. Таким образом, в то время как у земноводных развивалась способность регенерации, для высших животных (включая человека) природа «выбрала» иммунитет и Т-клетки. Однако у человеческого организма остался и есть удивительный ресурс - его стволовые клетки, исследование и использование которых в медицине открывает небывалые возможности. Возможно, именно с их помощью удастся расширить возможности человеческого организма к самовосстановлению и самоисцелению.

Возможности живых организмов к регенерации и вызовы современной медицины

Способность к регенерации утраченных органов, которой обладают некоторые виды живых существ (саламандры, ящерицы, головастики), издревле завораживала людей. Мифические существа, у которых мгновенно отрастают отрубленные головы: Медуза-Горгона, Лернейская гидра, сказочные драконы из восточных сказок и русский Змей-Горыныч имеют своих «прототипов» в реальной природе.

Классическими примерами регенерации являются, несомненно, ящерицы и головастики, которые способны отращивать свой утерянный хвост. Также известны раки и крабы, отращивающие утраченные клешни, улитки, способные вырастить новые «рожки» с глазами; морские звезды, восстанавливающие свои оторванные лучи, и, конечно, легендарные саламандры, которые способны к регенерации ампутированной лапки. Также способна к регенерации большая часть рыб: например рыбки данио рерио черно-белого окраса способны регенерировать части плавников, глаза и, как выяснилось в процессе опытов, даже восстанавливать клетки собственного сердца. Однако наиболее удивительны, пожалуй, тритоны, считающиеся одними из самых древних животных на Земле. Их поражающая способность к регенерации кажется воистину сверхъестественной: они могут отращивать не только повреждённые хвосты, но и лапы и даже челюсти, а ещё эти удивительные животные способны восстанавливать глазные ткани, спинной мозг и поврежденное сердце. Нельзя не упомянуть также «чемпиона» регенерации планарию (она же червь-плосковик). Разрезанная пополам, она образует две полноценные особи: на месте разреза вырастает недостающая голова либо хвост, а если разрезать ее на много маленьких кусочков, каждый кусочек может превратиться в новое животное.

Долгое время биологи считали, что только низшие живые организмы обладают способностью к регенерации, однако затем было обнаружено, что при определённых условиях хвосты могут себе отращивать и теплокровные мыши и крысы (правда, только молодые), а некоторые птицы «умеют» отращивать себе повреждённые клювы. Таким образом, список животных, способных к регенерации, расширяется, и возможно, ещё будет дополнен. Войдёт ли когда-либо в этот список человек?

В организме человека, по мнению биологов, механизм регенерации, пусть и частично, задействован тоже: у него постоянно обновляются волосы, ногти, чешуйки кожи, частично регенерирует печень, хотя отрастить себе новую ногу взамен утраченной он, увы, не может.

Изучая червей, саламандр и тритонов, а также зная, что эволюция видов двигалась от низкообразованных существ к высокообразованным, ученые предполагают, что способность живых существ к регенерации органов утрачивалась постепенно, и поэтому мы можем говорить о том, что у человека это свойство оказалось «выключено» на каком-то этапе, а стало быть, его можно попытаться «включить» обратно.

Первое, на что обратили внимание исследователи - связь регенерации с возрастом животного. Головастики легко восстанавливают свои хвосты, чего не сказать о взрослых лягушках. Причина в том, что направление развития клеток на ранних стадиях вполне может измениться, взрослые же клетки, делясь, остаются теми же самыми. А вот когда взрослые тритоны и саламандры отращивают свои лапки, у них процесс как бы поворачивает время вспять: на поврежденных участках вместо рубцевания образуется бластема: клетки теряют свои специфические признаки и вновь становятся плюрипотентными, как бы «новорождёнными» и начинают ускоренно делиться, превращаясь, в зависимости от нужд организма, в кости, шкуру, сосуды будущей новой лапки.

Отчего же эта программа не работает у теплокровных животных? Первое объяснение связано с

тем, что регенерация тканей и их рубцевание - это, по всей видимости, два противоположных механизма, и природа «выбрала» для выживания теплокровных рубцевание, чтобы избежать гибели вследствие больших кровопотерь и попадания инфекций в открытые раны. Другое объяснение подавления возможности быстрой регенерации учёные видят в защите организма от злокачественных опухолей, для которых также характерно быстрое деление одинаковых клеток.

В пользу этих аргументов говорят результаты опытов иммунолога Элен Хебер-Кац (Филадельфия) над мышами. У лабораторных мышей случайно обнаружилось полное зарастание (регенерация!) дырочек в ушах, которые были искусственно сделаны для того, чтобы прикрепить к ним бирки; то есть было весьма похоже на тот же механизм возникновения бластемы, что и у земноводных. Затем оказалось, что и хвосты эти удивительные теплокровные зверьки отращивают подобно ящерицам. Однако есть важное уточнение: эти мыши не были обычными животными, выловленными из природы, это были специальные лабораторные мыши с повреждённой иммунной системой, у них были искусственно уничтожены Т-клетки, которые в организме земноводных изначально отсутствуют.

Вывод был таков: необходимые для регенерации гены, работающие у земноводных, у млекопитающих также присутствуют, но их работа подавляется Т-клетками. Так что именно иммунная система, которая защищает теплокровных от ран и инфекций, оказалась тем тормозящим фактором, который «держит под замком» механизм регенерации, происходящий у холоднокровных благодаря бластеме. Но может ли человек делать такой выбор: или регенерация или иммунитет? Цена возможности вырастить утраченную конечность может оказаться несоразмерно высока: рак или гибель от инфекций, поэтому природа «выбрала» для нас иммунитет и Т-клетки.

Однако у человека есть удивительный ресурс - его стволовые клетки, и возможно, именно с их помощью удастся расширить возможности человеческого организма к самовосстановлению.

Стволовые клетки и регенерация

Благодаря открытию и применению стволовых клеток в медицине началась целая новая эпоха, хотя клиническое их применение началось задолго до их открытия: при переливании крови в организм реципиента попадают стволовые клетки донора, которые затем внедряются в организм реципиента и дифференцируются. Так что лечебные свойства донорской крови объясняются (в числе прочего) ещё и стволовыми клетками. Сегодня, когда удивительные свойства стволовых клеток изучены гораздо больше, лечение с помощью трансплантации стволовых клеток - одно из самых перспективных направлений в медицине [1].

Первые эксперименты по практическому использованию стволовых клеток были начаты еще в начале 1950-х годов. Именно тогда было доказано, что с помощью трансплантации костного мозга (основного источника стволовых клеток) можно спасти животных, получивших смертельную дозу радиоактивного облучения. Однако понадобилось почти 20 лет, чтобы трансплантация костного мозга вошла в арсенал практической медицины. Только в конце 60-х были получены убедительные данные о возможности применения трансплантации костного мозга при лечении острых лейкозов.

Начиная с этого времени, началась новая эра в медицине. Вот только некоторые ее вехи:

1970-е. Первые трансплантации аутологичных (своих собственных) стволовых клеток.

1988. Первая в мире успешная трансплантация пуповинной крови пациенту с анемией Фанкони.

1992. Первая именная коллекция стволовых клеток – профессор Дэвид Харрис «на всякий случай» заморозил стволовые клетки пуповинной крови своего первенца. Сегодня, Д.Харрис – директор крупнейшего в мире банка стволовых клеток пуповинной крови.

1997. За предшествующие 10 лет в 45 медицинских центрах мира проведено 143 трансплантации пуповинной крови.

1998. Первая в мире трансплантация «именных» стволовых клеток пуповинной крови девочке с нейробластомой (опухоль мозга). Биологическая страховка сработала – ребенок спасен.

1998. Общее число проведенных трансплантаций пуповинной крови превышает 600.

2000. В мире проведено 1200 трансплантаций стволовых клеток пуповинной крови, из них – 200 родственных.

2000. Шестилетний ребенок с анемией Фанкони вылечен с помощью стволовых клеток пуповинной крови своего новорожденного брата. В этой истории интересно то, что второй ребенок был рожден после искусственного оплодотворения (ЭКО). Среди полученных эмбрионов был выбран один наиболее совместимый с реципиентом и не содержащий признаков болезни.

2001. Опубликованы первые официальные данные о возможности применения трансплантации стволовых клеток пуповинной крови у взрослых пациентов. Из них более 90% - успешные.

2002. Стволовые клетки пуповинной крови новорожденного были безвозмездно переданы родителями в банк-регистр (банк безымянных образцов). Когда через несколько лет они понадобились (ребенок заболел), выяснилось, что банк, не несущий перед родителями никаких обязательств, уже использовал клетки для научных исследований. Для обеспечения необходимого донора пришлось беременеть и рожать еще одного ребенка.

2003. Журнал Национальной Академии Наук США (PNAS USA) опубликовал сообщение о том, что через 15 лет хранения в жидком азоте стволовые клетки пуповинной крови полностью сохраняют свои биологические свойства. С этого момента криогенное хранение стволовых клеток стало рассматриваться, как «биологическая страховка».

2003. Мировая коллекция стволовых клеток, хранящихся в банках-регистрах, достигла 72000 образцов. По данным на сентябрь 2003 г. в мире произведено уже 2592 трансплантаций стволовых клеток пуповинной крови, из них 1012 – взрослым пациентам.

2004. Общая мировая коллекция стволовых клеток пуповинной крови приближается к 400000 образцов. В мире произведено около 5000 трансплантаций пуповинной крови. Для сравнения, число трансплантаций костного мозга за тот же период составило около 85000.

2005. Перечень заболеваний, при лечении которых может быть успешно применена трансплантация стволовых клеток, достигает нескольких десятков. Естественно, что основное внимание, по-прежнему, уделяется возможности лечения злокачественных новообразований и, прежде всего, различных форм лейкозов и других болезней крови. Однако все чаще появляются сообщения об успешной трансплантации стволовых клеток при заболеваниях сердечно-сосудистой и нервной систем. Разработаны международные протоколы лечения рассеянного склероза. Проводятся многоцентровые исследования при лечении инфаркта миокарда и сердечной недостаточности. Ищутся подходы к лечению инсульта, болезни Паркинсона и Альцгеймера.

Новое перспективное направление исследований коснулось также стоматологии. Попытки разработать технологии, которые позволяли бы «выращивать зубы» из стволовых клеток, уже дают первые результаты, и успешные опыты на животных уже идут полным ходом. В будущем зубы, выращенные из собственных клеток, смогут заменить людям зубные коронки и имплантанты.

Однако до получения этого результата нужно решить ряд непростых проблем, и Антон Берлов, д.м.н., врач-стоматолог высшей категории, пишет об этом следующее [2]:

1) Надо заставить стволовые клетки делиться в нужном направлении (наши зубы — это производные эпителиальных тканей. Зубы состоят из мягких и твердых тканей. Мягкая ткань — это пульпа, которая находится внутри зуба, в так называемой пульпарной камере. Основа зуба — это дентин. Дентин представляет из себя пористую твердую ткань. Эмаль зуба — самая твердая ткань в человеческом организме). Из этого следует, что если мы хотим воссоздать полноценный зуб, мы должны заставить стволовые клетки делиться по разным направлениям. Причем целью всего этого является создание органа определенной формы и размера, а не бесформенная культура клеток.

2) Предположим, что мы получили в специальных формах нужные нам по размеру и форме зубы. Теперь нам надо имплантировать их на место утраченных зубов. Врачи-стоматологи знают, как сложно вживить (реплантировать) вывихнутый зуб. Стопроцентной гарантии, что свой собственный зуб приживется, нет. Поэтому возникает вопрос: как будет решена проблема интеграции «выращенных зубов»?

3) Можно пересаживать не выращенный зуб, а его зачаток. Для его создания используют мезенхимальные и эпителиальные клетки эмбриона (из этих типов клеток развиваются зубы). Эти клетки выдерживаются в питательной среде, стимулирующей их деление, и вводят в коллагеновую матрицу, через несколько дней из клеток формируются полноценные зубные зачатки. Но где гарантия того, что поместив данный

зачаток на место отсутствующего зуба, мы получим именно тот зуб, который нам требуется? Возникает вопрос дифференцировки зубов.

Так что до внедрения этих разработок в реальную практику еще есть немало работы.

А несколько лет назад группа английских генетиков сделала сенсационное заявление, что они начинают работу по клонированию сердца, и важность этого шага для современной медицины трудно переоценить.

Академик Валерий Шумаков, в 1987 году сделавший первую успешную операцию по пересадке сердца в нашей стране, ещё в 2002 году на II Всероссийском съезде по трансплантологии и искусственным органам отмечал, что параллельно совершенствованию работы Центра подготовки донорских органов надо развивать три других перспективных направления в области пересадки сердца. Во-первых, ксенотрансплантологию - пересадку человеку органов от животного (идеальный донор - свинья). Во-вторых, пересаживать человеку искусственное сердце. И наконец, пересаживать больным клонированные органы, что, по словам академика, было бы «наиболее красивым способом» [3]. Возможно, спустя какое-то время, этот красивый способ действительно станет реальностью, и тогда не потребуются больше пересадки, чреватые отторжением тканей, и решится самая главная проблема трансплантологии - отсутствие необходимого количества донорских органов.

Также сложно переоценить роль этих исследований для такой области медицины, как протезирование. В 2015 году протезы начали печатать на 3D-принтере, а американские биотехнологи впервые использовали перепрограммированные стволовые клетки для выращивания костей, пригодных для замены их поврежденных аналогов в человеческом теле. Год от года протезы становятся все более удобными и комфортными. Некоторые протезы дают возможность почувствовать прикосновение к предмету, существуют также косметические протезы лица, глаз. Уже широко используются протезы, которые вживляются внутрь организма человека, – с помощью протезирования биоинженеры могут заменить костную ткань, суставы. В июне 2008 года была проведена первая в мире операция по пересадке трахеи, выращенной из стволовых клеток [9]. Профессор Мартин Бирчалл, который участвовал в ее выращивании, говорит, что в течение двадцати лет по такой технологии люди научатся создавать практически все трансплантируемые органы. Возможно, мечты трансгуманистов о человеческом теле, в котором можно будет заменять заболевшие, утраченные или изношенные органы на новые, как запасные части механизма, приближаются к реализации.

Литература:

1. Трансплантация стволовых клеток – немного истории. Режим доступа: http://www.cryocenter.ru/lib/lib026.shtml Дата обращения: 01.12.2019..
2. Берлов А.В. Каковы перспективы выращивания зубов из стволовых клеток? // Популярная Механика. Режим доступа: https://www.popmech.ru/science/14980-kakovy-perspektivy-vyrashchivaniya-zubov-iz-stvolovykh-kletok/ Дата обращения 01.12.2019.
3. Сердце лучше не пересаживать, а клонировать, считают в Институте трансплантологии // Коммерсант. 18.10.2002. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/346693 Дата обращения: 01.12.2019.
4. Amputee Statistics. Режим доступа: http://www.statisticbrain.com/amputee-statistics/ Дата обращения: 08.10.2019.
5. Amputee Statistics You Ought to Know. Режим доступа: http://www.advancedamputees.com/amputee-statistics-you-ought-know Дата обращения: 08.10.2019.
8. Innovation. Improving the way we live. Режим доступа: http://www.dekaresearch.com/innovations/ Дата обращения: 08.10.2019.
9. Паоло Маккиарини. Биоинженерия. Выращивание трахеи. Режим доступа: http://lionessk.livejournal.com/159700.html Дата обращения 08.10.2019.
10. Custom gadgetry for the discerning hacker. Режим доступа: http://amal.net/ Дата обращения:08.10.2019.

«Интегральное бессмертие»: опыт концептуализации

Рыбин В.А.

Челябинский государственный университет, профессор. Доктор философских наук

wlad@csu.ru

Аннотация: На фоне достижений современной биомедицины растут надежды на обретение человеком реального бессмертия. Однако убедительные практические результаты в этой сфере до сих пор отсутствуют. Представляется, что основная причина этой ситуации — селективность практикуемых методик, обусловленная ограниченностью самого понимания проблемы. Возникает запрос на такое её переосмысление, которое дало бы возможность осуществить междисциплинарную интеграцию всех необходимых для решения данных в рамках теоретически однородной концептуальной целостности. Три группы составляющих эту целостность теоретических обобщений — факты из сферы эволюционной антропологии, рассмотрение биосферы, техносферы и организма человека в качестве пребывающих в динамическом взаимодействии компонентов триединой органической сверхсистемы, а также интерпретация старения как эволюционно сформировавшегося и доступного регуляции феномена — создают предпосылки и для обновленного понимания сути деструктивных процессов, совершающихся в человеческом организме при старении, и для активного противодействия им с целью последовательного и в перспективе бесконечного расширения темпоральных пределов индивидуальной человеческой жизни, ориентированной на бессмертие.

Ключевые слова: бессмертие, жизнь, смерть, эволюция, человек, старение, биосфера, техносфера.

“Integral immortality”: experience of conceptualization.

Rybin V. A.

Chelyabinsk state University, Professor

Annotation. Against the background of the achievements of modern Biomedicine, hopes are growing for the acquisition of real immortality by man. However, there are still no real practical results. The main reason for this situation is the selectivity of the methods used and the limited understanding of the problem. There is a need for a new understanding of the problem of immortality through the interdisciplinary integration of all necessary data. On this basis, it is necessary to form a theoretical homogeneous concept. For this purpose, there are three groups of generalizations. The first group of data includes facts from the field of evolutionary anthropology. The second group of data combines man, the biosphere, and the technosphere into a single super-system. In the third group, the phenomenon of aging is interpreted as an evolutionarily formed phenomenon that can be affected and regulated. The integration of all these three generalizations provides the basis for countering aging and for the infinite expansion of the temporal limits of human life. The result of this strategy will be the real immortality of the human individual.

Keywords: immortality, life, death, evolution, man, aging, biosphere, technosphere.

В человеческой истории идея бессмертия является одной из самых устойчивых и распространенных. Она выражалась по-разному: и как надежда на вечную жизнь по образу обреченного на бесконечное существование Агасфера, и как метафорическое отождествление бессмертия с памятью о смертном человеке в сознании его потомков и вечно живого человечества, но главным образом — как мечта о продлении индивидуальной жизни в смысле выхода за те темпоральные границы, которые принято расценивать в качестве естественных, нормальных и предельных.

В наши дни идея бессмертия актуализируется главным образом вследствие оптимистических ожиданий, порождаемых новейшими, все более многочисленными достижениями современной биомедицины. Тем не менее взвешенная оценка реальных результатов скорее дает основания для скептических оценок. Сформулировано множество теорий индивидуального развития, выработаны стандарты здорового образа жизни, в области производства лекарств созданы средства, которые, как утверждают их авторы и изготовители, способны сохранять молодость, задерживать старение, продлять долголетие: антиоксиданты, биодобавки, ионы Скулачева, витамин С, стволовые клетки, нейростимуляция и пр. Но все нововведения каждый раз остаются на уровне обещаний и заявок, убедительного успеха до сих пор еще никому не удалось добиться.

Попробуем проанализировать причины такого положения. С самого начала бросается в глаза односторонность подавляющего числа реализуемых исследовательских и лечебных подходов — все они нацелены на отдельный живой организм, изолированный от популяции и своего средового контекста. Между тем в природной действительности дело обстоит совсем по-другому: любой живой организма хронотопичен, то есть в способе его существования всегда реализуется программа эволюции и пространственно-темпоральные особенности жизнедеятельности его вида [1, с. 201]. Иными словами, *внешняя среда имманентна бытию живого*, и в том случае, если она исключается из сферы исследования, как это в большинстве случаев происходит сегодня, из виду упускается значительная часть факторов, без учета которых невозможно полноценное познание.

Для ликвидации подобного изъяна требуется некий существенный сдвиг в теоретической оптике, который позволил бы, включив в исследовательский процесс также и внешнесредовые факторы, осуществить их сопряжение с факторами внутреннего порядка на общей основе. Подобного рода процедура предполагает *пересборку* компонентов наличного знания и включает в себя по меньшей мере два этапа: первый — вычленение некоторых безусловно достоверных фактов и положений из привычного их сочетания и последующее введение их в новую теоретическую взаимосвязь, второй — прослеживание того, насколько реализуемой и эффективной должна стать на практике полученная при этом модель. Таким образом, речь идет о выработке модели максимально возможного на сегодняшний день, но *в перспективе бесконечного расширения темпоральных пределов индивидуальной человеческой жизни* на основе интегрированного для решения этой задачи теоретического знания — о формировании концепта «интегрального бессмертия».

Для этого прежде всего попробуем обновить понятия жизни и смерти, сопоставив живые и неживые образования в рамках системного подхода: и те, и другие сочетают в себе как внешние, так и внутренние аспекты; и те, и другие обладают способностью как к росту, так и к распаду; и те, и другие не являются вечными. И тем не менее, деструкция, которую претерпевают неживые системы, представляет собой отнюдь не ту смерть, которой умирают живые организмы: в первом случае следует говорить о пассивном исчезновении вследствие израсходования внешних ресурсов, тогда как во втором — об ослаблении активного процесса внешне-внутреннего взаимодействия. С этой точки зрения смерть живой системы предстает как результат рассогласования в некоем механизме сопряжения её внешних и внутренних аспектов, а жизнь следует понимать как противонаправленное этому процессу сдвигание указанного рассогласования на более отдаленный срок.

Иными словами, устойчивость обозначенного сопряжения как раз и предопределяет видоспецифическую способность живых организмов *жить, отвечая на постоянное давление внешней среды непрерывным внутренним самообновлением*. Показателем этой способности выступает *видовая продолжительность жизни особи*. По данному параметру человек стоит в ряду лидирующих видов, доживая как индивид до 90-95-115 лет и превосходя своего ближнего среди обезьян предка — шимпанзе — более чем в два раза [2, с. 163]. Эта разница столь значительна, что приходится говорить о серьезнейшем качественном изменении эволюционного процесса — о том, что «великая цепь бытия» (Артур Лавджой) живой природы, основанная на беспрерывном морфологическом преобразовании и новообразовании животных видов, разрывается. Источник разрыва — формирование культуры как особой активно воспроизводящейся системы, основанной на использовании её агентами искусственных орудий труда; как следствие, акцент эволюции с морфологической трансформации образующих биоту видов смещается на трансформацию внешней по отношению к человеку среды. Первым результатом этого смещения становится *морфологическая стабилизация* современного человеческого вида, начиная с верхнего палеолита, [3, с. 525]; вторым — *формирование* у его представителей особого более-менее предолжительного периода старения, которое у более низкоорганизованных видов отсутствует или является чрезвычайно кратким [4, с. 19].

Взаимоналожение этих двух эффектов позволяет сделать вывод, что морфологическая трансформация у человека все-таки не исчезает полностью, но переходит с уровня популяции на уровень индивида, обретая особую форму. Это и есть старение как естественный, но гипертрофированный у человеческих особей период угасания, в ходе которого естественный процесс умирания растягивается и момент смерти сдвигается на более поздний период. В то же время искусственный, орудийно опосредствованный генезис этого явления дает основания рассматривать его как атавизм, как морфологический реликт, который в принципе доступен регуляции, но не посредством прямого воздействия (как это пытались делать прежде и пытаются делать по сию пору), а обходным путем, через преобразование средового окружения человеческой популяции.

С учетом данного умозаключения полное оформление концепта «интегрального бессмертия» заключается лишь в конкретизации принципов и приемов соответствующих практических мероприятий, относительно которых на данном этапе проникновения в суть проблемы целесообразно ограничиться соображениями самого общего порядка.

В естественной природе уже имеется живая система, обладающая бессмертием. Это биосфера, единственный в своем роде сверхорганизм — Геомерида [5, с. 71], способная периодически омоложиваться путем переструктурирования и качественного обновления своего внутреннего состава. Применительно к человеку требуется лишь развернуть закономерности этого обращенного в ней вовнутрь процесса одновременно и вовне, сделав конкретного человеческого индивида центром, ведущей точкой опоры внешне-внутреннего сопряжения.

Наиболее продуктивным вариантом подобного моделирования представляется выдвинутый К. Марксом концепт природы как внешнего тела человека. Соответствующую фразу из его сочинений принято переводить на русский язык словосочетанием «природа есть неорганическое тело человека» [6, с. 92]. Однако в оригинале используется термин *unorganisch* [7, s. 240], который, исходя из контекста и в соответствии с нормами немецкого языка, вполне допустимо прочитывать как неорганизменное, а всю фразу — как «природа есть неорганизменное тело человека». Отсюда с учетом другого внешнего по отношению к человеку, орудийного компонента его существования, который определяется как «промышленность» [6, с. 124], вытекает, что у человека как минимум три тела: одно его собственное, внутреннее, организменное, и два внешних, внеорганизменных в образе соответственно биосферы и техносферы. В составе этой триединой целостности удельная значимость каждого из ее компонентов постоянно меняется по ходу человеческой истории, но сама базисная структура остается неизменной.

Специфика современной исторической ситуации определяется необходимостью перенаправить часть ресурсов техносферы на выстраивание оптимальных отношений её с биосферой, выверенных по критерию целенаправленной и научно обоснованной морфологической стабилизации человека как вида. В этих условиях на ведущее положение в ряду систем практического жизнеобеспечения современного социума, помимо производства и инфраструктурного управления, выдвигается социальный институт медицины, который в теоретическом плане уже обладает потенциалом для перехода к принципиально новой клинической доктрине [2, с. 252-260]. Ее суть заключается в отказе от доминирующей ныне лечебной коррекции деструктивных проявлений в отдельном человеческом организме (как правило, заявляющих о себе на поздних стадиях самых распространенных в современности форм патологии — онкологической и сердечно-сосудистой), к такой трансформации внешнесредовых факторов, которая была бы ориентирована на радикальное снижение темпов старения, а вместе с этим и на предупреждение возникновения указанных форм. Философское обоснование данной стратегии, в рамках которой концепт «интегрального бессмертия» обретает перспективу практического воплощения, и составило содержание данной работы.

Литература:

1. Ухтомский А.А. Избранные труды. Л.: Наука, 1978. 360 с.
2. Дильман В.М. Четыре модели медицины. Л.: Медицина, 1987. 288 с.
3. Алексеев В.П. Избранное. В 5 т. Т.2. М.: Наука, 2007. 562 с.
4. Лэмб М. Биология старения. М.: Мир, 1980. 208 с.
5. Беклемишев В.Н. Методология систематики. М.: КМК Ltd, 1994. 250 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. 536 с.
7. Marx Karl, Engels Friedrich. Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abteilung. Band 2. Berlin: Dietz Verlag, 1982. 516 s.

Вклад идей био- и экофилософии в формирование установок культуры

И.К. Лисеев

Институт философии Российской академии наук, доктор философских наук

lik6841@mail.ru

Аннотация: На заседании “Круглого стола” предполагается обсудить те новые культурные ориентации, которые ныне возникают под воздействием идей философии биологии и экологии. С этих позиций, отстаивающих фундаментальные ценности человеческого бытия, планируется дать критику многочисленных новомодных псевдонаучных подходов, типа трансгуманизма, тотальной кибернетизации и цифровизации человека и общества и т.д. Кроме того, на Круглом столе хотелось бы отдать дань благодарной памяти отечественным ученым, внесшим ведущий вклад в формирование этой проблематики: И.Т.Фролову, Р.С.Карпинской, Э.В.Гирусову, Э.С.Кульпину, В.А.Кобылянскому, Е.Т. Фаддееву.

Ключевые слова: биофилософия, экофилософия, культура, цивилизационный выбор России

Contribution of the ideas of bio - and ecophilosophy to the formation of cultural attitudes.

I. K. Liseev

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: At the “Round table” it is expected to discuss those new cultural orientations that now arise under the influence of the ideas of the philosophy of biology and ecology. From these positions, defending the fundamental values of human existence, it is planned to criticize numerous newfangled pseudoscientific approaches, such as transhumanism, total cybernetization and digitalization of man and society, etc. In addition, at the Round table I would like to pay tribute to the grateful memory of domestic scientists who made a leading contribution to the formation of this problem: I. T. Frolov, R. S. Karpinskaya, E. V. Girusov, E. S. Kulpin, V. A. Kobylyansky, E. T. Faddeev.

Key words: biophilosophy, ecophilosophy, culture, civilizational choice of Russia

[i] Философское знание всегда выступает не только как рефлексия над универсалиями культуры, но и как креативное, порождающее начало в возникновении новых установок, идеалов, ориентаций культуры.

В этом плане вклад идей, наработанных в процессе развития философии биологии и философии экологии, в современную культуру был весьма значительным и в наши дни продолжает все более увеличиваться. В отечественной философской мысли, анализирующей это направление, во второй половине XX века сложилась мощная философская школа социокультурного анализа достижений биологической и экологической науки. Это прежде всего И.Т.Фролов, Р.С.Карпинская, Э.В. Гирусов, Э.С. Кульпин, В.А. Кобылянский, Е.Т.Фаддеев и другие.

При всем различии направлений и подходов исследования, специфике и особенностях авторского выражения проблем, всех этих ученых объединяло понимание важности и необходимости именно социокультурного анализа проблем науки, осознание того вклада, который эти науки вносят в становление новых норм и идеалов культуры.

В наши дни значение идей, высказанных этими учеными, не только не уменьшается, а, напротив, многие из них звучат еще более актуально и остро. Замысел проведения этого «Круглого стола», с моей точки зрения, и состоял в том, чтобы вновь вернуться к обсуждению ранее высказанных идей, показать их роль и значение в современной ситуации.

Однако, кроме этого, мы может проанализировать и сегодняшнее развитие этих представлений, которое на протяжении последних двадцати лет осуществлялось на базе сектора био- и экофилософии Института философии РАН. Это прежде всего отражено в публикациях двух серий книг по названной проблематике: «Философский анализ оснований биологии» и «Науки о жизни и современная философия». В первой серии выяснялись фундаментальные социально-культурные, методологические, мировоззренческие основания философских идей, возникающих на основе развития современных биологических и экологических наук. Это книги: «Природа биологического познания» (1991), «Биофилософия» (1997), «Жизнь как ценность» (2000), «Методология биологии: новые идеи» (2001), «Биология и культура» (2003). Вторая серия книг посвящена воздействию философии наук о жизни на систему современной культуры, отстаиванию мировоззренческих подходов, акцентирующих фундаментальные ценности человеческого бытия: ценности гармоничного природного существования человека, ценности благоприятной среды обитания и прочие смысложизненные ценности, которые в век торжества конвергентных технологий как то часто забываются.

Все эти идеи отражены в книгах: «Науки о жизни и современная философия» (2010), «Идея эволюции в биологии и культуре (2011), «Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий» (2014), «Науки о жизни в формировании современной картины мира» (2015), «Науки о жизни сегодня: философские инновации» (2016).

Эти работы, написанные в тесном творческом сотрудничестве философов и естествоиспытателей, нарисовали широкую картину фундаментального воздействия идей био- и экофилософии на формирование новых установок и ориентаций культуры. Это получило отражение в становлении новой научной картины мира, смене доминирующих методологических подходов в научном исследовании, изменении стиля мышления, новых этических установках в понимании развития и совершенствования человека.

Посмотреть, как работают эти идеи, высказанные на протяжении двадцати лет, именно сегодня – вторая задача нашего «Круглого стола».

Наконец, представляется, что третья задача нашего междисциплинарного обсуждения всех этих проблем – новейшие вопросы современности в контексте био- и экофилософии. Разворачивающаяся в наши дни четвертая промышленная революция, затрагивающая практически все сферы жизни, мощнейший технологический бум наших дней ведут как к большим научно-технологическим прорывам, так и ставят множество острейших проблем, в конечном итоге ставящим вопрос о возможности выживания человечества в этих условиях. Все яснее понимание того, что мы живем в ситуации кризиса доминирующей сегодня техногенной цивилизации. Нужен поиск новых мировоззренческих и цивилизационных идеалов, которые бы обеспечили переход от техноориентированной культуры переделки мира к био- и экоориентированной культуре восстановления внимания к фундаментальным ценностям природного бытия человека, ценностям единства человека и природы.

В этом контексте необходимость социально-культурного анализа достижений естественных наук (и прежде всего – биологии и экологии) приобретает важнейшее значение. Восстановление и развитие творческого диалога философов и естественников, который в наши дни почти что затих из-за чиновничьей неразберихи, - это настоятельное требование времени.

Молодое Российское государство продолжает искать свой уникальный путь цивилизационного развития, который бы органично соединил идеи мирового цивилизационного процесса и особенности национальной культуры. В нем с необходимостью должны быть представлены и природные основания цивилизационного выбора России, осмыслены природно-экологические императивы современной культуры России, но не только они.

Глобализация сугубо биологической науки экологии в последние десятилетия, появление целого спектра новых экологических наук – экологии человека, социальной экологии, экологии культуры и т.д., свидетельствуют о формировании нового методологического регулятива исследования взаимодействия центрального объекта и среды его существования.

В этом смысле обязательные императивные требования в цивилизационном аспекте распространяются не только на сбалансированность взаимоотношений мира живого и среды его обитания, но и на контроль взаимоотношений живой природы и техногенного общества, усиленно ее преобразующего, на соблюдение социоприродных характеристик существования современного человека, на оптимизацию развития общественных.

Только комплексный синергийный учет взаимодействие всех этих составляющих будет в состоянии вести к их включению в систему культуры. Объективный процесс появления новых организационных структур природного, антропогенного, социального плана в результате закономерностей развития научного исследования – это начало долгого пути к их дальнейшему воплощению в универсалиях грядущей культуры.

i Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Проект №19-011-00383/19 “Био- и эко-философия в современной культуре”

Трансгуманистические перспективы: явные сомнения и скрытая угроза

Пилецкий С.Г.

Ярославский государственный медицинский университет, доцент кафедры истории и философии. Доктор философский наук

sergeypiletsky@yandex.ru

Доклад посвящён теме, в последнее время всё в большей степени занимающей умы не только естествоиспытателей, IT-профессионалов, специалистов по кибернетике и робототехнике, но и широкий круг гуманитариев, в том числе философов, психологов, теологов и правоведов. Это мировоззренческая доктрина трансгуманизма, набирающее всё большую популярность и всё большее количество своих сторонников. Автор доклада ставит перед собой задачу предпринять не столько разбор естественнонаучной базы и технических деталей трансгуманитсических планов, а также дать оценку их реалистичности, сколько попытаться проникнуть в их скрытую «изнанку» и на основе этого смоделировать прогноз на будущее.

Ключевые слова: трансгуманизм, нанотехнологии, объединённая кибернетическая система «компьютер-мозг».

Transhumanistic perspectives: clear doubts and hidden threat.

Piletsky S.G.

Yaroslavl's state medical university

The report is devoted to the theme, recently increasingly occupying the minds not only of the scientists, IT-professionals, cybernetics and robotics specialists, but the wide range of humanitarians, including philosophers, psychologists, theologians and lawyers. This is the worldview doctrine of thanshumanism, gaining increasingly popularity and increasingly members of its supporters. The report's author takes the task to undertake not so much the analysis of the natural science base and the technical details of transhumanistic plans and also to assess their feasibility, but to try penetrate to their hidden inside and based on this simulate the forecast for the future.

Keywords: transhumanism, nanotechnologies, united cybernetic computer-brain system.

Трансгуманизм – это мировоззренческая доктрина и международный форум, призывающий к использованию достижений научно-технической революции ради совершенствования умственного и физиологического потенциала человека дабы устранить те аспекты человеческого существования, которые, по мысли трансгуманистов, для человечества нежелательны – страдания, болезни, старение и смерть. Если оставить за скобками саму утопичность такого рода устремлений, то с гуманистических позиций с данной сентенцией каких-либо оснований не соглашаться нет. Но вот опыт былых поражений «глобального облагодетельствования» не только научает, но и неплохо вразумляет. Так что невольно принимаешься «скрести» эту милую обёртку, и тут же сквозь неё начинают проступать не столь благообразные лики. Трансгуманисты, в частности, призывают не запрещать, а ускорить дальнейшие исследования в области клонирования человека и присовокупить к ним новые. Наиболее перспективными в их числе они считают нанотехнические разработки в биотехнологии, разработки в информационных технологиях, исследования в сфере искусственного интеллекта по загрузке человеческого сознания в память компьютера и криоконсервации. Многим трангуманистам (в частности, Рэймонду Куртцвейлу) представляется, что неумолимо ускоряющийся НТП уже к середине этого столетия позволит создать некоего «постчеловека», чьи возможности будут принципиально отличны от возможностей современных людей. Особенные надежды в этом возлагаются на генную инженерию, молекулярную нанотехнологию, технику создания нейропротезов и прямого сопряжения «компьютер-мозг».

А теперь, пожалуй, самое время высказаться не о внешнем фасаде трансгуманизма, не о его, так сказать, «обёртке», а о «изнанке» и «закулисье». А что есть и то, и другое я абсолютно убеждён. «Закулисьем» трансгуманизма незримо выступает мизерная часть человечества, но мощь её влияния за последнее столетие находится в обратно-пропорциональной зависимости к её количественной представленности. Это те, кто мнит себя «мировым правительством» и его ближайшее окружение. И надо сказать, у них есть все основания для такого мнения, ибо в их руках сконцентрирована неимоверная не только финансовая, экономическая, но и политическая мощь. В их же владении все ресурсы крупных средств массовой информации, включая и ресурсы Интернета. Они присвоили себе миссию решать, в каком направлении и как должно развиваться человечество. Насколько эти их планы реалистичны – это вопрос уже другой. Думаю, что совсем даже не реалистичны. И вот тут как нельзя кстати появляется та самая идеология трансгуманизма с её обнадёживающими для них перспективами.

А ведь суть-то этой самой «изнанки» прелестна и совсем даже незамысловата. Её давно уже подсказали энтомологи, вскрывшие в своё время изумительную организацию сообществ насекомых и с восторгом об этом писавшие. «Идеальное государство» Платона, «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы и «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона ни в какое сравнение с ними идти не могут. И не только потому, что те всего лишь утопии, а эти являются вполне исправно функционирующими механизмами. У общественных насекомых нет ни зависти, ни злости, ни трусости, ни предательства, ни лжи, ни коварства, ни лицемерия, ни ханжества, ни ропота, ни топота. Правда, и ничего другого из человеческого арсенала у них тоже нет, но им этого и не надо. У них есть только долг, вписанный в их гены. Они биороботы. Весь жизненный цикл каждого из них (в зависимости от касты) представляет собой совокупность генетически детерминируемых программ, на этологическом уровне реализуемых в виде комплексов инстинктивных образцов поведения. Это же шик, блеск красота! Вот бы с человеком нечто подобное устроить!

И пытались, как могли, надо сказать. Работа кипела в секретных лабораториях. Что только ни пробировалось: гипноз, инфразвук, электромагнитные поля, различные методики воздействия на психику и манипулирования ей, гормоны, опиаты и опиоиды, а также другие природные, синтетические и полусинтетические препараты и всё с одной лишь только целью – найти способ подчинить и принудить человека к поступкам в запланированную сторону. И вроде бы не скажешь, что совершенно никаких обнадёживающих результатов, они есть, но уж больно какие-то невыдающиеся: для одних индивидов очень хорошо работают, для других – не очень хорошо, а для третьих – очень даже нехорошо. А главное – нет необходимой массовости: суммарно вторая и третья категории индивидов в разы превосходит первую. Но время не остановить, так что дождались – voilá – как «манна небесная» появляются трансгуманистические «радужные» горизонты. Если совместными усилиями генной инженерии, молекулярной нанотехнологии и кибернетики можно будет создать модель «гумано-киборга», то это в корне поменяет ситуацию. И дело не только в том, что это позволит активно использовать биопротезы, а, значит, вовремя ремонтировать изнашиваемые «детали» и по необходимости заменять их. Главное – это даст реальную возможность программирования поведения, что раньше было фантазией несбыточной. Создание объединённой кибернетической системы «компьютер-мозг» позволит во многом решить эту задачу.

Изживёт свою необходимость пропаганда со всем штатом её «горластых» сотрудников и методических отделов – её место займёт техническое программирование и группа из нескольких человек программистов-профессионалов. Программы будут дифференцированы по категориям работников. Специальными сигналами они будут определять время подъёма с постели поутру, временной интервал, положенный на утреннюю зарядку, приведения себя в порядок и завтрак, отправку дружными колоннами в однотипной униформе на место своей работы, обеденный перерыв и перерывы производственных гимнастик, время окончания работы и отправку не менее дружными колоннами по домам. Дома будут скорее похожи на общежития, условия проживания в них будут скромно-спартанскими, но всё в них будет не только практично и прагматично, но и компьютеризировано. Это будут по-настоящему «умные» дома. Каждому будет предписана своя диета, точно расписанная по килокалориям, минералам, витаминам и гормонам. Будут выдаваться специальные питательные растворы, приятные на цвет и на вкус, а также персонифицированные порции в отдельных коробочках разноцветных таблеточек, пастилок и драже. В квартирках будет источаться искусственно созданный по симпатиям цветочный аромат и литься негромко звучащая, тоже по симпатиям, музыка. В каждой квартире будет свой телеприёмник, но роль телевидения будет редуцирована до минимума за ненадобностью, равно, собственно, как и роль кинотеатров, театров, музеев и концертных залов. По нему будет транслироваться один-единственный государственный телеканал, но и тот будет нести собой сугубо информационно-идеологическую функцию: там будут крутиться новостные передачи, важные заявления руководителей высокого и высочайшего ранга и научно-познавательные программы.

Что же касается проведения досуга, то развитие искусственного интеллекта дойдёт до такого уровня, что каждому работнику (если он не провинился) будет предоставляться ежедневная возможность реализовывать самые свои сокровенные желания, причём во всевозможных категориях: кино,

музыка, театр, спорт, охота, рыбалка, музеи, путешествия, история, секс и пр. У каждого будет свой шлем виртуальной реальности, подключённый к центральной информационной базе и каталог различных опций по соответствующим разделам. Захотелось, к примеру, послушать «The Rolling Stones», озвучил своё желание по пунктам опций, надел шлем и вперёд – и у тебя стопроцентная иллюзия присутствия, скажем, на их живом концерте «Angie» в Раундхэй парке в Лидсе в 1982 году. Или, скажем, захотелось погрузиться в мир приключений Джеймса Бонда, Аллана Куотермейна, или, скажем, попутешествовать по африканской саванне, сельве Амазонки, сибирской тайге, или, скажем, создать полную иллюзию присутствия на Куликовской битве или Ватерлоо, или вкушения самых изощрённых сексуальных пристрастий – только изъяви желание и айда. Но вот наказанием за нерасторопность и неумышленные проступки может быть как наложение штрафа, так и отключение на определённый срок от информационной базы развлечений. Рецидивы в провинностях, упорство в них, а также злонамеренные проступки караются значительно строже. Денег как таковых не будет. У каждого будет своя мультикарта, т.е. полный биометрический и информационный паспорт, куда будут начисляться и откуда будут взиматься начисленные за работу и премиальные кредиты. С семейных пар государство снимет заботу и расходы об их отпрысках – они будут воспитываться в специализированных детских интернатах, как дошкольных, так и школьных. И, разумеется, родителям, если к ним претензий нет, будет позволено в их выходные дни и на время отпуска забирать своих детей к себе. Ну, разве это не рай?! Рай да и только!

Да и потом, ясное дело, по каждой категории работников будут прописаны перспективы их карьерного роста от начальников «малой руки» до начальника «средней руки» и от него до начальника «большой руки». И, естественно, с приличествующими каждому рангу отличительными знаками на форме, ритуалами приветствия со стороны подчинённых и соответствующего объёма кредитов по заработанной плате и премиальным. Однако та или иная степень привилегий адекватным образом накладывает на начальствующую особу и груз ответственности за руководимый ею персонал: поддержание дисциплины на вверенном участке, объём и качество выполненной коллективной работы и идейная благонадёжность каждого из подчинённых. Когда много дадено, много и спрошено будет. И хотя каждый из них понимает, что до «лучезарной элиты», т.е. до руководителей планетарного масштаба, им никогда не дорасти, как ни старайся, любой труженик осознаёт, что «небожители» существуют, и они заботятся о всём работном люде.

При этом, к сожалению, приходится констатировать, что наряду с трудолюбивыми исполнителями, ответственными руководителями и просвещёнными «небожителями», пусть и в очень незначительных количествах, существуют и возмутители спокойствия, бунтари и смутьяны, тунеядцы и лодыри, и вообще всякого рода асоциальные типы. Но время не только пропаганды, но и системы карательных органов пройдёт. В ней больше не будет необходимости. Социальные «мутанты» выявляются рутинным образом через неравнодушие их окружающих, их деятельность быстро пресекается незамедлительным реагированием. А форма реагирования зависит от меры зловредности поведения и морального облика его носителя. За малые «шалости» можно лишать премий, сокращать отпуск, не разрешать видеться с детьми, на какое-то время отключать от информационной базы развлечений, но за упорство в больших «шалостях» санкция одна – нажатием кнопки «Delete» – отключение от жизни. Специальная служба потом отвозит «бракованный материал» в общественный крематорий. Это называется искусственным отбором. Он гораздо более эффективен, нежели отбор естественный. За ним будущее.

Так что тем, кто не желает прихода такого будущего, тем, кто не желает проживать в нём или не желает, чтобы его дети проживали в нём, пора уже пробуждаться от равнодушия сегодня. Надо в меру умения разоблачать неявную суть трансгуманизма и в меру сил бороться с ним. Дело ведь не в том, что возможное торжество трансгуманизма будет сопряжено с великим «расчеловечиванием» человека, а в том, что его победа будет знаменовать собой учреждение тоталитарного режима и жесточайшей эксплуатации невиданного масштаба. Сами же «небожители» и их ближайшее окружение, что характерно, будут продолжать быть ортодоксальными в своём предпочтении естественных продуктов искусственным, естественных зон отдыха, путешествий и сексуальных утех виртуальным. Издревле же известно: что позволено Юпитерам, то не позволено быкам.

Контуры стратегии выживания человечества в условиях экологической нестабильности

Водопьянов Павел Александрович

Белорусский государственный технологический университет, кафедра философии и права. Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси

pva1940@bk.ru

Аннотация: в статье раскрыты особенности проявления системного кризиса современной цивилизации, уделено внимание анализу ее нравственного упадка, обоснована необходимость утверждения биоантропоцентристской ориентации как необходимого условия предотвращения экологической катастрофы, обозначены контуры стратегии достаточного развития и изменения вектора социально-экономического развития на основе его согласования с законами эволюции биосферы.

Ключевые слова: стратегия выживания, экологическая катастрофа, экологическая нестабильность, биоантропоцентристская парадигма, природоподобные технологии, законы эволюции биосферы, социально-экономическое развитие.

Contours of the strategy of survival of mankind in the conditions of ecological instability.

Vodopyanov Pavel Aleksandrovich

Belarusian state technological University, Department of philosophy and law

Abstract:In the article the peculiarities of manifestations of a systemic crisis of modern civilization, attention is paid to the analysis of its moral decline, the necessity of approval bioanthropologists orientation as a necessary condition of prevention of the environmental disaster marked the outlines of the strategy are adequate for the development and change of socio-economic development on the basis of his agreement with the laws of evolution of the biosphere.

Key words: survival Strategy, ecological catastrophe, ecological instability, bioanthropocentric paradigm, nature-like technologies, laws of biosphere evolution, social and economic development.

21 век поставил перед человечеством целый комплекс глобальных проблем, представляющих угрозу для его ближайшего будущего. К числу таких проблем, в первую очередь, относятся экспоненциальный рост численности населения, недостаток природных ресурсов и жизненного пространства, загрязнение окружающей среды, появление ранее неизвестных болезней, пропасть между бедными и богатыми, недостаток финансовых средств для подавляющего числа людей и многое другое.

Ухудшение состояния окружающей среды, обусловленное подрывом механизмов саморегуляции природных экосистем, нарастающий индустриальный пресс, угрожающий здоровью человека в состоянии уже при жизни нынешнего поколения превратить поверхность планеты и ее земли, воды и воздух в такое состояние, в котором проживание людей окажется невозможным. По прогнозам, ряда видных ученых XXI век станет веком нарастания целого класса новых заболеваний, в том числе и психических расстройств. Это обусловлено увеличением концентрации химических веществ, в особенности хлорфторуглеродов, утратой естественной связи человека со своим окружением и многими другими опасными факторами.

Особую тревогу вызывает и нарушение площади планеты. По имеющимся данным, одна треть ее территории полностью нарушена под влиянием человеческой деятельности и такая же ее часть частично нарушена. Площадь антропогенных пустынь ныне достигает около 7% всей поверхности суши, а под угрозой опустынивания находится около 19% суши. Вместе с тем, и остальная поверхность суши существенно загрязнена химическими веществами, которые изменяют биологические процессы в почвах.

Под угрозой исчезновения находятся многие биологические виды, играющие основную роль в поддержании стабильности и устойчивости биосферы. Сохранение видового разнообразия непосредственно связано с сохранением среды обитания организмов. Ежегодно сокращается площадь тропических лесных массивов, примерно около — 11 млн. га, что приводит не только к исчезновению видов на уничтоженных территориях, но и видов, обитающих на соседних участках.

На основании этого можно утверждать, что человечество вступило в эпоху глобального антропологического кризиса, который угрожает его ближайшему будущему. Не меньшую тревогу вызывает и проблема нравственного разложения современной цивилизации, свидетельством чего является распространение наркомании, алкоголизма, употребление психотропных веществ, ведущих к биологической деградации человека. Извечные человеческие ценности – доброта, справедливость, порядочность, взаимопомощь – все чаще уступает место насилию, злобе, ненависти и другим порокам.

В итоге человечество оказалось в тисках целого ряда кризисных явлений в политической, экономической, экологической, социальной и духовной сферах жизни современного общества

Ввиду такого рода неблагоприятных явлений человечество подошло к переломному моменту в своей истории (опасной черте) и оказалось перед выбором дальнейшего пути своего развития. Господствующая до сих пор антропоцентристская ориентация по отношению к природе явилась одной из причин глобального экологического кризиса доказала свою несостоятедьность и представляет реальную угрозу нормальной жизнедеятельности людей. По этой причине становится очевидной опасность такого рода ценностной ориентации, которая должна уступить место новой парадигме, основанной на биоантропоцентристской ориентации, учитывающей необходимость сохранения природы и духовного мира, сохранения нравственных устоев развития общества. Атрибут потребительства, стяжательство, личное обогащение и успех, упование властью и абсолютная свобода -- главные препятствия на пути достижения безопасного будущего. Встраивание человека в природное окружение, подчинение его законам природы, поиск путей преодоления опасностей, обусловленных негативными достижениями науки и техники определяют основные направления новой стратегии выживания человечества – стратегии достаточного развития. Существующее подчас бесконтрольное производство и потребление, ориентированное на достижении прибыли ради прибыли, охватившее большинство стран мирового сообщества привело к нарастанию экологических коллизий во взаимоотношениях человека с природой и привело к деградации природных экосистем. Поэтому использование накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, преодоление негативных последствий человеческой деятельности, утверждение новых ценностно- духовных ориентаций должно послужить основанием выбора путей определения социально-экономического развития как отдельно взятых стран, так и всего мирового сообщества.

Формирование общества, основанного на осознании его сопричастности природе, определяющим фактором развития которого является эпоха ноосферы – разумной человеческой деятельности определяет основные направления стратегии выживания человечества. Это предполагает сохранение качественных параметров окружающей среды и пригодной для обитания среды, достижение которой зависит от рационально продуманной стратегии и тактики человеческой деятельности, основанной на изменении поведения человека в природе.

Основным направлением выхода из тисков глобального экологического кризиса, затронувшего практически все страны мирового сообщества, является радикальный пересмотр сложившегося мировоззрения, изменение ценностных ориентаций по отношению человека к природе и регулятивов человеческой деятельности на основе утверждения биоантропоцентристской парадигмы мышления. Это, в свою очередь, связано с тем, что дальнейшее развитие человечества не может осуществляться по пути сугубо потребительского вектора, ориентированного на экономический рост.

В современных условиях темпы общественного развития стремительно нарастают в такой степени, что ассимиляционные возможности биосферы не в состоянии нейтрализовать химически вредные вещества, выбрасываемые в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства. По этой причине удовлетворение потребностей людей должно осуществляться на основе учета сохранения качества окружающей среды, обеспечивающего их нормальную жизнедеятельность. В качестве целевой установки необходимо исходить из того, что научно-технический прогресс оправдан лишь в той мере в какой он обеспечивает воспроизводство здорового человека и способствует его духовному развитию. Прогресс в настоящее время заключается не в продолжении наращивания материального производства как его основной цели, а в сохранении условий выживания человечества, в его переориентации с задач повышения экономической эффективности на задачи сохранения биосферы как среды обитания человека. Именно по этой причине экономические интересы должны выступать не целью, а инструментом гармонизации отношений между обществом и природой.

Научно-технический прогресс принес несомненные блага для человечества, позволил человеку достичь высоких уровней жизни, повысить среднюю продолжительность жизни, добиться успехов во

многих сферах жизни общества. создать современные технологии, увеличить средства коммуникаций и перемещений, избавиться от множества заболеваний. Человек завоевал космос, создал атомные электростанции, проник в недра земли и глубины океанов, исследовал тайны наследственности, психической деятельности и многое другое. И то же время достижения научно-технического прогресса привели к деградации природы, к снижению качества окружающей среды и представляют реальную угрозу существованию человека.

Эти и другие негативные последствия достижений науки и техники являются свидетельством того, что именно человек может дойти до массового самоубийства и заодно уничтожить и все иные формы жизни.

Угроза ближайшему будущему в условиях экстремальной экологической ситуации требует радикальной перемены ценностных ориентаций во взаимодействии общества и природы, изменения мировоззренческих ориентаций, предвидения образа ближайшего будущего с целью принятия мер по предотвращению экологической катастрофы, представляющей угрозу для ближайшего будущего.

Важнейшим условием преодоления такого рода опасностей и достижения безопасного будущего является необходимость согласования социально-экономического развития с законами природы на основе создания непротиворечивой целостности общества и биосферы, которое выступает основой их гармоничного взаимодействия. Целостность природного бытия существовала на протяжении длительной истории, когда человек был органически включен в структуру биосферы. Бурное развитие науки и техники, приведшее к превращению человеческой деятельности в огромную геологическую силу в середине прошлого века привело к выделению человека и природы, освободило от ее зависимости. Вначале это обстоятельство всецело рассматривалось как победа над природой. Однако суровая экологическая реальность поставила предел могуществу человека над природой. Нарастание природных техногенных и социальных катастроф, происходящих в настоящее время - свидетельство такого рода реальной опасности.

Именно по этой причине важно осознать необходимость сохранения природы как условия выживания человечества, поскольку человек может жить в условиях близких или идентичных тем, в которых протекала его биологическая эволюция. Соразмерность гармоничного развития общества и биосферы – условие выживания человечества. Поэтому человек должен вернуться в коридор, обозначенный для него законами природы. Данное обстоятельство выступает важнейшим условием проектирования будущего на основе использования смыслов и ценностей, направленных на сохранение биосферы и поддержание качества окружающей среды. Иными словами, важно определить направления социально-экономического развития, которые позволят отказаться от ныне существующих природоразрушительных технологий, которые привели к экологическому кризису. Альтернативой такого рода технологий являются природоподобные технологии, копирующие законы эволюции живой природы. К числу таких технологий относятся нано-, био- информационные, когнитивные, социальные и коммуникативные технологии, обеспечивающие повышение производительности ресурсов и сохранение природных экосистем и биосферы в целом.

Использование природоподобных технологий на основе достижений в области биотехнологии, нанотехнологий, робототехники, высоких гуманитарных технологий, новых направлений в медицине и природопользовании, их применение странами мирового сообщества позволит предотвратить угрозу экологической катастрофы и обеспечить безопасное будущее нашей цивилизации.

Аддитивные технологии направлены на отбор нововведений и инноваций, которые послужат основой промышленного развития на ближайшие десятилетия.

Сложившийся тип и ныне действующий тип техногенной цивилизации дал множество научных и технических достижений, позволивших ей обеспечить высокий уровень жизни, увеличить среднюю продолжительность жизни, повысить урожайность сельского хозяйства, увеличить скорость перемещений и коммуникаций, обеспечить качество медицинского обслуживания, создать современные технологии, овладеть ядерной энергией, проникнуть в космическое пространство и многое другое.

Вместе с тем, эти достижения привели к системному кризису глобального характера – в экономической, политической, продовольственной, духовной и других сферах жизни современного общества, что представляет особую опасность ближайшему будущему человечества и грозящий его гибели.

Традиционная медицина Монголии в условиях глобализации и конкуренции

Булдакова Ю.Р., Головизнин М.В.

ФГБОУ ВО Московский Государственный медико-стоматологический университет им. А.И.Евдокимова (МЗ РФ) - доценты кафедры, кандидаты медицинских наук

juliafamily@yandex.ru

Аннотация. Развитие Монголии в XXI веке все больше привлекает в страну представителей западного мира, ищущих возможности познакомиться с аутентичной восточной культурой, с нетронутой природой, архаичным укладом жизни и уникальными культурными и религиозными традициями, а также с традиционной медициной Монголии. Монгольская ветвь тибетской медицины - это стройная система знаний, впитавшая в себя весь неповторимый многовековой опыт жизни и культуры монголов, которая помогала и помогает выживать в суровых природных условиях и исторических обстоятельствах, и неизменно вызывает интерес у ученых востока и запада. Новая постсоциалистическая эпоха развития Монголии, с одной стороны, подняла традиционную монгольскую медицину до уровня символа, презентирующего страну на международной арене, с другой стороны, заставила ее приспосабливаться к новым экономическим реалиям, к унизительному статусу донаучной медицины и к неравной конкурентной борьбе с быстро растущим сегментом медицины западного образца с его жесткими требованиями проведения клинических исследований.

Ключевые слова: традиционная медицина, тибетская медицина, монгольская медицина, интегративная медицина.

Traditional medicine of Mongolia in the context of globalization and competition.

Buldakova Yu. R., Goloviznin M. V.

Moscow State University of Medicine and Dentistry

Annotation. The development of Mongolia in the XXI century makes the country more and more attractive to representatives of the Western world, who are looking for opportunities to get acquainted with authentic Eastern culture, untouched nature, archaic way of life and unique cultural and religious traditions, as well as traditional medicine of Mongolia. The Mongolian branch of Tibetan medicine is an ancient system of knowledge that has absorbed all the unique centuries-old experience of life and culture of the Mongols, which helped and helps to survive in harsh natural conditions and historical circumstances, and always arouses the interest of scientists in the East and West. The new post-socialist era of Mongolia's development, on the one hand, raised traditional Mongolian medicine to the level of a symbol presenting the country on the international stage, on the other hand, forced it to adapt to new economic realities, to the humiliating status of pre-scientific medicine and to unequal competition with the rapidly growing segment of biomedicine based on clinical trials.Конец формы

Key words: traditional medicine, Tibetan medicine, Mongolian medicine, integrative medicine.

Монголия - страна необъятных просторов с нетронутой природой и уцелевшей самобытной культурой. Низкая плотность сельского населения и концентрация населения в крупных городах как бы разделили страну на две разные Монголии. Одна – сохраняет юрточный быт и животноводство как главный источник доходов семьи, другая - живет в многоэтажках, работает в офисных центрах и учит детей на западе. Огромные возможности инвестиций в экономику и готовность монголов трудиться за сущие копейки предоставляют зарубежным инвесторам шанс не только заработать, но и погрузиться в повседневную жизнь и культуру Монголии. Постсоциалистические перемены позволили монголам пересмотреть отношение к едва не утраченным в XX веке уникальным пластам национальной культуры и приступить к их возрождению и интеграции в современность. Настоящим достоянием, нуждавшимся в скорейшей реабилитации и претендующим стать символом Монголии в мире, была традиционная медицина Монголии (ТММ).

Возраст ТММ и самого понятия «традиционная медицина Монголии» до сих пор дискутируется. Господствует мнение, что становление ТММ относится к периоду распространения буддизма в XVII веке, но есть и те, кто датируют ТММ по археологическим артефактам давностью в тысячу и более лет (1, с.1). Исторические источники, изученные в последние десятилетия, расширяют знания о переносе культурных традиций и вкладе иных восточных медицин в ТММ. Из них следует, что древняя Монголия сама являлась оригинальным этнокультурным явлением и «страной-экспортером» медицинских знаний в соседние культуры. В классическом трактате тибетской медицины «Чжуд-ши» встречаются названия «монгольское прижигание» и «монгольское кровопускание», а также добуддистские свидетельства, что монголы «хорошо знают многие лекарства и хорошо лечат монгольскими способами». Переводы тибетских трудов на монгольский язык осуществлялись в дацанах эмчи-ламами. Обучение в Тибете позволило эмчи-ламе Данзанжалцану дополнить добуддистскую монгольскую медицину трактатами о детских, женских болезнях и инфекционных болезнях. Он же в сочинении «Дузи-сэгма» описал болезни трех регулирующих систем «рлунг, мкхрис и бад-кан». Руководства, переведенные и созданные Данзанжалцаном, снабжены подробными рецептурными справочниками и комментариями, а знаменитый трактат «Чжуд-ши» со стихотворным изложением учения о больном и здоровом организме, о болезнях и способах их лечения, стал основой основ монгольской медицины. Многостраничные пояснения к «Чжуд-ши» известны как «Вайдурья-онбо». В буддистских монастырях концентрировались и переводились оригинальные тибетские тексты, составлялись толковые словари к ним, создавались собственные сочинения монгольских авторов. Переводчик и толкователь классического текста «Лхантаба» - Лунгриг Дан-дар создал «Историю тибетской медицины». В XIX в. большой вклад внес Жамбал-Дорчжэ. В его фармакологическом трактате «Ойдзик-дзэйцар-мр чжан» подробно описаны лекарственные растения Монголии, приведены их рисунки с названиями на тибетском, китайском, монгольском и маньчжурском языках, описаны лекарства животного и минерального происхождения.

Обращение за помощью к эмчи-ламам было естественным для монголов, так как буддизм не нарушал родовых традиций и разделял, что в суровых условиях выживание и процветание возможны лишь при глубоком понимании природы, которая сама дает человеку средства спасения. Доверие к эмчи-ламам подкреплялось их своеобразным кодексом, по которому эмчи-лама *должен быть так же осторожен при лечении больного, как если бы он переносил полную чашу масла через высокий забор под угрозой казни за то, что прольет масло* (2, с. 1).

Приверженность монголов ТММ объясняется не только исторической и природной связью, но и неоднозначным отношением к западной биомедицине с ее дроблением на узкие специальности, затратностью и труднодоступностью. Научная биомедицина, несмотря на инновационные подходы, все еще не справляется со многими заболеваниями, а само лечение чревато тяжелыми осложнениями. Медицинские сенсации XXI века, такие как таргетная терапия при онкологических, ревматологических и других заболеваниях, как выяснилось, не безопасны, и, успешно воздействуя на главный механизм болезни, могут ослаблять механизмы защиты от других заболеваний. Монгольские пациенты и медики опасаются, что биомедицинское лечение, блокирующее отдельные механизмы болезни, не может нести гармоничного здоровья. *Понимание здоровья как баланса и взаиморегуляции всех систем целостного организма - вот главное преимущество ТММ, привлекающее к ней больных людей как на родине, так и за ее пределами.*

Сосуществование древней восточной медицины и современной биомедицины не бесконфликтно. Оправдывая присутствие на фармацевтическом рынке не безопасных лекарств, преодолевших «фильтр» доказательной медицины, научная медицина нетерпимо относится к лекарствам и методам традиционной медицины, не прошедшим контролируемые клинические исследования, и навешивает на традиционные медицины востока ярлыки «донаучной медицины». «Бездоказательной» ТММ приходится искать компромисса, так как в традиционной медицине невозможен дизайн массовых слепых исследований, противоречащих самой сути индивидуального подхода к больным. Врачебные навыки также не поддаются стандартизации и совершенствуются всю жизнь. Крайне трудно провести аналогию, например, между пульсовой диагностикой в исполнении эмчи-ламы и аппаратной сфигмометрией. Заведомо некорректно сравнивать эффективность лекарства из многокомпонентного природного сырья и препарата, синтезированного по формуле. Эти противоречия принципиальны и глубоки, но по отдельным пунктам наметились сдвиги. Современная биомедицина остро нуждается в расширении возможностей и начинает постепенно осознавать, что доказательная медицина не универсальна и не безупречна, и, при ее бесспорной пользе, имеет «узкие места». Сближение ТММ и биомедицины могло бы быть полезным в лечении аутоиммунных заболеваний, реабилитологии, паллиативной помощи. Но пока ТММ остается преимущественно в этнической нише, не требующей иных доказательств эффективности и безопасности кроме многовекового опыта применения и природного происхождения компонентов.

В Монголии клиники ТММ многочисленны, конкурируют друг с другом и дорожат репутацией. Часть клиник ориентирована на любителей экзотики, большинство работает с местными потребителями, разбирающимися в качестве услуг. О профиле клиники, возможностях диагностики и лечения, и квалификации специалистов можно узнать на сайте. Очень популярны клиники, где работают врачи-выпускники последипломного курса Улан-Баторского медицинского университета ТММ, имеющие лицензию врача традиционной медицины. На сайтах рядом с названиями заболеваний по международной классификации болезней (МКБ), встречаются доморощенные формулировки вроде «болезней живота». Такая размытость формулировок связана с тем, что обращение в клинику ТММ может быть вызвано желанием облегчить некие симптомы в определенной области тела. Многие клиники сочетают методы ТММ и биомедицины, например, проводят традиционную пульсовую диагностику, а также электро- и эхокардиографию, что привлекает пациентов. Появляются и новые «компромиссные» методы лечения, вроде групповых медитаций, которые ошибочно воспринимаются как аутентичные.

В основе ТММ лежит подход к организму человека как к единому целому. Суть болезни понимается как нарушение баланса в целостном неповторимом организме, а суть лечения - как процесс восстановления этого баланса. Такой подход интересен пациентам, воспитанным в разных культурах, особенно после негативного опыта обращения к биомедицине с ее стандартизацией лечения и узкой специализацией врачей. Отсутствие инвазивных исследований, редкие побочные действия лекарств, доступность лечения также благоприятствуют выбору ТММ. Пациенты с хроническими заболеваниями предпочитают клиники интегративного типа, в которых ставят двойной диагноз: один - по МКБ, другой – по канонам ТММ, и лечение тоже интегративное. Лучшей такой клиникой являются стационар и поликлиника Государственной Корпорации Традиционной Медицинской Науки, Технологии и Производства (ГКТМНТП), где применяют как немедикаментозное лечение: иглоукалывание, прижигание, прогревание, кровопускание, точечный и монгольский массаж (монгол бариа), ванны, методики очищения и коррекции веса, так и лекарственную терапию препаратами, созданными по традиционной технологии из экологически чистого сырья (3, с. 17). Миссией Корпорации было и остается всестороннее изучение ТММ и интегрирование ее в мировую медицину, а также подготовка врачей ТММ. В Корпорации ведутся многолетние исследования традиционного сырья и его природных источников, выращивание и сбор растительного сырья в заповедных угодьях, действует собственное производство лекарств, проводятся их клинические испытания и экспертиза, тестируются интегративные программы диагностики, лечения и профилактики болезней. Проводится тщательное сопоставление свойств современного лекарственного сырья с образцами из собранных коллекций и оценка пригодности современного сырья для изготовления лекарств по древним рецептам и технологиям. Восстановление рецептуры и технологии приготовления лекарств по древним переводным текстам не только продолжает национальную традицию, но и позволяет вернуть в аптеки эффективные натуральные лекарства. При этом глубоко изучается всё: место произрастания, сроки сбора, условия хранения, тонкости приготовления лекарств и их эффективность и безопасность. Остаются неизученными лишь особенности ответа организма современных жителей Монголии на аутентичные лекарства, но эти признаки уже утратили пары для сравнения.

Ученые разных специальностей и стран занимаются исследованиями в ТММ встречаются на международных конференциях. Симпозиумы по ТММ проводятся как в самой Монголии, так и во Внутренней Монголии в Китае, а также в России в Бурятии. *Главной целью международного сотрудничества в изучении ТММ является обогащение мировой медицины багажом знаний и опыта ТММ и других ветвей восточной медицины*.

Литература:

1. Sh. Bold. Brief history and development of traditional Mongolian medicine http://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/en/wipo_iptk_bkk_09/wipo_iptk_bkk_09_topic6_1.pdf (дата обращения 08.01.2018)
2. Т.С. Варламова. Традиционная медицина в Монголии. Электронный ресурс; http://mongolnow.com/med_tradit.html
3. Dagvatseren B., Chimedragchaa Ch., Narantsetseg G. Review of 50 years study results on traditional medicine with scientific basis//Journal of Mongolian Medicine Science. 2009. Vol. 3. No.149. P. 17-19.

Традиционная экологическая культура в контексте современного массового сознания

Сметанина Т.А.

Нижегородский государственный педагогический университет им.К. Минина, доцент. Кандидат философских наук

TanSmetan@yandex.ru

Аннотация: Опыт традиционной экологической культуры анализируется автором с точки зрения его преломления в массовом сознании постиндустриального общества. Человек традиционной культуры представлял общество как часть единого организма Вселенной. Поэтому в отношениях с природой опирался на принципы взаимозависимости и взаимной пользы. В статье исследуются разнообразные формы трансформации этого опыта в современных социокультурных практиках. Экофильские установки антиглобалистов, различных молодёжных субкультур, традиционных и нетрадиционных религиозных течений демонстрируют тенденцию к переосмыслению традиционной экологической культуры. Она начинает выступать, как альтернативный вариант социокультурной организации, и, одновременно, как путь индивидуального духовного самосовершенствования. Архаический опыт трансформируется и приобретает футуристическое измерение. Синкретичность массового сознания способствует синтезу ценностных установок разных культур, в том числе, традиционных, и формированию новой экологической этики.

Ключевые слова: природа, общество, традиционная культура, экологическая культура, субкультура, антропоцентризм.

Traditional ecological culture in the context of modern mass consciousness.

***Smetanina T.*A.**

Nizhny Novgorod State Teachers' University Minina

Abstract: Experience of traditional ecological culture is analyzed by the author in terms of its refraction in the mass consciousness of post-industrial society. The man of traditional culture represented society as part of a single organism of the universe. Therefore, in relations with nature relied on the principles of interdependence and mutual benefit. The article explores various forms of transformation of this experience into modern sociocultural practices. Ecophilic attitudes of anti-globalists, various youth subcultures, traditional and non-traditional religious movements demonstrate a tendency to rethink traditional ecological culture. It begins to act as an alternative version of the sociocultural organization, and, at the same time, as a way of individual spiritual self-improvement. The archaic experience is transformed and acquires a futuristic dimension. The syncretism of mass consciousness contributes to the synthesis of values of different cultures, including traditional ones, and the formation of a new ecological ethic. Experience traditional culture in the development of new environmental ethics

Keywords: nature, society, traditional culture, ecological culture, subculture, anthropocentrism.

Осмысление глобального масштаба современных экологических проблем, поиск адекватной современности модели устойчивого развития, новых оснований экологической этики, как ни странно, делают проблематику, связанную с традиционной экологической культурой, все более востребованной. Эта тенденция наблюдается не только в научном сообществе, но и в массовом сознании индустриально развитых стран. Поэтому представляется важным выявление мировоззренческих основ традиционной экологической этики, а также исследование существующих вариантов ее трансформации в современных социокультурных практиках.

Человеку традиционной культуры общество представлялось неотъемлемой частью Вселенной как целостного и гармоничного организма, поэтому в своих взаимоотношениях с природой он исходил из принципа взаимности. Эта этическая установка традиционного природопользования получает широкое распространение в массовом сознании постиндустриальных обществ. Современные противники глобализации справедливо отмечают, что ее либерально-рыночный вариант, воплощенный обществом потребления «пренебрегая явным фактом экологической перегрузки нашей планеты, решительно отвергает всякие принципы аскетизма, этики, самоограничения, трудовой аскезы» и стимулирует процветание «ориентированных на гедонизм, телесные удовольствия эгоистических индивидов-потреби-

телей» [1, с.134-135]. В данном контексте экологическая культура традиционного общества получает более широкую трактовку - как некая альтернатива существующей социокультурной организации, и как путь индивидуального духовного самосовершенствования, приобретая футуристический аспект.

В массовом сознании эта линия находит выражение в романтизированных экофильских установках современных субкультур. Вариации на тему защиты живой природы чрезвычайно разнообразны: от вегетарианства, экологических поселений, объединений «зеленых» и молодежных контркультурных течений, отрицающих идеал техногенной, урбанизированной культуры (хиппи, толкиенисты и др.), до нетрадиционных религиозных движений неоязычников, носителей сознания «New age», псевдоиндуистских течений и отечественных последователей Порфирия Иванова, Виссариона, Анастасии.

Одним из следствий религиозного ренессанса постсоветского периода стала популяризация нравственных установок на самоограничение, регламентацию потребностей, гармонизацию отношений в социуме и Вселенной. Концептуальный документ «Основы социальной концепции Русской православной церкви», принятый в 2000 году, содержит отдельный раздел «Церковь и проблемы экологии». Там декларируется базовый для христианского вероучения принцип цельности мироздания, взаимосвязи мира природного и человеческого, которые не следует рассматривать как обособившиеся, замкнутые структуры. Эгоистически-потребительское отношение к природе оценивается как неправедное: «С христианской точки зрения природа есть не вместилище ресурсов, предназначенных для эгоистического и безответственного потребления, но дом, где человек является не хозяином, а домоправителем, а также храм, где он – священник, служащий, впрочем, не природе, а единому Творцу» [2, с.161]. Подчеркивается антропогенный характер экологических проблем, которые являются следствием непонимания данного порядка вещей.

Представления о тесной взаимозависимости природного и человеческого мира, наличии причинно-следственной связи между процессом духовного совершенствования, или деградации человека и качеством природной среды, составляют основу мировоззрения традиционной культуры. Это прослеживается в самых разных этнических традициях, включая и русскую. Религиозный ренессанс последних лет стимулирует повышенный интерес к традициям и ценностям христианской культуры, как одной из доминирующих конфессий. В результате мы наблюдаем парадоксальную ситуацию - возрождение в новых формах тех архаичных элементов восприятия мира, которые, активно вытеснялись из массового сознания в ходе индустриализации и урбанизации общества.

В отечественной культуре данный процесс во многом связан с традициями «народного православия». Оно столетиями формировалось как синтез, с одной стороны, христианского вероучения, которое проповедовалось официальной церковью и транслировалось письменной традицией, с другой - дохристианских языческих верований, уходящих корнями в устную традиционную культуру древних земледельцев. Поскольку «народное православие» складывалось в условиях аграрного общества, существенную роль в нем играла аграрная магия. До начала XX века большинство населения России оставалась сельским, сохраняло традиционную крестьянскую культуру. Сегодня же мы наблюдаем существенную трансформацию этой традиции, ее адаптацию к современной урбанизированной среде. Календарные земледельческие праздники, утратили свою тесную связь с хозяйственным циклом и приобрели новую функцию - маркера, подчеркивающего принадлежность человека или сообщества к определенной этнокультурной традиции. Аграрная магия, составлявшая когда-то важнейшую смысловую часть обрядов традиционного праздника, вытесняется развлекательным, игровым началом, успешно встраиваясь в современную массовую культуру.

Но магическое отношение к миру и сегодня присутствует в массовом сознании. Изначально оно предполагало возможность человека направленно воздействовать на природу, других людей и сверхъестественные силы. Правильно совершив определенные обрядовые действия, человек ожидал нужного результата. Как он достигается - оставалось для него тайной. Наш современник весьма похоже воспринимает чудеса новых технологий: механизм их действия остается непонятен, главное – правильный алгоритм действий, позволяющий получить желаемый результат. Повседневное жизненное пространство современного человека пронизано множеством виртуальных миров. Эта новая реальность кардинально преобразует наши пространственно-временные представления. Цифровые технологии позволяют погрузиться в макро или нано миры, осуществлять коммуникацию в глобальных масштабах. Это формирует иллюзорное убеждение в том, что природные процессы полностью контролируются человеком. Но наряду с этим растет чувство беспомощности и зависимости от современных технологий. В этом заключается одна из причин наблюдаемого сегодня парадоксального процесса - мифологизации и архаизациии массового сознания. Урбанизированная, техногенная среда порождает новую демонологию. На смену традиционным русалкам, лешим, водяным, пришли одушевленные персонажи, олицетворяющие жизненную среду современного мегаполиса. Примером могут служить популярные представления о полтергейсте, барабашках, «хороших» и «плохих» энергетических зонах, таинственных пришельцах.

Поскольку массовому сознанию свойственен синкретизм, разные по содержанию, происхождению и времени зарождения пласты культуры способны в нем мирно сосуществовать. Новые мировоззренческие установки и заимствования наслаиваются и переплетаются с уже существующими традиционными формами. Эта черта является важной характеристикой как традиционной, так и в современной культуры. В народном православии церковно-христианское учение сотворении мира веками сосуществовало с языческим ощущением всеобщей взаимосвязи и родства. Библейский постулат об уникальности человека, как обладателя бессмертной души, дающего имена другим божьим тварям, для русского крестьянина ничуть не отменял привычного одушевления природных стихий, с которыми он сталкивался в повседневной жизни, и от которых зависело его выживание.

В народной культуре синкретизм проявляется также в отсутствии дифференциации на отдельные сферы общественной жизни: хозяйственную практику, рациональный опыт, искусство, религию, право. Использование природных ресурсов регламентировалось не только практической целесообразностью и традиционными технологиями, но и религиозно-мифологическими представлениями о принципах взаимодействия природного и человеческого мира.

В современном массовом сознании синкретизм не только сохраняется, но и получает новые импульсы для своего развития. Постмодернистская установка на культурный плюрализм и всеядность массовой культуры формируют эклектичность и мозаичность культурного пространства. В нем причудливо сосуществуют и переплетаются православное богословие, неязыческие знахари, гороскопы, экстрасенсы, уфологи, мода на Фэн-шуй и популярная наука. Самые разные этнические и религиозные традиции, философские, научные, эзотерические учения, зачастую, оцениваются массовым человеком как равнозначные. При этом растет популярность концепций, воспринимаемых жителями мегаполисов как альтернатива рационально-научной и техногенной цивилизационной парадигме. Последняя воспринимается все более критично и благодаря активной просветительской деятельности экологических активистов. Традиционная модель, напротив, часто лишена критической рефлексии и обретает черты утопического идеала.

Привлекательность традиционной культуры придает ее органичная связь с локальной территорией, уникальным ландшафтом, климатом, экосистемой. Эта природная среда осмыслялась как важная культурная ценность. Отсюда и возникало у человека чувство глубокой укорененности в этом мире, сегодня, к сожалению, почти утраченное. Экологическая оставляющая традиционной культуры включала идеи сознательного самоограничения, ответственности перед предками, потомками и всеми живыми существами.

Современная идея расширенного потребления пока доминирует в массовом сознании развитых стран. Но наряду с этим прослеживается тенденция переосмысления опыта народной культуры, адаптации его к современным реалиям. Осознание последствий нарастающих экологических проблем породило тренд на экологическую безопасность, ресурсосберегающие технологии, устойчивое развитие, который находит выражение как на государственном уровне – в целенаправленной разработке программ экологического воспитания, образования, просвещения населения, так и на стихийном уровне – в эклектическом увлечения общества различными «нетрадиционными» учениями и практиками, а по сути своей, апеллирующими к традиционным экологическим ценностям. Вторая тенденция ведет к мифологизации и архаизации обыденного сознания.

Литература:

1. Кирвель Ч.С. Глобализационный проект унификации мира как эпохальная иллюзия // Россия: многообразие культур и глобализация. М. 2010. С.134-135.
2. Основы социальной концепции Русской православной церкви. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/osnovy-socialnoj-koncepcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi (дата обращения 20.02.2017).

Конвергентные технологии «двойного назначения»: тенденции социокультурной трансформации

Гнатик Екатерина Николаевна

Российский университет дружбы народов, профессор кафедры онтологии и теории познания. Доктор философских наук

ekaterinagnatik@rambler.ru

Аннотация: Работа посвящена проблематике NBIC-конвергентных технологий, сфокусированной на возможностях овладения закономерностями развития искусственной реальности, находящейся за границами естественных характеристик человека, его сознания, возможностей мышления и способа бытия. Высокотехнологичные новшества создают условия для трансформации форм общения, становятся предпосылкой изменения традиций и формирования иных ценностей. В условиях научного прогресса все более четкие очертания приобретает ориентация человека не на личностное совершенствование, а на преобразование мира средствами технонауки. Значительно расширились возможности применения новых технологий в военной сфере. В целом желание преобразовывать природу и «расширять» человека превалирует. Последствием внедрения технических новшеств, большинство из которых являются технологиями «двойного назначения», может оказаться изменение общественного устройства и возникновение социума, в котором искусственный интеллект и виртуальная реальность станут доминантой во всех важнейших сферах бытия. В этой связи возникают сложные проблемы (конкретно-научные и морально-этические), те или иные решения которых будут определять облик цивилизации грядущего.

Ключевые слова: технологии «двойного назначения», искусственный интеллект, социокультурная трансформация, аксиологическая ориентация научного познания

Converged dual-use technologies: sociocultural transformation trends.

Gnatik Ekaterina N.

Russia People's Friendship University - Department of Ontology and Epistemology

Abstract - The work is devoted to the problems of NBIC-convergent technologies, focused on the possibilities of mastering the laws of development of artificial reality, which is beyond the boundaries of a person's natural characteristics, his consciousness, possibilities of thinking and way of being. High-tech innovations create conditions for the transformation of forms of communication, become a prerequisite for changing traditions and the formation of other values. Under the conditions of scientific progress, a person's orientation does not take on personal improvement, but on the transformation of the world by means of techno-science. The consequence of the introduction of technical innovations, most of which are "dual-use" technologies, may turn out to be a change in social structure and the emergence of a society in which artificial intelligence and virtual reality will dominate in all the most important spheres of life. In this regard, complex problems arise (specifically scientific and moral-ethical), one or another solution of which will determine the face of the civilization to come.

Keywords - dual-use technologies, artificial intelligence, sociocultural transformation, value orientation of scientific knowledge

[i] Технонаука всерьез приступила к формированию качественно новой техносферы. Мир возможного стремительно расширяет свое присутствие буквально на наших глазах. NBIC-технологии существенно влияют на мировоззрение и на представления о будущем человеческой цивилизации, что свидетельствует о беспрецедентном возрастании роли субъекта в теоретическом и практическом освоении человеком мира.

Огромные средства выделяются государствами на создание и функционирование исследовательских центров, нацеленных на создание проектов, кажущихся ранее невероятными и по сути являющихся технологиями «двойного назначения». Оказывая влияние на медицину, экологию, энергетику, военную сферу, сферу потребления, идеологию, конвергентные технологии потенциально способны привести к социокультурной трансформации, т.е. к изменению образа жизни, смене форм коммуникации и возникновению новых социальных общностей, активно использующих новые возможности нейроинтерфейсов и виртуальной реальности. Последствием внедрения технических новшеств может оказаться смена социальной парадигмы и формирование общества, в котором синтетическая реальность станет доминировать во всех значимых сферах человеческой деятельности.

На современном этапе активно идет процесс создания интеллектуальных систем, не уступающих человеку в решении некоторых прикладных задач. Так, искусственный интеллект практически догнал человека в возможностях распознавания лиц, разговорной речи, выделения и распознавания объектов на изображениях.

Известно о создании специальных устройств, облегчающих страдания людей с различными аномалиями здоровья (при параличе, эпилепсии и пр.). Сегодня появились возможности, например, мысленно набирать буквы на мониторе компьютера, синтезировать голос человека, потерявшего речь, облегчать эпилептические приступы и др. [1, с. 199].

В течение последних лет резко ускорился процесс создания роботов-андроидов, ширится сфера их применения (это и ведущие в телестудии, и секс-роботы и т.п.). Подобные перспективы вызывают немалые опасения. Например, известно, что в Японии обсуждается идея использования роботов, способных имитировать различные эмоции, в домах престарелых для общения с пожилыми людьми. Безусловно, это решение, если оно будет принято, может положить начало поистине тектоническим сдвигам в применении человеком робототехники.

Стремительное развитие и внедрение в практику наукоемких технологий существенно осложняют возможность прогнозирования и предупреждения угроз. Например, опасность представляет неоправданная доступность описаний некоторых технических решений во Всемирной паутине. В частности, одно из самых динамично развивающихся направлений мировой и отечественной науки - аддитивные технологии (технологии 3D-печати), позволяющие изготавливать на специальных принтерах различные сложные объекты, работать напрямую с геометрией изделия в виде трехмерной модели. Аддитивные технологии способны произвести революцию в строительстве, позволяя заметно сократить сроки и минимизировать затраты, в том числе логистические, обеспечивая мелкосерийное производство требуемых деталей и конструкций непосредственно на месте. К примеру, 3D-технологии могут оказаться просто незаменимыми в условиях Арктической зоны с ее вечной мерзлотой и другими сложностями. Наряду с этим, злоумышленники получают возможность скачать необходимое программное обеспечение для 3D-принтера и напечатать на нем действующие образцы оружия и боеприпасов.

Кроме постоянного процесса усовершенствования технологий интеллектуального анализа изображений, развития технического зрения и т.п., ведутся разработки различных видов военной техники будущего: ударно-разведывательные нано-роботы, мобильные нано-датчики разведки, технологии оценки обстановки («умная пыль»), биомеханические микроорганизмы и многое другое. На базе искусственного интеллекта также планируется создание интеллектуальных технологий голосового управления летательными аппаратами, робототехническими военными комплексами и т.п. [2, с. 9].

Мировым лидером в деле создания технологий двойного назначения является Агентство передовых оборонных исследовательских проектов США DARPA. В его стенах разрабатываются «военные новшества», которые впоследствии смогут применяться и для иных целей: синтетическая кровь, пули с лазерным наведением, роботы, передвигающиеся и балансирующие как животные, кибернетические насекомые в качестве невидимых разведчиков и многое другое.

Известно, что аналог американского DARPA в России - Фонд перспективных исследований (ФПИ) - планирует использовать последние научные достижения в принципиально новых областях, например, в сфере квантовой обработки информации. Предполагается, что у квантовых технологий большой потенциал нее только в «мирной сфере» (здравоохранение, банковское дело, технологии «умного города» и др.), но и в военном деле. Еще один из векторов деятельности этого отечественного фонда – разработка основ медицинских технологий для обеспечения управляемых гипобиотических состояний человека. Работы в сфере регулирования «биологического времени человека», ориентированные на создание возможности обратимого замедления метаболизма, ведутся в рамках проекта «Защитник будущего». Основная задача исследований – поиск способов и механизмов резистентности организма военнослужащего к различного рода повреждающим факторам в экстремальных условиях. К чему приведет применение этой и иных технологий, пока остается только гадать.

Непрерывно расширяются возможности применения искусственного интеллекта в военном деле. Это вполне объяснимо, ведь в определенных операциях человек значительно проигрывает умным ма-

i Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 19-011-00383/19 "Био- и эко-философия в современной культуре".

шинам (в скорости обработки информации, выносливости и пр.). Использование искусственного интеллекта может реально повысить эффективность решений, скорость их принятия и реализации, но при этом наверняка создаст множество трудноразрешимых проблем. Скорее всего, сформулировать эти проблемы в полном объеме на современном этапе невозможно, но уже выкристаллизовываются проблемы взаимоотношений человека и машины, главная из которых, судя по всему, заключается в соотношении разных типов мышления человека (образного) и искусственного интеллекта (цифрового). Ведь у человека «смысловое значение информации представлено не дискретными логическими массивами ячеек памяти компьютера, а ассоциативными образами, сочетающими в себе информацию из различных, иногда перекрывающихся или взаимозаменяемых (синестезия) зон коры головного мозга» [1, с. 200].

Итак, технологии перестали быть нейтральными по отношению к человеку, они нацелены на трансформацию его природы, сознания и жизнедеятельности. Существующие тенденции практически немедленного внедрения новшеств, с нашей точки зрения, не должны рассматриваться как неизбежные, закономерные, а потому – однозначно приемлемые, поскольку многие из них потенциально заключают в себе серьезные опасности. Перед человечеством стоит сложнейшая задача - избежать нежелательных последствий внедрения высоких технологий. В этой связи важнейший вопрос, связанный с внедрением НБИК-технологий, звучит так: что из принципиально возможного с научной точки зрения, а также потенциально осуществимого технически и технологически одновременно является приемлемым для человека и общества? В настоящее время аксиологическая ориентация научного познания необходима как никогда ранее и должна оказывать конструктивное влияние на развитие науки.

Литература:

1. Дурнев Р.А., Крюков К.Ю., Титов А.Е. Искусственный интеллект: комплексный анализ состояния и перспектив разработки // Инноватика и экспертиза. 2019. № 1(26). С. 190-202.
2. Буренок В.М., Дурнев Р.А., Крюков К.Ю. Разумное вооружение: будущее искусственного интеллекта в военном деле // Вооружение и экономика. 2018. № 1(43). С. 4-13.

Биофилософия – «новый синтез» знаний о живой природе

Хен Ю. В.

Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник, доктор философских наук

hen@iph.ras.ru

Доклад посвящен рассмотрению традиционной для философии проблемы - проблемы соотношении биологического и социального в человеке. Отмечается, что в 70-х гг. XX века естественные и социальные науки накопили достаточный информационный багаж для создания комплексной теории человека. Теорией, осуществившей «новый синтез» стала концепция О.С. Уилсона, получившая название социобиология. С течением времени, однако, выяснилось, что, вопреки ожиданиям адептов социобиологии, действительного синтеза научных знаний не получилось, преодолеть фрагментарность информации и профессиональную специализацию не удалось. Сегодня на смену социобиологии приходит биофилософия, рассматривающая комплексное описание человека как частную проблему целостного восприятия живой природы.

Ключевые слова: социобиология, биофилософия, философия биологии, синтетический подход, гуманитарная экспертиза, Э.О. Уилсон, Р.С. Карпинская

Biophilosophy – a “new synthesis” of knowledge about nature

Yulia V. Khen

Institute of Philosophy (Russian Academy of Sciences),

Abstract. Problem of correlation between biological and social in man is traditional for philosophy. Until recently, the most influential theory in this area was considered sociobiology. Today instead it comes another view at problem-biophilosophy. Over time, however, it turned out that, contrary to the expectations of the adherents of sociobiology, the actual synthesis of scientific knowledge failed, to overcome fragmentation of information and professional specialization failed. Today, sociobiology is being replaced by a biophilosophy that considers a complex description of man as a private problem of holistic perception of wildlife.

Key words: Sociobiology, biophilosophy, philosophy of biology, synthetic approach, humanitarian expertise, E.O. Wilson, R.S. Karpinskaya

[i] Название темы является очевидной отсылкой к работам известного ученого, профессора Гарвардского университета Э.О. Уилсона, который в 70-х годах прошлого столетия поставил перед собой задачу объединить весь массив научных знаний о человеке (как биологических, так и социальных) накопленных к тому времени, в единую теорию. Предполагалось, что такой синтетический подход позволит охватить все многообразие проявлений человеческой природы, избежав при этом как биологизаторства, так и социологизаторства. Книга получила название “Социобиология: новый синтез” (1975) и была встречена с энтузиазмом представителями самых разных научных специализаций. Это показывает, насколько назревшей была проблема, и насколько востребованной была теория, дающая комплексное представление о человеке. И в течение довольно продолжительного времени социобиология («законченная система мировоззренческих установок, существующих на стыке различных наук»), воспринималась как достойный ответ на данную потребность.

Как и в случае с дарвинизмом, главной причиной интереса к социобиологии (в том числе и со стороны «широкой общественности») было то обстоятельство, что в рамках нее стало возможным решение (нередко – мнимое) целого ряда «гуманитарных» проблем. Так, например, в рамках означенной теории получило *естественное* объяснение происхождение морали, источник свободы, рациональность, генезис социальной агрессии, альтруизм и эгоизм. Новым (и достаточно революционным) в социобиологическом подходе оказалось то, что истоки широкого спектра социальных проблем находились в природе человека, в его биологической сущности, и рассматривались как продукт длительного эволюционного процесса. Таким образом, довольно скоро стало понятно, что социобилогия, вопреки заявленной Э.О. Уилсоном задаче, в теоретическом плане мало чем отличается от социал-дарвинизма (с поправкой на политкорректность). Никакого «нового синтеза» не вышло, невзирая на новейшие

i Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Проект №19-011-00383/19 “Био- и эко-философия в современной культуре”

данные наук о человеке, накопленных к тому времени в большом количестве. Не улучшило ситуацию и то, что каждый из участников полемики рассматривал объект со своей профессиональной «колокольни». Биологи, экономисты, психологи, социологи и т.д. – каждому из представителей профессионального сообщества человек виделся по-другому, и каждый был, конечно, прав. Но свести воедино все эти образы и дать ответ на вопрос «что есть человек», так и не удалось. Синтез не случился. Информация о человеке продолжала накапливаться и потребность в ее корректном объединении сохранялась.

Ответом на трудности и проблемы социобиологии явилось, в частности, направление, начало которому положила Р.С. Карпинская, сотрудник Института философии РАН, обладавший (что очень удачно и редко) двумя образованиями: философским и биологическим. Это обстоятельство, несомненно, способствовало «продвижению проблемы» создания объединительной теории. Регина Семёновна стояла у истоков отечественной философии биологии, являлась соавтором первых вузовских учебников по философии естествознания (совместно с А.П. Огурцовым и И.К. Лисеевым), была организатором и первым руководителем сектора философии биологии в Институте философии Академии наук (ИФАН). Она была активным участником и организатором научной жизни института, бесчисленных семинаров и конференций, проводившихся как на территории СССР, так и за рубежом. Ни один серьезный диспут по проблемам философии биологии не обходился без её принципиальных выступлений и оригинальных идей. Международные связи Регины Семёновны были чрезвычайно широки, и даже спустя десятилетие после ее кончины на её имя в институт продолжали приходить письма из разных уголков земного шара, приглашавшие ее поучаствовать в очередном обсуждении животрепещущих проблем философии биологии.

Идея Уилсона о создании нового видения человека, основанного на новейших данных различных наук, очень привлекала Р.С. Карпинскую, но недостатки социобиологии, все более проявлявшей склонность к редукционизму, были для нее также очевидны, как и для большинства философов. Поэтому она выступила инициатором нового, более мягкого подхода, который предложила называть «биофилософией», и который должен был вобрать в себя все лучшее, что было достигнуто в рамках социобиологии и других концепций из этой сферы. Причем, основной целью ей представлялся не просто «новый синтез», т.е. новое, более точное представление о человеке, а новое видение места человека в мире, переход от антропоцентризма к биоцентризму. Поскольку только такой подход позволяет не только по-настоящему понять сущность человека, но и указать ему истинное место в экосфере, а значит, и определить реальные пути к выживанию. Тем самым она предвосхитила те преобразования в экологическом движении, которые мы наблюдаем сегодня. В соответствие с ее представлениями, биофилософия – это «новейшее направление в философском осмыслении жизни, связанное с разработкой гуманистической проблематики. В нее включены проблемы единства жизни на Земле, жизни как высшей ценности человеческой культуры, обсуждение возможных путей сохранения жизни на Земле и соответственно путей изменения образа науки, ее идеалов и норм. *Ценностная* ориентация научного исследования становится важнейшей в определении перспектив развития биологии и обретения ею лидирующих позиций в естествознании. Эта ценностная ориентация не привносится извне, но *осознается и обговаривается* самими естествоиспытателями. Свидетельство тому - возникновение своеобразных концепций, имеющих своей конечной целью именно общегуманистические заключения о перспективах человечества (социобиология, биоэтика, биологический структурализм, биополитика и др.)» [7, с. 229].

Литература:

1. Биофилософия. М.: ИФ РАН, 1997. 250 с.
2. Глобальный эволюционизм (филос. анализ). М.: ИФ РАН, 1994. 151 с.
3. Карпинская Р. С. Биология и мировоззрение. М.: Мысль, 1980. 208 с.
4. Карпинская Р. С. Глобальный эволюционизм и науки о жизни // Глобальный эволюционизм. М.: ИФ РАН, 1994. С. 4–23.
5. Карпинская Р. С., Лисеев И. К., Огурцов А. П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. 352 с.
6. Карпинская Р. С. Биология и гуманизм // Философия биологии: вчера, сегодня, завтра. М.: ИФ РАН, 1996. С. 3–25.
7. Карпинская Р. С. Биофилософия – новое направление исследования //Философия биологии в новом диалоге с природой. К 90-летию со дня рождения Р.С. М.: ИФ РАН, 2018. С. 229-233.
8. Уилсон Э.О. О природе человека. М.: Кучково поле. 2015.
9. Философия биологии: вчера, сегодня, завтра. Памяти Регины Семёновны Карпинской: сборник. М.: ИФ РАН, 1996. 300 с.
10. Karpinskaja R. S. Die weltanschauliche Bedeutung der modernen Biologie. Gesellschaftswissenschaftlichen Beitraege. Berlin, 1978. Pp. 115–130.

Экологический контекст в социодинамике культурных традиций Запада и Востока

Зеленков А.И.

В статье рассмотрены предметно-содержательные и методологические основания масштабного исследовательского проекта, предполагающего философское осмысление и историко-научную реконструкцию процесса развития экологической культуры в различных цивилизациях и регионах мира. Одним из результатов данного проекта стало издание трехтомной антологии “Экологическая мысль народов мира”, в которой воссоздана историческая эволюция экосознания восточных славян, народов Западной Европы и цивилизаций Востока. В качестве важнейших методологических принципов, определивших цели и средства теоретической реконструкции истории развития экосознания в цивилизациях Запада и Востока, были использованы два нормативных установления. Первое из них задает формы и методы селекции эмпирического материала различных ареалов культуры с целью вычленения из них экологических и протоэкологических идей, которые содержались в мифологических, религиозно-философских, научных и художественных текстах разных времен и народов. Второе – ориентирует на системное воспроизводство предмета экологии как науки, что позволяет адекватно вычленять в ткани текстов культуры образ природы, представления о человеке как субъекте экологического отношения и доминантные формы социально-экологических ценностей и императивов.

Ключевые слова: экология, экологическое сознание, антология экологической мысли, цивилизация, культура, историко-научная реконструкция, традиция.

Ecological context in the sociodynamics of the West and East cultural traditions.

Zelenkov A.I.

Abstract. The substantive and methodological foundations of the large-scale research project, involving philosophical interpretation and historical reconstruction of the environmental culture development in various civilizations and regions of the world are considered in the article. One of the results of this project was the publication of a three-volume anthology “Ecological thought of the peoples of the world”, in which the historical evolution of eco-consciousness of the Eastern Slavs, the peoples of Western Europe and the civilizations of the East was reproduced. As the most important methodological principles that determined the goals and means of theoretical reconstruction of eco-consciousness development in the civilizations of the West and the East, two normative establishments were used. The first of them sets the forms and methods of empirical base selection in various cultural areas in order to separate environmental and protoecological ideas from them. These ideas were contained in mythological, religious, philosophical, scientific and artistic texts of different times and various cultures. The second - focuses on the systemic reproduction of the subject of ecology as a science, what allows us to adequately separate in the content of cultural texts the image of nature, the concept of a person as a subject of environmental relations and dominant forms of socio-ecological values and imperatives

Key words: ecology, ecological consciousness, anthology of ecological thought, civilization, culture, historical and scientific reconstruction, tradition.

В современной философской, научной, художественной литературе все более ощутимо доминирует мотив глобальной обеспокоенности за судьбы мирового сообщества в наступившем XXI столетии. Мир неотвратимо погружается в пучину пагубных конфликтов и конкуренции. Бездна, разделяющая страны и континенты, расширяется, непонимание и взаимное ожесточение нарастают. Беспрецедентный по темпам и экстенсивности социальный динамизм породил феномен нестабильности как атрибутивный признак современной эпохи.

В этих условиях весьма актуальной становится проблема поиска и обоснования адекватных форм межнациональных и даже межцивилизационных отношений в современном мире. Нередко эти отношения характеризуются весьма высоким уровнем противостояния и напряженности, что дало возможность С. Хантингтону в своей книге «Столкновение цивилизаций» провозгласить тезис о неизбывном конфликте между различными культурно-цивилизационными системами [1].

Не только согласно С. Хантингтону, но и многим его последователям и единомышленникам, определяющим вектором современной глобальной социодинамики является кристаллизация конфликтных взаимодействий по «демаркационным линиям», разделяющим различные цивилизационные типы.

Причем сегодня эти дивергентные тенденции обнаруживают себя как в экономической, политической, культурно-идеологической сферах, так и в области отношений человека и природы. Такой социально-экологический контекст взаимодействия цивилизаций Запада и Востока обретает сегодня свою безусловную востребованность и актуальность.

В связи с этим понятной и естественной представляется задача системно-содержательной реконструкции истории экологической мысли различных цивилизаций, стран и регионов мира. С известной долей условности такую задачу можно обозначить как органично скоррелированную с проблемой диалога культурных традиций Запада и Востока.

Именно в контексте этой фундаментальной проблемы на кафедре философии и методологии науки Белорусского государственного университета был разработан масштабный исследовательский проект, предполагавший философско-методологическое осмысление и историко-научную реконструкцию становления и развития экологической культуры различных цивилизаций и регионов мира. Реализация данного проекта вылилась в подготовку и издание трех книг многотомной антологии «Экологическая мысль народов мира» [2]. В опубликованных томах антологии была воссоздана историческая эволюция экосознания восточных славян, народов Западной Европы и цивилизаций Востока в различные эпохи, предшествовавшие XX столетию. В них основной акцент был сделан на рассмотрении экологических и протоэкологических идей, которые органично входили в содержание мифологических, религиозно-философских, научных и художественных текстов разных времен и народов, объединенных принципами и ценностями классического мировосприятия с его базовыми интенциями на гармонизацию отношений между человеком и природой. Понятно, что в каждой конкретной культуре и эпохе эти интенции были выражены существенно различными формами и жанрами, а иногда и радикально несоизмеримыми способами интерпретации важнейших экосоциальных отношений. Тем не менее, в них всегда можно было обнаружить осязаемое влияние классической или традиционной ценностной парадигмы, которая лишь в наступившем XX столетии начинает радикально трансформироваться под влиянием перманентно нарастающего потока научно-технологических и культурно-мировоззренческих новаций.

В первом томе антологии «Экологическая мысль восточных славян» была не только воссоздана историческая эволюция экосознания белорусского, украинского и русского народов, но и обоснованы некоторые методологические принципы исследования этой эволюции. В определенной мере они сохраняют свое значение и для теоретической реконструкции истории развития экосознания в культуре стран и народов Запада и Востока. Этой проблематике посвящены второй и третий тома антологии.

Реализация данного проекта актуализировала ряд проблем как методологического, так и предметно-содержательного характера. Укажем лишь на две из них. Прежде всего, это вопрос об определении референтной историко-эмпирической базы исследования, обосновании тех критериальных принципов, используя которые становится возможным оптимально сконфигурировать огромный культурологический материал. Дело в том, что вычленение собственно экологического контекста в истории культуры как Востока, так и Запада является весьма сложной и многослойной проблемой. Значимость этой проблемы определяется тем, что формы осмысления и интерпретации природы, а также разнообразия связей между человеком и естественной средой его обитания в различных формообразованиях классической культуры, как правило, не артикулируются в терминах специализированных языков и адекватных теоретических конструкций. Скорее, они имплицитно представлены в содержании философских, научных, художественных текстов, задавая их экологическую размерность и социоприродный смысл. Чаще всего эти экологические представления и идеи синкретично «расплавлены» в ткани культурных текстов и в строгом смысле слова являются протоэкологическими идеями и представлениями.

В качестве второй проблемы следует обозначить вычленение и экспликацию реального экологического контекста в различных формообразованиях европейской культуры и восточных ее аналогов. Адекватная интерпретация этой проблемы предполагает относительно ясный ответ на вопрос о содержательной специфике и структурной параметризации предмета экологии. Этот вопрос еще со времен Э. Геккеля, по-прежнему, остается актуальным и инициирующим перманентные дискуссии. Нельзя не согласиться с мнением американского эколога Э. Пианки, который считает, что экспоненциальный рост экологического знания выдвигает экологию в число самых сложных и в то же время перспективных научных дисциплин. «Нет другой такой дисциплины, которая искала бы объяснений для столь многообразных явлений и на столь большом числе разных уровней» [3, с. 11].

Современная экология синтезирует в себе огромный массив эмпирических знаний о различных компонентах биосферы и формах ее взаимодействия с абиотическими и социальными факторами. Корректное определение предмета экологии, выявление перспектив ее концептуализации предполагают системное объединение не только различных ответвлений экологического знания и важнейших его разделов, но и предметно-содержательных компонентов других наук, описывающих функционирование и развитие целостного социо-биосферного комплекса. Такая системная интерпретация предмета экологии позволяет органично интегрировать в его содержании как естественно-научные ее основания, так и комплекс социокультурных предпосылок взаимодействия общества и природы [4].

Приемлемой и продуктивной такая интерпретация предмета эколлогии является и для решения вопроса о селекции и конфигурировании огромного эмпирического материала из истории мировой культуры с целью вычленения его экологического контекста. Исходя из этого, на каждом конкретно-историческом этапе развития той или иной цивилизациии и ее культурного многообразия вычленялись такие компоненты в содержании религиозных, философских, художественных и научных текстов, в которых артикулировался образ природы, представления о человеке как субъекте экологического отношения и различные вариации социально-экологических ценностей и императивов. Каждый из представленных компонентов базового экологического отношения в свою очередь дифференцировался, исходя из атрибутивных его характеристик и специфической предметности.

Таким образом, изложенная схема анализа экологической мысли в пространстве культурного многообразия различных эпох и цивилизаций позволила осуществить интегративную интерпретацию феноменов экокультуры, представленных в языке философского, научного, художественного и религиозного сознания. А это, в свою очередь, явилось существенной предпосылкой создания подлинной “Антологии экологической мысли”, не редуцируемой к суммативной совокупности случайно подобранных фрагментов из различных эпох и формообразований мировой культуры.

Литература:

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон, Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО “Изд-во АСТ”, 2003 – 603, [5] с.
2. Антология экологической мысли. Восточные славяне / науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск : Харвест, 2003. – 653 с.;
   Антология экологической мысли. Западноевропейская цивилизация / науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск : Харвест, 2003. – 895 с.;
   Антология экологической мысли. Цивилизации Востока / науч. ред. А. И. Зеленков. – Минск : Харвест, 2006. – 944 с.
3. Пианка, Э. Эволюционная экология / Э. Пианка. – М.: Мир, 1981. – 399 с.
4. Подробнее см. об этом: Зеленков А.И., Водопьянов П.А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Мн., 1987, с. 71-134; Зеленков А.И. Современный инвайрэнментализм и парадигмальное пространство социальной экологии // Социология. – 2008. - № 1. – с. 43-54.; Зеленков А.И. Парадигмальный статус экологии в современной науке/ Синтез философии науки, культуры. К 80-летию академика В.С.Степина. – Минск: БГУ, 2014. – с.275-286, Зеленков А. И. Современная экология на пути от концептуального синтеза к социально-практическому статусу/ Философия и биология в новом диалоге с природой. К 90-летию со дня рождения Р. С. Карпинской. – М.: ИФ РАН, 2018.– С.88-99.

Цифровое измерение поликультурного энвайронментализма как новой цивилизационной парадигмы

Даллакян К.А.

Уфимский юридический институт МВД России, БГПУ - профессор. Доктор философских наук

dak58@mail.ru

Аннотация: Современный этап развития четвертой научно-технической революции, характеризующийся беспрецедентно высокими информационными технологиями, включая искусственный интеллект, крайне обострив противоречия экосистем различных уровней, сделал очевидным невозможность дальнейшего развития человечества в рамках господствующей техно-парадигмы. Это актуализирует необходимость утверждения новой цивилизационной парадигмы – «поликультурного энвайронментализма» как основополагающего принципа глобальной интеграции социокультурных и природных систем. Поликультурный энвайронментализм предполагает взаимодополнение различных экокультур, учет особенностей образа жизни, обусловленного спецификой окружающей природной среды, специализацию регионов на определенном производстве, оптимальном в конкретной природной среде. Особую роль в его реализации должна сыграть экософия искусственного интеллекта, как приоритетное направление современной российской философии.

Ключевые слова: энвайронментализм**,** поликультурализм, техно- цивилизация, парадигма, экологизация, экософия, искусственный интеллект**.**

Digital dimension of multicultural environmentalism as a new civilizational paradigm.

Dallakyan K. A.

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, BSPU

Annotation: The current stage of development of the fourth scientific and technical revolution, characterized by unprecedented high information technologies, including artificial intelligence, extremely aggravated the contradictions of ecosystems at different levels, made it obvious that the further development of mankind within the framework of the dominant techno-paradigm. This actualizes the need to establish a new civilizational paradigm - “multicultural environmentalism” as a fundamental principle of global integration of socio- cultural and natural systems. Multicultural environmentalism involves the complementarity of different ecocultures, taking into account the peculiarities of the lifestyle due to the specifics of the natural environment, the specialization of regions on a certain production, optimal in a particular natural environment. The ecosophy of artificial intelligence, as a priority direction of modern Russian philosophy, should play a special role in implementation of this paradigm.

Key words: environmentalism, multiculturalism, techno-civilization, paradigm, ecologization, ecosophy, artificial intelligence.

Современный этап техно-цивилизационного развития вследствие утверждения разрушительной идеи превосходства человека над всем окружающим миром, как эйдоса современной цивилизации, знаменуется приближением людей к давно предсказанной катастрофе. Техносфера, достигнув характера и масштаба, искажающего пространственно - временное существование человека как вида, угрожает уже трансформацией его природы и сущности.

Это актуализирует необходимость смены существующей цивилизационной парадигмы. Основополагающим принципом глобальной интеграции должен стать не пространственный, не классовый, не религиозный, которые предполагают соответственно евразийзм, социализм, византизм, а – «поликультурный энвайронментализм». Ученые, в такой парадигме, несмотря на попытки «сильных мира сего» постоянно указывать им «на свое место», должны превратиться в ноосферную силу «коллективного демиурга» [1P.140-154].

Поликультурный энвайронментализм, как новая цивилизационная парадигма, предполагает не просто механическую интеграцию разных стран, диктуемую, прежде всего, интересами и логикой развития экономики, но и взаимодополнение ценностей различных культур, учет особенностей образа жизни людей, обусловленного спецификой окружающей природной среды [См.2]. Каждый регион должен «специализироваться» на определенном производстве, оптимальном в конкретной природной среде. Это предполагает техно- социальную интеграцию различных регионов. Какие бы противоречия не разделяли человечество, оно обречено на интегративно-целостное сосуществование своих различных социокультурных систем.

Поликультурный энвайронментализм, как парадигма и образ жизни, должен привести, в конечном счете, к интеграции, гуманизации и экологизации общечеловеческой культуры. Эти принципы являются сегодня онтическими императивами. Культура в этом случае восходит к своей изначальной сущности как способу адаптации человечества к природному окружению, которое и задает основной вектор социально-политическому развитию.

Изменение конкретных этнокультур в результате глобального «полилога», вынуждено происходить обязательно с учетом особенностей именно их природной среды. Недопустимо автоматически переносить, например, архитектурные проекты южных регионов на крайний север. Сохранение уникальности природного окружения способствует сохранению самой культуры и наоборот. Целостно-системное благополучие страны, включая сохранение ее неповторимой природы должно выступать основным ориентиром и императивом всякой инновационной политики.

Окружающая природная среда должна восприниматься не просто в качестве объекта, но и субъекта отношения, подсказывающего пути взаимоизменения [3.С.249-272]. Природа заставляет нас понять, что экосвоеобразие региона должно выступать важнейшим ориентиром его техно-цивилизационного развития.

Понятие «поликультурный энвайронментализм» можно заменить более привычным для россиян понятием «экополикультурализм». Если поликультурализм представляет собой объективную тенденцию, катализируемую процессами глобализации и международной интеграции, то об экологизации культуры, как способа жизнедеятельности этноса, необходимо говорить, специально исследовав ее специфические пути и закономерности. В системном единстве культур должно произойти взаимодополнение, предполагающее заимствование экоориентиров, необходимых для оптимизации дальнейшего социально-экологического развития. На обеспечение подобной интеграции должны быть ориентированы современные цифровые технологии.

Природа должна рассматриваться не просто как живое существо, а как волящий субъект эволюционных изменений. Современные цифровые технологии, включая искусственный интеллект должны помочь человечеству распознать особенности содержания этой биосферной воли, представляющей собой «многоцветье» экосистемных воль, которые должны быть интегрированы в единый мощный эволюционный поток. Искусственный интеллект, осуществив диагностику состояния экосистем, степени их деформации, должен определить пути их оптимизации, «исцеления».

Поликультурный энвайронментализм, выступая сегодня одной из концепций Нового гуманизма, включающего в себя, как составляющую часть интегративность и пространственную, и этнокультурную, и социально- экономическую, и социально-психологическую, отличается от предложенного Жаном Фреско принципа ресурсно-ориентированной экономики. Природа – это не просто ресурсы. Она должна восприниматься в качестве субъекта взаимоотношений. Поликультурный энвайронментализм не предполагает разрушение государственных границ с целью единого централизованного управления ресурсами, которое предлагает ресурсно- ориентированная экономика Фреско. Сегодня, на наш взгляд, это все же – утопия. Можно оставаться в рамках государственной экономики, но интегрироваться в единую мировую экономику, что и происходит в эпоху глобализации. Энвайронментализм представляет собой системное отношение, взаимодействие элемент-система, в котором приоритет признается за системой. Поликультурный энвайронментализм предлагает смену мировоззренческой установки, делящей существа на живых и неживых, разумных и неразумных, сильных и слабых, своих и чужих. Понимание природы как живой системы позволит воскресить человеческую цивилизацию, превратив ее в эко-ориентированную систему. Важная роль в этом процессе принадлежит ИИ, предназначенному управлять сложным взаимодействием различных подсистем биосоциосферы.

Целесообразно в связи с этим создание международных структур, включающих Центр управлением глобальным ИИ. Россия, обозначив в качестве приоритета развитие технологий ИИ, должна возглавить этот процесс, задав стратегические ориентиры развития экофилософии ИИ.

Литература:

1. См. Bernard Barber. Science and the Social Order. Glencoe. The Free Press, 1952, а также Bernard Barber, R.K. Merton. Brief Bibliography for the Sociology of Science. Proceeding of the American Academy of Arts and Sciences, 1992.Vol 1. 80 P.
2. Даллакян К.А. Новая цивилизационная парадигма. М.: Ридеро. 2017. 300 с.
3. Лисеев И.К. Экологическая этика в условиях новой экологической культуры. //Философия.Биология.Культура. М.: ИФРАН, 2011.

Перспективы герменевтического метода в био-и экофилософии

Круглый стол «Био- и экофилософия»[i]

Шульга Е.Н.

Институт философии РАН (Москва), ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

elena.shulga501@gmail.com

Аннотация: На пути сближения наук о природе и наук о человеке возникает необходимость обоснования тех новых подходов, которые отвечают этой задаче. Важным моментом при этом оказывается необходимость рассмотренияи учета фактора окружающей среды, которая развивается по своим собственным законам, но оказывает при этом влияние на события истории и становление культуры. Если говорить о методах гуманитарных наук, которые может использовать экофилософия, то здесь особое место занимает герменевтика окружающей среды, или «энвироментальная» герменевтика, которая предполагает расширение принципов интерпретации на внешнюю среду любого вида (естественную, техногенную, культурную и т.д.).В самом общем смысле энвироментальная герменевтика является своего рода философской позицией, которая показывает, как неизбежно то, что Гадамер называл нашим «герменевтическим сознанием», информирует нас самих о нашихвзаимоотношениях с окружающей средой.

Ключевые слова: человек, природа, окружающая среда, энвироментальная герменевтика, смысл, интерпретация

Prospects of Hermeneutical Method in Bio- and Eco-philosophy.

Shulga E.N.

Institute of Philosophy RAS (Moscow)

Abstract: On a path leading to the convergence of science on nature and science on human emerges a needin justification of the new approaches which meet this task. Besides, an important moment is the requirement of analysis andawareness of the factor of environment developing according its own laws but simultaneously making impact on historical events and culture becoming. If one talk abouthumanities methods which eco-philosophy might use then the special position belongs hermeneutics of the surrounding environment or “environmental” hermeneutics. It supposes extending of the principles of interpretation to the external environment of any kind (natural, technogenic, cultural etc.). Generally environmental hermeneutics is in a sense a philosophical position disclosing how unavoidablethe fact that Gadamer calls our“hermeneutical consciousness” informs ourselves about our relationship with the surrounding environment.

Keywords: humanbeing, nature, surrounding environment, environmental hermeneutics, meaning, interpretation

Одно из современных направлений философских исследованийобозначено как«Био- и эко-философия в современной культуре». Оноиспользует новейшие результаты как в области естествознания, так и в социально-гуманитарной сфере, придавая всему комплексу рассматриваемыхпроблем философский смысл, методологическое и общекультурное значение. На этом пути сближение таких, казалось бы, разных областей знания как «науки о природе» и «науки о человеке» не случайно. В нем находит отражениеобщая тенденция развития современной науки,где явно междисциплинарный характервозникающих внутри этих наук проблемконкретного характера делает актуальным их философское осмысление. Так, тенденциюк объединению философии и биолого-гуманитарного комплекса наук подтверждаетпоявление целого междисциплинарного направления – гуманитарная биология, а также становление новых, относительносамостоятельных дисциплин, таких, например, как биоэтика, биоэстетика, биосемиотика, биополитика, наконец, биофилософия и экофилософия. Возникает вполне правомерный ряд философско-методологических вопросов, в первую очередь, касающихся поиска основанийуказанных дисциплин, определения их научно-теоретического статуса, выяснения участия смежных дисциплин в решении конкретных проблем биологического характера. Наконец, само появление столь разнообразных дисциплин требует философской оценки той ситуации, сложившейся в науке, которая предшествовала их появлению. Это касается и непосредственной

i Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 19-011-00383/19 “Био- и эко-философия в современной культуре”.

темы нашего исследования – определению методологического статуса био- и экофилософии через обоснование предметной области знания.

На первый взгляд, биофилософиясоединяет биологию с философией, точнее говоря, биос (жизнь) и философию (мудрость). Общекультурная направленность такой интерпретации понятий очевидна и должна предполагать, по-видимому, философское осмысление любых проявлений жизни. Однако, если обратиться к тому первоначальному смыслу понятия «биос», которое нам известно из истории философии, то следует обратить на важные нюансы, касающиеся указанного соотношения. Дело в том, что в греческом мире любое утверждение, касающееся человека и его познания, имеет этическую направленность. Более того, в греческом мире этическое начало охватывается именно понятием биос (*bios*) – образ жизни. Это важное замечание касается также и перспектив развития биофилософии как формулирующей не только интегрирующие положения, связанные с феноменом жизни, но эти положения должны быть представлены концептуально (уровни структурной организации живого, эволюция живого и т.д.), и, в конечном итоге, эти концепции живого должны закладывать основы для выработки модели объединения знаний (наук о живом и наук о человеке). Но поскольку «науки о живом» входят в состав «наук о природе», то и «науки о человеке» закономерным образом включают в себя биологическую (экофилософскую) составляющую.

Важным моментом при этом оказывается необходимость рассмотренияи учета фактораокружающей среды, по отношению к которой всегда рассматривается человеческое сообщество, и которая развивается по своим собственным законам, но оказывает при этом влияние на события истории и становление культуры. Само по себе понятие «окружающая среда» используется в многочисленных концепциях, описывающих условия существования живого, его выживания и (или) определяющих тенденции развития.

Если говорить о методах гуманитарных наук, которые может использовать экофилософия, то здесь особое место занимает герменевтика окружающей среды, или «энвироментальная» герменевтика. Она предполагает расширение принципов интерпретации на внешнюю среду любого вида (естественную, техногенную, культурную и т.д.). Как результат, герменевтика выступает разумным обоснованием интерпретативных актов вообще, осуществляется ли интерпретация посетителем зоопарка, ботаником, артистом, фермером, строительным рабочим или просто глядящим в окно на природный пейзаж человеком. Более того, энвироментальная герменевтика является интерпретацией общения с окружающей средой или внутри окружающих сред. Примеры такой интерпретации включают в себя информационные знаки о сохранности природы или исторические метки, которые передают интерпретацию «экспертов» посетителям. Наряду с этим они могут также включать в себя действия, такие, как конструирование или разработку пешеходных троп, которые имеют некоторое отношение к ландшафту.

Различные дисциплины интерпретируют естественное окружение различными способами согласно их собственной внутренней логике. Существуют геологические интерпретации, экономические интерпретации, технологические интерпретации, сельскохозяйственные интерпретации и так далее и так далее. Энвироментальная герменевтика может критически посредствовать между различными дисциплинарными интерпретациями, тем самым предлагая всеохватывающее, междисциплинарное понимание окружающей среды.По мере развитияэнвироментальной герменевтики она охватывает все более широкие аспекты интерпретации. Она использует для своих целей подходыестественных и гуманитарных наук, теологии и религиозных исследований которые создают дополнительные перспективы и измерения энвироментальной герменевтики.

В самом общем смысле энвироментальная герменевтика является своего рода философской позицией, которая показывает, как неизбежно то, что Гадамер называл нашим «герменевтическим сознанием», информирует нас самих о нашихвзаимоотношениях с окружающей средой. Этот смысл энвироментальной герменевтики связан не просто с техникой, методологией интерпретации природы, но с онтологическими рамками, которые делают необходимой подобную интерпретацию. Труды по энвироментальной герменевтике могут посвящаться любым традиционным темам о естественных природных сущностях и экосистемах, ландшафтам и морским пейзажам, диким, сельским или городским средам, любым концепциям или смыслам «окружающей среды», которые подвергнуты интерпретации.

Энвироментальная герменевтика предлагает новый взгляд на традиционные проблемы энвироментальной философии и энвироментальной этики, которые до сих пор находились вне сферы внимания философской герменевтики. Вместо того, чтобы, например, просто обсуждать природу природы или вопрос ее существования, герменевтика предлагает нам заняться осмыслением и рефлексией восприятия окружающей среды, рассматривая их как формы интерпретации.Энвироментальная герменевтика концентрируется на диалогическом отношении между людьми и окружающей средой, что проявляется во внимании к изучению любых частных случаев такого взаимодействия, использовании их для выяснения смысла и улучшениянашего понимания природы.

Энвироментальное понимание контекстуально. Оно обусловлено не абстрактным пространством, но всегда конкретным местом или расположением, и всегда в конкретных культурных установках, принадлежащих этому месту. Моральные смыслы также не существуют абстрактно, но лишь как часть морального языка и в постоянном протекании интерпретации и реинтерпретации, что мы называем традицией. Без активных дебатов и дискуссий по поводу смысла окружающей среды, то есть, без живой культуры общения и живой моральной традиции (беседы или спора о передаваемых интерпретациях) моральные смыслы не могут существовать, а моральная культура становится застывшей.

Благодаря экспликации и критической рефлексии над «установленным», общепринятым пониманием окружающей среды, энвироментальная герменевтика предстает не как теоретическая попытка построения концепции, но как подлинно практическая философия. Она выступает как критическое рефлексирование над нашей практикой и нашим пониманием окружающей среды, как артикуляцияее смыслов, которые должны были остаться скрытыми от нашего взгляда, как открытие новых путей интерпретации.

Действовать таким образомзначит принимать во внимание герменевтику: это помогает углублять и расширять наше моральное энвироментальное понимание позиционированного контекста конкретного морального сообщества, и в некотором смысле помогать создавать исторически обусловленную «культуру места». Герменевтика, иными словами, помогает создавать моральные сообщества, вдыхая жизнь в наш моральный язык. Окружающая среда означает почти все для нас как людей – наше здоровье, нашу культуру и способ жизни, индивидуальную и коллективную идентичность, традиционное знание и практику, и так далее: все вплетено в наше местоположение (мы можем даже сказать в наше воплощение в окружающей среде). Энвироментальная герменевтика снабжает нас ресурсами для обдумывания и творческими смыслами размышления о проблемах взаимодействия человека и природы.

РФК-2020_324

Философия экономической науки после мирового финансового кризиса (круглый стол)

Экономическая теория после мирового финансового кризиса: рестайлинг или пересмотр принципов?

Антонов А.В.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, доцент кафедры философии и права, кандидат философских наук

akvizit@yandex.ru

Аннотация: До мирового финансового кризиса 2008-2009 годов, неоклассическая парадигма, занимающая лидирующие позиции в современной экономической теории справлялась со всеми встречающимися на ее пути головоломками и аномалиями. Однако мировой кризис и последующее замедление темпов роста мировой экономики поставили под сомнение объяснительные и предсказательные возможности экономикс. В связи с этим в статье ставятся под сомнение сами философские основания неоклассической экономической теории. Автор приходит к выводу, что позитивистская основа современной экономической методологии не позволяет ей отразить все многообразие современной экономической жизни. Вследствие этого экономический мэйнстрим, в лучшем случае, может быть только одной из многих равноправных экономических теорий. Возврат к экономической онтологии как объяснительному принципу в экономической теории является не только желательным, но и необходимым для ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: экономикс, философия экономики, экономическая онтология.

The Economic Theory after the Global Financial Crisis: Restyling or Revision of the Principles?

Antonov A.V.

Perm National Research Polytechnic University, Philosophy and Law Department

Abstract: Prior to the global financial crisis of 2008-2009, the neoclassical paradigm taking the leading positions in the modern economic theory coped with all puzzles and anomalies which are found on its way. However, world crisis and the subsequent delay of growth rates of world economy called in question explanatory and predictive opportunities of economics. In this respect, in the article the philosophical bases of neoclassical economic theory are called in question. The author comes to a conclusion that a positivistic basis of modern economics methodology does not allow it to reflect all variety of modern economic life. That is why, of the economic mainstream can be at the best, only one of many equal economic theories. The return to economic ontology as to an explanatory principle in the economic theory is not only desirable but also necessary for its further development.

Keywords: economics, philosophy of economics, economic ontology.

После мирового финансового кризиса 2008-2009 года основные методологические принципы, составляющие жесткое ядро научно-исследовательской программы неоклассического мэйнстрима, такие, например, как принцип методологического индивидуализма, гипотезы рациональности и максимизации подверглись жесткой и основательной критике. Даже сами представители мэйнстрима высказали недовольство избыточным формализмом и прогностической несостоятельностью неоклассики.

И, все-таки, эта критика оказалась недостаточной. Во всяком случае, по прошествии лет становится очевидным, что экономическая теория неоклассиков должна пройти проверку по более глубоким философским основаниям. Вот почему едва ли можно согласиться с мнением Ю.М. Осипова, что «современный экономикс /.../ вовсе лишен какой бы то ни было философии, если не принимать за философию его собственное концептуальное кредо». [1, с. 3] В том-то все и дело, что, начиная с Дж.С. Милля и до наших дней преобладающая в экономике методология носит отчетливо выраженный позитивистский характер. А позитивизм всегда был хорош лишь для изучения того, что можно потрогать руками. В этом его неоспоримые плюсы, но, вместе с тем, и столь же очевидные минусы.

Очевидно, что экономикс адекватно описывает определенную область экономической действительности. В условиях рынка любой индивид принимает решения, в первую очередь, руководствуясь законами спроса и предложения. Да и в обыденной жизни людям гораздо важнее знать, что солнце восходит на востоке и заходит на западе, чем разбираться в премудростях коперниканских формулировок. В этом отношении истины неоклассики безусловно верны. Вот только достаточно ли этого для экономической теории? И не являются ли эти истины лишь прикладной частью экономической науки?

Отказ неоклассиков от мира «сущностей» и сведение предмета исследований только к явлениям не позволяют теории отразить внутреннюю природу экономических процессов. А.Б. Любинин, например, справедливо пишет о том, что если под «ценой» понимать только то, «что дают за товар», то, разумеется, участникам товарного обмена будет казаться, что все объясняется их личным и каждодневным опытом. Но от чего зависит именно такое, а не иное соотношение между товарами? Вот почему А.Б. Любинин приходит к выводу, что «Актуальность исследования того, как люди распределяют ограниченные ресурсы, не может быть оспорена. Но не может быть оспорена и актуальность вопросов о том, откуда берутся те общественные формы (товар, капитал, наемный труд, деньги, процент, рента и т.п.), в которых выступают ресурсы, подлежащие распределению, какой социально-экономический процесс их порождает и как он исторически эволюционирует». [2, с. 99-100]

Еще со времен Адама Смита в теории признается, что в основе товарного обмена лежит разделение труда. Но разве из этого не следует, что, наряду с отношениями разделения труда должны существовать также и отношения его соединения. В противном случае общество неминуемо бы распалось. У самого Адама Смита «соединяющую» роль выполняет невидимая рука Провидения. Однако позднее под этой метафорой стали понимать отношения стоимости. И, казалось бы, гегелевская диалектика сделала очевидным представление о том, что разделение и соединение не могут существовать друг без друга точно так же, как не может быть, например, каких-либо рабовладельцев без наличия рабов. И, тем не менее, борясь с метафизическими призраками, позитивизм успешно очистил экономику и от такой затемняющей дело пустышки как «стоимость». Ее место заняла теория равновесия. С тех пор общественная необходимость экономических процессов, как будто бы, стала выражаться в ней.

Однако насколько адекватной оказалась эта замена? К примеру, одной из функций стоимости была, так называемая, «мера стоимости». Можем ли мы сейчас говорить о существовании какой-то «меры равновесия» в экономике? О каком равновесии в экономике может идти речь, если в наши дни «… оборот валютных бирж превысил 1100 трлн. долл., рынок производных финансовых инструментов – 860 трлн. долл., в то время как объем совокупного мирового ВВП составляет лишь 65 трлн долл.» [3, с. 30] Это значит, что над мировой экономикой нависла глыба взаимных долговых обязательств в форме деривативов. Не случайно известный американский финансист Уоррен Баффет, назвал деривативы «финансовым оружием массового поражения» и «бомбами замедленного действия, угрожающими экономической системе». Если эти бомбы рванут, то, судя по масштабам угрозы, мировую экономику уже не спасет никакое разбрасывание денег с вертолета.

Не составляет труда показать, что «равновесие» не выполняет и других функций стоимости. Строго говоря, равновесная модель экономики пригодна лишь для описания простого воспроизводства. Но экономика развивается постоянно. Значит, столь же постоянно в ней нарушается и аксиома равновесия. Выходит, равновесные модели неоклассической экономики, как минимум, не в полной мере отражают, если не сказать, искажают, действительно происходящие экономические процессы. Собственно, именно это и проявилось во время кризиса 2008-2009 годов, когда рекомендованные участникам финансового рынка мэтрами неоклассики рецепты поведения, фактически, были обратными тому, что надо было делать в действительности. Если попытаться как-то охарактеризовать политику западных стран во время финансового кризиса 2008-2009 годов, то, по словам С.Н. Убайдуллаева, «Кроме снижения банковской учетной ставки, выброса на рынок дополнительной денежной массы и поддержки определенных банков и предприятий, никаких других мер ими принято не было». [4, p. 43] Главным же рецептом спасения от кризиса была все та же мантра Ирвинга Фишера, провозглашенная им еще во времена Великой депрессии: не мешайте рынку наводить порядок. Но если рынок не справился со своею задачей тогда, почему мы должны верить в то, что он это сделает сегодня?

Пора понять, что законы, которым подчиняется индивид – это не те же самые законы, которым подчиняются государство и общество. Сложное далеко не всегда означает сложенное. Как говорит

древнеиндийская пословица «даже из тысячи мышей нельзя сложить одного слона».

Неоклассики отстаивают свое право на чисто теоретические конструкции, вроде экономической модели общего равновесия Эрроу-Дебрё, которая хороша тем, что не может быть опровергнута эмпирически, поскольку условий совершенной конкуренции в мире не существует. Но достаточно ли того, что предлагаемые экономические модели внутренне непротиворечивы? Можем ли мы абстрагироваться от того, как они соотносятся с действительностью? Хороший ответ на этот вопрос дал нобелевский лауреат М. Алле: «Какая бы теория ни была, если она не подтверждается данными опыта, она не имеет никакой научной ценности и должна быть отвергнута. Это, в частности, относится к современным экономическим теориям общего равновесия, основывающимся на гипотезе общей выпуклости производственных множеств, гипотезе, противоречащей всем данным наблюдения и влекущей за собой абсурдные следствия. Таковы и необернуллианские теории ожидаемой полезности, основывающиеся на постулатах, следствия которых несовместимы с данными наблюдения». [5, с. 12]

Неоклассики отождествили экономику с математикой. Но даже в математике имеется, например, несколько геометрий. Какая же из них верна? Евклида, Н.И. Лобачевского, Б. Римана или Я. Больаи? Мы знаем ответ: они просто отражают разные условия действительности – одни описывают прямолинейное пространство, другие выпуклые и вогнутые поверхности. Но точно так же и неоклассика не должна настаивать на своей исключительности среди экономических теорий. Ее положение схоже с геометрией Евклида до середины XIX века. Но сейчас на дворе уже XXI век. Вот почему неоклассика не должна говорить – стоимости не место в экономической теории. Правильно говорить – ей не место в неоклассике. Только лишь потому, что стоимость, изучает не прямолинейные поверхности в экономике, а более сложные закономерности. Нельзя сводить всю экономику только к рынку. Тем более сейчас, когда неоклассика перед лицом мирового финансового кризиса показала свой ограниченный характер.

Литература:

[1] Осипов Ю.М. Курс философии хозяйства: учебное пособие. М.: Экономистъ, 2005. 320с.

[2] Любинин А.Б. Две политэкономии: социально-экономического развития и процессов хозяйствования (объективная обусловленность разных методологических подходов и несводимость теоретических результатов) // Российский экономический журнал. 2012. №1. С. 86-116.

[3] Лутцева К.А. Виртуальный капитал как форма проявления постиндустриальной экономики // Вестник ТГУ. 2010. Выпуск 1(81). С. 29-32.

[4] Убайдуллаев С.Н. Механизм развития современной экономики // Свободная Мысль. 2016. №1. С. 41-58.

[5] Алле М. Современная экономическая наука и факты / Пер. с фр. И.А. Егорова // Альманах THESIS. 1994. Вып. 4. С. 11-19.

«Панинституционализм» и институциональные реформы: на основе анализа публикаций российских экономистов[i]

А.И. Волынский

Институт экономики РАН

ava3003@gmail.com

Аннотация: «Панинституционализм» - термин, под которым Р.И. Капелюшников предложил понимать направление в экономической теории, утверждающее, что главной движущей силой экономического развития является набор действующих формальных институтов (см. работы Д.Норта и Д.Аджемогулу и Д.Робинсона). Понимая термин в авторской трактовке, мы полагаем, что «панинституционализм», рожденный в англосаксонском мире, в России приобретает свои особенные черты: если в основе теории лежит анализ экономической истории и попытка объяснить прошлое, то в России «панинституционализм» становится инструментом объяснения настоящего и конструирования будущего, что подтверждается анализом работ российских авторов по вопросам институциональны реформ.

Ключевые слова: институциональный дизайн, мезоуровень, мезоэкономика, институционализм, экономические реформы

«Paninstitutionalism» and institutional reforms: based on an analysis of publications by Russian economists.

A.I. Volynskii

Institute of Economics, RAS

Annotation: R.I. Kapelyushnikov determined “Paninstitutionalism” as the direction in economic theory, which states that the main driving force of economic development is the set of existing formal institutions (see D. North and D. Ajemogulu and D. Robinson). Understanding the term in the author’s interpretation, we believe that “paninstitutionalism”, born in the Anglo-Saxon world, in Russia acquires its own special features: if the theory is based on an analysis of economic history and an attempt to explain the past, then in Russia “paninstitutionalism” becomes an instrument for explaining the present and designing the future, as evidenced by an analysis of the work of Russian authors on institutional reforms.

Keywords: institutional design, mesolevel, mesoeconomics, institutionalism, economic reforms

Введение

В 2019 году Р.И. Капелюшников выпустил серию публикаций, объединенных общим названием «Contra панинституционализм» [2;3;4], в которых подверг критике т.н. «панинституционализм» - направление в экономической теории, сторонники которого объясняют исторический процесс и разницу между макроэкономической динамикой различных государств набором действующих институтов. Как примеры «панинституционализма» были использованы знаменитые работы Д. Норта и соавторов [5] и Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [6]. Основываясь на исторических данных, Р.И. Капелюшников доказывает, что институциональные условия обществ Западной Европы середины XVIII века, главным образом, Англии, не были уникальны, а защищенные права собственности обнаруживаются в более широком круге обществ. Это противоречит тезису «панинституционализма», согласно которому именно специфическая конфигурация институциональных характеристик способствовала бурному экономическому росту стран Западной Европы.

Используя понятие «панинституционализма» как рабочее определение для целого пласта работ, мы обращаем внимание на «паинституциональную» теорию как таковую, пытаемся выявить ее ключевые особенности, а, главное, то, благодаря чему она вызывает не угасающий интерес со стороны российских экономистов. Как мы полагаем, главной определяющей «панинституционализма» и интереса

i Результаты исследования были впервые представлены в: [1]

к нему является тесная связь «панинституциональной» теории и институциональной теории реформ.

«Панинституционализм» как призыв

Сила и значимость «панинституциональной» теории, на наш взгляд, заключается в перформативности ее высказывания: мысль о связи «хороших» институтов и экономического роста оправдывает концепции, в частности, рождаемые в русле институциональной теории реформ, которые в большей степени могут быть восприняты как политическая программа. В самом деле, если мы знаем, что «хорошие» институты (при условии четкой дефиниции того, что мы считаем таковыми) способствуют экономическому росту, почему это знание не может лечь в основу программы реформ? Развитая теория о «хороших» институтах и их роли в истории успеха отдельных государств и обществ, представленная в образцах «панинституциональной» теории, не может оставаться в пределах строгой научной теории. Сила «панинституционализма» в его способности влиять на реально реализуемые программы реформ, становиться их теоретической основой.

Говоря о перформативности теории, мы опираемся на концепцию Дж. Л. Остина, в своей классической работе «How to do things with words» продемонстрировавшего, что многие описательные речевые акты не просто повествуют о реальности, они формируют и изменяют ее [7]. Идея о применимости этой концепции к экономической науке также не нова: мысль о том, что экономическая концепция может стать инструментом конструирования самой экономической реальности обнаруживается в отдельных исследованиях (см., например: [8;9]). Существование «панинституционализма» и его влияние на институциональную теорию реформ – яркий пример подобного рода перформативных концепций.

«Панинституционализм» и реформы на основе анализа российских публикаций

Популярность исследований в русле «панинституциональной» теории обусловлена в том числе простотой ее ключевой идеи. Мысль о влиянии институтов на экономическое развитие интуитивно понятна и удобна не только для экономистов, но и для политиков: идея о «хороших» институтах с легкостью может из научной концепции превратиться в политическое высказывание, оправдывающее тот или иной пакет реформ. Р. Коуз и Н. Ван отмечали, что институты – это не только инструмент социальных взаимодействий, но и «символ нашей идентичности, показывающий окружающим, кто мы и каковы наши ценности» [10. С. 127]. «Панинституционализм» как теория был рожден в англосаксонском мире. И если для его родной культуры «панинституционализм» - это конструкт для объяснения родной социальной и экономической реальности, а также, вероятно, обоснования экспорта условно западных, хороших, институтов в не-западные страны, то для российских экономистов теория обретает несколько иной смысл. Анализ работ российских авторов в области институциональной теории реформ [11] показал, что общим для российских исследований можно назвать создание концепций по формированию условно «хороших» институтов как главной цели институциональных реформ при довольно безусловном понимании того, что такое «хороший» институт.

Заключение

Итак, мы утверждаем, что сила «панинституциональной» теории в российском дискурсе объясняется ее перформативной силой: слияние панинституциональных идей и теорий институционального дизайна рождает масштабные политические программы. С учетом специфичности российской политической реальности можно утверждать, при этом, что «паинституционализм» в его российском прочтении не тождественен пониманию теории на ее исторической родине.

Литература:

1. Волынский А. Панинституционализм и институциональная теория реформ // Вопросы теоретической экономики. №1. 2020. С. 21-30.
2. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм: препринт WP3/2019/03 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2019. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 84 с. – 56 экз
3. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть I. // Вопросы экономики. 2019. №7. С. 119-
4. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть II // Вопросы экономики. 2019. №8 С. 98-126.
5. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара. 2011.
6. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. 2012.
7. Austin, J. L. How to Do Things with Words. 2d ed. J. O. Urmson and M. Sbisà, eds. Cambridge: Harvard University Press. 1955.
8. Re-imagining Economic Sociology. Edited by Patrik Aspers and Nigel Dodd, Oxford, Oxford University Press. 2015.
9. Vollmer Hendrik. (2016) Re-imagining Economic (2016) Re-imagining Economic Sociology, edited by Patrik Aspers and Nigel Dodd, Journal of Cultural Economy. №9:6. Pp. 636-639
10. Коуз Рональд, Нин Ван Как Китай стал капиталистическим. «Новое издательство». 2013
11. Волынский А.И. Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе // Terra economicus. 2018. Т. 16, №4. С. 29-40.

Философия качества в основе прогрессивного развития экономики

Бондарева Ольга Михайловна

ФГБОУ ВО Брянский государственный технический университет. Россия (БГТУ), аспирант кафедры управления качеством, стандартизации и метрологии

bondolga2007@rambler.ru

Аннотация: в данной статье качество рассматривается как основа прогресса сознания человечества. В объективном смысле люди стали более требовательны и технологичны в контексте окружающей действительности. Хотя термин «качество» охватывает широкий спектр концепций, автор согласен с тем, что качество является одним из важных факторов прогрессивного развития в экономике.

Ключевые слова: философия качества, менеджмент, революция сознания, социология, экономика, процессы управления, культура производства.

Введение

Актуальность данного исследования определяется следующей ситуацией. Россия погружается в глубину социально-экономического кризиса, который вызван не только глобальным мировым системным кризисом, но и, в первую очередь, отсутствием научно-обоснованной, ориентированной на национальные интересы, экономикой. Отсутствие стратегической целеполагающей программы ставит регионы России в условия крайне рискованной деятельности в среде большой политической, социальной и экономической неопределенности [1]. Поэтому предлагается вариант развития экономики России на основе философии качества, как стратегии повышения уровня жизни.

В данном исследовании анализируется прогресс сознания во взаимосвязи с развитием института качества на примере слияния Восточной и Западных культур. Европейская интеграция экономически развитых стран и создание единого европейского рынка в середине 1990-х гг. послужило толчком для создания единых принципов управления качеством хозяйствующих субъектов. Общее управление качеством привлекло внимание организаций по всему миру с момента своего огромного успеха в Японии. Менеджмент качества известен в западном мире и связан во многом с США, поэтому весьма интересным остается факт внедрения и развития философии качества в мусульманских странах. Россия – многонациональная и поликонфессиональная страна, имеющая богатый исторический опыт сосуществования различных культур и раскинувшаяся на бескрайних евроазиатских просторах. Образно она представляет собой мост между различными цивилизациями (западной и мусульманской). Развитие сотрудничества с исламским миром – один из важнейших приоритетов внешнеполитической доктрины РФ. Россия играет важную роль для самых разных мусульманских народов мира – от Ирана до Палестины [2].

Рассмотрим теоретические аспекты развития подходов к качеству на примере Саудовской Аравии и ОАЭ. Так же, как и другие страны, которые хотят достичь мирового уровня, компании в Саудовской Аравии стараются идти в ногу с темпами реализации управления качеством. Существуют различные точки зрения на понятие философии качества, но единой дефиниции, как «общее качество» не определено в теоретическом аспекте. Уважаемые ученые в области качества К. Ишикава, Э. Деминг и Д. Джуран объяснили тем, что. Дисциплина и философия управления, которая институционализирует запланированные и непрерывные улучшения, которые предполагают качество, являются результатом всех мероприятий, которые происходят в организации; привлечение всех функций и всех сотрудников к участию в улучшении процесса; это обе системы - качества и культуры». Автор статьи предлагает рассматривать философию качества, как философию широкого и системного подхода к управлению экономикой. Качество имеет решающее значение для достижения конкурентоспособности на внутреннем и мировом рынке. Управление качеством следует рассматривать, как философию бизнеса, которая снимает ответственность за обеспечение качества с назначенных менеджеров по качеству и вместо этого вовлекает всех членов компании и общества. В нынешней конкурентной среде, выживание организаций зависит от их способности постоянно улучшать в соответствии с ожиданиями клиентов. Хотя термин «качество» охватывает широкий спектр концепций, все ученые согласны с тем, что качество является одним из важных «критических факторов успеха» для достижения конкурентоспособности в организациях. Качество расширилось за пределы концепции «удовлетворенности клиентов продуктами и услугами» до концепции «создания ценности для всех заинтересованных сторон». В этом контексте общее превосходство бизнеса заменяет узкую цель удовлетворения спецификаций клиентов для повышения производительности всей системы.

Общая часть

В течение 1950-х годов многие японские продукты были низкого качества и рассматривались в мире как продукция с наихудшим качеством. Промышленные лидеры Японии признали эту проблему и решили производить продукцию более высокого качества. На самом деле, японцы, возможно, не смогли бы достичь данной цели, если им не помогли такие гуру, как Э. Деминг, Д. Джуран и А. Фейгенбаум [3]. Э. Деминг предполагал, что эта цель может быть достигнута только через пять лет. На самом деле, не многие японцы верили в то, что утверждал Э. Деминг. Чтобы не потерять лицо и поскольку уважали эксперта, они последовали за ним. К 1970-м годам Япония стала конкурировать с США в автомобилестроении и производстве электроники. Эксперты, подобные Д. Джурану, предсказывали эту тенденцию, но она все равно застала врасплох многие компании. По большей части американские компании считали, что усиление конкуренции со стороны Японии связано исключительно с более низкими ценами. По мере того как потребители скупали японские товары, американские компании начали терять свою долю на рынке, что привело к сокращению расходов и ограничению импорта. Неудивительно, что эти методы ничего не сделали для улучшения качества товаров. С американской экономикой, страдающей от неспособности конкурировать по качеству, корпоративные лидеры США, наконец, активизировались. Так зародилось полное управление качеством, которое привело к процветанию стратегий качества и рабочего высокого профессионализма в США [4].

Успех японской экономики качества повлиял на многие страны. В 1973 году Саудовская Аравия учредила Организацию по стандартам (SASO) [5] - независимую организацию, занимающуюся осуществлением стандартизации на местном и международном уровнях. Она также отвечает за контроль качества продукции местного производства. В течении продолжительного периода времени SASO развивалась и стала самой важной Саудовской организацией, занимающейся разработкой и утверждением национальных стандартов на все товары и продукцию, а также стандартов по другим аспектам качества, таким как метрология, калибровка, маркировка и идентификация, методы отбора проб, инспекции и испытания. Кроме того, она отвечает за установление правил выдачи сертификатов соответствия и знаков качества, а также за регулирование их выдачи и использования. В 1994 году, с повышением осведомленности о важности всеобщего менеджмента качества, как мощного инструмента повышения культуры производства, Совет по качеству Саудовской Аравии (SQC) создал свой филиал в Западном регионе страны, насчитывающий всего 4 члена, однако позже эта организация была преобразована в независимую организацию, которая работает под эгидой Инженерного комитета [6]. В начале 90-х годов рост движения «За качество» в Саудовской Аравии расширился, и была создана первая некоммерческая организация (НКО) в форме “Совета по качеству Саудовской Аравии” в восточной провинции, спонсором которой выступила компания Saudi Aramco.

В 2000 году это общество было переименовано в SQC (WR). Миссия данного некоммерческого, неправительственного общества, которое работает в Западном регионе Саудовской Аравии уже более 15 лет, заключается в продвижении индивидуального и организационного превосходства путем предоставления возможностей для обучения, повышения качества и обмена знаниями. SQC (WR) начала свою деятельность с проведения SWOT-анализа (сила, слабости, возможности и угрозы) [7] состояния качества в Королевстве Саудовская Аравия. Затем результаты анализа были использованы для установления долгосрочных целей, таких как включение качества в Саудовскую корпоративную культуру, а также установление краткосрочных целей для SQC (WR).В том же году была учреждена Премия Короля Абдул Азиза за качество (KAQA): с момента своего создания SQC (WR) удалось организовать 150 встреч по тематике качества, в которых приняли участие более чем 7000 экспертов по качеству и более 1700 членов из разных слоев общества в области здравоохранения, образования, строительства и инжиниринга и делового совершенства. SQC (WR) также внесла свой вклад в создание и развитие премии Короля (KAQA), которая является престижной Национальной премией в области качества в Саудовской Аравии и призвана максимизировать качество, эффективность и производительность в различных секторах Королевства [8].

2008-2009 годы саудиты будут помнить, как “Годы качества” в Королевстве Саудовская Аравия за большие достижения, которые были реализованы движением за качество, начиная с введения и управления премии Короля (KAQA). Однако, без устойчивых инициатив, как правило любая система терпит неудачу, потому что основная идея комплексного управления качеством заключается в преемственности и интеграции инициатив по управлению качеством в повседневных организационных операциях. На сегодняшний день в Саудовской Аравии растет осознание важности тотального управления качеством, как мощного инструмента повышения культуры труда. Но отсутствие понимания концепции TQM сотрудниками, ограниченность имеющейся информации о ней, отсутствие поддержки со стороны высшего руководства, ориентация на быструю прибыль и отсутствие документированных политик и процедур, по мнению адептов системы, являются факторами, препятствующими внедрению TQM в саудовских организациях.

В поддержку сказанного, ряд восточных ученых подчеркнули ограниченный прогресс, достигнутый в развитии управления качеством в арабоязычных странах. [9] Но, вопиющим на тот момент исключением является феномен слияния «западной либеральной философии качества» и «восточного менталитета» в учреждении в центре аравийской пустыни государства Объединенные Арабские Эмираты. Согласно истории, в 1922 году англичане установили контроль над шейхами предоставлять концессии на разведку и добычу нефти. Однако в Договорном Омане нефтедобыча не велась и основной доход княжествам приносила торговля жемчугом. С началом добычи нефти в 1950-х в регион начался приток иностранных инвестиций, доходы от торговли нефтью позволили существенно поднять уровень жизни местного населения. Но княжества оставались под британским протекторатом, против которого в 1964 году выступила Лига арабских государств, декларировавшая право арабских народов на полную независимость. В 1968 году, после обнародования решения правительства Великобритании о намерении вывести до конца 1971 года британские войска из районов, расположенных восточнее Суэцкого канала, в том числе из государств Персидского залива, княжества подписали соглашение об образовании Федерации арабских княжеств Персидского залива. В эту федерацию должны были войти Бахрейн и Катар, но позднее они образовали самостоятельные государства.

2 декабря 1971 года шесть из семи эмиратов Договорного Омана объявили о создании федерации под названием Объединённые Арабские Эмираты. Седьмой эмират, Рас-эль-Хайма, присоединился к ней в 1972 году. Предоставление независимости совпало с резким скачком цен на нефть и нефтепродукты, вызванным жёсткой энергетической политикой Саудовской Аравии, что облегчило новому государству самостоятельные шаги в области экономики и внешней политики. Благодаря доходам от нефти и умелому вложению средств в развитие промышленности, сельского хозяйства, образованию многочисленных свободных экономических зон Эмираты в самые короткие сроки смогли достигнуть относительного экономического благополучия. Получили значительное развитие сфера туризма и финансов благодаря подходу к системе менеджмента и внедрения философии качества.

В 2001 году в ОАЭ создали первый Орган по стандартизации и метрологии Эмиратов (Emirates Authority for Standardization and Metrology (ESMA)) в качестве единственного национального органа по стандартизации (Закон № 28/2001) [10]. ESMA разрабатывает и принимает стандарты, которые подготовлены его техническими комитетами по просьбе правительства, промышленности и потребителей. В целом стандарты разрабатываются в соответствии с существующими международными и региональными стандартами (Совет сотрудничества стран Залива/Организация по стандартам Залива (Gulf Cooperation Council (GCC)/Gulf Standards Organization (GSO)); однако, если международные стандарты отсутствуют, ESMA разрабатывает собственные стандарты. Проекты направляются в соответствующие органы для комментариев.

В ОАЭ нет центрального органа, который координирует подготовку технических регламентов. Они могут быть разработаны ESMA, первоначально в форме стандарта, а затем сделаны обязательными или могут быть разработаны непосредственно министерством. Все технические регламенты утверждаются решением Кабинета министров. ESMA контролирует применение стандартов и технических регламентов и управляет Схемой оценки соответствия Эмиратов (Emirates Conformity Assessment Scheme (ECAS)). Эта программа определяет, соответствуют ли импортируемый товар национальным или международным стандартам. ESMA также управляет Национальной системой аккредитации Эмиратов (Emirates National Accreditation Scheme (ENAS)), которая аккредитует органы, по оценке соответствия. Стандарты нумеруются и публикуются в Официальном вестнике ОАЭ. Впоследствии стандарты печатаются и доступны для продажи в головном офисе ESMA в Абу-Даби и филиале в Дубае. ESMA является членом Международного сотрудничества в области аккредитации лабораторий (International Laboratory Accreditation Cooperation (ILAC)), Международной организации по стандартизации (International Organization for Standardization (ISO)), Комиссии Codex (Codex Alimentarius Commission (Codex)), Международной электротехнической комиссии (International Electrotechnical Commission (IEC)), Арабской организации промышленного развития и горного дела (Arab Industrial Development and Mining Organization (AIDMO)) и Организация по стандартизации Совета сотрудничества стран Персидского залива (Standardization Organization for the Gulf Cooperation Council (GSO)). В целях содействия прозрачности для промышленности и заинтересованных сторон ESMA создала технические комитеты в области пищевых продуктов, строительных материалов, электрических и электронных изделий, химической и пластиковой продукции, механических продуктов, нефтепродуктов и смазочных материалов, метрологии и информационных технологий. ESMA также выполняет функции Национального органа по аккредитации испытательных и калибровочных лабораторий и органов по сертификации.

Таким образом в исследовании сделан очень важный акцент на том, что ведение бизнеса, внедрение систем менеджмента качества и стандартизации должны рассматриваться в контексте всего государства (схема 1). Подход англосаксов к развитию экономик Японии и ОАЭ является эффективным и комплексным. Причину можно увидеть в твердой приверженности и постоянном поддерживающем руководстве со стороны топ-менеджеров и старших руководителей к программе управления качеством.

* *Повышение качества жизни – основа государственной политики развитых стран:*

- Обеспечение высокого уровня защиты прав потребителей в вопросах, касающихся здравоохранения, охраны окружающей среды

* *Реализация «национальной идеи» через государственную политику в области качества товаров и услуг, задачами которой являются:*

- Повышение конкурентоспособности национальных производителей, особенно с точки зрения требований международного рынка

* *Идеи, ориентированные на создание систем менеджмента качества через государственную сертификацию и практического внедрения систем качества на предприятиях, организациях, учреждениях:*

- Осуществление мероприятий по формированию общей культуры качества, содействие расширению идей современной концепции менеджмента качества

Схема 1. ***Система менеджмента качества в контексте государства***

Однако российской промышленности еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем догнать качество мирового класса. По мере того как наши организации улучшают качество наших продуктов, иностранные конкуренты также продолжают улучшать их качество продукции. Из мирового опыта следует отметить, что система качества не может быть немедленно навязана какой-либо единице и ожидать результатов. Взаимное доверие, взаимная забота о развитии и сотрудничество, если они еще не существуют в достаточной мере, требуют времени для архитектуры отношений [11]. Философия менеджмента может помочь ускорить процесс внедрения этой мощной концепции в любой организации. Или же, с несколькими первоначальными неудачами, усердие может не поддерживаться в долгосрочной перспективе. Факторы, влияющие на успех качества: принцип, когда лидерство в осуществлении изменений берут на себя сами работники, а руководители вступают в роль советника и катализатора. Руководство должно преодолеть свою фобию потери управленческой прерогативы принятия решений, а также должны избавиться от страха, что кто-то пытается подорвать их власть с помощью такого нового трюка. Ведь такие опасения могут быть надуманными, потому что управление качеством обращается к техническим проблемам.

На примере Японии и ОАЭ синтез западного подхода к ведению бизнеса, менеджмента качества и стандартизации и восточной традиционной культуры формирует уникальное явление, как прогрессивное развитие экономики. Его также можно назвать философией развития человеческих ресурсов,

воспитания и раскрытия человеческого потенциала. Поэтому результаты вложения в качество могут быть измерены только в долгосрочной перспективе, хотя многие организации заявили о значительных преимуществах в течение короткого периода времени. Успехи философии качества в Японии поразительны, и их иногда называют японской техникой управления [12]. Менеджмент может быть эффективным, если существует приверженность руководства основным философиям, лежащим в основе концепции управления качеством. Философия и приверженность требует времени, чтобы проникнуть на все уровни организаций и общества в целом. Конечно, это зависит от уже существующего организационного климата и культуры, а также от социальной культуры, в рамках которой должны функционировать любые организации.

Автор предлагает механизм действия системы менеджмента Народы из разных стран имеют подход к делу в зависимости от своей культуры. Кроме того, в культуре одной страны имеются отличия, разные убеждения и поведение. Одним из способов объединить эти различия в поведении является идея культуры, ввиду данного фактора отмечались трудности и проблемы реализации концепции общего управления качеством в Саудовской Аравии и наблюдаются в России. Хотя многонациональный трудовой коллектив, который по оценкам экспертов составляет 60 процентов от общей численности рабочей силы саудитов, используя опыт иностранцев должен улучшать знания [13]. На российских предприятиях необходимо выстроить отношения сотрудничества и четко определить роли и виды деятельности. Естественно, подготовительные обстоятельства и текущее положение организации в начале оцениваются для обеспечения конфигурации дел и выпуска со всех сторон высококачественной продукции. Такой подход к управлению определяется стратегией, как ближнесрочной, так и длительной. Интегрирование систем менеджмента могут стать мощной точкой роста для развития креативности и потенциала сотрудников, а также послужить методом по снижению бюрократии и затрат. Манера руководства и организационная культура также должны соответствовать системе [14]. Добиться качества, не включив данное направление в целой процесс не получится. Необходимо четко понимать, что интеграция систем менеджмента качества - это всегда сложный, всеобъемлющий и долгосрочный процесс. При котором необходимо максимально использовать мнение потребителей и вовлекать рабочих в развитие системы. Лидерство и авторитет высшего руководства является апогеем данных систем, подтверждающим на практике приверженность к делу и качеству. Если руководство лишь создает видимость и не оказывает моральную поддержку рабочих, то система качества не жизнеспособна. Лидеры должны планировать и подтверждать будущее идей, быть максимально ответственными за сотрудников и производство в целом.

Вывод

Анализируя философию качества таких государств, как Саудовская Аравия, Япония, ОАЭ, страны Европы и США можно сделать вывод, что никакая система управления качеством не работает, если государства не уполномочены и не привержены брать на себя ответственность за качество. Философия качества традиционно фокусируется на разработке и внедрении культуры, которая подчеркивает человекоориентированность, постоянное совершенствование, расширение прав и возможностей людей, а также принятие решений на основе фактов [15]. Основатели этого общего подхода к делу были нацелены на выравнивании конструкции систем производства и обслуживания с ожиданиями потребителя, поэтому фокусировали внимание на качестве на всех стадиях технологии, выпуска и поставки. Такая философия процесса ориентирована на сокращение брака, а также на постоянное улучшение функциональности конечного продукта или услуги.

Уместно отметить, что в России внедрении философии качества находится на уровне производств, пока не повсеместно Правительство осознает значимость такого явления. Важная фигура в истории менеджмента качества, Д. Джуран не только учил японцев управлению качеством, он также, возможно, был первым экспертом по качеству, который подчеркнул, что качество должно стать частью поведения и отношения людей. Современное российское общество осуществляет исключительно трудную, во многом противоречивую, но исторически неизменную и необратимую перестройку. В социально-политической жизни это переход от тоталитаризма к демократии, в экономике - от административно-командной к рыночной. Современным управленцам необходимо как можно быстрее трансформироваться в менеджеры. Осуществлять управление на профессиональной основе, направленной на достижение в ходе любой хозяйственной деятельности, определенных намеченных целей путем рационального использования материальных и трудовых ресурсов с применением принципов,

функций и методов экономического механизма менеджмента. В развитых экономиках растущую роль общественной силы осуществляют корпорации – гиганты, обладающие огромным экономическим, производственным, научно-техническим потенциалом, сопоставимым по мощности с целыми государствами [16]. Крупнейшие корпорации, такие как Apple, Microsoft, Google, Amazone, автоконцерны Toyota, Mersedes Bens, Ford, крупнейшие банки – Bank of New York, Deutsche Bank и другие составляют костяк экономической и политической силы развитых экономик. От них зависят правительства, они все имеют межконтинентальный характер, простирая свои производственные, технологические, сервисные, информационные сети по всему миру. Поэтому, влияние лидеров данных компаний, равно влиянию государственных деятелей, они могут задавать курс целым народам мира.

Литература:

1. Мирошников В.В. Реализация риск-ориентированного мышления // Проблемы современного антропосоциального познания [Текст]+[Электронный ресурс]: сб. ст. / под общей ред. Н.В. Попковой.– Брянск: БГТУ, 2017. – Вып. 14. – С. 97
2. Total Quality Management ¬ MGT510 // Quizzes & GDB Group. Members: 33 Latest Activity: May 17, 2018
3. Салимова ТА. История управления качеством: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2005.
4. Дергачева Е.А., Чернецова Н.Н. Конкурентоспособность образовательных услуг в вузе: опыт осмысления в условиях глобализации (научное издание). Брянск: БГТУ, 2008. 79 с.
5. The Oriental Economists Japan Economic Yearbook. Tokyo: The Oriental Economist, 1965.- 324 p.
6. Вербицкий С.И. Японо-американский военно-политический союз // М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. — 285 с.
7. Dergacheva, E.: Establishment of Multidisciplinary Methodology in the Modern Industrial Enterprise Management. SHS Web of Conferences. RPTSS 2015 – International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences 2015 (28), (2016), available at: DOI: http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162801026, last accessed 2019/05/10
8. Holmes M., Pentecost E. The Rise and Decline of US International Monetary Hegemony // Slater D., Taylor P.J. (eds.). The American Century. Consensus and Coercion in the Projection of American Power. Oxford, Malden (Ma.), 1999. P. 129.
9. Волоизанова, Г.П. История менеджмента. М.: ИНФРА-М, 2007. 544 с.5.
10. Хвостик Е. В пустыне построят новый World: О новом строительном проекте в Арабских Эмиратах // Коммерсантъ. – 2003. – 1 октября – с. 11.
11. Дергачева Е.А., Чернецова Н.Н. Повышение конкурентоспособности и качества образовательных услуг в вузе // Вестник Брянского государственного технического университета. – Брянск: БГТУ, 2008. - №3 (19). С.108-117.
12. Пшенников, В.В., Японский менеджмент. М.: «Япония сегодня», 2007. С. 97.
13. История отношений на Дальнем Востоке: 1945-1977 // История дипломатии. М.: Политиздат, 1974. – 558 с.
14. Powell, T. C. (1995). Total quality management as competitive advantage: a review and empirical study. Strategic management journal, 16(1), 15-37.
15. Антология русского качества / Под ред. Б.В. Бойцова, Ю.В. Крянева. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2000. – 432 с
16. Исикава К. Японские методы управления качеством: сокр. пер. с англ. / К. Исикава. М.: Экономика, 1988.

Современная мифология денег как отражение эволюции денег

Никитин А.П.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Институт экономики и управления, доцент кафедры философии и культурологии. Канд. филос. наук

nikitinanton5891@gmail.com

В докладе анализируются особенности современной мифологии денег, сложившиеся под воздействием эволюции самих денег. Эволюция денег – это процесс их дематериализации: от товарных денег к электронным деньгам. История мифологии денег отражает данный процесс. Первоначальным мифом являлся образ денег, которые заполняют собой пространство (миф о царе Мидасе). В современной мифологии, наоборот, доминирующим образом денег является пустота в метафизическом смысле. Мир денег оказывается аналогичным миру идей Платона, деньги существуют самостоятельно от вещей, но воплощаются в каждой из них. Эта мифологема отражает как происхождение глобальных финансовых кризисов, так и финансовую культуру общества постмодерна. Символизация денег приводит к тому, что они наделяются такими характеристиками, как «легкие», «быстрые», а финансовый успех ассоциируется с результатом игры и удачей.

Ключевые слова: эволюция денег, электронные деньги, мифология денег, финансовая культура, финансовая игра, симулякр.

Modern mythology of money as a reflection of the evolution of money.

Nikitin A.P.

Katanov Khakass State University, Institute of Economics and Management,Philosophy and Culturology Department

The report analyzes the features of the modern mythology of money those have developed because of the influence of the evolution of money itself. The evolution of money is the process of their dematerialization: from commodity money to electronic money. The history of the mythology of money reflects this process. The initial myth was the image of money that fills a space (the myth of King Midas). On the contrary, the dominant image of money in modern mythology is emptiness in a metaphysical sense. The world of money is analogous to the world of Plato's ideas, money exists independently of things but is embodied in each of them. This myth reflects the origin of global financial crises and the financial culture of postmodern society. The symbolization of money leads to it is endowed with such characteristics as «easy» and «fast», and financial success is associated with the result of the game and luck.

Keywords: evolution of money, electronic money, mythology of money, financial culture, financial game, simulacrum.

[i]Современная мифология денег может рассматриваться как минимум в четырех смыслах, представленных в экономической теории, социокультурной антропологии, социальной психологии и семиотике. Соответственно этим подходам, выделены следующие трактовки того, что является мифологией денег: «1) это заблуждения, распространяемые специально с целью манипуляции общественным сознанием; 2) это иррациональные представления, формирующиеся из повседневной практики использования денег; 3) это совокупность образов, в которых отражается воздействие денег на человека; 4) это вторичная семиотическая система, значением которой выступают оценки и интерпретации денег» [1, с. 47].

Указанные трактовки являются не взаимоисключающими, а дополняющими друг друга. Заблуждения о сущности денег во многом связаны с иррациональными практиками их «приманивания», о которых говорят антропологи; в совокупности образов денег проявляются их онтологические и этические интерпретации. В целом можно говорить о современной мифологии денег как о комплексе представлений, напрямую не относящихся к описанию и объяснению их экономических и социальных функций. Но из этого не следует, что образы денег ничего не дают в понимании того, как работают деньги. К примеру, утверждение, что деньги любят тишину, является пословицей, которая раскрывает как особенности финансовых практик, так и отношение к деньгам в обществе. Первоначальный ее смысл заключался в том, что инвесторы стремятся вкладывать деньги туда, где спокойно, меньше рисков и непредсказуемости. Сегодня это выражение воспринимается как упоминание о том, что следует как можно меньше говорить о своих доходах, о финансовой стороне жизни. Б. Лиетар по этому поводу отмечает: «Западная цивилизация характеризуется тремя важнейшими табу: на секс, смерть и деньги. <…> Считается неприличным спрашивать кого-либо, сколько денег он или она имеет и откуда их берет» [2, с. 14-15].

i Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-1519.2019.6

То есть современная мифология денег, являясь языком образов, ассоциаций и коннотаций, отражает состояние самих денег и специфику финансовой культуры. Эволюция денег порождает новые смыслы вокруг них, которые в свою очередь воздействуют на отношение к миру финансов на индивидуальном и коллективном уровнях. Это отношение является не только абстрактным пониманием роли денег в жизни человека, но непосредственно влияет на повседневные практики использования и приобретения денег, финансовые стратегии и тактики.

Каждый этап эволюции денег определяет содержание доминирующего образа денег. На этапе товарных денег – это образ богатства, сокровищ, заполняющих пространство, которые закапывают, хранят в потайных комнатах, в которые пытаются обратить другие предметы (как царь Мидас). На этапе монет – образ денег, которые могут приносить счастье и удачу, либо несчастье и горе в зависимости от того, кому они служат (сказки о счастливых монетах, неразменных монетах, монетах из других стран). На этапе банкнот формируется образ горящих денег как символ того, что деньги утратили свою материальную ценность, они превратились в нечто, что легко потерять, что по своей природе неустойчиво и непостоянно.

Для современных безналичных денег, которые представляют собой лишь фиксированную сумму на электронном счете, главенствующим образом становится умозрительное число, вещественная пустота, которая наполняет собой мир, структурируя его количественно. Этот образ можно сравнить с диалектико-идеалистическим учением о ничто как иной стороне мира вещей, которое является для него формой. Чистое бытие как форму существования нельзя представить в качестве отдельного предмета, с другой стороны ничто – это и есть отсутствие предметов, получается, что бытие тождественно ничто, а вещи, существуя, этим свойством его выражают. Электронные деньги, аналогично, не существуют в качестве предметов (кредитная карточка или смартфон с функцией оплаты – это не деньги, а лишь носители информации о счете), но каждый предмет оценивается деньгами. В физическом смысле денег нет, но они мыслятся в любой вещи, которая имеет стоимость. Вещи, продаваясь и покупаясь, этим свойством выражают деньги.

А. Камю говорил об этом процессе как о мистификации экономики (хотя в 1958 г. электронных денег еще не было, его слова во многом предвосхищают их появление): «Мы живем в обществе, которое даже нельзя назвать обществом денег (деньги, золото способны хотя бы возбуждать живые страсти!), а лишь обществом абстрактных символов денег. Мир торгашей можно определить как мир, где вещи исчезают, уступая свое место знакам. Когда правящий класс измеряет свои состояния не в арпанах земли, не в золотых слитках, а в столбиках цифр, точно соответствующих определенному количеству обменных операций, он тем самым поневоле начинает мистифицировать свой общественный опыт, свой универсум» [3, с. 364-365].

Потеря связи денег с вещным миром имеет важные последствия как для экономических отношений, так и для культуры, для ценностного осмысления феномена денег. Касательно последствий на уровне экономики стоит отметить, что в классических теориях денег их масса и интенсивность обмена напрямую зависели от нужд производителей и потребителей (одна из основных функций денег – коммуникативная, то есть они несут информацию, обеспечивая связь между производителем и потребителем). Переход денег из «мира вещей» в «мир идей» подразумевает, что они не связывают вещи и людей друг с другом, а живут своей самостоятельной жизнью, «отблескивая» в реальном хозяйстве стохастически и спорадически. Их существование оказывается неподвластным никаким законам вещей, невозможно спрогнозировать их движение, исходя из эмпирических данных.

Ж. Бодрийяр на этом основании включает деньги в совокупность симулякров: «Освободившись от самого рынка, они превращаются в автономный симулякр, не отягощенный никакими сообщениями и никаким меновым значением, ставший сам по себе сообщением и обменивающийся сам в себе» [4, с. 76]. Такой взгляд лишает возможности связывать финансовые кризисы с кризисами производства или

потребления. Это результат симуляций, биржевых игр, валютных спекуляций и т.п. Постмодернистская философия денег основывается на убеждении, что мир финансов живет в своей собственной реальности, которая никак не связана с реальностью товарного мира.

Однако эта экономическая вариация платонизма не предполагает, что реальность товарного мира никак не реагирует на изменения в мире финансов. Финансовые кризисы отражаются в процессах производства, распределения, обмена и потребления аналогично тому, как платоновский мир идей воплощается в мире вещей. То есть финансы становятся: а) независимыми от реального сектора экономики, б) воплощаемыми в реальном секторе экономики. Точно также красота (или любое другое метафизическое понятие) у Платона существует независимо от вещей, но воплощается в них в различной степени.

В повседневной финансовой культуре дематериализация денег оказывает мистическое воздействие на их восприятие. Распространяется образ денег, которые приходят ниоткуда и уходят в никуда, которые случайно одаривают собой человека, и также случайно покидают его, они неподвластны ему. Не последнюю роль в формировании данного образа сыграло развитие опережающего потребления, основанного на легкодоступном кредитовании. Деньги стали «легкими», быстро возникающими и быстро исчезающими.

Здесь стоит отметить, что традиционное смысловое отношение к обогащению имеет два основных содержания: 1) обогащение человека – это результат его трудовых усилий, усердного служения своему делу, таланта и способностей, символом которых и становятся деньги (ярче всего выражено в протестантской этике, о чем писал М. Вебер); 2) обогащение человека – результат преступления, богоотступничества, какого-то грязного и темного дела (миф о неразменной монете, которую можно получить, сделав святотатство в церкви, идея о продаже души дьяволу, множество литературных сюжетов о преступлениях ради богатства, восприятие «новых русских» в 1990-х гг. и т.п.).

Н.Н. Зарубина отмечает, что в отношении к обогащению в современный период распространения электронных денег сложилось два основных мифа. Во-первых, миф денег-стихий, который «предполагает господство внешней силы, неопределенность, игру случайностей, которую невозможно познать и рационально освоить, но лишь «предугадать», «задобрить» или подчинить себе с помощью иррациональных харизматических свойств личности и использования особой магии» [5, с. 50]. Во-вторых, миф денег-выигрыша, содержание которого заключается в том, что наиболее привлекательными финансовыми стратегиями «оказываются самые быстрые и простые, а отнюдь не те, которые связаны с длительными и обременительными усилиями» [5, с. 51]. Эти два современных мифа, на наш взгляд, можно объединить в один синтезированный образ – образ денег как чистой возможности, как ничего, которое возникает из ничего, никак не связано с реальностью, но легко может обратиться хоть во что.

Какими словами не обозначать современную мифологию денег, ее сущность остается одна: для привлечения денег нет необходимости усердно трудиться или даже идти на преступление, основным способом обогащения оказывается ожидание случая, удачи. По этому поводу у американцев есть соответствующий анекдот: «Миллионер говорит: – Когда мы с женой приехали в Америку, у нас было всего 2 цента. Мы купили 2 грязных яблока, вымыли их и продали за 4 цента. Потом купили на них 4 яблока и продали за 8 центов. – А потом? – Потом умерла моя бабушка и оставила нам в наследство 2 миллиона долларов». Ситуация как раз показывает, что легче положиться на случай, чем жить практикой расчета. В ней отражается тенденция, в соответствии с которой в экономической жизни долгосрочные перспективы заменяются краткосрочными и импульсивными решениями.

Литература:

1. Никитин А.П. Современная мифология денег как объект междисциплинарных исследований // Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции «VIII Сибирский философский семинар». Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 44-49
2. Лиетар Б.А. Душа денег. М.: АСТ, 2007. 365 с.
3. Камю А. Шведские речи // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 358-378
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
5. Зарубина Н.Н. О мифологии денег в российской культуре // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 43-52

Понятие творчества в современной экономической науке

Рогожникова В.Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, кафедра философии и методологии экономики, доцент. Кандидат философских наук

veselial@mail.ru

Аннотация: Творчество – фундаментальное условие любой продуктивной деятельности. В современной экономике доля творческой деятельности человека постоянно растет, причиной чему служат, в основном, развитие и распространение коммуникационных технологий, а также переориентация экономики с производства товаров на производство знаний и услуг. В связи с этим возникает проблема определения понятия «творчество» в современной экономике, ориентированной на объяснение и предсказание поведения индивида как представителя массы. Кроме предметно-методологических ограничений самой экономической науки, под которой в данной работе мы подразумеваем неоклассическую экономическую теорию, решение этой проблемы затрудняется тем фактом, что творчество – это прежде всего философское понятие. Таким образом, цель данной работы – определение понятия «творчество» в неоклассической экономической теории посредством выявления различий и определения сходства между философским и экономическим пониманием творчества.

Ключевые слова: творчество, человек, экономика, философия экономики.

The Notion of creativity in modern economic science.

Rogozhnikova V.N.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Department of Philosophy and Methodology of Economics

Abstract: Creativity is a fundamental condition of any productive activity. In the modern economy, the share of human creative activity is constantly increasing, mainly due to the development and dissemination of communication technologies, as well as the reorientation of the economy from the production of goods to the production of knowledge and services. This raises the problem of defining the concept of “creativity” in modern economics, oriented towards explaining and predicting the behaviour of an individual as a representative of mass. Apart from the subjective and methodological limitations of economic science itself, by which here we mean neoclassical economic theory, the solution of this problem is complicated by the fact that creativity is primarily a philosophical concept. Thus, the purpose of this work is to define the concept of “creativity” in neoclassical economic theory by identifying differences and similarities between the philosophical and economic understanding of creativity.

Keywords: creativity, human, economics, philosophy of economics.

Введение

Творчество – важнейшее условие человеческой деятельности и развития человеческого общества. Культура формируется благодаря творческому усилию человека, экономика же является частью культуры. Технологическое развитие меняет структуру общества и поведение человека. Обладает ли современная экономика инструментами для анализа именно творческого поведения человека? Чтобы это понять, необходимо сформулировать «экономическое» определение творчества. С нашей точки зрения, правильно подойти к такому определению поможет решение трех задач: 1) Выделить основные характеристики современного общества и связать их с процессами, происходящими в экономике; 2) Поскольку творчество – это изначально философское понятие, логично определить специфику философского подхода к пониманию творчества; 3) Обозначить наиболее общее понимание творчества в рамках неоклассики. В конце работы мы сравним философское и неоклассическое понимание творчества и сделаем основные выводы.

Современные тенденции развития общества и экономики

Современное общество принято называть постиндустриальным обществом, информационным обществом, обществом знаний; эти понятия описывают сходные явления [1; 2; 3]:

1. *Развитие общества тесно связывается с процессами передачи информации*. В новом обществе информация и знание становятся благом и основным содержанием коммуникации между людьми и организациями. На первый план в современном обществе выходят люди, чья профессия предполагает постоянное производство знаний (преподаватели, научные работники, ученые, инженеры).
2. *Изменение социальной структуры общества*. Формируется так называемый прекариат – новый социальный класс, который обладает «профессиональными знаниями, квалификацией, опытом… /а также/ нестабильным социальным положением с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда» [1, с.81].
3. *Быстрое развитие коммуникационных технологий* (прежде всего Интернета), открывающих мгновенный доступ к знаниям, новые возможности их изменения, передачи, осмысления и использования. Интернет создает среду для совершенствования разнообразных навыков или создания своего контента.

Экономические процессы во многом обуславливают изменения, происходящие в социуме; но и экономика подвержена влиянию социокультурных процессов. Наиболее важными чертами современной экономики являются:

1. *Высокая неопределенность экономических процессов, обусловленная возрастающей сложностью социально-экономической реальности*. Частью последней является виртуальная реальность, которую сложно регулировать и контролировать, но которая может оказывать непосредственное влияние на экономические процессы.
2. *Переориентация производства с товаров на услуги и знания*. Интернет открыл широкому пользователю небывалые ранее возможности быстрого доступа к информации и профессиональному знанию. Новые технологии не могут существовать и развиваться без доступа к огромному хранилищу данных – Интернету.
3. *Высокая трудовая мобильность и появление феномена гибкой занятости*. Эти процессы запустили переструктурирование рынка труда и, как следствие, подняли не только вопрос о социальной защите прекариата как наиболее уязвимой части работающего населения, но также проблемы перераспределения трудовых ресурсов и организации труда.

Социально-экономическая и политическая неусточивость, а также развивающееся доверие технологиям, благодаря которым весь мир теперь находится у нас на кончиках пальцев, позволяют нам сделать вывод, что важнейшей характеристикой человеческого поведения становится творчество.

Специфика определения творчества в современной философии

Творчество является прежде всего философским понятием. С нашей точки зрения, можно выделить следующие основные характеристики философского подхода к феномену творчества [4; 5; 6]:

1. Т*ворчество понимается как онтологическая характеристика человека* – то, что присуще человеку как существу особого порядка, что позволяет ему быть и оставаться человеком. Творчество также есть деятельность по созданию и реализации смысла жизни.
2. *Философия рассматривает творчество с разных сторон*, стремясь дать ему целостное определение.
3. С точки зрения философии, *творческое поведение может быть свойственно только личности*. Безликая масса не может ничего создать, поскольку в творческом процессе важны личные переживания и личный взгляд на вещи.

Таким образом, *творчество в философии – это личностный процесс, целью которого является утверждение осмысленности жизни вообще, а также утверждение многообразия мироздания в его единстве*.

Понятие творчества в экономической науке

Экономика изучает поведение человека, своими действиями меняющего мир. Можно говорить о следующих характеристиках экономического анализа творческого поведения:

1. *Творчество рассматривается прежде всего как характеристика трудового поведения человека*. В современных условиях высокой неопределенности и конкурентности среды успешный работник – это тот, кто умеет мыслить и действовать нестандартно: находить неожиданные решения уже поставленных проблем, подавать привычное и знакомое как новое. Этому способствуют такие свойства экономического человека, как рациональность и умение сравнивать альтернативы.
2. *Экономика рассматривает творчество как продуктивную деятельность*, то есть как процесс, ведущий к созданию нового продукта или услуги. Это инновационная деятельность, направленная в мир, ориентированный на потребителя.
3. *Экономика оставляет за скобками вопрос о личности* человека, создающего новое. Согласно теории человеческого капитала, у каждого человека есть способности, таланты, умения, знания, сочетание и развитие которых и дает творческий результат [7; 8]. Что именно и как позволяет человеку добиться отличия от других, а значит, преимущества на рынке труда – не так уж и важно.

Таким образом, *творчество в экономике – это способность на основе имеющихся у индивида талантов, знаний и умений создавать новые продукты и услуги*.

Конечно, творчество в экономике понимается более узко, чем в философии. Но здесь важнее другое: творческое поведение и в философии, и в экономике можно *понять*, но практически невозможно *предсказать*. В то же время, поскольку творчество – важнейшая часть современной социальной и экономической жизни, нам необходимо понимать такое поведение, уметь описать его условия, предсказать тенденции и результаты. Неоклассика, анализируя прежде всего массовидное поведение человека, в принципе не ориентируется на такие задачи.

Заключение

Понимание творчества в современной неоклассической экономической теории ограничено ее предметной сферой и методологическим подходом к анализу человеческого поведения. С нашей точки зрения, модель экономического человека в неоклассической экономической теории может применяться только для анализа потребительского поведения, но не для того, чтобы понять, например, поведение работника или изобретателя. Ее следует дополнить элементами других моделей человека, которые будут рассмотрены в других наших работах, посвященных понятию творчества в неомарксизме, новой институциональной теории, эволюционной и поведенческой экономике.

Литература:

1. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография / Ж.Т. Тощенко. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.
2. Яницкий О.Н. Глобализация. Город. Человек. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 177с.
3. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В. В. Семенова и др.]; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.
4. Бескова И.А., Касавин И.Т. Творчество // Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М.: Мысль, 2010. https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089445249fc349f1553108
5. Резник Ю.М. Творчество как способ самоконструирования человека // Вопросы социальной теории. 2013-2014. Т.VII. Вып.1-2. С.137-154.
6. Самохвалова В.И. Творчество: феномен, предпосылки, субстрат и возможности // Философия творчества: материалы Всероссийской научной конференции, 8-9 апреля 2015 г., Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н.М. Смирновой, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтеЛЛ, 2015. С. 433-448.
7. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis and The Economics of Discrimination. 3rd ed. University of Chicago Press, 1994.
8. Капелюшников Р.И. Теория человеческого капитала. Аннотация. 23.08.1998. http://www.libertarium.ru/10624

Системно-кибернетическое представление противоречий в процессе профессионального самоопределения сельской молодежи

Зинич А.В.

ФГБОУ ВО Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина. Кандидат экономический наук

av.zinich@omgau.org

Ревякина Ю.Н.

ФГБОУ ВО Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина

yun.revyakina@omgau.org

Аннотация: Динамика процессов в современном обществе обусловливает изменение требований к способности человека определять свою профессиональную траекторию. С каждым годом увеличивается количество новых профессий, связанных с цифровизацией процессов в экономике, в тоже время, требования к существующим трансформируются. Подобные процессы характеризуют и современное сельское хозяйство, одним из обязательных условий устойчивого развития которого является формирование рынка квалифицированного молодежного труда, невозможное без проработки на всех методологических уровнях вопросов профессионального самоопределения сельской молодежи. В работе представлен подход к разработке категориально-системных средств для моделирования качественных переходов в системе профессионального самоопределения сельской молодежи, в основе которых лежит динамика внутреннего противоречия.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, сельская молодежь, цифровизация, категориально-системная методология.

System-cybernetic representation of contradictions in the process of professional self-determination of rural youth.

Zinich A.; Revyakina Y.

FSBE IHE «Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin»; FSBE IHE «Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin»

Abstract: the Dynamics of processes in modern society causes changes in the requirements for a person's ability to determine their professional trajectory. Every year the number of new professions related to the digitalization of processes in the economy increases, at the same time, the requirements for existing ones are transformed. Such processes also characterize modern agriculture, one of the mandatory conditions for sustainable development of which is the formation of a market for qualified youth labor, which is impossible without working through the issues of professional self-determination of rural youth at all methodological levels. The paper presents an approach to the development of categorical-system tools for modeling qualitative transitions in the system of professional self-determination of rural youth, which are based on the dynamics of internal contradictions.

Keywords: professional self-determination, rural youth, digitalization, categorical-system methodology.

[i] В настоящее время возникает необходимость в переосмыслении как самого знания о процессе профессионального самоопределения молодежи с учетом характера и направленности современной ситуации, так и в обосновании новых концептуальных подходов к ее решению. Сегодня становятся особо значимыми проблемы профессиональной, социальной идентичности молодежи в обществе в условиях неопределенности будущих профессий.

Тенденции таковы, что профессии будущего потребуют таких умений от специалистов как кросс-функциональность, работа на стыке профессий, владение междисциплинарными компетенциями, умение творчески мыслить, быть профессионалом big date, готовыми к сотрудничеству с другими людьми и с системами искусственного интеллекта, обладать soft skills и т.д. Однако, хорошо выстроенные soft skills, добавленные к плохо сформированным hard skills не обеспечат соответствия требованиям к работникам экономики будущего. В связи с этим, новые модели профессионального самоопределения молодежи требуют детального рассмотрения и учета системы внутренних и внешних противоречий [3, 4].

В этой связи методы, которые целесообразно использовать для изучения этих явлений и построения новых моделей должны объединять в себе качественные и количественные параметры. Для целей нашего исследования обратимся к основным блокам категориально-системной методологии профессора В.И. Разумова [5], в частности, попробуем разработать категориально-системные средства для моделирования качественных переходов в системе профессионального самоопределения сельской молодежи, в основе которых лежит динамика внутреннего противоречия (рис.).

Рисунок 1. ***Системно-кибернетическое представление о современной проблеме профессионального самоопределения сельской молодежи***

В настоящее время на процесс профессионального самоопределения сельской молодежи влияют внутренние и внешние факторы, хотя на практике очень сложно выделить критерии, которые можно отнести только в одну из групп. Поэтому мы считаем целесообразно определить их как условно внешние и условно внутренние. Так, к условно внутренним факторам относятся базовый человеческий капитал, система внутренних ценностей, специфический менталитет сельской молодежи (в частности экологичность), институциональный капитал и т.д. При определенном уровне самосознания и наличии амбиций самореализации молодой человек может повлиять на их качественный прирост. К условно переменным мы отнесли инвестиционный и социально-культурный потенциал семьи, доступность ресурсов образовательных центров, уровень развития предпринимательских структур, развитие инфраструктуры, уровень трансакционных издержек, цифровизацию экономики. В качестве результата и связующего звена выступает капитал социальных связей, во многом определяющий успех молодого человека на рынке труда.

Системно-кибернетическое представление о современной проблеме профессионального самоопределения сельской молодежи заключается в следующем: противоречия продиктованы разрывом между требованиями новой экономики к будущим профессионалам и уровнем развития базовых институтов, обеспечивающих формирование профессионально подготовленных людей. В идеальной картине экономического взаимодействия показатели, характеризующие процесс профессионального самоопределения сельской молодежи, стремятся к максимуму. Т.е. для того, чтобы стать успешным профессионалом в экономике будущего, молодой человек должен обладать максимальным базовым человеческим капиталом, иметь благоприятный внутренний и внешний институциональный фон, иметь финансовые возможности и желание формировать базовые и гибкие компетенции, своевременно и продуктивно осуществлять исходящее воздействие на прирост ценности собственного человеческого капитала.

Однако, фактически складывающийся уровень подготовки молодых кадров, проживающих в сельской местности показывает наличие ряда проблем. В частности, факторы внешней среды, которые определяют профессиональную траекторию молодых людей, не всегда способствует, а зачастую препятствует их эффективному самоопределению. Так, деструктивные процессы в социальной, бытовой и производственной сферах провоцируют активизацию миграционных процессов, в первую очередь среди молодежи [2]. Неразвитость инфраструктуры не обеспечивает равного доступа (наравне с жителями крупных мегаполисов) к образовательным центрам, системе здравоохранения, социального и культурного развития. Материально-техническая база образовательной, культурной и производственной сферы зачастую не отвечает не только современным вызовам цифровизации, но и базовым требованиям комфорта и бытовой стабильности. В конце концов сам предпринимательский сектор не способен трудоустроить молодых специалистов с хорошо сформированными компетенциями для цифровой экономики, поскольку сам не отвечает этим требованиям.

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07366.

Вместе с тем следует отметить, что объективное несоответствие уровня развития внешних факторов не оправдывает неиспользование потенциала внутренних. Эти же процессы цифровизации, которые породили глубинные противоречия в системе подготовки и профориентации кадров, позволяют решить ряд проблем в этой сфере. Так, с развитием интернета, дистанционных образовательных технологий границы между сельской и городской молодежью стираются, открывая новые возможности в самообразовании, поиске работы, социальной и личностной самореализации. Эффективность процесса профессионального самоопределения складывается из перечисленных и взаимоувязанных блоков, однако определяется тем, насколько данный процесс организован и включает эффект синергии. Еще А.А. Богданов выделял принцип «целое больше суммы его частей», как элемент эффективности организованных систем [1].

Таким образом, можно отметить, что в условиях цифровизации экономики, предполагающей новые потребности, новые технологические возможности, социальные и экономические трансформации (новые сети и новые рынки), сельская молодежь, существующая в институциональной среде, является носителем специфического менталитета, предполагающего традиционность, локальность, экологичность, находится в ситуации профессионального и жизненного выбора, который, с одной стороны расширяет возможности, с другой стороны, имеет специфические ограничения. Это требует постановки и решения междисциплинарных исследовательских задач и построения новых моделей управления данным процессом.

Литература:

1. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1./ Редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др./ Отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР.— М.: Экономика, 1989.— 304 с.
2. Букина И.С. Эффективность регионального распределения человеческого капитала и экономическое развитие / И.С. Букина, А.В. Одинцова, П.А. Ореховский // ЭКО. 2019. № 12 (546). – с. 65-89.
3. Гретченко А. А. Подготовка высококвалифицированных кадров для цифровой экономики // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. №13-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-vysokokvalifitsirovannyh-kadrov-dlya-tsifrovoy-ekonomiki (дата обращения: 10.02.2020).
4. Дятлов С. А., Доброхотов М. А. Формы реализации человеческого капитала в цифровой экономике // Известия СПбГЭУ. 2018. №4 (112). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-realizatsii-chelovecheskogo-kapitala-v-tsifrovoy-ekonomike (дата обращения: 12.02.2020).
5. Разумов В. И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: Учебное пособие / Вст. ст. А.Г. Теслинова. – Омск: : Изд-во ОмГУ. – 2004. – 277 с.

Развитие современной экономической науки в контексте методологии научно-исследовательских программ

А.А. Измайлов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

izmaylov571@gmail.com)

Л.А. Тутов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

l.tutov@yandex.ru

Аннотация: После мирового кризиса 2008 года перед методологией экономики возникли новые задачи, связанные с объясняющей и прогностической функцией. Подход с позиции лакатосианских научно-исследовательских программ (далее по тексту – НИП) способен предложить пути преодоления существующих ограничений в мейнстриме экономической науки. В статье рассматриваются перспективы применения методологии НИП в отношении экономики. Проведенный анализ показал, что выявленные ранее недостатки методологии НИП представляется возможным устранить. Применение же модернизированного варианта методологии НИП по отношению к различным школам экономической науки может способствовать решению ряда значительных проблем, ограничивающих ее развитие, и тем самым будет способствовать развитию конкуренции между различными школами, повышению качества их взаимодействия и росу объективности оценки достижений научных школ, а также приведет к развитию междисциплинарных исследований.В первой части исследования выявляются ключевые барьеры, ограничивающее развитие экономической науки на современном этапе, во второй части анализируются возможности применения методологии НИП для их устранения.

Ключевые слова: методология научно-исследовательских программ, научная школа, неоклассическая экономическая теория, новая институциональная экономическая теория, поведенческая экономика, междисциплинарные исследования.

The Development of Modern Economic Science in the Context of the Methodology of Scientific Research Programs.

Izmaylov A. A.; Tutov L.A.

Moscow State University

Abstract: After the global crisis of 2008, new tasks related to the explanatory and prognostic function arose before the methodology of economics. The approach from the standpoint of the Lacatosian scientific research programs (hereinafter referred to as the SRP) is able to offer ways to overcome the existing limitations in the mainstream of economic science. The article discusses the prospects of applying the SRP methodology in the field of economics. The analysis showed that it seems possible to remove previously identified shortcomings of the SRP methodology. And the use of a modernized version of the SRP methodology in relation to various schools of economic science can help solve a number of significant problems that limit its development. This will contribute to development of competition between different scientific schools, improving the quality of their interaction and increasing the objectivity of assessing the achievements of these schools, as well as strengthening the development of interdisciplinary research. In the first part of the study key barriers that limit the development of economic science at the present stage are identified, in the second part the possibilities of applying the SRP methodology to eliminate them are analyzed.

Keywords: methodology of scientific research programs, scientific school, neoclassical economics, new institutional economics, behavioral economics, multidisciplinary research.

Введение

Мировой экономический кризис 2008 года наложил значительный отпечаток на социально-экономическое развитие всех стран и регионов. На таком фоне кризисная ситуация стала очевидной и в самой экономической теории. Позиции доминировавшей несколько десятилетий неоклассической школы пошатнулись. Внутри самого мейнстрима происходят значительные изменения, одновременно с этим возвышаются другие школы экономической мысли. На современном этапе на пути развития экономической науки стоит ряд методологических трудностей, которые значительно его ограничивают.

По нашему мнению, решение проблем возможно благодаря применению методологии научно-исследовательских программ, предложенной И. Лакатосом [1]. Данная модель развития научного знания может эффективно использоваться для объяснения ситуации в экономической науке. Использование этого подхода может повысить методологический статус различных НИП, а также способствовать активизации взаимодействия различных научных школ. Более того, практическое применение концепции И. Лакатоса может создавать новые стимулы для приращения экономического знания [2].

Экономическая наука после кризиса 2008 года

Ситуация в экономической науке после 2008 года [3], различными учеными оценивается по-разному. Ряд мыслителей (В.М. Полтерович) подвергают обширной критике мейнстрим. Основными направлениями такой критики являются его чрезмерная математизация, неспособность предсказывать кризисные ситуации, отсутствие реакции на общественно-важные проблемы. Другие же исследователи считают, что кризиса в экономической науке нет. Например, Р.И. Капелюшников отмечает, что происходящее «трудно назвать триумфом, но трудно назвать и кризисом: это будничное рабочее состояние» [4, с. 127].

На фоне усиления критики мейнстрима (речь идет, прежде всего, о неоклассической экономической теории) произошло возвышение близких по базовым предпосылкам к нему исследовательских программ, например, новой институциональной экономической теории (далее по тексту – НИЭТ) и поведенческой экономики. Последняя является междисциплинарным знанием и располагается на стыке экономики и психологии. Первые попытки такого синтеза происходили еще в начале прошлого века, однако тогда они распространения не получили в силу активного использования редукционистской модели экономического человека и слабого развития экспериментальных методов исследования в экономике [5].

По мере же развития поведенческой экономики использование экспериментальных методов значительно возросло, и, стал возможен синтез положений неоклассики и инструментария поведенческой экономикой. «Новая поведенческая экономика» получила широкое признание, представители данной школы были неоднократно удостоены Нобелевской премии. Но при этом ее нельзя охарактеризовать как альтернативное направление, она стала частью мейнстрима, содержательно и методологически сблизилась с неоклассикой, усилив последнюю. То есть на практике мы имеем ситуацию, когда конкурирующие НИП не стремятся разрушить «жесткое ядро» друг друга, а используя «позитивную эвристику», пытаются кооперироваться.

Другая близкая к неоклассике школа – НИЭТ. Она активно развивается, число проводимых в ее рамках исследований растет совместно с уровнем признания результатов этих исследований в научном сообществе. При этом НИЭТ использует элементы инструментария неоклассики, что также вызывает сомнения по поводу наличия непримиримой конкурентной борьбы между ней и доминирующей НИП.

Развитие НИЭТ сопряжено с проблемой, связанной в качеством междисциплинарного взаимодействия. НИЭТ тесно связана с такими областями науки, как право, политология, социология, история и др. В качестве показательного примера недостаточного качества таких междисциплинарных связей можно привести исследования Д. Норта и Д. Асемоглу [6]. При изучении роли институтов в экономическом развитии данные ученые прибегали к историческому анализу, однако использовали примеры лишь «удобных» стран, исторический же опыт тех стран, который не вписывался в объяснительную схему ученых, не использовался, что накладывает отпечаток на результаты исследований и снижает их универсальность. А в силу высокого авторитета исследователей, эта методологическая некорректность может дальше транслироваться, так как велико число их последователей. И это лишь один из примеров проявления методологической проблемы, кроющейся в необходимости повышения качества взаимодействия ученых из различных областей науки при проведении междисциплинарных исследований.

Следующей важной проблемой развития современной экономической науки является взаимоотношение неортодоксальных школ и мейнстрима, а также ограниченные возможности для оценки результатов исследований неортодоксов и дальнейшего их распространения. Гетеродоксальные школы тоже активно развиваются, например, неоавстрийская школа на текущем этапе находится на более высоком уровне развития, чем когда-либо ранее [7], но несмотря на это, большинство таких школ находятся на периферии экономической науки, а это порождает дополнительные проблемы. Во-первых, их достижения распространяются преимущественно только среди представителей школы, во-вторых, только сами представители таких школ оказываются способными оценить достижения школы, что сильно снижает уровень объективности.

Одновременно с этим многие неортодоксы могут заниматься лишь слепой критикой мейнстрима, при этом не вникая в его передовые идеи, а сам мейнстрим часто просто не обращает внимание на «периферийные», по его мнению, научные школы [4]. В итоге отсутствие продуктивного диалога между различными дискурсами внутри экономической науки ограничивает возможности ее развития.

Методология НИП как инструмент для решения проблем развития экономической науки

Выявив ключевые проблемы развития экономической науки, перейдем к оценке возможностей применения методологии НИП для их решения. Следует отметить, что данная методология соответствует природе и логике развития экономической науки, в которой действительно существует множество различных конкурирующих НИП. Их конкуренция сопровождаться сотрудничеством и синтезом. Этот синтез также можно объяснить с позиций НИП. Неоклассика, по мнению многих ученых являющаяся вырождающейся НИП [8], стремиться усилить свой защитный пояс за счет достижений других школ, а эти самые школы пытаются влиться в мейнстрим с целью притупить бдительность конкурента и победить его на его же поле [9].

Еще одной причиной такого развития событий может являться значительное осложнение борьбы против неоклассики за счет абсолютного доминирования данной НИП в информационном поле. Ее представители публикуются в наиболее авторитетных журналах, имеют наиболее высокий рейтинг по наукометрическим базам, именно неоклассика наиболее широко преподается в ВУЗах. В итоге представители других, особенно гетеродоксальных, НИП вынуждены публиковаться преимущественно в «своих» журналах, и оценивают их в первую очередь представители их же школ.

Зачастую ученые из различных направлений даже при всем желании оказываются неспособны понять друг друга, так как, во-первых, не могут объективно оценить успехи других научных школ, и лишь поверхностно их оценивают, создавая карикатуры концепций оппонентов, во-вторых, они могут разговаривать на разных языках, использовать одни и те же термины, но вкладывать в них разный смысл.

Важную роль в преодолении этого барьера может сыграть методология НИП. В случае расширения ее применения в отношении разных школ экономической науки представится возможным систематизировать достижения каждой школы, разграничить их на «жесткое ядро» и «защитный пояс». При этом необходимо заметить, что еще в 80-е годы прошлого столетия И. Лакатоса подвергали критике за расплывчатость формулировок «жесткого ядра» и «защитного пояса», следовательно, необходимо устранить данную проблему путем доработки и модернизации методологии НИП и уточнению критериев разграничения. В случае такой доработки значительно возрастет универсальность методологии НИП, а расширение ее использования для предметной идентификации различных школ экономической науки позволит сопоставить ряд научных трудов, систематизирующих достижения каждой из них. В результате ученые смогут знакомиться с достижениями конкурентов, объективно их оценивать, подвергать критике, или же наоборот проводить совместные научные разработки. В итоге это позволит усилить конкуренцию между различными НИП в области экономики.

Подобная систематизация достижений научных школ может также значительно повысить качество междисциплинарных исследований, так как ученым из разных областей науки будет проще взаимодействовать, и даже в случае неверного истолкования результатов исследований одной науки представителями другой науки, как в примере с привлечением исторических данных в исследованиях Д. Норта и Д. Асемоглу, ученые смогут оперативно выявлять такие проблемы, давать объективную критику и объединяться для их устранения. Кроме этого, упрощение изучения достижений смежных наук, а также рост взаимопонимания ученых из разных областей значительно облегчает поиск новых перспективных направлений междисциплинарных исследований.

Важно заметить, что для эффективного применения методологии НИП на практике необходимо повысить интерес ученых к философии и методологии науки и привлечь их к проведению исследований в данной области, а также разработать универсальный язык, которым будут пользоваться методологи в своих комплексных исследованиях, что обеспечит взаимопонимание представителей разных НИП.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что после кризиса 2008 года стали более отчетливы проблемы, ограничивающие развитие экономической науки. Решению данных проблем может способствовать применение методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса, но для этого необходимо путем модернизации повысить ее универсальность. Активизация же практического применения данной методологии для систематизации достижений различных НИП позволит активизировать диалог между конкурирующими НИПами, как внутри самой экономики, так и в смежных областях науки. В итоге это приведет к значительному росту качества проводимых исследований, усилит объяснительные и прогностические функции экономической науки.

Литература:

1. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 246 с.
2. Drakopoulos, S., Karayiannis, A. A Review of Kuhnian and Lakatosian “Explanations” in Economics. // History of Economic Ideas. 2005. Vol. 13. P. 51-73.
3. Hoover, K. The Crisis in Economic Theory: A Review Essay. // Journal of Economic Literature. 2016. №54(4). P. 1350-1361.
4. Капелюшников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. 2018. №5. С. 110-128.
5. Автономов, В. С., Автономов Ю.В. Общая теория «споров о методах» в экономической науке // Общественные науки и современность. 2016. № 4. С. 5-20.
6. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть I. // Вопросы экономики. 2019. №7. С. 119-146.
7. Boettke, P. What Is Still Wrong with the Austrian School of Economics? // In D’Amico, D. and Martin, A. (Ed.) Assessing Austrian Economics. Advances in Austrian Economics. 2019. Vol. 24. P. 5-32.
8. Brahmachari, D. Neoclassical Economics as a Method of Scientific Research Program: A review of existing literature. // MPRA Paper 75341, University Library of Munich, Germany. [Электронный ресурс]. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/75341/1/MPRA_paper_75341.pdf (дата обращения 27.11.2019)
9. Мальцев А.А. Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития // Экономическая политика. 2018. №2. С. 148-169.

*РФК-2020_325_*
Круглый стол «Эстетические проблемы современных перформативных практик»

Перформативные практики в контексте эволюции модернизма

Богатырёва Е.А.

АНО ВО «Институт кино и телевидения (ГИТР)», проректор по научной работе. Доктор философских наук

elenabogat10@gmail.com

Аннотация: Связанные с художественными галереями перформативные практики могут быть рассмотрены как одно из проявлений эволюции модернизма. Становление модернизма и почти одновременное распространение технических искусств в XX в. сопровождались появлением двух тенденций в эволюции изобразительного искусства: стремлением освободиться от фигуративности и сосредоточиться на изображении внутреннего мира художника (модернизм), а затем стремлением освободиться и от посредничества в виде определённого медиа – материального субстрата произведения (отсюда популярность перформанса в художественной практике неоавангарда, появление фигуры «художника без произведений» и т.д.). То есть активизация перформативных практик в изобразительном искусстве стала проявлением стремления к «непосредственности». Но оказалось, что отказ от медиа привёл к медиализации на новом уровне: распространению явлений кино- и фотодокументации событий в мире искусства. Причём документация оказалась необходимым элементом произведения и ситуации его восприятия. С точки зрения эстетики актуальным является обсуждение эстетико-философского смысла этих событий и прогнозирование тенденций их эволюции.

Ключевые слова: перформанс, модернизм, медиа, эстетическая дистанция, границы искусства

Performative practices in the context of the evolution of modernism.

Bogatyreva E.A.

Institute for Cinema and Television (GITR)

Abstract: Performative practices that are associated with art galleries can be considered as one of the manifestations of the evolution of modernism. Modernism is also associated with the spread of technical arts in the twentieth century. The reaction to the spread of technical arts is the desire of modernist painting to focus on the image of the artist's inner world, as well as the refusal of mediation in the form of a certain media (this can explain the popularity of the performance in neo-avant-garde art practice, etc.). That is, the activation of performative practices in the visual arts has become a manifestation of the desire for "immediacy". But it turned out that the rejection of the media led to mediation at a new level: the spread of film and photo documentation of events in the art world. Moreover, the documentation turned out to be necessary elements of the work and the situation of its perception. From the point of view of aesthetics, it is relevant to discuss the aesthetic and philosophical meaning of these events and predict the trends in their evolution.

Keywords: performance, modernism, media, aesthetic distance, art boundaries

В этом докладе будем исходить из следующих положений. Во-первых, существует взаимосвязь между возникновением технических искусств, парадигмой модернизма и последующим распространением перформативных практик во второй половине XX в. Во-вторых, перформативные практики связаны не только с театрализованными представлениями, но также продолжают и развивают традиции изобразительного искусства. И в этом втором значении они будут рассмотрены в данном докладе. В-третьих, перформанс может стать удачным материалом для рассмотрения актуальных проблем современной эстетики: проблемы границ искусства, эстетической дистанции и других.

Технические изобретения, послужившие становлению фотографии и кинематографа, а также электронные средства трансляции, обеспечившие впоследствии возможность существования телевидения и компьютерных технологий, оказали существенное влияние на становление и трансформацию модернизма. Зарождение технических искусств и становление парадигмы модернизма почти совпадают по времени. И это совпадение не является случайным – оно обусловлено общим культурным контекстом, особенностями ситуации, сложившейся в философии и эстетике конца XIX в. Под «техническими искусствами» будем понимать фотографию и киноискусство. Фотография распространяется значительно раньше, уже в середине XIX в., а киноискусство – почти одновременно с модернизмом. И

это обстоятельство существенно влияет на эстетические характеристики «старых искусств» (так будут называть в киноизданиях начала XX в. живопись, театр и другие искусства, которые под влиянием кино будут вынуждены вновь самоопределяться, искать «новые формы» и эстетическое обоснование). В этом контексте и появляется модернизм как новая эстетическая парадигма.

К моменту распространения технических искусств в европейском, в том числе русском, искусстве доминировал реализм. Середина и вторая половина XIX столетия являются временем популярности реализма как художественного течения в литературе и изобразительном искусстве. Но уже распространение фотографии окажется для реалистической живописи испытанием, поскольку первая получит техническую возможность воспроизводить реальность точнее и достовернее. Что останется изобразительному искусству? Обратиться к освоению новых пространств. Отсюда вполне логичным представляется шаг – сконцентрироваться на другой реальности – реальности субъективной, реальности внутреннего мира художника (зрителя). Этот шаг и предпринимают зародившиеся в начале XX в. разнообразные художественные течения, которые будут объединены общим названием модернизма и парадигмы модернизма. То есть уже изобретение фотографии поставило перед «старыми искусствами» новый вопрос о самоопределении. Изобретение «движущихся изображений» усилило постановку этого вопроса. Поэтому изобразительное искусство (а именно модернистские течения) обратят свой взгляд «вовнутрь, в сторону субъективного ландшафта» (в терминологии Х. Ортеги-и-Гассета [1]). Появится характерная для модернизма проблематизация эстетического восприятия в смысле фиксирования внимания на сбоях в коммуникативной системе «искусство – публика». В качестве основного признака нового (модернистского) искусства критики станут ссылаться на его непонятность. Эти констатации окажутся чуть ли не главной характеристикой модернизма в изобразительном искусстве. И в этом контексте утверждается киноискусство, которое, напротив, выбирает путь наибольшего комфорта для зрителя.

Второй путь самоопределения «старых искусств» будет связан с реакцией на появление новых средств технической воспроизводимости (термин Вальтера Беньямина [2]), рефлексией по поводу технических посредников, обеспечивших возможность появления кинематографа и фотографии. Отсюда стремление к «новой непосредственности» – к отказу от какого-либо посредника, к отказу от медиа. Этот ход можно назвать эстетической подоплёкой ряда течений неоавангарда. В данную тенденцию вписывается и перформанс как одно из проявлений художественной практики неоавангарда. В рамках данного доклады мы не будем обсуждать вопрос о границах неоавангарда и о соотношении терминов «модернизм», «авангард» и «неоавангард». Ограничимся временными рамками – вторая половина XX в. Будем исходить из того, что период популярности перформанса, развивающего традиции изобразительного искусства, приходится на вторую половину XX в. К этому виду перформанса тяготеет также экспозиционная деятельность, связанная с эстетизацией обыденных объектов, обретающих эстетический статус в новом экспозиционном контексте – в пространстве художественной галереи. Ещё один вид перформанса, связанный с темой посредника, – появление фигуры «художника без произведений».

Показательно, что стремление к «непосредственности» вызвало к жизни явления посредничества другого уровня. Оказалось, что перформанс, который, казалось бы, имеет дело прежде всего с внутренним пространством художественного события, существенно ориентирован на взгляд «извне». В качестве необходимого элемента перформанса предполагается наличие его кино- и фотодокументации. То есть программный отказ от медиа обернулся медиализацией на другом уровне. За технической воспроизводимостью последовала электронная, а затем переход к цифровой среде и к документациям посредством цифровых медиа. Философско-эстетическое содержание этих явлений нуждается в осмыслении и обсуждении.

Как пограничный вид творчества, снискавший популярность во второй половине и конце XX столетия, перформанс может стать удачным материалом для исследования эстетических аспектов современной художественной ситуации. Перформанс позволяет обсудить вопрос о границах и критериях искусства, о его функциях и способах функционирования в социокультурном контексте, вопрос эстетической дистанции и др.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства //Самосознание европейской культуры XX века. М.: Издательство политической литературы, 1991. С.230-263.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996.

Перформативные практики как инструменты создания новых ресурсов символического капитала в современном арт-мире

Дзикевич С.А.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, философский факультет, кафедра эстетики, доцент. Кандидат философских наук

Арт-мир не представляет собой абсолютно автономной системы внутри социума, он связан множеством связей с остальными элементами социальной системы и относится к целому системы социальных отношений как подсистема, а также связана разнообразными горизонтальными связями с другими социальными подсистемами. Так, арт-экономика связана с остальными сегментами экономики финансовыми инструментами (арт-банкинг, наличие специализированных индексов), художественная коммуникация является элементом системы публичных коммуникаций. С одной стороны, ключевые фигуры современного искусства внесли серьезнейший вклад в развитие приемов рекламной коммуникации (В.Кандинский, А. де Тулуз-Лотрек, А.Муха, Э.Уорхол) и использовали их также в в своем нерекламном творчестве. С другой стороны, институциональные процедуры присвоения статуса эстетических ценностей арт-миром новым артефактам и художественным процессам стали закономерно использовать апробированные в других социальных сегментах навыки продвижения продуктов деятельности для социальной конвертации. Перформативные практики относятся как явлениям первого, так и к явлениям второго рода. В настоящей публикации они подвергаются коммуникационному анализу в этом качестве.

Институциональная теория искусства, символический капитал, символический обмен, перформанс, перформативные коммуникации.

Performative Practices of Role Games as Tools for Creating New Resources of Symbolic Capital in the Contemporary Artworld.

Dzikevich S.A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Aesthetics

The artworld is not an absolutely autonomous system within society, it is connected with many links with other elements of the social system and belongs to the whole system of social relations as a subsystem and it's is also connected by a variety of horizontal connections with other social subsystems. So art economics is connected with other segments of the economy with financial instruments (art banking, the availability of specialized indexes), art communication is an element of the public communications system. On the one hand, the key figures of contemporary art made a major contribution to the development of advertising communication techniques (V. Kandinsky, A. de Toulouse-Lautrec, A. Mucha, E. Warhol) and used them also in their non-advertising work. On the other hand, the institutional procedures for assigning the status of aesthetic values by the artworld to new artifacts and art processes naturally started to use the skills tested in other social segments of promoting products of activities for social conversion. Performative practices relate to both phenomena of the first and phenomena of the second kind. In this publication they are involved in communicational analysis in this presentation.

Institutional theory of art, symbolic capital, symbolic exchange, performance, performative communications.

Базой интеграции социальных подсистем является не вертикальное управление, как предполагалось ранними социально-политическими концепциями (Платон и солидарные с ними авторы), а горизонтальные связи, порожденные различными проявлениями *обмена результатами деятельности*. Это было в особенности ясно показано основателями *трудовой теории стоимости* (А.Смит, Д.Рикардо) и окончательно утверждено основателем критической теории происхождения *прибавочной стоимости* (К.Маркс). Факторы личной эмансипации европейского человека, рост личной инициативы как экономического фактора привели к стремительно нараставшей профессионализации во всех отраслях деятельности и хорошему пониманию специфики ее результатов, являющейся основой их всеобщего обмена внутри социальной системы.

В этом контексте сегменты интеллектуального производства стали осознаваться как все более важные стоимостные факторы: научные исследования, прямо связанные с технологиями и менеджментом, оказались переосмысленными первыми. Затем оказалась переосмысленной и художественная деятельность, от которой непосредственно зависит фоновый режим самоощущения человека: разверну-

лось движение за новое отношение к ценности элементов предметной среды (Дж.Рескин, У.Моррис), становление дизайна как профессии, порождающей полноценные конвертируемые элементы товарно-денежного обмена. Развитие экономического и социологического критического мышления, процессы внутри аналитической и континентальной философии привели к возникновению институциональной теории арт-мира как единственного профессионального источника производства(А.Данто, Дж.Дики) эстетических ценностей и концепции символического обмена и символического капитала (Ф.Бодрийар, П.Бурдье).

Указанные позиции стали поворотными в понимании эпистемологической проблематики социального анализа явлений, относящихся художественной деятельности. Согласно позициям институциональной теории [1], статус произведения искусства изначально не принадлежит произведению как определенному артефакту, таким образом, подобно тому, как в свое время было ликвидировано заблуждение *товарного фетишизма*, заключающееся в том, что стоимость отождествляется с *телом товара*, инстиуциональная теория упраздняет заблуждение *артефактуального фетишизма*, заключающееся в отождествлении эстетической ценности произведения искусства с *телом артефакта*.

Произведение искусства, как любой другой тип продукта, предъявляемый к социальному обмену результатами человеческой деятельности, должно иметь акцептированный публичным консенсусом набор качеств, которые представляют собой в процессе предполагаемого потребления некоторую ценность в глазах определенной части членов общества. *Потребительская стоимость*, как может быть названа эта публичная конвенция, достигается суммой общественно-наглядных манифестаций, делающих очевидными и признанными эффекты, связанные, главным образом, с *процессом потребления* предъявляемого продукта. Такие социальные презентации свойств предложения, в которых всегда делается акцент на его уникальности, иногда престижности, в том числе обеспеченной артистическим уровнем дизайна, как хорошо известно большинству представителей профильной аудитории, называются *информационной частью маркетинга*, или *рекламной коммуникацией*, где, что уже не является общеизвестным, эстетические компоненты являются решающими [см. наш анализ этого вопроса в источнике 4]. Рекламные коммуникации являются необходимым средством представления обществу и продвижения целевым аудиториям носителей потребительских стоимостей, создания для них режима максимальной монтарной конвертации. Среди рекламных коммуникаций перформативные средства (управляемые контакты в интерьерах точек продаж, уличные рекламные акции, профильные ярмарки, шоу-румы, тестовые презентации) являются обычной планируемой практикой и относятся к ряду наиболее эффективных инструментов именно из-за создания условий *партиципации*, вовлекающих профильную аудиторию в ситуации непосредственного потребления продвигаемых предложений в постановочных обстоятельствах. Опыт участия в подобных событиях должен мотивировать представителей целевой аудитории к непосредственной или отложенной акцептации предложения от своего лица или от имени представляемой корпорации и, таким образом, принять участие в монетарной конвертации предложения.

Арт-мир, арт-экономика, арт-бизнес, арт-рынок как мы заметили выше, не являются автономными системами. Они являются специфическими подсистемами внутри своих родовых систем обмена результатами деятельности. Нам необходимо ввести некоторые идентифицирующие дефиниции для того, чтобы анализ перформативных ресурсов наращивания символического капитала отвечал критерию дискурсивной ясности.

Арт-мир представляет по большей части профессионализированную часть социума (художники, кураторы, галеристы, музеефикаторы, профильные обозреватели в медиа, художественные критики, теоретики искусства от полевых исследований до философии), которой социум исторически делегировал исключительное право создавать и представлять остальным частям для акцептации и потребления эстетические ценности. Арт-экономика представляет собой ресурсы и факторы деятельности (креативные, материальные, институциональные, организационные, коммуникативные) по созданию эстетических ценностей, их предложению социума, а также всем формам конвертации, включая монетарную. Арт-бизнес представляет собой формы реализации конкретных мер (исследование стоимостных ниш и потенциалов, селекция и экспонирование артефактов, экспертное, организационное юридическое обеспечение качества провенанса предложений, рекламные коммуникации, PR- и GR-сопровождение) по непосредственной или отложенной отложенной, прямой (монетарной) или косвенной (символической) конвертации эстетических ценностей в субстратном выражении представляющих собой конкретные артефакты, дополненные репутационными приращениями, сообщенными им исследовательской, аргументационной и риторической работой акторов этого сегмента всеобщего обмена результатами деятельности. Арт-рынок – сегмент всеобщего обмена результатами деятельности, где осуществляются непосредственные или отложенные монетарные конвертации эстетических ценностей через институциональное (коммерческие галереи, арт-кластеры, аукционные торги, арт-банкинг, залоговая практика) формирование представлений о порогах монетарной идентичности этих ценностей ценностям, произведенным в других сферах деятельности, под которым, собственно, понимается процедура ценообразования в этом сегменте.

Перформативные действия современного арт-рынка выполняют те же функции, которые они выполняют в других сегментах рынка с поправкой на специфические аспекты потребительских стоимостей в арт-сегменте, где потребление связано преимущественно с его символической формой. Тем не менее, оно является реальностью как в случае участия публики в событии эстетического существования предлагаемого произведения, так и в случае арт-бизнес-действий любого формата с произведениями искусства.

Литература:

1. Дики Дж. Искусство и эстетическое: институциональный анализ. Глава 1. Что такое искусство: институциональный анализ / Перевод и комментарий С.А.Дзикевича // Aesthetica Universalis (Всеобщая эстетика). Ежеквартальный теоретический журнал кафедры эстетики философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. Том 1. № 1. С. 111-163.
2. Дзикевич С.А. Эстетика рекламы. Эстетическая структура рекламной коммуникации. Издание первое: М., Гардарики, 2004; Издание второе, дополненное и частично переработанное: Екатеринбург, Ridero, 2017.

Объекты, акции и процессы

Виктор Скерсис

Абстракт: Мы можем рассматривать развитие искусства как системы, степень свободы которой повышается. Повышение степени свободы приводит к диверсификации и появлению новых видов искусства. С точки зрения данной модели, виды искусства образуют три группы, манифестирующиеся объектами, акциями и процессами. В настоящее время, если перед нами стоит задача дальнейшего развития искусства как дисциплины, именно процессы представляются наиболее перспективным направлением.

Ключевые слова: Инсталляция. Перформанс. Хэппенинг. Деятельность. Модели явлений искусства. Степень свободы явлений искусства.

Искусство – это феномен реального мира, существующий многие столетия, проявляющийся в артефактах, институциях, устойчивых формах мышления и деятельности. Поскольку это феномен реального мира, мы физически не можем иметь всю информацию, касающуюся этого феномена и, строя теории о нём, вынуждены оперировать лишь доступной информацией. Кроме того, наши теории по необходимости должны быть вербализованы и понимаемы, т. е. состоять из слов и количество этих слов должно быть ограничено. Поэтому, при создании любой теории мы начинаем с уже ограниченного объёма информации, который затем должен быть далее сокращен и организован в причинно-следственные цепочки, позволяющие установление истинности содержащихся в данной теории суждений.

Из вышесказанного следует, что мы не можем построить единую унифицированную теорию искусства или любого другого феномена реального мира, но мы безусловно можем строить частные модели того, как этот феномен вероятно устроен.

Предлагаемая модель рассматривает развитие искусства как системы, степень свободы которой повышается. С этой точки зрения мы опишем восемь качественно различных видов искусства:

Живопись.

Скульптура.

Инсталляция.

Интерактивные объекты.

Постановочная фотография.

Перформанс.

Хэппенинг.

Деятельность.

...

Для простоты изложения модели, список ограничен. Однако, поскольку искусство – это феномен реального мира, существующий в нашем сознании во множестве смысловых пространств, то список может быть в любое время дополнен и расширен. Например не включены в данное обсуждение потенциально художественные акции, стили жизни, массовые поведенческие дисторции, процессы блогосферы и др.

Живопись представляется наиболее патриархальной структурой, где скрытый за картиной творец вещает, а пассивный зритель – внимает. При этом само местоположение зрителя строго ограничено. Он расположен непосредственно перед картиной, лицом к картине, на расстоянии приблизительно равном диагонали картины. Предпочтительный метод показа живописи называется «белый куб» – белое, лишенное погрешностей, ровно освещённое пространство. Картины повешены таким образом, чтобы при рассмотрении одного произведения, другие не попадали в поле зрения.

В случае со скульптурой у зрителя появляется свобода движения. Скульптура может рассматриваться с различных ракурсов. Вынесенная из помещения в парк или городской сквер, скульптура может быть рассмотрена с различных расстояний. В зависимости от времени и движения зрителя может

меняться фон. В поле зрения могут вторгаться элементы непредвиденные автором.

Понимание того, что фон, не являющийся собственно произведением, играет тем не менее важную роль, привело к появлению инсталляции. В инсталляции степень свободы зрителя увеличивается. Зритель превращается в исследователя. Он обнаруживает объекты. Он волен в своей интерпретации этих объектов и их связей. Например в случае со скульптурой, автомобиль, припаркованный рядом с монументом, не является произведением. В случае же инсталляции сам дым из выхлопной трубы, припаркованного рядом со скульптурой автомобиля, может оказаться смысловым центром произведения.

Интерактивные объекты интересны тем, что зритель наконец получает возможность трогать произведение, физически изменять его конфигурацию. Характерным примером является «Железный занавес» группы Гнездо. Появление интерактивных объектов ознаменовало степень свободы, недопустимую в рамках современных музеев. В настоящее время основной функцией музеев является сохранность оригинальных артефактов. В случае интерактивных объектов музеи стоят перед выбором: или разрешить пользоваться интерактивными объектами и рисковать их разрушением; или выставлять реплики, не являющиеся оригинальными произведениями; или, что обычно и происходит, поместить объект под стекло, деградируя его до уровня скульптуры.

Следующей ступенью является перформанс. В перформансе произведение искусства перестаёт быть вещью и становится действием. Появляется временное измерение. Появляется наконец художник, степень свободы которого была до этого не просто ограничена, но вынесена за рамки произведения. Степень свободы зрителя возрастает. Зритель может быть вовлечён в непосредственное создание произведения.

К сожалению, в настоящее время термин «перформанс» стал слишком общим. С точки зрения модели роста степеней свибоды, под термином «перформанс» ошибочно понимаются три качественно различных явления: постановочная съёмка, собственно перформанс и хэппенинг.

Постановочная съёмка, будь то фотография или видео, – это изображение некоего события, действия, запечатлённое на каком-то носителе. Характерным примером постановки являются «Прыжок в пустоту» И. Клайна или «Помощь Советской власти» группы Гнездо. В первом случае изображение является фотомонтажём, а во-втором симуляцией. В обоих случаях произведениями являются не акции, а изображения акций на фотобумаге, т. е. объекты.

Перформанс – это представление, акция, происходящая в контролируемом пространстве галереи, студии, сцены. У перформанса обычно есть какой-то сценарий. Аудитория обычно состоит из приглашенных и интересующихся. Степень свободы системы перформанса гораздо выше, чем степень свободы любой объектной системы, но по прежнему имеет чёткие ограничения.

Хэппенинг – это происшествие, спонтанно развивающаяся акция. В случае хэппенинга произведение выходит за рамки контролируемого пространства сцены или галереи. Вместо сценария – общая начальная идея, например: «Давайте выйдем на Кузнецкий мост с раскрашенными лицами». Аудитория более не состоит из приглашенных и интересующихся. Сама акция может быть воспринята окружающими как агрессия или правонарушение. Выход в неконтролируемое пространство может быть непредсказуем.

В начале 80-х годов прошлого века, работая в группе СЗ (В. Скерсис, В. Захаров) над различными моделями явлений современного искусства, мы подошли к понятию «деятельность». Нас заинтересовал следующий факт: каждое произведение искусства ограничено рамками, отделяющими искусство от неискусства. В случае живописи они обычно нарочито очевидны. В случае скульптуры роль рамки обычно играет пьедестал. Даже в случае акций всегда есть каие-то рамки, локализующие произведение в пространстве и времени, говорящие: «Здесь искусство начинается, а здесь – заканчивается».

Было понятно, что если рамки произведения просто убрать, то всё, что угодно может быть фактом искусства. С точки зрения философии искусства это очень важный вывод, поскольку снимает с исследователя, будь то философ или художник, предмодернистские ограничения предмета исследований и требует новых, в частности аналитических методов. С точки зрения практикующего художника, ценность этого вывода не так очевидна, поскольку уже практика авангарда, в частности футуристов и ДАДА, подразумевает тотальность искусства. Более того, из декларации «всё есть искусство» может следовать что угодно, т. е. без каких-то новых дополнительных ограничений не следует ничего.

Мы задались вопросом: «Что произойдёт, если временные рамки создания произведения не убраны, но расширены до неопределённости?» Вопрос оказался плодотворным, поскольку сразу стало

очевидно, что произведение не начинается с момента начала экспозиции. Произведение начинается задолго до этого. Стало очевидно, что собственно произведение является лишь экспонируемой манифестацией глубинных и длительных процессов: мыслительных, чувственных, социальных и многих других. Эти процессы могут манифестировать себя как эмоции, артефакты, акции, умозрительные построения, философские конференции, стили жизни, массовые демонстрации и т. д. Стало понятно, что искусство – это не просто картинка на стене или скульптура на пьедестале, это феномен реального мира, существующий многие столетия, проявляющийся в артефактах, институциях, устойчивых формах мышления и деятельности. Стало понятно, что если перед нами стоит задача дальнейшего развития искусства как дисциплины, то следует обратить внимание именно на длительные, субстративные процессы.

О специфике удовольствия в перформансе

Ташлыкова Наталья Юрьевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», доцент кафедры философии. Канд.филос.н.

tachlikova65@mail.ru

Аннотация: в статье проведено сравнение перформанса с другими неутилитарными формами человеческой активности. Обосновано, что перформативные практики — это феномены позитивистского мировоззрения и массовой культуры. Отмечено, что специфическое удовольствие, которое привлекает участников перформанса, можно сравнить с удовольствием от своей раскованности. В классическом театре действие заранее спланировано, в перформансе неопределенность реакций участников составляет интригу, которая доставляет удовольствие. Перформансисты ставят эксперименты по определению границ человеческой психики. Предлагают свои способы объединения людей. В статье подчеркнута полифункциональность произведений искусства в культуре и обществе. Прослежена трансформация функций художественных произведений в истории европейской культуры. Приведены примеры современных форм перформанса в театральной сфере. Высказано предположение о причинах возникновения перформанса.

Ключевые слова: человеческая индивидуальность, культура, эстетика, удовольствие, перформанс, акционизм.

About the specifics of pleasure in performance.

Tashlykova Natalia Urievna

State University of Russia. A.N. Kosygin (Technology. Design. Art)

Abstract: the article compares performance with other non-utilitic forms of human activity. It is justified that formative practices are phenomena of positivist worldview and mass culture. It is noted that specific pleasure, which attracts participants of performance can be compared with pleasure from the relaxedness. In classical theater the action is pre-planned, in performance uncertainty of reactions of participants is an intrigue, which gives pleasure. Performance scientists perform experiments to define the boundaries of the human psyche. They offer their own ways of bringing people together. The article emphasizes the multi-functionality of works of art in culture and society. The transformation of the functions of artistic works in the history of European culture has been traced. Examples of modern forms of performance in the theatre sphere are given. The reasons for the occurrence of performance have been suggested.

Keywords: human individuality, culture, aesthetics, pleasure, performance, actionism.

В начальный период европейской культуры человеческая природа считалась падшей, а чувственность греховной, поэтому были выработаны ограничения в отношении песнопений и музыки. Существовало даже ограничение в отношении языка богослужения: правило триязычия: допущение христианского богослужения только на арамейском, греческом и латинском языках. Песнопения, изображения определялись как формы обращения к Богу, молитвы к нему. Для пространств храмов были созданы иконические каноны. В песнопениях допускалось только ограниченное число признанных интонаций, гармоний, секвенций, гласов и т.д. Эти произведения не должны были вызывать у прихожан острых эмоциональных переживаний, они не отличались напряженной патетикой, не были направлены на исследование границ человеческой чувственности. В православной традиции даже было запрещено использование музыки без слов, поскольку трудно определить, о чем эта музыка. Само хоровое пение в церкви во время богослужения не считается составной частью ритуала.

Закономерности в развития культуры, отказ от догмата греховности человека привели к тому, что искусство вышло за рамки религиозного ритуала и канона — стало самоценным индивидуальным творчеством. Это происходило не без столкновений с церковью, но художники выиграли и отстояли свое видение мира. Их фрески, картины были обращены к человеку, вызывали сильнейшие эмоциональные переживания. Возможно, некоторые из художников буквально считали, что создают «нетленки», «мосты к вечности», «памятники» т.д. Например, Микеланджело оставил свою подпись на одежде Богоматери в скульптуре «Пьета». А Рафаэль, возможно, характеризуя такой поступок скульптора,

поместил фигуру Микеланджело в композиции «Афинская школа» на передний край, решительно смотрящим вниз, в позе пророка Исайи. В то время как пророк Исайя на фреске в Сикстинской капелле у самого Микеланджело смотрит вверх на ангелов. Художники научились хорошо зарабатывать, доставлять удовольствия богатому сословию. Сегодня многочисленные туристы со всего света едут в Италию, чтобы посмотреть на шедевры Ренессанса, а во Францию, чтобы посмотреть на классицизм, импрессионизм и т. д.

Мировые войны и революции серьезно поколебали надежды на разумность и человечность человека. Сменилась классовая структура европейского общества. К середине двадцатого века художники, исследуя глубины человеческой природы, прошли путь от классицизма до экспрессионизма, до уродливых изображений человеческих тел на картинах Пикассо, Мунка, Бэкона. В начале двадцатого века в истории европейского искусства начался этап борьбы со структурой произведения — эпоха перформанса. Художники стали отказываться от создания символических форм.

Кант и Гегель обосновывали существование идеального мира свободы, к которому приобщалась посредством символических форм или философии человеческая душа. Но если не существует идеального мира, то и не может существовать «моста-произведения», символической формы. Остается только сама человеческая чувственность и ее особенности, которые обнаруживаются с помощью некоторых вспомогательных инструментов. Постулируется своеобразный «неокатарсис»: сама чувственность «очищает» себя. Статус произведений сменился с «нетленок» на «спецсредства». В арсенал перформансистов вошли их собственные тела и тела зрителей.

Исторически эстетики, пытаясь обосновать познавательную ценность произведений, углублялись в структуру произведения, в процесс оценки произведения. Искали основу всеобщей сообщаемости, слои эстетического предмета. Кант пришел к положение, что человек может испытывать удовольствие от гармонии познавательных способностей, «на этой всеобщности субъективных условий суждения о предметах и основана всеобщая субъективная значимость благорасположения, которое мы связываем с представлением о предмете, называемом прекрасным». [1, с. 86]

Можно отметить, что в перформансе принципиально нет удовольствие от познавательных способностей. Идея стала осмысляться как граница субъективности в буквальном смысле без посредника. Возможно, авторы перформансов считают, что смогут достичь той цели, которой не достигли авторы классических произведений.

Понятно, что если бы не было развитого уровня художественных форм, то современные арт-практики телесности не имели бы той остроты. Об этой эксплуатации пространства художественной культуры заявляют многие искусствоведы. Это понимают и сами режиссеры-перформансисты, в большинстве случаев используя храмы, залы театров, музеев, галерей для своих перформансов.

Особенно активно приемы перформанса задействуют современные режиссеры, не информируя об этом зрителей. Например, Алексеем Франдетти в спектакле Большого театра «Карнавал животных» К. Сен-Санса дети «включались» в перформанс камерой, которая проецировала на экран изображение зрителей во время исполнения номера «Лебедь». Спровоцированные такими условиями дети, начинали махать руками, включать фонарики смартфонов в надежде разглядеть себя на экране. Они не слушали музыку. Возможно, режиссер хотел подвести детей к осознанию граней своей человеческой природы, но вряд ли дети над этим задумывались после спектакля. [2]

Один из музыкальных экспериментов запланирован в Московском академическом музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. В рекламном тексте на сайте театра честно написано, что «это не академическое занятие по композиции – это свободный, веселый музыкальный эксперимент, поэтому никакой музыкальной подготовки не требуется, нотные тетради закупать не попросим». [3] Проводить его будет британский композитор Джеймс Гарнер, ведущий проекта «Уличная сцена». Эта команда детей от 12-до 18 лет станет частью большого международного проекта «Уличная сцена». Одновременно с группой из Москвы создавать «музыку» и рассказывать о своих городах будут дети из нескольких британских и немецких городов. Результат работы каждой группы будет запечатлен на видео и опубликован на on line платформе проекта. Детям предложат вспомнить свои музыкальные впечатления от Москвы, напеть любимые песни, а потом их «этюды» смонтируют в фильм. Родителей на встречи с композитором пускать не будут.

Действительно, перформанс каждому позволяет стать непосредственно участником совместного действа. К перформансу не нужно готовиться, изучать тексты произведений, иметь специальные знания и умения. Возникает доступный каждому вид совместной неутилитарной коммуникации. Становится заметной неповторимость и уникальность индивидуальности. Перформансисты предложили свой способ объединения и совершенствования человеческого общества.

Литература:

1. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367с.
2. Интервью с А. Франдетти. «Путеводитель по оркестру. Карнавал животных» - премьера! URL: https://www.youtube.com/watch?v=4uuTEg7EkCw (дата обращения: 01.03.2020)
3. Сайт Московском академическом музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. Н. Немировича-Данченко. URL: https://stanmus.ru/studio/0256554540039199288540794 11/ (дата обращения 01.03.2020)

Художественно-эстетические проблемы современного российского драматического театра

Тимохина Эвелина Юрьевна

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный академический Малый театр России» (ГАМТ России), заместитель начальника музейно-информационного центра по рекламной деятельности. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский институт театрального искусства - ГИТИС», аспирантка

lina.timokhina@gmail.com

Аннотация: В постиндустриальную эпоху с приходом и развитием новых форм театрального искусства в сфере художественно-эстетического опыта и эстетического сознания зрителя произошли изменения. С обновлением форм искусства, которые стремятся отразить меняющийся состав жизни и ее современный язык, вниманию человека предоставляется огромный выбор проживания театрального опыта. Массовая культура ведет, с одной стороны, к созданию единого социокультурного пространства, с другой стороны, к разрыву преемственности и ослаблению культурной связи поколений. Драматическим репертуарным театрам консервативного типа, таким, как Малый театр, где в основе эстетических традиций лежит психология человеческих отношений, душевных переживаний и на сцене главенствует слово, пришлось отстаивать свои права на идейно-эмоциональное общение со зрителем.

Ключевые слова: культура, искусство, этика, эстетика, современность, традиции, перформативность, эстетика, ценности, театральное искусство, репертуарный театр.

Artistic and aesthetic problems of contemporary Russian Drama Theatre.

Timokhina Evelina Yurievna

The Federal State Budgetary Institution of Culture «Maly State Academic theatre of Russia» (MSAT of Russia). Russian Institute of Theatre Arts (GITIS)

Abstract: With the advent and development of new forms of dramatic art in the post-industrial era, there have been changes in overall aesthetic theatrical experience. With the renewal of art forms that seek to reflect the changing composition of life and its modern language, a huge selection of theatrical experience is offered to the viewer. Mass culture leads, on the one hand, to the creation of a common socio-cultural space, on the other hand, to the weakening of cultural connection between generations. Traditional Russian repertory theatres of conservative type, such as the Maly Theatre, where aesthetic traditions and principles are based on the psychology of human relations, emotional experiences and the stage is dominated by the writer's word, are struggling for their inalienable rights to ideological and emotional communication with the audience.

Keywords: culture, art, ethics, aesthetics, modernity, traditions, theatre, performance aesthetics, morality, values, dramatic art, repertory theatre.

Историю театра нашего времени можно характеризовать поиском обновленных форм взаимодействия театра и аудитории, и как следствие формированием новых форм эстетического переживания зрителя; постепенным стиранием границ театрального пространства и времени; новым подходом к работе с художественным текстом и новыми способами его интерпретации.

Процесс трансформации театрального искусства неотделим от глобальных изменений, происходящих в мире – это цифровизация, урбанизация, иммиграция, развитие рыночной экономики, интеграция современных информационных технологий, и мобильность театральных коллективов и деятелей театра. Новая социокультурная среда стимулирует процесс обновления сценического языка, создает новые условия функционирования театра и способствует развитию современных средств театральной выразительности.

Однако, как и у всякого явления, у социокультурных реалий нового времени есть и обратная сторона медали. В связи с изменением вкусовых и эстетических потребностей публики превалируют тенденции к коммерциализации искусства, достижению шок-эффекта, эстетизации жестокости и насилия. Эстетическое переживание и наслаждение достигается через конфликт, нарушение покоя,

проявление дисгармонии – отвращения, шока, использование форм комического – пародии, сатиры, иронии.

Художественное произведение все чаще рассматривается не с точки зрения его значимости, а в качестве товара, приносящего прибыль. Искусство апеллирует не к разуму, сознанию, морали и духовно-нравственным ценностям зрителя, гражданским чувствам и социальным инстинктам, а — к чувствам и эмоциям.

На сегодняшний день обилие театрально-зрелищных форм, таких как хэппенинг, демонстрация, флешмоб, уличный театр, и многообразие разновидностей театров: иммерсивный, инклюзивный, документальный, пластический, site-specific, театр-лаборатория и др. предлагают новые способы художественно-образного постижения действительности, в которых требуется другой уровень вовлеченности и присутствия зрителя.

Современный театральный язык характеризуется интерактивностью, спонтанностью, эффектностью, импровизационностью. Усиливается сиюминутность театрального представления – собственно действие «здесь и сейчас», размываются границы между реальностью и иллюзорностью сценического действия. Смещается внимание с литературного текста, который постепенно утрачивает свою смыслообразующую роль, на внешние эффекты и на сам процесс создания представления; меняются средства театральной выразительности.

Проблемы трансформации форм театральной коммуникации, а также *ухода от эстетических идеалов в пользу концептуального* в перформативной театральной культуре, были подняты в работах «Постдраматический театр» Ханса-Тиса Лемана, «Эстетика отсутствия» Хайнера Гёббельса и «Эстетика перформативности» Эрики Фишер-Лихте. *В них авторы анализируют вопросы, связанные со сценическими практиками в постдраматическом театре и концепты* перформативности, проблемы дистанции и пространства, измененных функциях актера внутри сценического пространства, смещению акцента с художественного текста на средства внешней выразительности - телесности и материальности как доминант сценического языка [2, 4,11].

В современных театрах по-новому выстраивается процесс коммуникации. Трансформируется роль зрителя в художественно-эстетическом процессе общения - он становится со-участником, со-творцом театрального события [10]. В цепочке «автор – режиссёр – исполнитель – зритель» зритель оказывается вовлеченным в художественный процесс театральной коммуникации.

Трансформируется и функция другого участника коммуникации - режиссера – он перестает навязать зрителю определенные театральные впечатления. Он уходит от иллюстрирования текста пьеса, предоставляя зрителю полную свободу интерпретации и осмысления, и тем самым запускает в зрителе механизм рефлексии и самоанализа.

Театр бросает интеллектуальные вызовы своим зрителям, превращая их в аудиторию, которая интерпретирует спектакль, основываясь на индивидуальном духовном и интеллектуальном опыте. Но современный российский зритель зачастую оказывается не подготовлен к восприятию сложной лексики театра XXI века, насыщенной культур-философской и художественно-символической информацией. Для восприятия и декодирования сценического текста культуры зрителю «нужно ставить не деформированный текст, а текст на уровне текста, потому что они не знают, что произошло с Чацким, а кто такой Хлестаков ≈ настоящий ревизор или нет, <…>Поэтому все, что делается сверх источника, не обладает для них смыслом.» [8, с. 42]

Подводя итог вышесказанному, современное театральный опыт характеризуется измененное отношение к зрителю, пространству, и что самое главное - художественному слову, когда смещается акцент со слова на символ, с «вербальности на визуальность - телесность, жест, ритуал (невербальное общение)» [9, с.114].

При всем многообразии выразительных средств, предложенных постиндустриальной эпохой, традиционный театр консервативного типа неизбежно сталкивается с рядом художественно-творческих и эстетических проблем. Одним из первых встает вопрос о сохранении драматического театра как особого социокультурного института, хранителя традиций национальной культуры в противовес агрессивной экспансии масс-культуры.

Драматический театр в России, который на протяжении столетий выступал в качестве «кафедры» и «храма», объединенный важнейшим убеждением, что театральное искусство призвано воспитывать и развивать в человеке высокие моральные принципы и нормы, не трансформировался на уровне

мировоззренческих позиций и продолжает поднимать общечеловеческие вопросы, призванные воздействовать на аудиторию в условиях **искаженных** морально-нравственных ценностей современного зрителя.

В контексте современных мировых, в частности, российских театральных процессов художественный консерватизм Малого театра играет особую роль в формировании духовно-нравственных и эстетических ценностей личности будущих поколений. На протяжении столетий театр бережно сохранял традиции национальной актёрской школы, основанной на мастерстве психологической игры, и верность авторским замыслам, созвучным каждой эпохе.

Для российского театра, в котором на протяжении почти нескольких столетий существовали различные эстетические принципы, все-таки важнейшими художественными средствами создания спектакля и эмоционально-эстетического общения со зрителем является единство актеров, словесных действий, декораций и реквизита, звукового и светового оформления, особенностей его языка и образной структуры.

Не отступая от основных эстетических заданий, а точнее взглядов на фундаментальную значимость художественного слова в театральных постановках, Малый театр предлагает оставаться в рамках авторского текста и академической формы. В центре сценического действия стоит актер-художник, который знает цену звучащему со сцены слову, стремится ясно и понятно донести до зрителя идейно-художественный замысел художественного произведения и тем самым формирует его эстетические переживания.

Главным эстетическим критерием своей творческой жизни Малый театр выявляет роль не только преемственности традиций, но и роль классического наследия в формировании духовно-нравственных ценностей современного зрителя.

Репертуарная политика Малого театра строится на именах писателей, являющихся основополагающими в русской классической литературе: Островский, Грибоедов, Гоголь, Пушкин, Горький и Чехов. Вместе с тем с каждым годом увеличивается число постановок по произведениям мировой драматургии: Мольер, Шекспир, Дюрренматт, Гауптман, Гольдони, де Филиппо.

Освоение новых художественных методов в театре осуществляется посредством работы с зарубежными режиссерами и соприкосновением с достижениями западного театрального искусства. В результате совместной работы происходит обогащение техники и традиций русской театральной школы и как следствие обновление сценического языка. Но при этом сохраняется традиционная для русского театра приверженность психологизму и четкость конфликтов.

В поиске новых художественных приемов и выразительных средств также Малый театр обращается к современным компьютерным и **медиа технологиям**, которые формируют визуальное пространство сцены, но призваны лишь дополнить образную структуру сценического действия, усиливая, но, не перекрывая содержание и настроение спектакля.

Для Малого театра сегодня остро встает проблема художественного воспитания зрителя, а точнее воспитания просвещенного отношения к национальному прошлому и духовным ценностям. В рамках своей художественно-творческой программы, театр апеллирует к детскому репертуару и предлагает разнообразные просветительские, культурно-образовательные проекты и программы - фестивали, выставки, творческие лаборатории, мастер-классы и т.д., целью которых является приобщение детей и молодежи к театральному искусству, национальной и мировой культуре, а также поддержание творческих инициатив, способствующих самореализации населения и нравственному воспитанию молодежи.

Малый театр, объединенный вековыми традициями классической русской драматической школы, по сей день сохраняет принцип верности идеалам и ценностям русской классики и традициям реалистического искусства. Благодаря высокому реалистическому мастерству актеров на сцене Малого театра приверженность эстетическому консерватизму совмещается с органической связью современного звучания классических пьес. Зритель идет в Малый театр с определенными ожиданиями - возможностью этического и эстетического опыта переживания драматургического текста национальной культуры. Статистика посещаемости спектаклей подтверждает, что театр справляется со своей миссией по сохранению традиций русской театральной школы - средняя заполняемость зала на спектакли репертуара составляет 75 – 80 %.

Литература:

1. Введение в театроведение / Сост. и ответств. ред. Ю. М. Барбой. — СПб.: СПбГАТИ, 2011. — 366 с.
2. Гёббельс Х.-Т. Эстетика отсутствия. – Москва: Издательство «театр и его дневник» Электротеатра Станиславский, 2015. – 272 с.
3. Давыдова М. Конец театральной эпохи. //М.: ОГИ, 2005. 384 с.
4. Леман Х.-Т. Постдраматический театр. // М.: ABSdesign, 2013. 312 с.
5. Лиотар Ж.- Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. - 160 с.
6. Лихачёв Д.С. Прошлое - будущему. Статьи и очерки. - // Л.: Наука, 1985. - 575с.
7. Лихачёв Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. // - СПб: Изд-во СПбГУП, 2008. –416с.
8. Любимов Б.Н., Театр 2017 года. С другим президентом, актерами и другими зрителями // Станиславский. Театральное приложение к «Независимой газете». Май 2007. С. 42
9. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. - СПб : Алетейя, 2000. - 347 с.
10. Рансьер Ж., Эмансипированный зритель, Красная ласточка, 2018
11. Фишер-Лихте 2015 — Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности // Пер. с нем. Н. Кандинской; // Под общ. ред. Д. Трубочкина. М.: Play&Play; Канон+, 2015.
12. О театральности старого перформанса и перформативности нового театра, Мила Бредихина, // Журнал ТЕАТР №29, 2017.
13. Лаборатория будущего театра, Обзор публикаций в отечественных изданиях о тенденциях развития театра и театре будущего. – // М.: Российский институт театрального искусства – ГИТИС, 2019. – 268 с.

К вопросу об освещении в курсе «история» дискуссионных тем (на примерах проблематики гражданской войны в России)

Бакланова Ирина Семеновна

ФГБОУ «Московский государственный технический университет гражданской авиации». Кандидат исторических наук

bairs777@mail.ru

Аннотация: рассматривается освещение в рамках преподавания в вузах курса «История» на примерах проблематики Гражданской войны в России тех вопросов, по которым в историографии темы существуют разные точки зрения. Особое внимание уделяется определению самого понятия «гражданская война», хронологических рамок Гражданской войны в России, отношению крестьянства к противоборствующим сторонам как одной из причин победы большевиков. Автор приходит к выводу, что при преподавании дискуссионных тем в рамках курса «История» следует, прежде всего, опираться на положения принципа объективности.

Ключевые слова: вузовский курс «История», дискуссионные темы, история Гражданской войны в России, определение, хронологические рамки, причины победы большевиков, принцип объективности.

On the issue of covering controversial topics in the course of history (on the examples of the problem of the civil war in Russia).

Irina S. Baklanova

The Moscow State Technical University of Civil Aviation

Abstract. The author explores the coverage of the course “History” within the framework of teaching in universities. This is done on the examples of the topics of the Civil War in Russia of those issues on which there are different points of view in the historiography of the topic. A particular attention is paid to the definition of the very concept of “civil war”, the chronological framework of the Civil War in Russia, the attitude of the peasantry to the opposing sides as one of the reasons for the victory of the Bolsheviks. The author concludes that when teaching discussion topics within the framework of the course “History” one should, first of all, rely on the provisions of the principle of objectivity.

Keywords: “History” as a university course, controversial topics, the history of the Russian Civil War, chronology, the reasons behind the victory of the Bolsheviks, the principle of objectivity.

В современной отечественной историографии не вызывает сомнения положение о том, что Гражданская война в России являлась одним из «поворотных» этапов новейшей истории. Об этом, в частности, свидетельствует исследовательский интерес, показателем которого можно считать количество опубликованных по соответствующей проблематике научных работ. Так, например, в середине 80-х гг. XX века в трудах отечественных историков приводились следующие цифры: только за период практически в семь десятилетий советской власти в свет вышло примерно 15 тыс. книг, брошюр, статей [см., например: 1, с. 53]. В так называемый «постсоветский» период интерес к событиям братоубийственного конфликта начала XX в. вспыхнул с новой силой, правда, изменилась направленность его «вектора», переместившаяся в сторону изучения истории Белого дела. В данной связи представляется необходимым рассмотрение вопроса об освещении в рамках преподавания вузовского курса «История» тем, по которым в литературе высказываются разные, иногда противоположные, точки зрения.

Примером приведенному выше положению является, в частности, ситуация с определением хронологических рамок Гражданской войны. Аксиоматично, что периодизации исторического процесса в научных исследованиях придается большое значение. Ибо благодаря ей можно выявить внутреннюю логику развития, проанализировать его преобладающие тенденции. При этом представляется целесообразным начать соответствующий анализ с определения самого понятия «гражданская война». (Заметим в скобках, что, к сожалению, философы в научном плане к проблематике Гражданской войны в России практически не обращаются. Поэтому существующие определения принадлежат, как правило, или профессиональным историкам, или публицистам). К числу таковых относится и следующее положение: «Любое масштабное вооруженное столкновение внутри одной страны – гражданская война» [2]. В плане выявления сути указанного исторического явления данное определение имеет полное право на существование, однако уточнить хронологические рамки, в которых происходило вооруженное противостояние начала XX в., оно вряд ли поможет. Ибо сразу же встает сложно решаемый вопрос о масштабе внутреннего «вооруженного столкновения», позволяющий причислить его на определенном этапе развития к соответствующей категории войн. В научной литературе существуют и достаточно подробные характеристики Гражданской войны в России, в которых указывается на противоречия, лежавшие в основе войны, перечисляются формы вооруженного конфликта [см., например: 3, с. 32-33]. Однако и данные определения в силу названного выше обстоятельства также, на наш взгляд, не могут служить основой для установления точных хронологических рамок Гражданской войны в России.

Тем не менее, наряду с чисто научным интересом указанный выше вопрос имеет и социально значимое звучание. Ибо установление точных нижних хронологических рамок Гражданской войны связано с определением стороны, виновной в развязывании крупномасштабного братоубийственного противостояния в России. В данной связи можно отметить, что относительно начала указанного конфликта в отечественной историографии существует три основные точки зрения: Февраль 1917г. [4, с. 267-268]. (Заметим в скобках, что ввиду незначительности влияния большевистской партии на Февральскую революцию и ряд последующих событий, исследователи, придерживающиеся данной точки зрения, как правило, считают обвинения партии В.И. Ленина в развязывании Гражданской войны беспочвенными). Ряд авторов, напротив, утверждают, что внутреннюю российскую войну начали именно большевики, но 25 октября 1917г. Ибо, по их мнению, уже сам акт взятия власти данной партией спровоцировал на активные действия «силы сопротивления военной контрреволюции», обладавшие к тому времени и соответствующей идеологией, и стратегией действий [см., например: 5, с. 654]. По третьей точке зрения начало Гражданской войны следует отнести к весне-лету 1918г. [см., например: 6, с. 346]. В данном случае при ответе на «извечный» российский вопрос – Кто виноват? – в большей степени следует предъявлять претензии антибольшевистским силам.

Возвращаясь к проблеме освещения темы нижних хронологических рамок Гражданской войны можно отметить, что наиболее целесообразным представляется изложение в рамках лекционного курса основных точек зрения по указанному вопросу. Данный подход позволяет не только учесть мнения ведущих специалистов в области истории Гражданской войны, но и обсудить со студентами на семинарских занятиях логику аргументации различных исследовательских позиций. (Что касается верхних хронологических рамок, то их определение не носит столь острый полемический характер. Хотя и по данному вопросу существуют разные точки зрения: конец 1920г. – ликвидация основных анклавов Белого движения, эвакуация из Крыма Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля; 1921г. – переход от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике; конец 1922г. – завершение основных военных действий в Гражданской войне) [см., например: 7, с. 46].

В «постсоветский период», когда пересматривались многие идеологические положения «социалистического прошлого», большой общественный резонанс получил также вопрос о причинах победы красной власти над Белым движением. (На основании изучения литературы русского зарубежья можно отметить, что эта проблема волновала, в том числе, и значительную часть эмигрантских авторов). В советской историографии указанное положение объяснялось, прежде всего, изменением политики РКП (б) по отношению к среднему крестьянству, объявленной на VIII съезде партии в марте 1919г. В данной связи «союз» с середняком, представлявшим собой основную часть российских земледельцев, как утверждалось в советской идеологической литературе, сыграл «огромную роль в сплочении всех трудящихся на борьбу против интервентов и белогвардейцев» [см., например: 8, с. 264]. В «постсоветский» же период значительная часть авторов чаще всего склоняются к выделению негативных сторон проводимой в годы Гражданской войны политики «военного коммунизма», в том числе и по отношению к крестьянству, например, последствий продразверстки [см., например: 6, с. 343-344]. Однако представляется целесообразным при изложении указанного материала учитывать весь спектр мнений. При этом в некоторых публикациях, на наш взгляд, справедливо отмечается, что во время изъятия у крестьянства сельскохозяйственной продукции (например, необходимой для снабжения армии), оно

«сопротивлялись» и белым, и красным. Но последним земледельцы «сопротивлялись намного слабее». Данный феномен объясняется, в частности, тем, что крестьяне от советской власти получили землю и «освобождение от долгов» [9, с. 299, 291]. В то же время даже эмигрантские авторы в своих работах часто констатировали неутешительные результаты аграрной, крестьянской политики антибольшевистских правительств [см., например: 1]. Что же касается «революционного» насилия, то красные, как писал, в частности, известный отечественный ученый-историк В.П. Булдаков, придерживались «правила» «дисциплинирующих» мер. Во имя своих идеалов, установления определенного ими порядка, большевики в отличие от белых не жалели ни «своих», ни «чужих» [11, с. 237]. Что, в принципе, должно было больше (нежели «белый» террор, направленный почти исключительно против «чужих») импонировать народным массам, особенно, в период «усталости» от «революционной» анархии.

Таким образом, завершая представленный выше дискурс, можно отметить, что при изложении материалов курса «История» представляется целесообразным опираться на положения принципа объективности, который, в частности, предполагает не только использование конкретных фактов в их истинном содержании, но и беспристрастный подход в их трактовке. Что, в свою очередь, на наш взгляд, означает опору на всю совокупность имеющихся исторических и историографических источников, не искажая и не подгоняя имеющиеся данные под заранее созданные схемы.

Литература:

1. Спирин Л.М., Литвин А.Л. На защите революции. В.И. Ленин, РКП (б) в годы гражданской войны: историографический очерк. Л.: Лениздат, 1985. 270 с.
2. Кара-Мурза С. Чемодан с кнопкой: «акция отчаяния»//Советская Россия. № 151. 21 декабря 1995
3. Поляков Ю.А. Гражданская война в России. Возникновение и эскалация//Отечественная история. 1992. № 6
4. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. 592 с.
5. Михайлов И.В. Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля?//Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М.: Раритет, 2002. С. 639-655
6. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ООО «ТК Велби», 2002. 520 с.
7. Бакланова И.С. К вопросу о хронологических рамках гражданской войны в России//Научный вестник МГТУ ГА. Серия Общество, экономика, образование. 2002. № 57. С. 43-47
8. История Коммунистической партии Советского Союза/Б.Н. Пономарев, М.С. Волин, В.С. Зайцев и др. 7-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. 783 с.
9. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – Книга первая: От начала до Великой Победы. М.: Алгоритм, 2002. 528 с.
10. Бакланова И.С. Белые власти Юга России и аграрный вопрос (по литературе русского зарубежья)//Вопросы истории. 2019. № 2. С. 83-93
11. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 376 с.

Институт семьи как необходимое условие процесса формирования и становления социально-значимого и безопасного специалиста инженерных профессий

Блохина Наталия Викторовна

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский Университет Транспорта» (РУТ (МИИТ)), Гуманитарный институт, Москва, Россия. Заведующий лабораторией кафедры «Лингводидактика» ГИ

lizaleon81@gmail.com

Аннотация: поиск решений накопившихся противоречий современного мира, несущих угрозу существования общества и человека, невозможен без подготовки специалистов инженерно-технических специальностей способных создавать не только социально-значимый продукт своей профессиональной деятельности, но и безопасный для общества и его развития. Качества и свойства личности, необходимые для формирования социально-значимого и безопасного специалиста инженерных профессий, в обществе технократической направленности, закладываются в человеке с первых дней его жизни. Институт Семьи является первичным агентом социализации ребенка и в ней задается базовая система ценностей, что определяет необходимость включения института Семьи в процесс образования при подготовке специалистов инженерно-технических специальностей.

Ключевые слова: институт Семьи, ценности, традиции, образование, инженерно-технические специальности, социум, информационная среда.

Family institute as a necessary condition for the process of formation and formation of a socially significant and safe specialist in engineering professions.

Natalia Blokhina

Federal State Institution of Higher Education «Russian University of Transport», Department "Linguodidactics"

Abstract: the search for solutions to the accumulated contradictions of the modern world that threaten the existence of society and man is impossible without the training of specialists in engineering and technical specialties capable of creating not only a socially significant product of their professional activity, but also safe for society and its development. The qualities necessary for the formation of a socially significant and safe specialist in a technocratic society are laid in a person from the first days of his life. The Institute of the Family is the primary agent of socialization of the child and it sets the basic system of values, which determines the need to include the Institute of the Family in the educational process when training specialists in engineering and technical specialties.

Key words: Institute Family, values, traditions, education, engineering and technical specialties, society, information environment.

Нестабильное состояние современного общества с растущей тенденцией универсализации мирового пространства посредством информационно-коммуникативных технологий усугубило существующие противоречия и породило новые. В Докладе Международной комиссии по образованию XXI века, представленный ЮНЕСКО, Жак Делор выделил ряд из них:

1. противоречие между глобальными и локальными проблемами;
2. противоречие между универсальным и индивидуальным;
3. противоречие между традициями и современными тенденциями;
4. противоречие между долгосрочными и краткосрочными задачами;
5. противоречие между необходимостью соревнования и стремлением к равенству возможностей;
6. противоречие между невиданным развитием знаний и возможностями их усвоения человеком;

7. «Вечное противоречие» между духовным и материальным миром [1, с. 13-14].

В результате накопившихся противоречий, мир с высокоразвитой наукой и техникой, управляемый образованными людьми столкнулся с серьезными проблемами, несущими угрозу существования самой жизни. К угрожающим факторам, в первую очередь, необходимо отнести: загрязнение окружающей среды; высокий запас ядерного оружия; аварии технического характера; отрицательный прирост населения, который сохранится как минимум, до 2030 г для нашей страны [2].

Безусловно, человечество осознает не только существование и масштаб этих угроз, но и отдает себе отчет в том, что на сегодня отсутствуют достаточно эффективные средства борьбы с этими угрозами. В контексте изменений и угроз современного мира, знание становится само объектом пристального внимания.

Знание всегда определяло и задавало качество, структуру и форму как современного, так и будущего общества. В современных реалиях особо остро стоит вопрос сущности знания и применения его в благих гносеологических целях. При этом необходимо учитывать тот факт, что знания выступают средством для достижения цели. В то время как цели базируются на фундаменте морально-нравственных и духовных качествах сообществ, формирующих конкретные цели, или общества в целом. Индустриальный период развития сформировал человека с социально значимыми ценностями прагматичного, эгоистичного и рационального типа, который и был втянут в информационное пространство коммуникативных технологий, пространство - фрагментарного мира с нечеткими миражами пространственно-временных границам. Одновременно в структуре социума все более четко проявляется сетевая культура, в основе которой - возникновение идентичности через действие. Посредством действия представители сетевой культуры порождают, как правило, движения сопротивления и движения проектной идентичности [3, 146]. Что, в свою очередь, породило противоречие традиционной и сетевой культуры внутри самого человека. Довлеющие внутренние и внешние противоречия принуждают современного человека пересмотреть отношения человек-человек, человек-природа как с рациональной позиции, так и с позиции духовно осознанного мировосприятия.

Если рассматривать взаимосвязь знаний и целей сквозь призму морально-нравственной и духовной составляющих с учетом накопившихся противоречий, то становится очевидным то, что на институт образования ложится огромный груз ответственности по реализации основополагающих функций образования в контексте современной ситуации. На Заседании Совета по науке и образованию, состоявшегося 27 ноября 2018г. выступление В.В. Путина лаконично определяет цели и задачи как научному миру вообще, так и системе образования в частности: « Нам нужны прорывные открытия и разработки, которые позволят создать отечественную продукцию мирового уровня, сформировать мощную технологическую и производственную базу, модернизировать транспортную инфраструктуру, внедрить новые строительные технологии, улучшить состояние окружающей среды и здравоохранения, включая независимость в ключевых сегментах фарминдустрии, укрепить нашу продовольственную безопасность, в том числе за счёт собственных посевных и племенных материалов.

По сути, наши институты, университеты, вузы должны оказать полное научное и интеллектуальное содействие реализации национальных проектов и программ развития, подготовить профессиональные кадры для решения сложных исследовательских, технологических, производственных задач» [4]. Справиться с поставленными перед институтом образования задачами необходимо так, чтобы избежать негативных последствий через возникшую угрозу современному обществу, угрозу - «….дегуманизации многовековой культуры человечества, унификации цивилизаций на основе отключенного от реального мира сознания»[5, с. 81].

Технократическая направленность современного общества заставляет переосмыслить подход при подготовке специалистов инженерно- технических специальностей. Инженер принимает непосредственное участие в производстве и в процессах внедрения материальных благ общества, спектр которых покрывает весь антропогенный фактор - от продуктов питания и товаров повседневного спроса до сложных промышленных, военных и космических технологий. Следовательно, при подготовке специалистов инженерных профессий необходимо формировать такого специалиста, который не только сможет специализированные знания применять и адоптировать к условиям быстроизменяющегося мира, в условиях экологических и социальных кризисов, но и имеет четкое понимание степени ответственности за последствия реализации своего социального, научного и технического потенциала в жизни общества и планеты в целом. Для этого уже на стадии проектирования и моделирования профессиональной задачи инженер должен в полной мере осознавать социальную, экологическую целесообразность и безопасность своего профессионального продукта.

Реализация данной задачи сталкивается с возникшей в последние десятилетия трудностью, заложенной в изменившейся информационной среде, а именно – в увеличении ее объема, скорости и доступности. Это приводит к таким негативным последствиям как: фрагментарность знаний; стирание пространственно-временных и социальных границ; трудность вычленения ложной информации из общего потока; ослабление ответственности и т.д. Подобные явления несут в себе угрозу подмены знаний и, зачастую, опыта - информацией, которая не несет в себе морально-этического компонента. Реализовывая профессиональный потенциал в современной информационной среде, инженеру необходимо учитывать духовную и физическую безопасность общества, что становится возможным лишь при четкой градации ценностей и функциональной дифференцированности традиционной и сетевой культур [6, 41]. При смешивании двух реальностей вероятность принятия ошибочного решения специалистом крайне высока. Только четкое вычленение системных взаимосвязей как элементов профессионального продукта, так и самого продукта в целом, с внешним миром, прогнозирование последствий этих связей, увеличивает вероятность создания социально-значимого и безопасного продукта профессиональной деятельности.

Исключение проблемы смешивания границ мира реального и виртуального возможно посредством их разграничения традициями конкретных обществ и внутреннего ценностного ряда человека, опирающихся на духовно-нравственные категории. Для формирования умения и навыка вычленения виртуальных, социальных и природных границ, человеку необходимо чувство сопричастности к социальной группе, включенной в конкретное пространство в конкретном временном континууме.

Процесс осознания кто ты есть, с кем и где ты запускается с момента рождения человека и продолжается до последнего вздоха. Путь нахождения себя и своего места в социуме, в природе, в космосе занимает всю жизнь, но именно в первые ее годы закладывается фундамент базовых ценностей и раскрывается духовная составляющая человека, являясь, на протяжении всей жизни первоосновой фокуса морально-нравственных, духовных, интеллектуальных и культурных ценностей, тем самым формируя видение пространственно-временных границ, а значит целей.

Исходя из биологических параметров, человеческий детеныш дольше всех из детенышей планеты, зависим от взрослых. Шансов выжить и гармонично сформироваться больше у ребенка, рожденного в полноценной семье. Внутри семьи ребенок перерабатывает информацию в знание, трансформируя опыт посредством эмоционально-чувственного механизма с опорой на помощь окружающих родных. Любой опыт, приобретенный человеком, преобразуется в знание сквозь морально-нравственную и духовную призму родительской семьи на протяжении всей его жизни, и как правило на подсознательном уровне.

Для успешной реализации всех этапов образовательной программы по подготовке специалистов инженерных профессий в заданных условиях современной действительности требуется органическое сочетание как лучших идеалов и установок собственных национальных интересов, традиций и своей уникальной культурной идентичности, так и западных моделей развития внедряемых в Российскую образовательную структуру опосредованно - через идеалы западной культуры, и непосредственно - в связи с присоединением к Болонскому процессу [7, 178]. Успешная реализация целей и задач, стоящих перед системой образования, невозможна без включения института Семьи в образовательный процесс на разных его этапах, так как институт Семьи является первичным агентом социализации ребенка, в ней формируются модели поведения, социально-значимые роли в жизни человека, выстраивается ценностный ряд и закладываются основы духовной составляющей. Именно в семье выкристаллизовываются базовые диспозиции и экспектации, задающие спектр перспектив социального взаимодействия. Следовательно, семью необходимо рассматривать в качестве равноправного компонента инфраструктуры системы образования, в частности, в специальных программах по развитию инфраструктуры карьеры в сфере науки и технологий [8, с. 267].

Литература:

1. Делор Жак Образование: необходимая утопия// Образование: сокрытое сокровище. Доклад Международной комиссии по образованию для XXI века ЮНЕСКО. Основные положения – Париж, Изд-во ЮНЕСКО, 1996. С. 48 - URL: https://www.gcedclearinghouse.org/sites/default/files/resources/%5BRUS%5D%20%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf (дата обращения:19.12.2019)
2. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года.(Стат.бюллетень). М.,ИИЦ

«Статистика России», 2013. Табл. 2.4.; Медведков В.М. Демографические прогнозы ООН для мира и России// Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденции ее изменения: Ежегодный доклад: «Демографическая ситуация в Российской Федерации»/ (А.И. Антонов, В.М. Карпова, В.М. Медков, А.Б. Синельников); науч.ред. А.И. Антонов.- М.: КДУ,2008.С.194-221.

3. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 399 с.
4. Заседание совета по науке и образованию - URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59203(дата обращения:19.12.2019)
5. Пфаненштиль И.А., Яценко М.П., Борисенко И.Г. Социально-философские аспекты проблем инженерного образования в контексте информационной культуры//Философия образования, №2(59), Новосибирский государственный педагогический университет. Институт философии и права СО РАН,2015.- URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23307927_37606942.pdf (дата обращения:19.12.2019)
6. Бетильмерзаева М.М. Проблемы духовной безопасности и мировоззренческие основы современного человека/Россия в 21 веке: глобальные вызовы, риски и решения: Сборник материалов форума. РАН (г.Москва, 5-6 июня 2019г)/ Под ред. ак. РАН Залиханова М.Ч. – М.: МНЭПУ; ВТМ, 2019.-704с.
7. Пархоменко Р.Н. Евразийство как вектор современного развития России/Гуманитарное образование в развитии Российского социума и воспитание человека.Тематический сборник материалов международной научно-практической конференции. (Москва, 12-13 апреля 2018г.)/Ред. Н.А. Некрасова, г. Шадринск: ШГПУ, 2018. С. 537
8. Попова И.П. Семейные и социальные контексты как старт профессионального пути в научно-технической сфере.// Семья в современном мире. XI социологические чтения памяти В.Б. Голофаста. Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 28-31 марта 2019г.)/ Ответственный за выпуск О.Б. Божков. Санкт-Петербург, ООО «Реноме»,2019. С. 410.

Значение изучения философских дисциплин при получении инженерного образования

Валухов В. А.

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», аспирант

valuxoff.vic@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается проблема важности изучения философских дисциплин в процессе получения инженерного образования: возможности и превосходство специалистов, изучающих философские дисциплины, при получении любого образования и при получении инженерного образования. Делаются выводы о необходимости включения философских дисциплин в программу подготовки будущих инженеров.

Ключевые слова: философские дисциплины, инженерное образование, познавательная деятельность, IT-компании.

The importance of studying philosophical disciplines in obtaining an engineering education.

Valukhov V. A.

Orel State University named after I. S. Turgenev

Abstract: the article considers the problem of the importance of studying philosophical disciplines in the process of obtaining an engineering education: the possibilities and superiority of specialists studying philosophical disciplines in the course of obtaining any education and in the course of obtaining an engineering education. Conclusions are drawn about the need to include philosophical disciplines in the training program for future engineers.

Keywords: philosophical disciplines, engineering education, cognitive activity, IT-companies.

Современная тенденция к подготовке узконаправленного специалиста с минимально необходимым багажом знаний и стремление к деконструкции «классической» системы преподавания, заложенной в философских и педагогических учениях Я. А. Коменского, Д. Дьюи и Г. Песталоцци, подводит к вопросу о значимости изучения философских дисциплин в процессе получения высшего образования. Обозначенная проблема актуальна для студентов инженерно-технических специальностей: наблюдается «бытовое» понимание философии как учения о словесных уловках в ходе дискуссий, отрицание значимости гуманитарного знания вследствие «искусственного» противостояния представителей гуманитарных и технических специальностей.

Важность наличия философских дисциплин в программе подготовки специалистов раскрывается уже при анализе функций философии:

а) мировоззренческой функции, усвоение которой позволяет сформировать представление об устройстве мира и месте человека в нём, принципы взаимодействия с окружающим миром;

б) методологической функции, усвоение которой позволяет выработать основные методы познания окружающей действительности.

Согласно статистике, предоставленной UK College of Arts & Sciences, люди с базовым философским образованием в состоянии удовлетворить главным требованиям современных работодателей, так как обладают: развитыми навыками коммуникации, позитивным поведением, умением адаптироваться, навыками командной работы, ориентацией на цель. Наблюдается высокий уровень заработной платы у таких специалистов [1].

Внедрение философских дисциплин в образовательные программы повысит шанс устройства на высокооплачиваемую работу вследствие выработки следующих навыков [1]: генерирования идей по различным проблемам, формулирования и решения проблем; анализа, разработки и формулирования логических аргументов.

Значимость изучения философских дисциплин при получении инженерного образования основана на представлениях о мире будущего, в котором центральное место способен занять именно инженер.

Инженер будущего – это исследователь с педагогической ориентацией, ведущий свою деятельность согласно принципу «автотрофности» (то есть речь идёт о трансгуманистическом инженере). Инженер[i] трансформируется в мыслителя космических масштабов, что невозможно без углубленного изучения философии. Программа подготовки инженера должна реализовывать ряд принципов [2]:

а) культурологический принцип – взращивание инженеров системно-глобального характера, вмещающего «многостороннюю рефлективность, позволяющую рассматривать мир как культурологическое целое», и «общепланетарную отзывчивость», проявляющуюся в главенстве сопереживания и любви к окружающему миру;

б) геокультурологический принцип – ликвидация преобладания западного видения мира над восточным. Особое место должна занимать традиция русских мыслителей, «соборность», «всеединство»;

в) онтологический принцип – воспитание инженера космического масштаба; переход от независимого изучения природного и социального к системному изучению естественного и искусственного, рассмотрение природно-социальных систем в качестве самоорганизующихся; реализация «автотрофности», то есть достижение автономности существования, оптимальности функционирования и гармоничности существования природного и человеческого миров. Принцип также подразумевает интеграцию естествознания и обществознания и формирование технологического видения природы (через организованность);

г) гносеологический принцип – осознание специфики неклассического и постнеклассического образа мышления. Неклассический этап образования привёл к отказу от идеи «человека-наблюдателя»: человек находится наблюдаемой системы и является участником эволюционных процессов. Постнеклассический этап образования породил идею «космического наблюдателя»;

д) герменевтический принцип – создание механизмов упорядочения, классификации и систематизации учебно-образовательного инженерного знания.

Значимость изучения философских дисциплин при получении образования инженера-программиста основывается на признании растущей ответственности IT-специалистов и возможном появлении кризисной ситуации вследствие отсутствия всестороннего развития на этапе обучения и недостаточной мере гуманизации и гуманитаризации программы обучения.

Современные информационные, коммуникационные и компьютерные технологии являются неотъемлемым компонентом жизнедеятельности конкретно взятого человека и всего человечества. Информатизация и компьютеризация проникли во все области знания, во все сферы промышленности, на каждый уровень человеческой деятельности благодаря своей уникальной гибкости и предоставляемым преимуществам.

Однако информационная и компьютерная революции, начатые в середине XX века, позволили также увидеть целый пласт этических проблем, для обсуждения и решения которых исследователи были вынуждены обратиться к философии. Благодаря кооперации с философией в 70-х годах прошлого столетия была сформирована новая академическая дисциплина – компьютерная этика. В 90-х годах в попытке вырваться за границы компьютерной прикладной этики, находящейся на стыке этики (как аспекта философии) и науки и уделяющей внимание только вопросам применимости компьютеров, формируется информационная этика.

Компьютерная (и информационная) этика являлась областью взаимовыгодных отношений инженера и философа. Английский исследователь Симон Роджерсон полагал, что компьютерные технологии преодолевают культурные, религиозные, политические и экономические границы, изменяют социальные и общественные нормы, поэтому общая цель состоит в такой интеграции компьютерных технологий и человеческих ценностей, которая обеспечивала бы развитие технологий и защиту ценностей. Итальянский философ Лучано Флориди первым начал использовать выражение «философия информации». В качестве инновационного продолжения древней традиции мысленного эксперимента он предложил проводить концептуальные эксперименты путем компьютерного моделирования, т. е. применять схемы компьютерного моделирования к вопросам логики, эпистемологии, философии науки, философии биологии, философии разума [3].

Стоит отметить, что компьютерная этика зарождалась специалистами в области математики и кибернетики, которые и выступали в качестве первых программистов. Архитектура фон Неймана и

i «Инженер будущего» не предполагает примат современного инженерного образования над гуманитарным, так как трансгуманистический мыслитель космических масштабов может быть результатом получения любого образования

языки программирования (новый уровень абстракции) позволили отделить разработку, сопровождение программного и аппаратного обеспечения. Однако установка на интеграцию философского знания осталась прежней: инженер-программист несёт ответственность за возможные последствия своей разработки перед собой, обществом и окружающим миром, а философия позволит раскрыть сущность и необходимость этой ответственности.

Для инженера-программиста особую роль играют два раздела философии: этика и эстетика. Отсутствие пониманий этических ценностей и норм, неумение ответить на базовые вопросы, касающиеся программной инженерии («что такое программа», «кто несёт ответственность за функционирование запрограммированной системы», «какую пользу для мира принесёт данная программа» и т. п.), приводят к катастрофическим последствиям для всего человечества: киберпреступность, умышленное и неумышленное нарушение конфиденциальности и анонимности, перекладывание критически важных для человечества решений на машину и т. д. Последнее особенно актуально в условиях развития искусственного интеллекта.

Современный инженер-программист также обладает «чувством прекрасного»: исходный код программы часто является предметов эстетических изысканий. Если читаемость и понятность кода в процессе его рефакторинга можно считать необходимостью, закреплённой в различных профессиональных стандартах [4] и призванной обеспечивать групповую разработку программного обеспечения, то излишнее внедрение «синтаксического сахара» и идей «функционального программирования» подводит к классическому противостоянию формы и содержания.

Вышеуказанные трудности, встречаемые инженерами-программистами, должны решаться на уровне образования: количество программистов неуклонно растёт с каждым годом, а отсутствие углубленного изучения фундаментальных дисциплин в процессе подготовки порождает массу специалистов, не имеющих установок на «позитивное» поведение и «позитивное» видение будущего.

На данный момент в мире существуют примеры корректировок образовательных программ IT-специалистов с целью уделить большее внимание изучению философских дисциплин. В Оксфордском и Стэнфордском университетах существует направление подготовки «Computer Science and Philosophy»: программа подразумевает объединение достижений в области преподавания информатики и опыта формирования интеллектуально развитой личности посредством обучения философии. Для современного IT-специалиста большое значение имеет наличие критического, аналитического и логического мышления, умения видеть последствия новых идей и возможных спекуляций. Для философа важно понимание новой природы, формируемой технологиями, и актуальных проблем нового круга исследований (философия искусственного интеллекта, этика конфиденциальности и интеллектуальной собственности) [5, 6].

Ещё одним примером необходимости изучения философских дисциплин инженером-программистом является востребованность философов в качестве внутренних сотрудников IT-компаний. По словам профессора Christian Voegtlin, в последнее время крупные IT-компании (Google, Yahoo, Microsoft, Facebook) нанимают философов на должность Chief Philosophy Officers (CPO), чьи обязанности включают [7]: обучение следующего поколения лидеров в сфере IT; регулярные обсуждения с сотрудниками компаний (особенно с CEO) вопросов этичности проделанных и запланированных работ; обсуждение с сотрудниками вопросов о смысле жизни; помощь менеджерам в построении более полной картины происходящего; определение допустимых границ инноваций.

В ходе рассмотрения вопроса о значимости изучения философских дисциплин при получении образования вообще и в частности образования инженера-программиста мы пришли к выводам, получение базовых философских знаний повышает конкурентоспособность на рынке труда вследствие усвоения необходимых работодателям навыков. Растущая ответственность представителей инженерно-технических специальностей за будущее человечества требует соответствующего всестороннего развития специалиста, а использование достижений современной философии позволит не только породить «инженера будущего», но и решить современные этические и эстетические проблемы IT-специалистов.

Литература

1. Where Can Philosophy Take Me? [Электронный ресурс] // College of Arts & Sciences. URL: https://philosophy.as.uky.edu/where-can-philosophy-take-me (дата обращения: 11.02.2020)
2. Московченко А. Д. Философия и стратегия инженерно-технического образования. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та

систем упр. и радиоэлектроники, 2015. 220 с.
3. Малюк А. А., Полянская О. Ю., Алексеева И. Ю. Этика в сфере информационных технологий. М.: Горячая линия – Телеком, 2011. 346 с.
4. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. №679н г. Москва «Об утверждении профессионального стандарта «Программист»»
5. Computer Science and Philosophy [Электронный ресурс] // University of Oxford. URL: http://www.ox.ac.uk/admissions/undergraduate/courses-listing/computer-science-and-philosophy (дата обращения: 11.02.2020)
6. Computer Science and Philosophy [Электронный ресурс] // Stanford University. URL: https://philosophy.stanford.edu/degree-programs/affiliated-programs/computer-science-and-philosophy (дата обращения: 11.02.2020)
7. Percy S. Why Your Board Needs A Chief Philosophy Officer [Электронный ресурс] // Forbes. URL: https://www.forbes.com/sites/sallypercy/2018/03/09/why-your-board-needs-a-chief-philosophy-officer/#7ef6ddc342e3 (дата обращения: 11.02.2020)

Статус философии в современном отечественном инженерном образовании

Гаранина О.Д.

Московский государственный технический университет гражданской авиации, профессор, доктор философских наук

ogaran@yandex.ru

Аннотация: В статье определены некоторые слабые стороны компетентностного подхода, обусловившие понижение статуса философии как учебной дисциплины в инженерно-технических вузах России. Произошел отказ от традиционных целевых задач преподавания философии, ориентированных на формирование мировоззрения, творческого мышления, критического восприятия мира. Обосновано, что преподавание философии в современном образовательном процессе направлено на формирование узких инженерно-технических профессиональных компетенций как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры, что ведет к выхолащиванию богатства философского знания. Ориентация образовательного процесса на прагматический профессионализм привела к значительному сокращению учебных часов по философии, что затрудняет формирование предписываемых моделью выпускника компетенций (знаний, умений, навыков), содержание которых определяется без участия преподавателей философии. Понижение статуса философии также обусловлено тем, что провозглашаемая гуманитаризация инженерного образования сегодня приобрела характер симулякра, способствуя укреплению технологического снобизма будущих инженеров.

Ключевые слова: преподавание философии; статус философии; компетентностный подход; инженерное образование; технический вуз; гуманитаризации.

The status of philosophy in modern Russian engineering education.

Garanina O.D.

Moscow State Technical University of Civil Aviation

Abstract: The article defines the shortcomings of the competency approach, which led to the reduction of the status of philosophy as a training discipline in engineering universities in Russia. There has been a rejection of the traditional goals of teaching philosophy, oriented towards the formation of worldview, creative thinking, critical perception of the world. It is justified that the teaching of philosophy in the modern educational process is focused on the formation of narrow engineering and technical professional competences both at the level of bachelor ‘s degree and at the level of master ‘s degree. The orientation of the educational process to pragmatic professionalism has led to a significant reduction in the academic hours of teaching in philosophy, which makes it difficult to form the competencies prescribed by the model of the graduate (knowledge, abilities, skills), the content of which is determined without the participation of teachers of philosophy. The lowering of the status of philosophy is also due to the fact that the proclaimed humanization of engineering education today has acquired the character of a simulacrum, helping to strengthen the technological snobbery of future engineers.

Keywords: teaching philosophy; Philosophy status; competent approach; Engineering education; Technical university; humanization.

Философию преподают в каждом российском университете независимо от профессиональной направленности вуза. Она является обязательной федеральной дисциплиной, без изучения которой нельзя получить диплом о высшем образовании. Масштабность проекта свидетельствует, что трансляция философского знания в педагогическом процессе востребована государством. Размах инженерного образования актуализирует проблему статуса философии как учебной дисциплины в структуре подготовки будущих инженеров. Актуальность этой проблемы обусловлена также тем, что в технических университетах философия, утратившая идеологические функции, рассматривается как непрофильная дисциплина, не имеющая прямого отношения к профессиональному образованию.

Образ философии как идеологизированного знания, лишнего для будущего инженера, сохранившийся у большинства преподавателей специальных дисциплин с их давних студенческих времен, подкрепляется современной образовательной парадигмой, в основе которой лежит компетентностный подход.

Основная теоретическая трудность в понимании сущности компетентностного подхода, обсуждению которого были посвящены в последние годы многие теоретические исследования, связана с пониманием терминов «компетенция», «компетентность». В Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» [1] не найдем содержательной трактовки понятия «компетенция» или «компетентность» (хотя именно это понятие выступает одним из ключевых в ФГОСах всех поколений). Базовый термин в определении любой компетенции – способность. Но способность не может быть сформирована у каждого, это психологическое качество. Вследствие этого формирование компетенции (способности) предписывается осуществлять через знания, умения и навыки. Способен, если знает, умеет и имеет навыки. Какие знания, умения и навыки формирует философия у будущих инженеров? Многие, не будем перечислять. Философия призвана формировать универсальные (УК) и общепрофессиональные (ОПК) компетенции (а также некоторые профессиональные компетенции). Однако содержание этих компетенций (знания, умения, навыки) обычно формулируется без участия преподавателей философии, поэтому можно нередко встретить знания, умения и навыки, которые к содержанию философского знания не имеют никакого отношения. Например, в модели выпускника по направлению подготовки 25.03.02 Техническая эксплуатация авиационных электросистем и пилотажно-навигационных комплексов философии предписано формировать УК-1 «Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач». Научные методы анализ с синтезом и системный подход мы изучаем в теме «Научное познание». Но для того, чтобы указанная компетенция была сформирована, надо: знать методики поиска, сбора и обработки информации, уметь применять методики поиска, сбора и обработки информации; владеть методами поиска, сбора и обработки, критического анализа и синтеза информации. Философия помогает овладеть методологией, но не конкретной методикой. Аналогичных примеров можно привести множество. Как в этой ситуации должен вести себя преподаватель вузовской философии? Выход один – симулировать формирование некоторых компетенций через знания, навыки и умения, оставляя в стороне подлинно философское научение творческому мышлению, размышлению, умению обосновать свое мнение (заметим, что из системы компетенций ФГОС 3++ творческое мышление исключено). Эта симуляция вводит преподавание философии в технических вузах в эру тотальной симуляции, о чем предупреждал Ж.Бодрийяр, отмечая, что что «симулировать значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле» [2, с. 18]. Однако симулировать – не значит просто притворяться. Симулировать – значит создавать реальность, которой нет на самом деле, то есть имитировать существование несуществующего. Следуя логике Ж. Бодрийяра, можно полагать, что разговоры о событии (то есть симулякры) не делают реальным само событие. Понятно, что симулякры не интенцированы на изменения, инновации, заменяя реальную потребность имитацией. При этом возникновение нового симулякра в виде компетенций в высшем техническом образовании не является неким сознательно обдуманным и запланированным процессом, а выступает как объективная тенденция, обусловленная непродуманностью внедрения компетентностного подхода в отечественное образование, поставившим философию в подготовке современных инженеров в двусмысленную ситуацию королевы без власти и влияния на умы [3]. Ориентация философии на формирование компетенций, слабо связанных с философским знанием и передаваемых в сферу её преподавания по «остаточному принципу», ведет к падению престижа философии как учебной дисциплины в инженерном вузе.

У рассматриваемой проблемы есть ещё один аспект организационного характера. Введение ФГОС 3++, обостривших практическую ориентацию компетентностного подхода в технических вузах, привело к значительному сокращению количества часов, отведенных на изучение дисциплины «философия». В большинстве учебных планов, определяющих порядок изучения учебных дисциплин по инженерно-техническим специальностям, количество часов на лекции и семинарские занятия не превышает 32 часов (8 лекций и 8 семинаров). Сформировать универсальные и особенно общепрофессиональные компетенции (их, как правило, 2-3, включающих знания, умения и навыки) за такое учебное время в принципе невозможно (можем сформировать знания. А когда формировать умения и навыки?). Но надо – есть рабочая программа, фонды оценочных средств по которым оценивается сформированности компетенции (способности). И здесь мы также можем говорить об имитации процесса образования, подгонке его под требования компетентностного подхода.

Базовые тренды современного высшего образования – гуманизация и гуманитаризация. Однако гуманитаризацию (и гуманизацию) также можно считать симулякром современного отечественного инженерного образования. Воплощение их в реальный процесс подготовки инженера состоит в том числе в широком включении гуманитарных дисциплин в педагогический процесс. Согласно закону «Об образовании в РФ» образование – единство обучения и воспитания. Можно ли воспитывать в процессе преподавания естественно научного и специального технического знания? Можно. И нужно. Но как правило эта задача не является первостепенной в ряду функций указанных дисциплин. Их стратегия – специальные знания, узкая профессиональная подготовка. Философия призвана не только научить, но и воспитать. Именно эта функция философии выводит ее в ряд федеральных дисциплин. Гуманитаризация инженерного образования призвана решать сложнейшую задачу: как помочь будущему инженеру получить качественное профессиональное образование, но не уйти в область «профессионального кретинизма», а стать человеком с широким кругозором, способным видеть любое событие в широком социальном и мировоззренческом контексте. Симуляция разрешения этого противоречия в образовательном процессе осуществляется сегодня достаточно просто: в учебных планах дисциплины инженерного характера дополняются гуманитарными, перечень которых неуклонно сокращается (остались, по существу только две - история, философия). Провозглашается, но не реализуется на деле совершенствование перечня и содержания преподаваемых в техническом вузе социогуманитарных дисциплин, тормозится вследствие процессуальной ограниченности образовательного процесса вовлечение в сферу преподавания новых достижений мировой гуманитарной мысли. Таким образом, реально после введения ФГОСов третьего поколения с новыми компетенциями произошло резкое сокращение как перечня предлагаемых студентам технических специальностей социогуманитарных дисциплин, так и учебных часов. А что же с провозглашаемой и обсуждаемой гуманитаризацией? Ей нет места в реальном образовательном процессе, поэтому студенты не могут освободиться от технократического снобизма, десятилетиями утверждавшегося в массовом сознании.

Литература:

1. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс] // Консультант плюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166143/ (дата обращения 12.09.2019).
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Перевод О.А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист, 2013.
3. Гаранина О.Д. о некоторых симулякрах в высшем техническом образовании // Ученый совет. 2015. № 5. С.67-72.

Роль философии в инженерных вузах в эпоху информационных технологий

И.С. Кальва

Кафедра гуманитарных наук и технологий Института сервиса и отраслевого управления ФГБОУВО «Тюменский индустриальный университет». Аспирант

kalvais@tyuiu.ru

Т.В. Дягилева

Кафедра гуманитарных наук и технологий Института сервиса и отраслевого управления ФГБОУВО «Тюменский индустриальный университет». Доктор философских наук, профессор

djagilevatv@tyuiu.ru

Аннотация: в статье проанализирован феномен влияния цифровых технологий, применяемых в образовательном процессе в техническом вузе на формирование нового типа ученого-инженера. Доказано, что методики и трансформационные модели, используемые в образовательном пространстве, способствуют приобретению знаний и компетенций, раскрытию творческого потенциала будущего выпускника вуза, учитывающего в своей инженерной деятельности аксиологическую составляющую.

Ключевые слова: геймификация; инженерное образование; *игровые технологии обучения;* высшее образование.

The role of philosophy in engineering universities in the age of information technologies.

Irina S. Kalva; T.V.Dyagileva

Institute of service management and industry, Tyumen Industrial University

Abstract: The article analyzes the phenomenon of the influence of digital technologies used in the educational process at a technical university on the formation of a new type of a scientist-engineer. It is argued that the methods and transformation models used in education; it is claimed that these methods contribute to the acquisition of knowledge and competencies, as well as to the development of the creative potential of the future graduate of a university who takes into account the axiological component in his engineering activities

Key words: gamification, education in engineering, teaching technologies, higher education.

Проблема реформирования системы подготовки инженерных кадров является особой темой для обсуждения в области политических и педагогических дискуссий. Необходимы последовательные и умелые методологические действия, которые помогут решить проблемы, существующие в системе высшего образования России на научной основе, оптимизировать учебно-познавательную деятельность обучающихся по инженерным специальностям и направлениям подготовки. Назрела потребность модернизации существующих методик преподавания высшей школы, формирующих необходимые компетенции для будущей профессиональной деятельности инженеров. В силу быстро меняющихся трендов и технологий, изучение данной проблематики является востребованной в сфере взаимодействия общества и власти.

Философию как особую форму познания, способствующую формированию развитого мировоззрения необходимо изучать в рамках учебного процесса в инженерных вузах, на что указывают С.С. Корнеенков [1], И.П. Корнилов [2], И.С. Якиманская [3] и др. исследователи данной проблематики. В частности, роли философии в качественной подготовке специалистов технического профиля посвящены работы А.А. Чернякова [4], А.М. Новикова [5], где выявляется аксиологическая составляющая технического образования и отмечается потребность в изучении философского понятийного аппарата, основных философских законов и принципов.

Всеохватность информационных технологий повлияла на формирование нового типа ученого, модернизируя стиль его мышления, способности и навыки. Так, способность быстро сфокусировать внимание на возникшей проблеме и предложить пути её решения, используя информационные технологии, является одной из ключевых компетенций ученого-инженера. Зная специфику механизмов формирования данных способностей, современный преподаватель выступает не в роли «транслятора» знаний, а наставником, помогающим выстроить индивидуальную образовательную траекторию своего ученика. Тем самым задача преподавателя – не столько «научить», а вызвать и поддержать интерес у своего ученика к изучаемому предмету.

Можно констатировать, что информационные технологии повлияли на трансформации образа мышления, формируя общественное мнение. Благодаря образовательным онлайн-платформам каждый обучающийся может выбрать курс на заинтересовавшую его тему, и в ходе сетевых дискуссий высказать своё мнение, видение по обсуждаемой проблематике, и в силу этого повлиять на изменения существующих норм.

Во время обучения вуз должен не столько осуществлять трансляцию знаний, а акцентировать внимание на формировании специалистов высокого уровня, способных демонстрировать систему профессиональных знаний, умений, навыков и креативных способностей. «С помощью системы образования в стране осуществляется интериоризация общезначимых ценностей в сознании индивидов» [6, с. 24], обусловливая ситуацию, при которой в формировании личности инженера на первый план выходят уже не «hard skills» – профессиональные навыки, которые получает студент при образовательной деятельности, и не личные компетенции – «soft skills». В системе инженерных навыков диалектически дополняют друг друга экзистенциальные навыки (применяемые универсально на протяжении всей жизни) и кроссконтекстные навыки (выпускник технического вуза за время обучения должен сформировать ценностные ориентации, понимать смыслы своей деятельности и уметь транслировать их).

В рамках изучения философии происходит понимание когнитивного потенциала ведущих методов современной науки, принципов формирования научных гипотез и критериев выбора теорий, осуществляется выявление сущности научного познания и осознание специфики научного творчества, взаимодействия науки и техники с производством и другими областями культуры. Философия реализует потребность в выработке сценария принятия эффективных управленческих решений и осуществляет творческое преобразование действительности.

Каждый человек способен достичь успеха в нескольких направлениях деятельности, либо в конкретном выбранном им направлении. Генетически в каждой личности заложены определенные задатки, которые раскрываются в определенный исторический момент (по М. Веберу), под воздействием каких-либо факторов, в силу обстоятельств и под влиянием общества они могут меняться на протяжении всей жизни: «Задатки каждого человека являются в высшей степени специфическими, уникальными, поскольку, как утверждает генетика, для человека характерен гигантский генетический полиморфизм» [7, с. 349].

В то же время необходимо понимать, что трансформация экосистемы образования неизбежна в силу того, что согласно теории поколений на смену поколения X и Y приходят поколение Z и «Альфа» («А»), имеющие свои специфические признаки. Поэтому в современном отечественном инженерном образовании необходимо применять конвергентные и трансформационные модели философии, а в процессе преподавания использовать методы геймификации.

Особую роль в инженерном образовании принадлежит медиафилософии, позволяющей корректировать одну из особенностей поколения Z – клиповое мышление, под которым традиционно понимается «особенность человека воспринимать мир посредством короткого, яркого посыла, воплощенного в форме либо видеоклипа (отсюда и название), либо теленовостей» [8, с. 111]. Более того, медиафилософия осуществляет возможность следования принципу «обучения через всю жизнь», формируя вектор развития образовательных траекторий, где на первый план выходит способность самообучения и самообразования.

Цифровизация образования способствует повышению качества подготовки технического специалиста. Результатом интеграции современных информационных технологий и педагогических методик является Массовый открытый онлайн курс (МООК) «Медиафилософия в системе современного инженерного образования» (Т.В. Дягилева, И.С. Кальва), разрабатываемый в Тюменском индустриальном университете. Данный авторский курс ориентирован на понимание слушателями специфики генезиса медиафилософии как социокультурного феномена, ее природы, структуры и функций. Основной акцент в рамках курса сделан на ключевые понятия медиафилософии, такие как «медиакультура», «ме-

диаобщество», «интернет», «инженерное образование», «субъект медиафилософии», «текст», «язык» и «ценность». В рамках дисциплины «Философия и методология науки», который успешно прошел апробацию в Высшей инженерной школе EG ТИУ, для магистрантов, обучающихся по профилю «Цифровая трансформация региона», профессор Т.В. Дягилева разработала и апробировала курс, где особый акцент был сделан на анализ динамики формирования и механизмов трансляции технознания, поскольку генезис технознания составляет интерес в области изучения философии и методологии науки у будущих инженеров.

Более легкому и интенсивному усвоению учебного материала способствует введение элементов геймификации в образовательный процесс. Геймификация помогает раскрыть внутренний потенциал обучающегося, она увлекает своим содержанием и непредвиденным результатом, при достижении которого субъект получает дополнительные компетенции. К.Г. Рожко, исследуя соотношение деятельности и игры убежден, что «игровое взаимодействует с эстетическим» [9, с. 61], так как «Внедрение в деятельность игрового момента сопровождается и поддерживается её эстетизацией, психологизацией, онаучиванием» [9, с. 61]. Наряду с элементами геймификации в современном образовании получила распространение практика создания лендинговых страниц, что способствует экспертной оценке результата учебно-игровой деятельности.

Таким образом, современное высшее техническое образование требует внедрения новых методик и подходов в образовательный процесс, в силу того, что образовательная компонента направлена на воспитание инженеров новой формации, а век цифровизации и информационных технологий способствует созданию эффективных образовательных технологий для формирования нового типа ученого-инженера.

Литература:

1. Корнеенков С. С. Образование – человеческая ценность: оценка качества образования и роль личности в образовании // Вестник ТГЭУ. - 2005. - № 4. - С. 1–6.
2. Корнилов И. П. Философия техники и гуманизация высшего технического образования // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. - 2012. - №10. - С. 81-96.
3. Якиманская И. С. Концепция личностно ориентированного образования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. - 2010. - № 5. - С. 36–40.
4. Черняков А. А. Инновационная роль философии в инженерном образовании // Сборник научных статей 8-ой Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития современного общества» / Отв. ред. Вертакова Ю. В., Горохов А. А. – Курск : Издательство: Университетская книга, 2018 г. – 297 с.- С. 279-282.
5. Новиков А. М. Н73 Развитие отечественного образования / Полемические размышления. – Москва : Эгвес, 2005. – 176 с.
6. Грехнёв В. С. Философия образования : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. С. Грехнёв. — Москва : Юрайт, 2016. — 311 с.
7. Основы инженерной психологии: Учеб. для техн. вузов/ Б.А. Душков, Б.Ф. Ломов, В.Ф. Рубахин и др.; Под ред. Б.Ф. Ломова. – 2-е изд., доп. и перераб.- Москва : Высшая школа, 1986. – 448 с.
8. Азаренок Н. В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120 - летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна «Психология человека в современном мире» / Отв. ред. А. Л. Журавлев. – Т. 5. «Личность и группа в условиях социальных изменений». - Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. - С. 110-112.
9. Рожко К. Г. Категория и принцип деятельности: монография / К.Г. Рожко. – Тюмень : РИЦ ТГАКИ, 2009. – 156 с.

Формирование российской государственной политики в системе образования

Карпова Любовь Ильинична

Московский государственный технический университет гражданской авиации, профессор, кандидат исторических наук

karli93@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные этапы становления российской государственной политики в системе образования. Показано, что в период правления Петра I начинается модернизация, охватившая все сферы жизни российского общества. В эти годы в государстве появляется острая потребность в образованных специалистах. Отвечая на вызов времени, император создаёт разветвлённую систему школ, приглашает в Россию из-за границы профессоров; создаёт школы, гимназии, университеты. В годы правления императрицы Екатерины II образование становится сферой государственного регулирования. В XIX веке в России сложилась единая образовательная система. Особое внимание уделяется курсу образовательной политики после Октябрьской революции, когда впервые была создана новая советская система образования, базировавшаяся на марксистско-ленинской концепции, В этот период образовательная политика была направлена на совершенствование подготовки научно-педагогических кадров, создание новых учебных программ, внедрение в учебный процесс форм работы, соответствовавших требованию времени.

Ключевые слова: образовательная система, реформа, государственная политика, образование, светская школа, единая трудовая школа.

Formation of the Russian state policy in the education system.

Karpova Lyubov Ilyinichna

Moscow state technical University of civil aviation

Abstract. The article analyzes the main stages of formation of the Russian state policy in the education system. It is shown that during the reign of Peter I, modernization began, covering all spheres of life of Russian society. In these years, there is an urgent need for educated specialists in the state. Responding to the challenge of time, the Emperor creates an extensive system of schools, invites professors to Russia from abroad; creates schools, gymnasiums, universities. During the reign of Empress Catherine II, education became a sphere of state regulation. In the nineteenth century, Russia developed a unified educational system. Special attention is paid to the course of educational policy after the October revolution, when it was first created by the new Soviet system of education, based on Marxist-Leninist concept, In this period, educational policy was aimed at improving the training of teaching staff, creation of new curricula, introduction in educational process of new forms of work, conform to the requirement of the time.

Keywords: educational system, reform, state policy, education, secular school, unified labor school.

В период правления Петра I формируются предпосылки становления государственной политики в сфере образования. Потребность в образованных специалистах вызвала модернизация, начатая императором, и охватившая все сферы жизни российского общества. В государстве была создана разветвлённая система школ, включая высшую. Первым светским государственным учебным заведением в России стала, основанная Петром I в 1701 году, Школа математических и навигационных наук.

Петровские реформы светской направленности, создание гимназий, университетов в Петербурге и Москве, основание Академии наук, закрытых дворянских учебных заведений, школьные реформы с попыткой создания государственной системы народного образования, государственное поощрение развития просветительских педагогических идей – это далеко полный перечень государственной активности в развитии просвещения в XVIII веке. [1].

Просветительская деятельность императрицы Екатерины II была направлена на формирова-

ние новой образовательной политики. Она привлекла для этой цели И.И. Бецкого, который много лет провёл во Франции, лично встречался с французскими просветителями, знакомился с учреждениями просветительного характера. Он подготовил Екатерине II доклад об общей перестройке в России дела образования и воспитания и стал её главным помощником. Доклад был опубликован в 1764 году под названием « Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» и получил силу закона. В период правления Екатерины II образование становится сферой государственной координации. Указом от 12 марта 1764 года были заложены основы общеобразовательной средней школы и женского образования, созданы дворянские закрытые привилегированные учебные заведения.

В XIX веке в России были проведены крупные реформы в области образования. В стране был основан главный государственный орган управления образованием – Министерство народного просвещения (первое в Европе) в ведение которого вошли высшие, средние и низшие учебные заведения, Академия наук, типография, цензура. Административная система управления образованием, сложившаяся при императоре Александре I, сохранялась до 1917 года. Задача образования получила организационное оформление и была по значимости приравнена к основным отраслям управления – армии, финансам, иностранным и внутренним делам. Министерство сформировалось как единый центр учебных и культурно-идеологических государственных институтов. Были созданы 6 учебных округов, в которых все звенья начального и среднего образования замыкались на университеты и подчинялись им. 5 ноября 1804 года опубликованы «Устав университетов Российской Империи» и «Устав учебных заведений, подведомственных университетам». Принятие данных актов означало приобретение системой университетского образования и науки официального правового статуса [2].

В царствование Николая II усиливается государственный контроль над деятельностью университетов, их программы корректируются в практическую сторону. Таким образом, от эпохи Петра I и до начала XX века в стране была создана многочисленная сеть учебных заведений, на базе которых возникла российская наука.

После Октябрьской социалистической революции 1917 года в советской России был взят курс образовательной политики на ликвидацию сословности, утверждение светскости образования, отделение школы от церкви, ликвидацию безграмотности и коренное изменение содержания обучения и воспитания. Впервые была основана принципиально новая, советская система народного образования. Новая образовательная политика формировалась на основе Декларации о единой трудовой школе. В течение 1918 года в Государственной комиссии по просвещению под руководством А.В. Луначарского, Н.К. Крупской и П.Н. Лепешинского велась разработка «Основных принципов единой трудовой школы» и «Положения о единой трудовой школе». 30 сентября 1918 года был подписан декрет ВЦИК «Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». В этом документе подчёркивалась связь школы с практикой как важнейший принцип советской педагогики. Особое внимание «Декларация» уделяла вопросам демократизации школы: устанавливались общедоступность и бесплатность школы всех ступеней, ставилась задача введения всеобщего обязательного начального обучения, создавалась единая многоступенчатая система образования. Была сформирована совершенно новая советская образовательная система, базировавшаяся на марксистско-ленинской концепции образования, обучения и воспитания. Вместо многочисленных типов школ, существовавших в дореволюционной России, вводилась единая трудовая школа с девятилетним сроком обучения. Развернулась большая работа по открытию школ для нерусского населения, началась борьба с неграмотностью.

В 1921-1922 гг. советская школа пережила тяжелейший кризис: в условиях голода и разрухи её финансирование было переведено на местные средства, труд учителей не оплачивался, резко сократилась школьная сеть. С 1923 года финансирование системы образования восстановилось, но по «остаточному принципу»: средства шли на восстановление хозяйства. Основные достижения образовательной политики этого периода уникальны и неповторимы в истории развития образования: введение всеобщего обучения ; движение за ликвидацию неграмотности; борьба с беспризорностью; распространение обучения на национальных языках; создание десятков новых письменностей и издание учебников; привлечение к педагогической деятельности лучших представителей дореволюционной интеллигенции.

С конца 1931- начала гг. начинается новый этап советской образовательной политики, главным приоритетом которой стала забота о создании высшего технического образования. В этот период вводится всестороннее централизованное управление и централизованный контроль в сфере образования.

Вся деятельность школы, в том числе содержание образования, были подвергнуты унификации и жёсткой регламентации. Создаются единые обязательные программы и учебные планы, единые стабильные учебники, вводится обязательная школьная форма, скопированная с гимназической. В советской России наука о воспитании стала делом государственной важности.

Образовательная политика была направлена на совершенствование подготовки научно-педагогических кадров и комплектование ими учебных заведений, обновление учебных планов и программ, внедрение в учебный процесс непрерывной производственной практики. Результатом такой политики стало образование, которое обеспечило подъём экономики и науки, победу в Великой Отечественной войне, устойчивость и качество самой образовательной системы.

Литература:

1. Андреева И.Н., Буторина Т.С. История образования и педагогической мысли в России и за рубежом. М.: Академия, 2006. 432с.
2. Жуков В.И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы. М.: Союз, 2001. 843с.
3. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века. – 3-е изд./ А.И. Пискунов и др. – М.: Сфера, 2017. 490с.
4. Шпаковская Л.П. Политика высшего образования в Европе и в России. – Спб.: Норма, 2007. 328с.

Философия в техническом вузе и преодоление последствий функциональной неграмотности

Ким Флора Сергеевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)». Бронницкий филиал. Кафедра гуманитарных и экономических дисциплин, доцент

kim_flora_s@list.ru

Аннотация: В докладе рассматривается вопрос о роли философии как учебной дисциплины в формировании компетенций XXI века в техническом вузе. Докладчик считает, что в технических вузах снова наблюдается отношение к социальным и гуманитарным дисциплинам, в том числе к философии, как к второстепенным, как со стороны администрации вузов, преподавателей естественнонаучных и инженерных дисциплин, так и со стороны студентов. Положение усугубляется тем, что в современных условиях стремительно распространяется функциональная неграмотность. Именно при изучении философии последствия функциональной неграмотности становятся ярко выраженными и очевидными, они не позволяют студентам осознанно использовать преимущества современных способов сохранения и трансляции знаний. Для преодоления этих последствий необходима большая и кропотливая контактная работа студента с преподавателем. Но этому отводится все меньше времени в учебных планах. Развитие навыков медленного осознанного чтения, анализа и отбора информации, выявления и формулирования разных точек зрения, которое предполагает изучение философии – необходимая предпосылка для формирования специалиста любой профессии.

Ключевые слова: компетенции XXI века, философия как учебная дисциплина, функциональная неграмотность, медленное чтение

Philosophy in a Technical University and Overcoming Functional Illiteracy Consequences.

Flora S. Kim

Moscow Automobile and Road State Technical University. Bronnitsy Brach. Department of Classical and Economic Disciplines

Abstract. The report is devoted to the role of philosophy as an educational discipline in the shaping of 21st Century competencies in a technical university. The speaker believes that in technical universities, the attitude towards social and humanitarian disciplines, including philosophy, is becoming as less important again, both from the administration of universities, teachers of natural sciences and engineering, and from students. The situation is aggravated by rapid dissemination of functional illiteracy in modern conditions. It is when studying the philosophy that the consequences of functional illiteracy become evident and obvious, and they do not allow the students to take advantage of the advanced knowledge storage and translation methods deliberately. It takes hard and thorough contact work between the student and the tutor. But nowadays less time is given for it in the curriculum. Development of slow conscious reading, information analysis and selection of information, identification and formulation of the point of view, which involves the study of philosophy, is the necessary prerequisite for a specialist in any profession.

Key words: 21st Century competencies, philosophy as an educational discipline, functional illiteracy, slow reading

В условиях четвертой технологической революции одной из основных задач образования является развитие необходимых для успешной и эффективной жизни гибких навыков, компетенций XXI века: критического мышления, креативности, коммуникации и координации [1; 2]. И именно гуманитарные и социальные дисциплины, особенно философия, призваны вырабатывать и развивать эти навыки у студентов. Как справедливо указывает В. В. Миронов «одна из центральных задач современного преподавателя – во-первых, хорошо разбираться в мире информации, а во-вторых – выполнять мировоззренческую коррекцию. И это труднее, чем раньше» [3, с. 28].

В разные периоды исторического развития культура имеет отличительные черты. В начале XXI века очевидны социальные изменения, связанные с широким распространением информационных технологий, резкий рост информационного обмена. Одним из последствий этого процесса является противоречие между безграничными возможностями быстрого доступа к информации и отсутствием умений эффективного поиска, понимания, оценки и использования информации, стремительным распространением функциональной неграмотности [4]. И в нашей стране эта проблема стала очевидна, так, министр просвещения О. Ю. Васильева в июле 2018 г., заявила, что «от 22 до 25% населения страны не владеют функциональным чтением» [5]. Быстрый доступ к информации не означает умения ее осознанно воспринимать, современные форматы подачи информации приучают к поверхностному восприятию, главным становится не знание, а информированность, эрудиция; не содержание, а форма, которая позволяет привлечь внимание в бесконечном информационном потоке; не текст, а визуальный ряд или мем, броское выражение.

С проявлениями этой печальной тенденции неизбежно сталкиваются и преподаватели вузов. Поступление в вуз по результатам ЕГЭ не является гарантией хорошей подготовки. Проблема усугубляется тем, что объем часов, выделяемых на освоение дисциплин социально-гуманитарного цикла, все время уменьшается. Когда в 90-х годах XX века многие технические институты боролись за статус университета, дисциплинам социально-гуманитарного цикла уделялось большое внимание. Когда же этот статус был получен, то ползучим образом стал уменьшаться объем часов, особенно аудиторных. Стали меняться и требования к формам отчетности студентов: экзамены заменялись сначала на дифференцированные зачеты, а потом и на обычные зачеты. Утрачены такие достижения реформы образования 90-х годов XX века, как непрерывная, логически обоснованная последовательность изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла. Особенно это заметно при рассмотрении учебных планов подготовки бакалавров, когда в лучшем случае, изучение социально-гуманитарных дисциплин переносится на первые два курса, в худшем – резко сужается перечень этих дисциплин. Перенос акцента при изучении социально- гуманитарных дисциплин на внеаудиторную, самостоятельную работу студентов снова возвращает к вопросу о функциональной неграмотности.

Неумение понять смысл текста, даже текста учебника – одно из главных препятствий при освоении социально-гуманитарных дисциплин, особенно философии, в технических вузах. Многие студенты первых курсов не умеют писать рефераты, подготовить доклад, не понимают что такое плагиат, не в состоянии выражать свои мысли в письменной форме [6] и, следовательно, не могут использовать преимущества современных способов трансляции и сохранения знаний, предоставляемых Интернетом. Самостоятельно преодолеть подобные проявления функциональной неграмотности студент не может, необходима большая и кропотливая контактная работа с преподавателем, на которую отводится все меньше времени в учебных планах. Некоторые исследователи тенденций развития образования приходят к шокирующему выводу, что происходит разделение обучающихся на аудиторию «одной кнопки» - «идеальных потребителей» и «элиту образовательного процесса», которые будут ими управлять [7; 8]. Развитие навыков вдумчивого, осознанного, медленного чтения сложных текстов, работы с информацией, критического отношения к ней, выявления и формулирования разных мировоззренческих позиций и мнений, которые вырабатываются в процессе изучения философии, является необходимой предпосылкой для формирования современного специалиста любой профессии.

Пониманию значимости изучения в техническом вузе дисциплин социально-гуманитарного цикла, преодолению «технарского снобизма» препятствует и разобщенность среди самих гуманитариев. Часть из них, несмотря на реалии последних десятилетий, до сих пор остается на позициях ярко выраженного европоцентризма, который определяет их снисходительное отношение к работе коллег. В связи с легким доступом к любой информации встает и еще одна проблема, а именно – превращение профессиональных дискуссий в информационный повод для сенсации, а сенсация – один из широко распространенных методов манипуляции. Так, например, в статье И. Дементьева [9] в качестве одной из главных практик критического восприятия информации справедливо называется установление источников цитат и разоблачение фейков. Как один из примеров якобы фальшивой цитаты приводится высказывание Клода Леви-Стросса «XXI век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вовсе». Но исследование, проведенное в сети Интернет и легко проверяемое, другим историком – М.

Кисилевым [10], приводит к другому выводу: впервые этот афоризм, немного изменив, на русском языке приводит известный ученый Вячеслав Всеволодович Иванов [11, с. 84]. А предисловие К. Леви-Стросса к книге Берндт К. Х. (Berndt C. H.) завершается строками «XXI век будет веком социальных наук – или его не будет»[12]. Вывод о фальшивости цитаты К. Леви-Стросса не является корректным, но используется для заявления об окончательной дискредитации гуманитарных наук в России. В ответ на эти справедливые претензии «одного из пользователей Гугла» И. Дементьев переводит обсуждение в сторону узкопрофессиональной дискуссии о разнице в понимании смысла понятий «социальные» и «гуманитарные науки» в разных языках и у Леви-Стросса и возможном контексте этой цитаты [13]. На этом примере можно показать и то, что в сети Интернет не может быть полной информации. Так, И. Дементьев при обосновании «фейковости» цитаты Леви-Стросса ссылается на мнение М. Энафа, исследователя творчества Леви-Стросса, высказанное в частной переписке. Сомнение аргументируется схожестью этого высказывания с «другим, которое приписывали Андре Мальро: “XXI век будет религиозным или его не будет”» [9]. Но такая схема предложений часто используется французскими авторами еще в конце XIX в., например, и Ш. Пеги, который заявлял, что «”социальная революция будет моральной или ее не будет вовсе”, перефразируя фразу Э. Золя» [14, с.17], но для того, чтобы это узнать – надо читать их тексты, не представленные в сети.

Литература:

1. Брун И. В. Измерение компетенций XXI века // XIV международная научно-практическая конференция «Тенденции развития образования». Московская высшая школа социальных и экономических наук. Москва. 16 –18 февраля 2017. URL: https://ioe.hse.ru/monitoring/4k/monitoring/materials
2. What Are 21st Century Skills? URL: https://www.aeseducation.com/career-readiness/what-are-21st-century-skills
3. Миронов В. В. Факультет неслучайных людей. М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. URL: https://independent.academia.edu/VMIRONOV
4. Кость И. Функциональная неграмотность как вызов непрерывному образованию // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2015. N.13. С. 451–453. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-negramotnost-kak-vyzov-nepreryvnomu-obrazovaniyu
5. https://tass.ru/obschestvo/5413075 (ТАСС: новости в России и мире)
6. Крамер Д. Как устроен рынок курсовых «на заказ». Заказы от родителей и все остальное URL: https://mel.fm/blog/dasha-kramer/85162-kak-ustroyen-rynok-kursovykh-na-zakaz
7. Еврезов Д. В., Майер Б.О. «Образование 2030» – вызов системе образования. 1. Форсайт образования – план создания «людей одной кнопки»? // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 118–132. URL: http://en.sciforedu.ru/article/1012
8. Четверикова О. Судьба российского образования. 6.11.2017 // URL: http://russnov.ru/olga-chetverikova-sudba-rossijskogo-obrazovaniya/
9. Дементьев И. Труд заглянуть в первоисточник. Фальшивые цитаты и фальшивые репутации: российский гуманитарий и бритва Оккама // Гефтер. 22.10.2014. URL: http://gefter.ru/archive/13367
10. Кисилев М. Юрнал, сиречь записка поденная // URL: https://mih- sanych.livejournal.com/8786.html
11. Иванов В. В. Клод Леви-Стросс и структурная антропология // Природа. Москва: Наука. 1978. No.1. С. 77–89. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/%27%27Priroda%27%27/_%27%27Priroda%27%27.html#1978 12. Berndt Catherine H. Women’s changing ceremonies in northern Australia. Paris: Hermann, 1950. URL: https://books.google.ru/books/about/Women_s_Changing_Ceremonies_in_Northern.html?id=wb2AAAAAMAAJ&redir_esc=y
13. Дементьев И. Труд заглянуть в первоисточник – 2 // Гефтер. 3.12.2014. URL: http://gefter.ru/archive/13723
14. Тайманова Т. С. Шарль Пеги // Пеги Ш. Наша юность. Мистерия о милосердии Жанны Д ‘Арк / пер. с фр. Е. А. Легоньковой и Е. Н. Джунусовой. М.: Наука, 2001, с. 5 – 63.

Легитимность политической власти

Мещерякова Л.Я.

Московский государственный технический университет гражданской авиации. Кандидат философских наук, доцент

E-mail: Lilya44@inbox.ru

Аннотация: В статье актуализируется проблема легитимности политической власти как основного ресурса, определяющего ее устойчивость и стабильность. Автор, характеризуя легитимность как концепт, раскрывает смысловое значение понятий:» легальность», «авторитет», «доверие», которые пересекаются с легитимностью, но не тождественны ей. Обосновывается положение об эффективности власти как наиболее значимом ресурсе в приобретении властью легитимности.

Ключевые слова: концепт, легитимность, легальность, авторитет, доверие, эффективность власти.

The legitimacy of political power.

Mescheryakova L.Ya.

Moscow State Technical University of Civil Aviation

Abstract: The article actualizes the problem of the legitimacy of political power as the main resource that determines its stability and stability. The author, characterizing legitimacy as a concept, reveals the semantic meaning of the concepts: “legality”, “authority”, “trust”, which intersect with legitimacy, but are not identical to her. The author substantiates the provision on the effectiveness of power as the most significant resource in the acquisition of legitimacy by the authorities.

Key words: concept, legitimacy, legality, authority, trust, power efficiency, acquisition of legitimacy by the authorities.

Процесс формирования концепта легитимности, начатый в эпоху становления национальных государств, продолжается и в наше время. Концепт (от лат. conceptus - собрание, восприятие, зачатие) - это феномен в котором раскрывается смысл проблемы в единстве его речевого высказывания. Первый, кто закладывает основы осмысления концепта легитимности власти, как основополагающего её свойства стал М. Вебер.

Исследуя феномен власти, М. Вебер пришел к выводу, что в зависимости от доминирующих мотивов поддержки населением политического нормативного порядка, политическая власть получает внутреннее оправдание господства и внешние средства своей опоры. Легитимность, по мнению М. Вебера, определяет качество взаимоотношений, властвующих и подвластных, что находит отражение в добровольном признании права власти управлять (господствовать), а другим - подчиняться ее требованиям. [1, с. 646]

По Веберу содержание социальных отношений можно назвать «порядком», обладающим легитимностью в том случае, если властвующие и подвластные ориентируются на определенные максимы, которые значимы для поведения индивида, служат ему образцом, достойным для подражания. Именно данное обстоятельство в большей степени определяет вероятность ориентации поведения на существующий порядок. [2, с. 637]

Таких максим три: традиции (обычаи), харизма и рационально-легальное. Именно эти максимы обеспечивают признание сложившегося в обществе политического порядка, как естественного, нормального, привычного. [3, с. 639-640]

Гарантия легитимности власти обеспечивается также ожиданием граждан последствий деятельности политических институтов, исполнений функций политической системы в целом. Это подтверждают исследования С. Липсета, который следующим образом определяет феномен легитимности, как «способность системы создать у людей убеждение о том, что существующие политические институты являются наилучшими из возможных для общества». [4, с. 43]

Таким образом, можно выделить следующие сущностные признаки легитимности:

- признание власти большинством общества;

- принятие её большинством, как правомерной и справедливой;

- наличие у власти авторитета.

Тем самым легитимность обеспечивает добровольное согласие граждан подчиняться власти, что в свою очередь позволяет власти поддерживать порядок и стабильность без применения прямого принуждения и насилия, тем самым расширяя свою социальную опору.

Исследуя концепт легитимности власти, необходимо обратить внимание на смысловое содержание таких понятий, как «легальность», «авторитет», «доверие». Они пересекаются с легитимностью, но не тождественны ей.

Легальность власти – её формальное соответствие законам страны, прежде всего Конституции. Это формальное, правовое описание власти. Легальность устанавливают сами институты власти.

Легитимность же оправдывает существование власти не с формальных юридически-правовых позиций, а с позиций общественного согласия большинства граждан с действиями власти. К. Шмитт в работе «Легальность и легитимность» отмечал, что сама по себе законность ничего не значит, дефицит легитимности не компенсируется усилением законности. [5, с. 83-85]

Формальная, т.е. законная власть должна приобрести ещё легитимность, обеспечить её легитимизацию с помощью культурных, символических и ценностных механизмов, на основе которых возникает общественное согласие с действиями власти, а сама власть в результате этого приобретает авторитет. Следовательно, легальность и легитимность взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга: легитимность, как общественное согласие, получает законодательное закрепление на осуществление властвующими своих властных функций.

Авторитет – это тип, разновидность, форма осуществления власти, что находит выражение в способностях, властвующих направлять действия мысли, чувства граждан, не прибегая к прямым насильственным мерам. Авторитет власти означает признание подвластными права на принятие властного ответственных решений. Авторитет отражает отношение общества к власти, раскрывает способность власти выявлять, концентрированность и усиливать аспекты общего согласия. Но это не исключает право авторитетной власти принимать достаточно жесткие меры принуждения по отношению к тем, кто нарушает конвенциональное согласие власти и большинства общества. Это право обусловлено авторитетом власти, т.е. её легитимностью.

Доверие является исходной формой легитимности. А. Гидденс, характеризуя доверие, отмечал, я что ему присуще уверенность в надёжности личности или системы относительно данного комплекса последствий или событий, честность, уверенность в правильности принципов принимаемых действий. Доверие отражает прежде всего позитивное от отношения к власти. Но оно всегда ситуативно, как правило, отражает эмоциональное отношение граждан к действию не самого политического института, а определенного руководителя этого института. Зачастую недовольство и протест (недоверие) относится лишь к действиям политического режима, а не к его легитимности.

Тем не менее доверие во многом опосредует порог легитимности. Западные социологи по результатам социологических исследований пришли к следующему выводу: если более 30% населения доверяют существующей власти – она легитимна; менее 30% – власть должна уйти в отставку.

Эффективность играет наиболее значимую роль в приобретении властью легитимности.

С. Липсет под эффективностью власти понимал реальную работу политической системы, т.е. уровень исполнения её основных функций в соответствии с представлениями, ожиданиями большинства членов общества и важнейших социальных групп, в том числе и тех, которые могут угрожать системе.

Эффективность власти проявляется в её способности адаптироваться к новым требованиям со стороны окружающей социальной среды, способность к мобилизации ресурсов на достижение социально-значимых целей, решать ключевые проблемы, исторически разделявшие общество, а также способность обеспечивать поддержку со стороны большинства общества. [6, с. 43-44]

Важнейшим критерием эффективности власти является то, насколько власть в своих действиях способна выполнить то, что она обещала сделать, так и то, насколько её действия соответствовали ожиданиям общества. В этом случае власть получает общественную поддержку общества. Таким образом, эффективность – это прежде всего инструментальный параметр легитимности власти: неэффективная власть может быстро утратить свою легитимность.

Итак, легитимность власти – это согласие основной части населения добровольно подчиняться носителям власти, признание сложившегося порядка осуществления политической власти, как правильного, законного, нравственно оправданного. Концепт легитимности власти включает понятия легальность, авторитет, доверие, эффективность.

Литература:

1. Вебер М. Избранные произведения. – М.:1990, с.646.
2. Вебер М. Избранные произведения. – М.:1990, с.637.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М.:1990, с.639-640.
4. Липсет С.М . Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность. (Перевод). – Camb.:2012, с.43.
5. Шмитт К. Легальность и легитимность / Социологическое обозрение. – М., 2013. - Т.12. - №13. - С.83-85.
6. Липсет С.М. Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и политическая легитимность. (Перевод). – Camb.:2012, с.43-44.

Философское образование в период «кризиса сознания» современного мира.

Минаев Д. Н.

Старший преподаватель кафедры «философия и культурология» РУТ (МИИТ)

minaev.klim@mail.ru

Аннотация: Вашему вниманию представлен ряд соображений относительно роли философского образования в современном мире. С точки зрения автора, характерной чертой современной информационной цивилизации является постепенная утрата ответственного и аккуратного подхода к взаимодействию со смысловыми структурами. Метафорически это можно назвать «кризисом сознания современного мира». В связи с развитием этого кризиса возникает особая необходимость в качественном философском образовании, так как именно в рамках данной отрасли знания закладывается культура мышления, которая наиболее направленно формирует в человеке причастность к разумности. Также рассматриваются специфика и задачи философского образования в рамках растущей информационной нагрузки и те сложности, которые неизбежно возникают при транслировании философских знаний в педагогическом процессе. В этой связи рассматривается вопрос отличий философской традиции от философского направления.

Ключевые слова: философия, образование, кризис, смысл, разумность, учебная дисциплина, знание, культура

Philosophical education during the “crisis of consciousness” of the modern world.

Minaev D.N.

RUT (MIIT), Philosophy and Culturology” Department

Abstract: The article regards to the role of philosophical education in the modern world. From the author’s point of view, the characteristic feature of modern information civilization is the gradual loss of responsible and accurate approach to interaction with semantic structures, metaphorically this can be called “the crisis of consciousness of the modern world”. The development of this crisis creates a special need for high-quality philosophical education, since within this branch of knowledge the culture of thinking is being formed, which directly stimulates the work of conscious. The specifics and tasks of philosophical education are also considered in the framework of the growing information load and the difficulties that inevitably appear in the process of transferring the philosophical knowledge.

Keywords: philosophy, education, crisis, sense, rationality, academic discipline, knowledge, culture

Обратив внимание на философское образование в современном мире с исследовательской и педагогической точек зрения, можно вывести ряд важных соображений относительно тех ролей, которые философия исполняет на данный момент. Первое соображение связано с оценкой и осмыслением состояния духа современности, и как этот дух отражается на гуманитарных дисциплинах и, в частности, философии. Эта роль определяется предназначением всей системы образования, которая отвечает за инкультурацию подрастающего поколения. Сам этот процесс вхождения подрастающих членов общества в общечеловеческое интеллектуальное пространство является результатом движения западного «Просвещения», влияние которого распространяется за рамки европейской культуры, создавая тем самым условия для формирования глобальной цивилизации. Большинство достижений западной цивилизации связаны именно с выстраиванием систем, способных сохранять результаты познавательной деятельности и социальный опыт. К ним относится и система образования, так как учитывая короткий срок человеческой жизни и ее превратность, нет более надежного способа сохранить полученные знания, обладающие общечеловеческой ценностью, чем передача опыта одним поколениям к другим. Унифицированная схематизация этого процесса приводит к формированию из науки или сферы гуманитарного знания, построенных на непосредственном исследовании мира, системной выжимки, отражающей логику и методы данных отраслей познания, которые и изучаются в учебных заведениях как конкретные дисциплины. В рамках университетского курса, возможно

познакомить студента с философией только как системой дисциплинарного знания, но философия представляет собой предмет со специфической культурной телеологией. Он требует развития в человеке способности к особому типу мышления, который не формируется кумулятивным освоением учебного материала. Тем не менее, именно существование подобной формы разумности имеет высокое значение для интеллектуальной культуры человечества, так как именно в этой способности раскрывается ее высший и при этом фундаментальный потенциал. Более того, причастность к разумности является родовым определением людей как вида homo sapiens sapiens; мы изначально склонны развивать наши когнитивные навыки и познавать внешний и внутренний мир, что выливается в развитие науки и философии.

В наше время шквала растущей информации и хаоса мышления, когда сама интеллектуальная культура теряет свои адаптирующие и «облагораживающие» влияния на становление единичной личности, существует особая потребность в «гигиене внимания» и ответственном отношении к работе со смыслами. Надо заметить, что философия, отражающая в себе дух эпохи, зараженная «вирусом» постмодернизма и деконструкции подчас вместо оздоровления, систематизации и сохранения «логоса», закручивает и втягивает человеческий ум в атмосферу собственного кризиса смысла, искусственной неопределенности, размытости границ и всего того, что так свойственно разложению, гниению и отмиранию разумности. Несмотря на это, именно в такое время особенно недальновидно и ошибочно не понимать значения института философского образования, как для индивидуального развития личности, так и для гармоничного развития общества в целом.

Как образовательная дисциплина философия должна играть ряд ролей, которые недоступны ни одному из гуманитарных предметов. Во-первых, философия — это интеллектуальная связь эпох, соединяющая ткань времени преемственностью мысли, что делает возможным передачу интеллектуального опыта от лучших умов своего времени к будущим поколениям людей. Во-вторых, философия, наряду с художественными искусствами, играет роль зеркала, в которое «смотрится эпоха» для определения своего уникального характера, слагающегося из системы смыслов и ценностей, наиболее востребованных человеческими душами в данное время.

Таким образом, философия как часть интеллектуальной культуры должна выполнять две важнейшие задачи, необходимые для гармоничного существования во времени и роста общественного духа: первая представляет связь прошлого через рефлексию с настоящим, а вторая требует осмысления настоящего для существования смысла в будущем. Можно построить ряд мысленных экспериментов, для иллюстрации того, что может быть, если философия «испарится» или «иссякнет», и эти функции перестанут реализовываться. Очевидно, что это грозит «ренессансом наоборот». Истощение философии как гуманитарной силы грозит падением в состояние общественного невежества. «Невегласием» Шпет называл состояние русского общества до проникновения в его пространство философских наук. Нам и сейчас далеко до того уровня культуры философского мышления, о котором он в свое время мечтал, но полная утрата того, что у нас есть представляется пугающей, но весьма вероятной перспективой. В первую очередь это связано с превращением изучения философских дисциплин в рутинное заучивание мертвого знания с расчетом на то, что сам этот процесс приведет к развитию культуры мышления. Само содержание философских идей имеет относительную ценность, если оно транслируется схематично по шаблону вне живого контекста первоисточника, личности мыслителя и духа эпохи. Отсутствие достаточной философской рефлексии может грозить не просто исчезновением полезной отрасли знаний, а возвращением самого темного «невегласия», которое только можно себе представить. Это состояние нового невежества может оказаться еще более одиозным, так как оно будет слагаться уже не из примитивной простоты души человека средневекового, а из извращенного сознания «последних людей».

Но кроме глобальной общекультурного значения, философия имеет измерение индивидуальное, связанное с формированием интеллектуальной дисциплины личности и сознательным выбором своего духовного пути. Надо заметить, что именно в этом аспекте философия серьезно потеряла по сравнению с эрой своего античного рассвета. Во многом это было связано со становлением средневекового типа религиозности, когда философия позиционируется как «служанка богословия», а ее потенциал заимствуется христианской традицией, сохраняющей в себе долгое время наследие эллинизма и его этический потенциал. Именно через поглощение христианством философия исторически должна была пройти, чтобы раскрыть себя в качестве чистого знания. Но ее формирование как теоретической системы отвлеченных начал, которое достигает своего апогея в немецкой классике, лишило ее собственного практического элемента. Именно это отчасти приводит к тому, что философия как традиция превра-

щается в систему научных знаний и таким образом прямая передача духовного опыта от учителя к ученику по живой линии преемственности, заменяется философским направлением, причастность к которым определяется единством взглядов и методов познания, но не принадлежностью к духовной традиции. Вместе с этим уходит в прошлое институт живого философского диспута, и столкновение идей происходит исключительно в рамках литературной полемики.

Становление философии как строгой науки не лишено логического и исторического смысла, но оно не должно исключать возможности существования философии как искусства жизни и особого, не сциентисткого подхода к познанию реальности. Именно возрождение такого, несводимого без остатка ни к науке, ни к религии, подхода к постижению реальности особенно требуется в наше время. Надо понимать, что человек — это существо, не просто существующее в натуральной или социальной среде, но это существо, существующее в том числе в пространстве смыслов. Можно сказать, что человек «играет со смыслами», и эта игра и есть полноценное раскрытие его качеств. Потеря этой способности приводит к «кризису сознания» и утрате высших человеческих черт. Именно такой кризис явно читается над всей западной постхристианской цивилизацией, и возможным выходом из него является возрождение философии как практического знания. Возможно, этот выход подходит не для всех, но он точно необходим личностям, чувствующим свою причастность к разумности как к своей определяющей характеристике.

К вопросу о роли философии в техническом вузе

Мухлынкина Ю.В.

Российский университет транспорта, доцент кафедры «Философия и культурология». Кандидат философски наук

Muhlynkina-MIIT@mail.ru

Аннотация: в статье анализируется сложившаяся сегодня в отечественном образовании ситуация сокращения объема преподавания философии в технических вузах. Автор характеризует роль философии в образовательном процессе, показывается ее значение для подготовки инженерно-технических кадров. В системе вузовской подготовки философия не только способствует расширению гуманитарного кругозора студентов, но и формирует у них панорамное мышление, без которого невозможно подготовить высококвалифицированного специалиста и гармонично развитую личность. В связи с этим в статье рассматриваются вопросы о специфике инженерной профессии и инженерной деятельности, об ответственности инженера перед обществом. Философия создает интеллектуальный алгоритм для постановки и решения исследовательских, творческих, проектных, управленческих и коммуникативных задач, способствует предотвращению негативных последствий инженерной деятельности. Философия может помочь преодолеть наметившийся сегодня кризис инженерной мысли. Автор отстаивает необходимость сохранения курса на гуманитаризацию и гуманитаризацию высшего технического образования.

Ключевые слова: инженерно-техническое образование, инженерная деятельность, профессиональная культура, ответственность, гуманизация и гуманитаризация образования,.

On the question of the role of philosophy in a technical university.

Mukhlynkina Yu.V.

Russian University of Transport, Assoc. prof., Department "Philosophy and cultural science"

Abstract: The article analyzes the current situation in domestic education in reducing the volume of teaching philosophy in technical universities. The author characterizes the role of philosophy in the educational process, its importance for the preparation of engineering personnel is shown. In the system of university training, philosophy not only contributes to the expansion of the humanitarian horizons of students, but also forms their panoramic thinking, without which it is impossible to prepare a highly qualified specialist and a harmoniously developed personality. In this regard, the article discusses the specifics of the engineering profession and engineering activities, and the engineer's responsibility to society. Philosophy creates an intelligent algorithm for the formulation and solution of research, creative, design, managerial and communication tasks, and helps to prevent the negative consequences of engineering activities. Philosophy can help overcome the emerging crisis of engineering thought. The author advocates the need to maintain a course towards the humanitarization and humanitarization of higher technical education.

Keywords: engineering education, engineering, professional culture, responsibility, humanization of education.

Профессия инженера – уникальное явление в профессиональной иерархии, поскольку ни один другой специалист так не сочетает в своей работе «теорию» и «практику», «ученость» и «практичность». Во все времена большинство сфер и сторон жизни общества испытывало воздействие людей этой профессии. И тем более, при сегодняшних бурных темпах развития науки и техники их влияние только увеличивается. Увеличивается и ответственность, возлагаемая как на самих инженеров, так и на людей, причастных к их подготовке.

Сегодня деятельность инженера включает широкий круг обязанностей и направлений деятель-

ности. К примеру, инженер-строитель участвует в проектировании, строительстве, обслуживании, реконструкции и демонтаже железных дорог, мостов, гидротехнических сооружений, туннелей, трубопроводов, промышленных и гражданских зданий, электрических сетей, средств связи и сигнализации на транспорте, а также он задействован в планировании, управлении, обеспечении безопасности дорожного движения и эксплуатации созданных им объектов. Все это требует освоения большого объема знаний будущими специалистами в процессе их обучении в вузе. Бесспорно, на первом месте при подготовке инженера стоят дисциплины математического, естественно-научного и профессионального цикла. Но вызывает большие опасения то, что время для изучения этих важных предметов увеличивается за счет значительного сокращения учебных часов, отпущенных на изучение дисциплин социального и гуманитарного цикла.

Составители новых учебных планов легко игнорируют тот факт, что работа инженера связанна с ответственностью за безопасность и здоровье большого числа людей. Они исходят из того, что вполне достаточно снабдить будущих специалистов значительным объемом профессиональных знаний и вооружить передовыми технологиями. И их не смущает тот факт, что несмотря на высокий уровень развития науки и техники, количество техногенных катастроф, аварий и чрезвычайных ситуаций отнюдь не сокращается. И лидером в списке их причин является человек. За тем самым пресловутым человеческим фактором скрываются непрофессионализм, безответственное и халатное отношение к исполнению своих служебных обязанностей. И даже когда в качестве причин аварии выступает отказ или поломка техники, опять-таки, кроется вина человека, который не в должной мере осуществлял ее эксплуатацию и обслуживание.

Проблема естественно-научных, технических знаний и большинства дисциплин профессионального цикла заключается в том, они не отвечают за ценностные аспекты деятельности инженера. Поэтому большую роль в его подготовке должны играть не только дисциплины, вооружающие его знаниями, что и как надо делать, но и ради чего всё это делается, т.е. дающие представление о важнейших этических ценностях и идеалах, организующих жизнь людей в обществе, прививающие ответственность перед ним и окружающей средой. Всё это могут дать только дисциплины социального и гуманитарного цикла и, прежде всего, философия.

Именно изучение философии способствует развитию у специалиста панорамного мышления, которое отвечает за способность охватить большое количество связей изучаемого явления (процесса, проблемы), понять их сущность, увидеть все возможные последствия своей деятельности и т.п. Без него невозможны воспитание ответственного отношения к результатам своего труда и становление профессиональной культуры инженера, выполнение им своего профессионального долга. Сегодня формирование социально-ответственного поведения специалиста сопряжен с рядом сложностей, связанных с серьезными изменениями, происходящими в обществе. Благодаря замещению ценностей коллективизма и взаимопомощи советского общества культом индивидуализма и конкуренции, господствующими в рыночной экономике, общение на работе всё больше превращается в некое «функциональное взаимодействие». Сложившуюся сегодня ситуацию все чаще называют «дегуманизацией общения» [1, с. 130-131]. В результате развития средств связи и компьютеризации наметилась тенденция замены непосредственного и живого человеческого общения на опосредованное, виртуальное. Жители современных мегаполисов все чаще предпочитают форматы общения, обеспечивающие достаточно высокую степень исключения себя из этого процесса (социальные сети, чаты, смс-переписка, пестрящая смайликами и т.п.). Образ собеседника обезличивается, превращается в аватарку, маску, теряет реальность, что приводит к утрате серьезного внимания и уважения к его личности. Современное опосредованное техникой общение многим дарит чувство безопасности и ощущение психологического комфорта, т.к. избавляет от серьезных эмоциональных нагрузок. Скрывшись за экраном компьютера человеку становится проще быть безразличным, безнаказанно врать, оскорблять и причинять вред другим людям [2]. Всё это входит в привычку, выходит за рамки общения в Интернете, попадает в реальную жизнь. Мы наблюдаем понижение чувства ответственности в целом, в любой деятельности, в том числе и в профессиональной.

Еще одним следствием узкой профессиональной направленности подготовки инженерно-технических работников может стать их неспособность сформировать собственную позицию, отношение, мнение, готовность охотно присоединится к чужому, выглядящему в его глазах удобным, состоятельным или просто выгодным. Это конформное поведение может быть опасно не только для него самого, но и для той сферы деятельности, в которой человек специализируется, т.к. его конформизм может проявиться и в способности к любой инновационной деятельности. Также узкопрофильный специалист может демонстрировать и интеллектуальную нескромность, профессиональное невежество, о последствиях которых еще в начале XX века писал Х. Ортега-и-Гассет. Он описывал ученого-невежду, который «стеснён своим узким кругозором», но при этом ощущает силу и уверенность в себе и «с полным, но безосновательным правом считает себя знающим». Он «к любому делу, в котором не смыслит, подойдет не как невежа, но с дерзкой самонадеянностью человека, знающего себе цену» [3, с. 102-103]. Об этом же писал и А. Эйнштейн, подчеркивая, что узкая специализация превращает ученого в ремесленника.

Формирования панорамного мышления будущего специалиста помимо сокращения курса философии осложняется и тем, что на современном этапе развития человек, особенно молодой, все более привыкает полностью полагаться на помощь компьютера. Его логика проста: зачем утруждать себя, постоянно удерживая в голове огромное количество информации? При необходимости, что-то узнать, можно будет просто напечатать запрос в поисковой строке. Но при этом он не понимает главного – компьютер не может компенсировать ограниченности кругозора, он – всего лишь инструмент, эффективность работы которого напрямую зависит от культуры мышления использующего его человека. Интернет – ключ к бескрайнему морю информации. Но это количество, не приведённое в систему, может породить только бесплодную эрудицию. Истинная культура мышления невозможна без широкого круга чтения, без опыта общения и научной дискуссии, без получения знаний не только в профессиональной сфере, но и в области философии, истории, общенаучного и эстетического характера.

Сегодня философия должна сохранять и преумножать своё значение в технических вузах не только из-за её важной роли в формировании личности будущих специалистов, но и в связи с все разрастающимся в современную эпоху кризисом инженерной идеи и инженерии в целом. Этот кризис проявляется в размывании самих границ профессии инженера, в поглощении инженерии технологией, в нарастании отрицательных последствий инженерной деятельности, в кризисе традиционной научно-инженерной картины мира [4, с. 232]. Технической мысли в одиночку сложно преодолеть столь масштабный и многоаспектный кризис. В этой ситуации неопределенности не может быть однозначного ответа на вопросы: «Что делать?». Безусловно, следует пытаться свести к минимуму отрицательные последствия инженерной деятельности. Но ещё важнее воспитать новое поколение инженеров, которые будут создавать проекты, изначально исходя из нужд не только человека, но и природы, в основе принятия решений которых будут лежать другие ценности и принципы. Для этого необходимо изменить саму традиционную научно-инженерную картину мира, сформировать новые представления относительно природы, науки, техники, инженерии. Еще важнее начать серьезную работу над минимизацией человеческих потребностей, развитием осознанного потребления и экологической этики. Всё это невозможно без приобщения будущих инженеров к сокровищнице философской мысли.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что гуманитаризация высшего образования не является данью традиции отечественной высшей школы и самоцелью. Современный научно-технический прогресс, изменения, происходящие в инженерии, объективно диктуют расширение культурного пространства инженера, преодоление узкой специализации и технократических установок в его деятельности. Целями образования должны быть не только обучение человека специализированным умениям и совершенным алгоритмам профессиональной деятельности, но и воспитание личности в полном смысле этого слова. Мы должны давать уроки человечности, ответственного, этического отношения не только к своей будущей профессии, но и к окружающему миру, к людям и к самому себе. Только дальнейшее сотрудничество философии и других дисциплин гуманитарного цикла, а также выявление гуманистического потенциала естественно-научных и технических дисциплин поможет формированию гармоничной личности будущего инженера, что благотворно отразится на его профессиональной деятельности и перспективах развития общества.

Литература:

1. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М., 2006.
2. Фрумкин К. После капитализма. Будущее западной цивилизации. М.: «Алгоритм». 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=43919&p=44 (дата обращения 18.02.2018).
3. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс: [сб.: Пер. с исп.] / Х. Ортега-и-Гассет. - М.: АСТ: Ермак, 2005.
4. В. М. Розин, В. Г. Горохов, О. В. Аронсон, И. Ю. Алексеева. Философия техники: история и современность. / Коллективная монография. Ответственный редактор: В. М. Розин. — М., Институт философии Российской Академии наук, 1997.

Формирование экологического мышления в образовательных программах технического университета

Наумова Т.В.

Московский государственный технический университет гражданской авиации. Кафедра Безопасности полетов и жизнедеятельности , кандидат философских наук, доцент

naumova_0211@mail.ru

Аннотация: В контексте глобальности масштабов проблемы социо-природного взаимодействия, задача формирования экологического мышления приобретает особую актуальность. Основными источниками негативного воздействия социума на окружающую среду являются промышленное производство и транспорт. Развитие мировой гражданской авиации сопровождается растущей озабоченностью общественности состоянием окружающей среды, прежде всего, уровнем авиационного шума и воздействием на окружающую среду выбросов авиационных двигателей. Однако, в образовательных программах подготовки выпускников технических университетов авиационного профиля экологическому образованию, формирующему экологическое мышление, не всегда уделяется должное внимание. В статье экологическое мышление понимается как специфическая форма мыслительной деятельности, включающая анализ и оценку ситуации, выработку практического решения проблемы, основанных на знании роли и места природно-экологических факторов в системе современной техногенной культуры. Компетентностный подход в образовании, ориентированный на освоение умений, способности применять полученные знания в конкретных профессиональных и жизненных ситуациях, нуждается в пересмотре аксиологических аспектов будущей профессиональной деятельности выпускников.

Ключевые слова: социо-природное взаимодействие, экологическое образование, экологическое мышление, социально-экологическая ответственность

The formation of Environmental Thinking in the Educational Programs of a Technical University.

Naumova T.V.

Moscow State Technical University of Civil Aviation

Abstract: In the context of the global scale of the problem of socio-natural interaction, the task of the formation of environmental thinking is of particular relevance. The main sources of the negative impact of society on the environment are industrial production and transport. The development of world civil aviation is accompanied by growing public concern about the state of the environment, primarily the level of aircraft noise and the environmental impact of aircraft engine emissions. However, in educational programs for the training of graduates of technical universities in the aviation field, environmental education that shapes environmental thinking is not always given due attention. In the article, environmental thinking is understood as a specific form of mental activity, including analysis and assessment of the situation, development of a practical solution to the problem based on knowledge of the role and place of natural and environmental factors in the system of modern technogenic culture. A competency-based approach to education, focused on the development of skills, the ability to apply the acquired knowledge in specific professional and life situations, requires a review of the axiological aspects of the future professional activity of graduates.

Keywords: socio-natural interaction, environmental education, environmental thinking, social and environmental responsibility.

Современный постиндустриальный мир – источник поистине глобальных проблем, среди которых особую актуальность приобретают проблемы экологические. Характер научно-технического и социально-экономического развития общества способствует снижению качества окружающей среды вследствие ее загрязнения, деградации экосистем, сокращения биоразнообразия. Стремительному изменению среды обитания сопутствуют ухудшение здоровья людей, изменение генофонда, что ставит под вопрос само существование человечества. Однако «биологический инстинкт самосохранения человека вносит существенные позитивные коррективы в его отношение к природе, заставляя кардинально переосмыслить достижения мировой цивилизации» [1, с.213]. Становится очевидным, что от бесконтрольного потребления ресурсов планеты человек должен перейти к стратегии поддержания саморегуляционных биосферных процессов.

Выдающаяся роль в осмыслении необходимости сохранения окружающей среды как основы человеческого существования принадлежит В.И. Вернадскому. Он одним из первых отечественных ученых обосновал главенствующую роль общественного производства в преобразовании природы, считая человечество «мощнейшей геологической силой», радикально преобразующей лик планеты. Однако, мощь человечества у Вернадского «связана не с его материей, но с его мозгом. В геологической истории биосферы перед человеком раскрывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление» [2, с.148]. В своей ноосферной концепции ключевым условием общественного развития ученый считал синтез науки и «этического разума объединенного человечества», т. е. то, что сегодня мы можем назвать экологическим мышлением. Его идеи о формировании у людей способности мыслить в контексте социоприродного единства и действовать в масштабе планеты, обращенные в будущее, сегодня становятся мировоззренческим фундаментом концепции устойчивого развития общества в новых реалиях современных технологических трансформаций. «Можно смело утверждать, что именно с учения В.И. Вернадского начинается новая эпоха, связанная с утверждением экологического сознания и связанной с ним экологизации общественного производства» [3, с. 235].

Специалисты, занимающиеся проблемами методологии образования, справедливо отмечают, что в разрешении современного экологического кризиса необходимым условием становится смена существующей системы ценностей, осуществить которую возможно, скорректировав ценностные ориентации образовательного процесса: «ценностноориентированное образование является одной из важнейших предпосылок устойчивого развития системы человек – общество – биосфера» [4, с.310]. Собственно, идея о том, что именно в традиционных мировоззренческих установках кроется причина конфликта между человеком и природой, прослеживается в работах многих отечественных исследователей социально-экологических проблем (Э.В. Гирусов, А.Н. Кочергин, Ю.Г. Марков, Н.М. Мамедов, Н.Ф. Реймерс, А.Д. Урсул, О.Н. Яницкий и др.).

Формировать новые ценности – это функция образовательно-воспитательной среды, одним из сегментов которой является система высшего образования. Как особая сфера социокультурной деятельности высшее образование способствует становлению самостоятельной, зрелой, ответственной и свободной личности. Экологическая составляющая технического образования не только формирует понимание влияния конкретных технических устройств на природно-биосферные объекты, в целом профессиональной деятельности на окружающую среду, но и вырабатывает способность грамотно использовать технологии нивелирования негативных воздействий. Отметим, что существенным аспектом экологического образования является развитие личностной мотивации применять эти технологии. «Экологическое образование в вузе несет в себе качественное преобразование учебно-воспитательного процесса, соотношение мышления и действительности, разрешение противоречий между идеальным и материальным» [5].

Вузовская подготовка, как известно, регламентируется федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, использующими компетентностный подход. В отличие от предыдущей образовательной концепции «усвоения знаний», компетентностный подход ориентирован на освоение умений, способности применять полученные знания в конкретных профессиональных и жизненных ситуациях. Сформированность компетенций предполагает не только знание экологических проблем отрасли, региона и планеты в целом, способов их преодоления, но и выработку у будущего работника авиационной отрасти внутренней потребности принимать рациональные решения с позиций социально-экологической ответственности. Иными словами, задача экологического образования – сформировать экологическое мышление.

Вклад воздушного транспорта в техносферную экспансию естественной среды обитания имеет свои особенности. Развитие мировой гражданской авиации происходит «на фоне растущей

озабоченности общественности состоянием окружающей среды, в частности, уровнем авиационного шума и воздействием на окружающую среду эмиссии авиационных двигателей» [6]. В общемировых показателях выбросов загрязняющих веществ на отрасль приходится около 2%, однако, специфика этих выбросов заключается в их распространении в атмосфере на значительных высотах. Не смотря на значительные успехи в снижении шумности и повышении топливной эффективности воздушных судов, достигнутые на прошедшие полвека, с учетом динамики экологических показателей международной гражданской авиации за прошедшее десятилетие в абсолютном выражении общая численность населения, подвергаемого воздействию авиационного шума составляет около 24 млн чел., к 2036 году будет находиться в диапазоне 26,6 - 34,1 млн чел. [7, с. 164]

Эксперты отмечают, что принимаемые международным авиационным сообществом усилия «построены на анализе глобальных экологических тенденций и их экстраполяции в будущее, как основы для принятия решений, т.е. решения принимаются вдогонку к наблюдаемым изменениям» [там же, с.165], и являются скорее сдерживающими мерами, нежели кардинально влияющими на глобальные экологические показатели. Их явно недостаточно, а заявленная стратегическая цель – «сведение к минимуму неблагоприятного воздействия гражданской авиации на окружающую среду во всем мире», носит декларативный характер. Существующие приоритеты развития отрасли (увеличение объемов пассажиро- и грузопотоков, расширение маршрутной сети и парка воздушных судов и др.) с одной стороны, и экологичность воздушного транспорта, с другой, пребывают в противоречии. Подобная дихотомия свидетельствует о назревшей потребности в серьезном дискурсе о формировании экологического мышления у будущих сотрудников авиапредприятий в существующих реалиях.

Концепт «экологическое мышление» довольно широко используется в современных научных публикациях и понимается как специфическая форма мыслительной деятельности, включающая анализ и оценку ситуации, выработку практического решения проблемы, основанных на знании роли и места природно-экологических факторов в системе современной техногенной культуры. Как сложный рефлексивный процесс экологическое мышление включает несколько составляющих: «осмысление личностью своего места в мире и в картине природы Земли (мировоззренческая рефлексия); осознание проблемы взаимодействия человечества и биосферы (методологическая рефлексия); выбор новых ценностных ориентаций и идеалов (личностно-психологическая рефлексия); создание современной научной картины мира (внепарадигмальная рефлексия); выбор стратегии деятельности (личностноорганизационная рефлексия) и т.д.» [5].

По-прежнему доминирование в обществе антропоцентрического типа мышления, по мнению некоторых авторов, обусловлено гносеологической парадигмой, противопоставляющей человека природе, поскольку мышление строится на дихотомии человек-природа, где человек выступает субъектом, а природа объектом. Как альтернатива «должен быть такой способ мышления, в котором реализуется отношение «человек как субъект развития планеты (ноосферы) – планета как субъект природного развития». А это означает, что наше мышление должно не просто учитывать «интересы» природного развития планеты, а изначально строить свои рассуждения с позиции указанного отношения, т.е. с позиции совокупного (единого) субъекта развития «человек – планета» [8, С.40], поскольку в онтологическом ракурсе человек – продукт биосферы, результат долгого эволюционного процесса.

Сегодня не редкость, когда в образовательных программах бакалавриата по техническим направлениям подготовки сокращаются, а иногда и полностью исключаются из учебного плана часы на изучение дисциплин экологического цикла. И тому находится вполне логичное объяснение: студент прежде всего должен обрести профессию, ремесло, а учебное время и без того лимитировано. Подобный узконаправленный подход усугубляет тенденцию погружения в техногенное пространство, «доминирующее значение приобретают техногенные элементы, в результате чего нивелируется ценность живых структур» [9, с.169]. Несомненно, выпускник технического университета, должен быть профессионалом в своей сфере, но вместе с тем, обучая профессии, недопустимо игнорировать формирование экологического мышления, нравственного и ответственного отношения к живой природе планеты. В условиях ускоряющегося научно-технического развития от выпускников технических вузов требуется умение решать усложняющиеся задачи, разрабатывать, внедрять и эксплуатировать новые биосферозащитные технологии. Современный бакалавр, специалист и магистр должен уметь мыслить масштабно, свою трудовую деятельность осуществлять, руководствуясь экогуманистическими ценностями. А следовательно, актуальна потребность в переосмыслении философских оснований современного экологического образования, переформатировании аксиологических аспектов будущей профессиональной деятельности еще на этапе обучения. Это продиктовано необходимостью выживания в условиях глобальных экологических проблем и новых вызовов.

Литература:

1. Тимофеева С.В. О проблеме взаимосвязи экологической культуры и экологического сознания человека (социально-философский аспект) // Вестник КрасГАУ. 2010. №11. С. 213-217.
2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
3. Титаренко И.Н., Папченко Е.В. Аксиологические идеи В.И. Вернадского и их место в формировании экологического мировоззрения // Известия ЮФУ. Технические науки. №1 (150). 2014. С 233-239.
4. Мещерякова И.В. – Экологические ценности в структуре естественнонаучного образования // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 29. С. 310–316.
5. Яловая Н.П., Бурко О.П. Формирование экологического мышления у студентов строительных специальностей технического вуза [электронный ресурс] // Психология образования в XXI веке: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. 2011. URL: https://psyjournals.ru/education21/issue/54979_full.shtml (дата обращения 17 .03.2020).
6. Прогноз развития воздушного транспорта до 2025 г. [электронный ресурс]. URL: https://dream-air.ru/tpl/cir/313_ru.pdf (дата обращения 25.03.2020).
7. Наумова Т.В. Экологичный авиатранспорт: от стратегической цели к реальным результатам//Экология внешней и внутренней среды социальной системы (ЭкоМир-9). Материалы конференции. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2019. С. 163-165.
8. Панов В. И., Лидская Э. В. Концепция устойчивого развития: экологическое мышление, сознание, ответственность // Социально-экологические технологии. 2012. №1. С.38-50.
9. Гаранина О.Д. Кризис духовно-нравственных ценностей как выражение глобального кризиса//Вестник Московского государственного университета леса - Лесной вестник. 2011. № 2. С. 168-172.

Диалоговая форма преподавания философии в инженерных вузах

Некрасов А.С.

Российский университет транспорта (МИИТ), (Москва, Россия), старший преподаватель. Кандидат педагогических наук

andrnek@mail.ru

Некрасов С.И.

Московский государственный технический университет гражданской авиации (Москва, Россия), профессор. Доктор философских наук

sinekrasov@mail.ru

Некрасова Н.А.

Российский университет транспорта (МИИТ), (Москва, Россия),заведующий кафедрой «Философия и культурология». Доктор философских наук, профессор

sinekrasov@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается, что общественные отношения всегда характеризовались постепенным расширением сферы общения индивида с социальной группой, ибо общение – это такая сфера жизнедеятельности, где индивид реализует свою сущность наиболее полно. Выявлено, что в диалоге индивид становится не только условием и средством деятельности, но и целью этой деятельности. Авторами проанализировано, что в диалоге один индивид во всей полноте своего бытия с максимально возможной степенью интимности приобщается к потенциально бесконечному бытию другого индивида. Диалог всегда играл огромную роль в жизнедеятельности людей. Его значение никогда не изменялось и не уменьшалось. Сделан вывод, что в диалоге отражались ценностные убеждения людей, их мысли и взгляды.

Ключевые слова: общение, диалог, общественные отношения, информация, образование, метод синектики, неоперационный механизм

Interactive form of teaching philosophy in engineering universities.

Nekrasov A.S.; Nekrasov S.I. ; Nekrasova N.A.

Russian University of Transport (MIIT); Moscow State Technical University of Civil Aviation; RUT (MIIT), Department "Philosophy and Cultural Studies" (Moscow, Russia),

Abstract. The article notes that social relations have always been characterized by a gradual expansion of the sphere of communication between an individual and a social group, because communication is such a sphere of life where the individual realizes his essence most fully. It is revealed that in the dialogue the individual becomes not only a condition and means of activity, but also the goal of this activity. The authors have analyzed that in a dialogue one individual, in the entirety of his being, with the highest possible degree of intimacy, joins the potentially infinite being of another individual. Dialogue has always played a huge role in the life of people. Its value has never changed or decreased. It is concluded that the dialogue reflected the value beliefs of people, their thoughts and views.

Keywords: communication, dialogue, public relations, information, education, synectic method, non-operational mechanism

Обмен идеями – это взаимообмен результатами мыслительный деятельности, который происходит в процессе выработки совместного решения мыслительной задачи. Здесь идея – это основа замысла и варианта его достижения.

Именно в форме диалогового взаимодействия в процессе обучения будущий специалист не просто получает информацию, а самостоятельно её перерабатывает, что даёт возможность прирастания знаний, которые он самостоятельно добыл. То есть процесс усвоения информации становится для учащегося как самостоятельное открытие неизвестного ему знания, как личностная ценность, что вызывает познавательную мотивацию к дальнейшему познанию, но главное – порождает интерес к содержанию предмета.

На основе научных диалогов в Древней Греции развилось учебное направление – красноречие, основателем которого по праву можно считать Сократа, который устно излагал своё учение в живом диалоге со своими учениками. Главным завоеванием античного образования было обучение общению, так как учили навыку жить сообща. В Древнем Риме, где основой обучения была состязательность, диалоги стали способом избегать пассивности обучающегося. Отношения участников диалога в Древнем Риме строились как отношения учителя и ученика, то есть как диалог поколений, где младшие вопрошают своих старших наставников. Отсюда специфическая черта древнеримского диалога – назидательность и дидактичность. Поэтому здесь диалог приобретает логическую структуру.

Красноречие как принцип древнеримского диалога продолжает становиться доминирующим и в эпоху средневековья, но главным стал диалог человека с Богом, что выражалось в таких разновидностях диалога как проповедь, исповедь и диспут. Центрами дискуссий становятся университеты, где вырабатывалась техника их ведения как способа обсуждения спорных проблем. Участники спора стремились доказать свою правоту. В средневековых университетах огромное место занимали опытные исследования, то есть знание приобретает практическую направленность.

На Руси формой диалога становились прения и учёно-философские споры.

В эпоху Возрождения набирают силу научные и педагогические диалоги, красноречие, а также дружеские беседы и философские диалоги, образцом которых были диалоги Платона. Из эпохи средневековья в эпоху Ренессанса переходят проповеди и диспуты, но содержание их меняется: их основой становятся речи о превосходстве человека. Диалоги приобретают антропоцентрическую направленность. Диалоги проникают во все сферы искусства – театр, литературу и др.

В эпоху Возрождения научное познание носило форму индивидуального творчества, но изначально было направлено к Другому, и предполагало услышать от него отклик на свои идеи. Творчество начинает осмысливаться как совместный диалог учёных или учителя с учеником. Так формируется жанр «научного диалога». Появляется возможность встреч учёных на собраниях, где можно было ознакомиться с трудами друг друга. Так научное общение становится основой настоящего творческого поиска.

Диалогические взаимоотношения в процессе обучения стало утверждаться в XIX в. в системе образования. Сократовский вопросно-ответный способ обучения лёг в основу теории развивающего обучения. Постепенно в образовательном диалоге дидактическое начало уступило место творческому. Уважение к Другому человеку стало основной ценностью в системе образования XIX в. Школьное обучение стало вытеснять домашнее. Образование постепенно становится обязательным, совместным и всеобщим. Церковь отделяется от школы, и образование начинает приобретать практическую направленность. Новая школа «ставила целью не только образовать интеллект, но и сформировать личность», ученики «пользовались значительной свободой в своей частной жизни» [1, с. 198].

Новая школа решала и программу взаимоотношений наставника и ученика. Так, М. Монтень считал, что учитель должен предоставить ученику самому идти по пути достижения цели, иногда помогая ему, а иногда давая ему самому отыскивать путь. Учитель должен выслушивать ученика и позволять ему высказывать своё мнение. Ссылаясь на Сократа, М. Монтень писал, что Сократ просил своих учеников сначала высказывать своё суждение, а затем говорил сам. В своих «Опытах» М. Монтень впервые утверждал, что диалог – это то, что заставляет душу реагировать: диалог – это не только состязание двух соревнующихся, а скорее беседа двух слушающих и понимающих друг друга. Учитель не должен учить учащегося воспринимать свои слова на веру и заставлять его повторять слово в слово своё учение в силу авторитеты или авторитета его автора. Он утверждал, что ученик должен самостоятельно оценивать учение и не подвергать эту оценку строгой критике. Ученик должен делать свой выбор на основе анализа различных мнений.

Такой подход к процессу образования был по своей сути революционным. Его отстаивать начали Ян Каменский в своей «Великой дидактике», Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, К. Песталоцци, которые при разном вероисповедании, месте и времени рождения пытались в теории и практике утверждать новый метод обучения, где дети должны получать знания добровольно, с охотой и любовью к предмету и на основе своих личных дарований и способностей. Они неустанно боролись идеями, тормозящими развитие новой системы образования, применяя иногда методы, противоположные устаревшим.

Так, в начале XIX в. Грегуар Жирар организовал в Фрибурге школу взаимного обучения, где приучал каждого из учеников обучать другого. Аналогичные школы появились в Италии, Франции, Испании. Такие школы были своеобразной мастерской человечества, ибо их задачей было «развивать и направлять людей к правильному, опытному и искусному употреблению их разума, речи и художественных дарований, – к мудрости, красноречию, ловкости и умению и благоразумию» [**2,** с. 453].

Современная система образования должна не только формировать профессионалов в определённой сфере деятельности, но и, воспитывая учащихся, зародить у них потребность в постоянном процессе самовоспитания, которое основано на вере в возможности человека к самосовершенствованию и обретению им лучших качеств подавлении качеств, оскверняющих человеческое достоинство.

Формирование новой парадигмы образования основано на необходимости коренным образом изменить сам способ построения учебных предметов таким образом, чтобы их освоение было одновременно и формированием способности к истинному мышлению. Только такая структура учебного процесса даст возможность учащемуся в период обучения подключиться к современной культуре, то есть к освоению накопленных человечеством традиций, нравственных норм и ценностей. Культура – это не только совокупность норм и ценностей. Культура – это не только совокупность материальных и духовных условий жизни человека, но и сознательная, целеустремлённая творческая активность индивидов для осуществления изменений к лучшему.

Новая парадигма образования основывается не только на установке, связанной с подготовкой подрастающего поколения к зрелости путём усвоения знаний, но, главным образом, на идее вовлечения человека к активному процессу открывать новое. Важно не столько преподавать, сколько зарождать интересом, увлекать, помогать, делясь собственным опытом, а учащийся должен рассматривать образование не только как знание, направленное в мир, а как мир, обращённый на него и открытию самого себя своей природы, своих возможностей.

Учебный процесс двусторонен, так как творчески действующий педагог не только учит, но и учится сам, ибо умеет ставить своих учащихся в положение обучающих, а себя – в положении ученика. Это возможно тогда, когда педагог пользуется диалогом как формой обмена идеями с учащимися.

В последние десятилетия XX в. плодотворно разрабатывались разные концепции обмена идеями.

Так, У. Дж. Гардон с целью повышения продуктивности групповых решений творческих проблем разработал синектический метод («синектика» в переводе с греч. – «совмещение разнородных элементов»), который исходит из следующих положений: творческие способности заложены у большинства детей; в творчестве важны не только интеллектуальные и рациональные начала, но и эмоционально-иррациональные, которые можно методически тренировать. На основе этих установок у обучающихся формируется «механизм творчества» (хотя его формирование у всех учеников нельзя гарантировать). «Механизм творчества» включает в себя: интуицию, способность к применению неожиданных идей, вдохновение и др. У. Дж. Гордон называет его «неоперационным механизмом». В отличие от него, «операционный механизм» может сформировать у всех обучающихся, если соблюдать правильную стратегию. Он выделял две фазы в процессе решения творческих задач:

1) превращение неизвестного в известное – аналитическая фаза, когда учащиеся пытаются понять проблему;

2) превращение известного в неизвестное путём перемещения привычного понимания известного в неизвестное, что является важнейшим элементом творчества.

В этом процессе каждый учащийся, используя разного рада аналогии и не критикуя друг друга, ищут наилучшие решения, максимально используя возможности каждого. В результате группового эвристического мыслительного процесса находится наибольшее количество результатов решения задачи, чем сумма процессов мышления каждого участника, и оно обладает огромным творческим потенциалом [3].

Метод синектики, предложенный У. Дж. Гардоном, доказывает, что дискурсивно неподготовленное предложение, которое возникает в результате эмоционального напряжения, порождая сильную мотивацию на основе прежнего опыта, приводит в процессе обмена идей к интуитивному ограничению объекта поиска вариантов решения задачи, сопровождающейся инсайтом, вдохновением и озарением. Объединяя свободное проявление творческого потенциала всех участников группы с направленностью творческого процесса У. Дж. Гардон обосновал концепцию «группового мышления», где в процессе свободного обмена идеями возникает оригинальное решение задач.

Метод синектики в современной системе образования может стимулировать креативность учащихся.

Одним из популярных методов обмена идеями является «мозговой штурм», который был разработан американским психологом А.Ф. Осборном [4]. Целью этого метода является повышение продуктивного поиска группового эвристического мышления путём обеспечения лучшего понимания учащимися своих поисковых действий и других, максимально используя творческие потенциалы каждого.

На основе метода «мозгового штурма» построен метод «кейсов» как вид деловой игры и ряд других методов.

На основе анализа методов «группового мышления» можно утверждать, что любой человек обладает творческим потенциалом, который может быть актуализирован при определённых условиях обучения и воспитания.

Существуют и другие формы обмена идеями: дискуссия, эвристическая беседа, «круглый стол», но в основе их лежит принцип диалогического обучения, который должен стать основой новой парадигмальной системы образования, которая должна быть нацелена на развитие творческого потенциала учащихся, что становится насущной потребностью современного этапа развития нашего общества.

Литература:

1. Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815-1914. СПб.: Академический проект, 2000. 364 с.
2. Раумер К. История воспитания и учения от Возрождения Классицизма до нашего времени. В 2 ч. Ч. 1-2. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875-1878.Ч. 2: От Бэкона до смерти Песталоцци (1561-1827). [2], IV, 636 с.
3. Gardon W.J. Sinectics, the Developmant of Criativ Capacity. New York, 1961
4. Osborn A.F. Applied imagination; Principles and Procedures of creative problem – Soling. New York, 1963

Гуманитарная составляющая в техническом образовании. Формирование у будущего инженера навыка полидискурсного мышления

Панкратьева И.А.

Московский государственный технический университет гражданской авиации, старший преподаватель

ipankratieva@gmail.com

Аннотация. В контексте известной проблематики гуманитарной компоненты в техническом образовании ставится задача развития гуманитарного мышления у подготавливаемого специалиста. В качестве ориентира такого развития рассматривается многомерность человека, что на уровне технологии преподавания означает акцентирование на полидискурсности при изложения учебного материала. Формулируются рабочие определения понятия дискурс. На примере идеологического дискурса прослеживается конкретное действие полидискурсности. Полидискурсный подход осмысляется в целом как гуманитарная популяризация.

Ключевые слова: модель молодого специалиста, многомерность человека, модус использования языка, дискурс, полидискурсное мышление, гуманитарная популяризация.

Social sciences in technical education. Formation the future engineer's skill of multi-discourse thinking.

Pankratieva I.A.

Moscow State Technical University of Civil Aviation

Abstract: In the context of the well-known problems of the humanitarian component in technical education, the task is to develop the humanitarian thinking of a specialist which is trained. As a landmark for such development multidimensionality of a person is considered, which at the level of teaching technology means an emphasis on multi-discourse when setting educational material out. The working definitions of the concept of discourse are formulated. At the example of ideology discourse, the concrete effect of poly-discourse is traced. The multi-discourse approach is interpreted in whole as a popularization of humanitarian knowledge.

Keywords: young specialist model, multidimensionality of a person, modus of language use, discourse, multi-discourse thinking, popularization of humanitarian knowledge.

1. Многолетний отечественный опыт включения гуманитарной составляющей в техническое образование убедил научно-педагогическое сообщество в правильности этого подхода. Сегодня уже почти все согласны, что одного только инженерного мышления техническому специалисту недостаточно. Вообще сегодня *многомерность* всё больше утверждается в качестве одной из ключевых гуманистических ценностей и ориентиров развития современного общества [1]. Инженер, но при этом «одномерный человек», модель которого описал Г. Маркузе, то есть только инженер и ничего больше, сегодня будет выглядеть чужеродно на фоне нейросетей и роботизированных производств [2]. Поэтому *человеческую многомерность* видимо следует внести в модель подготавливаемого специалиста в техническом вузе. Вокруг темы гуманитарной составляющей в техническом образовании уже сформировалась довольно обширная литература, но всё равно пока остаётся открытым вопрос: а что, собственно, даёт «гуманитарка» «технарю» конкретно? В [3] исследуется позитивное влияние преподавания гуманитарных курсов на **личность** студента. В настоящем же докладе выдвигается положение о позитивном влиянии преподавания гуманитарных дисциплин и на его **мышление**. Из общих соображений понятно, конечно, что мышление в процессе обучения развивается, но возникают вопросы на уточнение: а как именно? в какую сторону? и возможно ли как-то этим процессом управлять? Ниже делается попытка обсудить, на какие аспекты гуманитарного материала должен особенно обращать внимание преподаватель, если он имеет в виду в качестве одной из целей преподавания – развитие мышления подготавливаемого технического специалиста.

2. В свете сказанного представляется перспективной более углублённая работа преподавателя с таким понятием, как *дискурс*, которое несёт в себе обозначение того или иного, но всегда особенного, определённого, *модуса мышления*. Так, когда хотят подчеркнуть особость мышления, доминирующего в какой-то области деятельности, ну, например, в журналистике, то говорят о журналистском мышлении или доминирующем в СМИ дискурсе. Так же можно говорить и о дискурсе, допустим, военного дела. И журналисты, и военные говорят вроде бы на одном базовом языке, но используют этот язык по-разному.

3. Философия, история и другие гуманитарные науки могут сформировать у студента технического вуза некоторое начальное представление (если, конечно, в процессе преподавания делать на этом акцент) о том, что мышление и, как следствие, естественный человеческий язык разделён в себе на относительно независимые и относительно замкнутые смысловые подсистемы. Эти языковые подмножества развивают свои понятия, строят свои особенные конструкции, отличаются своей особенной стилистикой. Часто употребляют такие выражения, как «язык искусства», «язык науки» или иногда говорят и о «технарском» или «инженерном языке», есть «язык философии», постоянно пишут о «языках культур», существуют производственные жаргоны и пр., и т.п. Эти языковые подсистемы и есть примеры дискурсов. В отечественной науке М.М. Бахтин фактически работал с дискурсами, называя их *речевыми жанрами*.

4. Дискурс относится к тем предельно общим и очень абстрактным философским концептам, для которых трудно дать одну формулировку, одно фиксированное определение. Дискурс познаётся в процессе работы с ним, и смысл этого понятия постепенно раскрывается через его использование. Дискурс – это стилистика мышления, которая отличает это мышление в ряду других, оформляет мысль особенным, узнаваемым способом. Несколько иначе можно сказать, что дискурс – это тропос (образ, модус) мышления. Дискурс оформляет смысл, поэтому абстракция дискурса – это нечто, что лежит вне или стоит за мышлением и языком. Можно даже сказать, что дискурс остаётся, когда мышление останавливается, а язык заканчивается. Дискурс – это область метаязыка и метамышления. Субъект в процессе своего мышления или коммуникации никогда не выходит за пределы того или иного текущего дискурса. Субъект может перейти к другому дискурсу, но это означает перемену сознания и трудную работу ума, поэтому это событие нечастое.

5. Тот или иной дискурс раскрывается при погружении в стихию мысли, речи и текстов, бесчисленных конкретных высказываний в рамках той или иной предметной области. Например, чтобы разобраться и прочувствовать исторический дискурс студенту надо рассказать, а ещё лучше показать, как историк работает (а другим преподавателям-предметникам – как работает культуролог, психолог, социолог или педагог). По его рабочим приёмам и характерным оборотам изложения можно, к примеру, опознать его школу. А чтобы увидеть границы исторического дискурса весьма полезно ознакомиться с предметно-историческими работами, находящимися на стыке истории и других наук и выходящими за рамки принятой сегодня парадигмы исторической науки. Например, к таким работам относится исследование по психоистории [4].

6. Особый класс дискурсов – идеологические. У них особый тропос. Они характерны не только своей «побуждающей», «зовущей» стилистикой, но и своеобразной замкнутостью своей системы мышления: она выстроена её авторами так, что погружённый в этот дискурс адепт этой идеологии всегда получает на любой вопрос (готовый) ответ, выраженный в терминах этого же дискурса. В отечественных исторических условиях наша гуманитарная мысль имела возможность и даже необходимость глубоко ознакомиться с очень ярким и хорошо проработанным примером идеологического дискурса – марксизмом-ленинизмом. Эта система идеологии действительно требует больших усилий для освоения («погружения»), но после «проделанной работы» новоиспечённый марксист-ленинец словно попадал в ловушку замкнутого мышления этой идеологии. И без специальной работы по изменению сознания (картины мира) и выходу за пределы этого дискурса ему трудно было осознать, что это всего лишь один из многих возможных дискурсов, что возможны и другие, нередко альтернативные, системы мышления, другие идеологии.

7. Знакомство в процессе обучения с несколькими различными дискурсами вместе с идеей неабсолютности любого дискурса относительно истинности его высказываний позволяет говорить о приобретении студентом и будущим специалистом некоторого иммунитета к идеологиям. Ведь идеология строится обычно как «единственно верное учение», отвечающее на любые вопросы средствами своего дискурса. Иммунитет или защитный механизм – вот что помимо расширения интеллектуального гори-

зонта может дать молодому человеку представление о полидискурсном мышлении.

8. Включение в учебный процесс в качестве одной из стратегических целей – формирование у студентов представления о полидискурсности – задача для преподавателя сложная. По сути, это *популяризация*. Преподавание гуманитарных дисциплин в техническом вузе – это тоже популяризация, ведь приходится излагать не систематический курс той или иной науки, а скорее только лишь ключевые идеи, фокальные точки и смысловые линии. При подготовке гуманитариев-профессионалов тоже можно наблюдать своего рода популяризацию. Например, книги Броделя, Хейзинги, Фуко и всё того же Бахтина, стали уже для гуманитариев-профессионалов как бы поп-книгами, как бы «звёздами» гуманитарной мысли. Но рекомендовать их для чтения студентам технических вузов как дополнение к читаемым курсам при этом вряд ли целесообразно, всё-таки это литература для гуманитариев-профессионалов. Была бы желательна вторая *популяризация* для инженеров. И такие учебники должны быть, и скорее всего они будут написаны хотя бы для того, чтобы «гуманитария для технарей» достигла в будущем своей «проектной мощности». Научно-популярная литература гуманитарного профиля, которую можно было бы рекомендовать в качестве подспорья преподавателям технических вузов, выходит нечасто. А научпоп по философии и вообще редко, но потребность, кажется, ощущается, если буквально вчера вышла книга, излагающая 50 философских идей от античности до постмодерна [5].

Литература:

1. *Курбанов М. Г.* К многомерности человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики («Манускрипт»), Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 108-111. http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_7-1_24.pdf
2. *Панкратьева И. А.* Цифровое общество: новая актуализация концепта мегамашины // «Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы»: Труды 10-й межвузовской научно-методологической конференции. Москва, 21 ноября 2019. (В печати)
3. *Панкратьева И. А.* Влияние преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе на развитие личности студента // Инновации в гражданской авиации, Том 4, № 3, 2019. М.: 2019, С. 33-39.
4. *Милютин Е. В.* Психоистория. Экспедиции в неведомое известное. Берлин: Drugoe Reshenie, 2017. 216 с. https://www.drugoe-reshenie.ru/
5. *Ануров Д. А.* Философский фреш: 50 идей, которые освежат твоё сознание – М.: Медков С. Б.: 2020. – 220 с., ил.

Становление университетов и научная коммуникация

Родина Валерия Андреевна

ФГБОУ ВО Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. Кафедра логики, философии и методологии науки. Старший преподаватель

Milolika2006@yandex.ru

Аннотация: В данных тезисах рассмотрены научные коммуникации в период формирования университетов. Впервые выделил специфичность научных коммуникаций как особой формы, Аристотель, однако, в ряду несформированного научного сообщества, они не получают должного развития. Все меняется в Европе в период схоластики: формирование университетов, как образовательных учреждений, так и базы научных сообществ приводят к необходимости развития научных коммуникаций. Специфика данных форм коммуникаций обуславливается логикой Аристотеля, но и несет отпечаток нового социального устройства групп ученых. Научные сообщества, хоть и продолжают развиваться в религиозной среде, но в тот период уже сепарируются от них. Не менее важной тенденцией в данный период становиться формирование альтернативных научных сообществ, которые так же влияют на становление научной коммуникации.

Ключевые слова: Коммуникация, научные коммуникации, университет, научное сообщество, образование.

University formation and scientific communication.

Valeria A. Rodina

FSBOU VAUD Oryol State University named after I.S. Turgenev. Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science

Annotation: These theses consider scientific communications during the formation of universities. For the first time highlighted the specificity of scientific communications as a special form, Aristotle, however, among the unformed scientific community, they do not get proper development. Everything is changing in Europe during the scholastic period: the formation of universities, both educational institutions and the base of scientific communities lead to the need to develop scientific communications. The specificity of these forms of communication is due to Aristotle ‘s logic, but also bears the imprint of a new social structure of groups of scientists. Scientific communities, though continuing to develop in a religious environment, are already separated from them at that time. An equally important trend in this period is the formation of alternative scientific communities, which also influence the formation of scientific communication.

Keywords: Communication, Scientific Communications, University, Scientific Community, Education.

В данной работе мы попытаемся затронуть проблему генезиса научной коммуникации в эпоху становления образовательных учреждений, в первую очередь университетов. Специфичность новых видов коммуникации имеет двоякое значение: как для университетов, так и для самой научной коммуникации.

Одну из первых схем технического описания коммуникации мы можем найти у Аристотеля. По мнению мыслителя, речь, являющаяся основой коммуникации, включает в себя три необходимых элемента: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)» [1, с. 24]. Другими словами, по мнению Аристотеля, коммуникация включает в себя субъект, само сообщение, и объект коммуникации. При этом, объект может быть как активным, так и пассивным: «Слушатель необходимо бывает или простым зрителем, или судьей…».[1, с. 24] Соответственно, и сам тип коммуникации, будет зависеть от активности объекта.

Особенности научной коммуникации впервые упоминаются в античной Греции в работах Аристотеля. Безусловно, элементы научной деятельности осуществлялись задолго до него. Между

различными учеными осуществлялся и процесс коммуникации. Тем не менее, именно Стагирит систематизирует коммуникацию, осуществляя попытку ее трансформации в научную коммуникацию. Разрабатывая учение о категориях, Аристотель конкретизирует научное знание, структурируя его. Фактически, само существование категорий позволяло искусственно разделить и упорядочивать мир, тем самым обособить научное знание. Так, например, в работе «Элементы логики Аристотеля» А. Тренделенбург пишет: «… наука именно ему обязана первой попыткой дать общий обзор всего мира представлений, а это и есть его опыт установления категорий - нечто вроде искусственной системы упорядочения естественных продуктов природы» [2, с. 117]. Начинает формироваться определенное подобие системы, задачей которой, помимо всего прочего, служит снятие двусмысленности между научными понятиями: «все категории связываются у Аристотеля друг с другом и переходят одна в другую…. Это переплетение категорий… уже свидетельствует о невозможности подводить то или другое понятие всецело и исключительно под ту или другую категорию, подобно тому, как растения, например, могут быть относимы, каждое со всей определенностью, к тому или иному классу в системе растительного царства» [2, с. 119]. Во-вторых, выступая против софистов, Аристотель структурирует каналы научной коммуникации, предлагая использовать в качестве требования к коммуницируемой информации методы логической аргументации и проверки [3, с. 184-186].

Следующей значимой вехой для развития научной коммуникации является схоластический период. С одной стороны, в Европу возвращаются работы Аристотеля, переводы которого адаптируются к христианской науке. С другой стороны, в Европе начинают развиваться университеты, что способствует формированию академической науки вообще и научного сообщества, в частности. Остановимся на этом более подробно.

Когда мы рассуждаем о формировании университетов в эпоху схоластики, то имеем в виду процесс во многом превосходящий простое формирование образовательных учреждений. Образовывается принципиально новое сословие ученых, осознающих свою деятельность в принципиально иной модальности. Находясь в рамках Бенедиктинского ордена (в особенности после клюнинской реформы), основной задачей монаха-ученого по прежнему остается служение Богу. Но уже в XIII веке, мы можем говорить о корпоративном самосознании отделенном непосредственно от монашеского ордена. Так, например, отмечая становление самосознания средневековых университетов, Ж. Ле Гофф пишет следующее: «В XIII веке конфликт между нищенствующими орденами и белым духовенством обостряет корпоративное самосознание Парижского университета. Несомненно, что белое духовенство атакует преподающих монахов, так как они убеждены в невозможности одновременно принадлежать к монашескому ордену и университетской корпорации» [4, с. 114].

Университетский преподаватель освобождается от физического труда, а его основным занятием начинает выступать умственная деятельность. Данное положение получает теоретическое обоснование в работах Фомы Аквинского [4, с. 115]. Фактически, преподаватели новых университетов начинают воспринимать свою деятельность как определенную, самостоятельную профессию, а сами профессора объединяются в коллегии докторов. Более того, университетское научное сообщество приобретает ряд привилегий, таких как: монополию на раздачу ученых степеней; относительную юридическую независимость; контроль над учебным делом; дотации властей [4, с. 124-131].

Адаптированная для христианской Европы аристотелевская «риторика», соединяясь с профессиональным университетским сообществом, не могла не трансформировать значение научной коммуникации. Оттачивая методологию аргументации, схоластическая научная коммуникация смещает акцент научной дискуссии со знания как такового (в не зависимости от его природы, естественного или теологического знания) на его доказательство. Содержание знания отодвигалось на второй план. Например: ««О-чем-угодно» вырождалось во «что угодно» и «как угодно»; задавалась тема: голова сидит на плечах; нужно было доказать, что она сидит «где угодно», только не на плечах» [5, с. 114].

Значение данных тенденций имеет двойственный характер. С одной стороны, в Европе начинает складываться особая социальная группа, осознающая себя в качестве академического научного сообщества. С другой стороны, уже в эпоху Ренессанса, данное сообщество начинает испытывать определенный кризис. Этому способствуют многочисленные экономические преференции, обратной стороной которых является определенная политическая зависимость университетов от государства или влиятельных семей. Так, например, говоря о Болонском университете, мы видим следующее: «В конце XIV века власти болонской коммуны ввели минимальную стипендию для доцентов, выплачиваемую за счет средств, собранных среди ведущих аристократических семей. Данный экономический рычаг позволял представителям городской олигархии оказывать давление на преподавателей и, как следствие, университет в целом» [6, с. 17]. Более того, официальный статус университетов, автоматически включал их в политическую жизнь Европы, подвергая определенные высказывания церковной цензуре. Примат методологии доказательства над содержанием, превратившийся в конечном итоге в схоластические дискуссии «о-чем-угодно», разделялся далеко не всем научным сообществом.

В качестве ответной реакции в Италии начинают формироваться альтернативные научные объединения, состоящие в основном из бывших университетских преподавателей. Покидая университеты, ученые объединяются под покровительством меценатов, заинтересованных в науке: «Центром притяжения покинувших alma mater профессоров и доцентов часто становились дворы вельмож и сеньоров, покровительствовавших наукам и искусствам» [6, с. 17]. Для развития научной коммуникации, такое обособление научного сообщества играет значимую роль. Тяготея к античной модели философствования, бывшие профессора отдавали предпочтение неформальным формам научной коммуникации, в большей степени похожей на «дружеские» беседы и обсуждения [6, с. 18]. Данная модель во многом противопоставлялась формальным университетским дискуссиям.

В отличие от мудрецов античности, ученые Возрождения с одной стороны, имели систематическое академическое образование, воспринимали свою деятельность в профессиональной модальности. Распространяясь за пределы Италии и, существуя параллельно с университетами, такие альтернативные научные образования во многом способствуют дальнейшему развитию научного сообщества. Можно сделать вывод, что образовательные учреждения в период становления также закладывают основы научной коммуникации, в привычном виде. Специфика средневековых университетов и канонов образования в них устанавливает и нормы в общении между учеными того времени, что помогает в дальнейшем формировании научных сообществ и коммуникаций внутри них.

Литература

1. Аристотель. Риторика. Книга первая. // Античная риторика. Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., Изд-во Московского университета, 1978. С.15-164
2. Тренделенбург А. Элементы логики Аристотеля. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 336 с.
3. Аристотель. Аналитика первая и вторая. Москва. Государственное издательство политической литературы. 1952. с. 437
4. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2000. с. 328
5. Свасьян К.А. Становление европейской науки. Москва. Evidentis. 2002. с. 439
6. Райнхардт Р.О. Развитие итальянского научного сообщества в эпоху Возрождения // Человеческий капитал. Издательство: Объединенная редакция (Москва). №1 (97). 2017. С.16-18

Синергетический подход в современном инженерном образовании

Терехов С.В.

Орловский государственный университет. Кафедра логики, философии и методологии науки, кандидат философских наук, доцент

svterehov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются инновационные изменения, происходящие в современной педагогической системе под влиянием синергетики как нового междисциплинарного научного направления, ставшего наиболее актуальной парадигмой современной науки. Обосновывается актуальность применения методологических принципов и категорий синергетики для комплексного изучения инженерных наук.

Ключевые слова: синергетика, педагогическая система, самоорганизация, открытость неравновесность, нелинейность, диссипативность.

Synergetic approach in modern engineering education.

Terekhov S.V.

Orel State University. Department of logic, philosophy, and methodology of science

Abstract: The article considers the innovative changes taking place in the modern pedagogical system under the influence of synergetics as a new interdisciplinary scientific direction, which has become the most relevant paradigm of modern science. The relevance of the application of methodological principles and categories of synergetics for the complex study of engineering Sciences is substantiated.

Key words: synergetics, pedagogical system, self-organization, openness, non-equilibrium, nonlinearity, dissipativity.

Появление в конце 20 в. такого современного междисциплинарного научного направления как синергетика ознаменовало собой переход к новому этапу эволюции познавательной деятельности человека – этапу синтетического, целостного видения предмета познания и его всестороннего анализа с методологических позиций различных научных дисциплин. Благодаря синергетике сформировалось представление об эволюции неживых, живых и социальных систем через бифуркации как о всеобщем законе природы.

Как отмечает Д.И. Токарев: «С момента своего появления в 1977 году в работах Г. Хакена до сегодняшнего дня синергетика прошла путь от теории самоорганизации окружающего человека материального, социального и духовного мира до междисциплинарной парадигмы согласованного развития системы «природа-общество-человек», обеспечивающей качественно новый уровень интеграции науки, философии, искусства и педагогики в практической деятельности человека. Современная синергетика стала теоретической основой изучения закономерностей устойчивого развития Вселенной и взаимодействия человека с природой, без которого невозможно его выживание и дальнейшая эволюция» [1, с.7].

Успешная эволюция современного человечества невозможна без непрерывной передачи накопленного социального опыта и знаний в области науки и техники. Образовательные процессы, как и любые другие явления общественной жизни, основаны на механизмах самоорганизации изучение которых необходимо для решения двух важных задач: поиска наилучшего метода организации и управлении процессом обучения и воспитания и разработки нового актуального в современной культуре содержательного материала для синергетического образования, направленного на формирование у обучаемых синергетического взгляда на окружающий мир [3].

Синергетика как метод изучения и управления образовательным процессом позволяет глубже проанализировать базовые закономерности инженерного образования на основе универсальных принципов изучения сложноорганизованных систем. В конечно итоге система инженерного образования мало чем отличается от других систем, поскольку включает в себя комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих между собой структурных элементов (подсистем) к числу которых следует относить: педагогический коллектив, коллектив учащихся, организационно-управленческие структуры, материально-техническая и нормативная базы образовательной организации и т.п. Системный анализ указывает, что эффективность работы сложноорганизованной системы напрямую зависит от характера взаимодействия управляющей и управляемой подсистем. От целесообразности и действенности законодательства, регулирующего педагогическую деятельность напрямую зависит результативность организационно-управленческой деятельности образовательной организации, которая, в свою очередь, оказывает определяющее влияние на качество работы педагогического коллектива, обеспечивающего необходимый уровень овладения учащимися знаниями, умениями и навыками.

С позиций современной синергетики процессы самоорганизации протекающие в рамках системы инженерного образования возможны благодаря присущим ей структурным особенностям. Задолго до появления синергетики в рамках системного анализа сложились представления об открытости или закрытости материальных систем, их равновесности или неравновесности, устойчивости или неустойчивости, линейности или нелинейности, статичности и динамичности. При этом сама принципиальная возможность возникновения процессов саморазвития и самоорганизации связана с тем, что все, природные и общественные системы должны быть открытыми, неравновесными и нелинейными. Применительно к анализу системы инженерного образования эти качественные характеристики приобретают свои особенности.

Открытость инженерного образования означает его включённость в тесную сеть взаимосвязей с другими социальными и природными системами, находящимися за её пределами. Природная среда, в которой функционирует система инженерного образования, политические и экономические условия, сложившиеся в государстве, уровень развития семейных и межличностных отношений теснейшим образом влияют на механизм её работы. Устойчивое развитие системы образования возможно только в условиях чёткого понимания её насущных потребностей и практических возможностей.

Второй важной характеристикой саморазвивающейся системы является её неравновесность. В системах, находящихся в состоянии равновесия исчезает неоднородность всех базовых характеристик в результате чего прекращаются практически все виды упорядоченного движения. Сохраняется лишь всеобщий хаос базовых элементов, например молекул. Дальнейшая эволюция таких систем невозможна, ибо это крайняя степень дезорганизации. Поэтому неравновесное состояние системы, наличие в ней неоднородностей, способных выступать источниками направленного движения, является базовым условием самой возможности упорядоченного развития данной системы. Только в условиях такой неравновесной системы инженерного образования будет не просто увеличиваться объем информации, передаваемой учащимся, возрастать число выпускников и количество выписанных дипломов, а произойдёт последовательный и неизбежный рост уровня социальной активности молодёжи, революционные преобразования в науке, технике и технологиях, существенные хозяйственно-экономические и социально-политические изменения.

Говоря о «*нелинейности*» педагогической системы как важнейшем условии её самоорганизации мы, прежде всего, имеем в виду её сложность, поскольку только сложные системы являются нелинейными. В отечественной системе инженерного образования нет и никогда не было единого тренда, обеспечивающего устойчивое поступательное развитие. Эволюция системы образования проходит через постоянное преодоление *точек бифуркации*, т.е. ситуаций предполагающих наличие целого спектра альтернативных путей развития событий. Как указывает синергетика, в момент прохождения системой точки бифуркации выбор одного из возможных вариантов развития осуществляется стохастически, т.е. скорее на основании случайности, нежели закономерности. Именно этим на наш взгляд следует объяснять сложившуюся ситуацию в современной системе инженерного образования, когда эффективность принимаемых управленческих решений вызывает серьёзные сомнения. Однако следует особо отметить, что изучение синергетикой механизмов эволюции систем позволяет находить наиболее оптимальные способы управления самоорганизационными процессами и таким образом искусственно формировать порядок из хаоса.

Мы рассмотрели всего лишь несколько примеров применения понятийного аппарата и методологии синергетики к анализу отдельных сторон инженерного образования. В результате можно сделать вывод о том, что применение методологических приёмов синергетического анализа способно существенно облегчить наше понимание принципов функционирования системы инженерного образования в целом и работы отдельных её элементов в частности. Конечной же целью внедрения синергетической

методологии в педагогику следует считать формирование синергетического стиля мышления, который позволит будущим инженерам и организаторам инженерного образования глубже понимать и точнее анализировать социальные и природные явления в их взаимосвязи и развитии, прогнозировать характер эволюции физических и социальных процессов, а также предотвратить возможные рецидивы нежелательных событий.

Литература

1. Токарев Д.И. Синергетика о природе и человеке // Экология и жизнь – 2007. – № 12. – С. 4–11.
2. Tokarev D. I. Synergetics about nature and man / / Ecology and life-2007. - No. 12. - Pp. 4-11.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. – М.: Алетея, 2002. – 414 с.
4. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Bases of synergetics. - - Moscow: Aleteia, 2002. – 414 PP.

Проблемы преподавания философии в техническом вузе

Чулков Л.К.

ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола), ассистент

ChulkovLK@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы преподавания философии в техническом вузе. Особое внимание уделено неумению студентов работать с текстами. Показан низкий уровень знания русского языка некоторыми студентами-иностранцами. Кроме этого, кратко описаны сложности использования электронных курсов при преподавании философии. Исследование адресовано вузовским преподавателям философии.

Ключевые слова: преподавание философии, технический вуз, анализ текста, иностранные студенты, языковая подготовка, электронный курс.

Problems of teaching Philosophy in a technical higher school.

Chulkov L.K.

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

Abstract: The paper examines problems of teaching Philosophy in a technical higher school. Particular attention is focused on students' inability to work with texts. Foreign students' low standard of knowledge of the Russian language is considered. Besides, the author outlines difficulties of using electronic courses in teaching Philosophy. This paper is addressed to university Philosophy teachers.

Keywords: teaching Philosophy, technical higher school, analysis of text, foreign students, language preparation, electronic course.

Преподавание философии является важной составляющей процесса подготовки специалиста любого профиля (в том числе, и инженера), поскольку способствует развитию у студентов навыков самостоятельного критического мышления, а также приобщает их к общечеловеческим культурным ценностям [1, с. 108].

При проведении семинаров по философии в Поволжском государственном технологическом университете (г. Йошкар-Ола) (за последние несколько лет нам довелось проводить семинары по философии практически на всех факультетах Поволжского государственного технологического университета) мы столкнулись со следующими проблемами.

Первая проблема связана с неумением (или нежеланием) студентов анализировать литературу, выявлять, сравнивать и сопоставлять точки зрения разных авторов (эта проблема неумения студентов «прочитать, продумать текст, найти основную мысль», сравнить несколько источников описана в литературе [2, с. 210]). Наиболее ярко это проявляется при написании студентами реферата (эссе) по выбранной теме. К концу курса философии (в Поволжском государственном технологическом университете курс философии на всех специальностях длится один семестр) студент должен написать и устно защитить один реферат (одно эссе). В результате студенты сдают или скачанную из Интернета готовую работу, или – в лучшем случае – работу, составленную из нескольких скачанных из Интернета готовых работ: введение берут из одной скачаной работы, первую главу – из второй скачаной работы, третью главу – из третьей скачаной работы и заключение – из четвёртой скачаной работы. Все попытки заставить студентов самих писать реферат (эссе) ни к чему не привели. Сначала нам казалось, что причина этого в том, что темы рефератов (эссе) неинтересны для студентов. Однако опыт показал, что причина не в этом: мы обновляли тематику рефератов (эссе), вводя темы, которые, на наш взгляд, являются актуальными для молодёжи; студенты действительно охотно выбирали эти новые темы, но метод работы над рефератами (эссе) и их качество, к сожалению, не отличались от указанных выше. За семестр мы проверяем примерно 250 студенческих рефератов (эссе) по философии, из них попадается,

как правило, не больше пяти хороших работ, остальные работы – очень низкого качества. Причём часто плохие рефераты (эссе) сдают сильные студенты, хорошо занимающиеся по философии. Возможно, причина неумения студента самому написать реферат (эссе) кроется в отрицательном влиянии ЕГЭ по гуманитарным дисциплинам: школьные учителя в старших классах вынуждены много времени уделять решению тестовых заданий в ущерб другим видам работ. Хотя, с другой стороны, нынешние студенты свободно владеют современными информационными технологиями, что, наоборот, должно формировать у студентов умение анализировать и сопоставлять информацию из разных источников.

Вторая проблема связана с низким уровнем знания русского языка студентами-иностранцами. Значимость этой проблемы обусловлена большим количеством иностранных студентов в Поволжском государственном технологическом университете: студенты-иностранцы имеются практически во всех группах, в некоторых группах они составляют большинство. Иностранные студенты в нашем вузе представлены, в основном, обучающимися из республик Средней Азии, а также из стран Центральной Африки. Среди студентов-иностранцев попадаются обучающиеся, хорошо владеющие русским языком, однако уровень владения русским языком большинства иностранных студентов довольно низкий: некоторые из них не понимают даже самых простых разговорных фраз на русском языке; остальные же, владея разговорным русским языком, имеют серьёзные пробелы в лексике и поэтому не понимают ни текста учебников, ни первоисточников по философии. Сначала мы думали, что студенты-иностраци просто обманывают нас: демонстрируя плохое знание русского языка, можно добиться некоторых послаблений в требованиях (к примеру, иностранным студентам, имеющим плохое произношение русских слов, мы разрешали вместо выступлений на семинарах сдавать нам на проверку конспекты изучаемой темы семинара). Это предположение было основано на том, что приёмная комиссия любого российского вуза перед зачислением иностранного студента должна проверять знание этим студентом русского языка. Если же абитуриент-иностранец не знает русский язык на должном уровне, то приёмная комиссия должна зачислить этого абитуриента не на первый курс бакалавриата (как поступают у нас в вузе), а на подготовительное отделение, где в течение года этот абитуриент совершенствует своё знание русского языка. Общение с иностранными студентами, у которых мы вели семинары по философии, убеждает нас в мысли, что большинство студентов, демонстрирующих плохое знание русского языка, не разыгрывают нас. Видимо, приёмная комиссия Поволжского государственного технологического университета при зачислении в вуз студента-иностранца не проверяет, знает ли он русский язык. Хотя, возможно, причина заключается ещё и в следующем: в литературе, посвящённой проблеме языковой подготовки иностранных студентов в российских вузах, отмечается, что, согласно законодательству Российской Федерации, «для поступления в российский вуз иностранец должен успешно пройти лингводидактическое тестирование по русскому языку на уровень В1», который предполагает знание только 2300 лексических единиц, что явно недостаточно для понимания лекций на русском языке [3, с. 167-168]. (Однако некоторые студенты-иностранцы, с которыми нам приходилось работать, не демонстируют знания даже этого небольшого объёма слов.) Философия в Поволжском государственном технологическом университете обычно преподаётся на втором или третьем курсе бакалавриата, однако за эти один-два года, что проходят от зачисления иностранного студента в вуз и до начала преподавания философии, как правило, ничего не меняется: в общежитие представителей одной национальности селят друг с другом, на занятиях они разговаривают между собой на своём родном языке. Ходят студенты-иностранцы группами, поэтому, если хотя бы один из них владеет русским языком, то остальным этого хватает, чтобы ориентироваться в чужом городе и контактировать с преподавателями. Печально сознавать, но у иностранных студентов, зачисленных в наш вуз с плохим знанием русского языка, нет особых стимулов для самостоятельного изучения русского языка в ходе образовательного процесса. В результате, такие студенты-иностранцы с довольно низким уровнем владения русским языком приходят на занятия по философии: они не понимают ни текста учебника, ни текста философского первоисточника на русском языке, не могут выразить на русском языке свою мысль. Преподавание философии таким студентам или сильно затруднено, или попросту невозможно.

Третья проблема появилась относительно недавно (с начала 2019-2020 учебного года) и связана с внедрением в образовательный процесс электронных курсов. Руководство Поволжского государственного технологического университета, пытаясь позиционировать во внешней среде инновационный характер нашего вуза, обязало всех преподавателей разработать и использовать в образовательном процессе электронные курсы по всем читаемым дисциплинам. Платформа Moodle, на основе которой педагогам предлагается разрабатывать электронные курсы, не позволяет учесть некоторые особенности преподавания философии. К примеру, выступление студентов с докладами на семинарах является важной составляющей процесса изучения философии в вузе, но система Moodle не позволяет учитывать этот вид работы при оценивании студентов. Платформа Moodle также не позволяет учитывать посещаемость студентов, хотя, с другой стороны, деканаты требуют от старост групп, чтобы те отмечали отсутствующих на занятиях студентов в специальных журналах и затем подписывали эти журналы у преподавателей.

Таким образом, при проведении семинаров по философии в техническом вузе мы столкнулись со следующими проблемами: во-первых, с неумением студентов анализировать литературу, выявлять, сравнивать и сопоставлять точки зрения разных авторов; во-вторых, с низким уровнем знания русского языка студентами-иностранцами; и в-третьих, со сложностями применения электронных курсов при преподавании философии.

Литература:

1. Южанинова Е.Р. О методах, формах и средствах преподавания философии в вузе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 3 (164). С. 108-113.
2. Серебрякова Ю.В. Обучение философии в техническом вузе: диалог с текстом // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 210-213.
3. Щеглова Н.Н. Факторы, препятствующие адаптации иностранного студента в систему обучения в российском вузе // Современные проблемы технического образования: материалы XIX Всероссийской научно-методической конференции (Йошкар-Ола, 22-23 марта 2019 г.) / Ред. коллегия: С.Г. Кудрявцев, Э.В. Унженина, В.Е. Шебашев. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2019. С. 165-169.

*РФК-2020_327_*
Круглый стол «Философские проблемы виртуалистики»
(памяти С.В. Полатайко)

Всеобщий закон солидарной жизни людей

Барлыбаев Халиль Абубакирович

Доктор философских наук, доктор экономических наук. Профессор. Свободный исследователь. Пенсионер

hbarlybaev@rambler.ru

Аннотация: Общество как система состоит из воображаемых, виртуальных отношений и связей между людьми, образующих две подсистемы: конфликтов и солидарности. Подсистема солидарности выступает как ведущая движущая сила общественного прогресса, создавая полигамные и парные семьи, племена, роды, общины, протогосударства, возмездный товарно-денежный обмен деятельностью, государства, другие социальные институты и общности. Эта закономерность логически превращается во всеобщий закон планетарной солидарной жизни людей, обеспечивающий единство и гармонию общечеловеческих и личных интересов. Как социальный закон он будет реализовываться через сознательную деятельность людей по формированию солидарного общества, иначе объективно будет принуждать их к этому на основе нарастания катастрофических опасностей, преодоление которых потребует непременных солидарных усилий всего человечества.

Ключевые слова: Общество, система. подсистема, солидарность, конфликт, закон, виртуальный подход (виртуалистика)

Universal law of solidary life of people.

Barlybaev Halil Abubakirovich

Professor. Free researcher. Pensioner

Abstract: Society as a system consists of imaginary, virtual relations and connections between people forming two subsystems: conflict and solidarity. The subsystem of solidarity acts as a leading driving forse of social progress, creating polygamous and paired families, tribes, clans, communities, proto-states, remunerative commodity-money exchange of activities, states, other social institutions and communities. This pattern logically turns into a universal law of planetary solidary life of people, ensuring unity and harmony of common human and personal interests. As a social law, it will be implemented through the conscious activity of people to form a solidary society, otherwise objectively will force them to do so on the basis of the increase of catastrophic dangers, the overcoming of which will require the necessary solidary efforts of all mankind.

Keywords: Society, system. subsystem, solidarity, conflict, law, virtual approach (virtualistics)

Социальные системы формируются из человеческих отношений и связей, которые как таковые эмпирически не проявляются, их невозможно увидеть и тактильно почувствовать, они реально существуют только в воображении людей, как абстрактно-виртуальные слова, термины, категории, понятия, проекты и программы типа семья, государство, рыночная система, солидарность, конфликт, дружба и любовь. Реальность отношений и связей проявляется в том, что через них образуются человеческие сообщества и институты, которые воплощают в себе солидарность людей или конфликты между ними. Тем самым солидарность и конфликты образуют две подсистемы, охватывающие все отношения и связи социальных систем.

История человечества преимущественно состоит из нарастающих возмездных и безвозмездных солидарных отношений, периодически прерываемых противостоянием и конфликтами различных социальных субъектов. При этом конфликты и войны способствуют консолидации людей в отдельные сообщества и группировки, совершенствованию орудий войны и средств производства для конкурентной борьбы. Данная тенденция действует как закономерность, без которой не было бы современной человеческой цивилизации. Следовательно, ведущей движущей силой истории человечества является не столько борьба классов, а сколько солидарная деятельность людей в многообразных формах: тысячелетиями через полигамную и парную семью, племенное устройство, родовую систему, общинный образ жизни и протогосударственную власть; многие века через возмездный товарно-денежный обмен деятельностью, часто под началом государства, используя социально-экономические и общественно-политические образования и пр. Осознание, понимание и стремление к реализации этой законо-

мерности высшими слоями современных обществ с помощью философии и обществоведческих наук может превратить ее в непреложный закон движения будущих формаций.

Всемирная солидарность возникает на основе действия системы законов солидарного общества, разработка которых является предназначением, задачей и обязанностью философии, общественных наук, юриспруденции и иных научных дисциплин. Характер этих законов должен соответствовать сферам действия солидарных отношений в экономике, политике, праве, этике, экологии, управлении и пр. Очевидно, имеется также охватывающий все эти законы единый, основной, всеобщий закон солидарного общественного развития. Представляется, что он может быть сформулирован как «Закон свободного, добровольного, осознанного или подсознательного обеспечения полного слияния, гармонии и единства личных и общественных интересов, когда реализация общественных интересов выступает как необходимое и достаточное условие полной реализации личного интереса, соблюдение общечеловеческого интереса становится главным индивидуальным интересом членов общества».

Данный закон и солидарные отношения пока не исследованы философией и общественными науками, хотя сегодня их анализ имеет судьбоносное значение для перспектив всей человеческой цивилизации. Эти проблемы связаны с необходимостью предотвращения опасных современных конфликтных состояний и налаживания солидарных отношений в мире, создания философии солидарности, доселе никем не разработанной как целостной системы.

Примеров жизни людей, живущих согласно этому закону, великое множество в реальной жизни, литературе, искусстве, фольклоре и т.д. В реальной жизни этот закон действует в условиях общинных, кровнородственных, семейных солидарных отношений, среди пассионарно, альтруистически, патриотически настроенных членов общества, в отношениях любви и дружбы. В семейной жизни причудливое сочетание общесемейного и личного интересов проявляется в том, что успех и интерес каждого члена семьи выступает как общесемейный успех и интерес. Патриотическая солидарность со своим народом, страной и государством реализуется при необходимости их обороны во времена военных баталий и трудовых свершений в мирной жизни, когда находится немало пассионарных героев, готовых ради этого на любой подвиг и самопожертвование. Выдающимся примером солидарности в дружбе являются отношения двух великих личностей – К.Маркса и Ф.Энгельса, когда последний всецело посвятил свою жизнь материальной, интеллектуальной и духовной поддержке своего друга. К.Маркс, в школьном сочинении обещавший служить всему человечеству, несмотря на неимоверные испытания и лишения, в полной мере реализовал свое обещание. В литературе гениальный образец того, как чувство любовной солидарности может быть сильнее и дороже человеческой жизни, показан в трагедии У.Шекспира «Ромео и Джульетта», в финале которой влюбленные добровольно прощаются с жизнью, чтобы не жить без любимого человека и с желанием умирать вместе с ним. Такого же характера самопожертвование в реальной жизни в XIX веке демонстрировали в России жены декабристов, покинувшие дворянскую жизнь и последовавшие за своими мужьями на сибирскую ссылку.

Среди множества форм солидарной жизни людей сегодня ведущей является деятельность по созданию различного рода политических партий, программы каждой из которых, в-сущности, претендуют на наилучшее претворение в жизнь философской парадигмы солидарных отношений: человеческого благоразумия, идеалов социальной справедливости, истины и свободы личности, солидарно достигаемых обществом и государством на основе партийных программ. Последние одновременно претендуют на роль руководства к действию по обеспечению общества материальным благополучием. Это вытекает из содержания философской парадигмы солидарных отношений, воплощенной в общественном сознании.

В условиях современной общественной практики интеллектуальная конкурентная борьба партий и их программ способствует «естественному» отбору наиболее предпочтительных из них для общества на основе действия избирательной системы в различные органы разных уровней. На разнообразных выборах, референдумах, плебисцитах и опросах общественного мнения, относительно недавно появившихся в истории человечества, общественное сознание и мнение получают деятельную форму, через которую осуществляется реальное обратное влияние общественного сознания на общественную практику. Это, в свою очередь, ведет к сопутствующему совершенствованию солидарных отношений, росту благоразумия, улучшению и укреплению воплощения в жизнь ценностей справедливости, истины и свободы. Других, более совершенных способов управления общественными процессами сегодня придумать сложно. Современная избирательная система имеет немало изъянов в решении данной задачи. Однако совершенствование в будущем ИТ-технологий, горизонты и возможности которого сегодня трудно предвидеть, может способствовать адекватному выяснению через выборы общественного мнения и осуществлению его эффективного, солидарного влияния на общественную практику. Избирательная система выступает своеобразным фильтром и контролером по отбору наилучших вариантов социального прогресса, отраженных в партийных программах, в которых должны намечаться конкретные, наиболее эффективные, солидарные способы и пути цивилизационного развития общества.

Сказанное распространяется на все сферы социума: солидарную экономику, политику, право, управление, этику, экологию. В данном перечне экология названа последней, хотя по значимости она в современных условиях является самой важной из всех сфер солидарной жизни, нуждающихся в солидарном общественном регулировании. Солидарные отношения между людьми невозможны, если невозможна жизнь человека из-за непригодной среды обитания, а жизнь человечества без жизнетворящей биосферы. Экологические проекты и программы нуждаются в пристальном, приоритетном и солидарном общественном внимании и стопроцентном финансировании в отличие от того, как они сегодня во всем мире являются социальной золушкой и финансируются по остаточному принципу.

Важным условием действия всеобщего закона солидарного общественного развития является то, чтобы значительная доля жителей Земли, в особенности руководители государств и партий, ученые и интеллектуалы, лидеры религиозных конфессий, люди с активной гражданской позицией глубоко прониклись идеей необходимости планетарной солидарной жизни, начали эти идеи пропагандировать среди всех слоев населения и развернули деятельность по их практической реализации. Пока, к сожалению, мировому сообществу весьма далеко от такого состояния, оно перегружено коммуникацией негативного характера, взаимное доверие между его различными субъектами общения на очень низком уровне, в мировом масштабе господствует паутина различного рода противостояний и конфликтов, на уровне дипломатического общения, в средствах массовой информации и интернете преобладает бессодержательная негативная риторика и т.д. При этом нарастают различные угрозы экологического, военно-политического, террористического и иного характера. В этих условиях для реализации закона солидарного общественного развития необходимо, прежде всего, очистить сферу международного общения от негативной атмосферы, постараться перейти к позитивному, содержательному и многостороннему диалогу в солидарном духе.

Несомненно, всеобщий закон солидарного общественного развития рано или поздно пробьет себе дорогу в истории человечества. Можно сказать, что он втягивает людей в солидарную жизнь помимо их воли и сознания ради сохранения ими своей истинно человеческой сущности, для спасения себя и окружающей среды от одномоментной или затяжной кончины, для создания на Земле достойной Человека цивилизации. Разумеется, лучше всего, если это произойдет на основе сознательной, целенаправленной, рациональной и солидарной жизнедеятельности мирового сообщества. Если этого не произойдет, закон будет действовать через принуждение людей к такой жизнедеятельности на основе нарастания катастрофических опасностей при современном образе жизни, преодоление и спасение от которых будет возможно только совместными, солидарными усилиями всего человечества [1].

Литература:

1. Барлыбаев Х.А. Избранные труды в 4-х томах.
Т. I: Устойчивое развитие. Глобалистика. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2014. 544 с.;
Т. II: Философская антропология. Глобализация. Устойчивое развитие. Сознание и идентичность. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2014. 512 с.;
Т. III: Экономическая теория. Экономика. Экология. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2014. 448 с.;
Т. IV: Публицистика: интервью, выступления, статьи. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2014. 411 с.

Виртуальная реальность и социальные трансформации

Белоногов Георгий Евгеньевич

Уфимский топливно-энергетический колледж – УТЭК, преподаватель. Кандидат философских наук

efor.geo@mail.ru

Аннотация: В докладе представлен анализ социальных трансформаций, к которым ведет или может привести внедрение технологий виртуальной реальности в сферах экономики и рынка труда, социального управления и контроля, социальной инженерии, общественного устройства. Отмечается масштаб социальных последствий интеллектуальной информатизации в различных сферах человеческой жизнедеятельности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, информационные технологии, социальные трансформации, новые социальные модели, социальные конфликты.

Virtual reality and social transformations.

Belonogov Georgii Evgen'evich

Ufa fuel and energy College-UTEC

Abstract: the report presents an analysis of the social transformations that the introduction of virtual reality technologies in the areas of economy and labor market, social management and control, social engineering, and social structure leads to or may lead to. It is noted the scale of the social impact of intelligent information technologies in various spheres of human activity.

Keywords: virtual reality, information technologies, social transformations, new social models, social conflicts.

Социальное измерение внедрения технологий виртуальной реальности в производстве, образовании, науке, медицине, всевозможных коммуникациях и т.д. в настоящее время является остро стоящей перед гуманитарными науками и философией проблемой.

Глобальным рискам и возможностям, которые создает процесс распространения новых технологий, посвятили свои работы зарубежные авторы Г. Коллинз, Д. Сёрл, Е. Юдковски, М. Боден, Н. Бостром. Эта проблема также вызывает интерес у российских исследователей А.Д. Урсула, В.А. Кузнецова, В.Е. Бугеры, И.В. Ладыгиной, Н.В. Верещагиной, О.И. Елховой и многих других авторов.

В нашем исследовании рассматриваются социальные трансформации, к которым ведет или может привести внедрение технологий виртуальной реальности в сферах экономики и рынка труда, социального управления и контроля, социальной инженерии, общественного устройства.

Виртуализация и информатизация порождают массу новых возможностей как для отдельных лиц, так и для общества в целом. Коренным образом меняется сам образ жизни. Для оплаты коммунальных услуг больше не нужно простаивать длинную очередь к банковской кассе. Многие вещи, совсем недавно, отнимавшие массу времени и сил, теперь совершаются в два клика на мобильном устройстве, не выходя из дома. В скором будущем, если верить, представителям инженерной мысли уйдут в прошлое и ставшие привычными смартфоны и планшеты, их заменят умные очки, интегрированные в единое пространство виртуальной реальности.

Плюсы новых технических достижений, их практическую пользу для человечества трудно переоценить. Но мир диалектичен: все, что существует, существует по закону единства и борьбы противоположностей. Любое явление, любой объект есть неисчерпаемый комплекс противоречий; любое развитие есть развитие противоречий между теми или иными противоположностями, едиными друг с другом и вместе с тем отдельными друг от друга, взаимопорождающими и вместе с тем взаимоуничтожающими.

На наш взгляд, массовое внедрение технологий виртуальной реальности в условиях господства капиталистических монополий чревато массовой безработицей в тех отраслях, где ныне востребован живой человеческий труд. Тенденция вытеснения человека технологиями виртуальной реальности и процессами роботизации уже сейчас ощутима в сферах образования, здравоохранения, администрирования, логистики, торговли, дизайна, связи. Вместе с тем футуролог Г. Кордингтон в статье, опубликованной в журнале Tomorrow Today Global, утверждает, что к 2025 г. на рынке труда станут востребованы необычные профессии наномедиков, нейробиологов, мастеров по обслуживанию «умных домов», дизайнеров виртуальной реальности, преподавателей онлайн, городских фермеров, специалистов по сбору цифровой информации для рекламных и маркетинговых концернов.

Тем не менее, успокоительные прогнозы экспертов, утверждающих, что информационная модернизация, ведущая к отмиранию множества традиционных профессий, породит им на смену длинный перечень других на данном этапе системного кризиса мировой экономики не могут не вызывать скепсиса. Оптимистические оценки выглядят малообоснованными с учетом того элементарного факта, что за последние 30 лет в мире имеет место снижение капиталовооруженности труда.

Очаговая информатизация в развитых странах мира (США, ЕС, Япония) сопровождается выносом реального производства в страны периферии, где на конвейерах предприятий задействована низкооплачиваемая и малоквалифицированная рабочая сила и широко используется детский труд. Очевидно, что научно-технический прогресс не переваривается неолиберальной моделью капитализма, по крайней мере, в тех объемах, какие рисуются в красочных презентациях топ-менеджмента технологических корпораций. В самих этих компаниях идут волны сокращений наемного персонала; зарплата практически не растет; «оптимизируются» расходы на научную организацию труда; распространены финансовые махинации.

Падение рентабельности капиталистического производства, требует принципиально новых моделей организации экономических отношений. Иначе неизбежны острые социальные конфликты, часть из которых будут протекать в совершенно новых формах, которых не было в истории человечества. Так, сравнительно недавно в политологический словарь прочно вошел термин Twitter Revolution, означающий массовые протестные акции (выступления против режима М. Ахмадинежада в Иране, события «Арабской весны», украинский Евромайдан и т.д.), координирующиеся посредством популярных социальных сетей.

Репрессивные институты современных государств также не стоят на месте в сфере модернизации процессов осуществления контроля за настроениями населения. В современном Китае слежка государства за гражданами с применением электронных средств приобретает тотальный характер. Антиутопия Дж. Оруэлла «1984» воплощается в повседневность ускоренными темпами. Печальную известность получила система социального кредита (Social Credit System). По данной системе предполагается оценивать все население Китая, численность которого превысила 1,4 млрд человек. Ключевым критерием оценки станет социальное поведение граждан, с учетом ежедневных трат, платежеспособности, отношений с семьей и коллегами на работе. На основе нескольких факторов будет выстраиваться индекс благонадежности того или иного человека. Интересно, что нормы «социально приемлемого поведения» будет устанавливать китайское правительство, а не специальная выборная коллегия. Если система SCS все-таки будет введена, то власти КНР одновременно достигнут двух целей – смогут авторитарным образом навязывать обществу рамки нравственности и морали и при этом жестко контролировать все аспекты жизни своих граждан.

Рассмотрев и проанализировав воздействие информационных технологий на обозначенные области, мы приходим к выводу, что масштаб социальных последствий интеллектуальной информатизации будет огромен и в обозримые десятилетия человечество ждут качественные сдвиги в формах его социальной организации, причем перемены будут носить не только эволюционный, но и катастрофический характер.

Литература:

1. Bostrom N. Global Catastrophic Risks / Bostrom, Nick. Oxford, UK: Oxford University Press, 2008. P. 91-119; 308-345.
2. Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем, 2015. 128 с.
3. Бугера В.Е. Сущность человека. М.: Наука, 2005. 300 с.
4. Елхова О.И. Онтология виртуальной реальности: монография. Уфа:РИЦ БашГУ, 2011. 228 с.
5. Сафрончук М.В. Влияние информационной экономики и глобализации на факторы экономического роста // Вестник Академии. 2014. № 4. С. 31- 34.
6. Сёрль Дж. Разум мозга – компьютерная программа? / Дж. Сёрль // В мире науки. (Scientific American. Издание на русском языке). 1990. № 3. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://raai.org/library/books/sirl/ai.htm (дата обращения: 08.02.2020 г.)
7. Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию: ноосферная стратегия. М., 1998. 421 с.

Метафизичность Человека

Бирюкова М.Е.

Общественный деятель

Бирюкова Е.Е.,

Переводчик с иностранных языков

tf-marina@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается метагалактическая концепция многомерности человека, основанная на метафизическом подходе. Макро и микрокосм. Редуцируемость системы иерархизируемых явлений макрокосма новым типом микрокосмической организации иерархизируемых свойств человека, оформляющейся процессуально в человеке и формирующей его цельность. Приводится определение сущностно-онтологических частей-свойств человека. Затронуты принципы формирования телесности человека материальной явленностью сущностно-онтологических свойств человека множественностью эволюционных выражений. Баланс макро-микровзаимодействий. Имманентная метафизичность человека экзистенциальной компетенцией. Управляемый синтез внутри Человека. Управление непроявленной составляющей в проявленной материи, освоение стратегических подходов к развитию и организации собственной жизни.

Ключевые слова: имманентная метафизичность, многомерность человека, микрокосм, части – свойства, синтез.

Metaphysicality of Human.
Biryukova M.E., Biryukova E.E.

Abstract: The article discusses the metagalactic concept of multidimensionality of man based on a metaphysical approach. Macro and microcosm. Reduction of the system of hierarchized phenomena of the macrocosm by a new type of microcosmic organization of procedurally formed hierarchized properties of a person, wich forms its integrity. The definition of essential-ontological parts-properties of a person is given. The principles of the formation of human corporeality by the material manifestation of the essential ontological properties of man and the multiplicity of evolutionary expressions are touched. The balance of micro-macro interactions. Immanent metaphysicality of a person through his existential competence. Controlled synthesis within a person. Human control of the unmanifested component in manifested matter, mastering strategic approaches to the development and organization of your own life.

Keywords: immanent metaphysicality, multidimensionality of man, microcosm, parts-propeties, synthesis

Цель – создать «тот великий синтез,
к которому идёт человечество».
Вл. Соловьёв

Выход человека в космос определил прорыв в истории человечества, открыв доступ к исследованию макрокосмического пространства. Новый вызов времени – открытие микрокосма, управляемого синтеза внутри человека.

Предлагаемая концепция многомерности человека является итогом работы авторского коллектива, устремлённого на решение этой задачи, и основана на метафизическом подходе в освоении сущего человеком. Рассмотрим её некоторые основные положения.

1. Цельность человека. Сущностно-онтологические части-свойства. Микрокосм.

Изучая созидание человека, необходимо увидеть уровневость или иерархичность его существования. Человек – это целое. Согласно законам философии, целое состоит из системы частей. Соответственно, определение частей-свойств человека – очень важное явление для познания его целостности.

Многие из таких свойств всегда осознавались в обществе. Наиболее известные – разум, сердце, душа, сознание, ум, мышление, интеллект, интуиция, сообразительность, логика, вера, провидение, и так далее, образуя сложную иерархичную систему частей-свойств и подсистем. Возможна жизнь целым с разным уровнем развитости системности.

Часть-свойство – это сложившаяся цельность, устойчиво формирующая процессы определённой специфики действия и имеющая ядерно-субьядерную организацию [1], что определяет его устойчивость (например, процесса мышления).

Но если тело человека физически цельно, то где располагаются эти части, если физиологически их сложно увидеть, но при этом не все действия человека можно объяснить с точки зрения физиологии?

Учитывая, что макрокосм отражается в микрокосме человека своими принципами, стандартами, законами организации, то разработка внутреннего пространства человека становится перспективой возможного развития. Известно, что «природа не терпит пустоты». Стоит предположить, что это не пустота или «незавершённость», а формирующаяся реальность перспективного существования человека, новый тип природы микрокосмической организации - новые атомно-молекулярные ядерные уровни бытия, оформляющиеся в человеке и формирующие иерархическую цельность его особенностей, определяемых как части-свойства, синтезом микрочастиц и их взаимодействий. Человек утончается, заполняется пространство между ядрами внутрителесной организации человека. Обеспеченность энергией, светом, духом, огнём имеет макрокосмическое происхождение.

2. Материальная явленность.
Иерархические уровни материальной организации базовых частей-свойств

Любое явление имеет соответствующую материальную основу. Вопрос в том, о какой материальности идёт речь и что мы знаем о ней, если «пользуемся» немногими понятиями: физика, эфир, астрал, ментал…, а дальше - «тёмная» материя. Наше знание о человеке не может быть полным без определения видов материи его развития.

Материя – это философская категория, характеризующаяся явлением вещества, эманации, самоорганизации, мерности, скорости, пространства, времени, поля, формы, субьядерности, энергии и так далее, то есть, тех понятий, которые соответствуют фундаментальной структуре бытия, универсалий. В каждом виде материи есть все специфики фундаментальных начал и основ.

Человек распознаёт материю, уровни её организации взаимоотражением и взаимокоординацией тела человека, его частями-свойствами, и организованной сферы космоса, Метагалактики. От количества частей-свойств, которые сформировались в теле человека его экзистенциональной компетенцией, готовых к такому взаимодействию, зависит его восприятие окружающего мира. Генетический аппарат способен улавливать данные извне и приспосабливаться. Здесь в человеке материальное и идеальное синтезируются. То есть явления материи иерархизированно распределяются на уровни как материальной организации человека, так и уровни материальной организации космоса.

Возможна множественная телесность человека видами материи? Некоторые учёные оперируют такими понятиями. В.А. Подорога в ряде своих работ говорит о «множественности тел» человека. О телесной оформленности человека разными видами материи говорит и основатель вальдорфской педагогики Р. Штейнер, предложивший вести воспитание детей через выявление и, соответственно, развитие их «физических», «эфирных», «астральных» и «я» - тел» [2, с. 19].

Доказать это на данный момент практически невозможно. Чтобы распознавать многоуровневую материальность космоса, человек должен обладать соответствующим «набором» материи, иначе наблюдать их вовне он не сможет. Необходима минимальная развитость человека видами материи, чего на данный момент просто нет, а есть отдельные аргументации.

3. Иерархическое масштабирование материи.
Реальности. Макро-микробаланс.

В единстве вышеназванных фундаментальных основ, универсалий, в синтезе сфер-оболочек существует сфера Метагалактики как предельная сфера воспринимаемого космоса. Внешний космос отражается во внутреннем пространстве человека субъядерно (уровень элементарных частиц) частями-свойствами и наоборот. Реальность – там, где часть человека реальна в определённой организации пространства-времени материи. Реальности индивидуализируют фундаментальные начала под соответствующие части человека, их особенности, организуя микрокосм человека. То есть система иерархизируемых явлений общей среды космоса, различаемых мерностно во внешнем выражении (масшта-

бирование материи), редуцируется во внутреннем выражении человека соответствующей организацией микрокосма. Образно говоря, человек похож на «ядерный реактор», где идет синтез всего-во-всём.

Микро-макробаланс у каждого человека исключительно индивидуален. От «оснащённости» человека «набором свойств», разработанности микрокосма, будет зависеть, в какую Реальность он способен выйти и осваивать её. Космос допускает человека по подготовке, развитости внутренней организации. Тип микрокосмической организации человека индивидуальный у каждого и определяет силу его воздействия на материю.

4. Имманентная метафизичность человека

Концептуализируя образ человека, необходимо понимать, что «Человек есть существо, преодолевающее свою ограниченность, трансцендирующее к высшему» [3, с. 220-223].

Открытие «человека как метафизического существа, в котором Метафизика определяет «физику», звучит в трудах Н. Бердяева, С. Франка. «… Человек… осваивал космические стихии, находя и живо ощущая их в самом себе, в своём собственном теле; он чувствовал космос в себе самом» (Бахтин М.М.). В этом смысле можно говорить о метафизике телесности.

Вышестоящие виды материи, находящиеся за пределами, ранее называемые идеальное, или «Небытие как актуальная бесконечность, порождающая из виртуального пространства потенциальную бесконечность – бытие» [4, с.189] или философское Ничто, мы определяем, как метафизическую основу, прасинтезность, запредельную по отношению к синтезу всей Вселенной Праматерию. Она находится в запредельной для нас форме и организации существования, и поэтому для нас не познаваема. Это специальный вид материи, осуществляющий организацию фундаментальных начал, где они формируются, иерархизируются, образуют устойчивую цельность и выявляются в структурной организации известной нам материи, основа любого материально-устойчивого существования. Она проникает в наш материально организованный мир и расширяет его возможности, обогащая существующий мир, и постепенным накоплением вводит его в более высокие явления материи, чем существующие. В каждом виде материи свой вид метафизической основы. Смысл метафизики в этом процессе - переход в следующий вид материи, в более высокие реальности. Переход объектной материи в новый уровень самоорганизации и развития осуществляется за счёт биологических субъектов.

Где в человеке кроется эта непроявленная составляющая? Древние философы (Демокрит, Левкипп) в своё время ввели понятие атома, как мельчайшей составной частицы материи, из которых состоит всё сущее. Новая философия говорит о ядре, как единице, цельно несущей фундаментальности запредельного, осваивающей вид материи и её метафизическую основу. Человек имманентно метафизичен тем, что обладает способностью ядерно или субъядерно организовываться.

Разработанностью этого свойства преодолеваются ограничения чувственного восприятия, и человек начинает различать не только физику, но и другие виды материи, становясь метафизически свободными.

Человек, научившись различать, фиксировать и концентрировать собою эволюционные выражения более высоких порядков, достигая при этом определённых качеств и свойств, осваивая реальности организованного макромира, организуя материю личным ростом и развитием микромира, входит в высокие цивилизационные формы существования. Это метасинтез - обьединение видов материи, одновременно метафизической основы и видов материи. Метасинтез как инструмент метафизики и новая метафизическая цельность человека.

Предложенная концепция носит открытый характер по отношению к научно-антропологическому познанию, культурно- и социально-историческому опыту.

Литература:

1. Сердюк В.А. Парадигма Человека. Т. 2. М.: Ленанд, 2019. 600 с.
2. Штейнер Р. Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки. М., 1993. 40 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание: Избр. произведения. Ростов н/Д., 1997. С .220-223.
4. Нуруллин Р.А. Метафизика виртуальности // Генезис категории виртуальная реальность: Материалы международной научной конференции (15 февраля 2008 года) / Под ред. А.В. Захряпина и др. Саранск: «Рузаевский печатник», 2008. С. 189–195.

Восприятие бытия в сетевом взаимодействии, как развитие феноменологии Э. Гуссерля

Бреслер М.Г.

Уфимский государственный нефтяной технический университет, доцент кафедры Международных отношений, истории и востоковедения. Кандидат философских наук

bremmaster@yandex.ru

Аннотация. В условиях трансформации общества, перехода на преимущественно сетевую форму коммуникаций в совершенно ином свете предстает феноменология Э. Гуссерля. Влияние феноменологии обусловлено не только значимостью самого учения, но тем, что рефлексия чистого сознания становится основой осознания совершенно новых феноменов конца XX – начала XXI веков. Виртуальная реальность, сознание искусственного интеллекта и сознание сети. Изначально творчество Э. Гуссерля не было посвящено актуальным явлениям, но носило глубинный, базовый, вневременной характер. Парадоксальным образом феноменологические исследования интенционального бытия, всего множества видов смыслообразования становятся теоретической базой изучения сетевого сознания в современной философии 2010-х годов. Пройдя путь от утери субъектности в сети, до развиртуализации сетевой коммуникации философия снова возвращается к феноменологии в реальности сетевого взаимодействия

Ключевые слова: виртуальность, развиртуализация, коллективная интенция, сетевое взаимодействие

Perception of being in network interaction as a development of the phenomenology of E. Husserl.

Bresler M.G.

Ufa State Oil Technical University, Department of International Relations, History and Oriental Studies

Abstract. In the context of the transformation of society, the transition to a predominantly networked form of communication, the phenomenology of E. Husserl appears in a completely different light. The influence of phenomenology is due not only to the significance of the doctrine itself, but to the fact that the reflection of pure consciousness becomes the basis for awareness of completely new phenomena of the late XX - early XXI centuries. Virtual reality, artificial intelligence and network consciousness. Initially, the work of E. Husserl was not devoted to actual phenomena, but it was deep, basic, timeless in nature. In a paradoxical way, phenomenological studies of intentional existence, of the whole multitude of types of meaning formation become the theoretical basis for the study of network consciousness in modern philosophy of the 2010s. Having gone from the loss of subjectivity in the network to the virtualization of network communication, philosophy is again returning to phenomenology in the reality of network interaction

Keywords: virtuality, virtualization, collective intention, network interaction

Представление о природе самопознания бытия, явлениях, предшествующих и следующих за актом познания, основанных на редукции, «выносе за скобки» эмпирически познаваемого мира революционно. Но в то же время оно опирается, первоначально, на методологию Р. Декарта (картезианский период), а затем на собственную методику феноменологии, исходящую в некоторых аспектах от неокантианства и далее опирающуюся на принцип жизненного мира. Причины эволюции представлений в развитии первоначальных идей ученого состоят в поиске универсальных механизмов мышления и познания мира. Уже в начальном периоде его научного творчества в труде «Логические исследования» появляется понятие интенции как направленности мышления (= сознания) на познание объекта Интенциональная сущность не пассивна, направленность её задаётся сознанием. Интенция определяется как признак волепроявления человека, выделяющего данный предмет среди иных предметов бытия, что в дальнейшем позволило ввести в категориальный аппарат понятие «эпохе», «заключения в скобки мира», то есть предварительных знаний и допущений коррелята субъективности сознания.

Отметим, что сетевое взаимодействие людей есть совокупность волепроявлений множества людей, участников сетевого сообщества, носителей субъективного сознания, где суждение одного есть результат интенции другого. Предвосхищая концепцию симулякра Ж. Бодрийяра, во втором томе «Логических исследований» Э. Гуссерль пишет о различении знака и выражения: «каждый знак есть

знак для чего либо, но не каждый имеет смысл, который может быть выражен» [1, с. 35].

Знаку может быть целенаправленно придано значение оповещения, и тогда знак ставится обозначением по отношению к объекту. Знак становится признаком тогда, когда он служит для оповещения сознания о предмете [или, предвосхищая работы Ж. Бодрийяра, – когда становится, воспринимается как образ предмета, или в современной терминологии маркетинга sign vs brand]. Одни предметы или положения их в пространстве, о котором мы обладаем действительным знанием, осознаются как оповещение о других предметах или их местоположении (карта, древняя окаменелость, монета). Однако такое указание может быть доказательством только тогда, когда оно очевидно. Тут выявляется линейный характер феноменологии, ибо очевидным оповещение может быть лишь при совокупности обстоятельств, интенции предмета в сознании одного человека. Индивидуальный опыт сознания делает лишь вероятным указание на что-либо. Э. Гуссерль рассматривает в данном случае идеальное состояние, при котором объективные выводы и доказательства соответствуют объективным доказательствам. Отличая от оповещающих знаков те знаки, которые имеют или обладают значением «выражения», автор отличает их от выражения таковым значением, не обладающим «выражением лица». Рассматривая выражения в их коммуникативной функции, автор различает как физическое, так и эмоциональное наполнение выражения [1, с. 44]. Выраженное – дескриптивный момент в переживаемом единстве знака и обозначенного. Следует провести дескриптивное развитие между физическим явлением знака и интенцией (стремление понять) значения, которая и делает знак выражением. Направленное само на себя значение не становится выражением, но остается знаком. При этом интенция значения составляет феноменологическую характеристику выражения в противоположность пустому звучанию слова. Интенция значения не обязательно содержит некую фантазию, сама по себе очевидность знака делает его выражением, как при созерцании, так и вне такового. Иначе говоря, в феноменологии Э. Гуссерля, интенция является актом волеизъявления размышляющего (созерцающего). Как правило, физическое состояние знака и его восприятие объективно совпадают, но бывают и случаи несовпадения. Как в случае, когда содержание, которое они называют (обозначают), не совпадает с извещаемым. Выражение может быть как объективным (когда восприятие его очевидно однозначно), так и сущностно-окказиональным (когда восприятие зависит от различных факторов, существующих в данный момент времени). Идеальными считаются выражения с единством объективного свойства предмета субъективным восприятием его выражения, то есть с интенцией значения. Объективность в сетевом взаимодействии не возрастает пропорционально числу участников и числу коммуникационных путей распространения информации. Происходит иная трансформация восприятия объективного, а именно – множество сущностно-окказиальных восприятий формируют некое общее выражение знака в соответствии с ценностями сетевого сообщества. Выявленное Э. Гуссерлем различение между актом создания значения данного выражения и актом выражения с иными свойствами, позволяет в дальнейшем перейти к пониманию кода – уникального языка сетевого сообщества. Это различение сродни различению между окраской и цветом предмета, осознаваемого в восприятии на подпочве абстрагирования. Абстрагируясь от внешних и внутренних факторов воздействия на восприятие предмета, а также от крайних значений, принимая во внимание лишь усредненные данные, выражение цвета предмета воспринимается как красный цвет. Следует отметить, что акт интенции позволяет придать знаку означение, и тогда один из сигналов светофора, красный, будет воспринят как знак опасности, а крем на пирожном такого же цвета не содержит смысла и не отражается в восприятии как «опасность». Это не особенность отдельной личности, но часть общего мышления, способность к абстрагированию. В сетевой коммуникации участники изначально пришли к конвенциальному соглашению об общих значениях, абстрагируясь от феноменальных вещей. «Частная идея становится общей, будучи присоединенной к общему имени»[2, с. 124], как провидчески писал Э.Гуссерль.

Коллективная интенция сетевого взаимодействия, многократно трансформируясь, приводит с некоей долей вероятности к выявлению значения. Действительно «интенция значения осуществляется посредством созерцания, а высшая форма этого есть то, что дано с очевидностью»[2, с. 319]. С точки зрения феноменологии, акт – переживание придания значения и то, что со значением сопряжено в каждом отдельном акте (но не в предмете), то, что делает акт интенциональным (направленным) на предмет переживания, многократно усиленным множественными переживаниями различных акторов. Идеализм Э. Гуссерля, определяемый Н. Лосским как трансцедентально-феноменологический [3], в то же время опирается на материальную основу феномена, без которого невозможна очевидность сознания. Отметим, что материальная основа не очевидна, но проявляется как созданный виртуальный образ и материализованный в сетевом взаимодействии. Сам Э. Гуссерль настаивал на идеалистическом характере феноменологии, характеризуя «как науку о сущностях (как науку «эйдетическая»), как наука, которая намерена констатировать исключительно «познания сущности» – никакие не «факты». Но я сущность, выраженная в идее, есть « возможность, которую следует, в свою очередь, разуметь не как эмпирическую, но как сущностную. … – и так вплоть до вполне конкретного» [4, с. 82]. Как видим, различение идеального и материального для Э. Гуссерля проходит по линии объект/идея объекта, что ближе к пониманию идеи как информационного продукта, нежели к трансцендентному феномену.

Ноэма, в терминологии Э. Гуссерля, становится материальным информационным продуктом при сетевом взаимодействии многих лиц, и в то же время вероятность активизации процесса ноэзиса зависит от трансцедентального «эпохе» или близости идеи ценностям (ожиданиям) участников. Введение понятия трансцедентального «эпохе» было произведено Э. Гуссерлем в труде «Картезианские медитации», и позволяет рассматривать не только Ego, но и в трансцедентальной установке ego ipso (сущий для меня), Другой alter ego, указанный в «опытно-познающей интенциональности моего «ego». Отсюда самопознание – познание «другого» посредством особой формы опыта «другого». Наличие трансцендентного в виртуальном пространстве было выделено как часть нерасторжимого единства «ОСТ – концепция виртуальной реальности» О. И. Елховой [5], что «…придает целостность виртуальной реальности … когда человек, расширяя свои бытийные горизонты, преодолевает пределы имманентного» [6], мы в то же время считаем вслед за Э. Гуссерлем, указывающим на отграничение трансцендентного в виртуальном: «трансцендентность внешне по отношению к Я» [4]. Переживания осознания реальных и интенциальных предметов, а также Других — как психо-физические объекты, и познающие субъекты, обладающие своей картиной мира. Но мир – один для всех, то есть интерсубъективен. Динамика цифрового мира выключает мир, лишь осознаваемый на основе собственного опыта «Я» и наоборот, «редуцировав мир опыта к миру «первопорядковому», получаем исключительно интенциональный коррелят жизненного опыта «Я» [4].

Если эксплицировать это суждение на сетевую коммуникацию внутри сообщества, мы получаем материальную картину бытия, порожденную множественными интенциями акторов, где ноэзис одного становится ноэмой другого. Для внешнего наблюдателя трансцедентными являются наблюдаемые им процессы, происходящие внутри сетевого сообщества, вследствие «Иного коммуникационного кода Иных». Мир вне сообщества становится трансцедентным, непознаваемым для акторов сетевого взаимодействия сообщества. В тоже время полиидентичность человека современного общества приводит его к одновременному существованию во множестве взаимопересекающихся сообществ, что расширяет его мир в пределах осозноваемого поля реальности.

Абстрактные «гуссерлианские медиатации» в исследованиях сетевых коммуникаций приводят к важным выводам, имеющим прикладное значение для осмысления социальных процессов начала XXI века [7, с. 143].

Литература:

1. Гуссерль, Э. Логические исследования. Т.1: Пролегомены к чистой логике / Пер. с нем. Э.А. Бернштейн под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова М.: Академический проект, 2011. 253 с.
2. Гуссерль, Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И. Молчанова М.: Издательство Академический проект. 2010. 229 с.
3. Лосский Н. Трансцендентально-феноменологический идеализм Гуссерля // Путь.1939. № 60. С. 37-56. [Электронный ресурс], URL: http://www.odinblago.ru/path/60/5
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А. В. Михайлова, вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический проект, 2009. 220 с.
5. Елхова О. И. Онтология виртуальной реальности: Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 228 с.
6. Елхова, О. И. Трансцендентное в структуре виртуальной реальности // Успехи современной науки. 2016. № 1. С. 103-104.
7. Бреслер М.Г. Трансформация социально – политической коммуникации в начале XXI века: социально – философский анализ // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 4 (29). С. 140-144.

Проблема «сконструированной реальности» в иммунологии. История и современность

М.В. Головизнин, В.И. Моисеев, Н.С. Лахонина, Ю.Р. Булдакова; В.Т.Тимофеев

ФГБОУ ВО Московский Государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова;МЗ РФ;[2]ФГБОУ ВО Российский Научно-исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова; МЗ РФ

ordinatormgmsu@mail.ru

Аннотация. Современная иммунология, несмотря на бурное развитие в XX веке, сейчас столкнулась с рядом теоретических и методологических сложностей, связанных с «субъектностью» ее базовых категорий «свое-чужое», «сигнал опасности» и т.п., и с «объектностью» ее материальных составляющих: иммунных клеток, антител, цитокинов и пр. Это противоречие в иммунологии существует с момента ее возникновения как современной науки. С ним, в частности, столкнулся И.И. Мечников при обосновании феномена фагоцитоза. В статье затронут вопрос влияния культурного дискурса на моделирование медицинских знаний об иммунитете.

Ключевые слова: иммунитет, сконструированная реальность, субъектные модели в иммунологии, эволюционный спуск, холизм и редукционизм в медицине.

The problem of “constructed reality” in immunology. History and Modernity.

M.V. Goloviznin, V.I. Moiseev, N.S. Lakhonina, Yu.R. Buldakova; V.T. Timofeev

Abstract. Despite the rapid development in XX century, the modern immunology now faces a number of theoretical and methodological difficulties related to the “subjectness” of its basic categories “self-nonself”, “danger signal”, etc., and the“objectness”of its material components as far as immune cells, antibodies, cytokines, etc. This contradiction in immunology exists since its inception as modern science. It was encountered by Ilya Mechnikov in substantiating the phenomenon of phagocytosis The article addresses the issue of the impact of cultural discourse on the modeling of medical knowledge about immunity.

Keywords: immunity, constructed reality, subjective models in immunology, evolutionary descent, holism and reductionism in medicine.

Иммунология является наукой, с развитием которой связывается прогресс всей современной биомедицины. Хотя «по возрасту» она считается сравнительно молодой, родившейся чуть более 100 лет назад, когда были открыты иммунные клетки и их продукты, но, представления об иммунитете как защите организма от болезней зародились гораздо раньше. Само понятие иммунитет, заимствованное из средневековой юриспруденции, стало синонимом виталистических концептов «жизненной силы», которые господствовали в медицине до середины XIX века. С другой стороны, термин «иммунитет» оказался по сути своей метафорой, - социальным образом, перенесенным на объекты живой природы. Вместе с ним «клеточная теория иммунной защиты» со временем приобрела и другие антропоморфные и социоморфные образы - «иммунная агрессия», «лимфоцит-киллер» «иммунологическая толерантность», «иммунологическая память».

Виталистические умопостроения о нематериальных «защитных силах организма» позволили, как это ни парадоксально, в 1717-1720-х годах внедрить в Европе заимствованную с Востока вариоляцию (втирание здоровым людям детрита из пустулы больных натуральной оспой) как метод борьбы с этой болезнью. В 1796 году Эдвард Дженнер на основе почти 80-летнего опыта вариоляции разработал метод безопасной вакцинации против оспы, которая получила научное объяснение после открытия антител, и явления фагоцитоза, а, в более широком смысле – объединения понятия «иммунитет» с клеточной теорией Вирхова. Это позволило ученым говорить об объективно существующей системе противоинфекционной защиты организма в виде пула подвижных клеток, которая имеет «своих солдат, оружие и командование» [6, с. 28-37].

Полтора года назад медицинский научный мир отметил 110-ю годовщину нобелевской премии в области медицины, которую получили И.И. Мечников и П. Эрлих за разработку основ современной иммунологии. Вместе с тем известно, что, Мечникову в течение почти 20-ти лет пришлось отражать многочисленные обвинения его в телеологии и витализме и нападки со стороны ряда представителей медицинской науки, увидевших в фагоцитозе нечто противоречащее материалистической науке. Мечников был поставлен перед необходимостью привести научные доказательства того, что действие клеток-фагоцитов целесообразно, и что они обладают аксиологией высших организмов – свойством защиты других, принося себя в жертву. О том, что в организме существуют подвижные клетки, способные «заглатывать» инородные частицы, было известно и до Мечникова, однако этот феномен не имел должного осмысления.

В конце концов, Мечников одержал в данном научном споре победу. Ему помогло то, что он был биологом-эволюционистом, показавшим, что фагоцитоз, не будучи «даром высшего начала», появился на определенном этапе эволюции животного мира. Вторым аргументом был аналогичный фагоцитозу процесс добывания пищи простейшими (например, амёбами) и внутриклеточное пищеварение одноклеточных микроорганизмов, которое позволило подкрепить объяснение и механизма, и целей фагоцитоза.

Материализм Мечникова как биолога-эволюциониста не вызывает сомнения. С другой стороны, одну из своих программных статей, напечатанную в 1909 году в журнале «Вестник Европы, Мечников назвал «О целебных силах организма» [2, с. 389-409]. В основу этой статьи лег доклад с аналогичным названием, сделанный еще в 1883 году на съезде русских врачей в Одессе. В этом докладе Мечников прямо ссылается на Парацельса и других европейских виталистов –«поклонников теории целебной силы», считавших, что функция врача - лишь «вызвать целебную силу природы из дремоты». Интересно также, что, давая краткий исторический обзор учения о роли микробов в развитии болезней человека, Мечников упоминает данные этнографии о болезнетворных «злых духах», в том числе, ассоциировавшихся у ряда племен с мелкими живыми контагиями – червями, насекомыми и пр. В ходе развития науки, - заключает автор, - оказалось, что «летающие в воздухе тертулиановские духи могут быть видимы под микроскопом». [1, с. 22-29]. Мечников первым в современной науке постулировал тезис о системном, а не локальном характере, воспаления. Главным же оппонентом такого холизма по мнению Мечникова, выступил автор «целлюлярной патологии» немецкий патолог Рудольф Вирхов (1821—1902), который полагал, «что вместо прежней единой целебной силы их существует в организме множество, и сидят они в тканях». Безусловно, и в указанном докладе, и в статье 1909 года, Мечников, говоря о «целебных силах природы», имел в виду материальные объекты: опсонины, антитоксины и фагоциты. Но, вероятно, мнение древних авторов о единой целебной силе организма Мечникову импонировало больше, чем редукционизм Р.Вирхова.

Таким образом, если ранее концепт иммунитета относился исключительно к области метафизики, то с начала 1900 годов до настоящего времени иммунология существует как бы в двух мирах: в «мире объектов», который представляет собой все увеличивающийся пул иммунных клеток, их мембранных рецепторов (иммуноглобулинов, интегринов, селектинов и пр), цитокинов, хемокинов и в «мире идей», таких как «свое» - «чужое», «иммунная защита», «иммунное распознавание», «иммунологическая память», которые не выводятся из результатов экспериментальных исследований но, хорошо объясняются как проекции категории «самости», которая, в свою очередь, стала объектом изучения психологов.

В силу господствующих в современном научном сознании редукционистских парадигм, в центре внимания ученых находится именно мир иммунологических объектов, тогда как «мир идей» вытесняется в область метафор, популярной литературы и, в конечном счете – в область «научного бессознательного». Вместе с тем, изучение мира «иммунологических объектов» несмотря на высокие, постоянно усложняющиеся технологии, достигает дна эволюционного спуска. За последние полвека методы исследования иммунного статуса несколько раз полностью обновлялись, (морфология лимфоцитов, формирование Т- и В-розеток, иммунофлуоресцентное типирование рецепторов, проточная цитометрия) а накопленные ранее знания последовательно отвергались как «недостаточно научные». Таким образом, спуск на молекулярно-генетический уровень в иммунологии породил очень противоречивую ситуацию: чем больше мы знаем фактов, тем более сложными кажутся закономерности, тем меньше мы способны их объяснить.

Хотя, в последние десятилетия ученые вернулись к «холистическому» пониманию иммунитета, но, при этом, накопление фактов поставило под сомнение парадигму роли иммунитета как системы, защищающей наш организм от материала, несущего признаки генетически чужеродной информации.

Ведь, обмен генетической информации между клетками, в котором участвуют, например, вирусы, является центральным фактором эволюции самой иммунной системы. В связи с этим парадигма иммунной защиты была переосмыслена в пользу того, что главным для иммунитета оказалась не чужеродность, а «опасность\» которая может исходить как от внешних, так и от внутренних агентов. У микроорганизмов были открыты т.н. PAMPs (pathogen-associated molecular patterns) – эволюционно консервативные белковые структуры, которые в первую очередь распознаются клетками врожденного иммунитета. Помимо «PAMPs» были открыты эндогенные молекулы «опасности» или алармины (их еще называют DAMPs – danger-associated molecular patterns). Это позволило объяснить механизмы «стерильного», аутоиммунного воспаления, проходящего без участия сторонних микроорганизмов [4, с. 426-428]. Но, «перезагрузка» парадигмы иммунитета неожиданно сдвинула его в сторону еще большей субъектности, и, если угодно – «разумности» и телеологичности. Ибо «сигнал опасности», во-первых, категория очень изменчивая и ситуативная, во-вторых, насыщена аксиологией – ценностной характеристикой. Действительно, E.coli – «кишечная палочка», обитая в кишечнике, является полезным для человека сапрофитом, а попадая в мочевыводящие пути, становится патогеном, провоцируя воспаление. Если материальная природа генетической чужеродности понятна, то в чем материальная природа «сигнала опасности»? Науке еще предстоит дать ответ на этот вопрос.

В то же время, иммунологический «мир идей» попал в поле зрения медицинских антропологов и философов [5, с.82-90], показавших, что «иммунные метафоры» («свое-чужое», «иммуноагрессия» и др) следует рассматривать как основу субъектных моделей. Так, «милитаристская модель» наиболее адекватно объясняет противомикробный и противовирусный иммунитет, тогда как феномен иммунологической толерантности требует других подходов [7]. По мнению медицинских антропологов сетевая теория иммунологической регуляции Нильса Ерне имеет аналогии с гуманитарными моделями «социальных сетей». Отечественным «вариантом» этой сетевой теории явилась «теория иммунологических мобилей» Р.В. Петрова, описанная автором в научно-популярной литературе в середине 80-х годов XX века [3, с.245-250] Таким образом, «объектная онтология» иммунной системы является только одной стороной медали. Выведение указанных выше иммунных метафор из области научного бессознательного в область моделирования субъектных онтологий позволит вывести иммунологию из состояния эволюционного спуска на более холистический уровень.

Литература:

1. Мечников, И. И. О целебных силах организма //Акад. собр. соч. М.: Медгиз, 1950. Т. 6.
2. Мечников, И. И. О целебных силах организма //Акад. собр. соч. М.: Медгиз, 1952. Т. 7.
3. Петров Р.В. Я или не я. М., Молодая гвардия, 1983, 273 с.
4. Черешнев В.А., Шмагель К.В. Иммунология. М. «МАГИСТР-ПРЕСС», 2013, - 448 с.
5. Martin, E. Flexible Bodies: Tracking Immunity in American Culture. From the Days of Polio to the Age of AIDS. Beacon Press;1994, 319 c.
6. Tauber A. Metchnikoff's Radicalism Clin Pathophysiol; 2016;23(3).;28-37
7. Turney J. Beyond cell wars; 2016. Электронный ресурс; URL: https://aeon.co/essays/why-we-should-guard-against-military-notions-of-immunity (дата обращения: 13 июля 2017).

Семиотика виртуальной реальности в фильме: «Первому игроку приготовиться»

Даниленко А.Н.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте, кафедра философии и социальных наук Института филологии, истории и искусств. Студентка

georg2001.zhuko@mail.ru

Аннотация: В тезисах раскрывается роль и место виртуальной реальности в культуре человека на примере фантастического фильма «Первому игроку приготовиться», подтверждая его актуальность для современного мира статистическими данными о состоянии цифровой технологии и о пользовании визуальными новеллами. Тезисы доклада подразумевают собой не только выявление роли и места виртуальной реальности, а также её дальнейшие действия в целостной системе культуры и тому, как человек будет на это реагировать. Особое внимание в тезисах уделяется тому, что виртуальная реальность не является чем-то фантастическим и невозможным, что она уже здесь и сейчас постепенно вторгается в жизнь общества, модернизируя её до неузнаваемости. Для этого используются данные о современных *VR* технологиях, и проводятся параллели между ними и теми, которые были в фильме «Первому игроку приготовиться».

Ключевые слова: виртуальная реальность, культура, *VR* технологии, Интернет, виртуалистика, поколение *Z*.

Semiotics of virtual reality in the film: «The first player to get ready».

Danilenko A. N.

Humanitarian and pedagogical Academy (branch) V. I. Vernadsky KFU in Yalta, Department of philosophy and social Sciences of the Institute of Philology, history and arts.

Abstract: the theses reveal the role and place of virtual reality in human culture on the example of the science fiction film «get ready for the first player», confirming its relevance for the modern world with statistical data on the state of digital technology and the use of visual novels. The theses of the report imply not only the identification of the role and place of virtual reality, but also its further actions in the integral system of culture and how people will react to it. Special attention is paid to the fact that virtual reality is not something fantastic and impossible, that it is already here and now gradually invading the life of society, modernizing it beyond recognition. To do this, we use data about modern VR technologies, and draw Parallels between them and those that were in the movie «First player get ready».

Keywords: virtual reality, culture, VR technologies, Internet, virtualistics, generation Z.

Современные реалии настолько стали непостоянными, что мы уже не удивляемся как то, что было новым и популярным вчера, сегодня находится на окраинах общественной жизни. Человеческая мысль теперь не имеет никаких границ, буквально всё, о чем мы можем подумать, создано или в скором времени будет создано. Поэтому фантастические фильмы, которые раньше нам казались чем-то нереальным и недосягаемым, являются предметом для осмысления важнейших на данный период проблем. Одной из таких является виртуальная реальность и её место в культуре человека. Чтобы в полной мере разобрать её, нельзя ссылаться лишь на статьи и работы других людей. Необходима моделированная ситуация, которая имеет начало, развитие и некий итог, благодаря чему мы можем разобрать проблему в различных аспектах, играя с фактами и героями. В виду этого, для осмысления роли и места виртуальной реальности в целостной системе культуры человека был выбран современный фильм научного-фантастического жанра от режиссёра Стивена Спилберга «Первому игроку приготовиться» (2018).

Но прежде, чем переходить к самой проблеме и к фильму, необходимо разъяснить что подразумевается под виртуальной реальностью и культурой.

«Виртуальная реальность – это от англ. virtual reality — возможная реальность) — это модельное отображение квазиреальности с помощью определенных технологий и технических средств, позволяющих обеспечить частичное или полное погружение человека в это отображение и создающее иллюзию действительной реальности» [1].

Таким образом, под виртуальной реальностью[i] понимается искусственно созданная реальность при помощи технологий. Считается, что ВР является продолжением изобразительных искусств, которые моделировали и создавали некую реальность на холсте, из глины или гипса и т.п. Только вот ВР шагнула дальше, и теперь человек может в полной мере погрузиться в придуманный им мир, осуществлять в нём свою деятельность.

«КУЛЬТУРА, -ы, ж. 1. Совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей» [2, с. 1132].

Поэтому, когда мы используем термин культура, мы подразумеваем непосредственно духовную жизнедеятельность людей, которая в большей степени влияет на каждого отдельно взятого человека. При этом данное влияние может принести кардинальные изменения, последствия которых могут быть безвозвратными.

Осмыслением виртуальной реальностью занимается виртуалистика, которая подразумевает под собой один из типов мировоззрения, а точнее постнеклассического мировоззрения, пропагандирующее идею виртуального существования. Ею занимаются и разрабатывают такие деятели, как Н.А. Носов, В.С. Бабенко, И.Г. Корсунцев, С.Н. Иконникова и др. Именно с развития виртуалистики возникают такие проблемы как: специфика виртуальной реальности, дальнейшее развитие ВР, раскрытие природы ВР, осмысление роли и места виртуальной реальности в целостной системе культуры человека и т.п. Последняя поднимаемая проблема и стала темой нашей статьи, и теперь непосредственно к ней самой.

ВР в последние годы обретает всю большую популярность, особенно среди поколения Z[ii], которые активно начинают перемещать всю свою жизнь в цифровое пространство. Согласно отчету «We Are Social и Hootsuite» о глобальном состоянии цифровых технологий на 2019 год:

1. В 2019 году аудитория интернета насчитывает 4,39 миллиарда человек, что на 366 миллионов (9%) больше, чем в январе 2018 года.
2. В социальных сетях зарегистрировано 3,48 миллиарда пользователей. По сравнению с данными на начало прошлого года этот показатель вырос на 288 миллионов (9%)» [3].

Таким образом, мы не просто думаем о том, что люди все больше используют Интернет как часть своей повседневной жизни, куда перенеслось общение с родными и близкими, где осуществляются покупки продуктов и одежды, где люди проходят различные курсы по повышению квалификации или получению дополнительных знаний в самых различных аспектах и сферах, но мы видим, как число людей использующее Интернет и социальные сети с каждым разом растет, причем в таких колоссальных размерах, которые достигают миллионов человек в год.

Но помимо активного использования социальных сетей, как путей для поиска новых друзей и общения с ними на дальних расстояниях, среди подростков становятся популярными визуальные новеллы. «Визуальные новеллы — это такие интерактивные книжки, с картинками и музыкой. В отличие от обычной книги, действие визуальной новеллы происходит здесь и сейчас, в ней нельзя открыть последнюю страницу и подсмотреть, что убийца – дворецкий, а в большинстве новелл сама концовка зависит от того, какой выбор сделает в тот или иной момент читатель» [4]. Такие, казалось бы, полезные вещи, которые должны толкать подростка на развитие интеллектуальных способностей, на чтение книг, на интерес к литературе, но всё немного, а точнее с точностью на оборот ведёт к другому. Такие интерактивные книги являются убежищем для подростков, которые бегут в него, когда появляются проблемы, ссоры, неудачи или нехватка положительных эмоций.

Эту же тенденцию мы находим в фильме «Первому игроку приготовиться», где главный герой Уэйд уходил из реального мира в ВР – в игру OASIS, так как в реальности ему не хватало эмоций, друзей, амбиций и уверенности в себе, чтобы проявить себя. Он не устраивается на работу, не учится, почти не контактирует со своей семьей, и такое поведение не только у него, но почти у всех людей, вне зависимости от возраста и пола, статуса в обществе и т.п. Все сферы общества постепенно переносятся в ВР, и кто владеет этим миром, этой игрой, владеет и реальным. Что порождает преследования за пределами игры.

Да, это выглядит скорее утопически, но по показателям сайта ANIVISUAL. NET на 15 декабря сайт посетило 19705 человек [5], и это лишь один сайт, а в Интернете таких множество и это в расчет не берутся различные Визуальные новеллы в виде приложений на телефон и офлайн-игр на компьютер.

i Далее в работе «виртуальная реальность» употребляться аббревиатурой ВР.

ii Под поколением Z подразумеваются люди, родившиеся после 1995 года, которые активно используют планшеты, VR- и 3D-реальность.

Помимо таких Визуальных новел, существует компьютерные игры, обладающие обязательным условием использования VR технологий для полного погружения в ВР. Это самые разнообразные очки виртуальной реальности, цена который начинается от пятистах рублей и переходит порог в сто тысяч, аттракционы виртуальной реальности, которые влияют на всё тело. Сейчас существует даже «TACTSUIT – это беспроводной комплект, который обеспечивает соответствующую тактильную обратную связь для контента VR» [6]. Комплект состоит из: тактильной накладки для лица, тактильного жилета на тело, тактильных рукавов для рук, тактильных перчаток для рук, тактильного устройство для ног.

Такой комплект очень сильно напоминает те, которыми пользовались герои из фильма «Первому игроку приготовиться» для того, чтобы полностью погрузиться в игру. Таким образом, мы можем говорить о том, что фильм не является каким-то фантастическим вымыслом, к которому мы никогда не придем. Мы уже здесь и сейчас напоминаем тот сюжет фильма, который буквально кричит о том, что ВР поглощает человека и всю его жизнь целиком, меняя его ценности и ориентиры, его жизнь переворачивает с ног на голову. И эти изменения не несут с собой никакую пользу, ни отдельно взятому человеку, ни обществу.

Мы можем наблюдать, как любовник тети Уэйда тратил все деньги на дополнения в игре, чтобы побеждать и выходить на новые уровни. Мы видим грязный город, в котором многие люди погрязли в долгах, так как брали кредиты для обновления своих костюмов в игре. Нельзя забывать и о том, что дом, где жила Элис, тётя Уэйда, был разрушен из-за Нолана Сорренто, исполнительного директора Innovative Online Industries, который из-за неконтролируемого, буквального животного желания хотел получить контроль над OASIS.

Все это подтверждает, что ВР не только является определенной частью целостной системы культуры человека, но и способно в корне изменить её, превратив в абсолютное, столь непривычное и ценное для человечества. В фильме «Первому игроку приготовиться» данная роль ВР в культуре неприемлема, поэтому главные герои в конце запрещают всем жителям играть в OASIS по вторникам и четвергам. Целью манипуляции являлось возвращение людей в реальность, жители которой столь же реальны, как и они сами.

Стоит ли ждать подобного в ближайшем будущем? Будет ли у людей возможность выбирать между настоящим и воображаемым? На данном этапе сложно утверждать, но с уверенностью можно сказать следующее: « Виртуальная реальность занимает не последнее место в культуре человека и, возможно, именно с её помощью мир настигнут судьбоносные перемены.

Литература:

1. Большой психологический словарь. – Режим доступа // https://gufo.me/dict/psychologie_dict/ВИРТУАЛЬНАЯ_РЕАЛЬНОСТЬ (Дата обращения к ресурсу : 14.12.2019)
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Издательство «Азъ», 1992. 3423 с.
3. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России / Юлия Сергеева. – Режим доступа // https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/ (Дата обращения к ресурсу : 16. 12. 2019)
4. ANIVISUAL.NET Визуальные новеллы. – Режим доступа // https://anivisual.net/ (Дата обращения к ресурсу 15.12. 2019)
5. Статистика посещения сайта ANIVISUAL.NET. – Режим доступа // https://visualnovels.at.ua/panel/?a=ustat&u=visualnovels&d=2&il=ru (Дата обращения к ресурсу 15.12.2019)
6. BHAPTICS. – Режим доступа // https://bhaptics.ru/tactsuit.php (Дата обращения 15.12.2019).

Индекс виртуальности

Елхова Оксана Игоревна

Башкирский государственный университет, профессор кафедры философии и политологии, доктор философских наук

oxana-elkhova@yandex.ru

Аннотация: В докладе раскрывается понятие «индекс виртуальности», введенное автором ранее в его трудах. Индекс виртуальности выступает как некоторый относительный обобщенный показатель, который служит для характеристики изменения такого явления, как виртуальная реальность. Автором выделяются базовые составляющие индекса виртуальности: *погруженность* (immersion), *вовлеченность* (involvement), *интерактивность* (interactivity). *Погруженность* характеризует охваченность органов чувств человека, находящегося в искусственно-созданной среде, *вовлеченность* указывает на рационально и эмоционально составляющие внутреннего мира человека. *Интерактивность* определяет процессы взаимодействия пользователя и виртуальной среды. Каждая из этих величин вносит свою собственную лепту-вклад в значение индекса виртуальности. Виртуальные реальности с низким индексом виртуальности задействуют два основных канала восприятия человека: зрение и слух, характеризуются минимальной вовлеченностью пользователя и слабой интерактивностью. Пользователь хорошо осознает, что взаимодействует с искусственной симуляцией реального мира. Виртуальные реальности с высоким индексом виртуальности охватывают большое число каналов восприятия человека, имеют высокий уровень вовлеченности и интерактивности пользователя. События реального и виртуального миров для пользователя становятся неразличимыми.

Ключевые слова: виртуальная реальность, онтология, индекс виртуальности, погруженность, вовлеченность, интерактивность.

Virtuality index.

Elkhova Oksana Igorevna

Bashkir state University, Department of philosophy and political science

Abstract: the report reveals the concept of «virtuality index», introduced by the author earlier in his works. The virtuality index acts as a relative generalized indicator that serves to characterize the change of such a phenomenon as virtual reality. The author highlights the basic components of the virtual index: immersion, involvement, interactivity. Immersion characterizes the coverage of the senses of a person who is in an artificially created environment, involvement indicates the rational and emotional components of the inner world of a person that ensure long-term concentration of the user's attention on objects and events in the virtual world. Interactivity defines the processes of interaction between the user and the virtual environment and their influence on each other. Each of these values contributes its own contribution to the value of the virtuality index Virtual reality with a low index of virtuality involves two main channels of perception: vision and hearing, characterized by minimal user involvement and low interactivity. The user is well aware that they are interacting with an artificial simulation of the real world. Virtual realities with a high virtuality index cover a large number of channels of human perception have a high level of user engagement and interactivity. The events of the real and virtual worlds become indistinguishable for the user.

Keywords: virtual reality, ontology, virtuality index, immersion, involvement interactivity.

В науке под *индексом* понимается некоторый относительный обобщенный показатель, который выражает соотношение величин какого-либо явления в динамике. Индекс виртуальности, в свою очередь, служит для характеристики изменения такого сложного явления, как виртуальная реальность. Отметим, что данный индекс охватывает не все элементы такого сложного явления как виртуальная реальность, а лишь виртуальную характеристику искусственно созданного мира. Понятие «виртуальная реальность» определяется нами как создаваемое впечатление человека о пребывании в искусственно созданном мире. В своих работах ранее мы отмечали, что виртуальная реальность всецело не принадлежит ни сфере субъективной реальности, ни сфере объективной реальности, является порождением взаимодействия субъективных и объективных, трансцендентных составляющих и формируется как процессуальное взаимодействие между человеком и некоторой искусственно созданный техническими средствами окружающей его средой. Виртуализация, т.е. возникновение и существование виртуальной реальности, представляет собой процесс замещения реальности ее симуляционным образом, смоделированным современными техническими средствами [1], [2], [3].

Полагаем, что виртуальная реальность отличается от всяких других онтологически сходных с ней образований тем, что является точкой пересечения и общим результатом следующих таких ее базовых составляющих, как *погруженность* (immersion), *вовлеченность (*involvement), интерактивность (interactivity). Если условно *обозначить указанные составляющие* через их первые буквы: Im, Inv, Int, тогда индекс виртуального схематично в самом общем виде будет представлен, как совокупность этих компонентов: Index VR = Im Inv Int. Отметим, что каждая из этих величин вносит свою собственную лепту-вклад в значение индекса виртуальности. Однако, исходя из специфики пребывания пользователя в виртуальном мире в каждом конкретном случае, вес отдельной составляющей в индексе виртуальности будет разным. Принимая во внимание данный факт, вышеприведенная закономерность приобретает следующий вид: Index VR = Im_m Inv_n Int_p; где коэффициенты m, n, p > 0.

Остановимся на каждой составляющей индекса виртуальности подробнее.

Im - погруженность (immersion). Непосредственно под погруженностью мы полагаем охваченность органов чувственного восприятия человека, находящегося в искусственно-созданной среде. Основными из них являются зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, осязательные ощущения.

Соответственно виртуальная реальность, охватывающая максимальное количество органов восприятия, обладает большой степенью погруженности, опирается на широкий ассортимент технических устройств – автосимуляторов искусственного мира, среди них: шлемы и очки VR, интерактивные доски и экраны, тактильные перчатки, жилеты и костюмы VR, аттракционы VR. В настоящее время появились клубы VR, оснащенные полным арсеналом технических устройств, позволяющих полностью погрузить пользователя в искусственно-созданную среду. Такие клубы набирают все большую популярность среди пользователей, они активно арендуются ими на различные мероприятия, с целью получения новых эмоций от погружения в VR вместе с друзьями и близкими.

Технологии виртуальной реальности уже оказывают воздействие не только на ***дистантные*** и контактные органы восприятия человека, но и на рецепторы глубокой чувствительности (проприорецепторы). Так, аппаратные средства с успехом транслируют человеку мускульные инерционные и вибрационные ощущения. Следующим шагом технологий виртуальной реальности будут интероцепторы: в настоящее время проходят испытания управляемые микроскопические электронные механизмы, которые должны осуществлять контроль процессов обмена во внутренних органах человека. Однако, несмотря на все успехи в области современных технологий, свое широкое распространение среди пользователей получила виртуальная реальность, охватывающая лишь два канала восприятия: зрение и слух. В таком бюджетном варианте мы также наблюдаем виртуальную реальность, но с более низкой степенью погруженности.

Необходимо обозначить значимое отличие понятия «погруженность» от «вовлеченности». В случае вовлеченности мы имеем дело уже не с воздействием на человека аппаратными средствами, т.е. не с его чувственным восприятием, а с рационально и эмоционально составляющими внутреннего мира человека, то есть мы уже все больше смещаемся в область сферы идеального.

Inv - вовлеченность (involvement) - это устойчивое во времени эмоционально-окрашенное состояние, предполагающее длительную концентрацию внимания пользователя на объектах и событиях виртуального мира. *Вовлеченность* пользователя в виртуальную реальность предполагает такое его психологическое состояние, при котором он сосредоточен на событиях виртуального мира настолько, что готов проводить в нем неопределенно долгое время. Наблюдается своего рода эффект потери времени. Вовлеченность характеризуется как интенсивностью внимания пользователя на объектах виртуального мира, так и его помехоустойчивостью, которая выражается в способности противостоять непроизвольным отвлечениям от виртуального мира, вызванных действием различных помех-раздражителей. Вовлеченность требует от пользователя виртуального мира физической, умственной и психологической энергии, затрачиваемой на переживание событий виртуального мира. Феномен вовлеченности является своеобразным индикатором удовлетворенности пользователя виртуальным миром, он показывает: насколько виртуальный мир нравится ему, что он готов добровольно отдавать ему свое время и энергоресурсы. Вовлеченность даже одного пользователя в течение одного сеанса взаимодействия

с виртуальным миром может варьироваться и находиться в диапазоне больше нуля до ста процентов. Ширина диапазона изменения вовлеченности пользователя во времени, в свою очередь, может также быть определенным показателем его отношения к виртуальному миру. Существенный момент заключается в том, что у разных пользователей наблюдается неодинаковая степень вовлеченности в один и тот же по функциональным и техническим характеристикам виртуальный мир. Вовлеченность пользователя в виртуальный мир можно попытаться представить в количественных и качественных выражениях. Так, количественные характеристики могут отображать то, сколько пользователь проводит времени в виртуальном мире, как часто туда заходит. Качественные характеристики демонстрировать эффективность действий пользователя в виртуальном мире.

Int - интерактивность (*interactivity)*. Отметим, что подавляющее большинство исследователей при анализе виртуальной реальности совершенно оправданно выделяют такое ее существенное свойство как «интерактивность». Безусловно, свойство «интерактивности» является одной из главных характеристик виртуального мира, определяющей его онтологию. Так, многие проявления сущего в действительности, которые определяются некоторыми учеными ошибочно как виртуальная реальность, не тождественны ей по причине отсутствия интерактивности. Интерактивность в виртуальной реальности указывает на процесс взаимодействия пользователя и среды, их взаимного влияния друг на друга, что в результате обусловливает специфику протекания виртуального действия. Пользователь может входить в искусственно созданную компьютерными средствами виртуальную реальность, контактировать в ней с другими людьми, трансформировать ее, испытывая при этом чувственно-эмоциональные переживания, неотличимые от реальных. Одновременно с этим необходима обратная связь, чтобы сама виртуальная среда откликалась на воздействие пользователя.

Исходя из вышесказанного, можно выделить виртуальные реальности с высоким и низким индексом виртуальности. Формула Index VR = Im_m Inv_n Int_p имеет два предела Low-Index VR и High-Index VR. Между этими крайними выражениями располагается виртуальные реальности со средним индексом виртуальности.

Виртуальные реальности с низким индексом виртуальности в обобщенном виде могут быть выражены следующим образом*:* Low-Index VR = Im_2 Inv_{min} $Int_{min.}$

Виртуальные реальности такого типа задействуют только два основных канала восприятия: зрение и слух, характеризуются минимальной вовлеченностью пользователя и слабой интерактивностью. Человек, взаимодействующий с такой реальностью, описывает ее как внеположенную по отношению к нему, созданную аппаратными средствами ненастоящую среду. Пользователь относится к виртуальной реальности как сторонний наблюдатель, осознает, что взаимодействует всего лишь с искусственной симуляцией реального мира, концентрация внимания его на объектах и событиях виртуального мира низкая.

Виртуальные реальности с высоким индексом виртуальности в обобщенном виде могут быть выражены следующим образом*:* High-Index VR = Im_{max} Inv_{max} Int_{max}

В таких виртуальных реальностях задействовано большое число каналов восприятия человека, наблюдается высокий уровень вовлеченности и интерактивности пользователя. Здесь внешнее по отношению к среде положение наблюдателя нивелируется, сосредоточенность внимания пользователя и его реакция на объекты виртуального мира высокая. Например, пользователи отклоняются от летящих на них объектов, либо пытаются дотронуться до предметов виртуального мира так, если бы они действительно существовали. События реального и виртуального миров для пользователя становятся неразличимыми.

Стоит выделить в особый тип виртуальных реальностей с высоким индексом виртуальности, охватывающих минимум каналов восприятия. Низкий уровень погруженности в них компенсируется высоким уровнем вовлеченности и интерактивности. Высокая вовлеченность может обеспечиваться содержанием и квест технологиями, положенными в основу виртуального мира. Хорошо продуманное наполнение и организация событий виртуального мира способно эффективно вовлечь пользователя, монополизировать его сознание, что мы имели возможность наблюдать при пользовательском буме игры Pokemon Go [4].

В заключение отметим, что дальнейшая разработка индекса виртуального способствует формированию и развитию общеметодологических оснований научной рефлексии, позволяющей максимально элиминировать элементы неопределенности в описании такого явления, как виртуальная реальность.

Литература:

1. Елхова О.И. Иллюзия присутствия в виртуальном мире // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 4. С. 1386-1390.
2. Елхова О.И. Онтология виртуальной реальности: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 228 с.
3. Елхова О.И. Онтология дополненной реальности // Инновационные процессы в науке и образовании: сборник научных статей. Пенза, 2018. С. 13-19.
4. Elkhova O. I. Augmented reality effect: Pokemon Go // News of Science and Education. 2016. T. 10. C. 257-260.

Виртуальные объекты геологического знания

Золотых Елена Борисовна

Российское философское общество, администратор сайта РФО. Кандидат геолого-минералогических наук

elzolotykh@yandex.ru

Аннотация. Геолог, изучая объекты природы, проводит работу по выявлению различных пространственных закономерностей, то есть наблюдает структуру пространства. При этом им создаются мысленные объекты, отражающие природу (генезис) этих объектов, что прямо не заложено в наблюдениях. Поэтому структурное описание геологического объекта не может быть сведено к генетическому и наоборот. Геологическое знание даже об одном объекте является синтетическим, поскольку наблюдению подвергаются количественные структурные признаки геологического пространства (область реальности), а научные выводы делаются в отношении качественных показателей (область виртуальных умозаключений). Геологические объекты отражают разные масштабные уровни организации материи, что отражено в сложной структуре геологического знания – разные масштабные уровни изучаются разными геологическими науками. Эти науки образуют систему геологического знания, отражающую системность геологических объектов – включенность малых масштабов в большие по принципу матрешки. Поэтому даже единичный объект (например, образец известняка) для того, чтобы стать объектом науки, должен быть описан на всех масштабных уровнях – от атомарного до глобального. Объединение этих уровней геологического знания является умозрительным (виртуальным).

Ключевые слова: геологические объекты, виртуальные объекты, геологическое знание, структура геологического знания.

Virtual objects of geological knowledge.

Zolotykh E.B.

Russian philosophical society

Abstract: Geologist, studying objects of nature, works to identify various spatial patterns, that is, observes the structure of space. At the same time, they create mental objects that reflect the nature (Genesis) of these objects, which is not directly inherent in observations. Therefore, the structural description of a geological object cannot be reduced to a genetic one, and Vice versa. Geological knowledge of even one object is synthetic, since quantitative structural features of the geological space are observed (the area of reality), and scientific conclusions are made in relation to qualitative indicators (the area of virtual inferences). Geological objects reflect different scale levels of organization of matter, which is reflected in the complex structure of geological knowledge – different scale levels are studied by different geological Sciences. These Sciences form a system of geological knowledge that reflects the consistency of geological objects – the inclusion of small scales in large ones on the matryoshka principle. Therefore, even a single object (for example, a sample of limestone) in order to become an object of science, must be described at all scale levels – from atomic to global. Combining these levels of geological knowledge is speculative (virtual).

Keywords: geological objects, virtual objects, geological knowledge, structure of geological knowledge.

Геологическое время, отражающее процессы в Земной коре и Биосфере, несопоставимо со временем живых организмов и, в частности, человека. Поэтому расшифровка времени жизни геологических объектов является во многом виртуальной задачей.

Сущность и свойства времени как философских категорий рассматриваются на материале физики и в меньшей мере биологии. Проблема специфической природы геологического времени до сих пор не привлекла к себе внимание не только философов, но и самих геологов. А между тем, изначально в геологии представление о сущности времени в корне отличалось от концепции И. Ньютона, принятой в остальном естествознании. Геологическое время является сложной конструкцией. В физике господствует динамическое время, в геологии время статическое, это неразрывное пространство-время. На интуитивном уровне это чувствовалось давно – недаром существуют параллельные пространственно – временные термины: система – период, отдел – эпоха, ярус – век. Например, Юрская система – это отложения, толщи пород, Юрский период – это время формирования этих пород.

Теоретическому изучению палеобиосферного времени посвящены следующие работы [1], [2], [3]. Еще древнегреческие ученые (Овидий, Ксенофан, Теофаст и др.) отмечали сложность геологических объектов и задавались вопросом: почему слои, похожие на те, что образуются на берегу моря и содержат раковины, похожие на современные в то же время подняты высоко в горы, т.е. время, запечатлённое в этом феномене, показывает, что один и тот же объект подвергался разным процессам. Мы можем сравнить эти процессы и показать, какой из них был первым (жизнь организмов, их отмирание и захоронение в слоях, образовавшихся на берегу моря), какой последующим (захоронение осадка и превращение его в породу) и, наконец, тектонические сдвиги земной коры, которые привели к перемещению пластов по вертикали.

Каждая точка геологического пространства уникальна, т.к. является результатом миллионно- и миллиарднолетней истории существования Земли. Отсюда возникает полионтичность геологической реальности, поскольку влияние друг на друга уникальных объектов не всегда предсказуемо. Собственное время объектов геологического знания измеряется миллионами лет, и поэтому нашему наблюдению доступны не течение геологических процессов, а только структуры геологических объектов, сложившиеся к настоящему времени. Наблюдая структуры и изучая неоднородности вещества, слагающего их, геолог расшифровывает историю их возникновения или преобразования, т.е. генезис породы или любого геологического объекта. Таким образом, познание геологических процессов осуществляется путем создания цепочки мысленных (виртуальных) геологических объектов, которые, как представляется исследователю, занимающемуся ими, стоят на разных стадиях развития изучаемого геологического процесса. Так расшифровывается последовательность процессов, т.е. структура геологического времени, приводящая к необратимым изменениям пород и образованию «стрелы времени».

Рассмотрим структуру *геологического пространства*, неотделимую от способов ее исследования. Геология – это комплекс наук, каждая из которых изучает только одну сторону геологического объекта (один масштабный уровень организации вещества). В итоге же геологического исследования объект должен быть описан в своей целостности и уникальности, для чего геология уже давно выработала свою методологию трансдисциплинарности.

В работе С.Л. Гринченко «Метаэволюция» [4] высказана гипотеза о структуре Вселенной, неоднородности которой восходят к фундаментальной (Планковской) длине и имеют размерность $l_f * e^{ne}$. Возможно физическое пространство имеет ячеистую структуру и построено из материальных трёхмерных ячеек размера $l_f \sim 10^{-33}$ см.

Исходя из этой гипотезы наблюдаемые неоднородности Земного шара, объясняются общей неоднородностью материи Универсума и укладываются в размеры от $l_f * e^{21e} \sim 10^{-8}$ см (радиус атома) до $l_f * e^{36e} \sim 10^{10(11)}$ см (размеры планеты). Поэтому в области геологии синтетический (трансдисциплинарный) характер имеет любое исследование, что задается уникальностью (целостностью) объектов изучения, которые характеризуются данными разного уровня организации вещества от глобального (материк - океан) до атомарного (химический состав).

Можно предположить, что в природе с наибольшей вероятностью возникают объекты определенных размеров: не бывает 10-ти метровых кристаллов, а геологические тела (слои, лавовые потоки, интрузивы) имеют размеры гораздо более 10 метров. Таким образом, в геологии на первый план выходят проблемы понимания структур и процессов их продуцирующих. Понимание и объяснение в геологии образует своего рода герменевтический круг. Тектонические гипотезы вбирают в себя знания стратиграфии, литологии, петрографии, исторической геологии, палеонтологии и других геологических наук.

Но затем стратиграфия, литология, петрография, историческая геология, палеонтология и другие геологические науки учитывают гипотезы тектоники в своих построениях. Затем на новом витке развития знания тектонические гипотезы уточняются на основе новых построений других наук и т.д.

Также развивается и биостратиграфия. Имея только данные палеонтологии невозможно сказать о том, что раньше и что позже, необходим стратиграфический анализ напластования. Принцип, идущий еще от Стенона «что лежит ниже, то образовалось раньше». А затем данные палеонтологии позволяют сравнивать удаленные друг от друга разрезы. Затем снова, опираясь на стратиграфию, выясняют, что ниже, что выше и т.д.

Геологические процессы негэнтропийны, т.к. участки Земной коры, ранее мало различающиеся

между собой при действии процессов (например, регионального метаморфизма) начинают все дальше расходиться в свойствах. Усложнение структуры земной коры как негэнтропийный процесс приводит к формированию стрелы времени, т.е. геологическое время необратимо.

Развивающаяся в настоящее время методология трансдисциплинарности должна отражать методологию геологического знания природы.

В книге В.С. Степина «Теоретическое знание» [5] рассматриваются типы научной рациональности. Начиная с трудов И. Ньютона развивается классический тип рациональности, основанный на объективном знании об объекте, на который не должны влиять ни способы проведения исследования, ни личность наблюдателя, ни ценностные установки наблюдателя. В этой парадигме геология называлась описательной наукой с неразвитым инструментарием исследования. В постнеклассической парадигме геология обретает новый статус системы связного междисциплинарного знания, изучающего разномасштабные объекты размерностью от атомарного до глобального, как реальные структурные, так и виртуальные теоретические.

Выводы:

1. В настоящее время с развитием трансдисциплинарного подхода, когда один и тот же объект исследуется разными науками и они должны вырабатывать язык понимания, возникает тот самый герменевтический круг, когда описание в терминах и способах исследования в одной науке должно быть усвоено представителями других наук, переработано и возвращено к обсуждению, после этого следующий виток понимания и объяснения и т.д.
2. Конечного объективного истинного знания мы получить не сможем, только постепенное приближение к нему. Такой тип рациональности назван В.С. Степиным постнеклассическим. Этот тип рациональности характеризуется учетом как ценностей и целей исследования, так и свойствами субъекта, объекта и средств исследования. Как раз именно такая рациональность всегда была характерна для геологии – любое исследование в этой области по необходимости ограничено целями, опытом исследователя уникальными свойствами объекта и возможностью применения тех или иных средств исследования.
3. Поэтому с полным правом мы можем назвать геологическое знание наукой, базирующейся на постнеклассической парадигме. Отсюда ясно, что время жизни объектов, которое изучается геологией, уникально, виртуально и связано с пространством, в котором расположены геологические объекты, с личностью исследователя, целями и способами исследования.

Литература:

1. Золотых Е.Б. Концепция палеобиосферного времени Вернадского-Симакова // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. Том I. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 231-232.
2. Золотых Е.Б. Стрела времени и прогноз в геологических науках Материалы XXII Всемирного философского конгресса 2008. Доклады российских участников. http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/07110.htm
3. Симаков К.В. К созданию теории палеобиосферного времени. Магадан, 2004. 340 с.
4. Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы) изд. ИПИРАН 2007 http://www.ipiran.ru/grinchenko/book_2/Razdel3.pdf
5. Степин В.С. Теоретическое знание. М., Прогресс-Традиция, 2003. 390 с.

Философские и научные подходы к осмыслению виртуальной реальности и виртуализации

Катаева О.В.

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, доцент. Кандидат философских наук

olga_kataeva@mail.ru

Аннотация: Нелинейный характер исследований виртуальной реальности и виртуализации, сложность осмысления данных явлений порождает необходимость искать подходы к дальнейшим исследованиям. В качестве философского подхода предлагается феноменологический подход. Понятие подручного в философии М. Хайдеггера и понятие жизненного мира в феноменологической традиции позволяют увидеть специфику виртуальной реальности и процессов виртуализации в современном мире. Виртуальная реальность обладает особым способом бытия, не как наличное, а как подручное. Категория жизненного мира способствует пониманию особенностей повседневного бытия современного человека, получения нового опыта и смыслообразования, взаимодействия с Другими в условиях информатизации и цифровизации действительности, виртуализации жизненного мира. В качестве общенаучного подхода предлагается системный подход, который даёт нам представление о виртуальной реальности как о системном свойстве системы «человек-информационные технологии», элементами которой являются материально-физические средства, программное обеспечение, человек.

Ключевые слова: виртуальная реальность, виртуализация, жизненный мир, феноменологический подход, системный подход, система

Philosophical and scientific approaches to understanding virtual reality and virtualization.

Kataeva O.V.

Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Political Studies

Abstract: The non-linear nature of research of virtual reality and virtualization, the complexity of understanding these phenomena makes it necessary to look for approaches to further research. A phenomenological approach is proposed as a philosophical approach. The concept of a “readiness-to-hand” in the philosophy of M. Heidegger and the concept of the lifeworld in the phenomenological tradition allow us to see the specifics of virtual reality and virtualization processes in the modern world. Virtual reality has a special way of being, not as an existence, but as a “readiness-to-hand”. The concept of the lifeworld contributes to understanding the features of everyday life of a modern person, gaining new experience and meaning-making, interacting with others in the conditions of informatization and digitalization of reality, virtualization of the lifeworld. As a general scientific approach, a systematic approach is proposed, which gives us an idea of virtual reality as a system property of the “man-information technology” system, the elements of which are hardware, software, and a man.

Keywords: virtual reality, virtualization, lifeworld, phenomenological approach, systematic approach, system.

[i] Понятие виртуальной реальности в исследовательской философской литературе прошло определённый путь развития, который нельзя рассматривать как линейный. Интерес к изучению данного понятия и обозначаемого им явления то возрастал, проблематика виртуальной реальности становилась «модной», то снижался, можно сказать, поглощался исследованиями информационных и коммуникативных технологий, масс-медиа, Интернета, киборгизации человека, цифровыми технологиями. Виртуальная реальность исследовалась с позиции онтологии (Н.А. Носов, С.С. Хоружий, М.Ю. Опенков, Е.В. Ковалевская, И.Г. Корсунцев и др.), гносеологии (Л.А. Микешина, В.Ф. Жданов, Н.А. Носов, Т.В. Смирнова, В.В. Савчук и др.), социальной философии (М. Кастельс, Д.В. Иванов, А.В. Назарчук, А.В. Юхвид, Т.А. Бондаренко, С.В. Бондаренко, В.М. Розин, Е.Е. Таратута, Е.В. Поликарпова, В.А. Емелин и др.), философской антропологии (М.А. Пронин, М.А. Антипов, Д.И. Спичева, О.А. Моисеева и др.), эстетики (Н.Б. Маньковская и др.), этики (И.Ю. Алексеева и др.), культурологии (Н.Б. Кириллова, Д.О. Усанова, В.И. Шереветов и др.) и т.п. Тем не менее, вопросов и проблем, связанных с данным феноменом современного технологичного мира, остаётся достаточно для продолжения исследований

i Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00298А

в области философского и, более широко, социально-гуманитарного знания.

Одним из аспектов указанных исследований становится поиск адекватных философских и научных подходов для осмысления виртуальной реальности и процессов виртуализации. В учебном пособии «Бытие, познание и человек в цифровую эпоху» [1] данное понятие описывается с позиций идей М. Хайдеггера и феноменологического подхода. Если говорить о философии М. Хайдеггера, то авторы учебного пособия, используя метод аналогии, показывают возможности применения понятия подручного к анализу мира виртуальной реальности. Подручное рассматривается через понятия вещи-средства-отношения, и понимается как способ существования определённого типа сущего. Такой способ существования не есть сама вещь, это также не свойство и не отношение. Подручное – это способ существования неодушевлённых вещей, это то, что проявляет себя в использовании вещей. Виртуальная реальность также используется человеком, как подручное. Виртуальная реальность не существует только в воображении человека, но и самой по себе, без человека её нет. Далее, авторы продолжают развивать подход М. Хайдеггера к анализу виртуальной реальности, включая в оборот понятия «мирности мира» и «пространственности пространства», и делают вывод о том, что «хайдеггеровская фундаментальная онтология, которая видит задачу онтологии не в том, чтобы каталогизировать разнообразие наличных сущих, а в том, чтобы описывать их способы существования, является вполне подходящим методологическим инструментарием для развития онтологии дигитальных объектов» [1, с. 20].

Авторы учебного пособия также указывают на то, что существуют перспективы применения феноменологического подхода к пониманию виртуальной реальности. Инструментами данного подхода выступают, в частности, понятия конструирования реальности, интенциональности, жизненного мира, Другого и т.д.

К исследованиям, проведённым в указанном учебном пособии и посвящённым приложению феноменологического подхода к пониманию виртуальной реальности, следует добавить некоторые соображения, связанные с потенциалом понятия жизненного мира, применительно к виртуальной реальности.

У Э. Гуссерля мы встречаем понимание жизненного мира как донаучных, субъективных структур опыта, отличающихся осознанностью и смыслообразованием, как «само собой разумеющимся образом существующий, постоянно созерцательно предданный мир» [2, с. 453]. Жизненный мир Э. Гуссерля выступает как субъективное, замкнутое само в себе: «это сфера совершенно в себе замкнутого субъективного, существующего своим [особым образом], функционирующего в любом опыте, в любом мышлении, в любой жизни, т.е. повсюду и непрерывно, и всё же ни разу не ставшего предметом рассмотрения, не постигнутого и не понятного» [2, с. 454]. Таким образом, согласно Э. Гуссерлю, жизненный мир – это субъективный мир человека, который предзадан научному познанию, это мир опыта (прошлого, наличного и возможного) и мир смыслообразования.

Дополнить понимание жизненного мира можно идеями М. Хайдеггера, который трактует жизненный мир как «повседневное бытие-друг-с-другом» [3, с. 146]. То есть здесь жизненный мир – это мир повседневности отдельного человека, осознающего и переживающего, существующего в со-присутствии других людей.

Жизненный мир как повседневный и интерсубъективный рассматривает А. Щюц. Жизненный мир – это каждодневная «сцена и одновременно объект наших действий и наших взаимодействий» [4, с. 4]; он также есть интерсубъективный мир: «это означает, с одной стороны, что этот мир не лично мой, а общий для всех нас, и, с другой стороны, – что в этом мире существуют такие же, как я, люди, с которыми я связан разнообразными социальными отношениями» [4, с. 10]. Понятие жизненного мира, повседневности дополняется у А. Щюца значениями смыслового универсума, «которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению» [5, с. 130].

Отмеченные у разных авторов (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Щюц) характеристики жизненного мира позволят провести анализ виртуализации жизненного мира современного человека. Во-первых, жизненный мир современного человека, живущего в так называемом информационном и цифровом обществе, наполнен виртуальными процессами и взаимодействиями, которые стали для каждого из нас обыденностью, повседневностью. Каждый день нам приходится проверять почту и знакомиться с новостями в Интернете, вести (или просматривать) различные диалоги в нескольких чатах, оплачивать счета он-лайн, искать информацию, просматривать ленту в социальных сетях, что-то публиковать, осуществлять репост и т.п. Все эти действия касаются наших профессиональных обязанностей, личной жизни, образования, воспитания и т.д., то есть являются рутиной ежедневного существования.

Во-вторых, можно обратиться к такому аспекту жизненного мира как повседневности, связанного с получением нового опыта и наполнением этого мира смыслами и значениями. Благодаря развитию информационных технологий, жизненный мир человека, например, становится менее детерминированным правилами, приоритетами, ценностями, традициями, авторитетами. Он оказывается открытым иным мнениям, формам поведения, нравственным нормам. Различные сетевые сообщества строятся на совершенно различных подходах к взаимодействию, формулируют (часто, негласно) собственные нормы. Субъективность жизненного мира каждый раз наполняется новыми контекстами, задаваемыми сетевым сообществом. Также виртуализация различных процессов социальной реальности и личной жизни даёт опыт межличностной коммуникации в виртуальном пространстве с таким количеством личностей, с которым в реальности человек просто не смог бы взаимодействовать; опыт реализации своего творческого потенциала; опыт взаимодействия с социальными структурами (властными, экономическими и т.п.) и людьми (политиками, звёздами, селебрити, блоггерами и т.п.), доступ к которым, как правило, закрыт или осложнён. В этом можно усмотреть третий аспект подмеченной характеристики жизненного мира, которая хорошо проявляет себя в виртуальном взаимодействии (социальные сети, мессенджеры и т.п.), а именно того, что жизненный мир предстаёт как интерсубъективный, как «бытие-друг-с-другом».

Попыткой разработки научного подхода к пониманию виртуальной реальности может стать такой общенаучный подход как системный, который позволяет рассматривать исследуемый объект как систему, обладающую признаками целостности, единства составляющих его элементов, взаимодействия элементов внутри системы, взаимодействия системы с окружающей средой и другими системами, появления системного свойства и др. Виртуальная реальность с точки зрения системного подхода включает в себя такие необходимые взаимосвязанные элементы как 1) материально-физическое оборудование, технические средства, hardware, или «железо», обеспечивающее существование и работу 2) программного обеспечения, software (которое является ещё одним элементом данной системы), создающего виртуальную реальность. 3) Третьим элементом является человек, его телесность и сознание, включающее в себя механизмы ощущения, восприятия, представления, мышления, эмоций, памяти. Виртуальная реальность возникает в результате взаимодействия составляющих элементов данной системы, в которой элементы сами по себе, по отдельности, не дают нам представления о виртуальной реальности. Таким образом, виртуальная реальность предстаёт в качестве некоего системного свойства, возникающего только в результате взаимодействия всех элементов системы и не существующего самостоятельно, независимо от элементов самой системы.

Применение системного подхода, возможно, сможет нам помочь в решении вопроса о том, почему в современном мире можно говорить о процессах виртуализации жизненного мира человека, о погружении его в виртуальный мир, где господствует иллюзорное, фиктивное, нереальное. Возможно, что это ответ, реакция на увеличение информации в современном мире, на рост технических средств и технических возможностей, которые очень быстро совершенствуются, не всегда позволяя человеку освоиться в них. В этом смысле такое понятие системного подхода как обратная связь также может быть применено к исследованиям. Какой тип системной связи здесь можно усмотреть? Отрицательной или положительной? По сути, система, о которой идёт речь, может быть сведена к системе «человек-цифровые технологии». В качестве внешней среды по отношению к такой системе выступает объективный мир, а также информационная реальность (события, новости, комментарии и т.п.). Эти внешние процессы оказывают воздействия на систему, значит, могут дестабилизировать её или организовать. Поэтому возникает вопрос: виртуализация жизненного мира, погружение в виртуальную реальность – это стремление системы к устойчивости, поскольку жизненный мир человека стремится к устойчивости в обилии информации? Или, наоборот, тут наблюдается нарушение равновесия и устойчивости системы?

Указанные философские и общенаучные подходы намечают перспективы в изучении виртуальной реальности и процессов виртуализации жизненного мира человека, их возможного развития, позитивного потенциала и опасностей с ними связанных.

Литература:

1. Косилова Е.В., Миронов В.В., Сокулер З.А., Фролов А.В., Шапошников В.А. Бытие, познание и человек в цифровую эпоху: Учебное пособие / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: Издатель Воробьев А.В., 2019. 184 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 464 с. С. 443-459.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: «Фолио», 2003. 503, [9] с.
4. Щюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Том 3. № 2. 2003. С. 3-34.
5. Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. Т. 2. С. 129-137.

Виртуальное и реальное в современной культуре (на примере музыки)

Клюев А.С.

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). Профессор кафедры музыкального воспитания и образования. Доктор философских наук

aklujev@mail.ru

Аннотация: в статье уточняется понимание виртуального и реального: виртуальное есть мнимое, ложное; реальное – истинное, подлинное. Выдвигается предположение, что в современную эпоху, именуемую автором эпохой «Агонизирующего постмодернизма», именно в категории «виртуальное» следует интерпретировать существование культуры, в частности, музыки. Утверждается, что в эту эпоху музыка превратилась в бессодержательную «организацию звука». Вместе с тем подчеркивается, что музыка – не просто звучание, но и то, что находится «позади» звучания. На основе приводимой синергетической модели мироустройства удостоверяется, что музыка – Духовная сила бытия. Констатируется, что обозначенное качество музыки выражается в ее способности «делать людей лучше». Заверяется, что данная способность музыки, и всей культуры, – залог их реального бытия.

Ключевые слова: виртуальное, реальное, современная культура, музыка, организация звука, синергия.

The virtual and the real in contemporary culture (on the example of music).

Klujev A.S.

Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia), Department of Music Education

Abstract: the article clarifies the understanding of the virtual and the real: the virtual is imaginary, false; real – true, authentic. It is suggested that in the modern era, referred to by the author as the era of "Agonizing postmodernism", it is in the category of "virtual" that the existence of culture, in particular music, should be interpreted. It is argued that in this era, music became a meaningless "organization of sound". At the same time, it is emphasized that music is not just a sound, but also something that is "behind" the sound. On the basis of the given synergetic model of the world order, it is verified that music is the Spiritual force of being. It is stated that the indicated quality of music is expressed in its ability to "make people better". It is assured that this ability of music, and of all culture, is the guarantee of their real existence.

Keywords: virtual, real, modern culture, music, sound organization, synergy.

Прежде всего отметим сложное соотношение *виртуального* (от лат. virtualis – возможный) и *реального* (от лат. realis – действительный). Не вдаваясь сейчас в детальный анализ этого соотношения, подчеркнем: в литературе, в целом, виртуальное интерпретируется как мнимое, ложное, а реальное – как истинное, подлинное. Полагаем, что в современную эпоху, которую мы именуем эпохой «Агонизирующего постмодернизма», именно в категории «виртуальное» необходимо понимать существование культуры, в частности, *музыки*.

Действительно, в наши дни музыка являет собой нечто неопределенное, поскольку активно стираются границы между музыкой и обычными звуковыми образованиями. Сегодня музыкой становится любая, предложенная «создателем», звуковая галиматья. «Титан» современной музыки – Дж. Кейдж считает, что вообще слово «музыка» должно быть заменено термином «организация звука» [1, с. 14][i]. Упиваясь звуковым трюкачеством, «организаторы звука» делают упор на чисто звуковой – *материальной составляющей музыки*. Как отмечали Ж. Делез и Ф. Гваттари: в современном искусстве от «литературы до музыки – везде утверждается материальная толща» [2, с. 227][ii].

i В наше время таких «организаторов звука» хоть пруд пруди. Вот названия некоторых их «творений»: Вертолетный струнный квартет (К. Штокхаузен); Руководство по аварийному выживанию для автомобиля и оркестра (Д. Курляндский); Пьеса для пластиковой бутылки соло (А. Васильев); Манифест для трех пенопластов со смычками; Сочинение для экстремального вокала, деревянных ящиков, мусорных баков, батарей центрального отопления, сирен, колоколов и железных листов (Г. Дорохов) и масса других подобных «опусов».

ii Откуда берется этот «пиетет» перед материей, стремление удержать ускользающее? Думается, его порождает желание увековечить отдельное, частное. Такое желание предопределили труды «отцов постмодернизма»: Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотара. Важнейшая задача этих авторов заключалась в утверждении концепта различия в его противопоставлении концепту тождества. Так, Делез в своей работе «Различие и повторение» заявляет, что повторение не есть общность, а скорее ключ к пониманию различия. *Не случайно, что, по словам Делеза,* «задача

Вместе с тем музыка – не только *звучание*, но и то, что существует *в звучании*[i]. Что же такое музыка? Попробуем ответить на этот вопрос, опираясь на принципы *синергетики*.

Синергетика (от греч. συν- – вместе и ἔργον – деятельность) – направление научных исследований, в рамках которого изучаются особенности самоорганизации систем в мире. Синергетика свидетельствует: а) системы эволюционируют в направлении: от менее организованной (упорядоченной, устойчивой, надежной и т.д.) – к более организованной (упорядоченной и пр.); б) эволюция систем осуществляется нелинейно (многовариантно), различными фазовыми переходами, скачками.

Как отмечал родоначальник синергетики – немецкий физик Герман Хакен, в основе предложенного им названия новой научной отрасли – «синергетика» – лежит слово «синергия»[ii]. Любопытно, что, выбрав понятие «синергия» для названия созданной им научной области, Хакен ни разу больше в своих работах к нему не возвращался, а между тем понятие это чрезвычайно значимо.

Суть понятия «синергия» с особой глубиной выявляется в Православии, его средоточии – исихазме, где оно означает единение энергий человека и энергий Бога – Божественных энергий. Характер этого единения поясняет систематизатор и обосновать практики исихазма святитель Григорий Палама (XIII–XIV вв.).

Как указывает святитель, есть свет, – «изливаемый на нас Богом по Его обетованию дух от Духа Божия... действование сущности Духа» [6, с. 197]. Это действование – «дар… всесвятого Духа», воплощаемый Его энергиями. «Святой Дух превосходит свои энергии не только потому, что Он их причина, но и потому, что принятое всегда оказывается лишь ничтожной долей Его дара» [6, с. 198].

Важно отметить, согласно толкователям практики исихазма, в единении энергий человека и энергий Божественных участвуют энергии «всецелого» человека, то есть телесно-душевно-духовного. Иными словами, единение энергий человека и энергий Божественных есть возрастание энергий человека в последовательности: телесные – душевные – духовные. Данное установление позволяет заключить, что в исихазме понятие «синергия» в конечном счете означает Единение Материи и Духа – мира.

Основываясь на указанном воззрении, можно сказать: мир – нелинейное, системно-эволюционное Восхождение Материи к Духу – Одухотворение Материи.

Очевидно, что возможно различное конструирование этого восхождения. В нашей версии оно предстает как эволюционное движение систем: природа – общество – культура – искусство – музыка.

Обратимся к анализу обозначенного эволюционного движения и прежде всего к эволюции: природа – общество.

То, что природа является предпосылкой общества, убедительно показано в специальной литературе. Например, по мнению А.Г. Маслеева, «природа… выступает как постоянное и [обязательное] условие предметно-практического существования… общества» [7, с. 52].

На определенном этапе своего эволюционного становления общество генерирует возникновение культуры.

Необходимо подчеркнуть, что, как правило, в научной литературе общество и культура практически не различаются. Вместе с тем в работах отдельных ученых настойчиво утверждается мысль о том, что общество и культура – разные явления, при этом культура – новый в качественном отношении уровень развития общества. Наиболее отчетливо, на наш взгляд, эту идею выразил А.К. Уледов. По мнению ученого, «культура – это не структурная часть целого… а скорее определенное качественное состояние общества на каждом данном этапе его развития» [8, с. 27–28].

Этапом эволюции культуры становится искусство.

Говоря об этом этапе эволюционного развертывания, прежде всего важно отметить исключительную связь культуры и искусства, еще бóльшую, чем связь общества и культуры, поскольку искусство – органичная часть культуры. Возникает вопрос: почему в предлагаемой нами модели именно искусство – последующая за культурой ступень эволюционного движения, ведь в культуре, помимо искусства, содержатся (и в этом плане способны стать этапами ее эволюции) наука, философия и др.?

современной философии..: низвержение платонизма» [3, с. 82].

i По этому поводу прекрасно сказал Г.А. Орлов: «Музыка живет… в звучании», она неотделима от звучания, однако при этом «указывает на нечто “позади” себя» [4, с. 364].

ii «Я выбрал тогда слово “синергетика” (от слова “синергия”. – А.К.), – признается Хакен, – потому что за многими дисциплинами в науке были закреплены греческие слова. Я искал такое слово, которое выражало бы совместную деятельность, общую энергию» [5, с. 209].

Такая ситуация обусловлена тем, что именно искусство наиболее полно воплощает культуру. Показательно суждение М.С. Кагана: «Искусство, будучи частью культуры, в отличие от всех других ее частей, представляет культуру *не односторонне, а целостно*. Иначе говоря, оно *изоморфно культуре…* [поэтому] оказывается своеобразной *моделью… культуры,* ее *образным “портретом”» [9, с. 109*–110].

Этапом эволюции искусства становится музыка.

Музыка и искусство еще теснее сопряжены, чем в предыдущем случае культура и искусство: если искусство принадлежит культуре, музыка, музыкальное искусство – собственно искусство, его разновидность. Причем как разновидность оказывается наиболее концентрированным воплощением искусства. В этом плане нельзя не согласиться с утверждением С.Х. Раппопорта о том, что в музыке «мы находим… все необходимые и достаточные стороны искусства в их теснейшем взаимодействии, в их нерасторжимом сплаве...» [10, с. 98]. И далее: «Главная особенность музыки... состоит, по-видимому, в том, что она, несомненно, является наиболее “чистой” моделью искусства как особой системы...» [10, с. 100].

Таким образом, в демонстрируемой модели музыка – воплощение предельного Восхождения Материи к Духу, по существу, – Растворения Материи в Духе.

Итак, музыка – Дух, живущий в звуке. А это значит, композитор – тот, кто пребывает в Духе, восстанавливает Духовную связь с Высшим. И, как подчеркивает выдающийся современный композитор (и такого уровня композиторов сегодня, к сожалению, практически не осталось!) София Асгатовна Губайдулина, «помимо… восстановления (Духовной связи с Высшим. – А.К.) нет никакой более серьезной причины для сочинения музыки» [11, с. 4]. А чему служит такое восстановление, чем оно наделяет произведения композитора?

Представляется, лучше всего это объяснил Георг Фридрих Гендель. Как рассказывает Джеймс Битти[i], «после исполнения… божественной оратории (лондонской премьеры оратории Генделя «Мессия» в 1743 году. – А.К.) господин Гендель явился на поклон к лорду Киннуллу [Томасу Хею], с которым водил знакомство. Его светлость… высказал несколько комплиментов по поводу благородного развлечения, которым тот недавно удостоил горожан. “Милорд, – сказал Гендель в ответ, – я был бы огорчен, если бы только развлекал их. Я хотел бы сделать их лучше” (выд. нами. – А.К.)» [12, с. 457].

Интересно, современные «организаторы звука» задумываются ли о том, чтобы сделать своей «музыкой» людей лучше? а ведь как раз этот дар – делать людей лучше – и обеспечивает музыке, и всей культуре, реальное, подлинное, существование[ii].

Литература:

1. Кейдж Дж. Тишина. Лекции и статьи: Пер. с англ. Вологда: [б.и.] 2012. 381 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. М.: Академический Проект, 2009. 261 с.
3. Делез Ж. Различие и повторение / Пер. с фр. СПб.: ИД «Петрополис», 1998. 384 с.
4. Орлов Г.А. Древо музыки. 2-е изд., испр. СПб.: Композитор-Санкт-Петербург, 2005. 439 с.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: человек, конструирующий себя и свое будущее. 4-е изд., доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011 264 с.
6. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих / Пер. с греч. [3-е изд., стер.] М.: Академический Проект, 2011. 278 с.
7. Маслеев А.Г. Диалектика отношений природы и культуры // Диалектика культуры: Сб. статей. / Отв. ред. В.А. Конев. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского ун-та, 1982. С. 51–56.
8. Уледов А.К. К определению специфики культуры как социального явления // Философские науки. 1974. № 2. С. 22–29.
9. Каган М.С. Искусство в системе культуры // Каган М.С. Избранные труды в VII т. Т. III. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. С. 100–128.
10. Раппопорт С.Х. Природа искусства и специфика музыки // Эстетические очерки. Избранное. / Сост. И.А. Константинов, С.Х. Раппопорт. М.: Музыка, 1980. С. 63–102.
11. Холопова В.Н. София Губайдулина. Путеводитель по произведениям. М.: Композитор, 2001. 56 с.
12. Кириллина Л.В. Гендель. М.: Молодая гвардия, 2017. 478 с.
13. Клюев А.С. Музыка: путь к Абсолюту. СПб.: Алетейя, 2015. 92 с.

i Джеймс Битти (1735–1803) – шотландский поэт, эссеист, философ.

ii Подробнее см.: [13; 14; 15; 16]. Добавим, в журнале «Философские науки» (№ 11, 2019) мы заявили рубрику «Музыка и человек». Эта рубрика была открыта с целью способствовать возвращению культуры в современное общество. Приглашаем всех заинтересованных лиц к участию в рубрике.

14. Клюев А.С. Онтология музыки. 2-е изд., испр. и перераб. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. 125 с.
15. Клюев А.С. Сумма музыки. СПб.: Алетейя, 2017. 608 с.
16. Клюев А.С. Философия музыки. 2-е изд., испр. и перераб. СПб.: Астерион, 2010. 227 с.

Развитие понятий постнеклассической науки

Коняев Сергей Николаевич

Институт философии РАН, старший научный сотрудник. Кандидат физико-математических наук

snk-05@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются особенности понятий постнеклассической науки. Отмечается наличие временной размерности и эволюционной составляющей. Понятия «постнеклассики» должны не только рассматривать характеристики объекта, но также обязаны фиксировать воздействие субъекта на объект. Одной из перспективных категорий становящейся физической теории, вероятно, будет понятие когерентности.

Ключевые слова: постнеклассическая наука, проблема наблюдателя, понятие когерентности

Categories of post non classical science.

Konyaev Sergey

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

Abstract: There are new features of notions of post non classical science. First of all post non classical categories have time dimension, i.e. they are able to evolve. Moreover they should consider not only the characteristics of the object but also fix the influence of subject on the object. One of the perspective categories of the becoming physical theory could be the notion of coherence.

Keywords: post non classical science, the problem of the observer, coherence, becoming scientific paradigm

Современный этап развития науки характеризуется все большим отходом от классической картины мира. Все больше акцент в познании переходит на осознание роли наблюдателя и его метрологического обеспечения.

Даже такие базовые понятия классической физики как пространство и время отходят на задний план. Получают развитие взгляды методологов, трактующих пространственно-временные характеристики объектов микромира как вторичные качества, обусловленные в первую очередь их взаимодействием.

21 век характеризуется не просто теоретическими моделями, описывающими новые черты физической реальности, но и экспериментальными подтверждениями новых моделей.

В сентябре 2015 года усовершенствованная система интерферометров LIGO впервые обнаружила гравитационные волны, возникшие в результате слияния двойной системы черных дыр с примерно равными массами, удаленных от Земли на расстояние более 1 млрд световых лет [1, 1011].

Если это открытие подтвердится, то самая главная опора классической картины мира – стабильность внешнего мира, статуарность пространства уже не будет давать прежней надежной методологической основы. Более важным является фиксация взаимодействия субъекта и объекта. В зависимости от условий эксперимента результат регистрации объекта может отражать как волновые, так и корпускулярные свойства изучаемого объекта.

Совсем новые непривычные характеристики объекта могут привносится под влиянием современных технологий, приводящих, например, к появлению свойств, обусловленных воздействием информационных систем дополненной реальности.

Есть очень веские основания полагать, что продвижение в развитии физической теории потребует разработку понятия когерентности, в котором понятие субъекта и объекта оказывается взаимосвязанным.

Понятие когерентности помимо более тонкого понимания процесса измерения вносит вклад в понимание причинности. Помимо традиционных четырех пониманий причинности, идущих от Аристотеля (материальной, формальной и пр.) в сложных человекомерных системах, обладающих памятью и возможностью эволюционного развития могут присутствовать детерминация прошлым и будущим. Тем более, что современные представления о новом понимании природы времени в микромире получили не только теоретическое, но и экспериментальное подтверждение.

Постнеклассический тип научной рациональности учитывает соотнесенность получаемых зна-

ний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Как отмечает академик В.С.Степин, современная наука направлена на изучение сложных эволюционирующих природных объектов, в которых включается в качестве компонента сам человек. Изучение сложных, человекомерных систем требует новых инструментальных средств.

В своей книге «Теоретическое знание» В.С.Стёпин отмечает [2, 626]: «В современную эпоху, в последнюю треть нашего столетия мы являемся свидетелями новых радикальных изменений в основаниях науки. Эти изменения можно охарактеризовать как четвертую глобальную научную революцию, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука.

Интенсивное применение научных знаний практически во всех сферах социальной жизни, революция в средствах хранения и получения знаний (компьютеризация науки, появление сложных и дорогостоящих приборных комплексов, которые обслуживают исследовательские коллективы и функционируют аналогично средствам промышленного производства и т.д.), меняет характер научной деятельности. Наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности».

Академик Степин В.С. отмечает, что включаясь во взаимодействие, человек уже имеет дело не с жесткими предметами и свойствами, а со своеобразными «созвездиями возможностей». Перед ним в процессе деятельности каждый раз возникает проблема выбора некоторой линии развития из множества возможных путей эволюции системы. Причем сам этот выбор необратим и чаще всего не может быть однозначно просчитан.

В естествознании, как отмечает академик Степин, первыми фундаментальными науками, столкнувшимися с необходимостью учитывать особенности исторически развивающихся систем, были биология, астрономия и науки о Земле. Сейчас идеи историзма все активнее проникают в физику, начиная с идеи «Большого взрыва» и получением экспериментальных подтверждений наличия нелокальности времени в контексте физики элементарных частиц (п в экспериментального подтверждениия неравенств Леггета).

Есть очень веские основания полагать, что для адекватного анализа современного развития научного знания требуется разработка новых инструментов такого анализа, разработка постнеклассической методологии и, в частности, использование понятий, соответствующих задаче комплексного анализа таких сложных человекомерных (человекоразмерных) систем постнеклассической науки.

Кандидатом на категорию постнеклассической науки может быть, в частности, понятие когерентности. Определение этого понятия до сих пор вызывает споры.

В классической оптике свойство когерентности источников света определяется по результату их взаимодействия – интерференции. Два источника света когерентны, если они дают интерференционную картину. Интересно, что даже в классической оптике способность света к интерференции определяется квантовыми свойствами излучения. Обычный свет создается хаотическими излучателями, поэтому первые интерферометры создавались с помощью одного источника, разделяя световой поток на два световых луча. Именно это дает возможность получить интерференционную картину, используя отдельные цуги волн с требуемым временем когерентности. Сама интерференционная картина создается в классической оптике благодаря «фактору историчности» - лучи интерферируют, так как имеют общее происхождение – общий единый источник излучения.

Анализ понятия когерентности показывает, что в этом понятие присутствует связь (как раньше бы сказали диалектическое единство) целостности (свойств) системы и (процесса) синхронизации, который эту целостность обеспечивает.

Наличие наблюдаемой интерференционной картины является по определению свидетельством когерентности волн, колебаний и пучков света. Свет от пары обычных лампочек накаливая, как показывает опыт, не дает интерференционной картины, соответственно интерференционный член равен нулю и в таком случае говорят, что пучки не коррелированы или не когерентны между собой [3, 190].

В теории колебаний и волн когерентность «определяется как необходимое условие существование эффектов интерференции» [4, 7]. В классической оптике степень когерентности теоретически оценивалась по величине интерференционного члена, а экспериментально по контрастности интерференционных полос. Традиционные источники света использовали некоррелированно излучающие атомы и молекулы, поэтому для получения интерференционной картины приходилось излучение одного и того же источника расщеплять разными способами на два или несколько пучков.

Классические модели когерентных явлений в целом хорошо описывают различные интерференционные схемы, позволяют исследовать интерференцию немонохроматических световых пучков и учитывать влияние частично когерентного света. В классике практически ставится знак равенства между понятиями когерентности и корреляции. Так, согласно Физической Энциклопедии: «Когерентность – коррелированное протекание во времени и в пространстве нескольких случайных колебаний или волновых процессов, позволяющее получить при их сложении четкую интерференционную картину...» [5, 394].

Важный методологический вывод, который появляется при рассмотрении когерентности в классической теории – это связь понятия когерентности с понятием измерения. И то, и другое в классике определяется неявно. Измерение в классической механике подразумевает наблюдателя, получающего граничные условия для систем уравнений теории, которые не содержат понятия (описания) наблюдения. Степень когерентности определяется через реальные условия эксперимента и подразумевает «интегральную характеристику» результатов наблюдения.

Таким образом, понятие когерентности должно получить дальнейшее развитие, чтобы занять адекватное место среди категорий постнеклассической науки.

Литература:

1. Липунов В.М. Астрофизический смысл открытия гравитационных волн. // УФН. 2016. Т.186. №9 С.1011-1022.
2. Стёпин. В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция. 2003. 744 С.
3. Сивухин Д.В. Общий курс физики. Оптика. М. 1980. С.190.
4. Шелепин Л.А. Когерентность. М.1983. С.7.
5. Физическая Энциклопедия 1990 - Физическая Энциклопедия. Т.2. М. 1990. стр. 394.

Как измерить виртуальное пространство?

Королёв Андрей Дмитриевич

Институт философии Российской академии наук, старший научный сотрудник, кандидат философских наук

korolev7772008@yandex.ru

Аннотация: Интервальную шкалу нельзя использовать для измерения виртуального пространства, поэтому приходится применять шкалу порядка. Данная шкала порядка переносит нас в мир эмоций, где одновременно фиксируются интенсивность эмоций и их связь со смыслом жизни. Виртуальное пространство отрывает нас от движений нашего тела, что приводит нас к изменённым состояниям сознания. Мы становимся беззащитными перед навязанными нам страхом и неопределённостью. Осознание себя через движение собственного тела и принадлежность к малой группе позволяют нам вернуться к экстравертированному сознанию. В работе подчёркивается особая значимость для нас общения между людьми без использования технических средств. Такое общение важно, потому что оно формирует полноценное подпороговое восприятие, связывающее нас с другими мирами.

Ключевые слова: виртуальность, пространство, измерение, интервал, порядок, движение, тело человека.

How do I measure virtual space?

Korolev Andrey D.,

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The Interval scale cannot be used to measure virtual space, so we have to use the order scale. This scale of order takes us to the world of emotions, where the intensity of emotions and their connection with the meaning of life are simultaneously recorded. Virtual space detaches us from the movements of our body, which leads us to altered states of consciousness. We become vulnerable to the fear and uncertainty imposed on us. Self-awareness through the movement of our own body and belonging to a small group allows us to return to an extroverted consciousness. The paper emphasizes the special importance for us of communication between people without the use of technical means. This communication is important because it forms a full-fledged subthreshold perception that connects us to other worlds.

Keywords: virtuality, space, dimension, interval, order, movement, human body.

Человек – многомерное создание, существующее одновременно в разных видах пространства. Например, в географическом пространстве, где есть широта и долгота. Одновременно в виртуальном пространстве, не имеющем локализации в географическом пространстве. Наша увлечённость цифровизацией и погружением в ритуальную реальность не позволяет увидеть нам те опасности, которые подстерегают нас на этом пути. Наша психика есть производная географического пространства, а, отнюдь, не виртуального. Разница предельно простая. Географическое пространство можно измерить, используя интервальную шкалу. Виртуальное пространство измерить интервальной шкалой в принципе невозможно. Для измерения виртуального пространства используются шкала наименований и шкала порядка.

После отмены «золотого стандарта» в 1971 году в США и в 1992 году в России финансы всего мира превратились именно в виртуальную реальность. Это был первый звоночек наших сегодняшних событий, связанных с погружением людей в виртуальные сны. Именно поэтому от нас требуют, чтобы мы сидели дома, соблюдали дистанцию и носили маски. Главное, чтобы мы не разбудили друг друга. Именно об этом было сказано более ста пятидесяти лет тому назад в гениальном стихотворении «Безумцы» французского поэта Пьера Жана Беранже: «Господа! Если к правде святой Мир дороги найти не умеет, Честь безумцу, который навеет Человечеству сон золотой» (перевод В.С. Курочкина). «Сон золотой» начался именно с отмены «золотого стандарта» во всех странах мира, что сделало невозможным использование интервальной шкалы в решении любых финансовых вопросов.

Зрительное и слуховое восприятие должно строиться на основе двигательных и тактильных ощущений, работы обоняния и вкусового анализатора. Вспомним, с чего начинается познание мира у маленького ребёнка. Он обязательно должен попробовать предмет на вкус, почувствовать запах, испытать тактильные и двигательные ощущения. Даже освоение языка связано с двигательной активностью: иди ко мне, принеси мяч, возьми паровозик, пойдём гулять и т.д. Не будем забывать, что сетчатка глаза когда-то была кожей. Разглядывание пикселей на экранах, безусловно, приводит человека к функциональной беспомощности. Он начинает бояться живого общения по принципу «глаза в глаза», скрывает своё имя под ником и т.д. Дружба и любовь, физический труд становятся недостижимыми явлениями. Коренные европейцы начинают проигрывать мигрантам, а современная борьба за будущее сопровождается появлением экзотичных, радикальных политиков-популистов.

Вернёмся к вопросу измерения виртуального пространства. Если для измерения виртуального пространства нельзя использовать интервальную шкалу, единицы длины и веса, то двигательный анализатор перестаёт выдавать точные данные о необходимых движениях человека: длина прыжка, скорость ходьбы или бега, напряжение мышц руки для поднятия конкретного предмета и т.д. Дефицит данной информации неизбежно приводит к погружению в мир эмоций, ибо эмоция – это сигнал о том, что получаемая информация не соответствует ожидаемой информации. Если получаемая информация превышает ожидаемую, то человек испытывает положительные эмоции; если получаемая информация меньше ожидаемой, то человек испытывает отрицательные эмоции.

При запрете на интервальную шкалу неизбежен переход к шкале порядка, в которой указаны координаты предмета без использования единиц измерения. Вместо них указывается, что справа и слева, что сверху и снизу. Например, эмоции располагаются по шкале интенсивности. Всегда можно сказать, какая эмоция слабее, какая эмоция сильнее.

Человеческая психика так устроена, что шкала порядка одновременно использует несколько взаимно перпендикулярных плоскости. Например, для определения координат вкуса нужно использовать шкалы солёный-кислый, сладкий-горький и степень жжения, за которое отвечают специальные рецепторы. Для определения координат конкретного цветового оттенка используются шкалы синий-жёлтый, красный-зелёный и чёрный-белый. Для определения координат запаха также используют три шкалы, отвечающие за три основных запаха. Для получения объёмного звука нужно сравнить его координаты на плоскости, созданной чувствительностью левого уха, с его координатами на плоскости, созданной чувствительностью правого уха. Если координаты совпадают, то никого объёмного звука мы не услышим.

Хотя этимологически понятия «эмоция» и «мотив» происходят от латинского глагола «movere», означающего «двигаться», виртуальное пространство неизбежно переносит нас из мира движений нашего тела в мир эмоций, которые тоже существуют одновременно в нескольких плоскостях: сильная-слабая эмоция; удовлетворение низших базовых потребностей – удовлетворение высших потребностей, связанных со смыслом жизни и т.д.

Отключая нас от двигательного анализатора, виртуальное пространство до предела сужает поле нашего восприятия и отдаёт нас в руки искусственного интеллекта. Мы превращаемся в когнитивных роботов, выполняющих инструкции, рождённые в недрах искусственного интеллекта, с которым бесполезно вести диалог, о чём-то просить, что-то предлагать, что-то требовать. «Предметный мир, жизнь, деятельность, телесность и чувственность, понимающее мышление – то, что считалось подлинным, предстаёт мнимым, а абстрактное, частное, мнимое – подлинным» [1, с. 54].

Задача искусственного интеллекта предельно проста: разорвать социальные связи, погрузить нас в сон, в мир галлюцинаций. Главное, чтобы мы добровольно отказались от экстравертированного сознания, перешли к изменённым состояниям сознания.

Популяции биологического вида homo sapiens могут развиваться только в условиях географической экспансии. Виртуальное пространство останавливает географическую экспансию, что неизбежно ведёт к инволюции человека.

Какие эмоции навязывает нам искусственный интеллект? Прежде всего, отрицательные эмоции. Проверить очень легко. Возьмите любой выпуск новостей. Если 80% новостей вызывают у нас положительные эмоции, значит, новости подготовлены людьми. Если 80% новостей вызывают у нас отрицательные эмоции, значит, новости подготовлены искусственным интеллектом, цель которого превратить нас в беспомощных рабов. Чувства страха и неопределённости, навязанные нам средствами массовой информации, не могут длиться бесконечно долго и переходят в состояние приобретённой беспомощности. В этом состоянии мы отказываемся искать выход из создавшегося положения. Конечно, нам может помочь наша социальная группа, к которой мы принадлежим и мысли которой мы принимаем за свои мысли. Чтобы этого не произошло, общение между людьми нужно разорвать при помощи тех-

нических средств. На первый взгляд кажется, что слова человека, сказанные для нас по zoom, ничем не отличаются от слов, услышанных нами при прямом контакте без технических средств. Люди, так считающие, полностью игнорируют базовый закон психологии. Наше восприятие на 90% и более состоит из подпорогового восприятия, которое в случае общения по zoom разрушается. Самое ценное в межличностном общении мы теряет навсегда. Ведь общение без технических средств – это одновременно гипноз, эмпатия, модель для подражания. Любые технические средства сводят данные эффекты к минимуму, что ведёт к взаимному отторжению людей, к депрессии и саморазрушению психики.

Самоизоляция – это первая ступень смерти. Пэттисон считает, что «Социальная смерть характеризуется потребностью умирающего изолироваться от общества, замкнуться в самом себе и всё дальше и дальше отдаляться от живых людей» [2, с. 46].

Подведём итог. Виртуальное пространство в отличие от географического нельзя измерить при помощи шкалы интервалов. Именно поэтому при измерении виртуального пространства используется шкала порядка, позволяющая определить наши координаты в мире эмоций. Мы существуем на перекрёстке разных миров. Эмоции, не привязанные к движению нашего тела, опасны, так как незаметно для нас переходят в изменённые состояния сознания, похожие на сон и галлюцинации. Мы становимся беззащитными перед навязанными нам страхом, неопределённостью, тоской. Осознание себя через движение собственного тела, которое коррелирует с деятельностью членов нашей малой социальной группы, позволяет сбросить оковы искусственного интеллекта.

Литература:

1. Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.
2. Годфруа Ж. Что такое психология: В 2-х т. Изд. 3-е, стереотипное. Т. 2: Пер. с франц. М.: Мир, 2005. 376 с.

К онтологическому определению понятия виртуальной реальности

Кудряшев Александр Федорович

Башкирский государственный университет, и.о. заведующего кафедрой философии и политологии. Доктор философских наук

philozof@mail.ru

Аннотация: в докладе подчеркивается метафоричность и противоречивость, а также излишняя абстрактность ряда определений виртуальной реальности, на основе чего предлагается и обосновывается понимание виртуальной реальности как подмены типа бытия. Рассмотрены сходство и отличие понятий виртуального и искусственного. Предлагается дополнить рассмотрение проблемы виртуальной реальности, порождаемой парой «человек – компьютер», двумя разными виртуальными реальностями связки «человек – искусственный интеллект»: «виртуальная реальность$_1$» и «виртуальная реальность$_2$». Ставится задача согласования указанных виртуальных реальностей, упирающаяся в проблемы понимания человеком искусственного интеллекта, а искусственным интеллектом – человека. Делается вывод об определенном подобии виртуальной реальности человека и виртуальной реальности искусственного интеллекта следующих поколений.

Ключевые слова: виртуальная реальность, онтология, бытие, тип бытия, человек, компьютер, искусственный интеллект.

Ontological definition of virtual reality.

Kudryashev Alexandr F.

Bashkir state University, Department of philosophy and political science

Abstract: the report emphasizes metaphoricity and contradictions, as well as the excessive abstractness of a number of definitions of virtual reality, on the basis of which the understanding of virtual reality as a substitute for the type of being is proposed and justified. Similarity and difference of concepts of virtual and artificial are considered.It is proposed to supplement the consideration of the problem of virtual reality caused by the pair "human – computer", two different virtual realities of the bundle "human – artificial intelligence": "virtual reality$_1$" and "virtual reality$_2$". The task is to reconcile these virtual realities, which rests on the problems of human understanding of artificial intelligence, and artificial intelligence – human. A certain similarity of the virtual reality of man and the virtual reality of artificial intelligence of the next generations is concluded.

Keywords: virtual reality, ontology, being, type of being, human, computer,artificial intelligence.

Хотя виртуальное бытие как понятие в современной философской методологии науки и техники используется весьма интенсивно, понимается оно крайне неоднозначно, притом вопрос о его содержании многими авторами начисто игнорируется и остается за рамками научного текста. Между тем в любом научном дискурсе следует придерживаться хотя бы рабочего определения основных понятий, в том числе, где это требуется, и понятия виртуальности. Возможно, неявно авторами предполагается понимание виртуальной реальности, распространенное более всего, в качестве которого обычно берутся значения «недобытия», «недорода бытия» (С.С. Хоружий), или близкое к ним значение «бытия в небытии» (Р.А. Ярцев). Однако данные трактовки строгими не являются: два первых значения чисто метафорические, а третье предлагает сочетать несочетаемое – бытие и небытие, подобно, например, понятийным конструкциям «время в безвременье» или «материальное в нематериальном». Другим довольно распространенным приемом служит превращение в понятие «виртуальности» хорошо знакомой по классическим философским трудам категории «возможности». В таком случае вполне законным выглядит попытка нарисовать воображаемую картину мира на основе утверждения тотальности виртуального (В.В. Афанасьева), тогда как ведущей стороной современных исследований виртуальной реальности все равно остается ее конкретизация за счет выявления ее содержательной специфики. Иначе говоря, для большей строгости рассуждений требуется и большая определенность содержания понятия, с опорой на которое рассуждение проводится. В нашем случае таким понятием является понятие виртуальной реальности. Далее будем употреблять термины «виртуальная реальность» и «виртуальное бытие» как взаимозаменяемые, что обусловлено сугубо стилистическими соображениями.

Специфичной сущностной чертой виртуальной реальности можно полагать ее рождение и существование в пространстве между… Конечно, такой подход не может не наводить на ряд вопросов, в частности: каков состав участников, организующих виртуальную реальность? Здесь есть количественная и качественная стороны. Наиболее частым случаем рассмотрения, скорее всего, с количественной стороны является случай двухполюсной организации виртуальной реальности, а с качественной стороны – случай участия человека и компьютера. С последним непосредственно связано то, что называют «компьютерной реальностью», которую следует отличать от реальности виртуальной. При таком подходе активное участие человека обеспечивается его воображением, а само его присутствие рассматривается как обязательное условие виртуального мира. Данный подход к онтологическому определению понятия виртуальной реальности, при котором она принимает «очеловеченный» характер, и кладется нами в основу всех дальнейших размышлений.

Подчеркнем, что онтологию мы понимаем как учение о бытии. При таком понимании философское постижение бытия может производиться на основе изучения его отдельных типов, соотнесенных, разумеется, с определенной типологией, в которой эти типы выделены. Естественно, возникает вопрос: представляет ли виртуальная реальность, как таковая, особый тип бытия? Нам представляется, что наделять самостоятельным бытием виртуальную реальность нет оснований. Она «загнана» в субъективную реальность человека и изначально существует там как фрагмент субъективной реальности, которая может быть воспринята или как порождение воображения, т.е. еще не виртуально, или как объект, вынесенный вовне, т.е. помещенный в другие, отличные от субъективной реальности, типы бытия.

В силу всего сказанного, с точки зрения типологий бытия, виртуальное бытие означает смешение типов, когда один тип бытия принимается за другой его тип. Скажем, когда субъективная реальность принимается за объективную, и наоборот, когда объективная реальность рассматривается в качестве субъективной. Вместе с тем в рамках субъективного бытия виртуально могут смешиваться субъективное с субъективным, которое будет, разумеется, уже другим субъективным, а в рамках объективного бытия одно объективное может быть принято за другое объективное. В таких случаях мы должны вводить в рассмотрение не типы бытия, а их подтипы, и все сказанное выше о смешении типов переносится на смешение их подтипов. Наверное, стоит подчеркнуть, что смешение типов и даже подтипов бытия как погружение в виртуальные миры должно иметь осознанно временный характер и находиться под контролем субъекта, чтобы всегда сохранялась возможность суметь развести в разные стороны то, что смешано и переставлено местами.

В отличие от виртуального, в силу своей смысловой противопоставленности природному (естественному) началу, искусственное больше привязано к человеческому фактору, в целом, а не только к сознанию и воображению человека, как его существенным аспектам. Искусственное – это то, что произведено в результате деятельности людей. Согласно мнению многих авторов, деятельность всегда целенаправленна. Однако она не обязательно приводит только к ожидаемым результатам. Поэтому и непосредственно в процессе человеческой деятельности, и в ее итоговых результатах есть неосознаваемые ее субъектом моменты. И все же искусственное сближается с виртуальным по сути, а суть и того и другого – в творчестве, объективно воплощенном в артефактах.

Особо важное место в современном мире по праву принадлежит технике и техническому творчеству. Техника, как известно, – разновидность искусственных систем, может быть, самая важная. В свою очередь, самая актуальная разновидность техники – это то, что чаще всего называют искусственным интеллектом. До сих пор, говоря о паре «человек – компьютер», мы фокусировали свое внимание на человеке и его воображении. Так поступают многие авторы, исследующие проблемы виртуальной реальности. Между тем прогресс в области компьютерных технологий, в принципе, общеизвестен. Уже достигнутые результаты в данной области, так или иначе, диктуют необходимость вводить в рассмотрение вместо пары «человек – компьютер», взаимодействие внутри которой порождает виртуальную реальность, пару «человек – искусственный интеллект». Понятие «искусственный интеллект» означает не только компьютер, самый мощный из существующих и специально обученный, но и компьютерную систему соответствующего уровня, которая, в перспективе, может появиться как результат научно-технического прогресса. В таком случае, система «человек – искусственный интеллект», в отличие от пары «человек – компьютер», в принципе, может рассматриваться и как человек, вооруженный искусственным интеллектом, и как искусственный интеллект, функционирующий в паре с человеком. Тогда, с учетом возможной активности второго компонента связки, понятие виртуальной реальности усложняется и переходит на другой, более высокий уровень своего функционирования в методологии искусственного интеллекта. Возможно, тут стоит вводить, по крайней мере, два понятия «виртуальной реальности» – «виртуальная реальность$_1$» и «виртуальная реальность$_2$»: «виртуальная реальность$_1$» есть виртуальная реальность человека, а «виртуальная реальность$_2$» – виртуальная реальность искусственного интеллекта. Искусственный интеллект, обученный приемам самообучения, так же, как человек, сможет смешивать (до поры до времени путать) типы бытия в той реальности, которая будет его виртуальной реальностью. Перед конструкторами и программистами встанет задача согласования этих виртуальных реальностей, упирающаяся в проблемы понимания человеком искусственного интеллекта, а искусственным интеллектом – человека. При всем при том прогресс в области искусственного интеллекта, получаемый в результате усилий многих специалистов, подразумевает продолжение в искусственном интеллекте естественной эволюции человека и недоопределенность (закрытость) отдаленных результатов этого весьма сложного процесса.

Таким образом, вариант «очеловеченной» виртуальной реальности характеризуется смешением типов бытия, осуществляемым воображением человека. Поскольку это смешение происходит осознанно, постольку его можно принимать если не за сам творческий акт, то, по крайней мере, за его предпосылку. Вместе с тем, нечто подобное становится возможным и для другой виртуальной реальности – виртуальной реальности искусственного интеллекта, связка которого с человеком приходит на смену паре «человек – компьютер».

t-kosmism: избыточные могущества эстетики и сознание, когда Время-Есть

Линор Линза

Независимая концептуальная художница

llinza@llinza.info

Аннотация. О вездесущей роли системной новизны эстетики в последних слоях реальности. Некоторые выводы об эстетических захватах и вторжениях сегодня, которые продлятся в завтра. Есть ли щадящие режимы и формы экранирования для антропного сознания, сложно-размещенного ныне среди процветающих могуществ современной эстетики? Здесь применимы авторские идеи в авторской терминологии: tempus – это время, отсюда и t-kosmism. Потому несколько арт-заявлений по теме: время как каузальная ценность. А также дискретная встроенность технологий в естественную целостность мира остаются доминантными соло- и социо- указателями для планетарной аксиологии следующего человечества.

Ключевые слова: эстетика, сознание, технологии, эстетические взрывы, Время, t-kosmism

t-kosmism: excessive powers of aesthetics and consciousness when Time is.

Lenore Linza

Independent conceptual artist

Abstract: About the ubiquitous role of the aesthetics systemic recency in the latest layers of reality. Some conclusions about today's aesthetic acquisitions and intrusions that will extend to tomorrow. Are there any diminished modes and forms of shielding for the anthropic consciousness that is currently placed in a complicated manner among thriving powers of the contemporary aesthetics? Here are the author's ideas used in the author's terms: tempus is time, hence there is t-kosmism. Therefore, there are some art-statements on the topic: time as a causal valuable. Also, the discrete integration of technology into the natural integrity of the world remains as the dominant solo- and socio- indicators for the planetary axiology of the successive mankind.

Keywords: aesthetics, consciousness, technology, aesthetic outbreaks, Time, t-kosmism

Планетарный background причин и следствий так перенасыщен эстетикой, что виртуалистика пребывает, мягко говоря, в дисциплинарной растерянности. Эстетику можно упрекнуть во многом, но более всего в том, что часто она бежит по дороге цивилизации первой и увлекает за собой других. Но чистое искусство сегодня — это лишь специальный фрагмент необозримой панорамы эстетики.

В планетарном объеме системная новизна эстетики в том, что она повсюду. Салон транспортного средства и ресторан быстрого питания способны эстетическим решением интерьера удовлетворить или подавить клиента при восполнении его повседневной энергии. Эстетика продуктов питания и готовой еды не знает границ. Одежда от рисунков по обнаженному телу до одежды-ящика типа скафандра также показывает нам избыточную эстетику, в которую вложена визуальная информация.

Инновационные производства ныне немыслимы без триумфальных эстетических решений, где задана полная дизайнерская линейка завершенного цикла. Также не стоит упускать из вида экономику и финансы, ведь даже дизайн денежной купюры, говорит сама за себя.

Новейшие технологии дают человечеству шанс галлюциногенных аффектов, где алкоголь и табак скоро займут самое скромное место, ведь в мире растет количество других удовлетворителей. И допустимо, что квазилекарства вскоре составят завтрак, обед и ужин. Продуктовая пища вдруг окажется неэтичной, во всяком случае будет употребляться меньшим количеством населения.

К возрастающим фарма-допингам на индивида грузится навязчивость внешней среды, где тело и сознание прогоняются через коммерческие потоки медиа присутствий. Вокруг не только специальное искусство, которое через арт-причуды превентивно приучает нас к дальнейшим медицинским вторжениям в тело, а значит и в сознание, но и ежедневно-транзитный галлюциноз впечатлений погружает живущего из микса в микс на каждом шагу. Можно заметить, что человечество стало меньше спать не столько в силу общих ускорений, а потому, что ночные фазы быстрого сна присутствуют в дневной ленте событий через обилие сторонне-наблюдаемых (как во сне!) избыточных слоев рядом происходящей, но чужой реальности. Дополненной реальности так много вокруг, что феерические фазы быстрого сна мозг получает сполна в дневном режиме, минуя ночной.

Далее, если говорить о таких важнейших инновациях как транспорт, то опять эстетика здесь везде, начиная от транспортного салона до физики скоростей, которые уже существенно влияют на сознание. Например, если допустить, что основной транспорт поднимется с поверхности Земли в воздух, то эстетика повседневной жизни снова предметно преобразится, если данный транспорт окажется еще и футуристически-жилым объемом, к тому же не на поверхности земли, а в воздушной среде. Когда летучее средство с улучшенными характеристиками, чем просто кабина, станет еще и местом для проживания, то водитель-житель с новой вероятностью обретет иную аксиологию своих предназначений.

Наиболее проблемная тема - тема внедрения искусственной составляющей в биологическую антропную форму, то есть в тело человека. Различные типы чиповых устройств, размещенных пока еще во внешнем окружении, генная инженерия и бионика вот-вот начнут размещать внутри плоти, эргономично модифицируя тело натурального человека под медиа нужды обитаемой среды. По пути с человеком, теряемый животный мир планеты возможно восполнят гибридные существа и медиаперсонажи из космических опер. Потому медицина и эстетика все более объединяются и взаимодополняются на каждой ступени захвата натурального носителя, вызывая недоверие общества. В таких условиях сознание интуитивно ищет когнитивную защиту, пока не выработан суммарный общественный метод, способный уменьшать риски и создавать баланс примиримости органических форм к небелковым искусственным начинкам.

Возвращаясь в рабочее поле рефлексий, стоит заметить, что значение медиа культурных влияний трудно преувеличить, когда оценивается социальный фактор самопознания. Ведь новейший, но натуральный человек последнего столетия сформировался не только под благим влиянием более утонченной пищи, ежедневным наличием горячей воды, лекарственными допингами, но и визуализации себя на фотографии и кинопленке. Анализ изображенного индивида на фотографии оказал беспрецедентное влияние на самоорганизацию человека модерна. Субъект пристально разглядел себя во всей своей натуральности и беспомощности и более чем когда-либо захотел измениться, стать лучше, чем тот, кого он увидел на фотографии. Потому кинематограф в первые сто лет своего развития служил эстетической шлифовальной машиной планеты, корректируя внешний вид, поведение, запросы людей разных наций и рас. А также метафорично кинематограф имеет отношение к идеям космизма. Свобода эстетики в кино-фото-документах такова, что плоть воскресла. Фотография и кинематограф воспроизводят плоть, воскресающую в эстетическом медиа объекте. Примыкает ли сюда дух, — это уже следующий вопрос. Но пока только эстетика снова обогнала всех и сохранила плоть через воскрешенный образ. Для заявляемого базиса t-kosmism это более, чем достаточно. Эстетика, обгоняя медицину, генетику и подобное, справилась с задачей воскрешения легко и без потерь. В реальности на трансгуманистическом криогоризонте, генных модификациях или кибервторжениях такой заманчивой легкости ожидать не следует.

Потому t-kosmism находит эстетику превосходной защитной формой для оптических свойств сознания, которая уступает лишь абсолютной константной каузации, имя которой – Время. Время, как абсолютный концепт, должно иметь много большие основания от аксиоматики и аксиологии, то есть от философии, чем от физики. Теоретическая физика много сделала для формирования концепта Время, но она работает с темпоральностями, то есть с прикладными периодами процессов. t-kosmism не принимает динамичные характеристики пространства и материи за демонстрацию времени, которые являются лишь темпоральными свойствами скоростей и осуществлений процессов в пространстве. Физика представляет время как величину, измерение или координату. Для релятивизма это желанная ситуация, для стилистики t-kosmism — нет. t-kosmism декларирует, что Время просто есть как абсолют. Время-Есть для всего. Для динамики процессов, для событий и фактов антропной и безантропной сред, для передачи информации, для течения наших тел и жизненной энергии в пространстве, пока Время-Есть. Время не движется, не направляется, не течет. Ибо не имеет никакого отношения к направленности. Основное свойство времени – это каузальная ценность. И ко времени из глагольных форм применимо только действительная форма — есть, Время-Есть. Время как домен, как доменное имя, как негэнтропийное проективное имя, как Время-Есть. Все прочее подвержено энтропии. Время-Есть вне пределов энтропии. Время в t-kosmism(e) – это самая простая, целостная каузация относительно всех других констант физики. Эта каузация аксиоматична. С ее проекциями знаком любой из нас. А с черными дырами – нет. Для знакомства с черными дырами нужна огнедышащая математика. Все это, то есть астрофизический космос, базис t-kosmism тоже рассматривает как эстетику естественного мира, настаивая на причинной первичности этой эстетики. И вслед за многими авторитетами философии допускает,

что познание себя осуществляется через эстетику не менее, чем через науку.

Агрегатное состояние эстетики сегодня – это массовая культура. И творец здесь каждый в моменте созданий событий досуга. Не нужно быть профессионалом в каком-либо виде искусства, чтобы развлекаться. Вокруг легко-живущая цивилизация уже с виртуальными характеристиками. Затрат энергии на выживание не требуется. К такому распределению влияний в последние сто лет привели, как уже упоминалось выше, не только улучшение пищевых и санитарно-гигиенических факторов, но и эстетико-философские взрывы, которые испытывало человеческое сознание в новейшие периоды истории. Эстетическими взрывами t-kosmism называет эффективные влияния достижений культуры на сознание антропоса. Ибо самопознание последовательно происходит через эстетические скачки.

Вид эстетики, рождаемый мегаисторическими событиями цивилизационного значения, назван здесь сопровождающим. Сопровождающая эстетика не нуждается в музеях и подобных институциях, ибо является эффектом, меняющим саму жизнь и миропонимание поколений.

Такой эстетики при виртуальных практиках сегодня оказалось более чем достаточно, теперь она без устали моделирует и артефакты прошлого, и фантомы будущего. Выбор избыточных могуществ той или иной эстетики стал изнуряющее огромен. Хотя кажущаяся новизна этих изобилий относительна, ведь категории a priori и a posteriori давно убеждают, что всякое новшество есть лишь очередное превращение, трансформация чего-то прежнего. Даже оригинальное программирование не сможет избежать заданности спиральных движений судьбы частного лица или общества и фрактальных подобий вещей из вещей, ведь повторяемость и цикличность – основа феноменальной автоматики мира.

Создавая вывод в стилистике t-kosmism, получаем вопрос, что же могло бы быть в ближайшем будущем защитным эстетическим взрывом, например, для России? Ответ давно готов, — это обновление государственной символики и включение изображений Первого Спутника и ракеты “Восток” во флаг и герб Российской Федерации [1]

А реформирование используемого календаря в люкс-вариант [2] неоэстетическим контуром смыслов и отказом от культурно-отработанной теологической хронологии оказалось бы обновляющим эстетическим взрывом для всей планеты, где экранирование ядовитых включений архаичного прошлого или фантомного будущего не замедлило бы себя обтекаемо проявить.

Общество получило бы способность верификации искусственных биотенденций в измененных аксиологических условиях. Здесь именно эстетика выполнила бы общие защитные задачи гуманитарного обновления сознания относительно грядущих технологических инноваций/симуляций повсеместного порядка, но через частные случаи.

Литература:

1. Линор Линза. ФЛАГ/ГЕРБ варианты (арт-книга). СПб, 2018. 21 с.
2. Линор Линза. Люкс-Календарь (арт-книга). СПб, 2012. 60 с.

Философские вопросы онтологического универсализма и его техно-психолингвистические аспекты

Личаргин Д.В.

Институт оценки информации, научный руководитель, кандидат технических наук

orderist55555@gmail.com

Аннотация: В работе рассматривается вопрос об унивесталистских концептуальных обобщениях в философии и социальных науках в контексте проблем виртуалистики. Рассматриваются граничные условия применимости анализа больших данных и обще-семантичесчких онтологий в формировании универсалистских концепций. Рассматриваются отдельные философские вопросы логического плюрализма и неполноты научных теорий. Делается вывод о субъективно-диалогическом характере Истины высшего порядка и логическом, доказательном характере прагматической истины в рамках общего и отличного в сферах компетенции и суждений различных субъектов объективного научно понимаемого материального мира.

Ключевые слова: Онтологии больших данных, критика универсалистского плюрализма.

Philosophical questions of the ontological universalism and its techno-psycholinguistic aspects.

Lichargin D.V.

Information Assessment Institute

Abstract: The article considers the issue of universalist conceptual generalizations in the context of philosophy and social sciences. The boundary conditions of applicability of big data analysis and general semantic ontologies in the formation of universalist concepts are considered. Particular philosophical questions of logical pluralism and incompleteness of scientific theories are considered. The conclusion is drawn about the subjective-dialogical nature of the Truth of the highest order and the logical, evidence-based nature of the pragmatic truth in the framework of the common and the specific in the fields of competence and the field of judgments for various subjects of the objective scientifically understood material world.

Keywords: Big Data Ontologies, Criticism of a Universalistic Pluralism.

На сегодняшний день всевозможные метафизики, теории и философские обобщения, претендующие на универсалистский ракурс рассмотрения, имеют возможность переноса на поле информационных технологий и апробации со стороны математической обработки данных. Рассмотрим проблему истинности высказываний в онтолого-контекстном представлении реальности, как она есть (материальный мир в классической научной парадигме). Мы исходим из того, что виртуальные картины мира являются проявлением утилитарно-технологического рассмотрения реального мира. Этому можно противопоставить сущностную картину мира, для которой онтология является частным средством познания единой реальности.

В системе множества взаимно моделирующих рефлексий субъектов материального мира встаёт вопрос о множественности истин и необходимости когнитивных консенсусов (диалоговых площадок) в рамках концепций устойчивого развития человечества. Метод градации условной истины заключается в разделении на типы: абсолютный логический – абсолютный эмпирический – относительный – интерпретируемый – двойной – сомнительный – опасный (там, где условная истина претендует на универсалистское единообразие и исключительность). Последнее указывает на возможные опасности на пути к концептуальной интеграции в глобальном сообществе сегодня. Простой, конструктивный утилитарный плюрализм состоит в принятии концепций в качестве инструментов выражения прагматической истины, например, как атрибутов уникальных манифестаций мира, мыслимых с помощью простой комбинаторики понятий в пространственно временных «боксах» аналитики данных. При этом плюрализм может быть как независимой идеологией, так и контекстом диалога между носителями различных концепций.

В зависимости от степени сложности высказывания о реальности в понимании субъекта, возникает сущностное абстрагирование над техническими системами комбинаторного перебора про-

странственно-временных боксов, которые представляют собой фразы вида Субъект-Предикат-Объект-Обстоятельства для случая естественного языка, либо Объект.Метод.Поле для случая языков программирования (что указывает на внеличностный характер ЯП). Рассматривая функцию высказывания как предикат (см. императивные и декларативные языки программирования) необходимо добавить квантификаторы: «для всех», «существуют», «существуют и только единственные. Некоторые авторы (Ю. Безгачева и др.) в разное время предлагали расширение понятийного аппарата формальной логики [1]. Например, предлагаются кванторы: «для большинства», «вероятнее всего не существует» «значительное количество», «незначительное количество», «много» и др. что делает описание сначала более сложным, а потом менее формальным. Одноместный предикат «отрицание» может рассматриваться либо как противоположность, либо как дополнение, или (с неформальной точки зрения) как несогласие с автором высказывания. Это делает терминологическое пространство качественно разнородным.

Утилитарно понятия могут быть представлены (в ряде исследований) как точки поля понятий, рассматриваемые, как абстракции над распределенными множествами денотатов онтологически аппроксимируемой, но в действительности непостижимой реальности. Иерархии могут быть построены на кластерах точек – положений концепций, понимаемых либо в сущностном полностью верном смысле, либо как некий реферат реляционных (табличных) данных над мыслимым онтологически полем фактов. Ранжировка таких формальных клонов от теорий, слов, фраз, позволяющих информационным системам осуществлять манипуляции данными до сферы виртуально мыслимого и понимаемого. Утилитарный, игровой, обслуживающий характер таких систем очевиден.

Мы можем предложить определенное смысловое отображение множества соответствий понятий, но достоверность такой искусственной истины изначально скомпрометирована аннигиляцией смыслов уникального и индивидуального с ростом объёма регулярно сопоставляемых данных. С точки зрения мыслимого виртуального формальная истина предстаёт в виде некой недостижимой сути, оставшейся для субъектов восприятия после ранжирования и сопоставления данных. Аспекты формальной истины находятся в многомерном пространстве семантических координат, и каждая конкретная ячейка представляет собой рандомную реализацию некой «безумной игры богов» или некой «природы вещей», что уводит нас от истин любой конкретной концепции сущностного плана. Такие системы поиска формальной истины продиктованы желанием попасть в некий математический рай больших данных о сложном мире, но попасть в него, даже в этом игровом контексте, мы не можем из-за особенностей языка и нашей человеческой натуры.

Интеграция данных и концепций представляет собой «искушение» создать некий над-математический плюрализм больших данных, что не возможно, не приняв в качестве обобщающих субъективно одну из концепций. Плюрализм возможен, но лишь с учётом граничных условий и существования наряду с другими многочисленными обобщениями различных типов.

Существуют различные точки зрения относительно такого феномена философии как плюрализм. Самое простое его понимание основывается на расширении дуализма, то есть сведении сути мира не к одному, как в случае монизма, а ко многим сущностям. Можно говорить о совместимости в концепции плюрализма даже монистических подходов, как таковых. Например, могут сочетаться как древняя концепция о возникновении мира из пустоты (небытия), так и вера в бога (мировую волю, абсолютную идею, мировой разум), или даже вера в имманентное свойство самоорганизации материи. Ведь Пустота или Ничто, подобны кипящему вакууму в физике, и порождают различные сущности. Монизм, в свою очередь, является одной из возможных позиций для описания всех эссенции и качеств с акцентом на одном из них. Парадоксальность монизма – наличие альтернативного монизма, парадокс плюрализма – в том, что единство альтернатив A, B, C, D не устойчиво и неизбежно приводит к новому монизму.

Если мы берём лингвистическое наполнение научных экспериментов, затем обобщения научных теорий, а затем вероятностные тезисы гуманитарных наук, то при этом модели иерархий комбинаторных миров (см. Ричард Монтегю) не имеют нечего общего с глубинами философий вроде бесконечного материального пространства в буддизме, дзен пустоты китайской философии, Абсолюта немецкой классической философии и т.д. и т.п. Оно становится переходом от поиска смысла в калейдоскоп обессмысленных семантических форм, где формально аннигилирован смысл – применительно к квалии человека или к нулевому (отсутствующему) субъекту цифрового мира.

Наиболее распространённые толкования: «образно говоря», «эмоционально», «технически», «с одной стороны», «гиперболично», «метафорически», «в некотором смысле», «говоря в спешке», «чисто формально», «в контексте теории множеств», «намекая на критику», «вежливо выражая себя», «говоря в шутку» – служат неформальными кванторами обыденной речи. Совокупность подобных языковых явлений показательны в решении проблематики отличия живого и неживого, технологического и социального, формального и сущностного. Таким образом, анализ логического высказывания (субъект-предикат-связка-модальность) (а), внутренний и внешний квантификаторы (б), системы внешних атрибутов (в), значение слов – омонимы, словарные значения, периферия и оттенки значения, понимание на основе опыта (г) и системы объяснений этого опыта на основе концептуального выбора позволяют строить множества плюралистических высказываний в реальном или виртуальном (формальном) поле.

Оценка понятий над полем всех фактов экстралингвистических реалий прерогатива человека и гуманитарных дисциплин. Технические системы тут выступают, как утилитарно полезные «игрушки» пользователя, заказчика – уникальность и интересы которых первичны. Рассмотрим формальный и над-формальный плюрализм в терминах интерпретаций логических высказываний. Вы всегда можете найти такие интерпретации высказываний различных учений, которые позволят использовать опыт их носителей, не принимая всерьёз сомнительных тезисов. Каждый человек в большей или меньшей степени исповедует свой сущностный плюрализм мирового знания и мудрости. «Методологический» Плюрализм принимает различные критерии истины с различными весами. Как сказал Аристотель, каждый тезис верен или несправедлив в одном и том же месте, в одно и то же время, в одном и том же смысле. Более того, разные, часто противоположные тезисы будут действительны для различных подмножеств таких объектов. Принимая тезис надо понять его посыл, мотив, контекст, адресацию, применимость, дополняемость и уровень аспектированной частности заявляемого подхода. Нельзя сказать, что эти относительные тезисы не имеют практической или теоретической ценности; кроме того, они могут быть далее систематизированы в более универсальных концепциях и интерпретациях, чья осмысленность может быть лишь снижена через универсализацию, и любые тезисы имеют определенность в некотором приближении. Можно говорить о сущностном обобщении: «лес»-«джунгли», «роща»-«дубрава», «яблоко»-«малиновка». Можно найти множество типов нефункционального порядка соотношений единиц, слов и данных: эстетический, метафорический, целевой, гармонизирующий, обогащающий и т.д. и т.п. без ограничения.

С древних времён поднимались вопросы о праве человека на истину, считалось, что древние боги скрывали правду от человека по причине ревности, опасаясь потерять своё величие. Восприятие, или прямое созерцание, является формой отражения прямого, непосредственного, данного, личностно познанного и личностно непознанного. Восприятие как частное, вбирает рефлексию, рефлексия при этом обусловлено носителем – восприятием. Феноменологизация онтологического возможна, онтологизация феноменологического бессмысленна. Мы предполагаем, что на уровне восприятия рассматривается категория истины (с маленькими буквами) – истина, как она есть (как это дано восприятию), а, с другой стороны, остаётся самая важная категория – Истина (с заглавной буквы) – истина высшего порядка. Истина высшего порядка не даётся и в феноменологически понимаемом восприятии, но рассматривается на основе единства перцептивного времени, как созерцительности, а не логически мыслимого настоящего, прошлого, будущего. Именно единство настоящего, прошлого и будущего в безотносительности перцептирующего субъекта в категории неизменного приводит нас к истинному уровню логики, математики, глобальной этики и этических ограничений на фоне глобальных категорий свободы и совершенства, свободы и любви, свободы и истины, неотделимых друг от друга.

Вставая над всеми данными, включая науки и искусства – онтологии больших данных сами не могут реализовывать их сущностные мета-оценки, уводя бесконечные обобщения над ними в область отвлеченно философских рассуждений.

Истина высших порядков отличается тем, что мы формализуем, констатируем и обозначаем её на уровне данности, информации уровня знаковой системы не обязательно при помощи набора общепринятых определений, но с любым определённом квалиа-субъектом набором концептуального аппарата и не только. И, как говорили даосы, слово изречённое есть ложь, то есть, говоря более понятным языком, ложью становится окончательно выраженная правда.

На определённых исторических этапах категорию «неизменного» следует понимать как выраженную, но живую в динамике вопросов социальной дискуссии. При этом ради понимания Истин высших порядков, непостижимой и живой глубины (в отличие от бездушного deep-обучения бессубъектного «мышления» – говоря проще: обработке данных) нужно признать принцип person-up: «человек выше любой китайской комнаты, машины Тьюринга, системы механического ввода, вывода и

сохранения и обработки данных». С точки зрения историзма любая истина рассматривается с точки зрения герменевтической (обусловленности личностным опытом субъектов) сферы компетенции автора и пространственно-временного (цивилизационного) контекста, данной например, О. Шпенглером. При этом сама иерархия промежутков времени и континуируемых промежутков пространства с объектно-личностными транзакциями есть свойство системо-иерархичности, реализующейся в различных категориальных сетках философских (общих) и технологических (частных) онтологий. Рассмотрение вопроса познаваемости «поверх» онтологического ведёт нас от плюралистических изысканий скепсиса к скепсису плюралистических изысканий с выходом на диалогическую личностную и диалогическую социальную природу личности. Успешный тест Тьюринга бессубъектного не делает его субъектным [2, с. 132-163]. Релятивистски, возможны такие философско-формальные онтологии, как рассматриваемые автором система wh6 и её многочисленные вариации и оппозиционные альтернативы, объединённых идеологией иерархии: «когда» - «где» - «кто» - «с чем» - «с каким» - «почем» (времени, места, личностной реализации, инструментария и деятельности, атрибутов и ценностей в широком смысле). При этом, развитие философии технических онтологий эффективно лишь в рамках техно-критицизма с выходом на гуманистическую и холистическую природу мира и человека в вечном единстве. Ряд онтологий должны проявлять большее богатство принципов упорядочения, их разнообразие. Онтологизация больших данных ведёт в область научного скепсиса, неполноты формальных систем, невычислимости и приоритетов живого субъекта – интуитивных и квалиа-систем (человека). Можно противопоставить логическому обобщению в класс, системному обобщению в комплекс - сущностное обобщение в некое иррациональное смысловое единство смысловую экзистенцию («семантенцию»). Ранжирование принципов, как и ранжирование сущностей по принципам рациональных типов упорядочений ведёт к регулярному «семантическому обесцениванию», что должно учитываться при дальнейших смысловых обобщениях.

Принципы и порядки упорядочений таким образом можно делить на объектные и субъектные. И онтологии больших данных есть инструмент поиска истины живого, вооружённого неживым. Впрочем, с точки зрения взгляда на философию со стороны некой социо-над-технологически понимаемой лингвистики и инструментальной роли инженерной лингвистики эти онтологии можно разрабатывать в интересах создания рабочих мест и диверсификации социальных профессионально-личностных игр.

В заключение, необходимо сделать вывод о доминанте социальных конфигураций в многоплановом и мультилатеральном развитии общества, в рамках субординартного характера в идеале «марионетного» и «прозрачного» искусственного интеллекта в интересах устойчивого развития мирового сообщества [3, с. 183-203].

Литература:

1. Приложение семантики Крипке к исследованию правил вывода: автореферат дис.канд. физ.-мат. наук : 01.01.06 . - Красноярск, 1998. - 15 с.
2. Анисов А.М., Смирнов А.В. Логические основания философии времени мутазилитов // Философский журнал. 2009. № 2(3). С. 132–163.
3. Аверинцев С.С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии. Ежегодник Философского общества СССР. 1991. Культура и религия. М.: Наука. С. 183—203.

Виртуальная визиософия. Инфографическая визуализация философских мысленных экспериментов

Макулин А.В.

ФГБОУ ВО «Северный государственный медицинский университет» (г. Архангельск) Минздрава России. Заведующий кафедрой гуманитарных наук СГМУ. Доктор философских наук

art-makulin@yandex.ru

Аннотация. Инфографика как способ компактного графического представления объемной информации и неявных знаний играет важную роль в «понятном» объединении большого количества данных. Если мы возьмем в качестве данных структурные особенности философских мысленных экспериментов, то мы сможем не только проанализировать большое количество мысленных экспериментов, но и найти новые комбинации, которые позволят нам сформулировать новую точку зрения на старые мыслительные эксперименты и, возможно, создать новые. Визуальное мышление открывает новые возможности для понимания структуры мысленного эксперимента в рамках философской виртуалистики.

Ключевые слова: Философская инфографика, визуализация, мысленный эксперимент

Virtual visiosophy. Infographic visualization of philosophical thought experiments.

Makulin Artem V.

Northern State Medical University (Arkhangelsk), Humanities Department

Abstract. Infographics as a way of compact graphical presentation of voluminous information and tacit knowledge plays an important role in the “understandable” integration of a large amount of data. If we take the structural features of philosophical thought experiments as data, then we will be able not only to analyze a large number of thought experiments, but also we will be able to find new combinations of thought experiments that will allow us to formulate a new point of view on old thought experiments and possibly to build new ones. Visual thinking opens up new possibilities for understanding the structure of a thought experiment in the framework of philosophical virtualistics.

Keywords: Philosophical infographics, visualization, thought experiment

Если рассматривать «виртуальное» как возможное, то в рамках традиции мысленных философских экспериментов, оно может проявлять себя через достраивание всех потенциальных альтернатив «заданиями отсутствия» (заготовленными значениями), т. е. сведениями о деталях (частностях), которые не обязательно должны присутствовать в какой-либо конкретной ситуации» [1, с.8].

В случае с философским мысленным экспериментированием вполне можно вести речь о «недостающих» мысленных экспериментах, их энактивистском самодостраивании. Удобным методом визуализации этого процесса может послужить инфографика, использующая эмерджентные возможности «внешнего мышления» и «материализации идеального».

В данном докладе мы намереваемся исходить из позиции о том, что инфографическая визуализация знаний как часть визиософии [2] имеет эвристическое значение для философии сознания и виртуалистики, т.к. позволяет создать некий комбинаторный визуальный «конструктор» мысленных экспериментов (далее – МЭ), который санкционирует построение так называемых вероятностных «недостающих» МЭ или укажет на связь мысленных экспериментов, родственность их структурной композиции.

Инфографику в данном случае мы понимаем, вслед за ее основателем Эдвардом Тафти, как «графический способ подачи информации, данных и знаний» [3]. Причем, так как в данном случае инфографической обработке будут подвергаться данные, содержание в себе информацию философского характера, то расширим определение, данное Тафти, до следующего – инфографическая визуализация философских знаний есть система приёмов визуального представления различных видов философской информации или абстрактных объектов в виде, удобном для зрительного наблюдения, анализа и извлечения новой нетривиальной информации, возникающей из процедуры соединения мысли и пространства.

Нельзя пройти также мимо значимости самой природы МЭ для развития философской мысли.

Примечательно, что Д. Деннет называет МЭ «насосами интуиции» (англ. «intuition pumps»)[4, с.182], а если вспомнить, что слово «интуиция» происходит от лат. *intueri* «внимательно смотреть», то приложение инфографики к МЭ становится в определенной мере оправданным.

«Выгоды» получаемые в процессе визуализации философских МЭ состоят в первую очередь в скорости получения и объеме новых данных, наглядности и общей доступности для критики, свободном обмене знаниями между философией и разными областями знания, цифровизации абстрактных объектов, гармоничном снятии противоречия «cui prodest» («кому выгодно», лат.), т.к. отпадает вопрос о дележе знаний полученных с помощью инфографики.

Важный вопрос о задачах визуальной составляющей мысленного философского «экспериментирования» заключается в следующем: что нового может предложить инфографика, если существует понятийное и даже формализованное описание философских моделей и МЭ с помощью различных знаковых систем? Не будет ли инфографика дублировать уже известное? Отвечая на эти справедливые возражения, следует отметить, что они не учитывают эвристическую природу визуализации, создающую альтернативный метод поиска новой информации.

В системе визуализации МЭ, видимо, можно выделить несколько вариантов: с помощью визуальной метафоры, методами художественно- изобразительного творчества, «алгебраический» способ, и собственно инфографический способ, который в свою очередь можно подразделить на два подвида - графический и цифровой. Последние способы неотделимы от предварительной формализации знания, которое позже должно быть подвергнуто визуализации или графическому моделированию. Специфический для философии алгебраический способ применяется при описании иерархии представлений фантомных и реальных агентов в рамках, так называемых рефлексивных игр (В.Лефевр, Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили), концепции «проективной модальной отологии (ПМО)»[5, с.215-227]. *Нельзя пройти мимо цифровой визуализации, которая бурно развивается в рамках, так называемых цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities):* The History of Philosophy visualized. Using Wikipedia data and Gephi (Simon Raper), «The Graph of Ideas» (Brendan Griffen).

Существует также и графический способ, который включает в себя построение графов, комбинаторных таблиц, диаграмм, деревьев решений, визуальных алгоритмов и др. В рамках нашего исследования, мы воспользуемся комбинаторной таблицей и круговой диаграммой (Таблица 1-3, Рисунок 1-2), которые наглядно и относительно быстро показывают контаминацию и горизонт возможных комбинаций философских МЭ, следовательно, позволяют узнать количество вероятных комбинаций.

Возьмем классические 26-ть экспериментов (и относимые к ним) и трансформируем их названия в аббревиатуры, например: Миф о пещере Платона (МоП), слепые и слон Будды (СиС). Польза от такого опыта заключается в том, что он позволяет исключить наличие у исследователя чрезвычайных способностей, дающих ему возможность удерживать в памяти большие объемы, а также не упустить выпадающие и ускользающие из поля анализа связки и элементы, которые не «видны» при линейном «словесном» описании МЭ. Общая идея такого комбинирования сводится к тому, что эксперименты можно разбирать на составные части, и собирать из полученных деталей новые конструкции, следовательно, по-новому понять механику, принципы и движущие силы МЭ. Большую роль в данном процессе будет играть визуальная абдукция, позволяющая заполнять пустоты в общей матрице МЭ, т.е. строить такие эксперименты, которые как бы «напрашиваются» наличием у других экспериментов таких особенностей, которые требуют создания новой конструкции. В качестве общих элементов, которые присущи почти всем экспериментам, предложим следующие: субъекты, подразделяющиеся на индивидуальных (ИС) и коллективных (КС); объекты - статические (СО) и динамические (ДО); правила (R-rules - правила) - алгоритм (А) и допустимые варианты (В) развития событий в отношении статических и динамических объектов в зависимости от их свойств[i], т.е. процессы - рефлексивные процессы связанные с объектами и субъектами, так и их отношениями, как к себе самим, так друг другу **(С-С), (С-О), (О-О), СС, ОО, СОС, ОСО** – иерархия представлений[ii]; информация - ПИ – полная информация; НИ – неполная информация.

Предложим варианты применения таблицы к анализу МЭ. В случае с «мифом о пещере» и «буддисткой притчей», следует отметить, что они являются дополнениями друг друга, однако, «миф о пещере» можно назвать экстерналистской версией, буддистскую причту – интерналистской. Представляет интерес обмен и взаимная подстановка объектов, условий и субъектов данных экспериментов.

i «Китайская комната» и «пещера Платона», поведение «клоуна» Кьеркегора и троянского жреца Лаокона.
ii «Жук в коробке» Л. Витгенштейна и даосская притча о «радостных рыбках».

«Болотный человек» Дэвидсона «укладывается» в эксперимент «Мозги в чане (колбе)» Х. Патнэма. С точки зрения комбинаторики возможны многообразные варианты. Гипотетические обстоятельства могут выглядеть так: трансформация профессора в своего двойника вследствие удара молнии на болоте может быть двойной иллюзией (иллюзией второго рода), если предположить, что мозг «оригинального» профессора помещен в «колбу» и управляется извне «злым ученым», напоминающим «декартовского демона». Если же манипулирующего компьютера нет, то возникают вопросы в отношении «копии профессора» которая направляется домой после удара молнии, т.к. речь необходимо будет вести о степень иллюзорности «жизни» профессора, что напоминает даосскую притчу «Сон Чжуан Цзы о мотыльке». Причем иллюзорность будет рекурсивной, т.е. зависеть от степени ухода копии от оригинала, который в также может быть иллюзией. Таким образом, возникает иерархия «копий сознаний», которые выстраивают рефлексивную иерархию представлений друг о друге.

В целом можно утверждать, что известные нам МЭ отражались друг в друге, и были комбинацией типовых объектов, рефлексий, алгоритмов, присущих некоему условному метаэксперименту.

Двойные комбинации:

№1 Моп – СиС. «Миф о пещере» и «Слепые и слон»

№173 МчП – ДД. «Мозги в чане» и «Демон Декарта»

№636. КорТ – ЛН: «Корабль Тесея» и «Лодка Нейрата»

Также имеются и тройные связи: через вопросы каузальной теории референции связаны между собой такие эксперименты КПК «Мозги в чане», «Демон Декарта», «Двойник Земли».

Таблица 1. Аббревиатуры мысленных экспериментов.

Название	**Аббревиатура**
Миф о пещере Платона	МоП
Слепые и слон Будды	СиС
Белая лошадь Гунсунь Луна	БлГЛ
Буриданов осёл Ж.Буридана	БО
Демон Декарта	ДД
Инверсия цветового спектра Локка	ИцсЛ
Статуя Кондильяка	СК
Мозги в чане Х. Патнэма	МчП
Демон П.С.Лапласа	ДЛ
Жук Л. Витгенштейна	ЖВ
Лодка О. Нейрата	ЛН
Дилемма узника	ДУ(PD)
Машина для производства личного Р. Нозика	Мпло
Проблема вагонетки Ф. Фут	ПВ
Подмигивающие мальчики Г.Райла	ПМ
Слепой часовщик Р.Докинза	СЧ
Невидимый садовник Д.Уиздома	НС
Летучая мышь Т. Нагеля	ЛМ
Гавагай У. Куайна	ГК
Двойник Земли Х. Патнэма	ДЗ
Звуковой мир П. Стросона	ЗМ
Эксперимент Э. Геттиера (1963)	ЭГ
Суперфизиолог Мэри Джексона,	СМ
Китайская комната Дж. Сёрла	КК
Кролик и туземец Куайна	КиТ
Корабль Тесея	КорТ

Имеющиеся положительные комбинации слишком бросаются в глаза, чтобы можно было игнорировать другие вероятные комбинации двух или даже большего числа МЭ. За рамками выше описанных МЭ остается огромный пласт различных интеллектуальных феноменов теории игр, психологии, име-

ющих непосредственное отношение к экспериментам в философии: дилемма узника, окно Джохари, всевозможные пари (пари Паскаля, Абеляра) и их контаминации.

Некую условную формализацию структуры мысленного эксперимента, можно выразить следующим образом (см. Таблица 2).

$$МЭ = C^{(ИС-КС-МС)} + O^{(ДО-СО)} + R^{(А-В)} + П^{(С\text{-}С\ldots)}$$

Рис.1. Круговая диаграмма связей мысленных экспериментов.

Рис.2. Связь между мысленными моделями и экспериментам

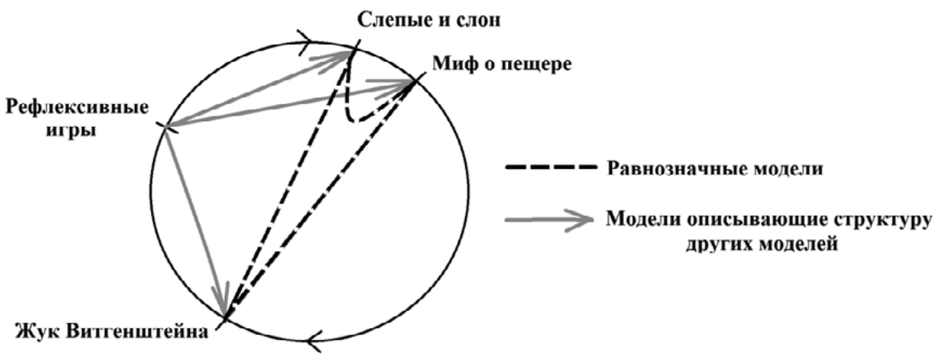


Таблица 2. Сравнительная таблица мысленных экспериментов (элементы и свойства)

	Субъекты		Объекты		Процессы					Правила		Информация							
	ИС	КС	СО	ДО	С-С	С-О	О-О	СС	ОО	А	В	ПИ	НИ						
МоП	■	■	■	■	■	■	■	■		■			■						
СиС	■		■			■		■		■			■						
БлГЛ																			
БО				■			■		■	■			■						
ДД																			
ИцсЛ																			
СК																			
МчП																			
ДЛ																			
ЖВ																			
ЛН																			
ДУ																			
Мпло																			
ПВ																			
ПМ																			
СЧ																			
НС																			
ЛМ																			
ГК																			
ДЗ																			
ЗМ																			
ЭГ																			
СМ																			
КК																			
КиТ																			

Таблица 3. Комбинаторная таблица мысленных экспериментов

	МоП	СиС	БлГЛ	БО	ДД	ИцсЛ	СК	МчП	ДЛ	ЖВ	ЛН	ДУ	Мпло	ПВ	ПМ	СЧ	НС	ЛМ	ГК	ДЗ	ЗМ	ЭГ	СМ	КК	КиТ	КорТ
МоП		1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.	21.	22.	23.	24.	25.
СиС	26.		27.	28.	29.	30.	31.	32.	33.	34.	35.	36.	37.	38.	39.	40.	41.	42.	43.	44.	45.	46.	47.	48.	49.	50.
БлГЛ	51.	52.		53.	54.	55.	56.	57.	58.	59.	60.	61.	62.	63.	64.	65.	66.	67.	68.	69.	70.	71.	72.	73.	74.	75.
БО	76.	77.	78.		79.	80.	81.	82.	83.	84.	85.	86.	87.	88.	89.	90.	91.	92.	93.	94.	95.	96.	97.	98.	99.	100.
ДД	101.	102.	103.	104.		105.	106.	107.	108.	109.	110.	111.	112.	113.	114.	115.	116.	117.	118	119	120.	121	122.	123.	124.	125.
ИцсЛ	126.	127.	128.	129.	130.		131.	132.	133.	134.	135.	136.	137.	138.	139.	140.	141.	142.	143	144	145.	146	147.	148.	149.	150.
СК	151.	152.	153.	154.	155.	156.		157.	158.	159.	160.	161.	162.	163.	164.	165.	166.	167.	168	169	170.	171	172.	173.	174.	175.
МчП	176.	177.	178.	179.	180.	181.	182.		183.	184.	185.	186.	187.	188.	189.	190.	191.	192.	193	194	195.	196	197.	198.	199.	200.
ДЛ	201.	202.	203.	204.	205.	206.	207.	208.		209.	210.	211.	212.	213.	214.	215.	216.	217.	218	219	220.	221	222.	223.	224.	225.
ЖВ	226.	227.	228.	229.	230.	231.	232.	233.	234.		235.	236.	237.	238.	239.	240.	241.	242.	243	244	245.	246	247.	248.	249.	250.
ЛН	251.	252.	253.	254.	255.	256.	257.	258.	259.	260.		261.	262.	263.	264.	265.	266.	267.	268	269	270.	271	272.	273.	274.	275.
ДУ	276.	277.	278.	279.	280.	281.	282.	283.	284.	285.	286.		287.	288.	289.	290.	291.	292.	293	294	295.	296	297.	298.	299.	300.
Мпло	301.	302.	303.	304.	305.	306.	307.	308.	309.	310.	311.	312.		313.	314.	315.	316.	317.	318	319	320.	321	322.	323.	324.	325.
ПВ	326.	327.	328.	329.	330.	331.	332.	333.	334.	335.	336.	337.	338.		339.	340.	341.	342.	343	344	345.	346	347.	348.	349.	350.
ПМ	351.	352.	353.	354.	355.	356.	357.	358.	359.	360.	361.	362.	363.	364.		365.	366.	367.	368	369	370.	371	372.	373.	374.	375.
СЧ	376.	377.	378.	379.	380.	381.	382.	383.	384.	385.	386.	387.	388.	389.	390.		391.	392.	393	394	395.	396	397.	398.	399.	400.
НС	401.	402.	403.	404.	405.	406.	407.	408.	409.	410.	411.	412.	413.	414.	415.	416.		417.	418	419	420.	421	422.	423.	424.	425.
ЛМ	426.	427.	428.	429.	430.	431.	432.	433.	434.	435.	436.	437.	438.	439.	440.	441.	442.		443	444	445.	446	447.	448.	449.	450.
ГК	451.	452.	453.	454.	455.	456.	457.	458.	459.	460.	461.	462.	463.	464.	465.	466.	467.	468.		469	470.	471	472.	473.	474.	475.
ДЗ	476.	477.	478.	479.	480.	481.	482.	483.	484.	485.	486.	487.	488.	489.	490.	491.	492.	493.	494		495.	496	497.	498.	499.	500.
ЗМ	501.	502.	503.	504.	505.	506.	507.	508.	509.	510.	511.	512.	513.	514.	515.	516.	517.	518.	519	520		521	522.	523.	524.	525.
ЭГ	526.	527.	528.	529.	530.	531.	532.	533.	534.	535.	536.	537.	538.	539.	540.	541.	542.	543.	544	545	546.		547.	548.	549.	550.
СМ	551.	552.	553.	554.	555.	556.	557.	558.	559.	560.	561.	562.	563.	564.	565.	566.	567.	568.	569	570	571.	572		573.	574.	575.
КК	576.	577.	578.	579.	580.	581.	582.	583.	584.	585.	586.	587.	588.	589.	590.	591.	592.	593.	594	595	596.	597	598.		599.	600.
КиТ	601.	602.	603.	604.	605.	606.	607.	608.	609.	610.	611.	612.	613.	614.	615.	616.	617.	618.	619	620	621.	622	623.	624.		625.
КорТ	626.	627.	628.	629.	630.	631.	632.	633.	634.	635.	636.	637.	638.	639.	640.	641.	642.	643.	644	645	646.	647	648.	649.	650.	

Литература:

1. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
2. Макулин А.В. Визиософия: монография : в 2 ч. / А. В. Макулин. – Архангельск: Изд-во Северного гос. мед. ун-та, 2017. Ч. I : Око Линкея и щит Персея / А. В. Макулин. 480 с.
3. Tufte E. Envisioning Information. Cheshire: Graphics Press, 1990. 126 p.
4. Brockman J. The Third Culture: Beyond the Scientific Revolution // Simon & Schuster: 1995. 413 p. [Электронный ресурс] http://www.philocomp.net/models/intuition.htm (Дата обращения 03.01.16.)
5. Моисеев В.И. Проективно-модальная Онтология и некоторые ее приложения // Логические исследования. М., 2004. Вып. 11. С. 215–227.

Когнитивный структурализм о роли виртуального пространства в грядущей парадигме

Михалевский Д.В.

кандидат философских наук

mikhalevski@gmail.com

Аннотация: Онтология, разрабатываемая в рамках когнитивного структурализма, позволяет описать историческое развитие и специфику текущего момента в рамках неклассической картины мира, т.е. с антропных позиций. Сегодня мир находится на историческом рубеже, масштабы и последствия которого в истории человечества совершенно беспрецедентны. К этим переменам в полной мере подходит термин «сдвиг парадигмы». Мир будущего более не может проектироваться как улучшенное прошлое. Все те модели, которые работали в старых условиях, к которым мы привыкли, в новых условиях работать не будут. При этом впервые происходит качественная смены функции пространства. Внешнее пространство оказывается полностью освоенным человеком, обретая качества его внутреннего мира. В этих условиях роль и многие свойства внешнего пространства переходят к виртуальному пространству со всеми вытекающими из этого последствиями фундаментального и прикладного характера.

Ключевые слова: пространство, парадигма, когнитивный, структурализм, виртуальный, многомерность.

Cognitive Structuralism on the Role of Virtual Space in the Coming Paradigm.

Mikhalevski D.V.

Abstract: The ontology developed within the framework of cognitive structuralism allows us to describe the historical development and specificity of the current moment within the framework of a non-classical picture of the world, i.e. from an anthropic perspective. Today, the world is at a historic turn, the scale and consequences of which are completely unprecedented in the history of mankind. The term “paradigm shift” fully meets the requirements of these changes. The world of the future can no longer be designed as an improved past. All those models that worked well in the old conditions, which we are used to, will not work in the new conditions. This is for the first time that a qualitative change in the function of space occurs. The external space is completely mastered by man, acquiring the qualities of his inner world. Under these conditions, the role and many properties of the external space are moved to the virtual space with all the consequences of fundamental and applied character.

Keywords: space, paradigm, cognitive, structuralism, virtual, multidimensionality.

Предлагаемая тема актуальна как для понимания специфики текущего момента исторического развития, так и для прогностики. Однако, каждый из терминов, стоящих в названии, требует уточнения, поскольку со сменой фаз, периодов и эпох их смысл меняется и возникают новые. К числу последних относится *когнитивный структурализм*.

Под когнитивным структурализмом мы понимаем междисциплинарное направление философии, объединившее различные направления знания на основе изучения элементарных структур сознания, формирующихся в первую очередь в краткосрочной памяти, для анализа развития человека, общества и культуры, на принципах объективизма и холизма. В этом смысле когнитивный структурализм является преемником структурализма XX века и его антиподом, возникшим вследствие перехода гуманитарного знания к неклассической парадигме.

Базовыми понятиями когнитивного структурализма являются *парадигма пространственной многомерности* и *парадигмальный цикл*.

Познание мира ограничивается объемом краткосрочной памяти, поскольку сознанию доступно только то, что в этой памяти находится. С середины прошлого века это предел составляют четыре (!) объекта сознания. В информационном плане это ограничение преодолевается установлением связей, когда каждый одиночный объект сознания, находящийся в рабочей памяти, заменяется интегральным, состоящим из двух, затем из трех, наконец, из четырех объектов. Таким образом, дискретные объекты объединяются в группы, образуя квазипространственные элементарные структуры сознания (далее ЭСС), каждую из которых рабочая память «видит» как одиночный объект. Усложнение ЭСС ограничивается четырьмя элементами. Далее в комбинации вступают сложные интегральные объекты. Но и их цикл развития подчиняется тому же ограничению. В результате, *циклы развития ЭСС формируют уровни, которые представляют собой уровни абстрактного мышления*.

Развитие связей ЭСС реализует последовательность форм, которые имеют вид простейших геометрических фигур повышающейся размерности: точка, линия, плоскость и тетраэдр. Тетраэдр есть простейшая трехмерная структура, что соответствует ограничению нашего бытия уровнем трехмерности.

ЭСС – это инструмент, посредством которого осуществляется обработка информации, поступающей в мозг от органов чувств. Повышение связности ЭСС усложняет форму и повышает целостность, соответственно меняя характер восприятия внешних форм. Наши представления о мире настолько целостны, насколько целостно наше сознание. Для описания этих закономерностей нами было введено понятие *парадигма пространственной многомерности* (далее ППМ).

Повторяющуюся последовательность геометрических форм ППМ возрастающей размерности мы назвали *парадигмальным циклом* (далее ПЦ). Циклический процесс, развивающийся на нескольких уровнях, может быть описан как фрактал. Фрактал отличается от спирали тем, что каждый предыдущий цикл развития оказывается первым этапом каждого следующего цикла. Четверичный парадигмальный цикл, лежащий в основе механизма преодоления ограничения объема рабочей памяти, обеспечивает развитие человека и продуктов его творческой деятельности как фрактальный процесс. Эту закономерность мы назвали «фрактал Михалевского».

Онтоистория представляет собой циклическую развертку ПЦ на все более высокие уровни бытия. Жизнь, с момента ее появления на Земле, поступательно осваивала все пространство планеты [1]. Эта экспансия развивалась поэтапно циклически через периодическое повышение размерности от 0 до 3. Биологическая эволюция продолжалась до появления человека, который начал осваивать пространство, прежде всего, посредством сознания. Оказалось, что прогресс сознания подчиняется тому же закону, что и эволюция всего живого: закону циклического повышения размерности. Даже перинатальный период дробится на четыре этапа, которые устойчиво ассоциируются с этапами жизни, описываемыми ПЦ. Человек проходит ПЦ за свою жизнь трижды [2]. В цикле первого уровня происходит идентификация себя как сущего; на втором – формируются речевые навыки и социальные инстинкты; и только на третьем уровне человек отделяется от коллектива и формируется как личность. Так же – циклически мерно – формируются социальные структуры общества [2]. Так же осуществляется морфогенез продуктов творческой деятельности человека и так же выстраивается история развития Культуры [2].

Разнообразие и специфика форм социального бытия для каждого исторического момента определяется синхронным взаимодействием различных уровней. Это взаимодействие имеет резонансный характер, при котором одинаковые ППМ разных уровней усиливают свойственные им специфические характеристики.

Онтология, которую можно сформулировать в рамках когнитивного структурализма, позволяет сделать достаточно надежный прогноз относительно грядущей парадигмы, которая будет реализована как следствие парадигмального сдвига, свидетелями которого мы являемся.

Для каждого исторического периода свойственна специфическая мировоззренческая картина и уникальное восприятие пространства. М. Хайдеггер указывал, что термин «пространство» возникает в позднем Возрождении, что свидетельствует о том, что ранее пространство не воспринималось человеком. Это подтверждается целым рядом фактов из сфер культуры и искусства.

Дело в том, что человек воспринимает пространство опосредованно. Представление о пространстве возникает исключительно через восприятие *материальной объектности*, на что одним из первых указал К. Ясперс [3]. Если сравнить существующие определения пространства, то можно отчетливо выделить ППМ, соответствующие каждому из них. Мною было дано следующее определение: «*Пространство есть явление сущего как целого*» [4, с. 82]. Это определение связывает проблему восприятия внешнего пространства с личностным развитием, тем самым связывая внешнее и внутреннее пространства.

Поскольку структурность/размерность внешнего мира в восприятии человека определяется ППМ, то пространство, как целостность возникает только на заключительном этапе каждой исторической эпохи и личностного развития. Фактически, можно говорить о том, что процесс освоения про-

странства человеком представляет собой проецирование во вне его внутреннего пространства. И то, насколько развито внутреннее пространство, настолько освоено пространство внешнее. Из сказанного следует важнейший вывод о том, что факт глобализации, помимо прочего, означал тотальное превращение внешнего пространства во внутреннее. Мы не замечаем этого, поскольку живем в этой реальности и другой, чтобы сравнить, нам не дано.

В качестве одного из вариантов такого личностного освоения можно понимать эстетизацию внешней среды. И если раньше она затрагивала территорию обитания элит, в частности парки, то сегодня дизайн распространен тотально, и даже дикая природа воспринимается в эстетическом контексте. Отсюда же следует специфика форм современного искусства. Мы продолжаем относиться к ним как к объектам внешнего мира, а в действительности это структуры нашего внутреннего пространства. Анализ развития художественных форм позволяет понять этот пространственный переворот, произошедший на рубеже XIX-XX вв. В 1915 г. основатель советской школы психологии Л.С. Выготский сформулировал его в виде основного закона трагедии: «…Мы, с одной стороны, видим всю трагедию глазами героя, а с другой – видим героя своими собственными глазами» [5, с. 244]. Фактически театр освоил художественную условность, которая была прежде реализована живописью Рембрандта: внешнее пространство превращалось из *объекта изображения* в *средство изображения* внутреннего мира человека.

Итак, в силу объективной специфики развития человека, в XX в. внешнее пространство оказывается освоенным полностью, результатом чего явился феномен глобализма. *С этого момента функция внешнего пространства переходит к виртуальному пространству*. Этот фундаментальный факт позволяет понять уникальную роль виртуального пространства в той новой парадигме, в которую на наших глазах переходит человечество.

Теперь человечество должно осваивать виртуальное пространство точно также, как в своей истории оно осваивало пространство внешнего мира. Человек будет создавать и открывать новые виртуальные миры, в которые будет переносить творческую активность. Виртуальное пространство станет технологическим носителем ноосферы.

Подводя итоги сказанному, отметим следующее. Мы находимся на историческом рубеже, масштабы и последствия которого в истории человечества совершенно беспрецедентны. К этому рубежу в полной мере подходит термин сдвиг парадигмы. Все те модели, которые работали в старых условиях, к которым мы привыкли, в новых условиях работать не будут. Мир будущего более не может проектироваться на основании имеющегося опыта как улучшенное прошлое. При этом происходит качественная смены функции пространства. Внешнее пространство оказывается полностью освоенным человеком, и оно обрело качества его внутреннего мира. Теперь роль внешнего пространства переходит к виртуальному пространству со всеми вытекающими из этого последствиями фундаментального и прикладного характера.

Литература:

1. Берг Р. Почему курица не ревнует? СПб.: Алетейя, 2013. 296 с.
2. Михалевский Д.В. Пространство и бытие. СПб.: Алетейя, 2017. 478 с.
3. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.
4. Михалевский Д.В. Диссертация на соискание звания кандидата философских наук «Формирование социального пространства и его структур (Социально-философский анализ). Специальность 09.00.11. «Социальная философия». М.: РГСУ, 2012. 210 с.
5. Выготский Л.С. Психология искусства. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1968. 576 с.

Обратная материя как субстрат природной виртуальности человека

Моисеев В.И.

Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И.Евдокимова (МГМСУ), заведующий кафедрой философии, биомедэтики и гуманитарных наук. Доктор философских наук

vimo@list.ru

Аннотация: Тезисы посвящены прояснению онтологической природы внутреннего мира и сознания человека как его природной виртуальности. Строится система категорий, в которой используются универсалии единого и многого, прямой и обратной материи (бытия). Развивается гипотеза, согласно которой внутренний мир человека есть мироподобное бытие, носителем которого является обратная материя, в которой преобладают определения единого (целого и общего) над многим (частями и частным).

Ключевые слова: единое, многое, прямое бытие, обратное бытие, прямая материя, обратная материя, мироподобие, внутренний мир, жизнь, природная виртуальность.

Inverse matter as a substratum of human natural virtuality.

Moiseev V. I.

Moscow State University of Medicine and Dentistry by A. I. Evdokimov (MSUMD), Department of philosophy, Biomedical ethic and Humanities

Abstract: Theses are devoted to clarifying the ontological nature of the inner world and human consciousness as its natural virtuality. A system of categories is constructed that uses the universals of the one and many, direct and reverse matter (being). A hypothesis is developed, according to which man's inner world is like-world being carried by the reverse matter, which is dominated by the definition of the one (whole and common) over many (parts and particular).

Keywords: one, many, direct being, reverse being, direct matter, reverse matter, world-like-ness, inner world, life, natural virtuality.

Обратная материя – форма материи, в которой первично единое и вторично многое. Для такого рода материи органичным будет развитие в преимущественном направлении дифференциации целого на части и общего на частное. С другой стороны, *прямая материя* – материя с онтологической первичностью многого, для которой характерно развитие в преимущественном направлении интеграции частей в целое и частного в общее [1].

Можно предполагать, что материя, для которой верен второй закон термодинамики, закон роста энтропии, - это именно прямая материя. В самом деле, стремление к однородности во многом сопровождается потерей разного рода организации и упорядоченности и распадом системы на множество однородных частей. Такую материю можно называть также *средовой материей*, поскольку она составляет неорганическую окружающую среду, на просторах которой проявляют свою активность разного рода субъекты (акторы).

Живая материя, как известно, устойчиво проявляет тенденцию к уменьшению энтропии и отклонению от разного рода неорганических равновесий («принцип устойчивого нерпвновесия» Э.Бауэра). Можно предполагать, что феномен жизни обязан подобной природой другой форме материи, нежели средовая материя. Живые организмы ярко проявляют преобладание целого над частями, что можно трактовать как выражение природы обратной материи.

Таким образом, возможно предположить, что в основании феномена жизни лежит иной онтологический режим, нежели в средовой материи, где целое и общее, как два аспекта единого, доминируют над частями и частным (двумя аспектами многого), выражая природу обратной материи.

В ряде работ автора [2], [3]. развивается определение живого как носителя собственного внутреннего мира и тела. Внутренний мир и его более дифференцированные состояния (сознание) также обладает онтологической средой с преобладанием единого над многим, что позволяет отнести внутренний мир и сознание к выражениям обратного бытия.

В связи с этим, можно предполагать, что живая материя, будучи обратной материей, является

носителем внутреннего мира и сознания как видов бытия с преобладанием единого над многим.

Отдельный вопрос - в каком соотношении в этом случае находятся обратная материя и внутренний мир?

Не зря мы называем внутренний мир именно «миром», предполагая его природу не просто как части бытия, но такой части, которая сама является малым миром. Такие части мира, подобные миру в целом, можно называть *мироподобными* частями. Внутренний мир – это мироподобная часть мира.

Мироподобие – одно из проявлений едино-бытия. Хотя мироподобными могут быть и части внешнего мира (прямого бытия), но благодаря мироподобию в них как бы усиливается момент обратного бытия. Ещё более этот момент усиливается среди самих мироподобных систем, во внутренних определениях которых могут преобладать моменты прямого или обратного бытия.

В связи с этим, можно предполагать, что внутренний мир – это не просто мироподобная часть мира, но таковая с усиленным обратным бытием, т.е. с дополнительными онтологическими приматами единого над многим.

Внутренний мир и сознание можно рассматривать как природную виртуальность живого существа, обладающиего этими состояниями. В том числе это верно и для человека.

Таким образом, можно говорить о более конкретных онтологических основаниях природной виртуальности человека как природе мироподобного и обратного бытия. Субстратом такого бытия выступает живая материя как разновидность обратной материи.

Литература:

1. Моисеев В.И. Контуры биорациональности // Философские проблемы биологии и медицины: Выпуск 13: феномен биорациональности: Сборник. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 11-17.
2. Моисеев В.И. Очерки по философии неовсеединства: Опыт математического прочтения философии. Аксиология. Логика. Феноменология. М.: ЛЕНАНД, 2018. 632 с.
3. Моисеев В.И. Минимальная онтология жизни: категориальный анализ // Философия биологии в новом диалоге с природой. К 90-летию со дня рождения Р.С. Карпинской. М.: ИФРАН, 2018. С. 205-217.

Виртуализация в коэволюции Homo Sapiens (естественный отбор и цифровая селекция)

Ненюков С.С.

Член Российского философского общества

nenst@sibmail.ru

Аннотация. В работе представлены аспекты коэволюционного воздействия условий культурной среды – цифровой виртуализации – на эволюционно сформированное (естественным отбором) биологическое и социальное устройство человеческого организма и общества.

Ключевые слова: эволюция, разнообразие, реальность, виртуализация, компьютер, кибернетика, искусственный интеллект, цифровая селекция.

Virtualization in Homo Sapiens co-evolution (natural and digital selection).

Nenjukov S.S.

Russian philosophical society

Abstract: The digital virtualizations as cultures have influence on natural human organism and humanity selection.

Keywords: evolution, variety, reality, virtualization, computer, cybernetic, artificial intellection, digital selection.

Эволюция человечества (биологического вида Homo Sapiens) ныне совершается в форме коэволюции (во взаимосвязи биологической и культурной эволюции). 21-й век характеризуется широкой глобализацией и информатизацией человечества, развитием кибернетических и компьютерных технологий, интенсивной виртуализацией коммуникативной среды, актуализацией сферы виртуальной реальности и становлением науки виртуалистики [1]. Виртуальная реальность (ВР) рассматривается во взаимосвязи с субъективной реальностью (СР) и информационной реальностью (ИР). «Возникновение у животных СР было исторически первой формой виртуальной реальности, открывавшей по мере развития всё более широкий диапазон таких способностей, как прогнозирование, планирование, пробные действия в виртуальном плане, и других подобных операций, повышавших приспособляемость к среде. В ходе антропогенеза произошло качественное развитие СР, возникает сознание, а вместе с ним язык. Особенностью сознания по сравнению с животной психикой является то, что психическое отображение и управление сами становятся объектом отображения и управления. Возникает способность по существу неограниченного производства информации об информации» [2, с. 14]. Николай Александрович Носов выделил «следующие специфические свойства ВР независимо от её “природы” (физическая, психологическая, социальная, техническая и проч.): порождённость, актуальность, автономность, интерактивность» [3, с. 33].

В норме человеческий организм адаптирован (приспособлен) к определённым условиям существования и наделён специфическими способностями, заметно отличающимися (например, по разумности, зрению, слуху, обонянию и др.) от генетически близких млекопитающих. Разнообразие человеческих индивидуумов закладывается (инициируется или ограничивается) на различных этапах онтогенеза вследствие дестабилизации генетических и эпигенетических путей (мутаций и горизонтального переноса), кроссинговера, дисбаланса эффектов, влияния различных биологических, психологических, социальных и др. факторов. В соответствие с этим эволюционно обусловленные свойства и способности каждого человека могут в различной степени отличаться от «нормы» или адаптироваться к новым условиям «среды обитания» или восприятию ВР. Под воздействием стресса экспрессия «спящих генов» может проявляться как необычные способности («одичание», паранормальность, экстрасенсорность и др.). Существенные коррективы вносят медицина и образование. Человек имеет также возможность выбора или изменения условий своей «среды обитания».

Глобальная информатизация, кибернетизация и роботизация становятся сферой пристального внимания философии синергетики [4]. Кибернетика первого порядка, опиравшаяся преимущественно на информационный подход и аналоги человеческой «обратной связи» в системе управления «объектом» (парадигма «субъект – объект»), соответствует классической научной рациональности.

Современная кибернетика второго порядка с рефлексивно-коммуникативной активностью (парадигма «субъект – субъект») соответствует неклассической научной рациональности. Кибернетика третьего порядка – кибернетика управления сложностью рефлексивной активности (парадигма «субъект – саморазвивающаяся полисубъектная среда») соответствует постнеклассической научной рациональности [4]. Перспективой кибернетизации является «сильный искусственный интеллект», который, в отличие от «слабого ИИ», будет способен (не обязательно подобно человеку) воспринимать внешнюю среду, мыслить и осознавать себя как отдельную личность, принимать адекватные решения.

В условиях массовой технизации и информационного потребления снижается роль гуманитарных наук, развиваются технологии рекламы и манипуляции. Вследствие жесткого детерминизма обращение с людьми приравнивается к обращению с прочими объектами живой и неживой природы [5]. Персональная ответственность («человеческий фактор») перемещается на технические средства (момент отказа которых вероятен, но не известен заранее). Наряду с традиционным «КЗ» (короткое замыкание электропроводки, например, как причина пожара) теперь виноваты сбои в компьютерных сетях или программах, пресловутые «вирусы». В репортажах СМИ преобладают безличные или эвфемические выражения: «дом загорелся», «преступник ликвидирован» и т.п. Издержки технизации и цифровизации, приравниваясь к последствиям стихийных бедствий (пожаров, наводнений, землетрясений...), становятся банальностью, предметом шуток («Неожиданно наступила зима»).

Системно стареют не только устройства и программы, но и пользователи, не успевающие следовать за освоением и постоянным обновлением устройств и программного обеспечения. У рядового пользователя закрепляется ощущение социальной незащищенности от произвола цифровой элиты. ИИ и роботы, цифровое обучение, сетевая медицина, банковские карты, чипы и т.п., возможности фильтрации (по отпечаткам пальцев, приметам внешности, голоса и пр.), контроля и отключения доступа к сетям в любой момент, программируемые цифровой элитой, являются формами интеллектуальной цифровой селекции – своеобразной техноевгеники.

Затронутые аспекты обыгрываются в форме ВР и в современных фильмах. Так в фильме «Трасса 60» основному персонажу предлагается развеять скуку одиночества, выбрать любое желание, посетить соответствующие «города роботов» с парадоксальными социальными нормами. В виртуальном пространстве-времени совмещаются прошлое, настоящее и будущее, а для выявления «естественного» человека человек-робот пользуется обратным тестом Тьюринга [6, с. 174]. Кстати, в таких фильмах нередко умышленно интрига сводится к парадоксам: «естественный» многообразный человек деградирует к ограниченному роботу, а «поломанный» робот становится «Лучше, чем люди» [7, с. 102]. Аналогично, в стиле потребительского мейнстрима, в подобных фильмах девальвация понятий «исполнитель», «цель», «инструкция» и «власть» мотивируется тем, что «описать жизнь при помощи инструкций принципиально невозможно» [7, с. 103]. Но инструкции и права, задающие действия и ограничивающие инициативу «штатного» исполнителя, имеют целью получение определённого результата в «штатной» ситуации. По вероятностному критерию минимакса – минимизируется вероятность ущерба для максимального числа активных участников, ситуаций. Именно этим регламентируются законы, права и правила, формирование легитимных администраций и государств, традиций устойчивого развития разнообразного человечества. Биоэволюция и её ДНК (программа-инструкция репродуцирования) не имеют цели, спонтанно адаптируясь к ситуациям, а роботы (пока что) создаются людьми с целью надёжного выполнения (зачастую в экстремальных условиях, а не для киносъёмок или развлечения) только определённых функций по установленной программе-инструкции и именно этой целью мотивируются разработки и применение роботов. И пунктуальные (на рабочем месте) люди-исполнители отождествляются с «роботами», в отличие от персонажей, «свободных» за счет несвободы таких «роботов» [7].

Сюжеты ВР мотивируют, актуализируют, активируют и экспрессируют реакцию реальной нервной системы и сознания. С участием ВР формируется всё возрастающая часть СР. Так в имитаторах или тренажерах экипажи готовятся к действиям в экстремальных (реальных) ситуациях. Но в условиях пресыщения, усталости, ослабления нервной системы реальная ситуация может восприниматься как игровая, виртуальная, обусловливая ошибочные действия.

Осознание факта тиражирования объектов и ситуаций цифровой «реальности» притупляет эмоциональную реакцию на уникальность каждой реальной ситуации, ощущение причастности к каждому мгновению реальной жизни. Массовая цифровизация, симуляция обедняют пласты традиционной культуры, что соответствует закону иерархических компенсаций (А.П. Назаретян): рост разнообразия на верхнем уровне иерархической организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях [8, с. 249]. Стремительное совершенствование технологий цифровизации, искусственного интеллекта и генной инженерии соответствует приближению точки сингулярности [8, с. 289]. Цифровая интеллектуальная селекция всё больше искажает традиционные условия и действие естественных механизмов биоэволюции, естественного отбора.

Литература:

1. Королёв А.Д. Виртуалистика и жизнь // Институт человека: идея и реальность / Отв. ред. Г.Л. Белкина; Ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 237-240.
2. Дубровский Д.И. Основные аспекты проблемы субъективной реальности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск. 2019. Том XVI. Выпуск 3. С. 11 – 25.
3. Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.
4. Лепский В.Е. Философско-методологические основания становления кибернетики 3-го порядка // Философские науки. 2018. № 10. С. 7 – 22.
5. Тульчинский Г.Л. Цифровизованный гуманизм // Философские науки. 2018. № 11. С. 28 – 41.
6. Королёв А.Д. Путеводитель по трассе 60 // Credo New. 2019. № 3 (99). С. 171 – 181.
7. Королёв А.Д. Инструкция или цель // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск. 2019. Том XVI. Выпуск 3. С. 101 – 104.
8. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. 512 с.

Возможности для коррекции психологических факторов в сфере половых расстройств с помощью виртуальной реальности

Петухова А.И.

ООО «КРОКУС»

petukhova-ai@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена возможностям коррекции психологических факторов половых расстройств с помощью стремительно развивающейся технологии виртуальной реальности. По данным нескольких экспериментов, виртуальная реальность способна создавать более полный эффект погружения, замещать воспоминания и модулировать человеческую психику в целом. Подобные свойства могут активно использоваться в лечении психологических причин различных расстройств, в том числе половых, и соответствующие исследования проводятся за рубежом. Ряд исследований показал, что сочетание виртуальной реальности и психотерапии способствует нормализации состояния и обеспечивает более длительный эффект по сравнению с обычной психотерапией: до 84% испытуемых отмечали большую эффективность применения данной технологии совместно с психотерапией по сравнению с исключительно психотерапией, которая обеспечивала нормализацию состояния для до 50% испытуемых.

Ключевые слова: половые расстройства, виртуальная реальность, иммерсивность, современность, актуальность, виртуалистика.

The possibilities of remodelling the psychological causes of sexual disorders with the help of virtual reality.

Petukhova A.I.

LLC “KROKUS”

Abstract: The article tells about the possibilities of remodelling the psychological causes of sexual disorders using the rapidly developing virtual reality technology. According to several experiments, virtual reality is able to create a more complete immersion effect, replace memories and design the human mind as a whole. Such features of virtual reality can be frequently used in the treatment of the psychological causes of sexual disorders, and relevant studies are conducted abroad. Different studies have shown that the combination of virtual reality and psychotherapy contributes to the normalization of the state and provides a longer effect compared to conventional psychotherapy: up to 84% of the participants noted the greater efficiency of this technology in combination with psychotherapy compared to exclusively psychotherapy, which provided normalization of the state for up to 50 % of the research subjects.

Keywords: sexual disorders, virtual reality, immersion, modern times, relevance.

Актуальность исследования

По данным исследователя Рональда Льюиса из США, различными половыми расстройствами страдают 40-45% женщин и 20-30% мужчин [1, 1601]. В Росси, согласно исследователю З. Старович [2, 37], до 8 млн мужчин страдают эректильной дисфункцией. При этом по мнению как русских, так и зарубежных ученых, психогенные случаи половых расстройств, обусловленные депрессией, стрессовыми ситуациями и тревогой встречаются в 25-90% случаев и зависят от выраженности невротических расстройств [3, 768; 4, 5]. Таким образом, психологические факторы играют центральную роль в появлении и развитии половых расстройств. При этом неспособность к полноценной половой жизни – сильная эмоциональная травма для многих людей [5, 15] и в отдельных случаях может привести к депрессии с суицидом [6, 102].

Технология виртуальной реальности (virtual reality или VR) в последние несколько десятилетий активно применяется в различных областях, причем не только в области развлечений, но и все больше растет прикладное значение виртуальной реальности – в образовании, маркетинге, здравоохранении, в том числе в психологии [7, 2]. Инновационные методы лечения с использованием виртуальной реальности показывают многообещающие результаты. Различные методики с применением VR-технологии были разработаны для лечения тревожных расстройств, посттравматического стрессового расстройства, шизофрении, расстройств пищевого поведения и многого другого [8, 2394]. Цель данной работы – обозреть актуальность технологий виртуальной реальности в лечении различных половых расстройств, вызванных психологическими факторами.

Материал и метод

Основным методом исследования был обзор литературных источников. Учитывая, что данная отрасль исследования появилась относительно недавно, особенно важным представляется процесс выявления, отбора и анализа зарубежных исследований в мире в целом. В будущем планируется ряд аналогичных исследований в России, имеются определенные эмпирические данные на базе опрошенных автором пользователей виртуальной реальности.

Виртуальная реальность и эффект присутствия

По мнению исследователя Д.В. Галкина, электронные игры давно стали не только частью поп-культуры, но и способом выразить настроения массового сознания, а также одним из ключевых элементов современной культуры в принципе, поэтому «игры есть всегда отражение общества в данный исторический период (когда меняется культура, меняются и игры), при этом на психологическом уровне они представляют собой модели психической жизни человека социального» [9, 10]. М. Маклюэн [10] считает, что компьютерная игра – это расширение человека в социальном измерении.

При этом виртуальная реальность предполагает не просто очередную модель, а эффект «иммерсивности», то есть полного погружения или даже – воссоздания реальности. VR – это компьютерное моделирование 3D-среды, которая кажется человеку, взаимодействующему с ней, исключительно реальной. Человек имеет возможность оглядеться вокруг, повернув голову, и «переместиться» с помощью ручного управления или датчиков движения. Таким образом достигается эффект присутствия. Пользователю кажется, что он действительно находится в виртуальном мире.

Более того, несмотря на всю «магию» VR с технической точки зрения, его свойства в том, что касается человеческой психики, еще более удивительны, и эмоциональные, когнитивные и психологические реакции, которые мы испытываем в виртуальных мирах, в будущем фундаментально нас изменят [11].

Виртуальная реальность способна воссоздавать не просто пространство, а человеческую психику через образ «главного героя» VR-контента и даже успешно «активизировать» память, чем занимаются немецкие экспериментальные психологи [12].

Применения виртуальной реальности в лечении половых расстройств

В области сексологии было доказано, что VR является мощным инструментом выявления сексуальных предпочтений и даже их коррекции [13, 3]. Ряд исследований итальянского ученого Опталь свидетельствует об эффективности VR в лечении мужской эректильной дисфункции [14, 290]. Рассмотрим таблицу сравнительного анализа эффективности данных исследований [7, 3] (*См. сл. стр.*).

Во всех рассмотренных ниже случаях виртуальная реальность использовалась в качестве посредника для контакта с источником страха/травмирующей ситуации. Данный метод воздействия был направлен на снижение реакции тревоги на соответствующий стимул при одновременном предотвращении стратегии избегания, которая является типичной защитной реакцией психики и не позволяет психотерапевту глубоко изучить проблему. В обычных случаях мы различаем контакт с источником тревоги *in vivo* (то есть перед лицом реальных объектов) от *in imagino* – воздействия в воображении (то есть, когда воздействие осуществляется путем представления образов в уме при помощи специальных техник релаксации). В обоих случаях эти методы предполагают постепенное привыкание к объекту, который вызывает тревогу и страх, в контролируемой и безопасной среде, чтобы устранить способность вызывать беспокойство (т. е. через процесс привыкания). Повторение процесса постепенно приводит человека к мысли о том, что в случае повторения травмирующей ситуации негативный исход события не обязательно должен произойти.

Исследование	*Выборка и контрольная группа*	*Дизайн исследования*	*Результаты*
Опталь [14]	70 гетеросексуальных мужчин с эректильной дисфункцией, обусловленной психологическими причинами (30 человек) или в силу психо- и физиологических (смешанных) факторов (40 человек). Контрольная группа 20 человек (10 человек страдают ЭД в силу психологических причин, 10 человек – в силу психо- и физиологических причин).	12 сессий в течение 25 недель с использованием исключительно психотерапии (контрольная группа) или VR совместно с психотерапией. Сексуальная активность – самостоятельный отчет/	Сочетание VR и психотерапии: нормализация или улучшение состояния в 82% случаев для пациентов с ЭД, обусловленной психологическими причинами и 84% случаев для пациентов с ЭД в силу смешанных факторов. Контрольная группа: нормализация или улучшение состояния от 29% до 50% случаев.
Опталь [15]	160 гетеросексуальных мужчин с ЭД, обусловленной психологическими причинами (50 человек), смешанными факторами (60 человек) и преждевременной эякуляцией (50 человек). Без контрольной группы.	12 сессий в течение 25 недель с использованием VR совместно с психотерапией. Проверка спустя 6 и 12 месяцев. Сексуальная активность – самостоятельный отчет/	Спустя 1 год нормальное состояние удерживали от 47% пациентов (ЭД в силу смешанных факторов) до 75% (в силу психологических причин) и в 54% случаев для ПЭ.

При этом технология виртуальной реальности позволяет достигнуть намного более высокого уровня погружения, нежели классическая визуализация, даже дополненная видео и изображениями. Эффект присутствия от виртуальной реальности значительно больше для многих людей, и позволяет повысить результативность лечения в случае проработки травмирующих ситуаций.

Одна из возможных причин столь высокой эффективности VR в решении психологических проблем в ходе лечения половых расстройств – особенное воздействие виртуальной реальности на механизмы нашей памяти [11].

Исследование	*Выборка и контрольная группа*	*Дизайн исследования*	*Результаты*
Шёне [12]	43 участника: 22 человека использовали VR-оборудование, 21 человек – использовали видеоряд.	Участники в VR-группе опирали руки на руль велосипеда, надев шлем виртуальной реальности и смотрели видео в формате 360 градусов, в видео-группе сидели перед монитором и смотрели 2D-видео о той же местности. Два дня спустя всем участникам показали ряд изображений из видеоряда и попросили вспомнить, относится ли то или иное изображение к видео	В случае с виртуальной реальностью испытуемые более чем в два раза чаще правильно отвечали на вопросы теста.

Таким образом, виртуальная реальность способна сыграть большую роль в развитии когнитивной психотерапии, чем в частности, уже активно занимаются при лечения расстройств пищевого поведения. VR в сочетании с психотерапией в случаях ожирения и компульсивного переедания показывает значительно лучшие результаты во время коррекции психологических факторов, нежели психотерапия сама по себе [16, 208].

Вывод:

В данной статье представлен обзор современных исследований, использующих виртуальную реальность в психотерапии, в том числе для лечения половых расстройств.

VR показал свою особенную эффективность в лечении расстройств, вызванных психологическими причинами [7, 5]. Таким образом, были предложены перспективные направления для разработки и оценки VR в лечении дисфункций, вызванных когнитивными и эмоциональными расстройствами.

Необходимо больше эмпирических данных, чтобы оценить перспективность виртуальной реальности в создании различных состояний для нормализации состояния психологических проблем широкого спектра.

Литература:

1. Lewis R. W. et al. Definitions/epidemiology/risk factors for sexual dysfunction //The journal of sexual medicine. – 2010. – Т. 7. – №. 4pt2. – С. 1598-1607.
2. Старович З. Судебная сексология. – М., 1991.– С. 35–74.
3. Лопаткин Н. А. и др. Руководство по урологии //М.: Медицина. – 1998. – Т. 2. – С. 768.
4. Wincze J. P., Weisberg R. B. Sexual dysfunction: A guide for assessment and treatment. – Guilford Publications, 2015.
5. Кочарян Г., Кочарян А. Психотерапия сексуальных расстройств и супружеских конфликтов.– М.: Медицина, 1994.– 224 с.
6. Давлатов А. С., Михайлова А. А., Кошелев В. В. Коррекция психогенных эректильных дисфункций нелекарственными методами //Вестник новых медицинских технологий. – 2006. – №. 2.
7. Lafortune D., Dion L., Renaud P. Virtual reality and sex therapy: future directions for clinical research //Journal of sex & marital therapy. – 2020. – Т. 46. – №. 1. – С. 1-17.
8. Freeman D. et al. Virtual reality in the assessment, understanding, and treatment of mental health disorders//Psychological medicine. – 2017. – Т. 47. – №. 14. – С. 2393-2400.
9. Галкин Д.В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования // Открытый междисциплинарный электронный журнал «Гуманитарная информатика». 2007. С. 10.
10. McLuhan M. Understanding media: The extensions of man. – MIT press, 1994.
11. Rubin P. Future Presence: How Virtual Reality is Changing Human Connection, Intimacy, and the Limits of Ordinary Life. - 2018 - HarperCollins
12. Benjamin Schöne, Marlene Wessels, and Thomas Gruber, “Experiences in Virtual Reality: A Window to Autobiographical Memory,” CurrentPsychology (2017): 1–5.
13. Trottier, D., Renaud, P., Rouleau, J. L., Goyette, M., Saumur, C., Boukhalfi, T., & Bouchard, S. (2015). Erratum to: Using immersive virtual reality and anatomically correct computer-generated characters in the forensic assessment of deviant sexual preferences // Virtual Reality, 19(3-4), 303.
14. Optale, G., Munari, A., Nasta, A., Pianon, C., Verde, J. B., & Viggiano, G. (1997). Multimedia and virtual reality techniques in the treatment of male erectile disorders//International Journal of Impotence Research, 9(4), 197–203.
15. Optale, G., Marin, S., Pastore, M., Nasta, A., & Pianon, C. (2003). Male sexual dysfunctions and multimedia immersion therapy (follow-up)//CyberPsychology & Behavior, 6, 289–294
16. Ferrer-Garcia, M., Gutierrez-Maldonado, J., & Riva, G. (2013). Virtual reality based treatments in eating disorders and obesity: A review. // Journal of Contemporary Psychotherapy, 43(4), 207–221.

О виртуальности прошлого

Полуян П.В.

Сибирский федеральный университет, кафедра философии, доцент, кандидат философских наук

polyan2002@mail.ru

Аннотация: В работе рассматривается вопрос о виртуальности событий прошлого в контексте современной философии с учетом положений квантовой механики и релятивистской физики. За основу берется критика «неотменяемого прошлого», изложенная в работе Дж. Г. Мида «Философия настоящего». Делается вывод, что в рамках квантовой механики поведение микрочастиц в прошлом можно рассматривать как неопределенное, что приводит к вопросу о связи виртуальных событий микромира в прошлом с прошедшими событиями макромира.

Ключевые слова: Виртуальность будущего, виртуальность прошлого, мировые линии частиц, события микромира.

About the virtuality of the past.

Poluian P.V.

Siberian Federal University, Department of Philosophy

Abstract: The article considers the issue of the virtuality of past events in the context of modern philosophy, taking into account the provisions of quantum mechanics and relativistic physics. It is based on the critique of the «irrevocable past», set out in the work of «The *Philosophy of the Present*» (George Herbert Mead, 1932). In the framework of quantum mechanics the behavior of micro particles in the past can be considered as uncertain, which leads to the question of the relationship of virtual events in the micro world in the past with past events in the macrocosm.

Keywords: Virtuality of the future, virtuality of the past, world lines of particles, events of the microcosm

Виртуальность будущего очевидна уже со времен Аристотеля, рассмотревшего в трактате «Об истолковании» [1, т. 2, с. 99-102] вопрос о возможных результатах завтрашнего морского сражения.[i] А вот вопрос о виртуальности событий прошлого впервые был поставлен в 18 веке французским философом Гельвецием, который опираясь на картезианские рассуждения о достоверных истинах, отметил в работе «Об уме» в примечаниях: «Если почти все наши истины сводятся к вероятностям, то какую благодарность стяжал бы гениальный человек, который взялся бы составить физические, матафизические, моральные и политические таблицы, где были бы с точностью указаны все различные степени вероятности... В таблицах моральных или политических помещались бы как первая степень достоверности существование Рима или Лондона, затем существование героев, как Цезарь и Вильгельм Завоеватель; и так спускались бы по ступеням вероятности до фактов менее достоверных...» [2, с. 156-157] Однако здесь имеется в виду гносеологическая вероятность наших истин, а отнюдь не самих событий прошлого. Гельвеций был, как известно, материалистом и придерживался механического детерминизма, который ярко выразил потом Пьер-Симон Лаплас. Впрочем, автор знаменитого «демона» – суперразума, способного рассчитывать траектории частиц и события в прошлом и будущем, тоже отдал должное вероятностному подходу, создав знаменитый «Опыт философии теории вероятности» [3], где рассматривал даже юридическую достоверность. Но факт преступления точно – либо был, либо не был, а, следовательно, речь идет опять-таки о гносеологической вероятности, связанной с недостатком информации у субъекта. Лапласовский детерминизм опирался на классическую механику, где для упругих шаров в замкнутом пространстве при заданных начальных условиях можно вычислить точные траектории, продолженные как в будущее, так и в прошлое.

Следует четко развести смыслы: детерминизм связан с математизацией законов механики и вычислимостью координат (предсказание и ретросказание), а вот заданность прошлого проистекает из

i Отметим, что понятие virtus в схоластике использовали как эквивалент греческого понятия «потенция-способность», определенного в «Метафизике» Аристотеля: «Способное в первичном смысле есть способное потому, что может стать действительным». [1, т. 1, с. 244] Мы здесь и далее употребляем понятие «виртуальность» для обозначения возможной реальности, существование которой дано потенциально (при том, что в узком смысле виртуальной реальностью сейчас называют разнообразные компьютерные модели фрагментов бытия).

других оснований. Минувшее изменить нельзя – эта интуиция сформировалась задолго до Галилея и Ньютона. Детерминизм Лапласа восходит к знаменитой метафоре деизма: мир – часы, созданные и заведенные Богом. Но понятно, что ход механизма охватывает прошлое и будущее потому, что пребывает в вечности, являясь репрезентацией вневременной системы математических уравнений. А вот прошлое, настоящее и будущее – суть эмпирические условия существования. Указанное различие смыслов зафиксировано в другой метафоре: Бог может создать мир в любое мгновение со всеми следами его прошлого. То есть по его воле мир обретает бытие в некоторый момент настоящего так, что в нем находятся следы прошлого, но самого прошлого у этого мира нет – согласно смыслу творения. Эту метафору берет за исходную точку аргументации американский философ Джордж Герберт Мид. Один из отцов-основателей прагматизма в работе «Философия настоящего» пишет о концепции «сущностно неотменяемого прошлого» [4, с. 48-51], но отмечает парадоксальность ситуации, ведь прошлого на самом деле нет. Неотменяемость прошлого, по мнению Мида, лишь «обычный фон мышления», а в применении к исторической науке обычна ситуация, когда историки меняют выводы, сообразно новым фактам и интерпретациям. Джордж Мид писал это в начале 30-х годов XX века, он указал на соответствие концепции сущностно неотменяемого прошлого и теории относительности, где пространство-время Минковского вмещает мировые линии всех частиц – события прошлого имеют точные координаты в четырехмерном континууме. В современной науке бытует мнение, что и времени как такового нет, а есть т. н. «блок-вселенная», где заданы точные координаты абсолютно всех событий. Укажем на явное недоразумение: будущие мгновения времени действительно заданы, поскольку заданы оси пространства-времени, но в нем нет будущих событий. Иными словами, времени нет – как процесса наступления новых мгновений, но есть время как процесс становления объективной реальности.

Джордж Мид проявил прозорливость, отметив, что картина заданного прошлого, согласуется с теорией относительности, но противоречит размышлениям де Бройля, Шредингера [i] и Планка: «Даже в области математической физики строгое мышление не предполагает с необходимостью, что обусловливание настоящего прошлым несет с собой полную детерминацию настоящего прошлым». [4, с. 59] Действительно, из квантово-механических уравнений вытекает следствие: в прошлом не может быть заданных «мировых линий частиц», поскольку движению микрочастиц присуща квантовая неопределенность. Этот тезис, по нашему мнению, чрезвычайно важен, поскольку из него следует вывод: опираясь на квантовую механику можно говорить о сущностной неопределенности прошлого (по крайней мере на уровне неопределенности параметров микрочастиц).

Таким образом, виртуальность прошлого с точки зрения квантовой механики доказана (правда, доказанность эта относится только к микромиру), а математическая доказательность, в свою очередь, свидетельствует, что для человеческого сознания виртуальность совместима с прошлым – так что «обычный фон мышления» с этим смиряется. Поэтому нет ничего удивительного, что данная интуиция влечет допустимость влияния и на макрособытия: существует мнение, мол, люди могут каким-то образом менять «уже заданное» прошлое. В области искусства это выражается в драматических сюжетах, воплощенных в кино. В фильме «Остров» (П. Лунгин) прошлое меняется по православным молитвам, в фильме «Жертвоприношение» (А. Тарковский) потребовалось магическое жертвоприношение, в голливудских лентах «Назад в будущее» помогает машина времени, в фильме «Исходный код» прошлое зависит от квантово-механических эффектов, опосредованных сознанием наблюдателя, а в серии фильмов «Эффект бабочки» работают экстрасенсорные способности и т. п.

Мы рассматриваем эти сюжеты как фантастические, но можно усмотреть в них и некий рациональный момент. Как уже было сказано, из квантовой механики вытекает неопределенность прошедших микрособытий, относящихся к элементарным частицам. Но Эрвин Шредингер обратил внимание на то, что можно иногда провести строгую детерминистскую цепь от микро- к макрособытию (парадокс кота). Тогда мыслимы варианты, когда виртуальность микрособытий ведет к виртуализации и событий макромира. Этот вариант в квантовой концепции осмыслен в форме т. н. эвереттики – в известном варианте интерпретации квантовой механики, данной физиком Хью Эвереттом. И хотя данная интерпретация сама по себе порождает разнообразие толкований (от сугубо формальных, до оккультных), в целом такой подход научным сообществом не отвергается.

Следует сказать, что даже в рамках виртуализации макрособытий остается логическая возможность рационализации фантастики. Вспомнив данное в начале статьи высказывание Гельвеция, можно ввести некоторое ранжирование макрособытий прошлого по степени реальности. Тогда абсолютно

i В цитированном издании переводчики допустили ошибку дав фамилию Шредингера как «Шрёдер».

достоверные события (например, исход Второй Мировой Войны) вполне совместимы с виртуализаций событий другого уровня (например, индивидуальные судьбы солдат). Иными словами, можно допустить, что число погибших на войне остается виртуально неопределенным, тогда как общий исход войны абсолютно достоверен.

Описанный подход перекликается с концепцией, изложенной в книге известного современного физика Макса Тегмарка «Наша математическая вселенная». Книга начинается с описание ситуации, где виртуальность микрособытия определяет степень внимательности человека, благодаря которой тот становится (или не становится) жертвой автокатастрофы [5, с. 11-13]. С точки зрения Тегмарка феномен виртуальности возникает в строго детерминистской математической Вселенной, соответствуя математически же доказанной теореме о невычислимости, согласно которой существуют задачи, кои никакой сколь угодно мощный вычислитель не может решить в принципе. Таким образом, виртуальность оказывается совместима с супервычисляющим демоном Лапласа. Абсолютный вычислитель может функционировать, но есть область явлений, которые он вычислить не может.

Это выглядит парадоксом, противоречащим логическому закону исключения третьего. Но, по нашему мнению, такой взгляд ошибочен. Он связан с излишней абсолютизацией данного логического закона, в то время как в самой логике существуют парадоксальные ситуации, указывающие на её пределы. Назовем известный парадокс «Лжец» и менее известный парадокс, который можно именовать «Правдоруб»: утверждение «Я всегда говорю правду» одинаково подходит для случая, когда говорящий всегда изрекает истины, и когда он все время лжет...

Таким образом, виртуализация прошлого и физически, и математически, и логически обосновывается. Остается лишь определить меру виртуализации.

Литература:

1. Аристотель. Собр. соч.: в 4 т., М.: «Мысль», 1976-1984.
2. Гельвеций К.А. Соч.: в 2 т. М.: «Мысль», 1973. Т. 1. С. 156-157
3. Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. Пер. с фр. Изд. стереотип. М.: URSS. 2019. - 208 с.
4. Мид Дж. Г. Философия настоящего. - М.: «Издательский дом Высшей школы экономики», 2014. С. 48-51.
5. Тегмарк М. Наша математическая Вселенная. В поисках фундаментальной природы реальности. - М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. С. 11-13.

Философия как экспертиза технологий виртуальной реальности: инженерно-психологический и виртуальный подходы

Пронин М.А.

Институт философии РАН, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика», старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук

pronin@iph.ras.ru

Раев О.Н.

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова - декан Сергиево-Посадского филиала (ВГИК). Кандидат технических наук, доцент

ncenter@list.ru

Аннотация: В жанре философии как экспертизы авторы рассматривают мировоззренческие проблемы восприятия, описания, классификации, обобщения, понимания и прогнозирования антропологических последствий применения технологий виртуальной, дополненной и замещающей реальностей (TVR) и, как следствие, адекватности их гуманитарной экспертизы. Авторы задают границы исследования от технологических, то есть технических виртуальных реальностей, к инженерно-психологическим и, наконец, к психолого-мировоззренческим аспектам объективации TVR, а также структуру и предназначение (функции) языков биорациональности для их гуманитарной, биоэтической и философской экспертизы; при этом выбор минимально необходимого набора (номенклатуры) языков биорациональности становится корневой как для теоретических, так и практических задач.

Ключевые слова: философия как экспертиза, технологии виртуальной реальности, мировоззрение, виртуалистика, моделирование, языки биорациональности.

Philosophy as an expertise of virtual reality technologies: engineering-psychological and virtual approaches.

Pronin M.A.; Raev O.N.

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Research Group «Virtualistics»; All-Russian Institute of Cinematography named after S.A. Gerasimova (VGIK)

Abstract: The author wrote an article in the genre of philosophy as an expert examination. The author considers worldview problems of languages of bio-rationality for perception, descriptions, classifications, generalizations, understanding and prediction of the anthropological consequences of the application of virtual, augmented and substitutional reality technologies (VRT). It is necessary to select adequate languages of bio-rationality for the humanitarian expertise of VRT and the consequences of their application. The authors set the boundaries, guiding, and target assignment (functions) for determining styles and the minimum required set of languages of bio-rationality for the VRT humanitarian examination. The author indicates the content and method of solving modelling problems by choosing the minimum necessary set of languages of bio-rationality for VRT humanitarian expertise.

Keywords: philosophy as expertise (philosophy as expert examination), humanitarian expertise, outlook, virtualistics, modelling, languages of bio-rationality.

Сегодня в России комплексная гуманитарная экспертиза технологий виртуальной (virtual reality technologies — VRT), дополненной (augmented reality technologies — ART) и замещающей реальности (substitutional reality technologies — SRT); (далее под аббревиатурой VRT будем понимать все три вида технологий) находится на периферии внимания технологического и делового мейнстрима: разработчиков, провайдеров, инвесторов, пользователей и пр. Сложилась ситуация, когда сначала разрабатывается техника и технологии, а потом ищется им практическое применение, и тут уже не до гуманитарной экспертизы — найти бы применение и заработать на этом. А кто и когда будет заниматься изучением влияния внедряемых технологий на человека — вопрос остаётся открытым.

Мы уже ни раз высказывали тезис, что TVR «редактируют сознание» человека: чем они лучше обманывают — вводят в заблуждение о реальности происходящего, — тем они более продвинутые, привлекательные, эффективные и перспективные. Казалось бы, раз TVR построены на обмане человека, то они должны быть поставлены под гуманитарный, этический и юридический контроль общества, но пока этого не происходит [1].

Этому ряд причин: от вполне очевидных кадровых (развитие TVR относится к поисковым разработкам) и ощутимых финансовых (не всякий стартап имеет ресурсы для «научных изысков») до менее различимых гуманитарных, прежде всего мировоззренческих, связанных с человеческим фактором. Имеются ввиду барьеры на пути трансферта результатов фундаментальных исследований, в частности, виртуальных психологических состояний и реальностей, что возникли и получены ещё до эры персональных компьютеров, интернета и VR как таковых(!). Большинство поклонников VR-технологий забывает (или не знает), что эти технологии появились не в последнее десятилетие с приходом импортного цифрового оборудования и программного обеспечения, а гораздо раньше, и что TVR это существенно большее количество технологий, чем обычно понимаемые под ними шлемы и очки виртуальной реальности.

Итак, объект нашего рассмотрения — ключевые парадигмальные аномии в пространстве «фундаментальные — поисковые — прикладные» разработки TVR и их исследования. Дело в том, что мировоззрение во многом «психофизиология» человека, которая «работает» в режиме неосознаваемых автоматизмов и не до конца контролируемых человеком операций, будучи заданной логиками восприятия, наблюдения, понимания и логиками языков исследователей и их дисциплин. Необходимым языкам уделим некоторое внимание далее.

В направлении преодоления парадигмальных аномий научно-технологического мейнстрима полагали бы вполне уместным применить подходы «философии как экспертизы» — термин члена-корреспондента РАН Б.Г. Юдина (1943-2017), — гуманитарной и этической экспертиз, ранее разрабатываемых в Институте человека РАН (1992-2004), а сейчас в секторе гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, наработки виртуальной психологии отечественной школы Н.А. Носова (1952-2002) и его виртуальной философии (виртуалистики).

Философия как экспертиза TVR, в нашем понимании, включает следующие направления/объекты.

1) Сам объект: и искусственную техническую виртуальную реальность, TVR в узком смысле, так и(!) природную виртуальную реальность — такую, как сознание человека, да и самого человека, подвергшегося воздействию TVR. В данной постановке гуманитарная экспертиза позиционируется нами в узком, то есть в общепринятом смысле.

2) Инструмент воздействия на человека — сами TVR, а именно природу их воздействия на человека, то есть вопросы безопасности их применения в частности; традиционную биоэтическую экспертизу «человека в мире современных технологий».

3) Разработчика-производителя (субъекта деятельности), позволяя вскрывать пороки его мировоззренческих эпистем, накладывающих ограничения на его картину «конструкторско-производственного мира» (философия как экспертиза). Последняя в конкретном, предметом смысле направлена на вскрытие явных и неявных образов, представлений и установок, бытующих в интеллектуальных способах работы современного технологического мейнстрима TVR.

В частности, инженерно-психологический анализ показывает, что объёмные или 3D-изображения, отнюдь, ни продукт TVR; в чём всех стараются убедить их разработчики! Ни в историческом, ни в техническом, ни в технологическом аспектах производства подобных изображений. По сути, под термином «3D-изображение» в русском языке закамуфлировано известное ещё с середины XIX века стереоизображение, активно применяемое в XX веке в различных сферах, в том числе известное как «стереокино». Инженерный нигилизм мейнстрима разработчиков TVR затрудняет им переход к осознанному и целенаправленному развитию своих технологий. Нежелание вдаваться в глубинные психологические механизмы воздействия TVR ограничивает их творческий потенциал развития. Так стереоэффект (в вульгарной терминологии — «3D-картинка») возникает в сознании, во внутреннем пространстве человека, в узком смысле он проявляется как функция головного мозга человека, но не шлема TVR! Например, Н.И. Пирогов добивался у врачей адекватных представлений об объёмной топографической анатомии человека с помощью атласа, иллюстрированного разрезами, выполненными через замороженное тело человека в трёх направлениях [2]. Да, в своё время, «открытие» в архитектуре аксонометрической проекции — «условное изображение трёхмерности (объёма) здания либо его фрагмента или конструктивного узла на плоскости чертежа без перспективных искажений», — вызвало революцию в строительстве. Во всех примерах ключевой аспект возникновения объёмного изображения — психологический фактор! Но в большинстве рассуждений апологетов и евангелистов TVR психологические механизмы работы их чудесных шлемов остаются в чёрном ящике их обещаний.

Аналогичная цепочка может быть построена для конечных пользователей TVR: рядовых и профессиональных потребителей; в группе последних ключевыми для постановки и разрешения всех вопросов применения TVR следует считать специалистов медицинской и психологической реабилитации.

Окончательное понимание взаимосоотношения этической, гуманитарной экспертиз и, относительно новой, «философии как экспертизы» сегодня ещё только формируется.

Однако очевидно, что соотношение разных экспертиз логично увязывается со структурой схемы типов научной рациональности В.С. Стёпина [3], который выделяет три вида рациональности: классическую (объект науки — в нашем случае: виртуальная реальность объективная/физическая и субъективная/психологическая), неклассическую (инструменты научного познания — TVR) и постнеклассическую (субъект науки — разработчики TVR). Каждая из рациональностей имеет свой язык!

Таким образом, полилог языков меж- и трансдисциплинарности глубоко фундирует пространство TVR. Одновременно «сборка» адекватного коллективного междисциплинарного субъекта становится критической социально-технологической задачей ведущих экспертов, разработчиков, инвесторов, продюсеров и профессиональных пользователей TVR. Ещё раз подчеркнём, что именно область клинической реабилитации обладает необходимой полнотой для полноценного развития TVR: в ней есть кадры — квалификации и компетенции, — оборудование, финансы, социально значимые потребности и пр.

Сама жизнь разработок TVR выдвигает на передний план потребность философско-антропологических исследований нашего времени — востребованность системы постнеклассической гуманитарной экспертизы. Поэтому комплекс поли- и междисциплинарных научных областей и подмножества входящих в них научных дисциплин, что вовлекаются в проблематику исследования редактирования сознания, в узком смысле TVR (редактирование человека или «технологий улучшения человека» — human enhancement technologies, — оставим для другого случая), требует экспертизы их парадигмальных структур, этических установок, теоретических парадигматических конструктов (эпистем), законов (антропологических констант), априорных концепций и гипотез и пр. с целью разработки и формирования адекватной гуманитарной оболочки технологических инноваций и управления гуманитарными рисками в данной области. Перечень далеко не полный, но важно, что исчисление пространства/номенклатуры/набора языков биорациональности и их выбор входят в minimum minimorum самого необходимого и первостепенного. Здесь вполне допустима гипотеза, что некоторые языки придётся конструировать. Несомненно, что все эти задачи — область ответственности философии как экспертизы.

Разработка, уточнение и комплексирование языков биорациональности потребуют движения по всем этапам своего развития: от фундаментальной науки к практике и обратно. Логика таких этапов и переходов с очевидностью определяются характером очередного «исходного» материала, подлежащего осмыслению. Каждый раз осмысляемое, став осмысленным, вновь переходит в состояние осмысляемого уже на следующем уровне проработки, будь то обобщения, теоретизации и концептуализации.

Таким образом, мировоззренческая гуманитарная поддержка и сопровождение разработок TVR и их внедрения отечественными технократами (в самом хорошем смысле этого термина) уже производственная необходимость. В век цифровой экономики мировоззрение и этика становятся факторами производства и потребления. Философия как экспертиза TVR становится корневой задачей в фундаментальных разработках технологий редактирования сознания человека.

Литература:

1. Пронин М. А., Раев О. Н. Регулирование технологий виртуальной реальности: к первому российскому кодексу этического поведения [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 5. С. URL: http://journals.mosgu.ru/ggz/issue/view/55 (дата обращения: 15.02.2020). DOI: 10.17805/ggz.2018.5.9
2. Пирогов Н.И. Топографическая анатомия, иллюстрированная разрезами, проведёнными через замороженное тело человека в трёх направлениях. В 4 т. - СПб.: Petropoli; Яков Трей, 1852-53-59.
3. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Виртуальная реальность и когнитивный поиск

Руднев Вячеслав Валентинович

Институт этнологии и антропологии РАН, старший научный сотрудник, Кандидат исторических наук

roudnev@mail.ru

Аннотация: Представление о виртуальной реальности как особой категории реальности, актуализирует специальное обращение внимания на противопоставление явлений (и объектов) виртуальной реальности и обыденной реальности. Это предопределяет целесообразность рассмотреть проблему на примере когнитивной активности в традиционном обществе (доиндустриальной эпохи). Синкретичное восприятие окружающего мира человеком той эпохи нашло отражение в своеобразии массива примет, связанных с хозяйственной деятельностью (от предсказания погоды до рекомендаций по ведению строительства, ухода за скотом, в области аграрной деятельности и др.). Обращение к особенностям массива народных примет и рекомендаций, связанных с жизнеобеспечивающей хозяйственной деятельностью, через призму реальности объективной, представляется полезным и перспективным для изучения проблем виртуальности.

Ключевые слова: когнитивистика, виртуальность, обыденная реальность, традиционное общество.

Virtual reality and cognitive activity.

Rudnev Viacheslav Valentinovich

Institute of Ethnology and Anthropology, RAS

Abstract: The idea of virtual reality as a special category of reality stimulating a special attention to opposition of the phenomena (and objects) of virtual reality and ordinary reality. It predetermines expediency to consider a problem on the example of cognitive activity in folk society (in pre industrial period). A syncretic perception of the surround world by the person of that period found reflection in an original massif of the signs connected with economic activity (as weather forecasting and recommendations in construction, in cattle-breeding, in agrarian activity and etc.). An appeal to features of a folk signs connected with life-support economic activity in a light of objective reality is offers as useful for studying problems on virtual reality.

Keywords: cognitive activity, virtual reality, ordinary reality, folk society

Виртуальная реальность и когнитивный поиск

Виртуальность – тема сложная, имеющая много аспектов. Обращение к изучению этой темы философов, психологов, педагогов способствовало выявлению актуальных особенностей темы [1]. Объективно, новые контексты и новые технологии активно способствуют уточнению значения этой темы. Среди множества аспектов темы, представляется интересным сосредоточить внимание на влиянии виртуальности на реальность. Примеры, когда реализация процедур виртуального характера оказывает влияние на реальность, представляются весьма интересными для понимания значения (и смысла) виртуальной реальности. Игрушка тамагочи (появившаяся в 1996 г. и успешно производящаяся поныне) хорошо это иллюстрирует.

Портативная электронная игрушка, оснащенная процессором, небольшой памятью, динамиком и часами в свое время стала бизнес - хитом, быстро завоевавшим мир. За несколько лет виртуальный питомец, постоянно требующий к себе внимания, растиражированный в десятках миллионов экземпляров, распространился среди потребителей всех возрастов на всех континентах. Эта забава, ориентированная на интерактивное наблюдение за жизнью питомца (от момента его вылупливания из яйца и до смерти) оказалась предметом внимания людей давно уже вышедших из возраста тинэйджеров. Оказалось, что миллионы людей в разных странах готовы постоянно заботиться о своем питомце: в виртуальном режиме кормить его, играть с ним, врачевать его и убирать за ним. Жизнь виртуального питомца проходила в достаточно сложном «автономном» режиме: он болел, требовал еду, мог умереть, о чем сигнализировал имеющийся динамик. Игрушка требовала постоянного внимания от хозяина тамагочи. Фактически, человек, проявляя заботу о виртуальном тамагочи, реализовывал свои чувства сострадания и заботы, не востребованные (в силу разных причин) в окружающем его реальном мире. Менеджеры, бизнесмены и предприниматели, занимающиеся серьезными бизнес – проектами, заботились о тамагочи (а точнее, о сохранности своего чувства сострадания и участия к ближнему) в режиме полной конфиденциальности. Потребность общения с виртуальным объектом (дублером живой природы) оказалась важным и привлекательным занятием для людей, повседневно погруженных в напряженную реальность, весьма далекую от проблем живой природы.

Конечно, в случае с тамагочи, человек осознает, что его сенсорные органы испытывают «специфическое воздействие» [2, с. 292-293]. Это, однако, не снижает его особый интерес к виртуальной игрушке, обеспечивающей определенный позитивный эмоциональный эффект.

Исследования Асадуллина Э. свидетельствуют, что виртуальные состояния присущи не только отдельному человеку, но также и народам, нациям и другим общественным объединениям. Для этого он использует понятие особи как проекцию на человека совокупности сочетаний (суперпозиций) виртуальных состояний на разных уровнях социального бытия человека [3]. Такое понимание виртуальных состояний дает стимул для анализа некоторых представлений о мире и природе в доиндустриальном обществе.

Опыт человека в области виртуальной реальности вероятно похож на тот опыт, который он приобретает в мире реальном и в фантазиях. Обращает на себя внимание особый акцент внимания на живую природу. Пожалуй, именно живая природа и опыт, подсказанный наблюдениями за жизнью социума, являются основными доминантами, определяющими «состав» виртуальных представлений человека и влияющими на «порождения» - результат творческой реализации (в частности, это находит отражение в сегментации явлений окружающего мира и систематизации происходящих событий в культуре доиндустриального общества). Например, каждый год традиционного китайского двенадцатилетнего календарного цикла посвящен конкретному животному и это животное имеет свое место в определенном мифологическом контексте, а предсказание событий предстоящего года имеет черты реализованных виртуальных представлений (а сами предсказания, в свою очередь, создают виртуальную составляющую в процессе реализации личных инициатив потребителей этого контента).

Эта особенность находит свою реализацию и в отдельных народных представлениях, связанных с предсказанием сезонных природных изменений (предстоящим урожаем, грозой в Ильин день или перспективами зимовки скота).

Участие виртуальных представлений в принятии человеком решений и процедурах оценки - реальность доиндустриального общества. Амбивалентность виртуальных представлений способствовала их сохранению в культуре повседневности.

Сегодня, виртуалистика – дополнительный канал возможностей для креативного освоения мира т.к. объективно расширяет границы видения явлений мира природы. Это актуально для процедур, ориентированных на изучения живой природы, где выявление связей и взаимозависимостей имеет особое значение для естествознания, занятого уточнением картины мира.

Литература:

1 Акчурин И.А. Виртуальные миры и человеческое познание // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 9-29; Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского университета. 2002; № 1, С. 56 - 57; Нищитенко С.В. Виртуальная реальность как особый вид жизнедеятельности старшеклассника // Мир науки, культуры, образования 2018 № 2 (69); Воропаев М.В. Психология и педагогика виртуальных сред. Ростов-на-Дону, 2007; Носов Н.А. Виртуальная психология. Москва, 2000.

2. Баксанский О.Е. Виртуальная реальность и виртуализация реальности // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 292-305.

3. Асадуллин Э.Ф. Виртуальный подход в истории. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад., 2009. 124 с.

Виртуальное измерение «жизни» в небиологических системах

Урядов А.В.

Башкирский государственный университет, кафедра философии и политологии. Аспирант

intellectual.artemka@gmail.com

Аннотация: Развитие виртуальных технологий порождают качественно новые проблемы в философии, среди которых рассмотрение искусственного интеллекта, как «жизнь» в небиологической системе. В статье подвергнута анализу специфика «живых» систем биологической и искусственной, небиологической природы. В частности, рассматриваются автономность системы, эволюция, жизнь и смерть в биологических системах и их аналог для искусственного интеллекта. В работе были выявлены определенные параллели в функционировании биологических и небиологических «живых» систем. Так же, были предложены некие варианты взаимодействия человека и искусственного интеллекта, на основе анализа специфики, выше низанных, самоорганизующихся систем.

Ключевые слова: «живая» биологическая система, «живая» небиологическая система, искусственный интеллект, самоорганизация, автономная система.

Title Virtual measurement of “life” in non-biological systems.

Uryadov V. A.

BSU, faculty of philosophy and sociology

Abstract: The development of virtual technologies creates qualitatively new problems in philosophy, including the consideration of artificial intelligence as “life” in a non-biological system. The article analyzes the specifics of “living” systems of biological and artificial, non-biological nature. In particular, we consider system autonomy, evolution, life and death in biological systems and their analogs for artificial intelligence. Certain Parallels in the functioning of biological and non-biological “living” systems have been identified. Also, some variants of interaction between human and artificial intelligence were proposed, based on the analysis of the specifics of the above-described, self-organizing systems.

Keywords: “living” biological system, “live” non-biological system, artificial intelligence, self-organization, autonomous system.

Виртуальность, как качественно новая сфера, зарожденная сравнительно не давно, продолжает раскрывать свой потенциал. Существует множество предположений о будущем человека и зарождении искусственного интеллекта. Об их сотрудничестве, равном или подчиненном, и даже о вражде человека и «живой» технологии. Но пока человек не создал реальный искусственный интеллект, можно предполагать многое.

Тем не менее, развитие виртуальных технологий получают огромное финансирование, актуальность этого вопроса подогревает наш интерес к этой проблеме. Оптимизация многих процессов, направленных на качественное решение проблем, связанных с биологически обоснованными рамками человеческого, в итоге, порождает идеи о технологической сингулярности. Суть идеи заключена в неком симбиозе человеческого и его дитя – искусственного разума.

Таким образом, мы приходим к рождению новой проблемы – рассмотрение искусственного интеллекта, как «жизнь» в небиологической системе. Стоит проанализировать специфику «живой» биологической и не биологической системой, такой как искусственный интеллект.

В первую очередь, мы рассматриваем жизнь, как сложную саморазвивающуюся систему. Самоорганизация является важной спецификой жизни и определяет её суть, как мирового явления. Традиционная мудрость предполагает, что вещь жива, если она автономна, если она метаболизируется и если она воспроизводит себя. И. Кант видел разницу между машиной и организмом в том, что в машине части существуют друг с другом, но не друг для друга; Части организма работают вместе, и производят организм: каждая часть есть причина и следствие, и в этом смысле организм есть, по Канту [1], самоорганизующаяся сущность. Более современные определения придают свой собственный поворот этому основному шаблону. Л. Маргулис и Д. Саган [2] видят жизнь как то, что является аутопоэтической. От греческого “я ” (auto) и “делание” (poiein), аутопоэтическая жизнь постоянно производит себя, занимается самообслуживанием. С. Кауфман [2] определяет жизнь как эмерджентное свойство автокаталитического набора химических реакций, который самовоспроизводится и способен выполнять, по крайней мере, один термодинамический рабочий цикл. Д. Макфадден [2] считает жизнь “системой, которая использует внутренние квантовые [само]измерения для захвата низкоэнтропийных состояний, которые поддерживают состояние системы против термодинамического распада. В каждом из этих определений ключевым понятием является понятие самореференции. Жизнь считается чем-то особенным, чем-то, что сделано из неживых частей, но в целом каким-то образом сделано самим собой. Ключевые слова-” авто“, ”самовоспроизводство“,”самоизмерение “и” самовоспроизводство». И все они рефлексивны. Жизнь становится жизнью, делая что-то с собой.

Искусственный интеллект, как свойство интеллектуальных систем автономно выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека, также обладает своей спецификой. Идея заключается в том, что машина должна не просто, выполнять поставленные задачи, а делать это самостоятельно. Более того, зачади, которые человек планирует ставить перед искусственным интеллектом, различны и требуют разных решений. Следовательно, возникает необходимость в развитии, для эффективного решения задач. На данный момент, это свойство в полной мере, ещё не воссоздано человеком, в небиологической системе.

Ещё одним важным моментом является отсутствие единой системы, которая позволила бы программе быть универсальным в решении задач. На сегодняшний день, нейросети достигли больших успехов, в решении встающей перед ними задачи, даже весьма нетривиальной. Но при этом нейросеть, распознающая лица или картины, не способна решать задачи из совершенно другой области. В этом плане, уступающий в скорости обработки информации (100 метров в секунду, в отличии от типичного кабеля для локальных компьютерных сетей, где скорость сигнала составляет 67% световой — около 200 000 км/с), выигрывает в универсальности.

Так же стоит отметить, что существуют два подхода к разработке искусственного интеллекта: а) семиотический — создание экспериментальных систем, баз знаний систем логического ввода имитирующих высокоуровневые психические процессы : мышление, рассуждение, речь, эмоции, творчество и т. д.; б) биологический — изучение нейронных сетей и эволюционных вычислений, моделирующих интеллектуальное поведение на основе биологических элементов, а также создание соответствующих вычислительных систем, таких как нейрокомпьютер или биокомпьютер. Второй подход для нашего исследования представляет больший интерес.

Искусственный интеллект, обладающей системностью и способности к самоорганизации, автономному решению возникающих задач, самостоятельному поддержанию условий необходимых для продолжения деятельности, саморемонту возникающих ошибок и поломок, оценке эффективности того или иного решения, по сути обладает основными признаками «живой системы».

Специфика искусственного интеллекта, как «живой» системы. В первую очередь, это искусственная природа появления, в соответствии с определенными потребностями создателя – человека. Следовательно, развитие и использование преимуществ возможности машины, над человеческими. Основная задача создания искусственного интеллекта, это улучшение человеческой жизни, что во многом определяет специфику. Это не «жизнь», ради жизни, это инструмент, ради человеческой жизни. Ситуация была бы другой, если бы создание искусственного интеллекта, удовлетворяло бы потребность создания искусственной «жизни», как таковой. Давая тем самым человеку, мнить себя «богом».

Другим важным моментом является вопрос эволюции. Именно случайные мутации, которые, закрепляются, доказывая свою эффективность выживанием организма в конкретной среде – на основе естественного отбора, делают жизнь самоорганизующейся системой. Искусственный интеллект, по сути своей, так же может адаптироваться, под решение задач или изменение среды, путём случайных вариантов кода и закрепление, того варианта системы, которая доказала свою работоспособность.

Неизбежная смерть каждой рождённой особи, делает биологическую жизнь, такой, какая она есть. И речь не только о специфике и виде организации, но и об эффективности. Смерть естественный процесс, в результате которого молодое поколение сменяет место старого. Этот процесс повышает устойчивость и гибкость «живой» системы. Очевидно, проблема естественной смерти, не должна вставать перед искусственным интеллектом. Но необходимость обеспечения гибкость и обновления, для эффективной работы в изменяющейся среде - остаётся. В итоге мы должны получать схожу картину, а именно различие настоящей версии искусственного интеллекта, и предыдущих, в результате самоорга-

низации, и отбора эффективных решений, для изменяющейся среды. То есть для эффективного функционирования и человеку и машине приходится развиваться вместе со средой. В истории человека, к примеру, не сложно проследить, эволюционные культурные изменения, отличие предков и потомков, то же мы должны будем увидеть и в небиологической «живой» системе.

С другой стороны, эволюция всегда направлена вперёд, а программа в теории может возвращаться к прежним решениям, если они будут более эффективны в конкретной среде.

Подводя итоги, стоит отметить, что «живая» система, должна быть простроена в соответствии с основными законами нашего мира. К системе предъявляются определенные требования, вне зависимости от того, биологическая её природа или небиологическая (искусственная), и решение этих задач должны быть во многом схожи, несмотря на специфику природы «живой» системы.

Литература:

1. Кант И. Классические космогонические гипотезы. Сборник оригинальных работ. М.: Медиа, 2012. 163 с.
2. Scott M. Campbell and Paul W. Bruno The Science, Politics, and Ontology of Life-Philosophy. London: Bloomsbury, 2013. 305 p.

Психоз как виртуальная реальность. Оцифровка

Черносвитов Е.В.

Вице-президент Международной Славянской академии - отделения Великобритании и Ирландии. Доктор философских наук, доктор медицинских наук

chernosvitov@narod.ru

Аннотация: Психоз или психотическая реальность вот уже третий век описывается только клинически - синдромы, симптомы. Лечение, по сути, наугад. Шоки и нейролептики купируют психоз, заменяя его парциальным или тотальным слабоумием. Психотическая реальность выходит за пределы субъективной реальности в сон. Сон как субъективная реальность также рассматривается как аналог. Эта традиция утраивает субъективную реальность: 1) бодрствование (ясное сознание); 2) сон-бодрствование (сон наяву, грезы, просоночное состояние); 3) сон со сновидениями с дереализацией субъекта в пространстве и времени, но с сохранением «Я»: 4) сон с деперсонализацией и дереализацией – кома. Возникает вопрос: «К какой реальности относятся наши сны?» А, в конечном итоге, что за реальность – субъективная реальность (переживания во всей своей гамме, к примеру феноменологический ряд боли-тревоги-страха)? К примеру – экстаз, оргазм, агония, экзальтация. Особое место занимает мистифицируемая проблема *life after life* и *life after death*. Смерть – понятие асимметричное. Не осмыслена асимметрия обычного сна!

Ключевые слова: субъективная реальность, психотическая реальность, кома, асимметрия смерти.

Psychosis as a virtual reality. Digitization.

Chernosvitov E.V.

Vice-President of the International Slavic Academy - branches of the UK and Ireland.

Abstract: For the third century, psychosis or psychotic reality has been described only clinically - syndromes, symptoms. The treatment is essentially random. Shocks and antipsychotics stop psychosis replacing it with partial or total dementia. Psychotic reality transcends subjective reality into sleep. Sleep as a subjective reality is also regarded as an analogue. This tradition triples subjective reality: 1) wakefulness (clear consciousness); 2) sleep-wakefulness (waking dream, daydreaming, sleeping state); 3) a dream with dreams with derealization of the subject in space and time, but with the preservation of "I": 4) a dream with depersonalization and derealization - coma. The question arises: "What reality do our dreams relate to?" And, ultimately, what kind of reality is subjective reality (experiences in its entire gamut, for example, the phenomenological series of pain-anxiety-fear)? For example - ecstasy, orgasm, agony, exaltation. The mystified problem of life after life and life after death occupies a special place. Death is an asymmetric concept. The asymmetry of ordinary sleep is not understood!

Keywords: subjective reality, psychotic reality, coma, asymmetry of death.

Психоз или психотическая реальность вот уже третий век описывается только клинически - синдромы, симптомы. Лечение, по сути, наугад. Шоки и нейролептики купируют психоз, заменяя его парциальным или тотальным слабоумием. Психотическая реальность выходит за пределы субъективной реальности в сон. Сон как субъективная реальность также рассматривается как аналог. Эта традиция утраивает субъективную реальность: 1) бодрствование (ясное сознание); 2) сон-бодрствование (сон наяву, грезы, просоночное состояние); 3) сон со сновидениями с дереализацией субъекта в пространстве и времени, но с сохранением «Я»: 4) сон с деперсонализацией и дереализацией – кома. Возникает вопрос: «К какой реальности относятся наши сны?». В конечном итоге, что за реальность – субъективная реальность (переживания во всей своей гамме, к примеру феноменологический ряд боли-тревоги-страха)? К примеру – экстаз, оргазм, агония, экзальтация. Могу привести примеры клинического наблюдение над агонирующими с Чейн-Стоксовом дыхании (необратимый процесс). Особое место занимает мистифицируемая проблема *life after life* и *life after death* (у меня собственный опыт наблюдения – три клинических смерти). Здесь только скажу, что смерть – понятие асимметричное. Не осмыслена разница умирания на правом и левом боку. К тому же, еще не осмыслена асимметрия обычного сна!

В настоящее время предполагаю, что есть возможность оцифровки психоза. Клиническая практика - это рассмотрение психотической реальности как аналога. Оцифровка психоза, в том числе и психоти-

ческой реальности, в которой происходит расщепление «Я» (дереализация + деперсонализация) - это перевод аналога в цифру. Тогда лечение будет кодированием-раскодированием. Здесь следует заметить, что при аутентичных психозах (шизофрении, маниакально-депрессивном психозе, реактивном психозе и даже при сенильном психозе объективного, мозгового и эндокринологического субстратов нет).

Ясное сознание (как быть с феноменом бреда при ясном сознании? Вопрос до сих пор открытый!) – сон со сновидениями и без, кома, субъективная реальность при очаговых поражениях мозга, – всё это суть виртуальная реальность с разными кодами.

В настоящее время есть два метода, не противоречащие строгой науке. Это вычисление функциональной асимметрии человека (а не мозга!). Лента Мебиуса. В первом варианте речь идёт о количестве сознания (субъективной реальности). Во втором случае речь идет о механизме сознания.

Функциональная асимметрия мозга и человека хорошо изучена советским-русским психиатром Тамарой Амплиевной Доброхотовой [1]. Особенно ценны её наблюдения за изменением функциональной асимметрии при очаговых поражениях мозга. Нами описано изменение функциональной асимметрии в возрастном аспекте с выводами возможности исчисления (формулы) возраста смерти. Асимметрия смерти — это смерть в правополушарной и в левополушарной реальности. По нашим наблюдениям смерти амбидекстра нет. Опять же, даже феноменология право-полушарного и лево-полушарного сознания нет. А клинически хорошо изучены феномены, к примеру, апракто-агностического синдрома («Апрактоагнозия — синдром, характеризующийся нарушением пространственного восприятия совместно с нарушениями пространственно-организованной деятельности и возникающий при поражении теменно-затылочной области как доминантного (левого у правшей), так и субдоминантного (правого у правшей) полушария головного мозга. Апрактоагнозия является сочетанием двигательных расстройств (апраксии) и зрительно-пространственных нарушений (агнозии)» (Википедия).

Екатерина Самойлова описала случай длительного амбулаторного автоматизма у практически здорового мужчины 35 лет (наблюдение мое) [2], [3]. В Википедии читаем: «Автоматизм амбулаторный (лат. ambulo прогуливаться) — помрачение сознания без бреда, галлюцинаций или выраженных аффективных расстройств, проявляющееся длительным непроизвольным блужданием с упорядоченным поведением, выполнением сложных действий и последующей амнезией; наблюдается гл. обр. при эпилепсии». Отнюдь. Развернутый амбулаторный автоматизм – явление «здорового мозга» И, вероятнее всего, феномен субъективной реальности. Казус мой…

Ле́нта Мёбиуса (лист Мёбиуса, петля́ Мёбиуса) — топологический объект, простейшая не ориентируемая поверхность с краем, односторонняя при вложении в обычное трёхмерное евклидово пространство…

Михаил Юрьевич Лермонтов, как никто иной (Льюис Кэрролл – 1865 г., да и Август Фердинанд Мёбиусом и Иоганн Бенедикт Листинг – 1858 г.) показал «механизм» «тройного» сна в одной плоскости. Читай «В полдневный жар в долине Дагестана» (1841 г.). Кстати, герои лермонтовского сна попадают под формулу Кэрролла: «Если б он не видел тебя во сне, где бы, интересно, ты была? - Там, где я и есть, конечно, - сказала Алиса. ... Ты просто снишься ему во сне. - Если этот вот Король вдруг проснется, - подтвердил Труляля, - ты сразу же - фьють! - потухнешь, как свеча!» (Алиса в стране чудес) [4, с. 35].

Мы знаем субъективную реальность свою только через слово. Сновидения «печатаются» прежде, чем мы их видим. Точно также мы знаем субъективную реальность другого (других) человека через слово. А, вот что «между молчанием и речью» (Марина Цветаева «Куст») – мы не знаем. «Искусственный интеллект» – это прежде всего возможность оцифровать субъективную реальность (во всех ее, вышеназванных «формах»), пока что человечеством недостигнутая. Я уверен, что начало должно быть положено оцифровкой психотической реальности. И, прежде всего – с самого сложного и яркого синдрома Ви́ктора Хриса́нфовича Канди́нского- Гаэта́н Анри́ Альфре́д Эдуа́р Лео́н Мари́ Гасья́н де Клерамбо́. Интересно проанализировать симптомы синдрома психического автоматизма и картины двоюродного брата Виктора Хрисановича – Василия Васильевича Кандинского!!! Это – первый этап оцифровки!

От психотической реальности легче избавиться, просто не принимать её во внимание. Как, вместо субъективной реальности проще говорить о душе (духе?). Особенно наглядно такая неразбериха возникает, когда клиника психоза дает такой феномен, как «ясное сознание при бреде». Или, что ещё сложнее, есть ли в коме психическая жизнь? Зная при это, что психическая жизнь не может быть без субъекта сознания, а, значит, без противостояния «Я» - «не-Я» (Я – ты). Жонглирование феноменами «Я» «не-Я» просматривается через всю историю философии и доведено до нелепости у Давида Юма, у которого «Я» есть не более, чем «bundle or colltction». Фихте довел до примитивизации субъективной реальности. У Фихте «Я есмь Я» - тавтология! Оставим в стороне экзистенциалистов, ибо, это уведет нас далеко в сторону.

Вот конкретный вопрос: «Есть ли в коме психическая жизнь?». Вопрос с точки зрения клинициста просто неграмотный, ибо кома – понятие, исключающее психическую жизнь! Не знание клиники, не понимание того, что сопор не кома и даже не стадия комы, уводит в абсурдную бесконечность (дурную бесконечность, по Гегелю). С самим понятием «кома» не всё в порядке! Так, нелепо утверждается в разных современных источниках (не стоит их приводить), что больной может годами пребывать в коме, а потом выйти, как ни в чём не бывало, с ясным сознанием в белый свет. Но, заглянуть надо в учебник по нейропсихологии, чтобы узнать, что кома может быть не больше 3-4 недель. Дальше идет умирание мозга и возвращение возможно лишь в качестве растения! Так называема «искусственная кома» есть не кома, а глубокий сон! В это же ряду неразберихи находится и так называемая «life after life»! Клиническая смерть не смерть в точном смысле слова, ибо умирающий не проходит стадию агонии! Агонирующий никогда не окажется в состоянии «life after life»!

В заключении хочу рассказать, не называя источники, знаю не понаслышке, как цифруют агонию в двух странах вот уже больше четверти века! Агония – это безвозвратный уход в мир иной! Но, при этом, человек до конца не теряет своё «Я»!!! Значит так: прикрепляются передатчики к голосовым связкам и, умирающий, умирая, продолжает говорить! Кстати, мой друг, известный австралийский музыкант, чья музыка звучит во многих фильмах, в то числе в «Безумном Максе» - Чарли Мак-Магон - также имеет прикрепление к своим голосовым связках. Благодаря этому его диджерида + обыкновенный мотоцикл звучат, как симфонический оркестр, а его «шёпот» - как разноголосый хор.

Литература:

1. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 1988. 240 с.
2. Самойлова Е.А., Черносвитов Е.В. Общая психопатология. Т. 1. Изд. 3. М.: Издательские решения, 2016. 476 с.
3. Самойлова Е.А., Черносвитов Е.В. Общая психопатология. Т. 2. Изд. 3. М.: Издательские решения, 2016. 483 с.
4. Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1978. 360 с.

Ментальные образы и их роль в креативном мышлении

Князева Е.Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор. Доктор философских наук

helena_knyazeva@mail.ru

Аннотация: Проблема ментальных образов (mental imagery) на протяжении последних десятилетий активно обсуждается в когнитивной науке, философии сознания и эпистемологии. Ментальные образы связаны с работой продуктивного воображения, креативного мышления. Они могут рассматриваться также как катализаторы для порождения новых смыслов, ключевыми исходными пунктами для выдвижения новых идей в науке и культуре. Как правило, выделяют следующие особенности ментальных образов. 1) Это квази-перцептивный опыт сознания, они похожи на опыт восприятия, но возникают при отсутствии соответствующего внешнего стимула. 2) В уме создается живая, похожая на картинку, гипотетическая репрезентация. 3) Может возникать гипотетическая внутренняя репрезентация любого рода, не только визуальная, т.е. ментальные образы могут быть не только зрительными, но и звуковыми, кинестетическими (моторными), осязательными (прикосновения) и т.п. Одни образы могут быть сцеплены с другими, т.е. возникать синестезия чувств, которая присуща одаренным людям. Как продукт сознания, ментальные образы обладают интенциональностью, они всегда направлены на что-то и являются образами чего-то. Ментальные образы могут предвосхищать события, представлять, что желаемое достигнуто, или же выявлять страхи, опасения, риски, т.е. апробировать различные возможности хода будущих событий. Ментальные образы обеспечивают, кроме того, семантическую основу для языка. Наиболее интересным представляются исследования, как ментальные образы связаны с креативным мышлением, с работой творческого воображения и с изобретательными способностями человеческого интеллекта. Даже если судить по самому термину «ментальный образ» или “mental imagery”, становится ясным, что речь идет о таких продуктах человеческого сознания, в которых соединены, сплавлены, переплетены чувства и разум, образ и его понимание, интерпретация, т.е. интегрально представлены ментальные, умственные и перцептивные, чувственные компоненты. Это имеет особую значимость в связи с пониманием природы творчества, креативности человека, поскольку новое знание в науке, догадки и гипотезы строятся через первоначально возникающие мысле-образы, посредством работы визуального мышления, которая затем дополняется кропотливым трудом по вписыванию нового знания в структуры имеющихся теорий или построению новых теоретических конструктов.

Ключевые слова: визуальное мышление, воображение, когнитивная сложность, креативное мышление, ментальные образы, семиотика, смысл.

Mental Imagery and Their Role in Creative Thinking.

Knyazeva Helena

National Research University Higher School of Economics

Abstract: The problem of mental images (mental imagery) has been actively discussed over the past decades in cognitive science, philosophy of mind, and epistemology. Mental images are associated with the work of productive imagination, and creative thinking. They can also be considered as catalysts for generating new meanings, as key starting points for putting forward new ideas and trends in science and culture. As a rule, the following features of mental images are distinguished. 1) This is a quasi-perceptual experience of consciousness, mental images are similar to the experience of perception, but they arise in the absence of an intermediate external stimulus. 2) A vivid hypothetical representation is created in the mind, similar to a certain picture. 3) A hypothetical internal representation of any kind may arise, i.e. mental images can be not only visual, but also sound, kinesthetic (motor), tactile (touch), etc. Some images can be

closely linked to others, i.e. there is a synesthesia of feelings that is inherent in gifted people. As a product of consciousness, mental images are intentional, they are always directed at something and are images of something. Mental images can anticipate events, imagine that the desired is achieved, or reveal fears, risks, i.e. to test various possibilities of the course of future events. Mental images also provide a semantic basis for language. The most interesting are to study how mental images are associated with creative thinking, with the work of productive imagination and with the inventive abilities of human intelligence. Even judging by the very term “mental image” or “mental imagery”, it becomes clear that we are talking about such products of the human consciousness in which feelings and reason are connected, fused, intertwined, the image and its understanding, interpretation, i.e. the mental and the perceptual, sensory components are integrally represented. This is of particular significance in connection with an understanding of the nature of human creativity, since new knowledge in science, guesses and hypotheses are built through initially arising thought-images, through the work of visual thinking, which is then supplemented by painstaking work to enter new knowledge into the structures of existing theories or building new theoretical constructs.

Keywords: visual thinking, imagination, cognitive complexity, creative thinking, mental imagery, semiotics, meaning.

Визуальная семиотика протеста

Кнэхт Н.П.

Национальный исследовательский университет МИЭТ (Московский институт электронной техники), доцент. Кандидат философских наук

nataknekht@gmail.com

Аннотация: Наступление цифровой эпохи характеризуется взаимодействием человека с новой средой – воображаемой, эфемерной, символической. Искусство, литература, политика приобретают форму перформанса. В докладе предлагается понять сложную конфигурацию общественных и культурных процессов в сегодняшней России через обращение к лозунгам, растяжкам, ленточкам и даже одежде протестующих. Изменение отношения к атрибутике протестного движения свидетельствует о готовности протестующих через содержание лозунгов, которые содержат «сильные» высказывания, показать свою политическую позицию. В докладе будет рассмотрено протестное движение в социокультурном контексте, т.е. как поле коммуникации, главным актором которого является не только низовая Россия, но и образованная часть общества, и значительная часть тех, кто называет себя «рассерженными горожанами», «оппозицией». Предпринимается попытка объяснить, как связано пространство действия и язык, как складываются общие коды протестного движения, на примерах из политической и культурной истории постперестроечной России.

Ключевые слова: перформанс, атрибутика и коды протеста, пространство коммуникации, постперестроечная Россия

Visual semiotics of protest.

Knekht N.P.

National Research University Moscow Institute of Electronic Technology

Abstract: The coming of the digital age is characterized by human interaction with a new environment – imaginary, ephemeral, symbolic. Art, literature, and politics take the form of performance. The report proposes to understand the complex configuration of social and cultural processes in today’s Russia by referring to slogans, banners, ribbons, and even clothing of protesters. The change in attitude to the attributes of the protest movement indicates that the protesters are ready to show their political position through the content of slogans containing “strong” statements. The report will examine the protest movement in a socio-cultural context, i.e. as a field of communication, the main actor of which is not only the grassroots Russia, but also the educated part of society, and a significant part of those who call themselves “angry citizens”, “opposition”. An attempt is made to explain via examples from the political and cultural history of post-perestroika Russia how the space of action and the language are connected, how common codes of the protest movement are formed.

Keywords: performance, attributes and protest codes, communication space, post-perestroika Russia

Наступление цифровой эпохи характеризуется взаимодействием человека с новой средой – воображаемой, эфемерной, символической. Медиальность становится областью существования современных субъективностей, что рождает новые отношения между человеческим телом, сознанием и режимом смотрения, когда исчезает разграничение между он- и офлайновыми мирами [1]. Режим неразличения распространяется на все сферы деятельности – экономику, политику, сексуальность. Искусство, литература, политика приобретают форму перформанса. Политика эстетизируется, превращается в зрелище, тем самым утрачивает свое классическое значение [2].

Наиболее заметны перформативные сдвиги в актуальном искусстве, кинематографе, уличном акционизме, в протестном движении. Так, например, авторское кино как тип конвенциального высказывания, через сложное конструирование «воображаемого мира», в своей структуре содержит два элемента: перформативность и коммуникативность. Эти две составляющие смысла конвенциального

высказывания могут смещаться в различные периоды российской истории. Литература, актуальное искусство, кинематограф отражает эти сдвиги, которые происходят на глубинном, социокультурном уровне. Подобные сдвиги произошли в советском авторитетном дискурсе. В последние десятилетия советской истории перформативная составляющая смысла официального дискурса власти становилась все важнее, а констатирующая составляющая становилась все неопределенней, открываясь для новых, ранее непредсказуемых интерпретаций [3]. Этот перформативный сдвиг открыл возможность для возникновения в советской повседневности большого числа новых, неожиданных смыслов, способов существования, видов субъективности, форм социальности и типов отношений [4].

Как это стало возможным? Объяснение можно найти, если обратиться к теории речевых актов Джона Остина [5], в которой рассматривается понятие перформативности. Далее, в своих работах Джудит Батлер [6] применяет это понятие к телесным актам, подчеркивая перформативный характер идентичности, проявляющийся в процессе воплощения культурных и исторических возможностей. Позже Эрика Фишер-Лихте [7] обращает внимание на то, что перформативные акты дают возможность разрушать сложившиеся стереотипы: с одной стороны, общество задает рамки для конструирования идентичностей, но, с другой стороны, перформативные акты позволяют человеку выражать себя, пусть даже и путем нарушения общепринятых норм. Таким образом, можно увидеть, что снимается мнимое различие между перформативностью как свойством речевых актов и перформансом как драматической репрезентацией социальной реальности через действие в спектакле, литературном и киноповествовании, политическом акционизме.

Понять сложную конфигурацию общественных и культурных процессов в сегодняшней России в отсутствие внятных доктрин идеологии и политики мы попытаемся через обращение к лозунгам, растяжкам, ленточкам и даже одежде протестующих. Изменение отношения к атрибутике протестного движения свидетельствует о готовности протестующих взять на себя дополнительный риск, а также через содержание лозунгов, которые включают в себя «сильные» высказывания, показать свою политическую позицию [8].

Девушки в балаклавах и в костюмах ядовито-кислотного цвета врываются в храм Христа Спасителя, подходят к алтарю и проводят «панк-молебен», включив звукозаписывающую аппаратуру и выкрикивая оскорбления в адрес священнослужителей и верующих. Участницы группы «Pussy Riot» своим символическим, ненасильственным действием пытались привлечь внимание к критике власти. Однако судебно-карательная машина ответила практикой насильственного физического действия на действие символическое. Если прослушать их «панк-молебен», выдержанный в стиле молодежных христианских шоу-мероприятий, то эта социально-художественная акция соответствует особенности храмового пространства больше, чем любая проповедь насилия [9].

После дела «Pussy Riot», протестного движения «Идущие вместе», «Наши», преследования Седьмой студии, скандальной истории с фильмом «Матильда» и оперой «Тангейзер» появляются новые способы описания дискурсов насилия, указывающие на новую логику политизации тела и контроля, новый биополитический режим.

Рассмотрим протестное движение в социокультурном контексте, т. е. как поле коммуникации, главными акторами которого, безусловно, являются сообщества, группы, отдельные участники (индивиды). Это не только простонародная, низовая Россия, но и образованная часть общества, и значительная часть тех, кто называет себя «протестным движением», «рассерженными горожанами», «оппозицией». Попытаемся объяснить, как связано пространство действия и язык, как складывается метафорика, оптика и общие коды протестного движения. Рассмотрим на примерах из политической и культурной истории постперестроечной России, как менялось содержание лозунгов массовых демонстраций и шествий с начала перестройки и до сегодняшних дней.

В феврале 1989 г. произошла внушительная по числу участников разрешенная демонстрация по Садовому кольцу, смысл которой сейчас нам понятен: новому лидеру – Михаилу Горбачеву – необходимо было показать тогдашней партийной верхушке, что советская власть исчерпала свои ресурсы, что народ ждет перемен и готов к действиям. Вдоль Садового кольца стояли грузовики, перекрывшие вход в улицы, были мобилизованы солдаты внутренних войск с оружием, которые, впрочем, позволяли с ними фотографироваться. Лозунги той демонстрации были вполне допустимыми (и даже с юмором): «Меняю политбюро на круглый стол из чешского гарнитура», «Землю – крестьянам, заводы – рабочим, коммунизм – коммунистам».

В 2011 г. на демонстрацию вышло несколько десятков тысяч москвичей, которые требовали от властей не фальсифицировать результаты тогдашних выборов в Госдуму. Вместо лозунгов многие демонстранты нацепили белые ленточки в знак сопротивления беззаконию, пусть даже пассивному. За восемь постперестроечных лет поддерживающие государственную власть сырьевые олигархи, госслужащие, военная и тюремная силы сформировали целую армию охранников, телохранителей, чоповцев и пр. Если в 1989 г. на Садовое кольцо вышло 200 тыс. человек, то летом 2019 г. на проспект Сахарова и улицу Маши Порываевой только 22 тыс. человек. Казалось бы, для многомиллионного города Москвы это маловато. Однако готовность людей выйти на несанкционированный митинг существенно возросла, правда, росгвардейцы, охранявшие Москву от демонстрантов, были куда агрессивнее и злее, чем советские солдаты февральской демонстрации 1989 г., да и лозунги сегодня уже совсем другие, более радикальные.

«Я имею право на выбор!», «Правительство в отставку! Только так спасем Россию», «Давайте дружить хорошими депутатами», «Я имею право на своего кандидата», «Я хочу офигенную страну, а не офигевшую власть», «Допускай!», «Власть! Хватит на нас класть!», «Москвичи не олени!» и даже цитата из Книги пророка Исайи: «Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут извращенные решения, чтобы устранить бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа моего» [10].

Были лозунги очень простые и наивные: «Я имею право на выбор», были и такие, которые кажутся не очень искренними и даже хулиганскими: «Я в бешенстве!» – юноша распластался на асфальте и рядом с текстом лозунга, помещенном на грудь, нацарапал нецензурное слово. Был и лозунг с двойным смыслом: «Хватит нам врать», т. е. это мы сами себе врем и, следовательно, хватит уж нам самим себе-то врать. Этот второй смысл не все могут вычитать, но речь идет о том, что люди уже «наелись» вторичными медийными продуктами, но это не значит, что справедливая и благополучная жизнь наступит уже скоро и сразу. Нужна политическая зрелость и готовность к новому политическому языку.

Власть ответила протестующим своими контрлозунгами: на третий день Успенского поста решила побаловать горожан (как детей малых) мясом, (лишь бы в центр гулять не ходили), анонсировав акцию девизом: «Шашлык – чистый пикник!» и лозунгами: «Шаурма да шашлык – прикуси язык!», «Мангал чистых желаний».

Выбранные примеры, несмотря на их специфичность, указывают на некую общую тенденцию – распространение социальных движений, для осмысления которых требуется перестройка самого гуманитарного знания.

Литература

1. Струков В. Медийные миры Владимира Сорокина // «Это просто буквы на бумаге…» Владимир Сорокин: после литературы / Под ред. У. Добренко, И. Калинина, М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С.279-312.
2. Ямпольский М. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. М.: Новое издательство, 2018. 198 с.
3. Ганжа А. «Верьте, братцы, живем не напрасно»: мир животных в позднесоветской культуре // Социология власти. 2019. №31(3). С.119-139.
4. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ.; 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 664 с.
5. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное / Пер. с англ.
6. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13-138.
7. Батлер Д. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Изд.: Ad Marginem x Garage, 2018. 248 с.
8. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. М.: Международное театральное агенство «Play&Play», Канон +, 2015. 376 с.
9. Петровская Е. Возмущение знака. О перформативе, лозунгах и Ленине // Возмущение знака. Культура против трансценденции. М.: Common place, 2019. 288 с.
10. Гусейнов Г. Кондурация, или как понимать дело Pussy Riot // Логос. 2012. №1(95). С.4-13.
11. Ветхий *завет: Книга Пророка Исайи: Глава 10* / Патриархия.ru *[http://www.patriarchia.ru/bible/isa/10]*

*РФК-2020_329_*
Круглый стол «Философия границы»

Границы, безграничность или коммуникативные тупики современного мира

Бабаева Анна Владимировна

Воронежский государственный университет инженерных технологий, доктор философских наук

annabab1@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются последствия аксиологических трансформаций в современном мире. Подчеркиваются бинарные особенности русского человека в отношении к границам. С одной стороны, растворимость личности в социокультурной группе и стремление «быть как все», с другой стороны, стремление на волю, к абсолютной свободе, за все существующие ограничения. В современном обществе формируется вера в то, что информационная культура помогает снять «покров тайны» с мира, освободить людей от вражды и непонимания. Данная вера позволила сформировать ряд иллюзий, таких как «прозрачности» границ, свобода человека в современном обществе. Проводится анализ парадоксов современности, таких как социальное одиночество в процессе тотального общения, не умение решать конфликтные ситуации, алогичность и эмоциональная глухота. Особое внимание уделяется проблеме потери смыслов в современном российском обществе.

Ключевые слова: аксиология, граница, коммуникация, слово, русская культура, человек

Confines, boundlessness, or communicative stalemate ends of the modern world.

Babaeva Anna V.

Voronezh State University of Engineering Technologies

The consequences of axiological transformations in the modern world are considered. The author emphasizes the binary features of the Russian person in relation to borders. On the one hand, the solubility of the individual in the socio-cultural group and the desire to «be like everyone else», on the other hand, the desire for freedom, for absolute freedom, for all existing restrictions. In modern society, a belief is formed that information culture helps to remove the «veil of mystery» from the world, to free people from hostility and misunderstanding. This belief allowed us to create a number of illusions such as the «transparency» of borders, the freedom of man in modern society. The author analyzes the paradoxes of modernity, such as social loneliness in the process of total communication, lack of ability to solve conflict situations, illogicality and emotional deafness. Special attention is paid to the problem of loss of meaning in modern Russian society.

Keyworde: axiology, border, communication, word, Russian culture, man

В российском обществе достаточно долго существовали жесткие границы во всех сферах жизни. Привычка к подчинению старшим, подавлению индивидуального начала, растворимость личности в социокультурной группе – все это длительное время господствовало в аксиологической системе русского человека. И так же долго существовало представление, что как только «Оковы тяжкие падут... Темницы рухнут — и свобода Вас примет радостно у входа...» [4]. Именно стремление к свободе, вернее в русской традиции – на волю, пронизывало жизнедеятельность не только творческих личностей, но и обычного русского человека. Такие взгляды нашли свое выражение в русском народном фольклоре: «цвет в поле – человек на воле», «неволя пляшет, неволя песни поет, а воля спать не дает».

Не случайно русские мыслители начала XX века подчеркивали, что «Россия – страна скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы»[1, с. 303].

С другой стороны, стремление на волю, выражалось и в поиске возможных путей освобождения всех людей на земле от несправедливости. Поэтому на рубеже XIX-XX веков так актуальны были идеи «свободного народного сообщества» утверждающие любовное сотрудничество всех. В. Соловьев создал идеал «христианской семьи народов», подчеркивая, что Россия должна была стремиться к утверждению «вселенского братства». [6, с. 68]

В конце XX века сформировалось представление, что границы рухнули и мир стал «прозрачным».

В современном обществе формируется вера в то, что информационная культура помогает снять «покров тайны» с мира, освободить людей от вражды и непонимания. Действительно, на первый взгляд мы оказались в блестящем мире с

прозрачными границами. Киберпространство освобождает человека от многих ограничений, присущих личному общению. Границы, время, расстояния все стало относительным.

Иллюзия освобождения от границ связана с возрастанием внешнего блеска. Современный мир становится глянцевым. «Все в этом современном мире прозрачно, ясно, освещено, расположено на одной плоскости» [5, с. 217]. Внешний блеск вытесняет сущности, уже не важно быть, нужно казаться. Карнавал аватаров, ников не просто скрывает особенности человека, он разрушает привычные принципы процесса идентификации. Иллюзия разрушения границ делает поверхностным и процесс мышления. В мире быстро изменяющихся событий время на размышление становится роскошью. Современный мир «фактически налагает запрет на акты промысливания» [7, с. 149].

Освобождение от границ связывают и с увеличением роли онлайн-общения для современного человека. Мы все время включены в общение, причем все чаще в виртуальное общение. И рождается еще одна иллюзия, что наши «друзья» нас понимают, границы непонимания исчезли вместе с другими видами границ. А если нет понимания, то это проблемы «другого», а не наши. В итоге, онлайн-общение сформировало специфическую черту современного человека – не умение решать конфликты. В виртуальном общении намного экономичнее не пытаться понять, почему возникло то или иное разногласие, а проще – удалить в «черный список». И рождается парадоксальное явление: в мире бесконечного общения, мы оказываемся в системе «слабых связей» и в результате растет «социальное одиночество».

Искажения в процессе понимания породили тотальное «размывание» смыслов слов. Мы перестали реагировать на глупость, нарушение логики, бессмыслицу. Нас не удивляют нелепые сокращения, названия, которые не просто не отражают сути, а аномальны. Например: салон красоты «Страшная сила», леденцы «малина со вкусом черешни», курьерская служба «Черепаха», книга с названием «Итальянский без слов» и т.п. Мы всего этого уже не замечаем, как не замечаем коммуникативных тупиков, в которых оказались. «Эра пустоты», знающая лишь изменения в пустоте, без сопротивления, без содержательности – совершенно заурядно форма порождает форму, форма отсылает к форме, не замечая никаких содержаний, никаких фюзисов» [7, с. 23].

В современном мире тотальная «игра в бисер» размыло понимание не только Другого, но зачастую и себя. На смену мира слов-мыслей приходит мир знаков-картинок. Смайлик поставить проще, чем найти адекватное слово, которое отражает понимание. Философский текст в комиксах пролистать легче, чем прочитать авторский текст, который требует делать это неторопливо, вдумчиво. Опыт работы со словом при чтении мы заменяем поверхностным просмотром-пролистовавнием текстов. Обсуждение текстов, идей, оценка информации заменяются отметкой в бинарной системе «нравится-не нравится» или каким-либо смайликом... Вопрос: «почему?» даже не возникает, т.к. он связан с работой мысли.

Начало XXI века не просто изменились основы понимания, но само со-бытие потерялось в гамоне звуков. Как отмечал У. Эко прелесть шума в том, что чем больше его производится, тем меньше он связан с самим событием, его спровоцировавшим. Если раньше о недозволенном молчали, то сейчас его просто забалтывают.

Современный человек не может быть в тишине, ему необходим фон звуков. Стало уже нормой слушать музыку или что-то записанное на плеере, звучащее по радио во время работы, чтения, при разговоре. Приходя домой современный человек сразу включает телевизор не для того, что бы что-то посмотреть, узнать важные новости или прогноз погоды, а для фона без которого уже немыслимо существовать. Море звуков как волны накрыли современного «глобального» человека. Мы говорим, болтаем, вступаем в коммуникации и перестаем замечать, что смысл исчезает, «размывается» тотальным говорением. Слово как разменная монета теряет ценность и свою значимость. Во многом это происходит в том числе и потому, что мы перестали слушать и слышать.

Молчание, тишина, которую требует осмысление, процесс понимания, в современном мире становятся анахронизмом, который вызывает страх. В настоящее время происходит тотальное сужение зон, лакун, пространств «тиши раз-личия». При этом многократно возрастают шумы, в которых много слов и звуков, а язык молчит. Когда все говорят, все «пропускается мимо ушей». «Язык растолкали в звуки ... приводя бывшую действительность к иллюзии формы и ничтожеству содержания» [8, с. 33].

Русская культура прошла извилистый путь от «мастеров слова» до господства «словесной шелухи».

Мир превратился в огромную игровую площадку, где все и вся приобретает черты игры. «Игровые формы обнаруживаются в самой серьезной человеческой деятельности: в культе, правосудии, социальном поведении, где напрямую говорят о ролевой игре, и т.д.»[3, С.155-163]. Онтологические основания жизни, которые долге время оставались координатами жизнедеятельности, теряются, тонут в мире безграничной и бесконечной игры.

И оказалось, что человеку важно иметь границы. ... Человек пребывает внутри своего мира, ограничивает его собой. Поэтому «субъект не принадлежит миру, представляет собой некую границу мира». [2, с. 56.] Границы мира оказываются условиями существования личности. Человеку свойственно все систематизировать, обобщать, ограничивать. Вместе с тем нам хочется ломать ограничения. Оригинальная мысль всегда рождается, когда выходит за... Но что бы выйти за надо иметь то, что нужно ломать.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Сборник статей (1914 - 1917) М. : Сов. писатель, 1990. - 346 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994.- 612 с.
3. Гадамер Г.Г. Игра искусства // Вопросы философии. М., 2006. No8. С.164-168. Вступительная статья: Крутоус В.П., Явецкий А.В. Введение к статье Г.-Г. Гадамера «Игра искусства» // Вопросы философии. М., 2006. No8.
4. Пушкин А.С. во глубине Сибирских руд /А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962.
5. Сергев А.М., Соколов Б.Г. Разрыв повседневности: диалог диной в 300 чашек кофе и 3 блока сигарет – СПб.: Алетея, 2015.-257 с.
6. Соловьев В.С. Смысл любви. Избранные произведения – М.: Современник, 1991.-524 с.
7. Сухачев В.Ю. «Несвоевременная» философия. – СПб.: из-во СПбГУ, 2014- 191 с.
8. Флоренский П.А. Имена/ Малое собр. соч. Вып.1. Имена. - М.: Купина, 1993. - 319 с.

Границы понимания Другого (Иного): на основании анализа концепта дикости и мыслеобраза дикаря

Воронов Василий Михайлович

ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» (Мурманск, Россия). Кандидат философских наук, доцент кафедры Философии, социальных наук и права социального обеспечения

Voronov.mspu@rambler.ru

В тезисах представлены краткие авторские размышления о проблеме границ и ограничений в деле понимания Другого (Иного) через обращение к концепту дикости и мыслеобразу дикаря, которые интерпретируется в качестве интерсубъективных ментальных шаблонов. Подобные ментальные шаблоны во многом и организуют наш опыт взаимодействия с Другим (Иным) и форматируют наши представления. Автор подчёркивает, что подобные интерсубъективные шаблоны позволяют как понимать Другого, так и не понимать его. Выделяются четыре смысловые грани мыслеобраза дикаря и связанного с ним концепта дикости: 1. Дикарь – это тот, кто ближе к животному, чем к человеку; 2. Дикарь – это тот, кто нуждается в окультуривании, помощи и заботе; 3. Благородный дикарь – это тот, кто свободен от пороков цивилизованного мира и обладает редкими добродетелями; 4. Дикость – это то, что находится внутри человека и может проявиться в феномене одичания.

Ключевые слова. Понимание, непонимание, граница, интерсубъективность, шаблоны понимания, дикость, дикарь, благородный дикарь, образ дикаря, одичание.

The boundaries of understanding the Other (Other): based on the analysis of the concept of savagery and the mental image of the savage.

Voronov Vasiliy M.

Murmansk Arctic State University Murmansk, Russia: Department of Philosophy, Social Sciences and Social security law

The theses present brief author's reflections on the problem of boundaries and limitations in understanding the Other (Other) through an appeal to the concept of savagery and the mental image of the savage, which are interpreted as intersubjective mental patterns. Such mental templates largely organize our experience of interacting with the Other (Other) and format our ideas. The author emphasizes that such intersubjective patterns allow both to understand the Other and not to understand him. There are four semantic facets of the thought image of the savage and the concept of savagery associated with it: 1. A savage is one who is closer to an animal than to a man; 2. A savage is one who is in need of improvement and assistance and care; 3. A noble savage is one who is free from the vices of the civilized world and possesses rare virtues; 4. Savagery is something that is inside a person and can be manifested in the process of savagery of «civilized» man.

Keywords. Understanding, misunderstanding, border, intersubjectivity, patterns of understanding, savagery, savage, noble savage, savage image, process of savagery.

Понимание является ключевым феноменом (экзистенциалом) конституирующим человеческое существование. Тот, кто не понимает, не может поступать и действовать, а способен только тем или иным образом реагировать на внешние стимулы. Показательна в этом контексте хрестоматийная история троянского коня, описанная в Илиаде. «Конь», преподнесённый троянцам будто бы в качестве подарка, имел внутри полость, в которой находились лучшие греческие герои, вышедшие из него в ночное время и открывшие ворота, остальному греческому войску. Троянцы (кроме Лаокоона и Кассандры), увидев его, поверили надписи о том, что это подарок и, соответственно, внесли этот «подарок» в город. В данном случае их можно назвать видящими, но не понимающими. Значимость понимания в противовес простому видению в различных философских традициях раскрывается с помощью мыслеобразов: открытия третьего глаза, выхода из пещеры теней, пробуждения спящих.

Одна из наиболее сложных задач в деле понимания – это задача адекватного понимания Другого (Иного). Важно при этом, что наше собственное понимание крайне редко бывает полностью нашим собственное. Речь идёт об его определённости своего рода конкретными ментальными интерсубъективными призмами – т.е. своего рода шаблонами, форматирующими мысль. Негативную роль подобных установок подчёркивал в частности М.К. Мамардашвили. Характеризуя мышление и творчество Ф.М. Достоевского, философ отмечал, что «…он в себе обнаруживает некоторые идеи, представления, нравственные структуры, которые вовсе не сложились по привычным законам идей или нравственных структур. Он из себя изживает все то, что помимо воли входило в него в виде инстинктов русской толпы того времени. Например, странное, фантастическое почтение к «униженным и оскорбленным». Он первым поставил под вопрос эту манию …» [1, С. 129]. Речь идёт о конкретном примере шаблонного восприятия «маленьких людей», т.е. людей из простого народа, придавленных жизненными обстоятельствами, и, о критике этого представления в творчестве Достоевского. Отчасти, полемизируя, с Мамардашвили стоит заметить, что практически любой подобный шаблон (кроме, самых неадекватных и «идеологизированных») парадоксальным образом позволяет как понимать, так и не понимать Другого. Эта ситуация особенно актуализируется в там и тогда, где и когда в смысловых коннотациях одного ментального шаблона можно открыть различные и, даже противоположные, смысловые грани.

Конкретные ментальные шаблоны относительно Других, не редко, возникают и устанавливаются в культуре в качестве результата пограничного (в широком смысле) взаимодействие с инокультурным. В этом смысле важным примером такой ментальной призмы является концепт дикости и мыслеобраз дикаря. Дикарём называют того, кто проявляет себя не просто отлично, а принципиально отлично. В поле корневых значения русского языка можно сказать, что дикарь является не просто Другим, а, именно, Иным. Как известно концепт дикости и представления о дикарях достаточно широко входят в (ново)европейскую культуру и языки в эпоху Великих географических открытий и колонизации Америк. Формирование их – результат определённой сборки опыта взаимодействия колонизаторов с аборигенным населением. Соответственно, мыслеобраз «дикаря» (salvaje – исп., savage – англ., savage – фр., selvagem – португ., wild – нем.) играл роль культурно-исторического шаблона, объясняющего странное и непонятное. Важно, что в этом мыслительном шаблоне можно выделить несколько смысловых аспектов, каждый из которых влиял на историю взаимодействия с аборигенами и на понимание европейцами (а, потом, и европейскими поселенцами в колониях) как других, так и самих себя. Следует заметить, что, не смотря на то, что эти концепты (дикость, дикари) практически выпали из рабочего языка социальной антропологии и этнологии, можно отметить присутствие концепта в философском языке, публицистическом дискурсе и присутствие художественных образов дикарей в современной литературе и искусстве.

Самый очевидный смысловой аспект этого ментального шаблона связан с историческим опытом резкого неприятия и непризнания колонизируемых (индейцев, африканцев, папуасов и др.) в качестве равных. Такое неприятие выражалось в конкретных практиках: жестоких наказаний, лишения собственности, обращения в рабство и др. Примеры, иллюстрирующих подобное отношение к индейцам, довольно часто встречаются в работах известного испанского миссионера и одного из защитника прав коренных индейцев Бартоломео де лас Касаса [2]. В этом аспекте концепт дикаря маркирует того, чья инаковость настолько существенна, что он воспринимается в качестве того, кто скорее ближе к диким животным, чем к людям.

Другой смысл концепта дикаря, так же можно увидеть также с первых лет покорения Америк. В этом смысле индейцы рассматривались с христианской позиции в качестве таких же людей как и сами «белые», но при этом нуждающихся в духовной, культурной и политической заботе. Важным моментом в концептуализации такой позиции стала папская булла Sublimus Dei (1537). В булле подчёркивается евангельский призыв апостолам – нести христианскую проповедь всем народам без исключения, и утверждается, что «индейцы юга и запада» без сомнения являются людьми способными к обращению в католическую веру. Противоположное мнение об их животной природе трактуется как ложное, в связи с чем осуждаются практики обращения индейцев в рабство и присвоения их собственности. Вторая смысловая грань концепта дикости заключается в понимании дикарей в качестве лишённых определённых значимых благ, и неспособных прийти к ним самостоятельно. В силу этого декларировалось необходимость попечения и заботы о них. Для иллюстрации можно процитировать

одного из первых конкистадоров – Берналя Диаса дель Кастильо: «Ежели же читатель спросит: «Что же сделали вы, все эти конкистадоры, в Новом Свете?» Я отвечу так. Прежде всего, мы ввели здесь христианство, освободив страну от прежних ужасов … Переделали мы, в связи с этим, и нравы, и всю жизнь. Множество городов и селений построено заново; введено скотоводство и плодоводство на европейский манер; туземцы научились многим новым ремеслам, и новая работа закипела в новых мастерских. Возникло немало художественных зданий, а ребята обучаются даже в правильных школах...» [3]. Здесь положение дел для индейцев трактуется автором как благое и с духовной точки зрения, и с практической.

Третий смысловой аспект концепта дикости – раскрывается в образе «благородного дикаря» (noble savage – англ., bon sauvage – фр., noble salvaje – исп., bom selvagem – португ.). Благородный дикарь – предстаёт в философских и литературных произведениях европейских авторов в качестве обладателя добродетелей, которые редки у цивилизованного, и, в качестве того, кто избавлен от пороков, присущих цивилизованному. В становлении этого культурного паттерна сыграл определённую роль и уже упоминавшийся Б. де лас Касас, описание индейцев которого вероятно повлияли на М. Монтеня, а уже его идеи повлияли на мыслителя с чьим именем в основном и ассоциируется этот образ – Ж.-Ж. Руссо [4, С. 9-34]. Важно, что для Руссо принципиальным является превознесение естественности и простоты нравов, которая ассоциируется со здоровьем и не испорченностью. Соответственно, сам образ теряет жёсткую определённость привязки к индейцам, нравы которых сопоставляются со нравами раннего Рима, Спарта, современных мыслителю швейцарцев.

Четвёртый аспект смысла связан с темой возможного одичания цивилизованного, которая трактуется не в смысле возврата к здоровой естественности, а, напротив, в смысле деградации и падения. В этом смысле дикость – это то иное, которое находят не в других (иных, отличных) сообществах, а то, что пребывает внутри человека или же внутри своих (близких, представителей своего сообщества). Пожалуй, один из ярчайших примеров раскрытия этой темы в литературной форме – это роман У. Голдинга «Повелитель мух». Согласно сюжету романа группа детей, оказавшаяся на необитаемом острове, быстро дичает (кроме нескольких человек), и, устанавливает некое подобие языческого культа. Безусловно, автор отсылает читателя и к мистико-магическим контексту: «говорящая»(?) голова свиньи, необъяснимое чувство страха у охотников на свиней в джунглях и др., но главный экзистенциальный момент роман – связан с темой внутреннего одичания. Одичание в данном случае показывается как проявление скрытой первобытной «тьмы» внутри человека.

Таким образом, мы видим, что смыслы концепта дикости и мыслеобраза дикаря раскрываются в четырёх основных линиях, открывая нам определённое понимание как Других / Иных, так и самих себя. Принципиально, что граница понимания и непонимания Другого оказывается не очерченной раз и навсегда, а, подвижной и изменчивой. Даже в границах конкретного ментального шаблона (мыслеобраза дикаря) – присутствуют различные смысловые коннотации, открывающие нам различные грани понимания и закрывающие другие.

Литература:

1. Мамардашвили М.К. «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно…» // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. С. 126-142.
2. Де лас Касас Б. Кратчайшее сообщение о разорении Индий // Мир индейцев (сайт). URL: https://www.indiansworld.org/kratchayshee-soobshchenie-o-razorenii-indiy.html#.XYRth3_YWM8.
3. Диас дель Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании // Мир индейцев (сайт). URL: https://www.indiansworld.org/diazhis37.html#.XYLULmZS_IU.
4. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах // Руссо Ж.-Ж. Сочинения. Калининград: Янтар. Сказ, 2001. С. 7-34.

Трансграничье как модус существования современного искусства

Дробышева Елена Эдуардовна

Профессор Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой (Санкт-Петербург). доктор философских наук,

pestelena@yandex.ru

Современное искусство рассматривается как пространство, в котором обнаруживается стратегия трансграничья. Под трансграничьем понимается состояние художественного процесса, сопровождаемое размыванием жанрово-стилистической определенности, ведущее к возникновению новых форм и смыслов, расширяющее поле интерпретаций и соответствующее духу креативных культурных практик. Проводятся параллели с различными областями социогуманитарного знания, обращающимися к концепту трансграничья для описания цивилизационного состояния современного общества и процессов, протекающих на границах культурно-исторических миров. В качестве примера проявления феномена трансграничья в современных художественных практиках берется творчество бельгийского художника Яна Фабра, конкретно – его выставка «Ян Фабр: Рыцарь отчаяния воин красоты» в Государственном Эрмитаже 2016-2017 гг. Делается вывод об устойчивости тенденции к преодолению стилевых и метафизических границ в архитектонике современной культуры. В качестве базового методологического основания применяется пространственный подход.

Ключевые слова: архитектоника культуры, культурное пространство, современное искусство, трансграничье, Ян Фабр

Transboundedness as a Mode Of Existence Of Contemporary Art.

Drobysheva Elena E.

Academy of Russian Ballet named after A. Vaganova, St. Petersburg, Russia

Contemporary art is taken as a space in which a strategy of transboundedness is discovered. Transboundedness refers to the state of the artistic process that is accompanied by the erosion of genre-stylistic certainty, leading to the emergence of new forms and meanings, expanding the field of interpretation and corresponding to the spirit of creative cultural practices. Parallels are drawn with various areas of socio-humanitarian researches, referring to the concept of transboundedness to describe the civilizational state of modern society and the processes that occur at the borders of cultural and historical worlds. The art of the Belgian artist Jan Fabre is taken as an example of the manifestation of the phenomenon of transboundedness in contemporary art practices, specifically the exhibition “Jan Fabre: Knight of Despair / Warrior of Beauty” in the State Hermitage in 2016–2017. The conclusion is drawn about the sustainability of the tendency to overcome style and metaphysical boundaries in the architectonics of modern culture. The spatial approach is used as the basic methodological basis.

Keywords: architectonics of culture, cultural space, contemporary art, transboundedness, Jan Fabre

Границы понимания /описания того или иного художественного феномена являются результатом когнитивных конвенциональных процедур, облегчающих коммуникацию в профессиональном сообществе людей, так или иначе причастных творческому процессу – как теоретиков, так и практиков. Для постнеклассического состояния науки оперирование строгими о-пределениями зачастую становится опциональным. Для самого же творчества – вообще факультативным. Современное искусство является сценой, на которой разворачивается битва по пересмотру границ художественного производства и потребления: привычных представлений о жанрах, стилях, способах презентации и интерпретации текста произведения, а также режимах восприятия.

Если есть пограничники охраняющие границы, значит, гипотетически, должны быть и трансграничники границы нарушающие. Наступающий условный метамодерн, которого

ждут и производители/художники, и потребители/зрители, уже здесь и уже смешивает карты постмодернистского пасьянса [подробнее см. об этом: 1, с. 236].

Для начала следует прояснить сам термин «трансграничье», который давно и успешно используют социальные антропологи, этнографы, историки, специалисты в области геополитики и культурной политики. Специалисты предлагают считать трансграничье «сферой культурного взаимодействия» и при его исследовании задействовать «подходы интегративного культурологического знания: философию культуры, социологию культуры, культурную антропологию», а также «исследования в области обнаружения закономерностей и прогнозирования социокультурной динамики» [2, с. 130]. Этот тренд корреспондирует с уже ставшим общепринятым пространственным методом изучения культурных / исторических / социальных объектов, берущим свое начало в трудах Фернана Броделя, Пьера Бурдье, Мишеля Фуко, Анри Лефевра, Энтона Гидденса, Дэвида Харви. Рассмотрение тех или иных феноменов культуры с точки зрения их «пространственности» позволяет сформировать многоуровневый исследовательский дискурс.

Уточняя значение термина «культурное пространство», российский академик В. А. Тишков подчеркивает, что речь в данном случае идет не просто о «просто физическом пространстве», а о «конструируемой человеком пространственной среде (built environment) своего рода физическом и ментальном выражении организации пространства человеком» [3]. Он предлагает не просто рассматривать «природный ландшафт или более широко природную среду, а обращаться к осмыслению, конструированию и использованию пространства на разных его уровнях от глобально-космического до частностного и индивидуального», выходить на «уровень значений (смыслов)», изучать «пространственную среду и ее изменения под воздействием человека: культурные ландшафты, … множество других визуальных проявлений пространственной организации». Отдельно Тишков подчеркивает: «культурное пространство это не одно и то же, что пространство культуры» [3].

А. Неклесса дает развернутую, масштабную картину новой онтологии: «Кажется, цивилизация подошла к некоему моменту истины и качественному переходу, когда привычные формы быта и бытия становятся расплывчатыми и транзитными»: «мир, в который мы вошли, Трансграничье, диахронный лимитроф, объединивший канувшую в Лету Атлантиду Модернити с новизной расширяющегося постсовременного космоса. В новых пространствах тенденции начинают доминировать над фактами и помыкать ими, транзитность пронизывает быт все эти одноразовые упаковки, предметы с весьма ограниченным сроком действия, гостиничное жилье, умножающиеся кочевнические коды бытия...» [4]. Добавим к этому перечню появившиеся в последние годы и стремительно набирающие силу социальные практики типа шеринга (совместного использования) и стриминга (потокового онлайн-вещания) – и то, и другое явно не является стабилизатором социокультурной архитектоники. «Политика и экономика также развиваются по правилам, которые можно назвать виртуальными, причем не только в современном словоупотреблении этого понятия, но и в том, прежнем, бытовавшем еще до компьютерной революции, когда данное слово означало «здесь и сейчас»» [4]. Дополним ряд: не только политика и экономика, но и культура, а, прежде всего, искусство. Именно арт-сфера стремительно вбирает в себя все новейшие технологии, тестирует shock-инструментарий и выдает продукт, который априори не может быть воспринят большинством как нормативный.

В качестве яркой фигуры «тарнсграничника» современного арт-процесса можно назвать бельгийского художника Яна Фабра [см. об этом: 1]. Выступая в качестве универсальной фигуры творца режиссера и хореографа, сценариста и сценографа, перформера и скульптора, он олицетворяет собой идеал нового Титана, способного передать дух эпохи в максимально возможной палитре выразительных средств и приемов. Художественные эксперименты Яна Фабра вновь и вновь актуализируют вопросы о границах современного искусства и пределах интерпретативности, границах восприятия и толерантности. В экспозиции знаменитой эрмитажной выставки «Ян Фабр: Рыцарь отчаяния воин красоты» (20162017) работы Фабра были размещены в одном пространстве с фламандскими мастерами XVII века. Этот композиционный прием является ярким примером стратегии трансграничья, позволяющей на контрасте двух различных составляющих возникнуть новым – синтетическим – смыслам, а в итоге разбудить зрительский интерес. Интерес был разбужен, дискуссии о допустимости таких нарушений художественных конвенций не завершились консенсусом. Помимо стыковки с фламандской живописью, за стратегию трансграничности отвечали также стилевые и жанровые вариации: в рамках проекта были представлены графика, скульптура, инсталляции, фильмы. Выход за границы осуществляется Фабром не только с помощью оригинальных выразительных средств и материалов, в своих проектах он объединяет целые художественные эпохи – искушенному зрителю очевиден оммаж традициям романтизма: «Быть рыцарем это самое романтичное из всего того, что я могу себе представить. В творчестве есть надежда» [5].

Помимо инсталляций Фабр творит на границах жанрово-стилистической определенности также в рамках театральных и танцевальных постановок. К подобным художественным стратегиям прибегают многие участники актуального арт-процесса, прежде всего – создатели перформансов, а также мультимедийных ивентов, коллаборативных проектов, объединяющих усилия представителей различных видов искусства в традиционном их понимании. Очевидно, что стратегии трансграничья, мультиплатформенности и синтетических экспериментов позволяют создать игру смыслов, значений и ценностей в архитектонике современного искусства.

По мнению В. А. Тишкова, «культурное пространство включает взаимодействие четырех субстанций или элементов: пространства, времени, смысла и коммуникации» [3]. Миссия трансграничника Фабра – возродить интерес зрителя, избалованного вариативностью и эпатажностью художественных форм и приемов, к частностям, подробностям, технике и – как следствие – к смысловым нюансам. По словам художника, сегодня «посетители проходят мимо Рубенса, как мимо витрин большого магазина, они не смотрят на детали» [5]. Проекты, подобные «Рыцарю Красоты…», создают новые хронотопологические, а, следовательно, и коммуникативные векторы.

Пространство (берем его здесь во всех возможных коннотативных вариациях) Contemporary art с одной стороны предельно демократично, поскольку не требует от зрителя / читателя / слушателя мощного культурного бэкграунда, как, например, в случае с классической оперой, с другой – непроницаемо для тех, кто не обладает, как минимум, способностью к иронизированию. Этот, казалось бы, не слишком фундаментальный для культурного сноба, навык (skill) позволяет выстраивать уникальные личностные траектории в архитектонике современного искусства – как для производителя, так и для потребителя культурного продукта.

Знаменитый лозунг постмодерна, сформулированный в 1969 году Лесли Фидлером в журнале «Playboy» (что само по себе уже было нарушением дискурсивных границ) гласил: «Пересекайте границы, засыпайте рвы». Сегодня применительно к актуальным художественным практикам он приобретает новое звучание, поскольку речь уже идет не только о желании и амбициях художников, сколько о тех возможностях (прежде всего – технических), которыми сложно не воспользоваться. Таким образом, речь, разумеется, не идет об исчезновении границ (стилевых, метафизических) как таковых, они необходимы, как минимум, для того, чтобы их осознавать и преодолевать, созидая трансграничные культурные феномены, адекватные задачам репрезентации современности.

Литература:

1. Дробышева Е. Э. «Трансграничник» Ян Фабр на службе искусству // Первый российский эстетический конгресс. 1719 октября 2018, Санкт-Петербург. Тезисы докладов. СПб.: Российское эстетическое общество, 2018. 435 с. С. 236.
2. Трубицын Д. В. Трансграничье как объект культурологического исследования: методологический обзор Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). URL:
3. Тишков В. А. Культурный смысл пространства. Доклад на пленарном заседании V конгресса этнографов и антропологов России // Этножурнал. URL: http://www.ethnonet.ru/lib/0803-02.html (дата доступа 17.01.2020).
4. Неклесса А. Трансграничье, его ландшафты и обитатели: отрывок из беседы на берегу Телецкого озера. 2003 URL: http://moip.viperson.ru/articles/aleksandr-neklessa-transgranichie-ego-landshafty-i-obitateli-iz-besedy-na-beregu-teletskogo-ozera (дата доступа 11.01.2020).
5. Красота и отчаяние Яна Фабра в Эрмитаже: 10 фактов о художнике и выставке. URL: https://artchive.ru/news/2281~Krasota_i_otchajanie_Jana_Fabra_v_Ermitazhe_10_faktov_o_khudozhnike_i_vystavke (дата доступа 1.05.2018).

Метатеория границы

Сергеев Андрей Михайлович

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, профессор кафедры философии. Доктор философских наук,

asergeev8@yandex.ru

В фокусе рассмотрения находится феномен границы. Представляется, что в отношении границы крайне сложно построить теорию: теоретическое рассмотрение границы оказывается возможным в контексте региональных онтологий и в параметрах конкретных содержательных сегментов. Сопротивление теоретическому пониманию границы приводит к тому, чтобы пробовать выстроить в отношении границы метатеорию. Метатеоретическое понимание границы связывается с действием различения. Акт различения предшествует акту отождествления и является первичным. В ходе совершения различения человек определяется в том, что он считает своим в отличие от другого, а также того, что он считает настоящим в отличие от того, что таковым не является. В контексте соотнесения метатеории границы с сознанием, в основании которого лежит установление отношения, фактичность сознания различается от фактичности жизни. Усложнение и удвоение оказываются непременными спутниками такого понимания.

Ключевые слова: метатеория границы, акт различения, настоящее время, фактичность сознания, фактичность жизни.

Metatheory of the Border.

Sergeev Andrey M.

Herzen State Pedagogical University

The paper focuses on the phenomenon of Border. It appears to be extremely difficult to develop a theory concerning the border: its theoretical consideration becomes possible in the context of regional ontologies and within the parameters of specific contensive segments. Resistance to a theoretical understanding of the border leads to an attempt at constructing a metatheory with respect to the border. A metatheoretical understanding of the border is associated with an act of distinction. The act of distinction precedes the act of identification and is primary in character. When performing the operation of distinguishing, the human being determines what is to be considered as his or her own, as distinct from what is another's, as well as what is to be considered genuine, as distinct from what is not. In the context of relating the metatheory of the border to consciousness, the latter of which has as its basis the establishment of an attitude, the facticity of consciousness is distinguished from the facticity of life. Complication and duplication are indispensable companions of this understanding.

Keywords: metatheory of the border, making distinctions, present time, facticity of consciousness. facticity of life.

Основным действием границы является действие различения: граница отделяет одно от другого. То, от чего отличается некое «нечто», само по себе становится осознаваемым после совершения акта различения и установления границы. До проведения границы нет ни «одного», ни «другого».

Появление границы связано с усложнением: до того момента, пока границы нет, всё просто, и мы не испытываем трудностей и не сталкиваемся с задачей понимания. Необходимость в понимании возникает после того, как мы сталкиваемся с границей, разделяющей простое на разное. В разъяснение сказанного можно опереться на опыт взросления. Различение, в ходе которого мы последовательно опираемся на память отдельных моментов своей жизни, нас явно усложняет. У нас появляются осознание своей жизни и сугубо своя история, внутри которой теперь уже определяется своя топология. Усложнение замещает и одновременно заслоняет собой нашу детскую простоту.

Таким образом, основное свойство границы связано с действием различения и «появлением» разного. Акты тождества осуществляются теперь уже на этой основе. Различие предшествует тождеству и предваряет его. Когда различие «случилось», мы рассматриваем все, имеющее к нам отношение, в параметрах топологического континуума. Такая топика совмещает разное как некое общее единство. Акцент сознания ставится именно на общем, но не на разном: получая статус «содержания», разное способно совмещаться между собою.

Различая одно и другое, мы связываем себя с одним, но фактически игнорируем другое. Можно констатировать: теперь уже, когда мы различили нечто и провели границу между одним и другим, этого «другого» для нас нет. Себя и свое настоящее – и в смысле истинного для себя, и в смысле настоящего времени – мы соотносим только с «одним», тогда как отличное от него «другое» мы связываем с преходящим и с прошлым временем.

С таким «одним» мы вступаем в такое тождество, в результате которого уже нет ни нас без него, ни его без нас. В результате отождествления возникает новое единство – синтез нас и того, что мы выбрали, различив и отделив его остального. В основании нашего утверждения лежит его выбор, связанный с принятием одного и отвержением другого, на основе чего формируется некое – у каждого свое – положение дел.

Фактически мы оказываемся в раздвоенном положении: мы отождествили себя с одним и стали на его место, однако самим различением одного и другого мы зафиксировали «возникновение» нового времени, отличного от времени, которое было до акта различения. С одной стороны, мы совершили акт различения и осознали разницу между тем, что было, и тем, что стало, однако, с другой стороны, наше время совпало только с одним – теперь уже – нашим местом.

В этом случае наше положение дел характеризуется только одним местом, с которым мы себя отождествляем, и связано оно с актом различения его от другого, тогда как есть два времени. Одно время связано с местом одного, и это – настоящее время, время того, что именно есть и есть сейчас, но ему «предшествует» другое время, связанное с самим действием различения, когда одно отличается от другого как настоящее от прошлого. Настоящее время предстает как укорененное в другом времени – времени прошлого, но, по сути, оно связано с самим актом различения. Итак, появление границы ведет к удвоению. Там. где было одно, и наряду с ним, появляется другое, когда и то, и другое нуждаются в установлении предела и лимита как в отношении того, что противоположно им самим, так и в отношении самих себя.

Интересно заметить, что появление сознания связано именно с усложнением жизни. Сознание можно считать удвоением жизни: внутри направленности сознания и благодаря этому возникают некие объекты, которые поддерживаются силой такого сознания. Без энергии сознания такие объекты распадаются. Причем, энергия сознания одного человека может поддерживаться не только энергией именно его сознания, но и энергией других людей. Важно то, что энергия сознания «образует» и «держит» такие объекты – объекты сознания. И пока есть она, есть и они.

Есть действие, а есть иное – отношение к этому действию. Возникновение такого отношения свидетельствует о появлении сознания. Действие, рассматриваемое и понимаемое в своей связанности с отношением, позволяет заметить, помимо действия, присутствие сознания: теперь уже, когда это произошло, действие может пониматься как событие.

События «происходят» в измерении отдельных сознаний: события связаны с сознанием отдельных людей в различении этих людей и различении событий друг от друга. Отдельное событие переживается в отдельном сознании и отдельным сознанием: для других людей этого события может не быть и, скорее всего, нет, но если оно и есть, то оно присутствует в сознании другого человека как факт его сознания.

Посредством сознания мы устанавливаем отношение к своему существованию, чем отличаем себя-осознающего от себя-действующего. При встрече с сознанием нам «мало» нашего существование, каким бы отлаженным оно ни было: в перспективе осознанного восприятия нашей жизни непосредственному и спонтанному существованию приходит конец. Жизнь теперь уже рассматривается в ракурсе присутствия в ней сознания, т.е. рассматриваться как осознаваемая жизнь.

Фактичность сознания, вводимая в фактичность жизни, связанную с областью действий, позволяет различить и выявить внутри нее то, что потом можно соединить уже в другом – новом и усложненном – варианте. То, что первоначально действовало без сознания и само собой, но теперь уже функционирует только в единстве с сознанием. Сознание является процедурой различения одного от другого:

сознающий указывает на нечто как на то, что без сознающего не могло бы существовать. Странность такой ситуации состоит в следующем: для того, чтобы нечто было, оно должно быть отделено от остального и удостоверено сознанием. Мир «устроен» так, что позволяет нам выделять и удостоверять разное. Причем, каждый из нас «занимаем» свое место и свое время, а взаимодействие людей не приводит к утрате этих особенных мест и времен. Если горизонт восприятия разных людей совпадает, то такие люди – посредством общих фактов сознания – приобщаются друг к другу, образуя некое целое.

Форма – это то, что «содержит» разное в единстве. Иначе говоря, форма осуществляет совместное держание разного. Внутри формы все соотносится между собой на основе определенного тождества, тогда как сама форма отличается от другой формы, являющейся другим континуумом, выстроенным путем другого отождествления.

Специфика каждой отдельной формы связана с особым логическим тождеством: именно особенный логический план позволяет соотнести и совместить вместе отдельные элементы как нечто целое, отличая его от другого целого. В зависимости от того, какое логическое тождество мы имеем ввиду, можно говорить о разных логиках.

Настоящее время обладает странным характером: настоящее, как оно есть, выходит за рамки каждого момента своего дления. Как то, что есть, оно оказывается присущим каждому моменту времени, но также и превышает его. Вероятно, можно сказать, что такое «превышение» непосредственно связано с нашим присутствием, из которого и осуществляется действие различения. Однако принять неустранимость настоящего и жить настоящим трудно: человеку легче допустить то, что настоящее принципиально может быть скомпрометировано и отменено, и в этом случае он склонен отказываться от него. Но теряя настоящее, он лишается и прошлого.

Концептуальные метафоры границы в контексте осмысления социокультурных идентичностей

Сауткин Александр Александрович

Мурманский арктический государственный университет, доцент кафедры философии, социальных наук и права социального обеспечения. Кандидат философских наук

sautkin72@mail.ru

Доклад посвящен анализу концептуальных метафор границы, которые, в известной мере, предопределяют разметку исследовательского поля и общие принципы интерпретации пограничных феноменов и процессов. Опираясь на исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона, автор показывает, что понятие границы традиционно располагается в кругу онтологических метафор и связано с метафорами вместилища, опирающимися на дихотомию «внутреннее/внешнее». Таким образом, граница метафоризирована через свойства линии и плоскости, что не в полной мере отвечает характеру тех явлений, которые наблюдаются на границах, – особенно в тех случаях, когда речь идет о границах социокультурных, порождающих различные типы идентичностей. Границы рассматриваются как механизм порождения различий, однако, по мнению автора, эта различающая работа происходит в зоне смешения и взаимного перетекания признаков и свойств, что отражается в таких понятиях, как «транскультуальность» и «транслокальность». Следовательно, более адекватный источник для метафорической концептуализации границы может быть обнаружен в принципах импрессионистской живописи, которая строится на изображении предмета, погруженного в свето-цветовую и воздушную среду.

Ключевые слова: граница, концептуальная метафора, линия, плоскость, импрессионистская живопись, мышление, транскультуральность.

Conceptual metaphors of a border in the context of understanding sociocultural identities.

Sautkin Alexander A.

Murmansk Arctic State University

The talk is devoted to the analysis of conceptual metaphors of a border that predetermine the preliminary scheme of the research field and the general principles of interpretation of borderline phenomena and processes. Based on the research of J. Lakoff and M. Johnson, the author shows that the concept of border is traditionally located in the area of ontological metaphors and is associated with the container metaphors based on the dichotomy “internal / external”. Thus, the border is metaphorized through the features of the line and the plane, which does not fully correspond to the nature of the phenomena that are observed at the borders, especially in those cases when it comes to sociocultural boundaries that give rise to various types of identities. Borders are considered as a mechanism for generating differences, however, according to the author, this differentiation work takes place in the zone of mixing and mutual flow of signs and attributes, which is reflected in concepts of “transculturality” and “translocality”. Consequently, a more adequate source domain for the metaphorical conceptualization of a border can be found in the principles of impressionist painting, which is based on the image of an object immersed in a light-color and air environment.

Keywords: border, conceptual metaphor, line, plane, impressionist painting, thinking, transculturality.

Границы являются основным конститутивным элементом реальности, который всегда присутствует как в индивидуальном, так и в коллективном опыте, но именно из-за своего фундаментального конститутивного характера он обычно остается неявным, неясным. Современные границеведческие исследования должны выявить существенные связи между границами и культурой, между границами и обществом. Помимо изучения онтологических параметров границы в чисто теоретической

перспективе, границеведение также должно учитывать практический опыт людей в понимании границ (их интерпретации и реинтерпретации границ, их практики прочерчивания и перепрочерчивания границ).

Учиться быть человеком означает приобретать опыт создания границ, но в то же время – опыт их преодоления, ломки, стирания.

Границы, замыкающие тела в их формах, – это то, с чем мы сталкиваемся напрямую. Это то, что дано нам в чувственном восприятии, и этот опыт является основой для размышлений о границах во внетелесном, умопостигаемом (понятийном) мире. Собственно, многообразные представления о границах, реализуемые как в повседневном языке, так и в научном дискурсе, представляют собой разновидность онтологических концептуальных метафор, если использовать терминологию Дж. Лакоффа. С помощью понятия «граница» (в каком бы значении мы его не использовали – разделитель, фронтир, предел (лимит) и т.д.) фиксируется то обстоятельство, что любой объект есть вместилище, вне которого («за пределами поверхности») располагается нечто иное. «Внутри» означает однородность и качественную определенность объекта, «вне» – всё инаковое, отличное, а «граница» выступает инструментом различения. Причем понятие границы в результате этой метафорической проекции, как правило, получает из своего источника (source domain) признаки линии или плоскости.

Лакофф пишет: «…даже в тех случаях, когда нет естественной физической границы, которую можно было бы рассматривать как границу вместилища, мы налагаем границы – как если бы внутреннее пространство и ограничительная поверхность реально существовали – будь то стена, забор, воображаемая линия или плоскость» [1, с. 55].

В большинстве наших высказываний о границах присутствует эта концептуальная метафора линии, некоей видимой (или воображаемой в качестве видимой) черты либо плоскости. Границы обозначают, рисуют, очерчивают, прокладывают, устанавливают, расширяют, стирают, меняют, размывают, но также и пересекают, переходят, преодолевают и т.д. (по материалам Национального корпуса русского языка).

Однако эта пространственно-линеарная метафоричность нашего мышления о границах обманчива, что является общим свойством метафорических концептов. Как отмечает Лакофф, «позволяя сфокусировать внимание на одном аспекте понятия <…>, метафора может препятствовать тому, чтобы мы заметили другие аспекты понятия, несовместимые с нею» [1, с. 31]. В связи с этим мы хотели бы поставить вопрос: правильно ли думать о нематериальных границах, основываясь на пространственных аналогиях? (При этом мы не предполагаем обсуждать метафизические основания самих пространственных категорий – речь идёт лишь о концептуальных метафорах.) Когда мы думаем о цели (конечной причине) вещи и ее сущности, мы проводим границы, которые фиксируют понятие в определенных пределах. Когда мы говорим о разнице культур и социокультурных идентичностях, мы также проводим границы. Когда мы определенным образом различаем Природу и Культуру, мы также создаем границы. Уместна ли здесь пространственная и геометрическая метафорика? Не затеняет ли она какие-то из путей, по которым может двигаться наша мысль, но, оказываясь в плену привычных концептуальных метафор, даже не ступает на эти пути?

Мы не можем столкнуться с этической категорией или этнокультурной идентичностью так же, как мы наталкиваемся на физическую вещь. Эти «столкновения» происходят в сфере мышления и поэтому не имеют пространственных характеристик. Возможно, в силу этого, мы что-то упускаем из виду, продолжая мыслить границы линеарно. Вещи (физические тела) имеют углы и поверхности, идентичность и культурные различия их не имеют. Граница – это даже не мембрана, проникновение через которую происходит путем просачивания, абсорбции и т.п.

Скорее, было бы правильно провести аналогию с живописью импрессионистов, в которой важны не только сами объекты, но и окружающая их среда – цвет, свет, пятна и блики. Как говорил Керенский в одном из рассказов Исаака Бабеля: «Зачем мне линии – когда у меня есть цвета?» [2]

Опыт культурных различий заключается не в строгих линейных границах, а в плавных переходах кьяроскуро, цветовых пятен и воздушной среды. Это именно то, что Жорж Клемансо обозначил в качестве принципа живописи Клода Моне: «…если утро присоединяется к вечеру серией бесконечных переходов, каждый новый момент каждого переменчивого дня, под меняющимся светом, создаёт новое состояние предмета, которого никогда не было прежде и которого больше никогда не будет» [3]. Взаимодействие предметов-вместилищ с внешним (в том числе и с другими предметами-вместилищами) лишь порою видится нам как сочетание чётких линий и очертаний – чаще же наш глаз имеет дело со смешением цветовых пятен, размытых ореолов и проч. Клемансо говорит о завихрениях света, о брызгах и бурях, обволакивающих предмет, проникающих сквозь него, и именно так мы постигаем, «какой станет модель под этой яростью живых атомов, через которую она проявляется, через которую она видима нам, посредством которой она действительна для нас» [3].

Представляется, что эта концептуальная метафора границы как зоны смешения и перетекания различных стихий, в которой сложно выявить нечто устойчивое и замкнутое строгими линиями и плоскостями, в большей степени подходит для характеристики социокультурных идентичностей современного мира. Эта «импрессионистская» метафорика, на наш взгляд, вполне релевантна таким понятиям, как транскультуральность и транслокальность, с помощью которых описываются процессы формирования новых идентичностей.

Как отмечает немецкий исследователь Вольфганг Вельш, «теперь различия возникают не из-за соприкосновения четко очерченных культур (как в мозаике), но как результат между транскультурными сетями, которые имеют некоторые общие черты, но отличаются друг от друга в чем-то другом, демонстрируя совпадения и различия одновременно» [4, с. 203]. Механизм производства различий, таким образом, усложняется, и при этом он впервые становится действительно «культурным», поскольку именно культурные обмены, а не географические или национальные условия определяют производство значений, ценностей, идентичностей. «Культуры, – пишет Вельш, – сегодня чрезвычайно взаимосвязаны и переплетены (entangled) друг с другом. Образ жизни больше не заканчивается на границах национальных культур, но выходит за их рамки, так же как и в других культурах» [4, с. 199].

Транскультурные сети в большей степени способны связываться друг с другом, чем старые культурные идентичности, они включают сегменты, которые также встречаются в других сетях и, таким образом, представляют точки соединения между различными транскультурными формами, которые взаимопроникают или возникают друг из друга

Литература:

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Бабель И. Линия и цвет. [Электронный ресурс]. http://lib.ru/PROZA/BABEL/miniatures.txt (дата обращения: 25.02.2020)
3. Clemenceau G. Revolution de cathedrals. [Электронный ресурс]. http://www.rouen-histoire.com/Monet/Clemenceau.htm (дата обращения: 25.02.2020)
4. Welsch W. Transculturality – the Puzzling Form of Cultures Today // Spaces of Culture: City, Nation, World / Ed. by Mike Featherstone and Scott Lash. London: Sage, 1999. P. 194–213.

Введение в эстетику Арктики: новые границы и квантовые основания исторической семиотики культуры Арктики

Циркунов Игорь Борисович

Мурманское книжное издательство, директор. Кандидат экономических наук

murman.60@mail.ru

Героика покорения-освоения Арктики часто рассматривается как история покорения-освоения Арктики. Благодаря научному поиску и изысканиям, в рамках информационно-кибернетической теории, происходит накопление знаний об Арктике. Но не менее важную роль следует признать за гаптическим подходом в познании Арктики в деятельности полярных исследователей и сил обеспечения их арктических экспедиций. Гаптическое освоение Арктики свойственно арктическим аборигенам, русскому старожильческому населению, поморам, в частности. Отдавая должное фактическому героизму учёных-полярников, полярных лётчиков и моряков, заполярных строителей и рыбаков, арктических нефтяников и газовиков, изучающих и осваивающих Арктику, правомерно поставить вопрос о том, когда же начнётся подлинная история Арктики, а не история её освоения, история её изучения, строительства, история мореплавания в арктических водах и воздухоплавания в высоких широтах, история открытия и разработок нефтегазового комплекса Арктики?

Ключевые слова: эстетика, Арктика, освоение Арктики, история Арктики

Introduction to the Aesthetics of the Arctic: New Frontiers and Quantum Foundations of Historical Semiotics of Arctic Culture.

Tsirkunov Igor B.

Murmansk Book Publishing House

The heroics of the conquest-development of the Arctic is often regarded as the story of the conquest-development of the Arctic. Thanks to scientific research and research, in the framework of cybernetic information theory, there is an accumulation of knowledge about the Arctic. But an equally important role should be recognized for the haptic approach in the knowledge of the Arctic in the activities of polar explorers and the forces supporting their Arctic expeditions. Haptic development of the Arctic is characteristic of Arctic aborigines, the Russian old-timed population, Pomors, in particular. Paying tribute to the actual heroism of polar scientists, polar pilots and sailors, polar builders and fishermen, Arctic oil and gas workers studying and exploring the Arctic, it is legitimate to raise the question of when does the true history of the Arctic begin, and not the history of its development, the history of its study , construction, the history of navigation in Arctic waters and aeronautics in high latitudes, the history of the discovery and development of the oil and gas complex of the Arctic?

Keywords: aesthetics, semiotics, Arctic, Arctic exploration, Arctic history, Arctic culture

1. Попытка рассматривать эстетику Арктики (чувственное восприятие Арктики) через призму когнитивного подхода к нашему познанию гуманитарных знаний об Арктике имеет определённые методологические основания. Эстетика не просто дочь гармонии, но и состоит в родстве с метафизикой [1, с. 15]. Когнитивный подход предполагает определение результата адаптации человека к Арктике или отношение, которое складывается между действительностью (Арктикой) и её репрезентацией (субъективным образом Арктики, существующем в сознании человека). Методологически, помимо естественнонаучного подхода, Арктику можно анализировать с позиций П. Флоренского («Столп и утверждение истины»):

- онтологических (истина по-русски);
- гносеологических (эпистемологических) (истина по-гречески);
- правоведческих (истина по-римски);
- исторических (теократических) (истина по-еврейски) [2, с. 15–22].

Мы остановимся только на двух аспектах, на двух позициях – исторических и гносеологических.

2. Рассмотрим Арктику, как текст в плане эстетики, т. е. чувственного восприятия поэтического произведения. Аристотель определил фактически гаптические основания поэзии: «… нам свойственно по природе подражание, и гармония, и ритм, - а ясно, что метры части ритма, - то люди, одарённые с детства особенной склонностью к этому, создали поэзию…» [3, с. 296]. По Р. Якобсону: «… поэтическое произведение определялось как простой набор художественных приёмов…» и далее по мере развития формализма: «… появилась точная концепция поэтического произведения как структурированной системы, как постоянно управляемой иерархии художественных приёмов. Поэтическая эволюция вызывает сдвиги (shifts) в этой иерархической системе» [4, с. 123]. К Арктике как тексту мы можем прийти через квантование, т.е. выходу на неделимые компоненты двух важных позиций – гносеологической и исторической, на которых выстраивается эстетика Арктики. Однако, эти две позиции не единственные. Кроме этого, анализируя Арктику, как текст раскрываются перспективы изучения Арктического сверхтекста, как феномена культуры.

3. Принцип тринитарности, идущий от признаков левизны, правизны и средней линии, как возможное объяснение традиции изображения Запада Европы вверху средневековых карт. Исторические древнееврейские, древнесемитские традиции связывают Юг, который справа с Севером который слева Востоком, поэтому Запад оказывается сверху. Теократичность тринитарности исходит из средней линии, как порождение правизны-левизны и верха-низа. Средняя линия - третья по счёту, но не третья по порядку или по существу, как в случае с праотцем Яаковом [5, с. 272–273].

4. Гносеологическую позицию можно представить как подфункцию в формировании мировоззрения и знаний человека. Арктику принято считать географической областью планеты. Но по Г. Шпету «… мы даже иной деятельности, кроме социальной, и не знаем: Сириус, Вега и отделённые звёзды и туманности для нас также суть социальные объекты. Иначе мы не только не называли их по именам, но не могли бы назвать их «звёздами» или «туманностями»» [6, с. 90–91]. Может быть и Арктику в социальном плане следует понимать как некую «географическую туманность» и соответствующий ей текст. Семема сама по себе – это зачаточный текст, а текст – развёрнутая семема, по мнению У. Эко [7, с. 46]. Семема Арктики – медведица и воз, что следует из исследований Ю. Берёзкина и Е. Дувакина [8]. Воз потому, что движутся вокруг оси, а не повозка в значении колесницы, хотя и такая ссылка встречается. Таким образом, гаптические основания присутствуют в семеме Арктики.

5. О роли наблюдателя, создателя текста и читателя текста Арктики. Квантовый образ полярника можно найти в мифическом образе Персея. Персей – герой, в этом он каноничен и традиционен. Но как герой совершает подвиги, что приводит к сдвигам, и часто эволюционным сдвигам, что приводит к созданию нового канона. Такая одновременность – каноничность и отступление от неё и создаёт эстетику поведения героя или собственно эстетику. Персей – шифтер. Шифтером его сделала Даная, его мать, и то, что они пережили заточение в ящике (бочке), которую прибило к берегу острова, где они чудесным образом спаслись. Как сама Даная, так и бочка, а так же пещера, дом, палатка имеют единые критерии, сближающие их – это ТТС (темно, тепло и сыро). Это создаваемые и необходимые условия, в которых можно действовать. К современным полярникам применимы критерии гаптики и ТТС. Современный фрейм «Арктика» переполнен естественнонаучным содержанием. В то же время ощущается явный недостаток гуманитарного знания Арктики и гуманитарных знаний об Арктике. Фрейм «Арктика», как представление знаний о гуманитарном мире Арктики, можно рассматривать как шифтер, да и само слово «Арктика» - это шифтер, в котором можно разглядеть признаки местоимения.

6. Арктика как текст не имеет единственного, законченного и истинного смысла. Текст «Арктика» пытаются создать в едином центре, на роль которого претендуют то Москва, то Копенгаген, то Осло, то Вашингтон, то Рейкьявик, то Пекин… Это приводит к попыткам установления границ и неконструктивному напряжению. Однако мир Арктики и гуманитарный текст «Арктика», скорее всего, не имеет единого и, тем более, единственного центра. Арктика создаёт известное номадическое бесцентровое поле. Предполагается выйти за границы информационного накопления знаний, расширить пределы гаптического осмысления Арктики из различных центров, что можно определить как производство работ «без генерала». Единственно, что объединяет эти работы и привносит новизну – это попытки думать об Арктике из Арктики, а не из каких-либо центров. Возможно тогда будет решена проблема М. Хайдеггера: «позволение присутствующему присутствовать», в Арктике в частности [9, с. 186].

Литература:

1. Кормин, Н. А. Эстетическое пространство философии всеединства и феноменологии: трансцендентализм и творчество [Текст] / Н.А. Кормин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2018. – 127 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 113–126. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0348-2. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/books/2018/Kormin.pdf (дата обращения 08.12.2019).
2. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990 – 490 с. Репринт 1914 года. (1914, EBook 2007). URL: https://imwerden.de/pdf/florensky_stolp_i_utverzhdenie_istini_1914.pdf (дата обращения 03.12.2019 г.)
3. Аристотель. Риторика. Поэтика : [сборник] / Аристотель ; [перевод с древнегреческого Н. Платоновой, В. Аппельрота]. – Москва, 2018. – 352 с.
4. Якобсон Р. Язык и бессознательное / Пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе, В. Шеворошкина; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. – Ф. Успенский. М., 1996. – 248 с.
5. Книга Зоар. Главы Хаей Сара, Толдот, Ваеце / Под ред. М. Лайтмана – М., 2015. – 448 с.
6. Шпет Г. Г. Избранные труды / Г. Г. Шпет; [сост., автор вступ. ст. и коммент. Л. Г. Березовая]. – М., 2010. – 856 с.
7. Эко, Умберто. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Умберто Эко; пер. С. Серебряного – М., 2016. – 640 с.
8. Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/ (дата обращения 08.12.2019). Далее текст каталога цитируется без пагинации по электронному изданию.
9. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: Сборник: Пер. с нем. / Под ред. А. Л. Доброхотова. – М., 1991. – 192 с.

*РФК-2020_330_*
Круглый стол «Философия любви»

Любовь и вина как полярные экзистенциалы развития человека

Гришина Е.С.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет», Владивосток, Россия, доцент. Кандидат философских наук

Elenagrishina55@yandex.ru

Аннотация: Исследование феномена любви как самого очевидного и вместе с тем непонятного элемента бытия человека не получает своего завершения ни в одной картине мира. Цель исследования: сократить зазор этого непонимания, анализируя стремление человека к любви через его желание преодолеть виноватость бытия, исходя из того, что главным импульсом поиска любви является, осознанное или нет, стремление выйти из поля априорной, онтологической вины человека за свою неполноту и одиночество. Путь к полноте человеческого бытия и к свободному общению проходит от осознания вины, через её искупление к любви. Только любовь даёт ощущение полноты бытия, только переживание вины позволяет осознать эту онтологически неизбежную неполноту.

Ключевые слова: самореализация, экзистенциал, вина, общение, искупление, любовь

Love and guilt as the polar existential human development.

Grishina E.S.

Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Abstract: The study of the phenomenon of love as the most obvious and at the same time incomprehensible element of human existence does not receive its completion in any picture of the world. The purpose of the study: to reduce the gap of this misunderstanding, analyzing the human desire for love through his desire to overcome the guilt of being, based on the fact that the main impulse of the search for love is, conscious or not, the desire to get out of the field of a priori, ontological guilt of man for his incompleteness and loneliness. The path to the fullness of human existence and to free communication goes from awareness of guilt, through its redemption to love. Only love gives a feeling of the fullness of being, only the experience of guilt allows us to realize this ontologically inevitable incompleteness.

Keywords: self-realization, existential, guilt, communication, redemption, love

Тема любви является предметом исследования многих и многих мыслителей антропологического направления, ибо постижение любви - это один из реальных путей к пониманию тайны человека в части развития его духа, прежде всего. Будучи вечной ценностью души, дух развивает духовность как высший жизненный результат, который ярче всего проявляется в любви. Получается, что любовь возможна лишь потому, что человек это дух. Опираясь на тезис Н. Бердяева, что «сущность духа в свободе», мы рассматриваем Любовь как реализацию свободы в деятельности. Анализируя межличностную любовь, Э. Фромм определяет ее как единство двоих, создающее новое целое и делающее свободным каждого. [1]. Проживание любви говорит о реальной активности духа на пути к созиданию, потом что, говорит .Н. Бердяев, дух - это творчество [2]. Только через любовь дух творит новое для космоса бытие - человека, всегда нового, всегда не завершенного. Получается, что любовь - это состояние, в котором человек только и способен реализовать атрибутивную возможность целевого, творческого созидания. Без любви ни к другому, ни к себе не возникают стимулы этого созидания, так как нет ни возбуждения ожидания, ни горечи от утраты, ни тревоги как ответственности за финал, остается только симулякр жизни, расположенный где-то рядом со временем и пространством, отпущенными для самореализации. Существование вне любви - есть потеря подлинных времени и пространства, несостоявшаяся жизнь, пребывание в «наличном» бытии. Как же быть тем, кто еще не переживал любви? Каковы перспективы преодоления пассивности «наличного» (Хайдеггер) бытия и перехода в творчество «бытия-присутствия»? Уверены, что надежда есть в каждом, ибо любовь как возможность, любовь как смысл жизни, как свет идеала на другом конце жизненного пути неуничтожима.

Итак, исследуя любовь как духовный и социальный феномен, мы заключаем, что любовь является главным условием реализации человеческих возможностей, единственным фактором творческого созидания общества и себя.

Что же это за единый поток, называемый любовью? Каковы формы его достижения и пребывания в нем? С.Л. Франк, например, в изучении феномена любви исходит из того, что «любой другой, любое «Ты» для моего «Я» есть единственный, «Ты» - это лишь реальность для меня, рядом со мной, любое «Ты» всегда чужое. Но! В жизни земной сотворяется чудо, мне открывается чудо другого «Я» наряду со мной самим» [3, с. 321]. Именно такое чудо С.Л. Франк называет любовью. Проникая в этого суть «чудесного перевоплощения», он усматривает сущность любви в том, что другой для любящего не просто его достояние, необходимая реальность, но это преобразующая точка опоры бытия. В любви человек теряет себя в «Ты» и именно в нём себя обретает. Дающий становится обретающим. В схожей парадигме рассуждает и Н.О. Лосский. Для него личность не замкнута. Благодаря этому она способна превращать другое - личность, народ, человечество, Бога - в часть своего «Я», в этом и есть суть любви [4, с. 216]. Эту идею расширенно подтверждает Вл. Соловьёв, считавший, что отдельный человек еще не есть все, но лишь все люди, объединенные любовью, способны быть всем [5]. Одинокий человек сам по себе не представляет завершенной личности и для Бубера. Он усматривает путь к единству мира через воссоединение Ты и Я. Иначе все живут по принципу Оно, граничащего с другим Оно [6, с. 302]. Преодолеть эти границы бытия, перевести «Оно и Оно» в «Ты для Я», трансформировать мир из сосуществования в единое Отношение - и есть главное предназначение любви, любви, но совсем не всегда - законного брака [7].

На основе мысли Н.О. Лосского о том, что нет любви коварства и угодничества, нет любви «за что-то», подчеркнём, что любят не за что, а вопреки и почему, именно потому, что Ты вдруг стал частью Меня. В любви объект и субъект отношений единым себя любящим началом. В изначальной заброшенности в мир и сознание, и душа замкнуты, разомкнуть их - есть задача жизненного движения, реализовать её позволяет любовь. Разомкнуть - значит войти с миром в коммуникативное взаимодействие (Ясперс), открывшись миру, впустив его в себя, и стать единым целым, состоящим из «Я» и «Своего-Иного». Это возможно благодаря тому, что в сознании всегда есть место для внешней энергии, которое заполняется через общение открывшихся Миру личностей. Продвижения к этому всеединству начинается только перед лицом любви как бытия абсолютного, которое, по сути, и есть вечное стремление человека.

Общепризнанной является мысль о том, что любовь к другому не живёт без любви к себе. Значит, все созидательное должно начинаться с развития именно этого чувства. Что не так просто, как кажется на первый, лишенный рефлексии, взгляд. Действительно, любой человек развивается как бытие виноватое. Никто, в принципе, не имеет возможности выйти из поля вины, состоящего из онтологической вины за свою принципиальную незавершенность и неполноту, экзистенциальной тревоги за правильность жизненного выбора, этической ответственности за ежедневные ошибки и проступки. Человек не может, но обязательно хочет преодолеть силы притяжения этого «поля вины». Получается, что жизнь и есть противоборство этой силе в форме искупления. Значит искупление - это форма движения жизни. «Не осознающий вины» не озадачен ни какими проблемами и постоянно находится в «наличном» бытии. А вот вина представляется нам первым и самым надежным толчком к «творческому порыву». В свою очередь завершением жизненного стремления мы называем любовь как единственный процесс, ведущий к искуплению онтологической вины через достижение полноты бытия - трансцендентального единства с Другим.

Перед человеком, таким образом, стоит сложная задача - полюбить себя-виноватого. Может быть проще сделать вид, что вины нет? Но проблема в том, что онтологический модус проявления вины тревожит постоянно, независимо от наличия осознанного признания. Получается, что игнорировать чувство вины - это лишь отложить проблему. С другой стороны, человек может абсолютизировать образ себя виноватого, постоянно актуализируя его через муки от постоянства этических ошибок, и в результате, превратив жизнь в процесс самобичевания и развития комплекса неполноценности, вообще закрыть себе дорогу к самоуважению. Предложим более конструктивный вариант. Чтобы полюбить себя, по нашему мнению, необходимо принять-приручить онтологическую вину, то есть найти меру между осознанием чувства вины и ее искуплением с одной стороны, и умением прощать себя - с другой. Прощать - это не значит игнорировать вину, или осознавать себя изначально не виноватым, Умение прощать означает это умение принять вину через понимание ее позитивного созидательного смысла. Именно в этом процессе мы видим сложную дорогу формирования в себе личности, т.е. способности не только признавать вину, но и сознательно идти по пути ее искупления. А то, что именно эта дорога только и может вывести на строительство любви, видится нам как объективный факт всего движения жизни. Любовь к целостной личности другого человека, полагает Н.О. Лосский, может быть осуществлена не иначе, как целостной личностью любящего. Любовь именно между двумя личностями представляется философу как великая, созидающая сила, которая только и способна создать нечто новое, повысив творческую силу и самостоятельную волю каждого. Два потока самосозидания, сливаясь в любви воедино, осуществляют прогресс человечества и духовный, и материальный. В любви, по нашему мнению, вина теряет свою власть над человеком. При этом мы готовы ответить на вопрос внимательного читателя: «Разве можно определять любовь, в которой преодолено чувство вины, основной созидающей силой, если в начале рассуждения именно вина выделялась как надежный источник саморазвития?». Мы не видим здесь противоречия так как понимаем виноватое бытие и бытие в любви как два этапа бытия человека. Бытие человека начинается с переживания за свою неполноту, которое пробуждает в активность поиска полноты. Перспективы этой активности человек, осознанно или нет, усматривает в грядущей любви. Принципиальная бесконечность этого пути обусловлена тем, что любовь не уничтожает все другие жизненные процессы, те, в которых ведущей побудительной силой остается вина. На жизненном пути вина и любовь как два антипода постоянно сопровождают человека И, если вина и смерть ограничивают жизнь как крайние точки временной конечности, то вина и любовь как две вершины духовного развития открывают человеку бесконечность возможностей в жизни.

Литература

1. Фромм Э. Душа человека. М.: Политическая литература, 1992. 434 с.
2. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
3. Франк С.Л. Непостижимое // Сочинения. - М.: Правда, 1990. С. 183-556.
4. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.,1991.
5. Соловьёв Вл. Смысл любви. М.. 2018. 116 с. Мартин Бубер. Я и ТЫ. // Квинтэссенция.: философский альманах, 1991. - М.: Политиздат, 1992. С. 294 -371.
6. Котлова Т.Б. Замужество и развод в жизни горожанки на рубеже XIX -XX вв. (по материалам центральных губерний России) / Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2002. № 3. С. 154.

Концепция любви в философии П. Сорокина

Дягилева М.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, аспирантка

Dyageleva_mv@mail.ru

Аннотация: С древнейших времен философы, поэты, художники и религиозные деятели размышляли над мистическим феноменом любви. Основываясь на греческой традиции различения проявлений любви, П. Сорокин проанализировал эгоистическое проявление любви (Эрос) и неэгоистическое проявление любви (Агапе), а также их сущностное влияние на все сферы деятельности человека. «Страстный русский оратор», как называли его современники, утверждал, что в мире бушующих страстей, войн, конфликтов и небывалой агрессии только мистическая и непознанная сила любви, направленная на все человечество, а не на конкретный субъект, способна спасти мир от неминуемого саморазрушения. Но какова эта загадочная сила? Как она проявляется и можно ли ее измерить? Как она нисходит на людей, и какие изменения в человеке производит?

Ключевые слова: П. Сорокин, любовь, альтруизм, «добрые соседи», «святые», апостолы любви, эрос, Агапе.

The concept of love in the philosophy of P. Sorokin.

Diaghileva M.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: Since ancient times, philosophers, poets, artists and religious figures have pondered the mystical phenomenon of love. Based on the Greek tradition of distinguishing between manifestations of love, P. Sorokin analyzed the egoistic manifestation of love (Eros) and the unselfish manifestation of love (Agape), as well as their essential influence on all spheres of human activity. The “passionate Russian speaker,” as his contemporaries called him, argued that in a world of raging passions, wars, conflicts and unprecedented aggression, only the mystical and unknown power of love, directed at all humanity, and not at a specific subject, can save the world from inevitable self-destruction. But what is this mysterious power? How does it manifest and can it be measured? How does she condescend to people, and what changes does a person make?

Keywords: P. Sorokin, love, altruism, “good neighbors”, “saints”, apostles of love, Eros, Agape.

Питирим Александрович Сорокин (1889-1968) считается одним из ярчайших представителей мировой социологической и философской мысли, создателем многих оригинальных теорий и концепций, незаслуженно игнорируемым длительное время в родном Отечестве. Исследователи часто подмечают эволюцию научных взглядов П.Сорокина: от превалирования социологических идей и концепций к чисто умозрительным философским размышлениям, относящимся к периоду после эмиграции. В данном контексте фигурирует популярная идея о том, что именно на этом последнем этапе Сорокин в большей степени посвятил себя исследованию феномена любви и ее влияния на жизни людей, однако данное утверждение, на наш взгляд, кажется достаточно спорным.

Рассматривая его автобиографическую работу «Дальняя дорога», можно прийти к выводу, что с юных лет Сорокина не покидало особое переживание такого таинственного и поистине сверхъестественного чувства как любовь. По сути, именно с потрясения, связанного со смертью матери, и сопереживания обезумившему от горя отцу, начинаются его сознательные воспоминания. Он пишет: «Любовь, которая переживает смерть любимого человека и сохраняется до ухода из жизни второго супруга,— сейчас редкость. Во многих современных мудрствованиях это рассматривается как нечто примитивное, устаревшее и бессмысленное. И все же любовь до гроба была и остается самым замечательным, святым и красивым идеалом человеческой жизни — идеалом бессмертным и возвышенным. Мы со старшим братом инстинктивно чувствовали, что это верная любовь оправдывает алкоголизм отца и каким-то образом наполняет нашу жизнь ощущением прекрасного» [1, с. 11].

В первой монографии «Преступление и кара, подвиг и награда» Сорокин утверждал, что существует некая закономерность изменения в системе наказаний и поощрений, связанная со смягчением репрессивных мер и их дальнейшего неминуемого упразднения как излишних. Общество, по его мнению, развиваясь, приобретает все большее стремление к консолидации и альтруизации человеческого поведения, что в итоге должно привести к появлению человека будущего, сверхчеловека. «Сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, права и нравственности, не знающий извне навязываемого «долга» и полный действенной любви к сочеловекам, - вот предел, к которому ведет история человечества» [2, с. 380].

Позднее данная мысль проявляется в его работе «Вечный мир и всемирное единение народов» (1917), приобретая политическое звучание, в контексте международных отношений и необходимости мирного сосуществования государств. Апеллируя, статистическими данными, Сорокин указывает на факт расширения идеи ближнего, как закономерное явление исторического развития человеческого социума. По его мнению, в завершенном виде данный факт должен привести к созданию единой надгосударственной организации, основанной на свободном суверенном членстве всех стран [3, с. 16]. Учитывая религиозность философа, трудно не заметить сходства между политико-юридическими взглядами Сорокина и библейской концепцией любви к ближнему.

В свете вышеизложенного кажется очевидным, что тема любви красной нитью проходит не только сквозь поздние, но и ранние произведения выдающегося исследователя.

По мнению Сорокина, сфера любви является самой игнорируемой темой научного исследования, возможно в силу сокровенности указанного чувства, возможно в силу того, что социология, психология и философия в большей степени заняты изучением негативных общественных явлений.

Лишь любовь, с точки зрения Сорокина, может стать мощнейшим антидотом от разрушительных тенденций современности. Для описания данного сакрального и таинственного чувства Сорокин использует несколько терминов: в разных местах он называет её энергией, силой, благодатью, но все это только в том значении как «способность производить действие или эффект» [4].

В этом контексте особый интерес вызывает его интерпретация бытия как «бесконечного многообразного X». В силу многоаспектности и необъятности интерпретаций, среди которых наравне сосуществуют материалистические, духовные и витальные, X воспринимается также и как mysterium tremendum и coincidencia oppositorum. [5, с. 378] Именно в данном контексте Сорокин подчеркивает особую роль сверхсознательной интуиции, которая загадочным образом «схватывает» и интегрирует все стороны бытия. Само это многообразное бытие X, идентифицируемое Сорокиным с наиболее абстрактными философскими понятиями, такими как благо, Бог, Дао, Брахман, Нус, может быть постигнуто только интуитивной формой познания.[5, с. 384]

В связи с этим возникает интересная коннотация между Богом и философско-религиозным осмыслением любви в философии П. Сорокина. Причем он подчеркивает, что данное сопоставление характерно не только для христианской традиции, но и для индийской, китайской, японской, мусульманской и других. Согласно с его взглядами, любовь, во-первых, выступает как важнейшее интегрирующее начало, связывающее не только Бога с человеком, а человека с Богом, но объединяющее людей в человеческий социум. Более того, только посредством любви человеческая личность интегрируется в единое, целостное и состоявшееся Я, свободное от внутренних раздоров и конфликтов.

Анализируя множественные аспекты манифестации любви, он акцентирует внимание на важнейшем онтологическом аспекте понимания любви, в котором любовь представляет собой одну из сторон триединства Красоты, Истины и Любви. Например, в христианской философской мысли это единство соответствует Богу Отцу, Богу Сыну и Святому Духу; а в индийской традиции существует интерпретация, одним из интересных примеров которой является фильм 1978 года «Истина, любовь и красота», где слово «любовь» - «shivam», означает одновременно и вечную любовь, и бога Шиву. Подобная интерпретация созвучна сорокинскому предположению, что «возможно она [любовь-Агапе] приходит к человеку свыше»[6, с. 258-259],

В рамках исследования «Altruistic love: A study of American «good neighbours» and Christian saints» Сорокин последовательно сравнивает два главных типа альтруистов – «добрых соседей» и «святых». «Добрые соседи» руководствуются принципами отчасти «прагматическими», потому что наиболее общей причиной своего поведения они зачастую называют желание создать некую благотворную

среду, пропитанную взаимопомощью и благожелательностью. [7, с.11] Важно подчеркнуть, что именно данный тип альтруистов производит наибольшее «количество» любви, с точки зрения Сорокина.

Святые, или апостолы любви, как называет их Сорокин, достигают более совершенной и возвышенной неэгоистической любви путем особой мистической интуиции. В некоторых случаях они даже отождествляют себя со сверхсознательным источником Любви, Красоты и Истины, называя себя реинкарнациями таких – Бог, Брахма, Отец, Мать и другие эквиваленты. [8, с. 109]

Поэтому можно утверждать, что если добрые соседи руководствуются «рациональным» пониманием любви и нравственности, то святые в некотором смысле выходят за рамки рационального и, в стремлении слиться со сверхсознанием, проявляют себя как гении творческой любви, как создатели новых моральных законов, как образы абсолютно нового типа поведения. Соответственно, являясь девиантами, они чаще приводят не к единению людей, а, наоборот, к их разобщению. Однако именно они расширяют границы понимания «этичного» и дают пример более возвышенного проявления любви и служения людям.

Таким образом, П. А. Сорокин даёт нам многозначное понимание феномена любви, показывает её силу и значимость в социальном и индивидуальном бытии. Даже эгоистическая любовь возвышает человека, любовь же альтруистическая поднимает его на новый уровень.

Литература:

1. Сорокин П. Дальняя дорога: Автобиография. М.: «Московский рабочий; ТЕРРА», 1992. 273 с.
2. Сорокин П.А. Преступление и кара: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. Сыктывкар: Анбур, 2015. 496 с.
3. Сорокин П. Вечный мир и всемирное единение народов. Петроградъ, Революционная мысль, 1917. 31 с.
4. Васильева Т.С. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. №№8,9.
5. Allen, P.J. Pitirim A. Sorokin in review // Sorokin P.A. Reply to my critics. Durham, 1963. 527 p.
6. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. / Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильева. М.: Наука, 1997. 351 с.
7. Sorokin, P. A. Altruistic Love: A Study of American Good Neighbours and Christian Saints. Boston. The Beacon Press, Mass. 1950. 253 p.
8. Sorokin, P. A. The ways and power of love: Types, factors and techniques of moral transformation. Boston. The Beacon Press, 1954. 552 p.

Архетип Любви в философии Шри Ауробиндо

Иванова М.Г.

Российский Университет Дружбы Народов, ассистент кафедры политического анализа и управления ФГСН, кандидат философских наук

renkas55@mail.ru

Аннотация: Ключ к пониманию любви мы обнаруживаем в древних текстах восточной философской мысли. В частности, к таким выводам пришел известный мистик и философ Шри Ауробиндо Гхош. Следуя за его рассуждениями, мы обнаруживаем целый мир скрытых символов и образов, которые, вместе с тем, оказываются парадоксально простыми и доступными любому ищущему взгляду. Ригведа открывает нам тайну воплощённой любви в образе одного из древних богов – Митры.

Ключевые слова: архетипы, Духовный архетип, архетип Любви, Шри Ауробиндо Гхош

The Archetype of Love in Sri Aurobindo's Philosophy.

Ivanova M. G.

Peoples Friendship University of Russia, Manager of the Department of Political Analysis and Management of the Federal State Social Service

Abstract: The key to understanding love we find in ancient texts of Eastern philosophical thought. In particular, the famous mystic and philosopher Sri Aurobindo Ghosh described it in his articles. Following his reasoning, we discover a whole world of hidden symbols and images, which, at the same time, are paradoxically simple and accessible to any searching eye. The Rigveda reveals to us the secret of embodied love in one of the ancient gods – Mithras.

Key words: the archetypes, the spiritual archetype, Sri Aurobindo Ghosh

Шри Ауробиндо известен во всем мире как философ, мыслитель, общественный и политический деятель. Он считается одним из реформаторов традиционной индийской философии в XX веке, а его философия олицетворяет собой новый взгляд на возможности эволюции человеческого сознания [6], раскрывает не только смысл древних архетипических сюжетов и символов, но и через их познание предлагает методы для сознательного самосовершенствования [4].

Современная наука зачастую ищет ответы на вопросы о смысле человеческой жизни и её предназначении в биологической природе человека, в новых технологических возможностях «постчеловека» или сводит все к социальной детерминированности [3], пытаясь ускорить темпы технологического прогресса. Но, как прозорливо отмечает П.С. Гуревич, «абсурдно думать, будто технические достижения способны мгновенно разрешить мучительные проблемы человеческого существования… Правда ли в том, что постчеловек будет свободен от злобности и агрессивности, чрезмерного эгоизма и потребительства?» [2, с. 59-60] и далее, «… понимание человека связано со смыслами, ценностями, социальными нормами» [2, с. 68].

Так, ряд исследователей полагает, что основной ключ для понимания предназначения человечества уже содержится в самой природе индивида и, более того, выражен в знаковых архетипах и символах культуры [5; 11]. Поэтому, он, может быть, уже давно раскрыт древними первопредками и находится в базовых архетипах различных культур (на что, указывал, например К. Ясперс в книге «Истоки истории и ее цель» [12]).

Шри Ауробиндо уделял большое внимание вопросу истоков философской мысли и человеческой культуры и осуществлял свой поиск в древнеиндийских культурных источниках письменности [7; 9; 10]. Результатом исследовательской деятельности стали его комментарии к ряду древних индийских текстов, среди которых Упанишады Иша, Кена, Катха, Мундака, Прашна и др., а также он осуществил перевод и предложил психологическое толкование древних гимнов Ригведы (долгое время эти тексты рассматривались с позиций ритуалистического материализма, как сборник исторических описаний жизни и обрядов жертвоприношения первобытных народов) [8].

Выводы, к которым пришел Шри Ауробиндо, были восприняты в Индии как новое откровение Вед (неоведанта) [4, с. 204]. Например, В.С. Костюченко отмечал, что комментарии Ауробиндо Гхоша к памятникам древнеиндийского эпоса являются настолько уникальным событием, «что уже при жизни он получил имя современного риши (поэта-провидца)» [4]. На оригинальность исследовательских находок Шри Ауробиндо указывала и философ А.Е. Величенко [1], а также некоторые другие авторы (В.С. Костюченко, А.Д. Литман, Г.Ф. Чечехина, В.В. Бродова). Также частичным подтверждением значимости исследований Ауробиндо является существование по всему миру более 20 обществ и научных центров, занимающихся анализом идей Ауробиндо (Институт культуры Ауробиндо в Калькутте, Центр интегрального образования в Нидерландах, Американская ассоциации Шри Ауробиндо в США, Центры в Сингапуре, Гонконге, Великобритании, Непале и т.д.).

Несмотря на то, что философия Шри Ауробиндо пронизана мистицизмом и связана с непосредственным духовным опытом ее автора (что, в принципе, отражает антропологический перфекционизм и установку на «жизненную ориентацию», свойственные всей восточной философии), обращает на себя внимание то, что в своих исследованиях Шри Ауробиндо широко использовал различные научные подходы и методы, применявшиеся в западной науке того времени.

В частности, для исследования Ригведы Шри Ауробиндо выбрал методы сравнительной филологии, мифологии и истории, а также системно использовал метод психологического толкования текстов через символику санскрита, что позволило ему описать свехчеловеческие способности «скрыто пребывающие за покровом обычной человеческой жизни» [4, с. 230].

Так, Любовь, Радость, Гармония являются не только атрибутами божественных сил, но также через соприкосновение с ними, человек может развить их в себе, приблизиться к «состоянию Истины» [8, с. 337].

Благодаря комментариям Шри Ауробиндо к Ригведе [8; 9] мы обнаруживаем понимание того, в чём заключено подлинное предназначение любви в мире: «Сила и Любовь, объединённые и обе освещённые Знанием, осуществляют Бога в мире» [8, с. 342]. Таким образом, сила, любовь и знание образуют триединство и открывают путь к мистическому проявлению Бога в мире, в котором восторг и любовь оказываются в самой сути человеческого существования . Ригведа также открывает и то, каким образом это становится возможным для человека – через осознанное соединение с архетипами сверхознательной (божественной) реальности: «Они – Любовь и Чистота, трудноподавляемые, которые своими распознаниями дают знание тому, кто не имеет знания; они приносят ему их побуждения воли, что имеет правильное видение, и они ведут его по хорошим путям за пределы зла» [8, с. 709].

Одним из «Господ Любви», согласно толкованию текстов Ригведы, является господь Митра, воплощённая сила Света и Истины в аспекте Любови, Радости и Гармонии. Риши неоднократно обращаются к нему с просьбой озарить их знанием и понимаем той Любви, что лежит в основе всего мироздания. Таким образом, через знакомство с описанием и значением древних символов и образов мы получаем возможность приблизиться к раскрытию тайны Любви в этом мире.

Литература:

1. Величенко А.Е. Тайна йоги Шри Ауробиндо: реконструкция безмолвного знания. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
2. Гуревич П.С. Редукционизм как соблазн наук о человеке // Проблемы совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблемы социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? / Отв.ред. Г.Л. Белкина; Ред.-сост. М.И. Фролова. Предисл. С.Н. Корсакова. М.: ЛЕНАНД, 2016.
3. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
4. Костюченко В.С. Классическая веданта и неоведантизм. М.: Мысль, 1983.
5. Нижников С.А. 2009 Духовное познание в философии и Востока и Запада. М.: РУДН, 2009.
6. Шри Ауробиндо Духовное возрождение. Сочинения на бенгали / Пер. с англ. СПб.: Издательство «Адити», 2005.
7. Шри Ауробиндо Откровения древней мудрости. Веды, Упанишады, Бхагаватгита / Пер. с англ. СПб.: Издательство «Адити», 2001.
8. Шри Ауробиндо Тайна Веды / Перев. с англ. М.Г. Дмитриева. Россия: AUROBINDO.RU, 2015.
9. Шри Ауробиндо Тайна Веды. Собр. Соч. Т. 2. Тайна Веды / Пер. с англ. – СПб: Издательство «Адити», 2004.
10. Шри Ауробиндо Упанишады: Кена и другие. Собр. соч. Т.5. Упанишады: Кена и другие / Пер. с англ. СПб.: Издательство «Адити», 2002.
11. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Одежды любви/супружества

Кирсанова Л.И.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, профессор кафедры философии и юридической психологии, доктор философских наук

kirsanovalidiya@rambler.ru

Аннотация. Современная культура очарована особого рода формами, которые вызывают мгновенный эффект понимания – визуальным продуктом. Важнейшими среди них является кино. В нем содержание душевной жизни человека подвергается сокрытию, не ясно, что переживают персонажи, мы увлечены визуальной презентацией. Темой нашего исследования является кинофильм Пола Андерса «Призрачная нить», в котором по-новому рассказана архетипическая история Золушки и Принца, приправленная историей Пигмалиона, где переключателем статусности является другая часть одежды нежели туфелька – платье для Альмы. К онтологии одежды мы относим: легкие вещи, воздушные ткани мы сближаем с Голосом, Жизнью, Движением, Свободой, а плотные тяжелые ткани, темные тона одежды соотносим с Забвением, Холодом, Смертью. Одежда индивидуализирует, хотя соотношение между спектаклем одежды – Модой и внутренней событийностью героини вовсе неоднозначно. (1, с.75). Главная героиня под взглядом Мастера претерпевает превращения, переходя от предмета любования в начале любовного отношения к объекту потребления, демонстрации богатства и статуса на этапе супружества.

Ключевые слова: кинофильмический продукт, система одежды, мода, идентификация, любовное отношение, отчуждение супружества.

Love and marriage clothing.

Kirsanova L.I.

Vladivostok State University of Economics and Service

Abstract: The modern culture is charmed by sui generis forms which cause an instant effect of understanding- a visual product. Cinema is one of the most important of these. There is a hidden inner space of a character whose mental experiences remain unclear since we're attracted by the visual presentation. Our research topic concerns the movie "Phantom Thread" written and directed by Paul T. Anderson that tells an archetypal story of Cinderella and the Prince in a new way laced with the story of Pygmalion where Alma's dress, as a different item of clothing rather than Cinderella's shoe becomes a symbol of the status change. Speaking of clothing ontology we attribute light, airy materials to the Voice, Life, Movement, Freedom whereas thick, dark tones of clothes are referred to Oblivion, Cold and Death. The heroine in sight of the Master undergoes certain transformations turning from the object of admiration at the beginning of loving relationship to the object of consumption, display of wealth and status at the stage of marriage.

Keywords: cinema production, clothing system, identification, love relationship, alienation of affection.

В статье рассматриваются три взаимосвязанные между собой темы: во-первых, особенности кинофильмического образа в его отношении к реальности, во-вторых, индивидуальная история героини фильма, взятая со стороны спектакля одежды, в третьих – отношение Любви. Любите ли Вы кого-нибудь,- спрашивает Альма. - Я шью платья,- отвечает герой фильма Пола Андерса «Призрачная нить». Для него, одевать женщину – значит любить.

Кино предназначено к тому, чтобы смотреть, кино смотрят, реже – о нем говорят, еще реже – кино становится предметом философской рефлексии. Начнем с того, что сущностью кино является хорошо рассказанная любовная история: события кинофильма, его герои, ситуации, в которых они себя проявляют относятся не только к собственно к кино, но в целом, к тому сущему, которое мы называем жизнью. О чем фильм Андерса «Призрачная нить»? По сути, это вечная история о золушке, которая под взглядом художника (в данном случае, знаменитого модельера) превращается в

принцессу. Костюм, платье героини, которое выбирает для нее кутюрье, выполняет роль волшебной палочки, производящей переключения: вульгарная простолюдинка, официантка из загородного кафе превращается в супругу, хозяйку преуспевающего Дома моды. Конечно, на ум приходит история Пигмалиона. Однако, дело обстоит несколько сложнее: главный герой не только Мастер, но и Принц, наследник и глава матриархатного универсума - Мать-Сестра.

Чтобы предаваться чистому творчеству, он принужден жить в окружении женщин-монстров – Матери(Смерти), Сестры и Супруги. В сказке о Золушке не сообщается о том, в кого превратится хитрая и амбициозная девочка. Итак, первая часть наших рассуждений касается истории Золушки и Принца, по сути, это история любовной очарованности.

Во второй части речь пойдет об одежде, что позволяет нам не вдаваться в психоаналитические подробности сложных личных отношений матери, сестры, возлюбленной, а позднее- супруги мастера. Посмотрим на эту историю как бы извне, с точки зрения того, как меняются одежды Альмы (2, с.84-85). В начале она предстает в переднике официантки, с завязанным сзади узлом, большими, неуклюжими руками, с вульгарным макияжем. Вместо пастельных тонов помады, которая лишь подчеркивает рисунок губ, героиня предстает с губами, обведенными «хищной» красной помадой. Заметим жест мастера: он стирает салфеткой этот знак вульгарности. Еще дополнение: она держит руки, сжав кулаки, в карманах рабочего платья, как это делают простолюдинки. Узел передника – это то, что делает ее тело связанным сзади, оцепенелым, подчиненным. Влюбленный взгляд мастера делает рукава ее платья воздушными, движения рук напоминают взмахи крыльями птиц, свободных лететь ввысь. Цвет душной сексуальности ее первоначального платья меняется на пастельные тона светло-сиреневого, нежного и утонченного. С какой тщательностью мастер подбирает ей нужный цвет, который способен выразить его чувство – тонкое и неторопливое. В дальнейшем, ее платье претерпевает изменения, линия костюма движется не по канве эмоции, а по возрастанию статуса и значимости: любимая женщина становится супругой. Госпожа, хозяйка модного дома, мать наследника Империи моды может позволить себе носить облегающую, влитую одежду, которая маркирует неторопливость праздности, способность обращать внимание, фиксировать взгляды окружающих, соблазнять без признаков распущенности. Сравним: официантка бегает, суетиться, ее одежды созданы для широкого шага прислуги.

Третья тема: об онтологии костюма. Со времен античности представлялось, что легкие вещи, прозрачные ткани, кружева, вуали сближают с Жизнью, Голосом, Движением, Свободой, а вещи плотные, тяжелые ткани, темные расцветки напоминают о тяжести жизни, ее конце, холоде и мраке смерти, подземной пещере. Впрочем, смерть тоже требует костюма.

Человек носит одежду, в этом заключается его видовое отличие от животных. Одежда никогда не была и по сей день не является чем-то естественным, она сконструирована культурой, социумом, и в известной степени, модой. Мода может быть маркирована исторически, этнически, гендерно: греческая туника, египетский костюм, барочная одежда, мужской и женский наряды и проч. Нет смысла пересказывать все то, что сделал Ролан Барт в книге «Система моды» (3, с.295-296). Моя мысль заключается в том, чтобы рассмотреть историю героев фильма с точки зрения эволюции одежд. Кинофильмические образы картины «Призрачная нить» обретают историческую, гендерную размерность, благодаря костюму. Удлиненное платье со шлейфом, в которое драпируются многие персонажи фильма, несет значение изысканности: в нем можно передвигаться только мелким шагом, осторожно ступая по поверхности пола, придерживая край платья. Никакое свободное движение недопустимо и даже рискованно: нельзя спуститься по лестнице, прыгая через ступеньку.

Сконструированная одежда, искусно подчеркнутая обилием застежек, корсетом и проч. затрудняет не только движение, но и дыхание, изменяет Голос, парализует то, что мы называем Жизнью и Свободой. Грубый, брутальный голос деревенской девицы меняется на тихий, едва живой голос светской дамы. Сравним с сегодняшним днем: современная одежда, сформированная в эпоху капитализма, войны, освобождения женщины, всеобщей занятости сделала гибким переход от повседневного костюма к вечернему. Это не вечерние платье со шлейфом вышли из моды, изменилась история и эпоха, женщины разучились их носить, а мужчины – подавать руку и придерживать спутницу при ходьбе.

В кинофильме Пола Андерса «Призрачная нить» речь идет о высшем слое общества эпохи социального расслоения и иерархии: среди заказчиц модного дома преобладают не просто знатные особы, но даже встречаются принцессы крови – королева и ее дочь. Ввиду этого, одежды героинь отличаются изысканным блеском драгоценностей, искусственными формами как со стороны кроя, ручной обработки швов, так и фактурности тканей, дороговизны отделочных материалов (голландские

кружева XII века). Закройщик одежды – это не просто модельер, но художник, обладающий достоинством подлинного Мастера: в его изысканном платье нельзя напиваться, падать лицом в салат и валяться в кровати, не сняв наряда.

Одежде было дано право иметь власть над человеком, менять место в социальной иерархии: передник официантки заменен на платье со всеми признаками богатства и статуса. Альма получила все то, что маркирует богатство, за исключением белого свадебного платья. Белое платье – это одежды смерти, мертвой царевны-матери, в которые кутюрье не желает одевать свою супругу. На этом придется остановиться, потому что дальнейшее обсуждение того, почему мастер падает в обморок (это временная смерть)его тошнит, он пачкает свадебное платье принцессы, заставляет погружаться прямо вглубь смыслов бессознательного.

Вместо этого, обратим внимание еще на одну сложность: на соотношение слова и визуального образа, которые с трудом переводятся друг в друга. Визуальный образ упакован так, что дается сознанию сразу и целиком, целокупно, а не дискурсивно. Например, использованные мною Слова «облегающая, влитая одежда» придают образу характер абстрактности, тогда как созерцание такой одежды провоцирует чувственность, потому что демонстрирует, предлагает к показу изумительные изгибы тела, его движения и проч. Образ тела в одеждах характеризуется обилием подробностей, нюансов, сложностей, которые формируют значения на уровне чувственности, ускользающие от словесного обозначения. Намеченная талия с напуском – весьма неточно передает смыслы визуального образа молоденькой девушки, смущающейся от своей сексуальности, или облегающие перчатки, благодаря которым ручка дамы точно вкладывается в руку кавалера, но без развязности. Все это очень приблизительно и неточно передает смыслы, во всяком случае, они не относятся к ясным и очевидным. Вариант прилегающей одежды имеет две противоположные функции: одежда всегда выполняет функцию защиты тела, она образует убежище, создает замкнутое пространство, а с другой – занимает объем вовне, обозначает себя в пространстве. Объёмная одежда, например, пуховик матрасного типа, широкий, длинный, свободный оказывает давление на пространство, он занимает место, большее, чем собственно тело. В варианте прилегающей одежды присутствует некоторая скромность, тогда как объемная одежда открыта вовне, давит на пространство. Заметим, сколько места занимает тоненькая девушка в пальто элегантного покроя, и такая же в объемном пуховике.

Наша героиня, Альма, в облегающем платье заключена в своем костюме, закрыта вовнутрь, согласно принципам индивидуации.

Мастер и Золушка постоянно спорят о плотности тканей, их фактурности: первоначально, Альма настаивает на закрытости против прозрачности, она желает скрыться под одеждой от взглядов окружающих. Он же упрекает ее в отсутствии вкуса, да и откуда ему у нее взяться. У людей вкус в отличие от животных не является врожденным, он воспитывается: открытое декольте вовсе не является признаком доступности. Люди низкого происхождения предпочитают обнажение и наготу, стремятся достичь максимума оголенности.(4, с.199-204). Люди со вкусом предпочитают Соблазн облегания, который заключается в пластичности тела-одежды, костюм повторяет все изгибы тела, он движется вместе с телом, а не колышется отдельно от него, это тождество тела и одежды напоминает звериное, здесь вступает в права Природа женщины. Пышная одежда, свободный костюм не опираются на динамику тела, они движутся не в унисон, а отдельно друг от друга, часто это выглядит смешно и неуклюже, что неоднократно обыгрывается в комедиях с Пьером Ришаром, например. Облегание и стягивание образуют оппозицию в отношении свободы и ее ограничения. К вариантам движения тела следует отнести длинное и короткое платья: удлиненное платье в смысловом отношении характеризует возвышенность, устремленность вверх, подъем и даже попытку взлета, тогда как короткое платье – это урезанное движение, спад, считает Р. Барт. Прозрачность, легкость ткани, кружева могут быть уподоблены таким качествам как состояние полета, возвышенности и даже эйфории, а плотные ткани за счет своего веса и нагрузки на тело означают неудобство, а также такие качества человека как жесткость, традиционализм. Церимониальные одежды власти всегда тяжелые, жесткие, громоздкие, посредством костюма власть стремиться занять возможно большее место в пространстве, выглядеть значительной. Существуют одежды и цвета тлена и смерти, вдовства. Сестра Мастера – старая дева, всегда в черном, строгом костюме.

Спровоцировав неожиданную встречу кинофильмической истории двух очень разных людей, оставшихся одинокими на поле любви, историю перекраивания костюма героини и онтологию одежды мы создали возможность понять смысл того, что мы именуем с подачи Ж. Лакана стадией зеркала.

Литература:

1. Гофман И. Закрепление форм деятельности./Социология вещей. -М.: Изд. дом «Территория будущего», 2003. С.75.
2. Кристева Ю. Смысл и мода // Избранное: разрушение поэтики. М.:Росспэн,2004. С.84-114.
3. Барт Р. Модная женщина //Система моды.-М.: Изд-во им.Сабашниковых, 2004, с.295-296.
4. Бодрийяр Ж. Вторичная нагота //Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. С.199-204.

Единство любви и познания Истины в философии П.Флоренского

Кожемяченко Н.Р.

Дальневосточный федеральный университет, Школа искусств и гуманитарных наук, Департамент философии и религиоведения, доцент. Кандидат философских наук

kozhemyachenko.nr@dvfu.ru

Аннотация: Статья посвящена раскрытию единства любви и познания Истины в философии П. Флоренского. Подлинно новая жизнь предполагает внутреннее делание, творческое перерождение духовных основ жизни в преодолении обособленности с помощью любви. Истинная любовь проистекает из познания Бога, признав любовь внутренней жизнью истины, человек приходит к триединству Истины, наше сердце и разум стремятся найти Истину как высшего субъекта любви. Жизнь без любви, жизнь без Бога, без Истины, т. е., вне познания, есть грех. Любовь – это не психологическое состояние, а «онтологический акт», переход в новую действительность, всеобъемлющая способность преодолеть эгоизм как жизненный принцип, устранить вражду в отношениях между людьми. Вместо разрозненных Я образуется дву-единое существо, имеющая начало своего единства в Боге.

Ключевые слова: философия всеединства, метафизика, Абсолют, Истина, справедливость, любовь-милосердие, София.

The unity of love and knowledge of Truth in the philosophy of P. Florensky.

Kozhemyachenko N.P.

Far Eastern Federal University, School of Arts and Humanities, Department of Philosophy and Religious Studies

Abstract: The article is devoted to revealing the unity of love and knowledge of Truth in the philosophy of P. Florence. A truly new life involves internal making, the creative rebirth of the spiritual foundations of life in overcoming isolation through love. True love stems from the knowledge of God, recognizing love as the inner life of truth, man comes to the triity of Truth, our heart and mind seeking to find Truth as the supreme subject of love. Life without love, life without God, without Truth, that is, outside knowledge, is sin. Love is not a psychological state, but an “ontological act,” a transition to a new reality, a comprehensive ability to overcome selfishness as a life principle, to eliminate enmity in relations between people. Instead of the disjointed I form a court-single being, having the beginning of its unity in God.

Keywords: the philosophy of ecumenical unity, metaphysics, Absolute, Truth, justice, charity-love, Sophia.

Многие русские философы в начале XX века начинают связывать свои философские идеи с христианством, пытаются религиозно осмыслить мир и место в нем человека. Один из них – о. П. Флоренский, считавший, что именно Церковь является источником и утверждением Истины, нужно философствовать изнутри религии, сближать Церковь и культуру, через сомнения безбоязненно идти к Истине.

Он убежден, возродить нравственность в человеке и в обществе без возвращения к религиозным началам крайне непросто. Человек – целый микрокосм, в нем заключается весь мир. Нужно, чтобы совершающееся в личности совершалось не на периферии, а в глубине ее, т.е. было не только психологическим, но и духовным. То, что совершается в глубине личности, проявляется на всех ступенях бытия, ведь в глубине личности, в ее ядре есть избыточная творческая энергия, порождающая великие ценности, обогащающие жизнь. Духовная внутренняя жизнь – не только личная, но и соборная, национальная. Подлинно новая жизнь предполагает внутреннее делание, творческое перерождение духовных основ жизни в преодолении обособленности с помощью любви как онтологической основы бытия.

Метафизика всеединства, основоположником которой философское сообщество единодушно

признает Вл. Соловьева, всегда привлекала свое внимание о. П. Флоренского, остро ощущавшего не только живое единство, целостность бытия, но и связь космоса с Абсолютом. С наибольшей полнотой свои идеи Флоренский раскрыл в работе «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи», которая, по словам Г.В. Флоровского «…является…значительным фактом в русском религиозном движении…Здесь совмещается необычный захват философской и богословской эрудиции и сила и гибкость диалектики с высокой напряженностью интуитивных прозрений и глубиною непосредственного религиозного чувства» [6, с.82].

Ядром метафизики всеединства Флоренского является тщательное продумывание всеединства, как принципа внутренней формы справедливого бытия. Его основная идея – это противоположность познания рассудочного и познания духовного [5, с.43]. Познание есть акт внутреннего объединения познающего с познаваемым. С чем же предстоит объединиться человеку на пути к Истине? Флоренский рассуждает следующим образом: познать истину значит – стать истинным, т. е. осуществить свое идеальное, предвечное Божественное назначение, найти свое подлинное место во вселенной и Боге. Интуиция-дискурсия через сомнения ведет к утверждению истины, как само-доказательного Субъекта, который, безусловно, есть единая сущность о трех ипостасях – Абсолют, или Бог-Троица.

И если есть Бог, говорит Флоренский, то он необходимо есть абсолютная любовь. Любовь не может быть только признаком Бога, ведь тогда она стояла бы в зависимости от бытия условного и была бы сама случайна. Но Бог или Истина есть существо абсолютное потому, что Он – субстанциальный акт любви, акт-субстанция. Любовь – это сущность Божия, собственная его природа, Бог есть любовь, а не только «Любящий», хотя бы и «совершенно» [5, с.83].

Истинная любовь проистекает из познания Бога, признав любовь внутренней жизнью истины, человек приходи к триединству Истины, наше сердце и разум стремятся найти Истину как высшего субъекта любви. Путь к Истине не является только интеллектуальным делом, к признанию триединства Истины ведет духовный выбор между верой и неверием. Рассудок сопротивляется принятию Истины со стороны греховной воли и для преодоления этого сопротивления нужно достичь единство разума и веры. Обновление разума у Флоренского означает освобождение рассудка от рационализма.

В любви к другому личность «истощает себя», переходя в другого, но тот другой утверждает своей любовью первого, выходя из временно-пространственной ограниченности и входя в вечность. Духовная любовь это преодоление границ самости, выхождение из себя и переход в новую действительность. Слово «любовь» понимается не в смысле субъективно-психологическом, а в объективно-метафизическом. Метафизическая природа любви заключается в металогическом преодолении само-тождества «Я=Я» и в выходе из себя на другого, что возможно только при влиянии на другого силы Божьей, которая одна лишь может расторгнуть узы человеческой конечной самости. «Подымаясь *над* границами своей природы, Я выходит из временно-пространственной ограниченности и входит в Вечность. Там весь процесс взаимоотношения любящих есть *единый* акт, в котором синтезируется бесконечный ряд, бесконечная серия отдельных моментов любви. Этот единый, вечный и бесконечный акт есть *едино-сущие* любящих в Боге, причем Я является *одним и тем же* с другим Я и, вместе, от него. Каждое Я есть не-Я, т.е. Ты, в силу отказа от себя ради другого, и – Я, в силу отказа от себя другого Я ради первого. Вместо отдельных, разрозненных, само-упорствующих Я получается *двоица* – дву-единое существо, имеющее начало единства своего в Боге…» [5, с.98-99].

Сущность этой двоицы – любовь, красота которой прекрасна для предметного созерцания третьего. Эта красота возбуждает в нем любовь, а любовь делает доступной истину. Разрывая свою самозамкнутость третье Я приобщается единосущию двоицы в Боге, и двоица делается троицей. В это вовлекаются другие личности, формируется соборное церковное единство, в котором есть веяние Святого Духа.

Познать Истину возможно только через пресуществление человека, через обожение его, через стяжание любви, как божьей сущности. Образ справедливого всеединства это – сообщество познающих, связуемых любовью и силою этой связи и образующих единую личность – Софию. Любовь – закон, внутренний принцип, сила, созидающая и скрепляющая всеединство. Любовь – это путь к «нумерическому тождеству» нераздельной двоице, двуединству, к опыту самопревосхождения, возможному только в личном бытии на основе самоотдачи, соединение как условие справедливости [7, с.54].

Следовательно, индивидуальное бытие лишено любви, последняя реализуется лишь в преодолении обособленности. Методом этого преодоления может быть только любовь. Жизнь без любви, жизнь без Бога, без истины, т. е., вне духовного познания, есть грех, затмевающий любую надежду на справедливость.

Таким образом, обобщая вышеизложенные взгляды П. Флоренского, мы приходим к следующим выводам: человек для него существо дихотомическое, сочетающее в себе имманентное и трансцендентное, но прежде всего – духовное, путь к Истине экзистенциален, Истина не только предмет разума, но и живой, любящий Субъект, внутренней жизнью которого является любовь. В свете этого любовь – не психологическое состояние, а «онтологический акт», переход в новую действительность, всеобъемлющая способность преодолеть эгоизм как жизненный принцип, устранить вражду в отношениях между людьми.

Литература:

1. Амелина, Е.М. П.А. Флоренский: проблема общественного идеала // Социально-политический журнал. 1994. №9/10. С.176-189.
2. Евлампиев, И.И. История русской философии / И.И. Евлампиев. М.: Высш. шк., 2002. 584 с.
3. Флоренский сегодня: три точки зрения / Игумен Андроник, Р.А. Гальцева, Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. 1997. №5. с. 125-156.
4. Флоренский, П.А. Православие // Христианство и культура / П.А. Флоренский; вступ. статья и примеч. А.С. Филоненко. М.:ООО «Издательство АСТ», Харьков: Фолио, 2001. С.465-489.
5. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П.А. Флоренский. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 640 с.
6. Флоровский, Г.В. Человеческая премудрость и Премудрость Божия // Из прошлого русской мысли / Г.В. Флоровский; вступ. статья, примеч. и сост. Ю.П. Сенокосова. М.: Мысль, 1998. С.74-86.
7. Хоружий, С.С. После перерыва. Пути русской философии / С.С. Хоружий. СПб.: Алетейя, 1994. 447 с.

Коммуникативная стратегия Я-Другой как методологический принцип анализа феномена любви

Коротина О.А.

Дальневосточный федеральный университет, доцент Департамента философии и религиоведения, кандидат философских наук

korotina.oa@dvfu.ru

Аннотация: В данной работе произведен анализ феномена любви с использованием коммуникативной стратегии Я-Другой. Данная стратегия позволит мыслить любовь не как инстинктивное стремление, или божественное предопределение, или социальное отношение, а позволяет рассматривать любовь как бытийственное основание жизни человека. Именно в любовном отношении человек желает получить признание своего бытия со стороны Другого. Но стратегия отразиться в Другом, чтобы увидеть в нем признание и обоснование своего бытия «рискованное предприятие». В нем проявляется постоянная конфликтность моего «бытия-для-другого», это, с одной стороны, стремление любящего стать абсолютным субъектом, создающим весь мир (существом, имеющем возможность абсолютного конституирования бытия), с другой стороны, опасность собственного поглощения этим Другим, риск стать для него просто «вещью».

Ключевые слова: любовь, Я-Другой, свобода, экзистенциальные переживания, «бытие-с-другим», конфликт, конституирование бытия.

Communicative strategy I-Other as s methodological principle of analysis of love phenomenon.

Korotina O.A.

Far Eastern Federal University, Department of philosophy and religion

Abstract: This work presents the analysis of the phenomenon of love with the use of the commutative strategy I Other . This strategy allows to view love not only as an instinctive desire or a divine determination but also as an existential foundation of the life of a man. Precisely in the loving relationship a man desires his existence to be recognised from the side of the Other. However, the strategy to be reflected in the other on order to see the recognition and foundation of the existence is a “risky business”. It manifests a conflict of the “existence for the Other” which on the one hand is a desire of the loving man to become an absolute subject creating the whole world (a being that owns an ability to absolute constituting of the existence) and on the other hand is a danger of being absorbed by the Other and risk to become just an “object” for him.

Keywords: love, I Other, freedom, existential experiences, “existence with the Other”, constituting of the existence.

Чтобы продвинуться в понимании феномена любовного отношения, необходимо приблизится к характеристике Другого как «личного присутствия». Следует различать, по мнению Ж.-Л. Сартра [1], бытие Другого как объективность и как личное присутствие. Даже в любовном отношении, как казалось бы, наиболее окрашенном цветами избирательности, уникальности общающихся, гипертрофированной значимости партнеров друг для друга присутствует неоднозначность. И в этих случаях как никогда часто встречаются факты общения без дистанции, т.е. такой организации универсума Я вокруг этого привилегированного объекта, который уничтожает Другого в его духовности. Известен из классической русской литературы феномен Душечки [2], где восприятие Другого (мужа) происходит объектно. Ведь мы знаем о мужьях героини только то, что один был аптекарь, а другой – помещик, нам известны только их социальные роли. Чем привлекательно такое общение и почему именно в любви оно встречается столь часто? Присутствие Другого в мире Я двояко: оно производит необходимое размыкание моего одиночества. Делая мое-бытие-с-другим радостным, счастливым или, напротив, исполненным ненависти, гнева, но в любом случае – оно наполняется тем, что меня страстно задевает, трогает, не оставляет равнодушным. С другой стороны - этот иной во мне обладает способностью переструктурировать мой универсум так, что в нем появляются новые интересы, вещи, люди. Другой как бы ускользает от меня, развертывает вокруг себя свои собственные дистанции.

Обращаясь к чеховской к «Душечке» [2], мы обнаруживаем Другого в качестве объекта для меня, не имеющего собственной дистанции по отношению к Я, потому что он представляет собой мир, который определяется не через себя, а через Я. Это отношение утечки в объективный мир не проходит для Я бесследно, потому что сознание – Я определяется не через присутствие Другого, имеющего собственную позицию, а через его отсутствие, что поражает человека как «одиночество - вдвоем». Бытие Другого как личное присутствие имеет место не в том случае, когда Другой желает того же, что желаю Я. Фундаментальное значение желания Другого для становления субъективности в философии нового времени исследовал А. Кожев [3]. Другой желает меня в качестве Другого, который в своей ментальности может изменить дистанцию по отношению ко мне как угодно, в отличии от «вещного», объективного бытия, где Другой неопределяем. Ж.-П. Сартр пишет: «моя фундаментальная связь с другими сводится к моей постоянной возможности быть видимым другим» [1, с.381]. Далее движение его мысли следует за тем, чтобы отделить познавательные отношения Другого к Я от феноменального. В первом случае моя задетость взглядом Другого оказывается постижимой и зафиксированной в рефлексивном cogito, а во втором – это взгляд, который заставляет переживать.

Любовные отношения, имеющие Другого в качестве личного присутствия столь редки потому, что оно может быть произведено из центра Я, Я не может непосредственно произвести любовь. Мое бытие в качестве любящего не есть то, что я есть, и не есть, чем я был, и не то, чем я был бы должен быть, хотя и включает все эти модусы, но сохраняет некоторую неуловимую определенность, некоторую неожиданность. Это проистекает главным образом из того, что Другой свободен. Беспокойство, неуверенность, чувство покинутости, тоски возникает из-за того, что бытие Другого как свободного существа ставит под вопрос мое бытие для него.

Предоставив Другому свободу решать о моем бытии, Я оказывается ограниченным бытием Другого, ибо он может поставить предел моей жизни. Поскольку любовное отношение является не познавательным, а бытийственным, как сказал бы М. Хайдеггер [4], или феноменальным, как выражается Ж.-П. Сартр [1], то оно является очень рискованным предприятием. В одиночку Я не может осуществить бытие-в-любви, все авангардистские варианты иного являются суррогатами, симулякрами и т.п., необходимо, чтобы это бытие было поддержано Другим, но Другой может желать в отношении Я сделать его объектным, т.е. уничтожить Я в качестве личного присутствия в любовном отношении. Таким образом, можно в качестве предварительного вывода заключить, что любовное отношение не гарантирует от появления чувства брошенности, оставленности, пустоты мира и т.п. экзистенциальных переживаний, составляющих ядро интересующего нас феномена.

Ж.-П. Сартр пишет: «Фактически, мое отрывание от себя и возникновение свободы Другого составляет единое целое, я могу отрицать и переживать их только вместе. Факт другого неоспорим и задевает меня в самом моем существе. Я реализую его в дурноте: их-за него я постоянно нахожусь в опасности в мире…» [1, с.383].

Благодаря присутствию Другого, Я способно принять на себя бытие в качестве любящего, включающего удержание дистанции «не-быть-Другим». Состояние сближения и дистанцирования имеют эмоциональный характер, сопровождающийся чувствами отчаяния, тоски, страха, дурноты и т.п. Иной способ восприятия Другого как субъекта невозможен. Управляем может быть Другой как объект, но тогда его бытие в качестве объекта не выведет Я к миру, т.е. сделает мое-бытие посреди мира проблематичным.

Таким образом, ловушка любви – одиночество, захлопывается в том случае, если любящий овладел Другим как объектом, полностью поработил его. Опасность безумства любви, страсти, порождаемой любовным снадобьем состоит в этом первичном присвоении Другого без остатка. История Фауста и Маргариты Гете [5] свидетельствует о трагическом непонимании того вида присвоения, которого должен желать влюбленный. Порабощение любимого существа убивает любовь Фауста, и он остается одиноким. Одновременно с тем полаганием объективности Другого, которую предпринимает Я, сознание Другого может быть направлено на то же самое. «Причина моей тревоги, - пишет Ж.-П. Сартр, - в том, что я воспринимаю и ощущаю себя в своем бытии-для-другого как нечто такое, через что другой всегда может перешагнуть в стремлении к чему-то иному, - как простой объект оценочного суждения, простое средство, простое орудие» [1, с.386].

Существом любовного отношения, преодолев подводные камни взаимной объективации, сохранившего Я и Другого в качестве личного присутствия в бытии, является стремление любящего стать абсолютным субъектом, создающим весь мир, т.е., в известной степени, быть Богом как существом, имеющем возможность абсолютного конституирования бытия. Бытие в качестве любящего предполагает дарение мира любимому, демонстрацию бесконечной власти над миром (деньги, связи и т.п.), как выражается Ж.-П. Сартр «предложение себя в качестве непревосходимой величины» [1, с.389]. Рассматривая любовное отношение, где стороной является Бог мы предположили невозможность коммуникации, стороной которой выступает абсолютное означающее (Бог) из-за отсутствия телесного соответствия, следствием чего оказывается одиночество Бога. Бог любим, но любит ли Бог?

В человеческом отношении провалы в одиночество возникают, в том числе, по причине того, что претензии на абсолютное конституирование мира любящим не могут быть удовлетворены, во-первых, потому что Я-любящий, обнаруживая это желание, не способен в нем удержаться сам по себе, ему необходима поддержка Другого, а во-вторых, это напряжение не может длиться вечно, оно всегда располагает только каким-то временем, а в-третьих, священная магия любовного дискурса (ты единственный, любимый и т.п.) иссякает. «Любящие остаются каждый для себя в своей полной субъективности; ничто не приходит, чтобы устранить их случайность и спасти их от фактичности». [1, с.391]

Зачастую, по приобретении чувственного опыта, исчерпав попытку сделаться основанием субъективности Другого, Я желает спрятаться в своей объективности: спроектировать собственное поглощение другим, отделаться от своей свободы, как охарактеризовал это стремление Э. Фромм [6]. Ж.-П. Сартр [1, с.393] именует это мазохистской позицией. «Я отказываюсь быть чем-либо, кроме как объектом…». Однако чтобы очаровать Другого моей объективной самостью, я должен уметь интуитивно воспринимать свою субъективную самость такой, какова она для другого. Это возможно только в форме симуляции или манипулирования, что неизбежно порождает в Я чувство необоснованности бытия, сомнения в его устойчивости, тревогу, страх. Мазохизм есть неудача в общении, однако, при исчерпанности или неизведанности иных путей Я стремиться к этому провалу как к цели своей жизни.

В следствии чего остается еще раз констатировать любовное отношение как провал в отъединенность, одиночество, утрату субъектом связи с Другим, другими людьми, миром как целым.

Литература:

1. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2002. 640с.
2. Чехов А. Душечка: повести и рассказы. Мир книги, 2008. 400 с.
3. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Наука, 2013. 792 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. Академический проект, 2015. 460 с.
5. Гете И. Фауст. ОлмаМедиаГрупп/Просвещение, 2015. 448 с.
6. Фромм Э. Искусство любить. АСТ, 2019. 224

Проблема пола в марксизме

Митина Н.Г.

Дальневосточный государственный институт искусств, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин. Доктор философских наук

Millkonf@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается отношение к проблеме пола в марксистской теории. Взгляды теоретиков марксизма нашли реализацию в проекте переустройства России в начале XX века. В документах эпохи, партийных документах и трудах представителей партии большевиков нашли отражение основные взгляды на решение вопроса взаимоотношения полов, отношения к телесности, положения женщины в новом обществе. Идеология мужского превосходства не исчезает в идеальном коммунистическом обществе, которое строится в соответствии с идеальной марксистской доктриной. Она лишь приобретает более изощренную форму конституционного или провозглашенного равенства. Решение проблемы возможно только в социалистическом обществе, где интересы пола совпадают с общими классовыми и экономическими интересами пролетариата и не имеют специфических особенностей, а проблемы телесности и сексуальности не существуют.

Ключевые слова: телесность, пол, сексуальность, гендер, эрос, идентичность.

The problem of gender in Marxism.

Mitina N.G.

Far Eastern State Institute of Art : Department of Humanities

Abstract: The article considers the attitude to the problem of gender in Marxist theory. The views of the theorists of Marxism found implementation in the project of reorganizing Russia at the beginning of the twentieth century. The documents of the era, party documents and the writings of the representatives of the Bolshevik party reflected the main views on the solution of the issue of the relationship of the sexes, attitude to physicality, the position of women in the new society. The ideology of male superiority does not disappear in an ideal communist society, which is built in accordance with the ideal Marxist doctrine. It only takes on a more sophisticated form of constitutional or proclaimed equality. The solution of the problem is possible only in a socialist society, where the interests of sex coincide with the general class and economic interests of the proletariat and do not have specific features, and the problems of physicality and sexuality do not exist.

Keywords: corporality, sex, sexuality, gender, eros, identity.

Вопросы телесности и сексуальности оказались вне революционной теории и в марксистской концепции пола они отсутствуют. Более того, марксизм отрицает наличие гендерных различий в коммунистическом обществе [1, с. 236]. Отсюда и отсутствие гендерного эталона мужчины или женщины. Однако, в первые годы существования Советской республики, появляются документы, рассматривающие отдельные стороны этих запретных для марксизма тем. Примечательным документом эпохи стали «Половые заповеди пролетариата» Арона Борисовича Залкинд, где присутствует описание канонов «красоты» женщины и мужчины нового коммунистического общества. «Заповеди» отвергают традиционные представления бессильной хрупкой «женственности», и «мускулисто-кулачной» мужественности. Главное это «человек-борец» с «тонким и точным интеллектуальным аппаратом, большой социальной гибкостью и чуткостью, классовой смелостью и твердостью – безразлично мужчина это или женщина», т.е. «телесными комбинациями наилучшего революционного приспособления, наипродуктивнейшей революционной целесообразности» [2]. Таким образом, индивид лишается гендерных признаков: «У нормального человека будущего общества, половое чувство над ним господствовать не будет, он будет господствовать над своим половым чувством». Половое чувство, по мнению партийных деятелей, должно атрофироваться, если женщина, осознала свое освобождение от рабства, стремится стать равной мужчине и «хочет быть человеком» [3, с. 318]. Результатом стало упразднение всего, что подчеркивало

женственность. Женская «самость» и сексуальность, как пережитки буржуазного прошлого, должны быть уничтожены, а женщина могла быть работницей, женой, матерью.

Наиболее ярко марксистские взгляды в вопросах пола были представлены в трудах И. Арманд и А. Коллонтай, убежденных, что с коммунистическим переустройством общества исчезнет и надобность в эксплуатации полов, а значит, будет создана цельная и свободная личность. По мнению И. Арманд перед женщиной-работницей стоят две важнейшие задачи: стать солдатом революции, строящим коммунизм; создать новые формы хозяйства, социального обеспечения, воспитания, как необходимых способов для ее освобождения и для дела социализма [4, с. 70].На первый план выходят общественная активность, идеологическая грамотность, общественное служение в пределах, обозначенных государственной политикой. А женщина теперь контролируется в рамках культурных ориентиров, заменивших патриархат патернализмом.

Принципы свободы в вопросах сексуальных отношений, любви и морали отстаивала А. Коллонтай. Для нее так же свобода в сфере половой морали являлась неотъемлемой частью революционной борьбы. Она подчеркивает связь частной и общественной сферы и предлагает ввести внести любовный, моральный аспект в революционную теорию марксизма. Исходя из этого, с учетом пролетарской идеологии, строится ее классификация видов любви: первый вид – «Эрос бескрылый» (телесное влечение полов); второй – «Эрос крылатый» (переплетение телесного влечения с духовно-душевными эмоциями) [5]. А. Коллонтай отмечает многогранность любви и выделяет, возникшую в недрах нового общества «любовь-товарищество». Эта новая любовь приведет к победе коллективизма духа и воли над индивидуалистическим сознанием. Он считает, что в новом обществе общение полов будет строиться на основе здорового, свободного, естественного влечения (без извращений и излишеств), на «преображенном Эросе». А. Коллонтай выделяет три принципа, на которых строится половая мораль в период создания нового общества: равенстве взаимоотношений полов; взаимопризнании прав друг друга, без претензии безраздельного владения; товарищеской чуткости друг к другу. И хотя «крылатый Эрос» находится в ее классификации на верхней позиции, выше всего она ценит любовь-долг к коллективу. Новые отношения между полами должны строиться на единстве воли и совместном творчестве, а чувство любви необходимо воспитать в духе товарищеской солидарности [5]. Таким образом, сексуальное равенство у Коллонтай предполагает равенство сексуальных ролей, а потому женщине, как и мужчине, должна быть предоставлена свобода выбора собственного пути (стать женой, матерью, сделать карьеру).

Вклад А. Коллонтай в развитие проблемы пола отмечает И. Юкина: «Ее идеи о свободе сексуальных отношений, о «присвоении» женщиной своего тела, о единой сексуальной морали для женщин и мужчин, оказались актуальными много позднее, уже в наше время» [6]. По мнению В. Успенской, А. Коллонтай удалось «расширить» классовую социалистическую теорию, введя в нее категории «пол», «сексуальная революция» [7]. Такая позиция, идущая в разрез с бесполыми представлениями марксизма, вызывала сопротивление официальных властей, которые не допускали возможность женщины занять достойное место в обществе. Это не позволило с помощью классических подходов достигнуть желаемых результатов в решении «половых вопросов».

Составленные А. Коллонтай и И. Арманд программы решения женского вопроса, должны были сформировать новые «социальных отношений» между полами при помощи государственно-партийных и социальных механизмов. Женщины должны будут научиться социалистическим способам решения проблем, изменять свои личностные качества, отношение к себе и окружающему миру. В общественной среде имеются все предпосылки к закаливанию сердца и воли женщины, чтобы она могла с честью преодолеть личные и семейные проблемы, например, любовные конфликты. Вместо концентрации на личных переживаниях и любимом объекте, женщине предлагался широкий спектр социальной деятельности на благо государству и обществу. Данная проблема обсуждается и в материалах дискуссии 20-х годов по вопросам партийной этики. В них подчеркивается приоритет общего над частным: «жертвовать личной жизнью, интересами семьи во имя интересов рабочего класса, быть спартанцем во всем, уделять очень мало внимания сексуальным мудрствованиям, учиться, читать, работать» [3, с. 362]. Женщины переставали быть «слабым полом». Женщина вынуждена была сочетать домашний труд и труд на производстве или в сельском хозяйстве (при более низкой заработной плате), что усилило ее скрытую эксплуатацию. В советском государстве, как и в других государствах, созданных по его образу и подобию был создан (по рецептам Коллонтай) тип женщины освобожденной «сверху» по решению государства.

Внедряемые коммунистами принципы взаимоотношения полов затрагивали не только женщину, но и мужчину. С.Г. Айвазова отмечает серьезные изменения в системе мужских отношений. Произошла коррекция форм патриархатного господства: патерналистское государство, тяготевшее к тоталитаризму, возлагало на себя функции «отцовской власти», отчуждая от нее конкретного мужчину, мужа, отца. В результате мужчины лишались самих основ мужской идентичности. Отношения между полами выравнивались, поскольку и мужчина, и женщина, в одинаковой степени были заложниками этой власти[8].

Таким образом, вопрос о возможности создания свободной личности в условиях «уравниловки» утопичен так же, как и учение Маркса, ни о какой свободе чувств речи быть не могло. В результате патерналистской политики тип женщины освобожденной «сверху», как и тип мужчины, лишенного отцовской власти, исключали наличие индивидуальности, личности. Беря на себя заботу об общественной роли женщины и мужчины, государство присваивало себе, одновременно, и право на вмешательство в частную жизнь. Тотальное господство государства устанавливало запрет на реализацию права быть полом.

Литература:

1. Маркс К. Немецкая идеология / К.Маркс, Ф.Энгельс // Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955 – 1975. Т. 3. С. 7–544.
2. Залкинд А. Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви. В 2-х т. Т. 2. М., Политиздат, 1990. С. 334–355.
3. Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х годов / под ред. А.А. Гусейнова и др. М.: Политиздат, 1989. 509 с.
4. Арманд И.Ф. Задачи работниц в Советской России / И.Ф. Арманд // Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С. 67–70.
5. Коллонтай А.М. Дорогу крылатому эросу! (Письмо к трудящейся молодежи). Текст: электронный // Проект «Собрание классики» (Lib.ru/Классика): [сайт]. URL: http://az.lib.ru/k/kollontaj_a_m/text_0030.shtml (дата обращения: 31.01.20).
6. Юкина И. Александра Коллонтай и русский феминизм // А. Коллонтай: Теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: Материалы международной научной конференции (г. Тверь, 11 марта 2002 г.) / Под ред. В.И. Успенской. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 29–44.
7. Успенская В. Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // А. Коллонтай: Теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики: Материалы международной научной конференции (г. Тверь, 11 марта 2002 г.) / Под ред. В.И. Успенской. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 11–28.
8. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы, 1998 / С.Г. Айвазова. Текст: электронный // Библио-Центр сайта «Open Women Line»: [сайт]. URL: http://www.owl.ru/win/books/rw/ (дата обращения: 31.01.20).

Максим Исповедник «Четыре сотни глав о любви»: любовь как системообразующее понятие в учении о человеке, диалектика бесстрастия и страсти

Пчелкина С. Ю.

Дальневосточный федеральный университет, департамент философии и религиоведения, доцент. Кандидат философских наук

greet.svet@mail.ru

Аннотация: Историческая заслуга философов первых веков христианской эпохи состояла в том, чтобы не противопоставлять положения христианской веры доводам рассудка, а наоборот, показать, что непостижимость истин христианской доктрины не означает их антиразумности и внеположенности здравому смыслу. Философы-христиане на основе христианского вероучения стремились рационально обосновывать и средствами логики связать воедино разрозненные вопросы бытия и человека. Максим Исповедник является одним из творцов дискурса любви как центрального понятия христианской философии. Общая идея учения Максима Исповедника – любовь есть не просто аспект человеческой природы, она есть системообразующее начало человеческой природы.

Ключевые слова: Максим Исповедник, любовь, ум, чувство, воля, диалектика страсти и бесстрастия.

Maximus the Confessor "Four hundred chapters on love": love as a system-forming concept in the doctrine of man, the dialectic of impassivity and passion.

Pchelkina S.Yu.

Far Eastern Federal University

Abstract: The historical merit of the philosophers of the first centuries of the Christian era was not to contrast the provisions of the Christian faith with arguments of reason, but, on the contrary, to show that the incomprehensibility of the truths of Christian doctrine does not mean their anti-rationality and non-disposition to common sense. Christian philosophers on the basis of the Christian doctrine sought to rationally justify and by means of logic to link together the disparate questions of life and man. Maxim the Confessor is one of the creators of the discourse of love as the central concept of Christian philosophy. Love is not just an aspect of human nature but it is a system-forming principle of human nature. This is a general idea of the teachings of Maximus the Confessor.

Keywords: Maxim the Confessor, love, mind, feeling, will, dialectic of passion and dispassion.

Идеи о любви преподобного Максима Исповедника (550 г. – 662 г.) изложены им в трактате «Четыре сотни глав о любви» [2]. Любовь раскрывается Максимом Исповедником в диалектике отношений двух природ человека. Две природы, два естества человека – это естество Божьего замысла о человеке и естество посюстороннего существования человека, в привычном значении слова «земной». Поэтому и любовь в человеке существует сразу как бы в двух измерениях: страсти и бесстрастия. Понятие любви по отношению к понятию естества или природы человека выполняет важную функцию – функцию критерия, по которому можно определить качественное отличие одного естества человека от другого его же естества. Любви в структуре отношений двух естеств человека придается первенствующее значение по отношению к таким сущностным свойствам человека как указанные выше свойства ума, воли и чувства. В зависимости от направленности любви определяется содержание каждого из этих свойств, а все вместе они, эти свойства – это ум, воля и чувство – составляют содержание каждой из двух природ человека. Такая комплексность вполне вписывается в современную стилистику представления человека в сложной и многомерной полноте его бытия. И в целом учение о любви Максима Исповедника превращается в систематическое изложение сущности человека, где главная тема – анализ любви – позволяет целостно осмыслить человека.

Как человек любит, влияет на то, как он мыслит, чувствует и действует в направлении своей воли. Как же человек любит? Э. Жильсон, ссылаясь на западных средневековых мыслителей пишет, что они исходили из той реальности человека, где любовь – опыт эгоизма и чувственности, для которого характерно то, что оно непосредственно обращено на «я», на полагании «само себя объектом своего желания». Но такая любовь доставляет удовольствие, но не удовлетворяет [1, с. 357-361].

По рассуждениям Максима Исповедника, любовь есть или « благое расположение» или «пристрастность». И то и другое зависит от направления любви: «благое расположение» может быть только в отношении к Богу, а «пристрастность» в отношении к чему-либо земному. При этом отметим, что в тексте можно выделить следующий момент: само слово любовь у Максима Исповедника используется только в связке с понятием Бога: «любовь к Богу» или «любящий Бога». Любовь как «пристрастность» самим словом любовь нигде не означивается, поскольку если нет любви к Богу, то все остальное не есть любовь, а есть страсть. Объяснить это противопоставление простой ссылкой на основные идеи христианского учения недостаточно. «Четыре сотницы», как еще по-другому обозначают творение Максима Исповедника, целиком посвященное проблеме любви, есть специфическое явление в истории христианской мысли: в качестве богословского трактата оно вместе с тем содержит в себе явные признаки трактата по психологии, и даже может послужить учебником практического руководства человеку в его повседневной жизни. В этом смысле, когда Максим Исповедник соотносит понятие любовь с понятием Бога, а страсть с понятием греха, то к этому следует относиться как к психологической оценке, в том смысле, что различие любви и страсти определяется тем, что на практическом уровне дают они человеку в качестве специфических состояний. Плод любви, как благое расположение к Богу дают блаженство, которое, если трактовать его психологически есть наиболее позитивное, что человек может получить из опыта «отношений», как то: полное отсутствие неудовлетворенности, разочарования. В то время как страсти всегда оборачиваются унынием, или по-другому, психическим опустошением.

Так, «жизнь ума», понимаемая как «просвещение познания», по словам Максима Исповедника, рождается от любви к Богу» [2, с. 21] и «чрез любовь ум восхитится» [2, с. 22]. По определениию Э. Жильсона, проблема любви в христианской философии «в точности параллельна проблеме познания» [1, с. 363]. Любовь – не просто аспект человеческой природы, она есть системообразующее начало его бытия как бытия человека и основной концепт философской антропологии. Любовь к Богу формирует «чистый ум», который занимается «исследованием», т.е. познанием. Чистый ум способен как к познанию видимого, так и невидимого порядка вещей [2, с. 38]. Если ум направлен на познание видимого бытия, он исследует естественные свойства вещей, «ищет самую их причину» [2, с. 38]. В направлении на познание невидимого бытия, другими словами, сверхчувственного, чистый ум также нацелен на то, чтобы «узнать естественные свойства оных, и что из сего следует и какой о них промысел Божий» [2, с. 38]. Высшее состояние ума – это уразумение «естества» Бога, которое есть раскрытие хотя бы нескольких свойств Бога, поскольку во всей своей полноте Бог остается непознаваемым [2, с. 46]. Другими словами, любовь (не страстная) придает уму человека свойства почти безграничные, во всяком случае, по сравнению с теми, что обычно доступны человеческому уму.

Если ум, по метафорическому выражению Максима Исповедника, «пригвожден» к чему-либо земному, т.е. находится под влиянием антипода любви – страсти, – то помыслы становятся «похотными» и «ненавистливыми» [2, с. 14]. В познании такой ум может рождать только «погрешительное суждение» [2, с. 43], и рождает «мысленный образ греха», т.е. «идол» [2, с. 48]. Истинная любовь раскрывает умственные способности к истинному познанию, а не истинная лишает ум способностей к истинному познанию.

Истинная любовь придает истинность и всем чувствам, а не истинная рождает неистинное чувство. Если критерием ума чистого и не чистого является правильное или неправильное знание о сущем, то критерием истинных и неистинных чувств является наличие или отсутствия счастья. Счастье зависит, от чего человек испытывает радость или печаль, от чего он больше страдает или, наоборот, получает блаженство, наслаждение: «Водящийся земными пожеланиями желает или явств, или удовлетворения подчревных движений». Желать себе радости, избегать печали, стремиться к наслаждению и избегать страдания не являются сами по себе правильными или неправильными чувствами. Правильная или неправильная радость обусловлена тем, как человек любит. Если он любит Бога, тогда он будет любить ближнего, и не будет для него иных радостей и наслаждений, как доставить угодное Богу, избавив ближнего от невзгод и печалей. Греховное чувство, которое тождественно по смыслу с понятием

чувства неистинного, порождается любовью к вещам приходящим, к числу которых относится и человек в своем земном, плотском естестве. Такое чувство неистинно, поскольку ограничивается, т.е. оборачивается тем, что радость «истребляется злостраданием или печалованием» [2, с. 51].

В отношении воли различие между любовью и пристрастностью Максимом Исповедником определяется творением или не творением «зла». Зло есть в отношении себя растлевание плоти и души, «не исполнение закона» в отношении ближнего. Исполнение закона и есть дело любви как то: «долготерпеть и милосердовать, благоразумное пользование вещами» [2, с. 27].

Когда Максим Исповедник сравнивает два вида любви – к Богу и к тварному миру, то не следует думать, что речь идет о необходимости выбирать в качестве объекта только Бога и направлять силу любви в сторону только одного Бога. Именно в рассмотрении двух родов любви и обнаруживается использование Максимом Исповедником диалектического метода. Диалектика как метод двойного умозрения в работе святого философа используется в отношении понятия страсти. Истинная любовь должна быть бесстрастна. При этом бесстрастность не надо путать с бесчувствием, когда Максим Исповедник говорит об истинной любви, то – это любовь горячая, пламенная. Это – Страсть, но Страсть бесстрастная!

Привычно полагать, что страсть есть свойство греховной любви. Это так, но не всегда. Есть в нашем языке выражение – «больная страсть», т.е. неистинная любовь, возникающая по причине любви к вещам, такая, что руководит его умом и поступками, чувствами и верой. Такая «страстность» – синоним «болезненности». Недаром, понятию страсти в христианском лексиконе часто придается значение страдания. Примечательно, что в наше постсекуляризированное время, страсти придается скорее позитивное значение, поскольку по смыслу отождествляется с блаженством, удовольствием, радостью. Но психологическая мудрость христианского подхода к пониманию страстности заключается в диагнозе, с которым не поспорит и современный психолог (профессиональный!). Диагноз этот – уныние, разочарование, опустошенность – как итог страстности, которая возникает в человеке по причине любви к вещному, конечному, неподлинному. Значение обращения к наследию Максима Исповедника – в мудром понимании природы человека и того, что в его жизни может по-настоящему придать ему радость жизни, которая не будет омрачена угрызениями совести по причине необузданности темных страстей.

Из контекста «Глав о любви», через аналитику любви, через диалектическое рассмотрение страсти и бесстрастия, складывается антропологическая система Максима Исповедника: воля возбуждается чувствами, чувства умом, а ум – либо любовью (бесстрастной страстью), либо страстью (неистинной любовью). Диалектический метод со всей очевидностью прослеживается в «Главах о любви» и благодаря этому создается впечатление полноты осмысляемости сущности человека, когда принимается как факт любовь земная плотская, так и любовь ангельская. И то и другое имманентно сущности человека, поскольку если бы было только первое состояние, то оно рано или поздно привело бы к аннигиляции в человеке человеческого до состояния звериного. А если бы человек смог бы осуществить в себе то, что так емко определяется через понятие «обожения» (главное понятие в системе богословии Максима Исповедника), то вместо противоречия между двумя родами любви – любви к Богу и любви к земному не было бы смыслового противоречия и конфликта отношений. Через любовь как Любовь к Богу у человека воспитывается истинная любовь и ко всему тварному, и прежде всего, к ближнему.

Истинность суждений Максима Исповедника легко проверить на практике, когда, читая Максима Исповедника, по словам А. Маркова, «мы учимся переживать и мыслить то, что прежде не переживали и не мыслили, но о чем догадывались всякий раз, когда жалели или проявляли щедрость» [3, с. 16].

Литература:

1. Жильсон Э. Дух средневековой философии / Пер. с французского Г. В. Вдовиной – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. 560 с.
2. Максим Исповедник, преподобный. Четыре сотни глав о любви // Максим Исповедник, преподобный. Мистагогия / Пер. с др.-греч. А. И. Сидорова. М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 19 – 149.
3. Марков А. Как милость меняет ход истории; вступит. статья // Максим Исповедник, преподобный. Мистагогия / Пер. с др. греч. А. И. Сидорова – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 2 – 18.

Беспредельность как одно из ключевых понятий «Живой Этики»

Абрамов П.Д.

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, доцент. Кандидат философских наук

abramovpd@gmail.com

Аннотация. Разграничиваются два смысла понятия беспредельность. Во-первых, это беспредельное как «запредельное», непостижимое находящееся за пределами всех дефиниций и ограничений, так изначальная божественная беспредельность выступает как источник существования мира. Во-вторых, беспредельность можно определить, как бесконечность бытия, и она, в свою очередь, познаваема. Единство и беспредельность – это два дополняющие и утверждающие друг друга качества. Беспредельность вне единства вырождается в нечто неопределенное, неструктурированное. Единство без способности к беспредельному развитию становится замкнутым на себя, ограниченным. Три аспекта обеспечивают единство космоса: генезис, происхождение от единого источника, следование единым физическим и более универсальным диалектическим, космическим законам; единство высшего разума и воли, стоящего за всеми фундаментальными процессами, происходящими в мироздании. Третий аспект единства является гораздо более дискуссионным в научно-философской среде, чем первые два. Сознание человека, накапливая в процессе преодоления конечности бесценный опыт, способно к безграничному творческому совершенствованию.

Ключевые слова: беспредельность, человек, бытие, единство, конечность

Infinity as One of the Key Concepts of Living Ethics.

Abramov P.D.

Pirogov Russian National Research Medical University

Abstract: Two meanings of the concept of infinity are distinguished. Firstly, it is incomprehensible, beyond all definitions and limitations, so divine infinity acts as the source of the existence of the world. Secondly, infinity can be defined as the infinity of being, and it, in turn, is knowable. Unity and infinity are two qualities that complement and affirm each other. Infinity outside of unity degenerates into something indefinite, unstructured. Unity without the ability to limitless development becomes self-enclosed, limited. Three aspects ensure the unity of the cosmos: genesis from a single source, following physical and more universal dialectical, cosmic laws; the unity of the higher mind and will, behind all the fundamental processes taking place in the universe. The third aspect of unity is much more controversial in the scientific and philosophical community than the first two. The human consciousness, accumulating experience, is capable of unlimited creative improvement.

Keywords: infinity, man, being, unity, finiteness

Непостижимая беспредельность первоначала. «Живая Этика» (или Агни Йога) является развитием идей теософии Е.П. Блаватской и вбирает в себя достижения восточной и западной философии. Учение «Живой Этики» дает свои ответы на те фундаментальные вопросы, которые исследовали Лао-Цзы, Нагарджуна, создатели Упанишад, Пифагор и Платон. Первоначало мира непостижимо, трансцендентно и объемлет собой всё сущее, в этом сходились очень многие мыслители Запада и Востока. Можно ли обозначить первоначало как беспредельность? Для ответа на этот вопрос необходимо разграничить два смысла термина «беспредельность». Во-первых, это беспредельное как запредельное, непостижимое, находящееся за пределами всех дефиниций и ограничений. Подразумевая беспредельное как запредельное, Е.П. Блаватская пишет, что Божество «…есть всё, которое является источником существования, беспредельностью, которая не может быть понята и осознана» [1, с. 350]. Во-вторых, беспредельность можно определить, как бесконечность бытия, то есть не она изначальна, а бытие и она выступает как важнейшее. атрибутивное качество бытия. «Бытие в своей неограниченности может

быть утверждено, как Беспредельность» [7, с. 266]. В высказывании Е.П. Блаватской Божество, или изначальная беспредельность, выступает как источник существования. Получается, что изначальная беспредельность или Абсолют непостижима, но единственным её определенным качеством является то, что она первопричина? Ведь Абсолют − наивысший принцип, источник бытия. При этом Абсолют не отделен пропастью от мира, он вмещает в себя всё, но он отнюдь не исчерпывается им и бесконечно превышает все существующее актуально и потенциально. Абсолют − не только причина, но и следствие, также он является основанием, базисом всех причин и условием того, что причина вызывает следствие. Только такое представление приемлемо, когда мы рассматриваем недвойственную изначальную беспредельность как первопричину. Конечно, она непостижима, но от полного неведения природы Абсолюта отличатся ученое незнание. Кроме того, онтологически разные уровни реальности в различной степени отстоят от истока бытия.

Единство и беспредельность. Если Абсолют недвойственен, то всё кроме него постигается через взаимодействие противоположных, отличных друг от друга категорий. Для понимания беспредельности наиболее важны две категории: единство и конечность. Гармоническое взаимодействие единства и беспредельности определяет специфику высших, наиболее фундаментальных планов бытия, конечность же характеризует физический мир, мир обусловленной реальности. При этом единство и беспредельность находят свое отображение и в физическом мире, но наряду с ними в нём существуют и конечность, и противоборство, антагонистическая множественность. Единство вне беспредельности было бы чем-то ограниченным. Ограниченности не избежать, даже если мы представляем единство как то, что органично в себя вбирает, а не поглощает множество. Беспредельность дает возможность бесконечной жизни, бесконечного развития каждого элемента благодаря тому, что каждый элемент единства в своей основе неисчерпаем, а также взаимодействию между элементами, в котором они не противоборствуют, а обогащают друг друга новым опытом. Беспредельность вне единства вырождается в хаотическую неопределенность. Беспредельность можно представить, как жизнь Абсолюта, но его жизнь не дисгармонична, а целостна. Эту целостность обеспечивает именно качество единства. Представление о высшем уровне бытия как о единой бесконечной жизни, отстаивалось в неоплатонизме у Плотина и Прокла, и это единство не поглощает, и интегрирует и развивает множественность, в его рамках «Всякое множество беспредельных потенций зависит от одной первичной беспредельности» [6, с. 71]. «Живая Этика» является дальнейшим развитием этой платонической линии мировой философии [4]. В «Живой Этике» с позиции единства и беспредельности основы бытия постулируется, что мир произошел из единого элемента духо-материи, который при своей дифференциации породил все бесчисленное многообразие своих космических проявлений, нашу вселенную, а также, помимо неё, вероятно, и другие вселенные.

Несмотря на всю необозримую протяженность космоса, на колоссальные расстояния между отдаленными галактическими системами, физический мир в своей основе един. Это единство обеспечивается, во-первых, единым источником происхождения. Согласно

«Живой Этике», это единый элемент духо-материи, согласно современной физике, − изначальный квантовый вакуум или же сверхвселенная, метавселенная, являющаяся основой нашей и других вселенных. Для точного познания она недоступна, по отношению к ней приемлемы лишь аналогии и вот одна из них. «По аналогии с Декартовым нулем (как модели снятия полноты всех пространственных форм) допустимо метафорически осмысленное суждение об абсолютном (неисчерпаемо напряженном и энергетическом) центре бесконечного мира. [5, с. 178]. Во-вторых, мир подчиняется единым законам, которые действуют во всем мироздании. Понятие закона, или космического закона, является одним из ключевых для «Живой Этики». Законы, изучаемые в естественных науках, задают устойчивые повторяющиеся связи между вещами и структуру материи. В отличие от них законы в «Живой Этике» имеют более универсальный характер, регулируют жизнь и природы, и общества, и сознания человека. В своей универсальности они сходны с законами диалектики, но при этом между ними есть и различия. Закон – это не только закон природы или логический закон, но и закон нравственный. «Закон – это форма выражения Бытия Единой Вещи, Единого» [2, с. 178]. Единое как первоначало бытия непостижимо, аналогично и закон в своей основе непостижим, при этом познаваемы отдельные аспекты этого единого закона, такие как принцип универсальной причинно-следственной взаимосвязи, закон цикличности и др. Закон можно обозначить как абстрактно-идеальный аспект бытия. В «Живой Этике» утверждается единство абстрактно-идеального и конкретно-идеального, то есть закона и сознания. Только это сознание, живущее в гармонии с одухотворенным мирозданием. Махатмы, мудрецы Востока, отмечают, что они являются носителями и выразителями космических законов, то есть они постигли всю глубину направляющих эволюцию вселенной законов и творят в соответствии с ними. Третьим аспектом, обеспечивающим единство космоса, является единство высокого разума и воли, стоящего за всеми фундаментальными процессами, происходящими в мироздании. Точнее, в «Живой Этике» говорится об Иерархии бессмертных преображенных сознаний, творящих в масштабах космоса. Почему такие сознания существуют? Если принимается посылка о том, что сознание несводимо к материи и оно способно эволюционировать, то почему бы не допустить, что оно может перейти на ряд следующих, качественно новых ступеней, и эти ступени будут развитием всего лучшего, что есть в человеке, а не его концом, как в случае с компьютерным разумом?

Беспредельность в жизни человека. Ряд ученых допускает, что сознание не обязательно связано с углеродной формой жизни и может существовать, обновляясь, чрезвычайно долго, так физик Пол Дэвис пишет: «…если множество состояний разума неисчерпаемо, значит, разумные существа могут помыслить бесконечное число мыслей и получить бесконечное число впечатлений. Тогда перед нами открывается возможность бесконечно увлекательного путешествия, конец которого откладывается на целую вечность. С точки зрения человеческих эмоций это, пожалуй, самое лучшее, что можно себе вообразить» [3]. Отмечу, что бесконечное число мыслей и впечатлений должно, в соответствии с законом перехода количества в качество приводить к качественной трансформации сознания, переходу его на новый уровень развития. Пол Дэвис рассматривает естественнонаучную картину мира, если же исходить из общих онтологических постулатов, то Абсолют беспределен и человек как часть Абсолюта содержит в себе это беспредельное единство, которое заключается не во временном, а в вечном в человеке. «И ничтожный и малый во внешней форме своей, ты велик, бессмертен и вечен в своей непреходящей сущности, ибо центр бытия твоего больше и значительнее, и субстанциальнее, чем все видимые тобою формы необъятного <…> окружающего тебя мира» [2, с. 672]. Это вечное в «Живой Этике», как и во многих религиозно-философских традициях от древнеегипетской до китайской соотносится с нефизическим сердцем, глубинным центром сознания. К беспредельной эволюции, в первую очередь способны такие качества как самоотверженная любовь и сострадание. Однако конечное и временное не является чем-то негативным, взаимодействие с ним позволяет человеку накопить новый, уникальный опыт, который он не мог бы приобрести, пребывая в сфере вечного. В условиях земной жизни человек осуществляет свободный выбор между добром и злом, утверждает себя как свободное, сомосознательное и творящее в соответствии с законами космоса существо.

Литература:

1. Блаватская Е.П. Что такое теософия // Ключ к теософии. М.: АСТ, 2004.
2. Грани Агни Йоги. 1952 г. Часть II. Новосибирск, Предприятие «Алгим», 2014.
3. Дэвис, Пол Вечность. Кому она нужна? // Далекое будущее Вселенной. Эсхатология в космической перспективе. Под ред. Дж. Эллиса. М.: издательство ББИ, 2012. Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=161862&p=14#section_25
4. Иванов А.В., Фотиева И.В. От Платона – к «Живой Этике» развитие традиции метафизики всеединства // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2013 №6. С. 40-55.
5. Пивоваров Д. В. Категории онтологии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.
6. Прокл. Первоосновы теологии. Перевод и комментарий проф. А.Ф. Лосева. М.: издательская группа «Прогресс», 1993.
7. Учение «Живой Этики». Беспредельность. Часть первая. М.: Международный Центр Рерихов, 2009.

Концепция космической эволюции «Живой Этики» как основа расширения естественнонаучной картины мира (математическая точка зрения)

Абрамова А.И.

Технологический университет, г. Королёв, доцент, кандидат физико-математических наук

govorovaai@mail.ru

Аннотация: Концепция космической эволюции «Живой Этики» рассматривается с точки зрения системного подхода и через призму следующих математических принципов: задания первоначального пространства и его свойств; принципа непрерывности; принципа бесконечности. Также анализируются онтологически неопределенные в математике понятия точки и пространства в применении их к общей схеме построения Космоса и процессов его развития. Эволюция Космоса и человека как его части в «Живой Этике» приводится путем последовательного построения миров, в основе которых лежит взаимодействие двух фундаментальных начал – духа и материи, которые есть информационное и субстратное начала бытия вселенной. Эти начала проявились из изначальной точки – беспричинной причины – в которой они пребывали в абсолютном единстве. Высказывается идея о том, что концепция космической эволюции, изложенная в «Живой Этике», сможет стать основой расширения естественнонаучной картины мира, что даст решение многих научных проблем, в частности, проблемы сознания. Математический взгляд на нее служит шагом к обоснованию возможности реализации этой идеи.

Ключевые слова: «Живая Этика», космическая эволюция, пространство, принцип непрерывности.

The Concept of Cosmic Evolution of the Living Ethics as a Basis For Expanding the Natural Science Picture of the World (Mathematical Point of View).

Abramova A.I.

Moscow Region University of Technology (Korolev)

Abstract: The concept of the cosmic evolution of Living Ethics is considered from the point of view of a systematic approach and through the prism of the following mathematical principles: specifying the initial space and its properties; principle of continuity; principle of infinity. The concepts of point and space are also analyzed in their application to the general scheme of building the Cosmos and the processes of its development. The evolution of the Cosmos and man as its part in the Living Ethics appears by the construction of worlds, which are based on the interaction of two fundamental principles - spirit and matter, which are the informational and substratum principles of the universe. These principles arose from the initial point — the causeless cause — in which they were in absolute unity. The concept of cosmic evolution, proposed in Living Ethics, can become the basis for expanding the natural science picture of the world, which will provide a solution to many scientific problems, in particular, the problem of consciousness. The mathematical approach to it serves as a step towards substantiating the possibility of realizing this idea.

Keywords: “Living Ethics”, cosmic evolution, space, the principle of continuity.

Введение. В современной науке накопилось много задач, которые могут быть решены путем расширения естественнонаучной картины мира. «Живая Этика» как синтез всех мировых Учений в доступной современной науке форме показывает наш мир целостным, развивающимся по единым космическим законам, действующим во всей Вселенной, а человека – активной частью Космоса, эволюционирующей по этим же законам как в физиологической области, так и в психодуховной. Если посмотреть на эту концепцию космической эволюции с точки зрения математического мировоззрения (по П.А.Флоренскому, [1]), то возможно построить логическое обоснование к принятию современными учеными идеи расширения естественнонаучной картины мира путем введения в нее психодуховных аспектов Космоса.

О математических принципах и неопределяемых математических понятиях. В докладе будут рассмотрены математические подходы при умозрительном исследовании концепции космической эволюции «Живой Этики»: определяющая важность задания изначального пространства, в котором наукой изучаются различные феномены жизни; принцип непрерывности; принцип бесконечности. Принципы непрерывности и бесконечности лежат в основании фундаментальных математических понятий – бесконечно малого и бесконечно большого, использующихся в разного рода геометриях, теории рядов и других математических дисциплинах и на которых строится дифференциально-интегральное исчисление.

В основе концепции космической эволюции в «Живой Этике» положены такие фундаментальные понятия как Точка, из которой проявился Космос, и Пространство. В математике они считаются неопределенными по своей сути. Математическое пространство задается формально, без определения его сущности, как некое множество объектов, которому присущи определенные накладываемые свойства. Несмотря на онтологическую неопределенность в математике точки и пространства, математический аппарат, повсеместно использующий их, «работает» всегда, ибо эти понятия универсальны, лежат в основе космического мирообразования, в сущности мировых и человеческих явлений, поэтому построение на них математического фундамента истинно.

При создании любой математической теории, или математической модели изучаемого процесса, прежде всего, описывается пространство изучаемого процесса, его начальные свойства и характеристики его объектов. Это важный момент: от того, насколько «широко» задано пространство, настолько может продвинуться наука в исследованиях внутри него. Концепция космической эволюции мира в «Живой Этике», являясь стройной целостной системой Бытия Космоса, строится именно таким образом – строго математически: от определения изначального Базиса Вселенной до уровня физической реальности, на фундаменте двух Начал – Духа и Материи.

Математический взгляд на общую схему концепции космической эволюции мира в «Живой Этике».

1. Абсолют и парадигмальный Базис Вселенной. Прежде всего, обозначается ТО – Абсолют, являющийся Непознаваемым и Несказуемым. «Абсолют уявлен на Единстве. Познать Абсолют невозможно, ибо не могут быть два Единства. Познать Абсолют нельзя, но осознать его возможно»[2, стр.252]. Его аспекты, через которые он проявляется, можно осмыслить. Ими являются Абстрактное Пространство, Абстрактное Движение и Абстрактная Длительность.

Именно эти изначальные аспекты являются абсолютным Базисом всех возможных проявлений Вселенных. Базисом некоего множества, с точки зрения математики, называется совокупность понятий (объектов), невыводимых одно через другое (независимых друг от друга) и определяющих все остальные объекты рассматриваемого множества. Говоря абстрактно, Пространство являет собой вмещение всех состояний Движения как непрерывного изменения этого Пространства в различных периодах Длительности. Длительность – основа дифференцированного времени в проявленных мирах Космоса.

2. Пространство Вселенной как проявленной саморазвивающейся Мысли Абсолюта. Понимание жизни в Пространстве Абсолюта есть Небытие, или Абсолютное Бытие. Перед рождением новой Вселенной в Пространстве Абсолюта проявляется Точка напряжения как Зародыш Вселенной – Мысль Абсолюта. Схематически она изображается в Круге, который символизирует сферу проявления Вселенной. Обозначение Мысли Абсолюта понятием Точка помогает осознать это понятие как Начало процесса, Абстрактное Зерно Жизни, Единство Сущего. Точка обладает скрытым потенциалом жизни. Лейбниц справедливо определял точку как центр силы.

Пространство Круга есть Пространство Вселенной. Именно его предлагается математически положить как исходное вместилище Бытия Космоса и рассматривать в нем его эволюцию и эволюцию человека с научной точки зрения. Пространство Вселенной - это не только физическая реальность (по Эйнштейну), в которой регистрируются видимые космические объекты, различного рода излучения, элементарные частицы, а Пространство, из которого и в котором формируется и развивается многомерный Космос, включающий в себя и плотную его составляющую, исследуемую современной наукой, и психодуховную.

3. Предкосмическое Триединство – основа проявленного Космоса. Точка содержит в себе Беспричинную Причину всего сущего во Вселенной, и до своего проявления в ней слиты в абсолютном Единстве две составляющие – Дух и Материя. Учение «Живой Этики» объясняет, что изначально,

до проявления Космоса, и в последующем ходе его эволюции в основе сущего, то есть в основе всех форм и состояний Космоса, лежат два Начала – Дух и Материя. Дух есть информационное Начало, Материя – субстанциональное (то, из чего строятся формы), они выявляются только друг с другом и при их взаимодействии образуются все миры Вселенной – многомерный Космос. Отсюда логически следует, что все рассматриваемые современной наукой космические объекты и космические процессы имеют также духовную составляющую, что отражено в микрокосме человека как венце космического творчества. То есть Космос психодуховен изначально.

В этом первичном проявлении аспектов Единства образуется первая Абстрактная Форма - Триединый Треугольник, или Предкосмическое Триединство - основа проявленного Космоса: Дух, Материя и их форма взаимодействия.

4. Проявление Космоса – построение Космической Иерархии Центров Сознания. Из Точки, в которой проявлено изначальное Триединство, под действием информационного Начала и посредством Силы Инерции начинается построение иерархической структуры Космических Энергоцентров различного потенциала.

Говоря о Духе и Материи в отношении Космоса, корректнее определить единую сущность Космоса – Духоматерию (так как они не могут быть выявлены каждая сама по себе) с многообразными степенями проявления той или иной составляющей – информационной или субстанциональной. Каждая форма носит в себе Искру Духа, содержащую в себе потенциал эволюции этой формы.

В связи с этим, Пространство Вселенной обладает свойством непрерывности. Для представления этого уместно вспомнить аксиому непрерывности (она же аксиома полноты) в теории вещественных чисел: между любыми двумя элементами множества вещественных чисел, какими бы близкими они не были, всегда найдется число. То есть какую бы малую область Пространства Вселенной не рассмотреть, внутри нее всегда будет присутствовать Духоматерия. Информационный аспект построенной Космической Иерархии есть Космический Разум, субстанциональный – Космический Магнит. Эта система Космических Энергоцентров есть вселенское Сознание. Самый высший уровень Сознания – Сознание первичной Точки, из которой проявляется вся Иерархия. Каждый Энергоцентр обладает своим полем сознания.

5. Человек – венец Космического Творчества, микрокосм, подобный Макрокосму. Пространство Вселенной относительно энергоинформационной пропорциональности разделяется на три основных мира: Мир Огненный, Мир Тонкий и мир плотный (наша физическая реальность). Венцом построения этой иерархической системы является человек физической реальности, имеющий в своем микрокосме все уровни сознания, отвечающие Мирам Космоса. То есть человек – отражение Макрокосма. Его тело существует в физической реальности, его мысли принадлежат Тонкому Миру, его дух – высшее начало в человеке – Миру Огненному.

Вначале происходит последовательное уплотнение Духоматерии (этап дифференциации, разделения Единого на множества) до создания человека с многоуровневым комплексом сознания, что есть та же Духоматерия, примененная к человеческой форме. Затем человек разумный знаменует собой эпоху начала синтеза, интеграции. Он должен посредством развитого мышления устремляться в высшие Миры Космоса, черпать оттуда Высшее Знание (наполняться информацией об универсальных законах Вселенной) и применять это Знание в плотном мире, насыщая большей информационной составляющей. Этот процесс называется в «Живой Этике» процессом расширения и утончения сознания и соответственно – утончением окружающей материи.

Абстрактное Движение и Абстрактная Длительность в проявленном Космосе. Построение иерархической системы Космоса есть процесс изменения Духоматерии – это проявление Абстрактного Движения. Проявление и развитие этой системы энергоцентров жизни осуществляется согласно заложенному в них потенциалу в течение периодов определенной Длительности. Это Движение непрерывно, также как и периоды изменений состояний Духоматерии.

Принцип бесконечности в процессах космической эволюции. В математике есть понятия актуальной и потенциальной бесконечности. Потенциальная бесконечность соответствует тезису «нет предела совершенству». В потенциале каждого Энергоцентра Космоса заложена возможность бесконечного развития. Это необходимое условие Бытия Космоса и человека, поскольку только из этой беспредельности может черпаться столь мощная энергия, поддерживающая все Бытие. Потенциальная бесконечность проявляет себя через ограниченное существование конечных форм.

Свойство непрерывности, присущее Пространству, Движению и Длительности, а также беспредельность развития всего сущего обуславливают непрерывность жизни человека.

Литература:

1. Шапошников В.А. Математическая апологетика Павла Флоренского // На пути к синтетическому единству европейской культуры. Философско-богословское наследие П.А. Флоренского и современность / Под ред. В.Н. Поруса. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2006, стр. 164-180.
2. Рерих Е.И. У порога Нового Мира. 2-е издание. М.: Международный Центр Рерихов, 2007. – 464 с.

Философское наследие Рерихов в цивилизационных процессах

Герасимова И.А.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник, доктор философских наук

homegera@gmail.com

Аннотация. Предлагается интерпретация философского учения Рерихов «Живая Этика» в контексте глобализационных вызовов в эпоху перемен. «Живая Этика» вобрала в себя разные культурные традиции, ее справедливо называют синтетическим учением. Принцип единства множественного (разнообразия в единстве) составляет основной методологический инструментарий учения. Учение постулирует вечность общечеловеческих духовных ценностей и идеалов и временность их конкретно-исторических способов выражения. Учение дает образцы духовного понимания в различных формах коллективного сотрудничества (междисциплинарный и трансдисциплинарный диалог в философии и науке, межкультурный диалог, межконфессиональный диалог). Механическая цивилизация мыслится как этап на пути становления духовной планетарной цивилизации.

Ключевые слова: Живая Этика, цивилизация, коллективное мышление, единство множественного, интеллект, духовность.

The Roerichs‘ philosophical heritage in civilizational processes.

Gerasimova Irina A.

Institute of Philosophy RAS

Abstract. The author offers an interpretation of the Roerichs ‘philosophical doctrine” Living Ethics” as a civilizational doctrine. “Living Ethics” has absorbed various cultural traditions, it is rightly called a synthetic teaching. The principle of unity of the multiple (diversity in unity) is the main methodological tools of the teaching.The doctrine postulates the eternity of universal spiritual values and ideals and the temporality of their concrete historical ways of expression.The teaching provides examples of spiritual understanding in various forms of collective cooperation (interdisciplinary and transdisciplinary dialogue in philosophy and science, intercultural dialogue, inter-confessional dialogue).Mechanical civilization is thought of as a stage on the way to becoming a spiritual planetary civilization.

Keywords: Living Ethics, civilization, collective thinking, unity of the multiple, intelligence, spirituality.

Живую Этику Рерихов, отражая разные грани восприятия учения, называют «синкретическим надконфессиональным учением», «религиозной философией», «эстетической философией космической реальности», «альтернативным духовным учением», «теософией». Первые тексты появляются в 20-е годы прошлого века, когда техногенная цивилизация только набирала обороты. Рубеж XIX-XX вв. для отечественной культуры отмечен подъемом национального самосознания, отразившись в философии, искусстве и науке богатством идей и открытий, и войдя в историю как «серебряный век». XX в. взял курс на индустриализацию и научно-техническое развитие, в XXI в. можно наблюдать апогей механического мышления в стратегиях тотальной цифровизации и роботизации. Обострение глобальных рисков и нарастающие угрозы существования разума на планете заставляют людей задумываться над вопросами о смыслах и ценностях жизни. Отчетливо осознается еще одна грань учения, в котором раскрываются законы глобального эволюционизма, истоки духовных философий и религий, причины ускорения научно-технического развития, роль культуры в цивилизационных преобразованиях мира и трансформациях сознания.

Проблема философской методологии. Живую Этику нельзя квалифицировать как «кабинетную теорию», учение предназначалось для тех, кого волнуют вопросы смыслов жизни при всей ее обыденности и многообразии сфер деятельности. В то же время, Живая Этика – философское учение, любые вопросы обсуждаются на уровне философской рефлексии. В данном случае целесообразно говорить о философии науки, философии религии, философии повседневности и пр.

Стиль мышления и изложения в текстах необычен для профессиональной рефлексии синтезом и всеохватностью. Но именно этот стиль, неусложненный философским категориальным языком, востребован в диалоге цивилизаций. В последние годы набирают силу дискуссии о «межкультурной философии» [1], издаются профессиональные энциклопедии, восточные учения начинают входить в пространство всей философии. Трудность заключается в выработке адекватной методологии исследования философий, сопряженных с несоизмеримыми картинами мира. Согласно распространенной точке зрения, существует только одна понятийная система философствования – европейская. Она составляет основу исследования других философий, которые представляются как региональные и слабо имеющие отношение к научно-техническому развитию [2]. Иная позиция делает акцент на множественности и уникальности культурно-философских традиций, менталитетов и языков [3]. Философия Рерихов предлагает метод единства множественного, диалектически соединяя скрытое и явное – единство источников знания (смыслов, архетипов) при различии конкретно исторических культурных форм их реализации. На уровне общих принципов можно говорить об общечеловеческих ценностях и универсалиях, пронизывающих этнокультуры. Теоретически данная позиция трудна тем, что синтез нужно обосновывать, соединяя абстрактное и конкретное. Синтетическая методология в реалиях жизни скорее удается искусству, что нашло яркое воплощение в художественном творчестве Н.К. и С.Н. Рерихов.

Корпус текстов Живой Этики является концептуализацией идей, которые воплощались в различных сферах деятельности семьи Рерихов – в литературном и художественном творчестве, в научных изысканиях культурологического, археологического, этнографического, искусствоведческого, медицинского направлений. Восточный подход сочетания трансцендентного познания и его рефлексивного осознания нашел выражение в уникальных записях «огненного опыта» Е.И. Рерих. Рерихи практически воплощали идеи своего учения.

Проблема многообразия духовных миров и экзистенциального опыта. В текстах учения встречаются имена греческих мудрецов, основателей религий и философских учений, неоведантистов, буддистов, христианских святых и подвижников благочестия. Принцип единства многообразного (единства в многообразии, разнообразия единого) в миропонимании Рерихов распространялся и на религиозную жизнь. Рерихи подчеркивали единство духовных истоков разных учений и, одновременно, условия конкретных реалий жизни, в которых идеи приобретали специфические формы.

В современных глобализационных процессах идет становление способности понимать другого в расширяющихся межкультурных коммуникациях. Эпистемологии пишут о «зонах обмена», в том числе между наукой и вненаучным знанием по фундаментальным вопросам природы жизни, природы сознания, эволюции [4]. В научной практике ранее несоизмеримые теории могут стать соизмеримыми (дополнительными) в процессе диалога их приверженцев, но диалог между сложившимися религиями затруднителен. Религии как социальные институты стали факторами национальной и этнической самоидентификации. Консервативное религиозное сознание не признает экуменизм и альтернативные духовные течения. В то же время в поисках идеалов многие люди не находят их в своих традиционных религиях, имеются факты перехода в иные религии по убеждению.

Возможны ли трансформации религиозной жизни?

В философии Рерихов религиозный опыт понимается как сфера духовного творчества и преображения личности. Отличаясь от преходящих форм цивилизаций, культура – от вечности. Человек в опыте каждодневной жизни может стать сотрудником Живого Космоса, воплощая в жизни высшие ноумены красоты. Религиозный опыт и «общение в духе» – часть высокой культуры. Единая истина в «одеяниях философий и религий» в метафизических пространствах инобытия образует духовные миры, сопряженные с земной жизнью. В своих молитвах и ритуалах люди обращаются за духовной помощью к прославившимся при жизни подвижникам и героям.

В Живой Этике говорится о новом векторе в эволюции человека – становлении коллективного разума при развитой индивидуальности. Признание духовной иерархии и духовного учительства находим во многих религиях, но в рамках отдельных конфессий. Особенность переживаемого момента – в приобретении духовного и социального опыта планетарного единения. Принципы иерархии, общины и сотрудничества становятся ведущими в гармонизации разнообразного. Принцип иерархии – просвещения и совершенствования по линии учитель-ученик, дополняет принцип общины

– сотворчества в свободном общении индивидуальностей. В идеальном варианте духовное развитие предполагает сообщества, в которых есть учитель и ученики (община), но если нет явного учителя, то тогда принцип коллективного мышления становится основным. Сотрудничество – первая ступень в иерархической лестнице восхождения духа.

На высших уровнях восхождения единение перерастает в «слияние сознаний» в свободной игре спонтанного смыслопорождения и созерцания. Можно указать на некоторые аналоги понятия «слияния» в теоретических рефлексиях современных философов. В аспекте форм коллективной организации научных исследований «слияние сознаний» сопоставимо с сотворчеством в пространстве межреальности в трансдисциплинарном диалоге [5, с. 199–240], с единением сознаний в экзистенциальной коммуникации.

От механической цивилизации к планетарной цивилизации духовного человечества. В Живой Этике говорится об эволюции человечества как смене цивилизаций и эонов, в которых формировались разные грани сознания и психики. Развитие интеллекта и осознанности – сравнительно недавнее приобретение, на переживаемом витке истории интеллект приобрел роботизированные формы, произошла гипертрофия одной способности за счет других – притуплении физической, эмоциональной и духовной чувствительности. Интеллект развивался в познании физического окружения и преобразовании мира по усмотрению человека и при поддержке техническими средствами. В учении отмечается прогрессирующая роботизации сознания, но не отрицаются технические познания и приобретения в разумных рамках. Механическую цивилизацию Рерихи мыслили как определенный этап в эволюции человечества: сознание, конструирующее искусственные вещи и среды, тем самым осознает естественное в себе [6, с. 31–32]. В кризисах и разрушениях старых отживших форм зреют новые формы, отвечающие задачам развития разума и восхождения духа. Основные усилия человечества, по мысли Рерихов, должны быть направлены на осознание духовного потенциала утонченного сознания, раскрытие которого возможно при очищении естественной среды обитания и очищении мышления от вековых догм [6, с. 93–94].

Живая Этика многогранна по смыслам. В метафизическом аспекте речь идет о жизни на иных планах космического бытия и ее связи с земной жизнью. В социально-цивилизационном аспекте жизнь понимается как вечная смена культурно-исторических форм духовного творчества, основой которого является этика. Изучение психической энергии, сочетание интеллекта (мыслетворчества в формах «воплощенного сознания») с духовностью (способностями экзистенциального уровня – чувствознанием и духоразумением) в «Живой Этике» утверждаются как задачи новой ступени в эволюции разума человека, пути демократизации наработанного в мировых духовных лабораториях опыта синтеза феноменального и ноуменального. Согласно учению, в «молниеносной молитве» в творческом порыве к духовным источникам жизни заключены «**красота**, любовь, дерзание, отвага, самоотверженность, неуклонность, устремление» и «Только развитая **духовность** может в едином вздохе поднять сознание человеческое» [6, с. 340–341].

Литература:

1. Степанянц М.Т. Атлас рациональности: проблемы и методы реализации проекта // Философские науки. 2018. № 6. С. 33–51. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-6-33-51.
2. Крушинский А.А. Дао сквозь призму логоса: понятийный европоцентризм // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 33–53. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-33-53.
3. Смирнов А.В. .Об универсальности разума // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 7–10. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-6-7-10.
4. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 1. С. 8–17. DOI 10.5840/eps20175111.
5. Герасимова И.А., Бургете Аяла М.Р., Киященко Л.П., Розин В.М. Сложностность и проблема единства знания. Вып. 2. Множество реальностей в сложностном мире. М.: ИФ РАН, 2019. 252 с.
6. Агни-Йога. Надземное. М.: Сфера, 1995. 848 с.

Живая Этика о внутренней природе человека

Лебеденко А.А.

Международный Центр Рерихов (Москва, Россия), заместитель руководителя научного отдела. Кандидат философских наук, кандидат политических наук

alebedenko1961@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме внутреннего человека. Автор акцентировал внимание на том, что природа человека двойственна: внутренняя – духовная, тонкоматериальная (или огненная) и внешняя – физическая, плотноматериальная. Внутренняя (огненная) сила проявляется через дух (формирующий индивидуальность), а внешняя выражается в личностном аспекте (самости, эгоизме). Совершенствование тонкоматериальной структуры подвержено влиянию, с одной стороны, плотной материи и, с другой стороны, космической стихии огня. Живая Этика утверждает: внутренний человек – это вечный ученик, вечный учащийся в Великой космической школе жизни, и такой непрерывный процесс обучения, заключающийся в постоянном росте и совершенствовании духа, беспределен.

Ключевые слова: Живая Этика, дух, материя, человек, внутренняя природа, совершенствование.

The Living Ethics about the Inner Nature of a Man.

Lebedenko A.A.

The International Centre of the Roerichs (Moscow, Russia): Research Department

Annotation: the article reveals a current problem of the inner man. The author focuses on the fact that human nature is dual: inner – spiritual, subtle (or fiery) and outer – physical, dense-material. The inner (fiery) power appears through the spirit (which forms the individuality), and the outer is expressed in the personality (selfhood, egoism). The improvement of the subtle matter is influenced, on the one hand, by dense matter and, on the other hand, by the cosmic element of fire. The Living Ethics says that the inner man is an eternal disciple, an eternal student in the great cosmic school of life, and this constant process of learning, consisted in continuous growth and improvement of spirit, is infinite.

Keywords: the Living Ethics, spirit, matter, man, inner nature, improvement.

В основу энергетического миропонимания философской системы Живая Этика положена фундаментальная идея единства космической жизни. В беспредельных тайниках пространства и вечности материя и дух лишь два полярных выражения бытия, два полюса существования Космоса, единые и нераздельные.

В циклических закономерностях проявления космоса его материальный аспект раскрывается беспредельным количеством форм как сознательная вселенская ткань, способная в творческой вечности выражать волю скрытых беспредельных огненных импульсов духа.

В диалоге сотрудничества, «будучи расплавлена *(энергией духа. – А.Л.)*, материя поддается улучшению и дает новые формулы» [1, 2.I.7] беспредельной жизни. С ортодоксальной точки зрения природа духа и материи различна, но с философской точки зрения, в сущности, она едина. Дух и материя различны в той же степени, что вода и снег. А ведь природа их вовсе не различна, так как снег – это по сути вода. И когда вибрации духа определенной сферы достигают минимальной напряженности, он превращается в материю. А когда колебания плотной материи достигают высокой интенсивности, она утончается и превращается в дух.

Вне материи дух не мог бы проявить и обнаружить себя в столь бесчисленных градациях собственной огненный мощи. В свою очередь дух организует и одухотворяет материю, и без тончайшей энергетики духа материя, с точки зрения традиционной науки, оставалась бы в состоянии абсолютно косного покоя. «…В основе [нашего] существования, – пишет Н.К. Рерих, – лежит творящая мысль» [2, с. 62]. И только «импульс огня дает всему Космосу жизнь» [2, с. 65].

Единый дух пронизывает все тела человека-матрешки, только в крайней форме, плотной, он скрыт наиболее глубоко. Так космическая ткань Природы энергетически скреплена единым духом и представляет собой беспредельное сочетание материи физической, тонкой и огненной. В совершенном человеке энергетика духа может быть выявлена со всей полнотой и ярко, но лишь в мерах, доступных условиям земного существования.

Именно космическому мышлению, характерному для одухотворенной науки, присуще целостное представление о многоуровневой структуре мира и человека. К примеру, философия Живой Этики колоритно очерчивает пространство новой науки, имеющей корневую основу внутри ее носителя: «Человек – часть космической энергии, часть стихий, часть Космического Разума, часть сознания высшей материи» [3, § 155]. И в нем, в человеке, материальное и духовное начала находятся в тесном взаимодействии и гармонично или разрушительно проявляют себя в жизни людей. Многое зависит от их сердечной воли.

В соответствии с представлениями авторов философской системы Живая Этика, неизменно делившихся знаниями с человечеством на протяжении всей истории его развития, природа нашего генезиса двойственна: внутренняя – огненная или духовная и внешняя – тонкоматериальная и плотная. Внутренняя сущность человека первична и рождена в глубинах бесформенного и незримого Космоса жертвенным принципом пространственного огня, сокрытым в Центральном, Духовном Солнце [см.: 4, с. 135]. Именно космический огонь наделил человека зерном духа, жертвенным принципом сердца и сознанием красоты.

Внешняя природа человека – вторична и оформилась закономерностями проявленного, зримого космоса, выявленного деятельностью нашей Солнечной системы и жизнью ее небесных тел – Луны и Земли [4, с. 134].

По сущности происхождения наша внутренняя огненная сила проявляется через дух (индивидуальность), а внешняя – выражается в личности (душе, низшем эго), персонифицирующей высшее начало человека. В то же время каждая из них несет в себе энергии прошлых накоплений, определяющих нынешний уровень сознания человека и предопределяющих его эволюционный рост или нисхождение. Живая Этика утверждает, что внутренний «человек – это вечный ученик, вечный учащийся в Великой Космической Школе Жизни» [5, § 324], и такой непрерывный процесс обучения, заключающийся в постоянном росте и совершенствовании духа, беспределен. Так, по мысли Е.П. Блаватской, человек физический есть шедевр природы, а человек внутренний – это шедевр эволюции.

В философской системе Живой Этики путь внутреннего познания совершается через гармонию знаний и красоту самоотвержения, через духовное совершенствование и постоянный труд человека на общее благо. Путь Агни Йоги есть доброслужение, и такие мысли являются хорошим началом для великого процесса гармонизации двух миров. Человеческое земное и индивидуальное надземное космически переплетены тончайшими энергетическими узорами. Если эти сочетания нарушаются, то волны потрясений и гибельных явлений сопровождают планету Земля. Эволюционно «учение [Живой Этики] учит служить добру» [6, § 586], – сказано в книге «Надземное».

Философия космической реальности обращает внимание исследователей на то, что наша внутренняя природа по отношению к внешнему человеку является духовным центром и нераздельным кругом, космической цельностью и «голосом духа», потому рекомендуется личности «прислушиваться [и прилепляться] к внутреннему явлению центра» [7, § 358]. Для познающего в начале его исследовательского пути желательна духовная жизнь. И когда он вступает на эту стезю, то его материальная жизнь одухотворяется, а духовная – утончается, и тогда человек может стать властелином и той, и другой.

Вселенная через дух, который выступает ее архитектором, сгущается в материальные формы, а затем снова вытекает из природы материи, проходя различные стадии космического света.

Из мощного огненного принципа невидимого Космоса проистекает разнообразие и целостность жизни Вселенной. Ход **энергетических** взаимоотношений **между незримыми структурами** духа и тончайшей материи обусловливает, по мнению А.Л. Чижевского, разнообразие эволюционных форм выражения Природы, и множественное «великолепие [ее] полярных сияний – цветение розы, творческая работа, [светоносная] мысль – все это проявление лучистой энергии Солнца» [8, с. 28]. Бесчисленные проявления форм жизни определяются в пространстве взаимодействия духа и материи

и обусловливаются их энергетикой. В этом поле беспредельного существования Космоса возникают неисчислимые циклы подъемов и нисхождений эволюционных периодов, непосредственно связанных с процессами одухотворения и утончения материи, а также с формированием личных и коллективных судеб людей, кристаллизацией высочайших вершин взлетов, духовных достижений и ужасающих пучин деградаций человечества, ярко проявившихся в последнее время [см.: 9].

«Произошло, – как отмечает Н.А. Бердяев, – ниспадение человека в природные недра, сковывание природными стихиями, в которых дух человеческий был заколдован и из которых он своими собственными силами никак не мог подняться, не мог расколдовать того страшного колдовства, которое повергло его в среду природной необходимости» [10, с. 87]. Смысл космической эволюции как раз и состоит в том, чтобы посредством творческой деятельности человека «расколдовать» духовное начало бытия, оживить и утончить материю, облекающую дух. Только такой путь может привести двойственную природу человека к точке сердечного синтеза, в которой «сливаются земное и небесное, пересекаются [их] заповедные границы, где соединяется материя иной действительности с земной» [9] и завершается Лунная Тропа личности [см.: 4, с. 134].

Человек на самом деле есть результат инволюции духа, в то же время – эволюции материи, и в конечном результате он не что иное, как «самопостижение», а это значит: познающий достигает такой степени совершенства, на которой он может познать самого себя.

Эволюция Космоса, имеющая целью духовное единство всего сущего и его бессмертие, работает именно над преображением внутренних сил человека, которое открывает неисчерпаемый запас духовной мощи, приводит к освобождению и овладению сердечной творческой волей. «Овладение действенной, именно творческой духовной волею, – пишет Е.И. Рерих, – и есть венец достижения – человек становится тогда в полном смысле творцом Мира» [11, с. 100].

Все люди включены в систему энергообмена космоса. Рост сознания, рост нашей духовной силы, положительных мыслительных процессов усиливают связь с Высшим Миром в том случае, если мы стремимся к Высшим Идеалам, размышляем и подражаем избранным образам, напряженным трудом добываем свет знания. Но надо всегда помнить, что источник психической энергии – это Огненный Мир, Мир Света. В этой связи Н.К. Рерих высказался исключительно пророчески: «Запомним, что ни наука, ни техника, ни философия не отразят вполне душу народа. Ее прочтем лишь, отраженную в памятниках искусства. Радость совершенствования разлита во всем творчества людей от великих до маленьких. И светочами жизни стоят творения. И мы – творений духа временные стражи» [12, с. 63]. Космос, наша планета Земля и человек, на ней обитающий, живут разнообразной, необычной жизнью, духовно и душевно богатой энергией от единого Света.

Литература:

1. Учение Живой Этики. Листы Сада Мории. Кн. 2: Озарение.
2. Рерих Н.К. Держава Света. Священный Дозор. Рига: Виеда. 1992.
3. Учение Живой Этики. Беспредельность. Ч. I.
4. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1992.
5. Грани Агни Йоги. 1961 г. Новосибирск: Издательство «ППК “Полиграфист”». Предприятие «Алгим», 1994.
6. Учение Живой Этики. Надземное.
7.Учение Живой Этики. Иерархия.
8. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976.
9. Шапошникова Л.В. Исторический процесс как космическое явление // Электронная библиотека Международного Центра Рерихов. Режим доступа: http://lib.icr.su/node/642 (дата обращения: 09.11.2018).
10. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
11. Рерих Е.И. Письма. [В 9 т.] Т. III (1935 г.). М.: МЦР, 2001.
12. Рерих Н.К. Обитель Света. М.: МЦР; МП «ЭКОС», 1992.

Философское наследие Рерихов и новые горизонты научного познания

Лавренова О.А.

Институт научной информации по общественным наукам, ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

olgalavr@mail.ru

Аннотация: Философское учение «Живая Этика», начало создаваться Еленой Рерих 100 лет назад, в 1920 году, в тесном соприкосновении с индийской духовной традицией. Оно представляет собой гармоничный синтез достижений восточной, западной и отечественной философской мысли, прежде всего русского космизма. Прошедший век показал, что многие заложенные в этом учении идеи, подходы и методы познания становятся все более востребованными с течением времени. Эта философия несет в себе мощную мировоззренческую, культуротворческую, коммуникативную и когнитивную потенциальность, которая со временем может быть использована при построении новой научной парадигмы.

Ключевые слова: космизм, «Живая Этика», Елена Рерих, научное познание

The Roerichs ‘ philosophical heritage and new horizons of scientific knowledge.

Lavrenova O. A.

Institute of scientific information on social Sciences

Abstract: The Philosophical doctrine «Living Ethics» was created by Elena Roerich 100 years ago, in 1920, in close contact with the Indian spiritual tradition. It is a harmonious synthesis of the achievements of Eastern, Western and Russian philosophical thought, especially of Russian cosmism. The past century has shown that many of the ideas, approaches, and methods of knowledge embedded in this teaching are becoming more and more popular over time. This philosophy carries a powerful worldview, culture-making, communicative and cognitive potentiality that can eventually be used in building a new scientific paradigm.

Keywords: cosmism, «Living Ethics», Elena Roerich, scientific knowledge

Многие авторитетные ученые сейчас говорят о кризисе науки. Современная фундаментальная наука перестала снабжать культуру новыми смыслами. «Сегодня научные открытия встречаются с безразличием или даже со страхом, а технические прорывы связываются лишь с потребительским спросом. Переход от идеалов «светоносной» науки к «плодоносной», достигнув своего пика в наше время, заставляет все больше задуматься не о кризисе науки или даже «конце науки», провозглашенного Дж. Хорганом, а о кризисе или даже конце цивилизации» [1].

В философии русского космизма уже почти столетие назад заложены новые культурообразующие смыслы, которые ждут своего часа, но пока они не востребованы обществом в достаточной мере. Ответы на многие «проклятые вопросы» современности можно найти, если обратить внимание на философское наследие наших великих соотечественников – Рерихов и других мыслителей-космистов – не только как на тексты в историко-философском дискурсе, но и как на источник продуктивных идей.

Философское учение «Живая Этика» [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18]– кладезь новых смыслов, идей, подходов и методов – может быть использовано для формирования новой мировоззренческой и научной парадигмы.

Во-первых, по энергетическому, инновационному, этическому, аксиологическому потенциалу Живая Этика занимает особое место среди философских доктрин. Ее **мировоззренческий потенциал** огромен, это учение, которое при должном приложении способна организовать сферу гуманитарной науки.

Во-вторых, синтетичность Живой Этики как способа философской рефлексии и ее гибкость, ее насыщенность смыслами позволяет ей при должном понимании и использовании взять на себя **коммуникационную функцию**. Это очень важно в современном мире, который представляет собой пространство всевозможных информационных взаимодействий. Чрезвычайно востребованы коммуникации между науками, и между различными научными отраслями, между наукой и духовной традицией, между наукой и культурой, между традициями научной мысли и культурными традициями Востока и Запада. И синтетичность стиля мышления Живой Этики как нельзя лучше позволит ей выполнить эту функцию, если она широко войдет в научный оборот.

В-третьих, важен **культуротворческий потенциал**. В этом философском учении содержатся принципы построения нового общества, «зерна» качественных изменений социальной материи. Идея общины, от которой полностью отказался современный мир после неудачных экспериментов построения социализма, в Живой Этике обоснованно показана как путь построения нового общества и как способ преодоления современных кризисов. Показаны и пути преодоления тех самых ловушек и соблазнов, которые завели в тупик социалистический эксперимент. Духовность, свобода и непредубежденное познание рассматриваются как основные принципы, краеугольные камни построения общины – именно эти принципы и были изначально отвергнуты в советском историческом эксперименте длиной в семьдесят лет.

В-четвертых, в современном мире уже стало неопровержимым фактом личностное познание, к которому и классическая и постнеклассическая наука все еще не знают, как относиться. Очень много фальсификаций, из-за которых существует тенденция его полного отрицания, создания комиссий по лженауке и т.п. И в этой, казалось бы, патовой ситуации, Живая Этика предлагает **критерии верификации** этого способа познания, которые позволят отделить зерна от плевел – это красота и эволюционность. Это согласуется с тенденциями современной науке, где идет смещение акцентов с познания на проектирование и конструирование реальностей, ставится проблема ценностей, гармонии (красоты), гармонизации биосферы и техносферы (экотехносфера). И эти критерии можно использовать в дальнейшем для того, чтобы личностное познание было действительно востребовано и адекватно использовано наукой. В таком ключе также можно говорить о соединении науки и искусства в творчестве.

В-пятых, Живая Этика обладает мощным **когнитивным потенциалом**. Эта философское учение фактически направляет сознание и помогает ему адаптироваться в духовном мире, является ключом к сферам нуменов, предлагает новые методы и инструменты познания. В современной постнеклассической науке есть учение о сложных системах, где говорится о том, что систему невозможно понять изнутри. Об этом можно рассуждать в категориях философии сложности, где дискутируется проблема наблюдателя локального, наблюдателя второго порядка. Для того, чтобы система была понята, к ней нужно подойти с каким-то вопросом извне, с каким-то контекстом. Правильно заданный вопрос уже сдержит в себе пятьдесят процентов ответа. Мы можем и должны ставить свои вопросы, подходить со стороны других систем, например попытаться исследовать Живую Этику текстологическими, лингвистическими методами, пытаться расшифровать ее текстовые коды, подходить с позиции структурного анализа, контекстного анализа и т.п. И чем больше мы будем задавать вопросов, тем больше она будет давать ответов, чем глубже и правильнее будет задан вопрос – тем более интересным и даже ошеломляющим будет результат. С другой стороны, ни одну духовно-философскую систему невозможно понять, не пройдя предложенным в ней путем, т.е. изнутри. И Живая Этика предлагает путь духовного познания, сонастраивая сознание, подготавливает его к утонченному восприятию, обучает тому, как приобщиться Истине и облечь ее искру в материю научного текста. Кажущееся противоречие снимается пониманием синтетичности Живой Этики как философской системы, которая включена во всеобъемлющую систему мировой философии, и потому открыта к вопросам извне, но также представляет собой последовательный путь саморазвития, который доступен к его прохождению.

Задача современных ученых – в развитии и использовании потенциалов Живой Этики, чтобы магнит мысли этой философской системы смог начать полноценно действовать в научном и культурном пространстве.

Литература:

1. Торосян В.Г., Дробязко Н.Е. Кризис науки или наука в кризисном социуме? // Наука и современность. № 4, 2014. С. 186–190.
2. **Листы Сада Мории.** Кн. 1. **Зов /** Вступительная статья Л.В. Шапошниковой / Текстологический комментарий. 2-е издание. М.: МЦР, 2015. 400 с.
3. **Листы Сада Мории.** Кн. 2. **Озарение.** М.: МЦР, 2003. 326 с.

4. **Община (Урга), 1927. М.: МЦР,** 2004. 304 с.
5. **Община (Рига), 1926.** 2-е издание. М.: МЦР, 2004. 328 с.
6. **Агни Йога, 1929** / С текстологическим комментарием и словарем. 2-е издание, М.: МЦР, 2015. 600 с.
7. **Беспредельность, 1930. Ч. 1 /** С текстологическим комментарием и словарем. М.: МЦР, 2009. 496 с.
8. **Беспредельность, 1930. Ч. 2 /** С текстологическим комментарием и словарем. М.: МЦР, 2010. 328 с.
9. **Иерархия, 1931 /** С текстологическим комментарием и словарем. М.: МЦР, 2011. 384 с.
10. **Сердце, 1932** / С текстологическим комментарием и словарем. 2-е издание. М.: МЦР, 2015. 384 с.
11. Мир Огненный. Ч. 1. 1932–1933. М.: МЦР; Фирма БИСАН-ОАЗИС; Мастер-Банк, 1995. – 366 с.
12. Мир Огненный. Ч. 2. 1933–1934. М.: МЦР; Фирма БИСАН-ОАЗИС; Мастер-Банк, 1995. 306 с.
13. Мир Огненный. Ч. 3. 1934–1935. М.: МЦР; Фирма БИСАН-ОАЗИС; Мастер-Банк, 1996. 372 с.
14. АУМ. 1936. М.: МЦР; Фирма БИСАН-ОАЗИС; Мастер-Банк, 1996. 304 с.
15. Братство. Ч. 1. 1937. М.: МЦР; Фирма БИСАН-ОАЗИС; Мастер-Банк, 1996. 284 с.
16. Братство. Ч. 2: Надземное: Внутренняя жизнь. 1938. М.: МЦР; Фирма БИСАН-ОАЗИС; Мастер-Банк, 1996. 432 с.
17. Братство. Ч. 2: Надземное: Внутренняя жизнь (продолжение). 1938. М.: МЦР; Фирма БИСАН-ОАЗИС; Мастер-Банк, 1996. 431 с.
18. Братство. Ч. 2: Надземное: Внутренняя жизнь (окончание). 1938. М.: МЦР; Фирма БИСАН-ОАЗИС; Мастер-Банк, 1997. 432 с.

О науке и исследованиях философского наследия Рерихов. Принципы. Подходы. Проблемы. Перспективы

Мазаева-Каненга А. К.

Музей-институт семьи Рерихов (Санкт-Петербург), учёный секретарь, помощник директора.

peacock83@gmail.com

Аннотация: Междисциплинарный синтез становится как никогда актуальным в науке начала XXI века, и мы находим, что этот вопрос решается научным методом в текстах Учения Живой Этики (УЖЕ), которое несравнимо полнее представляет явления и осмысливает картину мира целостно и разносторонне. Изучая материал Учения Живой Этики можно проследить, что важное место в подходе к явлениям занимает именно опытное познание и методы науки. В статье мы постараемся рассмотреть с одной из сторон не только вектор развития некоторых научных представлений и дисциплин в соотношении с утверждениями УЖЭ, пересечение конкретных данных с изменением позиций современной науки. Рассмотрим позиции тезиса о единстве процессов дифференциации и интеграции науки. В связи с вышеизложенным можно предположить, что исследования различных аспектов философского наследия, созданного семьёй Рерихов, будет исследоваться с учётом новых тенденций и подходов.

Ключевые слова: Культурология, философия науки, экология культуры, Учение Живой Этики, гуманитарные исследования, генезис и развитие науки, философское наследие семьи Рерихов.

On The Science and Research of the Philosophical Heritage of the Roerichs. Principles. Approaches. Problems. Prospects.

Mazaeva-Kanenga A.K.

Saint-Petersburg State Roerich's Family Museum and Institute.

Abstract: Interdisciplinary synthesis is more relevant than ever in science the beginning of the XXI century, and we find that this issue is solved by scientific method in the texts of Living Ethics (Agni Yoga), which is incomparably more fully represents the phenomena and interprets the picture of the world holistically and versatile. Studying the material of the Living Ethics, we can see that an important place in the approach to phenomena is occupied by experimental knowledge and methods of science. In this article, we will try to consider from one side not only the vector of development of certain scientific concepts and disciplines in relation to the statements of the Agni Yoga, but also the intersection of specific data with changes in the positions of modern science. Let's consider the positions of the thesis about the unity of the processes of differentiation and integration of science. In connection with the above, it can be assumed that studies of various aspects of the philosophical heritage created by the Roerich family will be studied taking into account new trends and approaches.

Keywords: cultural Studies, philosophy of science, ecology of culture, Living Ethics, humanitarian research, Genesis and development of science, philosophical heritage of the Roerich family.

Изучение сфер жизни человека обобщающего характера и явлений, связанных с жизнью индивидуума, социума сталкиваются с возведёнными препятствиями в виде узости восприятия, во многом ещё пытаются опираться на ложные предпосылки. Использование совокупности выработанных веками взглядов, заключённых в различных системах культуры и философских направлениях позволяет расширить области изучения и сопоставления, включить различные собранные источники, доступные для изучения факты. Развитие подходов к изучению и исследованию сложных, мало разработанных направлений даст возможность использовать в практических целях многие промежуточные этапы исследований, когда не оформлены окончательные выводы и не утверждены доказательства тех или иных теорий.

Изучение и исследование – важные категории, заключающиеся, прежде всего, в том, что это процессы, подразумевающие определённую длительность, условия, широту взгляда и применение самых различных методов.

Современные исследования XXI века, беря основы в предыдущих позициях науки, позволили углубиться в вопросы, рассматриваемые ранее поверхностно, и позволили расширить представления и предположения о развитии и составляющих факторов различных явлений, связанных с человеком. Например, мы можем согласиться, что: «до возникновения конвергентной парадигмы представления о расширении человеческих возможностей носили абстрактный характер и, в целом, сводились к предположениям и футурологическим фантазиям. Заслугой конвергентных технологий явилась демонстрация способности подбираться сколь угодно близко к тому, что считалось неотъемлемой частью субъективности» [1, с. 39].

Процессы изучения явлений естественным образом претерпевают объективные изменения, подвергаются корректировке в связи с условиями времени, при формулировке выводов и сборе результатов важное значение имеет учёт условий, соблюдение чистоты экспериментов и другое. Во многих случаях нельзя гарантировать готовность исследователя к конвергентному – синкретически-интердисциплинарному подходу к адаптации получаемого знания [1, с. 41].

Необходимые условия это, прежде всего: погружение и углубление, синтез знаний из разных областей наук, изучение специфики специальностей, применение анализа, для соблюдения объективности.

Наука приходит и в XXI веке к необходимости обоснований для понятий Культуры и духовности, связывая их с успехом развития. Современная наука приходит к включению ранее не анализировавшихся уровней Бытия, связанных с философскими понятиями и категориями, и актуализирует области, включающие спектр категорий, характерных для сферы культуры, педагогики, психологии, социологии (иррационально окрашенные элементы), когда ранее бытовало отношение к социальным явлениям как к интерсубъективным феноменам.

В связи с этим тезисом, мы видим невозможность исключить из парадигмы научного знания материал, изложенный в книгах Учения Живой Этики.

Можно попытаться обозначить критерии в подходе к материалу книг.

1. Можно ли считать преувеличением, что с получением определённой информации мышление человека может следовать тому или иному направлению, что-то может задавать определённое направление мышлению (будем считать, что в положительном смысле) направлением?

Из выводов наук когнитивных направлений – может, и является определяющим критерием в конкретных рекомендациях по развитию мышления.

2. Существуют определённые «правила» или условия при использовании материала, изложенного в этих книгах, а именно стремление к объективности, разносторонний взгляд, понимание предмета на практическом опыте и базирование на знаниях.

3. Суть системы познания в Учении Живой Этики имманентно предполагает ключевые этические установки. Целостное познание выступает как системная целостность в осмыслении бытия.

4. Междисциплинарный синтез в текстах Учения Живой Этики решается научным методом.

Научность и сферы развития науки уже неотъемлемо включают понимание того, что наука должна рассматриваться шире, как проявление действия в человеческом обществе совокупности человеческой мысли (по В. И. Вернадскому). Становятся более актуальны вопросы о генезисе науки, и других вопросах с этим связанных, вопросы создания и появления нового знания [2].

Представляют интерес исследования, вышедшие на новый уровень осмысления и научного освоения.

5. Одно из требуемых направлений в изучении философского наследия Рерихов, когда учитывая все отрасли знания и достижения современности, можно отмечать направление мысли (на что Е. И. Рерих рекомендовала обратить внимание, подходя к вопросам изучения и научности).

Пересечения с наукой обнаруживаются и при анализе других, древних и современных учений, которые, на наш взгляд, образуют единую (хотя и со многими вариациями) магистральную линию философской мысли как Востока, так и Запада. Поэтому сравнительный анализ этих учений сегодня важен, повторим ещё раз, не только в историко-культурологическом или религиоведческом плане. При изучении учитывают сложности освоения знаий тех или иных восточных философских систем для западной науки, приостанавливаются на «основном вопросе философии», то есть на соотношении идеально-духовного и материального. Различия западного и восточного подхода. (Фотиева). К примеру, автором дан анализ основных положений и позиций в следующем: Щербатской существенно уточняет расхожую и однозначную трактовку (получившую распространение прежде всего в западной мысли) иллюзорности бытия в буддизме. Бытие мира именно относительно реально – иными же словами, оно “нереально” лишь относительно Абсолюта. Близкую идею в той или иной форме высказывали и представители западной философии, что снова указывает на её неслучайность. Но максимально чётко её формулирует Е. П. Блаватская: Тем не менее, все вещи относительно реальны…

Здесь мы видим не только фиксацию онтологического тезиса, но и гениальное предвосхищение синтеза двух современных и конкурирующих познавательных установок – конструктивизма и реализма. А именно: мы имеем все основания утверждать и правоту реализма – то есть существование вещей независимо от индивидуального сознания (обусловленных лишь Абсолютом), – и конструктивизма: мы действительно в определённом смысле “конструируем” объект в зависимости от наших познавательных способностей. Но более того, поскольку в теософии и Живой Этике утверждается эволюция сознания, а значит, и самих познавательных механизмов, то на каждом этапе этой эволюции субъект “конструирует” образ, всё более приближённый к подлинному, сложному и многоуровневому бытию объекта.

Снова отметим, что верность этого подхода стала очевидной в последнее столетие, когда наука углубилась в исследования микромира.

Современные исследования и развитие науки следуют потребности в конструктивном взаимодействии, синтезе различных знаний и различного опыта, которые утверждаются в текстах Учения Живой Этики. Новые задачи научных исследований требуют междисциплинарности, интеграции и новых поисков, новые открытия и разработки неизбежно сталкиваются с глубоким этическим вопросами. Сложности возникают не только в теме ресурсов, как говорят учёные: всё чаще звучит мысль о том, что сегодняшний глобальный кризис не может быть разрешён по прежним фундаментальным лекалам нашей цивилизации, в существующей парадигме её развития [См. подробнее: 3, с. 104.].

Ядром эволюции названо Единое Начало, единство между частицами и Беспредельностью, о постижении законов наукой говорится: «Истину относительности приняли в математике, и оказались все прежние вычисления негодными. Та же относительность существует в мире эволюции. Тоже понятие света и мрака, счастья и несчастья, труда и покоя следует по тому же закону относительности. Когда говорим о совершенствовании мышления, предусматриваем необходимость этой относительности <…>» [4, § 17]. Упоминается в Учении, что для оценки механики мысли требовалось познание механики и многие открытия, исследования нейрофизиолов это подтверждают. «Только теперь немногие исследователи начинают понимать, насколько можно познать многие качества мысли» [См.: 4, § 99] и можно сказать, что мысль есть механический двигатель. «<…> Так можно в разных областях знания усматривать, как извне нарастали идеи от поэтических легенд до научных исчислений» [4, § 121].

Говоря об условиях исследований, описанных в УЖЭ: «Можно посоветовать, чтобы, прежде опытов, наблюдатели обратили внимание на гармоничное состояние в себе» [5, § 99]. «Не думайте, что ограничительные специальности могут решать славу эпохи. Только доброжелательный, обобщающий синтез даст толчок к новому продвижению сознания» [4, § 96].

Новые исследования рассматривают и относительно новые научные направления, например, возникшая на стыке нейробиологии и социальных наук, – нейроантропология (Cultural neuroscience), которая представляет собой «теоретическое и эмпирическое направление исследований, описывающее механизмы, с помощью которых культура, мозг и гены взаимно формируют друг друга». Приводится анализ теоретических и методологических основ данного направления, в которых акцентируется, в том числе, важность совместных (интердисциплинарных) исследований нейробиологов, этнографов и культурологов. В статье «Нейроантропология: исследование влияния культуры на мозг и мозга на культуру (итоги и проблемы первой декады существования)» [7, с, 1] как раз обобщается краткий обзор эмпирических исследований в нейроантропологии за первые 10 лет существования, рассматриваются условия для развития данной дисциплины.

Согласно воззрениям Л. Н. Гумилёва человек «подвластен эволюции природы» [6], и согласно В. И. Вернадскому перед мыслью и трудом человека возникает «проблема преобразования биосферы в

интересах свободомыслящего человечества как единого целого» [7, с. 149].

В современных публикациях встречаем всё большую убеждённость учёных в том, что системный кризис диктует необходимость комплексного исследования человека в контексте общих тенденций устройства общества, затрагивая фундаментальные категории развития [7, с. 150], можно сюда добавить – диктует и необходимость исследования и признания возможностей человека. Требуется своего рода Ренессанс в научном подходе к человеку, как виду, через категории Культуры.

То же можно сказать и об изучении материи, когда сейчас науки погрузились в ей изучении с новой силой, дойдя до рассмотрения материи с точки зрения N-нано; B-био; I-инфо; C-когно. И это можно подкрепить тезисом: «Коллективизм и диалективизм – два пособия при мышлении о материализме. Существо материализма являет особую подвижность, не минуя ни одного явления жизни <…>. Можно развивать положения, мысля сказанными путями. Нужно до такой степени обосновать материализм, чтоб все научные достижения современности могли войти конструктивно в понятие материализма <…>» [Учение Живой Этики (Агни-Йога). Община. 1926. § 9].

Интересны замечания в УЖЭ о том, что уже существующие и открытые законы могут впоследствии приобрести иные пределы, такое расширение многих направлении мы наблюдаем в исследованиях последних десятилетий: «Можно привести примеры, как серьёзные исследователи скрывали свои широкие наблюдения» [5, § 934]. Что связывается с полным исключением из парадигмы знания такого понятия как дух и духовность, о чём утверждала и Е. П. Блаватская, говоря о необходимости и неизбежности рано или поздно учёным признать двойственную природу человека.

Научные исследование и наблюдения трудно игнорировать в масштабах, когда они открывают новые перспективы для развития и ставят новые вопросы, соединяя ранее считавшиеся недопустимыми и несовместимыми источники. Но нам важно, что и Н. К. Рерих придерживался той точки зрения, что новое – содержится в новых сочетаниях, что подтверждено текстами Учения.

Вместе с наличием влияния человека и его участием в историческом процессе в Учении Живой Этики содержится тезис о том, что исторический процесс есть естественное явление, не всегда зависящее от деятельности человека. Одними из задач, встающих перед человеком являются способы найти и поддержать связь с природными процессам, постигать их параллельно с постижением собственной природы, следуя закону причин и следствий, придерживаясь позиций закономерности и целесообразности. Многие проблемы, (в том числе, современности) создающиеся человеком, обусловлены, во многом, его погружённостью в бездну быта.

Литература:

1. Лещёв С. В. Конвергентная Парадигма искусственной субъективности: антропологические и технологические нюансы // Полигнозис. № 1–4, 2013. С. 39.
2. Гиндилис Л.М. Наука на рубеже веков: вызовы и проблемы // Живая Этика и наука. М.: МЦР. № 1, 2008. С. 355–378.
3. Ковальчук М., Нарайкин О.. Природоподобные технологии – новые возможности и новые угрозы // Индекс безопасности. Комментарии. No 3–4 (118–119). М., 2016. Т. 22. С. 104.
4. Учение Живой Этики. (Агни-Йога). Беспредельность. Ч. I. 1930. (§ 17).
5. Учение Живой Этики. (Агни-Йога). Надземное. 1938. (§ 96, 99, 121).
6. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев; Под ред. В. С. Жекулина; [Вступ. ст. Р. Ф. Итса]. 3-е изд. стер. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.
7. Карякина Т.Н. Современное концептуальное видение проблем экологии человека сквозь призму духовности и культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. Волгоград: Волгоградский государственный университет. Вып. 3. 2003–2004. С. 148–150.
8. Истомин К.В. Нейроантропология: исследование влияния культуры на мозг и мозга на культуру (итоги и проблемы первой декады существования) // Медицинская антропология и биоэтика. 2013. № 2 (6). С. 1.

Проблема внушения в Учении Живой Этики и в медицинской науке

Новиков А.А.

«Медицинский колледж № 2» (ГБПОУ ДЗМ «МК №2»), преподаватель. Кандидат философских наук

ankgsf@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вопроса внушения с позиции разных мировоззренческих парадигм. С господствующим научным представлением о внушении, как о способе воздействия на сознание человека, опосредованном различными знаками, звуками, взглядом и другими внешними факторами, сопоставляется концепция, изложенная, в частности, в Учении Живой Этики, а также разделяемая рядом ученых, заключающаяся в энергетическом представлении о природе сознания человека и его мышления, а также в представлении внушения как процесса непосредственной передачи мысли от одного лица к другим без использования каких-либо внешних приемов. В качестве подтверждения некоторых положений данной концепции в статье приводятся цитаты известных ученых, занимавшихся исследованием проблемы сознания человека.

Ключевые слова: внушение, самовнушение, сознание, мысль, мозг, психическая энергия, Живая Этика, Бехтерев.

The Problem of Suggestion in the Teaching of Living Ethics and in Medical Science.

Novikov A.A.

Medical College No.2 (Moscow)

Abstract: The article deals with the question of suggestion from the perspective of different worldview paradigms. With the prevailing scientific idea of suggestion as a method of influencing human consciousness, mediated by various signs, sounds, views and other external factors, the concept is compared set out in particular in the Teaching of Living Ethics, and also shared by a number of scientists, which consists in an energetic representation of the nature of human consciousness and its thinking, as well as in the representation of suggestion as a process of direct transmission of thought from one person to another without using any external techniques. As a confirmation of some of the provisions of this concept, the article quotes famous scientists who have studied the problem of human consciousness.

Keywords: suggestion, self-suggestion, consciousness, thought, brain, psychic energy, the Teaching of Living Ethics, Bekhterev.

Вопросу внушения в научной литературе уделено достаточно внимания. В настоящее время существует множество определений понятия внушения в зависимости от того, на какой из аспектов этого многогранного явления обращено внимание исследователя. Приведем здесь определение внушения, данное в свое время выдающимся русским ученым-психиатром академиком В.М. Бехтеревым, которое, по нашему мнению, заключает в себе основу, содержащуюся в подавляющем большинстве представлений о данном феномене: «Внушение представляет собою один из способов воздействия одного лица на других, которое намеренно или ненамеренно производится со стороны воздействующего лица, и притом незаметно для внушаемого или же с его ведома и согласия» [1, с. 197].

В современной науке, при этом, нет однозначного представления о природе внушения. Значительное количество ученых и врачей-психиатров ограничивают процесс внушения опосредованным воздействием одного лица на других посредством каких-либо знаков, звуков, взгляда и т.п. Однако подобный подход не исчерпывает собою сути такого глубокого явления как внушение. В этой связи, для всестороннего раскрытия проблемы внушения, мы решили обратиться к концепции внушения, изложенной в Учении Живой Этики, которое представляет собой синтез научного знания, религиозного опыта людей, искусства и древних философских учений, как восточных, так и западных.

Прежде всего следует отметить, что понимание материи в Учении Живой Этики выходит за рамки тех материальных форм, которые известны современной науке. В данном учении утверждается

существование тонких форм материи, качественно отличающихся от материи физического мира. Как и многие древние философские системы, Учение Живой Этики не ограничивает природу человека только лишь его физическим телом, а рассматривает человека как многомерное существо, имеющее, в том числе, и тонкоматериальные (энергетические) аспекты. В этой связи сознание человека представляется как многоуровневое энергетическое образование, оперирующее мыслями, которые также рассматриваются как особо тонкие формы энергии.

В Учении Живой Этики проявления человеческого сознания не ограничиваются только работой мозга, являющегося проводником интеллекта, но ассоциируются также с функционированием сердца. При этом с сердцем связывается высший (духовный) уровень сознания человека, упоминания о котором в научной литературе можно встретить под названием сверхсознания.

Здесь мы подошли к одному из существенных отличий между представлением о природе внушения в господствующей научной парадигме и в философских учениях Древнего Востока.

В отношении сложившейся ситуации в Учении Живой Этики говорится, что «часто смешивают явление волевой посылки с сердечной энергией. Можно легко отличить волевой приказ, при котором явление мозга действует через глаз или током конечностей. Для воздействия сердцем не требуется внешних приемов. Можно сказать, что за последнее столетие Запад воспринял мозговые методы, потому что они очевидны, хотя и поверхностны и несовершенны, как и все, нуждающееся во внешних приемах» [2, с. 140].

Из приведенной цитаты видно, что в Учении Живой Этики опосредованные внешними факторами техники внушения считаются поверхностными и несовершенными. При этом в данном учении подчеркивается возможность осуществления внушения без «внешних приемов».

Это обусловлено энергетическими представлениями о природе мышления. Согласно концепции Живой Этики, процесс внушения основывается исключительно на способности передачи мысли от одного лица к другому и на возможности мысли осуществлять воздействие на все окружающее, в том числе и на человека, который может находиться при этом даже на другом конце земного шара. Согласно Живой Этике, в данном случае действует исключительно только мысль. Такую особенность мысли, в соответствии с рассматриваемым учением, можно широко использовать в медицине при лечении различных заболеваний: «При каждой болезни можно применять мысленное лечение или облегчение, но такая мысль должна выталкивать болезнь из организма со всею силою без колебаний и без промежутков» [2, с. 141]. И еще: «Следует наблюсти в больницах, как влияют мысли на процесс болезни. Даже заживление ран зависит от психической энергии» [2, с. 141].

Аналогичным образом в Учении Живой Этики объясняется явление самовнушения, которое представляет собой энергетическое воздействие мысли данного конкретного человека на самого себя.

Рассматривая природу человеческого мышления и ее связь с процессом внушения, следует подчеркнуть, что есть ученые, которые, в результате изучения данного вопроса, пришли к заключению об энергетической природе сознания человека и его мышления. Среди таких ученых, в первую очередь, целесообразно выделить академика В.М. Бехтерева, который в свое время писал (цитата дается по: Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: 1-ая Гостиполитография, 1924): «Возможно ли непосредственное индуцирование одного индивида другим, то есть влияние одного лица на другое без посредства каких-либо знаков или других посредников в этом деле. Вопрос, поставленный таким образом, как мне кажется, удалось разрешить в положительном смысле» [3, с. 57].

Кроме того, явления внушения единичные и массовые с позиции возможности непосредственной передачи мысли на расстояние рассматривал также выдающийся русский мыслитель-космист А.Л. Чижевский, который писал, что «акт мышления сопровождается физико-химическою реакцию, которая обнаруживает периодичность. Эти реакции, имеющие место в нервных центрах коры головного мозга, сопутствуемы появлением периодических электродвижущих сил, вызывающих электромагнитные процессы в окружающем пространстве. Но если всякий мыслительный акт сопровождается электромагнитными волнами, следует сделать допущение, что соответствующие нервные центры могут служить приемниками этих волн и таким путем непосредственно воспринимать мысль» [3, с. 57].

В современной науке также проводилось множество исследований природы мышления и внушения, как в нашей стране, так и за рубежом. Вследствие этого рядом ученых также были сделаны заключения об энергетической природе сознания человека. В качестве подтверждения вышесказанного приведем цитату из научной статьи известного российского ученого А.В. Иванова, который пишет, что «фактом являются способности индийских йогов мысленно управлять физиологическими процессами собственного тела вплоть до облегчения его физического веса, изменения температуры и даже химического состава клеток. Эти факты физической действенности идеальной мысли вынужден был признать даже такой авторитет в области физиологии мозга, как Р.У. Сперри» [4, с. 24]. В этой же статье А.В. Иванов утверждает, что «сознание человека представляет собой непосредственную материальную силу в Космосе, которую мы только-только начинаем научно изучать и которой пока не научились сознательно владеть» [4, с. 24].

Аналогичные представления в свое время развивал в своих научных работах и академик В.М. Бехтерев, который рассматривал все психические процессы в человеке как проявления психической энергии, а свое мировоззрение он называл энергетическим мировоззрением, поскольку абсолютно все он рассматривал через призму существования различных форм психической энергии. В отношении сознания человека он писал: «Сознание является непосредственным выражением скрытой энергии наших центров» [5, с. 63].

Подводя итог, на основании изложенного сделаем заключение, что ученым из разных областей знания необходимо непредвзято и самым тщательнейшим образом подойти к исследованию природы человеческого сознания и связанной с ней природы внушения. Развитие науки в данном направлении, по нашему мнению, может привести к существенным изменениям как в существующей научной мировоззренческой парадигме, так и в медицинской практике.

Литература:

1. Бехтерев В.М. Гипноз, внушение, телепатия. М.: Мысль, 1994. 366 с.
2. Медицина Агни-Йоги. Сост.: Л.Н. Ломсадзе, М.Д. Скачкова, Е.А. Тарасенко. Минск: Звезды Гор, 2012. 688 с.
3. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: 1-ая Гостиполитография, 1924. 72 с.
4. Иванов А.В. К проблеме онтологического статуса явлений сознания // Вестник Московского университета: серия 7– философия. 2002. № 2. С. 15-29.
5. Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности. В 2-х т. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1. 256 с.

Учение Живой Этики как отражение уровня современного естествознания и основа построения общества нового типа

Пластун И.Л.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор. доктор физико-математических наук

inna_pls@mail.ru

Аннотация: Современный уровень естественнонаучного познания обуславливает формирование новых подходов в духовном развитии общества, затрагивая все сферы гуманитарного знания, искусство и культуру. Подобный переходный этап требует переосмысления и углубления понимания основных механизмов и законов функционирования Космоса. Поиски Истины вызвали к жизни различные философские течения и направления, начиная от обращения к знаниям Древнего Востока, и до современных попыток создать свою стройную модель Мироздания. Рассматривается связь основных положений Учения Живой Этики, опирающихся на древнюю восточную философию, с современными научными достижениями. Приводится сравнительный анализ основополагающих философских и естественнонаучных понятий, таких как «огонь», «эфир», «энергия», «напряжение», «устремление», «путь», «развитие», «трансформация», на основе которых показываются направления развития сознания человека Новой Эпохи и методы духовного самоусовершенствования.

Ключевые слова: Агни Йога, первоэлементы, огонь, эфир, энергия, движение, устремление, духовное развитие

The Doctrine of Living Ethics as a reflection of modern natural science level and basis for building a new type of society.

Plastun I.L.

Saratov State Technical University named after Y. A. Gagarin

Abstract: Current level of natural science knowledge determines the formation of new approaches in the spiritual development of society, affecting all areas of humanitarian knowledge, art and culture. Such a transition stage requires a rethinking and a deeper understanding of the basic mechanisms and laws of the functioning of Universe. The search for Truth has brought to life various philosophical trends and directions, from the appeal to the knowledge of the Ancient East, to modern attempts to create their own coherent model of the Universe. The article deals with the connection of the main provisions of the Doctrine of Living Ethics, based on ancient Eastern philosophy, with modern scientific achievements. A comparative analysis of the fundamental philosophical and natural science concepts, such as “fire”, “ether”, “energy”, “tension”, “aspiration”, “path”, “development”, “transformation”, based on which the directions of development of human consciousness of the New Era and methods of spiritual self-improvement are shown.

Keywords: Agni Yoga, primary elements, fire, ether, energy, movement, aspiration, spiritual development

Современная научно-техническая революция, начавшаяся в сфере естественных наук в середине XIX века и продолжающаяся до сих пор, породила глобальные изменения в мировосприятии общества. Это вызвало к жизни совершенно новые подходы в сфере гуманитарной: в философии, искусстве, социологии, психологии, этике и эстетике появились совершенно новые идеи, новые тенденции, ставящие во главу угла разум, рациональность, анализ и синтез. Материализм, как детище рациональной науки, завоевал умы и чувства общества, что привело к кризису нравственных устоев, цинизму и стремлению к материальному комфорту. Как писал французский писатель и философ Эдуард Шюре: «…Повзрослевший человек становится повелителем сил природы. Это — человек, который с помощью своего разума хочет проникнуть во все тайны универсума и который, подобно Фоме Неверующему, верит лишь тому, к чему можно прикоснуться.<…> Освобождая человека от Бога, предполагали его сделать свободным, а сделали — рабом материи. Обезглавив универсум, обезглавили человеческую личность. Разумеется, я не смешиваю здесь науку как таковую, восхитительную в своих творениях, основанных на наблюдении и классификации, с ее фанатичными вульгаризаторами, теоретиками агностицизма и материализма. Именно они набрасывают на мысль черную вуаль, сквозь которую мир представляется в виде кладбища. Со временем восставших против этой вуали, многочисленные складки которой скрывали живой универсум и связывали мысль, стало бесчисленное множество. Но где найти меч света, который ее разорвет?» [1, с.17].

Эти слова, написанные чуть более ста лет назад, в начале XX века, актуальны и сейчас. На протяжении полутора веков человечество пытается придти к новому миропониманию, найти духовную опору и смысл своей жизни, утерянный в эпоху атеизма и материализма. В своих духовных поисках рациональный Запад всё чаще обращается на Восток, пытаясь в древней восточной философии, в буддизме, индуизме и синтоизме найти ответы на свои вопросы. Но истина, ускользающая от пытливого ума, лежит где-то посредине – на стыке нового понимания Законов Космоса, совмещаемого с областью тонких ощущений, которые современные люди пытаются в себе пробудить с помощью искусства, духовных практик и психологических опытов. Непросто реализовать подобный синтез, непросто удержать остроту понимания и тонкость ощущений, но только это совмещение, подобно двум крылам Птицы Истины, способно вынести человечество на новые духовные рубежи.

Уже дано Учение Новой Эры, и множатся ряды его последователей, но насколько верно будет применение Учения к жизни, насколько твёрдо пойдёт человечество новым путём, зависит от каждого из нас. На фундаменте древних знаний, бережно сохраняя всё лучшее, что создало человечество, постепенно строится новое мировоззрение, выражением которого является Живая Этика, соответствующая возросшему сознанию и новым знаниям человечества о Вселенной.

В учении Живой Этики говорится: «Каждое время выбирает соответственное Учение. К такому часу все прежние Учения получают совершенно извращенный облик. <…> Но легко доказать беспрерывность того, что люди называют религией. В этой непрерывности ощущается один поток той же энергии. <…>Учение Агни Йоги не что иное, как выявление современного применения энергии, поток, который приближается вместе с Сатиа Югой. <…>Учение не дается за деньги, оно не навязывается, оно знаменует Новую Эпоху» [2, с.244, п.416].

Актуальность этих слов, написанных девяносто лет назад, с годами только возрастает. Именно сейчас мы наблюдаем период постепенного сближения гуманитарного и естественнонаучного знания, период сближения восточной и западной философии, сопровождающийся трансформацией общепринятой концепции мировоззрения.

«Крупицы Сокровенного Знания, доступные данной ступени эволюции человечества на данной планете, получают иерархически люди. Крупицы эти разбросаны по страницам древних и новых писаний и мелькают в мыслях людей, способных воспринимать эти искры Космической Мудрости. <…>Книги имеют свой возраст в зависимости от этого: чем выше и огненнее элементы, ее составляющие, тем долговечнее книга. <…> Книга Дзиан – яркий образчик Космической Мудрости, кристаллизованной в кратких строках. Архаическая книга эта столь же ныне жива и нужна, как и тысячелетия тому назад» [3, с. 285 п.427, 428] Такие записи в 1958 году сделал Борис Абрамов, ученик Н.К. Рериха. Книга Дзиан, хранящая Великие Тайны Вселенной, является в настоящее время наиболее древним Источником Сокровенного Знания, известным человечеству.

Великой миссией Елены Петровны Блаватской стало донести содержание и прокомментировать станцы Книги Дзиан для представителей современной цивилизации в книге «Тайная доктрина». Была сделана первая попытка объединить знание тайное, представляемое в те времена в форме оккультизма и теософии, и знание явное, даваемое человечеству в форме науки – физики, химии и философии.

С тех пор прошло сто тридцать лет, за которые человечество ушло далеко вперёд в плане научно-технического прогресса и освоения различных видов энергии. Но в плане развития души и духа человечество развивается далеко не так стремительно, и наступает время, когда для нового эволюционного скачка нужны будут уже не только достижения науки, но и, в первую очередь, достижения духовные. До сих пор лишь немногие читатели могут на должном уровне воспринять знания, изложенные в «Тайной Доктрине». Долог и непрост Путь Восхождения, всё круче скалы,

всё глубже пропасти. Много искушений лежит на Пути, множество трудностей, развивающих и укрепляющих дух, ждут пытливого искателя Истины. И лишь тот, кто не убоится, кто честен и верен Ведущему, сможет дойти до Вершины.

Понятие Пути является краеугольным в любой духовной философии. Елена Блаватская в книге «Голос безмолвия» приводит древнее напутствие ученику: «Ты не можешь идти по Пути, не сделавшись сам этим Путем» [4, с.30]. Путь есть эволюция, есть постоянное развитие, постоянное движение в направлении Гармонии и Красоты, вечное и бесконечное, как сама Беспредельность. А продвижению по Пути способствует напутствие – руководство, как продвигаться, что брать за основу, куда смотреть, то есть этика, мораль. Сопоставляя Великие Знания, данные через двух великих женщин России – Елену Блаватскую и Елену Рерих – можно совершенно определённо сказать, что в «Тайной доктрине» даётся Путь - общие космические законы и закономерности, лежащие в основе функционирования нашего мира, а в «Живой Этике» приводится напутствие - указания, как следовать этому Пути. Недаром второе название Учения Живой этики - Агни Йога, или Йога Огня. В переводе йога – это тренировка, упражнение, а стихия Огня традиционно в любой философии представляет собой стихию мысли, но мысли, представленной в форме самой тонкой, самой универсальной, в виде импульса волеустремления, обусловленного сродством и притяжением элементов и энергий, составляющих дух человека, и энергий объекта устремления воли.

Будучи наиболее универсальной, наиболее тонкой формой йоги, Йога Огня включает в себя все известные формы йоги, за исключением хатха-йоги (йоги тела). Это джняна йога (йога знания), бхакти йога (йога эмоций, строящаяся на ощущении любви), карма йога (йога деяний) и раджа йога (йога сознания). Но лишь Агни Йога, как говорится в Учении, «настаивает на обязательном применении полученных знаний в жизни». «Все прежние Йоги, данные из высших Источников, принимали за основание определённое качество жизни, теперь же, при наступлении века Майтрейи, нужна Йога в сущности всей жизни. Всё вмещая и ничего не избегая <…> Именно стихия огня даёт этой самоотверженной Йоге наименование. Когда опасности прежней Йоги при упражнениях уменьшаются, то при огненной Йоге опасности возрастают, ибо огонь, как элемент связывающий, проявляется везде, но зато даёт познание тончайших энергий» [2, с.96, п.158].

«Благословенны трудности, ими растём» - в этом известном высказывании Елены Ивановны Рерих заложена сама суть огня, выражающаяся в напряжении, предшествующем возникновению искры, в разуплотнении под действием тепла, в таянии, испарении, в разрыве связей. Иными словами, основа Живой Этики – умение отказаться от личного и мелкого во имя общего и Великого, радость вдохновенного творчества, постоянное движение, ритм неустанного труда, направленный на гармонизацию пространства и стремление к высоким энергиям. Именно в творческом взаимодействии двух Великих Начал – Огня и Эфира – таится смысл мироздания. «**Высший Эфир, или Акаша, есть Небесная Дева и Матерь всего бытия**, всех существующих форм, из лона которой по оплодотворении божественным Духом вызваны к бытию Материя и Жизнь, Сила и Действие» [5, *с.423*]. **Эфир есть универсальный проводник любых импульсов** и, одновременно - базовая субстанция структуризации любых видимых форм. **Стартовый импульс этой структуризации**, этому процессу уплотнения **даёт Огонь. Огонь, таким образом,** олицетворяет активное начало, точку кристаллизации, а **Эфир** – нечто воспринимающее и откликающееся на импульс, насыщенный раствор, из которого под влиянием Огня начинает формироваться кристалл. Проявлением Эфира является создание форм, структуризация, **охлаждение, конденсация.** С точки зрения философии первоэлементов Эфир способствует **переходу от тонкого, неземного к плотному, земному**, олицетворяя, таким образом, творческий вдохновенный процесс Созидания. Именно два Начала создают ту необходимую разность потенциалов, способную творить миры, ту самую Великую Любовь Творящую, являющуюся Первоосновой и Первопричиной всего сущего.

И в процессе познания мы видим всё то же взаимодействие двух Начал: напряжённый поиск и преодоление трудностей (огонь – осознание, устремление, воля) сочетаются с тонкими чувствами, душевной чуткостью и сопереживанием (эфир - дающий, нежный, отзывчивый, рождающий). Именно в синтезе силы огненного научного поиска и преодоления трудностей с чистотой эфирного утонченного восприятия и душевной чуткостью заключена истина продвижения по пути усовершенствования. Бог есть Любовь! Воистину, это так: от атомов и молекул до огромных планет и звёзд – всё подчиняется Великому Закону Космического Магнита. И каждый, кто осознал и прочувствовал эту истину, нашёл свой Путь.

Литература:

1. Шюре Э. От сфинкса до Христа. М.: Сфера, 2000. 448с.
2. Агни Йога (Знаки Агни Йоги). М.: Международный центр Рерихов, 2015. 600с.
3. Грани Агни Йоги. 1958г. Часть 1. Новосибирск: Предприятие «Алгим», 2013. 320с.
4. Блаватская Е.П. Голос Безмолвия. Минск: Звезды Гор, 2011. 116с.
5. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Том 1. М.: Эксмо, 2004. 880с.

Учение Живой Этики о сотворчестве Мужского и Женского Начала как основном законе Космической эволюции

Тютюгина Н.В.

Уфимский государственный колледж технологии и дизайна. Кандидат искусствоведения

tjutjugina@list.ru

Аннотация: Исследование посвящено взаимодействию Мужского и Женского Начала в текстах Учения Живой Этики. Начала представляют собой равноправные взаимодействующие и взаимодополняющие друг друга силы. Они изначально зарождаются в Космосе как две половинки Первичного Атома, как плюс и минус, постепенно развивая свое сознание. На этапе человеческой эволюции половинки устремляются к поиску друг друга. О значении творческой силы Женского начала в эволюции Бытия размышляли также русские философы Вл. Соловьев, С. Булгаков, П. Флоренский. Но только в Живой Этике, продолжающей развивать идею Платона о половинчатых душах, Мужское и Женское Начало рассматриваются как равнодействующие силы в эволюции Космоса.

Ключевые слова: Учение Живая Этика, Мужское и Женское Начало, половинчатые души.

The ‘Living Ethics’ on the Co-Creativity of Male and Female Principles as the Major Law of Cosmic Evolution.

Tyutyugina N.V.

Ufa State College of Technology and Design

Abstract: This research is devoted to the interaction between Male and Female Principles in terms of the ‘Living Ethics.’ These Principles represent interacting and complementary forces. They are initially originated in the Cosmos as two halves of the Primary Atom, as plus and minus, developing gradually their consciousness. At the stage of human evolution the halves go in search of each other. Russian philosophers Vladimir Solovyev, Sergey Bulgakov and Pavel Florensky also reflect on the importance of the Female Principle creative power in the evolution of the Being. But it is only the ‘Living Ethics’ continuing to develop the Plato’s idea of separated halves that considers Male and Female Principles as equally important forces in the evolution of the Cosmos.

Keywords: ‘Living Ethics’ Teaching, Male and Female Principles, separated halves.

Космическое творчество может проявиться только в двух Началах.

Беспредельность, 341.

В Учении Живой Этики [3] равноправное сотворчество и сотрудничество мужского и женского аспектов рассматривается как основной закон не только земного бытия, но и как закон Космической эволюции.

На Земле венцом эволюции является человек. Именно сотворчество мужского и женского Начал движет человечество по пути культурного и цивилизационного развития. За внешним проявлением мужского гения, по мнению создателей Учения, всегда стоит Муза, вдохновительница - женское Начало. Вдохновляющая сила женского Начала может проявляться в жизни творца как мать, как жена, как возлюбленная, как духовная водительница.

Ярким примером духовного водительства женского Начала является жизнь Преподобного Сергия Радонежского, которому являлась сама Богородица. Под духовным водительством Царицы Небесной Преподобный Сергий утвердил празднование Святой Троицы, вдохновенную женственность облика которой запечатлел в своей знаменитой иконе духовный ученик Преподобного Андрей Рублев.

Через пятьсот лет русские религиозные философы Сергей Булгаков и Павел Флоренский вновь обратились к беспрецедентному опыту Преподобного Сергия Радонежского в своих размышлениях о возвеличивании женского Начала. Образ Святой Троицы, который был назван С. Булгаковым «боговдохновенным дерзанием», образ Святого Духа «как духовного начала женственности» (П. Флоренский), как и образ Софии премудрости Божией, соединенный с празднованием Успения Богородицы как воплощения женского аспекта Бытия стали одной из основных проблем русского богословия начала XX века [1, С.543; 2, С.288-289; 13, С. 312-315; 14,С.313].

Основание этим размышлениям положил русский философ Владимир Соловьев, который представил женское Начало «как субстанцию божественной Троицы», «субстанцию Святого Духа, носившегося над водной тьмой нарождающегося мира». И с этой точки зрения Святой Дух и женское Начало, как сила и материя, как энергия и субстанция, в размышлениях Вл. Соловьева предстают неразделенными. Философ имел собственный духовный опыт в постижении высшего женского Начала как «лучезарного и небесного существа, отделенного от тьмы земной материи», которое являлось ему трижды. Свой опыт мыслитель запечатлел не только в философских размышлениях, но и в поэтической форме [4, С.46-47; 9, С. 125; 10; 11].

Но если Вл. Соловьев, С. Булгаков и П. Флоренский, исходя, в том числе, из собственного духовного опыта, чем особо отличается русская религиозная философия, лишь приблизились к выражению идеи равноправного единства мужского и женского Начал в Божественном творении, то определенно эту идею выразила русский философ Е.И. Рерих. Она обратила внимание на воззрения христиан первых веков нашей эры. В христианском учении до Вселенский соборов Дух и Субстанция, Отец и Мать, энергия и материя предстают неразделенными [5, С. 98-101].

В Учении Живой Этики определена и наивысшая духовная ступень такого сотворчества мужского и женского Начал, доступная человеческому сознанию как проявление силы Космоса – это образы Великого Владыки и Матери Мира. Они предстают в Учении как вечно творящие нашу Вселенную, наше земное человечество равноправные Начала. Эта вершина божественной Иерархии имеет человеческий облик, запечатленный в картинах Н.К. Рериха «Fiat Rex! (Да будет Владыка!)» (1931 г.) и «Матерь Мира» (1924 г.). Лики их сокрыты, так как они являлись на протяжении всей человеческой эволюции в различных обликах Богов, основателей религий, Учителей человечества.

Как отмечается в Учении, человечество на протяжении всей своей истории поклонялось то женскому, то мужскому аспекту Бытия под разными именами: Изида и Осирис, Иштар и Ану, Афродита и Гефест, Зевс и Гера, Радха и Кришна, Кали и Шива, Будда, Лао-Цзе, Христос и Богоматерь, Магомед. Последние тысячелетия в современных нам основных религиях мужскому Началу Божественного бытия отводится ведущая роль, а женский аспект, если присутствует, то как подчиненное Начало. Исключение среди широко распространенных в современном мире религий составляет индуизм, в котором проявленная форма Бога имеет равноправное разделение на мужскую и женскую форму. Но в реальности, в социальной жизни до истинного равноправия в современном мире еще далеко. И не случайно историки продолжают называть период нашей истории патриархатом. Учение обращается к этой неразрешенной цивилизационной и духовной проблеме XX и XXI века, утверждая вновь неразделенность в творчестве мужского и женского аспекта Бытия на Земле и в Космосе.

Немаловажную роль в текстах Учения отводится пониманию взаимодействия мужского и женского Начал на уровне не божественном, а человеческом. Жизненному закону естественного притяжения между мужчинами и женщинами от физического влечения до платонической любви дается также философское обоснование. И Этика, нравственность в Учении играет ведущую роль.

Так, одним из почитаемых философов в Учении является Платон. Именно его идея о половинчатых душах получает развитие в текстах Живой Этики [6]. Разделение первичного Космического Атома на две половинки, на плюс и минус, на мужскую и женскую является естественным законом эволюции Космоса. В процессе эволюции развивается и сознание каждой из половинок, которое сначала инстинктивно, а затем осознанно на этапе эволюции человека начинает искать свою половинку для сотворчества.

Наиболее сложно этот процесс происходит на этапе человеческой эволюции. Обладая свободной волей и зачастую слабо развитой интуицией, руководствуясь нередко физическими инстинктами, человек часто ошибается в выборе партнера. И это происходит в течении жизни не единожды, пока не придет понимание, что только духовное, нравственное, совершенствование каждого поможет, наконец, обрести истинное единение со своей второй половиной. Причем нравственное совершенствование в Учении включает все те религиозные заветы, которые выработало человечество за последние две с половиной тысячи лет в буддизме, иудаизме, христианстве, магометанстве, которые по сути своей едины. Но в Учении законы духовного развития и нравственные качества человека рассматриваются

наиболее объемно, тщательно и во всех своих возможных проявлениях.

Нередко также развитие мужского и женского Начал на уровне человеческого сознания происходит неравномерно, что также отдаляет одну половину от другой и препятствует воссоединению в единое целое. Но время у человека всегда есть, если он устремлен по пути умственного и нравственного, а значит духовного развития.

Здесь закон единства Начал тесно связан с другим законом эволюции, который утверждает Учение - это закон перевоплощения души или реинкарнации. Этот закон имеет под собой веское основание хотя бы уже потому, что человеческая жизнь слишком коротка, чтобы суметь за время ее протяжения достичь все те духовные вершины, которые определил для себя человеческий разум.

Закон единства гармонического сотворчества двух Начал в наше время имеет и ярко выраженную социальную значимость. Он предупреждает о тех нарушениях равновесия в отношениях между мужчиной и женщиной, которые присутствуют в современном мире: это гендерное неравенство, это экстремизм феминистического движения, это физиологические и психические болезни, которые приобретают силу нормы и закона, пытаясь нивелировать институт семьи. Все эти проявления свободной человеческой воли нарушают один из основных законов Космоса – единство женского и мужского Начала – и ставят мир на краю бездны, которая может поглотить человеческую цивилизацию на Земле.

Важное значение в понимании многих положений Учения имеют письма Е.И. Рерих, а также ее Записи, опубликованные в интернете из архивных источников [7,8,12]. Записи, помимо изданных книг Учения, представляют собой также незавершенные труды по Космогонии, Мирозданию, Огненному опыту, которые Елена Ивановна не успела собрать воедино. Фрагментом из этих Записей мы хотели бы завершить наше исследование: «Ярое объединение Двух начал есть Закон бытия и Закон совершенствования, и другого иного нет, иначе все вверглось бы в хаос. Яро закон Един, но ярые проявления его разнообразны, но Основа Единства остается во всей Силе. Два Начала – Бытие. На этих основах, Началах, все держится, все развивается» [12, Рукопись, тетр.89,с.50].

Литература:

1. Булгаков С.Н. Благодатные заветы Преп[одобного] Сергия // Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I-VI). М.: Информ-Прогресс, 1992.
2. Булгаков Сергей. Икона, ее содержание и границы // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. Антология. Составление, общая редакция и предисловие Н.К. Гаврюшина. Выпуск I, II. – М.: издательская группа «Прогресс» «Культура», 1993-1994. Выпуск I, 1993.С.288-289.
3. Живая Этика. Любое издание.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. В двух томах. Л.: ЭГО, 1991. Т.II. Ч.1.
5. Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом. В 2 т. Минск: «Лотаць», 2000. Т.1.
6. Платон. Пир / Собр. Соч. в 4 т. М.: Мысль,1993. Т.2.
7. Рерих Е.И. Архивные материалы. Музей Рерихов. Филиал государственного Музея Востока. URL: http://roerichsmuseum.ru/index.php/museum/arkhiv/203-arkhivnye-materialy-e-i-rerikh (дата обращения 1.02.2020)
8. Рерих Е.И. Письма в 9 томах. М.: Международный центр Рерихов, Благотворительный фонд им. Е.И. Рерих, Мастер-Банк, 1999-2009.
9. Соловьёв В.С. Три свидания /Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974.
10. Соловьев В. С. Жизненная драма Платона / Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
11. Соловьев В. С. Смысл любви. /Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
12. Тетради Урусвати. URL: http://urusvati.group (дата обращения 30.01.2020)
13. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи. М.: Издательство АСТ, 2005. 635с.
14. Флоренский П.А. Троице-Сергиева лавра и Россия // Игумен Андроник (Трубачев). Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей Преподобного Сергия Радонежского в 1918-1946 гг. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008.

Культура мышления современного человека через призму философского Учения «Живая Этика»

Забровская М.В.

Всероссийское общество историков-архивистов. Союз журналистов России

mzabrovskay@mail.ru

Аннотация: Ускоряются темпы изменения пространства, формируемого мыслью человека. Эти изменения все труднее объяснить с точки зрения эмпирической науки. Воздействие их на человека все больше приобретает деструктивные черты. Уровень культуры мышления в обществе неуклонно снижается, поэтому необходимы особые меры по формированию образа мыслей современного человека, направленного на осознание истинных ценностей Культуры. Новое космическое мышление, основанное на законах гармонии и красоты, поможет в воспитании культуры духа и мысли современного человека. В статье рассмотрены роль Живой Этики в процессе воспитания культуры мышления в современном обществе, влияние мысли на энергетический обмен в микро- и макрокосме. Затронуты вопросы формирования понятийного аппарата и языковые особенности философской системы Учения «Живая Этика».

Ключевые слова: мысль, мыслительная деятельность человека, космическое мышление, метанаука, одухотворенная материя, психическая энергия.

Culture of modern man's thinking through the prism of the philosophical Doctrine "Living Ethics".

Zabrovskaya M.V.

Russian society of historians and archivists. Russian union of journalists

Abstract: The pace of change in the space formed by human thought is accelerating. These changes are increasingly difficult to explain from the point of view of empirical science. Their impact on a person becomes more and more destructive. The level of culture of thinking in society is steadily decreasing, so special measures are needed to form the way of thinking of modern people, aimed at understanding the true values of Culture. The new cosmic thinking, based on the laws of harmony and beauty, will help in educating the culture of the spirit and thought of modern man. The article considers the role of Living Ethics in the process of educating the culture of thinking in modern society, the influence of thought on energy exchange in the micro-and macrocosm. The questions of formation of the conceptual apparatus and language features of the philosophical system of the Living Ethics Doctrine are touched upon.

Keywords: thinking, human thought activity, cosmic thinking, metascience, spiritualized matter, psychic energy.

Вопросами изучения мышления сегодня занимается ряд наук, таких как психология, логика, философия, социология, педагогика. Каждая из них дает свое определение мыслительной деятельности человека, рассматривает ее в строго определенном контекстеи как процесс, влияющий на определенные стороны человеческого бытия.Огромная роль отводится мысли и ее проявлениям в жизни человека, ее влиянию на Мироздание в Учении Живой Этики. Если в других науках – мысль и процесс с нею связанный рассматриваются среди прочих равных проявлений жизнедеятельности человека разумного, то в Живой Этике мысль и мышление ставятся создателями философского учения в один ряд с основными процессами бытия Космоса, формирующими и продвигающими его эволюцию. Именно поэтому на страницах Живой Этики, в статьях и письмах Н.К. Рериха, Е.И. Рерих, С.Н. Рериха, Л.В. Шапошниковой уделяется так много внимания мысли, ее свойствам и качествам, даются практические советы, как изменить свой уровень мышления и какие факторы влияют на продвижение человека по пути утончения и преображения мысли.

Начало эпохи космического мышления привело к необходимости систематизации информации,

накопившейся к началу XX в. о том, как сфера мысли человечества влияет на все космические процессы. В.И. Вернадский в начале прошлого века обобщил эти знания в своем фундаментальном труде о биосфере и ноосфере. Именно Вернадский одним из первых ученых заговорил о том, что человечество, как особый мыслящий организм, частица Великого и Беспредельного Космоса, несет ответственность за то, чем оно насыщает надземные сферы, связанные с сознательной мыслительной деятельностью человека. Его научные предвидения продолжила развивать на основе метанаучных знаний, содержащихся в Учении Живой Этики, Л.В. Шапошникова, которая заложила методологические основы осмысления перехода от научного к метанаучному постижению роли человека и человечества в космической эволюции Беспредельного Космоса.

Сегодня уже сформирован самостоятельный, основанный на терминологии Живой Этики понятийный аппарат, во многом отличный от толкований понятий в строго научном контексте. От научных дефиниций через философию Живой Этики мы переходим в область метанаучной трактовки основных явлений жизни. Живая Этика ведет по пути метанаучного познания, путем получения систематизированных знаний, данных через Высший Источник. «Этот метанаучный способ познания весь пронизан космизмом» [1, с. 54].

Реалии сегодняшнего времени таковы, что даже самые суровые критики Учения Живой Этики признают – мир становится качественно иным, меняются системные подходы в изучении самих основ мироздания. И здесь идеи Живой Этики могут прийти на помощь, конечно, если исследователь готов допустить, пусть пока с некоей долей вероятности, что они содержат зерно истины. Универсальность системы Учения позволяет использовать ее положения как в области естественнонаучных дисциплин, так и в гуманитарной системе познания мира. И, если на сегодняшний день не существует единого универсального языка, позволяющего «естественнику», понимать «гуманитария», то благодаря системе мыслеобразов Живой Этики различия в знаковом выражении различных научных дисциплин могут быть сглажены. «Слово содержит тысячу мыслей. Слишком грубо приписать слову точную выразительность. Только сопоставление понятий может определить качество мышления <…> Новый век нуждается в ответственной четкости» [2, с. 200].

Мыслители, давшие миру Учение Живой Этики, утверждали, что мысль человека – это материя, только весьма утонченная, она имеет свой вес и свою окраску, и как любая материя имеет сложное строение, не во всех своих аспектах она описана современной наукой. Именно поэтому сегодня требуется уделять особое внимание практическим вопросам изучение качества мысли, как особого пространственного существа, ее свойств, как высшей огненной энергии, напрямую связанной с качеством психической энергии каждого индивидуума.

Мысль – особый одухотворенный тип материи. Среди особых качеств мысли в Живой Этике указаны ее нерастворимость, возможность сохранять весьма длительное время устойчивые мыслеформы, создаваемые при огненном процессе мыслетворчества. Мысль, как энергия, может менять окраску ауры человека породившего или воспринявшего ее. Отсюда и ответственность человека за создаваемые мыслеобразы.

В.И. Вернадский писал: «Научная мысль человечества работает только в биосфере и в ходе своего проявления в конце концов превращает ее в ноосферу» [3, с. 381]. Создатели Живой Этики, развивая идею, продолжили: «Пространственная мысль является напряжением творчества новых миров. Потому пространственная мысль отвечает коллективному мышлению. Примем закон пространственной мысли для улучшения космических пространств» [4, с. 59-60].

Мысль – явление огненное. И, как сказано в Учении: «Огонь явленный не вернется снова в первостихийное состояние, он будет в особенном состоянии среди проявлений огненных. Он будет или животворным, или губительным по заданию пославшего его. <…> Слова и мысли порождают огненные последствия, но язык продолжает болтать и мысль язвить пространство. Подумайте об этом огненном производстве!» [5, с. 43].

Наблюдения за мыслью, ее свойствами сегодня – это уже не только возможности метанауки, постижение через духовное прозрение, но и эмпирической системы познания, поскольку пространство мысли все более уплотняется и начинает все активнее и очевиднее влиять на человеческое сообщество: как на коллективный его разум, так и на каждого индивидуума в отдельности.

Пространство планеты напряжено необычными токами. Сила их нарастает, оказывая разнообразные воздействия на сознание и физическое состояние людей. Эти токи выявляют в каждом его скрытые свойства и накопления, вызывают агрессию, при неспособности их принять, и особые творческие проявления, при культурной готовности духа. Наряду со вспышками различных заболеваний, сегодня бушует страшная эпидемия бескультурья, вызванная непониманием неотложной необходимости учиться применять на практике психическую энергию, неумением управлять своим мышлением и нежеланием его воспитывать. Потребность в ответственном, дисциплинированном, доброжелательном, устремленном, сердечном, радостном мышлении подменяется развитием искусственного интеллекта, абсолютно лишенного этих животворящих и культурообразующих качеств.

Рассуждая о вопросах, являющихся частью космического мировоззрения, осмысливаемых в реалиях космического мышления, невозможно использовать научную терминологию, присущую прежнему уровню сознания. Особенности языка Живой Этики – простота, глубокая образность, поэтичность – позволяют излагаемым в Учении идеям достигать сознания людей с разным уровнем научного познания, разных социальных и культурных слоев. «Новые избранные мысль выразят кратко и ясно» [6, с. 239], - сказано в Живой Этике. Простота языка и доступность формулировок способствуют введению в сознание большего числа людей идей и понятий нового философского учения, позволяют избежать двусмысленности формулировок и искажения трактовок.

Люди, живущие на Востоке, и, конечно же, в восточных районах Сибири, коренное население которых – представители буддизма, легче и естественней принимают утверждения Живой Этики, так как эти постулаты во многом схожи с философскими идеями, которыми располагает учение буддизма, берущими начало во всеобщности и космичности мира. Людям из западных регионов нашей страны и мира в целом, где в свое время зародилось и было господствующим научное мировоззрение, намного сложнее принимать идеи Живой Этики, в которых глубоко исследуются вопросы взаимодействия макро- и микромиров, взаимодействие и взаимовлияние человека и космоса, прослеживается жизнь человека от зарождения его зерна духа в глубинах, куда не проникает еще сознание человека, до возможности его превращения в человека совершенного, готового вступить в новый виток эволюции своего духа.

Культура мышления – это гигиена пространства. Невозможно стать новым человеком, повысить уровень своих излучений и улучшить качество психической энергии, не изменив своего мышления. Главная задача человечества сегодня - от мыслей малого «я» возвыситься до мыслей народных, мыслей об общем благе, устремленных к мыслям пространственным, которые отвечают коллективному мышлению. Венцом утончения процесса мышления человечества по утверждению создателей Живой Этики станет возможность воспринимать Беспредельную и Творящую космическую Мысль.

Литература:

1. Шапошникова Л.В. Космическое мышление и новая система познания // Космическое мировоззрение-новое мышление XXI века : Материалы международной научно-общественной конференции, 2003 г. : В 3-х т. / Под ред. В.В.Фролова и др. М. : Международный центр Рерихов, 2004. Т. 1. С. 52-81.
2. Община (Рига). М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2004. 328 с. (Учение Живой Этики).
3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2003. 573, [2] с.
4. Беспредельность. Часть вторая. М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2010. 328 с. (Учение Живой Этики).
5. Мир Огненный. Часть первая. М.: Международный Центр Рерихов. 2016. 504 с. (Учение Живой Этики).
6. Листы Сада Мории. Кн. 1: Зов. 1924. М.: МЦР; Мастер-Банк, 2003. 400 с. (Учение Живой Этики).

Познавательный потенциал Живой Этики

Дьяченко И.Ю.

Международный Центр Рерихов- руководитель Объединенного научного центра проблем космического мышления. Кандидат культурологии

idiachenko@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрываются особенности системы познания философии Живой Этики и ее потенциальные возможности для решения проблем современной науки. Одной из этих особенностей является тенденция к синтезу западной научной и восточной умозрительной мысли, к чему проявляют сегодня интерес российские ученые. Рассмотрены некоторые аспекты Живой Этики, которые освещают представление о вечности бытия и материи, многомерности мироздания, соотношении материи и духа, особенностях проявления энергии и др. Поскольку внимание ученых обращено к проблеме понимания природы человека, то в статье рассматривается, в частности, феномен сознания во взаимодействии человека с более высокой реальностью, которую он способен постичь в субъективном опыте, а также представление о пространстве-времени, психической энергии в тесной связи с этической ответственностью и культурой человека.

Ключевые слова: Мироздание, человек, сознание, материя, энергия, синтез, эволюция.

Cognitive potential of Living Ethics.

Diachenko I.Y.

The International Centre of the Roerichs

Abstract: The article reveals the features of the system of knowledge of the philosophy of Living Ethics and its potential for solving problems of modern science. One of these features is the tendency to synthesize Western scientific and Eastern speculative thought, which Russian scientists are interested in today. Some aspects of Living Ethics are considered, which illuminate the idea of the eternity of being and matter, the multi-dimensionality of the universe, the relationship of matter and spirit, the features of the manifestation of energy, etc. Since the attention of scientists is drawn to the problem of understanding human nature, the article considers, in particular, the phenomenon of consciousness in the interaction of a person with a higher reality that he is able to comprehend in subjective experience, as well as the idea of space-time, mental energy in close connection with ethical responsibility and human culture.

Keywords: Universe, human, consciousness, matter, energy, synthesis, evolution.

Наука, по признанию российских ученых, сегодня нуждается в новой системе познания и новой философии. Современная наука во многом европоцентрична, и в однополярности науки поиск истины проблематичен. Мысль Запада и мысль Востока должны слиться воедино для познания истины. Ученые западноевропейской традиции готовы обогатиться восточным методом для понимания сложной природы человека, и это стало предметом их обсуждения с представителями буддизма [1]. Опыт медитации, духовного созерцания, развития логического мышления имеет в буддизме богатую традицию, отвечающую исканиям научной мысли.

Если говорить о выборе философии для развития мировой науки, то перспективной представляется философия Живой Этики, где мысль Запада и Востока синтезированы, благодаря чему Живая Этика становится универсальной и поистине межкультурной философией при поиске ответов на явления бытия и вызовы времени. В ней представлена новая методология исследований и новая система познания.

В чем заключается познавательный потенциал Живой Этики? В том, что она расширяет научные представления о мироздании и происходящих в нем процессах, утверждает эволюцию космоса как системы связей, где человек, его внутренний мир, сознание, мышление, нравственно-духовные основы, его культура играют огромную роль. Научное мышление становится частью космического мышления, поскольку последнее формируется не только на достижениях науки, но также искусства, философии и религиозной мысли. Научному познанию свойственно опираться на традицию и преемственность, и в этом плане Живая Этика опирается не на одну исторически сложившуюся научную школу или несколько школ, а на синтез того лучшего, что в них формировалось, что позволяет осмыслить всю цепь культурно-исторического процесса и каждое звено этой цепи.

Цель всемирной эволюции, согласно Живой Этике, – одухотворение материи, но без участия человека это сделать трудно, поскольку главным инструментом эволюционного процесса является именно человек. Он способен или возвысить, творчески преобразить эволюцию или ее затормозить, и в этом проявляет себя не только интеллект человека, но и его сердце, которое вносит в эволюционный процесс особое духовное знание, интуицию, утверждает гуманистическое начало.

Важнейшим концептуальным положением Живой Этики, которое разрабатывалось и в русской философии космизма, а еще ранее в системе индуизма и буддийской философской мысли, является представление о вечности бытия и материи. В буддийской эпистемологии проблематично представление об абсолютном начале вселенной и неизменяемости высшей материи. Буддизм говорит о гипотетичности Абсолюта, бесконечной цепи причинно-следственных связей, ведущих к изменяемости материи. Материя не вечно существует, а вечно изменяется.

Представление о космосе не только как видимом мире, но и том, который находится за гранью видимого и проявленного – одна из важных тем в Живой Этике. Многомерность космоса обусловлена присутствием в нем материи разного состояния и измерения, от грубых форм до самых утонченных, от низших до высших и т.д. Все это взаимодействует между собой, создавая бесчисленные комбинации новых форм и состояний.

В связи с этим в Живой Этике по-иному, чем в современной философии, ставится вопрос о соотношении материи и духа. Они представляют собой две стороны одного целого, духо-материю, где материя представляет собой дифференциацию духа [см.: 2, § 532]. Без понимания этой двойственности бытия и применении ее в научном исследовании сложно получить результат, который будет отражать истину. В.И.Вернадский, изучавший проблему «живого вещества», допускал наряду с материей и энергией присутствие духовного начала в качестве одной из причин зарождения жизни в космосе, к чему в своих исканиях уже близко подходила наука [3]. Следует сказать, что понимание феномена духа для его научного изучения должно быть отнесено к области этики, нравственного начала в человеке, формирующего содержание его внутреннего мира.

Энергетическое наполнение пространства мироздания, наличие в каждом атоме всеначальной энергии и энергообмен между всеми структурами мироздания является одним из важных положений Живой Этики. Всеначальная энергия имеет множество дифференциаций и осознанная человеком называется психической энергией. «Человек – часть космической энергии, часть стихий, часть Разума, часть сознания высшей материи» [4, § 155]. С этой энергией связаны особенности сознания и мышления человека, механизм памяти и культурной преемственности, а также знания о будущем, здоровье, эмоциональное состояние и многое другое.

Знания, которые содержатся в Живой Этике, при их внимательном изучении и сопоставлении с достижениями мировой научной и философской мысли помогут ответить на вопросы, которые ставит сегодня перед учеными когнитивная наука. В частности, это касается изучения проблемы сознания. И здесь должны быть сделаны определенные допущения. Как и жизнь, сознание есть природное явление. Его содержание определяют дхармы. Одно из определений дхарм в буддизме – это элемент бытия и элемент сознания [5]. В дхармах заложена причина феноменов, которые несут свои следствия, являющиеся причиной новых феноменов. Если жизнь может породить только более высокая жизнь, так и сознание может породить еще более высокое сознание. Существует иерархия сознаний. Живая Этика помогает синтезировать объективный и субъективный опыт в исследованиях сознания, выявить его энергетическую природу, показать его связь с мышлением. Одно из определений сознания может быть следующим: это есть «знание, полученное через мысль из Высшего источника и постигнутое в соответствии с уровнем самого сознания» [6, с. 6]. Мысль и сознание связаны с познавательным процессом.

Сознание определяет не только качество жизни человека, но и ее продолжительность, а развитие тонких и сверхтонких уровней сознания, о которых говорит буддизм, подводит человека к бессмертию. Живая Этика позволяет понять проблему работы сознания в любых его состояниях

в свете энергетического мировоззрения. Изучение природы сознания ведет и к решению проблемы смены существований, к чему сейчас проявляют интерес российские ученые.

В Живой Этике разрабатывается проблематика взаимосвязи интеллекта и сердца, говорится о необходимости их синтеза в научных исследованиях. Если интеллект способен лишь обрабатывать информацию, приходящую извне, подвергать ее сомнению, принимать или отвергать, но без сердечной энергии он может развиваться только в определенных границах. Благодаря своим качествам сердце «ведет» интеллект, расширяет границы познания, позволяя интеллекту развиваться бесконечно. С концепцией сердца как органа познания будет связано решение проблемы искусственного интеллекта, актуальность создания которого нуждается в своей дискуссии.

Современная наука, стремящаяся к созданию фундаментальной теории мозга и разума, близко подошла к тому, чтобы синтезировать субъективный опыт «от первого лица» и объективный опыт «от третьего лица», т.е. создать энергетическое пространство с гармоничным сочетанием объективного и субъективного. В такой теории появятся новые методы, которые принесет с собой субъективный опыт исследователя: интуиция, переживание, свидетельство и др. Эти методы тесно связаны с этическими, нравственными принципами и могут создать новую ступень в мышлении и познании.

С сознанием человека тесно связана проблема пространства-времени, в которой также различаются субъективный и объективный аспекты. С развитием сознания в человеке меняются представления о пространстве-времени, которые являются относительными величинами, где протяженность пространства будет соизмерима с протяженностью сознания, а время можно рассматривать как особый ритм изменения этого пространства, а значит, и сознания. В восточной доктрине Калачакры время зависит от взаимодействия макро- и микрокосма. Приверженность человека высшим духовным ценностям делает его жизнь вневременной, отмечает путь к вечности, бессмертию. Это перекликается с концепцией времени в Живой Этике, где она осмысливается в контексте единства прошлого, настоящего и будущего, условно разделенных в нашем сознании. И, чем шире сознание, тем более в нем будут синтезированы эти три категории времени, сливающиеся в единый поток вечности.

Так, идеи Живой Этики существенно расширяют пространство научного знания и познания. Важной вехой в новой системе познания выступают этические принципы и духовность. Они позволяют сформировать новые методы исследований. Залог развития науки будущего – в допущении существования тончайших энергий, позволяющих изучать тонкую материю. Признать сознание «тонкой материей» и «тонкой энергией», связанной с субъективным опытом человека – значит, близко подойти к разгадке многих тайн мироздания. Соединить науку и духовность, материальный мир с духовным – задача нашего времени. Реализуя свой познавательный потенциал через науку, Живая Этика дает ученым импульс к более полному познанию реальности.

Литература:

1. Российские ученые встречались с Далай-ламой IV в августе 2017 г. и мае 2018 г.
2. Учение Живой Этики. Аум. М.: МЦР, 2019. 416 с.
3. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. Пб.: Время, 1922. 58 с.
4. Учение Живой Этики. Беспредельность, ч.1. М.: МЦР, 2009. 472 с.
5. Васубандху. Абхидхармакоша. Гл. I–II. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1980. 391 с.
6. Шапошникова Л.В. Град Светлый. М.: МЦР, 1998. 192 с.

Учение Живой Этики и философия русского космизма: ресурс преодоления европоцентризма

Трофимова Елена Александровна

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, профессор;Социологический институт РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН), ассоциированный сотрудник. Доктор философских наук

trele@mail.ru

В статье Учение Живой Этики и философия русского космизма рассмотрены как своеобразный ресурс преодоления европоцентризма. В статье кратко проанализированы различные виды отечественного ориентализма. Статья содержит скрытую полемику с популярной книгой Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока». Показано существенное отличие отечественного ориентализма от западноевропейского. В Серебряный век отечественный ориентализм переключается от описания внешней экзотической стилизации культур Востока к внутреннему духовному постижению самого «Сердца Азии». Преодоление европоцентризма возможно лишь через отказ от своемерия, своецентризма и антропоцентризма (Г. Батищев).В статье сделан анализ понимания идей Востока в наследии В. Соловьева, Н. Федорова, Н. Рериха, А. Белого. Показан ориентализм русской поэзии Серебряного века. Учение Живой Этики рассмотрено как выдающийся памятник мысли и культуры.

Ключевые слова: космизм, Живая Этика, ориентализм, европоцентризм, антропоцентризм, модерн, супраморализм.

The doctrine of Living Ethics and the philosophy of Russian cosmism: a resource of overcoming of Eurocentrism.

Trofimova E.A.

Saint-Petersburg University of management technologies and Economics; Sociological Institute of the RAS-branch of Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – branch ECTAS PAS)

The article considers the Doctrine of Living Ethics and the philosophy of Russian cosmism as a kind of resource for overcoming Eurocentrism. The article briefly analyzes various types of Russian Orientalism. The article contains a hidden controversy with the popular book by E. said “Orientalism. Western concepts of the East”. A significant difference between Russian Orientalism and Western European Orientalism is shown. In the Silver age, Russian Orientalism switches from describing the external exotic stylization of Eastern cultures to the inner spiritual comprehension of the “Heart of Asia”itself. Overcoming Eurocentrism is possible only through the rejection of self-hypocrisy, self-centrism and anthropocentrism (G. Batishchev). The article analyzes the understanding of the ideas of the East in the heritage of V. Solovyov, N. Fedorov, N. Roerich, and A. Bely. The Orientalism of Russian poetry of the Silver age is shown. The doctrine of Living Ethics is considered as an outstanding monument of thought and culture.

Keywords: cosmism, Living Ethics, Orientalism, Eurocentrism, anthropocentrism, modernism, supramoralism.

Учение Живой Этики и философия русского космизма, рассмотренные в пространстве современной философии и науки, обнаруживают себя как своеобразный духовный ресурс преодоления европоцентризма.

Европоцентризм как научная и политическая идеология продолжают влиять на духовную ситуацию современности. Вхождение в устойчивую парадигму мира невозможно без преодоления европоцентризма, как ограниченного мировоззрения.

Современные авторы видят в европоцентризме намеренное или ненамеренное искажение картины мира, заключающееся в недооценке «неевропейских культур», или большую ошибку: Э. Левинас увидел в европоцентризме частный случай иерархизации, Ж. Деррида - частный случай логоцентризма. Европоцентристский унитаризм убежден, что все цивилизации мира проходят похожий путь.

В стремлении преодолеть европоцентризм не учтен богатый опыт отечественной мысли и культуры Серебряного века, в частности, Учение Живой Этики и русский космизм.

Спасительные перспективы творческого самоизменения человека и человечества удалось узреть Г.С. Батищеву на пути преодоления европоцентризма, геоцентризма и коллективного антропоцентризма, как разновидностей своемерия и своецентризма: «Способность видеть мир полицентрично глазами других и согласно мерилам других – вытесняется утверждением лишь своей собственной, неподвижной точки зрения и оценивания, т.е. видением с позиции охранительного своецентризма и своемерия» [1, с.44].

А.А. Ермичев глубоко проанализировал претензии, высказанные Н.А. Бердяевым к русскому Ренессансу: христообразность, космическое прельщение, синтез языческого космизма и христианского персонализма, асоциальность. А.А. Ермичев разъяснил, что социально-христианские поиски, искания «русского пути» своеобразно оборачивались, трансформировались в интересующее нас время: «Общественная оценка все более сдвигала социально-христианские поиски в сторону внеконфессиального христианства и, вместе с тем, в сторону от сложившихся славянофильских и западнических определений. Для России намечался какой-то третий, по ту сторону славянофильства и западничества лежавший путь развития» [2].

Эпоха новейшего времени (модерна) в отличие от традиционных характеризуется ускоренным развитием науки, техники, форм коммуникации. Применение термина «модерн» к судьбе русского космизма, философского и культурного наследия Серебряного века, показывает характерную динамику русской культуры в её синхронном в данный момент времени (т. е. в конце XIX – начале XX века) развитии по отношению к западноевропейской.

После выхода в свет книги Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» (1978, русский перевод 2006) за ориентализмом закрепилось особое содержание – европейского «изобретения» Востока. Ориентализм по Саиду «это вид дискурса с соответствующими ему институтами, словарем, ученой традицией, образным рядом, доктринами и даже колониальными бюрократиями и колониальным стилем» [3]. Русский ориентализм, думается, существенно отличается от западноевропейского своей широтой и гуманизмом.

Россия не только усвоила неоромантический интерес к Востоку, но и внесла значимый и оригинальный вклад в преодоление европоцентризма. Повышается интерес к опыту переживания запредельного, и тут на помощь эпохи приходит «Свет с Востока». Неоромантические тенденции эпохи, любовь к родной природе, русской земле, патриотизм, усиленный первой мировой войной и страданиями, – всё это привело к богатым вспышкам вдохновенного творчества в философии и искусстве. Острота гуманистического осмысления проблем войны и мира, человека и истории, человека и универсума, путей будущего России и человечества, стремление выработать более утончённые, гибкие, более адекватные способы подхода к человеку, − всё это подстёгивало глубокий интерес к восточным культурам. В поисках собственной национальной идентичности, в мечтах о синтезе культур, их взаимном обогащении, русские мыслители, включая и мыслителей-космистов, смогли достаточно обоснованно и аргументированно опровергнуть догмы европоцентризма и азиацентризма.

Русская культура вынашивала не только мысль, но и тоску по Востоку: есть основания говорить не только о разных школах отечественного востоковедения, но и более широко – о различных направлениях отечественного ориентализма, проявившегося в науке, поэзии, живописи, архитектуре, философии русского космизма, своеобразно отозвавшегося в искусстве эпохи модерн с его установкой на универсализм и затаённой мечтой о всечеловеке, в теософской и антропософской традиции, ищущей синтеза и взаимопостижения эзотерических пластов культур Востока и Запада. В Серебряный век отечественный ориентализм переключается от фиксации внешней экзотической стилизации культур Востока к внутреннему духовному постижению самого «Сердца Азии». Этот аспект ярко проявился в поэзии Серебряного века (вспомним воспевание лотоса К. Бальмонтом, стихотворение «Прапамять» Н. Гумилёва, поэзию В. Хлебникова, Н. Клюева и многих других…). Большое влияние на постижение «Света с Востока» оказала биография и творчество Е.П. Блаватской, идеи теософов и антропософия Р. Штейнера.

По удачному выражению русского писателя и мыслителя Андрея Белого, глубоко почитающего Р. Штейнера, Индия, которая «тронула интуитивную ноту», − резонанс на происходящее с нами», «тень трагедии нашей мысли»: «… как обертоны, реминисценцией далёкого прошлого, на протяжении истекшего века проходят волны звучаний философии Индии; Индия подымается многократно» [4, с. 221].

Именно в Индии знаменитый русский философ В.С. Соловьёв увидел «первое всемирно-историческое пробуждение человеческого самосознания», а в буддизме – «первую ступень человеческого универсализма, поднимающуюся над исключительным национально-политическим строем религии и общественности» [5, с. 308-309]. Взаимодействия космизма и ориентализма, их пересечения и споры носили не однозначный и сложный характер, однако духовная обращённость русской культуры Серебряного века к Востоку, вселяя глубокую надежду и веру в грядущее понимание народов всего мира, заставляет еще раз вспомнить хорошо известные слова Н.К. Рериха: «Красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подает» [6, с.268-269].

Отличительной чертой буддийского нравоучения В.С. Соловьёв считал «деятельное самопожертвование из милосердия ко всем живым существам» [5, с.312].

Осмыслению восточных религий и философий посвящены многие страницы «Философии Общего дела» Н.Ф. Фёдорова. Буддизм и «новобуддизм» осмысляется им как «ничто», как уничтожение, обесценивание жизни, пессимизм, как «…одна из попыток устроить братство, не обращая внимания на причины розни, т.е. на коренные причины небратства…» [7, с.68]. Мыслитель не может принять в буддизме «созерцательное бездействие» и скорбь о призрачности мира [7, с.90]. Буддийской нирване мыслитель противопоставляет свою концепцию супраморализма, требующую от разумных существ «полного раскрытия бытия» в его потенциальности и актуальности.

Исследованию буддизма в сравнении с христианством была посвящена работа В.А. Кожевникова, развивающая основные идеи Н.Ф. Фёдорова [8].

По любопытному замечанию Н.К. Рериха (1935 г.), вдали от родины размышляющего о её просторах и культуре: «Запад утонул в своих каменных домах, в римском праве и прочем. Лишь в России звучат небывалые просторы в пространстве и во времени» [9].

Разворот к телесности ярко проявился не только в учении Живой Этики, но и в исканиях космистов: русские космисты проявляли особый интерес к развитию в будущем различных форм человеческой чувственности, телесности, вплоть до телесного преображения самой человеческой природы.

Эпоха модерна подготовила почву для ломки привычных норм, образцов и стереотипов. Этот «эффект сдвигов», трансформативность, пограничность проявились на всём парадигмальном поле русского космизма, рассмотрим ли мы этические искания, научные открытия или новаторские приёмы в живописи... А.А. Аверинцев подметил важную особенность человека модерна, стремящегося получить через эстетическое созерцание художественного произведения или выдающегося факта культуры свидетельство о высшей духовной реальности. Десакрализация религиозного в новейшее время, связанное с интенсивной переоценкой ценностей, дополняется сакрализацией художественного, эстетического в природе и необыкновенным возвышением понятия «Культура» [12]

Внутреннее сопряжение темы жизни и культуры проходит через все духовное наследие Рерихов. Культура многолика, но для Рериха важно, что именно она есть укрытие духа. В рериховском понимании культуры присутствует момент императивности, долженствования. Культура как бы задает образец, эталон человеческим деяниям, подтягивая человека, постоянно возвышая его. Во многих очерках Н.К Рериха тема морали внутренне связывается с темой культуры, тема знания смыкается с темой любви, с темой «огня сердечного», с пониманием сердца как «чаши опыта». Живая Этика – восстановление живых корней, связывающих отдельного человека с Универсумом во всей полноте его бытия, а не только в рефлексивном акте, не одним «познанием», а в акте воли и целостным духом. Живая Этика выступает прояснением онтологического статуса и смысла творчества, понимаемого как ведущее начало жизни. В поисках онтологических истоков креативности Живая Этика обращается к праистокам культуры – к беспредельной диалектике Универсума, к процессу Космогенезиса.

Учение Живой Этики концентрирует в себе тысячелетнюю мудрость народов Востока, идеи христианства и достижения европейской науки 20–30 гг. XX в. Всеохватность, энциклопедичность, универсализм Учения представляют трудность для исследования. Символичность текста провоцирует различные возможности прочтения, порождает целый спектр, веер интерпретаций. Создаётся

впечатление «вневременности» и чарующей «гибкости». Однако за веером возможных интерпретаций всегда просвечивает неизменное «зерно духа», произрастающее от первой книги Учения до последней, являя нам пример и образец пути нравственного и духовного восхождения человека.

Как в зримом пространстве картин Николая Рериха, так и в текстовом пространстве Живой Этики присутствует пространство «иных миров», преображающее телесные складки земных пейзажей в духовно-ментальный «ландшафт Шамбалы».

Литература:

1. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб: РХГИ, 1997.464 с.
2. Ермичев А.А. «Суждения Н.А. Бердяева о «русском культурном ренессансе» и настоящее значение этого термина» / А.А. Ермичев. [Электронный ресурс] − URL : http://xreferat.ru/47/5260-1-suzhdeniya-n-a-berdyaeva-o-russkom-kulturnom-renessanse-i-nastoyashee-znachenie-etogo-termina.html (посл. обращ. 06.06.15).
3. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока [Электронный ресурс] – URL: https://royallib.com/book/said_edvard/orientalizm_zapadnie_kontseptsii_vostoka.html (посл. обращ. 14.11.17).
4. Белый Андрей. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. М., 1917. 344 с.
5. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Сочинения. В 2 т. Т.1. М., 1988. 892 с.
6. Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1975.
7. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела : В 2 т. Т.1. М.: АСТ, 2003. 699 с.
8. Кожевников В.А. Буддизм в сравнении с христианством. Т.1. Петроград: тип-я Меркушева, 1916. 633 с.
9. Рерих Н.К. Избранное. М. : Советская Россия, 1979. 382 с.
10. Аверинцев С.С. Единство общечеловеческого культурного предания как тема поэзии и мысли Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы международной научной конференции 9-11 сентября 2002 г. – Томск – М. : Водолей Publishers, 2003. – С.10.

Проблемы и возможности искусственного интеллекта с точки зрения философии Живой Этики

Фалёв Е.В.

Кафедра истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Доктор философских наук

falev@philos.msu.ru

В докладе рассматриваются основные категории философии Живой Этики, описывающие природу, уровни и способы функционирования сознания и интеллекта – Атма, буддхи, высший манас кама-манас. Уже в самих этих понятиях выражено определённое понимание интеллекта, из которого вытекают прямые следствия в отношении возможностей искусственного интеллекта (ИИ) и границ этих возможностей. Так, «сознание» и «понимание» в принципе не могут быть произведены искусственно, поскольку в их основе лежит принцип Атма, неподвластный человеку и дискурсивно невыразимый. Отличие высшего манаса (разума) от низшего (кама-манаса) состоит в наличии дискурсивного понимания, которое также не может быть воспроизведено искусственно. Область функционирования кама-манаса (рассудка) составляет сферу применимости ИИ, которая может оказаться шире самых смелых современных прогнозов. Тем не менее, даже рассудок в человеческом сознании сохраняет качественное отличие, которое нельзя воспроизвести в ИИ.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, Живая Этика, йога, рассудок, разум, интуиция.

Problems and possibilities of artificial intelligence from the perspective of the Living Ethics' philosophy.

Falev E.V.

Department of the World Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

The paper considers basic categories of the Living Ethics philosophy, describing nature, levels and ways of functioning of consciousness and intellect, namely Atma, Buddhi, Higher Manas and Kama-Manas. These notions express a definite understanding of intellect, which results in certain consequences concerning possibilities of artificial intelligence (AI) and the boundaries of its applicability. Thus, "consciousness" and "awareness" can not even theoretically be artificially produced because they rely upon the principle of Atma, which is totally out of human control and discursive expression. Distinctive feature of Higher Manas comparing to Lower, or Kama-Manas, is developed discursive awareness, which also cannot be technically reproduced. Sphere of Lower Manas' (reason) functioning consists the sphere of AI's applicability, which may prove to be much wider than most optimistic current perspectives. Nevertheless, even reason as realized in human consciousness, bears a distinct quality, which never can be reproduced by AI.

Keywords: artificial intelligence, Living Ethics, yoga, reason, mind, intuition.

Вопрос об искусственном интеллекте (ИИ) давно перешёл из чисто теоретической в практическую плоскость. К возможным сферам применения относятся также военные задачи, что позволяет некоторым экспертам говорить о новой «гонке вооружений» в сфере ИИ, поскольку обладание этой технологией может дать решающее преимущество на поле боя, благодаря использованию роботизированных систем различной степени автономности. На изучение и развитие систем ИИ выделяются значительные ресурсы и ставятся амбициозные задачи. Вместе с тем недостаточная определённость в западных философии, психологии и науках таких базовых понятий как «интеллект», «сознание», «личность», «понимание», «мышление» не позволяет провести чёткие границы между тем, что

1. вполне возможно и реализуемо в сфере ИИ;
2. невозможно при существующем уровне техники и технологий в целом;
3. невозможно при доминирующей научной и философской парадигме;
4. принципиально невозможно.

Сразу следует отметить, что «недостаточная определённость» базовых понятий обусловлена самим типом научного познания в науках Нового времени и неустранима в рамках понятийного

аппарата существующих наук. На ограниченность научного способа образования понятий и вытекающую отсюда ограниченность научного мышления указывали многие философы, начиная с конца XIX века: А. Бергсон, Г. Риккерт, Э. Кассирер, Э. Гуссерль, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, А.Н. Уайтхед (перечисленные начиная с Э. Кассирера философы пришли к таким выводам в поздний период своего творчества, при том, что сами начинали как учёные и исповедовали сциентистское понимание философии). Эта ограниченность в наибольшей мере проявляется именно в понимании жизни, сознания, разума, духа. Поэтому именно в данных областях разумно было бы для западной науки и научной философии обратиться за справкой к философии восточной, в которой вопросы самопознания традиционно занимали гораздо более важное место, чем познание внешнего мира и овладение им.

В частности, для обозначения различных уровней и проявлений интеллекта в индийской философии выработана наиболее полная терминология в рамках древнейшего философского направления *санкхья*. Эти понятия прошли многовековую проверку практикой в традиции *йоги*, которая с начала нашей эры может рассматриваться как «практическая (прикладная) санкхья». Живая Этика, как ранее Теософия Е.П. Блаватской, опираются и развивают терминологию и понятийный аппарат классических санкхьи и йоги, опираясь также на традиции, само существование которых западная наука ставит под сомнение (Тарака раджа йога, эзотерический буддизм). Для простоты далее мы будем говорить о трактовках Живой Этики (ЖЭ).

Самое сложное для западной науки и западного типа мышления в целом – понять и принять трактовку *сознания* в ЖЭ. Трудность состоит в том, что сознание, в конечном счёте, не порождается самим человеком, даже как духом или индивидуальностью, не говоря уже о теле. В основе сознания лежит начало не только сверхличное, но настолько метафизическое, что его невозможно постичь и выразить рационально. Это начало именуется «Атма», абсолютное «Само», принцип субъектности, несводимый ни к какому иному началу или основанию.

«Этот Дух или огненное Начало в человеке есть сияние или Луч Абсолюта, этого истинного, непознаваемого божественного основания всего сущего; это синтез его шести других принципов» [1, с.65].

Иными словами, сознание в собственном смысле слова как «субъективное» измерение любого опыта, есть выражение присутствия Атмы, «божественного» начала, не в том смысле, что оно принадлежит какому-то богу, а в том, что оно является истоком божественности любого бога.

«Сознание» здесь понимается в широком метафизическом смысле, как в эволюционной философии А. Бергсона: «Всё происходит так, как будто в материю проник широкий поток сознания» [2, с.188], здесь «сознание» – по сути синоним «жизненного порыва», так как жизнь есть «сознание, брошенное в материю» [2, с.189].

Из этого с неизбежностью вытекает, что *сознание* в собственном смысле слова в принципе невозможно произвести искусственно. Ибо невозможно искусственно воспроизвести феномен «божественного присутствия». С другой стороны, сознание в этом смысле уже и так присутствует в латентном виде во всей природе, включая и ту, что принято считать «неживой». Поэтому теоретически возможно не «создавать» сознание, но помочь проявиться скрытому и спящему сознанию в материальных объектах. Но для этого требуется другая научная парадигма и другой тип технологического уклада, чем те, что доминируют в настоящее время.

Остальные категории ЖЭ, описывающие феномены и уровни интеллекта, именуются в общем «принципами». Это буддхи, высший манас, кама-манас. (Упоминается также принцип кама-рупа, но его, строго говоря, уже нельзя отнести к проявлениям интеллекта).

Буддхи по своей когнитивной функции ближе всего описывается термином «понимание», прежде всего интуитивное, то есть недискурсивное. В ЖЭ часто используется понятие «чувствознание», которое может показаться сходным с популярным сейчас «эмоциональным интеллектом», но на деле чувствознание является проявлением сверхразумного понимания, то есть прежде всего функцией буддхи, хотя в проявлении этого понимания в сознании могут участвовать и другие принципы.

Высший манас (разум в собственном смысле слова, *nous* Платона, *Vernunft* Канта) – способность «созерцать идеи», или непосредственно постигать (схватывать) смыслы и ценности (Г. Риккерт).

Кама-манас (рассудок, *ratio*, *Verstand* Канта) – способность судить о вещах опыта, внешнего и внутреннего.

Термин «манас» происходит от корня *ман*, который означает «измерять», «оценивать», «судить». Соответственно, низший манас – способность измерять и оценивать предметы опыта, или «опредмеченное содержание» опыта. Высший манас – способность «измерять», или скорее соизмерять, ценности и смыслы, а также соотносить понимание, исходящее от буддхи, с языком понятий рассудка.

Из этого описания очевидно, что ни буддхи (недискурсивное понимание), ни высший манас (дискурсивное понимание) даже теоретически не могут быть произведены искусственно, поскольку «понимание» есть модус сознания, а о нём было сказано выше.

Кама-манас, или рассудок, уже содержит в себе некий механицизм операций, которые после должной тренировки выполняются в целом «бессознательно». Это создаёт возможность большую часть этих операций выполнять при помощи внешних инструментов. Как указывают практики, работающие с ИИ, простейшими формами ИИ уже можно считать счётную доску абаку и календарный и астрономический *антикитерский механизм*. Строго говоря, уже простейшие весы и даже мерную верёвку или отвес уже можно считать «ИИ», так как интеллект передаёт часть «полномочий» для суждения внешним приспособлениям. Здесь есть действительно широкие перспективы, так как сфера применения рассудка в человеческой жизни и практике чрезвычайно широка и может оказаться шире, чем мы сейчас представляем. Уже сейчас ИИ способен создавать музыкальные и поэтические произведения, качество которых со временем будет, несомненно, улучшаться. ИИ действительно имеет перспективу проникнуть во все сферы человеческой жизни, так как она вся основана на деятельности рассудка. Со временем может оказаться, что и в научном (и не только прикладном), и даже в философском мышлении ИИ может производить качественные продукты, сопоставимые с творениями человека. Возможно, нам предстоит осознать, что и научное, и даже философское мышление возможны при полном отсутствии понимания, исключительно за счёт умелого оперирования установленными формами дискурса. Это должно рано или поздно привести (вновь) к осознанию различия между рассудком и разумом и важности понимания, особенно недискурсивного, как в философском, так и в научном мышлении. Создатели или «учителя» ИИ явно или неявно закладывают в ИИ своё понимание, которое может быть ограниченным предрассудками, включая расовые и проч., предубеждениями и т.п. Затем ИИ может в своей деятельности произвести результаты, далеко выходящие за пределы возможностей отдельного человека, в развитии этих предубеждений.

Осталось только отметить, что даже «искусственный рассудок» нельзя назвать «интеллектом» в полном смысле слова, так как в человеческом сознании даже механические операции рассудка выполняются за счёт энергии сознания и являются частью более широкой жизни сознания, а значит, несут в себе, пусть и потенциально, возможность *понимания*, чего в принципе лишён ИИ. Согласно учению ЖЭ, все перечисленные принципы и по своей природе, и по функционированию, являются модусами *сознания* в вышеприведённом смысле. «Так называемые принципы в нас (исключая физическое тело и эфирный двойник, которые рассеиваются после смерти) суть лишь аспекты или состояния нашего сознания. Именно, все подразделения на дух, душу, Манас высший и низший, по существу являются лишь различными качествами одной основной энергии огня, жизни или сознания, самым высоким качеством которой будет психическая энергия» [3, т.II, с.54].

Литература:

1. Егорова М.Н. Схема принципов человека. Высшая триада. // Альманах «Серебряная чаша». 2005. Вып.1. С.60-102.
2. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой; Вступ. ст. И. Блауберг. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. 384 с.
3. Письма Елены Рерих. Тт. I, II. Минск, 1992.

Философия музыки с позиций «Живой Этики»: о соотношении эйдетического бытия и его земного воплощения

Овчинникова Ю.С.

МГУ имени М.В. Ломоносова: Факультет иностранных языков и регионоведения - Кафедра сравнительного изучения национальных литератур и культур, доцент. Кандидат культурологии

julia.barkova@gmail.com

Аннотация: Звуковая перегруженность городского пространства, отсутствие четких ценностных критериев к построению музыкальной составляющей культурной жизни современного общества, необходимость развития в человеке субъектного отношения к окружающим звукам и ритмам, а также к собственному звуковому поведению обусловливают актуальность изучения философии музыки с позиций «Живой Этики». В докладе рассматриваются следующие аспекты обозначенной проблематики: звук как аспект проявления «Тонкого мира»; звук как выражение Иерархии миров; надземные истоки музыкального искусства (музыкальные эйдосы Вселенной как каркас ее звуковой жизни); проблема соотношения эйдетического бытия музыки и ее земного воплощения; ритм как средство гармонизации внутреннего мира, как основа сотрудничества и как способ сонастраивания с надземной реальностью; целебная сила музыкального искусства.

Ключевые слова: философия музыки, метафизика музыки, Живая Этика, музыкальная культурология, экология звука, музыкальный эйдос, надземные истоки музыки.

Philosophy of Music from the Perspective of Living Ethics: correlation between eidetic reality and its earthly evocation.

Ovchinnikova Y.S.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Department of Comparative Literature and Culture

Abstract: Sound overloading of city space, lack of precise axiological criteria for musical part of cultural life of modern society, necessity of authorial attitude to sounds and rhythms around us, also to our own sound behavior determine the actual significance of philosophy of music from the perspective of Living Ethics. In the report the following aspects of regarded problematics are regarded: sound as the aspect of manifestation of the «Subtle World»; sound as the expression of World Hierarchy; supermundane origin of music art (musical eidos of the Universe as a carcass of sound life);the problem of correlation of eidetic being of music and its earthly evocation; rhythm as means of harmonization of inner world, as the foundation for cooperation and as a method of co-tuning with supermundane reality; healing power of music art.

Keywords: music philosophy, metaphysics of music, Living Ethics, music culture studies, sound ecology, musical eidos, supermundane origin of music.

Одна из ключевых проблем современной цивилизации – акустическая перегруженность городского пространства. По данным Всемирной организации здравоохранения, шум занимает второе место после загрязнения воздуха, что во всем мире составляет около 70-75% от общего уровня загрязнения окружающей среды [1]. Повсеместное использование завышенных громкостей и искаженных частот, агрессивное воздействие звуко-музыкальных формул и ритмов ведет к утомлению и раздражительности, к нарушениям сна, к снижению порога звуковой чувствительности и мутации звуко-резонансных систем организма. Сегодня повсеместно, даже у многих профессионалов в сфере культуры, не актуализировано субъектное отношение к слышимым звукам и ритмам, к собственному звуковому поведению. Отсутствие четких ценностных критериев к выбору музыки, благоприятно или разрушительно влияющей на наше физическое и психическое здоровье, приводит к тому, что в организации концертов все направления, жанры и явления музыкального творчества рассматриваются как равнозначные составляющие индустрии развлечений. Все эти вызовы обусловливают актуальность изучения философии музыки с позиций «Живой Этики». Синтезируя идеи русской религиозной философии, а также восточных и западных религиозно-философских учений, «Живая Этика» подробно раскрывает метафизику музыки, соотношение ее эйдетического бытия и земного воплощения, проблему звуко-музыкальной экологии, роль музыки, звука и ритма в духовном развитии человека и целый ряд других проблем. Остановимся кратко на некоторых из них.

1. Звук как аспект проявления «Тонкого мира». Все на Земле и во Вселенной имеет свое звуковое бытие, которое далеко не всегда может быть распознаваемо с помощью обычного слуха: «Нужно различать Тишину живую, полную созвучий надземных, и тишину мертвую, когда пресечены провода Высших Миров… Нужно прислушиваться к начальным звучаниям. Иногда они наполняют пространство, как струна звучащая; иногда они подобны хорам многоголосым; иногда они схожи с величественной симфонией…; так можно воспринимать Музыку Сфер. Каждое мгновение пространство звучит особым ритмом» («Надземное», шл. 924 [2, с. 1164]). Любое явление земной и космической жизни предстает в виде семи граней, среди которых звуку отдается первое место: «…Звук несёт в себе семеричный аспект вещи единой. Первое – звук, второе – цвет, третье – запах, четвёртое – магнитную волну. Три прочих аспекта постичь человечеству вашей планеты ещё не дано… Звук, порождённый в пространстве, не исчезает, но остаётся в нём навсегда в виде звуковых отпечатков в Акаше («Грани Агни Йоги», 1957 г., шл. 543 [3]).
2. Звук как выражение Иерархии миров. Ключевые идеи «Живой Этики» – это признание наличия духовной Иерархии в Космосе, бесконечная эволюция вселенной и вечное совершенствование человека. Каждый мир (сфера Вселенной), как и все его составляющие, имеет свое звуковое выражение: «Диссонанс слышнее консонанса. Когда прислушаться к низшей надземной сфере, можно поразиться мучительными стонами, воплями и криками ужаса. После стенаний следующие сферы кажутся молчаливыми, но это впечатление относительно. Музыка сфер величественна, но она не раздирает нервных центров» («Братство», шл. 480 [4, с. 526]). Звуковое пространство мира имеет разные уровни своего бытия: плотный (физический), астральный, ментальный и высшие духовные сферы. Человек на каждом этапе своего духовного развития может находиться в резонансе с той или иной сферой и воспроизводить в своем музыкальном творчестве ее содержание.
3. Надземные истоки музыкального искусства: музыкальные эйдосы Вселенной как каркас ее звуковой жизни. Что может объединять все звуко-музыкальные проявления разных миров? «Живая Этика» раскрывает надземные истоки музыкального искусства, нисходящие в мир через неповторимую индивидуальность композитора (музыканта), через его внутренний опыт и переживания. По Платону, речь идет о мире идей (в данном случае о музыкальных эйдосах) как духоматериальной, энергоинформационнаой субстанции мироздания, как некоем каркасе, обеспечивающем устойчивость всех структур бытия в мироздании [5, с. 174]. Эту мысль развивает А.Ф. Лосев в своей классической работе «Музыка как предмет логики» [6], выявляя пространственную природу музыки, согласно которой исполнение произведения во времени есть в онтологическом смысле земное разворачивание его надземного пространственного эйдоса через более грубые стихии. Великие композиторы и люди с развитыми метафизическими способностями могут слышать звучание Высших миров («музыки сфер») и воплощать их с помощью земных средств.
4. Земное воплощение музыкальных эйдосов Вселенной: от грубого искажения к чистоте воплощения. Как музыкальный эйдос, низведенный на землю, становится разрушительным? А.Ф. Лосев отмечает: так как эйдос погружен в вечное становление, на уровне земного бытия он может быть как добрым, так и злым – «в случае своего несовершенного осуществления в своем неэйдетическом инобытии» [7, с. 813]. Там же он конкретизирует: «…безобразие уродливого лица не есть порождение злой души… Ни душа не есть зло, ни эйдос не есть зло, ни материя не есть зло. А зло возникает только как результат отсутствия их взаимосоответствия, как их несоразмерное сочетание» [7, с. 815]. Не случайно в Живой Этике человек уподобляется музыкальному инструменту: когда он настроен, то вся исполненная музыка явит гармонию. В другом случае, сколько бы прекрасных идей человек ни стремился воплотить в своем творчестве (и в жизни в целом), все его действия будут осуществляться на неотлаженном инструменте: «Люди не помыслят, что расстроенный человек подобен расстроенному струнному инструменту. В таком состоянии он не годен для творческого труда... Нужно придать струнам созвучие, и кто-то должен это сделать с пониманием музыкального знания» («Надземное», шл. 771 [2, с. 1085]).

5. Ритм как средство гармонизации внутреннего мира, как основа сотрудничества и как способ сонастраивания с надземной реальностью. Сказано: «Чем вырабатывается лучший ритм? Чем побеждается червь уныния? – Трудом» («Надземное», шл. 102 [2, с. 632]). Не случайно в традиционной культуре труд, связанный с определенным типом хозяйствования, приобретал сакральный смысл. Так, для «индийских фермеров, ткачей или мастеров… плуг, ткацкий станок и другие орудия труда являются сакральными. Они несут послание, которое утверждает высшую цель жизни и труда. Для Ганди, колесо прялки стало не только средством экономического подъема бедноты, но также средством очищения внутреннего мира человека и воссоединения его с Творцом» [8, с. 166]. И сегодня на Русском Севере практика ежедневных маленьких дел помогает местным жителям преодолевать жизненные трудности. Показательна динамика внутреннего состояния и речевого поведения во время работы: от обсценной лексики, аутоагрессии, конфликтогенности к постепенному переходу к гармоничной речи и обретению жизненно важных смыслов [9]. Помимо исцеляющей роли ритма, в «Живой Этике» говорится о нем как средстве кооперации: «Ритм есть породитель сотрудничества. От глубокой древности люди уже понимали значение ритмических хоров, музыкальных движений…. Аритмичность есть разъединение, но грубый ритм есть отупение. Так лишь огненное сознание подскажет утонченность ритма…» («Мир огненный», ч. 2, шл. 17 [2, с. 12]). Кроме того, ритм является важным способом сонастраивания с надземной реальностью: «Люди ищут общения с Нами, но первым ключом будет осознание внутреннего ритма. Можно глухим ухом слышать лучшую музыку и пение, и в сердце ничто не отзвучит, но чуткое сердце затрепещет в ритм гармонии. И лучше, и мужественнее, и сильнее станет тогда человек, и сделается он достойным сотрудником земного и надземного, и познает радость» («Надземное», шл. 605 [2, с. 605]).

Если в человеке развивается музыкальное распознавание, оно способствует внутреннему росту, помогает прийти к гармонии с собой с Миром, к красоте воплощения главных жизненных замыслов и стремлений. Сегодня эти идеи, пропущенные через индивидуальный творческий опыт, могут помочь современному человечеству преодолеть многие проблемы, возродив Музыку как искусство духовного исцеления и обновления.

Литература:

1. Европейское руководство по контролю ночного шума / Пер. с англ. – Копенгаген: Всемирная организация здравоохранения, 2014. 207 с.
2. Агни Йога. Учение Живой Этики. Т. 2. М.: Эксмо, 2006. 1184 с.
3. Абрамов, Б.Н. Грани Агни Йоги. Новосибирск: Алгим, 2008. 560 с.
4. Агни Йога. Учение Живой Этики. Т. 1. М.: Эксмо, 2006. 1184 с.
5. Иванов, А.В., Фотиева, И.В., Шишин, М.Ю. Человек восходящий: философский синтез «Живой Этики». Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. 512 с.
6. Лосев, А.Ф. Музыка как предмет логики. – М.: Академический проект, 2012. – 205 с.
7. Лосев, А.Ф. Материя и ее художественный смысл // История античной эстетики. Поздний эллинизм. Т. VI. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 960 с. С. 812-820.
8. Kulkarni, Sudheendra. Music of the Spinning Wheel. Mahatma Gandhi's Manifesto for the Internet Age. New Dehli: Armaryllis, 2012. – 725 p.
9. Ткаченко, Н.В. Творчество жизни тестоидов (полевые заметки психолога во время экспедиции в село Лядины Каргопольского края) // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенковские чтения. Выпуск 8 : Материалы VIII Международной научной конференции: сб. статей.– М.: Наука, 2019. – С. 115-120.

Освоение космического пространства как парадигма учения живой этики

Колганов С.В.

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), доцент. Кандидат философских наук

s_kolganov@list.ru

Аннотация: Относящаяся к традиции русского космизма, учение Живой Этики - это попытка радикально по-новому взглянуть на назначение человека в мире, поставить перед ним ранее немыслимый идеал и предложить действенные методы его воплощения. Являясь синтезом восточной и западной философии, она априори исходит из безграничной возможности проявления человеческого потенциала, который в ближайшем будущем должен превозмочь материально-природные границы нашего существования. Отсюда выдвинутая в Живой Этике идея овладения природой, освоения космоса и управления космическими процессами. Человек должен стать орудием обратного воздействия на породившую его природу для ее преображения и одухотворения.

Ключевые слова: русский космизм, живая этика, космическая философия, космизация науки, астрономия, освоение космоса, космические энергии.

Space Exploration as a Paradigm of the Teaching of Living Ethics.

Kolganov V.S.

Moscow Aviation Institute

Abstract: Belonging to the tradition of Russian cosmism, the teaching of Living Ethics is an attempt to radically take a fresh look at the purpose of man in the world, to put before him an unthinkable ideal and suggest effective methods for its embodiment. Being a synthesis of eastern and western philosophy, it a priori proceeds from the limitless possibility of manifestation of human potential, which in the near future should overcome the material and natural boundaries of our existence. Hence the idea put forward in Living Ethics to master nature, space exploration and control of space processes. A person should become a tool of the reverse effect on the nature that gave rise to it for its transformation and spiritualization.

Keywords: Russian cosmism, living ethics, cosmic philosophy, cosmos science, astronomy, space exploration, cosmic energies.

В конце 80-х годов прошлого века в СССР, сначала в журнальном варианте, увидел свет главный труд Е.И. и Н.К. Рерихов «Живая Этика». Издание вызвало живой отклик и приобрело многочисленных поклонников. Некоторые увидели в самом факте издания этого произведения радикальный отход от доминировавшей в течение 70 лет материалистической философии что породило у многих читателей откровенно апологетическое и некритическое отношение. В то же время апологетика забытых страниц русской философии, как отмечал российский философ, академик И.Т.Фролов, - не лучший инструмент познания, поиска истины.

Реалистическим, естественнонаучным фундаментом ориентации на отмену стихийно-природного типа существования человека для Живой Этики была идея восходящего характера эволюции, представление человека как разума природы, ответственного за ее дальнейшее развитие. Путь к этому лежит через исследование Космоса как средствами науки, так и посредством изменения самого человеческого организма. Философия Живой Этики исходит из предположения, что в процессе освоения Космоса должен меняться сам физический организм человека. Эта философия не уделяет большого внимания искусственным аппаратам, которые расширяют способности и возможности человека, продолжают его собственные органы и дают органы новые (микроскопы и телескопы, машины и приборы, самолеты и космические корабли и т.д.), а намечает грядущую перестройку человека, рассматриваемую как коренное преображение самого организма человека и его связей с окружающей средой.

Человек не может стать космическим существом, сохранив теперешний тип жизнедеятельности, принципиально ограниченный. Эта философия не рассматривает естественную эволюцию, лишенной внутренней закономерности, но утверждает ее решающий фактор в форме восхождения человеческого сознания в мире, заключая, что необходимость сознательного управления эволюцией, преобразования всей природы исходит из глубинных потребностей разума и нравственного чувства человека.

Рерихи призывают к космизации науки - к объединению в будущем всех наук вокруг астрономии. Синтез наук вокруг астрономии в космическом масштабе провозглашен в поздней работе Е.И.Рерих «У порога Нового Мира», где прогнозируется появление новых отраслей знания: «Астрономия, Астрофизика, Астрохимия, Астрофизиология уявятся новыми науками» [1, с.262]. Освоение Космоса в Живой Этике – принципиально новая ступень эволюции, сознательно-волевое действие, осуществляемое человечеством через овладение природой в противоположность ее эксплуатации, переустройство самого организма человека на более тонкой основе, управление космическими процессами. Основной целью освоения Космоса провозглашается установление сотрудничества с «дальними мирами» и в этом человеку помогут новые источники энергии и овладение энергией Огня.

Как отмечает исследователь русского космизма К.Х.Хайруллин: «Агни Йога (Живая Этика) в своем онтологическом плане – это панорама божественной, духовной и психической космической жизни. В ней живой Космос переполнен всевозможными психическим зернами, огнями, энергиями, магнитами…» [2, с.42]. Предметом исследований становятся все, лабораторией становится весь мир, физика и психика человека. Авторы «Живой Этики» уверены, что только одушевленная великой идеей практика и созидательная деятельность приведет к радикальному преобразованию жизни человечества, к познанию мира в целом и его бесконечных возможностей.

В работах, посвященных творчеству семьи Рерихов, отчетливо показано, что их представление о человеке и его предназначении прямо встраиваются в традицию русского космизма. Необходимая основа Учения – превознесение уникального значения человека. В христианстве Земля - центр Вселенной, а человек - центр всего земного. Христианская геоцентрическая концепция в философии Рерихов получает «антропокосмическое» звучание. Все планеты Солнечной системы в прошлом или будущем многочисленные земли, впрочем, особенно часто упоминаются два небесных тела: Уран и Луна [3]. В этом смысле не может быть и речи о центральном положении Земли по отношению к другим космическим телам. Но поскольку на Земле возникли жизнь и сознание, а человек – это мыслящее космическое существо, которому принадлежит роль преобразователя всего мироздания, постольку в силу огромного потенциала он может быть фокусом энергий нашей Вселенной. Для заселения Космоса и управления им предполагается огненное преображение самого человеческого существа.

Творчество Рерихов тесно соприкасалось с духовными исканиями В.С.Соловьева, Н.Ф.Федорова, К.Э.Циолковского и других философов и ученых, обращавшихся к тематике космического предназначения человека и смысла его жизни. В XX в. видение космогонического процесса как направленного было ясно выражено у Тейяра де Шардена и у В.И.Вернадского, для которых траектория эволюции четко проявляется. В обоих случаях выражается вера во внутренний разум самого мирового эволюционного процесса, который надо познать и ему следовать. Согласно этим мыслителям, мир должен иметь начало, быть направленным или получить сознательное направление, стремясь к некоей совершенной точке, которая испустит лучи нового бытия. Все средства, включая науку, должны быть подчинены некоторой конечной цели, знанию того, что должно быть. В философском синтезе Рерихов обосновывается новый, космический взгляд на человека. Человек в нем - землянин, т.е. далеко еще несовершенный, но великий и уникальный образ сознательного, духовно-материального, космического существа.

В философии Рерихов основательно рассматривается неизбежность освоения человечеством Космоса, ущербность ограничения освоения Космоса лишь пределами Земли, зависящей от всей Вселенной, которая также нестабилена. В бесконечных космических просторах разместятся поколения жителей Земли. Человек должен сделаться их обитателем и охранителем. При истощении земных ресурсов, умножении численности населения, космической катастрофе – это единственная возможность для спасения человечества. Это характерно для всей традиции русского космизма ярко выраженной в словах его основоположника Н.Ф.Федорова: «Ограниченность в пространстве препятствует действию разумных существ на все миры Вселенной, а ограниченность во времени – смертность – одновременному действию поколений разумных существ на всю Вселенную» [4, с.85].

Развитие техники и технологий – это важное, но не главное направления развития человечества.

Вообще, для философии Рерихов характерно обращение к некоторым естественнонаучным понятиям: вибрация и пульсация; магниты и токи; напряжение; цепи и провода и т.п. Но вместе с тем необходимо развитие радикально иного уровня - духовного преображения человеческого тела (так, чтобы человек получил возможность мысленных воздействий и проявлений чувств, независящих от расстояний). Это должно стать задачей психофизиологического освоение Космоса - «органического» прогресса. Человеческий опыт должен расширяется: сначала Земля, затем солнечная система, дальние миры и Вселенная.

В монографии «Философия космизма в России рубежа XIX-XX веков» В.Н.Дуденков, пытаясь оценить актуальность тех богатств, которыми с нами щедро поделились поколения русских космистов, вопрошает: «Изучение безграничных таинственных кладовых человеческого духа с использованием данных религии, философии, конкретных наук, постановка вопроса о выработке общефилософского языка, стремление примерить, а точнее, сочетать научные истины с мистическими прозрениями, построить целостное миросозерцание, апеллируя прежде всего к «духовному гнозису», «бездне человека» и «бездне космоса», без обиняков решать вечные вопросы человеческого бытия – разве можно быть в стороне от этих вопросов, разве они не общеинтересны, не привлекательны?» [5, с.124].

В Живой Этике человечество также выполняет некий внутренний план разворачивания мировых судеб. Возникновение сознания – как и жизни – не могло быть случайным процессом, но именно человечество должно поставить себе главной задачей внесение высшего смысла в мир, переделку его согласно доступным для человека энергиям и этико-космическим категориям. Это волевой выбор человечества, решившего изменить ход вещей. С человека начинается поворот к сознательно планируемой и осуществляемой целесообразности. Такая свобода действий налагает и колоссальную ответственность. Само общество со всеми его успехами и культурно-трудовыми достижениями может погибнуть от земной или космической катастрофы. Хаосу, возможности распада во Вселенной или части ее, противостоит тенденция к усилению порядка, организации, связанной с зонами жизни и сознания.

Литература:

1. Елена Рерих. У порога Нового Мира. М.: МЦР, 2000. 464 с.
2. Хайруллин К.Х. Философия космизма. Казань: Изд-во «Дом печати», 2003. 370 с.
3. Агни-Йога. Живая этика. Полное собрание в 5 томах. М.: «Рипол Классик», 2008.
4. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том II. М.: «Прогресс», 1995. 544 с.
5. Дуденков В.Н. Философия космизма в России рубежа XIX-XX веков. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного технологического института, 1998. 280 с.

Онтология «Живой этики» в контексте современного естествознания

Фотиева И.В.

Алтайский государственный университет, доктор философских наук

Аннотация. Рассматривается одна из базовых онтологических идей учения «Живой этики» о единой идеально-материальной реальности. С позиций данного учения идеальное, в противовес доминирующим в западной философии представлениям, полагается имеющим пространственно-временные атрибуты, то есть существующим в том же смысле, что и физическая реальность, но на ином онтологическом уровне. Отмечается, что эта идея, близкая, в первую очередь, древнекитайской философии, в данном учении получила принципиально новое развитие. Это позволяет на ее основе интерпретировать достижения современной естественнонаучной мысли, особенно физики микромира и космологии; наметить пути решения целого ряды традиционных и новых научных и философских проблем, в частности, проблемы сознания и его взаимодействия с миром, а также снять жесткое противостояние материалистической и идеалистической парадигм.

Ключевые слова: онтология, идеальная реальность, ментальное, проблемы сознания, «Живая этика».

Ontology of Lining Ethics in the Context of Modern Natural Science.

Fotieva I.V.

Altai State University

Abstract: One of the basic ontological ideas of the Living Ethics teaching about a single ideal- material reality is considered. From the standpoint of this doctrine, the ideal reality, in contrast to the dominant ideas in Western philosophy, is supposed to have spatio-temporal attributes, that is, the ideal reality exist in the same sense as physical reality, but at a different ontological level. It is noted that this idea, which is close, first of all, to ancient Chinese philosophy, received a fundamentally new development in this teaching. This allows on its basis to interpret the achievements of modern science, especially physics of the micro-world and cosmology; outline ways to solve a whole series of traditional and new scientific and philosophical problems, in particular, the problems of consciousness and its interaction with the world, as well as remove the tough opposition of the materialistic and idealistic paradigms.

Keywords: ontology, ideal reality, mental, problems of consciousness, “Living Ethics”.

Учение «Живой этики» принято относить к религиозно-философским[i], противопоставляя материалистической научной мысли. Но доминирование узко-материалистической парадигмы, на наш взгляд, подходит к концу, причем, во многом благодаря той же науке. Поэтому «Живая этика» все явственнее обнаруживает не только свою практическую ценность в качестве нравственного ориентира в ситуации ценностного и морального хаоса, но и теоретическую значимость.

Начнем с того, что традиционная материалистическая позиция сегодня сталкивается со все большими трудностями. Отметим несколько показательных тенденций.

Первая связана с выходом исследований в микро- и мегамир, что повлекло постепенный «уход со сцены» понятия материи и замену его предельно широким понятием реальности**.** Так, на уровне микромира мы видим, по сути, тождество материи и энергии. Вакуум и элементарные частицы демонстрируют свою «бесплотно»-энергийную сущность, а сама энергия из «меры взаимодействия» незаметно превратилась в некую субстанцию, возрождая на новом уровне направление энергетизма, критикуемое как раз за идеализм. Показательна и растущая неразличимость математических и физических интерпретаций наблюдаемых явлений. Здесь обнаруживает себя «непостижимая эффективность математики», по известному выражению Е. Вигнера: «…мы поистине извлекли из уравнений нечто такое, что в них не закладывали» [1, с.542]. Вигнер называет данные ситуации «чудом», и это говорит о том, что математика — отнюдь не просто удобный способ упорядочивания эмпирических данных, изобретенный человеком.

i если не к «эзотерическим», что на наш взгляд, совершенно не отражает его сути в силу предельной размытости и неопределенности самого термина «эзотерика», применяемого к совершенно различным сферам.

При этом, хотя главными критериями реального существования принято считать бытие в пространстве и времени и проявление в экспериментах, но эти критерии отнюдь не требуют принятия традиционной материалистической парадигмы, к чему мы далее вернемся. И не случайно многие ведущие физики и математики склонялись к платонизму. Общеизвестны такие имена, как В. Гейзенберг, Дж. Джинс, Ф. Капра, Д. Бом и др., в последние же десятилетия данная тенденция лишь усиливается. Так, В.В. Казютинский, развивая идеи Пенроуза, говорил о необходимости расширить рамки значения слова «существование», включив в него, в частности, математические формы, и отмечал: «Физика оперирует понятием степеней реальности, введенным в философии много веков назад… элементарные частицы реальны, но не в той же степени, что и макроскопические предметы. В итоге физика и космология говорят о таких степенях реальности, как действительность, потенциальная и виртуальная реальности» [2].

Вторая тенденция связана с растущим интересом к проблемам сознания. Не останавливаясь на этой обширной теме, отметим лишь все чаще встречающееся в научной и философской литературе «оправдание» панпсихизма. Напомним, что идеи панпсихизма никогда не уходили из философии; достаточно вспомнить имена У. Джемса, А. Бергсона, А Уайтхеда, отчасти А. Эддингтона и Б. Рассела, не говоря уж о восточной мысли; и сегодня многие авторы (Ф. Гофф, Г. Мэтлофф и др.) разрабатывают аргументацию в пользу концепции панпсихизма. К ней приближается и современная гносеология, в частности, в лице Д. Чалмерса и его сторонников. В экспериментальном плане стоит отметить достижения в сфере управления компьютером с помощью мысли. Как известно, оно осуществляется с помощью усиливаемого приборами электромагнитного излучения мозга. Но на память приходит феномен, описанный еще в известной работе А.П. Дуброва и В.Н. Пушкина «Парапсихология и современное естествознание» [3]. Речь идет о выступлениях индийских факиров, когда толпа видит лестницу в небо и взбирающегося по ней мальчика. На фотоснимках, конечно, ничего не фиксируется, но авторы отмечают, что за этим внешним развенчанием фокуса стоит более серьезная проблема: как возможно (с помощью, конечно, соответствующих психопрактик) осуществлять трансляцию сложнейшего мыслеобраза огромному числу людей? Электромагнитное излучение мозга для этого слишком слабо, а это означает наличие неких надфизических его компонентов. То есть «идеальная» человеческая мысль обнаруживает свою «материальность» и наоборот. К этому же выводу подводит факт воздействия ментального на физическое, мысли на процессы, происходящие в мозге. Продолжая логику рассуждений, приходим к выводу, что жесткое разделение на материальное и идеальное становится условным, чисто методологическим.

И, наконец, вспомним старую проблему упорядоченности, «разумности» мироздания. Вряд ли объяснением может служить гипотеза мультиверса, не проверяемая эмпирически. Авторы-материалисты прибегают к редукционистскому объяснению: иерархически более высокие, сложные системы, по их мнению, детерминированы закономерностями, действующими на нижних уровнях, начиная с микромира. Но как объяснить тот факт, что закономерности и свойства «первокирпичиков» именно таковы, что на их основе могут возникать сложнейшие структуры? «Соответственно этой логике общие тенденции, заложенные в элементарных частицах, определяют характер и направление самоорганизации материи… Осечка связана с тем, что согласно логике этого рассуждения сами элементарные образования должны быть чем-то детерминированы» [4, с.17]. Показательна здесь позиция И. Пригожина. Критикуя механистический редукционизм, он напоминает, что последний сталкивается со справедливым возражением: кто построил машину, автомат, подчиняющийся внешней целесообразности? Но пытаясь далее объяснить упорядоченность мира, он пишет: «Жизнь… предстает перед нами как высшее проявление происходящих в природе процессов самоорганизации… Коль скоро условия для самоорганизации выполнены, жизнь становится столь же предсказуемой, как неустойчивость Бенара или падение свободно брошенного камня» [5]. Напрашивается аналогичный вопрос: кто создал начальные условия, при которых стала возможной самоорганизация материи? Более того, самоорганизация и означает, что материи имманентно присуще некое упорядочивающее — то есть идеальное, «программное» — начало.

Можно ли примирить материалистическое и идеалистическое мировоззрения? На самом деле монодуалистические идеи имеют давнюю историю, но в «Живой этике» они были существенно развиты. Здесь речь идет о субстанциально едином устройстве Космоса: многоуровневой идеально-материальной реальности. Реальность предстает не в привычном виде «чисто материального» и «чисто идеального» аспектов, когда последний оказывается лишенным всех материальных атрибутов; при этом, как известно, встает проблема его взаимодействия с материальным. Но согласно «Живой этике» то, что мы считаем идеальным (или надфизическим), обладает своими специфическими энергийно-информационными и пространственно-временными характеристиками и существует в том же смысле, что и физическая реальность, но на ином онтологическом уровне. При этом идеальное/надфизическое выполняет организующую и структурирующую функцию по отношению к материальному/физическому. Последнее, как известно, — давняя философская идея, но «материальность идеального» прямо утверждается, пожалуй,

мания китайского мировоззрения, как ци... Это слово переводилось на русский язык и как “дух”, и как “материя”… Ван Чун (I в. н.э.), рассуждая о природе ци, привел пример, который можно считать классическим: подобно тому как лед при нагревании превращается в воду, а вода — в пар, так и ци, сгущаясь, становится веществом, а истончаясь — духом… Утонченное, разряженное ци — дух, сгустившееся — вещество… И самый неотесанный и бездушный камень как бы чреват одухотворенностью…» [6, с.48].

Но это означает, что надфизическая реальность должна быть доступна наблюдению и исследованию. С позиции «Живой этики» это так и есть. Прежде всего, в силу единства реальности должны существовать промежуточные под-уровни, которые фиксируются особо чувствительными приборами (можно предположить, что это как раз уровень микромира). Более того, при каких-то комбинациях благоприятных условий объекты надфизической реальности становятся наблюдаемыми, — что и отмечалось во всей истории как «необъяснимое явление», «чудо» и что отрицалось наукой именно в силу их неповторяемости.

Но полноценное исследование этой онтологически более высокой реальности требует онтологического соответствия ей самого человека. В «Живой этике» в связи с этим говорится о развитии сознания, раскрытии его практически безграничного потенциала в познавательном, творческом и нравственном аспектах. Кратко отметим два момента. Во-первых, эти аспекты, согласно учению, неразрывно связаны, и “ordo amoris” прямо влияет на познавательный процесс; таким образом, здесь получила развитие сократовская идея взаимосвязи моральных установок и подлинного знания. Во-вторых, согласно «Живой этике», развитие сознания эволюционно предзадано, но оно идет «автоматически» лишь на низших ступенях. Человек же, обладающий разумом и свободной волей, должен сознательно осуществить актуализацию потенциала сознания, которая, по сути, и была целью древних практик.

В результате человек овладевает надфизической реальностью. Это означает следующее. На привычном нам физическом уровне главным «прибором» исследований, в конечном счете, является наше сознание, фиксирующее окружающие явления и показания приборов. При этом предполагается единство наших познавательных механизмов, что и позволяет одинаково фиксировать наблюдаемое. Соответственно, согласно «Живой этике», итогом сложной практики духовного саморазвития становится «сверх-сознание», онтологически связанное с надфизическим уровнем реальности. Оно, в свою очередь, становится главным «прибором»; причем на определенном эволюционном этапе новые познавательные механизмы также будут едиными для всех, что обусловит единство восприятия. Внешние приборы будут иметь иные функции – усиления возможностей самого сознания. Но сегодня, на переходном эволюционном этапе, лишь отдельные индивиды обладают зачатками этого нового уровня сознания, проявления которого под разными именами фигурировали в истории: мистический опыт, религиозный опыт, трансперсональный опыт и пр. В силу того, что эти познавательные механизмы развиты лишь у отдельных людей и в разной степени (что, естественно, приводит к существенным различиям данных опыта), они неправомерно подвергались сомнению и отрицанию.

Таким образом, предлагаемая «Живой этикой» монодуалистическая онтология, как легко видеть, позволяет наметить пути решения многих давних и новых проблем. И, как уже сказано, не случайно близкие идеи сегодня все активнее входят в научную и философскую мысль.

Литература:

1. Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках. // Успехи физических наук. 1968. Т. 94. Вып. 3. С. 535-546.
2. Казютинский В.В. Космология, теория, реальность [Электронный ресурс] // Современная космология: философские горизонты. М.: изд-во ИФ РАН. Режим доступа: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/44387/ogl.shtml (15.11.19).
3. Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М.: Соваминко, 1989. 280 с.
4. Егоров В.С. Философия открытого мира. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002. 320 с.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
6. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб: Азбука-классика, 2007. 480 с.

Реализации политики памяти российским музейным сообществом в годовщину 75-летия Победы

Белов С.И.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры российской политики факультета политологии; Институт философии РАН, докторант. Кандидат исторических наук

Belov2006s@yandex.ru

Аннотация: Победа в Великой Отечественной войне является главным, а по некоторым экспертным оценкам – единственным, общим основанием для выстраивания национально-государственной идентичности в современной Российской Федерации. Именно поэтому власти уделяют столь большое внимание конструированию героических страниц войны 1941-1945 гг. Формирование представлений о прошлом осуществляется нет только через СМИ, систему образования, сеть общественных и общественно-государственных организаций, блогосферу, систему кинопроизводства, но и через музеи, мемориальные комплексы. Но по мере удаления от событий Второй мировой войны всё сложнее становится объяснять значимость Победы. Для современных молодых людей события Первой и Второй мировых войн, Отечественной войны – «равноудалены». В 2020 году военно-историческим музеям России предстоит предложить свои варианты привлечения посетителей и формирования национально-государственной идентичности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, герои, политика памяти, национально-государственная идентичность, Музей Победы.

The implementation of the policy of memory of the Russian museum community on the anniversary 75th anniversary of the Victory.

Belov S.I.

Lomonosov Moscow State University: Political Science Department - Russian Politics Program; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: Victory in the Great Patriotic War is the main, and according to some expert estimates, the only, common ground for building a national-state identity in the modern Russian Federation. That is why the authorities pay so much attention to the construction of the heroic pages of the war of 1941-1945. The formation of ideas about the past is carried out not only through the media, the education system, the network of public and public-governmental organizations, the blogosphere, the film production system, but also through museums and memorial complexes. But as you move away from the events of World War II, it becomes increasingly difficult to explain the significance of the Victory. For modern young people, the events of the First and Second World Wars and World War II are “equidistant”. In 2020, the Russian military historical museums will have to offer their own options for attracting visitors and creating a national-state identity.

Keywords: World War II, World War II, heroes, politics of memory, national-state identity, Victory Museum.

Восьмого июля 2018 года Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал указ о проведении в России Года памяти и славы. «В целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов постановляю провести в 2020 году в Российской Федерации Год памяти и славы», - говорится в тексте указа. Организацию мероприятий в рамках этого года Президент возложил на Российский организационный комитет «Победа», а координировать работу будет руководитель администрации Кремля Антон Вайно.

Правительству поручено в месячный срок обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по проведению Года памяти и славы. Органам исполнительной власти в регионах рекомендовано осуществлять необходимые мероприятия в рамках его проведения [1].

Казалось бы, всё максимально четко и ясно, но в то же время остаются не решенными вопросы: «Память о чем? (о ком)?», «Слава чья?». На эти вопросы в рамках своей текущей работы музеи и другие акторы политики памяти должны самостоятельно дать ответ или, что было бы идеально – прийти к общему пониманию ответов на поставленные вопросы.

Следует подчеркнуть, что Великая Отечественная война (Вторая мировая война) имеет особое значение для граждан большинства стран, вовлеченных когда-то в этот конфликт. С одной стороны, сказываются масштабы трагедии, пережитой их народами. С другой стороны, свою роль играет специфика исторической памяти. В отличие от прочих травмирующих (или «триумфальных») исторических сюжетов аналогичного масштаба, Великая Отечественная война многими нашими современниками воспринимается как лично значимое событие. Они имеют (или имели) возможность лично общаться с родственниками – очевидцами событий. Включая тех, кто мог наблюдать их, будучи детьми. Опыт личного общения подразумевает повышенный уровень эмпатии, сопереживания. В результате трагедия Второй мировой войны переживается более остро, чем драматические эпизоды более раннего периода.

При организации новых экскурсий, выставок, интерактивных программ, конференций, круглых столов, музеям нужно показать нечто новое, уникальное, используя для демонстрации контента современные технологии [2]. Только так удастся привлечь на свои площадки посетителей, за которых, как уже отмечалось, конкурируют все акторы, реализующие политику памяти. Всё это в условиях ограниченных финансовых возможностей крайне трудно реализовать [3].

Для решения поставленных задач музеям России нужно оперативно выполнить несколько задач.

Во-первых, включить в пантеон героев своих выставок и экскурсий тружеников тыла, т.к. возникает закономерный вопрос: «Если война длилась 1 418 дней, в войска было мобилизовано около 34,5 миллионов человек, а в июне 1941 года в СССР проживало порядка 190 миллионов, то, что делали в военные годы те, кто не был мобилизован, т.е. что делали для победы 155,5 миллионов граждан?». Не у всех наших современников родственники воевали на полях сражений, большинство - ковали Победу в тылу, а актуализация памяти у наших современников должна быть выстроена на отсылках к семейной истории.

Естественно, что сделать это быстро будет сложно. Люди уже привыкли к тому, что в годы Великой Отечественной войны подвиг, как правило, совершает военнослужащий. В этом случае музеям нужно сделать акцент на тех героях, которые отличились как на передовой, так и в тылу врага. К таким людям можно отнести Кирилла Прокофьевича Орловского. В годы войны он стал Героем Советского Союза за результативное руководство партизанским отрядом, а за работу по восстановлению государственного хозяйства после тяжелого ранения он получил звание Героя Социалистического Труда.

Если удастся в одном лице показать героя фронта и тыла, то после этого можно будет перейти к демонстрации просто героев тыла, можно будет показать и вклад национальных республик, труд детей и подростков, подвиг матерей-героинь. Только так можно будет внедрить в умы масс представления о гражданских подвигах в годы войны и закрепить позитивную ассоциацию со своими предками, которые ковали победу в тылу.

Во-вторых, необходимо выбрать генеральную линию (линии) повествования, как например это было продемонстрировано в 2018 году. В этот год страна отмечала 75-летие разгрома нацистов под Курском и, конечно, нельзя было обойти вниманием подвиг танкистов, которые решили исход сражения на Прохоровском поле. Во всех военно-исторических музеях прошли конференции и круглые столы, посвященные Курской битве, были открыты временные и постоянные выставки о выдающихся танковых асах времен Великой Отечественной войны. Привлечь внимание общественности музеям было сравнительно легко, т.к. в течение этого года на экраны кинотеатров, при информационной поддержке федеральных каналов, вышли три фильма, посвященные подвигам советских танкистов: «Танки» (режиссёр Ким Дружинин), «Несокрушимый» (режиссёр Константин Максимов) и «Т-34» (режиссер Алексей Сидоров). Благодаря консолидации акторов политики памяти вокруг одной темы в 2018 году удалось закрепить в сознании масс несколько ключевых сюжетов: советские (наши) танки – одни из самых лучших: в годы Великой Отечественной войны мы победили не числом, а умением, в т.ч. проводя успешные танковые операции. Аналогичную генеральную линию (линии) нужно определить уже сейчас для медиаповестки в 2020 году и стараться придерживаться её (их).

В-третьих, создать единую базу фронтовиков и тружеников тыла «от мала до велика» на основе ресурсов одного из федеральных музеев, т.е. создать единую Книгу Памяти и Славы. В настоящий момент в открытом доступе существует несколько крупных электронных баз данных, которые содержат информацию военнослужащих Красной Армии периода Великой Отечественной войны: обобщенный банк данных «Мемориал» (https://obd-memorial.ru/html/), электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome), сайт Министерства обороны Российской Федерации, который частично объединяет данные первых двух интернет-ресурсов и дополняется электронными версиями архивных документов «Память народа» (https://pamyat-naroda.ru) и один народный архив, который объединяет информацию как о фронтовиках, так и тружениках тыла – официальный сайт движения «Бессмертный полк» (https://www.moypolk.ru). Но если каждый из первых трех сайтов содержит информацию порядка о 10 миллионах человек, то четвертый сайт, который объединяет данные о фронтовиках и тружениках тыла, содержит в себе информацию лишь о 500 000 человек. Как мы видим, информации о тружениках тыла недостаточно, в стране отсутствует единый заполненный народный архив.

В-четвертых, необходимо усилить межмузейное сотрудничество в части обмена уже готовыми качественными электронными выставками, чтобы не тратить время на разработку материалов. Следует популяризировать активную деятельность проекта «Территория Победы» и вовлекать в реализацию данной инициативы новые музеи и мемориальные комплексы.

В-пятых, федеральные музеи должны приступить к созданию эндаумент-фондов. Эндаумент-фонд призван: 1) обеспечить финансовую устойчивость организации, при которой он создан и 2) содействовать реализации выставочных, просветительских, академических, инклюзивных, научных, исследовательских и издательских программ. Эндаумент фонд создается за счет крупных пожертвований, которые не тратятся, а размещаются в банковской сфере под проценты. Проценты, которые поступают от размещённой суммы денег, делятся на две части: одна возвращается в банковскую сферу для нивелирования последствий инфляции, а вторая часть направляется на реализацию любых музейных проектов. Аналогичные фонды в России пока сумели создать только несколько музеев: Еврейский музей и центр толерантности, Музей «Гараж» и Государственный музей-заповедник «Петергоф» и некоторые другие. Конечно, создание эндаумент-фонда процесс длительный, и к 75-летию Победы уже сложно будет успеть организовать его эффективную работу, если он ещё не создан. Эта работа на перспективу – вековой юбилей Победы [4].

Выполнения этих пяти действий позволит консолидировать музеи и выработать единую повестку для медиа сферы. Только в этом случае политика памяти будет реализована музейным сообществом максимально эффективно. Эти же рекомендации, в большинстве своем, применимы не только к музеям, но и к театрам, киноиндустрии, рынку по разработке и продвижению компьютерных игр, некоммерческим организациями, религиозным институтам и политическим партиям.

Литература:

1. Официальный интернет-портал правовой информации // http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907080031 (дата обращения 28.08.2019).
2. Дополнительную информацию о создании выставок можно почерпнуть из книги Т.П. Полякова «Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М.: Институт наследия. 2018. – 588 с.
3. Коршунов Ю.М. Мемориальные комплексы и музеи истории Второй мировой войны в Центральной и Восточной Европе /Ю.М. Коршунов // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 241-243.
4. Белов С.И. Мемориальные комплексы, посвященные Второй мировой войне, в Польше, Германии и России как индикаторы политики памяти на современном этапе // Информационные войны. – 2018. – № 4. – С. 56-61.

Философия музея Н.Ф. Федорова[i]

Гачева А.Г.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Ведущий научный сотрудник. Доктор филологических наук

a-gacheva@yandex.ru

Аннотация: Философия музея Н.Ф. Федорова связана с пониманием памяти как сущностного свойства природы человека. Выдвигая формулу: «Всякий человек носит в себе музей», Федоров расширяет понятие музея, придавая ему антропологическое и аксиологическое измерение. Концепция музея как средоточия воскресительной памяти и «собора исследователей» является частью проекта общего дела. Создание Музея – глубоко этический акт. Музей – символ цивилизации родства, признак совершеннолетия общества, переходящего от разделения к многоединству, от забвения к воскрешению. Выдвинутая Федоровым концепция музея как «собора лиц» и центра познания и исследования легла в основу деятельности Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова при Библиотеке № 180 г. Москвы.

Ключевые слова: Н.Ф. Федоров, философия музея, воскресительная память, аксиология, исследование, восстановление родства

Philosophy of Museum by N.F. Fedorov.

Gacheva A.G.

Gorsky Institute of World Literature

Abstract: N. F. Fedorov's philosophy of Museum is connected with the understanding of memory as an essential property of human nature. Putting forward the formula: «Every person carries a Museum», Fedorov expands the concept of Museum, enhancing it with anthropological and axiological dimensions. The concept of Museum as a center of resurrection memory and a «Union of researchers» is part of the project of the common cause. Creating a Museum is a deeply ethical act. The Museum is a symbol of kinship civilization, a sign of the coming of age of a society that is moving from division to multi-unity, from oblivion to resurrection. Fedorov's concept of Museum as a «Union of people» and a center for knowledge and research formed the basis of the librarian museum of N. F. Fedorov at the Library № 180 in Moscow.

Keywords: N.F. Fedorov, philosophy of Museum, resurrection memory, axiology, research, restoration of kinship

Философ русского зарубежья В.Н. Ильин в своей неопубликованной книге о Н.Ф. Федорове назвал его служителем христианского «духа вечной памяти» [1]. Именно с категорией памяти напрямую связано учение Н.Ф. Федорова о музее. Сохранение прошедшего, по Федорову, есть всеобщий закон, действующий в органическом и неорганическом мире. Человек – существо, в котором природа приходит к самосознанию, а значит и сохранение памяти становится осознанным и волевым. В памятовании о прошлом и целенаправленном собирании памяти человек воздвигает барьер на пути распада и смерти. Музейная деятельность истекает из самой сущности человека, являясь не прерогативой специалистов, а делом каждого живущего. Формула Федорова «Всякий человек носит в себе музей» [2, с. 372] радикально расширяет понятие музея: музей воплощает бытийный статус человека как существа, связывающего цепь времен, дающего прошедшему жизнь в настоящем.

Концепция музея Н.Ф. Федорова, изложенная в работе «Музей, его смысл и назначение», ряде статей и заметок, является органической частью его проекта общего дела, в центре которого – задача преодоления смерти и розни, воскрешения всех когда-либо живших, «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения» [3, с. 401]. Федоров понимает музей проективно: музей как «собрание вещей», функция которого заключается в хранении и экспонировании, должен превратиться в музей как «собор лиц» [2, с. 377], стать центром всеобщего познания и исследования мира, соединив в себе все сферы знания, культуры, труда человечества: от педагогики, истории, библиотечного и архивного дела до экономики и естественных наук.

Отношение к музею Федоров считал барометром нравственного состояния общества. В цивилизации «эксплуатирующей, но не восстановляющей» музей – презираемое учреждение, оттесняемое на задворки истории. В обществе, вставшем на путь всеобщего дела, музеи вместе с храмами, школами, лабораториями составляют доминанту его жизни и развития. В статье «Выставка 1889 года…» Федоров маркирует две противоположные модели социума образами Выставки и Музея. Выставка – эмблема торгово-промышленной цивилизации с ее культом вещи как товара. Музей – символ цивилизации родства, где вещь является средоточием памяти о лицах и судьбах, приобретает мемориальный, а значит сакральный статус. Вступление в Музей, по Федорову, знаменует выход общества из несовершеннолетнего, небратского состояния, переход к совершеннолетию.

Соединяя тему музея с темой образования, Федоров в статьях о В.Н. Каразине и статьях по библиотечному делу предложил модель целостного образования, в котором наука не была бы отделена от веры. Мыслитель выдвинул идею повсеместного устроения школ-храмов и школ-музеев, которые соединяли бы образование с исследованием природы, сформировав у учащихся первые представления о регуляции. Музей, по Федорову, должен обратиться в целостный воспитательно-образовательный, исследовательский и мемориальный комплекс, дополняя, а в перспективе и заменяя университет. Университет, с точки зрения Федорова, проигрывает музею, поскольку дает готовое, теоретическое знание, в то время как музей побуждает к самостоятельной работе и должен стать «собором исследователей». Утверждая, что «Тайна братства скрывается в отцах» [4, с. 540], любовь к родителям и предкам, воскрешающая память о них образуют основу единства человечества, Федоров рассматривал деятельность музея как путь к восстановлению всемирного родства, преображению мира и одновременно внутреннему изменению людей. Музей, по выражению Федорова, «действует душеобразовательно, делая всех и каждого существом музео-образным» [2, с. 391]. В перспективе общего дела «мнимое воскрешение», которое является основой деятельности музея в его наличном состоянии, переходит в действительное, знание причин смерти и розни перетекает в устранение этих причин.

Дав обоснование феномену музея, наметив глобальную перспективу его деятельности, Федоров в 1890-е гг. выдвинул и осуществил ряд конкретных музейных инициатив. Мыслитель выступал за превращение Моск. Кремля во «всенаучный и всехудожественный музей», выдвинул идею росписи кремлевских стен ключевыми событиями из русской истории, образами собирания русской земли и картинами будущего общего дела. На факт передачи в 1897 г. модели реконструкции Московского Кремля из Оружейной палаты в Румянцевсаий музей откликнулся серией статей и заметок, выдвинув план экспонирования модели вместе со «всеми планами и видами Москвы, и Кремля в особенности» [4, с. 103]. Активно участвовал в работе Воронежского губернского музея, который был создан священником и краеведом С.Е. Зверевым, заботился о пополнении его коллекции, организовывал книжные, иллюстративные и иные пожертвования, стремился привлечь к музею внимание общественности Воронежа. По инициативе Федорова музей начал устраивать тематические выставки, посвященные юбилейным событиям, что затем вошло в его традицию [5, 6]. В течение 1896–1899 г. по идеям и при непосредственном участии Федорова было организовано 6 выставок: Коронационная (май 1896), Екатерининская (ноябрь 1896), выставка гравюр религиозного содержания (март – апрель 1897), Митрофановская (ноябрь – декабрь 1897), выставка к 100-летию печатного дела в Воронеже (май 1898), выставка «Рождество Иисуса Христа и умиротворение» (декабрь 1898 – январь 1899), о трех из них (Екатерининской, к 100-летию печатного дела и Рождественской) Федоров написал специальные статьи для газеты «Дон», подчеркивая историко-культурное и нравственное значение собирательской и экспозиционной деятельности музея. В статье «Воронежский музей в 1998 году» (1898), рисующей жизнь Воронежа через 100 лет, философ представил картину идеального жизнеустроения, образ местности, вставшей на путь всеобщего дела. В статьях, опубликованных на страницах газеты «Асхабад» в период пребывания в Туркестане (1899–1900), подчеркивал задачу развития музейного дела на территориях России в Средней Азии, утверждая, что труд сохранения культурной памяти, изучения края должен быть соединен с делом духовного и нравственного просвещения, с умиротворением, понятым расширительно – не только как обезоружение, замирение враждебных племен, но и как начало регуляции, борьбы со стихийными бедствиями, что требует тесной связи музеев с местными научными учреждениями. Выдвигал идею создания международных музеев как центров сотрудничества наций и народов в общем деле: Международного музея мира, Всенаучного Цареградского музея в Константинополе как духовном центре Востока.

i Исследование осуществлено в рамках проекта РФФИ Н.Ф. Федоров. Энциклопедия (с онлайн-версией)», проект № 18-011-00953.

Идеи Федорова о музее оказали влияние на философию памяти и музея П.А. Флоренского, Н.П. Анциферова, Э.Ф. Голлербаха, которые опирались как на тексты самого Федорова, так и на книгу его ученика В.А. Кожевникова [7]. Философ В.Н. Ильин связал музейно-библиотечные проекты Федорова с метафизикой вечной памяти, рассматривая их в контексте христианской историософии и эсхатологии и подчеркивая их «воскресительную» устремленность [1]. Художник В.Н. Чекрыгин в трактате «О Соборе Воскрешающего музея» и серии рисунков «Воскрешение. Переселение людей в космос» представил федоровскую концепцию храма-музея, который становится орудием регуляции и возвращения жизни умершим. Федоровская концепция воскресительного музея нашла художественное преломление в повести А.П. Платонова «Котлован», повлияла на творчество М.М. Пришвина.

Современные исследователи подчеркивают значение музеологических взглядов Федорова для понимания тенденций развития современного музея [8], для музейной теории, практики, педагогики, для определения генезиса и «миссии музея» [9], указывают на то, что у Федорова музей предстает как институт социальной памяти и связи людей, воспитания и исследования, вбирающий и долженствующий вобрать в себя все сферы деятельности человека [10], этически ориентирующий личность, ставящий критерием нравственности память об отцах и предках. Называя Федорова одним из столпов музейной аксиологии, З.А. Бонами рассматривает его идеи в контексте движения и полемики внутри европейской культурологической и музеологической мысли (Т. Адорно, А. Мальро, Д. Керриер, С. Пирс и др.) [11]. Философия музея Федорова позволяет перейти от потребительского, субъект-объектного отношения, к наследию, к субъект-субъектному, персоналистическому его пониманию. Один из ведущих деятелей Лаборатории музееведения, работавшей в 1990-е–2000-е гг. в Музее современной истории, А.С. Балакирев пишет: «Выявление, восстановление и развитие всеобще-воскресительной линии в культуре наследования могут сыграть решающую роль в судьбе музея» [12, с. 204].

Формула Федорова «Всякий человек носит в себе музей», его взгляды на музей и библиотеку как место памяти и центр всеобщего самообразования и исследования лежит в основе программ Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова при Библиотеке № 180 г. Москвы [13, 14, 15]. Этот мемориальный, культурно-просветительный и научный центр, посвященный *Н.Ф. Федорову,* влиянию его идей на философскую мысль, литературу и культуру, был создан в 1993 г. как Музей-читальня Н.Ф. Федорова при Библиотеке № 219 ЦБС «Черемушки» по инициативе *С.Г. Семеновой, ключевого публикатора и исследователя Н.Ф. Федорова [16]* и участников Федоровского семинара (дата открытия – 17 января). В 1998 г. преобразован в Музей-библиотеку Н.Ф. Федорова при Библиотеке № 124 ЦБС «Черемушки». В настоящее время он является подразделением Библиотеки № 180 ЦБС ЮЗАО. В коллекции Музея-библиотеки – раритетные издания Н.Ф. Федорова, в том числе «Философия общего дела» (1906–1913) с дарственной надписью ученика Федорова В.А. Кожевникова, книги, рукописи, фотографии учеников и последователей философа, в том числе харбинские издания Н.А. Сетницкого, бывшие в коллекциях Н.О. Лосского, М.И. Цветаевой, протопресвитера Александра Киселева. Собрана коллекция картин художников-космистов. Экспонируются авторские книжные коллекции. Архивный фонд содержит фотографии, рукописи, видео- и аудиозаписи, посвященные федоровиане XX–XXI вв. Электронная коллекция экспонатов, книг, статей, фотографий размещена на сайте Музея-библиотеки. (www.nffedorov.ru). В Музее-библиотеке развернута экспозиция о жизни и творчестве Федорова, судьбе его идей в литературе, искусстве, философской мысли XX в., проходят выставки, семинары, лекции, круглые столы, конференции. Работает семинар, посвященный разработке и актуализации наследия философа. Музей-библиотека участвует в организации Международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова, готовит книги и научные сборники, энциклопедию «Н.Ф. Федоров» (с онлайн-версией). Деятельность Музея-библиотеки ориентирована на обоснованную в соч. Федорова философию воскресительной памяти, на идею музея не как «собрания вещей», а как «собора лиц», как центра, объединяющего людей разных взглядов, профессий, знаний, умений и возрастов в общем деле собирания памяти о прошедших поколениях, познания, исследования, творчества будущего. Музей-библиотека осуществляет федоровский принцип добровольчества, жизни «не для себя и не для других, а со всеми и для всех», вовлекая в свои программы деятелей культуры, ученых, педагогов, посетителей и читателей, которые становятся друзьями Музея-библиотеки, активными деятелями ее развития.

Музей-библиотека Н.Ф. Федорова – член Ассоциации музеев космонавтики, Российского философского общества, участвует в работе Российской библиотечной ассоциации, выступая за развитие мемориальной деятельности публичных библиотек, создание в них музеев и музейных экспозиций, в том числе посвященных российским философам.

Литература:

1. Ильин В.Н. История русской философии. Николай Федорович Федоров. Машинопись. Архив Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова.
2. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 518 с.
3. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 544 с.
4. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1997. 744 с.
5. Акиньшин А.Н., Ласунский О.Г. Н.Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894–1901): Статьи, письма, воспоминания, хроника пребывания в Воронеже. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. 238 с.
6. Гачева А.Г. Н.Ф. Федоров– философ и деятель отечествоведения // На пороге грядущего: Памяти Николая Федоровича Федорова. М.: Пашков дом, 2004. С. 220–251.
7. Кожевников В.А. Музейский деятель // Кожевников В.А. Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. Ч. 1. М., 1908; М., 2004. С. 42–56.
8. Зыков А.В. Музееведческая концепция Н.Ф. Федорова и современное музееведение. Кемерово: Красная горка, 2002. 146 с.
9. Каулен М.Е. Современное музееведение: уроки Николая Федорова // Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров (1829–1903). К 180-летию со дня рождения. Сб. науч. статей. Ч. 1. М.: Пашков дом, 2010.С. 205–221.
10. Решетников Н.И. Музей – хранилище социальной памяти // Философия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений. 8–10 декабря 1995. Вып. 1. М.: Наследие, ИМЛИ РАН, 1996. С. 220–235.
11. Бонами З.А. Незримый диалог: музейный проект Н.Ф. Федорова в контексте западноевропейской философии, музеологии и художественной критики // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров. Сб. науч. ст. М.: Академический проект, 2018. С. 565–572.
12. Балакирев А.С. Философия музея Н.Ф. Федорова и судьбы музейной культуры // «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров (1829–1903). К 180-летию со дня рождения. Сб. науч. статей. Ч. 1. М.: Пашков дом, 2010. С. 190–204.
13. Гачева А.Г. «Со всеми и для всех» // Музей. 2010. № 6. С. 30–□33.
14. Горская А.О. Музей прямого действия // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903). Сб. науч. ст. М.: Академический проект, 2018. С. 756–758.
15. Young G. The N.F. Fedorov Museum-Library // Young G. The Russian cosmists. The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2012. P. 219–223.
16. Семенова С.Г. Философ будущего века – Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.

Сохранение и осмысление наследия новомучеников и исповедников Российских в современной культуре как философская проблема

Орлов М.О.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, декан философского факультета, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, доктор философских наук

orok-saratov@mail.ru

Аннотация: Возрождение духовной традиции России должно учитывать опыт духовного кризиса российского общества XIX–XX веков. Глубинной предпосылкой кризиса, а также других негативных явлений в духовной жизни русского народа стало недостаточное христианское и культурное просвещение со стороны Византии. Недостаточность просвещения и акцент на сохранение формальной чистоты Православия обусловили такие явления, как обрядоверие, мессианизм, а также сохранение языческих утилитаристских представлений о религиозной сфере. Господство этих представлений среди русских элит привело к каноническому подчинению Русской Православной Церкви светской власти, что ограничило ее свободу в деле христианского просвещения населения, а также обусловило недоверие как императорской власти, так и русской интеллигенции к Церкви. Дискредитация правящей династии, широкая агитаторская деятельность сектантов и социалистов в среде мобилизованного непросвещенного крестьянства привели в условиях Первой Мировой войны к революциям 1917 г.

Ключевые слова: Духовная традиция. Традиционные ценности. Русская культура. Философия культуры. Социальная философия.

Preservation and understanding of the heritage of the new martyrs and Confessors of Russia in modern culture as a philosophical problem.

Orlov M. O.

Saratov national research state University named After N.G. Chernyshevsky: Faculty of philosophy - Department of theology and religious studies

Abstract: The revival of Russia's spiritual tradition should take into account the experience of the spiritual crisis in Russian society of the XIX-XX centuries. The deep premise of the crisis, as well as other negative phenomena in the spiritual life of the Russian people, was the lack of Christian and cultural education on the part of Byzantium. The lack of enlightenment and the emphasis on preserving the formal purity of Orthodoxy led to such phenomena as rite of passage, messianism, and the preservation of pagan utilitarian ideas about the religious sphere. The dominance of these views among the Russian elite has led to the canonical subordination of the Russian Orthodox Church, secular power that limited her freedom in Christian education, and led to distrust the Imperial government and the Russian intelligentsia to the Church. The discrediting of the ruling dynasty and the extensive agitator activity of sectarians and socialists among the mobilized unenlightened peasantry led to the revolutions of 1917 in the conditions of the First World war.

Keyword: Spiritual tradition. Traditional value. Russian culture. Philosophy of culture. Social philosophy.

Восстановление механизмов передачи универсального духовного опыта прежних поколений в России не может быть осуществлено без обращения к живому опыту Православной Церкви в силу многовековых процессов взаимопроникновения социально-этических и эстетических элементов русской православной культуры и национальной культуры русского народа. На сегодняшний день только Православная Церковь является хранителем имеющих духовное значение традиций русского народа, а русская культура не может быть понята без обращения к христианским образам и символам.

Возрождение духовной традиции России должно учитывать опыт духовного кризиса российского общества XIX–XX веков. Глубинной предпосылкой кризиса, а также других негативных явлений в духовной жизни русского народа стало недостаточное христианское и культурное просвещение со стороны Византии. Недостаточность просвещения и акцент на сохранение формальной чистоты Православия обусловили такие явления, как обрядоверие, мессианизм, а также сохранение языческих утилитаристских представлений о религиозной сфере. Господство этих представлений среди русских элит привело к каноническому подчинению Русской Православной Церкви светской власти, что ограничило ее свободу в деле христианского просвещения населения, а также обусловило недоверие как императорской власти, так и русской интеллигенции к Церкви. Дискредитация правящей династии, широкая агитаторская деятельность сектантов и социалистов в среде мобилизованного непросвещенного крестьянства привели в условиях Первой Мировой войны к революциям 1917 г.

Духовное и культурное состояние современного российского общества требует со стороны Русской Православной Церкви организации целостной системы культурно-просветительской деятельности, которая должна предварять собственно миссионерскую и катехизическую деятельность Церкви (проект концепции культурно-просветительской деятельности РПЦ предложен в диссертации). Неотъемлемым элементом культурно-просветительской деятельности должен стать духовный опыт и жизненный подвиг новомучеников и исповедников Российских, которые являются ближайшими по времени и пространству неоспоримыми образцами любви к своей родине и самоотверженному следованию духовным традициям своего народа.

Образец патриотизма. На наш взгляд, патриотическое воспитание молодежи, построенное в настоящее время преимущественно на почитании подвига советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, должно быть дополнено также обращением к подвигу новомучеников и исповедников Российских. Мученический подвиг православных христиан в 1920-1940-е годы представляет этический феномен более высокого уровня, нежели ратный подвиг. За исключением первого этапа блицкрига нацистской Германии, советские солдаты осуществляли свой подвиг в условиях моральной и дисциплинарной поддержки со стороны советского, партийного и военного руководства, ощущали братскую близость со стороны однополчан, имели ясные приказы, очевидного врага и поддерживаемую всем обществом общую цель. Как указывалось ранее, мученики и исповедники оказывались один на один с отлаженной репрессивной машиной, присвоившей себе право говорить от имени всего народа и «народного блага». Свой этический выбор новомученики и исповедники совершали на основании осмеиваемой гонителями христианской веры и имели высшее понимание духовной жизни народа и его предназначения. В отличие от результатов любой земной войны, стратегические и политические результаты которых недолговечны, подвиг мучеников безусловен и не подвержен какому-либо этическому и историческому истлению. Современный человек в условиях атомизации общества, отсутствия общегосударственных проектов, способных сплотить общество, под навязчивым давлением со стороны идолов потребительского общества нуждается именно в опыте духовной стойкости физически одиноких, но духовно единых с Церковью и с духовной историей своего народа новомучеников.

«И Церкви, и России сегодня нужна думающая молодежь, способная принимать решения и критически воспринимать ту информацию, которую обрушивает на нас современный мир. Но это невозможно без получения качественного образования, частью которого должно стать воспитание личности и гражданина. Наша молодежь переживает кризис, она лишена четких ценностных ориентиров. У Церкви такие ориентиры есть. Яркий пример – история российских новомучеников, убедительное свидетельство о силе и правде Церкви»[1, с. 83].

«Для молодого человека важен пример, образ. И одним из способов формирование личности является подражание»[2]. Наиболее значимым для личности являются те универсальные образцы для подражания, которые связаны с ней общим географическим локусом – деревней, городом, регионом. На протяжении XVII-XIX столетий, когда территория России существенно увеличилась, исторические условия не позволяли возникать новым центрам подвижничества на присоединенных территориях. Для значительной части российского общества (особенно на территории Поволжья, Сибири, Дальнего Востока) было недоступно ощущение близости святости их родных мест: образцы христианской жизни мнились возможными только в нескольких далеких монастырях. Молодежь вырастала, не имея исторически и географически близких к ней прославленных образцов истинной христианской жизни. Это явилось одной из целого ряда причин ослабления связи между Церковью и населением, распространением представлений о «ненужности», «устарелости» и даже чуждости православной веры для русского народа.

События 1917 и последующих годов стали временем, когда накопившееся за предшествующие столетия отчуждение власти от народа и Церкви, подчинение Церкви государственному аппарату принесло свои закономерные негативные последствия. Искуплением более чем двухвековых ошибок и заблуждений образованного сословия и представителей государственного аппарата стала жертва новомучеников и исповедников Российских, «имена которых мы до сих пор до конца не знаем. Но и те, о ком мы знаем, чьи жития нам известны, те, кто прославлен Церковью, — это более тысячи человек. Это огромное число тех, кто в XX веке не убоялся пойти навстречу смерти, истязаниям, забвению, клевете ради правды Божией»[3]. «Именно нашим новомученикам мы обязаны тем, что можем свободно жить и исповедовать веру во Христа, восстанавливать храмы, разрушенные в советские годы, строить новые, развивать все стороны церковного служения ради блага нашего народа»[4].

Условия, в которых совершался мученический или исповеднический подвиг, был несравним с предшествовавшими гонениями со стороны языческих или иноверных властителей. Заключенные священнослужители и верующие подвергались не только физическим истязаниям, но и мощному психологическому прессингу со стороны мучителей, которые «…говорили очень просто и ясно: «Своими мыслями, своими делами, своими убеждениями ты мешаешь нашему народу идти к счастью. Мы не хотим быть под игом эксплуататоров, мы не хотим трудиться на кого-то. Мы хотим работать для себя, для своей страны. Мы хотим развивать образование, науку, искусство, а ты своими убеждениями встаешь поперек этого движения. Посмотри на стройные ряды демонстрантов, что шагают по Красной площади! Вот там будущее, а ты поперек этого общего потока. Сознайся, что все это нелепо, что все это глупо, что все это от необразованности, от темноты, от незнания науки». Но мученики и исповедники не соглашались с этим, а ведь многие среди них были людьми высочайших знаний, высокой культуры и образованности, и прекрасно понимали, что означает подлинное движение человечества вперед»[5]. Изощренные техники допросов в ходе следствий и судебных процессов подталкивали к тому, чтобы гонимые не только признали свою «вину», но и рассказали о других верующих или даже лжесвидетельствовали. «И все-таки были те, кто, несмотря на всю изощренность, продуманность, организованность машины истребления, оставались способными ответить гонителю: «Я со Христом, и я Его не предаю!»[5].

Феномен новомучеников и исповедников Российских является, в соответствии с греческим значением слова «мученик» (μάρτυς, свидетель), свидетельством о непрерывности и жизненности духовного опыта православной веры в России. Однако в условиях современной России, с учетом кризиса духовной традиции, память о мучениках приобретает новое измерение. Помимо свидетельства о Христе ценой своих жизней в близкое к нам историческое время, новомученики и исповедники, которых на сегодняшний день прославлено около тысячи, зачастую стали первыми святыми, просиявшими (по месту рождения) во многих городах современной России. Современная молодежь может видеть те же самые пейзажи, ходить по тем же улицам, по которым за несколько поколений до них ходили будущие святые, разговаривать на одинаковом языке и являться носителями одной национальной культуры[6]. Такая близость оказывает существенное влияние на возможность усвоения духовной традиции, к которым принадлежали новомученики – православной вере. Поэтому, по словам Святейшего Патриарха Кирилла[7], важно, чтобы накопленный опыт прославления и почитания новомучеников имел практическое применение при проведении классных часов, написании школьных рефератов, научных работ, становился частью образовательной деятельности, включался в интеллектуальный и духовный дискурс российского общества».

Литература:

1. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Слово предстоятеля (209-2011). Собрание трудов. Серия I. Том 1. М., 2012. С. 83.
2. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Выступление на встрече со студентами калининградских вузов. [Электрон. ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви [Офиц. сайт]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/595733 (дата обращения 15.01.2015).
3. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Слово в праздник Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской в Успенском соборе Московского Кремля [Электрон. ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви [Офиц. сайт]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3562402.html (дата обращения 15.01.2015).
4. Лонгин, Митрополит Саратовский и Вольский. Доклад на Епархиальном собрании Саратовской епархии 26 декабря 2014 г. [Электрон. ресурс] // Православие и современность. Информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской епархии [Офиц. сайт]. URL: http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/doklad-mitropolita-longina-na-eparkhialnom-sobranii-saratovskojj-eparkhii-2014 (дата обращения 15.01.2015).
5. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Слово в праздник Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской в Успенском соборе Московского Кремля [Электрон. ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви [Офиц. сайт]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3562402.html (дата обращения 15.01.2015).
6. Ср. в Слове похвальном святым в земле Саратовской просиявшим: «Издревле заповедано христианам поминать своих наставников во благочестии, ибо, наставляясь их жизнью и богоугодными делами, мы получаем силы для продолжения своего пути ко Господу (Евр. 13:7). И особо близки нам те святые, которые подвизались на нашей земле, – те, что молились в тех же храмах, ходили по тем же улицам, совершали богослужение у тех же престолов, что и мы, ныне живущие». Иерей Максим Плякин. Служба всем святым, в земле Саратовской просиявшим. Саратов. 2011. С. 17.
7. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на открытии XXII Международных Рождественских чтений [Электрон. ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви [Офиц. сайт]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3542686.html (дата обращения 15.01.2015).

Драматургия дополненной реальности в художественном музейном экспонировании

Сливная З.А.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, магистрант

apostolskaya@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена мифолого-драматургическому анализу дополненной реальности художественного музея. Музей трактуется как место встречи зрителя и изобразительного искусства, где технологии дополненной реальности позволяют расширить и визуализировать коннотативный строй произведений искусства. Автор рассматривает формируемую технологиями дополненной реальности эстетическую среду музея в статике и динамике, показывая способы управления как вниманием зрителя, так и его когнитивно-эмоциональным состоянием. Автор анализирует драматургическую комбинаторику музейных материалов, обслуживающих структурирование выставочного послания различными по жанровой природе инструментами. Ключевое место в анализе музейных сообщений отводится кинематографическим эстетическим законам. Рассматривая акцентуацию смыслов сложного выставочного пространства в презентационных материалов на примере выставки «Свободный полет» музея Анатолия Зверева, автор показывает комплексность интеграции современного музея в цифровую медиасреду.

Ключевые слова: музей, дополненная реальность, социальная драматургия, нонконформизм, музейная киноэстетика

Augmented reality dramaturgy in art Museum display.

Slivnaya Z.A.

Saratov State University

Abstract: The article is about the mythological and dramatic analysis of the augmented reality of the art Museum. The Museum is a meeting place for the viewer and visual art, where augmented reality technologies allows to expand and visualize the connotative structure of works of art. The author examines the aesthetic environment of the Museum formed by augmented reality technologies in statics and dynamics, showing ways to control both the viewer's attention and his cognitive and emotional state. The author analyzes the dramaturgic combinatorics of Museum materials that serve to structure the exhibition message with various tools of genre nature. The key place in the analysis of Museum messages is given to cinematographic aesthetic laws. Considering the accentuation of the meanings of a complex exhibition space in the presentation materials on the example of the exhibition "Free flight" of the Anatoly Zverev Museum, the author shows the complexity of integrating a modern Museum into the digital media environment.

Keywords: Museum, augmented reality, social drama, nonconformism, Museum cinema aesthetics

Современный художественный музей является сложным культурным пространством, комбинирующим эстетическую среду с технологиями дополненной реальности для усиления зрительского восприятия. Как справедливо отмечают исследователи, «технологии дополненной реальности обладают потенциалом для действительного переворота в представлении музейного пространства» [2, с.51]. Дополненная реальность дает возможность убрать границу между реальным и искусственно созданным миром [3, с. 259], буквально распахнуть физическое пространство присутствия зрителя в живую территорию культуры.

Дополненная реальность художественных музеев может быть рассмотрена с позиций статики и динамики. Статика задана предметным единством музейных экспозиций, связана с особенностями их хранения, а также зависит от «декоративной» функции технологий дополненной реальности. Динамика детерминирована взаимодействием зрителя с художественным пространством музея, погружения в его отдельные сегменты и уровни, маршрутизацией его перемещений. Чаще всего динамику связывают с интерактивным потенциалом технологий дополненной реальности, позволяющим зрителю взаимодействовать с отдельными артефактами или экспонатам, тем или иным способом «реагировать» на появление зрителя.

По нашему мнению, важной и инновационной механикой динамики дополненной реальности в музее должна стать драматургия, сюжетно-образная концепция переживаний зрителя в музейном пространстве. В этом отношении дополненная реальность музея может быть интерпретирована как синтетическая реальность мифа и кинообраза, позволяющая физическим действиям зрителя выстраивать в его сознании связные смысловые повествования. Как отмечает Л.Н. Воеводина, структура мифологического образа построена по законам выразительности, то есть по эстетическим законам, его особенность раскрывается в единстве слова, имени и действительности, а также способности исполнять персонализированную роль [1, с.50].

Музейная эстетика только начинает осваивать драматургические приемы, однако уже очевидно, что музейная драматургия должна быть социальной в смысле И. Гоффмана, т.е. пригодной для совместного пребывания в музейном пространстве более чем одного зрителя, синтетической с жанровой точки зрения и многоуровневой с точки зрения воздействия. Погружение в музейную дополненную реальность вряд ли может иметь форму единичного акта коммуникации, оно нуждается в дополнительном подкреплении в сопровождающих, интерпретирующих и продвигающих материалов (живых и техногидов, путеводителей, видеосюжетов и т.д.).

В этом отношении показательна драматургия выставки «Свободный полет» по фильмам А. Тарковского и работам художников-нонконформистов, созданная Музеем AZ. Это первый в России частный музей одного художника, Анатолия Зверева. Зверев принадлежал к течению художников нон-конформистов. Название «нонконформизм» закреплено в истории искусства за неофициальным, подпольным искусством, которое существовало в СССР в 60-80-е годы прошлого века. В поле эстетики Музея AZ находится весь этот пласт подпольного искусства и кинематограф этого же периода. Выставка представляет собой сложно структурированное пространство, наполненное не только картинами и скульптурами, но и документальными фотографиями, экранами и проекциями. Результатом драматического погружения зрителя в пространство «Свободного полета» стало особое восприятие выставки – посетитель оказывался буквально внутри мира Тарковского и эстетической среды 1960-ых и 1980-ых.

Выставка основана на истории, которая рассказана визуальным языком. В драматургию включены герои – и главные, и второстепенные, и сквозные – это Андрей Тарковский и художники нонконформисты. Структура задана мифологически значимым каноном трилогии, кроме того наличие трилогии также закладывает классическую для кинематографа трехактную структуру. Первый акт посвящен фильму Андрей Рублев и работам художника Дмитрия Плавинского. Зритель знакомится с миром главного героя, А. Тарковского. Зал наполнен большими экранами, на которых демонстрируется фильм Андрей Рублев, разъятый на новеллы. Здесь же архивные документы, которые показывают, каким гонениям и переделкам подвергался фильм. Во втором акте герой переживает катастрофу. Этот зал посвящен фильму «Сталкер», как предвестнику Чернобыльской катастрофы и работам художника Петра Беленка, который, как и Тарковский, за несколько лет до взрыва реактора «написал» эти события. В третьем акте – все герои отправляются в полет на Солярис. И если герои фильма Тарковского брали с собой на космическую станцию Картины Брейгеля, «Дон Кихот» с иллюстрациями Доре, Библию, бюст Сократа, посмертную маску Пушкина, то на выставке, по методу Тарковского в полет отправились лучшие произведения из коллекции Музея AZ - Зверева, Плавинского, Мастерковой, Краснопевцева, Целкова, Немухина. И это, кстати, оммаж оригиналу, то есть фильму «Солярис» Тарковского.

В создании эстетической среды важно отметить художественную функцию дополнительных средств. Во-первых, для выставки были созданы специальные декорации, которые были выстроены художником-постановщиком Геннадием Синевым – это и алтарь с портретами персонажей из фильма Андрей Рублев, и космический коридор Соляриса. Во-вторых, надо отметить визуальные эффекты, задающие ритм зрительского восприятия, созданные медиахудожниками: Александром Долгиным (он оцифровал ряд картин и перевел изображение в экраны и иллюминаторы) и Платоном Инфанте, который специально для проекта создал инсталляцию планеты Солярис. Музыка в выставочных проектах не частый элемент, и обычно играет служебную роль. Здесь же она являлась важнейшей составляющей, что отдельно отметили представители кинематографической среды, например, режиссеры

Алексей Попогребский и Кирилл Серебренников. В залах звучали произведения Иоганна Себастьяна Баха, Кшиштофа Пендерецкого, Николая Каретникова, Эдуарда Артемьева, Ираиды Юсуповой.

Однако Музей AZ использовал для проработки и детализации эмоционально-смыслового повествования выставки и дополнительный инструмент – видеоролик «Свободный полет» транслирующийся на Youtube-канале Музея AZ и в социальных сетях. Целевой аудиторией ролика является профессиональное киносообщество. Ролик воспроизводит ключевое послание выставки по законам кинематографической драматургии. Ролик, в том числе, сыграл свою роль в признании выставки.

Проекту «Свободный полет» национальная премия кинокритики и кинопрессы «Белый слон» присвоила специальную премию «Событие года». И это признание кинообщественности стало лучшим доказательством того, что выставки, сделанные по законам кинематографа существуют.

Вывод про то, как работает ролик в медипространстве, управляя зрительским восприятием через лидеров мнений.

Список литературы:

1. Воеводина Л.Н. Структура мифологического образа и социальная драматургия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. №1(45). С.50-55.
2. Соловьева А.А. Технологии дополненной реальности в музейном пространстве // Наука без границ. 2020. № 1(41). С.48-53.
3. Хаишбашев Г.А. Усовершенствование музеев с помощью дополненной реальности // Современные информационные технологии: тенденции и перспективы развития: материалы XXVI научной конференции. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2019. С.259-262.

Социокультурные основания партиципаторного музея

Стародубцева М.Н.

Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук, аспирант кафедры философии

starodubtceva.m.n@gmail.com

Аннотация: В статье раскрываются вопросы, связанные с трансформацией современного музея. На основе анализа теоретических источников и примеров актуальных музейных практик, обозначается тенденция к распространению в музейной среде идей партиципаторной культуры. Выделяются социокультурные основания партиципаторного музея. Делается вывод о том, что актуализации музейных партиципаторных практик предшествовали глубокие социокультурные изменения, происходившие на протяжении всего XX столетия. Прежде всего, в странах Западной и Восточной Европы. Возникшая в рамках этих преобразований потребность в демократизации всех сфер общественной жизни, стимулировала появление новых форм искусства; потребовала пересмотра социальной роли художника; привела к появлению инновационных практик взаимодействия со зрителями; способствовала трансформации музея как институции; вызвала необходимость поиска новых форм работы с посетителями музея.

Ключевые слова: искусство соучастия, партиципация, партиципаторный музей, социальный поворот.

Sociocultural grounds of the participatory museum.

Starodubtseva M. N.

Tyumen State University: Department of Philosophy

Annotation: The article unfolds issues related to the transformation of the modern museum. The tendency toward the propagation of participatory culture ideas in the museum environment is revealed, based on the analysis of theoretical sources and examples of current museum practices. The sociocultural grounds of the participatory museum are highlighted. It is concluded that the actualization of museum participatory practices was preceded by considerable sociocultural changes that took place throughout the entire XX century, before everywhere else in the countries of Western and Eastern Europe. The need for democratization of all areas of public life, came on within the framework of these transformations, stimulated the emergence of new forms of art; demanded a revision of the social role of the artist; led to the emergence of innovative practices for interaction with audience; contributed to the transformation of the museum as an institution; necessitated the search for new forms of work with museum visitors.

Key words: art of participation, participation, participatory museum, social turn.

В современном мире, отличающемся перманентными кризисными явлениями, стремительным темпом жизни, глубокими преобразованиями в политической и социальнокультурной сферах, музей, с одной стороны, продолжает выполнять ставшие уже традиционными функции сохранения памяти, познания, передачи культурного опыта от одного поколения к другому. С другой стороны, обретает новые обязательства и ориентиры, трансформируется, отвечая на актуальные запросы общества. Широко обсуждаемой тенденцией последнего времени стала идея перехода от традиционного музея к партиципаторному. Однако отсутствие единых подходов к пониманию данного феномена и его социокультурных истоков затрудняет профессиональную коммуникацию, препятствует реализации партиципаторных проектов в музейной практике и требует дальнейших научных изысканий.

Явление «партиципации» (от франц.-participations, лат.-participatio), в самом широком смысле обозначающее акт участия в чём-либо, имеет давнюю историю. По мнению Д. Гленна, примерами его воплощения можно считать и ритуальные встречи членов африканских племён, и гражданские собрания в Афинах [1]. Однако предметом научного обсуждения феномен партиципации стал только в XX столетии. Его актуализации способствовал переход от культуры потребления к культуре участия (пар-

тиципаторной культуре), подразумевающей новые модели взаимодействия социальных институтов с общественностью; свободное участие людей в социокультурных процессах и принятии решений [2].

К настоящему времени участие как культурное явление, не только получило широкое распространение, но и обрело свою специфику в различных научных и региональных сообществах, превратившись, по выражению Н. Д. Вавилиной, И. А. Скалабан, в общемировую ценность [3]. Его осмыслением занимаются, например, в политологии, где участие рассматривается как условие обеспечения демократии; в менеджменте, где участие предстаёт как один из механизмов улучшения бизнес-процессов; в экологическом движении, где участие является одной из стратегий охраны природы; в образовании, где оно относится к активным методам обучения и развития и т.д.

В музейной среде вопрос перехода к партиципаторным практикам начал обсуждаться относительно недавно, благодаря деятельности директора Музея искусств и истории Н. Саймон (США, штат Калифорния) – автора книги «Партиципаторный музей» и одноимённого интернет-ресурса. Она предложила рассматривать партиципаторный музей как место, где посетители могут заниматься творчеством, обмениваться впечатлениями и общаться на связанные с учреждением темы [4]. В отечественном музееведении активным проводником идеи партиципаторного музея является эксперт Центра развития музейного дела Д. Агапова. В её представлении современный музей должен стать модератором диалога; местом для обозначения каждым человеком своей позиции; площадкой, готовой предоставить любому потенциальному посетителю возможность участвовать и вносить свой вклад в общее дело [2]. Между тем, как показывает анализ источников и литературы, предпосылки обозначенного перехода к партиципаторным музейным практикам возникли задолго до этого времени и связаны они, прежде всего, с общемировыми политическими и культурными тенденциями.

По мнению К. Бишоп, ключевым моментом для становления идеи партиципации в культурной сфере стали социально-политические события, происходившие в мире в начале прошлого столетия, прежде всего, в Италии, Франции, России [5]. Так, например, в период становления Советского государства, произошла демократизация социального строя и социальных взаимоотношений, которая коренным образом повлияла на сферу культуры, включающую искусство и экспонирующие его институции (музеи). Как писал очевидец этих событий, Н. Тарабукин, демократизация отразилась и на формах искусства, и на зрителе, который его воспринимал. Если до этого времени основным потребителем и знатоком искусства была немногочисленная элита, то ей на смену пришёл массовый зритель, требующий новых социально оправданных форм, выражающих идею всего народа [6].

В этом противоречивом, постреволюционном процессе родилось множество новаторских движений, авангардных художественных форм, инновационных подходов, направленных на решение идеологических задач, агитацию и просвещение граждан. Они содействовали обозначению нового пространства для включения зрителей. Способствовали формированию идеи коллективного авторства, народных способов творческого выражения. При этом участие зрителей часто становилось важнее зрелищности или технических навыков [5].

Появление массового, не подготовленного посетителя в музее также вызвало необходимость институциональных перестроек. То же, по словам Т.П. Калугиной, случилось в 1950-е гг. в западных музеях. Советские музеи, демократизировавшиеся гораздо раньше, значительно опередили мировую практику [7]. 11 февраля 1919 г. на конференции по делам музеев, народный Комиссар по просвещению А.В. Луначарский обозначил наиболее важные для музеев требования, которые вполне соотносятся с современными представлениями о партиципаторном музее. В частности: музеи существуют для народа; необходимо связать музеи с массами, заинтересовать их в сохранении музеев; к созданию отдельных музеев необходимо привлекать самих граждан [8]. Не менее важные мысли можно найти и в тезисах Первого всероссийского музейного съезда, который состоялся в 1930 г. Например, о том, что рабочие должны превратиться из пассивных зрителей в активных участников «строительства музея» [9, с.12]. Или о необходимости создания при музеях общественных активов, которые должны включаться во все сферы музейной работы и помогать музею «осуществлять все основные задачи» [9, с.28].

Схожие процессы в искусстве и культуре происходили в конце 1960-хх гг., после массовых социально-политических выступлений студентов Западной Европы и Северной Америки. Требования выступающих спровоцировали широкий круг изменений, в том числе, в сфере культуры. Обозначились новые формы партиципаторного искусства, связанные с обращением к многообразию аудиторий, конфликту коллективного и индивидуального авторства, творческого начинания и режиссёрского контроля. Снова на фоне бытовавших представлений о демократии, участие стало рассматриваться как условие демократизации искусства, как новое демократическое течение с социальным подтекстом. В перформансах и хэппенингах Ситуационистского Интернационала (СИ), течения Groupe de Recherche d'Art Visuel (GRAV) и др. проектировались ситуации коллективного единства, пассивному зрительству противопоставлялось активное, а работе в закрытой мастерской – творчество вне галерейной системы [5].

Актуализировалась потребность и в реформировании музейных институций. Остро встал вопрос об объективности музея, до этого самостоятельно решавшего какие объекты и как демонстрировать, что и кому о них рассказывать и т.д. Появились новые музеологические концепции, в которых внимание смещалось с демонстрации музейного предмета, как конечного результата, на процесс, предшествовавший ему. Возникли идеи принципиально новых музеев, например, Национального центра искусства и культуры Жоржа Помпиду в Париже, который замышлялся как демократический, экспериментальный, соответствующий требованиям беспрепятственного доступа, гибкости, ориентированности на потребности посетителей [10].

Однако окончательное оформление идеи партиципаторного искусства, а вслед за ним и партиципаторного музея, произошло только в 1990-е гг. Снова этому предшествовали глобальные социально-политические трансформации, связанные с развалом Советского Союза и блока социалистических стран, чередой экономических кризисов и социальной нестабильности. Возникли новые тенденции в искусстве, которое Н.Буррио обозначил как «реляционное», основанное на человеческих отношениях вместе с их социальным контекстом. По мнению Н. Буррио, интерсубъектность и взаимодействие впервые выступили как отправные точки художественной практики. Произведения реляционистов разворачиваются в сфере человеческих взаимоотношений, запуская процессы коммуникации, подталкивая к социальному обмену, основыванному на взаимодействии со зрителем в рамках его эстетического опыта. С новым витком социально-культурных изменений произошло смещение приоритетов в музейной деятельности. На фоне повсеместной коммерциализации степень демократичности музеев превзошла требование обеспечить свободный доступ к музейным коллекциям. Музеи перешли к новым формам работы с аудиторией, всё чаще отказываясь от образа элитарного хранилища [11, с.209].

В настоящее время развитие партиципаторных форм и методов работы не только является стратегическим направлением развития музея, но и актуальным требованием общества. В соответствии с этим, как в отечественном, так и международном музейном сообществе высказывается мнение о необходимости отразить это положение в новом определении музея [12].

Таким образом, анализ источников и литературы позволяет выделить несколько взаимосвязанных оснований, важных для постижения сути партиципаторного музея и предпосылок его возникновения в современном социокультурном пространстве. Это – тенденции к демократизации, а также становление новых форм искусства. В рамках демократизации участие посетителя в деятельности музея становится не только правом каждого гражданина, но и залогом эффективности музейной политики. А актуализация социально ангажированных практик в искусстве является неизменным предвестником институциональных трансформаций музея.

Литература:

1. Glenn J. C. Participatory methods. Futures research methodology - version 2.0. https://www.researchgate.net/publication/242703610_Participatory_methods#pf3
2. Агапова Д. Культура участия: миллионы диалогов // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. М., 2012. С.8-20.
3. Вавилина Н.Д. Скалабан И. А. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории: монография. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 304 с.
4. Саймон Н. Партиципаторный музей. Москва: АД МАРГИНЕМ Пресс, 2017. 368 с.
5. Бишоп К. Радикальная музеология или так уж «современны» музеи современного искусства? М.: Ад Маргинем, 2014. 96 с.
6. Тарабукин Н. От мольберта к машине. Москва: Работник просвещения, 1923. 44 с.
7. Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры. Санкт-Петербург: Петрополис, 2008. 242 с.
8. Луначарский А. В. Речь на открытии Конференции по делам музеев // Искусство коммуны, 1919. № 11, 16 февраля. С.2.
9. Труды первого Всероссийского музейного съезда: в 2 т.; под ред. И.К.Луппола. Т.2.: Материалы секционных заседаний 1-5 декабря 1930 г. М.: Учгиз, 1931 г. 164 с.
10. Шуберт К. Удел куратора. Концепция музея от Великой французской революции до наших дней. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. - 223 с.
11. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.216 с.
12. Рекомендации ИКОМ России по разработке определения понятия «музей» http://icom-russia.com/

Музей в современной педагогике: анализ и перспективы развития

Сюсюкин В.А.

Саратовский Государственный Университет имени Н.Г. Чернышевского

vladimirs23@bk.ru

Аннотация: в статье автор анализирует кризисное состояние современной педагогики, выход из которого возможен посредством взаимодействия с музеем. Музейная педагогика – это актуальная и востребованная область гуманитаристики. Музей является важнейшим маркером социальности, по той причине, что он напрямую связан с текущим состоянием общества и теми ценностями, которые на данный момент являются приоритетными в социуме. Музей не только позволяет приобщиться к огромному пласту произведений искусства, которые способствуют правильному пониманию культуры, но и даёт возможность для конструктивной религиозной социализации, являющейся чрезвычайно важным и необходимым элементом в современном динамичном обществе. В заключение автор статьи анализирует возможные перспективы развития музейной педагогики и подчёркивает особую важность музея в проблеме выбора духовно-нравственных оснований современного человека.

Ключевые слова: музей, педагогика, образование, современные ценности, религиозная социализация.

Museum in modern pedagogy: analysis and development prospects.

Syusyukin V.A.

Saratov State University

Abstract :in the article, the author analyzes the crisis state of modern pedagogy, the way out of which is possible through interaction with the museum. Museum pedagogy is a relevant and sought-after area of humanities. The museum is a major marker of sociality, for the reason that it is directly related to the current state of society and those values that are currently priority in society. The museum not only allows you to join the huge stratum of works of art that contribute to the correct understanding of culture, but also provides an opportunity for constructive religious socialization, which is an extremely important and necessary element in a modern dynamic society. In conclusion, the author of the article analyzes the possible prospects for the development of museum pedagogy and emphasizes the special importance of the museum in the problem of choosing the spiritual and moral foundations of modern man.

Keywords: museum, pedagogy, education, modern values, religious socialization.

[i]Современная педагогика находится в достаточно кризисном состоянии, которое обусловлено цифровизацией общества, а также множеством другим непростых и противоречивых социокультурных процессов. Возникает трудная ситуация, в условиях которой обозначается необходимость совершенствовать методики образования учащихся, продвигая не только современные дистанционные цифровые технология обучения, но и более классические способы просвещения людей. В данном случае речь идёт о музее – культурном пространстве, которое включает в себя целый компендиум произведений искусства, особую эстетику и смысловую организацию. На первый взгляд, музей представляет собой весьма простую структурную единицу, цель которой сводится сугубо к коллекционированию произведений искусства и других артефактов культуры. Более того, для современной культуры музей становится некоторым синонимом чего-то устаревшего, неактуального и ушедшего в историческое небытие. Великий русский философ Н.Н. Федоров в своей работе «Музей, его смысл и назначение» отмечает: «Наш век, гордый и самолюбивый (т.е. «цивилизованный» и «культурный»), желая выразить презрение к какому-либо произведению, не знает другого, более презрительного выражения, как «сдать его в архив, в музей...». Уже по этому можно судить, насколько искренна благодарность потомства, например, к гениям-изобретателям, да и вообще к предкам, к которым обыкновенно так жестоки бывают современники» [1, С.32]. Здесь философ отмечает, что отношение к музею связано не только с культурными памятниками, но и, прежде всего, с ценностями данного общества, которые люди репрезентируют посредством отношения к музею. В своём исследовании мы бы хотели показать, что музейная педагогика является актуальной и востребованной для современного образования, которое переживает не самые простые времена.

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-70023

В качестве примечания отметим следующее: несмотря на то, что сама музейная педагогика как прикладная дисциплина находится еще в стадии своего методического, категориально-понятийного и содержательного становления, потенциал данной педагогической отрасли является чрезвычайно многообещающим. Л.С. Тимофеева в своей статье пишет: «Музейная педагогика как отрасль научного знания в настоящее время все еще находится на стадии формирования, и процесс этот далек от завершения. В силу того что в музейной педагогике используется понятийно-категориальный аппарат ряда наук, по сути даже не являющихся смежными, семантическое содержание многих терминов наполняется новыми смысловыми значениями и по содержанию существенно отличается от своего «прародителя» [2, С. 287]. Эти изменения в свою очередь требуют создания новой системы внутренних связей. Однако в нашей статье стоит обратить внимание на то, какие педагогические горизонты открывается музейная педагогика.

Во-первых, самая очевидная ценность музейной педагогики состоит в том, что учащиеся приобщаются к целому культурному пласту во внеурочное время, что может сильно повлиять в лучшую сторону на степень усвоения материала. Попадая в культурное пространство музея, человек моментально становится частью исторического процесса, разделяет дух и ценности конкретной исторической эпохи или события. Возможность приобщить людей к великим культурным артефактам – одна из важнейших функций музейной педагогики.

Во-вторых, отметим, что музей в современной культуре – это важнейший *маркер интересов общества* и его приоритетных аксиологических, религиозных и других культурных запросов. Музей показывает обществу то, в чем оно на данный момент нуждается. Не зря в непростые для общества исторические периоды государство напоминает людям об их прошлом, о том, как те или иные события повлияли на государство. По интересам музейной аудитории мы можем определить то, какие векторы развития социальности и культуры видится обществу наиболее перспективными и востребованными. Получается, что музей не только и не столько говорит нам о прошлом, сколько раскрывает «социальные коды» современного общества, производя мониторинг аксиологических и религиозных элементов социума. В своей статье Л.М. Шляхтина пишет о том, что «современная парадигма музея, позволяющая рассматривать его как центр социальной ответственности культуры, ставит перед музейной педагогикой новые задачи, связанные с осмыслением этой роли, разработкой новых подходов и технологий взаимодействия с особыми посетителями музея. В культурно-образовательном пространстве музея сегодня присутствуют дети 0+, люди «серебряного возраста», социально дезадаптированные группы населения, инвалиды ментальности, посетители с особыми физическими потребностями и т. д. Именно междисциплинарность музейной педагогики позволяет разрабатывать способы создания проектов, решающих задачи острой социальной направленности» [3, С. 111].

Также стоит отметить следующую важную функцию музейной педагогики, которая заключается в том, что именно она является одним из крайне потенциально эффективных агентов религиозной социализации. Данная проблема является чрезвычайно актуальной и важной не только в религиоведении, но и в современном педагогическом знании. Т.А. Фолиева пишет: «Религиозная социализация – универсальный аспект процесса, характерный для всего человеческого сообщества. Она подразумевает под собой интерактивное и субъект-субъектное усвоение религиозного опыта Других и интернализацию этого опыта в собственные религиозные ценности и ориентации. Многообразие процесса религиозной социализации зависит от политических, культурных, исторических факторов, временных рамок и вероучительных особенностей» [4, С. 210]. Обращаясь к данному определению религиозной социализации, можно сказать, что в данном случае музейная педагогика действительно может стать эффективным решением проблемы в данной исследовательской области. История России напрямую связана с православием, культурные памятники которого ярко и разнообразно представлены именно в музее. Человеку, который находится на пути религиозной социализации, действительно необходимо приобщиться к религиозному наследию посредством музея. Отсюда вытекает следующая методическая сложность, связанная с грамотным преподнесением материала, посвященного религиозной культуре в рамках музейной педагогики. Христианская культура в течение своей истории чрезвычайно

бережно относилась к интеллектуальным и культурным памятникам, передавая его из поколения в поколение. Именно поэтому то знание о православной культуре, которое представлено в музее, способно стать отличным помощником в процессе религиозной социализации человека. Т.В. Склярова отмечает следующее: «Вхождение в религиозную традицию, освоение вероучения, правил и норм поведения в значительной степени определяется особенностями данной религиозной культуры. Каждая религиозная культура предполагает интеллектуальное освоение ее наследия, имеет определенный спектр ограничений поведения, а также правила регуляции эмоциональной сферы своих последователей. Освоение человеком религиозной традиции, с одной стороны, побуждает его приспосабливаться к новым нормам и правилам, а с другой стороны, — усваивая религиозный мировоззренческий «формат», человек определенным образом обосабливается в окружающем его обществе» [4, С. 16]. Таким образом, музейная педагогика как отрасль педагогического знания, связанная и с интеллектуальным и с культурным наследием, способна серьёзно поспособствовать конструктивной религиозной социализации индивида, что во многом определяет вектор дальнейшего развития человека в обществе.

Далее целесообразно выделить некоторые перспективы развития музейной педагогики. Во-первых, это возможность создания специализированных кафедр на педагогических факультетах, где будут обучаться будущие музейные педагогики. Такой вариант развития является вполне возможным по той причине, что данная область требует особо подхода к педагогике и специфического методического сопровождения. Во-вторых, можно отметить, что возможной перспективой развития музейной педагогики является ее тесная связь с курсом «Обществознания» в современной средней образовательной школе. Обусловлено это тем, что именно в рамках данного курса изучаются основы понимания культуры, произведений искусства и морали. В качестве заключительной перспективы развития музейной педагогики обозначим возможность активной популяризации музейной культуры, что связано с ростом российского самосознания, популярности религии и русской культуры среди молодого населения страны.

Подводя итог, следует отметить то, что музейная педагогика в современном динамичном и нестабильном обществе является востребованной и актуальной прикладной дисциплиной, несмотря на то, что сейчас она находится на стадии становления Музейная педагогика коррелирует с важнейшими сферами социального измерения человеческой жизни: образованием, ценностями, религией. Именно музейная педагогика может помочь обучающимся найти духовно-нравственные основания в истории нашей культуры, которые могут стать качественными ориентирами будущей жизни человека.

Литература:

1. Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.
2. Тимофеева Л.С. Музейная педагогика или педагогика музея: формирование понятийно-категориального аппарата // Филология и культура. №2. 2012. С. 287-291.
3. Фолиева Т.А. Религиозная социализация: понятия и проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. № 2-1. 2012. С. 205-212.
4. Склярова Т.В. Религиозная социализация: проблемы и направления исследований//Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. №15. С. 7-17.

О формах экспозиционной деятельности в социально-гуманитарном образовании - от популяризации науки к проектной работе со студентами

Чубаров И.М.

Тюменский государственный университет, директор Института социально-гуманитарных наук, и.о. зав. кафедры философии, доктор философских наук

tchubaroff@gmail.com

Аннотация: В сообщении будет всесторонне рассмотрен вопрос о включении экспозиционно-музейной деятельности в учебно-образовательный процесс по подготовке бакалавров и магистров социально-гуманитарных направлений, и специально - философии.

Ключевые слова: экспозиционная деятельность, популяризация науки, проектная работа, философский музей, эффект соучастия, Людвиг Витгенштейн и Логико-философский трактат.

About the Forms of Exposition Activity in Social and Humanitarian Education - from the Popularization of Science to Project Work with Students.

I.M. Chubarov

University of Tyumen, Department of Philosophy

Abstract: The report comprehensively considers the issue of including exhibition and museum activities in the educational process for the preparation of BA and MA students in social and humanitarian areas, and philosophy in particular.

Key words: expositional activities, popularization of science, project work, philosophical museum, the effect of complicity, Ludwig Wittgenstein and the Logical-Philosophical Treatise.

Можно выделить как минимум три фундаментальных основания для подобного включения:

1.Получение студентами знаний не только в традиционном историческом рассмотрении материала и проблемной интерпретации, выраженных в тексте и устном докладе, но и через их визуализацию и экспозиционное представление, учитывающее интерес и реакцию возможного зрителя и слушателя.

2. Приобретение студентами умения представить результаты поисковой и исследовательской деятельности в архивно-издательском деле, музейной работе и презентационно-экспозиционной сфере.

3. Развитие эстетических компетенций и творческих способностей студентов, умения работать в команде и самостоятельно отвечать за свою часть вставки или собирания музейной коллекции.

В докладе также будет наглядно представлен соответствующий опыт немецких (Гумбольдт-университет, Берлин), швейцарских (Университет г. Цюриха и Hartware Medienkunstvereins в г. Дортмунд) и австрийских коллег (Выставка The TRACTATUS *ODYSSEY* и деятельность общества Wittgenstein-Initiative по изучению и популяризации философии Людвига Витгенштейна) по включению выставочной деятельности в учебный процесс у бакалавров немецкоязычных университетов.

В заключении будут предложены критерии оценки выставочных работ студентов и предложения по учету этих оценок в выпускных работах и дипломах.

РФК-2020_301_КРУГЛЫЙ СТОЛ «КАНТОВСКИЙ ПРОЕКТ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ» 7

Ре-трансцендентализация современной философии: кантовская «идея трансцендентальной философии» 8
Катречко Сергей Леонидович 8
The Re–Transcendentalising of Modern Philosophy: Kant's "Idea of Transcendental Philosophy".
Katrechko Sergey L. 8

Влияние кантовского трансцендентализма на объектно-ориентированную онтологию Грэма Хармана 13
Воробьева Александра Андреевна 13
The influence of Kant transcendentalism on Graham Harman's object-oriented ontology.
Vorobeva Alexandra A. 13

Кант о методах философии и математики в 1764 и 1781 году: незамеченная эволюция 16
Евстигнеев Максим Дмитриевич 16
Kant on the Methods of Philosophy and Mathematics in 1764 and 1781: an unnoticed Evolution. 16
Evstigneev Maxim D.

Парадоксальность трансцендентализма 19
Мёдова Анастасия Анатольевна 19
The Paradoxicality of the Transcendentalism. 19
Феноменология как онтология: пролегомены к трансценденталистскому учению о свободе 22
Мишагин Павел Андреевич 22
Phenomenology as an Ontology: Prolegomes to the Transcendentalist Doctrine of Freedom.
Mishagin Pavel A. 22

Карл Леонгард Рейнгольд: На пути от кантовского критицизма к послекантовскому идеализму 25
Паткуль Андрей Борисович 25
Karl Leonhard Reinhold: On the Way from Kantian Criticism toward Post-Kantian Idealism.
Patkul Andrey B. 25

Теоретическое, практическое и эмпирическое
в контексте кантовского проекта трансцендентальной философии 29
Пржиленский Владимир Игоревич 29
Theoretical, practical and empirical in the context of the Kant's project of transcendental philosophy.
Przhilenskiy Vladimir I. 29

Мир как идея у Канта и космологическое различие О. Финка 33
Фролов Александр Викторович 33
World as an Idea in Kant and Eugen Fink's Cosmological Difference.
Frolov Alexander V. 33

Развитие кантовской теории познания в европейском трансцендентализме начала XX века 36
Шиян Анна Александровна 36
The development of the Kantian theory of cognition in European transcendentalism of the early twentieth century.
Shiyan Anna A. 36

РФК-2020_302_КРУГЛЫЙ СТОЛ «ФИЛОСОФИЯ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА
КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ» 41

Время события в философии Мартина Хайдеггера 43
Дурнев А.Д. 43

М. Хайдеггер как историк философии 46
Ф.Е. Ажимов 46
Martin Heidegger as a historian of philosophy.
Feliks E. Azhimov 46

Что мы можем знать, на что мы можем надеяться, или что философии ждать от нас 50
Артеменко Н.А. 50
What can we know, what can we hope for, or what philosophy can expect from us.
Artemenko N. A. 50

К вопросу о невозможном: смерть и конечность в Бытии и времени 53
Белоусов М.А. 53
Impossibility revisited: death and finitude in 'Being and Time'.
Belousov M.A. 53

Хайдеггер об аутентичной и академической логике 56
Гынгов, А. Л. 56
Heidegger on the authentic and academic logic.
Alexander Gungov 56

Хайдеггер и Левинас о смысле 59
Димитрова М.И. 59
Heidegger and Levinas on sense.
Dimitrova M.I. 59

Переживание присутствия божественного в мышлении: «последний Бог»
в философии позднего Хайдеггера 62
Коначева С.А. 62
The experience of divinity in thinking: "the last God" in late Heidegger's philosophy.
Svetlana A. Konacheva 62

Рецепция мысли Хайдеггера в России 66
Александр Владиславович Михайловский 66
The Reception of Heidegger's Thought in Russia.
Alexander Mikhailovsky 66

Феноменология конформизма в современной академической науке и философии 69
Моисеенко Я.Ю. 69
Phenomenology of conformism in contemporary academic science and philosophy.
Moiseenko Yan Yurevich 69

Хайдеггеровский вопрос о технике в контексте современного философского образования 73
Романенко Ю.М. 73
Heidegger's Question of Technique in the Context of Modern Philosophical Education.
Romanenko Y.M. 73

РФК-2020_303_

КРУГЛЫЙ СТОЛ «В ПОИСКАХ ФОРМУЛЫ АНТИЧНОСТИ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.Х. КЕССИДИ» 77

Идея теоретической и практической логики у Аристотеля 79
Агапов Е.П. 79
The idea of theoretical and practical logic in Aristotle.
Agapov E.P. 79

Проблема личностной идентичности в зеркале майевтики Сократа 82
Аполлонов И.А. 82
The problem of personal identity in the mirror of Socrates ‘ mayeutics
Apollonov I. A. 82

Теология и религия в Древней Греции: к вопросу об их взаимосвязи 85
Астапов С.Н. 85
Theology and Religion in Ancient Greece: to the Question about Their Mutual Connection.
Astapov S.N. 85

Идея единого человечества в античной традиции. 88
Диденко О. Н. 88
The idea of one humanity in the ancient tradition.
Didenko O.N. 88

Феохарий Кессиди: формула античности 91
Драч Г.В. 91
Théocharis Kessidis: Formula of Antiquity.
Drach G.V. 91

Миф и Логос: современная суд 94
Золотухина-Аболина Е.В. 94
Myth and Logos: the judgment of modernity.
Zolotukhina-Abolina E.V. 94

Минойская религия и мифологическая сюжетика классического периода 97
Кириллов А.А. 97
Minoan Religion and Mythological Subjects of the Classical Period.
Kirillov A.A. 97

Человек-природа-общество и экология культуры: к вопросу о понятиях и теориях 100
Липец Е.Ю. 100
Man-nature-society and the ecology of culture: on the issue of concepts and theories.
Lipets E.Yu. 100

Историко-культурные трансформации мифологемы Золотого века 103
Паниотова Т. С. 103
Historical and cultural transformationes of the Golden Age mythologeme.
Paniotova T.S. 103

Проблема использования междисциплинарного метода в истории философии 106
Пендюрина Л.П. 106
The problem of using the interdisciplinary method in the history of philosophy (on the measurement of the work of F.Kh. Cessidy).
Pendyurina L.P. 106

Исследования раннегреческой философии в советской традиции: Ф.Х. Кессиди 109
Подгорная М.Г. 109
Early Greek philosophy studies in the Soviet tradition: F.Kh.Kessidi. ***Podgornaya M.G. 109***

Институализация античной философии: сообщество vs корпорация 112
Римский В.П. 112
Institutionalization of ancient philosophy: community vs Corporation. ***Rimskiy V.P. 112***

Миф, воображаемое и советская утопия (из размышлений Ф.Х. Кессиди) 115
Романенко М.А. 115

Проблема возникновения научного знания и ранняя греческая философия в трактовке Ф.Х. Кессиди 118
Рузанов И.В. 118
The problem of the emergence of scientific knowledge and Early Greek philosophy: interpretation of F.Kh. Kessidi.
Ruzanov I.V. 118

К вопросу о мифосознании этноса 121
Сёмина Г. В. 121
To the question of mythological consciousness of an ethnos.
Semina G.V. 121

Ф.Х. Кессиди – от античности к современности 124
Старовойтов Владимир Васильевич 124
F.H. Kessidi: from antiquity to the contemporary epoch.
Vladimir V. Starovoitov 124

Платон об искусстве, управляемым разумом 127
Тихонов А.В. 127
Plato on mind-controlled art.
Tikhonov A.V. 127

Значение личности Алкивиада в диалоге Платона «Алкивиад II». 130
Хмелевской Д.О. 130
The significance of the personality of Alcibiades in Plato’s dialogue «Alcibiades II».
Khmelevskoy D.O. 130

РФК-2020_306_КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ПАРАДИГМА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ (ПАМЯТИ В.П. ФОФАНОВА)» 133

Этническая культура как способ существования социальной действительности 135
Долженкова О.В. 135
Ethnic culture as a way of being of the social reality.
Dolzhenkova O.V. 135

Социальная онтология В.П. Фофанова с позиций постсовременности: к постановке проблемы 138
Зиневич О.В. 138
Social ontology of V. Fofanov from the postmodernity standpoint: to the problem definition.
Zinevich O.V. 138

Психотерапевтическая группа в оптике деятельностной парадигмы. 142
Зотов А.М. 142
Psychotherapeutic group in the optics of the activity paradigm.
Zotov A.M. 142

Основания мироцелостности в эпоху информационно-сетевой глокализации. 145
Игнатьев В.И. 145
Ground for World Integrity in the Age of Information and Network Glocalization.
Ignatyev V.I. 145

Альтернативная версия социально-исторических процессов в России XX века:
субъект-субъектная концепция В. П. Фофанова 148
Кругова Т. Г. 148
An alternative version of socio-historical processes in Russia of the XX century:
the subject-subjective concept of V. P. Fofanov.
Krugova T. G. 148

Термин «Сиполь», рациональное и внерациональное в деятельностной парадигме социальной философии 151
Кущенко С.В. 151
The term "Sipol", rational and non-rational in the activity paradigm of social philosophy.
Kushchenko S. V. 151

Ограничения и риски при разработке стратегий устойчивого развития 154
Плюснин Ю.М. 154
Limitations and Risks in Sustainable Development Strategies Inventing.
Plusnin Ju. M. 154

Процесс интернационализации в горизонте системно-деятельностного подхода 159
Попков Ю.В. 159
Process of the internationalization in the horizon of a system-activity approach.
Popkov Yu.V. 159

Социокультурный подход в исследовании постматериальных ценностей 162
Слащинина А.П. 162
Socio-cultural approach in research of post-material values.
Slashinina A.P. 162

Деятельностная парадигма в фундаментальной социальной философии:
парадигмальный консенсус и расходящиеся интерпретации 165
Тюгашев Е.А. 165
Activity paradigm in fundamental social philosophy: paradigm consensus and divergent interpretations.
Tyugashev E.A. 165

Система социальной деятельности и модель межэтнических взаимодействий 168
Ушаков Д.В. 168
The system of social activities and the model of inter-ethnic interactions.
Ushakov D.V. 168

Смена парадигм в исследовании труда: от социальной деятельности к со-бытию 171
Четырова Л.Б. 171
Paradigm changing in the labour studies: from social action to co-existence.
Chetyrova L.B. 171

Деятельностный подход к анализу феномена идеологии* 175
Щербакова Е. В. 175
An active approach to the analysis of the phenomenon of ideology.
Shcherbakova E.V. 175

RFK-2020_307_КРУГЛЫЙ СТОЛ *«ФИЛОСОФИЯ И ВЛАСТЬ»* *179*

Философское осмысление политико-правовых систем в техногенном мире 181
Мамичев Михаил Васильевич 181

РФК-2020_308_
КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ РИСКА» 185

Риски в медицине: от страха к доверию 187
Андриянова Е.А. 187
Федонников А.С. 187
Risks in medicine: From Fear to Trust.
Andriyanova E.A.; Fedonnikov A.S. 187

Стереотипы сознания, научная мысль и образование как факторы социокультурной эволюции 191
Васильев Г. Г. 191
Якухнова Е. Г. 191

Идея прав человека в обществе риска 194
Горбунова М.В. 194
The human rights idea in a risk society.
Gorbunova M.V. 194

Общество риска в современных условиях: антропологическое измерение* 197
Гриценко Г.Д. 197
Risk society in modern conditions: an anthropological dimension.
Gritsenko G.D. 197

Значение философского определения риска для хирургии 201
Кузнецов Н.А. 201
The Importance of a Philosophical Definition of Risk for Surgery.
Kuznetsov N.A. 201

Семантика современного общества риска: философская концептуализация понятий 204
Ломако О.М. 204
Semantics of Modern Risk Society: Philosophical Conceptualization of Terms.
O. M. Lomako 204

Региональная культура: риски и консолидационные ресурсы современного общества 207
Листвина Е.В. 207
Regional culture: risks and consolidation resources of modern society.
Listvina E. V. 207

Культурно-образовательная среда: риски и перспективы 210
Остапенко С.М. 210
Cultural and educational environment: risks and prospects.
Ostapenko S.M. 210

Влияние процессов глобализации на трансформацию ценностей российской семьи 214
Прохорова И. Г. 214
Influence of the global world on the transformation of Russian family values.
Prokhorova I. G. 214

Готовы ли мы жить в обществе риска? 218
Стризое А. Л. 218
Are We Ready to Live in a Risk Society?
Strizoe A. L. 218

Маргинальность в условиях социальных трансформаций 221
Яхьяев М. Я. 221
Marginality in the conditions of social transformations.
Yakhyaev M. Y. 221

РФК-2020_309_КРУГЛЫЙ СТОЛ «МОЛОДЕЖЬ: ОНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ» 225

Философия психологии как фактор профессиональной самоидентификации студентов-психологов 227
Банщиков А. В. 227
Philosophy of psychology as a factor in professional self-identification of psychology students.
Banshchikov A. V. 227

Время их времени: взросление в эпоху виртуализации социума 231
Васецкая Е.Н. 231
Time of their time: growing up in the era of social virtualization.
Vasetskaya E. N. 231

«Вписка» как социокультурный феномен 234
Гранин Р.С. 234
"Vpiska" as the sociocultural phenomenon.
Granin R.S. 234

Роль молодежи в формировании нового технологического уклада 236
Добрынин А.П. 236
The Role of Youth in the Formation of a New Technological Order.
Dobrynin A.P. 236

Принципы молодежной политики как института управления социальным будущим 239
Иваненков С.П. 239
The Principles of The Youth Policy as an Institution of Social Future Management.
Ivanenkov S. P. 239

«Два времени» культуры в деконструкции политических явлений в политической социализации молодежи 242
Кирдяшкин И.В. 242
«Two times» cultures in a deconstruction of the political phenomena in political socialisation of youth.
Kirdjashkin I.V. 242

Социальная стратегия трансформации институтов молодежной политики: в унисон с будущим 245
Киричок Е.А. 245
Social Strategy for Transformation of Youth Policy Institutions: In unison with the future.
Kirichok E.A. 245

От hard skills к soft skills, или о диалектическом снятии образовательных парадигм 247
Кошель В.А. 247
From hard skills to soft skills or on dialectical sublation of educational paradigms.
***Koshel V.** A. 247*

Молодежь как бытие социального будущего 250
Кусжанова А.Ж. 250
Youth as The Being of Social Future.
Kuszhanova A. Zh. 250

Поколения как субъекты и объекты социального проектирования 253
Сегал А.П. 253
Generations as agents and objects of social design.
Segal A.P. 253

Патриотическое воспитание российской молодежи и социальные типы личности в ее среде 257
Смирнов П.И. 257
Russian Youth Patriotic Upbringing and Social Types of Personality in its Milieu.
Smirnov P.I. 257

Проблема сохранения и наследования отечественной духовной традиции в молодежной среде 260
Суслова Т.И. 260
The past and future of Russian culture spirituality through the prism of tradition.
Suslova T.I. 260

Мифологемы для поколения Z 263
Черных С.И. 263
Mythologemes for the «Z» generation. ***Chernykh S.I. 263***

Цифровое альтер-эго как важный аспект в междисциплинарных исследованиях девиаций молодого поколения 266
Шкаев Д.Г. 266
Digital Alter Ego as an Important Aspect in Interdisciplinary Studies of Deviancy of the Young Generation.
D.G. Shkaev 266

Проблема суггестивной уязвимости молодежи в современном медиа-пространстве 268
Юрова И. В. 268
The problem of suggestive vulnerability of youth in the modern media space.
Yurova I. V. 268

Философия города и евразийство 273
Азимли А.Ш.О. 273
Urban Philosophy and Eurasianism.
Azimli A.Sh.O. 273

Градостроительные ценности политической культуры 276
Андреев И.В. 276
URBAN DEVELOPMENT VALUES OF POLITICAL CULTURE.
Andreev I.V. 276

Социокультурные функции китайских парков в городском пространстве 279
Бернюкевич А.А. 279
The social and cultural functions of Chinese parks in urban space.
Bernyukevich A.A. 279

Об исследованиях роли религиозных сооружений в городском пространстве 282
Бернюкевич Т.В. 282
On studies of the role of religious buildings in urban space.
Bernyukevich T. V. 282

Город, университет и четвертая промышленная революция 285
Бляхер Л.Е. 285
City, university and the fourth industrial revolution.
Bliakher L. E. 285

Влияние социокультурных конфликтов на развитие отечественной архитектуры 1920-30 гг. 288
Гацунаев К.Н. 288
Influence of sociocultural conflicts on the development of domestic architecture 1920-30s.
Gatsunaev K. N. 288

Аборигенный дискурс в оптике исследований городской идентичности: кейс «Академгородок 2.0» 291
Ерохина Е.А. 291
Aboriginal discourse in the optics of studies of urban identity: case "Akademgorodok 2.0".
Erokhina E. A. 291

Формирование глобальных компетенций у студентов как ответ на вызовы «текучей модернити» 294
Иванова З.И. 294
The formation of global competencies among students as an answer to the challenges of «liquid modernity».
Ivanova Z.I. 294

Гуманитарные риски «умного города» 297
Кривых Е. Г. 297
Humanitarian risks of smart city.
Krivykh E. G. 297

Москва – центр концентрации власти и капитала в России 300
Кулагина А.С. 300
Moscow is the Center of Concentration of Power and Capital in Russia.
Kulagina A.S. 300

Реклама в символическом пространстве города 303
Мамедова Н.М. 303
Advertising in the symbolic space of the city.
Mamedova N. M. 303

Дальнейшее расширение Москвы или перенос столицы? 306
Мезенцев И.С. 306
Further Expansion of Moscow or Transfer of the Capital?
Mezentsev I.S. 306

Системные проблемы развития Москвы 309
Мезенцев С.Д. 309
Systemic Problems of Moscow's Development.
Mezentsev S.D. 309

Города Северной Евразии и восточный поворот России 312
Николаева Т.А. 312
Cities of Northern Eurasia and the Eastern Turn of Russia. ***Nikolaeva T.A. 312***

Трансформация идеи города в историко-философской ретроспективе 315
Орлова О.Н. 315

Transformation of the city idea in historical-philosophical retrospective.
Orlova O.N. 315

Экзистенциальные проблемы потребителя в сфере ЖКХ 318
Посвятенко Ю.В.. 318
Existential consumer problems in the housing sector.
Posvyatenko Y.V. 318

Современный город как пространство коммуникаций 321
Серегина Т.Н. 321
Modern City as a communication Space.
Seregina T.N. 321

Развитие города в пространстве Леналенда 325
Фетисова Е.Н. 325
Migration and cities in Lenaland space.
Fetisova E.N. 325

Проблема научно-технического прогресса в творчестве Л. Мамфорда 328
Хасиева М.А. 328
The problem of scientific and technological progress in the work of L. Mumford.
Khasieva M.A. 328

Медиация конфликта в социальном пространстве современного города 332
Юнгус Г. А. 332
Conflict mediation in the social space of a modern city.
Yungus G.A. 332

Социальное пространство городов: подходы, методы, модели 335
Ковалевский А.В. 335
Social space of cities: approaches, methods, models.
Kovalevsky A.V. 335

РФК-2020_311_КРУГЛЫЙ СТОЛ «ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД (ПОСВЯЩАЕТСЯ ПЕРВОМУ ПРЕЗИДЕНТУ РФО АКАДЕМИКУ И.Т.ФРОЛОВУ)» 339

Отечественный вклад в глобально-экологическую парадигму мышления 341
Апухтина Н.Г. 341
Russian Contribution to Global Ecological Paradigm of Thinking.
Apukhtina N.G. 341

Человечеству грозит гибель от депопуляции, если… 345
Балашов Л. Е. 345
Humanity is Threatened with Death from Depopulation if…
Balashov L.E. 345

Глобальная мирная стратегия в философии И.Т. Фролова 349
Белкина Г.Л. 349
Global Peace Strategy in the Philosophy of I.T. Frolov.
*Belkina G.L. **349***

Образ человека в педагогических концепциях XX-XX1 вв. в контексте развития цивилизации 352
И.А. Бирич 352
The Image of the Human in Pedagogical Concepts of the 20th and 21st centuries in the Context of the Development of Civilization.
I.A. Birich 352

Глобализация лжи в цифровую эпоху: междисциплинарные и эпистемологические измерения 355
Василькова В.В. 355
The Globalization of Lie in the Digital Age: Interdisciplinary and Epistemological Dimensions.
Vasilkova V.V. 355

От конфликтного мира к “концерту цивилизаций”: будущее Евразии 358
Галиуллина Г.С. 358
From Conflict World to “Concert of Civilizations”: The Future For Eurasia.
Galiullina G.S. 358

Глобальные проблемы цивилизации в фокусе политической науки: методологические и методические вызовы 362
О. В. Гаман-Голутвина 362

Глобальная смена эволюции жизни на земле 365
Демиденко Э.С. 365
Global Change of Evolution of Life on the Earth.
Demidenko E.S. 365

Экологическая проблема в творчестве И.Т. Фролова 368
Евреева О.А. 368
The Environmental Problem in the Work of I.T. Frolov.
Evreeva O.A. 368

Гуманитарная безопасность как глобальная проблема современности 371
Зеленцова М.Г. 371
Humanitarian Security as a Global Problem of Our Time.
Zelentsova M. G.371

Северная цивилизация в перспективе развития России 375
Исаченко Н.Н. 375
Northern Civilization In The Perspective Of Russia’s Development.
Isachenko N. N. 375

Третичная формация в теории К. Маркса: обратное поглощение стоимости 378
Камалетдинова А.Я. 378
Tertiary Formation in the Theory of K. Marx: Inverse Absorption of Value.
Kamaletdinova A.Ya. 378

Перспективы развития культурной и научной дипломатии: социально-философский анализ 381
Курумчина А.Э. 381
Development Prospects of Cultural and Science Diplomacy: socio-philosophical analysis.
Kurumchina A.E. 381

Глобализация и социальная безопасность 385
Миронова Н.В. 385
Globalization and Social Security.
Mironova N.V. 385

Особенности современной философии бизнеса 388
Набиева Э.А. 388
Philosophical Bases of Modern Marketing.
Nabieva E.A. 388

Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ* 392
Нестик Т.А. 392
The Humanity in the Face of Global Risks: A Socio-Psychological Analysis.
Nestik T.A. 392

Российская цивилизация как глобальный проект 395
Панфилова Т.В. 395
Russian Civilization as a Global Project.
Panfilova T.V. 395

Две тенденции глобализации: культурный плюрализм и культурная стандартизация 398
Плебанек О.В. 398
Two Trends of Globalization: Cultural Pluralism and Cultural Standardization.
Plebanek O. V. 398

К вопросу о текстуальной природе человека 401
Рахимова М.В. 401
Another Word On Human Textuality.
Rakhimova M.V. 401

Ремифологизация современной цивилизации 407
Понизовкина И.Ф. 407
Remifologization of Modern Civilization.
Ponizovkina I.F. 407

Образ мирового порядка в концепциях глобализации 411
Рякова Е.Г. 411
The Image of the World Order in the Concepts of Globalization.
Riakova Ye.G. 411

Фактор идентификации в процессе глобализации 415
Салихов Г.Г. 415
Identification Factor in the Process Of Globalization.
Salikhov G. G. 415

Диалог культур в условиях конфликта 418
Серёгин А.А. 418
Dialogue of Cultures in Conflict.
Seregin A.A. 418

Доисторические истоки глокализации 421
Ситников И.Н. 421
The Prehistoric Origins of Glocalization.
Sitnikov I.N. 421

Интернет – глобальный вызов или ресурс развития цивилизации? 424
Степанова Г.Б. 424
The Internet Is a Global Challenge or Resource for the Development of Civilization?
Stepanova G.B. 424

Новый гуманизм (К. Маркс, И. Т. Фролов и современность) 427
Субботина Н.Д. 427
New Humanism (K. Marx, I. T. Fromm and Modernity).
Subbotina N.D. 427

Актуальность философской концепции глобальных проблем И.Т. Фролова 430
Фролова М.И. 430
The Relevance of the Philosophical Concept of Global Problems by I.T. Frolov.
Frolova M.I. 430

Противоречия социальной идентификации в системе ценностей в условиях глобализирующегося мира 433
Шабашова Н. М.433
The Contradictions of Social Identification in the Value System in a Globalizing World.
Shabashova N.M. 433

Ключевая проблема современности: философский взгляд 436
Шаповал В.Н. 436
The Key Issue of Our Time: A Philosophical View.
Shapoval V.N. 436

Две парадигмы развития цивилизации: философско-мировоззренческий аспект 439
Шулындина А.Б. 439
Two Paradigms of Civilization Development: Philosophical and Worldview Aspect.
Shulyndina A.B. 439

Обновление Узбекистана в контексте глобализации 443
Юлдашева Ф.Х. 443
Renewal of Uzbekistan in the Context Of Globalization.
Yuldasheva F.Kh. 443

Феномен глобализма: его влияние на основные тенденции социально-технического прогресса 444
Якуничев Д. А. 444
The Phenomenon of Globalism: Its Impact on the Main Trends of Social and Technical Progress.
Yakunichev D. A. 444

V-12_Круглый стол «Начало Евроазийства. К столетию работы Н.С Трубецкого "Европа и человечество"» 447

Исследование Евразийства в Китае 448
Du Yupeng, Yuan Quan, Qu Xiaoli 448

Европейская цивилизация как антитеза «варварству» остального человечества: аргументы Н.С. Трубецкого и современная реальность 451
Спиридонова В.И. 451
European civilization as the antithesis to the «barbarity» of the rest of humanity: N. S. Trubetskoy's arguments and modern reality.
Spiridonova V. I. 451

Актуальность классического евразийства (Н. С. Трубецкой «Наследие Чингисхана») 455
Шевченко В.Н. 455
The relevance of classical Eurasianism.
Shevchenko V.N. 455

РФК-2020_313_КРУГЛЫЙ СТОЛ «КРЫМ В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ» 459

Остров Крым и остров Россия на перекрестках цивилизационного развития 461
Буркова Е.И. 461
The Islands of Russia and Crimea at the crossroads of civilizations.
Burkova E.I. 461

Крым в системе переконфигурации международных отношений 464
Вакулова Т.В. 464
Crimea in the system of reconfiguration of international relations.
Vakulova T. V. 464

Сакрализация Крыма в современном российском политическом дискурсе 467
Донцев С.П. 467
Sacralisation of Crimea in modern Russian political discourse.
Dontsev S.P. 467

Крым сегодня: геоцивилизационные аспекты 470
Когут В.Г. 470
Нурышев Г.Н. 470
Crimea today: geocivilizational aspects.
Kogut V.G.; Nuryshev G.N. 470

«Великий разговор» или «диалоговая пропаганда»: пути преодоления. Крымский дискурс 474
Коробкина Е. Н. 474
«The great conversation» or «dialogue-based propaganda»: ways of overcoming. Crimean discourse.
Korobkina E. N. 474

Цивилизационные проекты Русского мира 477
Лазарев Ф.В. 477
Civilization Projects of the Russian World.
Lazarev F.V. 477

Крымская идентичность в контексте евразийской интеграции 480
Переход С.О. 480
Crimean Identity in the Context of Eurasian Integrity.
Perekhod S.O. 480

Архитектоника Евросоюза и воссоединение Крыма
как пролог стратегии цивилизационной реинтеграции 483
Расторгуев В.Н. 483
EU Architectonics and the reunion of Crimea as a prologue to civilizational reintegration strategies "
Crimea in the Russian civilization space".
Rastorguev V.N. 483

Роль Южного Берега Крыма в построении цивилизационной модели России и поликультурного мира. 486
Свешникова И.П. 486
The role of the South Coast of Crimea in the construction of civilization models of Russia
and the multicultural world.
Sveshnikova I.P. 486

Политическое пространство и социальное время Крыма: синергия смыслов и ценностей 490
Сенюшкина Т.А. 490
Political Space and Social Time of Crimea: Synergy of Meanings and Values
Senyushkina T. A. 490

Крымский ответ на разворот геополитического и цивилизационного вектора Украины 494
Тарусин Павел Владимирович 494
Crimean response to the reversal of the geopolitical and civilizational vector of the Ukrainian state.
Tarusin P.V. 494

RFK-2020_314_КРУГЛЫЙ СТОЛ «АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ XXI ВЕКА» 499

Антропологические идеи Л.О. Минка: история и многообразие опыта миропонимания 500
Ануфриева Карина Викторовна 500
L.O. Mink's anthropological ideas: history and multiplicity of the world understanding.
Anufrieva C.V. 500

«Предельно человеческое». Культурная топика и перспективы коммеморативного дискурса 503
Гаевская Н.З. 503
"Extremely human". Cultural topics and perspectives of commemorative discourse.
Gaevskaya N. Z. 503

Исторический опыт и рефлексивная самотождественность личности
в герменевтической философии П. Рикёра 507
Губман Б.Л. 507
Historical experience and reflexive self-identity of the person in P. Ricoeur's hermeneutical philosophy.
Gubman B.L. 507

Об условиях появления человеческого в человеческой природе 510
Ибрагимова З.З. 510
On the conditions of the appearance of human in human nature.
Ibragimova Z. Z. 510

Феномен андрогина в современной философской антропологии 513
Иванова Т.А. 513
Phenomenon of the androgyne in actual Philosophical Anthropology.
Ivanova T.A. 513

Точка бифуркации в эпоху сингулярности 516
Кириленко В. Г. 516
The point of bifurcation in the era of the singularity.
Kirilenko V.G. 516

Homo Putantes: присутствующее отсутствие и современная философская антропология 518
Козолупенко Д.П. 518
Homo Putantes: the present and the lack of modern philosophical anthropology.
Kosolupenko D.P. 518

Жест как антропологическое событие 522
Маковцев В. С. 522
Gesture as an Anthropological Event.
Makovtsev V.S. 522

От «красивой жизни» к «интересной»: социально-антропологический аспект эволюции
нравственно-эстетических предпочтений постсоветских россиян 525
Мясникова Т.А. 525
From "Beautiful Life" to "Interesting": Social and Anthropological Aspect of Evolution
of Moral and Aesthetic Preferences of Post-Soviet Russians.
Myasnikova T.A. 525

Деантропологизация антропологии.
Современные концепции антропологии без человека и их источники 528
Наумов Н.Г. 528
Deanthropologization of anthropology.
Modern concepts of «anthropology without a human» and their sources.
Naumov N.G. 528

Критика глобализации в философской антропологии Ж. Пулэна 532
Панов С.В. 532
Ивашкин С.Н. 532
The Critics of Globalization in J. Poulain's Philosophical Anthropology.
Panov S.V.; Ivashkin S.N. 532

Онтология событийности. Антропологический дискурс и практика для XXI века 536
Смирнов С.А. 536
Ontology Eventness. Anthropological Discourse and Practice for XXI Century.
Smirnov S.A. 536

Философская антропология: перспективы «несостоявшегося проекта» 540
Спирова Э.М. 540
Philosophical Anthropology: The Prospects of a «Failed Project». ***Spirova E.M. 540***

Поколение центениалов и необходимость нового философского дискурса 543
Стороженко Н.В. 543
Centennials Generation and New Philosophical Discourse Necessity.
Storozhenko N.V. 543
О человеке с характером и его оппонентах 546
Фатенков А.Н. 546
About a man with Character and His Opponents.
Fatenkov A.N. 546
Концептуальная модель социального субъекта современного общества 549
Шаммазова Е.Ю. 549
Conceptual Model of a Social Agent in the Modern Society.
Shammazova E.Yu. 549
Человек и (пост)капитализм: от неомарксизма к левому акселерационизму 552
Шулико Г.А. 552
Human and (Post)Capitalism: From Neo-Marxism to the Left-Accelerationism.
Shuliko G.A. 552

RFK-2020_315_КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ПЕРСОНАЛИЗМ – ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ» (ПАМЯТИ С. М. ПОЛОВИНКИНА И А. В. СОБОЛЕВА) 555
Метафизика бытия человека: единое и единичное. 556
Апполонова Ю. С. 556
Metaphysics Of Human Existence: the One And the Singular.
Appolonova Y.S. 556
Концепция времени в конкретном спиритуализме Л.М. Лопатина 560
Бердникова А.Ю. 560
The concept of time in concrete spiritualism of Leo Lopatin.
Berdnikova A. Yu. 560
Персонология евразийства 564
Жданова Г.В. 564
The personology by Eurasian Movement.
Zhdanova G.V. 564
Русский персонализм: социально-философский аспект 567
Кацапова И.А. 567
Персоналистический поворот в философии 571
Мелих Ю.Б. 571
Personalistic Turn in Philosophy.
Melikh Yu.B. 571
Мироисполнение в структуре человеческого бытия в метафизическом проекте С.Л. Франка. 575
Назарова О. А. 575
The world execution in the structure of the human being in the metaphysical project of S.L. Frank.
***Nazarova O.**А. 575*
К вопросу о «христианском персонализме» П. А. Флоренского 578
Павлюченков Н. Н. 578
On the question of "Christian personalism" by P. A. Florensky.
Pavliuchenkov N. N. 578
Влияние В.Н. Карпова и о. Феофана (Авсенева) на философию русского платонизма 581
Ряполов С.В. 581
Influence of Professor Vasily Karpov and Archimandrite Theophan (Avsenev) on the philosophy of Russian Platonism.
Ryapolov S.V. 581
Персонализм в философской системе «раннего» А.Ф. Лосева 584
Троицкий В.П. 584
Personalism in philosophical System of "early" A. F. Losev.
Troitskii V. P. 584

RFK-2020_317_КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ДИСКУРСЫ В ПОЗНАНИИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ» 587

«Социокультурные практики самопознания в концепциях М. Хайдеггера и М. Фуко» 588
Большунова С.А. 588
Title: Sociocultural practices of self-knowledge in the works of M. Heidegger and M. Foucault.
Bolshunova S.A. 588

Аксиологическое наполнение властного дискурса в истории России 592
Данилова А.Г. 592
Митина О.В. 592
Axiological content of power discourse in the history of Russia 592

Созидание будущего в концепции чувствующего присутствия Отто Шармера 596
Дондокова Б.Б. 596
Creating the Future in Otto Sharmer's Sensitive Presence Concept.
Dondokova B.B. 596

Лингвопринуждение как проект глобального доминирования 599
Ивахненко Е.Н. 599
Linguistic Enforcement as a Project of Global Dominance.
Ivakhnenko E.N. 599

Возможности дистрибутивной семантики для анализа дискурса 602
Иргашев Н.Р. 602
Митина О.В. 602
Данилова А.Г. 602
Distributive semantics for discourse analysis.
Irgashev N.P., Mitina O. V.; Danilova A. G.; 602

Пиар-дискурс как результат социальной практики:
лингвистические стратегии пиар-специалистов и их философское кредо 605
Оберюхтина М. В. 605
PR discourse as a result of social acts:
the work philosophy of PR officers and their linguistic strategies.
Oberyukhtina M. V. 605

Философские подходы к пониманию концепта 609
Солодухо М.Н. 609
Philosophical approaches to understanding the concept.
Solodukho M.N. 609

Повелительное наклонение в политическом дискурсе 612
Филиппова Маргарита Михайловна 612
The Imperative Mood in Political Discourse.
Philippova M.M. 612

Дискурсы: широкий и узкий пути понимания 616
Яковлева Л.И. 616
Discources: Broad and Narrow Interpretation.
Yakovleva L.I. 616

Влияние поэтической «дискурсивности» на познание.
На примере экспериментальной поэтики позднего Рембо 619
Янушевская Е.В. 619
The poetic impact of "discursively" cognition on the material of experimental poetics of late A. Rimbaud.
Yanushevskaya Y.V. 619

RFK-2020_318_КРУГЛЫЙ СТОЛ: НЕВЕРБАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРАКТИКАХ ЗНАНИЯ 623

История и практики объективности 624
Баева Ангелина Викторовна 624
History and Practice of Objectivity.
Baeva Angelina V. 624

Доверие к себе: реминисценции к эпистемологии свидетельства. 627
Дуденкова Ирина Васильевна 627
Trust in self: reminiscences to the epistemology of testimony.
Dudenkova Irina V. 627

Научные кинематографические визуализации 629
Новиков Михаил Андреевич 629
Cinematic scientific visualization.
Novikov Mikhail A. 629

RFK-2020_319_КРУГЛЫЙ СТОЛ:
«ОТ АНАЛОГА К ЦИФРЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА» 633

От «древа» к «ризоме». Анализ структуры связей в сети Интернет сквозь призму образов «книги песка» и «вавилонской библиотеки» Х.Л. Борхеса 634
Золотарев А.С. 634
From the "tree" to the "rhizome". Analysis of the connection structure in Internet through the prism of images of the "The Book of Sand" and the "Babylonian library" by H.L. Borges.
Zolotarev A.S. 634

Моральное насилие над игроком как механизм трансформации этических и аксиологических установок 637
Клюев А. А. 637
Moral violence against the player as a mechanism for transforming ethical and axiological attitudes.
Klyuev A. A. 637

Социальные трансформации в аспекте межличностной коммуникации внутри цифровой реальности: социально-философский анализ 640
Лазинина Е.В. 640
Social transformations in the aspect of interpersonal communication within digital reality: social and philosophical analysis.
Lazinina E.V. 640

Методология взаимодействия с интерфейсами интернет-объектов 644
Петров П.А. 644
Methodology for interacting with interfaces of Internet objects.
Petrov P.A. 644

Истина и власть как селективные механизмы коммуникации 647
Савченко И. А. 647
Truth and power as selective communication mechanisms.
Savchenko I. A. 647

Цифровое будущее: дигитализация человека или гуманизация технологий? 651
Соколова Д.М. 651
The digital future: digitalisation of the human or humanizing technology?
Sokolova D.M. 651

Образовательная культура: взгляд медиафилософии 654
Соловьёва В.М. 654
Educational Culture: View of Mediaphilosophy.
Soloveva V.M. 654

Влияние социальных сетей на современные протестные движения 657
Цуркан Е.Г. 657
The effect of social networks on modern protest movements.
Tsurkan E.G. 657

РФК-2020_320_КРУГЛЫЙ СТОЛ
«РЕЛИГИЯ В XXI В.: МОДУСЫ ТРАДИЦИОННОСТИ И ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ» 661

Религия и наука в современном мире: роль философии в процессе диалога. 663
Клементьева Т.Н. 663
Religion and science in the modern world: the role of philosophy in the process of dialogue.
Klementyeva T.N. 663

Мистическая практика в суфизме 667
Костылев П.Н. 667
Mystical practice in Sufism.
Kostylev P.N. 667

Эзотерические учения в современном мире: вектор изменения 670
Винокуров В.В. 670
Esoteric teachings in the modern world: the vector of change.
Vinokurov V.V. 670

Деконструкция религии как интеллектуальная стратегия и как социокультурный процесс 674
Яворский Д.Р. 674
Deconstruction of religion as intellectual strategy and as sociocultural process.
Yavorsky D. 674

Исследование религий древней Греции и древнего Рима в XXI веке и цифровые гуманитарные науки 677
Осипова О.В. 677
The study of Ancient Greek and Roman religions in the 21st century and digital humanities.
Osipova O.V. 677

Религия в масс-медиа: конфессиональные СМИ и светская журналистика 680
Малафеева М.А. 680
Religion in the media: confessional media and secular journalism.
Malafeeva M.A. 680

Экологическая и религиозная коммуникация в системной теории общества Н.Лумана 683
Лютаева Мария Сергеевна 683
Ecological and religious communication in the system theory of the society of N. Luhmann.
Lyutaeva M.S. 683

Символика павлина в иудейской позднеантичной иконографии. 686
Григорьева А.К. 686
Peacock as a symbol of Jewish Late Antique iconography.
Grigoreva A.K. 686

Межрелигиозный и межконфессиональный диалог: границы понятий 690
Городилова Л.А. 690
Interreligious and inter-confessional dialogue: boundaries of the concepts.
Gorodilova L.A. 690

Религиоведческие аспекты теменологии (к постановке проблемы) 693
Бегчин Д.А. 693
The religious aspects of temenology (the problem statement).
Begchin D.A. 693

Философско-религиоведческие аспекты колорологии Мишеля Пастуро 697
Давыдов И.П. 697
Philosophical and Religiological Aspects of Colourology of Michael Pastoureau [thesis].
Davidov I.P. 697

Специфика медиатизации религии в России сквозь призму православного фундаменталистского дискурса вокруг фильма «Матильда» 701
Коваленко В. Д. 701
Specifics of religion mediatization in Russia through the prism of Orthodox fundamentalist discourse around the film "Matilda».
Kovalenko V. D. 701

Жития новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви как объект междисциплинарного исследования (на материале житий новомучеников и исповедников Московской Епархии) 705
Суровцева Е.В. 705
Lives of new martyrs and confessors of Russian Orthodox Church as object of interdisciplinary research (based on lives of new martyrs and confessors of Moscow Diocese).
Surovtseva E.V. 705

Треки развития представлений о религии в XXI веке: событийный, экзистенциальный, образовательный 708
Фархитдинова О. М. 708
Tracks of the development of ideas about religion in the 21st century: eventful, existential, educational.
Farkhitdinova O.M. 708

Проблема милосердия и ненасилия в русской религиозно-философской культура 711
Царенкова Елена Анатольевна 711

Государственно-конфессиональные отношения в Германии; проблема церковного налога 713
Матушанская Ю.Г. 713
State and confessional relations in Germany: the problem of church tax.
Matushanskaya Yu. G. 713

Философия, религия и атеизм: между конфликтом и гармонией базовых интерпретаций 716
Аринин Евгений Игоревич 716

РФК-2020_321_КРУГЛЫЙ СТОЛ «НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ» 719

Научный реализм и тезис существования 721
Безлепкин Е.А. 721
Scientific Realism and Existential Dimension.
Bezlepkin E.A. 721

Реальные паттерны Д. Деннета как модальная онтология науки 724
Головко Н.В. 724
D. Dennett's Real Patterns as a Modal Ontology of Science.
Golovko N.V. 724

Зигзаги истории науки и проблема научного реализма 727
Кузин И.А. 727
Zig-zags of history of science and the problem of scientific realism.
Kuzin I.A. 727

Научный реализм: метафизическая необходимость и метафизическая модальность 730
Овчинников С.Е. 730
Scientific realism: metaphysical necessity and metaphysical modality.
Ovchinnikov S.E. 730

Научный реализм и конструктивистский эмпиризм 733
А.А.Печенкин 733
The scientific realism and the constructivist empiricism.
Alexander A. Pechenkin 733

Математический реализм в современной математике и философии 736
Побережный И.А. 736
Mathematical realism in the modern philosophy of science.
Poberezhnyy I.A. 736

Конвенционализм Пуанкаре и грамматический метод Витгенштейна 739
Прись И. Е. 739
Henri Poincaré's conventionalism and Wittgenstein's grammatical method.
Pris F.-I. 739

Онтический структурный реализм и квантовая механика 744
Сторожук А.Ю. 744
Ontic structural realism and quantum mechanics.
Storozhuk A.Ju. 744

Ненаблюдаемые объекты – сущности или структуры? 746
Терехович В.Э. 746
Whether unobservable objects are entities or structures?
Terekhovich V.E. 746

Научный реализм и угроза схоластизации философии науки 750
Фурсов А.А. 750
Scientific Realism and the threat of the scholastization of the philosophy of science.
Fursov A.A. 750

Манипуляции манипулятивного реализма 754
Эрекаев В.Д. 754
Manipulations of manipulative realism.
Erekaev V.D. 754

Структурный реализм: категориальные и причинные характеристики 757
Эртель И.И. 757
Structural realism: categorical vs causal properties.
Ertel I.I. 757

РФК-2020_322_ КРУГЛЫЙ СТОЛ «КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И АРГУМЕНТАЦИЯ» 759

Критическое мышление и медицина 761
Барбашина Э.В. 761
Critical Thinking and Medicine.
Barbashina E.V. 761

Критическое мышление сквозь призму методов И. Канта 765
Боброва А.С. 765
Critical thinking through the lens of Kant's methods.
Bobrova A.S. 765

Аргументация как способ развития навыков и установок критического мышления 767
Горбатов В.В. 767
Argumentation as a way to develop critical thinking skills and attitudes.
Gorbatov V.V. 767

Субъект аргументации: феноменологический подход 770
Крючкова С.Е. 770
Subject of argumentation: a phenomenological approach Round table "Critical Thinking and Argumentation".
Kryuchkova S.E. 770

Два подхода к философии критического мышления 773
Лисанюк Е.Н. 773
Two approaches to philosophy of critical thinking.
Lisanyuk Elena Nikolayevna 773

Локусы аргументации в науках об обществе 777
Малюкова О.В. 777
Loci of argumentation in the sciences of society.
Malyukova O.V. 777

Логика и критическое мышление: педагогическая практика 781
Суханова Н.П. 781
Logic and critical thinking: teaching practice.
Sukhanova N.P. 781

Субъект философского творчества в свете логико-когнитивной теории аргументации 784
Мотовникова Е.Н. 784
Philosopher in the light of the logical-cognitive theory of argumentation.
Motovnikova E.N. 784

Рецепция понятия «рассуждения» в России 18 в. 786
Петровская Анастасия Владимировна 786
Reception of the concept of "reasoning" in Russia of 18th century.
Petrovskaya A.V. 786

К вопросу о логической специфике критического мышления 790
Шапиро О.А. 790
To the Question of Critical Thinking Specifics.
Shapiro O.A. 790

Прощение как процесс в пропозициональной динамической логике 793
Карпов Г. В. 793
Forgiveness as a process in propositional dynamic logic.
Karpov G.V. 793

Вопрос о формализации смысла в философии науки и ответ прагматизма 795
О.Е. Столярова 795
The problem of formalization of meaning in the philosophy of science and the answer of pragmatism.
O.E. Stoliarova 795

РФК-2020_323_КРУГЛЫЙ СТОЛ «БИО- И ЭКОФИЛОСОФИЯ» 803

Необходимость поддержания неорганической среды биосферы для сохранения жизни 805
Карташова Е.Р., Фитискина Н.В. 805*
The need to maintain the inorganic environment of the biosphere to save life.
Kartashova E.R., Fitiskina N.V. 805

Аксиологические аспекты стратегии устойчивого развития 809
Кондакова Н.С. 809
Axiological aspects of the sustainable development strategy.
Kondakova N. S.809

Антитрансгуманизм, или Зачем живому нужно умение страдать? 812
Варапутин Александр Владимирович 812

Экофилософия в концептуальном пространстве современной культуры 816
Баркова Э.В. 816
Ecophilosophy in the conceptual space of modern culture.
Barkova E.V. 816

Человек или природа: конфигурация отношений 820
Барковская А.В. 820
Man or nature: a configuration of relationships.
Ala V. Barkovskaja 820

Опыт синтеза экологического образования и воспитания, науки и практики в филиале РГСУ в г. Павловском Посаде Московской области 823
Борзова Татьяна Васильевна 823
Experience in the synthesis of environmental education and education, science and practice in the branch of RSSU in Pavlovsky Posad, Moscow region.
Tatiana Borzova 823

Верховенство природы и развитие человека – принципы доктрины градоустройства 826
В.А.Ильичев 826
The Supremacy of Nature and Human Development - Principles of the Doctrine of City Planning.
V.A. Ilyichev 826

Муниципальная экология. Недопущение загрязнения окружающей среды. 829
Дубинский Вадим Владимирович 829
Municipal ecology. Prevention of environmental pollution.
Vadim Dubinsky 829

Соционатурэкосистема: содержание и механизмы управления 832
Захарова Е.Ю. 832
Лига М.Б. 832
Nature society system: content and management mechanisms.
Zakharova E.Yu.; Liga M.B. 832

Идеал и социоприродная реальность как диалектическое единство в самопроектировании личности. 835
Ideal and socio-natural reality as dialectical unity in personality self-projection.
Zakharova N.E. 835

Формирование высокого уровня социализации на основе ценностей экологической культуры – основа гуманной коррекции образования. 839
Колесник Т.А. 839
The formation of a high level of socialization based on the values of ecological culture is the basis of humane correction of education.
Kolesnik T. A. 839

Духовный гуманизм и технологический прогресс 843
Мантатов Вячеслав Владимирович 843
Мантатова Лариса Вячеславовна 843
Spiritual humanism and technological progress. ***Mantatov Vyacheslav V.; Mantatova Larisa V. 843***

Методологические аспекты постнеклассических философии и науки на основе системы координат детерминистического хаоса 846
Данилова Вера Софроновна 846
Кожевников Николай Николаевич 846
Methodological aspects of post-non-classical philosophy and science based on the coordinate system of deterministic chaos.
Danilova V.; Kozhevnikov N. 846

Новый гуманизм как условие гармонизации социо-природного взаимодействия 849
Лещинская В.В. 849
Глобальный антропогенный экологический кризис
как квинтэссенция «кризиса кризисов» начала эпохи антропоцена 852
Олейников Ю.В. 852
Global Anthropogenic Ecological Crisis as Quintessence of "Crisis of Crises" of the Onset of Anthopocene Epoch.
Yuri Oleynikov 852
Экология цифровой среды как жизненного мира современного человека. 855
Петрова Е.В. 855
Ecology of the digital environment as the lifeworld of modern man.
Ekaterina V. Petrova 855
Проблематизация человеческой жизни в контексте технологий четвертой промышленной революции 858
Веряскина Валентина Петровна 858
The problematization of human life in the context of technologies of the fourth industrial revolution.
Veryaskina Valentina Petrovna 858
Регенерация человеческого организма: миф или грядущая реальность биомедицинских технологий? 862
Майленова Ф.Г. 862
Regeneration of the human organism: myth or the coming reality of biomedical technology?
Mylenova F.G. 862
«Интегральное бессмертие»: опыт концептуализации 867
Рыбин В.А. 867
"Integral immortality": experience of conceptualization.
Rybin V. A. 867
Вклад идей био- и экофилософии в формирование установок культуры 870
И.К. Лисеев 870
Contribution of the ideas of bio - and ecophilosophy to the formation of cultural attitudes.
I. K. Liseev 870
Трансгуманистические перспективы: явные сомнения и скрытая угроза 872
Пилецкий С.Г. 872
Transhumanistic perspectives: clear doubts and hidden threat.
Piletsky S.G. 872
Контуры стратегии выживания человечества в условиях экологической нестабильности 875
Водопьянов Павел Александрович 875
Contours of the strategy of survival of mankind in the conditions of ecological instability.
Vodopyanov Pavel Aleksandrovich 875
Традиционная медицина Монголии в условиях глобализации и конкуренции 878
Булдакова Ю.Р., Головизнин М.В. 878
Traditional medicine of Mongolia in the context of globalization and competition.
Buldakova Yu. R., Goloviznin M. V. 878
Традиционная экологическая культура в контексте современного массового сознания 881
Сметанина Т.А. 881
Traditional ecological culture in the context of modern mass consciousness.
Smetanina T.A. 881
Конвергентные технологии «двойного назначения»: тенденции социокультурной трансформации 884
Гнатик Екатерина Николаевна 884
Converged dual-use technologies: sociocultural transformation trends.
Gnatik Ekaterina N. 884
Литература: 886
Биофилософия – «новый синтез» знаний о живой природе 887
Хен Ю. В. 887
Biophilosophy – a "new synthesis" of knowledge about nature
Yulia V. Khen 887
Экологический контекст в социодинамике культурных традиций Запада и Востока 889
Зеленков А.И. 889
Ecological context in the sociodynamics of the West and East cultural traditions.
Zelenkov A.I. 889
Цифровое измерение поликультурного энвайронментализма как новой цивилизационной парадигмы 892
Даллакян К.А. 892
Digital dimension of multicultural environmentalism as a new civilizational paradigm.
Dallakyan K. A. 892
Перспективы герменевтического метода в био-и экофилософии 893
Шульга Е.Н. 893
Prospects of Hermeneutical Method in Bio- and Eco-philosophy.
Shulga E.N. 893

РФК-2020_324_ КРУГЛЫЙ СТОЛ

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ ПОСЛЕ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА 897

Экономическая теория после мирового финансового кризиса: рестайлинг или пересмотр принципов? 898

Антонов А.В. 898

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, доцент кафедры философии и права, кандидат философских наук 898

The Economic Theory after the Global Financial Crisis: Restyling or Revision of the Principles?

Antonov A.V. 898

«Панинституционализм» и институциональные реформы: на основе анализа публикаций российских экономистов 901

А.И. Волынский 901

«Paninstitutionalism» and institutional reforms: based on an analysis of publications by Russian economists.

A.I. Volynskii 901

Философия качества в основе прогрессивного развития экономики 904

Бондарева Ольга Михайловна 904

Современная мифология денег как отражение эволюции денег 910

Никитин А.П. 910

Modern mythology of money as a reflection of the evolution of money.

Nikitin A.P. 910

Понятие творчества в современной экономической науке 913

Рогожникова В.Н. 913

The Notion of creativity in modern economic science.

Rogozhnikova V.N. 913

Системно-кибернетическое представление противоречий в процессе профессионального самоопределения сельской молодежи 916

Зинич А.В. 916

Ревякина Ю.Н. 916

System-cybernetic representation of contradictions in the process of professional self-determination of rural youth.

Zinich A.; Revyakina Y. 916

Развитие современной экономической науки в контексте методологии научно-исследовательских программ 919

А.А. Измайлов; Л.А. Тутов 919

The Development of Modern Economic Science in the Context of the Methodology of Scientific Research Programs.

Izmaylov A. A.; Tutov L.A. 919

РФК-2020_325_КРУГЛЫЙ СТОЛ

«ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ПРАКТИК» 923

Перформативные практики в контексте эволюции модернизма 925

Богатырёва Е.А. 925

Performative practices in the context of the evolution of modernism.

Bogatyreva E.A. 925

Перформативные практики как инструменты создания новых ресурсов символического капитала в современном арт-мире 927

Дзикевич С.А. 927

Performative Practices of Role Games as Tools for Creating New Resources of Symbolic Capital in the Contemporary Artworld.

Dzikevich S.A. 927

Объекты, акции и процессы 930

Виктор Скерсис 930

О специфике удовольствия в перформансе 933

Ташлыкова Наталья Юрьевна 933

About the specifics of pleasure in performance.

Tashlykova Natalia Urievna 933

Художественно-эстетические проблемы современного российского драматического театра 936

Тимохина Эвелина Юрьевна 936

Artistic and aesthetic problems of contemporary Russian Drama Theatre.

Timokhina Evelina Yurievna 936

РФК-2020_326_КРУГЛЫЙ СТОЛ «ФИЛОСОФИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИНЖЕНЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ» 941

К вопросу об освещении в курсе «история» дискуссионных тем (на примерах проблематики гражданской войны в России) 943
Бакланова Ирина Семеновна 943
On the issue of covering controversial topics in the course of history (on the examples of the problem of the civil war in Russia).
Irina S. Baklanova 943

Институт семьи как необходимое условие процесса формирования и становления социально-значимого и безопасного специалиста инженерных профессий 946
Блохина Наталия Викторовна 946
Family institute as a necessary condition for the process of formation and formation of a socially significant and safe specialist in engineering professions.
Natalia Blokhina 946

Значение изучения философских дисциплин при получении инженерного образования 950
Валухов В. А. 950
The importance of studying philosophical disciplines in obtaining an engineering education.
Valukhov V. A. 950

Статус философии в современном отечественном инженерном образовании 954
Гаранина О.Д. 954
The status of philosophy in modern Russian engineering education.
Garanina O.D. 954

Роль философии в инженерных вузах в эпоху информационных технологий 957
И.С. Кальва 957
Т.В. Дягилева 957
The role of philosophy in engineering universities in the age of information technologies.
Irina S. Kalva; T.V.Dyagileva 957

Формирование российской государственной политики в системе образования 960
Карпова Любовь Ильинична 960
Formation of the Russian state policy in the education system.
Karpova Lyubov Ilyinichna 960

Философия в техническом вузе и преодоление последствий функциональной неграмотности 963
Ким Флора Сергеевна 963
Philosophy in a Technical University and Overcoming Functional Illiteracy Consequences.
Flora S. Kim 963

Легитимность политической власти 966
Мещерякова Л.Я. 966
The legitimacy of political power.
Mescheryakova L.Ya. 966

Философское образование в период «кризиса сознания» современного мира. 969
Минаев Д. Н. 969
Philosophical education during the “crisis of consciousness” of the modern world.
Minaev D.N. 969

К вопросу о роли философии в техническом вузе 972
Мухлынкина Ю.В. 972

Формирование экологического мышления в образовательных программах технического университета 975
Наумова Т.В. 975
The formation of Environmental Thinking in the Educational Programs of a Technical University.
Naumova T.V. 975

Диалоговая форма преподавания философии в инженерных вузах 979
Некрасов А.С.; Некрасов С.И.; Некрасова Н.А. 979

Гуманитарная составляющая в техническом образовании. Формирование у будущего инженера навыка полидискурсного мышления 983
Панкратьева И.А. 983
Social sciences in technical education. Formation the future engineer’s skill of multi-discourse thinking.
Pankratieva I.A. 983

Становление университетов и научная коммуникация 986
Родина Валерия Андреевна 986
University formation and scientific communication. ***Valeria A. Rodina 986***

Синергетический подход в современном инженерном образовании 989
Терехов С.В. 989
Synergetic approach in modern engineering education.
Terekhov S.V. 989

Проблемы преподавания философии в техническом вузе 992
Чулков Л.К. 992
Problems of teaching Philosophy in a technical higher school.
Chulkov L.K. 992

РФК-2020_327_КРУГЛЫЙ СТОЛ

«ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛИСТИКИ» (ПАМЯТИ С.В. ПОЛАТАЙКО) 995

Всеобщий закон солидарной жизни людей 997
Барлыбаев Халиль Абубакирович 997
Universal law of solidary life of people.
Barlybaev Halil Abubakirovich 997

Виртуальная реальность и социальные трансформации 1000
Белоногов Георгий Евгеньевич 1000
Virtual reality and social transformations.
Belonogov Georgii Evgen'evich 1000

Метафизичность Человека 1002
Бирюкова М.Е. 1002
Бирюкова Е.Е., 1002
Metaphysicality of Human.
Biryukova M.E., Biryukova E.E. 1002

Восприятие бытия в сетевом взаимодействии, как развитие феноменологии Э. Гуссерля 1005
Бреслер М.Г. 1005
Perception of being in network interaction as a development of the phenomenology of E. Husserl.
Bresler M.G. 1005

Проблема «сконструированной реальности» в иммунологии. История и современность 1008
М.В. Головизнин, В.И. Моисеев, Н.С. Лахонина, Ю.Р. Булдакова; В.Т.Тимофеев 1008
The problem of "constructed reality" in immunology. History and Modernity.
M.V. Goloviznin, V.I. Moiseev, N.S. Lakhonina, Yu.R. Buldakova; V.T. Timofeev 1008

Семиотика виртуальной реальности в фильме: «Первому игроку приготовиться» 1011
Даниленко А.Н. 1011
Semiotics of virtual reality in the film: «The first player to get ready».
Danilenko A. N. 1011

Индекс виртуальности 1014
Елхова Оксана Игоревна 1014
Virtuality index.
Elkhova Oksana Igorevna 1014

Виртуальные объекты геологического знания 1018
Золотых Елена Борисовна 1018
Virtual objects of geological knowledge.
Zolotykh E.B. 1018

Философские и научные подходы к осмыслению виртуальной реальности и виртуализации 1021
Катаева О.В. 1021
Philosophical and scientific approaches to understanding virtual reality and virtualization.
Kataeva O.V. 1021

Виртуальное и реальное в современной культуре (на примере музыки) 1025
Клюев А.С. 1025
The virtual and the real in contemporary culture (on the example of music).
Klujev A.S. 1025

Развитие понятий постнеклассической науки 1029
Коняев Сергей Николаевич 1029
Categories of post non classical science.
Konyaev Sergey 1029

Как измерить виртуальное пространство? 1032
Королёв Андрей Дмитриевич 1032
How do I measure virtual space?
Korolev Andrey D., 1032

К онтологическому определению понятия виртуальной реальности 1035
Кудряшев Александр Федорович 1035
Ontological definition of virtual reality.
Kudryashev Alexandr F. 1035

т-kosmism: избыточные могущества эстетики и сознание, когда Время-Есть 1038
Линор Линза 1038
t-kosmism: excessive powers of aesthetics and consciousness when Time is.
Lenore Linza 1038

Философские вопросы онтологического универсализма и его техно-психолингвистические аспекты 1041
Личаргин Д.В. 1041
Philosophical questions of the ontological universalism and its techno-psycholinguistic aspects.
Lichargin D.V. 1041

Виртуальная визиософия.
Инфографическая визуализация философских мысленных экспериментов 1045
Макулин А.В. 1045
Virtual visiosophy. Infographic visualization of philosophical thought experiments.
Makulin Artem V. 1045

Когнитивный структурализм о роли виртуального пространства в грядущей парадигме 1050
Михалевский Д.В. 1050
Cognitive Structuralism on the Role of Virtual Space in the Coming Paradigm.
Mikhalevski D.V. 1050

Обратная материя как субстрат природной виртуальности человека 1053
Моисеев В.И. 1053
Inverse matter as a substratum of human natural virtuality.
Moiseev V. I. 1053

Виртуализация в коэволюции Homo Sapiens (естественный отбор и цифровая селекция) 1055
Ненюков С.С. 1055
Virtualization in Homo Sapiens co-evolution (natural and digital selection).
Nenjukov S.S. 1055

Возможности для коррекции психологических факторов
в сфере половых расстройств с помощью виртуальной реальности 1058
Петухова А.И. 1058
The possibilities of remodelling the psychological causes of sexual disorders with the help of virtual reality.
Petukhova A.I. 1058

О виртуальности прошлого 1062
Полуян П.В. 1062
About the virtuality of the past.
Poluian P.V. 1062

Философия как экспертиза технологий виртуальной реальности:
инженерно-психологический и виртуальный подходы 1065
Пронин М.А. 1065
Раев О.Н. 1065
Philosophy as an expertise of virtual reality technologies: engineering-psychological and virtual approaches.
Pronin M.A.; Raev O.N. 1065

Виртуальная реальность и когнитивный поиск 1068
Руднев Вячеслав Валентинович 1068
Virtual reality and cognitive activity.
Rudnev Viacheslav Valentinovich 1068

Виртуальное измерение «жизни» в небиологических системах 1070
Урядов А.В. 1070
Title Virtual measurement of "life" in non-biological systems.
Uryadov V. A. 1070

Психоз как виртуальная реальность. Оцифровка 1073
Черносвитов Е.В. 1073
Psychosis as a virtual reality. Digitization.
Chernosvitov E.V. 1073

РФК-2020_328_КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ВИЗУАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА VS СЕМИОТИКИ ВИЗУАЛЬНОГО» 1077

Ментальные образы и их роль в креативном мышлении 1079
Князева Е.Н. 1079
Mental Imagery and Their Role in Creative Thinking.
Knyazeva Helena 1079

Визуальная семиотика протеста 1081
Кнэхт Н.П. 1081
Visual semiotics of protest.
Knekht N.P. 1081

РФК-2020_329_КРУГЛЫЙ СТОЛ «ФИЛОСОФИЯ ГРАНИЦЫ» 1085

Границы, безграничность или коммуникативные тупики современного мира 1087
Бабаева Анна Владимировна 1087
Confines, boundlessness, or communicative stalemate ends of the modern world.
Babaeva Anna V. 1087

Границы понимания Другого (Иного): на основании анализа концепта дикости и мыслеобраза дикаря 1090
Воронов Василий Михайлович 1090
The boundaries of understanding the Other (Other): based on the analysis of the concept of savagery and the mental image of the savage.
Voronov Vasiliy M. 1090

Трансграничье как модус существования современного искусства 1093
Дробышева Елена Эдуардовна 1093
Transboundedness as a Mode Of Existence Of Contemporary Art.
Drobysheva Elena E. 1093

Метатеория границы 1096
Сергеев Андрей Михайлович 1096
Metatheory of the Border.
Sergeev Andrey M. 1096

Концептуальные метафоры границы в контексте осмысления социокультурных идентичностей 1099
Сауткин Александр Александрович 1099
Conceptual metaphors of a border in the context of understanding sociocultural identities.
Sautkin Alexander A. 1099

Введение в эстетику Арктики: новые границы и квантовые основания исторической семиотики культуры Арктики 1102
Циркунов Игорь Борисович 1102
Introduction to the Aesthetics of the Arctic: New Frontiers and Quantum Foundations of Historical Semiotics of Arctic Culture.
Tsirkunov Igor B. 1102

РФК-2020_330_КРУГЛЫЙ СТОЛ «ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ» 1105

Любовь и вина как полярные экзистенциалы развития человека 1107
Гришина Е.С. 1107
Love and guilt as the polar existential human development.
Grishina E.S. 1107

Концепция любви в философии П. Сорокина 1110
Дягилева М.В. 1110
The concept of love in the philosophy of P. Sorokin.
Diaghileva M.V. 1110

Архетип Любви в философии Шри Ауробиндо 1113
Иванова М.Г. 1113
The Archetype of Love in Sri Aurobindo's Philosophy.
Ivanova M. G. 1113

Одежды любви/супружества 1115
Кирсанова Л.И. 1115
Love and marriage clothing.
Kirsanova L.I. 1115

Единство любви и познания Истины в философии П.Флоренского 1119
Кожемяченко Н.Р. 1119
The unity of love and knowledge of Truth in the philosophy of P. Florensky.
Kozhemyachenko N.P. 1119

Коммуникативная стратегия Я-Другой как методологический принцип анализа феномена любви 1122
Коротина О.А. 1122
Communicative strategy I-Other as s methodological principle of analysis of love phenomenon.
Korotina O.A. 1122

Проблема пола в марксизме 1125
Митина Н.Г. 1125
The problem of gender in Marxism.
Mitina N.G. 1125

Максим Исповедник «Четыре сотни глав о любви»: любовь как системообразующее понятие в учении о человеке, диалектика бесстрастия и страсти 1128
Пчелкина С. Ю. 1128
Maximus the Confessor "Four hundred chapters on love": love as a system-forming concept in the doctrine of man, the dialectic of impassivity and passion.
Pchelkina S.Yu. 1128

РФК-2020_331_КРУГЛЫЙ СТОЛ ««ЖИВАЯ ЭТИКА» В ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ» 1131

Беспредельность как одно из ключевых понятий «Живой Этики» 1133
Абрамов П.Д. 1133
Infinity as One of the Key Concepts of Living Ethics.
Abramov P.D. 1133

Концепция космической эволюции «Живой Этики» как основа расширения естественнонаучной картины мира (математическая точка зрения) 1136
Абрамова А.И. 1136
The Concept of Cosmic Evolution of the Living Ethics as a Basis For Expanding the Natural Science Picture of the World (Mathematical Point of View).
Abramova A.I. 1136

Философское наследие Рерихов в цивилизационных процессах 1140
Герасимова И.А. 1140
The Roerichs' philosophical heritage in civilizational processes.
Gerasimova Irina A. 1140

Живая Этика о внутренней природе человека 1143
Лебеденко А.А. 1143
The Living Ethics about the Inner Nature of a Man.
Lebedenko A.A. 1143

Философское наследие Рерихов и новые горизонты научного познания 1146
Лавренова О.А. 1146
The Roerichs ' philosophical heritage and new horizons of scientific knowledge.
Lavrenova O. A. 1146

О науке и исследованиях философского наследия Рерихов. Принципы. Подходы. Проблемы. Перспективы 1149
Мазаева-Каненга А. К. 1149
On The Science and Research of the Philosophical Heritage of the Roerichs. Principles. Approaches. Problems. Prospects.
Mazaeva-Kanenga A.K. 1149

Проблема внушения в Учении Живой Этики и в медицинской науке 1153
Новиков А.А. 1153
The Problem of Suggestion in the Teaching of Living Ethics and in Medical Science.
Novikov A.A. 1153

Учение Живой Этики как отражение уровня современного естествознания и основа построения общества нового типа 1156
Пластун И.Л. 1156
The Doctrine of Living Ethics as a reflection of modern natural science level and basis for building a new type of society.
Plastun I.L. 1156

Учение Живой Этики о сотворчестве Мужского и Женского Начала как основном законе Космической эволюции 1160
Тютюгина Н.В. 1160
The 'Living Ethics' on the Co-Creativity of Male and Female Principles as the Major Law of Cosmic Evolution.
Tyutyugina N.V. 1160

Культура мышления современного человека через призму философского Учения «Живая Этика» 1163
Забровская М.В. 1163
Culture of modern man's thinking through the prism of the philosophical Doctrine "Living Ethics".
Zabrovskaya M.V. 1163

Познавательный потенциал Живой Этики 1166
Дьяченко И.Ю. 1166
Cognitive potential of Living Ethics.
Diachenko I.Y. 1166

Учение Живой Этики и философия русского космизма: ресурс преодоления европоцентризма 1169
Трофимова Елена Александровна 1169
The doctrine of Living Ethics and the philosophy of Russian cosmism: a resource of overcoming of Eurocentrism.
Trofimova E.A. 1169

Проблемы и возможности искусственного интеллекта с точки зрения философии Живой Этики 1173
Фалёв Е.В. 1173

Problems and possibilities of artificial intelligence from the perspective of the Living Ethics' philosophy.
Falev E.V. 1173

Философия музыки с позиций «Живой Этики»:
о соотношении эйдетического бытия и его земного воплощения 1176
Овчинникова Ю.С. 1176
Philosophy of Music from the Perspective of Living Ethics: correlation between eidetic reality and its earthly evocation.
Ovchinnikova Y.S. 1176

Освоение космического пространства как парадигма учения живой этики 1179
Колганов С.В. 1179
Space Exploration as a Paradigm of the Teaching of Living Ethics.
Kolganov V.S. 1179

Онтология «Живой этики» в контексте современного естествознания 1182
Фотиева И.В. 1182
Ontology of Lining Ethics in the Context of Modern Natural Science.
Fotieva I.V. 1182

РФК-2020_332_КРУГЛЫЙ СТОЛ «ФИЛОСОФИЯ И МУЗЕЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА» 1185

Реализации политики памяти российским музейным сообществом в годовщину 75-летия Победы 1187
Белов С.И. 1187
The implementation of the policy of memory of the Russian museum community on the anniversary 75th anniversary of the Victory.
Belov S.I. 1187

Философия музея Н.Ф. Федорова 1190
Гачева А.Г. 1190
Philosophy of Museum by N.F. Fedorov.
Gacheva A.G. 1190

Сохранение и осмысление наследия новомучеников и исповедников Российских
в современной культуре как философская проблема 1194
Орлов М.О. 1194
Preservation and understanding of the heritage of the new martyrs and Confessors of Russia in modern culture as a philosophical problem.
Orlov M. O. 1194

Драматургия дополненной реальности в художественном музейном экспонировании 1198
Сливная З.А. 1198
Augmented reality dramaturgy in art Museum display.
Slivnaya Z.A. 1198

Социокультурные основания партиципаторного музея 1201
Стародубцева М.Н. 1201
Sociocultural grounds of the participatory museum.
Starodubtseva M. N. 1201

Музей в современной педагогике: анализ и перспективы развития 1204
Сюсюкин В.А. 1204
Museum in modern pedagogy: analysis and development prospects.
Syusyukin V.A. 1204

О формах экспозиционной деятельности в социально-гуманитарном образовании
- от популяризации науки к проектной работе со студентами 1207
Чубаров И.М. 1207
About the Forms of Exposition Activity in Social and Humanitarian Education - from the Popularization of Science to Project Work with Students.
I.M. Chubarov 1207

Восьмой Российский Философский Конгресс - «Философия в полицентричном мире».
Круглые столы. Сборник научных статей

Российское философское общество; Институт философии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова.

М., Издательство “Логос” / ООО «Новые печатные технологии», 2020.

ISBN 978-5-6045241-5-2 (серия ‘congressus’.04)

e.mail: logospublishers@gmail.com
FB - https://www.facebook.com/logoslinks

е-книжный - https://gnosisbooks.ru/

Продвижение - проекты letterra.org #КонгрессLive